ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

По рисунку съ натуры П. А. Каратыгина.

Дозв. ценз. 20 февраля 1901 г. Спб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXIV

1901

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1901 года). СТРАН.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

АПРѢЛЬ, 1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

НА ЧУЖБИНѢ [1].

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому).

VIII.

МИЛЬКАСАСЪ — громадное четыреугольное зданіе, раздѣленное на безчисленное количество мелкихъ квартиръ и маленькихъ комнатъ. Всѣ онѣ выходятъ въ нижнемъ этажѣ прямо на внутренній дворъ, а въ верхнемъ—на идущую кругомъ всего зданія галлерею, съ которой двѣ лѣстницы ведутъ на тотъ же дворъ. Онъ вымощенъ кирпичемъ, и посрединѣ его находится цистерна съ висячимъ надъ нею на желѣзной цѣпи ведромъ.

Всѣ комнаты одного типа, длинныя и узкія, въ одно окно — дверь, съ кирпичнымъ поломъ, съ голыми выбѣленными стѣнами высотой въ двѣ сажени съ лишнимъ и съ чернымъ, досчатымъ потолкомъ, съ котораго вѣчно сыплется мелкій соръ и песокъ. Всѣми четырьмя фасадами Милькасасъ выходитъ на обширный, плоскій и унылый пустырь. Обитатели его—рабочіе, поденщики и люди безъ занятій.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 857.

Я живу въ одной комнатѣ съ Петровыми, отцомъ и сыномъ. Все мое имущество составляетъ чемоданъ, что пріѣхалъ со мной, значительно впрочемъ опустошенный,—кое-что пришлось продать, иное заложить,—и мѣшокъ, набитый стружками, въ углу на полу: моя постель. Такіе же мѣшки и у Петровыхъ. Обстановка соотвѣтствующая. Но мнѣ до этого мало дѣла.

Пропажа денегъ вначалѣ безпокоила меня. Я тотчасъ же хотѣлъ послать телеграмму въ Россію, но дороговизна испугала меня, да и заплатить за телеграмму было нечѣмъ, и я рѣшилъ написать письмо. А такъ какъ письмо отсюда въ Европу идетъ добрыхъ три недѣли, то я не сталъ съ этимъ дѣломъ торопиться, а потомъ и совсѣмъ пересталъ о немъ думать.

Вася на другой же день нашелъ мнѣ занятіе: таскать кули на пристани. Работа тяжелая, грязная, суетливая, но она даетъ мнѣ возможность каждый день получать два песо. Первые дни мнѣ было очень трудно. Отъ натуги у меня темнѣло въ глазахъ и ломило спину и поясницу, а руки и ноги затекали, но я скоро привыкъ. О томъ же, чтобы постараться найти что нибудь лучше, я не заботился. Отвратительная, тупая, лѣнивая апатія овладѣла мной. Мы съ Васей уходимъ въ шесть часовъ утра; въ одиннадцать — перерывъ, въ три—второй перерывъ, а въ семь мы кончаемъ и возвращаемся домой, съ трудомъ волоча ноги. Вотъ наша жизнь.

Самъ Петровъ цѣлыми днями ничего не дѣлаетъ. Утромъ, когда мы встаемъ, онъ обыкновенно спитъ; когда мы возвращаемся, мы или не находимъ его дома, или застаемъ за однимъ изъ его привычныхъ занятій. Онъ или расхаживаетъ по комнатѣ, что-то въ полголоса бормоча, или болтаетъ на дворѣ съ женой какого нибудь поденщика. И никогда къ нашему приходу ничего не бываетъ готово: вода не нагрѣта, посуда не вымыта, и намъ съ Васей, усталымъ и голоднымъ, тотчасъ же приходится приниматься за хозяйство и готовить и чай, и ужинъ. Обычный вопросъ Петрова, когда онъ насъ встрѣчаетъ:

— Васька, гдѣ деньги?

Вася тотчасъ же покорно отдаетъ ему свой заработокъ, причемъ Петровъ никогда не забываетъ подробно разспросить, сколько Вася истратилъ на ѣду, и обыкновенно находитъ, что истратилъ онъ слишкомъ много. Затѣмъ онъ кладетъ деньги къ себѣ въ карманъ, и въ нихъ уже никто не требуетъ отъ него отчета.

Когда мы наконецъ усаживаемся за нашъ чай и ужинъ, Петровъ начинаетъ развивать свои планы на будущее и выкладываетъ передъ нами все, что онъ успѣлъ придумать за время нашего отсутствія. Каждый день у него что нибудь новое. Мы съ Васей слушаемъ, измученные, усталые, въ какомъ-то полудремотномъ состояніи, пока наконецъ не заваливаемся спать. Но и сквозь сонъ долго еще слышно, какъ расхаживаетъ взадъ и впередъ по ком-

натѣ Петровъ и, не обращая вниманія на то, что никто его не слушаетъ, фантазируетъ вслухъ.

Я какъ-то разъ сказалъ ему:

— Отчего вы не займетесь чѣмъ нибудь, Иванъ Павловичъ?

— Да чѣмъ же? Помилуйте! Не въ поденщики же мнѣ итти.

И когда я высказалъ, что не вижу, почему бы и ему не быть поденщикомъ, если мы съ Васей поденщики, онъ искренно удивился и сказалъ:

— Ну, батюшка, скажете вы тоже! Вамъ съ Васькой что и дѣлать? Вы народъ молодой. А вѣдь я—старикъ, мнѣ пора ужъ и на покой. И наконецъ, вы думаете, что если я кулей не таскаю, то такъ ужъ ничего и не дѣлаю? Я столько передумаю, что вамъ и во снѣ не снилось. Погодите, есть у меня одинъ планчикъ, Богъ дастъ, приведу его въ исполненіе, сразу богачемъ сдѣлаюсь и съ вами тогда съ удовольствіемъ подѣлюсь. Вы думаете, нѣтъ? Честное слово благороднаго человѣка—подѣлюсь. Придите тогда и скажите: Иванъ Павловичъ, дайте мнѣ пять тысячъ. Я вамъ не пять, десять съ удовольствіемъ дамъ. Что тогда для меня десять тысячъ?

Я только пожалъ плечами.

Вася между тѣмъ разсказалъ мнѣ, что незадолго до нашего знакомства они съ отцомъ такъ бѣдствовали, что буквально нечего было ѣсть.

— Прежде жили въ квартирѣ, а потомъ попали въ нищету, стали подумывать, какъ бы устроиться подешевле. Тогда папа придумалъ отправиться въ эмигрантскій домъ и сталъ просить, чтобы ему позволили поселиться въ немъ, такъ какъ онъ эмигрантъ и въ настоящее время не имѣетъ заработка. Насъ приняли, — разсказывалъ Вася:—продержали три дня, потомъ сказали, чтобы мы шли, куда хотимъ, потому что мы уже пять лѣтъ въ странѣ, здоровы и сами можемъ заботиться о себѣ. Тогда мы отправились въ Милькасасъ. Въ Милькасасѣ жить дешево, но у насъ съ папой вѣдь ничего не было. Деньги всѣ вышли, и вещей нѣтъ. Разъ папа мнѣ и говоритъ:—«Знаешь что, Вася? Давай отравимся. Это не больно и скоро».—Я ничего не сказалъ, а утромъ всталъ чѣмъ свѣтъ и пошелъ на пристань вмѣстѣ съ другими рабочими. На мое счастье ночью пришло нѣсколько судовъ, и рабочихъ рукъ не хватало. Я нанялся въ разгрузчики на одно изъ судовъ и сталъ помогать. Это былъ товарный бригъ, биткомъ набитый виномъ. Весь трюмъ заваленъ былъ ящиками. Когда я поднялъ одинъ изъ такихъ ящиковъ, у меня въ глазахъ заходили зеленые и красные круги, и я думалъ, что упаду. Но я вспомнилъ, что папа сидитъ голодный и ждетъ меня, и попробовалъ нести ящикъ. Другой показался мнѣ уже легче, а третій еще легче. Я работалъ такъ старательно, что судовой приказчикъ замѣтилъ это и похвалилъ меня. Насталъ часъ обѣда. Всѣ бросили работу и отправились въ сосѣд-

нія харчевни. Я такъ усталъ, что совсѣмъ забылъ про ѣду, да и денегъ у меня не было ни копейки. Я никуда не пошелъ и, отдохнувъ немного, снова принялся за работу, и всѣ два часа, которые полагаются на обѣдъ и отдыхъ, таскалъ ящики. Точно также не уходилъ я и въ три часа. Наконецъ послышался звонокъ. Рабочимъ выдали расчетъ.

— Ну, малый,—сказалъ мнѣ надсмотрщикъ:—такъ какъ ты подростокъ, то, по правиламъ, полагается тебѣ двѣ трети того, что получаютъ взрослые. Но я замѣтилъ, что ты работалъ цѣлый день безъ отдыха, поэтому получай наравнѣ съ остальными.

Я обрадовался двумъ песамъ, которые онъ мнѣ выдалъ, какъ сумасшедшій, и побѣжалъ домой. На другой день я опять поднялся съ зарей и побѣжалъ въ гавань. Только работать, какъ наканунѣ, я ужъ не могъ. Папа мнѣ далъ на обѣдъ. Вмѣстѣ съ другими пошелъ я въ харчевню, съѣлъ свою порцію супу и пучеро, выпилъ полбутылки вина, и какъ только выбрался на свѣжій воздухъ, тотчасъ же заснулъ, прижавшись къ тюкамъ, сваленнымъ въ кучу на берегу. Отдохнувъ, я снова принялся за работу, но такъ скоро усталъ, что радъ былъ радехонекъ, когда насталъ перерывъ. При расчетѣ надсмотрщикъ мнѣ сказалъ:

— Сегодня получи меньше. Гдѣ же тебѣ, мальчуганъ, работать за одно съ большими!

Я и этому былъ радъ, но папа ужасно разсердился на меня. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ заплатили только двѣ трети. Онъ кричалъ, что я воръ и, вѣрно, укралъ эти деньги. А потомъ, когда я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, онъ разсердился еще больше, сталъ называть меня дармоѣдомъ, лѣнтяемъ, бездѣльникомъ, сказалъ, что съ такимъ сыномъ можно умереть съ голоду, и объявилъ, что на другой день самъ пойдетъ со мной на пристань.

Мы отправились. Папа, какъ и я, таскалъ кули и ящики, но проработалъ только полдня, потому что очень усталъ, и ушелъ домой. Съ тѣхъ поръ онъ не собирался со мной и не бранилъ меня, а я такъ привыкъ къ этой работѣ, что мнѣ кажется, что я всю жизнь дѣлалъ ее. Да вѣдь я и не умѣю ничего другого.

Днемъ въ Милькасасъ царитъ тишина. Дома остаются только женщины и дѣти. Ихъ немного. Семейные люди рѣдко попадаютъ сюда. Зато вечеромъ бываетъ шумно: затѣваются игры въ карты, въ кости; кто нибудь играетъ на гитарѣ или на мандолинѣ. Рѣдко дѣло обходится безъ ссоры или драки, а въ послѣднемъ случаѣ пускается нерѣдко въ ходъ ножъ. Шумъ, крики, пѣсни, треньканье гитары и звенящіе аккорды мандолинъ не умолкаютъ далеко за полночь, что не мѣшаетъ намъ засыпать, какъ убитымъ, въ девять часовъ.

Такъ незамѣтно прошла недѣля.

Вдругъ зашелъ къ намъ Лѣвша и объявилъ, что его общество

даетъ ему триста рублей на поѣздку къ Лаго-Фонтано, и что если Петровъ согласенъ, онъ возьметъ Васю:

— Разумѣется, берите,—сказалъ Петровъ:—Васька, слышишь? Вотъ счастье дураку! Да нельзя ли и мнѣ какъ нибудь примазаться къ вашей экспедиціи? А? Андрей Семеновичъ? Я вѣдь могъ бы быть вамъ полезенъ.

— Ну, ужъ этого я не знаю,—сказалъ Лѣвша:—заявите въ комитетѣ. Я, вы сами знаете, человѣкъ подначальный. Васю мнѣ разрѣшили взять. Я научу его дѣлать шкурки и сушить насѣкомыхъ. и онъ поможетъ мнѣ собирать коллекціи.

Когда онъ ушелъ, у насъ тотчасъ же начались сборы. Впрочемъ, имущество Петровыхъ болѣе чѣмъ небогато, и собирать было нечего. Оказалось, что у Васи нѣтъ самаго необходимаго платья: ни куртки, ни панталонъ въ приличномъ видѣ, ни фуфаекъ, ни рубашекъ, а что есть, то заношено до послѣдней степени, въ дырахъ и заплатахъ.

— Ничего, и это хорошо,—говорилъ Вася, который боялся, что отецъ, придравшись къ этому предлогу, не захочетъ пустить его.

Но Петровъ качалъ головой.

— Дуракъ, ты самъ знаешь, что я не люблю обращать вниманія на внѣшность, но нельзя же ѣхать голымъ ночью. Ты тамъ гдѣ нибудь замерзнешь, вѣдь по ночамъ холода стоятъ ужасные, и платье тебѣ необходимо.

— Но гдѣ же его достать, папа?—горячился Вася.—Увѣряю тебя, я привыкъ къ лишеніямъ, и на холодъ мнѣ наплевать.

Всѣ эти разговоры и споры кончились тѣмъ, что мнѣ пришлось отдать Петрову почти все, что я успѣлъ заработать, чтобы купить Васѣ пальто, сапоги и одѣяло на дорогу.

Когда Вася уѣхалъ, я почувствовалъ себя одинокимъ и понялъ, какъ я успѣлъ привязаться къ этому милому, простодушному мальчику.

Работа моя теперь безъ Васи показалась мнѣ отвратительной и невыносимой.

Петровъ по отношенію ко мнѣ усвоилъ тонъ хозяйски-наставительный. Вначалѣ онъ намѣревался отбирать у меня деньги. Насколько я могъ замѣтить, онъ не то, что имѣлъ твердое намѣреніе меня эксплоатировать, а просто онъ по привычкѣ требовалъ, чтобы люди, его окружающіе, заботились о немъ и о его матеріальныхъ удобствахъ, но отнюдь не разсчитывали бы на него. Конечно, я могъ совсѣмъ разорвать съ нимъ, оставить его, поселиться отдѣльно, но этому мѣшала, во-первыхъ, моя безхарактерность, благодаря которой я, даже выведенный Петровымъ изъ терпѣнія, постоянно говорилъ себѣ, что съ нимъ мнѣ все-таки легче, все-таки я не совсѣмъ одинокъ на чужбинѣ, что каковъ бы ни былъ этотъ человѣкъ, онъ все-таки не совсѣмъ мнѣ чужой, онъ дѣлится

со мной и радостями и горестями, онъ, наконецъ, такъ же заброшенъ, какъ и я, а, во-вторыхъ, жалость: мнѣ просто жаль было оставить Петрова, даже казалось недобросовѣстнымъ, особенно теперь, въ отсутствіе Васи, который такъ нѣжно о немъ заботился и пріучилъ его разсчитывать на чью нибудь заботу.

Я продолжалъ жить день за днемъ, недовольный собою и окружающими, не зная, что предпринять, и чувствуя, что у меня не хватаетъ ни энергіи, ни умѣнья бросить мнѣ ненавистную поденщину и приняться за что нибудь другое. При Васѣ я могъ откладывать часть заработка. Теперь, когда работникъ былъ я одинъ, откладывать было нечего, а безъ денегъ какъ рѣшиться на поиски новаго труда? Я не разъ заговаривалъ объ этомъ съ Петровымъ, но онъ слушалъ, что называется, въ полъ-уха и, повидимому, просто не понималъ, что я хочу.

— Да вѣдь вы зарабатываете цѣлыхъ два песа въ день,—возражалъ онъ.—Это много, очень много. Если вы взглянете на поденщиковъ въ другихъ странахъ, вы увидите, что нигдѣ поденный трудъ такъ хорошо не оплачивается.

— Да вѣдь я-то не готовился быть поденщикомъ.

— Гм... Такъ чѣмъ же вы хотите быть?

— Чѣмъ угодно: писцомъ, конторщикомъ, но только не поденщикомъ.

— Ага! Понимаю! Вѣдь этакая въ васъ закваска негодная сидитъ! Писцомъ вы будете получать тѣ же шестьдесятъ песовъ въ мѣсяцъ, да еще и не дадутъ вамъ ихъ, но вамъ хочется ходить въ крахмальной сорочкѣ, въ бѣломъ галстухѣ, въ перчаткахъ, съ тростью и съ цилиндромъ на головѣ и изображать изъ себя сеньора. Напрасно, голубчикъ! Здѣсь не Россія! Здѣсь народъ и люди изъ народа—главные. Вы напрасно лѣзете въ аристократію.

— Никуда я не лѣзу,—съ досадой говорилъ я:—но поймите, что я не привыкъ такъ жить.

Петровъ дѣлалъ большіе глаза.

— То-есть, какъ это такъ?

— Да вотъ такъ. Якшаться со всей этой сволочью на пристани, обѣдать въ низменныхъ харчевняхъ, куда ни одинъ порядочный человѣкъ не заглянетъ, таскать на себѣ запачканные смолой и дегтемъ кули и ящики, отъ которыхъ у меня болитъ все тѣло; наконецъ, носить это платье, грязное, грубое, насквозь пропитанное запахомъ корабельной краски, кожи и потомъ. Все это отвратительно.

— Со временемъ вы привыкнете,—утѣшалъ меня Петровъ.

— Вотъ это-то и пугаетъ меня. Когда я дойду до того, что къ этому привыкну, я махну на себя рукой: значитъ, я окончательно опустился и неспособенъ ни на что лучшее.

— Это почему же?—недоумѣвалъ Петровъ.

— Какъ почему? Неужели это жизнь? Жизнь, достойная не

только человѣка, получившаго извѣстное воспитаніе и образованіе, но даже какого бы то ни было человѣка? Обратиться въ вьючное животное, слушать ругань и самому ругаться, съ жадностью наѣдаться какой-то отвратительной дряни, на которую въ другое время не захотѣлъ бы и взглянуть; забыть, что есть на свѣтѣ книги, созданія искусства, все, кромѣ куска насущнаго хлѣба, ради котораго цѣлый день живешь, какъ въ аду, а вечеромъ грязный, усталый, не слыша подъ собою ногъ, бросаешься на тюфякъ и засыпаешь съ тѣмъ, чтобы на другой день опять начать ту же каторжную работу.

— И, голубчикъ, да вы пессимистъ,—возражалъ Петровъ.—И по-моему вы не правы. Ну, разумѣется, мнѣ въ мои годы таскать кули и ящики уже не подъ силу, но мнѣ тамъ понравилось—честное слово благороднаго человѣка. Я тогда, какъ съ Васькой ходилъ, попробовалъ поработать—вижу не гожусь, бросилъ, присѣлъ на бревно и сталъ наблюдать. Вѣрите ли, просто глазъ не оторвешь. Поэзія, наатоящая поэзія! Вы этого ничего не примѣтили, потому что вы, молодое поколѣніе, все—реалисты, матеріалисты. А мы, люди стараго закала, мы, хотя въ свое время и потрясали основы, но мы романтики, мы умѣемъ наслаждаться природой и жизнью, умѣемъ находить, такъ сказать, жемчужныя зерна въ самой смрадной навозной кучѣ. Вотъ и я тогда сидѣлъ и любовался. Впереди безконечное водное пространство, надъ нимъ—синее небо, на небѣ—солнце, яркое, жгучее. Корабли и барки съ своими парусами и снастями, точно громадныя птицы, тѣснятся къ берегу. А на берегу-то: шумъ, толкотня, веселая суета, масса проворныхъ, какъ муравьи, рабочихъ, тысячи дюжихъ мускулистыхъ рукъ, напряженныя, загорѣлыя лица. А какія группы! Какія живописныя фигуры! Какіе типы! Нѣтъ, голубчикъ, это стоитъ посмотрѣть. Вы говорите: ругань. Это вѣрно, брань такъ и виситъ въ воздухѣ, но и въ ней есть своя поэзія. Она, такъ сказать, оживляетъ ландшафтъ, дѣлаетъ всю эту картину еще болѣе жизненной. Да и что такое брань? Вѣдь эта брань незлобливая, такъ сказать, по привычкѣ. Нѣтъ, вы—не художникъ, вы—матеріалистъ. Васька тоже матеріалистъ, и притомъ глупъ, какъ поросенокъ.

И Петровъ распространялся все дальше и дальше, и я переставалъ наконецъ его слушать.

Какъ-то вечеромъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, что я рѣшилъ уйти изъ дома. Меня вдругъ неудержимо потянуло на воздухъ, на просторъ, захотѣлось хоть на мгновеніе окунуться въ другую жизнь, хотя отчасти вернуться къ прежнему. Я вымылся на дворѣ подъ краномъ, подстригъ бороду и волосы на головѣ, одѣлся въ лучшее свое платье, которое сберегъ, несмотря на нужду, и отправился въ центръ города, на Avenida de Mayo.

Вечеръ былъ теплый, необыкновенно тихій. Въ воздухѣ чувствовалось что-то знойное. Электрическіе фонари яркимъ свѣтомъ заливали широкую, безконечно длинную улицу, шумную, суетливую, наполненную оживленной пестрой толпой. У меня не было никакой цѣли, и я медленно двигался вслѣдъ за другими, преувеличенно вѣжливо, по здѣшней манерѣ, уступая дорогу дамамъ, для чего часто приходилось сходить съ тротуара, по долгу останавливаясь передъ окнами магазиновъ, гдѣ были выставлены предметы роскоши и галантереи, простаивая по нѣсколько минутъ на углахъ мелкихъ поперечныхъ улченокъ, по которымъ быстро проносились парные экипажи и безчисленные вагоны конки съ неустанно трубящими кондукторами. Женщины въ блестящихъ костюмахъ, по здѣшнему обыкновенію густо намазанныя бѣлилами и румянами, сновали изъ магазина въ магазинъ, наполняя своимъ щебетаніемъ всю улицу и щеголяя тѣмъ картавымъ выговоромъ, тѣмъ tzo-tzo, который здѣсь такъ принятъ и считается такимъ comme il faut въ высшемъ и среднемъ обществѣ.

Вдругъ сзади кто-то тихонько дотронулся до моего локтя. Я обернулся и увидѣлъ Воробейчика. Я обрадовался ему чрезвычайно. Онъ одѣтъ былъ совершеннымъ аргентинскимъ дэнди: краснаго цвѣта галстукъ съ брилліантовой булавкой украшалъ бѣлоснѣжный пластронъ, выступавшій изъ чернаго щегольского смокинга; свѣтлыя брюки его, необъятной ширины внизу, едва оставляли открытыми блестящіе носки лакированныхъ сапогъ. Цилиндръ на головѣ сіялъ, какъ солнце, а красныя перчатки—цвѣта sang de boeuf и толстая трость съ набалдашникомъ изъ новаго золота, которую онъ держалъ, по здѣшней модѣ, въ кулакѣ передъ самымъ своимъ носомъ, и вензель, украшавшій ее, краснорѣчиво говорили о томъ, что онъ, не шутя, превратился въ здѣшняго petit maître'a и довольно ловко изображаетъ молодого человѣка хорошаго общества. Въ его тонѣ я разслышалъ покровительственно-снисходительныя нотки.

— Вы еще не устроились? Какъ? Занимаетесь поденной работой? Чангадоръ (носильщикъ)? Очень, очень жаль.

— А вамъ, какъ видно,—освѣдомился я:—повезло на чужбинѣ?

— Какъ вамъ сказать. Однако что же мы стоимъ? Пойдемте. Вы судите по моему костюму. Но костюмъ здѣсь главное. Тутъ, кажется, будь хоть семи пядей во лбу, но если у васъ нѣтъ лакированныхъ ботинокъ, вы—погибшій человѣкъ. Въ настоящее время положеніе мое далеко не блестяще: я—корредоръ нѣсколькихъ богатыхъ фирмъ. Занятіе довольно скучное, но не безвыгодное. Только это я покамѣстъ. У меня есть идея. О! такая идея. Я вамъ какъ нибудь разскажу. А вы съ тѣхъ поръ такъ и не были у Вульфсоновъ?

Меня точно что кольнуло.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Какъ вамъ сказать? Во-первыхъ, времени мало, я очень устаю, а, во-вторыхъ, съ какой стати я туда пойду?

— Ну, знаете, все-таки молодому человѣку необходимы развлеченія, общество. И потомъ... вѣдь у васъ тамъ завелась страстишка?

Онъ подмигнулъ мнѣ. Я почувствовалъ, что краснѣю.

— Вы говорите про Басю?—спросилъ я.

— Да. Не правда ли, хорошенькая дѣвочка?

— Что, какъ она теперь?

— О, представьте, престранно ведетъ себя. Вульфсоны съ нею голову потеряли; недѣлю тому назадъ ее чуть живую вынули изъ петли, теперь всѣ боятся, какъ бы она не покончила съ собою. Меня просили поговорить съ ней, но я, вы знаете, совсѣмъ другого направленія. Я противъ этого гешефта. Какъ хотите, въ нашъ вѣкъ это не либерально. Я понимаю полную свободу отношеній между мужчиной и женщиной. Но вѣдь это, уже знаете, хуже брака. Это ужъ прямо рабство. Конечно, я не могъ ей совѣтовать и только просилъ ее поберечь себя и надѣяться на лучшее будущее. А знаете,—вдругъ съ живостью перебилъ онъ самъ себя:— вѣдь она васъ ждетъ. Она говорила мнѣ. Скажите, пожалуйста, какъ это вы тогда потеряли деньги?

— Самъ не знаю.

— Очень жаль. Вы куда шли?

— Я? Никуда, просто бродилъ по улицамъ.

— А, знаете, что я хочу вамъ предложить? Пойдемте сейчасъ къ Вульфсонамъ. Тамъ вамъ обрадуются страшно. Васъ тамъ всѣ очень полюбили, и всѣ про васъ вспоминаютъ, а ужъ про Басю и говорить нечего. Она съ ума сойдетъ отъ радости.

— Хорошо, пойдемте,—машинально согласился я, почти не отдавая отчета въ томъ, что я дѣлаю, между тѣмъ какъ передъ моими глазами, какъ живая, предстала Бася.

— Вотъ и прекрасно.

Мы задвигались въ густой толпѣ, уже не останавливаясь у магазиновъ и только на ходу перекидываясь замѣчаніями.

— А вы живете у Вульфсоновъ?—спросилъ я Воробейчика.

— Ахъ, нѣтъ! Что вы? Я нанимаю комнату въ одномъ очень приличномъ русскомъ семействѣ? Вульфсонъ—прекрасный человѣкъ, но жить у нихъ неудобно. Такъ пойти—отчего же? Молодому человѣку надо развлекаться.

Мы незамѣтно добрались и до Кадже-Лавадже. Тотъ же шумъ, та же музыка, пискливая и трескучая, тѣ же яркіе фонари у подъѣздовъ. Все это сразу пахнуло на меня чѣмъ-то знакомымъ и съ необычайной яркостью напомнило мнѣ все, что со мной проиэо-

шло. Но вотъ и домъ Вульфсоновъ. Я уже почти перешагнулъ порогъ, но вдругъ остановился и сказалъ:

— Знаете что? Я не пойду.

На лицѣ Воробейчика изобразилось крайнее изумленіе.

— Да почему же?—воскликнулъ онъ:—вѣдь мы уже пришли.

— Просто не пойду, не хочется.

— Это ужасно странно!—сказалъ Воробейчикъ.—Да пойдемте, пожалуйста. Вы посмотрите, какъ вамъ всѣ рады будутъ.

— Не могу. До свиданья.

Онъ пожалъ плечами, постоялъ передо мной еще нѣкоторое время и, проговоривъ:—ну, какъ хотите, ужасно вы странный человѣкъ!—вошелъ въ домъ.

Вдругъ онъ обернулся и крикнулъ:

— Что же вы не сказали, гдѣ вы живете?

— Развѣ вамъ это интересно?

— Я думаю.

— Я живу въ Милькасасъ.

— Въ Милькасасъ? Что это вы выдумали? Вы бы лучше наняли квартиру у кого нибудь изъ нашихъ. Можно очень недорого, притомъ вамъ нашли бы занятіе. У Шмульсона вы были?

— Нѣтъ. Съ какой стати?

— Какъ съ какой стати? Онъ очень вліятельный человѣкъ. Сходите къ нему. Онъ, можетъ быть, для васъ что нибудь и сдѣлаетъ. Ну, до свиданья.

Онъ еще разъ обернулся и крикнулъ мнѣ:

— А то пойдемте!

Я покачалъ головой. Онъ пожалъ плечами и скрылся.

Нѣсколько времени я простоялъ въ нерѣшимости и наконецъ потихоньку направился домой.

На душѣ у меня было очень скверно. Сердце у меня ныло, въ груди поднималась какая-то тревога.

Я отлично понималъ, почему мнѣ не хотѣлось заходить къ Вульфсонамъ: во-первыхъ, у меня не было ни копейки денегъ, а зайти къ нимъ такъ было неловко. Во-вторыхъ, я боялся встрѣтиться съ Басей. Если Бася та же, какою я ее оставилъ, я никогда не прощу себѣ, что не постарался спасти ее; а если она — другая, то я опять таки почувствовалъ бы себя виноватымъ передъ ней, а главное, я хорошо зналъ, что безсиленъ помочь ей.

Я повернулъ въ другую сторону, стараясь не думать ни о чемъ, и быстро зашагалъ по улицѣ.

Мысли мои перелетѣли въ Россію, и я съ радостью остановился на воспоминаніяхъ, вдругъ нахлынувшихъ на меня. Я совершенно оторвался отъ дѣйствительности, и мнѣ было пріятно итти и думать о вещахъ, беконечно далекихъ, недосягаемыхъ, невозвратныхъ и неизмѣнно милыхъ.

О, какъ горячо захотѣлось мнѣ вернуться въ Россію! Какъ хорошо и свѣтло казалось мнѣ все, что было тамъ. И какимъ неопытнымъ безсмысленнымъ глупцомъ показался я себѣ, я, который бросилъ родину, друзей, все, къ чему привыкъ съ дѣтства, ради того, чтобы избѣгнуть заслуженной кары, быть можетъ, далеко не столь ужасной, чтобы стоило мѣнять ее на то, что я пережилъ. И милыя картины рисовались въ моемъ воображеніи и неудержимо звали меня назадъ...

— Александръ Петровичъ!—вдругъ послышалось сзади меня.

Я обернулся и не сразу пришелъ въ себя отъ неожиданности и недоумѣнія: передо мною стояла Бася.

— Вы не узнаете меня?—проговорила она.

— Какъ можно! Я тотчасъ же узналъ васъ, хотя вы очень измѣнились.

Я съ горестнымъ изумленіемъ всматривался въ нее. Она похудѣла и поблѣднѣла. Прежняя округлость и дѣтская полнота щекъ исчезли; лобъ перерѣзывало нѣсколько заботливыхъ, скорбныхъ морщинокъ. Не было и той простодушной ясности взгляда, которая такъ неотразимо влекла меня къ ней. Но особенно поразилъ меня ея костюмъ. Огромная, украшенная пестрыми лентами, стеклярусомъ и перьями шляпа какъ-то не шла къ ея миловидному, и какъ будто недоумѣвающему личику. Яркое платье, мантилья съ мѣхомъ и кружевами, подбитая краснымъ—этимъ излюбленнымъ цвѣтомъ здѣшнихъ дамъ легкаго поведенія,—желтыя перчатки до локтей, запахъ какихъ-то пронзительныхъ духовъ, вызывающая прическа—все это такъ не шло къ ней, такъ не вязалось съ моимъ представленіемъ о ней, что я невольно отступилъ назадъ и воскликнулъ:

— Неужели это вы Бася? Въ этомъ нарядѣ? Что вы дѣлаете теперь на улицѣ?

— Зачѣмъ я на улицѣ?—повторила она:—но вѣдь это такой часъ, когда всѣ на улицѣ. А нарядъ... нарядъ я ношу, какой мнѣ дали.

И вдругъ, всплеснувъ руками, она воскликнула, увлеченная невольнымъ душевнымъ порывомъ:

— Ахъ, Александръ Петровичъ! Отчего вы не пришли потомъ?

Въ этихъ словахъ послышались мнѣ и упрекъ, и сожалѣніе, и горькое разочарованіе.

— Бася,—сказалъ я:—вы сами знаете, почему. Мнѣ слѣдовало тогда же, тотчасъ же помочь вамъ, а что я могъ сдѣлать?

— Все!—горячо воскликнула она.

— Все? Но вы забываете, Бася, что я—нищій, у меня нѣтъ ничего, что я могъ бы предложить вамъ.

— Ахъ,—сказала она съ тоской:—какъ все это невѣрно! Какая это все неправда! Я вѣдь не говорю съ вами о деньгахъ. Деньги

мнѣ не были нужны тогда и не нужны теперь. Но мнѣ нужно было слово, одно слово участія, и я думала, глупая, что вы мнѣ скажете его. Если-бъ вы мнѣ сказали тогда, когда вы уходили: «Бася, пойдемъ со мной»,—я бы, не колеблясь послѣдовала за вами. О, не думайте,—живо перебила она сама себя:—что я обременила бы васъ собой, требовала бы отъ васъ чего нибудь, смотрѣла бы, какъ на человѣка, который обязанъ заботиться обо мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, я бы все, все взяла на себя. И я бы знала, я бы вѣрила, что у меня есть другъ, а вѣдь мнѣ это только и нужно.

— Бася,—сказалъ я:—вы знаете, что я никогда не откажу вамъ въ дружбѣ. Если вамъ нуженъ другъ, то онъ передъ вами. Скажите, что я могу для васъ сдѣлать?

— Ахъ,—воскликнула она:—я знала, что вы благородный человѣкъ! Послушайте, я хочу убѣжать отъ нихъ. Хотите помочь мнѣ? Жить такъ, какъ я живу, я не могу, это выше моихъ силъ.

— Бѣжать? Это легко сказать, Бася! Помните, что вы сами мнѣ говорили? Наконецъ, куда бѣжать?

— Куда? Назадъ въ Россію. Дайте мнѣ только возможность гдѣ нибудь укрыться до отхода парохода, а разъ я въ морѣ, я спасена.

— А деньги, Бася?

— Деньги? Денегъ у меня есть немного; не знаю, хватитъ ли, чтобы доѣхать. Я готова терпѣть какія угодно лишенія.

— Бася,—сказалъ я:—я бы далъ вамъ денегъ...

— Не нужно денегъ!—нетерпѣливо воскликнула она.

— Постойте, пусть не нужно денегъ. Но какъ же я могу помочь вамъ?

— Скажите мнѣ, гдѣ вы живете. Я убѣгу отъ нихъ къ вамъ. Никому не придетъ въ голову, что я у васъ.

— Ко мнѣ?—спросилъ я.—Что вы говорите, Бася! Я—одинокій человѣкъ, я—чернорабочій, я живу въ Милькасасъ со всякимъ сбродомъ...

Она махнула рукой.

— Ахъ, какой вздоръ! Неужели вы думаете, что я могу останавливаться на такихъ пустякахъ? Или вы думаете, что тамъ, гдѣ я нахожусь теперь, лучше?

Она горько улыбнулась.

— Поймите, что мнѣ не изъ чего выбирать. У меня нѣтъ больше силъ бороться, я чувствую, что наконецъ должна буду уступить имъ.

— Уступить?—переспросилъ я:—развѣ вы...

Она, широко раскрывъ глаза, взглянула на меня.

— Неужели вы думали! Нѣтъ, они ничего со мной не могутъ сдѣлать теперь. Но у меня не хватаетъ больше силъ. Прежде они меня уговаривали, бранили, просили—теперь бьютъ.

— Бьютъ? Васъ?

— Да, они ужасно злы. Нѣтъ человѣка, съ которымъ я могла бы сказать слово. Меня окружаютъ враги и предатели. По ихъ лицамъ, по ихъ перешептываніямъ я догадываюсь, что они что-то предпринимаютъ. Что, я не знаю, но это что-то ужасное, и я чувствую, что побѣда останется на ихъ сторонѣ. Если я не убѣгу, я погибла навсегда.

— Хорошо, Бася!—съ внезапной рѣшимостью сказалъ я:—приложу всѣ усилія, чтобы устроиться такъ, чтобъ вы могли въ любое время прійти ко мнѣ. Когда я могу васъ видѣть и гдѣ? Необходимо все обсудить.

— Приходите сюда на уголъ завтра и послѣзавтра. Можетъ быть, меня опять отпустятъ гулять. Прежде они меня охотно пускали, но потомъ стали сердиться, а я сегодня слышала, какъ Вульфсонъ сказалъ женѣ, что если я и сегодня не приведу гостя, то нечего смотрѣть мнѣ въ зубы. Прощайте!

— Погодите, Бася! Какъ же быть? Мы должны видѣться. А если васъ не пустятъ?

— Не знаю,—устало и равнодушно произнесла она.

Я понялъ, что она во власти безнадежнаго отчаянія, и вдругъ рѣшился:

— Идемте, Бася,—сказалъ я.—Я пойду съ вами.

— Туда, къ нимъ?—съ недоумѣніемъ пролепетала она.

— Да, да, идемте.

Лицо ея вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло, и она быстро пошла впередъ.

Я не отставалъ отъ нея.

Когда мы вошли къ Вульфсонамъ, первый увидѣлъ насъ Мойше и молча поклонился мнѣ, скрываясь во внутреннемъ патіо.

Черезъ мгновеніе оттуда выглянуло жирное и багровое лицо Сарры, и когда мы приблизились къ ней, она ласково закивала мнѣ головой и сказала:

— И ждраштвуйте! И какъ хорошо, что вы пришли. Изаакъ, Изаакъ!—закричала она, повернувъ голову къ комидору:—иды же сюда, смотры, какого хорошаго гостю привела Бася.

На порогѣ, запахиваясь въ сѣрый грязный халатъ, появился старый Вульфсонъ.

— Милости просимъ, милости просимъ!—закивалъ мнѣ и онъ.

Я подошелъ къ нему и вполголоса сказалъ:

— Вы меня извините, я теперь не при деньгахъ, но...

Онъ не далъ мнѣ кончить.

— А! И что это вы, мы же вамъ такъ рады. Вы намъ не чужой, русскій изъ Россіи. Намъ очень пріятно. Отчего вы не были?

— Было много дѣла, никакъ не могъ собраться.

— Ну, что дѣла!—возразилъ онъ:—вы молодой человѣкъ. О! въ

ваши годы старый Вульфсонъ былъ молодецъ, бѣдовый. Сарра, што-жъ ты, а чаю?

И опять въ комидорѣ появился самоваръ, и меня усадили пить чай. Со мной очевидно не стѣснялись и считали меня своимъ человѣкомъ. Еврей съ еврейкой толковали о своихъ дѣлахъ. Приходила то та, то другая изъ дѣвицъ. Нѣкоторыя еще были не одѣты, другія уже принаряжены и, выпивъ чаю, снова скрывались.

Я ушелъ отъ Вульфсоновъ въ четвертомъ часу ночи.

Разставаясь, мы съ Басей уговорились встрѣтиться на другой день на томъ же мѣстѣ и въ то же время.

IX.

Когда я пришелъ домой, Петровъ еще не спалъ.

— Откуда это вы такъ поздно?—спросилъ онъ меня.

Я попросилъ его выслушать меня и тотчасъ же разсказалъ ему все съ самаго начала.

— Что вы мнѣ посовѣтуете?—заключилъ я.

Петровъ задумался.

— Насколько я понимаю, — сказалъ онъ наконецъ:—вы хотите, чтобы эта ваша Бася поселилась на время у насъ. Это невозможно. Только,—знаете что?—плюньте вы на всю эту исторію. Васъ, голубчикъ, просто водятъ за носъ, и всѣ эти розсказни вашей Баси и этихъ жидовъ—сплошная ложь. Это здѣсь въ модѣ. Тутъ ужъ такъ принято: въ каждомъ такомъ заведеніи есть своя «Бася», молоденькая, съ миловидной рожицей дѣвченка, съ помощью которой надуваются и обираются вотъ такіе наивные люди, какъ вы. Иная такая Бася въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ успѣхомъ играетъ роль угнетенной невинности и уже только тогда, когда, даже и на неопытный глазъ, она дѣлается негодной для этого амплуа, ее переводятъ на другое. Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете. По-моему это дѣло—дрянь! Зачѣмъ вамъ связывать себя? Вѣдь не жениться же вы на ней собираетесь?

— Вы знаете, что я женатъ.

— Ну, положимъ, въ Аргентинѣ это не имѣетъ значенія. Въ Россіи вы женаты, а здѣсь вы—свободный человѣкъ. Тутъ, голубчикъ, дѣла эти дѣлаются просто. Можете зайти къ любому juez de paz (мировому судьѣ), заявить, что вотъ такая-то—ваша жена, и кончено.

— Будто ужъ такъ просто?

— Ахъ, вы—наивный россіянинъ! Поймите, вы въ странѣ свободы.

— Все это прекрасно, только для меня безполезно. Мнѣ и въ голову не приходило жениться на Басѣ, и, думаю, будь я свободенъ, мысль эта одинаково показалась бы мнѣ дикой.

— Послѣ этого, я васъ не понимаю. Я вѣдь думалъ, что вы влюблены въ эту жидовку. Развѣ нѣтъ?

— Не знаю.

— Тогда за коимъ чортомъ вамъ перетаскивать ее сюда? Лишняя обуза и только.

— Отчего же не помочь человѣку, если это возможно?

— Это вы серьезно?

— Разумѣется, серьезно.

— Чудакъ вы, право! Человѣку слѣдуетъ помочь,—это вѣрно, но, во-первыхъ, ваша Бася не человѣкъ, а женщина.

— Теперь я васъ спрошу: это вы серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Значитъ, вы не признаете женщину за человѣка?

— Ну, не то, чтобы совсѣмъ не признавалъ, но за настоящаго человѣка, понятно, признать не могу, особенно такую женщину, какъ ваша Бася.

— Что значитъ такую?

— Да вотъ такую дѣвицу изъ заведенія.

— Я вѣдь вамъ разсказывалъ ея исторію.

— Исторія эта извѣстная и у всѣхъ одна. Такими исторіями можно втирать очки только такимъ младенцамъ, какъ вы. А я, голубчикъ, тертый калачъ. Меня не надуешь.

— Я не зналъ, Иванъ Павловичъ, что вы такой ненавистникъ женщинъ.

— Ничего я не ненавистникъ. А только вижу вещи, какъ онѣ есть. Женщины—дрянь народъ, это извѣстно, и толковать объ этомъ—только время терять.

— Но все-таки какъ же мы рѣшимъ насчетъ Баси?

— А рѣшайте, какъ хотите. Вамъ угодно рыцарствовать. А у меня съ бабами совсѣмъ другой разговоръ. Этого платоническаго благородства я съ ними не признаю. По-моему, нравится тебѣ женщина, сумѣла она въ тебѣ расшевелить мужчину,—куда ни шло, можно для нея пожертвовать своимъ спокойствіемъ, а если вы къ ней индифферентны—чортъ съ ней, пускай сама устраивается, какъ знаетъ.

— Вы меня удивляете! И это говорите вы, вы, который считаете себя и либеральнымъ и гуманнымъ человѣкомъ.

— При чемъ тутъ гуманность? Вы думаете, если я не хочу ничего для нея сдѣлать, такъ ужъ ей и спасенія нѣтъ. Не воображайте. Женщина всегда найдетъ дурака, изъ котораго будетъ веревки вить.

— Непремѣнно дурака?

— Всенепремѣнно, ибо женщины—это такая нація, что и самый умный человѣкъ съ ними становится дуракомъ.

— Я никогда не думалъ, что либералы такого невысокаго мнѣнія о женщинахъ.

— Э, батюшка! Не смѣшивайте принципа съ жизнью. Поживите съ мое, тогда и говорите. Вы думаете, Васька мой законный сынъ?—вдругъ озадачилъ онъ меня.

— Ничего не думаю.

— Ну, вотъ видите. Васька—сынъ, какъ говорится, любви. И второй мой сынъ тоже. А остальные ужъ всѣ законные. А вы думаете моя жена—мнѣ пара? Ничего общаго. Неразвитая самка, экспансивная дура, а заставила же жениться на себѣ.

Онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ, привсталъ на постели и продолжалъ:

— Можетъ, вы подумаете, что она была красавица, или хоть интересна, что называется, пикантна? Ничуть не бывало. Умъ? Но, во-первыхъ, я, кажется, уже говорилъ вамъ, что она—дура, а, во-вторыхъ, на кой чортъ умъ въ женщинѣ? Теперь сообразите, чѣмъ она меня могла плѣнить. И однако я былъ у нея подъ башмакомъ цѣлыхъ десять лѣтъ. И вѣдь воображалъ, не шутя, что она лучшая изъ женщинъ, счастливое и удивительное исключеніе изъ этого обезьяньяго рода. Вы слушаете?

— Слушаю. Почему же вы теперь о ней другого мнѣнія?

— А позвольте спросить, какого мнѣнія я могу быть о женщинѣ, которой я далъ имя, положеніе, для которой пожертвовалъ своей свободой, если она и думать обо мнѣ не хочетъ? Друзья познаются въ несчастьѣ, женщина тоже. Моя супруга вотъ пять лѣтъ, какъ собирается ко мнѣ пріѣхать, а все не ѣдетъ. Да и зачѣмъ она поѣдетъ? Она рада-радешенька, что избавилась отъ меня, и что судьба забросила меня въ эту проклятую Аргентину.

— Въ первый разъ слышу, что вы такъ отзываетесь объ Аргентинѣ. И если вы находите, что тутъ такъ плохо, зачѣмъ вы хотите, чтобъ ваша жена терпѣла тѣ же невзгоды, что и вы?

— Это ея долгъ! А по-вашему я буду тутъ бѣдствовать, а она тамъ въ Москвѣ будетъ благодушествовать, подъ крылышкомъ у родственниковъ? Это свинство! А какое она имѣетъ право лишать меня семьи? Вѣдь у нея тамъ еще четверо ребятъ. И ребята эти тоже и мои, я думаю.

— Но вѣдь она не виновата, что вы должны были бѣжать въ Аргентину?

— Это еще не извѣстно, виновата или нѣтъ. Будь около меня другая женщина, я бы, можетъ быть, и не надѣлалъ глупостей? Да не въ томъ дѣло. Жена должна быть тамъ, гдѣ ея мужъ. Вы себѣ не можете представить, сколько писемъ и какихъ переслалъ я ей отсюда, умоляя ее пріѣхать. Не ѣдетъ! То пишетъ, что сама больна, то кто нибудь изъ дѣтей, то нѣтъ денегъ...

— А у вашей жены есть средства? Вы, кажется, не высылаете ей денегъ?

— Откуда мнѣ взять? Вы видите—я нищій.

— Значитъ, ей не на что пріѣхать, еслибъ она и захотѣла.

— Совсѣмъ не значитъ. Если она можетъ жить тамъ съ семьей, не нуждаясь, то можетъ и пріѣхать.

— Почемъ вы знаете, что она не нуждается?

— Она сама пишетъ. Пишетъ, что завела дѣло, открыла типографію, и она даетъ ей хорошій доходъ. Да по всему видно, что живутъ хорошо. Карточки мнѣ выслала свою и дѣтей, сама расфуфыренная, дѣти тоже такими барчатами выглядятъ, и снимались въ дорогой фотографіи. Кто нуждается, тому не до фотографій. Они тамъ на увѣковѣченіе своихъ физіономій десятки рублей тратятъ, а мы здѣсь съ Васькой безъ хлѣба сидимъ! И это называется семья!

— По-моему, вы неправы. Выходитъ, что жена ваша—труженица, содержитъ себя и дѣтей, не требуя отъ васъ помощи. А если не ѣдетъ, то какъ судить ее, не зная ея обстоятельствъ. Трудно подняться съ насиженнаго мѣста съ цѣлой семьей.

— Въ пять-то лѣтъ? Что вы, батюшка! Просто не хочетъ пріѣхать.

— Согласитесь, что и въ этомъ нельзя винить ее. Можно, конечно, преклоняться передъ высокими подвигами и самоотверженіемъ, но нельзя требовать ихъ отъ людей. Если ей и дѣтямъ тамъ хорошо,—естественно, что она не рѣшается разорвать съ родиной и со всѣмъ, что ей дорого, а, быть можетъ, считаетъ себя и не въ правѣ рисковать будущностью дѣтей.

— Вотъ нашелся адвокатъ! Да дѣтямъ здѣсь во сто разъ будетъ лучше, чѣмъ въ Россіи. Ужъ одно то, что они не будутъ знать солдатчины,—чего стоитъ. Небойсь, она о дѣтяхъ не очень безпокоилась, когда производила на свѣтъ незаконныхъ. Всѣ онѣ одинаковы! Эта хоть съ меня на содержаніе не теребитъ, а жена Лѣвши какія-то тамъ пособія получаетъ, дѣтей на казенный счетъ воспитываетъ, несчастную жертву изъ себя разыгрываетъ, а денежки за мужнины сочиненія преспокойно себѣ въ карманъ кладетъ. А тотъ дуракъ все еще не теряетъ надежды, что она къ нему пріѣдетъ. Какъ бы не такъ!

Онъ опять плюнулъ, легъ, отвернулся къ стѣнѣ и замолчалъ.

Мнѣ не хотѣлось продолжать съ нимъ разговора, и я тоже молчалъ.

Но заснуть я не могъ. Мысль о Басѣ не давала мнѣ покоя. Я попробовалъ было разобраться въ самомъ себѣ, уяснить себѣ свое отношеніе къ ней, но ничего не выходило. Прежняго моего жгучаго чувства къ ней какъ не бывало, оставалась только какая-то гнетущая, непріятная забота.

Давно уже глядѣла въ окно черная беззвѣздная ночь, давно спалъ Петровъ, сопя и храпя на всю комнату, а я все еще ворочался съ боку на бокъ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ я наконецъ забылся тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ.

То мнѣ снилось, что я плыву по морю въ маленькой, утлой лодченкѣ, и она качается во всѣ стороны, и вотъ, вотъ захлестнетъ ее холодной, соленой волной. То мнѣ представлялось, что я уже не въ Америкѣ, а въ Россіи и снова собираюсь бѣжать. Меня преслѣдуютъ, настигаютъ, но я въ послѣдній моментъ успѣваю спастись. То казалось мнѣ, что я въ плѣну въ крѣпкомъ древнемъ замкѣ и живу въ тѣсной каморкѣ съ узкимъ окномъ, высоко вдѣланнымъ въ толстую кирпичную стѣну, съ низенькой желѣзной дверью противъ этого окна. Я сижу здѣсь уже давно и никого не вижу, кромѣ моего тюремщика, а тюремщикъ этотъ Петровъ. Два раза въ день онъ отворяетъ мою желѣзную дверь, которая визжитъ и скрипитъ на перержавѣвшихъ петляхъ, и приноситъ мнѣ скудный обѣдъ и ужинъ...

Я проснулся съ страннымъ ощущеніемъ испуга. Солнце цѣлымъ снопомъ яркихъ лучей врывалось со двора сквозь окно, ставни котораго мы съ Петровымъ давно уже перестали затворять на ночь. Тотчасъ же я вспомнилъ, что нужно итти на работу. По тому, какъ солнце освѣщало комнату, и по той тишинѣ, которая стояла во дворѣ, гдѣ виднѣлось только нѣсколько женщинъ да ребятишекъ, я сразу догадался, что должно быть очень поздно.

Петровъ еще крѣпко спалъ, закинувъ голову и раскрывъ ротъ, не замѣчая солнца, которое заливало его. Я разбудилъ его.

Онъ вынулъ изъ-подъ подушки часы. Было десять.

— Вотъ тебѣ разъ,—сказалъ я:—итти на работу уже поздно.

— Да вы не ходите сегодня,—сказалъ Петровъ.

— Какъ не ходить?

— А очень просто. Посмотрите, какая славная погода! Деньги у насъ есть, давайте, устроимъ себѣ праздникъ.

Я подумалъ, что у Петрова и безъ того каждый день праздникъ.

Онъ точно угадалъ мои мысли и сказалъ:

— Вы думаете, я одинъ безъ васъ остаюсь, такъ ничего и не дѣлаю? Нѣтъ, батюшка, ошибаетесь. Я когда нибудь вамъ разскажу, надъ чѣмъ я работаю. А сегодня давайте гулять. Пойдемте, пообѣдаемъ въ какомъ нибудь трактирчикѣ и поболтаемъ за бутылкой вина. Идетъ?

Я согласился. Искушеніе было слишкомъ велико. Денегъ у насъ было цѣлыхъ пять песовъ—сумма для насъ очень значительная. Солнце сіяло такъ весело, а поденный трудъ былъ мнѣ такъ ненавистенъ, что я съ радостію ухватился за предлогъ хоть на одинъ день бросить его и отдохнуть.

Мы развели огонь, вскипятили воду и усѣлись пить чай, составляя планы на цѣлый день.

Но имъ не суждено было сбыться: пришелъ картеро—почтальонъ и принесъ открытое письмо отъ Шмульсона, который писалъ, что у него есть до меня дѣло, и что онъ проситъ меня прійти. «А если Иванъ Павловичъ свободенъ, то и съ нимъ»,—прибавлялъ онъ.

— Вотъ и прекрасно!—съ торжествомъ вскричалъ Петровъ.— Вы видите, я былъ правъ, что не отпустилъ васъ сегодня. Ужъ если Шмульсонъ васъ зоветъ, значитъ, у него есть какое нибудь хорошее дѣльце. Одѣвайтесь и пойдемте.

Мы отправились.

Шмульсона не было дома, но жена привѣтливо насъ встрѣтила и сказала:

— Онъ приказалъ сказать вамъ, чтобы вы шли къ нему въ контору. Вы вѣдь знаете куда, Иванъ Павловичъ?

— Зналъ, да забылъ,—сказалъ Петровъ.

— Ну, какъ же такъ? Вотъ вамъ адресъ.

И она дала намъ печатную карточку.

Мы нашли Шмульсона въ большомъ, просторномъ помѣщеніи почти безъ мебели. Стояло только что-то въ родѣ прилавка, огромный деревянный шкафъ, а на полу множество ящиковъ, набитыхъ книгами въ разноцвѣтныхъ бумажныхъ обложкахъ.

Самъ Шмульсонъ и другой господинъ, тоже—молодой, но уже тучный и нѣсколько обрюзгшій, безъ пиджаковъ, въ зеленыхъ фартукахъ суетились и хлопотали, раскрывая и выгружая эти ящики.

— А!—привѣтствовалъ насъ Шмульсонъ:—очень радъ. Вы вѣдь не знакомы съ моимъ братомъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

И онъ представилъ мнѣ жирнаго молодого еврея.

— Пожалуйста, присядьте, хоть на подоконникъ,—пригласилъ онъ насъ.—Мы вотъ сейчасъ немножко разберемся, и тогда я къ вашимъ услугамъ.

— Какъ дѣла?—спросилъ Петровъ.

— Ничего, не дурны. Теперь мы новую штуку придумали. Рѣшили для donacion зеркала въ бронзовыхъ рамахъ, а на другое полугодіе—кресло-качалку.

— Это хорошо,—похвалилъ Петровъ.

— Еще бы! У насъ ужъ и сейчасъ масса подписчиковъ.

Шмульсонъ отворилъ дверь въ комнату рядомъ и крикнулъ:

— Эй! Подите-ка сюда кто нибудь.

Два жидка въ парусиновыхъ пиджакахъ и штанахъ и въ альпаргатахъ прибѣжали на его зовъ.

— Разберите эти книги,—сказалъ имъ Шмульсонъ:—а мы пойдемъ въ брошюровочную.

И онъ повелъ насъ за собой.

Мы вошли въ небольшую комнату съ окнами во дворъ. За

огромнымъ столомъ стояло нѣсколько мальчиковъ, которые занимались довольно страннымъ на мой взглядъ дѣломъ: двое или трое брали изъ лежавшей тутъ груды книги, рвали ихъ на нѣсколько частей и бросали на столъ. Остальные мальчики быстро разбивали ихъ, вкладывали въ бумажныя, тутъ же лежавшія во множествѣ обертки и съ помощью какого-то станка скрѣпляли ихъ проволокой.

— Это что же они дѣлаютъ?—сказалъ я.

Шмульсонъ усмѣхнулся.

— У насъ тутъ, видите ли, и типографія, и литографія, и переплетная.

Взявъ одну изъ брошюръ, онъ передалъ ее мнѣ. Я прочелъ испанскій заголовокъ: «Журналъ для семейнаго чтенія. Романъ Жюля Верна «Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водою». Внизу значилось: «Редакторъ-издатель Шмульсонъ». Съ другой стороны обертки говорилось, что журналъ выходитъ еженедѣльно безъ всякихъ пропусковъ и отсрочекъ, предлагая читателямъ самыя интересныя и самыя новѣйшія произведенія европейской литературы; что выборъ этихъ произведеній сдѣланъ такъ удачно, что ихъ смѣло можно рекомендовать самому чопорному семейству, и что въ нихъ найдетъ себѣ пищу для ума и для сердца и старикъ, мирно встрѣчающій закатъ своихъ дней, и молодая дама, ищущая впечатлѣній и пріятнаго развлеченія, и дѣвушка, вступающая въ жизнь, и зрѣлый мужъ, желающій отдохнуть послѣ серіозныхъ трудовъ, и пылкій юноша, жаждущій подвиговъ въ свѣтѣ, и любознательной ребенокъ, нуждающійся въ руководителѣ его развитіемъ. Кромѣ вышеперечисленнаго,—говорилось дальше,—редакторъ-издатель, польщенный благосклоннымъ вниманіемъ публики и поощренный тѣмъ громаднымъ количествомъ подписчиковъ, которое съ каждымъ днемъ прибываетъ и прибываетъ, на этотъ разъ предлагаетъ читателямъ въ первое полугодіе кресло-качалку лучшаго бука, выписаннаго изъ Европы и гнутаго на европейскихъ фабрикахъ, съ усовершенствованнымъ сидѣніемъ изъ спеціально-приготовленнаго камыша. Каждый экземпляръ патентованъ и носитъ марку знаменитѣйшаго торговаго европейскаго дома. А на второе полугодіе, имѣя въ виду украшеніе домашняго уголка нашихъ милыхъ подписчиковъ, мы предлагаемъ зеркало въ бронзовой, вызолоченной, никогда не тускнѣющей и нечернѣющей, замѣняющей золотую рамѣ, длиною одинъ метръ и шесть сантиметровъ, а шириною три четверти метра. Какъ изящное украшеніе гостиной, будуара, зеркало это не имѣетъ себѣ равнаго. Обѣ эти прелестныя вещи редакція предлагаетъ совершенно безплатно, принося ихъ въ даръ отъ чистаго сердца и нисколько не жалѣя о затраченныхъ громадныхъ средствахъ. Если бы подобное зеркало или подобное кресло кто нибудь вздумалъ выписать изъ Европы,

то онъ заплатилъ бы на мѣстѣ за зеркало сорокъ песовъ, за кресло двадцать восемь песовъ; упаковка и доставка на желѣзную дорогу по одному песо пятидесяти центавовъ, итого три песа, перевозъ съ желѣзной дороги на пристань два песа; артельщики, комиссіонныя, страховыя—три песа; провозъ пять песовъ; доставка на мѣсто, освобожденіе изъ таможни, дрягиль и транспортъ двадцать песовъ,—итого сто одинъ песо. А мы предлагаемъ эти прекрасныя вещи совершенно безплатно. Впрочемъ, нѣтъ. Намъ щедро будетъ уплачено довѣріемъ, расположеніемъ къ намъ и любезнымъ и просвѣщеннымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ нашему изданію».

Дальше значилось, что подписка на годъ стоитъ десять песовъ, за что желающіе каждую недѣлю будутъ получать номеръ журнала; на полгода—шесть песо, на три мѣсяца—четыре песо и на одинъ мѣсяцъ—два песо пятьдесятъ центавовъ. Въ отдѣльной продажѣ каждый нумеръ стоитъ восемьдесятъ центавовъ. На подарокъ имѣютъ право разсчитывать только годовые и полугодовые подписчики: годовые на оба подарка, а полугодовые на тотъ, который приходится въ ихъ полугодіе.

Я просмотрѣлъ номеръ журнала и къ удивленію своему убѣдился, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ страницъ французскаго романа безъ начала и конца, такъ что первая страница прямо была двадцатая, а послѣдняя тридцать седьмая, при чемъ она еще обрывалась на полусловѣ.

— Что же это?—произнесъ я.

— Развѣ вы не видите?—сказалъ Шмульсонъ:—вещь очень простая. Мы разрываемъ французскій романъ на пятьдесятъ двѣ части—по скольку страничекъ придется по расчету, брошюруемъ ихъ и выдаемъ подписчикамъ.

— Вы бы хоть дѣлили по главамъ,—сказалъ я.—А то согласитесь сами: очень странно видѣть такой журналъ, который начинаетъ здорово-живешь со страницы, вырванной изъ книги, и кончается на запятой.

— Въ томъ-то и штука! — возразилъ Шмульсонъ.—Во-первыхъ, главы бываютъ иногда слишкомъ длинныя, и помѣщать цѣлую главу было бы невыгодно. Останавливаться на точкахъ, или тамъ, гдѣ того требуетъ смыслъ, во-вторыхъ, потребовало бы отдѣльнаго человѣка, а, въ-третьихъ, понадобилась бы переверстка, а что за охота возиться съ типографіей? А наконецъ для читателя такъ гораздо интереснѣе. Раньше мы выбирали романы, гдѣ главы были не особенно длинныя, и это оказалось невыгоднымъ. Прочтетъ сеньора главу и успокоится, она уже смотритъ на нее, какъ на отдѣльное произведеніе. А тутъ дѣло другое; тутъ ее заставляютъ оторваться, во что бы то ни стало, отъ самаго интереснаго мѣста. Неужели вы думаете, какая нибудь барыня, дочитавши до того, какъ молодой человѣкъ и очень интересная и тоже молодая,

но замужняя дама усѣлись гдѣ нибудь въ изящной гостиной и занялись разговоромъ, утерпитъ, чтобы не купить слѣдующій номеръ журнала? Да она лучше откажется отъ куска хлѣба, но непремѣнно пожелаетъ узнать, что было дальше. Такая дама и купитъ нашу книгу разъ, другой и наконецъ подписывается на нашъ журналъ. А чтеніе мы предлагаемъ самое разнообразное: теперь, какъ видите, у насъ идетъ «Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водою». Одно заглавіе чего стоитъ.

— А вы знакомы съ содержаніемъ?— спросилъ я.

— Нѣтъ. Мы больше на имя писателя и на репутацію книги разсчитываемъ.

— Если начать знакомиться съ этими содержаніями,—вставилъ братъ Шмульсона: — голова кругомъ пойдетъ. Пусть съ ними знакомятся уже читательницы.

— Богъ съ нимъ, съ содержаніемъ! — сказалъ Шмульсонъ: — вотъ послѣ «Восьмидесяти тысячъ верстъ подъ водою» мы пустимъ «Прекрасную садовницу» Понсонъ-дю-Терайля на французскомъ языкѣ.

— И много у васъ подписчиковъ?

— Уже сейчасъ около 80-ти тысячъ. Вѣдь это не Европа. Вы на свой аршинъ не мѣрьте. Иная сеньора и по-французски не понимаетъ, а книжку треплетъ, чтобы прослыть за образованную, за аристократку.

Онъ повелъ насъ назадъ, опять въ ту комнату, гдѣ стояли ящики. Изъ нея мы вышли на площадку къ наружной двери и вошли въ помѣщеніе напротивъ. Здѣсь мы увидали комнату, обставленную шкафами и нѣсколькими письменными столами, за которыми сидѣли прилично одѣтые молодые люди. Рядомъ былъ и кабинетъ редактора съ мягкой, кожаной мебелью, съ огромнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами, и, что меня удивило, надъ диваномъ висѣлъ поясной портретъ красками императора Александра II.

— Какъ къ вамъ попалъ этотъ портретъ? — спросилъ я.

— А что же тутъ удивительнаго? — сказалъ Шмульсонъ: — я привезъ его еще изъ Россіи. У каждаго настоящаго русскаго патріота долженъ быть портретъ его государя.

— Такъ отчего же у васъ портретъ одного изъ покойныхъ государей, а не нынѣ царствующаго?

— А гдѣ же возьмешь портретъ нынѣ царствующаго? Я ужъ и то думаю подписаться на «Ниву» единственно только ради этихъ портретовъ. Вдѣлаю ихъ въ огромныя золоченыя рамы и повѣшу въ конторѣ. Пусть аргентинцы разѣваютъ рты на нашихъ царей.

Шмульсонъ усѣлся въ кресло у стола, попросилъ насъ садиться и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Теперь поговоримъ о васъ. Я много о васъ думалъ. Въ на-

стоящее время очень трудно получить занятія, но у меня есть нѣчто для васъ на примѣтѣ. На первый разъ и это все-таки хоть что нибудь. Тутъ есть одна торговая фирма цвѣтовъ. Такъ имъ нуженъ управляющій и вмѣстѣ корредоръ. Я совѣтую вамъ принять это мѣсто. Вотъ вамъ адресъ и вотъ моя карточка. Вы скажете, что я прислалъ васъ. Говорить можете по-русссски: одинъ изъ хозяевъ нѣмецъ, а другой, компаньонъ его, русскій. Отправляйтесь сейчасъ туда. Это недалеко. Иванъ Павловичъ подождетъ здѣсь.

Черезъ часъ я возвращался назадъ. Меня приняли на службу съ жалованіемъ въ пятьдесятъ песо на первое время и сказали мнѣ, что требуется залогъ, но такъ какъ меня рекомендуетъ Шмульсонъ, то для меня сдѣлаютъ исключеніе. Хозяева мнѣ понравились. Оба оказались евреями: одинъ нѣмецкимъ, а другой—русскимъ.

Я былъ такъ обрадованъ этой неожиданной удачей, что почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Шмульсонъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Новыхъ моихъ хозяевъ онъ очень хвалилъ. О дѣлѣ онъ отзывался, какъ о солидномъ и очень выгодномъ предпріятіи.

— Здѣсь это первая фабрика цвѣтовъ,—говорилъ онъ:—вотъ вы посмотрите, какія у нихъ тамъ великолѣпныя машины, усовершенствованныя, все дѣлается необыкновенно быстро: съ потолка падаетъ на горячую стальную форму, на которой лежитъ кусокъ бархатной или шелковой цвѣтной матеріи, тяжелый прессъ, и вы моментально получаете нѣсколько тысячъ совершенно готовыхъ лепестковъ. Они имѣютъ возможность продавать цвѣты такъ дешево, какъ ручные работники и работницы не могутъ себѣ и представить. Впрочемъ, вы сами увидите.

Въ девять часовъ я вспомнилъ о Васѣ и о назначенномъ свиданіи и заторопился уходить.

Петровъ объявилъ, что идетъ со мной.

— Мнѣ хочется поглядѣть на вашъ предметъ,—говорилъ онъ дорогой.

Бася уже ждала на назначенномъ мѣстѣ.

Петровъ тотчасъ же самъ отрекомендовался ей и началъ любезничать съ нею въ самомъ пошломъ и слащавомъ тонѣ, обнаруживъ передо мною новую сторону своего характера, которой мнѣ не было случая подмѣтить раньше, и которая придавала ему что-то смѣшное и гаденькое.

Бася молча слушала его, вопросительно поглядывая на меня. Она показалась мнѣ еще блѣднѣе и худѣе, чѣмъ наканунѣ.

Нарядъ ея былъ проще и не кидался въ глаза. Волосы были гладко причесаны безъ всякихъ украшеній, и шляпы на ней не было. Здѣсь часто можно видѣть на улицѣ женщину безъ шляпы, если она вышла на минуту, въ лавку или къ сосѣдкѣ.

По лицу Баси я видѣлъ, что она взволнована и точно порывается куда-то.

— Я ушла тихонько, — вдругъ проговорила она, рѣшительно обращаясь ко мнѣ и обрывая Петрова на полусловѣ: — боюсь, что меня хватятся. За мной слѣдятъ. Не надо, чтобъ васъ видѣли со мной. Мнѣ надо вамъ сказать нѣсколько словъ.

— Ретируюсь, — произнесъ съ усмѣшкой Петровъ: — пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Кто этотъ господинъ? — спросила Бася, какъ только Петровъ отошелъ.

— Это русскій, Петровъ. Я живу съ нимъ.

— Какой противный! Александръ Петровичъ, я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я хотѣла уйти сегодня, вотъ сейчасъ, и не могла рѣшиться. Вѣдь вы живете съ этимъ Петровымъ въ одной комнатѣ?

— Да, Бася.

— Это очень неудобно. Я боюсь стѣснить васъ, боюсь, что ничего изъ этого не выйдетъ.

— Послушайте, Бася, можете вы подождать немного? Я получилъ мѣсто. Я уйду изъ Милькасасъ, устроюсь отдѣльно отъ Петрова, и вы поселитесь у меня.

— Что я буду дѣлать у васъ? Я хотѣла бы заработать денегъ, чтобы уѣхать. Но какъ это сдѣлать?

— Не знаю, Бася. Это будетъ видно. У меня еще вчера ничего не было, а сегодня я имѣю хорошее мѣсто. Потерпите и вы. У васъ здѣсь много единовѣрцевъ: вамъ здѣсь помогутъ.

— Что вы говорите? Изъ евреевъ никто не захочетъ помочь мнѣ. Евреи всегда стоятъ другъ за друга, и всѣ они будутъ за Вульфсона и противъ меня. Нѣтъ, я вижу, я погибла! — съ отчаяніемъ вскричала она. — Все это только мечты. Для меня нѣтъ возврата! Прощайте, Александръ Петровичъ!

— Постойте! Куда вы, Бася? — удержалъ я ее. — Не отчаивайтесь. Пойдемте сейчасъ къ намъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это будетъ безуміе. За мной слѣдятъ, увидятъ, куда я пошла, и вернутъ обратно. Надо все обдумать, надо имѣть планъ и знать, что и для чего дѣлаешь.

— Хорошо. Тогда обѣщайте мнѣ подождать недѣлю. За это время я постараюсь получить хоть часть жалованья впередъ, найму комнату и что нибудь придумаю для васъ. Иногда буду заходить къ Вульфсонамъ. Хотите?

— Недѣлю?

— Да.

— Это очень долго. Вы не знаете, сколько я уже вытерпѣла.

— Сегодня среда. Въ слѣдующую среду въ это же время я буду васъ ждать здѣсь.

— А если мнѣ не удастся уйти, а они не захотятъ пустить меня?

— Я буду ждать васъ цѣлый часъ. Если вы не придете, я отправлюсь прямо къ Вульфсонамъ, увижу васъ и не знаю, что сдѣлаю, но постараюсь помочь вамъ уйти.

— Смотрите, Александръ Петровичъ, не обманите меня,—проговорила Бася дрожащимъ отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ.—Непремѣнно придете?

— Непремѣнно, развѣ умру.

— Не обманите,—проговорила она еще разъ и, не простившись съ Петровымъ, даже не взглянувъ на него, кивнула мнѣ головой и перебѣжала на другую сторону.

— Что же ваша Дульцинея? Когда придетъ?—спросилъ Петровъ.

— Она не рѣшается, сама не знаетъ,—отвѣтилъ я.

— Недурна, у васъ есть вкусъ,—сказалъ Петровъ.—Только очень поджара, мало тѣла,—съ видомъ знатока продолжалъ онъ.—Но блондинка, это хорошо. Среди жидовокъ несовсѣмъ обыкновенно. Важничаетъ очень, это въ ея положеніи совсѣмъ некстати, вы ей скажите, голубчикъ. Я съ ней говорю, а она носъ воротитъ. Какая принцесса! Она, дура, такихъ мужчинъ, какъ я, еще и не видывала. Это меня теперь несчастія мои къ землѣ пригнули, а въ свое время я по этой части ходокъ былъ, да и сейчасъ маху не дамъ. Вотъ увидите, я у васъ эту дѣвчонку отобью, непремѣнно отобью, нужды нѣтъ, что вы вдвое меня моложе.

И видя, что я не отвѣчаю, онъ продолжалъ:

— Что? Не вѣрите? Давайте пари держать, на что угодно.

— Ахъ, Иванъ Павловичъ, мнѣ совсѣмъ не до того,—съ досадой отвѣтилъ я.

Петровъ съ удивленіемъ вскинулъ на меня свои близорукіе глаза.

— Ужасно странно!—сказалъ онъ.—Не понимаю, что вы за человѣкъ. Судьба вамъ улыбается, вы получили, здорово живешь, и палецъ о палецъ не ударивъ, великолѣпное мѣсто; хорошенькая женщина сама къ вамъ льнетъ, и вы все еще недовольны. Это, батюшка, ужъ чортъ знаетъ что такое!

Я не отвѣтилъ, и мы въ глубокомъ молчаніи, въ глухомъ недовольствѣ другъ на друга дошли до Милькасасъ.

Почти у самыхъ воротъ отъ стѣны вдругъ отдѣлился высокій, худощавый субъектъ въ пончо и въ надвинутой на глаза «gorra».

Онъ вѣжливо приподнялъ ее и, обращаясь къ Петрову, проговорилъ на смѣшанномъ испанскомъ съ итальянскимъ.

— Buenas noches, señor! (Доброй ночи, сударь). Que ora esta? (Который часъ?)

Петровъ, который имѣетъ слабость корчить изъ себя истаго аргентинца, тотчасъ же остановился, принялъ театральную позу и, церемонно отвѣтивъ:

— Con muchissimo gusto, señor (съ величайшимъ удовольствіемъ, сударь),—вынулъ часы.

Въ ту же минуту мошенникъ вырвалъ ихъ у него и такъ же внезапно скрылся во мракѣ, какъ передъ тѣмъ явился. На прощанье онъ насмѣшливо проговорилъ:

— Muchas gracias, señor! (много благодаренъ, сударь).

— Караулъ! Воры!—заоралъ во все горло по-русски Петровъ.

Кругомъ стояла тишина, и не видно было ни души.

Мы вошли въ Милькасасъ. Петровъ, путаясь и ища словъ, тотчасъ же взволнованно сталъ жаловаться на вора.

Насъ обступили. Пришлось и мнѣ заговорить.

Въ первый разъ я былъ свидѣтелемъ того, какъ объяснялся Петровъ поиспански. Его съ трудомъ можно было понять. Я подивился на него. Человѣкъ пять лѣтъ прожилъ въ странѣ и не могъ выучиться ея языку настолько, чтобы при случаѣ сумѣть сказать нѣсколько фразъ къ ряду.

Наконецъ насъ поняли и немедленно подняли на смѣхъ. Всѣ симпатіи были на сторонѣ мошенника. Его поступокъ нашли всѣ естественнымъ, а придуманный имъ способъ овладѣть часами, подробно разсказанный и изображенный Петровымъ въ лицахъ, показался очень остроумнымъ и вызвалъ шумныя одобренія.

— Молодецъ парень! Такъ ихъ и надо этихъ gringos! (зеленыхъ, новичковъ въ странѣ). Онъ имъ: Que ora e? а они и уши развѣсили. Дурачье! Ночь хоть глазъ выколи, а они вынимаютъ часы, чтобы посмотрѣть, который часъ. Pavos (индюки)! очень ему нужно знать, какой часъ. Это часъ, когда добрые люди сидятъ по домамъ, бездѣльники шляются по улицамъ, а mozos vivos (ловкіе молодцы) учатъ ихъ уму-разуму.

И все въ такомъ родѣ.

Нахохотавшись вдоволь, толпа наконецъ разошлась каждый къ своему мѣсту, но насмѣшки все еще продолжались, и пока мы проходили дворъ, на нашъ счетъ отпустили нѣсколько шутокъ, изъ которыхъ каждая была встрѣчена общимъ одобреніемъ.

Но особенный восторгъ вызвала выходка одного молодого, грубаго парня съ жирнымъ, глупымъ лицомъ. Онъ всталъ на нашей дорогѣ и, отвѣсивъ низкій поклонъ Петрову, заоралъ что было мочи, стараясь и позой и голосомъ выразить какъ можно болѣе почтенія, что дѣйствительно вышло очень комично:

— Como lo va, señor gringo? (Какъ ваше здоровье, господинъ гринго?)

Мы поспѣшили скрыться.

— Видите, какой подлецъ народъ!—сталъ браниться Петровъ, какъ только мы очутились въ своей комнатѣ.

— Мошенники, воры, негодяи! Проклятая страна! Я всегда говорю: учрежденія здѣсь прекрасны, но люди подлы! Призвать сюда

батальонъ русскихъ солдатиковъ, собрать эту сволочь на площадь да разстрѣлять!

— Вы, кажется, еще недавно были противъ «русскихъ солдатиковъ»?—не утерпѣлъ я.

— Ахъ, вы ничего не понимаете! Я противъ режима, а русскаго солдата я уважаю, русскій народъ достоинъ глубокаго уваженія. Я люблю его и всегда скажу, что онъ лучшій народъ на свѣтѣ.

Съ слѣдующаго дня я началъ ходить на службу. Она оказалась не изъ легкихъ. Помимо того, что я цѣлый день долженъ былъ бѣгать по городу съ кучей торговыхъ бланковъ нашей фирмы и со стекляннымъ ящикомъ, въ которомъ находились образцы цвѣтовъ и листьевъ, на мнѣ еще лежала обязанность сдавать въ газеты публикаціи, приглашать служащихъ, договариваться съ ними и вести книжки рабочихъ. Я былъ занятъ съ утра до поздней ночи.

Но какъ меня ни утомляло это, я былъ радъ, что нашелъ приличное занятіе. Вообще мнѣ все нравилось, и я далекъ былъ отъ мысли ожидать чего либо дурного. И однако бѣда была у меня за плечами.

Служащихъ мы брали только съ залогомъ. Нѣсколько разъ я говорилъ хозяевамъ, что съ иныхъ нѣтъ нужды брать залога, но они всегда отвѣчали на это:

— Вы не знаете Аргентины. Залогъ все-таки гарантія, а то какъ разъ нарвешься на мошенника.

Дѣйствительно мошенниками тутъ хоть прудъ пруди, и я не находилъ, что возразить противъ такого резона.

Такъ прошло нѣсколько дней, впродолженіе которыхъ я только разъ могъ урваться къ Басѣ. Чувствуя настоятельную нужду въ деньгахъ, я попросилъ часть жалованья, и мнѣ выдали безъ разговоровъ за полмѣсяца.

Въ одно утро по обыкновенію я вышелъ изъ дома и отправился на нашу фабрику. Я разсчитывалъ кончить занятія пораньше и пріискать себѣ комнату. О Басѣ я не переставалъ думать, но времени было такъ мало, что до сихъ поръ я не могъ позаботиться объ этомъ. Въ девять часовъ утра я явился на фабрику. Ставни были закрыты, двери заперты, и царило полное безмолвіе. Это поразило меня, но не надолго. Я успокоилъ себя тѣмъ, что, должно быть, какой нибудь аргентинскій праздникъ, и только подивился тому, что меня не предупредили. Я обошелъ зданіе, вошелъ во внутренній дворъ, рѣшивъ проникнуть въ контору, гдѣ жилъ одинъ изъ артельщиковъ, съ задняго хода. Но и тутъ дверь была заперта. Я долго стучалъ и наконецъ рѣшился открыть наружные ставни. Комната была пуста. Я пошелъ въ улицу рядомъ въ квартиру хозяевъ. Тамъ мнѣ сказали, что въ квартирѣ никого нѣтъ,

и что изъ нея еще третьяго дня выѣхали. Въ душу мою закралось безпокойство. Не зная, что подумать, я кинулся опять на фабрику. У дверей я засталъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ и нашего бухгалтера, нанятаго мною же съ залогомъ въ тысячу песовъ. Они всѣ волновались и безпокоились.

— Знаете, что,— сказалъ наконецъ бухгалтеръ:—очевидно, мы сдѣлались жертвой мошеннической продѣлки: деньги съ заказчиковъ получены, рабочимъ и служащимъ не уплачено, а залоги наши хозяева захватили съ собою. Надо тотчасъ же заявить комиссару.

Мы съ бухгалтеромъ отправились въ полицію. Комиссаръ, желчный и раздражительный аргентинецъ, выслушалъ насъ холодно и высокомѣрно, подумалъ, позвалъ секретаря и двухъ полицейскихъ и приказалъ составить протоколъ.

Когда протоколъ былъ написанъ, мы встали съ своихъ мѣстъ, чтобы уйти, думая, что все кончено, но насъ остановили.

— Позвольте, господа,—сказалъ комиссаръ:—вы слишкомъ спѣшите. Вы,—обратился онъ ко мнѣ:—показали, что были управляющимъ на этой фабрикѣ и нанимали служащихъ?

— Да,—подтвердилъ я.

— А вы были бухгалтеромъ и вели книги этой фабрики?

— Да.

— Я обязанъ подвергнуть васъ личному задержанію. Очевидно вы принимали живѣйшее участіе въ дѣлахъ своего хозяина, а, можетъ быть, и въ его мошенничествахъ.

— Да помилуйте!—воскликнулъ бухгалтеръ: — я самъ жертва обмана! Я внесъ тысячу песовъ залогу, и они у меня пропали.

— Это вы должны доказать. Во всякомъ случаѣ, теперь я не могу васъ отпустить.

И онъ сдѣлалъ знакъ полицейскимъ. Насъ повели на внутренній дворъ, черезъ него въ какую-то маленькую улченку, совершенно пустую, гдѣ былъ другой полицейскій участокъ, при которомъ находилась предварительная тюрьма. Здѣсь насъ разлучили. Полицейскій сдалъ меня на руки одному изъ тюремныхъ сторожей, а бухгалтера—другому.

Тюремщикъ сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за собой.

Мы вступили въ широкій коридоръ, залитый асфальтомъ съ высокими, выкрашенными темнокрасной масляной краской стѣнами. Этотъ коридоръ освѣщался двумя противоположными окнами, подобными тѣмъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ больницахъ. По обѣ стороны было два ряда дверей,—собственно, даже и не дверей, а рѣшетокъ съ толстыми, продольными круглыми желѣзными прутьями, между которыми можно было просунуть руку. Противъ каждой такой двери находилось маленькое, высоко вдѣланное въ стѣну окошко.

Въ камерѣ совершенно ничего не было. Такой же асфальтовый полъ и такія же красныя стѣны, какъ и въ коридорѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ камеръ, я замѣтилъ, были люди.

Тюремщикъ отворилъ ключемъ одну изъ рѣшетокъ, пропустилъ меня и сказалъ:

— До свиданья, сеньоръ.

Когда шаги его затихли въ коридорѣ, я оглядѣлся. Стояла мертвая тишина. Время отъ времени она нарушалась медленными, казавшимися чрезмѣрно громкими, шагами заключенныхъ. Меня поразило полное отсутствіе мебели. Хоть какой бы то ни было столъ, табуретъ, наконецъ, койка, ну, хоть связка соломы въ углу. Но ничего, ничего совершенно... Я уже собирался лечь прямо на полъ, какъ вдругъ въ коридорѣ что-то зашипѣло и сквозь рѣшетку камеру мою залило водой. Я подошелъ поближе къ рѣшеткѣ и заглянулъ въ коридоръ. Въ другихъ камерахъ происходило то же самое.

Такъ прошелъ цѣлый день. Едва полъ высыхалъ, какъ душъ начиналъ дѣйствовать и опять заливалъ его. Не было возможности ни сидѣть, ни лежать на полу. Даже прислониться къ стѣнѣ было непріятно, потому что и стѣны до половины забрызгивало водой. Два раза ко мнѣ вошелъ тюремщикъ. Въ первый разъ онъ принесъ чашку съ горячей пулентой, кашей изъ какого-то мелкаго неизвѣстнаго мнѣ зерна, залитой краснымъ жгучимъ и острымъ соусомъ, а во второй—супъ и кусокъ говядины.

Я спросилъ его, съ какой цѣлью меня заливаютъ водой. Онъ пресеріозно отвѣтилъ, что это очень хорошо, потому что очищаетъ воздухъ.

— Не жарко и не пыльно. Ночью этого не будетъ, и вы можете растянуться хоть на полкамеры.

Послѣ заката солнца души прекратились. Я чувствовалъ себя до того измученнымъ непрерывнымъ пребываніемъ на ногахъ, что едва полъ обсохъ, бросился на него и, подложивъ руку подъ голову, тотчасъ же уснулъ. Однако спалъ я не долго: ужъ слишкомъ было жестко и холодно на асфальтовомъ полу.

Утромъ не успѣлъ я вскочить, опять началась поливка камеръ. Я съ ужасомъ подумалъ, что мнѣ, можетъ быть, суждено провести здѣсь много дней.

— Ну, хороша хваленая страна свободы!—думалъ я:—схватываютъ человѣка по подозрѣнію, держатъ его, какъ звѣря, въ клѣткѣ и даже не позаботятся о томъ, чтобы у него была хоть какая нибудь подстилка.

Мною овладѣло такое мрачное уныніе, что я не могъ ничего ѣсть и, къ удивленію тюремщика, рѣшительно отказался отъ принесенной порціи.

Прошелъ еще день и еще ночь. Платье мое пропиталось сыростью. Ноги я себѣ промочилъ и началъ сильно кашлять. Тѣло мое такъ болѣло, точно я перенесъ какую нибудь тяжелую изнурительную болѣзнь.

Еще день и еще ночь. Я опять не могъ ѣсть. Я съ ужасомъ видѣлъ, что въ такой короткій срокъ успѣлъ до того похудѣть, что платье валилось у меня съ плечъ. Напрасно я просилъ тюремщика послать ко мнѣ кого нибудь изъ начальства и объяснялъ ему, что совершенно невиненъ,— онъ только качалъ головой, а если ужъ я слишкомъ надоѣдалъ ему, онъ ворчливо говорилъ:

— Ладно, ладно! Вашъ братъ преступникъ всегда такъ. Погодите, тамъ разберутъ.

Я пересталъ считать дни и ночи. Отчаяніе мое достигло высшей степени. Я уже ни на что не надѣялся, ничего не ждалъ, ни о чемъ не думалъ.

Вдругъ въ одно утро меня потребовали къ комиссару. Это былъ другой, не тотъ, который говорилъ съ нами,— толстый, круглый, добродушный. Онъ очень любезно попросилъ меня садиться и, подавая мнѣ конфискованныя на мнѣ бумаги, мой портфель съ торговыми бланками, бумажникъ съ газетными квитанціями, нѣсколькими письмами и фактурами отъ различныхъ коммерческихъ домовъ, даже старый нумеръ газеты, бывшій у меня въ карманѣ, попросилъ меня пересмотрѣть ихъ и сказать, все ли я получилъ въ цѣлости.

Я отвѣтилъ, что все.

— Вы можете итти, куда угодно, вы совершенно свободны.

— А мой товарищъ?

— Вашъ товарищъ выпущенъ былъ черезъ шесть часовъ.

— Почему же его выпустили, а меня продержали такъ долго?

— Что за долго? Сколько велось слѣдствіе: всего недѣлю. А о товарищѣ вашемъ хлопотала его сестра. У нея нашлись коекакія связи, и черезъ знакомаго жены министра она добилась личной аудіенціи и получила позволеніе взять брата на поруки.

— Хороши порядки!—подумалъ я.

Но я такъ обрадовался своей свободѣ, что, захвативъ бумаги, почти выбѣжалъ на улицу, и, только нѣсколько успокоившись, вспомнилъ, какъ я собирался при первомъ же удобномъ случаѣ выразить свое негодованіе аргентинскимъ властямъ и показать имъ, какъ я глубоко возмущенъ ихъ безсмысленными порядками. Но теперь я махнулъ на это рукой и довольный, самъ не зная чѣмъ, счастливый, вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ, радовался своей свободѣ и находилъ, что все кругомъ прекрасно. Дойдя до городского сквера, я сѣлъ на скамейку, прислонился къ спинкѣ ея и почувствовалъ блаженство отъ того, что могу сѣсть, вытя-

нуть ноги и принять положеніе болѣе удобное, чѣмъ то, на какое я осужденъ былъ за это время.

— Я свободенъ, я свободенъ,—твердилъ я про себя.

Опять въ карманѣ моемъ было мало денегъ, и опять я не имѣлъ никакого занятія, но все послѣ тюрьмы тѣшило меня, и даже въ этомъ обстоятельствѣ было что-то пріятное, какое-то сознаніе полной независимости и беззаботной необезпеченности.

X.

Слѣдующее мое ощущеніе такое: я лежу въ чистой и жесткой постели. Пахнетъ карболкой и еще какимъ-то раздражающимъ, ѣдкимъ, лѣкарственнымъ снадобьемъ. Глаза мои закрыты, но вокругъ меня такъ много яркаго свѣта, что я сквозь опущенныя вѣки чувствую его и не рѣшаюсь поднять ихъ.

Тихо. Иногда послышатся чьи-то шаркающіе, негромкіе шаги, раздастся и тотчасъ же смолкнетъ чья-то рѣчь, и опять тишина.

Тѣло мое болѣзненно ноетъ и какъ-то непривычно бременитъ меня. Но особенно мѣшаютъ мнѣ ноги, длинныя, худыя, точно не мои, съ которыми я положительно не знаю, что дѣлать, и которыя, какъ я ни перекладываю ихъ, не даютъ мнѣ минуты покоя.

Я пробую приподнять голову съ подушки, набитой чѣмъ-то жесткимъ, не подающимся и плотнымъ, но едва я отрываю ее, какъ чувствую невыносимую боль въ затылкѣ, и голова моя тяжело падаетъ на прежнее мѣсто, и я удивляюсь ея тяжести, и вмѣстѣ мнѣ представляется, что внутри ея пустота, странная, холодная, непріятная и назойливая пустота.

Я хочу заставить себя думать, что-то вспомнить, но ни о чемъ думать не могу и рѣшительно ничего не помню.

Въ такомъ состояніи я провелъ нѣсколько дней.

Я понялъ, что я въ больницѣ и выздоравливаю послѣ тяжелой болѣзни.

— Ну-съ, поправляетесь?— произнесъ надо мною однажды незнакомый мнѣ голосъ.

Удивленный, что слышу русскую рѣчь, я открылъ глаза. Я увидѣлъ невысокаго, сухощаваго, еще очень молодого человѣка съ добродушнымъ, птичьимъ лицомъ, живо напомнившимъ мнѣ своимъ обликомъ скворца.

— Удивлены, что видите соотечественника?

— Да.

— Я—студентъ медицины и здѣсь практикантомъ. Очень радъ, что вамъ лучше. Но, къ сожалѣнію, долженъ вамъ предложить покинуть больницу. Таковы правила. У васъ есть деньги?

— Если и есть, очень немного.

— Имѣете здѣсь родныхъ или хорошихъ знакомыхъ?

— Тоже нѣтъ.

— Значитъ, вы здѣсь недавно? Знакомы съ кѣмъ нибудь ex nostris?

Онъ усмѣхнулся.

— Не понимаете? «Изъ насихъ», какъ говорятъ въ любезной Россіи, здѣсь знаете кого нибудь?

— Кой-кого знаю, но...

— Но питаете благородное презрѣніе?

— И не думаю.

— Индифферентны?

— Пожалуй.

— Значитъ, не іудофобъ. Тѣмъ лучше для васъ. Русскихъ, какъ вы, православныхъ, здѣсь нѣтъ. Здѣсь русскіе—евреи, жиды, какъ принято выражаться на моей далекой родинѣ Россіи. Жиды вамъ помогутъ. Я — самъ жидъ и называюсь Іегуда Аароновичъ Майзель. Но такъ какъ по здѣшнимъ мѣстамъ имя мое неудобоваримо, а по старой привычкѣ, всосанной съ молокомъ матери, меня коробитъ все, что ужъ слишкомъ отзывается жидовствомъ,— онъ опять усмѣхнулся насмѣшливо и жестко, — то я и предпочитаю называться донъ-Хуліо, что короче и пріятнѣе.

Онъ вдругъ замолкъ, догадавшись, что его длинная рѣчь утомила меня, и по-испански отдалъ приказаніе хорошенькой сидѣлкѣ съ блѣднымъ, точно фарфоровымъ личикомъ, обрамленнымъ черными кудрями, выбившимися изъ-подъ гладкаго бѣлаго чепчика, въ черномъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, приготовить мои вещи и выписной листъ.

Затѣмъ онъ обошелъ остальныхъ больныхъ,—ихъ впрочемъ было немного, человѣкъ пять—шесть,—и снова вернулся ко мнѣ.

— Куда же вы отсюда?—спросилъ онъ.

Всѣ мои неудачи и бѣдствія внезапно пронеслись въ моемъ мозгу. Сердце мое переполнилось горечью.

— Куда глаза глядятъ,—съ досадой отвѣтилъ я.

Майзель помолчалъ, задумчиво перебирая рѣдкую рыжеватую бородку.

— Работать вы не можете,—заговорилъ онъ медленно и серьезно, присаживаясь на край моей постели въ ногахъ: — найти пріютъ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей трудно. Остается одно: идите въ эмигрантскій домъ. Тамъ васъ примутъ и продержатъ недѣлю—двѣ, быть можетъ, найдутъ вамъ и занятія. Вы знаете, гдѣ эмигрантскій домъ?

— Ничего я не знаю,—почти со злобой отвѣтилъ я.

Вся цѣпь перенесенныхъ мною лишеній опять потянулась передо мною. Неужели ей не будетъ конца? Глухое отчаяніе сдавило мнѣ грудь. И этотъ человѣкъ съ его непрошеннымъ участі-

емъ вдругъ сталъ мнѣ до крайности противенъ. Зачѣмъ онъ лѣзетъ ко мнѣ съ своими разспросами и заставляетъ меня думать о томъ, о чемъ я не хочу и не стану думать? Не нужно мнѣ ни работы, ни эмигрантскаго дома. Мнѣ нужна вотъ эта хоть и жесткая, но чистая и теплая постель, яркое солнце, что свѣтитъ и грѣетъ сквозь огромныя окна этой большой комнаты съ блестящими, выкрашенными въ голубую масляную краску стѣнами и мозаичнымъ поломъ, устланнымъ цыновками, по которымъ безшумно скользитъ миловидная фигурка сидѣлки. И ея уходъ мнѣ тоже нуженъ. Мнѣ нужны покой, отдыхъ, тишина. Развѣ я могу работать? Я могу только умереть съ голоду. И зачѣмъ меня вылѣчили? Неужели для того, чтобы слабаго, безпомощнаго вытолкать меня на улицу и бросить въ объятія смерти, отъ которой я только-что избавился.

Майзель все сидѣлъ у меня въ ногахъ, время отъ времени бросая на меня испытующіе взгляды. Должно быть, по моему лицу онъ догадался, что во мнѣ происходитъ, и понялъ мое отчаяніе.

— Да, плохо на чужбинѣ, — сказалъ онъ. — И я понимаю, что вамъ въ вашемъ положеніи особенно трудно. Попробую помочь вамъ. Оставайтесь здѣсь дозавтра, а я похлопочу, чтобъ васъ прямо отсюда водворили въ эмигрантскомъ домѣ. Все-таки вы будете избавлены отъ хлопотъ. Администрація навѣрно согласится.

Онъ ушелъ.

А я закутался съ головой въ одѣяло и сталъ стараться заснуть. Заснуть, забыться, уйти изъ дѣйствительности, погрузиться въ міръ грезъ казалось мнѣ теперь единственнымъ спасеніемъ. Завтра должно было начаться что-то новое, и это новое заранѣе было мнѣ враждебно, отвратительно и пугало меня.

Мысль о Басѣ на мгновенье остановила было мое вниманіе, но и ее я поспѣшилъ поскорѣе отогнать отъ себя. Всякая забота, тревога была мнѣ ненавистна. Чувства мои притупились, и я исполненъ былъ жесткаго, холоднаго равнодушія ко всему, что не я. Мнѣ было жалко только себя, до боли жалко, а до другихъ не было никакого дѣла.

— Все равно, я ничего не могу сдѣлать. Пусть каждый думаетъ о себѣ,—разсуждалъ я.

На другой день мнѣ принесли мое платье и велѣли одѣваться. Шатаясь, вышелъ я изъ палаты въ широкій, свѣтлый коридоръ за сидѣлкой, которая привела меня въ контору. Тамъ мнѣ выдали мои бумаги и деньги и спросили, все ли въ цѣлости.

Я обрадовался, увидѣвъ въ своемъ распоряженіи цѣлые двадцать пять песовъ, о существованіи которыхъ я и не подозрѣвалъ.

Пришелъ Майзель и принесъ мнѣ бумагу, подписанную начальствомъ больницы, которое ходатайствовало о принятіи меня въ эмигрантскій домъ.

— Съ этой бумагой васъ примутъ навѣрно, — сказалъ Майзель. – Ну, до свиданья. Желаю вамъ всего лучшаго. Вотъ моя карточка. Если вздумаете, заверните или напишите мнѣ. Многаго сдѣлать для васъ не могу, но, быть можетъ, пригожусь.

Я пожалъ его руку и черезъ минуту уже стоялъ на подъѣздѣ огромнаго и красиваго зданія больницы съ колоннами изъ мрамора и съ фронтономъ, украшеннымъ изображеніемъ Libertad, свободы.

— Пойду лучше въ Милькасасъ,—пришло мнѣ въ голову, и я отправился по знакомой дорогѣ къ гавани.

Путь былъ не близкій, а ноги плохо слушались меня.

Въ Милькасасъ я не нашелъ Петрова. Мнѣ сказали, что его уже болѣе двухъ недѣль нѣтъ здѣсь, и что неизвѣстно, куда онъ выбылъ.

Въ недоумѣніи стоялъ я среди пустыннаго двора, напился воды изъ цистерны и сталъ думать, куда итти и что предпринять.

Голодъ и усталость томили меня. Голова медленно кружилась. Я чувствовалъ, что силы оставляютъ меня.

На дворѣ рѣзвились и бѣгали ребятишки грязные, оборванные, съ черномазыми лицами, черными, какъ маслины, глазами и жесткими волосами на яйцевидныхъ головахъ.

Одинъ изъ нихъ, лѣтъ восьми не больше, вдругъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мной, разставивъ босыя ноги и засунувъ руки въ карманы короткихъ панталонъ, едва доходившихъ ему до колѣнъ.

— Одолжите-ка мнѣ, сударь, спичку,—произнесъ онъ.

— Зачѣмъ вамъ?—спросилъ я.

Мальчишка свистнулъ, презрительно выпятилъ впередъ толстую, нижнюю губу, вытащилъ изъ кармана смятую коробку, вынулъ и разгладилъ тонкими худыми, коричневыми пальцами папироску и сказалъ:

— Сеньоръ изволитъ шутить? Или ему неизвѣстно, на что могутъ пригодиться спички?

— У меня нѣтъ спичекъ.

Онъ тотчасъ же повернулъ мнѣ спину и, замѣтивъ въ глубинѣ двора подростка, копавшагося въ кучѣ мусора, крикнулъ:

— Chè, ombre! (Эй, человѣкъ!). Не найдется ли у васъ огоньку закурить папироску?

Тотъ бросилъ ему черезъ весь дворъ коробочку съ восковыми спичками.

— Неужели вы курите?—сказалъ я.—Въ ваши годы это вредно.

— Сеньоръ гринго (господинъ зеленый, новичекъ въ странѣ) лучше приберегъ бы свои поученія для другого раза,—насмѣшливо возразилъ мальчишка, затягиваясь и сплевывая: — а то ему можетъ попасть за это, если найдется добрый человѣкъ, который не полѣнится внушить ему, что не слѣдуетъ мѣшаться въ чужія дѣла.

И онъ громко и нахально захохоталъ.

Сверху спустилась женщина съ испитымъ, болѣзненнымъ лицомъ и набросилась на мальчишку.

— Пречистая Матерь!—изступленно закричала она:—видалъ ли кто нибудь такого негодяя? Вѣдь я велѣла вамъ, сеньоръ, посмотрѣть за супомъ и покачать Панчитто, если онъ проснется. И что же? Прихожу, супъ выкипѣлъ, а ребенокъ чуть не лопнулъ отъ крику.

И она, поднявъ кулаки, подбѣжала къ мальчишкѣ. Тотъ ловко увернулся.

— Прошу потише, сеньора,—проговорилъ онъ.—Что за скверная привычка у васъ съ отцомъ давать волю рукамъ!

— Ахъ, негодяй, — снова наступая на него, вскричала женщина:—да онъ еще и куритъ. Опять укралъ у отца папироски. Подай сюда. Слышите, сеньоръ! Отдайте папиросы.

— Оставьте меня въ покоѣ, сеньора.

— Ну, смотрите, сеньоръ! Придетъ отецъ, я пожалуюсь ему, и онъ изобьетъ васъ до смерти.

— Очень хорошо, сеньора. Только предупреждаю, если вы не уйдете, я запущу въ васъ этимъ камнемъ.

— Это въ мать-то! Хорошъ! Посмотримъ, что ты скажешь, когда придетъ отецъ.

И она пошла въ домъ.

— До свиданья, сеньора!—насмѣшливо проговорилъ ей вслѣдъ мальчишка.

Толстый парень, все время съ живѣйшимъ интересомъ наблюдавшій эту сцену, подошелъ къ намъ поближе и сказалъ:

— А славно ты ее отдѣлалъ! Такъ этихъ бабъ и нужно!

— Благодарю васъ за спички, сеньоръ!—важно произнесъ его собесѣдникъ, возвращая ему коробку.

— Небойсь, отца-то боишься?—продолжалъ тотъ.

Мальчишка передернулъ плечами.

— Чего его бояться? Разумѣется, онъ можетъ отдуть меня, если застанетъ врасплохъ и убѣжать некуда, а вообще мнѣ до него очень мало дѣла. Тѣмъ болѣе, что мы разныхъ политическихъ убѣжденій.

— А?—съ любопытствомъ воскликнулъ парень, и глаза его загорѣлись.—Старикашка, чай, за Року [1]).

— Вотъ именно.

— Все старьё за него. А вы за Митре?

— Разумѣется. Вы то же?

— По-моему все́ одинъ чортъ! Оба—воры.

---

[1]) Рока и Митре—кандидаты въ президенты.

— Что вѣрно, то вѣрно. Только Рока ужъ довольно наворовалъ, пусть поворуетъ и Митре. Я желаю быть справедливымъ.

Парень расхохотался и потрепалъ мальчишку по плечу.

Я вышелъ на улицу и побрелъ прямо, до перваго вигилянта (городового), который указалъ бы мнѣ дорогу въ эмигрантскій домъ.

Солнце ярко горѣло на чистомъ голубомъ небѣ. Было свѣжо и вмѣстѣ знойно. Уличный шумъ и грохотъ колесъ раздражалъ и пугалъ меня. Въ ушахъ у меня звенѣло. Глазамъ больно было смотрѣть. Отъ слабости и голода у меня начинала кружиться голова и сосало подъ ложечкой.

Я зашелъ въ первую попавшуюся булочную, сѣлъ къ столику и съ жадностью принялся ѣсть булки.

Толстая испанка-хозяйка съ любопытствомъ смотрѣла на меня изъ-за прилавка.

Я просидѣлъ около часу и, чувствуя, что оставаться долѣе неловко, съ трудомъ поднялся съ мѣста и сталъ разсчитываться.

— Не знаете ли, какъ пройти въ эмигрантскій домъ? — спросилъ я булочницу.

Она подняла черныя, густыя брови въ знакъ полнаго недоумѣнія и сказала, что въ первый разъ слышитъ объ эмигрантскомъ домѣ.

— И зачѣмъ онъ вамъ нуженъ? Развѣ вы эмигрантъ?—выразила она догадку.

— Да, я—русскій эмигрантъ. Вы вѣдь тоже эмигрантка?

Она еще выше подняла брови и надменно сказала:

— Нѣтъ, сеньоръ. У меня есть отечество. Я изъ Кастиліи.

Я расплатился и вышелъ.

Дойдя до перваго перекрестка, я спросилъ городового, гдѣ я.

— А вамъ куда нужно?—освѣдомился онъ.

Я хотѣлъ спросить его, какъ пройти въ эмигрантскій домъ, но вмѣсто того независимо отъ меня самого съ языка моего слетѣло:

— Въ Кадже-Лавадже.

— Это близко. Все прямо четыре квадры и направо; двѣ квадры и налѣво.

Я поблагодарилъ и пошелъ такъ скоро, какъ только мнѣ позволяли силы, повинуясь какому-то внутреннему неясному чувству, которое толкало меня поскорѣе узнать, что съ Басей, послѣ чего, мнѣ казалось, вся эта исторія разрѣшится, и я буду свободенъ и могу заботиться только о себѣ.

Машинально слѣдуя указаніямъ городового, я повернулъ за уголъ улицы и тотчасъ же узналъ ее. Вотъ и огромная синяя съ краснымъ вывѣска, рекламирующая папиросы fin el Bombo, и альмасенъ на углу съ пыльными окнами, загроможденными жестянками съ dulce membrillo (дульсе мембриджо, пастилой изъ айвы) и оливковымъ масломъ, а вотъ и домъ Вульфсона.

Я стукнулъ молоткомъ. Щелкнулъ замокъ, дверь пріотворилась, и въ щель высунулось острое лицо Мойши.

— Вы?!—удивился онъ и впустилъ меня.—А мы вже думали, что вы умерли. Идите. Тата и мамаша будутъ рады, ахъ, какъ же будутъ рады.

Я вступилъ въ знакомый комидоръ. Большой столъ посрединѣ былъ накрытъ тою же грязной суровой скатертью, только вмѣсто самовара на столѣ дымилось огромное блюдо съ горячимъ пучеро,—вареньмъ въ супѣ мясомъ,—отъ котораго такъ и валилъ паръ, а вокругъ сидѣли Вульфсоны и всѣ ихъ домочадцы.

Я тотчасъ же замѣтилъ, что между дѣвицами нѣтъ Баси, и узналъ на краю стола красивую пѣвицу. Только теперь она при дневномъ свѣтѣ казалась гораздо старше и выглядѣла хуже. Лицо у нея было съ желтизной, въ морщинахъ, волосы кое-какъ собраны были въ узелъ на затылкѣ, и одѣта она была грязно и неряшливо, ужъ слишкомъ по-домашнему, въ юбку и ночную кофту, которая едва сходилась на ея пышной груди. Остальныя дѣвицы имѣли всѣ заспанный видъ, всѣ были не одѣты и непричесаны и очевидно только что начинали свой день.

Вульфсонъ тотчасъ же вскочилъ со стула и сталъ шумно привѣтствовать меня.

— Мое почтеніе! А и вы насъ совсѣмъ забыли. И здравствуйте. Какъ ваше здоровье? Вы похудѣли...

Привстала и жена его и, кутаясь въ байковый платокъ, проговорила.

— Ну, и ждраштвуйте. А почему вы не бывали? Ай! Што же вы такой худой? Милости просимъ кушать.

Мнѣ дали стулъ, и я подсѣлъ къ столу.

Еврейка разложила дымящіеся куски мяса и овощи на оловянныя тарелки, и дѣвицы жадно и торопливо принялись ѣсть.

Кончивъ, онѣ быстро поднялись и всѣ исчезли.

Я не хотѣлъ уже ѣсть и отказался.

— Ну, чайку,—сказалъ Вульфсонъ.—Чай по русскому обычаю всегда нужно послѣ обѣда. Ге! Сарра!

— Заразъ, заразъ!—отвѣтила ему жена и, мигнувъ Мойшѣ, принялась съ нимъ вмѣстѣ убирать посуду.

Еврей постучалъ пальцами по столу и устремилъ на меня пытливый взглядъ.

— Что же ты ничего не спрашиваешь?—какъ будто говорили его глаза.

— Гдѣ Бася?—спросилъ я, гипнотизируемый его взглядомъ.

— Бася?

Онъ помолчалъ.

— А вы развѣ хотѣли ее видѣть?—вдругъ проговорилъ онъ.

— Положимъ.

— Гм... Это трудно, очень трудно.

— Она у васъ?

— Нѣтъ. У меня ея нѣтъ.

Тутъ вернулась еврейка съ подносомъ и чашками, а за нею одна изъ дѣвицъ внесла самоваръ.

— Вотъ они хотятъ увидѣть Басю,—сказалъ Вульфсонъ.

— Аэ!—взвизгнула еврейка:—а гдѣ же вы были раньше? Теперь ее вже не поймаешь, это проклятая дѣвка! Вотъ навязалась намъ, измучила насъ. Это язва, а не дѣвка.

— Ну!—нахмурился Вульфсонъ:—чего ты кричишь! Сама виновата.

— Э! Я—виновата? А што съ такой стервой дѣлать? Одинъ убытокъ, только корми да пои ее. А што износила гевандъ! И вше даромъ, вше даромъ, вше убытокъ.

— Да, убытокъ, все убытокъ,—подтвердилъ и Вульфсонъ.— Плохія времена. Нѣтъ хорошаго гешефта.

— Какой это гешефтъ!—подхватила еврейка.—Прежде былъ гешефтъ, когда мой папенька жилъ, онъ дѣлалъ гешефтъ, богатый человѣкъ былъ увъ Россія, съ губернаторомъ былъ знакомъ. А теперь цестнымъ людямъ вже и жить нечѣмъ. Нѣтъ гешефта, нѣтъ хандлунгъ.

— Куда же дѣвалась, однакó, Бася?—спросилъ я, наскучивъ слушать безсвязныя взвизгиванія еврейки.

— Сбѣжала проклятая дѣвка!—вскричала Сарра.—Подумайте, какой шкандалъ. И гдѣ у нея совѣсть? Съ итальянскимъ матросомъ сбѣжала въ Европу. Аэ? Это цестно? Ну, сами посудите? Ни одна дѣвушка этого не сдѣлаетъ, чтобы такъ уйти изъ порядочнаго дома. О! я вже знала, что это ядъ—дѣвка.

— Ну, ну,—проговорилъ Вульфсонъ:—будетъ тебѣ. Снявши волосы, по головѣ не плачутъ. Знаешь нашу русскую пословицу? Что дѣлать? Конечно, убытокъ, большой убытокъ. Таможня, провозъ, содержаніе, экипированіе—все деньги, все расходъ. Ну, дѣлать нечего. Зачѣмъ не смотрѣли, какъ тогда этотъ итальянецъ повадился? Я говорилъ, что надо смотрѣть. Ну, вотъ.

Мнѣ вдругъ стало легко, почти весело.

— Значитъ, съ этимъ кончено!—подумалъ я и порадовался и за себя и за Басю.

Дѣлать у Вульфсоновъ мнѣ было нечего, они сразу утратили въ моихъ глазахъ всякій интересъ. Я всталъ и сталъ прощаться.

— Вже такъ спѣшите?—сказала еврейка.—И только одинъ стаканъ чаю и того не выпили. Сидите, мы рады.

Я сказалъ, что у меня есть дѣло.

— Я васъ провожу,—подмигнулъ не то женѣ, не то мнѣ Вульфсонъ и, положивъ руку мнѣ на плечо, вышелъ со мною на патіо.

— Вечеромъ приходите,—зашепталъ онъ:—непремѣнно прихо-

дите. Я вамъ такую дѣвочку покажу, что куда Бася. Новенькая, только что изъ Россіи, нашъ агентъ привезъ. Брюнетка, красавица. Придете?

— Не знаю, можетъ быть,—чтобы отвязаться, отвѣтилъ я.

— Непремѣнно приходите. Ахъ, какая дѣвочка! О! Старый Вульфсонъ знаетъ толкъ, понимаетъ благородный вкусъ.

Я поспѣшилъ распрощаться.

Стало свѣжѣть, хотя солнце еще было высоко. Надо было подумать о пріютѣ. Я рѣшился разыскать эмигрантскій домъ.

Долго блуждалъ я по улицамъ, слѣдуя указаніямъ разныхъ вигилянтовъ и все безуспѣшно.

Наконецъ одинъ прохожій, къ которому я обратился, сказалъ мнѣ:

— Я не знаю, гдѣ эмигрантскій домъ, и даже подозрѣваю, что его нѣтъ въ Буэносъ-Айресѣ. Но я могу помочь вамъ. Вы сейчасъ на улицѣ Боливаръ. Пройдите еще квадру, подъ № 000 квартира старшаго комиссара эмиграціоннаго комитета Альсины. Обратитесь туда.

Минутъ черезъ пять я дѣйствительно нашелъ указанный мнѣ № и у дверей его мѣдную доску съ именемъ Хуана Альсины.

Лакей, впустившій меня, ввелъ меня въ большую, хорошо обставленную пріемную и попросилъ подождать. Скоро онъ вернулся и спросилъ, есть ли у меня визитная карточка.

Карточки у меня были русскія. На одной изъ нихъ я по-французски написалъ свое имя и фамилію и прибавилъ, что я русскій эмигрантъ и прошу комиссара принять меня.

Меня приняли. За большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и брошюрами, я увидѣлъ высокаго, худого, съ желто-смуглымъ лицомъ, на которомъ торчали щетинистые, черные съ просѣдью усы, комиссара. Рядомъ сидѣлъ сѣдой, низенькій человѣкъ, который на французскомъ языкѣ пригласилъ меня садиться и сказалъ, что онъ будетъ служить мнѣ переводчикомъ.

Я объяснилъ, что мнѣ нужно, и подалъ выданную мнѣ въ больницѣ бумагу.

— Мы сейчасъ спросимъ по телефону, есть ли мѣсто. Подождите.

Оказалось, что эмигрантскій домъ въ Буэносъ-Айресѣ переполненъ.

— Вамъ рѣшительно некуда дѣваться?—спросилъ комиссаръ.

— Некуда.

— Тогда мы отправимъ васъ въ Лаплату.

Мнѣ было все равно, куда меня отправятъ. Лаплата, какъ я зналъ, всего въ 50-ти верстахъ отъ Буэносъ-Айреса, большой портовый городъ.

Переводчикъ записалъ мое имя, фамилію, возрастъ, родъ занятій.

— Вы поѣдете по желѣзной дорогѣ съ вокзала, что на Plaza Consitucion, гдѣ предъявите въ кассѣ вотъ этотъ билетъ. Денегъ съ васъ не возьмутъ. Въ Лаплатѣ вамъ всякій укажетъ эмигрантскій домъ. Идите прямо туда съ этой квитанціей.

Я поблагодарилъ и уже уходилъ, когда меня вернулъ съ порога комиссаръ, къ удивленію моему вдругъ заговорившій со мной самъ и по-французски.

— Изъ вашихъ бумагъ и отвѣтовъ я заключаю, что вы—человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. И тѣмъ хуже для васъ. Аргентина не для такихъ людей, какъ вы. Намъ не нужны адвокаты, ученые, литераторы, вообще бѣлоручки. У насъ недостатокъ въ грубой рабочей силѣ. Мы богаты землей и скотомъ, и нужны намъ пастухи и пахари. Если у васъ есть возможность вернуться на родину, возвращайтесь. Здѣсь вы будете только несчастны и... и... безполезны.

Онъ сдѣлалъ безнадежный жестъ рукой, взялъ изъ кучи лежавшихъ брошюръ одну и подалъ мнѣ.

— Возьмите и прочтите.

Вечеромъ я ѣхалъ въ поѣздѣ желѣзной дороги по пустынной, болотистой равнинѣ въ вагонѣ II класса. Здѣсь только вагоны I и II классовъ; III-го нѣтъ. Огромный грязный вагонъ тускло освѣщали два закопченыхъ фонаря. Тамъ и сямъ виднѣлись одинокія, рѣдкія фигуры людей въ широкополыхъ сомбреро и въ пестрыхъ пончо на плечахъ. Въ углу пристроился въ сторонѣ отъ всѣхъ оборванный и жалкій, несмотря на очень холодную ночь, босой торговецъ «маниссо», земляными орѣхами.

Поѣздъ медленно двигался, останавливаясь черезъ каждыя 8—10 минутъ на маленькихъ станціяхъ.

Становилось все холоднѣе, и я чувствовалъ, что коченѣю. Вдали засіяли электрическіе фонари, потянулись низенькіе одноэтажные въ мавританскомъ вкусѣ дома, и локомотивъ, пыхтя и громыхая, вкатился подъ стеклянную крышу вокзала Лаплаты.

Вышло три человѣка. Обширныя залы большого красиваго зданія были пусты. Не слышно было городского шума, не замѣтно было движенія, свойственнаго населенному городу.

Вслѣдъ за другими я перешелъ на другую сторону вокзала и очутился на подъѣздѣ, выходившемъ на улицу. Прямо чернѣли деревья сквера, и повсюду среди почти мертвой тишины и безмолвія возвышались столбы съ электрическими шарами, которые ярко сіяли, лія свой волшебный голубой свѣтъ на пустыя, прямыя, широкія улицы съ молчаливыми, окутанными таинственнымъ мракомъ домами съ закрытыми дверями и ставнями. А вверху раскидывалось черной бархатной пеленой, усыпанной яркими звѣздами, далекое небо, и казалось, что всѣ эти зданія, и улицы, и растущія по тротуарамъ деревья, и рѣдкіе прохожіе—все это удивительный, не поддающійся

описанію миражъ, яркій, но эфемерный плодъ фантазіи, готовый каждую минуту разсѣяться и безслѣдно исчезнуть.

Подъ однимъ изъ фонарей я замѣтилъ знакомую фигуру факельщика-городового и подошелъ къ нему.

Онъ крѣпко спалъ, прислонившись къ столбу и запрятавъ руки въ карманы своего траурнаго плаща съ пелериной.

Я разбудилъ его. Онъ заставилъ меня нѣсколько разъ повторить мой вопросъ, наконецъ понялъ и очень подробно и толково разсказалъ, гдѣ помѣщается эмигрантскій домъ.

По совершенно пустымъ, мертвымъ улицамъ я скоро добрался до него, едва достучался у воротъ, едва добился, чтобъ меня впустили и доложили обо мнѣ смотрителю. Зато выданный мнѣ документъ тотчасъ же произвелъ свое дѣйствіе. Какой-то человѣкъ вышелъ ко мнѣ и велѣлъ за собой слѣдовать. Мы прошли широкій, длинный коридоръ, освѣщенный потухающей лампой подъ потолкомъ.

— Идите сюда и ложитесь спать. До завтра, — сказалъ мнѣ провожатый, отворяя одну изъ дверей и почти вталкивая меня туда.

Я очутился въ совершенномъ мракѣ. Когда глаза мои освоились съ нимъ, я увидѣлъ большую комнату—сарай, множество коекъ, людей, спавшихъ на нихъ, сваленные тамъ и сямъ въ кучу ихъ пожитки и ощутилъ пронзительный и ѣдкій запахъ человѣческаго пота, грязи, плохой ѣды, перегорѣлаго оливкаго масла и овчины. Что-то необыкновенно знакомое, уже испытанное и пережитое было для меня во всемъ этомъ.

— Тѣ же Auswandererhallen,—подумалъ я, и тутъ же поспѣшилъ утѣшить себя, добавивъ:—только, кажется, почище.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

IX.

Мое поступленіе въ Казанскій университетъ.—Начало холеры въ Казани.—Пріѣздъ графа А. А. Закревскаго и профессора Московскаго университета Мудрова.—Составъ университетской администраціи.—Факультеты.—Форма студентовъ.—Внѣшнее благоустройство и учебная часть.—Карцеръ.

ВЪ ПЕРВЫХЪ числахъ августа 1830 года я подалъ ректору Казанскаго университета прошеніе о поступленіи въ университетъ, по нравственно-политическому факультету. Отъ роду тогда мнѣ не было еще 15 лѣтъ. Во время экзаменовъ было получено распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, чтобы молодыхъ людей ранѣе 16-ти лѣтъ въ университетъ не принимать. Но такъ какъ прошеніе мое о поступленіи въ университетъ было принято до полученія этого распоряженія, и я уже сдалъ экзаменъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ, то и рѣшили совѣтомъ университета изъять меня изъ означеннаго распоряженія на томъ основаніи, что «никакой законъ обратной силы не имѣетъ».

Итакъ, экзамены мои кончились, и я поступилъ въ университетъ, чего въ то время легко было достигнуть, такъ какъ вступительныя испытанія были болѣе снисходительны, чѣмъ строги.

Вскорѣ по поступленіи моемъ въ университетъ, въ городѣ распространился страшный слухъ о приближеніи холеры. Эпидеміи этой, дотолѣ еще неизвѣстной, предшествовали разные слухи и толки. Говорили, что она заразительна, мгновенно убиваетъ свою жертву; что нѣтъ никакихъ медицинскихъ средствъ къ ея излѣ-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 888.

ченію и т. п. Общество сильно встревожилось всѣми этими разсказами; а когда появились первые признаки холеры, и она вырвала нѣсколько жертвъ, то всѣ окончательно растерялись, упали духомъ... Нѣкоторые изъ духовенства отказывались напутствовать умирающихъ, отказывались даже погребать ихъ по обряду христіанскому... Впрочемъ, въ этомъ случаѣ они подражали своему архипастырю, который первый заперся въ своемъ домѣ, и никому не было до него доступа.

Но ученіе въ университетѣ еще продолжалось до 13-го сентября. Въ этотъ день, по случаю кануна храмового университетскаго праздника, такъ какъ церковь сооружена въ честь Воздвиженія Креста Господня,—по вечеру, была отслужена всенощная. Ее посѣтилъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, прибывшій въ Казань для личныхъ распоряженій о принятіи мѣръ противъ эпидеміи. Съ нимъ прибылъ въ церковь докторъ Мудровъ, кажется, профессоръ Московскаго университета, сопутствовавшій Закревскому въ его поѣздкахъ по Россіи, въ качествѣ врача, изучающаго на мѣстѣ симптомы новой, небывалой еще болѣзни, холеры.

Всенощная эта навсегда у меня останется въ памяти! Мудровъ вмѣсто псаломщика читалъ за службой ирмосы и каноны, и какъ читалъ!...

Никогда, ни прежде, ни послѣ, я въ жизнь мою не слыхивалъ подобнаго чтенія. Не знаю, была ли то его обыкновенная манера, или онъ настроенъ былъ печальными событіями, когда смерть являлась такъ неожиданно, такъ внезапно... какъ бы то ни было, но я никогда не прослушалъ и не прочувствовалъ всей всенощной, довольно длинной службы, какъ въ этотъ разъ. Чтеніе Мудрова церковныхъ книгъ произвело во мнѣ совершенно новое, никогда дотолѣ неиспытанное ощущеніе [1]): я весь былъ проникнутъ истиннымъ христіанскимъ благочестіемъ...

На другой день была послѣдняя обѣдня; по окончаніи ея, университетъ закрыли, т. е. прекратили въ немъ преподаваніе.

Въ такомъ положеніи онъ находился до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца, когда поняли наконецъ, что никакія мѣры предосторожности, употреблявшіяся дотолѣ и состоящія въ карантинахъ, заставахъ и т. п., не могли остановить убійственнаго хода холеры, а служили только еще къ вящшему отягощенію обывателей.

А между тѣмъ пока дошли до этого разумнаго убѣжденія, сколько произошло сценъ, раздиравшихъ душу... Такъ, будочники и, какъ говорили, арестанты, нарочно для того выпущенные изъ острога и одѣтые въ нарядъ католическихъ монаховъ ордена «кающихся»,

---

[1]) Нѣтъ, ошибаюсь. Нѣчто подобное я испыталъ пять лѣтъ спустя, въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, когда слышалъ за обѣдней пѣніе монаховъ.

т. - е, въ какіе-то длинные балахоны, съ башлыками, совершенно закрывавшими лицо и голову, лишь съ вырѣзаннымъ отверстіемъ для глазъ, и все это сильно пропитанное дегтемъ,—крючьями и баграми таскали по улицамъ трупы, а иногда и полуживыхъ людей, пораженныхъ холерою...

Но лучше набросить покрывало на подобныя картины; одно воспоминаніе о пережитомъ тогда времени можетъ произвести ту же холеру!..

По открытіи университета, не досчитались двухъ профессоровъ— Бажанова и Протасова: ихъ похитила холера; но между студентами не было ея жертвъ.

Администрацію университета составляли: попечитель Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, назначенный въ эту должность изъ гвардейскихъ полковниковъ, по представленію генерала Желтухина, ревизовавшаго университетъ въ 1826 году и низвергнувшаго извѣстнаго Михаила Леонтьевича Магницкаго (Пушкинъ впослѣдствіи былъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа); ректоръ университета Николай Ивановичъ Лобачевскій; инспекторъ студентовъ Иванъ Михайловичъ Симоновъ; оба профессора математическихъ наукъ. Послѣдній извѣстенъ тѣмъ, что дѣлалъ кругосвѣтное путешествіе съ капитаномъ Ѳ. П. Литке, въ качествѣ астронома. Помощники инспектора, или, какъ ихъ называли впослѣдствіи, субъинспекторы,—Иванъ Ивановичъ Протопоповъ, Иванъ Михайловичъ Поповъ, Алексѣй Тимоѳеевичъ Покровскій. Каждый изъ нихъ, по очереди, дежурилъ и обязанъ былъ ночевать непремѣнно въ университетѣ.

Общее преподаваніе наукъ дѣлилось на факультеты: I) нравственно-политическій (т. е., юридическій; но я удерживаю названіе того времени), II) словесный, III) математическій и IV) медицинскій.

Словесный факультетъ подраздѣлялся на а) словесный простой, съ греческимъ языкомъ, и б) восточный, въ которомъ на мѣсто греческаго языка преподавались татарскій, арабскій и персидскій.

Курсъ ученія въ каждомъ факультетѣ продолжался три года, кромѣ медицинскаго, въ которомъ онъ былъ четырехгодичный.

Годичный періодъ прохожденія наукъ назывался отдѣленіями, а по немъ и студенты именовались 1-го, 2-го или 3-го, а у медиковъ и 4-го отдѣленія, что нынѣ замѣнено словомъ курсъ.

Каждый факультетъ имѣлъ своихъ декана и адъюнкта. Деканомъ нравственно-политическаго факультета былъ профессоръ Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, адъюнктомъ Андрей Филимоновичъ Хламовъ.

Студенты дѣлились на казенныхъ, жившихъ въ университетѣ и получавшихъ все содержаніе отъ казны, за что обязаны были, по окончаніи курса наукъ, прослужить правительству шесть лѣтъ; пансіонеровъ, тоже помѣщавшихся въ зданіи университета и на казенномъ содержаніи, но за опредѣленную плату и своекоштныхъ,

жившихъ у родственниковъ или на квартирахъ. За посѣщеніе лекцій они ничего не платили и вмѣстѣ съ пансіонерами не несли никакихъ обязательствъ, въ отношеніи службы правительству. Были еще вольные слушатели, но въ весьма ограниченномъ числѣ. За слушаніе лекцій они, кажется, платили какую-то сумму университету, но не пользовались никакими привилегіями и носили партикулярную одежду.

Во всѣхъ факультетахъ, въ 1830 г., студентовъ было не болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ 1 вольный слушатель.

Нравственность студентовъ вообще была весьма удовлетворительна. Не было крупныхъ, выдающихся проступковъ; не было и никакихъ столкновеній съ полиціей города. А если что и случалось, то въ стѣнахъ университета, слѣдовательно, келейно, въ своей семьѣ.

Форма студентовъ, при моемъ вступленіи въ университетъ, состояла изъ однобортнаго мундира, общаго покроя, двубортнаго сюртука, обоихъ съ бѣлыми гладкими пуговицами, и нижняго платья, все изъ сукна темно-синяго цвѣта. При мундирѣ носили трехугольную шляпу и шпагу безъ темляка, висѣвшую на отлетѣ, на двухъ пасмахъ кожаной портупеи. У щеголей портупея была изъ черной шелковой ленты муарэ. Въ слѣдующемъ 1831 году цвѣтъ сукна измѣненъ. Воротникъ остался тотъ же синій, но сукно, на всемъ прочемъ, положено имѣть темно-зеленое. Все это вмѣстѣ составляло тогда цѣль стремленій, предметъ желаній учащейся молодежи. Такую форму я носилъ до моего выхода изъ университета.

Общій обзоръ состоянія университета того времени въ воспоминаніяхъ моихъ подходитъ подъ двѣ рубрики: 1) внѣшнее благоустройство и 2) учебная часть.

Университетъ помѣщался въ томъ же зданіи, гдѣ и нынѣ. Постройка его составляетъ торжество искусства архитектора Пятницкаго. Первоначально было пріобрѣтено два дома, рядомъ стоящіе, но раздѣленные между собою пространствомъ. Въ это-то пространство Пятницкій ввелъ новое зданіе и придалъ всему одно цѣлое, украсивъ фасадомъ, и понынѣ существующимъ и дѣлающимъ университетъ однимъ изъ красивѣйшихъ зданій города. Надъ срединой зданія воздвигнутъ высокій вызолоченный крестъ, указывающій помѣщеніе подъ нимъ церкви. Церковь помѣщалась (гдѣ и понынѣ) посрединѣ зданія, во второмъ этажѣ, надъ парадными сѣнями. Оригинальнымъ устройствомъ своимъ церковь совершенно соотвѣтствовала тогдашнему религіозному пониманію, которое такъ усиливался Магницкій внести въ среду учащейся молодежи. Свѣтъ, проникая въ церковь черезъ три окна, устроенныя въ алтарѣ и закрытыя иконостасомъ, дѣлалъ бы ее темной, если бы не большое,

круглое, сквозное отверстіе въ сводѣ потолка. Въ отверстіе это вставлено стекло, желтаго цвѣта, значительной толщины, съ изображеніемъ всевидящаго ока. И въ сумрачный день отверстіе даетъ достаточно свѣта; но въ день ясный солнечные лучи, врываясь черезъ стекло, проливаютъ въ церковь слабый, нѣжный, золотистый свѣтъ, исходящій, кажется, отъ иконостаса, устроеннаго крестообразно. Такое освѣщеніе, напоминающее собой священный полумракъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, дѣйствительно представляетъ нѣчто таинственное, сильно дѣйствующее на воспріимчивую душу!..

Университетъ обладалъ кабинетами: естественнымъ, физическимъ, нумизматическимъ, анатомическимъ, препаратами въ натурѣ и изящныхъ рисункахъ, дѣланныхъ въ Парижѣ.

Въ праздничные дни, по окончаніи Божественной литургіи открывались для любопытства публики кабинеты: естественный и физическій. Въ послѣднемъ иногда производились опыты въ присутствіи посторонниxъ зрителей. Въ естественномъ кабинетѣ были чучела разныхъ птицъ, въ банкахъ сохранялись разныя пресмыкающіяся и уродливыя произведенія природы. Но особенное любопытство возбуждали: прекрасно сохранившаяся татуированная голова какого-то индѣйскаго вождя и костюмы разныхъ дикихъ народовъ. Все это вывезъ съ собой профессоръ Симоновъ изъ кругосвѣтнаго путешествія и принесъ въ даръ университету.

Студенты входили въ университетъ черезъ парадное крыльцо (вхожу въ эти мелочныя подробности потому, что въ настоящее время устроенъ другой ходъ) и сѣнями, по лѣстницѣ направо, подымались во второй этажъ, проходили залъ, гдѣ нынѣ помѣщается минцъ-кабинетъ, и черезъ дежурную комнату субъинспектора вступали въ довольно темный коридоръ, изъ котораго двери направо и налѣво вели въ аудиторіи.

Въ аудиторіяхъ, посреди продольной стѣны помѣщалась каѳедра, сдѣланная изъ цѣльнаго краснаго дерева и состоящая изъ нижней возвышенной отъ пола площадки, на которую входили по приставленной ступенькѣ, и стѣнокъ: задней, къ которой ставился стулъ для преподавателя, и передней, выгнутой наружу, надъ которой устроена полка, для помѣщенія на нихъ книгъ или тетрадей. На этой-то передней, выпуклой къ зрителю стѣнкѣ каѳедры было написано славянскими буквами изреченіе: «Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ телѣси, повинномъ грѣху». Буквы были позолочены и написаны съ чернымъ оттѣнкомъ, отъ чего издали казались какъ бы выпуклыми. Буквы эти, которыя я постоянно имѣлъ передъ глазами, въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ огненныя буквы Бальтазара, такъ врѣзались въ мою память, что и черезъ 40 лѣтъ я вижу ихъ, какъ бы передъ собой.

Противъ каѳедры, на незначительномъ отъ нея разстояніи по-

мѣщались амфитеатромъ, вплоть до задней стѣны лавки, между которыми посрединѣ и по краямъ оставлены были проходы. Къ лавкамъ были твердо придѣланы столы, или тѣ же лавки, но только выше, имѣли верхнюю доску, нѣсколько наклонную къ сидящему и приспособленную для письма. Все это было выкрашено краской, впадающей въ черный цвѣтъ. Подъ крышкой стола была устроена полка, куда мы клали наши книги и тетради.

Лекціи продолжались одинъ часъ, окончаніе каждой возвѣщалось звономъ колокольчика. Обязанность эта лежала на служителѣ изъ татаръ, Валидѣ Назировѣ, котораго мы обыкновенно называли Валидка-Сатурнъ, намекая тѣмъ на его спеціальность — означать время занятій. Валидка честно и добросовѣстно исполнялъ свою обязанность.

Несмотря ни на горячія наши мольбы, ни на подкупы, онъ никогда не соглашался «дать звонокъ» ранѣе указаннаго времени; а ему это легко было сдѣлать, потому что никто изъ начальства не слѣдилъ за этимъ. Такъ онъ усердно радѣлъ о нашемъ образованіи и не желалъ, чтобы мы и минуту потеряли на исчерпаніе премудрости...

Лекціи происходили по утрамъ, начинаясь въ 8 часовъ и оканчиваясь во 2-мъ часу. Послѣ обѣда, и то только въ 1-мъ отдѣленіи, происходила лекція церковно-библейской исторіи, что, кажется, устроено было болѣе для удобства преподавателя,—да занимались обученіемъ искусствамъ: живописи, музыкѣ, танцамъ, церковному пѣнію. Обученіе искусствамъ не было обязательно для всѣхъ студентовъ, а только для желающихъ.

Въ нѣкоторые дни недѣли лекціи занимали всѣ пять утреннихъ часовъ, въ другіе—четыре и три часа, никогда менѣе.

Очень не многіе профессора преподавали по печатнымъ руководствамъ; болѣе—или давали записки своихъ лекцій, которыя мы и списывали, возвращая оригиналы; или же просто «говорили». Въ послѣднемъ случаѣ мы записывали со словъ, потомъ — каждый изъ насъ, по заведенной очереди, отбиралъ отъ другихъ записанныя такимъ образомъ лекціи, изъ всего составлялъ одну общую и носилъ профессору для просмотра. Въ то время еще не было извѣстно искусство стенографіи, и мы, торопясь записывать лекціи со словъ профессора, тѣмъ очень много портили нашъ почеркъ. По полученіи отъ профессора составленной нами лекціи въ исправленномъ видѣ мы списывали ее въ тетрадки и ими уже руководствовались. Изъ этого можно понять, какъ мы были обременены перепиской! Студенты, имѣвшіе достаткокъ, нанимали кантонистовъ для переписки лекцій.

Курсъ ученія начинался съ половины августа, и лекціи продолжались до конца мая. Конецъ мая и первая половина іюня заняты были экзаменами, потомъ наступали каникулы, до половины

августа. Кромѣ того, было еще зимнее вакатное время съ 21-го декабря по 9-е января.

Профессора «спрашивали» насъ, какъ это заведено и теперь только въ гимназіяхъ. Обыкновенно, профессоръ, прочитавъ 5—6 лекцій, уходя изъ аудиторіи, говорилъ стереотипную фразу: «Господа! въ слѣдующій разъ мы займемся повтореніемъ пройденнаго». Это означало, что на слѣдующей первой лекціи насъ будутъ «спрашивать», и мы готовились къ отвѣтамъ. Спасибо и за то, что предупреждали... Отмѣтка, или балъ, какъ въ успѣхахъ въ наукахъ, такъ и въ поведеніи былъ слѣдующій: 1 означала—дурно, 2—посредственно, 3—хорошо, 4—очень хорошо, 4+—отлично.

Студентовъ переводили изъ одного отдѣленія въ другое не иначе, какъ по экзамену, который хотя и назывался «публичнымъ»; но во все время моего пребыванія въ университетѣ я ни разу не видѣлъ, чтобы его посѣщали посторонніе лица; только на экзаменѣ изъ церковно-библейской исторіи и богословія присутствовалъ мѣстный архіерей да ради его нѣсколько духовныхъ лицъ. Обыкновенно же экзамены производились какъ бы келейно. Было то же «спрашиваніе», что и на лекціяхъ, только при другой обстановкѣ, а именно: въ актовомъ залѣ, въ присутствіи попечителя и профессоровъ. Попечитель вызывалъ студентовъ по списку, предлагалъ имъ вопросы, по заранѣе составленному конспекту, выслушивалъ отвѣты и ставилъ имъ балы.

На публичныхъ актахъ произносились рѣчи, читался отчетъ о состояніи университета за истекшій академическій годъ; провозглашались фамиліи студентовъ, окончившихъ курсъ, съ поименованіемъ, какой ученой степени они удостоены, и студентовъ, переводимыхъ изъ одного отдѣленія въ другое; въ заключеніе вызывали при трубныхъ звукахъ отличившихся въ успѣхахъ и поведеніи и награждаемыхъ медалями. Эти акты происходили въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца, послѣ чего распускали насъ на каникулы. Обрядность университета носила на себѣ еще отпечатокъ постановленій и порядка, заведенныхъ бывшимъ попечителемъ, «знаменитымъ» Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ. Многое послѣ него измѣнилось, но многое и сохранилось.

Болѣе обращали вниманія на нравственность студентовъ, чѣмъ на ихъ успѣхи въ наукахъ, такъ что хорошимъ поведеніемъ выкупалась посредственность.

Воспитаніе въ духѣ вѣры и благочестія отражалось на всемъ, что входило въ частную жизнь студентовъ, помимо ихъ образованія. Студенты обязаны были непремѣнно посѣщать университетскую церковь во время богослуженій: вечернихъ и утреннихъ. Горе тѣмъ, которые не могли представить уважительныхъ причинъ своего отсутствія! Не быть у всенощной, наканунѣ праздника, или у обѣдни, не говорю уже о ежегодномъ говѣньѣ, исповѣди и св.

причащенія,—почиталось чуть не криминальнымъ преступленіемъ. Субъинспекторы зорко слѣдили за посѣщеніемъ студентами церкви, и отсутствующіе тотчасъ были замѣчаемы и заносились въ списки неблагонадежныхъ. Опаздывавшіе къ службѣ каждый разъ подвергались замѣчаніямъ и выговорамъ. Если опаздываніе часто повторялось, то виновные несли отвѣтственность наравнѣ съ отсутствующими. Передъ началомъ каждой обѣдни всѣ студенты обязаны были собираться въ аудиторію, гдѣ одинъ изъ среды ихъ читалъ апостола и евангеліе того дня, а священникъ объяснялъ ихъ смыслъ и значеніе. Потомъ шли въ церковь. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ студентовъ-любителей. Двое обыкновенно прислуживали въ алтарѣ, подавали священнику кадило, теплоту и т. п., выходили съ большими свѣчами, при чтеніи дьякономъ евангелія и выносѣ св. даровъ.

Даже въ устройствѣ карцера, или, какъ его называли, «комнаты уединенія», проявлялась мистическая идея Божественнаго Промысла. Въ немъ помѣщалась огромная картина, изображавшая «Страшный судъ». Грѣшники въ страшныхъ кôрчахъ жарились на медленномъ огнѣ, подвѣшенные крючьями, и все въ родѣ этого, при надлежащемъ числѣ чертей. Таинственный смыслъ картины заключался, видите, въ томъ, чтобы провинившійся, имѣя ее передъ глазами, страшился наказанія другого, не временнаго только, но вѣчнаго, и, казнясь за учиненный проступокъ, зналъ бы, что ожидаетъ его въ будущей жизни, если онъ не исправится здѣсь!!!... Такимъ эффектно-театральнымъ зрѣлищемъ разсчитывали вліять на молодое, пылкое воображеніе!!!...

X.

Наблюденіе со стороны инспекціи за нравственностью студентовъ.— Помощникъ инспектора Протопоповъ.—Студентъ Матвѣевъ и его дальнѣйшая судьба.—Общій характеръ университетскаго преподаванія того времени.—Науки, преподаваемыя на отдѣленіи этико-политическомъ.—Профессора: П. С. Сергѣевъ, Г. Л. Фогель, Г. А. Лукашевскій, протоіереи Ф. Т. Талантовъ и А. И. Нечаевъ; В. Я. Важановъ, И. А. Верниковскій, В. Я. Булыгинъ, А. Ф. Хламовъ, К. К. Фойхтъ и др.—Анекдоты о проф. Г. А. Лукашевскомъ.—Студентъ Ибрагимовъ.—Университетскій дьяконъ.

Неумѣстная строгость начальства въ отношеніи нравственности студентовъ иногда подавала поводъ послѣднимъ къ школьнымъ выходкамъ противъ тѣхъ лицъ, коимъ былъ порученъ надзоръ. Неумѣстность эта, между прочимъ, проявлялась въ томъ, что помощники инспектора обязаны были посѣщать во всякій часъ дня и ночи студентовъ, живущихъ не только на квартирахъ, но и у своихъ родственниковъ, слѣдить за ихъ нравственностью, образомъ жизни, предметами ихъ занятій...

Разскажу нѣкоторыя выходки студентовъ. Въ 1830 г., во время польскаго возмущенія, студенты какъ-то узнали, что помощникамъ инспектора поручено было секретно вникать въ духъ и направленіе идей учащейся молодежи; узнавать, не образовываются ли между ними какія либо сходки, съ политическими цѣлями. Словомъ, стараться проникнуть въ ихъ внутреннюю жизнь, помимо того внѣшняго надзора, которому, и безъ того, студенты постоянно были подвергнуты.

Студенты рѣшились въ шутку заявить свой протестъ противъ такой мѣры и уговорились выразить его оригинальнымъ, не бывалымъ способомъ. Не знаю почему, — но цѣлью всѣхъ своихъ нападокъ студенты избирали всегда одного только И. И. Протопопова. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ одинъ долженъ былъ поплатиться за прочихъ. И вотъ, по заранѣе обдуманному плану, начались его мученія. Во время промежуточныхъ часовъ, свободныхъ отъ лекцій, студенты обыкновенно собирались въ большомъ залѣ, о которомъ я упомянулъ выше, занятомъ нынѣ минцкабинетомъ. Каждый почти разъ, въ дежурство Протопопова, число студентовъ увеличивалось и тѣми, которые имѣли лекціи, но уходили съ нихъ, чтобы сообща разыграть заранѣе приготовленныя роли. Начиналось тѣмъ, что какъ только соберутся студенты, тотчасъ же являлся къ нимъ и Протопоповъ. Появленіе его служило знакомъ къ началу комедіи. Кучка изъ 6—8 человѣкъ отдѣлялась въ уголъ залы и начинала шептаться. Протопоповъ, замѣтя такое уединеніе отъ прочихъ, кошачьею поступью подходилъ къ кучкѣ, стараясь вслушаться, о чемъ она шепчется; по мѣрѣ его приближенія, кучка немедленно расходилась, и въ то же время другая, подобная, собиралась въ другомъ, противоположномъ углу залы. Иванъ Ивановичъ и къ той старается подойти такимъ же образомъ, но и та кучка расходится, а новая уже образовалась въ какомъ нибудь концѣ залы. Маневръ этотъ повторялся неизмѣнно каждый разъ, какъ подходилъ и удалялся Протопоповъ. Старикъ нашъ, наконецъ, приходилъ въ изнеможеніе, переходя отъ одной кучки до другой, стараясь подслушать, о чемъ идетъ толкъ, и не кроется ли тутъ какой либо «контрабандной» цѣли—и все напрасно. При приближеніи его кучки таяли... По правдѣ сказать, нечего было и подслушивать. Часто случалось, что не зная, что и говорить, а только чтобы побѣсить субъинспектора, студенты шевелили губами или жестикулировали руками, не произнося ни одного слова. Наконецъ, Протопоповъ, измученный своей неудавшейся ролью соглядатая, отиралъ потъ, обильно струившійся по лицу, и шепелявя и заикаясь говорилъ:

— Што-што-што это вы, господа? О чемъ то-то-толкуете? О с-с-с-суэтѣ м-м-мірской! О н-н-непостоянствѣ бла-бла-благъ земныхъ!

Студенты смѣялись и тѣмъ оканчивали на этотъ разъ мученія

Протопопова, вполнѣ довольные, что удалось имъ помучить старика. Подобныя сцены повторялись болѣе мѣсяца, почти на каждомъ дежурствѣ Протопопова, и всегда съ одинаковымъ результатомъ. Наконецъ намъ самимъ надоѣло повтореніе одного и того же, и мы оставили Ивана Ивановича въ покоѣ.

Лучше мы не сумѣли заявить протестъ противъ совершенно излишнихъ мѣръ, порожденныхъ страхомъ встревоженнаго польскими событіями начальства. Оно должно было знать, что либеральныя идеи приходятъ извнѣ, прививаются на почвѣ подготовленной, а въ средѣ, окружающей насъ, и при томъ направленіи образованія, которое давали намъ, никакія возвышенныя чувства человѣческаго достоинства и стремленія не могли имѣть въ насъ мѣста. Напротивъ, рѣшивъ по своимъ дипломатическимъ соображеніямъ, что французы «поджигаютъ» поляковъ, мы, проникнутые духомъ патріотизма, дали другъ другу слово не употреблять въ разговорахъ французскаго языка, какъ языка народа коварнаго, безпокойнаго. Но тогдашнее начальство не замѣчало, или не хотѣло замѣчать такое патріотическое настроеніе умовъ, а продолжало упорствовать въ своемъ заблужденіи.

Но не всегда Протопоповъ отдѣлывался такъ дешево за свои подслушиваніе и подсматриваніе. Разъ онъ поплатился тѣмъ, что получилъ горячую пощечину, — тѣмъ болѣе чувствительную, что виновный былъ на лицо, а взыскать — невозможно. Дѣло было такъ. Протопоповъ, когда дежурство его приходилось въ праздничные или воскресные дни, имѣлъ обыкновеніе поздно ночью обховить студентовъ, возвратившихся изъ дневныхъ отлучекъ, и, находя ихъ спящими, нюхать, не пахнетъ ли отъ нихъ виномъ. Одинъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ, Скворцовъ, мужчина лѣтъ 22-хъ, высокій ростомъ и сильный, вызвался отучить Ивана Иваныча отъ этой привычки, но только просилъ, что бы ни случилось, его не выдавать. Студенты съ радостью согласились и дали слово молчать. Къ этому ихъ побудили многія причины: первая и самая главная—укоренившееся между нами понятіе о святости товарищества; желаніе, такъ присущее всей молодежи,— «насолить» чѣмъ нибудь начальству, занимательность предстоящаго небывалаго еще случая: дать урокъ субъинспектору; наконецъ, желаніе—пополнить свою слишкомъ однообразную жизнь новымъ развлеченіемъ. И вотъ насталъ роковой день для несчастнаго Протопопова. Въ воскресенье, на его дежурствѣ, Скворцовъ проситъ позволенія посѣтить своего товарища, о которомъ Иванъ Ивановичъ зналъ, что онъ одинъ живетъ на квартирѣ. Получивъ отпускъ, Скворцовъ съ умысломъ возвратился въ университетъ позднѣе назначеннаго времени и, по принятому порядку, объявился дежурному субъинспектору, при чемъ всклочилъ волосы, сдѣлалъ какіе-то странные глаза (что онъ изучалъ заранѣе передъ зерка-

ломъ) и говорилъ нетвердымъ языкомъ; словомъ, притворился какъ бы съ похмелья, послѣ товарищеской попойки. Иванъ Ивановичъ и самъ любилъ выпить, зналъ и послѣдствія излишнихъ возліяній Бахусу, а потому отъ зоркаго его глаза не скрылось такое знакомое ему состояніе Скворцова, но чтобы болѣе и вѣрнѣе убѣдиться въ своей догадкѣ, ночью, когда, по его предположенію, всѣ студенты погрузились въ молодой, крѣпкій сонъ, Протопоповъ отправился дозоромъ въ дортуаръ, гдѣ спалъ Скворцовъ. На первыхъ же порахъ ему измѣнила дверь, ведущая изъ дежурной комнаты въ спальню студентовъ. Студенты не спали, заранѣе приготовленные къ ожидавшему ихъ зрѣлищу, но не знавшіе, въ чемъ именно оно будетъ состоять. Скворцовъ хотѣлъ приготовить сюрпризъ и никому не открылъ своего плана. Услыша знакомый скрипъ отворившейся двери, всѣ, насторожившись вниманіе, притаились и въ полглаза слѣдили за происходящимъ. Иванъ Иванычъ, въ халатѣ и туфляхъ, обычной своей кошачьей поступью по половику, разостланному по полу, медленно и осторожно двигался по направленію къ кровати, на которой спалъ Скворцовъ, и, нагнувшись къ нему, сталъ нюхать... Это-то мгновеніе и поджидалъ Скворцовъ. Лежа съ закрытыми глазами на одномъ боку, спиной къ подошедшему Протопопову, онъ, какъ бы разметавшись, свѣсилъ съ кровати руку. Почувствовавъ присутствіе несчастнаго Ивана Ивановича и размѣривъ мысленно разстояніе, отдѣляющее его отъ его жертвы, Скворцовъ, какъ бы въ просонкахъ, перевертываясь на другой бокъ и описывая свѣсившейся рукой дугу, что было силы, ударилъ его прямо въ щеку, при чемъ даже крякнулъ. Иванъ Ивановичъ пошатнулся и, зажавъ одной рукою щеку, а другой подобравъ полы халата, быстро зашагалъ въ свою комнату.

На другой день, когда я пришелъ въ университетъ, мнѣ разсказали это событіе во всей подробности, сознаваясь, что при видѣ удалявшагося Ивана Ивановича съ зажатой щекой студенты едва-едва могли удержаться отъ смѣха: тогда они выдали бы Скворцова! Ударъ, по ихъ словамъ, долженъ быть очень силенъ, судя по звуку и той гримасѣ, которую сдѣлалъ Протопоповъ. Выходка эта не имѣла никакихъ послѣдствій для Скворцова. На самомъ дѣлѣ, развѣ можно было взыскивать за движенія спящаго? А, можетъ быть, Протопоповъ думалъ, что какъ Скворцовъ, такъ и прочіе студенты дѣйствительно спали, и никто не видалъ, а слѣдовательно и не знаетъ о полученной имъ пощечинѣ. Какъ бы то ни было, но въ этомъ случаѣ онъ послѣдовалъ правилу іезуитовъ, хотя въ превратномъ смыслѣ: «что получено втайнѣ, за то не слѣдуетъ платить въявѣ». Долго послѣ этого урока Протопоповъ воздерживался отъ ночной визитаціи спящихъ студентовъ, но въ концѣ концовъ было то же, что и прежде. Такова сила привычки.

Да, надо отдать справедливость: товарищество сильно было развито въ то время между нами. Товарищество наше было какъ бы молчаливый протестъ, демонстрація противъ заѣдавшей насъ среды, въ которую мы были поставлены, съ одной стороны, ребяческимъ способомъ преподаванія, о чемъ сказано будетъ въ слѣдующей главѣ, съ другой—надзоромъ тайнымъ и явнымъ, насъ преслѣдовавшимъ на каждомъ шагу. Только разъ нарушена была святость товарищества, насъ соединявшая,—и то при обстоятельствахъ исключительныхъ, и поводомъ къ этому послужила не вражда или несогласіе, а зависть, жертвой которой былъ я. То было важное по своимъ послѣдствіямъ событіе, описанію котораго я посвящу отдѣльную главу, а здѣсь приведу еще случай, гдѣ товарищество выказалось во всемъ своемъ блескѣ.

Казеннокоштный студентъ словеснаго факультета, Матвѣевъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1831 года, въ одно изъ воскресеній, ради скуки, какъ онъ сознавался намъ, выжегъ зажигательнымъ стекломъ на церковныхъ дверяхъ фразу: «Ура! Свобода! Германія!» Фраза, сама по себѣ, довольно безсмысленна, и, поистинѣ, должно удивляться настойчивости и терпѣнію, съ какими онъ воспроизводилъ ее.

Двери церковныя были сдѣланы изъ дуба, то-есть дерева твердаго, не легко поддающагося и рѣзцу, — выходили въ коридоръ; прямо противъ нихъ приходилось окно на полуденную сторону. Выбравъ ясный, жаркій день, Матвѣевъ, чтобы для своей операціи воспользоваться лучами солнца, отворилъ окно и зажигательнымъ стекломъ медленно, съ изумительнымъ терпѣніемъ, превосходящимъ верблюжье, выжигалъ букву за буквой, не забывая и знаковъ восклицанія, которыхъ щедро разставилъ цѣлыхъ три. Наконецъ надпись подъ рукой новаго, небывалаго скульптора появилась на дверяхъ и довольно отчетливо. Рвзумѣется, она не могла укрыться отъ глазъ, на этотъ разъ какъ-то вздремнувшаго, университетскаго начальства. Надпись эта, какъ и знаменитые: «мани, текелъ, фаресъ», явившаяся такъ внезапно, только не въ огненныхъ буквахъ, а какихъ-то углеподобныхъ, какъ бы указывала на сочувствіе польской революціи, бывшей въ то время въ полномъ разгарѣ. Легко себѣ представить общій переполохъ и тревогу! Начались розыски, пущены были въ ходъ всѣ позволительныя и непозволительныя средства, чтобы открыть виновнаго,—все напрасно! Виновникъ ускользалъ, какъ дымъ!.. Тогда за розыски принялся самъ попечитель. Всѣхъ студентовъ, живущихъ у своихъ родителей, въ томъ числѣ и меня, онъ поочереди призывалъ къ себѣ и, прибѣгая попеременно то къ ласкѣ, то къ угрозамъ, вымучивалъ изъ насъ имя виновнаго. Но всѣ мы, прикрывшись обычнымъ: «знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ», стойко выдержали испытаніе и не выдали товарища, хотя всѣ очень хорошо знали, кто былъ «скульпторъ». Черта такого согласнаго товарищества

была еще тѣмъ замѣчательнѣе, что между студентами, знавшими виновника происшествія, были племянники попечителя: К. М. Баратаевъ, В. Колбецкій, М. Ростовскій, И. Осокинъ. Казалось бы, какъ по родству не подслужиться, однако не нашлось ни одного предателя. Честь имъ и слава! Не менѣе чести и другимъ, устоявшимъ противъ просьбъ и угрозъ отцовъ, желавшихъ, чтобы назвали виновнаго. Матвѣевъ преблагополучно кончилъ курсъ, кажется, даже со степенью кандидата. Въ 1845 году мы свидѣлись въ Казани, куда Матвѣевъ пріѣзжалъ съ ханомъ Киргизской орды, Джангиръ-ханомъ, при которомъ онъ состоялъ правителемъ канцеляріи, или чиновникомъ отъ правительства, чѣмъ-то въ родѣ этого, не могу припомнить хорошенько. Вспоминая наше общее прошлое, мы, разумѣется, не забыли разсказанной мной его выходки. Матвѣевъ со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что никогда не забудетъ, чѣмъ онъ обязанъ товарищамъ; безъ ихъ поддержки онъ, можетъ быть, давно бы сгнилъ солдатомъ гдѣ нибудь въ ущельяхъ Кавказа. Въ искренности его словъ и признательности нельзя было сомнѣваться...

Учебная часть тогда сильно хромала, какъ отъ давленія «свыше», такъ и по недостатку даровитыхъ преподавателей.

Правительство, напуганное исторіей 14-го декабря 1825 года, въ каждомъ «кустѣ» (пародируя извѣстную пословицу: «пуганая ворона и куста боится») видѣло тайныя общества и заговоры, имѣвшіе цѣлью если не совершенное посягательство на верховную власть, то, по крайней мѣрѣ, на значительное ея ослабленіе. Оно очень хорошо понимало, что проводниками такихъ домогательствъ служатъ идеи, развитіемъ своимъ обязанныя пониманію человѣческихъ правъ, чувствамъ народности и свободы; что все это можетъ дать образованіе, и при томъ образованіе не фиктивное, но истинное, свободное отъ всякихъ уставовъ и карательныхъ мѣръ; что только получившій такое образованіе могъ дорожить достоинствомъ человѣка. Оно желало видѣть людей, рабски послушныхъ волѣ, поставленной надъ ними, и потому вся цѣль, все стремленіе его были направлены, чтобы какъ можно болѣе стѣснить образованіе.

Чтобы остановить естественный ростъ развитія понятій учащейся молодежи, министерство составило конспектъ или программы преподаванія наукъ, указало черту, далѣе которой не должно было итти изученіе предмета. Строго предписано было въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ можно легче касаться наукъ умозрительныхъ; и потому программы всѣхъ знаній, тѣмъ болѣе философскихъ, были самыя сокращенныя, такъ что студенты въ шутку, но очень мѣтко говорили, что онѣ «короче воробьинаго носа». И по этимъ урѣзаннымъ программамъ часто читались предметы въ искаженномъ видѣ, приноровленномъ къ заранѣе указанной цѣли [1]).

---

[1]) См. далѣе въ описаніи преподаванія общей исторіи Бажановымъ.

Учили, напримѣръ, что свободы совѣсти не существуетъ: она вполнѣ замѣнена монархической властью, а есть только свобода физическаго движенія.

Извѣстно, до какихъ жалкихъ смѣшныхъ результатовъ, чуть не до идіотизма доводило исполненіе подобныхъ программъ и уставовъ. Такъ, профессоръ Казанскаго университета, Г. Никольскій, читая прикладную математику, выкладками чиселъ доказывалъ сущность Св. Троицы!.. Или щекотливость цензуры доходила до того, что запрещала употреблять въ печати выраженія: «Царская водка», «вольный духъ» (въ печи) и т. п., несмотря на то, что наука усвоила себѣ эти термины, и подобныя техническія выраженія получили, такъ сказать, право гражданства... Естественно, такой искусственный гнётъ, наложенный на умственное развитіе обучавшейся тогда молодежи, долженъ былъ повлечь за собой полный застой въ понятіяхъ и породить рабскую, безусловную покорность тѣмъ только идеямъ, какія правительство считало за нужное провести въ общество... За всѣмъ тѣмъ, нерѣдко случалось, что студенты, недовольные слишкомъ уже ребяческимъ изложеніемъ предмета, обращались къ профессору съ вопросами; но всякій разъ были останавливаемы строгимъ замѣчаніемъ—слушать внимательно, что преподаютъ, но самимъ не вдаваться въ разсужденія, какъ бы не понимая, что это-то вниманіе, которое онъ предлагалъ намъ, и указывало на пробѣлы, допускаемые имъ въ преподаваемомъ предметѣ, и подмѣчало умышленное стараніе, съ какимъ обходилъ онъ мѣста, выдающіяся изъ тѣсныхъ рамокъ программы... Но такое натянутое настроеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, несмотря на всю бдительность правительства, не вездѣ достигало своей цѣли. Были отдѣльные случаи, гдѣ не помогали никакія перегородки на пути просвѣщенія, и умственное развитіе, съ трудомъ, окольными дорогами, прокладывало себѣ путь «изъ мрака къ свѣту». Либеральныя понятія, не останавливаясь преслѣдованіемъ, проявлялись тамъ, гдѣ менѣе всего того ожидали... Умственное развитіе весьма вѣрно можно уподобить водѣ: чѣмъ сильнѣе ее давить, тѣмъ далѣе летятъ брызги...

Въ составъ нравственно-политическаго факультета входилъ почти весь словесный, за исключеніемъ языковъ: греческаго и восточныхъ, такъ что юристы изучали, собственно, предметы двухъ факультетовъ. Такимъ образомъ, въ нравственно-политическомъ факультетѣ преподавались науки: а) собственно юридическія: 1) политическая экономія, 2) дипломатика, 3) гражданское право, 4) гражданское судопроизводство, 5) общее государственное право, 6) камеральное право, 7) обозрѣніе правъ (энциклопедія), 8) дѣлопроизводство, 9) государственное устройство, 10) римское право, 11) права присоединенныхъ къ Россіи провинцій (Остзейскія губерніи), 12) уголовное право; б) словеснаго факультета: 13) церковно-библей-

ская исторія, 14) богословіе, 15) всеобщая географія, 16) россійская географія, 17) древняя географія, 18) всеобщая исторія, 19) россійская исторія, 20) всеобщая статистика, 21) россійская статистика, 22) логика, 23) психологія, 24) метафизика, 25) нравственная философія, 26) исторія философскихъ системъ, 27) россійская словесность, 28) исторія россійской словесности; языки: 29) славянскій, 30) латинскій, 31) французскій, 32) нѣмецкій. (Уфъ! позвольте перевести духъ). Названіе предметовъ, мной изученныхъ, списываю съ аттестата или свидѣтельства, выданнаго мнѣ правленіемъ университета, 4-го октября 1833 г., за № 3697. Безъ помощи аттестата, я бы не сумѣлъ перечислить всѣхъ предметовъ: нѣкоторые совершенно вышли у меня изъ памяти, даже—до своего названія. Изъ этого перечня предметовъ видно, что въ мое время въ университетское образованіе входило много наукъ, которыя нынѣ изучаются въ гимназіяхъ. Но тогда таково было понятіе о высшемъ образованіи... А между тѣмъ изъ этого подавляющаго собой числа предметовъ ни одинъ не былъ примѣнимъ въ томъ видѣ, какъ преподавался, въ практической жизни. При первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью всѣ они оказались неудовлетворительными и, стало быть, служили только для обремененія нашей памяти.

Выше я сказалъ, что они «не примѣнимы», потому что намъ преподавали только одну теорію законовѣдѣнія и судопроизводства, но не дѣлали практическихъ примѣненій. Хотя въ перечнѣ предметовъ и показано «дѣловодство», но мы изучали его только съ теоретической стороны. Я знаю много воспитанниковъ Казанскаго университета того времени, блестяще кончившихъ курсъ наукъ по юридическому факультету (нравственно-политическому), которые, при поступленіи на службу въ присутственныя мѣста, долго не умѣли написать простой, несложной бумаги и за помощью и совѣтами обращались къ людямъ совершенно необразованнымъ, но практически пріобрѣвшимъ опытность и навыкъ въ судопроизводствѣ.

Конечно, вся эта масса предметовъ преподавалась не вся вдругъ, а распредѣлялась по курсамъ; но память отказывается мнѣ служить при опредѣленіи, въ которомъ именно изъ курсовъ какой читался предметъ. Впрочемъ, въ этомъ не представляется никакой надобности, довольно и того, что я перечислилъ ихъ.

Итакъ, положа руку на сердце, каюсь, что, кончивъ курсъ наукъ и съ успѣхомъ, за что награжденъ серебряной медалью, я не вынесъ изъ стѣнъ университета никакихъ знаній и обязанъ ему только за тѣ права, которыя онъ предоставилъ мнѣ. Если я теперь что нибудь и знаю, то знаніе это пріобрѣлъ впослѣдствіи самъ собой, вполнѣ сознавая всю свою недальность въ наукахъ. Въ защиту университета можно было бы сказать, что это-то пониманіе своей отсталости и желаніе пополнить оную развито университетскимъ

образованіемъ; но, зная способъ преподаванія и бездарность нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессоровъ, приходишь къ тому заключенію, что они скорѣе способны были убить въ зародышѣ всякую любознательность, чѣмъ развить ее!

Приступая къ описанію существенной части университета: преподаванія наукъ и степени познаній самихъ профессоровъ, боюсь, что меня заподозрятъ въ умышленномъ искаженіи фактовъ: такъ они мало правдоподобны. Напрягаю свою память, чтобы каждому воздать должное и съ благодарностью назвать тѣ немногія свѣтлыя личности, которыя истинно служили дѣлу науки, а не смотрѣли на свои каѳедры, какъ на выгодныя оброчныя статьи.

Ergo—начинаю.

a) Собственно-юридическія науки.

1) Гражданское право, общее государственное право, камеральное право и государственное устройство—всѣ эти предметы преподавалъ орд. проф. Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ. Человѣкъ большой начитанности и многосторонних научныхъ свѣдѣній, но вся его эрудиція была подавлена страшной лѣнью. Онъ никогда не готовился къ чтенію лекцій, а, придя въ аудиторію, и то за полчаса до звонка, минутъ 10 ходилъ взадъ и впередъ, молча, соображая, что ему говорить,—и только лишь всходилъ на каѳедру и начиналъ «входить» въ свой предметъ, какъ колокольчикъ Валидки-Сатурна останавливалъ потокъ его краснорѣчія. Такъ постоянно продолжалось въ теченіе всего курса. Многому ли мы могли научиться? Образчикъ его преподаванія приведенъ мной ниже, при изложеніи метафизики, а теперь скажу нѣсколько словъ о его личности. Сергѣевъ произвелъ страшную бурю между ученымъ сословіемъ университета тѣмъ, что назначенъ былъ попечителемъ Магницкимъ, въ 1824 году, прямо ординарнымъ профессоромъ, не имѣя никакой ученой степени, что, какъ извѣстно, совершенно противорѣчило университетскому уставу. Но протесты остались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Онъ тоже былъ памятенъ своимъ безпощаднымъ преслѣдованіемъ проф. Жобара, несмотря на то, что послѣдній состоялъ подъ особымъ покровительствомъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и велъ съ ней постоянную переписку.

2) Гражданское судопроизводство и дѣловодство преподавалъ проф. Протасовъ, если не ошибаюсь, закончившій свое образованіе за границей. Протасовъ не имѣлъ времени высказаться намъ вполнѣ. Вскорѣ по поступленіи моемъ въ университетъ его похитила холера; но по началу его лекцій мы видѣли, что въ профессорѣ имѣли истиннаго ученаго, человѣка дѣла. Протасовъ тоже памятенъ въ университетской хроникѣ своимъ добросовѣстнымъ представленіемъ Магницкому и оригинальнымъ рѣшеніемъ послѣдняго.

Магницкій, отмѣнивъ римское право, измыслилъ вмѣсто него какое-то «византійское право» и поручилъ преподаваніе его Протасову. Протасовъ, серіозно смотрѣвшій на преподаваніе наукъ вообще, и потому сознавая себя неподготовленнымъ и не имѣя подъ руками никакихъ пособій, спросилъ Магницкаго, чѣмъ ему руководствоваться.

— Кормчей книгой,—былъ отвѣтъ.

За смертію Протасова, каѳедра его перешла къ Александру Ивановичу Савельеву, за 2 года передъ тѣмъ кончившему курсъ въ томъ же университетѣ. Бездарность его оказалась тотчасъ же. Не изучивъ достаточно своего предмета, Савельевъ былъ замѣчателенъ полнымъ отсутствіемъ знаній. Чаще всего являлся на лекцію послѣ сытной закуски, достаточно политой виномъ, и съ осовѣлыми глазами просто «читалъ» по книгѣ, какъ сдѣлаетъ всякій, умѣющій читать.

3) Политическую экономію и дипломатику преподавалъ Яковъ Минеичъ Караблиновъ. Человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ и научными свѣдѣніями, но стѣсненный программой, онъ преподавалъ предметы весьма кратко, а потому и неудовлетворительно.

4) Обозрѣніе правъ, права присоединенныхъ къ Россіи провинцій и уголовное право читалъ Густавъ Львовичъ Фогель. Программа этихъ предметовъ была ограничена до смѣшного. Все обозрѣніе правъ уписывалось, напримѣръ, на нѣсколькихъ страницахъ тетрадки и изложено въ формѣ катихизиса, въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Возьму нѣсколько на выдержку.

В. Какое правленіе въ Америкѣ?

О. Конституціонное.

В. А въ Швейцаріи?

О. Республиканское.

В. Какъ управляется Англія?

О. Королевскою властью, съ помощью парламента (sic).

И т. д., все въ этомъ родѣ. Но что такое означаютъ конституція, республика, парламентъ, — профессоръ обходилъ объясненіями и на вопросы студентовъ отвѣчалъ, что ихъ о томъ на экзаменахъ спрашивать не будутъ, а чего не будутъ спрашивать, того они могутъ и не знать. Такіе уклончивые отвѣты мы часто получали на наши пытливыя желанія изучать науки. Энциклопедію правъ Фогель преподавалъ на французскомъ языкѣ, тогда какъ уголовное право онъ же читалъ на русскомъ. Такое распредѣленіе языковъ по предметамъ было допущено не безъ задней мысли, чтобы и безъ того ребяческое преподаваніе энциклопедіи сдѣлать менѣе доступнымъ для тѣхъ изъ насъ, которые не обладали твердымъ знаніемъ французскаго языка. Умыселъ—достойный іезуитовъ!

5) Римское право читалъ Гилярій Антоновичъ Лукашев-

скій, выдающійся изъ среды прочихъ преподавателей своимъ глубокимъ изученіемъ древнихъ языковъ, своей эрудиціей. Римское право, бывшее въ изгнаніи при Магницкомъ, только что вступило въ свое мѣсто, въ ряду юридическихъ наукъ. Въ узкой сферѣ тогдашней программы преподаванія всѣхъ наукъ Лукашевскій не могъ вполнѣ выказать всѣхъ своихъ блестящихъ способностей, всей разносторонности своихъ знаній. Замѣчательна судьба этого человѣка! Родомъ—полякъ, Лукашевскій первоначальное образованіе свое получилъ въ знаменитомъ, въ свое время, Кременецкомъ лицеѣ, учрежденномъ меценатомъ просвѣщенія, Чацкимъ, а оканчивалъ курсъ наукъ, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, тоже въ не менѣе знаменитомъ Виленскомъ университетѣ, стоявшемъ тогда на высокой степени совершенства, какъ разсадникъ наукъ, члены котораго ничѣмъ не уступали подобнымъ же учрежденіямъ въ Европѣ. Въ университетѣ затѣялось политическое общество. Кружекъ молодыхъ даровитыхъ людей возмечталъ возстановить польскую національность и высвободить ее изъ-подъ власти Россіи. Начали тѣмъ, что сплотились въ дружную рать піонеровъ свободы, чтобы подкапываться подъ устарѣлыя, отжившія понятія и проводить новое ученье о естественныхъ правахъ человѣка, чувствѣ народности и независимости, и т. д. Общество это избрало своимъ директоромъ Лукашевскаго, какъ человѣка дѣла и энергичнаго. Манифестація ихъ противъ существовавшаго порядка выразилась тѣмъ, что 3 мая 1823 года, въ день годовщины польской конституціи, утратившей тогда свое значеніе, на фасадѣ Доминиканскаго монастыря (въ Вильнѣ) были прибиты «тайныя и непозволительныя писанія», какъ выразился великій князь Константинъ Павловичъ въ письмѣ своемъ князю Адаму Чарторижскому, отъ 19-то мая 1823 года [1]).

Разумѣется, общество это кончилось тѣмъ же, чѣмъ кончаются у насъ всѣ попытки подобнаго рода.

Нѣкоторые изъ молодыхъ людей за свои убѣжденія поплатились ссылкой, другіе, болѣе счастливые, разосланы были по другимъ университетамъ. Къ категоріи послѣднихъ принадлежалъ Лукашевскій и вмѣстѣ съ своими товарищами по мысли и воспитанію: Верниковскимъ и Ковалевскимъ, отправленъ былъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ и кончилъ курсъ, съ обязательствомъ занять каѳедру. Вотъ какому обстоятельству Казанскій университетъ обязанъ, что при жалкомъ составѣ тогдашнихъ профессоровъ имѣлъ въ средѣ своей личность дѣйствительно ученую съ передовыми понятіями и глубокими научными свѣдѣніями. Но и въ изгнаніи своемъ, въ Казани, Лукашевскій, какъ и всѣ люди, твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, оставался неизмѣнно-вѣренъ сво-

---

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1871 года, №№ 4 и 5.

имъ идеямъ и своему культу... Такъ, въ 1830-мъ году, во время польскаго возстанія, онъ намъ, студентамъ, служилъ живой, ходячей газетой о совершающихся военныхъ событіяхъ. Если Лукашевскій, посѣщавшій аккуратно лекціи, не являлся,—мы говорили: навѣрно русскіе потѣснили поляковъ; если же онъ приходилъ въ аудиторію, радостный, веселый,—вѣрный признакъ, что поляки поколотили русскихъ,—и ни разу не ошибались въ своихъ догадкахъ. Впрочемъ, кромѣ этого пассивнаго проявленія патріотическаго чувства, Лукашевскій никогда ни словомъ, ни намекомъ не высказывалъ намъ своихъ политическихъ вѣрованій.

б) Словесныя науки.

1) Церковно-библейскую исторію читалъ ключарь каѳедральнаго собора, протоіерей Флегонтъ Тихоновичъ Талантовъ, по книгѣ архимандрита Филарета, впослѣдствіи извѣстнаго московскаго митрополита. Талантовъ былъ очень почтенный, совершенно лысый старикъ. Студенты никогда не занимались его предметомъ, хотя аккуратно посѣщали его лекціи; противное повлекло бы за собой дурную отмѣтку въ поведеніи. Онъ имѣлъ обыкновеніе «спрашивать» студентовъ въ томъ порядкѣ, какъ они значились по списку. Каждый изъ насъ, зная свою очередь, обыкновенно, въ случаѣ повторенія пройденнаго, отправлялся на самую заднюю лавку и тамъ отвѣчалъ, преспокойно читая по книгѣ Филарета, только стараясь переставлять слова или переиначивать цѣлую фразу, что тѣмъ легче было дѣлать, что мы отвѣчали профессорамъ сидя. Не знаю, отецъ Флегонтъ наивно ли вѣрилъ нашимъ безукоризненнымъ отвѣтамъ, или замѣчалъ наши продѣлки, но молчалъ ради пастырскаго своего смиренія и кротости; какъ бы то ни было, но такая «легкость» въ отвѣтахъ дѣлала насъ лѣнивыми къ изученію церковно-библейской исторіи.

2) Богословіе преподавалъ священникъ университетской церкви и нашъ духовникъ, протоіерей Александръ Ивановичъ Нечаевъ. Читалъ онъ по своимъ запискамъ, испещреннымъ текстами св. писанія. Студенты, кромѣ «изъ семинаристовъ», тоже занимались довольно лѣниво, тѣмъ болѣе, что на публичный экзаменъ изъ богословія являлись только желающіе. Нечаева студенты звали «Бахаръ», потому что, передавая свой предметъ, онъ весьма часто съ легкимъ, особенно ему свойственнымъ смѣхомъ говорилъ: «Кхэ! кхэ! Сударики мои! Тово-вонъ-да-какъ-оно; такъ великій Бахаръ поучаетъ». Прозваніе это переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію; но отца Александра любили и уважали за его истинно христіанскія достоинства. Въ обращеніи со студентами онъ былъ простъ и ласковъ, защищалъ ихъ отъ разныхъ невзгодъ; не одинъ провинившійся обязанъ ему былъ своимъ избавленіемъ отъ наказанія. Кромѣ того, всѣмъ было извѣстно, что въ 1815 году, во время пожара, отъ котораго погибла почти вся Казань, отецъ Александръ, состоя

тогда приходскимъ священникомъ при церкви св. великомученицы Варвары, пріютилъ въ своемъ уцѣлѣвшемъ домѣ многихъ погорѣльцевъ и содержалъ ихъ, несмотря на свои скудныя средства. Черта—достойная истиннаго пастыря. Его давно уже нѣтъ въ живыхъ, и я почитаю себя счастливымъ, что могу воздать памяти его должное.

3) Всеобщую исторію и географію: древнюю, общую и россійскую, преподавалъ до закрытія университета по случаю холеры Василій Яковлевичъ Бажановъ и, прочтя нѣсколько лекцій, навсегда сошелъ со сцены, подобно Протасову. Выше я сказалъ, что «искажали науки», чтобы втиснуть ихъ въ рамку программы, установленной правительствомъ. Бажановъ своимъ преподаваніемъ исторіи вполнѣ подтверждаетъ тѣ мои слова, повидимому, столь неправдоподобныя. Онъ насиловалъ событія, стараясь доказать, что источники послѣднихъ скрываются въ преданіяхъ патріарховъ, даже апостоловъ.

Вслѣдствіе такой натяжки выходило, по его мнѣнію, что названіе буддійскаго Брамы есть искаженное имя Авраама, что жены Брамы назывались Сарра-Веда, т. е. Сара, и т. п. Но de mortuis aut bene, aut nihil.

По смерти его, каѳедра перешла въ достойныя руки, но тоже не надолго,—къ Верниковскому. Иванъ Антоновичъ Верниковскій, по своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ, своей начитанности, главное по своимъ критическимъ взглядамъ на лѣтописи и другіе источники исторіи, читалъ ее превосходно. Онъ первый указалъ намъ живую связь науки съ общимъ развитіемъ жизни, общественной и политической; пріохотилъ всѣхъ насъ къ изученію исторіи; студенты дожидались лекцій его съ большимъ нетерпѣніемъ; шли на нихъ даже изъ другихъ факультетовъ, съ жадностью выслушивали новые взгляды, новыя изслѣдованія предмета, который до Верниковскаго читался кратко, сбивчиво, безъ всякой критической оцѣнки, какъ простонародныя сказки. Верниковскій, какъ я сказалъ выше, принадлежалъ къ той же плеядѣ молодыхъ людей, какъ и Лукашевскій. Да, надо отдать справедливость, то были люди молодые, но мужи по зрѣлости и обдуманности своей цѣли, которой задались они. Всѣ они не съ легкомысліемъ, не съ увлеченіемъ молодости или ради новизны предались своему культу, но съ глубоко-обдуманнымъ и горячо прочувствованнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла. Поэтому они такъ энергично и защищали его, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями или угрозами, а смѣло и бодро шли своимъ путемъ, пока сила не сломила ихъ... Верниковскій былъ видный собой мужчина, носилъ золотыя очки, во время чтенія лекцій имѣлъ привычку отплевываться то на ту, то на другую сторону. Ему менѣе посчастливилось въ жизни, чѣмъ Лукашевскому; по-

слѣдній какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ отъ погрома, воздвигнутаго въ 1830 году на поляковъ, но Верниковскій пострадалъ. Въ одно утро, въ часъ, назначенный для преподаванія исторіи, студенты собрались въ аудиторіи, въ ожиданіи своего любимаго профессора. Верниковскій, всегда аккуратно и своевременно посѣщавшій лекціи, не явился. Такой случай всѣхъ насъ всполошилъ, явились разныя догадки и предположенія о причинѣ его неприбытія; знали только навѣрное одно, что не болѣзнь задерживала его, иначе по принятому, въ подобныхъ случаяхъ, порядку, мы были бы предупреждены о томъ дежурнымъ субъинспекторомъ. Какое-то темное, тяжелое предчувствіе сказало намъ, что съ Верниковскимъ случилось несчастіе, и мы не ошиблись. Въ тотъ же день мы узнали, что ночью Верниковскій былъ схваченъ жандармами и куда-то отвезенъ; узнали также и причину его ареста. Вся криминальная вина его состояла въ томъ, что у какого-то поляка, его друга и товарища по Виленскому университету и, какъ можно было не безъ основанія догадываться, принимавшаго дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года и схваченнаго русскимъ правительствомъ,—въ бумагахъ нашли стихи къ свободѣ, написанные Верниковскимъ, еще въ то время, юношей, въ бытность его студентомъ Виленскаго университета. Казалось бы, не слѣдовало взыскивать за грѣхи юности, тѣмъ болѣе, что Верниковскій разъ уже пострадалъ за нихъ; но на подобныя дѣла правительство того времени смотрѣло иными глазами: у него не «за семь бѣдъ», а за каждую «давай отвѣтъ». Верниковскій вновь поплатился свободой за свои лирическія произведенія двадцатыхъ годовъ.... Впослѣдствіи ему какъ-то удалось выпутаться изъ бѣды, и онъ назначенъ былъ сперва въ должность учителя, а потомъ инспектора симбирской гимназіи. Университетъ лишился Верниковскаго навсегда, и всѣ блестящія его способности и обширныя познанія должны были заглохнуть безплодно въ гимназіи тѣхъ временъ, когда гимназіи стояли немного выше уровня простыхъ народныхъ училищъ, и отличались отъ послѣднихъ развѣ только преподаваніемъ иностранныхъ языковъ. Верниковскій для Казанскаго университета былъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи Грановскій для Московскаго, т. е., свѣтиломъ науки; но Верниковскій имѣетъ за собой первенство.

Съ удаленіемъ Верниковскаго предметы, имъ преподавамые, разбились на двѣ каѳедры: исторію читалъ профессоръ Суровцовъ, а географію—адъюнктъ Иванъ Флоровичъ Грацинскій. О послѣднемъ можно сказать только то, что онъ читалъ...

4) Россійская исторія и статистика.

Общую и Россійскую—читалъ профессоръ Владиміръ Яковлевичъ Булыгинъ. Исторію онъ буквально «читалъ», а не преподавалъ, потому что, входя на каѳедру, развертывалъ «исторію» Карамзина и читалъ съ того мѣста, на которомъ остановился въ

предшествовавшую лекцію, и какъ читалъ? Имѣя природный физическій недостатокъ—горбъ, онъ, вслѣдствіе ли такого недостатка, или по другимъ причинамъ, былъ вообще болѣзненнаго состоянія, имѣлъ голосъ слабый и тихій, при этомъ еще чрезвычайно растягивалъ слова, когда произносилъ ихъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, производило тягостное впечатлѣніе на слушателей, и время его лекцій казалось намъ необыкновенно длиннымъ; всѣ съ радостью встрѣчали звонокъ, означавшій конецъ лекціи и вмѣстѣ съ тѣмъ нашей скуки. На самомъ дѣлѣ, что было занимательнаго въ слушаніи его лекцій, когда онъ читалъ просто книгу, не дѣлая никакихъ критическихъ разборовъ или оцѣнки событій? Каждый изъ насъ очень хорошо сознавалъ, что и безъ помощи профессора можно было изучить преподаваемый имъ предметъ: стоило только взять и прочесть книгу Карамзина, и узнаешь то же самое. Объ статистики онъ преподавалъ на словахъ, справляясь съ лоскутками бумаги, на которыхъ были записаны нужныя ему цифры. Обязанность составлять лекціи лежала на насъ.

5) Россійскую словесность и всеобщую исторію (послѣ Верниковскаго) читалъ профессоръ Григорій Степановичъ Суровцовъ. Суровцовъ поступалъ еще лучше, чѣмъ Булыгинъ. Пользуясь тѣмъ, что, кромѣ исторіи, преподавалъ словесность, Суровцовъ, подъ предлогомъ знать, насколько мы усвоиваемъ себѣ понятіе о краснорѣчіи, и какъ оно отражается на нашемъ письменномъ слогѣ, каждому изъ насъ по-очереди давалъ переводить опредѣленное число печатныхъ страницъ изъ исторіи, кажется, Michelet, и переводъ нашъ читалъ на лекціи, при чемъ критически разбиралъ не исторію, какъ слѣдовало, но нашъ слогъ. Но такой уловкой онъ не могъ никого изъ насъ ввести въ обманъ; всѣ очень хорошо понимали, что онъ просто-напросто эксплуатировалъ нашъ трудъ, или, говоря пословицей, каштаны изъ жару вынималъ нашими руками.

Сравненіе обоихъ профессоровъ: Булыгина и Суровцова, съ Верниковскимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, говорило не въ ихъ пользу. Вмѣсто живого разговорнаго языка, смѣло и ясно излагавшаго предметы, мы должны были выслушивать монотонное, слабымъ голосомъ произносимое чтеніе, или длинные семинарскіе періоды, составленные по всѣмъ правиламъ «риторики» Кошанскаго. Вмѣсто критической оцѣнки источниковъ исторіи—рутинныя, сказочныя повѣствованія, вполнѣ достойныя первобытныхъ учителей науки.

6) Логику, психологію и исторію философскихъ системъ преподавалъ Андрей Филимоновичъ Хламовъ. Получивъ образованіе (тогдашнее) въ семинаріи, Хламовъ усвоилъ себѣ и всѣ пріемы тогдашнихъ педагоговъ, выражался тяжелымъ книжнымъ языкомъ, при этомъ имѣлъ привычку повторять по нѣскольку разъ одно и то же слово. Такъ, «спрашивая» студентовъ, онъ говорилъ:

— Раскройте, раскройте, изложите, изложите понятіе о логикѣ, о логикѣ? и т. п.

Повтореніе словъ въ особенности учащалось имъ при преподаваніи. Напримѣръ, какую пеструю амальгаму словъ представлялъ изъ себя слѣдующій произнесенный имъ силлогизмъ, находящійся въ логикѣ Кизеветера, которой онъ руководствовался. «Всѣ люди, люди всѣ смертны, смертны. Кай, Кай, Кай есть человѣкъ. Слѣдовательно, слѣдовательно, Кай, Кай, Кай есть смертенъ». Вообще, кромѣ своей оригинальности, Хламовъ ничѣмъ не выдѣляется въ моей памяти. Оригинальность эта выражалась какъ въ самомъ способѣ преподаванія, такъ и въ наружныхъ признакахъ. Преподаваніе его ограничивалось чтеніемъ логики по Кизеветеру; на психологію и исторію философскихъ системъ давалъ свои записки, ничего не поясняющія, ничему не научающія. Въ этомъ, конечно, прежде всего должно винить самую программу предметовъ, а потомъ собственную его бездарность. Замѣчательна была программа исторіи философскихъ системъ. Преподаватель обязанъ былъ показать: различіе вообще между мудростью земною и небесною, что ученіе философовъ было ложно, что философія могла существовать только до пришествія І. Христа, но съ появленіемъ Его совершенно замѣнена религіей и допускается къ преподаванію только, какъ свѣдѣніе о томъ, что когда-то существовало ученіе древнихъ философовъ и т. п. Оригинальность Хламова отражалась и въ его походкѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе, преподавая, ходить по аудиторіи, что и заставило насъ невольно замѣтить его походку. При ходьбѣ онъ, выставляя ногу впередъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сгибалъ ее въ колѣнѣ и, дѣлая шагъ, покачивался назадъ. При своемъ хорошемъ ростѣ напоминалъ намъ собой ходъ журавля. Многіе изъ насъ пытались подражать, или, лучше сказать, передразнить его походку, но должны были отказаться отъ попытки за совершенной невозможностью. Указываю на эту оригинальность Хламова потому, что походка его играла важную роль въ моей университетской жизни, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

7) Нравственную философію и метафизику читалъ Сергѣевъ, о которомъ я уже говорилъ. Его обычная лѣнь, однакожъ, не помѣшала ему поучать насъ, напримѣръ, такому правилу:

«Въ мірѣ нѣтъ безусловно свободнаго движенія, кромѣ физическаго, да и то—какъ движеніе часового маятника, хотя и свободнаго въ своихъ размахахъ, но прикрѣпленнаго къ одной точкѣ и приводимаго въ движеніе не собственной своей волей, но посторонней силой, имъ управляющей. Такъ и каждый человѣкъ. Прикрѣпленный нравственными узами къ почвѣ своего отечества, онъ можетъ пользоваться свободой, но въ предѣлахъ, указанныхъ верховной властью». Все въ родѣ этого.

8) Исторію россійской словесности читалъ Михаилъ Ва-

сильевичъ Полиновскій, человѣкъ съ болѣе научными свѣдѣніями, чѣмъ Хламовъ, но зато и съ большей оригинальностью. Оригинальность Хламова происходила, можетъ быть, отъ привычки, которую мы иногда пріобрѣтаемъ невольно; оригинальность Полиновскаго была измышлена, изучена ради эффекта! Чѣмъ иначе объяснить, что, напримѣръ, читая оду Державина «Богъ» и доходя до стиха:

«Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества»,

Полиновскій при словѣ: «Безъ лицъ»,—закрывалъ лицо обѣими ладонями своихъ рукъ, а, произнося слѣдующую фразу, открывалъ лицо, при чемъ не отымалъ ладоней, а только выворачивалъ ихъ, придерживая къ вискамъ большими пальцами рукъ... Словомъ, изображалъ собой такъ называемый складень: ладони служили верхними покрышками, а пальцы замѣняли шарнеры. Это, видите, онъ тщился въ лицахъ изобразить изъ себя св. Троицу... Представьте себѣ фигуру профессора, возсѣдающаго на каѳедрѣ съ раскрытыми ладонями около лица... Или при чтеніи какого либо лирическаго произведенія,—при чемъ всегда приходилъ въ совершенный паѳосъ,—Полиновскій прибавлялъ отъ себя, вѣроятно, для вящщей красоты слога: «что-съ? что-съ?». Напримѣръ, въ одѣ Хераскова императору Александру I-му у него выходило такъ:

«Какъ лебедь на водахъ Леандра, что-съ, что-съ?
Послѣдню пѣснь поетъ свою, что-съ, что-съ?
Такъ я монарха Александра, что-съ, что-съ?
На старости своей пою-ю-ю-ю! что-съ, что-съ?

Послѣднюю букву «Ю» выговаривалъ на распѣвъ, растягивая. Полиновскій былъ, можетъ быть, и ученый человѣкъ, но свѣдѣнія свои онъ ревниво скрывалъ отъ слушателей.

В) Языки преподавались:

1) Славянскій—Михаиломъ Самсоновичемъ Рыбушкинымъ. Изученіе славянскаго языка, какъ значилось въ программѣ, было допущено для того, чтобы, понимая книги св. писанія, студенты поучались: «какъ проста истинная высокость, и удалена отъ всякаго школьнаго (sic) риторства». Языку этому обучали въ университетѣ, начиная съ азбуки... О самомъ Рыбушкинѣ въ моей памяти сохранилось, что въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ трагедію: «Сумбека, или покореніе Казани»,—и послалъ въ Москву, въ цензурный комитетъ для разрѣшенія печатанія. Комитетъ возвратилъ ему рукопись съ надписью:

Кто русской грамотѣ еще не научился,
Напрасно тотъ традегіи въ стихахъ писать пустился!

Эту оцѣнку его дарованій дѣлаю уже не я, а компетентный судья того времени, цензоръ.

2) Латинскій языкъ въ 1-мъ отдѣленіи (курсѣ) преподавался Лукашевскимъ, въ остальныхъ двухъ—Полиновскимъ. О нихъ я уже говорилъ.

3) Французскій—въ 1-мъ отдѣленіи Николаемъ Алексѣевичемъ Моисеевымъ. Мѣстный помѣщикъ съ обезпеченнымъ состояніемъ, онъ занимался съ нами con amore. Въ остальныхъ двухъ— Иванъ Ивановичъ Бюрно. Занятія состояли въ чтеніи классиковъ и переводѣ съ французскаго на русскій.

4) Нѣмецкій языкъ въ 1-мъ отдѣленіи преподавался Карломъ Карловичемъ Фойхтомъ, который былъ впослѣдствіи ректоромъ Харьковскаго университета и членомъ ученаго комитета при министерствѣ. Свои блестящія способности и эрудицію онъ выказалъ, занимая каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ нѣмецкимъ языкомъ занималъ насъ мѣстный пасторъ, Ѳедоръ Ивановичъ Фирекъ. Удачное сочетаніе его наружности съ фамиліею[1]) породило стихъ:

«Ѳедоръ Фирекъ—
«Квадратный человѣкъ!»

Между студентами онъ слылъ подъ прозвищемъ «Шумахеръ», потому что на постоянные вопросы, чѣмъ Ѳедоръ Ивановичъ руководствовался въ изученіи языка, онъ постоянно отвѣчалъ:

— Разумъ-ца, шумахеръ.

Вотъ и всѣ свѣтила науки, лучи которыхъ, проникая въ функцію моего мышленія, должны были составить мое образованіе!!!...

Затѣмъ остается подвести итоги. За исключеніемъ нѣкоторыхъ намѣченныхъ мной личностей, всѣ остальные были, болѣе или менѣе, бездарны и неуклонно держались воззрѣній, высказанныхъ въ программахъ, начертанныхъ преподавателямъ для руководства. Да, надо было имѣть много гражданскаго мужества и смѣлости высокаго умственнаго развитія, чтобы хотя немного выйти изъ программы, ради лучшаго и полнѣйшаго объясненія науки.

Сохранившіеся въ моей памяти разсказы и анекдоты изъ моей университетской жизни, большею частью, относятся въ Гилярію Антоновичу Лукашевскому. Въ своемъ мѣстѣ я сказалъ, что Гилярій Антоновичъ преподавалъ латинскій языкъ и занималъ насъ переводами изъ Корнелія Непота. Обыкновенно лекціи посѣщалъ своевременно или вовсе не приходилъ. Разъ что-то его задержало. Прошло минутъ 20, а Лукашевскій не являлся. Мы рѣшили, что онъ вовсе не будетъ. Тогда одинъ изъ словесниковъ, Ибрагимовъ, въ совершенствѣ подражавшій манерамъ, интонаціи голоса и произношенію словъ Лукашевскаго и зная основательно латинскій языкъ, вызвался занять его мѣсто. Всѣ охотно согласились, радуясь заранѣе занимательности предстоящаго намъ зрѣлища.

---

[1]) Извѣстно, что viereck по-нѣмецки означаетъ «квадратный».

Ибрагимовъ, чтобы вполнѣ изобразить собой Лукашевскаго, озаботился запастись всѣми аттрибутами, обыкновенно сопровождавшими послѣдняго на каѳедрѣ, какъ-то: палкой, табакеркой, носовымъ платкомъ. Тотчасъ же явилась импровизированная палка—ручка отъ половой щетки, которую Ибрагимовъ досталъ гдѣ-то въ чуланѣ у Валидки-Сатурна; табакерку взялъ у кого-то изъ студентовъ, нюхавшихъ табакъ, и съ своимъ собственнымъ носовымъ платкомъ, взошелъ на каѳедру, на одномъ концѣ рамки, или передней стѣнки, положилъ платокъ, на другомъ табакерку и, вооружившись палкой, словомъ приготовившись вполнѣ, какъ дѣлалъ Лукашевскій, раскрывъ Корнелія Непота, голосомъ и произношеніемъ Гилярія Антоновича, началъ лекцію, пристукивая въ тактъ палкой.

Передразниваніе вышло превосходно,—Ибрагимовъ превзошелъ самъ себя,—и, какъ надо было ожидать, возбудило общій смѣхъ. За шумомъ и взрывами хохота, никто изъ насъ не слышалъ, какъ отворилась дверь въ аудиторію, и на порогѣ явился Лукашевскій. Увидя его, Ибрагимовъ сильно растерялся и, вмѣсто того, чтобы скорѣе сойти съ каѳедры, оставался на ней съ открытымъ ртомъ, глазами, устремленными на Лукашевскаго, съ приподнятой палкой въ рукѣ и какъ бы окаменѣлъ въ такомъ положеніи.

Тогда Лукашевскій, сдѣлавъ шагъ впередъ и пальцемъ поднятой руки указывая на Ибрагимова, со своимъ акцентомъ, прехладнокровно сказалъ:

— Обезьяна, долой!

Тогда только очнулся Ибрагимовъ и со всѣми своими принадлежностями: палкой, табакеркой, носовымъ платкомъ и книгой, проворно юркнулъ на свое мѣсто.

Но когда Лукашевскій взошелъ на каѳедру и, расположившись на ней такъ, какъ за минуту передъ тѣмъ сдѣлалъ Ибрагимовъ, началъ тѣмъ же голосомъ и съ той же интонаціей читать книгу, студенты не могли удержаться отъ смѣха, да и трудно было сохранить хладнокровіе. На каѳедрѣ передъ нами присутствовалъ двойникъ Ибрагимова: тѣ же—тонъ, манера, положеніе тѣла. Трудно было опредѣлить, кто кого передразнивалъ.

Лукашевскій, понимая причину смѣха студентовъ, счелъ за лучшее прекратить лекцію; закрывъ книгу и сходя съ каѳедры, обратился къ намъ и съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ сказалъ:

— Ослы! съ вами дѣлать нечего!—и вышелъ изъ аудиторіи.

Лукашевскій, конечно, не преслѣдовалъ Ибрагимова, а иногда только подтрунивалъ надъ нимъ. Напримѣръ, предлагая ему переводить, говаривалъ:

— А ну! какъ я!

или, обращаясь къ намъ:

— Вы, господа, должны изучить превосходно латинскій языкъ: у васъ свой профессоръ.

Привожу этотъ анекдотъ не безъ задней мысли, чтобы показать, какъ въ то время смотрѣли на студентовъ, и какъ мало щадили ихъ самолюбіе. Названія: «обезьяны, ослы», кромѣ смѣха, ничего не возбуждали. Скажи эти же слова въ нынѣшнее время гимназистамъ низшихъ классовъ, какая поднялась бы буря!.. Воображаю, какія бы могли быть послѣдствія для произнесшаго эти слова!...

Таковъ былъ духъ времени и гнетъ, подъ которымъ тогда мы находились.

Лукашевскому давно слѣдовало получить званіе экстра-ординарнаго профессора, но, не знаю почему, его не долюбливалъ попечитель и задерживалъ производство. Разъ, по окончаніи лекціи, Лукашевскій вышелъ изъ университета, въ сопровожденіи довольно большого числа студентовъ, тоже расходившихся по домамъ. У подъѣзда стоялъ экипажъ попечителя. Лукашевскій очень хорошо зналъ это, но, остановившись противъ кучера, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ студенты, съ свойственнымъ ему акцентомъ спросилъ:

— Послушай! Ты чей?

— Михаила Николаевича!

— А давно ты служишь?

Тотъ назвалъ ему время.

— Ну, служи, служи! Будешь экстра-ординарнымъ профессоромъ.

И засмѣявшись пошелъ далѣе.

Впрочемъ за нерасположеніе къ себѣ попечителя Лукашевскій платилъ тѣмъ же. Такъ, однажды онъ сказалъ на лекціи студентамъ:

— Вы, господа, можетъ быть, думаете, что попечитель все знаетъ? Онъ ничего не знаетъ! Я вамъ это докажу. Въ первый разъ, какъ онъ придетъ на лекцію, я предложу кому нибудь изъ васъ переводить съ латинскаго и заранѣе прошу того, кто будетъ переводить,—говорить не то, что написано въ книгѣ, а что придетъ ему на память, какой нибудь вздоръ, и вы увидите, что попечитель, хотя и будетъ смотрѣть въ книгу, но васъ не остановитъ. Я вамъ это докажу.

И доказалъ.

Въ Казанской гимназіи, гдѣ онъ тоже преподавалъ латинскій языкъ, былъ ученикъ, который шепелявилъ и потому вмѣсто буквы с выговаривалъ ш. Лукашевскій заставлялъ его спрягать глаголъ sum, и когда тотъ произносилъ: шумъ, es, est,—то Лукашевскій останавливалъ его замѣчаніемъ:

— Что за шумъ? Здѣсь нѣтъ шума̀!

Всѣ смѣялись: онъ первый.

Лукашевскій обладалъ очень подвижной физіономіей; надо было видѣть выраженіе лица во время какой либо его выходки, чтобы понять всю ея соль, всю ѣдкость.

Ходили между студентами разные, болѣе или менѣе, забавные слухи; такъ, при университетской церкви состояло два діакона; одного изъ нихъ звали Флегонтъ. Про него говорили, что онъ, разъ, придя къ священнику, о. Александру, сказалъ:

— Батюшка! Вамъ извѣстно, что я знаю «Вѣрую»; но я не понимаю, что въ ней означаетъ слово «жезàны»?

Онъ въ символѣ вѣры... «распятаго же за ны при Понтійстемъ Пилатѣ»... слова: «же за ны», слилъ въ одно и поставилъ удареніе на буквѣ «а», такъ что у него составилось слово, не существующее въ славянскомъ языкѣ. Студенты не давали, что называется, «прохода» Флегонту и, гдѣ бы ни встрѣчали его, не щадя даже церкви, вездѣ спрашивали, узналъ ли онъ, наконецъ, значеніе слова: «жезàны».

Діаконъ жаловался инспектору, но Симоновъ далъ ему благоразумный совѣтъ: если желаете прекратить насмѣшки студентовъ, самое вѣрное средство—не обращать на нихъ вниманія.

Болѣе ничего не помню.

XI.

Мои товарищи—студенты этико-политическаго отдѣленія.—Студентъ Поповъ.—Нарисованная мною карикатура.—Лекція проф. Булыгина.—Я въ карцерѣ.—Выговоръ и угроза попечителя М. Н. Мусина-Пушкина.— Переходный и выпускной экзамены.—Мой отвѣтъ изъ статистики и мое сочиненіе.—Окончаніе курса.

Насъ, юристовъ, всего было пять человѣкъ: Николай Дмитріевичъ Исаевъ, Павелъ Петровичъ Мещенковъ, Григорій Васильевичъ Поповъ, Николай Никитичъ Таушевъ и я.

Вся маленькая семья наша жила очень дружно, дѣлила сообща и радости и неудачи. Всѣ пятеро мы вмѣстѣ поступили въ университетъ и всѣ дружно переходили съ одного курса на другой и только при выпускѣ оставили за собой Таушева, изъявившаго желаніе остаться еще на годъ въ университетѣ, для усовершенствованія себя въ наукахъ. Повидимому, всѣ имѣли одинаковыя способности, одинаково занимались,—на дѣлѣ выходила рознь! Поповъ и я по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію постоянно стояли впереди остальныхъ. Всѣ прочіе сознавали наше превосходство, и никто изъ нихъ не завидовалъ намъ, не укорялъ насъ «выскочками». (Укоръ этотъ знакомъ всѣмъ, воспитывающимся въ общественныхъ заведеніяхъ). Одинъ только Поповъ, въ тайнѣ, питалъ ко мнѣ злобу изъ зависти, что я иду ровно съ нимъ и имѣю

одинаковую отмѣтку 4+. Зависть эта, если хотите, имѣла основаніе и до нѣкоторой степени можетъ быть извиняема. Я одаренъ былъ превосходной памятью [1]), быстро обнималъ изучаемый предметъ; Поповъ, напротивъ, память имѣлъ довольно слабую, съ трудомъ усваивалъ то, что изучалъ, вслѣдствіе чего онъ усидчиво занимался, тогда какъ я, казалось, схватывалъ все, такъ сказать, на лету. Видя, какъ я, какъ бы шутя, изучаю то, что часто стоило ему безсонныхъ ночей, а между тѣмъ отвѣчаю профессору даже лучше его [2]), потому что, по своей неразвитости, Поповъ училъ лекціи, что называется «вдолбежку», тогда какъ я, усвоивъ себѣ содержаніе предмета, отвѣчалъ бѣгло, безъ запинки и притомъ «собственными словами» [3]). Поповъ задумалъ, во что бы то ни стало, подорвать мой авторитетъ и погубить меня въ мнѣніи профессоровъ и начальства. Какъ видите, комбинація его мести была довольно сложна! Онъ только ждалъ случая, чтобы осуществить свой гнусный умыселъ, и дождался.

Товарищи, правда, неоднократно предупреждали меня, чтобы я берегся Попова, что онъ что-то замышляетъ противъ меня и т. п.; но я по легковѣрію, столь свойственному молодости, мало, или, лучше сказать, вовсе не обращалъ вниманія на такія предостереженія, имѣя въ себѣ достаточно самоувѣренности, что въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь, никто и ничто мнѣ повредить не можетъ. Эта-то гордость и погубила меня!

Поступокъ мой, о которомъ я хочу разсказать, учиненъ былъ, когда я находился на 2 курсѣ. Я составилъ рисунокъ: профессорской каѳедрѣ, не измѣняя общаго ея очерка, придалъ форму колесницы древнихъ вождей. Имѣя въ виду оригинальную походку Хламова, о которой я говорилъ выше, и физическое уродство Булыгина (тоже упомянутаго) и профессора судебной медицины Ивана Калиновича Ерохова, имѣвшаго то же уродство—горбъ, я въ импровизированную колесницу впрягъ—въ корень Хламова, а на мѣста пристяжныхъ—Булыгина и Ерохова. Вслѣдствіе своего маленькаго роста, они прекрасно отвѣчали своему назначенію. Самую же колесницу нагрузилъ книгами, на корешкѣ которыхъ были написаны названія преподаваемыхъ ими предметовъ. Подъ всѣмъ этимъ написалъ восьмистишіе, котораго, при всемъ моемъ сильномъ желаніи и какъ ни насилую свою память, теперь припомнить не могу. Вѣроятно, то былъ пасквиль, въ которомъ осмѣивались недостатки изображенныхъ личностей. Внизу рисунка подписался полнымъ

---

[1]) Эта-то память и подсказываетъ мнѣ теперь все, что происходило 40 лѣтъ тому назадъ.

[2]) Извѣстно, что всѣ учащіе уроки «вдолбежку» часто въ отвѣтахъ своихъ, забывъ слово, которое слѣдуетъ, забывали все остальное.

[3]) Да простится мнѣ мое самохвальство; чтобы сдѣлать понятнымъ мой разсказъ, я вынужденъ отказаться отъ чувства скромности.

своимъ титуломъ: «Рисунокъ сей композировалъ и стихи сочинилъ студентъ нравственно-политическаго факультета, 2 отдѣленія, Николай Мамаевъ».

На другой день, придя на лекцію, я поспѣшилъ похвастаться своимъ художественнымъ произведеніемъ и показалъ товарищамъ рисунокъ. Онъ произвелъ фуроръ, на который, при всемъ своемъ самолюбіи, я никакъ не разсчитывалъ. Дѣйствительно, рисунокъ, сдѣланный перомъ, вышелъ очень удаченъ. Не только вѣрно были изображены лица, но схвачены и ихъ манеры до того поразительно, что возбуждали общій взрывъ хохота. Мое самолюбіе, какъ автора и художника,—было вполнѣ удовлетворено. Но, «чѣмъ вѣрнѣе портретъ, тѣмъ хуже расплата»,—и я дорого поплатился за свое мишурное торжество.

Поповъ, увидя рисунокъ, сказалъ:

— Дай срисовать.

Не подозрѣвая въ томъ никакого умысла, я отвѣтилъ:

— Чѣмъ срисовывать, возьми такъ, какъ есть, дарю тебѣ рисунокъ на память.

Поповъ не могъ скрыть своей радости, а я въ ослѣпленіи своего торжества приписалъ это удовольствію, которое ему я такъ дешево доставилъ, между тѣмъ какъ подъ личиной его радости скрывалась цѣль... Прошло, послѣ того, много времени, о карикатурѣ моей всѣ забыли, только я одинъ, ея авторъ, отъ времени до времени вспоминалъ о ней и задумывалъ уже составить другую—подобную, въ которой на первомъ планѣ явился бы почтеннѣйшій Н. И. Протопоповъ, о которомъ я такъ много говорилъ выше; только затруднялся въ планѣ картины и пріисканіи ему товарищей, какъ послѣдовалъ громъ, отбившій у меня всякую охоту на подобныя попытки...

Наступилъ часъ лекціи русской исторіи. Началось тѣмъ, что Булыгинъ, войдя въ аудиторію, не сѣлъ на каѳедру, какъ онъ дѣлывалъ всегда, а, взявъ съ нея стулъ, поставилъ его прямо противъ меня. Такая его выходка удивила насъ: никогда прежде ничего подобнаго не было. Чтобы сдѣлать понятнѣе слѣдующую за тѣмъ сцену, я долженъ очертить, такъ сказать, топографію мѣстности, на которой происходило описываемое событіе. Выше я сказалъ, что лавки въ аудиторіи стояли амфитеатромъ и имѣли проходъ по срединѣ. Я всегда помѣщался на первой лавкѣ, вправо, если смотрѣть отъ каѳедры, и съ края отъ средняго прохода; Поповъ на первой лавкѣ слѣва и тоже съ края, такъ что насъ раздѣлялъ одинъ проходъ.

Затѣмъ продолжаю разсказъ.

Булыгинъ, усѣвшись противъ меня, своимъ тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ, сказалъ:

— Господинъ Мамаевъ, разскажите мнѣ что нибудь изъ временъ княженія удѣльныхъ великихъ князей.

Такой приступъ, тоже какъ не бывалый, удивилъ не менѣе предыдущаго. Я говорилъ уже, что, по принятому порядку во всѣхъ предметахъ, профессоръ, желавшій «спрашивать» студентовъ, всегда предупреждалъ о томъ; тутъ, прямо, безъ всякаго предваренія, дѣлаютъ мнѣ вопросъ,—и какой еще вопросъ? Извѣстно, что въ русской исторіи самая трудная для памяти эпоха—это удѣльныя княженія, когда великіе князья появлялись на сценѣ, какъ маріонетки, и такъ же быстро исчезали, тѣснимые и убиваемые другъ другомъ. Вся эпоха преимущественно состоитъ изъ именъ лицъ и годовъ событій. Не приготовившись къ тому, о чемъ меня будутъ «спрашивать», я было оторопѣлъ; но... здѣсь я долженъ опять сдѣлать отступленіе отъ разсказа, чтобы пояснить уловку, къ которой мы всегда прибѣгали съ успѣхомъ, при извѣстной, впрочемъ, обстановкѣ. Уловка состояла въ томъ, что на экзаменѣ, происходившемъ въ присутствіи попечителя, въ случаѣ незнанія предложеннаго вопроса, мы отвѣчали то, что знали. Профессоръ морщится, но молчитъ. Остановить враля—неловко: это значило бы нанести прямо ударъ самолюбію попечителя; какъ бы дать знать ему, что онъ взялся не за свое дѣло—экзаменовать въ томъ, чего самъ не знаетъ; а попечитель все преважно слушаетъ и ставитъ высокій балъ, только чтобы отвѣчали ему громко и бойко, какъ солдаты на ученьѣ. Что дѣлать? Военная привычка! Въ настоящемъ случаѣ, я вздумалъ употребить ту же уловку, забывъ, что передо мной «не военная косточка» попечитель, а профессоръ-спеціалистъ, и понесъ—дичь.

Булыгинъ долго и снисходительно слушалъ меня не прерывая, наконецъ не выдержалъ, остановилъ, сказавъ:

— Вотъ то-то и есть, г. Мамаевъ. Чѣмъ рисовать карикатуры да писать пасквили на своихъ профессоровъ, лучше бы было слушать, что они преподаютъ.

Въ одно мгновеніе я понялъ всю устроенную противъ меня махинацію, припомнилъ добрыхъ товарищей, предостерегавшихъ меня о козняхъ, мнѣ готовящихся, и увлеченный пылкостью и живостью характера,—недостатокъ, отъ котораго, увы! не могу отстать и понынѣ, хотя мою голову лѣта покрыли снѣгомъ, подъ которымъ, казалось бы, должны остыть всѣ горячіе порывы молодости,—вскочилъ съ лавки и со всего размаха рукой ударилъ въ щеку Попова, что тѣмъ ловчѣе мнѣ было сдѣлать, что, какъ я сказалъ, насъ раздѣляло небольшое пространство, и онъ сидѣлъ у меня подъ рукой.

Булыгинъ вскочилъ со стула, какъ бы подброшенный ударомъ, полученнымъ Поповымъ, и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ.

— Какъ? Драться въ присутствіи профессора? Да понимаете ли вы, что это значитъ оскорблять меня, и что я нравственно раздѣляю ударъ, нанесенный другому?

Затѣмъ вышелъ въ коридоръ, вскричалъ Валидку-Сатурна, по-

слалъ его за инспекторомъ, вернулся и сѣлъ на свое мѣсто, не произнося ни слова, въ ожиданіи инспектора.

Все молчало. Поповъ сидѣлъ блѣдный, съ багровымъ пятномъ на лѣвой щекѣ; я —весь красный, какъ ракъ.

Вошелъ Симоновъ.

Булыгинъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Вотъ-съ, Иванъ Михайловичъ! Г. Мамаевъ ударилъ въ лицо при мнѣ г. Попова. Я не могу снести такого поступка.

Инспекторъ кивнулъ мнѣ головой, лаконически прибавивъ:

— Пожалуйте!

Выходя со мной, онъ распорядился послать за сторожемъ-тюремщикомъ, охранителемъ карцера, и когда этотъ церберъ явился, приказалъ запереть меня въ «комнату уединенія», впредь до новаго распоряженія.

Находясь въ возбужденномъ состояніи, я не понималъ, что около меня происходило, двигался автоматически, не сознавая еще моего положенія; но когда вошелъ въ полусвѣтлую комнату и услышалъ скрипъ запирающейся за собой двери, я очнулся какъ бы отъ тяжелаго сна, припомнилъ все случившееся и—къ чему таиться—залился горькими слезами... и слезы эти были слезы страха!

Да, все мужество, дотолѣ меня поддерживавшее, меня оставило, и я, каюсь, сильно испугался послѣдствій моего проступка... Въ невольномъ затворничествѣ своемъ я имѣлъ много времени изучить и топографію мѣстности, въ которой находился, и предметы, меня окружавшіе, и заведенные порядки. Карцеръ состоялъ изъ довольно просторной комнаты, освѣщаемой небольшимъ окномъ, но безъ всякой рѣшетки, и тяжелой дубовой двери. Стѣны были голыя, оштукатуренныя, испещренныя надписями на всѣхъ возможныхъ языкахъ, живыхъ и мертвыхъ, съ выраженіемъ сѣтованій на горькую судьбу не всегда въ цензурныхъ реченіяхъ. У стѣны, въ углу, около окна помѣщалась простая, деревянная некрашеная кровать съ тиковымъ тюфякомъ и кожаной подушкой, набитыми конскимъ волосомъ: все въ довольно опрятномъ видѣ. Около кровати, у окна, стояли столъ и табуретъ изъ сосноваго дерева, не окрашенные, грубой работы. Прямо, противъ кровати, въ ногахъ и слѣдовательно передъ глазами лежащаго на ней, на стѣнѣ висѣла большая картина: «Страшный Судъ», получившая между студентами такую плачевную извѣстность. У той же стѣны въ углу стояло ведро съ крышкой.

Надъ ведромъ, къ стѣнѣ, придѣланъ былъ мѣдный рукомойникъ въ видѣ вазы, съ гвоздемъ на днѣ. Тутъ же висѣло полотенце. На столѣ лежала Библія и стояла кружка съ водой. Пища давалась: утромъ и вечеромъ по стакану горячаго сбитня [1]) съ булкой;

---

[1]) Напитокъ, состоящій изъ меда и горячей воды.

на обѣдъ миска щей или супу, съ большимъ ломтемъ чернаго ржаного хлѣба, и возобновлялась вода въ кружкѣ. Сторожъ по нѣскольку разъ посѣщалъ заключеннаго. Матеріальная часть узника была довольно обезпечена, но зато никакого развлеченія, никакого занятія; давать перья и бумагу строго воспрещалось; довольствуйтесь Библіей, которая къ тому же имѣла нѣсколько вырванныхъ листовъ, остальные на поляхъ были испещрены надписями карандашомъ, внушенными далеко неблагочестивыми размышленіями! Скука, тоска, неволя! Дни кажутся безконечными. Единообразіе до утомленія! Сегодня, какъ и вчера, и какъ будетъ завтра! А тамъ за стѣнами вольный свѣтъ, Божій міръ, со всей своей суетой, разнообразіемъ жизни; со всѣми удовольствіями, развлеченіями молодости, родные, товарищи, лекціи... тамъ приволье; а здѣсь заѣдающее единообразіе, нарушаемое только приходомъ сторожа, къ которому каждый разъ обращаешься съ вопросомъ: скоро ли меня выпустятъ? И получаешь одинъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Не могимъ знать. Не наше дѣло.

Только въ карцерѣ я понялъ весь глубокій смыслъ, всю мудрость изреченія Бенжаменъ Констана: «разнообразіе—это жизнь; однообразіе—смерть». Тоска! Тоска невыносимая! А тутъ еще безпрестанно суется въ глаза эта противная картина съ своими грѣшниками и чертями. Такъ бы и бросился на нее, чтобы разорвать на мелкіе клочки... Но что я вижу на ней? Знакомое лицо? Кто-то изъ моихъ предшественниковъ въ углу картины сдѣлалъ добавленіе. Почтеннѣйшій, неизмѣнный для всякаго рода нападокъ, И. И. Протопоповъ, весьма схожій, лижетъ языкомъ горячую сковороду, наказаніе, какъ извѣстно, опредѣленное адскими законами наушникамъ и доносчикамъ.

Я расхохотался. Таковы права молодости! Быстрый переходъ отъ сильнаго отчаянія къ безумному веселью составляетъ принадлежность, ей присущую... Но и это развлеченіе скоро прискучило. Душа просила воли, свободы! Въ головѣ копошатся мысли, одна другой мрачнѣе; отъ нихъ, какъ отъ кошмара, ничѣмъ не отдѣлаешься: преслѣдуютъ неустанно... Въ одиночествѣ, я имѣлъ полную возможность обдумать свое незавидное положеніе. Утѣшая себя мыслью, что на моемъ мѣстѣ всякій поступилъ бы такъ же, что мнѣ нельзя было поступить иначе, я, тѣмъ не менѣе, не скрывалъ отъ себя, что поступокъ мой при тогдашнемъ строгомъ взглядѣ на поведеніе студентовъ навсегда погубилъ меня въ мнѣніи начальства... Будущее страшило меня!.. Но всему есть конецъ, насталъ конецъ и моему заключенію, въ которомъ я находился ровно двѣ недѣли.

Въ одно именно для меня «прекрасное» утро щелкнулъ замокъ, явившійся Церберъ, оскаливъ зубы, объявилъ, что я могу итти. Когда растворилась передо мною дверь свободы, за порогомъ я

былъ встрѣченъ моими товарищами юристами, за исключеніемъ, разумѣется, Попова. Съ торжествомъ, чуть не на рукахъ, они ввели меня въ залъ. Тамъ я нашелъ почти всѣхъ студентовъ въ сборѣ. Всѣ, наперерывъ, протягивали мнѣ руки, спѣшили высказать свое участіе, какъ «козлу искупленія», пострадавшему за грѣхъ другого, всякій старался передать, что происходило во время моего заточенія, и чѣмъ кончилась моя исторія. Такая овація, такое дружеское теплое сочувствіе тронули меня до слезъ... Тутъ же, въ углу залы, стоялъ и Иванъ Ивановичъ, какъ дежурный, и молча смотрѣлъ на все происходивщее, очень хорошо понимая побужденія, заставившія столпиться студентовъ, и что никакое краснорѣчіе не поможетъ уговорить разойтись, пока не улягутся сами собой порывы молодыхъ чистыхъ сердецъ. Присутствіемъ своимъ онъ какъ бы участвовалъ въ торжествѣ моего освобожденія. За это да простится ему многое, и я тутъ же обѣщалъ самъ себѣ, если случится еще разъ попасть въ карцеръ, непремѣнно стереть его съ картины «Страшнаго Суда» и тѣмъ избавить отъ адскихъ мукъ!

Дома ожидала меня овація совсѣмъ другого рода. Мать встрѣтила меня со слезами, а отецъ сильно мнѣ «намылилъ голову». Онъ очень любилъ меня, но строго взыскивалъ за проступки. Въ залогъ чистосердечнаго раскаянія, онъ потребовалъ отъ меня обѣщанія никогда стиховъ болѣе не писать. Два раза въ жизнь свою я измѣнилъ своему обѣщанію, при обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ моихъ записокъ.

Отъ студентовъ я узналъ, что происходило въ то время, когда я предавался размышленіямъ въ «комнатѣ уединенія».

Въ тотъ памятный для меня день, какъ только кончились лекціи, студенты, собравшись вмѣстѣ, на общемъ совѣщаніи, положили судить Попова своимъ собственнымъ судомъ и тутъ же постановили: избить его до полусмерти, избравъ это, какъ единственное средство наказанія, бывшее въ ихъ рукахъ, но исполненіе приговора отложили до моего освобожденія, чтобы я утвердилъ его и былъ свидѣтелемъ исполненія. Я упросилъ оставить Попова безъ всякаго «физическаго» наказанія, разсчитывая, и не безъ основанія, что для него не можетъ быть тяжелѣе наказанія, какъ укоры собственной своей совѣсти и общее презрѣніе.

И то, и другое испыталъ на себѣ Поповъ.

Никто съ нимъ «не говорилъ», не давалъ ему ни записокъ, ни тетрадокъ; всѣ обѣгали его, какъ зачумленнаго. Поповъ видимо страдалъ: похудѣлъ, пожелтѣлъ. Такое состояніе его душевной тревоги продолжалось, пока я не простилъ ему его проступка, что, по собственному его сознанію, только одна зависть и досада къ моимъ успѣхамъ подвинули его на свою гнусную выходку, но что никакихъ другихъ побужденій въ отношеніи меня не существовало. При этомъ онъ разсказалъ, какъ было дѣло.

Выше я говорилъ, что студенты, по очереди, составляли лекціи и носили ихъ къ профессорамъ для просмотра. Пришла очередь Попову нести записанную лекцію по статистикѣ. Не имѣя настолько гражданскаго мужества, или, пожалуй, безсовѣстности, чтобы лично вручить мой пасквиль, и зная, что Булыгинъ всегда предавался сну послѣ обѣда, онъ избралъ именно этотъ часъ, отправился къ нему на квартиру, на столѣ оставилъ свои записки, вложивъ въ нихъ предварительно мое «художественное произведеніе». Тогда все сдѣлалось яснымъ: и поступокъ Булыгина, при входѣ его въ аудиторію, т. е., что онъ поставилъ противъ меня стулъ, чтобы быть ближе ко мнѣ, и тѣмъ лишить возможности прочихъ «подсказывать», и «спрашиванье» меня безъ предваренія о томъ; и слова, имъ произнесенныя, послужившія для меня поводомъ къ нападенію на Попова..

Вторая часть моей исторіи разыгралась тѣмъ, что попечитель, узнавъ о ней, пріѣхалъ въ университетъ, собралъ всѣхъ студентовъ, представилъ имъ мой поступокъ съ невыгодной для меня стороны и закончилъ свою противъ меня заочную филиппику, закричавъ:

— Я отдамъ его въ солдаты! Въ солдаты отдамъ!

«Возгласъ» этотъ знакомъ тоже и студентамъ Петербургскаго университета, только не для всѣхъ онъ имѣлъ такой счастливый исходъ, какъ для меня!..

Но депутація, состоящая изъ инспектора, декана, профессоровъ даже другихъ факультетовъ, какъ-то: Ѳ. И. Эрдмана, И. К. Ерохова (несмотря на то, что моя карикатура и его не пощадила, что, конечно, еще выгоднѣе обрисовываетъ его душевныя качества) и многихъ другихъ, имѣя во главѣ ректора, явилась къ попечителю съ ходатайствомъ за меня. Между прочими доводами, въ мою защиту, они представили его превосходительству, что мой поступокъ, несмотря на всю его важность, произошелъ не отъ злого или испорченнаго сердца, а есть слѣдствіе увлеченія молодости; что мнѣ нѣтъ еще 16-ти лѣтъ; что испортить мою будущность жаль, тѣмъ болѣе, что до настоящаго «несчастнаго» случая я по поведенію своему и успѣхамъ въ наукахъ служилъ примѣромъ другимъ, что по способностямъ моимъ я могу... (но далѣе отъ повторенія болѣе лестныхъ для меня отзывовъ ихъ удерживаетъ моя скромность)... и принимая во вниманіе мое сознаніе въ негодности поступка и глубокое, чистосердечное раскаяніе въ немъ (хотя никто изъ нихъ въ то время не видалъ меня въ глаза), просили избавить меня отъ опредѣленнаго наказанія, замѣнивъ его другимъ, болѣе легкимъ.

Кончилось тѣмъ, что попечитель «милостиво» изрекъ:

— Прощаю. Но оставить его еще на годъ въ томъ же отдѣленіи, и поэтому до переводнаго экзамена не допускать.

Такому «милостивому» рѣшенію много тоже способствовали

просьбы, какъ моего отца, такъ и другихъ знакомыхъ попечителя.

Юпитеръ удержалъ свои громы, опаливъ только мои крылья, которыя должны были перенести меня въ слѣдующій курсъ. Но и такое наказаніе, какъ оказалось впослѣдствіи, миновало меня.

Пришло время переводныхъ «экзаменовъ»; не получая ни отъ кого подтвержденія состоявшагося обо мнѣ рѣшенія попечителя, я готовлюсь вмѣстѣ съ прочими; вмѣстѣ съ прочими являюсь на экзаменъ, меня вызываютъ, даю отвѣты и перехожу въ 3-е отдѣленіе (послѣднее).

Не думаю, чтобы забыли кару, которой я былъ подвергнутъ; скорѣе можно предположить, что самъ Юпитеръ-попечитель, подчинившись въ этомъ случаѣ общественному мнѣнію, состоявшемуся внѣ стѣнъ университета, и которое вообще было для меня благопріятно, одумался и приказалъ допустить меня до экзамена, какъ бы ничего не происходило; но ничего не говорить мнѣ о томъ, какъ бы опасаясь выказать своимъ снисхожденіемъ слабость въ отношеніи своего перваго, на мой счетъ, распоряженія.

Переходный экзаменъ я «сдалъ» легко, безъ всякихъ случайностей, но «сдаточный» при выпускѣ дорого мнѣ обошелся. Булыгинъ, дотолѣ сдерживавшійся, какъ бы простившій мой проступокъ, на «выпускномъ» экзаменѣ выступилъ противъ меня со всѣмъ мелочнымъ придирательствомъ. Изъ всѣхъ его предметовъ, несмотря на видимое «подкапываніе», я вышелъ побѣдителемъ, но изъ статистики «срѣзался»,—и мнѣ торжественно поставили балъ 1 (единицу).

Эта злосчастная единица возбудила шумное преніе въ ученомъ комитетѣ, опредѣлявшемъ степени, которыми награждались студенты при выпускѣ.

Деканъ юридическаго факультета и прочіе профессора признавали меня достойнымъ степени кандидата, имѣя въ виду мои постоянные успѣхи и занятія, а Булыгинъ, въ качествѣ декана словеснаго факультета, одно твердилъ:

— А у меня Мамаевъ ничѣмъ не занимался въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, чего видимымъ результатомъ былъ его отвѣтъ на экзаменѣ изъ статистики.

Напрасно представляли мои годовыя отмѣтки, имъ же самимъ дѣлаемыя, и въ которыхъ вездѣ стояли 4+, 4 и 3, Булыгинъ ничему не хотѣлъ внимать и только ссылался на мою злосчастную 1, какъ на вѣрный выводъ моихъ знаній. Наконецъ, порѣшили на томъ, чтобъ мнѣ предложить—написать диссертацію. И тутъ Булыгинъ желалъ повредить мнѣ, настаивая, чтобы для написанія диссертаціи «была дана мнѣ тема». Тогда деканъ, видя такое явное ко мнѣ недоброжелательство, вышелъ изъ себя и, вставъ съ кресла, открыто заявилъ комитету, что онъ, профессоръ, спеціально зани-

мающійся только одними своими предметами и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, лучше подготовленный, чѣмъ я, изучившій такъ много разнородныхъ предметовъ, не сумѣетъ написать разсужденіе на заданную тему въ то короткое время, которое осталось до публичнаго акта; что для этого нужно приготовить себя, прочесть, если не всѣ, то хоть часть сочиненій, относящихся къ заданной темѣ, словомъ—раскрылъ передъ комитетомъ всю сложность подобной работы и невозможность для меня ее выполнить. Члены правленія согласились съ мнѣніемъ декана и, призвавъ меня въ свое засѣданіе, объявили, что даютъ мнѣ возможность исправить злосчастную единицу, полученную мной на экзаменѣ, предоставивъ мнѣ написать диссертацію на тему по моему собственному выбору въ семидневный срокъ.

Какой серіозный трудъ я могъ предпринять, чтобы выполнить его въ такое короткое время?

Однако, взявъ изъ университетской библіотеки сочиненія Беккарія, придя домой, принялся за изученіе его теоріи. Послѣдствіемъ было, что въ назначенный срокъ я явился въ комитетъ и подалъ довольно жиденькую тетрадку, заключавшую мое разсужденіе объ отмѣнѣ смертной казни.

Комитетъ, по разсмотрѣніи, нашелъ, что моя диссертація слаба для полученія высшей ученой степени, но заслуживаетъ награды, и потому опредѣлилъ: дать мнѣ степень дѣйствительнаго студента, но наградить серебряной медалью.

И это была немалая награда; въ тотъ годъ (1833 г.) изъ министерства были присланы всего три медали: одна золотая и двѣ серебряныхъ. Золотую получилъ медикъ, Н. А. Козловъ, нынѣ предсѣдатель медико-хирургической академіи, а другую серебряную—математикъ Н. Н. Зининъ, профессоръ той же академіи, пріобрѣтшій себѣ такую громкую извѣстность своими открытіями въ химіи.

Какое замѣчательное сочетаніе именъ? Всѣ трое, получившіе медали, имѣютъ одно имя: Николай,—и награждены въ царствованіе Николая!

Но по пословицѣ: «нѣтъ худа безъ добра»,—лишеніе меня степени кандидата послужило къ исполненію моего задуманнаго желанія.

Отецъ мой держался тогда благоразумнаго правила, что не слѣдуетъ дѣтей своихъ стѣснять въ выборѣ ими рода службы, на томъ основаніи, чтобы не возбудить въ нихъ ропота, если назначенная дѣтямъ карьера почему либо имъ «не повезетъ». Однажды, не задолго до выпуска изъ университета, отецъ спросилъ меня:

— Ты, Николай, въ какую думаешь поступить службу: статскую или военную?

— Если дадутъ мнѣ степень кандидата, то желалъ бы въ гражданскую, если же дѣйствительнаго студента, то въ военную.

Желаніе моего отца было, чтобы я служилъ по гражданской части. Даже мнѣ уже было обѣщано мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ директоромъ департамента, кажется, полиціи исполнительной, А. Я. Жмакинымъ, бывшимъ дотолѣ казанскимъ губернаторомъ, другомъ и пріятелемъ моего отца, но отецъ ни однимъ словомъ не выразилъ мнѣ тогда своего желанія и замѣтилъ только:

— Да! Я знаю, что Петръ (старшій мой братъ) подбиваетъ тебя служить съ нимъ вмѣстѣ, въ уланахъ. Ты, пожалуй, нарочно сдѣлаешь, что тебя лишатъ степени кандидата?

— Даю вамъ честное слово, что буду дѣйствовать по совѣсти. На этотъ разъ я сдержалъ свое слово, въ чемъ могъ убѣдиться и самъ отецъ.

Экзамены начинались, какъ я говорилъ, въ концѣ мая. Извѣстно, какія короткія ночи въ маѣ, а я и ложился спать и вставалъ со свѣчей. Отецъ, видя мои усиленныя занятія и опасаясь за мое здоровье, часто вставалъ по ночамъ и приходилъ ко мнѣ тушить огонь. Вообще всѣ домашніе удивлялись мнѣ и не знали, когда я отдыхалъ.

Итакъ, 2-го іюля 1833 г., на публичномъ актѣ, при звукахъ трубъ, раскланиваясь на три стороны, въ два пріема, я получилъ серебряную медаль вмѣстѣ съ благословеніемъ изъ рукъ казанскаго архіепископа Филарета, бывшаго впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ. Возвращаясь на свое мѣсто, я былъ встрѣченъ отцомъ; въ виду всѣхъ онъ обнялъ меня и поцѣловалъ со слезами на глазахъ...

Тогда же закрылись за мной въ послѣдній разъ двери университета, и ладья моей самостоятельной уже жизни ринулась въ «взбаламученное море» [1]), встрѣчая шквалы и бури, плавая и въ тихихъ водахъ!..

На этомъ кончаются воспоминанія о моей интеллектуальной жизни въ періодъ времени 1830—1833 годовъ.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Намекъ на романъ того же названія, соч. А. Писемскаго.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ [1].

(Изъ быта ремесленниковъ).

XXII.

СКОРѢ новое событіе взволновало нашъ муравейникъ—Сашу арестовали.

Растерянная, измученная, прибѣжала къ намъ Власьевна повѣдать свои тяжкое горе.

— Взяли его, голубчика, взяли и повезли съ жандармами... Господи, что же это такое на свѣтѣ дѣлается?

Слушая Власьевну, матушка соболѣзнующе покачивала головой и вытирала передникомъ слезы. Можетъ быть, въ первый разъ она порадовалась въ душѣ, что Господь впору прибралъ ея Гришу, смерть котораго она не переставала оплакивать. Шутка ли сказать—въ нѣдрахъ такихъ богобоязненныхъ семей, какой была семья Якова Степаныча... завелась крамола, а, можетъ, и такъ, по недоразумѣнію только...

— Тутъ ошибка какая нибудь!—уныло говорилъ Яковъ Степанычъ, не могшій допустить и мысли, чтобы его сынъ былъ «смутьяномъ»: разберутъ дѣло и выпустятъ Сашу! Господь не попуститъ осудить невиннаго.

Говорилъ такъ старикъ, и самъ сомнѣвался, точно ли его Саша не согрѣшилъ противъ закона—и это сомнѣніе удручало его еще

---

[1]) Окончаніе. См «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIII, стр. 921.

больше, производя сумятицу въ умѣ... Строго религіозный и честный, онъ осуждалъ смутьяновъ, «сицилистовъ», не признающихъ ни Бога, ни царя; и когда эти «сицилисты» были господа, все для него было ясно: господа недовольны царемъ—это понятно; отъ науки у нихъ умъ за разумъ зашелъ—виновата наука; но когда эта крамола коснулась его, когда она выросла, такъ сказать, изъ его плоти и крови, когда его собственный сынъ, воспитанный въ строго религіозномъ духѣ, обвиняется въ сношеніяхъ съ крамольниками—тутъ все перепутывалось въ его головѣ... Если бы этотъ сынъ былъ непочтительный, пьяница, гуляка, ну, еще такъ и сякъ можно было бы думать. А Саша, какъ на него ни посмотри, хотя и читалъ книжки, но былъ парень смирный, скромный. Въ такомъ духѣ высказывался Яковъ Степанычъ, а отецъ въ безсиліи передъ странной загадкой разводилъ руками; впрочемъ, онъ скоро нашелъ разгадку—виноваты все-таки тѣ же самые бары, которые морочатъ молодыхъ, неопытныхъ людей. Грустно, печально стало вокругъ, точно темная туча затмила ясное солнце, а тутъ опять доносятся до насъ слухи о новыхъ арестахъ, новыхъ обыскахъ, и снова льются горькія родительскія слезы... Я занималась кое-какъ, потрясенная житейской драмой; но худшее было еще впереди... Туча сгущалась, воздухъ становился удушливымъ, наконецъ грянулъ громъ—пришло грозное первое марта, и испуганные, потрясенные люди опѣшили. Что будетъ впереди, чего ждать теперь?—вотъ вопросы, которые копошились, не давая покоя. Новая сила заявила себя; какъ тать, подкралась она подъ основу отечества—чего же еще ждать? Тяжелый страхъ чего-то другого, невѣдомаго, пронизывалъ всѣхъ; ясно, что такъ продолжаться не можетъ... Нельзя жить подъ вѣчнымъ страхомъ—туча сгустилась, и на молодежь, даже самую невинную, стали смотрѣть подозрительно. Но вотъ пришелъ манифестъ новаго царя—старики подняли голову: слава Богу, все остается попрежнему, и крамола будетъ уничтожена...

Судьба Саши меня безпокоила больше прежняго. Конечно, теперь ко всѣмъ отнесутся строже; я стала чаще захаживать къ Власьевнѣ, матушка тоже... Она ходила на свиданіе къ сыну и разсказывала, какъ много народа тамъ сидитъ.

— И все такіе молодые, все молодые. Гулять бы имъ да жить, вотъ на тебѣ, въ тюрьмѣ сидятъ!

И матушка и Власьевна жалѣли всѣхъ этихъ молодыхъ преступниковъ. Впрочемъ, какіе же это преступники—это «несчастные», ихъ нужно жалѣть; шутка ли сказать, въ Сибирь сошлютъ, отъ семьи оторвутъ. Хорошо еще тѣмъ, у которыхъ есть семья, есть кому заботиться накормить, а какъ безроднымъ, одинокимъ... Доброе сердце матушки, какъ она выражалась, «обливалось кровью». По обычаю, матушка каждый годъ служила панихиду по бабушкѣ, дядѣ, дѣтямъ и прочимъ сродникамъ, пекла пироги, надѣляя ими ни-

щихъ, а теперь эти пироги она предназначила «туда», тѣмъ, у кого «родителевъ» нѣтъ. Тайно и пасхальныя приношенія въ поминовеніе сродниковъ стали отправляться въ острогъ.

Въ день перваго марта, смущенная и потрясенная, пошла я навѣстить Власьевну. Она встрѣтила меня вся въ слезахъ:

— Дашенька, что жъ это на свѣтѣ дѣлается?—прошептала она, смотря на меня своимъ скорбнымъ, застывшимъ взглядомъ. Яковъ Степановичъ выглядѣлъ совсѣмъ старикомъ; его сгорбленный станъ устало покачивался, а глаза съ безнадежною грустью подымались къ небу...

— Боже, не оставь насъ, грѣшныхъ!—шептали блѣдныя губы старика. Өедоръ угрюмо молчалъ, сидя на верстакѣ, и посмотрѣлъ на меня недоброжелательнымъ взглядомъ, точно я была виновата во всѣхъ несчастіяхъ. Только Любочка, какъ ни въ чемъ не бывало, играла на полу въ кухнѣ и радостно бросилась мнѣ на встрѣчу.

— Ужъ не знаю, пустятъ ли сегодня къ Сашѣ?—озабоченно сказала Власьевна, приготовляя узелокъ съ провизіей; руки ея дрожали, на глазахъ стояли слезы, и тяжелый вздохъ, какъ стонъ, пронесся по комнатѣ. Яковъ Степановичъ обернулся, нѣсколько мгновеній какъ бы удивленно смотрѣлъ на нее, потомъ поднялся, подошелъ и положилъ руку на плечо своей старухи.

— Не плачь, мать! Надо молиться! Смиренную молитву приметъ Господь!

Голосъ старика дрогнулъ и оборвался. Онъ торопливо отошелъ, надѣлъ пальто, взялъ шапку, палку, и вышелъ изъ дома, и какимъ дряхлымъ, безпомощнымъ показался онъ мнѣ тогда.

Видѣть этихъ пришибленныхъ, сбитыхъ съ толку людей, было слишкомъ тяжело для моихъ натянутыхъ нервовъ; тысячи вопросовъ заполоняли мой умъ, жгли душу. Простившись съ ними, я пошла по улицамъ города, не зная, зачѣмъ, куда, пока не достигла соборной площади, гдѣ, скучившись передъ церковью, стояла густая толпа народу. Видъ молчаливыхъ, замкнутыхъ людей удручалъ меня, погребальный звонъ зловѣще раздавался въ воздухѣ, тамъ и сямъ качались мрачные траурные флаги. Опустивъ голову, я стремительно неслась впередъ, ощущая тяжесть на душѣ, и встрѣтила Якова.

— Какъ вы думаете, Даша, что теперь будетъ?—спросилъ онъ, загадочно улыбаясь.

— А я почему знаю?—холодно отвѣтила я, отступая отъ него.

— Оно точно неизвѣстно! А я такъ думаю, конституція, можетъ, будетъ?

Онъ алчно впился въ мое лицо, и меня вдругъ охватила такая злость на Якова, что я раздраженно сказала.

— Да вы-то чему радуетесь? Вамъ-то что? Идите въ свой магазинъ да продавайте книги—и безъ того пролѣзете впередъ!

Я сама удивилась тому, что такъ неожиданно вырвалось у меня, быстро отвернулась отъ него и пошла куда глаза глядятъ. Я слышала за собой шаги Якова, и эти осторожные, крадущіеся шаги угнетали и пугали меня; мнѣ казалось, что вслѣдъ за мной идутъ много такихъ Якововъ, готовые схватить меня—и я летѣла впередъ все быстрѣе и быстрѣе. Какой-то купчина толкнулъ меня, и, какъ мнѣ показалось, злобно посмотрѣлъ, кто-то наступилъ мнѣ на ногу, я сама чуть не сбила съ ногъ ребенка, но ни на что не обращала вниманія и все шла да шла. Вотъ мелькнула синяя полоса моря, вотъ бульваръ, садъ внизу. Я сбѣжала по каменной лѣстницѣ, бросилась въ садъ и, прижавшись къ стволу дерева, разрыдалась. О чемъ плакала я—трудно было сказать. Мнѣ вспоминался Саша, отецъ, мать, Власьевна, Яковъ Степановичъ, вспоминались мои недавнія мечты, молчаливая толпа на площади, погребальный звонъ. Я хотѣла что-то понять, что-то рѣшить и на все, что приходило мнѣ въ голову, съ отчаяніемъ говорила: все это не то, не то! И вотъ среди этого бѣшенаго круговорота образовъ и мыслей, съ необыкновенною ясностью встала передо мной фигура учителя, и внезапная радость обуяла меня. Я поскорѣе выбѣжала изъ сада, легко взбѣжала по лѣстницѣ и пошла къ нему; ему я могу открыть свою душу, свои тревоги, свои сомнѣнія, свои думы, ему одному, и никому больше на свѣтѣ! Онъ укажетъ, онъ научитъ, что надо дѣлать. Среди взбаламученнаго моря житейскаго зла онъ свѣтилъ мнѣ, какъ спасительный маякъ, и я смѣло, съ открытою душою, переступала порогъ знакомой комнаты. Что сказалъ мнѣ тогда мой наставникъ, куда направилъ юныя силы, когда я, обливаясь жгучими слезами, разсказывала ему все, что передумала, перечувствовала я, что отвѣтилъ мнѣ мой учитель, я передала въ одной изъ предыдущихъ главъ этого разсказа.

XXIII.

Въ Петровки, когда работы у насъ стало меньше, отецъ пошелъ говѣть на Большой Фонтанъ. Я только въ этомъ году окончила гимназію и хлопотала объ учительскомъ мѣстѣ, либо здѣсь въ городѣ, либо въ деревнѣ, а пока занималась частными уроками; проживать было бы кое-какъ можно, если бы не высокая цѣна за квартиру, оставлять которую отецъ упрямо отказывался.

Но незначительный на первый взглядъ фактъ имѣлъ рѣшающее значеніе на судьбу моего отца. Дѣло въ томъ, что въ отсутствіе отца у насъ въ домѣ открылся магазинъ «Варшавской и заграничной обуви», почти рядомъ съ нами, только повыше, въ первомъ этажѣ.

Въ воскресенье, подъ вечеръ, въ ожиданіи отца, мы съ матушкой сидѣли у крыльца нашей квартиры и толковали о пере-

мѣнѣ, которая ожидаетъ насъ; мы обѣ были убѣждены, что отецъ перестанетъ упрямиться и согласится переѣхать на новую квартиру, которую я нашла на окраинѣ города. Мы обѣ очень взволновались, когда увидали знакомую фигуру отца; онъ шелъ большими шагами, по обыкновенію опустивъ голову, держа подъ мышкой небольшой узелокъ. Перейдя черезъ дорогу, онъ поднялъ глаза, и первое, что бросилось въ глаза,—это злополучная вывѣска новаго магазина.

Онъ остолбенѣлъ, не спуская глазъ съ надписи; мускулы лица его передергивались, а глаза метали искры; потомъ онъ взглянулъ на насъ страннымъ, блуждающимъ взглядомъ, снова поднялъ глаза на вывѣску и, какъ мнѣ показалось, пошатнулся. Неужели онъ пьянъ?—съ быстротою молніи пронеслось въ моемъ мозгу; я стремительно вскочила съ мѣста и подбѣжала къ нему.

— Пойдемте въ комнату, папаша! — сказала я, дотрогиваясь до его руки; онъ, не говоря ни слова, послѣдовалъ за мной.

Нѣтъ, онъ былъ совершенно трезвъ; онъ вошелъ въ комнату, опустился тяжело на стулъ и задумался.

— Подлецъ! мерзавецъ!—вдругъ сразу крикнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу:—какъ онъ смѣлъ пустить въ домъ магазинъ съ обувью? Какъ онъ смѣетъ, анаѳема, жидъ, притѣснять бѣдныхъ людей!

Тутъ силы измѣнили ему; его сѣдая голова съ тоскливымъ, мутнымъ взглядомъ низко склонилась на грудь...

— Богъ не безъ милости, Антонъ!—мягко сказала матушка, вытирая выступившія слезы:—чего отчаиваться! Жили до сихъ поръ, проживемъ и дальше—не много вѣку намъ осталось! Давно бы намъ нужно уйти изъ этого дома, жить потихоньку да помаленьку, какъ Богъ пошлетъ.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди отца; онъ выпрямился, взглянулъ на насъ и гнѣвно крикнулъ.

— Не уступлю подлецу, въ судъ подамъ! Какъ онъ смѣетъ тѣснить мастерового человѣка! Не уступлю! въ судъ буду жаловаться!.. я... я...

Отецъ задыхался; вспыхнувшая на время энергія оставила его...

— Напрасно, Антонъ, напрасно все это!—укоризненно говорила матушка:—что Бога гнѣвить, зачѣмъ подымать скандалъ, судъ и все прочее? Что судъ сдѣлаетъ? Развѣ есть такой законъ, что бы запрещалъ человѣку дѣлать, какъ ему выгоднѣе... Домъ хозяйскій, и кому хочетъ, тому и будетъ сдавать квартиры...

До слуха моего явственно донеслось какое-то глухое клокотанье... Что это! неужели мой отецъ, мой бѣдный, старый отецъ плачетъ?... Въ мигъ я была подлѣ него; я цѣловала его мозолистую, честную руку и горячо говорила все, что приходило мнѣ на умъ.

— Рано или поздно, надо же вамъ перестать гнуть спину за работой... Слава Богу, ученье я кончила, получу мѣсто, и мы будемъ вмѣстѣ жить! Беречь васъ, заботиться о васъ, отецъ, мой долгъ, который я съ радостью буду выполнять... О, я много, много согласна работать и буду работать, чтобы видѣть васъ довольнымъ и веселымъ... Вы много работали на своемъ вѣку, вы имѣете право на отдыхъ, не печальтесь, бросьте все, и мы будемъ жить спокойно!..

Много я еще говорила, глядя въ скорбное лицо родителя,—говорила все, что подсказывало мнѣ мое сердце... Нужно было видѣть, какимъ счастливымъ взглядомъ смотрѣла на меня мать, какъ мрачныя тучи, заволакивавшія лицо моего отца, прояснялись, и въ глазахъ его сверкнулъ лучъ живой радости, чтобы понять, какую гордость и наслажденіе испытала я.

— Спасибо, Даша! спасибо, дочка! Богъ вознаградилъ меня за все!.. тронутымъ голосомъ проговорилъ отецъ, и миръ снова водворился въ нашей семьѣ.

Распродавъ часть имущества, чтобы расплатиться съ долгами, мы переѣхали на другую квартиру, гдѣ отецъ продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ; трудно ему было примириться съ мыслью, что онъ перешелъ въ заплаточника, такъ какъ новыхъ заказовъ у него почти не было. Склонившись надъ старымъ сапогомъ, молча работалъ отецъ, часто вздыхая; вспоминалось ему былое, когда жизнь кипѣла въ его мастерской, раздавался стукъ колодокъ и веселые голоса подмастерьевъ и учениковъ; а теперь одинокій, заброшенный на окраинѣ родного города, онъ тосковалъ, и часто глаза его заволакивались туманомъ. Я дѣлала видъ, что ничего не замѣчаю, и, чтобы разсѣять отца, принималась мечтать вслухъ о новомъ будущемъ: о жизни въ деревнѣ, гдѣ у насъ будутъ куры, утки, любимыя матушкой, и гдѣ у насъ навѣрное будетъ работа, а еще лучше, прибавляла я, мы себѣ устроимъ огородъ, гдѣ и будемъ всѣ работать. На время отецъ оживлялся, потомъ снова впадалъ въ меланхолію и, наконецъ, запилъ.

Сашу выслали административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Погоревали, погоревали родители, и примирились, только грустнѣе стали глаза Якова Степаныча. Нога Θедора продолжала болѣть, и религіозность его росла все больше; онъ продолжалъ работать вмѣстѣ съ отцомъ, подрядившись въ магазинъ готоваго платья; съ утра до вечера сидѣли отецъ и сынъ за иглой, съ утра до вечера «гнули горбъ», успѣвая только сводить концы съ концами.

— Повѣрите ли,—жаловалась Власьевна:—такой плохой заработокъ, что даже Сашѣ не изъ чего высылать; спасибо Варѣ, трудится она для него—все, что заработаетъ, ему отсылаетъ, во всемъ себѣ отказываетъ!

Любочку отдали учиться къ модисткѣ, а по воскресеньямъ она

приходила ко мнѣ заниматься, дѣвочка была способная, и я попросила своихъ подругъ по гимназіи приготовить ее къ экзамену на домашнюю учительницу...

Яковъ изрѣдка захаживалъ къ намъ; онъ очень измѣнился, сталъ солиденъ и франтоватъ, любилъ разговаривать о литературѣ и снабжалъ меня новыми книжками.

XXIV.

Былъ чудный августовскій день, солнце ярко свѣтило въ окна, но я не радовалась ему; я молча сидѣла у стола, прислушиваясь къ дыханію больного отца; девятый день, какъ онъ лежитъ въ жару, захвативъ воспаленіе легкихъ... Выдержитъ ли?—вотъ вопросъ, который отодвинулъ назадъ всѣ другіе вопросы. Я ежеминутно подходила къ отцу, глядѣла въ его воспаленные, блуждающіе глаза и аккуратно подносила лѣкарство къ запекшимся губамъ. Учащенное прерывистое дыханіе отца испугало меня, я побѣжала въ кухню, къ матушкѣ...

— Папаша умираетъ!..

Матушка торопливо бросила стирку и пошла въ комнату больного; я послѣдовала за ней и остановилась въ дверяхъ, такъ поразилъ меня видъ отца. Онъ приподнялся на постели и широко открытыми глазами смотрѣлъ въ пространство; губы его шевелились.

— Воды хочешь, вина?—спрашивала матушка, наклоняя голову, чтобы разобрать невнятный говоръ умирающаго.

— Дашу позвать?—снова спросила она; отецъ утвердительно кивнулъ головой. Я подошла къ постели его и, повинуясь неодолимому чувству жалости и боли, опустилась на колѣни, положивъ голову на край постели—слезы душили меня.

— Благословить хочешь?—спросила матушка и, взявъ руку отца, положила мнѣ на голову.

— Помни Бога, люби мать, живи честно!—съ трудомъ выговаривая каждое слово, произнесъ отецъ, безсильно падая на подушку. Мать зажгла восковую свѣчу, вложила въ руку отца и громко молилась; ея лицо было строго и серьезно. Я не плакала, охваченная ужасомъ передъ тѣмъ, что происходило на моихъ глазахъ. Я видѣла мертвенно-блѣдное, заостренное лицо отца, тусклый, почти стеклянный взглядъ, слышала его прерывистое дыханіе, которое становилось все рѣже и рѣже; я не сводила съ него глазъ, дрожа и холодѣя. Вотъ и дыханія не стало слышно; матушка осторожно взяла изъ рукъ свѣчу, закрыла глаза и положила на нихъ мѣдные пятаки; вотъ вошли Власьевна, Ѳедоръ, которые часто навѣщали насъ.

Я не въ силахъ была сдвинуться съ мѣста, не могла издать ни одного звука, ни одного движенія, а эти холодные пятаки внушали

мнѣ безотчетный страхъ. Мнѣ казалось, что отцу тяжело отъ нихъ, и мнѣ хотѣлось помочь ему, снять эти ненавистные пятаки, но я не могла протянуть руки, не могла пошевельнуться.

— Что убиваться, Даша! смерть отъ Бога!—слышала я добрый голосъ Власьевны, и мнѣ казалось, что этотъ голосъ несся откуда-то издалека.

— Пойдемъ, дѣвушка! Ишь, какъ истомилась, сердечная!—говорилъ все тотъ же голосъ, и старческая рука взяла мою руку. Я машинально послѣдовала за ней въ кухню, сѣла на скамейку, а предо мной въ разныхъ положеніяхъ мелькали все тѣ же пятаки.

— Полно, Даша!—мягко сказалъ Ѳедоръ, и его добрые, голубые глаза подернулись влагой. О чемъ онъ плачетъ?—подумала я, но мнѣ было ужасно пріятно отъ того, что онъ плачетъ. Я почувствовала сильную усталость, склонила голову на плечо Ѳедора и разразилась потокомъ цѣлительныхъ слезъ...

XXV.

Вскорѣ послѣ смерти отца я получила назначеніе въ земскую школу. Я уже не волновалась, не мучилась вопросами, какъ мнѣ жить, что дѣлать! Путь мой былъ ясенъ и простъ, его указалъ мнѣ мой дорогой наставникъ: я должна возвратиться туда, надъ чѣмъ возвысилась своимъ образованіемъ, въ ту темную, трудовую массу, гдѣ я научилась страдать и любить; знанія, которыми я отдѣлилась отъ нихъ, я должна отдать имъ, должна отдать и тотъ огонь, что горѣлъ въ моей душѣ. Я поборола свой молодой порывъ, толкавшій меня на другой, болѣе тернистый путь, поборола во имя тѣхъ бѣдныхъ, обездоленныхъ, что живутъ въ настоящее время, ищутъ свѣта, знанія, правды. Не на блестящій эффектный подвигъ мученичества шла я, а на незамѣтную, мелкую, ежедневную работу—и одного только хотѣла я, чтобы не изсякъ огонь, горѣвшій въ груди, не надломились силы, не пропала вѣра.

Теперь я чувствовала въ себѣ энергію, чувствовала, что могу быть полезной, и это чувство вливало отвагу и гордость въ мою душу. Горечь недавней утраты человѣка, который далъ мнѣ жизнь, была еще сильна во мнѣ, но она смягчалась расцвѣтомъ молодости и сознаніемъ, что я не причинила ему горя. Въ такомъ состояніи засталъ меня Яковъ, который за послѣднее время участилъ свои посѣщенія къ намъ, но рѣдко заставалъ меня дома.

— Задумались, Дарья Антоновна!—вкрадчиво раздался его голосъ; я обернулась и радостно протянула ему руку. Мнѣ пріятно было видѣть теперь свидѣтеля моихъ дѣтскихъ дней; онъ съ улыбкой удивленія смотрѣлъ на меня, точно видѣлъ меня въ первый разъ послѣ долгой разлуки.

— Садитесь да разсказывайте, какъ живете, что дѣлаете?

— Отлично, Дарья Антоновна, везетъ! Теперь меня назначили главнымъ приказчикомъ, а, можетъ, скоро и свой магазинъ заведу!— весело улыбнулся онъ.

— Вотъ какъ! Ну, что-жъ, преуспѣвайте! Мнѣ только остается порадоваться за васъ. А я, Яковъ, уѣзжаю съ матушкой: мѣсто въ деревню получила!

— Уѣзжаете, Даша?—опечалился Яковъ:—зачѣмъ вамъ ѣхать въ деревню? Вы образованный человѣкъ, трудно вамъ будетъ жить съ мужиками! И зачѣмъ? Мало вы трудились! И учились, и можно сказать, сами себя кормили—все трудомъ жили; можно теперь и въ свое удовольствіе пожить!

— Да вѣдь въ трудѣ, Яковъ, и есть удовольствіе, въ сознательномъ разумномъ трудѣ! О какомъ другомъ вы говорите, я васъ не понимаю!

— О такомъ, какого ищутъ всѣ образованные люди! Чтобы и общество было хорошее, по вкусу, и разговоры разные, театры, музыка и прочее. А въ деревнѣ что вы будете имѣть? Извѣстно, какой въ деревнѣ народъ — мужичье — отъ него слова путнаго не добьетесь!

Меня покоробили слова Якова, и я холодно отвѣтила:

— Жизнь—долгъ, Яковъ, а не забава! Каждый человѣкъ долженъ трудиться по силамъ и работать на пользу прогресса!

Нужно замѣтить, что я вообще была очень робка въ разговорахъ и всегда предпочитала слушать, чѣмъ говорить, а въ особенности боялась говорить на тему личныхъ и общественныхъ обязанностей, не боялась, а скорѣе стѣснялась, не довѣряя своему уму и опытности! А потому моя фраза о прогрессѣ показалась мнѣ очень смѣлой, отчего я смущенно покраснѣла, и, оправившись подъ вліяніемъ внимательнаго, задумчиваго взгляда Якова, продолжала съ большимъ жаромъ.

— Неужели для того я получила образованіе, чтобы пріятно проводить время въ избранномъ обществѣ, и при томъ я не богатая; если бы даже и хотѣла, то не могла бы вести такую жизнь, о какой вы говорите!

— Почему?—вскрикнулъ Яковъ, не спуская съ меня взгляда:— нѣтъ, если бы вы хотѣли, то...

— Что-жъ вы остановились? продолжайте!—улыбнулась я, замѣтивъ его внезапное смущеніе.

— Можно, Даша, говорить съ вами откровенно, по сердцу?

— Конечно! какой вы странный!

Мнѣ стало почему-то неловко съ нимъ, и я опустила глаза.

— Вотъ видите, Дарья Антоновна,—измѣнившимся, глухимъ тономъ началъ Яковъ, — какъ это случилось, я и самъ не знаю, а только вы крѣпко полюбились мнѣ, давно полюбились, еще когда

вы съ Сашей занимались!... Даша, я былъ бы безконечно счастливъ, если бы вы... если бы вы согласились стать моей женой!

— Что вы, Яковъ?—неловко вырвалось у меня при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла.

— А почему нѣтъ? Развѣ я хуже другихъ, Даша? Въ университетѣ не учился, да развѣ только тотъ умный, кто учится? Я самъ себѣ дорогу пробилъ, самъ умъ просвѣтилъ, я еще, можетъ быть, и дальше пойду! Я, Даша, все вамъ доставлю, чтобы ни въ чемъ у васъ недостатка не было, чтобы вы были довольны и счастливы!

— Нѣтъ, Яковъ, оставьте эти мысли. Никогда я не думала о замужествѣ, у меня другая цѣль въ жизни!

— А знаю!—вызывающе проговорилъ Яковъ, метнувъ глазами и стискивая въ рукѣ карандашъ:—вы хотите образованнаго. Такъ знайте же, что ваши образованные,—не дураки тоже! Они ищутъ дѣвушекъ съ приданымъ.

— Ошибаетесь, Яковъ!—мягко возразила я, подавляя раздраженіе, вызванное дерзкимъ тономъ и дерзкими мыслями Якова:—не потому я отказываю вамъ, какъ вы думаете, а потому, что не люблю васъ такъ, какъ невѣста должна любить своего жениха.

Лицо Якова передергивалось, и одно выраженіе смѣняло другое; въ глазахъ пробѣгалъ знакомый мнѣ наглый огонекъ, но онъ сдержалъ себя.

— Теперь не любите, потомъ полюбите, Даша!.. А я ужъ за то въ золотѣ водить васъ буду, почетомъ васъ окружу... Даша, вы не смотрите, что я простой человѣкъ: умъ у меня есть, а ужъ коли я захочу повыше подняться, по поднимусь!.. Деньги у насъ будутъ, богатство будетъ—дѣлай, что хочешь... За границу поѣдете, въ шелкахъ да бархатахъ ходить будете, а не захотите, то, Даша, изъ богатства все можно сдѣлать!.. Добра-то сколько, добра изъ богатства можно сдѣлать, первой дамой благотворительницей въ городѣ будете!..—съ жаромъ говорилъ Яковъ, приближаясь ко мнѣ:—подумайте, прежде посовѣтуйтесь съ матушкой, жалѣть не будете!..

— Напрасно, Яковъ! Теперь ли, послѣ ли—будетъ одинъ отвѣтъ: нѣтъ и нѣтъ!—категорически отвѣтила я.

Мнѣ искренно было жаль его, но что же больше я могла сдѣлать?

— Нѣтъ?—спросилъ онъ, вставая и хмурясь:—смотрите, Дарья Антоновна, какъ бы не пожалѣть объ этомъ!

— Что?.. вы хотите меня запугать?—вспыхнула я:—доносить что ли пойдете?... Идите, отправляйтесь сейчасъ же, не боюсь я!..

Я вызывающе смотрѣла на Якова, лицо котораго вдругъ поблѣднѣло, а глаза въ упоръ, съ тупымъ недоумѣніемъ смотрѣли на на меня...

— Нѣтъ, Дарья Антоновна, не таковскій я человѣкъ! — опра-

вляясь произнесъ онъ наконецъ:—я, Дарья Антоновна, свою линію веду, а подлецомъ не былъ никогда!... Да-съ, не былъ и не буду!.. Это вы напрасно меня оскорбляете такъ!..

Горечь обиды прозвучала въ тонѣ Якова, и я невольно смутилась.

— Тогда зачѣмъ же вы слѣдили за мной?—растерянно спросила я.

— Зачѣмъ?—вскричалъ онъ:—неужели вы, Даша, не догадываетесь—зачѣмъ?

Онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на меня съ нескрываемымъ удивленіемъ и вдругъ, сразу оживился, заторопился и, волнуясь, заговорилъ:

— Отъ любви ходилъ я за вами, Даша! Какъ уйдете вы бывало съ Сашей, такъ и начнется тоска, такъ и рветъ меня. Вѣрите ли, работа, бывало, изъ рукъ валится, голова кругомъ идетъ, тошно мнѣ сидѣть въ мастерской! Ревновалъ я васъ очень къ Сашѣ, что таиться, сильно ревновалъ... Брошу все и пойду, пойду хоть за тѣмъ, чтобы васъ увидѣть, издали только посмотрѣть!.. А вы, Даша... неужели вы могли подумать, что я изъ корысти дѣлаю!.. Человѣкъ я, Даша, и тоже понимаю, что вашъ папенька добра мнѣ желалъ, изъ одного только этого, Даша, могу ли я быть подлецомъ?..—Голосъ Якова дрогнулъ, а глаза съ жаднымъ вниманіемъ устремились на меня.

— Тогда, зачѣмъ же вы мнѣ грозите?

— Не грожу я вамъ, Дарья Антоновна, такъ слово сорвалось!.. А сказалъ, потому что знаю, на какую жизнь вы идете... Что тамъ!.. Трудъ, недостатки и никакого удовольствія... Устанете вы, Даша, истомите себя понапрасну. Ни вамъ пользы, ни другимъ... Зачѣмъ молодость губить?...—съ чувствомъ говорилъ Яковъ, заглядывая мнѣ въ глаза.

— Что толковать о томъ, что будетъ! Я взяла одну дорогу, вы—другую; разстанемся же друзьями и пожелаемъ другъ другу успѣха!—искренно сказала я, протягивая Якову руку, которую онъ молча пожалъ. Онъ какъ будто колебался; нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на меня, затѣмъ быстро отвернулся, нахлобучилъ шляпу и торопливо ушелъ.

XXVI.

Живя въ деревнѣ, я не теряла связи съ городомъ.

Время шло. Старики оттѣснялись на задній планъ, а вмѣстѣ съ ними и старозавѣтные устои жизни. Что же свѣжаго внесло новое поколѣніе въ жизнь, чѣмъ оно замѣняло старыя традиціи ремесленнаго быта? Во всемъ, вездѣ чувствовалась расшатанность, разнузданный разгулъ, погоня за наслажденіями самаго низкаго

калибра; честность, совѣсть отступали и стыдливо прятались, какъ ненужный балластъ.

Тѣ, кто были почестнѣе, въ ужасѣ отшатывались отъ жизни, ища спасенія въ религіи; сектантство росло, пугая стариковъ... Энтузіазмъ исчезалъ, вѣра въ возможность лучшаго будущаго, вдохновлявшая Сашу и другихъ, падала, а пропаганда продолжалась, хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ прежде. На сцену появлялся другой типъ рабочаго съ запасомъ новыхъ словечекъ, которыя онъ усвоилъ поверхностно и пользовался ими для того, чтобы «пожить въ свое удовольствіе». Свобода чувства была излюбленная тема разговоровъ съ «барышнями», которыя, не желая быть отсталыми, сбрасывали родительскій гнетъ и отдавались во власть страстямъ.

Соблазнительныя рѣчи проникали и въ семьи, подтачивая ея устои. Ремесленная хроника пестрѣла разсказами объ обманутыхъ дѣвушкахъ, измѣнахъ, подлогахъ...

Было что-то тяжелое и удушливое во всѣхъ этихъ явленіяхъ жизни, точно подулъ жгучій вѣтеръ пустыни, нанесъ тучу пыли и затмилъ свѣтъ солнца. И вотъ въ такой атмосферѣ выростали наши младшіе братья и сестры.

.Отецъ боленъ—писала мнѣ Любочка,—Θедоръ возится съ своей ногой и, конечно, работаетъ мало, а Саша далеко. Вы не повѣрите, какъ намъ тяжело теперь; денегъ нѣтъ, а расходы растутъ, нельзя же оставлять отца безъ помощи. Я иногда ужасно злюсь на Сашу, видя слезы матери... Простите меня, но я, право, ничего не понимаю; вѣдь Саша видѣлъ, что онъ у насъ одинъ, что на него вся надежда матери и отца, потому что Θедоръ плохой работникъ.

«Варя тоже груститъ. Вѣдь она любитъ Андрея, и я знаю, что она послѣднія свои крохи посылала «туда»... По-моему это ужасный эгоизмъ, и я часто спорю съ Ниной Павловной, увѣряющей меня, что они альтруисты... Развѣ альтруисты дѣлаютъ такъ, чтобы другіе страдали? Многіе уже вернулись... Пріѣхалъ Андрей—вы помните его—онъ у насъ былъ.

«Саша, говорятъ, вернется въ слѣдующемъ году... Господи, какъ мнѣ хочется поскорѣй его увидѣть!»..

Въ этой послѣдней фразѣ сказывалось настроеніе подростающей молодежи, ищущей основъ жизни... Настоящее тускло, блѣдно, хочется чего-то живого, свѣтлаго, что бы осмыслило жизнь. Вотъ вернутся братья, женихи, тѣ, что жили «чѣмъ-то» и во имя этого «чего-то» пострадали, и они скажутъ, что нужно дѣлать, они внесутъ новыя формы... Именно это и было нужно: новые устои жизни, не разрушающіе, а созидающіе... Даже Θедоръ и тотъ на что-то надѣялся...

— Вотъ пріѣдетъ Саша, тогда мы поживемъ, дѣло двинемъ!— говорилъ онъ мнѣ при встрѣчѣ...

Какое это дѣло, какъ его двинуть, Ѳедоръ не могъ бы сказать. Ясно одно, что такъ нельзя! Яковъ Степанычъ покорился, ему не для чего бороться, а молодые должны сами искать путей. Ѳедоръ чувствовалъ, что самъ онъ не въ силахъ бороться съ той силой, которая оттѣснила его въ ряды пролетаріата и поставила въ зависимость отъ купцовъ «готоваго платья», и невольно возлагалъ свои надежды на брата, болѣе молодого и здороваго, чѣмъ онъ.

Приливъ начался; ссыльные возвращались, и съ какою радостью, съ какими упованіями и надеждами встрѣчали ихъ всѣ... Но что же они принесли?..

Въ большинствѣ, они стали чужими людьми... Нѣкоторые принялись за свое ремесло, искали работъ у мастеровъ; другіе забросили его и старались прицѣпиться къ чему нибудь другому, болѣе выгодному и устойчивому; нѣкоторые шатались безъ всякаго дѣла, обременяя и безъ того небогатыя семьи... Впрочемъ, послѣдніе были въ меньшинствѣ... А всѣ они, въ общемъ, заразились интеллигентными скорбями, ставили и рѣшали общіе вопросы жизни. Выходило какое-то странное недоразумѣніе, непониманіе, вызывающее взаимную боль.

Выходило что-то безобразное; близкіе, дорогіе люди говорили другъ другу много ненужныхъ жестокихъ словъ, ожесточались, озлоблялись...

Вернулся Саша передъ самымъ Рождествомъ; на праздники я поѣхала въ городъ.

Саша очень измѣнился; лицо его обросло бородой, стало мужественнѣе, только глаза были все тѣ же—добрые, мягкіе.

Въ сочельникъ вся семья была въ сборѣ, кромѣ Якова Степаныча, умершаго незадолго передъ пріѣздомъ сына... Власьевна, увидя меня, заволновалась и заплакала.

— Пріѣхалъ онъ, Дашенька, пріѣхалъ голубчикъ!.. Нечаяла я дождаться такой радости, а вотъ Господь сподобилъ! Посмотри на него, Дашенька, совсѣмъ мужчиной сталъ.

— Ну, полно, мама, полно! — улыбнулся Саша: — разскажите, Даша, какъ вы тутъ живете.

— Какъ вамъ сказать—всего бываетъ!.. Тянемъ лямку...

— Да... да... лямку!.. Что, Люба, ты тоже въ деревню поѣдешь?..

— Я?.. ни за что!.. Я въ деревнѣ съ ума сойду отъ скуки!.. разсмѣялась Люба...

— Вотъ только бы ей экзаменъ сдать да Сашѣ за дѣло взяться, тогда и я могу спокойно умереть,—сказала Власьевна.

— Ну, мама, вы все только о смерти!—недовольно замѣтила Варя:—мнѣ и такъ надоѣло вѣчно эту смерть видѣть!..

— Чудачка Варя! Придетъ и всегда ворчитъ...—проговорила Любочка:—мама, будемъ ужинать; уже стемнѣло; ѣсть смерть хочется!..

— Андрея надо подождать, обѣщалъ прійти!—сказалъ Θедоръ.

Варя теребила концы передника, вспыхнувъ до корня волосъ; Любочка стала накрывать на столъ, Власьевна зажигала лампадку... Наконецъ, пришелъ Андрей, и всѣ принялись за ужинъ, похваливая стряпню Власьевны; появились кутья и взваръ...

— Ужасно пріятно,—говорилъ Саша:—послѣ многихъ годовъ вспомнить старину!.. Право, мнѣ кажется, что я опять ребенокъ!..

— Выводится теперь это!—грустно сказалъ Θедоръ:—нонѣшніе не признаютъ дѣдовскихъ обычаевъ... Говорятъ, все это одна легенда-съ!.. А какъ же, опять жить такъ безъ праздниковъ!.. Рабочему человѣку никакъ нельзя безъ этого!.. А кутья, мама, важная!... Кушайте... Саша, что-жъ ты!.. Тамъ, небось, этого не было!.. Вотъ мы теперь всѣ здѣсь собрались на вечерю, значитъ, и пріятно намъ, потому праздникъ Господень наступаетъ!.. А дѣтишками, бывало, какъ звѣзды ждемъ, радость такая на сердцѣ!.. Вотъ намаялся я съ работой, не разъ, можетъ, и согрѣшилъ, а какъ праздникъ придетъ, то обо всемъ забуду, по-божьему хочется провести его!.. И весело, и легко оттого!..

Никто ничего не возражалъ Θедору, и онъ умолкъ, гостепріимно угощая гостей...

— Я еще съ тобой, Андрей, толкомъ не поговорилъ; разскажи, какъ у васъ, что новаго!..—сказалъ Саша, когда окончился ужинъ, раскуривая папиросу.

— Новаго ничего!.. Нѣкоторые о колоніяхъ толкуютъ, на Кавказъ, во Владивостокъ собираются ѣхать.

— Вотъ какъ? По-толстовски значитъ!... Ну, а больше ничего?

— Ерунда одна!.. Собираются, толкуютъ, спорятъ; что ни человѣкъ, то партія—смѣхъ одинъ... Потолкался я между ними, да и бросилъ, потому вижу—ерунда, не настоящее!..

Саша грустно поникъ головою.

— Странно,—снова заговорилъ онъ:—а я-то думалъ...

— Всѣ мы, братъ, думали, да наши думки такъ при насъ и остались!.. Бросить, братъ, все это надо, да за настоящее дѣло приняться... Кормиться надо, а фанаберіи тамъ всякія по боку!..

— Вотъ это правда! — подхватила Варя: — пора бросить глупости!..

Власьевна покачивала головой, и знакомое мнѣ тревожное недоумѣніе мелькало на ея лицѣ. Θедоръ молчалъ, нахмуривъ брови, и пытливо смотрѣлъ на брата...

— Слышите, Даша, голосъ практическаго смысла? А, что вы на это скажете?..—Онъ вопросительно смотрѣлъ на меня...

— Лбомъ стѣну не прошибешь, Саша. Время теперь другое, надо искать новыхъ путей...

— Вѣрно, Дарья Антоновна,—подхватилъ Андрей:—мы, голубчикъ, люди рабочіе, трудовые, намъ о своей судьбѣ надо думать...

— И всѣ одно!..—съ горькой нотой протянулъ Саша:—и такъ, значитъ, въ колонію?..

— Кто въ колонію, кто куда? Я, братъ, здѣсь обосновался, женюсь!..

— Женишься?.. Вотъ какъ?.. Ну, поздравляю!.. Саша налилъ въ въ стаканы вина, и всѣ чокнулись. Я искала глазами Варю, но ея не было; улучивъ минуту, я вышла въ кухню; на большой материнской постели лежала Варя и судорожно рыдала...

— Варя, голубушка!..

— Тише, тише! — произнесла она, стискивая мою руку:—ради Бога, закройте дверь... я не могу!...

Бѣдная дѣвушка!—думала я, глядя на вздрагивающую фигуру Вари:—сколько лѣтъ жила она ожиданіемъ, и вотъ теперь, когда онъ вернулся, ей ужъ нечего больше ждать...

— Пустяки!.. Это нервы!—сказала она, поднимаясь:—Бога ради, тамъ ничего не говорите!..

Звѣздное небо ярко свѣтило, когда я въ сопровожденіи Саши шла домой. Улицы спали, покрытыя снѣгомъ, точно саваномъ.

— Да,—вдумчиво говорилъ Саша:—не того я ждалъ, когда ѣхалъ сюда. Неужели такъ-таки и умерло все?...

— Не умерло, а возродилось въ новой формѣ... Унывать нечего!—ободряла я Сашу:—для васъ, какъ для рабочаго, большое поле культурной работы... Осмотритесь вокругъ, и вы увидите, что силы можно приложить!..

— Какой я теперь рабочій!—грустно произнесъ Саша:—что я могу сдѣлать?.. Тѣ идутъ на землю, другіе, какъ Андрей, ищутъ личнаго счастія—грустно какъ-то!..

Что-то безнадежное, унылое звучало въ тонѣ Саши и наводило знакомую тоску.

— Надо путь найти!..

— Найти! А пока душа вымотается! Вотъ что страшно!.. Не итти же по слѣдамъ Якова!..

— Скажите, пожалуйста, какимъ образомъ онъ уцѣлѣлъ?..

— Онъ, видите ли, держался того мнѣнія, что умному человѣку нечего соваться въ дѣла, пока онъ не окрѣпнетъ!.. Надо, говоритъ, силу почувствовать, а тогда хоть горы ворочай!.. О, Яковъ былъ остороженъ, не то, что мы!..

Часы на соборѣ пробили двѣнадцать, когда мы подходили къ дому, гдѣ я останавливалась.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ, Даша, хотите уѣхать изъ нашихъ мѣстъ?..

— Да!.. Я уже перевелась въ N—скую губернію и жду замѣстительницу!..

Отчего-то мнѣ стало грустно, когда Саша въ послѣдній разъ пожалъ мою руку, и нѣсколько секундъ мы въ нерѣшительности

стояли другъ противъ друга... Когда я вошла въ комнату, то чувствовала себя очень усталой. Образъ Саши мелькалъ передо мною въ его загадочномъ колебанiи, и смутная тревога пронизывала душу...

XXVII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Меня тянуло съѣздить на родину, но ни занятiя, ни ничтожныя средства сельской учительницы не позволяли мнѣ привести въ исполненiе мою мысль. Наконецъ, совершенно неожиданно обстоятельства сложились такъ, что я могла исполнить свое желанiе.

И вотъ я снова въ Одессѣ, снова иду по ея прямымъ, усаженнымъ акацiями улицамъ, снова вдыхаю ея горячiй воздухъ. Прежде всего, мнѣ захотѣлось взглянуть на тотъ уголокъ, гдѣ протекло мое дѣтство и юность: двухъ и трехъэтажные дома, вытянувшись въ струнку, наглядно свидѣтельствовали, что старозавѣтный бытъ уже вытѣсненъ отсюда и ютился въ грязныхъ пыльныхъ улицахъ предмѣстья.

Глядя на большiе съ вычурными балкончиками и карнизами дома, я съ трудомъ могла опредѣлить мѣсто, гдѣ когда-то жила моя семья; теперь тамъ высился большой, трехъэтажный домъ, нижнiй этажъ котораго занималъ ресторанъ.

Меня потянуло взглянуть внутрь дома; дворъ былъ тѣсный, сдавленный высокими постройками, и солнце не освѣщало такъ, какъ прежде, всю его поверхность, вымощенную острымъ камнемъ—«дикаремъ».

Мнѣ стало отчего-то очень грустно, и я торопливо пошла обратно... А мимо меня спѣшили люди, стучали экипажи, выкрикивали разносчики газетъ, шмыгали чистильщики сапогъ... я чувствовала себя чуждой и одинокой среди родного, пропитаннаго коммерческимъ духомъ города, и поскорѣе свернула въ адресный столъ, чтобы узнать, здѣсь ли Саша. Я ужасно боялась, что не застану его, что, можетъ быть, онъ поселился въ другомъ городѣ, но, къ моему счастью, онъ оказался здѣсь; квартира его находилась въ одной изъ центральныхъ улицъ города. Я поднялась по чугунной лѣстницѣ въ верхнiй этажъ. У двери, гдѣ былъ № Сашиной квартиры, была прибита вывѣска съ надписью: «акушерка». Я позвонила; дверь открыла среднихъ лѣтъ женщина съ умнымъ, привѣтливымъ лицомъ, одѣтая по-домашнему, въ сѣрый капотъ.

Я спросила, дома ли Саша.

— Дома, дома, пожалуйте!

Трудно было узнать Сашу въ вышедшемъ на мой голосъ господинѣ съ русой бородой и добрыми голубыми глазами. Онъ выжидательно смотрѣлъ на меня.

— Не узнаете?.. Помните Дашу Семякину!

— Боже, вотъ кого не ожидалъ встрѣтить!—обрадовался Саша, крѣпко пожимая мою руку:—какими судьбами, гдѣ пропадали до сихъ поръ?... Какъ вы измѣнились! забрасывалъ онъ меня вопросами, беря изъ рукъ зонтикъ и шляпу. Мы вошли въ комнату...

— Однако хорошъ я,—засмѣялся Саша:—на радостяхъ забылъ познакомить васъ со своей женой... Анночка, помнишь Дашу, мою учительницу, о которой я тебѣ говорилъ?

— Какъ же!.. и очень даже помню! — улыбнулась Анна Петровна, съ которой мы тутъ же расцѣловались...

— Онъ когда-то вѣдь былъ въ васъ влюбленъ! — игриво замѣтила она...

— И пользовался взаимностью!..—весело отвѣтила я.

— Въ самомъ дѣлѣ? вотъ никогда не думалъ!—живо подхватилъ онъ:—впрочемъ тогда было не до чувствъ!..

Въ обществѣ стараго пріятеля и его жены я скоро почувствовала себя необыкновенно хорошо — тепло и свободно, какъ чувствуешь себя всегда съ хорошими, искренними людьми. Узнавъ, что я остановилась въ гостиницѣ, Саша запротестовалъ и потребовалъ немедленнаго водворенія у него...

— Къ вашимъ услугамъ мой кабинетъ; рѣдко приходится сталкиваться съ друзьями юности!—весело говорилъ онъ, потирая руки...

Я спросила о Ѳедорѣ...

— Живъ, живетъ здѣсь, у меня, работаетъ потихоньку на магазинъ. Только нога у бѣдняги до сихъ поръ не прошла... Да вотъ онъ и самъ... Ѳедоръ, иди-ка сюда, посмотри, кто къ намъ пріѣхалъ?

Измѣнился Ѳедоръ страшно: похудѣлъ, посѣдѣлъ совершенно, а кожа на лицѣ стала бѣлая, почти прозрачная; онъ слегка прихрамывалъ на больную ногу.

— Гдѣ жъ узнать ихъ?—съ улыбкой сказалъ онъ: — почитай, лѣтъ десять не видались!.. Много воды утекло съ тѣхъ поръ!

— На Аѳонъ собирается ѣхать, — сказалъ Саша:—въ отца пошелъ—все Богу молится...

— Въ монахи хотите итти?—спросила я...

— Нѣтъ, на поклоненіе только. Какой монахъ изъ меня будетъ!.. Въ монахахъ жизнь трудная, а я слабъ... Истомила меня нога!.. Повѣрите ли, иной разъ такъ болитъ, такъ болитъ, что и свѣтъ не милъ!.. Ну, да я не ропщу!.. На все воля Бога!..— проговорилъ Ѳедоръ, поднимая къ образамъ свои кроткіе, голубые глаза. Несмотря на разницу взглядовъ, братья любили другъ друга. Ѳедора жалѣли и старались окружить вниманіемъ и тепломъ...

— Ну, я съ вами еще увижусь; а теперь надо къ градоначальнику, за паспортомъ...

Онъ улыбнулся, поклонился мнѣ и вышелъ.

Саша сталъ разсказывать мнѣ о своей сибирской жизни...

— Сибирь,—говорилъ Саша,—была моимъ университетомъ; тамъ я научился думать, читать, занимался... Хорошее было время — нечего грѣха таить!.. Жилось по душѣ, а все-таки тянуло въ Россію. Съ какими надеждами ѣхали мы сюда, съ какими планами— помните!. Живя тамъ, мы думали, что здѣсь все постарому — движеніе, борьба, а вышло не то!—Саша вздохнулъ.

— Всѣ по своимъ угламъ засѣли,—продолжалъ онъ:—насъ, возвращенныхъ, остерегались; непротивленіе злу проповѣдывали; совсѣмъ другой духъ пошелъ!.. Мѣстишко, какое ни на есть, трудно было найти; въ Сибири я совсѣмъ отъ своего труда отсталъ—другимъ занимался, а тутъ снова пришлось за ремесло взяться; съ Ѳедоромъ на магазинъ работали, трудно было!.. Плохіе мы работники съ нимъ!.. Потомъ женился—Анночкѣ удалось мѣсто въ больницѣ найти, а потомъ и я пристроился въ агентство... Года два на тридцати-рублевомъ жалованьѣ сидѣлъ, дѣти пошли, ей труднѣе становилось... Ну, а теперь, слава Богу, повышеніе дали, жалованье хорошее получаю, и ей отдохнуть можно... Правда, Анночка, пора и тебѣ получше пожить!..

— Я и такъ не жаловалась,—улыбнулась она:—было бы здоровье; не все же вамъ, мужчинамъ, лямку тянуть!

— Такъ-то оно такъ, да у васъ своя лямка есть!.. Не легко, вѣдь съ дѣтишками!.. А Андрей, вы помните, женился, попрежнему въ желѣзнодорожной мастерской работаетъ...

— А Варя?—спросила я, вспомнивъ былое...

— Варя все въ сестрахъ, въ больницѣ работаетъ... Она теперь вся ушла въ свои общинскіе интересы... Любочка учительствуетъ въ народной школѣ... Замужъ, говоритъ, не хочу выходить, связывать себя!.. Вы ее увидите, она по воскресеньямъ у насъ обѣдаетъ. Милая дѣвушка, только, какъ бы вамъ сказать, не хватаетъ чего-то... Общаго взгляда, міровоззрѣнія... Она—личникъ!..

— Да, теперь молодежь другая, — вдумчиво сказала Анна Петровна:—практичнѣе, эгоистичнѣе стала...

— Ну, а какъ насчетъ движенія — есть что нибудь между рабочими?...

— Есть, какъ не быть!.. Соціалъ-демократы орудуютъ... Ну, а мы въ другомъ смыслѣ... У насъ свой кружекъ есть, у Андрея собственно, а я такъ съ боку-припека!—улыбнулся Саша.

— Какой же это кружекъ?—поинтересовалась я...

— О, самый безобидный!—шутливо сказалъ Саша:—видите ли, мы хотимъ улучшить положеніе современнаго намъ рабочаго, оттянуть его отъ пьянства и прочихъ безобразій, и хлопочемъ объ устройствѣ рабочаго клуба на законныхъ основаніяхъ... Народныя чтенія, лекціи, театры, все это прекрасно, все это необходимо, какъ свѣтъ, воздухъ, потому что рабочій жаждетъ знанія... Но, кромѣ того, намъ нужно своѐ, нужна иниціатива; пусть рабочій не смот-

рить на чужія руки, пусть самъ свое общество устраиваетъ, самъ заботится о своихъ развлеченіяхъ и духовныхъ потребностяхъ—понимаете?..

Саша былъ хорошъ въ эту минуту; лицо его сіяло, глаза горѣли, рѣчь дышала вдохновеніемъ; видно было, что все, что онъ говорилъ, были не слова, а часть его собственнаго существа; Анна Петровна съ гордостью слѣдила за нимъ...

Было далеко за полночь, когда мы разошлись спать. Живымъ, свѣтлымъ лучемъ мелькалъ передо мной Саша, озаренный глубокой жаждой дѣятельности; былой этузіастъ не умеръ въ немъ... брошенное сѣмя не пропало даромъ—оправдаетъ ли жизнь его надежды?..

Узнала я отъ Саши и о судьбѣ Якова; онъ женился на дочери своего патрона, имѣетъ свой домъ, книжный магазинъ и держитъ лошадей.

— Энергичная бестія!—отзывался о немъ Саша:—этого нельзя отнять у него; дѣла Криворогова пошатнулись,—совсѣмъ бы пропалъ, еслибъ не Яковъ... практикъ и умный... вотъ, если бы намъ такого человѣка, живо бы дѣло наладилъ!..

— Что жъ, вдохновите его своимъ духомъ. Авось не забылъ, что самъ былъ рабочимъ!..

— Думаете, не ходилъ?.. Толку никакого!.. Какъ посыпалъ разными словами на тему прогресса, до одурѣнія довелъ... Мечты-съ, говоритъ, все мечты однѣ—вашъ рабочій клубъ, своеволіе одно!.. Тошно стало, плюнулъ да ушелъ!.. Эти господа, выскочки, такъ обуржуазились, что своего же брата, рабочаго человѣка, готовы скрутить въ бараній рогъ... У нихъ на умѣ только аферы... Пронюхалъ, видите ли, что газетное дѣло выгодно, и туда же о своей газетѣ мечтаетъ, въ столпы попасть хочетъ, общество учить... И попадетъ—сто противъ одного, что попадетъ... Нѣтъ, Богъ съ ними!... Мы, какъ бывало говаривала матушка, потихоньку да полегоньку свое дѣло наладимъ!.. А вы все-таки пойдите къ Якову, посмотрите—экземпляръ любопытный!

Но, памятуя все прошлое, я отказалась посмотрѣть на любопытный экземпляръ—смутное предвидѣніе, что должно выйти изъ Якова, сказалось въ памятный для меня день...

XXVIII.

Въ воскресенье собрались у Саши гости: Андрей, Любочка, Варя...

Андрей Иванычъ превратился въ плотнаго коренастаго мужчину, лѣтъ подъ 40.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, удивленій и восклицаній Андрей Иванычъ съ живостью обратился къ Сашѣ...

— А знаешь, наше дѣло идетъ на ладъ—собрали болѣе половины подписей!..

— Да! Ну, вотъ и отлично!..—обрадовался Саша:—одна сторона, значитъ, покончена... Будемъ надѣяться, что и другая пройдетъ благополучно...

— Какое дѣло?—спросила я.

— Ахъ, вы еще не знаете! Желѣзнодорожные рабочіе, по иниціативѣ Андрея, хотятъ просить у города, чтобы онъ отвелъ участокъ пустопорожней земли близъ мастерскихъ, гдѣ они хотятъ построить для себя дома-особнячки... Понимаете, съ разсрочкой выплаты; тѣ деньги, которыя они теперь тратятъ на квартиру, пойдутъ въ уплату за землю; такимъ образомъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ каждый пайщикъ будетъ собственникомъ... Идея прекрасная, не правда ли?..

— Безъ сомнѣнія, если она при томъ будетъ имѣть и дальнѣйшее развитіе...

— Въ этомъ нечего сомнѣваться...—сказалъ Андрей:—мечта каждаго рабочаго имѣть свой собственный уголокъ, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя хозяиномъ. Вы не повѣрите, какъ трудно нашему брату жить въ теперешнихъ домахъ...

— И какихъ домахъ!—подхватилъ Саша:—ни свѣта, ни воздуха... Домовладѣльцы строятъ такъ дома, чтобы какъ можно больше получать съ нихъ дохода, ну, и набиваютъ ихъ людомъ, точно бочку сельдями...

— Да, да!—вдумчиво сказалъ Андрей:—жить при теперешнихъ условіяхъ рабочему человѣку становится хуже, вотъ мы и ищемъ выхода... Пока, мы остановились на устройствѣ собственныхъ домовъ, а тамъ увидимъ.

— Опять толки о собственности?—неожиданно раздается чей-то голосъ. Я обернулась и увидѣла молодого человѣка, оказавшагося братомъ Анны Петровны. Увлеченные нашимъ разговоромъ, мы не замѣтили, какъ онъ вошелъ и стоялъ въ дверяхъ. Его свѣжее, молодое лицо сіяло молодостью, здоровьемъ.

— Какъ вы, господа, не хотите понять,—продолжалъ онъ, поздоровавшись со всѣми:—что ваше спасеніе не въ собственности?

— Въ настоящемъ случаѣ это является для насъ спасеніемъ:—съ улыбкой отвѣтилъ Андрей:—спасеніемъ для нашихъ семей, для нашихъ дѣтей, которыя будутъ дышать не спертымъ воздухомъ зараженныхъ домовъ.

— Чушь, чушь!—вскричалъ Николай Петровичъ:—вашими отдѣльными домиками и всякими тамъ другими палліативами вы только отодвигаете наступленіе капиталистическаго строя, за которымъ послѣдуетъ новый соціальный. Вы тормозите ходъ историческаго процесса въ Россіи...

— А вы хотите, чтобы мы всѣ превратились въ пролетаріевъ, такъ что ли?

— Это неизбѣжно, къ этому все идетъ! Все населеніе превратится въ пролетаріевъ, ибо фабрика съѣстъ собственника, какъ это уже началось во многихъ мѣстахъ. Крестьяне обезземеливаются, идутъ на фабрики, и дѣло каждаго споспѣшествовать этому движенію. Чѣмъ скорѣе пойдетъ этотъ процессъ поглощенія мелкихъ собственниковъ, тѣмъ скорѣе наступитъ новая эра.

— Доки сонце взыйде, роса очи выѣстъ! — спокойно отвѣтилъ Андрей: — вы во что бы то ни стало хотите, чтобы мы обезличились. Ну, а мы, голубчикъ, думаемъ на этотъ счетъ свое: мы тоже жить хотимъ, и, если, какъ вы говорите, капиталистическій строй будетъ давить насъ, то и мы будемъ бороться, во имя правъ своей личности!

— Да вѣдь Николай Петровичъ не признаетъ личности!—вставила Любочка, раскусывая орѣхъ и бросая скорлупу въ молодого человѣка, который на лету словилъ ее.

— А то какъ же? Въ развитіи жизни личность—нуль! Не личность важна, личность будетъ тѣмъ, чѣмъ вынудятъ ее стать историческія условія; личность имѣетъ цѣну въ массѣ, а сама по себѣ она ничто! А масса должна бороться, заявлять себя на каждомъ шагу! А то домики, собственность... чушь!

— Коля, ты, кажется, самъ говоришь чушь!—замѣтила Анна Петровна:—отрицая личность, а слѣдовательно и свободную волю человѣка, ты проповѣдуешь пассивность и по-моему даже рабство. Каждый человѣкъ, пока онъ живетъ, будетъ стремиться къ тому, чтобы облегчить свою жизнь, а не покорно подставлять голову подъ топоръ. Человѣкъ ищетъ, человѣкъ хочетъ счастья!

— Да въ чемъ, гдѣ это счастье? Въ семьѣ? Но развѣ мы не видимъ, что семейное счастье—фикція, тягота, обуза! Счастье—въ подчиненіи своихъ чувствъ дѣлу разума, въ классовой солидарности, и каждый рабочій долженъ понимать это! — все больше и больше горячился Николай Петровичъ.

— Прекрасно, отлично!—подхватилъ Саша: — относительно солидарности мы съ тобой не споримъ. Какъ членъ сословія, рабочій долженъ находить счастье въ общемъ дѣлѣ—согласенъ! Но не забывай, что человѣкъ, кромѣ того, что онъ членъ общества, представляетъ изъ себя еще личность, индивидуумъ, цѣлый особый міръ, если хочешь, и, какъ таковой, онъ будетъ искать своего индивидуальнаго счастія!

— Чушь! чушь! индивидуальнаго счастія нѣтъ—это мы видимъ на каждомъ шагу! Человѣкъ создалъ себѣ идола изъ какого-то личнаго счастія и молится ему, жертвуя даже всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать въ будущемъ дѣйствительное счастіе. Чушь! все это чушь!—кричалъ Николай Петровичъ:—и вашъ идолъ разсыпается прахомъ!

— Ну, хорошо, съ этимъ я согласна,—вставила Любочка: — но вѣдь личное счастіе не только заключается въ семьѣ, въ любви! Оно, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы моя личность росла до необъятныхъ предѣловъ, я говорю о моей духовной личности, о моихъ духовныхъ потребностяхъ! Я говорю не только о своихъ,—покраснѣвъ, поправилась она:—а вообще о человѣческихъ, и въ томъ числѣ рабочаго. А разъ у него будутъ развиваться духовныя потребности, то вмѣстѣ съ ними будетъ развиваться и желаніе удовлетворять имъ, вѣдь такъ? А для этого нужно обезпеченіе, деньги или собственность, какъ хотите, назовите!

— Совсѣмъ не нужно! Для этого будутъ общественныя учрежденія, которыя будутъ давать ему необходимую духовную пищу...

— Ну, а пока ихъ нѣтъ, что же дѣлать рабочему человѣку?— съ улыбкой спросилъ Андрей, прищуривая глаза на молодого человѣка.

— Бороться за свои права! Соединяться въ одну рабочую семью, дѣйствовать въ интересахъ будущихъ благъ!—горячо вскрикнулъ Николай Петровичъ, озирая всѣхъ ликующимъ взглядомъ.

— Господи Боже! — съ комической важностью проговорилъ Андрей:—вы хотите видѣть въ человѣкѣ машину, приспособленную только для борьбы, а эта машина имѣетъ мозгъ, чувства.

— Чувства, которыя мѣшаютъ жить и достигать цѣли! Человѣкъ—разумное существо, а разумъ въ лицѣ науки говоритъ, что торжество капиталистическаго строя приведетъ къ соціальному; а этотъ строй уже вошелъ въ свое русло и, хотите или нѣтъ, притянетъ всѣ побочныя теченія. Какъ вы этого не хотите понять! Если бы вы въ это хорошо вникнули, то и не тормозили бы наше дѣло!

— Нѣтъ, мы не тормозимъ, а содѣйствуемъ ему!—лукаво подмигнулъ Андрей: — мы хотимъ, чтобы наши дѣти выросли здоровыми, лучше насъ воспитанными людьми. Идея, которую мы преслѣдуемъ,—та же самая: солидарность рабочихъ, только достигаемъ мы ее другимъ путемъ. Мы хотимъ воспитать въ рабочихъ духъ коллективизма, взаимопомощи, мы хотимъ внушить рабочимъ ту идею, что благо каждаго зависитъ отъ всѣхъ. Нѣтъ, голубчикъ, вы ошибаетесь,—серьезно и нѣсколько взволнованно говорилъ Андрей:— упорядочивая жизнь рабочаго, мы упорядочиваемъ будущее; мы поднимаемъ самосознаніе рабочаго, мы развиваемъ въ немъ его человѣческое достоинство, будимъ въ немъ иниціативу!

— Чушь, слова! Ничего вы не сдѣлаете вашей солидарностью. Вы только образуете реакціонныя группы, а масса все-таки будетъ вертѣться подъ колесомъ?

— И вы думаете, что она спокойно будетъ лежать подъ колесомъ и ждать грядущаго царства, котораго ей и увидѣть не придется? Вы думаете, что рабочій человѣкъ будетъ питаться одной

великой идеей и не желать ничего въ настоящемъ? Ошибаетесь! Героевъ меньше, чѣмъ вы думаете; пожалуй, до 25 лѣтъ онъ еще сможетъ геройствовать, ну, а дальше и просто пожить захочется въ свое удовольствіе. Было время, когда и мы преисполнены были идей, ну, а теперь и дѣтишки есть, и какой ни на есть комфортецъ хочется имѣть и все прочее!—иронически закончилъ Андрей.

— Обуржуазились вы, господа! — вскричалъ Николай Петровичъ: — а слѣдовательно вы уже и не есть настоящіе рабочіе. Буржуазнаго счастьица захотѣлось—вздоръ, не въ этомъ сила!

— Погоди надъ нами крестъ ставить! Такъ или иначе, мы что нибудь дѣлаемъ, не для себя только живемъ, ну, и фабрики не заводимъ. Своего же человѣка постѣсняемся эксплуатировать. А ваша теорія, кажется, не противорѣчитъ фабрикѣ? Что толковать! Узнай жизнь прежде; пусть она тебя такъ потолчетъ, какъ насъ, тогда посмотримъ, что ты запоешь.

Въ мягкомъ голосѣ Саши послышались грустныя ноты, а глаза заволоклись туманомъ.

— Удивительные, право, вы люди, современная молодежь!—сказала Анна Петровна:—вы воображаете, что человѣка можно подвести подъ одного знаменателя или загипнотизировать такъ, что онъ ничего не будетъ знать и желать, кромѣ того, что вы внушите ему. Человѣкъ сложнѣй, чѣмъ вы воображаете, а жизнь подаритъ васъ такими сюрпризами, которые въ корень подточатъ вашу вѣру въ непреложность законовъ разума!

— Никогда! Наша увѣренность основана на разумѣ, а разумъ не ошибается!—авторитетно отвѣтилъ Николай Петровичъ.

Поданная закуска прекратила споръ, а затѣмъ разговоръ перешелъ на другія темы.

Прогостивъ недѣлю въ симпатичной мнѣ семьѣ, я не безъ сожалѣнія разставалась съ ними. Богъ знаетъ, придется ли еще когда нибудь встрѣтиться...

Марія Ермолина.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА Н. А. АРКАСА.

НИКОЛАЙ Николаевичъ Аркасъ любезно сообщилъ мнѣ выдержки изъ собственноручныхъ записокъ отца его, генералъ-адъютанта адмирала Николая Андреевича Аркаса, бывшаго флигель-адъютанта и эскадръ-майора императора Николая Павловича.

Съ разрѣшенія собственника записокъ мною предлагается читателямъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, касающихся воспоминаній объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ эпоху Крымской войны.

Осенью 1852 года государь предпринялъ путешествіе на югъ съ цѣлью осмотра расположенной тамъ кавалеріи и смотра черноморскаго флота.

Изъ Николаева государь съ огромной свитой совершилъ переѣздъ въ Севастополь на пароходѣ «Владиміръ», которымъ командовалъ тогда Н. А. Аркасъ.

По прибытіи на Севастопольскій рейдъ, пишетъ Н. А. Аркасъ, государь принялъ гр. Воронцова и прочихъ начальствующихъ лицъ. Съ графомъ Воронцовымъ императоръ говорилъ очень долго сначала на площадкѣ, а послѣ обѣда и въ рубкѣ, гдѣ разсматривались разные планы.

Обязанный быть на площадкѣ, я хорошо слышалъ, какъ Воронцовъ упрашивалъ государя объ утвержденіи желѣзной дороги на Ѳеодосію.

На площадку былъ призванъ также В. А. Корниловъ, который представлялъ государю флотъ и все относящееся къ морской части, вмѣсто адмирала Берха. Этотъ послѣдній, хотя и считался главнымъ командиромъ, но по болѣзни и старости онъ не могъ быть при государѣ на «Владимирѣ», и ему былъ данъ пароходъ «Одесса», на которомъ онъ и находился все время.

Весьма странно было видѣть такое положеніе Берха и Корнилова! Послѣдній всѣмъ распоряжался, дѣлалъ, что хотѣлъ, и князь Меншиковъ, бывшій въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, все это хорошо зналъ; но онъ боялся вліянія Корнилова въ будущемъ, вообще не любилъ его и не давалъ ему хода.

Въ этотъ свой пріѣздъ государь осматривалъ также проектируемые Корниловымъ планы новыхъ 126 пушечныхъ винтовыхъ кораблей «Босфоръ» и «Цесаревичъ». При осмотрѣ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты также плавалъ въ Англіи на ихъ винтовыхъ корабляхъ. Что ты думаешь о нихъ?

Я отвѣчалъ, что несомнѣнно они будутъ имѣть будущность.

Планы кораблей были утверждены, и, такимъ образомъ, на Черномъ морѣ было положено основаніе винтового черноморскаго флота. Жаль, что это не было сдѣлано четырьмя годами раньше!

При отъѣздѣ въ Петербургъ государь поздравилъ Аркаса своимъ флигель-адъютантомъ съ назначеніемъ въ Балтійскій флотъ.

Весною 1853 г., пишетъ авторъ записокъ, императоръ назначилъ свой пріѣздъ въ Кронштадтъ для производства смотра, который соединялся съ разводомъ въ манежѣ одному изъ флотскихъ экипажей.

Обыкновенно такой экипажъ готовился къ смотру цѣлый годъ, и за нѣсколько дней до смотра очередь карауловъ подводили такъ, чтобы въ день смотра въ караулѣ былъ экипажъ, предшествующій по номеру тому экипажу, который въ теченіе цѣлаго года готовился для развода. На вопросъ, какой экипажъ его величеству угодно видѣть на разводѣ на слѣдующій день, государь всегда спрашивалъ:

— А какой экипажъ сегодня въ караулѣ?

И когда, напримѣръ, отвѣчали 18-й, то онъ назначалъ разводъ 19-му, т. е. именно тому, который подготовился къ смотру.

Узнавъ о такихъ непохвальныхъ дѣйствіяхъ кронштадтскаго начальства, государь въ 1852 году опредѣлилъ для развода такой номеръ экипажа, который совсѣмъ къ этому не былъ приготовленъ. Представленные начальствомъ разные доводы, что экипажъ въ конвоѣ, что онъ не въ полномъ составѣ и пр., не помогли, и государь непреклонно подтвердилъ свое приказаніе.

Мнѣ разсказывали, какой ужасъ произвело это въ Кронштадтѣ. Чтобы хоть сколько нибудь сдѣлать возможнымъ производство раз-

вода, нижнихъ чиновъ подготовленнаго экипажа переодѣвали въ мундиры экипажа, назначеннаго въ разводъ, и три четверти офицеровъ было назначено изъ приготовлявшихся. Это тоже дошло до государя, и во время развода онъ скомандовалъ:

— Офицеры N экипажа (который подготовлялся заранѣе къ разводу) впередъ!

При этомъ вышли всѣ офицеры, за исключеніемъ трехъ, въ дѣйствительности принадлежащихъ къ тому экипажу, отъ котораго былъ разводъ. То же самое было и съ нижними чинами.

Можно себѣ представить неудовольствіе государя. Говорили, что онъ очень рѣзко и съ большимъ гнѣвомъ высказалъ князю Меншикову и кронштадтскому начальству, что это—умышленный обманъ, допущенный всѣми ими.

Въ описываемое же время князь Меншиковъ чудодѣйствовалъ въ Константинополѣ, и всѣмъ флотомъ управлялъ великій князь Константинъ Николаевичъ.

Къ слѣдующему смотру государя для развода одинаково были подготовлены всѣ экипажи, и потому опредѣленный его величествомъ номеръ для развода въ назначенный часъ исполнилъ въ манежѣ это дѣло очень хорошо. Государь былъ весьма доволенъ и благодарилъ.

Затѣмъ было скомандовано:

— Первый полубаталіонъ по марсамъ, второй по орудіямъ!

Это было презабавное представленіе. Тутъ же въ манежѣ была мачта, весьма небольшая, съ реями и парусами, такъ что марсель [1]) убирали по три человѣка съ каждаго нока [2]), а команды было до 150 человѣкъ. На площадкѣ, тутъ же устроенной, были поставлены 10-ть небольшихъ пушекъ, и у каждой по 12 человѣкъ, производящихъ заряженіе по пріемамъ медленно и презабавно.

Государь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— У тебя на «Владимирѣ» дѣлалось это лучше и быстрѣе, да и не съ такими пушками, — и тутъ же, обратившись ко всѣмъ, прибавилъ:

— Я у него видѣлъ верхъ совершенства, и при томъ у него вовсе не было этихъ ненужныхъ пріемовъ. Я желаю, чтобы на всѣхъ судахъ Балтійскаго флота была принята его система.

На это великій князь Константинъ Николаевичъ доложилъ, что онъ назначилъ уже комиссію, для пересмотра правилъ артиллерійскаго ученія и для согласованія ихъ съ черноморскимъ ученіемъ.

---

[1]) Марсель—самый большой парусъ на каждой мачтѣ. Обыкновенно на уборку его потребно гораздо большее число людей. А. З.

[2]) Нокъ — это конецъ реи, т. е. поперечники мачты, къ которымъ привязываются паруса. А. З.

Государь, указывая на меня, сказалъ:

— Онъ можетъ быть очень полезенъ въ этомъ.

И вотъ мнѣ пришлось работать въ этой комиссіи и бороться съ весьма сильнымъ вліяніемъ дежурнаго генерала, генералъ-адъютанта N..., составителя ученія съ пріемами и всѣми силами отстаивавшаго свои старые принципы.

Затѣмъ государь, показывая на мачту, спросилъ меня:

— А что ты скажешь на это?

Я отвѣтилъ, что ученіе при игрушечной мачтѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что матросъ встрѣчаетъ на практикѣ; такъ равно и ученіе при орудіяхъ такого малаго калибра, каковыхъ на корабляхъ нѣтъ, скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу.

Государь въ отвѣтъ сказалъ «совершенно вѣрно», и съ тѣхъ поръ мачта и батарея, бывшія въ манежѣ, уничтожены.

Между тѣмъ переговоры съ Турціей не обѣщали хорошаго исхода, а у насъ слишкомъ легко относились къ этому и приготовленій къ войнѣ не дѣлали никакихъ, хотя къ ней энергично готовились всѣ европейскія державы.

Въ такомъ положеніи засталъ насъ наступившій 1854-й годъ.

Въ началѣ этого года получено было въ морскомъ министерствѣ донесеніе командира корвета «Наваринъ», посланнаго въ половинѣ октября въ кругосвѣтное плаваніе, что въ Нѣмецкомъ морѣ онъ встрѣтилъ и перенесъ два жестокихъ шторма, отъ которыхъ течь въ корветѣ до того усилилась, что для спасенія судна и команды командиръ вынужденъ былъ зайти въ портъ Флисингенъ для осмотра и исправленія корвета.

По осмотрѣ спеціалистами Флисингенскаго порта оказалось, что исправить надежно «Наваринъ» для кругосвѣтнаго плаванія положительно невозможно.

Государь былъ крайне недоволенъ этимъ и, призвавъ меня, поручилъ мнѣ немедленно ѣхать во Флисингенъ, подробно осмотрѣть корветъ «Наваринъ» и употребить всѣ усилія для скорѣйшаго исправленія его и посылки во Владивостокъ. Если же это окажется невозможнымъ, то немедленно купить три, а въ крайнемъ случаѣ двѣ шкуны, вооружить ихъ орудіями съ корвета, распредѣлить на нихъ команду и офицеровъ, погрузить имѣющіеся для сибирскихъ портовъ грузы и скорѣе послать эти шкуны, такъ какъ положеніе политическихъ дѣлъ угрожаетъ войной.

Вообще, порученіе было весьма сложное и важное, тѣмъ болѣе, что вѣроятность войны и общее недружелюбіе всѣхъ европейскихъ державъ противъ Россіи высказывались во всемъ чрезвычайно рѣзко.

19 января 1854 г. я отправился черезъ Берлинъ прямо въ Голландію, въ портъ Флисингенъ, гдѣ нашелъ корветъ «Наваринъ» вытащеннымъ на элингъ, а командира корвета К. И. Истомина, всѣхъ офицеровъ и команду, хотя здоровыми, но крайне унылыми.

При подробномъ осмотрѣ корвета, у котораго мѣстами была вскрыта обшивка, я былъ совершенно пораженъ его ужаснымъ положеніемъ. Гниль оказывалась во всѣхъ мѣстахъ. Можно сказать, что ни одного шпангоута не было вполнѣ здороваго; все держалось на наружной обшивкѣ, которая прикрѣплялась вмѣсто цѣльныхъ мѣдныхъ болтовъ снаружи только головками ихъ, а съ внутренней стороны также коротенькими концами болтовъ съ расклепками на кольцахъ. Обманъ преступный!

Сверхъ того, было еще множество пропусковъ, доказывавшихъ полную виновность и преступность строителей, производившихъ ремонтъ этого корвета въ Кронштадтѣ.

Нужно было хлопотать о пріисканіи и покупкѣ шкунъ для немедленнаго отправленія ихъ въ море. Съ этой цѣлью я посѣтилъ нѣсколько городовъ Голландіи, въ крайности думалъ даже отправиться въ Англію.

Въ Гаагѣ я былъ очень милостиво принятъ королемъ и королевой Нидерландіи.

Повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ въ то время г. Сиверсъ, очень хорошій человѣкъ, но очень робкій, и онъ умолялъ меня не ѣздить въ Англію, въ которой народное возбужденіе противъ Россіи и русскихъ было чрезвычайно велико.

Тамъ въ это время, при поддержкѣ, конечно, правительства, писались противъ Россіи и дѣлались всевозможные пасквили; такъ, напримѣръ, сдѣлавъ большую куклу, нарядивъ ее въ мундиръ и ленты и надписавъ, что это—русскій императоръ, громаднѣйшая толпа съ неистовыми криками волокла ее по улицамъ Лондона и на одной изъ площадей сжигала на кострѣ. И это дѣлала просвѣщенная нація!

Въ то же время голландское правительство смотрѣло подозрительно какъ на мое пребываніе въ Гаагѣ, такъ и на пребываніе корвета и его команды въ Голландіи. Король вполнѣ сочувствовалъ Англіи и Франціи и былъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ.

Въ это время вдовствующая королева Анна Павловна приглашала меня довольно часто къ обѣду и оказывала чрезвычайно большое вниманіе. Король же Нидерландовъ былъ очень встревоженъ неожиданнымъ и быстрымъ отъѣздомъ одной изъ актрисъ театра, къ которой онъ питалъ большую и небезуспѣшную любовь. Королевѣ сдѣлалось это извѣстнымъ, и потому у нихъ въ королевскомъ семействѣ было не ладно.

Впрочемъ, я былъ приглашенъ на одинъ изъ баловъ, дававшихся ихъ величествами. О балѣ этомъ можно сказать только, что въ сравненіи съ придворными, даже малыми балами въ Петербургѣ, онъ былъ болѣе чѣмъ миверенъ.

При дворѣ вдовствующей королевы, родной сестры нашего императора Николая Павловича, существовалъ этикетъ стараго вре-

мени, который соблюдался въ высшей степени. Она сама ходила совершенно особенно, присѣдая и подымаясь, и весь дворъ, а также находившіяся при ней лица давали мнѣ полную возможность видѣть тотъ старый, утонченный этикетъ, который уже почти нигдѣ при дворахъ не существовалъ.

Ея величество очень любила разговаривать со мною о Россіи и лицахъ высшей аристократіи, но она не была въ Россіи болѣе 25 лѣтъ, многихъ уже не было въ живыхъ, а потому не на всѣ ея вопросы я могъ отвѣчать.

Какъ-то она съ грустью спросила меня:

— А русскій народъ меня навѣрное совершенно забылъ?

На это я отвѣчалъ, что ее болѣе помнятъ, чѣмъ кого либо изъ отсутствующихъ особъ царской фамиліи, и молятся за нее очень усердно.

— Какъ же это?—быстро спросила она меня.

Я объяснилъ, что при Божественныхъ службахъ, совершаемыхъ въ церквахъ, на всѣхъ ектеніяхъ и отдѣльно, когда діаконы перечисляютъ всѣхъ царственныхъ лицъ августѣйшаго дома, они такъ невнятно произносятъ имена, что рѣшительно невозможно ничего разобрать, но кончаютъ это всегда очень ясно и твердо, выражая слова: «и королеву нидерландскую Анну Павловну», при чемъ народъ усердно всегда молится.

Королева очень смѣялась и была, повидимому, очень довольна моимъ отвѣтомъ.

На одинъ изъ обѣдовъ королева пригласила одного изъ старыхъ военныхъ генераловъ Голландіи, сподвижника покойнаго ея мужа. Къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію, но онъ имѣлъ орденъ Александра Невскаго и пользовался расположеніемъ нашего государя Николая Павловича.

По словамъ королевы, этотъ генералъ, повидимому, выживающій изъ ума, былъ очень преданъ Николаю Павловичу, и на этомъ-то основаніи онъ просилъ меня передать государю, что, въ виду наступавшей тогда войны, о которой болѣе или менѣе говорили уже почти утвердительно, онъ, какъ истинно преданный и любящій государя человѣкъ, считаетъ своею обязанностью сообщить ему нѣсколько военныхъ секретовъ. Сущность ихъ была слѣдующая: каждый солдатъ долженъ имѣть при себѣ двѣ маски— черную и красную. Въ пылу сраженія, когда наступаетъ рѣшительный моментъ, то, по опредѣленному заранѣе сигналу, всѣ войска должны вдругъ надѣть черныя маски; это произведетъ панику, и непріятель непремѣнно обратится въ бѣгство, а ежели бы онъ этого не сдѣлалъ, то черезъ нѣсколько времени, по приказанію главнокомандующаго, въ одинъ моментъ должны быть надѣты красныя маски, и побѣда будетъ несомнѣнна.

При этомъ генералъ передалъ мнѣ приличную шкатулочку, въ

которой лежали двѣ маски—черная и красная, для личнаго врученія ихъ государю императору. Хотя не оставалось болѣе сомнѣнія, что сей почтенный старецъ уже потерялъ разсудокъ, но, тѣмъ не менѣе, я долженъ былъ, пока королева занимала разговоромъ другихъ гостей своихъ, выслушать еще одинъ секретъ.

Этотъ секретъ заключался въ томъ, что въ крѣпостяхъ должны въ большомъ числѣ находиться бочки, въ которыя сливаются всѣ нечистоты гарнизона.

— Можете себѣ представить,—радостно воскликнулъ генералъ,—сколько наберется этой, считающейся безвредной, жидкости, а между тѣмъ вотъ что слѣдуетъ дѣлать въ критическія минуты штурма крѣпости. Главнокомандующій долженъ приказать направлять изъ имѣющихся тутъ же брандспойтовъ струю жидкости въ глаза непріятеля, и его войска ослѣпнутъ — побѣда будетъ несомнѣнна!

Убѣдясь изъ разсказа генерала, что онъ положительно потерялъ разсудокъ, я шутя задалъ ему вопросъ:

— А ежели у непріятеля будетъ въ рукахъ такое же средство?

Генералъ съ живостью отвѣтилъ:

— Вижу, что вы умный человѣкъ, но не подумайте, что я не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Вотъ порошокъ, который каждый солдатъ вашъ долженъ имѣть при себѣ, и ежели онъ будетъ ослѣпленъ, то примочка съ примѣсью этого порошка очень скоро его исцѣлитъ. Я вамъ передаю порошокъ, какъ великій секретъ, который вы передадите государю, и никому больше говорить не будете.

Во время нашего разговора подошла къ намъ королева, и генералъ очень здраво, съ соблюденіемъ полнаго этикета, началъ говорить съ нею по-голландски, послѣ чего, обратившись ко мнѣ, королева сказала:

— Старикъ очень полюбилъ васъ и находитъ чрезвычайно умнымъ человѣкомъ,—и тутъ же, вѣроятно, не зная, въ чемъ заключаются секреты сего генерала, прибавила:

— Передайте брату моему, Николаю Павловичу, что покойный король очень цѣнилъ военную опытность этого генерала, а я вполнѣ увѣрена въ его безпредѣльной преданности и любви къ нему.

Что мнѣ оставалось дѣлать?

Я принялъ данные мнѣ образцы и обѣщалъ все исполнить, но исполненіе было очень не легко.

Ниже я разскажу, чѣмъ и какъ разрѣшилось все, а теперь буду продолжать о пребываніи моемъ въ Гаагѣ.

Находя невозможнымъ исполнить данное мнѣ порученіе, я послалъ о семъ донесеніе генералъ-адмиралу и послѣ долгихъ ожиданій получилъ отвѣтъ, предписывавшій мнѣ сдать корветъ съ имуществомъ голландцамъ, оставивъ для этого одного изъ офице-

ровъ. Орудія дарились голландскому правительству. Команду и офицеровъ приказывалось тотчасъ же возвратить въ Россію, а мнѣ сопровождать ее до нашихъ границъ.

Приступивъ немедленно къ распоряженіямъ по перевозкѣ команды, я доложилъ о полученномъ мною предписаніи королевѣ, которая просила меня представить ей хотя часть корветской команды и офицеровъ.

Въ назначенный королевою день я представилъ ея величеству командира, офицеровъ и команду. Со всѣми ими королева очень милостиво разговаривала, потомъ пригласила въ свою домовую церковь, гдѣ было отслужено напутственное молебствіе. Ея величество по окончаніи его благословила образомъ всѣхъ отправлявшихся, назначая этотъ большой образъ командѣ, и, передавая его командиру, ставшему для сего на колѣни, королева сказала нѣсколько задушевныхъ словъ и прослезилась. Командиръ, К. И. Истоминъ, желая также выпустить изъ себя при этомъ случаѣ нѣсколько слезинокъ, никакъ не могъ сдѣлать этого, хотя очень натиралъ себѣ глаза, чтò было крайне забавно.

Пригласивъ затѣмъ къ завтраку своему командира и офицеровъ, королева одновременно въ отдѣльной комнатѣ предложила командѣ угощеніе.

По окончаніи завтрака королева пожелала проститься со всѣми и при этомъ каждому изъ офицеровъ подавала руку, которую они цѣловали, соблюдая установленные этикетомъ поклоны до и послѣ.

Чтобы показать необыкновенное вниманіе и къ командѣ, королева допустила и ихъ къ своей рукѣ. Это было для насъ совершенно неожиданно, предупредить матросиковъ не успѣли, и хотя это были лучшіе и разумнѣйшіе изъ всей корветской команды, но можно себѣ представить, какъ выходило все карикатурно. Многіе изъ нихъ, видя, что офицеры кланялись, также пренеловко раскланивались, а одинъ подойдя совершилъ передъ поцѣлуемъ руки знаменіе креста и по окончаніи совершилъ то же. Я и всѣ были крайне сконфужены, но, чтобы разсѣять, можетъ быть, непріятное впечатлѣніе, произведенное на королеву, я, подойдя къ ней, сказалъ:

— Простите ему, ваше величество, онъ сдѣлалъ это въ избыткѣ чувствъ отъ истиннаго и неожиданно доставшагося на его долю счастья; неподготовленный, онъ сдѣлалъ то, что ему указала его простая, но добрая натура и глубокая преданность вашему величеству.

Въ Ротердамѣ я, командиръ, офицеры и вся команда пересѣли на пароходъ, на которомъ переплыли до границы Пруссіи, гдѣ на встрѣчу намъ на особомъ пароходѣ выѣхали и представились мнѣ прусскій генералъ и разныя офиціальныя лица, которыя, по приказанію прусскаго короля, должны были сопровождать насъ до границы Россіи.

Всѣ мы пересѣли на ихъ пароходъ и съ полнымъ комфортомъ поплыли далѣе.

Вездѣ у городовъ выѣзжали къ намъ въ полной формѣ офиціальныя лица, и всюду мы встрѣчали особенное вниманіе, которое, вѣроятно, было предписано изъ Берлина.

Не помню, у какого мѣста пересѣли мы въ вагоны желѣзной дороги и помчались далѣе. За шесть часовъ до пріѣзда въ Берлинъ сопровождавшій насъ генералъ сказалъ мнѣ, что король приглашаетъ меня съ командою остановиться въ Потсдамѣ, гдѣ будетъ приготовленъ для всѣхъ насъ обѣдъ на вокзалѣ желѣзной дороги, и что его величество желаетъ самъ лично встрѣтить насъ.

Я благодарилъ, и всѣ мы готовились для этого къ четыремъ часамъ пополудни, но по какому-то случаю нашъ поѣздъ былъ остановленъ на шесть часовъ времени, потомъ еще на четыре часа, такъ что мы подошли къ вокзалу Потсдамской желѣзной дороги къ двумъ часамъ ночи, и каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что вся станція была иллюминована, и множество генераловъ, имѣя во главѣ наслѣднаго принца и другихъ принцевъ царствующаго дома, встрѣтили насъ.

Я представился наслѣдному принцу и другимъ; представилъ командира и всѣхъ офицеровъ. Команда стала во фронтъ; наслѣдный принцъ привѣтствовалъ ее и затѣмъ отъ имени короля пригласилъ меня, командира, офицеровъ и команду къ обѣду, который былъ сервированъ въ двухъ залахъ, отлично убранныхъ флагами русскими и прусскими и разноцвѣтными огнями. Въ одной залѣ помѣстили насъ, и съ нами остались принцы и всѣ прусскіе генералы, а въ другой команду, гдѣ на каждаго матроса былъ одинъ гвардейскій прусскій солдатъ.

Въ началѣ обѣда наслѣдный принцъ объявилъ мнѣ, что его величество король желалъ самъ встрѣтить насъ и обѣдать съ нами, но болѣзнь остановила его.

У меня въ это время также до того сильно болѣла голова, что я съ большимъ трудомъ сидѣлъ за столомъ и положительно не могъ говорить; къ этому еще долженъ сказать, что я былъ крайне сконфуженъ неожиданнымъ парадным пріемомъ, встрѣчею принцами, запозданіемъ на 10 часовъ времени и тѣмъ еще, что ни посланникъ и никто изъ посольства нашего не пріѣхалъ на вокзалъ, чтобы встрѣтить насъ, а, главное, чтобы указать на соблюденіе того этикета, къ которому всѣ мы не были подготовлены.

Тостъ за здоровье государя императора, провозглашенный наслѣднымъ принцемъ, былъ принятъ съ большимъ одушевленіемъ, какъ равно и мой тостъ за здоровье прусскаго короля; музыка играла въ это время гимны, сперва русскій, потомъ прусскій.

Между матросами и прусскими гвардейцами знакомство установилось очень скоро, и обѣдъ продолжался весьма шумно и весело.

Еще нѣсколькими тостами за здоровье русскихъ моряковъ, наслѣднаго принца и проч. кончился обѣдъ, продолжавшійся до разсвѣта.

Нельзя было не понять, что передъ предстоящей Россіи войной прусскій король хотѣлъ этой встрѣчей показать свое вниманіе и сочувствіе русскому императору.

Насъ опять посадили въ вагоны, и при звукахъ музыки и крикахъ «ура» мы понеслись къ русской границѣ.

Желѣзная дорога была тогда до Кенигсберга; тамъ насъ встрѣтилъ командовавшій войсками старикъ генералъ и устроилъ дальнѣйшій нашъ походъ къ границѣ, который пришлось совершать пѣшкомъ по отличному шоссе, имѣя большое число нанятыхъ подводъ для багажа и уставшихъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я явился къ государю императору и доложилъ обо всемъ мною исполненномъ; однако, видя государя мрачнымъ и озабоченнымъ, я умолчалъ о порученіи голандскаго генерала.

Какъ впослѣдствіи я узналъ, плохое расположеніе духа государя происходило отъ принятаго имъ рѣшенія отвѣтить отказомъ на присланный четырьмя державами ультиматумъ, предлагавшій государю 10 дней для отвѣта. Отвѣтъ этотъ долженъ былъ опредѣлить миръ и войну.

Какъ извѣстно, Николай Павловичъ отвѣтилъ, что ему не нужно и 10 минутъ, что онъ отказывается отъ предложенія, и этимъ, конечно, былъ рѣшенъ вопросъ о войнѣ. Я встрѣтилъ уѣзжавшаго изъ Петербурга курьера съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Считаю не лишнимъ сказать о моемъ разговорѣ въ это время съ великою княгинею Еленою Павловною, при представленіи по случаю пріѣзда.

Великая княгиня говорила мнѣ, что войны не будетъ; я доказывалъ противное, но она возразила на это, что великая княгиня Марія Николаевна, только что пріѣхавшая изъ Англіи, видѣлась тамъ съ королевою Великобританіи, которая сказала ей, что ни въ какомъ случаѣ не подпишетъ окончательнаго рѣшенія о войнѣ, что зависитъ исключительно отъ нея.

Я отвѣтилъ простодушно, что ее заставятъ подписать.

Моимъ отвѣтомъ великая княгиня Елена Павловна, повидимому, была очень недовольна и даже выказывала это довольно долго при разныхъ случаяхъ. Мнѣ даже казалось, что государь Николай Павловичъ временно сдѣлался ко мнѣ нѣсколько холоднымъ, и я имѣлъ основаніе полагать, что его величеству былъ извѣстенъ мой разговоръ съ великою княгинею Еленою Павловною. Но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока англійскій флотъ не вошелъ въ Черное море; тогда при первой встрѣчѣ великая княгиня сказала мнѣ:

— Вы были правы.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы я былъ командированъ въ Ригу для постройки канонерскихъ лодокъ. Вернувшись лѣтомъ въ Петербургъ, я представлялся государю, который неоднократно выражалъ свое полное удовольствіе по поводу исполненія возложеннаго на меня порученія. Затѣмъ, какъ бы вспомнивъ что-то весьма серіозное, спросилъ меня:

— Отчего ты не сказалъ мнѣ о секретныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ тебѣ голландскимъ генераломъ, для передачи мнѣ?

Оказалось, что этотъ генералъ, не получая отвѣта и благодарности отъ государя, просилъ королеву узнать у его величества объ этомъ въ одномъ изъ писемъ, и вотъ мнѣ приходилось теперь раздѣлываться.

Я улыбнувшись сказалъ, что, возвратясь изъ Голландіи и явившись къ его величеству, я считалъ то время неудобнымъ для передачи такого предложенія и откладывалъ до болѣе удобнаго времени.

— Да что же это такое?—нетерпѣливо спросилъ государь:—разскажи мнѣ теперь!

Я съ подробностью началъ разсказывать все, что мною было описано выше. Государь разсмѣялся и очень повеселѣлъ, а когда я кончилъ, то онъ смѣясь прибавилъ:

— Да, старикъ совсѣмъ изъ ума выжилъ.

Въ это время вошла въ кабинетъ императрица Александра Ѳеодоровна и была, повидимому, очень удивлена, увидѣвъ отъ души смѣявшагося государя, но когда онъ разсказалъ ей первую часть предложенія о маскахъ, то и императрица разсмѣялась.

Такъ кончилась эта исторія, много меня заботившая въ продолженіе всего времени. На другой день я передалъ государю и шкатулку съ масками и порошкомъ. Долго потомъ еще государь при встрѣчѣ со мною улыбаясь говорилъ:

— А, каковъ проказникъ голландскій генералъ!

Объявленіе войны было уже совершившимся фактомъ; въ Черное море вошли англійскій и французскій флоты; начали прибывать въ Турцію войска ихъ, и враги наши начали готовить громадный десантъ для высадки—но куда? Это былъ большой секретъ; существовало много разныхъ предположеній, но менѣе всего думали, что высадка произойдетъ у Евпаторіи.

Въ Балтійское море была послана соединенная англійская и французская эскадра подъ начальствомъ извѣстнаго хвастуна адмирала Непира, который, отправляясь къ Кронштадту, объявилъ, что скоро надѣется завтракать въ Кронштадтѣ, а обѣдать въ Петербургѣ. Въ приказахъ адмиралъ писалъ, чтобы точили ножи рѣзать русскихъ, и прочія нелѣпости, а оказалось, что у него не было десантныхъ войскъ, и комплектъ командъ былъ значительно уменьшенъ.

Все ихъ преимущество заключалось въ томъ, что корабли ихъ были съ винтовымъ двигателемъ, а наши парусные, и, разсчитывая на это, англичане смѣло плавали по Балтійскому морю.

Входъ непріятеля въ Балтійское море заставилъ приступить къ энергическимъ приготовленіямъ нашего Балтійскаго флота. Двѣ дивизіи, бывшія въ Кронштадтѣ, готовились подъ флагомъ адмирала Рикорда, поднятымъ на кораблѣ «Петръ I», а третья дивизія была въ Свеаборгѣ, подъ флагомъ вице-адмирала Румянцева. Готовность и положеніе этой дивизіи весьма заботили государя императора, и потому въ концѣ іюня его величество послалъ меня сдѣлать подробный смотръ этой дивизіи въ Свеаборгѣ; туда же были посланы построенныя въ Петербургѣ и Кронштадтѣ 36 гребныхъ канонерскихъ лодокъ.

Вездѣ приступили къ усиленному вооруженію крѣпостей и батарей, а по сѣверному фарватеру, оказавшемуся, вопреки существовавшаго мнѣнія, удобнымъ для прохода непріятельскихъ судовъ, были поставлены мины, проектированныя нашимъ ученымъ комитетомъ. Къ сожалѣнію, по предложенію члена этого комитета, Якоби, заряды были утверждены великимъ княземъ въ 5 и 10 фунтовъ, вмѣсто предполагавшихся нами въ 10—20 фунтовъ.

Дѣятельность кипѣла общая; на флотѣ производились безпрерывныя ученья.

Великій князь генералъ-адмиралъ ежедневно почти ѣздилъ туда и въ одну изъ такихъ поѣздокъ катался подъ парусами на вновь построенномъ по особой американской системѣ ботѣ. При бывшемъ довольно свѣжемъ вѣтрѣ ботъ перевернулся; великій князь былъ спасенъ идущимъ позади катеромъ съ корабля гвардейскаго экипажа «Прохоръ»; также были спасены ѣхавшіе съ его высочествомъ контръ-адмиралъ Истоминъ, бывшій начальникъ штаба въ Кронштадтѣ, и адъютанты его высочества—Ливенскій и Южковъ; князь же Евгеній Голицынъ утонулъ.

Пріѣхавъ въ Свеаборгъ, я засталъ всю дивизію на рейдѣ и потому, исполняя высочайшее порученіе, на другой же день приступилъ къ осмотру каждаго корабля въ подробности, производя парусныя, пушечныя, абордажныя и пожарныя ученія.

По окончаніи смотра я назначилъ стрѣльбу въ цѣль изъ орудій, начиная съ корвета «Полтава», подъ командой капитана 1 ранга Крякина. Корабль существовалъ уже девять лѣтъ и, какъ оказалось, кромѣ салютныхъ выстрѣловъ, онъ ни одного раза не стрѣлялъ изъ своихъ орудій ядрами.

Я требовалъ производства ученій по вновь составленной при моемъ участіи книгѣ «Артиллерійское ученіе», разосланной уже около двухъ мѣсяцевъ на всѣ корабли.

Пробита была тревога, началась пальба. Адмиралъ, я, командиръ и всѣ приглашенные командиры другихъ 6-ти кораблей и 3-хъ па-

роходовъ были на палубѣ, гдѣ производилась стрѣльба. Каждое орудіе заряжалось при мнѣ, по всѣмъ правиламъ, и когда комендоръ кончалъ наводить орудіе, то я провѣрялъ направленіе и разрѣшалъ ему производить выстрѣлъ, когда будетъ на точкѣ.

Такимъ образомъ по порядку номеровъ орудій сдѣлано было четыре выстрѣла, и готовились къ пятому.

Въ это время одинъ изъ командировъ кораблей просилъ меня разрѣшить непонятно изложенное въ книгѣ о новомъ ученіи. Я попросилъ дать мнѣ книжку и, провѣривъ сдѣланную комендоромъ наводку орудія, отошелъ два шага, чтобы взять книгу. Въ этотъ моментъ произошелъ выстрѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрывъ орудія на части, при чемъ было убито 9 человѣкъ на повалъ и 5 тяжело ранено; даже на верхней палубѣ былъ убитъ одинъ матросъ осколкомъ отъ разорваннаго орудія, который, пробивъ палубу, пролетѣлъ наверхъ. Если бы я не отошелъ, какъ сказано выше, двухъ шаговъ, то несомнѣнно былъ бы въ числѣ убитыхъ; теперь же мы всѣ, стоявшіе близъ разорваннаго на части орудія, подверглись стремительному паденію на палубу, и насъ обсыпало мельчайшимъ чугуннымъ пескомъ. Это доказывало недоброкачественность чугуна, изъ котораго было отлито, какъ это орудіе, такъ и всѣ орудія, находившіяся на кораблѣ «Полтава» и на другихъ корабляхъ свеаборгской дивизіи. Отливались же эти орудія въ Петрозаводскѣ, на казенныхъ заводахъ.

Въ письмѣ къ великому князю я просилъ, въ виду недоброкачественности металла, изъ котораго были отлиты орудія, разрѣшенія уменьшить заряды, что было необходимо для безопасности и отстраненія паники, которую случай разрыва орудія возбудилъ на всѣхъ корабляхъ и судахъ.

Во время той же стрѣльбы я замѣтилъ, что при выстрѣлахъ у станковъ съ такою силою вылетали клинья, что комендоръ и всѣ стоявшіе у орудія постоянно находились въ большой опасности.

Не могу не признаться, что, приступая на другой день къ продолженію учебной стрѣльбы, я, какъ равно и остальные, не былъ покоенъ, хотя заряды пороха и были, по моему приказанію, нѣсколько уменьшены. Къ счастію, все шло благополучно до послѣдняго выстрѣла, отъ котораго также разорвало орудіе, но не такъ, какъ было наканунѣ, а только отпала дульная часть, не причинивъ никому никакого вреда.

Государь очень благодарилъ меня за исполненіе порученія и выражалъ большую радость, что я былъ спасенъ, прибавивъ, что нужно хорошенько обревизовать Петрозаводскъ, гдѣ отливались эти орудія, и что зимою онъ поручитъ произвести мнѣ это дѣло.

— Теперь,—сказалъ государь,—я надняхъ буду дѣлать смотръ флоту на Кронштадтскомъ рейдѣ, и ты будешь при мнѣ попрежнему въ должности эскадръ-майора.

Черезъ три дня состоялся этотъ смотръ и, благодаря Бога, кончился благополучно, но нельзя сказать, чтобы флотъ былъ въ томъ боевомъ порядкѣ, въ которомъ слѣдовало ему быть предъ войною.

Государь приказалъ упражняться какъ можно болѣе въ управленіи парусами и въ стрѣльбѣ изъ орудій.

При осмотрѣ государемъ нѣкоторыхъ кораблей произошелъ слѣдующій случай: государь, ѣхавшій на своемъ катерѣ, обыкновенно садился за спинную доску и правилъ самъ рулемъ; рядомъ съ нимъ, по другую сторону руля, долженъ былъ сидѣть эскадръ-майоръ.

Государь вообще правилъ рулемъ очень дурно и имѣлъ въ этомъ невѣрный глазъ и мало смышлености, такъ что, приставая къ кораблямъ, обыкновенно ломалъ катеръ или трапъ. Въ виду этого царскіе катера строили чрезвычайно крѣпко и тяжело; гребцовъ изъ гвардейскаго экипажа выбирали гигантовъ, а сидѣвшіе на переднихъ двухъ банкахъ были положительно богатыри, такъ какъ при причаливаніи катера къ борту они, вооруженные крючьями, были обязаны въ четыре крюка отвратить опасность удара носомъ или остановить его.

Въ день смотра, подъѣзжая къ одному изъ кораблей, государь направилъ катеръ очень дурно, и я машинально двинулъ моею рукою румпель [1]), бывшій въ рукахъ государя. Императоръ молча, гнѣвно посмотрѣлъ на меня, но когда катеръ хорошо присталъ, онъ улыбнувшись кивнулъ мнѣ головой. Этого, конечно, никто не замѣтилъ, но я потомъ уже смѣлѣе содѣйствовалъ государю въ управленіи катеромъ, и случавшихся обыкновенно катастрофъ болѣе не происходило.

Этимъ же лѣтомъ я былъ экстренно потребованъ къ государю вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Герштенцвейгомъ. Явившись къ его величеству, гдѣ мы застали также и великаго князя Константина Николаевича, мы услышали отъ государя слѣдующія слова:

— Сынъ получилъ письмо безъ подписи, въ которомъ сказано, что ежели непріятель пожелаетъ занять Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, то можетъ совершить это въ 24 часа, такъ какъ большой островъ, ограждающій восточную сторону рейда, не вооруженъ. Непріятель можетъ легко занять его и, дѣйствуя оттуда, переходить съ одного острова на другой, а когда проливы будутъ въ его рукахъ, то вошедшій флотъ довершитъ дѣло. Поручаю вамъ обоимъ ѣхать туда вмѣстѣ и немедленно подробно осмотрѣть островъ каждому по своей части и, сверхъ того, вмѣстѣ рѣшить, что нужно дѣлать, чтобы усилить вооруженіе Гельсингфорса и Свеаборга, какъ вооружить острова, какъ расположить корабли, чтобы охраняли входы на рейдъ и поддерживали батареи, какъ расположить войска. Все, что вы рѣшите, прикажите моимъ именемъ немедленно привести въ испол-

[1]) Желѣзная рукоятка для управленія рулемъ. А. З.

неніе. Торопитесь, потому что я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о движеніи непріятельскаго флота въ Балтійское море.

Въ ту же ночь мы быстро мчались по дорогѣ къ Гельсингфорсу и, не останавливаясь нигдѣ, очень скоро пріѣхали на мѣсто, приказавъ подвезти насъ къ дому генралъ-губернатора. Былъ вечеръ; генерала Рокосовскаго не было дома, и на вопросъ нашъ, гдѣ онъ, отвѣтили, что онъ на пикникѣ въ загородномъ саду.

Тотчасъ же, взявъ провожатымъ одного изъ казаковъ, мы пріѣхали къ мѣсту гулянья.

Еще издали слухъ нашъ былъ пораженъ громкими звуками музыки. Затѣмъ мы, незванные и нежданные, запыленные и едва узнаваемые, оказались въ кругу пирующихъ и очень поразили генерала Рокосовскаго, когда сказали ему о цѣли нашего пріѣзда и передали послѣднія слова государя: «что дѣлаетъ тамъ Рокосовскій и всѣ начальники частей?»

Тутъ же, въ отдѣльной комнатѣ, было рѣшено, что рано утромъ мы отправимся, въ сопровожденіи главныхъ начальниковъ частей, для осмотра всѣхъ существовавшихъ и вновь сооруженныхъ укрѣпленій и батарей; затѣмъ поѣдемъ на острова, указываемые въ письмѣ, и обойдемъ ихъ на пароходѣ, для осмотра мѣстности внутри и внѣ порта. Я пригласилъ сопутствовать намъ начальника эскадры Ф. А. Румянцева и командира Свеаборгскаго порта В. А. Матюшкина.

Въ назначенный часъ, рано утромъ мы отправились исполнять программу осмотра и вездѣ поражались неготовностью и дурнымъ состояніемъ всего вооруженія. Нѣкоторыя, вновь созидаемыя батареи были до того неправильно поставлены, что нельзя было не удивляться, для чего затрачивались громадныя деньги на сооруженіе ихъ; между тѣмъ тамъ, гдѣ дѣйствительно онѣ были нужны, ихъ не было.

Главныя части Густавсверкскихъ укрѣпленій были до того ненадежны, что съ нихъ даже не производилась стрѣльба изъ орудій. Указанные въ письмѣ острова, ограждающіе восточную часть восточнаго рейда, дѣйствительно оказались необитаемыми и до того удобными для занятія и дѣйствія съ нихъ на рейдъ, на городъ и на все укрѣпленіе, что мы съ флигель-адъютантомъ Герштенцвейгомъ, на основаніи даннаго намъ высочайшаго разрѣшенія, тотчасъ же именемъ государя императора приказали приступить къ постройкѣ батарей на указанныхъ нами мѣстахъ, а также къ постройкѣ бараковъ для помѣщенія войскъ, прорубкѣ въ лѣсахъ просѣкъ для проходовъ войскъ и для провоза артиллеріи.

Однимъ словомъ дѣятельность наша закипѣла!

Намѣреніе непріятеля прійти къ Кронштадту, въ числѣ 12 линейныхъ винтовыхъ кораблей и большого числа фрегатовъ и пароходовъ, было уже очевидно. Ихъ спѣшно готовили въ военныхъ

и частныхъ портахъ Англіи, и часть готовыхъ кораблей этого флота, подъ названіемъ Балтійскаго, уже была оправлена.

Государь, имѣя въ виду многочисленность своего флота, болѣе чѣмъ вдвое превышающаго непріятельскій, а также и то, что двѣ трети его находятся въ Кронштадтѣ, а одна въ Свеаборгѣ, пожелалъ, чтобы 3-я дивизія нашихъ кораблей вышла изъ Свеаборга, а 1-я и 2-я дивизіи изъ Кронштадта, и, поставивъ непріятеля въ два огня, уничтожили бы его. Это было бы вполнѣ возможно, если бы наши корабли были также винтовые, какъ и непріятельскіе и не зависѣли бы отъ вѣтра; но, къ крайнему сожалѣнію, въ то время весь флотъ былъ парусный, и только въ гавани устраивалась машина на пришедшій изъ Архангельска вновь построенный тамъ единственный винтовой фрегатъ «Полканъ».

По окончаніи доклада нашего у государя, относительно Гельсингфорса и Свеаборга, онъ отпустилъ флигель-адъютанта Герштенцвейга, а мнѣ высказалъ свою мысль объ атакѣ непріятельскаго флота и приказалъ къ 10-ти часамъ приготовить яхты, чтобы итти въ Кронштадтъ, гдѣ по этому дѣлу государь назначилъ на кораблѣ «Петръ I» военный совѣтъ.

Все было готово къ опредѣленному часу, и государь, въ сопровожденіи государя наслѣдника, великихъ князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, а также военнаго министра, отправился изъ Петергофа въ Кронштадтъ на новой яхтѣ «Александрія», построенной въ Англіи и только весною приведенной въ Петербургъ [1]). Я сопровождалъ государя, какъ эскадръ-майоръ.

На кораблѣ «Петръ I» военный совѣтъ происходилъ въ адмиральской каютѣ. Туда были приглашены всѣ старшіе адмиралы флота и прибывшія съ государемъ лица, о которыхъ я упомянулъ выше. Его величество высказалъ свое мнѣніе о необходимости нападенія на непріятеля одновременно изъ Кронштадта двумя дивизіями кораблей, а изъ Свеаборга одной, чтобы поставить непріятеля въ два огня и уничтожить его, при чемъ государь весьма настаивалъ на исполненіи его желанія. Адмиралы находили это положительно невозможнымъ въ виду того, что у непріятеля всѣ 12 кораблей и 10 судовъ меньшаго ранга винтовые, а наши корабли парусные и, кромѣ того, наша команда была мало подготовлена къ бою и вообще очень слаба по управленію парусами.

Государь былъ очень разсерженъ такимъ отвѣтомъ.

— Развѣ флотъ для того существовалъ и содержался,—рѣзко сказалъ онъ,—чтобы въ минуту, когда онъ дѣйствительно будетъ нуженъ, мнѣ сказали бы, что флотъ не готовъ для дѣла!

И тутъ же государь приказалъ флоту немедленно отправиться въ море плавать у Красной горки и практиковать команды.

---

[1]) Это та же «Александрія», которая въ настоящее время считается еще отличной рѣчной яхтою государя. Н. А.

Флотъ изъ Кронштадта вышелъ въ море въ тотъ же вечеръ, а на четвертый день вернулся въ Кронштадтъ въ ужасномъ видѣ: не было ни одного корабля, который не имѣлъ бы значительныхъ поврежденій въ рангоутѣ и корпусѣ, а у нѣкоторыхъ судовъ были свернуты головы рулей и топы мачтъ, требующіе ихъ перемѣны; на это въ свою очередь нужно было немало времени. Всѣ поврежденія произошли отъ довольно сильнаго вѣтра, который флотъ встрѣтилъ у Красной горки; однако этотъ вѣтеръ далеко не достигалъ силы шторма.

Въ день возвращенія флота въ Кронштадтъ вечеромъ, посредствомъ сигналовъ флагами, меня извѣстили о прибытіи флота и о поврежденіяхъ кораблей; ночью же въ Кронштадтѣ былъ большой пожаръ, о которомъ рано утромъ я также получилъ извѣстіе отъ моего телеграфа. Я былъ увѣренъ, что государь знаетъ объ обоихъ этихъ событіяхъ. Но какого же было мое удивленіе, когда утромъ государь спросилъ меня:

— Когда пришелъ флотъ въ Кронштадтъ?

Я отвѣтилъ, что вчера вечеромъ.

— Отчего же я узналъ объ этомъ только утромъ? — сердито спросилъ государь.

— Вашему величеству, — отвѣтилъ я,—сообщается непосредственно изъ Кронштадта электрическимъ телеграфомъ прямо въ Александрію, а я получаю извѣстія посредствомъ телеграфа флагами, при чемъ я досталъ изъ кармана двѣ послѣднія телеграммы о приходѣ флота и о бывшемъ пожарѣ.

Государь, увидѣвъ послѣднюю, спросилъ:

— Какъ, развѣ тамъ былъ пожаръ? Сейчасъ же возьми пароходъ и отправляйся въ Кронштадтъ, узнай о причинѣ возвращенія флота, почему поздно извѣстили меня, и отчего до сихъ поръ не увѣдомили о бывшемъ пожарѣ.

Прибывъ въ Кронштадтъ, я поѣхалъ тотчасъ же на корабль «Петръ I» къ командовавшему флотомъ и узналъ отъ адмирала Рикорда о тяжеломъ положеніи, въ которомъ находился флотъ, и въ какомъ состояніи онъ находится теперь; отъ главнаго же командира въ Кронштадтѣ, адмирала Литке, я узналъ, что телеграммы, какъ о прибытіи флота, такъ и о пожарѣ, были своевременно переданы государю въ Александрію.

По возвращеніи моемъ въ Петергофъ, я тотчасъ же буквально доложилъ государю все, сказанное мнѣ адмиралами Рикордомъ и Литке.

— Такъ вотъ какіе они мореходы! — сказалъ государь, обращаясь къ великому князю генералъ-адмиралу.

— Дай имъ три дня на поправку, и затѣмъ я самъ буду ѣздить каждый день въ Кронштадтъ учить ихъ.

Затѣмъ государь приказалъ мнѣ отыскать причину замедленія въ передачѣ телеграммы и доложить ему.

Недолго пришлось мнѣ отыскивать виновнаго. Начальникъ телеграфной станціи въ Петергофѣ, подполковникъ путей сообщенія сказалъ мнѣ, что опасался безпокоить государя ночью и отложилъ доставленіе телеграммы до утра, но такъ какъ его величество вышелъ сегодня изъ Александріи ранѣе обыкновеннаго, то телеграмма запоздала и была послана въ Петергофъ, куда прибыла послѣ моего доклада.

Передавъ все это государю, я получилъ отвѣтъ:

— Поѣзжай, арестуй его и отвези на гауптвахту, а саблю доставь сюда и скажи ему, что я не предоставлялъ ему права заботиться о моемъ покоѣ; онъ долженъ былъ исполнять только свое дѣло.

Пріѣздъ мой на телеграфъ, арестованіе подполковника и предложеніе ему ѣхать на гауптвахту произвели такую ужасную сцену въ его семействѣ, состоявшемъ изъ жены и 7-ми дѣтей, что рыданія всѣхъ ихъ заставили меня обѣщать имъ, что я лично буду просить государя о помилованіи, при чемъ я увѣрилъ ихъ, что черезъ часъ или два ихъ мужъ и отецъ возвратится къ нимъ.

Дѣйствительно, я былъ очень огорченъ, видя такія слезы и рыданія, а потому, когда внесъ шпагу арестованнаго въ кабинетъ государя и отвѣтилъ на вопросъ его, что исполнилъ, я прибавилъ, что былъ свидѣтелемъ ужасной сцены, и просилъ государя о помилованіи. На это его величество сказалъ мнѣ:

— Не твое дѣло, и я совѣтую тебѣ не брать на себя ходатайства по такимъ дѣламъ.

Конечно, я былъ очень сконфуженъ этимъ, но не прошло и получаса времени послѣ того, какъ я пришелъ въ свой номеръ, во флигелѣ дворца, какъ прискакалъ за мною фельдъегерь и передалъ мнѣ приказаніе пожаловать сейчасъ же во дворецъ къ его величеству.

Я немедленно явился къ государю.

— Возврати шпагу подполковнику N. N.,—сказалъ онъ мнѣ:—освободи его изъ-подъ ареста и скажи, что я дѣлаю это единственно по твоей просьбѣ.

Я глубоко поблагодарилъ государя и съ радостью исполнилъ это порученіе.

Нужно было видѣть выраженіе благодарности его и всей семьи, въ тотъ же день пріѣхавшихъ ко мнѣ и высказавшихъ это со слезами на глазахъ, но подполковникъ при этомъ все-таки съ грустью сказалъ:

— Хотя государь и помиловалъ меня, но графъ Клейнмихель (бывшій министръ путей сообщенія) не проститъ, и я навѣрно пострадаю.

На другой день при утреннемъ представленіи государю его величество ласково спросилъ меня:

— А что подполковникъ?

Я сказалъ, что онъ и семейство глубоко благодарны вашему величеству, но онъ очень побаивается теперь графа Клейнмихеля, говоря, что если онъ узнаетъ, то ему не миновать бѣды.

Государь, засмѣявшись, сказалъ:

— Передай ему, что я не скажу Клейнмихелю; ты также ничего не говори.

Этимъ и кончилась вся непріятная исторія.

Наступилъ и день назначеннаго флоту ученья. Въ опредѣленную минуту государь прибылъ на яхту и имѣлъ весьма недовольный и сердитый видъ; судя по этому, я не ожидалъ уже ничего хорошаго. Такъ это и случилось.

Остановившись у крайняго адмиральскаго корабля, государь переѣхалъ на него и тотчасъ же обратился ко мнѣ съ приказаніемъ сдѣлать сигналъ: «поставить всѣ паруса». Къ исполненію сигнала немедленно приступили на всѣхъ корабляхъ и даже на томъ, гдѣ былъ государь, и на которомъ ванты, только что привезенныя, не были еще вытянуты.

Я предложилъ адмиралу доложить объ этомъ его величеству, но ни онъ, ни главный начальникъ флота не имѣли смѣлости это сдѣлать, а потому я во избѣжаніе опасности поспѣшилъ сказать государю, чтобы онъ позволилъ этому кораблю не ставить парусовъ, и указалъ на причину. Его величество, спросивъ меня, дѣйствительно ли это такъ, и получивъ мой утвердительный отвѣтъ, разрѣшилъ это. Такъ велика уже сдѣлалась его недовѣрчивость!

Крайне медленныя работы по управленію парусами и хаосъ на всѣхъ корабляхъ, сопровождаемый необыкновеннымъ шумомъ, былъ поразительный. Черезъ нѣсколько времени, когда еще продожались парусныя ученія, государь сѣлъ на катеръ и поѣхалъ вдоль линіи. Поравнявшись съ кораблемъ «Императрица Александра», бывшимъ подъ командою капитана 1 ранга Опочинина, и слыша ужаснѣйшій крикъ и безпорядокъ, происходившій на этомъ кораблѣ при постановкѣ парусовъ, государь съ катера громко закричалъ: «смирно». Но за общимъ шумомъ этого, конечно, никто не могъ слышать. Повторивъ окликъ еще нѣсколько разъ и все болѣе и болѣе сердясь, государь дошелъ до такого состоянія, что подбородокъ его двигался съ пѣною у рта, и онъ еще громче закричалъ:

— Капитанъ на салингъ!

Эта мѣра наказанія была ужасная. Всѣ находившіеся на катерѣ были изумлены и подавлены тяжелымъ чувствомъ, но что оставалось дѣлать? Въ то время лейтенанты были избавлены отъ такого наказанія, а для командира оно равнялось чуть ли не смертной казни.

Я никогда не видалъ въ такомъ ужасномъ раздраженіи не

только государя, но и ни одного человѣка въ мірѣ. Сидя рядомъ съ нимъ на кормѣ катера у руля, я могъ слѣдить также, какъ тяжело отзывалось и на самомъ государѣ такое раздраженіе; онъ долго не могъ говорить.

Затѣмъ мы пристали къ фрегату «Полканъ». Государь молча обошелъ его по всѣмъ палубамъ и, сѣвъ опять въ катеръ, поѣхалъ далѣе.

— Когда ты былъ въ Англіи,—обратился ко мнѣ государь,—на пробѣ ихъ перваго винтового корабля?

Я отвѣтилъ, что въ 1848 году, т. е. шесть лѣтъ назадъ. Государь, минуту спустя, сказалъ:

— Не вѣрю я въ эти винты; ихъ навѣрное скоро бросятъ.

Сильно, однако же, ошибался въ этомъ государь. Если бы послѣ моихъ и В. А. Корнилова первыхъ донесеній о переустройствѣ въ Англіи и Франціи парусныхъ кораблей было рѣшено немедленно дѣлать это у насъ въ Балтійскомъ и Черноморскомъ флотахъ, и если бы въ это время были приняты въ русской арміи дальнобойныя и скорострѣльныя ружья, которыя изобрѣтателями предлагались Россіи предпочтительно передъ всѣми другими націями, то, конечно, Россія была бы не въ такомъ положеніи, какъ оказалась въ Крымскую войну 1853—1856 годовъ.

Во все время обратнаго плаванія изъ Кронштадта въ Петергофъ, государь былъ въ рубкѣ и не выходилъ, такъ что великій князь Константинъ Николаевичъ долженъ былъ ѣхать въ Александрію для испрошенія у государя разрѣшенія спустить съ салинга командира корабля К. Р. Опочинина и уже оттуда прислалъ съ адъютантомъ свои приказанія. Тотъ же адъютантъ, К. Л. Юшковъ, передалъ приказаніе на корабль «Императрица Александра» лично К. Р. Опочинину, который въ тотъ же день сказался больнымъ и, сдавъ корабль старшему по себѣ, подалъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ отставку. Такимъ образомъ флотъ потерялъ одного изъ достойнѣйшихъ командировъ.

На другой день государь также посѣтилъ Кронштадтъ и флотъ, а потомъ поѣздки эти производились не такъ часто.

Между тѣмъ на флотѣ продолжались ежедневныя ученья, стрѣльбы и приготовленія для несомнѣнно уже наступавшей войны. Выяснилась тутъ и необходимость въ скорой постройкѣ 40 канонерскихъ лодокъ, что было роздано по всѣмъ заводамъ, находившимся въ окрестностяхъ Петербурга.

На мою долю также досталось по назначенію генералъ-адмирала присматривать за постройкой и изготовленіемъ десяти лодокъ.

Между тѣмъ учебныя канонерскія лодки были уже изготовлены и посланы шхерами въ Роченсальмъ, Гельсингфорсъ и Або, а съ ними были посланы и всѣ небольшіе пароходы для буксированія лодокъ. Начальникомъ отряда канонерской флотиліи былъ назначенъ

адмиралъ Епанчинъ, который имѣлъ свое пребываніе въ Гельсингфорсѣ на пароходѣ «Ильмень».

Черезъ нѣсколько дней послѣ знаменательной поѣздки въ Кронштадтъ, государь, позвавъ меня, поручилъ ѣхать немедленно прежде въ Роченсальмъ, гдѣ осмотрѣть отряды канонерскихъ лодокъ и построенныя тамъ новыя батареи, затѣмъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ также осмотрѣть лодки и сдѣлать имъ маневры и приспособленія на случай атаки непріятелемъ Свеаборгскаго порта. На Свеаборгской эскадрѣ сдѣлать всѣ подготовленія на случай, если потребуется выходъ ея въ море; на Густавсверкскихъ укрѣпленіяхъ произвести пробную стрѣльбу и затѣмъ указать передѣлку пушечныхъ станковъ для стрѣльбы на дальнія разстоянія. Послѣ всего этого мнѣ приказано было ѣхать въ Або, съ цѣлью осмотрѣть тамъ также канонерскую флотилію и разставить ее для защиты Або, въ случаѣ нападенія на него непріятеля. По исполненіи всѣхъ порученій государь приказалъ спѣшить возвращеніемъ для доклада о результатѣ.

Въ Роченсальмѣ уже ждали меня, и потому, по осмотрѣ мною батареи и находившагося тамъ полка, былъ отслуженъ молебенъ и произведенъ салютъ. Осмотрѣвъ всѣ канонерскія лодки, я пробовалъ дѣлать съ ними маневры, но лодки на греблѣ были очень тяжелы, и при легкомъ вѣтрѣ маневрированіе съ ними было положительно невозможно. Указавъ мѣсто по диспозиціи для защиты лодками разныхъ проходовъ къ Роченсальму и разрѣшивъ сдѣланные мнѣ мѣстными властями вопросы, я поѣхалъ далѣе.

Въ Гельсингфорсѣ я также буквально исполнилъ все порученное мнѣ, но относительно гребныхъ канонерскихъ лодокъ остался совершенно того же мнѣнія, которое высказалъ выше.

Относительно стрѣльбы съ Густавсверкскихъ укрѣпленій комендантъ, генералъ Сорокинъ, никакъ не хотѣлъ дозволить производить ее, говоря, что стѣны обрушатся при первомъ же выстрѣлѣ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ я на это,—если онѣ обрушатся теперь, чѣмъ послѣ, когда онѣ нужны будутъ противъ непріятеля.

Но комендантъ упорствовалъ, пока я не объявилъ ему, что это есть высочайшая воля, и я долженъ ее исполнить.

Въ назначенный часъ началась стрѣльба, и, дѣйствительно, стѣна рушилась на значительное пространство, но не послѣ перваго, а послѣ седьмого выстрѣла. И вотъ на эти-то гранитныя твердыни мы разсчитывали такъ самоувѣренно.

Я былъ очень радъ разрушенію стѣны, такъ какъ въ Петербургѣ, когда я говорилъ объ этомъ главному начальнику, то мнѣ, повидимому, не вѣрили, и даже государь сомнѣвался. Теперь же фактъ совершился; необходимо было вновь возводить стѣны. Я приказалъ доставить съ корабля «Россія» на разрушенное укрѣпленіе запасные паруса, которыми прикрыли развалины, и до 1.000 чело-

вѣкъ приступили къ работѣ, которая ко времени подхода къ Свеаборгу непріятельскаго флота была близка къ окончанію.

Станки для орудій быстро передѣлывали, и ко дню бомбардированія непріятелемъ Свеаборга всего было готово 11-ть станковъ, которыми и пользовались для удержанія непріятельскихъ кораблей въ болѣе должномъ разстояніи отъ крѣпости. Однако выстрѣлы и бомбы съ англійскаго флота все-таки долетали въ крѣпость и произвели тамъ пожаръ и взрывъ порохового погреба.

Возвращеніе мое въ Петербургъ уже ожидалось. Государь два раза спрашивалъ великаго князя Константина Николаевича, когда я возвращусь, а потому, когда я представился государю, его величество выслушалъ меня, поблагодарилъ за отличное исполненіе и поцѣловавъ сказалъ:

— Не медля, тебѣ нужно ѣхать туда опять. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что непріятель желаетъ взять у насъ Бомарзундъ и, хотя крѣпость тамъ превосходная, сильная и снабжена хорошо [1]), но гарнизонъ малъ и можетъ быть поставленъ въ тяжелое положеніе. Ему нужно помочь, нужно не допустить непріятельскій флотъ войти въ бухту, а потому поручаю тебѣ взять изъ Гельсингфорса 20 канонерскихъ лодокъ и сколько нужно пароходовъ, чтобы перевести ихъ въ Або. Возьми также 20 лодокъ, которыя находятся въ Або, и иди немедленно, въ составѣ 40 лодокъ, къ Бомарзунду, заградить путь непріятелю и не впускай его туда. Я увѣренъ, что это дѣло ты исполнишь какъ слѣдуетъ, ибо потеря Бомарзунда будетъ большимъ несчастьемъ для насъ; но я не допущу этого. Разрѣшаю тебѣ дѣйствовать, какъ признаешь за лучшее и гдѣ можно моимъ именемъ. Знаю, что это порученіе очень трудное, но Господь поможетъ тебѣ.

При этомъ государь благословилъ меня знаменіемъ креста и прибавилъ:

— Скажи объ этомъ генералъ-адмиралу и военному министру и все, что тебѣ нужно, спроси у нихъ.

Какъ великій князь генералъ-адмиралъ, такъ и военный министръ князь Долгорукій были очень озадачены даваемымъ мнѣ порученіемъ и не предвидѣли успѣха, такъ какъ загражденіе лодками далеко не могло считаться надежнымъ. Непріятельскіе корабли, имѣя винтовой двигатель, смѣло пошли бы на лодки и очень легко передавили бы насъ. На каждой же гребной канонерской лодкѣ было по 60, 80 человѣкъ ратниковъ, изъ которыхъ иные первый разъ видѣли море, многіе въ первый брали весло въ руки.

Команды нашихъ канонерскихъ лодокъ, изъ только что набранныхъ ратниковъ, къ тому же еще очень мало были знакомы съ

[1]) Бомарзундская крѣпость была построена по проекту самого государя Николая Павловича, совершенно по особой формѣ. Н. А.

дѣйствіемъ артиллеріи и съ греблею, а командиры, вообще молодые офицеры, не имѣли еще времени напрактиковаться въ управленіи лодками, да и вообще никакой практической пользы отъ лодокъ ожидать было нельзя. Лодки были до нѣкоторой степени полезны въ прежнія войны Петровскихъ временъ, когда корабли были парусные, зависѣвшіе совершенно отъ вѣтра и вообще плохіе ходоки. Тогда во время безвѣтрія и штиля, дѣйствительно, канонерки на греблѣ подходили къ кораблямъ и могли атаковать, даже абордировать ихъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло, при такихъ обстоятельствахъ, избрать лучшія позиціи и дистанціи; теперь же при паровыхъ судахъ и винтовыхъ корабляхъ такія лодки не имѣли смысла, и я рѣшилъ совершенно откровенно высказать это государю при первомъ свиданіи.

Порученіе, возложенное на меня государемъ, не пришлось привести въ исполненіе. Непріятельскій флотъ, расположившись у Бомарзунда, началъ бомбардированіе до нашего прибытія. Пришлось вернуться въ Або, гдѣ я оставилъ оба отряда, распорядился производствомъ ежедневнымъ ученій и отправился въ Петербургъ.

Явившись къ государю, я подробно донесъ обо всемъ, не скрылъ и того обстоятельства, что если бы было можно, то я буквально исполнилъ бы приказаніе его величества и увѣренъ, что какъ я, такъ и всѣ, до послѣдняго ратника, мы исполнили бы свой долгъ, не щадя себя, но что, вѣроятно, погибли бы всѣ, принеся мало пользы дѣлу. При этомъ я объяснилъ безполезность канонерскихъ лодокъ и предложилъ снять съ находящихся въ Або лодокъ всѣ орудія, вооружить ими острова, на которыхъ устроить батареи, и доказалъ, что вообще такой способъ обороны будетъ благонадежнѣе.

Государь разспрашивалъ меня еще о многомъ, и я, съ полною откровенностью и безъ всякой боязни, объяснилъ все, какъ понималъ; за это государь, поцѣловавъ меня, сказалъ:

— Будь всегда такимъ. Я люблю тѣхъ, кто говоритъ мнѣ правду и служитъ честно.

Государь поблагодарилъ меня также за все мною исполненное, утвердилъ мои предположенія и сказалъ, что желаетъ завтра сдѣлать смотръ Кронштадтской канонерской флотиліи. Смотрѣть на всѣ маневры его величество будетъ съ Петергофской пристани и приказалъ мнѣ сообщить объ этомъ кому слѣдуетъ. Мнѣ же находиться во время смотра при его величествѣ. Государь сказалъ, что онъ самъ увидитъ и оцѣнитъ пользу и безполезность гребной флотиліи.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ очень доволенъ моимъ возвращеніемъ и совершенно раздѣлялъ мое мнѣніе о гребныхъ канонерскихъ лодкахъ.

Наступилъ и часъ смотра канонерской гребной флотиліи. Главный виновникъ ея созданія и составитель маневровъ и сигналовъ, какъ равно сильно отстаивавшій пользу ея и крайне недовольный

на меня за непризнаніе ея такою, былъ генералъ-адъютантъ N. Онъ находился тутъ же на пристани, окруженный горнистами и барабанщиками, и давно уже равнялъ флотилію, состоявшую изъ 40 лодокъ, сигналами. Флотилія эта, по случаю бывшаго тогда хотя и не сильнаго вѣтра, не могла двигаться, и потому сигналы, даваемые барабаннымъ боемъ и трубами, не приводились въ исполненіе. Хаосъ былъ страшный!

Въ это время пріѣхалъ государь. Вновь начались сигналы, суета, но толку не было. Все еще болѣе смѣшалось. Государь сердился, кричалъ, былъ крайне недоволенъ виновникомъ гребныхъ канонерокъ и сказалъ ему:

— Какъ же ты говорилъ мнѣ, что все отлично? Я вижу теперь самъ, какая это чушь.

Въ заключеніе государь рѣзко выругался и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Результатомъ смотра была полная отмѣна такихъ маневровъ канонерскихъ лодокъ, какъ правое или лѣвое плечо впередъ, раздѣленіе лодокъ на взводы, полувзводы, дивизіоны.

Не видя всего этого безобразія, не возможно и повѣрить, чтобы на 40 лодокъ смотрѣли, какъ на баталіонъ, и дѣлали съ ними на водѣ, гребя, всѣ маневры, какъ на баталіонномъ ученіи, при сигналахъ на рожкахъ, цѣликомъ взятыхъ изъ того же ученія.

Отмѣною такихъ маневровъ всѣ были очень довольны. Они по приказанію великаго князя генералъ-адмирала были замѣнены простыми, несложными движеніями, приспособленными только для настоящаго военнаго дѣла.

Затѣмъ я получилъ приказаніе ѣхать вмѣстѣ съ генераломъ Баранцевымъ, для разрушенія Гангудскихъ батарей и другихъ слабо укрѣпленныхъ мѣстностей и снятія съ нихъ всѣхъ орудій, которыя приказано было, если будетъ возможно, перевезти въ Або или бросить въ море на опредѣленныхъ заранѣе секретныхъ мѣстахъ. Въ Або разрушить канонерскія лодки, а орудія поставить на батареи по островамъ, какъ было мною предположено, и вообще употребить всѣ усилія къ скорѣйшему и вполнѣ надежному вооруженію Свеаборга и Або, оставивъ всѣ остальные пункты невооруженными.

Государь также пожелалъ, чтобы я испыталъ пароходы и нѣкоторые корабли выходомъ изъ Свеаборга, плаваніемъ около берега и стрѣльбою.

Подъѣзжая къ Гельсингфорсу, я увидѣлъ 9-ть непріятельскихъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ посреди залива, противъ Свеаборга, а по направленію къ Ревелю рядъ пароходовъ, стоявшихъ на якоряхъ въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы видѣть производимые сигналы.

Все, порученное мнѣ, удалось исполнить очень хорошо. Испра-

вленіе Густавсвернскихъ укрѣпленій уже кончалось, такъ что сняли и паруса, прикрывавшіе рабочихъ и развалины. Разставили корабли на боевыя позиціи. На пароходахъ я выходилъ ежедневно въ море и производилъ стрѣльбу въ виду непріятельскаго флота. Мнѣ даже хотѣлось ночью на одномъ изъ своихъ пароходовъ «Смѣломъ» выйти къ стоявшимъ противъ Свеаборга кораблямъ и потаранить одного или двухъ. Секретно были сдѣланы мною всѣ распоряженія, и взята для абордажа рота пѣхотнаго полка; пароходъ былъ даже готовъ, но лоцманъ, вѣроятно, умышленно куда-то скрылся. Между тѣмъ время было упущено, и дѣло не состоялось.

Нужно сказать, что во время войны наши лоцмана финляндцы вели себя очень двусмысленно; были основанія предполагать даже, что они сообщали непріятелю все, что у насъ дѣлалось въ Финляндіи. Не могу умолчать также о томъ, что финляндскіе землевладѣльцы весьма недружелюбно относились къ намъ, морякамъ и войскамъ; почти всегда отказывали въ продажѣ какой либо необходимой провизіи и при удобномъ случаѣ снабжали ею непріятеля, съ которымъ, повидимому, были въ близкихъ сношеніяхъ.

Въ другой разъ повторить предполагаемый выходъ для тараненія непріятельскихъ судовъ было уже опасно; однако намѣреніе одного изъ непріятельскихъ кораблей подойти къ Свеаборгу заставило меня тотчасъ же выйти съ тремя пароходами, взявши съ собою на буксиръ 84-хъ-пушечный корабль «Изекіиль». Мой выходъ остановилъ англичанъ, которые, видя вообще нашу постоянную готовность къ выходу изъ бухты, уже не пытались производить какихъ либо демонстрацій и ушли къ Ревелю, оставивъ лишь среди залива свои сторожевые пароходы.

Въ это время укрѣпленія Свеаборга были уже въ хорошемъ состояніи, какъ равно и вновь созданныя батареи. Я подробно осмотрѣлъ все, произвелъ нѣсколько опытовъ стрѣльбы въ цѣль и, закончивъ по Свеаборгу возложенное на меня государемъ порученіе, поѣхалъ съ генераломъ Баранцевымъ въ Гангудъ. Здѣсь застали мы того храбраго стараго коменданта, который отличился, отбивъ два фрегата и получивъ за это черезъ чинъ генеральскіе эполеты. Онъ встрѣтилъ насъ чрезвычайно радушно и весело, но когда узналъ, что приказано разрушить Гангудскія укрѣпленія, заплакалъ и долго не могъ прійти въ себя. Затѣмъ онъ началъ рекомендовать намъ свои орудія, говоря, что эта пушка славная, изъ нея можно стрѣлять только ядрами, а картечью нельзя, а изъ этой не пробуйте стрѣлять ядрами, а картечью бьетъ отлично; эта пушка кривая направо, эта косая налѣво, а эта никуда не годится. Однимъ словомъ комендантъ выказалъ очень мало знанія въ артиллеріи, «а бросить въ воду своихъ друзей,—какъ онъ называлъ свои пушки,—я ужъ никому не позволю».

Наступила осень, пошли туманы и вообще крайне неблагопрі-

ятная погода для плаванія по Балтійскому морю. Непріятельскій флотъ то частями, то вмѣстѣ появлялся у разныхъ нашихъ портовъ, кое-гдѣ производилъ по нѣсколько выстрѣловъ, взялъ нѣсколько каботажныхъ судовъ и тѣмъ закончилъ свой знаменитый походъ, начавшійся столь громкимъ заявленіемъ адмирала Непира.

Вообще назначеніе въ Балтійское море значительной эскадры было демонстраціей со стороны союзниковъ, имѣвшей цѣлью задержать близъ побережья гвардію и гренадерскій корпусъ. Въ сущности же Балтійская эскадра состояла изъ худшихъ кораблей и имѣла на нихъ не полный составъ командъ, но винтовой двигатель дѣлалъ и такую эскадру опаснымъ соперникомъ для нашего флота, которому положительно не представлялось возможнымъ выйти и вступить съ врагомъ въ открытый бой.

Извѣстіе о пораженіи и отступленіи нашихъ войскъ отъ Евпаторіи, при движеніи непріятельскаго отряда къ Севастополю черезъ Инкерманъ, привезъ государю адъютантъ князя Меншикова, ротмистръ Грейгъ (впослѣдствіи министръ финансовъ). Государь былъ очень недоволенъ, что онъ упомянулъ о бѣгствѣ нашихъ войскъ, и не хотѣлъ вѣрить этому. Грейгъ пояснилъ, что англо-французскій десантный корпусъ вооруженъ такими ружьями, которыя бьютъ далѣе, чѣмъ съ разстоянія нашего пушечнаго выстрѣла, уничтожая цѣлые ряды нашихъ войскъ, между тѣмъ какъ наши пули, ядра и картечи далеко не достигаютъ до ихъ рядовъ, и непріятель смѣло, быстро и безъ всякихъ потерь идетъ впередъ.

По возвращеніи моемъ изъ Финляндіи я явился къ государю, какъ это было тогда принято за правило, не переодѣваясь, а прямо съ перекладной. Государь, выслушавъ мое донесеніе, со слезами на глазахъ сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ ужъ болѣе нашего славнаго Черноморскаго флота! Онъ потопленъ для загражденія непріятелю входа въ Севастопольскую бухту. Мои славные храбрые черноморскіе моряки хотѣли выйти въ море, чтобы сразиться съ непріятелемъ, абордировать его и вмѣстѣ погибнуть, но я не позволилъ [1],—потеря была бы ужасная и принесла бы только вредъ оборонѣ Севастополя. Теперь морскія команды на батареяхъ, и я покоенъ. Богъ поможетъ намъ благополучно окончить войну, соорудимъ тогда новый флотъ.

Хотя государь старался произносить эти слова съ твердостью, но было видно, какъ была ему тяжела потеря такого славнаго флота.

О первой сильной бомбардировкѣ Севастополя я узналъ на одной изъ станцій, подъѣзжая къ Петербургу, но очень глухо и неопредѣленно.

---

[1]) Новая варіація на тему о потопленіи Черноморскаго флота, требующая провѣрки въ архивахъ. А. З.

На разсвѣтѣ я подъѣхалъ къ Зимнему дворцу и, войдя на верхъ въ камердинерскую, просилъ доложить обо мнѣ государю, когда его величество проснется, а пока позволить мнѣ уснуть тутъ же на диванѣ. Камердинеръ на это сказалъ мнѣ, что государь не ложился еще спать, что изъ Севастополя дурныя вѣсти, и что онъ сейчасъ же доложитъ обо мнѣ его величеству.

Тотчасъ же, по докладѣ камердинеромъ, я былъ позванъ въ кабинетъ и увидѣлъ государя въ страшномъ видѣ. Онъ былъ блѣденъ, исхудавшій, глаза были красны и заплаканы. Поздоровавшись со мною, государь спросилъ меня:

— Ты ничего не знаешь, что происходило въ Севастополѣ?

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Нѣтъ Корнилова, нѣтъ Нахимова [1]). Тысячи легли при ужасной бомбардировкѣ Севастополя.

При этомъ у государя текли изъ глазъ крупныя слезы, и онъ говорилъ дрожащимъ отъ скорби голосомъ.

— Моряки черноморцы выказываютъ себя истинными героями,— продолжалъ онъ.—Я зналъ ихъ и всегда очень цѣнилъ, но то, что они дѣлаютъ теперь, превосходитъ всякое вѣроятіе. Я всю ночь думаю, что бы сдѣлать для нихъ, и теряюсь. Я нѣсколько часовъ назадъ послалъ въ Севастополь флигель-адъютанта князя Голицына съ образомъ благословить ихъ отъ моего имени, горячо благодарить ихъ и объявить мое повелѣніе считать имъ всѣмъ мѣсяцъ службы за годъ; не знаю, что еще могу сдѣлать для нихъ.

— Ваше величество,—сказалъ я на это;—помогите семействамъ убитыхъ, обезпечьте ихъ; тогда оставшіеся въ живыхъ еще спокойнѣе будутъ драться съ врагомъ и умирать, не щадя себя.

— Спасибо тебѣ,—сказалъ государь:—я сдѣлаю это непремѣнно.

Посадивъ меня на диванъ и сѣвъ самъ на стулъ, государь продолжалъ высказывать тяготившія его чувства скорби о потерѣ при бомбардированіи и ежедневныхъ несчастьяхъ, происходящихъ въ Севастополѣ. Крайне сожалѣлъ Корнилова, Нахимова, назвалъ еще нѣсколько фамилій, которыя я, къ сожалѣнію, забылъ.

Я видѣлъ передъ собою не государя, а человѣка въ высшей степени этого слова по сердцу и добрымъ чувствамъ. Жаль, что не многимъ удалось видѣть его въ такія трудныя минуты, и еще болѣе жаль, что общее о немъ мнѣніе противорѣчитъ моему заключенію и истинѣ.

Глядя на государя, я также не могъ удержать своихъ слезъ.

Его величество говорилъ мнѣ о новыхъ тогда употреблявшихся англичанами и французами орудіяхъ и прибавилъ, какъ хорошо было бы намъ отбить хоть одно такое орудіе, чтобы воспользоваться имъ, какъ моделью.

---

[1]) Нахимовъ былъ легко контуженъ во время бамбардировки. А. З.

— Позвольте мнѣ,ваше величество,—сказалъ я на это:—ѣхать туда и исполнить ваше желаніе.

— Довольно тамъ и безъ тебя тяжелыхъ жертвъ; ты мнѣ нуженъ здѣсь. Я уже объ этомъ говорилъ тебѣ и совѣтую больше не повторять своей просьбы. Впрочемъ спасибо тебѣ, мой любезный Аркасъ, за твою готовность жертвовать собою въ такое тяжелое время; я никогда не забуду этого!

При этомъ государь поцѣловалъ меня и началъ спрашивать объ исполненіи порученнаго мнѣ дѣла.

Выслушавъ внимательно мой докладъ и сдѣлавъ затѣмъ еще нѣсколько вопросовъ, императоръ поручилъ мнѣ сообщить о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ его высочеству генералъ-адмиралу и военному министру, поблагодарилъ и отпустилъ, прибавивъ:

— Поѣзжай домой и отдохни послѣ перенесенныхъ трудовъ и тяжелой дороги, а я не имѣю ни сна ни покою.

По прошествіи двухъ недѣль, я получилъ письмо отъ моего брата Захара Андреевича, въ которомъ онъ подробно описывалъ всю бомбардировку, а также сообщалъ, что, предвидя ее, онъ успѣлъ всю севастопольскую библіотеку, въ которой онъ былъ директоромъ-казначеемъ, отправить на сѣверную сторону и оттуда въ Николаевъ. Его же и мою библіотеку и имущество наше, находившееся въ моемъ и его домѣ, перевезти до бомбардировки не удалось, и все погибло и сгорѣло, такъ какъ дома наши были разрушены выстрѣлами и сожжены отъ попавшихъ бомбъ.

Такимъ образомъ погибла отличная библіотека моего отца, брата и моя, какъ равно и много веденныхъ записокъ, рукописей и важныхъ документовъ. Всѣмъ этимъ братъ мой Захаръ Андреевичъ пренебрегъ, ради интересовъ Севастопольской морской библіотеки, члены которой, морскіе офицеры, не воздали ему даже простой благодарности; между тѣмъ, по всей справедливости, слѣдовало бы возвести его въ званіе почетнаго директора или поставить его портретъ въ библіотекѣ.

Въ томъ же письмѣ братъ мнѣ сообщилъ, что первая брошенная бомба попала въ зданіе новой библіотеки, въ серединѣ которой разорвалась и причинила громадный вредъ всему зданію.

Доложивъ объ этомъ генералъ-адмиралу и показавъ ему приведенную часть письма, я просилъ великаго князя довести объ уничтоженіи библіотеки до свѣдѣнія государя императора, который въ первое же воскресенье, по окончаніи литургіи въ малой церкви дворца, увидѣвъ меня, подошелъ и сказалъ:

— Костя передалъ мнѣ о сообщенномъ тебѣ твоимъ братомъ несчастіи съ библіотекою. Скажи ему, что я жертвую 25.000 на поддержку и возстановленіе ея впослѣдствіи.

Я тутъ же выразилъ государю горячую признательность отъ лица всѣхъ черноморскихъ моряковъ за такую великую милость.

Наступилъ и новый 1855 годъ; прошелъ крещенскій парадъ, во время котораго государь Николай Павловичъ захватилъ порядочную простуду.

Черезъ недѣлю послѣ этого государь призвалъ меня и далъ порученіе ѣхать въ Петрозаводскъ, подробно осмотрѣть всѣ пушечные заводы, всѣ руды, употребляемыя въ составъ металла для литья орудій; сравнить съ простыми составами; добраться до вѣрнаго опредѣленія находящейся въ нѣдрахъ земли руды, достаточно ли ея, а также и всего необходимаго для усиленнаго и продолжительнаго литья орудій; до какой наибольшей величины и вѣса могутъ быть отливаемы орудія на этихъ заводахъ; не нужно ли перенести заводы на другія болѣе удобныя и близкія къ рудамъ мѣста.

— Потребуй,—прибавилъ государь,—чтобы начальство и техники завода совершенно откровенно высказали тебѣ свою нужду и предположенія; можетъ быть, они боятся доносить офиціально, что у нихъ нѣтъ хорошихъ рудъ и хорошаго устройства. Я желаю, скажи имъ, чтобы они ничего не скрывали для пользы дѣла въ будущемъ. Сдѣлай усиленныя пробы надъ готовыми орудіями. Нахожу полезнымъ послать туда полковника сухопутной артиллеріи Баумгартена; онъ считается отличнымъ теоретикомъ, и для рѣшенія нѣкоторыхъ порученій, возлагаемыхъ на тебя теперь, онъ будетъ очень полезенъ. Я увѣренъ, что это дѣло ты направишь на путь. Да хранитъ тебя Господь!

При этомъ государь сдѣлалъ надо мною знаменіе креста, поцѣловалъ въ лобъ и прибавилъ:

— Мнѣ очень нездоровится.

Послѣднее слово государя было «прощай», и, дѣйствительно, оно было послѣднее, такъ какъ я уже не видалъ его болѣе живымъ, но за три дня до похоронъ я успѣлъ возвратиться въ Петербургъ и отдать ему послѣдній долгъ моей глубокой преданности и любви.

Искренно и вполнѣ сердечно я любилъ и чтилъ его; чувства моей благодарности къ нему останутся во мнѣ неизмѣнны до послѣдней минуты моей жизни. Видѣлъ постоянно и его доброе расположеніе ко мнѣ и довѣріе; очень цѣню и то, что никогда, сколько времени я ни находился при его величествѣ, я не получилъ ни одного замѣчанія и не замѣтилъ ни одного ко мнѣ неудовольствія государя. Безъ всякаго страха я подходилъ къ государю, совершенно спокойно говорилъ съ его величествомъ, между тѣмъ какъ другіе, даже высоко стоявшіе, положительно боялись его и терялись въ отвѣтахъ. Онъ замѣчалъ это и былъ крайне сухъ и рѣзокъ съ такими лицами. Благодарности, постоянно выражаемыя мнѣ государемъ, и умѣніе его похвалить и высказать предъ всѣми свое высокое вниманіе не могли не поощрять къ усиленной дѣятельности.

Смерть государя Николая Павловича была для меня совершенно неожиданна и произвела крайне тяжелое впечатлѣніе. Я готовилъ ему отличный отчетъ по порученному мнѣ дѣлу въ Петрозаводскѣ. Мнѣ удалось открыть весьма много важныхъ фактовъ, которые должны были послужить къ значительному улучшенію завода. Предположеніе государя относительно боязни начальствующихъ лицъ открыть недостатки заводовъ и истощеніе нѣсколькихъ рудъ было совершенно основательно. Порученное мнѣ дѣло было окончено, и всѣ матеріалы для составленія отчета собраны, оставалось только произвести пробу орудій и возвратиться въ Петербургъ, какъ пріѣхавшій фельдъегеръ привезъ намъ ужасную новость о смерти государя, послѣдовавшей 18 февраля.

Конечно, я съ Баумгартеномъ немедленно выѣхалъ въ Петербургъ и, какъ я упоминалъ уже выше, за три дня до похоронъ прибылъ туда.

Въ тотъ же день я вступилъ въ очередь дежурства при гробѣ умершаго императора Николая I, перенесеннаго уже въ Петропавловскій соборъ. Стоя свои часы, въ особенности въ ночное время, я вспоминалъ о добромъ отеческомъ расположеніи ко мнѣ покойнаго, о всѣхъ случаяхъ моихъ разговоровъ съ государемъ и его совѣтахъ и указаніяхъ, при чемъ я пролилъ немало благодарственныхъ слезъ, облегчившихъ мою душу.

Множество, можно сказать, масса народа высшихъ и низшихъ слоевъ общества осаждали церковь, желая войти туда для прощанія съ любимымъ имъ государемъ. Нужны были особые караулы и множество солдатъ для поддержанія порядка и очереди.

Въ назначенный день опустили въ могилу внутри Петропавловскаго собора гробъ, и не стало уже на землѣ великаго государя Николая Павловича, который по своему уму, энергіи и рѣшительности могъ бы совершить много отличныхъ дѣлъ и много двинуть впередъ Россію, горячо имъ любимую. Къ крайнему сожалѣнію, онъ не имѣлъ достойныхъ современниковъ, ближайшихъ себѣ помощниковъ, и нельзя сказать, что былъ счастливъ въ выборѣ такихъ людей. Исторія, однако же, во многомъ должна будетъ сказать справедливое свое слово и воздать ему вполнѣ заслуженную имъ похвалу и благодарность.

Этимъ оканчиваются записки Николая Андреевича Аркаса объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

А. Заіончковскій.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ОНГУНИ

(17-го іюля 1900 г.).

ВЪ ПЕРВЫЕ дни похода Хайларскаго отряда восемнадцатая Терская сотня охранной стражи восточно-китайской желѣзной дороги подъ начальствомъ штабсъ-капитана Бодиско всегда предшествовала отряду, выдвигаясь впередъ на одинъ переходъ и занимая послѣдовательно одну за другою станціи строящейся линіи. Съ нимъ всегда былъ веселый докторъ Вольфъ, который вмѣстѣ съ своимъ медицинскимъ талантомъ соединялъ лихость кавалерійскаго корнета, великолѣпно стрѣлялъ изъ револьвера, носилъ казачью шашку, имѣлъ всего одну смѣну бѣлья, но зато цѣлый ящикъ шампанскаго. Всѣ его считали какъ бы субалтернъ-офицеромъ въ сотнѣ штабсъ-капитана Бодиско. Въ обязанность сотни входило не только занятіе и охраненіе станціи, но и возстановленіе телеграфной линіи, въ которой китайцы успѣли сдѣлать лишь ничтожныя поврежденія. Телеграфныхъ аппаратовъ не имѣлось, но было нѣсколько штукъ телефоновъ; ихъ ставили на станціяхъ и получали неисчислимую пользу. Кажется, это первый случай, когда телефонъ во время войны получилъ столь широкое и плодотворное употребленіе. Всѣ телефонныя дѣла исполнялъ телеграфистъ Лецкій, очень скромный блондинъ, но дѣльный и храбрый человѣкъ. Онъ постоянно слѣдовалъ съ головными частями отряда. Въ данномъ случаѣ онъ шелъ съ сотней штабсъ-капитана Бодиско.

15-го іюля восемнадцатая сотня въ восемь часовъ утра выступила со станціи Хархантэ на станцію Онгунь—переходъ тридцать шесть верстъ. Дошелъ штабсъ-капитанъ Бодиско благополучно, забралъ запасы муки и овса, которые нашелъ на станціи, выставилъ передовые посты и расположился на отдыхъ; а тѣмъ временемъ Лецкій починилъ телеграфную линію и поставилъ телефонный аппаратъ. Въ девять часовъ вечера на станціи Хархантэ зазвонилъ телефонъ; адъютантъ отряднаго штаба поручикъ Кублицкій-Піоттухъ началъ переговоры съ извѣстными ихъ особенностями, которыя бываютъ несносны именно въ важную минуту.

— Я Хархантэ. Откуда говорятъ?

— Со станціи Онгунь. Телеграфистъ Лецкій. Трррр...

— Что вамъ угодно?

— Откуда говорятъ? Я Абагайтуй.

— Абагайтуй, молчите. Вы мѣшаете разговору. Я съ вами не желаю разговаривать,—вы цѣлый день говорите только глупости и подслушиваете чужой разговоръ. Тррр...

— Я Абагайтуй. Вы мнѣ не смѣете такъ говорить. Я буду жаловаться.

— Ну, и жалуйтесь, чортъ васъ возьми, кому угодно! Только теперь не мѣшайте! Трррр... Я Хархантэ. Господинъ Лецкій, я къ вашимъ услугамъ.

— Штабсъ-капитанъ Бодиско проситъ доложить начальнику отряда, что его разъѣзды обнаружили впереди четыре или пять сотенъ непріятельской конницы.

— Что же, онъ проситъ подкрѣпленія?.. Тррр...

— Я Абагайтуй...

— Абагайтуй, убирайтесь вонъ, выньте вовсе штепсель. Вы мѣшаете самымъ важнымъ переговорамъ. Господинъ Лецкій,—Бодиско проситъ подкрѣпленія?

— Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ, онъ просилъ только доложить начальнику отряда.

— Хорошо, я передамъ. Больше ничего?

— Ничего! Дзинь, дзинь, дзинь.

Вслѣдствіе этого донесенія немедленно было приказано первой сотнѣ третьяго Верхнеудинскаго казачьяго полка подъ командой эсаула Шанщіева отправиться на станцію Онгунь. Больше двинуть было нечего, потому что остальныя пять сотенъ третьяго Верхнеудинскаго полка съ конной батарей находились еще на переходъ сзади на станціи Далай-норъ. Пока приготовились, пока поседлали, прошло время, и пришлось двигаться ночью. Однако забайкальцы пошли довольно ходко и прибыли на станцію Онгунь въ пять часовъ утра. Недолго пришлось имъ отдохнуть, потому что въ восемь часовъ утра шестнадцатаго іюля терскіе разъѣзды донесли, что сотни четыре китайской конницы двигается въ направленіи на

станцію Онгунь. Русскія сотни тотчасъ сѣли на коней и вышли навстрѣчу китайцамъ, которые, замѣтивъ нашу конницу, спѣшились въ двухъ тысячахъ шагахъ въ песчаныхъ барханахъ (буграхъ) и открыли огонь. Забайкальцы и терцы, желая подготовить атаку огнемъ, тоже спѣшились, дали три залпа, вскочили на коней, сдѣлали быструю перебѣжку впередъ, снова спѣшились, снова дали нѣсколько залповъ и перешли на частый огонь. Непріятель бѣжалъ, оставивъ пять убитыхъ. Русскіе преслѣдовали на коняхъ непріятеля на нѣсколько верстъ. Бой продолжался всего минутъ двадцать. Около трехъ часовъ дня Шаншіевъ, не будучи увѣренъ въ количествѣ силъ непріятеля, вернулся назадъ на станцую Онгунь. Со стороны русскихъ потерь не было, у непріятеля взято въ плѣнъ два монгола, захваченъ одинъ кавалерійскій значекъ и шесть быковъ. Донесеніе объ этомъ боѣ не застало отряда въ Хархантэ, потому что онъ выступилъ отсюда шестнадцатаго іюля уже въ пять часовъ утра, и только въ пути узнали, что непріятель былъ передъ Онгунью.

Оставляя Хархантэ, начальникъ отряда распорядился устройствомъ здѣсь этапа, назначилъ въ видѣ гарнизона полсотни шестого баталіона Забайкальской казачьей пѣшей бригады подъ командой зауряд-прапорщика и приказалъ оборудовать хлѣбопеченіе. Переходъ предстоялъ порядочный—тридцать шесть верстъ. Такъ какъ монгольскіе караулы до открытія военныхъ дѣйствій стояли на границѣ и знали о движеніи русскихъ; кромѣ того, извѣстно было, что монгольскіе хошуны (общество) со своими начальниками (аугурда) вооружились по приказанію китайскихъ властей, то можно было разсчитывать на столкновеніе съ монголами въ пути, а потому слѣдовало быть готовымъ къ отраженію ихъ нападенія. Въ виду этого порядокъ марша былъ принятъ такой: обозы соединились въ одну общую колонну, въ головѣ которой шелъ одинъ казачій баталіонъ, а въ хвостѣ другой, обезпечивая такимъ образомъ все имущество отряда. Нечего говорить, что нападеніе съ фронта или съ тылу могло быть легко отражено, но и нападеніе съ фланговъ не грозило опасностью, такъ какъ глубина колонны обозовъ, шедшихъ въ двѣ, а иногда въ четыре повозки, оказывалась небольшою, и баталіоны при дальности современнаго ружья легко брали бы нападающаго подъ перекрестные выстрѣлы.

Гуртъ продовольственнаго скота шелъ за отрядомъ подъ прикрытіемъ взвода конныхъ казаковъ. Для того, чтобы на большомъ привалѣ люди могли получить горячую пищу, заранѣе были высланы сотенные котлы подъ прикрытіемъ взвода пѣхоты. Заботы относительно облегченія трудности пути этимъ не ограничились. Надобно сказать, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки Хайлара, вдоль которой предстоялъ путь, тянулась гряда песчаныхъ холмовъ, отдѣляющихъ высокую степь отъ низкой поймы рѣки. До-

рога пересѣкала эту гряду въ первый разъ въ разстояніи двухъ верстъ отъ станціи Хархантэ и другой разъ на четырнадцатой и пятнадцатой верстѣ. Для устройства удобнаго переѣзда черезъ пески еще наканунѣ, пятнадцатаго іюля, была выслана команда казаковъ и при ней начальникъ четвертой дистанціи строящейся восточно-китайской желѣзной дороги инженеръ Жемчужниковъ и техникъ той же дистанціи Бусловъ. Оба они съ самаго начала похода были командированы начальникомъ перваго участка желѣзной дороги, инженеромъ Крутицкимъ, въ распоряженіе начальника отряда. Выносливые ѣздоки, не прихотливые въ требованіяхъ жизни, неутомимые работники, они принесли большую пользу при наступленіи Хайларскаго отряда. Первый перевалъ черезъ песчаные холмы былъ уже подготовленъ: верхній разрыхленный слой песка снятъ, образовавшееся полотно уширено и выровнено тальникомъ, срубленнымъ тутъ же около дороги. Движеніе обозовъ оказалось не затруднительнымъ, но дорога послѣ прохожденія обозовъ опять нѣсколько попортилась, и ее вновь пришлось подправить для артиллеріи, которая должна была сдѣлать переходъ отъ Хархантэ въ Онгунь на другой день семнадцатаго іюля.

Начальникъ отряда со штабомъ взъѣхалъ на самый верхъ подъема, тамъ спѣшился и пропускалъ отрядъ мимо себя, чтобы поддерживать порядокъ движенія въ этомъ самомъ трудномъ мѣстѣ. Степью итти было уже легко. Дорога пролегала ровная, твердая, степь позволяла двигаться, гдѣ угодно. Необозримая даль только изрѣдка прерывалась гдѣ нибудь песчаными барханами. Послѣ каждаго часа движенія останавливались на короткій отдыхъ на десять, пятнадцать минутъ. Жара была нестерпима, а воды ни капли; комары покусывали изрядно; но уставшій забайкальскій казакъ покуритъ свою трубочку и опять идетъ съ новыми силами. Работы по улучшенію дороги въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога второй разъ пересѣкала гряду холмовъ, оказались настолько значительными, что ихъ могли окончить лишь передъ самымъ приходомъ отряда. Отсюда начинался спускъ въ долину Хайлара. Видъ открывался на далекое разстояніе. Ярко зеленая пойма мягкимъ бархатнымъ ковромъ стлалась до прихотливыхъ извилинъ рѣки и распространялась за нею до цѣпи песчаныхъ холмовъ праваго берега долины; дорога шла какъ разъ по краю поймы, у подошвы холмовъ; узкое полотно дороги мѣстами пересѣкалось мокрыми и грязными участками, остатками весенняго разлива. Во время половодья Хайларъ разливается на всю ширину долины, покрываетъ дорогу, и тогда сообщенія производятся верхнимъ путемъ по пескамъ. Половодье держится больше мѣсяца, и затѣмъ ни лѣтомъ, ни осенью дождей почти не бываетъ, а зима безснѣжна, слѣдовательно, всѣ атмосферные осадки приходятся на весну и начало лѣта.

Кое-гдѣ пойма пересѣкалась протоками рѣки Хайлара; на одномъ

изъ претоковъ отрядъ остановился на большой привалъ и отдыхалъ два часа. Сварили пищу, пообѣдали очень плотно, напились чая и еще съ полчаса успѣли поспать самымъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ. Ни жара, отъ которой люди обливались потомъ, ни комары, пребольно кусавшіе лицо, руки и шею, ничто не могло помѣшать благодѣтельному сну.

Далѣе тронулись по дорогѣ поймой. Лошади положительно утопали въ высокой травѣ, достигавшей до сѣделъ, а густота травы даже затрудняла движеніе. Сколько подобный лугъ могъ дать сѣна, если бы только были косы! Скоро встрѣтились два терскихъ казака изъ восемнадцатой сотни штабсъ-капитана Бодиско, которые должны были проводить отрядъ до Онгуни; они-то и разсказали о боѣ шестнадцатаго іюля. На ночлегъ пришли въ пять часовъ дня, т. е. переходъ былъ исполненъ втеченіе двѣнадцати часовъ, считая въ томъ числѣ и большой привалъ, продолжавшійся два часа. Бивакъ выбрали подъ горою верстахъ въ двухъ къ югу отъ берега рѣки Хайлара, у небольшого озера съ прѣсной водой, годной пищи для питья и приготовленія. Желѣзнодорожная станція находилась наверху. На степи воды въ достаточномъ количествѣ не было, а потому и на бивакъ отряду становиться около станціи оказалось неудобно. Бивакъ расположился фронтомъ на востокъ, то-есть фронтомъ къ непріятелю, впереди озера, около котораго устроили кухни; на правомъ флангѣ бивака стала восемнадцатая терская сотня охранной стражи, а лѣвѣе четвертый и шестой казачьи баталіоны; бивакъ штаба разбили на другомъ берегу озера сзади отряда. Около палатки начальника отряда водрузили красный значекъ, отбитый у монгольской конницы. Высокіе и песчаные холмы впереди бивака, переходившіе въ обширное плато, укрывали отрядъ отъ глазъ противника и представляли собой удобную позицію съ хорошимъ обстрѣломъ на случай нападенія непріятеля.

Отдавъ краткія распоряженія относительно размѣщенія отряда, генералъ, сопровождаемый штабсъ-капитаномъ Бодиско и эсауломъ Шаншіевымъ, отправился для осмотра только что упомянутой позиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣста боя шестнадцатаго іюля. Офицеры по пути разсказывали подробности столкновенія съ непріятелемъ, у котораго было двѣ сотни монголовъ и двѣ сотни манчжуръ. Тамъ, гдѣ спѣшился непріятель, были группы песчаныхъ холмовъ, доставлявшихъ хорошее укрытіе, выгодную позицію для китайцевъ. Инстинктивно начальникъ отряда замѣчалъ свойства мѣстности, ея выгоды и недостатки—все это пригодилось на завтрашній день.

Недалеко отъ дороги лежалъ трупъ манчжура, убитаго утромъ. Это былъ первый непріятельскій трупъ, который встрѣтили во время войны. Большого роста, плотно сложенный, сильный муж-

чина, манчжуръ представлялъ чудный экземпляръ воина. Онъ былъ босикомъ, съ непокрытой головой, въ какихъ-то грязныхъ штанахъ и въ форменной синей курмѣ (курткѣ), раскрытой на груди, на которой густо запеклась кровь отъ раны. Цвѣтъ тѣла и лица былъ сильно смуглый, загорѣлый, коричневый, но отнюдь не желтый. Черная коса змѣей растянулась по землѣ возлѣ плеча убитаго. Кони храпѣли и не хотѣли близко подходить къ трупу. Странное дѣло, трупъ этого человѣка не производилъ такого впечатлѣнія, котораго можно было бы ожидать; почти всѣ были равнодушны, возбуждалось любопытство, но не жалость. Трудно объяснить, почему это происходило; можетъ быть, слишкомъ велика была разница убитаго китайца отъ нашего русскаго типа, и его какъ бы не признавали за человѣка.

Подъѣхали къ желѣзнодорожной станціи.

— Поручикъ Кублицкій,—обратился начальникъ отряда къ адъютанту:—примите станцію и телефонъ въ свое вѣдѣніе, опредѣлите, сколько тутъ имѣется запасовъ и наладьте хлѣбопеченіе.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

По крутому песчаному спуску поѣхалъ штабъ къ биваку.

— Артиллерію-то и обозъ не легко намъ будетъ сюда взвести,— обратилъ вниманіе своей свиты генералъ на неудобную дорогу:— сильно придется помогать пѣхотой. Ну, да забайкальцы все вывезутъ.

По прибытіи на бивакъ отдали слѣдующій приказъ:

«Отряду въ составѣ двухъ конныхъ сотенъ, штаба отряда и четвертаго и шестого забайкальскихъ казачьихъ баталіоновъ расположиться на отдыхъ при станціи Онгунь, до прибытія остальныхъ сотенъ Верхнеудинскаго полка и второй Забайкальской казачьей батареи, въ порядкѣ, указанномъ мною лично. Сторожевое охраненіе выставить отъ конныхъ сотенъ впередъ къ востоку отъ бивака. Общимъ сборнымъ мѣстомъ назначаются высоты передъ бивакомъ. Дежурная часть—сотня отъ четвертаго баталіона; отъ этого же баталіона выставить посты по угламъ бивака. Донесенія доставлять въ штабъ отряда».

Бивакъ былъ недуренъ, хотя нѣсколько сыроватъ, и по ночамъ становилось холодно; зато хорошая вода скрашивала всѣ невзгоды; чувствовалась рѣзкая разница съ водою на Хархантэ изъ колодцевъ, гдѣ она была съ большой примѣсью глауберовой соли, а по запаху казалась навознымъ настоемъ.

Здѣсь на Онгуни думали простоять нѣсколько дней, поотдохнуть, подождать присоединенія третьяго верхнеудинскаго полка и конной батареи, которые оставались на одинъ переходъ сзади, то-есть шестнадцатаго іюля прибыли на Хархантэ, а семнадцатаго должны были подойти къ Онгуни. Кромѣ того, надобно было дождаться провіанта и слѣдовавшихъ къ отряду третьяго и пятаго

баталіоновъ забайкальской казачьей пѣшей бригады. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ всѣ дѣйствія складывались такъ, что вмѣстѣ съ движеніемъ впередъ приходилось оканчивать сосредоточеніе отряда. Невольно является вопросъ, не лучше ли было раньше сосредоточить весь отрядъ, а потомъ уже двигаться впередъ. Въ данномъ случаѣ подобная стратегія оказывалась непримѣнимою. Кромѣ упомянутыхъ двухъ казачьихъ баталіоновъ, въ отрядъ назначались: второй баталіонъ Читинскаго пѣхотнаго полка, третій баталіонъ Срѣтенскаго пѣхотнаго полка, четвертая Забайкальская казачья батарея, Сибирская казачья дивизія, одиннадцатый саперный баталіонъ; предполагалось еще направить третью стрѣлковую бригаду и до четырехъ тысячъ вновь формируемой охранной стражи китайской восточной желѣзной дороги. Принимая въ соображеніе, что нѣкоторыя изъ этихъ частей только что отправлялись изъ Европейской Россіи на театръ военныхъ дѣйствій, можно себѣ представить, когда бы собрался весь отрядъ. А между тѣмъ время имѣло рѣшающее значеніе: чѣмъ раньше будетъ нанесенъ ударъ китайцамъ, тѣмъ больше будетъ сила нравственнаго впечатлѣнія и тѣмъ выгоднѣе будетъ въ матеріальномъ отношеніи, потому что тѣмъ менѣе врагъ успѣетъ испортить желѣзную дорогу и тѣмъ скорѣе удастся возобновить ея постройку. Вотъ почему начальникъ отряда всѣми силами души старался скорѣе перейти границу и спѣшилъ двигаться впередъ. Но впрочемъ иногда остановки были неизбѣжны, чтобы подтянуть къ себѣ транспорты съ провіантомъ или войсковыя части, находившіяся уже недалеко. Такая остановка рѣшена была на Онгуни. Однако непріятель помѣшалъ спокойному пребыванію здѣсь Хайларскаго отряда.

Общая заря назначена была въ девять часовъ вечера. Дни стояли длинные, и въ девять часовъ было еще свѣтло. Послѣ краткой рѣчи, обращенной къ казакамъ, начальникъ отряда предложилъ усердно помолиться о ниспосланіи намъ Господомъ Богомъ успѣха.

Спѣли молитвы: «Отче нашъ» и «Спаси, Господи, люди твоя», правду сказать, довольно нестройно,—каждый баталіонъ и даже каждая сотня сами по себѣ; зато терцы очень утѣшили и въ концѣ превосходно спѣли «Боже, Царя храни». Послѣ служебныхъ разговоровъ начальствующихъ лицъ всѣ разошлись по палаткамъ, чтобы въ виду дневки на завтрашній день хорошенько выспаться. Между тѣмъ китайцы конной развѣдкой шестнадцатаго іюля выяснили, что около Онгуни находится всего двѣ сотни русскихъ казаковъ; естественно, что имъ пришло на мысль, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, раздавить маленькую горсточку русскихъ. Организація конной развѣдки была сдѣлана китайцами систематично; около самой границы, еще до ея перехода, русскіе обнаружили дозоръ изъ двухъ монголъ; послѣ того взяли въ плѣнъ

разъѣздъ изъ двѣнадцати человѣкъ, а потомъ уже цѣлую полусотню. Наконецъ, въ бою шестнадцатаго іюля у Онгуни было четыре конныхъ сотни непріятеля. Дѣлая свое заключеніе, что число русскихъ у Онгуни ничтожно, онъ впалъ въ ошибку, которая часто случается съ неопытными военными: упущено было изъ вида, что втеченіе даже нѣсколькихъ часовъ обстановка можетъ совершенно перемѣниться—подойдутъ сильныя подкрѣпленія. Такъ и случилось: утромъ шестнадцатаго іюля было двѣ сотни русскихъ, вечеромъ же прибавилось еще два баталіона, а на другой день—цѣлый конный полкъ и батарея.

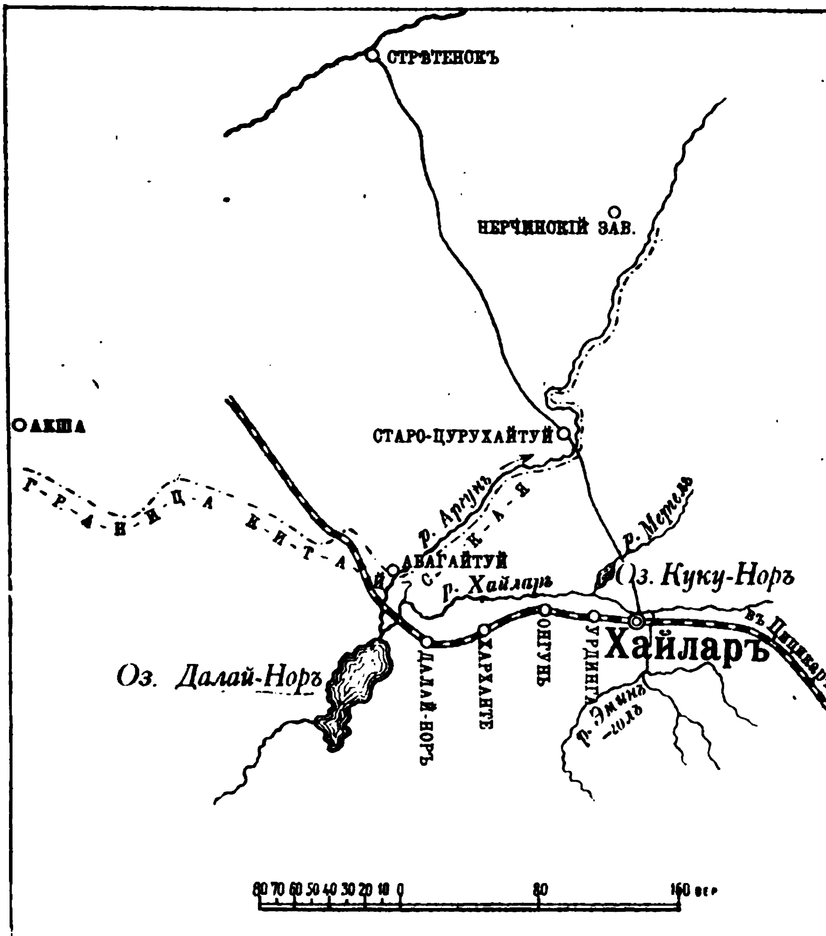
Около четырехъ часовъ утра 17 іюля адъютантъ разбудилъ начальника отряда словами:

— Ваше превосходительство, китайцы атакуютъ.

Извѣстіе было слишкомъ неожиданно и черезчуръ сильно выражено: китайцы вовсе не атаковали, а только наступали, находились далеко и дѣйствовали крайне нерѣшительно. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что непріятельскій отрядъ чрезвычайно многочисленъ и состоитъ изъ трехъ родовъ оружія. Немедленно баталіоны были вызваны въ ружье и передвинуты на впереди лежащія высоты, представляющія превосходную позицію, потому что круто спускаются къ биваку, вслѣдствіе чего доставляютъ, какъ стрѣлкамъ, такъ резервамъ и всему тылу отличное укрытіе, а впередъ къ непріятелю высоты спускаются чрезвычайно полого, гласисообразно, и доставляютъ прекрасный обстрѣлъ. Выходъ Хайларскаго отряда на позицію совершенъ былъ безъ суеты, но поспѣшно, такъ что никто не успѣлъ ни умыться, ни напиться чаю. Для облегченія въ предстоящемъ бою ранцы приказано было оставить на мѣстѣ бивака. Почему-то бивакъ считали въ полной безопасности; тамъ производили всѣ хозяйственныя работы, занимались обычной уборкой, приготовленіемъ пищи, пасли гуртъ скота и табунъ лошадей и даже оставили почти безъ всякаго наблюденія двухъ монголъ, взятыхъ наканунѣ въ плѣнъ.

Русскіе расположились слѣдующимъ образомъ: четвертый баталіонъ стоялъ на лѣвомъ флангѣ; шестой баталіонъ въ центрѣ, занимая главную дорогу; на правомъ флангѣ восемнадцатая терская сотня; крайній правый флангъ составляла первая сотня третьяго Верхнеудинскаго казачьяго полка, [при чемъ полусотня занимала пекарню въ зданіяхъ желѣзнодорожной станціи Онгунь.

Около шести часовъ утра съ востока по дорогѣ отъ станціи Урдинга показалась непріятельская конница, сотенъ шесть. Построившись въ одношереножный строй въ двѣ линіи, конница наступала, прикрывая движеніе пѣхоты. Правый флангъ конницы примыкалъ къ долинѣ Хайлара; ясно были видны развѣвавшіяся знамена, скачущіе ординарцы. Замѣчательно, что конница была безъ пикъ; между тѣмъ впослѣдствіи въ Хайларскомъ арсе-



налѣ найдено было множество пикъ, совсѣмъ новыхъ и исправныхъ. Казалось бы, что баргуты (монгольскіе казаки), какъ естественно возникшая конница, должны были питать особыя симпатіи къ этому своему старинному и традиціонному оружію; однако они его отвергли и вооружились мечами и винтовками разнообразныхъ системъ (Маузера, Винчестера).

На много верстъ впередъ, въ долинѣ курились костры, обозначая главный бивакъ китайцевъ. Предводительствовалъ ими, по разсказу плѣннаго, Чуанъ-до, командовавшій войсками въ Хайларѣ, хорошо извѣстный нашимъ офицерамъ охранной стражи, очень энергичный и неглупый человѣкъ.

Съ огромнаго разстоянія монголы открыли огонь, такъ что пули безвредно падали въ песокъ передъ позиціей. Большинство вы-

стрѣловъ направлялось на желѣзнодорожную станцію. Угрожала серьезная опасность; потеря желѣзнодорожной станціи была бы особенно чувствительна, потому что тамъ находилась пекарня. Даже временная потеря этого пункта была бы очень непріятна для отряда, такъ какъ печально отозвалась бы на хозяйственной части.

— Подполковникъ Тихоновъ!—позвалъ начальникъ отряда командира шестого баталіона.

Скоро подполковникъ Тихановъ, невозмутимый и спокойный, подошелъ къ расположенію штаба на высотахъ, возлѣ большой дороги.

— Пошлите одну сотню вашего баталіона, чтобы она обороняла станцію. Какую вы сотню пошлете, и кто ею командуетъ?

— Я пошлю, ваше превосходительство, первую роту; командуетъ ею поручикъ Григорьевъ.

— Хорошо! А вы,—обратился генералъ къ адъютанту своему, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручику Кублицкому-Піоттухъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находилось хлѣбопеченіе:—такъ какъ вашему сердцу пекарня всего дороже, то отправьтесь туда и примите командованіе; помните, что вы тамъ являетесь какъ бы комендантомъ! Поѣзжайте съ Богомъ и прежде всего передайте по телефону на Хархантэ, чтобы Верхнеудинскій полкъ и вторая батарея немедленно выступали и спѣшили бы, чтобы принять участіе въ бою. Какой отвѣтъ получите,—сейчасъ мнѣ сообщите, и вообще доносите сколь возможно чаще о томъ, что у васъ будетъ происходить.

Поручикъ Кублицкій на своемъ сѣромъ забайкальскомъ конѣ, маленькомъ, но крѣпкомъ, тотчасъ же отправился на станцію, а сотня поручика Григорьева потянулась туда же, прикрываясь высотами. Между тѣмъ полусотня Верхнеудинскаго полка, занявъ бугоръ въ полуверстѣ вправо отъ станціи, открыла огонь и завязала усиленную перестрѣлку съ непріятельской конницей, спѣшившейся и засѣвшей въ песчаныхъ холмахъ, отлично скрывавшихъ, какъ стрѣлковъ, такъ и коноводовъ съ лошадьми.

Вообще же Хайларскій отрядъ не отвѣчалъ на непріятельскій огонь.

Монголы становились смѣлѣе и приближались, весьма стройно маневрируя, изрѣдка издавая пронзительный визгъ и вой тысячами голосовъ, что̀ производило впечатлѣніе адскаго концерта. Пули съ печальнымъ плачемъ проносились надъ баталіонами, и многія изъ нихъ падали на бивакъ, прорывая палатки казаковъ. Вѣроятнѣе всего, что бѣлѣвшія палатки бивака видны были по долинѣ издали, и потому непріятель усиленно направлялъ въ нихъ огонь.

Явилось опасеніе, что такимъ образомъ пули будутъ попадать и въ обозъ и надѣлаютъ большой вредъ. Нѣкоторые начальники опасались какъ бы не пришлось имѣть непріятностей изъ-за испорченныхъ пулями палатокъ. Приняли мѣры, чтобы избѣжать ущерба.

Приказано было палатки убрать, обозъ уложить, повозки, лошадей, гуртъ скота и проч. согнать ближе къ позиціи подъ прикрытіе высотъ, въ мертвое пространство. Видя, что русскіе не двигаются съ мѣста и не открываютъ огня, китайцы постепенно подтягивали свои резервы и приближали цѣпи. На лѣвомъ флангѣ въ четвертомъ казачьемъ баталіонѣ у одного казака сорвало пулей штыкъ съ винтовки, другой былъ раненъ; потери подѣйствовали непріятно. Смѣлость китайцевъ увеличивалась, и когда они подходили ближе, чѣмъ на тысячу шаговъ, четвертый баталіонъ былъ вынужденъ дать нѣсколько залповъ, чѣмъ немного охладилъ порывы непріятеля.

Прошло уже нѣсколько часовъ съ начала боя; все пришло до извѣстной степени въ порядокъ; всѣ какъ бы свыклись съ положеніемъ. Денщики храбро принесли на позицію для офицеровъ закуски и чай.

Главнѣйшія распоряженія были сдѣланы; офицеры штаба расположились за гребнемъ въ тѣни кустовъ, на пескѣ и тоже принялись пить чай. Увидавъ это, начальникъ отряда вспомнилъ, что самъ до сихъ поръ ничего не ѣлъ и не пилъ, совершенно поглощенный распоряженіями по отряду; онъ приказалъ разостлать себѣ бурку тамъ же, гдѣ расположился штабъ, и съ большимъ аппетитомъ уничтожалъ разные консервы, запивая чаемъ. Жара возбуждала сильную жажду. Время отъ времени слышался свистъ и жужжаніе то съ одной стороны, то съ другой; изрѣдка раздавался трескъ сломленной вѣтки, или стукъ чего-то ударившагося въ твердый предметъ, напримѣръ, въ котелокъ казака.

— Господа, что это за шумъ?—недоумѣвая спросилъ генералъ.

— Да это пули, ваше превосходительство!—отвѣчали офицеры, удивленные тѣмъ, что начальникъ отряда до сихъ поръ на нихъ не обратилъ вниманія.

Адъютантъ шестого баталіона, подпоручикъ Ражевъ, привезъ записку со станціи: поручикъ Кублицкій-Піоттухъ извѣщалъ, что онъ передалъ по телефону на станцію Хархантэ, чтобы третій Верхнеудинскій полкъ съ батарей поспѣшили; но конница выступила уже съ пяти часовъ утра, а потому комендантъ станціи Хархантэ послалъ полученное приказаніе имъ въ догонку. Итакъ, можно было быть увѣреннымъ, что, нѣсколько часовъ спустя, прибудетъ подкрѣпленіе. Рѣшили до прибытія конницы не атаковать китайцевъ, но если они атакуютъ, то бой принимать.

— Подполковникъ Тихоновъ, что, люди ѣли что нибудь?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, съ самаго утра ничего?

— Но обѣдъ готовится?

— Такъ точно, я полагаю даже, что онъ уже готовъ.

— Въ такомъ случаѣ прикажите обѣдать по частямъ. Подъэсаулъ Сидоровъ, сообщите это распоряженіе въ четвертый бата-

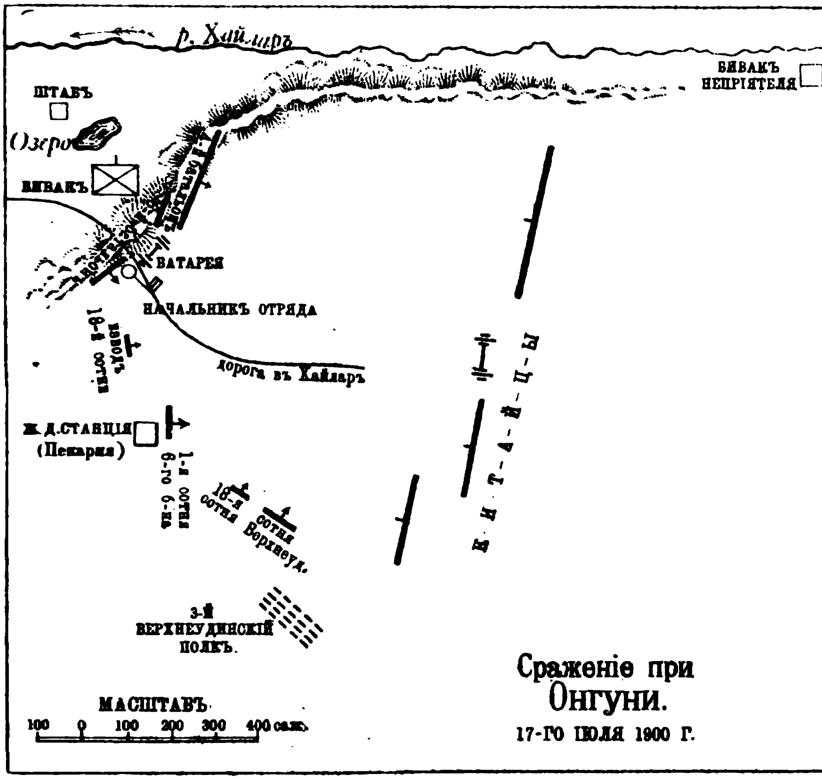
ліонъ. А затѣмъ немедленно въ этихъ же котлахъ начать готовить пищу для конницы, чтобы, какъ только придетъ, не тратила времени на приготовленіе обѣда.

Подобныя распоряженія и разные расчеты можно было дѣлать вслѣдствіе удобства сношеній по телефону. Сообщались не только съ Хархантэ, но даже съ Абагайтуемъ. Оттуда передали, что народъ собрался на площади, и священникъ служитъ молебенъ о дарованіи побѣды Хайларскому отряду.

Между тѣмъ непріятель очень искусно засѣлъ въ пескахъ и даже вырылъ себѣ ровики для одиночныхъ людей. Огонь съ его стороны продолжался. Пекарня на станціи обстрѣливалась особенно усиленно. Казаки первой сотни шестого баталіона расположились въ желѣзнодорожныхъ постройкахъ, а въ особенности за штабелями сложенныхъ здѣсь шпалъ. Шпалы превосходно прикрывали казаковъ; между тѣмъ въ постройки залетали китайскія пули и даже пробивали стѣнки телефонной комнаты, такъ что разговоры по телефону въ скорости пришлось прекратить.

Въ десять часовъ утра на бугрѣ, противъ станціи появились двѣ китайскія пушки и открыли огонь, какъ по станціоннымъ постройкамъ, такъ и по остальной позиціи. Китайская пѣхота также приблизилась и заняла песчаный холмъ шагахъ въ восьмистахъ отъ станціи. Выстрѣлы раздавались чаще и чаще; пули сыпались градомъ. Выстрѣлы изъ артиллерійскихъ орудій не приносили особаго вреда. Первые снаряды далеко перелетали за позицію и не разрывались — они были сплошные; затѣмъ началась стрѣльба разрывными гранатами съ дистанціонной трубкой. Снаряды падали возлѣ бивака штаба отряда, въ кухни и въ обозъ; одна граната разорвалась такъ удачно (намъ казалось, что она разорвалась въ воздухѣ, то-есть снарядъ былъ какъ бы дистанціонный), что закрыла на нѣсколько секундъ группу лошадей, кухню и обозныхъ на берегу озера; но Богъ хранилъ, и никого не задѣло. Китайская батарея видѣлась совершенно ясно; распоряжался тамъ какой-то очень большой и толстый человѣкъ въ красномъ платьѣ европейскаго покроя; въ четвертомъ баталіонѣ почему-то его прозвали «кондукторомъ». Впослѣдствіи на батареѣ нашли перчатку, вѣроятно, принадлежавшую этому человѣку,—на ней значился номеръ восемь съ половиною. Другой, вѣроятно, помощникъ «кондуктора», также былъ непохожъ на китайца ни костюмомъ, ни лицомъ; потомъ его нашли убитымъ. Цвѣтъ лица былъ иного оттѣнка, чѣмъ у китайцевъ; коса, хотя и не большая, была.

Штабъ стоялъ въ серединѣ расположенія отряда. Сноситься приходилось: на лѣвый флангъ съ четвертымъ баталіономъ (эти сношенія были рѣдки) и на правый флангъ съ пекарней (сюда приходилось посылать чаще). На лѣвый флангъ адъютанты и ординарцы ѣздили подъ прикрытіемъ песчаныхъ холмовъ, между тѣмъ



Сраженіе при Онгуни.
17-го іюля 1900 г.

на пекарню приходилось ѣхать по совершенно открытому мѣсту подъ выстрѣлами непріятеля. Какъ только показывался здѣсь ординарецъ, огонь китайцевъ, и безъ того весьма сильный, доходилъ до крайней степени напряженія. Только неумѣнье китайцевъ употреблять прицѣлъ спасало отважныхъ всадниковъ, но все-таки подпоручикъ Ражевъ былъ раненъ въ ногу и унесенъ на перевязочный пунктъ. Храбрый молодой человѣкъ всего двѣ недѣли назадъ прибылъ въ Забайкалье изъ казанскаго округа, и вотъ въ первое же сраженіе ему довелось быть раненымъ.

Такъ какъ ясно обнаружилось, что непріятель имѣетъ въ виду главнымъ образомъ нападеніе на пекарню, то рѣшено было въ такомъ случаѣ перейти въ наступленіе всѣмъ отрядомъ съ тѣмъ, чтобы лѣвымъ флангомъ отрѣзать ему путь отступленія. Однако онъ не отважился на рѣшительное дѣйствіе, и не пришлось нарушать первоначально выработаннаго плана, то-есть, чтобы для атаки подождать прихода конницы. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали этого прихода. Разсчитывали такъ: величина перехода—тридцать шесть верстъ; конница можетъ итти перемѣннымъ алюромъ по семи верстъ въ часъ, т.-е. пройдетъ все разстояніе втеченіе пяти часовъ, да

надо положить сколько нибудь времени на небольшіе отдыхи послѣ каждаго часа движенія, да еще прибавить времени на тѣ затрудненія, которыя испытаетъ батарея при движеніи по пескамъ; слѣдовательно, конница можетъ подойти часамъ къ двѣнадцати.

Съ одиннадцати часовъ начальникъ отряда началъ выражать уже нѣкоторое нетерпѣніе.

— Подъэсаулъ Сидоровъ, поѣзжайте назадъ, вонъ на тотъ выступъ, оттуда далеко видно по долинѣ, посмотрите, далеко ли конница. Черезъ нѣсколько времени подъэсаулъ Сидоровъ вернулся и доложилъ къ великой радости начальника отряда, что конница уже подходитъ. Дѣйствительно, въ одиннадцать часовъ сорокъ пять минутъ къ мѣсту ставки начальника отряда прибыли: командиръ Верхнеудинскаго полка и командиръ второй Забайкальской казачьей батареи. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ вопросовъ, генералъ сказалъ:

— Для васъ приготовлена пища въ котлахъ казачьихъ баталіоновъ. Немедленно прикажите обѣдать. Хозяйственные расчеты съ баталіонами сдѣлаете послѣ. Лошадей прикажите попасти, напоить, можетъ быть, успѣете покормить овсомъ. Отдыху ровно два часа; работа предстоитъ большая; надобно, чтобы всѣ были свѣжи. Вы, батарейный командиръ, теперь же ознакомьтесь съ позиціей для вашей батареи. Я предполагалъ поставить ее влѣво отъ дороги, но вы сами посмотрите хорошенько, будетъ ли это подходяще. Какъ вы полагаете, могутъ ли ваши лошади взвезти орудія по этой крутой песчаной дорогѣ? Я думаю, нѣтъ.

— Трудненько, ваше превосходительство!

— Въ такомъ случаѣ втаскивайте на лямкахъ пѣхотой. Подполковникъ Тихоновъ, шестой баталіонъ поможетъ войсковому старшинѣ Фолимонову взвезти орудія на позицію.

Тотчасъ же всѣ начальники принялись за свое дѣло. Отрядъ вздохнулъ свободно,—онъ значительно усилился: прибавилось до восьмисотъ шашекъ и шесть пушекъ. Общая численность отряда теперь дошла до 2.450 штыковъ и шашекъ и шести орудій. Все, что можно было сосредоточить, сосредоточено. Соблазнительно было немедленно перейти въ наступленіе, такъ какъ помощь, которую ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, была на лицо, но для рѣшительности удара требовались силы свѣжія, отдохнувшія.

На конницу должна была лечь значительная доля работы. Спокойная разсудительность указывала на необходимость подождать, немного выдержать, отдохнуть. Если отрядъ находился уже на позиціи подъ огнемъ въ теченіе восьми часовъ, то не трудно было подождать и еще два часа; тѣмъ болѣе это казалось важнымъ, что китайцевъ насчитывали болѣе 10.000 человѣкъ, а сраженіе являлось первымъ; должно было дать тонъ всей послѣдующей кампаніи, а потому полезно было привлечь всѣ шансы на свою сторону, чтобы обезпечить успѣхъ и тѣмъ утвердить въ Хайларскомъ отрядѣ

вѣру въ его непобѣдимость и обратно поколебать нравственныя силы противника.

Казаки шестого баталіона уже тащали на лямкахъ пушки на гору, затѣмъ задніе ходы зарядныхъ ящиковъ, а лошади втаскивали передки, тоже при содѣйствіи людей. Удобныя для помѣщенія передковъ и зарядныхъ ящиковъ площадки были невелики, а потому все это сильно скучилось. Войсковой старшина Фолимоновъ съ нѣкоторыми изъ наводчиковъ и урядниковъ отправился немного впередъ на мѣсто, выбранное для орудій, и оттуда въ бинокль тщательно разсматривалъ расположеніе противника и соображалъ способы стрѣльбы.

— Войсковой старшина Фолимоновъ,—обратился генералъ въ ласковомъ и шутливомъ тонѣ:—будетъ вамъ тамъ колдовать, идите-ка сюда, выпейте стаканчикъ чаю, да закусите, чѣмъ Богъ послалъ, поди, вѣдь ѣсть хочется?

— Такъ точно, ваше превосходительство, давно ужъ ничего не ѣлъ, и пить очень хочется. Да, я ужъ и кончилъ все.

Фолимоновъ расположился на буркѣ и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ принялся за закуску.

— Однако тутъ запахъ того...—сказалъ онъ, не обращаясь ни къ кому.

— Да, чтожъ дѣлать,—отвѣчалъ генералъ. — Казаки находятся на позиціи уже восемь часовъ, а мы упустили изъ виду приказать выкопать отхожіе ровики. Вотъ теперь и казнимся. Въ тактикѣ-то говорится объ отхожихъ ровикахъ на бивакахъ, а вотъ оказывается, что они и здѣсь нужны.

— А знаете, ваше превосходительство, вѣдь у меня одинъ казакъ раненъ.

— Какъ такъ, вѣдь вы только что пришли?

— Да, какъ начала батарея стягиваться здѣсь внизу за высотами, такъ его и ранили; еще непріятеля не видалъ, а ужъ пулю его получилъ.

— Жаль, жаль!

Къ этому времени противникъ перемѣнилъ фронтъ своего наступленія; вѣроятно, прежде онъ считалъ самымъ важнымъ пунктомъ позиціи станцію желѣзной дороги, но теперь замѣтилъ большое движеніе въ центрѣ, а также значительныя силы на лѣвомъ флангѣ и рѣшилъ здѣсь сосредоточить свои усилія. Приближалось время рѣшительнаго столкновенія. Начальникъ отряда пригласилъ командира коннаго полка, командира восемнадцатой сотни охранной стражи, а командиры батареи и шестого баталіона находились и раньше тутъ же. Подъѣхалъ и штабсъ-ротмистръ Булатовичъ, который обскакалъ мѣстность впереди, чтобы заблаговременно съ нею ознакомиться. Генералъ объяснилъ собравшимся начальникамъ планъ общаго перехода въ наступленіе.

На конный полкъ возлагался охватъ непріятельскаго фланга. Верхнеудинцевъ можно было двинуть съ выгодою и противъ праваго фланга китайцевъ, и противъ лѣваго. Такъ какъ бивакъ непріятеля находился на берегу рѣки Хайлара, за правымъ флангомъ его позиціи, то, можетъ быть, выгоднѣе было верхнеудинцевъ двинуть долиною рѣки именно въ охватъ праваго фланга противника, чтобы отрѣзать его отъ бивака, но движеніе по долинѣ было бы замѣчено китайцами тотчасъ же; всходъ на высоты пришлось бы дѣлать подъ огнемъ, а значитъ и нести потери; маневръ вообще усложнялся; поэтому генералъ приказалъ выдвинуть полкъ съ своего праваго фланга противъ лѣваго фланга китайцевъ; при этомъ всѣ придварительныя передвиженія полкъ дѣлалъ скрытно, за высотами и выходилъ на плато незамѣтно для непріятеля и безъ потерь. Батарея должна была содѣйствовать огнемъ, пѣхота—атаковать прямо передъ собою. Маневръ былъ простъ и вытекалъ естественно изъ обстановки. Выходъ полка на плато долженъ былъ обозначить минуту общаго перехода въ наступленіе. Ранцы для облегченія приказано было не брать, ибо трудно разсчитывать на энергичное движеніе впередъ казаковъ, перегруженныхъ всей тяжестью ранца и остального имущества. Конницѣ тоже было приказано снять вьюки и оставить на бивакѣ. Въ заключеніе генералъ сказалъ:

— Я требую рѣшительнаго, такъ сказать, сухого удара съ большой кровью; преслѣдовать далеко, но вернуться назадъ засвѣтло.

Выслушавъ указанія, начальники отправились дѣлать соотвѣтствующія распоряженія, а начальникъ отряда получилъ записку отъ поручика Кублицкаго-Піоттухъ съ просьбою о подкрѣпленіи. Почему-то по близости не случилось ни начальника штаба, ни адъютантовъ. Генералъ самъ вынулъ изъ кармана какой-то клочекъ бумаги и написалъ успокоительную записку въ томъ смыслѣ, что опасаться за станцію нечего, что если непріятель ее атакуетъ, то переходъ отряда въ наступленіе наилучшимъ образомъ выручитъ станцію; при этомъ генералъ изложилъ и самый планъ наступленія. Впослѣдствіи поручикъ Кублицкій признавался, что записка эта вселила въ него непоколебимую увѣренность.

Командиръ четвертаго баталіона, находившійся на лѣвомъ флангѣ въ довольно значительномъ разстояніи отъ мѣста расположенія штаба, не присутствовалъ на собраніи всѣхъ начальниковъ, а потому генералъ самъ отправился къ нему для передачи общаго плана перехода въ наступленіе и частныхъ приказаній, касавшихся спеціально четвертаго баталіона.

— Лошадь!—крикнулъ начальникъ отряда и началъ спускаться внизъ къ тому мѣсту, гдѣ укрыто располагались лошади штаба и коноводы полусотни терцевъ.

Ординарецъ, казакъ Маціевскій, подалъ «Цыгана» — небольшого

гнѣдого коня, и придержалъ стремя. Лишь только генералъ потянулся къ уздечкѣ, какъ «Цыганъ» началъ бунтоваться—забайкальскія лошади не даютъ себя трогать за морду, такъ что взнуздываніе ихъ сначала представляетъ большія затрудненія. Генералъ вскочилъ на сѣдло и, сопровождаемый Маціевскимъ, поѣхалъ за закрытіями въ полугорѣ на лѣвый флангъ. Вскорѣ пришлось подняться снова наверхъ къ четвертому баталіону. Пули, летѣвшія до сихъ поръ высоко надъ головами, стали теперь жужжать около, но всадники не обращали на это вниманія. Не доѣзжая до самаго гребня, они спѣшились, и Маціевскій повелъ коней внизъ въ болѣе безопасное мѣсто. Начальникъ отряда подошелъ къ командиру четвертаго баталіона, лежавшему за гребнемъ высоты, за серединой баталіона, и началъ поспѣшно и съ оживленіемъ излагать планъ предстоящей атаки.

— Итакъ, я отказался отъ мысли пустить конный полкъ поймой противъ китайскаго праваго фланга. Полкъ ударитъ въ лѣвый флангъ, но я желалъ бы охватить и правый флангъ; поэтому я васъ попрошу одну сотню выдвинуть съ вашего лѣваго фланга впередъ,—такимъ образомъ она и охватитъ флангъ. Вы которую сотню пустите для охвата?

— Я полагаю—первую сотню капитана Сѣдлова, ваше превосходительство.

— Хорошо! Пусть такъ и будетъ. А всѣмъ баталіономъ вы двигайтесь прямо съ фронта, общій резервъ будетъ отъ шестого баталіона.

Тутъ только замѣтилъ генералъ, что онъ стоитъ, а войсковой старшина Оглоблевъ передъ нимъ лежитъ, и что послѣдній чувствуетъ неловкость своего положенія. Происходило это потому, что храбрый Оглоблевъ вовсе не считалъ полезнымъ безъ надобности рисковать собою и предпочиталъ лучше лежать за закрытіемъ, чѣмъ стоять открыто подъ огнемъ. Сказать объ этомъ генералу было неловко. Начальникъ отряда съ своей стороны не думалъ пренебрегать опасностью, а просто не замѣчалъ ея, увлеченный разговоромъ, но теперь, обративъ вниманіе на то, что Оглоблевъ стѣсняется, онъ и самъ легъ на лѣвый бокъ, подпирая голову рукою; потомъ онъ пригнулъ ее къ землѣ такъ же, какъ это дѣлалъ Оглоблевъ.

Закончивъ разговоръ и видя, что мысль его усвоена, генералъ всталъ и обошелъ баталіонъ. Въ шутливомъ тонѣ онъ сдѣлалъ замѣчаніе тому казаку, у котораго китайская пуля сорвала штыкъ, за небрежное обращеніе съ оружіемъ; но забайкальцы вообще шутокъ не понимаютъ, и въ данномъ случаѣ казакъ сейчасъ же сталъ оправдываться совершенно серіозно, что ему приказано было положить ружье на насыпь окопа. Окопы, сдѣланные подъ вліяніемъ необходимости, были отлично примѣнены къ мѣстности и хорошо замаскированы. Около второй сотни командиръ ея, подъэсаулъ

Тржцинскій, установилъ подзорную трубу и слѣдилъ въ нее за всѣми движеніями непріятеля, даже на пути его къ биваку. Начальникъ отряда также посмотрѣлъ въ трубу и старался въ нее выяснить положеніе противника. Непріятельская артиллерія въ это время перемѣнила позицію и подъѣхала саженъ на семьсотъ къ расположенію русскаго отряда. Китайскіе стрѣлки были въ разстояніи 1.200 шаговъ. Окончивъ обходъ баталіона, начальникъ отряда спустился за гребень высоты къ лошадямъ и уѣхалъ на прежнее свое мѣсто. Условленные два часа для отдыха прошли. Въ часъ пятьдесятъ минутъ третій Верхнеудинскій полкъ двинулся на правый флангъ, чтобы тамъ выйти на плато; онъ шелъ за закрытіями и скоро скрылся изъ вида.

Томительно долго тянулись минуты. Генералъ то и дѣло вынималъ изъ кармана часы и высчитывалъ, дошелъ ли полкъ до указаннаго мѣста. Непріятель пододвигался. Четвертому баталіону пришлось вести болѣе дѣятельный огонь. Наконецъ въ два часа десять минутъ приказано открыть огонь артиллеріи. Русскіе выстрѣлы ложились великолѣпно и скоро заставили китайскія пушки замолчать и сняться съ позиціи. Вообще открытіе русскаго артиллерійскаго огня произвело очень сильное впечатлѣніе какъ на своихъ, такъ и на непріятеля. Русскихъ охватила какая-то необычайная увѣренность въ томъ, что движеніе впередъ неизбѣжно, и что оно будетъ побѣдоносно. Какая-то волна какъ бы увлекала на движеніе впередъ, и ждали для этого самаго ничтожнаго толчка. Напротивъ у китайцевъ замѣтно было колебаніе; два флага, выставленные на горкѣ, опустились, но впрочемъ по непріятельскимъ стрѣлкамъ пришлось пострѣлять подольше. Начальникъ отряда почувствовалъ, что напряженіе боя дошло до крайней степени, и что минута для удара назрѣла; она должна была рѣшить не только судьбу этого сраженія, но и славу Забайкальскаго казачьяго войска. Непосредственно передъ походомъ многіе не вѣрили въ боевыя качества забайкальскихъ казаковъ,—ихъ считали плохимъ матеріаломъ, съ которымъ нельзя хорошо работать; но уже на первыхъ маршахъ забайкальцы показали себя выносливыми ходоками, теперь они покажутъ себя въ бою.

Въ два часа двадцать пять минутъ генералъ снялъ шапку, перекрестился и приказалъ шестому баталіону итти впередъ. Разомъ двинулся весь отрядъ, имѣя двѣ съ половиной сотни въ общемъ резервѣ и полсотни для прикрытія бивака. Вѣроятно, картина наступленія русскихъ представляла великолѣпный видъ со стороны китайцевъ; казаки пошли превосходно, какъ лучшія войска въ мірѣ. Полусотня терцевъ вдругъ открыла ружейный огонь черезъ головы шедшихъ впереди забайкальцевъ. Можно было опасаться несчастья.

— Не стрѣлять!—крикнулъ начальникъ отряда.

— Не стрѣлять, не стрѣлять!—подхватили находившіеся тутъ же офицеры.

Ближайшая къ начальнику отряда сотня забайкальцевъ въ недоумѣніи пріостановилась.

— Впередъ, впередъ, чего вы стали?—раздался энергичный голосъ, заставившій казаковъ снова броситься впередъ.

Къ терцамъ подъѣхалъ адъютантъ и остановилъ ихъ огонь. Поручикъ Кублицкій-Піоттухъ, замѣтивъ выходъ Верхнеудинскаго полка на своемъ правомъ флангѣ, оставилъ съ первою сотнею шестого баталіона желѣзнодорожныя постройки и пошелъ въ атаку на противолежащій холмъ, занятый непріятелемъ, по открытому пространству въ разстояніи 1.000 шаговъ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что его безпокоила только одна мысль: онъ уже давно вышелъ въ запасъ и потому не зналъ новаго устава,—какъ бы не ошибиться; но и по старому уставу атака завершилась успѣхомъ. Не останавливаясь, дошли забайкальцы до холма и выбили оттуда противника, потерявъ пять человѣкъ ранеными. Содѣйствіе оказала восемнадцатая сотня терской охранной стражи, ударившая на непріятеля въ шашки. Противникъ дрогнулъ сразу по всей линіи. Монгольская конница развернулась было передъ Верхнеудинскимъ полкомъ, но когда онъ пошелъ въ атаку, то дала тылъ, и верхнеудинцамъ осталось только догонять и рубить. Пѣхота неотступно надвигалась на бѣгущаго врага.

Такъ какъ русскіе десять часовъ оставались на позиціи подъ огнемъ китайцевъ, то они сдѣлались черезчуръ смѣлыми и подтянули къ мѣсту боя весь свой отрядъ. Вслѣдствіе такого сосредоточенія силъ убѣжать оказалось нелегко, хотя бѣгство было чрезвычайно поспѣшное. Бросали на пути мѣшки съ патронами (на каждаго было по 500 штукъ), халаты, туфли, снаряженіе, продовольствіе и пр. Уже съ трехъ часовъ началось преслѣдованіе бѣгущаго противника, но китайцы, остававшіеся на мѣстѣ, пользовались всѣмъ для самозащиты, въ буграхъ и кустахъ дрались съ остервенѣніемъ. Въ кустахъ они прятались незамѣтно, зарывались въ песокъ такъ, что видна была только одна голова, но это вовсе не для того, чтобы спастись, потому что китайцы не боятся смерти и умираютъ съ необыкновенной легкостью. Какъ только мимо этихъ кустовъ или бугровъ проходятъ русскіе, хотя бы цѣлый баталіонъ, китаецъ начинаетъ въ нихъ палить и часто наноситъ вредъ. Такъ были потеряны многіе доблестные воины.

— Ваше превосходительство, въ васъ стрѣляютъ!—крикнулъ вѣстовой Кулатовъ.

Генералъ повернулъ голову и увидалъ шагахъ въ десяти отъ себя въ кусту китайца, который уже прицѣлился; пуля прошла очень близко.

Конница рубила китайцевъ, пѣхота дострѣливала и докалывала ихъ. Клинки шашекъ оказались очень хороши и наносили страшные удары; въ особенности сильны были удары казаковъ: они ру-

били преимущественно по шеѣ, остріе шашки углублялось въ шею вершка на полтора; рубили съ оттяжкой, такъ что удары были страшны и смертельны. Офицерскіе удары приходились преимущественно по черепу, и такъ какъ коса китайца свертывалась на головѣ клубкомъ, то она иногда ослабляла ударъ. Клинокъ соскальзывалъ, но все-таки откалывалъ кусокъ черепной кости величиною съ полъ-ладони, мозгъ обнаруживался, и ударъ являлся смертельнымъ.

У одного китайца былъ очень хорошій конь, и верхнеудинцы хотѣли взять его живымъ, именно изъ-за этого коня, но догнать монгола было не легко. Убѣгая, онъ кричалъ по-монгольски: «Я капитанъ, я капитанъ, не бейте меня». Этотъ крикъ, вѣроятно, ускорилъ его гибель, потому что казаки подстрѣлили его коня, да зарубили и его самого.

Подъэсаулу Горохову одинъ монголъ отстрѣлилъ пальцы на ногѣ; сгоряча Гороховъ не почувствовалъ и продолжалъ бой, но скоро рана сказалась, и доблестный офицеръ былъ отправленъ на перевязочный пунктъ.

Много эпизодовъ было во время рубки. Переводчикъ Максимовъ, шестидесяти лѣтъ, но весьма еще бодрый, наканунѣ переодѣлся монголомъ и хотѣлъ ѣхать къ непріятелю въ качествѣ шпіона. Онъ дѣйствительно очень былъ похожъ на монгола. Одинъ казакъ, не разобравъ хорошенько, полоснулъ его во время боя шашкой.

— Что ты дѣлаешь? — вскричалъ Максимовъ: — я русскій!

Но тутъ подскочило еще нѣсколько казаковъ; увидѣли другъ противъ друга монгола и казака, дѣло для нихъ казалось яснымъ, и несчастнаго Максимова засѣкли русскими шашками.

Въ одномъ мѣстѣ въ кусту казакъ нашелъ китайца и рубитъ его, а изъ другого куста китаецъ застрѣливаетъ казака; другой казакъ кладетъ этого китайца, а третій китаецъ застрѣливаетъ второго казака. Обоихъ молодцовъ похоронили тамъ же на мѣстѣ.

Въ четвертомъ баталіонѣ старый казакъ (пятидесяти четырехъ лѣтъ), доброволецъ Алексѣй Стародубовъ, на глазахъ начальника отряда застрѣлилъ китайскаго знаменщика и выхватилъ у него знамя. Также лично захватилъ знамя штабсъ-капитанъ Бодиско, командиръ восемнадцатой терской сотни охранной стражи. Наконецъ, взято было одно орудіе, стальное, заряжающееся съ казны, калибромъ около двухъ съ половиною дюймовъ [1]). Отрядъ двигался впередъ, при чемъ постоянно приходилось направлять движеніе его частей.

— Войсковой старшина Фолимоновъ, что же вы не стрѣляете и впередъ не идете?

---

[1]) Другое взяли на слѣдующій день на передовыхъ постахъ; при немъ было двадцать китайцевъ, двухъ изъ нихъ убили, остальные разбѣжались.

— Боюсь, ваше превосходительство, ошибиться. Мнѣ кажется, что впереди это толпа китайцевъ, но и верхнеудинцы тамъ; какъ бы не хватить по своимъ.

— Конечно, лучше сотню китайцевъ пропустить, чѣмъ одного своего убить.

— Терцы, ваше превосходительство, тоже въ черное одѣты и ихъ издали мѣшаешь съ синими китайцами. Нельзя ли, чтобы всѣ одѣвались въ бѣлое?

— Нельзя, потому что у нихъ ничего бѣлаго нѣтъ: въ чемъ успѣли уйти съ желѣзной дороги, въ томъ и есть. А вы въ такомъ случаѣ берите на передки, да идите впередъ, соединяйтесь скорѣе съ верхнеудинцами. Вы—конная батарея, нечего вамъ тутъ съ пѣхотой дѣлать.

Батарея на рысяхъ двинулась впередъ.

— Подъэсаулъ Сидоровъ, поѣзжайте къ Кублицкому; прикажите ему двигаться энергичнѣе впередъ на правомъ флангѣ, чтобы все время былъ на одной высотѣ съ остальными войсками.

Подъэсаулъ Сидоровъ поѣхалъ налаживать движеніе Кублицкаго.

— Подполковникъ Воложаниновъ, поѣзжайте къ Тихонову и передайте, чтобы шестой баталіонъ тщательно осматривалъ всѣ кусты и пески; много прячется китайцевъ, надобно вылизать мѣстность.

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ замѣчаетъ, что четвертый баталіонъ остановился немного отдохнуть. Конечно, отдыхъ нуженъ, но теперь-то не время. Надобно бы кого нибудь послать,— двинуть четвертый баталіонъ; но около начальника отряда нѣтъ офицеровъ, онъ всѣхъ ихъ услалъ. Вдругъ онъ усматриваетъ инженера Жемчужникова и телеграфиста Лецкаго, которые храбро ѣдутъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

— Инженеръ Жемчужниковъ,—кричитъ генералъ,—поѣзжайте къ четвертому баталіону и прикажите сейчасъ же двигаться впередъ.

— Какъ? я?!—спрашиваетъ Жемчужниковъ, изумленный тѣмъ, что ему, штатскому, дано такое порученіе.

— Да, вы! кто же другой? Скорѣй!

Жемчужниковъ скачетъ къ четвертому баталіону и очень успѣшно передаетъ порученіе.

Отрядъ все продвигается впередъ. Артиллерія своими выстрѣлами прочищаетъ дорогу: лишь только китайцы собираются въ массы, она ихъ разметываетъ въ разныя стороны; конница нападаетъ на кучи, пѣхота почти лавой проходитъ всю мѣстность.

Возлѣ берега Хайлара въ поймѣ видна кучка китайцевъ; до нихъ больше полуверсты. Взводъ верхнеудинцевъ стоитъ и поглядываетъ на нихъ съ какимъ-то сомнѣніемъ.

— Что же вы смотрите?—горячится начальникъ отряда:— идите и возьмите ихъ сейчасъ же.

Казаки спѣшиваются и готовятся открыть огонь по китайцамъ.

— Ахъ, вы, такіе, сякіе! Да вы трусы, что ли? Вы хотите отсюда стрѣлять ихъ, какъ бекасовъ. Что за срамъ! Урядникъ, идите, возьмите ихъ въ шашки!

Дѣлать нечего, верхнеудинцы пошли впередъ, рысью атаковали китайцевъ, но нелегко было ихъ прикончить. Одинъ нѣсколько минутъ защищался противъ трехъ казаковъ, пока наконецъ его не пристрѣлили.

Горячо преслѣдуя, отрядъ прошелъ отъ станціи Онгуни верстъ пятнадцать, восемнадцать. Вечерѣло. Безъ ранцевъ и безъ хлѣба итти дальше было невозможно, да и не предполагалось — много было дѣла, которое слѣдовало окончить еще на Онгунѣ. Разосланы приказанія остановиться, немного отдохнуть и собираться въ общую колонну для возвращенія на бивакъ. Приказаніе было передано всѣмъ отдѣльнымъ частямъ. Мало того, чтобы не было какихъ нибудь отсталыхъ одиночныхъ людей, начальникъ отряда, вопреки принятому правилу — не подавать сигналовъ, приказалъ трубить «сборъ». Собрались и пошли на бивакъ, но по пути все еще раздавались выстрѣлы; много китайцевъ, спрятавшись по сторонамъ, открывали огонь, лишь только приближался отрядъ. Нельзя сказать, чтобы стрѣльба ихъ была безтолкова: выстрѣлы направлялись преимущественно въ начальство.

Уже начинало темнѣть; съ рѣки потянуло сыростью и прохладой. Всѣ ѣхали очень довольные успѣхомъ. Постепенно выяснялись трофеи; плѣнныхъ было мало; китайцы предпочитали умирать,—сдавались въ плѣнъ немногіе, преимущественно, изъ тѣхъ, которые служили раньше на постройкѣ желѣзной дороги и хорошо знали русскихъ. Захвачено: два знамени, двѣ пушки, много оружія и патроновъ. Повсюду валялись трупы убитыхъ китайцевъ. Видъ ихъ какъ-то ни у кого не возбуждалъ жалости; только тяжкія ихъ раны производили впечатлѣніе ужаса. Одѣты китайцы очень легко, о снаряженіи нѣтъ и помину; только мѣшки съ патронами, да у нѣкоторыхъ мѣшки съ мукой. Конечно, если разсматривать это снаряженіе съ точки зрѣнія подготовки на длинную кампанію, можетъ быть даже не только на лѣто, но и на зиму, то, конечно, оно окажется негоднымъ; для данной же минуты въ срединѣ лѣта оно имѣло большія достоинства — итти было легко.

Во время обратнаго движенія обсуждали вопросъ, какое число потерь у непріятеля показать въ донесеніи. Но какъ ихъ сосчитать? Темно, трупы разбросаны на огромномъ пространствѣ, ни у кого не было еще опыта въ оцѣнкѣ числа убитыхъ. Наконецъ, очень боялись упрека въ преувеличеніи. Несомнѣнно было, что побѣда одержана полная, — преувеличиванія оказывались излишними; рѣшено показать потерю у непріятеля скромно—до двухсотъ человѣкъ. Всѣ были увѣрены, что на самомъ дѣлѣ ихъ было

гораздо больше. Когда черезъ два дня начали закапывать трупы, то ихъ насчитали отъ 800 до 900. Потеря русскихъ состояла изъ десяти убитыхъ и восемнадцати раненыхъ, между послѣдними два офицера. Разница въ потеряхъ обѣихъ сторонъ была громадная, но это вполнѣ естественно: чѣмъ рѣшительнѣе побѣда, тѣмъ меньше потерь у побѣдителя и тѣмъ больше у побѣжденнаго.

— Китайскаго-то начальника убили,—говоритъ одинъ изъ штабныхъ.

— Не можетъ быть!—говоритъ другой.

— Ну, какъ не можетъ быть, когда и шапку соболью съ шарикомъ съ него сняли.

— Однако, плѣнные говорятъ, что отрядомъ командовалъ самъ Чуанъ-до, и что онъ съ шестьюдесятью отборными всадниками на превосходныхъ коняхъ успѣлъ уйти.

— Такъ, можетъ быть, шапка другого начальника, который подъ нимъ командовалъ. Вѣдь Чуанъ-до командовалъ войсками всего Хайларскаго округа; отъ него отряды пошли по двумъ направленіямъ: и противъ насъ, и на Цурухайтуй. Конечно, въ каждомъ отрядѣ былъ свой начальникъ, а Чуанъ-до, какъ старшій, состоялъ при главномъ отрядѣ, который мы сегодня разбили.

— Маціевскій,—сказалъ начальникъ отряда, прислушиваясь къ разговору,—прикажите-ка шапку этого начальника принести мнѣ, она должна быть представлена въ числѣ трофеевъ.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Слѣва изъ куста раздался выстрѣлъ—пуля пролетѣла тутъ же.

— Подъэсаулъ Сидоровъ, возьмите нѣсколькихъ казаковъ, посмотрите, что тамъ около этого куста.

Подъэсаулъ Сидоровъ далъ плеть коню, который уже началъ прихрамывать, и отправился исполнять порученіе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился.

— Ну, что?

— Въ кусту сидѣло три китайца.

— Ну, и гдѣ же они теперь?

— Тамъ же! Ихъ прикончили.

Приближались къ позиціи, на которой сражались днемъ. Уже совсѣмъ стемнѣло. Длиннымъ бѣловатымъ пятномъ тянулся отрядъ по степи. Съ боку ѣхалъ начальникъ отряда, за нимъ казакъ со знаменемъ, взятымъ штабсъ-капитаномъ Бодиско.

Тутъ же темнѣлась группа штабныхъ офицеровъ и казаковъ. Жемчужниковъ и Лецкій ѣхали совсѣмъ близко отъ генерала.

— А что, Жемчужниковъ, вы удивились, когда я васъ послалъ съ приказаніемъ?—сказалъ онъ.

— Я, ваше превосходительство, этого совсѣмъ не ожидалъ,—отвѣчалъ Жемчужниковъ.

— Видите, батюшка, на войнѣ всякій человѣкъ становится воен-

нымъ, и обязанности его военныя, и исполнять ихъ онъ долженъ, когда приказываютъ.

— Да я и то, ваше превосходительство, военный.

— Какъ такъ?

— Я отбывалъ воинскую повинность въ артиллеріи и вышелъ со службы фейерверкеромъ.

— Какъ же вы, другъ мой, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и не держали экзамена на офицера?

— Да я и держалъ при Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ.

— Ну, и что жъ?..

— Вы меня срѣзали на экзаменѣ изъ тактики.

— Ха, ха... ха... ха... послѣдовалъ дружный взрывъ хохота офицеровъ.

— Все къ лучшему,—сказалъ генералъ,—зато я теперь имѣю удовольствіе быть съ вами и на практикѣ примѣнять тактику. Право, изъ васъ вышелъ бы отличный офицеръ.

Вотъ и поворотъ дороги возлѣ того мѣста, гдѣ стояла батарея.

— Войсковой старшина Фолимоновъ, вы своихъ орудій не свозите, а оставьте ихъ на позиціи и прислуги дежурный взводъ; остальную батарею можете поставить бивакомъ. Бивакомъ вамъ и Верхнеудинскому полку расположиться сзади пруда, остальнымъ стать на отдыхъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и вчера. Семенъ Ивановичъ, сообщите все это, кому слѣдуетъ, сейчасъ же. Въ сторожевое охраненіе назначить двѣ сотни верхнеудинцевъ, да чтобъ охраненіе не только къ сторонѣ непріятеля, а кругомъ всего бивака. Тамъ за рѣкой Хайларъ кто-то бродитъ, а между тѣмъ отрядъ теперь очень нервно настроенъ. Въ дежурную часть назначьте сотню отъ шестого баталіона, и дежурная часть пусть не остается на бивакѣ, но выдвинется на артиллерійскую позицію, вотъ у насъ позиція и будетъ занята прочно. Отъ шестого же баталіона пусть будетъ дежурнымъ по биваку одинъ изъ сотенныхъ командировъ и бивачное охраненіе. Чтобы на пекарнѣ не нервничали, выслать къ нимъ отъ шестого баталіона для успокоенія заставу въ размѣрѣ одного взвода; туда же на станцію къ телефону отъ Верхнеудинскаго полка немедленно нарядить трехъ конныхъ вѣстовыхъ, а двухъ прислать въ штабъ отряда. Кромѣ того, всѣмъ частямъ сегодня же представить свѣдѣнія о взятыхъ трофеяхъ, о числѣ оставшихся патроновъ и снарядовъ и потеряхъ въ бою; очень пусть не расписываютъ и только объ офицерахъ напишутъ поименно, а казаковъ общимъ числомъ. Точно также обратите вниманіе, чтобъ не писали, сколько израсходовано патроновъ и снарядовъ, а именно сколько у нихъ осталось, потому что эти-то цифры мнѣ и нужны; сколько израсходовано, я и самъ сочту, потому что знаю, сколько было. Будутъ жаловаться, что устали; не обращайте

вниманія,—пусть пишутъ безъ всякаго калиграфическаго искусства, а простыми безхитростными записками.

Пріѣхали на бивакъ; палатки уже были разбиты на прежнихъ мѣстахъ; принялись съ большимъ аппетитомъ за ужинъ и чай. По случаю побѣды запасовъ не жалѣли.

Хотя встали въ четыре часа утра, но нервное возбужденіе было столь сильно, что никто не ложился спать; бесѣда самая оживленная лилась; всѣ спѣшили дѣлиться впечатлѣніями дня. На перебой разсказывали разные эпизоды, бывшіе во время сраженія. Столъ былъ накрытъ на воздухѣ. Вдругъ послышался голосъ:

— Однако, паря, какъ темно, подходяще лобъ разбить. Гдѣ тутъ начальникъ отряда?

— Да вонъ тамъ у стола,—почтительнымъ шепотомъ отвѣчалъ другой казакъ.

Забайкалецъ приблизился къ столу.

— Ваше превосходительство, однако, пакетъ отъ штабъ-ротмистра Булатовича.

— Откуда, гдѣ онъ?—взволновался начальникъ отряда, вспомнивъ, что при обратномъ движеніи онъ Булатовича что-то не видалъ.

— Отсюда верстъ тридцать будетъ.

— Да ты самъ откуда? Какъ вы туда забрались?

— Такъ точно, я оттудова. Еле прошелъ мимо китайцевъ. Мы послѣ сраженія всѣмъ взводомъ (мы отъ второй сотни, сотника Красностанова) со штабъ-ротмистромъ гнали китайцевъ и больно далече зашли.

— Да вѣдь сборъ трубили, развѣ вы не слыхали?

— Однако, не слыхали, а, може, и слышали. Мы и говорили ему, штабъ-ротмистру, что надо ворочаться, а онъ все гонитъ, даже грозился.

— Такъ вы, что же, до станціи дошли?

— Однако, подходяще, какъ станція.

— Такъ это они до Урдинги махнули.

— Ваше превосходительство,—говоритъ начальникъ штаба:—да вы записку прочтите, тамъ вѣрно Булатовичъ все объясняетъ.

— И то правда!

Въ волненіи начальникъ отряда разорвалъ маленькій, сѣренькій, тоненькій конвертикъ, такъ что оторвалъ и кусокъ вложеннаго туда тоненькаго листка для донесенія. Булатовичъ доносилъ изъ Урдинги, что онъ потерялъ одного казака убитымъ, окруженъ непріятелемъ, разстрѣлялъ всѣ патроны, лошади утомлены.

— Семенъ Ивановичъ, немедленно пусть сѣдлаютъ всѣ оставшіяся сотни верхнеудинцевъ, тамъ будетъ сотни три; сотня Красностанова обязательно; и пусть идутъ выручать Булатовича во что бы то ни стало. Этого казака пусть возьмутъ съ собою, онъ ихъ приведетъ на мѣсто.

Верхнеудинцы ночью отправились на выручку товарищей, а начальникъ отряда, сильно озабоченный происшедшимъ, заканчивалъ свое письмо домой такими словами: «Булатовичъ не вернулся; какова его судьба—одному Богу извѣстно».

Велика была радость на другой день, когда узнали, что три сотни верхнеудинцевъ не дошли до Урдинги, но еще на пути встрѣтили взводъ Булатовича, возвращавшійся благополучно.

— Ну, ужъ какъ вы меня напугали,—говорилъ ему съ ласкою начальникъ отряда:—«окруженъ, прошу помощи».

— Ваше превосходительство, я не просилъ помощи, я только доносилъ, а у меня все было благополучно.

— Ну, да такъ бы и писалъ.

— Слушаю-съ, впередъ я буду писать, что «все обстоитъ благополучно».

Результатъ сраженія при Онгуни былъ въ высшей степени важенъ. Монголы увидѣли силу русскаго оружія, ничтожество китайцевъ; вслѣдствіе этого совершенно отложились отъ нихъ и не хотѣли болѣе воевать съ русскими. Въ монгольскомъ городѣ Ургѣ подготовлялось нападеніе на русскихъ, но послѣ сраженія при Онгуни все успокоилось; отъ подобныхъ предпріятій монголы отказались, Забайкалью не грозила ни малѣйшая опасность. Мало того, опасность не грозила тылу Хайларскаго отряда при дальнѣйшемъ его наступленіи внутрь Манчжуріи.

Н. А. Орловъ.

ТРАГИЗМЪ А. К. ШЕЛЛЕРА.

I.

ВЪ ДВѢНАДЦАТОМЪ выпускѣ «Исторіи русской словесности» П. Н. Полевого помѣщенъ портретъ I. I. Ясинскаго съ слѣдующей собственноручной надписью послѣдняго: «Журналистика не литература». Заявленіе это особенно удивительно, когда тужъ же, въ текстѣ, о г. Ясинскомъ сказано, что съ 1-го марта 1900 года онъ самъ издаетъ журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія». Въ означенныхъ «Сочиненіяхъ» за февраль помѣщена небольшая замѣтка г. Ясинскаго подъ заглавіемъ: «Трагизмъ Шеллера». Я не могу обойти молчаніемъ упрека, дѣлаемаго мнѣ въ ней за то, что въ моей статьѣ «Памяти А. К. Шеллера»[1]) я объясняю неровности характера А. К. Шеллера, между многими другими причинами, и его двойственнымъ воспитаніемъ: демократическимъ вліяніемъ со стороны отца и аристократическимъ по материнской линіи, тогда какъ, по мнѣнію г. Ясинскаго, «трагизмъ Шеллера» происходилъ исключительно отъ литературной неудовлетворенности и его фальшиваго въ литературѣ положенія. Но разумѣется на ребенка не могла вліять литературная неудовлетворенность, а вліяла только семейная обстановка, когда мы говорили о двойномъ воспитаніи.

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», январь, 1901 г.

Мои свѣдѣнія о трагизмѣ двойного воспитанія усопшаго писателя совпадаютъ съ показаніями самого Шеллера въ его разговорахъ и автобіографическихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ о своихъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ. Опираясь на нихъ, я и объяснялъ ими во многомъ сложный характеръ Шеллера, съ массою недостатковъ и странностей, не забывая, разумѣется, «лучшей части» въ Шеллерѣ: положительныя стороны его большого ума, блестящую діалектику, остроуміе, необыкновенное трудолюбіе, солидное образованіе и общественныя заслуги его литературнаго пера. Его дѣтство и отрочество прошли неровно, и ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что я приписываю большое вліяніе семьи на человѣка. Что касается литературнаго трагизма Шеллера въ связи съ неровностями его характера, то, конечно, на этотъ литературный трагизмъ не вліяло происхожденіе Шеллера отъ придворнаго гофъ-фурьера и барыни. О такой зависимости данныхъ явленій у меня нѣтъ ни слова въ моихъ воспоминаніяхъ о Шеллерѣ, и я рѣшительно не могу понять, почему г. Ясинскому понадобилось отвергать мои показанія о вліяніи на Шеллера въ дѣтствѣ и юности его отца, бабушки, тетушки и т. д. Неужели онъ не умѣетъ отдѣлить разные воспитательные періоды въ жизни писателя и отвергаетъ глубокое вліяніе на характеръ человѣка его дѣвственныхъ впечатлѣній въ семьѣ и школѣ? Я не могъ говорить о молодости Шеллера иначе, нежели говорилъ о ней онъ самъ. Именно съ его собственныхъ словъ и сочиненій написана мною его біографія. Въ разные сроки его неоднократныхъ юбилеевъ чуть ли не я одинъ давалъ въ газеты статьи о немъ съ подробностями его частной жизни. Это обстоятельство заставляло меня всегда показывать для провѣрки фактовъ самому Шеллеру готовящуюся о немъ статью. Давая на просмотръ рукопись съ частными обстоятельствами его жизни, я никогда, конечно, не стѣснялся въ освѣщеніи ихъ и оцѣнкѣ всей литературной дѣятельности Шеллера. Я просто боялся фактической ошибки и потому просилъ Шеллера провѣрить меня. Безпристрастная передача фактовъ его жизни и мое пониманіе ихъ могли быть даже непріятны Шеллеру; однако, къ его чести, онъ нѣкоторыя неточности исправлялъ, но всегда признавалъ справедливость всей статьи. Въ одинъ изъ его юбилеевъ я напечаталъ о немъ статью въ газетѣ «Русская Жизнь» и послалъ номеръ газеты Н. С. Лѣскову. Отъ послѣдняго я получилъ въ отвѣтъ слѣдующее письмо:

«Усердно благодарю васъ за присылку № газеты съ вашей статьею. Боюсь, однако, что вы ею, пожалуй, не потрафили имениннику и даже, можетъ быть, огорчили его, чего въ такой день дѣлать не слѣдовало. Если уже неодолимая сила влекла васъ назвать его племенное происхожденіе отъ эстонца, то надо было воспользоваться изысканіями о происхожденіи этой народности и при-

вести его въ какое нибудь родственное сближеніе съ Аттилою, съ которымъ у него и есть что-то родственное въ кипучести, клокотаніи, а, можетъ быть, и въ самой внѣшности. Вы упустили очень хорошій случай» (письмо отъ 15-го октября 1893 года).

Лѣсковъ написалъ это злое письмо не безъ нѣкотораго основанія. Шеллеръ чрезвычайно болѣзненно относился къ своему родословію и къ своей личной славѣ. Во всѣхъ біографическихъ сборникахъ о русскихъ писателяхъ (см. «Русскіе поэты» А. Сальникова, «Сборникъ русскихъ поэтовъ» Гербеля) показано, со словъ Шеллера, о томъ, что его отецъ одно время служилъ въ театральномъ оркестрѣ не просто музыкантомъ, но непремѣнно «камеръ-музыкантомъ». Дѣтство свое нашъ писатель провелъ въ семьѣ придворнаго служителя, но онъ не переставалъ говорить о театрѣ и даже писалъ къ литератору А. Лукьянову отъ 15-го октября 1896 г. слѣдующее: «Заваленъ работой выше горла и даже не бываю въ театрѣ, хотя люблю его любовью перваго любовника. Еще бы, все дѣтство провелъ среди друзей отца—актеровъ». При А. К. не безопасно было распространяться объ аристократическомъ происхожденіи кого либо: онъ непремѣнно заподозрѣвалъ васъ въ пренебреженіи къ его «Шеллеровскому роду»; если же приходилось къ слову упомянуть чье либо мѣщанство, онъ тотчасъ начиналъ кричать: «слава Богу, что я не Андреевъ и не Ивановъ».

Такимъ образомъ мои сообщенія о молодости Шеллера вполнѣ достовѣрны, и онъ до конца своей жизни, какъ это видно и изъ письма Н. С. Лѣскова, не переставалъ производить впечатлѣніе человѣка съ двойнымъ воспитаніемъ, къ которому впослѣдствіи присоединился и литературный трагизмъ. Послѣдній нисколько не исключаетъ перваго. О юномъ трагизмѣ Шеллера онъ самъ трогательно говоритъ въ стихотвореніи:

Горе свое я умѣю терпѣть.

Горе свое я умѣю терпѣть,
Стонамъ людскимъ я внимаю безстрастно,
Только на дѣтскія слезы смотрѣть
Я не могу безучастно.

Только увижу ихъ—дѣтство мое
Вспомнится снова: мѣщанство, наука,
Въ грязномъ углѣ роковое житье
И одиночества скука.

Вспомнится храмъ и ограды лужокъ,
Нѣсколько липъ и березъ запыленныхъ,
Множество нянекъ и дѣтскій кружокъ
Между акацій зеленыхъ.

Сколько тамъ было веселыхъ дѣтей,
Игръ, и игрушекъ богатыхъ и счастья!
Но, съ безголовою куклой своей,
Не возбуждалъ я участья.

Рано къ дѣтямъ прививается спесь,
Гордости мелкой ихъ учатъ съ пеленокъ;
Слышалъ и я: «что ты дѣлаешь здѣсь?
Ты не дворянскій ребенокъ!»

И, чтобъ задобрить дѣтей, я постигъ
Горькое вкрадчивой лести искусство,
Злобствуя, въ сердцѣ лелѣять привыкъ
Зависти подлое чувство.

Тамъ, среди лести и мелкихъ услугъ,
Рано утратилъ я чувство свободы,
И привился ко мнѣ рабства недугъ,
Переживающій годы.

Страшный недугъ, научившій скрывать
Гордости честной и смѣлой порывы,
Вѣчно робѣть, притворяться и лгать
И—проклинать молчаливо.

Стихотворенія Шеллера должны разсматриваться, какъ интереснѣйшій автобіографическій матеріалъ. Онъ самъ о нихъ (въ изданіи Бортневскаго за 1873 годъ) писалъ: «Большая часть изъ нихъ, быть можетъ, не имѣя никакихъ достоинствъ въ поэтическомъ отношеніи, является какъ бы листками изъ моей записной книги, хранящими свѣжіе слѣды прошлой тяжелой жизни, и говорить о томъ, что было прожито и какъ прожито. Быть можетъ, эта—и только эта одна—сторона будетъ близка и дорога тѣмъ изъ моихъ читателей, которые, подобно мнѣ, прошли тотъ же тяжелый путь, пробиваясь среди нищеты и невѣжества, безъ всякой посторонней помощи, на свѣтъ. Быть можетъ, она будетъ дорога и близка только имъ. Пусть такъ!» Такимъ образомъ, не только біографическіе факты о молодости Шеллера провѣрены, но и самое ихъ вліяніе на его характеръ совпадаетъ съ собственнымъ признаніемъ объ этомъ Шеллера. Между тѣмъ г. Ясинскій, упрекая меня въ неумѣломъ пониманіи характера Шеллера, начинаетъ говорить совсѣмъ о другомъ періодѣ его жизни, когда на характеръ Шеллера за послѣдніе годы его жизни, между прочимъ, вліяла и литературная неудовлетворенность. Скажу на это, что несомнѣнно и литературная неудовлетворенность въ послѣдніе годы совершенно издергала его нервы; но къ этому литературному трагизму особенно была воспріимчива почва, на которой Шеллеръ выросъ въ ранніе годы. Я не долженъ былъ игнорировать эту почву, когда писалъ его біографію. А, конечно, въ своей литературной жизни онъ хлебнулъ немало горечи. Даже «Полное собраніе сочиненій»—не дало

Шеллеру того, на что онъ надѣялся. Въ письмѣ 1894 года къ А. А. Лукьянову онъ заявляетъ: «Я принимаюсь при помощи Михаила Сергѣевича Суворина за изданіе «Полнаго собранія сочиненій». Это дастъ мнѣ возможность сказать: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ. Кажется, заслужилъ я отдыхъ?». Изданіе пошло тихо... Шеллера охотно до сихъ поръ читаютъ, но покупать книги даже любимыхъ авторовъ мы не привыкли. Это, разумѣется, сильно огорчало Шеллера, обвивая подколодной змѣей его самолюбивое сердце.

Двойное вліяніе въ дѣтствѣ и литературная неудовлетворенность за послѣдніе годы создали въ характерѣ Шеллера дѣйствительно то, что г. Ясинскій называетъ его «трагизмомъ». Но и этихъ причинъ было бы недостаточно для объясненій сложнаго характера Шеллера: не «Живописное Обозрѣніе» и не «Сынъ Отечества» всецѣло властвовали надъ душой его, а главнымъ образомъ всеобщая перемѣна фронта въ общественной жизни, постоянно приносившая ему рядъ доказательствъ о забвеніи обществомъ не только его самого, но и всѣхъ священныхъ для Шеллера идеаловъ. Не всѣ это понимали въ жизни его, и тотъ же г. Ясинскій весь трагизмъ Шеллера сосредоточилъ исключительно на литературныхъ неудачахъ Александра Константиновича. Этого объясненія недостаточно... Не только литературная, но и вся общественная жизнь измѣнили Шеллеру и настроивали его мучительно мрачно. Тѣмъ не менѣе, его пессимистическіе припадки, отражавшіеся въ сужденіяхъ о людяхъ и литературѣ, вытекали изъ глубокаго идеализма души. Эту двойственность не всѣ понимали въ немъ и часто судили о немъ односторонне. Шеллеръ самъ подавалъ къ тому много поводовъ. Его несдержанность, а иногда художественныя импровизаціи, увлекали его неоднократно за установленные предѣлы разговоровъ. Только анализируя его поведеніе, приходишь къ тому заключенію, что въ одномъ случаѣ онъ самъ увлекался, такъ сказать, «литераторскимъ языкомъ», и простая случайность жизни въ его передачѣ облекалась въ «перлъ созданія»; въ другихъ случаяхъ—его рѣзкость и часто несправедливые приговоры надъ людьми вытекали изъ преклоненія передъ идеаломъ, который, по его мнѣнію, люди оскорбили.

Для полноты характеристики Шеллера необходимо отмѣтить въ немъ пессимистическое и повышенное самочувствіе, нуждающееся въ умѣлой передачѣ и нужномъ освѣщеніи. Въ рукахъ непріязненныхъ къ Шеллеру лицъ то же самое обстоятельство будетъ перетолковано иначе, а между тѣмъ Шеллеръ и въ своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ оставался человѣкомъ идеи, всегда развиваемой имъ оригинально и литературно. Его «личности» были всегда на литературной почвѣ, и въ его желчныхъ о нихъ сарказмахъ никогда не было корыстныхъ и черныхъ мотивовъ. Скорѣе

ѣдкая насмѣшка и злословіе о писателяхъ были воспитаны въ немъ, въ свою очередь, несправедливостью послѣднихъ къ нему самому. Разница была въ томъ, что Шеллеръ представлялъ собою извѣстную величину, съ печатью эпохи шестидесятыхъ годовъ, а позднѣйшая среда писателей все болѣе и болѣе мельчала и давала себя чувствовать Шеллеру тѣмъ, что наступилъ праздникъ на ихъ сторонѣ, и что они не признаютъ шестидесятниковъ своими духовными отцами. Его непріязнь къ нимъ была чисто принципіальнаго характера. Лично онъ пригрѣвалъ молодыхъ писателей, отлично сознавая, что многіе изъ нихъ будутъ его врагами по направленію. Если Шеллеръ многихъ изъ нихъ впослѣдствіи и не любилъ, то всегда не любилъ по литературѣ. Напримѣръ, о Волынскомъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» онъ часто говорилъ:

— Я не люблю его... То-есть не какъ человѣка, а какъ писателя, не люблю за то, что для него не существуетъ исторической перспективы, и потому всѣ его сужденія о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Писаревѣ мнѣ антипатичны. Онъ не взвѣшиваетъ время, когда они жили и почему они писали о многомъ иначе, чѣмъ онъ самъ въ 1896 году думаетъ о томъ же предметѣ. Это не критика... Все, что онъ можетъ сдѣлать съ ними, это вырвать рядъ кусковъ изъ нихъ, процитировать нѣкоторыя мѣста и сказать: мнѣ это не нравится, и потому это плохо,.. Ничего другого онъ въ сущности и сдѣлать не можетъ въ области критики. Возьмемъ самаго боевого писателя, съ которымъ Волынскій, кстати, лично былъ знакомъ. Это Лѣсковъ. Что въ немъ онъ будетъ разбирать? Въ «Соборянахъ» и «Мелочахъ архіерейской жизни» выведены попы; да вѣдь Волынскій еврей и не знаетъ русскихъ поповъ. Какъ же онъ будетъ судить о нихъ? Въ «Некуда» выведены нигилисты, но Волынскій сравнительно молодъ и не знаетъ шестидесятые годы; въ другихъ произведеніяхъ выведены захолустные люди и ихъ провинціальная жизнь,—но Волынскій, какъ петербуржецъ, и этого не знаетъ. Какъ же онъ будетъ разбирать и критиковать художественныя произведенія Лѣскова? Съ какой стороны и въ какомъ отношеніи онъ будетъ писать вообще о русской литературѣ? Исключительно съ чисто художественной точки зрѣнія... «Думалъ я, или я думалъ»—вотъ, что онъ будетъ подвергать своей критикѣ. Но вѣдь это не важно и не нужно, да кстати онъ и самъ не умѣетъ художественно излагать свои собственныя мысли. Еще будетъ онъ съ точки зрѣнія «метафизическаго идеализма» поносить писателя за то, что тотъ занимался временными нуждами, а не вѣчностью; будетъ доказывать, что заниматься въ 60-хъ годахъ крѣпостнымъ правомъ, общиной, земствомъ, народными школами и женскимъ вопросомъ—было матеріалистично и вредно въ философскомъ смыслѣ. Теперь эти вопросы рѣшенные, и для Волынскаго они чисто внѣшніе и временные; вотъ онъ и кричитъ на Чернышевскаго и До-

бролюбова, что они недостаточно философски образованы, мало занимались безсмертными вопросами, и всѣ они мыслятъ «буржуазно». Но развѣ это критика? Развѣ они могли не заниматься тѣми вопросами, которые были въ то время «злобою дня» для русскаго общества и поважнѣе вѣчной философіи? Но Волынскому въ настоящее время это не нравится. Онъ не придаетъ имъ значенія въ наши дни и осуждаетъ писателей 60-хъ годовъ. Онъ бранитъ ихъ за то, что они занимались болѣе экономическими и политическими вопросами, а не эстестически-художественными и философскими. Это незнаніе задачъ русской жизни и навязываніе ей своего «метафизическаго идеализма» сгубило Волынскаго. Чтобы быть критикомъ художественныхъ произведеній изъ русскаго быта, надо отлично знать этотъ бытъ; чтобы быть философомъ, надо указать на новый вкладъ собственной мысли. А главное, нужно понимать потребности времени и чувствовать благодарность къ его работникамъ. Въ шестидесятые годы безъ Чернышевскаго, Кавелина, Герцена, Добролюбова и Щедрина, можетъ быть, не было бы и шестидесятыхъ годовъ, а теперь всякій фразеръ пробуетъ на нихъ свою силу и обвиняетъ ихъ въ матеріалистичности и буржуазности.

Эта тирада Шеллера противъ Волынскаго нисколько не мѣшала Шеллеру быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Волынскимъ, какъ съ человѣкомъ, и отрицать его, какъ литератора. Его непріязнь и ко всѣмъ прочимъ людямъ была исключительно на литературной почвѣ.

Шеллеръ видѣлъ, какъ мелкіе таланты, съ узкимъ міросозерцаніемъ и разсказами величиною въ ладонь, вытѣсняютъ заслуженныя имена и болѣе подходятъ подъ ростъ общества, чѣмъ люди реформъ и движеній. Въ Шеллерѣ выразился великій расколъ, господствующій и въ литературѣ и обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ обозначались у насъ двѣ эпохи: реформъ и реакціи. И та, и другая эпохи имѣютъ своихъ питомцевъ, и чѣмъ чаще обнаруживалось непониманіе и оплеваніе шестидесятыхъ годовъ нынѣшними, тѣмъ сильнѣе Шеллеръ былъ оскорбленъ въ лучшихъ своихъ симпатіяхъ. Онъ ожесточался и на общество и на собственнаго брата-писателя. Темпераментъ увлекалъ его часто за законные предѣлы, и тогда онъ плохо разбиралъ даже людей въ одномъ съ нимъ направленіи работавшихъ. Онъ тотчасъ готовъ былъ съ горькимъ чувствомъ отзываться о Тургеневѣ, о Толстомъ и т. д. «Съ Н. К. Михайловскимъ,—грустно говорилъ онъ:—мы видимся и встрѣчаемся только на похоронахъ; «Вѣстникъ Европы» меня никогда не возьметъ, потому что я недостаточно аристократиченъ для взрослыхъ дочерей его редакторовъ, а въ «Русской Мысли» имѣютъ привычку угощать гостей хлѣбомъ-солью, а по уходѣ выливать на нихъ помои... Тамъ печатался мой романъ «Голь», и тамъ же послѣ только лѣнивый не поругивалъ меня». Шеллеръ разсыпалъ желч-

ные отзывы на правыхъ и виновныхъ удивительно искусно, но во всѣхъ случаяхъ его собственная личность тѣсно связана съ пониманіемъ эпохи, представителемъ которой онъ былъ и желалъ навсегда остаться имъ. Можетъ быть, и то, что онъ не хотѣлъ сдвинуться съ мѣста и требовалъ, чтобы маленькіе люди сами пришли къ нему, усиливало трагизмъ людей разныхъ эпохъ. Дѣйствительно, не странно ли, что послѣ закрытія «Современника», «Русскаго Слова» и «Дѣла», лучшіе органы печати обходились безъ участія А. К. Шеллера, и послѣдній печатался въ какихъ-то иллюстрированныхъ изданіяхъ? Онъ не могъ не чувствовать своего одиночества, и оно было скорѣе знаменіемъ времени, чѣмъ послѣдствіемъ его личнаго характера. Онъ началъ литературную дѣятельность на ряду съ лучшими именами литературы, а кончать пришлось какимъ-то инвалидомъ отъ литературы. Въ то время, какъ большинство новоявленныхъ «знаменитостей» повторяли въ своихъ произведеніяхъ заѣзженные сюжеты и значительно ранѣе ихъ разработанные типы, Шеллеръ откликался въ своихъ романахъ на всѣ значительныя перемѣны въ общественной жизни за послѣднія десятилѣтія. Мы найдемъ у него школьный и семейные вопросы въ «Жизни Шупова» и въ «Гнилыхъ болотахъ», и безсердечный типъ образованной женщины («Кукушка новой формаціи»), и равнодушнаго ренегата («Паденіе»), и активно злобнаго реакціонера («Ртищевъ), и сытаго буржуа изъ «Голи», и «Алчущихъ» дворянъ по голоднымъ деревнямъ, и резонерствующихъ безъ сердца толстовцевъ («Послѣ насъ») и т. д. Несмотря на всю отзывчивость Шеллера и его всегдашній симпатичный талантъ, общественные вкусы понижались, и чуткость къ дѣйствительнымъ заслугамъ литератора пропадала въ присяжныхъ цѣнителяхъ. Новыя вѣянія о дегтѣ и золоторотцахъ, о неуловимыхъ впечатлѣніяхъ природы въ жизни у символистовъ и декадентовъ, о кооперативномъ благодѣяніи капитала среди разоренныхъ народовъ и т. д. возвѣстили кончину шестидесятыхъ годовъ. Шеллеръ тяжко страдалъ при этой агоніи, и кто видѣлъ въ немъ эти страданія, тотъ примирится съ порывами его гнѣвной души и такого же ума. Въ его сердцѣ, исполненномъ горечи, чувствовалось, однако, не раздраженіе обойденнаго плебея, а драма писателя, загубленнаго пониженіемъ времени. Онъ сошелъ со сцены «побѣжденнымъ бойцомъ» по мѣрѣ того, какъ росло и множилось самодовлѣющее искусство въ литературѣ и общественной жизни, но побѣда надъ нимъ не была побѣдою надъ дѣломъ его жизни и русской литературы.

Въ недавно вышедшей моей книгѣ: «Александръ Костантиновичъ Шеллеръ» — помѣщено письмо литератора А. К. Маликова, характерное и для оцѣнки Шеллера. Онъ писалъ мнѣ отъ 19 янв. слѣдующее:

«Больной, желчный и даже очень озлобленный Шеллеръ весь

ушелъ и жилъ воспоминаніями нашей славной эпохи, въ настоящей же его отношенія были только отрицательныя и потому мучительныя. Относясь къ настоящему, какъ къ времени упадка, измѣны и забвенія всего великаго, чѣмъ славна была эпоха реформъ, онъ уже не живетъ, а только кое-какъ волочитъ свою больную жизнь, занимается черной работой изъ за-куска хлѣба (какъ зачѣчу и многіе дѣлаютъ изъ прежнихъ людей), оказываясь не подходящимъ для нынѣшняго строя. Но онъ справедливо гордъ, онъ не можетъ подлаживаться и идти на встрѣчу новымъ вѣяніямъ. «Не онъ, Шеллеръ, пойдетъ въ редакціи съ своими работами, а сами редакторы должны прійти къ нему», такъ выразились вы на мой вопросъ, почему Шеллеръ не пишетъ въ толстыхъ журналахъ.

«Шеллера забыли вмѣстѣ съ цѣлой эпохой реформъ, но требованія его, чтобы шли къ ней, конечно, совершенно правы. Эта эпоха оставила богатое наслѣдство, совершенно неиспользованное и заброшенное наслѣдниками. Оцѣнка и разработка этого наслѣдства еще впереди потому, что нынѣшнія времена (я считаю съ 80-хъ годовъ) вовсе не оцѣнка его, а лишь только реакція, гдѣ напрасно искать справедливости.

«Несчастіе Шеллера въ томъ, что онъ тянулъ еще долго свою не жизнь, а существованіе, въ это самое злое и неблагодарное время; но онъ тянулъ его, какъ и слѣдуетъ настоящему борцу, закупорившись, уйдя отъ всѣхъ. Онъ, съ желчью на языкѣ, съ презрѣніемъ и мучительной болью въ сердцѣ, мучился и умиралъ нѣсколько лѣтъ, почти всѣми забытый и не любимый... И онъ долженъ былъ умереть, скажу я, слишкомъ онъ уже увѣровалъ въ свое призваніе, какъ человѣкъ 60-хъ годовъ, слишкомъ былъ исключителенъ даже въ смыслѣ этихъ 60-хъ годовъ и потому равнодушно и отрицательно проходилъ мимо такихъ именъ, какъ Л. Толстой или хотя Соловьевъ (а вѣдь они тоже 60-хъ и 70-хъ годовъ), не говоря уже о Бакунинѣ, Марксѣ, и потому онъ и не былъ чреватъ будущимъ»...

Такимъ образомъ, кромѣ семейной обстановки и литературной неудовлетворенности, на характеръ Шеллера трагически вліяла и соціальная обстановка позднѣйшей эпохи застоя.

II.

Отчужденность измельчавшей литературы отъ Шеллера чувствовалась даже въ редакціи «Сына Отечества», съ которой у него— это не секретъ—сложились прямо непріязненныя отношенія. Эта непріязнь звучитъ и въ статьѣ одного изъ видныхъ сотрудниковъ «Сына Отечества», когда онъ писалъ о Шеллерѣ въ томъ

смыслѣ, что больному старику не было никакой возможности редактировать всѣ изданія («Домашнюю Библіотеку», «Живописное Обозрѣніе», «Сынъ Отечества» въ двухъ изданіяхъ съ воскреснымъ приложеніемъ), но онъ, однако же, взялся ихъ редактировать... Редакторство его заключалось въ «чтеніи» и «вычеркиваніи» сомнительныхъ мѣстъ, и, «когда новая редакція (послѣ Добродѣева) вошла въ газету «Сынъ Отечества», то нашла уже въ ней А. К. Шеллера; но газета не пользовалась ничьимъ уваженіемъ, съ газетой не считались. Когда же прошелъ всего одинъ годъ работы новой редакціи, то газета стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ».

Этотъ отзывъ о Шеллерѣ требуетъ обстоятельной справки и коментаріевъ, послѣ которыхъ обнаружится вся его несостоятельность. Всѣмъ было извѣстно, что «Домашняя Библіотека» издавалась на мѣдные гроши, походила на случайный сборникъ повѣстей, на улучшеніе котораго издатели не желали дѣлать никакихъ затратъ, и редакціонные труды по этому альманаху могла нести даже К. В. Назарьева. Шеллеру, кромѣ того, нечего было редактировать «Домашнюю Библіотеку» еще и потому, что она наполнялась тѣмъ же самымъ матеріаломъ, который шелъ въ книжки при «Живописномъ Обозрѣніи». Самая «Домашняя Библіотека» являлась изобрѣтеніемъ Добродѣева на случай, если кто не желаетъ выписывать журналъ «Живописное Обозрѣніе», но хотѣлъ бы подписаться на другой журналъ. Такому подписчику книжки «Живописнаго Обозрѣнія» (приложенія) посылались подъ обложкой «Домашней Библіотеки». Мѣнялась обложка, но не матеріалъ. Что касается журнала «Живописное Обозрѣніе», то Шеллеръ посвящалъ чтенію рукописей ежедневно и аккуратно нѣсколько часовъ. Чтеніе было настолько внимательное, что Шеллеръ всегда дѣлился впечатлѣніями съ членами редакціи, разсказывая содержаніе произведеній и выслушивая сужденія окружающихъ. Онъ былъ стѣсненъ въ денежныхъ средствахъ по пріобрѣтенію желаемаго имъ матеріала, но все, что пріобрѣталось для «Живописнаго Обозрѣнія», было имъ тщательно просматриваемо.

Въ самомъ «Сынѣ Отечества» Шеллеръ, какъ извѣстно, фактически не былъ редакторомъ. Онъ читалъ послѣднюю корректуру большого «Сына Отечества», но не редактировалъ его по существу.

Въ особенности онъ всегда гнушался редакторствомъ въ смыслѣ «вычеркиванія» и исправленія чужихъ рукописей. Это допустимо только съ малограмотными сотрудниками или новенькими, неопытными, не умѣющими даже соразмѣрить объемъ статьи и незнакомыми съ цензурными условіями. Но главное значеніе редактора заключается въ умѣніи подобрать сотрудниковъ, подсказать имъ тему, болѣе жизненно откликнуться на событія, создать «мнѣніе редакціи» по вопросамъ жизни и т. д. Такой роли Шеллеру не дали въ редакціи «Сына Отечества», а самому добиваться ея и

лишить другихъ руководящаго голоса онъ не хотѣлъ изъ деликатности. Маленькій «Сынъ Отечества» былъ сокращенной копіей большого изданія и потому редактированія не требовалъ. Что касается воскреснаго приложенія къ «Сыну Отечества», то оно выпускалось также не Шеллеромъ. Послѣдній только подписывалъ его. При этихъ условіяхъ не приходится укорять Шеллера за то, что онъ редактировалъ три изданія съ приложеніями, не имѣя къ тому здоровья и силъ. Его участіе въ газетѣ заключалось въ постоянномъ огражденіи ея, при чтеніи ежедневной корректуры, отъ возможности обвиненія въ диффамаціи или въ незнаніи редакціей циркуляровъ цензурнаго вѣдомства, въ чтеніи съ литературной критикой, а не властью цензора; въ безпрерывныхъ личныхъ объясненіяхъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати о «Сынѣ Отечества» и умѣломъ отстаиваніи не только отдѣльныхъ статей газеты, но и общаго ея направленія...

Шеллеру неоднократно приходилось выслушивать отъ покойнаго начальника печати М. П. Соловьева укоры, что онъ плохо ведетъ газету, что «жидовски-либеральное направленіе» ея не можетъ быть терпимо, и что Шеллеру необходимо очистить газету отъ жидовъ.

— Да кто у насъ жидъ-то въ газетѣ?—восклицалъ Шеллеръ.—Кривенко—тамбовскій дворянинъ, Абрамовъ—ставропольскій мѣщанинъ, Гавриловъ—тоже не жидовская фамилія, Назарьева—русская дворянка, Хирьяковъ—русскій дворянинъ, Пализенъ и Меркъ—датчане, Волькенштейнъ—значительнаго литературнаго участія въ газетѣ не имѣетъ, Бинштокъ тоже—одинъ или два раза въ годъ пишетъ, Городецкій—маленькій репортеръ... Гдѣ же эти жиды и ихъ «жидовско-либеральное направленіе», долженствующее погубить газету? Газета прикончитъ существованіе, если фабрикантъ Пализенъ не захочетъ тратить на чуждое ему дѣло деньги, но Пализенъ — датчанинъ, а не жидъ; газета прикончитъ существованіе, если получитъ третье предостереженіе. Два предостереженія она уже имѣетъ, и далъ ихъ М. П. Соловьевъ, тоже не жидъ... Указываютъ на «Ниву», которая такъ прекрасно ведется; но она совсѣмъ не ведется «прекрасно». Никто «Ниву» не читаетъ, но она даетъ прекрасныя приложенія, и ради нихъ всѣ подписываются. Если «Сынъ Отечества» «распущенъ» мною, и его надо усмирять, то значитъ совсѣмъ не нужно гласности.

— Тогда поѣзжайте на необитаемый островъ, — говорилъ Соловьевъ.

— Но зачѣмъ же? Я хотѣлъ бы только жить въ Англіи. Кажется, достаточно обитаемый островъ, и гласность тамъ не мѣшаетъ общественной жизни.

Шеллеру часто приходилось ратовать въ этомъ направленіи за газету. А во внутренней ея жизни онъ всего менѣе способенъ

былъ къ редакторскимъ «вычеркиваніямъ», то-есть къ роли цензора для своего же брата-писателя. Его, однако, упрекаютъ за то, что онъ все-таки далъ свое имя для нѣсколькихъ изданій, изъ которыхъ одно представляло собой какой-то сборникъ случайныхъ романовъ и статей, не требующихъ даже редактированія («Домашняя Библіотека»), другое («Живописное Обозрѣніе») плелось по выбитой колеѣ, безъ всякаго улучшенія, отчасти благодаря иллюстраціямъ, которыми завѣдывало совершенно некомпетентное лицо по выбору правленія и независимо отъ Шеллера, и третье («Сынъ Отечества») подвергалось только чтенію корректуры, тогда какъ Шеллеръ долженъ былъ бы вложить всю душу въ редакторство трехъ изданій и нравственно отвѣчать за каждую въ нихъ строку передъ подписчиками и публикой. Въ оправданіе Шеллера въ этомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что назначеніе отвѣтственнаго редактора для журнала и газеты прежде зависѣло отъ простого о томъ заявленія издателя въ главное управленіе по дѣламъ печати; но за послѣднее время процедура утвержденія редактора была совсѣмъ иная и чрезвычайно сложная. Заслуженное имя А. К. Шеллера давало ему полное право на редакторство, и онъ получилъ его для «Домашней Библіотеки», «Сына Отечества» и «Живописнаго Обозрѣнія». Оказывая этимъ поддержку означеннымъ изданіямъ, Шеллеръ, однако, попалъ въ редакторы ихъ совершенно неожиданнымъ для себя образомъ. Первое время онъ числился негласнымъ редакторомъ одного только «Живописнаго Обозрѣнія», а офиціально за редактора состоялъ Добродѣевъ; за редактора у «Сына Отечества» былъ никому неизвѣстный Куплетскій. Между тѣмъ отъ редакторовъ вдругъ стали требовать высокаго образовательнаго ценза и литературныхъ трудовъ, какъ профессіональныхъ доказательствъ; поднялось гоненіе на званіе «за редактора», и требовалось ихъ утвержденіе. Добродѣевъ тотчасъ же долженъ былъ оставить свое за-редакторство и сталъ хлопотать объ утвержденіи Шеллера редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія»; а когда было предложено и Куплетскому оставить за-редакторское званіе, то Добродѣевъ ухватился за того же Шеллера. Послѣдній, не желая оставить газету безъ редактора, согласился на утвержденіе себя редакторомъ второго изданія, а впослѣдствіи, на томъ же основаніи,—и третьяго изданія. При этомъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ просьбъ и въ видахъ существованія самихъ изданій. Если была неосторожность въ его согласіи, то совершенно невольная... Онъ зналъ, что «Сынъ Отечества» при Добродѣевѣ и Куплетскомъ имѣлъ за тридцать тысячъ подписчиковъ, и бросить газету безъ редактора, то-есть погубить ее, считалъ невозможнымъ. Въ то же время, принявъ офиціальное званіе редактора, Шеллеръ временно оставилъ г. Куплетскаго на прежнемъ его мѣстѣ и ничего не хотѣлъ предпринимать новаго въ виду упорныхъ слуховъ о пред-

стоявшемъ банкротствѣ г. Добродѣева. Предположенія Шеллера оправдались. Добродѣевъ передалъ всѣ свои изданія фирмѣ «Издатель» и принужденъ былъ вмѣстѣ съ Куплетскимъ навсегда оставить литературное поприще. «Новая редакція» застала Шеллера редакторомъ «Сына Отечества», вмѣстѣ съ Куплетскимъ, за самый короткій срокъ времени, въ который онъ ничего не предпринималъ, вслѣдствіе неопредѣленности положенія самой газеты и нежеланія быть «калифомъ на часъ». Но, главнымъ образомъ, онъ ожидалъ именно «новую редакцію», чтобы передать ей всѣ дѣла прямо изъ рукъ добродѣевской редакціи и посмотрѣть, что будетъ сдѣлано «новой редакціей» для привлеченія Шеллера не къ «вычеркиванію» мѣстъ изъ газеты по цензурнымъ соображеніямъ, а къ активному въ ней участію и руководительству, и насколько «новая редакція» придастъ газетѣ «всеобщее уваженіе», сохранивъ ей и подписчиковъ. и вліяніе.

III.

Мнѣ вспоминаются многочисленныя бесѣды Шеллера о газетахъ вообще и «Сынѣ Отечества» въ частности.

Помню, какъ Шеллеръ удивлялся тому, что еще находятся люди, готовые издавать новыя газеты въ такое неопредѣленное время. Нѣкоторые изъ присутствующихъ стали говорить о «Русскомъ Курьерѣ» съ княземъ Барятинскимъ и Арабажинымъ во главѣ.

— Не думаю, чтобы эта газета имѣла успѣхъ,—замѣтилъ одинъ изъ гостей.—Вѣдь всякое дѣло мастера боится. Нужно не только литературное имя, но и опытность, такъ сказать, провести десятки лѣтъ въ литературныхъ сферахъ и по редакціямъ, чтобы стать во главѣ журнала или газеты. Безъ опыта и благородныхъ традицій, даже умный редакторъ будетъ мужикомъ въ сношеніяхъ съ сотрудниками Конечно, геніи въ счетъ не идутъ, да что-то ихъ давно и нѣтъ среди молодого поколѣнія. Послѣднее беретъ только смѣлостью. Каждый изъ юнцовъ готовъ издавать и газету и журналъ, хотя бы срокомъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Шеллеръ, преодолѣвая болѣзнь, отозвался:

— Чтобы судить о газетѣ, надо спросить: что заставляетъ издателя предпринимать ее? Во имя чего тратятся деньги и приглашаются сотрудники? Если Барятинскаго съ г-жей Яворской привлекаетъ писательскій крестъ, то отчего же не издаваться «Русскому Курьеру»? Если его издатели органически связаны съ судьбами русской литературы и писательской средой, то почему имъ и не послужить тому и другому? Будемъ ждать.

Резонное заключеніе А. К — ча прекратило споръ, и хозяинъ опять вернулся къ общему мѣсту о томъ, что нужно особое призваніе и безбоязненность, чтобы издавать теперь газету; что

самъ онъ устарѣлъ и не можетъ жить на 50 рублей пенсіи безъ редакторскаго жалованья, но что освобожденіе уже скоро, и онъ встрѣтитъ смерть съ великимъ наслажденіемъ.

— Это не фраза о смерти,—произнесъ онъ.—Я давно уже не боюсь ея... Это вамъ, молодымъ писателямъ, хочется лавровъ а мнѣ около литературы давно уже хочется могилы.

Я замѣтилъ ему о мрачности его взгляда, и Шеллеръ вполнѣ съ этимъ согласился.

— Да,—сказалъ онъ:—я большой пессимистъ и чувствую себя только хорошо на кладбищѣ, куда люблю ѣздить вмѣсто отдыха. Сижу среди могилъ и думаю: всѣ тутъ будутъ, и враги мои, и клеветники... Недолго уже ждать! Всѣ сгніете! Это ужасно меня успокоиваетъ.

Всѣмъ стало тяжело слушать больного писателя, и ему напомнили объ его заслугахъ въ литературѣ.

— Меня всегда это раздражаетъ,—перебилъ онъ насъ...—Совершенно искренно я злюсь, когда говорятъ, что я нуженъ русской литературѣ. Ну, скажите: пріятно ли знать, что вы приговорены къ каторгѣ, и вамъ постоянно напоминаютъ, что она безсрочная? А вѣдь мой «Сынъ Отечества» для меня—та же каторга. Я газету вообще не люблю, всякую газету изъ существующихъ. Она деморализуетъ читателя и отучаетъ его отъ книги и литературы. Теперь вамъ Бокля излагаютъ въ фельетонахъ, и это значитъ изъ слона сдѣлать курицу. Слова нѣтъ, что курица будетъ у васъ, но слона-то уже не будетъ... Газета убиваетъ и книгу, и романъ... Наказалъ же меня Господь подъ старость лѣтъ заниматься тѣмъ, чего я всю жизнь избѣгалъ. Я всегда ненавидѣлъ газету: она фальсифицируетъ знаніе, отучаетъ читать серьезную книгу, и когда я вижу гимназиста съ «Петербургской Газетой», читающаго извѣстія о томъ, какъ дѣвушка была изнасилована, а другая—сама совершила преступленіе,—я прихожу въ ужасъ отъ такого вліянія газетъ на общество. И вотъ самъ сижу за газетой! «Сынъ Отечества» не хуже другихъ газетъ, но для меня лично онъ хуже, потому что я обязанъ читать его каждый день и изъ-за него получать выговоры въ цензурномъ вѣдомствѣ. Между тѣмъ я привыкъ ко всеобщему уваженію и не могу на старости лѣтъ выслушивать хладнокровно замѣчанія о томъ, что я не понимаю, какъ надо вести газету... Я, правда, не веду «Сына Отечества», но я не стыжусь имъ передъ другими людьми. Мое недовольство равно касается и другихъ газетъ, даже въ большей степени другихъ газетъ. Мое недовольство «Сыномъ Отечества» иного характера, частью обусловленное тѣмъ, что приходится на старости лѣтъ выслушивать нападенія на него. Да, скажите,—спросилъ я однажды одного изъ цензоровъ:—что называетъ М. П. Соловьевъ вреднымъ направленіемъ газеты? Скажите разъ навсегда, и я буду знать, чего

и какъ нельзя писать. «Если бы вы, Александръ Константиновичъ, сами мнѣ это объяснили, то я бы большое сказалъ спасибо вамъ», отвѣтилъ мнѣ цензоръ. Ну, на самомъ дѣлѣ: «Сынъ Отечества» скученъ, плоскъ—все, что хотите, но чѣмъ онъ вреденъ, если съ важнымъ видомъ убѣждаетъ читателя въ полезности таблицы умноженія и всѣхъ увѣряетъ, что русскій народъ стремится выучить ее? А вѣдь больше мы ничего не пишемъ... Развѣ вредное направленіе въ томъ, что когда говорятъ — Дрейфусъ виновенъ, то мы спрашиваемъ доказательствъ? Вѣроятно, требовать доказательствъ и есть вредное направленіе; другого я ничего не нахожу въ «Сынѣ Отечества».

— Я не доволенъ «Сыномъ Отечества» также и не потому, что онъ либеральничаетъ... Всѣ его сотрудники ходили еще безъ штановъ, когда я былъ уже либераломъ. Они, я знаю, мое недовольство «Сыномъ» мотивируютъ моей отсталостью и моими хорошими отношеніями къ М. П. Соловьеву; но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Я недоволенъ газетой не за тѣ или другія статьи, не за тѣ или другія нецензурныя мысли. Это меня никогда не занимало. Я недоволенъ всѣми и за все, что они печатаютъ въ «Сынѣ Отечества». Вотъ посмотри любой номеръ. Въ немъ что ни столбецъ, то варьируется одна и та же мысль; и въ «Дневникѣ» у Сакмарова, и у «Пчелки», и у Абрамова, и у другихъ. Мысли, давно усвоенныя обществомъ, повторяются всѣми сотрудниками въ одномъ и томъ же номерѣ; и сегодня—то же, что вчера, а вчера то же, что ранѣе, и такъ до конца года. Да кто же на будущій годъ подпишется на такую скучную газету? Каждый номеръ скученъ, потому что всѣ пишутъ одно и то же съ прогрессивными цѣлями, и всѣ номера похожи одинъ на другой... Да, вѣдь, тогда интереснѣе читать любой толковый учебникъ, чѣмъ такую газету. Вотъ чѣмъ я недоволенъ, и исправить «Сынъ Отечества» можно, прогнавъ всѣхъ его сотрудниковъ изъ числа постоянныхъ. Вотъ почему мнѣ тяжело званіе редактора. Если бы я еще составлялъ номеръ, то я бы былъ заинтересованъ имъ; но номеръ составляетъ гдѣ-то безъ меня неизвѣстная мнѣ редакція, и мнѣ доставляются только къ подписи уже отпечатанные листы. Я никакого участія не принимаю въ веденіи газеты. Конечно, я бы могъ все поставить на своемъ, но для этого, прежде всего, я долженъ всѣмъ теперешнимъ заправиламъ газеты отказать отъ работы. Ну, я не хочу огорчать никого! Вотъ если бы они сами обратились ко мнѣ, какъ къ старому и опытному литератору, за руководительствомъ и постановкой газеты на должную ей высоту, я бы дѣлалъ указанія, требовалъ тѣхъ или другихъ работъ, а иныя совсѣмъ отвергалъ бы. Но они не идутъ ко мнѣ, они и безъ меня мнятъ себя сильными и даже болѣе: я имъ непріятенъ и нуженъ только, какъ фиктивный редакторъ. Прекрасно! Я и даю имъ мою подпись... Секретарь читаетъ мнѣ кор-

ректуру, чтобы изъ-за какого нибудь «Дневника» не попасть въ острогъ, но поправокъ или вмѣшательства по существу статей я никогда не дѣлаю. Кто проигрываетъ отъ этого—не знаю; но, кажется, меня отъ того не убудетъ, если новая редакція «Сына Отечества» во мнѣ не нуждается, и молодые писатели думаютъ быть умнѣе и либеральнѣе меня. На здоровье! Я имъ не мѣшаю показать себя. Они не маленькіе ребята и могутъ писать за свой страхъ, что хотятъ. Цензоромъ они меня не сдѣлаютъ. До сихъ поръ я не вымаралъ ни одной строки изъ ихъ статей, но сочувствовать ихъ «лапотническому» направленію я не могу, и цензировать я ихъ не стану. Не достаетъ, чтобы потомъ про меня сказали, что редакторъ загубилъ газету, какъ говорили про Драгомирецкаго въ «Руси» Гайдебурова. Этого, по крайней мѣрѣ, сотрудники «Сына Отечества» будутъ лишены права сказать; цензоромъ для нихъ я не былъ и не буду. Но дѣло даже не въ цензурности или нецензурности статей... По-моему «Сынъ Отечества» самая цензурная газета... Я такъ это и сказалъ однажды Соловьеву.

— Посудите, Михаилъ Петровичъ, что можетъ быть пріятнѣе такой газеты, которая все говоритъ «слава Богу», гдѣ только услышитъ, что тамъ-то открыли школу на 25 человѣкъ, слава Богу! Тамъ-то въ селѣ завели библіотеку изъ 103 названій книгъ полудѣтскаго содержанія: опять—«слава Богу»; тамъ—чайную устроили и въ избѣ театръ... опять—слава Богу! Чего лучше?

— Пожалуй, что и такъ,—замѣтилъ Соловьевъ улыбаясь.

— Конечно,—продолжалъ Шеллеръ разговоръ:—такимъ народникомъ, у котораго вся мудрость въ мужицкихъ библіотекахъ да школахъ при настоящихъ условіяхъ ихъ существованія, я не буду. А если я хотѣлъ бы проповѣдывать «культурность» въ газетѣ, то во имя опять таки болѣе широкихъ идеаловъ, а не съ маковое зернышко. На тему о «мрачности» газеты я неоднократно повторялъ Соловьеву: «Самая розовая и оптимистическая газета это «Сынъ Отечества»... Самая самодовольная газета. Такъ хорошо все обстоитъ въ народѣ... Лишь бы только не мѣшали ему, а ужъ онъ самъ себя не передеретъ и не зароется въ землю живьемъ, на подобіе тираспольскихъ раскольниковъ, изъ-за того, что хотятъ записать ихъ въ списки съ буквою «а» (антихристовъ списокъ), а не съ буквою «б» (божій списокъ)». Ничего нѣтъ милѣе народниковъ-лапотниковъ... Они кувыркаются передъ невоспитанной массой и воображаютъ, что въ ней Ковалевы съ Виталіей—исключенія, а я утверждаю, что они большинство. Да, другое дѣло, если проповѣдывать интеллигенціи жить для народа и вести его къ прогрессу; чтобы интеллигенція стремилась создать условія, при которыхъ народъ могъ бы жить соціальной и политической жизнью,—о, тогда я вполнѣ присоединяюсь къ этому желанію. Но уже тогда «культурность» въ газетѣ и идеалы интеллигенціи не должны быть

на второмъ планѣ, а на первомъ. Такъ вѣдь будетъ и въ жизни. Культурные классы, разумѣется, будутъ верховодить даже и въ Европѣ... Никогда я не пойму культъ лаптей и дегтя, а всегда пойду на сторону тѣхъ, которые стоятъ у живого дѣла съ наукой въ рукахъ. Такіе будутъ меньшинствомъ еще нѣсколько столѣтій, и съ этимъ меньшинствомъ придется работать для большинства. Это пора понять нашимъ «народникамъ», и не нынѣшнимъ «Сынамъ Отечества» учить меня «направленію». А они всѣ тамъ кого-то учатъ... Вѣкъ поученій... Молодой человѣкъ, ничѣмъ еще не заявившій себя передъ обществомъ, уже берется поучать его тому, какъ надо жить, какой держаться вѣры и т. д. Конечно, такихъ учителей жизни расплодилъ Л. Н. Толстой: всѣ хотятъ быть такими же, какъ онъ, забывая, что прежде чѣмъ требовать отъ общества вниманія къ своему ученію, Толстой написалъ «Войну и Миръ» и «Анну Каренину». Для маленькихъ же пророковъ ничего не требуется: они изнутра пиѳійствуютъ на тему «ни о чемъ» и занимаютъ этимъ людей... Такъ просто и пишутъ о томъ, какъ онъ, N.N., думаетъ о Франціи, о королевѣ Викторіи, о женскомъ вопросѣ, о русскомъ мужикѣ, о счастьи, о любви, и совсѣмъ не подозрѣваетъ, что публика имѣетъ полное право закричать: да, какое мнѣ дѣло, что какой-то N.N. думаетъ о томъ-то. Неужели интересно каждый день читать его разсужденія то объ актрисѣ, то о министрѣ, то о Турціи, а чаще всего какія-то «поученія» на самыя отвлеченныя темы? Вѣдь такъ просто садится и пишетъ о томъ, что у него тѣсные сапоги, и отъ того у него болитъ голова, а съ головной болью онъ портитъ себѣ характеръ и разрушаетъ государство... Вотъ что значатъ «тѣсные сапоги». Такъ всюду «тѣсные сапоги» и украшаютъ современныя газеты вмѣсто того, чтобы наполнять ихъ фактами и новостями съ умѣлымъ освѣщеніемъ. Разумѣется, я задыхаюсь среди такихъ статей и у себя въ «Сынѣ Отечества», а передѣлать ихъ я не могу и не рѣшаюсь самъ уйти изъ газеты уже по одному тому, что послѣ меня почти невозможно будетъ найти «Сыну Отечества» отвѣтственнаго редактора. Тому доказательствомъ являются «Лучъ» и «Русь». Но въ «Сынѣ Отечества» никогда не почувствуютъ, что изъ сожалѣнія къ нимъ я не хочу рисковать газетой и продолжаю мучиться непривычной для меня ролью индифферентнаго редактора. Въ этомъ уже виноваты сотрудники, не умѣвшіе поставить меня въ болѣе нормальныя отношенія ко всему составу редакціи. Мой опытъ имъ никому не нуженъ. Я въ ихъ глазахъ устарѣлъ, отсталъ и страдаю генеральствомъ. Ну, видишь ли,—продолжалъ Шеллеръ:—о моей отсталости не имъ судить, а генеральство, послѣ моихъ 15 томовъ сочиненій, нѣсколько простительно передъ тѣми, кто никогда ничего не писалъ подъ собственной фамиліей, сколько нибудь извѣстной публикѣ. Я уже не могу не чувствовать себя генераломъ въ ихъ компаніи именно по-

тому, что каждый изъ нихъ безправно хочетъ взять палку и поучать меня ею. Этого они никогда не поймутъ и думаютъ, что я просто хочу поломаться, что мнѣ нужно ихъ поклоненіе, а они не привыкли къ этому даже передъ талантами и заслугами кого либо въ печати... Противно и говорить обо всемъ этомъ на старости лѣтъ! Разумѣется, меня бѣситъ, что именно теперь мнѣ даютъ понять мое ничтожество, и кто же? Какія имена? Вѣдь не мнѣ же, на самомъ дѣлѣ, передѣлываться для нихъ! Ужъ какой тамъ я ни на есть, но почти сорокъ лѣтъ въ литературѣ, и «Полное собраніе сочиненій» даетъ же мнѣ право требовать отъ нихъ перваго шага ко мнѣ и съ большею деликатностью къ моей гордости и даже генеральству? Теперь «Сынъ Отечества» выходитъ въ увеличенномъ размѣрѣ, но, разумѣется, вмѣсто маленькой скуки получилась большая скука... Газета не оживилась, и новыхъ интересныхъ людей въ ней нѣтъ. Все то же! Точно кто выпихиваетъ оттуда оригинальныхъ и свѣжихъ сотрудниковъ... Вѣдь это такъ легко не допустить живого человѣка въ составъ редакціи. Стоитъ, принимая статью, сказать, что я дамъ прочесть ее своему товарищу и тогда сообщу о результатѣ. Потомъ, прячась за неизвѣстнаго товарища, водить сотрудника за носъ цѣлыми мѣсяцами, пока у того лопнетъ терпѣніе, и онъ порветъ самъ всякія сношенія съ редакціей. О, какъ часто такіе нравы царятъ въ современныхъ молодыхъ редакціяхъ. Если редакція сдѣлала «Сынъ Отечества» содержательнѣе, чѣмъ при Куплетскомъ, то нужно этою содержательностью и новымъ направленіемъ удержать и подписчика. Иначе никто не повѣритъ въ твои преобразованія. Впрочемъ, мнѣ уже теперь все равно... Дѣло идетъ къ краху... Уѣду на Крестовскій и буду выписывать только «Петербургскій Листокъ». Телеграммы тамъ есть и убійства... Для иныхъ цѣлей нужно читать книги, а не нашъ «Сынъ Отечества». Раздражаюсь я имъ и по личнымъ причинамъ. Газета отняла у меня ночными корректурами все время, и вотъ два года, какъ я ничего не дѣлаю. Я нахожусь въ положеніи человѣка, которому вдругъ отрѣзали языкъ, а говорить ему хочется. Утромъ я встаю, хочется пописать самому, и вдругъ вспоминаю, что придетъ сотрудникъ, фельетонъ котораго стоитъ въ наборѣ... Принимаюсь читать чужую работу, правлю чужую корректуру и получаю за чужую работу выговоры...

Съ глубокой грустью говорилъ Шеллеръ о приближеніи столѣтняго юбилея «Сына Отечества», о потерѣ имъ большинства подписчиковъ и близкой кончинѣ газеты.

Всѣ его разсказы о своихъ отношеніяхъ къ редакціи «Сына Отечества» и обратно должны подтвердить и его секретари: В. Г. Генкенъ, Н. Д. Носковъ, В. А. Москалева, В. А. Рышковъ и многія другія лица, отъ которыхъ А. К. Шеллеръ не скрывалъ свои печали и огорченія по газетѣ...

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что я бы не сталъ заниматься вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ Шеллера и редакціи «Сынъ Отечества», если бы въ газетахъ не появился поклепъ на его имя въ томъ смыслѣ, что при Шеллерѣ «Сынъ Отечества» не пользовался уваженіемъ, а при новой редакціи пользовался «всеобщимъ», и что новая редакція завоевала «всеобщее уваженіе» собственнымъ творчествомъ, а редакторство Шеллера было добровольно цензорское и т. д. Если что здѣсь и справедливо, то оно нуждается въ сильныхъ комментаріяхъ, которые мы и сдѣлали со словъ самого А. К. Шеллера. Считаю, однако, нужнымъ прибавить, что въ отчужденіи новой редакціи «Сына Отечества» отъ Шеллера можетъ быть отчасти повиненъ былъ и самъ онъ, какъ чрезвычайно нервный, самолюбивый, малоуживчивый, но привыкшій къ всеобщему уваженію литераторъ. Ровныя и дѣловыя къ нему отношенія могли быть всякій часъ нарушены его возбужденнымъ настроеніемъ. Необходимо было мириться съ недостатками его характера и подчиняться положительнымъ сторонамъ его ума, опытности, образованности и благородству литературныхъ замысловъ. Кто интересы газеты ставитъ выше личныхъ отношеній, тотъ могъ бы съ Шеллеромъ работать въ одномъ съ нимъ направленіи. Онъ былъ бы радъ содѣйствовать возвышенію газеты, наполняя ее не скучными поученіями ординарныхъ людей, а разнообразными фактами и событіями при редакціонномъ освѣщеніи. «Въ газетѣ,—говорилъ онъ:—должны быть факты, покойники и объявленія, а у насъ хроника всегда опаздываетъ»... Шеллеръ былъ противъ «Бокля въ фельетонахъ», но не отрицалъ необходимости знакомства общества съ фактами изъ жизни при надлежащемъ ихъ освѣщеніи въ газетахъ. Положа руку на сердце, «новая редакція» «Сына Отечества» должна признать, что она много потеряла въ томъ, что не умѣла сблизиться съ Шеллеромъ и, если преднамѣренно не «оттирала» его, то ничего не сдѣлала того, что могло бы привязать его къ ней...

IV.

Шеллеръ не умѣлъ и не могъ сдерживать своего раздраженія, и братьямъ-писателямъ бывало иногда очень тяжело въ его присутствіи.

Помню, однажды у него собрались: Лѣсковъ, я, Викторъ Бибиковъ и еще кто-то... Бибиковъ повелъ рѣчь о томъ, что всякій поэтъ является безупречнымъ и въ частной жизни.

— Искусство и низость несовмѣстимы!—патетически воскликнулъ онъ.—Поэтъ заслуживаетъ обязательно нашей любви и уваженія.

Желая завязать общій разговоръ и втянуть въ споръ присутствующихъ, я добродушно замѣтилъ ему:

— Если человѣкъ имѣетъ хорошій голосъ, то развѣ за этотъ голосъ мы уважаемъ и любимъ его?

— Вы думаете,—отвѣтилъ онъ на вопросъ вопросомъ:—литературный талантъ—то же, что баритонъ?

— Кажется, что да... У даровитаго художника долженъ выходить типъ лучше, чѣмъ у другаго. Талантъ его, исполненный вдохновенія и обработки, достоинъ восхищенія, какъ и голосъ пѣвца. Но и бездарный художникъ, и совсѣмъ безголосый пѣвецъ могутъ быть, какъ люди, гораздо лучше талантливой знаменитости. За пѣніе и сочиненіе нельзя уважать и любить людей, хотя слушать или читать ихъ можно и должно. Если талантливый поэтъ—наслѣдственный или по собственной распущенности алкоголикъ, съ извращенными чувствами, особенно въ пьяномъ видѣ, то можно ли поцѣловать ему руку, посвятить на память ему свои стихи или писать съ него и для него же портретъ? Читать его стихи можно. Они не вредны. Но чѣмъ онъ, какъ человѣкъ, можетъ внушить почтеніе и любовь мою къ себѣ?

Лѣскову видимо мое замѣчаніе понравилось и, принявъ мою сторону, онъ улыбаясь спросилъ Бибикова:

— А какъ вы думаете: гдѣ бы Пушкинъ въ наши дни встрѣчалъ новый годъ? Въ редакціи «Гражданина» или у Некрасова и Салтыкова?

Отлично понимая, что этотъ вопросъ заданъ въ шутку, и что рѣшеніе его невозможно въ положительной формѣ, Лѣсковъ прибавилъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Пушкина въ духѣ «дневника» о немъ Никитенки, или изслѣдованія Якушкина, указывающихъ на пристрастіе Пушкина къ высокопоставленнымъ фамиліямъ и явную къ многимъ изъ нихъ дружбу въ такой предосудительной мѣрѣ, что онъ даже внушалъ, хотя и не основательно, опасеніе декабристамъ относительно его осторожности и тактичности въ придворныхъ сферахъ.

Я тоже прибавилъ отъ себя нѣсколько словъ о характерѣ Пушкина, но все это чисто въ шутливомъ и необязательномъ тонѣ, какъ часто говорятъ въ пріятельскомъ кружкѣ о личностяхъ.

Вдругъ А. К. Шеллеръ поблѣднѣлъ и, совершенно не владѣя собой, закричалъ на всю квартиру:

— Съ этой точки зрѣнія, если такъ разбирать, всѣ мы будемъ одинъ другого хуже: и я, и ты, и Лѣсковъ, всѣ до одного писателя... Вотъ я умру, и обо мнѣ скажутъ, что я обивалъ пороги аристократическихъ домовъ и льнулъ къ княжескимъ именамъ.

Истерическій крикъ хозяина испортилъ остатокъ вечера, бесѣда не вязалась, и гости скоро разошлись. Я впрочемъ написалъ ему на другой день письмо о томъ, что если на его крики никто не отвѣчалъ ему тѣмъ же, то исключительно изъ уваженія къ его

писательской дѣятельности, но что онъ злоупотребилъ этимъ уваженіемъ.

По этому поводу Н. С. Лѣсковъ писалъ мнѣ:

«Дѣло надо было предать забвенію, а напредки знать, что съ А. К. Шеллеромъ благобесѣдовать нельзя, а нужно его сожалѣть и свои отношенія къ нему уложить въ самыя точныя рамки... Ничего иного дѣлать не стоило, тѣмъ болѣе, что лицо, которое вы желали остановить,—на самомъ дѣлѣ обладаетъ достаточною дозою самоувѣренности и, вѣроятно, найдетъ для себя довольно извиненій. Но такъ какъ сдѣланнаго уже не раздѣлаешь, то и нечего объ этомъ думать. Это портитъ покой духа».

При свиданіи со мною Лѣсковъ продолжалъ разговоръ о Шеллерѣ:

— Онъ центръ не только русской, но и всѣхъ европейскихъ литературъ. Попробуйте вы говорить о Данте, вы должны сообразоваться съ господиномъ хозяиномъ: онъ можетъ какое нибудь слово принять на свой счетъ и обидѣться... Онъ всегда и всюду ищетъ себя самого. Викторъ Острогорскій написалъ плохую статью «Обзоръ литературы за 40 лѣтъ» потому, что, упоминая представителей шестидесятыхъ годовъ (Щедрина, Чернышевскаго), не упомянулъ Шеллера; Шелгуновъ скверно написалъ біографію Благосвѣтлова потому, что ни слова не говоритъ о Шеллерѣ, способствовавшемъ успѣху журнала «Дѣло»... Онъ не только не прощаетъ замалчиванія о себѣ, но даже хвалить его необходимо умѣючи... «Меня вся Россія бранитъ,—иронически говоритъ Шеллеръ.—Одинъ у меня есть почитатель... Это—В. Бибиковъ... Недавно онъ объявилъ мнѣ, что мой послѣдній романъ ему ужасно понравился... Онъ, видите ли, прочелъ мой послѣдній романъ и увидѣлъ, что это талантливая вещь... Каково это слушать отъ молокососа?»

Негодованіе Шеллера на своихъ гостей теперь, спустя много времени, мнѣ представляется понятнымъ. Старый литераторъ былъ возмущенъ опасеніемъ, что во взглядахъ общества на литературную братію начинаетъ преобладать точка зрѣнія, съ которой людей таланта и общественныхъ заслугъ можно легко смѣшать съ толпой... Если остановиться на томъ, что гнѣвъ Шеллера вытекаетъ изъ этого благороднаго источника, то легко было извинить и простить ему его рѣзкое поведеніе съ гостями, легкомысленно и въ шутку трактовавшими непочтительно память о Пушкинѣ.

Друзья также получали иногда отъ Шеллера рѣзкіе отвѣты...

— Ты буржуй,—пріятельски замѣтилъ однажды Шеллеру пьяный Омулевскій (авторъ романа «Шагъ за шагомъ»).

— Почему?—холодно спросилъ Шеллеръ.

— У тебя обстановка...

— Да, у меня есть диванъ, книги и заработанныя мною деньги; а у тебя есть водка, купленная не на заработанныя тобою деньги,

а взятыя у меня въ долгъ безъ отдачи... Кто же изъ насъ болѣе буржуа?

Множество подобныхъ эпизодовъ создавали Шеллеру репутацію неуживчиваго человѣка; но во множествѣ этихъ эпизодовъ Шеллеръ былъ правъ, и только языкъ его—самый опасный врагъ его...

Отлично помню еще инцидентъ съ Н. В. Шелгуновымъ въ домѣ Шеллера. Первый весело разсказывалъ одной изъ присутствовавшихъ дамъ какой-то анекдотъ, клонящійся не къ чести женщинъ, какъ вдругъ Шеллеръ повышеннымъ и злобнымъ голосомъ закричалъ:

— Николай Васильевичъ! У меня въ домѣ не бываетъ такихъ женщинъ, о которыхъ ты разсказываешь, и ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если не будешь насъ знакомить съ ними даже заочно... Въ шестидесятыхъ годахъ о женщинахъ ты бы отзывался иначе, чѣмъ теперь.

Опять легко понять вспышку Шеллера, если вспомнить, что самъ онъ съ уважаемыми имъ женщинами былъ чрезвычайно цѣломудреннымъ въ выраженіяхъ и содержаніи своихъ бесѣдъ съ ними. Но это не мѣшало ему и женщинъ доводить до слезъ, если онъ терялъ къ нимъ уваженіе.

Злой языкъ Шеллера не всегда, однако, язвилъ безтактныхъ людей. Доставалось отъ него и лицамъ вполнѣ достойнымъ. Въ его разговорѣ собственный братъ литераторъ постоянно мелькалъ подъ кличками: Поганцевъ, Перепуненко, Не въ мѣру-вранченко, Перекаверкіевъ, Свинскій, Колбасъ-Сосинскій и т. д. Въ припадкахъ пессимистическаго и желчнаго настроенія Шеллеръ съ явнымъ пристрастіемъ честилъ даже Ив. Серг. Тургенева...

— Я не имѣлъ терпѣнія прочитать до конца эту «Клару Миличъ». Вульгарно написано!—восклицалъ онъ.—Обратили вы вниманіе на его остроту по поводу игры флейтиста? «Онъ проплевалъ... то бишь проигралъ арію». Похоже это на Тургенева? Послѣ «Довольно» ему ничего не слѣдовало бы писать. Но никто самому себѣ не скажетъ «довольно» или скажетъ, какъ пьяница, до первой подачки гривенника. Теперь въ произведеніяхъ Тургенева сквозитъ одно: боюсь смерти! боюсь смерти! Но для Россіи онъ давно умеръ... Родныхъ и близкихъ у него нѣтъ среди насъ, а у Віардо есть свой Віардо. Правда, мужа ея онъ засадилъ переводить свои произведенія, но послѣ смерти Тургенева послѣдняго будутъ переводить и посторонніе люди.

Едва Тургеневъ скончался, въ газетахъ появилось слѣдующее объявленіе: «Намъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ виду распространившихся слуховъ, по случаю предстоящаго на Волковомъ кладбищѣ погребенія тѣла И. С. Тургенева, о предполагаемомъ перенесеніи праха покойнаго Бѣлинскаго, вдова

его обратилась къ властямъ съ просьбою оставить прахъ покойнаго мужа на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ преданъ землѣ».

— Дѣйствительно, это чортъ знаетъ что такое!—кричалъ Шеллеръ.—На какомъ основанiи преклоняться передъ фантазiей Тургенева лежать рядомъ съ Бѣлинскимъ? Послѣ этого всѣ мы будемъ завѣщать положить рядомъ съ нами Бѣлинскаго, Добролюбова, и каждаго изъ нихъ придется ворочать и передвигать, потому что таково наше посмертное желанiе... Теперь, вѣроятно, поволокутъ къ подножью Тургенева самого Пушкина. А лучше бы ему лежать рядомъ съ тѣми, съ которыми онъ прожилъ свои послѣднiе дни. И для него-то переносить прахъ истинныхъ патрiотовъ! Да если ему хочется рядомъ съ ними быть, то пусть и кладутъ его къ нимъ; но къ нему, на лучшее аристократическое мѣсто въ Волковомъ кладбищѣ, тащить Бѣлинскаго или Добролюбова—этого я не понимаю. Добролюбовъ и Бѣлинскiй—демократы, и около нихъ лежатъ такiе же бѣдняки, довольные тѣмъ, что на этомъ свѣтѣ они были за одно, и мертвые находятся рядомъ; въ этомъ духѣ писалъ протестъ и Антоновичъ Пыпину. А тутъ какой-то офранцузившiйся русскiй баринъ выхватываетъ изъ ихъ среды лучшихъ людей и говоритъ: «пойдемте въ пантеонъ со мной. Мѣсто стоитъ 1.500 рублей... Тутъ грязно, со мною будетъ чище». Мы привыкли видѣть, что истинные патрiоты жертвуютъ родинѣ и талантомъ, и состоянiемъ, иногда жизнью. Тургеневъ, все время проживавшiй и жизнь и огромное состоянiе за границей, даже передъ смертью не подумалъ ни о стипендiи кому либо, ни о бѣдствующихъ литераторахъ. Все свое состоянiе онъ завѣщалъ женщинѣ (Вiардо), которая и закрыла его умирающiе глаза. Вообще, что за человѣкъ Тургеневъ,—видно изъ тѣхъ комментарiевъ, которые были сдѣланы по поводу тургеневской субсидiи въ 500 франковъ г. Лаврову. Комментарiи сводятъ эти субсидiи на подачку и на «карманныя деньги» г. Лаврову. Иванъ Сергѣевичъ всегда въ такой обидной формѣ являлся благодѣтелемъ то Бѣлинскому, то Лаврову, то Бакунину и многимъ другимъ. Вдова Бѣлинскаго никогда не любила его и первая запротестовала противъ его духовнаго завѣщанiя. Мое личное знакомство съ Тургеневымъ весьма характерно. Я уже былъ настроенъ противъ него, когда случай столкнулъ насъ вмѣстѣ.

— Я былъ распорядителемъ въ художественномъ клубѣ, куда хотѣлъ прiѣхать Тургеневъ. Дѣйствительно, вижу, бѣжитъ его прiятель, Топорковъ, и кричитъ мнѣ:

— А. К., гдѣ повѣсить шубу Тургенева?—въ рукахъ у него, смотрю, шуба.

— Въ передней много вѣшалокъ, отвѣчаю.

— Ну, какъ же это? Въ общей раздѣвальной.

— Въ залахъ у насъ нѣтъ вѣшалокъ для шубы Ивана Сергѣевича.

Едва уладилось обстоятельство съ шубою, вижу, опять бѣжитъ ко мнѣ тотъ же Топорковъ.

— А. К., гдѣ кресло Ивана Сергѣевича?

— Касса вамъ извѣстна, указываю я. Билетовъ очень еще много.

— Да что вы!.. Отдѣльнаго кресла нѣтъ ли?

— Нѣтъ... Но если Тургеневу не хочется заплатить за билетъ, то возьмите мой стулъ. Вонъ сбоку стоитъ.

Часа черезъ два Топорковъ опять бѣжитъ ко мнѣ и докладываетъ:

— Иванъ Сергѣевичъ никакъ не могъ выбрать время познакомиться съ вами. Онъ проситъ васъ завтра пожаловать къ нему въ отель въ одиннадцать часовъ.

— Позвольте, зачѣмъ я къ нему пойду? Если онъ желаетъ со мною познакомиться, то сообщите ему мой адресъ. Самъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія ѣхать къ нему представляться.

Во весь вечеръ Тургеневъ, проходя нѣсколько разъ мимо меня, не пожелалъ и обернуться въ мою сторону, хотя въ лицо онъ меня зналъ отлично и впослѣдствіи заискивалъ предо мною и Благовѣщенскимъ,. увѣряя насъ, что онъ не думалъ шельмовать Базарова и всегда горячо стоитъ за интересы молодого поколѣнія. Это послѣ Кукшиныхъ и Ситниковыхъ онъ не стыдился ратовать за молодое поколѣніе! Вѣдь онъ первый подалъ примѣръ шельмовать молодежь за направленіе. Множество его друзей, когда заглянули поглубже въ его душу, отшатнулись отъ него. Сами французы послѣ смерти Тургенева рады-радехоньки были сбыть его на руки русскимъ.

Шеллеръ съ особеннымъ удовольствіемъ цитировалъ, помню, статью о Тургеневѣ какого-то К. М. Григорьева, помѣщенную въ «Дѣлѣ» за 1884 годъ, № 1. Въ этой грубой и невѣжественной статьѣ авторъ доказываетъ, что Тургеневъ былъ популяренъ потому, что, по умственному развитію и симпатіямъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ обществомъ; изображаетъ образы «изящные», что публикѣ нравится, и наконецъ его талантъ не психологическій, а пластическій, изумительно вѣрный въ передачѣ внѣшняго чувства. Онъ скорѣе живописецъ и скульпторъ, чѣмъ художникъ слова, и, конечно, онъ плохой истолкователь трехъ поколѣній (Рудинъ, Базаровъ, Неждановъ). Онъ рисовалъ внѣшній видъ поколѣній; онъ наблюдать заставляетъ ихъ, а не жить съ ними.

Этотъ наборъ произвольныхъ утвержденій о Тургеневѣ Шеллеръ любилъ повторять, прикрашивая его собственными остроумными замѣчаніями и точно радуясь, что находятся недалекіе люди, поддакивающіе его глумленію надъ крупнымъ бытописателемъ и истолкователемъ назрѣвавшихъ направленій въ русскомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, въ его глубоко пристрастныхъ рѣчахъ о Турге-

невѣ мелькали не безынтересные факты изъ жизни послѣдняго, свидѣтельствующіе, однако, не болѣе того, что Тургеневъ былъ не только извѣстнымъ писателемъ, но также и человѣкомъ съ присущими человѣку слабостями и положительными недостатками. Интересно, что самъ Шеллеръ ненавидѣлъ въ другихъ привычку трактовать писателя съ точекъ соприкосновенія его съ порочной массой и, такимъ образомъ, принижать миссію литератора, какъ учителя общества и лучшаго выразителя его совѣсти. Къ чести Шеллера слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не увлекался пристрастіемъ и непріязнью ко множеству писателей въ своихъ литературныхъ работахъ. Меня поражала, напримѣръ, его нелюбовь къ покойному поэту Плещееву, о которомъ онъ постоянно спрашивалъ: «можно ли прожить въ литературѣ 40 лѣтъ, написавши два томика жиденькихъ стихотвореній, и что надо думать о поэтѣ, когда, получивъ два милліона наслѣдства, онъ забылъ, чѣмъ онъ обязанъ литературѣ, и, ничего для нея не сдѣлавъ, поторопился уѣхать на берега Средиземнаго моря и умереть на чужбинѣ?» Въ немногихъ словахъ онъ умѣлъ причернить своего собрата до неузнаваемости, но всѣ друзья Шеллера знали въ немъ эту привычку къ злословію изъ любви къ искусству и были увѣрены, что въ глубинѣ своей души онъ знаетъ настоящую цѣну человѣка. Едва дѣйствительно умеръ Плещеевъ, какъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» появилась о немъ замѣтка Шеллера съ перечисленіемъ литературныхъ заслугъ Плещеева, съ его несомнѣннымъ и благороднымъ вліяніемъ на молодежь 60-хъ—70-хъ годовъ и честнымъ образомъ жизни этого многострадавшаго труженика въ литературѣ. А эти злополучные два милліона тотчасъ же были Шеллеромъ забыты, потому что Плещеевъ никогда на нихъ не разсчитывалъ при жизни, никогда не думалъ о томъ, что ему дѣлать съ такими капиталами, когда они ему достались, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что первое время онъ уѣхалъ за границу, чтобы привести свои мысли въ порядокъ, а не умереть внезапно отъ кровоизліянія въ мозгъ...

Шеллеръ отлично понималъ дѣйствительные размѣры всякаго писателя, но чѣмъ выше кто изъ нихъ стоялъ, тѣмъ кончикъ его языка былъ для нихъ острѣе и пристрастнѣе. Самымъ безпощаднымъ образомъ онъ третировалъ Л. Н. Толстого, говоря по его адресу:

— Слава человѣка обусловлена деньгами... Если вы напишете плохую драму, но пустите ее въ продажу по карману публики, то васъ будутъ раскупать и хвалить. Почему «Власть тьмы» такъ быстро раскуплена? Потому, что въ этой драмѣ играетъ роль не талантъ, а имя и дешевка... «Дешевка» же и удесятеряетъ славу Л. Н. Толстого, особенно послѣ того, какъ вмѣсто 18 рублей за все изданіе его жена назначила за всѣ 12 томовъ 8 рублей. Дешевка и слава—это одно и то же.

Помню, одинъ изъ его гостей слабо ему возразилъ въ томъ смыслѣ, что на «Власть тьмы» соберется смотрѣть весь Петербургъ, когда ее поставятъ на сценѣ, и что критика уже признала эту драму замѣчательною вещью.

— Ахъ, Боже мой, что вы тутъ понимаете!—воскликнулъ Шеллеръ.—Ну, что такое наши критики и наша публика? Плохо вы ихъ знаете. Я знаю редакцію, гдѣ всѣ критическіе отзывы считаются безплатными на томъ основаніи, что всѣ они кумовскіе. А публика? Да, если бъ представить на сценѣ китайскаго мандарина, который себѣ одной рукой пузо распарывалъ кривымъ ножемъ, а другой кишки тянулъ наружу,—то успѣхъ былъ бы поразителенъ. Весь Петербургъ собрался бы въ Александринку, и даже Царицынъ лугъ опустѣлъ бы. Вотъ ваша публика. Радуйтесь за Л. Толстого, если на его «Тьму» соберется весь Петербургъ смотрѣть.

— Это правда,—поддакивали многіе Шеллеру:—мы любимъ все выходящее изъ ряда вонъ... Можно, пожалуй, будетъ радоваться, если «Власть тьмы» запретятъ ставить на сцену: одно чтеніе этой драмы огрубляетъ сердце, а не только представленіе ея.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Шеллеръ.—Нельзя безнаказанно рѣзать свои нервы деревянными ножницами. А во «Тьмѣ» есть сцены болѣе кровожаднаго свойства, чѣмъ моментъ, когда Грозный убиваетъ своего сына на картинѣ Рѣпина. Однимъ словомъ кумовская критика и умѣнье деревянными ножницами рѣзать публику по кусочкамъ—вотъ все, что требуется для современной славы любого изъ насъ.

V.

Тяжело бывало слушать Шеллера въ такія минуты озлобленнаго настроенія противъ своего брата писателя, но подъ этимъ настроеніемъ скрывалось множество фактовъ изъ литературнаго міра, которые Шеллеръ обобщалъ и могъ всегда швырнуть ихъ въ лицо противника.

— Эти писатели съ иностранными фамиліями,—разсыпалъ онъ сарказмы: — Грингмутъ, Окрейцъ, Липранди... Они у всѣхъ на глазахъ... Хотятъ быть болѣе русскими, чѣмъ сами русскіе. А эти «канатные плясуны» изъ либеральнаго міра—да не будутъ помянуты ихъ имена—вѣчно рисуются и позируютъ въ своихъ статьяхъ, «выбивая руками тактъ стиховъ на груди своей возлюбленной», по Гете. «Да, вы прежде всего сами будьте лучше», хочешь сказать имъ. Учите общество порядкамъ, а какъ сдѣлаетесь издателями и редакторами, такъ сами тотчасъ объясняетесь съ сотрудниками черезъ секретарей,— на письма не отвѣчаете, всѣмъ сотрудникамъ даете почувствовать ихъ батрацкое положеніе и въ сердцахъ посылаете ихъ заводить собственный журналъ, если они защищаютъ въ ре-

дакціи свою самостоятельность и достоинство... Не литературу вы любите и не литераторовъ, а литературное печатанье и шумъ о себѣ. Кто любитъ таланты и научныя знанія въ писателѣ, тотъ на вашемъ мѣстѣ пріѣхалъ бы къ такому писателю... такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ за границей!—и, скупивъ впередъ всѣ его произведенія, предложилъ бы ему приличный годовой окладъ съ условіемъ: «не торопитесь такъ много писать, какъ вы теперь пишете. Работайте не спѣша, не думайте о завтрашнемъ днѣ... Вы обезпечены. Вы дороги для меня... Печатайте меньше, но работайте старательнѣе и добросовѣстнѣе». Вотъ что сказалъ бы издатель-редакторъ, любящій литературу. А наши сумѣютъ споить талантливаго сотрудника, но не спасти его даже отъ «Родины» Каспари... Послѣ «Отечественныхъ Записокъ» С. Атава такъ и не выходилъ изъ консервативныхъ органовъ печати, къ чести его, всегда оставаясь самимъ собою... А еще эти маленькіе беллетристы, наполняющіе своимъ «печатаньемъ» газеты и журналы, вѣдь никто изъ нихъ даже не выработалъ себѣ должнаго «отношенія» къ жизни. Они все описываютъ «мелкій фактъ» и не понимаютъ разницы между разсказомъ А. Будищева и китайско-европейской войной. Чуткости ни на щепотку къ общественной жизни, а величія больше, чѣмъ у самого В. Гюго... Всѣ они, если послушать ихъ, не пишутъ, а священнодѣйствуютъ. Вы не можете курить папиросу въ комнатѣ, гдѣ они пишутъ или дѣлаютъ свои романы и стихи; они на столѣ держатъ духи и мандарины, чтобы нюхать для вдохновенія, а были и такіе, которые комнату обивали чернымъ сукномъ, зажигали восковыя свѣчи, распятіе Христа валялось въ ногахъ, такъ какъ Христосъ былъ униженъ, и надо всегда видѣть его униженнымъ, а сами они раздѣвались до гола, и писали стихи о прелестяхъ человѣческаго тѣла, и какъ они «сами собою восхищаются и сами собою забавляются...». На самомъ дѣлѣ для меня «Дафнисъ и Хлоя» изъ древне-греческаго романа Лонгуса—тотъ же нигилизмъ безъ общественныхъ цѣлей, а вонъ для Мережковскаго — древне-греческій пастушекъ и его снѣгурочка среди козловъ и овечекъ — «новое братство между человѣкомъ и животнымъ», «возвращеніе къ первобытному здоровью отъ болѣзни, называемой культурой»—и торжество эллинства надъ сентиментализмомъ и мрачностью христіанства... Для меня первобытность чувствъ и ихъ свобода напоминаютъ Мефистофеля въ Вальпургіеву ночь со старухой, когда онъ признается, что березовый пень, хотя просторенъ и черенъ, но въ эстазахъ души можетъ понравиться, если не трусить... А поклонники «Дафниса и Хлои» цѣнятъ эти экстазы души выше культуры и разума. Такъ-таки и захлебываются эти декаденты отъ восторга возможностью возвращенія язычества въ наши дни... И всѣ они, и беллетристы и философы, засыпаны, по ихъ словамъ, письмами изъ публики... Но вѣрить этому

не слѣдуетъ. Россія довольно лѣнива, чтобы замѣчать, что у нея нѣтъ за послѣдніе годы литературы, а тѣмъ болѣе восхищаться тѣмъ, что въ одной повѣсти какой-то образованный господинъ сошелся съ модисткой и сталъ погибать отъ того, что она начала приносить ему дѣтей; въ другой повѣсти—отецъ обѣщалъ дочери приданое и не далъ его, несмотря на разоблаченіе зятя шуриномъ въ газетахъ и т. д. Такую литературу будутъ читать только дѣти самого писателя... Да и то этимъ разовьешь въ нихъ, съ этихъ-то поръ, такое неуваженіе къ литературѣ, какое трудно себѣ представить. Если юноша пріучится, прежде чѣмъ любить литературу, ругать и критиковать ее, то такому юношѣ литература не дастъ ничего святого... Боюсь я, что современная литература давно уже не даетъ ничего святого цѣлому обществу. «Римъ палъ, потому что администрація въ немъ пала»,—кричитъ мнѣ М. П. Соловьевъ; «народами можно управлять только терроромъ», проповѣдуетъ Мещерскій, забывая, что наступаетъ XX вѣкъ; «да здравствуетъ жизнерадостный Олимпъ надъ печальнымъ христіанствомъ... Дорогу овцамъ передъ культурными людьми!»—благовѣститъ Мережковскій. Поэты пишутъ о томъ, какъ луна влюбилась въ липу; переводчики облюбовали Мопассана, потому что по послѣднимъ его двумъ строкамъ можно возстановить весь его разсказъ и, если зачеркнуть эти двѣ строки, то отъ разсказа ничего не останется... Публикѣ нравится этотъ успѣхъ неожиданности въ концѣ и острое словцо въ началѣ. Это нравится и нашимъ измопассанившимся беллетристамъ, проповѣдующимъ дѣлать все, что нравится. «Ничего нѣтъ гадкаго въ жизни... А если и есть грязь въ духѣ запрещенныхъ сказокъ Аѳанасьева, то грязь такъ исключительна, что можно даже съ нею отдыхать отъ чистоплотной прозы жизни...». Вотъ вѣдь что проповѣдуютъ эти нищіе умомъ и богатые духомъ новые беллетристы.

Помню, одинъ изъ литераторовъ за ужиномъ у Шеллера распространился о томъ, что только Пушкинъ да Бѣлинскій понимали поэзію, и что ихъ общественные идеалы гораздо крупнѣе, чѣмъ у Добролюбова и Чернышевскаго.

— О какомъ томѣ Бѣлинскаго вы изволите говорить? — воскликнулъ вдругъ Шеллеръ, все время молчавшій.

— Какъ о какомъ томѣ? Я все въ немъ хвалю...

— Однако? Что же именно все вы хвалите въ немъ?

— Рѣшительно все...

— Ну, этого быть не можетъ, если вы читали его! Въ первыхъ томахъ Бѣлинскій стоитъ на сторонѣ Шевырева и Погодина, въ восьмомъ томѣ онъ ратуетъ за Пушкина, а въ двѣнадцатомъ онъ соціалистъ во вкусѣ Пьера Леру. Всѣ эти направленія соединены между собою зигзагами и въ настоящее время одними давно усвоены, другими отвергнуты. Почему же только Бѣлинскій мо-

жетъ поучать насъ новому, и чему такому?—спрошу я. Вотъ вы не можете отвѣтить на такой простой вопросъ, а ругнуть лучшихъ шестидесятниковъ вамъ не по чемъ.

Я невольно напомнилъ Шеллеру случай, когда отецъ одного изъ нынѣ пишущихъ поэтовъ пришелъ къ Достоевскому, чтобы тотъ сказалъ ему о достоинствахъ стиховъ сына, и стоитъ ли послѣднему заниматься ими.

Достоевскій, прослушавъ стихи, сказалъ:

— Зачѣмъ это все пишется? Для того, чтобы быть писателемъ, надо прежде всего страдать, во-вторыхъ, быть готовымъ къ тому, что вмѣсто славы тебя оклевещутъ и не оцѣнятъ, а вмѣсто обезпеченія—встрѣтятъ бѣдность и униженія...

— О, если такъ много надо для того, чтобы быть писателемъ, то лучше не быть имъ...

— Лучше не быть!—перебилъ Достоевскій.—Кто не страдалъ и не хочетъ страдать, тому лучше не быть писателемъ.

— Объ этомъ совсѣмъ забыли въ наше время,—перебилъ меня Шеллеръ.—Исторія русской литературы до сихъ поръ была исторіей страданій русскихъ писателей, но только не въ «Очеркахъ новѣйшей литературы» г. Скабичевскаго.

— Правда,—согласился я.—Не говорю о Чернышевскомъ, но даже замученный клеветой Лѣсковъ не былъ консерваторомъ и тогда, когда писалъ противъ крайностей Чернышевскаго и находилъ Россію не подготовленной къ снамъ Вѣры Карловны Лопуховой; и тогда, когда позднѣе писалъ противъ Перъ-Жана въ «Полунощникахъ»... А сколько онъ принялъ страданій за свой мнимый консерватизмъ!

— Сгущенныхъ красокъ у него было много и тамъ, и тутъ,—произнесъ Шеллеръ,—но писателемъ онъ былъ внѣ партій, несмотря на боевую позицію. Его опредѣленность симпатій была свободной, и я не могу забыть, какъ онъ передавалъ мнѣ свой споръ съ редакторомъ «Нивы», Клюшниковымъ, за однимъ литературнымъ обѣдомъ.

— Это интересно... Разскажи,—попросилъ я.

— Произошло слѣдующее:—началъ Шеллеръ:—Лѣсковъ замѣтилъ, что весьма нецѣломудренно со стороны редакціи «Русскаго Обозрѣнія» печатать цѣлый рядъ графовъ и высокопоставленныхъ именъ, рядомъ съ Л. Тихомировымъ. Одни яснаго направленія и искренни, а второй какой-то перебѣжчикъ. Чуткость редактора должна бы подсказать, что этого нельзя въ одной и той же книжкѣ допускать. Нельзя съ бывшимъ вчера врагомъ сегодня обниматься и приглашать къ тому же и своихъ гостей.

— Вотъ ужъ не ожидалъ отъ васъ,—отвѣтилъ Клюшниковъ:—Тургеневъ бы еще могъ это сказать. У того всегда къ литературѣ примѣшивались и постороннія цѣли. А для меня въ литературѣ нужны только дарованія; литература сама въ себѣ живетъ...

— Да, для чего же это,—воскликнулъ Лѣсковъ:—если литература не служитъ извѣстнымъ цѣлямъ, и если вамъ безразлично, кто ее составляетъ?

— Настоящій литераторъ не долженъ имѣть никакихъ чувствъ.

— А для меня безъ этихъ чувствъ не нужна и литература.

— А таланты?

— Чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ хуже, если въ немъ нѣтъ общественныхъ чувствъ и сознанія того, во имя чего онъ работаетъ и съ кѣмъ работаетъ. Безчувственные, безкровные писатели— эти жрецы безпринципности —представляютъ упадокъ литературы, и чѣмъ они талантливѣе, тѣмъ хуже. Пропади и сама литература, если такъ. Стоитъ ли ею дорожить послѣ этого? Мнѣ важно, что въ книгѣ, а не самая книга: въ какомъ году она напечатана, въ какой типографіи и т. д. Оттого всѣ библіографы мнѣ противны... Имъ, да и вамъ, нужно литературное искусство, а мнѣ люди и ихъ интересы. Безъ этого пропадай сама литература. На кой же она чортъ существуетъ, если писатель не долженъ имѣть никакихъ чувствъ!

Разсказывая этотъ случай изъ жизни Н. С. Лѣскова, Шеллеръ обращался къ современнымъ писателямъ и находилъ, что всѣ они залѣзали на шкапы и считаютъ себя выше «шестидесятниковъ».

— Одинъ Горькій на литературномъ обѣдѣ сознался о себѣ, что на безрыбьѣ и ракъ рыба, на безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ, а всѣ прочіе изъ молодыхъ знаменитостей убѣждены, что они заслужили славы и денегъ, если не страданіями за идеи, то своими талантами. Даже бездарности, въ родѣ «желѣзныхъ просфиръ» изъ духовныхъ академій, возведенныхъ въ званіе «заредакторовъ», съ отвратительной точки зрѣнія трактуютъ о хорошихъ вещахъ, требуя отъ властей и общества не человѣколюбія, а патріотизма... Литература давно утратила raison d'être для своего существованія. Серьезный журналъ «Вѣстникъ Европы» дальше своихъ традиціонныхъ 6.000 подписчиковъ нейдетъ. Слѣдовательно, общество не доразвилось до литературнаго серьезнаго чтенія. И дѣйствительно: на западѣ писатели расходятся въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземплярахъ, наживаютъ себѣ состоянія, виллы и яхты (Мопассанъ, Золя и т. д.). У насъ издаютъ сочиненія въ 2—3 тысячахъ экземпляровъ, и расходятся они медленно. Все другое идетъ бойче и поддерживается обществомъ и правительствомъ, а литература — нѣтъ. Художники имѣютъ свою академію, гдѣ они обучаются; а литература ничего не имѣетъ, и никто ея не поддерживаетъ. Нигдѣ, однако, такъ легко не живется легкимъ людямъ, какъ въ литературѣ. Писателю по призванію дышать нечѣмъ... А ремесленникамъ всего лучше въ современной литературѣ. Самый легкій трудъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія, что всякій трудъ дѣлается за деньги. Для образованнаго идейнаго писателя литература мало даетъ

денегъ, но для лѣнтяевъ и безпечныхъ людей—она лучше оплачиваетъ ихъ, чѣмъ всякая иная служба. Оттого въ литературу только лѣнивый не лѣзетъ, особенно если ему некуда болѣе пристроиться. Человѣкъ, не способный ни на что другое, какъ только компилировать чужія книжки и излагать болѣе скучно чужія мысли—оказывается публицистомъ; усвоившій Пушкинскую форму—поэтомъ и беллетристомъ и т. д... Что касается ихъ направленія, то они давно провозгласили «анархію въ искусствѣ». Что это такое? спрашиваю. Что означаетъ это направленіе? Рисовать въ живописи человѣка вверхъ ногами, что ли? Я не знаю, до чего дойдетъ литература, если она не хочетъ имѣть дѣло съ общественными нуждами, а ищетъ истину въ началахъ всѣхъ началъ и красоту въ красивой лентѣ изъ пасти дракона. Тяжело умирать и сознавать, что даже твое маленькое мѣсто некому занять, а умретъ Толстой—уже никто въ Европѣ не будетъ говорить о современной русской литературѣ...

VI.

Просматривая свои воспоминанія объ А. К. Шеллерѣ, мнѣ хочется думать, что множество фактовъ и эпизодовъ изъ его жизни приведены мною въ доказательство неровности его характера одновременно съ признаніемъ его большого ума, трудолюбія и общественныхъ заслугъ. Я не могъ ограничиться перечисленіемъ исключительно положительныхъ его сторонъ. Тогда характеристика Шеллера была бы односторонняя, равно какъ и въ томъ случаѣ, если бы кто сосредоточилъ вниманіе исключительно на его отрицательныхъ сторонахъ. Къ моему удовольствію, отрицательныя стороны Шеллера, которыя я помнилъ, являются больше его литературными фразами, а не черными поступками. Появляясь, такъ сказать, всегда на философской почвѣ, онѣ проявляются только въ томъ, что Шеллеръ былъ рѣзокъ въ спорахъ, легко обижался и раздражался, имѣлъ несчастную привычку сводить всѣ разговоры къ своей личности и любилъ иногда играть «страшными словами», доказывая, напримѣръ, что онъ эгоистъ, и что всѣ нравственные герои также эгоисты, если только не фразеры и т. д. Но всѣ эти патологическія настроенія въ феноменологіи его духа были мимолетными и почти безвредными. Многихъ онѣ отталкивали отъ него, но кто хорошо зналъ Шеллера, тотъ видѣлъ за недостатками рядъ крупныхъ его достоинствъ и былъ къ нему расположенъ. По-настоящему, неизмѣнная дружба между людьми начинается съ того момента, когда она созрѣла не съ закрытыми глазами другъ на друга, но съ яснымъ разумѣніемъ всѣхъ сторонъ характера. Чѣмъ крупнѣе были достоинства Шеллера, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ чувствовались и его отрицательныя черты, но всѣ онѣ вытекали изъ

литературныхъ побужденій, изъ-за горячихъ споровъ въ артистическомъ азартѣ капризнаго ума писателя. Больше было страшныхъ словъ, чѣмъ дѣйствительныхъ проступковъ въ сарказмахъ Шеллера. Но если феноменологія духа у Шеллера была продуктомъ семейныхъ, литературныхъ или общественныхъ условій, то все-таки нельзя также совершенно освобождать и самого человѣка отъ отвѣтственности за свой характеръ. У Шеллера, несомнѣнно, были свои органическія особенности, съ которыми онъ совсѣмъ не боролся, и которыя также играли нѣкоторую роль въ его трагизмѣ. Въ натурѣ Шеллера лежали, несомнѣнно, какія-то тезы и антитезы, обусловливающія кореннымъ образомъ его дальнѣйшій трагизмъ. Въ литературу онъ вносилъ ровное міросозерцаніе, благодаря тому, что въ спокойномъ состояніи духа онъ выработывалъ стройный синтезъ въ своихъ произведеніяхъ. Но у себя въ гостиной или столовой онъ чрезвычайно быстро поддавался впечатлѣніямъ, и надо было ходить около него на цыпочкахъ, чтобы не разбудить въ его душѣ какого нибудь «бѣса противорѣчія». Стоило не во время похвалить женскій трудъ, какъ онъ начиналъ доказывать, что женщина ничтожество, и что если бы также у мужчинъ три четверти жизни уходили на роды и кормленіе дѣтей, то среди насъ не было бы ни одного генія; стоило тутъ же кому нибудь зло посмѣяться надъ трудящейся женщиной, Шеллеръ уже начиналъ кричать: «куда вы пришли?! Вы не знаете, гдѣ и что нужно говорить!».

Эта антитеза всему и всѣмъ въ его натурѣ еще рѣзче выражалась въ отношеніи къ своему происхожденію. Свободный отъ религіозныхъ и политическихъ предразсудковъ, онъ постоянно упоминалъ о своихъ аристократическихъ родственникахъ; гостепріимный и любезный, онъ въ то же время жаловался гостямъ на гостей же, и каждый могъ думать, что по уходѣ любого изъ нихъ хозяинъ продернетъ и его острымъ словечкомъ. Всѣ принимаютъ гостей и считаютъ за честь, если они отобѣдаютъ у хозяина, а Шеллеръ способенъ былъ сказать и говорилъ: «Отчего я прекратилъ свои четверги? Меня литераторы заставили... Какъ же, приходятъ однажды двое и говорятъ мнѣ же: «какъ отлично мы эту недѣлю прожили: не надо было обѣдать у себя дома, всю недѣлю Христа славили: въ четвергъ у тебя ужинъ, въ пятницу у Полонскаго, въ субботу у такого-то, во вторникъ у Чуйки и т. д.». Чортъ васъ возьми, думаю, и ко мнѣ, можетъ быть, ходятъ Христа славить».

Отзывы Шеллера о людяхъ и его образный языкъ часто перетолковывались людьми крайне произвольно и вооружали его знакомыхъ противъ него. Не могу не вспомнить самый свѣжій объ этомъ эпизодъ. Ухаживая цѣлыми ночами за умирающимъ Шеллеромъ, я былъ очень тронутъ, когда онъ благодарилъ меня со слезами на глазахъ:

— Спасибо тебѣ! Не долго уже осталось тебѣ покараулить

меня... Не сегодня—завтра умру. Еще нѣсколько часовъ осталось всѣмъ моимъ друзьямъ послѣдить со мною и покараулить мою смерть. Только въ тяжелыя минуты узнаешь истинныхъ друзей... Сегодня ночью будетъ ночевать твоя жена?

— Да... Она хотѣла смѣнить меня.

— Спасибо...

По лицу Шеллера прокатилась слеза.

Разсказывая эту трогательную сцену среди знакомымъ, я уже, конечно, никакъ не думалъ, что изъ этого выдетъ хамская сплетня о томъ, что Шеллеръ понималъ, что мои безсонныя ночи около него нужны были для составленія біографіи о немъ и не свидѣтельствуютъ моего къ нему расположенія. Многочисленныя недоразумѣнія часто возникали между друзьями Шеллера, особенно, если самъ Шеллеръ могъ при этомъ щегольнуть необдуманной фразой или словомъ.

Слушаешь, бывало, въ такія минуты Шеллера, удивляешься, а пройдетъ время—вспомнишь его крупныя достоинства, и они опять перевѣсятъ всѣ его словесные недостатки и патологическія настроенія. Опять потянетъ къ себѣ его крупная и оригинальная личность, и опять увидишь, какъ онъ могъ быть къ кому либо необыкновенно добрымъ и въ то же время по самому ничтожному поводу перейти въ озлобленный на него тонъ, говоря за часъ тому назадъ совсѣмъ о немъ другое. Онъ могъ быть смѣлымъ апостоломъ, призывающимъ людей къ самопожертвованію, и тутъ же смѣяться надъ страдальцами міра, доказывая, что они—дождевая капля воды въ горько-соленомъ морѣ, и, кромѣ того, можно сомнѣваться и въ самой каплѣ: чѣмъ она лучше морской воды?

— Хирургъ-профессоръ, — говорилъ онъ, — спасшій негодяя-купца отъ смерти, едва ли такъ великъ, какъ принято думать о докторахъ; адвокатъ, распинающійся за психопата-преступника, или земскій врачъ, лѣчащій оскотинившееся крестьянство, и т. д., ничѣмъ не лучше обыкновенной толпы смертныхъ. Лучше остаться въ этой толпѣ, чѣмъ стремиться жертвовать собой для миража и мечты.

Что это?! Да все то же, что и ранѣе... Вѣдь въ этихъ страшныхъ словахъ—кто зналъ Шеллера—чувствовались ненависть къ «купцу-негодяю», призывъ къ возрожденію «оскотинившагося крестьянства» и даже въ «христославахъ» — всегдашняя непріязнь Шеллера къ литературной богемѣ и ея бездомничеству. Ничего другого въ «страшныхъ словахъ» Шеллера не заключается при психологическомъ анализѣ и хорошемъ знаніи самого Шеллера. Попробуй другой развивать, напримѣръ, идею отрицанія нравственнаго героизма безъ благородныхъ придатковъ—Шеллеръ возмутился бы первымъ. Но не каждый понималъ въ немъ это противорѣчіе и его чистый источникъ. Если даже онъ говорилъ скептически объ отдѣльныхъ герояхъ, то исключительно потому, что

хотѣлъ видѣть толпу на высотѣ, и чтобы дѣйствительность не была блѣднѣе нашихъ мечтаній. Вотъ именно эта тайная и весьма сложная антитеза и составляла сущность характера А. К. Шеллера и иногда источникъ многихъ недоразумѣній и кривотолковъ о немъ.

Онъ самъ о себѣ отзывался уморительнымъ образомъ, когда, напримѣръ, кто замѣчалъ, что занятія надъ книгами согнули его.

— Нѣтъ!—возражалъ онъ.—Меня горбатымъ сдѣлала мать. Она всегда мнѣ говорила, гуляя со мной: «посмотри, какой идетъ миленькій мальчикъ... Какъ прямо держится. Пріятно смотрѣть. А ты горбишься, какъ старикъ». Я еще болѣе гнулся, такъ какъ всего болѣе боялся походить на кого нибудь, и чтобы кто нибудь и меня не назвалъ «миленькимъ мальчикомъ». Я всегда хотѣлъ быть взрослымъ человѣкомъ и теперь радъ, что я литераторъ, но согнувшійся и кривой, а не какъ всѣ.

Эта искренняя потребность натуры быть «не какъ всѣ» заключаетъ и разгадку многихъ странностей въ характерѣ Шеллера.

Теперь, когда Шеллеръ «скрылся за вѣками», можно безошибочно сказать, что игра въ страшныя слова и цѣлыя стройныя изъ нихъ системы вытекали у него изъ потребности быть «не какъ всѣ», изъ антитезы ко всѣмъ и ко всему. Эта органическая потребность быть вездѣ «Шеллеромъ» поощрялась женскимъ воспитаніемъ въ семьѣ, литературной славой и постепеннымъ увяданіемъ ея за послѣдніе годы вмѣстѣ съ общественными прогрессивными идеалами. Мнѣ дороги въ моихъ воспоминаніяхъ и всѣ мелочи, если только онѣ иллюстрируютъ «трагизмъ» Шеллера, изъ двойного его воспитанія въ семьѣ, изъ литературной неудовлетворенности, изъ соціально-бытового неустройства позднѣйшей эпохи и «антитезы» въ натурѣ Шеллера. Безъ нихъ былъ бы неполонъ мой очеркъ о немъ, и, несмотря на непривлекательность многихъ изъ нихъ, я мирюсь на томъ, что всѣ эти «противорѣчія» въ Шеллерѣ выросли на умственной почвѣ и свободны отъ корыстныхъ мотивовъ. А его духовныя силы, отданныя на служеніе обществу; его личная аскетическая жизнь, рѣдкая по трудолюбію и принципіальности,—такъ значительны, что невольно опускаешь голову въ смущеніи, что, можетъ быть, я мѣстами неумѣло помянулъ усопшаго писателя и не доросъ до пониманія его сложной натуры... Значительнымъ успокоеніемъ, впрочемъ, служатъ мнѣ письма нѣкоторыхъ друзей Шеллера изъ литературнаго міра, приславшихъ мнѣ свои впечатлѣнія послѣ прочтенія моей книги о немъ [1]). Въ особенности мнѣ дорого письмо поэта Ф. А. Червинскаго, дополняющаго такъ умѣло нѣсколькими штрихами характеристику усопшаго писателя. Онъ пишетъ отъ 11-го марта слѣдующее:

---

[1]) См. недавно вышедшія мои о немъ воспоминанія: «Александръ Константиновичъ Шеллеръ».

«Воспроизвести всесторонне образъ Шеллера—задача трудная, требующая не только такта, но и художественнаго чутья. Мы всѣ часто бесѣдовали съ Шеллеромъ, но что, кромѣ великаго сумбура, вышло бы изъ стенографическаго возстановленія тѣхъ его репликъ, которыя являлись результатомъ раздраженья или огорченья? Человѣкъ—жестокій на словахъ и мягкій въ дѣйствительности; свѣтлый умъ, казавшійся иногда «непосвященнымъ» узкимъ и парадоксальнымъ; широкая душа, казавшаяся иногда мелочной; богато одаренная натура, сотканная изъ рѣзкихъ противорѣчій—непонятныхъ и «примиримыхъ» только для лицъ, хорошо знавшихъ его—какъ обрисовать его, не выходя изъ границъ безпристрастья, не сгустивъ невольно красокъ—свѣтлыхъ и темныхъ?».

Мнѣ пріятно было читать признаніе Червинскаго, хорошо знавшаго Шеллера, о томъ, что, отбросивъ балластъ, я изобразилъ «то существенное, то единственно главное, что дѣйствительно характеризуетъ этого крупнаго человѣка, и даже тѣ немногія мелочи,—которыя включены въ воспоминанія въ цѣляхъ наиболѣе полной характеристики,—дѣйствительно дорисовываютъ памятный образъ нашего незабвеннаго Александра Константиновича».

А. Фаресовъ.

ТѢЛОХРАНИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

(Посвящается родному «Тихому Дону»).

Пора снять съ памяти вѣрныхъ слугъ Государевыхъ безчестье государственнаго преступленія.
Feci quod potui; faciant meliora potentes.

ЖИВО помню я холодную, лунную осеннюю ночь наканунѣ достопамятнаго боя при Горномъ Дубнякѣ, когда мнѣ впервые привелось слышать о страшныхъ дѣлахъ, совершавшихся сто лѣтъ назадъ въ Старочеркасскѣ... [1]). Вся странная, дикая, фантастическая обстановка до сихъ поръ у меня, какъ предъ глазами... Полная, свѣтлая луна обливала густымъ серебрянымъ блескомъ мутныя струи рѣки Вида, обрывистый, скалистый лѣвый берегъ его, небольшую полянку, усѣянную кустарникомъ и копичками сѣна, расположенную на ней донскую полусотню и окружавшій насъ густой высокій лѣсъ. Хотя прошло уже почти двадцать три года, но до сихъ поръ воспоминанія объ этой ночи рисуютъ въ моемъ воображеніи въ совершенно опредѣленныхъ очертаніяхъ рядъ страшныхъ, давно потухшихъ, картинъ изъ мрачнаго прошлаго родного «Тихаго Дона» и невольно вызываютъ слезу... Мнѣ совершенно ясно представляется высокій, статный, блѣдный, какъ

---

[1]) Назывался тогда Черкасскомъ.

смерть, свитскій гвардейскій донской полковникъ, съ правильными благородными чертами лица, гордою поступью всходящій, погромыхивая тяжелыми кандалами, на высокій эшафотъ.

Но... разскажу все по порядку...

Просидѣвъ, по прибытіи въ дѣйствующую армію, безъ всякаго дѣла около двухъ недѣль въ главной квартирѣ [1]) и больше мѣсяца подъ Плевной, я попалъ въ партизанскій отрядъ полковника Н. и двинулся съ нимъ изъ деревни Калиника на Огорчинъ къ Аглену. Согласно желанія генерала Гурко, предпринимавшаго атаку Горнаго Дубняка, мы должны были демонстрировать къ Телишу со стороны Радомирцъ.

Основываясь на показаніяхъ болгаръ, можно было ожидать стычки въ Агленѣ съ грабившими жителей черкесами и башибузуками. Приближаясь къ этой деревнѣ, мы увидѣли горящія въ разныхъ мѣстахъ избы, но грабителей въ ней уже не было; только нѣсколько всадниковъ, спѣшившихъ скрыться по направленію къ Чурикову, указали намъ взятое непріятельской партіей направленіе.

Не знаю, въ виду какихъ именно соображеній полковникъ Н... чрезъ часъ послѣ того, какъ отрядъ нашъ расположился бивуакомъ западнѣе Аглена, приказалъ выставить подъ моимъ начальствомъ свободную, отборную полусотню въ оборонительную заставу, приблизительно въ полуверстѣ отъ праваго фланга сторожевой цѣпи, примыкавшей къ лѣвому берегу рѣки Вида, вдоль котораго шла широкая лѣсная дорога на деревню Чуриково. Мнѣ пришлось расположиться въ такой трущобѣ, гдѣ, надо полагать, даже и въ самый ясный день была тьма, словно въ сумеркахъ. Насъ окружалъ густой, высокій, чуть не дѣвственный лѣсъ, оголенные корни деревъ котораго мѣстами такъ переплелись между собою, что казаки ежеминутно рисковали сломать себѣ шеи.

Едва только успѣлъ я отдать соотвѣтствующія распоряженія и уже хотѣлъ выслать разъѣзды, какъ бравый, украшенный двумя георгіями, урядникъ доложилъ мнѣ, что, по словамъ казаковъ, шагахъ въ трехстахъ впереди и ближе къ рѣкѣ есть очень удобная для расположенія заставы полянка съ запасомъ свѣжаго сѣна. Послѣдній доводъ главнымъ образомъ и заставилъ меня, вопреки приказанія начальника отряда, перемѣнить мѣсто: запасъ сѣна имѣлъ для насъ огромное значеніе, такъ какъ у казаковъ оставалось въ сумахъ только небольшое количество кукурузы и ячменя, а между тѣмъ намъ предстояло, послѣ тяжелой ночной службы въ заставѣ, порядочное передвиженіе къ Радомирцамъ, а, можетъ, и участіе въ бою.

Дѣйствительно, мѣсто отысканное нашими незамѣнимыми въ

---

[1]) Горный Студень.

походѣ ищейками, оказалось весьма удобнымъ, какъ для расположенія лошадей и людей, такъ и на случай обороны. Небольшая полянка шаговъ въ сто длиной и такой же почти ширины, усѣянная кустарникомъ и копичками свѣжаго душистаго сѣна, была защищена съ сѣвера и запада обрывистыми скалами, представлявшими прекрасныя закрытія для стрѣлковъ. Съ западной стороны въ расщелинѣ известковаго обрыва оказалось четыреугольное отверстіе почти въ два квадратныхъ аршина, ведущее въ чистую, съ большой щелью вверху, и настолько просторную камеру, что въ ней свободно можно было расположить въ-повалку, по крайней мѣрѣ, треть команды. Пещерка эта для насъ была чистая находка, такъ какъ тутъ прозябшіе казаки могли укрыться отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра и по очереди хоть немного отдохнуть.

Сдѣлавъ нарядъ и выславъ разъѣзды, я приказалъ задать лошадямъ сѣна, а затѣмъ закутался въ бурку и легъ на копну, стоявшую близъ входа въ пещерку, гдѣ уже нѣсколько бородатыхъ станичниковъ устраивались на ночлегъ: втаскивали сумы и умащивали сѣно.

Я хорошо помню эти минуты. Кругомъ царилъ полумракъ, придававшій всей, и безъ того дикой, картинѣ какой-то фантастическій видъ. Издали, со стороны, стоявшаго бивуакомъ, отряда, доносились неясные звуки ночного гула. Становилось все холоднѣе. Хотя насъ и защищали скалы и густой лѣсъ, но рѣзкій пронзительный вѣтеръ прохватывалъ насквозь и не давалъ уснуть. Какъ я ни кутался въ бурку, но все-таки масса холоднаго воздуха безпрестанно забиралась въ рукава, расходилась по всему тѣлу, и непріятная дрожь пробѣгала до самыхъ пятъ. Промучившись съ четверть часа, я поднялся съ копны, разрылъ среди ея глубокое логовище, завернулся плотнѣе въ бурку и, улегшись, закрылъ глаза. Но сонъ бѣжалъ отъ меня. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась дрожь, и кровь стучала въ вискахъ. Я думалъ о предстоящемъ днѣ, томился отъ нетерпѣнія «скорѣе понюхать пороху», изведать сильныя ощущенія, испытать свои силы, показать себя молодцомъ и... получить знакъ отличія военнаго ордена... Юношескія мечты занесли меня далеко, какъ вдругъ чей-то тревожный окликъ заставилъ меня сразу вернуться къ дѣйствительности.

— Господинъ пратупей-юнкарь! А, господинъ юнкарь!—громко говорилъ кто-то, полагая, вѣроятно, что я сплю.

Я открылъ глаза и вскочилъ на ноги.

Предо мной стоялъ маленькій, кривоногій, закутанный въ грязную рваную попону, казакъ. Показавшаяся въ это мгновеніе на минуту изъ-за тучъ свѣтлая, словно электрическій фонарь, полная луна озарила его непріятное, изрытое оспой, лицо съ черными, плутовскими бѣгающими глазами.

— Что ты?—спросилъ я.

— Да дозволенія прошу на таю сторону рѣчки перейтить...

— Это зачѣмъ же?

— Да тамъ пронюхали наши, что, кубыть, турецкія свинки есть... Такъ вотъ бы намъ одну штучкю.. Мы бы въ мигъ смотались... вплавь... Уся команда проситъ... Дозвольте... Живо приволокемъ сюда одну...

— Да что вы съ ней дѣлать-то будете?

— Какъ что?—дерзко сказалъ казакъ...—Да мы ее заразъ же и сваримъ.

— Да ты, кажется, съ ума спятилъ? Гдѣ же тутъ варкой заниматься? Впереди цѣпи... подъ носомъ у непріятеля... и разводить огонь!.. Да что ты?..

— А мы въ пещеркѣ...

— Нѣтъ-нѣтъ!.. Нельзя!.. Ступай!.. Вотъ еще выдумалъ!

Казакъ, повидимому, очень огорченный моимъ отказомъ, направился къ пещеркѣ, у входа въ которую виднѣлась высокая фигура. Я завернулся опять въ бурку и улегся на своемъ мѣстѣ.

— Ну, что?—услышалъ я чей-то повелительный грубый голосъ.

— Да ничаво,—досадливо отвѣтилъ рябой казакъ.—Я же табѣ говорилъ, что лучше не замать его... не будить... Вотъ на мое и вышло!.. Онъ бы спалъ сабѣ, а мы бы, покеля что, все дѣльцо и оборудовали бы... «Нельзя», говоритъ, да и только... Вотъ табѣ и все!..

— Ну, да какъ же было знать-то!.. Такъ съ виду покладистымъ выглядитъ... совсѣмъ овечкой... А, вонъ, поди жъ ты, какимъ себя до разу оказалъ... Настойчивъ, видно, все одно, какъ и нашъ «дѣдъ».

— Такъ я же, все-таки, пойду—а?—спросилъ рябой казакъ.

— Ну, иди...

— Упрежу Орлова и Дронова, чтобы, значить, того... помаленьку... тихохонько... А самъ оттелева зайду... а?

— Ступай-ступай!.. Да, смотри только, чтобы «обдѣлать дѣло подъ орѣхъ»... Чтобъ и не пикнула!.. Вразъ придушите ей глотку!.. А Орлова, какъ усе наладите, посылай сюда... Я пошлю другого въ подмогу съ ентой стороны...

Послышались шаги, и вскорѣ мимо меня быстро прошелъ рябой казакъ, направляясь къ рѣкѣ. Не могло быть никакого сомнѣнія, что онъ, несмотря на мое запрещеніе, спѣшилъ къ ожидавшимъ его товарищамъ, назначеннымъ въ экспедицію на стадо свиней; но я, заинтересовавшись, чѣмъ это кончится, рѣшилъ уже имъ не мѣшать и потому лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами, пока мимо меня спѣшно проходили къ рѣкѣ и обратно какіе-то казаки.

Прошло около пяти-шести минутъ...

— Ну, что же? — послышался опять тотъ же грубый повелительный голосъ... Наладили что ли?

— Готово,—отвѣтилъ чистый пріятный голосъ.—Вотъ пусть только луна спрячется за тучи... Заразъ и начнутъ... Обойдемся и безъ евонаго позволенія... Ничего и знать-то не будетъ... Пусть сабѣ спитъ...

— Да онъ-то еще ничего... Уломали бы какъ нѣбудь... А вотъ если «дѣдъ» узнаетъ!.. Ну, тогда бѣда!.. Влетитъ и мнѣ, да и всѣмъ... Этотъ ужъ спуску не дастъ... Ужъ это вѣрно... А особливо теперича... Серчаетъ онъ больно что-то вотъ уже второй, почитай, мѣсяцъ... Чортъ и што съ имъ сталось такое?.. Такъ думаю, что ужъ не завидуетъ ли онъ сродственнику Пугача Филаретичу и Петровичу, что ихъ обѣхъ бѣлыми крестиками наградили. А тутъ еще и Тарасовъ вразъ уйму крестовъ нахваталъ. А онъ, сердечный, все только покеля съ двумя солдатскими щеголяетъ, что за Шамиля еще годовъ шастнадцать назадъ заслужилъ... Ну, извѣстно, обидно...

— Ну, плохо же ты, братъ, знаешь «дѣда», если такъ думаешь... Не таковскій онъ человѣкъ, чтобы сталъ кому завидывать...

— Такъ тады съ чего жъ онъ такой сталъ-то?.. Ажъ смотрѣть боязно на него... Право... Ну, вотъ, ровно бы, онъ дохлаго пса проглотилъ!.. Ей-ей!.. И вотъ ужъ, кажись, что шастая недѣля пошла, какъ онъ усё такой... И не подступайся къ нему... Такъ и окрысится!.. А то ли было прежде?.. Гдѣ бывалочи веселье?.. Въ дѣдиной сотнѣ... Кажинный вечеръ, почитай, гремѣли бубны... наяривали скрипки да гармоники... разносились по долинамъ и горамъ болгарскимъ разудалыя донскія пѣсни!.. Земля, бывалочи, тряслась и ходуномъ ходила отъ казачьей пляски!.. Любо смотрѣть было на него... Самъ, бывалочи, и баранчиковъ молоденькихъ на вертелѣ поджаривалъ, самъ и почтовалъ станичниковъ ракійкой, а то и винцомъ виноградпымъ... красненькимъ... Ничего не жалѣлъ для нашего брата... Послѣдняя копейка шла ребромъ у него... Любилъ повеселиться... Смотритъ, бывало, смотритъ, какъ наши молодчики отхватываютъ, а самого, видно, такъ и подмываетъ, такъ и подмываетъ!.. Такъ и поводитъ, бывало, усе въ такту плечами, да притопываетъ... Смотритъ, бывало, смотритъ, поглаживаетъ бороду, ухмыляется, да и не выдержитъ: крякнетъ это, оправится, сдвинетъ свою попашицу на затылокъ, да какъ пустится, такъ куды за нимъ нашимъ!.. По-старинному пляшетъ, да еще и на капказскій манеръ малость... А ужъ если, бывало, дюже разойдется, такъ тутъ ему и удержу нѣтъ... Не скоро ужъ тады уймется... Заразъ это игры разныя затѣетъ, али джигитовку... Швыряетъ, бывало, намъ цѣлковенькіе... Только поднимай съ земли зубами на всемъ скаку... И идетъ, бывало, у насъ пиршество чуть не до свѣту... А таперича совсѣмъ не тотъ сталъ... Чортъ и што съ имъ приключилось?.. Настоящій отецъ-командеръ былъ... Бывалочи, если горе, бѣда, али такъ нужда какая, прямо безо всякой опаски

прёшь къ ему на фатеру, али въ палатку... Ни въ жисть не откажетъ... Безпремѣнно кажинному казаку поможетъ... Послѣднюю сорочку сниметъ, а изъ бѣды выручитъ станичника... А теперь-то что?.. Ишь ты, что завидуха-то съ людьми хорошими дѣлаетъ...

— Да какая же тутъ завидуха?.. Вѣдь выдумалъ же!.. Говорю же я табѣ, что не таковскій онъ человѣкъ... Никому онъ и не завидуетъ никады и никому зла не желаетъ...

— Такъ тады что же съ имъ? Что случилось-то?..

— Да ничего и не случилось... А такъ... находитъ на него осенью... вотъ въ это самое время... Кажинный годъ это съ имъ бываетъ...

— Ну?.. Что такъ?.. Болѣзть это, али сглазъ?..

— Ни болѣзти, ни сглазу нѣтъ, а такъ... тоскуетъ... и все...

— Скажи, пожалуйста!.. Тоскуетъ?.. И съ чего же это съ имъ?..

— Да такъ, говорятъ, да я тоже думаю, что горюетъ онъ по своему сродственнику... по дядюшкѣ Евграфу Осиповичу... Кажинную осень... Какъ вспомянетъ о немъ, такъ и найдетъ эта самая тоска на него...

— А что же съ имъ-то... съ дядюшкой?..

— Какъ что?.. Рази, не знаешь?..

— Не знаю, братуша... Ничего не знаю... А что?..

— Да, вѣдь, его же засѣкли до смерти въ Старомъ градѣ на площади...

— Да что ты говоришь?.. Вотъ такъ штука!.. Въ первой разъ, братецъ ты мой, слышу... Кады же это? Кто засѣкъ? За что?..

— Давно это было... Больше ужъ семидесяти годовъ прошло... А я думалъ, что ты знаешь: ближающіе же вы Старому граду-то...

— Нѣ-нѣ!.. А ты-то откедова же знаешь?

— Вона!.. Мнѣ-то не знать!.. Да моя же бабка тамошняя... черкасская... Она сродственница атаманши Меланьи Карповны Ефремовой [1]).

— Вона что!..

— А какже!.. Ей тады,.. въ восьмисотомъ году, кады это самое случилось съ Евграфомъ, двѣнадцать годовъ только минуло... Таперича, вишь, ей ужъ девятидесятый пошелъ... А помнитъ она

[1]) Жена атамана Степана Даниловича Ефремова, бывшаго атаманомъ съ 1753 года по 1772 годъ. Онъ былъ взятъ силою, посаженъ въ крѣпость св. Димитрія (теперешній Ростовъ-на-Дону) и вскорѣ отправленъ комендантомъ крѣпости Хомутовымъ (дѣдомъ Михаила Григорьевича Хомутова, генерала отъ кавалеріи, бывшаго атаманомъ Донского войска) въ Петербургъ. Онъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ. На его памятникѣ сохранилась до сего времени слѣдующая надпись: «Сей преставившійся Степанъ Даниловичъ Ефремовъ былъ сынъ тайнаго совѣтника и Донскихъ войскъ атамана Данилы Ефремова, родился 1715 года, іюля 27-го дня, а тезоименитство его августа 2-го; войсковымъ атаманомъ былъ 19 лѣтъ (1753—1772 г.г.), скончался 1784 года марта 15-го. А всего житія его было 69 лѣтъ».

усе до чиста, ну, вотъ, ровно бы это учера только было... Усе разсказываетъ, какъ и что... Въ таю пору, говоритъ, много народа пострадало [1]... Священника, отца Хведора Петровскаго, выдрали за что-сь-то кнутами, а опосля вырвали ему ноздри, заклеймили лобъ, да и выслали въ Ермака Тимоѳеевича земельку... Съ нимъ же и дѣдъ Васьки Голушкина клейменымъ пошелъ, да еще четыре человѣка... Всѣхъ ихъ отодрали, заклеймили, да и маршъ въ Сибирь!.. Дѣдъ-то Васькинъ сотникомъ, али чуть ли не есауломъ ли былъ... Въ таю же пору, сказываетъ бабка, отрубили голову сродственнику командера сотни 30-го полка, войсковому старшинѣ Аѳанасьеву, и еще тремъ гвардейцамъ нашей Луганьской станицы: Попову, Колесникову и Касмынину... Они, вишь ты, всѣ тоже, кубыть, замѣшаны были въ Евграфовскомъ дѣлѣ... Тады же и брату его подполковнику Петру Романовичу сто двадцать пять ударовъ кнутомъ дали, хоша у него на груди и бѣленькій егорій болтался... акромя другихъ крестовъ...

— Вотъ страсти какія! И бабка твоя все это видѣла?

— Все все! Она, вишь ты, Евграфу-то не чужая была и вхожа въ ихъ домъ. Старикъ-то, Осипъ Романовичъ, отецъ-то Евграфа... отъ купели пріймалъ ее... и любилъ ее... баловалъ свою крестницу...

— Вотъ оно что! Ну-ну! Такъ какъ же? Это, братецъ ты мой, оченно антиресно... Разскажи-ка, разскажи...

— Ужъ не знаю, антиресно ли покажется тебѣ... Должно такъ, что разовъ двадцать, а то и болѣ, слыхалъ я про это отъ бабки и, вѣришь ли, кажинный разъ слеза прошибала меня во-какъ!.. Ужъ больно его, бѣднягу, долго мучили... Съ восхода солнца часовъ шесть сѣкли... Три палача отказались... Кровь такъ и лила... Усю спину до самыхъ костей въ клочья избили...

— Да за что же такъ?

— А за то, братецъ ты мой, говоритъ бабка, что ужъ больно крѣпко любилъ онъ царя-батюшку Павла Петровича... За то, что берегъ его... стерегъ, словно песъ вѣрный...

— Да что ты? Рази-жъ за это сѣкутъ людей? Что ты!.. На-

---

[1]) А. А. Карасевъ (отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Обозрѣнія» 1896 года), стр. 41: «Въ тѣ поры ходило по рукамъ пикантное четверостишье, неизвѣстно кѣмъ составленное. Одинъ экземпляръ его мѣстный священникъ случайно нашелъ у своего товарища, священника же, и, несмотря на мольбы послѣдняго, представилъ въ войсковую канцелярію. Результатомъ этого поступка было то, что почтенный іерей, у котораго найденъ этотъ пасквиль, и два бывшіе у него въ то время канцеляриста, были высѣчены кнутомъ, потеряли ноздри и сосланы въ Сибирь. Четверостишіе такое:

> При императрицѣ
> Ѣли поляницы,
> А у царя
> Нѣтъ и сухаря.

граждать бы надоть... Что-то, братъ, не такъ... Бабка-то твоя, видно, что нибудь, по старости, спутала...

— Ничего не спутала... Говоритъ она только то, что за вѣрное знаетъ... Тады-то и она точно не знала, за что замучили его; и вотъ года три али четыре назадъ ей одинъ человѣчекъ объяснилъ... Онъ, вишь ты, вычиталъ гдѣ-то... въ бумажкахъ старыхъ рваныхъ и въ книгахъ. А тады, говоритъ, много разныхъ разностевъ про Евграфа болтали. Говорили, что, кубыть, онъ идѣ-то похвалялся, подъ хмелькомъ, что безпремѣнно пройдетъ съ низовыми казаками сюда... въ Туретчину, что сгонитъ султана и возсядетъ на тронъ; что, кубыть, грозился, опосля того, какъ устроитъ свое царство, повести на Россію тьму тьмущую войска, разгромить Москву и короноваться въ ей...

— Ну... это-то и я, хоть и не письменный человѣкъ, а до разу вижу, что бабьи сказки. Удивленное дѣло, какъ могли дать вѣру имъ...

— Да ужъ такъ ловко подвели... Свои же... донскіе же писульки... чинушки поганыя сгубили его, бѣднягу. Атаманомъ-то былъ тады сродственникъ нашего отряднаго, Василій Петровичъ [1]). Чуть ли не дѣдъ его. Человѣкъ-то онъ ничего себѣ былъ, а тутъ не ладно какъ-то распорядился. Онъ, видно, такъ думалъ, что цареву волю сполняетъ, анъ вышло-то, что вороговъ его...

— Скажи, пожалуйста! Да какъ же это такъ?

— Да такъ ужъ случилось... Евграфъ Осиповичъ, вишь ты, почти что съ мальства при емъ состоялъ, кады онъ еще наслѣдникомъ престола россійскаго былъ... При емъ, вишь ты, сказываетъ бабка, какъ и при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, гвардейская донская команда была [2]). Вотъ въ эту-то самую команду и попалъ Евграфъ. Да и какъ было не попасть ему! Туда, вѣдь, выбирали самыхъ что ни на есть виднѣющихъ, рослыхъ да краси-

---

[1]) Полковникъ Василій Петровичъ Орловъ былъ первымъ командиромъ Донской придворной команды, сформированной въ ноябрѣ 1774 года, по предложенію князя Потемкина, войсковымъ атаманомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Иловайскомъ изъ 65 казаковъ знатнѣйшихъ фамилій. Команда эта при императорѣ Павлѣ послужила основаніемъ къ образованію нынѣшняго л.-гв. казачьяго его величества полка. По смерти Иловайскаго императоръ Павелъ хотѣлъ назначить на его мѣсто заслуженнаго, извѣстнаго храбреца графа Ѳеодора Петровича Денисова, но послѣдній, ссылаясь на старость и болѣзни, просилъ назначить атаманомъ своего зятя Василія Петровича Орлова. Къ сыну Орлова, Василію Васильевичу, перешло графское достоинство, и онъ сталъ писаться графомъ Орловымъ-Денисовымъ.

Подъ командой Василія Петровича Орлова въ февралѣ 1801 года тронулось съ Дона все войско (41 полкъ и 2 артиллерійскія роты, всего 22.507 казаковъ съ 45.000 коней) въ походъ на Индію. Въ два мѣсяца самаго неблагопріятнаго времени казаки прошли 1.500 верстъ, до верховьевъ р. Иргиза, и возвращены оттуда по восшествіи на престолъ императора Александра I.

[2]) Изъ этихъ придворныхъ казачьихъ командъ впослѣдствіи составленъ былъ л.-гв. казачій полкъ.

выхъ казаковъ. А ужъ такого-то красавца, сказываетъ бабка, какъ былъ покойный Евграфъ Осиповичъ, днемъ съ фонаремъ на всемъ «Тихомъ Дону» не сыскать было. Одно слово писанный! Высоченный, стройный, а грудь—во! И походка, и взглядъ, и голосъ, сказываетъ бабка, какъ есть царскіе были у его. Видалъ ты, аль нѣтъ, патретъ государя Николая Павловича?

— Видалъ, видалъ! У насъ у станичномъ правленіи виситъ, а то еще и на почтовой станціи. Такъ что же?

— Такъ вотъ,—сказываетъ бабка,—что на него Евграфъ больно смахивалъ лицомъ и усѣмъ видомъ, только еще погрознѣй взглядъ былъ у его, кады осерчаетъ.

— Скажи, пожалуйста?

— Да, да. А силища, сказываетъ, у его такая была, что, бывалочи, возьметъ кочергу, да вразъ и свяжетъ ее узелкомъ. Вокакъ! А голосъ такой, что на усю станицу, бывалочи, слыхать, кады заговоритъ на сходѣ. Ну, вотъ, какъ прибылъ онъ у Питербурхъ, наслѣдникъ-то его до разу и облюбовалъ, да и пристроилъ къ себѣ. И пошелъ, братецъ ты мой, съ таей поры нашъ Евграфъ Осиповичъ шибко въ гору. Въ осьмисотомъ году, кады Павелъ Петровичъ царствовалъ, онъ уже полковникомъ во гвардіи былъ и въ свитѣ его состоялъ. Вотъ такъ же, какъ и командеры нашихъ гвардейскихъ полковъ, Мартиновъ и Жеребокъ. Ляксебанты и вензеля тоже носилъ. Ужъ больно онъ царю по сердцу пришелся. Шагу, бывалочи, безъ Евграфа онъ не дѣлалъ. Ѣдетъ ли куда, али на прогулку идетъ, завсегды, бывалочи, Евграфа съ собой беретъ. Спать даже безъ его не могъ. Завсегды у сосѣдней горницѣ его клалъ, а иной разъ, кады не спалось, и въ свою опочивальню призывалъ. И ложился Евграфъ у его ногъ во всемъ одѣяніи съ пистолетами и саблей. Берегъ царя, словно песъ вѣрный. Ну, и жаловалъ же его Павелъ Петровичъ по-царски. Чины и кресты такъ и сыпались... такъ и сыпались!.. И землями и крестьянами награждалъ. Слухъ ходилъ на Дону, сказываетъ бабка, что ужъ хотѣлъ онъ его первѣющимъ генераломъ сдѣлать и даже въ графья произвесть. Но вотъ тутъ-то вороги злые и подкопались подъ сердечнаго и оклеветали предъ царемъ. Вдругъ, сказываетъ бабка, нежданно-негаданно Евграфъ въ Черкасковъ прикатилъ. Усѣ, говоритъ бабка, просто диву дались! Какъ же такъ? Что за причта? То говорили, что царь и жить-то безъ него не могётъ, что шагу безъ его не дѣлаетъ, что обо всемъ съ Евграфомъ совѣщается, а тутъ, на-поди, отпустилъ... вдругъ! Что за диво? Ну, и пошли, извѣстно, заразъ же по Черкаскову толки да пересуды. Кто говорилъ, что въ опалѣ онъ у царя, что прогналъ онъ его, и запретилъ даже и на глаза показываться, а другіе и такъ думали, что безпремѣнно прислалъ онъ его, чтобы, значитъ, провѣдать, какъ и что на Дону, да и отписывать ему обо всемъ. Ну, хорошо.

Посудачили-посудачили, да и умолкли. Прошло этакъ примѣрно опосля того съ годъ, какъ прошелъ вдругъ слухъ, что и братъ его младшій Петруша вернулся изъ Питера, и что и его царь прогналъ и поотнималъ чины и кресты. А тамъ, глядь, еще чрезъ мѣсяцъ, ужъ оба брата были закованы и посажены въ тюрягѣ на цѣпяхъ, ровно звѣри дикіе. И вотъ, братецъ ты мой, съ этой-то самой поры и начались муки бѣднаго Евграфа. Понаѣхали какіе-сь-то генералы да чинушки и стали чуть не кажинный день допросъ снимать съ его. Сказываетъ бабка, что его и голодомъ морили, и плетьми били, и сѣркой тѣло поджигали. Нарочито, бывалочи, давали одну соленую рыбу, а водицы ни-ни-ни!.. ни капельки!.. Вотъ, дьяволы, какъ мучили!.. Ну, одначе, какъ ни бились съ имъ, а ничего вывѣдать отъ его не могли. Никого онъ не оговаривалъ, никого не впуталъ. Имъ, вишь ты, все хотѣлось, чтобы принялъ онъ вину на себя, чтобы, значить, признался, что злоумышлялъ на царя, что хотѣлъ свое царство издѣся у Турціи устроить и Россею покорить, и чтобы, значитъ, указалъ на товарищевъ своихъ. А онъ, сердечный, только одно и отвѣчалъ своимъ мучителямъ: «покеля не снимите кандаловъ съ меня, говорить не стану; да и отвѣчать-то мнѣ нечего на ваши вопросы глупые; никады я и въ мысляхъ того не имѣлъ, въ чемъ обвинить вы задумали меня; и товарищевъ никакихъ у меня нѣту-ти; ослобоните меня и отпустите къ царю-батюшкѣ; онъ до разу пойметъ, что не повиненъ я». Такъ нѣтъ, думали они, заговоришь ты у насъ не то! И почали его бѣднаго еще болѣе терзать. Мучили-мучили, да и присудили его запороть до смерти. И вотъ съ зари 5-го сентября осьмисотаго года поднялась у Черкасковомъ страшенная тревога: забѣгала по дворамъ полиція, стала врываться въ дома и гнать народъ... и стараго и малаго на Базарную сѣнную площадь, чтобы смотрѣть, значитъ, на Евграфовы муки. Поднялось такое по Черкаскову, что страсть! Спужался народъ до смерти, какъ услыхали крики: думали, что ужъ не татарва ли, али черкесня, опять налетѣла. Стали запираться. А полиція ломится, ломаетъ ворота, бьетъ ставни. Плачъ и вой поднялси. Кто не шелъ, того плетьми и палками били. Бабка не хотѣла иттить и заховалась на сѣновалъ. Такъ что-жъ ты думаешь? Нашелъ ее тамъ одинъ изъ питерскихъ чинушекъ, отстегалъ, подлецъ, до крови палкой, да чуть ей ухо не оторвалъ, покеля дотащилъ до площади, идѣ уже много народу согнано было. Отошла она мало-маля, оглядѣлась и видитъ, посреди площади высоченный помостъ стоитъ, а на немъ кверху полозьями большія розвальни лежатъ... А по угламъ, видитъ, пушки и, должно, заряженныя, потому тутъ же и пушкари были съ зажженными фитилями...

— Пушки-то на что?

— А чтобы народъ пужать; чтобы, значитъ, не задумалъ кто ослобонить Евграфа. Атаманъ-то, вѣдь, зналъ, что за него не то

что черкасцы, а и весь округъ... и рядовые казаки, и чиновные, и старшины знатные... Ну, вотъ и опасались, чтобы не вышло, значитъ, какое нибудь смутьянство...

— Ну, что?—перебилъ разсказчика повелительный грубый голосъ.—Наладили что-ль?

— Наладили, наладили!—отвѣтило нѣсколько человѣкъ.—Вотъ только, дай, луна спрячется...

— Это что несете вы?

— А хворостъ...

— Ну, пролазьте сюда и разводите. Вотъ нате вамъ сѣрнички. А другой, пусть Епифановъ разведетъ тамъ поправѣе у скалы. Оттеля тоже, какъ и здѣся, ни турки, ни наши ничего не запримѣтятъ. Мѣсто способное. Разводи, разводи и ставь котелки. Да ракію давайте сюда. Ну, братуша, — продолжалъ тотъ же голосъ, измѣнивъ строгій начальническій тонъ на мягкій, дружескій.

— Ну, такъ что же дальше-то? Увидала, говоришь, бабка сани на помостѣ и пушки по угламъ. Ну?..

Послышался легкій стукъ шашекъ, трескъ ломающагося сырого дерева и шипѣніе его въ огнѣ. На меня пахнуло дымкомъ.

Я осторожно выбрался изъ своего логовища и приподнялся настолько, чтобы разсмотрѣть казаковъ и не быть замѣченнымъ. То, что увидѣлъ я, было достойно кисти художника. Въ просторной пещерѣ вокругъ дымившаго и горѣвшаго длиннымъ краснымъ пламенемъ костра сидѣли закутанные въ бурки и попоны свирѣпые, бородатые донцы, подбрасывали въ огонь сухія вѣтви, потягивали изъ флягъ ракію, чѣмъ-то аппетитно закусывали и вели оживленную бесѣду. Картина при двойномъ освѣщеніи была очень эффектная.

— Ну, такъ что же дальше-то?—допытывался старшій бородатый урядникъ, украшенный двумя георгіями.

— Постой, Филаретьичъ!—отвѣтилъ разсказчикъ, красивый казакъ лѣтъ тридцати, сидѣвшій бокомъ около самаго входа въ пещеру.—Дай сперва закусить, а то такъ и жжетъ усе нутро проклятая болгарская ракія... Не въ то горло прошла...

— Такъ вотъ, братецъ ты мой, — продожалъ онъ, прожевавъ сухарь:—не успѣла бабка и оглядѣться, какъ послышались крики: ѣдутъ! ѣдутъ!.. И въ таю же минуту увидала она атамана и всѣхъ генеральевъ и полковниковъ... Шибко прискакали они, соскочили съ коней и стали по близости отъ помоста. И заразъ же увидала она и Евграфа... Шелъ онъ, сердечный, отъ церкви въ кандалахъ со связанными назадъ руками... И кругомъ его казаки съ вынутыми саблюками... Тишь, говоритъ, такая настала, что, кубыть, на площади ни души... Замеръ народъ... Взошелъ Евграфъ на помостъ важно, смѣло, окинулъ всѣхъ станичниковъ ласковымъ взглядомъ, а опосля бросилъ взоръ на своихъ мучителей... Да

такъ взглянулъ, что и самъ атаманъ Василій Петровичъ, и всѣ генералья, и полицейскіе, и судейскіе крючки такъ и затряслись отъ страха и понурили головы... И вотъ тады заразъ же, по знаку атамана, выскочилъ упередъ съ бумагой въ рукѣ одинъ крючокъ жидовской породы, по прозвищу Іудинъ, и началъ читать приговоръ... Чего-чего они тамъ не написали!.. Что, кубыть, Евграфъ бунтовалъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, что царь ему пожаловалъ, что, кубыть, ругалъ царя и грозился убить его, что похвалялся тряхнуть Россеей почище Стеньки Разина и Емельки Пугача... Чортъ и што сочинили!.. Ну, опосля, кады кончилъ Іюда, переломили надъ головой Евграфа саблю, сняли съ его кандалы, развязали руки, сняли мундеръ сы крестами, повалили да и привязали руки и ноги его толстенными бичевками къ половьямъ... Подошелъ тады здоровенный, краснорылый, рыжій катъ съ кнутомъ изъ воловьихъ жилъ въ правой рукѣ; разгладилъ онъ, расправилъ этотъ самый кнутъ, да какъ дастъ!.. Такъ-такъ-таки и полетѣли въ народъ шматки мяса!.. Такъ и ахнули всѣ кругомъ!

Раздавшійся въ этотъ моментъ ужаснѣйшій визгъ, хрюканье и крики: Держи ее! Да рѣжь ей, стерьвѣ, глотку!.. Души ее!.. помѣшалъ мнѣ дослушать разсказъ о казни Евграфа Осиповича. Я бросился вправо къ рѣкѣ Виду. Очевидно было, что нечаянное тайное нападеніе на свиней не удалось казакамъ.

— Эко, паршивцы!— услышалъ я голосъ урядника: — и этова даже не смогли толкомъ сдѣлать!.. Ну, таперича влетитъ намъ... Вонъ онъ побѣгъ туда!.. Глядитъ!..

II.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ описаннаго, отрядъ полковника Н... былъ расформированъ, и сотни наши ушли въ Балканы.

Въ одинъ изъ прохладныхъ октябрьскихъ вечеровъ я сидѣлъ на каменной скамьѣ вблизи развалинъ древняго замка, расположеннаго на одной изъ высотъ, окаймлявшихъ старинный монастырь.

Послѣдніе солнечные лучи еще обливали пурпуромъ черепичныя крыши монастыря и вершины громадныхъ деревъ, окружавшихъ его.

Кругомъ царила полная тишина, и только легкое журчанье небольшой горной рѣчки, протекавшей по узкому руслу въ глубинѣ долины, доходило до слуха моего.

Прозрачной сѣрой дымкой стлался по землѣ вечерній туманъ. Ночь медленно спускалась...

Уже болѣе получаса поджидалъ я тутъ со стороны Балканъ извѣстнаго героя Шипки П....а, при содѣйствіи котораго я надѣялся провѣрить разсказъ о Евграфѣ Осиповичѣ.

Неожиданно раздавшійся шумъ шаговъ въ аллеѣ, ведшей отъ монастыря къ развалинамъ, вывелъ меня изъ задумчивости. Я выпрямился и громко спросилъ:

— Кто это?

Не получая отвѣта, я всталъ, прямо пошелъ по тому направленію, откуда раздавался шумъ и, всматриваясь въ окутанную уже сѣроватыми сумерками, даль аллеи, замѣтилъ приближающагося ко мнѣ стройнаго, широкоплечаго, средняго роста офицера, одѣтаго въ длиннополый свѣтло-синій чекмень, высокіе сапоги и мохнатую папаху огромныхъ размѣровъ. На красивомъ, съ тонкими чертами, обрамленномъ русою бородкою, полномъ энергіи, лицѣ его замѣтно было напряженное теченіе мысли. Это былъ нашъ общій полковой любимецъ, есаулъ С . . . . . ъ, больше извѣстный среди офицеровъ и нижнихъ чиновъ подъ именемъ «дѣда». Послѣдніе впрочемъ называли его чаще «роднымъ отцомъ» и «отцомъ-командеромъ»; и, по истинѣ, эпитеты эти онъ болѣе чѣмъ заслуживалъ, такъ какъ, дѣйствительно, былъ для своихъ станичниковъ горячо любящимъ отцомъ, всегда принимавшимъ весьма близко къ сердцу всѣ ихъ нужды, ихъ огорченія и радости. И всякій казакъ, зная это, смѣло шелъ къ нему прямо, чтобы излить «отцу» свое горе. Вообще, онъ былъ человѣкъ замѣчательный и глубоко симпатичный: радушный хозяинъ хлѣбосолъ, весельчакъ товарищъ, отличный стрѣлокъ, лихой джигитъ и наѣздникъ, безоглядно-отважный рубака, совершенно не понимавшій чувства страха и считавшій всякое военное предпріятіе легко выполнимымъ. Онъ всегда смѣло смотрѣлъ въ глаза опасностямъ и переносилъ всѣ лишенія бодро, весело и какъ бы шутя. Во времена затишій боевыхъ операцій въ районѣ нашего отряда онъ, видимо, сильно скучалъ, тяготясь сравнительно покойной полумирной жизнью, и нерѣдко подбивалъ товарищей на какое нибудь рискованное движеніе въ сторону противника. Происходилъ онъ, по его словамъ, изъ знатной, княжеской, громкой въ военныхъ лѣтописяхъ, грузинской фамиліи, о чемъ онъ съ гордостью нерѣдко говорилъ. Всю службу свою съ юныхъ лѣтъ онъ провелъ на Кавказѣ подъ начальствомъ знаменитаго донского генерала Якова Петровича Бакланова, и разсказы его объ этомъ боевомъ времени были полны набюдательности и интереса. Объ этомъ чудномъ человѣкѣ я навсегда сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія и никогда не забуду его ласку, дружескій радушный пріемъ и нравственную поддержку, которыя я находилъ подъ его кровомъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь, кардашъ [1]), у сей руины грустной, мрачной?—спросилъ онъ меня, дружески похлопывая по плечу.—

---

[1]) Другъ.

Мечтаешь что ли все о ней—о душѣ-дѣвицѣ прекрасной? Ну, сознавайся жъ мнѣ скорѣй?

— Вы жестоко ошиблись,—отвѣтилъ я.—Не о дѣвицѣ думалъ я, а о добромъ молодцѣ...

— Ой, не надуть тебѣ меня! Я вижу, вѣдь, насквозь тебя...

— Увѣряю васъ...

— Ну, вѣрю, другъ... Кто жъ онъ такой? Сипа, аль нашъ казакъ донской? Товарищъ, другъ, али родной, аль собутыльникъ дорогой?..

— Казакъ онъ, другъ и собутыльникъ, и дорогъ мнѣ онъ, какъ родной.

— Но кто же это?

— Это вы...

— Вотъ оно что!.. Спасибо, другъ... Здѣсь на чужбинѣ добро слово (вдали отъ близкихъ и родныхъ) отрадно слышать отъ чужого... Повѣрь и мнѣ же, милый мой, что милъ и ты мнѣ, какъ родной, такъ какъ ты честный и простой хорошій малый... А душой и сердцемъ ты казакъ донской... Къ тому же еще ты и лихой... А? Каково я риѳму-то подобралъ? — продолжалъ «дѣдъ», посмѣиваясь.—А? Куда до меня Александру Сергѣевичу Пушкину, а? ха-ха-ха-ха!..

Я слышалъ отъ товарищей, что «дѣдъ», бывая только въ «полномъ благодушіи», любилъ говорить стишками. Спѣша воспользоваться таковымъ настроеніемъ его, я рѣшился, не прибѣгая къ содѣйствію П . . . . а, прямо возбудить интересовавшій меня вопросъ.

— Знаете, о чемъ я думалъ?—сказалъ я заискивающе.

— Ты же сказалъ, что обо мнѣ...

— Да-да, о васъ... и о вашемъ несчастномъ родственникѣ, погибшемъ... на эшафотѣ... о Евграфѣ Осиповичѣ...

«Дѣдъ» вздрогнулъ, выпрямился, нѣсколько отвернулся отъ меня, устремилъ свои умные глаза въ даль, уже окутанную ночной тѣнью, и задумался. Красивое лицо его вдругъ сдѣлалось серіознымъ, густыя брови нахмурились... Я угадывалъ, что совершалось въ нѣдрахъ чудной души его, и жалѣлъ о своемъ неумѣніи владѣть кистью: «дѣдъ» такъ и просился на картину.

Послѣ минутнаго молчанія, онъ вдругъ обмахнулся, повернулъ ко мнѣ голову и страннымъ тономъ, въ которомъ слышался упрекъ, хрипло произнесъ:

— И ты хочешь вытянуть у меня... вытянуть изъ души моей... узнать истину объ этомъ подломъ, страшномъ дѣлѣ, лежащемъ до сихъ поръ чернымъ пятномъ на памяти несчастныхъ родныхъ моихъ..., неповинно пострадавшихъ?

— Я вижу,—сказалъ я,—что напоминаніемъ объ Евграфѣ Осиповичѣ огорчилъ васъ... Простите... Но не спѣшите осуждать меня...

Не простое любопытство руководитъ мною... Покойникъ мученикъ приходится и мнѣ не совсѣмъ чужимъ... какъ и вамъ... по женской линіи... Моя прапрабабка была изъ этого же рода...

— Неужто?—воскликнулъ «дѣдъ».—Мы съ тобой въ родствѣ? То-то меня къ тебѣ тянуло...

Онъ взялъ меня за руку и, тяжело вздыхая, молча повелъ сквозь сгущающійся мракъ монастырскаго сада.

Мы вмѣстѣ переступили порогъ средняго большого зданія и вошли въ большую полутемную прихожую, у противоположнаго конца которой я увидѣлъ въ глубинѣ первыя ступени узкой лѣстницы.

— Иди за мной,—сказалъ «дѣдъ».—Да смотри осторожнѣй... не сорвись... Круто и дыры есть...

Минуту спустя, мы достигли большой площадки верхняго этажа и вошли чрезъ полуотворенную дверь въ маленькую комнату, слабо освѣщенную, падавшимъ въ окошечко, свѣтомъ отъ фонаря. Предметы, окружавшіе насъ, неясно обрисовывались.

Въ глубинѣ комнаты стояла широкая тахта, а противъ нея простой, покрытый зеленою клеенкой, письменный столъ. Стѣны были увѣшаны картинами.

«Дѣдъ» подошелъ къ столу, повернулъ ключъ и, пошаривъ въ ящикѣ, досталъ изъ него небольшой пакетъ. Вручая мнѣ его, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ... возьми... Зажги свѣчу и читай... Читай внимательно и поймешь, что безчестье государственнаго преступленія не должно лежать на памяти Евграфа... Никому я не давалъ этихъ записокъ и никогда съ ними не разставался... Онѣ достались мнѣ отъ прадѣда Ильи Романовича... Тутъ ты все найдешь: какъ они, злодѣи окаянные, ловко обошли царя, убѣдили его, что Евграфъ покушается на его жизнь; какъ онъ отправилъ его отъ себя на «Тихій Донъ», яко-бы, для свиданія съ родственниками... Какъ они убѣдили отставить отъ службы преданнѣйшаго человѣка, 64-хъ-лѣтняго, закаленнаго въ бояхъ, командира лейбъ-гвардіи Уральской сотни Максима Леонтьевича Севрюгина и его сына... друга Евграфа... Все тутъ... Какъ они ловко обманули въ ту ночь пѣхотный караулъ и какъ услали отъ него въ эту ночь на Гатчину Уральскій конвой... Казаки думали, что сопровождаютъ царя, а какъ заглянули въ карету, а тамъ пусто... Ну, тогда скорѣй назадъ... Прискакали, а тамъ ужъ объявляютъ, что царь скоропостижно въ Бозѣ почилъ... Будь Евграфъ при немъ, или хоть Севрюгинъ, не случилось бы этого... Все, все тутъ... Какъ онъ страдалъ и дома, и въ тюрьмѣ, и на эшафотѣ... Изрубили ему кнутами всю спину въ котлету... А онъ, сердечный, даже не охнулъ ни разу, а только послѣ каждаго удара говорилъ: «Господи, помилуй...». Сгубили его, а тамъ... за нимъ... въ скорости и... царь... скончался... Добились,

идолы, своего... Тутъ все узнаешь... Прочитай... А я говорить не въ силахъ больше...

«Дѣдъ» умолкъ, смахнулъ рукавомъ набѣжавшія слезы и быстро вышелъ изъ комнаты.

Я зажегъ свѣчу, развязалъ пакетъ, развернулъ плотную кожаную оболочку и вынулъ связку толстыхъ пожелтѣвшихъ листовъ, исписанныхъ давно истлѣвшей рукой родного дяди несчастнаго Евграфа... Дрожащими руками разбиралъ я эти листки, а духъ мой уносился въ далекое мрачное прошлое родного «Тихаго Дона». Страшныя, давно потухшія, картины проносились въ моемъ воображеніи въ совершенно опредѣленныхъ очертаніяхъ.

Къ сожалѣнію, эти драгоцѣнныя священныя воспоминанія болѣе не существуютъ. Они остались вмѣстѣ съ вьюками въ рукахъ башибузуковъ, напавшихъ на наши двѣ сотни въ Родопскихъ горахъ.

III.

Прошло около двадцати лѣтъ.

Занимаясь составленіемъ общедоступныхъ разсказовъ для юныхъ донцевъ, не изучавшихъ военныя науки, съ цѣлью познакомить ихъ съ славной боевой дѣятельностью ихъ предковъ во время великой исторической борьбы съ Бонапартомъ, я, между прочимъ, долженъ былъ просмотрѣть и «Исторію лейбъ-гвардіи казачьяго его величества полка».

На второй страницѣ «Списка генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, служившимъ въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку», послѣ краткихъ свѣдѣній о службѣ знаменитаго графа Ѳедора Петровича Денисова, напечатано:

	Годъ.	Мѣс.	Число.	
Грузиновъ 1-й, Евграфъ Осиповичъ, полковникъ	1798	янв.	24	Переведенъ изъ л.-гв. гусарскаго казачьяго полка; 17-го сентября 1798 г., состоя въ свитѣ его императорскаго величества, исключенъ изъ службы за ложное рапортованіе себя больнымъ. Умеръ 1800 г. на эшафотѣ, въ городѣ Черкасскѣ.
Грузиновъ 2-й, Петръ Осиповичъ, подполковникъ	—	—	—	Переведенъ изъ л.-гв. Гусарскаго казачьяго полка, 24-го апрѣля 1798 г. исключенъ изъ списковъ, 29 іюня 1798 г. всемилостивѣйше прощенъ. Умеръ 1802 г.

Просмотрѣвъ затѣмъ страницы этой книги, гдѣ говорится объ основаніи полка, я убѣдился, что Евграфъ Осиповичъ, дѣйствительно, какъ говорилъ въ Агленѣ казакъ, служилъ сперва при дворѣ наслѣдника великаго князя Павла Петровича въ «Донской казачьей командѣ», входившей въ составъ отдѣльнаго корпуса, извѣстнаго

подъ названіемъ «Гатчинскаго гарнизона» [1]). Команда эта въ 1793 году состояла изъ 50-ти казаковъ, 7-ми унтеръ-офицеровъ, 5-ти оберъ-офицеровъ [2]) и 1-го штабъ-офицера и была ввѣрена Евграфу Осиповичу, бывшему тогда въ чинѣ подполковника; а въ 1796 году она была соединена съ таковой же командой, бывшей въ Петербургѣ при императрицѣ Екатеринѣ II, а затѣмъ вошла въ составъ л.-гв. Гусарскаго казачьяго полка [3]), вмѣстѣ съ Чугуевской командой.

«Казачьихъ эскадроновъ,—говорится въ «Исторіи л.-гв. казачьяго полка,—было въ этомъ полку два. Назначенный командиромъ этихъ двухъ казачьихъ эскадроновъ [4]) подполковникъ Грузиновъ 1-й пользовался особымъ благорасположеніемъ къ нему государя». Далѣе видно, что Грузиновъ 1-й, состоя въ свитѣ его величества, въ чинѣ полковника, въ 1798 году, командовалъ во вновь образованномъ л.-гв. казачьемъ полку 2-мъ эскадрономъ своего имени; и въ томъ же году приказомъ отъ 17-го сентября «за ложное рапортованіе больнымъ» исключенъ изъ полка и сосланъ на Донъ съ фельдъегеремъ [5]).

«Приказъ этотъ,—говорится въ «Исторіи полка»,—наводитъ на размышленія, какимъ образомъ человѣкъ, всегда бывшій у государя на самомъ лучшемъ счету, пользовавшійся монаршими ми-

---

[1]) На 3-й стр. Грузиновъ 3-й Романъ Осиповичъ, ротмистръ; переведенъ 24 января 1798 г. изъ л.-гв. гусарскаго казачьяго полка; 18 октября 1799 г. уволенъ отъ службы майоромъ.

На 4-й стр. Грузиновъ 4-й, Аѳанасій Осиповичъ, корнетъ. Переведенъ 24 января 1798 г. изъ л.-гв. гусарскаго казачьяго полка; 22 сентября 1800 г. въ чинѣ поручика уволенъ отъ службы; 29 марта 1801 г. вновь опредѣленъ въ полкъ; 7 октября 1802 г. уволенъ отъ службы штабсъ-ротмистромъ.

[2]) Въ числѣ ихъ былъ поручикъ Романъ Грузиновъ.

[3]) Конвойная команда казаковъ стояла въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ лейбъ-гусарами, съ 1775 года за Александро-Невскимъ монастыремъ (на Рожкѣ) въ старыхъ кирасирскихъ свѣтлицахъ и конюшняхъ. До 1777 года казаки и гусары состояли въ вѣдѣніи Потемкина, а потомъ до 1785 г. подъ командой серба полковника Семена Гавриловича Зорича (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Екатерины II, основатель кадетскаго корпуса въ Шкловѣ, переведеннаго потомъ въ Москву) и съ 1785 по 1796 г. подъ командой генерала Николая Алексѣевича Татищева.

[4]) Одинъ казачій эскадронъ новаго лейбъ-гусарскаго казачьяго полка получилъ названіе эскадрона его величества, а другой подполковника, впослѣдствіи полковника, Грузинова I.

Новый полкъ, лейбъ-гусарскій казачій, является въ первый разъ предъ своимъ монархомъ во время совершившейся 2 декабря 1796 года церемоніи перенесенія тѣла императора Петра III изъ Александро-Невской лавры въ Зимній дворецъ. Полкъ былъ выстроенъ по Невскому проспекту развернутымъ фронтомъ, начиная отъ стѣнъ монастыря.

[5]) Приказъ 17 сентября 1798 года.

Свиты его величества полковникъ, Грузиновъ I, за ложное рапортованіе больнымъ чрезъ 6 недѣль, исключается изъ полка и посылается на Донъ, съ фельдъегеремъ.

мостями, еще недавно повышенный чиномъ и принятый въ свиту его величества, всегда исправный по службѣ, что было не разъ засвидѣтельствовано въ приказахъ, изъявлявшихъ ему высочайшую благодарность,—какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ такъ неожиданно навлечь на себя монаршій гнѣвъ и, притомъ, непонятною виною—уклоненіемъ отъ служебныхъ обязанностей?.. Съ другой стороны, чѣмъ можетъ быть объяснена быстрая высылка его на родину съ фельдъегеремъ?.. Вопросы эти становятся еще болѣе затруднительными, если, на ряду съ приказомъ объ исключеніи Евграфа Осиповича, сопоставятся два другихъ приказа императора, отъ 24 апрѣля и 29 іюня того же 1798 года. Первый: «Лейбъ-казачьяго полку подполковникъ Грузиновъ 2-й исключается изъ списковъ». Второй: «Бывшій лейбъ-казачьяго полку подполковникъ Грузиновъ 2-й всемилостивѣйше прощается».

За что былъ уволенъ отъ службы Грузиновъ 2-й?

Два брата, оба пользовавшіяся хорошею репутаціею и постоянно получавшіе повышенія, вдругъ въ теченіе одного полугодія навлекаютъ на себя неудовольствіе монарха и удаляются отъ службы [1]... Чѣмъ разъяснить причину такого рѣзкаго переворота?..

Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ что-то осталось недоговореннымъ... Это недоговоренное начинаетъ выясняться только теперь, хотя и не вполнѣ...

Въ замѣткѣ [2]), на которую сдѣлана ссылка въ «Исторіи л.-гв. казачьяго его величества полка», говорится, что Евграфъ Осиповичъ «былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ и любимѣйшихъ приближенныхъ императора Павла [3]), сопровождалъ его во всѣхъ прогулкахъ, исполнялъ всѣ секретныя порученія и даже спалъ въ кабинетѣ. Сановники, недовольные государемъ, и злоумышленники видѣли въ Грузиновѣ, для исполненія своего намѣренія, очень важное препятствіе, а потому рѣшились удалить Грузинова отъ государя». Они употребили всѣ усилія, чтобы очернить любимца, стараясь даже оклеветать его въ измѣнѣ. Но долго всѣ старанія

---

[1]) По исключеніи Грузинова I изъ списковъ л.-гв. казачьяго полка, 2-й эскадронъ его имени сталъ называться эскадрономъ генерала Денисова, т. е. по имени бывшаго въ то время полкового командира.

[2]) «Русск. Старина», книга IV, 1873 г., стр. 573 и 574: «Казнь братьевъ Грузиновыхъ».

[3]) См. письма Павла I къ Аракчееву и «Русск. Стар.» 1873 г., т. VII, стр. 483 и 484:

I) Полученное 23-го января 1793 г.: «Возвращаю вамъ Грузинова рапортъ. Прошу узнать, что слышно о сихъ движеніяхъ войскъ, даже что и врутъ, а при томъ гдѣ и какъ долго стоять будутъ. Павелъ».

II) Полученное 30 января 1796 г.: «Здѣсь пріобщаю обратно письмо Грузинова. Я весьма доволенъ точностію и расторопностію его и его донесеніемъ. Пошлите сію записку къ нему въ оригиналѣ, чтобъ онъ ее прочелъ и видѣлъ мое удовольствіе. Павелъ».

ихъ не могли возбудить въ императорѣ искру подозрѣнія. Тогда злоумышленники прибѣгли къ слѣдующему: они убѣдили государя испытать Грузинова, а для этого отпустить его на Донъ, подъ предлогомъ повидаться съ родными, объясняя, что на свободѣ Грузиновъ, по всей вѣроятности, вскорѣ обнаружитъ свои дерзкіе замыслы противъ своего благодѣтеля. Подозрительный царь склонился на эту хитрость и отправилъ своего вѣрнаго тѣлохранителя. Этого только и нужно было злоумышленникамъ: они отыскали какія-то улики, успѣли истолковать государю въ превратномъ видѣ дѣйствія Грузинова и довели до того, что царь далъ повелѣніе заковать его въ кандалы и произвесть строжайшее изслѣдованіе. По настоянію присланныхъ изъ Петербурга генераловъ Кожина и Рѣпина, слѣдствіе и судъ окончены были самымъ поспѣшнымъ образомъ, и вскорѣ послѣдовала казнь Евграфа Осиповича, обвиненнаго въ самыхъ невѣроятныхъ и неправдоподобныхъ преступленіяхъ. Не извѣстно, была ли на то конфирмація государя; извѣстно только, что черкасскій прокуроръ, Миклашевичъ, протестовалъ, и государь послалъ указъ о помилованіи; но, благодаря людямъ, стремившимся погубить вѣрнаго слугу царскаго, указъ этотъ былъ объявленъ уже послѣ казни.

Императоръ Павелъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ на Кожина и Рѣпина и повелѣлъ судить ихъ... Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и его не стало.

О казняхъ на Дону въ 1800 году есть нѣсколько строкъ въ «Донскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ» 1860 года (№ 5, стр. 10), гдѣ говорится слѣдующее: «Городъ Старочеркасскъ, какъ извѣстно, первоначально состоялъ изъ нѣсколькихъ станицъ, давно уже слившихся въ одно цѣлое. Въ одной изъ нихъ, Прибылянской, между нынѣшними Сиротинымъ и Старухинымъ домами, былъ сѣнной базаръ. Въ 1800 году на этомъ базарѣ совершились страшныя дѣла. Въ вечеру, подъ 27 число сентября, на этой площади былъ устроенъ изъ брусьевъ высокій эшафотъ. Во время ночи къ нему привезены были пушки и разставлена стража. Противъ каждаго угла эшафота вырыты были могильныя ямы. При разсвѣтѣ, на площади явилось огромное собраніе народа. Эшафотъ закрытъ былъ артиллеріею; на немъ стоялъ, съ роковымъ топоромъ въ рукахъ, палачъ... Вдругъ среди народа сдѣлалось движеніе, взоры всѣхъ были прикованы къ черному катафалку, на которомъ въ страшныхъ колпакахъ, опущенныхъ по самую землю, были привезены къ эшафоту войсковой старшина Иванъ Аѳанасьевичъ Апанасовъ и три гвардейскихъ казака. Генералы Кожинъ и Рѣпинъ велѣли читать смертное опредѣленіе несчастнымъ; народъ, съ трепетомъ и притая дыханіе, вслушивался въ каждое слово. Сдѣлалось такъ тихо, какъ будто бы никого не было. Опредѣленіе прочитано; весь народъ, въ ожиданіи чего-то ужаснаго, замеръ... Вдругъ, палачъ съ

страшною силою схватываетъ Апанасова и въ смертной сорочкѣ повергаетъ его на плаху; потомъ, увязавши его и трехъ товарищей гвардейцевъ, сталъ, какъ изумленный, и нѣсколько времени смотрѣлъ на жертвы... Ему напомнили о его обязанности; онъ поднялъ ужасный топоръ, лежавшій у головы Апанасова... И, вмигъ, по знаку бѣлаго платка, топоръ блеснулъ, и у несчастнаго не стало головы... Послѣ Апанасова и у прочихъ казаковъ были отсѣчены головы и вмѣстѣ съ тѣлами брошены въ приготовленныя для нихъ ямы. Холодная земля скрыла трупы отъ любопытныхъ взоровъ».

На этомъ же мѣстѣ и въ томъ же году, 26-го апрѣля [1]), былъ наказанъ кнутомъ гвардіи поручикъ Петръ Осиповичъ Грузиновъ; а 5-го сентября того же 1800 года понесъ наказаніе родной братъ его, гвардіи полковникъ Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ [2]), которому, по прочтеніи рѣшенія, сломили на головѣ саблю и начали нещадно бить кнутомъ. Эта страшная казнь началась при восхожденіи солнца и продолжалась до двухъ часовъ пополудни. Говорятъ, что несчастный страдалецъ за каждымъ ударомъ повторялъ: «Господи, помилуй!» Когда же сталъ умирать, его сняли и, положивъ на лицѣ клейма, отослали въ пороховой погребъ, находившійся близъ мѣста казни. Въ этомъ погребѣ, несчастный полковникъ, плавая въ крови, испустилъ духъ.

«Здѣсь же, на этомъ сѣнномъ базарѣ, за «сочиненіе критическихъ стиховъ», наказывали кнутомъ двухъ канцеляристовъ Димитрія Баранова и Θедора Щербакова; вмѣстѣ съ ними пострадалъ, тою же казнію, и священникъ Θедоръ Петровъ [3]), пострадалъ соб-

---

[1]) Тутъ, очевидно, ошибка: его судили одновременно съ Евграфомъ; слѣдовательно, и не могли раньше казнить. Петръ былъ наказанъ кнутомъ 26-го октября, что доказываютъ записки есаула гор. Черкасска Степана Григорьевича Капацынова (журналъ «Донъ» 1887 г., № 5, стр. 32): «1800 г., октября 26, была экзекуція Петру Грузинову: сломили саблю и битъ кнутомъ жестоко и положены на лицѣ знаки и ноздри вырваны».

[2]) Въ запискахъ С. Г. Капацынова о казни Евграфа Осиповича и Аθанасьева сказано слѣдующее:

«1800 г., сентября 5-го дня, была экзекуція полковнику Евграфу Грузинову: на кофатѣ (вѣроятно, эшафотѣ) сломили на головѣ его шпагу и битъ кнутомъ жестоко и чрезъ одинъ часъ помре и похороненъ за палисадомъ противъ пороховой казны.

«1800 года сентября 27 была экзекуція старшинѣ Ивану Аθанасьевичу и 3-мъ казакамъ головы отрубили».

[3]) Въ № 6 журнала «Донъ» за 1887 г. (стр. 27 и 28) объ этихъ казняхъ помѣщена Ив. Поповымъ слѣдующая рукопись урядника Старочеркасской станицы Петра Θедоровича Панкова, записавшаго разсказъ со словъ очевидицы старой старухи:

«Нѣсколько лѣтъ назадъ пришлось мнѣ быть у бабушки Иновчихи, которой было тогда около ста лѣтъ. Много она разсказывала о старинѣ. «Когда переселялась станица, говорила она, въ то время было мое замужество. А когда ру-

ственно за то, что въ его домѣ найдены были упомянутые стихи. Всѣ же они, вмѣстѣ съ сотникомъ Галушкинымъ, были заклеймены и съ вырванными ноздрями сосланы въ Сибирь. Съ ними сосланы и два повытчика, Андрей Альбаковъ и Семенъ Лѣнивовъ,

---

били головы четыремъ и сѣкли графа (такъ называла она полковника Евграфа Грузинова), тогда мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Жила я у Өедора Ивановича Зубкова. Въ понедѣльникъ пошла я на базаръ купить раковъ да секретиковъ (родъ судака или сулы). Когда я дошла до того мѣста, гдѣ рубили головы, я испугалась и съ крикомъ побѣжала назадъ. Фамилію одного изъ нихъ я вспоминаю—Апанасовъ (Аөанасьевъ), а другихъ не знаю. Помню и еще страшное время: на базарѣ противъ лавокъ много народу наказывали кнутомъ, тамъ были и старые, были и малолѣтніе. Ихъ привязывали на сани, били кнутомъ, потомъ смазывали спину бараньимъ жиромъ и клали затѣмъ вверхъ лицомъ. Послѣ наказанія ихъ ссылали въ Сибирь. (Это, вѣроятно, старуха вспоминала наказанія казаковъ, бунтовавшихъ вслѣдствіе переселенія ихъ на Кубань въ 1792 и 1793 гг. Однихъ наказывали кнутомъ и ссылали, а другихъ били кошками и отправляли въ полки). Помню еще, какъ наказывали священника Петровскаго съ тремя учениками (?); послѣ наказанія имъ рвали ноздри и клеймили. Отъ этого клейма у священника видны были на лицѣ синіе знаки, пока онъ и умеръ. Преступленіе его состояло въ томъ, что ученики его сочинили глупые стишки».

Тамъ же Иваномъ Поповымъ на стр. 29 приводится слѣдующій разсказъ восьмидесятилѣтняго старочеркасскаго казака Диченкова:

«Было это давно: еще ранѣе 12 года. Дьяконъ Өедоръ Петровсковъ устроилъ у себя обѣдъ или по случаю поставленія его во священники, или по случаю именинъ,—хорошо не помню этого. Ранѣе всѣхъ пришли къ нему два его пріятеля канцеляристы и принесли съ собой бумагу, въ которой сочинили про царя стихи. Какъ прочитали они ему эти стихи, онъ испугался, схватилъ бумагу и скорѣе сунулъ ее за зеркало, а самъ сталъ дѣлать приготовленія, чтобъ принять приглашенныхъ гостей. Въ числѣ ихъ былъ и священникъ Чикилевъ, которому не по сердцу было посвященіе Петровскаго. Онъ явился въ гости позже канцеляристовъ и, какъ только вошелъ, сейчасъ же замѣтилъ свертокъ бумаги за зеркаломъ. Что это у тебя?—спросилъ онъ у Петровскаго, взявъ бумагу. Петровсковъ растерялся и не зналъ, что отвѣчать; а Чикилевъ прочиталъ стихи, сложилъ бумагу, положилъ ее въ карманъ и отправился донести прямо въ войсковую канцелярію. Петровсковъ сначала пытался задержать Чикилева, просилъ, умолялъ его, но все было напрасно: Чикилевъ задумалъ погубить его. Говорятъ, Петровсковъ до самой канцеляріи все шелъ за Чикилевымъ и падалъ ему въ ноги, умоляя о пощадѣ. Когда они пришли въ канцелярію, отецъ Чикилева, служившій тамъ, убѣждалъ сына не доносить и примириться съ Петровскимъ. Но Чикилевъ былъ неумолимъ: онъ оттолкнулъ отца, вошелъ въ канцелярію и подалъ бумагу генераламъ Кожину и Рѣпину, которые тогда были присланы на Донъ. Петровскаго и канцеляристовъ сейчасъ же арестовали, наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь. Потомъ, какъ взошелъ на престолъ царь Александръ, ихъ воротили изъ Сибири. Мать одного изъ канцеляристовъ, какъ ихъ сослали, рѣшилась сама итти въ Петербургъ пѣшкомъ и просить новаго царя о помилованіи ея сына. «Пойду, говорила она, къ царю, все равно, пусть и меня казнитъ или выслушаетъ мою просьбу». Какъ допустили ее къ государю, она упала въ ноги и подала ему просьбу. А въ то время ссыльные возвращались изъ Сибири на Донъ по манифесту. Государь принялъ просьбу, поднялъ старуху, обласкалъ ее и сказалъ, что сынъ ея уже возвращается. Впослѣдствіи отецъ Өедоръ былъ ктитаремъ въ Кривянкѣ. Чикилевъ же умеръ вскорѣ послѣ доноса, и полуразвалившееся подворье его отдали Василію Петровскому, брату Өедора».

у которыхъ служили въ повытіяхъ упомянутые канцеляристы. Въ 1801 году, по смерти Павла Петровича, манифестомъ Александра I всѣ они прощены и возвращены на Донъ».

Изъ вышеприведеннаго видно, что старушка казачка разсказывала своимъ внукамъ объ этихъ ужасныхъ событіяхъ одну истину.

IV.

Въ началѣ послѣдняго мѣсяца XIX вѣка я просматривалъ изложенное въ первыхъ главахъ, принятыхъ въ «Историческій Вѣстникъ», собираясь отослать рукопись въ редакцію, какъ вошедшій въ пріемную казакъ доложилъ, что меня желаетъ видѣть господинъ Карасевъ.

Я вышелъ въ прихожую и увидѣлъ высокаго, сѣдого, но еще вполнѣ бодраго и стройнаго почтеннаго красиваго старика. Я узналъ его сразу, хотя видѣлъ послѣдній разъ четверть вѣка назадъ, въ то время, когда всколыхнувшійся «православный Тихій Донъ», сочувствуя «братушкамъ»—сербамъ, формировалъ отряды добровольцевъ, собиралъ различныя пожертвованія, устраивалъ въ пользу поднявшихся славянъ концерты, любительскіе спектакли, живыя картины и спѣшно отправлялъ помощь въ распоряженіе Михаила Григорьевича Черняева.

— Алексѣй Алексѣевичъ!—воскликнулъ я, обрадовавшись ему, какъ самому близкому родному.—Вотъ не ожидалъ-то!.. Давно ли пріѣхали? Гдѣ остановились? У Мити... у сына?—забросалъ я его вопросами.

— У него... у него... Всего три дня, какъ пріѣхалъ,—отвѣчалъ старикъ чистымъ пріятнымъ голосомъ, посматривая на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Онъ, видимо, былъ немало удивленъ, что я встрѣчаю его, словно стараго знакомаго.

Догадавшись, что онъ меня совершенно не узнаетъ, я рѣшился напомнить ему, что «имѣлъ честь быть ему представленнымъ въ 1876 году»...

— Простите... не помню,—отвѣтилъ онъ, входя со мной въ пріемную комнату.—Такъ много лѣтъ прошло... Простите... А я вотъ къ вамъ пріѣхалъ... Ожидалъ встрѣтить—въ Собраніи арміи и флота... на донскомъ вечерѣ, но вы не были... Такъ я и рѣшилъ разыскать... Съ трудомъ нашелъ въ этихъ старинныхъ Елизаветинскихъ казармахъ... Водили-водили меня туда и сюда... Спасибо,—солдатикъ толковый попался, указалъ дворъ и подъѣздъ... Хотѣлось познакомиться... поблагодарить за присланные чрезъ сына труды ваши... И вотъ прошу принять на добрую память мою работу о Грузиновѣ... Сынъ Митя говорилъ, что вы интересуетесь этимъ вопросомъ... Моя замѣтка о немъ была помѣщена въ «Рус-

ской Старинѣ» 1873 года, а это разсказъ, составленный, въ главныхъ чертахъ, со словъ очевидцевъ; существо же отвѣтовъ несчастнаго Евграфа и свидѣтельскихъ показаній взято изъ обрывковъ копіи съ Грузиновскаго дѣла, найденныхъ на улицѣ во время большого пожара въ Новочеркасскѣ 1858 года, когда сгорѣлъ войсковой архивъ...

— Сердечно благодаренъ вамъ, глубокоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ, за ваше лестное вниманіе,—сказалъ я, съ чувствомъ пожимая ему руку и принимая тоненькую книгу, въ голубой обложкѣ, на которой крупными буквами напечатано: «Полковникъ Грузиновъ».—Скажите, пожалуйста, — продолжалъ я: — вы лично знали очевидцевъ и слышали отъ нихъ... о слѣдствіи... казни?..

— Какъ же... какъ же!.. Я отлично помню, хотя былъ тогда еще ребенкомъ, высокаго и худого, нѣсколько сгорбленнаго, старика, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, Ивана Ѳедоровича Шумкова, бывшаго секретаря черкасскаго прокурора Миклашевича въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка... Онъ умеръ въ сороковыхъ годахъ... Разсказы его о грузиновскомъ дѣлѣ, о казняхъ... передавалъ мнѣ его сынъ... Еще я хорошо зналъ старушку Вѣру Васильевну Свѣчникову, урожденную Персіянову, которая присутствовала при истязаніяхъ Евграфа Осиповича... Ей тогда было около 14-ти лѣтъ... Умерла она не такъ давно... въ восьмидесятомъ году... 94-хъ лѣтъ...

— Не позволите ли, Алексѣй Алексѣевичъ, воспользоваться матеріаломъ изъ вашей книги?—спросилъ я.

— Да, сдѣлайте милость... пожалуйста... Тутъ вы найдете не много, но есть интересные документы... Такъ, напримѣръ, грамота войска отъ 6-го сентября 1800 года, въ которой атаманъ Василій Петровичъ Орловъ, сознавая, что Донская земля пошлетъ ему за это дѣло хоть небольшое проклятіе, старается выставить предъ казаками покойнаго мученика Грузинова величайшимъ злодѣемъ... извергомъ...

Побесѣдовавъ еще нѣсколько минутъ, Алексѣй Алексѣевичъ распрощался со мной.

Какъ только онъ ушелъ, я принялся за чтеніе его разсказа, гдѣ въ первыхъ четырехъ главахъ прекрасно и въ высшей степени интересно описаны: послѣдняя ночь, проведенная Евграфомъ Осиповичемъ у постели императора Павла, безповоротно рѣшившагося, по совѣту Ливена, отправить своего любимца и вѣрнаго тѣлохранителя на Донъ, яко бы для свиданія съ родными, трогательное прощаніе ихъ, пребываніе Грузинова въ родительскомъ домѣ у разбитаго параличемъ, честнаго, разумнаго, прямодушнаго, гордаго своимъ званіемъ, старика-отца, до глубины души возмущавшагося строгими порядками, заведенными царемъ, не всегда справедливымъ отношеніемъ правительства къ войску, служившему

вѣрой и правдой матушкѣ-Россіи, и черезчуръ крутыми мѣрами его во времена случавшихся на Дону недоразумѣній; какъ у Евграфа Осиповича закралась мысль, что за нимъ слѣдятъ (онъ замѣтилъ ночью у окна человѣка, въ которомъ призналъ выгнаннаго имъ изъ дома негодяя-кабатчика), какъ ему стало казаться, что родственники и добрые знакомые стали сторониться отъ него, и какъ, наконецъ, больное воображеніе дошло до того, что начало рисовать ему въ числѣ шпіоновъ и прислугу, и даже отца, какъ съ пріѣздомъ изъ Петербурга брата его Петра, исключеннаго изъ гвардіи неизвѣстно за какія провинности, вслѣдствіе мрачнаго настроенія брата и его несообщительности, а также благодаря страннымъ глухимъ вѣстямъ, высокомѣрному поведенію атамана Василія Петровича Орлова, выслѣживаньямъ и прозрачнымъ намекамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и родственниковъ, укрѣпилось въ больной душѣ изгнанника сознаніе, что его пѣсня спѣта, и что уже никогда болѣе не вернуться ему въ Петербургъ ко двору императора Павла. Не чувствуя, однако, за собой никакой вины, онъ постепенно доходитъ до полнаго разочарованія во всемъ, что ему было дорого, чему онъ готовъ былъ отдать свою жизнь, и вскорѣ въ его сердцѣ зародилось и окрѣпло непріязненное чувство къ императору Павлу. Узнавъ же отъ брата Петра, высказавшагося, наконецъ, откровенно, подъ вліяніемъ выпитаго вина, что ему грозитъ опасность попасть въ тюрьму, Евграфъ рѣшился бѣжать изъ родного города.

Бѣгство, однако, не удалось... За нѣсколько дней до заговѣнья, передъ Спасовымъ постомъ, прибыли въ Черкасскъ, командированные изъ Петербурга, генералы Кожинъ и Рѣпинъ, а на другой день утромъ Евграфъ Осиповичъ и братъ его Петръ были схвачены и препровождены въ тюрьму. Старикъ отецъ отъ огорченія лишился языка.

Прочитавъ затѣмъ съ захватывающимъ интересомъ послѣднія двѣ главы, я пришелъ къ убѣжденію, что въ нихъ есть страницы, могущія послужить прекраснѣйшимъ дополненіемъ къ моему скромному труду о Грузиновѣ, и я, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ Алексѣя Алексѣевича, рѣшилъ взять изъ нихъ все, относящееся къ этому интересному дѣлу.

Ордеромъ войскового атамана составлено было двѣ военносудныхъ комиссіи: одна для Евграфа, другая для Петра Грузиновыхъ.

«Комиссію надъ Грузиновымъ I, то-есть, Евграфомъ, составляли: презусъ генералъ-майоръ Родіоновъ I, ассесоры: полковникъ Агѣевъ, полковникъ Слюсаревъ, подполковникъ Иловайскій, подполковникъ Леоновъ, войсковой старшина Щедровъ, войсковой старшина Чикилевъ. Аудиторскія обязанности исполнялъ войсковой есаулъ Юдинъ.

Вторая военно-судная комиссія, на съѣденіе которой отданъ

былъ Петръ Грузиновъ, состояла изъ презуса, генералъ-майора Поздѣева I, и ассесоровъ: полковника Иловайскаго, полковника Мѣшкова, подполковника Чернозубова, подполковника Ребрикова, войскового старшины Гнилозубова и войскового старшины Персіянова. Аудиторомъ былъ квартермистръ Номикосовъ.

Зала войсковой канцеляріи назначена была мѣстомъ для засѣданій военно-судной комиссіи надъ Евграфомъ Грузиновымъ, что же касается до второй комиссіи, имѣвшей своей задачей судить Петра, то она собиралась всего одинъ разъ, въ одной изъ экспедицій войсковой канцеляріи, и только для того, чтобы постановить приговоръ надъ этимъ «невиннымъ изъ невинныхъ».

Открытіе дѣйствій первой комиссіи послѣдовало 14-го августа 1800 года. Рано утромъ въ названной залѣ собрались: презусъ, ассесоры и аудиторъ Юдинъ. Ни атаманъ, ни пріѣзжіе генералы на торжество открытія не явились, съ цѣлью не имѣть де давленія на судей, хотя сіи послѣдніе наканунѣ этого дня были въ домѣ атамана и въ присутствіи генераловъ «всячески» увѣщеваемы чрезъ приказанія и даже угрозы. Когда съ зерцала былъ снятъ покровъ, и весь составъ комиссіи усѣлся на мѣста, въ залу вошелъ протоіерей Волошеневскій [1]), а за нимъ, гремя кандалами, Евграфъ Грузиновъ, блѣдный, съ блистающими глазами и съ начинавшею обростать бородой. Около него помѣстились два казака съ саблями наголо. По приказанію презуса Родіонова, аудиторъ Юдинъ громко прочелъ, основанный на высочайшемъ повелѣніи, ордеръ атамана Орлова, гласящій о винахъ «изверга» Грузинова и оканчивающійся приказаніемъ «заключить свою сентенцію какъ можно наискорѣе». По знаку того же лица, протоіерей Волошеневскій обратился къ Евграфу Осиповичу со словомъ увѣщанія «о показаніи всей истины, въ чемъ онъ спрашиванъ будетъ», причемъ служитель алтаря, держа въ рукахъ крестъ, распространялся о царскомъ смягченіи на случай сознанія и объ увеличеніи кары за «упорность запирательства», а также объ ужасахъ ада въ будущей жизни. Грузиновъ выслушалъ это увѣщаніе съ горькой усмѣшкой на устахъ, не глядя ни на увѣщателя, ни на судей. Волошеневскій, низко поклонившись собранію и перекрестившись, вышелъ изъ залы. Аудиторъ подалъ презусу толстое дѣло, глядя въ которое генералъ Родіоновъ началъ свою рѣчь громкимъ не безъ нѣкотораго дрожанія голосомъ, объяснивъ въ ней кратко всѣ вины преступника и призывая его къ сознанію. Грузиновъ остался недвижимъ и съ тѣмъ же выраженіемъ лица. Но вотъ поднимается Юдинъ и громко начинаетъ читать вопросные пункты: на первые изъ нихъ о лѣтахъ, вѣроисповѣданіи и о томъ, не бывалъ ли

---

[1]) Главный въ ту пору начальникъ духовенства въ войскѣ Донскомъ, которое, въ церковномъ отношеніи, составляло часть Воронежской епархіи.

Грузиновъ подъ кригсгерихтами, послѣдній отвѣчалъ спокойно, но на вопросъ, «какъ и гдѣ службу проходилъ», Евграфъ Осиповичъ въ первый разъ взглянулъ на большой портретъ императора Павла, висѣвшій на стѣнѣ за спиной презуса, и разсѣянно, какъ бы забывъ горечь настоящей минуты, отвѣчалъ, придавъ радостное выраженіе истомленному лицу:

— При государѣ служилъ, при немъ...

И, не сводя глазъ съ портрета, указалъ на него и лицомъ и правою рукою. Ассесоръ Щедровъ велъ протоколъ. Родіоновъ обратился къ послѣднему и громко приказалъ:

— Пишите: служилъ при священной особѣ его императорскаго величества.

Затѣмъ аудиторъ, глядя въ бумагу, продолжалъ:

— Мнилъ ли ты назваться атаманомъ, набрать до двухсотъ тысячъ ратменовъ, и, что слово сіе значитъ, производить завоеванія и овладѣть Стамбуломъ, утвердить тамъ столицу, завладѣть островами и какими именно, принести великую жертву, и въ чемъ она заключается, учредить сенатъ и законъ для всѣхъ неизмѣнный; въ какомъ мѣстѣ и гдѣ именно намѣревался населить городъ разныхъ вѣръ людьми, откуда надѣялся оныхъ брать, то-жъ какому казацкому войску и какимъ татарамъ, грекамъ и черкесамъ думалъ внушить возвести себя и гдѣ въ начальники, и кто съ тобой соучастники были во всѣхъ твоихъ продерзкихъ замыслахъ?

Грузиновъ, отведя глаза отъ портрета, обвелъ ими все собраніе и, усмѣхнувшись, грубымъ голосомъ и энергично взмахнувъ правою рукою, произнесъ:

— Велите меня вывести и задушить, а говорить я не буду. Не могу быть судимъ воинскимъ и гражданскимъ судомъ!.. А на эти дурачества, что вы спрашиваете, мнѣ стыдно отвѣтъ давать: вы выкрали изъ моей книжки... изъ моей души...

Сказавъ это, Евграфъ Осиповичъ снова вперилъ свой взоръ въ портретъ, какъ бы указуя на единственнаго человѣка, который можетъ быть его судьей. Показаніе Грузинова было записано слово въ слово, при чемъ прибавлено, что подсудимый давалъ его «въ большой груботнѣ, пренебрегая судъ и не внимая присутствующихъ членовъ довольному увѣщанію и внушенію о учиненіи должнаго отвѣта».

Когда Грузинова вывели изъ залы, комиссія, подписавъ протоколъ, немедленно сообщила о его содержаніи атаману и разошлась въ полномъ безмолвіи. Орловъ получилъ эту бумагу въ то время, когда у него сидѣлъ Кожинъ. Показавъ послѣднему это важное сообщеніе, Василій Петровичъ спросилъ у него совѣта, какъ поступать далѣе, ибо ничего иного къ уличенію «изверга», кромѣ записной его книжки да дурацкихъ разглагольствованій кабатчика, не имѣлось. Кожинъ задумался...

На другой день, еще до восхода солнца, вся тюрьма пришла въ движеніе: подметали, чистили, усыпали; Евграфа Грузинова привели въ смотрительскую конуру съ однимъ грязнымъ и разбитымъ окномъ. Явился Кожинъ и, по приказанію его, удалили изъ этой комнаты часовыхъ. Осталось только два собесѣдника: одинъ въ генералъ-адъютантскихъ шнурахъ,—другой въ кандалахъ ножныхъ и ручныхъ. Бесѣда продолжалась около двухъ часовъ. Возвратясь на квартиру, Кожинъ немедленно написалъ атаману, а Орловъ въ тотъ же день, при особомъ ордерѣ, переслалъ въ комиссію бумагу, гдѣ Кожинъ, сообщая о «фамильярныхъ» [1]) съ узникомъ разговорахъ, упоминаетъ о Котломинѣ, котораго рекомендуетъ вызвать и допросить. Изъ допросовъ Котломина выяснилось, что Евграфа Грузинова посѣщали: Рубашкинъ, Шапошниковъ, Илья Грузиновъ (дядя подсудимаго), старшина Аѳанасьевъ и три казака: Поповъ, Колесниковъ и Космынинъ. Кромѣ того, сочтено нужнымъ сдѣлать допросъ отцу подсудимыхъ, разбитому параличемъ старшинѣ Осипу Романовичу Грузинову, и даже девятилѣтнему хохленку Ѳедоту, бывшему въ услугахъ у Петра Грузинова.

Дѣло закипѣло, и вскорѣ отъ извѣтовъ Шапошникова, а особенно казака Космынина, невинность Евграфа Грузинова въ этомъ дѣлѣ съ формальной стороны сильно поколебалась. Этотъ питомецъ Луганской станицы развилъ предъ комиссіей цѣлую вереницу преступленій Грузинона.

— Когда я, вмѣстѣ съ Поповымъ и Колесниковымъ, приходилъ къ Грузинову просить объ уплатѣ долга,—заявилъ въ комиссіи Космынинъ,—то полковникъ на замѣчаніе, что ему легко заплатить деньги, такъ какъ можно обложить оброкомъ, пожалованныхъ ему государемъ, крестьянъ, началъ азартно выговаривать такія слова: «пущай государь отберетъ отъ меня крестьянъ! Знаешь ли, кто Донъ заслужилъ? Ермакъ; а теперь отнимаютъ и населили грековъ и армянъ... Вступился было за отечество Пугачевъ—его спалили, вступились было также Фока и Рубцовъ, но ихъ высѣкли». Когда же я сталъ напоминать Грузинову, что это говорить не надобно, то онъ съ запальчивостью продолжалъ: «Я де не такъ, какъ Пугачъ, но еще лучше сдѣлаю, ежели возьмусь за мечъ—вся Россія затресется... Про меня де говорятъ, что я полоумный... Нѣтъ, я не полоумный». Когда же я, продолжалъ тотъ же свидѣтель, снова сталъ просить объ уплатѣ денегъ, то полковникъ закричалъ: «Ты де хотѣлъ ѣхать и просить на

[1]) Крестьянъ мнѣ не надо, говорилъ Евграфъ Осиповичъ. Не обычное это казаку дѣло... Лучше землю отдалъ бы государь войску, что греками да армянами заселили... А земля наша... отцы и дѣды завоевали ее... кровь свою лили... Какъ бы въ губерніяхъ... такъ... А здѣсь земля не казенная... земля наша, и мы только располагать ею можемъ. Мы добровольные подданные, а не нѣконные... Всѣ казаки такъ думаютъ...

меня у государя—и ѣзжай», и при этомъ съ крайней запальчивостью употребилъ ругательныя на высочайшую его императорскаго величества особу и на государыню императрицу изреченія». Это показаніе, послѣ очныхъ ставокъ, вяло подтвердили: безпамятный Колесниковъ и Поповъ, казаки изъ одной съ Космынинымъ станицы, заявившіе при первомъ допросѣ, что отъ полковника Грузинова они никакихъ предосудительныхъ словъ не слышали. На эти поклепы Грузиновъ не отвѣчалъ ни слова, несмотря на трижды предъявленныя къ нему требованія презуса. Остальные свидѣтели допрашивались тотчасъ по ихъ поимкѣ и доставленіи въ Черкасскъ. Отецъ Грузиновыхъ не могъ говорить по причинѣ отбитія параличомъ языка. Его препроводили въ больницу на испытаніе. Чрезъ нѣсколько времени особый посланецъ атамана, хорунжій Грековъ, доставилъ въ Черкасскъ войскового старшину Аѳанасьева, схваченнаго этимъ офицеромъ въ Казанской станицѣ. Въ концѣ рапорта, при которомъ представленъ былъ этотъ свидѣтель, значилось, что «на него дорогой напалъ такой ужасъ, что ему представлялись разныя видѣнія, съ коими онъ велъ разговоры, что его тошнило и въ дорогѣ и по пріѣздѣ въ Черкасскъ». Этотъ свидѣтель также поступилъ въ больницу на испытаніе. И вотъ, къ одному изъ засѣданій комиссіи, подоспѣло трое: отецъ подсудимыхъ—Осипъ Романовичъ Грузиновъ, войсковой старшина Аѳанасьевъ съ двумя доставившими ихъ изъ больницъ медиками—Вильфингомъ и Ягодинымъ, и чуть не младенецъ холленокъ Ѳедотъ. Первымъ не введенъ, а внесенъ, былъ въ залу войсковой старшина Осипъ Романовичъ Грузиновъ и посаженъ на стулъ служителями и медикомъ Ягодинымъ, которые и поддерживали его во время допроса. Формальности объ имени, вѣроисповѣданіи и о прохожденіи службы вписаны въ протоколъ изъ особаго сообщенія станичнаго правленія, и затѣмъ приступлено было прямо къ существу дѣла. На предложенный презусомъ извѣстный вопросъ о виновности сына Евграфа въ томъ, въ чемъ онъ обвиняется, сѣдой, съ лицомъ багрово-синяго-цвѣта, полутрупъ сначала замычалъ, потомъ зашипѣлъ, дѣлая безобразныя усилія губами и помахивая здоровою рукой—другая висѣла, какъ плеть,—но ни единаго слова изъ устъ его не вышло. По распоряженію презуса старикъ былъ вынесенъ въ переднюю.

Введенный затѣмъ въ присутствіе ребенокъ Ѳедотъ, боязно окинувъ взоромъ все чиновное собраніе, зерцало и царскій портретъ, приготовился заплакать, но генералъ Родіоновъ подошелъ къ нему, погладилъ его по головѣ и сталъ предлагать вопросы. Ѳедотъ разсказалъ, что онъ былъ въ услугахъ у Грузиновыхъ, приносилъ имъ иногда водки; что они верхомъ ѣздили въ Аксай, Качеванъ (Нахичевань), въ крѣпость св. Димитрія (нынѣ Ростовъ), а кто къ нимъ ходилъ—тѣхъ людей онъ по имени не знаетъ, а тѣмъ болѣе

неизвѣстно ему, о чемъ Грузиновы дома съ гостями разговаривали. Послѣднимъ въ этомъ засѣданіи предсталъ войсковой старшина Аѳанасьевъ, доставленный изъ госпиталя подъ ближайшимъ наблюденіемъ медика Вильфинга, родомъ нѣмца, недавно зачисленнаго въ казачье сословіе по обществу одной изъ черкасскихъ станицъ. Вильфингъ, выговаривавшій русскія слова, какъ истый нѣмецъ, въ первый разъ появился въ казачьемъ чекменѣ и неуклюжестью своею возбудилъ къ себѣ общее вниманіе комиссіи. Даже подсудимый Грузиновъ, взглянувъ на него, улыбнулся. Свидѣтель Аѳанасьевъ, поглядѣвъ со страхомъ въ лицѣ на скованнаго Евграфа Осиповича, судей, царскій портретъ и всю обстановку, ухватился за руку Вильфинга, обнаруживъ признаки подступающей рвоты.

Служитель принесъ мѣдный тазъ и поставилъ его около Аѳанасьева.

Послѣ обычнаго предварительнаго опроса приступили къ существу. Аѳанасьевъ, трясясь всѣмъ тѣломъ и по временамъ прикладывая руку то къ груди, то къ горлу, какъ бы для удержанія рвоты, разсказалъ между прочимъ слѣдующее. Когда онъ пришелъ однажды къ племяннику (подсудимому) и изъ сожалѣнія спросилъ у него, почему онъ, будучи въ знатнѣйшемъ мѣстѣ, дошелъ до такого случая, что лишенъ высочайшихъ милостей и уволенъ, то Евграфъ Грузиновъ, «съ разгоряченіемъ относя вину на государя, выговорилъ, что онъ»...

Аѳанасьевъ остановился, ухватясь одною рукою за горло, а другою за Вильфинга, который, заботливо указавъ на тазъ, сказалъ:

— Тази, тази, пошалуйстъ... На мой шекмень надо нѣтъ... тази бливайтъ...

— Что выговорилъ?—громко спросилъ Аѳанасьева Родіоновъ.

— Что... что... ду... ракъ... упавшимъ голосомъ сказалъ свидѣтель и прибавилъ:

— Послушался де генерала Ливена...

На Грузиновѣ забряцали цѣпи. Аѳанасьевъ наклонился къ тазу, Вильфингъ поддержалъ ему голову. Свидѣтеля вырвало какою-то зеленою слизью...

— Что ты на сіе отвѣтишь?—обратился презусъ къ подсудимому.

Молчаніемъ отвѣтилъ Грузиновъ, и засѣданіе было закрыто.

Атаманъ Орловъ, получивъ донесеніе о происшедшемъ въ комиссіи, на другой день пригласилъ Кожина и Рѣпина на совѣщаніе. Порѣшено было дать очистительную присягу старшинѣ Котломину, сотнику Ильѣ Грузинову и хорунжему Шапошникову, а подсудимому Грузинову—сдѣлать другое священническое увѣщаніе съ тѣмъ, чтобы атаманъ съ генералами и всею комиссіею на это время помѣстился въ сосѣдней комнатѣ и слушалъ бесѣду Грузинова съ протоіереемъ Волошеневскимъ. Что же касается Аѳа-

насьева, то его привлечь къ суду за позднее обнаруженіе дерзкихъ и хулительныхъ словъ противъ персоны императора. Въ такомъ смыслѣ отъ Орлова составленъ и посланъ въ комиссію ордеръ, въ концѣ котораго значилось, что вся компанія, во время священническаго увѣщанія, будетъ находиться въ сосѣдней горницѣ «при закрытыхъ дому тому дверяхъ».

На слѣдующій день, въ необычайное время раздались звуки большого соборнаго колокола, благовѣстившаго точно по душѣ.

Праздный людъ устремился въ храмъ, куда были приведены Котломинъ, Илья Грузиновъ и Шапошниковъ. Протоіерей Волошеневскій вышелъ изъ алтаря съ крестомъ и евангеліемъ и послѣ продолжительнаго увѣщанія свидѣтелей, состоящаго въ томъ, что они сею присягою должны подтвердить истину сдѣланныхъ ими при допросѣ показаній и удостовѣрить, что болѣе ничего относящагося къ дѣлу не знаютъ, а также угрозъ, что за ложную присягу имъ предстоятъ вѣчныя мученія въ будущей жизни, началъ читать текстъ очистительной присяги, которую, поднявъ вверхъ правыя свои руки, повторяли названные свидѣтели. Комиссія въ полномъ составѣ стояла вокругъ свидѣтелей. Когда служитель алтаря дошелъ до слѣдующаго мѣста: «ежели я о семъ клянусь ложно, то да буду отлученъ отъ Святыя Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ не иму прощенія, да трясусь, яко древній Каинъ, и разверзнувшись земля да пожретъ меня, яко Іофана и Аверона, и да воспріиму проказу Гіезіеву и удавленіе Іудино и смерть Ананія и жены его Сапфиры и часть моя будетъ съ проклятыми дьяволы», то Шапошниковъ закачался и опустилъ правую руку, но былъ поддержанъ однимъ изъ близъ стоявшихъ ассесоровъ комиссіи, а по церкви пошелъ довольно ясный гулъ, среди котораго слышались бабьи восклицанія: «Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ», «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ» и другія причитанія, порожденныя ужасомъ отъ страшныхъ словъ клятвы. Свидѣтели, по исполненіи этого обряда, также при колокольномъ звонѣ, вмѣстѣ съ комиссіей, возвратились въ войсковую канцелярію, въ одной изъ экспедицій которой подписали присяжный листъ, приложенный затѣмъ къ дѣлу. Протоіерей Волошеневскій поспѣшилъ въ присутственную комнату, гдѣ его ожидалъ Евграфъ Грузиновъ, котому назначено второе увѣщаніе наединѣ съ о. протопопомъ. Члены комиссіи съ атаманомъ Орловымъ и пріѣзжими генералами помѣстились въ сосѣдней комнатѣ, куда двери были прикрыты. Увѣщаніе началось [1])...

[1]) «Ты, отецъ, вотще хлопочешь,—говорилъ Волошеневскому Грузиновъ—Я того сказалъ, что никакихъ за собой преступныхъ дѣлъ не знаю и не грѣшенъ, прежъ а слѣдственно и покаяніе мнѣ приносить не о чемъ... Я помню его (императора Павла) благодѣянія, и онъ знаетъ мою службу, а что теперь, такъ на то его воля... Какія мои вины такія? Вѣчной присягой я ему не обязанъ, а только служ-

Когда протопопъ (по окончаніи увѣщанія) сталъ убирать крестъ и евангеліе, изъ внезапно открывшейся двери вышла военно-судная комиссія въ полномъ составѣ; атаманъ и генералы прошли на улицу другимъ ходомъ. Волошеневскій, увидѣвъ, что презусъ и члены заняли свои мѣста, удалился изъ залы, пришелъ домой и, думая, что находившійся за прикрытой дверью атаманъ всего не слышалъ, сочинилъ ему «всепочтенно-почтеннѣйшее донесеніе», въ заключеніе котораго сказалъ, что «ни въ очахъ изверга сего, ни въ лицѣ должнаго по крайней мѣрѣ зазрѣнія или остыдѣнія не оказываетъ себѣ во всей ожесточенности, свойственной однимъ злобнымъ съ гордынею соединеннымъ тварямъ».

Вскорѣ, по уходѣ протопопа, презусъ обратился къ подсудимому съ новымъ приглашеніемъ открыть истину и назвать сообщниковъ, при чемъ поименовалъ и брата его Петра.

— Будучи закованъ въ кандалы, ни я, ни братъ мой ничего не скажемъ, да и сказать-то нечего!—громко сказалъ Евграфъ Осиповичъ.—Воля духа требуетъ того, что никто не можетъ поставлять ей границъ...

Этимъ и кончилось судьбище, а на другой день комиссія приступила къ постановленію окончательной «сентенціи».

Въ 25-й день августа назначенъ былъ «нещадный кнутъ» для Грузинова Евграфа и таковой же «простой» для Петра, а особое совѣщаніе двухъ комиссій приговорило свидѣтеля Аѳанасьева за несвоевременное донесеніе о хулительныхъ словахъ на высочайшую персону къ отрубленію головы[1]).

Копія съ сентенціи по утвержденіи ея атаманомъ немедленно препровождена была къ войсковому прокурору.

Рѣшенія были до того единогласны, что Кожинъ и Рѣпинъ, за нѣсколько дней до ихъ произнесенія, послали о существѣ ихъ рапортъ въ Петербургъ съ особымъ курьеромъ. Иначе нельзя объяснить страннаго совпаденія: указъ императора о наказаніи Евграфа Грузинова «нещадно» кнутомъ былъ помѣченъ 26-мъ числомъ[2]), а сентенція комиссіи о томъ же самомъ составлена нака-

бою временною... Служилъ я вѣрой и правдой, а заслужилъ тюрьму да кандалы... Ты, отецъ, вотъ что: прекрати ты эту рацею и вели отвесть меня. Я больше съ тобой трактовать не охотенъ»...

[1]) Стр. 84. «Палачъ Аѳанасьева ошибся, ударивъ своего кліента топоромъ вмѣсто шеи по плечу, кровь хлынула фонтаномъ, жертва застонала, толпа рявкнула, и палачъ другимъ ударомъ поторопился докончить».

[2]) «Руск. Стар.» 1873 г., т. VII, стр. 629, § 21. Именной указъ, отъ 26 августа, данный канцеляріи войска донскаго:

«Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова, за измѣну противъ насъ государя, повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, наказать нещадно кнутомъ и отправить его къ нашему генералъ-прокурору, а имѣніе его описать въ казну». (указъ сената 29 августа).

нунѣ этого дня. Даже современные намъ скорые суды могутъ позавидовать быстротѣ, съ какою прошло Грузиновское дѣло: длинные-предлинные допросы, такія же очныя ставки, неоднократныя увѣщанія и испытанія больныхъ свидѣтелей, отыскиваніе сихъ послѣднихъ въ отдаленныхъ отъ Черкасска мѣстахъ и доставка ихъ къ суду, безконечное писаніе, составившее изъ себя чуть не аршинный сшивъ,—все это произведено въ одиннадцать-двѣнадцать дней [1]). Просвѣщенному содѣйствію пріѣзжихъ генераловъ, а ничему другому, обязаны были подсудимые тѣмъ, что ихъ не томили судомъ. Что же касается до правды и милости, то эти двѣ сестрицы въ тѣ поры еще не были видны нелицепріятнымъ судьямъ, такъ какъ находились отъ нихъ на разстояніи слишкомъ 60-ти лѣтъ.

Въ 6-й и послѣдней главѣ говорится, что черкасскій прокуроръ Миклашевичъ, признавъ сентенцію военно-судной комиссіи незаконной, рѣшился послать ей и главному прокурору протестъ [2]).

Кожинъ и Рѣпинъ, узнавъ отъ Юдина 4-го сентября о намѣреніяхъ Миклашевича, и потому опасаясь, что полученный въ комиссіи протестъ, пожалуй, можетъ остановить исполненіе сентенціи, уговорили Орлова произвести экзекуцію на слѣдующій день. Соотвѣтствующія приказанія были отданы атаманомъ полицеймейстеру.

Далѣе идетъ описаніе казни.

Рано утромъ, 5-го сентября, въ торжественный день тезоименитства государыни цесаревны Елисаветы Алексѣевны, когда Иванъ Өедоровичъ Шумковъ, сдавъ на почтѣ пакетъ съ протестомъ на имя главнаго прокурора, явился въ канцелярію, для врученія такового же презусу генералу Родіонову, атаманъ, генералы, всѣ члены комиссіи и масса народа находились на базарной площади, около устроеннаго ночью эшафота, вокругъ котораго была живая

---

[1]) «Русск. Стар.», т. VII, 1873 г.

Изъ слѣдующаго указа сената, основаннаго на вѣдѣнія синода отъ 3-го января 1801 г., видно, что Рѣпинъ былъ въ отсутствіи (вѣроятно, по Грузиновскому дѣлу) больше года: «По поднесенной его императорскому величеству, отъ генерала отъ кавалеріи Рѣпина, жалобы на жену въ распутствѣ и въ прижитіи ею по разлученіи съ нимъ чрезъ 14 мѣсяцевъ младенца, изслѣдованіе поручено преосвященному Іоанникію, епископу подольскому, которому велѣно, истребовавъ означенную жену его, Рѣпина, черезъ гражданское начальство въ консисторію, взять отъ нея противъ той жалобы письменное показаніе, потомъ, ежели нужно будетъ, учиня надлежащее распоряженіе, сіе дѣло рѣшить по правиламъ духовнымъ».

[2]) Протестъ составлялъ прокурорскій секретарь Иванъ Өедоровичъ Шумковъ.

Въ виду высочайшей грамоты императрицы Елисаветы и манифеста Екатерины II, дворянъ можно было приговаривать къ тѣлесному наказанію только въ томъ случаѣ, если на это было особое высочайшее повелѣніе. Повелѣнія такого въ данномъ случаѣ не было. Еслибъ оно было, то объ этомъ должно было быть сказано въ сентенціи.

огорожа изъ полицейскихъ съ оружіемъ въ рукахъ, а по угламъ стояло четыре пушки, въ народъ направленныя, и при нихъ пушкари съ дымящимися пальниками. По знаку атамана, привели Евграфа Осиповича. До снятія кандаловъ и одежды, надъ головой его переломили саблю, затѣмъ уложили несчастнаго на опрокинутыя на эшафотѣ сани и привязали руки къ полозьямъ толстыми ремнями. Палачъ сталъ складывать, а потомъ расправлять кнутъ изъ бычачьихъ жилъ. По толпѣ пролетѣлъ глухой ропотъ, смолкнувшій послѣ перваго удара. Первая красная линія по бѣлому полю прошла какъ-то неправильно; видимо, палачъ былъ или не знатокъ своего дѣла, или потерялся: линія прошла не параллельно спинному хребту, захвативъ шею. Толпа услыхала внятный возгласъ мученика: «Господи, помилуй!» Послѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ «берегись» раздался «шлепъ» новаго удара; линія была правильнѣе и дѣйствительнѣе, ибо пришлась параллельно хребту, а въ стороны полетѣло что-то, кровь ли, мясо ли, — неизвѣстно. Новое «Господи, помилуй» — и такъ далѣе, пока, чрезъ нѣсколько десятковъ добрыхъ прикосновеній, не зашатался палачъ и, какъ снопъ, не повалился у саней. Его мгновенно убрали и поставили другого, видимо оробѣвшаго. Удары посыпались частые, безъ метода, даже безъ предупрежденія и какъ-то наискось. «Господи, помилуй», такимъ образомъ, стало слышаться чаще и все изъ той же груди и чуть ли не громче, чѣмъ въ началѣ. Спина Евграфа Осиповича уже походила на рѣшетку, отъ многихъ линій которой по бокамъ къ поясницѣ спускались красныя струйки. Чрезъ нѣсколько минутъ, отъ частыхъ и довольно сильныхъ ударовъ, спина стала представлять изъ себя нѣчто въ родѣ котлеты, вида которой, вѣроятно, не выдержалъ второй палачъ. Онъ зашатался и уронилъ кнутъ. Близъ стоявшій полицейскій поднялъ инструментъ и подалъ его палачу, но послѣдній, закрывъ лицо руками, кнута не принялъ. Его свели съ эшафота. Произошла довольно большая заминка... Прошла минута и третьяго палача не находилось. По обычаю, аудиторъ обратился къ близъ стоявшимъ свидѣтелямъ казни и предложилъ имъ докончить назначенное число ударовъ. Вызвался одинъ полстовалъ изъ пришлыхъ великороссовъ, но только что онъ подступилъ съ этимъ намѣреніемъ къ эшафоту, какъ послышался внятный гулъ толпы: «Воля Божья, воля Божья, не ходи, не ходи!» Полстовалъ остановился въ нерѣшительности, глядя на начальство. Порѣшено было кончить сѣченіе...

Мученика провели по узкой тропѣ, сдѣланной разступившимся народомъ, подъ колокольню. Какъ только его усадили на какой-то боченокъ, сбрызнули водкой спину и надѣли сорочку, Евграфъ Осиповичъ попросилъ воды. Кожинъ поспѣшилъ разрѣшить, приказавъ подать похолоднѣе. Услужливая полиція принесла полную кружку со льдомъ и подала страдальцу. Грузиновъ, трясясь всѣмъ тѣломъ,

жадно выпилъ всю воду и уронилъ кружку. Кожинъ схватилъ ее и въ ту же пору замѣтилъ, что жертва его валится на полъ. Казаки поддержали Грузинова и, постлавъ грязныя тряпки, уложили на нихъ полковника. Чрезъ нѣсколько минутъ наступили какія-то подергиванія во всемъ тѣлѣ засѣченнаго, кончившіяся очень легкою смертью. Грузиновъ какъ-то скосилъ глаза, икнулъ два-три раза и вытянулся.

Генералъ-адъютантъ Кожинъ не былъ медикомъ, но хорошо понималъ, что въ такихъ случаяхъ холодная вода съ большимъ успѣхомъ замѣняетъ самыхъ искусныхъ мастеровъ заплечнаго дѣла.

Похолодѣвшій трупъ Евграфа Осиповича лежалъ подъ колокольней... Полиція распорядилась вырыть яму недалеко отъ пороховой казны, куда и помѣстила на вѣчное жительство останки Евграфа Осиповича въ наскоро сколоченномъ гробѣ.

Далѣе, на стр. 86, говорится, что «ко дню казни (Евграфа Осиповича) изъ Петербурга пріѣхалъ въ Черкасскъ князь Горчаковъ [1]) съ какими-то порученіями къ генераламъ», и что полицеймейстеръ пригласилъ его присутствовать при совершеніи казни.

Тутъ, надо полагать, у А. А. Карасева вкралась ошибка. Князь Горчаковъ едва ли могъ быть въ Черкасскѣ 5-го сентября; вѣроятнѣе, что онъ пріѣхалъ къ казни Аѳанасьева, Попова, Космынина и Колесникова, которымъ отрубили головы 27-го сентября, или же къ 26-му октября, когда истязали кнутомъ Петра Грузинова [2]). Это заставляютъ полагать записки барона В. И. Штенгеля [3]),

---

[1]) Василій Николаевичъ, любимецъ императора Павла, бывшій въ 1800 г. военнымъ губернаторомъ въ Ревелѣ, лишенный при Александрѣ I за подлогъ чиновъ и сосланный на поселеніе въ Сибирь.

[2]) Возможно, что онъ пріѣхалъ ко дню наказанія священника Ѳедора Петрова, канцеляристовъ и повытчиковъ или къ какой либо другой казни.

[3]) Стр. 444 майской книги за 1900 г. «Историческаго Вѣстника».

«Однажды, когда онъ (Горчаковъ) распоряжался, какой дать балъ, что онъ дѣлалъ часто, прискакалъ вдругъ фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно отправиться на Донъ и произвесть изслѣдованіе о произведенной тамъ казни надъ двумя братьями Грузиновыми. Собравшись тотчасъ въ дорогу, онъ рѣшился заѣхать въ Гатчину, гдѣ государь тогда находился, чтобъ принять изустно его наставленія. Какъ скоро явился во дворецъ, тотчасъ его позвали въ кабинетъ; только что вошелъ въ двери, какъ государь, ожидавшій его у самой двери съ лѣвой стороны, схвативъ его за руки и подведя къ образу, сказалъ: «Вотъ тебѣ Матерь Божія свидѣтельница, я не виновенъ; защити меня». Дѣло было въ томъ, какъ государь объяснялъ ему, что Грузиновы судились за оскорбленіе величества, и наказной атаманъ Рѣпинъ и, кажется, Денисовъ (настоящій) (баронъ Штенгель спуталъ: атаманомъ былъ Орловъ, а Рѣпинъ былъ командированъ на Донъ) представили дѣло прямо къ государю, когда бы слѣдовало представить въ аудиторіатъ. Государь, заглянувъ въ приговоръ, чтобы вразумить ихъ, съ негодованіемъ написалъ карандашемъ: «поступить по законамъ», и велѣлъ возвратить имъ на ихъ счетъ. Тѣ, по недоумѣнію и по недовѣрію къ войсковому прокурору, который ихъ останавливалъ, сочли это за утвержденіе сентенціи, назначили на утро казнь, отрубили головы (это не вѣрно) и донесли государю.

изъ коихъ видно, что императоръ Павелъ, узнавъ о казни Евграфа Осиповича, повелѣлъ Горчакову «немедленно отправиться на Донъ и произвесть изслѣдованіе».

На той же 86 стр. А. А. Карасевъ пишетъ слѣдующее: «Атаманъ Орловъ былъ увѣренъ, что Донская земля пошлетъ ему за это дѣло (за казнь Евграфа Осиповича) хоть небольшое проклятіе. Онъ сознавалъ, что оставить эту исторію подъ сурдинкой было невозможно—шила въ мѣшкѣ не утаишь, а особенно въ казачьей средѣ, а потому «порѣшилъ сдѣлать опубликованіе по всѣмъ начальствамъ (округамъ) Донского войска, въ которомъ выставить покойнаго Грузинова величайшимъ изъ величайшихъ злодѣевъ въ мірѣ». По его приказанію опубликованіе это было составлено дьяками Номикосовымъ и Юдинымъ. Приложивъ къ опубликованію войсковую сургучную печать, Орловъ приказалъ дьякамъ записать въ журналѣ войсковой канцеляріи только номеръ бумаги, безъ означенія содержанія оной, и отправить по начальству.

Дѣло, значитъ, сдѣлано. А сдѣлано оно такъ. Исходящій номеръ войсковой грамоты (опубликованія) былъ 15.075-й, а помѣченъ отъ 6-го сентября 1800 года. Гласитъ этотъ несчастный документъ, отъ слова до слова, съ сохраненіемъ орѳографіи, слѣдующее: «Грамота войска Донского изъ войсковой канцеляріи внижнее хоперское сыскное начальство по всевысочайшему его императорскаго величества имянному указу отъ 25-го августа пущенному, а настоящаго мѣсяца 4-го числа въ 8 часовъ пополудни сею канцеляріею полученному изъ ключенный изслужбы полковникъ Грузиновъ 1-й за измѣну противу высочайшей освященнѣйшей его императорскаго величества особы и государства вчерашняго дни въ 9 часовъ пополудни на публичномъ мѣстѣ вчеркаске по лишеніи чиновъ и дворянства наказанъ нещадно кнутомъ, послѣ оной извергъ Грузиновъ черезъ два часа лишился жизни; тысяча душъ крестьянъ всемилостивѣйше ему пожалованныхъ отписаны вказну и такъ погибъ вѣличайшій виновникъ золъ, и вместе съ нимъ хотя изчезло поносное имя его, но чтобы все верноподданныя его императорскому величеству и любители своего государства могли показать къ мерскому тленію его свое прѣзреніе (было написано «при», но буква «и», видимо, исправлена на «ѣ») во всехъ станицахъ онаго начальства распубликовать».

Предъ внимательнымъ наблюдателемъ приведенная войсковая грамота поднимаетъ два вопроса, изъ которыхъ одинъ свойства трагическаго, а другой комическаго. Если существовалъ именной

«Князь Горчаковъ разыскалъ все какъ слѣдуетъ; атаманы (?) были выключены изъ службы (Орлову былъ объявленъ выговоръ); третьему оставшемуся (?) брату Грузиновыхъ было пожаловано (?) 1000 душъ, а князь Горчаковъ назначенъ инспекторомъ всей кавалеріи».

указъ, отъ 25-го августа «пущенный», относительно истязанія тѣла Грузинова кнутомъ, то чѣмъ объяснить другой фактъ, гласящій, что генералы Кожинъ и Рѣпинъ, по полученіи извѣстія о смерти Грузинова, были отданы подъ судъ? Затѣмъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ 9-ть часовъ пополудни, уже ничего не видно, ибо въ 6-ть часовъ солнце заходитъ; естественно также, что искусственнаго тогда освѣщенія въ Черкасскѣ не было. Выходитъ, что истязаніе происходило на большой площади ночью, можетъ быть, при слабомъ свѣтѣ луны... Не существовалъ ли въ тѣ поры особый счетъ времени? Не слишкомъ ли спѣшили войсковые часы? Не сознательно ли сдѣлана ошибка составителей грамоты, что вмѣсто «пополуночи» въ ней написано «пополудни»? На эти вопросы устное преданіе отвѣчать не въ силахъ. Ихъ разрѣшитъ исторія.

Какъ только дошла до государя вѣсть о произведенной казни, Кожинъ и Рѣпинъ были отданы подъ судъ [1]), а атаману Орлову [2]) присланъ выговоръ. Наступила зима, въ концѣ которой предпринятъ былъ извѣстный «Оренбургскій» походъ.

Ни судъ надъ генералами, ни походъ на Индію не окончились, какъ слѣдуетъ, по причинѣ внезапной смерти императора Павла въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года. Юный царь Александръ I прекратилъ не начавшуюся войну съ Англіей, отмѣнилъ судъ надъ генералами и конфискованное имѣніе страдальца Грузинова возвратилъ его наслѣдникамъ [3]).

Приведенныя въ III главѣ замѣтки, а также и выборки изъ труда Алексѣя Алексѣевича Карасева подтверждаютъ все слышанное мною около деревни Агленъ и прочитанное въ запискахъ Ильи Романовича и, кажется, достаточно доказываютъ, что Евграфъ Грузиновъ погибъ ни за что.

Я надѣюсь, ознакомившись болѣе подробно съ подлиннымъ Грузиновскимъ дѣломъ, хранящимся въ архивѣ правительствующаго сената, вполнѣ раскрыть эту печальную исторію изъ мрачнаго прошлаго, родного мнѣ «тихаго Дона», и тѣмъ окончательно доказать, къ чести всѣхъ донцовъ вообще и особенно къ чести ихъ представителей гвардейскихъ казаковъ его величества, совершенную невинность братьевъ Грузиновыхъ и ихъ товарищей.

---

[1]) «Русск. Стар.», 1873 г., т. VII, стр. 630.

Именной указъ сенату отъ 13 октября 1800 г.

«Генералъ отъ кавалеріи Рѣпинъ исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ за приведеніе въ исполненіе сентенцій смертной казни на Дону вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго моею конфирмаціею».

[2]) Атаманъ Орловъ, заболѣвшій отъ царскаго гнѣва и отъ угрызеній незасыпавшей совѣсти, скончался 30-го іюля того же года, очистивъ свое мѣсто для извѣстнаго генерала, впослѣдствіи графа Матвѣя Ивановича Платова.

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи войска Донского, собранные генералъ-маіоромъ Лишинымъ, т. III, 1894 г., стр. 422, № 1136

5-го сентября минувшаго года исполнилось сто лѣтъ со дня мученической кончины Евграфа Осиповича.

Не время ли славнымъ лейбъ-казакамъ вспомнить своего товарища—вѣрнаго слугу государева?

Да будетъ же тебѣ вѣчная память отъ всѣхъ насъ, твоихъ, скорбящихъ о тебѣ, соотчичей, доблестный мужъ «великаго Донского войска»!

В. М. Шаховской.

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

ВЪ АВГУСТѢ мѣсяцѣ 1837 года, Оренбургъ удостоился посѣщенія покойнаго государя императора Александра Николаевича, бывшаго въ то время наслѣдникомъ цесаревичемъ. Объ этомъ событіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1891 г., октябрь) была помѣщена статья г. Юдина. Считаю не лишнимъ сообщить слѣдующія къ ней дополненія. Недавно я познакомился съ урядникомъ Оренбургскаго казачьяго войска 75-лѣтнимъ почтеннымъ старикомъ, сохранившимъ до сихъ поръ отличную память, превосходное зрѣніе и только потерявшимъ слухъ, что не мѣшаетъ ему работать превосходно по письменной части и затрудняетъ только бесѣдующихъ съ нимъ, такъ какъ при разговорѣ приходится значительно усиливать голосъ.

— А что, Иванъ Борисовичъ,—спросилъ я какъ-то: —помните ли вы, какъ пріѣзжалъ въ Оренбургъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ?

— Помню даже очень хорошо и могу разсказать во всей подробности. Это было въ 1837 году. Какъ теперь, вижу я передъ собою этотъ радостный день. Городъ Оренбургъ былъ въ то время еще не великъ, и населеніе въ немъ было не большое, всего съ войсками не болѣе 10.000 человѣкъ. Молва о пріѣздѣ наслѣдника цесаревича быстро разнеслась, и вотъ городъ почистился,

принарядился, по дворамъ бѣгали хожалые, а на улицахъ цѣлыми днями работали подъ конвоемъ арестанты и выметали все подъ метелочку. Когда насталъ желанный день, не помню ужъ котораго числа, а было это въ августѣ мѣсяцѣ, всѣ приформились и стали съ радостнымъ чувствомъ ожидать прибытія дорогого гостя. День былъ очень жаркій, но, несмотря на это, съ ранняго утра народъ столпился въ огромномъ количествѣ на главной улицѣ города, называемой Большою (нынѣ Николаевская), близъ церкви Вознесенія Господня, противъ дома командующаго оренбургскимъ казачьимъ войскомъ генерала Тимашева (отца генералъ-адъютанта Александра Егоровича Тимашева), гдѣ въ то время жилъ военный губернаторъ Василій Алексѣевичъ Перовскій [1]). На всемъ пути ожидаемаго проѣзда его высочества было также много народа, пріѣхавшаго изъ станицъ и изъ ближайшихъ селеній. Г. Оренбургъ былъ еще въ то время крѣпостью и, окруженный высокимъ земляныхъ валомъ, съ глубокимъ рвомъ впереди, имѣлъ четверо желѣзныхъ воротъ для выѣзда, носившихъ названія: Чернорѣченскихъ, Сакмарскихъ, Орскихъ и Водяныхъ. Первыя трое получили свое наименованіе отъ казачьихъ станицъ того же наименованіи, къ которымъ лежалъ отъ нихъ путь, а четвертыя ворота назывались Водяными, потому что выходили на дорогу къ постоянному мосту черезъ рѣку Уралъ.

Въ 3 часа пополудни на Орской дорогѣ показалась коляска Василія Алексѣевича Перовскаго, запряженная шестеркою, съ форейторомъ, и въ ней сидѣлъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ генералъ-адъютантомъ В. А. Перовскимъ. При въѣздѣ въ предмѣстье г. Оренбурга—Казачій Форштадтъ, государя наслѣдника встрѣтилъ столѣтній старецъ, сотникъ Оренбургскаго казачьяго войска Соколовъ, и поднесъ его высочеству хлѣбъ-соль. Наслѣдникъ цесаревичъ милостиво бесѣдовалъ съ сотникомъ Соколовымъ и разспрашивалъ его о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, а послѣ того престарѣлый казакъ Кармановъ поднесъ наслѣднику цесаревичу хлѣбъ-соль и серебряную солонку. Принявъ милостиво это подношеніе, его высочество изволилъ обратить вниманіе на то, что у казака Карманова былъ орденъ на груди въ видѣ серебрянаго столбика съ короною, при чемъ оказалось, что орденъ этотъ Кармановъ получилъ за военныя отличія въ дѣлахъ противъ шведовъ. Какъ сейчасъ, помню я,—разсказывалъ Иванъ Борисовичъ,—высокую и статную фигуру особы наслѣдника цесаревича, въ то время худощаваго и красиваго молодого человѣка, милостиво бесѣдовавшаго съ сотникомъ Соколовымъ и казакомъ

[1]) Домъ Тимашева на Николаевской улицѣ, въ которомъ останавливался въ 1837 году наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, принадлежитъ теперь купцу Ивану Ладыгину.

Кармановымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Изъ Казачьяго Форштадта наслѣдникъ цесаревичъ въѣхалъ въ городъ Оренбургъ въ Орскія ворота. По въѣздѣ въ городъ при восторженныхъ кликахъ «ура» наслѣдникъ цесаревичъ вмѣстѣ съ В. А. Перовскимъ изволилъ отправиться въ каѳедральный Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ его высочество былъ встрѣченъ старѣйшимъ соборнымъ протоіереемъ Челноковымъ и священникомъ Розоновымъ съ крестомъ и святой водою. Послѣ молебствія, приложившись къ святымъ иконамъ, наслѣдникъ цесаревичъ быстро проѣхалъ по городу въ коляскѣ и изволилъ остановиться у крыльца дома, занимаемаго военнымъ губернаторомъ В. А. Перовскимъ, и восторженные клики «ура» встрѣчали и провожали повсюду его высочество.

Послѣ небольшого отдыха и завтрака, наслѣдникъ цесаревичъ въ сопровожденіи В. А. Перовскаго изволилъ отправиться на плацъ-парадное мѣсто, находящееся въ городѣ противъ зданія городского магистрата (гдѣ нынѣ Александровскій скверъ), и гдѣ выстроились для парада войска Оренбургскаго гарнизона, а именно: части войскъ отъ квартировавшихъ въ г. Оренбургѣ двухъ линейныхъ баталіоновъ 23 пѣхотной дивизіи, отъ крѣпостной пѣшей артиллеріи, отъ конно-казачьихъ артиллерійскихъ батарей, отъ казачьихъ конныхъ полковъ, отъ 1-го и 2-го эскадроновъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса и отъ школы военныхъ кантонистовъ и образцовой земледѣльческой казачьей фермы.

Государь наслѣдникъ милостиво поздоровался съ кадетами и нижними чинами парадирующихъ частей войскъ, и восторженное «ура» войска и народа радостно привѣтствовало царскаго сына, а хоръ военной музыки штаба 23-й пѣхотной дивизіи исполнилъ народный гимнъ «Боже, Царя храни». Обойдя вмѣстѣ съ командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и военнымъ губернаторомъ В. А. Перовскимъ парадирующія войска, наслѣдникъ цесаревичъ остановился посерединѣ площади.

Какъ сейчасъ, вижу его передъ собою въ казачьемъ мундирѣ съ лентою черезъ плечо и въ казачьемъ киверѣ съ огромнымъ бѣлымъ султаномъ, въ которомъ при лучахъ яркаго солнца игра бриллiантовъ переливалась разноцвѣтными огнями.

Начальникомъ корпуснаго штаба былъ въ то время генералъ Ракосовскій, начальникомъ инженеровъ Бекъ-Булатовъ (изъ татаръ), и такъ какъ этотъ 90-лѣтній старецъ не могъ по пріѣздѣ на парадъ вылѣзть изъ кареты, будучи подагрикомъ, то наслѣдникъ цесаревичъ и В. А. Перовскій помогли ему, взявъ его подъ руки.

Его высочество изволилъ милостиво бесѣдовать съ генераломъ Бекъ-Булатовымъ и спросилъ его, какого онъ вѣроисповѣданія.

— Магометанскаго, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ генералъ, —а жена моя лютеранскаго исповѣданія, сынъ православный, а дочь лютеранка, такъ что мы всѣ молимся въ разныхъ церквахъ.

Начальникомъ 23-й пѣхотной дивизіи былъ тогда генералъ Жемчужниковъ, котораго солдаты очень любили, выражаясь про него, что онъ хотя и строгъ, но справедливъ; начальникомъ крѣпостной артиллеріи былъ генералъ Чарторижскій, бригаднымъ генераломъ коннoказачьей артиллерійской бригады—генералъ Кузьминскій. Онъ былъ такой толстый, что на смотрахъ три раза пересаживался съ лошади на лошадь, такъ какъ самыя крѣпкія не могли его долго носить на своихъ спинахъ. Въ семейной жизни онъ также былъ тяжелый человѣкъ, и когда два жениха разомъ посватались за его дочерей, то онъ отдалъ за того, который сваталъ младшую, старшую свою дочь, а за другого—младшую, ссылаясь на то, что браки по любви бываютъ всегда несчастливы.

Въ то время киргизы Средней и Малой орды управлялись пограничной комиссіей, предсѣдателемъ которой былъ генералъ Гейнцъ. Башкирское войско было на парадѣ въ конномъ строю. На башкирахъ были длинные бѣлые суконные халаты, подбитые краснымъ сукномъ, на головахъ подбитыя мѣхомъ остроконечныя высокія шапки, отороченныя галуномъ. Они были вооружены колчанами, изъ которыхъ очень мѣтко пускали стрѣлы: не даромъ французы въ кампанію 1812 года прозвали ихъ сѣверными амурами. На парадѣ они превосходно джигитовали, и начальникъ ихъ генералъ Ціолковскій удостоился за это благодарности его высочества.

Во время своего пребыванія въ г. Оренбургѣ наслѣдникъ цесаревичъ посѣщалъ учебныя заведенія—кадетскій корпусъ и школу военныхъ кантонистовъ, казармы, городскую тюрьму и военный госпиталь, а на второй день своего августѣйшаго пребыванія наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ отправиться вмѣстѣ съ В. А. Перовскимъ въ Илецкую соляную защиту, находящуюся въ разстояніи 65 верстъ отъ Оренбурга. Въ Илецкой защитѣ наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ осматривать добычу Илецкой каменной соли, производившуюся въ то время сосланными въ Илецкъ каторжными арестантами. При осмотрѣ соляныхъ копей В. А. Перовскій доложилъ его высочеству, что по расчисленію знаменитаго естествоиспытателя Гумбольдта залежи соли такъ богаты, что если солью этою довольствовалось бы все населеніе Европы, то ея достало бы на 10.000 лѣтъ. Въ то время соляная разработка производилась не шахтами, какъ теперь, а простѣйшимъ способомъ изъ ямы на глубинѣ 30 саженъ, при чемъ каменная соль вырубалась топорами и мотыгами, а вывозилась изъ ямы по доскамъ въ тачкахъ. Случалось, что вода заливала внезапно яму, и тогда рабочіе погибали.

Въ Илецкой защитѣ наслѣднику цесаревичу было поднесены сдѣланныя изъ сердцевины соли разныя мелкія вещи: модели крестовъ, памятника Александру I, воздвигнутаго въ г. Оренбургѣ въ память освобожденія этого города отъ воинскаго постоя, модели

рабочихъ домиковъ, солонокъ, чернильницъ и другихъ предметовъ, а также соляной кристалъ, въ видѣ шара, въ срединѣ котораго была живая капля воды, переливавшаяся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

По возвращеніи изъ Илецкой соляной защиты, въ честь его императорскаго высочества было устроено въ окрестностяхъ Оренбурга, на Суланѣ, за рѣкою Ураломъ, близъ Мѣнового двора народное празднество. Для этой цѣли былъ построенъ большой досчатый павильонъ съ крышею, и внутренность его разукрашена цвѣтами и дорогими оранжерейными растеніями. Празднество началось скачкою киргизовъ на верблюдахъ, при чемъ башкиры старались обогнать ихъ на лошадяхъ, но чаще верблюдъ, бѣжавшій рысью, обгонялъ лихого скакуна, дѣлая огромные размашистые шаги. Послѣ того маленькіе киргизята и башкирята скакали въ кругу на большую дистанцію и получали въ видѣ призовъ деньги, серебряные часы и шелковые халаты. Наслѣднику цесаревичу очень понравился этотъ спортъ, и киргизами былъ поднесенъ въ даръ его высочеству превосходный бѣлый аргамакъ—легкій скакунъ, который и былъ принятъ его высочествомъ и отосланъ въ Петербургъ.

Вечеръ былъ законченъ баломъ, на которомъ наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ танцовать съ дочерью послѣдняго киргизскаго Искендеръ-хана и милостиво изволилъ бесѣдовать съ дамами и дѣвицами, присутствовавшими на этомъ балѣ. Изъ Оренбурга его императорское высочество изволилъ отбыть вмѣстѣ съ В. А. Перовскимъ въ г. Уральскъ.

А. Жакмонъ.

МѢСТА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ПОГРЕБЕНІЯ ФЕЛЬДМАРШАЛА, ГРАФА И. И. ДИБИЧА-ЗАБАЛКАНСКАГО.

ДВАДЦАТЬ девятаго мая, 1831 года, изъ деревни Клешево подъ Пултускомъ, графъ Толь, начальникъ штаба арміи, дѣйствовавшей противъ поляковъ, доносилъ государю Николаю Павловичу:

«Съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести вашему императорскому величеству о горестной внезапной кончинѣ г. главнокомандующаго, графа Дибича-Забалканскаго, умершаго нынѣ, въ 12-мъ часу пополудни, отъ припадка холеры въ одной изъ высшихъ ея степеней».

Описавъ далѣе подробно ходъ болѣзни Дибича съ самаго ея начала (28 мая) до послѣдняго момента, когда «взглядъ (фельдмаршала) совершенно потухъ, и въ $11^1/_4$ часовъ невозвратная потеря свершилась, и Всевышнему Промыслу угодно было лишить армію достойнаго ея предводителя», генералъ-адъютантъ, графъ Толь, говоритъ въ заключеніе своего донесенія:

«Тѣло покойнаго будетъ вскрыто и бальзамировано и до времени сложено въ Ломзѣ [1]), а буде возможнымъ окажется, то въ

---

[1]) Т. е. въ Ломжѣ, въ то время уѣздномъ городѣ Сувалкской губ. (нынѣ — съ 1867 г.—губернскій городъ).

Костелъ св. Креста въ Пултускѣ.

Пруссіи. Насчетъ дальнѣйшаго отправленія я испрашиваю повелѣнія вашего императорскаго величества» [1]).

Смерть Дибича послѣдовала недалеко отъ Пултуска [2]), въ деревнѣ Клепиево, отстоящей отъ этого города въ пяти верстахъ.

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе гр. Толя отъ 29 мая 1831 г. Напечатано Н. К. Шильдеромъ въ «Русской Старинѣ», т. LXX, 499—500.

[2]) Теперь уѣздный городъ Варшавской губ.

Долгое время указывали избу, въ которой умеръ фельдмаршалъ. Только недавно она разобрана, по причинѣ ветхости, владѣльцемъ имѣнія Клешево, г. Эмиліемъ Рава.

Предположеніе «сложить до времени» тѣло Дибича въ Ломжѣ не осуществилось.

Его сложили въ Пултускѣ, очевидно, «по важности настигшихъ насъ обстоятельствъ» [1]).

На самой окраинѣ Пултуска, по шоссе въ Клешево, на берегу одного изъ притоковъ Нарева, расположилось городское католическое кладбище.

Въ центрѣ его возвышается небольшой красивый каменный костелъ въ романскомъ стилѣ, во имя св. Креста (Św. Krzyża). По актамъ мѣстнаго капитула первоначальными фундаторами кладбищенскаго костела считаются плоцкіе епископы Андрей Кржицкій и его суфраганъ — Николай Брилль (оба въ 1-й полов. XVI ст.). Плоцкій епископъ Онуфрій Шембекъ [2]) перестроилъ и отреставрировалъ костелъ, а также устроилъ въ немъ для своего предшественника, еп. Гилярія Шембека († 1797) и для себя самого надгробіе изъ чернаго мрамора. Съ 1804 г., по распоряженію прусскаго правительства, которому въ то время принадлежалъ Пултускъ, при костелѣ св. Креста начали хоронить умершихъ [3]).

Вотъ въ этомъ-то самомъ костелѣ, по правую сторону отъ алтаря праваго крыла зданія (послѣднее имѣетъ форму креста), помѣщена въ стѣнѣ, въ широкой рамѣ изъ сѣраго мрамора, бронзовая, вызолоченная, доска съ надписью слѣдующаго содержанія:

«Здѣсь часть бренныхъ останковъ,
«Въ С.-Петербургѣ тѣло
«Генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Ивановича
«Дибича-Забалканскаго,
«предводительствовавшаго
«Россійско-Императорскою Арміею
«противъ турокъ въ 1829 и противъ польскихъ мятежниковъ въ
«1831 годахъ, скончавшагося отъ холеры въ селѣ Клешевѣ 29 мая
«1831 года, на 49 году своей жизни,

«вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды при гор. Остроленкѣ».

Такимъ образомъ, текстъ приведенной надписи свидѣтельствуетъ, что здѣсь, въ костелѣ, находится только «часть бренныхъ останковъ» Дибича.

---

[1]) Выраженіе гр. Толя во всеподд. рапортѣ.

[2]) Онуфрій-Каетанъ Шембекъ былъ епископомъ плоцкимъ съ 1798 г. по 1808 г. Онъ послѣдній носилъ титулъ князя пултускаго.

[3]) Въ 1889 г. стараніями мѣстнаго прелата, о. Бонавентуры Грабовскаго, кладбище значительно расширено. Г. В.

Доска, обозначающая мѣсто погребенія «части бренныхъ останковъ» фельдмаршала графа Дибича въ костелѣ св. Креста, въ Пултускѣ.

Какая именно — неизвѣстно.

Въ средѣ мѣстнаго населенія утвердилось преданіе будто здѣсь погребено сердце фельдмаршала. Но на чемъ это преданіе зиждется,— намъ такъ и не удалось добиться.

Прахъ гр. Дибича не остался въ Пултускѣ, но и не былъ сразу перевезенъ въ Петербургъ, какъ гласитъ надпись. Его прежде нашли возможнымъ перевезти на родину графа, въ Пруссію [1]).

---

[1]) Гр. Іоганнъ-Карлъ-Фридрихъ (по-русски Ив. Ив.) фонъ-Дибичъ происходилъ изъ фамиліи бароновъ von Diebitsch und Narden. Род. въ 1785 г. Отецъ его былъ прусскій офицеръ, впослѣдствіи ген.-майоръ русской службы — Іог. Дибичъ. Образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Берлинѣ. На русскую службу поступилъ въ 1801 г. прапорщикомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Дѣятельность его въ рядахъ нашей арміи въ общихъ чертахъ извѣстна.

Новое мѣсто упокоенія гр. Дибича-Забалканскаго находится не далеко отъ нашей государственной границы.

Направляясь изъ прусскаго городка Іоганнисбурга (древній польскій Iansborg) къ русской Винцентской таможнѣ, не доѣзжая последней версты полторы, встрѣчаете небольшую прусскую деревушку Длоттовенъ (Dlottowen, по-польски Длутово). Около этой де-

Мѣсто погребенія графа Дибича близъ Длутова (въ Восточной Пруссіи).

ревни, въ разстояніи $^1/_4$—много $^1/_2$—версты, въ сторону отъ шоссе, на горкѣ, покрытой лѣсомъ, показываютъ «могилу Дибича» [1]).

Отъ шоссе идетъ сначала тропинка черезъ пахотное поле. Двигаясь по ней, вы подниметесь въ гору. Отсюда прямая, въ настоящее время заросшая травою, со слѣдами когда-то существовавшихъ здѣсь скамеекъ, аллея приведетъ васъ къ обширной площадкѣ, окруженной съ четырехъ сторонъ канавою и деревьями.

---

[1]) Нѣмцы называютъ это мѣсто Diebitszch-Plat.

Средину площадки занимаетъ насыпь, тоже четырехугольной формы, высотою до 2-хъ аршинъ. Разстояніе между границами площадки и каждою изъ сторонъ, находящейся посрединѣ ея насыпи, достигаетъ 1 сажени. На верхъ насыпи ведетъ дорожка. Здѣсь, въ травѣ, можно еще различить остатки цвѣточныхъ клумбъ. Слѣдовъ могилы никакихъ уже не сохранилось.

Хотя лѣса въ Пруссіи содержатся вообще въ большомъ порядкѣ, и длоттовенскій лѣсъ въ данномъ случаѣ не представляетъ исключенія, но все же бывшее мѣсто погребенія Дибича заслуживаетъ бо̀льшаго къ себѣ вниманія. Особенно, если принять во вниманіе слышанное нами въ Іоганнисбургѣ и въ Длоттовенѣ, будто русское правительство до сихъ поръ еще уплачиваетъ настоящему владѣльцу этого кусочка земли, іоганнисбургскому купцу (еврею) г. Шенману, ежегодно по 200 марокъ. Если это дѣйствительно такъ, то мы вправѣ ожидать видѣть на мѣстѣ бывшей могилы забалканскаго героя хотя бы простой камень или плиту съ коротенькою надписью, что здѣсь де тогда-то былъ погребенъ такой-то...

Тѣло Дибича, по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, оставалось тутъ годъ съ небольшимъ. Въ 1833 г. оно было перевезено въ Мемель и оттуда доставлено морскимъ путемъ, на бригѣ «Ольга», черезъ Кронштадтъ въ Петербургъ.

Въ настоящее время останки фельдмаршала покоятся на петербургскомъ Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою его жены—графини Женни Дибичъ, урожденной баронессы фонъ-Турнау, племянницы героя Отечественной войны, кн. М. Б. Барклая-де-Толли.

Г. А. Воробьевъ.

ПОДМОСКОВНОЕ СЕЛО ФИЛИ-ПОКРОВСКОЕ.

НЕДАЛЕКО отъ Москвы, въ трехъ верстахъ за Дорогомиловской заставой, по можайскому шоссе, высится очень красивая по своей архитектурѣ церковь; это—историческое село Фили, такъ памятное всякому русскому по 1812-му году. Здѣсь, 1-го сентября 1812 года, въ простой деревенской избѣ, принадлежавшей въ то время крестьянину Фролову, рѣшено было на военномъ совѣтѣ отступить и отдать Москву безъ боя непріятелю. Это былъ величайшій моментъ въ новой исторіи нашего отечества. Отечество было спасено, и слава русскаго оружія прогремѣла по всей Европѣ,—отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до самаго Парижа, водворяя миръ среди европейскихъ народовъ. Съ этого времени неизвѣстная дотолѣ изба крестьянина Фролова дѣлается священнымъ памятникомъ для каждаго русскаго человѣка, благодаря чему и самое село Фили пріобрѣтаетъ характеръ исторической мѣстности.

Первоначальная исторія этого села представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Нѣкогда Фили [1]) составляли главную часть такъ называемой

---

[1]) Первоначальпое названіе села было не Фили, а Хвили—дано оно было, очевидно, по характеру мѣстности, изобиловавшей нѣкогда болотами, благодаря чему мѣсто было хвилое, не здоровое. Теперешное двойное названіе Фили-Покровское село получило отъ находящейся въ немъ церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Кунцевской вотчины, въ составъ которой входили, кромѣ Филей, деревни Волынская (теперь село), Мазилово, Троицкое и др. Въ 1526 году она была подарена великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ III своему ближнему боярину, князю Ѳедору Михайловичу Мстиславскому. Случилось это, по всей вѣроятности, въ то время, когда князь Ѳедоръ пріѣхалъ изъ Литвы въ Москву на службу къ великому князю. Принятый въ Москвѣ съ большимъ радушіемъ, князь Ѳедоръ былъ пожалованъ Василіемъ III многими вотчинами, въ числѣ которыхъ были даже и города—Малый Ярославецъ и Каширa. Въ числѣ пожалованныхъ вотчинъ находилась, нужно думать, и Кунцевская. Хотя точныхъ историческихъ свѣдѣній на этотъ счетъ и не имѣется, тѣмъ не менѣе нѣтъ повода сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ Кунцевская вотчина называлась всегда старинною вотчиною князей Мстиславскихъ [1]). Родъ князей Мстиславскихъ владѣлъ ею съ небольшимъ сто лѣтъ. Въ 1622 году, по смерти послѣдняго изъ князей Мстиславскихъ, боярина Ѳедора Ивановича, вотчина съ селомъ Филями, деревнями и пустошами, перешла по изволенію царя Михаила Ѳеодоровича во владѣніе сестры боярина, старицы Ирины Ивановны Мстиславской, скромной инокини Московскаго Вознесенскаго монастыря. Въ это время Фили уже были резиденціей княжеской вотчины. Расположенное при устьѣ рѣчки Фильки, недалеко отъ мѣста впаденія ея въ Москву-рѣку, на широко раскинутомъ мѣстѣ, окруженномъ частыми лѣсами, село было очень красиво. Въ селѣ была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, съ придѣломъ зачатія св. Анны, деревянная, строенная «по-клѣтски», т. е. такъ, какъ изба-клѣть. Въ самомъ селѣ было тогда всего на всего пять крестьянскихъ дворовъ да три бобыльскихъ, съ 18 душами. Все группировалось на маленькомъ пространствѣ, отрѣзанномъ отъ прочаго міра могучими дубравами, изобиловавшими дикими звѣрями и прорѣзанными частыми болотами. Здѣсь было одно изъ любимыхъ мѣстъ княжеской охоты, съ рогатиною на дикаго звѣря или съ соколомъ и кречетомъ на полевую и болотную дичь. Вотъ тѣ свѣдѣнія, какія мы могли найти въ лѣтописяхъ о первоначальной исторіи этого села, ставшаго потомъ извѣстнымъ всей Россіи.

Въ 1630 году мирно скончалась благочестивая инокиня Ирина Ивановна Мстиславская. Послѣ ея смерти никого не оставалось изъ рода князей Мстиславскихъ, и поэтому Кунцевская вотчина, какъ выморочная, перешла, въ полномъ своемъ составѣ, въ дворцовое вѣдомство. Въ 1649 году мы уже видимъ въ Кунцевской вотчинѣ новыхъ владѣльцевъ. Царь Алексѣй Михайловичъ даритъ ее своему тестю, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому, ранѣе не имѣвшему ни одной подмосковной вотчины, жалуетъ по обычаю,

---

[1]) Кунцево и Сѣтунскій станъ, Забѣлина, стр. 144—145.

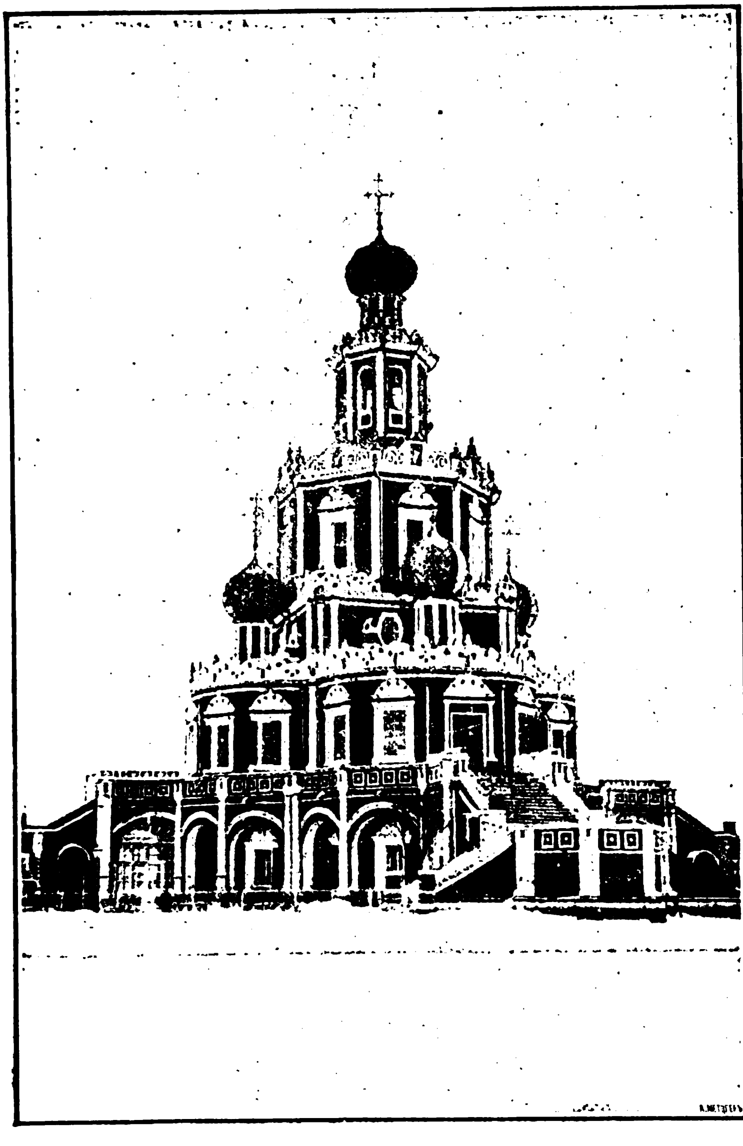
по которому считалось необходимымъ для каждаго близкаго къ государю человѣка имѣть подмосковное помѣстье. Но недолго ею владѣли Милославскіе. Пока былъ живъ царь, они пользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ, которое со смертью царя, какъ извѣстно, во многомъ измѣнилось. Милославскіе владѣли Филями болѣе сорока лѣтъ. Въ 1689 году на Филяхъ уже является новый помѣщикъ, родной дядя по матери Петру I, бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, строитель нынѣшней знаменитой своей архитектурой церкви. Щедро былъ пожалованъ царемъ его родичъ. Къ прежнему составу Кунцевской вотчины было еще вновь причислено три деревни и прирѣзано восемь пустошей [1]. Вступивъ въ управленіе вотчиной, Левъ Кирилловичъ перевелъ крестьянское населеніе Филей на большую Можайскую дорогу и поставилъ тамъ новую деревню Фили, въ которой въ 1704 году числилось 22 двора и 99 человѣкъ крестьянъ. Съ этого времени Фили перестали называться селомъ, а деревней; село же стало называться Ново-Покровское или Покровскимъ-Филями, по церкви Покрова Пресвятой Богородицы, и съ этихъ же поръ село Покровское стало считаться резиденціею владѣльца Кунцевской вотчины.

Новому помѣщику полюбилась его вотчина. Дѣйствительно, прекрасное мѣстоположеніе, обиліе лѣсовъ и воды, близость къ Москвѣ—все говорило въ ея пользу, и Левъ Кирилловичъ рѣшилъ устроить въ ней постоянное свое мѣстопребываніе. Былъ выстроенъ прекрасный домъ, въ стилѣ тогдашнихъ петровскихъ построекъ, разбитъ былъ огромный и прекрасный паркъ, выкопаны были вновь пруды, заведены были большія конюшни и охоты,—и жизнь забила ключемъ, во всю ширь тогдашняго шумнаго и обезпеченнаго барства. Близость къ царю, открытый и симпатичный характеръ новаго владѣльца сдѣлали домъ его мѣстомъ, куда съѣзжалась вся Москва, веселилась и угощалась радушнымъ и гостепріимнымъ бояриномъ. Любилъ посѣщать Фили самъ царь Петръ I. Въ посмертномъ сочиненіи М. П. Погодина о первыхъ годахъ самодержавія Петра I (1689—1694) приводится нѣсколько краткихъ выписокъ изъ дневника Петра Ивановича Гордона о посѣщеніи Петромъ села Покровскаго-Филей. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ записей.

«1690 года, 20 февраля. Провожали царя на Фили, обѣдали и ужинали тамъ у Льва Кирилловича Нарышкина и воротились домой въ 3-мъ часу по утру».

---

[1]) Кромѣ деревни Волынской, Троицкой и Мазилова, входившихъ первоначально въ составъ Кунцевской вотчины, въ нее вошли деревни: Гусарово—на Москвѣ рѣкѣ (нынѣ не существующая), Ипское—на Москвѣ рѣкѣ (тоже не существующая) и самое Кунцево (нынѣ село), и восемь пустошей: Бетино, Шевелево, Шульгино, Игнатьево, Матренино, Якимово, Корелино и Петройково.



Храмъ во имя Спаса Нерукотвореннаго и Покрова Богородицы, на Филяхъ, построенный Л. К. Нарышкинымъ въ 1693 году.

«1690 года, 12 іюля. Былъ праздникъ у князя Михаила Ивановича Лыкова; вечеромъ все общество отправилось ко Льву Кирилловичу Нарышкину».

«1690 года 20 іюля. Были приглашены царемъ на Фили, гдѣ очень много веселились».

Были еще посѣщенія, и довольно частыя, но всѣ они носятъ одинаковый характеръ.

Одновременно съ устройствомъ своей резиденціи, новый владѣлецъ вотчины рѣшилъ выстроить въ ней величественный храмъ на мѣстѣ существовавшаго ранѣе деревяннаго, уже ветхаго храма. Въ памяти боярина еще живы были воспоминанія объ ужасахъ мятежнаго времени; еще не такъ давно жизнь его подвергалась опасности во время стрѣлецкихъ бунтовъ. Живо еще стояла предъ нимъ картина стрѣлецкаго разгрома въ царскомъ теремѣ, смерть брата его Ивана, упавшаго съ разсѣченной головой, чудесное его избавленіе отъ смерти въ то время, когда двери опочивальни уже ломились подъ ударами стрѣльцовъ, и онъ, потерявшій уже надежду на спасеніе, стоялъ на колѣнахъ передъ иконой Спаса. Безслѣдно это не могло пройти. И вотъ, движимый чувствомъ благодарности Богу за избавленіе отъ смерти, Левъ Кирилловичъ строитъ въ 1693 году у себя, на Филяхъ, чудной архитектуры храмъ, вызывающій собою восторгъ и доселѣ; ставитъ тамъ два престола: одинъ въ верхнемъ этажѣ, во имя Спаса Нерукотвореннаго, а въ нижнемъ—оставляетъ стародавній престолъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Храмъ построенъ въ стилѣ эпохи возрожденія. Храмъ весь въ орнаментахъ. Орнаментовка какъ снаружи, такъ и внутри поражаетъ правильностью своихъ архитектурныхъ линій, богатствомъ своей отдѣлки, безъ нарушенія, однако же, изящнаго вкуса и строгой гармоніи частей. Прочность и массивность постройки не мѣшаютъ красотѣ цѣлаго. Видимо, строитель не жалѣлъ ни средствъ, ни усилій, чтобы создать храмъ, достойный имени Божія. Церковь—двухъярусная. Въ верхній ярусъ ведетъ особый входъ по четыремъ лѣстницамъ и окружающей храмъ галлереѣ. Храмъ въ четыре пояса, съ колокольней въ трибунѣ. Второй поясъ увѣнчанъ четырьмя главами; одна изъ нихъ съ западной стороны (со стороны входа въ верхній храмъ) украшена двуглавнымъ орломъ; короною также увѣнчанъ крестъ на главной главѣ храма. Есть свѣдѣнія, что самъ Петръ жертвовалъ на устройство храма. Изъ дневника того же Гордона видно, что царемъ дано было между прочимъ 400 червонцевъ на украшеніе главъ и крестовъ. Царь любилъ бывать въ храмѣ. По своему обыкновенію, онъ становился на клиросъ, пѣлъ и читалъ; для семьи же было устроено особое царское мѣсто, увѣнчанное короною, сохранившееся доселѣ.

Въ верхней церкви, во имя Спаса Нерукотвореннаго, прекрасно сохранился и до настоящаго времени великолѣпный, исполненный въ стилѣ рококо, иконостасъ, досягающій своими восемью поясами самыхъ сводовъ храма и завершающійся Распятіемъ съ изображеніемъ Богоматери и св. Іоанна Богослова. Изъ достопримѣчательностей храма прежде всего обращаетъ на себя вниманіе храмовая

икона во имя Спаса Нерукотвореннаго. Это та самая икона, предъ которою молился Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ во время стрѣлецкаго погрома въ Московскомъ кремлѣ. По всей вѣроятности, этотъ храмъ и поставленная въ немъ комнатная икона Спасителя были обѣтнымъ приношеніемъ боярина Господу за свое избавленіе

Иконостасъ храма Спаса Нерукотвореннаго и Покрова Богородицы.

отъ смерти. Такого взгляда держится и мѣстная лѣтопись, которая гласитъ: «храмовая икона Спасителя, подобіе нерукотворенной, особо чтима была храмоздателемъ, бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ, братъ котораго, Иванъ Кирилловичъ, былъ убитъ въ стрѣлецкій бунтъ, а онъ, Левъ Кирилловичъ, спасенъ былъ при упованіи на милосердіе Спасителя и чествованіе его нерукотворен-

наго образа, который образъ имъ же, Львомъ Кирилловичемъ, и пожертвованъ въ церковь». Образъ стариннаго греческаго письма. На немъ греческая же надпись: τὸ ἅμον μαντόγιον», а внизу-стихи, написанные по-славянски:

Іисусе, Сыне живота Бога,
Милосердія пучина премнога!
Вѣмы, яко на Тя кто уповаетъ,
Отъ всѣхъ злыхъ спасенъ бываетъ.
Авгарь князь на Тя надежду имяше,
Симъ Твоимъ зракомъ съ домомъ спасенъ бяше.
И нынѣ зрящимъ, Христе, на образъ Твой,
Въ молитвѣ приносящимъ къ Тебѣ гласъ свой,
Льву, вѣрну рабу своему,
Милость Свою подаждь и дому всему,
Немятежное даруй благоденство;
По семъ на небеси вѣчное блаженство».

Стихи эти неизвѣстнаго автора. Самая икона вышиною 8, а шириною 7 вершковъ; украшена брилльянтами, изумрудами, рубинами, алмазами и другими драгоцѣнными камнями, въ золотой ризѣ. Мѣстныя иконы: Успенія Божіей Матери, св. апостоловъ Петра и Павла, свв. мучениковъ Адріана и Наталіи, св. Льва, папы римскаго, и св. муч. Параскевы—соименны семейству царя Алексѣя Михайловича и Нарышкиныхъ и писаны знаменитымъ иконописцемъ XVII вѣка Карпомъ Золотаревымъ. Существуетъ предположеніе, что лики на нѣкоторыхъ изъ иконъ списаны съ живыхъ оригиналовъ изъ семьи Нарышкиныхъ.

Кромѣ этого, заслуживаютъ вниманія: а) три евангелія, изъ которыхъ одно въ мѣдномъ окладѣ, изд. 1681 года; другое безъ оклада, напечатанное въ 1688 г., въ листъ на бѣлой бумагѣ, и третье, изд. 1689 г., на бѣлой полуалександрійской бумагѣ, вышиною въ доскахъ одинъ аршинъ безъ $^{3}/_{8}$ в. и шириною въ 10 $^{1}/_{2}$ в., въ чеканномъ вызолоченномъ серебряномъ окладѣ; в) старинный напрестольный серебряный вызолоченный крестъ вышиною въ $9^{1}/_{2}$ в., внутри коего древо со св. мощами разныхъ угодниковъ Божіихъ. По преданію, окладъ для Евангелія 1689 года былъ пожертвованъ Петромъ I, а напрестольный крестъ царицею Натальею Кирилловною Нарышкиной; с) пара старинныхъ вызолоченныхъ кадилъ, ковши, кубки, шелковое полотенце, вышитое собственноручно Натальею Кирилловной. Кромѣ этихъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія по своей старинѣ и исторіи своего происхожденія, интересны также хранящіяся въ ризницѣ аксамитовыя древнія облаченія съ тремя таковыми же покровами для св. Даровъ. На покровахъ кресты крупнаго жемчуга.

Есть еще въ этой церкви древности, которыя обращаютъ на себя вниманіе своею оригинальностью, это—старинныя стекла съ

Евангеліе 1689 года и напрестольный крестъ, пожертвованный царицею Натальей Кирилловной.

художественно выполненными на нихъ рисунками. Ихъ хранится сейчасъ въ церковной ризницѣ 84 штуки. Ранѣе ихъ было гораздо болѣе. До 1812 года стекла эти помѣщались въ оконницахъ верхней церкви. Въ этотъ годъ, когда церковь была занята французами, рамы были всѣ расхищены, и только одна изъ нихъ была впослѣдствіи найдена въ канавѣ, на мѣстѣ бывшей стоянки фран-

цузскаго лагеря. Цвѣтъ стеколъ зеленоватый; длина ихъ 3 вершка, ширина 2 вершка. Есть преданіе, о чемъ говоритъ мѣстная лѣтопись, что стекла эти были вывезены Петромъ I изъ покоренной имъ Нарвы. Происхожденіе ихъ несомнѣнно изъ Прибалтійскаго края, ибо на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображены гербы прибалтійскихъ дворянъ, и даты указываютъ на петровское время. Всѣ они имѣютъ подъ гербами подписи на нѣмецкомъ языкѣ, латинскими буквами. Считаемъ далеко нелишнимъ помѣстить описаніе ихъ, въ виду значенія ихъ для геральдики дворянскихъ остзейскихъ родовъ. Стекла эти не разъ обращали на себя вниманіе. По словамъ настоятеля церкви, протоіерея В. П. Гурьева, любезно предложившаго намъ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности храма, въ томъ числѣ и эти стекла, къ нему не разъ обращались съ просьбой пожертвовать ихъ въ Рижскій музей. Въ 1892 году два раза осматривала ихъ спеціально пріѣзжавшая въ Фили группа офицеровъ конногвардіи, принадлежавшихъ къ титулованнымъ родамъ Отзейскаго края. По ихъ словамъ, изображенные на стеклахъ гербы, дѣйствительно, гербы прибалтійскихъ владѣтельныхъ особъ. Такихъ стеколъ 25 штукъ. Вотъ подробное описаніе ихъ.

1) Гербъ, на верху котораго орелъ; въ серединѣ справа изображеніе полуорла, слѣва къ этому изображенію примыкаютъ три изсѣченныхъ конуса, положенные горизонтально одинъ на другой. Внизу, подъ гербомъ, надпись: H. Henrich Pierрer Königl. Stadthalter in Narva. Года нѣтъ.

2) Гербъ, вверху котораго подобіе лиры безъ струнъ; среди герба нарисована птица, сидящая на вѣткѣ. Внизу подписано: H. Iohann Lahrson Mether. Года тоже нѣтъ.

3) Вверху герба нарисованъ человѣкъ въ средневѣковомъ одѣяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ обнаженный мечъ. Въ серединѣ герба нарисовано дерево, стоящее въ водѣ; подъ деревомъ плаваютъ два лебедя; вверху вьются птицы. Внизу подпись: Iohann Böökman. Anno 1691.

4) Вверху среди крыльевъ какой-то значекъ; въ срединѣ герба бѣгущая лисица; надъ нею три такихъ же значка, какъ и вверху; надпись: Christian Volff. Anno 1688.

5) Вверху герба изображенъ рыцарь; въ лѣвой рукѣ его жезлъ съ двумя змѣиными головами вверху; подъ нимъ бюстъ рыцаря, на шеѣ котораго орденъ въ видѣ креста; посрединѣ герба положены крестомъ двѣ пушки; вокругъ нихъ ядра. Внизу герба подпись: Ionas Hallberg Stuck Inneker. Anno 1691. Первое слово можно читать и Ionas и Iohas.

6) Вверху герба звѣзда, подъ нею бюстъ. Посрединѣ лебедь, а внизу подпись: Nicolaus Vitte. Anno 1688.

7) Вверху герба утка; въ срединѣ семь крупныхъ звѣздъ. Внизу подпись: Hinrich Iohan Men Schier Leütenant. Года нѣтъ.

Древнія кадила, ковши, кубки и блюда. Шелковое полотенце, вышитое шелками, серебряными и золотыми нитками царицей Натальей Кирилловной.

8) Вверху герба вѣеръ изъ павлиныхъ перьевъ; посрединѣ герба поставлено пять копій, остріемъ вверхъ. Внизу подпись: Iohn Taylor. Anno 1687.

9) Вверху герба вѣтвь; по срединѣ двѣ перекрещенныя вѣтви; внизу подпись: Samuel Vichlerus. Anno 1691.

10) Вверху — бѣгущій конь; посрединѣ герба два перекрещенныхъ трезубца, оперенные внизу; подъ ними подпись: Thomas Herbers. Года нѣтъ.

11) Вверху герба три розы; среди герба воловья голова. Внизу подпись: Niclas Tiecher. Года нѣтъ.

12) Вверху герба гроздья винограда; посрединѣ перекрещены двѣ косы; вверху и внизу, въ образуемыхъ ими углахъ, по звѣздѣ, а съ боковъ маски, помѣщенныя въ полумѣсяцахъ. Внизу герба подпись: Rudolpt Steffens. Даты нѣтъ.

13) Вверху герба — нагой человѣкъ, съ вѣнкомъ на головѣ и держитъ въ рукахъ вѣтвь; въ срединѣ герба распустившійся цвѣтокъ. Внизу подпись: Margareta Iacobi. Anno 1691.

14) Вверху герба гроздья винограда; въ срединѣ левъ, держащій въ лапахъ молотъ. А внизу подпись: Christian Serlin. Anno 1691.

15) Вверху герба рука, держащая кисть винограда; въ основаніи руки рыцарскій бюстъ съ орденомъ на шеѣ; въ срединѣ герба помѣщенъ орелъ, парящій среди звѣздъ. Внизу подпись: Fridrich Schvengel. Anno 1689.

76) Вверху герба рука съ крыльями, держащая плодъ съ цвѣтами; ниже рыцарскій бюстъ съ орденомъ на шеѣ; въ срединѣ изображена пантера, подъ ногами которой три рыбы, а внизу подпись: K. Barbara Möller. Года нѣтъ.

17) Вверху подобіе орла; среди герба нарисовано дерево, а внизу подпись: Oloff Iönson Seck. Anno 1691.

18) Вверху три розы, исходящія изъ бюста рыцаря, у котораго нѣтъ головы; по срединѣ герба изображено дерево съ листьями. Внизу герба подпись: Eriens Alboyns. Anno 1692.

19) Вверху рыцарь въ полномъ вооруженіи; въ лѣвой его рукѣ обнаженная сабля; въ срединѣ герба на лентѣ, положенной съ угла на уголъ, нарисованы три крупныя звѣзды, а подъ ними подписано: Carel Molm Fenderich. Года нѣтъ.

20) Одинъ изъ угловъ стекла отбитъ; вверху виднѣется, какъ будто, рука; въ срединѣ помѣщена рука съ дымящимся пистолетомъ. Внизу подпись: Christofer Vilgelm Armfeld Fendrich. Anno 1689.

21) Сохранилась только половина стекла; въ срединѣ герба дерево; подъ нимъ пирамида ядеръ, которыя воспламеняетъ трезубцемъ человѣкъ въ костюмѣ XVII вѣка.

22) Сохранилась только часть стекла съ подписью: Nicolaus Kohl. Даты нѣтъ.

23) Верхняя часть герба отбита; въ срединѣ его яблочная вѣтвь съ плодами, внизу же подпись: H. Iohann Christoffer Schvart Bürgermeister. Года нѣтъ.

24) Сохранилась только нижняя часть стекла; среди герба, какъ можно судить по остатку рисунка, поставлена монограмма изъ двухъ M, внизу подпись: Iohan Hinrichson Kors Büessalter. Anno 1668; по бокамъ подписи по одному ангелу.

25) Сохранилась половина стекла; среди герба три крупныя звѣзды, а внизу подпись: Peter Rode. Anno 1688.

Остальныя стекла имѣютъ на себѣ изображенія библейскихъ событій, библейскихъ лицъ, ангеловъ, цвѣтовъ, вѣтвей и простыхъ узоровъ. На одномъ стеклѣ, напримѣръ, нарисованъ Ной, спящій въ виноградникѣ; на другомъ исполнено въ нѣсколько красокъ жертвоприношеніе Исаака; на третьемъ—убійство Авеля Каиномъ; на четвертомъ изображенъ Іоаннъ Креститель, въ видѣ мальчика, съ посохомъ—крестомъ въ рукахъ, и около него агнецъ; рисунокъ этотъ въ нѣсколько красокъ; другой, точно такой же, рисунокъ

Кутузовская изба въ Филяхъ.

исполненъ въ одну краску—черную. Также двояко исполнено изображеніе Христа, въ видѣ отрока, съ благословляющей десницею и съ державой въ шуйцѣ. Есть еще изображеніе Давида съ гуслями въ одной рукѣ и псалтирью—въ другой.

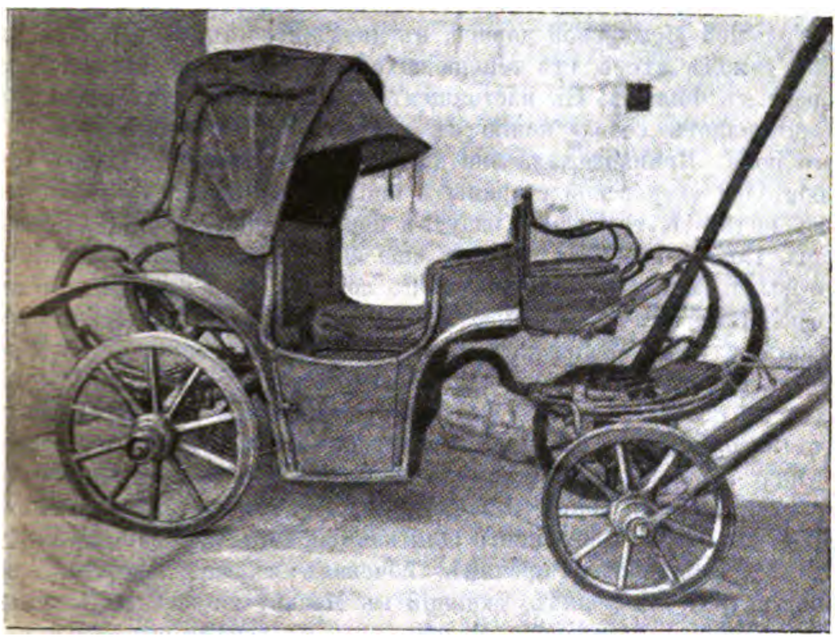
На всякаго, бывающаго въ Филяхъ, церковь производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Чѣмъ больше глядишь на нее, тѣмъ больше она нравится стройностью своей формы и легкостью своихъ архитектурныхъ линій. Внутри ея—обиліе свѣта, прекрасной работы иконостасъ, драгоцѣнная утварь, великолѣпно писанныя иконы въ богатѣйшихъ окладахъ, художественной работы подсвѣчники, паникадила знаменитаго мастера Полтавцева и т. д. Все это дѣлаетъ

церковь однимъ изъ прекраснѣйшихъ московскихъ храмовъ. Непріятельскій разгромъ 1812 года почти не коснулся ея, хотя попытки, несомнѣнно, и были. За цѣлость церковнаго имущества и священной утвари достоинъ благодарной памяти священникъ Григорій Гавриловичъ Котловъ, бывшій свидѣтелемъ 1812 года. Объ этомъ въ мѣстной лѣтописи говорится такъ: «вся священная утварь и прочее имущество церковное въ 1812 году спасены отъ непріятелей въ сѣверной главѣ церкви пробитіемъ во внутренность оной изъ входа на колокольню противъ самаго царскаго мѣста стѣны, которая, по положеніи въ главу церковнаго имущества, такъ была искусно задѣлана, что непріятели никакъ не могли примѣтить. Для сохраненія носили церковное имущество мѣстный священникъ съ причетниками и старостою церковнымъ секретно отъ прочихъ. Работники-каменщики были приглашены извѣстные своею доброю нравственностью, которые, по задѣланіи стѣны, забѣливъ оную подъ старую, отправились немедленно въ свою сторону отъ непріятелей, во Владимирскую губернію. Вѣчная память бывшему тогда настоятелю Григорію Гавриловичу Котлову и ктитору церковному купцу Андрею Прохоровичу Кашину, по благоразумному распоряженію коихъ промысломъ Божіимъ, подъ покровомъ Божіей Матери, соблюдена вся священная драгоцѣнная утварь». Достойный пастырь скончался въ 1825 году, переживъ на себѣ всѣ ужасы войны 1812 года. Между прочимъ, о. Григорію выпало счастіе встрѣчать государя Александра Павловича. Это было послѣ посѣщенія государемъ Москвы въ ночь на 11-е іюня, когда онъ проѣзжалъ по Можайскому тракту, близъ села Филей. Картина была поразительная. При свѣтѣ факеловъ и свѣчей, съ крестомъ въ рукахъ, отецъ Григорій встрѣтилъ государя и благословилъ его при словахъ: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его». Государь, сдѣлавъ земной поклонъ, съ глубокимъ вздохомъ приложился къ кресту.

Строитель церкви, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, умеръ въ 1705 г., 28 января. Послѣ его смерти осталось трое сыновей: Александръ, Иванъ и Евграфъ Львовичи. Вотчины, отказанныя имъ отцемъ (по 1604 двора каждому), въ томъ числѣ Покровское-Фили, не были раздѣлены между ними за ихъ малолѣтствомъ и долго оставались въ общемъ владѣніи. По смерти Евграфа, Иванъ и Александръ Львовичи раздѣлились, при чемъ извѣстно, что Кунцово досталось Александру, а были ли отдѣлены Фили для Ивана—неизвѣстно. Можно думать, что они такъ и остались за Александромъ. Скончался онъ въ 1742 г., 25 января. Послѣ Александра остались сыновья Александръ и Левъ. Фили перешли къ первому.

Изъ жизни этого помѣщика нелишнимъ считаемъ отмѣтить посѣщеніе его въ 1763 году, въ Филяхъ, императрицею Екатериною II. Оказывая свое всемилостивое благоволеніе къ оберъ-шенку Александру Александровичу и шталмейстеру Льву Александровичу, го-

сударыня изволила удостоить своимъ посѣщеніемъ ихъ подмосковные дома съ придворною свитою. Это случилось въ годъ коронаціи, лѣтомъ 1763 г., 7 іюня, въ субботу. Изъ Москвы до перевоза черезъ Москву рѣку (около деревни Шелепихи) императрица ѣхала въ каретѣ, а черезъ рѣку переправлялась на великолѣпно убраномъ паромѣ А. Нарышкина. Поѣздъ направился прежде въ село Покровское-Фили и встрѣченъ былъ при колокольномъ звонѣ священникомъ села съ крестомъ, при чемъ производилась пушечная пальба. Государыня, приложившись къ кресту, изволила пройти въ



Походный экипажъ Кутузова въ 1812—1813 годахъ.

церковь, гдѣ совершено было молебствіе, потомъ въ покои хозяина, гдѣ былъ приготовленъ роскошный столъ. Во время его, при пушечной пальбѣ, было пито за здоровье ея величества, потомъ цесаревича, затѣмъ за всѣхъ вѣрныхъ рабовъ ея величества и, наконецъ, за здоровье домохозяина съ его фамиліею. По окончаніи обѣда, государыня гуляла въ паркѣ и оттуда проходила смотрѣть яхту, которая была сдѣлана до начатія россійскаго флота и хранилась въ нарочито устроенномъ мѣстѣ. Изъ Покровскаго императрица съ своею свитою поѣхала въ стоявшій гдѣ-то вблизи лагерь армейскихъ полковъ, а затѣмъ въ Кунцево. Изъ Кунцева, при пушечной пальбѣ, возвратилась въ Москву, трактомъ черезъ Покров-

ское, гдѣ церковь, и домъ помѣщика, и вся дорога до перевоза пребогато были иллюминованы [1]).

Послѣ смерти Александра Александровича, Покровское оставалось въ родѣ Нарышкиныхъ до 1868 года. Послѣднимъ помѣщикомъ былъ оберъ-камергеръ Эммануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ, которымъ одна часть земли была отдана въ вѣчное владѣніе бывшимъ у него управляющимъ гг. Гурьеву, Бранову и Гундыреву, а другая была продана потомственному почетному гражданину П. Г. Шелапутину.

Драгоцѣнный памятникъ войны 1812-го года, Кутузовская изба, свидѣтельница военнаго совѣта героевъ отечественной войны, стоитъ на большой Можайской дорогѣ, въ двухъ верстахъ отъ Москвы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится поворотъ съ шоссе на дорогу къ Филямъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ Кутузовская изба представляетъ собою копію съ прежней, сгорѣвшей въ 1868 г., 7-го іюля. Принадлежала она крестьянину Фролову. Одному изъ любителей московской старины и библіографу А. А. Астапову удалось видѣть Кутузовскую избу въ первоначальномъ видѣ, до пожара. По его словамъ, въ избѣ еще былъ цѣлъ дубовый столъ, за которымъ засѣдали члены военнаго совѣта. Край его былъ расщепленъ. Ветеранъ-гвардеецъ разсказывалъ А. А. Астапову, что Кутузовъ, слушая оживленные споры генераловъ, всталъ съ своего кресла и при словахъ: «приказываю отступать», такъ сильно ударилъ по столу, что столъ на углу треснулъ. Къ сожалѣнію, столъ этотъ сгорѣлъ. До пожара сохранялась въ избѣ вся обстановка военнаго совѣта: скамьи, кресло, знаменитая чернильница и проч. На стѣнахъ были портреты засѣдавшихъ на совѣтѣ генераловъ; хранилась въ избѣ также книга для записи лицъ, посѣщавшихъ ее. Въ 1826 году, между прочимъ, ночевалъ въ ней великій князь Константинъ Павловичъ, ѣхавшій въ Москву на коронацію императора Николая Павловича. Во время пожара успѣли вынести только иконы, портреты, да большую сосновую скамью, стоявшую у стола, въ переднемъ углу [2]); остальное же стало жертвою пламени. Мѣсто, гдѣ стояла изба, принадлежало владѣльцу Филей Э. Д. Нарышкину, который послѣ пожара предложилъ Московской думѣ взять его для устройства на немъ памятника; но дума, не желая почему-то взять его даромъ, заплатила Нарышкину за него 200 рублей. Г. Нарышкинъ возвратилъ ихъ думѣ для устройства на этомъ мѣстѣ памятника фельдмаршалу Кутузову. Остатки сгорѣвшей избы были проданы думой за 40 рублей. До 1883 г. здѣсь ничто не напоминало о существованіи исторической избы. Въ этотъ годъ, послѣ коронаціи покойнаго императора Александра III, офицеры гренадер-

---

[1]) «Кунцево и Сѣтунскій станъ», Забѣлина, стр. 205.

[2]) Одна изъ трехъ, на которыхъ засѣдали члены военнаго совѣта.

скаго корпуса, желая увѣковѣчить историческое мѣсто совѣта 1812 г., возбудили ходатайство объ устройствѣ памятника на мѣстѣ сгорѣвшей избы. На собранныя ими средства были поставлены двѣ мраморныя доски на верстовомъ столбѣ, стоявшемъ на дорогѣ, вблизи избы, съ слѣдующими надписями: 1) «На мѣстѣ этомъ находилась изба, принадлежащая крестьянину деревни Филей, Фролову, гдѣ 1-го сентября 1812 года былъ военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ князя Кутузова, рѣшившаго участь Москвы и спасеніе Россіи. Изба сгорѣла 7-го іюня 1868 г. Офицеры гренадерскаго корпуса, бывшіе на военной прогулкѣ въ 1883 г. въ окрестностяхъ Москвы, проникнувшись благоговѣніемъ къ историческому мѣсту, возымѣли желаніе увѣковѣчить это мѣсто камнемъ и обнести его оградой, что и исполнено заботами и усердіемъ чиновъ гренадерскаго корпуса 8-го ноября 1883 г.» 2) На другой доскѣ надпись такого содержанія: «На совѣтѣ фельдмаршалъ высказалъ, что «съ потерею Москвы еще не потеряна Россія. Поставляю въ обязанность сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя въ Москву, отступить по Рязанской дорогѣ». Закончилъ онъ совѣтъ такъ: «Мнѣ придется поплатиться за все; пожертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать». Эти двѣ надписи и до сихъ поръ цѣлы; онѣ находятся во дворѣ противъ самаго фасада Кутузовской избы. Такимъ образомъ, послѣ сгорѣвшей избы однѣ лишь надписи на мраморныхъ доскахъ служили напоминаніемъ о бывшемъ въ 1812 году совѣтѣ. Въ 1887 году общество хоругвеносцевъ Московскаго собора Христа Спасителя исходатайствовало черезъ московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова, дозволеніе возобновить на свой счетъ историческую избу по первоначальному ея плану, и въ тотъ же годъ, ровно черезъ 75 лѣтъ, послѣ того какъ русскія войска бились съ французами подъ Смоленскомъ, была освящена Кутузовская изба.

Изба построена по типу обыкновенныхъ деревенскихъ избъ, изъ сосноваго лѣсу; крыша покрыта, вѣроятно, въ подражаніе сгорѣвшей избѣ, соломою подъ гребенку. Въ избу ведетъ крылечко, раздѣляющее ее на двѣ половины: одну изъ нихъ занимаетъ собственно изба, а другая отведена подъ помѣщеніе призрѣваемыхъ ветерановъ. На избѣ надписи: «Изба военнаго совѣта, бывшаго 1-го сентября 1812 г.» и «Возобновлена высочайше утвержденнымъ обществомъ хоругвеносцевъ Московскаго каѳедральнаго Христа Спасителя собора въ 1887 г.». Постройка ея производилась подъ наблюденіемъ архитектора Н. Р. Струкова, а внутреннее размѣщеніе подъ руководствомъ художника Р. М. Струкова.

Новая «Кутузовская изба» представляетъ собою довольно большое помѣщеніе. Въ переднемъ углу находится божница и большой простой столъ, уставленный скамьями, изъ которыхъ одна та самая,

на которой сидѣли члены военнаго совѣта. Ближайшій къ божницѣ простѣнокъ занятъ портретами Кутузова и участвовавшихъ въ совѣтѣ генераловъ: Барклай-де-Толли, Беннигсена, Дохтурова, Уварова, Ермолова, Коновницына и Раевскаго. Въ окнѣ, между простѣнками, поставленъ гипсовый бюстъ Кутузова, принесенный въ даръ правнукомъ князя, С. Н. Розановымъ. Бюстъ сдѣланъ по гипсовой маскѣ, снятой съ лица, и переходилъ изъ рода въ родъ.

Тутъ же стоитъ бронзовая модель памятника, поставленнаго Кутузову королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Германіи, въ городѣ Юнгъ-Бунцлау, гдѣ скончался Кутузовъ. На другихъ трехъ стѣнахъ избы находятся портреты въ бозѣ почивающихъ императоровъ: Александра I, Николая I, Александра II и Александра III и нынѣ царствующаго Николая II. Тутъ же портретъ и Наполеона I въ натуральный ростъ, сидящаго въ креслѣ. Кромѣ того, на стѣнахъ виситъ много картинъ, изображающихъ различные эпизоды изъ войны 1812 года, начиная съ битвы подъ Бородинымъ и кончая разбитіемъ французской арміи подъ Березиной; среди ихъ картина военнаго совѣта, копія съ извѣстной картины художника Кившенко. Много портретовъ Кутузова, картинъ и гравюръ изъ его жизни. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ прекрасно исполненная гравюра, изображающая предсмертныя минуты Кутузова, надъ которымъ священникъ читаетъ отходную молитву. Подъ гравюрой надпись на французскомъ языкѣ, объясняющая, что она исполнена съ натуры полковникомъ Ефимовичемъ, 16-го апрѣля 1813 года, слѣдовательно, наканунѣ смерти Кутузова. Для біографовъ Кутузова это—драгоцѣннѣйшая картина, такъ какъ она передаетъ и портреты всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя присутствовали при кончинѣ нашего безсмертнаго фельдмаршала, и самую залу, въ которой онъ скончался. Не менѣе также интересна и старинная раскрашенная гравюра, изображающая ввезеніе въ Петербургъ тѣла Кутузова, 11-го іюня 1813 года. Видъ снятъ у Петергофской заставы.

Между прочимъ, въ избѣ хранится очень интересная юмористическая азбука съ каррикатурами на Наполеона и его генераловъ, рисованными академикомъ Теребеневымъ, изд. 1813 года. Рисунки хранятся подъ стекломъ. Изданіе это подарено сенаторомъ Ровинскимъ ко дню освященія избы.

Наконецъ, для увѣковѣченія памяти героя недавно принесенъ былъ въ даръ Кутузовской избѣ его походный экипажъ, въ которомъ ѣздилъ фельдмаршалъ въ 1812 — 1812 гг.

Этотъ даръ принесенъ правнукомъ Кутузова, егермейстеромъ высочайшаго двора Павломъ Павловичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Толстымъ, къ которому онъ перешелъ по наслѣдству. Экипажъ этотъ, нѣсколько похожій на коляску, находился въ имѣніи Кутузова, деревнѣ Мочь, при с. Вороновѣ, по старой Калужской дорогѣ,

Подольскаго у., Московской губ., въ 40 верстахъ отъ Москвы. Для него хоругвеносцы храма Христа Спасителя выстроили особенное каменное помѣщеніе тутъ же около избы.

Москвичи очень охотно посѣщаютъ Кутузовскую избу. Тысячи подписей въ шнуровой книгѣ свидѣтельствуютъ объ этихъ посѣщеніяхъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются подписи высочайшихъ особъ. Есть подписи иностранцевъ. Въ общемъ, послѣдовательно изъ года въ годъ, начиная съ года освященія избы, перебывало въ ней 5.448 человѣкъ.

Нельзя не выразить чувства признательности Московскому обществу хоругвеносцевъ храма Христа Спасителя, возстановившихъ на свои средства этотъ драгоцѣнный для Россіи памятникъ и заботливо поддерживающихъ его и доселѣ. Ими же устроенъ при избѣ пріютъ для престарѣлыхъ ветерановъ, содержащійся на ихъ же счетъ. Благодаря имъ же, ежегодно, каждое 1-ое сентября, совершаются въ мѣстномъ храмѣ архіерейская служба и крестный ходъ въ избу.

Свящ. Ѳ. Никольскій.

ВЪ ТАВРІЮ ЗА ВОЛЕЙ.

(Воспоминанія очевидца).

ТОЛЬКО что окончившееся XIX-е столѣтіе было въ Россіи чрезвычайно богато событіями, какъ во внѣшнихъ международныхъ ея отношеніяхъ, такъ и въ перестройкахъ, ломкахъ, реформахъ и перемѣнахъ во внутренней государственной ея жизни.

Поколѣніе русскихъ людей, составлявшее преобладающее большинство дѣятелей и непосредственныхъ участниковъ крестьянской реформы 1861 года, теперь глубокіе старики или приближающіяся къ этому возрасту лица, были свидѣтелями многаго интереснаго и многое кое-что могутъ вспомнить, какъ очевидцы, разсказать и придать вѣрное освѣщеніе фактамъ великихъ событій ломки государственной жизни Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія.

Многое уже разсказано и освѣщено въ русской литературѣ, но далеко не всѣ подробности этихъ событій исчерпаны, и много остается еще разсказать, хотя мѣстныхъ и относительно мелкихъ, но крайне характерныхъ эпизодовъ, предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за крупнымъ событіемъ второй половины этого столѣтія, освобожденіемъ крестьянскаго населенія отъ крѣпостной зависимости.

Одинъ такой, тоже мелкій и совершенно мѣстный, но надѣлавшій въ свое время большого переполоха случай произошолъ въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ въ 1856 году, то-есть

почти за годъ до высочайшаго манифеста объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи.

Крестьяне Екатеринославскаго и Верхнеднѣпровскаго уѣздовъ Екатеринославской губерніи и Херсонскаго, Бобронецкаго, Александровскаго и части Елисаветградскаго уѣздовъ Херсонской губерніи, подбиваемые и научаемые, въ тиши и тайнѣ, злонамѣренными ненавистниками Россіи, почти поголовно, со всѣмъ своимъ имуществомъ и хозяйствомъ, поднялись съ насиженныхъ своихъ мѣстъ и пошли за волей въ Крымъ, гдѣ въ Перекопѣ, какъ увѣрили крестьянъ эти злонамѣренные сѣятели смутъ и безпорядковъ, «въ золотой палаткѣ сидитъ царь и всѣмъ пришедшимъ раздаетъ волю, а неявившіеся или опоздавшіе остаются попрежнему въ панской неволѣ».

Большой былъ переполохъ и суматоха, и почти все населеніе этихъ уѣздовъ, въ косовицу передъ самыми жнивами, въ самую рабочую пору года, поднявшись кое-какъ и побросавши все, чего не могло взять съ собой, двинулось пѣшкомъ, на лошадяхъ и воловыхъ подводахъ въ Крымъ.

Желая разсказать, какъ очевидецъ, о ходѣ въ предѣлахъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи и Херсонскаго уѣзда Херсонской губерніи этого довольно характернаго происшествія, я вынужденъ, для послѣдовательности и ясности разсказа, сказать нѣсколько словъ о себѣ и тѣхъ отношеніяхъ, которыя я лично имѣлъ ко всему происшедшему.

Прежде всего долженъ сказать, что 1856 годъ описываемаго происшествія, предшествовавшій году, въ которомъ объявленъ былъ высочайшій манифестъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости крестьянъ въ Россіи, былъ какой-то неспокойный годъ, и общество само, не зная почему, волновалось и было постоянно въ ожиданіи чего-то, что неизбѣжно должно было произойти.

Хотя подъемъ духа, объявшій всю Россію во время славной защиты Севастополя, все еще продолжался, старъ и малъ распѣвали еще извѣстную тогда патріотическую пѣсню:

> «Вотъ въ воинственномъ азартѣ
> Воевода Пальмерстонъ
> Поражаетъ Русь на картѣ
> Указательнымъ перстомъ»,—

и взбунтовавшееся войной съ Турціей и ея союзниками море русской жизни входило мало-по-малу въ свои берега, а общество, видимо успокоившееся, бралось за свои дѣла, дѣлало подсчеты и подводило итоги, но, несмотря на все это кажущееся спокойствіе, всѣми чувствовалась какая-то безпричинная и необъяснимая тревога, и старые люди тогдашняго времени таинственно шушукались по угламъ комнатъ.

Шестнадцатилѣтній юноша, свободный отъ тревогъ и какихъ бы то ни было предчувствій, здоровый, жизнерадостный и полный надеждъ, я оканчивалъ въ это время семиклассный курсъ Екатеринославской гимназіи и держалъ выпускные экзамены; окончивъ ихъ, я вышелъ, 23 іюня 1856 года, радостнымъ и довольнымъ, изъ воротъ екатеринославской гимназіи съ аттестатомъ не зрѣлости, потому что тогда не вѣрили еще зрѣлости, даже ученической, шестнадцатилѣтняго юноши, а съ аттестатомъ объ окончаніи семикласснаго курса екатеринославской гимназіи въ рукахъ.

Окончаніе курса гимназіи было для меня чрезвычайно радостнымъ событіемъ, такъ какъ приближало исполненіе завѣтной моей мечты, поступленіе въ университетъ, и давало мнѣ право уѣхать въ деревню, въ село «Недай-воды», находящееся въ Екатеринославской губерніи въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, куда покойная мать моя съ покойными же сестрами и братомъ моими давно уже на все лѣто переѣхала, и куда я стремился всей душой, чтобы, все время, оставшееся до поступленія моего въ университетъ, предаться любимымъ своимъ занятіямъ—охотѣ съ ружьемъ и собакой и рыбной ловлѣ.

Веселымъ и радостнымъ пришелъ я домой и не заходя въ комнаты, пошелъ прямо во дворъ дома, въ сарай, гдѣ находился открытый фургонъ съ парою лошадей, присланный ко дню послѣдняго моего экзамена матерью моею изъ деревни за мной, чтобы распорядиться запрягать и поспѣшить ѣхать, но на первыхъ же порахъ своей, какъ я считалъ, самостоятельной жизни, былъ огорченъ извѣстіемъ, что состоявшій при мнѣ, по обычаю тогдашняго времени, камердинеромъ, одних лѣтъ со мною, деревенскій мальчикъ Петрушка утромъ, во время моего отсутствія, не тронувши ничего чужого и не сдѣлавъ никому никакого вреда, забравъ лишь все свое платье, безслѣдно куда-то исчезъ.

Извѣстіе это было мнѣ крайне непріятно потому, что отсутствіе Петрушки, бывшаго мнѣ скорѣе товарищемъ и сподвижникомъ въ моихъ охотничьихъ экскурсіяхъ, чѣмъ слугой, заставляло меня отложить поѣздку въ деревню и ожидать его возвращенія.

Разстроеннымъ, грустнымъ, пришолъ я въ комнаты и обратился къ бывшей нянюшкѣ своей, Авдотьѣ Ивановнѣ, исправлявшей у насъ въ домѣ обязанности домоправительницы и хозяйки, съ вопросомъ:

— Ну куда онъ могъ уйти? Развѣ онъ не знаетъ, что мы должны сегодня ѣхать?—жаловался я нянѣ Авдотьѣ Ивановнѣ.

— Извѣстно куда—пошелъ за волей, и тебѣ его не дождаться; совѣтую тебѣ, не ожидая его, ѣхать,— отвѣчала няня.

— За какой волей?—недоумѣвающе спросилъ я.

— Нечего тебѣ меня разспрашивать, ничего больше я не скажу тебѣ, рано тебѣ еще все знать, а лучше слушайся меня и уѣзжай

себѣ съ Богомъ въ деревню,—сердито отвѣчала мнѣ няня Авдотья Ивановна.

По привычкѣ ли во всемъ слушаться своей старухи няни, или потому, что дѣйствительно мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ ѣхать, не ожидая возвращенія Петрушки, но только къ вечеру того же дня, я былъ уже на пути въ деревню и на третій день со дня моего выѣзда, такъ какъ деревня находилась отъ города въ разстояніи не менѣе 150 верстъ, а ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ, съ неизбѣжными кормежками лошадей и ночлéгами на постоялыхъ дворахъ, къ десяти часамъ дня, былъ уже на длинной плотинѣ деревенскаго пруда, находящейся недалеко отъ воротъ экономической усадьбы.

При въѣздѣ во дворъ я увидѣлъ огромную толпу крестьянъ, стоящихъ безъ шапокъ возлѣ крыльца дома, на которомъ покойная мать моя, тоже съ непокрытой головой, стояла и горячо о чемъ-то съ ними разговаривала.

Не понимая, въ чемъ дѣло, я остановился середи двора усадьбы, слѣзъ съ своего фургона и, подойдя къ толпѣ народа, обратился къ одному изъ крестьянъ, стоявшему съ краю толпы, съ вопросомъ:

— Что тутъ такое? Чего громада пришла къ барынѣ?

— Уходемо за волею въ Таврію, панычу, такъ пришли прощаться съ барынею,—отвѣчалъ мнѣ хохолъ крестьянинъ.

Не уяснивъ себѣ нисколько изъ этого отвѣта, за какой волей уходятъ они, и для чего понадобилось имъ итти за ней въ Таврическую губернію, я не сталъ больше разспрашивать, а съ трудомъ пробравшись сквозь стоящую у крыльца дома густую толпу народа, незамѣченный своею покойной матерью, горячо о чемъ-то разговаривавшей съ крестьянами, взошелъ на крыльцо и началъ внимательно прислушиваться къ разговору ея съ ними.

— Прощайте, друзья мои, прощайте,—говорила покойная мать моя, обращаясь къ стоящей передъ нею толпѣ крестьянъ, — но, право, лучше послушайтесь меня, выберите изъ себя толковыхъ людей, я дамъ вамъ конную подводу, и пусть ѣдутъ въ станъ освѣдомиться о волѣ; говорю вамъ, что не можетъ этого быть, чтобы начальство скрывало отъ васъ данную вамъ царемъ волю; боюсь я, чтобы не вышло изъ этого какой бѣды для васъ; послушайтесь лучше моего совѣта.

— Ни, сударыня, много довольны вашею милостью, но намъ нечего уже справляться, мы вѣрно усё знаемо, и дорога въ Таврію намъ довольно извѣстна; да, почитай, каждый изъ насъ знаетъ, какъ дойти до Перекопу; тутъ прямая дорога, а бѣда намъ будетъ, если не пойдемъ до Перекопу, или, бува, опизднымся туды,—говорили крестьяне, низко кланяясь стоящей на крыльцѣ покойной матери моей.

— Пришли мы попрощаться съ вами, сударыня,—продолжали

крестьяне,—поблагодарить васъ за ласку вашу къ намъ и сказать, что оставляемъ для васъ большую карету, новую коляску и крытыя дрожки, да четверикъ вороныхъ лошадей и пару гнѣдыхъ, бувà, захотите поѣхать когда на степь, или до церкви; для панычa оставляемо его трое коней, щобъ було на чимъ бигаты ему по степу, а остальные экипажи и лошадей на схожихъ и рабочихъ и сбрую всю, забираемъ съ собой, шобъ було на чимъ дитямъ нашимъ пихаты, а то, бувà, шобъ ны опиздныться намъ чàсомъ,— говорили крестьяне, опять низко кланяясь покойной матери моей.

— Прощайте, братцы, прощайте; но, право, лучше бы освѣдомиться вамъ хорошенько,—говорила покойная мать моя.

— Ни, барыня, мы усè хорошо уже знаемо и нèчего намъ уже разспрашиваться. Счастливо оставаться! Бувайте здоровы!—говорили крестьяне, низко кланяясь и уходя по направленію воротъ усадьбы.

— Бѣдный, несчастный народъ! Какіе темные люди! Какъ могли они повѣрить, что въ Перекопѣ даютъ имъ какую-то волю, и что начальство скрываетъ это отъ нихъ? Отчего сосѣдніе крестьяне спокойно сидятъ дома и работаютъ, а одни только недайводцы бунтуютъ и уходятъ въ Перекопъ за какой-то волей? Какія ужасныя послѣдствія могутъ быть для нихъ изъ-за этого бунта! Что мнѣ дѣлать съ ними и какъ вразумить ихъ? Ахъ! Бѣдные люди!—сѣтовала покойная мать моя, когда дворъ нашъ совершенно опустѣлъ и мы съ матерью остались почти одни во дворѣ усадьбы, такъ какъ и многочисленные дворовые, побросавъ всѣ свои обязанности и работы, поспѣшили уйти на деревню и принять участіе въ общемъ уходѣ крестьянъ въ Перекопъ.

Не долго, впрочемъ, продолжалась увѣренность наша въ томъ, что одни только недайводцы бунтуютъ и уходятъ въ Таврическую губернію за волей, а всѣ сосѣдніе крестьяне спокойно работаютъ себѣ по домамъ, такъ какъ не далѣе, какъ къ вечеру того же дня, многотысячная толпа крестьянъ двухъ сосѣднихъ селъ, Анновки и Искровки, принадлежащихъ князю Кочубею, со всѣмъ своимъ огромнымъ обозомъ, совершенно покрыла плотину недайводскаго пруда и прилегающія къ ней дорогу и площадь, находящіяся между дворомъ усадьбы и крестьянскими избами, и слившись въ одно съ недайводскими крестьянами и ихъ обозомъ, двинулась большой дорогой, по направленію къ военному поселенію Херсонской губерніи и уѣзда, селу «Кривой Рогъ».

Посланный матерью моею, утромъ слѣдующаго дня, въ сосѣднія села «Веселые Терны» и «Новопавловку», принадлежавшія помѣщикамъ Шляхтинымъ, за свѣдѣніями объ уходѣ крестьянъ въ Перекопъ, недайводскій управляющій Овчинниковъ, къ вечеру того же дня возвратился съ извѣстіями, что не только крестьяне этихъ двухъ большихъ помѣщичьихъ селъ, но и всѣхъ окружающихъ

ихъ маленькихъ деревень, еще утромъ того же дня, забравъ у помѣщиковъ своихъ всѣ имѣющіеся у нихъ экипажи, фургоны, тѣлѣги и всѣхъ лошадей, ушли со всѣмъ своимъ обозомъ по направленію къ тому же казенному селу «Кривой Рогъ».

Разсказывалъ онъ еще, что, когда выѣхалъ на гору, находящуюся за селомъ «Веселые Терны», откуда видны окружающія степи на далекое разстояніе, то ясно видѣлъ всѣ большія и проселочныя дороги, сколько можно было только видѣть, покрытыми густыми толпами крестьянъ, двигающимися со своими обозами, изъ глубины екатеринославскихъ степей, по направленію къ казенному селу «Софіевка», находящемуся на большой дорогѣ въ Таврическую губернію. По всему видно было, что это не единичный уходъ крестьянъ одного какого нибудь помѣщичьяго села, какъ думала покойная мать моя о своихъ недайводцахъ, а общее движеніе населенія, по крайней мѣрѣ, всего Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

Утромъ, на другой день возвращенія управляющаго Овчинникова, пріѣхалъ извѣстный всѣмъ въ нашей мѣстности письмоводитель станового пристава изъ стана, находящагося въ казенномъ селѣ «Саксагань», Фролъ Ивановичъ Демьяновскій, и привезъ новыя извѣстія о движеніи крестьянъ въ Таврическую губернію: онъ разсказывалъ, что уходятъ почти поголовно крестьяне Екатеринославскаго и Верхнеднѣпровскаго уѣздовъ, и что, такъ какъ почти всѣ они двигаются черезъ Херсонскій уѣздъ, смежный съ Екатеринославской губерніей, въ которомъ много военныхъ поселеній, съ расположенными въ нихъ разнаго рода оружія войсками, то высшее начальство сдѣлало уже распоряженіе двинуть войска къ границѣ Таврической губерніи, расположивъ ихъ по границѣ ея съ Херсонской губерніей, и чтобы они даже силою, если это будетъ необходимо, вернули уходящихъ крестьянъ и водворили ихъ на прежнія мѣста ихъ жительства.

Новости эти, переданныя Демьяновскимъ, въ видѣ утѣшенія, покойной матери моей, совсѣмъ не успокоили ея, а напротивъ привели еще въ большее смущеніе, такъ какъ нетрудно было предугадать, какія репрессивныя мѣры будутъ приняты противъ несчастныхъ, упорствующихъ въ своей увѣренности въ полученіи воли въ Перекопѣ крестьянъ, и какія бѣдствія обрушатся, при встрѣчѣ съ войсками, на бѣдный темный народъ.

Фролъ Ивановичъ тоже не одобрялъ сдѣланныхъ начальствомъ распоряженій и находилъ, что для этого не стоило трогать войска съ мѣстъ ихъ расположенія, что создастъ большія хлопоты и будетъ, пожалуй, дорого стоить, а что крестьянъ можно вернуть силою одной уѣздной полицейской власти, за что онъ берется и отвѣчаетъ, и что если покойная мать моя дастъ ему лошадей, чтобы, какъ сказалъ онъ, «перенять крестьянъ», то онъ не допуститъ ихъ до встрѣчи съ войсками, а самъ задастъ имъ такого «холоду»,

какъ онъ выразился, что они сами вернутся на свои мѣста и примутся за исполненіе своихъ обязанностей.

Покойная мать моя съ удовольствіемъ согласилась на его предложеніе, и такъ какъ почти всѣ дворовые ушли за волей въ Перекопъ, и во дворѣ не осталось никого, чтобы везти Демьяновскаго вслѣдъ за уходившими крестьянами, то я, съ разрѣшенія покойной матери моей, запрягъ тройку, оставленныхъ мнѣ ушедшими крестьянами, моихъ охотничьихъ лошадей, въ свою охотничью бричку и, взявъ лишь свое ружье и охотничьи принадлежности, правя самъ лошадьми вмѣсто кучера, повезъ его «навперейми», какъ говорилъ онъ, ушедшихъ крестьянъ.

Всѣмъ извѣстно, какую небольшую административную единицу представляетъ изъ себя становой приставъ, и легко, послѣ этого, понять, какое значеніе въ административномъ мірѣ можетъ имѣть письмоводитель его. Письмоводитель не штатный, а частный служащій, который и по прямымъ обязанностямъ своимъ долженъ вѣдать только письмоводство его канцеляріи, составленіе отношеній, описей и актовъ производимыхъ дѣлъ, но никакъ не активную часть обязанностей станового пристава, не принятіе мѣръ къ пресѣченію преступленій, не дознаніе и слѣдствіе о нихъ, водвореніе порядка, разныя взысканія и прочія кропотливыя обязанности его, но Демьяновскій, будучи лишь письмоводителемъ станового пристава, по врожденной своей энергіи, по призванію своему къ дѣятельности полицейскаго чиновника и, наконецъ, по чистой любви къ этому дѣлу, безвозмездно взялъ на себя всю опасность, весь рискъ исполненія обязанностей полицейскаго дѣятеля и, за тридцать лѣтъ службы своей по полицейской части и письмоводителемъ при разныхъ смѣняющихся становыхъ приставахъ, сдѣлался извѣстностью своего участка, уѣзда и даже губерніи.

О его разнообразной дѣятельности на этомъ поприщѣ существовали въ то время цѣлые разсказы, цѣлыя легенды; онъ былъ чрезвычайно популяренъ между крестьянскимъ населеніемъ и пользовался извѣстностью далеко за предѣлами своего стана.

Бывшее въ то время свободнымъ и безпрепятственнымъ броженіе по всему югу Россіи кочующихъ цыганъ порождало въ неимовѣрныхъ размѣрахъ конокрадство, но онъ энергіей и дѣятельностью своими положительно освободилъ наши мѣста отъ этого своеобразнаго зла. Цыганы чувствовали передъ нимъ какой-то сверхъестественный страхъ и разсказывали о немъ, что «когда въ ночной тишинѣ берешься съ одной стороны за поводъ украдываемаго коня, то можешь ужъ быть увѣреннымъ, что съ другой стороны за тотъ же поводъ держится рука Фрола Ивановича, а другая его рука протягивается уже, чтобы взять тебя за шиворотъ и поймать съ поличнымъ».

Насколько я помню Демьяновскаго, то онъ представлялъ собою крѣпкую, коренастую фигуру человѣка лѣтъ пятидесяти отъ роду, совсѣмъ не нѣжнаго наружнаго вида, съ сильною зарослью сѣдыхъ, какъ-то всклоченныхъ, волосъ на головѣ и лицѣ и съ совершенно своеобразною рѣчью и манерой говорить.

Прибавивъ къ этому, что онъ обладалъ необыкновенною физической силой, былъ ловокъ, изобрѣтателенъ, отваженъ и предпріимчивъ до дерзости въ преслѣдованіи и поимкѣ воровъ и разнаго рода мошенниковъ, мы будемъ имѣть почти полную его характеристику.

Такова была личность представителя силы земской полиціи, которую я повезъ, вечеромъ того же дня, вслѣдъ за ушедшими крестьянами, нимало не думая о возможности какой нибудь опасности для насъ со стороны упорствующихъ въ увѣренности въ полученіи воли въ Перекопѣ крестьянъ, которыхъ мы, несмотря на то, что насъ было только двое противъ многихъ тысячъ, собирались возвратить на прежнія мѣста ихъ осѣдлости, при чемъ увѣренность у всѣхъ въ ловкости и умѣніи Фрола Ивановича водворять порядокъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни появлялся, была такая, что рѣшительно никто не сомнѣвался въ удачѣ нашихъ предпріятій.

Выѣхавъ изъ дома по большой дорогѣ на мѣстечко «Кривой Рогъ» поздно вечеромъ и проѣхавъ, почти нигдѣ не отдыхая, всю короткую лѣтнюю ночь, мы на разсвѣтѣ слѣдующаго дня увидѣли издали, по дорогѣ между казенными селами «Широкимъ» и «Шестерней», первую огромную валку уходящихъ въ Перекопъ крестьянъ, спѣшно двигающихся, со своими обозами, по большой дорогѣ въ казенное село «Шестерню», и, сдѣлавъ безъ дороги по распоряженію Фрола Ивановича огромный кругъ и выѣхавъ, уже между селомъ «Шестерней» и крестьянскими обозами, опять на дорогу, повернули лошадей и поѣхали прямо на встрѣчу двигающимся по дорогѣ крестьянамъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ десятковъ шаговъ до крестьянскихъ обозовъ, Фролъ Ивановичъ слѣзъ съ брички и пошелъ мѣрнымъ шагомъ на встрѣчу имъ, а я, правя лошадьми, ѣхалъ за нимъ и былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ сценъ, происшедшихъ между Демьяновскимъ и крестьянами.

— «Здорово, хлопци»,— близко подойдя къ крестьянамъ, приподнимая свой, съ кокардой, форменный картузъ и привѣтливо кланяясь имъ, ласково сказалъ Фролъ Ивановичъ:—«куды це вы спозаранку собралысь?»

— «Здоровы булы, Хролъ Иванычъ! Та це, бачыте, идемо до Перекопу», — отвѣчалъ стоящій, не скидая шапки, впереди, замѣтно смутившійся отъ неожиданной встрѣчи, среднихъ лѣтъ крестьянинъ.

— «А шо тамъ позабулы, або чого тамъ шукаете, хлопци?» — продолжалъ, будто ласково, спрашивать Фролъ Ивановичъ.

— «Та, мовлялы, его царское велычество роздае усякому, кто прыйде до Перекопу, волю», — смущенно какъ-то отвѣчалъ, все-таки не снимая шапки, тотъ же крестьянинъ.

— «О? Шожъ це я нычого ны чувъ и нычого ны знаю? Оце такъ! Якъ бы то ны абы якій здався!»—будто простодушно спросилъ Фролъ Ивановичъ.

— «Та вы може и добре знаете, тилько мовчытé соби и ны кажете ныкому!» — дерзко вызывающе, подбоченясь и не скидая шапки, сказалъ рядомъ стоящій крестьянинъ.

Здоровый ударъ кулакомъ по лицу сказавшаго это крестьянина, отъ котораго не только шапка слетѣла съ его головы, но и самъ онъ подался на бокъ, былъ отвѣтомъ Фрола Ивановича на эти слова, и онъ, подымая оба кулака вверхъ, неистовымъ голосомъ закричалъ:

— «Такъ ось якъ? Ны казавъ вамъ! Мовчавъ! Ахъ, вы таки-сяки!» — Тутъ изъ устъ Фрола Ивановича полилась самая отборная грубая брань, по адресу стоящихъ уже безъ шапокъ передъ нимъ крестьянъ.

— «Эй! А ну, лышень, сюды! Мыкыта, Трохымъ, Панасъ, Василь, Петро!»—началъ перечислять, отыскивая глазами въ толпѣ стоящихъ передъ нимъ крестьянъ, хорошо извѣстныхъ ему, членовъ сельской полиціи, десятниковъ и сотниковъ, и когда тѣ безпрекословно вышли изъ толпы и стали вокругъ его, то, схвативши обѣими руками за грудь, послѣднимъ говорившаго съ нимъ, крестьянина, заоралъ не своимъ голосомъ:

— «А нýте, хлóпци, бирúть его, покладúть, да всыпьте ему штукъ тридцать горячихъ канчукивъ, шобъ меньше чýвъ и бáчивъ!»

— «Такъ ны казавъ, такый-сякый! Мовчавъ!»—ревѣлъ во все горло Фролъ Ивановичъ во время совершенія экзекуціи и, когда нашелъ, что тотъ получилъ достаточное количество ударовъ кнутами сотскихъ, то закричалъ:

— «Гóди! Буде съ нёго! Подымись!»

И наградивъ его, послѣ всего этого, ошеломляющимъ ударомъ кулака по лицу, снова не своимъ голосомъ заоралъ: «ну, теперь осёго! кладить!»—указывая на перваго, разговаривавшаго съ нимъ крестьянина, и перепоровъ такимъ же образомъ еще съ десятокъ, по своему выбору, крестьянъ, онъ заоралъ снова на нихъ:

— «А нужъ, хлопци, вертайтесь швидéнько до дому, шобъ поки я прыиду до васъ, а прыиду я ны забарясь, вы булы уже на роботи!» — И смущенные крестьяне, безропотно и торопясь, повернули обозъ свой назадъ и двинулись поспѣшно по дорогѣ домой.

— «Эй вы! Десятныки! Сотныки! Глядить! Я и до васъ доберусь!» — гаркнулъ снова Фролъ Ивановичъ вслѣдъ возвращающимся къ себѣ по домамъ крестьянамъ и, подошедши къ бричкѣ,

стоящей со мной нѣсколько въ сторонѣ отъ всего происходящаго, сѣлъ въ нее и сказалъ мнѣ ѣхать безъ дороги налѣво, въ сторону казеннаго села «Софіевки».

Исколесивъ за трое сутокъ по всѣмъ направленіямъ, безъ дорогъ и вдоль и поперекъ, все огромное пространство сѣнокосовъ, оранныхъ полей, балокъ, выгоновъ, толокъ и межъ, лежащихъ между селами «Софіевкой» и «Шестерней», заѣхавъ, для полученія свѣдѣній объ уходящихъ крестьянахъ, во всѣ лежащіе по пути кабаки, пасѣки, бахчи и овечьи хутора, встрѣтивъ и вернувъ назадъ болѣе десяти валокъ, уходящихъ въ Перекопъ, крестьянъ, при чемъ Фролъ Ивановичъ употреблялъ, съ небольшими измѣненіями, почти тѣ же пріемы, и наконецъ перепоровъ, при этомъ, болѣе ста человѣкъ изъ встрѣченныхъ нами крестьянъ, Фролъ Ивановичъ просилъ меня заѣхать въ недалеко-лежащее село «Веселые Терны».

Заѣхавъ покормить лошадей и разспросить объ уходящихъ въ Перекопъ крестьянахъ на постоялый дворъ села «Веселые Терны», мы впервые услышали, что по дорогѣ на «Никополь» многія партіи уходящихъ въ Перекопъ крестьянъ встрѣтились съ войсками, что, при этомъ, происходили настоящія сраженія, со многими убитыми изъ нихъ и ранеными, что войска, остановивъ крестьянъ и заставивъ ихъ возвратиться, по направленію къ ихъ селамъ, назадъ, окружали ихъ и, въ видѣ наказаній, производили жесточайшія экзекуціи, результатомъ которыхъ была отправка многихъ изъ бѣдныхъ темныхъ крестьянъ въ военные госпитали на излѣченіе.

Принимая во вниманіе всѣ бѣдствія, обрушившіяся, при встрѣчѣ съ войсками, на обманутый бѣдный, темный, народъ, нельзя не признать серьезныхъ заслугъ за энергичнымъ Фроломъ Ивановичемъ Демьяновскимъ, который, хотя и совершенно изъ любви къ расправамъ съ ослушниками начальства и, при томъ, довольно крутыми мѣрами, но, все-таки, спасъ многія тысячи бѣдныхъ темныхъ крестьянъ отъ бѣдствій встрѣчи съ войсками, чему подверглись только тѣ изъ партій уходящихъ въ Перекопъ крестьянъ, которыя онъ не успѣлъ почему либо, по его выраженію, «перенять».

А. А. Романовъ.

ОБЩЕСТВО ЭКВИЛИБРИСТОВЪ.

(Картинка изъ исторіи развлеченій XVIII вѣка).

БЛЕСТЯЩІЙ дворъ императрицы Екатерины и колоссальныя богатства тогдашняго русскаго барства привлекали въ Петербургъ цѣлыя тучи иностранцевъ, представителей самыхъ разнообразныхъ профессій. Они содержали пансіоны и просто учили, учителя танцевъ и парикмахеры ужъ обязательно были французы, а, кромѣ того, массами водворялись повивальныя бабки и доктора, выдерживавшіе въ Россіи установленный экзаменъ. Но особенно много пріѣзжало въ Петербургъ разныхъ жонглеровъ, «кунстберейторовъ», «механиковъ», «эквилибристовъ» и прочей братіи, потѣшавшей русскую публику. Публикаціи «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» того времени такъ и пестрятъ приглашеніями этихъ артистовъ, обѣщающихъ публикѣ «показывать свое искусство». Всѣ они великолѣпно были наслышаны относительно щедрости или вѣрнѣе расточительности русскаго общества и въ расчетѣ на него придумали своеобразный пріемъ взиманія платы, именно для знати они ея вовсе не установляли. Это выражалось разными оборотами: «каждая знатная особа платить имѣетъ по своему благоразсужденію, а простые по 10 к.» или «каждая персона платить имѣетъ по 25 к.; знатнымъ особамъ ничего не предписывается, но оставляется на ихъ волю». Само собой разумѣется, при такихъ условіяхъ, знать считала своимъ долгомъ швырять деньги, далеко превышавшія 10 и 25 коп. Да, вѣроятно, и у многихъ людей попроще и побѣднѣе являлось желаніе сойти за знать, и они тоже давали «по благоразсужденію».

Нужно думать, что этотъ бродячій народъ пользовался большимъ успѣхомъ въ Петербургѣ, потому что слишкомъ ужъ много труппъ бывало одновременно въ русской столицѣ, засиживались подолгу, да еще иногда и во второй разъ возвращались. Но, кажется, больше всего нравились эквилибристы, или «еквилибристы», какъ тогда писали. Это уже видно изъ того, какія они публикаціи закатывали въ «газетахъ». Единственныя въ то время «Санктпетербургскія Вѣдомости» чаще назывались «газетами». Даже сами «Вѣдомости» о себѣ писали: «какъ было объявлено въ газетахъ», и на обложкѣ старыхъ переплетовъ часто стоятъ: «газеты» за такой-то годъ.

Особенно интересными, и сами по себѣ и для характеристики развлеченій того времени, являются три общества эквилибристовъ, подвизавшихся съ 1772 по 1774 г. И раньше появлялись на петербургскомъ горизонтѣ эквилибристы, но они какъ-то быстро тонули въ лету. Такъ еще въ 1767 г., «славной аглинской еквилибристъ Мэкомъ Медоксъ» «почтеннѣйше» приглашалъ публику посмотрѣть, какъ онъ «на деревянномъ зимнемъ театрѣ, что при деревянномъ Зимнемъ дворцѣ, искусство свое показывать будетъ». Слово «почтеннѣйше» въ смыслѣ почтительнѣйше въ тѣ поры пользовалось полнымъ правомъ гражданства, и даже «академія трехъ знатнѣйшихъ художествъ» употребляетъ его, приглашая публику на свои выставки. Далѣе въ 1771 г. промелькнули «итальянцы, въ числѣ которыхъ находится осьмилѣтній мальчикъ и шестилѣтняя дѣвочка». Они обѣщали «показывать за деньги особливое свое искусство въ прыганьѣ по проволокѣ».

Совсѣмъ не то послѣдующіе эквилибристы: они и въ театрѣ настоящемъ играли, и цѣны у нихъ были опредѣленныя, и главное они такъ рекламировались, какъ и въ настоящее время рѣдко случается. Театръ ихъ находился на мѣстѣ нынѣшняго почтамта «въ новой Исакіевской въ домѣ его сіятельства графа Ягужинскаго». Домъ этотъ въ 1781 г. былъ купленъ канцлеромъ Безбородко для возникавшаго въ то время почтамта за 30.000 рублей. Въ 1772—1774 г. въ этомъ театрѣ послѣдовательно играли «славной еквилибристъ» Сандерсъ, затѣмъ «еквилибристы и волтижеристы подъ управленіемъ славнаго гишпанца Трони» [1]) и наконецъ общество эквилибристовъ [2]), пріѣхавшихъ изъ Италіи «подъ предводительствомъ директоровъ Брамбилла и Поморы». Что касается до Сандерса, то онъ игралъ въ Петербургѣ съ сентября до конца декабря 1772 г., затѣмъ уѣхалъ въ Москву, возвратился въ Петербургъ въ августѣ 1773 г. и игралъ сначала самъ, а затѣмъ съ обществомъ Трони. Наконецъ онъ снова появился въ Петербургѣ въ октябрѣ 1776 г.

[1]) Съ мая по сентябрь 1773 г.

[2]) Съ октября 1773 г. по февраль 1774 г.

и пробылъ въ немъ три мѣсяца,—должно быть, выгодно ему было работать въ Сѣверной Пальмирѣ!..

Играли эти эквилибристы, какъ уже сказано, въ театрѣ графа Ягужинскаго и брали за мѣста въ ложахъ по 1 р., въ партерѣ по 50 к. и на галлереѣ 25 к. Только они долго не могли сладить съ названіями мѣстъ. Сандерсъ написалъ было «ложе 1 р., а въ портирахъ 50 к.», однако, вѣроятно, нашелъ это очень мудренымъ и дальше писалъ: первое и второе мѣсто. У общества Трони мѣста назывались ложи, партеръ и верхъ, а Брамбиллино общество верхъ переименовало въ «галерію». Кромѣ этого, оно предлагало желающимъ брать и особыя ложи, по соглашенію съ директоромъ. Главной особенностью этого общества было то, что оно впервые познакомило петербургскую публику съ итальянской пантомимой, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ ея успѣха вскорѣ появились переводы на русскій языкъ пантомимъ: «Арлекиново чародѣйство» въ 4-хъ дѣйствіяхъ и «Арлекинъ шкелетъ» въ 3-хъ дѣйствіяхъ; обѣ продавались по 10 к.

Нужно, кромѣ того, сказать, что Брамбиллино общество познакомило петербуржцевъ и съ рекламой. Положимъ, и Сандерсъ рекламировался, но это былъ сравнительно «мальчишка и щенокъ». Онъ устроилъ продажу билетовъ въ трактирѣ Гейдейрейха «Лондонъ», а въ этомъ трактирѣ «недавно стояли изъ Москвы сюда пріѣзжій королевскій датскій посланникъ и изъ Архипелага сюда прибывшій патріархъ константинопольскій и также за нѣсколько дней его свѣтлость наслѣдный принцъ гессендармштадтскій въ проѣздѣ его изъ Москвы въ нѣмецкую землю, и при отъѣздѣ ихъ милостивое удовольствіе, какъ въ квартирѣ, такъ и въ угощеніи оказали». Словомъ, трактиръ былъ первостепенный, въ которомъ было выгодно продавать билеты. Далѣе Сандерсъ постоянно называетъ себя «славнымъ», начинаетъ свои дѣйствія «по высочайшему позволенію», обѣщаетъ «показывать свое искусство, которое онъ уже при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ съ великою похвалою представлять честь имѣлъ» и затѣмъ обѣщаетъ тѣ «дѣйствія», «которыя имъ представлены были только при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ».

Одно изъ нихъ «почитается за превосходнѣйшее предъ другими дѣйствіями», а другое «есть большое доказательство его искусства, которое сверхъ чаянія приведетъ зрителей въ удивленіе».

Можетъ быть, и это обратило вниманіе на Сандерса, но что касается до Брамбиллина общества, то, несомнѣнно, оно своей рекламой сильно раздуло успѣхъ. Оно уже начинаетъ съ такого объявленія: «объ нихъ (эквилибристахъ) по самой справедливости сказать можно, что они первѣйшіе изъ всѣхъ сего роду людей въ Европѣ и могутъ представить то въ одинъ разъ, что многіе другіе порознь показать не могутъ».

Но главную рекламу общество приберегало къ бенефисамъ: у

него не въ примѣръ всѣмъ до него бывшимъ обществамъ существовали бенефисы. Первый бенефисъ данъ былъ акробату труппы, «маленькому агличанину», и вотъ какъ объ этомъ объявлялось: «весь сборъ денегъ будущій четвертокъ уступленъ будетъ маленькому славному агличанину. Сей маленькій агличанинъ въ оный день оказать себя почтится особливо, чтобъ той похвалы, которую уже онъ заслужилъ отъ публики, наивящше учинить себя достойнымъ». Второй бенефисъ—одного изъ директоровъ, Номоры: «въ будущій четвертокъ поручено играть одному Номорѣ, и потому сколько собрано будетъ денегъ, все опредѣлено ему въ награду. Симъ онъ почтенной публикѣ за приписываемую отъ нея поднесь похвалу принесетъ достодолжное свое благодареніе. Итакъ, онъ, нетерпѣливо желая заслужить ея благоволеніе, во все своего здѣсь пребыванія время безпрестано упражнялся въ хожденіи по проволокѣ безъ равновѣснаго шеста и въ помянутой день будетъ показывать невидимую никогда вещь». Дѣвица Розалія въ свой бенефисъ тоже «благосклонной публикѣ за приписываемую поднесь похвалу приноситъ свое благодареніе и притомъ проситъ о многолюднѣйшемъ этой публики собранія, дабы скопить довольное число денегъ на булавки и завязки. Всякихъ она не упуститъ средствъ означенной день учинить по мѣрѣ силъ пріятнымъ».

Но особенно зазывательнаго свойства была реклама на бенефисъ Брамбиллы, который игралъ въ пантомимахъ арлекина, а потому въ своемъ обращеніи къ публикѣ называетъ себя Паячи. Вотъ это удивительное обращеніе: «Высокопочтенные господа доброжелатели! мы имѣли честь показывать вамъ наши удивительныя дѣйствія, и вы, насъ похваляя, дарили насъ по возможности, за что мы покорно благодарствуемъ. Но какъ уже приближается время къ нашему отъѣзду, то я, Паячи, не могу безъ того отъѣхать, чтобы напередъ не проститься и благосклонную публику еще разъ не повеселить. И такъ я имѣю честь просить для зрѣнія пантомины; и какъ я, такъ и всѣ другія дѣйствующія лица всячески будутъ стараться, чтобы представить оную наилучшимъ образомъ. Но какъ сія пантомина отъ всего общества назначена для Паячи, то онъ покорно проситъ, чтобы число зрителей было больше, дабы ему тѣмъ больше можно было собрать денегъ. Притомъ же вамъ извѣстно, какъ бѣдный Паячи долженъ дрожать на веревкѣ (намекъ на пантомину «Арлекинъ Воскрешенный») и отъ страху чувствовать въ себѣ то жаръ, то холодъ; какъ онъ нравился, когда также долженъ былъ прыгать, какъ Номора. По сіе время Паячи не излѣчивалъ болѣзни, но нынѣ она становится чувствительнѣе и бываетъ тому причиною, что онъ иногда забавляется виномъ для прогнанія болѣзни. За ваше здоровье, почтенные господа, выпью еще нѣсколько полныхъ рюмокъ и при всякой проглатываемой каплѣ буду желать вамъ всякаго благополучія. Я увѣренъ, что и вы, высокопочтенные

доброжелатели, будете желать Паячи всякаго добра. По пути до самой Москвы буду пить за ваше здоровье. Живите потомъ благополучно».

Посмотримъ же, чѣмъ потѣшали петербуржцевъ эти фокусники. Во всякомъ случаѣ нужно сознаться, что акробатизмъ въ то время стоялъ не ниже теперешняго. Сандерсъ балансируетъ на двухъ проволокахъ, отстоящихъ одна отъ другой на 4 фута; во время балансированія бьетъ въ барабанъ «пріятную слуху шотландскую тревогу». Далѣе онъ качается и бѣгаетъ по веревкѣ въ обручѣ и балансируетъ на веревкѣ съ лѣсенкой, на которой стоитъ 24 рюмки съ виномъ и столько же восковыхъ свѣчъ. Наконецъ, Сандерсъ сидитъ на веревкѣ на стулѣ, держитъ предъ собой столъ, на немъ стоитъ вино, которое и пьетъ Сандерсъ, балансируя притомъ трубкой на носу. Въ заключеніе спектакля Сандерсъ обнаруживалъ и балетныя способности: танцовалъ «англійской матроской танецъ».

Объ искусствѣ Трони сохранилось меньше свѣдѣній. Былъ не только Трони, но и женщина Трони. О послѣдней извѣстно только, что она представляла «разныя на веревкѣ вещи». Самъ же Трони «по веревкѣ плясалъ, ломался, прыгалъ и порхалъ», а, кромѣ того, «прыгалъ на веревкѣ, имѣя у одной ноги двухъ привязанныхъ мальчиковъ, а третьяго, стоящаго на плечахъ».

Что касается на Брамбиллина общества, то оно въ своихъ объявленіяхъ распространялось главнымъ образомъ о пантомимахъ, и только изъ бенефисныхъ рекламъ мы узнаемъ объ особо «искусныхъ дѣйствіяхъ» его членовъ. Такъ «маленькой агличанинъ» обѣщаетъ показать «вещь», которую «онъ во всѣхъ городахъ не болѣе, какъ пооднажды показывалъ». Брамбилла беретъ въ ротъ рюмку и ставитъ на нее шпагу, а «маленькой агличанинъ» балансируетъ на ея концѣ. У Номоры кунстштюкъ тоже начинается съ рюмки. Онъ беретъ ее въ ротъ, ставитъ на ея конецъ соломинку, а на соломинку яйцо и балансируетъ этимъ хрупкимъ сооруженіемъ. У дѣвицы Розаліи два кунстштюка: первый—«дѣйствовать она будетъ на веревкѣ двумя значками и оными столь проворно вертѣть, что отъ скорости ея самой не видно будетъ». Второй кунстштюкъ еще лучше: «беретъ она пирамиду съ 32 рюмками, ставитъ оную на лобъ и съ нею на столѣ качается и дѣлаетъ многія хитрости. Во время качанія пирамиды, она проходитъ сквозь обручи, не теряя равновѣсія съ пирамидой».

Какъ уже сказано, Брамбиллино общество рекламировало главнымъ образомъ свои пантомимы. Дѣйствующія въ нихъ лица—знакомые Панталоне, Коломбина и Арлекинъ. Играли ихъ всегда одни и тѣ же актеры. Панталонъ (придерживаясь орѳографіи «Спб. Вѣд»)—Номора, Пиротъ—Заменцато, Арлекинъ—Брамбилла. Съ Коломбиной вышелъ казусъ. Играла ее жена Брамбиллы, и общество долго не могло придумать, какъ ее именовать. Въ первый

разъ назвали «Брамбилла женщина», во второй—«Брамбиллина жена и наконецъ остановились на «Брамбильшѣ»,—послѣднее наиболѣе правильно по тогдашнему русскому языку; тогда всегда писали съ такимъ окончаніемъ иностранныя фамиліи, если онѣ принадлежали женщинамъ: Брумбергша, Шмитша, Брукша...

Обществомъ былъ поставленъ цѣлый рядъ пантомимъ; первой была «Очарованная пастушка». О ней сообщалось, что «при сей пантомимѣ многіе видимы будутъ превращенія и двѣ пѣты будутъ аріи». Что понималось подъ этими превращеніями, мы узнаемъ изъ объявленія общества, когда «обвороженная пастушка» шла во второй разъ: дерево «превратится въ Коломбину; басъ и цитра въ два мужика, которые будутъ плясать; Коломбининъ столъ превратится въ портшезу; арлекинъ превратится въ солдата, который будетъ пѣть арію; солдатъ превратится въ такого человѣка, который будетъ играть знаменемъ и пѣть; потомъ въ барабанщика, который бьетъ въ барабанъ по такту. Арлекинъ проскочитъ сквозь зеркало. Піротъ, желая тоже проскочить, превратится въ женщину. Гора превратится въ торжественную колесницу».

Далѣе обществомъ были представлены пантомимы «Арлекинъ, по случаю сдѣлавшійся стражникомъ и чеботаремъ», «Чародѣйное кольцо, или Арлекинъ страшилище и Піротъ буракъ» и «Арлекинъ, умерщвленный и волшебной силой оживленный, или Арлекиново сѣдалище». Въ послѣдней пантомимѣ «превращеній» оказывается очень много, и изъ ихъ описанія мы можемъ судить и о содержаніи пантомимы. «Театръ представляетъ могилу, арлекинъ сидѣть будетъ на сѣдалищѣ въ саванѣ; театръ превратится въ лѣсъ, и арлекинъ въ живого человѣка и въ другое платье; арлекинъ посреди выйдетъ театра, влѣзетъ въ мѣшокъ и пока вылѣзетъ въ женскомъ платьѣ, арлекинъ влѣзетъ въ бомбу, Піротъ выпалитъ изъ бомбы, и арлекинъ вздымется вверхъ надъ театромъ. Арлекинъ превратится въ висѣлицу, на которой онъ самъ висѣть будетъ. Піротъ, смотря на сіе, будетъ смѣяться, а арлекинъ между тѣмъ частями будетъ падать на одръ и превратится въ живого мандарина съ одромъ. Арлекинъ и Коломбина превратятся въ исполиновъ. Оба исполина превратятся въ 4 китайскіе ключи, изъ которыхъ родится множество огненныхъ лилей».

Эти «еквилибристы» только одинъ уголокъ обширнаго увеселительнаго царства. Десятки увеселителей другихъ спеціальностей наѣзжали въ Петербургъ и пестрили своими объявленіями страницы «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей».

Ив. Иноземцевъ.

НАСЛѢДСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО [1].

IV.

ЛИЧНОСТЬ г. Валишевскаго, какъ автора трудовъ по новой русской исторіи, освѣщена, кажется, достаточно въ первой статьѣ нашей о его книгѣ: «L'héritage de Pierre le Grand». Переходя къ дальнѣйшему ея разбору, мы попрежнему увольняемъ и себя, и нашихъ читателей, отъ пересказа излюбленной нашимъ авторомъ анекдотической стороны событій и остановимся, хотя вкратцѣ, на его взглядахъ на ходъ исторической жизни русскаго народа. Мы сдѣлаемъ это не потому, чтобы взгляды эти, сами по себѣ, стоили опроверженія, а потому, что для нѣкоторой части нашего общества, покланяющейся «Европѣ», они могутъ показаться чуть ли не послѣднимъ словомъ «свободной» и «просвѣщенной» критики русской исторіи.

Презрѣніе г. Валишевскаго къ русскому народу, не имѣющему будто бы въ своей исторіи ничего за душой въ культурномъ смыслѣ, идетъ crescendo въ его изложеніи событій, пережитыхъ Россіей послѣ смерти Петра. Критеріемъ культурности народа является для него исключительно воспріимчивость его къ усвоенію западныхъ политическихъ и экономическихъ доктринъ и формъ жизни; за «некультурность» въ этомъ отношеніи народъ этотъ, т. е. русскій, надѣляется сравненіемъ съ дѣтьми и

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXXIII, стр. 679.

моллюскомъ [1]). Самые очевидные факты, противорѣчащіе этому основному взгляду автора, не смущаютъ его ни на одну минуту: съ несокрушимою увѣренностію и завиднымъ спокойствіемъ духа онъ проходитъ мимо нихъ, бросивъ лишь нѣсколько фразъ объ эксцентричности хода русской исторіи, и затѣмъ съ неменьшимъ спокойствіемъ и увѣренностью пользуется этими же фактами, какъ законнымъ своимъ достояніемъ, если они совпадаютъ въ томъ или другомъ отношеніи съ его quasi-историческими воззрѣніями. Особенно интересенъ въ этомъ смыслѣ разсказъ г. Валишевскаго о борьбѣ «птенцовъ Петровыхъ» съ представителями «старой русской партіи» при Петрѣ II и въ началѣ царствованія Анны Іоанновны. «Старые русскіе»: Голицыны и Долгорукіе увлекаютъ царя-отрока въ Москву, Петербургъ пустѣетъ, флотъ приходитъ въ упадокъ, и, по мнѣнію г. Валишевскаго, дѣло преобразованія гибнетъ, несмотря на совѣты и противодѣйствіе Остермана и другихъ иностранцевъ. Правда, Соловьевъ, изучавшій царствованіе Петра II по архивнымъ документамъ, пришелъ къ другому нѣсколько выводу. «Если, говоритъ онъ, поддержка арміи и флота въ томъ состояніи, въ какомъ они находились при Петрѣ Великомъ, встрѣчала сильное препятствіе въ самомъ второмъ императорѣ, который ни по лѣтамъ, ни по привычкамъ не былъ способенъ даже играть въ солдаты и корабли,— то остальныя дѣла преобразователя, которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, преднамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ русскихъ людей, стоявшихъ въ это время на верху» [2]). Но этотъ выводъ Соловьева г. Валишевскій обходитъ легкимъ замѣчаніемъ, что «нѣкоторые (sic) русскіе историки: Соловьевъ, а ранѣе Ведемейеръ (!), увлеклись панегирикомъ Манштейна (!)», и что на первомъ планѣ должны быть поставлены для изученія вопроса донесенія иностранныхъ посланниковъ [3]). Между тѣмъ, даже по этимъ донесеніямъ оказывается, что эти «старые русскіе» были, по своему образованію и вкусамъ, чистыми европейцами. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ получилъ образованіе въ Италіи, а въ своей подмосковной, Архангельскомъ, собралъ библіотеку въ 6.000 томовъ, въ томъ числѣ сочиненія Локка, Маккіавелли, Пуфендорфа; въ 1701 г. былъ посломъ въ Константинополѣ и, управляя съ 1708 по 1721 г. Малороссіей, всячески заботился о распространеніи въ ней просвѣщенія. Братъ Дмитрія, Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ, пользовался особымъ уваженіемъ иностранцевъ: «во всякой странѣ, менѣе варварской, писалъ о немъ Лиріа, онъ былъ бы великимъ человѣкомъ. «Васи-

---

[1]) «L'héritage» etc., 118.

[2]) «Исторія Россіи», XIX, кн. IV (изд. Тов. Общ. Польза), стр. 1096.

[3]) «L'héritage» etc., 112.

лій Лукичъ Долгорукій началъ свою дипломатическую карьеру при дворѣ Людовика XIV и жилъ въ Парижѣ четырнадцать лѣтъ, вступилъ тамъ въ сношенія съ іезуитами и затѣмъ былъ русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ; по отзыву Бассевича, это былъ «самый любезный и обходительный человѣкъ изъ всѣхъ русскихъ». Г. Валишевскій вспоминаетъ объ этомъ лишь при разсказѣ о томъ, какъ послѣ паденія Меншикова начали обозначаться олигархическія тенденціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, и тогда представители «старорусской» партіи постепенно превращаются у него въ «верховниковъ», создающихъ «конституціонную хартію»—вѣнецъ политическихъ идеаловъ автора «по западно-европейскимъ теоріямъ»; тогда тѣ же Голицыны и Долгорукіе являются для автора носителями европейской культуры, хотя онъ и не сочувствуетъ ихъ олигархическимъ тенденціямъ. Понять путаницу автора, однако, довольно легко. Долгорукіе и Голицыны были въ дѣйствительности не «старо-русскими», а просто русскими людьми, цѣнившими западную культуру, но вѣрившими въ силы своего народа и не думавшими, что нужно искать спасенія въ нѣмцахъ; они въ сущности выражали взглядъ самого Петра В., который говорилъ, что, воспринявъ плоды западноевропейской цивилизаціи, Россія можетъ въ ближайшемъ будущемъ повернуться къ Европѣ задомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не забыли традицій старыхъ боярскихъ родовъ, искони боровшихся съ самодержавной властью, не забыли «семибоярщины», а между тѣмъ именно въ этомъ отношеніи признаны г. Валишевскимъ за чистыхъ европейцевъ, и потому Остерманъ, Левенвольде, Биронъ, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, должны, по взгляду автора, стать на ряду съ врагами западной культуры, потому что они сдѣлались противниками верховниковъ. Безпорядки въ управленіи при Петрѣ II, вопреки автору, также нельзя ставить въ вину «русской» партіи: они существовали потому лишь, что царь-отрокъ былъ въ рукахъ людей, преслѣдовавшихъ свои частные интересы, независимо отъ того, къ какой бы партіи они ни принадлежали.

Неудачу замысловъ верховниковъ г. Валишевскій приписываетъ низшему дворянству, которое наполняло ряды гвардіи и которое будто бы исключительно въ самодержавіи видѣло охрану крѣпостного права: авторъ, очевидно, забылъ о Польшѣ, гдѣ олигархія магнатовъ, при массѣ мелкопомѣстной и безземельной шляхты, умѣла поддерживать рабовладѣльческія вожделѣнія болѣе, чѣмъ это было гдѣ либо; на самомъ дѣлѣ дворянство, какъ и весь народъ русскій, видѣло въ самодержавіи залогъ единства и крѣпости русскаго государства и берегло его. Авторъ скорбитъ, что въ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія при Екатеринѣ II сказалось гораздо меньше свободолюбивыхъ стремленій среди дворянства, чѣмъ въ 1730 году, приписывая это развившемуся въ немъ «сервилизму», и забываетъ, что именно въ этой комиссіи сама самодержица возбудила вопросъ объ

ограниченіи крѣпостнаго права; авторъ затѣмъ насмѣшливо замѣчаетъ, что «сервилизмъ» дворянъ вознагражденъ былъ въ «концѣ XVIII вѣка» освобожденіемъ дворянства отъ обязательной службы государству, но при этомъ, очевидно, вовсе забываетъ, что это освобожденіе было не «въ концѣ вѣка», а въ 1762 г., въ царствованіе Петра III, за пять лѣтъ до созыва Екатериной комиссіи для сочиненія новаго уложенія. Но верхомъ сознательной наивности г. Валишевскаго въ разсужденіи объ исходѣ попытки верховниковъ въ 1730 г. ограничить самодержавіе является меланхолическое его заключеніе объ упадкѣ вольномыслія среди русскаго народа. «Сто лѣтъ спустя послѣ событій 1730 г. русскіе солдаты, посланные для подавленія польскаго возстанія, никакъ не могли понять основной причины этой неравной борьбы. Имъ сказали, что возставшіе сражаются за свою конституцію, а они вообразили, что Конституція было имя супруги великаго князя Константина, который женатъ былъ на полькѣ. Вотъ къ чему пришло, въ теченіе столѣтняго промежутка времени, въ народныхъ массахъ движеніе идей, которыя агитаторы XVIII вѣка надѣялись сдѣлать доступными для всѣхъ классовъ народа!» [1]). Мы не будемъ спорить съ г. Валишевскимъ, о томъ, что̀ именно думали русскіе солдаты, усмиряя польское возстаніе, но напомнимъ ему, что конституція, какъ супруга великаго князя Константина Павловича, измышлена была декабристами, когда они убѣждали совращенныхъ ими солдатъ кричать: «да здравствуетъ конституція!».

Торжество нѣмецкой партіи въ Россіи, съ Бирономъ, Минихомъ и Остерманомъ во главѣ, было непосредственнымъ послѣдствіемъ «затѣйки» верховниковъ, принадлежавшихъ къ родовитой русской знати: для императрицы Анны Іоанновны, послѣ Голицыныхъ и Долгорукихъ, русскіе вельможи сдѣлались подозрительны, точно такъ же, какъ сто лѣтъ спустя, при императорѣ Николаѣ I, послѣ декабрьскихъ смутъ, захватившихъ многихъ представителей русской аристократіи, въ высшемъ государственномъ управленіи получили особое значеніе остзейскіе нѣмцы и разные выходцы,

> Пятою рабскою поправшіе обломки
> Игрою счастія обиженныхъ родовъ.

Г. Валишевскій держится, однако, другого мнѣнія о значеніи нѣмецкой партіи для Россіи: онъ примыкаетъ къ мнѣнію, что собственно русскаго дворянства никогда не существовало, такъ какъ, по показаніямъ Бархатной книги, родоначальники большинства дворянскихъ фамилій были де знатными выходцами изъ Польши, Швеціи, Германіи, Италіи и т. д., и такимъ образомъ русскіе дворяне искони были «нѣмцами». Приливъ иностранцевъ въ Россію со

---

[1]) «L'hèritape» etc., 153—154.

временъ Петра Великаго былъ, по его мнѣнію, лишь естественнымъ продолженіемъ ранѣе существовавшаго явленія, такъ что въ сущности о борьбѣ нѣмцевъ и русскихъ при Аннѣ Іоанновнѣ можно сказать, что «своя своихъ не познаша». Не будемъ останавливаться на разборѣ этого мнѣнія: оно само говоритъ за себя. Мы замѣтимъ, однако, что показанія Бархатной книги, основанныя на суетномъ желаніи русскихъ дружинниковъ произвести свой родъ отъ западныхъ графовъ, маркграфовъ и т. д., уже давно не возбуждаютъ довѣрія, какъ не возбуждали никогда довѣрія стремленія Грознаго вывести родъ свой отъ римскихъ кесарей и усилія Бирона связать свою фамилію съ фамиліей французскихъ Бироновъ.

Печальное время Бироновщины разсказано г. Валишевскимъ съ внѣшней стороны подробно, хотя и односторонне, но чѣмъ оно было для русскаго народа,—изъ его труда нельзя составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Авторъ признаетъ, напримѣръ, что дѣло Волынскаго было въ сущности выраженіемъ борьбы между нѣмецкой и русской партіями, что самъ Волынскій, при всѣхъ личныхъ своихъ недостаткахъ, былъ средоточіемъ огромнаго числа недовольныхъ Бирономъ и нѣмцами, и что казнь его, возбудившая негодованіе и современниковъ, и потомства, рѣзко осужденная самой императрицей Екатериной II,—была личнымъ дѣломъ фаворита, стремившагося незадолго до кончины Анны Іоанновны уничтожить выдающихся представителей русской партіи и почти одновременно съ Волынскимъ казнившаго несчастныхъ Долгорукихъ, томившихся дотолѣ въ ссылкѣ. Но, по мнѣнію г. Валишевскаго, съ русскими и поступать иначе не стоило, потому что высшая правда была на сторонѣ Бирона. «Въ сущности, говоритъ онъ, Волынскаго и его конфидентовъ въ борьбу съ нѣмцами привелъ духъ порядка, метода, который эти иностранцы принесли съ собою, ихъ болѣе культурные нравы, болѣе развитое просвѣщеніе, и мнѣ кажется, что ненависть къ Бироновщинѣ, распространенная въ массѣ народа и даже русскаго общества (public), происходитъ главнымъ образомъ изъ того же источника» [1])...

Думаемъ, что послѣ этой аттестаціи русскаго общества дальнѣйшихъ выписокъ изъ труда г. Валишевскаго приводить уже не стоитъ: мы знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Неужели въ самомъ дѣлѣ польско-французскій авторъ русской исторіи думаетъ, что русское общество, происходя, по его мнѣнію, отъ нѣмцевъ, до сихъ поръ остается не русскимъ? Или, быть можетъ, онъ встрѣчалъ за границей русскихъ преимущественно еврейскаго происхожденія, которыхъ въ Западной Европѣ видимо-невидимо, и которые выдаютъ себя за кровныхъ русскихъ, представителей русскаго общественнаго мнѣнія?

Евгеній Шумигорскій.

---

[1]) «L'hèritage» etc., 230.

ЮБИЛЕЙ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

(1876—1901 г.).

РЕДАКЦІЯ «Новаго Времени» праздновала 28 февраля двадцатипятилѣтній юбилей издательства газеты Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ. Въ этотъ день, утромъ, заѣзжали поздравить юбиляра министры: финансовъ — С. Ю. Витте, иностранныхъ дѣлъ—графъ В. Н. Ламздорфъ, юстиціи—Н. В. Муравьевъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ—А. Е. Ермоловъ, путей сообщенія—князь М. И. Хилковъ и отъ имени военнаго министра А. Н. Куропаткина адъютантъ его — баронъ В. Ѳ. Остенъ-Сакенъ; товарищи министровъ: финансовъ—В. И. Ковалевскій, юстиціи — С. С. Манухинъ, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода—В. К. Саблеръ; товарищъ министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣревъ прислалъ привѣтственную телеграмму.

Сотрудники поднесли Алексѣю Сергѣевичу Суворину, собранные ими между собою, 7.500 рублей, которые предоставили въ его распоряженіе на какое либо дѣло, полезное русскому просвѣщенію. Книжный магазинъ «Новаго Времени», контора и типографія газеты поднесли роскошные альбомы, съ фотографическими видами внутреннихъ помѣщеній этихъ заведеній и группами служащихъ въ нихъ. Кромѣ того, многіе почитатели юбиляра прислали разнообразные подарки: такъ, между прочимъ, извѣстный пѣвецъ Мазини прислалъ изъ Италіи художественной работы эмальированный ковшъ на серебряномъ, вызолоченномъ подносѣ; А. А. Титовъ, изъ

Ростова, изящный складень съ превосходно нарисованными на фарфорѣ образами и т. д.

Въ два часа дня, въ квартирѣ Алексѣя Сергѣевича Суворина было совершено молебствіе. Большой залъ и прилегающій къ нему кабинетъ едва могли вмѣстить многочисленныхъ гостей, пожелавшихъ лично поздравить юбиляра. Кромѣ сотрудниковъ въ полномъ составѣ, здѣсь находились представители высшей администраціи, литераторы, издатели многихъ петербургскихъ и провинціальныхъ газетъ, художники и артисты. Перечислить всѣхъ нѣтъ возможности; назовемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ: предсѣдатель комитета министровъ И. Н. Дурново, члены государственнаго совѣта М. Н. Галкинъ-Врасскій и В. П. Череванскій, товарищъ министра путей сообщенія В. А. Мясоѣдовъ-Ивановъ, товарищъ государственнаго контролера А. И. Иващенковъ, начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ Н. И. Петровъ, директоръ императорскаго эрмитажа оберъ-гофмейстеръ И. А. Всеволожскій, директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ Н. Г. Гартвигъ, директоръ императорской Публичной библіотеки Н. К. Шильдеръ, сенаторъ А. Л. Боровиковскій, генералъ-отъ-артиллеріи Демьяненковъ, генералъ-отъ-кавалеріи А. П. Струковъ, князь П. Д. Львовъ, петербургскій городской голова П. И. Леляновъ, череповецкій городской голова И. А. Милютинъ, князь В. П. Мещерскій, А. А. Потѣхинъ, С. В. Максимовъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, I. I. Ясинскій, П. П. Гнѣдичъ, В. Г. Авсѣенко, В. В. Комаровъ, С. Н. Худековъ, Н. Н. Каразинъ, профессоръ Н. Л. Бѣлелюбскій, профессоръ Ѳ. И. Пастернацкій, художники В. Е. и К. Е. Маковскіе, Л. Ф. Лагоріо, Н. А. Кошелевъ, композиторы Н. Ѳ. Соловьевъ и Г. А. Ларошъ, артисты Н. Ѳ. Сазоновъ, М. И. Писаревъ, артистки г-жа Ксешинская, Петипа, Жулева, Потоцкая и др.

Послѣ молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Алексѣю Сергѣевичу Суворину, его семьѣ и сотрудникамъ «Новаго Времени», а также и присутствовавшимъ, началось чтеніе адресовъ и привѣтствій. Первымъ былъ прочитанъ А. П. Никольскимъ слѣдующій адресъ отъ сотрудниковъ:

«Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ!

«Привѣтствуя васъ въ день 25-лѣтняго юбилея вашей блестящей литературно-журнальной дѣятельности во главѣ всѣмъ намъ родного «Новаго Времени», поставленнаго вами на высоту первой русской газеты, мы, счастливые и гордые своимъ сотрудничествомъ въ «Новомъ Времени», просимъ васъ принять слабое выраженіе нашихъ горячихъ, глубокихъ къ вамъ симпатій въ видѣ собранной нами суммы на какое либо, по вашему усмотрѣнію, полезное русскому просвѣщенію дѣло, чтобы оно было почетнымъ хранителемъ вашего заслуженнаго имени въ потомствѣ.

«Мы выбрали этотъ способъ выраженія нашихъ къ вамъ симпатій, зная, какъ близки вашему сердцу нужды отечественнаго просвѣщенія, и какъ высоко ставитѐ вы просвѣтительную дѣятельность въ нашей еще столь бѣдной образованіемъ странѣ. Съ первыхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ, которое вы не даромъ начали учительствомъ въ школѣ, вы всецѣло отдали этой дѣятельности вашъ яркій, многогранный талантъ, ваши богатыя силы ума и сердца и вашу изумительную трудовую энергію.

«Вся ваша разностороннняя дѣятельность,—напряженная, не знающая устали и отдыха, всегда отмѣченная печатью таланта, согрѣтая искренностью, всегда блещущая искрами остроумія и оригинальности,—цѣликомъ посвящена просвѣтительнымъ задачамъ. Въ газетѣ такъ же, какъ и въ книгоиздательствѣ, и въ книготорговлѣ, и въ театрѣ, и въ разныхъ литературно-общественныхъ учрежденіяхъ, вы прежде всего искали способовъ внести какъ можно больше свѣта въ обиходъ русской жизни, потому что вы, одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ самородковъ, превыше всего ставите просвѣщеніе русскаго человѣка, потому что вы преисполнены свѣтлой вѣрой въ даровитость, здравомыслie и великую духовную силу русскаго народа, дающую ему неотъемлемое право быть самимъ собой на міровой аренѣ. Ваша всегда яркая, нерѣдко пламенная рѣчь, идущая отъ сердца къ сердцу, съ первыхъ дней жизни «Новаго Времени» подъ вашимъ руководствомъ, привлекла къ вамъ симпатіи широкихъ русскихъ общественныхъ круговъ, и во все послѣдующее 25-лѣтіе ваша обширнѣйшая аудиторія неизмѣнно росла и распространялась, разнося во всѣ уголки русской земли здоровыя сѣмена будущей самобытной русской культуры, поднимая и укрѣпляя въ русскихъ людяхъ національное самосознаніе, вѣру въ свои силы и въ свое почетное историческое призваніе.

«Но, воздавая вамъ должное, какъ выдающемуся дѣятелю русскаго просвѣщенія, восхищаясь вашимъ несравненнымъ талантомъ, преклонясь передъ вашими вполнѣ заслуженными блестящими успѣхами въ русской журналистикѣ и въ русскомъ обществѣ, мы не сказали бы главнаго, что насъ сплотило съ вами въ одну крѣпкую семью—на всю жизнь, если бы не сказали, что мы не только высоко цѣнимъ и чтимъ васъ, но еще болѣе того—любимъ васъ!

«Нѣтъ человѣка между нами,—рано ли, поздно ли пришелъ онъ работать съ вами,—который не испыталъ бы на себѣ вашего счастливаго дара—затронуть деликатнѣйшія струны сердца, расшевелить лучшія чувства, поднять горячей волной искренность, одушевленіе, вѣру въ себя, въ свои силы. Въ радости и печали вы всегда были доступны каждому изъ насъ. Мы искали и находили у васъ не одни руководительныя указанія, а еще чаще находили нравственную опору и поддержку, дружеское участіе, неподдѣль-

ное сочувствіе ко всякому живому порыву, ко всякому проблеску дарованія. Вы никогда не замыкались передъ нами въ сухую оболочку офиціальности, а тѣмъ болѣе принудительнаго авторитета. Напротивъ, нерѣдко мы вмѣстѣ переживали столь обычныя въ газетной работѣ мучительныя минуты сомнѣній и колебаній. Но мы не падали духомъ, имѣя всегда передъ собой образецъ вашего трудового подвижничества и несокрушимой энергіи, которыхъ не страшили и не могли одолѣть никакія душевныя терзанія, волненія и заботы, неразлучныя съ нашей срочной, спѣшной и нервной работой. И за всѣ эти 25 лѣтъ такой совмѣстной работы, которой вы отдавались напряженнѣе и больше каждаго изъ насъ, мы сохранили лишь дорогія воспоминанія о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

«Привѣтъ вамъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, отъ глубины искренняго благодарнаго чувства, и дай Богъ намъ вмѣстѣ съ нашимъ юбиляромъ еще много лѣтъ также обильно черпать силы и бодрость въ соприкосновеніи съ вашимъ неувядающимъ талантомъ и вашимъ истинно благороднымъ сердцемъ!»

Второй адресъ, отъ женъ сотрудниковъ «Новаго Времени», прочитала жена редактора газеты, З. Н. Булгакова, далѣе слѣдовали адресы отъ типографіи, конторы и книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени», отъ подписчиковъ «нижегородцевъ», отъ труппы Малаго театра, отъ вспомогательной кассы наборщиковъ, отъ редакцій «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Русскаго Инвалида», «Свѣта», «Herold», «Виленскаго Вѣстника», «Кронштадтскаго Вѣстника», «Котлина», «Русскаго Листка», «Финляндской газеты», «Церковнаго Вѣстника» и др. Отъ общества русскихъ драматическихъ писателей привѣтствовалъ Алексѣя Сергѣевича Суворина П. М. Невѣжинъ, при чемъ вручилъ юбиляру золотой жетонъ общества. Городской голова П. И. Леляновъ въ своей рѣчи вспомнилъ, что «Новое Время» всегда стояло на стражѣ городскихъ интересовъ, и если лично къ нему, П. И. Лелянову, относилось критически, то это нисколько не мѣшаетъ ему пожелать успѣха «Новому Времени», какъ истинной русской газетѣ. К. К. Случевскій, В. С. Лихачевъ и К. М. Фофановъ прочитали свои стихотворенія. Приводимъ эти стихотворенія полностью, а изъ нѣкоторыхъ адресовъ выдержки:

Стихотвореніе К. К. Случевскаго.

Портретъ въ стихахъ.

(А. С. Суворину, 28 февраля 1901 г.).

Живой портретъ въ стихахъ! Сутуловатъ, нестроенъ,
И грудь не высока, но плечи широки;
Глаза не изъ большихъ; взглядъ часто не спокоенъ,
И сквозь стекло очковъ блистаютъ огоньки,

И не усидчивъ онъ! Порывисты движенья;
Не тщателенъ уходъ за длинной бородой;
Одежда широка, чтобъ не было стѣсненья;
Морщинъ достаточно; украшенъ сѣдиной.
Онъ безконечно добръ, язвителенъ нерѣдко,
Не знаютъ, какъ къ нему порою подойти;
Правдивъ всегда, клеймитъ остро и мѣтко,
И хвалитъ иногда, пожалуй, безъ пути.
Рѣчь очень неровна; въ ней часто «все-такое»,
Нерѣдко въ рѣчи той не отыскать его;
Порою, какъ дитя, играетъ на покоѣ,—
Порой глашатай думъ народа своего...
Но это жизнь сама! Въ немъ—лирика созданья,
Красотъ и слабостей обычный перебой,
Очарованье сновъ, несокрушимость знанья
И вѣра въ будущность всей пылкою душой.
Ему десятки лѣтъ давала жизнь уроки,
Но старый педагогъ не сбилъ ученика,
Живая льется мысль сквозь пламенныя строки,
Нѣтъ оскудѣнья въ ней, и нѣтъ въ ней старика!
Счастливый образецъ хорошаго закала!
Одинъ изъ могиканъ давнишнихъ милыхъ лѣтъ...
Но здѣсь, въ присутствіи, вблизи оригинала,
Блѣднѣетъ, какъ луна предъ солнцемъ, весь портретъ!
Но будетъ нѣкій день, насъ всѣхъ, кто здѣсь, не станетъ,
Забудутся черты, замретъ безслѣдно рѣчь...
Тогда, сквозь тьму годовъ, портретъ въ стихахъ проглянетъ,
Его ни потерять, ни разорвать, ни сжечь!
И подлѣ, вкругъ него, еще проступятъ лица:
Друзья, товарищи, почтенная семья!
Живая, рѣдкая, хорошая страница
Изъ нашихъ смутныхъ дней лихого бытія!

Стихотвореніе В. С. Лихачева.

Здравица.

Въ дни общаго сумбура
И общаго шатанія,
Когда и небо хмуро,
И почва безъ питанія,
Когда, свою породу
Чтобъ скрыть передъ сосѣдями,
Мы пляшемъ имъ въ угоду
Учеными медвѣдями,
Когда заморской пряжей
Мы сплошь себя уже заткали
И передъ силой вражьей
Все хвастаемся: гладко ли?

Когда отъ пятъ до выи
Въ насъ русское все сковано
И русскимъ быть въ Россіи
Едва ли не рискованно,—
На братскій судъ къ отвѣту
Мы требуемъ отвѣтчика:
За русскую газету!
За русскаго газетчика!

Стихотвореніе К. М. Фофанова.

Четверть вѣка.

Четверть вѣка! Четверть вѣка,—
Это возрастъ человѣка,
Лучшій возрастъ иногда;
Возрастъ гордаго расцвѣта,
Возрастъ смѣлаго труда,
Вольныхъ пѣсенъ—для поэта!
Четверть вѣка! Боже мой,
Это возрастъ молодой!
Дни, когда себя тревожимъ,
Ставимъ истину вверхъ дномъ;
Дни, когда мы выпить можемъ
Четвертную вчетверомъ.
Это—возрастъ, что смѣется...
Этотъ возрастъ, мнѣ сдается,
Въ «Новомъ Времени» всегда,
Возрастъ мысли и стремленья,
Возрастъ правды и гоненья
И упорнаго труда.
Время новое—отрада,
И для сока винограда
Вѣчно новые мѣхи...
Время новое цензурно
И для стараго Сатурна,
Что прощаетъ всѣ грѣхи!..

Адресъ «Кронштадтскаго Вѣстника».

«У насъ, на флотѣ, есть сигналъ—«слѣдовать движеніямъ адмирала». По этому сигналу всѣ корабли берутъ курсы и маневрируютъ сообразно дѣйствіямъ флагманскаго корабля, идущаго впереди другихъ.

«Примѣняя означенный терминъ къ трудящимся на литературномъ поприщѣ и къ руководителямъ газетъ, нельзя не признать, что вы, Алексѣй Сергѣевичъ, на своемъ поприщѣ также адміралъ,

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ 1876 году.

а ваше почтенное изданіе—флагманскій корабль, движеніямъ котораго слѣдуютъ многіе органы печати.

«Въ теченіе четверти вѣка вы являлись искуснымъ кормчимъ, который умѣло велъ свой корабль чрезъ тѣ безчисленныя преграды и опасности, какими изобилуетъ наша общественная и политическая жизнь».

Адресъ «Русскаго Листка».

«Вашъ примѣръ вѣщаетъ младшимъ работникамъ на литературной нивѣ: къ добру направленный талантъ, упорный трудъ, желѣзная воля, служа вѣрнымъ залогомъ успѣха, преодолѣютъ всѣ препятствія. Вы умѣли затрогивать сокровеннѣйшія струны сердца рус-

скаго читателя, прозорливо опредѣлять жгучія язвы общественности, находить имъ правильное противодѣйствіе. Подъ вашимъ перомъ родная дѣйствительность со всѣми ея радостями и скорбями рисовалась въ истовомъ русскомъ духѣ. Глубина и самостоятельность вашихъ воззрѣній были оцѣнены и у насъ и на западѣ: за рубежомъ признали наконецъ существованіе частной русской печати и стали прислушиваться къ ея голосу. И такъ, русскія начала, русская газета торжествуютъ сегодня. Вотъ что особенно знаменательно и дорого, вотъ почему радость «Новаго Времени»—радость и русскаго литературнаго работника и русскаго читателя».

Рѣчь, сказанная редакторомъ «Финляндской Газеты», И. А. Баженовымъ.

«Я пріѣхалъ сюда изъ окраиннаго Гельсингфорса отъ имени первой тамъ русской «Финляндской Газеты» поздравить собственно ваше «Новое Время», потому что для него этотъ двадцатипятилѣтній періодъ является временемъ блестящаго развитія, роста и небывалаго въ исторіи русской журналистики вліянія, для него это дѣйствительно юбилей. Для васъ же, его руководителя и создателя этого блестящаго положенія, это не юбилей, а только двадцатипятиверстный, тяжелый, но завидный, перегонъ отъ бывшей работы къ будущей работѣ. Для николаевскаго солдата двадцать пять лѣтъ службы были важны, потому что обѣщали ему чистую отставку, а русскому публицисту, въ особенности въ томъ положеніи, какое вы создали для себя, нѣтъ ни отставки, ни смѣны. Пока есть силы, будь на стражѣ, да не стой, а иди впередъ, работай и мысли на пользу родной Русской земли, неси знамя, тобою поднятое. Вотъ для этой-то службы дай вамъ Богъ побольше силъ и бодрости».

Въ 9 часовъ вечера состоялся раутъ въ Маломъ театрѣ, который принялъ на этотъ вечеръ очень красивый видъ, благодаря художественнымъ декораціямъ, исполненнымъ г. Суворовымъ, и илюминаціи зрительнаго зала, устроенной С. И. Сальвесономъ, царскосельскимъ электротехникомъ. Надъ сценой была помѣщена крупная надпись «Новое Время», исполненная въ стилѣ того шрифта, которымъ печатается названіе газеты въ заголовкѣ; буквы надписи были сдѣланы изъ искусственныхъ цвѣтовъ, въ которыхъ скрывались электрическіе лампіоны; въ серединѣ надписи находились такіе же инициалы «А. С.»; къ серединѣ потолка надъ люстрой зрительнаго зала были протянуты широкія голубыя ленты и гирлянды розъ съ электрическими лампочками; ложи были убраны такимъ же образомъ гирляндами изъ розъ съ лампіонами. Все это производило чрезвычайно эффектное впечатлѣніе. Въ фойе и прилегающихъ залахъ, украшенныхъ растеніями, были расположены открытые буфеты съ шампанскимъ, фруктами, конфетами и за-

кусками. На раутѣ собралось до 600 человѣкъ; тутъ находились: министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ, товарищъ его В. А. Мясоѣдовъ-Ивановъ, товарищъ министра финансовъ В. И. Ковалевскій, товарищъ государственнаго контролера А. П. Иващенковъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати князь Н. В. Шаховской, В. С. Адикаевскій, П. М. Литвиновъ, редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» К. К. Случевскій, графъ А. Д. Шереметевъ, начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ генералъ-лейтенантъ Н. И. Петровъ, князь П. Д. Львовъ, пасторъ Гиллотъ, А. В. и Е. Н. Половцовы, профессора: А. А. Иностранцевъ, Трояновъ, академикъ В. И. Ламанскій, Н. В. Покровскій, Н. П. Кондаковъ, Д. П. Коноваловъ, П. И. Ковалевскій, С. П. Глазенапъ, А. В. Праховъ, художники: Александровскій, Лагоріо, Елиз. М. Бемъ, Кошелевъ, академики: И. И. Ждановъ, А. И. Сомовъ; баронъ Штакельбергъ, генералъ-лейтенанты: Е. В. Богдановичъ, Н. К. Шильдеръ, М. А. Сиверсъ, командиръ кронштадскаго порта адмиралъ С. О. Макаровъ, генералъ-майоры: Я. И. Павлиновъ, А. И. Золотаревъ, А. Р. Шуляченко, А. А. Поливановъ, Н. И. Кутеповъ, М. М. Бородкинъ, А. Э. Прескоттъ, полковникъ登 Кованько, К. К. Эссенъ, представители литературы и журналистики, художники, артисты императорскихъ драматической, оперной, балетной и французскихъ труппъ, артисты Малаго театра и сотрудники «Новаго Времени». Много было дамъ, которымъ всѣмъ были поднесены букетики цвѣтовъ.

Раутъ сотрудниковъ «Новаго Времени» осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ. Его высочество изволилъ прибыть въ началѣ одиннадцатаго часа въ сопровожденіи начальника штаба петербургскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта Г. Р. Васмунда, и дежурнаго адъютанта. Его императорское высочество прибылъ въ срединѣ перваго концертнаго отдѣленія и присутствовалъ до его конца, а затѣмъ прослѣдовалъ въ фойе, гдѣ удостоилъ милостивымъ разговоромъ издателя «Новаго Времени» А. С. Суворина. Въ двѣнадцатомъ часу его императорское высочество отбылъ изъ Малаго театра.

Артистическая часть вечера началась фанфарами г. Римскаго-Корсакова, взятыми изъ различныхъ его сочиненій. Затѣмъ послѣдовалъ гимнъ, исполненный прекраснымъ оркестромъ и хоромъ графа А. Д. Шереметева, любезно предоставленными графомъ въ распоряженіе юбилейнаго комитета. Поднялся занавѣсъ, открывъ эффектно поставленную г. Каразинымъ живую картину «Слава печатному слову». Въ картинѣ участвовало около 150 лицъ, составлявшихъ группы, изъ которыхъ особенно привлекали вниманіе изображавшія распространеніе печатнаго слова въ разныхъ слояхъ населенія и касавшіяся главныхъ событій истекшаго 25-лѣтія:

франко-русскаго союза, войны въ Манчжуріи, буровъ, турецкой войны и т. д. Послѣ картины, Н. Ѳ. Сазоновъ и артистка Малаго театра г-жа А. Домашева живо и весело разыграли забавную сцену А. С. Суворина «Онъ и она». Авторъ былъ вызванъ единогласно всѣмъ заломъ. Затѣмъ была исполнена кантата «Привѣтствіе печатному слову» на текстъ В. С. Лихачова, написанная двумя композиторами гг. Ю. И. Блейхманомъ и С. В. Юферовымъ; послѣднему принадлежитъ теноровое соло, спѣтое г. М. Чупрынниковымъ. Кантата мелодична, звучна и эффектна; г. Блейхманъ прекрасно провелъ ея исполненіе. Въ первомъ отдѣленіи оркестръ сыгралъ еще «Коронаціонный маршъ» Чайковскаго, подъ прекраснымъ управленіемъ г. М. Владимирова, дирижера оркестра графа А. Д. Шереметева, а въ слѣдующемъ, тоже подъ его управленіемъ, — огненную увертюру къ «Руслану» и «Апоѳеозъ», сочиненіе г. Юферова (на слова В. Лихачова) для хора и оркестра.

Артисты Михайловскаго театра г. Поль-Рене, не пожелавшій нарушить программы, несмотря на свое нездоровье, и г-жа Барети прочли: первый—эффектное стихотвореніе Ростана, обращенное къ президенту Крюгеру, вторая—два комическихъ монолога, имѣвшихъ огромный успѣхъ. Перломъ вокальной части въ первомъ отдѣленіи явилась г-жа Боронатъ (графиня Ол. Ржевуская). Трудно передать впечатлѣніе, оставляемое ея идеально-законченнымъ исполненіемъ. Голосъ подобной красоты и задушевности, соединенный съ совершенствомъ школы, встрѣчается рѣдко. Все, что спѣла графиня Ржевусская: сцена изъ «Гамлета», вальсъ изъ «Мирейли», Nymphes et Sylvains», наконецъ «Соловей», очаровало слушателей.

Второе отдѣленіе началось прелестно поставленною К. Е. Маковскимъ живою картиною «Хмелемъ осыпаны». Горячій пріемъ публика устроила удивительной по своей талантливости и комизму г-жѣ Бетти Стоянъ. Она спѣла труднѣйшій и эффектный вальсъ Штрауса «Frühlingsstimmen», а на bis «Vogel im Wald», одну изъ любимѣйшихъ пьесъ Аделины Патти. Шумныхъ аплодисментовъ удостоились и всѣ другіе артисты, участвовавшіе во второмъ отдѣленіи концерта.

Изъ нѣсколькихъ сотъ телеграммъ, полученныхъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ въ день юбилея, приведемъ здѣсь слѣдующія:

От**ъ князя Николая Черногорскаго.**

«Цетинье, 28 февраля (13 марта). Сердечно участвуемъ въ праздновaніи двадцатипятилѣтія успѣшной дѣятельности «Новаго Времени», которое показывало всегда черногорскому народу свои братскія симпатіи; въ знакъ того признаемъ и считаемъ священ-

нымъ долгомъ пожаловать вамъ орденъ св. Даніила второй степени, желая и на будущее время успѣховъ «Новому Времени» на преуспѣяніе братской намъ Россіи и ея народа. Николай».

Отъ статсъ-секретаря В. К. Плеве:

«Въ двадцатипятилѣтіе вашей газеты шлю искреннія пожеланія ей дальнѣйшаго успѣха и процвѣтанія, вамъ душевный привѣтъ; сожалѣю, что не могу быть на молебнѣ».

Отъ пріамурскаго генералъ-губернатора Н. И. Гродекова изъ Харбина:

«Сожалѣю, что обстоятельства военнаго времени не позволили быть съ вами въ столь знаменательный день. Прошу принять мое сердечное поздравленіе и пожеланіе, чтобы служеніе газеты обществу продолжалось многія и многія лѣта».

Отъ финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова:

«Шлю сердечныя благопожеланія достойнѣйшему и талантливому Алексѣю Сергѣевичу дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія дѣла, трудами его уже достигшаго весьма важнаго общественнаго значенія».

Отъ начальника штаба варшавскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта А. И. Пузыревскаго:

«Будучи четверть столѣтія вашимъ постояннымъ читателемъ и случайнымъ сотрудникомъ, душевно присоединяюсь ко всѣмъ чествующимъ сегодня вашу дѣятельность. Вашъ тонкій умъ, чуткое сердце и публицистическая прозорливость, искренность вашихъ чувствъ и художественная чуткость къ назрѣвающимъ требованіямъ жизни создали такой органъ печати, въ которомъ всегда бился пульсъ дѣйствительной жизни. Дай Богъ «Новому Времени» навсегда сохранить эти свойства, связывающія его сердечно съ читателями».

Отъ графа Е. А. Саліаса изъ Парижа.

«Шлю привѣтъ Алексѣю Сергѣевичу и искреннія пожеланія благоденствія его созданію, продиктованныя дружбой, имѣющей уже сорокалѣтнюю давность. Да здравствуетъ «Новое Время» до тѣхъ поръ, пока оно можетъ сдѣлаться старымъ, какъ самое время».

Отъ Е. Л. Маркова изъ Воронежа:

«Привѣтствую талантливаго публициста, драматурга и журналиста съ двадцатипятилѣтіемъ его родного дѣтища, сумѣвшаго сдѣлаться самымъ основательнымъ, интереснымъ и популярнымъ органомъ русской печати».

От С. А. Андреевскаго из Орла:

«Среди множества похвал примите мое искреннее привѣтствіе съ вашимъ блистательнымъ праздникомъ. Были у васъ горести и ошибки, но болѣе четверти вѣка вы привлекали общественное вниманіе. Желаю вѣчной молодости вашему интересному и яркому дарованію. Самая сложность и производительность этого дарованія уже доказываютъ его крупное значеніе. Будьте счастливы».

Изъ письменныхъ поздравленій приведемъ три: одно отъ извѣстнаго французскаго историка, академика и сенатора Альфреда Рамбо, который нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Россіи, изучилъ русскій языкъ и, между прочимъ, написалъ превосходныя изслѣдованія о русскомъ эпосѣ (La Russie epique) и о русской исторіи (Histoire de Russie), второе отъ редактора газеты «Россія» Г. П. Сазонова и третье отъ одного изъ постоянныхъ подписчиковъ «Новаго Времени» К. К. Толстого.

Письмо Альфреда Рамбо:

«Monsieur et très honoré confraire!

«J'ai vivement regretté que mes ocupations parlementaires et aussi la longue distance m'aient empeché de repondre à l'invitation du Comité d'organisation pour le vingt cinquieme anniversaire du «Новое Время».

«Je tiens à joindre mes voeux et mes souhaits qui auront été formulés en cette occasion pour le long avenir et la prosperité d'un journal qui a toujours soutenu toutes les bonnes causes, qui l'est placé au premier rang parmi les journaux non seulement de la Russie, mais du monde entier.

«Au journal j'associe de tout coeur, dans mes voeux de prosperitè, son illustre et vaillant directeur, que je prie de vouloir bien agreer l'assurance de mes sentiments de sympatie et d'admiration».

(Переводъ. Очень сожалѣю, что мои парламентскія занятія, а также далекое разстояніе, мнѣ помѣшали принять приглашеніе комитета по устройству празднованія двадцатипятилѣтія «Новаго Времени». Присоединяю свои поздравленія и пожеланія долголѣтняго будущаго и благоденствія газетѣ, которая всегда поддерживала всякое хорошее дѣло, благодаря чему заняла мѣсто въ первомъ ряду газетъ не только Россіи, но и всего свѣта. Въ своихъ пожеланіяхъ благоденствія я отъ всей души присоединяю къ газетѣ ея славнаго и энергичнаго руководителя, котораго прошу принять увѣренія въ моихъ симпатіи и уваженіи).

Письмо Г. П. Сазонова.

«Неожиданное обстоятельство воспрепятствовало лично привѣтствовать васъ съ столь рѣдкимъ въ литературѣ торжествомъ. А по-

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ 1901 году.

тому этими наскоро набросанными нѣсколькими строками позволяю себѣ привѣтствовать васъ, какъ создателя и руководителя газеты, много и плодотворно поработавшей на пользу русскаго мужика, въ защиту его кровныхъ святыхъ интересовъ, памятуя, что простой народъ—это корни, при беззаботномъ отношеніи къ которымъ, при обстоятельствахъ, создающихъ ихъ порчу, гніеніе, погибаетъ само дерево, какъ бы ни былъ могучъ его стволъ, какъ бы ни роскошна была его крона, какою изумрудною зеленью ни блистали бы его листья. Искренно желаю вамъ на этомъ пути продолжать свое служеніе неуклонно и рѣшительно, памятуя великую истори-

ческую роль пахаря, создавшаго, сплотившаго могущественнѣйшее государство.

«Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ бывшій сотрудникъ, редакторъ газеты «Россія» Георгій Сазоновъ».

Письмо К. К. Толстого:

«Curriculum vitae русскаго интеллигентнаго человѣка давно всѣмъ извѣстно. Сначала онъ бываетъ любознательнымъ юношей, потомъ — благосклоннымъ читателемъ и, наконецъ, — многоуважаемымъ писателемъ. Всѣ эти три фазы своего развитія онъ проводитъ, главнымъ образомъ, въ чтеніи. Любознательный юноша читаетъ—и даже не читаетъ, а съ вѣрою и страхомъ Божіимъ штудируетъ—преимущественно книги и толстые журналы, черпая изъ нихъ свое міровоззрѣніе. Благосклонный читатель сравнительно рѣдко берется за книгу, довольствуясь журналами и газетами, въ которыхъ ищетъ, главнымъ образомъ, художественнаго наслажденія, новостей, статей — разъясняющихъ злобы дня и вопросы, которые его почему нибудь особенно интересуютъ. Выборъ газетъ и журналовъ обусловливается для него личнымъ вкусомъ, въ свою очередь зависящимъ отъ того міровоззрѣнія, которое онъ себѣ составилъ, будучи любознательнымъ юношей, и затѣмъ видоизмѣнилъ согласно показаніямъ жизненнаго опыта. Многоуважаемый писатель, наконецъ, читаетъ и книги, и журналы, и газеты, но онъ читаетъ ихъ не для поученія, какъ юноша, и не для того, чтобы слѣдить за жизнью, какъ благосклонный читатель, а съ особой, спеціальной цѣлью—какъ экспертъ, оцѣнивающій доброкачественность товара, въ которомъ считаетъ себя знатокомъ, такъ какъ и самъ поставляетъ таковой же для публики.

«Любознательный юноша и благосклонный читатель ищутъ въ чтеніи общаго впечатлѣнія, соотвѣтствующаго ихъ вкусу. Что этому вкусу не удовлетворяетъ, того они и читать не станутъ. Для нихъ важенъ лѣсъ, а не отдѣльныя деревья. Для многоуважаемаго писателя, наоборотъ, только и важны эти послѣднія. Онъ—техникъ, его интересуетъ не впечатлѣніе, даваемое картиною, а то, какъ она выписана, согласно ли съ тѣми правилами искусства, которыхъ онъ самъ держится, или нѣтъ. Поэтому онъ и читаетъ преимущественно то, что ему не по вкусу. Чтеніе для него не развлеченіе, не отдыхъ, а работа. Читая, онъ ищетъ не чувства, не мысли, а ошибокъ, промаховъ, «неконсеквентностей», отступленій отъ излюбленнаго имъ камертона, который онъ, по слабости человѣческой, считаетъ единственнымъ «честнымъ» или единственнымъ «серіознымъ», единственнымъ правильнымъ. Короче—если юноша читаетъ простыми глазами и притомъ такими, для которыхъ еще «новы всѣ впечатлѣнія бытія» (почему самое послѣднее изъ нихъ и кажется ему самымъ сильнымъ), то благосклонный читатель чи-

таетъ сквозь присвоенныя его возрасту и опытности очки, а многоуважаемый писатель уже совсѣмъ не читаетъ, а разсматриваетъ читаемое въ микроскопъ, который у всякаго свой.

«Благодаря такому разному способу чтенія, и оцѣнка читаемаго бываетъ различна. То, что очень понравилось юношѣ, можетъ оттолкнуть своею банальностью или ходульностью опытнаго читателя; то, что понравилось послѣднему, можетъ оттолкнуть юношу своею сухостью, узостью или самобытностью—несоотвѣтствіемъ съ только что воспринятымъ самоновѣйшимъ міровоззрѣніемъ. Оба они, однако же, не вдаются въ подробный анализъ читаемаго. Многоуважаемый писатель оцѣниваетъ не такъ. Ни ходульность, ни банальность, ни сухость, ни узость, ни вообще все то, что вліяетъ на общее впечатлѣніе, его не занимаетъ. Въ этомъ общемъ впечатлѣніи ему важно лишь одно—соотвѣтствіе читаемаго съ вышеупомянутымъ камертономъ. Если таковое соотвѣтствіе имѣется, то онъ, пожалуй, и читать даннаго произведенія не станетъ (у многочитающихъ вырабатывается искусство только проглядывать книги), но за то, въ случаѣ нападокъ или вообще какой нибудь необходимости, станетъ распинаться за него, доказывая «консеквентность», «честность», «серіозность» каждой отдѣльной строки и фразы (мы вообще не любимъ «голословности» и стараемся подыскать математическія доказательства даже тому, что сахаръ сладокъ, а горчица горька). Но если въ произведеніи соотвѣтствія съ камертономъ не имѣется, то многоуважаемый писатель засядетъ за него вплотную, искрошитъ на отдѣльныя фразы, разсмотритъ каждую изъ нихъ въ микроскопъ, и, какъ дважды два, вполнѣ математически докажетъ, что онѣ не консеквентны, не честны, не серіозны, и что, стало быть, авторъ ихъ или глупъ и необразованъ или писалъ свое произведеніе съ какими нибудь задними цѣлями—изъ-за благъ земныхъ, изъ угодничества передъ кѣмъ нибудь, страха ради іудейска, и проч. и проч.

Я прошелъ всѣ три фазы развитія русскаго интеллигента, такъ какъ хотя и не могу назваться многоуважаемымъ писателемъ, а все-жъ таки пописываю (больше въ спеціальныхъ изданіяхъ, которыхъ никто не читаетъ). Но въ дѣлѣ чтенія я остановился на степени благосклоннаго читателя. Хотя у меня и есть, конечно, присвоенныя моему возрасту (весьма не юному) очки, но сужу я о прочитанномъ все-же таки по впечатлѣнію, а не на основаніи анализа. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, «консеквентна» ли данная статья [1]), соотвѣтствуетъ ли она тому, что ранѣе говорилъ ея авторъ, такъ какъ я, во-первыхъ, не считаю себя призваннымъ слѣдить за его пове-

---

[1]) Вполнѣ консеквентны, по-моему, только коломенскія версты: какъ ихъ поставила, кажется, еще матушка Екатерина, такъ онѣ и до сихъ поръ стоятъ, хотя давно уже стали ненужными, и все вокругъ нихъ измѣнилось.

деніемъ, и даже имени его въ большей части случаевъ не замѣчаю (если оно рѣдко встрѣчается), а, во-вторыхъ, по личному опыту и по свидѣтельству самого Эммануила Канта, знаю, что «консеквентнымъ» можетъ быть только тотъ, кто стоитъ все на одной и той же точкѣ зрѣнія, и если, вдобавокъ, наблюдаемый съ этой точки предметъ совсѣмъ не измѣняется.

«О «честности» статьи я сужу только по ея выполненію, то-есть по отсутствію видимыхъ натяжекъ, подтасовки фактовъ, по добросовѣстности доказательствъ и проч., такъ какъ о заднихъ мысляхъ и намѣреніяхъ автора ничего не знаю и знать не могу. Для этого нужно залѣзать къ нему въ душу (путемъ микроскопическаго анализа), чего я дѣлать не умѣю, да и не желаю, или жить въ кружкѣ литераторовъ и питаться ходящими въ немъ сплетнями, отъ чего меня Богъ избавилъ. Да истинно-талантливая статья, по-моему, не можемъ быть не честной, то-есть не искренной. Таланта купить ни за какую цѣну нельзя. Онъ хотя и продаетъ свои произведенія «цѣною злата» (потому что кушать хочетъ), но создавать ихъ по заказу, на заданную тему, ни въ какомъ случаѣ не сможетъ. Публицистическіе Балалайкины, правда, могутъ одинаково хорошо писать и за и противъ чего угодно, но ихъ талантливость краденая, ихъ мысли, чувства, даже фразы понадерганы со стороны и только слѣплены болѣе или менѣе искусно. Такимъ винигретомъ можно обмануть юношу, а благосклоннаго читателя, просидѣвшаго за книгой полстолѣтія, на такой мякинѣ не проведешь.

«Однимъ словомъ—талантливость статьи есть, для меня, доказательство ея искренности, а искренность есть единственная честность, которой можно требовать отъ писателя.

«Больше всего я цѣню, въ писателѣ, самостоятельность, оригинальность мысли и чувства. Только то, по-моему, стоитъ и читать и писать, что еще не было ни написано, ни прочитано, хотя бы это были парадоксы. Больше всего я не выношу пережовыванія старыхъ истинъ, особенно въ ходульномъ патетическомъ тонѣ. Не люблю также подпѣванія общему хору, все равно—благонамѣренному или неблагонамѣренному, въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ. Либерализмъ, во что бы то ни стало, и консерватизмъ, во что бы то ни стало, мнѣ одинаково противны. При встрѣчѣ со всякими «измами» (включая шовинизмъ), меня такъ и тянетъ выйти изъ оркестра и остаться при особомъ мнѣніи. И я считаю себя, въ данномъ случаѣ, вполнѣ правымъ. Всякія «направленія», особенно проведенныя вполнѣ «консеквентно», становятся узкими, тупыми, противожизненными.

Вслѣдъ за самостоятельностью мысли, я цѣню въ писателѣ искренность чувства, и тѣмъ болѣе, разумѣется, чѣмъ оно ближе

моей собственной душѣ. Затѣмъ, для меня важны талантливость изложенія, краткость, ясность и «литературность» языка. Терпѣть не могу общихъ фразъ, ходульности и напускного паѳоса, особенно по поводу выѣденныхъ яицъ.

«Съ такими «очками» читаю я уже лѣтъ пятьдесятъ, измѣняя, конечно, нумера ихъ стеколъ, соотвѣтственно измѣненію моего зрѣнія.

«Разъ у меня есть извѣстныя очки, то я, разумѣется, читаю не все подрядъ, а только то, что сквозь нихъ хорошо видно, остальное же только просматриваю. Такъ я поступаю и съ книгами и съ повременными изданіями и даже съ отдѣльными статьями въ послѣднихъ. Каюсь—отъ доски до доски я ничего не читаю (кромѣ нѣкоторыхъ книгъ, конечно). Дѣлая, такимъ образомъ, выборъ между повременными изданіями, я могу сказать, что просмотрѣлъ ихъ почти всѣ. Нѣтъ ни одного крупнаго журнала и ни одной газеты, особенно изъ старыхъ (теперь ихъ развелось столько, что всѣхъ и не просмотришь), книжка или листъ которыхъ не побывали бы у меня въ рукахъ. Многія я читалъ годами, многія видѣлъ одинъ разъ, во многихъ читалъ статьи только одного какого нибудь лица.

«Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ, между прочимъ, и Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. Я привыкъ читать его еще тогда, когда онъ былъ для всѣхъ «Незнакомцемъ», и не оставилъ этой привычки до настоящаго времени, когда имя его знаютъ чуть ли не всѣ грамотные люди. Я не знаю, «консеквентенъ» ли онъ или нѣтъ—никогда этимъ вопросомъ не занимался. Но еслибы онъ даже и оказался неконсеквентнымъ, то я все-таки продолжалъ бы его читать, какъ читаю Льва Толстого,—изъ поэтовъ семьи и православнаго обряда ставшаго ихъ отрицателемъ. Не знаю, какъ кто, а я могу читать «Дѣтство и отрочество» рядомъ съ «Воскресеніемъ», восхищаясь тѣмъ прекраснымъ, что есть въ обоихъ этихъ произведеніяхъ, и возмущаясь тѣмъ грубымъ, что есть (по слухамъ) въ послѣднемъ.

«Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ—талантъ, а потому несомнѣнно честенъ и искрененъ, хотя бы былъ тысячу разъ неконсеквентенъ. Въ его статьяхъ есть многое, что многимъ не нравится, но вѣдь на всѣхъ не угодишь. Есть въ нихъ, вѣроятно (не помню теперь, но навѣрное есть—единъ Богъ безъ грѣха), и такое, что ему самому теперь не нравится, и что никому не понравится, но вѣдь не падалъ только тотъ, кто ходить не пробовалъ, а ужъ особенно по такой скользкой почвѣ, какъ газетная литература вообще. Ходить по ней гоголемъ, ни разу ни споткнувшись, можетъ только полная бездарность, заботящаяся, главнымъ образомъ, о консеквентности, а не о выраженіи дѣйствительной мысли, дѣйствительнаго

чувства. Изъ послѣднихъ бываютъ вѣдь и скоропроходящія, временныя; поспѣшишь ихъ вылить на бумагу—въ газетномъ дѣлѣ постоянно приходится спѣшить—а послѣ и самъ не радъ.

«Такъ вотъ, привыкнувъ читать Алексѣя Сергѣевича Суворина, я, конечно, тотчасъ же подписался и на «Новое Время», когда оно перешло въ его руки. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже 25 лѣтъ, я читаю его постоянно, не переставая просматривать и другія газеты разныхъ лагерей, иныя—рѣдко, другія весьма часто. Есть, между ними, у меня даже любимыя; однѣ—потому что тамъ пишутъ люди, которыхъ я читаю, гдѣ бы они ни писали; другія—потому что онѣ посвящаютъ много вниманія вопросамъ, меня интересующимъ; третьи—потому что встрѣчаю въ нихъ молодой задоръ, который, въ качествѣ старика, очень люблю. Но постоянно, изо дня въ день, я читаю только «Новое Время». Почему, спрашивается, я сдѣлалъ такой выборъ? Да вотъ именно потому, что оно болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ моимъ очкамъ. Я не знаю, «консеквентно» ли оно, «честно» ли, «серіозно» ли—никогда этимъ вопросомъ не задавался, но я знаю, что оно талантливо составляется; я знаю, что тамъ я встрѣчу наиболѣе симпатичные мнѣ взгляды, наиболѣе интересующіе меня вопросы, наиболѣе точныя и подробныя свѣдѣнія, даже—вообразите себѣ—наиболѣе добросовѣстное отношеніе къ спору, къ полемикѣ. Серіозно! Какъ ни возьмешь въ руки какую нибудь полемическую статью въ другой газетѣ, особенно если дѣло идетъ о «Новомъ Времени», такъ сразу и видно, что она шита бѣлыми нитками то ли «благороднаго негодованія», то ли простой зависти. Натяжки, передержки, тонъ капризнаго ребенка (если не хуже)—на всякомъ шагу. Въ «Новомъ Времени» я этого не встрѣчаю; по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда, безъ микроскопическаго анализа, которымъ мнѣ вообще некогда заниматься.

«Я не скажу, чтобы вполнѣ былъ доволенъ «Новымъ Временемъ» и считалъ эту газету идеальной, — совершенствъ на свѣтѣ нѣтъ, да при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится наша печать, ни одна газета не можетъ быть идеальной. Въ иныхъ статьяхъ «Новаго Времени» я встрѣчаю тонъ, который мнѣ не нравится, то слишкомъ рѣзкій, то неумѣстно легкій; попадаются статьи скучныя, бездарныя. Но вѣдь въ другихъ-то газетахъ, по моему мнѣнію, такихъ статей большинство, а тутъ онѣ только попадаются.

«Зато я въ «Новомъ Времени» никогда не встрѣчаю статей, которыя бы оскорбляли мое чувство любви къ родинѣ, мое уваженіе къ религіи и мнѣніямъ, чьимъ бы то ни было, мои политическія убѣжденія, мое понятіе о справедливости. Я въ немъ никогда не встрѣчалъ такихъ выраженій (и соотвѣтствующаго

имъ тона), какъ, напримѣръ: «святая скотина» — по отношенію къ русскому солдату, умиравшему на Шипкѣ, или: «позоръ передъ Европой» — по отношенію къ какому нибудь явленію, можетъ быть, и печальному, но не на европейскій образецъ. Не встрѣчалъ я въ немъ также пожеланій, чтобы французы, напримѣръ, отняли у насъ Крымъ, такъ какъ тогда «крымскія яблоки будутъ лучше и дешевле». Вообще я не встрѣчалъ въ немъ лакейства мысли (единственнаго настоящаго лакейства самоуслаждающагося), боязни сказать свое слово, хотя бы даже ошибочное, стремленія обставить себя не такъ, какъ хочется и какъ нужно, а «какъ въ лучшихъ домахъ». Наоборотъ, я встрѣчаю въ немъ попытки рѣшать всякіе вопросы своимъ умомъ, «русской мыслью», русскимъ чувствомъ, попытки «свое сужденіе имѣть», ходить на своихъ ногахъ, хотя бы и падать при этомъ. Такія попытки мнѣ въ высшей степени дороги. Кромѣ того, я встрѣчаю въ немъ весьма талантливую разработку тѣхъ идей, которыя всегда меня занимали; встрѣчаю прекрасныя корреспонденціи изъ тѣхъ мѣстъ, куда стоитъ посылать корреспондента; встрѣчаю весьма полный отдѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ новостей, а по временамъ, не дурную беллетристику, вѣрную, на мой взглядъ, критику. Все это заставляетъ меня предпочитать «Новое Время» другимъ газетамъ.

«Спрашивается теперь: зачѣмъ я говорю обо всемъ этомъ? Кому интересно знать, что я предпочитаю и чего не предпочитаю?

«Но я вѣдь, мнѣ кажется, могу служить образцомъ «благосклоннаго читателя». Мотивы и вкусы, мною руководившіе, руководятъ, должно быть, большинствомъ тѣхъ 50.000 подписчиковъ, которые, подобно мнѣ, предпочитаютъ «Новое Время» другимъ газетамъ — недаромъ же они его выписываютъ. Всѣ они, вѣроятно, дѣлаютъ оцѣнку читаемаго по впечатлѣнію, а не по микроскопическому анализу, по которому «Новое Время» иные могутъ признать «неконсеквентнымъ». Въ противовѣсъ этимъ «инымъ» должны же и мы сказать свое слово.

«Мой личный голосъ, конечно, ничего не прибавитъ къ привѣтствіямъ, раздававшимся въ день юбилея, но нельзя ли меня счесть представителемъ тѣхъ постоянныхъ подписчиковъ, которые въ этотъ день промолчали? Мы, русскіе, народъ, вообще, молчаливый и къ шумнымъ демонстраціямъ не склонный. Мода на такія демонстраціи перешла къ намъ съ Запада и привилась только къ интеллигенціи, къ народу она едва ли когда нибудь привьется.

«Но ходоки отъ «міра» у насъ всегда были. Нельзя ли меня счесть за такого ходока, хотя, въ данномъ случаѣ, и самозваннаго, но все же опирающагося на 50.000 молчаливыхъ подписчи-

ковъ «Новаго Времени», уже самой своей подпиской подающихъ голосъ за него?

«Если можно, то прошу «Новое Время» принять нашъ привѣтъ и пожеланіе новыхъ силъ, на новую, кажется, еще болѣе тяжкую борьбу, которую ему придется выдержать въ ближайшемъ будущемъ. Пусть «русская мысль», русское чувство и полное безпристрастіе руководятъ имъ въ этой борьбѣ».

ПОСЛѢДНІЙ ОТПРЫСКЪ ГАННОВЕРСКАГО ДОМА [1].

V.

ПЕРВЫЕ годы счастливой, брачной жизни Викторіи, именно 1840—1842, были полны событій. Прежде всего Англія едва не лишилась своей юной королевы при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 10 іюня она отправилась кататься, передъ обѣдомъ, съ принцемъ Альбертомъ въ Гайдъ-Паркъ, не сопровождаемая никѣмъ изъ свиты. Въ одной изъ аллей, неожиданно, подскочилъ съ правой стороны ландо, гдѣ сидѣла королева, молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати и, прицѣлившись въ упоръ, выстрѣлилъ въ нее. Второпяхъ онъ промахнулся, и пуля не задѣла королевы. Кучеръ, не понявъ, въ чемъ дѣло, остановилъ лошадей, но принцъ Альбертъ приказалъ ему продолжать путь. Радуясь, что королева такъ счастливо избѣжала смерти, онъ взялъ ее за руку, чтобы успокоить, и спросилъ, не испугалась ли она. Но Викторія, смотрѣвшая все время въ противоположную сторону и занятая размышленіемъ, даже не замѣтила происшедшаго. Только что экипажъ успѣлъ тронуться, какъ послышался голосъ: «У меня есть еще одна». И снова раздался выстрѣлъ.

На этотъ разъ принцъ Альбертъ замѣтилъ движеніе молодого человѣка и привлекъ къ себѣ королеву, пригнувъ ея голову. Толпа гулявшихъ бросилась на юношу и обезоружила его. Королева, чтобы успокоить публику и показать, что она не ранена, встала въ коляскѣ

[1] Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIII, стр. 1138.

и привѣтствовала народъ. Это былъ часъ, когда въ Гайдъ-Паркѣ собиралось многочисленное и самое избранное общество Лондона. Та же самая толпа, сдѣлавшая Викторіи враждебную манифестацію на Аскотскихъ скачкахъ, въ первое время ея царствованія, теперь радостно ее привѣтствовала. Безумный юноша послужилъ платою за популярность королевы.

Показавшись публикѣ, королева приказала кучеру тотчасъ же ѣхать къ герцогинѣ Кентской. Опасаясь, что мать узнаетъ изъ другихъ источниковъ о несчастномъ событіи, и, можетъ быть, въ искаженномъ видѣ, Викторія поспѣшила ее успокоить. Этотъ поступокъ королевы доказываетъ, что хотя она не любила, когда мать вмѣшивалась въ ея государственныя дѣла, вслѣдствіе чего произошло между ними охлажденіе, но ея уваженіе, любовь и благодарность къ герцогинѣ Кентской остались попрежнему искренни.

Преступника судили. Это былъ нѣкій Оксфордъ, служащій въ тавернѣ. По приговору суда, его должны были бы казнить за государственную измѣну, но Викторія отмѣнила наказаніе, замѣнивъ его пожизненными каторжными работами, и назначила ему потомъ ссылку въ Австралію.

Возвращаясь отъ герцогини Кентской, Викторія была предметомъ оваций, какихъ еще ей никогда не оказывали. Цѣлый эскортъ амазонокъ и кавалеровъ, составившійся изъ высшей аристократіи, ожидалъ ее при выходѣ на улицу и сопровождалъ до Букингамскаго дворца. Вечеромъ повсюду пѣли «God save the Queen»; а на другой день происходили благодарственныя службы, и парламентъ послалъ къ ней депутацію съ поздравленіемъ. Нѣсколько дней спустя, когда королева присутствовала въ оперѣ, толпа ей сдѣлала снова манифестацію и на этотъ разъ не враждебную, а съ выраженіемъ преданности. Положительно, послѣ этого неудавшагося преступленія, популярность Викторіи была установлена, для общества она являлась какъ будто новой королевой.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого печальнаго событія въ Виндзорскомъ дворцѣ происходила радостная тревога. 24 ноября королева Викторія подарила своему мужу дочь. Это былъ подарокъ, сдѣланный именно принцу Альберту, такъ какъ народъ ожидалъ иного подарка — наслѣдника. Маленькую принцессу назвали Викторія-Аделаида и окрестили въ Букингамскомъ замкѣ. Наканунѣ крещенія принцессы принцъ Альбертъ, катаясь на конькахъ по дворцовому озеру, провалился въ воду. Всѣ бросились, кто за верѐвками, кто за лѣстницами, но королева съ опасностью жизни спасла его сама.

Съ рожденіемъ принцессы Викторіи, будущей императрицы Германіи, парламентъ назначилъ на ея содержаніе двѣсти тысячъ франковъ. Будущему наслѣднику, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали, опредѣленъ былъ милліонъ франковъ ежегодно. Когда же онъ

будетъ совершеннолѣтнимъ и женится, то его женѣ лично рѣшено было выдавать двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ и на воспитаніе дѣтей девятьсотъ тысячъ франковъ. Въ случаѣ рожденія принцессъ у Викторіи назначили выдавать ежегодно на каждую по сто пятидесяти тысячъ франковъ, на второго принца шестьсотъ двадцать пять тысячъ франковъ, а на остальныхъ принцевъ по двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Принявъ во вниманіе содержаніе королевы, доходившее до 9.618.500 франковъ, ея матери и дальнихъ родственниковъ королевы, до двоюроднаго брата включительно, которымъ выдавалось отъ 300.000 до 120.000 франковъ на каждаго, можно себѣ представить, какъ дорого обходился Англіи престижъ конституціонной королевы, и почему парламентъ такъ безцеремонно торговался, когда вопросъ шелъ о содержаніи мужа королевы. Къ этому надо прибавить содержаніе традиціоннаго «рыцаря» королевы, должность котораго состояла въ томъ, что въ день ея коронованія, онъ заявлялъ публично, что подниметъ брошенную перчатку того, кто явится оспаривать права королевы на англійскій престолъ. Другая не менѣе миѳическая должность, кавалера «Чернаго жезла» (Блэкъ Родъ), на обязанности котораго было дѣлать три поклона, передъ тѣмъ какъ королева произносила тронную рѣчь. За эту мимическую комедію онъ получалъ не болѣе не менѣе, какъ 50.000 франковъ въ годъ. Поэтъ-лавреатъ получалъ за воспѣваніе доблестей королевы не много, ровно столько, сколько получалъ послѣдній придворный дантистъ. Изъ этого видно, что парламентъ не скупился только на декоративныя затраты.

Почти черезъ годъ, а именно 11 ноября 1841 года, королева обрадовала народъ, давъ ему наслѣдника престола, принца Уэльскаго. Радость королевы была тѣмъ сильнѣе, что появленіе наслѣдника упрочивало популярность принца Альберта. 28 января въ часовнѣ св. Георга, при Виндзорскомъ дворцѣ, состоялась пышная церемонія крещенія, при чемъ ему дали имя Альбертъ-Эдуардъ.

Когда королева совершенно оправилась послѣ рожденія сына, то удалилась въ свою любимую Шотландію, гдѣ отдыхала отъ всѣхъ треволненій и отъ надоѣдающаго ей этикета. Какъ и въ былые годы, Викторія взбиралась на горы, охотилась на кабановъ и ланей. Она любила шотландцевъ за ихъ прямодушную откровенность и честность. Тамъ она жила совершенно иной жизнью, которая нарушалась лишь, когда привозили изъ Лондона государственныя бумаги, что случалось ежедневно; но она удѣляла на разсмотрѣніе ихъ немного времени.

Казалось, что популярность королевы установилась окончательно, но новыя покушенія на ея жизнь возобновились. Однажды, въ воскресенье, она возвращалась изъ церкви съ принцемъ Альбертомъ, и на углу одной ихъ глухихъ улицъ принцъ замѣтилъ человѣка, прицѣлившагося въ королеву, но, по счастію, пистолетъ далъ

осѣчку. И на этотъ разъ Викторія также ничего не замѣтила. Когда мужъ ей сказалъ объ этомъ, она рѣшила не оставаться подъ угрозой, а подвергнуться нападенію на другой же день.

Предупредивъ объ этомъ полицію, черезъ принца Альберта, она отправилась въ открытомъ экипажѣ въ то же самое мѣсто, гдѣ было покушеніе наканунѣ. По странной случайности, эта улица была недалеко отъ аллеи Гайдъ-Парка, гдѣ совершилось первое покушеніе въ 1840 году. Но теперь Гайдъ-Паркъ былъ немноголюденъ, такъ какъ въ этотъ часъ великосвѣтское общество Лондона еще не вышло на свою обычную прогулку. Только что показался ихъ экипажъ, какъ маленькая, заморенная фигура мужчины направила выстрѣлъ въ королеву. Принцъ Альбертъ узналъ въ немъ того же самаго человѣка, который покушался наканунѣ.

Одна изъ ея фрейлинъ, миссъ Лиддль, передавала: «Когда королева возвратилась во дворецъ, первое лицо, встрѣтившее ее, былъ сэръ Робертъ Пиль, уже снова ставшій министромъ. Онъ былъ очень взволнованъ и явился къ ней съ поздравленіемъ. Замѣтивъ меня, королева сказала, обращаясь ко мнѣ: «Не правда ли, Жоржета, вы были удивлены, что я не взяла васъ на дообѣденную прогулку? Но причина та, что я вчера подверглась выстрѣлу изъ пистолета и сегодня хотѣла повторить вчерашнюю опасность, думая, что злоумышленникъ снова возобновитъ попытку, а потому не хотѣла подвергать опасности другую жизнь, кромѣ своей».

Преступникъ, по имени Фрэнсисъ, попробовалъ во время процесса представиться героемъ-республиканцемъ, но не выдержалъ роли, и когда его приговорили къ смерти за государственную измѣну, онъ струсилъ и лишился чувствъ. Викторія и на этотъ разъ замѣнила смертную казнь пожизненной ссылкой.

Въ самый тотъ день, когда она объявила о своемъ милостивомъ рѣшеніи, на нее снова было сдѣлано покушеніе. На этотъ разъ преступникъ былъ маленькій горбунъ, по имени Беанъ. Онъ только что направилъ на королеву пистолетъ, какъ близко стоящій мужчина, замѣтивъ движеніе, выбилъ изъ его рукъ оружіе.

Теперь королевѣ пришла мысль судить его, не какъ политическаго убійцу, а какъ обыкновеннаго преступника, въ виду того, что подобныя убійства привлекаютъ слабые умы и раздражаютъ ихъ жажду къ кровопролитію, именно выдающеюся ролью. Она издала съ этого дня законъ о примѣненіи въ подобныхъ случаяхъ тѣлеснаго наказанія и заключенія въ тюрьму.

Беанъ былъ наказанъ и посаженъ на 18 мѣсяцевъ въ тюрьму. Съ тѣхъ поръ долго не было слышно о покушеніяхъ.

Послѣ этихъ треволненій, въ началѣ 1843 года, а именно 25-го апрѣля, у королевы родился третій ребенокъ—дочь Алиса-Модъ, будущая герцогиня Гессенская, мать русской императрицы, Александры Ѳеодоровны, которую она въ дѣтствѣ называла: «мое солнышко».

Прошло четыре мѣсяца послѣ рожденія дочери, и Викторія впервые выступила на политическую арену. До сихъ поръ она придерживалась правилъ лорда Мельбурна и принца Альберта, на счетъ конституціонной теоріи, что государь царитъ, но не управляетъ страною. Извѣстный историкъ Маколей говорилъ о ней: «въ королевѣ Викторіи ея подданные нашли вторую Елисавету, но болѣе нѣжную и счастливую. Ни одинъ монархъ не понималъ такъ ясно, какъ она, великой истины, что правительство пользуется властью отъ народа на вѣру». Но, исполняя основное правило конституціонной системы, она по совѣту своего мужа начала мало-по-малу принимать живое участіе во внутренней и внѣшней политикѣ. Ей докладывали обо всемъ, она знала все и всѣмъ интересовалась; особенно она занималась дипломатическими дѣлами, и каждая депеша, получаемая или посылаемая министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не миновала ея рукъ. Ея дѣятельность сдѣлалась такъ обширна, что лордъ Мельбурнъ говорилъ: «Я справлюсь скорѣе съ двумя королями, чѣмъ съ одною королевой». Принцъ Альбертъ объяснялъ эту перемѣну въ Викторіи слѣдующимъ образомъ: «Отчего конституціонный государь не можетъ имѣть политическихъ мнѣній, основанныхъ на заботѣ, общественныхъ интересахъ и благѣ народовъ? Развѣ онъ не находится въ болѣе независимомъ положеніи, чѣмъ любой политическій дѣятель? Развѣ государь не естественный стражъ чести своей страны? Поэтому онъ, понятно, долженъ заниматься политикою». Такимъ образомъ, продолжая попрежнему быть образцовымъ конституціоннымъ государемъ и не вмѣшиваясь въ государственныя дѣла, она близко знакомилась съ ними и, когда нужно, съ согласія своихъ первыхъ министровъ, принимала въ нихъ самое горячее участіе.

Первое въ ея царствованіе министерство лорда Мельбурна было вполнѣ ей сочувственно, по его либеральнымъ принципамъ. Проводимыя имъ реформы почтовыя и школьныя вполнѣ ею раздѣлялись, и потому не удивительно, что, когда большинство въ палатѣ обратилось противъ министровъ, то королева, хотя и смѣнила ихъ торіями, но глубоко сожалѣла о потерѣ столь преданныхъ и сочувственныхъ ей совѣтниковъ. «Королева,—писалъ по ея приказанію секретарь одному изъ выходящихъ либеральныхъ министровъ, лорду Джону Росселю,—давно уже ожидала этого грустнаго событія, но, тѣмъ не менѣе, оно сильно ее поразило, ибо ей приходится разстаться съ людьми, которымъ она вполнѣ довѣряетъ».

Однако такъ сильно было въ ней уваженіе къ конституціоннымъ принципамъ, что она приняла вполнѣ прилично и любезно новыхъ министровъ, хотя еще недавно передъ тѣмъ говорила, что «торіи дѣлаютъ всевозможныя ей непріятности». Новый первый министръ, сэръ Робертъ Пиль, вступившій въ должность въ сентябрѣ 1841 года, писалъ одному своему пріятелю: «Мои отношенія

къ королевѣ самыя удовлетворительныя. Она обходится со мною не только, какъ требуетъ того преданность чести страны, но съ замѣчательной добротой и внимательностью». Несмотря на то, что она лично его не долюбливала за его нападки на принца Альберта и участіе въ юбочной революціи, но исполняла свои обязанности конституціоннаго государя вполнѣ добросовѣстно. Продолжая попрежнему искренно заниматься политикой, она рѣшилась даже помочь ему въ дипломатическихъ дѣлахъ, насколько это было прилично королевѣ.

Уже давно она задумала устроить сближеніе съ Франціей и уладить начавшееся недоразумѣніе по поводу испанскихъ браковъ. Еще королева бельгійская Клементина, дочь Луи-Филиппа, старалась устроить свиданіе отца съ королевой Викторіей и, пріѣхавъ къ Викторіи съ этою цѣлью, подала ей эту мысль. Когда же пріѣхали принцы съ приглашеніемъ отъ короля, то поѣздка была рѣшена. Королева держала въ секретѣ это рѣшеніе до 30-го августа, но сохранить тайну ей не удалось, такъ какъ лордъ Веллингтонъ началъ настаивать на томъ, чтобы королева во время своего отсутствія назначила регентство. Онъ ссылался на то, что всякій разъ, какъ уѣзжали короли Георги I, II или IV за границу, то оставляли совѣтъ регентства. Королева, въ свою очередь, указывала на Генриха VIII, отправлявшагося встрѣчать Франциска I въ Ардръ. Но упрямый старый воинъ стоялъ на своемъ, говоря, что въ то время Калэ принадлежалъ Англіи, и король едва переступалъ границу своихъ владѣній. Потерявъ терпѣніе въ спорѣ, Викторія должна была обратиться къ законовѣдамъ, и они подтвердили, что отсутствіе на нѣсколько дней королевы не требуетъ назначенія никакого регентства. Благодаря Веллингтону, пришлось выдать секретъ нѣсколькимъ лицамъ и выслушать протестъ противъ своего перваго самостоятельнаго шага.

Наконецъ, 31-го августа, новая королевская яхта «Викторія и Альбертъ» отплыла изъ Портсмута, лавируя между островами Уайтомъ и Девонширомъ. Второе недоразумѣніе ожидало королеву. Путешествіе прошло не гладко: экипажъ вздумалъ бунтовать, и вотъ по какой причинѣ. Королева, желая укрыться отъ вѣтра, сѣла противъ двери, ведущей въ буфетъ матросовъ. Послѣдніе, боясь, что ея присутствіе на этомъ мѣстѣ продолжится весь рейсъ, а, слѣдовательно, они будутъ лишены возможности входить въ буфетъ и выпивать виски, начали бунтовать. Замѣтивъ, что между ними нѣчто происходитъ, она подозвала капитана и спросила его о причинѣ безпокойства матросовъ. Капитанъ объяснилъ причину и попросилъ королеву выбрать другое мѣсто подальше отъ буфета, на чтó она со своимъ хладнокровіемъ и находчивостью сказала:

— Хорошо, но съ условіемъ, что и я также получу капельку виски.

Ей подали маленькую рюмочку виски, которую она сразу выпила и сказала:

— Въ ней только есть одинъ недостатокъ: зачѣмъ она такая слабая?

Поступокъ и замѣчаніе королевы магически подѣйствовали на матросовъ и расположили ихъ въ ея пользу.

На другой день, 2-го сентября, они прибыли въ Трепоръ, гдѣ ихъ уже ожидалъ Луи-Филиппъ.

Встрѣча была самая радушная и даже веселая. Луи-Филиппъ съ отеческой нѣжностью снялъ на рукахъ королеву Викторію съ трапа и, поставивъ ее на ноги, расцѣловалъ въ обѣ щеки, къ крайнему изумленію принца Альберта, не допускавшаго мысли о такой фамильярности по отношенію къ его женѣ. Но король позволилъ себѣ подобную вольность на основаніи тѣсной дружбы, существовавшей между нимъ и герцогомъ Кентскимъ. Онъ не разъ игралъ съ маленькой Викторіей и не могъ привыкнуть къ мысли, что теперь передъ нимъ другая Викторія—королева. Затѣмъ они высадились на берегъ, гдѣ ихъ уже ожидали роскошные экипажи, и отправились въ замокъ Ё.

Это была первая поѣздка Викторіи, о которой она сохранила самыя разнообразныя, пріятныя и новыя впечатлѣнія. Въ продолженіе шести дней одно удовольствіе смѣнялось другимъ; балы слѣдовали за банкетами и сельскими праздниками. Послѣдніе въ особенности плѣнили королеву своею новизною, искреннимъ весельемъ и непринужденностью, которыя царили среди приглашенныхъ французскимъ королемъ гостей. Принцъ Альбертъ и лордъ Абердинъ были очень оживленны, и только одинъ англійскій посланникъ, лордъ Коулей, остававшійся все время въ присутствіи королевы натянутымъ и чопорнымъ, портилъ впечатлѣніе. Что же касается до самого Луи-Филиппа, то онъ скрывалъ въ себѣ неизсякаемый источникъ веселья.

Королева была въ восторгѣ отъ празднествъ, какъ она выражалась о нихъ, «такихъ красивыхъ, веселыхъ, полныхъ воодушевленія и въ то же время сельскихъ». Принцъ Альбертъ въ письмѣ къ своему другу барону Штокмару писалъ о своемъ короткомъ пребываніи во Франціи и сравнивалъ веселье французскихъ празднествъ съ нѣмецкимъ.

Луи-Филиппъ приготовилъ еще разнообразнѣе программу развлеченій, въ которую входила поѣздка въ Парижъ, о чемъ принцесса Клементина предупредила Викторію, и она не протестовала, но когда Луи-Филиппъ предложилъ ей отправиться, то она упорно отказывалась по какой-то причинѣ, которую не хотѣла объяснить.

Въ то время, какъ Викторія занималась развлеченіями, лордъ Абердинъ успѣлъ переговорить съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гизо объ интересовавшемъ англійскую дипломатію вопросѣ.

Гизо увѣрилъ министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Абердина, что Франція не допуститъ брака младшаго сына Луи-Филиппа, герцога Монпансье, съ инфантой Маріей-Луизой, сестрой королевы испанской; въ свою очередь лордъ Абердинъ далъ слово, что Англія не согласится на бракъ королевы испанской съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ.

7-го сентября королевская яхта снялась съ якоря и удалилась изъ Франціи. Однако королева съ мужемъ не отправились въ Виндзоръ, а предприняли на этотъ разъ увеселительную поѣздку по Фландріи. Оставшись нѣсколько дней въ Брайтонѣ на закрытіе купальнаго сезона, яхта снова отправилась въ море 12-го сентября, а 13-го вошла въ портъ Остэнде.

Король Леопольдъ приготовилъ для племянницы иного рода развлеченія, чѣмъ Луи-Филиппъ. Викторія посѣтила послѣдовательно Брюггэ, Гентъ, Брюссель и Антверпенъ, гдѣ ее встрѣчалъ народъ радушно и привѣтливо, а 21-го они возвратились въ Виндзоръ. Это путешествіо было не менѣе пріятное, чѣмъ во Францію.

VI.

Въ 1844 году, Викторіи предстоялъ цѣлый рядъ пріемовъ, несмотря на ея нездоровье, такъ какъ королева была беременна. Перваго гостя, русскаго императора Николая I, ожидали въ началѣ мая и готовили ему торжественный пріемъ въ Букингамскомъ дворцѣ. По этому случаю былъ отдѣланъ заново большой залъ, за которымъ въ память этого событія осталось названіе «44». Королева назначила цѣлый рядъ празднествъ и увеселеній. Послѣ отъѣзда русскаго императора и небольшого перерыва, они должны были возобновиться, 1-го іюня, по случаю пріѣзда саксонскаго короля, котораго Викторія ожидала съ большею радостью.

Но русскій императоръ не пріѣхалъ въ назначенное время. Императоръ былъ извѣстенъ, какъ рыцарь вѣжливости, и его запоздалый на цѣлыхъ три недѣли визитъ былъ чисто дипломатическимъ маневромъ. Королева имѣла много причинъ быть недовольной неожиданнымъ запоздалымъ визитомъ Николая I, на который она уже болѣе не разсчитывала, слѣдствіемъ чего было ея дурное настроеніе. Отчасти женское чувство кокетства говорило въ ней; каждый лишній день въ ея «интересномъ положеніи» отзывался на здоровьѣ; она чувствовала себя утомленной, неграціозной и очень некрасивой.

Но эта неожиданность произвела въ первый моментъ весьма непріятное впечатлѣніе не на одну королеву, а на все англійское общество, не любящее сюрпризовъ; однако впослѣдствіи все это сгладилось, и императоръ очаровалъ всѣхъ, исключая королевы, хотя онъ, по словамъ княгини Ливенъ, предложилъ къ ея

услугамъ всѣхъ своихъ солдатъ, что онъ повторилъ многимъ англичанамъ. Недовольство королевы увеличивалось еще потому, что день пріѣзда императора совпалъ съ пріѣздомъ короля Саксонскаго, для котораго былъ устроенъ пышный пріемъ. Любовь королевы къ Кобургамъ была всѣмъ извѣстна; она боялась, что король не будетъ достаточно радушно принятъ народомъ, и его фигура стушуется передъ могуществомъ русскаго императора. По словамъ той же княгини Ливенъ, Викторію разсердили также расходы по пріему императора, которые она выплачивала изъ своего содержанія. Такъ какъ она задумала построить себѣ новый дворецъ, и откладывала экономію со своего королевскаго содержанія на его покупку, то очень вѣроятно, что эта причина была не изъ послѣднихъ. Мелкое невниманіе къ принцу Альберту во все время пребыванія императора проявлялось у народа, что раздражало еще болѣе королеву. Чтобы досадить гостю чѣмъ нибудь, она принимала его въ траурномъ платьѣ, зная, какъ онъ ненавидитъ трауръ. Впрочемъ подробности его пребыванія въ Англіи были описаны въ статьѣ «Иностранцы о Россіи», въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Кончилось тѣмъ, что императоръ вмѣсто предполагаемыхъ 12-ти дней остался только 8-мь дней въ Англіи. Наканунѣ отъѣзда, дѣлая визитъ знакомой дамѣ, государь не стѣсняясь называлъ «дворъ Викторіи скучнымъ, а этикетъ смѣшнымъ». Эти разговоры достигли королевы и окончательно ее разсердили.

Два мѣсяца спустя послѣ неудачнаго визита императора, у королевы родился четвертый ребенокъ—сынъ Альфредъ-Александръ, герцогъ Эдинбургскій, великій герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, супругъ великой княжны Маріи Александровны. Послѣ его рожденія королева уѣхала отдыхать въ Шотландію, откуда возвратилась въ Виндзоръ 3-го октября, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ французскаго короля Луи-Филиппа. Принцъ Альбертъ и герцогъ Веллингтонъ выѣхали его встрѣчать въ Портсмутъ. Королева оставалась во дворцѣ и встрѣтила Луи-Филиппа на подъѣздѣ. Этой встрѣчей было положено начало французскому союзу, чему принцъ Альбертъ усердно помогалъ, стараясь всячески угодить дорогому гостю.

Луи-Филиппъ былъ въ восхищеніи. Обѣдъ прошелъ оживленно и весело.

На другой день въ Ватерлооской залѣ собрались всѣ члены королевскаго дома, кавалеры разныхъ орденовъ и проч. Луи-Филиппъ преклонилъ колѣно передъ Викторіей, сидящей на тронѣ, и она надѣла ему черезъ плечо ленту, а принцъ Альбертъ застегнулъ «Подвязку».

Хотя Викторія и отличалась большимъ тактомъ, но какъ въ пріемѣ императора Николая она его не выказала, такъ и при торжественной передачѣ ордена Луи-Филиппу. По ироніи судьбы Ва-

терлооскій залъ былъ наполненъ непріятными для души француза воспоминаніями, но по счастью Луи-Филиппъ былъ такъ очарованъ пріемомъ, что даже не замѣтилъ всѣхъ деталей.

По поводу этого пріема княгиня Ливенъ писала Баранту:

«Вашъ король уѣзжаетъ совершенно очарованнымъ. Въ Англіи всѣ довольны и польщены его визитомъ; онъ будетъ принятъ самымъ лучшимъ образомъ. Сегодня онъ пріѣдетъ въ Виндзоръ. Въ пятницу будетъ церемонія пожалованія ордена «Подвязки». Остальные дни пройдутъ спокойнѣе, въ семейномъ кругу королевы, въ обществѣ сэра Роберта Пиля, лорда Абердина, герцога Веллингтона и, можетъ быть, другихъ министровъ».

«Путешествіе короля удачно, со всѣхъ сторонъ выражается радушный энтузіазмъ. Королева очень весела. Газеты переполнены восторгами, народъ дружелюбно привѣтствуетъ его. Никогда еще такъ не принимали въ Англіи ни одного иностраннаго государя. Съ министрами король велъ благопріятные разговоры. Король и г. Гизо очень остались ими довольны. Послѣзавтра король разстанется съ Англіей».

Что касается до французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Гизо, то онъ пишетъ объ этой поѣздкѣ тому же Баранту:

«Я только что возвратился изъ прекраснаго и полезнаго путешествія. Впечатлѣніе отъ этой поѣздки великолѣпное. Нашъ народъ выражалъ повсюду свой восторгъ, по поводу возвращенія короля и пріема, сдѣланнаго намъ въ Англіи, а также спектакля, заданнаго всей Европѣ. Всѣ счастливы, что миръ закрѣпленъ. Намъ больше ничего не остается желать въ Англіи; расположеніе къ намъ совершенное, удовлетвореніе полное. Популярность короля среди англійскаго народа воздѣйствовала на кабинетъ, который хотя и расположенъ къ намъ, но въ то же время отличался безпокойствомъ и боязливостью».

Королева осталась въ восторгѣ отъ свиданія, а Луи-Филиппъ, по словамъ той же княгини Ливенъ, «даже помолодѣлъ, и его удовлетвореніе было очень замѣтно».

Черезъ два дня французскій король распрощался. Викторія и принцъ Альбертъ проводили его до Портсмута.

Во время этой прощальной поѣздки они проѣзжали мимо острова Уайта, и сэръ Робертъ Пиль, зная о страстномъ желаніи Викторіи выстроить собственный дворецъ, указалъ на этотъ островъ, какъ на спокойную, уединенную резиденцію.

Уже съ первыхъ дней царствованія Викторія мечтала объ этомъ. Она была какъ будто связана въ Букингамскомъ и Виндзорскомъ дворцахъ. Желаніе имѣть уголокъ, гдѣ можно скрываться отъ скучнаго этикета, пріемовъ и, по ея словамъ, «жестокаго свѣта», ведя хотя нѣкоторое время семейную жизнь, тѣмъ болѣе усиливалось, что принцъ Альбертъ со времени своего неудачнаго паденія въ

озеро сталъ хворать. Доктора совѣтовали ему продолжительное мѣстопребываніе на морскомъ берегу. Кромѣ этого, принцъ Альбертъ настаивалъ, чтобы дѣти росли въ здоровой обстановкѣ, на чистомъ воздухѣ, гдѣ онъ имѣлъ бы время заняться ихъ воспитаніемъ. Остановка была за деньгами, которыя королева еще недостаточно съэкономила для осуществленія своего желанія.

Наконецъ, въ 1845-мъ году, принцъ отправился со своимъ архитекторомъ Томасомъ Губи на островъ Уайтъ осмотрѣть старинное жилище Карла I-го, знаменитое по происходившей въ немъ борьбѣ между парламентомъ и королемъ. Убѣдившись, что его нельзя перестроить, и въ восторгѣ отъ парка, чуднаго вида на море, а главное отъ климата, принцъ Альбертъ рѣшился пріобрѣсть имѣнье, состоящее изъ 3.000 акровъ земли, и, сломавъ замокъ, построить на его мѣстѣ новый въ итальянскомъ стилѣ. Домъ долженъ былъ состоять изъ двухъ этажей и rez de chaussé съ двумя башнями, на крышахъ которыхъ могли быть устроены террасы, откуда открывался бы прекрасный видъ.

Принцъ самъ дѣлалъ планъ дома и рѣшилъ устроить его со всевозможнымъ комфортомъ; не были забыты даже запасныя дѣтскія для будущаго поколѣнія. Планъ состоялъ изъ цѣлаго ряда залъ, билліарда, библіотеки, кабинета принца и королевы, зала для тайнаго совѣта и помѣщенія для свиты. Оранжереи, теплицы, большія конюшни и образцовая ферма составляли хозяйство. Мебель было рѣшено выбрать удобную, но безъ кричащей роскоши. Произведеніямъ искусства отведено было много мѣста. Въ общемъ принцъ Альбертъ стремился устроить уютный домъ, располагающій къ тихой, семейной жизни, и во всемъ хотѣлъ сохранить изящную простоту. Даже названіе замокъ было замѣнено словомъ домъ. Его рѣшили назвать «Osborne-House» (Осборнскій домъ).

Викторія была очень рада, что наконецъ-то у нея будетъ уголокъ, гдѣ она можетъ жить семейной жизнью, полной радости и счастья, какъ жена и мать. Такъ какъ отдаленность мѣстности позволяла ей ускальзывать отъ обязанностей, присущихъ ея высокому положенію, то они рѣшили, что зиму будутъ проводить въ будущемъ новомъ дворцѣ. Въ это время года на островѣ Уайтѣ, гдѣ находится Osborne-House, благодаря гольфштрему, климатъ бываетъ настолько теплый, что деревья находятся въ цвѣту.

Въ августѣ мѣсяцѣ королева съ супругомъ отправилась снова путешествовать. Уже давно Викторія мечтала посмотрѣть завѣтное для нея мѣсто, гдѣ протекла юность дорогого ея Альберта. Она заранѣе выразила желаніе ночевать въ замкѣ Розенау, гдѣ родился Альбертъ, чтобы полюбоваться кушеткой, на которой онъ съ братомъ играя засыпалъ.

Въ Аахенѣ прусскій король встрѣтилъ ихъ и проводилъ въ Кельнъ. Вечеромъ для нихъ былъ устроенъ спектакль. Въ Бонѣ

они посѣтили университетъ, гдѣ принцъ Альбертъ блестяще окончилъ курсъ. Въ Готѣ былъ данъ оригинальный спектакль на открытомъ воздухѣ, въ которомъ принцевъ играли настоящіе принцы, а крестьянъ—подлинные крестьяне.

Викторія все время любовалась простымъ, не затѣйливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно чистымъ костюмомъ женщинъ и дѣтей бѣднаго класса. Она невольно сравнивала съ ними бѣдныхъ англичанокъ въ ихъ дырявыхъ шаляхъ и потасканныхъ, помятыхъ, хотя шелковыхъ шляпахъ. По этому поводу она писала:

«Хорошо было бы, если бы наши англичанки бросили свои шали и шелковыя шляпы и удовлетворялись бы простыми, но чистыми платьями».

Викторія разсчитывала, что эта поѣздка будетъ для нея пріятнѣе, чѣмъ она оказалась.

Еще 11 іюля 1845 года княгиня Ливенъ писала Баранту:

«Прусскій король порядочно досадуетъ, что ему надо ѣхать встрѣчать англійскую королеву на Рейнъ. Рейнскія провинціи не очень-то къ нему расположены».

Позже, а именно 27 сентября, она писала:

«Путешествіе англійской королевы было необыкновенно. Ея угрюмость проявилась съ первой же минуты пріѣзда въ Кельнъ, когда великій герцогъ Фридрихъ пошелъ впереди ея мужа. Она сдѣлалась невѣжлива, угрюма и даже разгнѣванная. Наконецъ дѣло дошло до того, что прусскій король говорилъ о ней съ безпокойствомъ даже съ ея личнымъ докторомъ, спрашивая его, замѣтилъ ли онъ у королевы проявившіеся странные симптомы. Каковъ поступокъ со стороны короля? Такъ вотъ какъ: на Рейнѣ, говорятъ, была неучтива, въ Кобургѣ—довольна, но не очень вѣжлива; въ Ё—очаровательна».

Изъ этого письма видно, что королева была недовольна невниманіемъ, оказаннымъ ея любимому Альберту. Что же касается до прусскаго короля, то онъ, по словамъ принцессы Саганъ, вынесъ изъ этого свиданія «самое кислое» впечатлѣніе.

На возвратномъ пути Викторія и Альбертъ, какъ и обѣщали Луи-Филиппу, проѣхали въ замокъ Ё, куда прибыли 8-го августа. Здѣсь Викторія забыла всѣ свои огорченія, согрѣтая любезнымъ, предупредительнымъ пріемомъ. Во всемъ была видна забота Луи-Филиппа. Комната, приготовленная для нихъ, была украшена портретами ея и принца Альберта, другія картины изображали эпизоды изъ ея перваго пріѣзда въ замокъ Ё и посѣщеніе Луи-Филиппомъ Виндзорскаго замка. Король разсчитывалъ, что они останутся у него съ недѣлю, но Викторія уѣхала черезъ два дня, полюбовавшись спектаклемъ, устроеннымъ пріѣхавшими изъ Парижа артистами комической оперы.

На этотъ разъ Луи-Филиппъ лично увѣрилъ Викторію, что не

согласится на бракъ сына герцога Монпансье съ испанской инфантой, пока политическій вопросъ не будетъ устраненъ.

Послѣ этой поѣздки Викторія надолго отказалась отъ удовольствія посѣщать континентъ и ограничила свои путешествія Ирландіей и Шотландіей. Она не подозрѣвала, что слѣдующая встрѣча съ Луи-Филиппомъ будетъ не какъ съ королемъ, а какъ съ изгнанникомъ.

По возвращеніи королева занялась окончательнымъ устройствомъ Осборнскаго дома. Ея владѣнія были такъ обширны, что, катаясь по собственному парку, можно было сдѣлать хорошую прогулку. Не послѣдней заботой былъ паркъ, устраиваемый по плану Альберта, большого любителя садоводства. Многія деревья посажены собственноручно королевой и ея мужемъ.

Въ сосѣдней деревнѣ Виппингъ принцъ Альбертъ устроилъ церковь, которую королева посѣщала по воскресеньямъ. Простота царила полная въ Осборнскихъ обычаяхъ королевы, и только въ дни гонокъ она выѣзжала въ полупарадномъ экипажѣ.

1846—1853 годы опять были полны треволненій и событій, какъ личныхъ, такъ и политическихъ. 25 мая у королевы родилась дочь принцесса Елена-Августа, будущая принцесса Шлезвигъ-Голштинская. Послѣ ея рожденія едва королева успѣла оправиться, какъ начались политическія непріятности, близко касающіяся Викторіи. Союзъ съ Франціей сталъ колебаться. Несмотря на увѣренія Луи-Филиппа, сдѣланныя въ послѣднее свиданіе, онъ несчиталъ себя связаннымъ даннымъ обѣщаніемъ, и бракъ герцога Монпансье съ испанской инфантой все болѣе и болѣе принималъ опредѣленный характеръ. Вслѣдствіе этого Викторія была въ очень дурномъ настроеніи.

Извѣстно, какъ была привязана Викторія къ Кобургскому дому, и тѣмъ болѣе она досадовала, что Луи-Филиппъ взялъ обѣщаніе и слово, что Англія будетъ препятствовать браку принца Кобургскаго съ испанской королевой, а самъ этимъ временемъ нарушилъ свое обѣщаніе, несмотря на всѣ усилія Англіи помѣшать осуществленію его честолюбиваго плана.

13 ноября Барантъ писалъ сыну:

«Королева Викторія и король Леопольдъ въ глубинѣ души никогда не отказывались отъ мысли о бракѣ принца Кобургскаго съ испанской королевой. Безъ сомнѣнія, мы въ очень опасномъ и затруднительномъ положеніи. Нашихъ добрыхъ отношеній болѣе не существуетъ».

Пріятныя впечатлѣнія отъ ласковаго пріема Луи-Филиппа исчезли, какъ дымъ, оставивъ лишь горькій плодъ—коварную политику Луи-Филиппа.

Здоровье принца Альберта стало замѣтно ухудшаться. Его докторъ, Джемсъ Блэкъ, настаивалъ на горномъ воздухѣ, который былъ

необходимъ для его легкихъ, и указывалъ на Шотландію, какъ на подходящее мѣсто. Принцъ-супругъ часто предпринималъ съ Викторіей поѣздки въ любимую королевой Шотландію и наконецъ въ 1848 году, переговоривъ съ владѣльцемъ, лордомъ Абердиномъ, нанялъ его замокъ Бальмораль.

Онъ находился въ долинѣ, окруженной горами, черезъ которую протекала рѣка Ди, берущая свое начало изъ снѣжныхъ вершинъ трехъ самыхъ высокихъ горъ изъ цѣпи Грэмпьонъ.

Въ то время сообщеніе съ Бальмораленъ было моремъ, а затѣмъ на перекладныхъ, теперь же устроена желѣзная дорога до Бэлестера, находящагося въ восьми миляхъ отъ Бальмораля.

Осенью 1848 года, въ августѣ мѣсяцѣ, королевская семья отправилась въ Бальмораль. Королева сохранила всѣ даже мельчайшія воспоминанія о первомъ впечатлѣніи Бальмораля, которыя она записывала въ свой дневникъ.

«Мы пріѣхали въ Бальмораль безъ четверти въ три часа. Это очень красивенькій замокъ, украшенный живописной башней и построенный въ старинно-шотландскомъ стилѣ. Передъ замкомъ раздѣланъ садъ, въ концѣ котораго начинаются отлогости высокаго лѣсистаго холма. Сзади замка лѣсъ постепенно спускается къ рѣкѣ Ди; вокругъ горы какъ бы служатъ границей горизонту.

«Замокъ состоитъ изъ сѣней съ билліардной комнатой, рядомъ съ нею находится столовая. Подвявшись по широкой лѣстницѣ въ первый этажъ направо, входишь въ очень красивый залъ, устроенный надъ столовой и расположенный рядомъ съ нашей спальной, изъ которой ведетъ дверь въ уборную Альбéрта. Онъ присмотрѣлъ ее себѣ заранѣе. Съ другой стороны лѣстницы, три ступени ниже находятся спальни дѣтей и миссъ Хильдьяръ. Дамы живутъ внизу, а кавалéры наверху.

«По прибытіи мы завтракали, въ четыре съ половиной часа мы пошли гулять. По очень миленькой извилистой тропинкѣ мы взобрались на холмъ, съ котораго видны наши окна. Тамъ мы нашли небольшую пирамиду. Съ вершины холма нашъ домъ очарователенъ. На западѣ взоръ распространяется на холмы, окружающіе Лахъ-пэ-Геръ, а направо въ сторонѣ Баллатэре онъ обнимаетъ долину, по которой змѣится Ди, со своими красивыми, покрытыми лѣсомъ холмами, напоминающими намъ Тюрингенскіе лѣса. Какая тишина, какое уединеніе, какъ хорошо чувствуешь себя отъ этого вида, и какъ освѣжаетъ горный воздухъ! Кажется, что все дышитъ свободой и миромъ, и забываешь весь свѣтъ съ его суетой!

«Ландшафтъ дикъ, но не скучный: здѣсь кажется все болѣе процвѣтающимъ и обработаннымъ, чѣмъ въ Лаганѣ. Грунтъ пріятно сухъ. Затѣмъ мы спускаемся вдоль рѣки, протекающей совсѣмъ близко позади нашего дома; видъ на холмы по направленію къ Инверку необычайно красивъ.

«Когда я вернулась въ шесть часовъ съ половиной, Альбертъ вышелъ испытать счастье на кабановъ, живущихъ совсѣмъ недалеко отъ насъ въ лѣсу, но неудачно. По вечерамъ эти кабаны подходятъ совсѣмъ близко къ дому».

Изъ этого дневника видно, какъ понравился Викторіи Бальмораль. Съ перваго дня и до дня ея смерти это было самое любимое ея мѣстопребываніе, и нигдѣ она не была такъ счастлива, какъ въ немъ. Здѣсь она отдыхала отъ всѣхъ обидъ и треволненій, и съ нимъ у нея были связаны всѣ лучшія воспоминанія. Когда она уѣзжала въ Виндзоръ или Букингамъ, то навѣрно знала, что ее ожидали тамъ огорченія и обиды, направленныя противъ принца Альберта. Къ довершенію непріятностей, въ 1848 году на королеву было вновь сдѣлано покушеніе каменщикомъ Гамильтономъ, выстрѣлившимъ въ нее изъ пистолета, заряженнаго только порохомъ. Съ обычнымъ хладнокровіемъ Викторія спокойно продолжала говорить съ дѣтьми, бывшими съ нею въ экипажѣ, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ происшедшаго шума. Съ Гамильтономъ впослѣдствіи поступили такъ же, какъ съ Беаномъ.

Въ эту эпоху у королевы родилось еще трое дѣтей: принцесса Луиза—родившаяся 18 марта 1848 года, принцъ Артуръ, будущій герцогъ Конаутскій, и восьмой ребенокъ—принцъ Леопольдъ, будущій герцогъ Альбани, родившійся въ 1853 году.

Королева, несмотря на занятія государственными дѣлами и свѣтскими обязанностями, сама вмѣшивалась въ воспитаніе дѣтей, хотя имъ руководилъ впослѣдствіи принцъ Альбертъ. Гувернантка и воспитатели знали, что, гдѣ бы королева ни была, они всегда имѣли право безпокоить ее разрѣшеніемъ какого либо вопроса, касавшагося дѣтей. Кромѣ того, она завела тетрадь, въ которую вписывала свои педагогическіе взгляды. Гувернантка могла заглядывать въ нее, такъ какъ именно съ этою цѣлью Викторія высказывала свои мысли. Между прочимъ, она писала въ ней: «Главнымъ принципомъ воспитанія должна быть простота; необходимо оставлять дѣтей какъ можно чаще съ родителями въ часы, свободные отъ занятій, чтобы они научились относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ».

Безъ сомнѣнія, первое, что она внушала имъ, это безконечную преданность и почтеніе къ принцу Альберту, и не ея вина, если впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ не оказывали ему ни того ни другого.

Что же касается религіознаго воспитанія, они были, какъ и она, протестанты. Викторія не была строга относительно обрядности, придавая большее значеніе внутреннему смыслу религіи. Ее обвиняли не разъ за слишкомъ строгое и упорное отношеніе къ дѣтямъ въ вопросѣ научнаго образованія. Она настаивала на томъ, чтобы они изучали, кромѣ научныхъ предметовъ, и всѣ европейскіе

языки. Королева заранѣе рѣшила программу воспитанія, въ которую входило обязательное знаніе мальчиками всѣхъ колоній Англіи, и какъ только они оканчивали курсъ наукъ, то отправлялись на всѣ четыре стороны изучать свѣтъ. Но главное, она мечтала, чтобы одинъ изъ сыновей былъ во главѣ арміи, а другой — флота, что впослѣдствіи отчасти сбылось, такъ какъ герцогъ Конаутскій сдѣлался блестящимъ офицеромъ и былъ очень любимъ народомъ. Что касается флота, то въ немъ былъ герцогъ Эдинбургскій, не любимый народомъ. Въ 1893 году онъ сдѣлался великимъ герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ, и мѣсто во флотѣ занялъ герцогъ Кларентскій.

Помня систему своего личнаго воспитанія, Викторія пріучала дѣтей съ юныхъ дней къ гимнастикѣ и всевозможнымъ спортамъ, руководя сама ихъ первоначальными занятіями.

Принцъ Альбертъ подарилъ дѣтямъ въ Осборнѣ маленькій швейцарскій домъ, въ которомъ они устроили настоящій миніатюрный музей. Въ немъ сохранялись всѣ ихъ игрушки, а также и королевы Викторіи. Нижній этажъ принадлежалъ маленькимъ принцессамъ и былъ наполненъ кухонной посудой, въ которой онѣ приготовляли различныя кушанья. Очень часто къ королевскому столу подавались блюда, приготовленныя ими, и родители угощались дѣтской стряпней. Вокругъ дома были устроены садики, отдѣльно для каждаго ребенка. Принцъ Альбертъ былъ хорошій агрономъ и хотѣлъ, чтобы дѣти умѣли владѣть лопатой и граблями и изучали садоводство. По воскресеньямъ королева съ мужемъ посѣщали ихъ домикъ и слѣдили за сдѣланными въ продолженіе недѣли успѣхами. Тотъ, котораго успѣхъ былъ лучше другихъ, получалъ ихъ поздравленіе.

Впослѣдствіи, когда дѣти стали старше, воспитаніе мальчиковъ было передано лучшему другу принца Альберта, барону Штокмару, но начало положилъ самъ принцъ Альбертъ. Съ большею любовью онъ занимался со старшей дочерью, Викторіей, умной и способной дѣвочкой. Этотъ ребенокъ проявилъ рано свои богатыя умственныя способности. Едва ей исполнилось три года, какъ уже стало замѣтно, какимъ твердымъ и мужественнымъ она обладаетъ характеромъ. Это проявлялось, конечно, пока въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, когда ей представили француженку-гувернантку, которую она не желала имѣть, такъ какъ привыкла къ своей нянѣ, то она очень рѣшительно протестовала на своемъ дѣтскомъ языкѣ: «Vous n'approchez pas moi, moi veux pas vous» (Не подходите ко мнѣ, я не хочу васъ). Ея смышленность была замѣчательна. Однажды, въ ея присутствіи читали вслухъ Библію, и при фразѣ: «Богъ сотворилъ человѣка по подобію своему», она воскликнула: «Какого человѣка? Навѣрно, не доктора Преторіуса». Это былъ докторъ принца Альберта, очень некрасивый человѣкъ. Въ то же время

она проявляла свою волю и не легко поддавалась чужой. Такъ, напримѣръ, разговаривая съ другимъ докторомъ, Брауномъ, она ни за что не хотѣла прибавить къ имени Брауна слово «господинъ». Мать неоднократно дѣлала ей замѣчанія и, наконецъ, пригрозила тѣмъ, что ее пошлютъ спать, если она еще разъ обойдется такъ невѣжливо съ Брауномъ. Послѣ этой угрозы она все-таки поставила на своемъ, и когда, при слѣдующей встрѣчѣ, происшедшей въ присутствіи матери, она увидѣла доктора Брауна, то сказала ему: «Здравствуйте, Браунъ, а такъ же до свиданія, такъ какъ я иду спать!»

Принцъ Альбертъ очень любилъ свою старшую дочь и часто говорилъ: «У нея будетъ голова мужчины, а сердце женщины». Впослѣдствіи, когда ей было 15 лѣтъ, онъ изучалъ съ нею конституцію, и она была способной и воспріимчивой ученицей.

Принцъ Уэльскій воспитывался строже, чѣмъ другіе. Принцъ Эдинбургскій съ четырнадцати лѣтъ проходилъ курсъ морскихъ наукъ. Его первоначальнымъ воспитаніемъ руководилъ принцъ Альбертъ, а затѣмъ онъ учился въ Германіи, такъ какъ былъ наслѣдникомъ дяди, Саксенъ-Кобургъ-Готскаго принца, брата принца Альберта. Отецъ его прозвалъ «придворнымъ менестрелемъ» по причинѣ его любви къ игрѣ на скрипкѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ отказался отъ греческаго престола и прослылъ очень скупымъ, качество, вѣроятно, доставшееся по наслѣдству отъ его дѣда, герцога Суссекскаго, извѣстнаго своей колоссальной скупостью.

Дочь Елена была впослѣдствіи замѣчательна своей толщиной, любовью къ сплетнямъ, чѣмъ отличался и ея братъ, принцъ Уэльскій, теперешній король Англіи, но въ то же время она была добра для бѣдныхъ. Впослѣдствіи она вышла замужъ за принца Шлезвигъ-Голштинскаго.

Шестой ребенокъ, дочь Луиза — болѣе всего безпокоила королеву и принца-супруга своимъ романическимъ характеромъ, который обѣщалъ въ будущемъ еще болѣе опасеній. Богато надѣленная художественными талантами, она впослѣдствіи сдѣлалась прекраснымъ скульпторомъ, благодаря урокамъ мистриссъ Торникрофтъ. Статуя королевы, украшающая Кенсингтонскій садъ,— ея произведеніе. Она — единственная изъ дочерей Викторіи, которая отличалась красотою. Злые языки говорили, что, благодаря ея романическому характеру, она завела интригу съ священникомъ, которая, по счастью, не имѣла послѣдствій. Принцесса вышла замужъ за герцога Аргайль.

Третій сынъ, седьмой по счету ребенокъ, Артуръ, будущій герцогъ Конаутскій, былъ очень хорошій музыкантъ и питалъ страсть къ барабану, на которомъ превосходно производилъ бурю. Онъ, впослѣдствіи, женился на принцессѣ Луизѣ-Маргаритѣ, младшей дочери принца Фридриха-Карла прусскаго.

Восьмой ребенокъ былъ принцъ Леопольдъ, родившійся въ 1853 году, очень болѣзненный и слабый, но блестяще окончившій впослѣдствіи курсъ наукъ въ Оксфордѣ и женившійся на принцессѣ Еленѣ-Вальдекъ-Пирмонъ.

Королева Викторія отличалась замѣчательной строгостью и взыскательностью въ отношеніи дѣтей. Прямая и искренняя, она не стѣснялась наказывать ихъ даже на глазахъ публики, и по этому поводу существуетъ множество анекдотовъ. Королева непремѣнно хотѣла, чтобы дѣти считали ее своимъ другомъ и не скрывали отъ нея своихъ радостей и огорченій, но она никогда не допускала себя силою узнавать ихъ маленькіе секреты, стремясь развить въ нихъ чувство личнаго достоинства.

Въ 1852 году Викторіи вновь пришлось испытать покушеніе или, вѣрнѣе, на этотъ разъ нападеніе. Въ то время, какъ она возвращалась отъ больного дяди, герцога Кэмбриджскаго, и только что выѣхала въ каретѣ изъ-за рѣшетки, окружающей его домъ, какой-то элегантный господинъ бросился въ карету съ поднятой палкой и нанесъ ей по лицу нѣсколько ударовъ. Но удары, вѣроятно, были не очень сильные, такъ какъ королева на другой же вечеръ присутствовала въ оперѣ. Этотъ господинъ оказался бывшимъ гусарскимъ офицеромъ, по имени Патъ. Съ нимъ поступили иначе, чѣмъ съ Беаномъ, засадивъ въ сумасшедшій домъ.

Въ этомъ же году, послѣ трехъ проведенныхъ сезоновъ въ Бальморалѣ, Викторія съ мужемъ такъ полюбили этотъ очаровательный уголокъ, что рѣшили купить его. Эта мысль не была приведена въ исполненіе ранѣе, такъ какъ покупка и постройка Осборна стоили дорого, а теперь они вновь съэкономили отъ выдаваемаго парламентомъ содержанія и купили Бальмораль за 31.500 фунтовъ стерлинговъ. На слѣдующій годъ принцъ Альбертъ, самъ изучившій архитектуру, съ помощью архитектора Вилльямса Смита, приступилъ къ постройкѣ замка, обошедшагося имъ въ 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Первый камень заложила Викторія.

VII.

Хотя Викторія преимущественно занималась иностранными дѣлами и принимала даже личное участіе въ дипломатическихъ столкновеніяхъ, но она интересовалась и внутренними вопросами, которые въ правленіе сэра Роберта Пиля составляли заботу дня. Видя, что мало-по-малу изъ консерватора и торія онъ превращался въ горячаго защитника настоящихъ интересовъ народа, королева, какъ ярая либералка, вмѣсто враждебныхъ чувствъ стала питать къ нему теплое сочувствіе. Прежде всего она измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ Пилю по вопросу объ Ирландіи. Она писала ему: «Королева увѣрена, что терпимость и снисхожденіе къ ирланд-

скому народу будутъ имѣть лучшее дѣйствіе на него». Поэтому, когда онъ сталъ открыто въ 1844 году выражать примирительную политику относительно ирландцевъ, то она вполнѣ одобрила его дѣйствія. Принцъ Альбертъ писалъ ему по порученію жены: «Я возвращаю вамъ частную, секретную записку по дѣлу о католическомъ Мейноцкомъ училищѣ и надѣюсь, что ваша разумная прибавка на содержаніе училища пройдетъ въ парламентѣ. Королева раздѣляетъ со мною надежду, что вамъ удастся побороть всѣ трудности».

Этотъ мейноцкій вопросъ поднялъ большой шумъ, и Пиль произнесъ при его обсужденіи такую краснорѣчивую рѣчь, что въ тотъ же вечеръ королева велѣла секретарю написать ему: «Королева не можетъ не выразить своего восторга сэру Роберту Пилю по поводу его рѣчи, которую она читала цѣлую ночь. Эта великолѣпная защита въ то же время произведетъ наилучшее впечатлѣніе въ Ирландіи». Послѣ долгихъ усилій Пилю удалось провести ирландскій билль черезъ обѣ палаты, и Викторія съ благодарностью писала ему: «Намъ сдѣлали особую овацію въ театрѣ и на улицахъ, и нигдѣ не слышался ни единый крикъ: «долой католиковъ!». Я очень рада, что протестанты видятъ, какъ нехорошо выражать мнѣнія, достойныя однихъ ханжей; и всѣмъ этимъ мы обязаны вамъ».

Еще болѣе симпатичною Викторіи была борьба Пиля противъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ. Пламенно возставали противъ него даже его собственные сторонники, торіи, въ особенности Дизраэли. Королева поэтому возненавидѣла краснорѣчиваго оратора, не подозрѣвая, что ему суждено будетъ сдѣлаться ея любимцемъ подъ именемъ лорда Биконсфильда. Напротивъ, къ сэру Роберту Пилю она относилась самымъ сочувственнымъ образомъ и писала ему тогда: «Королева убѣждена, что дѣло кончится тѣмъ, что вся страна громко выразитъ ему свою благодарность. Это вознаградитъ его за многія непріятности, которыя онъ выноситъ отъ собственной партіи. Зато къ нему питаетъ довѣріе весь народъ, и королева считаетъ ненужнымъ повторить, что ему хорошо извѣстно объ ея искреннемъ довѣріи къ нему». Конечно, эти письма были вполнѣ секретныя, такъ какъ королева никогда въ жизни не выражала открыто своихъ мнѣній въ политическихъ дѣлахъ.

По этому случаю принцъ Альбертъ подвергся оскорбительнымъ публичнымъ выраженіямъ противниковъ сэра Роберта Пиля за то, что онъ присутствовалъ въ парламентѣ при произнесеніи знаменитой рѣчи перваго министра въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Эта выходка была такъ неприлична, особенно со стороны лорда Джорджа Бентинга, что принцъ Альбертъ далъ себѣ слово никогда не бывать въ палатѣ общинъ. Онъ сдержалъ свое слово до самой своей смерти.

Наконецъ, сэру Роберту Пилю удалось восторжествовать и провести столь благотворную для народа государственную мѣру. Но въ тотъ самый день, когда она удостоилась подписи королевы, его министерство пало, благодаря интригамъ Дизраэли, лорда Бентинга и другихъ отщепенцевъ его партіи. Какъ тяжело отставка Пиля подѣйствовала на королеву, видно изъ ея письма къ бельгійскому королю:

«Вчерашній день былъ для меня чрезвычайно тяжелый; мнѣ пришлось разстаться съ сэромъ Робертомъ Пилемъ и съ лордомъ Абдердиномъ, что̀ составляетъ невознаградимую потерю, какъ для насъ, такъ и для всей страны. Мы потеряли въ нихъ двухъ друзей, на которыхъ мы могли опереться. Они оба были такъ тронуты разставаніемъ съ нами, что я сама была глубоко потрясена. Никогда впродолженіе пяти лѣтъ, пока они были министрами, они ни разу не предложили мнѣ какой нибудь мѣры, которая была бы не на пользу нашу или всей страны». Такое лестное мнѣніе Викторіи о сэрѣ Робертѣ Пилѣ дѣлаетъ тѣмъ болѣе ей чести, что она вполнѣ забыла непріятное отношеніе къ ней и къ ея мужу, которое онъ выказывалъ въ началѣ ея царствованія.

Власть перешла къ вигамъ, которые, несмо̀тря на все уваженіе свое къ финансовымъ мѣрамъ Пиля, содѣйствовали изъ интересовъ партіи его паденію. Первымъ министромъ сдѣлался лордъ Джонъ Россель, и королева предалась снова исключительно иностраннымъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что они отличались теперь самымъ жгучимъ интересомъ. Мало-по-малу подготовилась и наконецъ разразилать революція 1848 года. Движеніе охватило Италію, Германію и Францію. Первой жертвой сдѣлался Луи-Филиппъ, и онъ нашелъ пріютъ въ Англіи. Вслѣдъ за французской республикой объявлены были итальянскія народоправства и даже пошатнулись престолы австрійскій и прусскій.

Этимъ политическимъ водоворотомъ воспользовался ловкій интриганъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Пальмерстонъ, которому энергично помогала его жена, лэди Пальмерстонъ. Но онъ такъ увлекался своей искусной игрой, что совершенно пренебрегалъ и не обращалъ никакого вниманія на королеву. Онъ не только не показывалъ ей всѣхъ иностранныхъ депешъ, но самъ писалъ ноты, не доводя о томъ до свѣдѣнія королевы. Подобная «манера ха-ха», какъ справедливо называлъ ее Монктонъ-Минцъ, выводила изъ терпѣнія королеву и особенно пунктуальнаго принца Альберта, который настаивалъ, чтобы она всегда вела себя съ конституціонной пунктуальностью. Такъ однажды, получивъ отъ прусскаго короля секретное письмо на имя королевы черезъ прусскаго посланника, онъ позвалъ лорда Пальмерстона, и при немъ королева распечатала письмо и прочитала его. Наконецъ она вышла изъ терпѣнія, и въ 1850 году принцъ Альбертъ про-

тестовалъ противъ безцеремоннаго обращенія лорда Пальмерстона въ письмѣ къ министру лорду Джону Росселю. Пальмерстонъ обѣщалъ исправиться и передавать каждую депешу министру и королевѣ. Но онъ на словахъ говорилъ одно, а на дѣлѣ продолжалъ дѣлать другое. Тогда королева намекнула лорду Джону Росселю, что упрямаго и самовольнаго министра надо было уволить. Но Россель считалъ, что Пальмерстонъ былъ слишкомъ популярнымъ человѣкомъ, чтобы безъ уважительной причины его отставить, а потому не обратилъ вниманія на слова королевы.

Викторія выказала необычайную силу воли по этому случаю и написала лорду Росселю меморандумъ, въ которомъ точно и ясно объяснила, въ какихъ отношеніяхъ долженъ стоять къ ней министръ иностранныхъ дѣлъ. «Королева требуетъ,—говорила она:— 1) чтобы онъ всегда въ данномъ случаѣ говорилъ, какъ намѣренъ поступить, и чтобы королева такимъ образомъ могла знать, на что именно она давала свое высочайшее разрѣшеніе. 2) Королева требуетъ, чтобы, однажды получивъ королевскую санкцію, никакая мѣра не могла быть измѣнена министромъ. Она считаетъ, что подобное дѣйствіе составляетъ нарушеніе конституціи и влечетъ за собою удаленіе министровъ. Она ожидаетъ, что онъ сообщитъ ей всѣ свои разговоры съ иностранными министрами, прежде чѣмъ постановлено окончательное рѣшеніе по дѣлу. Она также требуетъ представленія во время иностранныхъ депешъ и одинаково своевременнаго доставленія всѣхъ актовъ, которые она должна подписать. Королева желаетъ, чтобы лордъ Джонъ Россель показалъ этотъ документъ лорду Пальмерстону».

Кромѣ того, принцъ Альбертъ, отъ имени королевы пригласилъ на личное объясненіе лорда Пальмерстона и повторилъ ему на словахъ желаніе королевы. Лордъ Пальмерстонъ совершенно измѣнилъ свой тонъ; по словамъ принца Альберта, «онъ былъ очень смущенъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, обнаруживалъ слезы въ глазахъ, и куда неизвѣстно пропала его вѣчная дерзкая улыбка». Онъ сказалъ, «что раскаивается во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и, конечно, не можетъ оскорбить королеву или оказать ей неуваженіе, такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ не былъ бы джентльменомъ и не заслуживалъ бы болѣе мѣста въ обществѣ».

Въ результатѣ этого выговора получилось исправленіе на время лорда Пальмерстона, и первый министръ сказалъ съ улыбкой: «Все это сдѣлаетъ ему большую пользу».

Однако прошло четыре съ половиной мѣсяца, и онъ нарушилъ данное имъ обѣщаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ конституцію, самымъ непростительнымъ образомъ. 2-го декабря 1853 года Людовикъ-Наполеонъ совершилъ государственный переворотъ, и королева, узнавъ объ этомъ только 4-го декабря, поспѣшила объявить первому министру насчетъ опоздалости извѣстія и заявила, что необходимо

поддержать въ этомъ отношеніи строгій нейтралитетъ, а потому въ этомъ духѣ увѣдомить англійскаго посланника въ Парижѣ, лорда Норманби. Первый министръ отвѣчалъ, что приказаніе ея величества будетъ исполнено. Но каково же было его удивленіе и неудовольствіе королевы, когда лордъ Норманби увѣдомилъ, что уже прямо отъ себя лордъ Пальмерстонъ приказалъ торжественно признать государственный переворотъ. Конечно, королева выразила лорду Росселю, что подобное дѣйствіе лорда Пальмерстона «нарушало достоинство правительства королевы и дѣлало его безчестнымъ въ глазахъ правительства».

Однако Пальмерстонъ не обратилъ никакого вниманія на это письмо королевы, посланное ему первымъ министромъ, и въ тотъ же день отправилъ новую депешу лорду Норманби, которой не показалъ ни королевѣ, ни первому министру и въ которой выражалъ полное одобреніе совершенному перевороту. Несмотря на всю мягкость лорда Росселя, онъ вышелъ изъ терпѣнія и удалилъ самовольнаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ своего мѣста.

Королева была вполнѣ удовлетворена этой неожиданной энергіей лорда Джона Росселя. Но такова была популярность лорда Пальмерстона и сила его интригъ, что черезъ два мѣсяца самъ лордъ Джонъ Россель былъ оставленъ въ меньшинствѣ парламентскимъ рѣшеніемъ. Пальмерстонъ по этому случаю писалъ одному своему пріятелю: «Я надняхъ доказалъ Джону Росселю, что нашла коса на камень, и прогналъ его изъ премьеровъ».

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ему наслѣдовало торійское министерство лорда Дерби, и потомъ образовалось коалиціонное министерство лорда Абердина. Мысль о коалиціи, т.-е. о соединеніи въ одномъ министерствѣ консервативныхъ и либеральныхъ государственныхъ дѣятелей, принадлежала самой королевѣ. Маколей говорилъ главамъ либеральной партіи по этому случаю: «Нельзя придумать лучшаго плана, чѣмъ королевинъ, онъ вполнѣ выражаетъ мои чувства». Въ составившемся кабинетѣ «всѣхъ талантовъ» засѣдали рядомъ, какъ первый министръ, лордъ Абердинъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ—лордъ Джонъ Россель, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ—Пальмерстонъ и, какъ министръ финансовъ—Гладстонъ.

Но недолго миролюбно занимался внутренними дѣлами лордъ Пальмерстонъ, и снова началъ интриговать противъ принца Альберта. Когда же онъ вышелъ въ отставку, по случаю проведенія слишкомъ либеральной реформы, то увѣрялъ даже, что главною причиной его удаленія изъ министерства была выдача принцемъ иностраннымъ государствамъ тайнъ. Газеты такъ переполошились, что даже увѣряли, будто принца посадили въ тюрьму. Королева была настолько опечалена этими нападками на мужа, что потребовала отъ правительства его офиціальной защиты. Лордъ Абер-

динъ и даже глава оппозиціи, лордъ Дерби, вступились за него и заявили, что онъ совершенно въ правѣ, какъ мужъ королевы, совѣтовать ей въ государственныхъ дѣлахъ. Королева была въ восторгѣ отъ счастливаго результата всѣхъ этихъ непріятностей и писала Штокмару: «Положеніе моего любимаго повелителя и господина разъ навсегда опредѣлено, и его достоинство всѣми партіями признано». Въ 1854 году объявлена война съ Россіей и союзъ съ Франціей, но въ слѣдующемъ году въ февралѣ мѣсяцѣ общественное мнѣніе, недовольное неудовлетворительнымъ веденіемъ войны, настояло на заявленіи парламентомъ неодобренія лорду Абердину. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ подать въ отставку, и королева съ большимъ сожалѣніемъ разсталась съ нимъ, такъ какъ питала къ нему большое довѣріе.

Первымъ министромъ сдѣлался лордъ Пальмерстонъ, и онъ началъ свою дѣятельность съ того, что энергично повелъ войну и усилилъ союзъ съ Наполеономъ III.

Уже давно онъ и его жена интриговали подъ сурдинку въ пользу Наполеона III и настолько успѣшно, что прежній образъ искателя приключеній, на который смотрѣли англичане со смѣхомъ и презрѣніемъ, замѣнился новымъ—романическимъ, загадочнымъ. Пальмерстонъ зналъ, что дѣлалъ. Могли ли думать тогда въ Европѣ, что крымская кампанія достигнетъ своего апогея, благодаря романическому расположенію такой королевы, которую считали самой спокойной и преданной женой? Впрочемъ она такой и осталась. Но, несмотря на свой практичный, здравый умъ, Викторія въ то же время была женщина если не со всѣми, то со многими присущими ея полу слабостями. Пальместронъ это угадалъ и построилъ на нихъ свой планъ.

Началось съ того, что королева, любившая страстно романическія исторіи и интересовавшаяся часто даже ничтожными похожденіями въ этой области, узнала о любви Наполеона къ двумъ, извѣстнымъ всему Лондону, дамамъ, одна изъ которыхъ была Гоуардъ. Когда Наполеонъ задумалъ жениться и сдѣлалъ предложеніе Каролинѣ-Стефаніи Вазасской, внучкѣ принцессы Баденской, и получилъ отказъ, то онъ обратился къ Викторіи, прося руку ея племянницы, принцессы Аделаиды Гогенлоэ. Посовѣтовавшись съ мужемъ и родными принцессы, Викторія отказала ему тоже. Отверженный женихъ ничего не нашелъ другаго, какъ предложить себя въ мужья Евгеніи Монтихо. Какъ только эта вѣсть распространилась, то сплетнямъ и разговорамъ не было конца въ Лондонѣ, гдѣ у будущей императрицы было множество пріятелей. Эти толки достигли Викторіи и сдѣлали свое дѣло. Она еще болѣе заинтересовалась Наполеономъ и, находя этотъ бракъ романическимъ, благосклонно отнеслась къ нему; самъ же Наполеонъ принялъ въ ея глазахъ

какую-то еще болѣе фантастическую окраску. Конечно, этому способствовали немало и его политическія перипетіи.

Послѣ 26 августа 1854 года она писала своему дядѣ, Леопольду, бельгійскому королю, съ которымъ дѣлилась своими радостями и горестями, что ей предстоитъ продолжительная разлука съ Альбертомъ, и она заранѣе страдаетъ потому, что принцъ уѣзжаетъ во Францію съ визитомъ къ Наполеону. 3-го сентября принцъ уѣхалъ изъ Осборна на большой парадъ въ Булонскій лагерь, гдѣ Наполеонъ принялъ его съ большимъ почетомъ.

Въ слѣдующемъ году министры обѣихъ державъ разсчитали, что Викторія попадется на романическую удочку, и порѣшили, что она одна можетъ уговорить Наполеона не рисковать жизнью и трономъ, а потому предложили ей пригласить Наполеона къ себѣ, какъ бы для переговоровъ объ отъѣздѣ въ Крымъ.

Такимъ-то сказочнымъ героемъ Наполеонъ явился съ императрицей и свитой въ Виндзоръ 14 апрѣля 1855 года. Проѣзжая съ принцемъ Альбертомъ во дворецъ, среди громкихъ народныхъ привѣтствій, Наполеонъ указалъ ему выразительнымъ жестомъ на окно, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи и нищетѣ. Императоръ вѣрно разсчиталъ жестъ: народъ понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, и восторженные клики положительно оглушили ихъ. Продолжая очаровывать народъ, Наполеонъ, проѣзжая мимо конногвардейскихъ казармъ, всталъ во весь ростъ въ коляскѣ и отдалъ честь англійскому знамени. Этотъ поступокъ вызвалъ цѣлую бурю овацій. Лондонъ былъ покоренъ и замагнитизированъ, а вслѣдъ за нимъ и сама королева.

Романически настроенная, Викторія приняла его съ энтузіазмомъ и восторгомъ, но въ то же время съ робостью и опасеніемъ, какъ бы преклоняясь передъ его сильной волей.

Она приблизилась. Императоръ поцѣловалъ ея руку. Викторія согласно этикету въ отвѣтъ поцѣловала его по два раза въ обѣ щеки. Молодая принцесса Викторія, теперь вдовствующая императрица германская, Фредерика, съ испуганными удивленными глазами привѣтствовала его глубокими придворными поклонами.

За обѣдомъ Викторія была развязнѣе. Наполеонъ окончательно ее очаровалъ. Онъ исполнилъ мастерски роль вѣнценоснаго героя, убаюкивая ее своимъ мягкимъ, сладкимъ, слегка глухимъ голосомъ и манерой вести бесѣду меланхолически-гордымъ, нѣсколько отрывистымъ тономъ.

Она приступила къ нему тихо, нѣжно, убѣждая его отказаться отъ поѣздки въ Крымъ, но онъ отвѣчалъ на ея неотступныя просьбы съ высоты своего величія, хотя мягко, но съ замѣтнымъ оттѣнкомъ снисхожденія, жалуясь, съ тономъ затаенной грусти, на ошибки генераловъ и объясняя ей, что если онъ не поѣдетъ, то случится бѣда.

Вечеромъ очарованная Викторія записала въ своемъ дневникѣ:

«Я не могу выразить, какое необъяснимое волненіе охватило меня, и мнѣ кажется, что все это волшебный сонъ».

На слѣдующій день императоръ съ императрицей Евгеніей сдѣлали визитъ королевѣ. Споръ возобновился. Императрица, не заботясь о томъ, что Викторія совѣтовала наканунѣ ея мужу не ѣхать въ Крымъ, стала напротивъ торопить Наполеона отъѣздомъ, ссылаясь на то, что онъ будетъ тамъ безопаснѣе, чѣмъ въ Парижѣ.

Послѣ завтрака устроенъ былъ парадъ.

Во время обѣда между императоромъ и Викторіей завязался споръ о положеніи Австріи. Онъ называлъ ея политику реакціонной и невѣжественной. Вечеромъ въ Ватерлооской залѣ племянникъ Наполеона I танцовалъ съ Викторіей.

На другой день, въ парадной церемоніи, Наполеонъ былъ сдѣланъ кавалеромъ ордена «Подвязки», при чемъ пряжку застегивала сама Викторія съ помощью мужа, тогда какъ Луи-Филиппу въ 1843 году застегивалъ Альбертъ. Послѣ того, какъ она надѣла ему черезъ плечо ленту и пошла провожать его до его аппартаментовъ, Наполеонъ съ изысканной вѣжливостью сказалъ ей:

«Однѣми узами болѣе. Я принесъ теперь вашему величеству и вашей имперіи мой обѣтъ преданности».

Среди придворныхъ было много толковъ, что вмѣсто обыкновеннаго пожатія руки королевы Наполеонъ былъ осчастливленъ двумя поцѣлуями, чего ни одинъ изъ вновь произведенныхъ кавалеровъ не удостоивался.

Королева, находясь подъ его обаяніемъ, придавала значеніе каждому его слову, а потому, вечеромъ, она писала по поводу его вѣжливой фразы:

«Эти слова имѣютъ большое значеніе въ устахъ человѣка съ такой упорной волей и нещедраго на нихъ».

Вечеромъ былъ данъ великолѣпный банкетъ. Императоръ сидѣлъ между герцогиней Кентской и Викторіей, а императрица между принцемъ Альбертомъ и принцемъ Лейнингенскимъ. Послѣ празднѣства въ Виндзорѣ дворъ перебрался въ Лондонъ, гдѣ устроены были концерты, балъ въ Букингамскомъ дворцѣ и спектакль-gala.

19 апрѣля, императоръ съ императрицей посѣтили Сити. Когда они въѣзжали въ Сити, то народъ хотѣлъ отпрячь лошадей и везти экипажъ самъ. Всѣ были въ какомъ-то томленіи, а полиція сбилась съ ногъ. На самомъ дѣлѣ бояться было чего. Масса французскихъ эмигрантовъ переселилась въ Лондонъ, и опасались, чтобы кто изъ нихъ не отомстилъ ему за преступленіе 2 декабря. Но все обошлось благополучно. Сити задалъ банкетъ, на которомъ корпорація очень нетактично подала знаменитый хересъ, еще куплен-

ный Наполеономъ I и попавшій въ руки англичанъ. Вечеромъ шла опера «Фиделіо», и ему сдѣлали шумныя оваціи.

Наполеонъ совершенно забылъ, что 20 апрѣля день его рожденія и былъ смущенъ, когда королева поздравила его утромъ и поднесла маленькій подарокъ. Онъ молча ей поцѣловалъ руку и едва обернулся, какъ принцъ Артуръ (Конаутскій) поднесъ ему двѣ фіалки со словами: «цвѣтокъ Бонапарта».

Викторія во всемъ оказывала ему свое вниманіе и заботу, что она доказала въ тотъ же вечеръ, когда они отправились въ Хрустальный дворецъ. Обойдя всѣ залы свободно, безъ посторонних зрителей, они хотѣли полюбоваться съ балкона фонтанами, но съ досадой увидѣли цѣлую толпу любопытныхъ, ставшую двойной шпалерой на галлереѣ, гдѣ имъ надо было проходить. Императоръ, а также императрица выразили опасеніе, чтобы не сдѣлали на нихъ покушенія. Тогда Викторія, хотя вся дрожа, взяла Наполеона подъ руку, увѣренная, что этимъ его защититъ, и прошла сквозь цѣлый строй любопытныхъ. Впослѣдствіи она говорила, что хотя была сильно встревожена, но гордилась своимъ поступкомъ.

21 апрѣля Наполеонъ и Евгенія распростились. По поводу ихъ отъѣзда одинъ изъ министровъ писалъ въ своихъ мемуарахъ:

«Всѣ плакали при ихъ отъѣздѣ,—даже свита. Начиная съ дѣтей королевы... а придворныя дамы составляли хоръ».

Наполеонъ почти согласился не ѣхать въ Крымъ, что привело королеву въ восторгъ, такъ какъ она видѣла въ этомъ свой успѣхъ.

Разставаніе было самое рыцарски-любезное. Послѣднія слова Наполеона передъ отъѣздомъ были слѣдующія: «Я думаю, мнѣ принесетъ счастье, что я провелъ день моего рожденія съ вашимъ величествомъ, и также вашъ подарокъ».

Это окончательно покорило сердце Викторіи, и она, подъ вліяніемъ этихъ словъ, написала въ своемъ дневникѣ:

«Какъ я счастлива, что познакомилась съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ... Невозможно не любить его, если съ нимъ живешь, а еще невозможнѣе не восхищаться имъ».

Если допустить мысль, что такая спокойная преданная жена, какъ Викторія, и такъ сильно любящая своего мужа, что часъ разлуки съ нимъ для нея былъ мученіемъ, могла увлекаться и такъ сильно, то, конечно, единственная личность, которая вывела ее изъ ея безмятежнаго спокойствія, — былъ Наполеонъ. Какъ романическая натура, она не могла провести свои юные годы безъ увлеченія, но это было ранѣе. Увлеченіе герцогомъ Немурскимъ было еще до замужества. Пассивную роль въ увлеченіи ей, конечно, приходилось играть не разъ, начиная съ перваго дня вступленія на престолъ, когда О'Коннель хотѣлъ собрать для своей «обожаемой королевы» 500.000 храбрыхъ ирландцевъ, чтобы защитить ее отъ

герцога Кумберландскаго, и кончая итальянскимъ герцогомъ Джованни-ди-Каррино, умершимъ въ сумасшедшемъ домѣ, послѣ неудачнаго покушенія на жизнь принца Альберта. Существовала легенда, что императоръ Николай произвелъ сильное впечатлѣніе на Викторію своей мужественной красотой, но на это нѣтъ такихъ доказательствъ, какія находятся въ дневникѣ самой королевы относительно Наполеона. Это увлеченіе даже замѣтилъ самъ принцъ Альбертъ и не скрывалъ своего недовольства. По этому поводу Робертъ Вильсонъ говоритъ: «Принцъ значительно менѣе восхищается Наполеономъ III, чѣмъ королева»...

Теперь союзъ Франціи и Англіи былъ основанъ не на однихъ политическихъ интересахъ, но и на симпатіи двухъ государей. Викторія не только была увлечена Наполеономъ, но очень привязалась къ императрицѣ Евгеніи; даже герцогъ Паскье въ письмѣ къ Баранту пищетъ: «Говорятъ, что своей беременностью императрица обязана совѣтамъ королевы Викторіи и ея акушера». Визитъ Викторіи во Францію укрѣпилъ добрыя отношенія государей еще болѣе.

18 августа, въ субботу, на разсвѣтѣ, королева, принцъ Альбертъ, юная принцесса Викторія и принцъ Уэльскій отправились изъ Коза въ Булонь, куда прибыли въ тотъ же день, сопровождаемые ламаншской эскадрой. Ихъ привѣтствовали пушечными выстрѣлами, и Наполеонъ поспѣшилъ войти на яхту, гдѣ поцѣловалъ сначала руку королевы, а затѣмъ обѣ щеки. Королева съ семьей отправилась въ парадныхъ каретахъ, эскортированная Наполеономъ, маршаломъ Маньяномъ и почетнымъ карауломъ. Со времени Генриха VI, пріѣхавшаго короноваться въ Сенъ-Дени, Парижъ не видѣлъ англійскихъ королей. Народъ шумно привѣтствовалъ королеву. Отъ сѣвернаго вокзала до Сенъ-Клу были разставлены шпалерами 200.000 человѣкъ національной гвардіи. Такъ какъ наступили сумерки, то отъ тріумфальной арки зажгли факелы, чтобы освѣщать путь, а Парижъ затонулъ въ огняхъ иллюминаціи.

Никогда не видя пріемовъ при большихъ дворахъ и посѣщая мелкія нѣмецкія резиденціи, принцъ Альбертъ и Викторія положительно были ослѣплены роскошью. Онъ писалъ барону Штокмару, что пріемъ былъ восхитительный, блестящій и полный энтузіазма, а Викторія занесла въ свой дневникъ: «Я была ошеломлена, но очарована; все было такъ восхитительно, спокойно и царственно... Всѣ такъ добры»...

Въ замкѣ Сенъ-Клу существовала картина, изображающая этотъ пріѣздъ, но въ 1871 году она погибла въ пожарѣ замка. Прежде чѣмъ сжечь, ее изуродовалъ одинъ изъ прусскихъ солдатъ, вырѣзавъ голову принцессы Викторіи, жены прусскаго кронпринца.

Викторія, очарованная, находила все восхитительнымъ и писала: «Наша комната прелестна... аппартаменты очаровательны. Императоръ былъ очарователенъ и очень добръ. Генералъ Канроберъ сидѣлъ возлѣ меня за обѣдомъ, онъ меня очаровалъ; это прямой, искренній, добрый человѣкъ и такъ любитъ англичанъ».

Она нашла, что королевскій столъ сервированъ просто, но «все восхитительно».

На другой день она писала:

«Прелестное утро, воздухъ восхитительный, солнце блестящее, прекрасные брызжущіе фонтаны... Кофе превосходный. Кухня простая, но очень хорошая. Для завтрака намъ подали круглый столикъ, какъ у насъ. Слуги внимательны. Безъ четверти въ десять мы отправились въ Парижъ. У императора красивыя коляски, совершенно, какъ у насъ, въ шорахъ. Переѣзжая мостъ, откуда видно консьержери, императоръ сказалъ мнѣ, указывая на него: «Вотъ гдѣ я былъ заключенъ». Странная противоположность!» Этотъ день прошелъ въ посѣщеніи выставки картинъ и представленія въ Тюильри.

Днемъ Наполеонъ повезъ кататься принца Уэльскаго, при чемъ самъ управлялъ лошадьми.

Во вторникъ королева посѣтила Версаль и Тріанонъ, а вечеромъ парадный спектакль въ оперѣ, при чемъ по возвращеніи она записала.

«Въ Версалѣ все было очаровательно и поразительно... Парижская улица изъ нашихъ оконъ все еще безподобна. Воздухъ такой чистый и легкій. Вечеромъ въ оперѣ «God save the Queen» пѣли великолѣпно, и въ Лондонѣ не нашлось бы большаго энтузіазма. Когда мы возвращались, императоръ былъ очень веселъ. Онъ началъ пѣть разныя старинныя нѣмецкія пѣсни, и Альбертъ тоже спѣлъ ему одну изъ нихъ. Наполеонъ очень любитъ Германію, онъ болѣе нѣмецъ, и въ немъ почти нѣтъ ничего, что напоминало бы знатнаго француза».

22-го въ среду она писала: «Еще одинъ прекрасный день! Поистинѣ само небо благопріятствуетъ этому счастливому союзу!»

Утромъ они посѣтили промышленную выставку, затѣмъ Тюильри, о чемъ она пишетъ слѣдующее: «Императоръ провелъ насъ въ свои аппартаменты по маленькой лѣстницѣ. Въ его спальнѣ стоятъ бюсты отца и дяди и старый ларецъ, который былъ у него еще въ Англіи, наполненный всякаго рода реликвіями, дорогими его сердцу».

Днемъ Викторія пожелала проѣхаться по Парижу инкогнито, о чемъ вечеромъ писала: «Я, миссъ Бюльтель и дѣти отправились въ наемной каретѣ, въ обыкновенныхъ шляпахъ. Я надѣла черный вуаль и мантилью. Какъ только выѣхали за рѣшетку, толпа любопытныхъ стала заглядывать въ карету, при чемъ у насъ былъ очень сконфуженный видъ. Благодаря моему вуалю, я могла смотрѣть черезъ

окно въ продолженіе всей нашей долгой и восхитительной прогулки: улица Риволи, Кастильонъ, Вандомская площадь и такъ до Аустерлицкаго моста. Все мнѣ казалось такимъ веселымъ, горячимъ южнымъ: солдаты со своими блестящими мундирами, продавцы попугаевъ и народъ, сидящій и распивающій у дверей домовъ».

23 го она писала: «Сегодня дежурными были зуавы, еще издали я любовалась ихъ блестящей формой; она—прелестна... Здѣсь все такъ красиво!.. такъ красиво! Все имѣетъ такой процвѣтающій видъ. Императоръ кажется созданымъ для его роли, и въ то же время чувствуется, что его будущее не въ безопасности. Обѣдъ запросто съ императоромъ и императрицей прошелъ очень весело. Мы много смѣялись надъ старымъ императорскимъ кофейникомъ, который ни за что не хотѣлъ слушаться и не пропускалъ кофе, несмотря на всѣ усилія лакея. Иногда мнѣ кажется сновидѣніемъ, что мы находимся въ Тюильри съ императоромъ». Вечеромъ она приняла приглашеніе парижскаго муниципалитета на балъ въ ратушѣ, назначенный на пятницу 23-го.

Въ четвергъ Наполеонъ не безпокоилъ гостей, оставивъ Викторію въ ея семейной обстановкѣ. Вечеромъ былъ банкетъ на 80 кувертовъ, и королева серьезно разговаривала съ Наполеономъ о франко-англійскомъ союзѣ; Наполеонъ передалъ ей, что министръ Друэнъ-де-Люисъ говорилъ, будто Луи-Филиппъ обязанъ своею непопулярностью именно франко-англійскому союзу, на что Викторія отвѣтила, что причина непопулярности не англійскій союзъ, а измѣна ему.

Въ пятницу Викторія посѣтила Лувръ, а вечеромъ присутствовала на балу въ ратушѣ. Императорская кадриль состояла изъ королевы и принца Альберта, принцессы Матильды, принца Наполеона, лэди Каулэй, жены англійскаго посланника, принца Баварскаго и дочери префекта Сены Гаусмана. Королева вспоминала объ этомъ балѣ, какъ о какомъ-то «снѣ изъ тысяча и одной ночи».

На другой день былъ смотръ войскамъ, и королева сидѣла въ ложѣ между императрицей Евгеніей и принцессой Матильдой. По этому случаю она писала: «Красивые мундиры французскихъ солдатъ безконечно лучше, чѣмъ англійскихъ солдатъ, что меня очень раздосадовало».

Затѣмъ послѣ смотра она посѣтила домъ инвалидовъ и могилу Наполеона I, что ее очень взволновало. По поводу этого посѣщенія Викторія писала «Я, внучка короля, болѣе всѣхъ его ненавидѣвшаго и боровшагося противъ него, теперь стою рядомъ съ его племянникомъ, ставшимъ моимъ самымъ близкимъ и дорогимъ союзникомъ, и въ честь меня церковный органъ играетъ «God save the Queen».

Въ субботу Наполеонъ устроилъ въ ея честь охоту въ Сен-Жерменскомъ лѣсу, а вечеромъ былъ большой балъ въ Версальскомъ дворцѣ. Наполеонъ встрѣтилъ императрицу и королеву на верхней

площадкѣ большой лѣстницы, и первая фраза, которую онъ сказалъ женѣ, была: «Какъ ты прекрасна!» Викторія, разсказывая объ этомъ, прибавила: «правда, она была точно королева изъ волшебной сказки». Въ этотъ вечеръ ей представили Бисмарка, который въ то время былъ посланникомъ въ Франкфуртѣ.

Королева и принцесса Викторія остались ночевать во дворцѣ. На другое утро былъ день рожденія принца Альберта; они провели его семейно. Бесѣдуя въ этотъ день съ Наполеономъ, Викторія совѣтовала ему не преслѣдовать Орлеанскую семью и откровенно объяснила ему свои отношенія къ опальной династіи. Это былъ послѣдній вечеръ, проведенный во Франціи, такъ какъ на другое утро королева уѣзжала въ Англію, сопровождаемая императоромъ по Булонской желѣзной дорогѣ. Въ Булони королева посѣтила два лагеря. Затѣмъ она сѣла на яхту и отправилась въ Лондонъ. Наполеонъ кричалъ ей съ берега «до свиданія», на что Викторія очень граціозно отвѣтила: «я надѣюсь—до скораго».

Послѣ этой разлуки она писала, совершенно увлеченная имъ:

«Онъ такой безмятежный, простой и даже наивный и такъ счастливъ, когда его учишь тому, чего не знаетъ. Онъ такъ нѣженъ и тихъ, но въ то же время обладаетъ такимъ тактомъ, достоинствомъ и скромностью; съ такимъ уваженіемъ и предупредительностью относится къ намъ, ни однимъ словомъ, ни дѣйствіемъ не ставя меня въ неловкое положеніе или затрудненіе. Ни съ кѣмъ я не чувствовала себя такъ хорошо, такъ задушевно, что не боюсь ему сказать самыя сокровенныя мысли. Его общество необыкновенно пріятно; въ немъ есть что-то привлекательное, меланхолическое, подкупающее, обольстительное, что васъ притягиваетъ, вопреки всѣмъ предубѣжденіямъ, которыя имѣешь противъ него. Все это, конечно, безъ помощи какихъ либо внѣшнихъ преимуществъ, хотя я не могу сказать, что его лицо мнѣ не нравилось. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ могуществомъ привлекать къ себѣ людей».

Изъ этого диѳирамба видно, насколько Викторія поддалась обаянію Наполеона, знавшаго до тонкости женское сердце и самый короткій путь, ведущій къ нему. Она не могла удержаться, чтобы не излить переполнившихъ ея сердце чувствъ, и по пріѣздѣ въ Лондонъ наединѣ сказала съ гордостью Кларендону:

«Удивительно, императору извѣстно все, что я когда либо дѣлала, какія мѣстности посѣщала съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Онъ помнитъ даже, какъ я была одѣта, и наконецъ онъ знаетъ такія мелочи, что непонятно, какъ онъ могъ ихъ замѣтить».

На это Кларендонъ замѣчаетъ: «Никогда еще она не была ни съ кѣмъ такъ близка. Императоръ сблизился съ нею съ безцеремонностью человѣка, стоявшаго не ниже ея, и съ знаніемъ женскаго сердца, которое онъ пріобрѣлъ въ обществѣ и внѣ его».

Отъ принца Альберта не могло ускользнуть расположеніе Вик-

торіи, все болѣе и болѣе усиливающееся, и онъ не говорилъ о Наполеонѣ иначе, какъ «о случайномъ политикѣ, дрожащемъ за каждую минуту изъ боязни заговоровъ». Но, несмотря на это, къ концу 1855 г. союзъ Франціи съ Англіей, котораго такъ желалъ Наполеонъ и который состряпалъ Пальмерстонъ, окончательно упрочился, благодаря искреннему восхищенію и увлеченію Викторіи императоромъ. Наполеонъ зналъ сердце не только Евгеніи Монтихо, но и такой образцовой семьянинки, какъ Викторія...

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Александръ Аннинскій. Исторія армянской церкви до XIX вѣка. Кишиневъ. 1900.

ЗАДАЧЕЮ настоящаго труда, какъ видно изъ предисловія къ нему, служитъ болѣе или менѣе подробное изложеніе исторіи армянской церкви до XIX столѣтія, при чемъ авторъ задался цѣлью собрать, по возможности, изъ всѣхъ доступныхъ не армянину армянскихъ источниковъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія по исторіи этой церкви и дать собраннымъ фактамъ посильное истолкованіе и освѣщеніе, руководясь научно-историческимъ безпристрастіемъ. Такъ какъ церковно-историческія событія возникаютъ и проходятъ въ тѣсной связи съ событіями гражданскими, то авторъ и этимъ послѣднимъ удѣлилъ въ своей книгѣ надлежащую долю вниманія и мѣста. Наконецъ, предназначая свое сочиненіе, главнымъ образомъ, для лицъ, не принадлежащихъ къ составу армянской церкви, г. Аннинскій, въ обзорѣ исторической судьбы этой церкви, не входилъ въ узко-спеціальныя подробности, а старался ограничиться только тѣмъ, что имѣетъ общій интересъ.

Какъ же нашъ авторъ выполнилъ взятую имъ на себя задачу?

«Исторія армянской церкви» состоитъ изъ предисловія (стр. I—XI), въ которомъ намѣчается задача труда, и указываются его источники и пособія, и шести отдѣловъ; въ каждомъ изъ нихъ обозрѣвается особый періодъ изъ исторіи армянской церкви; каждый отдѣлъ, въ свою очередь, дѣлится на главы.

Въ отдѣлѣ первомъ (стр. 1—6) обозрѣвается періодъ предварительный изъ исторіи армянской церкви. Въ частности, здѣсь дается краткій

очеркъ языческой религіи армянъ, не отличавшейся оригинальностью и состоявшей первоначально въ поклоненіи богамъ ассиро-вавилонскимъ и персидскимъ, то-есть божествамъ тѣхъ народовъ, которые сначала владѣли армянами, а потомъ — греко-римскимъ, когда Арменія вошла въ составъ грекоримской имперіи. Во времена апостоловъ христіанство проникло и въ Арменію, но, вслѣдствіе гоненій со стороны армянскихъ царей, продержалось здѣсь недолго, такъ что къ четвертому вѣку въ странѣ не оставалось ни одной христіанской общины, ни одного епископа. Тѣмъ не менѣе почва для распространенія христіанства была уже въ Арменіи подготовлена.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 7—64) обозрѣвается первый періодъ въ исторіи армянской церкви, обнимающій время отъ начала четвертаго вѣка до конца пятаго столѣтія, когда армяне были обращены въ христіанство, и въ ихъ странѣ возникла новая христіанская община, съ своеобразнымъ устройствомъ. Въ частности, здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ первый просвѣтитель армянъ св. Григорій Пареянинъ занимался въ странѣ проповѣдью Христа и при содѣйствіи царя Тиридата III (302—314 гг.) обратилъ въ христіанство почти весь армянскій народъ. Григорій былъ признанъ духовнымъ руководителемъ народа, а потомъ сдѣланъ и первымъ армянскимъ епископомъ, получивъ посвященіе въ городѣ Кесаріи Каппадокійской, и приступилъ къ устройству армянской церкви. Онъ строилъ храмы, открывалъ школы, хиротонисалъ епископовъ, рукополагалъ священниковъ и т. п. Такимъ образомъ, возникла армянская церковь, находившаяся въ іерархической зависимости отъ Кесаріекаппадокійской каѳедры. Около 344 года епископъ Григорій отказался отъ управленія церковью въ пользу своего сына, епископа Аристакеса. Но при этомъ епископѣ, а особенно при его преемникахъ, христіанская церковь въ Арменіи стали приходить въ упадокъ, такъ какъ здѣсь была еще сильна старая языческая партія, получившая доступъ и къ царскому двору, особенно при царѣ Тиранѣ (353—361 гг.). Поэтому во второй половинѣ IV вѣка въ Арменіи наблюдается возрожденіе язычества. Христіанство вновь окрѣпло при архіепископѣ Нерсесѣ I († 374 г.), который извѣстенъ и тѣмъ, что стремился усилить церковную власть армянскаго епископа въ ущербъ власти царской и получить независимость отъ греческой церкви. Но первыя стремленія Нерсеса оказались безплодными и даже стоили ему жизни, попытка же достигнуть независимости отъ кесаріе-каппадокійскаго епископа имѣла успѣхъ. Преемники Нерсеса уже не ѣздили для посвященія въ санъ епископа къ кесарійскому архіерею. Такъ началось отчужденіе армянской церкви отъ греческой. Оно значительно усилилось при архіепископѣ армянскомъ Исаакѣ Великомъ (397—448 гг.). Исаакъ былъ человѣкъ очень образованный и энергичный. Онъ считалъ армянскую церковь самостоятельною, подобно греческимъ автокефальнымъ церквамъ—константинопольской, александрійской, антіохійской и іерусалимской, поэтому не только порвалъ сношенія съ кесарійскимъ епископомъ, отъ котораго армянскіе іерархи получали хиротонію, но и въ отношеніи къ патріарху константинопольскому державшійся независимо. Во внутренней жизни армянской церкви католикосъ Исаакъ произвелъ большія реформы. При немъ монахъ Месропъ изобрѣлъ армянскую азбуку и, при содѣйствіи

патріарха, перевелъ на армянскій языкъ книги Священнаго Писанія и богослужебныя, а самъ Исаакъ распространилъ въ народѣ, посредствомъ итовъ, родную литературу, исправилъ церковный уставъ, календарь, церковные обряды, улучшилъ церковное управленіе. Занятый внутренними церковными дѣлами, Исаакъ оставлялъ въ сторонѣ дѣла общецерковныя и не участвовалъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ ни самъ, ни чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ епископовъ. По смерти Исаака, его преемникъ католикосъ Іосифъ не принималъ никакого участія въ четвертомъ вселенскомъ соборѣ въ Халкидонѣ (451 г.), опредѣленія коего имѣли роковое значеніе для армянской церкви и послужили главною причиной ея отдѣленія отъ церкви вселенской. Во второй половинѣ пятаго вѣка Арменія была мѣстомъ волненій, такъ какъ персидскій царь Іездигердъ принялъ мѣры къ совращенію армянъ въ огнепоклонство. Но онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства и народа и долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ концѣ отдѣла авторъ характеризуетъ внутреннюю жизнь армянской церкви за первый періодъ и находитъ, что она развивалась въ согласіи съ вѣроученіемъ и жизнью церкви греческой, вселенской.

Слѣдующій отдѣлъ (стр. 65—136) обозрѣваетъ **второй періодъ** въ исторіи армянской церкви, продолжавшійся отъ времени отдѣленія этой церкви отъ вселенской послѣ четвертаго вселенскаго собора до конца девятаго вѣка. Главной причиной отдѣленія армянской церкви отъ вселенской было неправильное пониманіе армянами, вслѣдствіе незнанія греческаго языка, догматическихъ опредѣленій Халкидонскаго собора, повлекшее за собою нѣкоторыя неправильности въ вѣроученіи армянской церкви. Въ 491 году католикосъ Пабкенъ созвалъ соборъ въ Вагаршапатѣ, гдѣ соборъ халкидонскій былъ осужденъ, а въ 527 году на соборѣ въ городѣ Довинѣ, созванномъ католикосомъ Нерсесомъ II, было составлено вѣроученіе о Христѣ, извращавшее смыслъ ученія церкви вселенской, и было постановлено титуловать армянскаго католикоса патріархомъ, наравнѣ съ первоіерархами другихъ автокефальныхъ церквей. Но соборъ 527 года вызвалъ въ Арменіи раздѣленіе, которое современные армянскіе католикосы стремились всѣми мѣрами сгладить. Однако католикосъ Киронъ, управлявшій грузинскимъ народомъ, который находился въ церковномъ общеніи съ армянами, отдѣлился отъ армянской церкви (597 г.), а за нимъ послѣдовали и другіе епископы. Въ началѣ VII вѣка Арменія была покорена персидскимъ царемъ Хозроемъ, при которомъ православіе въ странѣ было совсѣмъ подавлено въ пользу монофизитства. Но когда Арменія вновь была присоединена къ Византіи при императорѣ Иракліи, то усиліями императора въ 629 году армянская церковь отказалась отъ монофизитства и приняла опредѣленія Халкидонскаго собора. Но въ послѣдующія времена унія была нарушена, и армянская церковь возвратилась къ прежнимъ заблужденіямъ. Въ концѣ VII вѣка Арменія была завоевана арабами. Это еще болѣе содѣйствовало отчужденію армянской церкви отъ греческой, чего и добивались арабы. Сначала жизнь армянъ подъ арабскимъ игомъ была спокойна, но въ IX вѣкѣ они возстали противъ своихъ поработителей и за это жестоко поплатились. Иконоборческіе споры, волновавшіе греческую церковь, въ

VIII—IX вѣкахъ, въ Арменіи отразились слабо. И этотъ отдѣлъ заканчивается очеркомъ внутренней организаціи армянской церкви.

Въ 859 году Арменіи была дана автономія, и ея властитель Ашотъ Багратидъ получилъ отъ арабскаго халифа титулъ князя князей. Съ этого времени начался третій періодъ въ исторіи армянской церкви (стр. 136—173), продолжавшійся до средины XI столѣтія. Этотъ періодъ характеризуется стремленіемъ грековъ привлечь армянъ на свою сторону, чему противодѣйствовали арабы, и стремленіемъ самихъ армянъ достигнуть полной независимости. Но обѣ эти попытки не достигли цѣли: армянская церковь, въ лицѣ своихъ католикосовъ, вела въ этотъ періодъ оживленную переписку о догматическихъ разностяхъ съ византійскими богословами, но, вслѣдствіе упадка просвѣщенія и приверженности къ старинѣ, примиреніе церквей не состоялось; а, съ другой стороны, попытки армянъ эксплоатировать враждебныя отношенія византійцевъ и арабовъ въ пользу своей политической независимости оставались безуспѣшными вслѣдствіе внутреннихъ нестроеній въ странѣ и междоусобій армянскихъ князей. Этотъ періодъ характеризуется также упадкомъ церковной жизни и просвѣщенія въ странѣ.

Четвертый періодъ въ исторіи армянской церкви (стр. 173—255) продолжался съ половины XI до половины XV вѣка. Начальною его гранью служитъ завоеваніе Арменіи турками-сельджуками, сопровождавшееся страшнымъ разореніемъ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Арменіи установились новыя условія жизни. Тѣснимые врагами, армяне стали переселяться на Западъ—въ Малую Арменію, Каппадокію и Киликію. Церковная и общественная жизнь отлила изъ центра на окраину, резиденція католикоса была перенесена изъ Эчміадзина въ Джаментавъ, въ Малой Арменіи, и снова завязались сношенія армянъ съ греками. Въ пользу соединенія церквей много работалъ католикосъ Нерсесъ Благодатный, переписывавшійся по этому поводу съ византійскими императорами Алексѣемъ и Мануиломъ Комнинами, но его попытки разбились о фанатизмъ народа, хотя армянскій соборъ въ Хромклѣ (1179 г.) и высказался противъ монифизитскихъ его воззрѣній. Другою особенностью періода служатъ сношенія армянъ съ римскими папами съ цѣлью церковнаго единенія. Они были вызваны крестовыми походами и велись со стороны армянъ въ тонѣ униженно-заискивающемъ. Но они окончились неудачею, такъ какъ армяне скоро поняли коварную политику папства и его приспѣшниковъ-крестоносцевъ. Религіозно-нравственное состояніе армянскаго народа въ этотъ періодъ было очень печальное. Въ виду этого католикосъ Константинъ (1220—1267 г.) предпринялъ реформу общественной жизни и на соборѣ въ Сисѣ въ 1243 году выработалъ рядъ каноническихъ постановленій, направленныхъ противъ пороковъ народа. Католикосы XIV и XV вѣковъ, по примѣру прежнихъ церковныхъ дѣятелей, старались примирить армянъ съ греками и водворить въ странѣ православное ученіе о Христѣ, взамѣнъ господствовавшаго монофизитскаго, но опять безуспѣшно, хотя гражданская власть и сочувствовала этой примирительной политикѣ духовенства.

Наконецъ, пятый періодъ въ исторіи армянской церкви (стр. 256—306) начался со времени возвращенія каѳедры католикоса въ Эчміадзинъ, совер-

шившагося въ 1440 году, и продолжался до конца XVIII столѣтія. Этотъ періодъ былъ временемъ іерархическихъ смутъ въ нѣдрахъ армянской церкви и самой унизительной зависимости отъ османскихъ турокъ. На каѳедрѣ св. Григорія Просвѣтителя въ этотъ періодъ возсѣдали низкіе честолюбцы, заботившіеся о личномъ обогащеніи, а не о церкви, стремившіеся къ власти и деспотизму и считавшіе дозволенными для себя всѣ средства. Вѣра въ народѣ сильно охладѣла, церковная жизнь пришла въ упадокъ, образованіе находилось на низкой ступени, а нравственная распущенность народа достигла необычайнаго развитія; низшее духовенство выходило изъ подчиненія церковной власти. Въ то же время армянскій народъ и духовенство сильно страдали отъ деспотизма и произвола турокъ, которые грабили церкви и монастыри, разоряли города и села, мужчинъ убивали, а женщинъ и дѣтей уводили въ рабство. Армяне находились въ крайнемъ нравственномъ угнетеніи и экономическомъ разореніи и подвергались всѣмъ ужасамъ мусульманскаго вандализма. Г. Аннинскій подробно обозрѣваетъ разнообразныя бѣдствія пятаго періода, излагая ихъ по годамъ католикосовъ этого времени. Лишь при католикосѣ Мелкисетѣ, въ началѣ XVII столѣтія, наблюдался въ Арменіи нѣкоторый подъемъ нравственно-религіозной жизни народа, вызванный реформаторскою дѣятельностью духовенства и монаховъ. Но въ послѣдующее время нравственная распущенность опять водворилась среди армянъ. По смерти католикоса Гукаса (1780—1800 гг.), Россія впервые вмѣшалась въ избраніе эчміадзинскаго патріарха, выставляя своего кандидата, и съ этого момента начался новый періодъ въ исторіи армянской церкви, коего г. Аннинскій въ своей книгѣ не касается.

Въ приложеніи къ книгѣ (стр. I—V) помѣщенъ хронологическій каталогъ армянскихъ патріарховъ отъ Григорія Просвѣтителя до Гукаса включительно, съ указаніемъ ихъ мѣстопребыванія, и перечислены соборы, бывшіе въ Арменіи до и послѣ отдѣленія мѣстной церкви отъ православной грековосточной.

Таково въ общихъ и главныхъ чертахъ содержаніе изслѣдованія г. Аннинскаго.

Изъ представленнаго обзора видно, что «Исторія армянской церкви» есть трудъ, составленный тщательно и умѣло. Авторъ изложилъ здѣсь всѣ важнѣйшіе періоды и событія многовѣковой судьбы армянской церкви, установилъ между ними генетическую связь и представилъ надлежащія научныя данныя въ пользу правильнаго усвоенія ихъ значенія и смысла. Онъ обозрѣлъ исторію армянской церкви въ послѣдовательной смѣнѣ ея патріарховъ, дѣятельность коихъ является главнымъ и основнымъ факторомъ въ созданіи характера и направленія церковно-общественной жизни въ Арменіи, и поставилъ труды этихъ передовыхъ дѣятелей въ связь съ политической судьбою ихъ родной страны. Къ своей работѣ авторъ приступилъ послѣ усерднаго изученія литературы предмета, въ коей онъ имѣлъ почти одни только источники, а не пособія. Въ частности, въ литературѣ русской нѣтъ цѣльнаго и систематическаго труда, посвященнаго исторіи армянской церкви, поэтому изслѣдованіе г. Аннинскаго является у насъ, безспорно, необходимымъ и по-

лезнымъ, хотя въ немъ не все изложено безукоризненно. Такъ, здѣсь не отмѣчено, что съ распространителемъ христіанства въ Арменіи, царемъ Тиридатомъ III, велъ войну Максиминъ, съ цѣлью побудить его отречься отъ христіанства, о чемъ говоритъ въ своей «Исторіи» Евсевій Кесарійскій (IX, 8),— не сказано, что на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (325 г.) присутствовалъ, въ качествѣ представителя отъ армянской церкви, епископъ Аристакесъ, сынъ св. Григорія Просвѣтителя, а въ изложеніи обстоятельствъ жизни католикоса Нерсеса I не упомянуто о его заточеніи на островѣ Принкипо, въ Пропонтидѣ, коему подвергъ его императоръ Констанцій за несогласіе признать ересь Арія. Но наши замѣчанія не имѣютъ цѣлью умалить значеніе очень хорошей ученой работы г. Аннинскаго, уже зарекомендовавшаго себя въ области армяновѣдѣнія своимъ первымъ научнымъ трудомъ «Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники» (см. «Историческій Вѣстникъ» за 1900 г., апрѣль, стр. 311—313). Σ.

Исторія русской церкви подъ управленіемъ святѣйшаго синода. Томъ первый. Учрежденіе и первоначальное устройство святѣйшаго правительствующаго синода (1721—1725 гг.). Сочиненіе С. Г. Рункевича. Спб. 1900.

Какъ указываетъ самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, задуманный имъ трудъ по исторіи русской церкви долженъ охватить собою шесть крупныхъ отдѣловъ прошлаго нашего духовнаго управленія: учрежденіе и первоначальное устройство святѣйшаго синода, дѣла вѣры, образованіе и просвѣщеніе, епархіальную жизнь, церковныя имущества и духовный судъ. Обиліе никѣмъ еще не затронутаго матеріала заставило автора каждый отдѣлъ своего сочиненія обратить въ отдѣльный томъ монографическаго характера, при чемъ первоначальное устройство синода охватило первую часть предпринятой обширной работы.

Ближайшее ознакомленіе съ этой первой частью капитальнаго труда г. Рункевича свидѣтельствуетъ, что книга его представляетъ собою одно изъ почтеннѣйшихъ явленій современной литературы по исторіи высшаго управленія русской церкви. Что должно быть признано существеннѣйшимъ достоинствомъ книги, это—то обстоятельство, что написана она въ тонѣ полнѣйшей научной объективности. Авторъ не вступаетъ въ полемику внѣ рамокъ точнаго научнаго изслѣдованія, не задается цѣлями тайнаго или явнаго проведенія предвзятыхъ взглядовъ; отъ крайностей или одностороннихъ увлеченій его спасаетъ твердый установившійся взглядъ русскаго человѣка, прошедшаго суровую школу строгаго, послѣдовательнаго мышленія. Располагая громаднымъ архивнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ архивахъ сената, синода, отдѣльныхъ низшихъ правительственныхъ установленій, тщательно ознакомившись съ полнымъ собраніемъ законовъ и литературой предмета, авторъ рисуетъ эпоху преобразованій Петра Великаго въ области церковнаго управленія, излагаетъ учрежденіе синода, его составъ, компетенцію, дѣлопроизводство, его отношеніе къ сенату и къ собственному оберъ-прокурору.

Обладая литературнымъ талантомъ, г. Рункевичъ придаетъ общій интересъ даже наиболѣе сухимъ частямъ своего труда, какъ, напримѣръ, отдѣлу синодскаго дѣлопроизводства, но, къ сожалѣнію, съ другой стороны, иногда какъ бы самъ подчиняется, подпадаетъ подъ власть имѣющагося у него богатаго матеріала и вдается въ крайность слишкомъ детальной разработки предмета. Этотъ недостатокъ ослабляетъ впечатлѣніе цѣлаго, а иногда еще и затрудняетъ читателя обиліемъ незначительныхъ ссылокъ. Дѣлая мелочныя ссылки, авторъ какъ бы старается засвидѣтельствовать передъ читателемъ свое вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ вопросу. Но подготовленный читатель и самъ видитъ эту добросовѣстность, которая, будучи обращаема на мелочи, можетъ препятствовать большему полету мысли. Образцомъ указанной мелочности служатъ, между прочимъ, ссылки на стр. 247, 248 и 249, документально подтверждающія данныя относительно состава синодской канцеляріи. Но, конечно, недостатокъ подобнаго рода нисколько не подрываетъ значенія труда тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ рутинеры въ области историческихъ изслѣдованій считаютъ его прямымъ достоинствомъ. Помимо того, несомнѣнно, что мелочи необходимы въ научныхъ трудахъ, но онѣ должны быть или выносимы въ примѣчанія или въ особые отдѣлы, не загромождая руководящаго текста.

Къ числу особыхъ достоинствъ книги г. Рункевича относится выясненіе вопроса относительно взаимныхъ отношеній сената и синода. Въ противность нѣкоторымъ не углублявшимся въ суть дѣла изслѣдователямъ, авторъ положительно доказываетъ, что коллегіальность синода была коллегіальностью сената, то-есть, что упоминаемое въ учредительныхъ актахъ духовной коллегіи слово «коллегія» означало только соборный характеръ установленія, но вовсе не приравнивало его къ подчиненнымъ учрежденіямъ, коллегіямъ въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Обращаетъ на себя также точное опредѣленіе правъ синодальнаго оберъ-прокурора. Нѣкоторые изслѣдователи, перенося идеи позднѣйшія на факты прошлаго, стремятся видѣть въ оберъ-прокурорѣ петровскаго времени единоличный органъ, подчинявшій себѣ синодъ, какъ коллегіальное учрежденіе. Г. Рункевичъ обстоятельно доказываетъ, что петровскій оберъ-прокуроръ былъ только органомъ надзора, и синодъ тщательно пресѣкалъ его стремленія къ расширенію компетенціи, когда таковыя проявлялись. Взглядъ г. Рункевича правиленъ уже потому, что если даже позднѣе оберъ-прокуроры простирали свою власть далѣе положенныхъ имъ границъ, то до тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго. столѣтія это было вопросомъ личнаго вліянія, факта, а не права; юридически же предѣлы оберъ-прокурорской власти въ отношеніи духовнаго управленія были распространены только въ царствованіе императора Николая I, когда въ 1831 году оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода получилъ права министра по законодательнымъ и высшимъ распорядительнымъ дѣламъ православнаго духовнаго вѣдомства.

В. Грибовскій.

Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. Съ 70 иллюстраціями. И. П. Миролюбова. Спб. 1901.

Ссыльно-каторжная жизнь на островѣ Сахалинѣ за послѣднее время обращаетъ на себя вниманіе не только тюремнаго вѣдомства, но и русской литературы. Мы имѣемъ описаніе сахалинцевъ у гг. Чехова, Дорошевича и др. Разумѣется, художники-бытописатели, какъ пріѣзжія лица, сосредоточивали свои наблюденія по преимуществу на выдающихся типахъ и драмахъ сахалинской жизни. Въ равной степени слѣдуетъ сказать и о корреспондентахъ или официальныхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ удостовѣриться въ пригодности или непригодности острова къ сельскохозяйственной фермерской на немъ жизни. Почетные гости либо удовлетворялись внѣшней стороной и были въ восторгѣ отъ осмотровъ церкви съ рѣзнымъ иконостасомъ изъ ильмоваго дерева, школы съ массою дѣтей, плотины на рѣчкѣ, мастерскихъ, больницы, пѣвчихъ хоровъ изъ каторжныхъ и т. д.; либо они выносили гнетущее впечатлѣніе, если соображали, какою цѣною даются эти инкрустаціи изъ разныхъ деревьевъ или проложенныя въ тайгѣ дороги. Въ Онорѣ, по выраженію г. Миролюбова, «тайга запахла трупами» забитыхъ палками каторжниковъ, убѣгавшихъ на голодную смерть въ дебри и предпочитавшихъ людоѣдство или отрубить себѣ самому руку, чѣмъ вернуться на Онорскія работы. Изъ отчета о Сахалинѣ бывшаго начальника главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломона видно, что при отправкѣ преступниковъ не принимается въ соображеніе ни способность ихъ къ земледѣльческому труду, ни пригодность къ колонизаціи. На самомъ Сахалинѣ поражаетъ недостаточность питанія ссыльнокаторжныхъ, безпорядочность работъ, малое количество годной къ культурѣ земли и неблагопріятныя климатическія условія, для веденія хозяйства по традиціоннымъ пріемамъ русскаго крестьянства, а спеціальныхъ, пригодныхъ для Сахалина пріемовъ хозяйства не выработано. Посторонніе земледѣлію заработки либо отсутствуютъ, либо имѣются въ недостаточномъ для населенія количествѣ, громадный недостатокъ въ женщинахъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ расшатанность семьи и порождаетъ половой развратъ во всѣхъ его видахъ; общественная организація поселеній, условія землепользованія, права собственности на недвижимыя имущества и вообще гражданскій бытъ поселенцевъ — не нормированы; нравственность населенія стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, преступленія часты и совершаются не только единичными лицами, но и организованными шайками, и наконецъ, наличный служебный персоналъ въ громадномъ большинствѣ не удовлетворяетъ своему назначенію. Врачъ Л. В. Поддубскій, бывшій на Сахалинѣ врачебнымъ инспекторомъ, говоритъ, что «каторга на Сахалинѣ существуетъ только въ интересахъ для наживы и услажденія гг. тамошнихъ чиновниковъ». По амурскимъ газетамъ на одномъ спиртѣ чиновники наживаютъ состоянія, замѣняютъ вьючныхъ животныхъ каторжными и распоряжаются насильственными сожительствами съ сосланными женщинами. Возбужденный сообщеніями въ разныхъ газетахъ о деспотизмѣ сахалинской администраціи, В. Дорошевичъ въ ознаменованіе 19-го февраля помѣстилъ въ «Россіи» фельетонъ «Крѣпостное право въ

XX столѣтіи», съ громкимъ воззваніемъ о томъ: «чтобъ крѣпостное право, уничтоженное 19-го февраля 1861 года для всей Россіи, — было уничтожено также и на этомъ маленькомъ, несчастномъ клочкѣ Русской земли, который называется островомъ Сахалиномъ». Что касается книги г. Миролюбова, то въ ней сравнительно мало исключительныхъ и кричащихъ положеній, въ родѣ онорскихъ звѣрствъ; однако онъ близокъ къ правдѣ не менѣе другихъ художниковъ. Объясняется это тѣмъ, что г. Миролюбовъ не былъ почетнымъ гостемъ на Сахалинѣ, и ему пришлось знакомиться не только съ ужасающими достопримѣчательностями острова, но и съ обыденной на немъ жизнью сахалинцевъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ интеллигентамъ, о которыхъ самъ даетъ слѣдующій отзывъ: «Большинство ихъ были хорошіе, сердечные люди, но, увлекшись идеями о счастьѣ человѣчества, они дали слишкомъ большой просторъ движенію своего сердца... и попали на Сахалинъ. Выкинутые изъ Россіи, они и здѣсь въ глазахъ правящаго класса плохо были оцѣнены. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, у нихъ не было никакой точки опоры, на которой успокоилось бы ихъ растерзанное сердце...». Къ счастію г. Миролюбова, онъ былъ морскимъ офицеромъ, и сахалинская администрація, желая воспользоваться его познаніями, наполнила его жизнь содержаніемъ и интересомъ. Прежде всего онъ устроилъ хоръ пѣвчихъ. Бывшему радикалу пришлось пѣть и съ дискантами, и съ альтами, и съ тенорами. Потомъ онъ занялся устройствомъ церковной библіотеки, метеорологической станціи, ботаническаго сада изъ сахалинской флоры и т. д. «Надо ли сдѣлать съемку населенной мѣстности или промѣръ морской бухты, обновить ли казенный пароходикъ и сдѣлать объѣзды кругомъ Сахалина, надо ли составить лоцію Татарскаго пролива, или помочь пріѣзжему ученому сдѣлать магнитныя и астрономическія наблюденія, привести ли въ порядокъ другую метеорологическую станцію, собрать ли сѣмянъ какой нибудь сахалинской пихты для Петербурга,—въ этихъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ обращались ко мнѣ. За исполненіе такого рода порученій я получалъ только одобрительное «спасибо»: эти работы вмѣнялись мнѣ вмѣсто «каторжныхъ». Тѣмъ не менѣе я охотно занимался ими, потому, что онѣ знакомили меня съ островомъ и разнообразили мою жизнь на чужбинѣ».

Кончилось тѣмъ, что автору поручено было составленіе карты Александровскаго порта и его рейда съ промѣромъ. Слѣдя за его личной жизнію на Сахалинѣ, приходишь къ вѣрному выводу о томъ, что если бы въ прочихъ сахалинцахъ уважалось человѣческое «я», то многіе изъ нихъ дорожили бы своимъ честнымъ именемъ. Книга г. Миролюбова чрезвычайно полезна для тюрмовѣдовъ по вопросу объ исправленіи ссыльно-каторжныхъ людей. «Стоитъ лишь отнестись къ нимъ участливо, тепло, по-человѣчески, и они отзовутся всей душой на ваше вниманіе. Горе ссыльной жизни, принудительный трудъ съ ранняго утра до поздняго вечера и постоянное опасеніе наказанія, дѣлаютъ существованіе здѣсь не выносимымъ, но не отнимаютъ совсѣмъ послѣднихъ проблесковъ золотыхъ частичекъ человѣческаго сердца». А между тѣмъ администраторы совершенно беззаботны относительно нравственнаго достоинства сахалинцевъ. Всѣ ихъ старанія направлены къ возстановленію среди каторж

никовъ образцоваго порядка, блестящей чистоты въ казенныхъ зданіяхъ, дисциплины и тишины, чтобы муху слышно было, когда она пролетитъ... «Мнѣ самому все это нравилось. Но какими ужасными жертвами достигнуто это!— восклицаетъ г. Миролюбовъ. Вѣдь каторжные отъ этой внѣшности не сдѣлались лучше, нравственнѣе, правдивѣе, честнѣе, добрѣе. Напротивъ, скрытность, лукавство, тайная злоба, ненависть, стали еще интенсивнѣе, какъ упругость паровъ подъ увеличеннымъ давленіемъ. Нѣтъ, господа, проливаемыя слезы и кровь нельзя оцѣнивать чистотою отхожихъ мѣстъ и конюшенъ».

Такимъ образомъ, кромѣ литературно-художественнаго интереса, книга г. Миролюбова полна практическихъ и въ высшей степени цѣлесообразныхъ указаній для рѣшенія хозяйственныхъ и административныхъ вопросовъ на островѣ Сахалинѣ. **А. Фаресовъ.**

Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Часть 1-я. На войнѣ. П. Паренсова. Спб. 1901.

Бенвенуто-Челлини говоритъ, что писать свои воспоминанія надо послѣ сорокалѣтняго возраста. Генералъ Паренсовъ давно перешелъ этотъ возрастъ; жизнь его наполнена многознаменательными событіями; ему есть что поразсказать. Въ 1876 году, наканунѣ войны съ турками, онъ былъ командированъ въ Бухарестъ, чтобы подъ именемъ Paul Paulson организовать тайныя развѣдки, иначе сказать, шпіонскую часть; затѣмъ, въ 1877 году онъ отличился во многихъ сраженіяхъ (Ловча, Плевна, Балканы) подъ начальствомъ Скобелева, Имеретинскаго, Гурки и др. Послѣ войны ему пришлось быть первымъ военнымъ министромъ въ Болгаріи, призванной Россіей къ государственной жизни. Естественно, что воспоминанія г. Паренсова полны жгучаго интереса, тѣмъ болѣе, что, «благодаря особенно счастливымъ, безусловно исключительнымъ обстоятельствамъ», автору удалось напечатать книгу безъ цензурныхъ урѣзокъ.

Разсказъ сопровождается оцѣнкой событій, иногда, можетъ быть, слишкомъ рѣзкой, но если авторъ пишетъ правду, то рѣзкая критика придаетъ еще большую цѣну сочиненію — въ нынѣшнее время не часто встрѣчаются люди, открыто говорящіе правду. Особенно жесткимъ разоблаченіямъ подверглась дѣятельность помощника начальника штаба арміи, генерала К. В. Левицкаго. Иные поставятъ такую откровенность въ вину автору, но мы считаемъ за заслугу передъ отечествомъ: изъ уроковъ исторіи надо поучаться, а послѣднія войны именно показываютъ, какъ много приходится проигрывать, когда во главѣ стоятъ личности бездарныя, безъ достаточнаго частнаго почина, озабоченныя исключительно своими собственными интересами.

Изъ книги г. Паренсова мы узнаемъ, въ какомъ запутанномъ положеніи находилась наша дипломатія въ тѣ времена, какъ мы всего боялись, какое важное значеніе придавалось австрійскому министру Андраши и даже ничтожному румынскому министру Братіано. Мы совершенно не умѣли пользоваться благопріятной обстановкой, да и не отдавали себѣ въ ней отчета. Крупный капиталистъ, болгаринъ Евлогій Георгіевъ, обѣщалъ пожертвовать для арміи

продовольственные припасы на огромную сумму; ему не только не сказали простого «спасибо», но долгое время даже не обращали вниманія на его предложеніе, а между тѣмъ были озабочены труднымъ вопросомъ о продовольствіи войскъ въ предстоявшемъ походѣ. Время для заготовокъ было самое удобное: въ деньгахъ румыны нуждались, продуктовъ изобиліе, продавались они дешево, а мы все колебались, были загипнотизированы дипломатическими ухищреніями.

Передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, 10-го апрѣля 1877 года, въ русскомъ консульствѣ въ Букарестѣ была получена важная телеграмма изъ Кишинева, но разобрать ее было нельзя, ибо она оказалась написанною посольскимъ шифромъ, ключа къ которому въ консульствѣ не имѣлось.

Картины военныхъ дѣйствій написаны у г. Паренсова весьма живо, мастерски; видно, что все это пережито и перечувствовано; портреты дѣятелей (Радецкій, Тутолминъ, Наглóвскій, Куропаткинъ и др.), какъ живые. О Скобелевѣ сообщается много фактовъ, не проникавшихъ до сихъ поръ въ печать. Г. Паренсовъ высоко ставитъ военный талантъ Скобелева, но не славословитъ его во что бы то ни стало; подъ его перомъ нашъ народный герой является естественнымъ, понятнымъ, хотя обладающимъ многими странностями и недостатками, напримѣръ, нѣкоторою, совсѣмъ излишнею, кровожадностью. 23-го августа, послѣ взятія Ловчи, Скобелевъ съ авторомъ книги на пути наткнулись на множество труповъ нашихъ солдатъ: «всѣ они за ночь сильно вздулись, посинѣли и лежали въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Я хотѣлъ свернуть и уже направился было въ другую сторону, къ изгибу Осьмы, гдѣ не было атаки, но Скобелевъ взялъ меня за руку и заставилъ итти вдоль берега, который былъ положительно усѣянъ убитыми калужцами, либавцами, а далѣе—ревельцáми. Я даже сказалъ Скобелеву: «Пойдемте прочь, что за охота смотрѣть»; но онъ не выпускалъ моей руки и приговаривалъ: «Ничего, ничего, пріучайтесь».—«Да я, Михаилъ Дмитріевичъ, уже привыкъ, вѣдь не въ первый разъ, а все-таки нечего тутъ смотрѣть», но ничего не дѣйствовало, онъ даже останавливался, разглядывая трупы».

Характерно, что въ диспозиціяхъ для боя того времени мы встрѣчаемъ указанія о формѣ одежды — такъ въѣлись привычки мирнаго времени, наложившаго вообще на войну 1877—1878 гг. сильный отпечатокъ. Въ то время при воспитаніи войскъ водили ихъ во всемъ на помочахъ, не заботились о развитіи, столь важнаго въ современной войнѣ, частнаго почина въ начальникахъ, которые въ большинствѣ отличались пассивностью. Такъ отрядъ генерала Ратіева, бывшій 22-го августа въ небольшомъ разстояніи отъ Ловчи и слышавшій канонаду, не пошелъ на помощь Имеретинскому. На другой день Османъ-паша, вышедшій изъ Плевны на помощь Ловчѣ, могъ поставить отрядъ Имеретинскаго въ критическое положеніе, а Ратіевъ отказался на отрѣзъ итти на выстрѣлы, «объявивъ, что пойдетъ по данному ему маршруту и въ точности исполнитъ данное ему предписаніе». Вотъ какую опасность представляетъ угашеніе въ начальникахъ частнаго почина. Не даромъ нѣмцы отлично это понимаютъ и всѣми силами, даже указами императора, развиваютъ его въ своихъ войскахъ.

Первая часть воспоминаній г. Паренсова остановилась, какъ говорится, «на самомъ интересномъ мѣстѣ» — передъ штурмомъ Плевны 30-го августа 1877 года. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія разсказа, столь откровеннаго и содержательнаго: масса мелочей, въ высшей степени поучительныхъ, заключается въ книгѣ, но, конечно, никогда не попадетъ въ «исторію» войны, особенно официальную. Такъ какъ авторъ въ разсказѣ часто говоритъ о себѣ (какъ же иначе?), то онъ можетъ подвергнуться даже упрекамъ въ самовосхваленіи и пр. со стороны людей, зараженныхъ пуризмомъ, подъ которымъ скрывается просто зависть; но личныя-то впечатлѣнія сплошь и рядомъ и составляютъ истинно цѣнныя черты воспоминаній.

Въ заключеніе должны сказать, что книга издана прекрасно и снабжена множествомъ отличныхъ портретовъ (фототипіи) дѣятелей войны 1877—1878 гг.: государь императоръ Александръ II, главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, генералы: Непокойчицкій, Левицкій, Скобелевъ, Имеретинскій, А. Н. Куропаткинъ въ чинѣ капитана и много другихъ; нѣкоторыя фотографіи составляютъ рѣдкость и даже имѣютъ историческое значеніе.

Профессоръ Н. Орловъ.

Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ VI. Выпускъ 1. Софія. 1900.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, находящійся подъ руководствомъ академика Ѳ. И. Успенскаго, ежегодно издаетъ три выпуска своихъ «Извѣстій», въ коихъ знакомитъ интересующихся со своею научною историко-археологическою дѣятельностью. Недавно вышелъ первый выпускъ шестого тома этихъ «Извѣстій», содержащій въ себѣ пять слѣдующихъ статей.

1. L. Petit: le monastère de Notre-Dame de Pitié en Macédoine (стр. 1—153). Здѣсь рѣчь идетъ о византійскомъ монастырѣ Богородицы Милостивой въ Македоніи, въ мѣстности Палеокастро, построенномъ въ 1080 г. монахомъ Мануиломъ. Въ обширной работѣ, посвященной этой замѣчательной въ византійскую эпоху обители, излагается исторія ея отъ возникновенія въ XI вѣкѣ до паденія Византіи, описывается внутренній церковно-религіозный бытъ монаховъ на основаніи устава монастыря, даннаго его основателемъ, и анализируются другія стороны въ содержаніи этого устава, представлена опись церковной утвари и книгъ изъ библіотеки обители. Затѣмъ, авторъ публикуетъ греческіе документы касательно монастыря, открытые въ различныхъ библіотекахъ востока и запада. Эти документы по своему содержанію раздѣлены на три группы. Къ первой относятся императорскія грамоты, данныя монастырю по поводу принадлежащихъ ему владѣній. На второмъ мѣстѣ находится типиконъ, или уставъ монастыря, подробно регламентирующій богослуженіе въ обители, жизнь и поведеніе монаховъ, излагающій порядокъ избранія игумена и его отношеніе къ братіи и т. д. Въ третьей части находится подлинная опись монастырскихъ вещей. Къ каждому изъ указанныхъ

документовъ сдѣланы историко-археологическіе и филологическіе комментаріи. Въ опубликованныхъ августинскимъ монахомъ Petit греческихъ документахъ и заключается главная цѣнность его работы. Всякій, кто интересуется исторіей Византіи, въ частности византійскаго монашества и землевладѣнія, долженъ имѣть въ виду эту работу.

2. Ѳ. И. Успенскій: Военное устройство Византійской имперіи (стр. 154—207). Настоящая статья отличается обычными учеными достоинствами талантливаго пера г. Успенскаго — тщательнымъ обслѣдованіемъ матеріаловъ не только печатныхъ, но и рукописныхъ, неожиданнымъ извлеченіемъ новыхъ данныхъ изъ такихъ источниковъ, гдѣ они другими и не предполагаются, замѣчательнымъ сближеніемъ, повидимому, разнородныхъ научныхъ данныхъ, но въ творческой концепціи нашего автора получающихъ особый смыслъ и значеніе, широтою и основательностью эрудиціи, позволяющими автору смотрѣть на дѣло въ связи съ общими и принципіальными воззрѣніями въ области византологіи. Въ частности, въ указанной статьѣ академикъ Успенскій уясняетъ смыслъ и происхожденіе терминовъ τάγμα и θέμα, первымъ изъ которыхъ обозначались военныя части, стоявшія въ Константинополѣ, а второй употреблялся для названія войска провинціальнаго, описываетъ военно-административную организацію ѳемъ и тагмъ, чинами коихъ были—стратиги, турмархи, мермархи, хартуларіи, доместики и другіе; указываетъ различные виды ѳемъ и тагмъ — кавалерійскіе и пѣхотные, говоритъ о ѳемѣ, какъ гражданскомъ административномъ округѣ, разсматриваетъ происхожденіе военныхъ ѳемъ и сообщаетъ свѣдѣнія о военноподатныхъ участкахъ земли, раздававшихся стратіотамъ и обязывавшихъ ихъ нести военную службу въ государствѣ; въ приложеніи указаны нѣкоторыя греческія рукописи библіотекъ Вѣнской королевской и Московской синодальной, въ коихъ содержатся матеріалы относительно устройства войска въ Византійской имперіи.

3. Ю. А. Кулаковскій: Надписи Никеи и ея окрестностей (стр. 208—215). Здѣсь дешифрируются надписи, въ числѣ пятнадцати, открытыя членами Константинопольскаго русскаго археологическаго института во время одной изъ экскурсій въ малоазійскій городъ Никею и его окрестности; однѣ изъ надписей относятся къ классической эпохѣ, а другія — къ византійской.

4. Ѳ. И. Успенскій: Старо-болгарская надпись Омортага (стр. 216—235). Надпись найдена при раскопкахъ русскаго археологическаго института близъ селенія Абобы и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о дружинникѣ староболгарскаго князя Омортага—Оксунѣ, изъ знатнаго болгарскаго рода Куригиръ. По поводу этой надписи академикъ Ѳ. И. Успенскій дѣлаетъ интересный экскурсъ въ область дружиннаго строя у болгаръ въ эпоху ихъ языческой жизни и сношенія съ аланами и готами въ южной Россіи. Обстоятельно въ статьѣ уясняется и смыслъ терминовъ надписи и всего вообще ея содержанія.

5. Г. Джеффри: Фасадъ базилики въ Виѳлеемѣ (стр. 236). Въ Виѳлеемѣ есть замѣчательная базилика Рождества Христова, построенная, судя по стилю и плану церкви, скорѣе при византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ (VI в.), чѣмъ при Константинѣ Великомъ (IV в.). Англійскій ученый Джеффри

и помѣстилъ здѣсь три рисунка съ планомъ фасада этой древней и замѣчательной въ архитектурномъ отношеніи церкви, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о современномъ состояніи и значеніи указаннаго памятника изъ области христіанской археологіи. Σ.

Руководство къ русской исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе 39-е. М. 1900. Его же. Руководство къ всеобщей исторіи. Изданіе 22-е. М. 1900.

Не подлежитъ сомнѣнію, что историческія знанія весьма слабо распространены въ нашемъ современномъ обществѣ, и наша интеллегенція, въ большинствѣ, имѣетъ лишь поверхностныя и часто превратныя понятія о многихъ событіяхъ не только всеобщей, но и русской исторіи. Причины такого грустнаго явленія кроются, по нашему мнѣнію, въ неудовлетворительномъ преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не всѣ же окончившіе въ нихъ курсъ поступаютъ въ университеты, да и въ послѣднихъ довольно трудно пополнить свои знанія потому, что гг. профессора читаютъ подробно преимущественно облюбованные ими отдѣлы исторіи, оставляя общій курсъ ея въ пренебреженіи; въ гимназіяхъ же преподаватели связаны программами и обязательными учебниками, утвержденными для руководства педагогической властью. Тридцать лѣтъ въ этой области царитъ несокрушимый авторитетъ извѣстнаго московскаго профессора Иловайскаго, и всѣ попытки свергнуть его съ созданнаго имъ себѣ пьедестала терпятъ полную неудачу. Его учебники всеобщей и русской исторіи господствуютъ и въ младшихъ и въ старшихъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній, а всѣ другіе систематически изгоняются и воспрещаются. Г. Иловайскій съ присущимъ ему самомнѣніемъ считаетъ себя какъ бы вѣчнымъ, неограниченнымъ и непогрѣшимымъ наставникомъ россійскаго юношества и съ высоты своего величія презрительно улыбается на раздающіеся иногда протесты противъ его нелѣпыхъ учебниковъ; онъ неутомимо перепечатываетъ ихъ въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ и собираетъ обильную дань съ жидкихъ гимназическихъ кармановъ. До сихъ поръ все шло для него благополучно, какъ вдругъ внезапно раздался громъ съ той именно стороны, откуда почтенный историкъ всего менѣе его ожидалъ. Въ послѣдней книжкѣ офиціальнаго «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатаны подробные и обстоятельные отзывы спеціалистовъ о его руководствахъ по всеобщей и русской исторіи, низводящіе эти руководства не болѣе какъ на степень простой макулатуры. Мы приведемъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ лишь ихъ конечные выводы.

Такъ разборъ руководствъ по русской исторіи заканчивается слѣдующими словами: «Трудъ этотъ устарѣлъ, и частныя исправленія не могутъ держать его на уровнѣ современныхъ требованій, какъ свѣжія заплаты не дѣлаютъ крѣпкой ветхую ткань. Учебники г. Иловайскаго требуютъ не исправленія и поверхностнаго пересмотра, а коренной переработки».

Еще болѣе строгій приговоръ произноситъ о руководствѣ по всеобщей исторіи профессоръ Форстенъ. «Неумѣлый планъ, — говоритъ онъ въ заключеніе своей обширной критики, — разбросанность матеріала, главное въ пере-

межку съ второстепеннымъ, отжившія свой вѣкъ точки зрѣнія, дѣлаютъ совершенно непригоднымъ для нашихъ гимназій этотъ учебникъ, который точно задался цѣлью извращать факты, а не объяснять ихъ, не излагать ихъ согласно съ исторической правдой».

Такимъ образомъ оказывается, что въ теченіе тридцати лѣтъ г. Иловайскій невозбранно проповѣдывалъ въ русской школѣ подъ видомъ исторіи какую-то извращенную науку, и никто этого не замѣчалъ! Всего удивительнѣе, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на прямой обязанности котораго лежитъ блюсти за достоинствомъ матеріала, поставляемаго нашими педагогами подростающему поколѣнію, безпрекословно клалъ свою санкцію на каждый выпускъ бездарнаго и вреднаго хлама, называемаго учебниками г. Иловайскаго. Неужели печальная роль, столько времени безнаказанно играемая московскимъ профессоромъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, не кончится послѣ такихъ компетентныхъ разоблаченій? О. Ш.

Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Третье изданіе съ дополненіями. Москва. 1901.

Нельзя не привѣтствовать появленія 3-го изданія хорошо извѣстнаго русской читающей публикѣ замѣчательнаго труда И. Е. Забѣлина «Домашній бытъ русскихъ царицъ». Книга эта представляетъ собою одинъ изъ капитальныхъ вкладовъ въ нашу историческую литературу и разносторонне отвѣчаетъ интересу читателя; въ ней найдетъ онъ и блестяще написанный рукою мастера очеркъ исторіи женской личности въ до-Петровской Руси, очеркъ, являющійся однимъ изъ украшеній нашей науки, и талантливыя монографіи, посвященныя такимъ своеобразнымъ личностямъ нашего прошлаго, какъ извѣстная раскольничья «мученица» Ѳедосья Прокопьевна Морозова и царевна Софія Алексѣевна, и несравненное по полнотѣ и занимательности описаніе домашняго быта царицъ русскихъ. И. Е. Забѣлинъ всегда отличался рѣдкимъ умѣніемъ изъ сухого, отрывочнаго матеріала создавать широкую, завлекательную картину; новое изданіе его труда заставляетъ насъ удивляться также и тому, какъ маститый историкъ неутомимо привлекаетъ все новые и новые источники въ кругъ своего изслѣдованія.

Засвидѣтельствованное выходомъ 3-го изданія распространеніе «Быта русскихъ царицъ» въ средѣ нашей читающей публики указываетъ на возрастаніе историческаго интереса въ русскомъ обществѣ, на его стремленіе ближе познакомиться съ былыми судьбами родной земли. По знаменитому опредѣленію Соловьева, исторія народа есть его самосознаніе, и безспорно знаменательна эта жажда ознакомленія съ русскимъ прошлымъ; она показываетъ, что самосознаніе нашего общества пробуждается; и можно при этомъ только порадоваться, что въ работѣ самопознаванія мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи такія произведенія, какъ книга И. Е. Забѣлина, высокія достоинства которой всѣми признаны; такіе именно труды по преимуществу и могутъ сдѣлать эту работу плодотворной. **М. Помяловскій.**

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ четвертый. (1706). Спб. 1901.

Четвертый томъ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» вышелъ черезъ семь лѣтъ по выходѣ третьяго тома. Такая медленность объясняется громадностью и кропотливостью работы, которой потребовало это монументальное изданіе отъ его редактора, покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова, успѣвшаго еще при жизни приготовить къ печати четвертый томъ. Какъ великъ былъ трудъ почтеннаго изслѣдователя, достаточно сказать, что одни примѣчанія къ письмамъ заключаютъ 734 страницы убористаго шрифта. Въ нихъ каждое письмо сопровождается подробными объясненіями: гдѣ находится подлинникъ; если онъ былъ ранѣе напечатанъ, то въ какихъ именно изданіяхъ и съ какими пропусками и измѣненіями; по какому поводу писано оно; какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ лицъ, кому оно было адресовано и т. п. Четвертый томъ заключаетъ въ себѣ 475 писемъ и другихъ документовъ только за одинъ 1706 годъ, относящихся преимущественно къ распоряженіямъ Петра Великаго объ отступленіи русской арміи изъ-подъ Гродна, мѣропріятіямъ по оборонѣ нашихъ западныхъ границъ отъ ожидавшагося нашествія Карла XII и сношеніямъ Россіи съ западно-европейскими державами. Едва ли нужно указывать, какое важное значеніе имѣютъ эти письма для исторіи царствованія Петра Великаго и характеристики самого государя. Только тогда, когда будетъ обнародована вся его переписка, явится возможность воспроизвести вѣрную и полную картину великаго дѣла, которое совершилъ этотъ геніальный человѣкъ, до сихъ поръ еще ожидающей всесторонней оцѣнки, несмотря на массу напечатаннаго о немъ матеріала.

Кромѣ писемъ 1706 года, въ четвертомъ томѣ помѣщены еще письма за разные предыдущіе годы, открытые послѣ выхода первыхъ томовъ. Для удобства пользованія приложенъ подробный указатель личныхъ именъ и предметовъ, о которыхъ упоминается въ настоящемъ томѣ. Невольно рождается вопросъ: кто же будетъ продолжать послѣ А. Ѳ. Бычкова его замѣчательный трудъ? Неужели со смертью его должно прекратиться дальнѣйшее собираніе и печатаніе писемъ Петра Великаго? С. Ш.

Собраніе сочиненій Сергѣя Михайловича Соловьева. Спб. 1901.

Недавно изданный товариществомъ «Общественная Польза» компактный томъ части монографій, публичныхъ чтеній и журнальныхъ статей покойнаго историка въ нѣкоторомъ отношеніи является какъ бы дополненіемъ къ прежде выпущенному товариществомъ компактному изданію «Исторія Россіи». Какъ извѣстно, С. М. Соловьевъ не кончилъ послѣдняго капитальнаго труда и остановился на половинѣ царствованія Екатерины Второй. Въ виду такой незаконченности «Исторіи», разсматриваемый томъ можетъ служить нѣкоторымъ къ ней продолженіемъ: въ немъ имѣются въ свое время вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ обширная монографія «Императоръ Александръ Первый» и статьи по исторіи восточнаго вопроса. Такимъ же характеромъ дополнитель-

ныхъ матеріаловъ обладаютъ помѣщенныя въ сборникѣ повѣствовательно-критическіе очерки по исторіи русской исторіографіи XVIII столѣтія, а также характеристика Карамзина. Однако, цѣлостность этихъ отдѣловъ книги нарушается, съ одной стороны, статьями, которыя никакого отношенія къ исторіи Россіи не имѣютъ, съ другой стороны, публичными чтеніями и популярными очерками, которые представляютъ собою лишь неполный и отрывочный пересказъ нѣкоторыхъ главъ исторіи. Такое смѣшеніе матеріала затрудняетъ пользованіе книгой, и потому нежелательно въ достаточной мѣрѣ. До настоящаго времени Соловьевъ не утратилъ своего значенія въ ряду виднѣйшихъ авторовъ; изъ сочиненій его полной рукою черпаетъ данныя всякій изслѣдователь исторіи Россіи. По этой-то причинѣ издателямъ сочиненій покойнаго историка слѣдовало бы не издавать ихъ гуртомъ, безъ всякаго разбора, системы, а стараться разбить литературный матеріалъ такъ, чтобы облегчить пользованіе имъ, какъ рядовому читателю, такъ и спеціалисту. Между тѣмъ интересы читателя совершенно не приняты въ соображеніе издателями: не говоря уже о безсистемности содержанія, книга не снабжена ни предисловіемъ, ни какимъ либо указателемъ. Неподготовленный читатель не въ состояніи уяснить, что въ сборникѣ является болѣе капитальнымъ, что написано въ качествѣ журнальной статьи и т. д. Нужно надѣяться, что въ дальнѣйшемъ собираніи и переизданіи сочиненій Соловьева «Общественная Польза» приметъ во вниманіе указанія критики и взглянетъ на предметъ съ менѣе формальной, чтобы не сказать, коммерческой, стороны.

В. Грибовскій.

А. В. Кругловъ. Домна-ректорша. (Повѣсть). Изданіе В. С. Спиридонова. Москва. 1901.

Это — повѣсть изъ недавняго минувшаго. Въ ней воспроизводится удивительный по цѣльности и законченности типъ простой женщины, съ трезвымъ народнымъ умомъ и безхитростнымъ любящимъ сердцемъ. Эти качества помогли ей воспріять свѣтъ Евангельскаго ученія во всей его непосредственности и сдѣлаться глубокой христіанкой. Вѣрно отмѣчено поэтомъ:

> Не даромъ сказано въ писаніи: что скрыто
> И непонятно имъ — ученымъ, мудрецамъ,
> То — волей Божіей — доступно и открыто
> Умамъ безхитростнымъ, младенческимъ сердцамъ!

Христіанка Домна не по внѣшности только, но по духу высокой любви къ человѣчеству, которая заставляетъ видѣть въ каждомъ ближнемъ своего брата.

Такой идеальный взглядъ на христіанство впору лишь вполнѣ просвѣщенному человѣку; а если простецы достигаютъ его, то потому лишь, что высшая мудрость осѣняетъ ихъ любящее сердце, отзывающееся со всей присущей ему чуткостью на вѣчные глаголы.

Домна своимъ примѣромъ доказала, что человѣкъ можетъ быть полезенъ каждый на своемъ мѣстѣ и при всякихъ обстоятельствахъ имѣетъ возможность служить ближнему словомъ, дѣломъ и примѣромъ. Для примѣненія силъ совсѣмъ не надо искать себѣ большого дѣла, стремиться къ какому-то особен-

ному подвигу. Домна полная противоположность тѣмъ, «кто по свѣту рыщетъ, да дѣла себѣ исполинскаго ищетъ».

Большія дѣла встрѣчаются не часто, а мелкія повседневно окружаютъ насъ и ждутъ рукъ для своего осуществленія. Вотъ на такія-то незначительныя дѣла и важно употребить трудъ, вложивъ въ него всю горячность сердца. Тогда маленькое въ сущности дѣло разростается до большихъ размѣровъ, принося плодъ сторицею.

Не даромъ же Домну-ректоршу любили всѣ ея нахлѣбники-семинаристы и считали ее своею истинною матерью, въ то время, какъ другія хозяйки пользовались очень нелестной репутаціей у своихъ постояльцевъ. Между тѣмъ заслужить добрую славу въ грубоватой семинарской средѣ очень не легко, и авторъ знакомитъ съ тѣми терніями, которые встрѣчались на пути у Домны. Но сила любви всемогуща, и терніи въ концѣ концовъ побѣждались.

Въ нашъ нервный вѣкъ при особенной чуткости и воспріимчив..и организма становится все труднѣе и труднѣе выработка цѣльности характера. Человѣкъ сдѣлался способнымъ къ разносторонности, разбросанности и не можетъ отлиться въ опредѣленную и законченную форму. Между тѣмъ люди стараго типа отливались именно въ такую форму, при чемъ индивидуальное различіе между ними было рѣзче выражено. Теперь же, въ значительной степени происходитъ ассимиляція индивидуальностей.

Величавые образы Домны и ея бывшаго воспитанника Герасима, впослѣдствіи епископа Галактіона, разнородные по натурамъ, но объединенные въ высшей христіанской морали, могутъ служить наглядной иллюстраціей тезиса: царство Божіе внутри васъ. Это тѣ простецы, чистые сердцемъ, которые въ исполненіи своихъ обязанностей достигли удивительной душевной гармоніи. Это исполненіе стало для нихъ наслажденіемъ, потребностью. Такихъ людей (какъ Герасимъ) высшее образованіе дѣлаетъ еще только болѣе крѣпкими духовно, а не охлаждаетъ въ религіозномъ отношеніи. Хотя типъ Галактіона въ повѣсти привходящій, но онъ не многими чертами (особенно въ главѣ XV) обрисованъ ярко и выпукло.

Домну, по справедливости, можно причислить къ одному изъ самыхъ удачныхъ произведеній г. Круглова. П—ій.

Русскіе портреты собранія П. И. Щукина въ Москвѣ. Выпускъ второй. М. 1901.

Второй выпускъ «Русскихъ портретовъ» изъ собранія П. И. Щукина представляетъ большой интересъ. Въ немъ воспроизведено фототипіей 62 портрета, и среди нихъ встрѣчаются нѣсколько рѣдкихъ и до его времени неизвѣстныхъ. Изъ числа ихъ укажемъ на слѣдующіе: портретъ императора Петра II (№ 6), напоминающій типъ, изображенный Людденомъ въ 1729 году, но отличающійся отъ него и поворотомъ головы и многими подробностями въ одеждѣ и аксессуарахъ. Портретъ императора Петра III, въ шляпѣ и бѣломъ мундирѣ съ голубыми отворотами, шитыми золотомъ. Замѣчательный портретъ императрицы Елисаветы Петровны, совершенно неизвѣстный, рисованный разноцвѣт-

ными карандашами на пергаментѣ. Превосходный портретъ императрицы Елисаветы Алексѣевны (№ 28), лучшій изъ всѣхъ до сего времени извѣстныхъ, на которомъ она изображена въ открытомъ бѣломъ съ голубымъ атласномъ платьѣ, отдѣланномъ бѣлымъ кружевомъ и жемчугомъ, въ порфирѣ, съ Андреевской цѣпью, серебряной звѣздой, брилліантовымъ поясомъ и въ брилліантовой діадемѣ. Оригинальный портретъ князя М. И. Кутузова-Смоленскаго, писанный на бумагѣ клеевыми красками и изображающій его въ мундирѣ съ георгіевской лентой и орденами; въ рукахъ онъ держитъ географическую карту, а предъ нимъ бюстъ императрицы Екатерины II. Портретъ, появляющійся также впервые, князя А. Б. Куракина (№ 41) въ парадномъ, шитомъ кафтанѣ, въ лентѣ и орденахъ; передъ нимъ мраморный бюстъ императора Павла I, бронзовая чернильница съ двумя гусиными перьями и бронзовымъ колокольчикомъ. Портретъ пріятеля Пушкина, П. В. Нащокина, съ женой и дѣтьми, а также портретъ П. Я. Пикулина, изображеннаго сидящимъ на террасѣ своей дачи, въ Москвѣ, въ Марьиной слободкѣ.

Вообще, собраніе П. И. Щукина, очевидно, умножается и, благодаря ему, многія рѣдкія изображенія русскихъ замѣчательныхъ людей не погибнутъ и будутъ сохранены. Нельзя не быть глубоко признательнымъ почтенному собирателю за то, что онъ знакомитъ любителей отечественной иконографіи съ собираемыми имъ рѣдкостями въ фототипическихъ снимкахъ, дающихъ довольно точное и ясное представленіе объ оригиналахъ. О. Ш.

Народовѣдѣніе. Проф. д-ра Фридриха Ратцеля. Переводъ со 2-го изданія Д. А. Коропчевскаго. Въ двухъ томахъ съ рисунками. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1901.

Лейпцигскій профессоръ географіи, Фридрихъ Ратцель (род. въ 1844 г.) много путешествовалъ по Италіи, Венгріи, Сѣверной Америкѣ, Мексикѣ и Кубѣ, а въ 1870 г. даже принималъ участіе, въ качествѣ волонтера, въ войнѣ съ Франціей. Онъ напечаталъ цѣлый рядъ выдающихся работъ по географіи, изъ которыхъ замѣчательное мѣсто занимаетъ большой его трудъ «Völkerkunde» въ 3 томахъ и другой трудъ «Antropo-Geographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte» (2 тома). Первый трудъ теперь переведенъ, во второмъ переработанномъ изданіи, по-русски.

По своей спеціальности Ратцель не этнографъ, а антропогеографъ, то-есть его особенно интересуетъ вліяніе географической среды на возникновеніе и развитіе различныхъ жизненныхъ формъ. Въ его капитальномъ трудѣ видное мѣсто занимаетъ и соціологія и этнографія. Задача Ратцеля «узнать человѣчество во всѣхъ его частяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно живетъ въ настоящее время на землѣ». Онъ изучаетъ человѣчество на всѣхъ его современныхъ представителяхъ.

Главная мысль, которую внимательный читатель уловитъ въ обоихъ томахъ изданнаго труда Ратцеля—симпатичный, высокій призывъ къ обиженнымъ, низшимъ слоямъ человѣчества. Онъ указываетъ на то, что мы издавна

привыкли удѣлять особое вниманіе только наиболѣе развитой части человѣчества, народамъ, являющимся носителями высшей культуры, такъ что они оказываются чуть ли не единственными представителями человѣчества, единственными творцами всемірной исторіи. Въ своемъ капитальномъ трудѣ Ратцель проникаетъ въ самые глубокіе и неразвитые слои человѣчества и находитъ тамъ переходныя ступени, ведущія къ современной цивилизаціи. По его взгляду, всѣ расы одинаково способны къ культурѣ. Обстоятельно изслѣдуя внѣшнюю обстановку историческаго развитія народа, онъ старается объяснить его современное положеніе изъ его исторіи. Вездѣ у него географическая и историческая точка зрѣнія (обзоръ окружающей среды и обзоръ развитія) идутъ рука объ руку. Между отдѣльными частями человѣчества лежитъ различіе въ степени, а вовсе не пропасть. Поэтому въ своемъ трудѣ Ратцель старается прослѣдить всѣ переходныя ступени человѣчества, а также внутреннюю связь. «Мы можемъ себѣ представить всеобщую исторію культуры», говоритъ Ратцель, «обнимающую собой всю землю и все человѣчество; мы можемъ себѣ представить науку, которая охватываетъ все то, что теперь составляетъ предметъ такъ называемаго народовѣдѣнія или географіи. Ученый, давшій себѣ трудъ заняться доисторическими народами, а также народами, не игравшими роли въ нашей исторіи, найдетъ у всѣхъ нихъ, на всѣхъ культурныхъ ступеняхъ, существенныя черты той самой культуры, которая переходила отъ одного народа къ другому уже въ то далекое время, когда не были еще даны условія для развитія самостоятельныхъ и особыхъ культуръ; онъ пойметъ тѣсную связь между ней и современнымъ человѣчествомъ, которое почерпало всѣ свои нововведенія, всѣ свои крупныя достоинства только изъ этой общей основы и многое сохранило даже въ первоначальномъ чистомъ видѣ. Не далеко время, когда нельзя уже будетъ писать всемірную исторію, оставляя въ сторонѣ тѣ народы, которыхъ до сихъ поръ считали не историческими, потому что они не оставили намъ никакихъ памятниковъ, ни писанныхъ, ни высѣченныхъ. Исторія есть дѣйствіе. При чемъ же здѣсь письмо! Какую ничтожную роль играетъ рядомъ съ творческой силой исторической дѣятельности описывающее ее слово. Народовѣдѣніе и здѣсь должно указать намъ правильный путь!».

Подъ первобытными народами Ратцель разумѣетъ тѣхъ, которые находятся въ большей зависимости отъ природы и болѣе связаны съ нею, чѣмъ культурные народы. Дикарей онъ называетъ первобытными народами не потому, что живутъ они въ самомъ тѣсномъ единеніи съ природой, а потому, что они связаны съ природой. Въ этомъ и заключается различіе между первобытнымъ и культурнымъ народомъ, то-есть культура связываетъ насъ очень тѣсно съ природой, но болѣе широкой и полной связью.

«Крестьянинъ, собирающій въ овинъ свою рожь, въ концѣ концовъ также зависитъ отъ почвы своего поля, какъ и индіецъ, собирающій въ трясинѣ свой рисъ, котораго онъ самъ не сѣялъ; но для крестьянина эта зависимость отъ природы менѣе ощутительна! Собранный имъ запасъ хлѣба умѣряетъ ея грозную силу и отдаляетъ наступленіе кризиса, тогда какъ у дикаря каждая буря, каждый вѣтеръ, бросающіе колосья въ воду, угрожаетъ всему его существованію. Изучая природу и пользуясь ея силами, мы не сбрасываемъ съ себя ея

узъ, но становимся все болѣе независимы отъ случайныхъ проявленій ея, такъ какъ умножаемъ способы соединенія съ ней».

Было время, когда особенно восхвалялись физическія качества дикарей, ихъ выносливость, закаленность организма дикарей и тому подобное. Теперь наука окончательно отвергла этотъ взглядъ. Но есть и другой, не менѣе крайній взглядъ, по которому первобытные народы принимаются за представителей животнаго состоянія. По мнѣнію Ратцеля, сравнительное изученіе человѣческихъ расъ значительно уменьшило антропологическія различія между ними, уничтожило то узкое представленіе о дикихъ народахъ, которое ставило ихъ почти въ уровень съ животными.

Ратцель отрицаетъ научность пессимистическаго взгляда на дикарей, по которому они являются переходомъ отъ животнаго къ человѣку. Животныя черты можно найти у народностей всѣхъ расъ. Понятіе «первобытные народы», доказываетъ Ратцель, «относится исключительно къ области этнографіи и культуры и не заключаетъ въ себѣ никакихъ антропологическихъ или антропофизіологическихъ признаковъ. Первобытные народы—народы, бѣдные культурой; въ каждой расѣ, съ самыми различными природными задатками, могутъ встрѣтиться народы, которые или не развили еще у себя культуры или отстали въ своей культурѣ. Древніе германцы и галлы рядомъ съ римской культурой занимали такое же положеніе, какъ кафры и полинезійцы по отношенію къ намъ, а во времена Петра Великаго многіе элементы, входящіе теперь въ составъ культурнаго русскаго народа, оставались еще на чисто-первобытномъ уровнѣ».

Хотя первобытные народы стоятъ ниже насъ въ смыслѣ своей культурности, но по своей природной организаціи и своимъ способностямъ они стоятъ, если не на одной ступени съ нами, то очень близко къ намъ.

Первобытные народы, разсуждаетъ Ратцель, скорѣе напоминаютъ взрослаго человѣка, неразвитаго, какъ бы застывшаго въ извѣстныхъ отношеніяхъ, чѣмъ ребенка. Всѣ эти малокультурные народы, жизнь которыхъ описана въ трудѣ Ратцеля, имѣютъ языкъ, религію, оружіе и утварь, домашнихъ животныхъ и растенія: въ этомъ авторъ усматриваетъ многочисленные и разнообразные пункты сходства первобытныхъ народовъ съ культурными. Есть у всѣхъ первобытныхъ народовъ нѣкоторыя общія черты: всѣ они отличаются новымъ образомъ жизни, или, вѣрнѣе, наклонностью къ нему, отличаются безпечностью и легкомысліемъ. Разсмотрѣвъ происхожденіе религіи, миѳологіи, искусства и права, Ратцель придаетъ особенное значеніе семьѣ, которая является основнымъ пунктомъ для прогресса человѣчества. Таковы общія положенія капитальнаго труда Ратцеля.

Все человѣчество Ратцель дѣлитъ на географическіе «круги народовъ», начиная съ описанія народовъ тихоокеанско-американскаго круга, переходя къ свѣтлокожимъ племенамъ южной и внутренней Африки, затѣмъ неграмъ и заканчивая культурными народами Стараго свѣта.

Въ первомъ томѣ описаны океанійцы, австралійцы, малайцы, американцы, бушмены, готтентоты и карликовые народы Африки. Вездѣ изображены отчетливо физическіе признаки, не столько отличающіе народы, сколько связываю-

щіе ихъ, дающіе возможность наблюдателю найти переходъ отъ одного народа къ другому. Этотъ отдѣлъ, изображающій жизнь дикихъ народовъ, у Ратцеля вышелъ замѣчательно полнымъ. Матеріалъ собранъ колоссальный.

Второй томъ изображаетъ жизнь негровъ во всей ея полнотѣ. Онъ уступаетъ, пожалуй, первому, такъ далеко не такъ захватывающе подробно описываетъ жизнь «культурныхъ» народовъ Стараго свѣта. Здѣсь трактуется объ исламѣ, абиссинцахъ, берберахъ, народахъ Сахары, монголахъ, тибетцахъ и тюркскихъ народахъ индусахъ, иранцахъ, китайцахъ, японцахъ, корейцахъ, кавказскихъ народахъ, и европейцахъ (наиболѣе слабая глава).

Къ переводу приложены двѣ весьма удачныя статьи о расовой и этнической группировкѣ человѣчества и объ антропологіи Европы. Важное значеніе для русскаго читателя имѣетъ и приложенный въ концѣ второго тома библіографическій указатель русской литературы по народовѣдѣнію. Переводъ выполненъ безукоризненно—имя переводчика Д. А. Коропчевскаго не нуждается въ провѣркѣ перевода и служитъ ручательствомъ литературнаго языка и легкости, а это важно, такъ какъ превосходное сочиненіе Ратцеля написано вполнѣ доступно и разсчитано на широкую публику. Слѣдуетъ прибавить, что русское изданіе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное, со множествомъ рисунковъ, художественно исполненныхъ, хромолитографій и 4 картами. **К.**

Т. Циглеръ. Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. Изданіе В. Н. Звонарева. Спб. 1901.

Авторъ хорошо сознаетъ, что подведеніе итоговъ умственной жизни заканчивающагося столѣтія (книга писалась въ 1898 году) есть задача трудная, хотя и привлекательная. Трудно, въ особенности, кратко формулировать сущность всѣхъ движеній XIX столѣтія, трудно въ нѣсколькихъ словахъ дать пониманіе этого столѣтія во всей его совокупности. Циглеръ указываетъ на нѣкоторыя, неудачныя попытки, найти ключь къ итогамъ, дать одну формулу. Онъ говоритъ, что для Шопенгауера XIX вѣкъ—«вѣкъ философіи», такъ какъ созрѣлъ для нея и въ высшей степени нуждается въ ней; «богатѣйшимъ въ предѣлахъ новой исторіи» называетъ его Гейнрихъ ф. Трейчке, «такъ какъ тутъ пожинается посѣянное въ эпоху реформаціи». Куно Фишеръ видитъ въ немъ «столѣтіе критики, такъ какъ онъ разрушаетъ миѳы, создавая, правда, въ свою очередь новые». Одинъ считаетъ его «пропитаннымъ принципомъ борьбы за личность», другому онъ представляется «эпохою великаго томленія», одни называютъ его историческимъ или соціальнымъ вѣкомъ, другіе въ противоположность первымъ характеризуютъ его эпохой естествознанія и техники, торжествующей надъ высокою отвлеченною наукою, такъ что Шиллеровскій эпитетъ «властелинъ природы» въ настоящее время оказывается гораздо болѣе умѣстнымъ, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ». Можно было бы дать еще нѣсколько такихъ же общихъ и, въ сущности, пустыхъ опредѣленій, но профессоръ Циглеръ предпочитаетъ отказаться отъ общихъ мѣстъ: онъ намѣчаетъ лишь важнѣйшія стороны прогресса въ XIX вѣкѣ, сознавая всю запутанность и трудность своей задачи.

Въ виду такой сложности вопроса Циглеръ ставитъ себѣ опредѣленную и болѣе узкую задачу—дать характеристику умственныхъ и общественныхъ теченій преимущественно въ Германіи, захватывая по пути и чужеземныя вліянія. Такъ какъ матеріалъ, которымъ историкъ обладаетъ, состоитъ изъ книгъ, фактовъ и личностей, то чрезвычайно трудно распредѣлить его. Циглеръ самъ указываетъ, напримѣръ, на то, куда помѣстить сочиненіе Шопенгауера «Міръ какъ воля». Оно написано въ 1818 г., но вліяніе книги сказалось лишь пятьдесятъ лѣтъ спустя. Вотъ почему правильнѣе будетъ говорить о Шопенгаурѣ не тамъ, гдѣ начинается его жизнь и фактическое возникновеніе его философіи, а при обзорѣ исторіи 1860 и 1870 годовъ. Авторъ остановился на смѣшеніи хронологическаго и фактическаго дѣленія матеріала: 1800—1830, до 1848 г., затѣмъ—до 1871 г. и до конца вѣка, уложивъ свои разсужденія въ 14-ти главахъ.

Первая глава—«Три міросозерцанія», разсматриваетъ эпоху просвѣщенія, классицизмъ и романтизмъ, смѣнявшіе другъ друга. XIX в., получившій наслѣдство отъ XVIII в., не можетъ претендовать на названіе вѣка просвѣщенія: онъ не только, говоритъ авторъ, «не довелъ данной работы по всѣмъ пунктамъ до конца, но недостаточно энергично продолжалъ ее», уничтожая порою то, что уже сдѣлано, и внося мракъ туда, гдѣ царствовалъ день. Два крупныхъ представителя классицизма, Шиллеръ и Гете, не пользовались въ началѣ XIX в. достойной общепризнанностью, потому что рядомъ съ классицизмомъ появилось новое направленіе—романтическое, возникшее въ концѣ XVIII в. и представлявшее самое модное явленіе въ 1800 г. Циглеръ останавливается на крупнѣйшемъ изъ романтиковъ Шлейермахерѣ.

Всѣ эти три направленія имѣютъ одну общую черту, объединяющую ихъ индивидуализмъ. Впервые въ началѣ XIX в. романтизмъ перешелъ въ сферу философіи. Вторая глава посвящена натурфилософіи Шеллинга и феноменологіи Гегеля. На основаніи контраста съ романтизмомъ философія Гегеля опредѣляется Циглеромъ, какъ «борьба противъ личности».

Переводчикъ почему-то всю третью главу «Паденіе и возстановленіе Пруссіи» передаетъ въ сжатомъ пересказѣ, «желая дать читателямъ полное представленіе о книгѣ профессора Циглера и не имѣя возможности переводить ее цѣликомъ, безъ пропусковъ». Едва ли въ этой главѣ «необходимы» пропуски, она могла бы быть переведена цѣликомъ, читатель только выигралъ бы, особенно въ виду того, что профессоръ Циглеръ умѣетъ прекрасно излагать и комбинировать историческія явленія.

Четвертая глава названа «Послѣ войнъ за освобожденіе». Въ ней Циглеръ разсказываетъ о пробужденіи политическаго самосознанія, о студенческомъ союзѣ, реакціи и либерализмѣ. Въ связи съ измѣнившимися фактически отношеніями народовъ и отдѣльныхъ лицъ къ государству Циглеръ разсматриваетъ также переворотъ въ области идей государствовѣдѣнія и языкознанія, останавливаясь на Мюллерѣ, Гумбольдтѣ, Вольфѣ, и переходитъ къ молодой Германіи (1830—1848 г.), которой принадлежитъ первое мѣсто въ слѣдующей эпохѣ. Молодая Германія сгруппировалась около Берне и Гейне. Циглеръ отводитъ обоимъ поэтамъ нѣсколько страницъ для характеристики положенія ихъ въ исторіи умственной жизни эпохи.

Недостаточно опредѣленно относясь къ романтизму, Циглеръ нѣсколько поверхностно оцѣниваетъ Гейне. Онъ не указываетъ существеннѣйшаго признака романтизма — увлеченія средневѣковой стариной. Сравнивая Берне и Гейне, Циглеръ говоритъ, что оцѣнить Гейне труднѣе, чѣмъ Берне. Послѣдній всегда оставался самимъ собою, вѣрнымъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Гейне же «никогда не былъ характеренъ, типиченъ», онъ—«хамелеонъ», сверкающій всѣми цвѣтами. Намъ кажется, что Гейне, будучи вполнѣ опредѣленнымъ индивидуалистомъ-эпикурейцемъ, всегда отличался оппозиціоннымъ характеромъ, хотя и не держался опредѣленнаго политическаго міросозерцанія. Но къ современной ему политической дѣйствительности Германіи онъ всегда относился отрицательно. Циглеръ придаетъ Гейне очень мало значенія. «Легко подвижной человѣкъ», читаемъ въ VI главѣ, «былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ и безхарактернымъ человѣкомъ, былъ, дѣйствительно, «талантомъ», но никакъ не «цѣльнымъ характеромъ». Впрочемъ, мы здѣсь не должны судить человѣка, но желаемъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе относительно значенія Гейне для духовной жизни нашего народа. Это значеніе не можетъ быть оцѣнено въ достаточной мѣрѣ высоко. Лишь романтикъ можетъ убить романтизмъ; только такой насквозь фривольный человѣкъ могъ безжалостно извлечь на свѣтъ Божій ту фривольность, которая сидитъ во всякомъ романтизмѣ, и тѣмъ самымъ освободить насъ отъ нея. То обстоятельство, что Гейне сдѣлалъ это столь граціозно и остроумно, всегда располагая этимъ къ себѣ насмѣшниковъ, сдѣлало его самымъ опаснымъ и вліятельнымъ противникомъ фривольности».

Отъ литературнаго движенія Циглеръ переходитъ къ религіозному движенію 1830-хъ годовъ, связанному съ именемъ Д. Штрауса. Сначала онъ говоритъ о религіозномъ движеніи до Штрауса и Фейербаха, останавливаясь на Генгстенбергѣ, разсматривая религіозную философію Гегеля, а потомъ переходитъ къ Штраусу и Фейербаху.

Сороковые годы въ Германіи Циглеръ разсматриваетъ въ связи съ характеристикой Фридриха-Вильгельма IV, «романтика на тронѣ Цезарей» и вершителя судебъ Германіи. Девятая глава изображаетъ революцію 1848 года. Здѣсь, кромѣ исторіи этого движенія (опять кратко изложенной переводчикомъ), Циглеръ даетъ хорошее обозрѣніе стремленій къ реформамъ въ области церковной и школьной.

Въ десятой главѣ авторъ знакомитъ насъ съ ужасной реакціей пятидесятыхъ годовъ, сказавшейся не только въ области политической и церковной, но и въ сферѣ литературной. Въ то время, какъ лирика сороковыхъ годовъ отличалась либеральнымъ, а иногда революціоннымъ характеромъ, поэты пятидесятыхъ годовъ отличаются средневѣковымъ благочестіемъ, ища спокойствія въ лонѣ католической церкви. Огромнаго успѣха достигаетъ въ это время естествознаніе, а вышедшая въ концѣ 50-хъ годовъ книга Дарвина имѣла грандіозный успѣхъ. Циглеръ развиваетъ здѣсь ту мысль, что все настроеніе того времени было матеріалистично, оттого матеріализмъ нашелъ себѣ столькихъ приверженцевъ и заступниковъ. Циглеръ разбираетъ и доводитъ до 1870 года эволюціонный процессъ развитія и слѣдствій философіи Шопенгауера, въ доступной и ясной формѣ излагая философію Шопенгауера и Гартмана.

Разсказавъ о Бисмаркѣ и основаніи Германской имперіи, Циглеръ въ XIII главѣ опредѣляетъ значеніе соціализма и соціалъ-демократіи, останавливается на Лассалѣ, Марксѣ, марксизмѣ въ Германіи, законѣ о соціалистахъ и отмѣнѣ его.

Послѣдняя глава носитъ названіе «Fin de Siècle». Прежде всего, Циглеръ отмѣчаетъ двойственность характера переходнаго времени, выражающуюся и по отношенію къ государству, и къ религіознымъ вопросамъ, къ искусству, поэзіи. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся явленій конца вѣка Циглеръ считаетъ антисемитизмъ. Другое движеніе, тоже характерное,—аграрное. Третье движеніе—женское за свободу личности. «Великій психологъ и символистъ» Нитцше останавливаетъ серіозное вниманіе Циглера, но его такъ превозносятъ и прославляютъ, что личность его стала загадочной. Въ концѣ главы Циглеръ поставилъ литературу. Особенное значеніе онъ придаетъ Зудерману и Гауптману. Резюмируя сказанное, Циглеръ опять отказывается дать общую формулу вѣка. Но онъ желаетъ, чтобы Гетевская гуманность была конечной цѣлью, къ которой нужно стремиться. «Если мы среди этихъ противоположностей, которыя насъ осаждаютъ и которыя въ каждой особѣ либо мирно носятся рядомъ, либо сталкиваются другъ съ другомъ, не знаемъ, куда направить путь, то все таки девятнадцатый вѣкъ научилъ насъ сознанію, что отъ насъ зависитъ, куда держать путь. Въ борьбѣ за существованіе опустить руки — вѣрная гибель. Въ дѣятельности нашего столѣтія самое утѣшительное—его трудолюбіе. Хотя забота о нашей внутренней жизни этимъ отчасти и умаляется, но успѣхъ въ работѣ имѣетъ свое значеніе, испытываемое нами при сознаніи, что работа сближаетъ и соединяетъ насъ; въ этомъ заключается надежда преодолѣть и покорить нынѣ еще столь рѣзкіе контрасты. Гдѣ работа,—тамъ и борьба; мы и впредь не избѣгнемъ битвъ—во внѣшнемъ мірѣ изъ-за обладанія нашей долей земли и ея богатствъ, а во внутреннемъ—изъ-за домогательствъ сословій, партій и направленій. Вѣчнаго мира—неба на землѣ,—не принесетъ намъ и двадцатый вѣкъ: къ этому насъ подготовилъ девятнадцатый изобиліемъ своихъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ контрастовъ. Но одному мы слишкомъ мало научились и въ этомъ даже значительно отстали отъ восемнадцатаго вѣка: въ этой борьбѣ мы внутренно стали болѣе воинственными и болѣе нетерпимыми. Если бы наша молодежь захотѣла соединить современное стремленіе къ истинѣ съ толерантностью просвѣщенія, то двадцатый вѣкъ, не будучи миролюбивѣе девятнадцатаго, имѣлъ бы преимущество надъ девятнадцатымъ въ смыслѣ справедливаго отношенія къ противнику, пониманія его надлежащей оцѣнки присущихъ ему качествъ. И къ концѣ концовъ этотъ успѣхъ былъ бы самымъ драгоцѣннымъ». При всемъ скептицизмѣ людей девятнадцатаго вѣка профессоръ Циглеръ достаточно оптимистиченъ для того, чтобы счесть подобный успѣхъ возможнымъ и надѣяться на него, вѣря, что нынѣшнее молодое поколѣніе ближе къ конечной цѣли, чѣмъ люди девятнадцатаго столѣтія.

Весьма интересное сочиненіе Циглера, написанное, очевидно, для большой публики, хорошо переведено. Переводчикъ приложилъ въ концѣ книги полезныя примѣчанія, въ которыхъ дается объясненіе всѣхъ, встрѣчающихся въ книгѣ собственныхъ именъ. Къ книгѣ приложены отлично исполненные тринадцать портретовъ. О.

Чернушевичъ. Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Выпускъ II. (1855—1881 г.). Спб. 1901.

Въ январской книжкѣ нашего журнала мы уже говорили о первомъ выпускѣ добросовѣстно составленнаго и прекрасно написаннаго труда г. Чернушевича. Вышедшій теперь второй выпускъ не менѣе интересенъ, чѣмъ первый. Въ немъ авторъ, главнымъ образомъ, излагаетъ любопытный и мало кому знакомый вопросъ объ учрежденіи морского пограничнаго надзора и балтійской крейсерской флотиліи.

Здѣсь мы опять съ первыхъ же строкъ встрѣчаемся съ геніемъ Петра Великаго. Одно изъ его изреченій взято даже эпиграфомъ выпуска:

«Всякъ потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ,—едину руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ,—обѣ руки имѣетъ».

Этотъ же взглядъ проводится и въ инструкціи коммерцъ-коллегіи, данной въ 1724 году Петромъ Великимъ, гдѣ въ 19 пунктѣ написано:

«Коммерцъ-коллегіи имѣть таможенныя яхты съ служители для всякихъ отправленій купеческихъ дѣлъ».

Но первый морской пошлинный уставъ состоялся только въ 1731 году при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, 1-й пунктъ котораго гласитъ:

«Всѣ приходящія и отходящія моремъ какъ вышнія, такъ и нижнія персоны безъ выбору, а наипаче купцы и корабельщики россійскіе подданные и чужестранные, изъ котораго бы государства, земли, города они ни были, на торговыхъ корабляхъ и морскихъ купеческихъ же и казенныхъ ластовыхъ судахъ и на пакетботахъ съ полнымъ или половиннымъ грузомъ, или только съ балластомъ,—повинны о себѣ извѣстія давать, какъ во время пріѣзду въ россійскіе порты, такъ и въ отъѣздѣ изъ тѣхъ портовъ, въ цольгаузѣ или въ опредѣленной на оное, при всякомъ городѣ и гавани, въ первой таможнѣ, и того ради всѣ пріѣзжіе корабли и другія суда должны немедленно одного человѣка съ таможенной яхты къ себѣ на корабль взять и съ собою до самой оной, въ которой они о себѣ извѣстить имѣютъ, ихъ весть, а буде кто сего чинить не будетъ, или противность сему покажетъ, съ такихъ брать штрафа пятьдесятъ ефимковъ».

Обнародованіемъ этого устава было положено начало болѣе или менѣе правильнаго пограничнаго надзора, который, измѣняясь и совершенствуясь, мало-по-малу достигъ того прочнаго и грознаго для контрабандировъ состоянія, въ которомъ онъ находится теперь. Первымъ серіознымъ шагомъ къ упорядоченію этого вопроса былъ пересмотръ въ 1782 г. по распоряженію комиссіи о комерціи всѣхъ инструкцій, касающихся пограничнаго надзора, какъ по сухопутной, такъ и по морской границѣ, результатомъ котораго было усиленіе средствъ морского надзора.

Интересенъ докладъ чиновника Ревельскаго таможеннаго округа, Амбразанцева, на имя директора департамента внѣшней торговли, поданный Амбразанцевымъ въ 1838 году. Предлагая, какъ мѣру противъ морской контрабанды, пріобрѣтеніе нѣсколькихъ мореходныхъ лодокъ (гардъ-котовъ), которыя, крей-

сируя близъ береговъ, охраняли бы оные отъ водворенія контрабанды, Амбразанцевъ въ концѣ доклада съ паѳосомъ восклицаетъ:

«Если же лодки сіи вооружить небольшими фалконетами, то рѣшительно сказать можно, что тогда настанетъ уже контрабандѣ конецъ совершенный. Всѣ чины отъ надзирателя до послѣдняго стражника жаждутъ сихъ катеровъ, и если же можно будетъ на укомплектованіе ротъ нашихъ получить матросовъ изъ безсрочныхъ отпускныхъ, то успѣхъ несомнителенъ».

Въ такомъ же духѣ писалъ въ 1839 г. и начальникъ Рижскаго таможеннаго округа, однако департаментъ внѣшней торговли отнесся ко всѣмъ этимъ проектамъ съ поразительною близорукостью и нашелъ, что приведеніе предположенія этого въ исполненіе потребуетъ значительныхъ расходовъ, а между тѣмъ въ принятіи этой мѣры нѣтъ необходимости.

Это въ то время, когда, по удостовѣренію компетентныхъ лицъ, «вся Эстляндія, помѣщики, арендаторы мызъ и содержатели трактировъ и корчемъ не покупали почти въ Ревелѣ ни сахару, ни кофію, ни рому, а получали все сіе изъ Финляндіи на своихъ лодкахъ, отправляемыхъ туда съ виномъ, которыя они посылали будто бы въ россійскіе города».

Много лѣтъ прошло, а охрана морского побережья продолжала лежать исключительно только на пѣшихъ и конныхъ пограничныхъ стражникахъ, расположенныхъ по берегу моря пограничныхъ бригадъ, къ тому же настолько малочисленныхъ, что нерѣдко бывали случаи, когда находили вооруженнаго стражника, зашитаго въ мѣшкѣ на берегу моря, а кругомъ его слѣды отъ выгруженной изъ лодокъ контрабанды.

Наконецъ въ 1868 г. высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено было учрежденіе особаго морского крейсерства для надзора за неводвореніемъ судами контрабанды.

На первый разъ признано было достаточнымъ ограничиться пріобрѣтеніемъ 10 паровыхъ судовъ разныхъ величинъ, 1 спасательнаго парового катера и 101 гребной парусной шлюпки для прибрежныхъ разъѣздовъ чиновъ береговой пограничной стражи. При этомъ, имѣя въ виду, что убытки, причиняемые казнѣ въ пошлинномъ и акцизномъ сборахъ отъ водворяемой въ Прибалтійскій край контрабанды (преимущественно соли и спирта), простирались на милліоны рублей въ годъ, а потому скорѣйшее устройство таможеннаго крейсерства становилось дѣломъ первѣйшей важности, министръ финансовъ торопилъ скорѣйшимъ заказомъ судовъ, такъ какъ флотилія должна была открыть свои дѣйствія съ 1-го января 1873 года, хотя не сразу, а по мѣрѣ постройки и пріема таможеннымъ вѣдомствомъ. Такимъ образомъ вопросъ осуществленія таможенной флотиліи былъ рѣшенъ. Оставалось рѣшить другой важный вопросъ, какое назначеніе будутъ имѣть крейсерскія суда: составятъ ли они особую самостоятельную флотилію, находящуюся, подобно бригадамъ пограничной стражи, въ полномъ распоряженіи таможеннаго вѣдомства, или они должны войти въ составъ военнаго флота. По соображенію различныхъ обстоятельствъ и для полнаго успѣха такого важнаго учрежденія признано было полезнымъ слить таможенное крейсерство въ одно цѣлое съ военнымъ флотомъ. Сліяніе таможенныхъ крейсеровъ съ военнымъ флотомъ соотвѣтствовало интересамъ обоихъ

вѣдомствъ: министерство финансовъ пріобрѣтало въ свое распоряженіе опытныхъ моряковъ, а морское министерство получало, въ свою очередь, возможность доставить постоянную практику значительному числу офицеровъ и командъ, которые безъ существованія таможенныхъ крейсеровъ оставались бы на берегу.

Ожиданія, возлагавшіяся на крейсерскую флотилію скоро оправдались, такъ какъ съ открытіемъ ея дѣйствій стало замѣтно уменьшаться водвореніе контрабанды въ Прибалтійскомъ побережьѣ, что̀ подтверждалось увеличившимся въ то время требованіемъ спирта и водки мѣстнаго производства, а также привозомъ соли, оплаченной пошлиною. Такимъ образомъ береговой сухопутный и морской надзоры по Балтійскому побережью въ царствованіе императора Александра II поставлены были на прочное основаніе, и таможенное вѣдомство получило возможность бороться съ контрабанднымъ промысломъ двумя руками.

До 15-го октября 1893 года никакихъ измѣненій какъ по управленію, такъ и по составу Балтійская таможенная флотилія не имѣла. Съ выдѣленіемъ же пограничной стражи изъ таможеннаго управленія въ отдѣльный корпусъ въ 1893 году, состоявшая въ вѣдѣніи департамента таможенныхъ сборовъ крейсерская флотилія также была подчинена управленію корпуса на тѣхъ же основаніяхъ, какъ она подчинялась названному департаменту. Съ этого времени флотилія корпуса пограничной стражи вступила въ новый періодъ перемѣнъ, постепеннаго развѣтвленія и увеличенія числа судовъ. По мѣрѣ увеличенія флотиліи, а также въ виду расширенія дѣятельности пограничной стражи морскихъ бригадъ, найдено было неудобнымъ оставлять крейсерскую флотилію въ военномъ вѣдомствѣ, а потому въ 1897 году высочайше было повелѣно:

«Балтійскую таможенную крейсерскую флотилію и управленіе оною упразднить, а входящія въ составъ флотиліи суда исключить изъ списковъ судовъ военнаго флота съ передачею ихъ въ вѣдѣніе отдѣльнаго корпуса пограничной стражи», гдѣ она понынѣ и состоитъ, при чемъ суда флотиліи распредѣляются между бригадами и подчиняются командирамъ оныхъ.

Второй выпускъ книги г. Чернушевича снабженъ, какъ и первый, многими рисунками и снимками съ числящихся въ настоящее время во флотиліи пограничной стражи яхтъ и крейсеровъ. Вообще, трудъ г. Чернушевича, какъ по своему внутреннему, такъ и внѣшнему достоинству, производитъ самое лучшее впечатлѣніе. А — въ.

Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга третья. Владимиръ. 1901.

Весь первый и важнѣйшій отдѣлъ разсматриваемой книги, за исключеніемъ статьи г. Щеглова «Слѣды доисторическаго человѣка въ Меленковскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи», посвященъ исторіи народнаго просвѣщенія во Владимирской губерніи, которая разсказывается по впервые публикуемымъ архивнымъ матеріаламъ. Начинается отдѣлъ со статьи г. Н. В. Малицкаго: «Графъ М. М. Сперанскій во Владимирской духовной семинаріи». Авторъ ея предвари-

тельно говоритъ о томъ состояніи матеріальномъ и учебно-воспитательномъ, которое пережила Владимирская духовная семинарія до 1780 г., то-есть до года вступленія въ нее М. М. Сперанскаго. Слишкомъ бѣдственное до того матеріальное положеніе ея въ этомъ году круто измѣнилось: отпущенныхъ по высочайшему указу изъ казны 2.000 рублей оказалось для семинаріи болѣе, чѣмъ достаточно. Въ связи съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія стало быстро измѣняться къ лучшему и учебно-воспитательное дѣло. Къ тому же около 1784 г. послѣдовалъ синодскій указъ о введеніи въ программу преподаванія семинарій нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, наносился не малый ударъ прежнему число схоластическому преподаванію. О самой жизни Сперанскаго г. Малицкій нашелъ въ архивѣ семинарскомъ немного данныхъ: нѣсколько упоминаній въ приходо-расходныхъ книгахъ и въ кое-какихъ старыхъ семинарскихъ документахъ; при этомъ, конечно, исчерпалъ и помѣтки, сдѣланныя рукою Сперанскаго въ календарѣ 1786 года, который напечатанъ въ извѣстномъ сочиненіи барона М. А. Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго». По этимъ документамъ, о Сперанскомъ первое упоминаніе, относящееся къ 1782 году, такого рода: «Села Черкутина поповъ сынъ Михаилъ Михайловъ Сперанскій, 11-ти лѣтъ. Данъ ему указъ о полученіи пономарскаго дохода въ томъ же селѣ»... «Способенъ». Согласно дѣйствовавшей тогда практикѣ, Сперанскій получалъ съ своего пономарскаго мѣста доходу 6 рублей въ годъ, и, кромѣ того, 50 коп. въ мѣсяцъ, которыя, съ переходомъ его въ философію», увеличивались на 10 коп. Въ успѣхахъ Сперанскій прогрессировалъ по мѣрѣ перехода въ высшіе классы, такъ что въ «философіи» былъ уже аттестованъ словами «остраго понятія». Въ этой же «философіи» онъ пріобрѣлъ славу хорошаго проповѣдника.

Далѣе въ довольно подробной статьѣ: «Исторія открытія Владимирскаго дворянскаго пансіона», составленной исключительно по даннымъ архивовъ Владимирской гимназіи и Владимирскаго депутатскаго дворянскаго собранія, г. Н. Страховъ сообщаетъ любопытный матеріалъ для исторіи дворянскихъ пансіоновъ и отношеній къ нимъ самихъ дворянъ. Съ самаго начала открытія гимназій дворяне отказывались отдавать въ нихъ дѣтей своихъ, не желая смѣшивать ихъ съ разночинцами и предпочитая довольствоваться весьма подозрительными гувернерами. Тогда у нѣкоторыхъ явилась мысль образовать новый дворянскій пансіонъ. Во Владимирѣ иниціаторами его явились извѣстный князь И. М. Долгорукій и мѣстный педагогъ Д. И. Дмитревскій, которые заручились полнымъ согласіемъ дворянъ еще въ 1808 г.; но когда дошло до дѣла, до исполненія обѣщаній, то дворяне оказались болѣе чѣмъ индиферентными, и понадобилось слишкомъ 30 лѣтъ, чтобы дворянскій пансіонъ прочно основался.

Къ своей статьѣ г. Н. Страховъ присоединилъ и значительныя приложенія, состоящія изъ «постановленій», проектовъ, смѣтъ, положеній, штатовъ и т. п.

Не менѣе любопытною, хотя и составленною преимущественно по печатнымъ источникамъ, является статья протоіерея В. Косаткина: «Историческій очеркъ народнаго образованія въ городѣ Владимирѣ и его области». Изъ нея мы узнаемъ, что первымъ болѣе замѣтнымъ основателемъ училищъ во Владимирской области былъ «мудрый» Константинъ Всеволодовичъ, имѣвшій въ своей библіотекѣ до 1.000 книгъ.

Затѣмъ г. Малиновскій въ статьѣ: «Открытіе Владимирскаго духовнаго училища и первые годы его существованія», на основаніи архивныхъ матеріаловъ, восполняетъ исторію этого училища, начиная ее не съ 1814 г., какъ полагали до сихъ поръ, а съ 1790 года, и подробно передавая эти «первые робкіе, неувѣренные шаги» отдѣльнаго отъ семинаріи существованія училища.

Заключительной статьей отдѣла является обширное сообщеніе г. А. В. Смирнова — «Литературные опыты воспитанниковъ Владимирской духовной семинаріи въ началѣ XIX столѣтія», которымъ предшествуетъ его введеніе объ обстоятельствахъ, «способствовавшихъ» развитію «опытовъ», и о характерѣ ихъ. Имъ напечатаны только «Опыты» на русскомъ языкѣ, «масса же произведеній, писанныхъ учениками на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ», остались, къ сожалѣнію, не напечатанными «по нѣкоторымъ независѣвшимъ» отъ г. Смирнова «причинамъ». Опыты эти, особенно стихотворные, представляютъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторый литературный интересъ и могли бы составить предметъ особаго историко-литературнаго этюда.

Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» находимъ составленную В. Г. Добронравовымъ опись «дѣлъ Владимирскаго губернскаго правленія», поступившихъ въ архивъ Владимирской ученой архивной комиссіи. Дѣла эти относятся къ концу XVIII-го и первой половинѣ XIX-го вѣка и касаются преимущественно или фальшивыхъ монетъ, или сектантовъ. Составителемъ «Описи» выбраны наиболѣе интересныя въ бытовомъ отношеніи дѣла, и нѣкоторыя изъ нихъ описаны довольно подробно. Всѣхъ дѣлъ вошло въ «опись» — 120. Остальные отдѣлы разсматриваемой книги составляютъ: «архивныя мелочи», протоколы засѣданій комиссіи и отчетъ о дѣятельности комиссіи за 1900 г. **В. Рудаковъ.**

Н. П. Кондаковъ. Современное положеніе русской народной иконописи. Спб. 1901.

Кому не приходилось видѣть тѣ примитивныя изображенія библейскихъ и евангельскихъ событій или безжизненныя и неестественныя фигуры святыхъ, которыя въ печальномъ множествѣ покрываютъ стѣны и иконостасы нашихъ церквей, особенно сельскихъ? Общество до такой степени привыкло къ условной уродливости рисунка въ такихъ изображеніяхъ, что готово отнести несовершенство иконописной техники на счетъ самой сущности этой отрасли проявленія народнаго генія и того сильнѣйшаго давленія церковныхъ традицій, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась у насъ церковная живопись. До послѣдняго времени относительно иконописи не хотѣли признать, что по существу своему она и у насъ и на Западѣ представляетъ высшій родъ художественнаго творчества, предназначенный для возбужденія самыхъ высокихъ настроеній человѣческой души. Однако творенія Васнецова и его послѣдователей заставляютъ вспомнить объ этомъ, а работы стариннаго «изографа» Симона Ушакова убѣдительно доказываютъ, что если наша современная религіозная живопись стоитъ очень низко, то дѣло тутъ не въ элементахъ, изъ которыхъ слагается иконописное изображеніе, и не въ гнетѣ каноническихъ преданій, стѣсняющихъ личное творчество, а въ постепенномъ паденіи, вслѣдствіе кото-

раго иконописное дѣло, нѣкогда живое и пользовавшееся непосредственнымъ покровительствомъ царей, теперь спустилось до уровня кустарнаго производства съ устарѣвшими первобытными пріемами. «Ремесло иконописанія», говоритъ академикъ Кондаковъ въ своемъ небольшомъ, но обстоятельномъ изслѣдованіи, «живетъ древнимъ преданіемъ и по этому самому мало интересуетъ русское образованное общество».

Производство десятковъ тысячъ иконъ, которыя телѣги офеней развозятъ по всей Руси великой, пріютилось у насъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ и запущенныхъ угловъ Владимирской губерніи, откуда выходятъ и артели знаменитыхъ «суздальскихъ богомазовъ». Здѣсь иконописнымъ мастерствомъ заняты цѣлыхъ три села: Мстера, Палехъ и Холуй, въ которыхъ живутъ исключительно приготовленіемъ всевозможныхъ сортовъ иконъ. Иконописцевъ тутъ насчитывается болѣе 1.500 человѣкъ. Женщины также принимаютъ дѣятельное участіе въ производствѣ иконъ, выдѣлывая искусственные цвѣты и украшая иконы фольгою. Вѣками выработанный способъ производства иконъ сводится къ самому дробному раздѣленію труда: одинъ мастеръ готовитъ «дску», покрывая ее слоемъ гипса, другой переводитъ на нее изображеніе, пользуясь снятымъ на листъ и наколотымъ по контурамъ рисункомъ иконы, третій пишетъ все «доличное», то-есть одежды и обстановку, четвертый налагаетъ «оживки», то-есть блики, далѣе икона попадаетъ къ «личнику», который пишетъ уже самый ликъ и т. д. Хорошо выписанная и сложная по композиціи икона перебываетъ въ сотнѣ рукъ, прежде чѣмъ выйдетъ изъ иконописной мастерской.

Мастерскія эти содержатся мѣстными богатѣями и относительно условій труда находятся въ очень неблагопріятныхъ для работающихъ условіяхъ. «Если вы войдете въ комнату», писалъ покойный Голышевъ, «васъ сначала поразитъ пирамида «деревъ» (то-есть матеріала, досокъ) и неоконченныхъ иконъ, потомъ сильный запахъ левкаса (грунтовки иконъ). Посрединѣ комнаты за столикомъ сидитъ семья иконниковъ до шести человѣкъ, за одною осмериковою свѣчкою; посрединѣ ихъ спущены отъ потолка на веревочкахъ къ самой свѣчкѣ, какъ они называютъ, глобусы, круглые бѣлаго стекла съ налитою водой бутылки, отъ свѣчки сквозь воду проникаетъ самый сильный свѣтъ на то мѣсто иконы, гдѣ пишутъ. Въ противоположныхъ сторонахъ работаетъ другая компанія, на столахъ лежатъ краски, разведенныя въ деревянныхъ безъ ручекъ ложкахъ, кисти, горшочекъ съ водою, яичныя скорлупы, въ которыхъ хранится матерія изъ яйца для разведенія красокъ, потомъ деревянные циркули и кисти—вотъ и всѣ принадлежности мастерской иконописцевъ».

Несмотря, однако, на такую убогую обстановку производства и скудный заработокъ (въ среднемъ 180 рублей въ годъ), эти кустари занимаются своимъ традиціоннымъ ремесломъ съ благоговѣніемъ и любовью, достигая въ немъ такого навыка, который, по мнѣнію автора, граничитъ съ искусствомъ, если не переходитъ въ него.

Переходу этому сильно впрочемъ вредитъ отсутствіе общаго и художественнаго образованія. Существующая въ Холуѣ школа художника Харламова не въ силахъ побороть невѣжество, и среди иконописцевъ нерѣдко можно

встрѣтить такихъ, которые подписываютъ свою икону «съ виду», то-есть съ оригинала. Вотъ почему для подъема и развитія этого дѣла академикъ Кондаковъ считаетъ необходимымъ прежде всего учрежденіе особыхъ школъ, гдѣ бы учили рисованію, Закону Божію, объясняли богослуженіе и церковныя пѣснопѣнія и преподавали русскій языкъ и ариѳметику. Но для этого необходимо, чтобы само общество пришло на помощь кустарямъ и заинтересовалось наслѣдственнымъ иконописнымъ производствомъ, которому пора дать дальнѣйшее развитіе и согласовать съ потребностями жизни. А. В—въ.

Ингуши. Этнографическо-антропологическій очеркъ. И. Пантюховъ. Тифлисъ. 1901.

Ингуши составляютъ одну изъ тѣхъ народностей Кавказа, которыя менѣе всего изучены.Они занимаютъ узкую полосу земли длиною до 65, шириною до 30 верстъ, почти въ центрѣ Кавказскаго хребта и граничатъ съ хевсурами, тушинами, чеченцами, кабардинцами и казаками. Они составляютъ четыре горныхъ и два расположенныхъ на равнинѣ общества. Объ ихъ происхожденіи нѣтъ опредѣленныхъ или правдоподобныхъ свѣдѣній. По преданію, нѣкто Кистъ, сынъ сирійскаго (?!) владѣтеля, поселился въ верховьяхъ Терека, основалъ аулъ Арзія (орелъ) и по примѣру своихъ предковъ избралъ гербъ съ изображеніемъ орла, хранимый будто бы и нынѣ въ одномъ правительственномъ учрежденіи. На шеѣ орла вырѣзана куфическая надпись, испрашивающая благословеніе Божіе. Отъ чеченцевъ ингуши приняли исламъ, и такъ порабощены ими, что нѣкоторые признаютъ ихъ за одно племя съ чеченцами. Но нравы, религіозныя вѣрованія, слѣды своеобразнаго языка свидѣтельствуютъ, что ингуши не чеченскаго происхожденія. Въ настоящее время среди ингушей возникла секта такъ называемыхъ дзикиристовъ. Главная идея секты—протестъ противъ богатства, развращенности, куренія табаку, спиртныхъ напитковъ и нѣкоторыхъ обрядовъ. Живя среди особыхъ топографическихъ условій, питаясь ячменнымъ и кукурузнымъ хлѣбомъ, занимаясь скотоводствомъ, ингуши не знаютъ ремеслъ и славятся, какъ упорные и неисправимые хищники. Противъ этого порока можетъ бороться просвѣщеніе, къ которому ингуши чувствуютъ наклонность. Численность всего населенія ингушей 38.692 по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Что касается до антропологіи типа ингушей, то г. Пантюховъ ихъ характеризуетъ слѣдующими словами: преобладающій цвѣтъ глазъ — карій, волосы у всѣхъ почти черные, и они широкоголовы. Наиболѣе важная и характерная антропологическая особенность ингушей—значительная волосатость тѣла. Они по своему типу отличаются отъ сосѣднихъ народностей. Указавъ эти отличительные признаки, авторъ приходитъ къ заключенію, что первоначальные поселенцы, положившіе основаніе ингушской народности, были не изъ сосѣднихъ мѣстностей, а дѣйствительно (!), какъ гласитъ преданіе, пришли частью изъ Сиріи, частью изъ Персіи. На основаніи антропологическихъ соображеній, эти пришельцы не могли быть ни армяне, ни евреи, ни адейберджанцы, и, судя только по волосатости тѣла и устройству головы, помимо другихъ признаковъ, слѣдуетъ заключить, что изъ Сиріи подъ предводительствомъ

Киста пришли халдеи и айсоры, а изъ Персіи—представители коренной персидской народности, ибо халдеи и пяты имѣютъ одинъ общій важный признакъ—большую волосатость тѣла. Въ концѣ приложено нѣсколько измѣреній учениковъ-ингушей шуранскаго училища и взрослыхъ ингушей. Нельзя сказать, чтобы рѣшительный и опредѣленный выводъ, на основаніи антропологическихъ наблюденій автора, отличался непреложностью и полною убѣдительностью. Почтенный изслѣдователь слишкомъ поспѣшно формулируетъ свои выводы. Языкъ ингушей еще не изслѣдованъ, и считать ихъ лишь очеченившимися пока трудно. Быть можетъ, имъ отмѣченная разность въ лексикѣ чеченцевъ и ингушей будетъ выяснена, какъ фактъ, восходящій къ діалектическимъ особенностямъ. Какъ бы то ни было, антропологія безъ лингвистики не можетъ обойтись. **А. Хах—овъ.**

В. Ѳ. Миллеръ. Новыя записи былинъ въ Якутской области. Спб. 1900.

Настоящая книжка профессора русской словесности въ Московскомъ университетѣ Вс. Миллера, представляющая отдѣльное изданіе изъ V тома Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, содержитъ въ себѣ тексты восьми былинъ (Дюкъ Степановичъ; Илья и Идолище; Потокъ Михайловичъ; Объ Иванѣ Кулаковѣ; Садко, богатый купецъ; О Добрынѣ и Маринкѣ; О нашествіи Батыги; О Соколѣ Кораблѣ), записанныхъ въ Колымскомъ округѣ Якутской губерніи г. В. Г. Богоразомъ. Къ каждой изъ этихъ былинъ профессоръ Миллеръ присоединилъ критическія замѣчанія, поясняющія варіанты былинъ «Сибирской украйны», обращая въ то же время вниманіе на сохранившіяся въ нихъ подробности, новыя дополненія и т. д. **Л. М.**

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. VIII часть. Москва 1901.

Восьмой томъ «Сборника П. И. Щукина», какъ и предшествовавшіе выпуски, содержитъ въ себѣ очень много крайне любопытнаго документальнаго историческаго матеріала. Между прочимъ въ немъ напечатаны копіи съ донесеній сенату извѣстнаго дѣятеля Екатерининскихъ временъ Сиверса, копіи съ документовъ, касающихся цензуры начала девятнадцатаго вѣка. По преимуществу же восьмой выпускъ сборника наполненъ матеріаломъ, относящимся къ истекшему столѣтію, но есть много данныхъ и по восемнадцатому. Послѣдняго, между прочимъ, касается дѣло секретаря юстицъ-коллегіи Скорнякова, оскорбленнаго извѣстнымъ чудакомъ екатерининской эпохи, Прокофіемъ Демидовымъ. Бытовыя картины этого печальнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько забавнаго происшествія будутъ обработаны и помѣщены въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ «Историческаго Вѣстника». **В. Г.**

А. П. Лукинъ (Скромный наблюдатель). Отголоски жизни. Наблюденія и замѣтки. 2 тома. Москва. 1901.

Фельетоны живутъ недолго. «Это—однодневные цвѣтки»,—сказалъ кто-то. Сказано красиво, но не вполнѣ вѣрно. Какіе фельетоны и кого? Плоды бульварнаго остроумія, имѣющаго цѣлью только позабавить невзыскательную публику, конечно, умираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ, въ какой появляются, хотя и они даже нѣсколько характеризуютъ общество, ими увлекающееся. Но фельетоны, серіозные по содержанію, блестящіе по формѣ, фельетоны, въ которыхъ отразилось время, люди, фельетоны, написанные нерѣдко «кровью сердца» и являющіяся «смѣхомъ сквозь слезы», — живутъ долго, и, представляя собой глубокій интересъ, перечитываются и потомъ съ увлеченіемъ и пользой. Въ нихъ отражено время, люди, ихъ думы, жизнь, настроеніе... Они также необходимы при изученіи прошлаго, какъ и другіе документы. Фельетоны «Незнакомца», его характеристики—яркія, выпуклыя и блестящія не забыты до сихъ поръ. Положимъ, въ мірѣ фельетона «Незнакомецъ» занимаетъ почти исключительное мѣсто. Онъ могъ сказать: «фельетонъ это все»; но и не столь видные представители этого жанра пишутъ не для одного дня. Въ послѣднее время вошли въ моду такъ называемые бесѣды на злобу дня. Повидимому, эти наброски должны жить еще меньше. А между тѣмъ факты говорятъ другое. Г. Далинъ собралъ свои злободневныя бесѣды въ трехъ книжкахъ подъ общимъ заглавіемъ «Несказки» — и сборникъ имѣлъ большой успѣхъ на книжномъ рынкѣ. Значитъ, читатель готовъ слушать и о томъ, что уже было, прошло, лишь былъ бы разсказъ интересенъ по своему содержанію. Конечно, бесѣдамъ Далина много помогла ихъ форма—нѣсколько будирующая, помогъ тонъ—приподнятый, и тотъ паѳосъ, который многимъ нравится. Но, несомнѣнно, всѣмъ этимъ не могъ создаться успѣхъ «Несказокъ»; онъ объясняется и тѣми фактами, которые авторъ умѣлъ выловить изъ житейскаго моря, и той внутренней цѣльностью, которую онъ придалъ бесѣдамъ. Онѣ рисуютъ жизнь нѣсколько односторонне, но ярко, и, конечно, при умѣніи разбираться въ фактахъ «Несказками» можно пользоваться при изученіи русской дѣйствительности за извѣстное время.

«Отголоски» г. Лукина, постояннаго фельетониста «Русскихъ Вѣдомостей», не страдаютъ тенденціозностью выбора сюжетовъ, разнообразны по формѣ и хотя не всѣ одинаково ярки и выпуклы, но всѣ характерны для обрисовки русской жизни, для ознакомленія съ настроеніемъ общества. Факты отошли въ прошлое, люди многіе полузабыты. Но это не уменьшаетъ интереса, и положительно полезно припомнить недавнее и сравнить его съ настоящимъ. Такіе наброски, какъ «Банкроты», «Дѣло генерала Гартунга», «Бунтовщики», «Опекуны и опекаемые», «Морскіе пираты», «Дама, непріятная во всѣхъ отношеніяхъ», «Сказаніе о томъ, какъ Іоаннъ I, мѣщанинъ Оводовъ, впослѣдствіи Рыковъ, возымѣлъ злостный умыселъ отложиться отъ Россіи» и др.,—нынѣ такъ же интересны для читателя, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Характеръ интереса, правда, измѣнился, но не пропалъ самый интересъ, не уменьшилось значеніе фактовъ. Прочитавъ про старое и перейдя къ новому (напримѣръ,

къ «Мамонтовской эпопеѣ»), вы придете къ поучительнымъ выводамъ. Г. Лукинъ любитъ иронію, мастеръ пошутить, хотя онъ не избѣгаетъ вовсе и рѣчи «гнѣва». Но онъ не брезгуетъ и мелкими явленіями, повидимому, ничтожными, умѣя вышутить то, что достойно только шутки, но здоровой, умной. Таковы наброски: «Дешевка при редакціи», «Воры и воришки», «Присяжный повѣренный и собака». Читая очерки г. Лукина, иногда невольно задаешь вопросъ: неужели это все факты? Да, все факты. Они характеризуютъ тяжелое время, пережитое русскимъ обществомъ. Конечно, у г. Лукина есть свое освѣщеніе, которое вліяетъ на объясненіе фактовъ, но многіе изъ нихъ таковы, что, какъ ихъ ни освѣщай, они останутся одинаковы по своей правдѣ.

А. Кругловъ.

Курскій сборникъ, съ путеводителемъ по городу Курску и планомъ города. Изданіе Курскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей Н. И. Златоверховникова. Выпускъ I. Курскъ. 1901.

Изъ обширнаго содержанія названнаго «Сборника» болѣе всего интересенъ «отдѣлъ историко-археолгическій и этнографическій». Въ немъ помѣщена на первомъ планѣ небольшая замѣтка г. А. А. Спицына, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе Курской губерніи въ археологическомъ отношеніи». Авторъ съ большою тщательностью собралъ всѣ даже случайныя упоминанія объ археологическихъ находкахъ въ Курской губерніи, какъ въ печатной историко-археологической литературѣ, такъ и въ протоколахъ и собраніяхъ Императорской археологической комиссіи. Оказывается, что Курская губернія, несмотря на сравнительное обиліе кургановъ, по преимуществу сѣверянскихъ, не богата археологическими находками. Большинство найденныхъ предметовъ относится къ XI вѣку и позже; изъ болѣе раннихъ самыми цѣнными являются — обоянскій кладъ 1849 года предметовъ римской эпохи (II вѣка), хорошо извѣстный по прежнимъ описаніямъ, и арабскія монеты VIII—IX вѣковъ, найденныя въ 1866, 1868, 1876—1879 годахъ.

Въ 1902 году состоится XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ; въ кругъ его спеціальныхъ задачъ входитъ, между прочимъ, изслѣдованіе въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи Курской губерніи; благодаря этому, предварительный комитетъ съѣзда и рекомендуетъ образовать въ Курскѣ историко-археологическую комиссію изъ мѣстныхъ силъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это г. Златоверховниковъ, редакторъ «Сборника», въ статьѣ: «Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ», печатая полностію программу съѣзда, сообщаетъ и о тѣхъ работахъ по исторіи и археологіи Курской губерніи, которыя были сдѣланы до сего времени. Оказывается, впрочемъ, что такихъ работъ очень мало, и всѣ онѣ принадлежатъ одному или двумъ авторамъ. Быть можетъ, археологическій съѣздъ разсѣетъ нѣсколько мракъ, покрывающій нынѣ исторію и археологію Курской губерніи.

Далѣе мы встрѣчаемъ обстоятельное, основанное на архивныхъ документахъ, изложеніе времени правленія Курскимъ намѣстничествомъ А. А. Бекле-

шова. Біографія этого дѣятеля принадлежитъ исторіи, но до сихъ поръ въ литературѣ въ болѣе или менѣе въ полномъ видѣ она не появлялась. То, что мы находимъ въ выпущенномъ въ свѣтъ въ 1900 году томѣ «Біографическаго словаря, издаваемаго подъ редакціей А. А. Половцева», далеко неудовлетворительно. Собранныя г. А. Танковымъ въ указанной статьѣ свѣдѣнія не только широко обрисовываютъ дѣятельность А. А. Беклешова во время его управленія Курскимъ намѣстничествомъ (1791 — 1796), но и сообщаютъ немало любопытнаго для исторіи самого курскаго общества того времени. Беклешовъ настолько успѣлъ упорядочить различныя отрасли городского хозяйства и управленія и привести весь край въ такое благоустройство, что слова, сказанныя о немъ его преемникомъ, губернаторомъ Бурнашевымъ: «Беклешовъ губернію заново устроилъ, мнѣ остается только поддерживать устроенное»,—ничуть не должны казаться преувеличенными. В. Р—въ.

Dr. C. F. Lehmann. Armenien und Mesopotamien in Altertum und Gegenwart. Berlin. 1900.

Настоящая работа д-ра Леманна, приватъ-доцента по древней исторіи въ Берлинскомъ университетѣ, составляетъ докладъ, читанный имъ 6-го марта 1900 г. въ засѣданіи Берлинско-Шарлоттенбургскаго колоніальнаго общества. Онъ начинаетъ свою рѣчь воспоминаніемъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ защищалъ свою диссертацію въ Берлинскомъ университетѣ, въ одномъ изъ ея тезисовъ онъ высказалъ мысль, что народъ, которому удастся возстановить культуру Вавилоніи и Месопотаміи, окажетъ великую услугу не только себѣ, но и всему міру. Онъ тогда не воображалъ, что придется говорить на эту тему въ нѣмецкомъ колоніальномъ обществѣ и притомъ въ то время, когда упомянутая идея находитъ осуществленіе чрезъ посредство Германіи и германскихъ силъ, да, кромѣ того, при участіи его самого въ этомъ дѣлѣ. Онъ совершилъ путешествіе съ научной цѣлью по Месопотаміи, нѣкогда богато обработанной. Здѣсь путника и нынѣ поражаютъ остатки канализаціи (напримѣръ, каналъ Ментуаса) и водныхъ сооруженій, воздвигнутыхъ мастерами изъ вавилонянъ и ассирійцевъ. Это—та страна, о которой намъ говоритъ циферблатъ нашихъ часовъ,—документъ вавилонской культуры. Вавилоняне были тѣ, которые часъ раздѣлили на 60 минутъ, кругъ на 360 градусовъ и положили основы познанію небесныхъ свѣтилъ. Ассирійцы были учениками вавилонянъ, и походы первыхъ содѣйствовали распространенію вавилонской культуры, между прочимъ, и въ Арменіи.

Прежде чѣмъ армяне въ VI и VII вѣкахъ до Р. Х. появились въ области, по ихъ имени называемой, здѣсь жилъ народъ, самъ себя называющій халди, а ассирійцы его именовали урартійцы. У Геродота они называются алародійцами. Халди нѣсколько столѣтій сопротивлялись мощи ассирійцевъ, и теперешняя Арменія полна памятниками культурнаго развитія халдейцевъ. Собрать свѣдѣнія и надписи объ нихъ составляло цѣль путешествія д-ра Белька и д-ра Леманна, предпринятаго ими въ 1898 г. Они сосредоточили свои изы-

сканія вокругъ трехъ озеръ—Гокчи въ Россіи, Урміа въ Персіи и Вана въ Турціи. Они направились изъ Тифлиса черезъ Тавризъ къ озеру Урміа и потомъ вступили въ предѣлы Турціи. Ассирійцы проникли въ Арменію по главному водному пути—Тигру. Здѣсь въ Діарбекирѣ найденъ гротъ съ надписями о Тиглатпилезерѣ I за 1000 лѣтъ до Р. Х. и Сальманассарѣ II, 800—826 гг. до Р. Х. Недалеко отъ этого грота открыта пещера съ надписью и изображеніемъ Сальманассара II. Главный городъ древнихъ халдеевъ на озерѣ Ванъ состоитъ изъ двухъ частей «Gartenstadt» и «Citadellenstadt». Здѣсь встрѣчаются памятники глубокой древности. Эта область въ настоящее время опустошена истребленіемъ армянъ, народа полезнаго, прилежнаго и производительнаго. Американская миссія въ Ванѣ дала пріютъ вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ армянъ главнымъ образомъ отъ курдовъ. Въ окрестностяхъ Вана имъ найдены неизвѣстныя донынѣ надписи: напримѣръ, Сардура III (около 750 г.), Руса II (около 680 г.) и др. Самой юной надписью на ванскихъ скалахъ является памятникъ персидской эпохи, временъ Ксеркса, на трехъ языкахъ: древне-персидскомъ, сузіанскомъ и вавилонскомъ. Тутъ сообщается, что еще отецъ Ксеркса имѣлъ въ виду здѣсь высѣчь надпись. Эту интересную и трудно доступную надпись имъ удалось снять. Изъ Вана Белькъ и Леманнъ совершили поѣздки частью сообща, частью раздѣльно, при чемъ Белькъ едва не былъ убитъ курдами. Онъ останавливается на описаніи арабскаго городка Зб-орта, украшеннаго минаретомъ и офиціальными зданіями. Это, по его словамъ, eine Station der türkischen Dette publique. Въ Djezireh онъ гостепріимно былъ принятъ въ казармахъ курдскихъ «гамидіэ« — иррегулярнаго коннаго полка, «подобнаго русскимъ казакамъ», получившаго свое имя отъ султана Абдулъ-Гамида. Далѣе описывается пребываніе въ Мосулѣ, на развалинахъ Ниневіи, въ деревнѣ Топзауэ, гдѣ имъ осмотрѣнъ важный памятникъ. Короче, сообщаются свѣдѣнія о пребываніи и изысканіяхъ вокругъ озера Урміа, въ область котораго проникло уже русское вліяніе, благодаря присоединенію несторіанъ къ православной вѣрѣ. Эта область послужитъ ареной торговой конкуренціи съ проведеніемъ нѣмецкой Багдадской желѣзной дороги, предназначенной для культивированія Вавилона и Месопотаміи. Вкратцѣ, но содержательно авторъ обозрѣлъ Арменію и Месопотамію въ ея прошломъ и настоящемъ.

А. Хах—овъ.

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Скирмунта. Москва. 1901.

Прекрасное, съ внѣшней стороны, изданіе, содержащее 253 портрета съ краткими къ нимъ біографическими очерками. Цѣль изданія дать читателямъ собраніе портретовъ русскихъ писателей, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ области изящной литературы и критики. Здѣсь, наряду съ великими русскими писателями, фигурируютъ и менѣе крупныя имена.

Промахи, неизбѣжные въ подобнаго рода изданіяхъ, объясняются отчасти тѣмъ, что издателю не удалось найти нѣкоторыхъ портретовъ (напримѣръ, М. А. Антоновича, И. А. Кущевскаго, Н. С. Соханской); нѣкоторые были поздно ему

доставлены. Наконецъ, издателемъ руководило опредѣленное желаніе собрать побольше изображеній современныхъ авторовъ, а такого собранія до сихъ поръ еще не появлялось. Безъ сомнѣнія, и личный вкусъ, личная оцѣнка играютъ не малую роль въ выборѣ тѣхъ или иныхъ портретовъ среди одинаковыхъ по значенію, взглядамъ и настроенію писателей. Хотя въ «Галлерею» вошли только портреты писателей, работавшихъ въ области изящной литературы и критики, но издатель счелъ необходимымъ, для освѣщенія эпохи сороковыхъ годовъ, помѣстить портретъ Грановскаго: вѣроятно, каждый читатель поблагодаритъ его за это: какъ-то трудно себѣ представить эту эпоху безъ имени Грановскаго.

Портреты снабжены небольшими, но удачно составленными біографическими очерками, въ которыхъ дается оцѣнка писателя, опредѣляется его мѣсто въ литературѣ. Придерживаясь хронологическаго порядка, составитель пытался сгруппировать писателей по ихъ общественнымъ взглядамъ, что, конечно, оказалось и затруднительнымъ и не всегда удачнымъ.

Изданіе открывается вступительнымъ очеркомъ развитія русской письменности до появленія сатиръ Кантемира, хотя сжатымъ, но слишкомъ краткимъ: по существу онъ немного даетъ, хотя вполнѣ гармонируетъ, по краткости, съ другими біографическими замѣтками. Начинаясь біографіей Кантемира, «Галлерея» заканчивается портретомъ и очеркомъ жизни М. Горькаго.

Портреты сдѣланы очень хорошо, за немногими исключеніями, напримѣръ, Тургеневъ, Толстой, Михайловъ (Шеллеръ). Есть рѣдкіе, прекрасные портреты Огарева, Герцена, Гончарова (съ портрета Крамского), Грибоѣдова, Салтыкова и др. Издатель старался, чтобы біографія не была отдѣлена отъ портрета слишкомъ большимъ промежуткомъ, поэтому, нѣкоторыя біографіи вышли очень сокращенными, но всѣ крупные писатели все же представлены довольно ясно, объективно и литературно. **А—въ.**

Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы. Переводъ съ англійскаго Е. Ч. Съ картами. Спб. 1901.

Громадное значеніе торговли въ культурной и политической исторіи европейскихъ народовъ стало теперь уже общеизвѣстнымъ фактомъ. Современное развитіе производства и вызываемая имъ колоніальная политика на нашихъ глазахъ вовлекли въ круговоротъ европейской торговли чуть не весь міръ, въ то же время глубоко отражаясь какъ на взаимныхъ отношеніяхъ, такъ и на внутренней политикѣ всѣхъ государствъ. Довольно указать на долговременную промышленную борьбу между Англіей и Франціей, послѣ наполеоновскихъ войнъ приведшую Англію ко всемірному господству, а въ наше время хотя бы на благосостояніе Норвегіи, которое все создалось и держится ея торговымъ флотомъ. Торговое соперничество державъ, борьба ихъ за рынки сбыта дѣлаютъ, можно сказать, современную исторію. Такова руководящая идея автора, но выполненіе ея оставляетъ желать за собою многаго. Въ общемъ, небольшая книжка Гиббинса напоминаетъ собою хорошо написанное, но обычное руководство или даже компиляцію. Для читателя, хотя въ общихъ чертахъ знако-

маго въ развитіемъ европейской торговли, эта книжка не даетъ ничего новаго; вдобавокъ, сообщая извѣстные факты, авторъ почти не даетъ имъ теоретическаго освѣщенія, почему ему почти вездѣ приходится вѣрить на слово. Нѣсколько болѣе подробно изложена торговля въ древности и въ средніе вѣка и, понятно, болѣе мѣста удѣлено развитію собственно англійской торговли. Но и здѣсь красною нитью проходитъ крайнее фритредерство автора; почти отвергая значеніе навигаціоннаго акта, онъ исключительно протекціонизмомъ объясняетъ самое отпаденіе отъ Англіи Соединенныхъ Штатовъ; даже нашу эпоху протекціонистскаго увлеченія онъ считаетъ лишь «нераціональнымъ» заблужденіемъ, забывая, что для такого почти общаго экономическаго заблужденія, «возврата назадъ», должны имѣться болѣе существенныя причины. Отмѣтимъ еще отзывъ Гиббинса о промышленности и торговлѣ Россіи, которую онъ признаетъ въ этомъ отношеніи страной будущаго (но притомъ слишкомъ уже преувеличиваетъ размѣръ процентовъ по ея государственному долгу— сорокъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ). Переводъ читается очень легко.

А. Никитинскій.

Портреты съ автографами и краткими біографіями министровъ учрежденныхъ въ 1802 году министерствъ императоромъ Александромъ I. Изданіе И. Н. Божерянова. Выпускъ первый, съ девятью портретами. Спб. 1901.

Въ будущемъ 1902 году исполнится столѣтіе со дня учрежденія министерствъ императоромъ Александромъ I. Въ виду этого юбилея, И. Н. Божеряновъ предпринялъ изданіе портретовъ всѣхъ сановниковъ, занимавшихъ министерскій постъ включительно до настоящаго времени. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ портреты первыхъ восьми министровъ: графовъ Вязмитинова, Мордвинова, Воронцова, Васильева, Румянцева, Завадовскаго и Кочубея и Державина, а также портретъ императора Александра I. Всѣ портреты большого формата и превосходно воспроизведены съ лучшихъ оригиналовъ фототипіей въ извѣстномъ художественномъ заведеніи А. И. Вильборга; каждый портретъ сопровождается факсимиле подписи изображаемаго лица и краткой, но обстоятельной біографіей. Сверхъ того, приложены фото-цинкографическіе снимки съ двухъ указовъ правительствующему сенату. Любители отечественной иконографіи будутъ вполнѣ удовлетворены этимъ роскошнымъ изданіемъ, исполненнымъ безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ, и мы искренно желаемъ, чтобы И. Н. Божеряновъ встрѣтилъ поддержку своему предпріятію и довелъ бы его до конца. О. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БЫЛЪ ЛИ галльскій пѣтухъ эмблемой Франціи. Въ 1-мъ февральскомъ номерѣ «Revue universelle» разбирается интересный вопросъ относительно эмблематическаго значенія пѣтуха, вычеканеннаго на десяти и двадцати-франковыхъ монетахъ, въ силу декрета президента 22-го февраля и 20-го іюля 1899 года. Выборъ этой эмблематической птицы критиковался почетнымъ деканомъ факультета правъ въ Пуатье, Дюкрокомъ. Онъ задалъ вопросъ, на какомъ основаніи третья республика взяла эмблемой фигуру, напоминающую политическій режимъ [1]) іюльской монархіи, составляющей антиподъ республики. Его противники сослались на то, что пѣтухъ эмблема Галліи и ея независимости, поэтому, выбирая его, оставались вѣрны національной традиціи. На это Дюкрокъ отвѣчаетъ, что пѣтухъ никогда не имѣлъ правъ, съ національной точки зрѣнія, на званіе «галльскаго», и никогда ни одинъ галльскій народъ ни въ какую эпоху не избиралъ его, какъ эмблему, что доказываетъ фактически. Изъ 10.413 галльскихъ монетъ, сохраняющихся въ кабинетѣ медалей, въ національной библіотекѣ, на которыхъ встрѣчаются различныя эмблемы, только 14 имѣютъ фигуру пѣтуха и то на второстепенномъ мѣстѣ. Кромѣ того, употребленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ четырнадцати монетъ подвержено сомнѣнію. По его мнѣнію, галльскій пѣтухъ изобрѣтенъ относительно недавно и происходитъ отъ излюбленной учеными эпохи «Возрожденія» игры словъ. Онъ образовался отъ латинскаго слова «gallus», означающаго разомъ «пѣтухъ» и «галлъ». Какъ на доказательство, что эта

---

[1]) «Le coq pretendu gaulois; par Gustave Lejeal, «Revue universelle», 9 fevrier, 1901.

игра словъ была въ большомъ ходу между учеными того времени, Дюкрокъ ссылается на примѣръ Пассавана, написавшаго въ 1585 году поэму въ честь пѣтуха, въ которой проводитъ идею, что имя галлъ значитъ пѣтухъ. Эта ошибка была повторена за границей и имѣла большой успѣхъ, вслѣдствіе шуточнаго смысла и простора для двусмысленныхъ намековъ.

Согласно мнѣнію доктора Адольфа Блока, высказанному въ докладѣ антропологическому обществу 18 ноября 1900 года, происхожденіе двусмысленности слова «gallus» очень древнее и имѣло свое начало у римлянъ. По его словамъ: «они первые назвали нашихъ отцовъ «Galli», и пѣтухъ игралъ роль въ выборѣ этого названія. Всѣ документы доказываютъ, что кельты, отъ которыхъ происходили галлы, имѣли красноватый оттѣнокъ волосъ. Римляне, проходя по ихъ странѣ, не могли не поразиться однообразнымъ цвѣтомъ волосъ у большинства людей одной и той же расы. Безъ сомнѣнія, благодаря сравненію цвѣта волосъ съ краснымъ гребнемъ пѣтуха они дали нашимъ предкамъ имя «Galli». Которое бы изъ этихъ двухъ мнѣній ни было справедливо, все-таки оно не можетъ служить достаточно солиднымъ основаніемъ, чтобы придать галльскому пѣтуху національное значеніе. Лишь въ томъ случаѣ преданіе могло бы достичь этихъ результатовъ, если бы пѣтухъ признавался извѣстнымъ числомъ галльскихъ народовъ національной эмблемой. Но такъ какъ ни въ одномъ гербѣ, какъ галловъ, такъ и предковъ французовъ, не находится фигуры пѣтуха, слѣдовательно этотъ фактъ не существовалъ. Это преданіе нельзя даже отнести ко времени первой революціи. Если на двадцати франковыхъ монетахъ, вычеканенныхъ въ 1791 году и служащихъ образцами для двадцати и сто франковыхъ монетъ 1871 года, выбитъ Августиномъ Дюпрэ пѣтухъ, то, по его словамъ, онъ совсѣмъ не галльскій. Въ отчетѣ, сдѣланномъ жюри конкурса 1791 года, ясно говорится, что «послѣ того какъ Августинъ Дюпрэ предложилъ вычеканить генія Франція, пишущаго на жертвенникѣ, жюри и члены комитета посовѣтовали прибавить съ одной стороны жертвенника пѣтуха, эмблему бдительности. Маленькіе пѣтухи, вычеканенные на нѣкоторыхъ монетахъ консульства, имперіи и реставраціи, имѣютъ еще менѣе общаго съ галльскими національными пѣтухами. Это просто клеймо директора монетнаго двора въ Парижѣ Л'Эпина съ V года революціи до 1820 года. Знаменитый галльскій пѣтухъ считается романтическими либералами существующимъ съ 1820—1830 года. Только послѣ революціи 1830 года появилась эта птичья эмблема, въ видѣ украшенія на рукояткахъ шпагъ въ арміи. Одной лишь третьей республикѣ принадлежитъ честь распространенія ея и на монетахъ.

— Политическія рѣчи Оливера Кромвеля. Съ легкой руки біографа Кромвеля, Морлея, онъ все еще въ большой модѣ въ Англіи, и не перестаютъ выходить книги о немъ. Надняхъ изданъ любопытный сборникъ его парламентскихъ и другихъ политическихъ рѣчей [1]). Онѣ расположены хронологически, и въ концѣ книги приложены отдѣльно замѣчанія къ каждой рѣчи. Въ нихъ подробно изложены обстоятельства, по случаю которыхъ онѣ произнесены.

---

[1]) Speeches of Oliver Cromwell 1644—1658. Collected by Charles L. Stainer. London. 1901.

Эти замѣчанія основаны на газетахъ тогдашняго времени, на журналѣ палаты общинъ и на прочихъ достовѣрныхъ матеріалахъ. Впервые рѣчи Кромвеля напечатаны почти въ полнотѣ; издатель Стэнеръ собралъ ихъ въ количествѣ 55, тогда какъ Карлайль помѣстилъ ихъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи только семнадцать. Текстъ рѣчей взятъ преимущественно изъ рукописей, хранящихся въ архивахъ, и изъ Кларендонскихъ государственныхъ бумагъ. По различію между ними и до сихъ поръ извѣстными его рѣчами можно судить, насколько исторія сдѣлала шагъ впередъ со времени Карлайля, благодаря, главнымъ образомъ, знаменитымъ трудамъ историковъ: Гардинера и Фирта. Нельзя не пожалѣть, однако, что сборникъ Стэнера заключаетъ въ себѣ нѣсколько пропусковъ; такъ неизвѣстно, почему онъ пропустилъ рѣчь Кромвеля, которая вкратцѣ упомянута обоими историками. Что же касается до самаго содержанія появляющихся впервые въ печати и уже извѣстныхъ рѣчей Кромвеля, то онѣ доказываютъ, что онъ не былъ великимъ ораторомъ, но говорилъ съ жаромъ, и каждая его рѣчь была пропитана религіознымъ чувствомъ. Напримѣръ, говоря о назначеніи главнокомандующаго въ Ирландіи, онъ упоминалъ: «Я не думаю, чтобы Богъ благословилъ эту армію, ради какого нибудь одного человѣка. Но присутствіе и благословеніе арміи Богомъ происходитъ прямо отъ его доброй воли и желанія прославить и дать арміи Божій промыселъ. Все равно, кто будетъ главнокомандующимъ, если Богъ присутствуетъ въ арміи и руководитъ ею». Онъ также въ другой рѣчи объяснилъ, что религія замѣнила отсутствіе въ парламентской арміи рыцарской традиціи: «Я объяснилъ почтенному, благородному Джону Гамдену, что сначала насъ побили, и что я намѣренъ ввести въ нашей арміи религіозный духъ. У насъ служили въ арміи большею частью развратные и пьяные люди, и такіе низкіе люди не могли сражаться съ джентльменами, отличающимися честью и благородствомъ. Только единственнная возможность побороть джентльменовъ—сдѣлаться, какъ они. Я исполнилъ свое обѣщаніе: я наполнилъ армію людьми, боящимися Бога и имѣющими сознаніе своего долга. Съ того дня, я могу сказать смѣло, что ихъ болѣе не били, напротивъ они били врага вездѣ, гдѣ встрѣчались съ нимъ».

— **Маркиза де Садъ и внучка Наполеона 1-го.** Недавно вышла книга, написанная на основаніи подлинныхъ документовъ, подъ заглавіемъ: «Маркиза де Садъ» [1]). Авторъ ея Жинисти знакомитъ насъ съ характеромъ жены этого порочнаго человѣка. Онъ доказываетъ, что, насколько послѣдній грязенъ и несимпатиченъ, настолько маркиза де Садъ симпатична. Подъ перомъ этого талантливаго писателя маркиза представляется нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественнымъ существомъ. Наивная, безгранично вѣрящая своему мужу и преданная настолько, что дѣлалась геніально хитрой, когда вопросъ шелъ о защитѣ ея мужа. Авторъ отводитъ ей видное мѣсто въ галлереѣ нѣжныхъ героическихъ женщинъ. При близкомъ знакомствѣ съ ея характеромъ становится непонятнымъ, какъ могла такая женщина посвятить свою душу развратному чудовищу, какимъ былъ маркизъ де-Садъ. Эти два противоположные элемента, одинъ—пропитанный грязью, другой—полный добродѣтелей, свя-

[1]) Marquise de Sade, par Paul Gin sty.

занные вмѣстѣ, послужили автору темой для разсказа. Онъ выбралъ моментъ со дня свадьбы дѣвицы де Монтрейль, сдѣлавшейся въ двадцать два года женою маркиза де-Сада. Не прошло и мѣсяца съ дня свадьбы, какъ вспыхнулъ чудовищный скандалъ, героемъ котораго былъ маркизъ де-Садъ. Заключенный въ Венсенъ, онъ уѣхалъ, отсидѣвъ срокъ наказанія, въ имѣнье своей жены, гдѣ завязалъ любовную связь со своей свояченицей. Затѣмъ послѣдовалъ непрерывный рядъ связей и преступленій. Нѣсколько времени спустя, его снова отправили въ Венсенъ, и съ этого момента началась между нимъ и женой интересная переписка, изъ которой можно видѣть, насколько печальна была ея судьба. Маркиза де-Садъ умерла 7 іюля 1810 года. Рядомъ съ ея біографіей, авторъ упоминаетъ о внучкѣ Наполеона, преподающей теперь арабскимъ дѣтямъ французскій языкъ въ Алжирѣ. Отецъ ея—плодъ любви Наполеона и дѣвицы Элеоноры де-Ла-Плэнь, былъ порученъ заботамъ Каролины Мюратъ и воспитывался, какъ принцъ королевской крови. Графъ Леонъ, такъ называли сына Наполеона, умеръ въ 1881 году, оставивъ дочь Шарлоту Леонъ безъ всякихъ средствъ. Ея мать, жена сына Наполеона, жила нѣкоторое время у бывшей кухарки префекта полиціи, Пьетри, г-жи Дюлори. «Единственной ея мечтою, по словамъ Жинисти, было имѣть кіоскъ для газетъ въ Парижѣ, тогда какъ ея дочь жаждетъ мѣста воспитательницы дѣтей въ Парижѣ».

— Похожденія французской авантюристки въ Испаніи и Россіи при Павлѣ I. Въ 1-й февральской книжкѣ «La Revue hebdomadaire» помѣщена любопытная статья Эрнеста Додэ [1]), въ которой разсказывается о похожденіяхъ ловкой авантюристки, сначала въ Испаніи, а затѣмъ въ Россіи во времена Павла I и въ Германіи. Послѣ побѣды французовъ надъ испанцами и заключенія мира былъ назначенъ Директоріей посланникомъ въ Мадридѣ генералъ Периньонъ. Въ это время въ Испаніи царствовалъ Карлъ IV только номинально, а вся власть, благодаря страсти королевы, находилась въ рукахъ знаменитаго своимъ развратомъ Годои, принца Мира и герцога д'Алькудіа. Несмотря на то, что Годои подписалъ съ республикой миръ, онъ все-таки продолжалъ покровительствовать интригамъ эмигрантовъ, собравшихся въ большомъ количествѣ въ Мадридѣ. Принимая офиціальнаго представителя Директоріи, Периньона, онъ въ то же время оказывалъ вниманье герцогу д'Аврэ, агенту графа Прованскаго, присвоившаго себѣ послѣ смерти дофина имя Людовика XVIII и провозгласившаго себя королемъ Франціи и Наварры. Новый посланникъ велъ уединенную и экономную жизнь. Неожиданно къ нему явилась молодая женщина, назвавшая себя француженкой, г-жею Рифлонъ. Онъ принялъ ее и съ перваго раза былъ положительно очарованъ сначала красотой этой стройной брюнетки съ большими глазами и тонкими чертами лица, а затѣмъ еще болѣе ея умомъ, образованіемъ, глубокимъ знаніемъ людей и блестящими многочисленными связями. Что произошло во время аудіенціи—неизвѣстно. Въ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ, Лакруа, Периньонъ объяснялъ обстоятельства, при которыхъ онъ съ ней познакомился: «Она

---

[1]) L'Odyssée d'une aventurière sous le Directoire et le Cunsulat, 1976—1803, par Ernest Daudet. La Revue hebdomadaire. 9 fevrier 1901.

пришла ко мнѣ визировать паспортъ. На мой вопросъ, зачѣмъ она пріѣхала въ Мадридъ, Рифлонъ отвѣтила, что помѣстила свой капиталъ въ комерческое предпріятіе, вслѣдствіе чего пріѣхала сюда». Онъ повѣрилъ этому объясненію, какъ и всему, что она говорила. «Я пригласилъ ее обѣдать, писалъ онъ, она пришла. Я просилъ посѣщать меня чаще, она стала приходить ежедневно». Изъ этого нельзя еще было составить точное понятіе, говоритъ авторъ, о характерѣ связи между пламеннымъ посланникомъ и красивой посѣтительницей. Сомнѣнья насчетъ связи скоро исчезли, когда весь составъ посольства засвидѣтельствовалъ о болѣе чѣмъ любезномъ обращеніи Периньона съ ней. Увлеклись ли они тоже этой сиреной или изъ угожденья начальнику, но всѣ члены посольства исполняли ея прихоти, сопровождали на прогулки, исполняли ея порученія и всячески старались ей угодить. Она привезла съ собою очень красивую и податливую горничную, которая вскорѣ сдѣлалась любовницей одного изъ членовъ посольства. Что касается до Периньона, то она забрала его совершенно въ свои руки и вполнѣ царствовала въ посольствѣ, проводя тамъ дни и ночи. Когда посланникъ отлучался въ Эскуріалъ, она пользовалась его экипажами, а главное устраивалась, какъ хотѣла, въ его кабинетѣ и чаще всего оставалась тамъ одна, разбираясь въ его бумагахъ. Наконецъ у перваго секретаря закралось подозрѣнье, что интриганка является не лично для Периньона, а, запутывая его въ свои сѣти, добивается другой цѣли. Изъ ея документовъ было видно, что она дѣйствительно Рифлонъ; дальнѣйшія же справки показали, что ея отецъ былъ простымъ «золотаремъ и живодеромъ» въ Бургѣ, но осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ она могла достичь такого развитія, образованія, придавшаго ея уму столько очарованья, элегантности, благородства манеръ и тонкаго вкуса, благодаря чему ее принимали за аристократку. Цѣль ея поѣздки въ Мадридъ—было намѣреніе войти въ интимную связь съ Периньономъ, съ д'Аврэ и съ первымъ министромъ Испаніи, принцемъ Мира, чтобы продать одному изъ нихъ, болѣе щедрому, дипломатическія тайны, выманенныя у двухъ другихъ. Въ концѣ же концовъ она намѣревалась обмануть всѣхъ троихъ. Въ то время какъ высокопробная интриганка, царствуя во французскомъ посольствѣ, обдумывала вмѣстѣ съ Периньономъ о томъ, какъ лучше развѣдать объ интригахъ роялистовъ, она въ то же самое время завязала уже связь съ агентомъ претендента на французскій престолъ д'Аврэ и держала его не менѣе крѣпко, чѣмъ Периньона. Она добивалась, чтобы онъ представилъ ее Годои, обѣщая подѣйствовать на испанскаго министра въ пользу монархіи. Когда же онъ это устроилъ, она стала говорить, будто ей необходима протекція короля, чтобы подѣйствовать сильнѣе на Годои. Д'Аврэ написалъ королю, но тотъ медлилъ отвѣтомъ. Насколько д'Аврэ былъ наивенъ и вѣренъ ей,—видно изъ его переписки съ прованскимъ дворомъ. Онъ писалъ, что Рифлонъ не можетъ пока сказать своего имени, но утверждалъ, что она обладаетъ могучимъ средствомъ подѣйствовать на Годои въ пользу монархіи. Онъ называетъ ее въ письмѣ то Рифлонъ, то Кьёбонъ, то «незнакомкой» и говоритъ, что хотѣлъ бы имѣть для нея протекцію короля, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на Годои. Но такъ какъ король не торопился отвѣтомъ, то онъ писалъ, что, конечно, ея обстановка нѣсколько

проблематична, но, прибавляетъ растаявшій агентъ: «у принца Мира есть доказательства, что она достойна довѣрія, и ихъ испанскія величества ожидаютъ, что незнакомка объяснитъ свое имя, положеніе и насколько король Франціи довѣряетъ ей. Они рады, — добавлялъ онъ,—что она представится имъ». Хитрая Рифлонъ рѣшила представиться, съ помощью д'Аврэ, Людовику XVIII, перебравшемуся въ Бленкенбергъ, послѣ своего изгнанія изъ венеціанскихъ владѣній, и по этому поводу д'Аврэ писалъ своему королю. Единственно въ чемъ наивный д'Аврэ не ошибался, это утверждая, что Рифлонъ часто видалась съ Годои. Но съ испанскимъ министромъ было не такъ легко вести дѣло, какъ съ д'Аврэ и Периньономъ; кромѣ того, онъ былъ страшный развратникъ, но ихъ отношенія ограничивались кутежами. Рифлонъ видя, что его нельзя водить за носъ, удовольствовалась тѣмъ, что пользовалась его щедростью, получая серебряныя и брилліантовыя вещи и между прочимъ его портретъ, осыпанный брилліантами. Д'Аврэ она разсказывала иначе о ея близости къ Годои, и онъ считалъ ее за роялистку, которая дѣйствуетъ изъ преданности къ королю и въ особенности изъ любви къ его представителю. Съ другой стороны она скрыла отъ Периньона свою связь съ д'Аврэ; но, отправляясь иногда въ Эскуріалъ, она не скрывала, что была приглашаема къ Годои. Ей было не трудно увѣрить Периньона, что она защищаетъ интересы республики, и что чисто патріотическія побужденія заставляютъ ее принимать приглашенія. Периньонъ былъ безумно въ нее влюбленъ и ни минуты не сомнѣвался въ ея искренности, не подозрѣвая, что, сообщая ей тайны посольства, онъ даетъ ей возможность пробираться къ Годои. Но члены посольства начали иначе относиться къ этому роману; въ особенности одинъ изъ нихъ, Лабенъ, первый секретарь посланника. Изъ его переписки видно, что ему поручено было особо наблюдать за Периньономъ, котораго считали «превосходнымъ и благороднымъ человѣкомъ, но самымъ ничтожнымъ дипломатомъ». Его упрекали въ томъ, что совсѣмъ не принималъ дипломатическій корпусъ и прочее. 9-го марта 1897 года Лабенъ писали министру Лакруа: «Вначалѣ Годои былъ полонъ энтузіазма къ этому воину и его битвамъ, а теперь они видятся рѣдко. Все погубили адъютанты, увѣдомивъ посланника о царствующей здѣсь всеобщей корысти». Изъ этого Лакруа заключилъ, что посланника нужно оставить на своемъ посту, но надо измѣнить составъ посольства. Лабенъ, исполняя должность шпіона, старался щадить своего посланника, чтобы не нажить себѣ врага, но всѣ его письма дышали недоброжелательствомъ и презрѣніемъ къ нему. Пока царствовала Рифлонъ въ посольствѣ, онъ не упоминалъ въ письмахъ объ ея частыхъ посѣщеніяхъ, и только въ апрѣлѣ 1797 года, когда она покинула Мадридъ, онъ донесъ о нихъ. Неожиданно она заявила посланнику, что должна ѣхать по дѣламъ въ Парижъ, но обѣщала скоро возвратиться. Для убѣжденія въ искренности обѣщанія она оставила въ Мадридѣ свою горничную Кадеттель, или, какъ ея называли, Кадеттъ, которая жила такъ же свободно въ посольствѣ, какъ и ея хозяйка, благодаря своей связи съ однимъ изъ адъютантовъ Периньона. Черезъ эту субретку Лабенъ и узналъ истину относительно отношеній Рифлонъ съ посланникомъ. Онъ писалъ Лакруа 29-го января: «Только что я узналъ необыкновенную вещь. Эта Рифлонъ, быв-

шая въ близкихъ отношеніяхъ съ посланникомъ и его главными адъютантами, вела секретныя бесѣды съ герцогомъ д'Аврэ и сообщала ему всѣ секреты посольства. Горничная, оставшаяся здѣсь до весны, когда Рифлонъ разсчитывала возвратиться, разболтала объ этой интригѣ. Хотя я не очень вѣрю въ эти разговоры, но Рифлонъ мнѣ всегда казалась подозрительной. Эта интрига объясняетъ причину вспышекъ и дурного настроенія, которыя не разъ Годои выказывалъ отоситeльно посланника, хотя тотъ ничего не замѣчалъ». 23-го февраля онъ добавляетъ свое обвиненіе. «Всѣ думали, что Рифлонъ уѣхала въ Парижъ, а она остановилась въ Ирунѣ. Горничная думаетъ, что она не смѣетъ возвратиться въ Парижъ, боясь, что ея интрига съ д'Аврэ узнана Директоріей. Довольно странно видѣть одну изъ крупныхъ парижскихъ куртизанокъ одну зимою въ отдаленной мѣстности, безъ знакомства, не знающую мѣстнаго языка, когда въ пяти верстахъ оттуда находится городъ Байона, гдѣ она нашла бы себѣ удовольствія общества. Собственно говоря, никто не знаетъ, кто такая эта Рифлонъ. Впрочемъ она очень красива, ловка и совершенно запутала въ свои сѣти добряка Периньона. Говорятъ, она вернется весною съ другою дѣвушкою». Съ 6-го марта доносъ становится болѣе опредѣленный. «Къ сожалѣнію, правда, гражданинъ министръ, что Рифлонъ совершенно обманула посланника. Каждый день изъ его объятій она уходила къ д'Аврэ открывать секреты посольства. Она сопровождала его въ Эскуріалъ, гдѣ продолжала вести связь съ обоими. Въ день отъѣзда она до часа оставалась въ объятіяхъ Периньона, а затѣмъ до утра въ объятіяхъ д'Аврэ. Кадеттѣ разсказываетъ, что не разъ провожала д'Аврэ къ Рифлонъ, и часто случалось ему ожидать, пока Периньонъ насладится ея объятіями. У меня болѣе нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Горничная отправилась къ посланнику, чтобы вымолить у ногъ его прощеніе. Она ему все открыла. Я сообщу вамъ всѣ подробности съ экстреннымъ курьеромъ. Д'Аврэ не покидаетъ резиденцію Годои. Меня увѣряютъ, что, находясь однажды въ прихожей Годои вмѣстѣ съ Периньономъ, онъ имѣлъ аудіенцію ранѣе нашего посланника, якобы явившись прежде его, и ухитрился заставить Периньона прождать цѣлый часъ. Не знаю, насколько это вѣрно, но д'Аврэ разнесъ эту вѣсть по всему Мадриду. Периньонъ не сомнѣвается болѣе, что былъ игрушкой въ рукахъ Рифлонъ». Горничная, подталкиваемая Лабеномъ, призналась во всемъ посланнику. Разгнѣванный Периньонъ написалъ Рифлонъ письмо, полное упрековъ и угрозъ, на которое, конечно, она не отвѣчала. Авантюристка оставалась въ Ирунѣ, гдѣ устроила бюро для корреспонденцій между внутренними врагами республики и французскими эмигрантами, живущими въ Испаніи, а Кадеттъ вручала всѣ эти письма д'Аврэ. Они хотѣли организовать въ Испаніи возстаніе противъ французовъ, надѣясь поссорить оба правительства и возбудить войну. Лабенъ прибавлялъ, что онъ будетъ слѣдить за ними, хотя бы ему это стоило денегъ, на что Лакруа отвѣтилъ, что всѣ его расходы будутъ уплачены. Шпіонство Лабена заставило измѣнить планы интриганки, разсчитывавшей перебраться изъ Ируна въ Кадиксъ. 20-го апрѣля она возвратилась въ Мадридъ также неожиданно, какъ уѣхала изъ него «съ многочисленными экипажами». Вечеромъ она уѣхала неизвѣстно куда ужинать и возвратилась въ гостиницу въ два часа ночи. По возвращеніи,

она призвала свою горничную, но послѣдняя не пошла къ ней, боясь скомпрометировать себя въ противореволюціонномъ заговорѣ. Кадеттъ поселилась въ посольствѣ подъ покровительствомъ Periньона. Лабенъ прибавлялъ, что сирена хочетъ снова заманить въ свои сѣти посланника, но ей это не удается, такъ какъ долгъ гражданина пересилилъ его страсть. Лабенъ всячески старался избавиться отъ нея, но это было очень трудно, такъ какъ ея паспортъ былъ въ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что ей протежировалъ Годои. Его проектъ похищенія былъ отвергнутъ Директоріей, и она осталась свободно интриговать въ Мадридѣ, хотя французскій посолъ не опускалъ случая публично называть ее «скверной интриганкой». Въ отвѣтъ на это она имѣла наглость написать въ Парижъ къ Лакруа о нападкахъ Периньона. Послѣдній навелъ у посланника справки о ней и спросилъ, правда ли, что онъ преслѣдуетъ ее. Въ своемъ отвѣтѣ Периньонъ признался во всемъ, прибавивъ, что не желаетъ ее болѣе видѣть. Относительно агента французскаго короля она приняла видъ, что очень озабочена своей предстоящей поѣздкой въ Бленкенбергъ, резиденцію Людовика XVIII. Рифлонъ хотѣла вручить королю планъ, въ которомъ она изложила свои мысли по поводу того, какъ заставить Испанію снова объявить войну республикѣ. 1-го сентября она покинула Мадридъ, чтобы поѣхать въ Лондонъ, откуда хотѣла проѣхать въ Германію. «Г-жа Рифлонъ, — писалъ д'Аврэ своему принцу,—ожидаетъ въ Лиссабонѣ, чтобы присоединиться къ вашему величеству и вручить вамъ добавленія къ моимъ депешамъ, а также богатую коллекцію бумагъ, которую она сама составила для вашего величества». Въ то время какъ д'Аврэ, наэкзальтированный Рифлонъ, писалъ своему принцу, авантюристка была въ Лондонѣ и интриговала съ герцогомъ д'Аркуромъ, занимавшимъ въ Англіи тождественный съ д'Аврэ постъ, для полученія и съ его стороны писемъ къ королю. Сначала онъ отказалъ ей въ этомъ, но потомъ она выманила ихъ у него и отправилась въ Бленкенбергъ, горячо рекомендованная обоими агентами, которымъ вполнѣ довѣрялъ Людовикъ XVIII. Что произошло въ эту поѣздку, не существуетъ свѣдѣній, и лишь два письма Рифлонъ, написанныя по пріѣздѣ въ Бленкенбергъ къ графу д'Аврэ, фавориту претендента, проливаютъ свѣтъ на ея путешествіе. Въ первомъ, подписанномъ Ньёбанъ и помѣченномъ 2-го ноября, она проситъ графа «прислать довѣренное лицо, которому она могла бы вручить письма къ королю. Усталость послѣ путешествія и легкое нездоровье требуютъ одинъ день отдыха. Въ понедѣльникъ она надѣется видѣться лично съ графомъ». Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ слѣдующимъ днемъ, она пишетъ: «Разговоръ съ присланной личностью заставилъ меня передумать, и вмѣсто завтра назначимъ свиданіе сегодня. Я думала, что исполню желаніе его величества, не оставаясь долго здѣсь». Что было дальше — неизвѣстно, такъ какъ здѣсь теряются слѣды красивой француженки, исчезнувшей, какъ метеоръ. Впродолженіе болѣе двухъ лѣтъ мы не можемъ прослѣдить, говоритъ авторъ, какъ и гдѣ она проживаетъ, и только въ началѣ 1800 года ловкая интриганка снова появляется, но подъ другимъ именемъ. Теперь ее зовутъ г-жа Бистонъ-Бонейль, и подъ этимъ именемъ она представилась генералу Бёрнонвилю, французскому посланнику въ Берлинѣ. Ее сопровождала хорошенькая молодая дѣ-

вушка, которую она выдавала за племянницу. Она и на этотъ разъ явилась къ посланнику визировать свой паспортъ, выданный ей министромъ Лакруа и засвидѣтельствованный Периньономъ. Въ этой аудіенціи она сообщила посланнику о своемъ продолжительномъ пребываніи въ Испаніи по коммерческому дѣлу, хотя главная причина, задерживающая ее тамъ, были, по ея словамъ, близкія отношенія къ Периньону, затѣмъ она разсказала, что они поссорились изъ-за ея связи съ принцемъ Мира, а также по причинѣ ея сношеній съ д'Аврэ, бывшимъ въ эту эпоху въ Мадридѣ. Эта ссора дошла до того, что Периньонъ хотѣлъ ее заставить уѣхать изъ Испаніи, вслѣдствіе чего она искала протекціи у Годои. Все это она разсказала самымъ искреннимъ тономъ, и какъ бы случайно назвала имя своего банкира, могущественнаго Перрего, у котораго былъ вложенъ ея капиталъ. Теперь она уѣзжаетъ въ Гамбургъ, чтобы вынуть свой капиталъ, врученный банкирскому дому Шраммъ, послѣ чего возвратится во Францію. По ея просьбѣ, Бернонвиль отсрочилъ на мѣсяцъ ея паспортъ. Она оставила его, какъ и другихъ, подъ впечатлѣніемъ ея граціи и ума. Но вскорѣ онъ забылъ о ней; только черезъ 15 мѣсяцевъ онъ снова ее увидѣлъ, и на его удивленіе, что она еще не возвращалась во Францію, она отвѣтила, что жила все время въ Петербургѣ. Послѣ этого свиданія Бернонвиль писалъ 23 іюня 1801 года Талейрану, замѣнившему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Лакруа. «Она очень легко и безъ затрудненій разсказала мнѣ о своемъ пребываніи въ Россіи. Все, что она говорила, можетъ служить интересными данными; я велъ съ нею продолжительныя и частыя бесѣды. И въ подтвержденіе своихъ увѣреній она допустила меня до своего портфеля съ бумагами». «Среди документовъ, хранящихся во французскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, замѣчаетъ Додэ, нельзя найти ничего пикантнѣе переписки Бернонвиля съ Талейраномъ, по поводу пребыванія г-жи Бонейль въ Петербургѣ. Конечно, Бёрнонвиль писалъ все со словъ интриганки, но надо признать, что на этотъ разъ она была искренна, такъ какъ ея утвержденія совершенно совпадаютъ съ происшествіями, въ которыхъ она принимаетъ участіе. Кромѣ этихъ документовъ, существуютъ еще мемуары Коцебу, бывшаго въ то время директоромъ императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Говоря о ней, онъ замѣчаетъ: «Когда она устроила себѣ протекцію у самыхъ вліятельныхъ лицъ Петербурга, ее терпѣли не только при дворѣ, но даже въ Гатчинѣ. Причина этого оставалась загадкой для всѣхъ». Объясненіе этой загадки мы находимъ у Бернонвиля: «Въ Петербургѣ, писалъ онъ, г-жа де-Бонейль сошлась съ Ростопчинымъ, она возвратилась, когда Дюрокъ отправился на мѣсто назначенія. Бонейль сожалѣетъ, что не была предупреждена вовремя объ его отъѣздѣ въ Россію, чтобы сообщить ему нѣкоторыя драгоцѣнныя для него справки. Она увѣряетъ, что ненависть англійской партіи къ ней и боязнь Сибири—единственныя причины, по которымъ она покидаетъ страну, гдѣ много обстоятельствъ требуютъ ея присутствія. Согласно съ тѣмъ, что Бонейль разсказала въ Петербургѣ, тамъ полагаютъ, что она прислана интриговать первымъ консуломъ, и что ей поручено, гражданинъ министръ, передать ваши письма графу Панину. Наконецъ, тамъ полагаютъ, что ей поручено содѣйствовать приготовленію сближенія Россіи и Франціи. Друзья Франціи сдѣ-

лали ей честь въ этомъ мнимомъ успѣхѣ, а наши враги видятъ въ этомъ преступленіе. Если ей вѣрить, то она нечужда въ перемѣнѣ въ расположеніи, происшедшей въ Павлѣ I. Вотъ какъ она описываетъ свое пребываніе въ Россіи. Первое мѣсто при дворѣ занималъ Ростопчинъ. Она нашла случай видѣть его по своимъ личнымъ дѣламъ, и онъ заинтересовался ею, что вскорѣ перешло въ нѣжную и долговременную дружбу. Въ это время Панинъ получилъ ваши два письма. Они были вручены императору Павлу I-му, который отдалъ ихъ Ростопчину. Послѣдній сказалъ ей объ ихъ содержаніи, и она, какъ хорошая патріотка, стала торопить своего друга примиреніемъ обоихъ правительствъ. Ей не трудно было склонить на это Ростопчина, утомленнаго англійскимъ вліяніемъ. Этотъ фаворитъ неоднократно бесѣдовалъ со своимъ повелителемъ, и даже она сама часто видѣлась съ императоромъ. Ихъ свиданіе послужило предлогомъ къ обвиненію въ томъ, что она сдѣлалась его фавориткой. Она отвергаетъ это обвиненіе, но ей льститъ, что императоръ Павелъ I и Ростопчинъ пользовались ея совѣтами, какъ полезными для Россіи, такъ и благопріятными для Франціи. Между прочими услугами, которыми она гордится, она мнѣ указала на одну и достойную того, чтобы я вамъ ее привелъ. Бонейль мнѣ сказала, что была очень близка къ герцогу д'Аврэ, который теперь находится въ Альтонѣ, существуя на пенсію, которую выплачиваетъ ему испанскій дворъ черезъ своего министра въ Гамбургѣ, и она имѣла безусловное вліяніе на его слабый умъ, когда онъ жилъ въ Мадридѣ, въ качествѣ представителя Митавскаго короля, съ которымъ онъ велъ переписку. Однажды д'Аврэ только что расшифровалъ депешу д'Аварея, перваго министра претендента, въ которой говорилось о главныхъ личностяхъ Петербурга. Павелъ I и Ростопчинъ были нарисованы въ ней самыми ужасными красками, ихъ обвиняли въ неспособности, а послѣдняго даже въ глупости, идіотизмѣ и т. д. Д'Аврэ показалъ ей депешу, сказавъ: «Вотъ каковы люди, къ которымъ вы хотите ѣхать». Она нашла возможность завладѣть оригиналомъ депеши и тотчасъ же уѣхала въ Петербургъ, несмотря на совѣтъ герцога, устроившаго ей хорошія рекомендаціи отъ Митавскаго двора. Когда Караманъ, о которомъ она говорила мнѣ много дурного, пріѣхалъ въ Петербургъ, она была уже близка съ Ростопчинымъ. Ему былъ данъ приказъ повидаться съ нею и заручиться ея посредничествомъ. Но его поддерживалъ Панинъ, что для Ростопчина было дурной рекомендаціей. Караманъ тѣмъ временемъ хлопоталъ у императора объ увеличеніи содержанія Митавскаго двора. Эта просьба, поддержанная Панинымъ и оспариваемая Ростопчинымъ, не имѣла успѣха. Г-жа Бонейль была слишкомъ привязана къ Ростопчину, чтобы скрыть отъ него депешу, въ которой онъ былъ такъ зло представленъ. Онъ заклиналъ отдать депешу ему, въ чемъ она не могла ему отказать. Павелъ I-й, прочитавъ ее, пришелъ въ страшное негодованіе и приказалъ тотчасъ овладѣть шифромъ Карамана. Тогда раскрылось, что этотъ агентъ велъ переписку съ Англіей, противорѣчащую взглядамъ Павла, а Панинъ, съ своей стороны, переписывался въ томъ же родѣ съ Митавскимъ дворомъ. Вслѣдствіе этого Караманъ былъ отосланъ обратно, его повелитель изгнанъ изъ своего убѣжища, которое ему было раньше любезно предложено, а Панинъ былъ удаленъ. Послѣ задержанія шифра, давшаго ключъ ко

многимъ событіямъ и открывшаго цѣлый рядъ слѣдовъ къ разнымъ фактамъ, Павелъ не оставилъ безъ вниманія также посланныхъ шифровъ изъ Швеціи, Даніи и Пруссіи. Вслѣдъ за открытіями, сдѣланными такимъ способомъ, Павелъ I заставилъ весь сѣверъ итти къ той цѣли, которой онъ задался. Съ этого момента ему стала угрожать опасность, хотя онъ не обращалъ на нее вниманія. Ростопчинъ, лучше его освѣдомленный, предупреждалъ не разъ императора. Такимъ образомъ видно, что Бонейль принимала участіе въ политическихъ дѣлахъ, указывая Павлу I-му на важныя открытія, результаты которыхъ служили для пользы республики. Она признавалась откровенно, что не забывала устраивать также свое состояніе и имѣла въ виду блестящую будущность, какъ для себя, такъ и для своей племянницы, если бы опала Ростопчина не встала ей поперекъ дороги. Послѣ своихъ первыхъ происшествій она оставалась въ Петербургѣ только для того, чтобы наблюдать и служить своему другу, когда на то представлялся случай. Ростопчинъ продолжалъ предупреждать императора изъ своего изгнанія объ опасности, грозившей со стороны англійской партіи. Вскорѣ послѣ этого императоръ умеръ; Бонейль понимала, что она не въ безопасности, но поѣхать въ Англію, Неаполь или Пьемонтъ она не рѣшалась, зная, что тамъ она рискуетъ, можетъ быть, даже жизнью. Тогда она обратилась къ Панину, прося паспортъ, чтобы возвратиться во Францію. Послѣдній, по причинѣ ли того, что имѣлъ на нее виды, или изъ ненависти къ Ростопчину, въ возращеніе фавора котораго онъ не вѣрилъ, удерживалъ Бонейль въ Петербургѣ. Онъ упрашивалъ ее и нѣжно признавался въ любви, но она стояла на своемъ. Видя, что ея не уговоришь, онъ просилъ, по крайней мѣрѣ, сообщать ему о себѣ, обѣщая съ своей стороны писать ей. Этотъ любопытный отчетъ, сдѣланный г-жею Бонейль Бернонвилю, оканчивался ея разсужденіями о различныхъ личностяхъ, которыхъ она причисляла къ врагамъ французской республики и къ партизанамъ англійской системы. Такъ, напримѣръ, графа Палена она причисляетъ къ участникамъ событія 11 марта, которому только что минуло 100 лѣтъ, называя его: «фальшивымъ и жаднымъ на деньги и сообщникомъ Англіи»; обвиняла Серра-Капріоля, неаполитанскаго посланника, и маркиза де-Ламберъ, французскаго дворянина. Она утверждала, что была свидѣтельницей низкаго торгашества, къ какому прибѣгалъ вѣнскій дворъ, чтобы примириться съ Россіей; она была убѣждена, что Англія не теряетъ надежду составить новую коалицію противъ Франціи. Бонейль говорила, что у нея былъ секретъ, который могъ бы предотвратить пронырства Англіи, и она готова его довѣрить Талейрану, но съ тѣмъ, что она увидится съ нимъ со всевозможными предосторожностями. Она была убѣждена, что Панинъ, интересовавшійся еще ею, не упуститъ случая прослѣдить за нею съ помощью русскаго посланника. «Этотъ секретъ вы сами можете оцѣнить, гражданинъ министръ, — пишетъ Бернонвиль. Она говоритъ также, что ей извѣстны тайныя переписки различныхъ дворовъ. Графъ Галлони, главный директоръ почтъ, былъ близкій другъ Ростопчина, которому онъ разсказывалъ все, и въ виду того, что въ Петербургъ въ то время не могъ пріѣхать ни одинъ курьеръ, котораго не остановили бы, чтобы прочитать депеши и взять копіи съ шифра, то неудивительно, что Бонейль знала многое. Я

видѣлъ въ ея рукахъ портретъ Ростопчина и пробѣжалъ его пятьдесятъ писемъ. Она показала также свою переписку съ Панинымъ, но эта связь не была настолько близка. Г-жа Бонейль немедленно пріѣдетъ въ Парижъ и вручитъ вамъ свой портфель, свои переписки, различныхъ сортовъ шифры, и тогда вы можете обо всемъ судить». Бернонвиль все-таки не совѣтовалъ Талейрану довѣрять подобной личности. «Съ нею находится, прибавлялъ онъ, молоденькая особа, лѣтъ тринадцати, четырнадцати, которою эта женщина пользуется изъ своихъ видовъ. Она называетъ ее племянницей, но я думаю, что это ея дочь, только она не хочетъ признаться, ради своихъ двадцати восьми лѣтъ, которыя она себѣ даетъ. Она мнѣ сказала, что если бы императоръ Павелъ I-й былъ живъ, то состояніе ея дочери было бы гарантировано. Вчера она была у Крюденеръ, черезъ котораго получаетъ письма отъ Панина». Четыре дня спустя, 27-го іюня онъ увѣдомилъ Талейрана, что она приходила съ нимъ прощаться и завтра отправляется въ Гамбургъ. При этомъ сообщила, что Панинъ знаетъ о ея связи съ Годои, и предложилъ ей устроить дѣло такъ, «чтобы доброе согласіе между Франціей и Испаніей порвалось, или, по крайней мѣрѣ, чтобы наше вліяніе уменьшилось въ Мадридѣ». Затѣмъ она исчезаетъ изъ Берлина такъ же безслѣдно, какъ изъ Испаніи. Позже изъ полицейскихъ справокъ видно, что она находилась въ продолженіе зимы 1801—1802 г. послѣдовательно въ Парижѣ, Мадридѣ и Лондонѣ, но что она тамъ дѣлала, неизвѣстно. Только съ 17-го ноября 1802 года она появляется въ Амстердамѣ съ англичаниномъ Спенсеромъ, ея любовникомъ, бывшимъ нѣсколько разъ министромъ, съ которымъ она познакомилась въ Лондонѣ. Ее сопровождали: прелестная племянница, которую она называла Аделаидой де-Морсанъ, и съ которой она очень дурно обходилась, маленькій брюнетъ мужчина по имени Поль Валуа, служившій ей секретаремъ «на всѣ руки», и множество прислуги. Г-жа Бонейль останавливается въ большой гостиницѣ, отдѣльно отъ прислуги, и удерживаетъ комнату для мужа, который долженъ ее здѣсь догнать, но, кстати, онъ совсѣмъ не является. «Она видитъ очень мало людей; пишетъ много; ея секретарь заваленъ работою; писемъ не получаетъ и очень часто предпринимаетъ экскурсіи. Ее принимаютъ здѣть за очень опаснаго агента Англіи». Таково мнѣніе Семонвиля, французскаго посланника въ Голландіи. Но простякамъ она казалась очень важной дамой. Газеты пишутъ о ней, объявляя, что у нея большой кредитъ на банкирскій домъ Гудеръ въ Гаагѣ, и что, несмотря на ея молодость, ея зять членъ французскаго государственнаго совѣта, Реньо де-Сенъ-Жанъ Анжели. Она показываетъ всѣмъ портретъ Годои, осыпанный брилліантами, и при всякомъ случаѣ упоминаетъ о своихъ многочисленныхъ связяхъ. Въ декабрѣ Бонейль уѣзжаетъ въ Гаагу, откуда пишетъ Семонвилю, прося у него аудіенцію по поводу паспорта и свидѣтельства о жизни. Но въ это же время посланникъ получилъ письмо отъ Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, прочитавшаго въ газетахъ о пребываніи г-жи Бонейль въ Амстердамѣ. «А такъ какъ г-жа Бонейль—моя теща и не покидала Парижа уже два года, то другая—обманщица, которую надо арестовать». Семонвиль давно уже сомнѣвался, благодаря сомнительному поведенію этой «обманщицы», но остановить ее не могъ на иностранной территоріи, а потому отдѣлался молчаніемъ отъ Реньо де-Сенъ-

Жана д'Анжели. Она старалась, чтобы о ней болѣе не говорили, и хотя спряталась въ Бреда, но за нею наблюдали настолько, что знали о ея многочисленной корреспонденціи, poste-restante, которую ходила получать хорошенькая племянница. Еще въ Гаагѣ она отпустила своего молодого секретаря, вѣроятно, по настоянію лорда Спенсера. Только что Валуа вернулся во Францію, какъ его арестовали, и за его связь съ Бонейль онъ остался подъ надзоромъ полиціи. Полицейскія власти принялись наводить справки о томъ, кто есть на самомъ дѣлѣ Бонейль. Ей въ 1802 году былъ выданъ въ Парижѣ паспортъ, какъ лицу, особенно извѣстному въ префектурѣ. Только теперь открылось, что въ Испаніи она жила подъ именемъ Рифлонъ де-Периньонъ и по множеству именъ была настоящій Протей. Затѣмъ узнали, что она возвратилась въ Мадридъ, имѣя свой паспортъ и взявъ съ собою на сорокъ тысячъ франковъ кружевъ и фальшиваго жемчуга, которые она сбыла за хорошую цѣну. Послѣ того она отправилась въ Англію и тамъ получила знаменитый кредитъ на банкирскій домъ Гудеръ въ Гаагѣ, благодаря которому она добилась уваженія въ Голландіи. Къ этой справкѣ прибавилась еще другая, дающая понятіе о ея ловкости въ интригахъ и могуществѣ надъ мужчинами самаго возвышеннаго ума, а также что въ бытность свою въ Бреда она влюбила въ себя генерала Монтришара и дѣлила свои ласки между нимъ и лордомъ Спенсеромъ, который ея болѣе не покидалъ. Въ это время парижская полиція арестовала письмо, адресованное г-жѣ Бонапартъ и подписанное эмигрантомъ де-Беллегардомъ. Онъ служилъ долго въ Россіи офицеромъ, подъ командою Ришелье, былъ развратникомъ, мотомъ и любовникомъ г-жи Бонейль. Почеркъ письма признали за принадлежащій Бонейль. Въ письмѣ предполагалось дать свѣдѣнія правительству о пронырствѣ англичанъ и заговорѣ противъ Бонапарта. Тогда поручили жандармскому поручику Мекенемъ розыскать Бонейль. Онъ нашелъ ее въ Бреда и представился, какъ посланный отъ г-жи Бонапартъ, которому поручено достать у нея справки. Но ловкая авантюристка не попалась и на предложеніе поѣхать въ Парижъ отказалась, заявивъ, что своимъ вліяніемъ она съ трудомъ удерживаетъ убійцъ отъ преступленія надъ Наполеономъ потому, что убійцѣ обѣщано 10.000 луидоровъ за смерть Бонапарта. Она дѣлаетъ это изъ любви къ родинѣ. Видя, что жандармскій поручикъ относится къ ней съ недовѣріемъ, она предложила ему показать одного изъ заговорщиковъ и приказала войти лорду Спенсеру, котораго рекомендовала ему, какъ желающаго принять участіе въ заговорѣ. «Я не могъ понять, говорилъ въ своемъ доносѣ Мекенемъ, былъ ли англичанинъ сообщникомъ или обманутымъ дуракомъ. Нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ генерала Монтришара и голландскаго полковника Секса, повидимому, главнаго зачинщика этой интриги». Мекенема пригласили обѣдать на другой день. Обѣдъ прошелъ въ обществѣ хорошенькой племянницы, а, когда она вышла, разговоръ перешелъ опять на тему о заговорѣ. Мекенемъ настаивалъ, чтобы Бонейль изложила все въ письмѣ къ г-жѣ Бонапартъ. Сначала она пообѣщала, но затѣмъ перемѣнила мнѣніе и продиктовала своему гостю: «1) Нужно выкрасть изъ кабинета Бонапарта всѣ бумаги, касающіяся Англіи. 2) Смерть Бонапарта рѣшена. 3) По ненависти къ нему многихъ генераловъ и высокихъ лицъ онъ долженъ ожидать, что на него напа-

дутъ въ его же домѣ». «Я передамъ все, что знаю, говорила она, если мнѣ обѣщаютъ, что мое имя не будетъ извѣстно, и если Бонапартъ гарантируетъ мое состояніе, воспитаніе моей племянницы и племянника. Я заслуживаю довѣрія. Генералъ Бернонвиль можетъ это засвидѣтельствовать, зная все, что я дѣлала въ Россіи». И чтобы убѣдить Мекенема, она взяла со стола мемуары Коцебу, только что появившіеся, и предложила ему прочитать то мѣсто, гдѣ авторъ упоминаетъ объ ея вліяніи въ Петербургѣ. Затѣмъ они разстались, обѣщая другъ другу снова увидѣться. Вскорѣ Мекенемъ возвратился, но хитрая интриганка исчезла вмѣстѣ съ племянницей и неизвѣстно куда. Послѣ долгихъ поисковъ узнали, что она проживала въ Гамбургѣ цѣлый мѣсяцъ на содержаніи богатаго купца. Въ это время она часто имѣла свиданія съ французскимъ посланникомъ Францемъ Рейнхардомъ. Она хотѣла, чтобы онъ взялъ на себя дѣло по взысканію въ ея пользу съ наслѣднаго принца Прусскаго пятидесяти тысячъ франковъ, которые будто бы принцъ долженъ ей. Рейнхардъ отказался отъ этого дѣла. Узнавъ, что она проживаетъ въ Гамбургѣ, Мекенемъ отправился туда, но опоздалъ, такъ какъ Бонейль уже уѣхала въ Пирмонтъ. Озадаченный жандармскій поручикъ отправилъ курьера къ Бернонвилю, прося его обратиться къ прусскому правительству съ просьбою арестовать Бонейль. Посланникъ отвѣчалъ, что ни онъ, ни прусское правительство ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ все зависитъ отъ принца Вальдека, потому что Пирмонтъ находится въ его княжествѣ, и отъ мѣстнаго французскаго посланника въ Касселѣ. На несчастіе Мекенема, владѣтельный князь Вальдекъ тоже уѣхалъ въ Пирмонтъ; что же касается посланника, то онъ могъ лишь подписать бумагу объ арестѣ, что и исполнилъ. Захвативъ приказъ объ арестѣ, Мекенемъ отправился въ Пирмонтъ, но принцъ, проведя тамъ три недѣли, уѣхалъ въ Арольсенъ, въ свою лѣтнюю резиденцію. Наконецъ Мекенемъ его догналъ 20-го августа и передалъ бумагу объ арестѣ. Прочитавъ бумагу, принцъ воскликнулъ: «Возможно ли, чтобы въ моихъ владѣніяхъ арестовали такую красивую женщину?» Но такъ какъ Мекенемъ настаивалъ, то онъ сказалъ: «Г-жа Бонейль, должно быть, уѣхала изъ Пирмонта прошедшую пятницу. Она публично простилась съ обществомъ, а именно съ женою курфюрста баварскаго, на балу, данномъ принцемъ Брауншвейгскимъ, и отправилась въ Готу».—Только три дня, ваше высочество?—переспросилъ Мекенемъ.—Можетъ быть, она еще въ Пирмонтѣ? Прошу ваше высочество приказать арестовать ее. Никто болѣе вашего не заинтересованъ, чтобы женщина съ такимъ сквернымъ поведеніемъ, еще хуже ея происхожденія, не находилась въ вашихъ владѣніяхъ». Но принцъ отвѣчалъ: «Въ Пирмонтѣ, при видѣ женщины, не безпокоятся знать, кто она и что она; достаточно, чтобы она была молода и хороша».—Можетъ быть, ее находятъ красивой,—отвѣчалъ Мекенемъ,—но относительно молодости, вотъ, уже двадцать лѣтъ я знаю, что она исполняетъ роль очень дѣятельной куртизанки, весьма опасной интриганки. «Какъ двадцать лѣтъ?» и принцъ заспорилъ, увѣряя что ей не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Тогда Мекенемъ понялъ, что его августѣйшій собесѣдникъ не миновалъ чаръ сирены, и что ему предстоитъ трудная задача. Онъ попробовалъ прибѣгнуть къ шуткѣ: «Допустимъ, что ей тридцать пять лѣтъ, но ваше высочество, какъ военный, долженъ знать, что для солдата годы кам-

ванія считаются вдвойнѣ». Принцъ улыбнулся, но не сдался и отвѣчалъ, что ему надо подумать, прежде чѣмъ рѣшить дѣло объ арестѣ; а потому Мекенемъ долженъ прійти черезъ часъ за отвѣтомъ. По уходѣ Мекенема, курьеръ, посланный принцемъ, летѣлъ къ г-жѣ Бонейль, и когда Мекенемъ пришелъ за отвѣтомъ, онъ уже предупредилъ ее. Жандармскій поручикъ понялъ, что его одурачили, и распорядился заранѣе объ экипажѣ, чтобы во время захватить Бонейль; но на почтовыхъ станціяхъ былъ данъ приказъ задерживать лошадей, какъ можно дольше, и когда Мекенемъ пріѣхалъ, — Бонейль была далеко; сопровождаемая маркизомъ Даварей, однимъ изъ приближенныхъ королевы Франціи, она переѣхала благополучно прусскую границу. Нѣсколько дней спустя, г-жа Бонейль послала письмо французскому посланнику въ Гамбургѣ, Рейнхарду, полное жалобъ и обвиненій. Она спрашивала: «за что хотятъ меня арестовать? Развѣ я не предлагала отправиться добровольно въ Парижъ, если моя свобода будетъ гарантирована?» Она написала Бонапарту, что готова отправиться съ условіемъ, если ее вызовутъ черезъ «Гамбургскую Газету». Въ ожиданіи она скрывалась. Рейнхардъ даже не зналъ, откуда послано письмо. Наконецъ Мекенемъ ее снова нашелъ въ Бреда 30-го сентября, но эта встрѣча ни къ чему не привела. Бонейль соглашалась слѣдовать за нимъ въ Парижъ, только подъ прежнимъ условіемъ. Этимъ временемъ она имѣла наглость послать къ Рейнхарду свою хорошенькую племянницу съ письмомъ, въ которомъ говорилось: «что она поручаетъ ей, «хотя она молоденькая и застѣнчивая», представить на его усмотрѣніе свою защиту». Но Рейнхардъ, почуявъ ловушку, прекратилъ свиданіе. Послѣ этихъ похожденій свѣдѣнія о Рифлонъ становятся скудны. 15-го октября 1803 года министръ полиціи писалъ префекту: «что Рифлонъ выслана изъ Гамбурга въ Шеръ, гдѣ живетъ ея племянница дѣвица де-Морсанъ. Она просила паспортъ для нея и гувернантки. Подозрѣваютъ, что гувернантка — не кто иной, какъ она сама. Задержите ее, какъ только она пріѣдетъ». Чѣмъ это окончилось, неизвѣстно, но слѣдующій полицейскій документъ свидѣтельствуетъ, что въ августѣ 1805 года «эта политическая авантюристка, настоящее имя которой Рифлонъ,— дочь «золотаря и живодера» въ Бургѣ, куртизанка, не помнящая своего прошедшаго, имѣла связь съ Периньономъ, французскимъ посланникомъ, Вилекье—агентомъ Бурбоновъ, и принцемъ Мира. Въ Голландіи три года тому назадъ она запутала полицію въ цѣлую сѣть лжи. Она имѣла связь съ генераломъ Монтришаромъ. Ее хотѣли арестовать въ Пирмонтѣ, и принцъ Вальдекъ помогъ ей скрыться. Ея сынъ, отъ инспектора полиціи де-Лонгпре, находится съ нею; она выдаетъ его за племянника». Дальнѣйшая судьба этой женщины неизвѣстна.

— Католикомъ ли умеръ Александръ I-й? Извѣстный историкъ и замѣчательный изслѣдователь отношеній между Россіей и папствомъ, патеръ Пирлингъ, напечаталъ во 2-й февральской книжкѣ «Correspondant» любопытную статью [1]), доказывающую, что будто бы императоръ Александръ I передъ смертью принялъ католическую вѣру. Какъ истый католикъ, патеръ Пирлингъ

---

[1]) Problémes historiques. — l'Empereur Alexandre est il mort catholique, par P. Pierling.—«Correspondant» 28 fevrier 1901.

твердо вѣритъ въ эту легенду, и въ подтвержденіе ея справедливости приводитъ много доказательствъ. По его словамъ, въ послѣдніе годы своей жизни Александръ хотѣлъ принять католицизмъ и по этому поводу предупредилъ папу Льва XII, прежде чѣмъ обсудить съ нимъ лучшій способъ привести эту мысль въ исполненіе. Только неожиданно постигшая его смерть помѣшала этимъ переговорамъ. Хотя ни Александръ, ни папа Левъ XII не оставили письменныхъ документовъ по этому вопросу, но оба въ дружеской бесѣдѣ касались этого вопроса, что дошло до насъ отъ различныхъ лицъ, благонадежность которыхъ, какъ полагаетъ Пирлингъ, не подлежитъ сомнѣнію. Преданія Турина, Рима и Петербурга провѣряются и пополняются безпрестанно и имѣютъ авторитетныхъ свидѣтелей, слова которыхъ не могутъ подвергаться малѣйшему подозрѣнію. Это такой историческій фактъ, который, по свидѣтельству Пирлинга, былъ заботливо изслѣдованъ. Со стороны Александра главный свидѣтель былъ генералъ-адъютантъ, графъ Мишо-де-Боретуръ, по происхожденію савоецъ, типъ прямодушнаго воина-христіанина, подобно Жозефу-де-Мэстру. Особыя узы связывали его со своимъ названнымъ повелителемъ. Еще будучи простымъ полковникомъ, онъ былъ присланъ Кутузовымъ въ 1812 году къ императору съ извѣстіемъ о взятіи Москвы. Мишо исполнилъ это порученіе, какъ человѣкъ недюжиннаго ума. Послѣ откровеннаго разговора императоръ полюбилъ Мишо. Какъ католику и итальянцу, императоръ поручилъ ему отправиться къ папѣ съ секретнымъ порученіемъ. Что онъ тамъ былъ, свидѣтельствуетъ тогдашній русскій посланникъ въ Римѣ, Италинскій, которому пришлось выхлопотать для Мишо аудіенцію у папы.

Офиціальные факты, хранящіеся въ Ватиканѣ, говоритъ Пирлингъ, хотя еще не показываются публикѣ, но тѣмъ не менѣе служатъ серіознымъ свидѣтельствомъ. О сущности аудіенціи Мишо у папы Льва XII не осталось письменныхъ свидѣтельствъ, но, возвращаясь отъ папы черезъ Туринъ, онъ сообщилъ эту тайну одной высокопоставленной дамѣ и своему вѣрному пріятелю, и оба они засвидѣтельствовали на бумагѣ это сообщеніе. Высокопоставленная дама тогда была еще молодой дѣвушкой, Констанціей де-Мэстръ, впослѣдствіи сдѣлавшеюся герцогиней де-Лаваль-Монморанси. Мишо перенесъ на нее свою любовь, которую онъ питалъ къ ея знаменитому отцу. И послѣ смерти Александра, видя, что всѣ его мечты разлетѣлись, онъ открылся дочери своего стараго друга. Его слова врѣзались въ памяти Констанціи, унаслѣдовавшей отъ отца любовь къ Россіи, и только спустя пятьдесятъ лѣтъ уже на закатѣ дней она передала слова Мишо: «Генералъ былъ посланъ къ папѣ засвидѣтельствовать ему совершенную покорность Александра передъ его духовнымъ авторитетомъ. Принятый на аудіенціи, онъ опустился на колѣно передъ Львомъ XII и призналъ его отъ имени императора Александра главою церкви». «Благодаря моимъ настояніямъ, говоритъ патеръ Пирлингъ, герцогиня начертала эти слова на отдѣльномъ листѣ бумаги, и я храню, какъ драгоцѣнность. Г-жа Риччи написала подъ ея диктовку эту записку, а герцогиня собственноручно ее подписала». Но, по словамъ патера Пирлинга, съ будущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Карла-Альберта, графомъ д'Эскареномъ, Мишо говорилъ еще опредѣленнѣе. Они оба раздѣляли одинаковыя политическія убѣжденія и ненавидѣли

партію новаторовъ. Л'Эскаренъ долго хранилъ тайну, ввѣренную ему другомъ, но въ 1847 году онъ думалъ, что можетъ ее открыть, хотя бы только королю, потому составилъ для Карла-Альберта записку, напечатанную впослѣдствіи въ «Civilta catolika», въ 1876 году, въ которой находятся любопытныя подробности. По его словамъ, императоръ Александръ мечталъ сначала поѣхать самъ въ Римъ, послѣ конгресса въ Веронѣ, но императрица Марія Ѳеодоровна отвлекла его отъ этого намѣренія. Она предвидѣла, что состоится свиданіе съ папой, и боялась стремленій сына къ католичеству. Изъ уваженія къ матери, окружавшей его всегда заботой, онъ пожертвовалъ этимъ планомъ, но позже вознаградилъ себя, пославъ въ Римъ генерала Мишо. Данныя имъ словесныя предписанія, должно быть, скрывали особенно важный смыслъ, потому что, вручая ихъ, Мишо, говоритъ Пирлингъ, замѣтилъ: «Если потребуется, я буду мученикомъ». Мишо исполнилъ порученіе только во время второй аудіенціи. Первая предоставлена была итальянскимъ католикомъ, вторая—генералъ-адъютанту русскаго императора. Во время этой аудіенціи Мишо, снявъ свою саблю и преклонивъ колѣно, объявилъ папѣ твердое рѣшеніе Александра торжественно отречься отъ православія и подвергнуть русскій народъ господству католической церкви, закончивъ свою декларацію просьбою къ папѣ прислать въ Петербургъ богослова, снабженнаго полными уполномочіями. Этотъ римскій посланный не долженъ былъ принадлежать къ высокому званію, а долженъ быть выбранъ изъ простыхъ прелатовъ, чтобы не обратить на себя вниманія въ Петербургѣ. Онъ могъ бы пріѣхать въ качествѣ туриста и поселиться въ монастырѣ доминиканцевъ, и съ нимъ сговорились бы относительно этого вопроса. Папа охотно согласился на императорское предложеніе и уже приступилъ къ исполненію плана, прерваннаго, увы, слишкомъ рано. Все вышесказанное согласно съ туринскимъ преданіемъ. Въ немъ только упоминается о трехъ свидѣтеляхъ: на первомъ планѣ Мишо, затѣмъ герцогиня де-Лаваль де-Монморанси, графъ Л'Эскаренъ. При этомъ патеръ Пирлингъ считаетъ этихъ трехъ личностей достаточно вѣскими свидѣтелями, говоря: «Какихъ другихъ свидѣтелей, болѣе надежныхъ и близкихъ къ императору, можно еще желать!». Другое преданіе римское вполнѣ сходно съ первымъ и превосходитъ его лишь своими подробностями. Оно исходитъ прямо отъ папы Льва XII, черезъ Григорія XVI и его наперсника Гаэтано Морони. Къ послѣднему патеръ Пирлингъ обращался въ 1880 году, прося дать ему болѣе подробныя свѣдѣнія, на что Морони отвѣчалъ: «Все ему извѣстное объ императорѣ Александрѣ относительно этого вопроса напечатано полностью въ его «Dizionario». При этомъ онъ серіозно увѣрилъ патера Пирлинга, что все упомянутое онъ слышалъ изъ устъ самого папы Григорія XVI и въ тотъ же день записалъ. Папа Григорій XVI не былъ чуждъ этихъ переговоровъ. «Странная аналогія, — говоритъ Пирлингъ,—разсказъ папы объ аудіенціи совершенно тождественъ со словами Л'Эскарена, но вотъ что онъ прибавляетъ новаго: «Согласно съ желаніемъ Александра, Левъ XII рѣшился послать въ Петербургъ патера, и его выборъ палъ на Маура Капеллари, аббата монастыря св. Григорія въ Монте-Селіо, будущаго папу Григорія XVI, отъ котораго узналъ Морони всю эту исторію. Но Капеллари побоялся пуститься въ такой далекій путь, не надѣясь на

свои силы, а потому упросилъ Льва XII избавить его отъ этой поѣздки. Вмѣсто его папа назначилъ патера Орголи, который впослѣдствіи былъ кардиналомъ, и онъ отважно сталъ готовиться въ путь. Но папа отмѣнилъ распоряженіе по случаю смерти Александра. Что же касается до петербургскаго преданія, то оно, по словамъ Пирлинга, раздѣляется на двѣ версіи; одна говоритъ трезво и достовѣрно; другая болѣе подробна, но требуетъ провѣрки. Первая исходитъ отъ самого Александра. «До отъѣзда въ Таганрогъ,—говоритъ отецъ Пирлингъ,—онъ далъ секретный приказъ Сокольскому, настоятелю доминиканцевъ, приготовить квартиру для патера, ожидаемаго изъ Рима. Съ этой цѣлью выбрали монастырь св. Екатерины, старинный домъ іезуитовъ, расположенный на Невскомъ проспектѣ, какъ болѣе приличное обиталище для посланнаго отъ папы. Приказъ императора былъ преданно исполненъ, и настоятель долго никому не раскрывалъ таинственнаго факта. Его пріемникъ Іосевичъ любилъ объ этомъ вспоминать, и я въ дѣтствѣ слыхалъ часто его разсказы объ этомъ событіи. Относительно Сокольскаго императоръ былъ сдержанъ, имѣя на это серіозныя причины. Но мало-по-малу неизвѣстно какимъ образомъ и откуда, слухъ, прошедшій за границей, распространился и въ Россіи, хотя и въ тѣсномъ кружкѣ». Вторая русская версія сходится въ главнѣйшихъ пунктахъ съ заграничными, но представляетъ нѣкоторые варіанты. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что Александръ пожелалъ на смертномъ одрѣ присутствія католическаго патера, который ему далъ причастіе. Православный священникъ явился лишь, когда императоръ потерялъ сознаніе. «Невозможно добиться истины объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ свидѣтели противорѣчатъ другъ другу. Что же касается меня,—говоритъ Пирлингъ,—я предпочитаю свидѣтельство генерала графа Витта, имѣвшаго высокій постъ въ южной арміи. Хотя графъ принадлежалъ къ другому закалу, чѣмъ Мишо, и его нельзя было заподозрѣвать въ излишнемъ спиритуализмѣ, но онъ живо заинтересовался религіозными стремленіями Александра. Графъ лично не присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Александра, но передавалъ, какъ за вѣрное, своему адъютанту, графу Браницкому, что при послѣднихъ минутахъ Александра присутствовалъ католическій священникъ». Но патеръ Пирлингъ признаетъ не менѣе важнымъ письмо Мишо къ императору Николаю, о которомъ свидетельствуетъ Л'Эскаренъ. Отправленное въ Петербургъ, оно должно было дойти до императора. Если чрезмѣрная осторожность его не уничтожила, то оно хранится, по убѣжденію ученаго патера, гдѣ нибудь въ архивѣ. Онъ, какъ ярый католикъ, вполнѣ убѣжденъ въ справедливости представленныхъ имъ доказательствъ перехода Александра I въ католицизмъ, но, несмотря на всѣ его старанія, эта легенда остается все-таки легендой.

— Наполеонъ III въ Вильгельмсгёе. Послѣ смерти нѣмецкаго сановника М. Р. Доме, остались мемуары, въ которыхъ, благодаря его связямъ съ высокопоставленными лицами, находятся много интересныхъ и неизвѣстныхъ еще деталей о разныхъ государственныхъ событіяхъ. Между прочимъ онъ разсказываетъ о плѣнѣ Наполеона III. Эти воспоминаія будутъ изданы извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Паулемъ Линденбергеромъ. До сихъ поръ въ «Fi-

garo»[1]) появилась лишь выдержка изъ нихъ: именно пребываніе Наполеона III въ Вильгельмсгёе. Послѣ побѣды подъ Седаномъ, когда Наполеонъ сдался, весь Берлинъ ликовалъ, и королева Августа поминутно должна была показываться на балконѣ ликующей толпѣ, привѣтствовавшей ее восторженными криками. Ночью 3-го числа Доме получилъ депешу отъ графа Пуклера, въ которой онъ проситъ немедленно все приготовить и принять мѣры въ виду предстоящаго пребыванія въ Вильгельмсгёе. Королева просила меня,—говоритъ онъ,—явиться на другое утро во дворецъ. Я исполнилъ ея приказаніе и былъ рано утромъ во дворцѣ. Отдавая мнѣ приказаніе относительно императора, она обратила мое вниманіе на то, что Наполеонъ получилъ жестокій ударъ судьбы, а потому не надо забывать, что онъ все-таки остался императоромъ. «Когда Вильгельмъ былъ его гостемъ,—замѣтила королева Августа,—онъ былъ принятъ очень любезно и радушно»,—а потому просила меня озаботиться, чтобы съ императоромъ обращались, не какъ съ плѣнникомъ, а какъ съ гостемъ. Такъ какъ военныя соображенія не допускали предложить ему нѣмецкаго камергера, то королева разсчитывала на меня, чтобы исполнить съ тактомъ эту задачу. Она хотѣла дать мнѣ въ помощники компетентныхъ лицъ, а также предоставила въ распоряженіе императора своего стариннаго лакея, которому вполнѣ довѣряла. Онъ былъ по происхожденію лотарингецъ, зналъ французскую кухню и говорилъ по-французски... 4-го сентября всѣ приготовленія окончились, аппартаменты для императора и свиты были приготовлены, прежній мэтръ д'отель Гессенскаго двора уже былъ въ замкѣ. Конюшни, наполненныя лошадьми артиллеріи и гусаръ, были вычищены, и все было наскоро приготовлено, а вечеромъ около девяти часовъ императоръ прибылъ на Вильгельмсгёескую станцію, гдѣ былъ принятъ съ военными почестями и музыкой. На вокзалѣ генералъ Баейнъ, прикомандированный главной прусской квартирой къ особѣ императора, представилъ послѣднему губернатора Касселя, генерала графа Монтса, которому было поручено наблюдать за императоромъ, свитой и адъютантами. Въ замокъ отправились въ экипажѣ графа Монтса, на половину открытомъ. Наполеонъ былъ въ полной генеральской формѣ и кэпи, съ накинутымъ длиннымъ плащемъ. Въ Вильгельмсгёе помѣстились лишь близкіе люди императора, остальные, также и слуги, помѣстились въ замкѣ Томбардъ, на счетъ прусскаго королевскаго двора. Въ моментъ пріѣзда императора я ожидалъ его у двери, чтобы показать назначенные аппартаменты. Войдя во вторую комнату, я предложилъ императору услуги лакея, предоставленнаго ему самой королевой, а также спросилъ его, не желаетъ ли онъ ужинать. Въ отвѣтъ императоръ меня поблагодарилъ и прибавилъ, что въ данный моментъ ничего другого не желаетъ, какъ «покою, покою, покою». Онъ отложилъ разговоръ назавтра. У императора былъ разбитый и въ то же время страдальческій видъ; его блѣдное лицо выражало усталость, волосы посѣдѣли, и глаза потухли. Онъ говорилъ по-нѣмецки съ медленнымъ, но хорошимъ произношеніемъ. Наполеонъ легъ рано, почти не отвѣдавъ ужина. Позже мнѣ передавали офицеры, окружавшіе его, что онъ былъ удивленъ, когда увидѣлъ на станціи такихъ представи-

[1]) Napoleon III à Wilgelmshoe, par M. Dome. «Figaro», 9 novembre 1901.

тельныхъ солдатъ. Онъ полагалъ, что нѣмецкіе солдаты всѣ были отправлены во Францію». Императоръ занималъ въ Вильгельмсгёе цѣлый рядъ аппартаментовъ въ первомъ этажѣ, состоящихъ изъ большой залы и красивой комнаты, за которой слѣдовалъ рабочій кабинетъ. Видъ на Кассель изъ нихъ былъ прекрасный. Затѣмъ слѣдовала спальная, уборная, столовая и залъ. Комнаты были превосходно меблированы, повсюду виднѣлись воспоминанія объ его дядѣ Іеронимѣ, давшемъ въ былое время этому замку названіе Наполеонсгёе. Библіотека состояла изъ книгъ, купленныхъ во времена короля Іеронима. «На другой день, говоритъ Доме, императоръ принялъ меня рано утромъ и на мой вопросъ, не дастъ ли онъ мнѣ какое нибудь приказаніе, Наполеонъ отвѣтилъ: «Мнѣ нечего приказывать, нечего желать; вашъ дворъ превосходно снабдилъ насъ всѣмъ». Онъ отзывался съ большой похвалой о своей резиденціи. Въ замкѣ Вильгельмсгёе былъ разставленъ караулъ, но не ради императора, а чтобы избавить его отъ любопытства публики, для чего выслали изъ Берлина еще четырехъ полицейскихъ въ партикулярномъ платьѣ. Были приняты всевозможныя мѣры, чтобы время пребыванія императора не было ему непріятно. Онъ свободно располагалъ своимъ дворцемъ, могъ приглашать на завтраки и обѣды и принимать по своему желанію кого хотѣлъ. Кто желалъ видѣть императора, долженъ былъ сначала обратиться ко мнѣ, а затѣмъ къ генералу Рейлю и секретарю императорскаго кабинета Піетри; только послѣ даннаго намъ императоромъ разрѣшенія мы допускали до аудіенціи. Наполеонъ вставалъ очень рано, и если была хорошая погода, то онъ долго прогуливался или выѣзжалъ въ каретѣ, одѣтый въ статское платье. Къ обѣду онъ и его свита надѣвали мундиры. Послѣ обѣда императоръ велъ бесѣду, спорилъ о газетныхъ новостяхъ. Кромѣ парижскаго журнала и брюссельскаго, онъ получалъ нѣмецкіе журналы. Очень часто ему читали вслухъ «Три мушкетера» Дюма. Императоръ, любившій артиллерію, нерѣдко посѣщалъ резервную батарею Вильгельмсгёейскаго горнизона и заставлялъ давать себѣ объясненія, а также присутствовалъ на ученьяхъ. Онъ часто приглашалъ къ себѣ обѣдать начальника батареи и офицеровъ, разговаривая съ ними о военныхъ вопросахъ. Въ одномъ изъ нижнихъ залъ была устроена капелла, гдѣ каждое воскресенье настоятель Кассельской церкви Венертъ служилъ обѣдню, на которой присутствовалъ императоръ и свита, за что въ благодарность Наполеонъ пожаловалъ въ Кассельскую церковь серебряный жертвенникъ. «Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда императора, разсказываетъ Доме, 11-го сентября явился графъ Клари, присланный императрицей, тогда находившейся въ Англіи, и передалъ ему подробности объ ея выѣздѣ изъ Парижа и опасной переправѣ въ Англію. По всей вѣроятности, графъ былъ присланъ узнать, желаетъ ли видѣть Наполеонъ императрицу. Я узналъ тогда же, что императоръ отклонилъ это желаніе, предпочитая, чтобы она оставалась около нѣжно-любимаго ею сына. На другой день пріѣзда императора я объяснилъ его преданному секретарю, что моя комната сообщается съ бюро почты и телеграфа, и что всякая бумага должна быть вручена мнѣ, но тайны переписки строго сохраняются, и ни одно письмо не можетъ быть распечатано. Въ продолженіе пятинедѣльнаго пребыванія никакихъ недоразумѣній между нами не произошло. Когда я долженъ былъ

покинуть Вильгельмсгёе, оканчиваетъ разсказъ Доме, я предупредилъ Піетри, что уѣзжаю на другой день, такъ какъ мнѣ назначенъ новый постъ. На слѣдующее утро Наполеонъ меня пригласилъ къ себѣ; онъ просилъ меня передать королевѣ Августѣ свою благодарность за оказанную любезность, доброту и симпатію, которая усладила ему многіе горкіе часы». Такъ разстался со своимъ узникомъ Доме.

— **Новый король Италіи.** Во всѣхъ иностранныхъ газетахъ много пишутъ о Викторѣ-Эмануилѣ III, очень энергично принявшемся за обновленіе Италіи. Самыми интересными статьями до сихъ поръ оказываются «Разсвѣтъ царствованія» — синьора Джіовани-далла Веккіа [1]), въ январьской книжкѣ «Fortnightly Review» и «Король Италіи Викторъ-Эмануилъ III» Елены Циммернъ, въ мартовкой книжкѣ того же журнала [2]). Обѣ статьи одинаково сочувственно отзываются о новомъ королѣ, и въ первой изъ нихъ превозносится до небесъ прежнее консервативное министерство, которое сначала оставилъ у власти Викторъ-Эмануилъ III; во второй, напротивъ, предсказывается либеральная реакція. Слова г-жи Циммернъ оказались справедливыми, хотя ея статья и написана ранѣе министерскаго кризиса. Кромѣ того, она сообщаетъ очень много интересныхъ подробностей о новомъ королѣ. Ему теперь тридцать одинъ годъ, и онъ провелъ свое дѣтство при дворѣ, подъ руководствомъ своей матери, королевы Маргариты, одной изъ самыхъ образованныхъ современныхъ итальянокъ. Онъ съ самаго перваго времени былъ воспитанъ въ любви и нравственности, а наслѣдовавъ энергическій самостоятельный характеръ дѣда, обнаруживалъ съ малолѣтства твердую волю. О его дѣтствѣ разсказывали много анекдотовъ, которые доказываютъ, что онъ обѣщалъ сдѣлаться человѣкомъ, повелѣвающимъ всѣми, а не слушающимся другихъ. Король Гумбертъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на гордый характеръ сына и часто сажалъ его подъ арестъ. Во время подобнаго заключенія молодой человѣкъ много думалъ и ревностно занимался исторіей, которая всегда была его любимѣйшимъ занятіемъ. Онъ также занимался собираніемъ колекцій медалей и монетъ, благодаря чему сдѣлался однимъ изъ лучшихъ нумизматовъ Европы. Въ свободное время онъ физически развивалъ себя, и хотя онъ—не такого высокаго роста, какъ отецъ и дѣдъ, но отличается здоровенной внѣшностью. Онъ безъ всякаго затрудненія можетъ часами сидѣть на сѣдлѣ и оставаться долгое время безъ пищи. Правда, одно время ему угрожала чахотка, благодаря его серіознымъ занятіямъ, но длинное путешествіе и физическія упражненія возстановили его силы. Теперь же онъ совершенно здоровъ, хотя кажется довольно тщедушной фигурой. Но по вступленіи на престолъ первыми его словами было откровенное заявленіе своимъ консервативнымъ министрамъ, чтобы они не проводили по обыкновенію вечера въ клубахъ или кофейняхъ, такъ какъ у нихъ было много дѣла, чтобы заниматься такими пустяками. Не-

---

[1]) The Dawn of a Reig, by signor Giovanni-Dalla Vecchia. Fortnightly Review. Januar 1901.

[2]) Victor Emmanuel III, King of Italy. By Helen Zimmern. Fortnightly Review. 1900. March.

давно одинъ извѣстный итальянецъ сказалъ о немъ: «Этотъ молодой человѣкъ чрезвычайно правдивъ, помните это. Онъ вступаетъ на престолъ въ критическое время и, повидимому, нисколько этого не боится. Онъ знаетъ, что народъ основываетъ на немъ всѣ свои надежды, и желаетъ, чтобы эти надежды не были тщетны. Онъ обладаетъ силою воли, а главное онъ уменъ». Дѣйствительно въ умѣ Виктора-Эмануила никто не сомнѣвается, но прежде многіе думали, что онъ просто дуракъ. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ наслѣднымъ принцемъ велъ жизнь одинокую и мало обращалъ на себя вниманія; въ эпоху постоянной рекламы онъ игралъ чрезвычайно скромную роль и ни на чемъ не выказывался. Онъ, повидимому, не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ, и это придавало ему видъ глупости. Но въ сущности онъ иногда принималъ горячее участіе въ общественномъ бѣдствіи, навѣянномъ безумными министрами, въ родѣ Криспи, и слабымъ королемъ. Такъ онъ пришелъ въ ярость по поводу абиссинскаго погрома, но отецъ за такую вспышку посадилъ его подъ арестъ, и невольно онъ предался снова занятіямъ и путешествіямъ. Поэтому онъ доказалъ вполнѣ, что былъ любящій сынъ, повиновавшійся отцу, и доказалъ, что хотѣлъ оставить себѣ руки чистыми для того дня, когда судьба предоставитъ ему управлять Италіей. Поэтому, когда отецъ его умеръ, онъ рѣшился произвесть глубокія реформы въ итальянской политической жизни. Ему это сдѣлать тѣмъ легче, что онъ основательно изучилъ соціальную науку и не смотритъ, какъ на враговъ, на сторонниковъ преобразованія. Какъ глава арміи, онъ чувствуетъ необходимость разумной ея поддержки, но, какъ гражданинъ, онъ ощущаетъ еще большую необходимость соціальныхъ реформъ, которыя положили бы конецъ гибели страны. Ему тѣмъ легче понимать, какъ надо взяться за дѣло, потому что онъ всегда интересовался парламентской оппозиціей и глубоко изучалъ все, что говорилось и писалось противъ правительственныхъ дѣйствій. Когда Викторъ-Эмануилъ III вошелъ на престолъ, онъ приказалъ подавать себѣ за три дня бумаги, которыя онъ долженъ подписать, чтобы имѣть время основательно ихъ изучить. Во время его пребыванія въ Неаполѣ о немъ разсказываютъ нѣсколько фактовъ, которые доказываютъ, что онъ одинаково умѣетъ наказывать людей преступныхъ и награждать полезныхъ дѣятелей. Однажды утромъ онъ очень рано и неожиданно посѣтилъ одну изъ главныхъ больницъ Неаполя. Войдя въ зданіе, онъ обошелъ всѣ палаты, пріемныя комнаты и даже кухню; однимъ словомъ заглянулъ во всѣ закоулки. Найдя много неисправностей, онъ сдѣлалъ строгій выговоръ директору и сказалъ: «Такъ нельзя обходиться съ бѣдными людьми». Директоръ сталъ оправдывать себя различными доводами, но король молча посмотрѣлъ на него, вышелъ изъ больницы и уѣхалъ. «Его молчаніе было хуже словъ», говорилъ одинъ изъ присутствующихъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ также неожиданно посѣтилъ гвардейцевъ, стоящихъ во дворцѣ, и не только осмотрѣлъ ихъ жилище, но отвѣдалъ ихъ пищу и хвалилъ за то, что было все въ порядкѣ. Онъ велѣлъ сказать начальнику, который не присутствовалъ при осмотрѣ, что онъ можетъ гордиться такой заслуженной похвалой. Въ другой разъ онъ узналъ, что одинъ стрѣлочникъ на желѣзной дорогѣ спасъ цѣлый поѣздъ отъ несчастія, и что правленіе дало ему

самую жалкую награду. Такъ какъ общество было частное, и король не могъ вмѣшиваться въ его распоряженіе, то онъ назначилъ стрѣлочнику гораздо большую награду, желая тѣмъ пристыдить общество. Тогда общество догадалось и назначило съ своей стороны большое вознагражденіе бѣдному человѣку. Нѣсколько дней спустя послѣ этого, король отправился нежданно-негаданно на корабль, строящійся на верфи, и осмотрѣлъ всѣ работы, обративъ вниманіе на положеніе рабочихъ и разспросивъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ онъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе дѣйствій директоровъ благотворительныхъ учрежденій, строго осуждая виновныхъ въ неправильностяхъ и хваля достойныхъ людей. «Въ Италіи», произнесъ онъ въ первой своей рѣчи, «никто не исполняетъ своей обязанности; отъ высшаго до низшаго всякій отличается разнузданностью и небрежностью. Всѣ безъ изъятія должны помнить, что первая обязанность исполнять свой долгъ. Я начинаю съ себя и стараюсь добросовѣстно съ любовью исполнить свою обязанность. Это должно былъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ. Мои министры должны мнѣ помочь во всемъ. Но они не должны обѣщать большаго, чѣмъ могутъ исполнить; они не должны возбуждать иллюзію. Всякаго, кто исполняетъ свой долгъ, идя на всякую опасность, даже на смерть, я буду считать первымъ гражданиномъ». Своимъ долгомъ онъ считаетъ знать все, что дѣлается въ государствѣ, и обсудить всякій вопросъ съ министрами, благодаря чему снова возвысить Италію на то высокое мѣсто, которое ей принадлежало. Прибывъ въ Каподимонте, король сказалъ префекту, неаполитанскому синьору Ковазилло: «Моя жизнь только началась, и я намѣренъ посвятить всѣ мои усилія на пользу моихъ подданныхъ». Министру юстиціи, Джіантуро, онъ сказалъ, что должна въ Италіи возстановиться истинная справедливость, для всѣхъ равная и не уважающая ничью личность. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы самое строгое правосудіе было оказано въ дѣлѣ Казале и знаменитомъ процессѣ Палицило, изъ которыхъ первое только что окончилось, а второе надняхъ начнется. «Всѣ должны одинаково уважать законъ», сказалъ король, «но для этого необходимо, чтобы законъ строго и безпристрастно примѣнялся. Одно предположеніе, что законъ различно примѣнялся, уже подтачиваетъ уваженіе къ нему». Таковы начинанія и намѣренія новаго итальянскаго короля; главнымъ же дѣйствіемъ его было назначеніе новаго либеральнаго министерства. Воспользовавшись тѣмъ, что палата случайно оставила въ меньшинствѣ прежнее консервативное министерство Саррако, онъ поручилъ составить новый кабинетъ главѣ лѣвой стороны парламента Занарделли, который сдѣлался первымъ министромъ, и взялъ главными себѣ помощниками также вожака либераловъ Джіаллити, бывшаго уже премьеромъ, и Принетти, извѣстнаго до сихъ поръ, какъ яраго противника тройственнаго союза. Такимъ образомъ, послѣ долгаго времени, въ Италіи очутилось у власти либеральное министерство. Громадныя надежды одинаково возлагаетъ итальянскій народъ на своего новаго короля и его новое министерство.

— Петербургскія письма 1806 года. Въ послѣдней книжкѣ «Deutsche Revue» помѣщена анонимная статья, озаглавленная: «С.-Петербургскія письма 1806 года»[1]). Статья эта основана на трехъ донесеніяхъ, которыя съ декабря

[1]) «St. Petersburger Briefe vom Jahre 1806», «Deutsche Revue», 1901, März.

1805 по май 1806 года были посланы въ Мюнхенъ баварскимъ дипломатомъ Обри (von Obry), замѣнявшимъ въ это время отпущеннаго въ отпускъ посланника фонъ-Поша. Изъ донесеній приводятся большія выдержки, къ которымъ авторъ статьи даетъ свои коментаріи. Время, котораго касается донесеніе Обри, это—мѣсяцы, послѣдовавшіе за Аустерлицемъ, когда императоръ Александръ I, разочарованный въ войнѣ и въ союзникахъ, находился въ Петербургѣ, не принимая мѣръ ни къ заключенію мира, ни къ возобновленію войны съ Франціею. Въ донесеніяхъ Обри меньше свѣдѣній о фактахъ внѣшней политики, чѣмъ о всевозможныхъ придворныхъ интригахъ и сплетняхъ; въ области послѣднихъ освѣдомленнымъ оказывается и авторъ статьи, сообщающій въ примѣчаніяхъ біографическія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ лицахъ. Больше всего подробностей находимъ мы здѣсь о значеніи при дворѣ Маріи Антоновны Нарышкиной и о богатыхъ царскихъ милостяхъ къ ней и ея супругу. Обри изображаетъ Александра I крайне слабохарактернымъ и приводитъ о немъ такого рода анекдотъ: «императоръ былъ недоволенъ смоленскимъ губернаторомъ княземъ Борисомъ Голицынымъ и, противъ обыкновенія, не пригласилъ его къ столу. Князь, однако, и неприглашенный явился въ обѣденное время въ залъ, назначенный для приглашенныхъ. Императоръ послалъ гофмаршала графа Толстого справиться, зачѣмъ Голицынъ явился; тотъ отвѣчалъ, что явился къ обѣду, полагая, что приглашеніе не попало ему по ошибкѣ. Въ сильномъ гнѣвѣ монархъ велѣлъ гофмаршалу удалить дерзкаго, но Толстой, не желая изъ-за минутнаго настроенія монарха ссориться съ вліятельною семьею, просилъ освободить его отъ этого непріятнаго порученія. Императоръ тогда велѣлъ призвать военнаго губернатора, чтобы тотъ исполнилъ приказаніе. Когда, однако, и тотъ сталъ говорить о тяжкой обидѣ Голицыну, Александръ уступилъ и сѣлъ за столъ. Голицынъ, какъ ни въ чемъ не бывало, занялъ также свое мѣсто, а добродушный монархъ счелъ его достаточно наказаннымъ тѣмъ, что не говорилъ съ нимъ и сдѣлалъ нѣсколько саркастическихъ замѣчаній о дерзкихъ людяхъ. Голицынъ послѣ обѣда удалился и черезъ три дня спокойно вернулся въ свою губернію...».

— Кто сжегъ Москву въ 1812 году. Подъ такимъ интереснымъ заглавіемъ вышла въ Берлинѣ брошюра Ганчо Ценова, входящая въ составъ XVII тетради «Historische Studien» [1]. Авторъ указываетъ на то, что до сихъ поръ господствующимъ, хотя и не единственнымъ, мнѣніемъ о московскомъ пожарѣ, какъ въ Россіи, такъ и во Франціи и Германіи, было то, что Москва сожжена въ 1812 году по приказанію губернатора Ростопчина. Ганчо Ценовъ доказываетъ полную непричастность Ростопчина къ этому дѣлу и старается доказать, что пожаръ возникъ самъ собою во время грабежа. Не высказывая своей мысли вполнѣ опредѣленно, авторъ какъ будто намекаетъ на то, что самъ Наполеонъ былъ виновникомъ пожара. Ценовъ приводитъ основательныя доказательства для слѣдующихъ фактовъ: 1) Наполеонъ разрѣшилъ грабежъ

[1]) Gantscho Tzenoff. «Wer hat Moskau im Jahre 1812 in Brand gesteckt?» Berlin. 112 стр. «Historische Studien». Heft. XVII. — Рец. въ «Literar. Centralblatt», 1901, № 4.

Москвы до 20-го сентября; 2) когда грабежъ былъ въ полномъ ходу, возникъ пожаръ; 3) хотя Ростопчинъ и не былъ виновникомъ пожара, но подозрѣніе должно было пасть на него, такъ какъ онъ неоднократно грозилъ пожаромъ и только въ 1833 году рѣшительно отрекся отъ него. Въ книгѣ Ганчо Ценова собранъ очень богатый матеріалъ изъ французскихъ и русскихъ записокъ, писемъ, документовъ и памфлетовъ, но существеннымъ недостаткомъ ея слѣдуетъ назвать полное отсутствіе справокъ въ архивныхъ матеріалахъ. Нѣмецкій критикъ Ганчо Ценова въ «Literarisches Centralblatt» называетъ книгу трудомъ очень добросовѣстнымъ, но выражаетъ сомнѣніе по поводу того, удалось ли автору доказать его мысль: оправдать Ростопчина и обвинить Наполеона. Критикъ считаетъ, впрочемъ, довольно вѣроятнымъ, что преслѣдованіе Наполеономъ русскихъ поджигателей было простою комедіею, и что Наполеонъ, обвиняя русскихъ въ сожженіи Москвы, имѣлъ только въ виду ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе Европы.

СМѢСЬ.

Диспутъ П. Н. Ардашева. 19 февраля въ актовомъ залѣ Московскаго университета приватъ-доцентъ Новороссійскаго университета П. Н. Ардашевъ защищалъ публично дессертацію, написанную имъ для полученія степени магистра всеобщей исторіи на тему: «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка». Диспутантъ—воспитанникъ уфимской гимназіи—завершилъ свое высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета. Выпущенный изъ университета въ 1889 году, съ золотою медалью за сочиненіе «Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря» и удостоенный послѣ экзамена въ испытательной комиссіи диплома первой степени, онъ былъ оставленъ для подготовленія къ профессорской дѣятельности по каѳедрѣ всеобщей исторіи (1890—1893 гг.), а затѣмъ командированъ за границу. Тамъ П. Н. Ардашевъ преимущественно занимался документами и архивными бумагами, хранящимися во Франціи. Плодомъ этихъ трудовъ явилось обширное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору «стараго порядка», томъ первый: провинціальные интенданты» (Спб., 1900 г., 658 стр.), печатавшееся отдѣльными статьями въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (1898—1900 г.) и удостоенное преміи С. М. Соловьева. Кромѣ того, диспутанту принадлежитъ статья: «21 января 1793 года, эпизодъ изъ исторіи французской революціи», появившаяся въ «Русскомъ Обозрѣніи» (1893 г., кн. 2). Во ступительной рѣчи П. Н. Ардашевъ охарактеризовалъ общій планъ и главные выводы своего изслѣдованія. Офиціальные оппоненты: заслуженный профессоръ В. И. Герье и ординарный профессоръ П. Г. Виноградовъ, указавъ въ своихъ

возраженіяхъ на нѣкоторые второстепенные недочеты представленнаго труда, признали его выдающимся изслѣдованіемъ, обогащающимъ литературу этого предмета. Постановленіемъ историко-филологическаго факультета диссертантъ былъ удостоенъ степени магистра всеобщей исторіи. Многочисленная публика встрѣтила это постановленіе продолжительными аплодисментами.

Русское археологическое общество. I. На засѣданіи восточнаго отдѣленія 22-го февраля, подъ предсѣдательствомъ профессора В. Р. Розена, княземъ И. А. Джаваховымъ прочитанъ былъ рефератъ «Старыя грузинскія народныя переписи». Вопросъ возбужденъ впервые; памятники древней грузинской письменности дали референту богатый научный матеріалъ для изученія переписей. Значеніе послѣднихъ податное и военное. Переписывались лишь жители, обладавшіе оружіемъ, лошадьми и платящіе подати. Но на практикѣ пользовались переписями и при судебныхъ разбирательствахъ и при составленіи смѣтъ доходовъ и расходовъ Грузинскаго царства. Переписи производились еще въ XIII вѣкѣ, отъ XVII и XVIII вѣковъ онѣ оставили много важныхъ и интересныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о различныхъ сторонахъ быта и жизни Грузіи. Преобладало въ то время мелкое землевладѣніе. Имя каждаго владѣльца крѣпостныхъ сопровождается подробными указаніями о его сословномъ, матеріальномъ и семейномъ положеніи. Изъ южныхъ областей Грузинскаго царства шла, какъ обнаружили переписи, сильная эмиграція. Населеніе бѣжало, можетъ быть, вслѣдствіе бѣдности, голода, тяжести налоговъ и опаснаго географическаго положенія на границѣ. Совершать переписи предписывалось каждыя 7 лѣтъ, порядокъ ихъ производства установленъ особою инструкціею. Обозначается въ переписяхъ и вымираніе населенія—числомъ вымершихъ домовъ въ селеніяхъ. II. На засѣданіи классическаго отдѣленія 26-го февраля М. И. Ростовцевъ, молодой энергичный изслѣдователь археологическихъ сокровищъ Рима, прочелъ рефератъ «Къ исторіи римскихъ легіоновъ въ эпоху Флавіевъ». Новый свѣтъ на исторію побѣдоносныхъ легіоновъ Рима бросаютъ маленькіе незначительные, повидимому, памятники древности—свинцовыя пломбы—тессеры. Онѣ раздавались народу римскими императорами по случаю какихъ нибудь побѣдъ или вообще счастливыхъ событій жизни. Докладчикъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ выяснилъ смыслъ многихъ загадочныхъ знаковъ и изображеній на тессерахъ, выпущенныхъ въ честь I и X римскихъ легіоновъ. Секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ прочелъ присланный въ общество докладъ Ѳ. И. Шмита о древней статуэткѣ, принадлежащей русскому послу въ Римѣ, г. Нелидову. Статуэтка—копія бронзовой статуи школы Праксителя. Въ заключеніе Я. И. Смирновъ сообщилъ подробно о вышедшемъ недавно изданіи румынскаго правительства, трудѣ Л. Одобеско «Сокровища Петроссы», трактующемъ о предметахъ клада, найденнаго въ 1837 г. у подножія Карпатъ.

Московское археологическое общество. 12 февраля состоялось годичное засѣданіе общества. Былъ прочитанъ отчетъ за истекшій годъ и сдѣланы два сообщенія. Доходъ общества вмѣстѣ съ остаткомъ отъ предшествовавшаго года составлялъ 31.521 рубль; расходъ—17.146 рублей; кромѣ того, въ обществѣ имѣется капиталъ для сооруженія памятника первопечатнику Ивану Ѳедо-

рову—26.200 рублей. Въ теченіе года общество имѣло 15 засѣданій съ 25-ю научными докладами. Кромѣ того, при обществѣ дѣйствовали комиссіи: восточная, имѣвшая три засѣданія и отпечатавшая новый томъ своихъ трудовъ, славянская, имѣвшая 8 засѣданій, и археографическая,—9. Особенно живую дѣятельность проявила комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ, имѣвшая 40 засѣданій, разобравшая 240 дѣлъ о перестройкахъ древнихъ зданій и наблюдавшая за ремонтированіемъ Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Археографическая комиссія занималась разсмотрѣніемъ дѣлъ изъ архива московской казенной палаты и нѣкоторыхъ другихъ архивовъ. По устройству въ 1902 г. въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда обществомъ былъ организованъ въ Харьковѣ мѣстный комитетъ съѣзда подъ предсѣдательствомъ профессора Д. И. Багалѣя: комитетомъ этимъ были снаряжены лѣтомъ прошлаго года нѣсколько археологическихъ экскурсій. Кромѣ того, организованы дополнительные мѣстные комитеты въ Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ, Нѣжинѣ. Для имѣющей быть устроенной при съѣздѣ этнографической выставки ассигнованы субсидіи: Харьковскимъ губернскимъ земствомъ 2.000 рублей, Полтавскимъ 200 рублей, Екатеринославскимъ 300 рублей. Собраніемъ была выражена благодарность за образцовое веденіе денежныхъ дѣлъ общества казначею его К. А. Дубинкину. Послѣ отчета слѣдовало сообщеніе графини П. С. Уваровой «Сицилія и ея древности», посвященное памятникамъ зодчества (также мозаикамъ, иконописи) эпохи арабовъ и норманновъ; сообщеніе иллюстрировалось многими фотографіями и рисунками. Затѣмъ В. Н. Щепкинъ прочиталъ докладъ: «Вязь, какъ художественное письмо», при чемъ, упомянувъ о вязи у грековъ и южныхъ славянъ, остановился особенно на русской вязи, получившей высшее развитіе въ XVI вѣкѣ, и подробно разсмотрѣлъ ея принципы и пріемы, способы сокращеній, украшеній и т. д. Въ заключеніе въ закрытомъ засѣданіи происходили выборы секретаря и библіотекаря общества. Секретаремъ избранъ на 5-е трехлѣтіе В. К. Трутовскій, библіотекаремъ В. П. Рогожинъ.

Археологическій институтъ. На засѣданіи 22-го февраля М. Г. Деммени сдѣлалъ сообщеніе о новомъ трудѣ по русской нумизматикѣ: «Монеты царствованій императрицы Анны Іоанновны и императора Іоанна Антоновича», принадлежащемъ великому князю Георгію Михаиловичу. Монеты каждаго царствованія изданы отдѣльно. Изящно исполненные рисунки монетъ и ихъ описаніе составляютъ одну часть труда, въ другой изложена исторія монетнаго дѣла въ Россіи въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія. Устройство монетныхъ дворовъ и внутренній порядокъ, установленный инструкціями, заработная плата мастеровъ и другія свѣдѣнія детально изложены въ книгѣ, такъ же какъ и всѣ данныя, относящіяся къ изготовленію, выпуску и изъятію изъ обращенія монеты. Вторымъ докладомъ былъ сдѣланный Г. М. Болсуновымъ общій обзоръ находокъ остатковъ древнѣйшаго человѣка и тщетныхъ попытокъ ученыхъ пролить на основаніи антропологическихъ данныхъ свѣтъ на первоначальное культурное развитіе нашего отдаленнаго предка, доисторическаго человѣка.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 19-го февраля состоялось общее собраніе. Въ началѣ засѣданія было заявлено о предстоящемъ въ скоромъ времени сорокалѣт-

немъ юбилеѣ учено-литературной дѣятельности бывшаго предсѣдателя общества, въ настоящее время директора Ярославскаго Демидовскаго лицея, С. М. Шпилевскаго, который и былъ въ томъ же засѣданіи избранъ въ почетные члены общества. Среди прочихъ дѣлъ были заслушаны доклады дѣйствительныхъ членовъ общества, А. А. Штукенберга и А. А. Сухарева, о произведенномъ ими разборѣ коллекцій покойнаго профессора Казанскаго университета, Н. А. Толмачева, переданныхъ сестрою его въ общество. Изъ данныхъ названными лицами отзывовъ выяснилось, что коллекціи эти представляютъ весьма важное пріобрѣтеніе для музея общества, почему въ томъ же засѣданіи жертвовательница была единогласно избрана въ члены-соревнователи общества. Далѣе были выслушаны научныя сообщенія, первымъ изъ которыхъ былъ поставленъ обширный докладъ члена-сотрудника общества, Ѳ. Н. Никифорова «О бытѣ чувашъ Стюхинскаго прихода, Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи». Чуваши названной мѣстности—потомки выходцевъ изъ Казанской и Симбирской губерній; названіе села производится отъ легендарнаго Стюхи (вѣроятно, испорченное Стефанъ). Референтъ далъ общій очеркъ современныхъ условій жизни чувашъ названной мѣстности и подробно остановился на пережиткахъ язычества въ ихъ быту, освѣщая описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ параллельными фактами, наблюдаемыми въ другихъ пунктахъ съ чувашскимъ населеніемъ. Затѣмъ членъ-сотрудникъ общества И. С. Михеевъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ «Буддисты ли вотяки?» (по поводу книги свящ. Н. Блинова «Языческій культъ вотяковъ»). Разсматривая выраженное о. Блиновымъ мнѣніе о буддійскомъ происхожденіи языческаго культа вотяковъ, г. Михеевъ пришелъ къ отрицательному выводу; для опроверженія мнѣнія о. Блинова референтъ приводилъ и историческія, и этнографическія, и лингвистическія данныя, высказавъ въ заключеніе, что виною ошибокъ, допущенныхъ о. Блиновымъ, является слабое знаніе вотскаго языка. Третье сообщеніе дѣйствительнаго члена общества Н. Ѳ. Катанова, «Итальянскій путешественникъ XIII вѣка Плано Карпини и сообщенія его о татарахъ и монголахъ», за позднимъ временемъ было сокращено: референтъ остановился преимущественно на біографіи знаменитаго путешественника, не давъ подробныхъ свѣдѣній объ его наблюденіяхъ.

Русское библіографическое общество. Въ февральскомъ засѣданіи общества В. Н. Рогожинъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу предстоящаго въ 1902 году двухсотлѣтія русской періодической печати. 16 декабря 1702 года послѣдовалъ указъ Петра Великаго объ изданіи «Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ дѣлахъ», и 3 января 1703 года появился первый нумеръ изданія на церковно-славянскомъ языкѣ. «Вѣдомости» издавались въ Москвѣ до 1711 года; затѣмъ онѣ выходили то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ до 1728 года, когда стали издаваться въ Петербургѣ подъ названіемъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». В. Н. Рогожинъ предложилъ обществу отпраздновать 200-лѣтній юбилей періодической печати устройствомъ торжественныхъ засѣданій и выставки газетъ, вышедшихъ въ Россіи за двухсотлѣтній періодъ, собравъ на ней портреты по возможности редакторовъ и выдающихся журналистовъ. Кромѣ того, намѣчено изданіе перваго года «Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ

дѣлахъ» въ ихъ первоначальномъ видѣ. Наконецъ, высказано пожеланіе ознаменовать юбилей какимъ либо добрымъ дѣломъ, напримѣръ, положивъ начало фонду для оказанія помощи газетнымъ сотрудникамъ.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. I. 15-го февраля состоялось четвертое засѣданіе комиссіи по упорядоченію ученичества въ типографіяхъ и другихъ заведеніяхъ печатнаго дѣла, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Королькова. Обсуждался проектъ правилъ для поступающихъ въ ученье. Единогласно рѣшено, что въ типографіи принимаются ученики и ученицы не моложе 14 лѣтъ, здоровые и крѣпкаго сложенія, послѣ медицинскаго осмотра и по выдержаніи экзамена по спеціально выработанной программѣ при бюро Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла. Въ типографіяхъ, литографіяхъ и прочихъ печатныхъ заведеніяхъ ученики обучаются 4 года, печатники — 5 лѣтъ. Во время обученія собственникъ печатнаго заведенія обязанъ не отвлекать ученика никакими занятіями, не относящимися къ изучаемой имъ спеціальности, освобождать отъ работы въ воскресные и праздничные дни для посѣщенія церкви и школы. При опредѣленіи часовъ дневной работы ученика нѣкоторыми типографами было высказано нѣсколько хорошихъ мыслей. Они находили, что если уже дѣйствительно заботиться объ упорядоченіи ученичества, то слѣдуетъ назначить не болѣе 8 часовъ работы въ день; по крайней мѣрѣ, придя домой, ученикъ успѣетъ и почитать что нибудь, и приготовить уроки, если онъ посѣщаетъ школу печатнаго дѣла, наконецъ достаточно отдохнетъ. Здоровье же теперешнихъ наборщиковъ настолько расшатано, что большинство ихъ въ молодыхъ лѣтахъ умираетъ въ чахоткѣ. Конечно, разрушительно дѣйствуетъ на здоровье и антисанитарное состояніе многихъ петербургскихъ типографій, но главнымъ образомъ—поздняя вечерняя работа. Открытой балотировкою было рѣшено руководствоваться въ данномъ случаѣ общимъ фабричнымъ закономъ. По окончаніи срока ученичества владѣлецъ печатнаго заведенія выдаетъ ученику удостовѣреніе, на основаніи котораго и по выдержаніи испытанія по техникѣ печатнаго дѣла онъ получаетъ званіе наборщика, цинкографа, печатника и проч. **II.** 21-го февраля, подъ предсѣдательствомъ В. В. Сабанина, обсуждался порядокъ цензированія частныхъ объявленій и мелкихъ типографскихъ работъ. На собраніи между прочимъ было высказано, что если близость мѣстнаго участка къ типографіи и способствуетъ скорости разрѣшенія объявленій къ печати, тѣмъ не менѣе представляетъ иной разъ и большія неудобства. Такъ, напримѣръ, случается, что типографія, пославшая спѣшное объявленіе въ свой, мѣстный участокъ, ждетъ разрѣшенія до поздняго вечера, такъ какъ участковый цензоръ объявленій занятъ своими прямыми служебными обязанностями, т.-е. находится на посту. Не маловажнымъ тормазомъ при разрѣшеніи объявленій къ печати служитъ и отсутствіе руководящихъ началъ у цензоровъ. Случается, что объявленіе одного и того же содержанія одинъ участокъ разрѣшаетъ, а другой—запрещаетъ. Напримѣръ, для напечатанія объявленія о продажѣ канареекъ мѣстный участокъ требуетъ представленія вида на жительство, а другой — не требуетъ. Точно также различно смотрятъ участковые цензора и на иногороднія объявленія. Нѣкоторые изъ цензоровъ ихъ не разрѣшаютъ и предлагаютъ отправить ихъ

на разрѣшеніе въ «мѣстный участокъ», несмотря на то, что онъ иной разъ находится за нѣсколько тысячъ верстъ отъ столицы. Отсюда — не только непроизводительный расходъ и трата времени, но, вслѣдствіе отсутствія публикаціи, и вообще задержка въ нѣкоторыхъ торгово-промышленныхъ дѣлахъ. Однимъ изъ членовъ было предложено ходатайствовать, чтобы вмѣсто теперешной системы существовала запретительная система, т.-е., если участокъ въ извѣстный срокъ не увѣдомилъ типографію о запрещеніи печатанія объявленія, представленнаго ею утромъ, слѣдовательно его можно печатать (такой порядокъ существуетъ для книгъ). На это возразили, что способъ этотъ былъ уже испробованъ въ Варшавѣ, но оказался непрактичнымъ, и сами же типографы просили объ отмѣнѣ его. Общее собраніе послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мнѣній постановило: остаться при теперешнемъ порядкѣ цензированія объявленій и мелкихъ типографскихъ работъ (по участкамъ), но ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы участковые цензора руководствовались точными указаніями, что можно печатать, чего нельзя, чтобы запрещеніе объявленія было обязательно мотивировано, а не только ставился на немъ крестъ, какъ теперь; кромѣ того, выговорить право обжалованія мотивировки участковаго цензора. Для болѣе обстоятельной выработки правилъ и установленія порядка цензированія объявленій и мелкихъ типографскихъ работъ избрана комиссія изъ четырехъ членовъ, которая и должна представить свой докладъ къ ближайшему общему собранію. **III.** 22-го февраля происходило, подъ предсѣтательствомъ Н. М. Королькова, пятое засѣданіе комиссіи по упорядоченію ученичества въ типографіяхъ и другихъ печатныхъ заведеніяхъ. Комиссія единогласно постановила, что владѣлецъ печатнаго заведенія обязанъ не только дать ученикамъ по возможности полное техническое образованіе, но также и слѣдить за нравственностью ихъ какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и внѣ онаго, посѣщая учениковъ въ случаѣ надобности и на дому. Для болѣе удобнаго надзора за учениками внѣ стѣнъ печатнаго заведенія предполагается установить для нихъ, какъ принято въ Германіи и Австріи, спеціальный знакъ, съ изображеніемъ орудія производства, который ученики должны носить на фуражкѣ. Собственникъ типографіи не имѣетъ права держать учениковъ болѣе слѣдующей нормы: при 2 наборщикахъ — 1 ученикъ, при 3 наборщикахъ 2 ученика, при 4—7 наборщикахъ—3 ученика, при 8—12 наборщикахъ—4 ученика, при 13—18 наборщикахъ—5 учениковъ, при 19—24 наборщикахъ—6 учениковъ, при 25—30 наборщикахъ—8 учениковъ. При большемъ количествѣ наборщиковъ допускается по 1 ученику на каждые 3 человѣка. Недоразумѣнія между владѣльцемъ заведенія и ученикомъ разрѣшаются раньше судебныхъ учрежденій фабричнымъ инспекторомъ съ двумя экспертами отъ Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла въ примирительномъ порядкѣ. Собственникъ печатнаго заведенія за упорное уклоненіе отъ исполненія своихъ обязанностей относительно учениковъ можетъ быть лишенъ права держать ихъ; ученики въ свою очередь за лѣность, нерадивое отношеніе къ дѣлу и дурное поведеніе исключаются изъ заведенія, и при этомъ договоръ о лѣтахъ обученія нарушается.

Географическое общество. I. Въ общемъ собраніи 14-го февраля, подъ

предсѣдательствомъ П. П. Семенова, были избраны въ дѣйствительные члены общества слѣдующія лица: В. Н. Акинфовъ, И. В. Аничковъ, гр. Г. П. Беннигсенъ, гр. А. А. Бобринскій, Н. Д. Боголюбовъ, А. Ф. Ботта, бар. Гойнингенъ-Гюне, М. В. Грулевъ, Н. М. Книповичъ, А. Н. Колюбакинъ, бар. Лаудонъ и Г. Г. Чортковъ. Затѣмъ дѣйствительный членъ общества А. Н. Новосильцовъ сдѣлалъ сообщеніе о Низовой Печорѣ, ея природѣ и населеніи. А. Н. Новосильцовъ совершилъ свою поѣздку на Печорскій лиманъ послѣднимъ лѣтомъ въ качествѣ помощника начальника экспедиціи по изслѣдованію русскаго побережья Сѣвернаго океана. Путь совершенъ былъ черезъ Архангельскъ, Усть-Цильму, Пустозерскъ. Два послѣдніе являются центрами Печорскаго края; Усть-Цильма основана въ 1542 г., имѣетъ двѣ церкви, одна изъ нихъ старообрядческая, жители почти всѣ страрообрядцы; главное занятіе жителей — судостроеніе. Къ сѣверу отъ Усть-Цильмы все населеніе расположилось по Печорѣ. Деревни очень рѣдки. Предѣломъ годнаго для построекъ лѣса является 67-я параллель. У Пустозерска берега Печоры покрыты кустарниками и озерами. Самое большое изъ нихъ Пустое озеро. Пустозерскъ очень живописенъ. Населенія въ немъ около 180 человѣкъ, занимающихся промыслами; главный промыселъ — ловля семги; самыя рыболовныя мѣста—устье Печоры. Пустозеры, какъ торговые люди, доходятъ даже до Обдорска. Климатъ и природа отъ Пустозерска до устьевъ Печоры суровы. Въ Пустозерскѣ 20-го апрѣля былъ глубокій снѣгъ. Въ маѣ и іюнѣ продолжаются морозы до 8 градусовъ. Почти всѣ пустоозеры собираются на лѣто въ устьѣ Печоры, гдѣ живутъ въ землянкахъ. Кромѣ ловли семги и другой рыбы, въ концѣ мая и въ іюнѣ, пока не взломался ледъ, производится ловля бѣлуги. Бываютъ годы, когда общаго улова рыбы на пай приходится до 200 пудовъ рыбы (при чемъ пудъ доходитъ до 2 рублей). При впаденіи Печоры въ лиманъ образуется Балвановская губа, за которой идетъ рядъ мысовъ. У мыса Константиновскаго происходили главнымъ образомъ всѣ работы экспедиціи; толщина льда здѣсь 4—7 футовъ. Наибольшая глубина 32 фута. Что касается живущихъ тамъ самоѣдовъ, то типъ ихъ крайне однообразенъ; всѣ они почти православные, но, кромѣ православныхъ именъ, имѣютъ свои собственныя; почти всѣ говорятъ они на нѣсколькихъ нарѣчіяхъ и обязательно по-русски, менѣе всего развитъ языкъ зырянскій. Семья у нихъ стоитъ высоко, положеніе женщины почетно, но какъ мужчины, такъ и женщины сильно пьютъ, чѣмъ пользуются торговцы, которые вообще держатъ ихъ въ огромной задолженности; главное занятіе самоѣда оленеводство, а также охота (они прекрасные стрѣлки), промыселъ тюленей и ловля песцовъ. Тюлени бьются изъ ружей, или черезъ зонты; песцы ловятся въ капканы. Цѣны на песцовъ доходятъ на мѣстѣ до 25 рублей. Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Югорскомъ шарѣ и Вайгачѣ, который является излюбленнымъ пунктомъ у самоѣдовъ для пастьбы лѣтомъ оленей и куда они переправляются черезъ проливъ вплавь. Ширина пролива отъ 3 до 12 верстъ; берега очень круты и скалисты. **II.** 16-го февраля въ засѣданіи общества по отдѣленію этнографіи Л. Я. Штернбергъ сдѣлалъ сообщеніе «О гилякахъ о. Сахалина и материковаго побережья». Въ сообщеніи этомъ докладчикъ коснулся главнымъ обра-

зомъ религіи гиляковъ; гилякъ—анимистъ, для него не существуетъ мертвой, неразумной природы, прообразомъ всего существующаго является человѣкъ; самую свою страну гилякъ считаетъ живымъ существомъ съ головой, упирающейся въ Охотское море, и двумя ногами; части этого цѣлаго существа—лѣса, скалы, горы и т. п.—также все живые боги; кромѣ фетишизма, у гиляка развитъ культъ животныхъ, въ основаніи котораго далеко не лежитъ страхъ, какъ обыкновенно принято это думать; самая кротость животнаго заставляетъ видѣть въ немъ покровительствующее гиляку божество; страшный тамъ медвѣдь крайне кротокъ и снисходителенъ къ людямъ; по мнѣнію гиляка, только сумасшедшій медвѣдь или полюбившая гиляка медвѣдица можетъ броситься на него; медвѣдь даже самъ подставляетъ лучшее мѣсто для удара, впрочемъ медвѣдь собственно и не умираетъ, а только отправляется къ своему хозяину и вновь дѣлается медвѣдемъ; такое же боготвореніе вызываетъ касатка, которая является бичемъ для всего живущаго въ морѣ, даже для кита, на котораго онѣ устраиваютъ правильную и безпощадную охоту; но для гиляка, которому касатки гонятъ на острогу обыкновенно увертывающагося отъ нихъ тюленя, онѣ являются благодѣтельными существами, онъ наазываетъ касатку царемъ, хозяиномъ, никогда на нее не охотится и случайно выброшенную на берегъ — торжественно хоронитъ. Животныя впрочемъ—не самостоятельные боги, они подчинены своимъ хозяевамъ, живущимъ въ лѣсахъ, горахъ, водахъ. Боги въ общемъ не требовательны, имъ не нужно большихъ жертвоприношеній, достаточно какого нибудь леденца или щепотки риса; но бываютъ иногда и кровавыя жертвоприношенія, объектами которыхъ обыкновенно служатъ собаки, которыя являются, такъ сказать, посланниками къ богамъ. Самые интересные и важные боги — это боги родовые, которые суть сородичи гиляковъ, перешедшіе въ роды хозяевъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, умершіе, напримѣръ, отъ удара молніи, задранные медвѣдемъ, сгорѣвшіе и т. п. Этимъ родовымъ богамъ дѣлаютъ общія родовыя приношенія, соединенныя съ большими празднествами. Самый большой изъ нихъ это—медвѣжій праздникъ, продолжающійся нѣсколько дней, сопровождающійся различными торжественными обрядами, плясками, играми, огромнымъ пьянствомъ и убійствомъ вскормленнаго для этой цѣли въ клѣткѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ медвѣдя; убіеніе медвѣдя является въ этомъ случаѣ не жертвой богамъ, а только поводомъ къ жертвоприношеніямъ. Существуютъ и злые боги, являющіеся въ самыхъ различныхъ видахъ—людей, звѣрей и т. п., одни изъ нихъ занимаются воровствомъ, другіе нагоняютъ на людей болѣзнь и смерть; изгнаніе болѣзней происходитъ различными способами, главнымъ же образомъ — черезъ посредство шамановъ, которые являются избранниками боговъ, получившими откровеніе... Способовъ изгнанія болѣзней у шамановъ три: посредствомъ самогипноза и сновидѣній, гипноза окружающихъ и гипноза на разстояніи. Относительно загробной жизни у гиляковъ тоже своеобразныя вѣрованія — у каждаго гиляка есть душа, у бѣднаго одна, у богатаго двѣ, а у шамана—три; душа умершаго переселяется въ другой міръ, подобный существующему, и воплощается опять въ человѣка; новый міръ отличается только временемъ захода и восхода солнца, а также тѣмъ, что бѣдный становится богатымъ и наоборотъ;

послѣ 3-хъ разъ перевоплощенія души въ человѣка, она постепенно переходитъ въ различныхъ животныхъ. Похороны сопровождаются большимъ весельемъ; тѣла покойниковъ сжигаютъ.

Къ археологическому съѣзду. 5-го февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ городѣ Харьковѣ. Профессоръ Д. И. Багалѣй прочелъ отчетъ по дѣламъ комитета, уже совершеннымъ, и намѣтилъ рядъ дѣлъ, которыя предстоитъ совершить — въ отношеніи устройства спеціальныхъ командировокъ и собиранія свѣдѣній по различнымъ древностямъ. Такимъ образомъ, предстоящимъ лѣтомъ предполагаются экскурсіи по изученію архивовъ (Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго), церковныхъ древностей (проф. Е. К. Рѣдина), церковныхъ архивовъ (проф. А. С. Лебедева), говоровъ населенія Курской губерніи и древностей (проф. М. Г. Халанскаго), по собиранію предметовъ для этнографической выставки (проф. А. Н. Краснова, Н. Ѳ. Сумцова, А. М. Покровскаго и др.), по производству раскопокъ кургановъ (проф. А. М. Покровскаго, Е. П. Трифильева, Н. А. Ѳедоровскаго, проф. Л. Ю. Шепелевича и др.). Проф. А. Н. Красновъ предложилъ краткій проектъ экскурсій съ цѣлью составленія этнографическихъ коллекцій по Харьковской губерніи для выставки при археологическомъ съѣздѣ. Этотъ проектъ будетъ предложенъ московскому предварительному комитету, въ распоряженіе котораго, какъ извѣстно, харьковское губернское земство, по его просьбѣ и харьковскаго комитета, предоставило 2.000 рублей въ качествѣ субсидіи для составленія этнографическихъ коллекцій. Скромная сумма 2.000 рублей, какою можетъ располагать комитетъ, лишаетъ возможности поставить организацію собиранія матеріаловъ такъ широко, какъ того требуетъ дѣло; приходится ограничиваться тѣмъ, что позволяютъ средства. Систематическій обзоръ всей губерніи и ея уѣздовъ немыслимъ при этихъ условіяхъ. Въ виду этого, по проэкту, нужно выбрать мѣста наиболѣе типичныя, взявъ по уѣзду на крайнемъ сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ губерніи. Наиболѣе удобными по различнымъ соображеніямъ будутъ для этой цѣли уѣзды: Старобѣльскій, Купянскій, Изюмскій, Зміевской, или Валковскій и Сумской, Ахтырскій, или Лебединскій, Волчанскій, Харьковскій. Такъ какъ практика показала, что однодневное пребываніе въ селеніи рѣдко когда позволяетъ добывать достаточное количество матеріаловъ, посвящать же по нѣсколько мѣсяцевъ на уѣздъ не позволяютъ ни время, ни средства экскурсантовъ, то предполагается выбрать въ каждомъ уѣздѣ до пяти пунктовъ, осмотръ которыхъ—по предварительномъ ознакомленіи съ литературою о краѣ и по разспроснымъ свѣдѣніямъ—окажется особенно интереснымъ. Эти пять пунктовъ и должны быть изучены болѣе подробно, посвящая на нихъ 3—4 дня и въ общей сложности около мѣсяца, или 20 дней на уѣздъ. Считая расходы по экскурсіи (разъѣзды, фотографіи, коллекціи предметовъ и др.) на уѣздъ въ 350—400 рублей, возможно командированіе изслѣдователей въ 4—5 уѣздовъ. При составленіи коллекцій нужно руководствоваться программами. Жилище и его варьянтъ, хозяйственныя постройки и проч. должны быть воспроизведены на фотографіяхъ систематически и примѣнительно къ тому, какъ это дѣлается въ научныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ Австріи и въ Германіи. На

фотографіяхъ же должны быть даны изображенія одеждъ, полевыхъ работъ, различныхъ видовъ употребленія самодѣльныхъ орудій, внутренности хатъ, а если возможно, то и характерныхъ обрядовъ и празднествъ; примѣнительно къ программѣ надо фотографировать и образцы кустарныхъ производствъ. Основными предметами для составленія коллекцій должны быть предметы кустарнаго производства, которыхъ желательно представить возможно полныя коллекціи, и древняя одежда. Что же касается другихъ предметовъ быта, то чѣмъ ближе коллекція ихъ будетъ къ дезидератамъ программъ, тѣмъ лучше, но точнаго опредѣленія и перечня заранѣе дать затруднительно, какъ какъ сохраненіе ихъ въ быту случайное и заранѣе указано быть не можетъ. Предварительный комитетъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу изученія народнаго быта, культуры, съ покорнѣйшей просьбой — прійти ему на помощь всѣмъ, чѣмъ только это возможно будетъ—для наивозможно лучшаго устройства этнографической выставки при съѣздѣ, которая послужитъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея. Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ въ архивѣ курскаго Знаменскаго монастыря и отмѣтилъ, въ качествѣ интереснаго матеріала для иконографіи—опись имущества архіерейскаго дома, отъ 1770 года. Здѣсь, между прочимъ, описана одна интересная икона: «изображеніе на деревѣ Христа отрока, спящаго на крестѣ, вокругъ на марингахъ золотомъ писанный курпедиментъ, внизу слова: хочай тѣло восхотѣло, и прочая, высота 7 вершковъ, ширина двѣ четверти и два вершка». Проф. Лебедевъ находитъ сходство описываемой иконы съ той, что предоставлена въ распоряженіе предварительнаго комитета и музея изящныхъ искусствъ университета В. Н. Свѣтъ. По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина, эта икона представляетъ собою краткій переводъ извѣстнаго въ христіанской иконографіи изображенія «недреманнаго ока», нерѣдко встрѣчающагося въ росписяхъ аѳонскихъ церквей, а также русскихъ (напримѣръ, Іоанна Златоуста въ Ярославлѣ), равно на иконахъ, воздухахъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Судя по характеру работы—икона г-жи Свѣтъ юго-западнаго происхожденія, XVIII вѣка. Заслушано отношеніе московскаго предварительнаго комитета, въ которомъ послѣдній обращаетъ вниманіе харьковскаго комитета на сохраняющіеся при этнографическомъ отдѣленіи Румянцевскаго музея рисунки съ малороссійскихъ костюмовъ, собранныхъ нѣкогда для политехнической выставки въ Москвѣ; кромѣ этого, — дѣлаетъ слѣдующее добавленіе къ изданнымъ харьковскимъ комитетомъ программамъ: «въ виду того, что историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ народной пѣсни, которая, благодаря всеобщей нивеллировкѣ, исчезаетъ въ Малороссіи, какъ исчезаетъ народная пѣснь и въ остальной Россіи, обратить вниманіе мѣстныхъ ученыхъ обществъ и земствъ на необходимость сдѣлать для малороссійской народной пѣсни то, что дѣлается императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ и этнографическимъ отдѣленіемъ московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи для собиранія великорусской пѣсни, возстановленія ихъ исполненія, гармонизаціи ихъ и проч., и на основаніи этого пожеланія, проситъ общества и земства не только принять мѣры къ собиранію народныхъ пѣсенъ и мотивовъ, но объ изысканіи средствъ къ ихъ изданію и сохраненію

среди народныхъ массъ». При этомъ же прибавляется, что при этнографическомъ отдѣленіи московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, равно какъ и при русскомъ географическомъ обществѣ, лежатъ нѣсколько сборниковъ пѣсенъ, которые не изданы до сихъ поръ по недостатку средствъ. Комитетъ постановилъ: 1) обратиться къ московскому комитету съ просьбой о предоставленіи вышеуказанныхъ рисунковъ для этнографической выставки, 2) обратиться къ харьковскому историко-филологическому обществу съ просьбой—принять на себя трудъ собиранія и изданія малороссійскихъ пѣсенъ и ходатайствовать предъ харьковскимъ губернскимъ земствомъ объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствія и денежной помощи, 3) просить этнографическое отдѣленіе московскаго общества командировать для записи малороссійскихъ пѣсенъ спеціалистовъ-музыкантовъ въ Харьковскую губернію. Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ очеркъ покойнаго Г. С. Чирикова «Каменныя бабы въ Харьковской губерніи», написанный имъ еще въ 1879 году; въ виду интереса сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній рѣшено напечатать его въ трудахъ предварительнаго комитета. Затѣмъ Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами изученія имъ свѣдѣній, полученныхъ харьковскимъ статистическимъ комитетомъ, — о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что количество каменныхъ бабъ, сравнительно съ данными 1880 года, уменьшилось: ихъ теперь пока зарегистровано 84; изъ нихъ на курганахъ стоятъ теперь всего 13 (въ Зміевскомъ уѣздѣ—1, въ Купянскомъ — 2, въ Старобѣльскомъ—1, въ Изюмскомъ—9, изъ общаго числа 44). Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ, при томъ небольшой величины, грубой работы, служатъ межевыми знаками. Большая часть каменныхъ бабъ находится на мѣстахъ первоначальной ихъ установки, но часть — привезена сюда изъ другихъ губерній: Херсонской, Воронежской, Екатеринославской, Новороссійскаго края. По отношенію къ нѣкоторымъ извѣстно, что онѣ выкопаны изъ мѣстныхъ кургановъ (Зміевскаго уѣзда). Преданій, связанныхъ съ каменными бабами, сообщено немного: о происхожденіи ихъ: 1) каменные боги, 2) люди, окаменѣвшіе, когда ругали сильно пригрѣвавшее солнце или плевали на него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ каменнымъ бабамъ привязывали конокрадовъ, зимой поливали водой. М. А. Поповъ и М. Д. Линда, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о каменныхъ бабахъ въ городѣ Харьковѣ, сообщили, что таковыя имѣются: на Екатеринославской улицѣ, противъ церкви св. Димитрія, у дома бывшаго Ковальчукова—три; одна—въ оградѣ Каплуновской церкви; одна—на Мѣщанской улицѣ—въ домѣ Солнцева. Постановлено обратиться къ губернаторамъ: херсонскому, таврическому, полтавскому, курскому, воронежскому и предварительнымъ комитетамъ: новочеркасскому, екатеринодарскому — съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ чрезъ посредство гг. исправниковъ и земскихъ начальниковъ, по программамъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, и о доставленіи ихъ харьковскому комитету. Заслушано предложеніе Ив. П. Поддубнаго, воспитанника харьковской гимназіи, нынѣ имѣющаго въ С.-Петербургѣ картографическое заведеніе, — издать на свои средства къ археологическому съѣзду археологическія карты. Постановлено благодарить г. Поддубнаго за это предложеніе и просить объ изданіи

топографическаго описанія Харьковской губерніи съ планами всѣхъ уѣздныхъ городовъ, намѣстничества, имѣющагося въ библіотекѣ Харьковскаго университета, или рукописнаго атласа Харьковской губерніи 1802 г., хранящагося въ императорской публичной библіотекѣ. Постановлено — согласно предложенію проф. М. Г. Халанскаго: просить администрацію университета обратиться съ просьбой къ курской епархіальной власти о передачѣ императорскому Харьковскому университету старопечатныхъ книгъ, имѣющихся въ церкви села Болховца, Бѣлгородскаго уѣзда, и о предоставленіи университету старопечатныхъ книгъ XVI—XVII вѣка, Маклаковской библіотеки (въ Путивлѣ, Курской губерніи) — для выставки старопечатныхъ изданій, имѣющей быть во время археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Въ засѣданіи комитета, состоявшемся 5-го марта, профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что въ комитетъ начали поступать уже въ большомъ количествѣ свѣдѣнія по программамъ о различныхъ древностяхъ Харьковской губерніи, какъ отъ священниковъ епархіи, народныхъ учителей, такъ и отъ частныхъ лицъ; равно—кромѣ свѣдѣній, и самые предметы древности. Такимъ образомъ, если присылка предметовъ древности будетъ и впредь продолжаться, если покорнѣйшая просьба комитета объ этомъ найдетъ откликъ въ обществѣ, то успѣхъ археологической выставки при первомъ въ Харьковскомъ краѣ археологическомъ съѣздѣ будетъ обезпеченъ. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ: 1) сообщеніе А. М. Катрухина о курганахъ возлѣ слободы Сватовой Лучки, у хутора Ѳомовки (Хомивки): группы кургановъ по два, по три; два городища по берегамъ рѣки Красной, у Ѳомовки и на участкѣ земли крестьянъ Рыбальченко, и рядъ «могилокъ» у той же Ѳомовки; 2) предложеніе И. С. Шаровкина—въ даръ глиняной копилки и для выставки коллекціи старинныхъ монетъ; 3) предложеніе И. В. Попова (изъ Екатеринослава) выслать рукописи времени императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II-й, относящіяся къ дѣламъ Новороссійскаго края; 4) сообщеніе г. Левандовскаго о курганахъ въ имѣніи М. А. Ефремова въ с. Александровскомъ, Таганрогскаго округа, въ количествѣ 6—8 штукъ, высотой до $2^1/_2$ аршинъ; 5) сообщеніе Б. С. Познанскаго о курганахъ Воронежской губерніи, уѣздовъ Коротоякскаго и Павловскаго; 6) сообщеніе Т. В. Проскурникова о древностяхъ г. Корочи: Думчевѣ курганѣ, Ханскомъ колодезѣ и о валѣ на рѣкѣ Рати; 7) о дарѣ г-жи Г. П. Радаковой альбома таблицъ, копій въ краскахъ орнамента на различныхъ предметахъ, главнымъ образомъ, на тканяхъ крымскихъ татаръ. Проф. Е. К. Рѣдинъ, указавъ на то значеніе, какое имѣетъ изученіе народнаго костюма въ исторіи культуры, и отмѣтивъ, что малороссійскій костюмъ еще мало изученъ, изслѣдованъ, познакомилъ съ трудомъ Б. С. Познанскаго, посвященнымъ малороссійскому костюму. Въ виду высокихъ достоинствъ труда г. Познанскаго, рѣшено напечатать его въ «Трудахъ предварительнаго комитета». Профессоръ Е. К. Рѣдинъ прочелъ: 1) сообщеніе г. Яковлева о случайной раскопкѣ кургана у с. Скотоватаго, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., при которой были найдены каменныя плиты изъ краснаго песчаника, костяки, головой къ востоку, глиняная посуда различной формы и величины; 2) докладъ г. Яковлева о случай-

ныхъ археологическихъ находкахъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Докладчикъ обращаетъ вниманіе на весьма печальное явленіе — гибель массы кургановъ и всего, что въ нихъ заключается, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, благодаря невниманію гг. инженеровъ, завѣдующихъ работами: «Инженеры, дѣлая изысканія новостроящейся линіи, говоритъ г. Яковлевъ, измѣряютъ каждую пядь мѣстности, по которой пройдетъ дорога; они видятъ сотни разъ тѣ курганы, которые потомъ нужно будетъ срѣзать и уничтожить, и имъ прежде всего слѣдовало бы исполнить тѣ правила, которыя они же вписываютъ въ контракты подрядчикамъ и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность; почему бы имъ не взять на себя труда по раскопкѣ встрѣтившихся кургановъ, могилъ и проч., и этимъ предупредить расхищеніе и уничтоженіе археологическихъ богатствъ данной мѣстности? За послѣдніе годы на югѣ Россіи проведена масса желѣзныхъ дорогъ, а много-ли предметовъ, найденныхъ при этомъ, попало въ руки археолога и сдѣлалось достояніемъ науки?» Профессоръ Е. К. Рѣдинъ прочелъ сообщеніе учителя купянскаго духовнаго училища г. Попова о древностяхъ, найденныхъ въ окрестностя г. Купянска и пожертвованныхъ имъ музею древностей Харьковскаго университета. Заслушаны предложенія П. В. Иванова: 1) объ извлеченіи изъ «Межевыхъ журналовъ» генеральнаго межеванія Харьковской губ. матеріаловъ по ея исторіи и географіи; 2) объ извлеченіи того же рода матеріала изъ «дозорныхъ книгъ»; 3) объ описаніи шляховъ Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго въ ихъ настоящемъ состояніи; 4) объ устройствѣ предварительной выставки по иконографіи. А. Я. Ефименко сообщила о находкахъ различныхъ предметовъ древности въ Донецкомъ городищѣ. По обсужденіи докладовъ и предложеній, рѣшено: докладъ г. Яковлева представить на заключеніе археологическаго съѣзда; г. Шаровкина — просить о высылкѣ его предметовъ для выставки; И. В. Попова просить о высылкѣ его рукописей; представить докладъ о «межевыхъ журналахъ», на изданіе же матеріала изъ оныхъ необходимо изысканіе средствъ; для описанія шляховъ—просить московскій предварительный комитетъ назначить особую экскурсію; рѣшено также произвести предварительное обслѣдованіе Донецкаго городища.

Витебскія древности. Въ прошломъ году состоялось распоряженіе, по которому документы витебскаго центральнаго архива, собранные изъ бывшихъ присутственныхъ мѣстъ Витебской и Могилевской губерній, должны быть переданы въ Вильну. Недавно, по распоряженію высшаго духовнаго начальства, и изъ витебской семинаріи взята находившаяся здѣсь такъ называемая поуніатская библіотека, заключавшая рѣдкіе памятники западно-русской печати, и передана въ Кіевскую духовную академію.

Премія при Томскомъ университетѣ. При императорскомъ Томскомъ университетѣ учреждена новая премія имени А. М. Сибирякова, на соисканіе которой могутъ быть представлены оригинальныя историческія на русскомъ языкѣ сочиненія о Сибири, именно такія, предметомъ которыхъ служитъ описаніе всего края или его частей, или же условій быта сибирскихъ племенъ, или нравовъ, просвѣщенія и т. п. Къ соисканію преміи допускаются также и

научныя изданія сборниковъ, впервые извлеченныхъ изъ архива. Сочиненія могутъ быть какъ писанныя, такъ и уже напечатанныя, но вышедшія въ свѣтъ не ранѣе 5 лѣтъ до конкурса. Премія состоитъ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Сибиряковымъ, въ размѣрѣ 16.500 рублей. Величина премій опредѣлена въ 1.000 рублей за лучшее и 500 рублей за слѣдующее по качеству сочиненіе. Присужденіе преміи будетъ производиться разъ въ три года, начиная съ текущаго 1901 года.

НЕКРОЛОГИ.

Боголѣповъ, Н. П. 2-го марта въ Петербургѣ скончался министръ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Николай Павловичъ Боголѣповъ отъ раны, полученной имъ 14-го февраля. Покойный родился 27-го ноября 1846 года, въ г. Серпуховѣ, Московской губерніи. Отецъ его, изъ духовнаго званія, провелъ часть своей службы въ составѣ мѣстной администраціи. Н. П. было одиннадцать лѣтъ, когда родители отвезли его въ первую московскую гимназію, въ которую онъ и поступилъ прямо во второй классъ. Уже на школьной скамьѣ Н. П. пришлось познакомиться съ нуждой: онъ бѣгалъ по урокамъ и занимался перепиской, копя деньги на то, чтобы имѣть возможность «ѣздить домой на каникулы». Въ этой гимназіи на мальчика,—будущаго министра,—произвели крайне благопріятное вліяніе учитель исторіи Собачковъ, учитель русской словесности Студенниковъ, учителя естественной исторіи Григорьевъ и Вейнбергъ, учитель латинскаго языка Мальмъ и въ особенности директоръ гимназіи М. А. Малиновскій, который уже по окончаніи Н. П. курса и вступленіи въ Московскій университетъ рекомендовалъ его въ качествѣ учителя въ семью князя А. К. Ливена, сенатора, на дочери котораго княжнѣ Е. А. Николай Павловичъ впослѣдствіи женился. На университетской скамьѣ Н. П. Боголѣповъ много работалъ, и на послѣднемъ курсѣ написалъ сочиненіе на золотую медаль на тему «Обычное право». Въ 1868 г. Н. П. Боголѣповъ кончилъ университетъ, изъ слушанія курса въ которомъ онъ вынесъ свѣтлое воспоминаніе о проф. Б. Н. Чичеринѣ. Молодой студентъ поступилъ на службу въ уголовный департаментъ московскаго сената. Но профессора М. Н. Капустинъ и Никольскій настояли на томъ, чтобы ему было предложено остаться при университетѣ, и вотъ уже съ 1869 г. Н. П. Боголѣповъ всецѣло отдается изученію римскаго права. Еще находясь при университетѣ, онъ репетируетъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ по курсу законовѣдѣнія, а затѣмъ, выдержавъ магистерскій эксаменъ, приглашается юридиче-

скимъ факультетомъ Московскаго университета въ 1873 г. читать студентамъ 3-хъ курсовъ исторію римскаго права. Въ 1876 г., защитивъ диссертацію на тему «Значеніе общенароднаго права (jus gentium) въ римской классической юриспруденціи» (отдѣльное изданіе въ Москвѣ въ 1876 г., IV + 252 + + 2 стр. 8°). Боголѣповъ былъ избранъ доцентомъ своего родного университета и командированъ на 2 года для усовершенствованія за границу. Онъ путешествовалъ по Италіи, Швейцаріи, слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ и Геттингенскомъ университетахъ у Куно-Фишера, у Іеринга, въ Парижѣ въ «Ecole de droit» и т. д. Возвратясь изъ путешествія въ 1878 г., онъ читалъ въ Московскомъ университетѣ курсъ исторіи римскаго права.

Въ 1881 году Н. П. Боголѣповъ защитилъ диссертацію на степень доктора гражданскаго права, на тему «Формальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи» (отдѣльное изданіе въ Москвѣ въ 1881 г.; VIII + 275 стр. 8°), и въ этомъ же году занялъ каѳедру ординарнаго профессора. Кто-то изъ критиковъ, отнесшихся вообще сочувственно къ этому труду тогда еще молодого ученаго, отозвался о диссертаціи Н. П. даже такъ: «Она— неоцѣненное сокровище для всякаго романиста». Переутомленіе, семейное горе—болѣзнь жены—заставили Н. П. Боголѣпова въ 1890 г. отказаться до срока отъ обязанностей ректора, на постъ котораго онъ былъ избранъ въ 1883 г. Онъ сталъ печатать свой трудъ — «Пособіе къ лекціямъ по исторіи римскаго права» (Москва, 1890 г., 8°, 644 стр.), но въ 1891 г. уже снова былъ назначенъ ректоромъ Московскаго университета. Въ 1893 г. онъ оставилъ эту должность, а въ 1895 г., съ 25-го іюня, мы уже видимъ его на посту попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ этомъ же году (1895) Н. П. напечаталъ: «Учебникъ исторіи римскаго права. Пособіе къ лекціямъ» (VIII + 640 стр.).

Въ 1898 г., 12-го февраля, Н. П. Боголѣповъ былъ назначенъ преемникомъ графа Делянова, занявъ постъ министра народнаго просвѣщенія.

(Некрологи его: «Нов. Вр.», 1901 г., № 8984; «Россія», 1901 г., № 665; «Недѣля», 1901 г., № 9).

† **Баронъ В. Г. Врангель.** 25-го февраля скончался отъ паралича сердца молодой композиторъ баронъ В. Г. Врангель. По окончаніи курса въ пажескомъ его величества корпусѣ, баронъ Врангель поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ состоялъ до самой своей преждевременной смерти чиновникомъ особыхъ порученій. Несмотря на свои служебныя обязанности, онъ находилъ возможнымъ удѣлять время на изученіе своего любимаго искусства—музыки, влеченіе къ которой чувствовалъ уже съ юныхъ лѣтъ. Для этой цѣли онъ поступилъ въ петербургскую консерваторію въ спеціальный классъ теоріи композиціи профессора Іогансена, который и окончилъ у послѣдняго съ успѣхомъ. Выступивъ, вслѣдъ за тѣмъ, на композиторское поприще съ большимъ запасомъ спеціальныхъ знаній, баронъ Врангель вскорѣ обратилъ на себя вниманіе публики. Многочисленные его романсы были очень распространены и находились въ текущемъ репертуарѣ нашихъ лучшихъ пѣвцовъ—гг. Фигнера, Яковлева и др. Популярностью своей произведенія его обязаны мелодичности и благородству ихъ музыкальнаго рисунка, легко усвояемой формѣ и

естественной, всегда красивой гармонизаціи. Его пантомима-балетъ «Прерванная свадьба» шла на великосвѣтскихъ спектакляхъ любителей балетнаго искусства; балетъ же «Микадо», написанный по заказу дирекціи императорскихъ театровъ, былъ поставленъ на казенной сценѣ съ небывалой роскошью и выдержалъ цѣлый рядъ представленій. Въ 1898 и 1899 гг. баронъ Врангель состоялъ редакторомъ «Нувеллиста», художественное значеніе котораго онъ поднялъ въ значительной степени. За время его редакторства въ «Нувеллистѣ» печатали свои сочиненія гг. Балакиревъ, Глазуновъ, А. С. Танѣевъ, И. Давыдовъ и др. Въ послѣднее время покойный былъ занятъ сочиненіемъ оперы, извѣстные отрывки изъ которой свидѣтельствуютъ о талантливости автора, дарованіе котораго, къ сожалѣнію, отцвѣло, не успѣвъ расцвѣсть тѣмъ пышнымъ расцвѣтомъ, на который можно было вполнѣ разсчитывать. (Некрологъ его: «Новости» № 57).

† **Добрянскій, А. И.** Въ Инспрукѣ, 9-го марта, скончался на 98 году жизни талантливый галицко-русскій писатель и общественный дѣятель, послѣдній могиканъ славянскихъ дѣятелей начала прошлаго вѣка, при которыхъ началась эпоха возрожденія славянства, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Добрянскій считается начинателемъ угорско-русскаго возрожденія. Своихъ симпатій къ Россіи онъ никогда не скрывалъ и за это былъ вынужденъ бѣжать въ Галичину, откуда вернулся въ 1849 г. въ Венгрію, вмѣстѣ съ русскими войсками, прибывшими для подавленія возстанія мадьяръ. Добрянскій былъ во главѣ русской депутаціи, заявившей австрійскому правительству желанія своего народа: автономія Угорской Руси, равноправность съ мадьярами, учрежденіе русскихъ школъ, университета во Львовѣ и пр. Въ 1864 году имъ было основано «Общество святого Василія Великаго», поставившее себѣ задачею издавать книги для церкви и школы. Ставъ во главѣ этого общества, Добрянскій предпринялъ изданіе руссофильской газеты «Свѣтъ», которою и руководилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Покойный, несмотря на почетный служебный постъ начальника департамента, до конца дней своихъ состоялъ подъ надзоромъ австрійской полиціи, какъ опасный руссофилъ. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 673).

† **Козловъ, А. А.** 27-го февраля, въ Петербургѣ, скончался послѣ 15-тилѣтней тяжкой болѣзни бывшій профессоръ философіи въ Кіевскомъ университетѣ Алексѣй Александровичъ Козловъ. Покойный родился въ 1831 году въ Москвѣ. По окончаніи въ 1856 г. Московскаго университета, въ теченіе 10 лѣтъ занимался преподаваніемъ и изучалъ различныя соціальныя науки. До 1866 года онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ «Москов. Вѣстн.», «Днѣ», «Вѣстникѣ Промышленности» и другихъ изданіяхъ. Въ 1866 г. Козловъ былъ арестованъ и вынужденъ оставить Москву. Занявшись сельскимъ хозяйствомъ, Козловъ увлекся естествознаніемъ и постепенно сталъ приближаться къ господствовавшимъ въ то время философскимъ направленіямъ. Начавъ съ матеріализма, Козловъ перешелъ къ позитивизму, затѣмъ къ пессимизму и кончилъ самымъ ревностнымъ спиритуализмомъ. Въ 1876 году Козловъ выступилъ преподавателемъ философіи въ Кіевскомъ университетѣ, и съ этого времени до 1900 года онъ посвящалъ свою литературную дѣятельность разнаго рода фи-

лософскимъ вопросамъ. Оставляя въ сторонѣ множество критическихъ статей и замѣтокъ, здѣсь можно лишь указать на крупныя его работы: «Сущность мірового процесса» (М., 1882—1886, изложеніе философіи Гартмана), «Философія дѣйствительности» (Кіевъ, 1878, изложеніе философіи Дюринга), «Философскіе этюды», ч. I и II, «Генезисъ теоріи пространства и времени Канта» (Кіевъ, 1884), «Философія какъ наука» (Кіевъ, 1877), «Религія гр. Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви» (Спб., 1895), «Современныя направленія въ философіи» («Загран. Вѣстн.» 1881—1882), «Позитивизмъ Конта» («Вопросы философіи и психологіи» 1892), «Французскій позитивизмъ» (тамъ же, 1893), «Густавъ Тейхмюллеръ» (тамъ же, 1894—1895). Козлову принадлежитъ починъ въ изданіи философскаго журнала: въ теченіе 1886 г. онъ выпускалъ «Философскій Трехмѣсячникъ», прекратившійся лишь вслѣдствіе тяжкой болѣзни его составителя. Въ послѣдніе годы своей жизни Козловъ излагалъ свою философскую систему, названную имъ панпсихизмомъ, въ періодическомъ сборникѣ «Свое Слово» (5 выпусковъ). Уже прикованный къ одру болѣзни, Козловъ все-таки читалъ у себя дома лекціи различнымъ интеллигентнымъ кружкамъ. Почившій философъ состоялъ почетнымъ членомъ московскаго психологическаго и петербургскаго философскаго обществъ. (Некрологи его: «Россія» 1901, № 662; «Нов. Вр.» 1901, № 8987).

† **Краевскій, В. Ф.** 1-го марта въ Петербургѣ скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ врачей, докторъ медицины Владиславъ Францевичъ Краевскій. Покойный родился въ 1829 году въ Варшавѣ, гдѣ и получилъ свое среднее образованіе. Высшее образованіе В. Ф. закончилъ на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета и по окончаніи курса еще нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи выдающихся профессоровъ заграничныхъ университетовъ. Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ д-ръ Краевскій пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь сразу завоевалъ себѣ любовь паціентовъ и пріобрѣлъ обширнѣйшую практику. Покойный много работалъ надъ вопросомъ о примѣненіи гимнастическихъ упражненій для лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней и затѣмъ, отдавшись весь гимнастикѣ,—дѣятельно занялся и другими видами спорта, но всегда на первомъ планѣ у него была атлетика. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ докторъ Краевскій образовалъ кружокъ гимнастовъ, которые собирались для упражненій у него на квартирѣ; изъ этого-то кружка, года четыре назадъ, образовалось с.-петербургское велосипедно-атлетическое общество, предсѣдателемъ котораго В. Ф. состоялъ по день своей кончины. Покойный въ теченіе почти двадцати лѣтъ состоялъ врачомъ с.-петербургскихъ императорскихъ театровъ и принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ экспериментальной психологіи. (Некрологи его: «Россія 1901, № 665; «Нов. Время» 1901, № 8988).

† **Ламанскій, С. И.** 16-го марта скончался Сергѣй Ивановичъ Ламанскій, выдающійся физіологъ-физикъ и переводчикъ многихъ популярно-научныхъ работъ. Покойный родился въ 1841 году; по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ отправился въ 1864 г. за границу для усовершенствованія въ научныхъ занятіяхъ. Здѣсь онъ работалъ въ физіологическихъ лабораторіяхъ Лейкарта въ Гиссенѣ, Мейснера въ Геттингенѣ и Гейденгейна въ Бре-

славлѣ. Въ 1866 году онъ переѣхалъ въ Гейдельбергъ и здѣсь продолжительное время занимался у Гельмгольца изслѣдованіями по электрофизіологіи и физіологической оптикѣ и произвелъ изслѣдованіе надъ распредѣленіемъ тепла въ солнечномъ спектрѣ. Въ 1874 году Ламанскій возвратился въ Россію и началъ читать лекціи по физикѣ въ медико-хирургической академіи, затѣмъ перешелъ въ Варшавскій университетъ, гдѣ оставался до 1879 года. Отсюда С. И. уѣхалъ въ Парижъ и занимался у Маскара въ «Collège de France»; результатомъ этихъ занятій былъ рядъ работъ по флуоресценціи. Въ 1881 году, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ занималъ послѣдовательно должности: физика на главной физической обсерваторіи и старшаго техника при городской коммиссіи по надзору за освѣщеніемъ столицы. За этотъ періодъ дѣятельности съ именемъ покойнаго связанъ цѣлый рядъ изслѣдованій о нефтяномъ, каменноугольномъ и водяномъ газахъ и о вліяніи примѣси воздуха на свѣтовую силу нефтяного газа. Въ послѣдней должности — инспектора главной палаты мѣръ и вѣсовъ—покойный состоялъ съ 1893 года. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 681).

† **Макшеевъ, В. А.** 9-го марта въ Москвѣ скончался одинъ изъ талантливыхъ артистовъ московскаго Малаго театра, Владиміръ Александровичъ Макшеевъ. Покойный родомъ изъ дворянской семьи, родился 16-го мая 1843 г. въ Гельсингфорсѣ и воспитывался въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ 1863 г. поступилъ на службу въ крѣпостную артиллерійскую бригаду Свеаборга; черезъ годъ перешелъ въ 1-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду въ Москвѣ и вскорѣ, бросивъ военную службу, посвятилъ себя артистической дѣятельности, начавъ ее дебютомъ въ артистическомъ кружкѣ, подвизавшемся въ Москвѣ, въ театрѣ, бывшемъ Шелапутина. Затѣмъ, постранствовавъ нѣкоторое время по провинціи (Саратовъ, Тула, Курскъ и др.), гдѣ талантъ его развился и окрѣпъ, В. А. Макшеевъ вступилъ въ славную семью Малаго театра и сразу же занялъ здѣсь выдающееся положеніе. Характерной чертой его дарованія была искренность, врожденный юморъ и добродушное веселье, которое невольно передавалось зрителямъ. Насколько не удавались артисту случайно выпадавшія на его долю роли свѣтскихъ людей, иностранцевъ или злодѣевъ,—настолько же неподражаемъ онъ былъ въ пьесахъ Островскаго и въ легкой комедіи. Лучшими и любимыми ролями В. А. въ обширномъ его репертуарѣ были: Городничій въ «Ревизорѣ», Ризположенскій въ «Свои люди сочтемся», Подколесина въ «Женитьбѣ», Органа въ «Мнимомъ больномъ» и Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго». (Некрологи его: «Россія» 1901 г., № 672; «Нов. Время» 1901 г., № 8992).

† **Покровскій, П. М.** 18-го февраля, въ Кіевѣ скончался ординарный профессоръ университета св. Владиміра по каѳедрѣ чистой математики Петръ Михайловичъ Покровскій. Покойный, уроженецъ Тульской губерніи, родился въ 1857 г., образованіе получилъ въ тульской гимназіи и на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета. Въ 1881 г. по окончаніи курса со степенью кандидата, Покровскій былъ оставленъ для приготовленія къ профессурѣ при каѳедрѣ чистой математики. Съ 1883 по 1891 г. покойный

состоялъ преподавателемъ математеки во многихъ московскихъ гимназіяхъ, а въ 1885 г., будучи назначенъ привать-доцентомъ Московскаго университета, въ теченіе шести лѣтъ читалъ лекціи по различнымъ отдѣламъ математики, а также руководилъ практическими занятіями студентовъ. Въ 1887 г., по защитѣ диссертаціи «Теорія ультраэллиптическихъ функцій I класса», онъ получилъ степень магистра чистой математики. Эта работа, кромѣ того, была удостоена преміи имени профессора Н. Д. Брашмана (учрежд. въ 1864 г.). Получивъ затѣмъ заграничную командировку, покойный почти два года занимался въ Берлинѣ изученіемъ методовъ знаменитаго Вейерштрасса, приложеніемъ идей котораго къ различнымъ вопросамъ теоріи высшихъ трансцендентныхъ онъ и посвятилъ значительную часть своихъ работъ. Въ 1891 г. Покровскій признанъ былъ докторомъ чистой математики за диссертацію «О преобразованіяхъ ультра-эллиптическихъ интеграловъ» и назначенъ профессоромъ университета св. Владиміра, гдѣ и читалъ свой курсъ математики до послѣднихъ дней. Изъ сочиненій Покровслаго наиболѣе извѣстны: «Историческій очеркъ теоріи ультра-эллиптическихъ и Абелевыхъ функцій», «Къ элементарной теоріи уравненій третьей и четвертой степени», «Теорема Абеля въ новой формѣ», «Теорема сложенія трансцендентныхъ функцій» и др. Работы его печатались въ «Московскомъ Математическомъ Сборникѣ», «Отчетахъ Кіевскаго математическаго общества», въ «Bulletin Darboux» и др. Покойный состоялъ членомъ математическихъ обществъ: московскаго, кіевскаго и казанскаго, кромѣ того, былъ непремѣннымъ членомъ общества любителей естествознанія въ Москвѣ и членомъ многихъ иностранныхъ математическихъ обществъ. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8976; «Россія» 1901 г., № 654).

† **Портенъ, А. В.** 7-го марта скончался въ Ригѣ одинъ изъ выдающихся віолончелистовъ-виртуозовъ, Арведъ Владимировичъ Портенъ. Уроженецъ Риги (род. 1-го мая 1836 г.), покойный большую часть жизни своей провелъ въ Петербургѣ и затѣмъ за границею. Онъ состоялъ віолончелистомъ въ нашей итальянской оперѣ, былъ одно время профессоромъ въ консерваторіи (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), но вслѣдствіе нервнаго разстройства оставилъ эту должность. Съ тѣхъ поръ онъ или совершалъ концертныя поѣздки по Россіи или жилъ за границею, большею частью, въ Брюсселѣ.

Имъ написано много пьесъ для віолончели, но онѣ не всѣ изданы; кромѣ того, имъ издано двѣ книги (на французскомъ и русскомъ языкахъ): «Завѣщаніе музыканта» и «Un coin perdu de la Russie». Въ первой изъ нихъ онъ возстаетъ противъ чрезмѣрнаго наполненія консерваторій сомнительными дарованіями, вообще противъ чрезмѣрнаго культа музыки, обозначившагося въ послѣднія десятилѣтія — курьезная постановка вопроса для человѣка, посвятившаго всю жизнь искусству. Во второй въ простой и непритязательной формѣ, но живо и интересно онъ передаетъ свои наблюденія надъ общественною жизнью русской провинціи, сдѣланныя имъ во время его поѣздокъ по Россіи, предпринимавшихся имъ нерѣдко послѣ оставленія консерваторіи. За грани-

цею онъ не могъ долго ужиться: его тянуло постоянно въ Россію. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8995).

† **Ремезовъ, И. С.** 12-го марта въ Петербургѣ скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Сократовичъ Ремезовъ. Покойный родился въ 1828 году; въ 1847 году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по камеральному факультету въ 1851 году. Послѣ этого онъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ былъ дѣлопроизводителемъ въ департаментѣ государственной экономіи, а съ 1883 года — помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Года три назадъ И. С. былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Литературную дѣятельность И. С. началъ еще въ 1840 г. помѣщеніемъ нѣсколькихъ повѣстей и разсказовъ въ журналѣ «Иллюстрація»; затѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ настольномъ словарѣ Толя, писалъ въ журналѣ «Русское Слово» и былъ редакторомъ текста «Русскаго Художественнаго Листка» Тимма. Въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ онъ издалъ рядъ брошюръ для народнаго чтенія о русскихъ самоучкахъ, а въ 1886 г. собралъ и обработалъ этотъ матеріалъ въ одной книгѣ подъ общимъ заглавіемъ «Самоучки («Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»). Вопросы народнаго образованія и просвѣщенія вообще всего болѣе интересовали И. С. и составляли, такъ сказать, главный нервъ всей его жизни и дѣятельности. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ единства средней школы и отдѣленія профессіональнаго образованія отъ общаго, И. С. всю свою жизнь обдумывалъ и обрабатывалъ отвѣчавшій его идеямъ общій планъ народнаго образованія, который и былъ имъ опубликованъ вмѣстѣ съ критикою существующей постановки у насъ этого дѣла въ брошюрѣ: «Главныя основы общей системы народнаго образованія», вышедшей въ С.-Петербургѣ въ 1899 году безъ имени автора. Статьи И. С. по народному образованію и по педагогическимъ вопросамъ печатались въ «Журналѣ для воспитанія», «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ».

Всегда бодрый, жаждавшій общественной дѣятельности и притомъ всецѣло преданный университету, И. С. принималъ самое дѣятельное участіе въ обществѣ вспомоществованія студентамъ императорскаго С.-Петербургскаго университета; благодаря его энергіи и настойчивости, вызывавшей даже нареканія со стороны нѣкоторыхъ изъ сочленовъ, удалось увеличить неприкосновенный капиталъ общества съ 4.000 до 100.000 рублей.

И. С. былъ также членомъ и казначеемъ комитета грамотности, изъ коего вышелъ послѣ его преобразованія. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8995; «Россія» 1901 г., № 677).

† **Рукавишниковъ, И. Д.** 23-го февраля, скончался почетный мировой судья Иванъ Васильевичъ Рукавишниковъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи филантроповъ. Сынъ виднаго дѣятеля на Уралѣ, Ив. Вас. родился въ 1842 году, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ и затѣмъ на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Первые шаги обществен-

ной дѣятельности Ивана Васильевича начались по избраніи его мировымъ судьею г. Петербурга. Первые четыре трехлѣтія по введеніи судебныхъ уставовъ Рукавишниковъ безсмѣнно исполнялъ должность мирового судьи. Сталкиваясь въ своей камерѣ съ тысячами фактовъ горькой нищеты, преступленій изъ-за куска хлѣба, Рукавишниковъ проникся другою мыслью о служеніи обществу, мыслью работать на почвѣ благотворительности. Онъ отказывается отъ баллотировки на пятое трехлѣтіе, но зато избирается думою въ почетные мировые судьи, званіе которое онъ носилъ до послѣдняго дня жизни. Съ девятидесятыхъ годовъ Рукавишниковъ посвятилъ себя дѣятельности по николаевскому комитету для разбора и призрѣнія нищихъ, гдѣ въ теченіе $5^1/_2$ лѣтъ состоялъ вице-президентомъ. На нужды комитета Иванъ Васильевичъ затратилъ немало своихъ средствъ и вложилъ много труда, онъ устроилъ паровую образцовую прачешную, пріобрѣлъ для ремесленнаго училища инвентарь, организовалъ работы нищихъ внѣ дома комитета, устроилъ убѣжище, улучшилъ больницу, лѣчебницу и пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей. Покойный, между прочимъ, создалъ народный театръ въ селѣ Рожественѣ, лѣчебницу, школу, библіотеку — тамъ же, больницу въ селѣ Даймище и много другихъ учрежденій. Онъ долгое время былъ казначеемъ палестинскаго общества, предсѣдателемъ попечительнаго комитета Елисаветинской дѣтской больницы, членомъ общества борьбы съ проказою, предсѣдателемъ Александровскаго пріюта для арестантскихъ дѣтей и членомъ многихъ другихъ благотворительныхъ учрежденій, содѣйствуя успѣшной дѣятельности каждаго изъ нихъ щедрыми пожертвованіями. Скончался Иванъ Васильевичъ на 58 году отъ рожденія. (Некрологи его: «Россія» 1901 г., № 659; «Новое Время» 1901 г., № 8989).

† **Сниткинъ, М. Н.** Въ Петербургѣ скончался извѣстный врачъ по дѣтскимъ болѣзнямъ Михаилъ Николаевичъ Сниткинъ, авторъ распространенной книги «Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми». Покойный родился въ 1837 году, образованіе получилъ въ 3-й с.-петербургской гимназіи и въ медико-хирургической академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1863 году. Будучи врачомъ въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ, покойный имѣлъ возможность прекрасно изучить дѣтскій организмъ, что при всегдашней его добротѣ и внимательности дѣлало его незамѣнимымъ для тѣхъ многочисленныхъ семей самыхъ различныхъ классовъ и состояній, гдѣ ему приходилось пользовать больныхъ дѣтей. Скромный труженикъ, готовый подѣлиться послѣдней копейкой съ нуждающимся, Михаилъ Николаевичъ, несмотря на обширную практику, сошелъ въ могилу бѣднякомъ, не оставивъ многочисленному семейству своему никакихъ средствъ къ существованію. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8985).

† **Суворовъ, П. П.** Въ Коломнѣ скончался 13-го февраля писатель Петръ Павловичъ Суворовъ, хорошо извѣстный въ журнальномъ мірѣ Петербурга. Покойный принималъ близкое участіе въ качествѣ сотрудника въ «Будильникѣ», велъ иностранный отдѣлъ и писалъ фельетоны изъ заграничной жизни въ «Петербургскомъ Листкѣ», сотрудничалъ въ «Голосѣ» и въ другихъ изда-

ніяхъ, редактировалъ «Новости» до пріобрѣтенія ихъ О. К. Нотовичемъ и въ послѣдніе годы напечаталъ рядъ беллетристическихъ очерковъ и воспоминаній въ «Русскомъ Обозрѣніи». Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ литературныхъ кружковъ 60-хъ годовъ и хорошо зналъ всѣхъ выдающихся представителей русской журналистики того времени. Какъ писатель-журналистъ, Петръ Павловичъ отличался искренностью и горячимъ стремленіемъ къ возвышенному, идеальному. Его беллетристическія произведенія не лишены таланта и ярко рисуютъ лицъ и бытъ послѣ освободительной эпохи. Его первые разсказы и стихотворенія были изданы въ 1878 году отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Житейскіе отголоски». Въ 1899 году его разсказы и воспоминанія, печатавшіеся съ 1893 года по 1898 годъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», появились въ продажѣ, подъ заглавіями: «Разсказы изъ далекаго прошлаго» и «Записки о прошломъ». Въ послѣднемъ изданіи приведены покойнымъ интересныя воспоминанія о журналистахъ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, а также о разныхъ лицахъ, съ которыми сталкивала его долголѣтняя служба по интендантскому вѣдомству. Между прочимъ Петръ Павловичъ напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» извлеченіе изъ записокъ сенатора Синельникова. Покойный родился въ 1839 году въ Лаишевѣ Казанской губерніи, образованіе получилъ во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Будучи кадетомъ, онъ пристрастился подъ вліяніемъ чтенія къ литературнымъ занятіямъ, написалъ поэму «Вечеръ въ деревнѣ», одобренную И. С. Тургеневымъ, и сталъ издавать въ корпусѣ литографированный журналъ «Вѣстникъ». Свою службу онъ началъ въ Казани въ мѣстномъ баталіонѣ; вскорѣ участіе въ дуели заставило покойнаго покинуть Казань и переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ опредѣлился на службу въ главное интендантство. Въ Петербургѣ, благодаря знакомству по московскому корпусу съ княземъ Н. С. Назаровымъ и Н. В. Альбертини, онъ вошелъ въ литературные кружки В. Ѳ. Корша и Г. Е. Благосвѣтлова и вскорѣ самъ сталъ писать и сотрудничать въ разныхъ изданіяхъ. Первые годы 1870-хъ годовъ онъ провелъ въ Восточной Сибири, служа въ Иркутскѣ и печатая передовыя статьи и фельетоны въ мѣстной газетѣ «Сибирь». Послѣдняя русско-турецкая война заставила его уѣхать изъ Петербурга на югъ Россіи, затѣмъ онъ поселился на Кавказѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника и жилъ въ послѣдніе годы въ Коломнѣ, посѣщая Петербургъ только наѣздами. Умеръ онъ 62 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1901 г., № 8970).

† **Фонъ-деръ-Ховенъ, А. И.** 2-го марта скончался генералъ для особыхъ порученій при главномъ артиллерійскомъ управленіи и совѣщательный членъ артиллерійскаго комитета, генералъ-майоръ Александръ Ивановичъ фонъ-деръ-Ховенъ. Покойный родился 22-го марта 1843 года, образованіе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Начавъ службу въ первой батареѣ 4-й сводной резервной артиллерійской бригады, онъ перевелся вскорѣ въ главное артиллерійское управленіе. Отличавшійся замѣчательной аккуратностью, дѣловитостью, знаніемъ артиллерійской спеціальности и умѣньемъ ладить съ людьми, А. И. всегда былъ избираемъ

для устройства русскаго военнаго отдѣла на международныхъ и всероссійскихъ выставкахъ. Во время заграничныхъ командировокъ онъ основательно знакомился съ техническими усовершенствованіями артиллерійскаго дѣла въ сосѣднихъ государствахъ и привозилъ съ собой множество новостей. Артиллерійскому дѣлу покойный посвятилъ цѣлый рядъ статей и очерковъ; онъ принималъ постоянное участіе въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Военномъ Сборникѣ», въ которыхъ преимущественно и печаталъ свои спеціальные труды. Будучи по природѣ человѣкомъ мягкимъ и добрымъ, онъ не могъ равнодушно относиться къ столичной бѣднотѣ и особенно жалѣлъ дѣтвору, страдающую отъ голода, холода и болѣзней. Онъ принялъ самое энергичное участіе въ обществѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ еще въ то время, когда общество это организовывалось и развивало свою дѣятельность. Покойный лично посѣщалъ квартиры бѣдняковъ и помогалъ имъ, чѣмъ могъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8986).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Замѣчательная еврейская пѣснь».

Чрезвычайно интересная статья В. В. Розанова, помѣщенная въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» подъ заглавіемъ «Замѣчательная еврейская пѣснь», заключаетъ въ себѣ весьма много цѣнныхъ указаній о характерѣ еврейскихъ праздниковъ. Съ свойственной автору проникновенностью онъ добрался до самой сути психологіи еврейскихъ праздниковъ. Отъ статьи его такъ и вѣетъ той специфической атмосферой, тѣмъ духомъ, которые витаютъ надъ Израилемъ во время его исполненія своихъ религіозныхъ праздниковъ. Статья В. В. Розанова должна произвести громадное впечатлѣніе даже на читателей-евреевъ; въ ней чувствуется, какъ писатель проникъ въ святая святыхъ еврейства и рисуетъ его психологію съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Я бы сказалъ, что отъ статьи г. Розанова пахнетъ Израилемъ, еслибъ такъ можно было выразиться. Пахнетъ Израилемъ не только библейскимъ, но и современнымъ. Впрочемъ, въ своей домашней, интимной и религіозной жизни Израиль современный, въ сущности, не разнится отъ Израиля библейскаго; онъ представляется мнѣ консервомъ, тщательно закупореннымъ и сохраненнымъ во всей своей неприкосновенности отъ временъ Библіи до нашихъ дней. Доказательствомъ сему могутъ служить «Изреченія мужей великой синагоги» («Пирке-Аботъ»), составленныя или собранныя въ восьмомъ или девятомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова. Въ этихъ «Изреченіяхъ» (они имѣются въ

русскомъ переводѣ г. А. Воля) отцы синагоги бичуютъ Израиль за тѣ же недостатки, за которые бичуютъ ихъ библейскіе пророки, и восхваляютъ за добродѣтели тоже библейскія. Такъ и чувствуется, что для Израиля тысячелѣтія прошли, не задѣвая его нравственнаго роста и не вліяя на его усовершенствованіе и развитіе. Однажды сложившійся организмъ словно застылъ, оставшись нечувствительнымъ къ окружающему. Не въ этомъ ли заключается глубокая тайна живучести еврейскаго народа?..

Мысли эти невольно пришли мнѣ въ голову при чтеніи вышеупомянутой статьи В. В. Розанова. Статья интересна, глубока и поучительна. Я рѣшаюсь просить редакцію «Историческаго Вѣстника» позволить мнѣ, не вдаваясь въ критику, сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Мнѣ кажется, что въ опредѣленіи «хомеца», сдѣланномъ почтеннымъ авторомъ, кроется если не ошибка, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое недоразумѣніе. В. В. Розановъ говоритъ:

«Самое уничтоженіе хомеца похоже на охоту; его ищутъ и, не касаясь руками, истребляютъ; тутъ—чувство гадливости и вражды. Бросается въ глаза, что было нѣчто подобное чувству къ хомецу у евреевъ, чувство ихъ къ покоряемымъ хананейскимъ городамъ и къ имуществу ихъ, и къ скоту, и къ суммѣ населенія включительно съ дѣтьми. Вы помните въ «Книгѣ судей израилевыхъ» не буквально, но говорится не разъ: «и пощадилъ израильтянинъ того-то» (друга или доброжелателя), или спряталъ себѣ «то-то» (драгоцѣнности или одежду); и разгнѣвался Богъ, и стали искать, «не взялъ ли кто себѣ что нибудь изъ заклятаго»; и находили несчастнаго (еврея), и обыкновенно онъ погибалъ и съ семействомъ въ сущности изъ-за «хомеца». По крайней мѣрѣ, одна психологія, одна метафизика, намъ абсолютно непонятная. Такимъ «хомецомъ» былъ и царь, котораго пощадилъ Саулъ, и пророкъ разодралъ одежду свою на-двое, сказавъ: «такъ будетъ разодрано твое царство послѣ тебя». Одна таинственная психологія, одинъ гнѣвъ; спеціальный израильскій гнѣвъ, параллельны только спеціальной же израильской любви. Замѣтимъ для тѣхъ, кто подумалъ бы, что хомецъ состоитъ только во внѣпасхальной пищѣ, что, напримѣръ, во время Пасхи еврей продаетъ, пусть фиктивно, всѣ, напримѣръ, трактиры, кабаки и вообще тѣ части имущества, которыхъ касаются чужіе (не евреи), или которое служитъ не евреямъ; на Пасху онъ долженъ быть только еврей и съ евреями».

Это опредѣленіе «хомеца» г. Розановымъ рисуетъ намъ въ высшей степени своеобразную этику евреевъ къ иновѣрцамъ и ихъ имуществу. Имущество иновѣрца для еврея не только не представляетъ цѣнность, на которую онъ бы зарился, но даже представляетъ собою нѣчто оскверненное, нечистое, къ чему еврей долженъ чувствовать гадливость, не только стремиться къ его пріобрѣтенію, но даже если оно доставалось ему случайно въ видѣ трофея послѣ войны,—еврей долженъ уничтожить его, стереть съ лица земли и сдѣлать несуществующимъ... Таковъ выводъ, къ которому должны прійти, ознакомившись съ опредѣленіемъ значенія «хомеца» г. Розановымъ. Будь это опредѣленіе библейски вѣрно и придерживайся современные евреи этики, припи-

сываемой имъ г. Розановымъ, ни въ Европѣ, ни у насъ въ Россіи не существовало бы еврейскаго вопроса въ той острой формѣ, въ которой онъ существуетъ; отъ этого вопроса отпала бы одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ — сторона экономическая. Поражаюсь, что такой глубокій знатокъ Библіи, какъ г. Розановъ, при опредѣленіи имъ значенія «хомеца» упустилъ изъ виду подробный разсказъ о томъ, какъ во время выхода изъ Египта самъ Моисей посовѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ захватить драгоцѣнности перепуганныхъ египтянъ съ собою, обманнымъ образомъ. Значитъ, драгоцѣнности иновѣрцевъ и ихъ богатства далеко не «хомецъ» для избраннаго Богомъ народа... И такимъ образомъ опредѣленіе «хомеца», сдѣланное г. Розановымъ, по-моему не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но если въ опредѣленіи «хомеца», сдѣланномъ г. Розановымъ, кроется, во всякомъ случаѣ, недоразумѣніе, то вся статья его въ общемъ представляетъ собою выдающійся интересъ, и я позволю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое, несомнѣнно, подтвердитъ мои слова.

Въ писательской манерѣ В. В. Розанова имѣется одна особенность. Выбирая ту или другую тему для своихъ изслѣдованій, онъ очень часто отвлекается отъ главнаго предмета и, какъ бы мимоходомъ и невзначай, попутно роняетъ намеки... Эти попутно роняемые намеки таковы по своимъ достоинствамъ, что иногда важнѣе главной темы, затрогиваемой писателемъ. И въ статьѣ «Замѣчательная еврейская пѣснь» такихъ намековъ имѣется нѣсколько. На одинъ изъ этихъ намековъ обращу вниманіе, какъ автора, такъ и читателя.

Давая картину еврейскаго праздника Пасхи, г. Розановъ, коснувшись психологіи этого праздника, весьма тонко и проникновенно раскрылъ передъ нами значеніе въ жизни современнаго еврея синагоги и подчеркнулъ отсутствіе святости синагоги въ глазахъ самихъ евреевъ. Г. Розановъ говоритъ:

«Еврейскій праздникъ не проводится на дому, а играется, священствуется на дому, и его играютъ, въ немъ священствуютъ члены семьи. Замѣчательная особенность. Въ субботу ли, въ Пасху ли они бываютъ въ синагогѣ, спѣшатъ въ нее; но синагога—не главное; тамъ они читаютъ (раскрытыя мѣста Торы), но тамъ ничего не играется, не совершается, не происходитъ собственно. Нашъ литургическій моментъ совершенно отсутствуетъ въ еврейской синагогѣ. Происходитъ все—дома. Чѣмъ-то одушевленные евреи (въ праздникъ) бѣгаютъ, бѣгутъ, забѣгаютъ въ синагогу, гдѣ стоятъ въ шапкахъ, качаются, плюются, и, словомъ,—въ пути находятся; и стремительно оттуда выйдя (какъ и стремительно вошли туда), они переступаютъ порогъ дома; здѣсь шапка сброшена, плевковъ ужъ нѣтъ, никто не качается. Еврей спокоенъ, сіяетъ и начинаетъ плавно, почти пластично, «играть праздникъ»..

Въ приведенной цитатѣ, обнимающей лишь неполныхъ пятнадцать строкъ, вмѣщается характеристика цѣлаго религіознаго культа во всемъ его объемѣ. Надо быть Розановымъ, чтобы на такомъ маломъ пространствѣ строкъ сказать такъ много. И опять замѣчу, что сказано это мимоходомъ, второпяхъ. Авторъ, очевидно занятый главною мыслью своей статьи, нечаянно натолкнулся на новую мысль, которая мелькнула въ разгарѣ работы, но онъ на ней

долго не останавливается, не углубляется въ нее и мимоходомъ заноситъ ее на бумагу и спѣшитъ дальше за своей главной мыслью. Онъ самъ какъ-то уничижительно называетъ этотъ проблескъ своей мысли маленькимъ «нота-бене».

Но это маленькое нота-бене стоитъ того, чтобы талантливый писатель къ нему возвратился и посвятилъ ему подробное изслѣдованіе. «Нашъ литургическій моментъ совершенно отсутствуетъ въ еврейской синагогѣ. Происходитъ все—дома». И «еврейскій праздникъ не проводится на дому, а играется, священствуется на дому». Въ этихъ двухъ фразахъ заключается вся психологія современнаго религіознаго культа евреевъ. Синагога—не храмъ; литургіи и вообще службы въ синагогѣ нѣтъ и быть не можетъ. Еврейская религія не только религія національная, и еврейскій Богъ не только Богъ исключительно евреевъ, но и культъ этой религіи связанъ съ извѣстнымъ мѣстомъ и съ храмомъ на святой землѣ. Внѣ Іерусалима нѣтъ храма, нѣтъ богослуженія, нѣтъ литургіи. Національный еврейскій Богъ не допускаетъ никакой святости для храма, который построенъ не на указанномъ мѣстѣ... Послѣ разрушенія второго Іерусалимскаго храма, богослуженіе евреевъ прекратилось, и святость храма преемственно не перешла въ наслѣдство къ синагогамъ; въ послѣднихъ не служатъ Богу, а только молятся Ему... Туда, т. е. въ синагогу, какъ тонко замѣчаетъ Розановъ, «бѣгаютъ, бѣгутъ, забѣгаютъ, стоятъ въ шапкахъ, качаются, плюются и, словомъ, въ пути находятся». Оно и понятно. Въ синагогѣ нѣтъ службы, нѣтъ «игры»... Эта служба, эта игра сохранилась въ семьяхъ. Если такимъ образомъ съ уничтоженіемъ второго Іерусалимскаго храма прекратилась служба Господу, и лежащій въ основѣ еврейства націонализмъ не могъ примириться съ пріобщеніемъ святости своимъ синагогамъ, то все-таки жажда служенія Богу у евреевъ была настолько велика, что они стали утолять эту жажду въ своихъ семьяхъ или вѣрнѣе въ семейной обстановкѣ, обставляя свои праздники обрядами, напоминающими именно служеніе, а не простую молитву; «игрою», какъ опредѣляетъ это г. Розановъ.

Изъ сказаннаго видно, насколько интересной темы коснулся мимоходомъ въ своей статьѣ г. Розановъ... Было бы очень жаль, если бы уважаемый писатель не возвратился къ этой темѣ и не далъ по этому поводу обстоятельнаго изслѣдованія. Право, предметъ чрезвычайно интересный и стоитъ подробной обработки.

О. Литвинъ.

II.

По поводу статьи г. Добровольскаго.

Сорокъ пять слишкомъ лѣтъ прошло послѣ Севастополя, обстановка отбитія штурма 6 іюня 1855 года ни въ комъ не возбуждала даже и тѣни сомнѣнія, всѣ дѣйствія войскъ пріобрѣли право на историческую истину, но вотъ 45 лѣтъ спустя въ № 2 «Историческаго Вѣстника» за 1901 годъ помѣщена статья г. Добровольскаго «Разсказъ объ императорѣ Александрѣ II».

Статья эта произвела какое-то странное впечатлѣніе на меня, стараго севастопольца.

Сначала авторъ статьи такъ растерялся, что не могъ даже отвѣтить государю на обычный тогда вопросъ, а потомъ такъ разошелся, что дошелъ до развязной фамильярности, и въ своемъ воображеніи извратилъ факты и приводилъ такія распоряженія, которыя несогласны ни съ обстановкою, ни съ лицами.

Припомнимъ обстановку штурма 6 іюня 1855 года. Я не помню хорошо данныхъ, но на Малаховомъ курганѣ, а значитъ, и на остальныхъ бастіонахъ, въ ночь на 6-е іюня штурма ожидали, и все, что только было возможно, было приготовлено для встрѣчи непріятеля; къ разсвѣту брустверы были исправлены, амбразуры расчищены, подбитыя орудія замѣнены новыми, и всѣ орудія заряжены картечью, заряженныя ружья положены на брустверы, и лишь только французы показались изъ траншей, какъ стрѣльба орудійная и ружейная слилась въ одинъ непрерывный гулъ.

Сколько времени продолжался штурмъ, я не могу опредѣлить, но намъ это время показалось минутами,—штурмъ былъ вездѣ отбитъ, кромѣ батареи Жерве, гдѣ французы ворвались на батарею, захватили ее и начали тѣснить батальонъ Полтавскаго полка, очень слабый численностью; Хрулевъ, уже бывшій у кургана, зналъ объ этомъ успѣхѣ непріятеля и, сознавая большую опасность для Малахова, съ минуты на минуту поджидалъ резерва. Въ это-то критическое время 5-я мушкатерская рота Сѣвскаго полка, бывшая на работахъ на 3-мъ бастіонѣ, шла на курганъ, на присоединеніе къ своему полку; несмотря на ничтожность поддержки, Хрулевъ тотчасъ же бросилъ роту въ бой.

Обстановка для роты была благопріятна: было еще довольно темно, рота не знала силъ противника, а французы, почувствовавъ, что на нихъ ударила новая сила, сразу остановили свое наступленіе, а съ прибытіемъ резервовъ, скоро начали отступать, и батарея Жерве опять была занята нами.

Теперь о реляціи.

Въ реляцію, составленную въ штабѣ арміи, конечно, цѣликомъ вошла реляція Хрулева о Корабельной сторонѣ; г. Добровольскій заподозрѣлъ кого-то въ невѣрномъ составленіи реляціи, но разъ она прошла чрезъ руки Хрулева, и въ ней вся честь боя приписана 5-й ротѣ Сѣвскаго полка, — выходитъ, что виноватъ Хрулевъ,—порадѣлъ родному человѣчку.

Разберемъ, могло ли это быть.

Сѣвскій полкъ 6-го іюня былъ еще новичекъ въ Севастополѣ и находился тамъ менѣе трехъ сутокъ [1]), полкъ, Хрулеву совершенно неизвѣстный; Якутскій же полкъ былъ II-й дивизіи, а кому въ Севастополѣ не было извѣстно, что II-я дивизія—это любимая дивизія Хрулева, и онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ [2]) выразился о ней такъ, какъ ни о комъ не выражался. Приказъ

---

[1]) Сѣвскій полкъ вступилъ въ Севастополь 3 іюня около 5 часовъ вечера.

[2]) Приказъ этотъ, вѣроятно, сохранился въ II дивизіи.

этотъ, вѣроятно, не безъизвѣстенъ и г. Добровольскому. Я хорошо помню заключеніе этого приказа: «Я почту себѣ за честь водить въ бой славные полки II-й дивизіи»—лучше этой аттестаціи и быть не можетъ.

Если бы реляція была составлена невѣрно и не въ пользу Якутскаго полка, то Хрулевъ бы такъ не оставилъ этого и не далъ бы въ обиду своихъ испытанныхъ любимцевъ.

Г. Добровольскій говоритъ о дѣйствіяхъ Якутскаго полка и о распоряженіяхъ Хрулева: «Къ счастью, непріятель не успѣлъ еще занять оборонительной линіи (т. е. 2-й), и мы ЗАЛЕГЛИ за ней вдоль по всему ея протяженію. Хрулевъ, уѣзжая на 2-й бастіонъ, приказалъ не предпринимать ничего до его возвращенія, а лишь отстаивать нашу позицію».

Это Хрулевъ отдалъ такое приказаніе и въ такой моментъ?!..

Въ нѣсколькихъ саженяхъ кипитъ бой, французы уже заняли батарею Жерве, а Хрулевъ приказалъ ЛЕЖАТЬ полку за стѣнкой, а самъ уѣхалъ!.. Тутъ даже и логики-то нѣтъ: да не только такой выдающійся генералъ, какъ Хрулевъ, а самый заурядный не сдѣлалъ бы ничего подобнаго, а тотчасъ бросилъ бы прибывшій резервъ въ бой.

А у г. Добровольскаго выходитъ такъ: полкъ лежитъ и ожидаетъ, пока французы на плечахъ полтавцевъ и сѣвцевъ появятся передъ стѣнкой [1]). Если Хрулевъ не задумался, чтобы поддержать полтавцевъ, бросить въ бой даже одну роту, то ужъ, конечно, онъ не приказалъ бы лежать, а бросилъ бы въ бой весь Якутскій полкъ.

Честь боя 6-го іюня на батареѣ Жерве, безспорно, принадлежитъ 5-й мушкатерской ротѣ Сѣвскаго полка, и она дорогой цѣной купила эту честь: въ размѣрѣ 37% изъ роты пролили свою кровь Хрулевскіе «благодѣтели», въ числѣ ихъ и ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Островскій, убитый въ самомъ началѣ боя; роту принялъ и окончилъ съ нею бой подпоручикъ Келлеръ, и донынѣ здравствующій генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

Умѣстнымъ еще нахожу добавить.

Въ 1871 году покойный писатель А. Ѳ. Погосскій, на Севастопольскомъ обѣдѣ, говоря о памятникѣ Хрулеву, упомянулъ и о Сѣвской ротѣ, но назвалъ ее 8-й, а не 7-й (бывшая 5-я мушкатерская); предполагая опечатку въ «Русскомъ Инвалидѣ», я тогда же просилъ редактора, генерала Менькова, исправить ошибку, но Погосскій въ письмѣ ко мнѣ увѣдомилъ, что ошибка эта его и, чтобы, такъ сказать, загладить ее, прислалъ въ роту 100 экземпляровъ своей повѣсти «Старики» и просилъ меня составить именной списокъ роты участниковъ боя 6-го іюня, съ отмѣткой убитыхъ и раненыхъ.

Прошло послѣ боя 16 лѣтъ, и мнѣ казалось, что списокъ составить невоз-

---

[1]) Стѣнки эти были построены Елецкимъ и Сѣвскимъ полками изъ камней, въ сухую кладку, по ночамъ съ 3-го по 6-е іюня и были только грудной высоты.

можно, но оказалось, что всѣ дѣла полковой канцеляріи были въ такомъ порядкѣ, что составленіе списка не представило никакого затрудненія.

Лишь 7 человѣкъ ввели меня въ сомнѣніе: они были налицо, но въ дѣлѣ фактически не участвовали, но и это сомнѣніе скоро разъяснилось: это были — артельщикъ, 2 кашевара, 2 конюха и 2 дневальныхъ около ранцевъ.

Списокъ этотъ Погосскій передалъ въ Севастопольскій отдѣлъ Московской политехнической выставки, бывшей въ 1872 году. Куда поступили послѣ выставки вещи Севастопольскаго отдѣла, — я не помню, но если въ Севастопольскій музей, то, вѣроятно, списокъ этотъ тамъ и хранится.

Бывшій командиръ 7-й линейной роты 34 пѣхотнаго Сѣвскаго полка,

отставной генералъ-майоръ Косенко.

III.

По поводу воспоминаній С. А. Цурикова.

Въ 1-мъ и 2-мъ №№ «Историческаго Вѣстника» за 1901 годъ напечатаны воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ С. А. Цурикова, гдѣ, между прочимъ, описано и сраженіе у г. Елены, бывшее 22-го ноября 1877 года.

Какъ участникъ сраженія у г. Елены, смѣло могу сказать, что весь разсказъ г. Цурикова о Еленинскомъ сраженіи не согласенъ съ истиною. Воспоминанія напечатаны въ 1901 году, и неужели г. Цуриковъ за 20 слишкомъ лѣтъ не нашелъ возможнымъ и нужнымъ пересмотрѣть и провѣрить свои воспоминанія.

1. Въ сраженіи у г. Елены участвовали Сѣвскій и Орловскій полки, а не Брянскій, который находился все время на Шипкѣ. Ординарцу главнокомандующаго слѣдовало бы это знать.

2. Никакого нечаяннаго нападенія не было; мы уже задолго, недѣли за двѣ, знали, что на насъ собирается гроза. Турки разрабатывали дорогу изъ г. Сливно въ г. Котелъ, въ ущельѣ Демиръ-Капу, и оттуда нами отчетливо были слышны взрывы. Болгары постоянно сообщали о стягиваніи Сулейманомъ-пашей значительныхъ войскъ и даже съ такими подробностями, что въ Котлѣ приказано пекарямъ приготовлять ежедневно по нѣсколько тысячъ раціоновъ хлѣба. Турки производили усиленныя и частыя рекогносцировки нашей позиціи, а 20-го ноября на всѣхъ склонахъ горъ, обращенныхъ къ г. Еленѣ, у г. Беброва, появились турецкіе лагери, которые намъ отчетливо были видны, да турки, видимо, и не дѣлали секрета изъ своего сосредоточенія.

Въ ночь на 22-е ноября разъѣзды Орденскаго драгунскаго полка уже не могли продвинуться версты за двѣ за нашу цѣпь и вездѣ натыкались на густыя цѣпи черкесовъ и пѣхоты. Мнѣ, какъ занимавшему съ 3-мъ батальономъ

Сѣвскаго полка самую передовую позицію, въ самомъ селеніи Горній-Марекъ, и бывшему главнымъ резервомъ передовыхъ постовъ, часовъ около 11 ночи доложено было объ этомъ Орденскаго полка поручикомъ Куббе, бывшимъ въ одномъ изъ разъѣздовъ, почему всѣмъ ротамъ приказано спать одѣтыми, а въ ожиданіи дѣла обѣдъ для нижнихъ чиновъ приказано приготовить къ разсвѣту, и по первому выстрѣлу, а это было ровно въ 6 часовъ утра, роты успѣли пообѣдать и стали въ ружье. Для обороняющагося всякая аттака, несмотря на готовность, будетъ нѣкоторою неожиданностью. (Примѣръ—Плевна. Вылазку Османа-паши ожидали чуть ли не ежечасно, и всѣ возможныя мѣры были приняты, а Османъ-паша не только переправился черезъ р. Видъ, но даже незамѣтно прошелъ нѣсколько верстъ, пока не наткнулся на гренадеръ. А вылазку вѣдь ждали!?).

3. Полковые праздники празднуются: полковъ Сѣвскаго и Орловскаго—6-го декабря, а Орденскаго—26-го ноября и 21-го ноября. Въ г. Еленѣ никакого особеннаго празднества не было, и лишь по случаю обыкновеннаго праздничнаго дня играли хоры музыки, но это бывало во всѣ праздничные дни и раньше.

4. Атака батальона Орловскаго полка, подъ личной командой полковника Клевезаля, была въ началѣ боя, а не въ концѣ его. Когда 1 и 3 батальоны Сѣвскаго полка были уже сбиты съ передовыхъ позицій, около 8 часовъ утра, на плато Моренскаго бивака, прибылъ на подкрѣпленіе намъ Орловскій батальонъ (всѣ пять ротъ съ двумя орудіями 5-й батареи 9-й бригады), но, не будучи оріентированъ ни мѣстностью, ни ходомъ боя, батальонъ сразу бросился въ атаку; атака была, безусловно, блестящая и лихая, но результата отъ нея, кромѣ огромныхъ потерь въ батальонѣ, и не могло быть. Силы турокъ, введенныя ими къ этому моменту въ бой, противъ трехъ, и при томъ слабыхъ численностью, батальоновъ, были уже несоразмѣрно велики.

5. Но все предыдущее г. Цуриковъ говоритъ по слухамъ, а вотъ этого уже онъ самъ будто былъ очевидцемъ. Г. Цуриковъ говоритъ: «но людей, ее занимавшихъ (то-есть Іовковецкую позицію), я засталъ въ невозможномъ видѣ: многіе изъ нихъ были безъ шинелей и мундировъ, въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ и сапогахъ и кутались въ полотнища отъ палатокъ».

Трудно даже понять, гдѣ могъ видѣть это г. Цуриковъ. Повидимому, все это чистѣйшій вымыселъ или какое-то недоразумѣніе; ничего даже подобнаго не было. Рѣшительно всѣ нижніе чины не только были въ мундирахъ и шинеляхъ, но весьма многіе имѣли даже и полушубки, выданные не задолго до сраженія. Да разъ люди сохранили полотнища палатокъ, то неестественно, чтобы они побросали мундиры и шинели. Я командовалъ 3-мъ батальономъ Сѣвскаго полка, а 3-й батальонъ первымъ вступилъ въ бой съ турками, а при провѣркѣ людей послѣ боя на Іовковецкой позиціи (а мнѣ пришлось дѣлать эту провѣрку лично, такъ какъ изъ батальона въ бою убыли всѣ пять ротныхъ командировъ и четыре фельдфебеля) я ни одного человѣка не видѣлъ раздѣтымъ; всѣ имѣли мундиры и шинели; а на другой день, 23-го ноября, я видѣлъ и другія части Сѣвскаго и Орловскаго полковъ, и всѣ были одѣты

исправно. А г. Цуриковъ былъ у насъ 24-го или 25-го ноября. Не только мундировъ и шинелей, но даже и полушубковъ было немало; это видно уже и изъ того, что въ холодныя ночи на Іовковецкой позиціи солдаты не разъ укрывали меня своими полушубками и, если бы они были въ одномъ бѣльѣ, то, само собой разумѣется, не могли бы подѣлиться со мной полушубками. Да если бы солдаты и были вынуждены что либо побросать, то скорѣе палатки, но и этого не было, такъ какъ этими палатками они пользовались до конца войны.

Послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ переходъ черезъ Балканы совершенъ вполнѣ благополучно, именно благодаря довольно еще исправной одеждѣ. Пополнить же будто бы растерянную одежду и не откуда было.

Къ сожалѣнію, сраженіе у г. Елены до сихъ поръ слабо разъяснено. Вина въ томъ, конечно, больше всего падаетъ на насъ же, участниковъ боя.

Еленинскій отрядъ: полки Сѣвскій и Орловскій пѣхотные, рота 14 стрѣлковаго батальона, Военнаго ордена драгунскій полкъ, три легкихъ батареи: 4-я и 5-я 9-й бригады и 5-я 14-й бригады, и два орудія 20-й конной батареи, силою не болѣе 6 тысячъ,—велъ упорный бой въ продолженіе цѣлаго дня противъ 30-тысячнаго корпуса турокъ и, какъ говорилъ М. И. Драгомировъ, исполнилъ свое дѣло отъ сердца. Результатомъ же такого упорнаго боя и потери были громадны: убыло 50 офицеровъ и 2.050 нижнихъ чиновъ, то-есть, около 50% офицеровъ и болѣе 30% нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ убитыхъ 18 офицеровъ и 670 нижнихъ чиновъ, и, хотя изъ 26 орудій потеряно въ бою 11, но потеря ихъ и доказываетъ упорство боя. Эти 11 орудій были подбиты, а больше брошены за совершенною потерею всѣхъ лошадей. Зато послѣдній выстрѣлъ ихъ былъ—картечь въ глаза туркамъ и на дистанціи не болѣе 100 шаговъ.

Г. О. Косенко.

IV.

Къ статьѣ В. В. Жерве.

Считаю нелишнимъ исправить небольшую неточность, вкравшуюся въ статью В. В. Жерве: «Къ біографіи П. А. Ѳедотова», помѣщенную въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», касательно того, что П. А. Ѳедотовъ находился на излѣченіи отъ душевнаго разстройства въ лѣчебницѣ доктора Штейна.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ пятидесятыхъ годовъ во главѣ вышеназванной лѣчебницы, помѣщавшейся тогда на Слоновой улицѣ, стоялъ основатель ея—докторъ Лейдесдорфъ, и лѣчебница перешла ко мнѣ только въ 1854 году, спустя, слѣдовательно, два года послѣ смерти П. А. Ѳедотова, и вскорѣ же была переведена въ новое помѣщеніе—на Тверскую улицу, за Таврическимъ

садомъ. Такимъ образомъ, П. А. Ѳедотовъ могъ быть помѣщенъ не къ кому другому, какъ только къ доктору Лейдесдорфу, на что совершенно правильно и указываютъ біографы художника, Дитерихсъ и Сомовъ, а Н. С. Шишмарева, отъ которой, главнымъ образомъ, исходитъ вышеуказанная неточность, посѣщала больного художника не на Тверской улицѣ, а на Слоновой, и была допущена къ больному не мною, а владѣльцемъ лѣчебницы, докторомъ Лейдесдорфомъ.

Д-ръ медицины Ф. А. Штейнъ.

Призраки не двигались съ мѣста и продолжали смотрѣть на него.

— Пощадите меня! пощадите! — кричалъ онъ, обезумѣвъ отъ страха.

Онъ схватился за стулъ, но стулъ подался.

— Помогите! помогите!—раздалось подъ сводами тюрьмы.

— Кто тамъ кричитъ?—послышался голосъ Барасена, который, вернувшись назадъ, съ удивленіемъ увидѣлъ Робеспьера лежавшимъ на каменномъ полу.

Онъ подумалъ, что «неподкупный» упалъ, вѣроятно, во снѣ со стула, и, поставивъ фонарь на полъ, сталъ помогать ему подняться.

Робеспьеръ проснулся и сталъ дико озираться по сторонамъ. Увидавъ Барасена, онъ оттолкнулъ его отъ себя.

— Я вижу, что вы еще не совершенно проснулись,--произнесъ со смѣхомъ сторожъ.

Робеспьеръ молча протиралъ себѣ глаза.

— Вы, вѣрно, видѣли дурной сонъ? или, можетъ быть, у васъ былъ кошмаръ?

— Да,—отвѣчалъ Робеспьеръ, приходя въ себя.

И, съ трудомъ поднявшись, онъ тяжело опустился на стулъ.

Тогда Барасенъ объяснилъ результатъ посѣщенія келій. Онъ допросилъ всѣхъ арестантовъ, но молодого человѣка, по имени Жермена, не оказалось.

Робеспьеръ поблагодарилъ его, хотя все еще безпокойно смотрѣлъ по сторонамъ.

Неожиданно онъ вскочилъ и, схвативъ за руку Барасена, спросилъ:

— Мы здѣсь одни?

— Конечно!—отвѣчалъ съ удивленіемъ сторожъ.

— Такъ пойдемте отсюда скорѣй!—произнесъ Робеспьеръ нетерпѣливо, и какъ только Барасенъ отворилъ рѣшетку, онъ пустился почти бѣгомъ къ выходу.

— Гражданинъ Робеспьеръ, — крикнулъ онъ:—не идите такъ шибко, я не могу за вами поспѣть.

Но Максимиліанъ не обращалъ на него вниманія и еще болѣе ускорилъ шаги.

XI.

Робеспьеръ сталъ дышать свободно. Онъ былъ на свѣжемъ воздухѣ: звѣзды сверкали на чистомъ небѣ, и Сена тихо катила волны у его ногъ, но онъ не смѣлъ остановиться на набережной, боясь, чтобы ему, какъ Фукье-Тенвилю, вода не показалась кровавой.

Мало-по-малу онъ совершенно успокоился, и мысли его вернулись къ Оливье. Если юноша не находился въ консьержери, то гдѣ же онъ былъ?

Войдя во внутренній дворъ Тюильри, онъ не рѣшилъ, еще куда направить свои шаги. Но тутъ его озарила мысль. Онъ прямо пошелъ въ павильонъ Свободы. Тамъ помѣщался комитетъ общественной безопасности, которому были отведены тѣ самыя комнаты, въ которыхъ когда-то жилъ Людовикъ XVI. Этотъ комитетъ обыкновенно засѣдалъ поздно ночью, и Робеспьеръ былъ увѣренъ, что онъ найдетъ кого нибудь. Дѣйствительно онъ встрѣтилъ въ прихожей Бильо-Варренъ и Коло-д'Эрбуа. Они бросали на него ироническіе взгляды, и ему стало ясно, что послѣ пораженія въ якобинскомъ клубѣ они подвели подъ него какую нибудь мину. Это вывело его изъ терпѣнія, и онъ гнѣвно воскликнулъ:

— Такъ вы выпустили узника, котораго я заперъ въ тюрьмѣ Ла-Форсъ?

— Да, — отвѣчалъ Бильо-Варренъ, очень довольный, что они чѣмъ нибудь насолили своему грозному противнику.

— Зачѣмъ?

— Чтобы подвергнуть его передопросамъ.

— Гдѣ онъ?

— Ищите!

— Я вамъ приказываю тотчасъ его вернуть въ тюрьму Ла-Форсъ!

— Мы не повинуемся вашимъ приказаніямъ.

— А, вы хотите вступить въ борьбу со мною! Будетъ вамъ борьба со мною, и на смерть, завтра же!

Онъ повернулся и ушелъ, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь.

Бильо-Варренъ и Коло-д'Эрбуа направились въ залу комитета общественной безопасности, чтобы донести о бурной сценѣ съ Робеспьеромъ. Но на порогѣ Бильо остановился и сказалъ:

— Погодите, я прежде пойду и допрошу юношу.

Съ этими словами онъ направился въ комнату верхняго этажа, гдѣ Оливье съ пяти часовъ дня сидѣлъ подъ надзоромъ жандарма, которому Куланжонъ приказалъ зорко охранять юношу до рѣшенія его судьбы комитетомъ.

Куланжонъ былъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ сыщиковъ комитета. Переодѣтый нищимъ, онъ проникъ въ Манморансскій лѣсъ и былъ свидѣтелемъ свиданія Робеспьера съ Воганомъ. Когда же агенты Робеспьера обратили его въ бѣгство, то онъ долго ждалъ на опушкѣ лѣса англичанина, но тщетно; англичанинъ исчезъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ тотчасъ доложилъ обо всемъ комитету общественной безопасности. Бильо-Варренъ пришелъ въ восторгъ и, потирая себѣ руки отъ восторга, сказалъ:

— Этотъ англичанинъ долженъ быть Воганъ, агентъ Фокса, который уже два дня находится въ Парижѣ. А! У Робеспьера

тайное съ нимъ свиданіе! Онъ составилъ заговоръ: прекрасно, это намъ на-руку!

И Бильо-Варренъ приказалъ Куланжону освѣдомиться, находится ли попрежнему англичанинъ въ американскомъ консульствѣ, пока напишутъ приказъ объ его арестѣ.

Однако, въ консульствѣ сыщикъ узналъ, что Воганъ только что уѣхалъ изъ Парижа. Онъ усомнился въ справедливости этого извѣстія и, наведя дальнѣйшія справки, убѣдился, что англичанинъ отправился въ Женеву тотчасъ послѣ выхода изъ Монморансскаго лѣса.

Члены комитета общественной безопасности узнавъ, что имъ приходилось отказаться отъ обвиненія Робеспьера въ заговорѣ, потому что основать это обвиненіе на одномъ показаніи было невозможно, тѣмъ болѣе Куланжону, какъ агенту комитета на жалованьѣ, никто не повѣрилъ бы. Впродолженіе нѣсколькихъ дней они надѣялись, что англичанинъ вернется въ Парижъ. Но вскорѣ имъ пришлось отказаться и отъ этой надежды.

Но однажды вечеромъ Куланжонъ принесъ комитету добрую вѣсть. Случайно посѣтивъ по какому-то дѣлу тюрьму Ла-Бурбъ, онъ засталъ арестантовъ и арестантокъ за ужиномъ во дворѣ акацій. Двѣ изъ арестантокъ обратили на себя его вниманіе; ему показалось, что онъ ихъ гдѣ-то видѣлъ, и, подумавъ минуту, онъ вспомнилъ, что онѣ разговаривали съ Воганомъ въ Монморансскомъ лѣсу, прежде чѣмъ появился на сцену Робеспьеръ. Его подозрѣніе вполнѣ подтвердилось справкой въ тюрьмѣ. Эти обѣ женщины были привезены изъ Монморанси и арестованы по приказанію Робеспьера.

— Вотъ и прекрасно! у насъ два свидѣтеля,—воскликнулъ съ восторгомъ Бильо-Варренъ.

— Три,—прибавилъ сыщикъ: — я теперь припоминаю, что съ этими женщинами былъ еще молодой человѣкъ.

— Его необходимо разыскать. Отправляйтесь скорѣй въ Монморанси и привезите его сюда.

Послѣ двухдневныхъ розысковъ сыщикъ нашелъ, наконецъ, домикъ въ лѣсу, и сначала садовникъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, куда дѣвался Оливье послѣ ареста его матери и невѣсты, но потомъ заявилъ, что, можетъ быть, слесарь Леонаръ имѣетъ о немъ какія нибудь свѣдѣнія. Разыскавъ Леонара, Куланжонъ добился отъ него, что молодой человѣкъ отправился въ Парижъ послѣ ареста матери и невѣсты. Куланжонъ поблагодарилъ слесаря за эти свѣдѣнія, коими не удовольствовался, и ловко разузналъ отъ сосѣдей, что Леонаръ по временамъ ѣздитъ въ Парижъ и останавливается въ улицѣ Рошэ, въ меблированныхъ комнатахъ вдовы Вогранъ.

Вернувшись въ Парижъ, Куланжонъ разыскалъ вдову Вогранъ, и она тотчасъ разсказала ему, что этотъ молодой человѣкъ былъ безумецъ, оскорбившій Робеспьера на праздникѣ въ честь Верховнаго Существа и заключенный потомъ въ тюрьму Ла-Форсъ.

Комитетъ общественнной безопасности узналъ объ этомъ послѣ засѣданія восьмого термидора и пришелъ въ восторгъ.

— Мы сейчасъ потребуемъ въ комитетъ всѣхъ трехъ арестантовъ и сами допросимъ ихъ,—произнесъ торжествующимъ тономъ Бильо-Варренъ.

Дѣйствительно Куланжонъ получилъ два соотвѣтственные приказа въ тюрьмы Ла-Бурбъ и Ла-Форсъ. Прежде всего онъ отправился за Оливье и перевезъ его въ Тюильри, гдѣ заперъ въ маленькой комнатѣ надъ комитетской залой подъ надзоромъ жандарма. Но въ Ла-Бурбъ опоздалъ: Леба уже освободилъ обѣихъ женщинъ по приказанію Робеспьера.

Вернувшись въ комитетъ и не найдя тамъ Бильо-Варрена, Куланжонъ написалъ ему о всѣхъ подробностяхъ дѣла.

— У насъ остается изъ трехъ свидѣтелей только одинъ,—воскликнулъ Бильо, явившись съ Коло-д'Эрбуа послѣ засѣданія въ якобинскомъ клубѣ и прочитавъ записку: — впрочемъ это самый главный. Въ нашихъ рукахъ человѣкъ, оскорбившій измѣнника. Необходимо тотчасъ подвергнуть его допросу. Это будетъ забавно.

По дорогѣ въ комнату, гдѣ содержался Оливье, онъ встрѣтилъ Робеспьера, и между ними произошла бурная сцена; а затѣмъ онъ произвелъ допросъ арестованнаго юноши.

Оливье не зналъ ничего о заговорѣ. Можетъ быть, Робеспьеръ видѣлся съ англичаниномъ въ лѣсу, но онъ, Оливье, ушелъ тотчасъ по встрѣчѣ съ англичаниномъ.

— Вы говорили съ нимъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ Вогапомъ?

— Да, я помѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами.

— Такъ вы его знаете?

— Моя мать его знаетъ. Онъ старый другъ ея и отца.

— Такъ она знала, зачѣмъ онъ явился въ Манморансскій лѣсъ?

— Нѣтъ, она случайно встрѣтилась съ нимъ. Онъ сбился съ дороги и...

— Вы ничего не знаете о томъ, что произошло послѣ васъ?

— Ничего, кромѣ ареста моей матери и невѣсты по гнусному приказу Робеспьера.

Бильо-Варренъ былъ очень разочарованъ допросомъ Оливье и даже сомнѣвался, говорилъ ли онъ правду.

— Впрочемъ, юноша, можетъ быть, и одумается до утра,—говорилъ онъ себѣ, спускаясь по лѣстницѣ:—я завтра вторично его

допрошу, и, можетъ быть, онъ тогда откроетъ всю правду. Однако, онъ кажется чистосердечнымъ.

Размышляя такимъ образомъ, онъ отворилъ дверь въ залу комитетскихъ засѣданій, но остановился на порогѣ въ изумленіи. Ему представилась такая бурная сцена, что онъ немедленно забылъ Оливье.

Эта зала принадлежала къ частнымъ аппартаментамъ короля и представляла смѣсь богатства и изящества съ одной стороны и грубой вульгарности — съ другой. Красовавшіяся нѣкогда надъ пятью дверями, изъ которыхъ двѣ выходили въ длинный коридоръ, королевскія короны были сорваны. Стѣны и двери были покрыты печатными декретами конвента и различными произведеніями революціонной литературы на трехцвѣтной бумагѣ. Все это представляло поразительный контрастъ въ бѣлой золоченой залѣ въ стилѣ Людовика XV съ изящными лѣпными карнизами и расписнымъ потолкомъ, на которомъ рѣзвились нимфы и купидоны среди гирляндъ цвѣтовъ. Еще болѣе рѣзкій контрастъ обнаруживался въ мебели. Рядомъ съ золочеными креслами, дорогая обивка которыхъ висѣла лохмотьями, стояли простые деревянные стулья съ расшатавшимися ножками. Въ одномъ углу залы виднѣлся большой столъ съ различными кушаньями и бутылками вина.

Въ ту минуту, какъ Бильо-Варренъ остановился на порогѣ, Коло д'Эрбуа, окруженный Бареромъ, Карно, Пріеромъ и Эли-Лакостомъ, гнѣвно объяснялся съ Сенъ-Жюстомъ. Другъ Робеспьера сидѣлъ за столомъ и писалъ рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнесть на слѣдующее утро въ конвентѣ. Онъ спокойно, презрительно отвѣчалъ на сыпавшіяся на него оскорбленія и выводилъ изъ себя своихъ противниковъ ироническими вопросами о засѣданіи якобинскаго клуба.

— Вы просто измѣнникъ,—кричалъ Коло,—вы, вѣроятно, пишете обвинительный актъ противъ насъ.

— Вы измѣнникъ и клятвопреступникъ!—прибавилъ Эли Лакостъ:—вы съ Робеспьеромъ и Кутономъ тріумвиратъ лжи и предательства.

Сенъ-Жюстъ, не теряя своего самообладанія, оставилъ перо и хладнокровно предложилъ прочесть свою рѣчь.

— Мы не хотимъ васъ слушать,—воскликнулъ Бареръ:—мы не боимся васъ и вашихъ сообщниковъ: вы мальчишка, Кутонъ несчастный калѣка, а Робеспьеръ...

Въ эту минуту Бареру подали письмо, онъ прочиталъ его, и лицо его приняло безпокойное выраженіе. Онъ знакомъ предложилъ своимъ товарищамъ выйти въ коридоръ, подъ предлогомъ не мѣшать Сенъ-Жюсту.

Освободившись отъ присутствія врага, Бареръ объяснилъ своимъ друзьямъ, что это письмо было отъ Лекуэндра, извѣщавшаго,

что войска коммуны нападутъ утромъ на комитетъ, и предлагавшаго свой баталіонъ для защиты комитета.

— Что я вамъ говорилъ!—воскликнулъ Эли-Лакостъ:—надо тотчасъ арестовать вождей коммуны, а также Робеспьера и его двухъ сообщниковъ.

— А начать съ Сенъ-Жюста съ его рѣчью!—прибавилъ Коло.

— Здѣсь только что былъ Робеспьеръ,—сказалъ Бильо-Варренъ, присоединившійся къ своимъ товарищамъ.— Онъ непремѣнно хотѣлъ узнать, куда дѣлся арестантъ изъ тюрьмы Ла-Форсъ. Мы съ Коло отвѣчали, что не обязаны давать отчета въ дѣйствіяхъ комитета, а онъ гнѣвно закричалъ: вы хотите борьбы? будетъ вамъ борьба! Вы видите, насъ предупредилъ самъ «неподкупный».

— Но мы его уничтожимъ, благодаря его заговору съ англичаниномъ. У насъ довольно свидѣтелей.

— По несчастью, у насъ нѣтъ свидѣтелей—отвѣчалъ Бильо.

— Какъ нѣтъ свидѣтелей!—воскликнулъ Бареръ въ изумленіи.— Что вы хотите этимъ сказать? Развѣ Куланжонъ...

— Онъ опоздалъ въ тюрьму Ла-Бурбъ. Леба уже взялъ по приказу Робеспьера обѣихъ женщинъ, и куда онѣ дѣлись, неизвѣстно.

— Мерзавецъ. Онъ подозрѣваетъ, что мы знаемъ объ его заговорѣ и спряталъ ихъ, какъ важныхъ свидѣтелей, но вѣдь у насъ остался юноша.

— Онъ здѣсь наверху, но онъ ничего не знаетъ.

— Онъ лжетъ, онъ измѣнникъ!

— Нѣтъ, онъ кажется, совершенно чистосердеченъ и ненавидитъ Робеспьера. Ну, да я его еще завтра утромъ допрошу во второй разъ.

— А пока мы должны прибѣгнуть къ хитрости!—сказалъ Бареръ.

Всѣ согласились съ Барeромъ, что ихъ спасеніе заключалось въ хитрости. Къ тому же имъ не грозила мгновенная опасность. Робеспьеръ не любилъ насильственныхъ мѣръ и не нарушитъ закона, какъ доведенный до крайности. Вызовъ, брошенный имъ въ лицо Бильо-Варрену, былъ только слѣдствіемъ гнѣвной вспышки, и Сенъ-Жюстъ увѣрялъ ихъ въ чистотѣ намѣреній «неподкупнаго». Поэтому для нихъ было всего благоразумнѣе надѣть маску довѣрія и тѣмъ обезоружить тріумвиратъ.

Въ сущности положеніе комитета было критическое: имъ необходимо было избрать одинъ изъ двухъ одинаково опасныхъ шаговъ: или открыто вступить въ борьбу съ Робеспьеромъ и, поборовъ его совершенно, подчинить себѣ конвентъ, или оставить власть въ рукахъ Робеспьера, который, конечно, въ свою очередь уничтожилъ бы ихъ.

Возвратясь въ комитетскую залу, гдѣ Сенъ-Жюстъ все еще писалъ свою рѣчь, члены комитета стали громко разсуждать между

собою, что въ сущности они погорячились, и не было причины подозрѣвать въ измѣнѣ Робеспьера и его друзей, которые уже не разъ доказали на дѣлѣ свой патріотизмъ. Гораздо нужнѣе было принять мѣры къ защитѣ комитета, такъ какъ ему грозила опасность со всѣхъ сторонъ. Все это говорилось громко, чтобы доказать Сенъ-Жюсту полное довѣріе къ нему.

— Если бы якобинцы и коммуна предпринимали что нибудь противъ комитета, то я зналъ бы объ этомъ,—сказалъ Сенъ-Жюстъ, вмѣшиваясь въ разговоръ и какъ бы довѣряя своимъ противникамъ:— значитъ, вамъ нечего тревожиться. Конечно, на улицѣ было значительное волненіе, благодаря распространеннымъ противъ Робеспьера клеветамъ. «Неподкупный» вскорѣ успокоитъ народъ. Что же касается до меня, то я готовъ забыть оскорбленія, нанесенныя однимъ изъ моихъ товарищей въ пылу разговора.

Коло-д'Эрбуа по знаку Барера выразилъ сожалѣніе, что онъ увлекся и наговорилъ лишнее.

— На это не надо обращать вниманіе. И то смѣются надъ вѣчными ссорами въ комитетѣ.

Сенъ-Жюстъ хладнокровно кивнулъ головой и, окончивъ черновую своей рѣчи, спряталъ ее въ карманъ.

Теперь пять часовъ,—сказалъ онъ, вставая и смотря на часы:— къ десяти мою рѣчь перепишутъ, и я вамъ ее прочту, чтобы уничтожить всякія недоразумѣнія.

Онъ надѣлъ шляпу, взялъ палку и удалился, а всѣ остальные члены комитета также стали собираться домой. Но не успѣлъ Сенъ-Жюстъ исчезнуть за наружной дверью, какъ они вернулись въ комитетскую залу и тотчасъ послали за тремя личностями, которыхъ подозрѣвали въ сообщничествѣ съ Робеспьеромъ, насчетъ устройства народнаго возстанія. Это были Ганріо, начальникъ конвентской арміи, Пэанъ, агентъ коммуны, Флёріо-Леско, мэръ Парижа.

Послѣдніе два вскорѣ явились, но Ганріо нигдѣ нельзя было отыскать. Ихъ держали въ комитетѣ въ продолженіе четырехъ часовъ, угощая, они курили, ѣли, пили и болтали. На предлагаемые имъ безконечные вопросы они отвѣчали въ такомъ духѣ, что комитетъ мало-по-малу успокоился.

Между тѣмъ, парижское населеніе, не спавшее всю ночь, начало съ пяти часовъ наполнять галлереи конвента, хотя засѣданіе должно было начаться только въ полдень. Каждую минуту начали приходить вѣстники изъ зала конвента съ заявленіями, что волненіе публики все возрастаетъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго комитетъ открылъ свое засѣданіе, а Пэанъ и Флёріо-Леско удалились. Сенъ-Жюстъ не появлялся, но вскорѣ раздался стукъ костылей по коридору, и въ дверяхъ показался Кутонъ.

— Гдѣ Сенъ-Жюстъ?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ придетъ.

Ровно часъ удерживалъ Кутонъ комитетъ увѣреніями, что немедленно придетъ Сенъ-Жюстъ, и старался занять его разговоромъ о патріотизмѣ Робеспьера. Наконецъ Карно не выдержалъ и смѣло заявилъ, что все это продѣлки Кутона, Сенъ-Жюста и Робеспьера, съ цѣлью обмануть комитетъ.

— Вы напрасно такъ дурно говорите о патріотизмѣ Робеспьера,— протестовалъ Кутонъ:—вы низко клевещете на друга своего дѣтства.

— Если я поступаю низко, то вы измѣнникъ!—воскликнулъ Карно, внѣ себя отъ злобы.

Предчувствуя бурю, Кутонъ съ трудомъ поднялся и удалился на своихъ костыляхъ. Роковыя извѣстія достигли комитета. Его дѣйствительно обманули. Сенъ-Жюстъ сейчасъ взойдетъ на трибуну, чтобы прочесть обвинительный актъ противъ комитета. Робеспьеръ составилъ списокъ восемнадцати лицъ, казни которыхъ онъ немедленно требовалъ.

Среди общаго смятенія кто-то вошелъ въ залъ и спросилъ Бильо-Варрена. Ему отвѣчали, что Бильо вышелъ, но сейчасъ вернется.

— А, вотъ и Фуше!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Въ дверяхъ показался депутатъ Фушэ, и на посыпавшіеся на него вопросы онъ отвѣчалъ:

— Да, ваши опасенія справедливы. Робеспьеръ снялъ маску и предъявилъ обвиненія противъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей. Конечно, онъ и меня не забылъ.

— Имена, имена!—снова раздалось со всѣхъ сторонъ.

Фуше не зналъ, кого именно будетъ обвинять Робеспьеръ, но каждый боялся за себя, и всѣ смотрѣли съ безпокойствомъ на часы. Оставалось только двѣнадцать минутъ до открытія засѣданія конвента. Черезъ минуту явился еще депутатъ и заявилъ, что Робеспьеръ вошелъ въ залу со своимъ братомъ Огюстеномъ, Кутономъ, Леба и всѣми своими сторонниками, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ публики, переполнившей галлерею.

— Это его обычные клакеры,—замѣтилъ кто-то.

— Съ пяти часовъ робеспьериты обоего пола ѣдятъ, пьютъ и безобразничаютъ въ галлереяхъ.

— Они уже съ утра пьяны!

— Ну, пойдемъ отдавать свои головы пьянымъ!—воскликнулъ Фушэ.

Въ эту минуту появился Бильо-Варренъ.

— Наконецъ-то онъ пришелъ!—воскликнулъ кто-то, и Бильо забросали вопросами:—это правда, начинается борьба?

Бильо былъ очень встревоженъ, обтиралъ платкомъ себѣ лицо и спросилъ стаканъ вина.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—борьба началась, и смертельная. Я вѣдь

васъ предупреждалъ. Робеспьеръ прямо мнѣ объ этомъ сказалъ вчера, а мы не можемъ доказать существованія заговора.

— Какого заговора?—спросилъ Фуше.

— Ахъ, да, вамъ это неизвѣстно...

Бильо знакомъ распорядился, чтобы закрыли двери, такъ какъ въ коридорѣ сновали шпіоны Робеспьера, и началъ разсказывать исторію объ англичанинѣ. Фуше и другіе члены комитета, Вадье, Амаръ и Вуланъ, которые ничего не знали объ этомъ, слушали съ любопытствомъ, но остальные изъ ихъ товарищей, которымъ уже набилъ оскомину этотъ разсказъ, нетерпѣливо ходили взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ видѣ улики противъ Робеспьера, Бильо-Варренъ предъявилъ привезенный Куланжономъ изъ тюрьмы Ла-Бурбъ приказъ «неподкупнаго» объ освобожденіи двухъ женщинъ.

— Конечно, этого достаточно, чтобы погубить его,—сказалъ Фуше:—ну, а что же говоритъ юноша?

— Я только что вторично его допросилъ: онъ повторилъ свое первое показаніе, и, повидимому, это показаніе такъ же чистосердечно, какъ его ненависть къ Робеспьеру. Онъ искренно сожалѣетъ, что не убилъ его во время праздника на площади Революціи.

— Если бы онъ это сдѣлалъ, то мы всѣ были бы спасены!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да, но онъ этого не сдѣлалъ,—замѣтилъ Фуше:—а существованіе заговора мы не можемъ ничѣмъ доказать.

— Не правда, измѣна Робеспьера очевидна!

Завязался оживленный споръ. Измѣна «неподкупнаго» была очевидна, но конвентъ ей не повѣритъ. Онъ потребуетъ доказательствъ. А ему нельзя было представить ни англичанина, ни женщинъ. Единственнымъ свидѣтелемъ былъ Куланжонъ, получавшій жалованье отъ комитета. Обвинять Робеспьера при такихъ обстоятельствахъ было однимъ безуміемъ. Онъ произнесетъ пламенную рѣчь и втопчетъ въ грязь своихъ враговъ.

— Это правда!—произнесъ одинъ изъ членовъ комитета:—ему стоитъ только открыть ротъ, чтобы всѣ задрожали отъ страха и согласились съ нимъ.

— Такъ мы зажмемъ ему ротъ,—произнесъ Фуше:—это единственное средство покончить съ нимъ.

Глаза всѣхъ обратились на него вопросительно. Фуше объяснилъ свою мысль. Они должны были всѣ поднять такой крикъ, такой шумъ и гамъ, что Робеспьеръ не могъ бы произнесть ни слова. Публика въ галлереяхъ начнетъ громко протестовать и увеличитъ общее смятеніе. Робеспьеръ покричитъ, покричитъ и умолкнетъ отъ истощенія, побѣжденный сумятицей.

— Вѣрно, вѣрно!—воскликнули всѣ присутствовавшіе въ одинъ голосъ.

Бильо одобрилъ эту мысль и распорядился увѣдомить всѣхъ ихъ друзей о новой тактикѣ, заключавшейся въ томъ, не надо было дозволять Робеспьеру произнести ни одного слова.

— Скорѣе, скорѣе! Сенъ-Жюстъ входитъ на трибуну,—воскликнулъ кто-то, отворяя дверь.

— Хорошо, хорошо! — отвѣчалъ Бильо: — начнемте съ Сенъ-Жюста.

И всѣ бросились къ дверямъ.

Между тѣмъ Фуше предупредилъ знакомъ Вадье, Омара и Вулана, чтобы они остались, а когда всѣ удалились, то Фуше сказалъ въ полголоса.

— Хотя я и предложилъ этотъ планъ, но его недостаточно, чтобы одолѣть Робеспьера. Даже арестованный, приговоренный къ смерти, на эшафотѣ, онъ все-таки будетъ намъ опасенъ. Народъ такъ обожаетъ его, что во всякое время освободитъ его, а тогда онъ насъ всѣхъ погубитъ. Примемъ лучше болѣе дѣйствительныя мѣры. Гдѣ сумасшедшій юноша, о которомъ говорилъ Бильо?

— Вотъ тамъ,—отвѣчалъ Омаръ, указывая на лѣвую дверь.— Позовите его, я поговорю съ нимъ отъ имени комитета.

Хотя товарищи не поняли его намѣренія, но Вуланъ отворилъ дверь и позвалъ арестованнаго.

Оливье вошелъ въ комнату въ сопровожденіи жандарма, который, увидавъ Фуше и другихъ членовъ комитета, почтительно остановился на порогѣ. Юноша взглянулъ на нихъ равнодушно, думая, что его будутъ снова спрашивать объ англичанинѣ.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ Фуше, надѣвъ шляпу и какъ бы собираясь уйти:—вы первый заклеймили тирана, съ которымъ мы теперь вступили въ борьбу. Этого достаточно, чтобы комитетъ оказалъ вамъ снисхожденіе: вы можете итти. Гражданинъ свободенъ,—прибавилъ Фуше, обращаясь къ жандарму.

Послѣдній удалился, и Оливье хотѣлъ сдѣлать то же, но Вадье остановилъ его.

— Только берегитесь, молодой человѣкъ, чтобы снова не попасться въ когти нашему врагу, если онъ восторжествуетъ,—сказалъ Вадье, понявъ планъ Фушэ.

Оливье остановился и произнесъ:

— Граждане, я боюсь не за себя, моя мать и невѣста находятся въ тюрьмѣ, и Робеспьеръ отомститъ имъ за меня.

— По всей вѣроятности,—замѣтилъ Фуше.

— Такъ комитету слѣдуетъ ихъ освободить.

— Такъ комитетъ и хотѣлъ сдѣлать,—отвѣчалъ Фуше, пожимая плечами:—но это невозможно.

— Почему?

— Потому что Леба увезъ ихъ изъ тюрьмы Ла-Бурбъ, по приказу Робеспьера, — отвѣчалъ Фуше: — бумага подписана Робеспьеромъ.

— Гдѣ же онѣ?—воскликнулъ юноша внѣ себя отъ ужаса.

— Въ консьержери. А черезъ двадцать четыре часа имъ объявятъ приговоръ.

— Извергъ, извергъ!—произнесъ Оливье и прибавилъ:—но комитетъ всемогущъ. Освободите ихъ, умоляю васъ.

— Какой вы простякъ!—отвѣчалъ Фуше.—Вы думаете, что мы всемогущи, а намъ надо самимъ спасать свои головы. По всей вѣроятности, мы завтра встрѣтимся съ вашей матерью и невѣстой на эшафотѣ.

— Боже мой, Боже мой!—воскликнулъ Оливье внѣ себя отъ отчаянія:—неужели никто не убьетъ этого дикаго звѣря?

— Но кто же рѣшится быть убійцей?—замѣтилъ Фуше.

— Развѣ убійца тотъ, кто убиваетъ бѣшеную собаку?—воскликнулъ Оливье, выходя изъ себя.—А если народнаго мстителя растерзаютъ на куски, такъ что же? Онъ отомститъ за себя и спасетъ тысячи жертвъ.

— Конечно!—отвѣчалъ Фуше:—это единственное средство спасти вашу мать.—Но не надѣйтесь, молодой человѣкъ, такой герой не найдется,—замѣтилъ Вадье.—Патріоты въ родѣ Брута давно исчезли со свѣта,—прибавилъ Омаръ.

— Не надо многихъ, а одинъ найдется!—дико воскликнулъ Оливье и прибавилъ:—а гдѣ выходъ отсюда?

Вадье указалъ ему выходъ.

— Благодарю васъ, граждане! до свиданія!

Члены комитета общественной безопасности молча взглянули другъ на друга:

— Убьетъ ли онъ Робеспьера?—произнесъ Вадье.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Омаръ.

— Однако идемте кричать!—сказалъ Фуше.

И они всѣ бросились бѣгомъ къ залѣ конвента.

XII.

Занявъ свое мѣсто въ залѣ засѣданій, Фуше съ любопытствомъ оглянулся. Коло-д'Эрбуа занималъ предсѣдательское мѣсто. На трибунѣ стоялъ Сенъ-Жюстъ, а подъ нею прямо противъ бюста Брута виднѣлся Робеспьеръ, который какъ будто охранялъ трибуну, какъ вѣрный часовой.

— Онъ одѣтъ, какъ въ день праздника Верховнаго Существа—шепнулъ иронически Фуше своему сосѣду.

Дѣйствительно на Робеспьерѣ былъ синій фракъ, бѣлый шелковый вышитый жилетъ, короткія брюки, бѣлые чулки и башмаки. Онъ не забылъ также парикъ и пудру. Странное зрѣлище представляла эта фигура, изящно одѣтая по старой модѣ среди полторы

тысячи депутатовъ и слушателей, переполнявшихъ всю залу. Духота была такъ велика что многіе изъ присутствовавшихъ разстегивали сюртуки, жилеты и даже рубашки, обнажая грудь, а на галереяхъ грубые представители партіи sansculotte, снявъ свои красные колпаки, повѣсили ихъ на палки, которыя они держали въ рукахъ. Большинство слушателей состояло изъ робеспьеритовъ обоего пола, которые забрались въ залъ съ пяти часовъ утра и проводили время до открытія засѣданія довольно весело. Они пили, ѣли и пѣли пѣсни.

Появленіе Робеспьера ровно въ 12 часовъ было встрѣчено громкими рукоплесканіями публики, на что онъ отвѣчалъ любезными поклонами и улыбками.

— Я вамъ говорилъ, что мы одержимъ успѣхъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ сопровождавшему его Леба.

Онъ былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что, выходя изъ дома, совершенно успокоилъ семью Дюплэ относительно результата засѣданій.

— Повѣрьте мнѣ,—прибавилъ онъ:—большая часть членовъ конвента люди безпристрастные.

Но въ самомъ началѣ засѣданія, когда Сенъ-Жюстъ взошелъ на каѳедру, обнаружилось, что его враги не дремали и подготовили могущественную демонстрацію, почему Робеспьеръ и выбралъ мѣсто около трибуны, рѣшившись предупредить всякую попытку помѣшать Сенъ-Жюсту произнести свою рѣчь. Онъ такъ же, какъ наканунѣ Робеспьеръ, началъ огульно обвинять комитетъ общественной безопасности, не называя именъ.

— Довольно общихъ словъ,—крикнулъ Тальенъ, одинъ изъ заговорщиковъ противъ Робеспьера:—называйте по именамъ!

Сенъ-Жюстъ пожалъ плечами и продолжалъ говорить. Но со всѣхъ сторонъ раздаются крики, и поднимается такой шумъ и гамъ, что, несмотря на пламенные протесты Робеспьера, ораторъ не могъ кончить своей рѣчи. Планъ Фуше вполнѣ удался.

Тогда Бильо-Варренъ проситъ слова и ловко пробирается на трибуну при рукоплесканіяхъ своихъ друзей.

Робеспьеръ кричитъ, махаетъ руками, но его голосъ заглушается криками:

— Дайте говорить Бильо-Варрену! Дайте говорить Бильо-Варрену!

Коло-д'Эрбуа звонитъ изо всей силы въ предсѣдательскій колокольчикъ и тѣмъ увеличиваетъ общую сумятицу.

— Не слушайте Бильо-Варрена!—продолжаетъ восклицать Робеспьеръ:—его слова—ложь!

— Къ порядку! Къ порядку!—раздается со всѣхъ сторонъ:— Робеспьеръ не на трибунѣ! На трибунѣ Бильо-Варренъ! Пусть онъ говоритъ! пусть онъ говоритъ!

Робеспьеръ презрительно пожимаетъ плечами и возвращается на мѣсто.

Мало-по-малу водворяется тишина, и Бильо-Варренъ начинаетъ говорить:

— Я вчера былъ въ якобинскомъ клубѣ. Вся зала была полна людей, приведенныхъ для того, чтобы оскорблять депутатовъ и клеветать на комитетъ общественной безопасности, который день и ночь заботится о томъ, чтобы у народа былъ хлѣбъ, а у арміи оружіе для того, чтобы одержать побѣду.

— Хорошо, хорошо! — слышится чей-то голосъ, и раздаются громкія рукоплесканія.

— Я вижу,—продолжаетъ ораторъ, указывая на ту часть залы, которая носила названія Горы:—вотъ тамъ сидитъ одинъ изъ негодяевъ, который меня оскорбилъ вчера. Да, да, это онъ!

Друзья Бильо снова подымаютъ колоссальный шумъ, среди котораго слышатся крики:

— Вонъ! Вонъ!

Несчастный депутатъ, на котораго заговорщики неистово бросаются, сначала старается себя защитить, увѣряя въ своей невиновности, но потомъ, видя грозившую ему опасность, быстро исчезаетъ.

Пользуясь своимъ успѣхомъ, Бильо переходитъ прямо къ обвиненію Робеспьера:

— Этотъ человѣкъ,—кричитъ онъ во все горло: — забралъ въ свои руки парижскую армію и осмѣлился поставить въ ея главѣ недостойнаго Ганріо. Онъ не спросилъ для этого ни вашего, ни нашего согласія, а дѣйствовалъ самовольно. Онъ увѣряетъ, что пересталъ ходить въ комитетъ, потому что комитетъ дѣйствуетъ деспотически. Онъ лжетъ.

Робеспьеръ вскакиваетъ и хочетъ отвѣтить со своего мѣста, но ему не даютъ произнести ни одного слова.

— Да, вы лжете,—продолжаетъ Бильо:—вы потому перестали къ намъ ходить, что мы не согласны быть вашими сообщниками и помочь вамъ уничтожить свободу! Ваша цѣль сѣять между нами раздоры, истребить насъ поодиночкѣ и сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ. Вы окружаете себя только пьяницами и развратниками, въ родѣ того секретаря, который укралъ 150.000 ливровъ, и котораго вы пріютили подъ своимъ крыломъ! Вы—«неподкупный», вы мозолящій всѣмъ глаза своей добродѣтелью и честностью!

Раздается смѣхъ, и Робеспьеръ презрительно пожимаетъ плечами, считая унизительнымъ отвѣчать на такое безсмысленное оскорбленіе.

Фуше громче всѣхъ смѣется и шепчетъ сосѣду:

— Умная, ловкая тактика! Молодецъ Бильо!

Ораторъ теперь взываетъ къ патріотизму конвента и умоляетъ его принять мѣры для своей безопасности:

— Если вы не укротите этого безумца, — восклицаетъ онъ въ

концѣ своей рѣчи:—то вы всѣ погибнете, потому что онъ отдастъ въ жертву гильотинѣ всѣхъ, которые мѣшаютъ ему достигнуть своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Дѣло идетъ о спасенiи конвента, о спасенiи республики, о спасенiи Францiи. Я требую, чтобы конвентъ объявилъ свое засѣданiе безпрерывнымъ, пока онъ не положитъ конецъ честолюбивымъ планамъ новаго Катилины, который хочетъ сдѣлаться тираномъ, предавъ насъ всѣхъ смерти!

Раздаются громкiя рукоплесканiя, и друзья Бильо восторженно машутъ платками.

Робеспьеръ поднимается со своего мѣста и въ сильномъ волненiи кричитъ:

— Все это ложь, и я это докажу!

Его слова заглушаются неистовыми криками:

— Къ порядку! къ порядку!

— Я отвѣчу этому измѣннику,—продолжаетъ кричать Робеспьеръ и хочетъ пробраться къ трибунѣ, но заговорщики заграждаютъ ему путь и усиливаютъ общую сумятицу.

— Тише! тише!—слышится новый голосъ съ предсѣдательскаго мѣста.

Тюрьо замѣнилъ Коло-д'Эрбуа и громогласно произноситъ:

— Никто не можетъ говорить, пока я не дамъ ему права голоса.

— Я требую, чтобы меня выслушали,—восклицаетъ Робеспьеръ, напрягая свой голосъ.

— Нѣтъ, я даю слово Вадье!—произноситъ предсѣдатель, звоня въ колокольчикъ.

И на трибунѣ показывается Вадье.

— Да, да, пусть говоритъ Вадье!—произносятъ нѣсколько голосовъ.

— Это низко! это подло!—протестуетъ Робеспьеръ.

— Къ порядку! къ порядку!

— Граждане...—начинаетъ Вадье.

Но Робеспьеръ не даетъ ему говорить, требуя, чтобы его выслушали раньше.

— Заставьте, предсѣдатель, его замолчать! Мы хотимъ слушать Вадье.

Тюрьо звонитъ въ колокольчикъ и приказываетъ Робеспьеру не перебивать Вадье.

— Слово за Вадье!—произноситъ онъ.

Робеспьеръ снова покоряется судьбѣ и молча занимаетъ свое мѣсто.

Мало-по-малу водворяется тишина, и Вадье начинаетъ говорить слащавымъ голосомъ.

— Граждане, только 22 прерiаля я понялъ все двоедушiе этого человѣка, который скрывается подъ столькими масками и который,

не имѣя возможности спасти друга отъ грозящей ему опасности, посылаетъ его на эшафотъ...

Раздаются смѣхъ и рукоплесканія.

— Если вы станете его слушать,—продолжаетъ Вадье:—то онъ станетъ вамъ доказывать, что онъ единственный защитникъ свободы, и его всѣ преслѣдуютъ. Въ сущности же онъ преслѣдуетъ всѣхъ...

— Слушайте! слушайте! Вѣрно! вѣрно!

— Онъ жалуется, что ему не даютъ говорить, а въ сущности онъ только одинъ и говоритъ. Его вѣчный аргументъ: я лучшій другъ республики, а такой-то смотритъ на меня искоса, значитъ, онъ измѣнникъ республики, такъ какъ я и республика—одно!

Снова слышатся смѣхъ и одобрительныя восклицанія.

Робеспьеръ бросаетъ вокругъ себя презрительные взгляды. Но ораторъ ловко взялъ шуточный тонъ и, сдѣлавъ смѣшной грозную фигуру Робеспьера, унизилъ ее настолько въ глазахъ колебавшихся депутатовъ, что они готовы были примкнуть къ заговорщикамъ.

Однако Вадье, продолжая свою рѣчь и увлекаясь успѣхомъ, пустился въ мелочныя подробности и сталъ разсказывать анекдоты о томъ, какъ агенты Робеспьера слѣдили за членами комитета общественной безопасности по ресторанамъ и кабачкамъ.

— И вы можете слушать такой вздоръ! — воскликнулъ Робеспьеръ, замѣтивъ, что конвентъ начинаетъ утомляться болтовней Вадье, и желая возбудить въ немъ чувство достоинства.

Но Таліенъ понялъ опасность и бросился къ трибунѣ съ крикомъ:

— Я прошу слова! Мы удаляемся отъ вопроса!

— Не бойтесь, я вернусь къ вопросу! — отвѣчаетъ Робеспьеръ, подбѣгая къ трибунѣ съ другой стороны. Но нѣсколько депутатовъ, стоящихъ на ступеняхъ, отталкиваютъ его изо всей силы.

— Мы хотимъ слышать Тальена, Тальена!

— Послѣ меня!—кричитъ Робеспьеръ и съ неимовѣрными усиліями подымается на трибуну. — Несправедливые, гнусные судьи, неужели вы хотите слушать только моихъ враговъ?...

— Къ порядку! къ порядку! Тальенъ говоритъ!—слышится со всѣхъ сторонъ.

— Граждане!—начинаетъ Тальенъ зычнымъ голосомъ.

— Молчи, негодяй!—начинаетъ Робеспьеръ въ отчаяніи.

— Арестуйте сумасшедшаго!—произноситъ кто-то.

— Я хочу говорить! Я буду говорить!—произноситъ Робеспьеръ.

Нѣсколько депутатовъ схватываютъ его за руки. Тюрьо неистово звонитъ, и снова порядокъ съ трудомъ возстановляется.

— Маски сорваны! — начинаетъ Тальенъ громовымъ голосомъ, пока Робеспьеръ, остановленный на ступеняхъ трибуны многочисленными депутатами, съ трудомъ переводитъ дыханіе.—Вчерашняя

рѣчь, повторенная потомъ въ якобинскомъ клубѣ, доказала намъ, что за человѣкъ этотъ пресловутый патріотъ, который во время взятія Тюильри и ареста короля скрывался въ своемъ логовищѣ. Этотъ благородный гражданинъ, увѣряющій въ комитетѣ общественной безопасности, что онъ защитникъ угнетенныхъ, составляетъ въ тиши своего кабинета списки жертвъ, кровь которыхъ запятнала храмъ новорожденной свободы!

— Слушайте! Слушайте!

— Но его мрачные планы теперь обнаружены, — продолжаетъ Тальенъ:—мы свергнемъ тирана, прежде чѣмъ онъ зальетъ кровью всю Францію. Продолжительная удача его преступленій побудила его забыть осторожность. Онъ выдалъ себя въ минуту торжества, когда ему оставалось только назвать себя королемъ! Я также былъ вчера въ якобинскомъ, клубѣ, и мнѣ стало страшно за республику, когда я увидѣлъ, какая громадная армія сомкнула ряды вокругъ знамени этого новаго Кромвеля. Я вызвалъ тѣнь Брута, и если конвентъ не прибѣгнетъ къ правосудію, чтобы низвергнуть тирана, я поражу его въ самое сордце вотъ этимъ кинжаломъ.

И Тальенъ машетъ въ воздухѣ кинжаломъ. Онъ хочетъ броситься на Робеспьера, но десятки рукъ сдерживаютъ его, и со всѣхъ сторонъ раздается:

— Браво! Браво! Тальенъ!

Между Робеспьеромъ, Тальеномъ и окружающими ихъ депутатами происходитъ ужасная свалка. Въ воздухѣ стоятъ проклятія, грубая брань, площадныя ругательства. Предсѣдатель тщетно старается водворить порядокъ своимъ звонкомъ.

Наконецъ шумъ немного стихаетъ, и Робеспьеръ, пользуясь тѣмъ, громко кричитъ:

— Негодяи! Подлецы! Вы хотите осудить меня не выслушавъ моего оправданья!

— Мы примѣняемъ вашъ же преріальскій законъ!—отвѣчаетъ ему кто-то ироническимъ голосомъ.

Видя всю безполезность дальнѣйшихъ усилій, чтобы взойти на трибуну, Робеспьеръ направляется на середину залы и громко кричитъ, обращаясь къ депутатамъ Горы.

— Выслушайте же меня, граждане! Умоляю васъ, выслушайте меня!

Ему отвѣчаютъ дружнымъ крикомъ:

— Нѣтъ! нѣтъ! баллотировать его арестъ!

Робеспьеръ отшатывается съ ужасомъ. Его взглядъ останавливается на депутатахъ центра.

— Я обращаюсь къ вамъ, а не къ этимъ измѣнникамъ!—восклицаетъ онъ.

Но центръ безмолвствуетъ.

— Баллотировать! баллотировать! Арестъ! арестъ!

Ни одинъ голосъ не раздается въ пользу его. Никто не рѣшается его защищать. Даже толпа въ галлереяхъ знаменательно молчитъ.

— Подлецы! подлецы!—вырывается изъ устъ Робеспьера.

Но его голосъ заглушенъ криками:

— Ты подлецъ! смерть тирану! Баллотировать его арестъ! Баллотировать его арестъ!

Робеспьеръ блѣдный, истощенный дѣлаетъ еще послѣднюю попытку.

— Предсѣдатель убійцъ,—обращается онъ къ Тюрьо:—я въ послѣдній разъ требую слова!

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Такъ дѣлайте постановленіе о моемъ убійствѣ!.. началъ онъ, но голосъ ему измѣнилъ, и онъ не докончилъ своей фразы.

— Онъ подавился кровью Дантона!—произнесъ кто-то.

— Такъ вы мстите за Дантона!—произнесъ Робеспьеръ, собравшись съ силами:—отчего же вы его не защитили, собаки?

— Ты зажалъ ротъ защитникамъ Дантона, — отвѣчали ему:— теперь настала твоя очередь.

— Вы затравили его, псы!—злобно произноситъ Робеспьеръ.

— Неужели такъ тяжело свергнуть тирана?—раздается чей-то голосъ.

Это восклицаніе возбуждаетъ новую сумятицу. Тальенъ взбирается на трибуну и требуетъ, чтобы подвергнутъ былъ голосованію вопросъ объ арестѣ Робеспьера.

— Голосовать! голосовать!—раздается со всѣхъ сторонъ.

Но неожиданное общее вниманіе обращается на депутата, который выходитъ на средину зала и говоритъ твердымъ, звучнымъ голосомъ:

— Я требую чести раздѣлить судьбу брата, которому всегда помогалъ въ осуществленіи его благородныхъ цѣлей!

Это былъ Огюстенъ Робеспьеръ, который вернулся въ Парижъ наканунѣ и благородно жертвовалъ своей жизнью.

— Ставьте вопросъ объ арестѣ двухъ братьевъ Робеспьеровъ!

— И меня!—гордо закричалъ Леба.

— И Сенъ-Жюста!

— И Кутона!

— Голосовать! голосовать!

— Я поставлю вопросъ на голосованье, когда водворится порядокъ!—произноситъ предсѣдатель.

— Всѣ по мѣстамъ!

Депутаты занимаютъ свои мѣста, и среди рокового молчанія раздается голосъ предсѣдателя:

— Граждане, я ставлю вопросъ объ арестѣ Максимиліана Ро-

беспьера, Огюстена Робеспьера, Сенъ-Жюста, Кутона и Леба. Кто согласенъ съ этимъ предложеніемъ, пусть встанутъ.

Около сотни депутатовъ встаютъ, они всѣ принадлежатъ къ Горѣ. Видя, что центръ остается неподвижнымъ, Робеспьеръ подумалъ, что враги поддержатъ его, и восклицаетъ:

— По крайней мѣрѣ, вы, справедливые члены центра, выскажетесь за правду!

Но весь центръ поднялся, какъ одинъ человѣкъ. Теперь весь конвентъ стоялъ. Вопросъ объ арестѣ рѣшенъ единогласно.

Робеспьеръ зашатался и почти упалъ подлѣ трибуны.

Предсѣдатель офиціально объявляетъ о результатѣ голосованія среди восторженныхъ рукоплесканій.

Пристава подходятъ къ Робеспьеру, но онъ отталкиваетъ ихъ, блѣдный отъ злобы.

— Робеспьеръ не хочетъ повиноваться конвенту,—произноситъ предсѣдатель:—пристава, позовите жандармовъ.

— Жандармовъ! жандармовъ!—кричатъ во всѣхъ углахъ залы.

Публика на галлереѣ поднимается со своихъ мѣстъ и неистово вопитъ.

— Да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ свобода!

Робеспьеръ вскакиваетъ со скамейки и въ отчаяніи восклицаетъ:

— Нѣтъ болѣе свободы! Торжество этихъ негодяевъ—похоронный звонъ свободы!

Между тѣмъ появляются жандармы. Они окружаютъ обвиняемыхъ и выводятъ ихъ.

Робеспьеръ удаляется, гордо поднявъ голову и скрестивъ руки на груди. Онъ даже не бросаетъ взгляда на толпу, которая еще недавно его восторженно привѣтствовала, а теперь неистово ему шикаетъ.

Слушатели спускаются съ галлереи въ залу, и тамъ происходитъ неописанная сумятица. Наконецъ надъ смутнымъ говоромъ поднимается крикъ:

— Да здравствуетъ конвентъ!

Но онъ тотчасъ заглушенъ другимъ болѣе громкимъ, болѣе могучимъ:

— Да здравствуетъ республика!

Между тѣмъ арестованные исчезли.

XIII.

Урбенъ видѣлъ съ галлереи въ залѣ конвента паденіе Робеспьера и немедленно побѣжалъ въ улицу Мартруа, чтобъ предупредить Клариссу и Терезу насчетъ небезопасности ихъ убѣжища въ ратушѣ.

Услыхавъ эту роковую вѣсть, Кларисса воскликнула:

— Такъ Оливье погибъ! Вся моя надежда была въ Робеспьерѣ. Только онъ одинъ могъ спасти Оливье изъ когтей комитета общественной безопасности. Теперь же что станется съ нимъ?

Урбенъ тщетно старался ее успокоить, какъ въ комнату вошла Тереза. Она все слышала изъ спальни. Какъ, ихъ спасенье, спасенье Оливье зависѣло отъ Робеспьера?

— Неужели человѣкъ, бывшій здѣсь, нашъ покровитель?.. начала она, но Кларисса ее перебила:

— Да, это—онъ, бывшій секретарь твоего дѣдушки.

Тереза хотѣла что-то сказать, но Кларисса зажала ей ротъ рукой.

— Тише, тише, дитя мое. Забудь объ его прошедшемъ и помни только, чѣмъ мы ему обязаны. Онъ теперь побѣжденъ, и, увы, вмѣстѣ съ нимъ исчезла наша послѣдняя надежда.

— Не отчаивайтесь, мама,—возразила Тереза, забывая о своемъ горѣ и стараясь только успокоить Клариссу:—Господь намъ поможетъ. Мы такъ много Ему молились, что Онъ насъ не оставитъ.

Урбенъ также уговаривалъ ее не отчаиваться. Поговаривали о возстаніи коммуны и о нападеніи на конвентъ вооруженной силой подъ начальствомъ Кофиналя, вполнѣ преданнаго Робеспьеру.

— Съ нимъ,—прибавилъ онъ:—никогда не знаешь, что можетъ случиться. Онъ такъ способенъ и такъ популяренъ, что можетъ вынырнуть. Если же онъ спасется, то снова будетъ всемогущимъ и все повернетъ по-своему.

— Да будетъ воля Божья!—сказала наконецъ Кларисса, покоряясь своей судьбѣ:—пойдите и разузнайте, что дѣлается. Мы будемъ васъ ждать здѣсь.

Урбенъ удалился, а обѣ женщины, опустившись на колѣни, стали молиться.

Между тѣмъ разразилась гроза, которая висѣла надъ Парижемъ цѣлый день. Ночь уже наступила, и молнія блестѣла въ темнотѣ, а вслѣдъ за нею раздавались удары грома. Неожиданно послышался звонъ колокола. Онъ раздавался все громче и громче и перешелъ въ набатъ.

Кларисса поднялась съ полу и подошла къ окну вмѣстѣ съ Терезой. Вдали виднѣлись войска, блестѣли ружья и пики.

— Долой конвентъ! Да здравствуетъ «неподкупный»! Выходите на улицу!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Къ этимъ крикамъ примѣшивались барабанный бой, бряцанье оружія, лошадиный топотъ. Очевидно происходило народное возстаніе.

Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

— Войдите!—сказала Кларисса.

— Я вамъ говорилъ,—воскликнулъ Урбенъ, вбѣгая въ комнату и едва переводя дыханье:—Робеспьеръ свободенъ.

— Свободенъ!—воскрикнули обѣ женщины съ искренней радостью.

— Да, народъ его освободилъ по дорогѣ въ консьержери и отнесъ его въ ратушу, гдѣ онъ теперь принимаетъ мѣры противъ конвента, вмѣстѣ со своими друзьями Кутономъ, Сенъ-Жюстомъ и Леба. Обѣ партіи собираютъ всѣ свои силы, и будетъ борьба на смерть. Кофиналь отступилъ къ ратушѣ.

Попрежнему слышался набатъ, и все чаще и чаще раздавались крики:

— Къ оружію! Къ оружію! Да здравствуетъ «неподкупный»!

— Слышите!—произнесъ Урбенъ:—весь городъ подымется и пойдетъ на Тюильри!

— Что же будетъ съ нами и съ моимъ сыномъ!—воскликнула Кларисса.

— Насчетъ вашего сына я ничего не знаю, но гражданинъ Робеспьеръ подумалъ о васъ обѣихъ и прислалъ меня сказать вамъ, что здѣсь вамъ оставаться не безопасно. Защитники ратуши могутъ войти сюда, чтобы стрѣлять изъ оконъ по наступающимъ войскамъ. Мнѣ приказано отвести васъ въ ратушу, гдѣ гражданинъ Робеспьеръ принялъ мѣры для вашей безопасности, но прежде всего онъ желаетъ васъ видѣть. Вы должны дожидаться его въ комнатѣ, сосѣдней съ залой засѣданій коммуны, гдѣ онъ теперь совѣщается со своими товарищами. Онъ выйдетъ къ вамъ, какъ только ему будетъ время. Ваша квартира сообщается коридоромъ съ ратушею.

— Пойдемте,—сказала Кларисса и, взявъ за руку Терезу, послѣдовала за Урбеномъ.

Онъ провелъ ихъ черезъ цѣлый рядъ комнатъ и коридоровъ къ двери, отворяя которую онъ сказалъ:

— Подождите здѣсь гражданина Робеспьера, онъ въ сосѣдней залѣ, а я пойду и объявлю, что привелъ васъ.

Комната, въ которой находились обѣ женщины, была оклеена зеленоватыми обоями и украшена революціонными эмблемами. На возвышеніи между двумя дверьми стоялъ столъ, а у подножья его было расположено нѣсколько креселъ и стульевъ.

Гроза продолжалась, и среди блеска молніи слышались ужасные раскаты грома. Кларисса подошла къ окну, но увидавъ, что на площади подъ окномъ установляли пушки, и двигались люди, вооруженные ружьями и пиками, быстро отскочила и оттолкнула отъ окна Терезу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не смотри на это ужасное зрѣлище!—сказала она.

Въ эту минуту отворилась дверь, и вошелъ Робеспьеръ въ со-

провожденіи Урбена. Необыкновенныя событія дня оставили неизгладимые слѣды на его блѣдномъ истощенномъ лицѣ.

— Я сяду,—сказалъ онъ, опускаясь въ кресло и обтирая платкомъ крупныя капли пота, выступившія на его лбу.—Откройте, Урбенъ, окно, здѣсь очень душно. Извините,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Клариссѣ:—но я очень усталъ. Сядьте поближе ко мнѣ. Урбенъ вамъ разсказалъ, что случилось со мною?

— Да,—отвѣчала Кларисса и, пододвинувъ къ нему кресло, сѣла, а Тереза, прислонившись къ спинкѣ кресла, стала пристально смотрѣть на человѣка, пользовавшагося такой грозной славой.

Наступило тяжелое молчаніе. Кларисса хотѣла спросить объ Оливье, однако ее удерживала мысль, что судьба самого Робеспьера висѣла на волоскѣ. Но онъ отгадалъ, о чемъ она думала.

— Вы печалитесь о своемъ сынѣ?

— Гдѣ онъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Робеспьеръ и разсказалъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ о неудовлетворительномъ результатѣ его справокъ въ консьержери и о переводѣ Оливье изъ тюрьмы Ла-Форсъ неизвѣстно куда комитетомъ общественной безопасности.—Если бы я одержалъ побѣду, то я освободилъ бы его, но теперь...

Кларисса вскочила съ ужасомъ. Неужели ея агонія снова начнется? Но Робеспьеръ старался ее успокоить. Онъ могъ еще одержать верхъ надъ конвентомъ, и тогда ему будетъ легко одержать верхъ надъ Оливье.

— А если вы не одержите побѣду?—промолвила Кларисса, забывая все на свѣтѣ и думая только о своемъ сынѣ.

— Онъ все-таки бутетъ спасенъ. Его единственная вина заключается въ томъ, что онъ оскорбилъ меня. Послѣ же моего паденія онъ будетъ героемъ. Онъ вернется къ вамъ обѣимъ, къ вамъ обѣимъ,—прибавилъ Робеспьеръ, нѣжно взглянувъ на Терезу.—Дайте мнѣ вашу руку, дитя мое. Зачѣмъ она такъ дрожитъ? Быть можетъ, на вашемъ юномъ лицѣ, полномъ любви къ вашему жениху, остановятся съ улыбкой быть можетъ, въ послѣдній разъ мои глаза.

Кларисса была очень тронута этой сценой и хотѣла что-то сказать, но Робеспьеръ ее перебилъ.

— Вамъ нельзя здѣсь оставаться. Пройдите въ сосѣднюю комнату и тамъ подождите, пока мы двинемся на Тюильри. Затѣмъ Урбенъ доставитъ васъ въ вѣрное убѣжище. Если я буду побѣжденъ, то вамъ все-таки опасаться нечего. Вѣдь вы также мои жертвы.

— Зачѣмъ отчаиваться?—сказала Кларисса:—еще не все погибло.

— Нѣтъ, почти все. Я слишкомъ поторопился съ наступленіемъ на конвентъ. Я знаю, чье это дѣло, и кто мнѣ метитъ.

— Кто?

— Мертвецы.

Кларисса и Тереза посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Вы не можете этого понять... Однако, довольно, надо подумать о вашей безопасности. Проводите этихъ гражданокъ въ сосѣднюю комнату и исполните мои приказанія, — сказалъ онъ, обращаясь къ Урбену.

Въ это время раздались громкіе голоса въ залѣ.

— Идите скорѣй, мои друзья сейчасъ явятся сюда!—сказалъ Робеспьеръ и повелъ обѣихъ женщинъ къ дверямъ, но на порогѣ уже показались Леба, Огюстенъ Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Флёріо-Леско, Кофиналь, Пэанъ и Дюма.

— Теперь не время болтать съ женщинами!—воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Кофиналь, вице-предсѣдатель революціоннаго трибунала и самый энергичный сторонникъ возстанія.

— Господа, развѣ я не имѣю права быть человѣкомъ?—произнесъ Робеспьеръ утомленнымъ голосомъ и тяжело опустился въ кресло.

Въ эту минуту комната наполнилась многочисленными патріотами, которые окружили Робеспьера.

— Что дѣлать?—спрашивалъ одинъ.

— Когда же мы пойдемъ на Тюильри?—спрашивалъ другой.

— Если атаку отложить, то конвентъ перейдетъ въ наступленіе,—разсуждалъ третій.

— Каждая минута дорога,—замѣчалъ четвертый:—нелѣпо бить въ набатъ, а затѣмъ цѣлую ночь разсуждать. Кого и что мы ждемъ?

Нѣсколько минутъ Робеспьеръ молчалъ, но потомъ, выведенный изъ терпѣнія, онъ вскочилъ и, указывая на окно, произнесъ:

— Кого и что я жду? Очень просто. Я жду, чтобы весь Парижъ возсталъ, а возстали только немногіе кварталы, да и то, посмотрите на площадь, сколько уже ушло ужинать!—прибавилъ онъ съ иронической улыбкой.

— Они ушли не ужинать, а имъ надоѣло ждать,—замѣтилъ Флёріо-Леско.

Гроза между тѣмъ усиливалась, и дождь перешелъ въ ливень.

— Это еще болѣе разгонитъ нашихъ сторонниковъ,—замѣтилъ Робеспьеръ.

Леба, стоявшій у окна и тщетно кричавшій толпѣ, чтобы она не расходилась, такъ какъ сейчасъ ее двинутъ на Тюильри, воскликнулъ:

— Они уходятъ сотнями!

Патріоты снова пристали къ Робеспьеру, требуя немедленной атаки Тюильри.

— Рѣшайтесь же скорѣе,—кричалъ Кофиналь,—довольно потеряно времени!

— Хорошо! идемъ!—сказалъ Робеспьеръ, медленно вставая, и

прибавилъ съ горькой улыбкой:—дай Богъ, чтобы защитники конвента были такъ же мужественны, какъ наши!

— Прежде чѣмъ итти,—сказалъ Пэанъ, обращаясь къ Робеспьеру:—подпишите вотъ эту прокламацію, она поможетъ возбудить возстаніе во всѣхъ кварталахъ.

— Хорошо. Дайте бумагу.

Леба подалъ ему перо, и Робеспьеръ только что началъ подписывать свое имя, какъ вдругъ остановился. Вдали послышались звуки трубъ.

Всѣ переглянулись съ безпокойствомъ. Въ эту минуту въ комнату вбѣжалъ, едва переводя дыханіе, Дидье.

— Войска конвента идутъ на ратушу подъ начальствомъ Барра!—воскликнулъ онъ.—Они приближаются двумя колоннами. Впереди всѣхъ маршируетъ Леонаръ Бурдонъ и при свѣтѣ факеловъ громко читаетъ декретъ конвента, объявляющій Робеспьера и его сторонниковъ внѣ закона, такъ что всякій можетъ стрѣлять въ нихъ безнаказанно.

— Но народъ, народъ за насъ!—произнесъ Леба.

Нѣтъ, народъ болѣе не стоялъ за Робеспьера, а повернулъ обратно къ ратушѣ, привѣтствуя войска конвента.

— Вонъ они кричатъ, теперь уже противъ насъ!—прибавилъ Дидье.

Произошла положительная паника.

— Отступимъ въ предмѣстья!—кричалъ одинъ.

— Укрѣпимся въ арсеналѣ!—предлагалъ другой.

Но Робеспьеръ произнесъ авторитетнымъ тономъ:

— Все это безуміе! Надо здѣсь защищаться! Чтобы орудія были готовы! У насъ ихъ довольно на площади, чтобы истребить всѣхъ нашихъ враговъ.

— Это—лучшій планъ! «Неподкупный» правъ!—воскликнулъ Кофиналь и, подбѣжавъ къ окну, хотѣлъ дать сигналъ артиллеристамъ, но Робеспьеръ посовѣтовалъ ему не торопиться и подождать, пока войска Барра войдутъ на площадь.

Вообще Робеспьеръ какъ бы ожилъ. Онъ живо и энергично дѣлалъ распоряженія, между прочимъ послалъ Леба объявить объ его планѣ членамъ коммуны, которые были собраны въ сосѣдней залѣ. Но, отворивъ дверь, Леба воскликнулъ:

— Здѣсь никого нѣтъ! трусы разбѣжались!

Всѣ съ изумленіемъ взглянули другъ на друга. Стоявшіе у окна теперь объявили, что войска конвента выходятъ на площадь.

Снова послышались звуки трубъ, а затѣмъ барабанный бой, и среди наступившей торжественной тишины раздался какой-то громкій голосъ.

— Именемъ французской республики національный конвентъ объявляетъ Робеспьера и всѣхъ, кто принимаетъ участіе въ возстаніи, внѣ закона!

Какой-то смутный ропотъ пробѣжалъ по площади. Тотъ же голосъ прибавилъ:

— Граждане, дорогу войскамъ конвента!

Кофиналь и Робеспьеръ бросились къ окнамъ.

— Отчего вы не стрѣляете?—крикнулъ первый.

— Стрѣляйте, болваны!—крикнулъ послѣдній.

Артиллеристы, стоявшіе неподвижно до тѣхъ поръ, засуетились.

— Измѣна!—воскликнулъ Робеспьеръ:—они повернули орудіе противъ ратуши!

Въ комнатѣ произошла неописанная паника.

Все погибло! Смерть холодно смотрѣла въ глаза каждому изъ присутствовавшихъ. Одни бросились къ дверямъ, другіе стали прыгать изъ оконъ на крышу. Между послѣдними былъ Огюстенъ Робеспьеръ, но онъ поскользнулся и упалъ на мостовую, среди презрительнаго смѣха толпы.

На площади слышались крики, барабанный бой и команда офицеровъ:

— Впередъ!

— Меня не возьмутъ живымъ!—воскликнулъ Леба и, выхвативъ изъ кармана два пистолета, положилъ одинъ изъ нихъ на столъ возлѣ упавшаго въ кресло Робеспьера.

— Это для васъ, Робеспьеръ!

Максимиліанъ посмотрѣлъ на пистолетъ и оттолкнулъ его отъ себя въ полномъ истощеніи силъ.

— Къ чему? Пусть смерть придетъ, какъ хочетъ!

Въ эту минуту отворилась дверь, и Кларисса вбѣжала, блѣдная, испуганная, держа за руку Терезу.

— Несчастная! зачѣмъ вы здѣсь?—произнесъ Робеспьеръ.

— Всюду солдаты!—едва промолвила Кларисса.

Робеспьеръ схватилъ пистолетъ со стола и, указывая на другую дверь, промолвилъ:

— Бѣгите въ эту комнату. Я застрѣлю перваго, кто покажется, и выиграю время.

Кларисса потащила Терезу къ указанной двери, но отскочила отъ нея въ ужасѣ. Грозные звуки неслись оттуда. Робеспьеръ толкнулъ обѣихъ женщинъ въ третью дверь съ крикомъ:

— Бѣгите! бѣгите!

Но дверь отворилась, и послышался голосъ:

— Сюда за мной!

Это былъ голосъ Оливье.

Робеспьеръ узналъ его и замеръ отъ ужаса.

Оливье въ разорванной одеждѣ, съ растрепанными волосами остановился на порогѣ и, увидавъ Робеспьера, прицѣлился въ него.

— Злодѣй, ты больше никого не убьешь!

Онъ хотѣлъ спустить курокъ, но въ эту минуту Кларисса вырвала пистолетъ и отбросила его съ крикомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Оливье, ты не убьешь его!

Юноша съ изумленіемъ смотрѣлъ на мать и Терезу.

Робеспьеръ увидѣлъ въ попыткѣ сына убить его смертельный себѣ приговоръ.

— Я никого не убью, кромѣ себя!—промолвилъ онъ и, повернувъ пистолетъ, спустилъ курокъ.

Онъ упалъ на полъ, обливаясь кровью, но не убитый, а раненый. Пуля разбила ему лѣвую скулу.

Кларисса бросилась къ нему и старалась удержать кровь, хлынувшую изъ раны.

— Ты не знаешь, что онъ насъ спасъ и все это время нѣжно о насъ заботился!—сказала Тереза, приближаясь къ Оливье, и слезы текли ручьемъ по ея лицу,

— Онъ?—воскликнулъ Оливье съ изумленіемъ.

Между тѣмъ, комната наполнилась людьми, вооруженными ружьями, саблями, пиками, ножами. Они всѣ дико кричали!

— Побѣда! побѣда!

Но, увидавъ Робеспьера въ крови, они остановились въ ужасѣ. Одинъ изъ депутатовъ подбѣжалъ къ окну и крикнулъ кишѣвшей на площади толпѣ:

— Граждане! тиранъ самъ себя убилъ! Да здравствуетъ конвентъ!

— Да здравствуетъ конвентъ!—повторилось какъ бы эхо на площади и замерло въ дали.

Наконецъ, Робеспьеръ открылъ глаза и, приподнявшись съ помощію Клариссы, сталъ искать взглядомъ Оливье и Терезу.

— Во всякомъ случаѣ, ребенокъ и вы спасены,—промолвилъ онъ:—но не дайте мнѣ умереть безъ вашего прощенія.

— Я давно простила васъ,—отвѣтила Кларисса сквозь слезы.

— Благодарю!—сказалъ онъ слабымъ голосомъ и снова потерялъ сознаніе.

— Не мѣшай! убирайся!—воскликнулъ грубый голосъ, и кто-то оттолкнулъ Клариссу отъ Робеспьера.—Берите его и несите.

Нѣсколько человѣкъ подняли Робеспьера, который казался мертвымъ, съ закрытыми глазами, блѣднымъ лицомъ и сочившейся изъ губъ кровью.

— Прости его! прости его!—умоляла Кларисса своего сына.— Скажи, что ты его прощаешь!

— Да, да, я его прощаю! И да помилуетъ его Господь!—сказалъ Оливье, глубоко потрясенный этой сценой.

— Дорогу «неподкупному»!—крикнулъ кто-то въ толпѣ, и печальное шествіе направилось къ Тюильри.

— Ну, пойдемте отсюда!—сказалъ Оливье, обращаясь къ матери и Терезѣ, когда зданія ратуши опустѣли.

— Ты дѣйствительно свободенъ?

— Да, совершенно свободенъ, я вамъ потомъ объясню. Но намъ надо достать паспортъ, чтобы выѣхать изъ Парижа. Пойдемте скорѣе!

XIV.

Робеспьеръ былъ побѣжденъ во второй разъ.

Во дворѣ ратуши ему перевязали рану, положили его на носилки, и артиллеристы понесли его въ конвентъ. Онъ былъ попрежнему безъ чувствъ и ничего не сознавалъ, что дѣлалось во кругъ него. Одинъ Сенъ-Жюстъ шелъ позади этого печальнаго шествія среди двухъ жандармовъ, блѣдный, но гордо поднявъ голову и не обращая никакого вниманія на сыпавшіяся на него оскорбленія. Онъ одинъ изъ друзей Робеспьера раздѣляетъ его паденіе. Остальные или умерли или бѣжали и скрылись. Но поиски производятся, и въ послѣднюю минуту они всѣ, живые и мертвые, окружатъ его.

Было уже три часа утра, и звѣзды на небѣ мало-по-малу тускнѣли при первомъ проблескѣ начинающагося дня. Но все-таки на улицахъ толпился народъ. При видѣ печальнаго шествія всѣ останавливались и спрашивали: кого несутъ?

— Раненаго Робеспьера,—отвѣчали жандармы, и большая часть лицъ освѣщалась радостью.

— Тиранъ умираетъ! Слава Богу, больше не будетъ казней!— раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Конвентъ, однако, не принялъ своего полумертваго врага. Онъ былъ объявленъ внѣ закона, и слѣдовательно съ нимъ могло имѣть дѣло только правосудіе. Его отправляютъ въ комитетъ общественной безопасности, проносятъ черезъ ту самую лѣстницу, гдѣ онъ два дня передъ тѣмъ гордо вызвалъ на бой Бильо-Варрена, и кладутъ на столъ въ комнатѣ, сосѣдней съ залой собранія комитета. Подъ голову ему ставятъ ящикъ съ образцами солдатскаго хлѣба. Ему разстегиваютъ рубашку на горлѣ, и кровь свободно сочится изъ прострѣленной скулы. Его синій сюртукъ изорванъ, а брюки и чулки забрызганы кровью.

«Неподкупный» теперь представляется неподвижной, но все-таки дышащей и страдающей массой. Онъ открываетъ глаза и инстинктивно ищетъ правой рукой платокъ, чтобы обтереть губы. Но его дрожащіе пальцы приходятъ въ соприкосновеніе съ лежащимъ кожанымъ футляромъ отъ пистолета, и онъ машинально подноситъ его къ своей ранѣ. По ироніи судьбы на этомъ футлярѣ красуется надпись: Великій монархъ. Лекуръ, поставщикъ двора.

Мало-по-малу Робеспьеръ приходитъ совершенно въ себя. Онъ обводитъ глазами комнату и видитъ у окна Сенъ-Жюста и Дюма,

котораго нашли въ ратушѣ и представили въ комитетъ. Мимо проходятъ много лицъ, которыя осыпаютъ оскорбленіями полуживого Робеспьера.

— Вотъ свергнутый кумиръ!—говоритъ одинъ.

— Со своей повязкой онъ похожъ на мумію!—говоритъ другой.

— Онъ теперь, конечно, думаетъ о своемъ верховномъ существѣ!—воскликнулъ третій.

Онъ все слышитъ и молча, неподвижно устремивъ глаза въ потолокъ, медленно пьетъ чашу горечи. Ему придется ее испить до послѣдней капли. Если бы онъ одержалъ побѣду, то онъ былъ бы полубогомъ, а побѣжденный онъ пригвожденъ къ позорному столбу. И однако успѣхъ былъ такъ близокъ, такъ возможенъ. Если бы конвентъ не подчинился такъ слѣпо, такъ рабски нападкамъ на него Тальена и далъ бы ему сказать хоть нѣсколько словъ, то все измѣнилось бы. Но заговорщики слишкомъ хорошо все обдумали, все подготовили. Тутъ мысли Робеспьера переходятъ на коммуну и тѣхъ измѣнниковъ, которые его предали въ послѣднюю минуту.

Неожиданно среди этихъ мрачныхъ размышленій онъ почувствовалъ невыносимую боль въ колѣнѣ. Подвязка слишкомъ была стянута. Онъ приподнялся и хотѣлъ ее развязать правой рукой. Но силы ему измѣнили, и онъ снова упалъ на столъ. Но вотъ кто-то дотронулся до подвязки и поправилъ ее. Онъ снова приподнялся и посмотрѣлъ. Неужели это было наяву, а не воснѣ? Передъ нимъ стоялъ Оливье.

— Благодарю, мой... мой...

Онъ хотѣлъ сказать сынъ, но у него хватило силъ удержаться. Нѣтъ, Оливье не долженъ знать тайны своего рожденія.

Нравственное волненіе слишкомъ повліяло на его слабыя силы, и онъ снова потерялъ сознаніе. Дѣйствительно Оливье, проходя мимо изъ комитета, гдѣ онъ получилъ паспорта себѣ, матери и невѣстѣ, увидѣлъ тщетныя попытки Робеспьера развязать подвязку и невольно оказалъ ему эту услугу. Затѣмъ онъ быстро удалился въ Тюильрійскій садъ, гдѣ на скамейкѣ его ждали Кларисса и Тереза.

— Я досталъ паспорта!—крикнулъ онъ издали.

— Такъ пойдемъ поскорѣе,—сказала Кларисса.—Вернемся въ Монморанси. Я не могу болѣе оставаться въ этомъ городѣ ужасовъ и печали.

— Мы еще не можемъ ѣхать,—произнесъ Оливье:—паспорта не имѣютъ силы, пока къ нимъ не приложена печать комитета, а для этого мнѣ велѣли прійти въ 3 часа дня.

— Что намъ дѣлать? Куда намъ дѣться? — произноситъ Кларисса, блѣдная, истощенная.

— Пойдемте въ улицу Рошэ, къ пріятельницѣ Леонара. Вы уви-

дите, она меня приметъ съ распростертыми объятіями, такъ какъ ей нечего болѣе опасаться Робеспьера.

Въ пять часовъ, когда уже совершенно наступилъ день, и вся природа, казалось, ожила послѣ недавней грозы, Робеспьера вынесли изъ помѣщенія комитета общественной безопасности. Было рѣшено его временно помѣстить въ консьержери для формальнаго отождественія его личности, а затѣмъ безъ суда, какъ человѣка, объявленнаго внѣ закона, подвергнуть казни. Убаюканный мѣрнымъ шагомъ жандармовъ, которые несли его на носилкахъ, онъ заснулъ или скорѣе впалъ въ забытье, и когда очнулся, то увидѣлъ себя въ небольшой кельѣ.

— Могу я писать?—спросилъ онъ у жандарма, который стоялъ подлѣ него.

— Нѣтъ.

— Гдѣ я?

— Въ консьержери.

— Въ консьержери? — повторилъ онъ, сверкая глазами:—а въ какой части?

— Между кельей королевы и часовней жирронденовъ.

Онъ вспомнилъ, что находился среди своихъ жертвъ, и мысленно повторилъ надпись на стѣнѣ: «Робеспьеръ, твой часъ придетъ!». Мертвецы были правы: если бы онъ во время уничтожилъ гильотину, то не находился бы здѣсь и не сдѣлался бы жертвой имъ же созданнаго террора. Но онъ не могъ этого сдѣлать. Оно было бы слишкомъ преждевременно, и онъ все-таки погибъ бы.

Мысли его стали путаться. Ему казалось, что онъ юноша и стоитъ у фортепіано, на которомъ играетъ Кларисса. Мало-по-малу онъ совершенно терялъ сознаніе, и когда явился для его формальнаго отождествленія Фукье-Тенвиль, его креатура, то онъ не узналъ его голоса.

Конецъ теперь близко. Въ пять часовъ назначено роковое шествіе на площадь Революціи, такъ какъ, по приказанію конвента, на этотъ разъ гильотина снова тамъ воздвигнута. Робеспьера кладутъ на носилки и выносятъ его среди толпы арестантовъ, его жертвъ, которые видятъ въ его смерти зарю своего освобожденія. Во дворѣ его помѣщаютъ на телѣгу и привязываютъ къ скамейкѣ, чтобы онъ не упалъ. Свѣжій воздухъ возстановляетъ его силы, и онъ смотритъ на все съ безмолвнымъ презрѣніемъ.

Ганріо и Кутонъ находятся на той же скамейкѣ направо и налѣво отъ него, а сзади помѣщаются его братъ Огюстенъ, Сенъ-Жюстъ и Дюма. Всего приговоренныхъ было двадцать два человѣка, и они наполнили пять телѣгъ.

Наконецъ началась via dolorosa Робеспьера. Несмѣтныя толпы наполняли улицы, осыпая своего прежняго кумира оскорбленіями и грубой бранью съ тѣмъ же энтузіазмомъ, какъ нѣкогда его привѣтствовали на праздникѣ въ честь Верховнаго Существа.

Роковое шествіе поворачиваетъ на набережную и направляется къ улицѣ Сентъ-Онорэ. Крики ненависти и проклятія носятся въ воздухѣ.

— Чудовище!—кричитъ одна женщина, которая потеряла двухъ дѣтей, благодаря преріальскому закону.

— Гнусное чудовище! именемъ всѣхъ матерей я тебя напутствую проклятіями въ адъ.

Толпы все увеличивались, такъ какъ было декади, революціонный день отдыха, и весь Парижъ находился на улицѣ.

Въ окнахъ и на балконахъ виднѣлись веселыя радостныя лица, такъ какъ всѣ знали, что за этими послѣдними жертвами исчезнетъ терроръ.

Перевязка полускрывала лицо Робеспьера, и глаза его, какъ бы стеклянные, были неподвижно устремлены въ пространство. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Ганріо, блѣдный, испуганный. Калѣка Кутонъ и раненый Огюстенъ Робеспьеръ лежали на днѣ телѣги. Только Сенъ-Жюстъ стоялъ, гордо выпрямившись, и презрительно смотрѣлъ на толпу.

Выйдя на улицу Сентъ-Онорэ и миновавъ якобинскій клубъ, гдѣ «неподкупный» два дня передъ тѣмъ неограниченно царилъ, шествіе остановилось передъ домомъ Дюплэ.

— Эй, Робеспьеръ,—кричитъ какой-то голосъ:— смотри,какъ твое логовище забрызгано кровью твоихъ жертвъ.

По данному знаку какой-то ребенокъ выдѣляется изъ толпы съ малярной кистью въ рукахъ и, обмакнувъ ее въ ведро съ кровью, забрызгиваетъ кровью дверь.

Во дворѣ слышится вой собаки. Очевидно Блундъ почувствовалъ присутствіе хозяина. Робеспьеръ закрываетъ глаза, но тщетно: онъ слышитъ вой вѣрнаго животнаго.

Между тѣмъ въ толпѣ раздается говоръ:

— А гдѣ семья Дюплэ?

— Отецъ въ тюрьмѣ въ Плесси, а мать съ малолѣтнимъ сыномъ въ Сентъ-Пелажи.

— Леба застрѣлился, и тѣло его лежитъ въ одной изъ телѣгъ.

— А дочери?

— Спаслись бѣгствомъ.

Шествіе продолжалось. Вдали замиралъ вой собаки, какъ бы посылавшей своему хозяину послѣднее «прости».

При поворотѣ въ улицу Сенъ-Флорентинъ какой-то юноша перебѣгаетъ черезъ мостовую и скрывается въ улицѣ Революціи.

— Эй, погоди!—кричитъ толпа:—не будь трусомъ! Посмотри, какъ у «неподкупнаго» отлетитъ голова!

Это былъ Оливье. Онъ торопился изъ комитета общественной безопасности, гдѣ наконецъ засвидѣтельствовали паспорта, и, чтобы избѣгнуть шествія, онъ побѣжалъ по улицѣ Сенъ-Флорентинъ, но все-таки наткнулся на него.

Поспѣшно достигнувъ меблированныхъ комнатъ въ улицѣ Рошэ, гдѣ помѣщались его мать и невѣста, онъ радостно вбѣжалъ въ ихъ комнату съ крикомъ:

— Все готово! ѣдемте скорѣе! экипажъ ждетъ!

— Какъ, вы сейчасъ уѣзжаете?—вскрикнула вдова Вогранъ.—А лучше останьтесь дозавтра,—я приготовила вамъ славный ужинъ.

Но Өливье, Кларисса и Тереза поспѣшно вышли на улицу, гдѣ стоялъ четырехмѣстный шарабанъ. Оливье помогъ усѣсться матери и невѣстѣ, а самъ помѣстился на козлахъ съ возницей.

— Въ Монморанси! и скорѣе!—крикнулъ онъ.

Экипажъ покатился, но въ концѣ улицы Рошэ онъ остановился. Ему пересѣкали дорогу двѣ телѣги, которыя неслись вскачь.

— Что это такое!—вскрикнулъ нетерпѣливо Оливье.

Возницы въ красныхъ колпакахъ отвѣчали:

— Мертвыя тѣла казненныхъ! Мы веземъ ихъ на кладбище Эранси. Покончили съ «неподкупнымъ». Онъ болѣе никого не убьетъ!

Услыхавъ эти слова, Кларисса и Тереза упали на колѣни въ шарабанѣ и подняли глаза къ небу въ молитвѣ. Оливье снялъ шляпу.

Телѣги проѣхали мимо. Кларисса и Тереза перекрестились. Оливье, блѣдный отъ волненія, послѣдовалъ ихъ примѣру.

Глаза Клариссы устремились на сына, и она молча возблагодарила небо.

Тайна происхожденія Оливье была навѣки скрыта.

КОНЕЦЪ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ **Н. К. Шильдера**

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Одинъ томъ, большого формата, около 50 печатныхъ листовъ, съ портретами, видами, планами и автографами.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНІЕ.

Обширный трудъ (около 100 печатныхъ листовъ большого формата) генералъ-лейтенанта **Н. К. Шильдера**, составленный преимущественно на основаніи новыхъ архивныхъ матеріаловъ, раздѣленъ на четыре тома. Первый томъ обнимаетъ дѣтство и молодые годы императора Александра до восшествія его на престолъ; второй—эпоху преобразованій съ 1801 по 1810 годъ; третій—борьбу съ Франціей съ 1810 по 1816 годъ и четвертый—послѣднее десятилѣтіе, такъ называемую, эпоху реакціи съ 1816 по 1824 годъ.

Изданіе иллюстрировано 450 портретами и рисунками, воспроизведенными главнымъ образомъ съ оригиналовъ Александровскаго времени, имѣющихъ наибольшую достовѣрность. Въ число этихъ иллюстрацій входятъ, между прочимъ, 15 хромолитографій, 16 фототипій и 2 геліогравюры. Кромѣ того, приложено нѣсколько снимковъ съ подлинныхъ писемъ и автографовъ замѣчательныхъ дѣятелей той эпохи.

Портреты и рисунки въ краскахъ исполнены въ хромолитографіи **«Новаго Времени»**. Фототипіи—въ художественной мастерской **Вильборга** въ Петербургѣ. Цинкографіи—**Ангерерожъ и Гешлемъ** въ Вѣнѣ и въ цинкографіи **«Новаго Времени»**. Геліогравюры—**въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.** Гравюры на деревѣ—**Панемакеромъ** въ Парижѣ, **Веме, Зубчаниновымъ, Матэ, Мультановскимъ, Павловымъ, Рашевскимъ и Шюблеромъ** въ Петербургѣ.

Копіи съ картинъ рисованы художниками: **С. С. Соломко, В. П. Павловымъ и А. А. Чикинымъ.**

Заглавная виньетка, буквы, заставки и концы (style empire) рисованы художникомъ **В. П. Шрейберомъ.**

Цѣна изданія **«Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» тридцать рублей**, за пересылку прилагается, по разстоянію, за 36 фунтовъ.

Для любителей напечатано 100 экземпляровъ на роскошной бумагѣ. Цѣна такого экземпляра **сорокъ пять рублей.**

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

МАЙ, 1901.

СОДЕРЖАНІЕ

МАЙ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПАТКУЛЬ.

дозв. ценз. 24 апрѣля 1901 г. спб.

НА ЧУЖБИНѢ [1].

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому),

XI.

НА ДРУГОЙ день меня потребовали въ контору, записали имя, фамилію, родину, возрастъ и предложили рядъ вопросовъ, изъ которыхъ я, какъ нельзя лучше, могъ заключить, что совсѣмъ не принадлежу къ числу людей, которыхъ Аргентина считаетъ для себя полезными.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

— Умѣете ли вы пахать?

— Сколько головъ скота имѣли на родинѣ и какой породы?

— Какой хлѣбъ преимущественно сѣяли въ своей странѣ?

— Пользовались ручнымъ трудомъ или машинами?

— Какую систему или способъ веденія сельскаго хозяйства считаете наилучшимъ?

И такъ далѣе.

Каждый разъ, какъ я отвѣчалъ отрицательно, на лицѣ моего

---

[1]) Продолженіе См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 5.

вопрошателя появлялось недоумѣвающее выраженіе, которое все усиливалось и наконецъ перешло въ страдальческое.

Добросовѣстно допросивъ меня по разъ заведенному порядку, онъ отеръ потъ съ краснаго, жирнаго лица и воскликнулъ:

— Caramba! Чортъ возьми! Какое же вы знаете ремесло?

— Никакого,—отвѣтилъ я и окончательно повергъ въ отчаяніе моего собесѣдника.

— Вы не слесарь, не кузнецъ, не часовщикъ, не...

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Идите.

Въ эмигрантскомъ домѣ я прожилъ недѣлю. Помѣщался я вмѣстѣ съ los russos и los slavos, съ русскими и славянами. Послѣдними были галичане и среди нихъ нѣсколько изъ тѣхъ, что плыли со мной на «Кордовѣ». Странное впечатлѣніе производили они въ своихъ овчинныхъ тулупахъ, въ лаптяхъ или въ рыжихъ, закорузлыхъ сапогахъ, рослые, большіе, тяжелые, съ тупо покорными, суровыми, загорѣлыми лицами подъ голубымъ небомъ Лаплаты среди безпечныхъ, босоногихъ, легко одѣтыхъ, скалящихъ зубы, юркихъ испанцевъ, итальянцевъ и аргентинцевъ.

Днемъ позволялось уходить въ городъ, «искать работы», какъ выражались здѣсь, и мы бродили медленно и безцѣльно по этому городу-пустынѣ, отогрѣваясь подъ жгучими дневными лучами отъ холодной ночи въ нашемъ сараѣ, гдѣ было даже и днемъ холодно, какъ въ погребѣ.

Эмигрантскій домъ стоитъ среди сада, осѣненный густыми темнозелеными магноліями и красивыми, колючими, гигантскими араукаріями. Весь бѣлый и легкій изъ-за узорчатыхъ чугунныхъ воротъ и рѣшотки, онъ производитъ впечатлѣніе маленькаго дворца, лѣтней резиденціи какого нибудь магната.

Внутри это неопрятный, неуютный, холодный и, благодаря послѣднему обстоятельству, слава Создателю, не такой вонючій, какъ Гамбургскія Auswandererhallen, загонъ для бѣднаго человѣческаго стада. Пища здѣсь плохая и до крайности скудная, хотя республика отпускаетъ на провіантъ значительныя суммы. Но къ рукамъ каждаго изъ здѣшнихъ empleados (чиновниковъ) прилипаетъ непремѣнно часть этихъ суммъ, и онѣ доходятъ по назначенію уже въ самомъ скромномъ видѣ.

На дверяхъ нашего дома виситъ aviso, объявленіе, гласящее, что господамъ землевладѣльцамъ, фермерамъ и вообще всѣмъ нуждающимся въ рабочихъ рукахъ эмиграціонный комитетъ предлагаетъ таковыя на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Время отъ времени въ нашу контору являются господа землевладѣльцы, плантаторы, имѣющіе купленныя за безцѣнокъ земли въ дебряхъ, куда нѣтъ иного пути, какъ верхомъ, и, какъ скотъ,

отбираютъ изъ среды насъ работниковъ, предпочитая самыхъ рослыхъ и сильныхъ. Галичанъ берутъ особенно охотно. Къ концу недѣли ихъ всѣхъ разобрали.

На меня никто не хотѣлъ и смотрѣть. Только одинъ надменный аргентинецъ, разспросивъ подробно, кто я, предложилъ мнѣ мѣсто доктора на своей чакрѣ (земля, имѣніе) въ Миссіонесъ.

Я отказался, объяснивъ, что не получилъ спеціальнаго медицинскаго образованія.

Онъ презрительно усмѣхнулся и передернулъ плечами.

— Карамба, сеньоръ! Отъ васъ этого и не требуется. Лѣчите мою сволочь, какъ Богъ вамъ на душу положитъ, только бы эти скоты не слишкомъ часто нѣжничали и работали по чести.

Я повторилъ, что не умѣю лѣчить.

Онъ свистнулъ и подмигнулъ на меня смотрителю.

— Чего тутъ умѣть? У меня, сеньоръ, до сихъ поръ былъ прекрасный докторъ и лѣчить былъ мастеръ, а никакой медицины не зналъ. Да и чортъ съ ней, съ медициной! Тутъ нужна не она, а голова на плечахъ.

На другой день смотритель призвалъ меня и сказалъ:

— Мы ничего не можемъ для васъ сдѣлать. Вчера вамъ предложили вполнѣ подходящее для васъ мѣсто,—вы отказались. Держать васъ долѣе я не имѣю права.

Я взялъ свои вещи и вышелъ на улицу.

За послѣднее время я такъ привыкъ къ неопредѣленному и полному случайностей существованію, что сталъ принимать всѣ щелчки судьбы совершенно равнодушно и спокойно.

Было утро. На улицѣ было тепло, хорошо и, какъ всегда, пусто. Длинная, поросшая травой, прямая, какъ стрѣла, широкая и тихая тянулась она безконечно вдаль. Я прошелъ нѣсколько шаговъ, поставилъ чемоданъ у забора и присѣлъ на тротуарѣ.

— Александръ Петровичъ! Господи! Да это вы? Какъ вы сюда попали?

Я поднялъ голову и узналъ Васю.

Онъ выросъ, возмужалъ и загорѣлъ. На немъ былъ его обычный костюмъ, изъ котораго онъ еще больше выросъ. Рукава были безобразно коротки, пуговицы и петли не застегивались на груди, и обтрепанные, съ заплатами на колѣнкахъ панталоны едва доходили до щиколотки. Лицо его было также добродушно и простовато, какъ и раньше.

— А мы вернулись съ Андреемъ Семеновичемъ изъ экспедиціи,— принялся онъ болтать:—и теперь чудесно устроились. Андрея Семеновича его общество перевело сюда, вѣдь здѣсь музей, а Андрей Семеновичъ помѣстилъ въ музей и папу чучельщикомъ. То-есть, чучельщикъ собственно я, меня научилъ дѣлать шкурки Андрей Семеновичъ, но на службѣ-то числится папа, и ему даютъ за это

казенную квартиру и 50 песовъ въ мѣсяцъ. Вѣдь хорошо? И онъ цѣлый день свободенъ. А вы гдѣ живете?

— Я? Нигдѣ. Пока вотъ здѣсь.

И въ двухъ словахъ я разсказалъ ему, какъ попалъ въ Лаплату.

— Ахъ, какъ чудесно!—вскричалъ Вася.

— Что же тутъ чудеснаго?

— Разумѣется, чудесно. Вѣдь у насъ очень большая квартира. Пойдемте къ намъ. Вы у насъ и живите. И Кнопъ у насъ. Видите, какъ хорошо сошлось. Онъ только вчера пріѣхалъ. Пойдемте же.

Вася всю дорогу болталъ безъ умолку.

— Теперь у насъ дѣла пойдутъ отлично,—говорилъ онъ.—Безъ меня папѣ было очень худо, а какъ мы пріѣхали съ Андреемъ Семеновичемъ, и сразу все стало хорошо. И жить намъ теперь отлично. Вонъ видите тамъ въ паркѣ домъ? Это casas de empleados, квартиры служащихъ. Мы тамъ и живемъ. У насъ свой патіо и коза. Было двѣ козы, да мы одну убили и съѣли. А папа придумалъ заниматься фотографіей. Это очень выгодно, если снимать животныхъ и виды для музея. Но теперь пріѣхалъ Кнопъ и говоритъ, что фотографія вздоръ, а разбогатѣть можно только аукціономъ.

И, переведя духъ, Вася продолжалъ:

— Ахъ, что же я? Надо итти скорѣе. Вѣдь папа послалъ меня за чаемъ, за сливочнымъ масломъ и за хлѣбомъ. Я истратилъ наши послѣднія деньги. Но это ничего. У насъ скоро будетъ очень много денегъ. А женатъ Кнопъ на настоящей индіанкѣ. Впрочемъ вы увидите.

На порогѣ невзрачнаго, вросшаго въ землю, съ плоской крышей зданія насъ встрѣтилъ Петровъ.

— Да иди же скорѣе, Васька!—кричалъ онъ:—гдѣ ты запропастился? Александръ Петровичъ! — воскликнулъ онъ, разглядѣвъ меня:—еще дорогой гость пріѣхалъ. Вотъ неожиданность!

И, наклонившись къ моему уху, онъ сказалъ:

— Есть у васъ деньги?

— Есть.

— Сколько? Песовъ пять наберется? Давайте ихъ сюда.

Я далъ ему пять песовъ. Онъ тотчасъ же передалъ ихъ Васѣ и сказалъ:

— Бѣги опять въ альмасенъ, возьми двѣ бутылки вина, бутылку каньи и тамъ чего нибудь на закуску, ужъ ты самъ сообрази. Да смотри, не переплати.

— Ну, ужъ я-то не переплачу,—отвѣтилъ Вася и стрѣлой помчался въ городъ.

Я вошелъ къ Петрову. Въ большой длинной комнатѣ съ землянымъ поломъ и тонкими, высокими кирпичными стѣнами стоялъ

передъ зеленой садовой скамейкой столъ. На скамейкѣ сидѣлъ мужчина плотнаго сложенія, невысокаго росту, молодой, тучный, съ краснымъ, загорѣлымъ лицомъ и рядомъ съ нимъ маленькая, худенькая, совершенно бронзоваго цвѣта женщина. Петровъ представилъ насъ другъ другу. Меня онъ отрекомендовалъ Кнопу, какъ человѣка замѣчательной учености, интеллигентнаго, пріѣхавшаго въ Америку познакомиться съ нравами и обычаями этой страны свободы. Послѣ этого я уже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ выслушалъ диѳирамбъ его Кнопу. Кнопъ оказался энергичнѣйшимъ насадителемъ культуры, однимъ изъ тѣхъ людей, которыми двигается цивилизація, и славное имя которыхъ въ свое время займетъ мѣсто въ исторіи.

Кнопъ скромно и не возражая выслушалъ эту лестную аттестацію, поглядѣлъ на меня своими лѣнивыми, голубыми глазами и сказалъ:

— Значитъ, нашего полку прибыло. Слава Богу! А то, знаете, просто тоска. Русскихъ людей здѣсь нѣтъ, если не считать евреевъ. Да какіе же евреи—русскіе люди? Такъ что на всю Америку насъ съ Иваномъ Павловичемъ да съ Лѣвшой только трое, да еще развѣ попъ, но попъ это ужъ особь статья. Мы съ вами надѣлаемъ дѣловъ. Я только теперь и брежу колонизаціей. Всѣ эти фотографіи и тому подобную дрянь нужно бросить. Колонизація — вотъ золотое руно.

— А аукціонъ?— съ живостью спросилъ Петровъ: — вѣдь вы еще недавно говорили про аукціонъ?

— А съ этого нужно начать. Ремата (аукціонъ) должна намъ дать средства на покупку земли. Аукціономъ можно составить состояніе... колоссальное. Судите сами: покупаю я въ Буэносъ-Айресѣ два револьвера у старьевщика, па-аршивѣйшихъ, плачу по три песа за штуку, привожу ихъ въ Лаплату, сдаю на ремату, и они у меня идутъ: одинъ за двадцать, а другой за тридцать пять песовъ. Дѣло?

— Удивительно!—сказалъ Петровъ.

— Точно взбѣсились, понимаете? Съ руками оторвали. Теперь я хочу купить партію пончо и партію дамскихъ сорочекъ.

— Дамскихъ сорочекъ?—переспросилъ Петровъ.

— Да. Дамскія сорочки идутъ очень хорошо. Мужчина въ этомъ ничего не понимаетъ, но покупаетъ. Да мало ли что можно продавать?

Вернулся Вася, нагруженный покупками, разставилъ ихъ на столѣ, приволокъ какой-то ящикъ со двора и съ сіяющимъ лицомъ усѣлся противъ Кноповъ.

Жена Кнопа все время сидѣла молча, не разжимая губъ. Востроносое, съ тонкими губами, съ рѣзко очерченными надъ выдающимися орбитами бровями мѣдно краснаго оттѣнка лицо ея, обра-

мленное необыкновенно густыми и длинными, совершенно черными, блестящими и жесткими волосами, выражало смышленость и любопытство. Она сосредоточенно прислушивалась къ звукамъ незнакомаго ей языка.

— А на какомъ языкѣ говоритъ сеньора? — освѣдомился Петровъ у Кнопа.

— Она говоритъ по-араукански и по-испански,—сказалъ онъ:— вы о ней не безпокойтесь. Занимать ее разговорами не нужно. Она вѣдь у меня не тонная барыня—настоящее дитя природы. Но, не правда ли, шикъ—женщина?

Петровъ согласился. Я постѣснился выразить такъ или иначе свое мнѣніе.

— Хорошая баба, — продолжалъ расхваливать жену Кнопъ. — Хорошо, главное, то, что безъ всякаго образованія, безъ малѣйшаго. Я вамъ говорю: дитя природы. Но не глупа. О, нѣтъ! Это-то мнѣ и дорого: природный умъ, не тронутый цивилизаціей. На такой почвѣ могу воздвигнуть какое угодно зданіе. Вѣрно, Иванъ Павловичъ?

Петровъ согласился, что вѣрно.

— А вы недурно устроились,—продолжалъ Кнопъ.—Очень недурно. Большая квартира, все, что необходимо человѣку, налицо.

Я подумалъ, что Кнопъ того же поля ягода, что и Петровъ.

— Аристархъ Степановичъ, — сказалъ Вася: — а вѣдь у насъ этой скамейки не было раньше; она у насъ только второй день. Знаете, гдѣ мы ее достали?

— Украли?--усмѣхнулся Кнопъ.

— Угадали!—вскричалъ Петровъ.—Мы третьяго дня поздно вечеромъ стащили ее съ Васькой изъ городского сквера.

— Это хорошо!—совершенно серьезно похвалилъ Кнопъ.—Вы поступили очень разумно. Въ скверѣ она никому не нужна, да если и нужна, то во всякомъ случаѣ не такъ, какъ вамъ—это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, скамейка эта казенная, а здѣшнее правительство такой архиплутъ, мошенникъ и негодяй, что церемониться съ нимъ нечего и даже слѣдуетъ при всякомъ удобномъ случаѣ воровать у него. Ахъ, какой подлый народъ эти аргентинцы!

— Подлецъ—народъ!—поддакнулъ Петровъ.

— А знаете что?—сказалъ Кнопъ:—вѣдь жена-то хочетъ спать. Гдѣ бы намъ уложить ее?

— Александръ Петровичъ пусть переходитъ въ нашу комнату,— сказалъ Вася: — а сеньора ляжетъ здѣсь. Мы будемъ всѣ вмѣстѣ, такъ будетъ веселѣе.

Жена Кнопа легла, а мы долго еще сидѣли, разговаривали и пили. Я чувствовалъ себя разбитымъ, и мнѣ страшно хотѣлось спать, но лечь было неудобно, да и заснуть въ такой шумной компаніи было бы трудно. Наконецъ, мы улеглись, какъ попало,

растряся кучу, на которой спали Петровы. Долго еще Кнопъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, и приставалъ къ нему съ разспросами Вася, и только на разсвѣтѣ разговоры затихли, и мы всѣ заснули.

Утромъ Петровъ объявилъ мнѣ, что Кнопъ пока поселяется у него.

— А жена?—спросилъ я.

— И жена тоже. Кому она помѣшаетъ? Она можетъ спать въ той комнатѣ, а вы съ нами.

Мнѣ оставалось только согласиться. Деньги у меня еще были, и я могъ пока не обязываться Петрову.

Домъ, въ которомъ живутъ Петровы, выстроенъ отвратительно. Тонкія кирпичныя стѣны его не только не защищаютъ отъ холода, а, напротивъ, обладаютъ способностью охлаждаться, и въ комнатѣ у насъ всегда гораздо холоднѣе, чѣмъ снаружи. Днемъ еще тудасюда, можно согрѣться, особенно если есть солнце,—солнце и въ холодъ здѣсь печетъ,—но ночью по временамъ я боюсь замерзнуть. И какъ на бѣду, у меня и у Петровыхъ самый ничтожный запасъ зимняго платья, а денегъ у насъ мало, и тратить ихъ на теплую одежду нѣтъ возможности: есть другія, болѣе настоятельныя нужды. Если бы я зналъ это ранѣе, я бы, конечно, принялъ мѣры. Кто меня удивляетъ, такъ это Петровъ: человѣкъ живетъ здѣсь пятый годъ и до сихъ поръ не сумѣлъ устроиться. И онъ, и Вася дрогнутъ подъ холодными байковыми одѣялами, накидывая на себя сверху все, что попало: сюртукъ, пальто, даже черное бѣлье. Петровъ такъ придумалъ еще укрываться старыми газетами—увѣряетъ, что онѣ прекрасно предохраняютъ отъ холода. Я тоже слыхалъ объ этомъ: говорятъ, что солдаты въ сильные морозы завертываютъ ноги въ газетную бумагу, но врядъ ли могутъ газеты быть полезны, если ими покрываться вмѣсто одѣяла. Вообще компаньоны мои живутъ слишкомъ первобытно.

Я попробовалъ было первое время водворить нѣкоторое подобіе порядка, но вскорѣ махнулъ рукой. И Петровъ, и Вася, и Кнопы не чувствуютъ въ немъ ни малѣйшей потребности, и я тотчасъ же очутился въ положеніи чернорабочаго, который запрягся въ самую тяжелую работу. Дворъ мету я, комнаты—тоже, самоваръ чищу—я же, посуду мòю я же. Разъ я сказалъ Васѣ, чтобы онъ подмелъ полъ въ комнатѣ.

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? Ты видѣлъ, я мелъ полъ всю эту недѣлю. Сегодня подмети ты.

— Не знаю, зачѣмъ вы мели. Нѣтъ никакой надобности. Сейчасъ я подмету, а потомъ пойдетъ дождь, и мы натаскаемъ со двора грязи.

— Дождь можетъ и не пойти.

— А тогда налетитъ пыль, что еще хуже.

Такъ и не сталъ мести. Говорилъ я и съ самимъ Петровымъ, но у него своя точка зрѣнія.

— Э, батюшка, не мнѣ же мести?—отвѣчаетъ онъ:—человѣкъ я старый, мнѣ шестой десятокъ идетъ, а вы съ Васькой люди молодые. Духовную, нравственную поддержку я вамъ всегда могу оказать, а физическій трудъ мнѣ не подъ силу.

Разъ я ему говорю:

— Послушайте, Иванъ Павловичъ! Вы все говорите, что не можете помогать намъ въ физическихъ работахъ. Ну, такъ дайте намъ хоть какой нибудь совѣтъ.

— А что такое?—спрашиваетъ.

— Какъ что такое? вѣдь такъ жить, какъ мы съ вами, нельзя.

— А чѣмъ же мы плохо живемъ?

— Помилуйте, такъ вѣдь могутъ жить только дикари или звѣри.

— Что вы, батюшка? Опомнитесь. Не забывайте, что вы—въ Америкѣ, въ странѣ свободы, такъ ужъ пора вамъ всѣ эти ретроградныя идеи въ архивъ сдать.

— Не понимаю, при чемъ тутъ ретроградныя идеи.

— Даже не понимаете? А вотъ при чемъ. Всѣ эти ваши цивилизаціи, комфортъ, чистоплотность—все это, другъ мой, буржуазность, отсутствіе настоящихъ соціальныхъ идеаловъ, недостатокъ альтруизма. Живемъ мы съ вами, какъ и слѣдуетъ жить интеллигентнымъ, развитымъ людямъ.

— Помилуйте, Иванъ Павловичъ, вы бы хоть обратили вниманіе на грязь, которая вокругъ насъ.

— Никакой особенной грязи не вижу. Самая обыкновенная вещь: въ дождь—сыро, въ пыль—пыльно, вотъ и все. А вамъ хотѣлось бы сатрапомъ жить, сибаритничать.

Чтобы не сидѣть безъ дѣла, я принялся помогать Васѣ набивать чучела. Онъ цѣлыми днями сидитъ надъ ними.

Всѣ остальные ничего не дѣлаютъ. Кнопы оба, и мужъ и жена, такіе же бездѣльники, какъ Петровъ.

Кнопъ привезъ съ собою довольно объемистый багажъ: все деревянные ящики, грубо сколоченные, обмотанные растрепавшимися веревками, да туго закрученные, набитые мѣшки. Ему же принадлежитъ складной ковровый стулъ, на которомъ онъ обыкновенно и возсѣдаетъ цѣлый день среди двора, подъ касторовымъ деревомъ. Содержимое его ящиковъ и мѣшковъ оказалось чрезвычайною дрянью. Кромѣ тряпья, подушекъ, сношенныхъ сапогъ и тому подобнаго хлама, оно представляетъ какую-то странную и нелѣпую кунсткамеру. Тутъ и кусокъ смолы съ какого-то необыкновеннаго дерева, растущаго въ Огненной Землѣ, еще не окрещеннаго натуралистами, но удивительнаго, необыкновеннаго и оцѣненнаго по достоинству Кнопомъ; тутъ и камень, вѣсомъ пуда въ полтора, по увѣре-

нію Кнопа, замѣчательная окаменѣлость допотопнаго періода, и еще множество камней и гранитныхъ обмомковъ, то найденныхъ на недоступныхъ высотахъ, то собранныхъ у подошвы Кордильеровъ, и куча раковинъ, и какія-то кости, и засушенная нога чахи, и шкурка серино, и жаба въ стклянкѣ — словомъ, масса разной дряни, на которую Кнопъ смотритъ, какъ на драгоцѣнность, и которой онъ придаетъ огромное значеніе. Каждый разъ онъ мнѣ казался ужасно смѣшнымъ, когда принимался разбираться во всей этой ерундѣ.

— Все это, батенька, тысячи, тысячи! — говорилъ онъ. — Если бы на знающихъ да понимающихъ людей, эти раковины въ Европѣ можно было бы продать каждую по сту рублей.

Даже Вася, который обыкновенно слушаетъ Кнопа, разинувъ ротъ, и всякій вздоръ, разсказываемый имъ, принимаетъ за святую истину, на этотъ разъ съ живостью возразилъ:

— Что вы говорите? Я помню, такія раковины у насъ въ Москвѣ на Вербѣ продавались копеекъ по двадцати-тридцати штука.

— Такія?—сурово переспросилъ Кнопъ.

— Да, такія.

— Нѣтъ, братъ, не такія.

— Нѣтъ, вотъ эти самыя. Я отлично помню. Правда, папа?

— Чортъ ихъ знаетъ!—сказалъ Петровъ, который вообще не любитъ спорить съ Кнопомъ:—должно быть, не такія.

— Нѣтъ, именно, именно такія!—настаивалъ Вася.

— Нѣтъ,—оборвалъ его Кнопъ,—твоя Москва такихъ раковинъ и не нюхала.

И, вытащивъ чучело какой-то птицы съ помятыми крыльями и очень плохо сдѣланное, онъ воскликнулъ:

— Или вотъ такія вещи! Укажите мнѣ музей, гдѣ вы найдете такую рѣдкость. Если отвезти ее въ Гамбургъ, хорошія можно деньги нажить. А вотъ это...

Тутъ онъ торжественно вытаскивалъ камень, величиной съ кулакъ.

— Это обломокъ Гватену. Хороша штучка? Иной вѣдь болванъ никогда и не слыхалъ названія Гватену. Да-съ, батенька! Я очень много сдѣлалъ для науки,—продолжалъ онъ, уже обращаясь исключительно къ Петрову. — А какія залежи ископаемыхъ открылъ я въ сѣверо-западномъ углу Чубута!

— Залежи?—живо заинтересовался Петровъ.

— Да, залежи. Громадныя пространства, цѣлые пласты, подъ которыми похоронены остатки прежнихъ вѣковъ и отошедшихъ въ вѣчность поколѣній.

Если Кнопъ не разбирался въ своихъ знаменитыхъ коллекціяхъ, то онъ читалъ, полулежа на своемъ складномъ стулѣ, вытянувъ ноги, лѣниво перелистывая страницу за страницей, пока, наконецъ, не засыпалъ.

— Въ свободное отъ занятій время я люблю почитать,—говорилъ онъ.

Читалъ онъ, что придется. То вытащитъ старый, завалявшійся номеръ испанской газеты, то извлечетъ изъ своихъ мѣшковъ тоже давнишній номеръ какого нибудь заграничнаго изданія, въ родѣ «Летучихъ Листковъ», «Народнаго Голоса» и т. п.

Жена его, вѣчно растрепанная и грязная, обыкновенно ходила по патіо или, усѣвшись на маленькой скамеечкѣ, тянула мате. Мало-по-малу даже Петровъ, самъ бездѣльникъ по натурѣ, начиналъ разочаровываться въ Кнопѣ.

— Не худо бы намъ за что нибудь приняться,—заговаривалъ онъ иногда.

— Примемся, примемся,—отвѣчалъ обыкновенно Кнопъ:—времени много.

— Такъ-то такъ,—говорилъ Петровъ:—да финансы-то наши плохи.

— Ничего,—ободрялъ Кнопъ,—что это вы, батюшка! Вы—человѣкъ, можно сказать, одинокій. А вы съ меня берите примѣръ: посмотрите, у меня баба на плечахъ, я и то не унываю.

Разъ Петровъ даже пожаловался на Кнопа:

— Не понимаю,—говорилъ онъ,—подумайте, Александръ Петровичъ, вѣдь ничего не дѣлаетъ. Хоть бы жена хозяйничала—тоже нѣтъ, никуда не двинется. Все мы съ Васькой управляемся, а вѣдь за обѣдъ-то насъ теперь пять душъ садится.

— Ваше дѣло,—сказалъ я.—По-моему, вашъ Кнопъ бездѣльникъ.

— Ну, ужъ вы того, хватили черезъ край. Геніальный человѣкъ! Да вотъ вы увидите, когда онъ примется за дѣло.

— Да примется ли онъ когда нибудь?

— Примется,—подтвердилъ Петровъ, но въ голосѣ его звучало сомнѣніе.

— Какъ хотите,—сказалъ я Петрову,—съ вами я согласенъ жить, но Кнопъ невыносимъ. Пусть его найдетъ себѣ какое нибудь занятіе.

— Какое занятіе?—возразилъ Петровъ.—Онъ не такой человѣкъ. Что нибудь грандіозное, общеполезное—это по немъ. А мелкая служба или будничный трудъ ниже его натуры.

На счастье Петровъ скоро поссорился съ Кнопомъ, и Кнопъ объявилъ, что не останется у насъ ни минуты. Тотчасъ же собралъ онъ всѣ свои пожитки, сбѣгалъ за чангадоромъ (носильщикомъ) и приказалъ собираться женѣ.

Петровъ смущенно расхаживалъ по комнатамъ и, видимо, былъ недоволенъ разрывомъ съ пріятелемъ.

Кнопъ простился съ нами сдержанно, но вѣжливо. Петрову сказалъ, что хотя разсердился на него, но готовъ извинить ему.

Но жена его вдругъ совершенно неожиданно, уже уходя отъ насъ, окатила насъ цѣлымъ потокомъ брани, нисколько не стѣсняясь въ выраженіяхъ, иногда,—надо отдать ей справедливость,—очень язвительныхъ и мѣткихъ.

Даже Кнопъ опѣшилъ и въ первую минуту только изумленно смотрѣлъ на нее и слушалъ, но потомъ вдругъ спохватился, прикрикнулъ на нее и приказалъ молчать.

Съ этого дня мы не видали Кнопа цѣлую недѣлю. Вася повстрѣчался съ нимъ какъ-то на базарѣ и придя съ волненіемъ разсказалъ, что Кнопъ одѣтъ былъ чрезвычайно бѣдно, что они покупали въ одной мясной, и Кнопъ выбралъ себѣ маленькій и очень плохой кусокъ говядины и долго торговался.

— Видно, что денегъ у него совсѣмъ нѣтъ,—заключилъ онъ свой разсказъ:—мнѣ такъ было его жалко.

Потомъ онъ какъ въ воду канулъ, и мы уже стали позабывать о немъ. Но однажды Вася, ходившій утромъ на базаръ, прибѣжалъ оттуда въ экстазѣ и, захлебываясь отъ волненія и отъ желанія поскорѣе разсказать, объявилъ:

— А я видѣлъ опять Кнопа. Я даже не узналъ его сначала: на головѣ у него былъ бѣлый колпакъ, и одѣтъ онъ былъ въ бѣлый фартукъ. Я подумалъ, что это клубскій поваръ, но потомъ вглядѣлся въ него и вижу, что это Кнопъ. И сапоги у него новые,—при мнѣ вычистилъ ему мальчишка. Я подошелъ къ нему, поздоровался съ нимъ, а онъ мнѣ сказалъ:

— Ну, Вася, теперь мнѣ лафа. Я служу въ поварахъ у Уркисы. Приходи ко мнѣ съ отцомъ и съ Горемыкинымъ въ гости. Я васъ такимъ обѣдомъ угощу, что пальчики оближете.

Я только что хотѣлъ выразить свое удивленіе по поводу поварскихъ познаній Кнопа, какъ Петровъ воскликнулъ:

— Геніальнѣйшій человѣкъ! Говорилъ я вамъ, Александръ Петровичъ:—не хотѣли вѣрить. Навѣрно песовъ полтораста получаетъ, да на столько же воруетъ.

— Да что же общаго это имѣетъ съ ученой карьерой?—сказалъ я.—Судя по вашимъ разсказамъ, я ожидалъ отъ Кнопа гораздо большаго.

Но Вася не далъ мнѣ договорить и началъ приставать къ отцу:

— Пойдемъ, папочка, къ нему, пойдемъ, пожалуйста. Онъ очень просилъ. Кухня, говоритъ, большая, свѣтлая, и у него есть отдѣльная комната.

— Хорошо,—вдругъ согласился Петровъ.

Вечеромъ они собрались къ Кнопу и безъ труда уговорили итти и меня. Дѣлать было нечего, сидѣть дома скучно, да и любопытно мнѣ было взглянуть на Кнопа въ его новой роли. Отправились.

Кнопъ не совралъ. Дѣйствительно онъ былъ поваромъ въ богатомъ аргентинскомъ домѣ.

Было уже десять часовъ вечера, но плита въ кухнѣ жарко топилась, и вся была уставлена всевозможными кастрюлями, кастрюльками и сотейниками, а Кнопъ съ видомъ человѣка, совершающаго священнодѣйствіе, съ большой деревянной ложкой въ рукѣ и шумовкой въ другой расхаживалъ по кухнѣ отъ стола къ плитѣ и обратно. Потное, жирное лицо его было красно отъ жара.

— А, друзья-пріятели! — привѣтствовалъ онъ насъ: — спасибо, что забрели. Ну, садитесь, а я буду продолжать готовить ужинъ. У моего патрона какъ разъ сегодня званый вечеръ. Ну, ужъ и накормлю я ихъ сегодня. Пусть посмотрятъ, болваны, какъ готовятъ русскіе повара.

Въ это время въ кухню вошелъ лакей и, обращаясь къ Кнопу, сказалъ:

— Сеньоръ Кнопъ! Вотъ сапоги барина. Прикажите вычистить кому нибудь изъ мальчишекъ. Я бы вычистилъ и самъ, да мнѣ не разорваться.

— Ладно!—отвѣтилъ Кнопъ.

Минутъ черезъ десять опять вбѣжалъ, запыхавшись, лакей и сказалъ:

— Баринъ спрашиваетъ сапоги. Готовы?

Кнопъ очевидно даже забылъ про сапоги. Онъ равнодушно взглянулъ на нихъ и сказалъ:

— Не знаю, куда подѣвались мальчишки.

Въ это время послышался звонокъ, и лакей бросился на него. Но почти въ тотъ же моментъ въ кухню явилась расфуфыренная, намазанная и въ локонахъ горничная и, обращаясь къ Кнопу, сказала:

— Баринъ говоритъ, что вы и сами можете вычистить ему сапоги. Не ждать же ему полчаса. Онъ долженъ выходить къ гостямъ.

— Что такое? — вскричалъ Кнопъ, принявъ грозный видъ и наступая на горничную.

И въ ту же минуту онъ схватилъ лакированные полусапожки, подошелъ съ ними къ плитѣ, снялъ крышку съ большой мѣдной кастрюли, кипѣвшей на огнѣ и издававшей ароматичный и вкусный запахъ, и сунулъ ихъ туда.

Горничная всплеснула руками и замерла внѣ себя отъ изумленія, ужаса и отчаянія, а я, Вася и Петровъ неудержимо расхохотались. Кнопъ былъ серіозенъ.

— Видѣла?—обратился онъ къ горничной.—Поди и разскажи объ этомъ своему барину. Пусть не безпокоится за то, что супъ испорченъ. Петербургскій поваръ готовитъ такъ хорошо, что, несмотря на его паршивыя ботинки, супъ все-таки будетъ еще слишкомъ хорошъ для аргентинскихъ болвановъ, которыхъ онъ назвалъ къ себѣ на обѣдъ.

Не знаю, разсказала ли горничная о видѣнномъ ею, но въ назначенный часъ былъ сервированъ ужинъ, Кнопъ невозмутимо налилъ супу съ барскими ботинками въ огромную суповую чашку и отпустилъ ее на столъ. Затѣмъ онъ ушелъ въ сосѣднюю комнату и тамъ принялся возиться съ какимъ-то затѣйливымъ блюдомъ.

Супу мы, конечно, не ѣли, но всѣ послѣдующія блюда поступали въ наше распоряженіе, и, надо отдать справедливость Кнопу, всѣ были приготовлены прекрасно. Послѣднимъ былъ огромный тортъ, украшенный въ серединѣ вензелемъ хозяина дома, а надъ нимъ и подъ нимъ Кнопъ помѣстилъ слѣдующее двустишіе, старательно выведенное имъ сахарной глазурью:

Los russos no limpiaron botinos
Por los puercos argentinos!

И, указывая намъ на него, онъ сказалъ:

— А въ переводѣ на русскій языкъ это будетъ значить:

Не станетъ русскій чистить сапоговъ
Для аргентинскихъ борововъ!

Вася визжалъ отъ восторга, Петровъ находилъ, что такъ ихъ, подлецовъ, и слѣдуетъ, а я выразилъ догадку, что, чего добраго, прочитавъ это поэтическое посвященіе, хозяинъ откажетъ Кнопу.

— Нашли чѣмъ испугать! — сказалъ Кнопъ:—да я и самъ не останусь въ этомъ проклятомъ домѣ. Нѣтъ, ужъ дудки! Не видать имъ больше моихъ обѣдовъ, какъ ушей своихъ. Жена!—крикнулъ онъ.

Изъ-за перегородки показалась супруга Кнопа.

— Собирай вещи,—сказалъ ей Кнопъ:—да живо. Мы уходимъ.

— Вы это серіозно?—сказалъ Петровъ.

— Разумѣется. А то что же? Смотрѣть на нихъ? Положимъ, у меня баба на плечахъ, но я не позволю никому передъ собою забываться.

Поздно, часу въ первомъ, мы распрощались съ Кнопомъ.

Не успѣли мы, однако, улечься спать, какъ въ нашей квартирѣ задрожали стекла отъ страшнаго стука въ наружную дверь.

— Ваше ружье заряжено, Александръ Петровичъ?—освѣдомился шопотомъ Вася, видя, что я иду къ двери.

И, не получая отвѣта, онъ продолжалъ:

— Помните главный законъ страны. Въ человѣка, безъ позволенія переступившаго порогъ вашего дома, вы имѣете право стрѣлять.

— И не отвѣчаете, если убьете, — взволнованнымъ шопотомъ договорилъ Петровъ.

Напоминаніе объ этомъ «главномъ законѣ страны», какъ выражались Петровъ съ Васей, я такъ часто слышалъ, что наконецъ сталъ пропускать его мимо ушей. Притомъ я давно убѣдился, что разные страхи и опасности, о которыхъ любили говорить оба Петровы, существуютъ не столько въ дѣйствительности, сколько въ ихъ воображеніи.

Не отвѣчая, я отворилъ дверь и... впустилъ Кнопа съ женой:

— Ну, чему вы удивляетесь?—вглядѣвшись въ мое лицо, сказалъ онъ:—я думалъ, что вы меня ждете. Вѣдь я при васъ отказался отъ мѣста.

XII.

И опять мы всѣ сбились въ кучу.

Вася правду говорилъ, что квартира у нихъ съ отцомъ большая, и что намъ всѣмъ хватитъ мѣста.

Супруги Кнопы заняли двѣ комнаты: самую большую,—которая служитъ намъ всѣмъ комидоромъ (столовой), но по безмолвному общему соглашенію считается принадлежащей имъ,—и маленькую рядомъ, ихъ дормидоръ (спальня).

Въ комидорѣ постоянно пребываетъ, растянувшись на своемъ складномъ креслѣ, Кнопъ, а въ дормидорѣ скрывается его супруга, которую мы видимъ только за столомъ. Меблировка нашего комидора такъ же скромна, какъ и прежде. Что же касается дормидора Кноповъ, то такъ какъ мебели тамъ до нихъ никакой не было, а они ничего не покупали, то остается предположить, что они спятъ прямо на полу.

Изъ двухъ остальныхъ комнатъ одну подлѣ комидора занимаютъ Петровы, а другую, угловую, я отвоевалъ себѣ.

Грязь въ нашей квартирѣ всюду ужасная, что, однако, никого не смущаетъ. Даже сеньора Кнопъ, которой, въ качествѣ существа такъ называемаго прекраснаго пола, слѣдовало бы быть болѣе требовательной, совершенно равнодушна къ обстановкѣ.

Я, однако, не пожелалъ мириться съ такимъ полнымъ отсутствіемъ комфорта и наконецъ нанялъ поденщика и приказалъ убрать ему изъ нашихъ комнатъ лишній соръ и хламъ.

Смѣшно сказать, его набралось три тачки.

Кнопъ безмолвно посматривалъ на поденщика и саркастически улыбался.

Петровъ пожималъ плечами и говорилъ:

— Не понимаю, что за охота вамъ тратить лишнія деньги.

Насколько возможно, я постарался устроиться. Купилъ себѣ складную кровать, тюфякъ, набитый морской травой, и деревянный простой столъ съ табуретомъ. Все это удовольствіе обошлось мнѣ въ семь песовъ.

Петровъ смотрѣлъ, какъ я устраивался, и отпускалъ ироническія замѣчанія:

— Вы, батюшка, съ затѣями. Къ роскоши привыкли. Вотъ мы съ Васькой—люди простые.

И дѣйствительно они съ Васькой живутъ очень просто. Ворохъ всякой дряни въ углу,—тутъ и паха (солома), и связки веревокъ, и старые мѣшки, и рваная газетная бумага,—служитъ имъ постелью. Вмѣсто стола стоитъ опрокинутый огромный ящикъ, въ которомъ маляры приготовляли известку. Вмѣсто стула толстый пень. Это для самого Петрова.

— А Васькѣ, — говоритъ Петровъ, — зачѣмъ стулъ? Сидячая жизнь гибельно дѣйствуетъ на молодые организмы.

И Васѣ, правду сказать, сидѣть не приходится. Цѣлый день онъ у всѣхъ на посылкахъ. Ни Петровъ, ни Кнопъ не купятъ себѣ даже папиросъ. За провизіей ходитъ тоже Вася.

Петровъ ведетъ свойственный ему образъ жизни. Онъ то ходитъ взадъ и впередъ по патіо съ такимъ глубокомысленнымъ видомъ, что съ нимъ не рѣшаешься заговорить, или сидитъ на пнѣ предъ своимъ импровизированнымъ стуломъ и кускомъ мѣла чертитъ на немъ какія-то фигуры. Или по цѣлымъ часамъ играетъ съ громадной черепахой, которая живетъ у него въ ящикѣ съ водой, вкопанномъ въ землю, перевертывая ее то на спину, то на брюхо, занятіе, которому онъ особенно любитъ предаваться, и которое онъ высокопарно называетъ наблюденіями надъ жизнью животныхъ.

Кнопъ разбираетъ свои коллекціи и съ каждымъ днемъ открываетъ все новыя и новыя сокровища.

Пустое обстоятельство еще болѣе утвердило его въ его фантазіяхъ, и онъ сталъ просто невыносимъ.

Дѣло въ томъ, что по ходатайству Лѣвши, которому онъ страшно надоѣлъ, музей купилъ у него за три песо для антропологической коллекціи черепъ индѣйца.

Кнопъ явился домой внѣ себя, съ горящими глазами и съ тѣхъ поръ окончательно увѣровалъ въ цѣнность своихъ находокъ.

Теперь ужъ никто не смѣлъ возражать ему. И тонъ его сразу измѣнился. Онъ презрительно фыркалъ, подымалъ плечи и пренебрежительно посмѣивался, даже не удостоивая отвѣчать.

Какъ ни непріятенъ мнѣ Кнопъ, да и Петровъ тоже, но я рѣшилъ пока остаться съ ними. Болѣзнь такъ ослабила меня, что быть поденщикомъ въ случаѣ крайности я не могу. А найти какое нибудь другое занятіе, повидимому, удастся не скоро. Къ тому же въ ожиданіи будущихъ благъ Кнопъ объявилъ, что согласенъ заняться фотографіей.

Такъ какъ я когда-то занимался ею, какъ любитель, и имѣлъ довольно порядочныя свѣдѣнія, то я не отказался войти въ ком-

панію, хотя не слишкомъ разсчитывалъ на успѣхъ нашего предпріятія.

За то мои компаньоны уже считали барыши и принялись за дѣло съ такимъ жаромъ, обнаружили столько энергіи и практической сообразительности, что я и не ожидалъ отъ нихъ. Всѣ мои возраженія тотчасъ же разбивались ими.

Говорилъ ли я, что по-моему квартира наша ужъ слишкомъ не авантажна для пріема публики и удалена отъ центра, мнѣ отвѣчали, что это-то и хорошо.

— Наша фотографія вѣдь не единственная,—вѣско объяснялъ Кнопъ:—въ городѣ есть двѣ фотографіи. Глупо бы было конкурировать съ ними. Мы должны привлечь низшій классъ: разносчиковъ, мелкихъ торговцевъ, полицейскихъ, прислугу, особенно прислугу.

— Позвольте,—вступался Петровъ.—Не забудьте, что мы здѣсь нѣкоторымъ образомъ на лонѣ природы. Мы можемъ снимать въ такой обстановкѣ, какая недоступна фотографіи, помѣщающейся въ центрѣ города.

— Аппаратъ вотъ очень плохъ,—говорилъ я.

— Полноте. Я вамъ съ этимъ аппаратомъ сниму что и кого угодно!—восклицалъ Кнопъ.

— Аппаратъ—послѣднее дѣло,—поддерживалъ его Петровъ.

Я наконецъ предоставилъ имъ дѣйствовать.

Въ одинъ прекрасный день я былъ пораженъ слѣдующій публикаціей, красовавшейся на первой страницѣ въ мѣстномъ листкѣ:

«Спеціально пріѣхавшій изъ Россіи фотографъ снимаетъ во всякое время, въ любой обстановкѣ и при всякомъ освѣщеніи, какъ въ самомъ большомъ, такъ и въ самомъ маломъ видѣ съ небывалымъ искусствомъ и за небывало дешевую цѣну. Дамамъ скидка, дѣти при взрослыхъ снимаются безплатно. Просятъ убѣдиться».

Слѣдовалъ нашъ адресъ.

Объявленіе это покоробило меня своей беззастѣнчивостью, и я высказалъ это своимъ компаньонамъ.

Оба обрушились на меня, доказывая, что мы, слава Богу, въ Америкѣ, а не въ старой Европѣ, что публикація тогда и хороша, когда бросается въ глаза, и т. д. и т. д.

Даже Вася съ азартомъ объявилъ, что это такъ и слѣдуетъ, и что я совсѣмъ не понимаю здѣшней публики и ея требованій.

— Это ужъ такой народъ, — заключилъ онъ. — Безъ рекламы здѣсь ничего не подѣлаете. Если хотите хлопнуть кого по карману, хлопните его прежде по головѣ.

И съ торжествующимъ видомъ онъ побѣжалъ прибивать къ дверямъ нашей квартиры пестрый плакатъ, на которомъ красовалось авизо:

«Здѣсь и нигдѣ болѣе снимаютъ необыкновенно искусно и дешево всѣхъ желающихъ, группами и отдѣльно. Дамамъ и дѣтямъ всевозможныя льготы».

Первый пришелъ къ намъ негръ изъ сосѣдняго дома. Онъ укралъ у своего господина шляпу и галстукъ и сгоралъ отъ желанія увѣковѣчить на себѣ эти великолѣпные предметы.

— У меня рука легкая,—сказалъ Петровъ.—Первую карточку сниму и ретуширую я.

Ему не возражали.

Негръ надѣлъ шляпу, повязалъ галстукъ.

Долго возился съ нимъ Петровъ, заставляя его то поднять руку, то опустить ее, то выставить ногу впередъ, то отодвинуть назадъ, то повернуть голову налѣво, то направо, то выпучить, то полузакрыть глаза.

Наконецъ, негръ, измученный, потный, но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно довольный, былъ отпущенъ.

Я удивился, когда услышалъ, что Петровъ назначилъ ему за полдюжины карточекъ обыкновеннаго визитнаго размѣра шесть песовъ. Негръ впрочемъ не сталъ спорить.

— Это не дешевая цѣна,—отвѣтилъ Петровъ. — У васъ нѣтъ никакой практической смѣтки. Въ объявленіи можно писать все, что угодно, чтобы заманить публику, а разъ вы ее къ себѣ заманили, надо брать возможно больше.

Въ продолженіе недѣли онъ занятъ былъ карточками ужасно. Возился съ ними цѣлыми днями, постоянно кричалъ на Васю, что онъ ему мѣшаетъ, просилъ меня то закрыть, то открыть окно, то прибавить свѣту въ комнатѣ, то убавить.

Наконецъ, карточки были готовы. Восхищенный негръ, явившійся за ними, безъ разговоровъ заплатилъ деньги.

— Вотъ видите,—сказалъ Петровъ,—жаль, что я не не запросилъ съ него дороже. Да, далъ маху. Дѣлать нечего. Очевидно, онъ заплатилъ бы и десять песовъ.

Чрезъ недѣлю тотъ же негръ прибѣжалъ къ намъ утромъ. Онъ былъ въ отчаяніи.

— Съ карточками случилось несчастіе, сеньоръ!—кричалъ онъ, протягивая мнѣ конвертъ.

Я вынулъ карточки. Онѣ успѣли ужъ выцвѣсть, и на нихъ едва можно было уловить общее очертаніе.

Я показалъ Петрову.

— Гоните его въ шею!—сказалъ онъ.—Скажите ему, что надъ нимъ подшутилъ чортъ. Въ шею и больше никакихъ объясненій.

— Но если мы будемъ такъ относиться къ заказчикамъ, къ намъ никто не пойдетъ,—возразилъ я.

— Что же, по-вашему, сдѣлать ему заново полдюжины?

— Разумѣется.

— Какая же выгода такъ работать?

— Вѣдь мы виноваты, Иванъ Павловичъ, мы должны и платиться за свою вину.

— Ну, этакъ мы зубы на полку положимъ. Бросьте вы эти нѣжности. И потомъ нѣтъ ничего хуже, какъ сидѣть съ фотографіей на мѣстѣ. Надо ѣздить по городамъ. Пріѣхалъ на недѣлю, много на двѣ и уѣхалъ. Это самое лучшее. Знаете что, давайте-ка, предприменъ артистическое турнэ.

— Вы меня удивляете: на какія же средства? И желѣзныя дороги, и пароходы здѣсь такъ дороги.

— Мы отправимся пѣшкомъ.

Я рѣшительно воспротивился.

Петровъ доказывалъ мнѣ, убѣждалъ и въ продолженіе нѣсколькихъ дней не давалъ мнѣ покоя. А затѣмъ эта блажь слетѣла съ него, и другіе, еще болѣе нелѣпые проекты зароились въ его головѣ.

Фотографія его ужъ не занимала, и онъ предоставилъ мнѣ вести ее. Кнопъ же съ самаго начала уклонился отъ активнаго участія.

— Мое дѣло наладить предпріятіе, пустить машину въ ходъ,— время отъ времени изрекалъ онъ, потягиваясь на своемъ креслѣ:— а возиться съ мелочами я не могу, вся эта канитель и дрязготня не по моей натурѣ.

Впрочемъ тремъ у насъ и дѣлать было нечего. Фотографія шла изъ рукъ вонъ плохо, несмотря на то, что цѣны мы стали дѣйствительно брать дешевыя.

Деньги мои всѣ подобрались, и мною овладѣло мрачное уныніе. Къ тому же и погода, до сихъ поръ холодная, но ясная, смѣнилась дождливой и загнала насъ всѣхъ въ нашу конуру. Вмѣстѣ мы были возможны только извѣстное время. Дальше уже становилось невыносимо. По крайней мѣрѣ, для меня. Не знаю, что думали Кнопъ и Петровъ, но я испытывалъ отвратительное, непріятное, смутное чувство и обиды за себя и за моихъ товарищей, и презрѣнія и къ нимъ и къ себѣ, и жалости и стыда.

Дождь льетъ цѣлый день съ утра. И какой дождь! Ливень, о которомъ можно получить понятіе только здѣсь, да развѣ еще подъ тропиками. Ближайшія деревья точно завѣшаны бѣлой кисеей, дворъ обратился въ одну сплошную лужу, въ комнатахъ холодно, и все пропитано сыростью. Капли дождя стекаютъ по стѣнамъ, просачиваясь сквозь плохую крышу, къ вечеру это ужъ будутъ не капли, а цѣлые потоки. Окна и безъ того мутныя запотѣли, и въ нашемъ жилищѣ все погружено въ какой-то фантастическій, сѣрый, унылый полумракъ. На полу куски липкой глины и грязь, натасканные нами со двора.

Мы сидимъ вокругъ стола, на которомъ въ самомъ непритяза-

тельномъ безпорядкѣ разставлена посуда, валяются объѣдки, ножи и вилки, не убранные со вчерашняго ужина, куски кое-какъ нарѣзаннаго бѣлаго хлѣба, окурки, клочки бумаги.

Петровъ изъ огромнаго чайника разливаетъ въ наши стаканы свѣтло-бурую жидкость съ «галками». Вася имѣетъ обыкновеніе кипятить чай на угольяхъ вмѣстѣ съ водой, увѣряя, что это удобнѣе и не требуетъ лишней посуды.

Я читаю газету «La Prenza» съ такой жадностью, съ какой только можетъ читать обезумѣвшій отъ скуки человѣкъ, буквально отъ первой строчки до послѣдней.

Кнопъ безмятежно сидитъ въ своемъ креслѣ, перебирая у себя на животѣ указательными и большими пальцами съ необыкновенной быстротой и такъ сосредоточенно, что можно подумать, что онъ вяжетъ чулокъ.

— Чай готовъ, господа!—объявляетъ Петровъ.

M-me Кнопъ сидитъ у себя въ дормидорѣ. Она показывается только затѣмъ, чтобы обдать жербу кипяткомъ, и, сдѣлавъ это, скрывается, чтобы въ одиночествѣ сосать ее.

Вася возится въ углу съ неуклюжимъ, вислоухимъ лягавымъ щенкомъ, котораго онъ притащилъ съ базара.

Мы пьемъ чай долго и жадно. Долго, потому что что это все-таки занятіе, нѣкоторое подобіе дѣла, жадно, потому что всѣ мы чувствуемъ себя впроголодь.

Притомъ всѣмъ намъ холодно, платье наше насквозь пропитано сыростью, и мы не знаемъ, какъ согрѣться.

— Брр...—говоритъ Петровъ:—холодновато! Вы пойдете куда нибудь, Аристархъ Степановичъ?

— Въ такую-то погоду?—возражаетъ Кнопъ и на мгновеніе перестаетъ вертѣть пальцами и начинаетъ шарить у себя по карманамъ.

Черезъ минуту онъ говоритъ:

— Донъ Базиліо, сходи-ка, братецъ, за табакомъ.

Вася отыскиваетъ свою горру, вооружается зонтомъ, сбрасываетъ съ ногъ альпаргаты,—онъ предпочитаетъ въ грязь и дождь итти босикомъ,—и безпрекословно готовится отправиться въ путь, но вдругъ вспоминаетъ о деньгахъ.

— У васъ есть деньги, Аристархъ Степановичъ?

— Мелкихъ нѣтъ. Дайте ему пока двадцать центавовъ, Иванъ Павловичъ,—усиленно работая пальцами, обращается Кнопъ къ Петрову.

Вася скрывается за дверью.

Петровъ вздыхаетъ. Въ дурную погоду онъ склоненъ къ меланхоліи, и настроеніе его не столь оптимистическое, какъ въ хорошую.

— Плохи наши дѣла,—произноситъ онъ.—А? Аристархъ Степановичъ? Фотографія-то наша—швахъ.

— Будетъ вамъ ныть!—обрываетъ его Кнопъ.—Что за скверная привычка! Берите примѣръ съ меня. У меня баба на плечахъ, я и то не тужу.

— Такъ-то такъ,—мямлитъ Петровъ:—а все-таки...

— Я вѣдь вамъ говорилъ, что фотографіей не стоитъ заниматься. Надо ходить на аукціонъ. Я въ прошломъ году...

Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ онъ, Кнопъ, пріобрѣлъ за безцѣнокъ партію подмоченныхъ во время пожара одѣялъ и какъ потомъ продалъ ихъ съ большимъ барышемъ на аукціонѣ.

Этого достаточно, чтобы воодушевить Петрова, и къ приходу Васи и Кнопъ и Петровъ уже горячо толкуютъ «о дѣлахъ» и высчитываютъ выгоды разныхъ предпріятій.

А дождь все льетъ. Собака, которую Вася прозвалъ Дурнемъ, жалобно скулитъ на свой подстилкѣ. На столѣ у насъ чай смѣняется такимъ же плохимъ и безалабернымъ обѣдомъ. «La Prenza» прочтена мною и извѣстна мнѣ до мельчайшихъ подробностей мельчайшаго изъ ея объявленій.

Медленно надвигается глухая, темная, ненастная ночь. Холодъ усиливается. Мы зажигаемъ единственную полуразбитую съ треснувшимъ и закопченымъ стекломъ лампу безъ абажура, жмемся къ ней, къ этому жалкому источнику тепла и свѣта, и сидимъ-сидимъ, пока кто нибудь не объявитъ, что идетъ спать.

По счастію, мнѣ удалось, достать черезъ Лѣвшу литературную работу. Онъ поручилъ мнѣ составить каталогъ научныхъ изданій, получемыхъ библіотекой его общества.

Извѣрившись въ фотографію и наскучивъ до тошноты обществомъ своихъ сожителей, я съ жаромъ принялся за работу. Это дало мнѣ возможность, во-первыхъ, заработать небольшую сумму денегъ, а, во-вторыхъ, на нѣкоторое время избавило меня отъ гнетущей скуки.

Въ рѣдкіе промежутки, когда нѣтъ дождя, ночи такъ холодны, что, не закутавъ головы байковымъ платкомъ и фуфайкой, я не могу заснуть. А я еще выносливѣе другихъ. У Васи, напримѣръ, распухли уши, а онъ и днемъ выходитъ въ башлыкѣ, а Кнопъ сидитъ въ комнатахъ въ перчаткахъ и тоже жалуется на то, что руки пухнутъ.

Вечеромъ положительно нѣтъ возможности оставаться на мѣстѣ. Холодъ даже Петрова выгоняетъ изъ дома. Часто мы цѣлой компаніей идемъ гулять только съ единственной цѣлью согрѣться. Но по вечерамъ выходимъ мы вдвоемъ съ Кнопомъ. Петровъ же закутывается во все, во что только можетъ, надѣваетъ на плечи байковое одѣяло «тигровой шерсти», какъ выражается онъ, довольно уже старое, привезенное имъ еще изъ Берлина, и въ ко-

торомъ онъ, однако, выходитъ и на улицу, справедливо полагая, что оно мало чѣмъ отличается отъ пончо,—подсаживается поближе къ лампѣ и приказываетъ Васѣ согрѣть воды и заварить жербу.

Въ такомъ нарядѣ, съ бомбиджей-мате въ рукѣ, онъ воображаетъ себя настоящимъ hijo del pais. На столѣ передъ нимъ лежитъ револьверъ, а Вася ставитъ въ уголъ у двери заряженное ружье. Это на случай, если ворвутся воры или индѣйцы, — послѣднихъ я до сихъ поръ еще не видалъ,—чтобы встрѣтить ихъ согласно «съ главнымъ закономъ страны».

Кнопъ, уходя, запираетъ свою жену на ключъ. Онъ страшно ревнивъ, и насколько Петровъ и Вася любятъ проводить «главный законъ страны», позволяющій безнаказанно убивать своего ближняго, безъ спроса переступившаго чужой порогъ, настолько онъ любитъ цитировать другой «главный законъ страны», по которому мужъ безнаказанно можетъ убить жену, если убѣдится въ ея невѣрности.

Затѣмъ онъ накидываетъ на плечи большой женинъ платокъ,— тоже, чѣмъ не пончо?—вооружается толстой палкой изъ «ньяндубая», привезенной имъ изъ экспедиціи въ Миссіонесъ, засовываетъ въ карманъ брюкъ револьверъ, и мы отправляемся.

Блѣдно-голубое небо такъ ясно, что кажется прозрачнымъ. Луна сіяетъ вверху и льетъ свой нѣжный голубой свѣтъ на безмолвный, точно завороженный городъ, соперничая съ безчисленными электрическими фонарями, бросающими яркіе снопы своихъ молочно-бѣлыхъ, ослѣпительныхъ лучей. Свѣтло, какъ днемъ.

Мы идемъ по улицѣ. Шаги наши гулко раздаются въ пустотѣ. Изрѣдка попадаются освѣщенныя окна. Это лавки. Въ домахъ не видно огней. Ставни вездѣ закрыты, сторы спущены. Иногда встрѣтится раскрытый подъѣздъ съ горящимъ фонаремъ, спускающимся съ потолка. А тамъ опять пойдутъ ряды темныхъ, безмолвныхъ зданій. Ни звука. Все точно вымерло.

Вотъ раздался звонкій стукъ копытъ по каменной мостовой и замеръ въ отдаленіи. Это проскакалъ sarjento, сержантъ, полицейскій унтеръ-офицеръ.

И опять тишина.

Мы приближаемся къ главной улицѣ Calle Siete. Это самый центръ города. Здѣсь встрѣчаются прохожіе. Экипажи парой вытянулись вдоль тротуара передъ величественнымъ порталомъ вокзала.

Городской скверъ напротивъ него пустъ. Вечеромъ въ немъ не увидите никого, и хотя онъ не огражденъ рѣшеткой и стоитъ на дорогѣ, ни одна душа не отважится перейти черезъ него. Аргентинцы не любятъ уединенныхъ мѣстъ. Храбрость они цѣнятъ и хвалятся ею, но предпочитаютъ избѣгать случаевъ, гдѣ можетъ въ ней явиться надобность.

Но вотъ и Calle Siete. Потоки свѣта льются на мостовую.

Слышно пѣніе и музыка. Подъ звуки посредственнаго органа, хриплый, надрывающійси голосъ, не то мужской, не то женскій— не разберешь, выкрикиваетъ:

Ma femme est r-r-r-onde
Pour tout le mo-o-onde
Excepté moi.

Это кафе съ билліардомъ. Оно биткомъ набито праздной, невзыскательной, разношерстной публикой.

Еще нѣсколько шаговъ. Другой любимый здѣсь родъ развлеченій—стрѣльба въ цѣль. Лавочка едва вмѣщаетъ желающихъ попытать счастія, показать свое искусство или поглазѣть.

Попавшій 10 разъ въ цѣль получаетъ мѣдную медаль, заплативъ предварительно за каждый зарядъ пять центавовъ.

Его медаль возбуждаетъ зависть, и въ охотникахъ заслужить ее нѣтъ недостатка.

Орденъ, decoracion, въ этой странѣ, гдѣ нѣтъ орденовъ, имѣетъ магическую силу. Это предметъ любопытства, почтенія и тайнаго вожделѣнія, все равно какой онъ ни будь, и за какія заслуги его ни получи.

Вообще внѣшность, костюмъ здѣсь имѣютъ большое значеніе. Да оно и понятно. На первое время только это и даетъ возможность отличать такъ называемыхъ порядочныхъ людей отъ низшихъ классовъ или отъ подонковъ общества. Вѣдь всѣ равны, всѣ сеньоры. Обращаетесь ли вы къ городовому или къ нищему, просящему у васъ взаймы,—всегда взаймы,—нѣсколько центавовъ, или къ оборванцу, торгующему маниссо — орѣхами, играющими здѣсь роль нашихъ подсолнуховъ,—всѣхъ вы должны называть «сеньоръ».

Мы идемъ дальше. Ярко освѣщенный магазинъ. Двери и окна настежь, несмотря на то, что холодно, какъ у насъ въ морозъ.

Люди входятъ, не стѣсняясь, бродятъ по всему помѣщенію, садятся на разставленную мебель, щупаютъ и трогаютъ всевозможные, нагроможденные предметы и вещи.

Это remate—аукціонъ.

Чего-чего тутъ нѣтъ! Попадаютъ не однѣ случайныя вещи, а множество магазиновъ ставятъ сюда мебель и складываютъ товары, зная, что на одинъ предметъ, проданный дешево, здѣсь десять продастся втридорога. Публики масса. Женщинъ ни одной.

Но вотъ появляется рематадоръ, герой вечера и главный актеръ имѣющей разыграться передъ нами комедіи. Рематадоръ одѣтъ щеголемъ. На немъ черная съ иголочки пара, безукоризненный, сверкающій бѣлизной пластронъ, удивительный кроваваго цвѣта галстухъ съ золотой булавкой, а главное—лаковыя ботинки, купленныя въ zapatepia de Paris, въ парижскомъ башмачномъ магазинѣ.

Рематадоръ сразу овладѣваетъ своей публикой, не даромъ онъ рематадоръ. Какъ хорошо знаетъ онъ ее, эту алчную, падкую до легкой наживы, безразсудную, хвастливую и безпечную публику! Со всѣми завсегдатаями онъ знакомъ и каждаго изъ нихъ называетъ по имени. Имъ ничего не нужно покупать, но они не уйдутъ, не купивши хоть пустяка за сумасшедшую цѣну.

Это все азартные игроки. Ремата самая распространенная, самая любимая азартная игра въ Аргентинѣ послѣ національной лотереи. Рематадоръ вскакиваетъ на табуретъ. Около него тотчасъ образуется тѣсная толпа, которая жадно слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ и ловитъ каждое его слово.

— Buenos señores!—начинаетъ онъ и, выхвативъ изъ лежащей тутъ груды бѣлья женскую рубашку, развертываетъ ее передъ публикой, примѣряетъ на себя, вертится во всѣ стороны и не переставая выкрикиваетъ...

— Дамскія сорочки! цѣлая дюжина! Всѣ такія. Тончайшее полотно. Лучшее голландское полотно. Шиты въ Парижѣ. Что дадите за штуку?

Молчаніе.

— Какъ, ничего?—восклицаетъ рематадоръ.—Да вы взгляните, какія сорочки! Сеньоры, у которыхъ есть сеньоры и сеньориты! Я обращаюсь къ вамъ. Ей-Богу, я оставилъ бы ихъ за собой, если бы былъ женатъ.

Молчаніе. Толпа еще не разогрѣлась.

— Сеньоры, покупайте же! Холостые сеньоры! Выручайте хоть вы, por Dios, купите эти рубашки, а чтобы онѣ не пропадали у васъ даромъ, женитесь. Вы не будете въ убыткѣ. А? Cuanto vale? (сколько стоитъ)?

— Dos pesos (два песа)!—раздается рѣшительный и громкій голосъ изъ-за спины аукціониста.

Это—подставной. Публика отлично узнаетъ его и по манерѣ и по тону, и потому, что онъ всегда въ нужный моментъ выручаетъ рематадора.

Тѣмъ не менѣе его слова производятъ дѣйствіе спички, брошенной въ порохъ. Толпа вдругъ приходитъ въ оживленіе, шумитъ, волнуется и набавляетъ цѣну такъ быстро, что только опытный и ловкій рематадоръ не путается и не сбивается съ толку.

— Veinte centavos—двадцать центавовъ!—говоритъ кто-то.

— Veinte centavos, veinte!— выкрикиваетъ рематадоръ. — Dos pesos, veinte, veinte...

— Treinta (тридцать).

— Treinta, treinta, treinta, dos pesos treinta! — подхватываетъ рематадоръ.

— Cuarenta (сорокъ)!

— Cuarenta, cuarenta, cuarenta! — горохомъ сыплетъ рематадоръ:—cuarenta, dos pesos, cuarenta!

— Cincuenta (пятьдесятъ).

— Cincuenta, cincuenta, des pesos cincuenta. Nada mas? (Ничего больше)? Quien mas? (Кто больше)?

Указательный палецъ отлично замѣняетъ рематадору молотокъ. Онъ ударяетъ имъ по ладони лѣвой руки и продолжаетъ выкрикивать:

— Cincuenta, cincuenta, cincuenta...

— Sesenta (шестьдесятъ).

— Setenta (семьдесятъ).

— Setenta, setenta, setenta. Quien mas (кто больше)?

— Setenta cinco (семьдесятъ пять).

— Setenta cinco, setenta cinco, dos pesos setenta cinco. Nada mas? Ninguno mas (никто больше)? Uno... dos... (разъ... два...) tres! (три)—съ трескомъ обрываетъ онъ въ послѣдній разъ, ударяя по ладони пальцемъ.

Помощникъ его, пріютившійся тутъ же гдѣ нибудь на тычкѣ, суетъ въ руки купившаго квитанцію.

А у рематадора въ рукахъ уже ружье. Это интереснѣе рубашекъ. Оружіе здѣсь очень любятъ, и нѣтъ человѣка, который не желалъ бы имѣть его.

— Ружье, почтенные сеньоры! — торжественно возглашаетъ онъ.—Винчестеръ. Центральнаго боя. Бьетъ на пятьсотъ шаговъ. Можетъ попасть въ тигра, въ кугуара... и другое крупное животное,—остритъ онъ.

— Quinze pesos (пятнадцать песовъ),—робко вставляетъ въ его трескотню молодой человѣкъ, которому очевидно очень хочется пріобрѣсти ружье.

— Quinze?—насмѣшливо обрываетъ его рематадоръ:—сеньоръ, уже лучше начиналъ бы съ пятнадцати центавовъ.

— Veinte,—набавляетъ подставной.

— Veinte, veinte, veinte...

— Treinta (тридцать),—произноситъ угрюмый человѣкъ въ надвинутомъ на носъ сомбреро.

— Treinta, treinta, treinta...—трещитъ рематадоръ.

— Treinta tres (тридцать три).

— Treinta cinco (тридцать пять).

— Cuarenta (сорокъ).

— Cuarenta dos (сорокъ два).

— Cuarenta cinco (сорокъ пять).

— Cuarenta ocho (сорокъ восемь).

— Cincuenta (пятьдесятъ).

Рематадоръ, улыбаясь, молчитъ.

Публика разгорячилась. На ружье, какъ видно, много охотниковъ.

— Cincuenta dos (пятьдесятъ два).

— Cincuenta cinco (пятьдесятъ пять).

— Sesenta (шестьдесятъ).

Ружье осталось за гаучо, какъ называютъ здѣсь деревенскихъ, степныхъ жителей. Завернувшись въ свое полосатое пончо и надвинувъ на глаза сомбреро, онъ все время апатично надбавлялъ цѣну, саркастически улыбаясь своими тонкими, злыми губами, но теперь на лицѣ его выразилось разочарованіе и недовольство. Ружье не стоило этихъ денегъ.

Рематадоръ соскакиваетъ съ табурета и идетъ на другой конецъ комнаты.

Тамъ стоитъ гостиная мебель. Пеоны поднимаютъ кресло и показываютъ его публикѣ.

— Гостиный гарнитуръ, — выкрикиваетъ рематадоръ: — семь предметовъ рѣзного орѣха. Обиты дорогой французской матеріей. Рѣдкая вещь.

— Cuanto vale (сколько стоитъ)? Cuanto vale?

— Diez pesos,—говоритъ подставной.

— Onze!

— Doce!—почти одновременно раздается въ публикѣ.

— Doce, doce, doce! — выкрикиваетъ рематадоръ. — Doce pesos la pieza (двѣнадцать песовъ штука). Quien mas?

Цифры сыплются одна за другою. Рематадоръ едва успѣваетъ вставлять отъ себя нѣсколько словъ.

Въ игорномъ азартѣ никто уже не помнитъ, что рѣчь идетъ о цѣнѣ только одного предмета, входящаго въ гарнитуръ, и что такихъ предметовъ семь. Игроки тѣснятся къ рематадору, толкаютъ другъ друга и на перебой набавляютъ.

— Noventa (девяносто)! — спѣшитъ воспользоваться моментомъ рематадоръ. — У васъ легкая рука, надбавьте хоть песо, докторъ Морено,—обращается онъ съ заискивающей улыбкой къ одному изъ присутствующихъ.

Господинъ,' къ которому обращается рематадоръ, самодовольно улыбается.

— Cinco (пять),—небрежно роняетъ онъ.

— Noventa cinco (девяносто пять), noventa cinco, noventa cinco! — подхватываетъ, не забывая любезно поклониться, рематадоръ:—noventa cinco la pieza (девяносто пять штука), seis cientos sesenta cinco todo. — Quien mas, quien mas?—нетерпѣливо прибавляетъ онъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ недоумѣнія публики, пораженной столь большой цифрой.

— Quien mas?— разрывается рематадоръ.— Докторъ Сальтини, прибавьте хоть песо.

Не удивляйтесь, если изъ десяти человѣкъ девять будутъ названы при васъ докторами.

Всякій умѣющій читать и писать величается въ Аргентинѣ докторомъ.

И этотъ «докторъ» снисходитъ къ рематадору и, очевидно, рисуясь передъ собравшейся толпой, говоритъ:

— Пятьдесятъ на все.

Но его уже перебиваетъ другой и громко кричитъ:

— И я пятьдесятъ.

— Я тоже.

— Я тоже.

Азартъ въ полномъ разгарѣ. Кучка богатыхъ завсегдатаевъ-игроковъ наконецъ разогрѣлась.

Рематадоръ затаилъ дыханіе: ни одного слова, ни одного неосторожнаго движенія. Съ каждыхъ ста песовъ десять идутъ въ его пользу.

Цифра все растетъ. Предметъ покупки всѣми забытъ. Лица то краснѣютъ, то блѣднѣютъ, глаза горятъ, руки жестикулируютъ. Мебель, которой красная цѣна семьдесятъ пять рублей, оцѣнена въ полторы тысячи.

— Докторъ Сальтини,—срывается вдругъ рематадоръ, подогрѣвая иныхъ партнеровъ, начинающихъ отставать: — у васъ легкая рука, поддержите.

— О! Я сдѣлалъ для васъ уже все возможное, — съ высокомѣрной улыбкой говоритъ Сальтини.

Это—осторожный человѣкъ. Онъ умѣетъ поднять цѣну и взогнать термометръ,— какъ говорятъ здѣсь,— но и во время умѣетъ убрать руки, чтобы не обжечься.

Обладателемъ мебели остается другой «докторъ», съ недоумѣніемъ разсматривающій свою покупку.

Продается еще гостиная такая же, какъ и первая. Но интересъ къ мебели остылъ, и она на этотъ разъ достается какому-то счастливцу за 130 песовъ.

И такъ дальше, безъ конца. Проходитъ часъ, два, три, четыре. Продаются буфеты, часы, кровати, револьверы, куры, собаки, цвѣты, канарейки, корсеты, умывальники, сапоги. Наконецъ рематадоръ въ послѣдній разъ спрыгиваетъ съ своихъ подмостковъ.

— Ha sta la vista, señores (до свиданья, сеньоры!)! y buenas noches!—говоритъ онъ и удаляется.

Публика выходитъ на улицу и тотчасъ же теряется среди длинныхъ, широкихъ улицъ.

Мы тоже уходимъ. Теперь и въ центрѣ тихо и глухо. Лавки заперты. Ни одного освѣщеннаго окна, ни одной не закрытой тщательно двери.

Среди глубокаго безмолвія, охваченные имъ и боясь нарушить его, молча идемъ мы по широкой аллеѣ городского парка. Все точно погружено въ таинственный, волшебный сонъ.

Только время отъ времени шелестятъ стройные, громадные эвкалипты, роняя съ себя кору, которая тонкими, длинными стружками шелушится съ нихъ, да шуршатъ подъ нашими ногами сухіе листья.

Гигантскіе кактусы и алоэ, растопыривъ громадные съ колючками листья, издали кажутся чудовищами.

Вотъ мы и дома.

Заслышавъ наши шаги, Дурень начинаетъ визжать и лаять.

Мы стучимся. Къ двери подходитъ Вася и, стараясь придать своему голосу наибольшую суровость и твердость, говоритъ дѣланнымъ басомъ:

— No esta el padron! Venga mañana. (Хозяина нѣтъ дома, приходите завтра).

— Какой ты болванъ, донъ-Базиліо! — внушительно произноситъ Кнопъ.

XIII.

— Смотрите-ка, Александръ Петровичъ!—сказалъ мнѣ однажды утромъ Вася, когда мы съ нимъ, поднявшись раньше всѣхъ въ домѣ, вышли въ паркъ, — верикуджа зацвѣла, а ужъ если верикуджа цвѣтетъ, значитъ конецъ зимы.

Я взглянулъ, куда показывалъ Вася, и увидѣлъ нѣсколько пучковъ желтыхъ мелкихъ цвѣточковъ, которые, Богъ ихъ знаетъ, какъ и когда, успѣли появиться между темнозелеными рѣдкими листочками вьющагося растенія, попадающагося здѣсь на каждомъ шагу.

Дѣйствительно, въ утренней прохладѣ чувствовалось что-то знойное, солнце, несмотря на ранній часъ, ослѣпительно сверкало, и какъ пріятно было грѣть подъ его жгучими лучами окостѣнѣвшіе отъ невыносимо холодной ночи члены.

Долго мы бродили съ Васей по парку, очарованные прелестью утра, толкуя о нашихъ дѣлахъ и о томъ, какъ бы лучше устроить свою жизнь.

— Знаете, Александръ Петровичъ,— говорилъ Вася:— не будь папы, я бы тотчасъ же ушелъ куда нибудь въ глушь. Я былъ съ Андреемъ Семеновичемъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще совсѣмъ нѣтъ людей. Тамъ дико, но прекрасно. А здѣсь, посмотрите, мы не живемъ, а прозябаемъ. Сколько разъ говорилъ я папѣ, когда у насъ бывали маленькія деньги: истратимъ на покупку земли и будемъ независимы и богаты. Да, тамъ были бы мы богачами, а здѣсь?

— Ахъ, Вася, да вѣдь тамъ нѣтъ культуры, нѣтъ людей, тамъ одиночество. А тебѣ нужно дать образованіе, ты молодъ, ты долженъ учиться. Отецъ не хочетъ обречь тебя на жизнь дикаря.

— А развѣ я сейчасъ не простой поденщикъ, рабочій? Что знаю я? Чему выучился въ городахъ?—горячо возразилъ Вася.— И вы, Александръ Петровичъ, развѣ не устали отъ этой жизни? Вы думаете, я ничего не понимаю? Нѣтъ, я вижу, какъ вамъ все надоѣло, и вы не знаете, къ чему приложить руки. Что же вамъ дало ваше образованіе? А папа? Развѣ онъ не страдаетъ? Но онъ всегда думаетъ, что онъ во всемъ правъ, и не хочетъ слушать моихъ совѣтовъ.

Я слушалъ Васю, и жалко было мнѣ этого добраго, такого еще молодого, но ужъ такъ много испытавшаго, такъ хорошо знакомаго съ нуждой, мальчика.

Я постарался ободрить его и даже обѣщалъ уговорить Петрова копить понемногу деньги изъ жалованья на покупку чакры.

Это тотчасъ же утѣшило его, и онъ принялся строить такіе заманчивые планы на будущее, такъ живо набросалъ передо мной цѣлую яркую картину своей жизни на землѣ, въ борьбѣ съ природой, съ отсутствіемъ удобствъ, съ лишеніями, но и съ твердой вѣрой въ побѣду надъ всѣми невзгодами и въ конечное благополучіе, что я невольно заслушался его рѣчей и въ сердцѣ моемъ тоже загорѣлся свѣтлый и бодрящій огонекъ надежды.

И когда мы разставались съ нимъ у воротъ парка, его круглое, загорѣлое, добродушное лицо сіяло весельемъ и отвагой.

Онъ заторопился на рынокъ купить на обѣдъ провизіи, а я отправился въ контору эмигрантскаго дома.

Тотъ самый толстый человѣкъ съ краснымъ лицомъ, который выпроводилъ меня оттуда на улицу, спросилъ меня, что мнѣ нужно.

Я объяснилъ, что пріютъ у меня есть, но что я нуждаюсь въ какомъ нибудь мѣстѣ и готовъ поѣхать далеко, только бы занятіе было подходящее.

Онъ сталъ рыться въ своихъ книгахъ, отыскалъ мою фамилію и вспомнилъ меня.

— Вѣдь предлагали вамъ тогда хорошее мѣсто,—сказалъ онъ:— вы заупрямились. Зайдите черезъ нѣсколько дней. Мы наведемъ справки.

Было еще рано. Итти домой мнѣ не хотѣлось, и я зашелъ къ Гвоздикову.

Онъ жилъ на самой отдаленной окраинѣ города, и, чтобы добраться до него, надо было перейти обширный, заросшій бурьяномъ и густой колючей травой пустырь, пересѣченный по всѣмъ направленіямъ узенькими протоптанными тропинками.

Мнѣ рѣдко случалось видѣться съ нимъ. Онъ не любилъ людей и точно прятался отъ нихъ. Но меня онъ много разъ звалъ къ себѣ.

Я засталъ его полуодѣтымъ, — онъ только что всталъ, — и въ

самой непригдядной обстановкѣ. Болѣе мрачной, неуютной и холодной комнаты невозможно было себѣ представить. Кучи сору и пыли указывали на то, что здѣсь никогда не убирали.

Кровать, два соломенныхъ стула, покосившійся, заваленный книгами и пыльными листами бумаги и газетъ столъ составляли все ея убранство.

Мрачное, худое лицо Гвоздикова съ взъерошенными волосами и безпокойно блуждающими глазами какъ нельзя болѣе гармонировало съ этимъ антуражемъ.

Поразило меня также присутствіе на окнѣ нѣсколькихъ бутылокъ изъ-подъ каньи и хиневры.

— А! Это вы?—сказалъ Гвоздиковъ.—Como lo va, señor? Bien? Mi alegro mucho, enchanté. Et moi—indisposé, unwell and unhappy. Take a seat, please.

И, произнеся еще нѣсколько несвязныхъ фразъ на различныхъ языкахъ, онъ сталъ поспѣшно одѣваться.

Я спросилъ его, что съ нимъ, и отчего его не видать у Лѣвши.

Онъ сталъ безтолково разсказывать на своемъ вавилонскомъ смѣшеніи какую-то длинную исторію. Но вдругъ, не кончивъ, оборвалъ ее и объявилъ, что выйдетъ со мною.

— Я ужъ двѣ недѣли не выхожу, I say. Пойдемте, partons, vamos, señor.

Онъ надѣлъ на голову съ широчайшими полями сомбреро, какихъ я даже здѣсь ни на комъ не видывалъ, завернулся въ длинную альмавиву, одну полу которой перекинулъ за плечо, и сталъ удивительно похожъ на театральнаго мелодраматическаго злодѣя, крадущагося по сценѣ, чтобы исподтишка поразить кинжаломъ соперника.

Мы шли по улицѣ молча. Мнѣ трудно было говорить съ моимъ спутникомъ съ его страннымъ языкомъ и сбивчивыми мыслями.

Гвоздиковъ погруженъ былъ въ мрачную задумчивость. Но солнце сіяло такъ ярко, и воздухъ былъ такъ мягокъ, что даже онъ замѣтилъ это. Закинувъ назадъ голову и сдвинувъ назадъ шляпу, онъ оглядѣлся кругомъ и, сдѣлавъ неопредѣленный жестъ, произнесъ:

— Природа здѣсь magnifique, mais pas de gens. Какъ это по-русски? Да, людей нѣтъ. Людей нѣтъ! — повторилъ онъ и опять мрачно задумался.

На мое предложеніе вмѣстѣ итти къ Лѣвшѣ онъ отвѣчалъ отказомъ.

Я простился съ нимъ и отправился одинъ.

За послѣднее время Лѣвша очень измѣнился. Онъ уже не производилъ того впечатлѣнія бандита или бриганта, какимъ онъ казался раньше. Манеры и обращеніе его стали мягче, и одѣвался онъ лучше и приличнѣе.

Причина послѣдняго обстоятельства мнѣ была понятна. Давнишняя и сладкая надежда его готова была осуществиться: онъ ожидалъ жену и дочь.

Когда онъ однажды сказалъ мнѣ, что получилъ отъ нихъ письмо, гдѣ онѣ извѣщаютъ его, что выѣзжаютъ за границу, съ тѣмъ, чтобы изъ Бремена отплыть въ Буэносъ-Айресъ, я подивился на него. Онъ весь дрожалъ, голосъ его прерывался, изъ глазъ его скатились незамѣченныя имъ самимъ нѣсколько слезинокъ. Странно было видѣть этого большого, сильнаго, съ такимъ внушительнымъ видомъ мужчину до такой степени растроганнымъ и такъ переполненнымъ радостнымъ чувствомъ.

Вотъ почему и характеръ его какъ будто сталъ уступчивѣе, и одежда изысканнѣе, и онъ сталъ обращать большее вниманіе на обстановку. Постоянно, заходя къ нему, я натыкался на какой нибудь новый предметъ меблировки, и теперь высокая, большая и холодная квартира его уже не казалась такой пустой. Не разъ онъ спрашивалъ моего совѣта и интересовался моимъ мнѣніемъ по поводу той или иной вещи. Особенно, помню я, обрадовался онъ, когда я восхитился купленнымъ имъ буфетомъ. Буфетъ мнѣ дѣйствительно понравился: онъ былъ такой большой, массивный, оригинальный, по крайней мѣрѣ, для меня, потому что мнѣ такихъ буфетовъ не приходилось видѣть у насъ. И толстая мраморная доска его зеленоватаго цвѣта съ красными жилками, украшавшая сверху нижній этажъ его, по здѣшней модѣ, благо мраморъ дешевъ и въ громадномъ количествѣ доставляется изъ Италіи, показалась мнѣ необыкновенно красивой.

И на этотъ разъ мнѣ бросились въ глаза кадки съ лимонными и апельсинными деревьями, араукаріями и пальмами, во множествѣ разставленныя на патіо.

— Какъ вы кстати! — сказалъ Лѣвша, увидя меня, а у самого на головѣ шляпа и въ рукахъ палка. — Ѣдемте сейчасъ въ Энсенаду. Какъ хорошо, что вы пришли!

Энсенада—это портъ Лаплаты, въ верстахъ трехъ отъ насъ.

— Что такое случилось? — спросилъ я.

— Ахъ, да онѣ, онѣ пріѣхали. Пишутъ мнѣ, что выѣхали изъ Бордо на «Кордильерѣ», и, представьте, я смотрю въ расписаніе— «Кордильеръ» приходитъ сегодня. Видите, какъ запоздало письмо. Ѣдемте же, Бога ради! А то я одинъ не знаю, какъ ихъ и встрѣтить. Право, мнѣ кажется, я тутъ же умру на мѣстѣ.

Пока мы шли паркомъ на дорогу, онъ разсказалъ мнѣ, что жена схоронила въ Петербургѣ сына, и, кажется, эта ужасная потеря повліяла на ея отъѣздъ.

Дождавшись конки, которая идетъ въ Энсенаду, мы сѣли въ нее.

Вагонъ былъ далеко не полонъ. Въ немъ ѣхало нѣсколько молодцовъ изъ гвардіи насіональ, въ своихъ парусинныхъ мунди-

рахъ, въ такихъ же бамбачахъ, спускавшихся до щиколотки и въ альпаргатахъ, надѣтыхъ на бѣлые носки. Костюмъ въ общемъ на европейскій взглядъ некрасивый и совершенно лишенный того военнаго шику, который, казалось, долженъ бы быть присущъ ему. Зато въ углу поодаль отъ другихъ сидѣлъ куда болѣе представительный военный, какъ подумалъ я сначала, въ кепи съ краснымъ околышемъ, съ красными суконными нашивками на плечахъ и на рукавахъ его чернаго камзола, только оружія на немъ не было.

И я уже рѣшилъ про себя, что это какой нибудь иностранный воинъ изъ отставныхъ, когда Лѣвша указалъ мнѣ на него и сказалъ:

— Это членъ арміи спасенія.

Впослѣдствіи я встрѣчалъ этихъ господъ довольно часто. Среди нихъ есть и женщины. Онѣ тоже носятъ черныя суконныя кофточки съ такими же красными отворотами и нашивками.

Противъ него помѣщались какіе-то два господина, объяснявшіеся между собой знаками, такъ что я подумалъ, что они нѣмые, и былъ очень удивленъ, когда они бойко и громко заговорили съ кондукторомъ по-испански.

Я выразилъ свое недоумѣніе Лѣвшѣ, и онъ объяснилъ мнѣ, что это, должно быть, члены масонской ложи въ Лаплатѣ. Я было сталъ его разспрашивать о масонахъ, но онъ такъ разсѣянно отвѣчалъ мнѣ и такъ занятъ былъ мыслью о свиданіи съ женой и дочерью, что я счелъ за лучшее отложить разспросы до болѣе удобнаго времени.

Конка подпрыгивая, сотрясаясь и дребезжа подвигалась по рельсамъ, по которымъ тащили ее двѣ тощія, понурыя клячи, а слѣва, параллельно съ рельсами тянулась грязная, кочковатая, съ глубокими колеями, узкая дорога. По ней то медленно двигалась запряженная четверкой своими громадными колесами каро—телѣга, то, трясясь и колыхаясь, проѣзжала волянта [1]). Въ общемъ же она производила пустынное и даже дикое впечатлѣніе, благодаря раскинувшемуся и направо и налѣво необозримому пространству широкаго степного простора.

Но вотъ и портъ.

Мы проѣхали узкую улочку, и конка стала.

Пѣшкомъ направились мы, минуя множество трактировъ, ресторановъ, альмасеновъ и лавченокъ, торгующихъ всевозможною дрянью, сходящей за достопримѣчательности, въ родѣ метелокъ изъ страусовыхъ перьевъ, кокосовыхъ орѣховъ, страусовыхъ яицъ, изъ которыхъ черезъ соломинку вытянуто содержимое, разрисованныхъ и неразрисованныхъ, съ бантами, въ родѣ того, какъ у насъ про-

---

[1]) Волянта—родъ коляски, защищенной сверху зонтомъ, съ подножкой сзади и съ боковыми скамейками.

даютъ сахарныя яйца на пасхѣ, и безъ бантовъ, жерба-мате,— яйцевидными и кувшинчиками,—круглыми медальонами изъ двухъ стеклянныхъ кружечковъ въ металлическомъ ободкѣ, съ помѣщеннымъ между ними засохшимъ Анютинымъ глазкомъ, зелеными попугаями, умѣющими и неумѣющими говорить, и кардиналами съ красивыми пунцовыми хохлами на черныхъ вертлявыхъ головахъ вмѣстѣ съ эмальированной и жестяной посудой и складными стульями,— вещами, столь цѣнимыми на пароходѣ путешествующими въ третьемъ классѣ, и которыми обязательно запасается всякій испанецъ и итальянецъ, ѣдущій на родину.

Въ концѣ этой улицы мы повернули налѣво и очутились въ гавани. Справа замелькали низенькія маленькія лавочки мѣнялъ съ вывѣсками «Cambio». Впереди разстилалось широкое водное пространство, и къ пристани тѣснились пароходы и барки. Издали ярче всѣхъ бросался въ глаза огромный остро-грудый, выкрашенный въ сиреневую краску пароходъ.

— Это онъ, онъ!—воскликнулъ Лѣвша, указывая на него, и, спотыкаясь, побѣжалъ впередъ.—Это «Кордильеръ»!—на бѣгу повторялъ онъ.

Но это оказался не «Кордильеръ», а итальянскій пароходъ Дукади-Гальера, а за нимъ поднимался изъ воды корпусъ другого бѣлаго съ золотомъ.

— Гдѣ же «Кордильеръ»?—волновался Лѣвша.—Гдѣ же?

Я посовѣтовалъ ему спросить кого нибудь. Онъ бросился въ пароходную контору.

Тамъ ему сказали, что «Кордильеръ» дѣйствительно долженъ прійти сегодня, но что его ждутъ не раньше, какъ черезъ пять часовъ.

— Цѣлые пять часовъ,—пролепеталъ растерянно Лѣвша.

На него было жалко смотрѣть: эти пять часовъ казались ему вѣчностью.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спросилъ онъ меня.

— Ѣхать обратно, чтобы возвращаться назадъ, не стоитъ,— сказалъ я.

Мы пошли бродить по окрестностямъ. За гаванью тянулся маленькій поселокъ съ бѣдными досчатыми домиками. Всѣ они расположены были по берегу, покрытому низкорослымъ кустарникомъ и жесткой колючей травой.

Дельта Лаплаты усыпана островами низменными и мелкими, мѣстами представляющими сплошные камыши. Попадались лагуны съ темной, почти коричневой водой. Берега и дно ихъ состояли изъ множества склеившихся и смѣшавшихся съ мелкимъ, совершенно бѣлымъ пескомъ бѣлыхъ же раковинъ.

Въ одномъ мѣстѣ намъ попалась канава, глубиною саженъ въ шесть. Отъ продолжительныхъ засухъ она высохла, и вода текла

только на самомъ днѣ, а съ обѣихъ сторонъ круто поднимались, какъ двѣ стѣны, два ея берега изъ тѣхъ же бѣлыхъ раковинъ и бѣлаго песку. Тамъ и сямъ зеленѣли клочки травы, пробившіеся на этомъ, Богъ знаетъ какъ давно образовавшемся грунтѣ, а иногда попадались кустики фіалокъ темныхъ и бархатистыхъ съ широкими круглыми темно-зелеными листьями, лежавшими на самой землѣ, и на этомъ бѣломъ сверкающемъ подъ солнцемъ фонѣ онѣ казались вышитыми на бѣломъ атласѣ. Рѣзкій ароматный запахъ ихъ за нѣсколько саженъ обнаруживалъ ихъ присутствіе.

Мы перепрыгнули черезъ канаву очень узкую, несмотря на свою глубину, и очутились среди густой поросли изъ колючихъ кустарниковъ и низко-рослыхъ корявыхъ деревьевъ. Солнце ярко сіяло надъ нашими головами; въ лѣсу было тихо, только въ разбросанныхъ по мѣстамъ болотцахъ перекликались кулики, да изрѣдка прокричитъ желто-грудая бичефео свое знакомое всѣмъ «bien-te-veo!» [1]).

Тамъ и сямъ на низкомъ, точно подстриженномъ сверху кустарникѣ съ блѣдно-зелеными, жесткими пятиугольными листочками, точно вырѣзанными изъ жести, сидѣли совы, огромныя, мягкія и пушистыя.

Широко раскрывъ свои блестящіе, круглые глаза, онѣ смотрѣли прямо на солнце и грѣли подъ его лучами свои желто-коричневыя спины. Мы долго бродили по этому перелѣску, или, какъ здѣсь называютъ, taleas, и Лѣвша набралъ букетикъ фіалокъ.

Отдохнувъ, мы пошли назадъ и вернулись въ гавань.

Пристань начинала оживать, близилось время отхода Дука-ди-Гальера итальянской компаніи «Veloce» (быстроходный).

Изъ Буэносъ-Айреса прибылъ поѣздъ и выбросилъ на обширный дебаркадеръ пеструю и шумную толпу испанцевъ, итальянцевъ и французовъ, отплывавшихъ въ Европу. Ихъ обступили торговцы апельсинами, лимонами и манисо (земляными орѣхами),— продаваемыми у насъ въ Петербургѣ подъ именемъ китайскихъ,— складными стульями, чайниками, жестяными и эмальированными кружками и тарелками, попугаями,—словомъ всѣмъ тѣмъ товаромъ, которымъ Аргентина надѣляетъ отъѣзжающаго въ Европу эхтранхеро (иностранца).

Публика жадно расхватывала предметы, точно стараясь, пока еще корабль не оторвалъ ея отъ земли, какъ можно больше захватить съ нея и увезти съ собой.

Всѣ жались къ подходящему пароходу, охваченные тѣмъ тоскливымъ нетерпѣніемъ и тревожнымъ волненіемъ, которыя знакомы всякому путешествующему по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Но на кораблѣ все еще было спокойно, матросы мыли палубу, ла-

[1]) Bien-te-veo (искаженное bichefeo)—хорошо тебя вижу.

кеи и повара стояли толпой на кормѣ, болтая между собой. Команда еще была на берегу, и нѣсколько дюжихъ, загорѣлыхъ матросовъ торопливо докрашивали наружную сторону бортовъ въ блѣдно-голубую краску.

Лѣвша ужасно суетился и волновался.

Въ рукахъ его вдругъ очутился бинокль, и онъ не сводилъ глазъ съ моря, надѣясь разглядѣть «Кордильеръ».

Между тѣмъ съ Дука-ди-Гальера спустили переходные мостки съ носовой части для третьяго класса и съ кормовой для перваго и второго классовъ. Толпа такъ и хлынула къ нимъ. Пассажировъ перваго класса пропустили впередъ, и затѣмъ густой толпой повалили третьеклассники.

Все это большею частью были люди семейные. Женщины несли на рукахъ дѣтей или вели ихъ за руку, мужья помогали имъ, тащили чемоданы, дорожные сундуки, узлы съ рухлядью и подушками. Всѣ спѣшили пробраться поскорѣе впередъ, чтобы отвоевать для себя лучшее мѣсто.

Но вотъ палуба опустѣла; люди попрятались въ трюмъ. Время отъ времени подъѣзжали запоздавшіе пассажиры.

Пароходъ вдругъ дрогнулъ, и изъ мощной груди его вырвался могучій ревъ. Палуба опять запестрѣла народомъ: каждому хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на землю. Нѣкоторые обнимались, прощаясь съ родными и знакомыми, другіе плакали. Эти торопливо спѣшили сойти на землю, тѣ жались къ борту, обмѣниваясь послѣдними привѣтствіями.

Но вотъ пароходъ снова заревѣлъ, трапъ сняли, паръ густыми бѣлыми клубами, вырываясь изъ трубы, сталъ подниматься къ небу, пароходъ дрогнулъ всѣмъ своимъ огромнымъ корпусомъ и отдѣлился отъ берега. Нѣсколько бѣлыхъ платковъ замелькали въ воздухѣ, испанцы съ палубы махали своими горра (фуражками), послѣдніе поклоны, послѣдній обмѣнъ привѣтствій, взглядовъ, прощаній, и вотъ уже пароходъ удаляется все дальше, все дальше, и наконецъ жадно слѣдящіе за нимъ взоры видятъ только вдали постепенно уменьшающуюся неясную точку.

— «Кордильеръ» подходитъ!—послышалось около насъ.

Лѣвша такъ и впился въ море глазами.

— Неужели это онъ? Неужели? Да онъ ли? — безсвязно лепеталъ онъ.

Какой-то испанецъ, замѣтивъ его волненіе, вмѣшался въ нашъ разговоръ.

— Это онъ, сеньоръ, можете мнѣ повѣрить, черный съ золотомъ, я его хорошо знаю, первоклассный пароходъ, третьяго класса на немъ нѣтъ.

Черная стройная громада вырѣзывалась все яснѣе на голубоватомъ фонѣ воды и неба. Вотъ ужъ видны и люди, взоры ихъ

устремлены къ пристани. Еще нѣсколько минутъ, и «Кордильеръ» подошелъ къ молу.

Лѣвша жадно вглядывался въ толпившихся на палубѣ людей.

— Не вижу ихъ, не вижу!—взволнованно шепталъ онъ.

Нѣкоторые изъ стоявшихъ съ нами рядомъ ужъ узнавали своихъ знакомыхъ и раскланивались съ ними.

Наконецъ пассажиры стали сходить на берегъ.

При видѣ каждой дамы Лѣвша судорожно схватывалъ меня за руку и шепталъ:

— Кажется, это она. Впрочемъ, нѣтъ, я ошибся. Вотъ не эти ли двѣ? Но нѣтъ, старшая слишкомъ стара для нея.

Въ это время тѣ двѣ дамы, на которыхъ онъ указалъ, остановились въ нерѣшимости рядомъ съ нами, и молоденькая, очень высокая, тонкая и стройная особа съ красивымъ, нѣсколько надменнымъ лицомъ и роскошной бѣлокурой косой, сказала:

— Папа, конечно, не могъ пріѣхать насъ встрѣтить. Намъ надо самимъ нанять экипажъ.

Не отвѣчая на ея слова, старшая дама, очень полная, уже совершенно сѣдая старуха, съ выраженіемъ лица, нѣсколько напоминавшимъ дочь, только еще болѣе брезгливымъ, заволновалась, при чемъ пухлое, напудренное лицо ея все пошло красными пятнами, и проговорила:

— Ахъ, Нанетъ, гдѣ же Кадо? Вѣдь она была у тебя.

— Она шла за нами,—довольно равнодушно отвѣтила дѣвушка.

— За нами!—съ раздраженіемъ продолжала сѣдая дама.—Какъ это на тебя похоже! Бѣдное, милое животное! Ее надо было взять на руки, ее навѣрное задавятъ!

И она съ отчаяніемъ принялась кричать:

— Кадо, Кадо!

Французъ матросъ въ синей шерстяной курткѣ съ напускомъ и въ фуражкѣ съ лентами, видный, красивый малый, сбѣжалъ по трапу съ маленькой мохнатой собачкой на рукахъ. Онъ подошелъ къ дамамъ и почтительно подалъ ее старшей.

Та засуетилась, вынула изъ кармана нарядного, дорожнаго сѣраго суконнаго платья серебряное портмонэ и дала матросу нѣсколько мелкихъ монетъ.

Тотъ разсыпался въ благодарностяхъ, а дама схватила собачку и, прижавъ ее къ груди, принялась ее ласкать и цѣловать:

— Кадо, Кадо! Бѣдный мой Кадо!

— Мы не можемъ, однако, стоять здѣсь, мама! — нетерпѣливо сказала дѣвушка.

— Ахъ, Боже мой, у тебя ужасный характеръ, Нанетъ! Прикажи нанять экипажъ. И почему ты думаешь, что Андрей Семеновичъ не могъ выѣхать насъ встрѣчать?

Услышавъ свое имя, Лѣвша вздрогнулъ и, опять толкнувъ меня подъ локоть, задыхаясь, проговорилъ:

— Неужели это онѣ? Я не узнаю ихъ. И эта собачка? Жена никогда не любила собакъ.

Я подошелъ къ дамамъ и, вѣжливо поклонившись, сказалъ:

— Я вижу, что вы никого здѣсь не знаете. Не могу ли я чѣмъ нибудь помочь?

Но Лѣвша вдругъ выдвинулся впередъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, неувѣренно произнесъ:

— Варя, неужели это ты?

Сѣдая барыня въ изумленіи посмотрѣла на него:

— Боже мой, Андрэ! Ты ли это такой старый, сѣдой и... совсѣмъ на себя не похожъ!

— Ахъ, Варенька! Неужели ты думала, что я такъ-таки совсѣмъ не перемѣнился! Вѣдь почти десять лѣтъ! Десять лѣтъ, душа моя! И ты не молоденькая.

Дама махнула рукой:

— Ахъ, что про меня говорить: я пережила столько горя. Вопервыхъ, твоя эскапада, потомъ это исчезновеніе, или, какъ это говорить полиція у насъ тамъ, въ Петербургѣ, отлучился неизвѣстно куда, а потомъ смерть Сержа и это путешествіе сюда. Я не знаю, какъ я могла все это вынести. Но что же ты, Нанетъ? Вѣдь это папа, папа.

Лѣвша заключилъ дочь въ объятія.

Она довольно холодно отвѣтила на его поцѣлуй.

— Боже мой, она меня совсѣмъ не помнитъ!—сказалъ Лѣвша.— Да и я никогда не подумалъ бы, что это она. Она осталась тогда дѣвочкой, въ коротенькомъ платьицѣ, маленькой рѣзвушкой и шалуньей. А теперь... Впрочемъ вы обѣ ужасно измѣнились. Или у насъ тутъ другой климатъ и другое солнце, только мнѣ все кажется, что у каждой изъ васъ лежитъ въ сердцѣ по большому куску хорошаго чистаго льду, который вы, должно быть, привезли съ собой съ Невскихъ береговъ. Ну, Богъ дастъ, наше солнышко согрѣетъ и васъ, и ледъ растаетъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, и въ этомъ вздохѣ мнѣ послышалось грустное разочарованіе. Встрѣча вышла слишкомъ холодная, и мнѣ кажется, этотъ человѣкъ понялъ, что жена и дочь, которыхъ онъ ждалъ, создались въ его воображеніи, а тѣ, которыя явились, совсѣмъ не похожи на тѣ образы, какіе хранилъ онъ въ своей памяти. Тѣ были милыя, дорогія и желанныя, эти — чужія, гордыя, смотрѣвшія на него, какъ на посторонняго. Съ тѣми его связывали нѣжныя чувства, совмѣстная жизнь, общія горести, страданія и радости, съ этими не было ничего общаго. Онѣ явились внезапно изъ другого міра, не понятнаго ему, въ этотъ міръ, не понятный имъ.

Должно быть, нѣчто подобное думала и сѣдая дама, когда она на его слова сказала:

— Дай-то Богъ, хотя, можетъ быть, тамъ, гдѣ такое жгучее солнце, ледъ надо еще больше цѣнить.

Лѣвша представилъ меня обѣимъ дамамъ.

Нанявъ коляску и телѣгу для вещей, мы отправились въ Лаплату.

Дорогой я разглядѣлъ мать и дочь. Обѣ были нарядны и богато одѣты; у обѣихъ были холеныя и красивыя руки въ кольцахъ и браслетахъ, затѣйливыя, модныя прически. Отъ обѣихъ несло тонкими и сладкими духами, и обѣ были настоящими представительницами того петербургскаго круга, который считаетъ себя высшимъ обществомъ, или, по крайней мѣрѣ, всячески старается подойти къ высшему обществу.

Рядомъ съ ними тотъ самый Лѣвша, который мнѣ такъ недавно казался такимъ представительнымъ и грансеньоромъ, какъ-то терялся и производилъ почти жалкое впечатлѣніе. Тонъ его рѣчей былъ слишкомъ простъ и неизысканъ, часто вставляемыя имъ испанскія слова, которыми онъ уснащалъ свою русскую рѣчь, руссифицируя ихъ, что у насъ у всѣхъ вошло въ привычку, заставляли дамъ вопросительно поднимать кверху брови и приводили ихъ въ недоумѣніе.

Впрочемъ онѣ были очень любезны, и видно было, что онѣ обѣ находились въ хорошемъ расположеніи духа. Я понималъ, отчего оно зависѣло. Возможность стоять на твердой землѣ, ѣхать въ экипажѣ, видѣть траву, деревья, зданія послѣ продолжительнаго морского путешествія, радовала ихъ и располагала мириться съ тѣмъ, противъ чего при другихъ обстоятельствахъ онѣ, конечно, возстали бы. Поэтому онѣ прощали намъ, какъ догадывался я, и нашу странность, и не довольно покойный экипажъ, и грязную, черную дорогу, и однообразную, пустынную равнину, которую она пересѣкала.

Я нѣсколько разъ украдкой взглядывалъ на Лѣвшу. Онъ сидѣлъ, сгорбившись и съежившись, точно боясь занять слишкомъ много мѣста, говорилъ мало и путаясь, виновато поглядывая то на жену, то на дочь. Выраженіе мучительнаго недоумѣнія написано было на его лицѣ и сквозило сквозь радостную улыбку.

Присутствіе мое оказалось, какъ нельзя болѣе, кстати. Не будь посторонняго лица, это свиданіе трехъ такихъ близкихъ людей послѣ столь долгой разлуки показалось бы еще болѣе страннымъ и, если можно такъ выразиться, неудачнымъ.

Я радъ былъ, когда мы наконецъ пріѣхали, и, сославшись на неотложныя занятія, разстался на порогѣ дома съ Лѣвшой и его семействомъ и поспѣшилъ къ себѣ.

Послѣ этого мнѣ пришлось почти каждый день видаться съ

ними. Если я не шелъ самъ, за мной присылали. Я сдѣлался совершенно необходимъ этимъ двумъ дамамъ, по волѣ судебъ попавшимъ изъ Петербурга въ своеобразную Аргентину, благодаря чему мнѣ пришлось быть невольнымъ и близкимъ свидѣтелемъ той семейной драмы, которая разыгрывалась на моихъ глазахъ.

Съ перваго же дня и жена и дочь Лѣвши очутились во власти множества мелкихъ неудобствъ и лишеній, съ которыми онѣ и не умѣли и не хотѣли мириться.

Наблюдая ихъ домашній обиходъ, я убѣдился въ томъ, какъ различна жизнь аргентинцевъ отъ нашей, и понялъ, почему для дамъ это различіе было такъ замѣтно и тяжело, тогда какъ мнѣ оно раньше не бросалось такъ въ глаза.

Да и Лѣвша, не придававшій нѣкоторымъ вещамъ большого значенія и въ качествѣ мужчины даже не замѣчавшій ихъ, а притомъ уже успѣвшій освоиться съ аргентинской жизнью, хотя и позаботился объ обстановкѣ и о внѣшнемъ благоустройствѣ своей квартиры, но совершенно упустилъ изъ виду множество вещей, безъ которыхъ дамы не могли жить.

Начать съ того, что въ домѣ не было прислуги, и оказалось почти невозможнымъ найти ее. Дѣти страны, какъ величаютъ себя аргентинцы, не желаютъ итти въ услуженіе, а если идутъ, то на короткій срокъ, требуютъ высокой платы, а работаютъ лѣниво и при малѣйшемъ замѣчаніи высокомѣрно произносятъ adios и уходятъ. Пріѣзжая же прислуга, — нѣмки, француженки, датчанки, шведки,—во-первыхъ, очень немногочисленна, а, во-вторыхъ, желаетъ получать сорокъ—пятьдесятъ рублей жалованья.

Лѣвша, живя одинъ, не нуждался въ прислугѣ. Онъ обѣдалъ въ ресторанѣ, квартиру у него убиралъ сторожъ, служившій въ музеѣ. Онъ же иногда чистилъ ему платье и исполнялъ мелкія порученія.

При дамахъ этого сторожа оказалось недостаточно. Тамъ, гдѣ Лѣвша видѣлъ образцовый порядокъ, женскій глазъ открылъ кучу пыли, никогда не сметавшуюся паутину и всюду встрѣчалъ упущенія. Квартира хотя и была велика, высока, красива и, какъ казалось намъ съ Лѣвшой, хорошо обставлена, получила у дамъ наименованіе огромнаго, холоднаго сарая. Онѣ даже иначе и не выражались, какъ «въ этомъ сараѣ».

Дамы не желали мириться съ отсутствіемъ печей, которыхъ во всемъ домѣ не было и въ поминѣ, съ невозможной, по ихъ мнѣнію, кухней, которая состояла изъ темнаго каменнаго чулана, со сложеннымъ въ глубинѣ очагомъ довольно первобытнаго устройства, представлявшимъ углубленіе, въ которое клали сверху уголь и на немъ варили или жарили. Мебель, купленная Лѣвшой, найдена была громоздской и неуклюжей; констатировано было полное отсутствіе какого бы то ни было комфорта и уютности. И

даже климатъ, природа, вѣчно зеленыя деревья, апельсины, лимоны и пальмы — все то, на что Лѣвша разсчитывалъ, какъ на такія вещи, которыя могутъ вознаградить за нѣкоторыя неудобства, — даже все это нисколько не смягчало суровости нашихъ дамъ. На бѣду въ Аргентинѣ еще стояла зима, и въ комнатахъ было куда холоднѣе, чѣмъ снаружи.

Дамы дрожали отъ стужи, кутались въ шубы и говорили:

— У насъ въ Петербургѣ холодно, такъ зато въ комнатахъ благодать. А вѣдь это Богъ знаетъ, что такое: на улицу нельзя носа показать, да и въ комнатахъ-то, того гляди, замерзнешь.

Въ домѣ царилъ полный безпорядокъ. Готовить было некому и за обѣдомъ посылали въ ресторанъ. Но и приносимый оттуда обѣдъ на оливковомъ маслѣ, приправленный по аргентинскому вкусу, приводилъ дамъ въ ужасъ. Посуду нужно было мыть самимъ, убирать комнаты тоже. Найти поденщицу для стирки бѣлья оказалось невозможнымъ, а прачка заломила такую цѣну, что барыни вышли изъ себя и объявили, что это разбой.

Наконецъ послѣ многихъ хлопотъ и трудовъ нашли испанку, которая выразила желаніе пойти въ услуженіе. Существо это, донельзя грязное и безобразное, вѣчно сидѣло на кухнѣ и сосало жербу. Готовить она не умѣла, и Варвара Александровна,— такъ звали жену Лѣвши,—поневолѣ должна была хозяйничать на кухнѣ, гдѣ ее приводили въ отчаяніе темнота, тѣснота и мелкая угольная пыль и копоть, густымъ слоемъ покрывавшая стѣны, потолокъ и всѣ предметы. По-испански она не говорила, и приходилось объясняться съ Консепсьоной знаками или просто дѣлать за нее то, чего она не желала дѣлать. Нѣкоторое время она старалась столковаться съ испанкой и добиться отъ нея, чтобы обѣдъ былъ во время поданъ и сдѣланъ болѣе или менѣе сносно. Но мало-по-малу терпѣніе ея истощалось, и когда Консепсьона, въ припадкѣ усердія, оставивъ жербу, внезапно хватала огромный вѣеръ, сдѣланный изъ круглаго пальмоваго листа, и принималась махать имъ надъ угольями, раздувая ихъ и поднимая цѣлую тучу черной угольной сажи, мадамъ Лѣвша хватала себя за голову и въ отчаяніи выбѣгала изъ кухни.

— Это ужасно, это ужасно!—чуть не плача, восклицала она.— Мнѣ кажется, я не рѣшусь болѣе войти въ эту кухню. Это не кухня, это какой-то адъ. И эта Консепсьона, которая мечется тамъ съ своимъ вѣеромъ, какъ угорѣлая, настоящая вѣдьма. Я не понимаю, какъ можно жить въ такой обстановкѣ.

Къ часу приходилъ изъ музея Андрей Семеновичъ и садился за столъ.

Консепсьона съ торжествомъ вносила густо покрытый сажей котелъ съ пучеро.

При видѣ котла мадамъ Лѣвша чуть не падала въ обморокъ.

— Боже мой, да я вѣдь объясняла ей, что нужно перелить въ миску! Александръ Петровичъ, я васъ просила перевести мои слова этому чудовищу.

— Вѣдь я говорилъ вамъ, Консепсьона, перелить супъ въ миску,—кротко замѣчалъ я испанкѣ.

Консепсьона пожимаетъ плечами и черезъ минуту возвращается изъ кухни съ миской.

— Если сеньорѣ нравится,—говоритъ она,—она и сама можетъ перелить супъ изъ котла въ миску, хотя не надо много ума, чтобы сообразить, что въ котлѣ супъ горячѣе.

— Что, что, она говоритъ?—спрашиваетъ мадамъ Лѣвша.

Андрей Семеновичъ переводитъ.

— Да какъ она мнѣ смѣетъ отвѣчать? Вотъ животное! Чему вы смѣетесь, Андрей Семеновичъ? Объясните этой бабѣ, что она обязана знать свое мѣсто и не должна забываться.

— Варенька, вѣдь это не Петербургъ,—едва удерживаясь отъ смѣха, говоритъ Лѣвша:—мы находимся въ Аргентинѣ, и вотъ эта особа, которую ты такъ легкомысленно называешь бабой, говоритъ про себя, что она—сеньора и дочь страны. И если бы она только понимала, что ты про нее говоришь, такъ она бы, пожалуй, и поколотила тебя.

— Прелестная страна! — говоритъ Анна Андреевна. — Если такова ваша хваленая Аргентина, такъ, право, не стоило въ нее ѣхать.

— Нѣтъ, я не могу такъ жить,—упавшимъ голосомъ объявляетъ Варвара Александровна.—Я всегда была и буду барыней. Я, слава Богу, русская, а не какая нибудь паршивая аргентинка, которая сама моетъ полы, сама стираетъ, сама стряпаетъ, если только можно назвать стряпней это отвратительное валанданіе въ какой-то каменноугольной копи.

Каждый день приносилъ съ собой новое неудовольствіе и новое разочарованіе. Привыкшія къ хорошему столу дамы съ трудомъ мирились съ кулинарными произведеніями Консепсьоны. Ежедневно подаваемыя ею два блюда пучеро и асадо казались имъ отвратительными, и онѣ питались чаемъ съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ съ масломъ. Аргентинскія закуски тоже не заслужили одобренія. Дамамъ не нравились ни жесткія съ огромными кусками жиру полусырыя и страшно-соленыя колбасы аргентинскаго производства, ни соленая рыба въ оливковомъ маслѣ, ни языки въ жестянкахъ Либихскаго производства. А европейскія закуски были слишкомъ дороги и возмущали дамъ своими гомерическими цѣнами. Фунтъ швейцарскаго сыру цѣною въ четыре или пять песовъ (3 р., 3 р. 75 к.) повергалъ ихъ въ остолбенѣніе. Цѣны на нѣкоторые продукты, къ которымъ онѣ привыкли, и которые были дешевы въ Петербургѣ, приводили ихъ въ отчаяніе.

— Здѣсь нельзя жить! — жаловалась мнѣ Варвара Александровна:—помилуйте, фунтъ картофельной муки мнѣ поставили въ счетѣ чуть ли не въ рубль.

— Зато мясо очень дешево,—пробую я ее утѣшить.

— Благодарю васъ за такое мясо! Гдѣ нужно нашего два фунта, вашего нужно четыре.

Ежедневно съ Консепсьоной выходила какая нибудь исторія. На кухню повадился ходить ея новіо (женихъ), черномазый верзила въ цвѣтномъ пончо, въ черныхъ люстриновыхъ бамбачахъ и въ альпаргатахъ, съ здоровеннымъ, отточеннымъ ножомъ за поясомъ. При немъ Консепсьона дѣлалась еще безтолковѣе, еще больше выпивала жербы и изводила все мясо на асаду, которую новіо ѣлъ съ большимъ удовольствіемъ. Ежедневно мадамъ Лѣвша порывалась прогнать Консепсьону и не могла за неимѣніемъ другой.

Въ одинъ прекрасный день Консепсьона потребовала свое жалованье. Мадамъ Лѣвша разсчитала, что ей приходится пять песовъ, и съ вечера отдала ихъ ей.

На другой день за обѣдомъ она не то негодуя, не то смѣясь разсказала мнѣ слѣдующее.

— Вообразите себѣ,—говорила она:—сегодня утромъ я посылаю Консепсьону за провизіей. Она беретъ корзину и уходитъ. Часъ,— ея нѣтъ, другой — я начинаю волноваться, ужъ не случилось ли съ ней чего нибудь. Вдругъ слышу стукъ колесъ, бѣгу къ окну: пара лошадей, карета, дверцы отворяются, и изъ кареты выходитъ, какъ бы вы думали, кто?—моя Консепсьона. Вамъ извѣстенъ ея костюмъ: грязныя босыя ноги, неопредѣленнаго цвѣта, вся въ пятнахъ юбка, сверху какое-то рубище, неизвѣстно когда мытое, сквозь которое сквозитъ нагое тѣло, и ко всему этому голова съ цѣлой копной черныхъ волосъ, перевитыхъ бусами, утыканныхъ перьями, и лицо съ подведенными бровями, которыми, кажется, Господь и такъ ея не обидѣлъ, нарумяненное и набѣленное до безстыдства. На рукѣ корзинка съ мясомъ, бататами, лукомъ. Въ первую минуту мнѣ, Богъ знаетъ, что пришло въ голову. Я выбѣгаю къ ней на встрѣчу, въ головѣ у меня всевозможныя предположенія: я ужъ вообразила себѣ, что у нея сломана рука, вывихнута нога. Зову Андрея Семеновича. Спрашиваю у нея:

— Что съ вами, Консепсьона, что вы пріѣхали въ каретѣ? Вы больны?

И что же бы вы думали, что она мнѣ отвѣчаетъ?

— А сеньора, — говоритъ она, — развѣ вчера не пріѣхала въ каретѣ?

— Ну, такъ что же изъ того? — недоумѣваю я.

— Такъ почему же сеньора думаетъ, что я не могу пріѣхать въ каретѣ? Развѣ я не такая же сеньора, какъ она?

— Какъ вамъ это нравится? А затѣмъ я вхожу въ кухню, и

моя Консепсьона сидитъ, сложа руки, дѣло ея стоитъ, и они съ новіо сосутъ свою жербу, и мнѣ пришлось самой и чистить коренья и варить супъ. Я просто не дождусь, когда меня судьба избавитъ отъ этого сокровища.

Ждать, однако, пришлось недолго. Консепсьона вдругъ объявила, что соскучилась и не желаетъ больше оставаться.

Опять начались поиски прислуги, и опять стали раздаваться жалобы на то, что Аргентина—страна отвратительная, что въ ней невозможно устроиться, и бѣдному Лѣвшѣ безпрерывно нужно было успокоивать своихъ дамъ и заботиться о домашнемъ мирѣ.

Зима, какъ нарочно, затянулась. Дамы страшно страдали отъ отсутствія печей. Лѣвша купилъ патентованную англійскую плиту, но когда она раскалялась, комната наполнялась чаднымъ зноемъ, и у дамъ разбаливалась отъ нея голова. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ Кадошка, предметъ нѣжной заботливости Варвары Александровны, простудилась.

Съ каждымъ моимъ посѣщеніемъ я убѣждался, что въ семьѣ растетъ разладъ.

Изъ разговоровъ и споровъ я понялъ, что въ этомъ отчасти виноватъ самъ Лѣвша. Жена и дочь постоянно укоряли его въ томъ, что въ письмахъ онъ изображалъ Аргентину земнымъ раемъ. Бѣднякъ, очевидно, подстрекаемый желаніемъ увидѣть своихъ близкихъ, рисовалъ имъ свою жизнь въ розовомъ свѣтѣ и невольно далъ о ней такое представленіе, которое совсѣмъ не соотвѣтствовало дѣйствительности.

По словамъ дамъ выходило, что онѣ ожидали найти въ Аргентинѣ всѣ удобства, весь комфортъ, къ которому только онѣ привыкли. Почему-то у нихъ сложилось убѣжденіе, что онѣ займутъ видное положеніе въ обществѣ и будутъ вращаться въ высшемъ кругу. Это заставило ихъ позаботиться о своемъ туалетѣ, и онѣ привезли съ собой нѣсколько роскошныхъ платьевъ, которыя не предвидѣлось куда надѣть.

Послѣ всѣхъ вынесенныхъ на чужбинѣ бѣдствій, полнаго безденежья, голода, холода, большой нужды, Андрею Семеновичу естественно, какъ и намъ всѣмъ окружавшимъ его неудачникамъ, должно было казаться блестящимъ его настоящее положеніе съ званіемъ профессора, съ казенной квартирой и съ жалованьемъ въ двѣсти песовъ въ мѣсяцъ. Но дамы его, всегда жившія въ довольствѣ и холѣ, не видавшія нужды даже издали, чувствовали себя несчастными въ этой обстановкѣ, а отсутствіе общества, чуждый языкъ, чуждые нравы и понятія, цѣлые дни, проводимые въ глубокомъ одиночествѣ среди чужихъ людей, гдѣ я былъ единственнымъ постороннимъ русскимъ, съ которымъ онѣ могли обмѣниваться мыслями, привели ихъ наконецъ въ мрачное состояніе духа.

Въ отчаяніи онѣ было вздумали перезнакомиться съ такъ на-

зываемой русской колоніей, т. е. съ Петровыми, Кнопомъ и Гвоздиковымъ. Но всѣ эти господа просто испугали бонтонныхъ дамъ, а о Гвоздиковѣ онѣ не могли говорить равнодушно. Дѣло въ томъ, что Андрей Семеновичъ, рисуя имъ прелести аргентинской жизни, хвастнулъ между прочимъ и тѣмъ, что въ Аргентинѣ онѣ найдутъ нѣсколько человѣкъ русскихъ, все людей интеллигентныхъ и интересныхъ. А, говоря о Гвоздиковѣ, даже намекнулъ, что онъ могъ бы быть недурнымъ женихомъ для Анны Андреевны. Теперь обѣ дамы не давали ему прохода съ Гвоздиковымъ.

— Такъ этого кретина, папа, вы мнѣ прочили въ мужья?— язвительно освѣдомлялась Анна Андреевна, познакомившись съ Гвоздиковымъ.

Андрей Семеновичъ попробовалъ было вступиться за своего протеже, но Варвара Александровна горячо приняла сторону дочери и замахала на него руками.

— Стыдитесь, Андрей Семеновичъ! Неужели можно серьезно допустить мысль, чтобы этотъ вашъ идіотъ женился на Нанетъ? Слава Богу, ни я, ни она еще не выжили изъ ума.

— Онъ добрый малый,—оправдывался Андрей Семеновичъ.

— Добрый малый!—презрительно повторяла Нанетъ.—Вы, папа, стали очень снисходительны къ людямъ.

А Варвара Александровна съ негодованіемъ добавляла:

— Вы, Андрей Семеновичъ, совершенно одичали въ вашей Аргентинѣ и перестали понимать самыя простыя вещи. Боже мой, до чего можетъ измѣниться человѣкъ! Если бы мнѣ кто нибудь сказалъ, что вы превратились въ то, что вы есть, я бы не повѣрила. И что за несчастная, за нелѣпая была фантазія пріѣхать сюда въ эту ужасную разбойничью страну! — вырвалось у нея однажды.

— Даже разбойничью, — попробовалъ Лѣвша смягчить этотъ приговоръ.

— Разумѣется, разбойничью. Вы же вѣдь разсказываете, что у васъ тутъ можно убивать и грабить безнаказанно, что правительства никто не уважаетъ, и царитъ полный произволъ.

— Зато это страна свободы, — сказалъ Лѣвша:—здѣсь каждый считаетъ себя гражданиномъ, и людямъ, которые цѣнятъ свободу, здѣсь дышится легче.

— Еще бы! — возражала Варвара Александровна, — вѣдь ваша Аргентина населена разбойниками, мошенниками и нищими. Имъ-то ужъ, конечно, здѣсь хорошо.

— Почему же ты думаешь, — сказалъ Лѣвша уже съ раздраженіемъ:—что здѣсь только разбойники, мошенники и нищіе?

— Да кто же другой поѣдетъ въ вашу Аргентину? — горячо возразила Варвара Александровна.—Человѣкъ честный и со средствами не промѣняетъ на нее своей родины, какъ вы тамъ ее ни

расписывайте. Ѣдутъ въ нее нищіе, потому что имъ терять нечего, и преступники, потому что здѣсь ихъ принимаютъ съ распростертыми объятіями и называютъ гражданами. Нечего сказать, хороши граждане!

Подобные разговоры затѣвались по нѣскольку разъ въ день, и мало-по-малу между супругами установились натянутыя и враждебныя отношенія, отъ которыхъ оба страдали и не умѣли избавиться.

Особенно мучился Лѣвша.

— Эхъ, Александръ Петровичъ,—сказалъ мнѣ онъ разъ,—удивительная эта штука—разлука. Вѣдь мы съ женой жили душа въ душу, а теперь, посмотрите, мы точно враги. Про дочь я ужъ и не говорю. Она мнѣ совершенно чужой человѣкъ. А какъ я ждалъ ихъ, какъ надѣялся! Какъ вы думаете, привыкнутъ онѣ наконецъ къ Аргентинѣ?

Чтобы утѣшить его, я отвѣчалъ ему, что, конечно, привыкнутъ, что перемелется, мука будетъ, и со временемъ все устроится.

Онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Все бы это ничего, ко всему привыкаетъ человѣкъ, но знаете ли, мнѣ теперь все чаще и чаще приходитъ на умъ, что незачѣмъ мнѣ было звать ихъ въ Аргентину. Меня онѣ не любятъ, я для нихъ умеръ, а когда человѣку некого любить, то, согласитесь, ради чего и ради кого будетъ онъ приносить жертвы. На-дняхъ онѣ меня упрекали за то, что я ввелъ ихъ въ заблужденіе и обманулъ ихъ расчеты, что я будто бы писалъ имъ, что здѣсь много богатыхъ жениховъ, и Аня какъ разъ выйдетъ замужъ. Не знаю, писалъ ли я объ этомъ, мало ли что иной разъ напишется. Только что бы я ни писалъ, я воображалъ, что для нихъ такъ же дорогъ я, какъ онѣ дороги для меня. Но я ошибся, старый я сентиментальный дуракъ!

Съ каждымъ днемъ становился онъ все мрачнѣе и мрачнѣе.

Въ домѣ была неурядица. Цѣлыми днями горой стояла неубранная посуда. Обѣдъ опять стали брать изъ ресторана, дорогой серебряный самоваръ, который привезли съ собой дамы изъ Россіи, подавался закопченый и нечищенный, и его долженъ былъ ставить Андрей Семеновичъ, такъ какъ мать и дочь не имѣли понятія о томъ, какъ это дѣлается. Отношенія становились все болѣе натянутыми и ждали только внѣшняго толчка, чтобы разразиться катастрофой.

Я видѣлъ, какъ Андреемъ Семеновичемъ постепенно овладѣвало отчаяніе. Онъ сталъ разсѣянъ и нетерпѣливъ, къ службѣ относился небрежно, и обращеніе его стало такъ неровно, что я по временамъ боялся заговаривать съ нимъ.

Наконецъ произошло событіе, которое еще подлило масла въ огонь. Директоръ сдѣлалъ Андрею Семеновичу замѣчаніе. Онъ съ сердцемъ отвѣтилъ, что оставляетъ мѣсто.

Когда онъ объявилъ объ этомъ дома, Варвара Александровна съ дѣланнымъ равнодушіемъ спросила:

— Чѣмъ же мы будемъ теперь жить?

— Проживемъ,—отвѣтилъ Андрей Семеновичъ.—Я очень радъ: мнѣ надоѣло это прозябаніе. Правительство мнѣ предлагало чакру у Лаго-Фонтана. Я куплю ее, и мы будемъ тамъ жить, нечего сидѣть, сложа руки. Въ этой странѣ надо быть піонеромъ и работать.

— Тамъ есть усадьба?—спросила дочь.

— Усадьба?—переспросилъ Андрей Семеновичъ.—Какая тамъ можетъ быть усадьба? Тамъ нѣтъ и признаковъ человѣческаго жилья.

— Гдѣ же мы будемъ жить?—спросила Варвара Александровна.

— Гдѣ? Сначала сдѣлаемъ себѣ шалашъ или мазанку, а потомъ, Богъ дастъ, съ годами обзаведемся и домикомъ.

Варвара Александровна всплеснула руками.

— Шалашъ, мазанка? съ годами обзаведемся домикомъ? Скажи мнѣ, Андрей Семеновичъ, ты совсѣмъ сошелъ съ ума?

— Почему ты думаешь, что я сошелъ съ ума?

— Да что же другое я могу подумать? Кто будетъ дѣлать эти шалаши и мазанки?

— Мы сами: я, ты, Аня.

— Я не знаю, можетъ быть, ты умѣешь дѣлать шалаши и мазанки, но я не умѣю, и голову дамъ на отсѣченіе, что и Аня тоже не умѣетъ.

— Папа шутитъ,—вставила Анна Андреевна.—Жаль только, что его шутки дурного тона. Впрочемъ здѣсь въ Аргентинѣ такая смертельная скука, что поневолѣ человѣкъ додумается до самыхъ фантастическихъ нелѣпостей. А мнѣ, папа, ты, можетъ быть, предложишь украсить голову страусовыми перьями, какъ краснокожіе, и съ тигровой шкурой на плечахъ, на подобіе Діаны, охотиться за дикими звѣрями?

— Охотиться за ними ты можешь и не охотиться,—отвѣтилъ Андрей Семеновичъ,—а защищаться отъ ихъ нападенія, разумѣется, придется. И напрасно вы смотрите на меня такъ презрительно и недовѣрчиво. Тамъ чудная природа, склоны горъ покрыты яблонями, грушами, вишнями; по ущельямъ и стремнинамъ скачутъ козы и серны; цѣлыя стада барановъ въ дикомъ состояніи бродятъ по равнинамъ. Черезъ какіе нибудь два-три года мы будемъ богаты. Мясомъ и молочными продуктами мы будемъ обезпечены.

— Ты это серьезно?—прервала Варвара Александровна.—Ну, такъ теперь послушай, что я тебѣ скажу. Я ни въ какія дебри съ тобой не поѣду, довольно того, что я сдѣлала глупость пріѣхала къ тебѣ сюда, въ твою Аргентину. Ты можешь дѣлать, что

тебѣ угодно, можешь превратиться въ дикаря, жить въ шалашѣ, въ мазанкѣ, ловить твоихъ барановъ, но я и Аня — мы уѣзжаемъ назадъ домой, въ Россію. Намъ тутъ дѣлать нечего. И я рѣшилась пріѣхать сюда, бросить родину, друзей, — ради чего? Ради сумасшедшаго, выжившаго изъ ума человѣка, который не могъ придумать лучшаго для жены и дочери, какъ заставить ихъ вести звѣроподобную жизнь среди дикарей.

— Ты не знаешь страны, потому такъ и говоришь,—возразилъ Андрей Семеновичъ. — А поживешь и поймешь многое, что тебѣ теперь кажется страннымъ. Ты думаешь, что я тебѣ предлагаю что нибудь исключительное? Увѣряю тебя, нѣтъ. Посмотри на колонистовъ. Множество англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ поступали такъ, какъ поступаю я. Купятъ клочекъ земли и работаютъ на немъ съ своей семьей. Что говорить, первое время тяжело. Но зато черезъ пять, шесть лѣтъ они богаты. Посмотри на окрестности Буэносъ-Айреса. Кѣмъ настроены эти виллы, загородныя усадьбы? Кѣмъ основаны всѣ эти колоніи, что раскиданы по всей Аргентинѣ? Все колонистами.

— Перестань, пожалуйста,—прервала Варвара Александровна:— грустно слышать подобное нелѣпое разсужденіе отъ человѣка, который получилъ высшее образованіе, принадлежалъ къ порядочному обществу. Повторяю тебѣ, мы съ Аней уѣзжаемъ въ Россію.

— А я васъ не пущу!—воскликнулъ Лѣвша.

— Какъ смѣешь ты насъ не пустить?—съ негодованіемъ возразила Варвара Александровна.

— Очень просто,—разсердившись, объявилъ Лѣвша.— Заявлю комиссару, что ты моя жена, и тебя не выпустятъ изъ дома безъ моего позволенія.

— А! такъ вотъ ваша хваленая свобода! — воскликнула Варвара Александровна. — Вотъ она, эта гражданственность, это уваженіе личности! Ну, такъ я тебѣ скажу, что я не аргентинка,— я, слава Богу, русская, и мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ опереточныхъ законовъ. Мы съ Аней уѣдемъ.

— Что же ты молчишь, Аня?—спросилъ Лѣвша.

— Я согласна съ мамой, — отвѣтила дочь. — Не сердись и не огорчайся, папа, пойми, что мы слишкомъ разные съ тобой люди. Ты, если можно такъ выразиться, обаргентинился, намъ здѣсь все чуждо и все враждебно. Ты мечтаешь перетащить насъ куда-то въ безлюдную пустыню и превратить насъ въ дикарокъ. Но подумай, годимся ли мы для такой роли. Намъ странны твои фантазіи, и хоть ты и говоришь, что у васъ это такъ обыкновенно, мнѣ не вѣрится, и я съ удивленіемъ спрашиваю себя: неужели чтеніе Фенимора Купера и Густава Эмара такъ увлекательно, что кружитъ такія сѣдыя головы, какъ твоя?

Съ этого дня мать и дочь стали дѣятельно готовиться къ отъѣзду. Напрасно Андрей Семеновичъ старался удержать ихъ.

— Я не могу остаться, — говорила Варвара Александровна, — если бы я была одна, другое дѣло, но со мной Анна, я должна подумать о ней. Что за жизнь ожидаетъ ее здѣсь? Про себя я не говорю, моя пѣсня спѣта. Но ей похоронить себя въ этомъ глухомъ одиночествѣ немыслимо. Въ Россіи она выйдетъ замужъ, у нея будетъ свой кругъ знакомства, а здѣсь?

Все это дѣйствовало и на мои нервы раздражающимъ образомъ, и я по нѣскольку разъ въ недѣлю навѣдывался въ эмигрантское бюро, горячо желая уѣхать изъ Лаплаты и попробовать зажить иначе.

Съ Кнопомъ и Петровымъ мои отношенія ухудшились. Оба вздумали дразнить меня аристократомъ за мою близость къ Лѣвшѣ и его семейству, а главное оба мнѣ надоѣли до крайности, и я чувствовалъ, что поживи я еще немножко въ этой нездоровой средѣ бездѣльничающихъ мечтателей, я и самъ стану такимъ же.

И какъ же обрадовался я, когда, придя однажды въ бюро, услышалъ отъ завѣдующаго:

— Ну, вотъ вы какой счастливый! Эстансьеро [1]), что предлагалъ вамъ тогда мѣсто доктора, все еще никого не нашелъ и согласенъ взять васъ. Онъ теперь въ Окампо. Правительство доставитъ васъ туда на свой счетъ. Когда вы можете ѣхать?

— Мнѣ все равно.

— Ну, такъ послѣзавтра зайдите. Мы выдадимъ вамъ эмигрантскій билетъ.

Черезъ три дня, снабженный билетомъ на проѣздъ въ Окампо, я, распрощавшись съ русской колоніей и нѣжно расцѣловавшись съ Васей, счастливый и довольный, отправился налегкѣ съ самымъ несложнымъ багажомъ въ путь. Впрочемъ дни становились съ каждымъ днемъ теплѣе, да и ѣхалъ я на сѣверъ, что въ Аргентинѣ значитъ то же, что у насъ на югъ.

Что ждетъ меня, — я не зналъ, но ужъ одна надежда на лучшее наполняла меня радостью и счастіемъ.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Помѣщикъ.

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

XII.

Поѣздка нашей семьи въ Москву.—Свиданіе со старшимъ братомъ.—Мое опредѣленіе юнкеромъ въ Оренбургскій уланскій полкъ.—Обѣдъ у полковника Евреинова.—Покупка верховой лошади.—Офицеръ Давыдовъ.—Квартирмейстеръ Стойдель.—Мое удивленіе отъ всего видѣннаго и слышаннаго.—Видъ офицерской квартиры.—Крестьянинъ Ватухинъ.—Лѣченіе моей сестры въ Москвѣ.—Проводы отца въ Петербургъ.—Ротмистръ Кондратенко.—Отправка на зимнія квартиры и мое знакомство съ сослуживцами.—Изученіе военной службы.—Начальство.—Устройство полка.—Обученіе верховой ѣздѣ; выѣздка моего «Бриліанта» и столкновеніе съ вахмистромъ Ильинымъ.—Зимнія «посидѣнки» въ с. Луково-Мячковѣ.—Переходъ полка на новыя квартиры.

КОНЕЦЪ 1833 года, по выходѣ моемъ изъ университета, я провелъ въ Казани, ничего не дѣлая, предавался полному отдыху отъ усиленныхъ приготовленій къ экзамену и мечталъ объ уланскомъ мундирѣ, ждавшемъ меня въ близкомъ будущемъ.

Въ послѣднихъ числахъ января 1834 года, ровно черезъ семь лѣтъ послѣ перваго увоза нашего въ Петербургъ, мы выѣхали въ Москву. Теперь ѣхали всѣ вмѣстѣ веселые, довольные: отецъ, отправлявшійся далѣе, въ Петербургъ, для продажи своей новгородской лѣсной дачи извѣстному лѣсопромышленнику В. Ѳ. Громову; мать съ сестрой должны остаться для лѣченія послѣдней отъ начинающагося у нея образовываться на шеѣ зоба, въ Москвѣ, наконецъ—я для опредѣленія въ Оренбургскій уланскій полкъ, квар-

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIV, стр. 46.

тировавшій тогда въ Московскомъ уѣздѣ. Сборы въ дорогу были скоры и веселы; только разставаясь съ своей няней, я проронилъ нѣсколько слезинокъ, и мы усѣлись въ двухъ повозкахъ въ сопровожденіи Полиньки и двухъ людей: дворецкаго Василія и камердинера Өедора.

Безъ всякихъ приключеній мы достигли цѣли нашего пути и остановились на Тверской, въ домѣ Чебышевой, въ которомъ помѣщалась гостиница, содержимая тогда Д. И. Ермолаевымъ. Тотчасъ же по занятіи номера мнѣ была нанята тройка ямскихъ лошадей, и я отправился къ старшему брату, квартировавшему съ своимъ взводомъ верстахъ въ 40 отъ Москвы, въ деревнѣ Андреевкѣ.

Длинную дорогу мою мнѣ сократилъ мой пожилой ямщикъ своими разсказами о нашествіи французовъ въ 1812 году. По словамъ его, онъ не только былъ очевидцемъ событія, но даже самъ принималъ дѣятельное участіе въ истребленіи непріятеля. Мы проѣзжали мѣстами его поприща; каждый лѣсокъ, каждая полянка ему были извѣстны. Въ одномъ мѣстѣ, указывая кнутовищемъ на лѣсъ, отстоящій отъ дороги не въ дальнемъ разстояніи, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ много разстрѣляли плѣнныхъ французовъ.

— И вамъ не жаль было?

— Чего ихъ жалѣть, поганыхъ нехристей! Оскверняли наши церкви, выкидывали изъ нихъ мощи св. угодниковъ; изъ иконъ дѣлали перегородки для лошадиныхъ стойлъ; храмы обращали въ конюшни. Чего ихъ было жалѣть!

— Такъ, но все же они люди! При томъ, ты знаешь старинную пословицу: «на Руси лежачаго не бьютъ»?

Ямщикъ, обернувшись ко мнѣ, съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ и злобнымъ голосомъ спросилъ:

— Да ты, баринъ, не изъ нихъ ли?

— Нѣтъ! А что?

— Ты больно за нихъ ужъ заступаешься!

Чтобы перемѣнить разговоръ, принявшій такой оборотъ и, видимо, произведшій на ямщика непріятное впечатлѣніе, я просилъ его продолжать свой разсказъ. Онъ скоро успокоился и словоохотливо исполнилъ мое желаніе. Такимъ образомъ, заинтересованный его словами, я незамѣтно доѣхалъ до цѣли своей поѣздки.

Въѣхавъ въ деревню, я на улицѣ встрѣтилъ улана. На вопросъ мой, гдѣ квартируетъ взводный офицеръ, онъ указалъ на самый крайній домъ, стоявшій на обрывѣ. Мы отправились по его указанію. Братъ былъ дома и, заслышавъ почтовый колокольчикъ, вышелъ на встрѣчу. Пріѣздъ мой не былъ для него нечаянностью; онъ ждалъ меня по предварительному уговору въ письмахъ. У него я засталъ моихъ будущихъ товарищей-сослуживцевъ, юнкеровъ: нѣмца Ульрихена и литовца Вальтера; они соби-

рались пить вечерній чай. Я присѣлъ къ нимъ, и въ общихъ разговорахъ незамѣтно насталъ часъ сна. Переночевавъ и выкормивъ привезшихъ меня лошадей, такъ какъ ямщикъ былъ нанятъ съ обратной доставкой, я и братъ отправились въ Москву. Братъ, чтобы не терять времени на поѣздку въ село Красную Пахру, гдѣ квартировалъ командиръ полка, чтобы испросить дозволеніе на поѣздку въ Москву, надѣлъ на себя партикулярную шубу и шапку своего человѣка и въ такомъ видѣ пріѣхалъ въ городъ, подъ именемъ моего слуги. Мой видъ, данный изъ Казанскаго университета, былъ достаточенъ для пропуска насъ обоихъ на заставѣ.

Проживъ три дня въ Москвѣ, въ которые братъ не выходилъ изъ номера, чтобы не быть узнаннымъ, мы съ прежнимъ ямщикомъ отправились вновь въ Андреевку. На другой день мы отпустили ямщика, и братъ повезъ меня на своей тройкѣ «гнѣдыхъ казанокъ» верстъ за 10-ть, въ штабъ полка, расположенный, какъ я сказалъ, въ селѣ Красной Пахрѣ. Имѣніе это принадлежало извѣстной графинѣ, А. А. Орловой-Чесменской; въ немъ находился главный заводъ «орловскихъ рысистыхъ лошадей». Въ то время заводъ приходилъ уже въ упадокъ, или, по крайней мѣрѣ, переводился. Огромнымъ зданіемъ завода и его свободными конюшнями воспользовались для помѣщенія въ нихъ штабныхъ и 1-го эскадрона лошадей. Въѣхавъ на постоялый дворъ, мы переодѣлись: братъ надѣлъ мундиръ, я — фракъ, и, захвативъ нужныя бумаги для поступленія въ полкъ, отправились къ полковнику, И. А. Евреинову. Меня поразило, что, пройдя довольно большую улицу, мы не встрѣтили ни офицеровъ, ни солдатъ; братъ объяснилъ мнѣ, что теперь часъ ученій, и всѣ находятся въ манежѣ.

Квартира полковника помѣщалась въ красивомъ и, повидимому, помѣстительномъ домѣ; у крыльца стоялъ «полковой ящикъ», на двухъ высокихъ колесахъ, все, выкрашенное казенной зеленой краской. Передъ ящикомъ ходилъ часовой съ саблей наголо. Войдя въ прихожую и узнавъ, что полковникъ дома, братъ послалъ къ нему лакея доложить о нашемъ приходѣ и ввелъ меня въ залъ. Сердце сильно стучало у меня въ груди: рѣшалась моя участь,—къ лучшему, или къ худшему? — должно опредѣлить будущее.

То было 5-е февраля 1834 г., день, навсегда для меня памятный по своимъ послѣдствіямъ.

Вскорѣ вышелъ къ намъ небольшого роста, еще не старый, сильный брюнетъ: то былъ полковникъ. Узнавъ отъ брата, кто я, и зачѣмъ пришелъ, онъ, картавя, сказалъ:

— Очень г'адъ, очень г'адъ! Служите, какъ вашъ бг'атъ, и мы ссог'иться не будемъ!

Принявъ отъ меня просьбу и разсмотрѣвъ мои бумаги, продолжалъ:

— Есть у васъ вег'ховая лошадь?

— Нѣтъ еще, полковникъ.

— Надо непг'емѣнно имѣть.

— Я слышалъ, что у васъ есть нѣсколько верховыхъ лошадей. Позвольте мнѣ одну купить.

— Хог'ошо! Эй! вѣстовой! Вывести «Тигг'а»!

Затѣмъ, пригласивъ въ гостиную, просилъ сѣсть и повелъ незначительный разговоръ. Узнавъ, что отецъ и мать въ Москвѣ, позволилъ брату и мнѣ отлучаться для свиданія съ ними столько разъ, сколько мы того желаемъ. Объявилъ, что полку назначаются новыя квартиры, въ Коломенскомъ уѣздѣ.

Доложили, что лошадь выведена. Поднявшись съ своихъ мѣстъ, всѣ мы вышли на «дворъ». Тамъ два улана черезъ силу удерживали красиваго гнѣдого жеребца, который и прыгалъ, и лягался, и фыркалъ, какъ настоящій тигръ.

Полковникъ, подведя меня къ жеребцу, сказалъ:

— Вотъ вамъ лошадь! Нг'авится ли?

— Я, полковникъ, толка въ лошадяхъ не знаю. Позвольте положиться на вашъ выборъ.

— А! Когда такъ! Пг'ивести «Бг'ильянта»! Эта лошадь съ пог'окомъ. Покупай у меня знатокъ, я бы не постыдился обмануть его, хотя бы то былъ мой отецъ г'одной. Вы полагаетесь на мой выбог'ъ; мнѣ безчестно обмануть васъ!

Между тѣмъ, привели «Брильянта».

Велъ ее одинъ уланъ; лошадь, хотя тоже жеребецъ, шла тихо, спокойно, высматривала коровой.

— Вотъ вамъ лошадь,—сказалъ полковникъ.—Г'учаюсь, что ей останетесь довольны.

И дѣйствительно изъ такой на видъ неказистой лошади по выѣздкѣ вышла одна изъ лучшихъ лошадей въ полку.

Доселѣ все шло хорошо, прилично; дальнѣйшія за тѣмъ сцены, одна за другой, поразили меня своимъ цинизмомъ.

Вернувшись въ комнаты, мы въ залѣ застали полковыхъ адъютанта Буркова и казначея Чулкова (само собой разумѣется, что и фамиліи ихъ и должности я узналъ впослѣдствіи) и какую-то даму, молодыхъ еще лѣтъ, не дурной наружности, но довольно «помятой», прилично одѣтую и съ бойкими манерами. Полковникъ тотчасъ же обратился къ ней съ вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

— Я, полковникъ, жена смотрителя завода графини и пришла къ вамъ съ жалобой.

— На кого?

— У меня квартируетъ вашъ офицеръ, Давыдовъ. Онъ обидѣлъ меня, обозвалъ непристойными словами.

Евреиновъ, будучи вдовцомъ и страстнымъ волокитой, какъ я

узналъ послѣ, поглядывая умильно на говорившую съ нимъ даму и покручивая усы, отвѣчалъ:

— Стг'анно, очень стг'анно, что мой офицеръ дозволилъ себѣ такую выходку противъ такой хог'ошенькой дамы. Эй, вѣстовой! позвать ко мнѣ поручика Давыдова!

Обратясь затѣмъ къ адъютанту, приказалъ зачислить меня въ тотъ же день въ полкъ и приготовить бланки для отпусковъ брата и меня въ Москву.

Между тѣмъ, явился высокаго роста, довольно видный изъ себя, съ прищуренными по близорукости глазами, офицеръ: то былъ Давыдовъ.

Полковникъ, обратясь къ нему, строго спросилъ:

— Какъ это вы, пог'учикъ, могли дозволить себѣ оског'бить даму?

— Не я оскорбилъ, полковникъ, а она меня. У меня сидѣли въ гостихъ товарищи—офицеры, когда эта дама, какъ вы ее называете, вбѣжала въ комнату и при всѣхъ бросилась ко мнѣ на колѣни. Мнѣ было стыдно за нее. Столкнувъ съ колѣнъ, я просилъ ее удалиться, и когда она не послушалась, то вытолкнулъ ее, обозвавъ приличнымъ именемъ...

Выслушавъ Давыдова, полковникъ обратился къ дамѣ и грубо сказалъ:

— На что же ты жалуешься, когда сама кг'угомъ виновата?

— Будьте вѣжливѣе, не забывайте, полковникъ, что я,—благородная!

— Ахъ, ты, мег'завка! Вонъ!

И, отвернувшись отъ нея, пошелъ въ гостиную. Всѣ мы послѣдовали за нимъ.

Слушая весь предыдущій разговоръ, я не зналъ, гдѣ я. Не понималъ, что—я. Не обманываютъ ли меня зрѣніе и слухъ? Составивъ себѣ понятіе о полковникахъ вообще, какъ о людяхъ солидныхъ, начальникахъ, долженствующихъ строго взыскивать за проступки своихъ подчиненныхъ, я и въ мысляхъ не могъ допустить возможности, чтобы они выражались языкомъ, который я слышалъ дотолѣ изъ устъ нашихъ лакеевъ и дворни, и который тотчасъ же прекращался при нашемъ появленіи. А теперь?—полковникъ при офицерахъ нисколько не стѣснялся въ своей неприличной брани... Впослѣдствіи на пути жизни мнѣ не разъ случалось при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью отказываться отъ своихъ заранѣе составленныхъ понятій!..

Но, Боже мой, что происходило, когда по приглашенію Евреинова всѣ мы остались у него обѣдать! Какой разговоръ велся за столомъ! Какой цинизмъ въ выраженіяхъ! Какое безстыдство въ разсказахъ! И полковникъ и офицеры другъ передъ другомъ хвалились своими эротическими похожденіями; молчали только Чулковъ, человѣкъ женатый, но не менѣе того смѣявшійся съ дру-

гими,—да я, совершенно уничтоженный, подавленный всѣмъ слышаннымъ мной.

Я краснѣлъ безпрестанно; мнѣ совѣстно было оторвать глаза отъ тарелки, чтобы взглянуть на разсказчиковъ; а они между тѣмъ продолжали свои разговоры, нисколько не стѣсняясь въ выборѣ своихъ выраженій. Полковникъ замѣтилъ мое страждущее положеніе и, громко разсмѣявшись, указывая на меня, сказалъ:

— Посмотг'ите! Какая кг'асная дѣвушка!

На что братъ мой отвѣтилъ:

— Ничего, полковникъ! Еще птенчикъ, не обтерся. Поживетъ съ нами подольше, узнаетъ побольше. На первый разъ извините! Онъ домашняго воспитанія.

Я съ укоромъ во взглядѣ посмотрѣлъ на брата, что̀ заставило еще болѣе всѣхъ разсмѣяться.

Съ того времени Евреиновъ при каждой встрѣчѣ со мной спрашивалъ:

— А что, кг'асная дѣвушка, пг'ивыкли къ нашимъ пог'ядкамъ? Хороши порядки!

Наконецъ, тяжелый для меня обѣдъ кончился; мы перешли въ гостиную, куда подали кофе и трубки. Покончивъ съ тѣмъ и другимъ, распростились съ полковникомъ, и братъ повелъ меня въ швальню.

Она помѣщалась въ какомъ-то подземельѣ, куда мы по темной лѣстницѣ спустились ощупью. Съ трудомъ найдя дверь, мы отворили и прямо попали въ мастерскую. Нѣсколько солдатъ въ однѣхъ рубашкахъ и форменныхъ рейтузахъ, скрестивъ ноги «калачикомъ», сидѣли на длинныхъ столахъ и шили военное платье. Явился вольнонаемный главный закройщикъ,— маленькая, горбатенькая фигурка. Братъ заказалъ ему сшить мнѣ всю форму: казенную, изъ солдатскаго сукна, и мундиръ съ рейтузами изъ тонкаго для собственнаго употребленія. Закройщикъ поставилъ меня на столъ ближе къ окну, чтобы было свѣтлѣе, снялъ съ меня мѣрку и обѣщалъ все приготовить въ скорѣйшемъ времени.

Выйдя изъ швальни, братъ сказалъ:

— У полковника ты видѣлъ адъютанта и казначея, теперь я тебя познакомлю съ нашимъ квартирмейстеромъ: фамилія его— Стойдель.

Вскорѣ мы подошли къ двухъэтажному дому. Поднявшись на лѣстницу и взявшись за скобку двери, братъ, обернувшись ко мнѣ, скороговоркой проговорилъ:

— Ты смотри, не вздумай разлетѣться «къ ручкѣ»,—и съ этимъ вмѣстѣ отворилъ дверь, такъ что я не имѣлъ времени попросить у него объясненія его словъ.

Вошли въ прихожую.

Пока снимали съ себя верхнее платье, я все думалъ, что та-

кое хотѣлъ сказать братъ словами: «не разлетись къ ручкѣ». Я очень хорошо зналъ, что тогда въ обществѣ вышло уже изъ обыкновенія цѣловать ручки у дамъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Къ чему же служило его предостереженіе? Но еще большее недоумѣніе ожидало меня впереди.

Изъ сосѣдней комнаты раздавались шумные голоса и звонкій, раскатистый смѣхъ. Отворивъ туда дверь, мы буквально попали въ облака табачнаго дыма. Было накурено такъ, что зажженныя свѣчи мелькали, какъ уголекъ, и двигающіеся люди казались тѣнями. Когда я осмотрѣлся въ этомъ туманѣ, то первое, что бросилось мнѣ въ глаза, былъ офицеръ, лежавшій перегнувшись навзничь на постели и свѣсившимися ногами достававшій до пола. На немъ былъ надѣтъ сюртукъ нараспашку, показывавшій отсутствіе жилетки и галстуха, обѣ руки его были заткнуты за брюки около подтяжекъ. Въ такой мудрой позѣ, онъ звонкимъ, чистымъ голосомъ напѣвалъ извѣстную польскую мазурку:

— «Нашъ Хлопицкій волкъ, дзѣльный, смялый» и пр., при чемъ ногой отбивалъ тактъ.

То былъ штабъ-ротмистръ Носовичъ.

Не безъ намѣренія я вхожу въ эти мелочныя подробности. Судьба, указавъ мнѣ его первымъ въ табачномъ дыму, этимъ самымъ какъ бы предупреждала меня, что этотъ человѣкъ первымъ попадется мнѣ на пути моей рискованной жизни, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Къ намъ подошелъ хозяинъ, высокій, страшно худощавый, среднихъ лѣтъ мужчина, въ архалукѣ и татарской остроконечной тюбетейкѣ, надѣтой болѣе на затылокъ, такъ что спереди виднѣлся кокъ волосъ. Стойдель принялъ меня очень радушно, просилъ не церемониться! На диванѣ сидѣла дама, повидимому, хозяйка дома, распоряжавшаяся приготовленіемъ чая. Но отъ чего же братъ не подводитъ меня къ ней для представленія? и что значитъ это неуваженіе, въ болѣе чѣмъ небрежной позѣ, офицера, перевѣсившагося на кровати?

Все это объяснилось мнѣ послѣ... Стали понятны и слова: «не разлетись къ ручкѣ», сказанныя братомъ.

У Стойделя я познакомился съ ротмистромъ Аферьевымъ, котораго, не знаю почему, въ полку звали «дядюшкой», поручикомъ Фаминцынымъ, будущимъ преемникомъ должности Стойделя, и Носовичемъ. Всѣ они знали о моемъ опредѣленіи въ полкъ отъ Давыдова, бывшаго тутъ же, умнаго и очень остраго малаго, прекомично разсказавшаго сцену у полковника съ хозяйкой своей квартиры. Вечеръ былъ очень оживленъ и прошелъ незамѣтно. Но мнѣ все происходившее казалось весьма страннымъ. Люди, кажется, на взглядъ порядочные, а какъ-то странно держатъ себя въ отношеніи дамы, сидящей на диванѣ, обращаются съ нею фамильярно,

говорятъ грязныя двусмысленности; она нисколько этимъ не оскорбляется, напротивъ, первая смѣется ихъ неприличнымъ выраженіямъ... Я совершенно уничтожился, когда Давыдовъ, разсказывая утреннюю сцену, употребилъ собственныя слова, сказанныя при этомъ случаѣ полковникомъ. Зардѣвшись отъ стыда, я посмотрѣлъ на даму, желая знать, какое произведетъ на нее впечатлѣніе весь этотъ цинизмъ. Она хохотала отъ души, нисколько не стѣсняясь выраженіями. Вечеръ въ отношеніи моей еще дѣвичьей скромности вполнѣ былъ достоинъ утра, проведеннаго у полковника. Цѣлый первый день моего поступленія въ полкъ прошелъ въ томъ, что я переходилъ отъ удивленія къ удивленію. Все слышанное и видѣнное мной рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти. Никогда въ самыхъ смѣлыхъ моихъ мечтахъ я не допускалъ мысли, что когда нибудь буду въ обществѣ людей порядочныхъ, но съ такимъ языкомъ въ выраженіяхъ, съ такими манерами въ обращеніи!..

Возвратившись на постоялый дворъ, мы велѣли закладывать лошадей и ясной, лунной ночью отправились во-свояси въ деревню Андреевку. Всю дорогу я молчалъ, обдумывая мой первый день вступленія въ полкъ. Мысли мои чаще всего останавливались на видѣнной мной у Стойделя дамѣ, повидимому, приличной, но такъ наивно смѣявшейся разсказу Давыдова и столь смѣлой въ обращеніи съ офицерами.

Это—начало; что-то будетъ далѣе?...

Доселѣ я былъ на квартирѣ у брата, какъ гость, теперь вошелъ въ нее сотоварищемъ. Осмотрю и опишу наше помѣщеніе; оно будетъ служить общимъ типомъ «офицерской квартиры». Убранство и размѣщеніе пожитковъ было у всѣхъ почти одинаково, съ весьма малыми измѣненіями.

Квартира наша помѣщалась въ избѣ очень чистой. Входъ въ нее былъ со двора, по невысокому крылечку съ навѣсомъ и двумя по краямъ колонками, въ просторныя сѣни; изъ нихъ дверь налѣво вела прямо въ наше помѣщеніе. При входѣ въ избу, тотчасъ отъ двери на лѣвой сторонѣ помѣщалась обыкновенная русская печь съ челомъ и подпечникомъ. Отъ печи шла перегородка во всю длину избы. Свѣтъ давали четыре небольшія окна: одно изъ нихъ за перегородкой освѣщало печку; изъ остальныхъ два были устроены по линіи съ первымъ, а послѣднее съ боку по стѣнѣ, идущей параллельно перегородкѣ. Первыя три смотрѣли въ поле, а четвертое, боковое выходило къ довольно глубокому оврагу, такъ какъ изба стояла съ края селенія и на самомъ обрывѣ. Украшеніе заключалось въ слѣдующемъ: направо отъ входной двери нары были вынуты; мѣсто ихъ занимала желѣзная складная кровать. На стѣнѣ висѣлъ коверъ, на которомъ были развѣшаны: пистолеты, уздечки, мундштуки и т. п. Далѣе, по стѣнамъ, шли простыя лавки. Въ переднемъ углу стоялъ столъ, накрытый узор-

чатой, цвѣтной скатертью. На столѣ стояли складное зеркало и принадлежности для туалета; все это убиралось, накрывали столъ для обѣда, и потомъ опять становилось на свое мѣсто. Около стола стояли два складныхъ желѣзныхъ стула; у перегородки помѣщался деревянный сундукъ, сдѣланный «по телѣгѣ», въ него укладывались вещи при передвиженіяхъ полка. Чемоданы валялись подъ кроватью. За перегородкой, около печи, по стѣнѣ устроены полки, на которыя ставилась посуда и кастрюли. Столовая посуда вся была изъ жести, стаканы служили вмѣстѣ чайными чашками. Къ такой расчетливости побуждала не столько экономія, сколько необходимость имѣть какъ можно менѣе нужныхъ вещей, чтобы не обременять себя при перемѣнѣ квартиръ, которыхъ, какъ увидимъ далѣе, каждогодно бываетъ по четыре.

Таково было наше помѣщеніе; оно незатѣйливо, но жилось въ немъ удобно.

Невольно припоминались стихи Д. В. Давыдова:

«Посѣти домишко мой!
Въ немъ нѣтъ нищихъ у порога,
Въ немъ нѣтъ зеркалъ и картинъ,
И хозяинъ, слава Богу,
Не великій господинъ».

Съ нашей квартирой въ Андреевкѣ была связана легенда о чудесномъ событіи, происшедшемъ въ избѣ. Хозяинъ нашъ, А. Ватухинъ, былъ крестьяниномъ, кажется, «экономическаго» вѣдомства, при маломъ ростѣ замѣчателенъ по своей тучности. Мнѣ никогда, ни прежде, ни послѣ, не случалось встрѣчать крестьянъ-земледѣльцевъ тучными. Ватухинъ одинъ служилъ для меня исключеніемъ. По разсказамъ, отецъ его былъ еще тучнѣе. Съ послѣднимъ и случилось то таинственное событіе, о которомъ я хочу разсказать.

Ватухинъ-отецъ построилъ ту самую избу, которая теперь служила намъ помѣщеніемъ. Желая отпраздновать новоселье, онъ, по принятому обычаю, прежде всего, пригласивъ священника отслужить молебенъ, созвалъ сосѣдей, устроилъ пирушку и отложилъ дозавтра освященіе дома; но онъ разсчитывалъ обойтись безъ вмѣшательства дьявола.

Завтра для него не существовало!

Пиръ былъ устроенъ на славу, вино лилось въ изобиліи.

Далеко за полночь гости разошлись и разъѣхались, благодаря хозяина за щедрое угощеніе. Ватухинъ-отецъ одинъ остался ночевать во вновь построенной избѣ.

На другой день, утромъ, домашніе его удивились, что старикъ, обыкновенно раньше всѣхъ встававшій, на этотъ разъ такъ поздно не выходитъ изъ избы. Приписывая это дѣйствію вчерашней попойки,

они не тревожили его сна. Видя, что старикъ и въ полдень не появляется, рѣшились заглянуть въ избу, но тамъ ничего не видѣли, кромѣ смятой постели. Предположивъ, что онъ незамѣтно для нихъ куда нибудь вышелъ, домашніе рѣшились поджидать его возвращенія. Наконецъ, пришло время обѣдать. Старикъ, всегда обѣдавшій въ своей семьѣ, не показывается. Домашніе переполошились, бросились искать его по селенію, но не только нигдѣ не могли отыскать его, никто не могъ сказать, что видѣлъ его. Рѣшились тщательнѣе осмотрѣть вновь построенную избу. Послѣ разныхъ напрасныхъ поисковъ кто-то нечаянно заглянулъ въ подпечье и видитъ.. тутъ начинается сверхъестественное... видитъ старика, тамъ лежащаго, мертвымъ. Прежде всего, всѣхъ присутствующихъ удивило, какимъ образомъ Ватухинъ по толщинѣ своей могъ пролѣзть въ такое небольшое отверстіе. Чтобы вытащить его оттуда, должны были разломать подпечье. При осмотрѣ тѣла оказалось, что шея его необыкновенно вздута, съ черными продолговатыми полосами, какъ бы отъ удушенія пальцами.

При видѣ такихъ признаковъ насильственной смерти и необъяснимаго положенія тѣла въ узкомъ подпечьѣ весь сельскій ареопагъ крестьянъ рѣшилъ, что его задавили черти, потому что прежде освященія избы онъ устроилъ пирушку, т. е. прежде молитвы онъ посвятилъ ее дьяволу!

Конечно, смерть его можно объяснить весьма прозаическимъ способомъ: апоплексическимъ ударомъ, а нахожденіе его въ подпечьѣ, что онъ залѣзъ туда спьяна; но тогда теряется вѣрованіе въ «чудесное», и потому я оставляю разсказъ о его необыкновенной смерти во всей его наивной простотѣ, какъ онъ переданъ былъ намъ Ватухинымъ-сыномъ.

Съ того времени никто не рѣшался жить въ новой избѣ. Этому случаю мы обязаны, что имѣли помѣщеніе чистое и опрятное, столь рѣдкое въ быту нашихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ.

Дня черезъ три, по возвращеніи изъ штаба полка, мы отправились въ Москву, и какъ разъ поспѣли къ переѣзду матери изъ гостиницы Ермолаева на квартиру, въ флигель дома графа Девіера, на Малой Дмитровкѣ, и къ отъѣзду отца въ Петербургъ. Для излѣченія сестры отъ безобразившаго ее зоба былъ приглашенъ извѣстный тогда врачъ Высоцкій. Здѣсь скажу, что онъ остановилъ дальнѣйшее развитіе опухоли, и на шеѣ сестры остался незамѣтный небольшой наростъ.

Проводивъ отца и проживя дня три съ матерью, мы вернулись на свою квартиру. Тамъ я засталъ присланное закройщикомъ готовое мое платье. Примѣривъ мундиръ тонкаго сукна и найдя его удовлетворительно сшитымъ, я облекся въ казенную солдатскую форму. Не скоро могъ привыкнуть къ ней; въ особенности меня затрудняли рейтузы: обитые по внутреннему шву толстой

черной кожей, они мѣшали свободному сгибу ноги; суконный галстукъ теръ мнѣ немилосердно шею. Но всѣ эти неудобства я переносилъ терпѣливо; они выкупались достигнутымъ желаніемъ—носить юнкерскій мундиръ!.. Занялись пригонкой амуниціи. Дали мнѣ уланскую шапку, желѣзные кованные изъ собранныхъ чешуй эполетики, витешкеты, глянцевито-бѣлую кожаную перевязь съ подсумкомъ, тяжелую саблю съ портупеей и суконнымъ кушакомъ и сапоги изъ солдатской кожи, съ огромными, форменными шпорами; остригли волосы «подъ гребенку», и я мигомъ превратился въ юнкера Оренбургскаго уланскаго полка.

Надо было ѣхать представляться своему эскадронному командиру, ротмистру Кондратенкѣ, квартировавшему отъ насъ верстахъ въ семи.

Собрались,—поѣхали.

Братъ самъ повезъ меня. Дорогой я узналъ отъ него, что у Кондратенка тоже «своя хозяйка», какъ и у Стойделя, только у послѣдняго изъ благородныхъ, а у ротмистра—тверская мѣщанка.

По пріѣздѣ на квартиру ротмистра, насъ встрѣтила высокая краснощекая баба, въ крестьянскомъ сарафанѣ, и объявила, что «Карпъ Захарычъ пошелъ въ манежъ и скоро вернется», а между тѣмъ предложила, не желаемъ ли мы напиться чаю.

То была знаменитая «Натаха», сподружница моего эскадроннаго командира и слѣдовательно моя «мать-командирша». Разглядывая меня своими наглыми нѣсколько прищуренными глазами, она удостоила замѣтить, что я еще «молоденькій». Въ предшествовавшихъ сценахъ въ штабѣ полка я уже успѣлъ потерять, такъ сказать, первый цвѣтъ стыдливости и потому прямо и смѣло смотрѣлъ «Натахѣ» въ глаза и подмѣтилъ улыбку удовольствія на ея жирныхъ губахъ.

Пока я находился въ такомъ «созерцательномъ» положеніи, дверь въ избу отворилась, вошелъ мужчина, выше средняго роста, крѣпкій, плотный, неопредѣленныхъ лѣтъ, говорю «неопредѣленныхъ», потому что самый лучшій физіономистъ, смотря на его довольно полное лицо, не испещренное морщинами, на русые, безъ просѣди, волосы, прямой станъ и твердую походку,—затруднился бы по одному виду опредѣлить число его лѣтъ. То былъ ротмистръ. Извѣстно было, что онъ поступилъ въ военную службу по рекрутскому набору изъ крестьянъ Кіевской губерніи. Въ званіи младшаго вахмистра дѣлалъ кампанію 1807 г., подъ Фридландомъ раненъ въ палецъ лѣвой руки. Ко всему этому приложите возрастъ, въ какомъ онъ былъ принятъ въ военную службу, время служенія его до вахмистра, наконецъ настоящій 1834-й годъ, и опредѣлите: сколько ему можетъ быть лѣтъ? А между тѣмъ, смотря на его здоровую физіономію, нельзя было дать ему много. Живой, подвижной, съ русыми волосами, въ которыхъ не замѣчался

ни одинъ сѣдой волосъ, съ небольшими усами, онъ казался лѣтъ 40, не болѣе. Такъ онъ хорошо сохранился.

Когда я представился ему, онъ сказалъ:

— А! кажу: здорово! Я о тэбѣ получилъ приказъ. Ну, садысь.

Обратившись къ своей «половинѣ», тутъ же стоявшей, продолжалъ:

— Натаха, дай закусить!

Закуска состояла изъ балыка, паюсной икры, бѣлаго вина и простой водки. Наливъ вина въ стаканчикъ, вмѣстимостью болѣе двухъ обыкновенныхъ рюмокъ, Кондратенко, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Бувайте здравы!—и залпомъ выпилъ.

Затѣмъ предложилъ водки брату и мнѣ.

Мы отказались.

— Ну, какъ знаете!

Когда мы стали собираться домой, онъ остановилъ насъ, сказавъ:

— Куды? Обѣдайте у меня! А послѣ сыграемъ «въ муху».

То была единственная карточная игра, которую онъ зналъ и любилъ.

Мы остались.

Пошли толки о лошадяхъ, ихъ содержаніи, о разныхъ способахъ выѣздки и т. п. Я не принималъ никакого участія въ разговорѣ и все время молчалъ, вслушиваясь въ эту тарабарскую грамоту, состоявшую изъ терминовъ, тогда еще для меня совершенно незнакомыхъ.

Подали обѣдъ, простой, но вкусно приготовленный. Кушанья подавалъ денщикъ, а Натаха возилась около печи, тутъ же, за перегородкой. Все было—приготовленіе ея рукъ.

Послѣ обѣда, напившись кофе и закуривъ трубки, усѣлись за «муху». Я не зналъ этой игры, но по простотѣ ея скоро выучился.

Игра по «очень маленькой», и выигрышъ состоялъ изъ нѣсколькихъ копеекъ. Выигралъ Кондратенко, но не хотѣлъ получать денегъ, а записалъ ихъ мѣломъ на потолочной балкѣ, говоря:

— Расчетъ перваго числа.

Онъ имѣлъ обыкновеніе всѣ счеты, и казенные и частные, сводить перваго числа каждаго мѣсяца.

Напившись чая, мы отправились домой.

Братъ спросилъ меня о впечатлѣніи, какое произвело все мной видѣнное. При этомъ очень удивилъ меня, разсказавъ, что Кондратенко почти не знаетъ грамоты: приказы читаетъ ему всегда писарь Медвѣдевъ, а вмѣсто своей подписи «ротмистръ Кондратенко» ставитъ счетомъ двадцать черточекъ съ разными закорючками. Съ такой подписью у меня долго сохранялся билетъ, данный мнѣ, какъ юнкеру, на пріѣздъ въ Москву, но съ частыми

переѣздами съ квартиры на квартиру и передвиженіями затерялся. Очень сожалѣю о такой потерѣ. Билетъ этотъ, какъ не послѣдняя своего рода рѣдкость, не имѣлъ цѣны. Онъ наглядно доказывалъ, что въ царствованіе Николая можно было дослужиться до значительнаго чина и командовать отдѣльной частью, не зная грамоты.

Въ то время требовалось отъ офицера не образованіе, но хорошая выправка и твердое знаніе порядковъ службы, т.-е. не головы, а автоматическаго движенія, точно исполняющаго разъ заведенный порядокъ. Во всемъ было продолженіе той же системы—тормозить развитіе въ человѣкѣ, какъ это было принято и въ отношеніи обучающагося юношества, о чемъ я подробно говорилъ при описаніи Казанскаго университета.

Кондратенко представлялъ собой другой замѣчательный типъ выслужившагося простолюдина. Онъ часто разсказывалъ, что когда былъ солдатомъ, то о его плечи и спину сломался не одинъ возъ палокъ. Казалось бы, такія «сильныя ощущенія» должны были сдѣлать его снисходительнымъ къ ошибкамъ солдатъ и болѣе мягкимъ въ обращеніи съ ними. Выходило напротивъ: онъ дрался страшно, какъ бы желая выместить на другихъ, что перенесъ самъ. Не проходило ни одного ученья, чтобы не было нѣсколько солдатъ жестоко избитыхъ.

Обладая замѣчательной силой, Кондратенко, однимъ ударомъ по щекѣ сшибалъ съ ногъ человѣка. Сначала, видя, что люди валятся подъ его ударами, какъ снопы, я, признаюсь, приписывалъ это солдатской уловкѣ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ наказаній; но когда получившій такой ударъ долго послѣ того выплевывалъ кровь изо рта, я понялъ, что паденіе его не было притворствомъ. Объ этомъ самомъ Кондратенкѣ извѣстный эмигрантъ, Герценъ, помѣстилъ въ своемъ «Колоколѣ», печатавшемся въ Лондонѣ, анекдотъ. Принимая въ первый разъ эскадронъ, Кондратенко замѣтилъ подошедшему къ нему съ рапортомъ старшему вахмистру, что онъ не знаетъ службы и не умѣетъ являться къ начальнику. На спросъ присутствовавшихъ при этомъ офицеровъ, въ чемъ же заключается незнаніе службы вахмистра, Кондратенко отвѣчалъ:

— А чтобы шпоры звякали.

— Но какъ могутъ звенѣть шпоры въ то время, когда человѣкъ стоитъ?

— А, кажу: приходите черезъ недѣльку и увидыте!

Дѣйствительно, впослѣдствіи у старшаго вахмистра передъ Кондратенкомъ звенѣли шпоры, хотя онъ и стоялъ на одномъ мѣстѣ. Кондратенко такъ забилъ его, что бѣдный вахмистръ, ожидая ежеминутно получить сильные удары, по чему ни попало и чѣмъ ни попало, отъ страха дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Дрожаніе это передавалось шпорамъ, и онѣ «звякали». Тогда офицеры поняли, какимъ обра-

зомъ могутъ звенѣть шпоры не только на ходу, но когда человѣкъ стоитъ и на одномъ мѣстѣ.

Не знаю, насколько разсказъ этотъ справедливъ,—при мнѣ не происходило такой дрессировки вахмистра,—но онъ вѣрно обрисовываетъ характеръ Кондратенка въ обращеніи съ солдатами.

Здѣсь, кстати, разскажу случай, показывающій, насколько Кондратенко усвоилъ себѣ приличіе обращенія въ обществѣ.

Нашъ полкъ, во время польскаго похода, въ 1830 году, состоялъ въ первой уланской дивизіи, подъ начальствомъ князя Хилкова.

По окончаніи похода, князь Хилковъ, получившій 6-й пѣхотный корпусъ, желалъ проститься съ своими боевыми офицерами и потому устроилъ для нихъ обѣдъ.

На обѣдъ этотъ, въ числѣ прочихъ, былъ приглашенъ ротмистръ Кондратенко, служившій раньше вахмистромъ въ лейбъ-гвардейскомъ гусарскомъ полку, во время командованія княземъ Хилковымъ. Во время стола князь, обратясь къ своей женѣ и указывая на Кондратенка, сказалъ:

— Вотъ, матушка, ты все называешь меня старикомъ, посмотри на ротмистра: онъ былъ у меня вахмистромъ а все еще молодецъ.

Тогда Кондратенко, вставъ съ своего мѣста, черезъ весь столъ гаркнулъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, кажу: я старъ на морду.

Всѣ присутствующіе такъ и покатились со смѣха.

Вскорѣ былъ полученъ приказъ — выступать на новыя зимнія квартиры: штабъ полка переводился въ городъ Коломну, Московской губерніи, а эскадроны располагались въ уѣздѣ города. По составленной дизлокаціи, нашему 2 взводу пришлось стоять въ селѣ Луково-Мячковѣ, названномъ такъ въ отличіе отъ другого села Каменнаго Мячкова, находящагося въ Бронницкомъ уѣздѣ, недалеко отъ Боровскаго перевоза, при которомъ французы, при выступленіи своемъ изъ Москвы въ 1812 году, имѣли первую упорную стычку съ нашими войсками. Село Каменное Мячково славится своими каменоломнями, изъ которыхъ добываются мельничные жернова, извѣстные во всей Россіи.

Передъ отправленіемъ нашимъ въ Коломенскій уѣздъ, мы съѣздили въ Москву проститься съ матерью. Разстояніе, теперь насъ раздѣляющее, должно было увеличиться и лишить возможности частыхъ свиданій.

Нашему взводу велѣно было собираться на эскадронномъ дворѣ, т.-е. гдѣ жилъ Кондратенко, какъ въ селеніи, лежащемъ на пути слѣдованія. Мнѣ же, какъ «новичку», дозволено было слѣдовать

при обозѣ, съ своими вещами, а «Врилльянта» моего тоже, какъ новичка по службѣ, повели «въ поводу» при взводѣ.

На эскадронномъ дворѣ я встрѣтилъ и другихъ нашихъ офицеровъ: командира 1-го взвода, Фаминцына, котораго я уже видѣлъ у Стойделя, и 4-го—Троадія Карачарова. 3-й взводъ, не имѣя офицера, управлялся вахмистромъ. Тутъ же я встрѣтилъ и другихъ юнкеровъ, моихъ товарищей, съ которыми тотчасъ и познакомился. Когда все было готово къ выступленію, вышелъ Кондратенко, скомандовалъ: «Садысь!»—и эскадронъ, по два въ рядъ, тронулся въ путь. Впереди его шли два крестьянина—проводника, до большой дороги: то были колонновожатые. За эскадрономъ тронулся и я.

Выйдя на большую дорогу, эскадронъ остановился, пропустилъ обозъ впередъ, чтобы мы могли заранѣе прійти на ночлегъ и приготовить пищу. Гдѣ рысцой, а гдѣ и шагомъ, весь нашъ вагенбургъ двигался подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ. Дойдя до селеній, назначенныхъ для ночлега, мы при въѣздѣ были встрѣчены квартирьерами, указывавшими наши временныя помѣщенія. Черезъ часъ времени пришелъ и эскадронъ. Пообѣдали, отдохнули и вечеромъ всѣ собрались у Кондратенка «играть въ муху».

На другой день, рано, до выступленія эскадрона, отправился обозъ. Такъ какъ намъ слѣдовало итти все по большой почтовой дорогѣ, то мы и не могли сбиться съ своего пути. Прежнимъ порядкомъ были встрѣчены квартирьерами, отправленными еще наканунѣ, и расположились на «дневку», т.-е. провели на мѣстѣ весь слѣдующій день, что, по положенію, предписывалось для сбереженія лошадей и сохраненія ихъ въ «тѣлѣ».

На четвертый день выступили тѣмъ же порядкомъ, имѣли ночлегъ и на слѣдующее утро, на поворотѣ съ большой дороги, въ назначенныя намъ постоянныя квартиры, встрѣтили ожидавшихъ насъ квартирьеровъ.

Одинъ изъ нихъ, отдѣлившись отъ прочихъ, шелъ съ нами, указывая дорогу. Такимъ образомъ, на пятый день нашего выступленія пришли въ Луково-Мячково, сдѣлавъ всего около 90 верстъ.

Въ селѣ Луково-Мячковѣ, принадлежавшемъ, кажется, графинѣ Литта, считалось до тысячи душъ. На такое количество обывателей размѣстились: эскадронный дворъ и 2-й взводъ, всего въ количествѣ не болѣе 40 человѣкъ. Такое обширное помѣщеніе доставило всѣмъ роскошь, рѣдкую въ военномъ быту; каждый изъ офицеровъ и юнкеровъ имѣли по двѣ квартиры (избы), одну занимали сами, въ другой рядомъ помѣщались прислуга и кухня. Солдаты разставлены были на 6—7 дворовъ по одному, и они, по очереди, переходили изъ одной избы въ другую. Для помѣщенія лошадей вотчинная контора уступила длинный, деревянный сарай, въ которомъ

прежде помѣщалось сѣно. Въ сараѣ этомъ прорубили, гдѣ было нужно, окна, подѣлали стойла, и вышла отличная, теплая конюшня. Для манежа былъ огороженъ соломенными щитами довольно значительный четыреугольникъ земли. Въ немъ люди обучались одиночной верховой ѣздѣ и выѣзжали молодыхъ лошадей.

Изъ этого видно, что помѣщеніе, какъ для людей, такъ и для лошадей, было болѣе чѣмъ роскошное, тѣмъ болѣе ощутительное, что прежде въ Московскомъ уѣздѣ при тѣсномъ помѣщеніи терпѣли много неудобствъ.

Квартира наша помѣщалась наверху двухъэтажной избы (низъ занимали хозяева) и состояла изъ двухъ комнатъ: прихожей, въ одно окно, и большой—въ два окна. Голландская печь, въ изразцахъ, лежанкой и топкой выходила въ прихожую, а стѣнкой—въ наше помѣщеніе. Кухня и люди помѣщались рядомъ, въ другой избѣ, на дворѣ, гдѣ въ тепломъ омшеникѣ стояли наши упряжныя лошади, а подъ навѣсомъ экипажи.

По прибытіи въ Мячково, я занялся серьезно службой, чтобы быть вполнѣ готовымъ къ шестимѣсячному сроку производства въ офицеры, по праву, предоставленному университетскимъ аттестатомъ. Остальное время я посвящалъ изученію верховой ѣзды.

Въ одно изъ моихъ ученій верховой ѣзды былъ со мной случай, могшій кончиться для меня очень дурно.

Разъ, вскорѣ послѣ обѣда, мнѣ пришло желаніе ѣздить верхомъ. Узнавъ, что вахмистръ Ильинъ, которому я былъ спеціально порученъ, отдыхаетъ, я разбудилъ его. Съ недовольнымъ видомъ, что потревожили его сонъ, онъ пришелъ въ манежъ и при одномъ поворотѣ во время ѣзды бичемъ ударилъ меня по спинѣ, сказавъ: «Ахъ, извините! Нечаянно! Я хотѣлъ по лошади!»

Понявъ очень хорошо, что ударъ этотъ не былъ слѣдствіемъ неловкости, а прямо предназначался мнѣ, чтобы выместить досаду прерваннаго сна, да и лошадь «Муромецъ» — умная и послушная, понимавшая даже слова команды, исполняя свое дѣло, никакъ не заслуживала наказанія.

Отъ боли и стыда я остановилъ лошадь, быстро соскочилъ съ нея и, подбѣжавъ къ Ильину, со всего размаха ударилъ его по щекѣ, проговоривъ: «Ахъ, извините! Я тоже нечаянно!»

Такая моя выходка, вполнѣ нарушавшая военную дисциплину,— заводный вахмистръ былъ нѣкоторымъ образомъ все-таки мой непосредственный начальникъ,—въ тѣ времена строгости могла кончиться для меня очень дурно, если бы Ильинъ вздумалъ «пожаловаться». Но, сознавая, можетъ быть, и свою вину, онъ забылъ мой ударъ,—я простилъ ему его. Но случай этотъ для насъ обоихъ послужилъ урокомъ—въ столкновеніяхъ нашихъ быть благоразумнѣе. По крайней мѣрѣ, съ его стороны не было болѣе попытокъ возобновлять что либо подобное.

Искусство верховой ѣзды вначалѣ доставалось мнѣ съ трудомъ и большой болью. Отъ усилія держаться крѣпко на лошади ляжками я постоянно стиралъ ихъ. Къ крови, сочившейся изъ стертыхъ мѣстъ, присыхало бѣлье; чтобы отдѣлить его безъ большой боли, нужно было прибѣгать къ помощи теплой воды и смачивать. Такое мученіе продолжалось довольно долго, пока я не выучился твердо держаться на сѣдлѣ, безъ особыхъ усилій ляжекъ, а только однимъ равновѣсіемъ.

Въ то же время, когда я обучался верховой ѣздѣ, и моя лошадь «Брильянтъ» подвергалась мученіямъ выѣздки. Говорю — мученіямъ, потому что тогда былъ принятъ методъ обученія, состоящій въ траверзахъ, ранверзахъ, разныхъ боковыхъ движеніяхъ, сильной на курцъ-галопѣ осадкѣ назадъ, отчего лошади слабѣли задними ногами, и т. п. Обученіемъ «Брильянта» занимался тотъ же Ильинъ, и — надо отдать ему справедливость — выѣздилъ его прекрасно. Часто впослѣдствіи, сидя на «Брильянтѣ» верхомъ, я бралъ поводья въ зубы, руки складывалъ за спину и одними шенкелями заставлялъ его «писать вензеля» въ манежѣ. «Брильянтъ» имѣлъ «высокій» ходъ, но былъ невыразимо трясокъ на ходу. На «церемоніальныхъ» маршахъ было еще сносно, но на полковыхъ ученьяхъ, продолжавшихся, обыкновенно, довольно долго, тряскость его была мучительна; съ такихъ ученій я всегда возвращался весь разломанный. «Брильянтъ» зналъ мой голосъ, обыкновенно откликался ржаніемъ, когда я звалъ его. Я часто ходилъ къ нему въ стойло и кормилъ хлѣбомъ. Послѣ этого онъ морду свою совалъ ко мнѣ въ карманъ, заранѣе увѣренный, что тамъ найдетъ себѣ лакомство—сахаръ. Вообще былъ послушенъ, но получилъ одну скверную привычку, отъ которой я, при всемъ стараніи, не могъ отучить его никогда. Разъ, въ началѣ своего обученія выѣздкѣ, онъ какъ-то зубами развязалъ поводъ. Почувствовавъ свободу, вырвался изъ конюшни и выбѣжалъ на улицу. На встрѣчу ему попалась крестьянская лошадь, сѣрой масти, мирно щипавшая траву. Вмигъ онъ бросился на нее и вцѣпился зубами; сбѣжавшіеся уланы съ трудомъ оттащили его отъ лошади и привели обратно въ конюшню. Съ того времени «Брильянтъ» не могъ видѣть равнодушно лошадей сѣрой масти. Бывало, во время «церемоніальныхъ» маршей, какъ только поровняется съ трубачами, которые сидѣли на «сѣрыхъ» лошадяхъ, такъ и норовитъ направиться къ нимъ: чуть оплошалъ, онъ уже «цапнулъ» крайнюю лошадь.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время я ходилъ къ Кондратенку играть въ «муху»; ѣздилъ съ братомъ къ другимъ офицерамъ, тѣ въ свою очередь пріѣзжали къ намъ; такимъ образомъ шло у меня время.

Въ Луково-Мячковѣ, какъ и во многихъ селеніяхъ Россіи, существовалъ обычай: въ зимніе вечера составлять «посидѣнки»,

или, какъ мы ихъ сокращенно называли, «посѣдки». Посидѣнки для прекраснаго крестьянскаго пола были то же, что наши «дамскіе клубы», только съ разными оттѣнками.

Обыкновенно, для посидѣнокъ избиралась просторная изба, преимущественно какой либо вдовы, еще лучше бездѣтной. Въ такую избу зимними вечерами собираются изъ сосѣднихъ домовъ крестьянскія дѣвки, со льномъ и гребнями, и, распѣвая пѣсни, прядутъ. Но это составляетъ наружную сторону посидѣнокъ. Настоящая причина заключалась въ томъ, что къ дѣвкамъ присоединялись парни, приносившіе лакомства, начинались угощенія и разныя игры.

Въ Луково-Мячковѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Коломенскаго уѣзда, по малоземелью, всѣ взрослые парни уходили на «заработки»,—или въ Коломну на «парчевыя фабрики», которыми славился городъ (да еще яблочной пастилой), или въ Москву, и возвращались въ свои дома на непродолжительное время на масляной недѣлѣ, Пасхѣ, къ уборкѣ сѣна и на святкахъ. Въ прочее время въ селеніяхъ оставались только «старъ да младъ». Поэтому «посидѣнки» въ Луково-Мячковѣ носили свой особый характеръ: на нихъ было отсутствіе мужчинъ. Такое состояніе — «лафа» для военныхъ.

Скоро по нашемъ приходѣ юнкера, этотъ «тонкій» народъ, чутьемъ отыскивающій подобныя «увеселительныя» сборища, открыли одинъ изъ такихъ домовъ съ посидѣнками и повадились похаживать туда каждый вечеръ. Солдаты, сунувшіеся было туда же, увидя, что мѣсто занято «дворянчиками», отхлынули дальше искать такихъ же вечеринокъ. Такимъ образомъ, мы остались одни полными хозяевами избранныхъ нами посидѣнокъ.

Прочіе юнкера, чтобы лучше и скорѣе прельстить своихъ дульциней, одѣвались франтами, въ «тонкій» мундиръ, распутывали на груди свои витешкеты. Я же принялъ совершенно противоположную систему; на подобные вечера всегда надѣвалъ солдатскую шинель въ рукава. Въ такой одеждѣ я возбуждалъ въ прекрасномъ деревенскомъ полѣ большую жалость къ себѣ. Видя меня въ шинели, съ волосами на головѣ, остриженными подъ гребенку, съ едва пробивающимися усами, дѣвки принимали меня за простого солдата и говорили:

— Ахъ, касатикъ нашъ! Такой молоденькій и отданъ въ солдаты! Какъ намъ жаль тебя! Чай, тебѣ очень трудно? . . . .

. . . .

Наступила весна, въ полѣ мѣста возвышенныя пообсохли, на нихъ начали производиться эскадронныя ученія и конныя и пѣшія.

Въ концѣ апрѣля полученъ былъ приказъ собираться полку на «кампаментъ», т.-е. всѣ эскадроны должны были сгруппиро-

ваться около штаба полка и размѣститься вблизи города Коломны на «тѣсныхъ» квартирахъ. Нашему восьмому эскадрону, по расписанію, досталось стоять въ деревнѣ Бачмановѣ, верстахъ въ шести отъ Коломны, при впаденіи рѣки Москвы въ Оку и не въ дальнемъ разстояніи отъ Галутвина—мужского монастыря. Мѣстность была преживописная!

Мы разстались съ Луково-Мячковымъ—и навсегда. По приходѣ на новую квартиру начались «полковыя» ученья.

XIII.

Семейство Крюковыхъ.— Вѣрочка П—ва.— Танцовальные вечера въ Коломнѣ.— Поручикъ Н. П. Колюбакинъ и полковникъ И. А. Евреиновъ.

День 15-го апрѣля 1834 года памятенъ для меня по моей, по счету, пятой любви.

Коломенскій помѣщикъ С. В. Крюковъ праздновалъ день именинъ своей жены, для чего пригласилъ офицеровъ и юнкеровъ въ свое имѣніе, отстоящее на нѣсколько верстъ отъ города.

Я отправился къ нему съ братомъ. Подъѣхавъ къ крыльцу дома, мы увидали, что весь почти дворъ былъ заставленъ экипажами всевозможныхъ видовъ и размѣровъ, начиная каретой и кончая простой троичной телѣгой, на каковой и мы сами пріѣхали. То были экипажи гостей, предупредившихъ насъ своимъ пріѣздомъ.

Войдя въ залу, я встрѣтилъ трехъ, четырехъ барышень, чинно расхаживавшихъ въ рядъ, взявшись подъ руку. Одна изъ нихъ при видѣ меня вскрикнула: «Ахъ!» и выступила было впередъ, какъ бы идя на встрѣчу, но тотчасъ же остановилась, вспыхнувъ яркимъ румянцемъ и устремивъ на меня изумленные глаза. Тутъ я могъ вполнѣ разсмотрѣть ее. То была «сильная» брюнетка, лѣтъ семнадцати, съ большими выразительными, черными глазами и,— что удивительно въ брюнеткѣ,— имѣла необыкновенную бѣлизну лица съ живымъ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ. Высокаго роста, необыкновенно стройна и тонка въ таліи.

Впослѣдствіи талію ея я сжималъ обѣими руками, и концы моихъ пальцевъ едва, едва не сходились вмѣстѣ. При всемъ этомъ она имѣла прекрасный бюстъ съ малоразвитыми формами. Портила ее нѣсколько нижняя часть лица: она имѣла острый подбородокъ.

Понявъ свое неловкое положеніе при видѣ незнакомаго мужчины, моя красивая брюнеточка быстро скрылась въ гостиную, гдѣ я увидѣлъ ее сидящею рядомъ съ дамой, которую, по фамильному сходству лица, я принялъ за ея мать, въ чемъ и не ошибся, какъ оказалось впослѣдствіи.

При моемъ появленіи для привѣтствія хозяйки дома, обѣ онѣ не спускали съ меня своихъ удивленныхъ взоровъ и о чемъ-то перешептывались между собою. Брюнетка, сколько своей красивой наружностью, столько же и самой странностью нашей встрѣчи, какъ и слѣдовало ожидать, произвела на меня сильное впечатлѣніе, и постоянно устремленные на меня ея глаза льстили моему самолюбію, обѣщая впереди много наслажденій... Только я никакъ не могъ объяснить себѣ: отчего она, при видѣ меня, ахнула? И почему я служу ей и матери ея предметомъ замѣтнаго удивленія? Впослѣдствіи все мнѣ стало яснымъ, теперь же я узналъ, что она дочь коломенскаго помѣщика П—ва, и что зовутъ ее Вѣрой.

Послѣ сытнаго завтрака, залитаго порядочнымъ количествомъ винъ и домашнихъ наливокъ, настоенныхъ на разныхъ ягодахъ, хозяинъ, страстный собачій охотникъ, повелъ мужчинъ на псарню показывать своихъ гончихъ и борзыхъ.

Мнѣ очень хотѣлось остаться въ домѣ, подойти къ Вѣрочкѣ, заговорить съ ней; въ головѣ моей вертѣлась и вступительная для того фраза; но здѣсь я долженъ упомянуть о странномъ свойствѣ моего характера, не покидавшемъ меня никогда: какъ я былъ смѣлъ и находчивъ съ женщинами, къ которымъ былъ равнодушенъ, такъ, напротивъ, робѣлъ и терялся на первыхъ порахъ въ присутствіи тѣхъ, которыя мнѣ нравились. Подчинившись и на этотъ разъ своему недостатку воли и видя, что всѣ товарищи мои уходятъ, я поплелся за всѣми, съ скрытой досадой выслушивать похвалы хозяина той или той собакѣ, подробное исчисленіе свойствъ и достоинствъ такой суки или такого кобеля. При моемъ душевномъ настроеніи, казалось, не предвидѣлось конца осмотра всѣхъ заведеній нашего причудливаго хозяина...

Наконецъ, осмотрѣвъ конюшни, скотный дворъ и другія постройки, столь необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ, но въ то время казавшіяся мнѣ совершенно излишними, мы вернулись въ домъ.

Думая безпрестанно о Вѣрочкѣ, я не на шутку влюбился въ нее и, такимъ образомъ, вступивъ мысленно въ фазисъ сердечныхъ отношеній съ любимой мной женщиной, я, по выше объясненному свойству моего характера, впалъ въ свое обычное положеніе, т.-е. сдѣлался робокъ и не имѣлъ настолько мужества, чтобы выполнить свое прежнее предположеніе — подойти къ Вѣрочкѣ и заговорить съ ней; забылъ даже заранѣе приготовленную фразу для начала нашего разговора. Такимъ дуракомъ просидѣлъ я молча все время до обѣда, не смѣя долго останавливать своихъ глазъ на Вѣрочкѣ, когда встрѣчалъ ея устремленный на меня взглядъ. За обѣдомъ случай—этотъ божекъ всѣхъ влюбленныхъ—выпалъ на мою долю сидѣть противъ Вѣрочки и ея матери. Обѣ онѣ почти не спускали съ меня глазъ и вели тихо разговоръ явно обо мнѣ.

Во время разныхъ тостовъ за здоровье именинницы и хозяина дома я съ умысломъ выпилъ лишній бокалъ шампанскаго, чтобы въ немъ почерпнуть смѣлость, столь мнѣ нужную для ожидаемаго объясненія съ Вѣрочкой во время предстоящихъ танцевъ...

Послѣ обѣда, какъ только очистили залъ отъ столовъ, явились наши трубачи.

Роговая музыка очень хороша на открытомъ воздухѣ, но въ комнатѣ она рѣзка, сильна для уха. Однако ко всему можно привыкнуть, и наши дамы легко переносили зычные звуки нашихъ трубъ.

Зато роговая музыка въ комнатахъ для влюбленныхъ имѣетъ особенность, ей только одной присущую и которую никакая другая музыка представить не можетъ. Я хочу сказать, что трубы, оглушая своими звуками, позволяютъ въ то же время очень хорошо слышать разговоръ сидящихъ другъ къ другу близко особъ; но рѣшительно дѣлаютъ это невозможнымъ для тѣхъ, которые помѣщаются хотя бы и въ небольшомъ отдаленіи. Этой-то особенностью роговой музыки мы умѣли превосходно пользоваться въ танцахъ. Бывало нашептываешь своей дамѣ разныя любезности, а матушка, сидящая тутъ же, но нѣсколько поодаль, какъ ни напрягаетъ слуха, не можетъ услышать ни одного слова, сказаннаго ея дочкѣ: все покрывается гуломъ трубъ.

Танцы въ то время начинались неизмѣннымъ польскимъ, смѣнялись вальсами и кадрилями и оканчивались мазуркой и котильономъ.

Пока всѣ, и старые и молодые, тянулись длинной вереницей въ польскомъ, я напяливалъ на руки перчатки и выждавъ, когда Вѣрочка поровнялась со мной, идя въ парѣ съ какимъ-то старикашкой, пригласилъ её на первую кадриль. Находясь подъ вліяніемъ выпитаго мною лишняго бокала шампанскаго, я смѣло сдѣлалъ свое приглашеніе. На мое счастье она не была ангажирована и потому, кивнувъ мнѣ слегка головой, очень мило, лаконически отвѣтила: «ваша!».

По окончаніи польскаго, сдѣлавъ одинъ, два тура вальса съ другими дѣвицами, я выбралъ себѣ мѣсто, усѣлся на стулъ, приготовивъ другой для своей дамы. Вотъ трубачи заиграли ритурнель французской кадрили. Съ сильно бьющимся сердцемъ я подошелъ къ Вѣрочкѣ, взялъ ее за руку и привелъ на приготовленное мѣсто.

Торжественная минута наступила. Когда мы усѣлись, Вѣрочка первая начала говорить:

— Вамъ, я думаю, должно было показаться очень страннымъ, чтобы не сказать болѣе, и мое глупое, невольно вырвавшееся «ахъ!» и то, что я съ мамашей не могли первое время оторвать отъ васъ своихъ глазъ?

— Да! Не скрою отъ васъ. Вы сильно меня поразили.

Слово «сильно» я произнесъ съ особымъ удареніемъ голоса, какъ бы подчеркивая, давая тѣмъ понять сказанный мной экивокъ. Можно было понять двояко: былъ ли я сильно пораженъ ея невольно вырвавшимся восклицаніемъ, или ея пышной, красивой наружностью?.. Я желалъ, чтобы отвѣтъ мой поняли въ послѣднемъ смыслѣ, и, кажется, достигъ своего, потому что Вѣрочка улыбнулась самодовольно и очень мило; но при этомъ, увы, показала свои не совсѣмъ ровные зубы. Полное совершенство не есть удѣлъ человѣка! Затѣмъ продолжала:

— Я вамъ объясню все. Вы поразили меня необыкновеннымъ сходствомъ съ моимъ старшимъ братомъ, Костей, который тоже служитъ юнкеромъ, только въ пѣхотномъ полку.

— Если природа была ко мнѣ такъ милостива, что наградила меня счастливымъ сходствомъ съ вашимъ братомъ, то позвольте мнѣ навсегда остаться имъ въ вашей памяти.

Вотъ что иногда значитъ лишне выпитый бокалъ вина; безъ его посредничества я никогда не имѣлъ бы смѣлости высказать подобную мысль! Вѣрочка, сдѣлавъ видъ, какъ будто не поняла моего намека, продолжала:

— Когда вы вошли, первой моей мыслью было, что Костя сюрпризомъ пріѣхалъ къ намъ, и потому бросилась было къ вамъ на встрѣчу; но, къ счастью, скоро опомнилась, сообразивъ, что только одно сходство ваше могло меня ввести въ такую ошибку. Сознайтесь, вы, я думаю, приняли меня за дурочку?

— Напротивъ,—за ангела!

— Да не только я одна, но и папа и мама тоже были поражены этимъ сходствомъ. Посмотрите! Они и теперь не спускаютъ съ васъ своихъ глазъ.

— Какое мнѣ дѣло до другихъ! Я желаю только въ однихъ, вашихъ глазахъ сохранить это сходство, со всѣми преимуществами брата...

Шампанское, какъ видите, придало мнѣ и смѣлость и разговорчивость.

На этотъ разъ намекъ мой сдѣланъ былъ слишкомъ ясно, чтобъ не понять его. Посмотрѣвъ на меня удивленными глазами, Вѣрочка, не знаю съ какой цѣлью, сдѣлала мнѣ вопросъ:

— Который вамъ годъ?

— Двадцать второй,—бухнулъ я, не задумавшись и не краснѣя отъ лжи, хотя, по правдѣ, мнѣ шелъ только двадцатый годъ. Но я прибавилъ себѣ лѣта съ цѣлью показать ей, что зародившееся во мнѣ чувство къ ней не есть порывъ юноши, но зрѣлое сознаніе молодого человѣка.

Вѣрочка продолжала:

— Не можетъ быть! Судя по вашему лицу, вы должны быть

очень еще молоды, при томъ у васъ усы начинаютъ только пробиваться.

— Въ этомъ я совершенно похожъ на вашего брата,—отвѣтилъ я наугадъ, не зная даже, есть ли усы у ея брата, и сколько ему лѣтъ. — Только съ сегодняшняго дня я начинаю благословлять судьбу за то, что она дала мнѣ мою наружность, и я могъ тѣмъ возбудить вниманіе такой прелестной особы, какъ вы!

Вѣрочка снова посмотрѣла на меня удивленными глазами и сказала:

— Странно, очень странно! А жаль, такъ молоды и такъ уже испорчены свѣтомъ!

— Какъ это?

— Видя меня въ первый разъ, вы знакомство наше начинаете тѣмъ, что говорите мнѣ такія пустыя фразы.

— О, вѣрьте! Всевозможныя фразы, обращенныя къ вамъ, будутъ лишь слабымъ изображеніемъ истины!

Покачавъ головой, Вѣрочка сказала:

— А меня еще увѣряютъ, что молодость искренна.

— И васъ не обманываютъ.

Въ такомъ родѣ продолжался разговоръ нашъ во время кадрили, прерываемый только фигурами танца. Находясь подъ вліяніемъ шампанскаго и обаятельной красоты Вѣрочки, я дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе, прямо намекая на возбужденное ею во мнѣ чувство, и велъ живой разговоръ, подстрекаемый ея находчивымъ, гибкимъ умомъ.

Къ концу кадрили я просилъ ее на мазурку и котильонъ.

— Какъ? На оба танца?—отвѣтила она, лукаво улыбаясь.

— Брату, не видавшему такъ давно своей любимой систры, извинительно желать—быть вмѣстѣ съ нею сколько возможно дольше.

— Развѣ что такъ? Извольте! Оба танца я танцую съ вами!

На этомъ словѣ послѣдняя нота кадрили замерла въ воздухѣ, и я, счастливый и довольный, пожалъ ея руку и, положивъ ее на свою, просилъ представить меня матери.

Подойдя вмѣстѣ къ послѣдней, Вѣрочка сказала:

— Вотъ вамъ, мамаша, двойникъ Кости; онъ желаетъ познакомиться съ вами,—и, отнявъ свою руку, отошла къ другимъ дѣвицамъ.

Отрекомендовавшись ея матери, я усѣлся около нея. Начался обыкновенный въ такихъ случаяхъ разговоръ. Посыпались разспросы: откуда я? живы ли отецъ и мать? и т. п. Съ неба мечтаній и восторговъ я опустился на землю житейской дѣйствительности и заговорилъ обыкновеннымъ языкомъ гостиныхъ. Вскорѣ подошелъ къ намъ отецъ Вѣрочки, отставной, видный собой, кирасиръ, дѣлавшій кампанію 1812 года. Оба они подтвердили сходство мое съ ихъ сыномъ. Откланиваясь, я получилъ ласковое приглашеніе посѣщать ихъ, что̀ я и обѣщалъ съ радостью исполнить при первой къ тому возможности.

Во время мазурки, еще болѣе котильона, Вѣрочка, видимо, подчинялась новому, неиспытанному ею еще, какъ впослѣдствіи оказалось, чувству любви... Постепенно стряхивая съ себя осторожность, которой она видимо вооружилась противъ меня, сдѣлалась ласковѣе, доступнѣе моимъ изліяніямъ чувствъ... Я получилъ право называть ее «сестрицей», по праву сходства съ ея братомъ. Къ концу вечера отношенія наши еще болѣе выяснились; я видѣлъ, что на мою привязанность отвѣчаютъ взаимностью, но прикрытой родственнымъ чувствомъ, и мы другъ друга называли не иначе, какъ братъ и сестра; я, съ своей стороны, къ слову «сестра» всегда прилагалъ эпитетъ «милая». За ужиномъ мы сидѣли рядомъ и весело болтали, довольные другъ другомъ.

Такъ прошелъ для меня первый день моего знакомства съ Вѣрочкой, начатый такъ оригинально и кончившійся счастливой взаимностью.

Почти всѣ гости остались ночевать у Крюкова. Для насъ, мужчинъ, очистили флигель дома, настлали на полу сѣна, покрыли его коврами, изъ экипажей снесли всѣ, какія нашлись, подушки, и мы, вповалку расположившись на нашемъ импровизованномъ ложѣ, уснули крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ счастливой молодости...

На другой день послѣ завтрака всѣ разъѣхались. Передъ разставаньемъ я улучилъ минуту переговорить съ Вѣрочкой и спросить, когда же братъ увидитъ свою милую сестру, которую онъ такъ сильно любитъ. Мнѣ весело улыбнулись и обѣщали переѣхать изъ деревни въ Коломну на время танцовальныхъ собраній, устраиваемыхъ офицерами по подпискѣ, и которыя продолжались, впрочемъ, недолго, окончившись скандалезной исторіей для полка, какъ о томъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Наши танцовальные вечера устроились; Вѣрочка переѣхала въ городъ. Въ свободное отъ службы время я часто посѣщалъ ея семейство. Тутъ я открылъ въ Вѣрочкѣ новыя достоинства: она была хорошая музыкантша, играла на фортепіано и обладала пріятнымъ голосомъ меццо-сопрано, которому недоставало только обработанности.

Семейство ея состояло изъ отца, матери и двухъ меньшихъ братьевъ: Владимира и Николая. Старшій—Константинъ, мой двойникъ, служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку нашего же корпуса и находился въ Тульской губерніи. Отецъ, ветеранъ 1812 года, былъ еще бодрый, видный собой мужчина. Служилъ въ кирасирахъ и, женившись, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ коломенскомъ имѣніи «Юренево», предавшись всецѣло сельскому хозяйству.

Мать была женщина бойкая, сохранившая еще слѣды своей красоты, но сварливая и желчная. Впослѣдствіи, сдѣлавшись короткимъ въ ихъ семействѣ, я понялъ эту женщину и возненави-

дѣлъ ее за пустыя, мелочныя придирки къ своей дочери, вина которой состояла въ томъ, что она была молода и красивѣе ея лицомъ.

На нашихъ танцовальныхъ вечерахъ первую кадриль и мазурку, эти альфы и омеги танцевъ, я всегда танцовалъ съ Вѣрочкой. Взаимность наша была замѣчена всѣми и дала поводъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разнымъ предположеніямъ на нашъ счетъ. Мы же, оба молодые, счастливые своей любовью, блаженствовали, не обращая вниманія ни на міръ, насъ окружающій, ни на пустые толки праздныхъ людей. Слово «люблю» давно было произнесено между нами, и мы, продолжая называть другъ друга братомъ и сестрой, очень хорошо понимали, что узы, насъ связывающія, были не родственныя.

Такъ мы блаженствовали, какъ вдругъ и неожиданно послѣдовалъ ударъ грома, отъ котораго собранія наши распались... Въ нашемъ полку былъ поручикъ Н. П. Колюбакинъ, молодой человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, обширнымъ умомъ, но горячаго, вспыльчиваго характера и неблагоразумнаго въ минуты своей «вспышки». Онъ служилъ въ лейбъ-уланахъ, но за дуэль, которой, впрочемъ, не допустили совершиться, изъ гвардіи былъ переведенъ въ нашъ полкъ тѣмъ же чиномъ. Этотъ-то Колюбакинъ и произвелъ громъ, разрушившій наши танцовальныя собранія.

Въ бытность свою въ Москвѣ, Колюбакинъ въ театрѣ за что-то повздорилъ съ гвардіи конно-артиллеристомъ-ремонтеромъ Ватковскимъ. Условились о мѣстѣ свиданія, но плацъ-майоръ, присутствовавшій въ театрѣ, развелъ «нашихъ пѣтуховъ». Оба они, арестованные, были разведены по своимъ полкамъ. Вслѣдствіе этой исторіи Колюбакинъ содержался на нашей гауптвахтѣ въ Коломнѣ подъ арестомъ.

Жена Крюкова, о которомъ я говорилъ прежде, была женщина разбитная. Проѣзжая мимо гауптвахты и видя Колюбакина, расхаживающаго по платформѣ, она приказала остановить свой экипажъ и рукой подозвала его къ себѣ.

Въ разговорѣ она, между прочимъ, сказала:

— Какъ жаль, что васъ сегодня не будетъ въ собраніи!

— Почему вы такъ думаете?

— Вы арестованы, вамъ нельзя!

— А вы желали бы видѣть меня въ собраніи?

— Да!

— Въ такомъ случаѣ я докажу вамъ, что для Колюбакина нѣтъ ничего невозможнаго. Я буду въ собраніи и заранѣе прошу васъ на мазурку.

Вмѣсто того, чтобы постараться отговорить Колюбакина отъ его столь безразсуднаго намѣренія, новая сирена съ очаровательной улыбкой, пожимая руку на прощанье, сказала:

— Съ удовольствіемъ. Смотрите же, не обманите. Я всѣмъ буду отказывать.

Этихъ такъ легко, такъ безразсудно сказанныхъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы погубить Колюбакина. Никто ничего не зналъ тогда объ этомъ разговорѣ: онъ происходилъ въ присутствіи единственнаго свидѣтеля—часового и на французскомъ языкѣ.

Насталъ вечеръ. Ничего не предчувствуя, мы весело танцуемъ. Передъ началомъ мазурки дверь въ залъ отворилась... вошелъ Колюбакинъ. Всѣ переполошились. Дамы, знавшія его горячій характеръ и предчувствуя «скандалъ», бросились разъѣзжаться, и первая Крюкова, виновница всего происшедшаго.

Полковой адъютантъ Бурковъ, при видѣ вошедшаго Колюбакина, отправился въ другую комнату, гдѣ игралъ въ карты полковой командиръ, и шепнулъ ему на ухо о случившемся. Евреиновъ, оставивъ игру и войдя въ залу, гдѣ офицеры тщетно упрашивали Колюбакина возвратиться на гауптвахту, остановился противъ него и строгимъ голосомъ спросилъ:

— Вы какъ сюда попали?

— Очень просто, полковникъ: пришелъ ногами и вошелъ въ дверь.

Полковникъ, въ свою очередь, тоже не послѣдній «горячка», взбѣшенный такимъ неуважительно-насмѣшливымъ отвѣтомъ, произнесеннымъ при томъ весьма хладнокровнымъ тономъ, потерялъ чувство самосознанія. Обратившись къ музыкантамъ, онъ закричалъ:

— Тг'убачи! Взять его!

Военная дисциплина въ то время соблюдалась очень строго и была развита до степени, не допускающей никакихъ разсужденій. Если бы полковой командиръ приказалъ изрубить офицера, и тогда солдаты ни на минуту не поколебались бы исполнить отданное приказаніе, несмотря на все его безразсудство.

Трубачи, окруживъ Колюбакина, взяли его за руки. Полковникъ, подойдя къ Колюбакину, сорвалъ съ него эполеты, говоря:

— Вы остг'амили мундиг'ъ пг'икосновеніемъ къ нему солдатскихъ г'укъ! Вы недостойны носить эполеты!

Колюбакинъ, мужчина высокаго роста и сильный, однимъ движеніемъ плечъ высвободился изъ рукъ трубачей и, прежде чѣмъ тѣ вновь успѣли схватить его, взялъ полковника за лацканы и, прижавъ къ стѣнѣ, задыхающимся отъ злобы голосомъ, проговорилъ:

— Мерзавецъ! Ты не стоишь того, чтобы я ударилъ тебя. Не хочу марать рукъ о такую гадину!

Вся эта прискорбная сцена происходила такъ быстро, такъ неожиданно, что всѣ окружающіе, ошеломленные ею, стояли какъ бы окаменѣлые, не двигаясь и не стараясь оказать помощи тому или другому, и молча смотрѣли на происходившее...

Полковникъ «подалъ рапортъ» по командѣ о случившемся.

Началось слѣдствіе. Колюбакинъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ при ордонансъ-гаузѣ наряжена надъ нимъ военно-судная комиссія. Всѣ мы были въ тревожномъ ожиданіи послѣдствій, которыя, во всякомъ случаѣ, должны были имѣть печальный исходъ. Въ такомъ настроеніи духа, конечно, намъ было не до вечернихъ собраній, и они прекратились. По тогдашней строгости, съ какою смотрѣли на всякое нарушеніе дисциплины, думали, что вина одного падетъ на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что большинство офицеровъ полка явно выказывали свое сочувствіе Колюбакину. Думали даже, что раскассируютъ весь полкъ. Но туча пронеслась мимо и разразилась въ слѣдующемъ году надъ корпуснымъ командиромъ, княземъ Хилковымъ. Державный юпитеръ удержалъ на этотъ разъ свои громы, чтобы тѣмъ сильнѣе направить ихъ на князя.

По тогдашнимъ порядкамъ, судъ надъ Колюбакинымъ былъ продолжителенъ. Находясь подъ арестомъ, Колюбакинъ написалъ письмо государю, въ которомъ, чистосердечно сознавая всю важность своей вины, умолялъ, какъ о милости, назначить его на Кавказъ, чтобы кровью смыть съ себя позоръ, нанесенный ему рукою полкового командира... Письмо это въ спискахъ ходило по рукамъ московской публики. По силѣ выраженій и прекрасному слогу, оно извлекало невольныя слезы... Наконецъ послѣдовала конфирмація: Колюбакинъ разжалованъ въ солдаты, но безъ лишенія дворянскаго достоинства, въ уваженіе заслугъ и ранъ отца его, генерала, тогда уже умершато, и назначенъ на Кавказъ, кажется, въ Кабардинскій полкъ, а полковникъ Евреиновъ за самовольный поступокъ—срываніе эполета, дарованнаго высочайшей властью, лишается полка и переводится въ Маріупольскій гусарскій полкъ, подъ команду младшаго. Помню, тогда говорили, что такое легкое наказаніе Евреинову послѣдовало вслѣдствіе ходатайства о немъ фельдмаршала князя Паскевича, которому онъ какъ-то приходился сродни. Евреиновъ вышелъ въ отставку, а Колюбакинъ на Кавказѣ дослужился до чина генералъ-лейтенанта и умеръ въ 1868 году въ Москвѣ, въ званіи сенатора межевого департамента.

Такъ разыгралась драма, началомъ которой послужили пустыя слова пустой женщины...

XIV.

Полковникъ Я. Я. Воробьевъ. — Стоянка на «травѣ» въ Бронницкомъ уѣздѣ.— Юнкеръ Вараксинъ.— Новыя правила построенія полка.— Первыя книжки «Библіотеки для Чтенія».— Полковыя квартиры въ с. Хорошевѣ.— Общій смотръ.— Полковой адъютантъ Альбертъ.—Князь Хилковъ.—Представленіе меня къ производству въ офицеры.— Свиданіе съ моимъ товарищемъ по университету М. Г. Никольскимъ.—Отъѣздъ брата въ Павловскъ.— Мой двоюродный дѣдъ И. Н. Рославлевъ.—Его дочь Е. И. Наумова.—Дворня Рославлева.—Шутъ Николка.

Къ намъ назначенъ былъ полковымъ командиромъ флигель-адъютантъ, полковникъ, свѣтлѣйшій князь А. К. Ливенъ, до прибытія котораго командовалъ старшій въ полку, полковникъ Я. Я. Воробьевъ.

Служба наша, между тѣмъ, шла обычнымъ порядкомъ. По окончаніи ученья всѣмъ полкомъ въ сборѣ, въ которомъ и я участвовалъ, но только на казенной лошади «Муромецъ»,—мой «Брильянтъ» не былъ еще вполнѣ объѣзженъ,—въ концѣ мая насъ распустили на «траву».

Эскадронные командиры заблаговременно разсылаютъ расторопныхъ и довѣренныхъ солдатъ пріискать и нанять сѣнокосные луга, съ правомъ квартировать въ тѣхъ селеніяхъ, коимъ тѣ луга принадлежатъ. По приходѣ въ такія селенія, тотчасъ же расковываютъ лошадей, прекращаютъ дачу овса, а довольствуютъ ихъ одной скошенной травой. Это-то и называется «стоять на травѣ». Отъ корма одной травой лошади поправляются въ тѣлѣ, но теряютъ силу.

Нашъ эскадронъ нанялъ луга Бронницкаго уѣзда, въ селеніи «Старая Деревня», принадлежащемъ г-жѣ Наумовой. Сама помѣщица, вдова, съ тремя взрослыми дочерьми, довольно красивыми наружностью (въ особенности средняя), жила въ имѣніи. Мы нашли у нея радушный пріемъ и весело проводили время. Юнкеръ нашего эскадрона, Вараксинъ, поступившій въ нашъ полкъ изъ пажескаго корпуса, влюбился въ старшую дочь Наумовой и сдѣлалъ предложеніе. Мать приняла, и нашъ Вараксинъ катался, какъ «сыръ въ маслѣ», только что не ночуетъ у своей невѣсты. Въ колясkѣ будущей тещи, запряженной четверней лошадей, пріѣзжаетъ на ученье и т. п.

Съ уходомъ нашимъ изъ имѣнія и свадьба разстроилась. Причины тому — не знаю. Можетъ быть, родители Вараксина не дали на то своего согласія, или самъ женихъ разочаровался въ своей невѣстѣ.

Во время стоянки на «травѣ» получены были правила новыхъ построеній полка, называемыхъ: первый, второй и третій боевые порядки, и фланкерскаго ученья, при чемъ вся команда вообще

на словахъ замѣнялась «сигналами» на трубахъ. Разскажу оригинальный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый дѣйствительный случай изученія солдатами сигналовъ. На каждый сигналъ отдѣльно были подобраны слова, иногда въ риѳму, на складъ пѣсни. При утренней и вечерней уборкахъ лошадей, когда всѣ люди бываютъ въ сборѣ, трубачъ игралъ «сигналы»; всѣ словами соотвѣтствующей пѣсни хоромъ повторяли за звукомъ трубы.

Такимъ образомъ, солдаты прекрасно заучивали значеніе всѣхъ сигналовъ, и часто случалось, что на ученьяхъ подсказывали своимъ офицерамъ, что какой сигналъ означаетъ.

Въ то же время мнѣ доставлены были первыя пять книжекъ только что начавшагося тогда извѣстнаго журнала «Библіотека для Чтенія», на который я подписался въ бытность мою, въ послѣдній разъ, въ Москвѣ, у книгопродавца А. С. Ширяева. Съ жадностью я бросился на чтеніе книжекъ: мнѣ уже стала надоѣдать пустая, бездѣятельная для ума жизнь, которую я велъ дотолѣ. Въ то время «Библіотека для Чтенія» была единственный журналъ, по обилію и достоинству своихъ статей, обращавшій на себя вниманіе человѣка, мало-мальски получившаго образованіе и развитаго.

Такимъ образомъ, я получилъ возможность коротать свое однообразное время: службой, чтеніемъ и воспоминаніями «о Богомъ мнѣ данной сестрѣ», Вѣрочкѣ, которая, казалось, крѣпко засѣла въ моемъ сердцѣ. Тогда разлука дѣйствовала на меня въ обратномъ порядкѣ, т.-е. не ослабляла, а, напротивъ, усиливала во мнѣ память объ обожаемомъ предметѣ.

Прошло шесть недѣль—терминъ, опредѣленный для продовольствія лошадей травой.

Какъ кочующіе цыганы, мы сложили свои пожитки и въ половинѣ іюля выступили въ Москву, на общіе маневры всего корпуса. Шли обыкновеннымъ порядкомъ, какъ я уже описалъ, при переходѣ нашего полка въ Коломну.

Москвой мы не шли, а, подойдя къ ней, по Рязанской дорогѣ, къ Рогожской заставѣ, повернули налѣво и вышли на Смоленскій трактъ. Квартиры намъ были назначены въ селеніи «Хорошево», верстъ двѣнадцать отъ Москвы, а полемъ нашего военнаго поприща—извѣстная «Ходынка»,—большая ровная мѣстность, начинавшаяся отъ Тверской и Дорогомиловской заставъ и оканчивающаяся «Хорошевскимъ» лѣсомъ. Съ одной стороны окаймляла ее лента шоссейной дороги, ведущей къ Петербургу, съ противоположной — большой Смоленскій трактъ. Теперь «Ходынка» значительно сузилась по направленію отъ Москвы загородными всякаго рода постройками.

Нѣсколько дней спустя по нашемъ приходѣ, назначенъ былъ общій смотръ и церемоніальный маршъ всему корпусу. Въ то

время личный составъ нашихъ начальниковъ измѣнился: дивизіей командовалъ генералъ-лейтенантъ Олферьевъ, бригадой—генералъ-майоръ Щуцкій.

Послѣ смотра, нѣсколько дней спустя, для насъ начались учеиья отдѣльно отъ пѣхоты. Собственно маневровъ, по крайней мѣрѣ, для кавалеріи не было.

Въ началѣ августа, по окончаніи одного изъ ученій цѣлой дивизіей, на которомъ присутствовалъ и корпусный командиръ, когда полки были уже распущены, и я съ эскадрономъ возвращался домой, нашъ полковой адъютантъ, И. И. Альбертъ, поступившій къ намъ изъ конныхъ егерей и заступившій мѣсто Буркова, вышедшаго въ отставку, подскакалъ къ нашему эскадронному и, завидя меня, сказалъ:

— Мамаевъ! Тебя требуетъ къ себѣ корпусный командиръ. Слѣдуй за мной!

И съ этимъ вмѣстѣ, повернувъ свою лошадь, поскакалъ назадъ.

Ему легко было сказать «слѣдуй за мной», но мнѣ трудно было выполнить. Извѣстно, что лошадь, привыкшая къ фронту, неохотно отдѣляется отъ прочихъ своихъ товарокъ. Сила привычки къ строю такъ велика, что случалось: если лошадь собьетъ съ себя всадника, то непремѣнно сама собой станетъ въ свой рядъ.

Послѣ многихъ усилій я совладѣлъ съ своимъ конемъ. Отдѣливъ его отъ эскадрона, я «далъ шпоры» и стремглавъ погнался за Альбертомъ. Замѣтивъ, что я отсталъ, Альбертъ придержалъ свою лошадь, и мы вмѣстѣ подъѣхали къ князю Хилкову. Тутъ я въ въ первый разъ на такомъ близкомъ разстояніи могъ разсмотрѣть черты лица этого истинно благороднаго и честнаго человѣка.

Между тѣмъ, лошадь моя, видя, что эскадронъ отдѣляется все болѣе и болѣе, несмотря на всѣ мои старанія, безпрестанно вертѣлась на мѣстѣ.

Князь своимъ густымъ, нѣсколько басистымъ голосомъ сказалъ мнѣ:

— Ай, да, молодецъ! Стоять, такъ стоять, а скакать, такъ скакать! Вотъ я тебѣ дамъ! Пошелъ въ свое мѣсто!

Повернувъ свою лошадь налѣво кругомъ, я далъ ей полную волю догонять свой эскадронъ. Между тѣмъ, самъ все время думалъ: зачѣмъ меня требовалъ князь? Неужели только для того, чтобы сказать то, что я слышалъ? Не можетъ быть! Тутъ кроется что-то другое. Неужели въ эту минуту рѣшается моя служебная карьера? Съ такими мыслями я догналъ эскадронъ. Офицеры, съ Кондратенкомъ во главѣ, окружили меня съ вопросами, что случилось, зачѣмъ меня требовалъ князь.

Я имъ передалъ, что происходило.

Послѣдствія показали, что я не ошибся въ своемъ предположеніи. При первомъ свиданіи съ Альбертомъ онъ объяснилъ мнѣ,

о чемъ я только догадывался. Когда кончилось то памятное для меня ученье, князь Хилковъ, подозвавъ къ себѣ командующаго нашимъ полкомъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ за то отличное состояніе, въ которомъ онъ постоянно видитъ полкъ; любовь эта шла съ давняго времени, когда полкъ былъ еще въ составѣ 1-й уланской дивизіи, и Хилковъ, командуя ею, дѣлалъ съ ней Польскій походъ 1830—1831 годовъ.

Воробьевъ, воспользовавшись такимъ добрымъ расположеніемъ князя Хилкова, сказалъ ему:

— Ваше сіятельство! По случаю того, что полкъ заслужилъ вашу лестную похвалу, осчастливьте вашимъ вниманіемъ одного изъ юнкеровъ. Онъ имѣетъ университетскій аттестатъ; ему кончился шестимѣсячный срокъ. Удостойте его къ представленію производства въ офицеры.

— А знаетъ онъ службу?

— Онъ постоянно участвовалъ во всѣхъ смотрахъ и ученьяхъ, которыми ваше сіятельство оставались довольны. И въ настоящемъ ученьѣ онъ былъ въ строю.

— Позвать его ко мнѣ.

Что дальше происходило, я уже разсказалъ.

Когда я вернулся къ своему эскадрону, князь Хилковъ, обратившись къ Воробьеву, спросилъ:

— Вѣрно, подъ юнкеромъ казенная лошадь?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Я такъ и думалъ, онъ не виноватъ, что лошадь не стояла спокойно на мѣстѣ. По опыту знаю, какъ трудно удержать фронтовую лошадь: она видитъ, что прочія удаляются. Представьте!

И съ этими словами, раскланявшись со всѣми, уѣхалъ.

По правиламъ, прежде представленія моего въ корнеты, мнѣ слѣдовало сдѣлать испытанія въ верховой ѣздѣ и знаніи службы, на каждой изъ ступеней военно-іерархической лѣстницы, начиная командиромъ полка и кончая начальникомъ дивизіи.

Но я нѣсколько опередилъ событія, возвращаюсь назадъ.

Недѣли за двѣ до этого навѣстилъ меня товарищъ по университету и другъ М. Г. Никольскій. Окончивъ вмѣстѣ со мной курсъ наукъ, но по «восточной словесности», онъ получилъ назначеніе въ Астрахань состоять переводчикомъ при тамошнемъ губернскомъ правленіи и, отправляясь къ мѣсту своего служенія, чтобы видѣться со мной, избралъ изъ Казани въ Астрахань кратчайшій путь—«черезъ Москву»! Знающіе географію, конечно, подивятся такому «кратчайшему пути», но испытавшіе наслажденія истинной дружбы легко поймутъ причину такого длиннаго объѣзда...

Старикъ Никольскій состоялъ профессоромъ математики при Казанскомъ университетѣ и отличался своей оригинальностью и откровенностью, доходившей до цинизма.

Молодой Никольскій былъ единственный сынъ отца, но не имѣлъ въ себѣ ничего «оригинальнаго», напротивъ, былъ прекрасный молодой человѣкъ съ хорошими познаніями, которыя онъ обогащалъ и по выходѣ изъ университета, постоянно занимаясь изученіемъ наукъ.

Съ нимъ я былъ очень друженъ; вмѣстѣ дѣлили радость и горе; у насъ другъ для друга не было ничего завѣтнаго. Сознаюсь, что я часто злоупотреблялъ его дружбой и позволялъ себѣ выходки противъ него, не всегда благородныя. Такъ, напримѣръ, я выдумалъ и пустилъ слухъ, что, когда онъ разъ пришелъ къ отцу, то послѣдній сказалъ ему:

— Маркелъ! Ты сегодня именинникъ! На тебѣ пятакъ! Цѣлуй руку!

Другой могъ бы обидѣться, но Никольскій нисколько не сердился на мою глупую выходку и первый больше всѣхъ ей смѣялся. Такъ онъ много любилъ меня.

Никольскій часто во время каникулъ гостилъ въ нашемъ имѣніи. Я, кажется, говорилъ уже, что Соловцово было окружено татарскими селеніями, и путь сообщеній ихъ лежалъ черезъ наше село, мимо церкви.

Зная хорошо татарскій языкъ, Никольскій часто устраивалъ сюрпризы проѣзжающимъ татарамъ, вначалѣ сильно ихъ поражавшіе своимъ таинственнымъ происхожденіемъ, пока они не узнали, въ чемъ дѣло.

Завидя издали ѣдущаго татарина, Никольскій бѣгомъ отправлялся на колокольню церкви и выжидалъ время, когда тотъ съ нимъ поровняется. Улучивъ такую минуту, онъ, спрятавшись за прорѣзъ колокольни, звучнымъ голосомъ, на распѣвъ, въ совершенствѣ подражая манерѣ муэззина, громко произносилъ обычную молитву, призывающую «правовѣрныхъ» въ мечеть. Татаринъ, заслышавъ знакомые ему звуки, останавливался, въ недоумѣніи озирался по сторонамъ, снималъ шапку, смотрѣлъ по верхамъ, дивился: откуда слышится ему голосъ? не съ неба ли? не самъ ли Магометъ призываетъ его къ молитвѣ? Въ его бритой башкѣ никакъ не могла совмѣститься мысль, что изъ христіанскаго храма могла раздаться татарская молитва!.. Такъ продолжалось довольно долго, но разъ Никольскій своей неосторожностью выдалъ себя. Желая видѣть, какой эффектъ онъ производитъ своей мистификаціей, онъ неосторожно выглянулъ въ прорѣзъ колокольни. Въ это самое время татаринъ, все еще стоявшій на одномъ мѣстѣ, какъ разъ взглянулъ на колокольню. Увидавъ Никольскаго, онъ сразу понялъ, откуда лились на него небесные звуки, и первый расхохотался надъ своимъ прежнимъ удивленіемъ. Никольскій, шатаясь по окрестностямъ съ ружьемъ, любилъ вступать въ разговоры съ татарами на ихъ языкѣ, отчего онъ многимъ былъ извѣстенъ

лично. Случилось такъ, что проѣзжающій татаринъ былъ одинъ изъ знавшихъ его. Съ того времени весь эффектъ выходокъ Никольскаго былъ потерянъ. Татаринъ, примѣтившій его, вѣроятно, разсказалъ прочимъ о своемъ открытіи «тайнаго голоса»; и впослѣдствіи, когда случалось проѣзжать татарамъ, а Никольскому—возобновлять свои попытки ихъ дурачить, они смѣялись, говоря своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— И-и, бачка! Больша не надуваешь! Знай, знай! Таперъ мой все зналъ!

Этого случая достаточно, чтобы обрисовать его веселый характеръ.

Никольскій привезъ намъ письмо «отъ своихъ» и дополнилъ его «живыми» разсказами. Съ нимъ вспомнили наше недавнее прошлое. Онъ много смѣялся надъ моимъ мундиромъ изъ толстаго солдатскаго сукна, но уважилъ причины, побудившія меня промѣнять мою штатскую карьеру на военную. Пробывъ у насъ нѣсколько дней, онъ отправился въ Астрахань.

Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ братъ въ городъ Павловскъ, назначенный въ образцовый кавалерійскій полкъ; и я остался одинъ вести свое несложное хозяйство.

Вскорѣ по отъѣздѣ брата, на одномъ изъ полковыхъ ученій, подъѣхалъ ко мнѣ нашъ майоръ Гропеско и сказалъ, что надняхъ въ Москвѣ онъ видѣлся съ моимъ двоюроднымъ дѣдомъ, по матери, И. Н. Рославлевымъ, который желаетъ меня видѣть, при чемъ сообщилъ мнѣ адресъ, гдѣ его найти.

Въ первое же за тѣмъ воскресенье я отправился въ Москву, разумѣется, съ дозволенія Кондратенка и доѣхалъ въ телѣгѣ до Прѣсненскаго моста, далѣе ѣхать побоялся, юнкерамъ строго было запрещено ѣздить въ экипажахъ. Отъ Прѣсненскаго моста, Кудринымъ, я вышелъ на большую Никитскую улицу и противъ церкви Никиты мученика, въ которой вѣнчалась бабка моя, С. А. Мельгунова, повернулъ въ Скатертный переулокъ и на углу перваго перекрестка нашелъ домъ дѣда. Кто знаетъ Москву, тотъ пойметъ, какое громадное разстояніе прошелъ я пѣшкомъ, подъ палящимъ іюльскимъ солнцемъ, въ одеждѣ изъ солдатскаго сукна и въ полной амуниціи...

Въ домѣ дѣда встрѣтили меня двѣ дамы: одна—пожилыхъ лѣтъ, другая—молодая, красивая брюнетка, слегка набѣленная и подрумяненная. Старшая была побочная дочь дѣда, вдова Наумова, и слѣдовательно моя «побочная тетка», вторая—моя бабушка, да—бабушка, несмотря на то, что она была немногимъ старше меня!..

Дѣдъ мой опередилъ свой вѣкъ; онъ въ жизни своей вступалъ нѣсколько разъ въ «гражданскіе браки», о которыхъ такъ много толкуютъ нынѣ. Во время нашихъ разговоровъ пріѣхалъ и мой дѣдъ. То былъ мужчина довольно полный, высокаго роста,

съ русыми волосами, но безъ сѣдины, несмотря на свои 70 лѣтъ,— съ лысиной, усами и съ этими чудными глазами, наслѣдственными въ родѣ Рославлевыхъ. Глаза эти тотчасъ же напомнили мнѣ мою родную бабку, С. А. Мельгунову, доводившуюся И. Н. Рославлеву двоюродной сестрой.

Дѣдъ началъ выговоромъ, что я ранѣе не навѣстилъ его; я оправдывался недосугомъ за ученіями и службой и лгалъ немилосердно. Мнѣ не хотѣлось признаться, что дотолѣ я и не зналъ о его существованіи. На самомъ дѣлѣ, не знаю почему, но ни отецъ, ни мать, никогда не говорили, что есть у насъ родственникъ, живущій въ Москвѣ, хотя не существовало къ тому ни семейной вражды, никакихъ другихъ препятствій.

Дѣдъ мой, Иванъ Николаевичъ Рославлевъ, былъ человѣкъ замѣчательный, въ свое время, по своей разгульной жизни и тѣмъ «шалостямъ», которыя онъ дѣлалъ. Имѣя большое состояніе, онъ началъ службу при Екатеринѣ II въ одномъ изъ гвардейскихъ конныхъ полковъ; дѣлалъ турецкую кампанію съ знаменитымъ княземъ Потемкинымъ, при которомъ состоялъ, какъ тогда называлось, флигель-адъютантомъ. Подъ Кинбурномъ, когда Суворовъ, какъ извѣстно, замѣтивъ слабость гарнизона непріятельской крѣпости и не дождавшись разрѣшенія Потемкина, бросился съ своимъ отрядомъ на штурмъ и взялъ крѣпость,—Потемкинъ послалъ дѣда поздравить Суворова съ побѣдой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, арестовать его за самовольное нападеніе на непріятеля. Дѣдъ засталъ Суворова въ палаткѣ, когда ему перевязывали на ногѣ рану, полученную во время этого приступа, и передалъ приказаніе главнокомандующаго. Дѣдъ мой очень гордился тѣмъ, что удостоился принять изъ рукъ героя шпагу его, повитую лаврами столькихъ славныхъ, изумительныхъ побѣдъ.

Дѣдъ близко зналъ своеобразную жизнь Суворова; много разсказывалъ о его разныхъ оригинальныхъ выходкахъ, но постоянно отвергалъ распространившійся слухъ, будто Суворовъ по утрамъ, на зарѣ, кричалъ пѣтухомъ и тѣмъ будилъ лагерь.

По окончаніи войны съ Турціей, дѣдъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Молодой, красивый, образованный (по тогдашнему времени), съ большимъ независимымъ состояніемъ, онъ, при легкости тогдашнихъ нравовъ, не замедлилъ сдѣлаться любимцемъ и баловнемъ великосвѣтскихъ женщинъ... Дѣдъ былъ корифеемъ моды: ничто ему не сопротивлялось. Такая легкость побѣдъ въ свѣтѣ окончательно испортила его отъ природы страстную натуру... Тогда между московской молодежью много было шалуновъ и кутилъ; между ними особенно выдѣлялись Архаровъ и Измайловъ,—съ большимъ состояніемъ. Дѣдъ сошелся, подружился съ ними, и начались попойки и разнаго рода «развлеченія». При

разсказахъ дѣда о жизни, которую они вели тогда: какъ они по цѣлымъ недѣлямъ бывали «безъ просыпа» пьяны, — волосы отъ ужаса подымались дыбомъ. Скоро все значительное состояніе дѣда ушло на удовлетвореніе прихотей,—онъ поприздумался, но неожиданное богатое наслѣдство послѣ дальняго родственника дало ему вновь возможность продолжать прежнюю жизнь. Онъ промоталъ и его. Наконецъ, получивъ третье наслѣдство и такъ же неожиданно, какъ и второе, дѣдъ остановился на немъ и зажилъ расчетливо. Въ числѣ послѣдне-полученнаго имъ наслѣдства было знаменитое село Никитское, на старой большой Московской дорогѣ въ Коломну.

Привыкнувъ къ легкимъ побѣдамъ надъ женщинами высшаго круга, дѣдъ встрѣтилъ энергическій отпоръ своимъ стремленіямъ— и въ комъ же?—въ молодой вдовѣ священника своего имѣнія, села Никитскаго. Несмотря ни на какія ухищренія и соблазны, попадья не поддавалась его желаніямъ. Извѣстно, что ничто такъ не раздражаетъ мужчину, въ особенности баловней счастья, привыкшихъ къ удачамъ во всемъ, какъ встрѣченное серьезное сопротивленіе. Молодая, красивая попадья не на шутку заняла собой дѣда, и онъ рѣшился на важный шагъ: женился на ней. Но скоро прискучила ему семейная жизнь. Онъ никогда не любилъ своей жены, и чувство оскорбленнаго самолюбія принялъ за привязанность къ ней, и потому, добившись своего желанія, онъ, какъ и всѣ люди его закала, охладѣлъ къ предмету своей страсти. Проживя съ молодой женой не болѣе трехъ мѣсяцевъ, отпустилъ ее къ роднымъ, производя до самой ея смерти ежегодно пенсію.

Такимъ образомъ, дѣдъ мой, во всю свою жизнь былъ одинъ только разъ въ законномъ бракѣ, всѣ прочіе, а ихъ было немало, были «гражданскіе». И въ настоящее время у него жила, какъ я говорилъ, моя «бабушка», лѣтъ 24-хъ. Говоря о своей законной женѣ, дѣдъ всегда прибавлялъ, что онъ состоитъ въ родствѣ съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, которому жена его доводилась двоюродной сестрой.

Вся «тройка», какъ дѣдъ называлъ себя, Архарова и Измайлова, дорого поплатилась за свою всѣми возможными излишествами преисполненную жизнь. Архаровъ не выдержалъ: послѣ мучительной операціи сошелъ съ ума и отправился ad patres; у Измайлова, жившаго еще въ то время въ своемъ рязанскомъ имѣніи, селѣ Дѣдновѣ, распалась связь въ костяхъ, и онѣ болтались въ его высохшемъ тѣлѣ, какъ въ мѣшкѣ. Онъ не могъ двигать ни однимъ членомъ и остатокъ своей жизни проводилъ, или лежа въ постели, или сидя въ креслѣ, и то съ помощью другихъ.

Счастливѣе ихъ всѣхъ отдѣлался мой дѣдъ, благодаря своей крѣпкой натурѣ. Всѣ слѣды его безпорядочной жизни проявлялись ранами на ногахъ, да и тѣ служили для него спасеніемъ, въ родѣ

фонтанелей; онъ поддерживалъ ихъ перевязками и мазями каждое утро. Доктора объявили ему, что съ закрытіемъ ранъ прекратится его существованіе. Вслѣдствіе этихъ ранъ и перевязокъ дѣдъ на ходу волочилъ ногами. Несмотря на строгій запретъ докторовъ— не дозволять себѣ ни въ чемъ никакихъ «излишествъ» и вести правильную жизнь, дѣдъ не выдерживалъ: время отъ времени, вспоминая старинку, предавался неумѣренному «веселью и оргіямъ».

Все счастливо сходило ему съ рукъ, но въ 1841 году пришелъ роковой для него день. Узнавъ, что къ знаменитому тогда содержателю цыганъ, Илюшкѣ, прибылъ новый таборъ, въ которомъ находится много молодыхъ и красивыхъ цыганокъ, дѣдъ поѣхалъ ихъ смотрѣть и слушать. Несмотря на просьбы и слезы «моей молодой бабушки», ни на настоянія моего брата, бывшаго тогда въ Москвѣ, дѣдъ покатилъ «на Патріаршіе пруды»—этотъ московскій притонъ всѣхъ цыганъ, пригласилъ съ собой и брата, обѣщая ему воздерживаться отъ всякихъ излишествъ и довольствоваться только услажденіемъ слуха, то-есть пѣснями: но когда окружили его цыганки и съ приговорами: «хорошій ты нашъ, щедрый ты нашъ», и начали къ нему ласкаться,—дѣдъ не выдержалъ. Вся прежняя удалая жизнь пришла ему на память, и закипѣла оргія. Шампанское полилось, ассигнаціи полетѣли изъ его кармана, и дѣдъ самъ, притопывая и прищелкивая, съ крикомъ: гай! гай! предался вполнѣ, со всѣмъ пыломъ юности, бѣшеному разгулу; въ брата, старавшагося остановить его, пустилъ бутылкой, словомъ, несмотря на свои 77 лѣтъ, дошелъ до полнаго безобразія. На разсвѣтѣ дѣда привезли домой въ безчувственномъ состояніи и уложили въ постель.

Проснувшись, дѣдъ увидѣлъ, что раны на ногахъ закрылись. Призваны были доктора, но всѣ усилія ихъ помочь ему оказались напрасными. На третій день у дѣда лопнулъ мочевой пузырь, и онъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ...

Таковъ былъ мой двоюродный дѣдъ до самой своей смерти...

Знаменитая «тройка» позволяла себѣ поступки, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, часто нарушавшіе благочиніе и порядокъ общества. Такъ, напримѣръ, катаясь по городу, съ своими неизмѣнными товарищами, дѣдъ замѣтилъ, что въ окно совершенно незнакомаго ему дома глядѣла на нихъ дѣвушка красивой наружности. Дѣдъ тотчасъ же вызвался поцѣловать ее. На изъявленное въ томъ сомнѣніе дѣдъ отвѣчалъ тѣмъ, что приказалъ кучеру повернуть назадъ, остановиться у замѣченнаго имъ дома. Вся ватага вошла въ него, и дѣдъ, несмотря на сопротивленіе и крикъ дѣвушки, поцѣловалъ ее. Ни отецъ, именитый гражданинъ, ни мать оскорбленной дѣвушки ничего не могли сдѣлать, потому что всѣ подобныя продѣлки, также и всѣ столкновенія съ полиціей и шум-

ныя выходки, прикрывались могучимъ покровительствомъ и защитой родной сестры дѣда, Анны Николаевны Рославлевой, бывшей любимой фрейлины императрицы Маріи Ѳеодоровны. Сестра его имѣла «большую силу» при дворѣ и часто великаго князя Константина Павловича бивала по рукамъ, когда тотъ давалъ имъ «слишкомъ большую волю».

Дѣдъ часто говаривалъ, что нынѣшняя молодежь—какіе-то «выродки»; нѣтъ въ нихъ ни прежней удали, ни отваги, и что, смотря на насъ, жиденькихъ и слабыхъ тѣломъ, заболѣвающихъ отъ излишне выпитой рюмки вина, можно перешибить насъ «соплей». Въ разговорахъ часто употреблялъ придуманную имъ пословицу: «Эхъ, братъ, кабы—да не кабы, я бы Ивана Великаго [1]) въ карманъ спряталъ».

Этотъ-то дѣдъ принялъ и обласкалъ меня по-родственному, какъ умѣли только принимать въ старые годы. Я, по возможности, навѣщалъ его, любилъ слушать его разсказы про былыя времена, въ особенности вѣкъ Екатерины.

Дѣдъ близко зналъ сильныхъ тогда вельможъ, графовъ Орловыхъ, Потемкина, Зубова, Левашева и другихъ любимцевъ двора, великаго Суворова. Говорилъ кратко, но въ сильныхъ выраженіяхъ и зналъ много случаевъ изъ ихъ частной жизни, какъ очевидецъ и современникъ, и самъ, по связямъ своимъ, былъ въ близкихъ съ ними отношеніяхъ. Сожалѣю очень, что не записывалъ тогда его разсказовъ. Вышла бы живая любопытная біографія всѣхъ этихъ лицъ, которую нельзя бы найти въ печати...

Въ своей домашней жизни дѣдъ вполнѣ сохранялъ традицію, порядокъ, заведенный нашими прадѣдами; имѣлъ огромную, совершенно ненужную дворню, эту толпу тунеядцевъ, ничего не дѣлающую, но составлявшую необходимую принадлежность всякаго мало-мальски «порядочнаго» тогда дома.

Одни лакеи дѣда наполняли собой его весьма обширную прихожую дома и занимались больше игрой въ карты, «въ носки или горку». Кого, кого не было между ними? И камердинеры, и подкамердинеры, и буфетчики, и оффиціанты, и мальчики «на побѣгушкахъ», и неизмѣнный шутъ и т. п.

Мальчики «на побѣгушкахъ» одѣты были въ короткіе темнаго сукна казакины съ нашитыми на груди красными «патронами». Обязанность ихъ была посмѣнно и попарно стоять у притолоки дверей той комнаты, гдѣ находился дѣдъ, и на свистъ его подбѣгать за полученіемъ приказаній.

Шутъ назывался «Николка», хотя этому Николкѣ было за 30 лѣтъ, и онъ былъ умнѣе дѣда. Какъ часто подъ шутовскими его разсказами скрывалась злая иронія, и онъ въ глаза дѣду высказывалъ

[1]) Извѣстная колокольня въ Москвѣ.

горькія истины. Дѣдъ только смѣялся. Покусись кто другой изъ дворни на нѣчто подобное,—поплатился бы своей шкурой.

Во время обѣда, каждому изъ присутствующихъ, обыкновенно, прислуживало по два лакея. Непріятно, тяжело было видѣть ихъ глаза, устремленные вамъ прямо въ ротъ...

Въ домѣ дѣда моего началась драма моей жизни, едва не измѣнившая всей моей будущности...

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТЪ СВѢТА КЪ СВѢТУ.

I.

ВЪ ТОЙ САМОЙ минуты, какъ Вѣра Николаевна Шелонская вошла на паперть собора Рождественскаго монастыря, она почувствовала такое состояніе, точно уже жила здѣсь когда-то; ей все казалось родственно—и священникъ въ голубой ризѣ въ дверяхъ алтаря, и головка херувима, нарисованная надъ самымъ престоломъ въ красновато-сѣрыхъ облакахъ, съ которыми сливался кадильный дымъ, и монахини, то тамъ, то здѣсь быстро перебирающія въ лѣвой рукѣ черныя шерстяныя четки; даже свѣчной ящикъ, на который, ничего не поясняя, мужики клали, подходя, копейки, ей былъ какъ будто знакóмъ. Осторожно обвела она глазами церковь; двѣ, три монахини такъ же осторожно оглядѣли незнакомую, прекрасную собой барышню, которая, въ оцепенѣлой усталости послѣ ужасной дальней дороги, опустилась на колѣни. Неизвѣстность, что будетъ съ нею дальше, еще поддерживала въ ней какую-то тягостную бодрость духа, и мольба чудеснаго пѣнія, жалобнаго и тихаго, отрадой и нѣжностью пахнула на нее.

Теперь многое измѣнилось въ Рождественскомъ монастырѣ, но лѣтъ двадцать тому назадъ духъ всего его общества былъ еще суровъ, и въ церкви никто не посмѣлъ о чемъ либо разспросить Вѣру Николаевну. Даже та монахиня, которая по ея просьбѣ провела ее къ игуменьѣ, какъ ни томилась любопытствомъ, ничего, кромѣ смиренной серьезности, не проявила на своемъ лицѣ. Изъ

уваженія къ нарядному дорожному платью Вѣры Николаевны, ее провели подождать въ игуменскую залу, но и тамъ никто не подошелъ къ ней и не заговорилъ съ нею, хотя то и дѣло чья нибудь стройная фигура въ граціозномъ черномъ подрясникѣ съ намѣренной степенностью проходила по кельѣ. Вѣра Николаевна сидѣла въ задумчивости и тревогѣ; но окружающее насильно протѣснялось ей въ душу; ей не хотѣлось ни на что обращать вниманія, но она невольно замѣтила, что въ длинной залѣ съ выбѣленными стѣнами очень свѣтло; у одного изъ четырехъ оконъ стоятъ огромныя пяльцы съ прикрытой полотенцемъ работой, и большіе солидные столы передъ прямыми жесткими диванами. Изъ сосѣднихъ келій доносился запахъ жаренаго постнаго масла и кофе; вѣроятно, его подавали игуменьѣ, потому что Вѣру Николаевну долго къ ней не звали; она въ умѣ своемъ слагала разговоры съ нею; наконецъ, пожилая монахиня, экономка или старшая горничная, какъ она подумала, дѣланно пѣвучимъ и приторнымъ голосомъ позвала ее въ гостиную, и нѣсколько секундъ спустя, уже въ другой кельѣ, болѣе уютной и пріятной, она увидала старушку небольшого роста съ крючковатымъ носомъ и чрезвычайно маленькими проницательными глазами. Манеры ея были просты и не суетливы; съ перваго мгновенія видно было, какъ она привыкла къ власти. Вѣра Николаевна сейчасъ же увидѣла, что игуменья нисколько не удивилась ея просьбѣ принять ее въ монастырь— на долгомъ ея вѣку не одно молодое и такое же прелестное собою существо стучалось въ ея двери.

— Вы, что же, обладаете какими нибудь средствами?—спросила игуменья, когда, послѣ того какъ Вѣрѣ Николаевнѣ подали кофе, онѣ остались однѣ.

— Я привезла съ собою триста рублей; больше, пока, у меня ничего нѣтъ,—отвѣчала она дрожащимъ голосомъ. Голосъ Вѣры Николаевны былъ музыкаленъ и трогателенъ, совершенная противоположность головному, низкому голосу, которымъ говорила игуменья. Она замѣтила, что игуменья быстро оглядѣла ее съ головы до ногъ, и почувствовала, что послѣ этого осмотра она ей не совсѣмъ повѣрила.

— Вы, значитъ, идете къ намъ противъ воли родителей? Въ такомъ случаѣ...

— У меня нѣтъ родителей,—быстро сказала Вѣра Николаевна.

— Откуда же у васъ это желаніе? и тверды ли вы?

Черные глаза Вѣры Николаевны, точно въ подтвержденіе ея непреклонной рѣшимости, поднялись къ небу; она испугалась, какъ бы слезы не полились изъ нихъ слишкомъ явно и обильно; губы ея задрожали.

— Я пережила большое несчастіе,—сказала она такъ тихо, что игуменья не совсѣмъ ее разслышала:—у меня былъ женихъ—онъ

меня оставилъ. Если вы меня не примете, я все равно въ свѣтѣ не останусь.

Но, говоря это, ей вдругъ стало страшно, какъ бы игуменья не подумала о ней чего нибудь недостойнаго или ужаснаго, чего въ ея жизни быть не могло, и не оттолкнула бы ея за это; поэтому она остановилась. Впрочемъ, она была въ такомъ напряженномъ состояніи, что слова о ея горѣ казались уже и ей самой одними словами, и всего важнѣе было, примутъ ее или нѣтъ; и даже преобладающей была въ ней мысль въ эту минуту объ одномъ физическомъ отдыхѣ, лишь бы въ безопасномъ и приличномъ пріютѣ. Съ тупымъ вниманіемъ смотрѣла она на небольшія, полныя, красноватыя руки игуменьи, которыя, по старой модѣ, ударяли вмѣсто звонка въ ладоши, и на колеблющійся отъ этого движенія большой крестъ на груди.

— Во всякомъ случаѣ, я подумаю,—произнесла игуменья и, не оборачиваясь къ двери, сказала быстро появившейся и проговорившей: благословите! монахинѣ.

— Послать ко мнѣ мать Флавію!

— Слушаю-съ.

Въ гостиной на нѣкоторое время наступило молчаніе. Большіе образа въ серебряныхъ и фольговыхъ ризахъ, висѣвшіе въ углу, точно притягивали Вѣру Николаевну взглянуть на нихъ, но если бы она могла отвѣчать имъ, она бы сказала: «не до того мнѣ теперь!». Онѣ смотрѣли съ игуменьей другъ на друга. «Пригодишься ли ты намъ?»--какъ будто говорили зоркіе и строгіе глаза игуменьи, и нѣжно-глубокій взглядъ Вѣры Николаевны какъ будто тоже спрашивалъ: «будете ли вы сострадательны ко мнѣ? утѣшите ли вы меня? защитите ли отъ злого міра?»

Вошла монахиня средняго роста, среднихъ лѣтъ, съ румяными отвислыми щеками и съ вопросительно подобострастной робостью въ выраженіи лица, съ которымъ къ игуменьѣ Ювеналіи обращались почти всѣ. Прошептавъ молитву съ излишнимъ, какъ показалось Вѣрѣ Николаевнѣ, усердіемъ и помолившись на образа, она поклонилась игуменьѣ въ ноги и подошла къ рукѣ. «И я такъ буду?»—невольно промелькнуло въ головѣ Вѣры Николаевны.

— Что, въ Евлогіиныхъ кельяхъ прибрано?—спросила между тѣмъ игуменья.

— Да про барыню питерскую оногдась прибирали. Прибрано матушка.

— Такъ ты туда пока перейди... вотъ къ барышнѣ. И Агаѳью возьмите.

— Благословите...

Мать Флавія сказала это одно слово спокойно и покорно, но Вѣра Николаевна только впослѣдствіи поняла, чего ей стоило покинуть свою собственную, насиженную келью и перейти къ не-

знакомой чужой барышнѣ, которая, Богъ вѣсть, можетъ быть, начнетъ осуждать и высмѣивать ихъ порядки.

— Поживите, присмотритесь,—сказала игуменья, отпуская молодую дѣвушку и замѣтивъ мелькомъ, какъ зашуршало шелковой подкладкой ея платье.—Сразу я никого не беру; но принуждена сказать вамъ, что у насъ строго и не легко.

— Я на все готова!—проговорила Вѣра Николаевна съ порывистой благодарностью.

Мать Флавія оказалась гораздо словоохотливѣе, лишь только онѣ переступили каменный порогъ игуменскаго корпуса и вышли на монастырь.

— Тольки, тольки пострига у насъ не застали,—ласково и довѣрчиво говорила она:—вечоръ четвертыхъ постригалъ преосвященный... Оны таперь въ церкви, мои матушки.

Вѣру Николаевну, несмотря на разсѣянность отъ усталости, очень удивило, что въ теченіе пяти сутокъ монахини, которыхъ постригли, остаются въ церкви, что имъ и обѣдать туда приносятъ отъ игуменьи, и столъ накрываютъ, и что даже на ночь онѣ не снимаютъ ни тяжелаго ременнаго пояса, ни мантіи, ни высокой бархатной камилавки, и если задремлютъ немного, то только сидя на жесткихъ лавкахъ.

Между тѣмъ, онѣ пришли въ обширную и почти пустую высокую келью; въ глубинѣ, въ отворенномъ ея окнѣ былъ виденъ крестъ на церковномъ куполѣ и рѣшетчатое полукруглое и узкое окно алтаря; кругомъ церкви, въ безпорядкѣ среди деревьевъ, были разбросаны могилы; унылая строгость этого вида пришлась по душѣ Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Ну, что-жъ! Можетъ быть, я увижу, что еще можно жить!—сказала она себѣ, устало опускаясь у окна на волосяной стулъ; недѣли двѣ тому назадъ она признавалась самой себѣ, что жить никакимъ образомъ нельзя! Она рѣшила итти въ монастырь сгоряча, въ минуту смертельной душевной опасности, хотя въ то же время и боясь, и желая смерти; но, очутившись въ монастырѣ, она вдругъ почувствовала въ своей душѣ струны, которыя такъ неожиданно и согласно зазвучали въ отвѣтъ этой чуждой жизни. Мать Флавія и молодая Агаша безъ шума хлопотали около нея, разбирали ея хорошенькія вещи и приготовляли ей постель. Въ ихъ ласковой привѣтливости Вѣра Николаевна почувствовала, что была уже имъ безъ всякой причины дорога.

— Подумайте-ко-сь! Молоденькія такія, благородныя и спасаться надумали!—говорила мать Флавія, и Вѣра Николаевна разсказала имъ, стараясь не оскорбить ихъ невинныхъ понятій о житейскомъ, все свое горе. Оно ей казалось исключительнымъ, необычайнымъ. Молодое горе, даже сильное и искреннее, не лишено своего тщеславія, и, повинуясь ему, Вѣра Николаевна находила нѣкоторое

облегченіе въ откровенности съ совершенно чужими людьми. Потомъ она сейчасъ же пожалѣла, что говорила такъ откровенно, такъ искренно и легко. Особенно послѣ равнодушныхъ словъ матери Флавіи: «скажите какъ!» въ душѣ Вѣры Николаевны сдѣлалось тяжело въ родѣ того, какъ бываетъ тяжело въ растрепанной, неубранной комнатѣ, когда хочешь убрать ее и не знаешь, съ чего начать. Ей хотѣлось плакать, но слезъ уже не было—и жизнь монахинь, которыя суетились около нея и поили ее чаемъ, стала ей представляться, въ сравненіи съ ея собственной, легкой и безпечной.

— А знаете, мнѣ ваша игуменья понравилась!—сказала она задумчиво, нѣсколько времени спустя; она смутно чувствовала, что игуменья Ювеналія властна, строга, сознавая въ этомъ свое право и свою обязанность.

— У насъ матушка очень хороши!—съ восхищеніемъ проговорила мать Флавія, хотя Вѣра Николаевна не могла не вспомнить, съ какимъ она трусливымъ подобострастіемъ входила въ игуменскія кельи.

— И какъ имъ, желаннымъ, трудно! помоги-то имъ, Господи! Сколько насъ—такъ о кажной-то, кажной обдумай да попекись! Ужъ начальницы за всѣхъ и вся страдалицы, вседневныя мученицы!

Такъ она говорила съ удареніемъ на каждомъ слогѣ и почти всегда съ навернувшимися слезами.

— Зачѣмъ вы пошли въ монастырь?—спросила ее Вѣра Николаевна.

— А спасаться, матушка, дѣвство свое сохранить!

— Что же, вы спаслись?

— А не знаю!—отвѣчала мать Флавія на этотъ наивный вопросъ съ лукавой таинственной усмѣшкой, точно хотѣла сказать: «неужели не видишь, что—да?»

«Если бы меня такъ оставили съ ними жить, это бы хорошо!»—думала Вѣра Николаевна, нѣсколько дней спустя. Она, сама не замѣчая этого, привыкла и къ матери Флавіи, и къ Агашѣ. Агаша была еще молодая, покорная, всѣмъ довольная дѣвушка. Она любила садиться на скамеечкѣ у ногъ Вѣры Николаевны и не спѣша, не рисуясь, разсказывала ей разныя разности—о свѣтопреставленіи, о мытарствахъ Ѳеодоры, о томъ, какъ хороши у нихъ горячія просфоры, какъ всѣ боятся благочинной. Работа никогда не покидала ея рукъ. Она не была хороша собой, вся въ веснушкахъ, небольшого роста, нескладная, безъ бровей; но ровный рядъ прекрасныхъ зубовъ дѣлалъ пріятной ея улыбку, и въ очертаніяхъ рта было выраженіе кротости и терпѣливости, отличающихъ столько, именно русскихъ, женскихъ и простыхъ лицъ. Кажется, лучше наряда, чѣмъ черный сарафанъ, нельзя было для нея придумать. Она тоже говорила объ игуменьѣ всегда съ восхищенной робостью. Обѣ эти то-

варки Вѣры Николаевны жили между собой согласно и единодушно. Впрочемъ, наружная взаимная привѣтливость, выдержка, сострадательность другъ къ другу отличали монахинь Рождественскаго монастыря именно въ то время больше, чѣмъ когда нибудь; а внутреннихъ ихъ дрязгъ Вѣра Николаевна не видала и не замѣчала. Порядки были у нихъ очень строги, и общая боязнь, которую онѣ чувствовали къ игуменьѣ, связывала ихъ крѣпче дружбы. Вѣра Николаевна еще не подлежала ихъ порядкамъ, но весь строй монастыря привлекалъ ее съ каждымъ днемъ больше и больше — въ немъ была очень ясно выражена внутренняя душевная гармонія, по которой томятся, иногда и безсознательно, неиспорченныя натуры.

II.

Безъ особенныхъ перемѣнъ прошло недѣли двѣ, Вѣра Николаевна освоилась съ монастыремъ, понемногу познакомилась съ монашенками, начала привыкать къ ихъ длиннымъ церковнымъ службамъ, и нашла въ этой жизни много неожиданной душевной красоты. Горячность ея еще не вполнѣ обдуманнаго желанія поступить въ монастырь не только не ослабѣла, но все больше утверждалась, хотя, гдѣ бы она ни была, что бы ни наблюдала, странная и тягостная тревога не покидала ея никогда, и безсознательное страстное желаніе освободиться отъ этой тревоги постоянно ее терзало. Она чувствовала, что въ ея жизни произошелъ расколъ, что среди сердечныхъ своихъ страданій она внѣшнею жизнью живетъ за кого-то другого. Если бы порядки тамъ были еще суровѣе, трапезное кушанье еще проще и противнѣе ей, службы еще длиннѣе, ей бы все это приходилось еще больше по душѣ. Мы часто ищемъ страданій самыхъ тяжелыхъ, лишь бы не тѣ, которыя намъ посланы судьбою.

Въ то время, она думала, что для человѣка, твердо рѣшившагося покончить съ личнымъ эгоистическимъ счастіемъ любви, монашеская жизнь гораздо легче мірской.

Ей было тогда немного болѣе двадцати лѣтъ, лучшая пора для ея красоты. Темнокаштановые, длинные волосы ея только еще разрослись, и, несмотря на постоянную душевную тревогу, въ ея черныхъ глазахъ была постоянная ласка и грусть. Знатоки находили, что разстояніе отъ ея прямого носа до рта могло быть меньше, но ротъ ея былъ такъ малъ, такъ очаровательно въ немъ было выраженіе нѣжной безпомощности и такъ привлекательно дрожали отъ гордости и горя ея губы, что образъ ея насильственно втѣснялся въ самую нехудожественную душу. Добровольно покинуть такое созданіе, какъ сдѣлалъ ея женихъ, было слишкомъ странно, и только нѣкоторое время спустя, Вѣра Николаевна сама поняла, какъ много

было въ этомъ участія судьбы, и какъ мало зависѣло отъ людской воли.

Въ такомъ случаѣ, т. е. если любимый человѣкъ могъ ее такъ обидно, такъ низменно обмануть, свѣтъ потерялъ для нея всю силу. Чѣмъ больше она любила свои успѣхи въ обществѣ, роскошь, радости жизни, тѣмъ легче ей казалось отметнуть отъ себя все. Все или ничего было ея девизомъ, и мало-по-малу, проблески сознанія, которые всегда внезапны, подсказали ей, что истинный идеалъ жизни въ самоотверженіи ради Бога, думала она, забывая, что искала успокоенія для себя самой.

Ей очень хотѣлось въ первые дни послѣ своего пріѣзда взглянуть на новопостриженныхъ монахинь, и Агаша разъ вечеромъ провела ее къ нимъ на хоры.

Впрочемъ, Вѣра Николаевна увидала, что мірскія, разумѣется, женщины, родственницы и пріятельницы, приходили почти безпрепятственно; на ночь даже не затворяли церковныхъ дверей. Всѣ новопостриженныя монахини, съ полузавѣшенными чернымъ газомъ лицами, сидѣли на скамейкѣ противъ алтаря. «Вотъ эта у насъ больная ногами», шепнула про одну изъ нихъ Агаша, и Вѣра Николаевна слышала, какъ эта монахиня на участливый вопросъ Агаши о здоровьѣ отвѣчала ей: «Спаси, Господи! ты видишь, я веселешенька, спи себѣ безъ заботы, голубчикъ». Около нихъ молоденькая клирошанка звонкимъ голосомъ почти безпрерывно читала Ефрема Сирина, и это звонкое чтеніе, полное освѣщеніе церкви среди ночи и въ боковомъ окнѣ встрѣча двухъ зорь, еще никогда не виданная Вѣрой Николаевной,—все вмѣстѣ подѣйствовало на нее такъ сильно, что ей не хотѣлось уйти. Душа ея какъ будто освободилась отъ всѣхъ прежнихъ впечатлѣній и наполнялась новыми, настоящими, какъ она думала. Около часу ночи произошло небольшое движеніе, всѣ точно вздохнули, перемѣнили положеніе, подтянулись. Вошла игуменья въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ приближенныхъ и сама стала читать на солеѣ старческимъ, низкимъ голосомъ. Это всегда дѣлала игуменья Ювеналія для новопостриженныхъ, чтобы, какъ объяснили Вѣрѣ Николаевнѣ, имъ было повеселѣе. «Какое мнѣ дѣло до всего міра, когда здѣсь совершается совершенно другая тайна жизни!» думала она, чувствуя, что все то общество, въ которомъ она до сихъ поръ жила, ея дядя, двоюродные братья, ихъ жены, не поняли бы этого и потому уже чужды ей самой. Когда она уходила изъ церкви, въ окнѣ на хорахъ за неподвижными березами блестѣлъ блѣдный розовый разсвѣтъ.

Ей удалось присутствовать при обрядѣ еще трогательнѣе, чѣмъ это ночное общее моленіе — какъ провожали новопостриженныхъ по ихъ кельямъ, когда кончились пять сутокъ ихъ пребыванія въ церкви. Каждую монахиню вели ея воспріемныя матери, т. е. тѣ

старицы, которымъ ихъ поручали при постриженіи, со свѣчами и съ клирошанками. Выходили всѣ вмѣстѣ изъ церкви и потомъ съ пѣніемъ вели каждую въ «отчій домъ»; келья была убрана по-праздничному. Пока пѣли тропарь и «Достойно», новая монахиня съ земными поклонами молилась у образовъ, потомъ кланялась въ ноги, благодарила всѣхъ, и ее на нѣкоторое время оставляли одну отдохнуть.

Въ ту ночь, когда Вѣра Николаевна ходила въ церковь, она въ первый разъ увидала игуменскую воспитанницу Машеньку. Ей было лѣтъ восемнадцать, но по выраженію ея наивныхъ, широкоразставленныхъ и кроткихъ глазъ ей нельзя было дать ея лѣтъ. Вѣра Николаевна была очарована не красотой ея лица, но нѣжнымъ его вдохновеніемъ. Она дѣйствительно была «ангеловидна», какъ ее всѣ называли. Разговориться съ нею было бы не о чемъ, такъ односложны были ея ласковые и простые отвѣты; несмотря на монастырскую жизнь, Машенька, вѣроятно, не могла бы скрыть ни одного своего ощущенія и потому съ такимъ откровеннымъ состраданіемъ смотрѣла въ прекрасное лицо Вѣры Николаевны, особенно въ тѣ дни, когда замѣчала за обѣдней ея полузаглушенныя платкомъ рыданія. Мечта о состраданіи къ себѣ была преобладающей мечтой Вѣры Николаевны именно тогда; она его мгновенно чувствовала, но въ то же время сама не способна была сострадать кому нибудь другому. Пытливо глядя на всѣ окружающія ее лица, молодыя, старыя, тупыя, разумныя, Вѣра Николаевна часто спрашивала себя: что привело ихъ всѣхъ сюда? Обманутая любовь? разочарованіе въ самой жизни или тотъ порывъ душевнаго восторга, который и она способна была испытывать даже въ минуты горечи и уныній?

«Ахъ, если бы мнѣ такую же душу, какъ у Машеньки!»—думала она, бывало, особенно, когда на предложеніе зайти къ ней въ келью, принять отъ нея конфетъ Машенька говорила со своимъ нѣжно-простоватымъ убѣжденіемъ: «я не смѣю... мамочка мнѣ не приказали». Она называла игуменью мамочкой, какъ это часто водится между воспитанницами. Ей было всего шесть лѣтъ, когда по «собственному непреклонному желанію»,—какъ говорили монахини,—«Машенька возлюбила вольную нищету и вознамѣрилась послужить Царицѣ Небесной». Рвеніе ея было дѣйствительно исключительно для такого ребенка. Она, какъ вкопанная, простаивала всѣ длинныя службы и, когда выпросила себѣ повязочку и ряску, ходила даже къ утренямъ.

— Батюшка!—сказала она разъ, подкарауливъ о. Петра на церковной паперти.

— Что тебѣ, миленькая, что?

— Помолитесь обо мнѣ, грѣшной,—сказала эта крошечная дѣвочка,—чтобы въ утреню не спать мнѣ. Искушеніе ко мнѣ пристало, проснуться не могу...

III.

«Слава Богу, завтра посту конецъ!» подумала Вѣра Николаевна наканунѣ Петрова дня, открывая свое окно рано утромъ. Въ трапезу она еще не ходила ежедневно, а изрѣдка, и больше жила чаемъ и кофеемъ, или давала матери Флавіи денегъ на рыбу, чему радовались всѣ окружающія ее: не только своимъ, но и сосѣдямъ доставалось по кусочку. Вѣра Николаевна скоро замѣтила, что ѣда—ихъ лучшее удовольствіе, хотя онѣ и считали грѣхомъ и искушеніемъ услажденіе пищей. Зато какъ свято онѣ хранили постъ!

Про мать Флавію Агаша разсказала Вѣрѣ Николаевнѣ, что разъ въ святки привезли на продажу прекрасныхъ снитковъ; у воза столпилось до полсотни монахинь, и мать Флавія себѣ приторговала, но вдругъ замѣтила, что мороженные снитки лежали рядомъ съ мороженнымъ гусемъ, — и сейчасъ же высыпала ихъ обратно! И мать Флавія, и Агаша были очень бѣдны, перебивались кое-какъ, случалось даже, что когда не было чая, то пили звѣробой, поэтому Вѣра Николаевна «утѣшала» ихъ все чаще и чаще то тѣмъ, то другимъ, забывая, что портмонэ ея не неистощимо, а, напротивъ, становится легче съ каждымъ днемъ.

— Вотъ ужо, какъ останетеся совсѣмъ, то-то бы хорошо, прехорошо вмѣстѣ намъ жить!—говорила мать Флавія:—да нѣ... не бывать тому, посадятъ васъ къ старицѣ какой духовной... Охъ, матушка игуменья, страдалицы! о всѣхъ зобота у нихъ...

«Оставятъ ли только! А съ кѣмъ и какъ жить, не все ли равно! Отдаться на волю Божію»... такъ думала Вѣра Николаевна, облокотясь на окно и опустивъ голову на руки; только что заблаговѣстили къ утрени, и сіяющій день пробудился; распустившіеся тамъ и сямъ цвѣты шиповника казались ей при солнечномъ свѣтѣ улыбками; и вдругъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра Николаевна пріѣхала въ Рождественскій монастырь, она услышала, что поютъ птицы, точно онѣ вовсе не пѣли до сихъ поръ. «Я, кажется, очнусь, если навѣки здѣсь останусь!»—подумала она, какъ будто просыпаясь отъ тяжелаго сна и не понимая, какъ это она очутилась вдругъ одна, такъ далеко отъ всѣхъ друзей и родныхъ; но въ душѣ ея было безчувствіе... и все та же тревога, какъ бы обликъ того человѣка (покрывшаго себя въ ея глазахъ навѣки позоромъ, но мучительно плѣнительный) не сталъ передъ ея глазами, мѣшая дышать, мѣшая жить!

Когда въ свободное время послѣ полудня,—уже всѣ пообѣдали и разбрелись на послушанія, — Вѣра Николаевна пошла пройтись вдоль глубокой и узкой рѣчки, огибающей монастырь съ двухъ сторонъ, она почувствовала, какъ отрадно можетъ быть одиночество. Ни мать Флавія, ни Агаша ея не безпокоили ни уговорами, ни

разспросами, даже если она, раздумавшись надъ собою, принималась рыдать; но самое присутствіе ихъ тягостно ее увѣряло, что за ней наблюдаютъ. Когда она оставалась одна, въ ней пробуждалась внѣшняя воспріимчивость къ впечатлѣніямъ, и она такъ смотрѣла на окружающія ее плакучія березы, на клочекъ тины, который плылъ по синей водѣ, и на знойное сіяющее голубое небо, точно чувство природы открывало ей неизвѣстные раньше душевные законы.

Она закрыла глаза, прислонясь къ дереву,—и вотъ ей показалось, что съ восклицаніями бѣгаютъ дѣти, въ прекрасномъ столѣтнемъ и южномъ саду, вокругъ музыкантовъ... Чинный шорохъ чиновничьей и военной толпы поднимаетъ за собою пыль на главной аллеѣ, томится пѣвучая скрипка въ страстныхъ напѣвахъ, и мошки, точно въ тактъ, кружатся подъ музыку, и блестящія своими сквозными крылышками стрекозы носятся въ лучахъ заката, а небо голубыми пятнами смотритъ изъ-за прозрачныхъ листьевъ молодого ясеня... И блестящіе черные глаза того человѣка, и нѣжные, и ревнивые, его длинные бѣлые пальцы, его манеры надменно изящныя...

И неожиданно для себя, въ нѣмомъ трепетѣ и ужасѣ она замѣтила, что стоитъ на берегу на колѣняхъ, не чувствуя боли отъ жесткихъ, колючихъ корней березы; сомнѣніе передъ собственной душевной грозой перевѣшивало всѣ ея чувства. «О, неужели Ты не сжалишься!» проговорила она едва не вслухъ, и въ отвѣтъ на эту возмущенную мольбу она поняла съ рѣдкимъ прозрѣніемъ отягченныхъ ощущеній, что нужно «совлещись ветхаго человѣка», какъ она уже слышала отъ матери Флавіи и отъ другихъ. Въ эту минуту Вѣра Николаевна обратила вниманіе на медленную походку игуменской воспитанницы Машеньки и нѣсколько пришла въ себя; эта немудреная дѣвочка явилась ей, точно ангелъ хранитель. Въ манерахъ Машеньки была не то, что застѣнчивость, а постоянная тишина души, а между тѣмъ она никогда не бывала унылой, часто весела, всегда бодра.

— Вотъ, несла вамъ цвѣты къ завтрему,—сказала она, положивъ на колѣни Вѣры Николаевны розовыя герани:—да увидала, бѣлѣется здѣсь ваше платье; приколите ихъ завтра въ вашу прическу; на васъ всѣ клирошанки соблазняются: такъ вы хороши! А платье можете надѣть еще какое понаряднѣе?

— Если вы хотите, я надѣну шелковое,—сказала Вѣра Николаевна съ невольной улыбкой и дрожащими губами; она уже привыкла къ тому, что монашенокъ восхищали ея наряды.

— Ахъ, какъ хорошо!—возразила ей Машенька.

Разговаривая съ нею, Вѣра Николаевна спросила о матери Евфросиніи, которая давно уже обратила на себя ея вниманіе; она даже въ первую минуту по важному и вмѣстѣ скромному виду ея

и по особенному почтенію, съ которымъ къ ней всѣ относились, подумала, что мать Евфросинія и есть именно игуменья; къ тому же, и у нея былъ наперсный крестъ, и Машенька утвердила ея безотчетное влеченіе къ этой немолодой, блѣдной и такой, повидимому, доброй монахинѣ. По словамъ Машеньки, мать Евфросинія была очень, очень духовна, воспріемницей по постриженію ея была та замѣчательная, давно умершая старица мать Іоанна, о которой много говорила Вѣрѣ Николаевнѣ и мать Флавія; къ тому же мать Евфросинія пользовалась руководствомъ и наставленіями знаменитаго архипастыря и проповѣдника, имя котораго было извѣстно всей Россіи.

— И она преблагородная, важная!—прибавила Машенька.

— «Такъ чего же мнѣ лучше для уроковъ душевнаго опыта!— подумала Вѣра Николаевна уже монашескими словами:—только бы она меня не оттолкнула!»

Она спросила объ этомъ въ тотъ же день мать Флавію.

— Видно, что вы прозорливы,—отвѣчала ей та:—вѣдь это наша будущая игуменья—ангелъ земной! Она васъ не то что приметъ, а понаставитъ, попривѣтитъ. Ахъ, что же я вякаю-то! Не случился бы кто у дверей... Поглядико-сь, Агаша. И до того ли милостивая мать Евфросинія, до того ли строгой жизни,—продолжала она успокаиваясь, что за дверью никого нѣтъ:—ну, точнехонько, мать Іоанна, моя старица,—мать Флавія пореждала немного, капая слезы на чулокъ, который вязала.

— Желанныя наши, ужъ какъ преосвященный нашъ ни старались мать Евфросинію казначеей либо благочинной поставить,—все отъ себя отклонила,—говорила мать Флавія, невольно всхлипывая:— оны, вѣдаешь, матушку игуменью оскорбить не хотѣли... что матушка игуменья, вѣдаешь, ихъ не очень возвышать желаютъ...— заключила она шепотомъ и краснорѣчиво качая головой.

Кромѣ ихъ двоихъ и Агаши, у окна работала молоденькая послушница сосѣдней кельи, Дуня; она не нравилась Вѣрѣ Николаевнѣ своимъ постоянно угрюмымъ видомъ и лѣностью, съ которой ходила въ церковь; она говорила, что изъ всѣхъ послушаній всего труднѣе молиться Богу. На слова матери Флавіи она подняла голову и взглянула, точно хотѣла сказать: «дивья имъ, важнымъ барынямъ, быть милостивыми да строгой жизни, имъ съ полночи нѣтъ заботы вставать квашню разводить». Мать Флавія была старшая хлѣбница, а Агаша и Дуня—ея помощницы. Впрочемъ, если бы Дуня выговорила вслухъ то, что думала, мать Флавія возразила бы ей, что мать Евфросинія, по примѣру своей наставницы матери Іоанны, полночи молится и никогда не спитъ болѣе четырехъ часовъ въ ночь, значитъ, и завидовать ей нечего.

— Нельзя мнѣ пойти къ ней сейчасъ?—спросила Вѣра Николаевна; неопредѣленная надежда въ ней пробудилась, но она сама

не замѣтила, что радуется чему-то новому и неизвѣстному; она еще не замѣчала вполнѣ всего однообразія своей тихой жизни. Игуменья же точно забыла про нее.

— Сейчасъ неловко, милушка, сами знаете, скоро всенощная,— сказала мать Флавія, точно урезонивая ее:—а послѣ всенощной еще болѣе нельзя,—возразила она, усмѣхаясь на наивность барышни.—У насъ, милушка, Вѣра Николаевна, не то, что послѣ всенощной, а и послѣ вечерни изъ кельи не пускаютъ выходить на монастырь. Да, барышня. Ужъ и то я не сказывала вамъ, а намедни мать благочинная на меня оскорблялись, зачѣмъ де вы на рѣчку послѣ правила пошли.

— Да какое ей дѣло?—съ гордостью сказала Вѣра Николаевна.

— Какъ не дѣло?—возразила мать Флавія, и ея изумленное лице съ румяными щеками и выпученными глазами показалось Вѣрѣ Николаевнѣ ужасно тупымъ и смѣшнымъ:—начальницамъ до всего дѣло... Какъ же, милушка!

— А мнѣ бы мало нужды—по задворкамъ, да никто бы, никто не увидалъ, куда хошь пойду,—отозвалась Дуня съ непріятной рѣшимостью:—что на ихъ смотрѣть! всѣхъ не переслушаешь...

— А на поклоны?..—возмущенно проговорила мать Флавія, обративъ къ Дуняшиному свѣжему лицу свои надоумѣвающіе глаза. Послѣ порядкомъ досталось Дунѣ за то, что она, пустяшница, такъ говорила при барышнѣ.

— А поклоновъ не боимся... попривыкли,—сказала еще Дуня.

Вѣра Николаевна замѣтила ей, что она вѣрно не любитъ своего монастыря.

— Да все живешь, какъ подъ плитой,—съ упрямымъ неудовольствіемъ отвѣчала она.

Но мать Флавія напрасно безпокоилась. Совѣтъ Дуни побѣжать потихоньку и по задворкамъ къ матери Евфросиніи не соблазнилъ Вѣры Николаевны. Она не любила никакихъ темныхъ, таинственныхъ путей и подчасъ гордилась этимъ. «Мнѣ нечего скрывать», всегда говорила она, а когда пришлось скрывать, тайна ей стала мила. Вдругъ ударили ко всенощной такъ неожиданно, что мать Флавія вздрогнула и «ойкнула», какъ она выражалась. «Ой, смеретушка моя, вѣдь это у насъ вдарили... согрѣшили, право, чу. Что-то теперь будетъ-то!». Опоздать ко всенощной было не шутка, потому что слишкомъ зоркіе глаза игуменьи всегда замѣчали, кого нѣтъ при встрѣчѣ ея въ церкви, и взыскивала за это строго.

Въ то время хоръ въ Рождественскомъ монастырѣ былъ хорошъ на удивленіе; крылошанокъ баловала игуменья лучшей ѣдой, и хотя дѣла было много, сравнительно жилось легче, потому что другого послушанія отъ нихъ не требовалось, зато голоса выбирались съ большимъ разборомъ. Почти каждую обѣдню пѣли нотное, т.-е. что нибудь такое, къ чему приготовлялись, спѣвались зара-

нѣе. Но лучше всего у нихъ выходило за всенощной «Свѣте тихій» и Великое Славословіе, и ни этихъ напѣвовъ, ни этой манеры пѣть Вѣра Николаевна не забыла во всю свою жизнь. Мистическое очарованіе «Свѣте тихій» коснулось ея души и въ этотъ вечеръ; она почувствовала себя недоброй... но сознаніе это страннымъ образомъ вызывало слезы неопредѣленной радостной тревоги. Когда она поднялась съ колѣнъ, подняла голову, въ темномъ куполѣ алтаря, точно внезапно зажженный, бросился ей въ глаза крестъ изъ огней; она потомъ сообразила, что это горѣли въ формѣ креста цвѣтныя лампады. «Вотъ гдѣ истина!—сказала она себѣ съ внезапнымъ восторгомъ:—но тогда что же то? Мірская жизнь? упоеніе любви?.. Неужели только для внѣшнихъ, неизбранныхъ?» Она рѣшилась говѣть.

Такъ мѣнялись одно за другимъ ея настроенія, подготовляя ее къ сознанію, что поступить въ монастырь—ея призваніе...

Но между тѣмъ, когда на слѣдующее утро собиралась къ обѣднѣ, Богъ знаетъ по какому побужденію, она причесала свои большіе волосы тщательнѣе и изящнѣе, чѣмъ когда нибудь, и воткнула въ нихъ розовыя Машенькины герани. Племянникъ Настасьи Перовны, юноша студентъ, который увидалъ ее въ это утро въ церкви, былъ пораженъ ея наружностью (онъ пришелъ въ церковь по неотступному требованію тетки; къ тому же по маленькому городку уже распространилась вѣсть, что пріѣзжая красавица барышня собирается поступить въ монастырь). При взглядѣ на нѣжно безпомощное выраженіе въ черныхъ глазахъ Вѣры Николаевны, на врожденную граціозность ея движеній и на откровенную грусть, мысль о поступленіи ея въ монастырь казалась невѣроятной, и не только юношѣ, но и другимъ «благороднымъ» мірскимъ, которые въ праздничной толпѣ ее видали въ церкви.

IV.

Мать Евфросинію, которая такъ интересовала Вѣру Николаевну, любили и почитали не въ одномъ только монастырѣ; вся знать далекаго губернскаго города видѣла въ ней сестру любимаго своего предводителя и нѣкогда веселую и гордую красу своего общества. Благочинный ихъ монастыря, преосвященный владыка, бывалъ у нея запросто въ кельѣ съ визитомъ. Она уклонялась отъ всякой видной должности, хорошо зная, что именно ея вліяніе не угодно игуменьѣ, и потому еще, что она сама почти ничѣмъ не интересовалась, даже считая нелѣпой суетней, если кто искренно увлекался своимъ дѣломъ, какъ, напримѣръ, мать Агнія стройкой или мать Калисѳенія полевымъ хозяйствомъ. Боголѣпіе въ церковныхъ службахъ, которыя она выстаивала всѣ, съ начала и до конца, жизнь келейная, жизнь собственной души, ночныя молитвы и ду-

ховное чтеніе—вотъ что составляло для нея духовный міръ. Такъ какъ безъ послушанія нельзя было оставаться, мать Евфросинія учила новенькихъ славянскому языку и пѣнію, писала иногда образа масляными красками и читала подъ большіе праздники на клиросѣ пареміи и шестопсалміе. У нея были лучшія въ монастырѣ кельи и нѣсколько келейницъ, двѣ изъ нихъ были ея прежнія крѣпостныя. Ей было лѣтъ пятьдесятъ, когда Вѣра Николаевна познакомилась съ нею, хотя на видъ она казалась гораздо моложе; обхожденіе ея было чрезвычайно женственно и пріятно, а строгая и въ то же время смиренная важность ея манеръ невольно внушала мысли о благородствѣ души. Мать Евфросинія не была красива въ молодости, но съ годами въ чертахъ ея блѣднаго лица съ римскимъ профилемъ, темноголубыми томными глазами и широкимъ подбородкомъ какъ будто видны были слѣды былой красоты.

Когда Вѣра Николаевна съ ея разрѣшенія вошла къ ней, она играла на фисгармоніи, опустивъ голову и смотря на руки; при первомъ взглядѣ на ея полузакрытые добрые глаза, Вѣра Николаевна почувствовала къ ней безотчетное довѣріе и ни на чемъ не основанную пока привязанность. Она сохранилась въ ея душѣ до конца жизни.

Вѣра Николаевна рада была, что музыка прекратилась, когда мать Евфросинія, взявъ ее за руку, усадила около себя на старинномъ диванчикѣ,—шипящіе звуки фисгармоніи все-таки напоминали ей о фортепіано и о мірѣ, и такое напоминаніе ее терзало. Все, что окружало мать Евфросинію, было не ново, но богато и изящно; Вѣра Николаевна увидала ея молитвословъ въ голубомъ бархатѣ и обложенный серебромъ, налой изъ дорогого дерева, покрытый штофной пеленой, и тяжелую серебряную ризу мѣстной иконы. Она смотрѣла на мать Евфросинію съ такимъ выраженіемъ, точно если ей надо говорить о себѣ, то непремѣнно все и безъ утайки. Мать Евфросинія была первымъ существомъ въ мірѣ, которое на уровнѣ одинаковаго воспитанія понимало ея побужденія итти въ монастырь и вполнѣ ихъ одобряло; и при этомъ эта важная монахиня была къ ней такъ видимо добра!

— Не было ли въ вашей жизни какого нибудь особеннаго несчастія?—произнесла она, подразумѣвая слово паденіе и не имѣя силъ сказать такъ просто. Ее смущало, что Вѣра Николаевна не могла говорить безъ прерывистыхъ рыданій.

— Нѣтъ!—сказала она, задрожавъ:—если бы я могла упрекнуть себя въ чемъ нибудь, можетъ быть, мнѣ было бы легче; ничего такого не было.

— Ну, можно ли думать такъ кощунственно!—возразила мать Евфросинія:—вамъ было бы легче, еслибъ вы обрекли себя на геенну огненную? Вы, видно, не читали Григорія, папы Римскаго?

Мать Евфросинія считала нечистотой души даже влюбленность,

склонна была считать это паденіемъ (что̀ нисколько не мѣшало ей радоваться на знакомыя счастливыя супружества). И Вѣра Николаевна, ближе узнавъ ее впослѣдствіи, была поражена ея мнѣніемъ, что женщины—нѣчто низшее, чѣмъ мужчины.—Развѣ мы не поемъ,—говаривала она своимъ убѣжденнымъ мягкимъ голосомъ:—Раю вседобродѣтельный, всесвятый, всебогатый, Адама ради насажденный и ради Евы заключенный?.. Вотъ, видите, онъ насажденъ былъ для Адама, и по винѣ Евы заключенъ.

— Вѣрно вы Бога помните, вотъ Онъ васъ и утѣшаетъ,—замѣтила она, когда Вѣра Николаевна сказала ей о своемъ намѣреніи говѣть и о томъ, какъ это ей пришло въ голову.

Но при этомъ мать Евфросинія посовѣтовала ей, если она хочетъ поступить въ монастырь, никогда ничего не дѣлать безъ благословенія, и насчетъ говѣнья непремѣнно сказать игуменьѣ, хоть черезъ мать Флавію, и обѣщала ей въ о. Наѳанаилѣ такого духовника, какого только можетъ желать душа, желающая принести себя на служеніе Богу!

— А вы думаете, меня примутъ къ вамъ?—спросила Вѣра Николаевна въ задумчивой усталости.

— Если только вы не изъ тѣхъ, которые, положивъ руку на плугъ, озираются назадъ, то Господь приведетъ васъ, хоть и не въ эту, такъ въ другую обитель... Подай сюда, Фаина!—прервала она самое себя, когда старая ея келейница вошла со скатерью, сверкавшей бѣлизной и гладкой, какъ атласъ; тряхнувъ ею, Фаина распространила свѣжій запахъ хорошаго, только что выкатаннаго полотна.

— Но скажу я вамъ,—продолжала мать Евфросинія:—если вы изъ званныхъ, то должны все мірское забыть и никогда ни о чемъ прошломъ не думать; святые отцы запрещали даже о грѣхахъ вспоминать! А особливо съ услажденіемъ о недостойномъ васъ...

Прекрасный чай съ кренделями и вареньями разныхъ сортовъ въ высокихъ маленькихъ вазочкахъ явился легкимъ противовѣсомъ только что произнесеннымъ суровымъ словамъ. Вѣра Николаевна вздохнула, чувствуя, что пока она могла бы однимъ только воображеніемъ понять такой идеалъ духовной сдержанности и не понимая, зачѣмъ онъ нуженъ. Но, несмотря на это, характерное лице матери Евфросиніи съ широкимъ подбородкомъ и томными полузакрытыми глазами уже стало ей дорого, точно давно знакомое, родное, милое лице. Когда онѣ познакомились ближе, ее всегда удивляли тѣ обрывки откровенности матери Евфросиніи, которые приходились на долю ея ушей; ей непостижимой казалась манера этой благородной монахини говорить о своихъ дѣлахъ, точно она говоритъ вовсе не о себѣ, а о другомъ и мало знакомомъ человѣкѣ; такое полное спокойное равнодушіе было въ самыхъ интимныхъ ея признаніяхъ.

Она никогда не оправдывала себя, не лукавила, не преувеличивала. Но, чтобы умѣть такъ пережить, перетерпѣть, преодолѣть (потому что даже въ монастырѣ мать Евфросинія пережила много тяжелаго), надо было пройти очень крутой путь, ведущій къ высшему смиренію. Тайну этого смиренія Вѣра Николаевна узнала не вдругъ и не скоро, а по прошествіи многихъ лѣтъ, на собственномъ опытѣ: она узнала, какъ блаженны бываютъ тѣ, для которыхъ, какъ для матери Евфросиніи, путь этого опыта окажется уже пройденнымъ!

V.

— Но буду ли я въ силахъ навѣки отказаться отъ мяса?— спросила разъ себя Вѣра Николаевна, стоя у окна; она прижалась головой къ косяку и задумчиво покачивала створку открытой рамы. Ей хотѣлось ѣсть, и, какъ нарочно, разныя вкусныя блюда мірской кухни явились ея воображенію, точно были поданы ей. А въ трапезѣ она почти ни къ чему не могла прикоснуться; къ тому же былъ постный день, длинная, душная трапезная, полная монахинь—все такихъ простыхъ, грубыхъ! деревянныя ложки, одно блюдо на четверыхъ, безъ тарелокъ,—ей было все противно, а всего непріятнѣе выраженіе удовлетворенности, сытости, которое послѣ молитвы она замѣтила на многихъ лицахъ.—Какъ это странно!—подумала она:—что такъ легко отказаться отъ любви (отъ любви, которая еще такъ недавно была для ея души ядромъ существованія), и такъ трудно отъ такого пустяка, какъ хорошая ѣда!—Но вдругъ ея сердце замерло... Какъ жаль, что она не могла такъ сжать его, какъ сжала въ рукахъ лице, внутренно холодѣя— сомнѣніе явилось въ ней внезапное и ужасно тягостное. Нѣтъ! лучше не оставаться одной въ этой тяжелой тишинѣ!—подумала она:—не пойти ли къ матери Флавіи... кстати, она вынимаетъ изъ печей горячіе хлѣбы...

Въ эту самую минуту Агаша и Дуня шли также торопливо къ хлѣбной и, увидавъ въ раскрытомъ окнѣ изящный обликъ Вѣры Николаевны, пріостановились у противоположнаго корпуса за полѣницей дровъ.

— Агаша! а что я тебѣ скажу-то!—сказала Дуня:—только смотри, молчокъ при барышнѣ.

— Ну-ко, что? Ну-ко, что?

— А то, что Настасьи Петровны племянникъ до страсти барышней плѣнивши.

Дуня поспѣшно и такъ тихо, что чуть шевелила губами, разсказала, какъ потерялъ голову юноша студентъ, увидавъ Вѣру Николаевну въ церкви, что онъ задумалъ сватать ее, и для этого Настасья Петровна собирается съ барышней познакомиться. Монашенки всегда знали обо всемъ, что дѣлалось если не въ городѣ,

то неподалеку отъ нихъ, а Настасья Петровна жила въ монастырскомъ домѣ. Богъ знаетъ, какимъ образомъ, несмотря на всю тогдашнюю строгость, доходили до нихъ вѣсти со всѣми подробностями.

Мать Флавія разсказывала Вѣрѣ Николаевнѣ о той же Настасьѣ Петровнѣ, которая въ это утро приходила въ монастырь за капустой и встрѣтилась съ нею.

— Ужъ пообѣдавши!—говорила про нее мать Флавія, ловко нарѣзая громаднымъ блестящимъ ножемъ ровныя порціи неостывшаго еще и сильно пахнувшаго хлѣба и, разумѣется, прежде всего, угостивъ имъ Вѣру Николаевну:—пообѣдавши, а къ намъ за капустой идетъ. Видно, что вкусно поѣла!—вздохнувъ полной завистью грудью, говорила она: — а мнѣ никогда булки не пихнула... чаишку, кофеишку я и не жду, а булки-то, думается, барышня... хошь бы кусочекъ когда дала... нѣ! и думать нечего: она прежадная!

«Прежадной» она казалась въ глазахъ матери Флавіи отчасти изъ-за капусты, хотя капуста эта была только предлогомъ Настасьѣ Петровнѣ лишній разъ прійти въ монастырь поразспросить о Вѣрѣ Николаевнѣ. По ея мнѣнію, сами св. угодники послали Вѣру Николаевну въ ея сторону, чтобы удержать ея Дима вдали отъ Петербурга, гдѣ въ ту пору были разныя волненія.

— Что это за нерадихи-дѣвушки! зѣворотятъ на улицѣ,—не идутъ... ворчала румяная мать Флавія, на что̀ Вѣра Николаевна сказала ей:

— Ты бы ихъ, мать Флавія, почаще пускала гулять, это для здоровья полезно.

— Эво, барышня, здоровье-то не гораздо годится въ монастырѣ молоденькимъ,—вздохнувъ сказала мать Флавія:—ужо, посмотрите. Куда его, здоровья-то! А для послушанія силъ хватитъ...

Зеленая вѣтка, озаренная солнцемъ, ударивъ въ закопченное маленькое окно въ хлѣбной, какъ будто говорила то же самое, когда Вѣра Николаевна обернулась на ея стукъ изъ своего темнаго угла. Она невольно чувствовала, какъ должно было быть уныло всю жизнь проводить въ жарко истопленной хлѣбной, такой темной отъ копоти, съ жесткими лавками по стѣнамъ и огромной русской печью по рединѣ. Въ одномъ изъ угловъ ея на потресканномъ кирпичномъ полу стояла двухъаршинная квашня съ лопаточками внутри, которыя приводились въ движеніе четырьмя послушницами и мѣсили за разъ пудовъ десять тѣста. Эту квашню любезно прислалъ въ подарокъ Рождественскому монастырю мужской В—скій, вырѣзавъ объ этомъ надпись и число на наружныхъ ея стѣнкахъ.

Чтобы мать Флавія не бранила молодыхъ послушницъ за то, что онѣ прогуляли лишнія десять минутъ, Вѣра Николаевна, лишь

только онѣ вошли, поторопилась заговорить съ ними, и разрѣзаніе хлѣба на порціи пошло весело и быстро.

— Аминь святой молитвѣ... — нараспѣвъ сказала мать Флавія, когда кто-то, пріотворивъ створчатую дверь, тоненькимъ голоскомъ благословлялся за нею. Всѣ встрепенулись, узнавъ одну изъ игуменскихъ келейницъ.

— Агаша, къ матушкѣ игуменьѣ!—сказала она.

— Ой, тошнехонько! Зачѣмъ это зовутъ! Не знаешь ли, Маринушка?

— Ничего не знаемъ.

Всѣ игуменскія келейницы говорили одинаково скромно и одинаково пѣвуче. Со стороны нельзя было не любоваться ихъ выдержанностью, умѣньемъ держать языкъ за зубами, ихъ привѣтомъ. Пока Агаша «пріакурачивалась», въ волненіи доставая рясу, Марина, худощавая и высокая, болѣзненная дѣвушка, ласково разспрашивала Вѣру Николаевну, не скучно ли ей у нихъ, и сама же себѣ отвѣчала, что лѣтомъ у нихъ прехорошо-хорошо.

— Ты въ трапезной, Дуняша, чего не развякалась ли лишняго? — озабоченно произнесла мать Флавія, когда Агаша съ Мариной ушли: — а у насъ, сдается, ничего... все спокойно; нестерпимо для меня, какъ вотъ этакъ какую изъ нихъ къ начальству позовутъ!—обратилась она къ Вѣрѣ Николаевнѣ; тоненькія капельки пота выступили у нея на лбу:—пуще всего матушку нашу боимся разстроить; имъ и безъ насъ что хлопотъ, что скорбей!

— Еще бы, когда у нихъ всякая вина виновата!—отозвалась и Дуня. Свои колкости она всегда говорила съ угрюмой усмѣшкой; мать Флавія сердито замахала на нее рукой, и въ то же почти время, весело хлопнувъ дверью, вбѣжала Агаша, и бѣлые зубы ея при этомъ блеснули.—Не съ поклонами ли поздравить?—насмѣшливо спросила ее Дуня. Съ вопросительнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на нее и мать Флавія.

— Матушка игуменья и не разстроивши совсѣмъ! — объявила Агаша, со вздохомъ отдыха снимая съ себя парадный нарядъ. — Побранили только, посулились на поклоны поставить, да вотъ вѣдь и простили!

— Да ты что согрѣшила-то?

— Да что согрѣшила—кругомъ виновата... въ утреню-то вѣдь заснула въ XVII каѳизму... А матушка-то и видѣли. Еще спаси-то ихъ, Господи, что не взыскали съ меня, дуры!

— Ахъ, дѣвушки, дѣвушки, доведете вы меня до бѣды!—облегченно сказала мать Флавія.

«Неужели всѣ эти страхи и волненія изъ-за пустяковъ предстоятъ и мнѣ?»—подумала, даже улыбаясь надъ этимъ, Вѣра Николаевна.—«Развѣ трудно исполнять, что велѣно, не дремать за каѳизмами, не выходить гулять, когда заперты ворота, не лѣниться ра-

ботать? Все это мелочи, пустяки въ сравненіи съ страданіями душевными, глубокими!»

Но, оставаясь еще на свободѣ, она забывала главное подножіе монастырской жизни — послушаніе недобровольное, котораго нельзя и представить себѣ, съ утра одѣваясь въ нарядное мірское платье и дѣлая, что на умъ взбредетъ.

— И зачѣмъ вамъ, думается,—говорила ей Дуня: — себя такъ сжать? Подрясникъ хошь кому волюшку свяжетъ!

Отвѣтить на это могла бы мать Флавія именно такъ, какъ она отвѣчала игуменьѣ на вопросъ:—А что у васъ барышня дѣлаетъ?—Да ради Бога живутъ!—говорила она, какъ будто возражая на нападки, разводя руками и оторопѣло глядя.—Больше нечего и сказать про нихъ. Ради Бога живутъ барышня... Оны точно и не въ міру родивши... До того ли молитвенницы, до того ли сурьезно воспитаны...

Вѣроятно, мать Флавія говорила такъ въ одинъ поздній вечеръ, когда, привлеченная свѣтомъ, Вѣра Николаевна подошла къ своему окну; она думала, что взошла луна, все еще не привыкнувъ къ бѣлымъ сѣвернымъ ночамъ. На ея родинѣ ночи черны, какъ тоска, и блескъ крупныхъ звѣздъ озаряетъ одно темно-синее небо. «Это дерево очертаніями похоже на каштанъ, который росъ передъ моимъ окномъ»,—машинально подумала она про чуть зацвѣтающую липу:—«и также нѣжно благоухалъ онъ весною!» Потомъ ей вспомнились крупныя розы въ саду, таинственная и пышная дубовая роща за нимъ... и звукъ фортепьяно и долгіе разговоры у открытаго окна.—«Ты созданъ для того, чтобы тебя любили, обожали»,—почти вслухъ произнесла Вѣра Николаевна исполненнымъ нѣжности и страсти голосомъ и простирая руки къ замолкнувшему отъ дневного шума живописному старинному монастырю... Но она не видѣла монастыря въ эту минуту, она видѣла передъ собою очаровательное для нея и теперь, красивое лицо, которое сквозь утомленіе жизнью все же способно было безъ словъ и безъ дѣлъ выражать глубину любви, неизъяснимую словами! Если бы въ эти мгновенія, наклонясь къ блѣдному лицу Вѣры Николаевны съ ея нѣсколько рѣзкими, черными бровями, кто нибудь сказалъ ей: «да вѣдь онъ женатъ на другой, дитя мое, женился мѣсяцъ тому назадъ»...—она навѣрное возразила бы съ возмущенной улыбкой, что этого не можетъ быть! Но предразсвѣтный трепетъ природы сообщилъ ей наконецъ, что все ей измѣнило—и розы, и поэтическія книжки, и торжественныя въ красотѣ своей темныя ночи...—«Весь міръ отвернулся отъ меня—и я отвергаю міръ!»—Кто слышалъ эти громкія слова, прервавшіяся безпомощными слезами? Она была совершенно одна, потому что мать Флавія съ вечера ушла въ хлѣбную, чтобы съ двухъ часовъ растворить тѣсто; но ей предстояло одиночество совершенно другого рода, одиночество души, разлу-

ченной въ земной жизни со своей глубочайшей отрадой. Она была молода и, какъ всегда это бываетъ, ощущеніе горя казалось ей безконечнымъ, вѣчнымъ: иначе она, когда встало солнце, съ сердцемъ не бросила бы на полъ своего зеркала, въ послѣдній разъ взглянувъ въ него, и оно не разбилось бы на тысячу кусковъ.

VI.

Про о. Наѳанаила, котораго обѣщала мать Евфросинія, какъ духовника для Вѣры Николаевны, вообще говорили много съ давнихъ поръ. Онъ жилъ въ Покровскомъ мужскомъ монастырѣ и чуть ли не полвѣка былъ духовникомъ; къ нему пріѣзжали на исповѣдь многіе издалека и чрезвычайно его почитали. Вѣра Николаевна, наслушавшись о немъ, шла къ нему въ такомъ напряженномъ состояніи душевномъ, что совершенно не замѣтила дороги къ кудрявымъ густымъ аллеямъ, ведущимъ къ стариннымъ корпусамъ, впослѣдствіи такой знакомой. «Я совершенно не то́го ожидала!»— подумала она, когда вмѣсто суроваго и значительнаго вида старца она увидала худого старика, который, повидимому, даже неохотно ее встрѣтилъ, совершенно ничѣмъ не отличеннаго отъ множества людей, пройдя мимо которыхъ мы даже не замѣтимъ ихъ. У него была длинная борода наполовину сѣдая, и глаза такіе яркіе и прозрачные для его лѣтъ, что казались хрусталемъ; онъ говорилъ, тяжело дыша, глухимъ и вялымъ голосомъ и, выйдя къ нимъ въ переднюю келью, долго озабоченно оправлялъ и застегивалъ обшлага подрясника, видно, передъ ихъ приходомъ, вымывъ свои костлявыя съ большими суставами на пальцахъ руки. Ожиданія взволнованной и еле переводящей духъ Вѣры Николаевны показались ей обманутыми, когда они всѣ сѣли у круглаго грубо крашеннаго стола, и о. Наѳанаилъ, вмѣсто участія и привѣта къ Вѣрѣ Николаевнѣ, спросилъ у матери Флавіи.

— Нынче у васъ какъ огурцы? Подаютъ надежду?

— Да ничего, батюшка. Показалось ихъ много.

— Не забудьте же насолить кадочку... А матери Порфиріи прошу сказать, что чулки какъ нельзя быть болѣе кстати... спасибо ей.

Вѣра Николаевна въ первый разъ была въ кельяхъ у монаха; у него ихъ было нѣсколько; низкіе потемнѣвшіе своды еще сохранились съ давнихъ временъ Іоанна Грознаго; окна, не болѣе аршина величиною, свѣтились въ глубинѣ двухаршинной стѣны. На одномъ изъ такихъ широчайшихъ подоконниковъ лежали матеріалы и инструменты для рукодѣлія о. Наѳанаила; онъ вырѣзалъ кипарисные крестики - другое все было заложено большими полуисточенными тлею, запыленными книгами въ деревянныхъ, оклеенныхъ кожей переплетахъ; Вѣра Николаевна смотрѣла еще на такія книги чуждыми глазами. На нее кельи о. Наѳанаила произвели впечатлѣ-

ніе скудости, въ смыслѣ ѣды: нигдѣ не видно было ни самовара, ни соусника какого нибудь или закуски; совершенная противоположность съ кельями монашенокъ, которыя всегда держатъ въ кельяхъ крендель или кусокъ пирога. Въ такихъ пустыхъ наблюденіяхъ прошло нѣсколько минутъ, и Вѣра Николаевна стала чувствовать разочарованіе и скуку... Къ тому же слишкомъ странно, хотя и безсознательно почти, казалось ей ничѣмъ не возбуждать къ себѣ, если ужъ не участье, то хоть вниманье: ни молодостью, ни красотой, ни горемъ, ни горячностью души... Мать Флавія ушла въ другую келью, и, когда о. Наѳанаилъ, надѣвъ эпитрахиль, указалъ ей мѣсто у налоя передъ иконами и сказалъ: «Другъ мой! кайся не мнѣ, но Богу!» — она опустилась на колѣни, почувствовавъ въ его голосѣ и намѣреніяхъ души ту силу, которая одна способна была въ это время вызвать изъ ея сердца идеальное стремленіе забыть себя самое для невѣдомыхъ высшихъ цѣлей.

Впослѣдствіи она сама и не подозрѣвала, какъ глубоко было вліяніе о. Наѳанаила въ ея представленіяхъ о любви, когда любовь стала принимать въ ея убѣжденіи окраску намѣренныхъ искушеній свыше, чтобы испытать человѣка. Сначала она долго говорила одна вполголоса; необходимость безусловной откровенности заставила ее не утаить мельчайшихъ движеній души. О. Наѳанаилъ внимательно смотрѣлъ на выраженіе отчаянія въ ея лицѣ, которое дополняло и усиливало впечатлѣніе словъ. «Откуда такая печаль при вашей молодости?»—спросилъ онъ, когда она замолчала, и передъ Вѣрой Николаевной внезапно предстали ея колебанія и сомнѣнія; но, выговоривъ ихъ, она почувствовала, что они потеряли часть своей силы.

— Скажу тебѣ словами незабвеннаго владыки нашего Филарета, — сказалъ о. Наѳанаилъ: — ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости твоей и нашей! Не сомнѣвайся оставить міръ съ его тлѣномъ и ядомъ—тебѣ ихъ не перебороть. Молись же, другъ мой, Богу, чтобы вызвалъ тебя отъ рва страстей и отъ бремени тины...

Потомъ онъ сталъ говорить, какъ онъ самъ любилъ нѣкогда міръ, и въ выраженіи его лица Вѣра Николаевна увидала обыкновеннаго человѣка, не то, чтобы проповѣдника, а почти что кающагося, перенесшаго дни тяжелыхъ страданій, а потому его слова, что истинное успокоеніе, истинный свѣтъ и радость онъ нашелъ только въ монастырѣ, внушали ей полное довѣріе. «Жизнь монастырская, — сказалъ онъ,—полна таинственности, явнаго милосердія Божія и предвкушенія будущаго—сдается мнѣ, что въ ней твое призваніе»...

На нее эти послѣднія слова произвели необычайное впечатлѣніе чего-то неизбѣжнаго и рѣшительнаго.

Потомъ о. Наѳанаилъ говорилъ матери Евфросиніи, что у него

давно не бывало исповѣдника съ такой живой душой, а въ его устахъ подобное мнѣніе было всегда значительно.

— Я теперь рада бы умереть!—послѣ обѣдни и причащенія, за чаемъ у плѣнительно доброй матери Евфросиніи, сказала Вѣра Николаевна; она чувствовала въ эти мгновенія счастіе быть внѣ условій личныхъ надеждъ.

— Вѣрю, если бы часъ смертный не былъ такъ тяжелъ...

— Но я не боюсь этого.

— Ахъ, Вѣра Николаевна! Когда вдругъ смерть усядется на вашей постели, начнетъ отрубать суставъ одинъ за другимъ и поднесетъ къ вашимъ губамъ чашу смертной горечи... Какъ тяжело ее проглотить до послѣдней капли!

— Но мнѣ кажется, — сказала Вѣра Николаевна, болѣе рѣшительнымъ противорѣчіемъ боясь оскорбить непреложную увѣренность матери Евфросиніи: — это только символъ...

— Ну, ужъ думать такъ—это нигилизмъ! — произнесла мать Евфросинія, сама страдая отъ рѣзкости своихъ словъ; она никого не любила укорять или осуждать.

И характерно благородно было лицо ея, обрамленное черной шерстяной тканью, пріятенъ взглядъ ея томныхъ глазъ, изящно все, въ ея простомъ монашескомъ нарядѣ, когда она разговаривала такъ съ Вѣрой Николаевной, сложивъ на колѣняхъ свои нѣжныя чисто барскія руки.

— Разсказывала я вамъ, или, кажется, нѣтъ, — про старца, котораго Господь допустилъ видѣть тайну смерти? — сказала она, придвигаясь ближе и съ удовольствіемъ собираясь разсказывать.

— Старецъ этотъ уже могъ провидѣть духовными очами, какъ ангелы говорили объ одномъ умирающемъ; одинъ говоритъ: что намъ дѣлать! Душа не желаетъ выходить изъ тѣла; можно или нѣтъ насильно взять ее?—А другой отвѣчаетъ: нѣтъ, насиліемъ можно оскорбить Господа... лучше спросимъ.—И вотъ Божіе повелѣніе: пусть душа эта услышитъ райское пѣніе; она сама не останется въ тѣлѣ. — И вотъ представьте! Слышитъ старецъ чудное тихое райское пѣніе (это для души пѣли, которая не хотѣла покидать тѣла), и вотъ видитъ старецъ, какъ душа сама затрепетала и вылетѣла!...

Мать Евфросинія молчала нѣсколько мгновеній, покачиваясь и восторженно улыбаясь, чтобы дать утихнуть волненію и побѣдить навернувшіяся на глаза слезы.

— Но это умиралъ, должно быть, какой нибудь угодникъ Божій,—наставительно прибавила она, замѣтивъ, что доказательство это противорѣчило прежнимъ словамъ о мучительности смертнаго часа.—Вотъ что еще разъ было—умиралъ одинъ человѣкъ, и ангелу приказано было трезубцемъ извлечь изъ него душу! Трезуб-

цемъ, сказано, достань душу!—произнесла мать Евфросинія, и воображаемая боль умирающаго отразилась при этомъ на ея лицѣ.— Да! а вы говорите, что умирать легко!

VII.

Вскорѣ для Вѣры Николаевны наступили блаженные своей умиротворенностью дни; проснувшись, она открывала окно на звонъ къ утрени, и когда ей въ душу протѣснялся звукъ колокола и свѣтъ розоваго утра, свѣжаго и прекраснаго, ей казалось, что она проникаетъ воображеніемъ до самаго нѣжнаго, самаго тайнаго значенія жизни. Ангелъ хранитель — она чувствовала это ясно — отвелъ отъ нея на время все, что тщеславно, суетно, ту постоянную тревогу и трепетъ сердца, которые не оставляли ея ни на минуту; теперь же она думала, что освободилась отъ этого навсегда. Съ чрезвычайной легкостью она склонялась къ мысли считать грѣхомъ все, что въ это время стало для нея недоступно; и монашеская жизнь начала представляться ей исполненной именно той сосредоточенной серіозности, по которой она хоть и не всегда сознательно тосковала въ міру. Самая монотонность дней, службъ ей нравилась, точно заключала въ себѣ систематичность и чью-то постороннюю волю, управлявшую ея временемъ.

Для человѣка, утомленнаго душой, это имѣетъ свою сладость, и Вѣрѣ Николаевнѣ въ настоящемъ ея положеніи нигдѣ не хотѣлось жить больше, чѣмъ въ Рождественскомъ монастырѣ. Это независящее отъ ума влеченіе къ мѣсту похоже было на предчувствіе.

Когда Настасья Петровна исполнила наконецъ свое намѣреніе и познакомилась съ ней, Вѣра Николаевна такъ поглощена была своей душевной слабо возрождающейся жизнью для восторговъ, иныхъ, чѣмъ прежніе, что едва обратила на нее вниманіе. Ей понравилась только привязанность Настасьи Петровны къ племяннику, о которомъ она постоянно говорила.

Настасья Петровна была пожилая помѣщица съ кое-какимъ образованіемъ и большими претензіями; она поселилась въ монастырскомъ домѣ, потому что, по ея словамъ, она все равно, какъ бы тайно постриженная, до того любитъ монастыри, и не постригается только изъ-за дѣтей сестры.

Но вкусы и привычки ея молодости оставались тѣ же, она не могла жить безъ общества и скучала безъ поклонниковъ, поэтому, что называется, жила открыто: ни чай, ни варенье не снимались у нея со стола, и когда къ ней ни придешь послѣ обѣдни, всегда надъ столомъ стоитъ паръ отъ блюдечекъ и чашекъ. Студентъ племянникъ, котораго она звала Димомъ, пріѣхалъ къ ней ненадолго, но, увидавъ Вѣру Николаевну, остался еще на неопредѣленное

время, и его откровенное увлеченіе, увлеченіе Дима, отвергающаго любовь вообще, необыкновенно веселило сердце Настасьи Петровны. У нея была непреодолимая потребность жить сердечными волненіями, если не своими, то чужими — въ молодости она была некрасива, но очень жива, легкомысленна и привлекательна. Можетъ быть, поэтому она не придумала ничего лучше въ первое время знакомства съ Вѣрой Николаевной, какъ предложить ей читать какіе-то романы, и какъ нарочно, въ такую минуту, когда слишкомъ непривычныя условія жизни безсознательно стали для нея напряженными. Вѣра Николаевна такъ давно не читала печатнаго слова, что, когда вдругъ напомнили о книгахъ, ей страстно захотѣлось этого. Ея душѣ минутами бывало неловко, какъ неловко бываетъ намъ на жесткомъ стулѣ, и невольно хочется усѣсться въ кресло поудобнѣе.

«Димъ» былъ въ такомъ возрастѣ, когда намъ кажется, что мы, и при томъ мы одни, владѣемъ тайнами жизненной науки; всякое чужое мнѣніе въ немъ вызывало брезгливость. Но въ душѣ онъ былъ добродушенъ и довольно простъ, собою недуренъ, и если въ университетѣ «протестовалъ» на сходкахъ, то нисколько не заявлялъ о себѣ ни собственной энергіей, ни влеченіемъ къ тому или другому занятію. Въ его жизни все случалось само собою; до нѣкоторой степени обезпеченныя средства и смутное сознаніе безнаказанности вообще возбуждали въ немъ задоръ, который очень нравился Настасьѣ Петровнѣ, заставляя видѣть въ немъ «страстную натуру». Въ тотъ день, когда Вѣра Николаевна зашла отдать книги, и среди провинціальной роскоши гостиной Настасьи Петровны ея черные глаза мелькомъ остановились на пріятномъ лицѣ «Дима» съ перепутанными по всей его головѣ длинными волосами, онъ почувствовалъ внезапно, что задоръ его очень поколебался. Но въ обращеніи съ Настасьей Петровной «Димъ» сталъ еще пренебрежительнѣе; особенно хохоталъ онъ надъ ея увѣренностью, что она «спасается», когда посылаетъ спрашивать у какого нибудь избраннаго батюшки благословенія на то или другое. Настасья Петровна подражала въ этомъ нѣсколькимъ серіознымъ монахинямъ, которыя живутъ по такимъ одушевленнымъ руководствамъ, но такъ какъ въ свою манеру подражать она вносила характеръ своей натуры, то возбуждала брезгливость въ людяхъ, которые случайно сближались съ нею. А батюшки обыкновенно смотрѣли на такого рода спасеніе, какъ на блажь...

Игуменьѣ сосѣдство Настасьи Петровны по многимъ причинамъ было не по нраву, а для Дима входъ въ монастырь иначе, какъ въ церковь, былъ открыто запрещенъ.

— Вамъ что! Вамъ еще даже необходимо читать романы! — убѣждала Настасья Петровна Вѣру Николаевну:—вамъ и въ жизни безъ романа не прожить!—прибавила она. — А что я нынче пу-

стячками зачиталась, «Демономъ» Лермонтова—такъ надо бы батюшкѣ признаться! Да вотъ кстати, Авдотья, ты въ ту сторону идешь, зайди, смотри, къ батюшкѣ и на словахъ спроси, что можно ли оставить къ утренямъ ходить. Матушка игуменья, скажи, благословила не ходить!

— Вотъ гдѣ подвижницы-то! Вотъ гдѣ подвижницы! Мірскія, а и то безъ благословенія не смѣютъ къ утренямъ не итти-то!—произнесла мать Флавія, которая такъ недавно еще осуждала Настасью Петровну за капусту; но передъ нею дымилась чашка кофе, стояло ананасное варенье изъ фруктовой лавки и рюмочка рому, и вся эта благая вносила въ слова матери Флавіи неподдѣльную искренность. Барышню она не посмѣла отпустить безъ себя и потому пришла вмѣстѣ съ нею.

— Зачѣмъ ты слушаешь все это?—думалъ между тѣмъ Димъ, исподтишка не сводя глазъ съ Вѣры Николаевны; одинъ видъ ея прекраснаго лица смахивалъ съ его души почти всю дребедень его молодыхъ лѣтъ и пустой головы: — зачѣмъ ты слушаешь все это? для такой, какъ ты, поютъ райскія птицы и цвѣтутъ розы.

— Вѣдь я же вамъ дала для чтенія «Камень вѣры»,—съ упрекомъ сказала мать Евфросинія, когда Вѣра Николаевна показала ей книги, взятыя у Настасьи Петровны:— и что вамъ касаться этой пустоши! Пожалуйста, отдайте романы и никогда въ монастырѣ даже не открывайте мірской книги. Я вамъ про себя скажу...

И мать Евфросинія разсказала про себя исторію, какъ одно изъ безчисленныхъ подтвержденій того, что онѣ обѣ были совершенно разныя натуры. Вѣра Николаевна сознавала, что ей нужно читать такія книги, какъ «Камень вѣры», но ей это было скучно. Позднѣе она поняла отраду читать Псалтирь и не оставляла его ни на одинъ день; и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже проникали въ ея сердце эти божественныя страницы; но «Камень вѣры» она такъ никогда и не прочитала. Сама же мать Ефросинія часто повторяла, что Сысой Великій никогда не могъ прочесть болѣе одной Славы въ каѳизмѣ; райское пѣніе сейчасъ же восхищало его на небо. Она читала съ благоговѣніемъ и всегда съ искреннимъ вниманіемъ св. Писаніе, но въ то же время съ тѣмъ же вниманіемъ читала передѣлки на гражданскій языкъ изъ Минеи, написанныя фальшиво благоговѣйнымъ языкомъ, который такъ не нравился Вѣрѣ Николаевнѣ. Вѣра Николаевна любила подтвержденіе истинъ, которыя смутно предчувствовала, мать же Евфросинія пріучила себя вѣрить и думать такъ, какъ этого требовали ея авторитеты.

Вѣра Николаевна часто думала, что ей во вѣки не достигнуть такой монашеской жизни, какою была жизнь матери Евфросиніи. Безъ искушеній не прожить! это—правда, но мать Евфросинія, болѣе или менѣе удачно побѣждая различныя искушенія, не знала глубочайшаго страданія сознавать силу и безобразіе паденія души

и не умѣть удержаться отъ этого. Искренность ея вѣры невольно сообщалась Вѣрѣ Николаевнѣ; поэтому она дала ей слово никогда не читать въ монастырѣ книгъ и сдержала его до поры до времени. Но прошло много недѣль и мѣсяцевъ, пока она привыкла владѣть славянскимъ языкомъ почти такъ хорошо, какъ мать Евфросинія, которая любила и знала въ совершенствѣ каждый стихъ того, что читала въ церкви.

VIII.

— Матушка игуменья можетъ принять меня сегодня?—спросите, пожалуйста,—сказала Вѣра Николаевна въ концѣ утрени приближенной игуменской, матери Ревеккѣ.

— Слушаю-съ, доложу.

Мать Ревекка наклонила передъ Вѣрой Николаевной пышное лоснящееся лицо свое и отошла отъ нея особенной плывущей походкой важныхъ монахинь Рождественскаго монастыря; только по тому, какъ тянется по полу шлейфъ мантіи, вы можете догадаться, что онѣ двигаются, смотря передъ собою прямо и кланяясь такъ низко, что чуть не касаются головой до земли при встрѣчѣ не только съ мірскими, но и со своими сестрами. Ожидая приказаній игуменьи, мать Ревекка всегда держала на животѣ, очень впереди себя, свои широкія и опрятныя руки, и говорила еще болѣе пѣвучимъ и сладко смиреннымъ голосомъ, чѣмъ другія. Если кто нибудь хотѣлъ ей сдѣлать подарокъ и просилъ ее выбрать, она не по сознательному вкусу, а однимъ чутьемъ выбирала что нибудь самое дорогое, все время съ сомнѣніемъ оглядывая и ощупывая всѣ вещи.

— Матушка игуменья приказали васъ просить послѣ обѣдни,— сказала она Вѣрѣ Николаевнѣ, возвратясь съ солеи, гдѣ тогда было игуменское мѣсто.

— Ну, вотъ, можетъ быть, я буду вашей,—подумала въ волненіи Вѣра Николаевна. Медленно выходя на паперть, она однимъ душевнымъ движеніемъ обняла все общество будущихъ своихъ собратій. Утро было пасмурно; пахло травой и сильно цвѣтами; деревья шумѣли, почти заглушая собою звукъ перепиливаемаго у одного изъ корпусовъ теса. Дѣятельность и жизнь уже кипѣли по всѣмъ направленіямъ монастыря. Послушницы чернорабочія, отпивъ чай въ утреню, всѣ разошлись по обыкновеннымъ своимъ послушаніямъ и на поля жать хлѣбъ.

Все одновременно бросилось Вѣрѣ Николаевнѣ въ глаза: безпорядочно окруженная могилами старинная церковь, красныя крыши корпусовъ и только что еще тогда разросшаяся аллея липъ, которая вела къ воротамъ въ суетно волнующійся невѣрный, недобрый міръ. И пока она поднималась по каменной съ частыми поворо-

тами лѣстницѣ въ игуменскія кельи, въ ея сердцѣ были рѣшимость и спокойствіе, которыя бываютъ при самыхъ важныхъ и безповоротныхъ переломахъ нашей жизни.

— Что же вы будете у насъ дѣлать?—спросила игуменья и, еще не дождавшись ея отвѣта и мѣшая ложечкой кофе, обратилась къ стоявшей тутъ Ревеккѣ:—тебя бы на поклоны поставить!

— Благословите, матушка!

— Да какъ же, ты мнѣ кофею горькаго такого налила!

— Простите, Бога ради, виновата-съ!

— Я буду дѣлать все, что вамъ будетъ угодно,—сказала, когда ушла мать Ревекка, Вѣра Николаевна. Въ первый разъ она замѣтила вблизи, какъ лицо игуменьи все сморщено и вдоль и поперекъ; глаза ея были такъ малы, что видны были только черные зрачки ихъ, но при первомъ ея взглядѣ можно было догадаться, что и такими маленькими глазками она видитъ всѣхъ насквозь. У игуменьи Ювеналіи, кстати сказать, была непріятная привычка—при ея подвижности, постоянной дѣятельности и практической озабоченности—появляться внезапно тамъ, гдѣ ее всего менѣе ожидали; «чего бродитъ, ни свѣтъ, ни заря!» умственно ворчали тѣ, кто неожиданно попадалъ въ кругъ ея зоркаго взгляда (но, разумѣется, обращали къ ней самое веселое и бодрое лицо, это непремѣнное условіе монастырской жизни). Бывало, только звонятъ къ утрени, она уже идетъ одна, покрывшись платкомъ, по монастырю; заглянетъ на скотный дворъ, чисто ли у нихъ работаютъ, или пройдется по задворкамъ, все ли въ порядкѣ, не очень ли спорятъ экономки, не пьютъ ли гдѣ монахини чай. Бывало, на каменной лѣстницѣ, спасаясь отъ духоты келій, спитъ, подостлавъ подъ себя войлокъ, какая нибудь измаявшаяся за день молодая послушница; игуменья обойдетъ осторожно, чтобы не разбудить, поправитъ еще одѣяло и промолвитъ: «люблю я, когда такъ молодыя. послушницы спятъ безъ памяти».

При мірскихъ, за поздней обѣдней, когда бываютъ богомольцы, у себя въ гостиной, гдѣ она бывала сравнительно рѣдко, надѣвъ для этого рясу, она соблюдала пышность, приличную ея сану, но въ своей спальнѣ, рано поутру, или тогда, когда, кромѣ своихъ, ея никто не могъ видѣть, она любила во всемъ уютную домашнюю простоту, и хотя строго взыскивала, если кто нибудь хоть на мгновеніе забывалъ, что говоритъ съ игуменьей, но любила разговаривать съ приближенными и даже выслушивать всѣ дрязги.

— Право, не знаю, куда васъ опредѣлить,—задумываясь сказала она.

— Матушка игуменья, позвольте мнѣ поселиться у матери Евфросиніи: я ее такъ полюбила... сказала Вѣра Николаевна съ внезапной рѣшимостью, думая, что колебанія игуменьи искренни.

— Что? Что такое?—переспросила игуменья, откинувшись къ

высокой деревянной спинкѣ кресла.—Къ матери Евфросиніи? развѣ она?..

— Она ничего объ этомъ не знаетъ,—торопливо сказала Вѣра Николаевна, почувствовавъ, что проговорилась некстати.

— Я не хочу стѣснять матери Евфросиніи!—произнесла уже спокойно игуменья съ серьезнымъ достоинствомъ, которое она при случаѣ умѣла выразить.

Ихъ бесѣда кончилась тѣмъ, что Вѣра Николаевна, выходя на монастырь, могла бы сказать: я уже ваша! но игуменья запретила говорить кому либо о состоявшемся почти ея рѣшеніи.

Возвращаясь изъ игуменскаго кабинета, Вѣра Николаевна замѣтила, что идетъ не черезъ залу, какъ изъ гостиной, а по указанію матери Ревекки по коридору и за нимъ по келейницкой, гдѣ стояли кровати и большіе шкапы. Ее ужасно удивило въ келейницкой никогда не виданное зрѣлище, какъ въ красномъ углу молодая, раскраснѣвшаяся келейница клала поклоны; все лицо ея было въ испаринѣ. Мать Ревекка, подойдя къ ней, уже не пѣвучимъ, а строго суетливымъ голосомъ сказала:

— Матушка игуменья тебѣ приказали завтра въ трапезной становиться на поклоны...

— Благословите!—почтительно отозвалась та.

— И не растягивать больно!

— Благословите!—также терпѣливо и почтительно произнесла милая Даша, и Вѣра Николаевна, на ходу слегка поклонившись другимъ присутствующимъ монахинямъ, почти выбѣжала въ прихожую. «Вѣрно, за что нибудь ужасное!» подумала она жалѣя, что на ея пути не случилось «ангеловиднаго» лица нѣжной Машеньки; видъ ея, можетъ быть, смягчилъ бы тяжелое впечатлѣніе. Вечеромъ она услышала, въ чемъ провинилась Даша. Она гуляла вдоль рѣки, гдѣ проходили случайно или нѣтъ послушники ближайшаго монастыря; перемолвиться словомъ они не успѣли, обмѣнявшись только привѣтомъ: «здравствуйте, матушка!»—«здравствуйте, батюшки!» и «потрясли другъ друга за ручку», какъ выразилась Агаша. «Какая строгость нравовъ!»—подумала Вѣра Николаевна почти сочувственно. Въ этотъ же день все окружающее, все во внутреннемъ мірѣ ея стало представляться ей инымъ, чѣмъ прежде. Жажда подвиговъ, жертвъ проснулась въ ней, и она жалѣла, зачѣмъ у нея такой здоровый организмъ, что все—она чувствовала—ей будетъ легко.

IX.

— Припарку, матушка, благословите готовить?

— Вотъ уже, право, не знаю,—стонущимъ голосомъ сказала игуменья на сладкозвучныя слова матери Ревекки, вопросительно глядя на почтительную келейницу свою и потирая грудь.

— Да, приготовь, пожалуй...

— Слушаю.

Въ припаркѣ игуменья, пожалуй, не нуждалась, хотя здоровье ея очень подалось и одряхлѣло; ей было восемьдесять лѣтъ; но нигдѣ не любятъ такъ заботиться о своихъ болѣзняхъ и лѣчиться, какъ въ монастыряхъ. Въ надеждѣ услышать что нибудь про барышню, мать Ревекка была очень рада возможности еще повертѣться въ спальнѣ съ зажженными лампадами у большихъ иконъ, съ солидной старинной мебелью и жарко пышащей выбѣленной лежанкой, несмотря на то, что на дворѣ былъ іюнь. Мебель въ игуменскихъ кельяхъ большей частью была сборная, послѣ умирающихъ богатыхъ монахинь. При игуменьѣ Ювеналіи обычай, чтобы все, что оставалось послѣ монахинь, шло на пользу монастыря, соблюдался очень свято и поослабѣлъ только потомъ, какъ и многіе другіе старинные обычаи.

Мать Ревекка, приготовляя припарку, мигнула другой старой келейницѣ, которая въ эту минуту соскабливала сало со свѣчныхъ щипцовъ, какъ будто говорила ей: спроси-ка про барышню.

— А нынче,—проговорила игуменья болѣе оживленнымъ тономъ:— видѣла ты сына о. Василія за обѣдней? То-то подросъ да поразвился!

Игуменья Ювеналія, несмотря на свои годы, сохранила еще въ душѣ какую-то отдаленную безотчетную нѣжность къ красотѣ мужчинъ, что было очень полезно въ управленіи сотней сердецъ. Она все замѣчала въ другихъ.

— А что, игумушка наша,—проговорила, шамкая, старушка мать Евпраксія, пользуясь ея милостивымъ расположеніемъ:—какъ насчетъ барышни изволишь?

— А что такое?—съ мгновенной подозрительностью встрепенулась игуменья.

— Да, вѣдь, ничаво? спросить, вѣдь, что—никако дѣло!—успокоительно сказала мать Евпраксія. Она была такъ стара, что тускло смотрѣла мигающими глазами, и даже все лицо ея было въ волоскахъ, точно обросло мохомъ. Но игуменья ничего имъ не сказала о томъ, что ихъ сильно интересовало—такія послушницы, какъ благородная, красивая, молодая Вѣра Николаевна, и тогда были въ рѣдкость, и весь монастырь судилъ и рядилъ о ея поступленіи. Игуменья Ювеналія любила не только власть, а власть самостоятельную и исключительную, и потому, если говорила что нибудь своимъ келейницамъ, то только тогда, когда ея рѣшеніе входило въ силу.

Вѣра Николаевна, разумѣется, никогда не узнала, что матери Евфросиніи дано было понять, какъ ея частыя и продолжительныя свиданія съ «барышней» игуменьѣ не угодны. Игуменья Ювеналія часто таки ограничивала мать Евфросинію, доставляя ей этимъ самыя горькія искушенія. Она отлично понимала, какъ игуменья

боится ея вліянія въ монастырѣ и какъ не любила ея самой, вѣроятной своей преемницы. Президентъ республики, вѣроятно, не съ такой горечью думаетъ о своемъ преемникѣ, какъ большая часть игуменій. Впрочемъ игуменьѣ Ювеналіи дѣйствительно тяжело было думать, что всѣ порядки въ монастырѣ, съ такимъ трудомъ введенные ею, измѣнятся и поослабѣютъ; поэтому она хотя не явно, но довольно чувствительно, притѣсняла мать Евфросинію, которая сокрушалась, замѣчая это. Игуменства она не искала, хотя не сомнѣвалась, что оно ея не минуетъ, вліяніемъ нисколько не пользовалась для себя лично, совсѣмъ была не виновата въ своемъ благородномъ рожденіи (тогда какъ игуменья Ювеналія была купеческаго рода) и ничего не дѣлала, чтобы быть такъ преданно любимой всѣми.

— Почему же Агашѣ не хочется ѣхать за сборомъ?—спросила у матери Флавіи Вѣра Николаевна, когда узнала, что только въ этомъ причина теперешней грусти Агаши.

— Да кому захочется, барышня Вѣра Николаевна, родители ея, вѣдаешь, ладили къ ярмонкѣ побывать... а ей теперь, чу, на полгода отправляться за сборомъ.

Вѣра Николаевна взглянула на Агашу, когда она вошла въ келью; пріятное лицо ея, съ блещущими зубами и веснушками около глазъ, было не то, что озабочено, а напряженно и какъ будто испуганно.

— Вѣдь ты можешь матушку попросить, она пойметъ,—сказала Вѣра Николаевна:—вѣдь это родители твои, кто же тебѣ можетъ быть ближе?

— Эво, милушка, какъ не родители!—перебила ее мать Флавія:—въ монастырѣ какіе родители—одна:—Владычица, а другая—матушка игуменья! Да, и вправду, онѣ—матери наши! Въ монастырѣ отъ родителевъ отрекаемся...

— Что вы? матушку по пустякамъ безпокоить!—сказала увлеченная этими разсужденіями Агаша.—Да, вѣдь, милыя мои, это я, дура-то,—говорила она, точно внезапно сдѣлавъ открытіе:—вѣдь для обители потрудиться надо, не что какъ для обители... Вѣдь мы не съ сожженною совѣстью живемъ!

И кончилось тѣмъ, что Агаша, подпоясанная по ватному пальто кушакомъ, отправилась за сборомъ, а родители ея побывали безъ нея.

X.

Вскорѣ послѣ этого случилось совершенно необычайное дѣло въ стѣнахъ монастыря. Настасья Петровна торжественно пришла сватать Вѣру Николаевну за своего племянника. Если бы она огра-

ничилась только кельями матери Евфросиніи и матери Флавіи, то тѣмъ дѣло бы и кончилось; мать Флавія оторопѣло и возмущенно смотрѣла бы ей нѣкоторое время въ глаза: повѣрите-ль,—признавалась она потомъ близкимъ пріятельницамъ,—какъ она эти слова сказала: все на мнѣ вспотѣло—чу! Мать Евфросинія продолжала бы усовѣщевать ее самое, отказываясь ее слушать, а Настасья Петровна осталась бы въ убѣжденіи, что она дѣлаетъ честь Вѣрѣ Николаевнѣ, и все было бы забыто. Но возбужденная до крайности она придумала за всенощной, не медля ни минуты, сама объясниться съ игуменьей.

— Скажи поди матери Ревеккѣ, пусть спроситъ, о чемъ она?—сказала игуменья, когда, помогая ей снять послѣ всенощной рясу и камилавку, уставшая Машенька пришла въ ея келью. «Говорятъ, по важному дѣлу». «По важному, сказываютъ, дѣлу!» Мать Ревекка слышала—«по важному, дескать, дѣлу!»—Такъ покатилась новость по игуменскимъ кельямъ, и хотя съ досадой, но Настасья Петровна была принята.—Ничто, какъ поминки какія у нея, завтра булки хочетъ на трапезу подать!—рѣшила игуменья, выходя къ ней въ гостиную.

....Но сама Настасья Петровна не знала, какъ поправить дѣло, когда, невольно сконфузясь, объяснила, зачѣмъ пришла. Она оправдывалась тѣмъ, что слышала о поступленіи Вѣры Николаевны въ монастырь, боялась, что ее одѣнутъ въ монашеское платье—тогда уже поздно—и торопилась закрѣпить счастье молодыхъ людей. Хорошо, что судьба пощадила гордыя уши Вѣры Николаевны, и она, только много времени спустя, объ этомъ узнала. Въ это же время всякая мысль о личномъ счастьѣ причинила бы ей смертельную боль, кромѣ счастія принести себя въ жертву; да притомъ добродушный Димъ съ пенснэ на дальнозоркихъ глазахъ, отчего они у него и болѣли, и съ раскиданными волосами имѣлъ для нея не больше значенія, чѣмъ дьячекъ Семенъ Семеновичъ съ косой по поясъ и съ пестрой вышивкой на поясѣ.

Сватовство это могло бы плохо кончиться для Вѣры Николаевны, но кончилось тѣмъ, что сейчасъ же по уходѣ совершенно сконфуженной, пунцовой отъ гнѣва и испуганной Настасьи Петровны послали за матерью Евфросиніей.

Было уже поздно. Мать Евфросинія успѣла уже разоблачиться, напиться чая и собиралась итти спать, а къ игуменьѣ нельзя было явиться иначе, какъ во всемъ парадѣ. Несмотря на то, что она была самой главной монахиней и, можетъ быть, въ этотъ вечеръ особенно устала, она явилась немедленно и, съ полнымъ смиреніемъ затворивъ за собою дверь, поклонилась игуменьѣ въ ноги.

— Вотъ такъ и такъ,—разсказала ей игуменья:—какъ тутъ быть? Куда посадить барышню? Флавія что ей за старица!

Игуменья часто совѣтовалась съ матерью Евфросиніей о такихъ

безобидныхъ вещахъ. Что же касается доходовъ, отчетовъ, назначенія, напримѣръ, казначеи или благочинной, голосъ матери Евфросиніи не имѣлъ никакого значенія.

— Вы проговаривались, матушка, о матери Мареміанѣ?

— А вотъ вѣдь и правда ваша:—подхватила игуменья, которая любила совѣты, исходящіе какъ будто отъ нея же самой:—она, кстати, не сегодня, завтра вернется со сбору. Спасибо, что напомнили. Мать Евфросинія, слыхали, съ чѣмъ барыня-то ко мнѣ подбилась? Будто я у себя сватовства заведу!.. Да и ея въ своемъ домѣ держать не буду! Вы ей при случаѣ скажите. Давно мнѣ, признаться, съ нею развязаться хочется.

— Увольте, матушка,—такое деликатное порученіе!

— Да вѣдь мою волю только ей передадите,—сказала игуменья, которой не хотѣлось самой заводить новую исторію съ Настасьей Петровной.—Ужъ это, какъ хотите, за послушаніе, мать Евфросинія, устройте.

— Ну, такъ благословите, матушка!

Какъ бы тамъ ни было, благодаря Вѣрѣ Николаевнѣ, Настасья Петровна со своими гостями, угощеніями и романами была удалена изъ монастыря. А Вѣрѣ Николаевнѣ, нѣсколько дней спустя, молоденькая послушница-башмачница издали съ улыбкой показала сшитые нарочно для нея сапоги изъ грубой кожи безъ каблуковъ, какіе всѣ тогда носили въ монастырѣ.

Во всякомъ случаѣ игуменья Ювеналія по какому нибудь особенному случаю приняла къ себѣ молодую барышню.

Она любила больше простыхъ и выносливыхъ дѣвушекъ, годныхъ для всякой работы. Но, Богъ вѣсть, можетъ быть, подкупающая искренность въ безпомощной красотѣ Вѣры Николаевны подѣйствовала на игуменью, или она увидала въ ней добротный матеріалъ для монашескихъ подвиговъ впослѣдствіи, только знаменательный день, когда надо было вмѣстѣ съ мірскими одеждами сбросить съ себя мірскія оковы, наконецъ наступилъ для Вѣры Николаевны.

— «Я отдаю на вѣки свою свободу... свою волю, но на что мнѣ онѣ?»—говорила она сама себѣ въ торжественное въ ея жизни утро. Никто не напомнилъ ей объ осторожности, о важности этого рѣшенія, никто не напомнилъ ей о ея молодости и нѣжной красотѣ, которая невольно бросалась всѣмъ въ глаза, когда, чтобы вести ее къ игуменьѣ, ей распустили ея чудные волосы. Забывая объ окружающихъ, она подняла къ небу блестящіе, пламенные глаза и мысленно, страстно отрекалась отъ своей прежней жизни; душа ея неслась къ небу, и плѣнительная оболочка ея души молчала. «Какъ есть херувимская красота!» —говорили потомъ всѣ, кто видѣлъ выраженіе ея глазъ, ея рта въ эту минуту.

Вѣрѣ Николаевнѣ казалось, что все легко, даже мученія за вѣру, даже, что хуже этого, страданіе отъ людей, ихъ пренебреженіе. На время душа ея была утѣшена и долго сохраняла состояніе спокойной радости тѣхъ мгновеній, когда съ пѣніемъ молитвъ на ея маленькія ноги надѣли грубые башмаки,—длинный шерстяной подрясникъ и рясу, скрывающую прекрасный станъ, а на голову бархатную надвинутую на лобъ широкую повязку съ шелковыми лопастями.

— «Милости просимъ со Христомъ! Христова невѣстушка!»—ласковымъ искреннимъ голосомъ встрѣтила ее новая ея старица Мареміана въ новомъ ея жилищѣ, куда проводили ее мать Евфросинья и мать Флавія.

— «Слава Тебѣ, Господи, Достойно пропѣта, рясочка надѣта,— сказала мать Флавія шепотомъ отъ слезъ, прощаясь съ нею:—а я, признаться вамъ сказать, все боялась, какъ бы не раздумали. Вся душа выболѣла»...

Только нѣкоторое время спустя, Вѣра Николаевна оглядѣлась въ новой своей кельѣ. Въ ней было довольно тѣсно, но барышнѣ отвели лучшее мѣсто за ситцевой занавѣской, которая служила продолженіемъ большой лежанки, уставленной немногочисленными хозяйственными принадлежностями Мареміаны. Въ маленькія окна смотрѣли покраснѣвшіе гроздья рябины, крашенная грубой работы мебель тѣсно стояла, прижатая одна вещь къ другой, громко стучалъ часовой маятникъ, и все это понравилось Вѣрѣ Николаевнѣ въ первую минуту своимъ смиреніемъ. Она почувствовала, что мать Мареміана—надежный товарищъ, именно какую ей хотѣлось старицу: маленькая, чистоплотная старушка, съ желтымъ продолговатымъ лицомъ и успокоительнымъ взглядомъ, который какъ будто бы таитъ какое-то свое собственное содержаніе. А по какому неизвѣстному пути ей придется брести съ этимъ товарищемъ—ее мало трогало... Ни прошлое, ни будущее ея больше не волновало, точно два лучезарныхъ крыла сомкнулись надъ ея головой и закрыли отъ нея измѣну, страсти и влеченіе къ земнымъ радостямъ.

Жизнь Вѣры Николаевны въ монастырѣ во многомъ была бы иною, чѣмъ была, если бы она не лишилась вскорѣ послѣ этого игуменьи Ювеналіи, которая, умирая, уступила свое мѣсто матери Евфросиніи. На крутую и опасную лѣстницу можно лишь очень привычному человѣку всходить безъ перилъ, а такими перилами, въ смыслѣ спасенія, какъ нельзя лучше могла служить игуменья Ювеналія. Строгость, заведенная ею въ монастырѣ, скоро ослабѣла во всѣхъ винтахъ, и Богъ знаетъ, къ лучшему ли это было. При

ней никто не смѣлъ пойти въ городъ безъ спроса, проспать утреню, дерзко отвѣтить старицѣ, отказаться отъ послушанія, принимать частыхъ гостей. Мать-Евфросинія, наоборотъ, сама любила опереться о чужую волю и избѣгала видѣть вблизи келейную жизнь. Въ противоположность игуменьѣ Ювеналіи, она сама почти не заглядывала въ кельи, а положилась во всемъ на довѣренныхъ старицъ. Игуменья Ювеналія никому не довѣряла и все держала въ своихъ рукахъ, къ тому же, много испытавъ въ жизни, она знала сердце человѣческое, и въ то время, какъ мать Евфросинія видѣла въ блестящихъ черныхъ глазахъ Вѣры Николаевны небесные нравы, игуменія Ювеналія увидала въ нихъ земные. Было ли, нѣтъ ли какое нибудь увлеченіе въ мірской жизни матери Евфросиніи, монашеская жизнь ея была безупречна—совершенно чиста въ смыслѣ сердечныхъ ошибокъ—и по себѣ она судила о другихъ и даже не понимала, какъ это, живя въ монастырѣ, допустить себя кѣмъ нибудь увлечься! Она не понимала неотразимой потребности любить, хотя была чрезвычайно сострадательна и безъ разбора снисходительна. Красота природы для нея не существовала, и поэтому, можетъ быть, природа людскихъ сердецъ ей была непонятна. Она любила церковныя службы и все, что касается духовной жизни, игуменія же Ювеналія во всемъ любила практическую сторону. И много лѣтъ спустя, когда она сама стала управлять монастыремъ, Вѣрѣ Николаевнѣ пришлось припоминать, какъ полезный примѣръ, тотъ кончикъ управленія игуменьи Ювеналіи, который она еще застала, когда училась привыкать ходить по церкви, какъ отъ нея требовали, медленно, плавно и смиренно, безъ особеннаго внутренняго предубѣжденія ѣсть каждый день пустыя сѣрыя щи, супъ съ соленой рыбой и холодное топленое молоко, да различать одинъ канонъ отъ другого.

И. А. Даниловъ.

А. П. ВОЛЫНСКІЙ, КАКЪ КАБИНЕТЪ-МИНИСТРЪ[1])

I.

МЕЖДУ бумагами кабинета министровъ, приготовляемыми нами къ напечатанію въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, находится немало такихъ, которыя такъ или иначе касаются Артемія Петровича Волынскаго, бывшаго, какъ извѣстно, въ теченіе 2-хъ слишкомъ лѣтъ кабинетъ-министромъ. О Волынскомъ говорилось и писалось весьма немало, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что еще многое изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни и мученической кончины остается доселѣ невполнѣ разъясненнымъ, главнымъ образомъ, конечно, за недостаткомъ матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи изслѣдователей нашихъ. Весьма мало изученнымъ является и время пребыванія Волынскаго въ кабинетѣ. Имѣя въ журналахъ кабинета и нѣкоторыхъ другихъ документахъ новый нетронутый матеріалъ для сужденія о времени пребыванія Волынскаго въ кабинетѣ, мы сдѣлаемъ небольшую попытку обозрѣть его здѣсь дѣятельность и указать, насколько позволяютъ наши первоисточники, на характерныя ея черты и особенности. При этомъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что чисто-дѣловыя, офиціальныя

[1]) Докладъ, читанный въ годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества, 1 марта сего 1901 г.

бумаги, находящіяся въ нашемъ пользованіи, не могутъ освѣтить сколько нибудь ярко ни всѣхъ обстоятельствъ того «суетного и опаснаго», какъ выражался самъ Волынскій, «времени», въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ, ни отразить въ себѣ всѣхъ перипетій той великой драмы, которая, развиваясь быстро, довела скоро Волынскаго до плахи. Какъ бы ни былъ, однако, блѣденъ обликъ Волынскаго, нарисованный на основаніи указаннаго матеріала, какъ бы, можетъ быть, ни былъ болѣе у мѣста въ возсозданіи этого героическаго образа поэтъ, а не юристъ-историкъ, матеріалъ этотъ не можетъ быть оставленъ, несмотря на нѣкоторую его односторонность и отрывочность, совсѣмъ безъ вниманія, такъ какъ въ немъ содержится немало цѣнныхъ и при томъ чисто-фактическихъ данныхъ для пониманія положенія и дѣятельности Волынскаго въ кабинетѣ, что́ и служитъ оправданіемъ предлагаемаго доклада, составляющаго лишь часть большой работы.

II.

Прежде, однако, чѣмъ мы коснемся того положенія, какое занялъ въ «кабинетѣ ея императорскаго величества» Волынскій, и попытаемся дать характеристику его здѣсь дѣятельности, необходимо, хотя кратко, обозначить, какова была комбинація тѣхъ личныхъ силъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось въ данное время управленіе государствомъ, и какъ велось на практикѣ дѣлопроизводство въ кабинетѣ. Возникнувъ первоначально, по иниціативѣ Остермана, въ видѣ особаго неофиціальнаго секретаріата государыни и просуществовавъ такъ нѣкоторое время подъ руководствомъ того же Остермана, кабинетъ затѣмъ превращается въ постоянное, «при дворѣ» государыни дѣйствующее, учрежденіе, созданное «для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному нашему опредѣленію и рѣшенію подлежатъ», какъ гласилъ указъ 18 октября 1731 г. Въ составъ его входятъ, какъ извѣстно, три лица: канцлеръ гр. Г. И. Головкинъ, вице-канцлеръ гр. А. И. Остерманъ и кн. А. М. Черкасскій. Если стереотипныя фразы, встрѣчающіяся постоянно въ журналахъ кабинета за 1731—1733 гг.—«гг. министры носили къ ея императорскому величеству указы», или «гг. министры ходили къ ея императорскому величеству съ докладами и для подписанія указовъ», неизмѣнно и вмѣстѣ наглядно отмѣчаютъ, какъ близость кабинета къ государынѣ, такъ и основную функцію его членовъ, то изъ этихъ же фразъ, а равно изъ обычныхъ записей журналовъ, что «гг. министры приказали», или «приказано отъ гг. министровъ» (сдѣлать то или другое, вызвать въ кабинетъ тѣхъ или иныхъ лицъ и т. п.), надо вывести заключеніе о совмѣстной и, по крайней мѣрѣ, внѣшне согласной вполнѣ дѣятельности кабинетъ-министровъ во всемъ, что касалось «от-

правленія» порученныхъ имъ «государственныхъ дѣлъ». Эта согласность дѣйствій кабинетъ-министровъ значительно, впрочемъ, была облегчена какъ малочисленностью учрежденія, такъ и характеромъ отношеній, сложившихся между министрами въ кабинетѣ. Во-первыхъ, уже вскорѣ по учреждении кабинета обнаружилось, что ввѣренныя ему функціи отправляются главнымъ образомъ двумя министрами—гр. А. И. Остерманомъ и кн. А. М. Черкасскимъ, такъ какъ престарѣлый канцлеръ гр. Г. И. Головкинъ вообще не принимаетъ сколько нибудь дѣятельнаго участія въ сложныхъ и разнообразныхъ дѣлахъ кабинетскаго управленія, при томъ съ ноября 1733 г. онъ перестаетъ вовсе бывать въ засѣданіяхъ кабинета, въ январѣ же слѣдующаго года—умираетъ. Если мы къ сказанному добавимъ, что въ лицѣ кн. Черкасскаго кабинетъ имѣлъ, хотя и весьма опытнаго и трудолюбиваго администратора, но человѣка не отличавшагося, по единогласному почти мнѣнію современниковъ, ни большимъ умомъ, ни самостоятельностью сужденій и дѣйствій, то естественно, что «душею» кабинета, авторитетнымъ и полновластнымъ рѣшителемъ «кабинетныхъ» дѣлъ являлся Остерманъ. Правда, время отъ времени, въ кабинетъ призывались для сужденія о наиболѣе важныхъ вопросахъ государственнаго управленія и другія лица (какъ, напримѣръ, гр. фонъ-Минихъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, А. И. Ушаковъ, кн. А. И. Шаховской и другіе), а равно и созывались изъ «генералитета», сенаторовъ и другихъ довѣренныхъ «персонъ» особыя чрезвычайныя собранія, но все это едва ли служило къ умаленію роли Остермана въ кабинетѣ, а, наоборотъ, лишь ярче оттѣняло значеніе его, какъ «перваго министра» кабинета, знающаго тонко всѣ обстоятельства обсуждавшихся дѣлъ и вопросовъ, дѣятельнаго, энергичнаго, вмѣстѣ сдержаннаго, хитраго. Трижды затѣмъ, по смерти гр. Г. И. Головкина, пытался Биронъ, стоявшій офиціально внѣ кабинета, противопоставить всесильному вліянію въ кабинетѣ Остермана иное свое вліяніе, вводя сюда сначала гр. П. И. Ягужинскаго (въ апрѣлѣ 1735 г.), затѣмъ А. П. Волынскаго (въ апрѣлѣ 1738 г.), наконецъ, вскорѣ послѣ казни послѣдняго, А. П. Бестужева-Рюмина (въ августѣ 1740 г.) Изъ нихъ только послѣдній вполнѣ оправдалъ расчеты Бирона и, какъ заклятый врагъ Остермана, сильно сыгралъ въ руку Бирона въ вопросѣ о его регентствѣ, поднятомъ въ октябрѣ 1740 г., предъ лицомъ умиравшей тогда государыни. Что же касается Ягужинскаго, то введеніе его въ кабинетъ въ качествѣ министра не могло серіозно повліять на положеніе здѣсь Остермана уже прежде всего потому, что, пробывъ въ кабинетѣ всего лишь около года (начавъ присутствовать въ кабинетѣ съ 30 апрѣля 1735 г., онъ, какъ извѣстно, уже въ апрѣлѣ 1736 г. скончался), Ягужинскій не могъ многаго и сдѣлать здѣсь; да при томъ этотъ столь извѣстный своею энергіею генералъ-прокуроръ петровскаго сената былъ въ данное время лишь тѣнью сво-

его блестящаго и бурнаго прошлаго. Для Бирона со смертію Ягужинскаго вновь предстояло рѣшить трудную задачу, а именно найти человѣка, преданнаго и вмѣстѣ могущаго противостоять все сильнѣе и сильнѣе растущему значенію Остермана въ кабинетѣ. Такой человѣкъ былъ найденъ имъ въ лицѣ А. П. Волынскаго, но найденъ, однако, лишь спустя два года послѣ смерти Ягужинскаго. Такимъ образомъ надо констатировать тотъ важный, но малообращавшій на себя вниманіе фактъ, что Остерманъ почти непрерывно, въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ существованія кабинета, былъ въ немъ не только первымъ, но и единственнымъ министромъ, весьма крѣпко и съ громадною дѣловою энергіею державшимъ въ рукахъ своихъ бразды государственнаго правленія, поскольку послѣднее отправлялось кабинетомъ.

III.

Положеніе Остермана въ кабинетѣ, однако, быстро и рѣзко мѣняется, когда здѣсь появляется Волынскій. Несомнѣнно, что Биронъ способствовалъ назначенію Волынскаго кабинетъ-министромъ «въ расчетѣ на невозможность для него», какъ вѣрно замѣтилъ С. М. Соловьевъ, «держаться самостоятельно», въ расчетѣ, что онъ будетъ у него въ полномъ подчиненіи. Однако, этотъ расчетъ оказался невѣренъ, такъ какъ Волынскій, хотя и вступилъ, войдя въ кабинетъ, тотчасъ же въ борьбу съ Остерманомъ за власть и вліяніе, но не только не пошелъ при этомъ рабски за Бирономъ, а попытался найти, для осуществленія своихъ плановъ, опору въ самой государынѣ, охотно, повидимому, выслушивавшей живые и интересные доклады новаго министра. Несмотря на свой офиціальный характеръ, журналы кабинета весьма рельефно отражаютъ въ своихъ записяхъ ту обстановку кабинетскаго дѣлопроизводства, какая создалась со вступленіемъ въ кабинетъ Волынскаго, а равно и наглядно живописуютъ, какъ перемѣну во внѣшнемъ положеніи Остермана въ кабинетѣ, такъ и стремительную горячность, съ которою сталъ дѣйствовать Волынскій къ упроченію своего первенствующаго положенія въ кабинетѣ, съ одной стороны, и къ умаленію значенія своего противника—съ другой. Уже вступленіе Волынскаго въ кабинетъ не обошлось безъ нѣкотораго инцидента, бросающаго своеобразный свѣтъ на положеніе дѣлъ и частью отмѣченнаго въ журналахъ. Именно, въ записи отъ 3 апрѣля 1738 г. означено, что «ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила г. егермейстера Волынскаго кабинетнымъ министромъ объявить и указала его завтра поутру къ присягѣ привести, о чемъ графу Андрею Ивановичу, по указу ея величества, объявлено, и его сіятельство приказалъ, чтобъ такую, къ сему чину принадлежащую, присягу написать и по тому ея императорскаго величества указу исполнить,

взявъ формуляръ или примѣръ сенатской присяги, ежели особливой для кабинетныхъ министровъ нѣтъ, и прибавя къ тому что прилично». Креатура Остермана, кабинетъ-секретарь Андрей Яковлевъ, исполнилъ приказъ своего патрона и «поднесъ» Волынскому (какъ гласитъ одно извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о Волынскомъ) «форму присяги, въ которой (было) изъяснено, что, если онъ ее нарушитъ, то подвергнется смертной казни». «Какъ!—вскричалъ Волынскій, государыня жалуетъ меня званіемъ министра, а ты топоромъ и плахою!». Другіе кабинетъ-министры, при вступленіи въ должность, не приводились къ присягѣ, въ формулу же присяги Волынскаго не нашли ничего болѣе «приличнаго» добавить, какъ слова, глубоко его оскорбившія. «Неизвѣстно, заставилъ ли Волынскій Яковлева исключить сіи слова изъ присяги, извѣстно только, что онъ его съ тѣхъ поръ преслѣдовалъ постоянно»[1]), добился чрезъ $1^1/_2$ г. послѣ разсказаннаго случая его удаленія изъ кабинета «за непорядочные въ дѣлахъ поступки»[2]) и, въ свою очередь, позднѣе, когда происходило слѣдствіе, нашелъ въ Яковлевѣ врага, много повредившаго ему своими показаніями. Если такимъ образомъ вступленіе Волынскаго въ кабинетъ не прошло вполнѣ спокойно, то и дальнѣйшее его здѣсь пребываніе сопровождалось цѣлымъ рядомъ крупныхъ перемѣнъ въ самомъ порядкѣ кабинетскаго дѣлопроизводства. До него это дѣлопроизводство въ краткихъ чертахъ было таково. Наличные министры, обычно Остерманъ и Черкасскій, разсматривали поступавшія въ кабинетъ, то непосредственно, то отъ государыни доношенія, рапорты, челобитныя и т. д. и, смотря по обстоятельствамъ дѣла, либо входили тотчасъ по содержанію этихъ актовъ съ докладами, либо собирали о нихъ особыя справки, отдавая приказы о вызовѣ тѣхъ или иныхъ лицъ для объясненій, или о доставленіи въ кабинетъ нужныхъ свѣдѣній. Затѣмъ обычно тѣ же два министра, а иногда и одинъ изъ нихъ, отправлялись къ государынѣ и подносили ей для подписанія проекты именныхъ указовъ и высочайшихъ резолюцій, если дѣло было доложено раньше, или испрашивали тѣ или иныя повелѣнія по дѣламъ, требовавшимъ того или другого разрѣшенія впредь.

Кромѣ того, министры то непосредственно сами, то черезъ другихъ лицъ получали отъ императрицы особыя повелѣнія или, по тер-

---

[1]) См. «Записку объ Артеміи Волынскомъ», напечатанную въ «Чтеніяхъ имп. общ. ист. и древн. россійскихъ», 1858 г., кн. II., стр. 136, 146. Записку эту проф. Д. А. Корсаковъ считаетъ извлеченіемъ изъ «слѣдственнаго дѣла» о Волынскомъ, судя по рукописи, найденной въ бумагахъ покойнаго И. П. Шульгина (см. біографическій очеркъ Д. А. Корсакова «А. П. Волынскій», напечатанный въ журналѣ «Древняя и Новая Россія», 1876 г., т. I, стр. 45, прим.; другія части этого прекраснаго очерка напечатаны тамъ же 1877 г., №№ 1, 3, 8, 11).

[2]) I Полн. Собр. Зак., т. X, № 7907.

минологіи времени, «изустные» или «словесные» указы, которые, въ свою очередь, вызывали ихъ на ту или другую дѣятельность, напримѣръ, на отдачу новыхъ приказовъ, на посылку указовъ, писемъ и т. п. Каждый изъ этихъ обычныхъ моментовъ дѣятельности министровъ получилъ свой особый отпечатокъ, когда въ кабинетѣ появился Волынскій. Такъ, что касается прежде всего всеподданнѣйшихъ докладовъ и объявленія монаршей воли, то вмѣсто прежнихъ формулъ — «гг. министры ходили къ ея императорскому величеству съ докладами и для подписанія указовъ», «гг. министры объявили ея императорскаго величества указъ»... или «по ея императорскаго величества указу приказали...» и т. п. [1]),— являются такія записи въ журналахъ: «кабинетъ-министръ А. П. Волынскій объявилъ, что ея императорское величество указала...»; «А. П. Волынскій объявилъ ея императорскаго величества указы...», или «ея императорскаго величества именной изустный (или «словесный») указъ...», или «прислалъ изъ Петергофа объявленные отъ ея императорскаго величества именные изустные указы, на письмѣ своею рукою, въ которыхъ написано...», или «его превосходительство изволилъ съ собою взять для докладу ея императорскому величеству въ Петергофъ...» (идетъ перечисленіе взятаго) [2]). Если журналы упоминаютъ еще изрѣдка, что князь Черкасскій и Волынскій, придя съ доклада, объявили тотъ или другой указъ государыни [3]), то объ Остерманѣ нѣтъ въ нихъ и рѣчи, такъ что приходится прійти къ выводу, что онъ,—едва ли, впрочемъ, не преднамѣренно,—совершенно устранился отъ столь обычныхъ прежде совмѣстныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ наличныхъ членовъ кабинета, при которыхъ онъ долго игралъ первенствующую роль, и предоставилъ своему противнику итти одному по тому весьма скользкому пути приближенія къ государынѣ, на которомъ онъ неминуемо долженъ былъ столкнуться съ Бирономъ и въ немъ найти новаго страшнаго врага, сильнаго своими давними и крѣпкими отношеніями къ императрицѣ, весьма ревниваго ко всякому постороннему на нее вліянію. Опытъ политики Остермана скоро далъ самые блестящіе результаты: имъ вызвано было сильнѣйшее раздраженіе Бирона противъ слишкомъ выдвигающагося передъ императрицею кабинетъ-министра, онъ привелъ весьма скоро самого Волынскаго въ отчаяніе и заставилъ его горько жаловаться своимъ «конфидентамъ» на тяжесть взятой имъ столь необдуманно на себя обя-

[1]) См. объ этомъ мое «введеніе» къ «бумагамъ кабинета министровъ» (Сборникъ И. Русск. Ист. Общ., т. CIV, стр. XLVII сл.).

[2]) Журналы отъ 4, 8 апрѣля, 22 мая, 16, 21, 25, 26 іюня, 7, 11, 22 іюля, 5, 29 августа, 7 декабря 1738 г.; 11 февраля, 18 августа, 27 ноября, 3, 6 декабря 1739 г. и мн. др.

[3]) Журналы 2 мая, 5 сентября, 12 декабря 1739 г. и нѣкоторые другіе.

занности, на то, что у государыни «ничего постояннаго нѣтъ», что «резолюціи отъ нея никакой не добьешься, и нынѣ у насъ герцогъ что захочетъ, то и дѣлаетъ» и пр.[1]).

IV.

Если Остерманъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ и, повидимому, столь легко и безъ всякой борьбы, уступилъ Волынскому свою старую позицію первенствующаго при всеподданнѣйшихъ докладахъ кабинетъ-министра, то иначе повелъ онъ дѣло съ Волынскимъ въ самомъ кабинетѣ. Здѣсь Волынскому пришлось встрѣтиться съ соперникомъ, не оставляющимъ безъ вниманія ни одного его шага, борющимся упорно, изо дня въ день, за свои права, съ соперникомъ, при томъ, необычайно дѣятельнымъ и опытнымъ, изводящимъ его по мелочамъ и раздражающимъ методичной и скрытой расчетливостью своихъ дѣйствій. Недаромъ Волынскій, съ неудовольствіемъ отзываясь о трудахъ своихъ въ кабинетѣ, говорилъ псковскому архіерею: «собакѣ лучше житье, чѣмъ мнѣ» [2]), такъ донималъ его Остерманъ, вызывая его на разныя выходки, закончившіяся, на его гибель, знаменитою «Запискою о притворствахъ и вымыслахъ, бывающихъ при дворѣ государей», которую онъ подалъ государынѣ и въ которой рѣзче всего описалъ «притворства» самого Остермана. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности кабинетскаго дѣлопроизводства для нагляднаго подтвержденія сказаннаго.

Хотя въ журналахъ и продолжаютъ встрѣчаться записи, содержащія столь обычную и общую прежде формулу: «гг. министры приказали» или «приказано отъ гг. министровъ», но наряду съ нею попадаются такія: «приказано отъ гг. кабинетъ-министровъ князя А. М. Черкасскаго и А. П. Волынскаго», приказано отъ «А. П. Волынскаго» и т. п., при чемъ, если Остерманъ находитъ нужнымъ, подобно другимъ министрамъ, отдать тотъ или другой приказъ, онъ отдаетъ его весьма нерѣдко особо. Затѣмъ появляются совершенно почти неизвѣстныя въ практикѣ кабинета особыя «мнѣнія», и при этомъ такія мнѣнія принадлежатъ обыкновенно Остерману, два другихъ министра почти всегда идутъ вмѣстѣ. Мало этого: Волынскій и Остерманъ не только, по большей части, не могутъ согласиться другъ съ другомъ во «мнѣніяхъ», но они, повидимому, либо бываютъ въ кабинетѣ въ разное время, либо вообще не вступаютъ другъ съ другомъ въ разговоры, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется наличность такихъ журнальныхъ записей,

---

[1]) С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XX, изд. 3, стр. 421 сл.; Д. А. Корсаковъ—«А. П. Волынскій», Древн. и Новая Россія, 1877, № 8, стр. 278.

[2]) Записка объ Артеміи Волынскомъ, ibidem, стр. 146.

не встрѣчавшихся совершенно прежде: «приказалъ г. кабинетъ-министръ, его сіятельство гр. А. И. Остерманъ... его превосходительству, оберъ-егермейстеру и кабинетъ-министру А. П. Волынскому мнѣніе свое объявить»...; онъ же «приказалъ донести его превосходительству А. П. Волынскому», или «доложить» какъ ему, такъ и кн. Черкасскому..; въ свою очередь Волынскій одинъ, или же вмѣстѣ съ Черкасскимъ, приказываетъ «доложить» или «донести» о чемъ либо Остерману [1]). Такимъ образомъ кабинетъ-министры раздѣлились: Волынскій съ Черкасскимъ идутъ по большей части вмѣстѣ, Остерманъ дѣйствуетъ отдѣльно. Интересно при этомъ еще отмѣтить, что «приказы», отданные изъ кабинета однимъ Волынскимъ, или Волынскимъ вмѣстѣ съ Черкасскимъ, доминируютъ, по количеству своему, надъ «приказами», исходящими отъ одного Остермана, но зато, какъ сказано, онъ въ изобиліи и безъ устали отвѣчаетъ особыми, часто весьма обстоятельными, корректными и вмѣстѣ нерѣдко язвительными, своими мнѣніями, на согласное обычно мнѣніе двухъ другихъ министровъ. Это обстоятельство кажется намъ весьма характернымъ: Остерманъ ничего не имѣетъ противъ отдачи однимъ Волынскимъ, или Волынскимъ вмѣстѣ съ Черкасскимъ, тѣхъ или иныхъ распоряженій, противъ вызова въ кабинетъ разныхъ лицъ, собранія справокъ и т. д., онъ только отдаетъ время отъ времени свои распоряженія, собираетъ свои справки, но когда дѣло отъ этой предварительной стадіи доходитъ до обсужденія и рѣшенія, онъ выступаетъ впередъ, отвѣчаетъ на резолюціи и мнѣнія Волынскаго, или на согласное мнѣніе двухъ министровъ, своими подробно мотивированными, обстоятельными мнѣніями, требуетъ перерѣшенія вопроса, измѣненія текста заготовляемыхъ указовъ, перенесенія дѣлъ на всемилостивѣйшую резолюцію императрицы, указываетъ иногда на недостаточность собраннаго, для разрѣшенія вопроса, матеріала, отмѣчаетъ, при случаѣ, неполученіе имъ для разсмотрѣнія входящихъ въ кабинетъ бумагъ, устраненіе его товарищами отъ обсужденія дѣлъ и т. д., не пропускаетъ, однимъ словомъ, безъ вниманія ничего ни важнаго, ни второстепеннаго и держитъ пылкаго стремительнаго Волынскаго въ постоянномъ напряженіи. Журнальныя записи отлично вскрываютъ предъ нами тѣ отношенія, въ которыхъ стоятъ другъ къ другу стороны. Въ одномъ журналѣ, напримѣръ, читаемъ, что Остерманъ, просматривая, по обыкновенію, особо отъ товарищей поступившія въ кабинетъ бумаги и не найдя между сенатскими сообщеніями двухъ, замѣчаетъ: «понеже тѣ оба сообщенія мнѣ не объявлены, того ради и моего мнѣнія объявить не могу»; въ другомъ записано слѣдующее его заявленіе: « а о которомъ докладѣ

---

[1]) Журналы 4, 8 іюля 1738 г.; 13, 18 февраля, 2, 14 іюля, 9 ноября 1739 г. и мн. др.

въ концѣ упомянуто, онаго я не видалъ»; въ третьемъ сказано, что гр. А. И Остерманъ «изволилъ приказать», между прочимъ, «о входящихъ въ кабинетъ дѣлахъ, что его сіятельство, какія есть, чрезъ немалое время не видалъ, чтобъ ему сообщаемы были» [1]). Если приведенныя записи показываютъ, что нѣкоторыя дѣла почему-то не поступаютъ къ Остерману, или поступаютъ медленно, то изъ другихъ видно, что Остерманъ долженъ былъ напоминать своимъ товарищамъ о необходимости разсматривать дѣла, идущія на всеподданнѣйшій докладъ, съ нимъ вмѣстѣ. Въ журналѣ отъ 18 февраля 1739 года, напримѣръ, записано, что «его сіятельство графъ Андрей Ивановичъ приказалъ кабинетъ-министрамъ донести, чтобъ по сообщенію изъ сената о произведеніи смоленскаго шляхтича Андрея Станкевича къ тамошней шляхтѣ въ генеральные поручики, изволили, не докладывая ея императорскаго величества, прежде посовѣтовать съ его сіятельствомъ»; въ другомъ читаемъ, что Остерманъ приказалъ «донести» своимъ товарищамъ по кабинету, что «ежели министры объ ономъ (дѣлѣ) положили ея императорскому величеству доложить, тобъ изволили съ его сіятельствомъ обще посовѣтовать» [2]). Такія напоминанія товарищамъ объ ихъ обязанности не были излишни, такъ какъ возможны были случаи обхода Остермана, какъ это, напримѣръ, видно изъ журнальной записи отъ 16 августа 1739 года: графъ А. И. Остерманъ «изволилъ многократно требовать штата о новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, но оный штатъ разсматривали и разсужденіе имѣли кабинетъ-министры князь Алексѣй Михайловичъ и Артемій Петровичъ, и для того оный штатъ былъ у нихъ, а сего августа 10-го дня его сіятельство паки его требовать изволилъ, токмо упомянутый штатъ, по данной памятной запискѣ отъ его свѣтлости князя А. М. Черкасскаго, взятъ въ Петергофъ»,—для доклада о немъ императрицѣ, конечно.

V.

Какъ отмѣчено выше, журналы кабинета полны возраженіями Остермана на резолюціи и формуляры указовъ, составленные Волынскимъ однимъ, или вмѣстѣ съ Черкасскимъ. Намъ невозможно воспроизвести въ краткомъ очеркѣ всѣхъ подробностей этой своеобразной борьбы; но нѣкоторые примѣры ея могутъ быть, для наглядности, указаны. На доношеніи, напримѣръ, «с.-петербургскихъ ямскихъ слободъ ямщиковъ, выборныхъ Θ. Барышникова съ товарищи, о невзятіи съ нихъ, для ихъ скудости и частой на почтѣ гоньбы, въ нынѣшній новый наборъ рекрутъ и лошадей»,

---

[1]) Журналы 19 августа, 2 сентября, 24 октября 1739 г.

[2]) Журналъ отъ 12 ноября 1739 года.

Волынскій подписалъ резолюцію: «вышеозначенныхъ с.-петербургскихъ ямщиковъ отъ поставки по нынѣшнему послѣднему наряду рекрутъ и лошадей уволить, ибо они передъ другими несутъ излишнія тягости». На эту резолюцію Остерманъ представилъ «мнѣніе»: «онымъ ямщикамъ, противъ другихъ ямовъ, хотя больше расходу въ лошадяхъ, но больше втрое и прибыли противъ ихъ, ибо отсюда больше они нанимаются и прибыль получаютъ, а другіе не столько, того ради съ прочими и ту тягость нести должны» (журналъ 31 августа 1738 года). Или, напримѣръ, Волынскій «апробовалъ» такую резолюцію: «по прошенію вдовы Юрьевой о сложеніи съ нея доимочныхъ денегъ 400 рублей и съ нихъ процентовъ», денегъ и процентовъ, «за объявленнымъ ея убожествомъ, не взыскивать и изъ доимки (ихъ) выключить». На это Остерманъ замѣчаетъ: «о семъ надлежитъ доложить ея императорскому величеству, понеже оное состоитъ въ единой ея императорскаго величества милости» (журналъ 16 августа 1739 года). Такія предложенія не разъ идутъ со стороны Остермана и заставляютъ иногда Волынскаго отступать отъ своихъ рѣшеній. Немало записано въ журналахъ мнѣній Остермана, отличающихся и дѣловитостью и ѣдкостью. Два министра, выслушавъ, напримѣръ, донесеніе сената, постановили, вмѣсто прокурора адмиралтейской коллегіи Толбугина, опредѣлить изъ представленныхъ сенатомъ кандидатовъ Желябовскаго, «а о дачѣ въ адмиралтейство, на счетъ положенной суммы, до 100 тысячъ рублевъ, доложить ея величеству». Указанное сообщеніе сената и «мнѣніе» министровъ «изволилъ читать дѣйствительный тайный совѣтникъ и кабинетъ-министръ графъ А. И. Остерманъ и приказалъ изъ упомянутаго сенатскаго сообщенія сдѣлать краткій экстрактъ для докладу, понеже въ ономъ сообщеніи не объ одномъ прокурорѣ и деньгахъ написано, но и о прочихъ нѣкоторыхъ дѣлахъ, которыя обще и рѣшить надлежитъ, а изъ адмиралтейской коллегіи взять немедленно вѣдомость: что они требуютъ денегъ 100 тысячъ рублевъ, оныя на какіе именно расходы потребны?» (журналъ 22 августа 1739 года). Въ другой разъ тѣ же министры, «выслушавъ доношеніе оберъ-гофмейстера графа С. А. Салтыкова о подрядахъ на поставку въ домъ ея величества разныхъ припасовъ на сумму свыше 10 тысячъ рублевъ», рѣшили, что подряды эти «надо чинить, по силѣ камеръ-коллежскаго регламента, съ апробаціи правительствующаго сената». На это «разсужденіе» своихъ товарищей Остерманъ замѣтилъ, что «такой резолюціи въ кабинетѣ учинить небезсумнительно, ибо поставка тѣхъ припасовъ особливо до двора ея императорскаго величества принадлежитъ и прежде сего о таковыхъ подрядахъ никакихъ требованій не было, чего ради надлежитъ той дворцовой конторѣ такіе контракты чинить со апробаціи упомянутаго генерала графа г. Салтыкова, у котораго все то въ главной дирекціи состоитъ, усматривая, чтобы поступано

было по указамъ безъ передачи казенныхъ денегъ; ежели-жъ изволятъ гг. министры на вышеозначенномъ своемъ разсужденіи утвердиться, чтобъ доложить объ ономъ ея императорскому величеству» (журналъ 27 декабря того же года). Едва ли можно отказать этимъ «мнѣніямъ», какъ и другимъ имъ подобнымъ, въ извѣстный основательности. Волынскому и его товарищу приходилось не разъ уступать опытному и дѣловитому своему сопернику и выслушивать замѣчанія, что предлагаемое ими «весьма неспособно» или «неосновательно» и т. п. (журналъ 14 августа, замѣчанія Остермана на проектъ указа совѣтнику Беэру)...

VI.

Такова была внѣшняя обстановка кабинетскаго дѣлопроизводства и таковы были отношенія, въ которыя стали другъ къ другу два замѣчательныхъ соперника. Какова, однако, была дѣятельность Волынскаго, какъ кабинетъ-министра, по существу, что сдѣлалъ, или, правильнѣе сказать, что успѣлъ сдѣлать въ теченіе двухлѣтняго здѣсь пребыванія Волынскій, этотъ пламенный патріотъ, такъ жаждавшій достигнуть власти для «полезныхъ поправленій своего отечества», этотъ «проектистъ», какъ звали его современники, именно въ періодъ его дѣятельности, какъ кабинетъ-министра, мечтавшій о широкой государственной реформѣ, отрывки плана которой сохранились въ памяти потомковъ? Вотъ вопросъ, который невольно задаешь себѣ при изученіи біографіи Волынскаго. Попытаемся и мы кратко отвѣтить на него, насколько позволяютъ имѣющіяся у насъ подъ руками офиціальныя данныя. Считаемъ при этомъ необходимымъ оговориться. Потому ли, что указанныя данныя не передаютъ, по многимъ причинамъ, всего содержанія дѣятельности Волынскаго, какъ кабинетъ-министра, потому ли, что два года его здѣсь пребыванія—слишкомъ небольшой періодъ времени (особенно въ виду тѣхъ тяжелыхъ условій борьбы, которую онъ велъ какъ въ кабинетѣ, такъ и внѣ его), для того, чтобъ онъ могъ вполнѣ развернуть на практикѣ всю широту своей политической мысли и мощь своей энергіи, потому ли, наконецъ, что одно дѣло—мечты о реформѣ, другое—отысканіе удобной почвы для ея осуществленія,—а, можетъ быть, по совокупности всего этого вмѣстѣ, — но Волынскій, какъ кабинетъ-министръ, когда мы обозрѣваемъ его дѣятельность, не возстаетъ предъ нами во всю мѣру своихъ умственныхъ силъ и энергіи. Таково, по крайней мѣрѣ, общее наше впечатлѣніе отъ изученія подлежащаго матеріала, впечатлѣніе, отъ котораго мы никакъ не можемъ отдѣлаться... Но если Волынскій, какъ практическій дѣятель, является ниже Волынскаго, какъ «проектиста»-реформатора, то, въ общемъ, и здѣсь, конечно, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія

дѣятельности его, какъ кабинетъ-министра, онъ проявляетъ и большую самодѣятельность, и большія свои способности. Передадимъ лишь нѣкоторыя фактическія данныя, характеризующія сказанныя черты его дѣятельности. Начнемъ съ меньшаго, съ такъ называемыхъ «приказовъ», объявлявшихся Волынскимъ. «Приказы» эти, какъ уже отмѣчалось нами, вызывались вообще текущими дѣлами, разсматривавшимися кабинетомъ, и индивидуальныя качества даннаго министра мало могли отражаться на ихъ содержаніи. Отдавая ихъ, каждый министръ, стоялъ въ большой зависимости отъ тѣхъ запросовъ, которые поступали на разрѣшеніе кабинета, и которые вызывали его на тѣ или иныя распоряженія. Однако, и здѣсь мы можемъ отмѣтить нѣсколько такихъ, которые показываютъ, въ какомъ направленіи хотѣлъ дѣйствовать новый министръ, и какова могла быть сила его административнаго почина. Въ журналѣ отъ 13 августа 1739 г. отмѣчено, напримѣръ, слѣдующее: «его превосходительство, оберъ-егермейстеръ А. П. Волынскій приказалъ: 1) о выборѣ изъ кадетскаго корпуса къ чужестраннымъ дворамъ, ко обрѣтающимся тамо россійскимъ министрамъ, такожъ нѣкоторыхъ и для опредѣленія въ коллегіи и къ статскимъ дѣламъ, изъ такихъ, которые изъ русскихъ, знатнаго шляхетства, и довольно обучены языкамъ латинскому, французскому и нѣмецкому и учили юриспруденцію или гражданскую исторію и генеалогію, и чтобы были остраго ума, 30 человѣкъ, съ расписаніемъ, кто способны особливо къ политическимъ дѣламъ; 2) выбрать изъ кадетскаго корпуса, изъ россійскаго шляхетства, не изъ знатныхъ фамилій, но чтобъ были остраго ума и понятные къ наукамъ, 30 человѣкъ, которые совершенно умѣютъ ариѳметикѣ и геометріи и рисовать, а при томъ, чтобъ и языки иностранные, латинскій и французскій и нѣмецкій, совершенно умѣли такъ, чтобъ могли о строеніяхъ архитектурныхъ иностранныя книги читать и разумѣть, и, выбравъ оныхъ, представить Еропкину въ науку архитектуры, а лѣтами, чтобъ были не выше 18-ти лѣтъ». Мнѣ кажется, эти два «приказа» вполнѣ достойны имени Волынскаго, какъ великаго патріота, особенно, если принять во вниманіе то время, какое переживала тогда Россія. По справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, время Бирона и господства иностранцевъ въ царствованіе Анны Іоанновны «останется самымъ темнымъ временемъ въ нашей исторіи XVIII вѣка, такъ какъ тогда страдалъ народный духъ, чувствовалось иго запада, болѣе тяжелое, чѣмъ прежнее иго съ востока, иго татарское». Въ самомъ дѣлѣ, вопреки основной аксіомѣ государственной политики, по которой дѣло правленія государствомъ должно находиться въ своихъ рукахъ, направляться къ осуществленію своихъ народныхъ цѣлей, въ данный періодъ иноземцы захватываютъ въ свои руки всю полноту верховной власти, и въ это время совершенно забывается завѣтъ Петра Великаго о

неназначеніи на высшія мѣста иноземцевъ. Вспоминая эти обстоятельства царствованія императрицы Анны Іоанновны, нельзя не придать значенія этимъ приказамъ Волынскаго о выборѣ 60-ти русскихъ дворянъ «остраго ума» и «понятныхъ къ наукамъ» для веденія дѣлъ «политическихъ, гражданскихъ и архитектурныхъ». Если мы далѣе сопоставимъ съ этими двумя «приказами» тѣ планы о правящей роли дворянства, какіе ходили вообще въ горячей головѣ Волынскаго и которые вылились, между прочимъ, въ мечту объ обширномъ закономѣрно-поставленномъ и закономѣрно-дѣйствующемъ сенатѣ, составленномъ изъ представителей родовитыхъ фамилій, если отмѣтимъ также, что въ знаменитомъ «генеральномъ проектѣ» преобразованія государства, надъ которымъ вообще много трудился Волынскій, есть одно мѣсто, которое гласитъ, что надо «знатное шляхетство посылать обучаться въ чужія земли разнымъ наукамъ и гражданскимъ правамъ, чтобъ у насъ были свои природные министры», и что «отъ иноземцевъ государство въ худомъ состояніи», то, кажется, надо признать, что этими 2-мя приказами, и въ особенности 1-мъ изъ нихъ, попытался Волынскій осуществить, насколько отъ него зависѣло, и въ размѣрахъ, какіе представлялись ему для начала возможными, идею для своего времени весьма важную и плодотворную. Не останавливаясь на другихъ приказахъ Волынскаго, замѣтимъ вообще, что они шли по всѣмъ «департаментамъ», какъ тогда говорили, кабинета, и если, съ одной стороны, это давало поводъ врагамъ Волынскаго утверждать, что какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, онъ захватилъ въ свои руки всѣ департаменты кабинета, то, съ другой стороны, это свидѣтельствовало объ его неутомимой жаждѣ дѣятельности, о желаніи войти во все самому, скорѣе получить о всемъ свѣдѣнія, переговорить съ нужными людьми, чтобъ затѣмъ положить свою «резолюцію» и рѣшить самому дѣло. Юридическихъ препятствій къ этому не было, Волынскій здѣсь не совершалъ какого либо превышенія власти, такъ какъ раздѣленія кабинета, поскольку они существовали, касались канцеляріи его, а вовсе не самихъ министровъ, которые именно обязаны были сами рѣшать всѣ дѣла и сами всего касаться.

VII.

Обращаясь къ другой сторонѣ дѣятельности Волынскаго въ кабинетѣ—къ тѣмъ резолюціямъ, какія онъ клалъ по разсматриваемымъ дѣламъ, и къ тѣмъ формулярамъ указовъ, высочайшихъ повелѣній и другимъ актамъ, исходившимъ изъ кабинета, которые составлялись подъ его редакціею и которые вызывали его постоянныя пререканія съ Остерманомъ, надо сказать, что и здѣсь, на нашъ взглядъ, можно найти немало важнаго. Уступая въ дѣловитости

Остерману, не имѣя за собою той опытности «правительствующей» дѣятельности, какая была за послѣднимъ, Волынскій съ его «острымъ умомъ» и пытливостью смотрѣлъ на многое глубже, человѣчнѣе и не столь формально, какъ Остерманъ. Этимъ, кажется, объясняются его резолюціи о томъ или иномъ облегченіи жалующихся на разныя отягощенія, согласіе на снятіе штрафовъ, недоимокъ и т. д. Аннинскій кабинетъ, какъ извѣстно, былъ во все время своего правленія неумолимо строгимъ по части взысканія всякаго рода недоимокъ, и объ этой сторонѣ его дѣятельности сохранилась въ народѣ надолго тяжелая память. Волынскій во всякомъ случаѣ меньше всѣхъ другихъ министровъ былъ повиненъ въ этой сторонѣ дѣятельности кабинета. Эта тенденція къ облегченію прорывается, впрочемъ, у Волынскаго не въ одной только-что указанной области. Онъ, напримѣръ, разсматриваетъ сообщеніе сената «объ удержаніи пытокъ въ малыхъ дѣлахъ» и кладетъ резолюцію о возвращеніи сообщенія обратно для пересмотра и съ указаніемъ, что, «пока уложеніе сочинено и исправлено будетъ», надо позаботиться, «дабы люди въ малыхъ дѣлахъ напрасно пытокъ между тѣмъ не терпѣли» (журналъ 7 сентября 1738 г.). Вопросъ о пыткахъ былъ въ то время очень жгучимъ вопросомъ, и всякое облегченіе въ этой области представлялось весьма важнымъ. Въ другой разъ, разсмотрѣвъ вопросъ о солдатскомъ постоѣ въ Петербургѣ и замѣтивъ, что «отъ полиціи въ постоѣ солдатскомъ поступается непорядочно, а именно разверстаны квартиры и уже у нѣкоторыхъ и дѣйствительно поставлены на дворахъ солдаты, а на другихъ только назначено быть коликому числу постоевъ, а солдатъ не поставлено, а оставлены тѣ дворы для прибывшихъ (прибывающихъ?) полковъ, отчего обывателямъ одному предъ другимъ обида», онъ тотчасъ же кладетъ резолюцію о томъ, чтобъ «солдаты были ставлены у всѣхъ **равно**», и самъ объявляетъ ее къ исполненію совѣтнику полицеймейстерской канцеляріи, призванному въ кабинетъ (журналъ 6 декабря 1739 г.). Вопросъ о воинскомъ постоѣ въ I-ой половинѣ XVIII вѣка былъ также однимъ изъ очень тяжелыхъ для населенія вопросовъ, и всякое облегченіе или уравненіе въ несеніи постоя въ натурѣ заслуживаетъ вниманія... Но начало милости, снисхожденія, уравненія, какъ оно ни было почтенно само по себѣ,—особенно, когда оно примѣняется въ такое, по общимъ отзывамъ, тяжкое время, какимъ было время правленія Анны Іоанновны,—не составляетъ, однако, да и не можетъ составлять, содержанія **всей** дѣятельности государственныхъ людей. Да оно и оставлялось въ сторонѣ совершенно самимъ Волынскимъ не только, когда онъ такъ или иначе, иногда весьма грубо, преслѣдовалъ своихъ личныхъ враговъ, но и когда онъ, съ своей стороны прилагалъ ревностное стараніе къ осужденію такихъ людей, какъ князья Долгорукіе, князь Д. М. Голицынъ и другіе. Необходимо поэтому, хотя кратко, остановиться

на другихъ сторонахъ дѣятельности Волынскаго, чтобъ составить себѣ болѣе полное представленіе о немъ, какъ кабинетъ-министрѣ.

Какъ извѣстно, въ «генеральномъ проектѣ» преобразованія государства,—хотя и дошедшемъ до насъ въ отрывкахъ, но достаточно полно изслѣдованномъ профессоромъ Д. А. Корсаковымъ въ его превосходномъ біографическомъ очеркѣ «А. П. Волынскій» [1],—отведено было Волынскимъ мѣсто разсужденію и о кабинетѣ. Нѣсколько высочайшихъ повелѣній, имъ объявленныхъ кабинету, также трактуютъ о кабинетѣ. Въ одномъ указывается на то, что министрамъ кабинета «дана во всемъ полная мочь», и что они не должны безпокоить государыню, во время лѣтняго пребыванія ея въ Петергофѣ, докладами дѣлъ, которыя могутъ рѣшать сами, а должны лишь «доносить» о важнѣйшихъ (11 іюля 1738 г.); въ другомъ запрещается принимать какія либо челобитныя въ кабинетѣ, «развѣ которыя отъ ея величества сосланы будутъ» (16 іюня того же года); въ третьемъ—указываются дни и часы, въ которые должны происходить всеподданнѣйшіе доклады, и повелѣвается всѣ поступающія бумаги «разсматривать кабинетъ-министрами безъ продолженія» и «по которымъ резолюціи потребны къ подписанію ея императорскаго величества, оныя всѣ имъ, кабинетъ-министрамъ, апробовавъ самимъ, контрасигнировать такъ, какъ патенты, и потомъ ея императорскому величеству докладывать и къ подписанію подносить» (7 декабря того же года). Нельзя, кажется, не признать этихъ повелѣній весьма важными для упорядоченія тогдашняго кабинетскаго дѣлопроизведства, въ которомъ, впрочемъ, de facto наибольшую сумятицу произвелъ не кто иной, какъ самъ Волынскій, а второе изъ этихъ повелѣній — о непріемѣ въ кабинетъ челобитій — можетъ быть, кромѣ того, сопоставлено съ извѣстнымъ мнѣніемъ Волынскаго, высказаннымъ имъ о кабинетъ-министрахъ въ упомянутомъ планѣ, а именно, что министры «натащили на себя много дѣлъ, и не подлежащихъ» имъ, «а что съ ними дѣлать, сами не знаютъ». Но между этими «не подлежащими дѣлами» челобитныя играли немалую роль, по крайней мѣрѣ, по количеству, и весьма отвлекали кабинетъ-министровъ отъ сложныхъ и многообразныхъ дѣлъ законодательныхъ и административныхъ, отовсюду притянутыхъ ими къ кабинету и затѣмъ восходившихъ, къ отягощенію государыни, ко всеподданнѣйшему докладу. Испрошеніе высочайшихъ повелѣній по указанному поводу заслуживаетъ поэтому полнаго вниманія. Интересно далѣе отмѣтить, что въ бытность Волынскаго въ кабинетѣ впервые былъ рѣшенъ, насколько мы могли прослѣдить, вопросъ о порядкѣ сношеній кабинета съ сенатомъ, и рѣшенъ въ смыслѣ, благопріятномъ для сената. Раньше, до Волынскаго, когда въ кабинетѣ всѣмъ правилъ Остерманъ, весьма не любившій сената, практика отношеній къ послѣднему какъ-то колебалась, что внѣшне отражалось и на

---

[1] «Древняя и Новая Россія», 1877, № 8.

порядкѣ сношеній съ нимъ: въ сенатъ посылались изъ кабинета то указы, то сообщенія, то отдавались, наконецъ, ему приказы. Теперь, едва ли не подъ вліяніемъ Волынскаго, рѣшено было посылать изъ кабинета указы лишь въ коллегіи и канцеляріи, съ сенатомъ же и святѣйшимъ синодомъ сноситься сообщеніями (17 іюня 1739 г.). Въ «генеральномъ» своемъ «проектѣ» преобразованія государства Волынскій очень много занимался сенатомъ; весьма уважая это любимое «Петрово дѣтище», Волынскій мечталъ, однако, о его полномъ преобразованіи на началахъ «шляхетскаго представительства». Можетъ быть, отраженіемъ этого взгляда на сенатъ, какъ на достойное уваженія учрежденіе, надо считать и указанное рѣшеніе кабинета. Но, высоко ставя сенатъ, какъ учрежденіе, онъ, повидимому, вполнѣ раздѣлялъ съ своими товарищами по кабинету пренебрежительное отношеніе къ его тогдашнему составу и объявлялъ, то одинъ, то вмѣстѣ съ другими членами кабинета, высочайшія повелѣнія сенату, содержащія замѣчанія, неодобреніе дѣятельности сенаторовъ и пр. Одно изъ этихъ повелѣній заслуживаетъ особеннаго вниманія по своему содержанію. Въ кабинетъ былъ призванъ сенатскій оберъ-прокуроръ Соймоновъ, и ему «объявлено, что ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что гг. сенаторы въ присутствіи своемъ въ правительствующемъ сенатѣ неблагочинно сидятъ, и когда читаютъ дѣла, они тогда объ нихъ не внимаютъ для того, что имѣютъ между собою партикулярные разговоры и при томъ крики и шумы чинятъ, а потомъ велятъ тѣ дѣла читать вновь, отчего въ дѣлахъ продолженіе и остановка чинится. Также въ сенатъ пріѣзжаютъ поздно и не дѣла дѣлаютъ, но ѣдятъ сухіе снитки, крендели и рябчики и указныхъ часовъ не высиживаютъ, а оберъ-прокуроръ Соймоновъ въ томъ имъ, по должности своей, не воспрещаетъ и, ежелибъ кто изъ сенаторовъ предложенія его не послушалъ, на нихъ не протестуетъ. Того ради ея императорское величество указала объявить ему со гнѣвомъ и дабы впредь никому въ томъ не упущалъ и о скорѣйшемъ исправленіи дѣлъ трудъ и радѣніе имѣлъ; а ежели кто изъ сенаторовъ что противно будутъ чинить, о томъ бы протестовалъ и записывалъ въ журналъ и всеподданнѣйше ея императорскому величеству доносилъ» (11 декабря 1738 г.).

VIII.

Переходя отъ указовъ и высочайшихъ повелѣній, касавшихся учрежденій, къ другимъ, можно отмѣтить высочайше утвержденный, обширный и обстоятельный, докладъ Волынскаго объ устройствѣ казенныхъ конскихъ заводовъ, затѣмъ—объ устройствѣ звѣринцевъ, ловлѣ птицъ, его распоряженіе о заведеніи шелковыхъ садовъ въ Астраханской губерніи и др. Изъ кабинета же было объявлено имъ высочайшее повелѣніе о посылкѣ указовъ въ разныя

губерніи по устройству знаменитаго маскарада «для нѣкоторой будущей свадьбы», сыгравшаго, какъ извѣстно, хотя и косвенную, но большую роль въ судьбѣ самого Волынскаго. Въ указахъ, которые должны были быть посланы по этому поводу изъ кабинета, предписывалось выбрать по нѣскольку паръ «мужеска и женску полу лицъ, которыя были бы собою негнусныя», были бы одѣты «по ихъ обыкновенію» и такъ далѣе.

Мы попытались выбрать изъ массы кабинетныхъ актовъ наиболѣе важные изъ тѣхъ, которые могутъ быть, болѣе или менѣе безошибочно, поставлены насчетъ дѣятельности самого Волынскаго, и въ которыхъ такъ или иначе проявлялись его индивидуальныя черты, интересы и пр. Нельзя не сознаться, что въ общемъ всѣ эти акты какъ-то блѣдны, малозначительны, не отвѣчаютъ вполнѣ громкому имени Волынскаго. Едва ли, однако, можно поставить, по отмѣченнымъ уже выше основаніямъ, въ вину Волынскому, что онъ не совершилъ бо̀льшаго и не связалъ, какъ кабинетъ-министръ, своего имени съ чѣмъ либо болѣе крупнымъ. При оцѣнкѣ дѣятельности Волынскаго, какъ кабинетъ-министра, нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что какъ ни склоненъ онъ былъ, по личнымъ качествамъ своего характера, выдвигаться впередъ, итти одинъ, онъ все же былъ членъ учрежденія, отнимавшаго у него массу времени и энергіи на совмѣстную, и при томъ нерѣдко мелочную, съ другими министрами работу по кабинету. Для всесторонняго освѣщенія дѣятельности Волынскаго надо разобрать, какое участіе онъ принялъ въ составленіи тѣхъ восьмисотъ слишкомъ именныхъ указовъ, высочайшихъ резолюцій, указовъ самихъ министровъ, которые вышли изъ кабинета за время его тамъ пребыванія, и затѣмъ отмѣтить, что въ нихъ явилось результатомъ его мысли и энергіи, и что принадлежитъ Остерману. Многое, очень многое въ этой совмѣстной de jure работѣ едва ли удастся когда либо расчленить современнымъ изслѣдователямъ; но многое можетъ быть, кажется, раскрыто, и тогда значительность личности Волынскаго, и какъ кабинетъ-министра, обозначится яснѣе. Но изслѣдованіе этой стороны дѣятельности Волынскаго настолько сложно, что никакъ не можетъ быть предметомъ такого общаго и небольшаго очерка, какъ нашъ; поэтому мы и обходимъ ее совершенно, предполагая коснуться ея когда либо особо...

Не знаемъ, возстаетъ ли изъ предшествующаго очерка, хотя съ нѣкоторою ясностью, фигура министра, который былъ, по словамъ Екатерины II, «гордъ и дерзостенъ, однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества»; мы бы, впрочемъ, были довольны и тѣмъ, если бы нашъ очеркъ, въ общемъ, этому вѣрному, какъ намъ кажется, сужденію не противорѣчилъ...

Александръ Филипповъ.

РУССКАЯ КРАСАВИЦА МИНУВШАГО ВѢКА[1]).

(Памяти М. А. Паткуль, рожденной маркизы де-Траверсе).

КТО ЧИТАЛЪ или хоть пробѣгалъ первый томъ не такъ давно (1896) изданной «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», тотъ вѣрно помнитъ поэтическій колоритъ начала этой «Переписки», именно писемъ 1840—1842 г.г., и замѣтное романтическое настроеніе, обнаруживаемое обоими друзьями въ это время, помнитъ вѣрно и одну изъ ближайшихъ причинъ этого настроенія.

Оба корреспондента находились тогда подъ сильнымъ обаяніемъ красоты—какъ внѣшней, такъ и духовной—трехъ гельсингфорсскихъ молодыхъ красавицъ, первенствовавшихъ въ тогдашнемъ русско-финляндскомъ обществѣ. Не удивительно, поэтому, что эти столь блестящія, по ихъ отзывамъ, особы играютъ не послѣднюю роль въ ихъ сообщеніяхъ другъ другу и въ ихъ дневникахъ этой поры.

Я. К. Гротъ, какъ префессоръ Александровскаго университета и лицо, много вращавшееся въ томъ кругу, къ которому принадлежали юныя красавицы, могъ пользоваться часто ихъ обществомъ.

П. А. Плетневъ же[2]) встрѣтился и видался съ ними (съ одной онъ былъ знакомъ давно) въ свою побывку въ Гельсингфорсѣ въ 1840 году, въ дни 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета, и по возвращеніи въ Петербургъ долго еще находился подъ

[1]) За любезное сообщеніе намъ «Воспоминаній» М. А. Паткуль, какъ матеріала, отчасти послужившаго для нашей статьи, приносимъ глубокую благодарность ея семьѣ.

[2]) Въ то время уже вдовецъ.

впечатлѣніями, ими оставленными въ чуткомъ къ красотѣ и поэзіи сердцѣ его.

Этими тремя различными по характеру блеска, но почти одинаково яркими звѣздами, озарившими раннюю эпоху дружбы Грота и Плетнева, были маркиза М. А. Траверсе, графиня Матильда Армфельтъ [1]) и Розина Гартманъ [2]), которымъ по характеру ихъ красоты и внутренняго существа поэтическое воображеніе одного изъ названныхъ ихъ поклонниковъ придало эпитеты «Солнца», «Луны» и «Сѣвернаго Сіянія», часто встрѣчающіеся въ ихъ перепискѣ. Тутъ всѣ эти три богато-одаренныя природой, прекрасно воспитанныя и симпатичныя дѣвушки возстаютъ передъ читателемъ въ живыхъ, опредѣленныхъ и поистинѣ привлекательныхъ образахъ. Онѣ были къ тому же не только знакомы, но и дружны между собой, и ихъ простота, скромность и привѣтливость, при замѣчательной красотѣ, еще увеличивали то обаяніе, которое производила послѣдняя на окружавшую ихъ молодежь.

I.

Двѣ изъ нихъ, М. Армфельтъ и Р. Гартманъ, умерли уже давно, тогда какъ первая, маркиза Марья Александровна де-Траверсе, въ замужествѣ Паткуль, судьбѣ и воспоминаніямъ которой мы хотимъ посвятить настоящую замѣтку, скончалась лишь въ концѣ прошлаго года (24 ноября), въ Царскомъ Селѣ, доживъ до глубокой старости (почти 79 лѣтъ), до многихъ внуковъ и правнуковъ, и окруженная любовью и заботами своей семьи и потомковъ.

Отъ нея одной сохранились и отзывы о тѣхъ свѣтлыхъ годахъ молодости, проведенной въ Финляндіи, и о названныхъ ея подругахъ, съ которыми она дѣлила первые успѣхи въ свѣтѣ, впечатлѣнія и поэтическія грезы юности.

«Розина Гартманъ, говоритъ М. А. Паткуль, была лучшая моя подруга. Она была въ полномъ смыслѣ прелестная блондинка съ чудно-голубыми глазами и женственными, мягкими движеніями. Другая подруга была дочь губернатора графа Армфельта—Матильда. Высокая, очень эффектная брюнетка. Она воспитывалась въ институтѣ и потому хорошо говорила по-русски. Кто-то посвятилъ намъ кадриль, назвавъ каждую фигуру тѣмъ цвѣткомъ, какимъ изъ насъ каждую прозвали: ее (т. е. Матильду)—пунцовой камеліей,

---

[1]) Дочь графа Густава-Магнуса Армфельта, нюландскаго губернатора, въ замужествѣ Ведель-Ярльсбергъ, умерла рано. Она была ученица Плетнева въ Патріотическомъ институтѣ, и онъ особенно былъ къ ней расположенъ.

[2]) Дочь Даніила Гартмана, медицинскаго генералъ-директора, впослѣдствіи замужемъ за Лавоніусомъ, русскимъ генеральнымъ-консуломъ въ Стокгольмѣ; умерла 11 января н. с. 1890 года.

Розину—подснѣжникомъ, сестру ея Найму—шиповникомъ, а меня—бенгальской розой. Мы такъ мало цѣнили это подношеніе, что я даже его не сохранила, и не помню, кто былъ авторомъ».

Эти строки взяты изъ «Воспоминаній» М. А. Паткуль, написанныхъ ею для своей семьи, но чрезвычайно интересныхъ и какъ историческій памятникъ своего времени, благодаря той видной и блестящей роли, которую игралъ нѣкогда ихъ авторъ въ высшемъ обществѣ, и благодаря близости его ко двору государей Николая Павловича и Александра Николаевича и лично къ высочайшимъ особамъ. Много весьма характерныхъ и любопытныхъ эпизодовъ изъ жизни и быта царской семьи и изъ выдающихся событій эпохи 1840—1860-хъ годовъ передается въ простыхъ, искреннихъ и живыхъ разсказахъ М. А. Паткуль. Они, по моему мнѣнію, заслуживаютъ быть цѣликомъ обнародованы, тѣмъ болѣе, что авторъ ихъ обладалъ даромъ легкаго, непринужденнаго литературнаго изложенія [1]).

Здѣсь я позволю себѣ сообщить лишь нѣсколько фактовъ и чертъ замѣчательной и рѣдкой по блеску и житейскимъ успѣхамъ судьбы этой симпатичной русской женщины, несомнѣнно выдававшейся не только красотой, но и высокими качествами ума и сердца при истинномъ благородствѣ чувствъ и безукоризненной нравственности. Не даромъ ее такъ высоко цѣнили, уважали и баловали своимъ вниманіемъ русскіе монархи!

Сама Марія Александровна всегда признавала себя баловнемъ судьбы и, говоря о своемъ рожденіи, прибавляетъ, что оно совершилось «подъ счастливой звѣздой».

Она родилась 29 іюня 1822 года, близъ города Ревеля. Отецъ ея былъ капитанъ I-го ранга [2]), маркизъ Александръ Ивановичъ де-Траверсе, сынъ морского министра императора Александра I, участвовавшій въ турецкой кампаніи (1827) и посланный графомъ Гейденомъ къ императору Николаю съ донесеніемъ о взятіи Наварина. Мать ея, Александра Леонтьевна, рожденная Спаѳарьева, была также дочь моряка, почтеннаго дѣятеля—спеціалиста по устройству маяковъ—Леонтія Васильевича Спаѳарьева [3]), въ домѣ котораго протекло счастливое дѣтство Маріи (въ Ревелѣ). Такимъ образомъ она своимъ происхожденіемъ и семейными традиціями всецѣло принадлежала средѣ доблестнаго русскаго флота.

Любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя М. А. о дѣдѣ ея по отцѣ, старикѣ маркизѣ Траверсе, жившемъ въ эпоху ея дѣтства на по-

---

[1]) «Воспоминанія» М. А. Паткуль, дѣйствительно представляющія большой интересъ, появятся полностью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ будущемъ году. Ред.

[2]) Въ 1840-хъ годахъ начальникъ I-го финскаго морского экипажа.

[3]) Генералъ-лейтенантъ, авторъ «Описанія маяковъ Финскаго и Рижскаго заливовъ», ум. 1847 года.

коѣ въ своемъ имѣніи, с. Романшино (Лужскаго уѣзда), гдѣ его не разъ посѣтилъ императоръ Александръ I; какъ извѣстно, маркизъ былъ выходецъ изъ Франціи въ годину революціи и былъ приглашенъ въ русскую службу императрицей Екатериной. М. А. живо описываетъ свои впечатлѣнія при посѣщеніи ея семьей дѣдушки въ Романшинѣ.

Яркими и часто трогательными чертами изображаетъ М. А. свое безмятежное дѣтство и юность, окруженныя попеченіями матери и стариковъ Спаѳарьевыхъ. Природа щедро надѣлила ее своими дарами, и внѣшними, и внутренними, а тщательное воспитаніе и образованіе, для которыхъ, повидимому, ничего не жалѣли, довершили дѣло, и въ эпоху переселенія изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ (послѣ смерти матери) 18-ти-лѣтняя маркиза могла блистать въ новомъ обществѣ не одной замѣчательной красотой своей, но и живостью и остротою ума, образованностью и привѣтливымъ, веселымъ характеромъ. При большихъ и разностороннихъ способностяхъ (напримѣръ, къ изученію языковъ), она отличалась чувствительностью, чрезвычайно живымъ воображеніемъ и была даже нѣсколько склонна къ экзальтаціи. По собственнымъ ея словамъ, она была «очень впечатлительна, имѣла большую наклонность къ поэтическимъ и восторженнымъ настроеніямъ, умѣла цѣнить все прекрасное, все изящное». Неудивительно, что она производила на всѣхъ незаурядное впечатлѣніе и влекла къ себѣ даже такихъ серіозныхъ и ученыхъ людей, какими были П. А. Плетневъ и Я. К. Гротъ. Послѣдній читаетъ у нея въ домѣ свой переводъ «Фритіофа», надъ которымъ онъ тогда работалъ, и пишетъ своему другу: «...за все получилъ большое одобреніе. Впрочемъ, тутъ juge compétent была одна только Marie, которая въ поэзіи имѣетъ удивительное чутье. Она прочла Жуковскаго отъ доски до доски и не учивъ знала многое наизусть» [1]). «Если дѣйствительно у Marie есть чутье къ поэзіи, отвѣчаетъ Плетневъ, вы должны вдвоемъ съ ней прочитать всего Пушкина, чтобы уничтожить въ ней всякое поползновеніе къ чему нибудь въ поэзіи посредственному» [2]).

Рядъ эпизодовъ, разсказанныхъ въ «Перепискѣ» и въ «Воспоминаніяхъ» М. А., характеризуютъ дружественныя отношенія и взаимное сочувствіе, установившіяся между прелестной маркизой и молодымъ профессоромъ-переводчикомъ Фритіофсаги. Отношеніе Я. К. Грота къ М. А. характеризуется слѣдующими выдержками изъ его писемъ къ Плетневу. Описывая балъ, на которомъ она блистала, онъ говоритъ: «Она почти всегда окружена бываетъ толпою обожателей; между ними иные примѣтно вздыхаютъ о ней не на шутку. Что до меня, то я только благоговѣю скромно передъ

---

1) Переписка, т. I, стр. 179.

2) Тамъ же, стр. 146.

ея достоинствами и менѣе удивляюсь ей, нежели природѣ и воспитанію, какое можно было дать только въ провинціи, и для котораго притомъ требовались въ родителяхъ необыкновенныя качества. Она до сихъ поръ по душѣ совершенный ребенокъ...» [1]).

Позже, по поводу какихъ-то предположеній своего друга относительно его чувствъ къ М. А., Яковъ Карловичъ пишетъ: «Будучи надѣленъ искоркою поэтическаго чувства, я не могу не восхищаться счастливымъ соединеніемъ всего, что дорого поэту; если даже красота мертвой природы, скалы и озера въ сіяніи солнца могутъ меня съ вами радовать и приводить въ восторгъ, то не естественно ли, что та же красота, когда облекаетъ живую и прекрасную душу, должна дѣйствовать на насъ несравненно сильнѣе! Тамъ я вижу только печать руки Божіей, тутъ я вижу участіе, отраженіе Его духа, преисполненнаго любви и благости. Но восторга человѣка, одареннаго эстетическимъ чувствомъ, не надобно смѣшивать съ страстью влюбленнаго. Можетъ быть, я ошибаюсь въ понятіи, какое составилъ себѣ о Маріи, но мнѣ до этого дѣла нѣтъ; я счастливъ, какъ художникъ, который на полотнѣ выразилъ свою идею. Если я найду, что ошибся, можетъ быть, я горько вздохну, можетъ быть, пролью нѣсколько горькихъ слёзъ; но на счастье моей жизни это не будетъ имѣть вліянія...» [2]).

Не менѣе преклонялся платонически передъ красавицей-маркизой и самъ Плетневъ. По возвращеніи изъ Гельсингфорса онъ въ одномъ изъ писемъ черезъ мѣсяцъ пишетъ Я—у К—чу: «Ради Бога, повергните отъ меня къ стопамъ Маріи (маркизы) тысячу милѣйшихъ вещей. Скажите ей, что я съ наслажденіемъ не только думаю объ ея восхитительной божественности, но и свои перечитываю стихи къ ней» [3]). А вотъ и эти стихи Плетнева «Маркизѣ М. А. де-Траверсе», напечатанные имъ, конечно, съ ея разрѣшенія, въ «Утренней Зарѣ» (Альманахъ Владиславлева) на 1841 г. [4]).

«Гдѣ померанецъ и олива
Свой развиваютъ ароматъ,
И гдѣ вдоль сонкаго залива
Октавы Тассовы звучатъ,
Тебя природа сотворила
Быть украшеньемъ виллы тамъ,
Но изъ любви къ намъ уступила
Гранитнымъ финскимъ берегамъ.

---

[1]) Переписка, I, стр. 166.

[2]) Тамъ же, стр. 192—193. Дружеское знакомство Я. К. съ М. А. продолжалось до конца дней Я. К. Любопытно, что онъ (съ женой) навѣстилъ ее въ Царскомъ Селѣ наканунѣ дня своей кончины 23 мая 1893 г. См. «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ», 1895, стр. 172.

[3]) Переписка, тамъ же, стр. 88.

[4]) См. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева (изд. Я. К. Грота). Спб. 1885, т. III, стр. 294.

И эти огненные взоры,
И южная твоя краса
Печальныя развеселила горы
И пасмурныя небеса».

М. А. чрезвычайно цѣнила вниманіе къ себѣ русскихъ литераторовъ, пользовавшихся столь общимъ уваженіемъ; они сближали ее съ литературой и поэзіей, составлявшими дѣйствительно предметъ особеннаго ея влеченія съ юныхъ лѣтъ.

Говоря о своихъ занятіяхъ еще въ Ревелѣ (по смерти матери, трогательно ею описанной), она перечисляетъ массу серіозныхъ книгъ, ею тогда прочитанныхъ. Кромѣ извѣстныхъ французскихъ авторовъ, мы находимъ здѣсь нѣмецкихъ поэтовъ—Шиллера, Гёте, Кёрнера, Клопштока, затѣмъ изъ русскихъ Державина, любимаго ея поэта—Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и много другихъ—«по выбору тетушки (Е. Л. Спаѳарьевой), которою строго цензуровалось мое чтеніе». «Тѣ мѣста, которыя, по ея мнѣнію, читать мнѣ не слѣдовало, скалывались булавкой, и никогда мнѣ и въ голову не приходило заглядывать въ запрещенныя страницы. Къ поэзіи я всегда имѣла большую слабость, поэтому много знала наизусть какъ изъ нашихъ русскихъ поэтовъ, такъ и изъ французскихъ и нѣмецкихъ?»

И въ разсказахъ маркизы, описывающихъ жизнь въ Гельсингфорсѣ, проглядываетъ то истинное удовольствіе, которое ей доставляло знакомство и сближеніе съ русскими писателями, умѣвшими цѣнить не одну ея внѣшность, но и качества ума и души.

«У графини Пушкиной [1]), повѣствуетъ М. А., мы встрѣтились съ княземъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Одоевскимъ, который зналъ меня ребенкомъ; мы, дѣти, очень любили его, а потому встрѣтиться съ нимъ мнѣ было очень пріятно. У нея же я познакомилась съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ и съ Яковомъ Карловичемъ Гротомъ. Какъ пріятно проходило время въ обществѣ такихъ умныхъ и милыхъ людей! Графиня Пушкина была прелестная, веселая и милая женщина».

Само собой разумѣется, что красавица маркиза имѣла не однихъ платоническихъ поклонниковъ и почитателей. Въ своихъ запискахъ она разсказываетъ не безъ юмора о многихъ претендентахъ, просившихъ у нея прямо или стороной руки и сердца, но не возбуждавшихъ въ ней ровно никакихъ чувствъ, а подчасъ даже забавлявшихъ ее своими исканьями. Сердце ея оставалось свободно, но судьба ея уже была не далеко.

Въ концѣ 1840 г. маркизомъ Траверсе была рѣшена поѣздка въ Петербургъ для помѣщенія сына его въ лицей, при чемъ отецъ рѣшилъ взять съ собой и дочь, Марію Александровну.

---

[1]) Графиня Эмил. Карл. Мусина-Пушкина, рожд. Шерналь, была за мужемъ за гр. Влад. Алексѣев. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Эта поѣздка, состоявшаяся въ январѣ 1841 г. и внезапно перенесшая гельсингфорсскую красавицу изъ скромной столицы Финляндіи въ блестящій и шумный водоворотъ петербургскаго большого свѣта и двора,—и рѣшила судьбу ея. Едва она появилась на петербургскомъ горизонтѣ, какъ ею уже восхитился адъютантъ наслѣдника великаго князя Александра Николаевича и товарищъ его по воспитанію и ученію А. В. Паткуль, одно изъ самыхъ близкихъ къ царской семьѣ лицъ, и успѣлъ пробудить взаимное чувство въ маркизѣ. Къ возвращенію ея въ Финляндію дѣло уже выяснилось, и М. А. стала невѣстой.

Сама природа какъ бы создала ее, чтобы блистать и быть украшеніемъ общества. Согласно тому и судьбой ей было предназначено занять высокое и видное мѣсто въ жизни и красоваться въ лучахъ свѣта, исходившаго отъ самого русскаго престола—въ лицѣ благоволившихъ къ ней его царственныхъ представителей и представительницъ.

Появленіе маркизы Траверсе въ петербургскомъ свѣтѣ сопровождалось эпизодомъ, не оставшимся, кажется, безъ значенія въ судьбѣ ея, какъ она сама сознается въ запискахъ своихъ, и какъ это видно изъ «Переписки» тѣхъ же ученыхъ друзей, а потому позволимъ себѣ вкратцѣ пересказать его здѣсь.

Въ видѣ рождественскаго подарка (по обычаю финляндскому, это такъ называемый julklap, подбрасываемый какъ бы неизвѣстнымъ лицомъ въ знакомый домъ) были подброшены Я. К. Гротомъ молодой нашей маркизѣ стихи, ей посвященные. «Они написаны были, разсказываетъ Л. А., по случаю предстоящаго отъѣзда моего въ Петербургъ съ предупрежденіями и наставленіями истиннаго друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ для меня лестные». По ея словамъ, Я. К. просилъ разрѣшенія отдать ихъ напечатать въ «Современникъ» Плетнева, но она не давала на то своего согласія. Тѣмъ не менѣе по пріѣздѣ въ Петербургъ она ихъ прочла въ «Современникѣ» (т. XXI, 1841 г., впрочемъ съ замѣной полнаго имени буквами), и — прибавимъ отъ себя — не имѣла, кажется, повода быть этимъ недовольною. «Стихамъ его (Я. К.), пишетъ она, я обязана успѣхомъ моимъ въ свѣтѣ. Плетневъ прочелъ ихъ наслѣднику Александру Николаевичу... Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ пріѣзда провинціалки, точно чего-то невиданнаго. Гротъ скрылъ это отъ меня и, вѣроятно, послалъ стихи для напечатанія другу своему Плетневу раньше, чѣмъ спросилъ моего разрѣшенія». Какъ видно изъ «Переписки Грота съ Плетневымъ», оно такъ и было. Стихи на отъѣздъ М. А. были посланы Плетневу Я. К. Гротомъ еще въ половинѣ декабря вмѣстѣ съ извѣстнымъ его стихотвореніемъ Перо [1]), но имъ для печати не предназначались. Получивъ ихъ,

---

[1]) Соврем. 1841, XXI; написано также по случаю вниманія, оказаннаго ему семьей Траверсе, см. «Переписка», т. I. См. также кн. «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ», Спб., 1895, стр. 103—107.

Плетневъ пишетъ: «Стихи на отъѣздъ Маріи, тоже съ одною буквою Г., я напечатаю въ Современникѣ. Они вполнѣ достойны ея, слѣдовательно прелестны. Не только можно ихъ показать по принадлежности, но и должно». Подтверждая свое намѣреніе въ слѣдующемъ письмѣ, онъ замѣчаетъ о нихъ: «Они невинны и не могутъ возмутить самаго дѣвственнаго, самаго младенческаго чувства стыдливости» [1]). Я. К. согласился съ этимъ, но просилъ поставить въ заглавіи только «Къ М. М. Т.», а подъ стихами только букву *Г.* Плетневъ отвѣчалъ: «Стихи къ Маріи я напечатаю точно съ такимъ заглавіемъ, какъ въ «Утренней Зарѣ» мои къ ней напечатаны уже. Ея особа не компрометируется, а все-таки немножко пробирается молва о ней къ потомству, на что она имѣетъ всѣ права...» [2]).

Приводимъ здѣсь и самые стихи, сыгравшіе такую роль въ моментъ выступленія М. А. въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, а, можетъ быть, и въ судьбѣ ея.

Маркизѣ М. А. де-Траверсе.

Изъ краевъ сихъ безмятежныхъ.
Изъ среды сестеръ своихъ,
Отъ утесовъ нашихъ снѣжныхъ,
Отъ заливовъ ледяныхъ
Вы на новыя забавы
Улетите въ край другой,
Въ исполинскій, величавый
Градъ, стоящій надъ Невой.
Берегитесь: край болотный!
Градъ отравой напоенъ!
Не ввѣряйтесь беззаботно
Жизни, къ коей манитъ онъ.
Не берите жадно чаши,
Разносимой спесью тамъ,—
Иль уста поблекнутъ ваши,
Приложась къ ея краямъ!
Есть тамъ много дѣвъ цвѣтущихъ
И красавцевъ молодыхъ,
Пѣснь хваленья имъ поющихъ
И вздыхающихъ о нихъ;
Но подобной вамъ межъ ними
Ни одной, быть можетъ, нѣтъ:
Сколько чарами своими
Вы одержите побѣдъ!
О, внимайте осторожно
Лепетанью красныхъ словъ!
Много прелести въ нихъ ложной,
Мало въ нихъ души слѣдовъ.

---

[1]) «Переписка», I, стр. 175, 176.
[2]) Тамъ же, стр. 186.

Удаляясь, прочь веселье
Вы уносите отъ насъ;
Но мы вѣримъ: новоселье
Не измѣнитъ въ сердцѣ васъ,
И столичныя тревоги
Испытавъ, но не любя,
Вы чрезъ бѣлыя дороги
Возвратите намъ—себя.

Къ этому эпизоду можно прибавить еще, что наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, которому стали извѣстны эти стихи (безъ сомнѣнія, черезъ Плетнева же), шутя сказалъ при случаѣ великосвѣтскому поэту И. П. Мятлеву, извѣстному шутнику-автору «Курдюковой», чтобы онъ отвѣчалъ стихами Гроту и защитилъ Петербургъ. Мятлевъ дѣйствительно посвятилъ маркизѣ Т. нѣсколько стихотвореній съ защитой Петербурга и его обитателей и съ насмѣшливыми шутками по адресу «Чухляндіи», на которые Я. К. въ свою очередь позже отвѣчалъ [1]). М. А. разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ Мятлевъ на балу въ дворянскомъ собраніи устроилъ ей настоящую пытку, начавъ ей декламировать свои стихи при наслѣдникѣ, съ его, конечно, разрѣшенія, и что она такъ была смущена (почти до слезъ), что послѣдній, замѣтивъ это, остановилъ Мятлева и просилъ его досказать ихъ ему въ другой разъ.

Въ Петербургѣ маркиза Траверсе съ первыхъ же дней попала въ вихрь собраній, баловъ и развлеченій высшаго свѣта. Ее всюду звали наперерывъ, восхищались ея красотой и привлекательностью, всячески выказывали ей вниманіе и участіе. Было съ чего вскружиться головѣ, и не удивительно, что прежніе почитатели ея опасались вліянія на нее этой житейской суеты и чада свѣтскихъ успѣховъ... Высказывая своему другу этого рода опасенія по поводу предстоявшей поѣздки въ Петербургъ другой гельсингфорсской красавицы, Матильды Армфельтъ, Плетневъ пишетъ: «Я и за Marie болѣе не отвѣчаю, судя по тому, что въ сердце ея спѣшатъ налить яду свѣтскихъ удовольствій. Боже мой! зачѣмъ ѣдутъ сюда! Танцовать да танцовать! Петербургъ—не та ли для Гельсингфорса Москва—ярмарка невѣстъ? И это называется родительскою попечительностью! И послѣ этого удивляются, что нѣтъ счастливыхъ браковъ!» [2]). Къ счастью, опасенія Плетнева въ данномъ случаѣ были напрасны. М. А. не испортили Петербургъ и его великосвѣтскіе соблазны: для этого ея натура была слишкомъ благородна и чиста, и нравственная основа слишкомъ незыблема. Притомъ тутъ же она встрѣтила свою судьбу, и бракъ ея съ А. В. Паткулемъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ.

---

[1]) См. книгу: «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ», стр. 105.
[2]) «Переписка», т. I, стр. 210.

Любопытенъ разсказъ Плетнева о первомъ разговорѣ его съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ о пріѣзжей красавицѣ,—разсказъ, въ которомъ случайно встрѣчается и имя будущаго ея мужа.

Въ письмѣ къ Гроту, въ дневникѣ отъ 16 января читаемъ: «По уходѣ ихъ (гостей) я легъ только въ половинѣ 3-го часа. Однако въ 5 проснулся. Во снѣ привидѣлось мнѣ, будто наслѣдникъ гдѣ-то зашелъ въ мою комнату. Я уже предполагалъ сходить къ нему поздравить съ новыми дѣлами [1]). Сонъ подалъ мнѣ мысль ввести его нѣсколько въ идеи о краѣ. Я, не сходя съ постели, началъ для него записку, въ которой изложилъ ему (тутъ слѣдуетъ содержаніе записки—о Финляндіи, ея національностяхъ, тамошнемъ университетѣ, мечтахъ о распространеніи русскаго языка и проч.).... Воткнувъ эту записку въ финляндскій адресъ-календарь, купленный мною съ вами въ Гельсингфорсѣ, я въ 9 часовъ отвезъ ему все это въ видѣ подарка. Онъ поблагодарилъ, принялъ это все, но не знаю, когда займется чтеніемъ, ибо шелъ тогда къ докладу у его величества. Между тѣмъ успѣлъ онъ сказать мнѣ: «И я видѣлъ вашу гельсингфорсскую красавицу». — «Вѣрно, вы говорите о Marie Траверсе?»—спросилъ я. — «Да. Какъ ее зовутъ?»—прибавилъ онъ. — «Очень пріятнымъ для васъ именемъ, отвѣчалъ я: Марья Александровна». Онъ весело раскланялся со мной и пошелъ, отдавъ книгу и записку мою адъютанту своему Паткулю. Я тому еще толковалъ, чтобы въ свободную минуту онъ непремѣнно прочелъ бумагу наслѣднику. Великій князь видѣлъ Marie наканунѣ, у графа Воронцова-Дашкова [2]) на балѣ. Кто знаетъ: можетъ, она и сама подымется и отца вывезетъ. Ее всѣ замѣчаютъ. Даже государь о ней спрашивалъ. У великой княжны Ольги Николаевны тоже разговоры о Marie. Баранова мнѣ сказала: «Я написала къ Марьѣ Николаевнѣ—Траверсе такъ хороша, что и Плетневъ ей стихи писалъ» [3]).

Разсказывая вскорѣ затѣмъ о своей встрѣчѣ съ наслѣдникомъ у великой княжны Ольги Николаевны, П. А. прибавляетъ: «Онъ въ восхищеніи отъ Marie Траверсе. Я сказалъ: не даромъ съ нею и танцовалъ онъ. Удивляется, какъ я все знаю. Я сказалъ, что у меня вездѣ за нею ходятъ шпіоны» [4]).

А вотъ что онъ же разсказываетъ о бывшемъ вскорѣ затѣмъ маскарадѣ въ дворянскомъ собраніи:

«Въ 12 ч. былъ я уже въ маскарадѣ. Marie танцовала во всемъ блескѣ и торжествѣ. Наслѣдникъ и прочая молодежь восхищались ею и танцовали съ нею... Ко мнѣ подошли три маски и сдали одну

---

[1]) Разумѣются обязанности по должности канцлера Гельсингфорсскаго Александровскаго университета.

[2]) Гр. Ивана Иларіоновича.

[3]) «Переписка», т. I, стр. 208—209.

[4]) Тамъ же, стр. 229.

на руки. Это была Матильда. Я долго ходилъ съ нею, ища Marie... Наконецъ мы увидѣли ее. Мятлевъ и Паткуль такъ и теребили ее... Господинъ, про котораго въ прошломъ письмѣ я говорилъ, что восхищался Marie, и которому я замѣтилъ: оттого-то и танцуетъ онъ съ нею, подошелъ въ маскарадѣ ко мнѣ и сказалъ: «Посмотрите, какъ вся публика собралась и любуется на вашу protégée. Это пріятно, прибавилъ онъ, что русскіе умѣютъ цѣнить красоту. Еслибъ я теперь былъ въ Италіи, то составилъ бы партію, и мы всѣ пошли бы ей апплодировать. Тамъ такой обычай, а здѣсь нельзя».

Въ высшей степени любопытны разсказы самой М. А. объ этихъ блестящихъ вечерахъ и балахъ, о встрѣчахъ и танцахъ съ августѣйшими особами, о томъ, какъ всѣ, не исключая и послѣднихъ, баловали ее знаками своего вниманія и восхищенія.

Для характеристики упомянемъ лишь объ описанной ею встрѣчѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который также видимо не остался вполнѣ равнодушенъ при появленіи замѣчательной гельсингфорсской красавицы въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ.

М. А. была на балу у Лазаревыхъ и по обыкновенію имѣла блестящій успѣхъ. «Пріѣхалъ на балъ, разсказываетъ она, великій князь Михаилъ Павловичъ, котораго мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ: онъ былъ серіозенъ и показался мнѣ даже суровымъ. Во время одной кадрили рѣшительно не помню кто подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь спросилъ, кто я, и, узнавъ мою фамилію, не преминулъ сдѣлать на мой счетъ каламбуръ, до которыхъ онъ большой охотникъ. Меня это заинтересовало, какой могъ онъ сдѣлать каламбуръ на мой счетъ, не зная меня вовсе. Вотъ какой, отвѣтили мнѣ: «Nous avons eu la plus belle traversée de Helsingfors à Petersbourg». Я покраснѣла, сконфузилась и отвѣчала, что комплиментъ этотъ я на свой счетъ принять не могу».

«Вскорѣ послѣ того на утреннемъ балѣ у Воронцовыхъ, въ одинъ изъ промежутковъ между танцами, ко мнѣ подошелъ генералъ Чичеринъ и передалъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ желаетъ познакомиться со мной.

«Видя, что онъ направляется ко мнѣ, я сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу. Его высочество показался мнѣ менѣе суровымъ, чѣмъ на балѣ Лазарева, гдѣ я видѣла его въ первый разъ; мы церемонно поклонились другъ другу. Великій князь улыбнулся, сказалъ, что видѣлъ меня на балѣ Лазаревыхъ, спросилъ, давно ли я пріѣхала, веселюсь ли, довольна ли своимъ пребываніемъ, и спросилъ наконецъ, передали ли мнѣ каламбуръ, сдѣланный имъ на мой счетъ. Со страха, что онъ повторитъ его, я отвѣтила: «да, мнѣ передали его, но онъ слишкомъ лестенъ, чтобъ я могла принять его на свой счетъ». На это онъ отвѣтилъ, что отъ своихъ словъ не отказывается и готовъ повторить. Мнѣ такъ часто приходилось конфузиться и краснѣть въ этотъ день, что перечесть трудно».

Вся исторія ухаживаній Паткуля и постепеннаго сближенія двухъ душъ, почувствовавшихъ уже при первыхъ встрѣчахъ взаимное влеченіе, описана авторомъ записокъ въ глубоко-правдивомъ, женственно-скромномъ и мѣстами трогательномъ разсказѣ, вполнѣ характеризующемъ высоко-нравственную и истинно-благородную личность маркизы.

II.

Александръ Владимировичъ Паткуль, которому маркиза Траверсе ввѣрила судьбу свою, былъ потомокъ родного брата перешедшаго въ русскую службу знаменитаго военачальника при Петрѣ Великомъ, извѣстнаго своею трагическою судьбою, Іоанна Рейнгольда Паткуля († 1707 г.).

Лишившись при Екатеринѣ II, вслѣдствіе какой-то обманной продѣлки довѣренныхъ лицъ, богатѣйшаго имѣнія въ Лифляндіи (Оберпаленъ), семья Паткуль должна была отъ довольства и даже роскоши перейти къ самой скромной жизни. Отецъ Александра Владимировича [1]) учился сперва въ школѣ въ г. Феллинѣ, затѣмъ поступилъ юнкеромъ въ семеновскій полкъ при императорѣ Павлѣ I. Онъ принималъ участіе въ отечественной войнѣ 1812 г. и ввелъ за отсутствіемъ командира свой полкъ въ Парижъ. Впослѣдствіи онъ былъ ревельскимъ комендантомъ и членомъ генералъ-аудиторіата.

«Императоръ Александръ I, разсказываетъ М. А., былъ очень расположенъ къ Паткулю (Вл. Гр.), былъ воспріемникомъ его дѣтей и мужа моего, который родился въ семеновскихъ казармахъ; кажется, отецъ его былъ тогда уже полковникомъ, иначе онъ не могъ бы ввести полкъ въ Парижъ, за отсутствіемъ командира. Лѣтомъ свекоръ жилъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ ему со всей семьей былъ отведенъ казенный домъ по Садовой, противъ дворца; государь часто заходилъ къ нему».

Расположеніе къ Паткулю императорской семьи и императора Николая повело къ тому, что сынъ его Александръ 7-ми лѣтъ былъ взятъ ко двору, въ товарищи къ наслѣднику Александру Николаевичу, съ которымъ вмѣстѣ и учился и воспитывался [2]). Молодой Паткуль нашелъ по-истинѣ родственно-теплый пріемъ въ царской семьѣ, относившейся къ нему, какъ къ своему, а между наслѣдникомъ и его товарищемъ образовались самыя искреннія, добрыя отношенія, которыя и впослѣдствіи сказывались въ особыхъ милостяхъ и сердечности монарха къ преданнѣйшему своему со-

---

[1]) Владиміръ Григорьевичъ, † 1855 г.

[2]) Вторымъ товарищемъ наслѣдника былъ Іосифъ Михайловичъ Віельгорскій, рано умершій (въ Римѣ 1839 г.).

труднику. Въ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ Паткуль имѣлъ какъ бы вторую мать: такъ нѣжно и истинно-матерински она къ нему относилась. Эту нѣжность свою она впослѣдствіи перенесла и на жену его, Марью Александровну, разсказы которой о «матушкѣ-царицѣ» (какъ она постоянно ее называетъ) проникнуты самымъ горячимъ чувствомъ привязанности и благодарности и многими трогательными эпизодами прекрасно характеризуютъ любящую и возвышенную душу незабвенной императрицы.

Уже изъ дружественнаго, можно сказать, любовнаго отношенія высочайшихъ особъ къ Паткулю можно заключить о томъ, что онъ по душевнымъ качествамъ своимъ и симпатичности характера, безъ сомнѣнія, заслуживалъ столь общее къ нему расположеніе. Едва ли поэтому особенно пристрастенъ такой отзывъ жены его, высказанный по поводу впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на родныхъ ея. «Дѣйствительно, онъ имѣлъ все, чтобъ привязать къ себѣ: веселый, безъ малѣйшаго фатовства и жеманства, простъ въ своемъ обращеніи, душа на распашку... Хотя красавцемъ назвать его нельзя было, но рѣдкая доброта читалась въ его темнокарихъ выразительныхъ глазахъ».

И П. А. Плетневъ, характеризуя Паткуля своему другу, говоритъ, что любилъ его (какъ мальчика еще) и «теперь любитъ за доброе сердце» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ М. А. такъ характеризуетъ своего мужа: «Безъ всякаго пристрастія я смѣло могу сказать, что Саша былъ любимъ всѣми, кто только зналъ его. Это была такая честная, благородная душа; онъ не пользовался своимъ положеніемъ, никогда ничего для себя или своихъ не просилъ, никому не кланялся и ни у кого ничего не заискивалъ, но если могъ кому въ чемъ помочь, всегда былъ готовъ сдѣлать все зависящее отъ него, не жалѣя ни трудовъ своихъ, ни кармана, за что много поплатился. Правду онъ рубилъ съ плеча, не стѣсняясь никѣмъ, поэтому окружающіе боялись его, завидовали, понятно не выказывая этого; онъ же не обращалъ на это никакого вниманія и былъ со всѣми хорошъ».

Когда М. А. уже дала Паткулю свое согласіе, имъ предстояла еще разлука съ возвращеніемъ маркизы въ Гельсингфорсъ и выжиданіе до окончательнаго рѣшенія судьбы. Дѣло въ томъ, что, «не имѣя еще согласія государя, Паткуль просилъ отца и меня сохранить помолвку нашу втайнѣ и сказалъ, что императрица, благословивъ его, обѣщала сама сообщить его величеству и просить его разрѣшенія».

«Наконецъ въ апрѣлѣ, продолжаетъ М. А., получаю письмо отъ жениха, которое начиналось: «Ура! вчера 4-го на вечерѣ у импе-

---

[1]) «Переписка», т. I, стр. 366.

ратрицы государь, взявъ меня за плечи, ввелъ передъ собой въ гостиную со словами: «се женихъ грядетъ», и, повернувъ меня къ себѣ, поздравилъ и поцѣловалъ». Оказывается, что его величество хотѣлъ объявить его женихомъ въ то самое число, когда за годъ передъ тѣмъ наслѣдникъ сдѣлался женихомъ; вотъ почему онъ такъ долго медлилъ своимъ согласіемъ. Тутъ императрица поцѣловала Паткуля и поздравила офиціально, какъ и всѣ великіе князья, княгини и княжны, сопровождая поздравленія наилучшими пожеланіями».

Послѣ того Паткуль ѣздилъ къ своей невѣстѣ въ Гельсингфорсъ, и о пребываніи его тамъ мы находимъ нѣсколько извѣстій въ письмахъ Я. К. Грота къ Плетневу. 21-го мая онъ отмѣчаетъ: «Въ субботу вечеромъ я пошелъ къ Траверсе. Тамъ тотчасъ невѣста представила меня жениху, который встрѣтилъ меня очень ласково. Почти первыми его словами было то, что онъ всѣ мои стихи знаетъ наизусть, и что съ ними связаны для него лучшія воспоминанія». Въ слѣдующемъ письмѣ читаемъ: «Женихъ звалъ меня къ себѣ, когда буду въ Петербургѣ, что повторилъ и вечеромъ. Читалъ наизусть стихи мои, жалуясь, что самъ не можетъ сочинять стиховъ изъ-за проклятой риѳмы». Свадьба была отложена до осени, и состоялась 27-го августа въ Ревелѣ, въ домѣ дѣдушки М. А., А. В. Спаѳарьева, въ скромной обстановкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ молодые уѣхали въ Петербургъ.

Весьма интересны разсказы М. А. о томъ, какъ сердечно и ласково были они, какъ молодые, встрѣчены въ царской семьѣ. Надо отдать справедливость Марьѣ Александровнѣ, что при исключительно блестящей своей наружности и рѣдкой благосклонности судьбы къ ней, она вовсе не была одержима особеннымъ честолюбіемъ и стремленіемъ первенствовать и играть роль. Напротивъ, она была чрезвычайно скромна и непритязательна, а эта черта видимо располагала къ ней и членовъ царскаго семейства. Нельзя поэтому усомниться въ искренности слѣдующаго признанія М. А. по поводу предстоявшаго по ихъ пріѣздѣ представленія высочайшимъ особамъ.

«Мнѣ никогда и въ голову не приходило, что я буду представлена ко двору, какъ жена Паткуля; объ этомъ и разговора у насъ до этого не было. Весьма понятно, что это сообщеніе смутило меня, такъ какъ я не имѣла никакого понятія о придворномъ этикетѣ. Застѣнчивость свою я никогда преодолѣть не могла, хоть увѣрена, что никто не подозрѣвалъ ея во мнѣ».

Представленіе состоялось очень скоро на балѣ въ Александровскомъ дворцѣ. Особенно интересно описаніе пріема, оказаннаго М. А. императрицей Александрой Ѳеодоровной.

«...Вотъ послышалось: «Императрица идетъ»; всѣ разступились. Едва я успѣла глубоко присѣсть и поцѣловать руку императрицы, какъ она обняла меня и поцѣловала въ обѣ щеки со словами: «Je suis

bien contente de vous voir chez nous et vous confie le bonheur de notre enfant Patkul. J'espère que vous serez une bonne petite femme économe et raisonnable, que vous ne serez pas dèpensière pour votre toilette, car ni vous, ni votre mari n'avez de la fortune».

«Тронутая до глубины сердца такими материнскими наставленіями, я отвѣтила, что сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы составить счастье моего мужа, что же касается роскоши, то я къ ней не привыкла и, любя его, не боюсь никакихъ лишеній». Затѣмъ императрица представила М. А. цесаревнѣ и дочери, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которыя тоже обласкали ее, какъ и прочія августѣйшія особы. Не удивительно послѣ того, что М. А., какъ сама свидѣтельствуетъ, «всѣмъ сердцемъ привязалась къ царской семьѣ и сознавала, что обласкана была ея величествомъ и ихъ высочествами потому, что была женою Паткуля». Не менѣе милостиво обошелся съ молодой Паткуль и государь Николай Павловичъ. Вскорѣ послѣ того бала молодые были приглашены къ высочайшему столу.

«Пока съѣзжались во дворецъ приглашенные, повѣствуетъ М. А., я подошла къ билліарду, на которомъ сидѣла Александра Максиміліановна, прелестный ребенокъ, дочь великой княгини Маріи Николаевны, и начала катать шары, которые она, смѣясь и ползая по сукну, ловила своими маленькими рученками. Вдругъ распахнулась дверь краснаго кабинета императрицы, вышли ихъ величества, а за ними всѣ члены царской семьи.

«Богъ мой, какъ затрепетало мое сердце: я чувствовала, что ноги подкашиваются, прислонилась къ билліарду и, опустивъ глаза и наклонивъ голову, сдѣлала низкій поклонъ. Поднявъ глаза, я увидѣла, что ихъ величества направляются прямо ко мнѣ. Когда они подошли, я еще разъ присѣла, а императрица, обратясь къ государю, сказала: «Cher ami, je te présente la femme de notre enfant Patkul». На это государь, протягивая мнѣ свою державную руку, поклонился со словами: «Прошу любить и жаловать». Я была такъ поражена этимъ неожиданнымъ и столь милостивымъ привѣтствіемъ, что не могла отвѣтить ни слова, покраснѣла и въ первую минуту не могла сообразить, приснились ли мнѣ эти слова царя, или дѣйствительно это было наяву».

Счастливо и безмятежно потекла въ Петербургѣ и отчасти въ Царскомъ Селѣ жизнь четы Паткуль, согрѣваемая милостивымъ расположеніемъ и почти родственнымъ вниманіемъ царской семьи, въ особенности императрицы Александры Өеодоровны и наслѣдника Александра Николаевича, а также семейными радостями съ увеличеніемъ семейства и подрастаніемъ дѣтей.

Не въ нашемъ планѣ слѣдить далѣе за этой счастливой жизнью, описанной столь интересно и тепло въ «Воспоминаніяхъ» Марьи Александровны. Для общей характеристики этой жизни, какъ равно

и повѣствованія о ней, достаточно будетъ сказать, что если семейный бытъ Паткулей, всегда мирный и проникнутый патріархальнымъ началомъ и взаимной дружбой, омрачался не разъ семейными потерями (смерть дѣтей) и неизбѣжными невзгодами, зато внѣшніе успѣхи и главнымъ образомъ интимная близость къ царской семьѣ и неизмѣнныя участіе и вниманіе послѣдней сопровождали чету Паткуль во всѣ періоды ихъ жизни, на всѣхъ этапахъ и ступеняхъ службы Александра Владимировича—сперва какъ адъютанта наслѣдника, затѣмъ какъ командира л.-гв. Павловскаго полка [1]), генералъ-адъютанта и с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, затѣмъ начальника гренадерской дивизіи и наконецъ какъ члена военнаго совѣта — до самой его смерти, послѣдовавшей 17-го августа 1877 года. И послѣ смерти мужа Марья Александровна, хотя и удалившись уже отъ двора, продолжала пользоваться сердечнымъ вниманіемъ высочайшихъ особъ.

Но, не имѣя въ виду ни описывать жизнь Марьи Александровны, ни передавать содержаніе ея любопытнѣйшихъ, столь богатыхъ фактами и характеристиками «Воспоминаній», мы не можемъ однакожъ не воспользоваться случаемъ привести здѣсь еще нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, хотя бы въ подтвержденіе нашего мнѣнія о необходимости изданія этихъ записокъ, какъ прекрасной исторической иллюстраціи къ описанію внутренней царской жизни и быта, а также къ характеристикѣ двухъ замѣчательныхъ русскихъ монарховъ минувшаго вѣка. О чрезвычайно милостивомъ и благосклонномъ обращеніи государя Николая Павловича М. А. разсказываетъ множество эпизодовъ.

Въ 1849 г. царская семья поѣхала въ Москву на торжество освященія Александровскаго дворца. Передъ возвращеніемъ оттуда состоялся при дворѣ маскарадъ, на который безъ разбора сословій допускались всѣ.

«Дамы царской фамиліи и приглашенныя были въ русскихъ платьяхъ, т.-е. сарафанахъ и кокошникахъ.

«На этомъ вечерѣ я имѣла счастье пройти «польскій» съ его величествомъ, съ наслѣдникомъ и всѣми великими князьями, братьями императрицы и другими иностранными принцами.

«Когда государь шелъ со мной, народъ бросился ко мнѣ, хватая за руку, чтобы поцѣловать, принимая меня, конечно, за одну изъ великихъ княгинь.

«Государя очень занимало, отчего я такъ краснѣю; на вопросъ его о причинѣ я призналась, какъ мнѣ совѣстно, что, при-

[1]) Какую добрую о себѣ память оставилъ Паткуль въ семьѣ этого полка и его преданіяхъ, видно изъ того сердечнаго участія, которое выказалъ нынѣ л.-гв. Павловскій полкъ къ семьѣ Паткуль, приславъ депутацію свою на погребеніе Марьи Александровны и отслуживъ у себя панихиду въ девятый день по ея кончинѣ.

нимая меня, вѣроятно, за одну изъ великихъ княгинь, народъ хватаетъ мою руку. Никто изъ нихъ, конечно, не допускаетъ, чтобы его величество могъ прохаживаться съ женою адъютанта наслѣдника. На это государь милостиво замѣтилъ:

— «Не съ женою адъютанта, а съ женой моего пріемнаго сына, которую императрица и я любимъ и уважаемъ, а я немногихъ дамъ уважаю.—Такъ бы и бросилась поцѣловать его руку за такой лестный отзывъ обо мнѣ!»...

Въ другой разъ—это было въ Петергофѣ—императрица взяла М. А. съ собой на прогулку на Царицынъ островъ. Тамъ неожиданно для М. А. съѣхалась понемногу вся царская семья, не исключая и государя.

«Мнѣ, пишетъ она, сдѣлалось ужасно неловко быть единственнымъ постороннимъ лицомъ, и я попросила разрѣшенія императрицы пойти въ садъ. На это ея величество мнѣ сказала:

— «Comme je vous compte de la famille, vous n'avez qu'a rester avec nous».

«Когда собрались уѣзжать, всѣ двинулись къ экипажамъ. Когда государь сѣлъ съ императрицей въ шарабанъ, ея величество сказала: «J'ai ammené m-me Patkul avec moi, comment retournera-t-elle?». На это наслѣдникъ отвѣтилъ, что его дрожки въ моемъ распоряженіи, такъ какъ онъ возвращается съ цесаревной и дѣтьми.

«Въ эту минуту государь вышелъ изъ экипажа со словами: «Нѣтъ, мои дрожки!» и закричалъ: «Яковъ!» — Какъ мнѣ быть?—спросила я его высочество.—«Государю отказать нельзя». Яковъ подъѣхалъ. Его Величество самъ помогъ мнѣ сѣсть, поцѣловалъ руку и сказалъ: «пошелъ!». Яковъ моментально пустилъ лошадь, и я сидя, какъ воробей на крышѣ, съ ужасомъ пронеслась около ихъ величествъ и всей царской семьи, стоявшей еще на мѣстѣ. Говорю — съ ужасомъ, и это не преувеличено; я никогда не находилась въ такомъ неловкомъ положеніи, какъ въ эту минуту, опередивъ всѣхъ въ дрожкахъ царя. Почти со слезами я умоляла Якова пропустить царскую семью, но видимо страдало его самолюбіе, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что до такого срама онъ не доживалъ никогда, чтобъ его обогнали. Тутъ я стала ему доказывать, что настоящій для него срамъ тотъ, что онъ везетъ меня, а не государя, и еслибъ у меня не былъ страхъ расшибиться, то я соскочила бы съ дрожекъ.

«Должно быть, ему стало совѣстно или жаль меня: онъ началъ придерживать лошадь, сказавъ: «Такъ и быть, пропущу своего барина».

«Ихъ величества проѣхали мимо меня, кланяясь и улыбаясь. Государь не могъ не замѣтить, какъ всѣ военные становились мнѣ во фронтъ, встрѣчные кланялись, снимали шапки,—это потѣшало его, а мнѣ было не до смѣха: заслонивъ себя зонтикомъ, я не-

смотрѣла ни на кого,—пусть думаютъ, что ѣдетъ одна изъ великихъ княгинь».

Извѣстно, какъ государь Николай I дорожилъ слышать правду, любилъ откровенность и прямоту въ отношеніяхъ окружающихъ къ нему.

Однажды М. А. поѣхала въ Петербургъ (изъ Царскаго Села) на вечеръ во дворецъ: кромѣ ихъ высочествъ и наслѣдника, почти никого не было.

«Не помню, разсказываетъ М. А., о чемъ шла рѣчь, и почему государь обратился съ вопросомъ ко мнѣ. Кажется, его величество спросилъ о семейныхъ вечерахъ (въ Царскомъ Селѣ), достаточно ли бываетъ дамъ, потому что въ кавалерахъ, вѣроятно, недостатка нѣтъ.

«Я отвѣтила, какъ было въ дѣйствительности: что, благодаря неудобному сообщенію съ Петербургомъ, куда многіе ѣздили къ роднымъ и въ театръ, молодежь не имѣла возможности возвращаться изъ столицы вò-время къ семейному вечеру, и поэтому случалось, что иногда танцоровъ было недостаточно. Тутъ графиня Б., дернувъ меня за платье, слегка нагнулась и въ полголоса проговорила: «On ne peut pas dire ces veritées à l'Empereur!» — «Oserais-je jamais mentir à mon souverain?»—отвѣтила я. При этомъ я чувствовала пристальный взглядъ государя, который тутъ же спросилъ, что сказала мнѣ графиня. Я покраснѣла, сконфузилась, растерялась: повторить слова графини—это выдать ее, а этого я не хотѣла, а потому нетвердымъ голосомъ проговорила: «Графиня мнѣ что-то сказала, но»... — Государь перебилъ меня: «Вы хотѣли сказать, что не разслышали,—вотъ это неправда! У меня слухъ хорошъ: графиня сдѣлала замѣчаніе, зачѣмъ вы сказали мнѣ правду! Это несчастье, что всѣ боятся говорить мнѣ правду, и никто о томъ не думаетъ, насколько облегчили бы мнѣ тяжесть царствованія, если бы говорили всегда правду. Поэтому прошу вас никого не слушать и не вѣрить, что я боюсь истины».

Мы уже говорили выше о необыкновенной добротѣ и заботливости императрицы Александры Ѳеодоровны въ отношеніи къ М. А. Трогательными примѣрами того полны записки послѣдней. Много въ нихъ эпизодовъ, характеризующихъ также искренно-дружеское и участливое отношеніе къ Паткулямъ Александра II, сперва какъ наслѣдника, а затѣмъ—государя.

Въ 1850 г. наслѣдникъ отправился на Кавказъ, но не взялъ съ собой Паткуля, такъ какъ у нихъ въ это время ожидалось прибавленіе семьи.

«Я видѣла, пишетъ М. А., что Саша жалѣлъ, что ему не удалось сопровождать своего обожаемаго великаго князя; но онъ былъ вознагражденъ, когда въ ноябрѣ государь послалъ его ему навстрѣчу съ передачею наслѣднику Георгія 4-й степени. Отправляя его, государь сказалъ: «Прежде чѣмъ вручить крестъ, скажи, что я очень

недоволенъ имъ: наслѣдникъ русскаго престола не имѣетъ права рисковать, какъ онъ изволилъ это сдѣлать: чуть не попалъ горцамъ въ плѣнъ».

«Встрѣтивъ не помню на какой станціи его высочество, мужъ передалъ ему слово въ слово порученіе его величества, которое видимо озадачило наслѣдника; но когда Саша вручилъ ему Георгіевскій крестъ, лицо цесаревича просіяло, и обнимая мужа, онъ сказалъ: «Это лучшая для меня награда; я радъ, что именно ты привезъ мнѣ ее».

А вотъ разсказъ, рисующій отношеніе Александра II къ своему товарищу дѣтства и къ его женѣ,—уже какъ русскаго царя.

Когда А. В. Паткуль былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, квартировавшаго гдѣ-то въ западныхъ губерніяхъ, и вѣсть о томъ дошла до М. А. (мужъ ея былъ какъ разъ въ отсутствіи), она не могла скрыть своего огорченія, вызвавшаго даже слезы.

«Я очень хорошо поняла, пишетъ она, что Саша, какъ бѣльмо на глазу, стоялъ у всѣхъ завистниковъ и придворныхъ интригановъ, что его хотятъ такъ или иначе отдалить отъ государя. Саша былъ слишкомъ правдивъ и откровененъ, безцеремонно рѣзалъ правду съ плеча, не стѣсняясь ни передъ кѣмъ. Вотъ этого-то всѣ боялись»...

На слѣдующее утро М. А. съ опухшими глазами гуляла въ паркѣ, затѣмъ зашла къ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, но, не заставъ ея, вернулась домой.

«Не успѣла я еще снять шляпу, какъ верхомъ заѣхалъ государь ко мнѣ. Какъ была, въ шляпѣ, съ безобразно опухшими глазами, я вышла къ нему на встрѣчу въ переднюю.

«Повидимому, государю передали, какъ я приняла вѣсть о назначеніи мужа, потому что послѣ долгаго разговора о разныхъ посторонних вещахъ онъ спросилъ, наконецъ, имѣю ли я извѣстія отъ мужа, и при этомъ поручилъ поцѣловать его въ слѣдующемъ моемъ письмѣ.

«Я отвѣтила, что вчерашнее мое письмо было послѣднее, онъ долженъ скоро вернуться, если только его величество не далъ ему еще порученія.

«На это государь, какъ бы немного сконфуженный, отвѣтилъ: «Я хотѣлъ дать ему Павловскій полкъ, конечно, въ такомъ только случаѣ, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ, и тогда ему придется ѣхать принять его тамъ на мѣстѣ».— «Вы знаете, ваше величество, что мужъ никогда ни отъ чего не отказывался и ни на что не напрашивался, а безпрекословно исполнялъ ваши приказанія,.. но я боюсь одного...» — «Чего?» спросилъ онъ удивленно.— «Не оправдалась бы французская пословица: loin des yeux, loin du coeur!» —У государя навернулись слезы на глазахъ: взявъ мою

руку, онъ какъ бы съ упрекомъ сказалъ: «Марья Александровна! неужели вы знаете меня такъ мало, что могли судить такъ невыгодно обо мнѣ. Вы знаете, какъ я люблю Паткуля, мы выросли вмѣстѣ, товарищи съ дѣтства; могу ли я забыть его, и могутъ ли измѣниться наши дружескія отношенія! Нѣтъ, никогда!»—«Если такъ, ваше величество, то куда угодно, хотя на край свѣта»,— отвѣтила я, и на душѣ какъ будто стало спокойнѣе. Государь уѣхалъ, обѣщая прислать маршрутъ Павловскаго полка».

Довольно, кажется, и этихъ выписокъ, чтобы дать читателямъ понятіе о занимательности «Воспоминаній» М. А. Паткуль. Прибавимъ еще, что разсказы ея, какъ очевидицы, и сообщаемыя ею подробности освѣщаютъ правдивымъ свѣтомъ и рядъ такихъ крупныхъ событій и фактовъ, какъ обстоятельства кончины государя Николая Павловича, смерть императрицы Александры Θеодоровны, болѣзнь наслѣдника цесаревича Николая Александровича и ея причины и проч.

Въ дополненіе къ характеристикѣ М. А. Паткуль, духовный обликъ которой довольно выпукло рисуется и въ приведенныхъ уже нами данныхъ, отзывахъ и извлеченіяхъ изъ ея «Воспоминаній», мы не можемъ умолчать о нѣкоторыхъ фактахъ ея жизни, а именно общественной ея дѣятельности, которой она время отъ времени посвящала свои силы, свидѣтельствующихъ объ энергіи, отзывчивости и сердечной любви къ ближнему въ этой блестящей представительницѣ нашего высшаго общества.

Особенно заслуживаетъ упоминанія дѣятельность Маріи Александровны въ Варшавѣ, гдѣ мужъ ея занималъ выдающійся военный постъ (1864—1869), и гдѣ ея патріотическія чувства и національно-русское настроеніе нашли широкое поле для своего выраженія въ трудахъ благотворительности на пользу мѣстнаго православнаго нуждающагося населенія. Въ союзѣ и сотрудничествѣ съ другой энергической русской женщиной, баронессой Е. Н. Менгденъ, М. А. выступила дѣятельной устроительницей благотворительныхъ учрежденій для православныхъ въ Варшавѣ. Сперва было обращено вниманіе на бѣдственное и нищенское положеніе православныхъ церквей въ Привислянскомъ краѣ, и Паткули энергично принялись за дѣло изысканія средствъ для ихъ поддержанія, снабженія церквей всѣмъ необходимымъ и ихъ лучшаго устроенія. Одновременно организовалось, при ихъ же главномъ участіи, «Русское благотворительное общество», которое скоро стало на твердое основаніе и которому съ тѣхъ поръ столь многимъ обязана бѣдная часть русскаго населенія Варшавы. Средства общества, благодаря стараніямъ М. А. и привлеченію ею русскаго варшавскаго общества къ пожертвованіямъ путемъ устройства благотворительныхъ вечеровъ, лотерей и пр., настолько увеличились, что оказалось возможнымъ приступить къ осуществленію

давнишней мечты М. А.— къ устройству пріюта, который и былъ вскорѣ открытъ подъ именемъ Маріинскаго (и нынѣ процвѣтающаго) [1]) по имени ея величества императрицы Маріи Александровны, принявшей его подъ свое августѣйшее покровительство.

Но не одно это учрежденіе обязано своимъ возникновеніемъ энергическому почину М. А. Паткуль.

«Когда въ Варшавѣ,— разсказываетъ она въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,— учреждался мѣстный комитетъ Краснаго Креста попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, Саша далъ мнѣ благую мысль основать дамскій комитетъ, и я тотчасъ принялась приводить ее въ исполненіе. Не большихъ трудовъ это мнѣ стоило: дамы охотно записывались въ члены. Если не ошибаюсь, комитетъ нашъ состоялъ изъ десяти дамъ». Предсѣдательницей была избрана Марья Александровна, а секретаремъ взялась быть княгиня Вахвахова. «Увѣряютъ,— прибавляетъ она,— что тамъ, гдѣ орудуютъ дамы, безъ спора и шума не обходится; въ нашемъ комитетѣ все происходило мирно, согласно, и дѣло успѣшно шло впередъ. Такимъ умнымъ, исполнительнымъ секретаремъ, какимъ была княгиня Вахвахова, любое министерство могло бы гордиться».

Такимъ образомъ М. А. въ краткое свое пребываніе въ Варшавѣ успѣла немало сдѣлать для русскаго люда въ этомъ краѣ и оставила по себѣ добрую память.

Ея благотворительная дѣятельность возобновилась затѣмъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она основала также пріютъ при мѣстномъ благотворительномъ обществѣ, испросивъ на это средства у самого государя, и гдѣ позже, въ 1876 году, они съ мужемъ оба основали дамскій комитетъ общества Краснаго Креста; этой же дѣятельности М. А. предалась еще полнѣе, уже по смерти своего мужа, въ самую эпоху турецкой войны, когда императрица Марія Александровна, желавшая очевидно отвлечь ея мысли отъ понесенной ею тяжкой утраты, поручила ей устроить при придворной больницѣ сто кроватей для раненыхъ и больныхъ воиновъ. М. А. энергично взялась за дѣло, которое скоро и осуществилось, особенно благодаря тому сердечному участію и интересу, которое выказала къ нему сама императрица.

Продолжая жить постоянно въ Царскомъ Селѣ, въ собственномъ большомъ, нѣкогда построенномъ самимъ Паткулемъ, домѣ (на Средней улицѣ), М. А. въ послѣдній періодъ своей жизни всецѣло жила своими семейными интересами и воспоминаніями о счастливомъ прошломъ: какъ патріархъ многочисленной семьи,

---

[1]) См. о Варшавскомъ русскомъ благотворительномъ обществѣ и Маріинскомъ пріютѣ недавнюю статью проф. П. А. Кулаковскаго по поводу вопроса о положеніи русскихъ дѣтей бѣднаго класса въ Варшавѣ. «Московскія Вѣдомости», 1900 г., № 353.

она была окружена постоянно то тѣми, то другими своими дѣтьми, внуками и правнуками и пользовалась до конца сравнительно хорошимъ здоровьемъ, замѣчательной бодростью духа и живымъ интересомъ ко всему окружающему.

Намъ не разъ привелось видѣть въ эти послѣдніе годы Марью Александровну—уже, правда, старушку, но все еще живую и интересную, замѣчательно сохранившую черты своей прежней красоты, и слышать ея увлекательные и задушевные разсказы о давноминувшемъ, особенно о счастливыхъ дняхъ ея молодости.

«25-го мая 1900 года свѣтлый, чудный лучъ солнца неожиданно озарилъ мой домъ. Наша обожаемая императрица Марія Ѳеодоровна осчастливила меня своимъ милостивымъ посѣщеніемъ, которое точно придало мнѣ новыя силы и подкрѣпило мое пошатнувшееся здоровье.

«Да благословитъ Господь Богъ ея величество за доставленныя мнѣ своимъ посѣщеніемъ отрадныя и счастливыя минуты».

Такъ заканчиваетъ М. А. свои «Воспоминанія».

К. Г—ъ.

ДУЭЛЬ НОВОСИЛЬЦЕВА СЪ ЧЕРНОВЫМЪ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, на Выборгской сторонѣ, при въѣздѣ съ Ланского шоссе въ Лѣсной, на небольшой, возвышенной площади, стоитъ каменная церковь св. Владимира, болѣе извѣстная подъ названіемъ Новосильцевской. Названіе это присвоено ей потому, что она воздвигнута фрейлиной Новосильцевой на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ ея единственный сынъ, флигель-адъютантъ Владимиръ Дмитріевичъ Новосильцевъ, получившій смертельную рану на дуэли съ подпоручикомъ Семеновскаго полка Черновымъ. О дуэли ихъ, возбудившей въ свое время много толковъ въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ, имѣются кое-какія печатныя свѣдѣнія, но недавно извѣстный нашъ археологъ и собиратель рукописей, А. А. Титовъ, сообщилъ намъ любопытное письмо одного изъ близкихъ къ Новосильцевымъ лицъ, Николая Прокофьевича Пражевскаго, который находился при кончинѣ Новосильцева и подробно описалъ его матери послѣднія минуты жизни ея несчастнаго сына [1]). Прежде, чѣмъ приведемъ это письмо, считаемъ не лишнимъ напомнить въ общихъ чертахъ о печальной катастрофѣ, погубившей двѣ молодыя жизни.

---

[1]) Письмо это сохранилось въ бумагахъ настоятеля Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго монастыря, архимандрита Иннокентія, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ графини А. А. Орловой-Чесменской и находившагося съ нею въ перепискѣ. На обложкѣ этого письма рукой Иннокентія сдѣлана слѣдующая надпись: «получено при письмѣ граф. А. А. Орловой о несчастной кончинѣ ея племянника».

Екатерина Владимировна Новосильцева была старшей дочерью графа Владимира Григорьевича Орлова, родного брата фаворита императрицы Екатерины II, князя Григорія Орлова, и извѣстнаго графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго. Пожалованная почти въ пеленкахъ фрейлиной, воспитанная въ строгихъ правилахъ аристократической семьи, вращаясь постоянно при дворѣ и въ высшемъ кругѣ общества въ Петербургѣ и Москвѣ, она вышла, въ 1799 году, замужъ по любви за бригадира Дмитрія Александровича Новосильцева. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Уже черезъ три мѣсяца послѣ него братъ новобрачной, графъ Григорій Владимировичъ, писалъ своему зятю, графу Панину, что новый членъ семьи возбуждаетъ противъ себя всѣхъ своею вспыльчивостью и заносчивостью. Едва прошелъ годъ, какъ супруги разошлись и всю остальную жизнь провели врознь. Графъ Владимиръ Григорьевичъ, огорченный тѣмъ, что дочь его должна лишиться радостей семейной жизни, которыя онъ ставилъ выше всего на свѣтѣ, пытался однажды примирить супруговъ, но, будучи крайне оскорбленъ запальчивыми рѣчами Новосильцева, пришелъ къ убѣжденію, что съ этимъ человѣкомъ невозможно ужиться никакому существу, хотя бы и съ ангельскимъ характеромъ [1]). Екатерина Владимировна имѣла одного сына, составлявшаго ея единственное утѣшеніе. Она боготворила его и посвятила всю свою жизнь заботамъ о немъ. Когда онъ подросъ, Новосильцева переселилась изъ Москвы въ Петербургъ и отдала его въ іезуитскую школу, считавшуюся тогда лучшимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ ней преподавали, какъ значилось въ программѣ: «языки латинскій, французскій и русскій, а желающимъ нѣмецкій и англійскій, исторію священную и гражданскую, древнюю и новую, басесловіе, землеописаніе, лѣтосчисленіе, словесность, риторику, логику, метафизику, различныя отрасли математики, начальныя основанія права естественнаго, гражданскаго и политическаго». Курсъ былъ шестилѣтній, съ платой по тысячѣ рублей въ годъ. Но при этомъ тайной и главнѣйшей цѣлью іезуитовъ было превращеніе русскихъ православныхъ дѣтей въ латинянъ и космополитовъ; православному священнику былъ предоставленъ только одинъ урокъ въ недѣлю; Законъ Божій изучался по римскому катехизису, а евангеліе и молитвы читались по-латыни [2]).

Новосильцевъ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ и вообще подавалъ самыя лучшія надежды. Какъ и всѣ внуки графа Владимира Григорьевича Орлова, онъ былъ очень высокаго роста, красивъ, любилъ музыку, игралъ хорошо на кларнетѣ, изящно танцовалъ

---

[1]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Составленъ графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ. Спб. 1878. Ч. 2. Стр. 188.

[2]) Іезуиты въ Россіи. Морошкина. Спб. 1870. Ч. 2, стр. 122—185.

и ловко дрался на рапирахъ [1]). По выходѣ изъ школы, онъ поступилъ на службу въ лейбъ-гусарскій полкъ, назначенъ, по производствѣ въ офицеры, адъютантомъ къ главнокомандующему первой арміей фельдмаршалу графу Сакену, а въ 1822 году сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Такимъ образомъ, ему открывалась самая блестящая карьера.

Штабъ первой арміи былъ расположенъ въ городѣ Старомъ-Быховѣ, Могилевской губерніи, гдѣ, въ числѣ другихъ чиновъ, проживалъ генералъ-аудиторъ арміи, генералъ-майоръ Черновъ, съ женой и дочерью. Сыновья его служили офицерами въ армейскихъ полкахъ, и одинъ изъ нихъ, Константинъ, былъ случайно переведенъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, когда послѣ раскассированія этого полка, въ 1824 году, вслѣдствіе возникшихъ въ немъ безпорядковъ, онъ былъ вновь сформированъ изъ армейскихъ баталіоновъ. Черновы были люди небогатые, простые, но весьма радушные, и штабные офицеры охотно посѣщали ихъ домъ, привлекаемые въ особенности молоденькой Черновой, отличавшейся рѣдкой красотой и веселымъ характеромъ. Въ бытность свою адъютантомъ графа Сакена, Новосильцевъ также познакомился съ Черновыми, сдѣлался ихъ частымъ гостемъ и скоро влюбился въ ихъ дочь, которая отвѣчала ему взаимностью. По своимъ личнымъ достоинствамъ, богатству и положенію въ свѣтѣ, Новосильцевъ былъ завиднымъ женихомъ для всякой дѣвушки, тѣмъ болѣе для бѣдной и незнатной, какъ Чернова. Когда Новосильцевъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ и уѣхалъ въ Петербургъ, Чернова съ дочерью вскорѣ также перебралась въ столицу. Здѣсь молодые люди еще болѣе сблизились, и, наконецъ, Новосильцевъ сдѣлалъ формальное предложеніе. Разумѣется, согласіе матери и дочери было полное. Сговоръ и обрученіе состоялись въ августѣ 1824 года. Новосильцевъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабріолетѣ по городу и окрестностямъ и вообще въ обращеніи съ нею держалъ себя въ той степени сближенія, которая допускается только между женихомъ и невѣстой [2]). Въ порывѣ любви и очарованія онъ забылъ, что у него есть мать и дѣдъ, гордые своимъ происхожденіемъ и положеніемъ въ свѣтѣ, безъ согласія которыхъ онъ не могъ жениться. Скоро, однако, онъ опомнился, написалъ матери и, какъ и слѣдовало ожидать, получилъ безусловный отказъ и строгое приказаніе немедленно прекратить всякія сношенія съ семействомъ Черновыхъ. Между тѣмъ, срокъ, назначенный для свадьбы, приближался, и Новосильцевъ рѣшилъ сдѣлать попытку лично упро-

---

[1]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Ч. 2, стр. 297.

[2]) Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ. Князя Е. Оболенскаго. Сборникъ «Девятнадцатый вѣкъ». Ч. 1, стр. 317.

сить мать дать согласіе на его женитьбу. Съ этой цѣлью, подъ предлогомъ болѣзни отца, онъ отправился въ Москву, давъ слово возвратиться черезъ три недѣли. Съ дороги онъ писалъ своей невѣстѣ, но по прибытіи въ Москву, подчиняясь настойчивому требованію матери, прекратилъ переписку и не только не вернулся къ назначенному времени, но оставилъ семейство Черновыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой вѣсти о себѣ. До свѣдѣнія Черновыхъ дошло, что Новосильцевъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, однако не только не былъ у невѣсты, но даже не увѣдомилъ о себѣ. Это обстоятельство убѣдило ихъ, что Новосильцевъ порвалъ съ ними всякія сношенія и избѣгалъ всякихъ объясненій. Тогда братья Черновы, считая честь своей сестры оскорбленной, рѣшили потребовать удовлетворенія отъ оскорбителя. Въ ноябрѣ Сергѣй Черновъ писалъ изъ Стараго Быхова брату Константину въ Петербургъ: «Желательно, чтобы Новосильцевъ былъ нашимъ зятемъ; но ежели сего нельзя, то надо сдѣлать, чтобы онъ умеръ холостымъ, хотя сіе прелестное твореніе заслуживаетъ и лучшей участи». Вслѣдствіе этого письма, Константинъ Черновъ поѣхалъ въ Москву, пославъ предварительно Новосильцеву вызовъ въ весьма дерзкихъ выраженіяхъ. Повидимому, цѣль поѣздки была извѣстна не только великому князю Михаилу Павловичу, но и государю и одобрена имъ. По крайней мѣрѣ, Сергѣй Черновъ писалъ по этому поводу брату: «Когда папенька узналъ, что великій князь, зная, для чего ты ѣдешь въ Москву, съ позволенія государя, самъ дозволилъ тебѣ сію поѣздку, то онъ совершенно успокоился и проливалъ слезы восхищенія». Мать Новосильцева, узнавъ о пріѣздѣ Чернова и его намѣреніяхъ, обратилась къ посредничеству московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, который пригласилъ къ себѣ обоихъ противниковъ. Послѣ объясненій въ присутствіи князя Голицына и другихъ лицъ, Новосильцевъ объявилъ, что никогда не оставлялъ намѣренія жениться на Черновой, послѣ чего Черновъ извинился въ томъ, что сомнѣвался въ его честности. Мать Новосильцева тогда же письменно изъявила родителямъ Черновой о своемъ согласіи на бракъ сына съ ихъ дочерью. Новосильцевъ далъ обѣщаніе совершить свадьбу въ теченіе шести мѣсяцевъ, говоря, что отлагаетъ её единственно потому, чтобы не дать повода говорить, будто онъ вынужденъ къ тому угрозами. Казалось, дѣло приняло благопріятный оборотъ, и Новосильцевъ и Черновъ возвратились въ Петербургъ. Однако же, вскорѣ Новосильцевъ вдругъ сдѣлалъ Чернову вызовъ, ссылаясь на будто бы разглашаемые имъ слухи, что онъ принудилъ его жениться. Послѣ новаго объясненія Новосильцевъ удовлетворился увѣреніемъ Чернова, что тотъ не распускалъ подобныхъ слуховъ, и подтвердилъ при посредникахъ, что, согласно ранѣе данному обѣщанію, женится въ теченіе назначеннаго времени.

Когда истекъ срокъ исполненія обязательства, Черновъ потребовалъ, чтобы Новосильцевъ отправился къ его отцу въ Старый Быховъ, гдѣ находилась также и его мать съ сестрой, и тамъ обвѣнчался. Новосильцевъ снова письменно подтвердилъ свое обѣщаніе, но медлилъ отъѣздомъ. Въ это время Черновъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что фельдмаршалъ графъ Сакенъ, очевидно по просьбѣ матери Новосильцева, подъ угрозой большихъ непріятностей заставилъ его послать Новосильцеву письменный отказъ. Тогда Константинъ Черновъ, 8-го сентября, сдѣлалъ Новосильцеву формальный вызовъ, который и былъ принятъ. Секундантами со стороны Чернова были: полковникъ Германъ и родственникъ Черновыхъ, поэтъ К. Ө. Рылѣевъ, а со стороны Новосильцева ротмистръ Реадъ и подпоручикъ Шиповъ [1]).

Условія дуэли были установлены самыя тяжелыя: 1) стрѣляться на барьеръ, дистанція восемь шаговъ, съ расходомъ по пяти; 2) дуэль кончается первою раною при четномъ выстрѣлѣ; въ противномъ случаѣ, если раненый сохранилъ зарядъ, то имѣетъ право стрѣлять, хотя лежащій; если же того не будетъ въ силахъ сдѣлать, то поединокъ полагается вовсе и навсегда прекращеннымъ; 3) вспышка не въ счетъ, равно осѣчка; секунданты обязаны въ такомъ случаѣ оправить кремень и подсыпать пороху; 4) тотъ, кто сохранилъ послѣдній выстрѣлъ, имѣетъ право подойти самъ и подозвать своего противника къ назначенному барьеру.

Отправляясь на поединокъ, Константинъ Черновъ оставилъ слѣдующую записку:

«Богъ воленъ въ жизни; но дѣло чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вѣроятности, обѣщаетъ мнѣ смерть, и потому прошу господъ секундантовъ моихъ объявить всѣмъ роднымъ и людямъ благомыслящимъ, которыхъ мнѣніемъ дорожилъ я, что предлогъ теперешней дуэли нашей существовалъ только въ клеветѣ злоязычія и въ воображеніи Новосильцева. Я никогда не говорилъ предъ отъѣздомъ въ Москву, что сбираюсь принудить его къ женитьбѣ на моей сестрѣ. Никогда не говорилъ я, что къ тому принудили его по пріѣздѣ, и торжественно объявляю это словомъ офицера. Могъ ли я желать себѣ зятя, котораго бы можно было по пистолету вести подъ вѣнецъ? Захотѣлъ ли бы я подобнымъ бракомъ сестры обезславить свое семейство? Оскорбленія, нанесенныя моей фамиліи, вызвали меня въ Москву; но увѣренія Новосильцева въ неумышленности его поступка заставили меня извиниться передъ нимъ въ дерзкомъ моемъ письмѣ къ нему, и, казалось, искреннее примиреніе окончило все дѣло. Время показало, что это была одна

[1]) Записка Рылѣева о поединкѣ Новосильцева съ Черновымъ. Сочиненія Рылѣева. Изд. 1872 г. Стр. 346.

игра, вопреки завѣренія Новосильцева и ручательства благородныхъ его секундантовъ[1]). Стрѣляюсь на три шага, какъ за дѣло семейственное, ибо, зная братьевъ моихъ, хочу кончить собою на немъ, на этомъ оскорбителѣ моего семейства, который для пустыхъ толковъ еще пустѣйшихъ людей преступилъ всѣ законы чести, общества и человѣчества. Пусть паду я, но пусть падетъ и онъ, въ примѣръ жалкимъ гордецамъ, и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души».

Дуэль состоялась 10 сентября, въ 6 часовъ утра, за Выборгской заставой, въ Лѣсномъ; оба противника выстрѣлили одновременно другъ въ друга на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и оба были смертельно ранены. Черновъ былъ отвезенъ на свою квартиру въ семеновскихъ казармахъ Рылѣевымъ, а Новосильцевъ перенесенъ въ ближайшую отъ мѣста дуэли харчевню, гдѣ и умеръ послѣ жестокихъ страданій. Приводимъ письмо Пражевскаго къ матери Новосильцева, находившейся въ Петербургѣ и ничего не знавшей о предстоявшей дуэли, которую сынъ тщательно отъ нея скрывалъ.

«Милостивая государыня

«Екатерина Владимировна!

«Приступая къ исполненію порученія вашего, состоящаго въ описаніи всѣхъ происшествій, относящихся къ милому незабвенному сыну вашему, со времени полученной имъ раны до послѣдней минуты его жизни, сожалѣю о томъ, что Провидѣніе не одарило меня тѣми способностями, съ коими могъ бы я изобразить во всемъ величіи твердость духа и спокойствіе, съ которыми добродѣтельный двадцати-пятилѣтній юноша ожидалъ своей кончины. Истина вознаградитъ недостатокъ краснорѣчія—вы желали первой.

«Кажется, неизлишнимъ будетъ напомнить вамъ, что милый юноша 9-го сентября въ вечеру, предъ роковымъ днемъ, дабы сколь можно болѣе успокоить васъ и отклонить самомалѣйшее съ вашей стороны подозрѣніе о рѣшенномъ уже наутро поединкѣ, занимался у васъ весь вечеръ съ г. Лизогубомъ музыкою такъ покойно, что ни вамъ, ни окружающимъ никому не могло прійти на мысль, что выражающій пріятные звуки кларнета юноша чрезъ нѣсколько часовъ долженъ итти на смерть. Такъ готовится встрѣтить оную душа праведная. 10-го числа на разсвѣтѣ узналъ я о мѣстѣ поединка и поспѣшно отправился туда съ гг. Васильцовскимъ и Лизогубомъ. Лишь только приблизились мы къ мѣсту, то услышали выстрѣлъ, а за нимъ минуты чрезъ двѣ и другой. Здѣсь уже мы бѣжали на

[1]) Въ несостоявшейся въ Москвѣ дуэли секундантами со стороны Новосильцева были приглашены Ц. Л. Давыдовъ и А. И. Бартеневъ.

помощь. Слова, произнесенныя сыномъ вашимъ довольно громко: «ахъ, Боже мой! Пособите ему, удостовѣрьте насъ, что онъ живъ». Въ слѣдъ засимъ встрѣтили мы и его самого, идущаго довольно твердо. Секундантъ, державшій его за руку, сказалъ намъ: «поддерживайте его, у него пуля въ боку». «Да,—сказалъ намъ незабвенный юноша улыбаясь:—я раненъ и, кажется, не легко». Болѣе трехъ-сотъ шаговъ шелъ онъ, поддерживаемый нами до ближайшаго дома, и говорилъ: «не понимаю, какимъ образомъ нанесъ я жестокій ударъ Чернову». Владимиръ Дмитріевичъ, раненый уже въ бокъ пулею, которая тамъ и осталась, выстрѣлилъ, и пуля, попавъ Чернову въ правый бокъ лба, повергла его на землю полумертвымъ. Войдя въ домъ, пустили благородному юношѣ кровь. Въ это время сдѣлался съ нимъ обморокъ, продолжавшійся не болѣе двухъ минутъ. По перевязкѣ раны и правой руки, изъ коей пущена была кровь, мы его подняли и думали проводить до кареты, но онъ, вышедъ въ другую комнату, началъ падать и просилъ насъ его положить, говоря, что внутренность его, какъ въ огнѣ, и что малѣйшее движеніе удвоиваетъ его страданія. Тогда, положивъ его на наши шинели и видя, что страданія его увеличиваются, мы отложили предположеніе наше везти его въ городъ, отыскали кровать съ постелью и, переложивъ его съ трудомъ на оную, поставили въ отдѣльную комнату. Вслѣдъ за симъ привезенъ былъ докторъ Арендъ, который, осмотрѣвъ рану страдальца, объявилъ намъ, что рана смертельна, и что изъ тысячи подобныхъ выздоравливаетъ одинъ. Убійственный приговоръ доктора привелъ насъ въ отчаяніе, но мы старались скрывать оное отъ больного. Страданія его между тѣмъ увеличивались, и онъ объявилъ намъ съ твердостію, что не надѣется уже встать съ постели, просилъ священника, за которымъ послали человѣка; посланный не въ дальнемъ разстояніи встрѣтилъ ѣдущаго священника, остановя просилъ его воротиться за Святыми Дарами, въ отвѣтъ получилъ, что онъ ихъ везетъ къ больному, и согласился прежде посѣтить нашего возлюбленнаго страдальца. Исполнивъ долгъ христіанскій, незабвенный юноша, прекрасное чело коего покрыто было смертною блѣдностію, сказалъ намъ: «Итакъ пришелъ мой конецъ. Ежели за нѣкоторую неосновательность поступка моего относительно семейства Черновыхъ, въ который вовлеченъ я былъ неопытностію моею, долженъ заплатить жизнію, то безъ ропота переношу предназначеніе неисповѣдимыхъ судебъ. Умираю съ чистою совѣстію. Каковъ Черновъ,—продолжалъ онъ,—ради Бога узнайте. Невольно нанесенная мною ему рана терзаетъ меня жестоко».—Для успокоенія страдальца мы объявили ему, что Черновъ получилъ отъ пули сильную рану въ голову, но что жизнь его внѣ опасности.—«Слава Богу,—воскликнулъ благородный юноша,—ни смерти, ни страданія я ему не желалъ. Не извѣстно ли вамъ,—говорилъ онъ,—что дѣлается съ маменькою? Происшествіе это

нанесетъ ей жестокій ударъ. Какъ бы я желалъ съ нею видѣться!»— Помышляя о спасеніи его и зная, что свиданіе ваше съ нимъ къ страданіямъ отъ раны прибавило бы ему страданія душевныя, мы объявили, что, когда онъ получитъ облегченіе, тогда перевеземъ его въ городъ, а до того надобно отложить намѣреніе видѣться съ маменькою; что мы имѣемъ объ васъ извѣстіе, и что вы при всемъ огорченіи вашемъ согласны отложить свиданіе на нѣсколько дней. Разнесшійся въ городѣ слухъ о поединкѣ привлекъ къ намъ съ посѣщеніями добрыхъ пріятелей и знакомыхъ милаго юноши. Непритворное всѣхъ участіе ободряло его, и когда къ ночи всѣ разъѣзжались, онъ сказалъ намъ: «Участіе, пріемлемое во мнѣ людьми, извѣстными по правиламъ чести и благородства, доказываетъ, что я умѣлъ исполнить долгъ свой. Ежели кто нибудь, не зная меня, могъ усомниться въ этомъ, то настоящій опытъ выведетъ того изъ заблужденія. Впрочемъ, при послѣднихъ уже, можетъ быть, минутахъ жизни, могу сказать смѣло, что чистый въ совѣсти моей не страшусь клеветы».—Въ ночь посылалъ узнавать о положеніи Чернова. Къ разсвѣту только началъ понемногу засыпать, но страданія препятствовали, и сонъ былъ перерывающійся, такъ что и четверти часа съ ряду онъ не могъ уснуть. На другой день (11-го числа) милый юноша обрадованъ былъ привезенными ему мною объ васъ извѣстіями. Я отлучился отъ него къ вамъ на нѣсколько минутъ. Удвоившееся число посѣтителей веселило его немало. Въ полдень мы его приподняли, дабы дать нѣсколько отдохнуть лѣвому его плечу, на которомъ лежалъ онъ болѣе тридцати часовъ неподвижно. Какъ въ сей день надежда насъ нѣсколько оживила, то предложили нѣкоторые участвующіе призвать сестру милосердія для хожденія за нимъ; онъ вслушавшись сказалъ: «Развѣ покуда я не съ матушкою, а есть ли Богъ позволитъ мнѣ соединиться съ нею, то никакой сестры милосердія не нужно будетъ, любовь ея всѣхъ замѣнитъ».—Въ этотъ день съѣлъ онъ нѣсколько ложекъ бульону, а въ вечеру выпилъ полъ-чашки чая; съ посѣтителями разговаривалъ твердымъ голосомъ, а съ нѣкоторыми даже шутилъ. Большая часть ихъ, видя спокойствіе больного, не жаловавшагося ни одинъ разъ на свои страданія, не полагали его раненымъ смертельно. Три раза посылалъ онъ узнавать о здоровьѣ Чернова. Въ ночь сонъ былъ равно прерывающійся, и 12-е число проведено было одинаково съ днемъ предыдущимъ. Извѣстіе о васъ имѣлъ онъ отъ ѣздившаго для свиданія съ вами г. Васильцовскаго. Въ ночь на 13-е число уснулъ онъ сряду часа три и поутру казался нѣсколько посвѣжѣе, и глаза чище; поворотясь же безъ помощи на правую сторону, далъ онъ намъ большую надежду къ выздоровленію, хотя столь скорое возвращеніе силъ и примѣтное уменьшеніе страданій нѣсколько насъ тутъ же и устрашало; но молодость, его хорошее здоровье, коимъ всегда онъ наслаждался, давали поводъ думать,

что если пуля не повредила внутренностей, то рана сама по себѣ, хотя и тяжелая, но можетъ быть несмертельна.

«Докторъ Арендъ поѣхалъ къ вамъ въ этотъ день, что удвоило наши надежды. Въ вечеру слабость сдѣлалась сильнѣе, и мы, полагая, что оная происходила отъ того, что онъ много разговаривалъ съ посѣтителями, въ сей вечеръ ихъ не принимали. Во всю ночь съ 13-го на 14-е число онъ не засыпалъ и даже тосковалъ. Открывшаяся боль въ правомъ плечѣ показала, что печень повреждена. Мы не оставляли его ни на минуту и провели возлѣ его постели всю ночь, докторъ Арендъ, г. Васильцовскій, братъ мой и я. Жажда у больного была чрезмѣрна.—«Кажется мнѣ, говорилъ онъ, что это послѣдняя для меня ночь, и что до слѣдующей разстанусь съ вами навѣки».—Благодаря насъ за попеченія объ немъ, говорилъ онъ: «Боже мой! Какъ я счастливъ. Ни въ утѣшеніяхъ дружбы, ни въ пособіяхъ медицины недостатка не имѣю; но Черновъ, можетъ быть, нуждается и въ простомъ фельдшерѣ; какъ бы я желалъ облегчить участь его!»—Поутру 14-го числа слабость не уменьшалась, а къ полдню увеличилась, и онъ потребовалъ священника, чтобы исполнить вторично долгъ христіанскій. Сохраняя память и спокойствіе, онъ говорилъ, что свѣтъ померкаетъ въ глазахъ его до того, что иногда насъ не узнаетъ, что чувствуетъ послѣднія свои минуты, и что желалъ бы проститься съ вами и получить ваше благословеніе. Мы старались ободрять его, а докторъ сказалъ ему: когда вы уснете нѣсколько, то я дамъ вамъ бульону.—«Дайте теперь,—отвѣчалъ онъ, — если считаете нужнымъ, послѣ будетъ поздно. Сонъ мой будетъ вѣчный сонъ».—Это было въ исходѣ перваго часа пополудни. Сидя у его постели и держа охладѣвающую его руку, я не переставалъ утѣшать его выздоровленіемъ; но онъ, вынувъ изъ моей руки свою руку и укусивъ себя прежде за одинъ палецъ, а потомъ за другой, сказалъ мнѣ: — «Видите ли, что я не чувствую никакой боли, я уже полумертвый. Напрасно утѣшаете вы меня выздоровленіемъ, на жизнь и на смерть смотрю я равнодушно». Разставаясь съ жизнію, продолжалъ онъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ: «Сокрушаюсь только о томъ, что кончиною моею наношу жесточайшій ударъ моимъ родителямъ, но вы знаете все происшествіе, удостовѣрьте ихъ, что я не искалъ смерти, но честь требовала, чтобы я дрался; я увѣренъ, что для нихъ легче будетъ видѣть меня въ гробѣ, нежели посрамленнаго, и что они простятъ мой поступокъ, судьбами мнѣ предназначенный».

«За симъ прощался онъ со всѣми окружающими и потомъ замолчалъ. Дыханіе спиралось въ груди его. Мы неподвижные съ благоговѣніемъ взирали на героя христіанина, героя чести и добродѣтели. Онъ лежалъ на спинѣ и, подымая ко мнѣ руки, сказалъ слабымъ голосомъ: «пособите мнѣ поворотиться на правый бокъ, мнѣ легче будетъ скончаться».

«Оцѣпенѣлый отъ горести и удивленія, я наклонился; онъ обнялъ меня за шею охладѣлыми руками, поворотился на бокъ, произнесъ нѣсколько разъ тихо: «ma pauvre mère», и, закрывъ глаза, испустилъ на рукахъ моихъ послѣдній вздохъ въ часъ и двадцать минутъ пополудни. Кончина незабвеннаго юноши есть кончина праведника. Это былъ тихій, ничѣмъ не возмущаемый сонъ. Миръ праху твоему, юноша добродѣтельный, жертва друзей вѣроломныхъ и корыстолюбцевъ неистовыхъ.

«Вѣра, утѣшительница душъ праведныхъ, вашей подобныхъ, и память добрыхъ дѣлъ незабвеннаго сына вашего могутъ поддержать васъ въ горести, ни съ какою въ мірѣ несравненною. Примѣромъ вашимъ покажите невѣрующимъ, какова сила вѣры.

«Не предавайте забвенію искренняго друга милаго юноши, человѣка, искренно раздѣляющаго горесть вашу и пребывающаго навѣки съ чувствами душевнаго къ вамъ уваженія,

«Николая Пражевскаго».

Что касается Чернова, то объ его послѣднихъ минутахъ сохранился разсказъ декабриста, князя Евгенія Оболенскаго [1]).

«По близкой дружбѣ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ Рылѣевымъ, я и многіе другіе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствіе къ поступку благородному, черезъ который онъ вступался за честь сестры, какъ жертвы того грустнаго предразсудка, который велитъ кровью смыть запятнанную честь. Предразсудокъ общій и чуждый духа христіанскаго. Имъ ни честь не возстановляется, и ничто не разрѣшается; но только удовлетворяется общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостью смотритъ на того, кто рѣшится не подчиниться общему закону. Свѣжо еще въ памяти у меня мое грустное посѣщеніе: вхожу въ небольшую переднюю, меня встрѣтилъ Кондратій Ѳедоровичъ; я вошелъ и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши, такъ рано обреченнаго на смерть; кажется, я взялъ его руку и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. На вопросъ отвѣта не было, но послѣдовалъ другой, который меня смутилъ. Много лестныхъ словъ, мною не заслуженныхъ (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ), сказалъ мнѣ умирающій въ избыткѣ сердечной теплоты. Молча я пожалъ ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ; хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не потревожить его раны, и ушелъ въ грустномъ раздумьѣ. За мною вошелъ А. И. Якубовичъ, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, раненый пулей въ лобъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для излѣченія отъ раны, выдержавшій

---

[1]) Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ. Сборникъ «Девятнадцатый вѣкъ». Часть I, стр. 318.

операцію трепанированія черепной кости и громко прославленный, во многихъ кругахъ, за его смѣлый и отважный характеръ и за многія доблестныя качества, засвидѣтельствованныя кавказскою боевою жизнью. По обыкновенію, Якубовичъ сказалъ Чернову рѣчь. Отвѣтъ Чернова былъ скроменъ въ отношеніи къ себѣ, но онъ умѣлъ сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой струны боевого сердца нашего кавказца; онъ вышелъ отъ него со слезами на глазахъ, и мы молча пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова; съ миромъ высшимъ отошелъ онъ въ вѣчность. Его мать не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына; кажется, что онъ не желалъ, чтобы сообщили ей, а въ особенности сестрѣ, то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбѣженъ. Многіе и многіе собрались утромъ назначеннаго для похоронъ дня ко гробу безмолвнаго уже Чернова, и товарищи вынесли и понесли въ церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища: все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выражало сочувствіе тому, кто собою выразилъ идею общую, которую всякій сознавалъ и сознательно и безсознательно: защиту слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ мыслятъ здѣсь, на землѣ, съ земными помыслами! Высшій судъ, испытующій сердца, можетъ быть, видитъ иначе и тамъ на небеси давно уже соединилъ узами общей вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли» [1]).

Новосильцева перевезла тѣло сына въ Москву и похоронила его въ склепѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ, заготовивъ себѣ мѣсто возлѣ его могилы. Оплакивая невознаградимую утрату, въ которой сама была виновата, она отдалась вся молитвѣ и дѣламъ благотворенія и до самой кончины не снимала глубокаго траура. Кромѣ церкви, митрополита Филарета и самыхъ близкихъ родныхъ, Новосильцева нигдѣ не бывала и первое время даже никого не хотѣла видѣть. Въ отчаяніи, она говорила Филарету:

— Я убійца моего сына; помолитесь, владыка, чтобы я скорѣе умерла.

— Если вы почитаете себя виновною,—отвѣчалъ Филаретъ,— то благодарите Бога, что Онъ оставилъ васъ жить, дабы вы могли замаливать вашъ грѣхъ и дѣлами милосердія испросили упокоеніе души своей и вашего сына; желайте не скорѣе умереть, но просите Господа продлить вашу жизнь, чтобы имѣть время молиться за себя и за сына.

---

[1]) По убѣжденіямъ Рылѣева, Черновъ вошелъ въ составъ членовъ тайнаго общества «Союзъ благоденствія», и его похороны послужили для первой, открытой манифестаціи декабристовъ, собравшихся на нихъ въ полномъ составѣ.

Бывая часто у Филарета, на Троицкомъ подворьѣ, Новосильцева всегда стояла во время службы въ темной комнаткѣ, смежной съ церковью, и молилась у окошечка, продѣланнаго въ церковь [1]).

На мѣстѣ дуэли, въ паркѣ Лѣсного института поставлены два гранитные, круглые камня, о печальномъ значеніи которыхъ едва ли кто теперь знаетъ. Въ 1838 году, Новосильцева пріобрѣла харчевню, гдѣ умеръ ея сынъ, построила вмѣсто нея церковь во имя св. Владимира и при ней богадѣльню, въ садъ которой и перенесена харчевня, сохранившаяся до сихъ поръ. Покупка земли, постройка церкви и богадѣльни обошлись Новосильцевой около милліона рублей. Церковь каменная, съ однимъ престоломъ; планъ и фасадъ ея составленъ архитекторомъ Шарлеманемъ, а образа писаны профессоромъ Веги и извѣстнымъ художникомъ Воробьевымъ [2]).

С. Шубинскій.

[1]) «Разсказы бабушки». Д. Благово. Спб. 1885. Стр. 390.

[2]) Историко-статистическое описаніе Петербургской епархіи. Выпускъ седьмой, стр. 376.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ЯКШИ 1-го АВГУСТА 1900 ГОДА.

(Изъ воспоминаній о походѣ Хайларскаго отряда въ Манчжуріи).

ПОСЛѢ занятія Хайлара конницу выслали впередъ на востокъ для преслѣдованія разбитаго непріятеля. Эта конница получила названіе «передовой». Она отошла отъ города Хайлара верстъ на сто, но еще далѣе выдвинулся отъ нея летучій отрядъ подъ начальствомъ капитана Смольянникова; онъ состоялъ изъ трехъ конныхъ сотенъ охранной стражи китайской восточной желѣзной дороги и одной роты той же охранной стражи. Всѣ на подборъ молодцы. Двѣ терскія сотни (6-я и 18-я) и одна уральская набраны были изъ превосходныхъ опытныхъ казаковъ; 8-я рота состояла на половину изъ драгунъ и по быстротѣ своихъ маршей чуть ли даже не превосходила забайкальцевъ. Теперь является вопросъ: какимъ образомъ и для чего рота пѣхоты попала въ самую середину конницы?

Для поясненія скажемъ слѣдующее: въ военной литературѣ весьма усердно проповѣдывалось о выгодахъ высылать впередъ конницу и поддерживать ее хорошей легкой пѣхотой. При мирныхъ упражненіяхъ на большихъ маневрахъ всѣмъ нравилось составлять летучіе отряды изъ кавалерійской дивизіи и нѣсколькихъ баталіоновъ стрѣлковъ, полагая, что конница въ случаѣ надобности будетъ опираться на легкую пѣхоту, идущую сзади. Вотъ и летучій отрядъ Смольянникова выражалъ собою ту же самую мысль. Составъ его былъ идеаленъ. Что же лучше можно себѣ вообразить, чѣмъ его три охранныхъ сотни и великолѣпная восьмая рота?

Смольянниковъ, памятуя, что конница должна выдвигаться впередъ вплоть до соприкосновенія съ противникомъ, дошелъ 29-го іюля до станціи строящейся восточно-китайской желѣзной дороги Мендухэ, т. е. на 122 версты отъ Хайлара, и выслалъ разъѣзды еще далѣе впередъ по направленію на станцію Хорго, почти подъ самый хребетъ Большой Хинганъ.

Штабъ Хайларскаго отряда находился въ это время въ Хайларѣ и занимался сборомъ продовольствія для отряда, устройствомъ магазиновъ, укрѣпленіемъ позицій, лежащихъ впереди города, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что въ стратегіи извѣстно подъ именемъ «устройства промежуточнаго основанія дѣйствій». Когда въ Хайларѣ узнали, что конница выдвинулась такъ далеко, то рѣшили принять какія нибудь мѣры для установленія прочной связи между передовой конницей и самимъ отрядомъ; неоднократно какія-то китайскія партіи пытались тѣснить посты летучей почты, выставленной отъ Хайлара на востокъ. Конечно, можно было бы конницу оттянуть назадъ, но подобный способъ дѣйствій казался несимпатичнымъ; поэтому начальникъ отряда нашелъ болѣе полезнымъ выслать отъ Хайлара впередъ пѣхотный авангардъ, и тогда все расположеніе выходило бы какъ нельзя болѣе естественнымъ: главныя силы въ Хайларѣ, ихъ прикрываетъ авангардъ, впереди него находится передовая конница, отъ которой высланъ летучій отрядъ съ его разъѣздами, доходящими до соприкосновенія съ непріятелемъ. Въ авангардъ назначили 4-й и 6-й баталіоны забайкальской казачьей пѣшей бригады.

— Полезно имъ немножко пройтись, — говорилъ начальникъ отряда:—это ихъ освѣжитъ. Зажились они тутъ возлѣ города; больше недѣли стоятъ на мѣстѣ, даже хозяйствомъ стали обзаводиться. Вчера видѣлъ казака: сидитъ себѣ, зашиваетъ какую-то рубаху и зонтикъ надъ собою китайскій раскрылъ. Сардинки ѣдятъ, сгущенное молоко въ чай подбалтываютъ. Вотъ посмотрите, сколько они послѣ своего ухода на бивакахъ разной дряни оставятъ. Надо распорядиться, чтобы потомъ сжечь всякіе остатки на ихъ бивакахъ.

30-го іюля, въ четыре часа утра, 4-й и 6-й баталіоны начали вытягиваться съ биваковъ и постепенно подыматься на впереди лежащія высоты праваго берега рѣки Эминголъ. Баталіоны производили пріятное впечатлѣніе своей могучей силой. Люди хорошо отдохнули, оправились, раздобрѣли на хорошей пищѣ, обозъ удовлетворилъ бы всякаго истинно военнаго человѣка. Лошадки въ отличномъ видѣ, двуколки кое-гдѣ запряжены парочкой, потому что число лошадей не только не уменьшилось, но увеличилось отбитыми у непріятеля, да и самое число двуколокъ увеличилось китайскими, правда, неформенными, но легкими, вполнѣ соотвѣтственными мѣстнымъ дорогамъ,—недаромъ ихъ выработалъ опытъ тысячелѣтій.

Количество имущества въ двуколкахъ тоже какъ будто увеличилось, — баталіоны многимъ запаслись въ богатомъ Хайларѣ на предстоящій походъ.

Начальникъ отряда съ удовольствіемъ пропускалъ мимо себя эти славные баталіоны, уже получившіе боевое крещеніе въ сраженіи при Онгуни 17-го іюля [1]).

— Переходъ большой, верстъ сорокъ пять, — говорилъ онъ, обращаясь къ подполковнику Тихонову, командиру 6-го баталіона,— но все-таки, я думаю, вы дойдете до Джемертэ сегодня засвѣтло.

— Такъ точно, ваше превосходительство, день длинный. На станціи Хакъ сдѣлаемъ большой привалъ.

— Да, Хакъ считается на двадцатой верстѣ отъ Хайлара, но я думаю, что онъ немного дальше, такъ что привалъ у васъ выйдетъ какъ разъ на половинѣ пути. Не забудьте на Хакѣ оставить этапный постъ. На переходѣ у васъ обнаружатся слабые, нѣкоторые казаки натрутъ ноги. По десяти человѣкъ такихъ слабыхъ отъ каждаго баталіона вы и оставьте на Хакѣ подъ командой зауядъ-прапорщика. Подъ его же команду отдайте шесть конныхъ казаковъ первой сотни третьяго Верхнеудинскаго полка, которые тамъ держатъ летучую почту. Вотъ у васъ и получится гарнизонъ этапа.

— Я все это помню, ваше превосходительство, въ приказѣ было сказано.

За обозомъ показался небольшой гуртъ скота. Добрые монгольскіе быки спокойно шли по сторонамъ дороги и по пути паслись на тучной степи, поросшей густой гуджирной (солончаковой) травой.

— Сколько вы взяли съ собой быковъ?

— Какъ сказано было въ приказѣ,—половину всего отряднаго гурта, а другую половину и быковъ упряжныхъ сдали въ Хайларѣ пятому баталіону.

Свой маршъ 30-го іюля до Джемертэ авангардъ совершилъ вполнѣ благополучно и въ порядкѣ, такъ что въ шесть часовъ вечера расположился на бивакъ на лѣвомъ берегу рѣки Хайлара.

Начальникъ Хайларскаго отряда, проводивъ баталіоны, вернулся въ расположеніе штаба въ домѣ инженера Кулакова на станціи Хайларъ. Здѣсь ему подали одно, а потомъ и другое донесеніе о дѣйствіяхъ капитана Смольянникова. Полученныя извѣстія совершенно измѣнили первоначальныя предположенія.

29-го іюля разъѣзды, высланные на Хорго, обнаружили непріятеля, но еще не могли опредѣлить его численности. Однако, китайской конницы было такъ много, что русскіе разъѣзды отошли

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ» за 1901 годъ, апрѣль.

назадъ. 30-го іюля капитанъ Смольянниковъ расположилъ свой отрядъ по рѣчкѣ Унуръ-голъ, при чемъ уральскую сотню штабсъ-капитана Якимовскаго поставилъ на лѣвомъ флангѣ возлѣ моста; восьмая рота капитана Чоглокова укрывалась за высотами. На вершинѣ горы, господствовавшей надъ всей окружающей мѣстностью, устроили наблюдательный постъ изъ офицеровъ. Роскошный видъ открывался отсюда на долину рѣки и окружающія ея высоты. На протяженіи 15—20 верстъ ничто не могло укрыться отъ взора наблюдателя. Вскорѣ изъ-за перевала показалась голова темной китайской колонны. Извиваясь какъ змѣя, спускалась она въ долину и вытянулась верстъ на 10—12; не только всѣ ея движенія были видны, какъ на ладони, но даже попробовали пересчитать китайцевъ чуть не до послѣдняго человѣка. Ихъ насчитали болѣе 7.000, подъ начальствомъ генерала Пао [1]); артиллерія шла въ серединѣ колонны, конница въ головѣ. Подойдя къ небольшому озерку, колонна раздѣлилась на двѣ части: одна пошла на мостъ, а другая нѣсколько правѣе на переправу черезъ бродъ. Конница разсыпалась впереди длинной лавой и осмотрѣла берегъ рѣчки. Всѣ движенія китайцевъ отличались крайней осторожностью. Русскіе открыли огонь. Китайская батарея начала свой выѣздъ на позицію. Смольянниковъ имѣлъ не болѣе четырехъ сотъ человѣкъ; съ такимъ отрядомъ онъ не считалъ возможнымъ остановить движеніе китайцевъ тѣмъ болѣе, что ему разрѣшалось вступать въ бой только въ томъ случаѣ, если онъ надѣется обойтись почти безъ потерь, такъ какъ русская кровь дорога и расходовать ее стоитъ лишь въ очень важныхъ случаяхъ. Задача заключалась только въ обнаруженіи противника. Теперь въ сущности цѣли уже достигли, разсмотрѣвъ и сосчитавъ китайцевъ; остается не упустить ихъ изъ вида.

Непріятель перешелъ рѣчку въ бродъ и сталъ осторожно и вдалекѣ обходить правый флангъ русскихъ вдоль пади (лощина), тянувшейся вокругъ главной горы. Смольянниковъ приказалъ отходить назадъ на слѣдующую позицію за станціей Мендухэ. Онъ выбралъ ее очень удачно на выступѣ горъ, тянувшемся поперекъ долины и господствовавшемъ надъ дорогой на значительное разстояніе. Вслѣдствіе этого непріятель долженъ былъ двигаться стороною, цѣликомъ черезъ горы, и терять время, т. е. Смольянниковъ не только выслѣживалъ врага, но и задерживалъ. Переходъ на новую позицію исполнили въ совершенномъ порядкѣ и быстро; только штабсъ-капитанъ Якимовскій задержался немного у моста, соблазнившись случаемъ чуточку «пощипать» китайцевъ. Дѣйствительно огонь его сотни причинилъ кое-какія потери непріятелю.

---

[1]) Пао считался лучшимъ китайскимъ генераломъ, хорошій патріотъ. Цицикарскій дзянь-дзюнь (генералъ-губернаторъ) Шеу передъ войной предложилъ Пао покончить самоубійствомъ за покровительство русскимъ; но Пао отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ пасть въ бою противъ русскихъ.

Противъ новой позиціи китайцы повторили свой маневръ обхода. Смольянниковъ опять отошелъ на слѣдующую позицію, предварительно обстрѣлявъ непріятеля. Такъ постепенно русскій летучій отрядъ отходилъ назадъ шагъ за шагомъ, задерживая противника и нанося ему потери, а между тѣмъ самъ не потерялъ ни одного человѣка.

Наконецъ вдали показалась одинокая фанза, такъ называемое урочище «Казачьи Якши». Въ четырехъ верстахъ за нимъ находился якшинскій перевалъ, представлявшій для отряда Смольянникова прекрасную позицію. Отступательный маршъ летучаго отряда былъ исполненъ не только съ успѣхомъ, но и съ большимъ искусствомъ. Впослѣдствіи Смольянниковъ говорилъ, что онъ чувствовалъ бы себя еще болѣе свободнымъ, если бы не присутствіе пѣшей роты. Тогда онъ могъ бы подпускать противника на очень близкое разстояніе, обстрѣливалъ бы его самымъ обстоятельнымъ образомъ, садился на коней и быстро уходилъ бы, нисколько не опасаясь, что его отрѣжутъ. Теперь же онъ все время безпокоился, успѣетъ ли отступить восьмая рота, и потому покидалъ позиціи заблаговременно. Итакъ, комбинація въ летучемъ отрядѣ конницы съ пѣхотой оказалась непримѣнимой; на этомъ вопросѣ разъ навсегда слѣдуетъ поставить крестъ.

Извѣстіе о наступленіи отряда генерала Пао побудило хайларскій отрядъ немедленно двинуться на встрѣчу и вступить въ бой, не дожидаясь непріятеля въ Хайларѣ. Пятому казачьему баталіону приказано въ тотъ же день 30-го іюля въ два часа пополудни двинуться по слѣдамъ четвертаго и шестого баталіоновъ, переночевать въ Хакѣ и 31-го іюля прибыть въ Джемертэ.

Гарнизонъ Хайлара предполагалось составить изъ третьяго казачьяго баталіона, который 30-го іюля въ 12 часовъ дня только что прибылъ изъ Забайкалья и, конечно, нуждался въ отдыхѣ; но и этотъ баталіонъ на другой день въ три часа утра долженъ былъ выступить изъ Хайлара и догнать отрядъ. Защита города поручалась двумъ сотнямъ отъ третьяго баталіона, девятому подвижному госпиталю, который имѣлъ 125 солдатъ, вооруженныхъ винтовками, да еще оставили человѣкъ 50 конныхъ изъ охранной стражи.

— Этого совершенно достаточно,—говорилъ генералъ, обращаясь къ адъютанту подъэсаулу Сидорову.—Когда завтра пріѣдетъ полковникъ Воробьевъ, то вы ему передайте все, относящееся до магазиновъ Хайлара, распредѣленія карауловъ и вотъ этотъ планъ обороны города. Впрочемъ, врядъ ли ему придется отбиваться отъ какихъ нибудь нападеній. Послѣ сраженія при Онгуни монголы совсѣмъ спокойны.

— Ваше превосходительство, а мнѣ прикажете быть здѣсь и продолжать комендантствовать въ городѣ?

— Нѣтъ, вы какъ только сдадите все, такъ сейчасъ же догоняйте штабъ. Мы вѣдь выступаемъ сію минуту; я полагаю сегодня же доѣхать до Джемертэ. Пошлите ко мнѣ ординарца Маціевскаго.

Вошелъ молодой забайкальскій казакъ, плотный и сильный, но совсѣмъ еще юный, съ чуть замѣтно пробивающимися усиками и съ отпечаткомъ на лицѣ, отличающемъ интеллигентнаго человѣка. Сынъ военнаго губернатора Забайкальской области, по собственной охотѣ, пошелъ онъ на войну, служилъ безукоризненно и отличался храбростью.

— Маціевскій, послѣ обѣда мы выступаемъ; прикажите штабному обозу собираться и слѣдовать съ пятымъ баталіономъ. Терскій взводъ пойдетъ съ нами и составитъ конвой; для меня сѣдлать Сѣрко.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Офицеры штаба наскоро пообѣдали вмѣстѣ съ симпатичнымъ инженеромъ путей сообщенія Кулаковымъ, выпили по случаю отъѣзда лишнюю бутылку краснаго вина удѣльнаго вѣдомства, вспомнили, какъ инженеръ Бочаровъ, недавно уѣхавшій въ Цурухайтуй, одобрялъ эту марку, и затѣмъ начальникъ отряда началъ объяснять инженеру Кулакову инструкцію, оставляемую полковнику Воробьеву для руководства при содѣйствіи постройкѣ желѣзной дороги. Въ заключеніе сказалъ:

— Вотъ что, Александръ Николаевичъ, мы съ вами жили дружно, никакихъ недоразумѣній не было, оставляю вамъ завѣтъ: живите также дружно съ военнымъ вѣдомствомъ и дальше, устраняйте и улаживайте мирнымъ образомъ всякія столкновенія. Помните всегда, что Хайларъ добытъ трудами и кровью военныхъ, они своими подвигами предоставили вамъ возможность продолжать постройку желѣзной дороги, поэтому они имѣютъ законное право на вниманіе со стороны строителей дороги. Предоставьте военнымъ во всемъ первое мѣсто, давайте имъ все лучшее, облегчайте ихъ труды. Ну, теперь ѣдемъ!

Всѣ вышли на крыльцо, около котораго стояли осѣдланные кони.

Маленькій, кругленькій Сѣрко нѣсколько дико озирался на вѣстового Кулатова, который держалъ коня за поводки слишкомъ близко къ мордѣ. Сѣрко совсѣмъ попятился, когда генералъ сталъ садиться, но послѣ этого пошелъ уже спокойно. Инженеры Кулаковъ и Жемчужниковъ поѣхали вмѣстѣ со штабомъ, чтобы проводить его. Быстро прошли мостъ черезъ рѣку Эминголъ, проѣхали мимо бивака отряда, поднялись на высоты и на холмикѣ спѣшились, чтобы пропустить пятый баталіонъ.

Баталіонъ шелъ въ отличномъ порядкѣ, но обозъ съ трудомъ

подымался на высоты. Штабу пришлось простоять на холмикѣ почти часъ, пока прошелъ весь обозъ. Было уже три часа пополудни, когда штабъ попрощался съ инженерами и двинулся впередъ, обгоняя пятый баталіонъ. Широкая необозримая степь разстилалась передъ глазами; звонко стучали копыта лошадей по твердому грунту; сытые кони быстро подавались впередъ. Пройдя версты три, перешли въ шагъ.

— Кажется, ваше превосходительство,—сказалъ начальникъ штаба,—намъ сегодня предстоитъ настоящій кавалерійскій пробѣгъ по всѣмъ правиламъ искусства.

— Да, пожалуй, что и такъ; только дѣло не въ правилахъ искусства, а чтобы намъ сегодня попасть поскорѣе въ Джемертэ, да и коней не загнать. Посмотрите, что это за конные люди впереди? Неужели какой нибудь нашъ разъѣздъ?

— Да вѣдь разъѣзды, ваше превосходительство, отъ охранной стражи, а это какъ будто забайкальцы.

— Что вы за люди, что дѣлаете?

— Охотники пятаго баталіона, ваше превосходительство,—высланы впередъ дорогу показывать баталіону.

— Правильно, — произнесъ генералъ, трогая рысью своего Сѣрка.— Это хорошо дѣлаетъ Демидовъ, что примѣняетъ охотниковъ; онъ, значитъ, устроилъ у себя нѣсколько человѣкъ конныхъ. Забайкальцы всѣ хорошо ѣздятъ верхомъ; скоро вѣдь у насъ въ Забайкальѣ пѣхоту вовсе уничтожатъ, и забайкальское войско будетъ выставлять только конницу. А жаль,—славная пѣхота!

Дорога все болѣе и болѣе приближалась къ рѣкѣ Хайлару; открылась долина рѣки—пойма, какъ здѣсь называютъ, по которой серебряной лентой извивался красивый Хайларъ, подходя то къ одному, то къ другому высокому берегу. Всадники начали спускаться съ высотъ лѣваго берега и вскорѣ далеко, далеко впереди увидали какія-то строенія.

— А вѣдь это Хакъ. Какъ онъ кажется близко! Какъ вы думаете, господа, сколько до него верстъ?—обратился начальникъ отряда къ своимъ спутникамъ.

— Да не больше, какъ верстъ пять.

— Куда тамъ пять, и всѣ двѣнадцать будутъ. Разсчитайте-ка, вѣдь мы прошли всего верстъ восемь; до Хака считается двадцать, значитъ, если это Хакъ, то остается еще двѣнадцать верстъ, а то и больше. Это воздухъ такъ прозраченъ и освѣщеніе теперь съ запада, вотъ почему строенія кажутся намъ близкими.

— Да нѣтъ, ваше превосходительство, это не Хакъ!

— Подъѣдемъ—увидимъ.

Проѣхали верстъ пять, а строенія все еще были далеко. Послали впередъ казака, чтобы доподлинно разузнать относительно строеній, а между тѣмъ подвигались далѣе. Примѣрно черезъ часъ,

казакъ вернулся и подтвердилъ, что это дѣйствительно станція Хакъ, что если поѣхать цѣлиной, а не по дорогѣ, то можно немножко сократить путь, и что онъ велѣлъ для насъ готовить чай на посту летучей почты.

Вскорѣ подъѣхали къ станціи, съ удовольствіемъ слѣзли съ лошадей и пустили ихъ пастись, а сами принялись за чай, такъ какъ при сильной жарѣ жажда сказывалась чувствительно. Казакъ Верхнеудинскаго полка радушно угощалъ чаемъ цвѣточнымъ, превосходнаго вкуса. Въ Европѣ за этотъ чай надо было бы заплатить огромныя деньги, а здѣсь его пили простые казаки, потому что и достался-то онъ намъ въ Хайларѣ даромъ. Казакъ, не спрашивая разрѣшенія, совершенно спокойно усѣлся на бревно и, не стѣсняясь присутствіемъ начальства, курилъ свою маленькую китайскую трубочку, постоянно набивая ее новымъ зарядомъ табака. Такова особенность дисциплины забайкальцевъ. Они признаютъ чинопочитаніе не столько во внѣшнихъ формахъ, сколько по существу дѣла. Казакъ, уже пожилой, весело разсказывалъ разныя исторіи.

Полчаса, назначенные для большого привала, прошли быстро, надо было ѣхать, но оказалось, что лошадей еще не напоили, а водопой находился довольно далеко; прошло минутъ двадцать пять, пока сводили на водопой. Вдругъ увидѣли, что какая-то сѣрая лошадь мчится полнымъ махомъ; сѣдло свалилось у нея подъ брюхо и бьетъ по заднимъ ногамъ. Испуганная лошадь увеличивала ходъ, еле удалось поймать ее. Побитости на ногахъ оказались небольшими, не препятствовавшими ѣздѣ. Лошадь принадлежала казаку Маціевскому.

— Вотъ видите, коня не привязали, да и въ рукахъ не держали; просто оставили его безъ призора, какъ будто не знаете, что лошадь такое пугливое животное, которому довѣряться отнюдь не слѣдуетъ.

Со всѣми этими приключеніями на привалѣ пробыли часъ съ четвертью.

— Возьмите, господа, казака съ летучей почты, какъ бы еще не заблудиться, тѣмъ болѣе, что скоро станетъ смеркаться.

Тронулись въ путь и выѣхали на большую дорогу, которая обозначалась въ степи совершенно явственно. Съ высотъ долина Хайлара представлялась чрезвычайно живописной. Поверхность рѣки, обливаемая заходящими лучами солнца, сверкала серебромъ. Противоположный берегъ принялъ характеръ гористый; въ долинѣ попадались возвышенные острова, покрытые темнозеленымъ лиственнымъ лѣсомъ и красиво обрамленные водой, съ журчаніемъ прыгавшей по каменистому дну.

— Эхъ, и хорошо же здѣсь!—говорили офицеры:—мѣста такія, что какъ будто самой природой предназначены для хуторовъ; просто

вотъ такъ и кажется, что на томъ островѣ есть дача, только за лѣсомъ въ сумеркахъ мы ея не видимъ.

Становилось темнѣе и темнѣе. Казакъ съ поста летучей почты ѣхалъ настолько далеко впереди, что скоро его трудно стало распознавать, только зоркіе терцы еще различали его. Пробовали нагнать казака, усиливая аллюръ, но и онъ тотчасъ наддавалъ, держа постоянно опредѣленную дистанцію.

— Эй, паря, однако, не гони такъ шибко; поѣзжай все-таки поближе.

Наступила полная ночь. Кони сильно притомились. Сѣрко постоянно спотыкался. Въ одиннадцатомъ часу добрались до Джемертэ. На берегу Хайлара кое-гдѣ догорали бивачные костры, неясно обозначая мѣсто расположенія казаковъ. Сквозь полотно офицерскихъ палатокъ свѣтились еще огоньки. Туманъ уже подернулъ долину; въ немъ потонули конскій табунъ и гуртъ скота, отпущенные пастись на ночь.

— Эй, паря, а гдѣ тутъ палатка командира четвертаго баталіона, войскового старшины Оглоблева?

— Однако тутъ и есть, на правомъ флангѣ,—отвѣчалъ казакъ, тащившій куда-то огромную вязку хвороста.

Спѣшившись, начальникъ отряда вошелъ въ низенькую палатку Оглоблева, который уже легъ въ постель.

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—сказалъ генералъ:—и оставайтесь въ постели; я васъ долго утруждать не буду, только нѣсколько вопросовъ.

У Оглоблева все было устроено удобно и практично; его палатка была передѣлана изъ казенной. Опытный офицеръ разрѣзалъ ее на части, наложилъ полотно на полотно и устроилъ палатку хотя низкую, менѣе объемистую, чѣмъ казенная офицерская палатка, зато непромокаемую и достаточно теплую. Въ одномъ концѣ помѣщалась складная желѣзная кровать, а въ противоположномъ сундукъ и чемоданъ. Возлѣ кровати находился китайскій столикъ всего въ четверть аршина высотою, выкрашенный причудливыми узорами, а передъ столикомъ располагалось гнутое вѣнское кресло съ обрѣзанными ножками соотвѣтственно высотѣ стола. Сидя на этомъ низкомъ креслѣ, хотя и приходилось поджимать ноги, зато человѣкъ не упирался головою въ палатку.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ выяснилось рѣшеніе относительно плана дальнѣйшихъ дѣйствій: не стоитъ спѣшить съ двумя забайкальскими баталіонами (четвертымъ и шестымъ) впередъ на поддержку конницы. Поэтому конница вмѣстѣ съ восьмой ротой охранной стражи должна занять позицію при Якши желѣзнодорожныхъ, дабы прикрыть и сохранить за собою находившіеся тамъ запасы муки и овса, и обороняться сколь возможно дольше, чтобы выиграть время для сосредоточенія всего Хайларскаго отряда въ Дже-

мертэ и передвиженія его потомъ на Якши. Если бы передовая конница не смогла удержаться у Якши, то должна была отойти назадъ на соединеніе съ остальнымъ отрядомъ у Джемертэ, гдѣ слѣдуетъ завтра выбрать хорошую оборонительную позицію, окопаться и дать сраженіе всѣми соединенными силами.

Когда все было условлено, то пришелъ эсаулъ Шаншіевъ, командиръ первой сотни третьяго Верхнеудинскаго полка, составлявшей гарнизонъ Джемертэ, и доложилъ, что начальнику отряда всего удобнѣе расположиться на ночлегъ въ желѣзнодорожной постройкѣ; тамъ же находится телефонъ, соединяющій Джемертэ, какъ съ Хайларомъ, такъ и съ Якши. Распрощавшись съ Оглоблевымъ, всѣ вышли изъ палатки и посреди совершенной темноты направились къ желѣзнодорожному домику, кое-какъ сколоченному изъ досокъ. Этотъ домикъ, терявшійся среди необъятной степи, маленькій и жалкій, однако манилъ къ себѣ, обѣщая хотя какое нибудь пристанище на ночь. Обозъ штаба остался сзади, и офицеры не имѣли при себѣ ни палатокъ, ни какихъ либо вещей. Домикъ служилъ складомъ имущества Верхнеудинскаго казачьяго полка. Почти половина его была занята мѣшками съ овсомъ, запасными желѣзными осями для обозныхъ двуколокъ, ящиками съ подковами, жестянками съ какой-то мазью и пр. На одной изъ стѣнокъ висѣлъ телефонный аппаратъ. Мѣшки съ овсомъ тотчасъ же рѣшили приспособить для устройства постелей; такія постели оказались очень жесткими, но это не помѣшало бы уснуть послѣ продолжительнаго трудового дня. Зато множество мухъ и комаровъ просто отравляли существованіе. Заботливые верхнеудинцы явились на помощь.

— Однако, ваше превосходительство, подходяще дымокуръ разложить.

— Какъ, здѣсь? Да вѣдь мы пожаръ сдѣлаемъ, домикъ спалимъ!

— Никакъ нѣтъ, вѣдь уголъ-то здѣсь безъ пола, земляной. Дымокуръ разложимъ.

— Ну, валяй!—разрѣшилъ генералъ, пренебрегая опасностью сжечь деревянную постройку, лишь бы избавиться отъ докучливыхъ комаровъ. Казакъ принесъ какой-то изломанный желѣзный опечекъ, наложилъ туда разныхъ вѣтокъ, зажегъ ихъ, и помѣщеніе наполнилось дымомъ, разъѣдавшимъ глаза; но комары отстали. Вскорѣ гостепріимный Шаншіевъ распорядился насчетъ чая, хлѣба, консервовъ, куска холодной баранины, коньяка, и всѣ почувствовали себя такъ хорошо, какъ будто бы лучшаго существованія и быть не можетъ. Даже по телефону говорили безъ обычнаго раздраженія. Выяснилось положеніе дѣлъ въ Якши у конницы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что пятый баталіонъ уже дошелъ до Хака, а слѣдовательно завтра легко можетъ присоединиться къ отряду въ Джемертэ. Третій баталіонъ успѣлъ немного отдохнуть, а потому ему передано приказаніе—три сотни и баталіонный штабъ передви-

нуть 31-го іюля въ одинъ переходъ изъ Хайлара въ Джемертэ, а двѣ сотни оставить гарнизономъ въ Хайларѣ въ распоряженіи начальника тыла хайларскаго отряда полковника Воробьева, который 30-го уже пріѣхалъ въ Хайларъ и вступилъ въ отправленіе обязанностей начальника гарнизона. Теперь всѣ распоряженія были сдѣланы, все стало яснымъ, Хайларскій отрядъ уснулъ спокойно съ сознаніемъ добросовѣстно исполненнаго долга.

Рано утромъ 30-го іюля уже зазвонилъ телефонъ. Начальникъ передовой конницы, войсковой старшина Маціевскій, доносилъ, что непріятель превосходными силами продолжаетъ тѣснить летучій отрядъ капитана Смольянникова. Такое донесеніе нисколько не поколебало рѣшенія, принятаго начальникомъ отряда, который рано утромъ въ сопровожденіи штаба и баталіонныхъ командировъ объѣхалъ позицію впереди станціи Джемертэ и далъ указанія относительно ея укрѣпленія. Влѣво отъ дороги сталъ шестой баталіонъ и началъ возводить окопы на холмахъ, хотя не высокихъ, но выгодно расположенныхъ съ гласисообразными покатостями по направленію къ непріятелю, представлявшими хорошій обстрѣлъ. Особенное вниманіе обратили на устройство сообщеній съ тыломъ, укрытыхъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и позволявшихъ подносить къ баталіону сзади воду, пищу и патроны. Для отхожихъ мѣстъ вырыли особыя ямки, соединенныя безопасными ходами сообщенія со стрѣлковыми окопами. Насыпи окоповъ старались дѣлать потолще. Казаки работали съ необыкновеннымъ усердіемъ, познавъ теперь всю пользу, приносимую земляными закрытіями отъ вражескихъ пуль.

Вправо отъ дороги, въ самомъ центрѣ позиціи, на высокомъ песчаномъ холмѣ находился монгольскій жертвенникъ и какъ бы указывалъ мѣсто для расположенія батареи. Это была конусообразная куча камней высотою въ цѣлую сажень, увѣнчанная огромнымъ пукомъ хвороста. Жертвенникъ можно было увидать въ степи съ самыхъ дальнихъ разстояній. Слѣдуя древнему религіозному обычаю, каждый путникъ, проѣзжая мимо такого жертвенника, обязанъ положить на него камень или воткнуть прутъ. Жертвенники имѣютъ глубокій смыслъ, потому что служатъ превосходными указателями дороги и помогаютъ хорошо оріентироваться въ степи.

— Жертвенникъ разрушить,—коротко приказалъ начальникъ отряда войсковому старшинѣ Оглоблеву.

— Но, ваше превосходительство,—возразилъ начальникъ штаба:— не будетъ ли это оскорбленіемъ монгольской святыни, не произведетъ ли невыгоднаго впечатлѣнія на кочевниковъ?

— Я и самъ думалъ объ этомъ. Вы знаете, какъ я не люблю неуважительнаго отношенія къ религіознымъ предметамъ китайцевъ,

но что же дѣлать? Здѣсь самая лучшая позиція для нашей батареи, а жертвенникъ послужитъ великолѣпнымъ признакомъ для пристрѣлки китайской артиллеріи и вообще рѣзко обозначитъ нашу позицію. Нѣтъ, его надобно уничтожить.

— Отличный хворостъ для костровъ,—добавилъ Оглоблевъ.

И жертвенникъ былъ разрушенъ.

Правѣе батареи тянулась небольшая деревня Джемертэ, оставленная жителями. Нѣсколько опустѣлыхъ фанзъ сиротливо стояли посреди заброшенныхъ огородовъ. Глинобитныя стѣнки, окружавшія дворы, могли служить хорошимъ укрытіемъ для стрѣлковыхъ цѣпей. Казаки четвертаго баталіона сейчасъ же принялись приводить окраину деревни въ оборонительное положеніе, вырывать ровики впереди стѣнокъ и утолщать самыя стѣнки; протекавшій тутъ же ручей усиливалъ позицію и могъ доставлять воду обороняющимся. Еще правѣе тянулись перелѣски. Если ихъ занять, то тогда протяженіе позиціи по фронту очень увеличится, и расположеніе войскъ окажется слишкомъ растянутымъ. Но если ихъ оставить не занятыми, то китайцы, склонные охватывать фланги, не преминутъ воспользоваться столь выгоднымъ предметомъ и обстрѣляютъ позицію русскихъ продольно. Рѣшили занять перелѣски восьмой ротой охранной стражи, когда она отступитъ отъ Якши, и пятымъ баталіономъ, когда онъ подойдетъ отъ Хака.

За рощей нашли русскую шрапнель съ отломленной головной частью; пули, залитыя сѣрой, цѣликомъ остались въ корпусѣ шрапнели. Очевидно, шрапнель эта была выстрѣлена во время преслѣдованія китайцевъ послѣ занятія Хайлара.

Такимъ образомъ всѣ соображенія къ предстоящему бою были окончены, оставалось составить диспозицію. Штабъ вернулся на бивакъ въ свой домикъ на курьихъ ножкахъ какъ разъ ко времени обѣда.

— Семенъ Ивановичъ, — обратился генералъ къ начальнику штаба:—давайте, до обѣда закончимъ дневной приказъ диспозиціей на случай боя, да и пускайте въ переписку, чтобы не задерживать

Начальникъ отряда продиктовалъ слѣдующее:

«По свѣдѣніямъ, доставленнымъ передовой конницей, непріятель въ числѣ до 7.000 человѣкъ наступаетъ на станцію Якши. Въ случаѣ наступленія его на станцію Джемертэ отряду занять позицію впереди станціи, гдѣ возведены окопы:

«1) Батареѣ расположиться на холмахъ у монгольскаго жертвенника.

«2) 6-му баталіону занять лѣвый участокъ позиціи по направленію къ рѣкѣ Хайлару.

«3) 4-му баталіону расположиться правѣе песчаныхъ холмовъ.

«4) 5-му баталіону и ротѣ капитана Чоглокова, подъ общей командой войскового старшина Демидова, стать на правомъ флангѣ въ осиновой рощѣ.

«5) 3-му Верхнеудинскому полку и коннымъ сотнямъ охранной стражи расположиться за правымъ флангомъ, имѣя въ виду атаку непріятеля съ его лѣваго фланга; имѣть наблюденіе разъѣздами за правымъ флангомъ всей позиціи и слѣдить за движеніями противника.

«6) 3-му баталіону стать сзади 4-го баталіона въ видѣ общаго резерва всего отряда, укрываясь отъ выстрѣловъ противника складками мѣстности.

«7) Въ началѣ боя я буду за 4-мъ баталіономъ близъ праваго фланга батареи.

«8) Патроны беречь,—стрѣлять только по хорошимъ цѣлямъ.

«9) Если Богъ благословитъ, имѣть въ виду переходъ въ наступленіе и преслѣдованіе непріятеля до станціи Якши, а конницѣ и дальше.

«10) Съ началомъ боя бивакъ снимается, гуртъ скота и обозъ отходятъ нѣсколько назадъ, чтобы стать внѣ выстрѣловъ подъ прикрытіемъ полусотни отъ 6-го баталіона».

Эта диспозиція имѣетъ нѣкоторую поучительность, потому что была отдана при дѣйствительной военной обстановкѣ; но выполнять ее не пришлось,—конница удержалась у Якши, китайцы ея не атаковали, отступать ей на Джемертэ оказалось ненужнымъ.

Смольянниковъ очень долго удерживалъ китайцевъ на Якшинскомъ перевалѣ, а потомъ постепенно отошелъ на лѣвый флангъ позиціи передовой конницы, занятой ею въ восьми верстахъ къ юго-востоку отъ станціи Якши. Постоянное отступленіе Смольянникова было принято непріятелемъ за боязнь со стороны русскихъ вступить въ бой. Китайцы сильно подбодрились духомъ. Генералъ Пао постоянно доносилъ въ Цицикаръ объ одержанныхъ надъ русскими побѣдахъ и добавлялъ: «Я выгоню Орлова изъ Хайлара».

На другой день 1-го августа надобно было ожидать атаки китайцевъ у Якши. А между тѣмъ вся забайкальская казачья пѣшая бригада 31-го іюля собралась у Джемертэ: въ часъ дня прибылъ пятый баталіонъ, а въ восемь часовъ вечера началъ подходить 3-й баталіонъ. Такимъ образомъ въ ночь на 1-е августа хайларскій отрядъ располагался такъ: 3-й Верхнеудинскій конный полкъ въ составѣ 5-ти сотенъ, вторая забайкальская казачья батарея, три конныхъ сотни и восьмая рота охранной стражи, подъ командой войскового старшины Маціевскаго,—на позиціи у Якши, выставивъ впередъ версты на 3 заставу; главныя силы въ составѣ четырехъ баталіоновъ забайкальской казачьей пѣшей бригады, сотни третьяго Верхнеудинскаго полка и обозовъ всего отряда, подъ личнымъ начальствомъ генерала,— у Джемертэ. Сообразно съ выработ-

таннымъ планомъ главныя силы должны были 1-го августа итти впередъ на соединеніе съ передовой конницей у Якши и дать тамъ сраженіе. Поэтому вечеромъ 31-го іюля отданъ былъ слѣдующій приказъ для наступленія:

«Завтра въ 5-ть часовъ утра отряду выступить на Якши. Отряду слѣдовать въ порядкѣ №№ баталіоновъ, кромѣ третьяго, которому слѣдовать въ хвостѣ. Обозы—за своими баталіонами. Охраненіе въ пути отъ головного баталіона.

«Большой привалъ на мѣстѣ по выбору командира головного баталіона въ зависимости отъ близости воды.

«1-ой сотнѣ Верхнеудинскаго полка освѣщать мѣстность впереди отряда.

«Взводу охранной стражи находиться при мнѣ.

«Я буду слѣдовать въ головѣ колонны.

«Гурту продовольственнаго скота съ прикрытіемъ слѣдовать въ хвостѣ колонны.

«Въ Джемертэ оставить полусотню 3-го баталіона».

День 1-го августа былъ тяжелъ. Уже во время выступленія въ 5 часовъ утра сдѣлалось душно, а потомъ солнце пекло жестоко, и люди сильно страдали отъ жары и комаровъ. Переходъ предстоялъ почти сплошь безводный. Постепенно изъ широкой просторной степи отрядъ вступилъ въ довольно узкую долину, обрамленную высокими холмами; здѣсь стало еще душнѣе. Люди шли вяло; пѣсни какъ-то не пѣлись. Часовъ въ 10 утра начальникъ отряда получилъ донесеніе войскового старшины Маціевскаго: «Непріятель началъ наступать и тѣснитъ заставу на нашемъ лѣвомъ флангѣ». И хотѣлось бы поспѣшить на выручку своимъ, но разстояніе велико, а пѣхота не конница, аллюръ прибавить не можетъ.

Около 11-ти часовъ подошли къ небольшому колодцу—первая вода, встрѣтившаяся на пути. Прошли больше 20-ти верстъ, отрядъ изнемогалъ отъ жажды; рѣшились сдѣлать около колодца привалъ, но небольшой, примѣрно около получаса, потому что безъ воды—плохой отдыхъ. Колодезь оказался ничтожнымъ, не изъ чего было даже сварить чай.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—говорили нѣкоторые изъ командировъ:—четвертый баталіонъ выпьетъ всю воду изъ колодца, и намъ ничего не достанется.

— Господа,—обратился начальникъ отряда къ офицерамъ своего штаба:—остановите 4-й баталіонъ и распорядитесь отъ остальныхъ баталіоновъ прислать къ колодцу делегатовъ съ манерками, пусть наберутъ воды и разнесутъ по баталіонамъ.

Это распоряженіе было исполнено, отрядъ кое-какъ напился. Офицеры расположились на буркахъ, чтобы немного отдохнуть.

Пробовали закусывать, но вслѣдствіе изводящей жары не было никакого аппетита.

По дорогѣ отъ Якши показался верховой забайкалецъ; очевидно онъ везъ донесеніе. Забывъ жару, всѣ встрепенулись, ожидая, какое именно извѣстіе привезетъ этотъ утомленный всадникъ. Нетороплива подалъ онъ записку начальнику отряда, потомъ слѣзъ съ лошади, а маленькая забайкалка тотчасъ принялась щипать траву. Записка гласила: «непріятельскія двѣ пушки, занявшія позицію на дорогѣ въ Джемертэ, открыли огонь; пѣхота длинными змѣйками наступаетъ по долинѣ на центръ и лѣвый флангъ нашей позиціи». Въ концѣ записки прибавлялось, что сухарей у Верхнеудинскаго полка вовсе нѣтъ, и люди голодны. Ясно, что прежде всего слѣдовало послать сухарей; относительно просьбы о помощи не говорилось ничего, слѣдовательно, потребность въ ней не ощущалась слишкомъ сильно.

— Маціевскій, поѣзжайте въ обозъ и скажите хорунжему Токмакову, чтобы немедленно выслалъ впередъ на позицію двѣ двуколки съ сухарями.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ ординарецъ и погналъ своего маленькаго сѣренькаго монгольскаго коня.

— А вы, Семенъ Ивановичъ, прикажите 1-й сотнѣ верхнеудинцевъ, которая идетъ въ головномъ отрядѣ, прикрыть эти двуколки. Пусть эсаулъ Шаншіевъ отвезетъ полку сухари, да тамъ и остается: хоть небольшая помощь, а все-таки будетъ полезно.

— Ваше превосходительство, а мы-то какъ же безъ конницы останемся?

— Пустяки! У насъ есть взводъ терцевъ, и этого совсѣмъ достаточно.

До позиціи, занятой конницей, оставалось еще пройти болѣе десятка верстъ. Желаніе поспѣшить скорѣе впередъ на помощь, недостатокъ воды въ колодцѣ,—все это заставило сократить пребываніе на привалѣ, который продолжался полчаса съ небольшимъ. Передъ выступленіемъ съ привала приказано обозъ выдѣлить отъ баталіоновъ въ особую колонну, подъ начальствомъ прикомандированнаго къ штабу штабсъ-капитана Черногорскаго.

— Штабсъ-капитанъ Черногорскій, возьмите отъ шестого баталіона одну сотню въ прикрытіе къ обозу; когда отрядъ уйдетъ, то вы здѣсь еще немного подождите; колодезь вновь наполнится водой; вы можете освѣжить лошадей и потомъ потихоньку подвигайтесь за отрядомъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ штабсъ-капитанъ Черногорскій, офицеръ маленькаго роста, спокойный и увѣренный.

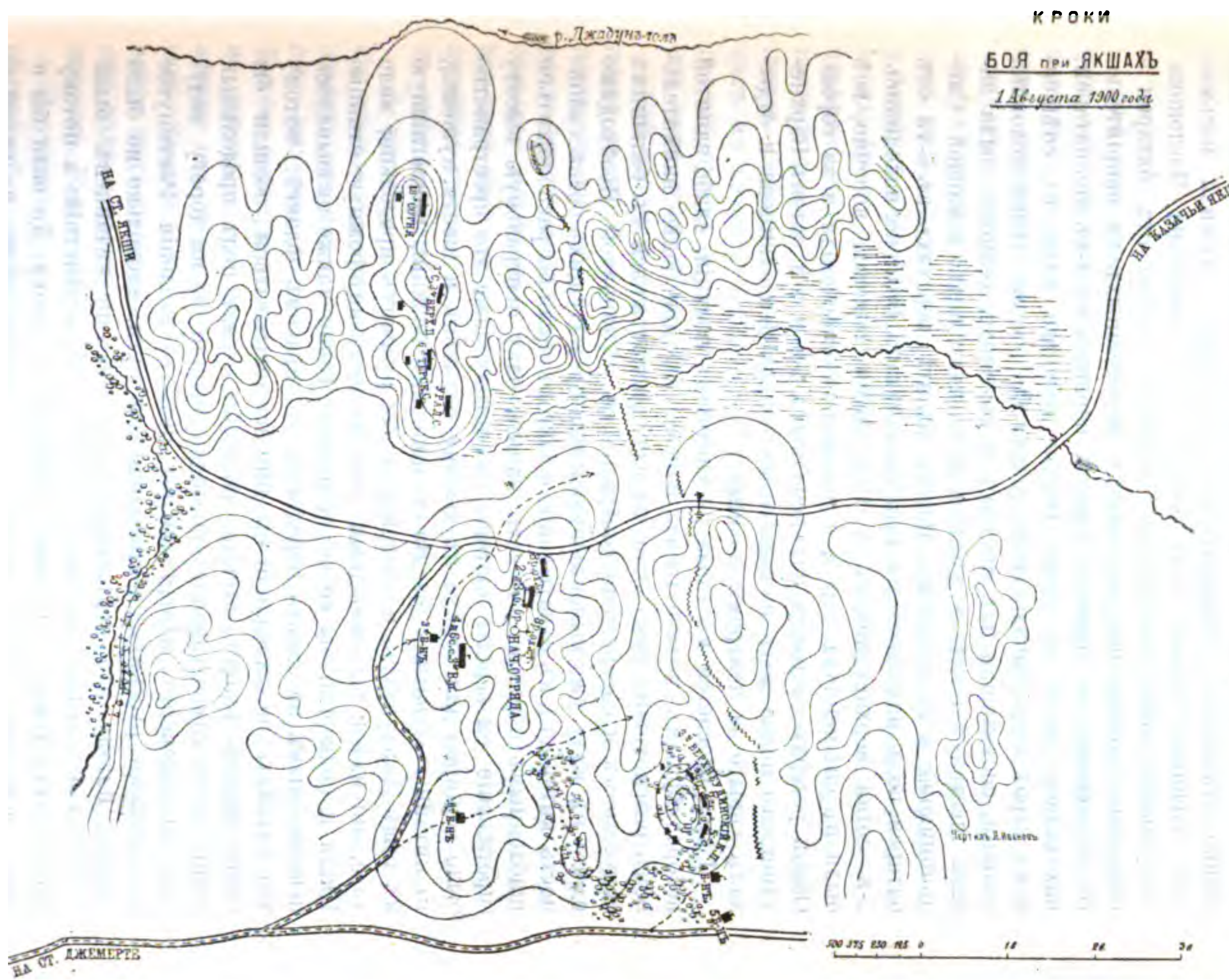
Хотя въ колодцѣ оставалась только одна грязь, но все-таки передъ выступленіемъ постарались достать хотя по глотку воды для лошадей терскаго взвода и офицерскихъ.

— Ваше превосходительство, позвольте доложить,—сказалъ ординарецъ Мацѣевскій:—вашъ Сѣрко шибко присталъ, не перемѣнить ли вамъ коня? Возьмите лучше Цыгана. Вы и въ сраженіи при Онгуни были на немъ же.

— Хорошо, прикажите пересѣдлать Цыгана.

Уже вся бригада вытянулась, а у колодца все еще толпились люди, добывая нѣсколько капель воды. Долина сузилась еще болѣе. Пройдя нѣсколько верстъ, за поворотомъ дороги встрѣтили постъ летучей почты, расположившійся около высохшаго ручья. Водою постъ пользовался изъ сосѣдней ямы, въ которой отъ дождей осталась порядочная лужа. Грязная вода хотя и не очень манила къ себѣ, тѣмъ не менѣе казаки пѣшихъ баталіоновъ съ удовольствіемъ выпили ее чуть ли не до дна. До позиціи оставалось еще верстъ восемь; для облегченія людей на остальной путь, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду предстоявшаго боя, въ который придется вступить прямо съ похода, начальникъ отряда приказалъ снять ранцы и сложить у поста летучей почты до прибытія обоза. Пока люди пили и оправлялись, генералъ со штабомъ и конвоемъ поѣхалъ впередъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и принять лично руководство боемъ. Цыганъ шелъ впередъ свѣжо и бодро. Небольшая група всадниковъ быстро подавалась впередъ. У самой позиціи получили еще донесеніе, что непріятельская пѣхота въ огромныхъ силахъ наступаетъ на правый флангъ, стараясь его обойти.

Мѣстность представлялась въ слѣдующемъ видѣ: у самой позиціи долина, по которой идетъ большая дорога, поворачиваетъ налѣво, соединяется съ долиной, идущей съ сѣверо-запада отъ станціи Якши желѣзнодорожныя, и снова поворачиваетъ направо, на востокъ, по направленію къ Якшинскому перевалу. Долины состояли изъ мокраго луга, прорѣзаннаго ручейками. Позиція конницы какъ разъ находилась впереди соединенія дорогъ отъ Джемертэ и отъ Якшей желѣзнодорожныхъ и тянулась съ сѣвера на югъ; болотистая долина разрѣзывала позицію пополамъ. Въ центрѣ находилась большая гора, командовавшая всей окружающей мѣстностью и отлично прикрывавшая тылъ. Правый флангъ состоялъ изъ нѣсколькихъ перелѣсковъ, значительно, версты на двѣ, выдававшійся передъ фронтомъ; за перелѣсками, перпендикулярно къ фронту позиціи, то-есть съ востока на западъ, пролегала долина, по которой шла проселочная дорога, соединявшаяся съ дорогой на Джемертэ. Гребень высотъ влѣво отъ долины упирался въ пойму рѣки Джадунъ-голъ. Войска располагались такъ: на высотѣ въ центрѣ позиціи, недалеко отъ большой дороги, на скатѣ, нѣсколько впереди вершины, стояла вторая забайкальская казачья батарея. При помощи 8-й роты она построила для себя окопы, весьма хорошо примѣненные къ мѣстности, только не сдѣлала обез-


КРОКИ
БОЯ при ЯКШАХЪ
1 Августа 1900 года
р. Джадунъ-гола
НА СТ. ЯКШИ
НА КАЗАЧЬИ ЯКШИ
НА СТ. ДЖЕМЕРТЕ
НАЧ. ОТРЯДА
ВЕРХНЕУДИНСКІЙ К. П.
УРАЛ. С.
Черт. илъ В. Ивановъ
500 375 250 125 0 1 в 2 в 3 в

печенныхъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ ходовъ сообщенія съ тыломъ, а потому, когда приходилось за чѣмъ нибудь итти назадъ, то нѣкоторое пространство на пути по гребню оказывалось совершенно открытымъ. Прикрытіемъ для батареи служила восьмая рота охранной стражи подъ начальствомъ капитана Чоглокова. Она заняла окопы пополуротно, вправо и влѣво отъ батареи и нѣсколько впереди нея, на скатахъ, обращенныхъ къ непріятелю. Въ перелѣскахъ на правомъ флангѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ батареи, находились 2-я и 5-я сотни Верхнеудинскаго полка въ спѣшенномъ строѣ подъ начальствомъ эсаула Софронова. Лѣвая половина позиціи, состоявшая изъ крутыхъ и высокихъ холмовъ, была занята шестою терскою и уральскою сотнями подъ командой Смольянникова; а на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, верстахъ въ 6-ти отъ батареи, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Бодиско, находились: 3-я сотня верхнеудинцевъ и 18-я сотня терцевъ; конечно, всѣ были въ спѣшенномъ строѣ, а коноводы стояли сзади и за горою. Общій резервъ состоялъ изъ неполныхъ 4-й и 6-й сотенъ Верхнеудинскаго полка подъ начальствомъ эсаула Мензелинцева и отдыхалъ укрыто за центромъ позиціи.

Рѣзко бросается въ глаза растянутость позиціи, слабо занятой несоразмѣрнымъ количествомъ войскъ; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи ясно, что отрядъ расположился съ большимъ искусствомъ и совершенно сообразно съ обстановкой. Необходимо имѣть въ виду уже выяснившуюся изъ предыдущихъ боевъ склонность китайцевъ къ охватыванію фланговъ. Если бы расположиться шаблоннымъ образомъ, то-есть занять одну центральную высоту (протяженіе ея версты полторы, а потому даже это пространство было обширно для отряда въ тысячу человѣкъ и шесть пушекъ), то китайцы захватили бы лѣвую половину позиціи, прилегавшую къ рѣкѣ Джадунголъ, и обстрѣляли бы русскихъ продольно; мало того, они имѣли бы свободный путь на желѣзнодорожную станцію Якши и подвергли бы ее опустошенію. Точно также оказывалось невозможнымъ не занять перелѣски на правомъ флангѣ, потому что китайцы не замедлили бы ими воспользоваться, обошли бы нашъ правый флангъ, отсюда взяли бы отрядъ подъ продольный огонь, а что самое главное—свободно вышли бы на дорогу, ведущую къ Джемертэ, и отрѣзали бы путь отступленія. Растянутое расположеніе русскихъ, обезпечивая всѣ пути, нисколько не было опасно, потому что нерѣшительность дѣйствій китайцевъ была извѣстна изъ всѣхъ предшествовавшихъ ихъ дѣйствій; а потому трудно было думать, что они отважатся на атаку. Да если бы и такъ, то конница имѣла полную возможность сѣсть на коней и отойти назадъ. Капитанъ Смольянниковъ продѣлывалъ это уже въ теченіе нѣсколькихъ дней. Описанное расположеніе войскъ вовсе

не было плодомъ вышеприведенныхъ длинныхъ разсужденій, но естественно вытекало изъ обстановки; само дѣло показывало, какъ слѣдовало расположиться.

Бой 1-го августа разыгрался слѣдующимъ образомъ: съ ранняго утра китайцы начали наступленіе и оттѣснили заставу, находившуюся въ 3-хъ верстахъ впереди позиціи. Около девяти часовъ непріятель сталъ развертываться въ боевой порядокъ и открылъ огонь по нашему лѣвому флангу, видимо направляя усилія къ овладѣнію желѣзнодорожной станціей Якши. Въ десять часовъ выѣхали двѣ или четыре китайскія пушки, стали на позицію у большой дороги верстахъ въ двухъ отъ нашей батареи и открыли огонь. Въ то же время китайская пѣхота развернулась на хребтахъ, параллельныхъ русской позиціи, и въ массахъ устремилась на правый флангъ на перелѣски. Съ этого времени бой не прекращался. Войсковой старшина Фолимоновъ пустилъ нѣсколько гранатъ въ китайскую батарею; она живо спряталась за гребнемъ, и потомъ орудія высовывались только для стрѣльбы; послѣ выстрѣла они немедленно убирались за гребень.

Бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Прибытіе сотни Шаншіева принесло огромную помощь, потому что оказалась возможность, не трогая резерва, поддержать боевую часть; хотя и на лѣвомъ флангѣ шелъ жаркій бой, однако правому флангу угрожала бо̀льшая опасность; туда-то и направилась сотня Шаншіева; но все-таки въ лѣсу положеніе верхнеудинскихъ казаковъ было чрезвычайно трудное. Только получивъ записки отъ начальника отряда съ увѣдомленіемъ, что пѣхота близко, конница воспрянула духомъ.

А китайцы все болѣе и болѣе сгущались противъ перелѣсковъ. Съ цѣлью удержанія перелѣсковъ въ своихъ рукахъ и чтобы отвлечь отъ нихъ вниманіе китайцевъ, рѣшились на крайнее средство: полурота восьмой роты подъ начальствомъ поручика запаса Быкова перешла въ наступленіе противъ центра китайскаго отряда, но отнюдь не для атаки непріятеля, а чтобы только оттянуть его пѣхоту отъ перелѣсковъ; добившись этого, надлежало отойти назадъ. Задача была въ высшей степени трудная, приходилось перейти подъ перекрестнымъ огнемъ совершенно открытую поперечную долину, раздѣлявшую гребни, занятые китайцами, отъ нашихъ окоповъ. Еще тяжелѣе пришлось бы при отступленіи.

Поручикъ Быковъ блистательно выполнилъ порученіе. Съ необычайной храбростью наступалъ онъ впередъ по открытой долинѣ, остановилъ движеніе китайцевъ противъ перелѣсковъ, а затѣмъ съ замѣчательнымъ искусствомъ отходилъ назадъ. Дѣйствія этой полуроты отличались красотой, способной привести въ восторгъ

истинно военнаго человѣка. Вышедшій навстрѣчу начальникъ отряда осыпалъ полуроту поручика Быкова самыми горячими похвалами.

Быковъ потерялъ двухъ человѣкъ ранеными.

На лѣвый флангъ китайцы также насѣдали сильно. Капитанъ Смольянниковъ усердно просилъ подкрѣпленія. Вслѣдствіе этого изъ общаго резерва направили 6-ю сотню Верхнеудинскаго полка. Этой поддержки, по мнѣнію Смольянникова, было недостаточно, и онъ продолжалъ доносить о трудномъ положеніи лѣваго фланга.

Около 2-хъ часовъ дня показалась голова Забайкальской пѣшей бригады по дорогѣ изъ Джемертэ. Возникалъ вопросъ, куда направить пѣхоту для нанесенія главнаго удара. О подкрѣпленіи просили и правый и лѣвый флангъ, но теперь вопросъ заключался не въ томъ, чтобы выручить ту или другую часть конницы, и даже не въ томъ, чтобы удержать позицію въ своихъ рукахъ, но въ томъ, чтобы нанести противнику окончательное пораженіе. Стратегическое значеніе принадлежало правому флангу позиціи, потому что именно здѣсь прикрывался путь отступленія отряда. Уже по одному этому оказывалось выгоднѣе направить пѣхоту на правый флангъ къ лѣсу, но отсюда же слѣдовало и атаковать китайцевъ, потому что, идя съ нашего праваго фланга на ихъ лѣвый флангъ, мы могли отбросить противника къ сѣверу и припереть къ рѣкѣ Джадунголъ. Выдавшееся положеніе перелѣсковъ весьма благопріятствовало подобному маневру.

На основаніи такихъ соображеній первые подошедшіе баталіоны, 4-й и 5-й, подъ общей командой войскового старшины Оглоблева, были двинуты въ перелѣски. Остановившись для краткаго отдыха около ручья, протекавшаго сзади позиціи, утоливъ здѣсь нестерпимую жажду, они бодро пошли впередъ, чтобы сдѣлать главное дѣло сегодняшняго дня. Провести ихъ долженъ былъ штабсъ-ротмистръ Булатовичъ, отлично изучившій мѣстность и сдѣлавшій обстоятельный докладъ начальнику отряда. Черезъ нѣсколько времени подошелъ шестой баталіонъ; его послали туда же за 4-мъ и 5-мъ баталіонами.

— Поручикъ Кублицкій, — обратился начальникъ отряда къ адъютанту,—поѣзжайте и укажите направленіе 6-му баталіону.

Кублицкій направился внизъ къ лошадямъ.

Штабъ стоялъ на горѣ около батареи, а лошади находились внизу за горою, которая хорошо ихъ прикрывала отъ взоровъ и выстрѣловъ противника. Проѣхать на встрѣчу 6-му баталіону можно было двумя способами: или за горою въ совсѣмъ безопасномъ мѣстѣ (путь этотъ болѣе кружный), или по кратчайшему пути прямо не не вдалекѣ отъ того мѣста, на которомъ дѣйствовалъ поручикъ Быковъ. Который изъ этихъ путей изберетъ Кублицкій?

— Господа, — обратился генералъ къ окружающимъ: — а вѣдь

Кублицкій поѣдетъ тутъ прямо. Жаль, что я позабылъ приказать ему ѣхать за горой.

Не успѣлъ генералъ окончить своихъ словъ, какъ всѣ уже увидѣли Кублицкаго, мчавшагося по склону горы на правый флангъ къ лѣсу.

— Такъ и есть, вотъ онъ скачетъ, какъ сумасшедшій. Ну, если только китайцы начнутъ по немъ безсовѣстный огонь, я прикажу Фолимонову стрѣлять исключительно вонъ по той цѣпи на гребнѣ.

Кублицкій проѣхалъ благополучно.

— Казакъ Маціевскій, поѣзжайте встрѣтить 3-й баталіонъ и проведите его на эту площадку за горою. Онъ составитъ общій резервъ и пусть лежитъ и отдыхаетъ. Въ самомъ дѣлѣ,—добавилъ генералъ:—3-й баталіонъ очень усталъ, онъ вчера прошелъ 45 верстъ, да сегодня 35, вѣдь это 80 верстъ; не грѣхъ ему и отдохнуть, пусть полежитъ часа два.

Итакъ, для нанесенія главнаго удара нашимъ правымъ флангомъ по китайскому лѣвому направили 3 баталіона и 3 сотни верхнеудинцевъ; лишь одинъ 3-й баталіонъ остался въ общемъ резервѣ. На лѣвый флангъ не послали ничего. Соображенія были такія: если лѣвый флангъ удержится на позиціи — хорошо, если же не удержится и будетъ вынужденъ отступить, то и это не худо, потому что увлечетъ за собой правый флангъ непріятеля, который окажется отрѣзаннымъ вслѣдствіе успѣховъ нашихъ противъ китайскаго лѣваго фланга.

Чтобы успокоить Смольянникова, начальникъ отряда послалъ ему записку, въ которой излагался общій планъ дѣйствій, и добавлялось, что какъ только баталіоны, посланные на правый флангъ, потѣснятъ передъ собой китайцевъ, такъ послѣдуетъ общій переходъ въ наступленіе всего отряда; можно предполагать, что это случится часа черезъ два. Предстояло, слѣдовательно, дожидаться результатовъ дѣйствій на правомъ флангѣ.

Между тѣмъ китайская артиллерія продолжала свою стрѣльбу, рѣдкую и совершенно безвредную. Выстрѣлы свои направляла она въ батарею и въ штабъ, образовавшій на горѣ довольно значительную толпу людей. Среди всѣхъ военныхъ нѣсколько рѣзали глазъ двѣ фигуры, одѣтыя въ шведскія куртки и вообще въ костюмъ скорѣе штатскій, чѣмъ военный.

По справкѣ оказалось — фельдшера изъ роты капитана Чоглокова. Присутствіе ихъ, конечно, было очень умѣстно, потому что, находясь среди самыхъ войскъ, они скорѣе всего могли подать первую помощь, если бы въ ней встрѣтилась надобность. И дѣйствительно, имъ пришлось дѣлать перевязки подъ огнемъ. Храбрые вѣстовые притащили на гору закуску; офицеры дѣятельно подкрѣпляли свои силы, потому что теперь было единственное свободное

время. Начальникъ отряда съѣлъ сардинку съ чернымъ сухаремъ и выпилъ немного краснаго вина—это была пища за цѣлый день.

Китайскіе снаряды съ шипѣніемъ перелетали черезъ головы и падали далеко сзади въ долинѣ. На противоположной горѣ виднѣлись два китайскихъ знамени, что̀ обозначало желаніе китайцевъ вести упорный бой.

— Семенъ Ивановичъ, напишите Оглоблеву записку, чтобы онъ сообщилъ о положеніи дѣлъ въ ту минуту, когда придетъ къ нему эта записка. Пошлите ее съ двумя терскими казаками и въ запискѣ припишите, чтобы одного казака онъ немедленно вернулъ съ донесеніемъ, а другого тогда, когда начнетъ ударъ на китайцевъ.

Казаковъ съ запиской послали, но по необъяснимымъ обстоятельствамъ ни одинъ изъ нихъ не вернулся къ начальнику отряда. Впослѣдствіи они объяснили, что искали его, но будто бы найти не могли.

Такъ вообще трудно поддерживать связь между частями во время войны. Впрочемъ, это не помѣшало ходу дѣла.

Чтобы оказать содѣйствіе бою на правомъ флангѣ, войсковой старшина Фолимоновъ пересталъ стрѣлять по китайской артиллеріи и всецѣло сосредоточилъ огонь на непріятелѣ, дѣйствовавшемъ противъ перелѣсковъ. Какъ только нѣсколько шрапнелей падали на гребень, гдѣ лежала непріятельская цѣпь, китайцы вскакивали и убѣгали, что̀ всегда возбуждало смѣхъ среди казаковъ. Нѣкоторые китайцы оставались лежать, но, вѣроятно, это были тѣ, которые упокоились навѣки. Черезъ нѣсколько минутъ убѣжавшіе китайцы возвращались назадъ, ложились на прежнія мѣста и открывали огонь.

Фолимоновъ опять посылалъ нѣсколько шрапнелей съ тѣмъ же отличнымъ успѣхомъ. Возвращеніе китайцевъ показываетъ, что дисциплина въ ихъ войскахъ довольно хороша, потому что офицеры имѣютъ силу заставить солдатъ преодолѣвать страхъ и устремляться въ бой, а вѣдь это и есть конечное, самое высшее выраженіе дисциплины. Фолимоновъ поддерживалъ крайне рѣдкій огонь, стрѣлялъ, какъ выражались окружающіе, черезъ часъ по ложкѣ. Онъ самъ говорилъ, что въ мирное время его за такую стрѣльбу прогнали бы съ полигона.

Причина была весьма основательна—крайній недостатокъ снарядовъ: давали уже второе сраженіе, истратили нѣкоторое количество снарядовъ во время преслѣдованія непріятеля послѣ занятія Хайлара, а между тѣмъ артиллерійскій паркъ шелъ гдѣ-то далеко сзади, и оставалось неизвѣстнымъ, когда удастся имъ воспользоваться.

— А вонъ китайскій начальникъ выѣхалъ, —говоритъ казакъ.

— Гдѣ?

— Да, вонъ, бинокль-то стеклами блеститъ! Это онъ насъ разсматриваетъ. Поставимъ-ка прицѣлъ на 2.000, да ахнемъ.

Раздался залпъ, но китайскій начальникъ смѣло продолжалъ смотрѣть въ бинокль.

— Ставь на 2.200.

Раздался новый залпъ, китаецъ повалился. Впослѣдствіи оказалось, что такъ былъ убитъ самъ генералъ Пао.

Около четырехъ часовъ пополудни на правомъ флангѣ загорѣлся упорный бой. Это вышли къ лѣсу 4-й и 5-й баталіоны. Китайцы въ двойномъ числѣ дѣйствовали противъ казаковъ обычнымъ своимъ пріемомъ, т.-е. охватывая фланги и засыпая неистовымъ числомъ пуль. Каждый китаецъ выпускалъ цѣлыя сотни патроновъ. У русскихъ начались потери. Казаки также открыли частый огонь. Русскіе и китайскіе выстрѣлы слились въ какой-то сплошной гулъ, въ которомъ нельзя было различить ни отдѣльныхъ выстрѣловъ, ни залповъ.

Вскорѣ китайскій огонь сталъ ослабѣвать. Непріятель не выдержалъ натиска, дрогнулъ и сталъ отходить.

Около 5-ти часовъ послышались удары грома, сначала отдаленные, затѣмъ все ближе, ближе, и наконецъ разыгралась страшная гроза. Блистали молніи, ливень сопровождался частымъ градомъ величиною до дюйма; ливень имѣлъ тропическій характеръ. Почва моментально покрылась водой, сильно разгрязнилась, движеніе сдѣлалось очень затруднительно; удары града чувствовались черезъ гутаперчевый башлыкъ и суконную шапку съ бѣлымъ чехломъ. Во ста шагахъ ничего не было видно. Пользуясь этимъ хайларскій отрядъ перешелъ въ общее наступленіе. Начальникъ отряда приказалъ 3-му баталіону, совмѣстно съ 8-й ротой Чоглокова, двинуться впередъ долиною ручья. Понемногу буря начала затихать.

Въ 6 часовъ просвѣтлѣло; два знамени на горѣ теперь отсутствовали: китайцы воспользовались внезапно налетѣвшей бурей, увезли артиллерію и очистили позицію. Только на лѣвомъ флангѣ русскихъ еще кипѣлъ бой. Хотя Смольянниковъ и Бодиско также пытались перейти въ наступленіе, но имъ не удавалось потѣснить китайцевъ. Вдругъ послѣдніе начали сами отходить назадъ; причина заключалась въ томъ, что войска русскаго праваго фланга, сбивъ противника, прошли вдоль фронта его позиціи и вышли въ тылъ китайцамъ, увлекшимся боемъ противъ Бодиско и Смольянникова. Эта часть непріятельскаго отряда оказалась совершенно отрѣзанною. Видя себя окруженными, китайцы отнюдь не думали сдаваться въ плѣнъ, но забились въ лощинки на скатахъ холмовъ и жестоко отстрѣливались съ храбростью отчаянія.

Между тѣмъ батарея начала спускаться съ горы, чтобы выѣхать на дорогу. Скаты, состоящіе изъ лесовой почвы, быстро впитали въ

себя огромное количество воды и даже на довольно крутыхъ мѣстахъ приняли болотистый характеръ. Колеса увязали чуть не по ступицу, ноги лошадей уходили въ почву больше чѣмъ на четверть аршина. Фолимоновъ опасался, какъ бы батарея здѣсь не завязла. Наконецъ батарея благополучно выбралась на дорогу, почти повсюду покрытую водой. 3-й баталіонъ сталъ развертываться противъ отрѣзанныхъ китайцевъ, съ другой стороны тѣснили ихъ Смольянниковъ и Бодиско, а путь отступленія былъ отрѣзанъ остальными забайкальскими баталіонами. Часть китайцевъ пыталась прорваться. Начальникъ отряда, увидѣвъ недалеко отъ себя Булатовича съ двумя сотнями казаковъ, закричалъ:

— Булатовичъ, идите помогите пѣхотѣ.

Булатовичъ немедленно пошелъ въ атаку, но ручеекъ и вязкая почва не позволили ее докончить; тѣмъ не менѣе толпа китайцевъ бросилась снова въ спасительныя лощинки, и только ничтожная горсть смѣльчаковъ продолжала итти на прорывъ. Среди нихъ одинъ ѣхалъ верхомъ на бѣломъ конѣ; вѣроятно, это былъ офицеръ. Терскіе казаки изъ штабнаго взвода не могли утерпѣть, чтобы не пострѣлять по такой интересной цѣли; но стрѣльба была совершенно не умѣстна, потому что пули могли попасть въ находившихся на другой сторонѣ долины своихъ же пѣшихъ казаковъ и казаковъ Булатовича. Начальникъ отряда приказалъ прекратить стрѣльбу; но еще раньше одинъ спѣшенный терецъ положилъ винтовку на своего коня, хорошо выцѣлилъ китайскаго начальника и выстрѣлилъ. И конь, и всадникъ повалились на землю; но китаецъ сейчасъ же поползъ къ сосѣднему кусту и спрятался въ немъ.

Китайцевъ продолжали разстрѣливать со всѣхъ сторонъ. Однако бой происходилъ при черезвычайно неудобныхъ условіяхъ: постоянно опасались, какъ бы не попасть въ своихъ. Русскія пули, то и дѣло, летѣли въ штабъ и батарею. Наконецъ, все это дѣло кончилось. Изъ всѣхъ отрѣзанныхъ китайцевъ только человѣкъ 15 прорвались и успѣли уйти.

Булатовичъ двинулся впередъ со своими казаками. Ему пришлось итти въ близкомъ разстояніи отъ того куста, куда спрятался китайскій офицеръ. Въ кусту и въ сосѣдней густой и высокой травѣ онъ оказался не одинъ,—ихъ было нѣсколько, и всѣ открыли самую частую стрѣльбу. Казаки въ свою очередь повернулись къ кустамъ и начали дострѣливать китайцевъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пуль летѣли въ штабъ и батарею, но все прошло благополучно. Жутко было смотрѣть, какъ китайцы разряжали свои винтовки въ упоръ въ Булатовича и въ плотный строй его казаковъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ китайцевъ прикончили. Булатовичъ подъѣхалъ къ штабу.

— Булатовичъ, сколько у васъ потерь?

— Никакихъ потерь, ваше превосходительство!
— Да что вы! Вѣдь они стрѣляли чуть не въ упоръ?
— Такъ точно, только они очень плохо стрѣляютъ.
— Ну, слава Богу!

Около восьми часовъ вечера собрался весь отрядъ у дороги. День склонялся къ вечеру. Густая тьма наступила чрезвычайно быстро. Усталость людей была непомѣрна. Они ничего не ѣли, потому что обозъ и ранцы остались сзади. Казалось, послѣднія силы оставили героевъ, сдѣлавшихъ чрезвычайное напряженіе и одержавшихъ полную побѣду. Все безмолвно просило отдыха. Надо было побороть себя, чтобы хватило духу приказать двигаться впередъ.

При такой обстановкѣ пришлось преслѣдовать бѣгущихъ китайцевъ 14 верстъ, чтобы, такъ сказать, съ налету захватить важную позицію—Якшинскій перевалъ. Иначе для обладанія этой позиціей пришлось бы дать еще одно сраженіе и проливать драгоцѣнную русскую кровь. Лучше ужъ сегодня сдѣлать усиліе и еще немного потрудиться. Движеніе было необыкновенно трудное. Пересохшіе ручьи превратились въ бурные потоки. Якшинскій перевалъ былъ не крутъ, но длиненъ. Забайкальцы все преодолѣли, и ночью отрядъ сосредоточился на урочищѣ Якши Казачьи. На другой день 2-го августа преслѣдованіе продолжалось конницей еще на 22 версты.

Побѣда при Якши достигнута большими трудами, но съ чрезвычайно малыми потерями: трое убитыхъ и десять раненыхъ, изъ коихъ два казака умерли отъ ранъ. Потери китайцевъ: нѣсколько сотъ убитыми, плѣнными 10 человѣкъ, одно орудіе, два знамени, три значка и масса оружія и патроновъ.

Результаты побѣды были очень важны: очищенъ путь для движенія отряда вплоть до Хинганскаго хребта, захвачена въ русскія руки обширная страна отъ Хайлара до Большого Хингана. На станціи Якши удержаны большіе запасы муки и овса. На станціи Мендухэ, впереди Якши, захвачена переправа черезъ рѣку Унурголъ. Лучшій изъ китайскихъ генераловъ Пао былъ убитъ.

Ко всему этому надобно присоединить сильное нравственное впечатлѣніе на китайцевъ, помогшее дальнѣйшимъ успѣхамъ русскаго оружія въ Манчжуріи и русской дипломатіи тамъ, гдѣ въ это время она имѣла интересъ работать.

Н. А. Орловъ.

ПО СЛѢДАМЪ ГОЛОДА [1].

(Изъ воспоминаній очевидца).

VIII.

«Свиной кормъ».

Я КЪ ВАМЪ,—произнесъ нашъ участковый земскій врачъ, входя ко мнѣ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ я.

— Вѣдь вы съ химіей знакомы?

— Изучалъ когда-то.

— И анализы дѣлали?

— Дѣлалъ качественные.

— Вотъ затѣмъ-то я и пришелъ къ вамъ.

Онъ вернулся въ переднюю, раздѣлся тамъ и затѣмъ вошелъ въ комнату.

— Ну, теперь давайте здоровкаться.

Мы поздоровались.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—произнесъ онъ вслѣдъ затѣмъ, садясь на стулъ и вынимая изъ кармана какой-то бумажный мѣшочекъ:— мой коллега изъ третьяго участка прислалъ мнѣ эту штуку.

Онъ передалъ мнѣ мѣшочекъ. Я развернулъ его и увидалъ тамъ муку.

— Заподозрѣлъ онъ ее въ подмѣси и проситъ изслѣдовать ее. Давайте-ка вмѣстѣ химицировать.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII (мартъ), стр. 1052.

— Да вы бы къ провизору въ аптеку.

— Заходилъ, да нѣтъ его: уѣхалъ куда-то. Вспомнилъ о васъ. Поможете?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я.—Если не забылъ, конечно. Пойдемте въ аптеку.

Мы одѣлись и вышли.

— Какую подмѣсь вы тутъ подозрѣваете?—спросилъ я.

— А шутъ ее знаетъ! Смотрѣлъ я ее подъ микроскопомъ, да ничего путнаго не нашелъ. Думалъ посредствомъ структуры крахмальныхъ зеренъ дойти до природы подмѣси. Рылся по рисункамъ крахмальныхъ зеренъ въ руководствѣ по гигіенѣ. Разныя тамъ есть: ржаныя, пшеничныя, картофельныя, маисовыя, овсяныя—разныя. Да только тутъ ничего не подходитъ.

Мы пришли въ аптеку.

Я попробовалъ муку на вкусъ. Послѣдній оказался терпкимъ, немного вяжущимъ.

— Не находите ли, что это по вкусу немного на дубильную кислоту смахиваетъ?—спросилъ я доктора.

Тотъ тоже попробовалъ.

— А что вы думаете?—сказалъ онъ.—Вѣдь и впрямь. Жолудь подмѣшиваютъ, мерзавцы.

— Развѣ до этого дошло?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Стало быть. Муку эту коллега взялъ у одного торговца, который ею торговалъ. Знаете: «голодный годъ лучше сытаго накормитъ».

Мы попробовали реакцію на желѣзо. Получилась черноватая муть. Сомнѣнія не могло быть: въ мукѣ была жолудковая мука.

— А добровольно подмѣшиваютъ ее? — спросилъ я у доктора, когда мы вышли на улицу.

— Не знаю... Не слыхалъ что-то...—отвѣчалъ онъ.

Мы еще разъ ругнули недобросовѣстнаго торговца и разошлись по домамъ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ въ Сухаревской экономіи знакомаго помѣщика Арыкова.

— Баринъ на скотномъ дворѣ, — сказалъ мнѣ одинъ изъ дворовыхъ, когда я вылѣзъ изъ тарантаса.

Я зналъ дорогу на скотный дворъ и отправился туда.

Арыковъ былъ въ конюшнѣ.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ я, когда мы поздоровались съ нимъ.

— А вотъ опыты произвожу,—усмѣхнулся онъ.

— Какіе-такіе опыты?

— Надъ кормовыми суррогатами.

— Не въ родѣ ли того умнаго нѣмца, который пріучалъ свою лошадь обходиться безъ корма?

Арыковъ засмѣялся.

— Да, почти,—отвѣчалъ онъ.—Вотъ животовъ къ жолудю пріучаю.

И онъ указалъ на болтавшихъ въ колодѣ болтушку работниковъ.

— Мѣшаю ржаную муку съ жолудковой,—пояснилъ онъ.

— Готово, что ли?—обратился онъ къ работникамъ.

-- Готова, Михайла Аѳанасьичъ,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Можно подпущать?

— Пускай... Отойдемте,— предложилъ онъ.

Мы отошли въ сторону.

Широкая дверь изъ сосѣдняго помѣщенія конюшни отворилась, и лошади одна за другой стали выходить оттуда и направляться къ колодѣ.

Подойдя къ послѣдней, онѣ уткнули морды въ болтушку, и послышалось характерное втягиваніе жидкости. Но вслѣдъ затѣмъ онѣ подняли кверху свои испачканныя въ мукѣ морды и какъ бы съ недоумѣніемъ взглянули на рабочихъ. Потомъ опять уткнулись въ колоды, опять послышалось характерное втягиваніе, и опять подняли кверху морды. Затѣмъ, переждавъ нѣсколько времени и посмотрѣвъ вокругъ, принялись грызть колоду.

— Не ѣдятъ, Михайла Аѳанасьичъ,—сказалъ тотъ же работникъ.

— Вижу,—хмуро отвѣчалъ Арыковъ.

Должно быть, у него насчетъ кормовъ было «негусто».

— Да это какой же кормъ?—продолжалъ рабочій.—Самый свиной... Кто жъ его ѣсть-то станетъ?.. Лошадь—животная благородная... Не свиньѣ чета...

— Привыкнутъ,—пробурчалъ Арыковъ.

— Гдѣ ужъ привыкнуть? — съ сомнѣніемъ отвѣчалъ работникъ.

Въ это время дверь въ конюшню со скрипомъ отворилась.

Мы оглянулись. Тамъ стоялъ какой-то мужиченко.

— Ты что?—спросилъ Арыковъ.

— Къ твоей милости, Михайла Аѳанасьичъ, — отвѣчалъ мужикъ, сдергивая съ головы шапченку и кланяясь.

— Что надобно?

— Да вотъ не одолжишь ли, Михайла Аѳанасьичъ, жолудьей мучки мнѣ малость?.. Съ осени-то, признаться сказать, маленько промашку дали... Ты тогда звалъ насъ собирать ихъ въ рощѣ... По пятаку за ведро платилъ... А кто хочетъ, такъ ведро тебѣ, значитъ, а ведро себѣ... Ну, и далъ я въ тѣ поры промашку... За пятакомъ погнался, а про себя жолудя не припасъ... А теперь вотъ нужда пришла.

— Скотину, что ли, кормить хочешь?

— Пошто скотину?.. Себѣ, значитъ...

— Въ хлѣбъ?

— Оно самое... Малость къ аржаной мучкѣ примѣшивать...

Мы переглянулись.

— Неужто и люди ѣдятъ?—спросилъ я.

— А пошто не ѣсть?—отвѣчалъ мужикъ.—Спервоначалу-то оно какъ быдто не по зубамъ приходится... Скусъ у него, ровно бы кору осиновую гложешь... А языкъ у тебя, какъ дубовый, сдѣлается... На манеръ какъ бы деревяшки во рту болтаются... Ну, животомъ спервоначалу немного помаешься... Рѣжетъ, бывало... А потомъ какъ будто и ничего... Привыкаемъ... Вотъ только ребятишки плохо... Тѣ, выходитъ, не выдерживаютъ...

— Да ты смотри, голова,—сказалъ Арыковъ:—вонъ у меня и лошади жолуди не ѣдятъ.

И указалъ на лошадей.

— Скусу, значитъ, еще не понимаютъ, — осклабясь, сказалъ мужикъ.

Признаться, отъ этой шутки у меня морозъ по кожѣ пошелъ.

— Такъ ты ужъ дай, Михайла Аѳанасьичъ,—сказалъ мужикъ,—вѣчно опосля за тебя буду Бога молить...

— Дайте ему,—обратился Арыковъ къ работникамъ.

Мужикъ сталъ благодарить.

— Что вы на это скажете?—обратился ко мнѣ Арыковъ, когда мы подходили къ дому.

Я молча пожалъ плечами. Что жъ я могъ сказать: лошади отказываются, а мужикъ въ ней «скусъ» нашелъ.

— Да, — произнесъ затѣмъ Арыковъ: — правда говорится: не бѣда, коль въ хлѣбѣ лебеда, а вотъ двѣ бѣды, коль нѣтъ ни хлѣба, ни лебеды...

— «Привыкаемъ»...—затѣмъ вспомнилъ онъ слова мужика.

Въѣзжая квартира въ Овсянниковѣ была у какого-то бѣднаго мужика. Поэтому она не была совершенно свободна, когда же кто нибудь въ ней останавливался, то освобождалась одна половина, а хозяева перебирались за перегородку.

Такъ было и теперь, когда я пріѣхалъ въ Овсянниково, чтобы на мѣстѣ убѣдиться въ размѣрахъ нужды.

— Безпокойно только вамъ будетъ у насъ, ваше благородіе,—сказалъ мнѣ хозяинъ, высокій худой мужикъ съ бородой съ просѣдью.

— Ничего... Я крѣпко сплю,—отвѣчалъ я.

— Не обезпокоить бы, молъ, васъ... Потому ребенокъ ужъ больно блажной... Всю ночь кричитъ, некаяшный...

— Больной, что ли?

— Должно быть, что больной... Грудной онъ еще... А у матери молоко почитай что все высохло... Сухая грудь-то... Ну, должно быть, и съ голоду еще...

— А вы бы лѣчили его,—посовѣтовалъ я, въ то же время прекрасно сознавая, что тутъ не лѣчить, а кормить надо.

— Дыть, што-жъ его лѣчить-то... Знамо дѣло, отъ пищіи эфто. Матерь-то чуть не голодуетъ, и на дите эфто самое отзывается... У насъ по всей деревнѣ, почитай, ребята хвораютъ да помираютъ... попищитъ, попищитъ да и помретъ...

— И вашъ вѣдь помереть можетъ?

— Что-жъ, и онъ помретъ... Никто какъ Богъ... Все отъ Него...

Я взглянулъ на хозяина. На лицѣ у него была написана тупая покорность судьбѣ, бороться противъ которой онъ не считалъ возможнымъ и даже совершенно безцѣльнымъ.

Ямщикъ внесъ мой дорожный мѣшокъ.

— Самоварчика у васъ, хозяинъ, не найдется?

— Самоварчика-то?.. Нѣту, ваше благородіе, самоварчика-то... Былъ онъ у насъ, да нонича зимой продали его... Потому надо было ѣсть что нибудь...

Я зналъ, что крестьянинъ крайне неохотно разстается съ самоваромъ и дѣлаетъ это лишь въ случаѣ крайней нужды.

— Развѣ вотъ у шабровъ поискать...—предложилъ онъ.

— Нѣтъ, не надо... Я обойдусь и безъ него,—отвѣчалъ я.

— Эко горе-то...—хлопнулъ руками о полы хозяинъ:—хоть бы корова была, такъ молочкомъ можно было бы ваше благородіе угостить... Да коровенку-то продали... Ребятишки безъ молока сидятъ...

— Плохо живутъ на деревнѣ?—спросилъ я.

— Просто въ разоръ пошли, ваше благородіе... Деревня у насъ, почитай, вся чувашская. А, кажись, обойди весь свѣтъ, такого скопидома, какъ чувашенина, не сыскать... Страсть скупые!.. Вотъ въ нашей деревнѣ лѣтовъ двадцать тому назадъ у рѣдкаго не было по нѣскольку оденьевъ на гумнахъ... И зимовали не одну зиму, а зимъ по пяти-десяти... Трогать нужды не было... Богато жили... Ну, а теперь у рѣдкаго и оденья-то есть... Въ разоръ и чуваши... пошли...

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что столовыхъ здѣсь нѣтъ, и что Овсянниково было вообще забытой деревушкой безъ помощи. Впрочемъ въ ту черную годину такихъ деревушекъ было немало.

Поговоривъ еще нѣсколько времени, я разостлалъ свой дорожный чепанъ на полу и легъ на него.

Но уснуть дѣйствительно было мудрено. За перегородкой двигались люди, слышался, хотя и сдерживаемый, но все-же громкій шопотъ, какіе-то стуки... А главное—кричалъ все время ребенокъ.

— Ш-ш-ш...—успокоивали его и энергично встряхивали въ люлькѣ, такъ что очепъ, на которомъ висѣла послѣдняя, съ трескомъ гнулся.—Смерти на тебя нѣту, непутевый...

Наконецъ, я забылся тяжелымъ сномъ.

Но впечатлѣнія предыдущихъ дней не давали мнѣ спокойно спать... Голодные, худые, еле движущіеся скелеты, цынготные больные, съ кровоточащими деснами, ужасными петехіями и скрюченными членами, мечущіеся въ бреду тифозные... Страшные образы тяжелымъ кошмаромъ душили меня...

Меня вдругъ разбудили какія-то громкія рыданія.

Я открылъ глаза. За перегородкой плакала баба.

Я поднялся на ноги и пошелъ на полосу свѣта, свѣтившуюся сквозь дверную щель изъ сосѣдней комнаты.

— Ты что, тетка, плачешь?—спросилъ я, стараясь что нибудь разобрать при скудномъ свѣтѣ маленькой жестяной лампочки.

— Эхъ, — кто-то громко вздыхалъ около меня: — прибралъ Богъ-то...

Я оглянулся. Это говорилъ мой хозяинъ, стоявшій возлѣ.

Съ печи глядѣли нѣсколько бѣлыхъ головенокъ испуганно смотрѣвшихъ ребятишекъ.

Баба, смолкнувшая было на минуту при моемъ входѣ, опять заголосила:

— Сы-ы-ночекъ мой ро-о-ди-мый!.. И да на ко-го же ты насъ о-о-ста-а-ви-илъ?..

— Что же случилось?—обратился къ я хозяину.

— Ленька померъ... Ну, баба и воетъ...

Я подошелъ поближе.

На лавкѣ, на кучѣ трепья, лежалъ блѣдный ребенокъ съ закрытыми глазами и спутанными волосенками. Мнѣ бросился въ глаза сильно вздутый животикъ его. Я пощупалъ его. Теплота жизни уже покинула маленькое тѣльце.

Меня непріятно передернуло.

— Да чѣмъ онъ хворалъ?—спросилъ я хозяина.

— Дыть кто-жъ его знаетъ?.. Молока у ей не было... Жевкой все кормила... Пожуетъ хлѣба во рту, да и даетъ ему...

Я увидалъ лежавшій на столѣ початой каравай хлѣба. Мнѣ бросился въ глаза слишкомъ черный цвѣтъ послѣдняго. Я взялъ его въ руки. Отъ него не пахло тѣмъ характернымъ запахомъ, которымъ пахнетъ даже отъ плохихъ сортовъ ржаного хлѣба.

— Вы изъ этого хлѣба дѣлали жевку?—спросилъ я хозяина.

— Изъ эфтого самаго... А, Марья?—обратился онъ къ женѣ:— изъ его вѣдь?

— Изъ его...—сквозь слезы отвѣчала плачущая баба.

— Да что онъ какой черный?

— А это, ваше благородіе, не простой хлѣбъ-то... Тутотка под-

мѣшана жолудья мука... Аржаной-то мало осталось, — ну, такъ мы жолудью къ ней подмѣшиваемъ...

— Муку изъ жолудей?—спросилъ я.

— Ее самою... Потому какъ аржаной-то у насъ не хватать стало... такъ мы, стало быть, жолудью... Все-жъ брюхо-то набьешь...

Я понялъ, отчего померъ ребенокъ.

— И многіе у васъ мѣшаютъ жолудь въ муку?

— Да не мало... Оно, конечно, какая эфто пищія... Самая свиная, то-ись... Свиньѣ только и ѣсть его... Ну, да что дѣлать?... Приходится и его ѣсть... Только бы хоть брюхо набить...

— Но вѣдь, навѣрное, хвораютъ отъ этого?

— Какъ не хворать?.. Хвораютъ... Особливо спервоначалу... Шибко хвораютъ... Я скольки времени животомъ спервоначалу-то маялся... Такъ коломъ въ кишкахъ и стоитъ... такъ и претъ... а все-жъ ѣшь...

— Нонича, куда плохо,—немного погодя, продолжалъ онъ... Въ тотъ голодъ хоть лебеда была... А теперича и той нѣтъ... Совсѣмъ плохо...

Я вспомнилъ, что въ голодъ девяносто перваго года медицинскій департаментъ рекомендовалъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» жолуди, какъ сорроrатъ пищи для людей. Послѣ длиннаго ряда манипуляцій надъ ними, они, въ извѣстной пропорціи, примѣшиваются къ ржаной мукѣ, и изъ смѣси печется «довольно питательный» (?!) хлѣбъ.

Я не знаю, употреблялся ли тогда такой хлѣбъ, но въ этотъ голодъ я это видѣлъ. Я попробовалъ его и рекомендовалъ бы этимъ господамъ совѣтчикамъ самимъ попитаться нѣсколько дней этимъ «питательнымъ хлѣбомъ». Быть можетъ, тогда модная погоня (смѣшная иронія судьбы: м о д а н а г о л о д н ы я с р е д с т в а!) за отыскиваніемъ разныхъ суррогатовъ пищи и кормовъ (вплоть до навоза) хотя немного ослабла бы.

На слѣдующій день я уѣхалъ изъ Овсянникова и увозилъ оттуда этотъ каравай, который рѣшилъ подарить тому оригиналу, которому пришла бы въ голову мысль устроить «Голодный музей».

Черезъ нѣсколько дней этотъ хлѣбъ покрылся какой-то блѣдно-зеленоватой плѣсенью и сдѣлался жесткимъ, какъ камень.

IX.

Предѣлъ скорби.

Я ѣхалъ въ Батрасы по скверной проселочной дорогѣ.

Батрасы были самое дальнее селеніе отъ нашего уѣзднаго города, гдѣ-то среди лѣсовъ, до которыхъ еще не добрался топоръ хищника — чумазаго, изъ пришлыхъ и туземныхъ помѣщиковъ

(есть «чумазые» и среди нихъ!), и непроходимыхъ болотъ. Въ весеннюю и осеннюю распутицу туда совершенно невозможно было пробраться, и Батрасы въ это время бываютъ совершенно отрѣзаны отъ остальнаго міра, представляя собою какъ бы островъ среди разлившихся непроходимыхъ болотъ. До ближайшаго селенія отъ нихъ было сорокъ верстъ. Въ общемъ это была забытая Богомъ и людьми деревушка, куда рѣдко кто и заглядывалъ. Причтъ бывалъ тамъ два раза въ годъ, съ крестомъ по большимъ праздникамъ, становой, когда нужно было «выколачивать» подати, нашъ исправникъ за всѣ свои десять лѣтъ службы въ нашемъ уѣздѣ только одинъ разъ, а слѣдователь даже ни разу.

Признаюсь, и я ѣхалъ туда съ крайней неохотой, такъ какъ проѣхать сорокъ верстъ по отвратительной кочковатой дорогѣ (если только можно назвать дорогой узенькую колею, часто даже не гатеную и исчезающую въ вязкой болотистой почвѣ, среди болотъ и лѣсовъ)—вещь далеко не изъ пріятныхъ. Но ѣхать было надо—и я поѣхалъ.

— Совсѣмъ на край свѣта ѣдемъ,—ворчалъ даже мой всегда терпѣливый Степанъ.—Азія... Какъ есть Азія... И народъ—азіатъ...

— Почему «азіатъ»?

— Чувашье все... Какъ же не азіатъ? Молится въ лѣсу, поклоняется пню, вѣнчается вокругъ ели, а черти имъ пѣли...

— Ты, должно быть, не любишь ихъ?

— А почто любить-то ихъ? Грязный народъ... Трусъ... И безтолочь такая, что твоя осина въ лѣсу... Но, но... поворачивайся, лѣнтяй... — замахнулся онъ на пристяжную. — Нечего слѣпней-то кормить...

Лошади слабо рванули впередъ — и тарантасъ, потряхиваясь, пошелъ скорѣе.

Выбравшись изъ лѣса, мы опять поѣхали среди болотъ.

— А вонъ и часовня ихняя,—указалъ Степанъ куда-то впередъ.

Я посмотрѣлъ по тому направленію и увидалъ небольшую каменную часовенку на краю дороги.

Когда мы сравнялись съ нею, Степанъ придержалъ лошадей и сказалъ:

— Ну, какъ не Азія?.. Статую молятся... Ишь, черти, точно Кереметя нарядили...

Я вылѣзъ изъ тарантаса и подошелъ къ часовенкѣ.

Въ нишѣ послѣдней стояла какая-то грубо выдѣланная изъ дерева фигура. По слегка раздвоенной бородѣ я догадался, что мастеръ пытался изобразить Христа. Позади головы было сдѣлано грубо раскрашенное красной краской сіяніе. Фигура была наряжена въ какое-то платье изъ домотканной посконн. Вся часовня была увѣшана разноцвѣтными полинявшими ленточками и тряпочками и деревянными образками, приношеніями усердныхъ богомольцевъ.

— Они сюда ходятъ молиться...—пояснилъ Степанъ.—Думаютъ, что Богу молятся, а выходитъ, что все-таки попрежнему Кереметю своему поганому поклоняются...

Мы поѣхали дальше. Опять показался лѣсъ, который мы скоро проѣхали.

Едва мы выѣхали на опушку, какъ увидали не вдалекѣ передъ собою Батрасы.

— Чего это тамъ дѣлается?—вдругъ сказалъ Степанъ, вглядываясь впередъ.

Я взглянулъ въ указанную сторону и увидалъ массу народа, окружавшую стадо лошадей и коровъ.

У меня мелькнула мысль, не мольбище ли тутъ устроивается, хотя о нихъ у насъ, несмотря на разноплеменный составъ населенія, не было слышно.

— Поѣзжай скорѣе,—сказалъ я.

Когда мы подъѣзжали къ толпѣ, я увидалъ въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ глиняныя курильницы, изъ которыхъ поднимался кверху синеватый дымокъ. Имѣвшіе эти курильницы ходили по стаду и вокругъ него и кадили на скотъ, изъ котораго многіе стояли съ понурой головой, воспаленнымъ взглядомъ и безучастно относились къ окружающему. Въ другомъ концѣ стада нѣсколько человѣкъ ходили и что-то пѣли на церковный мотивъ. У одного въ рукахъ была большая, совершенно почернѣвшая икона. Ближе къ намъ нѣсколько человѣкъ держали за недоуздокъ, за шею и хвостъ рвавшуюся лошадь, и высокій, коренастый мужикъ рѣзалъ небольшимъ ножомъ какую-то шишку у нея на подгрудкѣ. Кровь лилась на землю, обрызгивала и самого оператора и стоявшихъ вблизи.

Когда мы проѣзжали мимо, нѣсколько человѣкъ оглянулось назадъ и проводило насъ любопытными взглядами. Видно было, что сторонній человѣкъ былъ рѣдкостью въ этомъ глухомъ углу.

— Поди, здѣсь и въѣзжей-то нѣту,—сказалъ Степанъ, любившій во всемъ, по его словамъ, порядокъ.

А отсутствіе въѣзжей квартиры было уже непорядкомъ.

— Вези куда нибудь,—сказалъ я.—Вотъ хоть въ эту избу.

Повидимому, Батрасы было селеніе не изъ бѣдныхъ. По крайней мѣрѣ, я такъ судилъ по большимъ избамъ и по тесовымъ крышамъ на нихъ. Но послѣ я узналъ, что это объясняется исключительно близостью и обиліемъ лѣсовъ. На самомъ же дѣлѣ, Батрасы были очень бѣдны, такъ какъ окружающія деревню большія болота сильно суживали площадь пахотной земли.

Мы остановились около избы, и я вылѣзъ изъ тарантаса.

Въ окна глядѣли изумленныя лица ребятишекъ съ приплюснутыми къ отливающимъ спектромъ стекламъ носами. Степанъ, шутя, погрозилъ имъ кнутомъ, и маленькіе дикари, какъ горохъ, отскочили отъ окна.

На крыльцо вышелъ мужикъ-чувашенинъ, съ всклоченной бородой, какого-то чалаго цвѣта, въ пестрядинной рубахѣ и портахъ и босикомъ.

— Можно остановиться у васъ?—спросилъ я.

Чувашенинъ немного помолчалъ.

-- Остановиться... отчего нельса?.. Мошно остановиться... пошалте изпа...

Я поднялся на крыльцо и вошелъ въ избу.

Изъ-за перегородки, раздѣлявшей избу надвое, испуганно выглядывало нѣсколько женскихъ лицъ н ребятишекъ. На столѣ я увидалъ большую деревянную чашку съ поднимающимся изъ нея кверху паромъ.

— Вы, кажется, обѣдали?—спросилъ я хозяина.

— Та... опѣтать котимъ... вонъ папы тольки пукались тепя,— улыбнулся онъ, смотря на бабъ, поспѣшившихъ при этомъ опять спрятаться.

Я подошелъ къ столу. Въ чашкѣ съ поднимающимся паромъ что-то плавало бѣлое.

— Это что вы ѣдите?—спросилъ я.

— Картошка... Тертый картошка, ваши бродіе, — отвѣчалъ хозяинъ.

— Вы, стало быть, изъ богатыхъ?

— Какой покатый!.. Какой покатый!.. — засмѣялся хозяинъ. — Клѣпъ нѣтъ—картошка взяли... Клѣпъ, лепешка изъ него печемъ, квасъ варимъ... Все изъ картошка... Вонъ какой покатый...

При этомъ онъ показалъ мнѣ на плотный, бѣловатый и тяжелый, безъ ноздрей хлѣбъ, лежащій возлѣ.

Я отломилъ кусокъ его. Онъ круто отломился и былъ черствъ, несмотря на то, что былъ свѣжъ. Ѣсть все же его было можно, разумѣется, предварительно привыкнувъ.

— А что это у васъ за народъ собрался тамъ на околицѣ?—спросилъ я, вспомнивъ давешнюю встрѣчу.

— Скотину съ иконамъ ходимъ... Скотину... Больно мноко скотинка помираетъ, лошатка, коровка.. Страсть помираетъ... У меня твѣ коровки помиралъ...

Я началъ разспрашивать о болѣзни и рѣшилъ, что животныя погибаютъ отъ сибирской язвы, сильно ходившей въ то лѣто по уѣзду, благодаря сильной засухѣ и продолжительнымъ жарамъ.

Я вспомнилъ при этомъ того мужика, который разрѣзалъ карбункулъ у лошади. Несомнѣнно, что кровь и лимфа, въ изобиліи текшая изъ раны на землю и обрызгивавшая и оператора, и стоявшихъ около людей и животныхъ, могла служить агентомъ дальнѣйшаго распространенія эпизоотіи.

— Да вы мѣры принимаете какія нибудь?—спросилъ я.

— Какъ же... какъ же... принимали...

— Какія же?

— А вотъ иконъ подымали... Мошетъ, святой Микола помилуетъ...

Въ это время въ избу вбѣжала старуха и что-то начала говорить по-чувашски хозяину.

Тотъ тоже что-то отвѣтилъ, хлопнулъ руками по бокамъ и побѣжалъ вслѣдъ за нею вонъ.

Я послѣдовалъ за ними.

Тамъ, подъ навѣсомъ, на землѣ билась лошадь. Ея рыжая шерсть была всклочена, глаза широко раскрыты и обнаруживали безумный животный страхъ, ноги судорожно вытягивались и сгибались въ суставахъ... Животное тяжело дышало, хрипѣло и бросало на насъ испуганные взоры...

Хозяинъ и баба стояли возлѣ, тупо смотря на бьющееся животное и не зная, чѣмъ помочь ему...

Не было сомнѣнія, что лошадь металась въ сибиро-язвенныхъ коликахъ.

Я наклонился было надъ лошадью, но въ эту минуту она какъ-то громко вздохнула, сильно забилась и вытянула впередъ ноги... Черезъ минуту она была мертва...

Громкій вой бабы и плачъ вышедшихъ изъ избы ребятишекъ привелъ меня въ себя.

— Еще есть?—спросилъ я хозяина.

— Послѣдняя,—глухо отвѣчалъ онъ.

Я поскорѣе ушелъ со двора.

— Гдѣ бы найти старосту?—спросилъ я чувашенина-хозяина, войдя въ другую избу.

Хозяинъ сидѣлъ за столомъ и что-то ѣлъ.

За послѣднюю пору во время своихъ разъѣздовъ я взялъ привычку обращать вниманіе на всякій попадающійся на глаза пищевой матеріалъ.

Въ бытность мою въ этотъ годъ въ губернскомъ городѣ, я попалъ въ одинъ кружокъ «умныхъ людей». Сидя за хорошимъ ужиномъ, мы повели рѣчь о голодѣ. Хорошіе это были люди: они «признавали» голодъ. Стали обсуждаться мѣры помощи галодающимъ.

— Но что же дѣлать тому населенію, которое долгое время не получаетъ хлѣба, благодаря тому, что баржи замерзли въ устьѣ Камы?—спросилъ я.

Одинъ изъ этихъ «умныхъ людей», причастный даже къ наукѣ, сказалъ на это:

— Ну, пусть пока суррогатами кормятся.

— То-есть, это чѣмъ же?—осмѣлился спросить я.

— О Господи!.. Да развѣ ихъ мало?.. Вотъ лебеда...

— Лебеды въ нынѣшнемъ году не уродилось.

— Ну, жолудь, избоина... мало ли что?.. Все прекрасные суррогаты...

— Иначе говоря, вы, ничто же сумняся, предлагаете набивать желудокъ разной маловаримой и даже совсѣмъ неудобоваримой дрянью?

— Э... что тамъ...—отвѣчалъ мнѣ на это «человѣкъ науки».— Повѣрьте, у русскаго мужика желудокъ луженый... Топоръ и тотъ переваритъ...

Я, конечно, не сталъ съ нимъ спорить о достоинствѣ этихъ «прекрасныхъ суррогатовъ» и «луженомъ желудкѣ» русскаго мужика.

Этотъ «человѣкъ науки» и его «прекрасные суррогаты» вспомнились мнѣ, когда я взялъ въ руки лежавшее на столѣ что-то похожее на кусокъ черной грязи.

Я отвѣдалъ его. Вязкая кислая масса застревала на зубахъ, навязая въ ихъ расщелинахъ, такъ что пришлось прибѣгнуть къ зубочисткѣ для удаленія оттуда этой мерзости.

— Это что же такое?—спросилъ я хозяина.

Оказалось, что это хлѣбъ изъ такъ называемой дуранды, или избоины, т.-е. выжимокъ изъ-подъ льняного сѣмени, остающихся послѣ приготовленія постнаго масла. Съ примѣсью муки изъ него приготовляется кислый хлѣбъ, изъ одной же дуранды—«прѣснушки», т.-е. еще бóльшая гадость.

Съ позволенія хозяина, я отломилъ кусокъ этого «суррогатнаго хлѣба» (каюсь, съ злой цѣлью: поднесть его въ будущемъ «человѣку науки», ратующему за «прекрасные суррогаты» и «луженый мужицкій желудокъ»).

— А ты не тохтуръ путешь?—спросилъ меня хозяинъ.

— Нѣтъ. А что?

— Та вотъ пратанъ у меня лежитъ. Все котилъ, котилъ, а тутъ и слегъ.

— Гдѣ онъ у васъ?

— А въ сатней комнатѣ лежитъ.

Мы пошли туда. Въ сѣняхъ я увидалъ нѣсколько мѣшковъ.

— Это что?—спросилъ я.—Хлѣбъ?

— Нѣтъ... это листъ... осиновый листъ... Мякина льняная...

— Для скотины?

— Сачѣмъ для скотины?.. Сами ѣсть путемъ... Туранта выйдетъ—листъ, осину ѣсть путемъ...

Я содрогнулся... Если у русскаго мужика, по теоріи «человѣка науки», желудокъ луженый, то у чувашенина онъ, кромѣ того, еще покрытъ какимъ-то особымъ составомъ, противостоящимъ всякимъ воздѣйствіямъ, въ родѣ дуранды, осиноваго листа и мякины изъ льняного сѣмени...

— Ну, а если и мякина выйдетъ?—спросилъ я.

Чувашенинъ тупо посмотрѣлъ на меня и затѣмъ апатично отвѣтилъ:

— Што жъ?... Помирать путемъ...

Сколько было тупой покорности въ этихъ немногихъ словахъ! У меня невольно сжалось сердце...

Мы вошли въ заднюю половину. Тамъ въ полумракѣ, среди невообразимой грязи чувашскаго жилища, лежалъ мужикъ съ открытыми глазами, но съ безсмысленнымъ, ничего не понимающимъ взоромъ. Очевидно, у него уже было воспаленіе мозга.

Я пощупалъ его. Онъ былъ весь горячій. Сдернувъ съ него какую-то дерюгу, я увидалъ разбросанныя по тѣлу темныя пятна.

Сомнѣнія не могло быть: это былъ пятнистый тифъ, «самый сезонный», вспомнилось мнѣ выраженіе корожанскаго доктора.

— Помретъ, вашпротіе?—спросилъ меня хозяинъ.

Я пожалъ плечами.

— Навѣрное,—отвѣчалъ я.

— Не снаешь, чѣмъ лѣчить?—спросилъ дальше онъ.

— А вы лѣчили его чѣмъ нибудь?

— Какъ же... какъ же... колтунъ присывалъ. Онъ его водой спрыскивалъ... Коворилъ что-то въ воду-то... Какъ же лѣчилъ...

Я напрягъ свою память, сталъ собирать въ умѣ обрывки знаній о пятнистомъ тифѣ и передавалъ ихъ хозяину.

— Такъ, такъ,—повторялъ все тотъ, какъ будто внимательно вслушиваясь въ мои слова.

Но я плохо вѣрилъ въ его исполнительность.

— А кормите-то его чѣмъ?—спросилъ я.

Оказывается, тюрей изъ дурандоваго хлѣба.

Едва я вышелъ изъ избы, какъ ко мнѣ подошолъ мой Степанъ.

— Ты что?—спросилъ я.

— А я вотъ вамъ принесъ въ подарокъ,—осклабился тотъ.— Можетъ, захватите съ собой.

И разжалъ передо мною обѣ зажатыя горсти. Въ одной былъ бѣловатый, а въ другой сѣроватый сухой порошокъ.

— Это что же?—спросилъ я.

— А это я вонъ въ той избѣ нашелъ... Бобылка тамъ одна живетъ, такъ у ней.

— А снаю, снаю,—сказалъ стоявшій возлѣ меня чувашенинъ,— это—Огашъ... Она сама... Мужъ солтатъ былъ... Померъ то лѣто...

— Но это что же такое?—продолжалъ спрашивать я, смотря на порошекъ въ горстяхъ Степана.

— А это опилка...

— Опилки?

— Та, вашбротіе... Опилка... Съ мукой мѣшаютъ и ѣтятъ...

— А другое?

Другое оказалось гнилушками, которыя сушатъ, толкутъ и изъ смѣси съ мукой пекутъ хлѣбъ.

«О Господи!...—проносилось у меня въ умѣ.—До чего изобрѣтателенъ мужикъ относительно питанія!... Даже «людямъ науки» далеко до этой изобрѣтательности!..».

И на душѣ становилось тяжело за эти «луженые мужицкіе желудки»...

Чѣмъ дольше я ходилъ по Батрасамъ, тѣмъ все больше видѣлъ полную безпомощность деревни. Чуть не полъ-деревни лежало въ цынгѣ и тифѣ и «хронически недоѣдало».

— Что же, докторъ бываетъ у васъ?—спросилъ я старосту.

— Нѣтъ, доктора мы не видали...

Доктора не видали—народъ болѣетъ и мретъ, столовыхъ нѣтъ—и «луженые мужицкіе желудки» употребляютъ «прекрасные суррогаты», въ видѣ дуранды, осиноваго листа и даже опилокъ и гнилушекъ; ветеринарной помощи нѣтъ—и скотина, послѣдняя въ хозяйствѣ, глупо дохнетъ отъ сибирской язвы...

Отъ этого могли волосы стать дыбомъ...

Да и то сказать: кто поѣдетъ въ эту средиболотную и лѣсную глушь? Отсюда и голосъ не выносится наружу, и никто въ цѣломъ мірѣ не знаетъ о той страшной нуждѣ, которая царитъ здѣсь, гдѣ люди сотни лѣтъ тихо жили, тихо голодаютъ и болѣютъ и также тихо, съ тупой покорностью судьбѣ, умираютъ. Въ другихъ деревняхъ были ходатаи за крестьянскую нужду; помѣщики, истинная quasi-интеллигенція, даже знаменитая сельская полиція (особенно послѣ «признанія»: тутъ отыскиваніе нуждающихся даже въ своего рода спортъ превратилось!). А въ Батрасахъ этого ничего не было. Это былъ совершенно заброшенный уголокъ въ мірѣ, никѣмъ незнаемый, гдѣ «предѣлъ скорби» достигалъ высшей точки. Нужда и болѣзни находили тамъ широкое поле, и противъ нихъ чувашенинъ могъ принимать только свои «мѣры»; противъ голода—дуранду, опилки и гнилушки; противъ тифа и цынги—колдуны и наговоренная водица; противъ сибирской язвы—окуриваніе ладаномъ, разрѣзаніе карбункуловъ и поднятіе иконы.

Черезъ день я уѣзжалъ изъ этого жалкаго угла.

— А вѣдь окуриваніе-то не помогло,—сказалъ мой Степанъ, влѣзая на козлы.—Скотины-то еще больше валится.

Я вспомнилъ о лужахъ заразной крови, лившейся подъ ножемъ деревенскаго коновала и распространяющей еще больше заразу.

— Я ихъ и спрашиваю,—продолжалъ Степанъ:—отчего-жъ, молъ, не помогло-то?..—А, должно быть, говорятъ, не того угодника поднимали...

Когда мы проѣзжали мимо избы, гдѣ я видѣлъ тифознаго больного, то увидалъ въ окнѣ чье-то лицо. Присмотрѣвшись къ нему, я узналъ того самого тифознаго, должно быть, оправившагося.

Степанъ тоже узналъ его.

— И живучи же эти чуваши!—сказалъ онъ.—Кажись, совсѣмъ оклематься хотѣлъ, а тутъ—на поди... Святымъ духомъ ожилъ...

Я тоже удивился живучести чувашъ, лѣчащихся наговоренной водицей, питающихся разной антигигіенической гадостью, которая и для здороваго-то вредна, и тѣмъ не менѣе прекрасно выздоравливающихъ,—и въ душѣ невольно шевелился вопросъ:

— А къ чему все это?... Неужели все для того, чтобы затѣмъ опять тащить тяжесть убогой, жалкой, безпросвѣтной жизни, полуголоднаго существованія, чтобы жить для того, чтобы только вполовину наѣдаться, зачастую голодать и безропотно умирать, не ожидая себѣ ниоткуда, ни отъ кого помощи?..

И что-то внутри меня, въ глубинѣ сердца и въ тайникахъ души, протестовало противъ этой жалкой, безсмысленной жизни...

Василій Якимовъ.

ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА.

I.

Общее увлеченіе Кавказскимъ побережьемъ.—Пріѣздъ въ Сочи.—Волшебная панорама города.—Больные и купающіеся.—Необычайная дешевизна жизни и винограда.—Окрестности Сочи. — Дачи нашихъ министровъ и другихъ лицъ.—Сезонъ построекъ.—Оазисы въ лѣсахъ.—Лѣсные звѣри.—Окрестныя селенія.—Характерныя встрѣчи въ лѣсахъ.—Вѣжливость мѣстнаго населенія. — Отсутствіе воровства и пьянства.—Турки и русскіе.

ЧЕРНОМОРСКОЕ побережье привлекаетъ, въ настоящее время, къ себѣ всеобщее вниманіе русскихъ людей и даже многихъ нашихъ писателей, называющихъ его «Русскою Ривьерой», «Русскою Колхидой» и пр. Въ прошломъ году, осенью, возвращаясь изъ Кисловодска въ Петербургъ и соблазнившись статьями профессора А. Н. Краснова и гг. Маркова, Ѳ. Ромера, Воейкова, Клингена, Лендера и другихъ о красотахъ этого побережья, я рѣшилъ проѣхать на нѣсколько дней въ Сочи. И вотъ пріѣхалъ я туда въ началѣ октября, но прожилъ не нѣсколько дней, какъ предполагалъ, а нѣсколько недѣль, до половины ноября, и уѣзжая, очень сожалѣлъ, что не могъ остаться въ этомъ чудномъ и благодатномъ мѣстечкѣ всю зиму. Я много въ своей жизни путешествовалъ, побывалъ три раза за границей, жилъ въ Крыму, но то, что я увидѣлъ на Черномор-

скомъ побережьѣ Кавказа, можетъ далеко превзойти самую пылкую, требовательную фантазію... Живя въ Сочи, въ октябрѣ и ноябрѣ, едва вѣрилось, что это — уголокъ нашей суровой, непривѣтливой родины!

Представьте себѣ полукругъ, амфитеатромъ, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ величиною, омываемый съ запада никогда не замерзающимъ моремъ и огражденный отъ востока и сѣвера уступами скалъ и грядами горъ, покрытыхъ по своимъ склонамъ вѣковымъ лѣсомъ—дубовыми, орѣховыми, каштановыми и буковыми деревьями; далѣе, на вершинахъ этихъ горъ сіяютъ «вѣчные снѣга»... На всемъ этомъ амфитеатрѣ имѣется роскошная субтропическая растительность, простирающаяся далеко на югъ, вдоль побережья моря. Весь лѣсъ и сады были зеленѣющіе и не имѣли еще ни одного желтаго листка, а море было такъ тепло, что публика продолжала въ немъ купаться. Въ садахъ Сочи были въ полномъ цвѣту розы, цвѣла ароматическая японская мушмала, расцвѣтали камеліи, растущія здѣсь прямо въ грунту, во всѣхъ садахъ, какъ и леандры же и пальмы. Въ тѣхъ же садахъ зеленѣли темные, стройные кипарисы, лавровыя и лавровишневыя деревья и различныя породы хвойныхъ деревьевъ. Присоедините къ этому яркое солнце и чудный морской воздухъ, напоенный кислородомъ лѣсовъ, окружающихъ Сочи съ трехъ сторонъ, и перемѣшанный съ ароматомъ садовъ и травъ; и наконецъ, эту необыкновенную чистоту улицъ, не знающихъ никогда грязи—вслѣдствіе желѣзисто-глинистой почвы—и, вдобавокъ, окаймленныхъ по краямъ красивою зеленью травы и дикой ежевики. Представьте еще себѣ дешевизну жизни вообще, а винограда и фруктовъ въ особенности,— и вамъ станетъ понятно то всеобщее увлеченіе нашимъ Черноморскимъ побережьемъ Кавказа, которое испытываетъ каждый путешественникъ, попавшій сюда хотя одинъ разъ въ жизни [1]).

Я засталъ въ Сочи еще множество больныхъ, преимущественно легочныхъ и страдающихъ нервными головными болями, изъ числа тѣхъ, которые, будучи воспріимчивы къ лихорадкамъ, не могутъ, поэтому, жить въ Сухумѣ или Батумѣ, гдѣ климатъ позднею осенью и зимою еще мягче, чѣмъ въ Сочи. Здѣсь, напримѣръ, средняя температура зимою равняется лишь четыремъ градусамъ тепла по R.; но зато здѣсь не существуетъ лихорадокъ, да и самая жизнь представляетъ несравненно бо̀льшія удобства, чѣмъ въ Сухумѣ или Батумѣ. До чего въ Сочи дешева жизнь осенью и зимою, это

[1]) Собственно Черноморское побережье Кавказа представляетъ собою узкую полосу между моремъ и главнымъ кавказскимъ хребтомъ. Полоса эта имѣетъ у Новороссійска 14 верстъ въ ширину, а у Поти доходитъ уже до 175 верстъ; длина же этой полосы доходитъ до 600 верстъ вдоль по берегу. Полоса эта съ сѣвера и востока защищена второстепеннымъ хребтомъ горъ и ихъ отрогами.

И. З.

будетъ всего виднѣе, если я разскажу, хотя въ короткихъ словахъ, о своемъ собственномъ житьѣ-бытьѣ.

По прїѣздѣ въ Сочи, я съ семьею остановился въ гостиницѣ, вблизи моря и въ центрѣ новаго Сочи, расположеннаго у самаго моря на его возвышенномъ берегу, гдѣ еще такъ недавно былъ непроходимый лѣсъ, а теперь распланированы широкія и прямыя, прекрасно шоссированныя улицы и выстроены, а равно и устраиваются вновь, многочисленныя и крайне разнообразныя дачи. Я занялъ въ гостиницѣ два номера, изъ коихъ одинъ былъ съ балкономъ на главную, Московскую, улицу; съ меня брали два рубля въ сутки за оба номера; затѣмъ, за самоваръ я платилъ особо по 30 коп., если не хотѣлъ пить чай въ общей столовой, гдѣ къ обѣду собирались обыкновенно всѣ жильцы этой гостиницы, отлично между собою перезнакомившіеся. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, прекрасно приготовленныхъ, за что мы платили по рублю съ человѣка. Послѣ обѣда, въ тотъ же счетъ, намъ подавался чай. Поживши въ гостиницѣ и рѣшившись остаться въ Сочи вмѣсто нѣсколькихъ дней на полтора мѣсяца, мы рѣшили, для большаго удобства, нанять частную квартиру и тотчасъ же нашли ее—тоже въ центрѣ Сочи, на той же Московской улицѣ, въ пяти минутахъ ходьбы отъ моря. За три комнаты, съ мебелью и роялемъ, съ отдѣльнымъ ходомъ и кухнею и съ обширнымъ, въ 1 десятину, садомъ для гулянья, съ насъ взяли 40 рублей въ мѣсяцъ; затѣмъ, положили особую плату за воду, за дрова на кухню и за угли для самовара по 2 рубля въ мѣсяцъ; итого, вся квартира съ отопленіемъ и водою обошлась намъ въ 42 рубля въ мѣсяцъ (безъ прислуги, конечно), т. е., въ такую сумму, за которую, напримѣръ, въ Кисловодскѣ нельзя найти даже и одной хорошей комнаты на мѣсяцъ.

Этой рѣдкой дешевизнѣ способствовало, главнымъ образомъ, позднее время сезона, а также и общая дешевизна въ Сочи на всѣ предметы и продукты первой житейской необходимости. Такъ, напримѣръ, кубическая сажень дровъ—дубъ, грабъ и чинаръ—стоитъ въ Сочи 8—10 рублей; мясо самое лучшее 10 коп. фунтъ, масло 40 коп., чрезвычайно вкусная рыба кефаль, только что пойманная, покупается по 8 коп. фунтъ и пр. Еще дешевле въ Сочи были фрукты и виноградъ. Въ томъ же, напримѣръ, Кисловодскѣ хорошій виноградъ, такъ называемый дербентскій, мы покупали по 20 и 25 коп. за фунтъ, а въ Сочи лучшій сортъ винограда, «изабелла», изъ садовъ Хлудова, продавался по 3 коп. за фунтъ; сорта лафитъ и реслингъ по 4 коп. Каштаны продавались въ Сочи, въ базарные дни, по 50 и 60 коп. за пудъ; грецкіе орѣхи, продаваемые въ Москвѣ и Петербургѣ по 20 к. фунтъ, въ Сочи можно было купить въ половинѣ октября, когда ихъ собираютъ въ лѣсахъ — по 1 р. 20 к. и по 1 р. 50 к. за пудъ. Въ общемъ, жизнь въ Сочи

являлась вдвое дешевле, чѣмъ, напримѣръ, въ Ялтѣ, или на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ мясники устраиваютъ стачку и продаютъ мясо по 20 коп. фунтъ и дороже, а масло очень часто доходитъ до рубля за фунтъ и т. под.

Окрестности Сочи представляютъ собою, по красотѣ и живописности видовъ, очень пріятную цѣль для путешествій. Прежде всего, васъ поражаетъ масса роскошныхъ виллъ и дачъ, садовъ и виноградниковъ, расположенныхъ на сѣверъ и на югъ отъ Сочи, по береговой полосѣ моря. Иногда, вамъ представляются, какъ бы внезапно, послѣ какого нибудь крутого поворота по береговому шоссе, величавыя и грандіозныя картины природы. Всего, напримѣръ, въ 4-хъ верстахъ отъ Сочи, по правому берегу рѣки того же названія, раскинулось въ очаровательной мѣстности селеніе Навагинское; въ семи верстахъ по дорогѣ на Адлеръ имѣется еще болѣе красивая мѣстность по рѣкѣ Агурѣ; затѣмъ выдѣляется по своей красотѣ мѣстность въ сторону Туапсе, въ 18-ти верстахъ отъ Сочи—имѣніе Дагомысъ, принадлежавшее прежде государю, а потомъ переданное въ удѣлы; тамъ въ настоящее время строится небольшой дворецъ. Въ ту же сторону, т. е. отъ Сочи къ Туапсе, въ очаровательной же мѣстности, расположено имѣніе Учдере, великаго князя Константина Николаевича, занимающее пространство въ 1.200 десятинъ.

Дачные участки нѣкоторыхъ нашихъ гг. министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ расположены также въ очень живописныхъ мѣстностяхъ. Дача А. С. Ермолова—довольно скромная по величинѣ и архитектурѣ, выстроенная на купленной имъ изъ частныхъ рукъ землѣ, находится въ самомъ Сочи, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ моря, вблизи бульвара-парка, идущаго по обрыву, надъ моремъ. Дача С. Ю. Витте выстроена на 9-й верстѣ отъ Сочи, по дорогѣ на Хосту, и расположена на высокомъ берегу моря; самый же участокъ, принадлежащій г. министру, довольно большой и захватываетъ обширное пространство земли по обѣ стороны шоссе, идущаго отъ Сочи на Адлеръ. По этой же дорогѣ, но поближе къ Сочи, достраивалась при насъ изящная вилла начальника Кубанской области, генерала Маламы, подъ наблюденіемъ и по планамъ инженера Шарданова, родомъ кабардинца; эта дача, въ сущности, самая красивая и роскошная изъ всѣхъ въ этой мѣстности виллъ и дачъ. Но самый живописный участокъ принадлежитъ военному министру А. Н. Куропаткину. Участокъ этотъ, занимающій всего лишь нѣсколько десятинъ, расположенъ въ верстѣ отъ Сочи, на югъ же, по самому берегу моря, возвышаясь надъ его уровнемъ на нѣсколько саженъ; онъ весь покрытъ старыми дубами и чинарами; дачи еще нѣтъ, такъ какъ самый участокъ полученъ г. министромъ лишь въ сентябрѣ минувшаго года и только еще огораживался заборомъ. Непода-

леку отъ участка намѣченъ вокзалъ будущей желѣзной дороги, которая должна будетъ соединить Черноморское побережье съ линіею Владикавказской желѣзной дороги, проходящей на Новороссійскъ: проектировано провести вѣтвь отъ станціи Динской на Майкопъ и Туапсе, а затѣмъ уже рельсы положены будутъ вдоль берега моря—на Сочи, Адлеръ и Сухумъ. Въ этой же сторонѣ, т. е. все на той же дорогѣ изъ Сочи въ Адлеръ, имѣются еще три, болѣе выдающіяся виллы: первая принадлежитъ издателю «Петербургской Газеты» г. Худякову, немало содѣйствовавшему этой части побережья въ разведеніи лучшихъ, привозныхъ изъ-за границы, сортовъ фруктовыхъ и иныхъ деревьевъ. Затѣмъ, устроена совсѣмъ какъ бы на обрывѣ скалы дача-санаторіумъ для глазныхъ больныхъ, принадлежащая извѣстному окулисту, г. Пѣунову, а совсѣмъ въ лѣсу, у стараго шоссе, на значительной возвышенности, построена дача профессора Краснова.

Въ самомъ Сочи выдается по роскоши своей дача г-жи Мамонтовой, а немного въ сторонѣ отъ города, по дорогѣ въ Туапсе, красуется дача-дворецъ ея брата, г. Хлудова. По тому же направленію на сѣверъ имѣются дачи министра юстиціи Н. В. Муравьева и бывшаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Н. С. Абазы.

Вотъ почти и всѣ виллы и дачи, болѣе выдающіяся по роскоши построекъ и красотѣ занимаемаго ими мѣста. Я не называю тѣхъ съ виду столь же роскошныхъ виллъ, которыя я видѣлъ только-что начинающими строиться; еще болѣе строилось по всѣмъ улицамъ Сочи и по дорогѣ на Адлеръ обыкновенныхъ дачъ и домовъ: сезонъ построекъ былъ, повидимому, въ самомъ разгарѣ, и повсюду можно было слышать стукъ топоровъ и встрѣтить муловъ, буйволовъ и осликовъ, подвозившихъ лѣсъ и прочіе строительные матеріалы на усадебные участки, раскупавшіеся на перебой и сильно поэтому поднявшіеся въ цѣнѣ: напримѣръ, на торгахъ, бывшихъ въ Сочи 15-го сентября, нѣкоторые усадебные участки такъ называемой Верещагинской дачи, прилегающей къ городу съ южной стороны, были пріобрѣтены по 4 и по 5 рублей за квадратную сажень.

Во время моихъ неоднократныхъ прогулокъ пѣшкомъ по окрестностямъ Сочи и лѣсамъ, его окружающимъ, мнѣ не разъ доводилось встрѣчать по обрывамъ горъ или же вблизи ниспадающихъ горныхъ ручьевъ группы культурныхъ, хотя уже и значительно одичавшихъ древонасажденій: тутъ были высокіе, многолѣтніе кипарисы, инжирь (винная ягода), фундуки (орѣховыя деревья), виноградъ, яблони, а иногда встрѣчались совсѣмъ одичалыя оливковыя деревья, производившія мелкіе и негодные

для пользованія плоды. Южнѣе, къ Адлеру, встрѣчались цѣлыя группы лавровыхъ деревьевъ, составляющихъ для казны своего рода оброчную статью, такъ какъ она взимаетъ съ собирателей листа по 20 коп. съ пуда. Всѣ эти, такъ сказать, оазисы среди лѣсовъ носили на себѣ несомнѣнные слѣды бывшаго жилья человѣка: виднѣлись заросшія деревьями ямы отъ погребовъ и подваловъ, маленькіе холмики и бугорки, образовавшіеся отъ щебня и камня развалившихся построекъ и уже покрытые слоемъ земли и травою. Это были заброшенные усадьбы и сады черкесскихъ узденей и наибовъ, эмигрировавшихъ въ Турцію.

— Здѣсь жилъ султанъ,—скажетъ вамъ проводникъ, мѣстный мингрелецъ, или:—Здѣсь жилъ князь такой-то...

Иногда, изъ-подъ кучи валежника выскакивалъ, при моемъ приближеніи, шакалъ и быстро скрывался въ чащѣ... Кабаны по лѣсамъ ходятъ цѣлыми партіями, находя для себя обильную пищу въ видѣ осыпающихся каштановъ и фруктовъ съ дикихъ грушъ и яблонь. Всего въ двухъ верстахъ отъ Сочи, въ концѣ октября, былъ убитъ медвѣдь... Словомъ, для ружейнаго охотника здѣсь такое поле дѣятельности и удовольствій, какое едва ли можетъ встрѣтиться гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ Россіи, не говоря уже о Европѣ, гдѣ на звѣрей давно охотятся лишь въ звѣринцахъ, за исключеніемъ Венгріи, изобилующей и по сіе время волками.

Отдаляясь отъ Сочи, какъ по шоссе, такъ и по лѣснымъ и горнымъ тропамъ, вы часто попадаете въ такъ называемыя здѣсь «селенія», хотя въ нихъ нѣтъ ничего того, что напоминало бы русское «село»—ни церкви, ни школы, ни даже «начальства», хотя бы въ видѣ сельскаго старосты. По большей части, селенія эти образовались въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, изъ переселенцевъ, явившихся сюда «изъ Россіи», какъ говорятъ въ Сочи, и здѣсь осѣвшихъ. Многія такія селенія основались совершенно самовольно, и съ ними теперь приходится возиться, чтобы удалить поселенцевъ съ захваченной ими земли. Нѣкоторыя селенія, какъ, напримѣръ, Пластунское, пользуются даже здѣсь недоброю славой въ смыслѣ разбоевъ, хотя за время нашего полуторамѣсячнаго пребыванія въ Сочи мы не слыхали не только о разбояхъ, но даже и о случаѣ какой нибудь простой кражи въ домахъ, т. е. о такихъ кражахъ, которыя происходятъ въ любомъ городѣ ежедневно, цѣлыми десятками.

По берегу моря, между Сочи и будущимъ городомъ Хоста, пріютилось селеніе Раздольное, образованное поселившимися здѣсь польскими дворянами. Красивые и чистенькіе домики раскинулись надъ моремъ, въ тѣни оставшихся невырубленными старыхъ дубовъ и чинаръ. По склонамъ горъ, обращеннымъ къ южной сторонѣ, разведены виноградники. Вы встрѣтите здѣсь радушный пріемъ, въ особенности, если забредете въ это селеніе въ празд-

ничный день, когда хозяева свободны отъ работъ и находятся дома. Въ настоящее время жители Раздольнаго нѣсколько обезпокоены своей судьбой въ будущемъ, такъ какъ и они, оказывается, находятся въ положеніи самовольно поселившихся, да еще захватившихъ при этомъ изъ казенной земли самую лучшую, береговую полосу, которую предназначено порѣзать на участки по 600 квадратныхъ саженъ и продать подъ постройку виллъ и дачъ. Жителямъ Раздольнаго предположено, кажется, отвести на самыхъ льготныхъ условіяхъ землю немного дальше отъ береговой полосы, въ глубь равнины и ближе къ горному хребту.

Далѣе, есть еще селеніе Навагинское, гдѣ вы всегда можете найти не только самоваръ, но и чистую комнату и самый любезный пріемъ, и нисколько не пожалѣете, если рѣшитесь переночевать здѣсь и полюбоваться съ берега моря на закатывающееся солнце, какъ бы проваливающееся въ отдаленную зыбь моря... Затѣмъ, по всѣмъ лѣснымъ и горнымъ тропамъ и дорожкамъ вы встрѣтите одинокіе хутора, или же просто домики лѣсныхъ сторожей и «самовольныхъ переселенцевъ», и вездѣ найдете радушный пріемъ и полную возможность подкрѣпить свои силы и отдохнуть. При этомъ, если даже вы и совсѣмъ не любознательный человѣкъ, то и то невольно заинтересуетесь тѣми мѣстными условіями, среди коихъ живутъ эти люди. Идете вы, напримѣръ, по шоссе въ Адлеръ, и вамъ на встрѣчу тянется длинный рядъ паломниковъ и странницъ, съ клюшками въ рукахъ и котомками за плечами, возвращающихся пѣшкомъ «по обѣщанію» изъ Ново-Аѳонскаго греческаго монастыря. Или, напримѣръ, идете вы горною тропинкою, а на встрѣчу вамъ подвигается такой кортежъ: впереди идетъ, одѣтый въ живописный и чисто-фантастическій костюмъ, мингрелецъ или гуріецъ; голова его, вмѣсто папахи или шапки, красиво повязана большимъ и широкимъ платкомъ-шалью; самъ онъ чрезвычайно красивъ и можетъ служить характернымъ образцомъ кавказскаго типа. Въ поводу онъ ведетъ буйвола, на спинѣ котораго прилажено довольно примитивно сдѣланное мужское сѣдло, на которомъ сидитъ по-мужски красивая молодая женщина, съ открытымъ лицомъ и одѣтая въ шелкъ и шерстяныя матеріи самыхъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ. За спиною у женщины подвязанъ небольшой мѣшокъ, откуда выглядываетъ прехорошенькое личико ребенка, которому можно дать не болѣе года... А сзади буйвола торопится поспѣвать красивенькій босоногій мальчикъ лѣтъ шести-семи... Все это направляется въ Сочи въ базарный день, чтобы купить себѣ какіе нибудь предметы первой необходимости и вновь въ тотъ же день вечеромъ вернуться въ свои горы... При встрѣчѣ съ вами этотъ человѣкъ будетъ непремѣнно привѣтствовать васъ: онъ приложитъ руку ко лбу и слегка кивнетъ вамъ головою... Не не пробуйте заговаривать съ нимъ: онъ не пойметъ васъ, какъ и вы не

поймете его языка. Вообще, слѣдуетъ сказать, что жители какъ Сочи, — я подразумѣваю простой народъ и рабочихъ,—такъ и его окрестностей отличаются замѣчательною вѣжливостью: каждый при встрѣчѣ вамъ кланяется и охотно укажетъ вамъ дорогу, если вы его о томъ спросите, и если онъ при этомъ пойметъ васъ. Это былъ такой рѣзкій и пріятный контрастъ послѣ Кисловодска, мѣстные жители котораго отличаются необыкновенною грубостью и даже дерзостью. Въ Сочи, за все время нашего пребыванія въ немъ, мы не встрѣчали на улицахъ пьяныхъ людей, которые попадаются на каждой улицѣ Кисловодска, никогда не слышали на улицахъ площадной брани, не видѣли ни дракъ на улицахъ, ни нищихъ съ проказою и язвами сифилиса на лицѣ — словомъ, всѣхъ тѣхъ мерзостей, отъ которыхъ на кисловодскихъ улицахъ нѣтъ прохода и отъ которыхъ можно укрыться только въ паркѣ. Вся эта благодать происходитъ въ Сочи, какъ я узналъ, отъ трехъ причинъ: во-первыхъ, и это самое главное, потому, что для того, чтобы попастѣ въ Сочи, надо сѣсть на пароходъ въ Новороссійскѣ, Батумѣ или иномъ портѣ, т. е. надо взять прежде всего билетъ и заплатить деньги; проѣхать же зайцемъ по желѣзной дорогѣ не представляется возможнымъ, такъ какъ самой дороги этой не имѣется; итти же пѣшкомъ, напримѣръ, отъ Новороссійска, гдѣ главнымъ образомъ скопляются бродяги и лѣнтяи изъ внутреннихъ губерній, отыскивающіе легкаго труда и наживы, — неудобно, такъ какъ предстоитъ итти по шоссе, выстроенному восемь лѣтъ тому назадъ генераломъ Анненковымъ и такъ искусно, что по этому шоссе, лишенному мостовъ чрезъ здѣшнія горныя и иногда очень бурныя рѣчки, нѣтъ ни проѣзду, ни проходу—ни конному, ни пѣшему: «только птица перелетитъ», какъ отзываются объ этомъ «пути сообщенія» мѣстные жители Черноморскаго побережья... Во-вторыхъ, въ Сочи нѣтъ бродягъ и воровъ еще и потому, что ихъ отсюда чрезвычайно быстро выселяютъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда они пытаются сюда проникнуть. Но, къ удивленію, это исполняется здѣсь не полиціей, которой почти не существуетъ, а самими же мѣстными жителями. Какъ они ухитряются это дѣлать,—объ этомъ я поговорю когда нибудь послѣ. Скажу одно: дѣлаютъ они это по чувству самосохраненія, также какъ это дѣлается въ новоустраиваемыхъ городахъ Сѣверной Америки. Полиція же въ Сочи состоитъ всего изъ четырехъ городовыхъ, изъ коихъ одинъ находится постоянно въ канцеляріи начальника округа въ видѣ сторожа, другой—у начальства же въ видѣ вѣстового, а остальные двое чередуются на нижнемъ базарѣ Сочи, вблизи кабачковъ и духановъ, «для порядка», такъ какъ русскіе рабочіе съ приходящихъ судовъ и кораблей все-таки учиняютъ иногда въ духанахъ дебоши и буйства [1]).

[1]) Для характеристики появляющихся здѣсь, время отъ времени, русскихъ рабочихъ приведу слѣдующій интересный фактъ, случившійся въ Сочи. Какое-

II.

Жизнь въ Сочи, лишенная общественности.—Читальня Е. П. Майковой.—Анненковское шоссе и отсутствіе путей сообщенія. — Неурядица при высадкѣ на берегъ.—Агенты пароходныхъ обществъ.—Фелюги.—Проектированная желѣзная дорога.—Сочи въ будущемъ.—Цѣны на землю.—Энергичная дѣятельность министерства земледѣлія.—Судьба имѣнія В. А. Хлудова.

Желая нарисовать для читателя по возможности вѣрную картину жизни путешественника или туриста на теперешнемъ Черноморскомъ побережьѣ вообще, а въ Сочи, гдѣ жилъ, въ частности, я долженъ сказать, что жизнь эта, несмотря на всѣ ея внѣшнія прелести и удобства, все-таки мертва и монотонна и лишена той общественности и жизнерадостности, которыя, напримѣръ, имѣются тамъ, на берегу Средиземнаго моря, во Франціи, въ жизни дѣйствительной Ривьеры. Единственнымъ мѣстомъ общественныхъ собраній являлся въ Сочи клубъ, недавно лишь народившійся и не имѣвшій не только библіотеки, но даже піанино и билліарда. Музыку на бульварѣ мы уже не захватили—она играетъ лишь до 15-го сентября, если не ошибаюсь. Публика сходилась лишь на приморскомъ бульварѣ да за табльдотами. По счастію еще, тамъ имѣлась частная читальня, гдѣ послѣ прихода пароходовъ изъ Новороссійска можно было найти свѣжія газеты, а также и послѣднія книжки нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ. Читальню эту основала Е. П. Майкова, родственница извѣстныхъ покойныхъ Майковыхъ—поэта и академика,—въ своемъ скромномъ деревянномъ домикѣ, на свои скромныя средства. Отличительная сторона этой читальни заключается въ томъ, что г-жа Майкова предоставляетъ публикѣ читать газеты и журналы безплатно и даже ни съ кого и никогда не беретъ залога, въ тѣхъ случаяхъ, когда просятъ книжки на домъ. Къ сожалѣнію, даже и въ такомъ добромъ и безкорыстномъ дѣлѣ встрѣчаются иногда препятствія и даже непріятности: г-жа Майкова должна была недавно перевести свою читальню на чужое имя, испытавъ предварительно немало тяжелыхъ хлопотъ съ этимъ дѣломъ...

то начальство предписало изъ Новороссійска, чтобы рабочіе турки на береговыхъ фелюгахъ были замѣнены русскими, жаловавшимися, что «турки отбиваютъ у нихъ хлѣбъ». Сказано — сдѣлано: поувольняли всѣхъ лодочниковъ турокъ и пригласили русскихъ гребцовъ на фелюги. И вотъ подходитъ къ Сочи пароходъ, фелюги должны выѣзжать ему на встрѣчу, къ борту, для принятія пассажировъ и ихъ багажа, а между тѣмъ русскіе гребцы-молодцы сидятъ въ духанахъ и пьянствуютъ; а тѣ, что были потрезвѣе, хотя и выѣхали на фелюгахъ, но въ виду нѣкотораго волненія на морѣ не справились съ этимъ дѣломъ и не смогли причалить къ борту корабля. Кончилось тѣмъ, что пассажировъ высадили на грузовыя фелюги, на которыхъ остались тѣ же турки. На другой же день, конечно, взяты были прежніе турки, а русскіе гребцы были разсчитаны.

И. З.

Вторымъ и самымъ чувствительнымъ неудобствомъ жизни въ Сочи является отсутствіе правильныхъ путей сообщенія. Желѣзной дороги нѣтъ; почтовое сообщеніе на лошадяхъ не существуетъ, такъ какъ береговое шоссе, какъ я говорилъ, никуда не годится [1]), а потому единственнымъ сообщеніемъ Сочи съ остальнымъ міромъ являются лишь пароходы трехъ обществъ—Русскаго, Россійскаго и Азовскаго, курсирующіе по Черному морю. Но во время морского волненія пароходы эти если и подходятъ къ городу, то лишь затѣмъ, чтобы, остановившись въ почтительномъ отдаленіи, дать нѣсколько продолжительныхъ гудѣній и свистковъ и отплыть преспокойно далѣе... Дѣло въ томъ, что въ Сочи нѣтъ ни гавани, ни пристани; пароходы останавливаются отъ берега въ разстояніи болѣе ста саженъ, и во время волненія, не говоря уже о бурѣ или штормѣ, ни одна фелюга (береговая шлюпка) не рискуетъ отплыть отъ берега, изъ боязни перевернуться или быть унесенной въ море. Такимъ образомъ, проходитъ иногда четыре и пять дней безъ всякаго сообщенія съ пароходами: почта, пассажиры и грузы ожидаютъ, когда успокоится море, а путешественники, туристы и пріѣзжіе кур-гости и легочные больные сидятъ безъ газетъ и писемъ, словно на необитаемомъ островѣ... Дѣйствуетъ одинъ лишь телеграфъ—и только. При этомъ пассажиры, ѣдущіе на пароходахъ, попадаютъ въ довольно траги-комическое положеніе: ихъ не высаживаютъ въ тотъ городъ, куда они ѣхали, а везутъ дальше, до Батума или до Новороссійска, смотря по тому, гдѣ они сѣли; затѣмъ, тотъ же пароходъ забираетъ ихъ обратно... Пассажиры въ въ это время имѣютъ лишь одно утѣшеніе--они катаются по взбаломученному морю gratis...

---

[1]) Вотъ поучительныя и крайне интересныя цифры и свѣдѣнія по постройкѣ этого рѣдкостнаго шоссе. Первоначальная смѣта на постройку шоссе по всей предположенной генераломъ Анненковымъ линія была составлена министерствомъ путей сообщенія на 2.400.000 рублей съ мостами, такъ какъ обычная норма министерства была обыкновенно 8.000 рублей на версту съ мостами. Анненкову же верста обошлась въ 12.000 рублей безъ мостовъ и со множествомъ еще недодѣлокъ и съ вырубкою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ казеннаго лѣса, росшаго по обѣимъ сторонамъ пролагаемаго шоссе... Всего было издержано Анненковымъ три съ половиной милліона рублей, да было еще доассигновано 700.000 рублей, такъ какъ надо же было уплатить поденные труды рабочимъ, явившимся сюда въ то время (въ 1891 году) по особому вызову, изъ голодающихъ губерній. Такъ это удивительное шоссе и осталось безъ мостовъ, да еще вдобавокъ проложенное мѣстами такъ дурно, по откосу горъ—напримѣръ, въ серединѣ между Сочи и Адлеромъ,—что сползаетъ внизъ, и потребуются громадные труды и расходы, чтобы упорядочить это шоссе, т. е. построить на немъ мосты и сдѣлать его пригоднымъ для сообщеній, которыя совершенно прерываются весною и осенью, вслѣдствіе поднятія воды горныхъ рѣчекъ; черезъ нихъ въ обыкновенное время экипажи и пѣшеходы переходятъ кое-какъ въ бродъ; во время же разливовъ смѣльчаки то-и-дѣло поплачиваются жизнью: весною и осенью утопленники насчитываются на этомъ шоссе десятками... И. З.

Даже самые первые ваши шаги на Черноморскомъ побережьѣ не производятъ добраго впечатлѣнія. Мы пріѣхали въ Сочи на одномъ изъ лучшихъ пароходовъ Русскаго общества «Св. Николай», въ 9 часовъ вечера, когда темь была страшная. Съ парохода на фелюгу мы спустились благополучно; а затѣмъ... затѣмъ происходило слѣдующее. Въ фелюгу сѣло, во-первыхъ, такъ много пассажировъ, что большей половинѣ пришлось всю дорогу плаванія до берега стоять на ногахъ, между массою багажа — всевозможными сундуками, чемоданами и корзинами. Счастье еще наше, что не было ни волненія, ни дождя: фелюги не имѣли никакого навѣса сверху, и насъ могло бы промочить до костей; да, наконецъ, эти шлюпки такъ малы и легки, что ихъ во время даже и небольшого волненія кидаетъ на водѣ, какъ орѣховую скорлупу, и въ концѣ-концовъ онѣ такъ-таки и не могутъ пристать къ берегу вплотную, и пассажировъ, въ особенности дамъ, турки выбираютъ изъ фелюгъ и относятъ на берегъ на рукахъ, идя сами выше колѣна по водѣ; мужчины же, въ особенности грузные и тяжеловѣсные, предпочитаютъ спускаться въ воду и намочить такимъ образомъ однѣ ноги, чѣмъ быть уронену и выкупаться съ головой [1]). Къ счастію, говорю, мы пріѣхали въ тихую погоду, и съ нами эти манипуляціи продѣланы не были; но послѣ, когда мы уже жили въ Сочи, мнѣ не разъ доводилось слышать подобные разсказы отъ

[1]) Въ вышедшей, недавно, мартовской книжкѣ журнала «Русская Мысль», въ статьѣ «Лѣто на Кавказѣ», авторъ слѣдующимъ образомъ описываетъ пріятную перспективу высадки пассажировъ на берегъ Туапсе: «Съ парохода приходится пересаживаться въ турецкую фелюгу и на ней ужъ добираться до берега, что въ обыкновенное время не представляетъ ничего труднаго, непріятнаго или опаснаго, но при волненіи можно въ лучшемъ случаѣ выкупаться, а то и утонуть. Однажды, выѣхавшій на встрѣчу пароходу агентъ возвращался на берегъ одинъ, безъ пассажировъ; сильнымъ прибоемъ лодку сбило къ стѣнѣ строящагося мола... Еще ударъ волны, — и фелюгу разбило бы вдребезги о каменную стѣну; но тутъ гребцы-турки, въ мрачномъ молчаніи напряженно работавшіе веслами, вдругъ вскочили съ мѣстъ, и, когда волна подняла фелюгу, чтобъ ударить ее о стѣну мола, уперлись въ нее руками и тѣмъ ослабили ударъ; схватившись затѣмъ за весла, они съ энергіей отчаянія рванули лодку въ сторону отъ мола, и ее понесло къ берегу на камни; увидавъ неминуемую гибель, турки жалобно завопили, взывая къ Аллаху; потомъ вдругъ стихли въ ожиданіи своей судьбы, а рулевой Османъ крикнулъ агенту: «Снимай шубу! топàть будемъ!»... Въ этотъ мигъ сильнымъ ударомъ волны лодку перевернуло: вещи пропали, а люди спаслись, благодаря только близости берега и искусству пловцовъ, которые отдѣлались лишь страхомъ и холоднымъ купаньемъ (дѣло было раннею весной) и дали слово никогда въ сильную волну въ море не выѣзжать. Въ нынѣшнемъ году, въ Сухумѣ былъ случай, что нѣсколько человѣкъ утонуло при такой же переправѣ въ сильную волну». Гавани, какъ извѣстно, имѣются на всемъ Черноморскомъ побережьѣ лишь въ Новороссійскѣ и Батумѣ; всѣ же промежуточные приморскіе города и посады, т. е. вся такъ называемая «Русская Ривьера» или «Колхида» не имѣетъ пристаней. Понятно само собой, поэтому, что проведеніе вдоль этого чуднаго побережья желѣзной дороги составляетъ для него прямо-таки вопросъ жизни или смерти. И. З.

другихъ пріѣзжихъ, не столь счастливыхъ относительно погоды во время своего приплытія. А намъ довелось испытать еще слѣдующую непріятность. Когда мы подъѣхали къ берегу и вышли на маленькую деревянную платформу, то оказалось, что она не была даже освѣщена; агентъ общества отсутствовалъ; на берегу стояло всего три извозчика, которыхъ тотчасъ же и захватили пассажиры изъ числа мѣстныхъ жителей, не имѣвшіе при себѣ вещей. Къ счастію, таможенный солдатъ принесъ откуда-то фонарь и освѣтилъ очень грустную картину: болѣе десяти пассажировъ разыскивали впотьмахъ свой багажъ и разспрашивали у носильщиковъ, куда имъ дѣваться и гдѣ на ночь приклонить голову... и какъ добраться въ гостиницы съ нѣсколькими пудами багажа, и есть ли еще свободные номера въ этихъ гостиницахъ... Насъ успокоивали, объясняя, что извозчики сейчасъ же вернутся обратно, что свободные номера въ гостиницахъ есть, и проч... Къ счастью нашему, на пристани не оказалось любителей чужой собственности: они могли бы очень легко похитить весь нашъ ручной багажъ, никѣмъ не охраняемый и никѣмъ въ темнотѣ не видимый, и безнаказанно скрыться съ нимъ. Такъ мы прождали съ полчаса; извозчики дѣйствительно вернулись, и мы поспѣшили покинуть эту негостепріимную «пристань»... Въ настоящее время, впрочемъ, устраивается въ Сочи настоящая пристань, выдающаяся на 70 саженъ въ море; когда мы въ ноябрѣ выѣзжали оттуда, пристань эта была уже наполовину устроена, и есть надежда, что въ самомъ недалекомъ будущемъ однимъ изъ крупныхъ неудобствъ въ Сочи для публики будетъ меньше: можно будетъ, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи на морѣ бури и шторма, подходить на пароходахъ прямо къ пристани, минуя фелюги и ножныя ванны, если уже дѣло устройства побережной желѣзной дороги отложится еще разъ въ дальній ящикъ. Мѣстные дачевладѣльцы передавали мнѣ за вѣрное, что еще три года тому назадъ рѣшено было провести по Черноморскому побережью желѣзную дорогу, что господинъ министръ финансовъ, пригласивъ директора финляндскаго пароходства фонъ-Гартмана, поручилъ ему сдѣлать изысканія, для чего и отпущено было 110 тысячъ рублей; затѣмъ, стало извѣстно изъ газетъ, что Гартманъ пригласилъ въ компанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Картавцева, и что эти господа дѣлали изысканія и составляли будущее акціонерное общество, но почему-то дѣло такъ и остановилось на полдорогѣ: утверждаютъ, что господа изыскатели не нашли требуемыхъ на постройку дороги капиталовъ, а министерство финансовъ въ виду китайскихъ осложненій не могло помочь этому дѣлу съ своей стороны. Къ счастью, какъ мнѣ передавали изъ достовѣрныхъ источниковъ, это дѣло первостепенной важности, отъ котораго зависитъ вся жизнь зарождающагося Черноморскаго побережья Кавказа, поступаетъ въ болѣе солидныя и надежныя руки обще-

ства Владикавказской желѣзной дороги, которое и не замедлитъ, конечно, приступить къ необходимымъ изысканіямъ и самой постройкѣ дорогѣ, не прибѣгая къ казенному сундуку [1]).

Пока, собственно о Сочи можно сказать одно: городъ этотъ весь въ будущемъ. А за все доброе, что онъ имѣетъ въ настоящемъ, онъ обязанъ всецѣло и единственно нынѣшнему г. министру земледѣлія Алексѣю Сергѣевичу Ермолову, который, благодаря своей доступности и добротѣ, пользуется тамъ громадною популярностью и любовью.

А. С. Ермоловъ сдѣлалъ для Сочи дѣйствительно немало. Только послѣ посѣщенія имъ всей этой мѣстности осенью 1894 года побережье проснулось отъ своего многовѣкового сна—и здѣсь началось движеніе и жизнь, и мѣстность стала мало-по-малу культивироваться. Вѣдь только шесть лѣтъ назадъ, тамъ, гдѣ теперь устраивается новый Сочи, былъ дремучій и непроходимый лѣсъ—отъ ліанъ, папоротниковъ, отъ колючихъ и ползучихъ растеній,—лѣсъ, въ которомъ ютились лишь медвѣди, барсы, кабаны и шакалы. Старое Сочи, расположенное внизу, подъ горою, состояло всего изъ сотни домиковъ, принадлежащихъ давнимъ аборигенамъ этой части побережья—грекамъ, армянамъ, туркамъ и грузинамъ. По возвышенному берегу моря, покрытому вѣковымъ лѣсомъ, были проложены лишь тропы—для конныхъ и пѣшихъ. Устройство злосчастнаго шоссе генераломъ Анненковымъ оживило эту мертвую мѣстность лишь на очень короткое время, послѣ чего жизнь опять замерла... И вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, древняя Колхида проснулась и ожила послѣ сна, тянувшагося нѣсколько тысячелѣтій... По густому и непроходимому лѣсу распланировываются, прорубаются и шоссируются улицы, строятся виллы и дачи, разводятся виноградники и сады, выстраивается церковь, школа, учи-

---

[1]) Въ мѣстной газетѣ «Черноморскій Вѣстникъ» (№ 86, 18-го апрѣля 1900 года) были напечатаны слѣдующія свѣдѣнія объ этой дорогѣ: «Въ 1899 году правительство отпустило 110.000 рублей спеціально для всесторонняго изслѣдованія вопроса о Черноморской желѣзной дорогѣ группѣ частныхъ предпринимателей, со статскимъ совѣтникомъ фонъ-Гартманомъ во главѣ. На эти средства прошедшимъ лѣтомъ, произведены были инженерами, подъ начальствомъ строителя Тифлисъ-Карсской желѣзной дороги инженера Вурцеля, техническія изысканія отъ станціи Динской, Владикавказской желѣзной дороги, черезъ хребетъ кавказскихъ горъ, до порта Туапсе и далѣе, по берегу моря до Сочи и Сухума, съ вѣтвью отъ станціи Божедуховской на городъ Майкопъ.

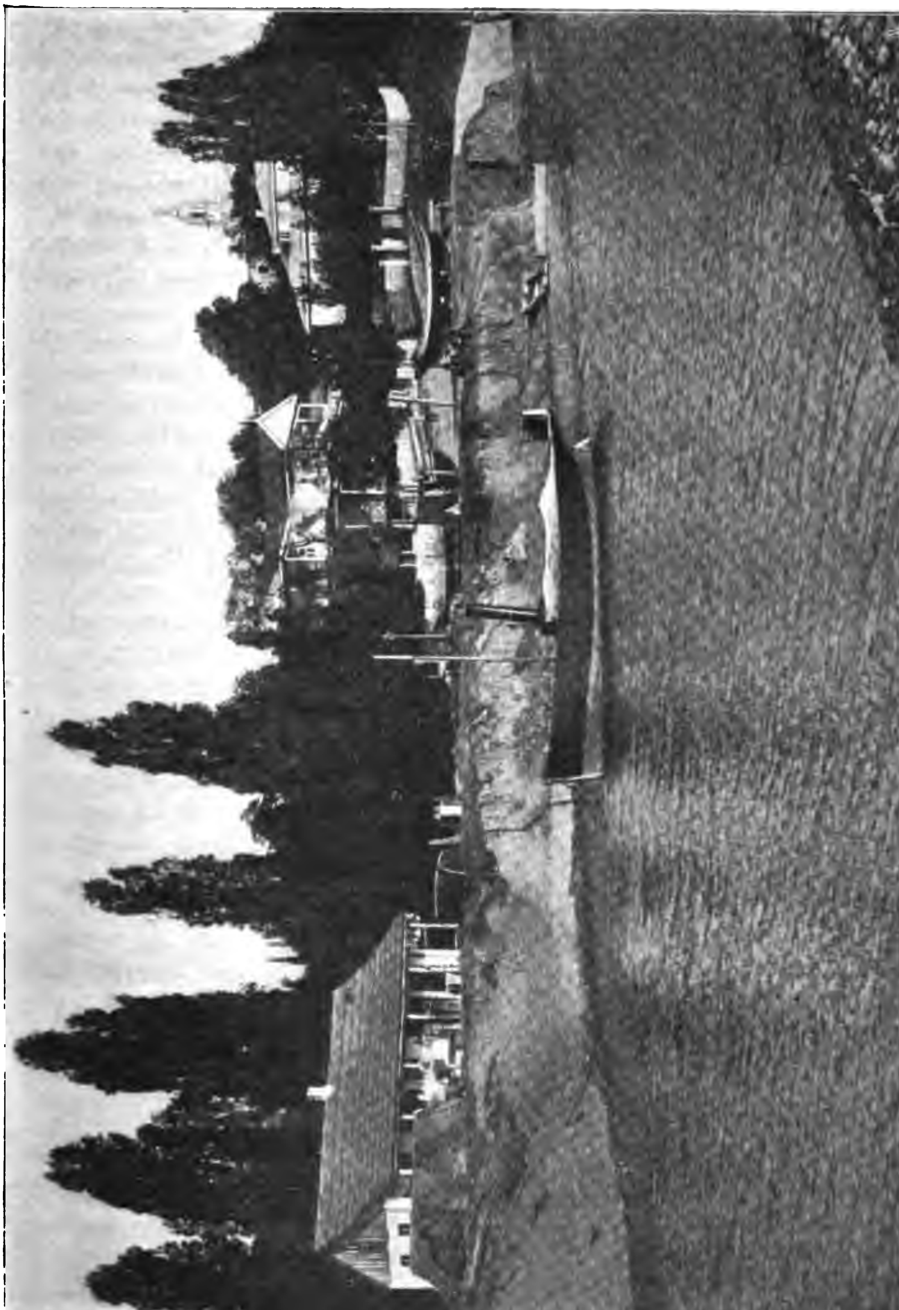
«Общее протяженіе намѣченной къ постройкѣ линіи—424 версты. Отъ станціи Динской, Владикавказской желѣзной дороги линія идетъ равниной до станціи Божедуховской (62 версты), отъ которой отдѣляется вѣтвь въ 37 верстъ, идущая также равниною на Майкопъ, торговый центръ всего обширнаго и плодороднаго майкопскаго отдѣла. Отъ станціи Божедуховской до поселка Туапсе—117 верстъ, трудный горный участокъ, съ переваломъ черезъ хребетъ кавказскихъ горъ; отъ посада Туапсе до города Сухума—побережный участокъ, протяженіемъ 208 верстъ». И. З.

лище садоводства, опытная станція, строится пристань, открывается читальня, а на берегу моря—дешевая столовая для рабочихъ и пр... Я находилъ особенное удовольствіе, ранѣе мною никогда не испытываемое, глядѣть и наблюдать, какъ прокладываются улицы въ такъ называемой Верещагинской дачѣ, подходящей къ самому Сочи, изъ которой на бывшихъ 15 сентября минувшаго года торгахъ было продано нѣсколько усадебныхъ участковъ: любопытно и въ то же время жалко было видѣть, какъ выкорчевывали иногда многовѣковые дубы и чинары, росшіе на мѣстѣ намѣченныхъ улицъ: дерево не подрубали подъ корень, а, подкопавъ его корни со всѣхъ сторонъ и обвивъ середину дерева канатомъ, нѣсколько десятковъ рабочихъ брались за концы каната и раскачивали дерево до тѣхъ поръ, пока оно съ грохотомъ, трескомъ и какъ бы со стономъ не валилось на землю... Даже въ самомъ Сочи, на шоссированныхъ уже улицахъ, еще лежали громаднѣйшіе, выкорчеванные нѣсколько уже лѣтъ назадъ, дубовые пни; вездѣ, по лѣсу и на строившихся дачахъ постукивали топоры, по улицамъ тянулись подводы буйволовъ, впряженныхъ въ мѣстныя арбы, нагруженныя кирпичемъ, досками, балками или пескомъ и глиной... Точно передо мною развертывалась страница романа, описывающаго зарожденіе новаго города въ Америкѣ...

Меня поинтересовалъ вопросъ, какимъ чудомъ устроился этотъ новый городъ, и сколько сотенъ тысячъ или, можетъ быть, и милліоновъ рублей потрачено на это возрожденіе «Колхиды», на землѣ которой созидается теперь уже воочію наша русская «Ривьера»...

Оказалось дѣйствительно нѣкое «чудо»: устраивая Сочи, какъ будущую Ривьеру, и привлекая сюда жить многія сотни интеллигентныхъ людей, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ не только ничего на этотъ собственно предметъ не затратило, но еще получило значительную прибыль. Вотъ что узналъ я на мѣстѣ — изъ самаго положительнаго и достовѣрнаго источника.

Въ самомъ Сочи вѣдомство государственныхъ имуществъ не имѣло земли: таковая принадлежала различнымъ другимъ вѣдомствамъ, а главное самому посаду Сочи, получившему недавно упрощенное городовое управленіе. Посадъ нарѣзалъ полученную имъ землю-лѣсъ на городскіе участки, по 600 кв. саж., и сталъ второпяхъ и довольно легкомысленно передавать эти участки въ собственность всѣмъ и каждому по 10-ти и 12-ти коп. за кв. сажень, безъ торговъ и публикацій, семейнымъ и келейнымъ порядкомъ. Такимъ образцомъ вся земля въ Сочи была или роздана даромъ подъ общественныя надобности — причту, школѣ и т. под., или же передана въ руки мѣстныхъ дѣльцовъ тоже почти даромъ, такъ какъ нельзя же считать, что она могла быть «продана» по 10 к. за сажень, да еще при этомъ по нѣсколько участковъ въ



Видъ Сочи съ моря.

однѣ руки... И вотъ гг. покупщики, какъ только выполнили свои обязательства, т. е. выкорчевали кое-какъ свои участки, огородили ихъ заборомъ и выстроили на нихъ деревянные, одноэтажные домики и получили на землю крѣпостные акты, то тотчасъ же и установили на землю совсѣмъ уже иныя цѣны: за то, что было куплено, всего пять лѣтъ назадъ, по 10 коп. за сажень, спрашивали уже по 8 и по 10 рублей, въ виду, главнымъ образомъ, громадныхъ требованій на участки въ Сочи, заявленныхъ со всѣхъ концовъ Россіи самыми разнообразными, по профессіямъ, людьми, преимущественно впрочемъ лицами интеллигентными, до которыхъ достигали статьи объ открытіи на Кавказскомъ побережьѣ «Русской Ривьеры»...

Вотъ тутъ-то и явилось министерство земледѣлія на помощь. Имѣя обширныя земли и лѣса вокругъ Сочи, министерство освѣдомилось, что вблизи самаго города продается, за смертію владѣльца Верещагина, прекрасный участокъ въ 57 десятинъ, расположенный весь вдоль береговой полосы моря, покрытый каштанами и дубами и, главное, граничащій вплотную съ улицами самого Сочи. Участокъ продавался за 35.000 рублей, и сочинскіе дѣльцы и барышники, только-что скупившіе передъ этимъ городскіе участки по 10 коп. за сажень, не имѣли у себя такой крупной суммы, потребной на покупку Верещагинской дачи, которая и была затѣмъ куплена министерствомъ земледѣлія за эту самую сумму, т. е. за 35 тысячъ. Дача эта по ея покупкѣ была распланировона и раздѣлена на усадебные участки отъ 500 до 600 кв. саженъ; всѣхъ такихъ участковъ вышло 119-ть. Въ минувшемъ году, 15-го сентября, министерство, при помощи газетныхъ публикацій, назначило торги пока лишь на 31 участокъ, и результатъ получился блестящій и неожиданный: за эти проданные участки было выручено 38.904 рубля, т. е. почти на четыре тысячи больше, чѣмъ было заплочено за всю дачу. Въ среднемъ, земля пошла всего лишь по 1 р. 84 коп. за кв. сажень, такъ что сочинскіе дѣльцы, поднявшіе по уговору цѣну скупленныхъ ими участковъ до 10 рублей за сажень, остались при пиковомъ, какъ говорится, интересѣ... А у министерства земледѣлія осталось еще въ барышахъ 88 усадебныхъ участковъ не проданныхъ и въ мѣстности несравненно лучшей. Всѣ эти участки, за исключеніемъ отдѣленныхъ на общественныя надобности—подъ санаторій, церковь, школу и пр.,—назначены къ продажѣ съ публичныхъ же торговъ на 31-е мая сего года.

Затѣмъ, министерство, ободренное чрезвычайною удачею своей финансовой операціи съ Верещагинскою дачей, пошло еще далѣе—на пути оказанія содѣйствія небогатымъ лицамъ, желающимъ имѣть свои маленькія усадьбы и дачи на берегу того же Чернаго моря: оно рѣшило пріобрѣсти съ этою же цѣлью высоко-культурный оазисъ, раскинувшійся на томъ же сочинскомъ амфитеатрѣ—

имѣніе В. Хлудова, размѣромъ въ 930 десятинъ, продающееся за 500.000 рублей, при чемъ на купчую предстояло затратить однѣхъ лишь крѣпостныхъ пошлинъ 20.000 рублей; цѣна—полмилліона рублей—являлась окончательною, такъ какъ первоначально Хлудовъ желалъ взять за свое имѣніе 1.200.000 рублей. Исторія Хлудовского имѣнія настолько поучительна и интересна, что о немъ слѣдуетъ разсказать нѣсколько подробнѣе.

Это имѣніе поглотило въ себя около полутора милліона рублей. Владѣлецъ имѣнія, г. Хлудовъ, не жалѣлъ денегъ, такъ какъ всѣ условія, повидимому, были очень благопріятны для культуры фруктовыхъ деревьевъ и винограда: въ имѣніи были устроены, для спрыскиванія мѣднымъ купоросомъ виноградныхъ лозъ, резервуары вверху, и были проведены желѣзныя трубы по всему винограднику; въ имѣніе были выписаны два спеціалиста изъ московскаго техническаго училища—инженеръ-механикъ и химикъ (для винодѣлія) и особо виноградарь изъ Никитскаго училища въ Крыму. И вотъ принялись эти ученые господа хозяйничать на участкѣ: созидать громадныя и дорого стоящія каменныя зданія и различныя постройки: каменный подвалъ для вина, винодѣльню, массу жилыхъ построекъ и прочее; винограду разведено было болѣе ста десятинъ—частью на кольяхъ, большею же частью по способу Гойо, т. е., на желѣзной проволокѣ, въ разстилку, при чемъ посадка была сдѣлана слишкомъ частая, до 9.000 кустовъ на десятину, вслѣдствіе чего явилась полнѣйшая невозможность конной обработки между рядками, затемненіе почвы и сырость... Въ результатѣ виноградъ сталъ осенью загнивать... Съ фруктовымъ садомъ вышла та же многостоящая и многоубыточная исторія: развели его на 100 десятинахъ, посадили яблоки «синапъ» и сливы, вперемежку съ гранатами; но на первыхъ же годахъ оказалось, что гранаты, которыя въ питомникѣ шли отлично, по пересадкѣ ихъ въ садъ стали расти плохо, и фрукты ихъ оказались мелкими и кислыми, такъ какъ этотъ фруктъ въ Сочи не вполнѣ дозрѣваетъ. Прекрасный питомникъ со множествомъ фруктовыхъ и декоративныхъ растеній обошелся очень дорого и не окупилъ расходовъ; съ виномъ вышла еще болѣе грустная исторія: первые же выпуски его не удались, и оно, получивъ печальную извѣстность, не пошло въ ходъ... Долго бился г. Хлудовъ съ своимъ убыточнымъ имѣніемъ; наконецъ, не выдержалъ и рѣшилъ сбыть его съ рукъ. Но найти покупщика на такое громадное имѣніе, оцѣненное владѣльцемъ вначалѣ въ 1.200.000 рублей, оказалось не легко, и главнымъ образомъ потому, что это удивительное имѣніе, несмотря на уйму вложенныхъ въ него денегъ, продолжало приносить своему владѣльцу не доходы, а убытокъ... Исторія эта могла окончиться для г. Хлудова очень печально, т. е. ему пришлось бы, въ концѣ концовъ, бросить это имѣніе на

произволъ судьбы, или же сдать его въ аренду, при нѣкоторой вѣроятности никогда не получать отъ арендатора ни гроша... И вотъ въ это-то время, когда я уже жилъ въ Сочи, и представилась для владѣльца возможность продать свое имѣніе министерству земледѣлія, которому первый его опытъ съ Верещагинскою дачей далъ полнѣйшую увѣренность и въ дальнѣйшемъ успѣхѣ— въ дѣлѣ покупки крупнаго имѣнія и затѣмъ распродажи его по частямъ, городскими или дачными участками, частнымъ лицамъ, получающимъ, такимъ образомъ, возможность, пріобрѣтать участки изъ первыхъ рукъ, помимо сочинскихъ барышниковъ и комиссіонеровъ.

Надо полагать, что если только половина пріобрѣтаемаго министерствомъ отъ г. Хлудова имѣнія будетъ раздѣлена на городскіе (по 600 квадратныхъ саженъ) или даже на дачные (по двѣ десятины) участки, то и тогда будетъ удовлетворена значительная часть лицъ, пожелавшихъ пріобрѣсти участки въ Сочи и въ Хостѣ и получившихъ отказъ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что на 160 городскихъ участковъ въ Хостѣ, розданныхъ, по оцѣнкѣ министерства, въ минувшемъ году разнымъ лицамъ, было желающихъ, т. е. подавшихъ прошенія, свыше двухъ тысячъ человѣкъ...

III.

Будущій городъ Хостà.—Дорога къ нему.—Цѣлебныя воды.—«Роща Аполлона».—Нѣчто въ родѣ Америки. — Природная бухта у Хостà. — Городскіе и дачные участки и условія ихъ раздачи. — Неопытный петербуржецъ и очень опытный культуртрегеръ.—Злоключенія одной владѣтельной дамы.—Орѣховые наплывы.—Бывшее лѣсоистребленіе.—Новыя вѣянія.—Нашъ отъѣздъ изъ Сочи и агентская неурядица.

Меня очень интересовало вновь образуемое «городское поселеніе» Хостà, въ которомъ, какъ я зналъ, было роздано до 160 городскихъ въ 1/2 десятину и менѣе участковъ разнымъ лицамъ, по цѣнѣ 400 рублей за десятину, и я, нанявъ въ Сочи фаэтонъ, отправился въ путь.

Хостà отстоитъ отъ Сочи въ 20-ти верстахъ, по дорогѣ на Адлеръ, и все время приходится ѣхать по очаровательной мѣстности, по шоссе, вдоль морского берега, при чемъ море то-и-дѣло появляется передъ вашими глазами, съ правой стороны, изъ-за деревьевъ, ослѣпляя васъ своимъ поражающимъ блескомъ; на мое счастье день былъ солнечный... Почти половина этой дороги была уже обставлена, справа и слѣва, роскошными виллами и дачами— гг. Худякова, проф. Краснова, Мартыновыхъ, генерала Маламы, кн. Трубецкого, С. Ю. Витте и другихъ. А ранѣе этихъ дачъ, съ лѣвой стороны, на горѣ, имѣется цѣлый рядъ красивыхъ хозяй-

Видъ Сочи съ высоты.

ственныхъ построекъ, принадлежащихъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ: тутъ и питомникъ древонасажденій, и училище, и ремесленная школа, и опытная станція, снабжающая деревьями и лозами винограда, по очень невысокимъ цѣнамъ, почти всѣ дачи и сады. Надо замѣтить, что вся эта береговая полоса земли, за исключеніемъ отошедшей подъ дачные участки, принадлежатъ министерству государственныхъ имуществъ.

На половинѣ дороги, переѣзжая черезъ мостъ на рѣкѣ Агурѣ, я почувствовалъ крайне непріятный сѣроводородный запахъ, несшійся, какъ оказалось, съ рѣки, вода которой была какого-то особаго, мутно-зеленаго цвѣта. Свойство воды этой рѣчки очень цѣлебное, и это отлично знаютъ, прежде всего, всѣ мѣстные жители, а равно и всѣ мѣстные интеллигенты. Мнѣ разсказывали поселенцы, пріютившіеся вблизи этой самой рѣчки, въ количествѣ пяти дворовъ, о слѣдующемъ фактѣ, происшедшемъ не далѣе, какъ минувшимъ же лѣтомъ, за два мѣсяца до моего пріѣзда въ Сочи.

Въ хату къ одному изъ этихъ поселенцевъ попросился пожить, на нѣкоторое время, пріѣхавшій изъ Новороссійска учитель, съ такими сильными ревматическими болями въ ногахъ, что онъ едва-едва могъ передвигаться безъ посторонней помощи и съ трудомъ ходилъ на костыляхъ. Онъ нанялъ для услугъ парня лѣтъ 18-ти и при его помощи ежедневно ходилъ на рѣку, а тамъ парень собиралъ ему береговую грязь рѣки въ кучу, и учитель ложился въ эту грязь, закрывая ею все тѣло, по шею; слуга держалъ въ это время надъ его головою дождевой зонтъ отъ солнца. Больному учителю такъ помогли эти грязевыя ванны, что онъ черезъ три недѣли забросилъ въ сторону свои костыли и уѣхалъ совершенно здоровымъ человѣкомъ. Мѣстные старики крестьяне изъ числа поселенцевъ говорили мнѣ, что они тоже лѣчатся этой сѣрной водой, купаясь въ ней главнымъ образомъ «отъ ломоты въ ногахъ», и эту ломоту какъ рукой снимаетъ... Мѣстные чины министерства земледѣлія, повидимому, очень хорошо освѣдомлены о чудодѣйственномъ цѣлебномъ свойствѣ сѣрныхъ водъ рѣки Агуры, такъ какъ, живя въ Кисловодскѣ, я, помнится, даже читалъ въ «Сезонномъ Листкѣ», что на эти воды предположено обратить особое вниманіе, и что министерство разсчитываетъ ихъ утилизировать.

Проѣхавъ верстъ 12—14 по шоссе, я сталъ замѣчать особенно темныя купы деревъ, не высокихъ, но очень красивыхъ, съ блестящими листьями. Это начинались лавровыя деревья—«роща Аполлона», какъ называютъ сочинскіе интеллигенты эту мѣстность. Затѣмъ, по правую сторону шоссе, стали появляться цѣлыя группы красивыхъ сосенъ, растущихъ по уступамъ, спускающимся отъ

дороги къ морю. Но вотъ, наконецъ, экипажъ нашъ въѣхалъ на территорію будущаго города Хоста...

Если уже проведеніе улицъ и расчистка городскихъ участковъ на Верещагинской дачѣ подъ Сочи напоминали отчасти устроеніе и распланировку вновь возникающихъ городовъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, то все то, что я увидѣлъ въ Хостѣ, напоминало эту Америку не отчасти, а уже вполнѣ. Представьте себѣ дорогу, окаймленную съ обѣихъ сторонъ дремучимъ, многовѣковымъ лѣсомъ, подходящимъ вплоть къ самой дорогѣ, которую, поэтому, никогда не освѣщаетъ въ этомъ мѣстѣ солнце. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ гигантскихъ дубовъ, считающихъ жизнь свою многими вѣками; затѣмъ, красуются букъ, ясень, кленъ, дикая груша, грабъ и проч. Весь этотъ лѣсъ перевитъ и перепутанъ едва проходимыми ліанами, красивымъ плющемъ и ползучими колючими растеніями, и доходитъ до самаго берега моря, вплоть, отдѣляясь отъ прибоя волнъ лишь узкою полосою въ нѣсколько саженъ, усыпанною блестящими и изящными камешками и ракушками. Весь лѣсъ въ этомъ мѣстѣ разбитъ на городскіе участки, по 1.200 квадратныхъ саженъ и меньше; между участками намѣчены и уже прокладываются улицы; кое-гдѣ, въ лѣсу, стоятъ наскоро сколоченные деревянные бараки, въ которыхъ живутъ рабочіе, набранные, преимущественно, изъ числа мѣстныхъ жителей—гурійцевъ и мингрельцевъ,—занимающіеся выкорчевываньемъ этихъ многовѣковыхъ лѣсныхъ великановъ. Кое-гдѣ слышны удары топоровъ, прерываемые иногда страшнымъ гуломъ и трескомъ отъ паденія подрубленнаго и сраженнаго дерева, между которыми часто попадаются такія, что вчетверомъ его нельзя охватить руками... Но вырубка большинства этихъ деревъ необходима, и не только потому, чтобы очистить мѣсто для улицъ и для постройки домовъ, но еще и для того, чтобы открыть на участки доступъ лучамъ солнца—и только такимъ путемъ уничтожить ту зловредную сырость, которая порождаетъ здѣсь иногда довольно мучительныя лихорадки, любящія именно такія мѣста, гдѣ сыро, тепло, темно и много зелени.

Главную прелесть этого дѣвственнаго лѣса,—впрочемъ, довольно дикую—составляли сѣрыя ліаны, спускавшіяся съ высоты десятисаженныхъ деревъ внизъ, какъ «косы вѣдьмъ»... Пройти по лѣсу дамѣ было немыслимо: черезъ четверть часа низъ платья и юбокъ представлялъ бы собою бахрому... Я съ большимъ трудомъ прошелъ отъ дороги по направленію къ морю, шаговъ 500—600, чтобы взглянуть на маленькую бухту, прямо-таки вдающуюся въ землю этого будущаго города, защищенную съ сѣвера мысомъ, уходящимъ въ море. Эта бухта, по конфигураціи своей, напоминаетъ бухту Туапсе; уже и теперь здѣсь отстаиваются суда въ дурную, бурную погоду.

Тутъ же на берегу моря, недалеко отъ бухты, стоялъ небольшой казенный домикъ довольно шаблонной архитектуры: въ немъ, оказалось, жили нижніе чины пограничной стражи, стерегущіе нашъ морской берегъ отъ возможности контрабанды, хотя, повидимому, не легко привезти ее изъ Турціи, черезъ это неспокойное море, въ какой нибудь орѣховой скорлупѣ, называемой парусною фелюгою... Пароходы же турецкіе сюда не ходятъ совсѣмъ.

Я долго сидѣлъ на берегу и любовался красотою и величіемъ и этого моря, и этого дикаго, многовѣковаго лѣса, для котораго пробилъ, наконецъ, часъ смертный... Вблизи берега плавали дикія утки-нырки, немного подалѣе, надъ моремъ, пролетали большія стада баклановъ, служащихъ для здѣшнихъ рыболововъ прекраснымъ указателемъ путей, по которымъ идетъ сельдь, кефаль и другая рыба. А вдали моря, ярко освѣщеннаго солнцемъ, несся пароходъ, попыхивая дымомъ своей трубы... Потомъ, вдоль морского берега, я дошелъ до домика пограничной стражи, гдѣ дожидался мой возница; тамъ мнѣ живо поставили самоваръ, и я отдохнулъ и закусилъ съ такимъ аппетитомъ, который незнакомъ жителямъ душныхъ, большихъ городовъ.

Будущій городъ Хоста̀, названный такъ по рѣкѣ того же имени, устраивается на отведенныхъ для этого министерствомъ земледѣлія 80-ти десятинахъ земли береговой полосы моря, на которыхъ въ будущемъ и долженъ будетъ выстроиться этотъ новый городъ. Эти 80 десятинъ раздѣлены на 160 городскихъ (усадебныхъ) участковъ и уже давнымъ давно, какъ я упоминалъ, розданы преимущественно интеллигентнымъ лицамъ: профессорамъ, учителямъ, врачамъ, а также и многимъ лицамъ высшей служебной іерархіи. Нѣсколько участковъ оставлены здѣсь, какъ и въ Верещагинской дачѣ, подъ общественныя учрежденія — подъ церковь, больницу, школу, подъ будущій портъ и рынокъ и прочее.

Такъ какъ всей земли вокругъ Хоста около 500 десятинъ, то остающаяся отъ 80-ти десятинъ земля подѣлена на такъ называемые дачные участки, по двѣ десятины въ каждомъ; и эти участки тоже почти всѣ розданы. Разница между городскими и дачными участками очень большая: городской участокъ—не великъ, всего въ полъ-десятины и меньше, но находится вблизи моря и будущаго порта и въ районѣ будущаго города, удобствами котораго и можно будетъ пользоваться, равно какъ и близостью моря—для купанья. Дачные же участки, значительно удаленные отъ моря и лишенные вышепоименованныхъ удобствъ, имѣютъ зато свои другія преимущества: они отдалены отъ шума городского,

будущей пыли и всей той сутолоки, которая неизбѣжно будетъ въ приморскомъ городкѣ, да еще съ маленькимъ портомъ. Дачные участки разбирались, преимущественно, людьми болѣе достаточными, такъ какъ, живя вдали отъ города, придется неминуемо держать и лишнюю прислугу, и экипажъ.

Цѣну за участки министерство земледѣлія полагало не особенно большую—до 400 рублей за десятину. Затѣмъ, то же министерство раздавало на Черноморскомъ побережьѣ еще и третьяго рода участки, такъ называемые «культурные», состоявшіе изъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, съ обязательствомъ культивировать извѣстную, если не ошибаюсь, 1/4 часть участка въ опредѣленное количество лѣтъ. Въ прежнее время раздавались такіе участки и въ нѣсколько сотъ десятинъ величиною, и это было большимъ зломъ, порождавшимъ лишь аферы и злоупотребленія, выражавшіяся, между прочимъ, и въ хищническомъ истребленіи мѣстныхъ дорогихъ породъ деревьевъ: пальмы, дуба и краснаго дерева.

Кромѣ денегъ, которыя министерство получаетъ за отведенные участки, оно еще и обязываетъ лицъ, получившихъ эти участки, къ выполненію нѣкоторыхъ другихъ условій. Такъ, напримѣръ, если вамъ назначенъ городской участокъ, то, внеся деньги и получивъ «временное свидѣтельство» на право владѣнія, вы должны въ первый же годъ произвести выкорчевку деревьевъ, обнести участокъ заборомъ «и поддерживать таковой въ совершенно исправномъ видѣ», какъ сказано въ «Правилахъ» министерства о застройкѣ усадебныхъ участковъ. Далѣе, въ остальные два года, владѣлецъ обязывается построить на участкѣ домъ — каменный или деревянный, но не менѣе 12-ти квадратныхъ саженъ внутренней площади и, кромѣ того, возвести надворныя постройки въ 4 квадратныхъ сажени; и только по выполненіи всѣхъ этихъ обязательныхъ условій министерство выдаетъ данную (т. е. купчую крѣпость) на участокъ, при чемъ всѣ возведенныя постройки свидѣтельствуются предварительно особою комиссіей. При неисполненіи условій вы теряете внесенныя вами деньги, и участокъ отбирается обратно въ казну. Во избѣжаніе барышничества и торга участками, установлено, между прочимъ, правило, что передача участка однимъ лицомъ другому можетъ быть совершена лишь «съ разрѣшенія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ», и только эта предусмотрительность избавляетъ приморскіе участки отъ захвата ихъ съ цѣлью перепродажи, что, напримѣръ, случилось, какъ я указывалъ, съ городскими участками въ Сочи.

Въ настоящее время въ долинѣ рѣки Хоста почти всѣ участки—городскіе, дачные и культурные—розданы, и осталось лишь нѣсколько нерозданныхъ участковъ въ будущемъ городѣ Романовскѣ

(Красная Поляна), далеко превосходящемъ Хостà по своему чудному климату и роскошной растительности, но находящемся вдали отъ берега моря, въ горахъ, и лишенномъ, пока, путей сообщенія съ населенными мѣстностями побережья.

Я не слышалъ, чтобы кто либо изъ лицъ, получившихъ участокъ въ Хостѣ, остался недоволенъ своимъ пріобрѣтеніемъ. Лишь какъ о курьезѣ, лѣсной стражникъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій случай. Одному постоянному петербургскому жителю, важному лицу, былъ назначенъ на Хостѣ прелестнѣйшій участокъ, на нѣкоторой возвышенности, откуда, по вырубкѣ лѣса, открывался бы чудный видъ на море. Весь участокъ былъ покрытъ ровными старыми дубами, которые въ недалекомъ будущемъ стоили бы много болѣе, чѣмъ тѣ 200 рублей, которые предстояло внести за этотъ участокъ въ казну. И вотъ пріѣзжаетъ петербуржецъ въ Хостà, обращается къ лѣсному стражнику, и тотъ ведетъ его на назначенный участокъ. Но едва подошелъ кабинетный человѣкъ къ своему владѣнію и взглянулъ на небольшую возвышенность, на которую предстояло подняться, какъ разразился страшнымъ ворчаньемъ:

— Куда это ты меня завелъ?!.. Зачѣмъ это отвели мнѣ на горѣ? Я вѣдь не маякъ думаю строить, а дачу...

Напрасно лѣсникъ уговаривалъ петербуржца и доказывалъ ему, что на горѣ нѣтъ ни сырости, ни лихорадокъ, что это одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ въ Хостà—увы!—ничего не подѣйствовало: господинъ этотъ не пожелалъ даже подняться на верхъ, а сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Сочи, гдѣ и заявилъ, что отказывается отъ назначеннаго ему участка. А въ это время, какъ разъ, проживалъ въ Сочи извѣстный художникъ Д., тщетно и долго хлопотавшій о полученіи участка въ Хостѣ. Онъ тотчасъ же и изъявилъ желаніе воспользоваться мѣстомъ черезчуръ требовательнаго петербуржца.

А вотъ другой курьезъ, случившійся, за время моего проживанія въ Сочи, съ одною, знакомою мнѣ дамой, которой принадлежалъ и принадлежитъ теперь прекраснѣйшій лѣсной участокъ въ 200 десятинъ, отведенный ея покойному мужу очень давно—болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, когда эти богатства раздавались совсѣмъ даромъ, въ видѣ награды за службу на Кавказѣ, безъ всякихъ обязательствъ культивировать отведенныя земли.

Знакомая мнѣ дама—особа очень почтенныхъ лѣтъ, вдова заслуженнаго чиновника, живетъ отъ Черноморскаго побережья далеко и поэтому наѣзжала сюда въ нѣсколько лѣтъ разъ, да и то стала пріѣзжать лишь послѣ смерти мужа, который самъ все собирался пріѣхать «осмотрѣть» участокъ, да такъ ни разу и не собрался. Въ первый же свой пріѣздъ дама, достаточно налюбовавшись издали на прелестный ландшафтъ, изображаемый ея

лѣснымъ участкомъ, расположеннымъ на горѣ и покрытымъ субтропическою растительностью, пожелала поручить кому нибудь «досмотръ» лѣса, и ей предложилъ свои услуги одинъ изъ господъ культуртрегеровъ, попавшій издалека, «на ловлю счастья и чиновъ», на Черноморское побережье гостепріимной Руси. Между ними было условлено, что господинъ этотъ не будетъ получать отъ владѣлицы участка, за свой досмотръ, ничего, такъ какъ и самый участокъ не приносилъ тоже никакого дохода; но что если онъ извлечетъ изъ него какой нибудь доходъ, то подѣлится съ хозяйкой пополамъ. На томъ они тогда и порѣшили между собою. Это было давно, нѣсколько лѣтъ назадъ... И вотъ сталъ этотъ любезный, безкорыстный человѣкъ «досматривать» имѣніе, а дама, время отъ времени, наѣзжать сюда. Пріѣдетъ, спроситъ:

— Ну, что, получили что нибудь съ моего имѣнія?

— Увы! ничего не получилъ,—отвѣчаетъ безкорыстный управляющій.—Еще хорошо, что сосѣди-переселенцы согласились очистить лѣсъ безвозмездно отъ повалившагося и гніющаго валежника.

— А мнѣ бы все-таки хотѣлось какъ нибудь взглянуть на мой участокъ, побывать на немъ,—говоритъ дама.

— Это можно,—отвѣчаетъ услужливый человѣкъ:—поѣдемте хоть сегодня. Но только предупреждаю васъ, что это путешествіе сопряжено будетъ для васъ съ нѣкоторымъ рискомъ: теперь началъ таять снѣгъ въ горахъ, и рѣки поднялись, а намъ предстоитъ переѣзжать бродъ...

— Нѣтъ, все-таки я желала бы взглянуть хоть разъ на свой участокъ,—настаиваетъ владѣлица.

Управляющій нанимаетъ экипажъ, заѣзжаетъ за дамой, и они ѣдутъ... Подъѣзжаютъ къ рѣкѣ и въѣзжаютъ въ воду, которая захватываетъ сначала колеса по ступицу, а затѣмъ выше и выше... Дама ахаетъ, поднимаетъ ноги, чтобы ихъ не промочить, и, наконецъ, вода все-таки захватываетъ ее по колѣна.

— Ради Бога, назадъ!—умоляетъ она:—Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ этимъ участкомъ!..

— Я вѣдь говорилъ вамъ, предупреждалъ,—оправдывался управляющій, и экипажъ поворачивалъ назадъ оглобли...

Проходитъ два-три года; вновь пріѣзжаетъ владѣлица въ Сочи, мучимая желаніемъ осмотрѣть свое имѣніе. Управляющій торжественно вручаетъ ей 75 рублей, объясняя, что ему «посчастливилось» сдать участокъ подъ баранту, т. е. подъ пастьбу барановъ, за 150 рублей, и онъ «спѣшитъ подѣлиться доходомъ»...

— А не съѣздимъ ли мы посмотрѣть участокъ?—робко заявляетъ владѣлица:—вѣдь теперь, кажется, устроенъ черезъ рѣку мостъ...

— Мостъ есть. Поѣдемте хоть сегодня,—отвѣчаетъ управляющій, заѣзжаетъ въ собственномъ экипажѣ, и они ѣдутъ.

Вначалѣ все идетъ благополучно: рѣка переѣзжается уже не въ бродъ, а по мосту, дорога къ участку идетъ хорошая, виды очаровательные... Затѣмъ, когда подъѣхали къ участку, надо было выйти изъ экипажа и итти пѣшкомъ.

— Вѣдь у васъ, подъ горою участка, отъ весенняго разлива рѣки—болото, а затѣмъ гора слишкомъ крутая; едва ли вы будете въ силахъ подняться на нее,—предупреждаетъ управляющій.

— Ничего, попробую,—отвѣчаетъ владѣлица:—я рѣшила уже непремѣнно осмотрѣть это имѣніе.

Идутъ... Ноги начинаютъ вязнуть въ болотѣ все выше и выше... Управляющему съ полъ-горя: онъ въ длинныхъ, охотничьихъ сапогахъ... Наконецъ, болото кое-какъ пройдено; но теперь имъ предстоитъ очень крутой подъемъ на гору, покрытую мелкимъ лѣсомъ и колючками... Едва-едва добралась владѣлица имѣнія до половины горы, а дальше уже итти совсѣмъ не могла: подъемъ былъ такъ крутъ, что она, дама полная, задохнулась отъ усталости; ноги были въ грязи и мокры отъ болота, оборка платья превратилась въ бахрому...

— Я не могу итти дальше! Ради Бога, назадъ! — заявляетъ дама...

— Я вѣдь говорилъ вамъ, предупреждалъ васъ,—оправдывался управляющій:—участокъ этотъ никуда не годенъ. Мой совѣтъ вамъ—продать его; можетъ быть, кто нибудь купитъ, чтобы вырубить на дрова...

Но владѣлица не пожелала продать и уѣхала обратно. Черезъ два года пріѣхала вновь въ Сочи. Доходу никакого на этотъ разъ она не получила. Но тутъ-то вотъ и произошелъ нѣкоторый казусъ,—и очень интересный, какъ увидятъ читатели.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ номеръ гостиницы, гдѣ остановилась владѣлица, «постучался презрѣнный... армянинъ», который и объяснилъ довѣрчивой владѣлицѣ, что ея участокъ, принадлежавшій, ранѣе, переселившемуся въ Турцію мѣстному князю, представляетъ собою золотое дно; онъ, армянинъ, желалъ бы взять его въ аренду и предлагаетъ госпожѣ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть этотъ участокъ, дабы она убѣдилась, что ее очень ловко и хитро обманываютъ...

На другой же день почтенная дама нанимаетъ экипажъ, беретъ съ собою армянина, ѣдетъ въ свое имѣніе, легко подъѣзжаетъ къ нему не со стороны болота, а съ совершенно противоположной и осматриваетъ его. Результаты вышли поразительные... Имѣніе оказалось роскошное: болѣе половины участка была покрыта строевымъ, очень ровнымъ дубомъ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ князя, оказался прекрасный садъ, въ которомъ были яблони, груши, сливы и цѣлыя аллеи дорогихъ орѣховыхъ дедевьевъ; вкусный виноградъ вился по деревьямъ вверхъ, на нѣ-

сколько саженъ, и висѣли тяжелые поспѣвающіе гроздья. Въ концѣ лѣса было отгорожено большое мѣсто для баранты, которая и паслась по лѣсу; а такъ какъ въ это время трава была уже плохая, то для барановъ безжалостно рубили молодые дубы, покрытые листвою, которые тѣ и объѣдали. Затѣмъ, въ лѣсу оказались свѣжесрубленные пни отъ большихъ орѣховыхъ деревьевъ, которые были проданы, какъ потомъ оказалось, за нѣсколько сотъ рублей... Оказалось немало распаханной земли, съ которой снималась кукуруза...

Воротилась владѣлица изъ своего имѣнія, а ее ожидали уже лица, желавшія взять его въ аренду и предлагавшія сразу ты-

Церковь въ Сочи.

сячу рублей... Вечеромъ, въ тотъ же день, къ ней въ номеръ вошелъ нѣсколько сконфуженный господинъ культуртрегеръ и объяснилъ, что онъ недавно продалъ изъ ея участка наплывъ съ орѣховыхъ деревьевъ [1]) за 80 рублей, и проситъ ее получить

[1]) Эти наплывы образуются на орѣховыхъ деревьяхъ отъ укола насѣкомаго, и иногда ихъ можно снимать, не повреждая самого дерева. Куски этихъ наплывовъ достигаютъ вѣсомъ до 15 пудовъ, но бываютъ иногда и больше. Орѣховые наплывы очень цѣнятся въ столярныхъ и токарныхъ работахъ и идутъ преимущественно за границу. Нѣкто, армянинъ Качарьянцъ, изъ Шуши, занимающійся спеціально лѣсоторговлею, нажилъ себѣ цѣлое состояніе покупкою и продажею орѣховыхъ наплывовъ. Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще до министерства А. С. Ермолова, Качарьянцъ купилъ въ казнѣ, безъ торговъ, «хозяйственнымъ способомъ», 90 орѣховыхъ деревъ съ наплывами за 460 рублей и перепродалъ ихъ потомъ за 20.000 рублей... Съ торговъ же, въ позднѣйшее уже время, тотъ же лѣсоторговецъ купилъ 44 дерева, но за нихъ пришлось заплатить уже 9.000 рублей. Вотъ какъ легко наживались здѣсь деньги въ «доброе старое время»!.. И. З.

условную половину, т. е. 40 рублей, и дать ему расписку, что она «слѣдуемый ей съ участка доходъ получила»... При этомъ, безкорыстный управляющій тотчасъ же предложилъ владѣлицѣ четыре золотыхъ и заготовленную расписку... Почтенная дама, однако, отказала въ выдачѣ просимой расписки и лишь написала, что «получила сорокъ рублей». Въ то же время она поблагодарила г. управляющаго за службу и заявила ему, что не желаетъ долѣе пользоваться его безкорыстными услугами; а на другой день сдѣлала формальное заявленіе мѣстнымъ властямъ, что, посѣтивъ свой участокъ, она застала въ лѣсу стадо барановъ, неизвѣстно кому принадлежавшихъ, и замѣтила пни недавно вырубленныхъ орѣховыхъ деревьевъ...

Вся эта курьезная исторія окончится, конечно, ничѣмъ; но она очень характерна, какъ показатель десятковъ подобныхъ же исторій на Черноморскомъ побережьѣ: съ одной стороны, богатства лѣсныхъ участковъ, напоминающія собою древнее «золотое руно»; съ другой—полнѣйшее неумѣнье пользоваться этими богатствами со стороны ихъ владѣльцевъ. На этомъ побережьѣ наживались, впрочемъ, не одни культуртрегеры — эти господа хоть что нибудь да дѣлали и трудились; нѣкоторые «счастливцы» наживались здѣсь совсѣмъ безъ труда, какъ наживаются иногда люди, выигрывающіе въ лотерею двѣсти тысячъ. Здѣсь называютъ многихъ господъ, скупившихъ за безцѣнокъ громадные лѣсные участки на береговой полосѣ отъ лицъ, получившихъ ихъ «за службу» и не имѣвшихъ никакого представленія о тѣхъ богатствахъ, которыя имъ были даны, и объ ихъ стоимости. А скупщики преспокойно опустошали лѣса: дубы (на клёпки), пальмы, ясень и проч., и отправляли ихъ въ наши порта и за границу. При этомъ, зачастую, прихватывали, при истребленіи своихъ лѣсовъ, и деревья сосѣднихъ казенныхъ дачъ, подъ видомъ «валежника». Здѣсь ходятъ цѣлыя легенды о маленькихъ и бѣдныхъ человѣчкахъ, о бывшихъ участковыхъ приставахъ, ставшихъ большими и богатыми людьми. Только за послѣдніе годы, когда въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ стали появляться не одни чиновники, но и люди идеи, проникнутые мыслью, что интересы государственнаго имущества вообще есть въ то же время и интересы каждаго гражданина въ частности, всѣ темныя дѣла быстро отошли въ область преданій.

Не безъ тайной грусти разставались мы въ половинѣ уже ноября съ очаровательнымъ Сочи. Семья моя отправилась въ находившійся при домѣ садъ и, съ разрѣшенія любезнаго хозяина, нарвала на дорогу букетъ розъ. Но и уѣзжая намъ пришлось еще разъ пожалѣть объ отсутствіи путей сообщенія...

Пароходъ изъ Батума долженъ былъ прійти въ 11 часовъ вечера. Къ этому времени мы, едва-едва разыскавъ извозчика, перетащились по темнымъ улицамъ со всѣмъ багажемъ, чемоданами и корзинами въ контору Русскаго общества пароходства и торговли (такъ какъ ожидался нашъ старый, знакомый пароходъ «Св. Николай», принадлежащій именно этому обществу), помѣщавшуюся на берегу моря, въ какомъ-то старомъ деревянномъ домѣ съ колоннами, очень давней архитектуры. Контора эта занимала всего одну комнату, довольно большую, перегороженную пополамъ: по одну сторону помѣщалась собственно контора, гдѣ продавались билеты, по другую—размѣщалась ожидавшая публика. На стѣнѣ горѣла маленькая лампочка, а на лавкахъ и въ углахъ на полу сидѣли и дремали, поджавъ ноги, различные «восточные

Дача Хлудова въ Сочи.

человѣки» въ ожиданіи парохода. Было сильно накурено и душно... За нами слѣдомъ пріѣхала семья художника Д. Ночь была очень свѣжа, и ожидать пароходъ на крыльцѣ было неудобно, такъ что поневолѣ пришлось сидѣть въ конторѣ.

Придетъ ли пароходъ во время, или же придется ожидать его до утра?—вотъ вопросъ, занимавшій тогда въ этой «конторѣ» всѣхъ и каждаго... Агентъ общества былъ какою-то невидимкой, и всѣ наши попытки увидѣть его не увѣнчались успѣхомъ... Наконецъ, пришелъ въ контору писарь, очень юный человѣкъ, лѣтъ 17-ти, и объявилъ публикѣ, что «получена телеграмма—пароходъ немножно запоздалъ»... Это «немножко» оказалось ровно три часа, и лишь въ два часа ночи со стороны моря послышался пароходный гудокъ, и показались на морѣ огоньки... Поднялась суматоха и толкотня: въ совершенной темнотѣ надо было итти къ берегу

моря, слѣдить за цѣлостью багажа, садиться въ фелюгу и плыть къ пароходу... Просто казалось невѣроятнымъ это крайнее невниманіе къ публикѣ со стороны агента, который такъ и не показался въ конторѣ, передавъ свои обязанности мальчику-писарю, продававшему билеты, и артельщику, принявшему нашъ багажъ!..

И это было еще хорошо, что мы прождали въ грязной и удушливой конторѣ только три часа лишнихъ: мы могли прождать и до утра. А если бы попали на пароходъ не «Русскаго», а «Россійскаго» общества, то не имѣли бы даже мѣста, гдѣ и обождать, такъ какъ контора агента этого неудобнаго общества помѣщается на горѣ, отъ моря въ нѣсколькикъ стахъ шагахъ, въ крошечной коморкѣ, пристроенной къ его дому, и пассажирамъ предлагаютъ ожидать пароходы на берегу моря, подъ открытымъ небомъ, и на нихъ же еще возлагаютъ обязанности доставлять къ берегу и на пароходъ свой багажъ.

Боже! съ какою радостью поднялись мы—опять-таки въ полутьмѣ—на бортъ корабля и съ какимъ наслажденіемъ заняли указанныя намъ мѣста въ спальныхъ каютахъ, гдѣ было такъ уютно, чисто, тепло и свѣтло!..

Къ счастію, море было спокойно, и на другой день, къ тремъ часамъ утра, мы были въ портѣ Новороссійска.

IV.

Статья профессора Краснова о «Русской Колхидѣ».—Температура Черноморскаго побережья Кавказа.—Субтропическая растительность.—Гигантскіе папоротники.—Лиственные лѣса и ихъ постоянное цвѣтеніе. — Живописный міръ Колхиды.— Ея блестящая будущность.

Я — не зоологъ, не ботаникъ и не метеорологъ. Составлялъ я свою статью, не претендуя на какое либо спеціальное описаніе богатствъ Черноморскаго побережья Кавказа, его фауны и флоры: я писалъ, просто, краткія замѣтки о своемъ путешествіи, и размѣры статьи не дозволяли даже мнѣ слишкомъ много распространяться. Я имѣлъ въ виду единственную цѣль—ознакомить читателей съ красотою нашего Кавказа въ той его части, расположенной по восточному берегу Чернаго моря, на мѣстѣ древней Колхиды, называемой нынѣ «русскою Ривьерой», которою всѣ теперь такъ сильно интересуются. Но такъ какъ, несомнѣнно, между читателями найдутся очень многіе, которые пожелаютъ ознакомиться болѣе или менѣе подробно и обстоятельно какъ съ климатомъ этой нашей

Ривьеры, такъ равно и съ ея флорою, то я поэтому и позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ статьи профессора А. Н. Краснова, изучившаго, повидимому, Черноморское побережье гораздо ближе и обстоятельнѣе, чѣмъ всѣ другіе писатели, посвятившіе за послѣднее время свои статьи этому же предмету.

Изъ многихъ статей г. Краснова, помѣщенныхъ имъ объ этомъ побережьѣ въ разныхъ журналахъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе статья, напечатанная недавно въ журналѣ «Кавказскій Вѣстникъ», подъ заглавіемъ «Русская Колхида», трактующая исключительно о климатѣ и флорѣ Черноморскаго побережья Кавказа.

Колхида,—говоритъ почтенный авторъ,—лежитъ на берегу моря, представляя, сравнительно, узкую полосу, отгороженную отъ остального міра горами. Такое ея положеніе создаетъ особенно энергичный обмѣнъ воздушныхъ теченій между сушею и моремъ. Это—классическая страна бризъ. Громадный процентъ дней флюгеръ показываетъ здѣсь или затишье или медленное движеніе воздуха—отъ суши къ морю ночью и обратное днемъ. Это—типичныя морская и береговая бризы. Ихъ знаютъ колхидскіе жители отъ Туапсе и до Батума, и онѣ играютъ громадную роль въ жизни побережья. Дневная бриза сообщаетъ всей полосѣ свойства воздуха морского и смягчаетъ дневную жару. Въ этой южной мѣстности по сосѣдству со степями, гдѣ не въ диковину 40 градусовъ жара, термометръ рѣдко, да и то въ самые жаркіе мѣсяцы, поднимается выше 28 градусовъ Цельсія. Ночью онъ падаетъ сразу и держится почти одинаково большую часть ночи. Онъ тѣмъ ниже, чѣмъ глубже ущелье, на дно котораго падаетъ холодный воздухъ,—потому-то по вечерамъ здѣсь изъ поперечныхъ долинъ, какъ изъ трубы, тянетъ холодный воздухъ; береговые же склоны, защищенные контръ-форсомъ горъ отъ болѣе высокихъ хребтовъ, пользуются здѣсь теплымъ затишьемъ. Термометръ показываетъ разницу до 5 градусовъ, въ зависимости отъ степени высоты защищающихъ контръ-форсовъ, черезъ которые не можетъ перевалить холодный, тяжелый воздухъ ночной бризы. Такъ какъ вѣтры съ характеромъ бризы срываются съ горъ зимою, днемъ, то и ихъ низкая, охлаждающая температура имѣетъ громадную разницу какъ въ дикой, такъ и культурной растительности края, противъ устьевъ долинъ и на скалахъ. На этихъ послѣднихъ всюду разбросаны элементы флоры южной Европы; въ мѣстахъ же, подвластныхъ вліянію вѣтровъ, преобладаютъ болѣе сѣверныя формы растеній. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ Батумской области, возможна культура апельсинъ (равно какъ и на Новомъ Аѳонѣ, значительно сѣвернѣе Батума), а въ другомъ они мерзнутъ.

Растительность Колхиды, какъ видимъ, вполнѣ отвѣчаетъ ея климатическимъ условіямъ. Характерная черта ея—это черта расти-

тельности субтропическихъ странъ влажнаго типа. Лѣсъ является господствующей формаціей края; здѣсь свободны отъ лѣсовъ только высокія вершины горъ близъ снѣжной линіи, да мѣста, гдѣ человѣкъ своею рукою истребилъ деревья. Но стоитъ только человѣку прекратить на время свою истребительную дѣятельность, деревья сейчасъ вновь начинаютъ выростать на опустошенномъ мѣстѣ. Лѣсъ нашей Колхиды многими своими чертами отличается отъ лѣсовъ средней Европы или сѣвернаго Кавказа. Первая характерная черта его—это присутствіе вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ, составляющихъ примѣсь во всѣхъ поясахъ колхидской растительности. Здѣсь не столько характеренъ лавръ, ютящійся только въ наиболѣе защищенныхъ и обращенныхъ къ солнцу береговыхъ откосахъ юго-западнаго берега Кавказа (напримѣръ, между Сочи и Адлеромъ), какъ рѣдкія и даже отсутствующія въ южной Европѣ формы растеній съ широкою кожистою листвою, напоминающею характеромъ своимъ листву вѣчно зеленыхъ тропическихъ породъ; это будутъ: понтійскій рододендронъ, лавровишня, плющъ и др. Многія изъ этихъ растеній, составляя характерную особенность прибрежныхъ лѣсовъ, поднимаются также и въ горы; таковы, напримѣръ, лавровишня и кавказскій рододендронъ. Эти вѣчно зеленыя формы дѣлаютъ здѣшнія зимы, какъ и зимы Японіи или южныхъ штатовъ Америки, зелеными зимами; этихъ формъ мы не видимъ нигдѣ на Кавказѣ, къ сѣверу отъ главнаго хребта.

Другою, общею съ субтропическими странами, чертою здѣшнихъ лѣсовъ является присутствіе въ нихъ ліанъ, эпифитовъ (колючія растенія) и плюща. Колхида обладаетъ такими ліанами, сплетенія которыхъ могутъ дѣлать полную иллюзію тропическаго лѣса... Здѣсь, напримѣръ, есть ліаны скрученныя, какъ пробочникъ, и толстыя, какъ руки, перебрасывающіяся съ дерева на дерево. Есть форма тонкая, какъ, кружево, заплетающая промежутки между деревьями: жимолость, виноградъ, сассапарильникъ, плющъ и высоко вьющійся шиповникъ—главные изъ представителей этого типа; они заполоняютъ пустоты между стволами, не остающимися здѣсь голыми, такъ какъ, помимо плюща, они обрастаютъ еще эпифитнымъ (колючимъ и вьющимся) папоротникомъ—явленіе обычное лишь въ тропическихъ странахъ, но не наблюдающееся нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Колхиды.

Другая черта, присущая собственно тропическимъ и субтропическимъ странамъ,—обиліе папоротниковъ, характеризующее также Колхиду. Послѣ Новой Зеландіи Колхида занимаетъ первое мѣсто по преобладанію въ своемъ лѣсномъ ландшафтѣ папоротниковъ: не только на деревьяхъ, на скалахъ и въ тѣнистыхъ оврагахъ видимъ мы здѣсь ихъ изящныя вàи, но и всѣ брошенныя поля заростаютъ въ Колхидѣ папоротникомъ; онъ составляетъ здѣсь главный бурьянъ,

заполоняющій всѣ культурные участки, и еще недавно его разсматривали, какъ бичъ земледѣлія. Впрочемъ, растеніе это, давно дающее японцамъ крахмалъ, а китайцамъ вкусный овощъ, далеко не такъ ужасно, какъ кажется,—и простое даже засѣваніе участка кормовыми травами содѣйствуетъ быстрому исчезанію этого папоротника (орляка). Но, пока, всѣ луга среди лѣсовъ Абхазіи, Мингреліи и Батумскаго края заняты этимъ папоротникомъ, замѣняющимъ луговые злаки и бурьяны въ Колхидѣ. Исполинъ по сравненію съ своими собратьями на сѣверѣ, образуя дебри, въ которыхъ могутъ скрыться всадникъ и пѣшеходъ съ головою, онъ все-таки не принадлежитъ къ гигантамъ своего семейства въ Колхидѣ. Пальму первенства надо отдать, безспорно, представителю отдаленной отъ насъ третичной эпохи, царственной Osmunda regalis: въ болотистыхъ лѣсахъ около Адлера папоротникъ этотъ образуетъ громадной высоты стволы, подобіе которыхъ можно наблюдать лишь въ тропическомъ мірѣ.

Затѣмъ, еще одна черта растительности сближаетъ Колхиду съ субтропическими странами—это преобладаніе въ составѣ ея лѣсовъ деревьевъ изъ семейства плюсконосыхъ. Будучи царствомъ лѣса вообще, покрывающаго горы и долины, болота и кручи, Колхида покрыта по преимуществу лѣсами лиственными: сосна, въ лицѣ приморской сосны Pinus halepensis, ютится лишь изолированными островками по откосамъ по берегу моря, гдѣ къ ней присоединяется нерѣдко благородный лавръ и еще болѣе рѣдкіе виды растеній области Средиземнаго моря: Vitex, тростникъ Arundo Donax и др. Дубы, хмелеграбъ, грабъ, сладкій каштанъ, орѣшникъ, букъ—вотъ господствующія въ здѣшнихъ лѣсахъ породы, смѣняющія одна другую, въ зависимости отъ того, будутъ ли почва и климатъ влажнѣе или суше. Каштанъ съ вѣчно зеленымъ подлѣскомъ изъ лавровишни и рододендронъ господствуютъ въ сырой Батумской области.

Здѣшніе лѣса чрезвычайно бѣдны цвѣтами. Высокіе кустарники заполняютъ просвѣты между стволами, обыкновенно сильно запутанные ліанами и колючею ежевикою. Если и встрѣчаются здѣсь цвѣты, то они ютятся или на болѣе сыромъ мѣстѣ, или расцвѣтаютъ, какъ, напримѣръ, дряква (Cyclamen), раннею весною или даже зимою. Но зато украшеніе лѣсовъ Колхиды, какъ и другихъ субтропическихъ областей, составляютъ цвѣтущія деревья и кустарники. Какъ въ лѣсахъ Японіи камеліи, азаліи, магноліи и гардeніи, такъ здѣсь душистый жасминъ, кавказская азалія, рододендронъ, каштаны, жимолость, мушмала, барвинки и т. под. растенія украшаютъ лѣса и лѣсные откосы. Цвѣтеніе деревьевъ и травъ растянуто здѣсь почти на всѣ четыре времени года: кусты V'Aex цвѣтутъ въ августѣ, каштанъ въ іюлѣ, азалеи въ апрѣлѣ, рододендронъ въ февралѣ, Colchicum цвѣтетъ въ сен-

тябрѣ, драква (Cyclamen)—зимою. Здѣсь всегда есть цвѣты, но всегда ихъ мало, всегда въ противоположность нашимъ лѣсамъ весною и лѣтомъ зелень преобладаетъ надъ цвѣтами; нѣтъ такого мѣста или времени года, когда бы вы не могли составить себѣ пышнаго букета, но всегда для этого нужно искать цвѣтовъ.

На Бискайскомъ побережьѣ Испаніи характеръ флоры наиболѣе подходитъ къ лѣсамъ Колхиды: тамошніе илексъ, самшитъ, рододендронъ, плющъ и родственная лавровишнѣ Prunus Lusitanica составляютъ такой же вѣчно зеленый подлѣсокъ въ лѣсахъ, по составу своему очень сходныхъ съ лѣсомъ Сочи и Сухума. И насколько эти лѣса Лузитаніи поддаются сравненію съ колхидскими, настолько не имѣютъ съ ними и тѣни сходства тѣ заросли, которыя мы видимъ на Ривьерѣ и въ другихъ типичныхъ мѣстахъ съ средиземно-морскою флорою. Колхида совершенно не знаетъ ни этихъ низкихъ зарослей мелколистаго, вѣчно зеленаго кустарника, извѣстнаго подъ именемъ maquis, ни тѣхъ скалъ съ сѣдою и сѣрою растительностью, ароматичною и колючею, которая такъ характерна для скалъ южной Европы. Маслина, этотъ типъ средиземно-морского дерева, развивается у насъ неохотно,—и только въ такихъ совершенно исключительныхъ мѣстностяхъ, какъ Гагри или Новый Аѳонъ удалось упрочить ея существованіе.

Колхидская флора—это островъ флоры Атлантическаго побережья Западной Европы, болѣе пышной, болѣе богатой мѣстными видами, но все-таки примыкающей къ флорѣ листопадовъ. Въ этомъ лежитъ залогъ всего культурнаго будущаго Колхиды, такъ какъ, будучи областью переходною, она даетъ возможность культивировать на своей богатой и плодотворной почвѣ флору какъ средиземнаго и японскаго, такъ и западно-европейскаго типа. Для этого только нужны знаніе и средства. Эта флора снизу и до верху на побережьѣ сохраняетъ субтропическій характеръ, который сказывается не только въ растительности, но и въ фаунѣ, и въ почвахъ, и въ другихъ особенностяхъ природы Колхиды. Ея нивы носятъ характерныя особенности нивъ влажныхъ субтропическихъ странъ; горныя породы, благодаря влагѣ и теплу, большему, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, подвергаются энергичнѣйшему вывѣтриванію и выщелачиванію. Гдѣ выходятъ породы изверженныя, тамъ обыкновенно изъ нихъ образуется яркокоричневая глина, весьма близкая по характеру своему къ тропическому красноземy; этотъ послѣдній находится только въ этомъ уголкѣ нашего отечества и сильно развитъ около Батума и Кутаиса, благодаря чему многія мѣстности Чаквы, занятыя нынѣ чайными плантаціями, всецѣло переносятъ путешественника въ обстановку Цейлона...

Животный міръ Колхиды носитъ, конечно, всѣ особенности кавказской фауны; но и здѣсь нельзя не отмѣтить двухъ харак-

терныхъ чертъ его—обилія видами тропическаго характера (гіена, шакалъ и др.) и формами вымирающими, представляющими отголоски фауны прежнихъ эпохъ (зубръ, барсъ). Какъ на Цейлонѣ, путешественникъ, пріѣхавъ въ Колхиду въ лѣтнее время, бываетъ пораженъ массою летающихъ свѣтляковъ и цѣлымъ дождемъ свѣтящихся точекъ, осыпающихъ всѣ деревья... Какъ всѣ отголоски субтропиковъ, они заканчиваются въ Сочинскомъ округѣ. Какъ въ Индіи и на островѣ Явѣ, буйволъ является и здѣсь главнымъ помощникомъ человѣка, отодвигающимъ на второй планъ и лошадь, и вола. Лицу, поселившемуся въ Сочинскомъ округѣ, приходится, какъ и въ Америкѣ же, имѣть своимъ главнымъ врагомъ насѣкомыхъ, но не комаровъ и мошку, какъ въ тайгѣ Сибири, а муравьевъ и осъ, какъ въ тропическихъ странахъ. Всѣ эти черты природы даютъ Колхидѣ совершенно особое мѣсто и среди всѣхъ другихъ областей Кавказа.

Понятно, что вслѣдствіе этого и самая жизнь и хозяйство должны слагаться на кавказскомъ побережьѣ тоже совершенно особеннымъ образомъ. Изолированная отъ другихъ субтропическихъ областей, поставленная исторіею въ весьма неблагопріятныя условія для самобытнаго культурнаго развитія, Колхида до послѣдняго времени болѣе или менѣе неудачно заимствовала отъ ближайшихъ сосѣдей пріемы культуры, и поэтому донынѣ представляетъ изъ себя край запущенный, мало населенный и мало культурный. Между тѣмъ, она имѣетъ всѣ условія для своего блестящаго развитія и процвѣтанія...

И министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, слѣдуетъ прибавить, дѣлаетъ съ своей стороны все возможное, чтобы содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ средствъ, этому постепенному развитію Колхиды въ настоящемъ и ея процвѣтанію въ будущемъ.

А это будущее,—говоримъ еще разъ,—зависитъ единственно отъ проведенія побережной желѣзной дороги, то-есть, отъ скорѣйшаго разрѣшенія для нашего правительства и общества весьма серіознаго вопроса—что выгоднѣе: провести ли по Черноморскому побережью Кавказа желѣзную дорогу и устроить затѣмъ собственную Ривьеру, или же, махнувъ рукой на красоту и роскошь своей страны, уѣзжать попрежнему тысячами семействъ за границу, на тамошнюю Ривьеру, оставляя тамъ ежегодно по нѣскольку милліоновъ русскихъ рублей?..

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

НОВОЕ О СТАРОМЪ.

«Es ist eine alte Geschichte,
«Doch bleibt sie immer neu».

НЕ ПЕРВЫЙ уже разъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» появляется имя отца Павла Пирлинга; ученый изслѣдователь Смуты занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду работавшихъ надъ этой эпохой, и все, что выходитъ изъ-подъ его пера, русская историческая наука встрѣчаетъ съ живѣйшимъ интересомъ. Общественное положеніе отца Пирлинга открыло ему широкій доступъ къ источникамъ, до самаго послѣдняго времени лежавшимъ за семью печатями; сокровища Ватиканскаго архива, благодаря неустанной работѣ ученаго патера, вошли теперь въ научный оборотъ, сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Русскій по воспитанію и симпатіямъ, отецъ Пирлингъ обратилъ преимущественное вниманіе на исторію отношеній папскаго престола къ Россіи и далъ намъ цѣлый рядъ талантливыхъ, научно, живо, увлекательно написанныхъ монографій, преимущественно посвященныхъ исторіи извѣстнаго посольства Поссевина къ Грозному царю и трагической судьбѣ того загадочнаго человѣка, который подъ именемъ Димитрія блестящимъ метеоромъ мелькнулъ на московскомъ престолѣ [1]). Въ послѣднее время почтенный ученый

---

[1]) «Rome et Moscou», «Un nonce du Pape en Moscovie», «Le Saint Siège, la Pologne et Moscou», «Antonii Possevini Missio Moscovitica», «Bathory et Possevini», «Papes et Tsars», «Rome et Démétrius» и мн. др.

сталъ подводить итоги своей научной дѣятельности, собирая воедино все имъ созданное, дополняя и освѣщая старые труды свои свѣтомъ новыхъ имъ добытыхъ указаній. Такимъ суммирующимъ трудомъ и является пользующееся широкой извѣстностью сочиненіе отца Пирлина «La Russie et le Saint-Siège»; третій томъ этого труда, недавно появившійся въ свѣтъ, представляетъ собой интереснѣйшій обзоръ событій Смутнаго времени главнымъ образомъ составленный по даннымъ римскихъ, парижскихъ и краковскихъ архивовъ. Эпоха московской разрухи издавна привлекала къ себѣ преимущественный интересъ занимавшихся русской исторіей, нѣтъ ни одного періода нашей старины, изслѣдованнаго такъ подробно и обстоятельно, какъ этотъ, и все же книга отца Пирлинга даетъ намъ много новаго и интереснаго. Задачей настоящей статьи является познакомить русскихъ читателей съ главнѣйшими результатами, добытыми изслѣдователемъ; пользуясь его изложеніемъ, опираясь и на тѣ источники, которыми онъ почему либо не воспользовался мы дадимъ краткій очеркъ событій лихолѣтья.

I.

Въ таинственныхъ нѣдрахъ земли, недоступныхъ пытливому взору наблюдателя, работаютъ грозныя силы природы; незримо подготовляютъ онѣ тѣ перемѣны, перевороты, которымъ такъ часто приходится дивиться, которые постоянно измѣняютъ видъ земной поверхности. Познать силы эти давно уже стремится наука, много сдѣлала она для объясненія ихъ сущности, но многое въ дѣятельности ихъ представляетъ собою еще загадку.

Въ жизни человѣчества тоже замѣчается дѣятельность скрытыхъ силъ; не всегда замѣтные поверхностному взгляду процессы подготовляютъ обществу переходъ изъ одного состоянія въ другое—и какъ неожиданъ, какъ страненъ иногда кажется этотъ переходъ; но вглядишься—и выступитъ иногда, правда въ неясныхъ очертаніяхъ, та работа, что скрытно, незамѣтно, но вѣрно и неотразимо подготовила новыя явленія.

На рубежѣ XVI и XVII вѣковъ Русская земля пережила страшное потрясеніе; лихолѣтьемъ прозвали то время люди, съ ужасомъ вспоминали его не только современники, а и позднѣйшія поколѣнія. Внезапно, подобно шквалу въ открытомъ океанѣ, налетѣла бѣда эта на Русь, «доброцвѣтущую красоту» ея погубила, тяжкой разрухой отозвалась она въ русской жизни, но уже задолго до ея появленія можно было чуять недоброе, давно уже безоблачный прежде горизонтъ политической жизни Московскаго государства обложился тяжелыми, грозными тучами.

И смуту чуяли, смуту предсказывали и русскіе, и иныхъ земель люди: «горе грабящимъ, и кровь проливающимъ, и милости и суда не имущимъ... занеже день отмщенія близъ есть», пророчески пишетъ князь Курбскій, скорбнымъ окомъ прозрѣвая бѣдствія родной земли.

Въ написанной въ дни Грознаго царя бесѣдѣ преподобныхъ валаамскихъ чудотворцевъ читаемъ слѣдующія вѣщія строки: будетъ у насъ голодъ и моровое повѣтріе, и междоусобная брань, и войны придутъ на насъ, и будетъ смятеніе великое, и запустѣетъ земля; и цари не подолгу будутъ сидѣть на престолѣ, часто будутъ смѣняться они. Наблюдательный иноземецъ, англичанинъ Флетчеръ тоже охваченъ недобрымъ предчувствіемъ; пресѣчется родъ царскій со смертью особъ, нынѣ живущихъ, пишетъ онъ, и настанетъ переворотъ въ Русскомъ царствѣ. Такъ люди самыхъ различныхъ положеній и симпатій сходились во взглядахъ на настоящее и будущее земли Русской.

Что же заставляло ихъ такъ мрачно смотрѣть на это будущее? «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», говорили новгородцы, призывая въ землю свою князей-варяговъ; прошли вѣка, угасало потомство варяговъ, а порядка все не было на Русской землѣ. Странно сложившаяся историческая судьба русскаго племени заставила его жить не такъ, какъ оно должно было бы жить: пріучивъ русскаго человѣка къ труду земледѣльца, судьба эта согнала его со степного чернозема, посадила его на поволжскомъ суглинкѣ; въ земледѣльческомъ народѣ русскомъ земледѣльцу жилось хуже всѣхъ: нужда государственная подчинила интересы поильца-кормильца земли, земледѣльца, интересамъ служилаго землевладѣльца; государя русскаго, отца всѣхъ «сиротъ» земли своей, царя, которому «потомокъ Рюрика, бояринъ, смердъ — всѣ равны», судьба русскаго народа окружила родовитой аристократіей, и московскіе народные цари отрѣзаны были отъ народа своего густою толпой боярства.

Цѣлый рядъ противорѣчій въ жизни русскаго народа—понятно, что нелегко жилось ему; на этой почвѣ естественно могло, даже должно было создаться недоброе, должна была родиться смута. Вторая половина XVI вѣка занята царствованіемъ Грознаго; скорбно-загадочной является намъ его фигура въ сумракѣ прошлаго. Надвигалось на землю Русскую горе-злосчастіе, и отвратить его стало задачей царя; не одна кровожадность и подозрительность заставила Грознаго пролить потоки крови, чуялъ онъ приближавшуюся бѣду, и боролся съ ней, не жалѣя ни себя, ни другихъ, боролся, не разбираясь въ средствахъ; безплодна была эта борьба, лихолѣтье не миновало Россію, и отчасти виноватъ въ возникновеніи его и самъ царь Иванъ. Страшны были средства, пущенныя имъ въ ходъ: опричнина, опалы, погромы—все это, измѣняя жизнь на-

рода, не могло не подѣйствовать на него развращающимъ образомъ: пустѣли земли опальныхъ, «между дворы» скитались ихъ крестьяне и холопы, подати и войны разоряли крестьянъ, сгоняли ихъ съ мѣста, слишкомъ часто и не всегда справедливо бросаемое обвиненіе въ измѣнѣ заставило не придавать обвиненію этому большой цѣны; не ладно жило и измалодушествовалось русское общество, само быстрыми шагами шло оно на встрѣчу смутѣ; и смута пришла, когда явился для нея удобный поводъ, поводъ, какой имѣла не одна только русская смута; поводомъ этимъ явилось пресѣченіе царствующаго дома.

Этому угасанію династіи Іоанна Калиты и посвящена первая глава книги Пирлинга; здѣсь, по его мнѣнію, главный центръ подготовки смуты; мы знаемъ теперь, что взглядъ этотъ является немного одностороннимъ, смута выросла не только въ кремлевскомъ дворцѣ, глубоко въ народѣ имѣла также она свои корни.

Давно миновали тѣ времена, когда родъ Рюрика множился и дѣлилъ Русскую землю на части; московскіе князья собрали землю Русскую воедино, ихъ удѣльные родичи потеряли всякое династическое значеніе, войдя въ ряды боярь великокняжескихъ. А въ лицѣ правнуковъ Калиты и Донского потомство варяга угасало. Послѣдній собиратель земли Русской, Василій III, послѣ двадцатилѣтняго супружества не имѣлъ дѣтей. «Горе мнѣ», говорилъ онъ, «и птицы небесныя и звѣри земные, и воды, и земля — все множится, все приноситъ плодъ; одинъ я сына не имѣю!» Бояре посовѣтовали князю посѣчь неплодную смоковницу и насадить новую; послушалъ добраго совѣта Василій, развелся съ супругой и женился — вопреки церковному порядку — на красавицѣ Еленѣ Глинской.

Богъ благословилъ этотъ бракъ, давъ Василію сына; сынъ этотъ, по словамъ современника, родился «въ законопреступленію и въ сладострастію», многіе смотрѣли на него, какъ на плодъ беззаконнаго союза; сыну этому суждено было стать Грознымъ царемъ. Онъ, заодно съ кровавой расправой, учиненной съ боярствомъ, обагрилъ руки въ крови близкихъ своихъ, былъ палачемъ своего, и безъ того уже малочисленнаго, рода; главною жертвой его былъ его двоюродный братъ, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій; завидуя его боевой славѣ еще со временъ Казанскаго взятія, Іоаннъ съ недовѣріемъ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, не пожелавшаго присягнуть малолѣтнему царевичу Димитрію, когда царь заболѣлъ огневицей; Владиміръ подвергся всевозможнымъ стѣсненіямъ, въ 1569 году пришла пора кроваваго расчета; князь Владиміръ и все почти его семейство погибли жертвою царскаго гнѣва. Но царь не остановился на этомъ: новымъ и еще болѣе страшнымъ дѣяніемъ способствовалъ онъ скорѣйшему угасанію династіи: въ 1581 году палъ отъ руки отца царевичъ Иванъ. И

остался Грозный царь безъ наслѣдника—нельзя же было считать способными замѣнить или даже замѣстить отца ни слабоумнаго Ѳеодора, ни малолѣтняго Димитрія.

Ѳеодоръ вступилъ на престолъ; но гдѣ же управить ему государствомъ, ему, котораго отецъ считалъ способнымъ лишь на колокольнѣ звонить; и понятно, что именемъ неспособнаго царя сталъ править другой, его шуринъ Борисъ Годуновъ; но не легко далось ему это. На Годунова—въ которомъ отецъ Пирлингъ весьма остроумно показываетъ намъ продолжателя политической программы Іоанна, продолжателя лишь менѣе кровожаднаго—боярство московское смотрѣло, какъ на выскочку, и не могло ему уступить первое мѣсто безъ борьбы; началась борьба.

Одинъ за другимъ сходятъ со сцены соперники Годунова: пострижень Мстиславскій, разосланы въ ссылку Шуйскіе, многіе изъ нихъ уже не увидятъ Москвы; ихъ сторонникъ, митрополитъ Діонисій, заточенъ въ монастырь. Но страшнѣе, чѣмъ эти враги, были для Годунова всѣ тѣ, кто могъ стать ему поперекъ дороги не въ настоящемъ, а въ будущемъ, всѣ члены царствующаго дома; и дѣло его истребленія, начатое въ кровавомъ чаду царемъ Иваномъ, продолжается спокойно и хладнокровно его ученикомъ и любимцемъ.

Выманивъ изъ Риги вдову Магнуса, сдѣланнаго «королемъ ливонскимъ» державной волей царя Ивана, Борисъ заточилъ ее въ монастырь; какъ дочь князя Владимира Андреевича, несчастная могла помѣшать ему добраться до престола. Умерла дочь несчастной королевы-вдовы, умерла вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву.

Въ 1591 году земля Русская поражена была страшной вѣстью о смерти Димитрія царевича; вскорѣ, послѣ цѣлаго ряда семейныхъ потерь, сошелъ въ могилу царь Ѳеодоръ: «Во всемъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ; како ему годно, такъ и будетъ!» — таковъ былъ послѣдній завѣтъ умирающаго, до конца пребывшаго вѣрнымъ себѣ «постника и молчальника».

Во всей исторіи возвышенія Бориса, въ его работѣ расчистки пути къ престолу, наиболѣе темнымъ, загадочнымъ дѣломъ является «Углицкое дѣйство»; смерть царевича Димитрія — вотъ одинъ изъ тѣхъ «проклятыхъ вопросовъ», на которые «дать отвѣты намъ прямые» старались, и, надо сознаться, тщетно старались всѣ почти русскіе историки; останавливается здѣсь и отецъ Пирлингъ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе его анализа этого факта, укажемъ главнѣйшіе выводы, къ какимъ пришелъ почтенный ученый. Прежде всего, главный источникъ ознакомленія нашего съ углицкой драмой, слѣдственное дѣло князя Шуйскаго съ товарищи, по мнѣнію отца Пирлинга совершенно не заслуживаетъ довѣрія, и даже если бы нельзя было подвергнуть его критическому разбору—одно то, что главный слѣдователь, князь Шуйскій, впослѣд-

ствіи мѣнялъ свой взглядъ на эту катастрофу; извѣстная лживость князя Василія Ивановича лишаетъ насъ возможности вѣрить произведенному имъ слѣдствію; однако же и въ самомъ слѣдствіи есть нѣкоторые признаки его внутренней несостоятельности; изъ всѣхъ, указанныхъ отцомъ Пирлингомъ доводовъ, на нашъ взглядъ, важнѣе другихъ слѣдующій: центръ тяжести разслѣдованія неоспоримо лежитъ въ показаніяхъ мамки царевича, Василисы Волоховой, она первая нарисовала ту картину смерти царевича, на которой, какъ на самой достовѣрной, остановились слѣдователи; однако оказывается, что Волоховой не было въ числѣ лицъ, окружавшихъ Димитрія въ его смертный часъ: товарищи дѣтскихъ игръ сына Грознаго въ показаніяхъ своихъ перечисляютъ женщинъ, присутствовавшихъ на дворѣ царскаго терема въ роковую минуту, но ни одинъ изъ нихъ не называетъ Волоховой; цѣнность ея показанія такимъ образомъ падаетъ чрезвычайно низко. Подрывая достовѣрность «слѣдственнаго дѣла», отецъ Пирлингъ тѣмъ самымъ оставляетъ насъ въ полной невозможности разобраться въ этомъ вопросѣ, дѣлаетъ для насъ одинаково обязательнымъ вѣрить или не вѣрить всѣмъ другимъ показаніямъ современниковъ о знаменательномъ днѣ 15-го мая; вопросъ остается совершенно открытымъ, а потому изслѣдователь имѣетъ право прійти въ дальнѣйшемъ къ самому для насъ неожиданному выводу; какъ бы страненъ ни казался онъ намъ, мы не смѣемъ его оспаривать, такъ какъ намъ нечего ему противопоставить.

II.

Изъ Московіи дѣйствіе переходитъ въ Польшу.

При дворѣ такого фанатика католицизма, какимъ былъ король Сигизмундъ III, постъ папскаго нунція былъ чрезвычайно важенъ, и Ватиканъ обыкновенно поручалъ его своимъ лучшимъ дипломатамъ; съ 1599 года Клавдій Рангони, епископъ Реджіо, занималъ это мѣсто; человѣкъ хорошаго общества, вполнѣ свѣтскій, онъ былъ одаренъ драгоцѣннымъ для дипломата умѣньемъ быть au courant совершающихся вкругъ него событій, во̀ время все узнать и во̀ время дать знать въ Римъ обо всемъ важнѣйшемъ; но, къ сожалѣнію, онъ могъ только итти за событіями; господствовать надъ ними, направлять ихъ по своему усмотрѣнію, создавать новые политическіе планы и комбинаціи — для этого монсиньоръ Рангони не обладалъ необходимою геніальностью.

1-го ноября 1603 года, на аудіенціи у короля, при дворѣ котораго онъ былъ persona grata, Рангони впервые услышалъ странную новость; шелъ слухъ, что въ Польшѣ появился Димитрій, сынъ Іоанна IV, чудесно спасшійся отъ рукъ убійцъ; его признали уже царевичемъ многіе изъ бывшихъ въ Польшѣ московскихъ

людей [1]), король хотѣлъ доподлинно узнать все это дѣло и приказалъ покровителю царевича, князю Адаму Вишневецкому, привезти его ко двору.

Рангони поспѣшилъ сообщить эти диковинныя извѣстія въ Римъ, но тамъ вѣсть о спасеніи царевича Димитрія не вызвала ничего, кромѣ недовѣрія; на поляхъ донесенія краковскаго нунція, Климентъ VIII сдѣлалъ помѣтку, показывающую, что онъ подозрѣвалъ здѣсь самозванство. Не разсѣяло пока его подозрѣній и донесеніе Вишневецкаго королю съ изложеніемъ исторіи спасенія Димитрія, присланное въ Ватиканъ въ копіи; донесеніе это дѣйствительно способно скорѣе усилить, чѣмъ разсѣять всякое недовѣріе; фантастическій разсказъ царевича о спасеніи его отъ смерти, благодаря тому, что вѣрный его воспитатель подмѣнилъ его другимъ ребенкомъ, и убійцы во мракѣ ночи не замѣтили своей ошибки, невѣроподобнѣйшее изложеніе углицкаго мятежа, повѣствованіе о скитаніяхъ чудесно спасеннаго изъ монастыря въ монастырь—все это тѣмъ болѣе похоже на самый беззастѣнчивый вымыселъ, что Димитрій ни разу не приводитъ ни собственнаго имени, ни даты, ничего такого, чѣмъ можно было бы провѣрить его розсказни; все его московское прошлое закутано непроницаемымъ покровомъ таинственности; и это тѣмъ ярче кидается въ глаза, что обстоятельства его жизни въ Польшѣ изложены имъ замѣчательно подробно. Документъ этотъ имѣетъ для насъ несомнѣнную цѣнность въ рѣшеніи вопроса о подлинности Димитрія: ему было существенно важно заинтересовать Сигизмунда въ своемъ дѣлѣ, онъ долженъ былъ во что бы то ни стало доказать королю, что онъ—настоящій царевичъ, не самозванецъ; если онъ для достиженія этой цѣли приводитъ лишь общія мѣста да баснословныя розсказни—очевидно это потому, что иного ему привести нечего.

Войдя въ домъ князя Вишневецкаго простымъ слугой, Димитрій скоро получилъ случай открыть свое царственное происхожденіе; князь Адамъ тѣмъ легче увѣровалъ, что у него были свои счеты съ правительствомъ царя Бориса изъ-за пограничныхъ столкновеній; вѣра эта еще болѣе возросла, когда начали являться люди, признававшіе спасшагося царевича (къ слову сказать, такое признаніе ничего, кромѣ выгодъ, не могло доставить проходимцамъ, свидѣтельствовавшимъ подлинность царевича). Вѣра эта облегчила Димитрію начало переговоровъ съ казаками при посредствѣ князя, вѣра эта повела Димитрія въ Краковъ. Дорога въ Краковъ лежала черезъ Самборъ; здѣсь рѣшилась дальнѣйшая судьба Димитрія, здѣсь къ его исторіи примѣшивается романическій элементъ.

Самборскій и львовскій староста, воевода сандомірскій Юрій

---

[1]) Очевидно, скажемъ отъ себя, что далеко не лучшіе элементы московскаго общества покидали родину для Польши.

Мнишекъ, и его семья играютъ видную роль въ исторіи воскресшаго царевича; что же это за люди? Глава семьи, панъ Юрій, былъ въ свое время любимцемъ Сигизмунда II въ послѣдніе годы его царствованія, и весь позоръ жизни короля въ Кнышинѣ, его распущенность, его развратъ, темнымъ пятномъ ложатся на память Мнишка; злой геній короля при его жизни, онъ оказался послѣ кончины своего благодѣтеля невѣрнымъ слугою: поднятъ былъ, правда, не доведенный до конца, скандальнѣйшій процессъ по обвиненію пана Юрія въ грабежѣ всего почти королевскаго движимаго имущества — денегъ, драгоцѣнныхъ вещей, посуды. Бурная и не безгрѣшная молодость прошла; Мнишекъ — воевода сандомірскій (благодаря своимъ семейнымъ связямъ), отецъ многочисленнаго семейства, одинъ изъ благочестивѣйшихъ сыновъ матери церкви католической; какъ это часто бываетъ съ подобными ему людьми, подъ старость забота о душѣ заставила его обратиться къ дѣламъ благочестія; польскіе бернардинцы не могли нахвалиться его ревностью въ дѣлѣ распространенія уніи, его считали они однимъ изъ наиболѣе щедрыхъ благотворителей своего ордена.

Зная эту щедрость Мнишка, зная широкую, привольную, роскошную жизнь, какую вели въ ту пору польскіе магнаты, мы не станемъ дивиться, что неправедно нажитое добро не пошло въ прокъ сандомірскому воеводѣ; его денежныя дѣла находятся въ страшномъ разстройствѣ, онъ—на порогѣ разоренія, его имущество еще лѣтомъ 1603 года едва не было описано за долги казнѣ; онъ долженъ былъ жадно хвататься за всякій случай поправить свои запутанныя обстоятельства—Димитрій явился для него драгоцѣнной находкой; старый, бывалый человѣкъ, Мнишекъ слыхалъ кое-что о несмѣтныхъ богатствахъ казны московскихъ государей, теперь онъ строитъ планы заполучить въ свои руки хоть частицу этихъ сокровищъ.

Но для того, чтобъ нажиться московской казной, нужно было залучить къ себѣ Димитрія, надо было привязать его къ себѣ; и то и другое возможно было, благодаря зятю пана Юрія, князю Константину Вишневецкому, благодаря дочери воеводы, паннѣ Маринѣ.

Димитрій сблизился съ двоюроднымъ братомъ князя Адама, понимая необходимость заручиться польской поддержкой; скорѣе, чѣмъ послѣдній, князь Константинъ могъ доставить царевичу эту помощь; «онъ былъ католикъ, женатъ на полькѣ, у него была свояченица на выданьѣ и тесть сенаторъ, готовый продать себя», — такъ рисуетъ намъ отецъ Пирлингъ тѣ выгоды, которыя Димитрій извлекъ изъ связи съ зятемъ Мнишка; зять и тесть дѣйствовали заодно, дружно, Димитрій волей-неволей явился въ Самборъ.

Царская встрѣча ждала его здѣсь; семья хозяина всѣмъ своимъ обращеніемъ показывала гостю, что всѣ симпатіи—на его сторонѣ; но ему особенно дороги были симпатіи молодой дочери Мнишка,

Марины; уже съ самаго начала люди, знавшіе и ее, и Димитрія, не скрывали своего убѣжденія, что «русскій Самсонъ встрѣтитъ здѣсь свою Далилу»; любовь къ Маринѣ крѣпко связала царевича съ семьей Мнишковъ, эта же любовь роковымъ образомъ должна была толкнуть его на новый и опасный путь перемѣны исповѣданія.

Иниціатива этого дѣла, насколько позволяютъ судить до сихъ поръ изданные документы Ватиканскаго архива, принадлежитъ самому Мнишку и двумъ его друзьямъ-монахамъ, ксендзу Помасскому и Анзерину; но не думается, чтобы Димитрій оказалъ упорное сопротивленіе; и его просвѣтители, и самъ онъ отлично понимали, что, лишь перейдя въ католичество, можетъ онъ разсчитывать на прочную поддержку польскаго правительства и общества; а поддержка эта ему нужна: подъ вліяніемъ честолюбиваго старика Мнишка планы названнаго царевича дѣлаются все грандіознѣе, однѣми силами казачьихъ и татарскихъ шаекъ нельзя было добиться ихъ исполненія (къ тому же, вѣроятно, поляки и не хотѣли позволить Димитрію обойтись безъ ихъ помощи, желая продать ему ее, и продать подороже). За помощью этой Мнишекъ и Константинъ Вишневецкій повезли Димитрія въ мартѣ 1604 года въ Краковъ къ королю Сигизмунду.

III.

Еще до появленія Димитрія въ Краковѣ, вопросъ, чего держаться по отношенію къ новоявленному царевичу московскому, долженъ былъ занимать короля, тѣмъ болѣе, что разрѣшить этотъ вопросъ самостоятельно онъ не могъ; ревниво относившаяся къ своимъ вольностямъ польская шляхта — и мелкая, и магнаты—не позволяла королю рѣшать безъ ея согласія государственныя дѣла, а особливо—такой важности; помогая Димитрію, Сигизмундъ тѣмъ самымъ втягивалъ рѣчь Посполитую въ войну; война эта была тѣмъ менѣе желательна, что незадолго Польша и Россія заключили между собою двадцатилѣтнее перемиріе; нарушая его, король преступалъ крестное цѣлованіе.

Не диво, что въ такомъ сложномъ вопросѣ мнѣнія сенаторовъ, съ которыми король счелъ себя обязаннымъ посовѣтоваться, разошлись: одни — и на этой сторонѣ были голоса такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Замойскій и Сапѣга, такихъ полководцевъ, какъ Жолкевскій и Ходкевичъ—прямо заявляли, что Польшѣ здѣсь нечего дѣлать: подлинность названнаго Димитрія болѣе чѣмъ сомнительна, а даже если бы онъ былъ и настоящій царевичъ—и то не давало бы полякамъ права нарушать утвержденное присягою перемиріе и вести войну, имѣя разстроенные финансы и враговъ въ тылу; наряду съ этимъ слышались, однако, и другіе голоса,

громче всѣхъ—краковскаго воеводы Зебжидовскаго; по его мнѣнію, раздѣляемому весьма многими, Польша не должна была упускать этого удобнаго, можно сказать, единственнаго случая взять верхъ надъ Москвой; вопросъ о присягѣ, данной поляками правительству Годунова, разрѣшался при этомъ съ до безнравственности изумительною ловкостью: помогая Димитрію, поляки очевидно считаютъ его настоящимъ царевичемъ — иначе кто бы ему помогъ? А разъ Димитрій—законный наслѣдникъ престола, то царь Борисъ—узурпаторъ, слово, данное ему, теряетъ поэтому всякую силу. Таковы были различныя мнѣнія сенаторовъ; ихъ разногласіе налагало на короля обязанность, не рѣшая дѣла по своему произволу, передать его на разсмотрѣніе сейма; является вопросъ: позволитъ ли королю ходъ событій, позволятъ ли ему его личныя симпатіи, сохранить строгій, безпристрастный нейтралитетъ до созванія этого сейма?

Пока шла переписка короля съ сенаторами, разнесшая имя Димитрія по всей Польшѣ, самъ претендентъ на московскій престолъ явился въ Краковѣ; ловкій Мнишекъ умѣлъ создать такую обстановку для царевича, что на него всѣ обратили вниманіе, о немъ всѣ заговорили; на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ честь царевича, который, однако, хранилъ строгое инкогнито, впервые увидалъ его Рангони и остался очень доволенъ своимъ отъ него впечатлѣніемъ. Это былъ первый шагъ къ сближенію царевича съ польскимъ высшимъ обществомъ; слѣдующій, и болѣе рѣшительный, сдѣланъ былъ черезъ два дня; 15 марта Димитрій получилъ наконецъ неофиціальную аудіенцію у Сигизмунда III.

Аудіенція эта окончательно опредѣлила собою отношенія короля къ царевичу; Сигизмундъ не желалъ итти противъ настроенія большинства въ польскомъ обществѣ и въ то же время не могъ отказать въ поддержкѣ Димитрію, такъ какъ послѣдній готовъ былъ купить эту поддержку на неслыханно выгодныхъ для продавца условіяхъ: дѣля шкуру еще не убитаго звѣря, царевичъ обѣщалъ королю оказать ему самую рѣшительную помощь въ борьбѣ со Швеціей, обязался уступить Литвѣ, какъ ея якобы законную собственность, Сѣверскую землю, и за все это просилъ лишь свободы дѣйствій для военныхъ приготовленій на польской территоріи. Условія эти соблазнили Сигизмунда, и онъ вступаетъ на путь колеблющейся, двуличной политики, о которой отецъ Пирлингъ говоритъ, что она была «менѣе всего порядочна»; офиціально соблюдая нейтралитетъ, король подъ рукой оказывалъ Димитрію покровительство и помощь, обманывая и Бориса, обманывая и поляковъ.

Такой характеръ политики Сигизмунда далъ даже поводъ утверждать, что его вдохновителями въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, явились іезуиты; для того, чтобы съ основаніемъ утверждать это, необходимо указать на слѣды іезуитскихъ происковъ, а такъ какъ слѣдовъ никакихъ не осталось (или если и оста-

лись, то не опубликованы), то вопросъ приходится оставить открытымъ. Несомнѣнно, однако, что религіозная подкладка существовала у этого дѣла; и характеръ Сигизмунда, и поведеніе Димитрія даютъ намъ право строить такое заключеніе: въ эпоху пребыванія въ Краковѣ и переговоровъ съ королемъ названный сынъ Грознаго перешелъ въ латинство.

Шагъ этотъ нельзя назвать въ полномъ смыслѣ слова неожиданностью; его надо было ждать съ тѣхъ поръ, какъ царевичъ связалъ свою судьбу съ поляками; лишь ставъ ихъ единовѣрцемъ, можно было разсчитывать на дѣйствительную помощь съ ихъ стороны. Оказать помощь московскому царевичу входило въ интересъ поляковъ, и они первые дѣлаютъ шаги съ цѣлью обращенія Димитрія; уже въ Самборѣ Мнишекъ и его друзья монахи говорили о перемѣнѣ вѣры, въ Краковѣ этотъ вопросъ снова былъ поднятъ пылкимъ Зебжидовскимъ, думавшимъ создать изъ Димитрія возможно болѣе послушное орудіе польской политики; Димитрій самъ охотно пошелъ на встрѣчу своимъ просвѣтителямъ.

По желанію московскаго царевича, Зебжидовскій устроилъ свиданіе между нимъ и Рангони; Димитрій долженъ былъ искать этого свиданія, долженъ былъ стараться перетянуть на свою сторону католическое духовенство, вліятельное въ Польшѣ, какъ нигдѣ, онъ долженъ былъ въ переговорахъ съ нунціемъ выказать наклонность къ католицизму; донесеніе Рангони въ Римъ проникнуто самыми розовыми надеждами на блестящую будущность латинства въ Московскомъ государствѣ. Для осуществленія этихъ мечтаній оставалось сдѣлать рѣшительный шагъ, Димитрій долженъ былъ стать послушнымъ сыномъ святѣйшаго отца папы; толкнуть его на этомъ рѣшительный шагъ предоставлено было іезуитамъ, которые лишь теперь появляются на сцену.

Говорятъ, что самборскій ксендзъ Помасскій былъ близокъ къ іезуитамъ и былъ виновникомъ ихъ знакомства съ Димитріемъ [1]). Рангони утверждаетъ, что онъ свелъ царевича съ братьями ордена Іисуса; какъ бы то ни было, лучшіе богословы іезуитовъ, во главѣ съ ловкимъ и ученымъ патеромъ Савицкимъ, начинаютъ при посредствѣ Зебжидовскаго вести съ Димитріемъ переговоры о вѣрѣ; Димитрій при этомъ тоже показалъ себя человѣкомъ, очень хорошо знающимъ православное богословіе, такъ хорошо, какъ могли его

---

[1]) Это—свидѣтельство іезуита Велевицкаго, вскользь, глухо говорящаго объ этомъ; можно предположить, что не Помасскій дѣйствовалъ на Димитрія черезъ іезуитовъ, а наоборотъ самъ явился лишь орудіемъ въ рукахъ воинства Іисуса: первые шаги Димитрія заинтриговали іезуитовъ, но они не хотѣли рисковать, связываясь съ темнымъ авантюристомъ, не хотѣли, на всякій случай, и упустить «царевича»; здѣсь-то и пригодился Помасскій; когда же выяснилось, что Димитрій можетъ разсчитывать на успѣхъ, іезуиты рѣшаются дѣйствовать сами, безъ помощи подставныхъ лицъ.

знать на Руси развѣ лишь монахи. Можно сказать, что диспутанты ломились въ открытыя двери, іезуиты обращали человѣка, уже рѣшившагося перейти въ латинство; потому-то такъ быстро и легко одержана была Савицкимъ и его товарищами безкровная побѣда; въ серединѣ апрѣля, на Страстной недѣлѣ, Димитрій убѣдился доводами іезуитовъ и объявилъ имъ о своемъ желаніи стать овцой избраннаго стада римскаго первосвященника.

Но какъ это сдѣлать? И самъ Димитрій, и іезуиты отлично понимали, что для русскихъ людей обращеніе царевича должно оставаться въ тайнѣ, иначе ему, еретику, не бывать на Московскомъ престолѣ; нужна была чрезвычайная осторожность, нуженъ былъ глубокій секретъ; здѣсь помогъ изобрѣтательный Зебжидовскій; прибѣгнувъ къ костюму «братьевъ милосердія», совершенно скрывающему черты лица отъ любопытныхъ взглядовъ, онъ провелъ Димитрія въ церковь св. Варвары при іезуитскомъ домѣ (дѣло происходило въ страстную субботу, 17 апрѣля), здѣсь царевичъ впервые исповѣдалъ Савицкому свои грѣхи.

На другой день, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній, Димитрій не выходилъ изъ дома; при помощи Савицкаго составилъ онъ, пользуясь вынужденнымъ досугомъ, письмо къ папѣ (это—то знаменитое письмо, которое недавно было издано при помощи фототипіи отцомъ Пирлингомъ, и которое безповоротно рѣшаетъ вопросъ о несомнѣнности московскаго происхожденія названнаго Димитрія); письмо это окончательно заставило святого отца, уже и безъ того благопріятно настроеннаго донесеніями Рангони, измѣнить свое первоначальное мнѣніе о царевичѣ; онъ готовъ благодарить Бога за ту чудесную помощь, которую Онъ оказываетъ римской церкви.

На святой недѣлѣ Димитрій причастился по католическому обряду изъ рукъ Рангони; нунцій и всѣ окружающіе тронуты были благочестивымъ восторгомъ царевича, были восхищены его полными ревности къ вѣрѣ заявленіями о готовности установить единеніе церквей и ратовать за торжество христіанства. Едва ли былъ онъ неискрененъ въ эти минуты; онъ принималъ вѣру поляковъ, которые поведутъ его на престолъ, вѣру Марины, которая дастъ ему все счастье его жизни...

Новообращенный не переставалъ выказывать себя добрымъ католикомъ, добросовѣстно относящимся къ своимъ обязанностямъ: отправляясь въ походъ, подвергаясь случайностямъ, лишеніямъ боевой жизни, Димитрій, разумѣется, не могъ поручиться, что станетъ строго соблюдать посты—онъ спѣшитъ получить разрѣшеніе въ этомъ невольномъ грѣхѣ. Твердо увѣренный въ успѣхѣ, не признавая возможности неудачнаго исхода своего предпріятія, царевичъ уже заранѣе обдумывалъ подробности своего воцаренія, царскаго вѣнчанія — и здѣсь тоже встрѣтилась ему трудность не-

разрѣшимая: церемонія коронованія требуетъ, чтобы царь получилъ причастіе изъ рукъ патріарха; можно ли католику, хотя бы и тайному, причащаться по греческому обряду изъ рукъ православнаго священнослужителя? Вопросъ былъ настолько серіозенъ, что Рангони своею властью не могъ рѣзрѣшить его; надо было снестись съ Ватиканомъ; но самая возможность возникновенія такого вопроса радовала нунція, давая ему высокое мнѣніе объ искренности новаго католика.

Загадочна, таинственна эта спокойная увѣренность Димитрія въ успѣхѣ своего дѣла, и теперь, въ исторической перспективѣ, она поражаетъ насъ еще болѣе, чѣмъ должна она была удивлять его современниковъ. Царевичъ еще не знаетъ, къ кому обратиться, для него еще не выяснилось, какими средствами онъ будетъ располагать; но онъ уже предвидитъ гибель Годунова, и гибель скорую, предвидитъ всѣ подробности своего вѣнчанія на царство. «Былъ ли онъ колдунъ», спрашиваетъ отецъ Пирлингъ, «обладалъ ли онъ даромъ ясновидѣнія; или же ему предстояло лишь выполнить съ помощью своихъ московскихъ доброхотовъ ими же составленную программу, для осуществленія которой надо было лишь приняться за дѣло?» Или же, прибавимъ мы, былъ онъ такъ увѣренъ въ истинности своего царственнаго происхожденія, что и тѣнь сомнѣнія въ немъ была для него недопустима даже и въ другихъ?

24 апрѣля, въ самый день своего обращенія, царевичъ покинулъ Краковъ, покинулъ навсегда; все, что должно было быть сдѣлано въ Краковѣ, было совершено; будущее покажетъ дальнѣйшіе шаги Димитрія.

IV.

Въ Польшѣ Димитрій подготовляетъ себѣ почву для рѣшительныхъ дѣйствій; въ Кремлѣ у Бориса Годунова почва уходитъ изъ-подъ ногъ. Давно миновали счастливые годы правленія Бориса, за послѣднее время ударъ за ударомъ посылала ему судьба: разбиты были всѣ его надежды создать блестящую семейную обстановку дочери своей, красавицѣ Ксеніи, умеръ ея женихъ, датскій королевичъ, едва пріѣхавъ въ Россію; ужасный голодъ, порожденіе двухъ неурожайныхъ годовъ, опустошилъ Русскую землю, подорвалъ благосостояніе ея населенія, подорвалъ ея внутреннюю силу; показаніе Смита, что цѣлая треть жителей Московскаго государства погибла въ ту пору, несомнѣнно преувеличено, но характерно и то, что такое показаніе могло явиться: дыма безъ огня не бываетъ. Голодъ, болѣзни, притѣсненія, какимъ приходилось подвергаться бѣдному народу, сгоняли его съ насиженныхъ мѣстъ, заставляли его итти въ дремучій боръ, на дорогу прямоѣзжую; удалые молодцы не боялись даже биться съ высылаемыми противъ нихъ

царскими войсками. Тяжко жилось народу, вѣяло приближающейся смутой.

И среди этихъ бѣдствій, постигшихъ и его самого, и его народъ, Борисъ вдругъ услышалъ имя Димитрія; какъ громъ въ ясномъ небѣ, раздалось оно, разносясь изъ края въ край земли Русской. Борисъ понялъ опасность и принялъ всѣ мѣры для борьбы съ ней: привозятъ въ Москву царицу — инокиню Маѳу, мать царевича, разспрашиваютъ ее; усиливаютъ надзоръ за боярствомъ — своихъ родовитыхъ враговъ Борисъ прямо обвинилъ въ томъ, что появленіе Димитрія—ихъ дѣло; разыгралось загадочное дѣло Романовыхъ; чтобъ остановить обмѣнъ недобрыхъ вѣстей, на русско-литовской границѣ, подъ предлогомъ повѣтрія, учрежденъ карантинъ; Петръ Хрущевъ поѣхалъ въ Украйну, къ казакамъ, чтобъ удержать ихъ отъ помощи Димитрію—но поздно; уже прошла боевая тревога отъ селенья къ селенью, отъ зимовника къ зимовнику, не слушали казаки Бориса, единственнымъ законнымъ царемъ былъ для нихъ государь Димитрій Ивановичъ; ему выдали они Хрущева; ловкій москвичъ, понимая, откуда вѣтеръ дуетъ, тотчасъ «призналъ» царевича, былъ отпущенъ за это на волю и щедро награжденъ.

Но всѣ эти мѣры, разумѣется, ни къ чему не вели, пока приходилось дѣйствовать на удачу, бить въ пустую; борьба сдѣлается возможной лишь тогда, когда станетъ яснымъ, съ кѣмъ надо бороться. И всѣ усилія правительства царя Бориса направляются на раскрытіе рокового псевдонима; главное участіе въ поискахъ личности самозванца принимаетъ вѣрный другъ и доброхотъ Бориса, патріархъ Іовъ, и при его помощи открылось слѣдующее, чему правительство повѣрило, или сдѣлало видъ, что повѣрило: завѣдомый проходимецъ, бывшій Романовскій слуга, Гришка Отрепьевъ, спасаясь отъ суда, пошелъ въ монастырь; одно время жилъ онъ въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, былъ патріаршимъ писцомъ; но ряса не дѣлаетъ монахомъ; Гришка продолжалъ заниматься всякимъ воровствомъ и чернокнижествомъ; его ждало вѣчное заточеніе, онъ спасся бѣгствомъ въ Польшу и, при помощи враговъ Бориса и Россіи, во главѣ съ самимъ Сигизмундомъ, сдѣлался самозванцемъ.

Остановившись на этомъ, московское правительство рѣшается дѣйствовать соотвѣтственнымъ образомъ: родственника Гришки, Смирного-Отрепьева, въ августѣ 1604 года, отправили въ Польшу съ тайнымъ порученіемъ къ Сапѣгѣ, канцлеру литовскому, отъ имени московскихъ бояръ. Послѣ банальнаго дипломатическаго вступленія, Смирной прямо заявилъ, что его цѣль — видѣть Димитрія: если онъ самозванецъ — обличить его, если настоящій сынъ Грознаго — преклониться предъ нимъ.

Поляки отказали наотрѣзъ исполнить желаніе Смирного; они

поняли, что московское правительство само ничего навѣрное не знаетъ, и помогать Москвѣ выйти изъ затрудненія совсѣмъ не было обязательно для Польши, ей было выгоднѣе оставить положеніе дѣлъ statu quo. Несмотря на его неудачу, исторія этого посольства богата послѣдствіями для насъ; оно довольно ясно открыло самозванство Димитрія: именно послѣ переговоровъ съ Отрепьевымъ Сапѣга является рѣшительнымъ противникомъ царевича, къ которому прежде относился безразлично; что заставило канцлера измѣнить свой взглядъ на все это дѣло — мы не знаемъ, но зная, въ какую сторону измѣнились его убѣжденія, можно догадываться, что онъ узналъ отъ Смирного. Самъ Димитрій своимъ поведеніемъ даетъ поводъ къ подозрѣніямъ: почему онъ не явился въ Краковъ и не доказалъ всѣмъ, что онъ — настоящій царевичъ? Если, какъ многіе говорятъ, Гришка Отрепьевъ былъ на его службѣ, почему онъ не послалъ его къ Смирному, не показалъ, что Гришка и царевичъ — не одно лицо?

Неуспѣхъ посольства Смирного не заставилъ Бориса измѣнить свое мнѣніе о названномъ царевичѣ; больше того, торжественнымъ патріаршимъ посланіемъ всѣхъ чиновъ люди Московскаго государства поставлены были въ извѣстность относительно происковъ злого отступника, еретика и чародѣя Гришки. Въ Польшѣ Димитрій тоже встрѣчалъ мало сочувствія: народъ польскій, утомленный долгими войнами, жаждалъ мира, а, поддерживая претендента на московскій престолъ, Польша почти неизбѣжно должна была втянуться въ войну съ Москвой. Но ни Годунову, ни полякамъ не удалось помѣшать Димитрію выполнить свой планъ, потому что за него стоялъ Сигизмундъ; двуличный король по внѣшности соблюдалъ строгій нейтралитетъ, на дѣлѣ же оказывалъ немалую поддержку царевичу. Сеймъ 1605 года показалъ это, показалъ также и то, какъ далеко разошелся польскій король со своимъ народомъ.

Сеймъ этотъ собирался при обстоятельствахъ очень сложныхъ и серіозныхъ: въ послѣдніе мѣсяцы предыдущаго года Димитрій, набравъ при помощи Мнишка небольшую армію, вторгся съ нею въ Московскіе предѣлы; предстояло рѣшить: что же дѣлать дальше?

Героемъ этого сейма былъ старикъ Замойскій; сподвижникъ Баторія, не пользовавшійся расположеніемъ его преемника, не скрывалъ своихъ мнѣній насчетъ королевскаго поведенія, и прямо и открыто высказалъ все, что было у него на душѣ; это была послѣдняя его услуга отечеству, рѣчь его на сеймѣ была послѣдней, лебединой пѣсней Замойскаго, черезъ 4 мѣсяца его не стало.

Другъ и помощникъ короля Стефана хорошо зналъ Московскую землю, зналъ русскихъ людей; тѣмъ бóльшую цѣну имѣли его слова; а то, что пришлось сейму услышать изъ его устъ, было далеко не утѣшительно, наводило на очень серіозныя размышленія. Прежде всего — война съ Москвой; по мнѣнію Замойскаго,

Польша можетъ отважиться на такую войну, но лишь въ крайнемъ случаѣ: велики силы Московскаго государства, тяжка будетъ борьба съ нимъ. Да и стоитъ ли вести борьбу? Можно ли оправдать то клятвопреступленіе, которое совершитъ Польша, нарушая перемиріе? Нѣтъ и нѣтъ! Клятва всегда остается клятвой, и горе тому, кто ее нарушитъ. И для чего же нарушать ее? Ради самозванца, который не могъ придумать невѣроятнѣе того, что онъ о себѣ разсказываетъ. «Помилуй Богъ, развѣ это комедія Плавта или Теренція?» говорилъ Замойскій: «возможно ли убить, и не посмотрѣть, того-ли убили, кого нужно? Вѣдь если станутъ убивать такъ, не смотря, то можно даже зарѣзать козла или барана». Горькая иронія словъ Замойскаго тѣмъ понятнѣе была сейму, что большинство присутствующихъ были одного съ нимъ мнѣнія.

Въ одинъ голосъ съ Замойскимъ, не такъ страстно, но тѣмъ тверже, говорилъ и Сапѣга; рѣчи обоихъ канцлеровъ нашли себѣ откликъ: Мацеіовскій, епископъ краковскій, требуетъ отозвать Мнишка изъ московскихъ предѣловъ, Янушъ Острожскій предлагаетъ наказать всѣхъ, виновныхъ въ своевольной поддержкѣ Димитрія силами польскаго народа, великій маршалъ литовскій Дорогостайскій въ иронической рѣчи превозноситъ «безпристрастный нейтралитетъ», такъ строго соблюденный королемъ...

Сеймъ постановилъ стремиться къ успокоенію взволнованной московскимъ княземъ страны, обезпечить Польшу и Литву отъ войны съ Москвой, считать измѣнниками всѣхъ, осмѣлившихся нарушить заключенные государствомъ договоры. Что же оставалось дѣлать королю? Онъ долженъ былъ подчиниться волѣ народа, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, съ показной, по крайней мѣрѣ, стороны, соблюдалъ нейтралитетъ. Но, поступая такъ, король лишалъ себя всѣхъ выгодъ, какія обѣщалъ ему союзъ съ Димитріемъ; упорно желая поставить на своемъ, Сигизмундъ рѣшился итти противъ общественнаго мнѣнія; онъ отказался утвердить рѣшеніе сейма и попрежнему продолжалъ свою двуличную политику.

Во время засѣданій сейма пріѣзжалъ въ Польшу новый посланецъ Бориса, Постникъ Огаревъ, но и его миссія, подобно предыдущей, не увѣнчалась успѣхомъ, поляки дали ему уклончивый отвѣтъ [1]). Безрезультатно оказалось обращеніе Годунова и къ императорскому, и къ папскому двору.

---

[1]) Быть можетъ, польская шляхта ничего не имѣла противъ помощи Димитрію; скорѣе даже напротивъ, какъ доказалъ это успѣхъ его военныхъ сборовъ; если же на сеймѣ и поднялся протестъ противъ политики короля, то вовсе не во имя высшей справедливости, а лишь потому, что король задумалъ и проводилъ это дѣло вполнѣ самостоятельно. Потому-то взывавшіе къ правдѣ Божіей Сапѣга и другіе обманываютъ Огарева и отказываются помѣшать Димитрію въ его походѣ, хотя имѣли къ тому полную возможность; мѣшать было невыгодно.

V.

Пребываніе Димитрія въ Краковѣ представляетъ собою эпоху въ его жизни; самъ онъ былъ теперь увѣренъ въ успѣхѣ, благодаря своимъ связямъ съ польскимъ обществомъ; пріемъ, оказанный ему Сигизмундомъ, внушилъ ту же увѣренность всѣмъ, кто сомнѣвался въ царевичѣ.

Мнишекъ отнынѣ окончательно рѣшается связать судьбу своей дочери, своей семьи, съ будущимъ царемъ московскимъ; какъ человѣкъ бывалый, осторожный, онъ закрѣпляетъ эту связь формальными актами; они дошли до насъ и рисуютъ намъ яркими красками и безпредѣльность притязаній воеводы Сендомирскаго, и слѣпую увѣренность Димитрія въ успѣхѣ своихъ начинаній; старикъ и юноша, оба они увлекались до того, что дѣлили шкуру звѣря, котораго имъ еще предстояло затравить. Во главѣ угла торжественнаго договора между паномъ Юріемъ и Димитріемъ заложенъ былъ бракъ царевича съ Мариной; страшной клятвой обязывался царевичъ по вступленіи на престолъ сдѣлать дочь воеводы подругой своей жизни; Мнишекъ не дешево продавалъ свою дочь: съ щедростью человѣка, дарящаго то, что ему не принадлежитъ, Димитрій уступалъ своему тестю Смоленскую и Сѣверскую области, при чемъ за города, долженствующіе здѣсь отойти къ королю, Мнишекъ имѣлъ получить равноцѣнное вознагражденіе; кромѣ того, на путешествіе Марины, на удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ, Димитрій обѣщалъ прислать въ Самборъ милліонъ червонцевъ. Сама невѣста получала множество драгоцѣнностей, и Новгородъ и Псковъ съ областями въ личное свое владѣніе.

Подумавъ о земномъ, можно было обратиться и къ небесному: Маринѣ обезпечено было свободное исповѣданіе латинства, въ «своихъ» земляхъ она могла распространять католицизмъ безъ всякой помѣхи. Соглашаясь на эти условія, Димитрій свидѣтельствовалъ искренность своихъ симпатій къ римской вѣрѣ; онъ, однако, этимъ не ограничился; отправляясь въ далекій и опасный походъ, онъ хотѣлъ имѣть съ собою католическихъ священниковъ, и начальникъ польскихъ іезуитовъ, Стривери, назначилъ для сопровожденія его войска двухъ братьевъ своего ордена, спокойнаго, разсудительнаго богослова Чировскаго и пылкаго, ревностнаго Андрея Лавицкаго.

Среди начавшихся въ Самборѣ военныхъ приготовленій Димитрій едва не погибъ: въ окрестностяхъ бродили темные люди, сдѣлано было покушеніе на драгоцѣнную жизнь царевича; виновникъ былъ схваченъ и обезглавленъ; такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Мнишекъ въ письмѣ къ Рангони. Мы знаемъ несчастнаго, кого злая судьба привела въ Самборъ для гибели подъ топоромъ польскаго палача; это—сынъ боярскій Яковъ Пыхачевъ; но точно ли

онъ былъ виноватъ въ злоумышленіяхъ на жизнь царевича, или же вина его состояла въ томъ, что онъ зналъ Димитрія до той поры, какъ онъ сдѣлался Димитріемъ,—этому вопросу суждено оставаться загадкой.

Къ августу 1604 года армія, съ которою царевичъ готовился вторгнуться въ Московію, была собрана въ окрестностяхъ Львова; набранная изъ польскихъ волонтеровъ и казаковъ, она представляла собою сбродъ всякихъ искателей приключеній самаго низкаго разбора; немало здѣсь было людей, по которыхъ давно уже плакала висѣлица; единственнымъ двигателемъ этого люда была жажда наживы, надежда добычи. Пребываніе этого скопища подонковъ общества въ Львовѣ и окрестныхъ мѣстахъ не замедлило отозваться цѣлымъ рядомъ столкновеній съ мѣстными жителями; неудовольствіе послѣднихъ было такъ велико, что они обратились къ королю; Сигизмундъ, продолжая свою двойную игру, отправилъ приказаніе этой вольницѣ разойтись подъ угрозой жестокаго наказанія, но отправилъ такъ поздно, что его гонецъ уже не засталъ Димитрія съ его войскомъ, царевичъ уже выступилъ въ походъ.

Въ началѣ сентября, подъ Глинянами, Димитрій произвелъ смотръ своей маленькой арміи; войсковое коло по обычаю выбрало гетмана—этотъ санъ достался Мнишку, полковниковъ, ротмистровъ. Здѣсь же присоединилась къ царевичу значительная сила казаковъ. Армія, увѣренная въ успѣхѣ, двинулась на востокъ. Въ Кіевѣ произошла досадная задержка: на Днѣпрѣ съ сильнымъ отрядомъ стоялъ враждебно относившійся къ Димитрію и его проектамъ Янушъ Острожскій; одно время даже войско претендента на московскій престолъ опасалось, что, прежде чѣмъ помѣряться съ силами царя Бориса, придется столкнуться съ полками князя Острожскаго. До битвы дѣло не дошло: очевидно, князь Янушъ не желалъ очень мѣшать человѣку, находившемуся подъ покровительствомъ короля и бравшемуся за такое выгодное для всякаго поляка и католика предпріятіе; но все же всѣ паромы съ переправы были угнаны, и Димитрію пришлось потерять дней пять или шесть. Въ концѣ октября, перейдя черезъ Днѣпръ, царевичъ вступилъ въ московскіе предѣлы. Жребій брошенъ!

Переступая границы Борисова царства, Димитрій надѣялся не столько на свою силу, какъ на слабость своего противника; дѣйствительно событія послѣднихъ лѣтъ расшатали престолъ царя Годунова, надвигалась на Москву смута, Димитрію оставалось лишь плыть по теченію.

Двумя колоннами вторглось его войско въ Московію; густыми лѣсами подходила лѣвая колонна къ пограничной крѣпости Моравску, подъ стѣнами котораго для него долженъ былъ рѣшиться вопросъ: быть или не быть; вопросъ этотъ рѣшился въ его пользу: государя царя и великаго князя Димитрія Ивановича съ восторгомъ встрѣтили русскіе люди; отнынѣ у него была точка опоры.

Лиха бѣда начало; за Моравскомъ сдается Черниговъ, волной разливается по Сѣверской землѣ вѣсть о появленіи воскресшаго изъ мертвыхъ царевича; все, что было недовольно московскими порядками, все, что тяготилось ими, бросается ему на встрѣчу; русскіе измѣнники, донскіе и запорожскіе казаки, усиливаютъ его армію; опьяненный успѣхомъ, двигается онъ впередъ, не обращая вниманія на тревожные признаки неповиновенія въ рядахъ польскихъ войскъ, недовольныхъ неисправнымъ платежемъ жалованья. Въ этомъ побѣдномъ шествіи Димитрію вскорѣ представилось грозное препятствіе; энергія и стойкость Петра Басманова крѣпкимъ, неприступнымъ сдѣлали деревянный острогъ Новгорода-Сѣверскаго, отбиты были всѣ штурмы польскихъ ротъ, отбиты съ чувствительными потерями. Несмотря на продолжавшуюся сдачу крѣпостей Посемья: Рыльска, Путивля, Курска, упорная оборона Басманова дѣлала положеніе Димитрія очень серьезнымъ, тѣмъ болѣе серьезнымъ, что приближалась отправленная царемъ Борисомъ для борьбы съ вторженіемъ армія; велъ ее одинъ изъ наиболѣе родовитыхъ и наименѣе способныхъ и честолюбивыхъ московскихъ бояръ, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій.

Въ декабрѣ произошла встрѣча;. польскія роты бурными аттаками разорвали войско раненаго Мстиславскаго и отбросили его къ сѣверу; всѣ участники этого боя въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что московская рать почти и не сопротивлялась; «можно думать», говоритъ Маржеретъ, «что у русскихъ не было рукъ, чтобы биться», подозрительно легко далась Димитрію побѣда. Искренно ли, или же для отвода глазъ, онъ приписывалъ этотъ успѣхъ бывшей на немъ частицѣ животворящаго древа, полученной имъ отъ одного изъ бывшихъ при войскѣ іезуитовъ.

Однако даже побѣда не поправила положенія Димитрія; его польскія войска требовали денегъ и денегъ, войска эти далеко не были надежны, и по ихъ милости даже погромъ арміи Мстиславскаго былъ совсѣмъ не такъ рѣшителенъ, какъ можно было бы ждать; польскіе всадники не хотѣли преслѣдовать разбитаго врага, послѣ боя подняли они мятежъ, и немалое число наемниковъ покинуло неисправнаго нанимателя, уйдя въ Польшу; немного болѣе 1.000 поляковъ согласилось остаться съ нимъ, склонившись и на его обѣщанія и на уговоры смиренныхъ отцовъ іезуитовъ, для которыхъ неудача Димитрія знаменовала собою крушеніе такъ удачно начатаго дѣла. Раздоры въ рядахъ его войска заставили царевича снять осаду Новагорода-Сѣверскаго и отступить къ Сѣвску, въ центръ преданной ему Комарицкой волости; эта позиція обезпечивала ему съ одной стороны связь съ казачествомъ, дѣйствовавшимъ со стороны «Поля», а съ другой—пользованіе линіей рѣки Оки при наступательномъ движеніи на Москву. Оправившійся послѣ пораженія Мстиславскій, получившій подкрѣпленія, получившій по-

мощника въ лицѣ князя Василія Шуйскаго, преслѣдовалъ отступавшаго противника и въ началѣ 1605 года нагналъ его у деревеньки Добрыничи; завязавшаяся здѣсь битва кончилась страшнымъ разгромомъ арміи Димитрія; охваченная паникой, въ дикомъ безпорядкѣ бѣжала она съ поля сраженія, горячо преслѣдуемая побѣдителями; самъ царевичъ едва не попалъ въ руки враговъ, едва не сбылось пророчество возмутившихся его польскихъ соратниковъ, предсказывавшихъ ему смерть на колѣ; Масса разсказываетъ, что уже застрѣлена была вороная лошадь царевича, и только самоотверженіе князя Масальскаго, съ опасностью для собственной жизни уступившаго ему своего коня, спасло Димитрія; увлекшись грабежомъ вражьяго обоза, московскіе всадники упустили случай схватить самозванца. Послѣ побѣды московское войско снова впало въ прежнее бездѣйствіе; укрывшійся въ Путивлѣ Димитрій былъ спасенъ; не опасаясь врага, могъ онъ снова собрать вокругъ себя своихъ приверженцевъ.

Положеніе его, однако, было очень скверное, настолько скверное, что онъ не на шутку подумывалъ бросить все и вернуться въ Польшу; онъ обращался даже за совѣтомъ по этому къ Чировскому и Лавицкому; не знаемъ точно, что отвѣчали ему іезуиты, знаемъ лишь, что Димитрій отказался отъ этого плана; рѣшимости его остаться способствовали также и его русскіе приверженцы; опасаясь мести царя Бориса въ случаѣ его торжества, они не отпустили Димитрія, требовали отъ него борьбы до конца.

Оставаясь въ Путивлѣ, царевичъ устроивалъ свои боевыя силы, свободное же время отдавалъ онъ своимъ спутникамъ-іезуитамъ; ихъ записки, дышащія увѣренностью въ правотѣ дѣла Димитрія и въ неизбѣжности его успѣха, представляютъ немало любопытныхъ чертъ; здѣсь видимъ мы, какую сложную игру приходилось вести царевичу, одновременно принужденному быть и добрымъ католикомъ, и ревностнымъ православнымъ; здѣсь встрѣчаемъ мы глухое указаніе на поимку какого-то чернокнижника Гришки Отрепьева—царевичу Димитрію для опроверженія заявленій царя Бориса дѣйствительно не оставалось ничего иного, какъ поймать Отрепьева; здѣсь узнаемъ мы о любви Димитрія къ наукѣ, онъ даже самъ попытался освоиться съ латинскою мудростью.

Пока Димитрій читалъ Квинтиліана, а іезуиты искали заблудшихъ овецъ, готовыхъ позволить вести себя по истинному пути, событія шли своимъ чередомъ.

М. И. П—ій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Вс. С. Соловьевъ.

АПРѢЛЯ 12-го текущаго года исполнилось тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Вс. С. Соловьева.

Старшій сынъ знаменитаго историка, Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ родился 1-го января 1849 года, въ Москвѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома, затѣмъ его, опредѣлили въ извѣстный нѣмецкій пансіонъ Циммермана, а въ 1866 году Вс. С. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ въ 1870 году и кончилъ курсъ кандидатомъ правъ.

Писать г. Соловьевъ началъ съ дѣтскихъ лѣтъ, первыя свои стихотворенія напечаталъ семнадцатилѣтнимъ юношей. Ранняя умственная зрѣлость, помимо одаренности натуры, объясняется, конечно, и тою средой, которая окружала его въ домѣ отца. Кудрявцевъ, Грановскій, Аксаковъ были здѣсь своими людьми. Нѣтъ имени изъ высшей тогдашней интеллигенціи Москвы, которое не являлось бы г. Соловьеву знакомымъ по воспоминаніямъ дѣтства и отрочества. Писемскому онъ показывалъ свои начальные литературные опыты и, какъ художника, можетъ считать его своимъ учителемъ.

Съ половины семидесятыхъ годовъ г. Соловьевъ вступаетъ въ колею правильной журнальной работы. Онъ ведетъ критическій отдѣлъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (редакціи гр. Саліаса) и «Русскомъ Мірѣ» (Черняева). Съ 1876 года начинается длинный рядъ его историческихъ повѣстей и романовъ въ «Нивѣ». Громкій

успѣхъ, выпавшій здѣсь на долю г. Соловьева, несомнѣнно много содѣйствовалъ популярности и прочному положенію журнала.

Сотрудничествомъ въ «Нивѣ», разумѣется, далеко не исчерпывается литературная дѣятельность Вс. С. Мы встрѣчаемъ его имя въ «Зарѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы» и «Гражданинѣ» редакціи Ѳ. М. Достоевскаго. Онъ участвовалъ также въ «Русскомъ Обозрѣніи» и парижской «Nouvelle Revue». Много писалъ г. Соловьевъ и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», дѣятельнымъ сотрудникомъ котораго оставался до 1896 года, когда изданіе перешло къ наслѣдникамъ М. Н. Каткова и было перенесено въ Москву. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Вс. С. Соловьевъ издавалъ литературно-художественный журналъ «Сѣверъ».

Въ краткихъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ намъ, по нашей просьбѣ, г. Соловьевымъ, заключаются, между прочимъ, слѣдующія интересныя указанія относительно его писательской дѣятельности. «Надъ многими вещами,—говоритъ Вс. С.,—я, по большей части, работалъ очень много и всегда съ любовью, но ни одна изъ нихъ меня не удовлетворяетъ вполнѣ, такъ какъ, по разнымъ причинамъ, я до сихъ поръ не могъ ни въ одной изъ нихъ высказать все то, что имѣлъ и хотѣлъ высказать. Въ началѣ моей литературной дѣятельности я поставилъ себѣ три задачи: во-первыхъ, — познакомить по возможности самый широкій кругъ читателей съ различными интересными эпохами прошлой русской жизни, изображая ихъ такъ, какъ онѣ представлялись мнѣ при свободномъ, безпристрастномъ изученіи историческихъ матеріаловъ. Во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось изслѣдовать ходъ и развитіе мистицизма въ западноевропейскомъ и русскомъ обществѣ и написать большой романъ, гдѣ изображались бы результаты этого мистицизма, особенно характерные въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX. Въ-третьихъ, я разсчитывалъ, приблизившись къ современной эпохѣ не только самымъ ходомъ моихъ литературныхъ работъ, но и результатами личнаго жизненнаго опыта, заняться главнѣйшимъ образомъ дѣйствительностью текущихъ дней.

«Первую мою задачу я, какъ могъ, исполнилъ достаточно длиннымъ рядомъ историческихъ романовъ. Выполненію второй задачи, потребовавшей отъ меня пятилѣтнихъ усиленныхъ трудовъ, преимущественно за границей, посвящены два романа: «Волхвы» и «Великій Розенкрейцеръ». Относительно этихъ романовъ я также не могъ быть вполнѣ удовлетворенъ, такъ какъ здѣсь я былъ болѣе, чѣмъ когда либо, связанъ съ одной стороны формою повѣствованія, съ другой стороны—неподготовленностью огромнаго большинства читателей къ интересовавшему меня предмету. Тѣмъ не менѣе этимъ трудомъ я не могу быть недоволенъ, такъ какъ мною все же сказано больше и яснѣе, нежели иностранными романистами, увлекавшимися тѣми же явленіями, напримѣръ, Бульверомъ въ его извѣстномъ романѣ «Занони».

«Началомъ исполненія моей третьей задачи служатъ, не считая нѣкоторыхъ небольшихъ по объему вещей, два романа нашихъ дней—«Злые вихри» и «Цвѣты бездны». Первый изъ нихъ былъ первоначально напечатанъ въ Русскомъ Обозрѣніи», второй печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но остался незаконченъ въ печати вслѣдствіе перехода журнала въ другія руки.

«Въ теченіе всей моей литературной дѣятельности я стоялъ внѣ какихъ либо журнальныхъ партій и лагерей и печаталъ свои вещи въ тѣхъ журналахъ, которые меня звали, заботясь лишь о томъ, чтобы это были изданія безупречныя въ литературномъ отношеніи».

II.

Насколько намъ извѣстно, историческіе романы Вс. С. Соловьева, получившіе такое широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ, до сихъ поръ не дождались серьезной критической оцѣнки. Это тѣмъ печальнѣе, что русская исторія уже давно эксплоатируется всевозможными писаками, до уличенныхъ плагіаторовъ включительно. Слѣдовательно, воздать должное романисту-художнику было бы не только актомъ справедливости лично по отношенію къ нему, но и полезнымъ дѣломъ съ точки зрѣнія искусства.

Чтобы выяснить художественные пріемы талантливаго писателя и его манеру пользоваться историческимъ матеріаломъ, который онъ перевоплощаетъ въ яркія картины нашего прошлаго, остановимся на двухъ романахъ: «Женихъ царевны» и «Царское посольство».

Уже самый выборъ сюжетовъ свидѣтельствуетъ о строгомъ литературномъ вкусѣ автора. Эпизодическій интересъ отступаетъ въ нихъ на задній планъ. Никакихъ грубо-занимательныхъ подробностей, кровавыхъ происшествій и таинственныхъ приключеній. Вниманіе читателя исключительно сосредоточивается на психологіи героевъ, особенностяхъ тогдашняго быта и внутреннемъ смыслѣ изображаемыхъ событій.

Въ «Женихѣ царевны» разсказывается исторія пребыванія въ Москвѣ графа Вальдемара Шлезвигъ-Голштинскаго (сына датскаго короля Христіана IV), возымѣвшаго довольно печальную для него мысль посвататься за дочь царя Михаила Ѳеодоровича, Ирину. Какъ извѣстно, дѣло разстроилось изъ-за того, что русскій государь не могъ согласиться имѣть зятемъ «еретика», королевичъ же не допускалъ мысли о перемѣнѣ религіи. Потянулись однообразные, безрезультатные переговоры. Михаилъ Ѳеодоровичъ настаивалъ на своемъ требованіи, Вальдемаръ просилъ не неволить его и отпустить домой съ честью. Между тѣмъ за датчанами былъ

Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ.

установленъ строгій надзоръ, чтобы они ни съ кѣмъ не сносились и не вздумали уйти тайкомъ.

На этой своеобразной, чисто московской канвѣ разыгралась цѣлая драма, мѣстомъ дѣйствія которой попеременно являются то царскій теремъ, то «резиденція» королевича, то палаты Михаила Ѳеодоровича. Почти все время читатель остается въ атмосферѣ томленія. Томилась царевна, въ ожиданіи жениха, томился царь, не видѣвшій конца тяжелому и конфузному положенію, томился графъ Шлезвигъ-Голштинскій, негаданно попавшій въ плѣнъ.

Рельефно выдѣляется фигура царя. Это—больной, печальный человѣкъ, дни котораго сочтены. Онъ сознаетъ, что держать въ неволѣ принца крови, жениха дочери, совсѣмъ не ладное дѣло. Но гдѣ же исходъ? Уступить королевичу невозможно. Народъ никогда не проститъ царю близкаго родства съ «еретикомъ».

Королевичу, вѣроятно, пришлось бы совсѣмъ плохо, если бы не романическое приключеніе, солнечнымъ лучемъ ворвавшееся въ сумракъ неволи.

Пока Вальдемаръ препирался съ боярами и переписывался съ царемъ, царевна Ирина Михайловна изнывала въ своемъ терему. Офиціально ей ничего не было извѣстно о сватовствѣ, но одна изъ ея молодыхъ прислужницъ, «бѣсенокъ Маша», случайно проникла въ тайну, все разузнала и донесла царевнѣ.

Я не рѣшаюсь привести здѣсь слова Котошихина, которыми онъ безхитростно и чрезвычайно вразумительно характеризуетъ грустную долю царскихъ дочерей, осужденныхъ въ тѣ времена на безбрачіе. Выйти за своего, за русскаго, онѣ не могли, ибо **такое** родство съ «холопями» не допускалось. Иностранные принцы крови не годились въ женихи вслѣдствіе вѣроисповѣднаго различія.

Предстояло и Иринѣ подобнымъ же образомъ скоротать вѣкъ. И вдругъ впереди плѣнительная перспектива замужества. Немудрено, что у царевны разыгралось воображеніе. Теперь всѣ ея мечты были сосредоточены на Вальдемарѣ. А тутъ еще «бѣсенокъ Маша», отъ которой ничто не могло укрыться, въ томъ числѣ и препятствія, далеко отодвигавшія возможность брака. Маша рѣшила устроить свиданіе королевича съ царевной. Это ей удалось, но слѣды пребыванія посторонняго лица не укрылись отъ теремныхъ досмотрщицъ. Поднялась тревога. Заподозрѣли, что въ теремъ являлся воръ, и что ему содѣйствовала Маша.

Въ страхѣ за свою участь дѣвушка убѣжала къ королевичу.

Тѣмъ временемъ для датчанъ близился часъ освобожденія. Михаилъ Θеодоровичъ тяжко занемогъ и вскорѣ скончался. На престолъ вступилъ юный Алексѣй Михайловичъ, въ руководители къ которому державный отецъ назначилъ боярина Морозова. Морозовъ не видѣлъ надобности удерживать долѣе королевича Вальдемара. Это представлялось вреднымъ съ государственной точки зрѣнія и не совпадало съ личными интересами ближняго боярина. Алексѣй Михайловичъ далъ графу Шлезвигъ-Голштинскому прощальную аудіенцію и отпустилъ его съ честью домой.

Маша послѣдовала за королевичемъ, котораго безумно полюбила съ первой же встрѣчи и который отвѣчалъ ей такимъ же чувствомъ. Для нея начиналась новая жизнь. Бѣдная царевна хоронила недавнія радостныя мечты. Ей уже ничто не улыбалось впереди. Характеръ ея измѣнился до неузнаваемости. Она стала невыносимо раздражительна и зла.

Обрисовывая характеръ царевны Ирины, Вс. С. Соловьевъ дѣлаетъ попутно очень интересное замѣчаніе. «Какова,—говоритъ онъ,—женщина въ наше время, такова была она и во всѣ времена—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Время, нравы и обстоятельства имѣютъ, конечно, большое, но все же, главнымъ образомъ, внѣшнее значеніе—внутреннія человѣческія свойства и проявленіе ихъ остаются неизмѣнными на многовѣковомъ пространствѣ. Не будь этого, древніе памятники человѣческой жизни остались бы для насъ непонятными. Не будь этого, Шекспиръ, несмотря на всю свою геніальность, не могъ бы создать такихъ лицъ, которыя и по сей день живы, которыхъ мы встрѣчаемъ и теперь, и узнаемъ, забывая всякіе анахронизмы».

Мысль, конечно, вѣрная, но условія времени и быта не одинаково слабо или рѣзко отражаются на физіономіи людей. Чѣмъ глубже проникнутъ человѣкъ страстью, чѣмъ сильнѣе, полнѣе и ярче ея проявленія, тѣмъ онъ «международнѣе», тѣмъ меньше принадлежитъ опредѣленной эпохѣ. Лэди Мэкбетъ, въ качествѣ супруги гламисскаго и каудорскаго тана, существуетъ лишь въ отдаленныхъ временахъ, которыя для самого Шекспира являлись легендарными. Лэди Мэкбетъ, воплощенный «архимедовъ рычагъ честолюбія», способный дѣйствовать съ адскою силой и адскими средствами, будетъ существовать до послѣдняго дня нашей планеты. Нѣкоторые ученые изслѣдователи комментируютъ внѣшнюю обстановку, понятія и нравы современниковъ Париса и Елены такимъ образомъ, что наша обычная точка зрѣнія на поступокъ троянскаго героя съ Менелаемъ должна бы измѣниться, но основной характеръ драмы отъ этого нимало не страдаетъ. Во всемъ, что движется страстью, вездѣ, гдѣ она проявляется, всюду, гдѣ обрисовывается ею человѣкъ,—наше пониманіе, въ основѣ, не можетъ расходиться съ пониманіемъ древнихъ. Также точно не разойдется оно впослѣдствіи и съ пониманіемъ нашихъ потомковъ.

Другое дѣло—люди, которыхъ мы называемъ «продуктомъ своего времени» и разсматриваемъ въ самой тѣсной связи съ эпохой. Эти люди слишкомъ слабы для вмѣщенія страстей въ ихъ, такъ сказать, чистомъ видѣ. Они подчиняются страсти, умѣренной и окрашенной именно условіями, нравами и понятіями вѣка.

Разбираемый романъ служитъ лучшимъ доказательствомъ тому. И царевна Ирина Михайловна, и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и датскій королевичъ Вальдемаръ—все это «продукты своего времени».

Гораздо больше «международныхъ» и «внѣвременныхъ» элементовъ въ бѣсенкѣ Машѣ, но, конечно, и это растеніе могло вытянуться и развиться лишь въ теремной атмосферѣ. Въ самой бойкости, рѣшимости и смѣлости Маша есть что-то несвободное, холопское. Это типъ чрезвычайно интересный — онъ, съ нѣкото-

рыми видоизмѣненіями, сохранился и до нашихъ дней. Въ его изображеніи г. Соловьевъ проявилъ большое мастерство и тонкое чутье художника. Дѣло въ томъ, что хоть мы и «поссорились съ честною стариной», хоть и на громадное разстояніе отошли отъ московской Руси, тѣмъ не менѣе духъ предковъ еще живетъ въ насъ, поддерживая кое-что изъ внѣшней обстановки давно минувшихъ временъ.

Вглядываясь внимательно въ характеристическія особенности нравственнаго облика «бѣсенка», вы невольно различаете въ нихъ ясное вліяніе гнета, крутой подчиненности, произвола. Не такъ, т. е. на иной ладъ, веселъ, боекъ и смѣлъ свободный человѣкъ. Въ этой веселости слышна какая-то истерическая нотка, въ бойкости—развязность отчаянія, въ смѣлости—дерзость раба. Маша отдается королевичу, уѣзжаетъ съ нимъ въ Данію, становится его подругой. Она не покидаетъ его даже на полѣ битвы и падаетъ возлѣ его трупа, сраженная непріятельской пулей. Казалось бы, геройскій конецъ, эффектное завершеніе драмы. Но вы и здѣсь не въ состояніи отдѣлаться отъ особеннаго, щемящаго чувства. Вамъ слишкомъ ясно, что бѣдный «бѣсенокъ» загнанъ сюда, что вообще вся его жизнь, отъ перваго появленія въ царевниномъ теремѣ до этого красиваго финала,—длинный рядъ вынужденныхъ рѣшеній и несвободныхъ поступковъ. Независимо Маша дѣйствовала одинъ только разъ, когда отправлялась звать королевича на свиданіе съ царевной. Дальше ея волей управляли внѣшнія событія, которыя прямо отнимали у дѣвушки всякую свободу выбора. Если въ ея поступкахъ мы замѣчаемъ логичность, то единственно потому, что Маша сейчасъ же направлялась туда, куда ее толкали обстоятельства. Несмотря на бойкость и озорство, это—натура, въ основѣ, пассивная и представляетъ яркій «продуктъ своего времени».

III.

Общее впечатлѣніе, которое выноситъ читатель изъ романа «Женихъ царевны», нельзя назвать свѣтлымъ. Авторъ нигдѣ не сгущаетъ красокъ, къ старинѣ относится даже любовно, но художественная и историческая правда у него на первомъ планѣ. Поэтому, отдавая должное положительнымъ качествамъ тогдашнихъ русскихъ людей, онъ не могъ не показать въ полномъ объемѣ грустныя стороны омертвѣлаго уклада жизни, грубыхъ предразсудковъ и умственной неподвижности. Задача романиста здѣсь была не изъ легкихъ. Вѣдь жили же люди въ этихъ условіяхъ и даже умѣли быть счастливыми. Не большая заслуга расписать тогдашній общественный и семейный строй сплошь мрачными красками или, наоборотъ, грубо идеализировать его. Въ настоящемъ художествен-

номъ произведеніи темныя стороны уравновѣшиваются свѣтлыми въ той же самой степени, въ которой ихъ уравновѣшиваетъ жизнь. Только при такихъ условіяхъ конечное преобладаніе мрака или свѣта становится понятнымъ и открываетъ настоящій смыслъ какъ художественныхъ образовъ, созданныхъ писателемъ, такъ и психологіи, положенной въ основу драмы. Отсюда ясно, что грустное впечатлѣніе, производимое «Женихомъ царевны», вполнѣ естественно и, слѣдовательно, законно съ точки зрѣнія искусства. Объ историческомъ оправданіи его врядъ ли нужно говорить.

Совсѣмъ другимъ воздухомъ вѣетъ отъ романа «Царское посольство». Я сказалъ бы, что этотъ романъ проникнутъ эллинскою жизнерадостностью, если бы меньше цѣнилъ славянскій юморъ.

Дѣйствіе «Царскаго посольства» относится ко второй половинѣ XVII столѣтія и происходитъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Уже состоялось никоновское исправленіе священныхъ книгъ, соборъ провозгласилъ анаѳему сугубой аллилуіѣ и двуперстному сложенію. Новыя вѣянія стали обозначаться яснѣе. Приверженцы старины получили надежный упоръ для обоснованія своего недовольства. Рознь въ высшихъ и низшихъ слояхъ народа оформливалась все яснѣе. Царь, однако, съ твердостью и постепенностью велъ дѣло, начатое еще его предшественниками и подготовлявшее почву для реформы Петра.

Представителями новаго направленія выступаютъ въ романѣ Ртищевъ и питомецъ его андреевской школы молодой дворянинъ Александръ Залѣсскій. Залѣсскій — центральная фигура романа. Родители его—люди простые, неученые и если не являются фанатическими приверженцами старины, то и къ новшествамъ не питаютъ ни малѣйшаго сочувствія. Они живутъ въ кругу привычныхъ понятій, слѣдуя тому, что повелось отъ предковъ, и не испытываютъ никакой потребности въ освѣженіи. Согласившись отдать сына въ основанное Ртищевымъ училище, Залѣсскіе, собственно, не имѣли понятія, въ чемъ дѣло. Имъ хотѣлось угодить вліятельному боярину, заручиться протекціей для Александра. Но когда попъ Савва, одинъ изъ хулителей Никона и всѣхъ новшествъ, объясняетъ имъ страшную опасность, которой подвергается душа молодого Залѣсскаго въ обществѣ «еретиковъ», чадолюбивый отецъ рѣшаетъ немедленно прекратить учебныя занятія сына и женить его на заранѣе присмотрѣнной невѣстѣ. Для Александра это тѣмъ печальнѣе, что онъ любитъ другую дѣвушку, дочь боярина Чемоданова, съ которымъ старикъ Залѣсскій въ ссорѣ.

Благодаря участію Ртищева, Александру удается, однако, выпутаться изъ бѣды. Какъ разъ въ то время снаряжалось посольство изъ Москвы въ Венецію. Посломъ былъ назначенъ Чемодановъ, а молодой человѣкъ получилъ мѣсто переводчика при посольствѣ.

Пребыванію пословъ за границей посвящены самыя блестящія главы романа. Дѣйствительно, художнику здѣсь открывался большой просторъ. Совершенно новая обстановка, своеобразные нравы и обычаи, оригинальные типы людей, все это должно было производить на членовъ посольства сильное впечатлѣніе.

Вс. С. Соловьевъ внесъ большое разнообразіе въ изображеніе чувствъ и поступковъ москвичей, попавшихъ въ незнакомую имъ среду. Эффектныя сцены торжественныхъ пріемовъ чередуются съ яркими, веселыми картинками итальянской жизни, въ которой наши москвичи приняли невольное участіе. Они дивятся на невиданные порядки и странныя для тогдашняго русскаго человѣка внѣшнія черты мѣстнаго быта, открещиваются отъ того, что имъ кажется «бусурманщиной», но въ то же время ихъ увлекаетъ шумный и веселый потокъ развертывающейся передъ ними жизни. Даже старикъ Чемодановъ поддается искушенію и, несмотря на солидный возрастъ, съ удовольствіемъ проводитъ вечерокъ—другой въ обществѣ одной интересной сеньоры и ея беззаботныхъ поклонниковъ.

Приключенія, которыми ознаменовалось пребываніе пословъ въ Италіи (Александръ чуть было не остался въ Венеціи, влюбившись въ красавицу вдову Анджіолетту), дали поводъ нашему автору блеснуть нѣсколькими превосходными страницами, рисующими тогдашній венеціанскій бытъ. Но главнымъ достоинствомъ романа надо признать юморъ, котораго здѣсь бездна,— юморъ тонкій, изящный, исполненный, если такъ можно выразиться, изысканнаго художественнаго такта.

Не будемъ подробно останавливаться на популярнѣйшей хроникѣ «Горбатовыхъ», гдѣ дѣйствуютъ, послѣдовательно смѣняя другъ друга, четыре поколѣнія. Этотъ капитальный литературный трудъ даже не особенно проницательному читателю долженъ показать, какъ много и пристально изучалъ Вс. С. русскую жизнь въ прошломъ и настоящемъ, и какимъ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ онъ располагаетъ въ каждомъ своемъ произведеніи.

IV.

Изъ другого цикла романовъ Вс. С. Соловьева слѣдуетъ назвать «Волхвовъ» и «Великаго Розенкрейцера». Увлекая читателя богатствомъ и оригинальностью выдумки, авторъ проводитъ въ нихъ очень глубокую и серіозную мысль о высотѣ доступныхъ человѣку знаній, съ которой открывается захватывающее зрѣлище чуть ли не всѣхъ тайнъ природы, и въ которой не видно одного— пути къ истинному счастью. Эта мысль воплощается въ художе-

ственныхъ образахъ и совершенно естественно вытекаетъ изъ главнѣйшихъ событій обоихъ романовъ.

Здѣсь мы получаемъ возможность судить о міросозерцаніи Вс. С. Соловьева, столь ошибочно причисляемаго иными къ такъ называемому консервативному лагерю. Эта ошибка въ оцѣнкѣ міросозерцанія писателя тѣмъ характернѣе, что самъ г. Соловьевъ рѣшительно не подалъ къ ней повода, участіе же въ журналахъ, подобныхъ «Русскому Вѣстнику», какъ мы знаемъ, объясняется чисто случайными причинами. Будучи до глубины души художникомъ, Вс. С. Соловьевъ, очевидно, органически не можетъ сузить свой талантъ до служенія какой нибудь предвзятой политической или общественной идеѣ. Явленія, интересующія его, принадлежатъ къ категоріи вѣковѣчныхъ. Въ обстановкѣ XVIII вѣка, въ кругу такихъ, казалось бы, исключительныхъ героевъ, какъ розенкрейцеры, г. Соловьевъ показываетъ прежде всего человѣка, съ его жаждой знанія, съ его стремленіями прочесть таинственную книгу природы и познать конечный смыслъ земного существованія. Этотъ собирательный, такъ сказать, человѣкъ воплощается писателемъ въ различныхъ отдѣльныхъ лицахъ. Каждое изъ нихъ представляетъ интересъ не только своей судьбой, иногда сказочно любопытной, какъ, напримѣръ, судьба Каліостро, но и тѣми усиліями, которыя оно полагаетъ для пріобрѣтенія высшей мудрости или въ борьбѣ за счастье. Мы видимъ, до какой степени человѣкъ можетъ развить въ себѣ силу воли, какъ онъ способенъ обуздывать и даже видоизмѣнять свой характеръ во имя идеальныхъ стремленій, и въ то же время, какъ безплодны эти страшныя усилія и эта титаническая работа надъ самимъ собою, если дѣйствуетъ одна голова, а сердце молчитъ.

Такимъ образомъ, кругъ идей, который охватываютъ произведенія Вс. С. Соловьева, не умѣщается въ тѣсныя рамки какого бы то ни было «направленія». Подобно своимъ литературнымъ учителямъ, Писемскому и Достоевскому, но въ другой формѣ, съ другими художественными пріемами, г. Соловьевъ стремится, съ одной стороны—раскрыть внутренній смыслъ того «малаго міра», который представляетъ собою человѣкъ, съ другой прослѣдить на немъ какъ вліяніе вѣчныхъ законовъ, управляющихъ всѣмъ существующимъ, такъ и дѣйствіе преходящихъ, но властныхъ въ данный моментъ современныхъ понятій, нравовъ, обстановки. При этомъ очень заслуживаетъ вниманія, что сила этихъ временныхъ условій изображается нашимъ авторомъ далеко не въ томъ всеохватывающемъ объемѣ, какой придаютъ ей писатели, отдающіе все вниманіе средѣ и эпохѣ.

V.

Въ романѣ «Цвѣты бездны» (къ сожалѣнію, не законченномъ въ печати) главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является, по ходячей терминологіи, «сверхчеловѣкъ», ницшеанецъ. Казалось бы, что можетъ быть опредѣленнѣе и яснѣе въ смыслѣ воздѣйствія на отдѣльное лицо господствующихъ или наиболѣе рѣзко выраженныхъ настроеній вѣка? Но всѣмъ ходомъ разсказа авторъ показываетъ намъ, что его герой сталъ ницшеанцемъ не вслѣдствіе увлеченія идеями Ницше, а, наоборотъ, идеи Ницше потому произвели на него свое дѣйствіе, что сѣмена ихъ были уже ранѣе заложены въ его умѣ и сердцѣ. Ницше далъ ему только формулу, только теоретическое обоснованіе и оправданіе жившихъ въ немъ стремленій, никогда не сдерживавшихся никакимъ нравственнымъ чувствомъ.

Человѣкъ всегда остается однимъ и тѣмъ же, на протяженіи всей извѣстной намъ исторіи, и его страсти, при безконечномъ разнообразіи проявленій, неизмѣнны и одинаковы въ существѣ. Подобная мысль не можетъ производить на насъ большого впечатлѣнія, когда ее высказываютъ, какъ ходячую истину или общее мѣсто. Но примѣнительно къ художественному творчеству она имѣетъ громадное значеніе, потому что, только руководствуясь ею (сознательно или инстинктивно—не все ли равно?), художникъ отличаетъ за временнымъ вѣчное и получаетъ способность проникать въ глубины человѣческаго духа. Да, условія среды и эпохи въ высшей степени важны. Однако писатели, придающіе имъ слишкомъ большую цѣну, невольно понижаютъ человѣка вообще, обращаютъ его во что-то мелкое, ничтожное, часто грязное и гнусное. Такое впечатлѣніе производятъ, напримѣръ, герои Золя, которыхъ только и можно разсматривать въ качествѣ персонификаціи тѣхъ или другихъ, попреимуществу отрицательныхъ сторонъ, французской жизни во второй половинѣ XIX вѣка.

Мысль о бренности и ничтожествѣ человѣка совершенно естественно должна овладѣвать художникомъ, но истинные ея мотивы— не тѣ, которые мы находимъ у писателей, подобныхъ Золя. Отъ ихъ пессимизма нѣтъ возврата къ высокимъ порывамъ и сознанію духовной красоты человѣка. Ихъ приниженные и придавленные «современностью» герои ничтожны, такъ сказать, сами по себѣ, безотносительно, и тутъ идеалисту не на чемъ остановить взора. Все мелко и жалко, потому что ужъ таково по своей природѣ.

Полной противоположностью является взглядъ на міръ и человѣка, который мы находимъ въ основѣ всѣхъ произведеній г. Соловьева. Онъ съ особенною яркостью выразилъ его въ слѣдующихъ глубокихъ и прекрасныхъ стихахъ:

Въ безпредѣльномъ эѳирѣ предвѣчныхъ небесъ,
Въ морѣ свѣта безсмертной мечты,
Средь немолчнаго хора и тайнъ, и чудесъ —
Лишь песчинка ничтожная ты.
Что земные твои быстротечные дни,
Что борьбы твоей жалкой года? —
Только трепетъ безсильный да вздохи одни —
Краткій мигъ—и отъ нихъ ни слѣда!
Но бываютъ мгновенья: въ застывшей тиши,
Сквозь замолкнувшій лепетъ обманчивыхъ сновъ,
Пробужденной и въ вѣчность глядящей души
Раздается таинственный зовъ...
Тебѣ вторятъ эѳирныя волны небесъ
Въ морѣ свѣта безсмертной мечты
И, средь хора немолчнаго тайнъ и чудесъ,
Тайна чуда великаго—ты!

Будучи одновременно и ничтожной песчинкой, и тайной великаго чуда, человѣкъ переживаетъ безконечно разнообразныя настроенія и положенія. Въ его судьбѣ иной разъ происходятъ вещи необъяснимыя, поражающія загадочностью. Изображенію этихъ необъяснимыхъ вещей посвящены фантастическіе разсказы Вс. С. Соловьева. Если разсматривать ихъ исключительно съ точки зрѣнія событій, которыя изображаетъ авторъ, то названіе фантастическихъ, въ обычномъ смыслѣ слова, будетъ подходящимъ лишь для отдѣльныхъ эпизодовъ, заключающихся въ нихъ. И внѣшняя обстановка, и сами герои — все здѣсь такъ естественно и просто. Какимъ бы скептикомъ вы ни были, глубже вникнувъ въ любой изъ этихъ разсказовъ, вы убѣдитесь, что именно въ особенностяхъ душевнаго міра человѣка,—неоспоримыхъ, очевидныхъ,—заключается прямое указаніе на существованіе удивительныхъ тайнъ. Разъ существуютъ такія особенности, ясно, что должны происходить и тѣ явленія, которыя мы называемъ сверхъестественными, потому въ природу ихъ намъ еще не дано проникнуть.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Вс. С. Соловьева, которыя почему-то остаются разсѣянными по различнымъ журналамъ и не изданы отдѣльно. Любители поэзіи ихъ цѣнятъ высоко. Прекрасная форма сочетается въ нихъ съ глубокимъ и оригинальнымъ содержаніемъ. Приведенное выше стихотвореніе можетъ, отчасти, дать объ этомъ понятіе. Картины природы и чувства человѣка почти всегда получаютъ въ поэзіи Вс. С. Соловьева нѣсколько мистическую окраску, потому что вѣдь у насъ называютъ «мистикой» все, что противорѣчитъ грубымъ ходячимъ понятіямъ матеріализма. Въ наши дни усиленнаго риѳмоплетства, когда піитамъ нѣтъ счета, а поэтовъ нѣтъ почти вовсе, было бы очень желательно, чтобы стихотворенія Вс. С. Соловьева появились наконецъ собранными въ одну книжку. Плодотворное дѣйствіе, которое имѣютъ его историческіе романы, такъ ярко

живописующіе наше прошлое, — очевидно. Значеніе «Волхвовъ» и «Розекрейцера» не ясно только современной шаблонной и партійной критикѣ. «Злые вихри» и «Цвѣты бездны» освѣщаютъ не одну важную сторону текущей дѣйствительности. Все это заключено въ рамки строгаго искусства и, говоря излюбленнымъ нынѣ выраженіемъ, не можетъ не приносить ощутительной пользы. Мы думаемъ, что и поэзія Вс. С. Соловьева также будетъ полезна, потому что ея языкъ особенно внятно говоритъ о «тайнахъ вѣчности и гроба», о великомъ и чудесномъ, что̀ теперь не слишкомъ занимаетъ общество, и о чемъ очень, очень нужно напоминать.

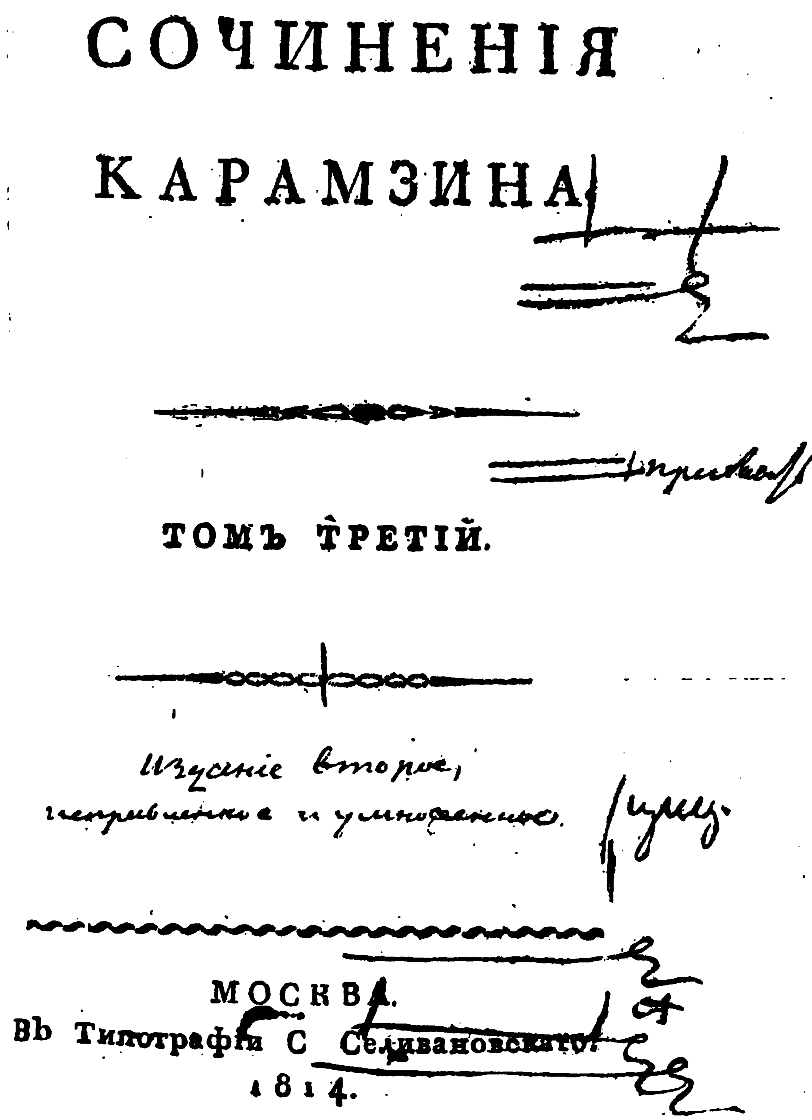
К. Петровъ.

КОРРЕКТУРА Н. М. КАРАМЗИНА

Извѣстно, что рукопись «Писемъ русскаго путешественника» сгорѣла вмѣстѣ съ библіотекой Карамзина въ 1812 году при нашествіи Наполеона. Москва разрушалась грозной огненной стихіей, по ея улицамъ двигались тысячи повозокъ, на которыхъ увозилось имущество москвичей, всюду царили спѣшка и суматоха въ виду приближающагося непріятеля. Тогда некогда было думать о сохраненіи мелочей домашняго обихода, нужно было подумать о сохраненіи наиболѣе цѣннаго и наиболѣе дорогого. Прокламаціи графа Ростопчина напоминали жителямъ первопрестольной объ опасностяхъ.

Въ эту пору изъ своего дома выходилъ первый русскій исторіографъ, Н. М. Карамзинъ, съ рукописью подъ мышкой. Рукопись эта содержала въ себѣ «Исторію государства Россійскаго». Все остальное осталось дома и сгорѣло.

До сихъ поръ въ русской библіографической литературѣ ничего не было извѣстно не только о рукописи «Писемъ русскаго путешественника», но и о корректурныхъ оттискахъ. Намъ думается, что рукопись «Писемъ русскаго путешественника» не такъ интересна, какъ тѣ поправки, которыя вносилъ Н. М. Карамзинъ въ гранки печатаемыхъ имъ отдѣльныхъ изданій «Писемъ». Онѣ свидѣтель-



СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе второе, исправленное и умноженное.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1814.

ствуютъ о постоянномъ стремленіи автора преобразовать свой языкъ, сдѣлать стиль легче, литературнѣе, изящнѣе; стремленіе столь упорное, что личность Карамзина становится еще болѣе привлекательной, въ виду огромнаго общественнаго значенія его великаго дѣла. Авторская корректура всегда велась самимъ Карамзинымъ; поправки его многочисленны, и поэтому для изслѣдователя исторіи русскаго языка будетъ небезынтересно отмѣтить процессъ развитія нашего языка подъ вліяніемъ Карамзина на основаніи этихъ его

ОТВѢТЪ МОЕМУ ПРІЯТЕЛЮ, КОТОРОЙ ХОТѢЛЪ, ЧТОБЫ Я НАПИСАЛЪ ПОХВАЛЬНУЮ ОДУ ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНѢ.

Капнист — Хинская

Мнѣ ли славить тихой лирой
Ту, которая порфирой
Скоро весь обниметъ свѣтъ?
Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.
Бѣдной чижикъ не дерзнетъ
Пѣть гремящей Зевса славы;
Онъ любовь одну поетъ;
Съ нею въ рощѣ живетъ.

Блескъ Россійскія державы
Очи бренныя слѣпитъ:
Тамъ на первомъ въ свѣтѣ тронѣ,
Въ лучезарнѣйшей коронѣ
Мать отечества сидитъ,
Правитъ царствъ земныхъ судьбами,
Правитъ міромъ и сердцами,
Скиптромъ щастіе даритъ,
Взоромъ бури укрощаетъ,
Словомъ милость изливаетъ
И улыбкой все живитъ.

Сходные вещи и [illegible] [illegible]

Н. К.

личныхъ замѣтокъ. Одинъ изъ весьма почтенныхъ изслѣдователей «Писемъ русскаго путешественника», В. В. Сиповскій [1]), долженъ былъ свѣрять нѣсколько изданій «Писемъ» для того, чтобы отмѣтить измѣненія, происшедшія въ языкѣ Карамзина... Для этого, безъ сомнѣнія, пришлось затратить много труда и, главное, времени... Трудъ и время были бы, конечно, сбережены, если бы почтенному автору пришлось видѣть рукопись или хотя бы одну корректуру «Писемъ». Намъ удалось достать такой корректурный оттискъ, пока единственный впродолженіе столѣтія, со дня появленія ихъ, и установить, что оттискъ этотъ имѣетъ не только библіографическій интересъ, но и лексикологическій.

Оттискъ этотъ представляетъ собою гранки, собранныя уже въ форматъ книги въ 8-ю долю листа и переплетенныя въ твердые переплеты... Бумага грубая, толстая, выдѣлки начала XIX столѣтія, такая, на которой при Екатеринѣ II и Павлѣ I писались канцелярскія дѣла, слегка голубоватаго цвѣта, тряпичнаго и ручного производства. «Письма русскаго путешественника» напечатаны въ 4-хъ томахъ, каждый почти въ 300 страницъ. Авторская корректура, въ изобиліи помѣщенная на поляхъ страницъ, можно думать, изъ первыхъ, что̀ придастъ ей особый научный интересъ. Изданіе — 1814 года. Самъ Н. М. Карамзинъ назвалъ его вторымъ; его корректурная поправка: «Изданіе второе, исправленное и умноженное». Изслѣдователь «Писемъ» В. В. Сиповскій насчиталъ пять ихъ изданій [2]). Но намъ думается, что въ строгомъ смыслѣ слова нельзя назвать изданіемъ то, что печаталось въ «Московскомъ Журналѣ» и «Аглаѣ» 1791—1792 г.г. и во 2-й части «Аглаи» 1795 года. Изданіе есть отдѣльные, самостоятельные оттиски сочиненій, но никакъ не печатаніе ихъ въ повременномъ изданіи. Поэтому мы можемъ, вслѣдъ за самимъ Н. М. Карамзинымъ, признать, что его сочиненія, полностью, отдѣльнымъ изданіемъ выходили только три раза: въ 1803—1804 году, въ 1814 году (у насъ имѣется это корректурное изданіе) и въ 1820 году, а «Письма русскаго путешественника» четыре раза: ранѣе поименованныхъ — 1797—1801 г.г. (4 тома).

Изданіе 1814 года, по нашему мнѣнію, любопытно потому, что корректурная поправка печатаемаго текста производилась уже не по рукописи, которая сгорѣла въ 1812 году, а по печатному изданію предыдущихъ лѣтъ, то-есть по первому изданію 1803—1804 г.г. Слѣдовательно, рукопись «Писемъ» была бы еще не такъ интересна, такъ какъ текстъ ея въ большей части, хоть и съ переработкой въ виду цензурныхъ соображеній того времени, вошелъ

---

[1]) В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника», Спб., 1899 г.

[2]) Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, стр. 158, примѣчаніе 2.

„Сказавъ: *мы щастливы! мы чада*
„*Всещедрыхъ, всеблагихъ Небесъ!*
„Любви минута есть награда
„За годъ унынія и слезъ!“

Любовь Поэзіей прелестна;
Холодность къ Музамъ не совмѣстна
Съ горячей, нѣжною душей:
Кто любитъ, тотъ стихи читаетъ,
Петраркомъ горе услаждаетъ
Въ разлукѣ съ милою своей.
Поэтъ наставникъ всѣхъ влюбленныхъ:
Онъ учитъ сердце говорить;
Въ молчаньи устъ запечатлѣнныхъ
Понятнымъ для друг~~ов~~ быть.—

Сколь всѣ черты красноречивы
И краски Стихотворца живы,
Когда онъ истинныхъ друзей
~~На сценѣ~~ намъ изображаетъ;
Когда Герой его вѣщаетъ:
„Утѣшься, другъ души моей!
„Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою,
„Клянешь ее, не хочешь жить;
„Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою:
„Еще ты можешь щастливъ быть!“

И мечь, тоскою изощренный,
Къ унылой груди устремленный,

Въ немъ яркій Фебовъ свѣтъ, чистѣйшій сводъ небесъ
И дерзостный орелъ, горѣ одинъ парящій;
Кудрявые верхи развѣсистыхъ древесъ;
Въ сѣни ихъ пастушокъ съ овечкою стоящій;
На вѣтьви голубокъ съ подружкою своей
(Онъ дремлетъ, подъ крыло головку спрятавъ къ ней) —
Еще минута . . . вдругъ [illegible]

Сокрыли облака въ кристаллѣ Фебовъ зракъ;
Тамъ стелется одинъ волнистый, сизый мракъ.
Въ душѣ любимца Музъ [illegible]

Бываетъ каждый часъ; что видитъ, то поетъ,
И всѣмъ умѣя быть, всѣмъ быть перестаетъ.
Когда въ весенній день, среди луговъ цвѣтущихъ
Гуляя, видитъ онъ Природы красоты,
Нимфъ сельскихъ хороводъ, играющихъ, поющихъ,
Тогда въ душѣ его раждаются мечты

иное представленье:
такое жь измѣненье

уже въ предыдущія изданія, какъ именно этотъ корректурный оттискъ, представляющій литературное наслѣдіе, пока единственное въ отношеніи «Писемъ», послѣ московскаго пожара 1812 года.

Для примѣра приводимъ въ точномъ воспроизведеніи четыре страницы изъ принадлежащаго намъ изданія «Писемъ русскаго путешественника», а именно:

1) Заглавный листъ 3-го тома. 2) Страницу 96-ю перваго тома, гдѣ имѣется нѣсколько корректурныхъ поправокъ Карамзина въ маленькомъ стихотвореніи «Отвѣтъ пріятелю». 3) Страницу 192-ю того же тома, гдѣ любопытна замѣна метафоръ: слово «сцена» замѣнено словомъ «картина», и чисто грамматическая поправка: вмѣсто «другово» поставлено «другаго». 4) Страницу 238 того же перваго тома, гдѣ видно стремленіе Карамзина передавать иностранныя слова чисто русскими. Такъ, слово «сцена», напечатанное въ текстѣ, на поляхъ онъ переводитъ словомъ «представленіе».

Въ нашу задачу не входило изображеніе лексикологическихъ и литературныхъ особенностей нашего корректурнаго изданія «Писемъ русскаго путешественника». Мы дѣлаемъ только библіографическую справку.

Изданіе это будетъ находиться отнынѣ въ книгохранилищѣ нашего извѣстнаго собирателя гравюръ, рукописей и историческихъ памятниковъ старины, П. Я. Дашкова.

Кон. Ник. Михайловъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I И КНЯГИНЯ ЩЕРБАТОВА.

ИЗВѢСТНО, что императоръ Павелъ Петровичъ имѣлъ особенное, нѣсколько фантастическое представленіе о достоинствѣ своей власти и хотѣлъ придать ей новое величіе [1]). Нѣкоторые наши ученые склонны утверждать, что царствованіе императора Павла I недостаточно оцѣнено, что оно имѣетъ немалое историческое значеніе, такъ какъ этотъ государь прямо поставилъ вопросъ о поднятіи авторитета императорской власти и намѣтилъ программу всѣхъ главнѣйшихъ реформъ, осуществленныхъ впослѣдствіи, въ лучшія эпохи XIX вѣка [2]). При полномъ почти отсутствіи въ нашей исторической литературѣ научныхъ изслѣдованій о царствованіи императора Павла I [3]), трудно рѣшить, насколько основательно считать Павла Петровича предвозвѣстникомъ «эпохи великихъ реформъ», но что власти императорской онъ хотѣлъ придать новое величіе,— съ этимъ нельзя не согласиться. Императоръ Павелъ I имѣлъ столь высокое представленіе о всемогуществѣ своей власти, что считалъ возможнымъ распространить ея воздѣйствіе на совершенно новую область, область чувствъ. При разборѣ документовъ Московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ я обратилъ вниманіе на одно

---

[1]) Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. третье, 1900 г., стр. 52.

[2]) Сравн. указаніе на одно изъ такихъ мнѣній въ «Лекціяхъ по русской исторіи» проф. С. Ѳ. Платонова, вып. III, стр. 190.

[3]) Пыпинъ, op. cit., стр. 50; Шильдеръ, Императоръ Александръ I, его жизнь царствованіе. Т. I, стр. 289.

дѣло [1]), изъ котораго можно заключить, что, по мнѣнію Павла Петровича, императоръ въ силу своей власти можетъ предписывать старухѣ-матери руководиться волею государя въ проявленіи своихъ чувствъ къ взрослымъ дѣтямъ, если же мать позволяетъ себѣ замѣтить, что родительское чувство можетъ проявляться, не сообразуясь съ указаніями государя, то она, по мнѣнію Павла I, выказываетъ «забвеніе всего того, чѣмъ она обязана сану императора».

Указанное мною дѣло возникло вслѣдствіе жалобы, заявленной императору Павлу Петровичу его генералъ-адъютантомъ, княземъ Александромъ Θеодоровичемъ Щербатовымъ, который поссорился съ матерью своею, княгинею Анной Григорьевною. Отношенія сына къ матери настолько обострились, что княгиня «наложила на него проклятіе». Князь Александръ Θеодоровичъ обратился къ государю съ жалобою на свою родительницу. Желая примирить мать съ сыномъ, императоръ Павелъ отправилъ къ княгинѣ въ Москву увѣщательное письмо и вслѣдъ за тѣмъ послалъ къ ней сына, надѣясь, что онъ будетъ принятъ дружелюбно, благодаря высочайшему заступничеству. Но княгиня Щербатова воображала, что никто не можетъ вторгаться въ ея чувство; не успокоило ея родительскаго гнѣва и письмо императора, такъ что явившагося къ ней сына она «въ другой разъ предала проклятію». Видя въ этомъ поступкѣ княгини «совершенное забвеніе всего того, чѣмъ она обязана не особѣ уже» государя, а его «сану», императоръ Павелъ послалъ 29-го мая 1799 г. рескриптъ къ московскому военному губернатору, генералъ-фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову; въ этомъ рескриптѣ было написано, между прочимъ, слѣдующее: «повелѣваю вамъ тотчасъ по полученіи сего ѣхать къ ней (княгинѣ Щербатовой) и, ежели она въ то же самое время не проститъ своего сына, къ нему о томъ написавъ, то взять ее и отдать подъ начало въ монастырь, оглася по городу и по губерніи ея продерзостный *противу меня и жестокосердный* [2]) противу сына ея поступокъ и о всемъ безъ замедленія меня увѣдомить».

---

[1]) Московскій губернскій архивъ старыхъ дѣлъ. Дѣла военныхъ губернаторовъ, № 2.858.

[2]) Въ «дѣлѣ», указанномъ въ предыдущемъ примѣчаніи, копія съ рескрипта помѣщена на первомъ листѣ. Въ соч. Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ Первый» этотъ рескриптъ напечатанъ (т. I, стр. 305) по подлинному (сравн. ibid. стр. 289), но съ пропускомъ словъ, напечатанныхъ нами курсивомъ. Не имѣя подъ руками подлинника, не можемъ рѣшительно утверждать, что этотъ пропускъ результатъ такого же корректурнаго недосмотра, какой допущенъ въ I же томѣ цитуемаго сочиненія на стр. 128 и указанъ среди опечатокъ и описокъ; во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы при изготовленіи копіи съ высочайшаго рескрипта въ канцеляріи московскаго военнаго губернатора позволили себѣ прибавить въ копіи слова, не бывшія въ подлинникѣ. Такъ какъ за исключеніемъ указаннаго нами, правда, довольно существеннаго пропуска текстъ, напечатанный Н. К. Шильдеромъ, вполнѣ почти сходенъ съ текстомъ, бывшимъ въ нашемъ распоряженіи, то мы не считаемъ нужнымъ печатать здѣсь весь рескриптъ.

Получивъ 1-го іюня съ фельдъегеремъ этотъ рескриптъ, графъ Салтыковъ немедленно отправился къ княгинѣ Щербатовой, но не засталъ ея дома, она уѣхала изъ Москвы въ свою каширскую деревню. Пришлось отказаться отъ точнаго исполненія императорскаго указа, такъ какъ московскій военный губернаторъ не считалъ возможнымъ покинуть Москву только для того, чтобы лично объявить княгинѣ Щербатовой государевъ указъ; Салтыковъ не поѣхалъ къ княгинѣ, а послалъ къ ней своего адъютанта, подполковника Петровскаго, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивая государыня моя,

«княгиня Анна Григорьевна!

«Получивъ сейчасъ высочайшее его императорскаго величества касательно несогласія вашего съ сыномъ повелѣніе, которое лично мнѣ выполнить надлежало, былъ я у васъ въ домѣ, но сказали мнѣ, что вы въ деревнѣ. Я, не могши самъ отсель отлучиться, посылаю къ вашему сіятельству инспекторскаго моего адъютанта, подполковника Петровскаго, для выполненія онаго высочайшаго повелѣнія по данному отъ меня наставленію съ тѣмъ, что ежели ваше сіятельство не исполнитъ изображенной въ немъ высокомонаршей воли, то извольте съ означеннымъ подполковникомъ Петровскимъ теперь же пріѣхать сюда, на что и имѣетъ онъ отъ меня надлежащее приказаніе».

Сообщая въ письмѣ своемъ княгинѣ Щербатовой о томъ, что она, если не проститъ немедленно сына, должна тотчасъ же вмѣстѣ съ Петровскимъ ѣхать въ Москву, Салтыковъ вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что княгиня исполнитъ его требованіе, и поэтому далъ своему адъютанту ордеръ (отъ 1-го іюня 1799 г. за № 980), въ которомъ заключалось предписаніе «на случай ея каковаго либо въ томъ (требованіи ѣхать въ Москву) сопротивленія, требовать нужнаго пособія у земской тамошней полиціи». Однако прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ не пришлось. Уже 2-го іюня адъютантъ московскаго военнаго губернатора прибылъ въ имѣніе княгини Щербатовой. Послѣ короткой бесѣды съ непрошеннымъ гостемъ, представившимъ не только письмо отъ графа Салтыкова, но и самый рескриптъ государя, княгиня поняла, что увѣщаніе императора Павла, хотя бы по вопросу о проявленіи родительскаго чувства, должно быть понимаемо, какъ повелѣніе, неповиновеніе которому влечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія для ослушника. Поэтому княгиня немедленно согласилась исполнить предъявленное подполковникомъ Петровскимъ требованіе и не только простила сына, но также, «яко мать, благословила», о чемъ и сообщила во врученныхъ Петровскому письмахъ на имя сына и графа Салтыкова.

Высочайшее порученіе было исполнено такъ скоро, что уже 3-го іюня фельдъегерь Поповъ, привезшій 1-го іюня рескриптъ императора Салтыкову, былъ отпущенъ изъ Москвы въ Павловскъ съ донесеніемъ о благополучномъ окончаніи дѣла. Между прочими документами фельдъегерю были вручены письма къ князю А. Ѳ. Щербатову отъ матери его съ прощеніемъ и благословеніемъ (отъ 2-го іюня) и отъ графа Салтыкова съ поздравленіемъ «по поводу возвращенія прежнихъ къ нему родительскихъ чувствованій» (отъ 3-го іюня). Фельдмаршалъ, неоднократно приходившій въ негодованіе по поводу нѣкоторыхъ распоряженій того времени [1]), не упустилъ случая довольно зло посмѣяться надъ способомъ, какимъ князь Щербатовъ добился примиренія съ матерью: поздравленіе свое графъ Салтыковъ сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ поздравляю ваше сіятельство, что таковое расположеніе матушки вашей, конечно, искренно, и желаю, чтобы вы навсегда пользовались спокойствіемъ, какого только можно ожидать отъ подобнаго согласія». Князь Щербатовъ понялъ иронію, заключающуюся въ этихъ словахъ, и, кажется, намекнулъ на это графу Салтыкову въ отвѣтномъ письмѣ. «За пріемлемое,—писалъ князь Щербатовъ,—участіе въ моемъ счастіи приношу мою чувствительную и нижайшую благодарность. Смѣю увѣрить ваше сіятельство, что щедрыя ваши ко мнѣ милости на вѣкъ останутся запечатлѣнными въ сердцѣ моемъ тѣмъ паче, что оныя изливаемы безъ заслугъ моихъ».

Изложенное нами дѣло можетъ, какъ кажется, служить недурною иллюстраціей всей дѣятельности императора Павла Петровича: благія намѣренія, великодушные планы осуществлялись такъ, что приводили къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Виталій Эйнгорнъ.

[1]) Сравн. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, т. I, стр. 215.

ПОСЛѢДНІЙ ОТПРЫСКЪ ГАННОВЕРСКАГО ДОМА[1].

VIII.

ВОЗВРАТИВШИСЬ изъ Парижа, Викторія уѣхала въ только что отстроенный замокъ Бальмораль. Это было массивное зданіе изъ сѣраго гранита съ высокою башней. Западный фасадъ былъ украшенъ мраморными барельефами, представляющими св. Андрея, покровителя Шотландіи, св. Георгія и дракона, св. Губерта и лань. Надъ главнымъ подъѣздомъ былъ высѣченъ королевскій гербъ.

Внутреннее убранство соотвѣтствовало его суровому наружному виду. Сѣни были украшены головами кабановъ и ланей, убитыхъ на охотѣ во время посѣщенія различныхъ коронованныхъ особъ. Главное же украшеніе была статуя Малькольма Кантора, вылитая изъ бронзы въ натуральную величину, а также бюсты королевы, ея дѣтей, герцога Гессенскаго, императора Фридриха. Большой коридоръ, украшенный мраморной фигурой принца Альберта, раздѣляетъ всѣ комнаты, которыя не представляютъ ничего замѣчательнаго, исключая громадной бальной залы, украшенной шотландскими трофеями. Личные аппартаменты королевы находятся въ первомъ этажѣ. Здѣсь, какъ и въ Осборнѣ, королева искала уединенія. Санаторія Балэтеръ, находящаяся близъ замка,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 305.

совершенно отдѣлена отъ него, такъ какъ въ Бальморалѣ устроены собственныя дороги, по которымъ посторонніе не могутъ ѣздить.

Въ тотъ же день, какъ Викторія прибыла въ Бальмораль, она написала въ своемъ дневникѣ 7-го сентября 1855 года:

«Мы пріѣхали въ 7 часовъ съ четвертью въ нашъ дорогой Бальмораль. Мнѣ кажется очень страннымъ ѣхать въ каретѣ по тому мѣсту, гдѣ было ранѣе жилище. Новая резиденція кажется великолѣпной. Башня и комнаты окончены только на половину. Службы еще не выстроены. Свитскіе кавалеры, исключая дежурнаго министра, помѣстятся въ старомъ домѣ, а также и слуги. Какъ только мы вошли въ новый домъ, сзади насъ бросили старый сапогъ; это—шотландскій обычай, который долженъ принести намъ счастіе. Домъ очарователенъ, комнаты прелестны, меблировка и обои даже совершенство».

Черезъ два дня пришли депеши отъ лорда Кларендона и Грэнвиля. Первая извѣщала, что маршалъ Пелисье доноситъ объ истребленіи русскаго флота, а вторая—о взятіи Севастополя. При этихъ извѣстіяхъ шумная радость воцарилась въ Бальморалѣ. Принцъ Альбертъ приказалъ зажечь иллюминацію и фейерверкъ и дать всѣмъ виски. Слуги всѣ были пьяны, и въ домѣ все шло вверхъ дномъ отъ радости.

29-го сентября принцъ прусскій пріѣхалъ въ Бальмораль просить руку дочери королевы, принцессы Викторіи, которой только что минуло шестнадцать лѣтъ. Викторія ни за что не хотѣла согласиться на этотъ бракъ по разнымъ причинамъ. Главною изъ нихъ была та, что послѣ памятнаго для нея свиданія въ Кельнѣ въ 1845 году она не могла терпѣть прусскаго короля, Фридриха-Вильгельма IV. Затѣмъ англійскій народъ очень не любилъ пруссаковъ, а она старалась, по возможности, жить въ мирѣ со своими подданными. Кромѣ того, это былъ политическій бракъ, а она со своими романическими взглядами хотѣла устроить для нея бракъ, который былъ бы, какъ она выражалась, «цвѣткомъ романтизма». Хотя баронъ Штокмаръ и принцъ Альбертъ сильно интриговали въ пользу Пруссіи, но пока не могли ее уговорить, и она отказала принцу. Принцъ остался въ качествѣ гостя, и, благодаря отсутствію этикета въ Бальморалѣ, онъ свободно видѣлся и катался съ принцессой, что̀ кончилось сильнымъ обоюднымъ увлеченіемъ.

Въ октябрѣ Викторія писала:

«Во время прогулки въ Крэгъ-на-Банъ, когда Вика и Фрицъ спускались верхомъ съ Гленъ-Гирноша, онъ сорвалъ вѣтку бѣлаго вереска и поднесъ ее Викѣ. Это—эмбема счастья. Вика приняла ее, что позволяетъ ему имѣть иллюзію относительно своихъ надеждъ и желаній».

Но принцъ Альбертъ не сдался и продолжалъ совмѣстно съ барономъ Штокмаромъ глухую борьбу противъ Пальмерстона въ

пользу Пруссіи, и когда Наполеонъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, снова посѣтилъ Осборнъ, то быстро выросшій союзъ сталъ понемногу расшатываться. Мечта Наполеона сдѣлать Средиземное море европейскимъ озеромъ не могла осуществиться, такъ какъ его предложеніе было холодно принято принцемъ Альбертомъ, и онъ возвратился во Францію раздосадованный. Крымская кампанія, породившая союзъ, послужила и первымъ разочарованіемъ Викторіи. Наполеонъ не простилъ отказа Викторіи, и когда Англія желала продолжать войну, то онъ рѣшился отозвать своихъ 100.000 солдатъ. Въ то время, когда Пальмерстонъ хотѣлъ вести переговоры съ Франціей объ условіяхъ мира съ Россіей, то англійскій министръ узналъ, что условія трактата только что утверждены, но съ Австріей. Королева написала Наполеону, протестуя противъ его поступка, на что Наполеонъ отвѣтилъ ей любезными фразами, въ сущности ничего не объясняющими. Тогда она рѣшила вести съ нимъ переговоры; но даже во время переговоровъ Наполеонъ нашелъ случай раздосадовать Викторію. Передъ подписаніемъ парижскаго трактата она снова ему написала непринужденное, полное довѣрія письмо, настаивая на необходимости согласія между двумя странами во время переговоровъ. Наполеонъ отвѣчалъ только лорду Кларендону, передавшему посланіе королевы: «Какое очаровательное письмо!»

Актъ подписанія трактата 30 марта 1856 года вызвалъ новую ссору—чисто женскую. Каждый изъ союзниковъ желалъ сохранить у себя перо, которымъ уполномоченные должны были подписать трактатъ. Лордъ Кларендонъ уже обѣщалъ свое перо королевѣ Викторіи. Императрица Евгенія ни за что не соглашалась на это, требуя, чтобы перо служило одно для всѣхъ и затѣмъ сохранялось бы у нея. Эта послѣдняя выходка совершенно расхолодила Викторію, и союзъ началъ распадаться. Въ свою очередь народъ понялъ, что игра, затѣянная Пальмерстономъ, не стоила свѣчъ; французы оттѣснили англичанъ на задній планъ, и успѣхъ не стоилъ ни количества пролитой крови, ни потраченныхъ денегъ на эту злополучную войну.

Королева пережила за это время много треволненій. Отношенія къ Англіи Наполеона охладили ея увлеченіе имъ, и, возвратившись въ Бальмораль, она писала:

«Каждый годъ мое сердце все болѣе и болѣе привязывается къ этому дорогому мнѣ раю, въ особенности, по причинѣ того, что все здѣсь, какъ и въ Осборнѣ, работа моего дорогого и любимаго Альберта».

17 апрѣля 1857 года королева подарила своему дорогому Альберту послѣдняго ребенка—дочь Беатриссу-Марію.

Принцъ не терялъ даромъ время и, пользуясь разочарованіемъ Наполеономъ и Франціей, склонилъ Викторію на бракъ принцессы Викторіи съ прусскимъ принцемъ. Несмотря на протесты не лю-

бившаго нѣмцевъ народа и прессы, которая помѣщала скандальныя карикатуры на прусскаго принца, а также на статьи «Times»'а, въ которыхъ его называли «отброскомъ бѣдной, мелкой, нѣмецкой династіи» и предсказывали, что «принцу скоро придется вымаливать кусокъ хлѣба у русскаго двора», бракъ состоялся 28 января 1885 года. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, именно 9 февраля, пало министерство Пальмерстона по слѣдующимъ обстоятельствамъ. 11 января того же года въ Наполеона была брошена бомба передъ зданіемъ Оперы. Орсини, бросившій эту бомбу, былъ арестованъ, но сообщниковъ его не нашли во Франціи. Зная, что въ Англіи собираются эмигранты и высланные со всѣхъ концовъ свѣта, Наполеонъ обратился къ Викторіи съ просьбой выдать ему сообщниковъ Орсини. Послѣдній былъ извѣстенъ въ Англіи, гдѣ очень цѣнили его ораторскія способности, какъ политическаго трибуна, и англійская печать, узнавъ о просьбѣ Наполеона, воспротивилась и подняла такой шумъ, что Викторія принуждена была отказать Наполеону. Въ отвѣтъ на отказъ разгоряченные французы помѣстили въ «Moniteur» статью, въ которой назвали Англію «лабораторіей убійствъ».

Это обвиненіе раздражило англичанъ, и билль противъ заговорщиковъ, предложенный лордомъ Пальмерстономъ, былъ ошельмованъ парламентомъ. Оставшійся въ меньшинствѣ Пальмерстонъ былъ принужденъ подать въ отставку. Принцъ Альбертъ, интриговавшій противъ него, писалъ слѣдующее:

«Лордъ Пальмерстонъ самый непопулярный человѣкъ. Смѣшно слышать, какъ о немъ отзываются его прежніе поклонники. Въ палатѣ ему не дозволяютъ открывать рта».

Такимъ образомъ Викторія была на время избавлена отъ своего врага.

Когда страсти у обѣихъ націй нѣсколько улеглись, то онѣ убѣдились, что ссориться имъ не время, а потому Наполеонъ пригласилъ Викторію пріѣхать осмотрѣть только что устроенный портъ въ Шербургѣ. Королева отклонила это предложеніе. Тогда Наполеонъ вторично пригласилъ Викторію; и на этотъ разъ она хотѣла уклониться отъ поѣздки, но лордъ Дерби, сдѣлавшійся первымъ министромъ, настоялъ, и 14 августа 1858 года она отправилась изъ Осборна въ сопровожденіи Альберта, принца Уэльскаго и принца Кэмбриджскаго. Встрѣча была торжественная. По поводу приготовленій къ этой встрѣчѣ существуетъ, по словамъ герцога Паскье, забавный анекдотъ. Въ то время въ Шербургѣ воздвигли статую Наполеона, грозно указывающаго на берега Англіи. Это показалось неприличнымъ во время пребыванія Викторіи, и статую переставили такъ, что Наполеонъ указывалъ на берега Нормандіи. Королева писала:

«Вечеръ былъ скучный и пасмурный; портъ былъ очень оживленъ, военные корабли, стоявшіе на якоряхъ, были блестяще украшены. Какъ только мы вошли въ портъ, насъ встрѣтили пушечными выстрѣлами. Впечатлѣніе было грандіозное. Вдругъ раздалось: «Императоръ ѣдетъ!» заиграла музыка, и послышались привѣтственные крики. Альбертъ встрѣтилъ нашихъ хозяевъ внизу на лѣстницѣ, а я наверху. Сначала вошелъ императоръ, затѣмъ императрица. Я ихъ поцѣловала обоихъ. Герцогъ Малаховъ и другіе пріѣхали съ ними. Императоръ былъ очень смущенъ, императрица менѣе и очень любезна. Наполеонъ спросилъ съ безпокойствомъ, не измѣнилось ли расположеніе къ нимъ англичанъ».

На жалобу императора относительно англійской прессы, которая нападала на него, Викторія отвѣчала: «Англійская пресса свободна въ Англіи». На другой день Викторія отправилась въ префектуру, гдѣ былъ накрытъ завтракъ, въ маленькомъ салонѣ. Викторія писала по поводу этого завтрака:

«Оба были любезны, но Наполеонъ имѣлъ немного принужденный видъ, былъ молчаливъ и видимо нерасположенъ разговаривать. Позже, когда мы усѣлись съ императрицей, у насъ завязалась бесѣда. Она говорила съ безпокойствомъ о дѣлахъ, о надеждѣ, что все пойдетъ хорошо, о нашей невозможности воспрепятствовать прессѣ помѣщать неблагопріятныя статьи, которыя переведены уже въ иностранныхъ журналахъ, и объ Орсини».

Обѣдъ былъ сервированъ на императорской яхтѣ «Бретань», и Викторія писала о немъ:

«Мы оба были страшно нервны, потому что моему бѣдному Альберту приходилось говорить рѣчь въ отвѣтъ на императорскую, и ему надо было ее составить. Мы сѣли за столъ; насъ было шестьдесятъ человѣкъ. Я сидѣла между императоромъ и Георгомъ, лэди Диваръ по другую сторону императора; Альбертъ—напротивъ между императрицей и г-жей де-ла-Бедуайеръ. Императоръ разошелся и откровенно со мною разговаривалъ весь обѣдъ; онъ не былъ веселъ и очень былъ озабоченъ вопросомъ, что о немъ говорятъ въ Англіи и за границей. Но вотъ окончился обѣдъ, и приближался ужасный часъ рѣчей. Императоръ громкимъ голосомъ предложилъ тостъ за меня, Альберта и всю семью. Затѣмъ заиграла музыка, и подошелъ моментъ мученій, которыхъ я не хотѣла бы еще разъ испытать, Альбертъ, разъ рѣшившійся, вышелъ изъ этого положенія прекрасно. Я вся дрожала, глаза какъ будто пригвоздились къ столу. Тѣмъ не менѣе спичъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Наконецъ окончился обѣдъ, мы встали, и императоръ въ каютѣ пожалъ руку Альбьрта; мы разговаривали о страшномъ волненіи, которое мы только что перечувствовали. Императоръ измѣнился въ лицѣ, и императрица, со своей стороны, тоже казалась нервной. Я такъ дрожала, что не могла проглотить кофе. Въ своей

рѣчи императоръ былъ принужденъ подтвердить свою вѣрность англійскому союзу.

Принцъ Альбертъ, по словамъ графа Флери, отвѣтилъ банальными фразами, которыя не должны были его очень взволновать, такъ какъ онѣ не обладали богатствомъ фантазіи.

Относительно рѣчи Наполеона Викторія писала:

«Въ присутствіи человѣка, который всегда дѣйствовалъ такъ откровенно и прямодушно, какъ мой Альбертъ, императоръ не могъ быть спокоенъ, зная, что нѣсколько дней тому назадъ онъ заключилъ сдѣлку съ графомъ Кавуромъ въ Пломбіерѣ».

Два дня спустя, принцъ писалъ герцогинѣ Кентской:

«Въ Шербургѣ все прошло хорошо. Императоръ былъ озабоченъ и печаленъ. Императрица казалась больной. Военныя приготовленія во французскомъ флотѣ громадны. Наши достойны сожалѣнія. Наши министры говорятъ красивыя фразы, но совсѣмъ не дѣйствуютъ: у меня закипаетъ кровь, когда я объ этомъ думаю».

Вечеромъ была иллюминація и фейерверкъ, закончившіе союзъ и послѣднюю встрѣчу союзниковъ. Въ слѣдующую встрѣчу Наполеонъ III былъ уже изгнанникомъ. Такова была судьба Викторіи, что французскіе изгнанные государи пріѣзжали кончать свои дни въ ея владѣнія.

Теперь принцъ Альбертъ, избавившійся отъ Пальмеретона, предался всецѣло мечтѣ о сбиженіи съ пруссаками. Началась секретная переписка между прусскимъ дворомъ и принцемъ. Принцесса Фредерика, въ свою очередь, вела тайную переписку съ отцемъ. Чтобы начать сближеніе, Викторія и Альбертъ отправились 14 августа въ Потсдамъ, гдѣ оставались до 28 августа. Молодая принцесса была уже три мѣсяца беременна, и Викторія нисколько не смущалась быть 39-ти-лѣтней бабушкой; напротивъ она была въ большомъ восторгѣ.

Во время итальянской войны принцъ Альбертъ помѣшалъ пруссакамъ согласиться на желаніе Наполеона III принять участіе противъ австрійцевъ. Вообще его труды по сближенію съ Пруссіей такъ подвинулись, что королева писала Пальмерстону, вновь назначенному министромъ, чтобы онъ устроилъ постоянныя сношенія между Австріей, Пруссіей и Англіей. Лѣтомъ 1860 года Викторія снова отправилась въ Германію; это была поѣздка, закрѣпляющая узы дружбы другими болѣе тѣсными и служащая апогеемъ тріумфа принца Альберта. Принцесса Викторія обрадовала мать и принца Альберта рожденіемъ будущаго нѣмецкаго императора Вильгельма II. Королева по возвращеніи въ Англію отзывалась съ восторгомъ о немъ: «Дорогой, нѣжный, маленькій амурчикъ, пухленькій и полный бэби, съ прекрасной бѣлой кожей, чудными плечиками, красиво сложенный, съ очаровательнымъ личикомъ, какъ у Вики и Фрица, и со свѣтлобѣлокурыми вьющимися волосами».

Королева не предвидѣла, что этотъ маленькій амурчикъ будетъ относиться къ ней такъ враждебно.

Съ появленіемъ этого маленькаго существа, если антипатія Викторіи къ прусскому королю не уменьшилась, то во всякомъ случаѣ она положила зарокъ болѣе не дѣйствовать противъ Гогенцоллерновъ. Правда, что офиціальнаго союза между Англіей и Пруссіей не существовало, потому что мнѣнія этихъ двухъ народовъ совершенно расходились, но отношенія между дворами были очень тѣсны. Точно также и съ Франціей не было офиціальнаго разрыва, но личныя отношенія Викторіи и Наполеона становились все холоднѣе и холоднѣе. Наполеонъ никакъ не думалъ, что начатое такъ удачно очарованіе Викторіи, а за ней и народа, встрѣтитъ на своемъ пути такую сильную оппозицію, поощренную самой же королевой.

Радость королевы при появленіи на свѣтъ маленькаго внука скоро смѣнилась глубокимъ горемъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1861 года скончалась герцогиня Кентская, а 14 декабря Викторія была поражена, какъ громомъ, смертью своего дорогого Альберта. Уже давно принцъ былъ не совсѣмъ здоровъ, хотя опредѣленной болѣзни у него не находили. Онъ вообще слишкомъ много работалъ, а приготовленія къ выставкѣ 1862 года окончательно его утомили. Доктора думали, что его болѣзнь не больше, какъ простое переутомленіе. Вскорѣ они перемѣнили свое мнѣніе, находя у него гастрическую лихорадку, но потомъ должны были сознаться въ своей ошибкѣ и признали, что у него тифъ. Королева до послѣдней минуты сохраняла иллюзію, что исходъ будетъ благопріятный, и 14 декабря телеграфировала утромъ своей дочери принцессѣ, что въ здоровьѣ отца замѣтно улучшеніе, и надѣются, что опасность миновала. Но въ тотъ же вечеръ около десяти часовъ принцъ скончался, и послѣдними его словами была фраза «liebes Frauchen» (милая женка), съ которою онъ всегда обращался къ Викторіи въ интимной жизни.

Горе Викторіи было глубоко. «Все умерло съ нимъ»,—написала она въ своемъ дневникѣ. Это была правда; она всегда была искренна, а ея горе не было утрировкой. И не даромъ Джонъ Брайтъ о ней отзывался: «Нельзя встрѣтить другой женщины искреннѣе ея!».

IX.

Со смерью принца Альберта королева первое время совершенно упала духомъ, и вся ея энергія замерла. Она не только избѣгала общества, но даже не такъ энергично занималась государственными дѣлами. Когда сильный припадокъ отчаянья прошелъ, и она пріѣхала въ Бальмораль, то первой ея заботой было поставить памятникъ принцу Альберту въ видѣ пирамиды. Она писала въ этотъ день:

«Въ одиннадцать часовъ мы отправились въ Крэгъ-Лауригэнъ. Погода блестящая и видъ великолѣпный, но, увы, мнѣ это не доставляетъ болѣе ни радости, ни удовольствій. Все умерло для меня. Вотъ виднѣется на вершинѣ холма основаніе пирамиды, откуда мой дорогой Альбертъ будетъ господствовать надъ всею долиной. Шесть моихъ сиротъ и я положимъ каждый по камню, на которыхъ будутъ вырѣзаны имена; я положу еще три за нашихъ отсутствующихъ дѣтей. Я такъ потрясена и въ такомъ нервномъ настроеніе. Памятникъ будетъ 35 футъ вышины и съ слѣдующею надписью:

«Въ память любимаго Альберта, великаго и добраго принца супруга, поставленный его вдовою съ разбитымъ сердцемъ.

«Викторія 1 августа 1862 года. Внизу изреченіе Соломона IV. 13. 14».

Тѣмъ временемъ, какъ королева уединялась, предаваясь своему отчаянію, лордъ Пальмерстонъ, избавившійся отъ вліянія принца Альберта на Викторію и вообще на политическія дѣла, сталъ интриговать въ пользу брака принца Уэльскаго съ датской принцессой и устроилъ ихъ встрѣчу въ Вормскомъ соборѣ. Несмотря на протестъ королевы, мечтавшей женить сына на нѣмецкой принцессѣ, принцъ энергично настаивалъ на этомъ бракѣ.

Чувствуя себя неспособной къ сопротивленію безъ своего дорогого Альберта, королева, хотя съ большимъ неудовольствіемъ, отправилась 1-го сентября 1862 года въ Брюссель, чтобы познакомиться съ принцессой Александрой и ея родителями. Оттуда она поѣхала въ Германію, гдѣ оставалась въ замкѣ Рейхарсбруннѣ. На свадьбѣ, какъ извѣстно, она не присутствовала, а когда Пруссія давила Данію, то Викторія, несмотря на то, что прошло немного времени со свадьбы сына, и на родственную связь, не сдѣлала ни одного движенія въ пользу Даніи. Она оставалась на сторонѣ Гогенцоллерновъ, хотя ея дочери, принцессѣ Фредерикѣ, жилось дурно въ Германіи, благодаря проискамъ Бисмарка. Конечно, дурное отношеніе принца Уэльскаго къ отцу много способствовало къ охлажденію королевы, и ея расположеніе къ сыну сильно измѣнилось.

Упорно избѣгая общества, Викторія продолжала вести затворническую жизнь, что вызывало много неудовольствій и толковъ. Королева снова стала терять свою популярность. Парламентъ, терпѣливо ожидавшій, когда королева успокоится и начнетъ офиціальные выѣзды, сталъ терять терпѣнье, и наконецъ, послѣ неоднократныхъ напоминаній, сдѣланныхъ королевѣ, одинъ депутатъ предложилъ сбавить ей содержаніе. Это подѣйствовало, и она открыла парламентъ лично въ 1866 году. Въ этомъ году состоялась свадьба дочери принцесы Елены-Августы съ принцемъ Фредерикомъ-Христіаномъ Шлезвигъ-Гольштинскимъ, что нарушало нѣ-

сколько ея монотонную жизнь. Лондона она почти не посѣщала, пріѣзжая туда только изрѣдка открывать парламентъ.

Во все это время королева значительно охладѣла къ государственнымъ дѣламъ. Сначала первымъ министромъ былъ лордъ Пальмерстонъ, и онъ былъ очень доволенъ, что ему теперь была предоставлена полная свобода дѣйствій. Однако онъ значительно измѣнился и не только пересталъ поддерживать союзъ съ Франціей, но со времени присоединенія Наполеономъ III Савойи и Ниццы онъ сталъ даже его противникомъ. Вслѣдствіе этого премьеръ повелъ сильную агитацію въ пользу укрѣпленія береговъ Англіи и организовалъ корпуса волонтеровъ, на случай французскаго вторженія.

Много вниманія было обращено на войну сѣвера съ югомъ, въ Америкѣ, и въ началѣ столкновеній Англіи съ Соединенными Штатами принимали живое участіе Викторія и даже умирающій принцъ Альбертъ. Послѣдней его заслугой Англіи была передѣлка имъ лично офиціальной депеши, въ примирительномъ духѣ, такъ какъ дѣла до того обострились, что американскій министръ Сьюардъ говорилъ: «Война зависитъ отъ тона англійскаго отвѣта». Даже Пальмерстонъ, послѣ смерти принца Альберта, выразилъ благодарность всей страны за его тактъ и осторожность.

Вскорѣ, послѣ окончанія американскихъ дѣлъ, въ 1865 году, умеръ, при исполненіи обязанностей, маститый Пальмерстонъ, и министерство перешло къ не менѣе старому лорду Росселю, а когда проектъ Гладстона объ избирательной реформѣ былъ проваленъ парламентомъ, то на короткое время первымъ министромъ сдѣлался Дерби. Онъ, по совѣту Дизраэли, воспользовался избирательнымъ проектомъ Гладстона и торжественно провелъ его. Но Дерби недолго торжествовалъ чужимъ успѣхомъ и по болѣзни былъ замѣненъ Дизраэли, который самъ продержался у власти только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1868 году образовалось первое, такъ называемое, великое министерство Гладстона. Изъ всѣхъ проведенныхъ имъ реформъ первая была — уничтоженіе англиканской церкви въ Ирландіи, въ качествѣ государственной. Въ этомъ отношеніи королева приняла значительное участіе. Она была искреннимъ врагомъ этой мѣры, но подчиняясь, согласно конституціи, волѣ перваго министра, котораго поддерживалъ парламентъ и весь народъ, она удовольствовалась тѣмъ, что оказала помощь протестантскому духовенству. Благодаря ея вмѣшательству и архіепископа Кантэрбюрійскаго, заключена была сдѣлка между правительствомъ, духовенствомъ и верхней палатой. «Мы покончили это дѣло на лучшихъ условіяхъ, какія только можно придумать, писалъ Гладстонъ, и, благодаря королевѣ, избѣгли столкновенія съ верхней палатой».

Но зато Викторія съ этой минуты перестала быть либералкой, хотя она съ дѣтства принадлежала къ либеральной партіи, и перешла на сторону торіевъ. Всѣ дальнѣйшія реформы Гладстона, и

особливо ирландскія, были ей ненавистны, и она во всемъ выражала къ нему несочувствіе, хотя обязана была, по конституціи, подписывать всѣ его радикальныя мѣропріятія.

Зато относительно его иностранной политики, касающейся поддержки Пруссіи въ войнахъ противъ Австріи и Франціи, она вполнѣ раздѣляла его мнѣніе. Конечно, въ этомъ отношеніи она лично сочувствовала политикѣ наслѣднаго принца и была противъ системы «желѣза и огня» Бисмарка. Но, во всякомъ случаѣ, она стояла за «моихъ дѣтей въ Берлинѣ», и когда передъ войною съ Австріей неизвѣстно было, чья сторона возьметъ, то она, нарочно, поѣхала къ австрійскому императору, чтобы ходатайствовать за наслѣднаго принца и его жену. Точно также она хлопотала за нихъ передъ королемъ прусскимъ, боясь, чтобы имъ не напортилъ его злѣйшій врагъ Бисмаркъ.

Во всякомъ случаѣ, она была очень рада, когда единство Германіи было создано Бисмаркомъ, хотя и не въ томъ видѣ, какъ она желала. Она помирилась съ мыслью, что имперія была не либеральная, потому что императоромъ сдѣлался Вильгельмъ I, а его наслѣдникомъ — ея возлюбленный Фрицъ.

Въ 1871 году королеву посѣтило новое горе. Наслѣдникъ, принцъ Уэльскій, опасно заболѣлъ, и его жизнь висѣла на волоскѣ. Викторія какъ будто ожила отъ новаго горя; къ ней возратилась прежняя энергія, и она не отходила отъ постели больного, забывъ всѣ полученныя черезъ него огорченія и непріятности. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ оправился, то королева предприняла въ сопровожденіи принца благодарственное пилигримство въ церковь св. Павла, при громадномъ стеченіи народа. Это нѣсколько возстановило ея популярность.

Въ этомъ же году, въ февралѣ мѣсяцѣ, какой-то сумасшедшій ирландецъ, по имени О'Коннорь, бросился къ каретѣ Викторіи, держа въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой — прошеніе, но ея вѣрный лакей, Броунъ, сильной рукой схватилъ его, не давъ ему опомниться.

Ненависть Викторіи къ Букингамскому и Виндзорскому дворцамъ все болѣе и болѣе усиливалась, но все-таки она возобновила парадные пріемы, хотя обыкновенно удалялась, не окончивъ ихъ, предоставляя принцессѣ Уэльской продолжать пріемъ. Точно также и Виндзорскій дворецъ посѣщался королевой, гдѣ она оставалась, хотя недолгое время, но правильно и опредѣленный срокъ, вопреки желанію придворныхъ, которые, въ концѣ концовъ, стали тяготиться ея присутствіемъ и тайно желали, чтобы она оставалась весь годъ въ Бальморалѣ.

Въ 1877 году королева сдѣлалась императрицей Индіи. Этой лестной наградой она удостоена была ловкимъ, «юркимъ» Дизраэли, замѣнившимъ Гладстона въ 1874 году. Начатая имъ новая поли-

тика, такъ называемая имперіалистская, была ознаменована пожалованіемъ королевѣ императорскаго титула, а самъ Дизраэли получилъ титулъ лорда Биконсфильда. Съ этой минуты онъ сдѣлался любимцемъ королевы, и она сочувствовала всѣмъ его имперіалистскимъ выходкамъ.

Послѣ пріятнаго для самолюбія королевы торжества ее ожидалъ ударъ. Принцесса Гессенская скончалась въ 1878 году отъ дифтерита, оставивъ семь человѣкъ дѣтей. Королева была сильно этимъ поражена.

Въ 1879 году королева отправилась отдыхать послѣ свадьбы сына, герцога Конаутскаго, съ принцессой Луизой-Маргаритой Прусской, на сѣверъ Италіи. Въ глубокомъ траурѣ она пріѣхала въ Парижъ, гдѣ оставалась недолго въ англійскомъ посольствѣ. Тамъ она приняла президента Греви. 28 марта она пріѣхала въ Модену и проѣхала въ Туринъ и Бавену подъ псевдонимомъ графини Бальмораль, гдѣ наняла виллу «Клара». Принцъ Амедей явился къ ней съ визитомъ отъ имени короля и королевы. 18 апрѣля она встрѣтилась на одной изъ станцій желѣзныхъ дорогъ между Римомъ и Монца съ королемъ, королевой и дворомъ. Она была приглашена на завтракъ въ Монцъ, а затѣмъ возвратилась въ Бавену. На обратномъ пути Викторія опять проѣхала черезъ Парижъ, гдѣ остановилась недолго и возвратилась въ Виндзоръ. Съ этого времени королева стала предпринимать ежегодно поѣздки на югъ Франціи или въ Италію, гдѣ оставалась одинъ мѣсяцъ. Такъ какъ эти поѣздки совпадали со днемъ Пасхи, то въ Англіи прошелъ слухъ между католиками, что Викторія перешла въ католицизмъ и ѣздитъ въ Италію для исполненія католическихъ обрядовъ.

Послѣдній разъ Викторія снова подверглась опасности быть убитой въ 1882 году. Одинъ ирландецъ Маклинъ выстрѣлилъ въ королеву, когда она, сойдя съ поѣзда, только что хотѣла сѣсть въ свою карету на станціи Виндзоръ. Два ученика коллегіи Итонъ схватили его. Королева не растерялась и громко ихъ поблагодарила, а затѣмъ просила ихъ прійти въ замокъ.

Черезъ три года Викторія выдала замужъ свою младшую дочь Беатрису за принца Генриха Батенбергскаго. Викторія, никогда не разстававшаяся съ нею, не упустила случая сдѣлать оговорку въ контрактѣ, что зять и дочь должны жить съ нею. Эгоистическая черта ея характера въ особенности выступала въ отношеніи принцессы Беатрисы. Прекрасная музыкантша и художникъ, принцесса эта въ то же время не имѣла совсѣмъ молодости. Боязнь одинокой старости пересиливала у Викторіи чувство сожалѣнія къ этой несчастной, молодой женщинѣ, принужденной вѣчно оставаться около престарѣлой, полубольной королевы. Несмотря на свой не старый возрастъ, она всегда имѣла видъ старше своихъ лѣтъ, благодаря печальному, безнадежному выраженію лица. Послѣ смерти

мужа она совершенно предалась заботамъ о матери, несмотря на то, что у нея были свои дѣти.

Хотя королевѣ пришлось пережить много горькихъ минутъ въ свое долговременное царствованіе, но чествованіе, какое ей оказали въ день ея золотого юбилея всѣ ея подданные, не исключая колоній, могло служить ей вознагражденіемъ. Въ 1887 году исполнилось пятидесятилѣтіе ея легкой и въ то же время трудной дѣятельности. Первая показала примѣръ Индія, которая въ честь престарѣлой императрицы устроила празднества. Депутаціи отъ всѣхъ колоній и со всѣхъ концовъ являлись въ Виндзоръ 8 марта и были торжественно приняты королевой, а 8 мая у нея былъ парадный блестящій пріемъ въ Букингамскомъ дворцѣ для индѣйскихъ принцевъ, ослѣпившихъ англичанъ своимъ богатствомъ.

Въ началѣ іюня Лондонъ былъ въ рукахъ декораторовъ и обойщиковъ. Гостиницы переполнены пріѣзжими, негдѣ было остановиться. Магазины почти не закрывались, ночью было то же движеніе, что и днемъ. Только вокругъ Букингамскаго дворца была тишина, строго охраняемая, чтобы не тревожить сна королевы. Въ торжественномъ кортежѣ находились лица въ оригинальныхъ богатыхъ костюмахъ, какъ персидскіе, сіамскіе принцы, королева гавайская и проч. Во время торжественной церемоніи органъ игралъ все время сочиненія принца Альберта. Когда королева хотѣла встать на колѣни, чтобы принять благословеніе, ея волненіе было такъ сильно, что она упала рыдая на свой тронъ, закрывъ лицо руками. Затѣмъ, родные хотѣли ее поздравить по этикету, но она просто ихъ всѣхъ обняла. Послѣ этого она сдѣлала глубокій поклонъ иностраннымъ гостямъ и удалилась. Церемонія возвратилась въ томъ же порядкѣ. Пріѣхавъ во дворецъ, королева пожелала завтракать одна, а затѣмъ, отдохнувъ нѣсколько часовъ, предложила гостямъ garden-party въ дворцовомъ саду. Вечеромъ былъ большой банкетъ на восемьдесятъ кувертовъ для избранныхъ коронованныхъ лицъ, и все окончилось блестящей иллюминаціей.

Наконецъ-то, въ 1888 году, мечта Викторіи осуществилась; смерть Вильгельма I сдѣлала ея дочь императрицей Германіи. Кромѣ того, теперь ей было легче устроить желанный бракъ ея внучки, дочери императрицы германской, съ герцогомъ Баттенбергскимъ, братомъ ея зятя. Уже три года Викторія лелѣяла эту мысль. Принцесса познакомилась у бабушки съ герцогомъ и сильно влюбилась въ него. Но у Викторіи явился сильный оппонентъ въ лицѣ Бисмарка. Онъ увѣрялъ, будто Викторія устраивала этотъ бракъ противника Россіи, чтобы дать ему возможность опереться на Германію. Бисмаркъ стоялъ противъ брака, ссылаясь на то, что это измѣнитъ хорошія отношенія Россіи и Германіи, и даже хотѣлъ выйти изъ-за этого въ отставку. По этому поводу онъ говорилъ: «Королева Викторія, какъ всѣ старыя женщины, подвергнулась маніи устраи-

вать браки. Она выбрала Баттенбергскаго потому, что онъ братъ мужа ея любимицы Беатрисы. Но королева имѣетъ еще политическіе виды: она хочетъ поссорить насъ окончательно съ Россіей. Я знаю, что въ семейныхъ дѣлахъ ей никто не смѣетъ противорѣчить. Если ее допустить, то она завтра же нагрянетъ къ намъ со священникомъ въ своемъ ночномъ мѣшкѣ и съ женихомъ въ чемоданѣ, и бракъ будетъ устроенъ. Но пока я здѣсь, я буду стоять поперекъ дороги Баттенбергу».

Болѣзнь императора задержала этотъ бракъ; Бисмаркъ говорилъ, что если бракъ состоится, то ему нельзя часа остаться на службѣ, потому что въ Петербургѣ болѣе не будутъ вѣрить его прямотѣ, качеству, благодаря которому онъ будто бы завоевалъ дружбу императора Александра, несмотря на всѣ интриги противъ него. Онъ проклиналъ англичанокъ, думающихъ только о пользѣ своей родины въ ущербъ другимъ. «Она англичанка,—говорилъ онъ про императрицу Фредерику,—въ этомъ отношеніи мы несчастливы. Когда наши принцессы выходятъ замужъ за границу, онѣ перестаютъ быть нѣмками и совершенно усыновляются своей новой родиной. Напримѣръ, посмотрите, баварская королева перешла даже въ католицизмъ, русская императрица вступила даже въ православіе. Англичанки же, напротивъ, когда онѣ выходятъ замужъ за нашихъ принцевъ, то не дѣлаются не только нѣмками, а бережно сохраняютъ свое національное происхожденіе и соблюдаютъ, прежде всего, интересы своей родины. Замѣтьте, что сами англичане не допускаютъ ни малѣйшаго вмѣшательства иностранцевъ. Помните, какъ Пальмерстонъ и другіе нападали и преслѣдовали принца Альберта за его вліяніе на жену. Они на насъ смотрятъ, какъ на расу, подчиненную имъ, какъ на слугъ. Сама Викторія такъ смотритъ и дочь ея также. Онѣ вмѣстѣ работаютъ».

Желѣзный канцлеръ и самъ былъ непріятель принца Альберта, который поддерживалъ нѣмецкую партію либераловъ, старавшихся выдвинуть единство Германіи, тогда какъ Бисмаркъ былъ ярый консерваторъ и дѣйствовалъ, какъ разъ обратно, хотя тоже въ пользу единства Германіи. Принцъ Альбертъ, до послѣдняго дня своей жизни, имѣлъ сильное вліяніе въ Пруссіи, которое перешло послѣ его смерти къ Бисмарку.

Но чѣмъ больше Бисмаркъ горячился, тѣмъ упорнѣе мать и дочь работали въ пользу брака. Говоря о ихъ вліяніи, онъ ссылался на одно сочиненіе, вышедшее въ Швейцаріи подъ заглавіемъ: «Вліяніе иностранцевъ въ Германіи», и хотя оно не было подписано, но онъ зналъ, что авторъ принцъ Эрнестъ Кобургскій: «Изъ него видно, какъ Англія пользовалась для своихъ цѣлей этимъ вліяніемъ, говорилъ онъ, достигая его черезъ своихъ дочекъ, племянницъ и подругъ Викторіи. Англійская политика всегда состояла въ томъ, обы сѣять раздоры между державами на континентѣ или поддер-

живать уже существующія распри, согласно знаменитому принципу: «Duobus litigantibus, tertius gaudens». Она всегда пользовалась этими ссорами, извлекая изъ нихъ громадную пользу себѣ во вредъ другимъ. То она обвиняетъ Францію въ концертѣ съ Россіей, то Россію въ концертѣ съ Франціей. Теперь она ищетъ случая подтолкнуть насъ противъ Россіи, которая ей опасна на Босфорѣ, а въ особенности на границѣ Индіи. Если бы мы слушались ея во время Крымской кампаніи, мы присоединились бы къ восточнымъ державамъ и атаковали бы императора Николая. Я былъ тамъ и оппонировалъ изо всѣхъ моихъ силъ. Въ 1863 году они хотѣли, чтобы мы поддерживали польскій мятежъ. Это былъ очевидный ловкій маневръ. Мы поссорились бы съ нашими друзьями, русскими, и имѣли бы на нашемъ правомъ флангѣ государство, которое сдѣлалось бы естественнымъ союзникомъ Франціи. А въ 1877-мъ году, когда угрожала русско-турецкая война, Англія насъ подталкивала, чтобы мы воспользовались нашимъ вліяніемъ въ Петербургѣ, дабы избѣжать непріятельскихъ дѣйствій. «Times» указывалъ намъ, что это необходимо въ интересахъ человѣчества. Королева Викторія принялась напирать на стараго императора, она написала ему письмо, которое передала черезъ Августу. Она мнѣ написала одно за другимъ письма, заклиная меня вмѣшаться. Слова: «человѣчество», «миръ», «свобода», пересыпавшія письма, служатъ имъ предлогами, когда они имѣютъ дѣло не съ дикими народами, и когда они не могутъ извлечь пользы изъ цивилизаціи. Викторія, прикрываясь именемъ «человѣчества», желала заставить насъ заботиться объ интересахъ Англіи, не имѣющихъ ничего общаго съ нашими. Именемъ «мира» она старалась поссорить насъ съ Россіей. Но мои усилія были направлены всегда къ тому, чтобы жить съ Россіей въ лучшихъ отношеніяхъ, и до сихъ поръ я въ этомъ успѣлъ. Ни за что не надо допустить, чтобы Баттенбергъ разстроилъ результаты моихъ дѣйствій. Не надо, чтобы малѣйшее подозрѣніе вкралось въ голову императора Александра, или чтобы русская печать, воспользовавшись этимъ случаемъ, сказала, что у насъ есть скрытые планы.

«Если этотъ бракъ состоится, то Баттенбергъ будетъ не что иное, какъ открытый каналъ для англійскаго вліянія, орудіе этого вліянія противъ Россіи. Кромѣ того, этотъ бракъ не приличенъ для королевскаго прусскаго дома, для дочери германскаго императора. Сверхъ того, есть еще причина. Царь Александръ ненавидитъ Баттенберга изъ всѣхъ своихъ силъ. Пожалуй, нѣтъ на свѣтѣ другого человѣка, котораго онъ такъ ненавидѣлъ бы. Да онъ и заслуживаетъ этого за свою лживость и измѣну».

Бисмаркъ былъ правъ, что вліяніе Викторіи было сильно. Несмотря на то, что ея внучка родилась въ Германіи, она сохранила свою любовь къ Англіи. Разговоры и письма велись на англійскомъ

языкѣ, даже съ отцемъ, Англія служила образцомъ для всего. Тотъ же Бисмаркъ разсказываетъ, какъ однажды принцесса, поссорившись съ братомъ, воскликнула: «Ахъ, дома у насъ это все гораздо лучше устроено!» Вильгельмъ спросилъ: «Что ты называешь домомъ?» — «Конечно, дома — въ Англіи!» — отвѣчала принцесса.— «Индюшка!»—обругался Вильгельмъ.

Его нелюбовь къ Англіи доходила до того, что, когда однажды какой-то офицеръ на маневрахъ нечаянно нанесъ ему легкій ударъ и этимъ вызвалъ кровотеченіе носомъ, то на его извиненіе Вильгельмъ отвѣчалъ: «Напротивъ, благодарю васъ, что вы меня заставили потерять остатки англійской крови, текущей въ моихъ венахъ».

Но Викторія не предвидѣла, что ей придется бороться въ дѣлѣ брака внучки не съ однимъ Бисмаркомъ. Ея зять императоръ не соглашался на него, во-первыхъ, изъ политическихъ видовъ, а, во-вторыхъ, изъ-за неравнаго брака. «Двѣ императрицы, индійская и нѣмецкая, борются противъ насъ»,—замѣчалъ Бисмаркъ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ королева Викторія пріѣхала сама въ Шарлотенбургъ, но совершенно съ инымъ направленіемъ мыслей. Она заявила дочери, что мнѣніе Бисмарка въ вопросѣ брака съ Баттенбергомъ совершенно правильно, и совѣтовала дочери согласиться съ нимъ. При этомъ Викторія замѣтила ей, «что очень хорошо не забывать родину и оказывать ей всевозможное вниманіе, но надо же думать и о привязанности нѣмецкаго народа. Она должна дѣлать всевозможныя усилія, чтобы пріобрѣсть ее». Затѣмъ Викторія примирила дочь съ кронпринцемъ Вильгельмомъ. Въ этомъ отношеніи она дѣйствовала, какъ хорошая конституціонная королева.

Но ея дочь недолго пользовалась своимъ высокимъ положеніемъ, и 16-го іюня ея мужъ скончался послѣ трехмѣсячнаго царствованія. Вліяніе Викторіи на германскія дѣла потеряло свою силу. О происходившихъ политическихъ дѣлахъ некому было болѣе извѣщать Англію, такъ какъ Фридерику отстранили. По этому поводу Бисмаркъ разсказывалъ: «Когда Фридрихъ былъ еще кронпринцемъ, между Пруссіей и Россіей существовалъ секретный договоръ, которымъ мы обязывались оставаться нейтральными въ случаѣ войны между Англіей и Россіей. Однажды за ужиномъ я разговаривалъ съ кронпринцемъ объ этомъ договорѣ, и знаете, что онъ мнѣ сказалъ: «Надѣюсь, что Англія предупреждена объ этомъ договорѣ и, вѣроятно, согласилась. Безполезно говорить, какъ мы смѣялись,— прибавилъ Бисмаркъ:—даже дамы не могли удержаться отъ смѣха».

X.

Кризисъ, который пережила королева со смерти мужа, оставилъ на ея характерѣ психологическій слѣдъ; она совершенно переродилась. Вслѣдствіе ли того, что она чувствовала себя менѣе сильной безъ своего дорогого Альберта, или была другая причина, но Викторія теперь вооружилась такимъ холоднымъ и скучнымъ этикетомъ, что большая часть придворныхъ старалась избѣгать ея приглашеній. Ея обѣды сдѣлались такъ натянуты и чопорны, что рѣшительно можно было, по словамъ одного придворнаго, «умереть со скуки».

Графиня Бунзенъ разсказываетъ, что однажды ей нельзя было избѣжать приглашенія королевы, и она должна была, несмотря на сильнѣйшій гриппъ, отправиться съ маленькимъ кружевнымъ носовымъ платочкомъ, полагающимся по придворному этикету Викторіи. Благодаря строгости и придирчивости королевы, графиня не могла замѣнить его болѣе солиднымъ платкомъ, вслѣдствіе чего долго не могла забыть этотъ несчастный обѣдъ, на которомъ ей пришлось перенести муки Тантала.

Ея этикетъ становился совершенно деспотическимъ, и когда принцесса Уэльская пріѣхала еще невѣстой въ Лондонъ, то у нея была прическа съ подрѣзанными на лбу волосами, какъ въ то время только что начали носить. Нѣкоторыя придворныя дамы, отчасти изъ подражанія молодой наслѣдницѣ, а отчасти потому, что эта прическа была имъ къ лицу, подрѣзали себѣ также волосы. Викторія страшно разгнѣвалась и заявила имъ, чтобы онѣ не являлись съ такой прической, и, пока ихъ волосы не отросли, имъ запрещено было показываться у королевы.

Щепетильность Викторіи стала доходить до того, что она, не справляясь о степени виновности разведенныхъ женъ, запретила имъ доступъ ко двору. Только гораздо позже, когда она увидѣла поведеніе принца Уэльскаго относительно своей жены, то убѣдилась, что можетъ быть вина и со стороны мужа, и отмѣнила распоряженіе. Но раньше, чѣмъ допустить подобную даму ко двору, она внимательно просматривала протоколъ развода и, только убѣдившись въ безупречномъ поведеніи дамы, разрѣшала послѣдней являться ко двору. Впрочемъ эту странность можно объяснить тѣмъ, что Викторія имѣла понятіе о мужьяхъ только типа Альберта, а извѣстно, что принцъ Альбертъ былъ образцовый мужъ.

Въ то же время въ ней стали рельефнѣе выступать эгоистическія черты ея характера. Всѣ ея заботы относились только лично къ себѣ и часто въ ущербъ окружающимъ. Такъ, она не стала выносить теплой температуры въ комнатахъ, и даже въ прохладныхъ аппартаментахъ ей было всегда жарко, поэтому во дворцѣ одно

окно всегда оставалось пріотворено. Злополучныя придворныя дамы, обязанныя по этикету быть декольте, возвращались отъ нея совершенно больныя, такъ какъ не смѣли нарушить этикетъ, накидывая на плечи что нибудь теплое. Принцесса Беатриса, испытывавшая на себѣ эту тиранію, принуждена была обманывать мать. Она высовывала наружу въ открытое окно термометръ, чтобы показать болѣе холодную температуру, чѣмъ была въ дѣйствительности, и этимъ побудить королеву дать разрѣшеніе затопить печи.

При жизни принца посѣщенія коронованныхъ особъ были довольно часты, теперь королева старалась избавляться отъ нихъ, и когда какой нибудь государь писалъ ей, что желаетъ сдѣлать ей визитъ, она ограничивалась тѣмъ, что указывала ему самую комфортабельную гостиницу, такъ какъ ея мелочная бережливость не могла уживаться съ придворными пріемами.

Тема для разговоровъ тоже измѣнилась, и Викторія стала слѣдить, чтобы разговоръ не касался вопросовъ моды и костюмовъ, а сосредоточивался бы на музыкѣ и литературѣ. Кромѣ того, у нея явилась какая-то антипатія къ молодости, и она стала окружать себя пожилыми дамами, одѣтыми, какъ и она, въ трауръ и расточающими ей похвалы.

Если ея появленіе при Сенъ-Джемскомъ дворѣ очистило воздухъ отъ прежней развратной жизни, то взамѣнъ внесло такую тяжелую, угнетающую скуку, отъ которой всѣ, кто жаждалъ жизни, бѣжали въ Сандрингамъ, къ принцу Уэльскому. Самъ принцъ одно время оставилъ посѣщать королеву по слѣдующей причинѣ. Викторія придумала сдѣлать новое распоряженіе, а именно—вывѣсить во всѣхъ аппартаментахъ объявленіе: «Smoking strictly prohibited» (безусловно запрещается курить). Принцъ, который не могъ прожить минуты безъ сигары, сталъ рѣже и рѣже посѣщать Викторію. Только замѣчаніе ея любимаго слуги, Брауна, имѣвшаго на нее громадное вліяніе, послѣ смерти Альберта, измѣнило ея строгое приказаніе. Онъ сказалъ ей, что «самъ лично только тогда счастливъ, когда куритъ трубку». Этого было достаточно, чтобы она приказала снять въ залахъ вывѣшенное объявленіе, сохранивъ его только въ своихъ личныхъ аппартаментахъ. Позже принцъ почти не видѣлся съ матерью по случаю непріязненныхъ отношеній.

Личность этого Брауна настолько интересна по своимъ отношеніямъ къ королевѣ, что нельзя не остановиться на ней.

Королева Викторія была одною изъ тѣхъ натуръ, которыя не могутъ оставаться безъ того, чтобы не подчиниться вліянію кого нибудь болѣе сильнаго. Съ перваго дня своего царствованія она руководилась совѣтами лорда Мельбурна, затѣмъ со дня замужества она совершенно подчинилась волѣ принца Альберта. Когда послѣ смерти принца она увидѣла себя одинокой и безъ подержки,

то, естественно, упала духомъ, и только напоминаніе объ ея обязанностяхъ, сдѣланное парламентомъ, было для нея холоднымъ душемъ. Викторія понимала, что, благодаря интригамъ министровъ, она будетъ часто находиться въ затруднительномъ положеніи, и въ то же время сознавала, что, принимая совѣты котораго нибудь изъ нихъ, она должна будетъ неизбѣжно подчиниться его вліянію, что можетъ вызвать борьбу партій, а затѣмъ недовольство народа. Но на кого опереться?

Эту борьбу понялъ ея слуга, шотландецъ Броунъ, и, какъ человѣкъ съ громадной силой воли, онъ совершенно подчинилъ королеву, незамѣтно для нея самой.

Ведя затворническую жизнь въ Бальморалѣ и Осборнѣ, Викторія лично имѣла дѣло со слугами. Неудивительно, что такой вѣрный слуга, какъ Броунъ, отвѣчающій вполнѣ нравственнымъ требованіямъ королевы, при его честномъ, прямомъ и искреннемъ характерѣ, доходившемъ иногда до рѣзкости, находившійся ежедневно при ней, не могъ не повліять на женственную впечатлительность Викторіи. Кромѣ того, Броунъ ранѣе, чѣмъ былъ ея слугою, поступилъ на службу къ принцу Альберту, а затѣмъ уже перешелъ къ ней; въ немъ какъ бы остались слѣды ея счастливаго прошлаго, и ей пріятно было видѣть его около себя. Вѣрный слуга любилъ свою королеву за ея искренность, любовь къ его родинѣ и за ея страхъ ко лжи. Онъ съ преданностью собаки охранялъ ея спокойствіе послѣ смерти Альберта, когда она, апатичная и опустившаяся, рисковала каждую минуту быть обезпокоенной любопытными. Его нельзя было подкупить, и королева знала, что онъ ограждаетъ ее отъ непріятныхъ случайностей, какъ каменная стѣна. Не разъ онъ спасалъ ее отъ опасности и доказалъ ей вполнѣ свою вѣрность.

Настало время, когда Броунъ изъ выѣздного лакея сдѣлался самымъ преданнымъ подданнымъ своей королевы и приблизился къ ней настолько, что находился при королевѣ, когда она подписывала бумаги, исполняя несложную работу накладыванія протечной бумаги на ея подписи. Но это была лишь декорація, такъ какъ, въ сущности, королева ранѣе, чѣмъ подписать бумагу, не разъ спрашивала совѣта у своего вѣрнаго Броуна, и нерѣдко между ними завязывался споръ, въ которомъ Броунъ одерживалъ побѣду. Злые языки искали въ этихъ необыкновенныхъ отношеніяхъ иныя причины, чѣмъ простую привычку, но развѣ въ исторіи не бывали случаи подобныхъ, въ сущности невинныхъ отношеній между царствующими лицами и ихъ вѣрными слугами?

Его вліяніе на королеву было замѣчено всѣми, и, начиная со слугъ, всѣ стали относиться къ Броуну съ извѣстнымъ уваженіемъ.

Изучивъ малѣйшіе капризы и привычки королевы, Броунъ зналъ, какъ иногда надо рѣзко поступать съ Викторіей. Однажды

въ Бальморалѣ она захотѣла рисовать въ саду и приказала лакею подать себѣ столикъ. Найдя, что принесенный столъ слишкомъ высокъ, она отослала его обратно. Вскорѣ лакей возвратился съ другимъ столикомъ, поменьше, который показался Викторіи слишкомъ низкимъ, и королева опять его отослала. Тогда Броунъ, видѣвшій происходившее, спросилъ лакея, въ чемъ дѣло. Послѣдній объяснилъ. Броунъ выхватилъ у него изъ рукъ столъ, понесъ самъ къ королевѣ и, поставивъ его съ шумомъ передъ нею, замѣтилъ:

«Придется вамъ довольствоваться этимъ; въ одну минуту нельзя для васъ сдѣлать другой. Не надо требовать невозможнаго».

Королева засмѣялась, увидя Броуна расходившимся. Другой на его мѣстѣ былъ бы тотчасъ разсчитанъ и отказанъ, но Броуну она дозволяла быть откровеннымъ, сознавая справедливость его замѣчаній.

Посвятивъ первый томъ своихъ воспоминаній о жизни въ Шотландіи «дорогой памяти того, кто сдѣлалъ жизнь автора счастливой и безоблачной», т. е. принцу Альберту,—она посвятила второй Джону Броуну. На первой его страницѣ была слѣдующая надпись:

«Моимъ прямодушнымъ шотландцамъ и особенно памяти моего преданнаго личнаго слуги и вѣрнаго друга Джона Броуна эти мемуары моей вдовьей жизни въ Шотландіи посвящены съ благодарностью

«Викторіей, королевой-императрицей».

Когда отецъ Джона Броуна, восьмидесятилѣтній старикъ, умеръ, то Викторія писала въ своемъ дневникѣ 21 октября 1875 года обо всей церемоніи до малѣйшихъ подробностей. Онѣ даютъ понятіе о чисто родственныхъ отношеніяхъ королевы къ семьѣ Броуна, а потому вотъ выдержки изъ нихъ.

«Какъ досадно, что такая дурная погода для похоронъ отца Броуна. Бѣдный Броунъ, я видѣла его одну минуту передъ завтракомъ; онъ такой убитый и печальный, но въ то же время спокойный и полный достоинства. Я отправилась съ Беатрисой и Джэнъ-Эли въ Микрасъ на похороны. Противъ дома покойника собралась масса народа. Докторъ Марисоль, Тюфейтъ и докторъ Робертсъ— всѣ на лицо. Всѣ идутъ пѣшкомъ, кромѣ нашихъ придворныхъ кавалеровъ, которые сѣли въ кареты. Когда гробъ унесли, я вошла къ г-жѣ Броунъ, чтобы утѣшить ее, и подарила ей траурную брошку, въ которой вложены волосы ея мужа, отрѣзанные наканунѣ. Я хочу предложить сыновьямъ по медальону съ его волосами. Г-жа Броунъ громко рыдала. Мы выпили виски съ водою, согласно шотландскому обычаю. Я уговаривала ее, ссылаясь на то, что разлука ея съ мужемъ только временная. Затѣмъ мы догоняемъ процессію, чтобы видѣть, какъ вносятъ на кладбище гробъ. Я очень огорчена, что не могу войти на кладбище.

«Я видѣла Броуна болѣе двухъ часовъ; онъ сказалъ мнѣ, что все хорошо прошло. Всѣ къ нимъ добры и относятся съ симпатіей къ мистриссъ Броунъ. Броунъ утѣшился доказательствами всеобщаго къ нимъ уваженія».

На каждой страницѣ имя Джона Броуна повторяется по нѣскольку разъ, а 12-го сентября 1877 года она сообщаетъ, что «съ нимъ случилось несчастье, и у него распухло колѣно».

Когда Броуна не было съ нею, то ей чего-то недоставало, и если у нея были огорченія въ его отсутствіе, она его увѣдомляла. Такъ, 23-го августа 1878 года, находясь въ гостяхъ въ Броксмутѣ, она писала въ дневникѣ: «Погода скверная, шелъ дождь, я читала, растянувшись на софѣ, какъ вдругъ мнѣ принесли извѣстіе объ ужасной смерти дорогой мистриссъ Ванъ-де-Вейеръ. Это меня очень поразило. Если бы мы это узнали дома, то отнеслись бы къ этому иначе. Я послала сообщить объ этомъ Броуну, и онъ былъ очень пораженъ».

Изъ этого видно, насколько Викторія была привязана къ Броуну.

Въ 1883 году королева потеряла своего вѣрнаго слугу, умершаго отъ рожистаго воспаленія. Она такъ была огорчена, что едва не заболѣла сама. Въ память его вѣрной службы она поставила ему памятникъ на деревенскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ похороненъ, и куда она ходила пѣшкомъ, чтобы поплакать на его могилѣ. Въ то же время Викторія заказала статую Броуна художнику Брэму, сдѣлавшему бюстъ королевы, поставленный въ лондонскомъ Сити, и отправила ее въ Бальмораль, помѣстивъ въ саду противъ ея оконъ. Комната, въ которой онъ умеръ въ Виндзорѣ, почиталась до послѣднихъ минутъ жизни королевы, и въ ней оставлено все, какъ было при жизни Броуна.

Она окончила второй томъ своихъ мемуаровъ слѣдующими словами:

«Я должна прибавить нѣсколько словъ къ этому тому.

«Вѣрный слуга, о которомъ такъ часто упоминалось въ этихъ мемуарахъ, не находится болѣе съ той, которой онъ служилъ всю свою жизнь искренно и преданно, съ неустаннымъ трудомъ.

«Въ расцвѣтѣ силъ онъ былъ оторванъ отъ своей такой полезной должности, послѣ трехдневной болѣзни, 27 марта этого года. Онъ ушелъ, любимый и уважаемый всѣми, кто зналъ его рѣдкое достоинство и доброту сердца; онъ унесъ съ собою сожалѣнія всѣхъ, кто его зналъ.

«Эта потеря для меня (больной и калѣки) непоправима, потому что онъ пользовался моей полной довѣренностью. Говоря, что мнѣ его не хватаетъ не только каждый день, но даже каждый часъ дня, я едва выражу истину о томъ, который стяжалъ права на мою вѣчную благодарность своими безпрестанными заботами, своимъ вниманіемъ и своей преданностью.

«Никогда еще ни въ одной человѣческой душѣ не билось сердце болѣе благородное, искреннее, правдивое и преданное.

«Бальмораль, ноябрь 1883».

Лондонское лицемѣрное общество никакъ не могло понять и допустить мысль, чтобы лакею было оказзно столько почестей; привязанность королевы была истолкована въ другомъ смыслѣ. Ее оклеветали еще въ одной слабости, именно въ пристрастіи къ виски, на основаніи того, что она во время своего пребыванія въ Бальморалѣ посѣщала свадьбы, крестины и похороны, гдѣ, не желая нарушать шотландскій обычай, пила вмѣстѣ съ хозяевами и гостями виски.

Говорятъ, что Броунъ написалъ тоже мемуары, которые хотѣлъ напечатать, но всѣ его бумаги были опечатаны по приказанію королевы и прочитаны лично Викторіей. Можетъ быть, прочитавъ эти мемуары, королева еще болѣе убѣдилась въ преданности своего вѣрнаго слуги.

Она построила для него каменный домъ, въ которомъ онъ могъ бы жить подъ старость, и послѣ его смерти подарила его роднымъ.

Джона Броуна замѣнилъ другой шотландецъ, Грантъ, относившійся со вниманіемъ къ ея малѣйшимъ прихотямъ, но онъ никогда не достигъ той степени близости къ королевѣ, какою пользовался Броунъ.

Вообще королева внѣ Виндзора и Букингама вела жизнь простую, избѣгая этикета, по крайней мѣрѣ, относительно слугъ. Она сама лично отдавала имъ приказанія, но въ этомъ случаѣ требовала, чтобы немедленно и точно исполняли ихъ. Если Викторія замѣчала что нибудь неисправное или подозрительное относительно кого нибудь изъ слугъ, она тотчасъ сама дѣлала разслѣдованіе и доходила до мельчайшихъ подробностей. Разъ довѣрившаяся Викторія не скоро разочаровывалась, и для этого надо было представить ей вѣрныя доказательства.

Сама королева была очень осторожна въ отношеніяхъ къ слугамъ и требовала, чтобы вся семья относилась съ уваженіемъ къ нимъ.

Когда который нибудь слуга становился старъ, она ему назначала синекуру отъ правительства, или иногда она сама предлагала имъ ее, въ замѣнъ чего они управляли однимъ изъ ея многочисленныхъ имѣній, но многимъ изъ нихъ она дарила дома, гдѣ они оканчивали свои дни.

Она очень любила получать извѣстія о прежнихъ горничныхъ и всегда искренно радовалась, когда онѣ покидали ее, чтобы выйти замужъ. Тогда королева справлялась, не родился ли у нихъ ребенокъ, и когда она проѣзжала деревни, гдѣ онѣ жили, не гнуша-

лась заходить къ нимъ, чтобы узнать, какъ онѣ живутъ, и при каждомъ новомъ ребенкѣ она дѣлала имъ подарокъ. Викторія строго приказывала, чтобы письма, адресованныя ей бывшими слугами, аккуратно вручались ей, и она отвѣчала имъ немедленно черезъ своего секретаря.

Въ этомъ отношеніи она наслѣдовала принципы отца, что «всѣ люди—братья, хотя эти взгляды,—говорилъ онъ,—раздѣляютъ не всѣ члены королевской семьи, и королямъ дана власть для блага народа».

Королева относилась очень мягко къ слугамъ, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые отличались скромностью, хотя она также прощала недостатки характера до тѣхъ поръ, пока не убѣждалась, что ей лгутъ и обманываютъ ея довѣріе; тогда она становилась строга, но отказывала имъ лишь, когда была увѣрена въ виновности. Будущность такого слуги была погублена навсегда, такъ какъ всѣ знали справедливое отношеніе королевы къ слугамъ, и если уже она его отсылала, то это свидѣтельствовало о его недобросовѣстности. Ни одно семейство не согласилось бы взять въ домъ такого слугу.

Викторія часто говорила декану Вестминстерскаго аббатства Станлэю:

«Я изъ тѣхъ, которые думаютъ, что потеря вѣрнаго слуги равняется потерѣ друга, котораго нельзя замѣнить».

Эти слова она подтверждала на дѣлѣ.

Но если образъ жизни королевы круто измѣнился въ Букингамскомъ и Виндзорскихъ дворцахъ и въ отношеніяхъ къ придворнымъ, то въ Осборнѣ и Бальморалѣ онъ шелъ своимъ порядкомъ. Зиму королева проводила въ Осборнѣ, оставаясь тамъ до Рождества. Всѣ ея дѣти и внучата пріѣзжали къ ней кушать традиціонный plum-puding и ростбифъ. Та же забота о служащихъ. Часть убитаго быка посылалась слугамъ Виндзорскаго дворца, а часть отправляли служащимъ въ Бальморалѣ. Громадная елка устроивалась въ прежней дѣтской, и для каждаго изъ сыновей и дочерей, внучатъ и правнуковъ былъ приготовленъ какой нибудь подарокъ. Если кто изъ нихъ не могъ пріѣхать на елку, то долженъ былъ прислать заранѣе письмо, и королева не забывала отослать ему подарокъ. По случаю праздника королева получала отъ различныхъ иностранныхъ дворовъ пироги съ дичью и разнаго рода поздравленія. Впродолженіе всѣхъ рождественскихъ праздниковъ безконечныя вереницы экипажей тянулись между Гаспортомъ и Ковомъ, и экипажъ королевскихъ яхтъ усиленно работалъ все это время.

Какъ въ Осборнѣ, такъ и въ Бальморалѣ Викторія продолжала посѣщать окрестныхъ помѣщиковъ, въ сопровожденіи принцессы Беатрисы или придворной дамы. Для нея приготовлялась обшир-

ная спальная, гостиная, уборная и ванная комната. Сопровождавшая дама оставалась спать въ гостиной. Спустя часъ послѣ обѣда, въ половинѣ десятаго, она отправлялась въ назначенныя для нея комнаты. Разговоръ обыкновенно держался одной и той же темы: о красотѣ страны, объ исторіи семьи хозяина и о покойномъ принцѣ Альбертѣ.

Случалось, что имѣнье, которое она желала посѣтить, отстояло далеко отъ большой дороги, и ей приходилось ночевать въ гостиницѣ. Въ такомъ случаѣ она путешествовала подъ псевдонимомъ, и хозяинъ гостиницы узнавалъ слишкомъ поздно настоящее имя своей гостьи.

Относительно своихъ финансовыхъ дѣлъ королева нисколько не измѣнилась со смерти Альберта. При своемъ воцареніи Викторія имѣла пассивъ 50.000 фунтовъ стерлинговъ, благодаря долгу, оставшемуся послѣ смерти герцога Кентскаго, но принцъ Альбертъ такъ умѣло и блестяще устроилъ ея финансовыя дѣла, что Викторія сдѣлалась самая богатая землевладѣлица въ Англіи. Кромѣ дворцовъ: Осборнскаго, Бальмораля, Альберджельди, Сандрингамъ, Клармонтъ, Фрогморъ, Фарнбургъ, который она любезно предложила въ распоряженіе императрицы Евгеніи, она владѣла многочисленными имѣніями, громадными участками земли, которые послѣ смерти Альберта она поручила управленію графа Сиднея, а послѣ его смерти велъ дѣло виконтъ Кроссъ. Вообще она умѣло выбирала руководителей въ этомъ вопросѣ и очень выгодно помѣщала свой капиталъ, который приносилъ ей громадные проценты.

Лично королева вела такъ прекрасно свои дѣла, что не было ни одного арендатора, который былъ бы ей неизвѣстенъ. Она знала исторію каждаго изъ нихъ, ихъ имя, количество дѣтей, однимъ словомъ всю подноготную. Она немедленно имъ отвѣчала на письма черезъ своего секретаря, и при каждомъ семейномъ радостномъ или печальномъ событіи она отправляла къ нимъ сочувственныя письма, а въ плохія времена неурожая относилась къ нимъ гуманно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она была даже слишкомъ аккуратной хозяйкой. Такъ, приглашая къ себѣ въ Осборнъ гостей, она постоянно напоминала имъ о томъ, что они должны заботиться о вещахъ, данныхъ имъ въ употребленіе. Послѣ ихъ отъѣзда она лично съ управляющимъ осматривала освободившееся помѣщеніе, наблюдая за каждою мелочью. Кромѣ того, она часто, во время пребыванія гостей, заходила въ ихъ помѣщеніе посмотрѣть, все ли въ порядкѣ, при этомъ случались комическіе эпизоды. Дѣло въ томъ, что по этикету гости должны были удаляться и не показываться ей, такъ какъ она вообще и прежде не любила никого встрѣчать во время своихъ прогулокъ или посѣщеній по хозяйству ея коттеджей, теперь же эта нелюбовь приняла размѣры маніи, такъ какъ, зави-

дѣвъ ее издали, всѣ даже высокопоставленныя лица бросались спасаться бѣгствомъ. Однажды, во время пребыванія въ ея загородномъ коттеджѣ одного принца королевской крови, случился забавный инцидентъ. Въ то время, какъ королева осматривала комнаты, занимаемыя этимъ принцемъ, онъ находился въ одной изъ комнатъ, дверь которой вела въ сосѣднюю гостиную, гдѣ какъ разъ въ этотъ моментъ находилась королева, уже взявшаяся за ручку двери, чтобы открыть ее. Несчастному принцу ничего не оставалось дѣлать, какъ броситься черезъ окно въ садъ, а затѣмъ скрыться бѣгомъ подальше отъ глазъ Викторіи.

Викторія отличалась большою скупостью такъ же, какъ ея дядя, герцогъ Суссекскій, и покойный ея сынъ, герцогъ Эдинбургскій, и страшно не любила тратить деньги. Она ни разу не потратила ни одной копейки на благотворительныя дѣла сверхъ того, что ей полагалось отъ парламента, и ни разу не отказалась въ пользу бѣдныхъ отъ наслѣдства, которое ей оставляли ея вѣрные подданные. Такъ, въ 1852 году, нѣкій Нельдъ завѣщалъ ей 200.000 фунтовъ стерлинговъ, а позднѣе Ньюгодъ Гейвудъ отказалъ ей свое имущество въ 10.000 ф. Впрочемъ, у королевы было много родственниковъ, нуждающихся въ поддержкѣ, и возможно, что она употребила эти деньги на помощь имъ, такъ какъ она заботилась обо всѣхъ родныхъ и не забывала ни одного своего правнука и даже далекаго родственника. Хотя однажды, когда ея внукъ, старшій сынъ принца Уэльскаго, написалъ ей письмо, съ просьбой одолжить ему одинъ фунтъ стерлинговъ, чтобы заплатить проигранное пари, Викторія не только не одолжила просимой суммы, а еще написала длинное письмо, въ которомъ указывала ему на то, какъ безнравственно держать пари вообще, а когда нѣтъ денегъ—въ особенности. Въ этомъ случаѣ ею руководила, можетъ быть, не одна скупость, но и педагогическій принципъ.

Правда, что молодой человѣкъ не растерялся и поступилъ не менѣе практично, чѣмъ его бабушка, продавъ съ аукціона ея автографы, поднявшіеся до трехъ фунтовъ стерлинговъ. Такимъ образомъ, онъ заплатилъ долгъ и еще получилъ барышъ. Сдѣлавъ эту операцію, онъ увѣдомилъ объ этомъ королеву.

Но королева сама давно практиковала подобный способъ утилизированья своихъ талантовъ. Каждый разъ, какъ обращались къ ней съ просьбой пожертвовать какой нибудь даръ для общественной лотереи, она не давала цѣнныхъ вещей, а отдѣлывалась своимъ портретомъ съ автографомъ, собственноручнымъ рисункомъ, вышивкой или экземпляромъ своихъ мемуаровъ съ посвященіемъ, однимъ словомъ, какой нибудь вещью, не стоящей ей денегъ. Что же касается до денежныхъ пожертвованій или цѣнныхъ подарковъ, то она на нихъ была очень скупа. Въ первые годы ея царствованія она иногда давала подарки артистамъ, принимавшимъ участіе

въ придворныхъ концертахъ и спектакляхъ. Когда же стала старше и практичнѣе, то отмѣнила подарки и стала давать имъ на память свои портреты съ автографами. Въ послѣдніе годы она ничего имъ не стала давать, говоря, что дѣлаетъ имъ честь, слушая ихъ пѣніе.

Придерживаясь обычая англичанъ-дѣльцовъ, Викторія тщательно скрывала, какъ цифру своего состоянія, такъ и способъ реализаціи его. Извѣстно только, что нѣкоторые, самые грязные дома Лондона, заселенные самымъ бѣднымъ людомъ и представляющіе невозможныя трущобы, принадлежатъ королевѣ. Кромѣ того, говорятъ, что королева обладала наибольшимъ количествомъ акцій трансваальскихъ золотыхъ розсыпей, а также акцій «Charted-Company», которою управлялъ Родсъ, и гдѣ герцогъ Файфъ, мужъ ея внучки, самый главный акціонеръ. Во всякомъ случаѣ, ея дѣти могутъ вспомнить ее добрымъ словомъ, такъ какъ она приберегла имъ прекрасное состояніе, чѣмъ принцъ Уэльскій, теперешній король Англіи, не обрадуетъ своего сына.

Несмотря на заботы, огорченія, разныя политическія и семейныя треволненія, а также на свой солидный возрастъ, Викторія продолжала искренно интересоваться искусствомъ, литературою и даже наукой. Уже 70 лѣтъ королева принялась изучать индостанскій языкъ и овладѣла имъ настолько, что даже вела на немъ дневникъ. Когда праздновали ея брильянтовый юбилей, который былъ повтореніемъ золотого, если не считать отсутствія такой видной фигуры, какъ Фридрихъ III, то она могла обратиться къ индійскимъ принцамъ на ихъ родномъ языкѣ. Теперь она стала держать при себѣ секретаря индійца, по имени Мунши-Абдулъ-Кэримъ, который сопровождалъ ее во всѣхъ путешествіяхъ. Живописью она тоже не пренебрегала и продолжала заниматься. Даже въ послѣдніе годы она приглашала въ Бальмораль знаменитаго акварелиста Грина, чтобы узнать секретъ его превосходной техники. Со смертью Альберта она забросила музыку, и, заставляя придворныхъ дамъ играть ей часами, она сама не притрогивалась къ роялю. Но ее все еще продолжали интересовать до послѣднихъ дней романическія исторіи, и страсть къ устройству браковъ занимала не послѣднее мѣсто въ ежедневной жизни королевы. Только съ каждымъ годомъ она менѣе и менѣе занималась политикой. Послѣ кончины принца Альберта одинъ лордъ Биконсфильдъ сумѣлъ въ качествѣ премьера сдѣлаться ея любимцемъ. Онъ дѣйствительно въ государственныхъ дѣлахъ всегда руководствовался мнѣніемъ королевы и всячески старался увеличить ея авторитетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Викторія раздѣляла всѣ его взгляды и не только сдѣлалась джингоисткой, по его примѣру, но вполнѣ сочувствовала его враждебнымъ чувствамъ къ Россіи въ восточныхъ и афганскихъ дѣлахъ. Что же касается до личной ея привязанности къ

лорду Биконсфильду, то она доказывается лучше всего тѣмъ, что она посѣтила его могилу на четвертый день послѣ его похоронъ и привезла съ собою драгоцѣнный вѣнокъ. Впослѣдствіи Викторія сама написала слѣдующую надпись на мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣну церкви того кладбища, на которомъ онъ похороненъ: «Дорогой и уважаемой памяти Веньямина, лорда Биконсфильда, воздвигнутъ этотъ памятникъ благодарной и любящей его государыней и другомъ. Викторія королева и императрица». Мало того, къ этой надписи была прибавлена еще другая, нисколько не соотвѣтствовавшая «юркому Дизи»: «Цари любятъ, кто говоритъ имъ правду».

Напротивъ, всего болѣе прославившій ея царствованіе въ политическомъ отношеніи, Гладстонъ, пользовался ея недружелюбіемъ во всѣ четыре его министерства. Хотя онъ, въ сущности, одинъ говорилъ ей всегда правду, но она одинаково не любила его, какъ государственнаго дѣятеля и какъ человѣка. Увѣряютъ даже, что она сказала однажды: «Это единственный министръ, который обращался со мною, не какъ съ королевой и не какъ съ женщиной». Напротивъ, Гладстонъ всегда обращался къ ней съ полнымъ уваженіемъ и отдавалъ ей должное, какъ конституціонной государынѣ. Она же пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы ему сдѣлать непріятность. Напримѣръ, когда большинство въ парламентѣ въ 1880 году признало, что первымъ министромъ долженъ быть глава либераловъ, то она обратилась сначала къ лорду Гартингтону и лорду Грэнвилю, прежде чѣмъ къ Гладстону. Для этого она воспользовалась пустымъ предлогомъ, что Гладстонъ тогда отказался отъ предводительства своей партіи, хотя оставался ея душой, и номинально ея вожаками были въ нижней палатѣ лордъ Гартингтонъ, а въ верхней—лордъ Гренвиль. Но они благородно и съ негодованіемъ заявили, что единственнымъ премьеромъ могъ быть Гладстонъ. Дѣлать было нечего, Викторія подчинилась конституціи и назначила первымъ министромъ своего врага.

Главнымъ образомъ королева питала вражду къ Гладстону въ виду его радикальной внутренней политики и защиты ирландскаго самоуправленія. Поэтому она была очень рада, когда въ 1886 году онъ былъ низвергнутъ парламентомъ и замѣненъ торіемъ, лордомъ Салюсбюри, котораго поддержали либеральные отщепенцы: лордъ Гартингтонъ, мистеръ Чемберленъ и другіе. Шесть лѣтъ держались эти ярые джингоисты и, наконецъ, въ 1892 году, въ послѣдній разъ, первымъ министромъ сдѣлался «народный Вильямъ». Ему удалось провести много либеральныхъ мѣръ послѣ долгихъ сопротивленій въ нижней палатѣ биллю объ ирландскомъ самоуправленіи. Но лорды ему во всемъ сопротивлялись. Тогда Гладстонъ торжественно сказалъ въ нижней палатѣ: «Это не можетъ продолжаться», и объявилъ, что «1-го марта 1894 года совершится великое событіе,

которое заставитъ палату пэровъ или измѣниться или прекратиться». Но вмѣсто великаго событія онъ неожиданно подалъ въ отставку.

Офиціальной причиной его удаленія была болѣзнь глазъ и старость, но въ сущности королева не согласилась на предложенныя крутыя мѣры противъ палаты пэровъ, а безъ ея согласія это было невозможно. Она наконецъ отомстила Гладстону за долгое подчиненіе его волѣ согласно конституціи и прибѣгнула къ той же конституціи въ отказѣ увеличенія числа либеральныхъ пэровъ, что зависѣло лично отъ нея. Несмотря на то, что Гладстонъ сошелъ съ политической арены, она не могла примириться съ нимъ, и когда онъ умеръ въ 1898 году, Викторія написала его вдовѣ очень холодное, офиціальное письмо, не выразивъ ни однимъ словомъ благодарности за всѣ его великія реформы. Напротивъ, когда умеръ Форстеръ, который разссорился съ Гладстономъ, по случаю ирландскаго самоуправленія, то она написала его вдовѣ самое пламенное и трогательное письмо, увѣряя, что вся Англія потеряла въ немъ честнаго, полезнаго общественнаго дѣятеля.

Послѣ непродолжительнаго либеральнаго министерства лорда Розберри, въ 1895 году снова сдѣлался первымъ министромъ лордъ Салюсбюри. Этотъ консервативный кабинетъ пережилъ Викторію, и душею его былъ. Чамберленъ, бывшій радикалъ изъ радикаловъ, а теперь ярый имперіалистъ и сторонникъ распространенія англійскаго владычества. Совершенно довѣряясь торіямъ, королева почти не занималась политическими дѣлами послѣднія шесть лѣтъ. Главной чертой ихъ власти были постоянныя колоніальныя войны съ пограничными Афганистану племенами, съ суданскими дервишами и съ народами южной Африки.

Вообще, несмотря на то, что Викторію называли миротворицей, этихъ колоніальныхъ войнъ велось двадцать пять. Правда, при ней европейскихъ войнъ у Англіи была только одна крымская; но безконечная борьба съ мелкими племенами велась почти во все ея царствованіе. Она боролась попеременно съ китайцами, индійцами, афганцами, кафрами, бирманцами, персіянами, сипаями, Новой Зеландіей, ашантіями, абиссинцами, зулусами, суданцами и наконецъ съ трансваальцами.

Такимъ образомъ судьбѣ было угодно, чтобы дѣйствительно преданная миру Викторія умерла во время постыдной борьбы великой, могущественной державы съ маленькимъ мужественнымъ народомъ.

XI.

1900 годъ былъ роковой для Викторіи: она лишилась сына Альфреда, герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. Еще ранѣе умерли другія двое дѣтей, герцогъ Альбани и Алиса, принцесса Гессенская.

Такимъ образомъ у Викторіи осталось только двое сыновей и три дочери, но зато все ея потомство изъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ состояло изъ восьмидесяти человѣкъ. Кромѣ Альфреда, въ прошедшемъ году еще умеръ одинъ изъ ея горячо любимыхъ правнуковъ на полѣ битвы въ Трансваалѣ. Этотъ тяжелый для нея ударъ увеличилъ горестное впечатлѣніе этой войны. Она стала предаваться унынію; вставала поздно, ночи спала тревожно, и, по словамъ эдинбургскаго врача Макъ-Грегори, посѣтившаго ее 4-го ноября: «королева была болѣе печальна, чѣмъ когда либо, война лежала у нея камнемъ на сердцѣ».

Однако она не совершенно потеряла энергію, но посѣщала больныхъ солдатъ, вернувшихся съ войны, и приносила имъ букеты цвѣтовъ изъ своего осборнскаго сада. «Пожалуйста,—говорила она садовникамъ,— выбирайте цвѣты, которые еще не совершенно распустились; да смотрите, чтобы они были, какъ можно пахучѣе, благоуханіе должно нравиться бѣднымъ больнымъ инвалидамъ». Въ прошломъ году она посѣтила Ирландію только для того, чтобы вознаградить ирландцевъ за понесенныя ими потери въ войнѣ. Министры и ирландскія власти боялись, чтобы во время этого путешествія не сдѣлали покушенія на ея жизнь. Но она настаивала на томъ, что ея святая обязанность отплатить хоть чѣмъ нибудь ирландцамъ за ихъ благородную храбрость, стоящую имъ столько жертвъ въ южной Африкѣ.

Почти слѣпая и калѣка, она не могла лично читать всѣхъ телеграммъ съ войны, но, по ея приказанію, секретарь читалъ ей отъ строчки до строчки, или, по крайней мѣрѣ, она такъ думала. Въ сущности же отъ нея скрывали самыя печальныя новости, чтобы ее не слишкомъ встревожить. Несмотря на эту осторожность, она во время этихъ чтеній часто плакала и даже рыдала. Наконецъ принцесса Кобургская посѣтила ее и разсказала ей о многомъ, чего она не вѣдала, и тогда королева рѣшила потребовать къ себѣ лорда Робертса и узнать отъ него всю правду. Что произошло между ними—никто не знаетъ. Извѣстно только, что полководецъ и маститая королева обливались слезами, когда разстались. Послѣ этого свиданія здоровье Викторіи вдругъ совершенно измѣнилось, и это было причиной ея неожиданной смерти.

Но неизвѣстно, что такъ печально поражало ее въ этой войнѣ, и сожалѣла ли она изъ гуманности бѣдныхъ боэровъ, или оплакивала громадныя потери англійской арміи. Во всякомъ случаѣ ея послѣдними словами, по свидѣтельству шталмейстера королевскаго двора, лорда Вентеджа, были: «О, пусть будетъ миръ». Изъ уваженія къ ея памяти неохотно вѣришь разсказамъ злыхъ людей, что главная причина, заставлявшая королеву сожалѣть о трансваальской войнѣ, было опасеніе за пониженіе акцій трансваальскихъ золотыхъ розсыпей, въ которыхъ у королевы былъ помѣщенъ боль-

щой капиталъ. Они ссылались на то, что если бы королева не желала этой постыдной войны, она могла повлiять на министровъ, какъ она это дѣлала уже, когда хотѣла избѣжать войны съ Россiей и Соединенными Штатами. Но въ войнѣ съ боэрами она не сдѣлала шага, чтобы остановить своихъ министровъ, напротивъ она еще дала ей толчекъ, поощряя министра колонiй Чамбэрлена до послѣдняго времени, когда была поражена громадными потерями, какъ государственными, такъ и личными.

Но было уже поздно, силы ей измѣнили. Послѣднiй разъ ей пришлось поѣхать въ свой осборнскiй домъ. Прiѣхавъ туда изъ Виндзора, она внезапно почувствовала себя дурно. Еще въ Виндзорѣ она была больна. Послѣ простуды у нея обнаружились припадки ревматизма. Когда эти припадки миновали, и королева стала поправляться, то это была уже не прежняя энергичная Викторiя. До сихъ поръ аккуратная въ своихъ привычкахъ, королева теперь совершенно измѣнила свой образъ жизни. Она стала сидѣть цѣлыми днями въ комнатѣ, ночи спала тревожно, мало разговаривала и все задумывалась. Окружающiе ее родные надѣялись, что поѣздка въ Осборнъ принесетъ ей пользу, но ошиблись. Подробности о ея смерти такъ еще живы въ памяти всѣхъ, что лишне о нихъ упоминать. Одно только бросалось всѣмъ въ глаза въ послѣднихъ дняхъ ея жизни: это — отсутствiе принца Уэльскаго. Королева до послѣдней минуты не могла забыть всѣхъ обидъ, нанесенныхъ ей сыномъ. Онъ послѣднiй явился къ смертному одру королевы. Бывшiй ея любимецъ-внукъ, Вильгельмъ II, хотя присутствовалъ, но это присутствiе было вынужденное.

Дѣло въ томъ, что, по словамъ соцiалъ-демократическаго журнала «Vorwärts», принцъ Уэльскiй, который былъ извѣстенъ своимъ мотовствомъ, занялъ 24 миллiона у германскаго императора Фридриха, получившаго отъ своего отца, Вильгельма I, наслѣдство въ 56 миллiоновъ марокъ. Завѣдывавшiй частнымъ имуществомъ императора, прусскiй министръ двора, графъ Штольбергъ, протестовавшiй противъ займа, долженъ былъ выйти въ отставку. Когда Викторiя стала очень слаба и принцъ Уэльскiй предвидѣлъ ея кончину, то онъ вызвалъ Вильгельма, чтобы уладить это дѣло, прежде чѣмъ онъ вступитъ на престолъ. Конечно, престарѣлая королева не догадывалась о настоящей причинѣ прiѣзда ея внука и лелѣяла, можетъ быть, себя надеждой, что это былъ визитъ изъ сочувствiя.

Но, несмотря на всю торжественность минуты, какая предстояла королевѣ Викторiи, она осталась все той же педантичной женщиной, хотя сохранившей чисто женское кокетство. Она выбрала заранѣе сама платье, въ которомъ ее должны были положить въ гробъ, а также драгоцѣнныя кольца. И не забыла распорядиться даже о малѣйшихъ подробностяхъ. Такъ она пожелала, чтобы ее

похоронили, какъ дочь солдата и главу арміи, съ военными почестями, и чтобы при этомъ играли траурные марши Мендельсона и Шопена. Въ послѣдній разъ Викторія путешествовала по своимъ владѣніямъ — на этотъ разъ мертвой: 1-го февраля новаго стиля утромъ смертные останки королевы, заключенные въ тройномъ гробу, отправились изъ Осборна въ Портсмутскій арсеналъ, отсюда траурный кортежъ направился въ Лондонъ, а затѣмъ въ Виндзоръ, гдѣ тѣло Викторіи оставалось въ часовнѣ Виндзорскаго замка. Послѣ этого траурная церемонія возобновилась, и останки королевы были препровождены въ Фрогморъ, гдѣ наконецъ покойная королева снова очутилась со своимъ дорогимъ Альбертомъ.

Изъ тысячи доказательствъ народной любви къ покойной королевѣ всего патетичнѣе разсказъ газеты «Spectator» о дублинскомъ мальчишкѣ-оборванцѣ. Онъ случайно остановился передъ большимъ объявленіемъ въ черной рамкѣ о смерти королевы, напечатаннымъ въ газетахъ и выставленнымъ на улицахъ. Прочитавъ извѣстіе со слезами на глазахъ, онъ задумался, пошарилъ въ карманѣ и, найдя пенсъ, побѣжалъ купить на эти деньги букетъ фіалокъ. Купивъ букетъ, онъ вернулся и прикрѣпилъ его къ газетному объявленію [1]).

22-го января 1901 года, окончилось долговременное царствованіе Викторіи и еще болѣе долговременная ея жизнь. Она, хотя и номинально, была однимъ изъ славнѣйшихъ государей Англіи; въ ея эпоху и эру жилъ цѣлый сонмъ великихъ людей и совершился длинный рядъ событій, который совершенно измѣнилъ Англію. Невозможно узнать до-Викторіевскую страну въ той, которую она передала своимъ потомкамъ. Ей перешли въ руки послѣдніе остатки аристократіи и феодализма, а въ теченіе ея шестидесятидвухлѣтняго царствованія Англія преобразилась въ новую демократію. Конечно, остаются еще отголоски стараго; но страна уже вступила на демократическій путь, и пойти назадъ ей невозможно. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что отсталая торійская партія также заразилась демократизмомъ. Главныя его проявленія: народныя школы, основанныя на выборныхъ совѣтахъ; совѣты графствъ и округовъ, которые почти олицетворяютъ полное самоуправленіе, и постепенныя парламентскія избирательныя реформы, доведшія страну почти до всеобщей подачи голосовъ. Конечно, еще надо многое сдѣлать для полнаго царства демократіи, но начало и даже болѣе чѣмъ начало сдѣлано при Викторіи.

---

[1]) Во время составленія этой статьи вышли новые матеріалы для біографіи Викторіи. Мы укажемъ на главные изъ нихъ:

«Queen Victoria and Germany», by Diplomaticus. «Fortinghtly Beview», march 1901.

«Queen Victoria es e statsman», by M. Mocdonagh, тамъ же. «Victoria et Napoleon III», «Revue Nouvelle», 1 mars, 1901.

Матеріальное благоденствіе народа, развитіе промышленности и торговли, увеличеніе военнаго и коммерческаго флота, уплата въ послѣднія 20 лѣтъ пяти милліардовъ государственнаго долга, установленіе рабочихъ и сельскихъ союзовъ и вообще прогрессъ во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ главные элементы политической и общественной дѣятельности, ознаменовавшей эру Викторіи. Конечно, не она виновна во всѣхъ этихъ событіяхъ, но принято называть данную эпоху именемъ царствующаго государя, а не именами тѣхъ великихъ людей, которые работали на пользу народа, не только въ общественномъ отношеніи, но одинаково въ литературѣ и наукѣ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе будетъ слыть Викторіевскимъ временемъ то время, которое въ сущности прославлено трудами, дѣятельностью, изобрѣтеніями и сочиненіями такихъ людей, какъ Гладстонъ, сэръ Робертъ Пиль, Брайтъ, Кобденъ, Голіакъ Арчъ, Дарвинъ, Фаррадэй, Гукслэй, Максвеллъ, Листеръ, Маколей, Гроттъ, Фриманъ, Карлайль, Рёскинъ, Бокль, Джонъ-Стюартъ Милль, Спенсеръ, Вортсвортъ, Тэниссонъ, Браунингъ, Диккенсъ, Теккерей, Джорджъ-Эллiотъ.

Правда, что въ послѣдніе годы Викторіевскаго золотого вѣка стали вымирать эти великіе люди, и наконецъ остался только одинъ Спенсеръ, но ихъ славы достаточно, чтобы навсегда осталась памятна въ исторіи совпавшая съ ними эпоха Викторіи. Если ничѣмъ другимъ, такъ ея современниками и событіями ея времени Викторія останется въ памяти людей, какъ великая государыня.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба. Отечественная война 1812 г. Томъ I, части 1 и 2. Подготовка къ войнѣ въ 1810 г. Подъ редакціей генеральнаго штаба полковника Мышлаевскаго. Спб. 1900.

ИСТОРІИ пишутся у насъ все къ юбилеямъ, какъ будто помимо юбилеевъ мы не нуждаемся въ историческихъ описаніяхъ. Совершенно непонятно, почему «исторія» должна появиться въ столѣтнюю годовщину, а не въ семьдесятъ первую или сто пятую. Конечно, весьма важно иногда сдѣлать обзоръ за извѣстный періодъ времени, такъ сказать, подвести итоги, но періодъ этотъ долженъ имѣть историческій смыслъ, опредѣляться, какъ рамками, какими нибудь историческими событіями, а совсѣмъ не круглой цифрой сто или пятьдесятъ, не имѣющими никакого смысла.

Приближается столѣтняя годовщина Отечественной войны 1812 года, и, по словамъ г. Мышлаевскато, «на очередь ставится вопросъ о всестороннемъ и документальномъ описаніи этой войны». Военно-ученый архивъ главнаго штаба предпринялъ изданіе хранящихся въ немъ актовъ, которые относятся къ исторіи этой войны. Въ изданіе войдутъ даже и тѣ многочисленные документы, которые были опубликованы въ печати. Такимъ образомъ будутъ напе-

чатаны: а) переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, б) бумаги, отбитыя у непріятеля, и в) дневники, записки и воспоминанія современниковъ.

Работа предстоитъ огромная; она подъ силу только цѣлому учрежденію, а не отдѣльному лицу. Редакторами изданія назначены полковники Мышлаевскій и Харкевичъ. А самая работа исполняется капитаномъ Поликарповымъ, ротмистромъ Перевощиковымъ и штабсъ-капитаномъ Кавторадзе. Редакторомъ принято за правило соблюдать орѳографію подлинника только въ собственноручныхъ оригиналахъ участниковъ войны; грамматическія же неточности писарскаго происхожденія не воспроизводятся, потому что, по мнѣнію редактора, онѣ не имѣютъ значенія. Мы съ этимъ согласиться не можемъ, такъ какъ иная грамматическая неточность только кажется не имѣющей значенія, а на самомъ дѣлѣ она можетъ повести къ неправильному выводу, если будетъ исправлена невѣрно. Кто можетъ поручиться, что исправленія будутъ сдѣланы вѣрно? Даже знатоки эпохи могутъ впасть въ ошибку, а набрать знатоковъ для массовой работы очевидно невозможно. Для удобства пользованія документами будутъ приложены различные указатели, какъ это теперь обыкновенно принято для подобныхъ изданій.

Въ настоящее время вышелъ первый томъ въ двухъ частяхъ и заключаетъ въ себѣ документы 1810 года, относящіеся до подготовки къ войнѣ. Въ части первой находятся рескрипты и высочайшіе указы, отзывы и отношенія военнаго министра Барклая-де-Толли. Во второй части напечатана переписка, поступавшая къ нему съ разныхъ сторонъ. Документы затрогиваютъ въ высшей степени разнообразные и интересные вопросы, изображающіе цѣлую картину военной Россіи передъ нашествіемъ иноплеменниковъ. Такъ въ первой части есть указаніе о современномъ политическомъ положеніи Россіи, правила и инструкціи посланникамъ и военнымъ агентамъ для сбора свѣдѣній по военной части, распоряженія объ исправленіи дорогъ вдоль западнаго фронта Россіи, о картахъ, планахъ, рекогносцировкахъ и съемкахъ, крѣпостяхъ, укрѣпленныхъ лагеряхъ, позиціяхъ, о распредѣленіи войскъ и флотилій, о мѣрахъ по оборонѣ побережья Финляндіи, о назначеніи главнокомандующихъ и подготовкѣ войскъ. Во второй части находятся отвѣты на многіе изъ вышеприведенныхъ вопросовъ. Историкъ службы генеральнаго штаба въ Россіи найдетъ себѣ драгоцѣнный матеріалъ въ напечатанныхъ документахъ; иныя предписанія или донесенія составляютъ цѣлые трактаты по артиллеріи и фортификаціи. Интересны также свѣдѣнія по шпіонской части. Напримѣръ, въ документѣ № 126 значится: «Нѣкто Янишевскій, подъ именемъ офицера, отправился къ намъ въ Россію изъ Кенигсберга. Объ немъ извѣстно, что онъ совсѣмъ не офицеръ никакой службы, а какой-то самозванецъ».

Несмотря на серіозность предмета, обнимаемаго документами, попадаются, такъ сказать, веселенькіе эпизоды. Напримѣръ, вотъ переводъ выписки изъ письма музыканта финляндскаго драгунскаго полка Іонаса Адлера: «Мы въ скоромъ времени выступаемъ въ походъ противъ французовъ, но я полагаю, что музыканты останутся попрежнему въ С.-Петербургѣ, ибо генералъ болѣе озабоченъ объ насъ, нежели о женѣ своей; если же и намъ прикажетъ слѣдо-

вать съ полкомъ, то пріударю шпорами бѣлаго своего коня и перейду къ французамъ, затрубивъ «прощайте русскіе!»

О бѣлостокскомъ комендантѣ, полковникѣ Шицѣ, разсказывается цѣлый романъ. Онъ выписалъ себѣ нѣкую дѣвицу Кронъ, а жену свою съ пятью дѣтьми отъ себя прогналъ; потомъ дѣвица Кронъ вышла замужъ за нѣкоего Элинга, но Шицъ ее увезъ отъ мужа. Въ письмѣ Барклая-де-Толли къ Балашеву говорится, «что таковыя развлеченія препятствуютъ полковнику Шицу исправлять порядочно свою должность». Все обнаружилось главнымъ образомъ вслѣдствіе пререканій между Шицемъ и подполковникомъ квартирмейстерской части (генеральнаго штаба) Турскимъ, который жилъ въ Бѣлостокѣ, командированный туда для тайныхъ развѣдокъ. Другъ на друга писали доносы. Между прочимъ, Турскій жаловался на Шица, что онъ не пишетъ рапортовъ собственноручно, а поручаетъ секретарю, который напивается пьянъ (au lieu de l'ancre il trempe souvent sa plume dans l'eau de vie) и не соблюдаетъ тайны. Шицъ, въ свою очередь, доноситъ на Турскаго: «Сверхъ сего долгомъ моимъ поставляю вашему высокопревосходительству доложить, что находящійся здѣсь по болѣзни свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части подполковникъ Турскій (видно, имѣя препорученность, которую слѣдуетъ содержать секретно), какъ я неоднократно замѣчалъ, весьма поступаетъ неосторожно и почти такъ, что весь городъ знаетъ объ его нескромности».

Изъ напечатанныхъ во второй части документовъ мы можемъ составить понятіе о блестящей дѣятельности флигель-адъютанта Чернышева, какъ военнаго агента въ Парижѣ. Онъ доставлялъ очень точное описаніе войскъ Наполеона и свѣдѣнія объ ихъ численности. Эти документы составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для историка, а равно и для изслѣдователя военно-организаціонныхъ вопросовъ. Къ изданію приложено нѣсколько картъ и плановъ.

Несомнѣнно, что предпринятая военнымъ архивомъ работа имѣетъ интересъ и принесетъ значительную пользу, но разъ архивъ вступилъ на путь подобныхъ работъ, то нельзя не пожелать и дальнѣйшаго ихъ развитія, то-есть изданія не только сборниковъ военно-историческихъ документовъ, но и сочиненій, вполнѣ обработанныхъ, потому что сборники документовъ являются только подготовительнымъ матеріаломъ для достиженія настоящей цѣли — составленія исторіи. За послѣднее время во Франціи такъ и поступаютъ. Тамъ, на основаніи неизданныхъ документовъ военнаго архива и печатныхъ источниковъ, составляются превосходные военно-историческіе труды, какъ, напримѣръ, сочиненіе капитана Бувье о кампаніи Бонапарта въ Италіи въ 1796 году. Русская военная исторія настолько мало разработана, что нуждается въ самомъ дѣятельномъ изслѣдованіи. О многихъ войнахъ мы совсѣмъ не имѣемъ надлежащаго понятія.

Н. А.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова. Генеалогическій и историческій матеріалъ по печатнымъ источникамъ, собранный Н. Н. Селифонтовымъ. Часть I. Спб. 1901.

Въ 1897 г. при Костромской ученой архивной комиссіи образовался Романовскій отдѣлъ, «съ цѣлью собиранія и сохраненія печатныхъ и рукописныхъ свѣдѣній, а равно и устныхъ преданій о предкахъ перваго царя изъ дома Романовыхъ». По мѣрѣ накопленія матеріала, было тогда же рѣшено и опубликованіе его въ особомъ «Сборникѣ»: благодаря этому, уже въ слѣдующемъ (1898) году увидѣли свѣтъ много лѣтъ собираемые матеріалы И. П. Сахарова, изъ которыхъ послѣ «провѣрки и пополненія» составилась пространная «Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ», изданная въ видѣ второго выпуска «Сборника».

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появился и первый выпускъ или первая часть «Сборника». Все содержаніе этой части распадается на два главныхъ отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ помѣщены слѣдующія родословныя потомковъ Андрея Ивановича Кобылы: 1) двѣ росписи по древнѣйшимъ спискамъ (московской синодальной библіотеки конца XVI вѣка и московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ начала XVII вѣка), которые были напечатаны во «Временникѣ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ», за 1851 г., книга X. Но, кромѣ перепечатки «родословной книги по тремъ спискамъ» и «предисловія» къ ней, въ «Сборникѣ» тѣ же росписи изложены еще, «для бо́льшей наглядности», въ формѣ поколѣнныхъ таблицъ, и къ нимъ присоединены всѣ разногласія, которыя наблюдаются въ спискахъ. 2) Роспись, составленная въ 1665 г. и извлеченная изъ шестой книги «Рода Шереметевыхъ» А. П. Барсукова; къ ней присоединены и всѣ подробности, касающіяся отдѣльныхъ членовъ рода Андрея Кобылы и извлеченныя изъ того же труда (книга первая). 3) Роспись изъ Бархатной книги, съ поправками и двумя таблицами, изъ которыхъ въ одной всѣ 624 потомка Андрея Кобылы размѣщены въ строгой послѣдовательности старшинства колѣнъ, а въ другой они распредѣлены по отдѣльнымъ 16 вѣтвямъ (Кобылиныхъ, Лодыгиныхъ (старшей и младшей), Коновницыныхъ, Синихъ, Кокоревыхъ, Образцовыхъ, Хлызневыхъ-Колычовыхъ, Лошаковыхъ-Колычовыхъ, Немятыхъ-Колычовыхъ, Колычовыхъ, Хлуденевыхъ-Колычовыхъ, Неплюевыхъ, Боборыкиныхъ, Кошкиныхъ и Шереметевыхъ). 4) «Родословіе высочайшей фамиліи ея императорскаго величества государыни императрицы Елисаветы Петровны», сочиненное Петромъ Крекшинымъ, перепечатанное изъ «Памятниковъ древней письменности», за 1883 г. 5) «Генеалогическо-хронологическая исторія пресвѣтлѣйшаго дома Романовыхъ и кореннаго рода ихъ предковъ», составленная барономъ Бальтазаромъ Кампенгаузеномъ и напечатанная въ Лейпцигѣ, въ 1805 г. Въ «Сборникѣ» она помѣщена въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ Н. Н. Селифонтова, съ его же примѣчаніями. 6) Родословная графовъ и дворянъ Шереметевыхъ, заимствованная изъ III-й части «Россійской родословной книги» П. Долгорукова. 7) Родословная Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, съ XIII вѣка

по 1665 г. (перепечатка родословной, составленной Г. И. Студенкинымъ и напечатанной въ «Русской Старинѣ», за 1878 г., № 8). 8) Родословная Юрьевыхъ-Романовыхъ, заимствованная изъ «Исторіи родовъ русскаго дворянства» П. Н. Петрова, и 9) «Родословная таблица домовъ Рюрика и нынѣ царствующаго Романовыхъ», изданная г. Мещериновымъ въ 1898 году.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ росписей древнѣйшими по времени составленія должны считаться тѣ, которыя составлены по спискамъ: синодальному и архива министерства иностранныхъ дѣлъ, а наиболѣе обработанною и подробною — «родословная», составленная барономъ Кампенгаузеномъ (въ «Сборникѣ» она занимаетъ болѣе 160 страницъ).

За родословными потомковъ Андрея Ивановича Кобылы слѣдуютъ родословныя потомковъ Михаила Прушанина, родоначальника Филимоновыхъ и Шестовыхъ, а именно — Морозовыхъ, Тучковыхъ, Шеиныхъ, Шестовыхъ и Русалкиныхъ, по спискамъ XVI и XVII вѣковъ (перепечатка изъ «Временника» Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, изъ «Бархатной Книги» и изъ «Русской родословной книги» князя Лобанова-Ростовскаго).

Второй отдѣлъ «Сборника» составляетъ «Опытъ библіографическаго указателя къ печатнымъ статьямъ, сочиненіямъ и вообще печатнымъ изданіямъ, въ которыхъ имѣются и могутъ заключаться данныя и соображенія, составляющія матеріалъ для исторіи предковъ царя Михаила Өеодоровича Романова», съ «вспомогательнымъ» къ нему «азбучнымъ перечнемъ личныхъ именъ, географическихъ названій и обозначеній предметовъ». Указатель, какъ сознается и самъ авторъ, Н. Н. Селифонтовъ, далеко не полный.

Таково содержаніе разсматриваемой нами первой части «Сборника», обязанной своимъ появленіемъ въ свѣтъ исключительно одному покойному Н. Н. Селифонтову, извѣстному любителю исторіи и генеалогіи и бывшему предсѣдателемъ Костромской архивной комиссіи. Кто возьмется за это дѣло послѣ него, и когда появится въ печати третья часть «Сборника», въ которой предполагалось помѣстить рукописный матеріалъ, неизвѣстно. В. Р—въ.

Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей Александра Бенуа. Спб. 1901.

Давно уже назрѣла потребность собрать вмѣстѣ наши художественныя сокровища, представить, по крайней мѣрѣ, сводъ имѣющихся богатѣйшихъ художественныхъ сокровищъ. Слѣдуетъ привѣтствовать прекрасное по замыслу и исполненію изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. Цѣль этого изданія двоякая: оно не только явится хорошимъ пособіемъ для интересующихся искусствомъ, но ставитъ себѣ болѣе широкую цѣль собрать точные снимки съ многочисленныхъ выдающихся сокровищъ, разбросанныхъ по всей Россіи. Такимъ образомъ, рядомъ съ образовательнымъ значеніемъ настоящее изданіе представляетъ и чисто художественный интересъ.

На первомъ планѣ въ этомъ изданіи не археологическая сторона дѣла, или его историческая цѣнность, а художественная. Здѣсь одинаково обращено вниманіе, какъ на древнѣйшія произведенія искусства, такъ и новѣйшія. Рядомъ съ художественными произведеніями нашего отечественнаго искусства, мы находимъ здѣсь художественныя сокровища европейскаго искусства, хранящіяся въ предѣлахъ Россіи. Одинаково обращено вниманіе, какъ на искусство до Петра, такъ и послѣ. Таково отношеніе этого сборника къ національному искусству. «Перестать теперь быть европейцами», говоритъ издатель, «оградить себя стѣной отъ Запада было бы странно и даже нелѣпо. Художественныя сокровища, хотя бы и иностраннаго происхожденія, нашедшія себѣ пріютъ въ Россіи,—въ сущности уже больше и не чужія, а наши. Нѣкоторымъ даже изъ насъ, такъ сказать, «петербуржцамъ», они даже болѣе близки, нежели самое коренное русское. Но это явленіе не случайное, да и вовсе не предосудительное для русскаго художества. Быть можетъ, только сліяніе этихъ двухъ началъ — русскаго и общеевропейскаго —создастъ истинно русское искусство, равное по значенію великимъ, потому что общечеловѣческимъ, твореніямъ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго и Толстого. Пора русскому искусству сбросить съ себя славянофильскую мурмолку и вспомнить, что не въ извѣстныхъ внѣшнихъ пріемахъ лежитъ основаніе его величія и прелести, а въ духѣ—въ безусловно свободномъ вдохновеніи».

Весь сборникъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) изъ таблицъ иллюстрацій (двѣнадцать иллюстрацій въ каждомъ номерѣ), 2) объяснительнаго къ нимъ текста и 3) художественной хроники, въ которой сообщается о дѣятельности императорскаго общества поощренія художествъ, о художественныхъ выставкахъ, помѣщаются некрологи скончавшихся художниковъ, дается библіографія новыхъ книгъ и изданій по искусству, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и помѣщенъ обзоръ художественныхъ журналовъ.

Изъ помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ двѣнадцати таблицъ заслуживаетъ вниманія хромолитографія, изображающая мѣдные эмальированные вѣнчики изъ ризницы Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, — любопытный образецъ русской работы середины XVII вѣка. Далѣе помѣщенъ снимокъ, изображающій церковь Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, построенную въ XVI вѣкѣ, и отличный снимокъ части Воскресенскаго собора въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Соборъ этотъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ русской архитектуры XVII вѣка. Къ тому же вѣку относится удачный снимокъ, изображающій глиняный кувшинъ.

Изъ коллекцій М. П. Боткина помѣщена фототипія Мадонны съ младенцемъ, одинъ изъ превосходныхъ образцовъ флорентійскаго искусства начала XV вѣка. Далѣе помѣщены фототипія портрета Антони ванъ-Дейка, находящагося нынѣ въ Эрмитажѣ, снимокъ съ акварели, хранящейся въ музеѣ барона Штиглица и изображающей роскошное зало въ стилѣ рокайль, царившаго въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка. Эта акварель изображаетъ театральный храмъ Венеры или Амура. Послѣдній снимокъ изображаетъ столъ въ стилѣ «empire» знаменитаго французскаго мебельщика П. Ф. Томира, работавшаго для Наполеона и Александра I.

Во второмъ выпускѣ мы находимъ интереснѣйшія изображенія античныхъ масокъ, найденныхъ въ Италіи и хранящихся въ собраніи М. П. Боткина. Этотъ родъ скульптурныхъ произведеній былъ очень распространенъ въ древности. Надѣвались онѣ во время священныхъ танцевъ. Интересенъ снимокъ, представляющій церковь Святого Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, близъ Ярославля, выстроенной въ XVII вѣкѣ. Для характеристики образцовъ русской рѣзьбы XVII вѣка помѣщены снимки съ двухъ головъ Іоанна Предтечи. Весьма удачно представленъ снимокъ съ готическаго деревяннаго раскрашеннаго шкапа французской работы второй половины XV вѣка, находящагося въ императорскомъ Эрмитажѣ. Отсюда же взята прекрасная фототипія—«Благовѣщеніе», работа Чима да Конеліано, живописца венеціанской школы. Также удачно вышло изображеніе фляжки, чаши и солонки изъ фаянса французской работы первой половины XVI вѣка, хранящихся въ Эрмитажѣ. Два послѣднихъ снимка второго выпуска даютъ отлично исполненные образцы нѣмецкаго искусства второй половины XVIII вѣка. Одинъ изъ нихъ изображаетъ бѣлую фарфоровую группу шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. Другой изображаетъ шкапъ, находящійся въ Эрмитажѣ, работы Давида Репрена, произведенія котораго очень цѣнила Екатерина II, пріобрѣтая его шкапы, бюро, часы, столы и пр.

Такой же художественный и, прибавимъ, такой же случайный характеръ, какъ и предшествовавшіе выпуски, носитъ только-что появившійся третій нумеръ художественныхъ сокровищъ. Рядомъ съ изображеніемъ греческихъ золотыхъ украшеній V-го и IV-го вѣка до Р. Х., лучшей эпохи греческаго искусства, исполненныхъ, быть можетъ, въ одной изъ мастерскихъ Фидія и хранящихся въ императорскомъ Эрмитажѣ, мы видимъ изображеніе детали южнаго портала Георгіевскаго собора въ Юрьевѣ Польскомъ. Этотъ соборъ былъ выстроенъ еще въ первой половинѣ XIII вѣка и замѣчателенъ тѣмъ, что его стѣны изукрашены массою разнообразнѣйшихъ изваяній, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ точно не выяснено. Довольно любопытенъ снимокъ, изображающій люльку конца XVII и начала XVIII вѣка. Кромѣ замѣчательно изящной соразмѣрности частей, эта люлька обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что оканчивается на верху по угламъ рѣзными лошадиными головками,—отголосокъ глубокой древности, когда голова лошади имѣла значеніе религіозное, а не только служила украшеніемъ. Далѣе, въ этомъ выпускѣ есть изображеніе одного изъ художественныхъ экспериментовъ Микель-Анджело — «Скорчившійся юноша». Эта статуя, попавшая какимъ-то образомъ въ Россію, находится въ императорскомъ Эрмитажѣ. Удачно вышла фототипія «Воспитаніе Юпитера» съ картины Іакова Іорданса, одного изъ корифеевъ фламандской школы искусства, трезваго, простого и флегматичнаго. Хороши также снимки: «проектъ театральной декораціи» знаменитаго архитектора и декоратора конца XVII вѣка Фердинандо Бибіена, искусство котораго, по удачному выраженію составителя объяснительнаго текста, есть «одухотворенная архитектура»,— кресло въ стилѣ рокайль, нѣмецкой работы первой половины XVIII вѣка, вычурное и характерное для этого веселаго вѣка.

Пояснительный текстъ къ таблицамъ, написанный живо, очень хорошо

знакомитъ съ біографическими свѣдѣніями о творцахъ художественныхъ произведеній и даетъ эстетическую оцѣнку послѣднихъ. Текстъ одновременно напечатанъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Въ концѣ года издатели обѣщаютъ приложить подробные и систематическіе указатели: они необходимы, такъ какъ системы въ порядкѣ таблицъ мы не видимъ никакой. Остается пожелать полнаго успѣха настоящему изданію, первому и единственному въ своемъ родѣ. К. А—въ.

К. Скальковскій. Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. 2-е изд. Спб. 1901.

Трудъ г. Скальковскаго появляется уже вторымъ изданіемъ, въ значительно расширенномъ и переработанномъ видѣ. Этому содѣйствовало отчасти желаніе автора сдѣлать свой трудъ возможно полнѣе, отчасти это зависѣло отъ хода событій за послѣднее время, во многихъ отношеніяхъ измѣнившихъ группировку державъ; нѣкоторыя же главы (объ островѣ Критѣ, Аравіи, Персидскомъ заливѣ) написаны спеціально для этого изданія. Какъ извѣстно, по исторіи внѣшнихъ отношеній Россіи въ русской литературѣ существуютъ весьма цѣнные, но слишкомъ спеціальные труды, мало доступные для большей части публики. Поэтому произведеніе г. Скальковскаго, въ сжатой формѣ, но систематически знакомящее съ направленіями русской внѣшней политики, является единственнымъ въ своемъ родѣ. Строго-научнаго значенія трудъ этотъ не имѣетъ, на что́, впрочемъ, не претендуетъ и самъ авторъ; исторія дипломатическихъ отношеній, основанная на первоисточникахъ, какъ онъ говоритъ, и не входитъ въ его задачу, иначе его книга разрослась бы въ многотомное изданіе. Произведеніе г. Скальковскаго носитъ, такимъ образомъ, чисто публицистическій характеръ. Внѣшнюю политику Россіи г. Скальковскій выводитъ изъ отношеній къ ней другихъ державъ. Хотя авторъ и защищаетъ эту точку зрѣнія въ новомъ изданіи, но не вполнѣ убѣдительно. Нельзя разрывать тѣсную связь внутренняго развитія страны съ ея внѣшней политикой, лучшимъ примѣромъ чему служитъ крымская война для Россіи или австро-прусская или франко-прусская на Западѣ. Наконецъ, колоніальная политика Европы за послѣднее время, обусловленная ходомъ ея промышленнаго развитія, ставитъ самыя отношенія державъ на иную почву, чѣмъ, напримѣръ, во времена территоріальныхъ войнъ. Какъ извѣстно, и Россія волей-неволей должна принимать участіе въ погонѣ за рынками и, какъ страна, отсталая въ экономическомъ отношеніи, неминуемо терпитъ пораженія, такъ мы отдали мало-азіатскій рынокъ Германіи и нѣмецкой колонизаціи, еле защищаемъ нашу западную границу отъ нѣмецкаго «Drang nach Osten» и даже въ Персіи, лишь въ силу своего политическаго вліянія, задержали постройку желѣзныхъ дорогъ другими, такъ какъ намъ самимъ строить ихъ не на что. Промышленность и торговый капиталъ—главные агенты современной войны, почему-то называемой вооруженнымъ миромъ, и Россіи въ этой борьбѣ, навѣрное, приходится тяжелѣе, чѣмъ если бы она вела настоящую войну. Но авторъ отнюдь не задается теоретическими построеніями, почему внѣшнія

отношенія Россіи и въ новомъ изданіи выходятъ у него какъ-то мало обоснованными. Какъ публицистъ, г. Скальковскій отличается извѣстнымъ миролюбіемъ и безпристрастіемъ. Отмѣтимъ еще главу о русскихъ дипломатахъ, къ которымъ авторъ относится довольно-таки скептически.

А. Н—ій.

Проф. А. А. Бронзовъ. О христіанской семьѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ. Спб. 1901.

Въ послѣднее время очень много пишутъ о бракѣ, преимущественно въ газетахъ или мелкихъ брошюркахъ, разсчитанныхъ на большую публику и широкое обращеніе. Почти всюду проскальзываетъ жалоба на бремя брачныхъ узъ и требованіе облегчить это бремя болѣе свободной формой заключенія и расторженія брака. Голоса эти, все чаще и чаще раздающіеся въ печати, во имя будто бы высшей «христіанской» нравственности, потакая людской слабости, находятъ, конечно, множество союзниковъ. И вотъ во время такой пропаганды свободы отношеній брачныхъ и развода для заключенія новой чистой семьи (!) пріятно встрѣтить небольшую популярную брошюрку профессора нравственнаго богословія съ направленіемъ совершенно противоположнымъ, положительно-христіанскимъ.

Брошюрка эта передѣлана самимъ авторомъ изъ его же статьи «Къ вопросу объ условіяхъ нормальнаго теченія жизни христіанской семьи» («Христіанское Чтеніе» 1898, апрѣль) для публичнаго чтенія въ «Обществѣ ревнителей вѣры и милосердія».

Предпославъ общій взглядъ на бракъ, выяснивъ необходимыя качества и условія для образованія христіанской семьи, авторъ постепенно излагаетъ, какими должны быть съ христіанской точки зрѣнія отношенія между супругами, родителями и дѣтьми, братьями и сестрами, господами и слугами, и вкратцѣ, какъ бы мимоходомъ, касается явленій, близко сопряженныхъ съ семейной жизнью, относя сюда гостепріимство, дружбу и семейные вечера.

Правда, съ нѣкоторыми положеніями автора, вскользь брошенными и мало обоснованными, трудно согласиться. На 21 стр. читаемъ: «гражданскій бракъ— чисто человѣческое только учрежденіе, и заключающіе его не чувствуютъ себя связанными какими либо внутренними узами; ихъ связь—внѣшняя». Далѣе: «гражданскій бракъ, будучи чисто наружной только сдѣлкой, можетъ имѣть исходъ, подобный всѣмъ такого рода сдѣлкамъ. А что же будетъ съ дѣтьми гражданскихъ супруговъ?» «Выростая, незаконнорожденныя дѣти,—а дѣти отъ гражданскихъ супруговъ такими именно и считаются по русскимъ законамъ,—терпятъ въ общественной жизни весьма много всякаго рода неудобствъ, всѣмъ извѣстныхъ».

Авторъ не объясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ гражданскимъ бракомъ. Но изъ приведенныхъ мѣстъ можно заключить, что онъ отожествляетъ его съ безформеннымъ внѣбрачнымъ сожитіемъ, конкубинатомъ, тогда какъ гражданскій бракъ нѣчто совсѣмъ другое. Онъ есть «бракъ секуляризованный, законный съ точки зрѣнія свѣтскаго закона, регулируемый свѣтскимъ законо-

дательствомъ, а не церковнымъ, и по соображеніямъ государственнаго интереса и порядка, а не церковнаго» (Н. Суворовъ: «Гражданскій бракъ», Спб., 1899).

Изъ этого слѣдуетъ, что заключающіе его, если они люди порядочные, чувствуютъ себя связанными внутренними узами взаимнаго согласія, котораго, однако, требуетъ и церковная форма заключенія брака. Узы эти—сознаніе долга предъ другимъ супругомъ и свободное согласіе на неразрывное пожизненное общеніе во всемъ. Больше этого не требуетъ, повторимъ, и церковная форма брака.

Договоръ, такимъ образомъ заключаемый въ одномъ случаѣ предъ гражданскимъ чиновникомъ, а въ другомъ предъ священникомъ до начала вѣнчанія, но послѣ обрученія (см. Требникъ), дѣйствителенъ по существу своему на всю жизнь, ибо съ этою цѣлью онъ и заключался. Слѣдовательно, подъ понятіе обыкновенной сдѣлки онъ не можетъ подойти, такъ какъ она прекращается съ выполненіемъ всего, ради чего она заключалась, а бракъ, заключаемый навсегда, исключаетъ логически возможность наступленія такого момента, когда всѣ условія, всѣ цѣли будутъ выполнены. Свойствомъ этимъ обладаетъ въ равной мѣрѣ религіозный и гражданскій бракъ.

Наконецъ, дѣти отъ гражданскаго брака, а таковой и въ Россіи возможенъ, по мнѣнію русскихъ юристовъ, хотя только между раскольниками (см. Суворовъ, 117 и сл.), считаются вполнѣ законными (т. X Св. Зак., ст. 78).

Но есть у автора мысли хорошія и даже очень хорошія, напримѣръ, о непрекратимости брака даже при смерти одного изъ супруговъ съ идеально-нравственной и, прибавимъ отъ себя, юридической точки зрѣнія (стр. 25—26); или о безхарактерности и умственной разслабленности молодыхъ поколѣній, происходящей въ значительной степени отъ того, что матери «считаютъ унизительнымъ для себя заниматься воспитаніемъ дѣтей и сваливаютъ ихъ на руки гувернеровъ и гувернантокъ, которые, какъ наемники, конечно, не дадутъ того, что могла бы дать мать». Со стороны внѣшности эта симпатичная книжка страдаетъ нѣсколько тяжелымъ слогомъ и излишнимъ злоупотребленіемъ словомъ «моментъ», которое появляется нѣсколько разъ въ самомъ разнообразномъ смыслѣ. Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что всякая попытка провести въ общество чистый христіанскій взглядъ на семью, каковою является публичное чтеніе въ «Обществѣ ревнителей вѣры и милосердія», составленное со всею тщательностью, свойственною автору, должна быть встрѣчена сочувственно и съ благодарностью, хотя изъ-подъ пера профессора нравственнаго богословія и хотѣлось бы получить нѣчто еще болѣе убѣдительное, научно и этически обоснованное, нѣчто болѣе совершенное. **П. В. В.**

Ю. В. Арсеньевъ. Новыя данныя о службѣ Николая Спаѳарія въ Россіи (1671—1708). Москва. 1900.

Эта книга составляетъ продолженіе изысканій объ извѣстномъ въ XVII в. политическомъ дѣятелѣ, Н. Спаѳаріи, предпринятыхъ Ю. В. Арсеньевымъ. Николай Спаѳарій родился въ Молдавіи въ 1625 г. Отецъ его былъ грекъ. Про-

звище Спаеарія, или Спатара (оруженосца), было фамильнымъ именемъ. Въ Молдавіи онъ часто назывался по имени своего помѣстья—Николаемъ Милеску. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Спаеарій состоялъ въ родствѣ съ знатными родами Диковъ и Гиковъ, члены которыхъ не разъ достигали господарства въ Придунайскихъ княжествахъ во второй половинѣ XVII в.

Николай Милеску съ ранней молодости получилъ богословское и философское образованіе въ Царьградѣ, а свѣтское образованіе онъ довершалъ въ Италіи. По возвращеніи на родину онъ занялъ вліятельное положеніе при молдавскомъ господарѣ Стефанѣ. Но вскорѣ долженъ былъ покинуть Молдавію вслѣдствіе политическихъ смутъ и смѣнъ господарей и искать пріюта въ Валахіи, Константинополѣ, Помераніи и наконецъ перешелъ на службу въ Россію.

Біографическія свѣдѣнія о немъ крайне скудны, и заслуга Ю. В. Арсеньева заключается въ томъ, что онъ старательно собираетъ всѣ матеріалы о Николаѣ Спаеаріи, личность котораго во многихъ отношеніяхъ представляется замѣчательной. Издаваемыя нынѣ имъ данныя относятся ко времени службы Спаеарія въ Россіи съ 1671 г., съ момента пріѣзда въ Москву, до 1708 года,—года его смерти. Данныя эти заключаютъ его политическую переписку съ Молдавіей и православнымъ Востокомъ въ бытность его переводчикомъ посольскаго приказа, нѣсколько новыхъ документовъ дипломатической службы и, наконецъ, матеріалы, которые относятся къ его потомству, оставшемуся въ Россіи подъ именемъ дворянскаго рода Спаеарьевыхъ. Наиболѣе важною заслугою Спаеарія было посольство въ Китай, открывшее новую эпоху въ исторіи русскаго владѣнія въ Сибири. Ю. В. Арсеньевъ помѣщаетъ пока любопытное письмо къ царю Алексѣю Михайловичу отъ іезуита Фердинадна Вербіеста, доставленное изъ Китая Спаеаріемъ. Пріѣхавъ въ Москву съ рекомендаціями отъ двухъ выдающихся дѣятелей православнаго Востока—іерусалимскаго патріарха Досиеея и переводчика Порты, грека Никусія Панагіота, Спаеарій былъ назначенъ переводчикомъ эллинскаго, латинскаго и волошскаго языковъ. Онъ проявилъ неутомимую дѣятельность въ 1672 — 1673 гг. «въ строеніи книгъ», возложенномъ Матвѣевымъ на переводчиковъ посольскаго приказа. Въ 1673 г. Спаеарій поднесъ царю Алексѣя Михайловичу свое ученое сочиненіе «Хрисмологіонъ, или Даніила пророка откровеніе на сонъ Навуходоносора о четырехъ монархіяхъ». Эти заслуги его содѣйствовали его назначенію царскимъ посланникомъ въ Китай въ 1675 г. По возвращеніи въ 1678 г. въ Москву, Спаеарій представилъ, кромѣ обычнаго статейнаго списка, двѣ особыя книги, посвященныя географическому описанію Сибири и Китайскаго государства. Въ Москвѣ онъ подвергся обвиненіямъ въ злоупотребленіяхъ и взяточничествѣ, былъ отставленъ, но вскорѣ вновь причисленъ къ посольскому приказу, принялъ участіе въ перепискѣ по поводу турецкихъ дѣлъ, а подъ конецъ жизни—въ армянскихъ дѣлахъ, по поводу пріѣзда въ Россію армянина Израиля Орія изъ Западной Европы, гдѣ онъ прожилъ 20 лѣтъ. Онъ предлагалъ Петру Великому возбудить въ Персіи возстаніе своихъ соотечественниковъ съ цѣлью освобожденія армянскаго народа и приведенія его подъ покровительство Россіи. Императоръ австрійскій и курфюрстъ баварскій также, по его словамъ, обѣщали ему свою помощь въ этомъ дѣлѣ. Царь принялъ предложеніе Орія и обѣ-

щалъ совершить предпріятіе по окончаніи шведской кампаніи. Орія отправился въ Персію въ 1707 г. для развѣдочныхъ цѣлей подъ видомъ папскаго посланника, но умеръ на возвратномъ пути изъ Астрахани. Въ Россіи остался архимандритъ Минасъ Вардапетъ, товарищъ Оріи, при посредствѣ котораго сношенія посольскаго приказа съ армянами продолжались до смерти Спаѳарія (1708 г.). Въ числѣ его бумагъ оказалось письмо на армянскомъ языкѣ, въ которомъ упоминалось имя Вардапета Минаса. Послѣдній, получивъ его въ руки для перевода, отказался возвратить его наслѣдникамъ Спаѳарія, такъ какъ оно касалось вышеупомянутыхъ тайныхъ сношеній съ армянами. Отсюда возникло дѣло, напечатанное г. Арсеньевымъ въ приложеніи № 12.

А. Хахановъ.

Павелъ Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Историческое изслѣдованіе преимущественно по архивнымъ даннымъ. Томъ I. Спб. 1900.

Часть этого изслѣдованія была помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1898—1900 г., послѣднія двѣ главы напечатаны впервые. Авторъ выполнилъ въ этомъ сочиненіи первый изъ трехъ пунктовъ намѣченной имъ программы: изучить интендантство во Франціи, какъ учрежденіе, характерное для стараго порядка. Въ дальнѣйшемъ авторъ намѣренъ представить людей, воплощавшихъ это учрежденіе, и событія, выпавшія на долю интендантства.

Въ нашей замѣткѣ мы познакомимъ читателя съ важнѣйшими выводами новаго труда по исторіи стараго порядка во Франціи.

Въ своемъ введеніи П. Н. Ардашевъ вполнѣ справедливо указываетъ на то, что литература относительно стараго порядка во Франціи — огромная. «Несмотря, однако, —говоритъ онъ (предисловіе),— на это поразительное обиліе литературы, приходится признать, что существующія въ ней свѣдѣнія о старомъ порядкѣ вообще и о провинціальной администраціи въ частности далеки отъ того, чтобы не оставлять ничего болѣе желать ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Приступая впервые къ изученію этой литературы, конечно, воображаешь, что найдешь въ ней все, рѣшительно все, чего ищешь, и, быть можетъ, даже и то, чего не ищешь. На дѣлѣ оказывается, что находишь въ особенности именно послѣднее. Общее, господствующее впечатлѣніе, которое выносишь изъ этого изученія, это — впечатлѣніе хаоса и тумана, въ которыхъ все труднѣе и труднѣе становится разобраться, по мѣрѣ того, какъ углубляешься въ дебри этой «литературы». Провѣривъ и проанализировавъ это впечатлѣніе, дѣйствительно замѣчаешь, что нѣтъ почти ничего вполнѣ яснаго, ничего несомнѣннаго въ наличныхъ свѣдѣніяхъ о предметѣ,—что нѣтъ почти ничего вполнѣ установившагося и безспорнаго въ существующихъ представленіяхъ о немъ,—что вообще въ этой области нѣтъ почти ни одного вопроса, относящагося къ предмету, начиная съ самыхъ общихъ и кончая самыми детальными, который бы не былъ спорнымъ и не имѣлъ бы нѣсколько взаимно другъ друга исключающихъ рѣшеній».

Даже въ опредѣленіи того вопроса, представляетъ ли собою, какъ политическій режимъ, старый порядокъ абсолютизмъ или нѣтъ, и то расходятся мнѣнія. Расходятся ученые и въ томъ предположеніи, былъ ли старый порядокъ временемъ застоя или движенія, а если было движеніе вообще, то какое именно реакціонное или прогрессивное. Что же касается до провинціальной администраціи, то эта область полна неясностей и противорѣчій. Мы не можемъ отчетливо представить себѣ организацію различныхъ центральныхъ учрежденій, власть интенданта и отношенія его къ провинціальной администраціи, или субделегату.

Далеко не въ видѣ курьеза приводитъ г. Ардашевъ примѣры того, что спорными оказываются такіе вопросы, какъ вопросъ о количествѣ областей съ провинціальными штатами во Франціи наканунѣ революціи или о количествѣ генеральствъ. Объясняется такой хаосъ, по мнѣнію автора, тремя причинами: литературой о старомъ порядкѣ, источниками для его изученія и самымъ предметомъ изученія.

Введеніе автора и посвящено выясненію этихъ трехъ причинъ. Разсматривая обширную литературу о старомъ порядкѣ, П. Н. Ардашевъ начинаетъ съ характеристики общихъ трудовъ о старомъ порядкѣ, потомъ—спеціальныхъ сочиненій объ администраціи при старомъ порядкѣ и заканчиваетъ провинціальными исторіями и сочиненіями различнаго характера. Къ печальному выводу приходитъ авторъ: въ цѣломъ морѣ сочиненій очень мало, однако, найдется о провинціальной администраціи, а спеціальныя сочиненія по административной исторіи стараго порядка едва даже упоминаютъ о существованіи провинціальной администраціи и объ интендантахъ. Огромное количество провинціальныхъ изданій отличаются «своимъ нарочитымъ пренебреженіемъ къ послѣдней эпохѣ стараго порядка» и безразличнымъ отношеніемъ къ административнымъ учрежденіямъ.

Переходя къ первоисточникамъ, авторъ указываетъ, что и здѣсь, въ этомъ «необъятномъ морѣ», менѣе всего извѣстна или изучена административная переписка дореволюціонной эпохи, одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ первоисточниковъ по своей чистотѣ, правдивости, богатству и разносторонности. Въ особенности мало изслѣдована та часть матеріала, которая относится къ послѣдней порѣ стараго порядка, критика источниковъ находится «лишь въ области чаяній».

Изслѣдуя старый порядокъ, какъ предметъ историческаго изученія, авторъ настаиваетъ на необходимости расчлененія стараго порядка на его хронологическіе элементы. Нельзя разсматривать, по его словамъ, старый порядокъ, какъ нѣчто однородное на всемъ своемъ хронологическомъ протяженіи. Онъ представляетъ, наоборотъ, «болѣе или менѣе глубокія измѣненія соотвѣтственно различнымъ эпохамъ; другими словами — старый порядокъ слѣдуетъ разсматривать, не какъ одну сплошную эпоху, а какъ рядъ эпохъ, имѣющихъ каждая свою физіономію. Старый порядокъ не есть нѣкоторое состояніе, которое можно было бы представить въ одной картинѣ; онъ представляетъ собою нѣкоторую эволюцію, послѣдовательный рядъ различныхъ состояній, изъ которыхъ каждое требуетъ спеціальнаго изученія. Старый порядокъ нельзя поэтому изучать ец

bloc, а необходимо расчленить его предварительно на его хронологическіе элементы. Всякая попытка представить изображеніе исторической дѣйствительности стараго порядка разомъ, во всемъ его хронологическомъ объемѣ, должна неизбѣжно привести къ смѣшенію чертъ и красокъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ, и къ ложнымъ обобщеніямъ, къ распространенію на весь старый порядокъ различныхъ спеціальныхъ чертъ, принадлежащихъ той или другой отдѣльной эпохѣ его». Рядъ историческихъ примѣровъ могутъ иллюстрировать это положеніе.

Кромѣ исторической перспективы, авторъ указываетъ и на «географическую», т. е. необходимо при изученіи дореволюціонной Франціи, отличавшейся страшной пестротой,—которую нашъ ученый остроумно сравниваетъ съ одѣяломъ, сшитымъ изъ множества разноцвѣтныхъ лоскутковъ,—необходимо различать территоріальные элементы. Далѣе, онъ, вообще, указываетъ на то, что вся атмосфера стараго порядка поражаетъ своею сомнительностью, спорностью и неопредѣленностью. Какой либо полноты и точности свѣдѣній объ этомъ времени изслѣдователю нечего и думать найти. Современники терялись въ общемъ хаосѣ, представители судебныхъ учрежденій путались въ изумительной причудливости состава бальяжей, провинціальная администрація терялась въ области государственнаго и народнаго хозяйства. «Само правительство, самъ министръ финансовъ, или генералъ-контролеръ, употребляя терминъ эпохи, никогда не зналъ въ точности финансовыхъ средствъ, которыми могло располагать правительство въ данный моментъ, какъ равно не имѣлъ точныхъ данныхъ ни о доходахъ, ни о расходахъ государства, не говоря уже о такихъ тонкостяхъ, какъ распредѣленіе податной тяжести соотвѣтственно облагаемымъ предметамъ, платежныя силы населенія, размѣры земледѣльческаго и промышленнаго производства государства, торговый балансъ и т. п.».

Такъ какъ статистики населенія при старомъ порядкѣ не существовало, такъ какъ, по выраженію одного современнаго ститистика, «человѣческій родъ не допускаетъ точнаго исчисленія», то Неккеръ отказывался произвести перепись Франціи. Желая, однако, опредѣлить хоть приблизительную цифру населенія, Неккеръ вычислялъ на основаніи средней цифры рожденій и получилъ въ 1784 г. цифру — 26 милліоновъ, но это, разумѣется, болѣе, чѣмъ «ненадежный» методъ, такъ какъ списки рожденій велись очень неисправно. Въ такомъ же положеніи было дѣло относительно статистики народнаго хозяйства. По словамъ Неккера, для него оставалось неизвѣстнымъ количество обработываемыхъ земель на всемъ протяженіи королевства. При томъ удивительно безконечномъ разнообразіи мѣръ во Франціи, существовавшемъ въ старомъ порядкѣ, немыслимо было и думать о какой нибудь статистикѣ. Не только для каждой провинціи, но и для отдѣльнаго округа, даже города иногда,—были свои мѣры, въ которыхъ нерѣдко и современники не могли разобраться. Такова картина, набросанная авторомъ.

Самое изслѣдованіе г. Ардашева состоитъ изъ девяти главъ, разсматривающихъ провинціальное интендантство.

Въ первой главѣ авторъ разбираетъ вопросъ о происхожденіи провинціальнаго интендантства. Зародышемъ провинціальной администраціи во Франціи

онъ считаетъ финансовое управленіе (bureaux des finances), ведущее свое начало отъ генеральныхъ штатовъ 1355 года. Эта администрація, болѣе спеціальнымъ образомъ, говоритъ авторъ, «ведетъ свое начало отъ финансовыхъ присутствій, которыя выросли на почвѣ отмѣченной финансовой организаціи. Сосредоточенная первоначально въ рукахъ финансовыхъ присутствій провинціальная администрація мало-по-малу переходитъ отъ нихъ къ интендантамъ, въ рукахъ которыхъ разростается, захватывая въ свой кругъ новыя категоріи предметовъ. Съ полномочіями собственно административными, въ которыхъ лежалъ центръ тяжести интендантскаго вѣдомства, соединялся извѣстный кругъ полномочій судебныхъ, образовавшійся на счетъ существующихъ судебныхъ учрежденій. Военныя полномочія были чужды интендантамъ, въ особенности въ позднѣйшую эпоху, когда они окончательно пріобрѣтаютъ чисто гражданскій характеръ. Политическій оттѣнокъ, которымъ отмѣчаются многіе изъ первыхъ интендантовъ, подъ конецъ все болѣе и болѣе стушевывается. Въ общемъ позднѣйшее интендантство имѣетъ характеръ административнаго учрежденія съ легкимъ судебнымъ оттѣнкомъ, но безъ всякаго военнаго характера и почти безъ всякой политической окраски».

Существенныя особенности интендантства, игравшаго въ дореволюціонной Франціи ту же роль, что въ теперешней департаменты, выяснены историкомъ во второй главѣ, носящей названіе «Территоріальныя дѣленія». Здѣсь авторъ, прежде всего, отступаетъ отъ общепринятой терминологіи, чрезвычайно неясной и противорѣчивой. По мнѣнію однихъ, «генеральство» и «интендантство»—двѣ разныя вещи, другіе принимаютъ эти термины лишь за два названія одного и того же учрежденія. Авторъ смотритъ на интендантства, какъ на округи, подвѣдомственные интендантамъ, а на генеральства, какъ на округи, подвѣдомственные финансовымъ присутствіямъ. Взаимное территоріальное отношеніе между этими двумя учрежденіями онъ опредѣляетъ такъ: «большинство интендантствъ совпадали съ генеральствами; изъ остальныхъ интендантствъ большинство не имѣли ничего общаго съ дѣленіемъ на генеральства, прочія же стояли по отношенію къ послѣднимъ въ отношеніи цѣлаго къ части; примѣра обратнаго отношенія, т. е. отношенія интендантства къ генеральству, какъ части къ цѣлому, историческая дѣйствительность не представляетъ». Отъ департаментовъ современной Франціи интендантство отличалось не только тѣмъ, что представляло собою дѣленіе менѣе искусственное, чѣмъ департаментъ, но еще и тѣмъ, что оно было независимо отъ разнаго рода административныхъ дѣленій, стояло особнякомъ отъ этихъ дѣленій.

Административный строй дореволюціонной Франціи г. Ардашевъ сравниваетъ съ подробнымъ планомъ Парижа, производящимъ такое же двойственное впечатлѣніе. Издали—этотъ планъ отличается простотой, правильностью линій, ясностью и отчетливостью. Вблизи—путаница сочетаній разнообразнѣйшихъ линій. Тотъ же видъ представляетъ собою административный строй Франціи стараго порядка. Три учрежденія составляли правительство: король, королевскій совѣтъ и шесть министровъ. Какую же роль играетъ интендантъ? Будучи органомъ генералъ-контролера, онъ игралъ по отношенію къ правительству двоякую роль: «Во-первыхъ, онъ является агентомъ правительства: агентомъ

освѣдомленія съ одной стороны, агентомъ исполненія съ другой; онъ—око и ухо правительства въ одномъ случаѣ, его десница—въ другомъ. Во-первыхъ, интендантъ представляетъ собою делегата правительства, то-есть, такое лицо, которому правительство отдѣлило, «делегировало» извѣстную долю своей собственной власти, предоставивъ провинціальному администратору пользоваться ею по собственному усмотрѣнію и почину. Если трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ ролей преобладаетъ въ дѣятельности интендантовъ, то во всякомъ случаѣ, по сравненію съ современными префектами, интенданты пользовались гораздо большимъ просторомъ въ обоихъ случаяхъ. Какъ делегаты правительства, интенданты располагали гораздо большимъ кругомъ полномочій, чѣмъ префекты; какъ агенты правительства, они находились въ гораздо болѣе независимомъ положеніи по отношенію къ послѣднему, чѣмъ префекты. Причины этой сравнительной независимости лежали, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ людяхъ».

Въ большинствѣ случаевъ интенданты сохраняли долго свои мѣста, стремясь установить «интендантскія династіи». При Людовикѣ XVI, среди его министровъ, было девять бывшихъ интендантовъ, а семеро занимали постъ генералъ-контролера.

Отъ учрежденій авторъ переноситъ насъ къ людямъ, талантливо и остроумно знакомя читателя (глава IV) съ интендантомъ въ своей области и его подчиненными. Интендантъ вначалѣ не только не имѣлъ собственнаго дома, но даже не имѣлъ постоянной резиденціи или постоянной квартиры. Во второй половинѣ XVIII в. интенданты стали обзаводиться отелями, украшающими и теперь многіе изъ провинціальныхъ городовъ Франціи. Эти отели отличаются не только своею монументальностью, но и представительностью. «Прошлый вѣкъ,—говоритъ авторъ,—дорожилъ своею представительностью: онъ не понималъ власти безъ представительности, къ которой такъ равнодушенъ нашъ демократическій вѣкъ. Интендантскій отель настолько же представительнѣе нынѣшней префектуры, насколько самъ интендантъ былъ представительнѣе префекта. Представительность была ему присуща въ двухъ различныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, онъ представлялъ собою личность короля въ провинціи, одинъ ли или рядомъ съ главнокомандующимъ, либо въ извѣстныхъ случаяхъ, съ генералъ-губернаторомъ. Эти послѣдніе имѣли въ этомъ отношеніи преимущество передъ интендантомъ. Съ другой стороны, представительность была присуща интенданту въ качествѣ неотъемлемаго аттрибута власти, какъ ее понимали въ прошломъ вѣкѣ. Въ интендантскихъ отеляхъ офиціальное зодчество прошлаго столѣтія лишь переводитъ на архитектурный языкъ это пониманіе власти, въ данномъ случаѣ—власти провинціальнаго интенданта».

Описывая архитектурную и декоративную представительность элегантныхъ отелей интендантствъ, г. Ардашевъ указываетъ на широкое гостепріимство и хлѣбосольство интенданта, которое шло рука объ руку съ представительствомъ. На исторіи «интендантскихъ отелей» можно прослѣдить исторію самого учрежденія: «интендантъ на постояломъ дворѣ, интендантъ на постоянной квартирѣ, наконецъ интендантъ въ собственномъ домѣ».

Должность интенданта вовсе не была такой доходной, какъ это часто думаютъ, такъ какъ съ нею сопряжены были довольно значительные расходы на представительство. По мнѣнію автора, интендантовъ влекло къ этой должности главнымъ образомъ честолюбіе, а не перспектива наживы.

Подручнымъ чиновникомъ у интенданта былъ субделегатъ (глава V)—учрежденіе, возникшее путемъ административной практики и имѣвшее вначалѣ характеръ временнаго порученія. Авторъ детально выясняетъ отношенія между интендантомъ и субделегатомъ, а также и всѣ функціи послѣдняго, а затѣмъ въ слѣдующихъ трехъ главахъ выясняетъ «ту паутину, въ которой приходилось барахтаться» интендантамъ, поперемѣнно то запутываясь въ ней, то мѣстами прорывая ее, т. е. раскрываетъ отношенія интендантовъ къ единоличнымъ и коллективнымъ учрежденіямъ — главнокомандующимъ въ провинціяхъ, съ представителями духовенства, съ одной стороны, и съ парламентами, коммунальными учрежденіями, какъ городскими, такъ и сельскими, съ другой.

Особенно цѣнна послѣдняя глава изслѣдованія П. Н. Ардашева. Здѣсь, на основаніи новаго архивнаго матеріала, изображенъ интендантъ, какъ администраторъ и судья. Не было какого либо общаго «положенія» относительно круга полномочій интенданта, поэтому для истиннаго знакомства съ характеромъ и предѣлами интендантскихъ полномочій авторъ изучилъ дѣятельность интендантовъ въ ея конкретныхъ проявленіяхъ. Наиболѣе характерную общую черту интендантства представляетъ судебный характеръ интендантства. Замѣчательно, что суду интендантствъ иногда подлежали самыя обыкновенныя дѣла, переносимыя въ «административный судъ» по ходатайству самихъ тяжущихся.

Однако, главная роль интенданта состоитъ не въ судѣ, а въ администраціи. Онъ, до нѣкоторой степени, важное лицо въ области высшей полиціи, будучи иногда вполнѣ самостоятельнымъ и отчасти играя роль помощника главнокомандующаго въ провинціи. Онъ слѣдитъ за «подозрительнымъ» элементомъ населенія—евреями, нищими, бродягами и обращенными протестантами, вмѣшивается въ детали городской и сельской полиціи, надзираетъ за книжной торговлею и книгопечатаніемъ.

Но центръ тяжести его дѣятельности лежитъ въ области государственнаго и народнаго хозяйства, въ дѣлѣ раскладки и взиманія податей и распоряженія казенными суммами. Онъ—«блюститель и охранитель пошлинъ, доходовъ и казны королевской».

Таковы важнѣйшіе вопросы, поставленные, а многіе впервые рѣшенные, на основаніи огромнаго архивнаго матеріала, въ диссертаціи г. Ардашева. Она посвящена крупному вопросу въ исторіи XVIII в., о которой такъ много написано, и представляетъ, несомнѣнно, богатый вкладъ въ нашу историческую литературу. Слѣдуетъ отмѣтить еще то немаловажное обстоятельство, что сочиненіе г. Ардашева написано прекраснымъ языкомъ, читается поэтому легко даже неспеціалистомъ.

К. А.

А. И. Фаресовъ. Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ). Біографія и мои о немъ воспоминанія. (Съ двумя портретами). Спб. 1901.

Имя романиста Михайлова-Шеллера связано у каждаго интеллигентнаго человѣка съ самыми чистыми, прекрасными воспоминаніями. Глубоко гуманныя, искреннія произведенія покойнаго писателя ложились на душу русскаго читателя — именно на душу, на сердце, и, быть можетъ, не одинъ изъ насъ назоветъ его своимъ другомъ-воспитателемъ. Регистръ художественнаго таланта Шеллера былъ не великъ. Творчество его не вызвало тѣхъ художественно-совершенныхъ, законченныхъ образовъ, какіе даны нашими корифеями словесности. Тѣмъ не менѣе, это былъ мастеръ своего дѣла, по языку, по архитектоникѣ романа, по вдумчивому отношенію къ изображаемой дѣйствительности. Шеллеръ — писатель «идейный», пѣвецъ интеллигентныхъ идеаловъ, идеаловъ шестидесятыхъ годовъ. Совершенно вѣрно одинъ критикъ указалъ, что если Шеллеръ недостаточно владѣлъ тайной художественнаго внушенія, зато онъ былъ щедро надѣленъ великимъ даромъ внушенія нравственнаго, способностью волновать сердца не красотою, а совѣстью своего таланта. Вся сила Михайлова — въ благородномъ отношеніи къ жизни. Ему всегда было что сказать, и онъ сказалъ немало въ такихъ произведеніяхъ своихъ, какъ «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ», «Ртищевъ», «Старыя гнѣзда», «Конецъ Бирюковской дачи» и т. д.

Въ высшей степени характерно для покойнаго то смиренное литературное credo, которое онъ произнесъ на своемъ 25-лѣтнемъ юбилеѣ: «Моя роль — роль второстепеннаго литературнаго дѣятеля, дѣлающаго по мѣрѣ силъ и разумѣнія свое дѣло. Я никогда не огорчался, какъ бы ни цѣнили размѣры моего таланта; но я всегда стремился къ тому, чтобы меня не могли упрекнуть за то, что я потакалъ дурнымъ инстинктамъ, пробуждалъ злыя чувства, или мѣнялъ свои взгляды и убѣжденія, и съ этой стороны меня едва ли могутъ упрекнуть даже тѣ, кому вовсе не симпатична моя дѣятельность. По моему убѣжденію, къ этому — и только къ этому — долженъ стремиться каждый второстепенный литературный дѣятель, такъ какъ единственно въ этомъ и состоитъ его сила и значеніе. Не краснѣть въ старости ни за одну написанную въ молодости строку — вотъ высшее благо подобныхъ дѣятелей». Книга г. Фаресова, посвященная, главнымъ образомъ, послѣднимъ днямъ Шеллера, той агоніи, которою закончилась его долгая, труженическая жизнь, написана мѣстами съ нѣкоторой неряшливостью, но въ общемъ чрезвычайно интересна и производитъ потрясающее впечатлѣніе въ той ея части, гдѣ выясняются тѣ поистинѣ каторжныя условія литературнаго творчества, отъ которыхъ не спасаетъ ни долгій, упорный трудъ, ни заслуги, ни громкая извѣстность. Шеллеръ умиралъ «изработавшись», умиралъ одинокій и заброшенный русскимъ обществомъ, въ обстановкѣ крайней матеріальной скудости. Помощь близкихъ, немногихъ друзей не могла, конечно, замѣнить «друга-читателя»... А его-то не было. Не было и на похоронахъ стараго литератора. Два-три человѣка шло за его гробомъ. Да, этотъ писатель, выполнившій съ самоотвер-

женнымъ геройствомъ и доблестью свои нравственныя обязательства передъ русскимъ обществомъ, не дождался, чтобы это общество выполнило свои нравственныя обязательства по отношенію къ нему. Увы, и относительно Шеллера сбылось старое присловье: «писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ» и, «почитывая», не думаетъ, что этимъ онъ вступилъ въ самыя близкія отношенія съ писателемъ, избралъ его, такъ сказать, своимъ духовнымъ отцомъ. Изъ книги г. Фаресова выясняется и то странное на первый взглядъ обстоятельство, что Шеллеръ сидѣлъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», помѣщая тамъ свои послѣднія произведенія, а не шелъ съ ними въ «толстые журналы». Оказывается, что ему тамъ не было мѣста: «Что, если понесешь рукопись, ее примутъ, но затѣмъ, когда она пролежитъ въ редакціи, мнѣ, старому литератору, возвратятъ ее даже безъ объясненій, черезъ секретаря?.. Что, если даже напечатаютъ ее, но съ безсмысленными исправленіями?.. Нѣтъ, ужъ я лучше посижу дома, и кто хочетъ, пусть самъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и проситъ моего участія въ журналѣ». Такимъ образомъ оказывается, что въ русской литературѣ писателю «оканчивающему» не менѣе трудно пристраивать свои произведенія, чѣмъ и писателю «начинающему».

Ник. Энгельгардтъ.

Талмудъ. Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ третій. Изданіе Сойкина. Спб. 1901.

Въ минувшемъ году намъ доводилось уже говорить о серіозномъ трудѣ г. Переферковича, рѣшившагося ознакомить русскую публику съ тѣмъ всестороннимъ кодексомъ жизни евреевъ, что называется Талмудомъ, состоящимъ изъ Мишны и Тосефты—этихъ двухъ основныхъ книгъ еврейскаго ученія, на которыя опираются всѣ дальнѣйшія части Талмуда; весь переводъ будетъ въ шести томахъ; въ настоящее время вышелъ томъ третій, состоящій изъ книгъ 5-ой и 6-ой. Книга Тосефта переводится на европейскій языкъ впервые. Въ средніе вѣка Талмудъ не разъ сжигался тысячами писанныхъ и печатныхъ экземпляровъ, какъ зловредная и еретическая книга. Впослѣдствіи, когда христіанскій міръ ознакомился съ этою таинственною книгой ближе, то хотя и позволено было ее печатать, но съ большими выпусками и даже измѣненіями, на которыя не скупилась цензура инквизиціи. Сами евреи изъ страха преслѣдованій выпускали изъ текста все, что могло подать поводъ къ обвиненію въ нетерпимости. Настоящій русскій переводъ, по словамъ г. Переферковича, даетъ полный и точный текстъ Талмуда (?), критически возстановленный по сохранившимся рукописямъ и неподцензурованнымъ изданіямъ. Собственно, третій томъ трактуетъ всѣ законы, касающіеся женщинъ (или «женъ»)—главнымъ образомъ, законы о союзѣ брачномъ, предусматривающіе малѣйшіе казусы и случаи брачной и семейной жизни; и въ этомъ случаѣ третій томъ представляетъ, по содержанію своему, гораздо большій интересъ, чѣмъ первые два. По внѣшности своей, третій томъ, отпечатанный in-folio, такъ же солиденъ и изященъ, какъ и первые два выпуска.

И. Н. З.

Подвиги русскихъ адмираловъ. М. А. Лялиной. Съ 33 рис. Изданіе Девріена. Спб. 1901.

М. А. Лялина давно уже занимается популяризаціей полезныхъ свѣдѣній для юношества и вообще для людей, стремящихся къ самообразованію. Всѣ ея компиляціи отличаются добросовѣстностью, умѣньемъ извлечь изъ источниковъ все существенное и излагать предметы живо и вполнѣ доступно для читателей. Она прекрасно популяризировала путешествія Пржевальскаго по восточной и центральной Азіи, Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи, Сѣверцева и Федченки по Туркестану, извлекла подъ заглавіемъ «Русскіе мореплаватели» изъ старинныхъ путешествій все то, что можетъ быть интересно и въ настоящее время. Труды ея удостоились серебряной медали отъ Географическаго общества и одобрены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, что служитъ лучшей ихъ рекомендаціей. Теперь г-жа Лялина составила новую компиляцію «Подвиги русскихъ адмираловъ» такъ же добросовѣстную, какъ и предыдущія. Въ этой книгѣ популярно описаны морскіе подвиги Петра Великаго, адмираловъ Спиридова, Ушакова, Сенявина, графа Гейдена, Казарскаго, Лазарева, Корнилова и Нахимова. Въ яркихъ очеркахъ проходятъ предъ читателемъ эти герои русской морской исторіи, и знакомство съ характерами и дѣятельностью такихъ замѣчательныхъ людей можетъ только возвышать душу и благотворно вліять на развитіе юношества. Но не одни юноши, а и всѣ, кто пожелаетъ воскресить въ своей памяти славныя страницы прошлаго, будутъ вполнѣ удовлетворены книгой г-жи Лялиной, которая заслуживаетъ вниманія, какъ по содержанію, такъ и по внѣшнему виду: она напечатана четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, съ недурно исполненными портретами и иллюстраціями. О. Ш.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ двѣнадцати томахъ подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томы II и III. Спб. 1901.

О новомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго была уже помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ» подробная статья профессора Корсакова, такъ что намъ остается лишь коснуться содержанія вышедшихъ томовъ. Помимо нѣсколькихъ статей, большую часть ихъ составляютъ рецензіи, хорошо рисующія составъ литературы 30-хъ годовъ и самого автора, находившагося тогда всецѣло подъ вліяніемъ кружка Станкевича (это вліяніе замѣтно и на первоначальномъ отношеніи Бѣлинскаго къ Пушкину; см. также по поводу «развѣнчанія» Бенедиктова примѣчаніе 311 во II томѣ); ярко сказываются здѣсь всѣ отличительные признаки таланта Бѣлинскаго, крайняя его впечатлительность, позволяющая ему ставить Скриба выше В. Гюго, или, по поводу какой либо пустѣйшей книжки, волноваться не меньше, чѣмъ по поводу величайшихъ произведеній всемірной литературы (см. прим. II т. 166—167), и наряду съ тѣмъ геніальная проницательность, благодаря которой онъ первый понялъ и указалъ значеніе Гоголя для русской литературы (даже Пушкинъ, несмотря на все

свое критическое чутье, сквозь «видимый смѣхъ» Гоголя недостаточно понялъ его «незримыя слезы»—см. т. II, стр. 186 и прим. т. II, 257). Въ иномъ родѣ, но тотъ же характеръ носятъ помѣщенныя въ III томѣ знаменитыя статьи о Мочаловѣ, эта «дерзкая и неудачная попытка», которая, однако, по справедливому замѣчанію Венгерова, «навсегда удержала въ памяти русскаго искусства имя Мочалова». Для міросозерцанія Бѣлинскаго въ эти годы преклоненія его передъ «разумной дѣйствительностью», «примиренія» и «просвѣтленной гармоніи», очень характерна (впервые появившаяся въ этомъ изданіи) небольшая рецензія о проникнутой самыми крѣпостническими тенденціями «Ручной Библіотекѣ» А. Тейльса. Самое сочетаніе словъ: Бѣлинскій и крѣпостникъ, является какимъ-то абсурдомъ, но, какъ говоритъ г. Венгеровъ, въ этомъ отношеніи упомянутая рецензія характеризуетъ настроеніе Бѣлинскаго въ то время лучше, чѣмъ его знаменитая статья о «Бородинской годовщинѣ». Вообще это изданіе Бѣлинскаго, по своей полнотѣ и критическому отношенію автора примѣчаній, благодаря чему является возможность шагъ за шагомъ слѣдить за ростомъ таланта геніальнаго критика, является дѣйствительно рѣдкимъ въ нашей литературѣ. **А. Никитинскій.**

Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1900.

Превосходное сочиненіе Гроссе заслуживаетъ глубокаго вниманія. Нѣмецкій историкъ далъ первый опытъ опредѣленія того, какъ возникаетъ искусство, разсматривая свой вопросъ съ точки зрѣнія соціологической. Онъ различаетъ два направленія во всѣхъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ объ искусствѣ—историческое и философское. Задача науки объ искусствѣ, которую составляютъ исторія и философія искусства вмѣстѣ, заключается «въ описаніи и объясненіи явленій, входящихъ въ область, называемую искусствомъ», и задача эта является въ двухъ видахъ—въ формѣ индивидуальной и соціальной. Первая форма покоится на психологической основѣ, вторая — на соціологической.

Соціологическая форма изученія далеко не нова, во Франціи опытъ соціологіи искусства былъ блестяще произведенъ Тэномъ, главное положеніе которой состоитъ въ томъ, что произведеніе искусства опредѣляется совокупностью общаго настроенія и нравовъ окружающей среды. Эннекенъ подвергъ жестокой критикѣ философію искусства Тэна. Соціологическое настроеніе искусства проведено и у Гюйо, который въ искусствѣ видѣлъ функцію соціальнаго организма, имѣющую очень важное значеніе для благосостояннія организма и его дальнѣйшаго развитія. Разсматривая всѣ эти теоріи, Гроссе приходитъ къ тому выводу, что плоды соціологическихъ изслѣдованій въ области искусства довольно скудны. Причина этого заключается въ томъ, что наука объ искусствѣ до сихъ поръ стояла на ложномъ пути. Всѣ соціологическія науки, доказываетъ Гроссе, поняли громадное значеніе недавно выросшей этнологіи—лишь наука объ искусствѣ игнорируетъ ее. Тэнъ имѣлъ въ виду только искусство образованныхъ европейскихъ народовъ. Начинаютъ изученіе сверху—и

въ этомъ крупная ошибка. Необходимо считаться съ богатѣйшимъ этнологическимъ матеріаломъ. По мнѣнію Гроссе, «научная разработка искусства должна быть распространена на всѣ народы; прежде всего на тѣ группы народностей, которыя до сихъ поръ болѣе игнорировались. Сами по себѣ всѣ формы искусства имѣютъ одинаковое право на наше вниманіе, но при данныхъ условіяхъ не всѣ обѣщаютъ одинаковую жатву. Наука объ искусствѣ сейчасъ еще не въ силахъ рѣшать свои задачи въ труднѣйшемъ видѣ. Если мы хотимъ когда нибудь достичь научнаго вниманія искусства культурныхъ народовъ, мы должны сперва проникнуть въ сущность и условія развитія первобытнаго искусства. Прежде, чѣмъ рѣшать проблемы высшей математики, надо выучить таблицу умноженія. Вотъ почему самая близкая и настоятельная задача соціологическаго изученія искусства состоитъ въ изслѣдованіи первобытнаго искусства первобытныхъ народовъ».

А для этого нужно обратиться къ этнологіи — она можетъ представить намъ цѣлый рядъ первобытныхъ народовъ въ полномъ свѣтѣ современности. Вотъ точка зрѣнія Гроссе. Онъ требуетъ, чтобы прежде всего изслѣдовать художественныя произведенія низшихъ племенъ, хотя это и очень трудная задача. Намъ кажутся смѣшными, говоритъ онъ, «нескладные рисунки художника-негра, но развѣ это доказываетъ, что такъ же дѣйствуютъ или должны дѣйствовать они на его собратій по культурѣ? Мы смѣемся надъ уморительною фигурой, нарисованною пятилѣтнимъ европейскимъ мальчикомъ на своей грифельной доскѣ, но маленькій художникъ чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ нашею веселостью, такъ какъ въ его глазахъ рисунокъ вовсе не комическая карикатура, а серіозное изображеніе внушительнаго воина».

Вотъ почему искусство какого нибудь народа можно понять лишь въ связи съ культурнымъ развитіемъ самого народа, а первобытная культура, хотя и далека отъ насъ, но она же и наиболѣе проста. Намъ легче понять дикаго австралійца, чѣмъ цивилизованнаго китайца.

Прежде чѣмъ изучать искусство первобытныхъ народовъ, Гроссе устанавливаетъ свою точку зрѣнія на понятіе о первобытномъ народѣ. Онъ вноситъ поправку въ извѣстное опредѣленіе Ратцеля, разграничивая расы и народы и выдѣляя значеніе формы хозяйства для культуры и вліяніе ея на развитіе семьи и религіи. Первобытными народами онъ называетъ тѣ народы, которые добываютъ себѣ пищу первобытнымъ способомъ, т.-е. охотой и собираніемъ растеній. Въ своемъ изслѣдованіи онъ ограничивается исключительно охотничьими племенами, привлекая лишь для сравненія произведенія искусства болѣе развитыхъ народовъ.

Разсматривая искусство первобытныхъ людей, какъ соціальное явленіе, Гроссе разсматриваетъ отдѣльныя искусства, начиная съ пластическихъ искусствъ. Первобытною формой пластическаго искусства служитъ искусство украшенія дикаремъ своего тѣла, а затѣмъ уже утвари и оружія. Отъ косметики и орнаментики Гроссе переходитъ къ первобытнымъ произведеніямъ свободной пластики, къ скульптурѣ и живописи. Переходомъ къ поэзіи и музыкѣ служатъ танцы—«живая картина», здѣсь особенно рельефно можно выяснить понятіе о соціальной роли искусства. Пѣніе — соединительное звено между

пляской и поэзіей. Заканчивается обзоръ искусствъ, сдѣланный Гроссе, музыкой.

Въ высшей степени логично и стройно проводитъ нѣмецкій ученый свои доказательства. Наблюденія его надъ всѣми родами искусства у первобытныхъ народовъ приводятъ къ тому положенію, что большая часть художественныхъ произведеній первобытныхъ народовъ возникаетъ не изъ чисто эстетическихъ стремленій, но также изъ практическихъ мотивовъ, а эстетическія потребности удовлетворяются попутно. Первобытный орнаментъ возникъ первоначально не какъ украшеніе, а какъ мѣтка, имѣвшая и практическое значеніе, и символическое. Только одного вида искусства нѣтъ у первобытныхъ народовъ—художественной архитектуры. Въ своемъ изслѣдованіи Гроссе доказалъ, что эстетическое удовольствіе опредѣляется общими для всѣхъ людей условіями. Не довольствуясь изученіемъ особенныхъ формъ первобытнаго искусства, онъ раскрываетъ тѣ условія, отъ которыхъ эти стороны зависятъ. Онъ доказываетъ, что потребность въ художественномъ творчествѣ нисколько не обязана особеннымъ культурнымъ условіямъ. «Нѣтъ народа безъ искусства», восклицаетъ Гроссе. «Мы видѣли», говоритъ онъ, «что даже самыя грубыя и жалкія племена посвящаютъ искусству значительную часть своего времени и своихъ силъ,—тому искусству, на которое цивилизованные народы, съ высоты своихъ практическихъ и научныхъ пріобрѣтеній, все еще смотрятъ, какъ на пустую игру. Но именно съ точки зрѣнія современной науки и является совершенно невообразимымъ, чтобы функція, на которую затрачивается такое громадное количество силъ, не имѣла никакого значенія для сохраненія развитія соціальнаго организма. Если бы энергія, расходуемая на художественное творчество и эстетическое наслажденіе, была совершенно потеряна для серіозныхъ и существенныхъ задачъ жизни, если бы искусство дѣйствительно было только пустою игрой, то естественный подборъ, безъ сомнѣнія, давно уже выкинулъ бы, какъ негодныя, націи, расточающія свои силы столь непроизводительно, и выдвинулъ впередъ народы, одаренные болѣе практически; тогда искусству было бы невозможно такъ богато и пышно развиться, какъ оно развивалось въ дѣйствительности. Мы должны были поэтому напередъ быть увѣрены въ томъ, что первобытное искусство, кромѣ своего непосредственнаго эстетическаго значенія, имѣетъ для кочевыхъ народовъ еще и значеніе практическое, а результаты нашихъ изысканій подтвердили это положеніе».

Великое значеніе искусства заключается въ томъ, что оно закрѣпляетъ и расширяетъ общественную связь, и по мѣрѣ культурнаго развитія одно искусство уступаетъ свое значеніе другому: такъ, танцы смѣняются поэзіей.

Въ искусствѣ Гроссе видитъ общественную дѣятельность, а служитъ общественнымъ интересамъ оно тогда будетъ лучше всего, когда оно служитъ интересамъ художественнымъ. Переводъ сочиненія Гроссе сдѣланъ очень хорошо.

М. Флеровъ.

Русское государственное право Н. М. Коркунова, доктора государственнаго права. Томъ II. Часть особенная. Выпускъ 1-й и 2-й. Изданіе третье. Спб. 1901.

Русское государственное право Н. М. Коркунова, выходящее уже третьимъ изданіемъ, завоевало себѣ заслуженную извѣстность въ юридической литературѣ. Въ нашей замѣткѣ мы остановимся лишь на болѣе характерныхъ разногласіяхъ труда г. Коркунова съ другими цивилистами. Такъ, г. Коркуновъ, вопреки господствующему воззрѣнію, указываетъ, что и въ Россіи, при абсолютномъ образѣ правленія, возможно провести «различіе законодательства и управленія», и что, несмотря на нѣкоторыя отступленія (см., напримѣръ, стр. 245—249), самый сводъ законовъ, особенно основные законы и учрежденіе государственнаго совѣта, подтверждаютъ это стремленіе раздѣлить «проявленіе верховной власти въ порядкѣ законодательномъ и въ порядкѣ управленія» (стр. 12-я и слѣд.). Съ другой стороны, въ противоположность общеустановившемуся въ нашей юридической литературѣ мнѣнію объ ограничительномъ значеніи государственнаго совѣта (до его реформы въ 1842 г.), г. Коркуновъ утверждаетъ, что съ самаго своего основанія совѣтъ не имѣлъ такого значенія (см., особенно, стр. 72, объ извѣстной формулѣ: «внявъ мнѣнію государственнаго совѣта»). Равнымъ образомъ авторъ расходится съ Градовскимъ въ вопросѣ о правѣ законодательнаго почина; Градовскій считаетъ это право даже «необходимой принадлежностью неограниченной монархіи»; другіе юристы (Романовичъ-Словатинскій, Сокольскій, Алексѣевъ) дѣлаютъ тотъ же выводъ изъ разсмотрѣнія русскаго законодательства. Между тѣмъ г. Коркуновъ не безъ основанія доказываетъ, что еще и до сихъ поръ это право (хотя и ограниченное) сохраняется за сенатомъ и за святѣйшимъ синодомъ (для церковнаго законодательства). До 1890 г. у насъ существовало даже право для каждаго «обращаться къ верховной власти съ предположеніями объ изданіи новыхъ законовъ» (петиціями — въ конституціонныхъ государствахъ). Уничтоженіе этого «очень драгоцѣннаго права частныхъ лицъ представлять верховной власти законопроекты—говоритъ авторъ—прошло у насъ совершенно незамѣченнымъ». Отмѣтимъ еще главы, посвященныя вопросамъ самоуправленія, коротко, но обстоятельно написанныя, и отдѣлъ объ «обезпеченіи законности управленія». По поводу послѣдняго замѣчательно то, что еще въ извѣстномъ «учрежденіи о губерніяхъ» 1775 г. на такъ называемый «совѣстный судъ» возлагалась охрана личной свободы (ст. 401: «Буде кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, и въ тѣ три дни ему не объявлено, за что содержится въ тюрьмѣ, или что онъ въ тѣ три дни не допрашиванъ, тогда совѣстный судъ, не выходя изъ присутствія, долженствуетъ послать повелѣніе, чтобы таковый содержащійся въ тюрьмѣ, буде содержится не въ оскорбленіи особы императорскаго величества, не по измѣнѣ, не по смертоубійству, не по воровству или разбою, былъ присланъ и представленъ въ совѣстный судъ обще съ прописаніемъ причинъ, для которыхъ содержится подъ стражею, или не допрашиванъ»... и т. д. Совѣстный судъ въ случаѣ основательности жа-

лобы долженъ былъ освободить жалобщика на поруки). Любопытна также страничка изъ исторіи нашего сената въ началѣ царствованія Александра I (см. стр. 525—529). **А. И. Н—ій.**

А. Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. М. 1901.

По исторіи семьи не только въ иностранной, но и въ русской литературѣ существуетъ обширная литература, доступная по своему изложенію читателю-неспеціалисту. Авторъ книги, заглавіе которой выше выписано, задался цѣлью свести различныя противоположныя мнѣнія о происхожденіи семьи и дать ихъ оцѣнку. Эту задачу онъ исполняетъ въ шести главахъ, изъ которыхъ первая разсматриваетъ безпорядочное смѣшеніе половъ и его переживанія; вторая—систему родства и групповой бракъ; третья — поліандрію, левиратъ, полигамію; четвертая—материнское право; пятая—экзогамію и шестая—способы заключенія брака. Современная семья до недавняго времени считалась въ ея основныхъ чертахъ существовавшей съ самаго начала; представители такихъ взглядовъ основывались на формахъ жизни, извѣстныхъ у древнихъ римлянъ и въ библіи. Разросшаяся семья, по ихъ мнѣнію, образовала родъ, а соединеніе родовъ,—племя или государство, которое первоначально держалось на принципѣ кровнаго родства и только впослѣдствіи приняло принципъ территоріальности. Для древнѣйшей семьи наиболѣе характерной считалась patria potestas, неограниченная власть отца семьи надъ всѣми ея членами и агнатическое родство, т. е. родство только черезъ мужскихъ предковъ отъ одного общаго родоначальника. Признаніе когнатическаго родства, основывающагося на происхожденіи отъ одной супружеской четы, независимо отъ пола лицъ, черезъ посредство которыхъ передается родство, есть продуктъ сравнительно поздняго времени. Теорія патріархальнаго быта вызвала полный протестъ со стороны швейцарца Бахофена, знаменитое произведеніе котораго «Материнское право» (Das Mutterrecht) появилось въ 1861 г. одновременно съ «Древнимъ правомъ» Мэна, формулировавшаго патріархальную теорію. Бахофенъ на патріархальную семью смотритъ, какъ на продуктъ долгаго историческаго развитія, первоначальной стадіей котораго является гетеризмъ или отсутствіе постоянныхъ прочныхъ связей между мужчиной и женщиной. При гетеризмѣ дѣти естественно принадлежали только матери, и родство считалось по женской линіи. Побѣда въ религіи мужского начала, выразителемъ котораго былъ Аполлонъ, надъ женскимъ съ его представительницей Деметрой (т. е. побѣда религіи солнца надъ религіей луны) привела къ паденію материнскаго права и къ замѣнѣ его отцовскимъ. Эту теорію поддержалъ, независимо отъ Бахофена, своими выводами Макъ-Леннанъ («Primitive marriage»). Разница въ его взглядахъ отъ Бахофена заключается въ томъ, что онъ признаетъ лишь материнскую филіацію или, какъ онъ выражается, «систему родства черезъ женщинъ». Этому явленію онъ приписываетъ опредѣленную причину, а именно невозможность опредѣлить съ достаточною полнотою происхожденіе ребенка отъ того

или другого отца. Переходныя стадіи въ развитіи семьи онъ рисуетъ такъ: недостатокъ средствъ существованія вынуждалъ первобытныя племена сокращать число безполезныхъ ѣдоковъ и убивать дѣвочекъ, благодаря чему создавалось крупное несоотвѣтствіе въ численности половъ, ведущее къ двумъ крупнымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны явилась необходимость доставать женъ извнѣ, изъ чужихъ племенъ, и такъ какъ браки съ чужеплеменницами были гораздо чаще браковъ съ женщинами своего племени, то противъ послѣднихъ браковъ образовалось сильное предубѣжденіе, вылившееся въ форму экзогаміи, т. е. запрещенія браковъ внутри своего племени. Доставать женъ изъ чужихъ племенъ можно было только насильственнымъ путемъ, и, благодаря этому, возникаетъ бракъ захватомъ. Захватъ въ видѣ символа удержался даже тогда, когда развитіе мирныхъ сношеній между племенами устранило необходимость добывать женъ насильственнымъ путемъ. Съ другой стороны, вызванная убійствомъ дѣвочекъ неодинаковая численность половъ привела къ поліандріи или браку одной женщины съ нѣсколькими мужчинами, въ чемъ можно видѣть первичное ограниченіе промискуитета, т. е. безпорядочнаго смѣшенія половъ. Болѣе ранняя форма поліандріи это—та, когда мужья одной женщины не родственники между собою, и когда общая жена не покидаетъ родительскаго дома, а принимаетъ въ немъ своихъ мужей. Затѣмъ выработалась другая форма: мужья одной жены — братья между собою и берутъ жену къ себѣ въ домъ. Остаткомъ позднѣйшей формы Макъ-Леннанъ и Бахофенъ считаютъ левиратъ, т. е. обязанность деверя жениться на вдовѣ покойнаго брата. Съ возникновеніемъ братской поліандріи становится возможнымъ переходъ къ отцовской филіаціи, такъ какъ становится достовѣрнымъ происхожденіе ребенка, если не отъ одного опредѣленнаго отца, то, по крайней мѣрѣ, отъ группы родственныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что при малолѣтствѣ младшихъ братьевъ фактическимъ супругомъ общей жены могъ быть только старшій братъ. Третьимъ представителемъ матріархальной теоріи былъ американецъ Льюсъ Морганъ. Признавая безпорядочное половое смѣшеніе начальной стадіей развитія, онъ послѣдующія, переходныя формы изображаетъ въ видѣ группового брака, совмѣщающаго въ себѣ и поліандрію (многомужество) и полигамію (многоженство) и постепенно преобразовывающуюся въ парную семью. Матріархальная теорія быстро распространилась и была усвоена Леббокомъ, Жиро, Тельномъ, Бастіаномъ, Спенсеромъ, Зиберомъ, Каутскимъ, Липпертомъ, Ковалевскимъ и др., хотя и взгляды ихъ часто взаимно противорѣчатъ. Переживанія въ жизни древнѣйшихъ представителей цивилизаціи давали имъ сильное оружіе противъ приверженцевъ патріархата. Изъ послѣднихъ новѣйшіе изслѣдователи Старке, Вестермаркъ и др., обратившись также къ этнографіи, подвергли критикѣ положенія матріархальной теоріи. Авторъ названной книги касается этихъ любопытныхъ вопросовъ первоначальной стадіи развитія семьи и на основаніи существующей литературы устанавливаетъ современное положеніе теоріи матріархата и патріархата.

А. Хах—овъ.

Вопросы философіи и психологіи. Январь—февраль (книга 56). Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Владимира Сергѣевича Соловьева. Москва. 1901.

При всѣмъ извѣстной склонности русскихъ людей «пофилософствовать», Россія далеко не богата философами,—напротивъ, даже очень бѣдна ими. Особенно же мало у насъ философовъ самобытныхъ, оригинальныхъ. Русская философская мысль, какъ и вся почти наша культура вплоть до послѣдняго времени, была большею частью подражательною, являлась простымъ отголоскомъ западно-европейскихъ философскихъ теченій: то германской метафизики, то нѣмецкаго же матеріализма, то французскаго позитивизма, то, наконецъ, англійскаго эмпиризма. Представителей самобытной, собственно русской философіи мы насчитаемъ очень и очень немного. Тѣмъ съ бо́льшимъ ореоломъ встаетъ предъ нами замѣчательная личность покойнаго Владимира Сергѣевича Соловьева, этого, безспорно, вполнѣ самобытнаго русскаго философа. По мнѣнію г. Л. Лопатина, Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ былъ даже «первымъ русскимъ дѣйствительно самобытнымъ философомъ, подобно тому, какъ Пушкинъ былъ первый русскій народный поэтъ». Но съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться: уже цѣлое столѣтіе тому назадъ Россія имѣла такого философа, какъ Гр. С. Сковорода (въ жизни и дѣятельности котораго, кстати замѣтить, проф. Сикорскій справедливо находитъ такъ много общаго съ судьбою В. С. Соловьева).

«Для безпристрастнаго и всесторонняго суда надъ философскою дѣятельностью В. С. Соловьева,—какъ вѣрно замѣчаетъ г. Лопатинъ,—время еще не настало». Съ теченіемъ времени его философской системѣ и литературной дѣятельности вообще будетъ посвящена, вѣроятно, не одна монографія. Теперь же, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти В. С. Соловьева, всецѣло посвященная его памяти книжка русскаго философскаго журнала представляетъ собою какъ бы вѣнокъ русскихъ мыслителей на могилу покойнаго философа. Здѣсь мы находимъ большею частью рѣчи, читанныя въ засѣданіяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго философскаго обществъ (3-го декабря 1900 и 2-го февраля 1901 года). Полной и всесторонней оцѣнки литературная дѣятельность В. С. Соловьева здѣсь себѣ не нашла, да и не могла найти уже по одному тому, что она слишкомъ разнообразна. Въ лицѣ В. С. Соловьева мы имѣли «философа и поэта, литературнаго критика и публициста, ученаго философа и богослова, моралиста, проповѣдника, историка и эстетика», словомъ, «онъ былъ столь же универсаленъ въ области умственнаго творчества, какъ его любимый поэтъ Пушкинъ—въ области творчества поэтическаго» (князь Трубецкой).

Двѣ статьи «Сборника» принадлежатъ самому почившему автору: это—его рефератъ, читанный въ засѣданіи Московскаго психологическаго общества 19-го октября 1891 года (о христіанствѣ) и содержаніе его рѣчи, произнесенной на высшихъ женскихъ курсахъ 13-го марта 1881 года. Изъ статей о В. С. Соловьевѣ бо́льшая часть посвящена, естественно, его философской системѣ. Здѣсь мы находимъ прежде всего рѣчь проф. А. Введенскаго «о мисти-

цизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева», гдѣ разсматриваются гносеологическія воззрѣнія покойнаго философа. Какъ гносеологъ, Вл. С. Соловьевъ былъ представителемъ мистицизма,—и въ этомъ одна изъ главныхъ заслугъ его въ этой области философскаго знанія. Въ основу познаванія Соловьевъ полагалъ непосредственное внутреннее или «религіозное» воспріятіе; предметъ этого воспріятія—Божество, или Сущее, Всеединое—является основаніемъ всей его философской системы. До Соловьева мистицизмъ въ философіи «легкомысленно отрицали»; Соловьевъ заставилъ относиться къ мистицизму научно, критически. Но основать мистическую философскую школу нашему философу не удалось: преждевременная смерть помѣшала ему подробнѣе разработать свою теорію мистицизма; эту работу онъ завѣщалъ своимъ преемникамъ на поприщѣ философской мысли. Гносеологическій мистицизмъ Соловьева—не чистый мистицизмъ; онъ стоитъ въ тѣсной и органической связи съ новѣйшимъ критицизмомъ, въ частности—съ критическою философіею Канта.

Л. М. Лопатинъ изображаетъ въ общихъ чертахъ все «философское міросозерцаніе Вл. С. Соловьева». Онъ готовъ считать этого философа «самымъ оригинальнымъ за послѣднія 25 лѣтъ философомъ во всей Европѣ». Философія Соловьева шла совершенно въ разрѣзъ съ современными теченіями западно-европейской философіи; въ этой послѣдней онъ усматривалъ «долгій болѣзненный кризисъ» и боролся съ нею. Пережившій въ юности одностороннія и крайнія точенія тогдашняго матеріализма Соловьевъ выступилъ на арену литературно-философской дѣятельности съ убѣжденіями спиритуалиста, мистика и метафизика и выступилъ какъ разъ въ то время (1873 г.), когда «мистицизмъ и философія стали почти бранными словами». И послѣ, въ теченіе всей своей 27-лѣтней дѣятельности, какъ философъ-мыслитель, Соловьевъ былъ «одинокимъ» и на родинѣ, и во всей Европѣ. Его міросозерцаніе поражаетъ насъ своею широкою постановкою; въ высшей степени оригинальное, оно подъ обычныя рубрики совсѣмъ не подходитъ. Главные пункты его философіи: 1) идея внутренней духовности существующаго (въ чемъ Соловьевъ примыкаетъ къ Платону), 1) идея абсолютнаго всеединства и 3) идея Богочеловѣчества. Ни на сторону реализма, ни на сторону раціонализма онъ не склоняется, а ищетъ истины по срединѣ этихъ двухъ крайнихъ точекъ зрѣнія...

Главное значеніе Соловьева въ исторіи философіи состоитъ въ томъ, что онъ «указалъ, въ какомъ направленіи нужно искать положительной истины, и далъ высокіе, вдохновляющіе образцы ея самоотверженнаго исканія. Въ эпоху утомленія философской мысли, ея печальнаго невѣрія въ себя, Соловьевъ высоко поднялъ знамя независимой философіи и безтрепетною рукою держалъ его до послѣднихъ дней своей жизни. Въ эпоху, когда сознаніе огромнаго большинства образованныхъ людей, измученное жизненными и теоретическими противорѣчіями, безпомощно рвалось за разными блуждающими огнями, смѣняя одинъ за другимъ неудовлетворявшіе его идеалы, онъ одинъ съ неукротимою энергіею своего бодраго ума звалъ къ настоящему свѣту, но немногіе пошли за нимъ.

Рѣчь князя С. Н. Трубецкого посвящена «основному началу ученія В. С. Соловьева». Это начало князь Трубецкой видитъ въ «религіозной философской

идеѣ». Эта именно идея, жизненное начало христіанства, будучи основною идеею метафизики, этики и эстетики Соловьева, сообщаетъ его системѣ, на первый взглядъ, «крайне причудливой и даже фантастической»,—замѣчательную цѣльность и единство. Религіозною христіанскою идеею проникнута не только философія Соловьева, но и вся его личность. Это былъ глубоко вѣрующій христіанинъ, своего рода «пророкъ»; онъ «признавалъ свою дѣятельность религіознымъ служеніемъ и вѣрилъ въ свою религіозную миссію»...

Этикѣ В. С. Соловьева,—самой существенной и наиболѣе разработанной имъ части его философской системы,—особой статьи въ «Сборникѣ» не посвящено, но очень тѣсно связанный съ его моральною системою вопросъ объ «идеѣ права въ философіи В. С. Соловьева» подробно разсмотрѣнъ въ рѣчи П. Новгородцева. Эстетическія воззрѣнія Соловьева разсмотрѣны въ статьѣ Г. Рачинскаго «Взглядъ В. С. Соловьева на красоту».

Самой личности В. С. Соловьева, какъ человѣка, посвящена небольшая статья А. Перовскаго: «Памяти В. С. Соловьева». Г. Перовскій называетъ Соловьева «подвижникомъ», но это былъ подвижникъ не суровый, отчужденный отъ міра, а «близкій и доступный всѣмъ, кому онъ былъ нуженъ». Никогда не принадлежа вполнѣ ни къ какому лагерю, Соловьевъ шелъ «дорогою свободной», неуклонно преслѣдуя свои цѣли. А цѣлью его было—«служеніе добру»; вся жизнь Соловьева представляетъ собою «рѣдчайшій примѣръ практическаго осуществленія убѣжденій и вѣрованій человѣка».

Статья г. Ф. Геца «Объ отношеніи В. С. Соловьева къ еврейскому вопросу» дополняетъ характеристику его личности новыми интересными чертами. Князь Д. Цертелевъ въ своемъ прочувствованномъ стихотвореніи «Памяти В. С. Соловьева» грустить о разлукѣ съ философомъ...

Въ періодъ философско-литературной дѣятельности В. С. Соловьева въ философскомъ направленіи русскаго общества произошелъ рѣзкій переворотъ. Во время выступленія Соловьева въ качествѣ писателя, К. Д. Кавелинъ такъ характеризовалъ современное положеніе философіи: «Философія въ полномъ упадкѣ. Ею пренебрегаютъ, надъ нею глумятся. Она рѣшительно никому не нужна. Всего хуже то, что мы теперь видимъ не борьбу противъ той или другой философской доктрины, а совершенное равнодушіе къ самой философіи. Философія до сихъ поръ не опровергнута въ своихъ началахъ, а просто отброшена, какъ ненужная вещь». «Теперь,—говоритъ Введенскій про наше время,—совсѣмъ не то: повсюду ясно видно сильнѣйшее уваженіе къ философіи, искреннѣйшее желаніе относиться строго научно ко всѣмъ философскимъ вопросамъ». Конечно, главныя причины этой перемѣны лежатъ глубоко, въ основаніяхъ всей исторической жизни націи. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь сказалось также вліяніе литературно-философской дѣятельности В. С. Соловьева, будившей умы современниковъ и раскрывавшей предъ ними великое значеніе философской мысли. И въ этомъ вліяніи, быть можетъ, заключается главная заслуга предъ родиною покойнаго философа. **Д. З—нъ.**

Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Подъ общей редакціей М. М. Филиппова. Изданіе Сойкина. Спб. 1901.

Довольно почтенныхъ размѣровъ книга эта, съ приложенными къ ней 300 портретами «выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей», задумана очень кстати: девятнадцатый вѣкъ только что минулъ, и, слѣдовательно, можно подводить ему и итоги; но при этомъ, конечно, необходимо, чтобы итоги эти были вѣрные и захватывали бы собою, дѣйствительно, тѣ отрасли техники, знаній, а равно и событія, которыми былъ такъ чреватъ минувшій вѣкъ.

Слѣдуетъ отдать справедливость г. Филиппову, что принятый имъ на себя трудъ выполненъ довольно тщательно, если принять въ соображеніе, что всего на 27-ми печатныхъ листахъ онъ долженъ былъ суммировать все то, о чемъ гласитъ много обѣщающая обложка книги. Правда, дешевизна этой книги—стóитъ она 2 рубля—оправдываетъ отчасти ту сжатость и тѣ—иногда, очевидные—пропуски, которые замѣчаются въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги. Такъ, напримѣръ, «установленію ученія объ эволюціи организмовъ» отведено четыре печатныхъ листа, а колоссальнымъ успѣхамъ химіи и электричеству въ минувшемъ вѣкѣ отведено, наоборотъ, очень скромное мѣсто въ отдѣлѣ «естественныя науки въ эпоху открытія принципа энергіи».

Приложенные къ книгѣ портреты оставляютъ желать много лучшаго въ своемъ исполненіи: вѣдь въ настоящее время не только фото-литографія и фототипія, но даже и цинкографія ушли далеко впередъ; а потому слѣдовало бы избирать одно изъ двухъ—или дать хорошо, или совсѣмъ не давать. Еще болѣе странными являются «краткія біографическія свѣдѣнія», приложенныя къ этимъ «портретамъ», помѣщенныя въ той же книгѣ. Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ, напримѣръ, что Наполеонъ I совершилъ свой знаменитый итальянскій походъ въ 1776 году (т. е. семи лѣтъ отъ роду), что М. Д. Скобелевъ «въ 1881 году былъ назначенъ минскимъ губернаторомъ», что писатель Глѣбъ Успенскій отличается «глубиною анализа и безстрашнымъ (?) реализмомъ», словно есть еще и пугливый реализмъ... При этомъ, въ цифрѣ 300 писателей и общественныхъ дѣятелей минувшаго вѣка отсутствуютъ многія крупныя личности, какъ, напримѣръ: Д'Израэли (лордъ Биконсфильдъ), графъ Лорисъ-Меликовъ, С. П. Боткинъ, К. П. Побѣдоносцевъ, А. Н. Пыпинъ, А. С. Суворинъ и мн. др. Жаль, что почтенный редакторъ-труженикъ не успѣлъ, повидимому, провѣрить пристегнутыя къ его книгѣ эти «біографическія свѣдѣнія», составленныя, очевидно, человѣкомъ малосвѣдущимъ и, вдобавокъ, тенденціознымъ.

И. Н. З.

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Посмертный трудъ печатанъ подъ наблюденіемъ Н. Собко. Въ двухъ томахъ. Изданіе Р. Голике. Спб. 1901.

Съ истиннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ посмертнаго труда покойнаго Д. А. Ровинскаго, переработаннаго имъ въ послѣдній годъ жизни изъ V и отчасти IV тома его перваго изданія «Русскихъ народ-

ныхъ картинокъ», вышедшихъ въ 1881 г., въ 9 томахъ, изъ которыхъ четыре заключали въ себѣ 1.780 картинокъ, а пять представляли объяснительный къ нимъ текстъ, на 2.880 страницахъ большого in 8°. Изданіе это въ настоящее время все распродано, и появленіе новаго, переработаннаго и значительно удешевленнаго (цѣна за оба тома всего 8 рублей), является какъ нельзя болѣе кстати. Полный трогательной, поистинѣ необычайной любви къ дѣлу, настойчивости и знанія, не останавливаясь ни предъ какими жертвами, Ровинскій, какъ извѣстно, собралъ по возможности, всѣ тѣ народныя картинки, которыя выходили въ свѣтъ до 1839 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока свободное народное художественное творчество не было вставлено въ рамки офиціальной цензуры. Въ картинкахъ этихъ проходитъ самыми разнообразными сторонами бытовая и духовная жизнь народа съ начала XVII вѣка до средины XIX. Въ наивныхъ изображеніяхъ народнаго рѣзца русскій человѣкъ представленъ въ его отношеніяхъ къ семьѣ, къ окружающему міру, къ ученью, въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическихъ представленіяхъ, въ его скорбяхъ и радостяхъ, въ подвигахъ и паденіи, въ болѣзняхъ и развлеченіяхъ. Онъ передъ нами живой, говорящій о себѣ самъ, своимъ «краснымъ словомъ», сказкой и легендой— своеобразный, мощный и простосердечный, терпѣливый и страшный въ гнѣвѣ, шутливый и въ то же время вдумчивый въ жизнь и ея сокровенный смыслъ, съ добродушною ироніей смотрящій на себя и на все окружающее и величавоспокойный предъ лицомъ смерти.

Кто желаетъ знать нашъ народъ и уяснить себѣ его міросозерцаніе, тотъ безъ труда покойнаго Ровинскаго обойтись не можетъ.

Ан. Ал.

Іоанно-Предтеченская церковь, что на Опокахъ въ г. Новгородѣ. Составилъ священникъ А. Ваучскій. Новгородъ. 1901.

Небольшая (70 стр.) брошюрка, посвященная описанію одной изъ достопримѣчательнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи церквей Великаго Новгорода, производитъ въ общемъ довольно благопріятное впечатлѣніе. Составитель очевидно съ великимъ тщаніемъ собралъ всѣ подручныя свѣдѣнія о храмѣ, настоятелемъ котораго онъ состоитъ, и, въ зависимости отъ своихъ матеріаловъ, даетъ намъ картину исторической жизни не столько самой церкви, сколько существовавшаго при ней купеческаго общества, игравшаго видную роль въ жизни новгородской. Литературой предмета авторъ овладѣлъ довольно полно; есть, правда, кое-какіе недочеты—напримѣръ, онъ не знаетъ брошюры П. А. Гусева «Новгородъ XVI вѣка по изображенію на Хутынской иконѣ» и др., съ равнымъ довѣріемъ относится онъ и къ объясненіямъ Бѣляева и Никитскаго, и къ толкованіямъ невѣжественнаго словаря г. Дьяченка, но въ общемъ нельзя не признать дѣлаемыя отцомъ Ваучскимъ ссылки въ значительной мѣрѣ исчерпывающими предметъ. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми выводами автора, можно удивляться нѣкоторымъ изъ нихъ: трудно, напримѣръ, считать церковь Іоанна Предтечи центромъ торговой жизни Новгорода, какъ довольно категорически заявляетъ составитель; нельзя вѣрить, что «купцы не «пошлые»

не пользовались никакимъ вліяніемъ на купеческія дѣла»; совершенно не согласны съ фактами новгородской жизни положенія: «бояре не были лично заинтересованы въ торговлѣ», или «иноземные дворы закрылись заразъ же послѣ присоединенія Новгорода къ Московскому державству»; немного неясно, почему авторъ считаетъ храмъ св. Іоанна сохранившимъ тотъ видъ, который приданъ былъ ему въ 1443—1455 гг., цитируя въ то же время безъ всякой оговорки мнѣніе В. С. Передольскаго, что до пожара 1494 года на храмѣ было нѣсколько маковицъ; новгородскій архіерейскій чиновникъ нынѣ изданъ, но то мѣсто (стр. 120), которое даетъ о. Ваучскому основаніе полагать, что здѣсь церковь св. Іоанна названа соборной, легко поддается и иному толкованію, и такъ далѣе; но, вообще говоря, брошюра свободна отъ грубыхъ ошибокъ. Въ типографскомъ отношеніи издана она довольно опрятно; непріятно, однако же, рѣжутъ глазъ немалочисленныя опечатки, изъ которыхъ иныя совершенно искажаютъ смыслъ текста (двоихъ—вм. своихъ, товара вм. тавра, трибунъ вм. трибуна и т. под.). Къ брошюрѣ приложены два вида храма.

М. П—й.

Русскій біографическій словарь. — Фаберъ — Цявловскій. Спб. 1901.

Издаваемый историческимъ обществомъ подъ наблюденіемъ А. А. Половцова «Русскій біографическій словарь» имѣетъ отличительные признаки отъ другихъ нашихъ словарей. Во-первыхъ, онъ издается по опредѣленной программѣ, выработанной особой комиссіей, составившей «Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей» (на всѣ буквы), напечатанный въ 1887 и 1888 г.г. въ 60-мъ и 62-мъ томахъ «Сборника императорскаго Русскаго историческаго общества». Во-вторыхъ, томы изданія выходятъ не въ порядкѣ алфавита, а по мѣрѣ накопленія матеріала по буквамъ, что, конечно, ускоряетъ выпускъ въ свѣтъ новыхъ томовъ. Въ-третьихъ, словарь имѣетъ предѣлъ: въ него включаются дѣятели лишь покойные (умершіе до 1894 г.). Всѣ эти признаки, а также матеріальная обезпеченность изданія, даютъ гарантію, что словарь не прервется на рединѣ, какъ это, къ прискорбію, случается со многими нашими справочниками, и когда нибудь увидитъ свѣтъ въ полномъ составѣ всѣхъ буквъ.

Вышедшій недавно новый томъ заключаетъ въ себѣ 521 страницу корпуса въ два столбца и біографіи на буквы: Ф, Х, Ц.

Большинство біографій этого тома выпало на долю духовныхъ дѣятелей и писателей. Главнѣйшее значеніе въ біографіяхъ духовенства имѣетъ датировочная часть; въ словарѣ она исполнена вполнѣ добросовѣстно: статьи о священнослужителяхъ переполнены всякаго рода датами, взятыми авторами не только изъ библіографическихъ изданій, но и изъ архивовъ синодальныхъ учрежденій. Въ біографіяхъ военныхъ дѣятелей сообщаются также довольно подробныя свѣдѣнія о служебныхъ карьерахъ, почерпнутыя, главнымъ образомъ, изъ послужныхъ списковъ и изъ архивовъ главнаго артиллерійскаго управленія и главнаго штаба. Такая подробная и точная датировка очень цѣнна.

Слабѣе обставлена справочно-библіографическая часть въ статьяхъ о писателяхъ. Такъ, во многихъ мѣстахъ не указывается года появленія въ свѣтъ книги, мѣста изданія ея, времени редактированія упоминаемымъ писателемъ какого либо журнала и т. п. (см. біографіи: П. А. Фролова—на стр. 238—238, И. И. Хатова—на стр. 286—287, И. Е. Флерова—на стр. 159 и др.). Такія неточныя выраженія, какъ «одно время былъ его редакторомъ» (стр. 159), «въ это же время» (стр. 286), для библіографическихъ справокъ не пригодны. Нельзя не пожалѣть также, что въ замѣткахъ о второстепенныхъ и мало написавшихъ литераторахъ не приводятся полные перечни всего ими напечатаннаго.

Къ лучшимъ статьямъ настоящаго тома слѣдуетъ отнести обширныя біографіи: Фонвизина (сост. проф. Ждановымъ), Хераскова (сост. В. Сиповскимъ), Хомякова (сост. А. М. Ловягинымъ), Богд. Хмельницкаго (сост. А. Маркевичемъ); все это—подробные очерки съ богатымъ библіографическимъ матеріаломъ и съ литературными характеристиками. Далѣе по полнотѣ свѣдѣній должны быть отмѣчены статьи, написанныя Д. А. Корсаковымъ (о проф. Н. Н. Хлѣбниковѣ), И. Корсунскимъ (о духовныхъ дѣятеляхъ), Е. Кульманъ (о Н. Д. Хвощинской и др.), В. Е. Рудаковымъ (о И. Н. Царскомъ, П. М. Цейдлеръ и др.), Л. Вейнбергомъ (о химикахъ и натуралистахъ) и Б. Модзалевскимъ (о Хемницерѣ, Н. И. Хмельницкомъ, М. Д. Хмыровѣ и др.); обработка остальныхъ статеекъ не совсѣмъ детальна, и въ нихъ сплошь и рядомъ замѣчается небрежность.

Нѣкоторымъ дѣятелямъ могло бы быть удѣлено побольше вниманія, такъ, статья о Фетѣ (Шеншинѣ) совсѣмъ безцвѣтна, авторъ ея (С. Трубачевъ) лишь компилировалъ извѣстную статью о поэтѣ В. П. Боткина и въ концѣ привелъ изъ предисловія Н. Н. Страхова характеристику Фета, какъ человѣка. Слишкомъ коротка замѣтка и о И. В. Ѳедоровѣ (Омулевскомъ), она занимаетъ всего $1^1/_3$ столбца. Вообще въ изданіи бросается въ глаза неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала. Не мѣшало бы, напримѣръ, сократить слишкомъ подробныя свѣдѣнія о профессорахъ и лекторахъ Дерптскаго университета, о заграничныхъ врачахъ и вообще объ иностранцахъ, жившихъ въ Россіи и ничѣмъ особеннымъ себя не проявившихъ, а также о нѣкоторыхъ незначительныхъ русскихъ самородкахъ, въ родѣ крестьянина Александра Филатова, прославившагося только открытіемъ школы на Раменской бумагопрядильной фабрикѣ, гдѣ онъ служилъ рабочимъ.

Немало въ рецензируемой нами книгѣ и чисто редакторскихъ промаховъ. Многія біографіи (въ особенности же подписанныя буквами Здр) страдаютъ неправильностью языка; такъ: на стр. 39 напечатано: «Въ 1804 г. онъ (т. е. П. А. Фелицынъ) былъ опредѣленъ священникомъ къ тобольскому собору (?!), съ оставленіемъ регентомъ архіерейскаго хора и съ назначеніемъ епархіальнымъ катехизаторомъ и экзаминаторомъ ставленниковъ (?!)»... а далѣе... «въ 1870 г., лишившись зрѣнія и слуха, Ф. вышелъ въ отставку» (?!—въ отставку выходятъ чиновники, а не лица духовнаго сана); на стр. 106: «обучившись грамотѣ, онъ (т. е. игуменъ Филаретъ) поступилъ причетникомъ къ одной сельской церкви» (?!). Затѣмъ біографіи зачастую сопровождаются очень наивными

и ничего не говорящими сами по себѣ комментаріями, напримѣръ: на стр. 485 про садовода Іог.-Герм. Цигра говорится: «Главныя его сочиненія представляютъ руководства къ лучшимъ способамъ разведенія и ухода за всевозможными полезными растеніями, какъ-то: овощами, плодовыми и не плодовыми деревьями, кустарниками (?!), а такъ же декоративными растеніями и цвѣтами» (?!). Что-то похожее на примѣчанія въ каталогахъ г.г. Леухиныхъ и Земскихъ. На стр. 238 въ біографіи механика Куз. Дм. Фролова встрѣчается такое указаніе: «Ф. отличался кротостью и простотою; увлекаясь своимъ дѣломъ, онъ нерѣдко останавливался на улицѣ и чертилъ палкою по землѣ планы задуманныхъ имъ устройствъ (?!). Трое сыновей его воспитывались на казенный счетъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ и служили затѣмъ на Уралѣ и Алтаѣ». Пригодны ли подобныя подробности для словаря? Далѣе, на стр. 94 объ архимандритѣ Филаретѣ (Пѣтуховѣ) говорится, что онъ «въ продолженіе 55-лѣтняго служенія въ епархіяхъ Тобольской, Иркутской и Енисейской проходилъ многія должности (?!) и съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ исполнялъ многія важныя порученія» (!?). Развъ неизвѣстно, въ чемъ состояли эти «многія должности» и «важныя порученія»,—не лучше ли было совсѣмъ о нихъ умолчать?

Подобнаго рода комментаріи, по нашему мнѣнію, не должны имѣть мѣста въ словарѣ, издающемся ученымъ обществомъ.

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, мы замѣтили въ книгѣ еще слѣдующіе пропуски:

1) Въ замѣткѣ о протоіереѣ Дм. Ирод. Флоринскомъ (стр. 160) необходимо было бы сдѣлать указанія на его цѣнныя журнальныя статьи, изъ которыхъ видное мѣсто занимаютъ: «Объ отношеніяхъ римскаго правительства къ церкви Христовой въ первые три вѣка по Рождествѣ Христовѣ» (Духовн. Бес. 1860), «Св. равноапостольный имп. Константинъ Великій» (тамъ же, 1860 и 1861), «Имп. Юліанъ, или послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ въ Римской имперіи» (Духъ Христ. 1861 и 1862); затѣмъ въ той же замѣткѣ ничего не сказано о томъ, что Ф—ій редактировалъ съ 1861 по 1864 г. журналъ «Духъ Христіанина», а съ 1869 по 1876 г.г. сборникъ «Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи». 2) Директора петрозаводской гимназіи Фортунатова (стр. 202) звали не Өэдоръ Никитичъ, а Өедоръ Николаевичъ; родился онъ въ Вологдѣ въ 1812 г. (см. Дилакторскій, Вологжане-писатели).

Совершенно не упомянуты въ словарѣ слѣдующія лица: 3) журналистъ Евстаөій Савельевичъ Өедоровъ-Чмыховъ (+ 1888 г.), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редактировавшій «Развлеченіе»; 4) сотрудникъ «Голоса», «Русск. Вѣд.», «Петерб. Газ.» и др. изданій Леонидъ Павловичъ Филипповичъ (+ 1886 г.). 5) Лицеистъ Петръ Ив. Фридбергъ (род. 1819 г., + 30 мая 1887 г.), бывшій цензоромъ драматическихъ сочиненій, сотрудникъ и редакторъ (отдѣла заграничныхъ извѣстій) «Правит. Вѣстн.». 5) Алексѣй Өедоровичъ Фроловъ (род. 13 февр. 1824 г., + 12 февр. 1888 г.), ген.-майоръ, преподаватель математики въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и авторъ многихъ учебниковъ. 7) Иванъ Николаевичъ Харламовъ (род. 1855 г., + 1887 г.), юристъ, сотрудникъ «Русск. Вѣд.», «Русск. Курьера», «Русск. Богатства», «Дѣла», «Русск.

Мысли» и др. 8) Ѳедоръ Харитоновскій, студентъ Московск. духовной акад., стихотворецъ XVIII в. (о немъ см.: Новиковъ, Опытъ; Венгеровъ, Русск. поэзія). 9) Григорій Хмѣльницкій, стихотворецъ XVIII в. (о немъ см. у Сопикова).

В. Городецкій.

Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1901.

Книга г. Захарьина выходитъ, собственно, вторымъ уже изданіемъ, но лишь подъ другимъ заглавіемъ и вдвое полнѣе. Въ настоящее изданіе введена новая часть «Графъ В. А. Перовскій», въ которой заключаются статьи: біографія Перовскаго, его плѣнъ у французовъ, письма изъ Италіи, дружба съ Жуковскимъ и кончина.

При составленіи своей книги, авторъ пользовался, повидимому, очень цѣнными и интересными матеріалами, изъ коихъ многіе появляются въ печати впервые, какъ, напримѣръ, письмо великаго князя Николая Павловича къ отцу Перовскаго, графу А. К. Разумовскому, отъ 1821 года, выписка изъ дневника великаго князя, письма Жуковскаго къ Перовскому, а равно и многія письма самого Перовскаго. Самою интересною частью въ книгѣ является, безспорно, описаніе рокового зимняго похода въ Хиву, предпринятаго Перовскимъ въ 1839 году, по повелѣнію императора Николая Павловича. Это — цѣлая эпопея бѣдствій экспедиціоннаго отряда, въ которомъ изъ пяти тысячъ человѣкъ, его составлявшихъ, погибло около 4-хъ тысячъ, вслѣдствіе небывало жестокой и многоснѣжной зимы 1839 — 1840 годовъ, встрѣченной нашимъ отрядомъ въ хивинскихъ степяхъ. Эта зима, собственно, и погубила всю экспедицію, а равно надломила и желѣзное здоровье самого Перовскаго, обладавшаго, до того, такою необычайною физическою силою, что онъ свободно разгибалъ подковы. Въ концѣ описанія этого похода приведенъ, между прочимъ, «приказъ» Перовскаго—«объ отступленіи войскъ хивинской экспедиціи», собственноручно имъ написанный въ укрѣпленіи Чушка-Куль, 1-го февраля 1840 года. «Приказъ» этотъ чрезвычайно характеренъ и интересенъ.

«Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію государя императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Невзирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны. Одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній государя императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно бла-

годарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ».

Въ книгѣ г. Захарьина обращаетъ на себя вниманіе также и описаніе дружескихъ, близкихъ отношеній, существовавшихъ, въ теченіе 40 лѣтъ, между великимъ княземъ—впослѣдствіи императоромъ—Николаемъ Павловичемъ и Перовскимъ, его личнымъ адъютантомъ. Эти дружескія отношенія ничѣмъ и никогда не нарушались до самой кончины императора, послѣдовавшей на два года ранѣе смерти Перовскаго.

Еще болѣе подробно авторъ останавливается на описаніи 30-ти-лѣтней неизмѣнной, нѣжной дружбы Перовскаго съ поэтомъ В. А. Жуковскимъ, одинаково близкимъ ко двору Николая Павловича. Дружба эта была такъ крѣпка и неразрывна, что самъ Жуковскій находилъ, шутя, что они оба — «два Пилада, два Ореста, можно даже сказать — два Данона и Пидіаса». Столь же близокъ былъ Перовскій и съ Далемъ, состоявшимъ при немъ, въ Оренбургѣ, въ званіи чиновника особыхъ порученій. Онъ былъ также хорошо знакомъ съ Карамзинымъ и Пушкинымъ, жившимъ все время своего пребыванія въ Оренбургѣ въ квартирѣ Перовскаго, человѣка очень образованнаго и обладавшаго, при этомъ, выдающимся умомъ и громаднымъ здравымъ смысломъ.

Излагая подробную біографію графа В. А. Перовскаго, авторъ считаетъ его «человѣкомъ необыкновеннымъ, мало понятымъ при жизни и вовсе неоцѣненнымъ по смерти». Даже и теперь,—говоритъ г. Захарьинъ,—спустя почти полвѣка со времени смерти Перовскаго, едва только вы начинаете приближаться къ этой величавой и монументальной фигурѣ и вглядываться въ нее, какъ на васъ вѣетъ отъ нея чисто-героическимъ эпосомъ и въ то же время такою мягкостью и душевною чистотою, такимъ идеальнымъ «кодексомъ жизни», что вы не сомнѣваетесь ни минуты, что предъ вами личность необыкновенная, исключительная — рыцарь въ лучшемъ и въ полномъ значеніи этого слова, съ умомъ обширнымъ, съ сердцемъ благороднымъ и любящимъ, чуждый страха, противорѣчій, лести и честолюбія... Рожденный отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, сына знаменитаго гетмана Кирилла Григорьевича и родного племянника фельдмаршала графа Алексѣя Григорьевича, супруга императрицы Елисаветы Петровны, этотъ незаконнорожденный мальчикъ, безъ имени и, такъ сказать, безъ роду и племени, поступаетъ десяти лѣтъ въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ и затѣмъ въ тамошній же университетъ и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, оканчиваетъ курсъ, имѣя отъ роду всего 17 лѣтъ. Прямо съ университетской скамьи вступаетъ онъ въ ряды арміи, участвуетъ въ великой битвѣ народовъ подъ Бородинымъ, гдѣ его ранятъ, принимаетъ участіе въ распорядкахъ при выступленіи нашей арміи изъ Москвы,—при чемъ французы захватываютъ его измѣнническимъ образомъ въ плѣнъ и едва-едва не разстрѣливаютъ, а затѣмъ обираютъ кругомъ и отправляютъ во Францію, разутаго и ограбленнаго, въ одномъ обществѣ съ захваченными бродягами и пьяницами... Изъ плѣна онъ совершаетъ два раза побѣгъ— и является на аванпосты русскихъ войскъ, вступившихъ во Францію...

Затѣмъ, начинается уже какъ бы сказочная исторія его возвышенія по службѣ. Онъ неожиданно и чисто случайно попадаетъ въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который такъ же неожиданно вступаетъ на императорскій престолъ и осыпаетъ своего любимца, съ которымъ не желаетъ разставаться даже въ путешествіяхъ, всевозможными милостями и наградами... Но любимый адъютантъ, оказывается, имѣетъ одну странную черту характера, весьма неудобную при дворѣ: въ немъ настолько отсутствуетъ честолюбіе, что онъ не благодаритъ даже за орденъ, ему пожалованный... Кромѣ того, онъ рѣшается иногда сообщать императору такія вещи, на которыя не рискуетъ никто, и, наконецъ, дерзаетъ итти открыто противъ всесильной нѣмецкой партіи, крѣпко сплотившейся въ то время при дворѣ, подъ главенствомъ фатальныхъ для Россіи графовъ Нессельроде, Бенкендорфа и Клейнмихеля, которымъ были чужды и непонятны національные интересы нашего отечества... Но молодой императоръ все еще не отпускаетъ отъ себя своего любимаго адъютанта, который и сопровождаетъ его на театръ военныхъ дѣйствій съ Турціей, въ 1828 году, но находится, какъ видно, не въ свитѣ государя, а «въ сферѣ огня» и получаетъ подъ Анапой тяжелую рану въ грудь пулею.

Въ 1833 году, нѣмецкой партіи удалось-таки, наконецъ, «сплавить» нежелательнаго для ея интересовъ человѣка, и В. А. Перовскій получаетъ назначеніе на далекую окраину Россіи—въ Оренбургъ, служившій въ тѣ времена мѣстомъ ссылки для преступниковъ—уголовныхъ и политическихъ—и отличавшійся крайне суровымъ климатомъ по зимамъ и убійственными лихорадками лѣтомъ, когда начиналось гніеніе ила, наносимаго въ предмѣстья города весенними разливами Урала. Но и въ этой, какъ бы почетной, ссылкѣ Перовскій сумѣлъ принести громаднѣйшую пользу своему отечеству, оградивъ, въ возможной степени, русскихъ людей отъ хищническихъ разбоевъ киргизовъ, прекративъ въ краѣ многочисленныя злоупотребленія и заставивъ инородцевъ уважать русскіе законы и суды. Но Перовскому не посчастливилось сломить главнаго и самаго яраго врага нашей восточной окраины—хивинскаго хана: онъ предпринимаетъ походъ въ Хиву въ такую лютую и многоснѣжную зиму, которой не могли запомнить и столѣтніе старики... Болѣе половины отряда замерзаетъ и умираетъ отъ цынги и скорбута, остальные возвращаются въ Оренбургъ истощенные и измученные, съ здоровьемъ, навѣки утраченнымъ или расшатаннымъ. Въ 1842 году онъ оставляетъ, по болѣзни, свой постъ и отправляется лѣчиться за границу, гдѣ и живетъ нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, его здоровье возстановляется. Тогда онъ возвращается въ Россію. Но Перовскій никакъ не могъ примириться ни съ своею неудачею похода въ Хиву, ни съ торжествомъ окраинныхъ враговъ Россіи—хивинцевъ, коканцевъ и киргизовъ-адаевцевъ. И вотъ въ 1851 году онъ получаетъ на этотъ разъ желаемое имъ самимъ назначеніе вновь въ Оренбургъ, въ званіи генералъ-губернатора и начальника оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Черезъ два года онъ уже предпринимаетъ походъ въ глубь азіатскихъ степей, разбиваетъ на̀-голову войска кокапскаго хана, беретъ нѣсколько укрѣпленій и, наконецъ, беретъ штурмомъ Акъ-Мечеть и заканчиваетъ свой блестящій походъ

присоединеніемъ къ владѣніямъ Россіи рѣки Сыръ-Дарьи на значительномъ ея протяженіи. Это, въ сущности, была первая побѣда русскихъ войскъ надъ значительнымъ азіатскимъ народомъ нашей восточной окраины, разсѣявшая въ нашихъ заносчивыхъ сосѣдяхъ увѣренность въ ихъ непобѣдимости. Авторъ указываетъ при этомъ на слѣдующее удивительное обстоятельство: 19-го февраля сего года исполнилось 25 лѣтъ со времени присоединенія къ Россіи Ферганской области (то-есть, бывшаго Коканскаго ханства), и въ появившихся по этому поводу газетныхъ статьяхъ совсѣмъ запамятовали имя Перовскаго, положившаго начало завоеванію Коканскаго ханства еще въ 1853 году. Вернувшись изъ коканскаго похода въ Оренбургъ, Перовскій еще прослужилъ въ немъ почти четыре года, за которые свершилось въ Россіи столько важныхъ историческихъ событій—крымская война, смерть императора Николая и восшествіе на престолъ новаго государя.

Тотчасъ же послѣ похоронъ Николая Павловича молодой государь написалъ Перовскому слѣдующее собственноручное письмо: «Что во мнѣ происходитъ, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ, вы поймете!.. Спасибо вамъ, отъ имени незабвеннаго благодѣтеля нашего, за вашу долговременную, вѣрную и усердную службу при немъ! Я васъ знаю — и вы меня знаете. Будьте тѣмъ, чѣмъ всегда были. Обнимаю васъ отъ души!» Несмотря, однако, на столь милостивое и искреннее письмо, Перовскій, чувствуя, что здоровье его слабѣетъ, и что прежнія силы его покидаютъ, не пожелалъ оставаться на своемъ сторожевомъ и въ то же время боевомъ посту долѣе. Изъ его письма къ Булгакову № 34 видно, что этотъ мужественный и самоотверженный человѣкъ служилъ, буквально, до послѣдней капли крови, полагая, согласно присягѣ, животъ свой, то-есть жизнь свою, на пользу многолюбимой имъ Россіи. Вотъ, напримѣръ, что онъ писалъ въ упомянутомъ письмѣ: ...«Мое здоровье дошло до такого разстройства, которое не позволяетъ мнѣ больше занимать настоящее мое мѣсто,—почему я и просилъ о разрѣшеніи покинуть его. Уже давно, но особенно послѣдній годъ, моя жизнь—тягостная агонія и постоянная борьба силъ душевныхъ съ физическими. Я употребилъ свою энергію, къ которой былъ способенъ, и держался до послѣдней крайности, но «невозможное—невозможно», особенно, когда совѣсть говоритъ, что дальнѣйшая борьба была бы вредна для службы, и особенно для блага страны, которой я управляю и которую больше всего люблю. Я могъ бы еще обманывать зрителей, но обманывать самого себя невозможно: пора уступить мѣсто другому»...

«Вотъ какъ относился В. А. Перовскій къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и какъ понималъ ихъ!.. Перовскій отправился въ слѣдующемъ 1857 г., по совѣту врачей, въ Крымъ, гдѣ и поселился въ имѣніи князя Воронцова—Алупкѣ; тамъ онъ и скончался, 8-го декабря 1857 года».

Перовскому не имѣется въ Россіи памятника видимаго, — добавляетъ въ его біографіи г. Захарьинъ:—нѣтъ ни полковъ его имени, ни кораблей; въ Оренбургѣ нѣтъ даже улицы Перовскаго. Но памятникъ «нерукотворный» воздвигнутъ ему въ томъ далекомъ краѣ, которымъ онъ управлялъ и гдѣ установилъ порядокъ, уваженіе къ закону, гдѣ уничтожилъ произволъ и жестокости богатыхъ и сильныхъ, и гдѣ заставилъ уважать русское имя. О Перов-

скомъ можно слышать въ Оренбургѣ еще и теперь — и очень часто: «Вотъ, въ этомъ домѣ жилъ Перовскій»,—говорятъ вамъ... «Этотъ, самый красивый домъ въ Оренбургѣ построенъ башкирами при Перовскомъ»... «Водопроводъ у насъ устроенъ при Перовскомъ»... «Этотъ караванъ-сарай и мечеть выстроилъ Перовскій»... «Этотъ садъ развелъ Перовскій»... «Генералъ Т. только и боялся Перовскаго»... «Это было еще при Перовскомъ, когда мы ходили въ Хивинскій походъ»,—говорятъ сѣдые, какъ лунь, старцы, вспоминая давно минувшіе годы... «Это было больше тридцати лѣтъ назадъ, когда мы съ Перовскимъ разбили коканцевъ»,—говорятъ казаки, еще не столь состарѣвшіеся»...

Новый трудъ г. Захарьина, представляя собою, такъ сказать, біографію графа В. А. Перовскаго, изложенную по документамъ, большею частію не бывшимъ еще въ печати, читается съ большимъ интересомъ уже по одному тому, что рѣчь идетъ о даровитой и выдающейся личности человѣка, съ жизнью и дѣятельностью котораго русское общество было знакомо, сравнительно, такъ мало, а между тѣмъ эта личность, по выраженію Л. Н. Толстого (въ его письмѣ, приведенномъ въ книгѣ) — «одна можетъ наполнить картину изъ времени 20-хъ годовъ»...

Самая книга «Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву» издана довольно изящно; въ ней имѣется два, разныхъ годовъ, портрета Перовскаго и его факсимиле, а также приведены, въ концѣ книги, рескрипты и грамоты, имъ полученные, нѣкоторые «приказы», имъ отданные, и проч.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРІЯ итальянскаго искусства. На-дняхъ вышелъ первый томъ обширнаго труда по исторіи итальянскаго искусства, составленнаго М. Вентури. Онъ будетъ заключаться въ шести томахъ, и послѣдній изъ нихъ выйдетъ черезъ три года. Въ первой части [1]) разсматривается христіанское искусство до Юстиніана. Вентури объясняетъ въ ней научно, какимъ образомъ христіанская религія первыхъ вѣковъ пробралась въ Римъ. Въ то время она была еще окружена суровой таинственностью, и не смѣла проявляться въ изображеніяхъ, олицетворяющихъ почитаемыя христіанствомъ идеи. Мало-по-малу почти безсознательно, подталкиваемое свѣжими идеями, оно создало новое искусство. Вначалѣ это искусство было полно символовъ. Затѣмъ первые христіане стали пользоваться классическими формами искусства, выбирая изъ нихъ простыя, болѣе подходящія къ смиреннымъ правиламъ ихъ суровой вѣры. Кромѣ того, необходимость прятать предметы поклоненія въ подземельяхъ, какъ это приходилось имъ дѣлать, не допускала ни пышности, ни великолѣпія. Они старались перевести почитаемую идею ихъ религіи на одинъ нѣмой, но понятный даже ихъ отдаленнымъ братьямъ языкъ. Приходящіе изъ Африки и Греціи въ Римъ единомышленники такимъ образомъ легко узнавали въ катакомбахъ внѣшніе знаки ихъ одинаковой религіи, а также формулы свойственнаго имъ

[1]) Storia dell'arte Italiana. A. Venturi. Milano. 1901.

языка. Въ позднѣйшія времена, когда христіане могли покинуть свои подземелья, они занялись устройствомъ храмовъ. Отсюда возникла ихъ архитектура. При этомъ они не пренебрегали уже существующими постройками и пользовались иногда обломками украшеній, которые они брали съ языческихъ памятниковъ, и довольствовались тѣмъ, что передѣлывали ихъ на свой ладъ. Образцомъ для крестиленъ служили имъ древнія бани. Но мало-по-малу въ новый культъ стала проникать роскошь; изъ него родилось новое богатое и тонкое искусство. Изъ произведенія Вентури видно, что онъ много потрудился и основательно изучилъ предметъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ множество рисунковъ мавзолеевъ, крестиленъ, базиликъ и великолѣпныхъ изображеній, украшавшихъ церкви, прежде такія скромныя и простыя. Но съ особенною любовью авторъ занимается Равенскимъ искусствомъ, оставшимся вѣрнымъ классическому стилю; онъ посвящаетъ ему лучшія страницы своего труда. Вентури изучилъ не только архитектуру и живопись, но одинаково: медали, мозаику, рѣзьбу на слоновой кости, на деревѣ и на драгоцѣнныхъ камняхъ. Достоинство его книги состоитъ еще въ томъ, что онъ разсматриваетъ также историческіе и психологическіе факты, имѣющіе вліяніе на развитіе этого искусства, объясняя эстетическую трансформацію самимъ христіанскимъ движеніемъ.

— **Послѣдній изъ кондотьеровъ.** Италія отъ XIII до XVI столѣтія была замѣчательна главнымъ образомъ своими кондотьерами, самымъ характеристическимъ плодомъ ея общественнаго строя [1]). Послѣднимъ изъ этихъ историческихъ фигуръ былъ Джіованни Медичи, призванный Джіованни Черныхъ Шаекъ, сдѣлавшійся героемъ недавняго изслѣдованія французскаго историка Пьера Готье. Джіованни принадлежалъ къ одной изъ младшихъ линій семьи Медичи. Онъ родился въ ночь 6 апрѣля 1498 года, въ цитадели Форли. Отецъ его, Джіованни Популярный, женился вдовцомъ на Екатеринѣ Сфорца, графинѣ Форли. При рожденіи мальчика ему дали имя въ честь дяди Людовика Сфорца, но послѣ смерти отца онъ сталъ называться именемъ отца. Его мать была настоящимъ воиномъ. Когда Цезарь Борджіа завладѣлъ Романіей, вслѣдствіе того, что папа Александръ VI лишилъ многихъ лицъ леновъ и въ числѣ ихъ синьоровъ Флори, то онъ натолкнулся на Екатерину Сфорца, защищавшую свою цитадель. По словамъ Готье, «она выказала мужественное и добродѣтельное сердце, ибо не отступала ни передъ какою приближавшеюся опасностью. Она находилась во главѣ воиновъ, высокая, красивая и мало разговорчивая. На ней было бархатное платье рыжеватаго цвѣта съ двухсаженнымъ шлейфомъ, черная бархатная шапочка, мужской поясъ съ кошелькомъ, наполненнымъ дукатами, и короткая изогнутая въ родѣ серпа шпага. Конные и пѣшіе солдаты сильно сомнѣвались, чтобы эта дама испытывала страхъ, и съ оружіемъ въ рукахъ она была жестока и свирѣпа». По словамъ Макіавели, непріятель предупредилъ Екатерину Сфорца, что если она будетъ упорствовать, то они убьютъ ея сыновей; на это она отвѣчала, ударяя себя въ грудь: «Ѳ, убивайте, у меня полонъ ими животъ!»... Одиннадцати лѣтъ осиротѣлъ Джіованни. Ему досталась въ наслѣдство цитадель Требія, построенная на вершинѣ крутой горы. Будущій

---

[1]) L'Italie du XVI siècle. Jean des bandes noires, par Pierre Gautiez. Paris. 1901.

кондотьеръ получилъ, по словамъ автора, въ наслѣдство жилище настоящаго кондотьера и воинственныя наклонности своей матери. Брунетто Латино такъ описываетъ этотъ замокъ: «Итальянцы, воевавшіе часто между собою, строили себѣ высокія башни и каменные дома. Если они находились за городомъ, то владѣльцы выкапывали вокругъ домовъ рвы, устраивали каменныя стѣны, башни, опускные мосты и ворота, украшенныя стрѣлами и разными принадлежностями войны. Послѣ смерти отца Джіованни остался инвентарь арсенала, изъ котораго видно, какое разнообразное оружіе переполняло замокъ. При этомъ Джіованни воспитывали согласно его будущему назначенію: безпрерывныя сраженія устраивались съ мальчиками окрестныхъ деревень. Послѣ нихъ Джіованни не разъ возвращался домой съ окровавленнымъ лицемъ. Охоты въ кустарникахъ, на холмахъ и въ терновникахъ повторялись очень часто. Забавой ему служило летаніе ястребовъ, а также онъ любилъ спускать своихъ борзыхъ. Не рѣдко онъ весь вспотѣвшій бросался съ крутого склона прямо въ ледяную воду Мугелло. Хроника говоритъ, что такимъ образомъ «онъ въ шестнадцать лѣтъ имѣлъ крѣпкія кости, здоровое тѣло и живучую душу». Онъ очень мало писалъ, такъ какъ, по словамъ историка, «хорошо заниматься дѣлами и царапать, какъ прокурорамъ, подобаетъ неудачнымъ сыновьямъ Екатерины Сфорца или Рарію, носящимъ митры, ему же приходится изрѣдка написать свои автографы. Они состоятъ изъ четырехъ безпорядочныхъ и неопрятныхъ строчекъ, испещренныхъ, какъ бомбами, чернильными пятнами. Когда же онъ подписывалъ свое имя, то его почеркъ былъ прямъ, какъ султанъ». Наконецъ Джіованни сталъ готовиться къ военной службѣ. Онъ началъ примѣнять свое искусство сначала у дяди, папы Льва X. Послѣдній для перваго дебюта довѣрялъ ему мелкія предпріятія и защиту незначительной части дворца. Затѣмъ онъ направилъ его противъ феодаловъ, которые завладѣли имѣніемъ одного вельможи, Камилла Сермонетта, и Джіованни получилъ званіе кондотьера святой церкви. Послѣ того онъ сталъ переходить отъ одного лица къ другому, кто лучше платилъ. Но новый кондотьеръ все-таки оставался вѣрнымъ папѣ и очень сожалѣлъ о смерти послѣдняго. Съ этого дня онъ замѣнилъ прежнія знамена бѣлыя и бѣлыя съ красными полосами, любимые цвѣта младшихъ Медичи,—черными, въ знакъ траура по умершемъ Львѣ X. Перевязи тоже были надѣты черныя и такъ же, какъ знамена, не замѣнялись другимъ цвѣтомъ все время, пока жилъ ихъ начальникъ Джіованни, стяжавшій себѣ ужасающую извѣстность. Ему тогда было 23 года, но онъ уже достигъ славы хладнокровнаго начальника, съ яростной пылкостью охранявшаго мѣста, порученныя ему для защиты. Онъ отличился уже въ двадцати засадахъ, схваткахъ и сраженіяхъ, бралъ штурмомъ съ бѣшеной стремительностью замки и города. Теперь Джіованни представлялъ орудіе для стяжанія побѣдъ и богатствъ, какъ для религіозныхъ свѣтскихъ вельможъ и даже государей, такъ и для папы, короля и императора. Готье приписываетъ ему введеніе различныхъ реформъ. Его организаторскія способности обнаружились позднѣе въ превосходномъ порядкѣ шаекъ, которыя отличались уже въ 1517 году. Шайки составлялись преимущественно изъ корсиканцевъ и албанцевъ; первыхъ Джіованни предпочиталъ за то, что они обладали твердымъ тѣломъ и твердымъ сердцемъ. Онъ не брезгалъ подбирать бандитовъ и ссыльныхъ,

одинаково способныхъ на преступленія. Тѣхъ изъ нихъ, которые измѣняли ему, онъ собственноручно предавалъ смерти. Позднѣе Джіованни сталъ ихъ судить, не желая, чтобы остальные товарищи принимали его за палача. Для этого онъ постоянно держалъ при себѣ судей и смотрителей за каторжными. Судьи произносили правильные приговоры, и такимъ образомъ, по мнѣнію одного современника, устроилась правильная республика. Кондотьеръ смотрѣлъ на войну, какъ на торговлю, и даже велъ въ большомъ порядкѣ расходныя и приходныя книги. Мало-по-малу Джіованни устроилъ цѣлую канцелярію, которая слѣдовала за нимъ повсюду. Одежда воиновъ состояла изъ простыхъ латъ, желѣзныхъ касокъ, безъ украшеній, державшихся съ помощью наборожника. Для предстоящихъ сраженій самъ капитанъ сбрасывалъ съ себя парадное оружіе и прекрасную чеканную кирасу съ большой фантастической каской и одѣвалъ арматуру точно такую, какая лежитъ на могилѣ Джіованни, и которую Тиціанъ увѣковѣчилъ своею кистью, а Санъ-Галло — рѣзцомъ. Жизнь Джіованни велъ разнузданную, какъ большинство воиновъ, несмотря на любовь къ нему жены, которая съ дѣтскихъ лѣтъ была его другомъ, а въ 16 лѣтъ вышла за него замужъ по любви. По натурѣ нѣжная и внимательная хозяйка, Марія Сальвіати была самая влюбленная жена. Ея письма дышали любовью и должны были бы согрѣвать жестокую и полную кровопролитій жизнь Джіованни, находящагося всегда далеко отъ нея, въ опасностяхъ сраженія. Священникъ Фортунати писалъ Джіованни, что на его вопросъ, отчего Марія такая печальная и недовольная, она отвѣчала: «Развѣ я могу радоваться, видя жизнь моего Джіованни всегда въ опасности? Я не могу равнодушно слышать шаговъ прохожихъ, они отзываются въ моемъ сердцѣ, какъ ударъ ножа, потому что каждый разъ я ожидаю, что мнѣ несутъ дурное извѣстіе о моемъ мужѣ. Какая необходимость заставляетъ его подвергать ежедневно свою жизнь опасности». «Бѣдная Марія,— замѣчаетъ авторъ,—она, должно быть, очень его любила и много плакала. Желая ему нравиться, она была внимательна и покорна, не зная, что такого сорта люди, какъ Джіованни, удерживаются совершенно противоположными качествами. Въ ея прелестныхъ письмахъ выражалась вся драма ея бѣднаго сердца. Ей не только приходилось выносить продолжительную разлуку съ Джіованни, вмѣстѣ съ нею и самыя низкія измѣны съ его стороны. «Я знаю,—пишетъ Марія,—что вы не любите меня, и вамъ нравятся другія; у меня есть доказательства. Но все-таки я—жена ваша, у меня нѣтъ ни одного зерна для продажи, и я едва наберу что либо для ѣды. Я послала вамъ все, что вы требовали, а теперь у меня нѣтъ ни одного су». Но напрасно Марія расточала нѣжности и упреки, они не вызвали отвѣта Джіованни. Наконецъ она заболѣла и едва не умерла, но затѣмъ ей стало лучше, а Джіованни все не отвѣчалъ. Въ жизнь кондотьеровъ, бурную и полную треволненій, всегда вмѣшивались женщины, и они предавались въ свободное отъ битвъ время любовнымъ развлеченіямъ. Рядомъ съ нѣжными письмами Маріи, по словамъ автора, находится много другихъ, подписанныхъ различными женскими именами. Здѣсь встрѣчаются подписи евреекъ, испанокъ, одной албанки, Анжелики — венеціанки, сіенки съ черными глазами, уроженки изъ Лукки горячаго темперамента и проч. Всѣ эти письма похожи одно на другое, и въ нихъ говорится

одинаково о любви и о дукатахъ. Случалось, что кондотьеръ внезапно возвращался домой къ женѣ, въ свободное отъ битвъ время. Тогда онъ превращался въ мирнаго семьянина, занимающагося своими виноградниками, хлѣбопашествомъ, и училъ своего сына Косьму гарцовать. Марія вознаграждалась за свои страданія нѣсколькими счастливыми часами. Но начиналась война, и кондотьеръ снова уѣзжалъ. Наконецъ наступилъ миръ; кондотьерамъ не предстояло больше «работать», и папа сдѣлалъ Джіованни корсаромъ. Онъ снарядилъ для него два корабля, одну галеру, одну бригантину и поручилъ ему истреблять пиратовъ, опустошающихъ берега Адріатическаго и Средиземнаго морей. Джіованни, имѣя около пятидесяти человѣкъ команды, отправился изъ города Фано, близъ Анконской Мархіи, гдѣ онъ началъ свои первые военные подвиги, въ море. Черезъ нѣкоторое время снова начинается война, и Климентъ VII опять призвалъ Джіованни. Послѣдній наскоро собралъ шайку и двинулся въ битву. Но на этотъ разъ счастье измѣнило Джіованни. Пуля раздробила ему ногу, и онъ умеръ въ ночь на 30-е ноября 1526 года, двадцати восьми лѣтъ отъ роду. Судьба Джіованни Черныхъ Шаекъ была счастливая,—говоритъ авторъ,—и даже послѣ его смерти его слава не умерла. Его сынъ Косьма, герцогъ Флорентинскій, прозванный Великимъ, считался достойнымъ сравненія съ двоюроднымъ дѣдомъ Лаврентіемъ Великолѣпнымъ. Онъ обогатилъ античныя коллекціи и музей во Флоренціи, покровительствовалъ художникамъ, а самъ занимался химіей. Въ угоду ему скульпторы и художники дѣлали наперерывъ портреты и бюсты его отца. Что же касается бѣдной Маріи Сальвіати, она продолжала подвергаться несчастіямъ. Потерявъ нѣжно любимаго, невѣрнаго и безпокойнаго мужа, она не нашла въ своемъ сынѣ, чего хотѣла, такъ какъ, на ея взглядъ, онъ велъ жизнь, не подходящую къ ея воззрѣніямъ. По описанію историка, когда она пріѣзжала во Флоренцію, то была блѣднѣе, чѣмъ ея бѣлый вуаль, такъ она была изнурена. Она сдѣлалась защитницей несчастныхъ и одѣвалась въ темное сѣрое или коричневое платье изъ грубой ткани.

— Прототипъ Синей Бороды. Всякая легенда имѣетъ своимъ зародышемъ какой нибудь выдающійся фактъ, или личность, замѣчательную тѣмъ или другимъ качествомъ. Причины возникновенія многихъ изъ нихъ остаются до сихъ поръ не разгаданными. Теперь, благодаря упорнымъ трудамъ по изысканіямъ нѣкоторыхъ историковъ, мало-по-малу начинаютъ раскрываться источники этихъ легендъ. Одною изъ такихъ извѣстныхъ всему свѣту легендъ была легенда о Синей Бородѣ, созданная въ 1697 году Перро. Прототипомъ ея героя служилъ знатный вельможа, Жилль де-Лаваль, баронъ де-Рэ, маршалъ Франціи, совѣтникъ Карла VII. Это былъ настоящій Синяя Борода, и до сихъ поръ о немъ хранится печальная и ужасная память у жителей Бретани, Анжу, Пуату и Вандеи. Только Перро нѣсколько измѣнилъ событія и черты самаго характера своего героя. Баронъ де-Рэ не убивалъ женъ, такъ какъ у него была одна жена и дочь, пережившія его смерть. Правда, что ранѣе, чѣмъ жениться, у него было двѣ невѣсты, которыя умерли. Романическое воображеніе талантливаго автора сказокъ создало изъ этого факта завязку своего произведенія, прибавивъ ему еще нѣсколько женъ и перемѣнивъ цѣль и обстановку преступленія. Жилль де-Лаваль былъ самый богатый человѣкъ не только въ Бретани, но

даже во Франціи. Онъ владѣлъ цѣлыми городами, множествомъ селеній, деревнями, помѣстьями, замками, крѣпостями и былъ первый баронъ герцогства Бретанскаго. Жилль получалъ въ годъ два съ половиной милліона дохода, но, какъ мы увидимъ дальше, этихъ денегъ было недостаточно для расточительнаго барона, что и послужило ему гибелью, родившей легенду Перро. Баронъ де-Рэ былъ прекрасный воинъ, блестящій кавалеръ, вѣрный патріотъ и неизмѣнный товарищъ Жанны д'Аркъ. Вотъ какъ охарактеризовалъ этого героя Шарль Лемиръ, помѣстившій въ «Revue des Revues» за 15 февраля 1901 г. статью [1]) по этому предмету. Онъ составилъ ее на основаніи невѣдомаго еще документа. Жилль де-Лаваль родился въ 1404 году въ вандейскомъ замкѣ Машекуль. Одиннадцати лѣтъ онъ остался сиротою. Его воспитаніе состояло главнымъ образомъ въ военныхъ упражненіяхъ, такъ какъ въ эту эпоху знатные люди пренебрегали литературнымъ и научнымъ образованіемъ. Но, предоставленный самому себѣ, юный Жилль принялся за изученіе литературы, наукъ и искусствъ. Онъ говорилъ свободно по-латыни, изучивъ основательно этотъ языкъ. Обладая тонкой артистической натурой, Жилль старался окружить себя людьми, говорящими изящнымъ литературнымъ языкомъ, и съ любовью пополнялъ свою библіотеку французскими и латинскими книгами. Въ 13 лѣтъ онъ уже сдѣлался женихомъ, но его невѣста умерла. Черезъ годъ Жилль вторично задумалъ жениться, но и на этотъ разъ его невѣста умерла. Наконецъ въ 1420 году, когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, онъ женился на Екатеринѣ де-Туаръ, бывшей однихъ лѣтъ съ нимъ. Послѣ того онъ болѣе года провелъ на войнѣ, а затѣмъ торжественно вошелъ въ Нантъ съ герцогомъ Бретанскимъ, котораго онъ затмилъ своей роскошью и расточительностью. Съ появленіемъ Жанны д'Аркъ въ 1429 году онъ былъ назначенъ королемъ сопровождать дѣвственницу въ Орлеанъ. Когда атаковали крѣпость августиновъ, Жанну забыли въ общей сумятицѣ, и Жилль все время находился около нея, чтобы ее охранять. Двадцати пяти лѣтъ онъ былъ сдѣланъ маршаломъ Франціи, въ награду за благочестіе, подвиги и прочія достоинства. Но и послѣ этого онъ продолжалъ сражаться за родину и былъ съ Жанной д'Аркъ подъ стѣнами Парижа 28 сентября 1428 года. Когда Жанна была ранена, онъ не покидалъ ея ни на одинъ день, скрываясь съ нею то во рвахъ, то на берегу рѣки. Въ 1430 году онъ былъ съ Ла-Гаромъ и Ришмонъ въ Лувье, и они спасли Жанну изъ англійской тюрьмы. До самой смерти Жанны, Жилль оставался ея вѣрнымъ, неизмѣннымъ товарищемъ по оружію. Любя музыку и пѣніе, онъ выписалъ изъ Фландріи различныхъ величинъ органы и часто пѣлъ подъ ихъ аккомпанементъ то одинъ, то съ хоромъ. Эта страсть такъ овладѣла имъ, что онъ не могъ безъ нихъ обойтись одного дня и по этому случаю заказалъ переносный органъ, который носили за нимъ въ его многочисленныхъ путешествіяхъ. Вся бѣда состояла въ томъ, что Жилль началъ подражать во всемъ дофину, который былъ на одинъ годъ старше его и любилъ кутить, бросая безумно деньги. Держа всегда открытый столъ, прекрасную кухню, рѣдкія и

---

[1]) Barbe Bleue en grand seigneur, chanteur et acteur, par Ch. Lemire. «Revue des Revues» 15 février 1901.

тонкія вина, онъ въ подражаніе дофину сталъ дарить постороннимъ цѣнныя платья и матеріи. Это доходило до того, что Жилль долженъ былъ брать въ кредитъ для себя необходимыя принадлежности. Но скоро страсть къ музыкѣ замѣнилась увлеченіемъ сценой, и онъ устроилъ у себя театръ. Въ 1420 году шестнадцатилѣтній Жилль устроилъ въ день своей свадьбы представленіе страстей Христовыхъ, и съ этихъ поръ религіозные спектакли смѣнялись балетомъ, драмой и прочими представленіями. Онъ завелъ у себя труппу комедіантовъ, трубадуровъ, менестрелей, дававшихъ ежедневно представленія. Жилль очень часто устраивалъ, переѣзжая изъ города въ городъ, даровыя представленія для народа. По окончаніи такихъ представленій Жилль предлагалъ всѣмъ гостямъ, безъ различія положеній, обильное и роскошное угощеніе. Эти удовольствія стоили ему безумныхъ затратъ, и мало-по-малу онъ подвигался къ разоренію. Несмотря на свой громадный доходъ, баронъ де-Рэ принужденъ былъ занимать у всѣхъ деньги и дошелъ наконецъ до того, что передавалъ всѣ свои книги, серебро, золото и даже любимую лошадь своимъ кредиторамъ. Въ одномъ Орлеанѣ онъ потратилъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ болѣе четырехъ милліоновъ, и изъ этого видно, насколько ничтожны были его доходы въ сравненіи съ затратами. Онъ началъ продавать мало-по-малу свою обстановку, оцѣненную въ четыре съ половиною милліона, замки и наконецъ роскошный дворецъ въ Нантѣ. Мольбы и просьбы жены, дочери и брата были напрасны. Тогда они обратились къ королю Карлу VII, и онъ наложилъ запрещеніе на остальное имущество. Съ этой минуты начинается драматическая сторона въ жизни барона де-Рэ, которая стяжала ему такую ужасную славу. Не чувствуя себя способнымъ примириться съ иной жизнью, онъ предался мысли сдѣлаться алхимикомъ, разсчитывая съ помощью превращенія металла пріобрѣсть себѣ золото. Съ этихъ поръ онъ окружилъ себя магиками, волшебниками и вызывалъ дьяволовъ, а для удовлетворенія магиковъ онъ доставлялъ имъ волосы, сердца и кровь дѣтей. Дѣтей похищали мегеры и злодѣи приносили ихъ ему въ мѣшкахъ и карманахъ. Онъ наносилъ оскорбленія и жестокости мертвымъ дѣтямъ, садился на ихъ трупы, бралъ въ руки отрубленныя отъ туловища головы и при этомъ пѣлъ псалмы, называя несчастныхъ жертвъ херувимами, которыхъ онъ посылаетъ на небо. Свою жену и дочь маршалъ Франціи держалъ вдали отъ своихъ преступленій. Дѣти исчезали въ Бретанѣ, Вандеѣ и Пуату цѣлыми сотнями. Наконецъ жалобы родителей достигли нантскаго епископа де-Малструа. Онъ сдѣлалъ секретное изслѣдованіе дѣла и удостовѣрившись задержалъ барона Жилля де-Рэ въ Машкулѣ, 15 сентября 1440 года. Заключенный въ Новой башнѣ города Нанта, онъ испросилъ разрѣшеніе удержать при себѣ архидіакона, двухъ пѣвчихъ, дѣтей ихъ хора и органиста. Судъ шелъ своимъ порядкомъ въ двухъ юрисдикціяхъ, и баронъ сознался въ своихъ злодѣяніяхъ. 25 октября 1440 года свѣтскій судъ, выслушавъ прежде обѣдню при духовной музыкѣ, открылъ засѣданіе, приказавъ привести обвиняемаго. Затѣмъ былъ произнесенъ публично приговоръ, въ присутствіи родителей несчастныхъ жертвъ. Наружность подсудимаго, по словамъ автора, была поразительна. Барону въ это время было 36 лѣтъ, и онъ имѣлъ видъ человѣка совершенно здравомыслящаго. Это былъ величественный муж-

чина съ красивой осанкой съ сильной мускулатурой и утонченно-изящный. Его густые бѣлокурые волосы были блестящи и надушены. Напротивъ того, тонкіе усы, остроконечная борода, а также рѣсницы, окаймляющія его большіе синіе глаза, были совершенно черныя. Вся его наружность дышала мягкостью, мрачностью и была полна какого-то волшебнаго обаянія. Онъ былъ въ черномъ шелковомъ обтянутомъ костюмѣ, отдѣланномъ чернымъ мѣхомъ, а его волосы были прикрыты черной бархатной шапочкой. Авторъ въ особенности указываетъ на странный синевато-черный цвѣтъ его бороды. Когда баронъ де-Рэ явился передъ судьями и народомъ, его лицо измѣнилось, взглядъ сдѣлался зловѣщимъ, глаза расширились, лицо потускнѣло, а борода поднялась, какъ два крыла ворона, и приняла синій оттѣнокъ. При этомъ явленіи всѣ присутствующіе задрожали отъ ужаса и отвращенія. Съ этого момента его назвали Синей Бородой, и эта кличка осталась за нимъ до сегодняшняго дня въ Бретани, Анжу, Мэнѣ, Вандеѣ и Пуату, гдѣ и теперь существуютъ еще фантастическія развалины его замковъ. Де-Рэ совершенно и не вспоминалъ о своей женѣ и дочери. Управленіе имѣніями и опеку надъ дочерью онъ поручилъ своему сообщнику Бриквилю. По словамъ автора, Жилля де-Рэ сравнивали съ Нерономъ, ненавистникомъ человѣческаго рода и тоже страстно любившимъ сцену. Только послѣдній умирая воскликнулъ: «Какой артистъ исчезъ со мною», а баронъ пошелъ на смерть мужественно и три раза просилъ прощенія со слезами на колѣняхъ у родителей несчастныхъ жертвъ. Ему разрѣшили, чтобы процессія сопровождала его и двухъ сообщниковъ, Генріета и Пуату, до висѣлицы. Всю дорогу три приговоренныхъ пѣли «De profundo», имъ вторили епископъ, священники, монахи и народъ. Герцогъ Бретанскій присутствовалъ лично при казни. Какъ только тѣло было помѣщено на висѣлицу надъ пылающимъ костромъ, съ противоположной стороны послышалось погребальное пѣніе. Это приближалась группа монаховъ, несшая гробъ съ гербомъ барона и маршала Франціи, предшествуемая шестью дамами, одѣтыми въ платья съ гербами и съ бѣлыми покрывалами на головахъ. Онѣ сопровождали жену и четырнадцатилѣтнюю дочь барона, явившихся за смертными останками несчастнаго. Снявъ съ висѣлицы болтавшееся тѣло, монахи положили его въ гробъ и отнесли въ церковь, гдѣ была отслужена заупокойная обѣдня. Въ назиданіе того, чтобы дѣти помнили о карѣ, какая слѣдуетъ за подобнымъ преступленіемъ, жители владѣній Рэ били ихъ три дня до крови кнутами, а отцы и матери три дня постились.

— Разговоры Людовика XIV и Кольбера. На страницахъ «Revue de Paris» была помѣщена интересная статья Эрнеста Лависса [1]), составленная на основаніи писемъ Людовика XIV и его министра Кольбера. Эти письма живо рисуютъ портреты, какъ министра, такъ и короля. Первый — человѣкъ сильной воли, создавшій себѣ идеалъ короля, полководца простой и практичной арміи, короля-судьи, справедливо преслѣдующаго преступленія, короля-покровителя труда и рабочихъ,—стремящійся пробудить въ Людовикѣ XIV всѣ

---

[1]) Dialogues entre Louis et Colbert, par Ernest Lavisse. «Revue de Paris». Decembre 1900. Janvier 1901.

эти качества. Второй—съ совершенно противоположными идеалами и стремленіями, сильно противящійся своему министру, хотя въ любезной, мягкой формѣ. Министръ говорилъ, что первый долгъ короля—защищать своихъ подданныхъ, второй—быть справедливымъ относительно народа. Онъ говорилъ, что «король, почитающій трудъ и всѣхъ трудящихся, дѣлаетъ всѣ профессіи, которыя клонятся къ благу народа, полезными и почтенными, т.-е. солдатъ, торговцевъ, хлѣбопашцевъ и поденщиковъ», и добавлялъ, что «трудны условія людей, которые стремятся къ освобожденію себя отъ работы, клонящейся ко благу государства». Несмотря на разницу взглядовъ, ихъ отношенія тѣмъ не менѣе были очень близкія. Людовикъ XIV посвящалъ своего министра въ свои любовныя интриги съ Ла-Вальеръ, а затѣмъ Монтеспанъ, поручалъ заботиться о своихъ незаконныхъ дѣтяхъ и составлять для нихъ титулы. Они очень часто переписывались не только, когда король былъ на войнѣ, въ Версалѣ или Сенъ-Жерменѣ, но даже когда они оба были въ Парижѣ. Случалось, что Людовикъ и министръ находили неудобнымъ, или не могли бесѣдовать лично, и Кольберъ посылалъ Людовику XIV письмо, а послѣдній отвѣчалъ ему тоже письменно, обыкновенно, на поляхъ его же писемъ и въ самой лаконической формѣ. Вслѣдствіе этого Лависсъ назвалъ свою статью «Разговорами Людовика XIV съ Кольберомъ». Изъ этой переписки можно себѣ представить, какъ боролись двѣ воли, не хотѣвшія поддаться другъ другу. Между письмами есть очень замѣчательныя по своей простотѣ. Главнымъ образомъ они касались финансовыхъ вопросовъ. Первый изъ разговоровъ относится ко времени осады Марсалы, когда Людовикъ XIV предпринялъ экспедицію въ Лотарингію. Министръ сдѣлалъ попытку выучить короля считать деньги. Встревоженный тѣмъ, что къ нему со всѣхъ сторонъ летятъ требованія денегъ, онъ просилъ у короля проекта расходовъ, «насколько возможно точнаго», такъ какъ это «безусловно необходимо», если бы «ваше величество было освѣдомлено о нихъ на столько, какъ освѣдомлено о доходахъ, тогда бы оно судило, что возможно и что не возможно». Затѣмъ онъ увѣдомляетъ, что сдѣлать заемъ нельзя, и высказываетъ свою заботу о народѣ: «нищета народа страшная, годъ былъ тяжелый, и надо купить хлѣба, чтобы спасти народъ отъ голода». Это замѣчаніе смутило короля, повидимому, не имѣвшаго понятія о положеніи дѣла. Онъ пишетъ: «Не знаю, много ли вамъ говорятъ о требованіяхъ, но мнѣ извѣстно, что я выдавалъ ихъ немного. Въ будущемъ я буду осторожнѣе, чѣмъ прежде, и прикажу, чтобы присылали ихъ только въ случаѣ необходимости». Чтобы пріучить короля къ бережливости, Кольберъ не сталъ выдавать денегъ по требованіямъ иначе, какъ съ подписью Людовика XIV, дабы послѣдній научился понимать цѣну вещамъ, и при этомъ каждый разъ повторялъ о плохомъ состояніи дохода и о бѣдствіи народа. Въ 1670 году король, повидимому, началъ пріобрѣтать привычку къ порядку. Онъ уже сталъ самъ требовать у министра отчетовъ. Король писалъ: «Увѣдомьте меня, отъ чего уменьшились доходы откуповъ?» Но въ то же время изъ его писемъ видно, что онъ вполнѣ полагается на своего министра. Такъ по вопросу о налогѣ на бумагу Людовикъ XIV отвѣчаетъ: «Я говорю вамъ мое мнѣніе, которое мнѣ кажется лучшимъ, но, прежде всего, я кончаю, какъ и началъ, полагаясь вполнѣ на

васъ». При всемъ своемъ стараніи министръ не могъ пріучить этого въ своемъ родѣ пунктуальнаго и аккуратнаго короля имѣть свои сужденія, свою инціативу. На всѣ запросы министра выразить свою волю въ различныхъ распоряженіяхъ король отвѣчалъ: «Вамъ лучше знать» или «Я приказываю вамъ поступать, какъ вамъ угодно». Въ обращеніи короля съ министромъ замѣтна ласка, мягкость. Когда Кольберъ увѣдомилъ Людовика XIV, 1 января 1673 года, что финансы въ хорошемъ положеніи, то король отвѣчалъ: «Увѣряю васъ, вы доставили мнѣ первое удовольствіе въ этомъ году. Въ теченіе этого года я докажу вамъ, насколько я доволенъ вашими услугами и вами». Но позднѣе на опасенія Кольбера, что заемъ не устроится, король также любезно и беззаботно пишетъ: «Другой на вашемъ мѣстѣ затруднился бы, но вы, я увѣренъ, устроите такъ, что не будетъ ни въ чемъ недостатка». Бывало, что этотъ холодный, насупленный министръ терялъ свой смиренный видъ, выходилъ изъ себя и выдавалъ свой долго скрываемый гнѣвъ не совсѣмъ вѣжливыми выходками. Въ такихъ случаяхъ король отдѣлывался или непониманіемъ замѣчаній министра, или какой нибудь любезностью, а иногда у нихъ завязывался горячій споръ, доходившій до ссоры. Помыслы министра увлечь короля морскимъ дѣломъ не могли заинтересовать короля, не любившаго «капризовъ моря». Людовикъ XIV оплачивалъ министра по-королевски. Кольберъ получалъ болѣе ста тысячъ ливровъ. Кромѣ того, король назначалъ ему громадныя награды въ 400.000 ливровъ «въ уваженіе за его заслуги и чтобы дать ему возможность продолжать ихъ». Людовикъ XIV простиралъ свою щедрость до того, что награждалъ его дочерей приданымъ, и мужу одной изъ нихъ, герцогу Мортемару, онъ приказалъ выдать 1.400,000 ливровъ. Несмотря на то, что Кольберъ сдѣлался самымъ богатымъ человѣкомъ во Франціи, онъ не брезгалъ ни крупными ни мелкими выгодами, что̀ подтверждается слѣдующимъ письмомъ, сильно роняющимъ престижъ министра: «Ваше величество имѣетъ привычку давать пенсіи лицамъ, служащимъ у него, если ваше величество находитъ, что должность смотрителя надъ постройками тоже относится къ службѣ, то я попрошу ваше величество оказать милость Ормуа и помочь ему завести экипажъ и выдавать содержаніе». Ормуа былъ третій сынъ Кольбера, лѣнивый и неспособный исполнять свою должность, что прекрасно зналъ Кольберъ. Людовикъ XIV, хотя и помнилъ суммы, выдаваемыя Кольберу даже въ тѣ годы, когда министръ плакался на народный голодъ «повсюду громадный», все-таки написалъ своею рукою на поляхъ письма министра «6.000 ливровъ». Но, несмотря на отсутствіе иниціативы, Людовикъ болѣе всего боялся подпасть подъ вліяніе или вѣрнѣе, чтобы думали, что онъ подпалъ подъ вліяніе. Однажды Кольберъ, недовольный какимъ-то новымъ распоряженіемъ, велъ себя въ разговорѣ съ королемъ настолько рѣзко, что черезъ два дня получилъ длинное письмо отъ короля, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, пишетъ: «Я настолько владѣлъ собою третьяго дня, что не доказалъ вамъ, какъ мнѣ было тяжело слышать, чтобы человѣкъ, котораго я осыпаю милостями, какъ васъ, говорилъ со мною такъ рѣзко». Причиной споровъ чаще всего былъ Версальскій дворецъ. Министръ былъ недоволенъ, что Людовикъ предпочитаетъ его Лувру. По его мнѣнію, эта затѣя ввела короля въ страшные расходы, кото-

рые можно было бы употребить съ большею пользою на окончаніе постройки Лувра. Но король не любилъ Парижа, во-первыхъ, изъ-за воспоминанія о фрондѣ и своемъ бѣгствѣ, а также за его суету. Относительно этого вопроса министръ писалъ въ 1663 г.: «этотъ домъ относится болѣе къ развлеченію и удовольствію вашего величества, чѣмъ къ вашей славѣ». Послѣ того какъ потратили на него 500.000 экю, министръ писалъ: «не извѣстно, гдѣ ихъ найти». Этимъ временемъ Лувръ, который, по словамъ Кольбера, «былъ самый превосходный дворецъ, какой только есть въ свѣтѣ, и наиболѣе достойный вашего величества», оставался недоконченнымъ. Въ сущности министръ не питалъ отвращенія къ постройкамъ и какъ ни былъ скупъ на расходы, но никогда не упорствовалъ, когда вопросъ, касался короля, такъ какъ, по его словамъ, «ничто не увѣковѣчиваетъ такъ величіе и умъ королей, какъ постройки, и потомство судитъ о государяхъ по превосходнымъ зданіямъ, какіе они воздвигли во время своей жизни». Министръ настаивалъ на окончаніи Лувра, король упорствовалъ, а расходы по Версалю все болѣе и болѣе увеличивались. Кольберъ любилъ Парижъ, заботился его возвысить и украсить, какъ первую столицу, и боготворилъ Лувръ, какъ старый дворецъ французскихъ королей. Вся его забота сосредоточивалась на немъ. Онъ мечталъ воздвигнуть въ самомъ сердцѣ французскаго королевства — Парижѣ, дворецъ Франціи. «Этотъ дворецъ, — говорилъ министръ, — долженъ отличаться не только великолѣпіемъ и удобствомъ, но также своей надежностью, какъ главное мѣстопребываніе королей, въ самомъ большомъ и населенномъ городѣ, подверженномъ разнымъ революціямъ». Онъ входилъ во всѣ подробности постройки и замѣчалъ: «входы не должны быть легко доступны, и зданіе должно вселять народу почтеніе и оставлять впечатлѣніе силы». 21-го апрѣля 1666 года министръ бесѣдовалъ съ королемъ и разгорячившись высказалъ ему непріятную правду, но на другой день извинился письменно. Это извиненіе было весьма оригинально, такъ какъ въ письмѣ онъ сказалъ еще больше правды. Письмо довольно длинное, но выдержки даютъ понятіе объ общемъ его тонѣ. Онъ писалъ, что наговорилъ «сильныхъ вещей», но его «такое тяжелое ремесло», и онъ «шесть мѣсяцевъ удерживался», но «не выдержалъ болѣе». «Кажется, ваше величество, — пишетъ онъ, — предпочитаетъ развлеченія и удовольствія всему другому». Коснувшись расходовъ, онъ упрекаетъ короля, что они увеличились, и перебираетъ всѣ траты короля. Это длинное письмо прекрасно характеризуетъ Людовика XIV и его правительство. Король на другой день не показалъ виду, какое произвело оно на него впечатлѣніе. Въ 1666 году, когда снова коснулся вопросъ объ увеличеніи флота нѣсколькими судами, король одобрилъ и даже увеличилъ его планъ. Но министръ написалъ ему: «Когда-то, ваше величество, говорили мнѣ, что это такъ важно для вашей славы, и потому можно отказать себѣ въ лишнемъ кускѣ, чтобы снарядить флотъ, и въ то же время ваше величество расходуетъ двѣсти тысячъ франковъ чистыми деньгами на одни путешествія въ Версаль; триста тысячъ франковъ на свою и королевы игру и пятьдесятъ тысячъ ливровъ на необыкновенные банкеты». Въ головѣ министра зарождались одинъ за другимъ широкіе планы. Онъ мечталъ поднять пришедшую въ упадокъ мануфактуру, ввести иностранную промышленность, устроить повсюду работы, органи-

зовать торговлю, дать морской торговлѣ опору съ помощью военнаго флота и много другихъ не менѣе широкихъ плановъ. Но на это требовались громадныя суммы, и онѣ были, но уходили на расходы короля. Людовикъ XIV требовалъ на одни путешествія въ Версаль, продолжавшіяся только три дня, двѣсти тысячъ ливровъ. Между тѣмъ какъ министръ не могъ употребить даже въ благопріятное финансовое время подобной суммы на поправку развалившихся дорогъ или на укрѣпленіе Канады. Суммы проигрываемыя королемъ и г-жей Монтеспанъ за одинъ пріемъ въ карты были больше, чѣмъ требуемыя на устройство рѣчной плотины. Всѣ эти соображенія сильно волновали министра. Мечта Кольбера сдѣлать изъ короля Франціи идеальнаго правителя разбивалась о дѣйствительность, и онъ сталъ приходить въ разочарованіе, отъ котораго и умеръ.

— Кавалеръ Д'Eонъ въ Версалѣ при Людовикѣ XVI. Уже много писали о пресловутомъ кавалерѣ Д'Eонѣ, и казалось, что документальные источники должны были бы изсякнуть. Между тѣмъ на свѣтъ явились новые документы, по которымъ Поль Фромажо написалъ статью [1]), помѣщенную въ «Carnet Historique et Litteraire». Эти документы относятся къ 1777—1779 годамъ, когда кавалеръ д'Eонъ находился въ Версалѣ и подвергнулся извѣстной метаморфозѣ. Они были пріобрѣтены, по словамъ автора, на любопытной публичной продажѣ различныхъ документовъ и книгъ, состоявшейся въ прошломъ году. Неизвѣстно, какъ они попали изъ Лондона, гдѣ умеръ въ 1810 году Д'Eонъ, въ Парижъ. Многіе изъ нихъ, очень важные, были одолжены автору однимъ колекціонеромъ, послѣ того, какъ по нимъ былъ написанъ въ «Carnet de la Sabretache» интерссный очеркъ. Все, что касается до похожденій Д'Eона въ Россіи, основано на статьѣ Гальярде, а потому не заслуживаетъ, какъ извѣстно, никакой вѣры. Что же касается свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о пребываній Д'Eона въ Версалѣ послѣ возвращенія изъ Англіи, то они основаны на новыхъ документахъ. Проѣзжая черезъ Сенъ-Дени, Д'Eонъ сдѣлалъ визитъ принцессѣ Луизѣ, настоятельницѣ монастыря Кармелитокъ. Послѣдняя, не отодвигая занавѣсей, закрывавшихъ рѣшетку ея отдѣльной пріемной, вела съ нимъ бесѣду, не желая его принять у себя въ мужскомъ платьѣ. Она упрекала, что дѣвицѣ не пристойно ходить въ мужской одеждѣ, на что Д'Eонъ отвѣчалъ: «но я думаю, что будетъ осторожнѣе, если я послѣдую закону римскаго императора, который запрещалъ дѣвушкамъ получать монашеское покрывало ранѣе сорока пяти лѣтъ. Какъ же я могъ появиться сегодня передъ очами августѣйшей дочери Людовика XV, если у меня нѣтъ никакого женскаго платья?» Изъ этого разговора можно понять, что Д'Eонъ не отрицалъ своею женскаго пола. Но это можно принять и за шутку со стороны Д'Eона и за желаніе поддерживать интересъ къ себѣ въ обществѣ. Несмотря на совѣты принцессы, Д'Eонъ не снялъ своего мужского костюма и отправился къ графу Верженъ, который испугался, видя его еще въ военной формѣ. Но, нѣсколько часовъ спустя, дѣло приняло другой оборотъ «вслѣдствіе вѣжливаго

[1]) La chevalière D'Eon à Versailles en 1777. «Le Carnet Historique et Littera ire, par P. Fromageot.

благопристойнаго визита, который ему сдѣлалъ М. Льето, первый докторъ короля и королевы, въ сопровожденіи двухъ придворныхъ матронъ». Послѣ этого графъ Верженъ увѣдомилъ его о приказѣ короля скинуть мужскую одежду и нигдѣ не показываться иначе, какъ въ женскомъ костюмѣ. Въ случаѣ неповиновенія ему угрожало заточеніе въ женскомъ монастырѣ. Д'Еонъ, невзирая на это, продолжалъ носить мужское платье, что вызвало слѣдующее распоряженіе со стороны графа Верженя: «Отъ имени короля, приказано Шарлю-Женевьевѣ-Луизѣ-Августѣ-Андрею Д'Еонъ де-Бомонъ перестать носить драгунскую форму и снова надѣть приличныя своему полу платья съ запрещеніемъ показываться въ королевствѣ въ другомъ, кромѣ женскаго, одѣяніи. Написано въ Версалѣ, 27 августа 1777 г. Луи-Гравье де-Верженъ». Наконецъ Д'Еонъ, повидимому, повиновался приказу короля, такъ какъ существуютъ длинные счета поручика, помѣченные сентябремъ мѣсяцемъ, 1777 г. Но, судя по нимъ, можно убѣдиться, что Д'Еонъ не всегда носилъ платья только чернаго цвѣта, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки. Такъ одна изъ мелкихъ портнихъ Антуанета Майо сдѣлала ему пять платьевъ, изъ которыхъ одно было изъ сѣрой тафты, второе небесно-голубого цвѣта съ рисункомъ, третье того же цвѣта съ полосами, четвертое золотистокоричневаго и только пятое было чернаго цвѣта. Затѣмъ слѣдуютъ два домашніе костюма, восемь корсетовъ, шесть юбокъ, столько же пеньюаровъ и прочихъ дамскихъ принадлежностей. Д'Еонъ не повиновался указу короля вслѣдствіе ли того, что портниха опоздала доставить ему женскія платья, или почему другому, но, повидимому, онъ былъ заключенъ въ монастырь. Въ одной изъ книгъ его библіотеки найдено множество листовъ, исписанныхъ его рукою, на которыхъ онъ заносилъ свои впечатлѣнія впродолженіе своего пребыванія въ монастырѣ, а также и по выходѣ оттуда. Эти странныя рукописи принадлежатъ частному лицу и озаглавлены: «Относительно моей перемѣны». Вотъ одинъ изъ этихъ документовъ: «Послѣ приговора англійскаго суда, который не удовольствовался признать меня женщиной, но объявилъ меня даже дѣвушкой, по моемъ возвращеніи въ Версаль я долженъ былъ перемѣнить по приказу закона и короля платье, рубашку, помѣщеніе, мнѣніе, языкъ, цвѣтъ, лицо, моду, сужденія, тонъ и манеры. У меня отняли мужское платье, и мнѣ осталась только моя дѣвственность, которая не утѣшила меня въ потерѣ самой драгоцѣнной для меня вещи. Мое моментальное публичное превращеніе обратило мою бѣду въ благо. Извѣстно, что лучше итти на небо по новой дорогѣ, чѣмъ оставаться на старой, ведущей въ адъ. Извѣстно также, что еще лучше быть доброй дѣвушкой, чѣмъ дурнымъ юношей»..... Затѣмъ еще любопытнѣе его замѣчанія, подтверждающія, если вѣрить въ подлинность этихъ замѣтокъ, фактъ его пребыванія въ монастырѣ и оригинальность этого пребыванія въ немъ: «Въ моемъ заточеніи въ монастырѣ я была неспособна ни на какое зло, а лишь на добро, такъ какъ находилась съ моими вѣрными сотоварками. Я проводила все время въ молитвѣ, въ одѣваніи и раздѣваніи и исполненіи обязанностей и занятій христіанскихъ дѣвушекъ. Но мнѣ это скоро надоѣдо. Чѣмъ я болѣе философствую надъ моимъ положеніемъ, тѣмъ менѣе я сожалѣю о несчастіи, которое мнѣ принесло мое паденіе съ лошади, сдѣлавшееся причиной моего несчастія и моего счастія. Королева

узнала, что монастырская жизнь мнѣ безконечно надоѣла, и тотчасъ же велѣла мнѣ выйти оттуда, чтобы войти въ кружекъ женщинъ, находящихся при ней въ Версалѣ, для скорѣйшей и полной моей дрессировки». Послѣднія фразы подтверждаютъ, что онъ поселился въ Версалѣ, въ почтенной семьѣ, находящейся на службѣ у королевы. Это было семейство Женэ, уроженца Тоннера и стариннаго знакомаго Д'Еона. Женэ былъ крупный чиновникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и находился подъ начальствомъ графа де-Верженя. Его жена и три дочери состояли при Маріи-Антуанетѣ въ различныхъ должностяхъ. Одна изъ нихъ, г-жа Кампанъ, оставила мемуары по этому поводу. О Д'Еонъ и его пребываніи при дворѣ она говоритъ, по словамъ автора, какъ-то презрительно и съ оттѣнкомъ пренебреженія. Она полагаетъ, что графъ де-Верженъ и сама королева знали, чего держаться относительно его настоящаго пола, который обнаружился послѣ его смерти. Но, судя по письмамъ,—говоритъ Фромажо,—вѣроятнѣе всего, что всѣ они совершенно ошибались. Когда въ октябрѣ 1777 г. Д'Еонъ поселился у Женэ, гдѣ о немъ заботились жена и дочери послѣдняго, то королева настолько была заинтересована имъ, что поручила своей портнихѣ, знаменитой Бертень, сдѣлать для Д'Еона туалеты, въ которыхъ можно было появляться при дворѣ. Во время того, какъ Д'Еонъ поселился въ семействѣ Женэ, г-жа Женэ писала матери Д'Еона: «Его мѣстопребываніемъ назначенъ Версаль. Моему мужу поручено объяснить вамъ особыя причины, которыя заставили графа и графиню Морепа, а также графа де-Верженя, остановить свой выборъ на моемъ домѣ, чтобы помѣстить дѣвицу д'Еонъ на пансіонъ. Посѣщенія Д'Еономъ королевы и короля въ Версалѣ до сихъ поръ оспаривалось историками, но Фромажо приводитъ письмо г-жи Женэ къ матери Д'Еона: «Съ тѣхъ поръ какъ ваша дочь живетъ у меня, я и мои дочери, Кампанъ, Руссо и Женэ заботимся, чтобы она аккуратно исполняла всѣ наши обычаи. Она уже не стѣсняется въ своемъ платьѣ, корсетѣ и обуви и находитъ его одинаково удобнымъ и приличнымъ. Она чувствуетъ, что должна будетъ его носить всегда, и потому привыкаетъ къ нему болѣе по разсудку, чѣмъ по необходимости. Впрочемъ, я замѣчаю, что она скучаетъ, оставаясь весь день безвыходно въ одной комнатѣ съ моими дочерьми. Она не играетъ ни въ какую игру; еще менѣе того любитъ рукодѣлье и, какъ милость, вышиваетъ коверъ. Все ея удовольствіе состоитъ въ чтеніи. Она пользуется моей каретой и каретой изъ главной конюшни короля, которую ей посылаетъ г-нъ Лансонъ при первомъ ея требованіи. Онъ это дѣлаетъ съ удовольствіемъ тѣмъ болѣе, что его жена, прежняя старшая камеристка принцессы Луизы, которая изъ своего затворничества покровительствуетъ вашей дочери при дворѣ. Самое тяжелое для нея это надѣвать великолѣпные подарки королевы и придворныхъ дамъ, быть обязанной каждый день передъ обѣдомъ совершенно переодѣваться и показываться въ нарядныхъ платьяхъ по воскресеньямъ и въ праздники въ часовнѣ короля и королевы и въ комнатахъ дворца. Королева къ ней очень добра, какъ въ Версалѣ, такъ и въ Тріанонѣ, куда по приказанію королевы ваша дочь ѣздитъ съ моими дочерьми на ея семейные балы. Когда она тамъ бываетъ, королева посылаетъ ей лучшія вина и лучшія блюда со своего стола». Послѣдняя фраза доказываетъ, что она не присутствовала

на придворныхъ обѣдахъ, ей только посылались съ королевской кухни кушанья, но вмѣстѣ съ тѣмъ упоминается, что Д'Еонъ по приказанію королевы присутствовалъ на ея балахъ въ Тріанонѣ. Позже г-жа Женэ пишетъ: «Я болѣе не сомнѣваюсь въ ея желаніи найти успокоеніе въ брачной жизни». Авторъ приводитъ много писемъ, изъ которыхъ видно, что Д'Еона признавало за женщину все парижское высшее общество. Между прочимъ есть письмо сестры, которая все время обращалась къ нему, какъ къ брату. Но съ возвращеніемъ его изъ Лондона, она, а также и его мать, стали обращаться къ нему, какъ къ женщинѣ. Послѣдняя называетъ его: «моя дорогая дочь», адресуя письма на имя «г-жи кавалерши Д'Еонъ». Но Д'Еону вскорѣ наскучило жить у Женэ, и онъ перебрался въ меблированную квартиру въ улицѣ Конти, гдѣ оставался недѣлю, а затѣмъ въ 1778 г. онъ совершенно покинулъ семью Женэ и поселился въ улицѣ Ноайль, въ домѣ г-на Маржу. Квартира, судя по годовой платѣ въ 372 ливра, была не большая, но счета поставщиковъ доказываютъ, что она была недурно меблирована и устроена съ комфортомъ. Авторъ приводитъ между прочимъ письмо, которое сообщилъ ему М. Губеръ отъ сестеръ Сенъ-Сирской обители. Онъ замѣчаетъ, что Гальярде неправильно говорилъ, что Д'Еонъ провелъ у нихъ восемь дней: такъ въ записной книжкѣ Д'Еона распредѣлено день въ день его время, и нигдѣ не видно, чтобы Д'Еонъ остался тамъ хотя бы одну ночь. Слѣдующая фраза въ письмѣ къ одной изъ сестеръ Сенъ-Сирской обители довольно характерна: «Только бы г-жа де-Моншеврейль не присылала мнѣ къ обѣду конфетъ и варенья. Моя мать мнѣ говорила всегда въ дѣтствѣ, что только женщины ѣдятъ конфеты и варенье, по этой причинѣ я ихъ никогда не ѣла, боясь раскрыть мою тайну». Въ то же время, какъ Д'Еона обвиняли въ неповиновеніи королю относительно его женскаго костюма, его подозрѣвали также въ тайной перепискѣ съ Англіей. Вотъ какъ Фромажо описываетъ арестъ Д'Еона. Ничего не подозрѣвая, послѣдній рѣшилъ въ мартѣ 1779 года отправиться въ обществѣ своего зятя, кавалера о'Горманъ, и его друга на нѣсколько дней въ Тонеръ. Было рѣшено, что о'Горманъ заѣдетъ за нимъ въ Версаль, въ субботу 20-го марта, чтобы на другой день отправиться въ путь. По всей вѣроятности, говоритъ авторъ, полицейскій офицеръ былъ предупрежденъ объ этомъ планѣ. Въ субботу утромъ два полицейскіе съ тайнымъ повелѣніемъ объ арестѣ явились въ квартиру Д'Еонъ и къ крайнему волненію прислуги усадили его въ коляску и увезли неизвѣстно куда. Спустя два или три дня, упомянутая коляска отвезла его въ старый Дижонскій замокъ, служившій въ то время тюрьмою, гдѣ кавалеръ Д'Еонъ былъ засаженъ безъ всякаго разбирательства дѣла. Вскорѣ послѣ отъѣзда узника, 20-го марта 1779 года, въ 10 часовъ утра, королевскій прокуроръ Кло явился въ квартиру кавалерши Д'Еонъ, чтобы наложить печать на ея вещи и бумаги. Въ протоколѣ Кло заявилъ, что послѣ того, какъ слуга кавалерши Д'Еонъ, по имени Пилль, провелъ его въ квартиру, онъ осмотрѣлъ всѣ найденныя бумаги, собралъ ихъ въ одной комнатѣ и запечаталъ. Нѣсколько дней спустя, тотъ же самый прокуроръ во второмъ протоколѣ заявляетъ, что послѣ осмотра бумагъ, найденныхъ у кавалерши Д'Еонъ, «не нашлось ни одной подозрительной», а потому онъ вручилъ ихъ кавалеру о'Горманъ для передачи

Д'Еону. Въ это время о'Горманъ хлопоталъ объ освобожденіи свояченицы, и наконецъ 13 апрѣля 1779 г. вышелъ приказъ освободить кавалера Д'Еонъ, но съ условіемъ, чтобы онъ прямо отправился въ Тоннеръ и болѣе оттуда не выѣзжалъ. Въ 1785 году кавалеру Д'Еонъ разрѣшили поѣхать въ Лондонъ, такъ какъ миръ съ Англіей былъ заключёнъ, и болѣе не было причинъ обвинять его въ шпіонствѣ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Версаль и Парижъ на короткій срокъ, а затѣмъ отправился въ женскомъ платьѣ въ Лондонъ, гдѣ продолжалъ его носить уже по своему желанію.

— Наполеонъ I и Индія. Извѣстно, что успѣхъ Англіи, какъ перво-класснаго государства, не давалъ Наполеону покоя. Его честолюбивою мечтой было уронить престижъ Англіи до второстепеннаго государства посредствомъ завоеванія Индіи. Объ его сухопутномъ походѣ къ Гангу уже писалъ историкъ Сорель, что же касается до морской экспедиціи, задуманной Наполеономъ, то въ колоніальныхъ архивахъ Иль-де-Франса хранилось много данныхъ, относящихся до этого вопроса. Недавно появился новый трудъ ученаго Пранту, касающійся этой экспедиціи. Почтенный авторъ извлекъ изъ архивовъ все относящееся до этого предпріятія и представилъ свой отчетъ Сорбоннѣ. По словамъ Пранту, Наполеонъ считалъ необходимымъ прежде всего овладѣть Иль-де-Франсомъ, какъ важнымъ пунктомъ, охраняющимъ неприкосновенность Индіи, такъ какъ его географическое положеніе между Мадагаскаромъ и Индіей было благопріятно для желаемаго похода. Онъ служилъ приманкой какъ для французовъ, такъ и для англичанъ. Французы владѣли имъ съ 1715 г. до Амьенскаго мира, а затѣмъ онъ былъ отнятъ англичанами, но въ 1812 году французы получили его вновь. Исполнителемъ этого труднаго шага Наполеонъ выбралъ преданнаго ему душею и тѣломъ генерала Декаена. Трудно было найти императору болѣе подходящаго человѣка. Въ немъ совмѣщались всѣ качества, могущія служить орудіемъ для достиженія славы честолюбиваго завоеванія: безумная храбрость, отвага и замѣчательное хладнокровіе въ самыхъ горячихъ бояхъ. Простой республиканскій воинъ, онъ не мечталъ о богатствѣ и всею душою отдавался страсти къ войнѣ, не думая о будущихъ благахъ и богатствѣ. Наполеонъ написалъ ему: «Вамъ предстоитъ, генералъ, задача, чтобы при незначительныхъ силахъ быть всегда готовымъ ко всѣмъ политическимъ и военнымъ событіямъ и создать для Франціи новый торговый рынокъ. Точное исполненіе приказаній перваго консула послужитъ къ славѣ генерала, которая переживетъ вѣка и поколѣнія». Что этимъ намекалъ Наполеонъ на свою любимую мечту овладѣть Индіей, доказываетъ сопоставленіе этихъ словъ съ его распоряженіями того времени. Такъ въ 1799 году во время экспедиціи въ Египетъ онъ писалъ къ Типпо Саибу; въ 1801 году онъ велъ переговоры съ императоромъ Павломъ I; въ 1805 г. онъ отдавалъ приказы Декрэ; въ 1807 г. онъ заключилъ трактатъ съ Персіей и посылалъ миссію генерала Гордона; наконецъ въ 1808 г. онъ послалъ письмо къ императору Алекса[illegible] Во всѣхъ его распоряженіяхъ проглядываетъ мысль о завоеваніи Индіи. Походъ въ Россію былъ первымъ проявленіемъ этой мысли, а Москва первымъ приваломъ въ будущемъ великомъ походѣ. Декаенъ понялъ желаніе Наполеона. Не ожидая дальнѣйшихъ приказаній, онъ

высадился въ Пондишери и сталъ требовать отъ англичанъ сдачи города. Но англичане понимали цѣну Иль-де-Франса и не сдались. Не даромъ лордъ Чатамъ говорилъ: «Пока Иль-де-Франсъ въ рукахъ французовъ, Индія не будетъ принадлежать англичанамъ». Декаенъ упорствовалъ, но новое распоряженіе Наполеона удержало его отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Уже все было готово къ войнѣ съ Англіей. Базисомъ военныхъ дѣйствій былъ выбранъ Иль-де-Франсъ, а мѣстомъ сраженія Индійскій океанъ. Составъ эскадры заключался въ 56 судахъ, и Декаенъ ожидалъ только распоряженій Наполеона. Но послѣдній увлекся событіями Европы, и рѣшеніе вопроса остановилось; война же съ Испаніей заставила его совершенно отказаться отъ этого плана. Декаенъ не легко примирился съ этою мыслью и предпринялъ каперскую кампанію, въ которой захватилъ пять англійскихъ судовъ, но скоро сильная эскадра непріятеля принудила его сдаться. Вѣнскій миръ докончилъ дѣло, и Иль-де-Франсъ остался за Англіей. Англичане перемѣнили даже его названіе, чтобы совершенно уничтожить память о французахъ, и островъ получилъ названіе св. Маврикія.

— **Николай І-й и генералъ Кастельбажакъ.** Въ апрѣльскомъ нумерѣ «Le Carnet Historique et Littéraire» помѣщена интересная статья барона Дюрье [1]) объ отношеніяхъ императора Николая І-го къ Наполеону III. Матеріаломъ для этой статьи послужили бумаги французскаго посланника въ Россіи, генерала де-Кастельбажака. По словамъ автора, когда императоръ узналъ объ іюльской монархіи, то спросилъ французскаго уполномоченнаго въ Петербургѣ де-Бургуанъ: «Что же, получили вы извѣстіе отъ вашего правительства, то-есть отъ намѣстника? Вы знаете, что я не признаю иного порядка вещей и считаю его единственнымъ законнымъ, потому что онъ одинъ вытекаетъ изъ законнаго королевскаго авторитета». «Эта презрительная фраза,—говоритъ баронъ Дюрье,—объясняетъ поведеніе императора относительно правительства Луи-Филиппа, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ. Только гораздо позже оба государя звали другъ друга: «monsieur, mon frère», но и тогда императоръ Николай не выказывалъ дружескаго расположенія къ Луи-Филиппу. Французская революція 1848 года и анархическія манифестаціи почти офиціальнаго характера возбудили въ Россіи сильныя опасенія, однако не возбудивъ сожалѣнія о положеніи вещей, которое скорѣе терпѣли, чѣмъ признавали. При такихъ-то обстоятельствахъ прибылъ въ Петербургъ генералъ, маркизъ де-Кастельбажакъ, въ декабрѣ 1849 года, назначенный принцемъ-президентомъ въ качествѣ полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника въ Россіи. Маркизъ Арманъ де-Кастельбажакъ родился 12-го іюня 1787 года, въ замкѣ Рико (Верхніе Пиринеи). Онъ началъ свою блестящую карьеру на военномъ поприщѣ, принявъ участіе въ войнахъ имперіи въ качествѣ офицера легкой кавалеріи, и впослѣдствіи былъ произведенъ въ драгунскіе полковники королевской гвардіи. Въ 1830 году онъ былъ уволенъ и снова возвратился на службу въ 1837 году и назначенъ послѣдовательно генеральнымъ инспекторомъ кавалеріи и командиромъ второй дивизіи въ Бордо. Отрѣшенный отъ должности вре-

---

[1]) «Nicolas I et l'avènement de Napoléon III. «Le Carnet Historique et Littéraire», avril 1901.

меннымъ правительствомъ въ 1848 году, маркизъ удалился въ свое имѣніе де-Комонъ, и тамъ-то онъ получилъ приказъ отъ принца-президента о новомъ назначеніи. Генералъ Кастельбажакъ былъ предтеча русско-французскаго союза, который онъ всегда превозносилъ, всѣ его депеши свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ усиленно хлопоталъ у своего правительства въ этомъ направленіи. Историки той эпохи, какъ Тувенель, Сорель и Сентъ-Аманъ, удостовѣряютъ то же. По своемъ прибытіи въ Петербургъ, генералъ Кастельбажакъ превосходно описалъ портретъ Николая I въ своемъ докладѣ принцу президенту: «Императоръ,—писалъ онъ,—человѣкъ вполнѣ замѣчательный, какъ морально, такъ и физически, а, какъ государь, онъ очень деспотиченъ въ вопросѣ религіи, человѣченъ, твердъ и просвѣщенъ, что требуется для обширной Русской имперіи, въ виду условій ея національной цивилизаціи и общественнаго строя. Сверхъ того, онъ на высотѣ той роли, насколько это доступно человѣку въ наше время, которую онъ необходимо призванъ играть въ важныхъ революціонныхъ усложненіяхъ Европы. Его физическая и моральная дѣятельность удивительна: императорскія воспитательныя заведенія, городскія больницы, военный госпиталь, канцелярія министерства, мастерская построекъ, казармы, а также самый послѣдняя изъ гауптвахтъ,—все это подвергается днемъ или ночью его неожиданнымъ посѣщеніямъ, куда онъ является пѣшкомъ, въ саняхъ или дрожкахъ, совершенно одинъ, и даже его лакей не знаетъ, куда онъ ѣдетъ. На улицахъ, гдѣ онъ прогуливается ежедневно одинъ, смѣшавшись съ толпой, самый послѣдній изъ его подданныхъ можетъ его остановить и вручить ему просьбу; обыкновенно черезъ 24 часа онъ даетъ отвѣтъ. Манеры императора Николая благородны, полны достоинства, и въ то же время въ нихъ видно радушіе. Сердце у него великодушное и доброе, но онъ неумолимъ къ тѣмъ, кто его обманываетъ; онъ думалъ, что въ правѣ жаловаться на отсутствіе прямодушія Луи-Филиппа къ нему. Эта причина и любовь къ законности престолонаслѣдія заставляли его дѣйствовать относительно Франціи во все время этого царствованія скорѣе благородно-прямодушно и рыцарски, чѣмъ какъ политическаго государя, жертвующаго своимъ отвращеніемъ къ человѣку, ради великаго принципа поддержанія авторитета». Маркизъ Кастельбажакъ имѣлъ случай находиться вблизи императора въ качествѣ генерала. На маневрахъ и парадахъ государь никогда не забывалъ приглашать на нихъ французскаго посланника. Принцъ Наполеонъ желалъ знать, какое произвели впечатлѣніе французскія событія на русское правительство. Къ тому же русскій посолъ Киселевъ продолжалъ хворать дольше, чѣмъ допускаетъ обычай, чисто дипломатической болѣзнью. Чувства императора Николая были между тѣмъ далеко не такъ неопредѣленны, какъ у его уполномоченнаго,—говоритъ авторъ, и Тюрго писалъ 23-го декабря по этому поводу маркизу Кастельбажаку: «Благодарю васъ за благія увѣренія, которые вы даете мнѣ по поводу удовольствія, испытаннаго его величествомъ относительно событій 2-го декабря, освященныхъ сегодня семью милліонами съ половиной голосами. Повѣрьте мнѣ, мой дорогой генералъ, и особенно заставьте императора повѣрить, что цѣлая Франція, избавившаяся отъ всѣхъ химеръ, которыми ее долго осаждали, возвратилась, несмотря на усилія партій, къ порядку и авторитету, единственно могущимъ побѣдить

анархію. Мы хотимъ мира, порядка, работы — вотъ наше самолюбіе, слава, и мы достигнемъ, я увѣренъ въ этомъ. Постарайтесь провести эти убѣжденія въ сердце императора, и вы окажете громадную услугу нашей родинѣ. Я не прошу васъ жаловаться на Киселева, но не скрывайте, что по-нашему онъ не справедливъ относительно Франціи, и что его свѣдѣнія очевидно пристрастны, ибо всѣ его личныя связи состоятъ изъ лицъ партіи, отъ которой мы избавились, благодаря Богу и нашей храброй арміи». Поводомъ къ жалобѣ на графа Киселева послужило письмо М. Тувенеля, тогдашняго директора департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, который писалъ 29 января 1852 г. относительно графа Киселева: «Онъ оцѣнилъ по достоинству дѣйствія и приказы принца Луи-Наполеона, но, связанному впродолженіе долгаго времени со старыми политиками, ему трудно не раздѣлять ихъ недовѣрія и отдѣлаться отъ узъ этихъ людей, считающихся за оракуловъ мнѣнія». Затѣмъ тотъ же Тувенель писалъ маркизу Кастельбажаку слѣдующее письмо о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ графомъ Киселевымъ: «Онъ мнѣ сказалъ, что императоръ Николай и петербургскій кабинетъ боятся, чтобы непреодолимое увлеченіе не довело принца до полнаго подражанія своему дядѣ, и чтобы преступная узурпація не нарушила съ одной стороны его прекрасной судьбы и съ другой общаго мира. Я тотчасъ же съ живостью подхватилъ эти слова: преступная узурпація, и спросилъ Киселева, не считаетъ ли онъ преступною узурпаціей уступчивость принца голосу націи, выраженному въ законной формѣ». 1-го января 1852 года генералъ де-Кастельбажакъ сообщилъ Тюрго, что въ Петербургѣ государственный переворотъ былъ принятъ очень благосклонно: «Въ первую минуту императоръ Николай выразилъ свое удовлетвореніе надменно, но когда ему объявили о переворотѣ, то онъ воскликнулъ: «Молодецъ!» Со времени предложенія объ отмѣнѣ закона 31-го мая петербургскій французскій журналъ помѣщалъ недоброжелательныя статьи, взятыя изъ «Times» и «La Correspondance belge», но съ государственнаго переворота было достаточно моего замѣчанія, высказаннаго Нессельроде, чтобы въ этомъ журналѣ стали помѣщать только благопріятныя для Франціи и принца-президента статьи. Если бы была въ обще-взятомъ поведеніи Киселева разсчитаная осторожность, какъ та, какую ученикъ предполагаетъ въ своемъ учителѣ, то я не сомнѣваюсь тогда, что эти мнѣнія сразу перемѣнятся, какъ только онъ получитъ новыя депеши отъ канцлера». По мнѣнію автора, императоръ Николай I съ его суровостью принциповъ и прямотою характера не могъ признавать иного возможнаго правительства во Франціи, какъ легитимизмъ или республику. Въ могуществѣ Наполеона III петербургскій кабинетъ нимало не сомнѣвался, но Николай I съ дѣтства имѣлъ предубѣжденіе противъ имперіи, а содержаніе публичныхъ и тайныхъ трактатовъ между союзными государями совершенно связывали его. Великодушіе его натуры и чувство доброжелательства къ принцу президенту все-таки не могли побороть его отвращенія къ слову имперія. «Тотъ, кого приведетъ необходимость и интересы соціальнаго порядка къ данному факту,—говорилъ Николай I,—будетъ законнымъ и увѣнчаннымъ успѣхомъ, а тотъ, кто предприметъ этотъ шагъ безъ крайней необходимости, будетъ безразсуденъ и фаталенъ». Однако впечатлѣніе русскаго правительства стало мѣняться въ благопріятномъ смыслѣ, и императоръ Николай

уже не касался болѣе сущности вопроса, но только его формы. По этому поводу графъ Нессельроде обратился къ Друэнъ де-Люису съ длинной нотой. Дюрьё приводитъ изъ нея слѣдующую выдержку: «Мы не имѣемъ ни притязаній, ни права указывать французской націи, какую форму правленія она должна выбрать въ своихъ интересахъ. Этотъ вопросъ предпочтенія чисто французскій, и мы ничего въ немъ не усматриваемъ. Но совсѣмъ другое дѣло вопросъ о династіи и нумераціи, которая свидѣтельствуетъ о реставраціи династіи во Франціи. Это касается дѣлъ, актовъ, обязательствъ, всѣхъ международныхъ отношеній, къ которымъ Европа не останется и не можетъ остаться чужда и безразлична. Если наслѣдникъ Наполеона не приметъ нумераціи V, то нумерація III все-таки нарушаетъ исторію. Намъ говорятъ, что Наполеонъ царствовалъ фактически и по праву, что акты выдавались отъ его имени и прочее, но это объясненіе хорошо для Франціи, Европа же на это иначе смотритъ. Для Европы, начиная съ 1814 года, Наполеонъ I пересталъ царствовать во Франціи, слѣдовательно, онъ не могъ отказываться отъ престола въ 1815 г. въ пользу отсутствующаго сына, который съ тѣхъ поръ въ глазахъ всего свѣта не царствовалъ ни по праву, ни фактически. Вотъ двѣ исторіи, два народныхъ права, рѣшительно поставленныя лицемъ къ лицу. Франція свободна дѣлать, что желаетъ, а ея правительство намъ это сообщитъ, но въ то же время пусть она не говоритъ, что это новое положеніе ничего не представляетъ, что могло бы пробудить щекотливость Европы. Посланіе принца-президента въ сенатъ было откровеннѣе; въ этомъ ему надо отдать справедливость. Безъ софизмовъ, искусственныхъ пріемовъ и многословія онъ сказалъ ясно, напрямикъ, что возвращеніемъ королевской династіи Франція возстановляетъ то, что Европа низвергла, и этимъ она хочетъ отомстить за 1815 г. Еще разъ мы цѣнимъ актъ 2-го декабря, повліявшій благопріятно на сохраненіе всеобщаго спокойствія. Съ своей стороны мы потребуемъ, чтобы французское правительство не цѣнило чрезмѣрно нашихъ опасеній и нашихъ обязательствъ относительно его до такой степени, чтобы намъ сдѣлать уступку, мало соотвѣтственную нашему достоинству. По мнѣнію Дюрье, «все затрудненіе русской политики заключалось въ вопросѣ о династіи и о нумераціи, что же касается собственно до переворота, то его русскій кабинетъ былъ принужденъ признать естественнымъ явленіемъ, вытекающимъ изъ цѣлой серіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Но прежде чѣмъ нота Нессельроде достигла Парижа, плебисцитъ подалъ за имперію 7.800.000 голосовъ противъ 250.000. По этому поводу Друэнъ де-Льюисъ очень хитро написалъ Киселеву въ отвѣтъ на ноту Нессельроде: «Благодарю васъ за извѣстіе, присланное вами въ качествѣ «конфиденціальнаго сообщенія». Въ этомъ качествѣ и подъ этимъ условіемъ я прочиталъ его. Императоръ не читалъ его. Между людьми, желающими прійти къ соглашенію, объясненія хороши, чтобы предупредить досадное разногласіе или дурное истолкованіе факта. Мы не послѣдуемъ путемъ графа Нессельроде, и я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что его нота написана въ очень изящномъ стилѣ». Такимъ образомъ «имперія» воцарилась во Франціи, и первое время отношенія между французскимъ правительствомъ и иностранными посольствами были очень затруднительны, главнымъ образомъ изъ-за формы. Колебаніе, высказанное тремя сѣверными дворами относительно ти-

тула Наполеона III, задержало довольно долго пересылку кредитивныхъ грамотъ французскимъ дипломатамъ. Генералъ Кастельбажакъ даже совѣтовалъ своему правительству прервать политическія сношенія съ Россіей, въ случаѣ, если не состоится полное соглашеніе между русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ дворами. Дюрьё замѣчаетъ, что Николай I, поздравляя министра Франціи черезъ своего канцлера «со смертью республики, вполнѣ засвидѣтельствованной, и водвореніемъ имперіи принца Луи-Наполеона», имѣлъ цѣлью, какъ можно лучше обозначить свое отвращеніе къ оставленію имени Наполеона въ новой династіи. Между тѣмъ, депеши, адресованныя русскими посланниками въ Берлинѣ и Вѣнѣ къ петербургскому кабинету, очень ясно выражають, что духъ священнаго союза еще немного одушевлялъ потомство побѣдителя при Іенѣ, Аустерлицѣ и Ваграамѣ. Но прусскій и австрійской дворы, завися отъ Россіи, не смѣли взять на себя отвѣтственность за признаніе Наполеона III, и вопросъ разсматривался во Франціи съ русской точки зрѣнія. Личное письмо Николая I къ Наполеону, хотя изложенное въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ относительно достоинствъ, выказанныхъ въ направленіи событій, все же оспариваетъ, даже по своей формѣ, титулъ и имя, взятое Наполеономъ III. Наполеонъ не отвѣтилъ лично, или вѣрнѣе отложилъ свой отвѣтъ, и кредитивныя грамоты вскорѣ получились въ Парижѣ, можетъ быть, съ нѣкоторыми деталями не обычной формы, но съ безусловнымъ признаніемъ титула, выбраннаго самимъ Наполеономъ. Генералъ Кастельбажакъ велъ съ такимъ тактомъ и мѣрой свою дипломатическую миссію, что Наполеонъ былъ ему безконечно благодаренъ. 5 января 1853 года императоръ Николай послалъ Киселеву свои знаменитыя кредитивныя грамоты, въ которыхъ онъ называлъ Наполеона «мой добрый другъ» вмѣсто «мой братъ». Генералъ Кастельбажакъ оставался при русскомъ дворѣ до объявленія Крымской кампаніи. Онъ хотѣлъ всѣми возможными средствами окончить дѣло о святыхъ мѣстахъ въ благопріятныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, но его усилія разбились о твердую волю русскаго императора. Николай I-й столь высоко оцѣнилъ достоинства министра Кастельбажака, что послалъ ему въ день прекращенія дипломатическихъ сношеній орденъ святого Александра Невскаго.

— Воспоминанія и анекдоты о Верди. Послѣ смерти итальянскаго композитора всѣ заграничные журналы и газеты переполнены статьями и замѣтками о немъ, но болѣе анекдотическаго, чѣмъ біографическаго характера. Всѣхъ интереснѣе изъ появившихся до сихъ поръ личныхъ воспоминаній — доктора Маріо Бордза, въ апрѣльской книжкѣ «English Illustrated Magazine» и де-Невера въ «Pall-Mall Magazine» за тотъ же мѣсяцъ [1]). Первый изъ этихъ писателей увидалъ Верди еще въ юности и былъ пораженъ его простымъ обращеніемъ. Однажды на улицахъ Милана какой-то знакомый крикнулъ ему: «Это—Верди!» Онъ тотчасъ перешелъ улицу и послѣдовалъ за знаменитымъ maestro. Верди останавливался у каждаго окна и съ любопытствомъ осматривалъ всѣ выставленные предметы. Наконецъ, онъ сталъ съ особымъ инте-

---

[1]) Reminiscences and anecdots of Verdi, by Mario-Bordza. «English Illustrated Magazine», april 1901.

[2]) Reminiscences of Verdi, by M. de Nevers. «Pall-Mall Magazine», april 1901.

ресомъ разглядывать богатую выставку большой зеленной лавки. Повидимому, онъ хотѣлъ купить какой нибудь изъ рѣдкихъ овощей. Бордзу заинтересовало, на чемъ остановитъ выборъ Верди, и, къ его величайшему удивленію, онъ купилъ пучекъ салата и, завернувъ его въ платокъ, пошелъ домой. Не только замѣчательный музыкантъ отличался скромностью, но и своего рода юморомъ. Такъ однажды онъ встрѣтилъ въ кофейной неизвѣстнаго музыканта, который, несмотря на свой титулъ маркиза, имѣлъ страсть къ писанію оперъ. Онъ не зналъ Верди и, случайно заговоривъ съ нимъ, спросилъ его: «Знаете вы что нибудь о музыкѣ?» «Да, немножко». «Такъ просмотрите эту оперу; знающіе судьи считаютъ ее образцовой». Верди взялъ протянутую ему тетрадь и вскорѣ вернулъ ее, говоря: «Я сожалѣю, право, но я долженъ сказать, что это не музыка, а маранье нотъ». «Вы ничего не понимаете!—воскликнулъ съ негодованіемъ маркизъ:—вы оселъ въ музыкѣ, но если вамъ это не нравится, то вотъ вамъ моя карточка». «Очень сожалѣю, что у меня нѣтъ карточки,—отвѣчалъ Верди спокойно,—но лишь только приду домой, то пришлю вамъ ее тотчасъ». По дорогѣ домой онъ купилъ игрушечнаго осла и, отломивъ у него голову, онъ приклеилъ къ ней карточку, которая была при немъ. На ней онъ написалъ въ той же лавочкѣ: «Голова Джузеппе Верди». Подозвавъ разсыльнаго, онъ послалъ его къ маркизу. Черезъ полчаса явился маркизъ и смущенный просилъ извиненія за свой поступокъ, но Верди старался его успокоить очень любезно. Что касается до Невера, то онъ познакомился впервые съ Верди въ Миланѣ, студентомъ, когда ему было двадцать лѣтъ. Его представилъ Пончіери, сказавъ, что онъ его ученикъ, и прибавилъ: «che si dilleta di musica» (который наслаждается музыкой). Молодой человѣкъ тотчасъ пустился въ этику музыки и наговорилъ много глупостей о музыкантахъ. Верди съ улыбкой смотрѣлъ на него и, наконецъ, пожавъ ему руку, сказалъ: «Cosa m'importa? lavorate». Вообще онъ не любилъ музыкальной критики. «Относительно музыки, — говорилъ онъ, — я не вѣрю въ сужденіе свое и чужихъ. Возьмите, напримѣръ, сужденіе Шумана, Вебера и Мендельсона о Россини и Мейербера и вы увидите, что нельзя повѣрить музыкантамъ. Онъ считалъ компетентнымъ критикомъ только одну публику. «Поэтому я не пускаю на репетицію критиковъ, — говорилъ онъ, — исключая людей причастныхъ. Только авторъ, пѣвцы и публика имѣютъ дѣло до новой оперы, прежде, чѣмъ она дана. Я пишу не для этики, а для публики, и она меня поддержитъ, если мой трудъ хорошъ, или провалитъ, если онъ ничего не стоитъ». Однажды онъ находился на репетиціи Эрнани въ Болоньи и съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ театръ вошла официальная театральная комиссія и заняла мѣста. Онъ остановилъ оперу и, узнавъ, кто—это, сказалъ: «Sono signori della comissione». «Нѣтъ на свѣтѣ безполезнѣе людей, чѣмъ они, въ театрѣ. Скажите, чтобы они убирались». Вотъ что онъ думалъ о пѣніи: «для большинства людей поющихъ голосъ — ремесло; вы имѣете правильный тонъ, хорошую манеру, вѣрную интонацію, и голосъ вашъ хорошо поставленъ, вы и считаете себя пѣвцомъ. Но, въ сущности, вы не пѣвецъ, если не имѣете другихъ качествъ. Вы не можете научиться пѣть, если у васъ нѣтъ искусства. Подъ пѣніемъ я разумѣю внятность, энтузіазмъ и выраженіе. Самый прекрасный голосъ безъ нихъ

ничего не значитъ, и даже если вы пріобрѣтете внятность, безъ энтузіазма и выраженія, то вы ничего не добьетесь. Напримѣръ, я имѣлъ дѣло съ пѣвцомъ, обладавшимъ великолѣпнымъ голосомъ, но какъ я ни старался добиться отъ него выраженія, онъ только усиливалъ голосъ, а успѣхъ моей оперы зависѣлъ только отъ таланта пѣвца. Онъ правильно пѣлъ каждую фразу, но рѣшительно безъ всякаго выраженія. Это—положительно прирожденный талантъ». Вообще къ начинающимъ композиторамъ Верди относился очень сочувственно и говорилъ: «La musica della avenire non mi fa paura (музыка будущаго меня не пугаетъ)». Главное же его качество была скромность. Такъ, узнавъ, что генуэскій муниципалитетъ хотѣлъ назвать улицу «Via novissima» его именемъ, онъ сказалъ одному пріятелю: «Передайте муниципалитету, что если у нихъ будетъ «Via Verdi», то я буду вынужденъ никогда не ходить по этой улицѣ и, слѣдовательно, терять много времени на ея обходъ. Parola di Verdi senza via». Когда послѣ перваго представленія Фальстафа появилось въ газетахъ извѣстіе о желаніи короля сдѣлать его маркизомъ, то онъ написалъ министру Мартини: «Я читалъ въ «Perseverenza» о намѣреніи короля пожаловать мнѣ титулъ маркиза. Прошу васъ, какъ артиста, ходатайствовать, чтобы король отложилъ это намѣреніе. Моя благодарность къ нему будетъ гораздо больше, если назначеніе не состоится». Онъ особенно во всякомъ ея видѣ ненавидѣлъ рекламу и былъ чрезвычайно недоволенъ, когда всѣ итальянскіе критики явились въ Каиръ, чтобы присутствовать на первомъ представленіи «Аиды», считая это за неприличную рекламу. «Я полагаю, — писалъ онъ Филиппу-Филиппи, знаменитому миланскому критику,—что искусство подобной выходкой понижается до торговли, до пикника, до охоты, однимъ словомъ, до чего угодно, имѣющаго цѣлью добиться успѣха. Я чувствую себя униженнымъ, и меня просто беретъ отвращеніе. Я помню, съ какой радостью въ первыя времена моей карьеры, когда только окруженный друзьями и безъ малѣйшихъ толковъ я выступалъ съ каждой новой оперой передъ публикой. Ни съ чѣмъ не могло сравниться мое счастіе, когда при такомъ условіи я имѣлъ успѣхъ». Поэтому его послѣдній либретистъ Бойто говоритъ, «что жизнь нашего maestro тѣмъ и пикантна, что въ ней нѣтъ ничего пикантнаго». Однако, въ двухъ случаяхъ онъ неожиданно выказалъ значительный юморъ. Въ 1861 году Верди былъ избранъ въ депутаты въ новый итальянскій парламентъ; онъ принялъ это избраніе только вслѣдствіе долгихъ уговоровъ графа Кавура, котораго онъ чрезвычайно уважалъ. «Я не зналъ ничего о политикѣ,—говорилъ онъ,—но бралъ съ Кавура примѣръ во всемъ. Каждый разъ, когда я видѣлъ, что онъ вставалъ для поддержки или возраженія того или другого мнѣнія, я слѣдовалъ его примѣру. Пока я подражалъ ему, я не боялся попасть впросакъ». Во время засѣданій Верди сидѣлъ молча и перекладывалъ на музыку парламентскія прерыванія ораторовъ. Второе доказательство юмора Верди составляетъ его переписка въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ своимъ другомъ, графомъ Аривабене. Это — замѣчательная корреспонденція двухъ влюбленныхъ собаченокъ; одна изъ нихъ принадлежала Верди, а другая—графу Аривабене. Они сами исполняли роль только секретарей. Къ сожалѣнію, наслѣдники Аривабене ни за что не хотятъ показать этой переписки. Говорятъ, она чрезвы-

чайно замѣчательна, такъ какъ оба пріятеля выражали собачьи мысли самымъ серіознымъ образомъ. Послѣдній разъ Неверъ видѣлъ Верди два года тому назадъ. Онъ жаловался, между прочимъ, на Бойто, что тотъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ перемѣнилъ свою мягкую поярковую шляпу на цилиндръ. «Представьте себѣ бѣднаго человѣка, —сказалъ Верди,—столь же стараго, какъ il cane di san Rocco въ tuba. Только Бойто можетъ прійти въ голову подобная мысль». Однажды Неверъ зашелъ къ Верди, чтобы узнать, правда ли извѣщаютъ газеты, что онъ пишетъ новую оперу «Король Лиръ». «Я больше не работаю, — отвѣтилъ maestro,—во всемъ домѣ вы не найдете листа нотной бумаги, а въ комнатѣ нѣтъ ни чернилъ, ни пера». Прощаясь съ Верди, Неверъ просилъ его подписать ему портретъ и представилъ громадный портретъ, изданный на казенный счетъ. Верди воскликнулъ: «Я долженъ подписать такую большую картину — никогда! Я уже вамъ сказалъ, что больше не работаю. Если хотите, я подпишу маленькую карточку или, въ крайнемъ случаѣ, кабинетный портретъ». И онъ съ удовольствіемъ исполнилъ свое обѣщаніе.

СМѢСЬ.

ГОДОВОЕ собраніе императорскаго историческаго общества. Въ четвергъ, 1-го марта, въ 9 часовъ вечера, происходило въ Зимнемъ дворцѣ, какъ сообщаетъ «Правительственный Вѣстникъ», подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владиміра Александровича и Николая Михаиловича, годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. Въ собраніи присутствовали дѣйствительные члены общества: А. А. Половцовъ, К. П. Побѣдоносцевъ, А. Н. Куломзинъ, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, графъ С. Д. Шереметевъ, Г. Ѳ. Штендманъ, А. Н. Филипповъ, Д. О. Кобеко, Н. Ѳ. Дубровинъ, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, В. И. Сергѣевичъ, Н. К. Шильдеръ, А. Н. Пыпинъ и П. Я. Дашковъ. Предсѣдатель общества А. А. Половцовъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества. Въ минувшемъ отчетномъ году окончены печатаніемъ 108 и 109 томы «Сборника» общества. 108-й томъ, напечатанный подъ наблюденіемъ профессора А. Н. Филиппова, составляетъ 3-ю часть изданія бумагъ кабинета императрицы Анны Іоанновны. 109-й томъ, изданнный подъ наблюденіемъ секретаря общества, служитъ продолженіемъ изданія бумагъ изъ вѣнскаго государственнаго и придворнаго архива. Въ немъ напечатаны денесенія князя Лобковича графу, впослѣдствіи князю, Кауницу за 1764—1771 годы. Въ непродолжительномъ времени секретаремъ общества будетъ приступлено къ печатанію дальнѣйшихъ документовъ съ 1772 до 1782 года. Что касается дальнѣйшихъ работъ по изданію «Сборника», то въ 110-мъ томѣ будутъ напечатаны, подъ наблюденіемъ Н. Ѳ. Дубровина, документы изъ дѣлъ комиссіи, учрежденной для собиранія матеріаловъ, относящихся къ біографіи и исторіи царствованія императора Николая I. Сюда вой-

дутъ документы, относящіеся главнымъ образомъ къ исторіи православной церкви. Въ 111-мъ томѣ будутъ напечатаны подъ редакціей члена общества Н. К. Шильдера документы, относящіеся къ исторіи царствованія императора Николая I. Настоящій томъ составитъ первую часть изданія этихъ документовъ. Во вторую часть войдутъ документы, относящіеся къ восточной войнѣ 1853—1855 годовъ. Въ 112-мъ томѣ, приготовленномъ А. А. Половцовымъ и печатающемся въ Парижѣ, издаются донесенія представителей французскаго правительства при русскомъ дворѣ, а также донесенія русскихъ представителей при французскомъ дворѣ и министерскія распоряженія, какъ французскаго, такъ и императорскаго правительствъ, съ самаго начала возобновленія прерванныхъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей, т. е. съ марта 1814 года, и за дальнѣйшее время. Сближеніе обоихъ правительствъ, сдѣлавшее возможнымъ подобное изданіе, находитъ въ немъ самомъ оправдываемое исторіей влеченіе къ обоюдному дружелюбію. 113-й томъ составитъ 7-ю часть изданія «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ державами иностранными». Сюда войдутъ документы, относящіеся до дипломатическихъ сношеній Россіи съ Швеціей и Даніей, за время царствованія царя Ивана Васильевича. Наблюденіе за печатаніемъ этого тома поручено служащему въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки В. В. Майкову. Въ 114-мъ томѣ будетъ напечатанъ весь имѣющійся въ обществѣ матеріалъ изъ лондонскаго государственнаго архива, относящійся къ дипломатической перепискѣ англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ. Въ 115-мъ томѣ профессоръ В. И. Сергѣевичъ продолжитъ изданіе бумагъ Екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Настоящій томъ, въ который войдутъ крестьянскіе наказы, составитъ 10-ю часть изданія бумагъ Екатерининской комиссіи. В. И. Сергѣевичемъ въ настоящее время приготовляются къ печати: 1) наказы отъ казаковъ и запорожскаго войска Малороссійской губ. и 2) копіи съ наказовъ разнаго званія сельскихъ обывателей Казанскаго уѣзда, отъ ясашныхъ чувашъ, отъ новокрещенъ, отъ жителей Галицкой дороги и отъ Курмышскаго уѣзда. Въ 116 томѣ будетъ продолжено изданіе документовъ, относящихся къ политической перепискѣ императрицы Екатерины II. Изданіе этихъ документовъ пріостановилось за смертію барона Ѳ. А. Бюлера. Нынѣ совѣтъ общества постановилъ обратиться съ просьбою къ барону Ѳ. Р. Остенъ-Сакену принять на себя трудъ по наблюденію за продолженіемъ этого изданія. Въ 117 томѣ будетъ приступлено къ печатанію, подъ наблюденіемъ Н. Ѳ. Дубровина, документовъ, относящихся къ конференціи, учрежденной императрицею Елисаветою Петровною въ 1741 году для обсужденія—вначалѣ только вопросовъ внѣшней политики, а впослѣдствіи и всѣхъ вообще важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Въ 1903 году предстоитъ празднованіе 200-лѣтняго юбилея города С.-Петербурга. Одновременно съ симъ совѣтомъ общества предположено устроить выставку портретовъ наиболѣе извѣстныхъ дѣятелей и памятныхъ лицъ XVIII столѣтія. Выставка должна состояться весною 1903 года въ залѣ центральнаго училища рисованія барона Штиглица. Ко дню засѣданія совѣта въ кассѣ общества состояло налицо 11.971 рубль. Въ отчетномъ году общество лиши-

лось трехъ своихъ членовъ: министра иностранныхъ дѣлъ графа М. Н. Муравьева, вице-президента императорской академіи наукъ Л. Н. Майкова и члена государственнаго совѣта статсъ-секретаря Н. Н. Селифонтова. Въ томъ же засѣданіи его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ прочелъ извлеченія изъ переписки сенатора П. С. Валуева; А. Н. Филипповъ сообщилъ объ Артеміи Петровичѣ Волынскомъ, какъ кабинетъ-министрѣ, по неизданнымъ документамъ; А. Н. Пыпинъ — о литературныхъ трудахъ императрицы Екатерины II; Н. К. Шильдеръ — главу изъ его сочиненія: «Императоръ Николай I», пребываніе его въ Берлинѣ, въ 1824 и 1825 годахъ. Засѣданіе закончилось переизбраніемъ на новое трехлѣтіе въ члены совѣта общества В. И. Сергѣевича и избраніемъ въ дѣйствительные члены общества: министра иностранныхъ дѣлъ графа В. Н. Ламздорфа и Е. С. Шумигорскаго.

Географическое общество. I. 9-го марта, подъ предсѣдательствомъ Д. П. Семенова, въ засѣданіи общества по отдѣленію статистики были сдѣланы два доклада: С. О. Гулишамбаровымъ: «Маслина и оливковое масло на всемірномъ рынкѣ», и А. И. Шахназаровымъ: «Экономическій очеркъ сельскаго хозяйстна Туркестанскаго края». Докладъ С. О. Гулишамбарова представляетъ собою конспектъ обширнаго обзора производства оливковаго масла въ 30 государствахъ. Родина маслина Малая Азія и главнымъ образомъ Курдистанъ; культура маслины изъ Азіи проникла въ Европу и Африку и въ гораздо меньшемъ размѣрѣ существуетъ въ Новомъ Свѣтѣ. Маслина, какъ дерево, почти не нуждается въ уходѣ и можетъ жить до 1.000 лѣтъ. Масличные продукты потребляются главнымъ образомъ на мѣстѣ ихъ производства, перевозить же ихъ можно только въ консервированномъ видѣ, чего не знаетъ ни Азія, ни Африка; масличные продукты имѣютъ большое распространеніе на всемірномъ рынкѣ, на которомъ впрочемъ за послѣднее время конкурентами явились различные многочисленные суррогаты, какъ-то: масла изъ хлопчатнаго сѣмени, минеральныя, тяжело-нефтяное масло, идущее въ огромномъ количествѣ на приготовленіе консервовъ, и наконецъ маргаринъ, котораго въ 1899 году одна Голландія отпустила на 33 милліона рублей; оливковое масло стало падать, и какъ освѣтительное для церквей, благодаря дешевизнѣ гарнаго и введенію электричества, а также какъ и необходимый ингредіентъ въ красильной техникѣ, благодаря, напримѣръ, полученію ализарина перегонкой изъ дегтя и т. п. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго сфера распространенія оливковаго масла все болѣе суживается. А. И. Шахназаровъ въ своемъ докладѣ сдѣлалъ общій обзоръ сельскаго хозяйства въ связи съ поземельно-податнымъ обложеніемъ въ Туркестанскомъ краѣ и остановился особенно на спеціальныхъ культурахъ двухъ главнѣйшихъ продуктовъ края—рисѣ и хлопкѣ. Послѣднія пять лѣтъ сильно подвинули впередъ эти производства, чему способствуетъ вліяніе русской культуры, а также общеніе съ европейскими рынками; развитіе этихъ производствъ произвело сильный переворотъ въ хозяйственномъ отношеніи—сильно сократилась площадь посѣва пшеницы, которая поднялась сильно въ цѣнѣ (въ 1889 г. рыночная цѣна пуда была 32 копейки, въ 1900 г. 1 рубль 5 копеекъ). Производство риса въ Туркестанскомъ краѣ

стоитъ наравнѣ съ количествомъ производства Индіи и Персіи: всего площади посѣва занято подъ рисомъ 172.630 десятинъ. Урожай риса въ среднемъ ежегодно 160 пудовъ съ десятины; если затрату на обработку считать въ 60 рублей, а минимумъ цѣны сырого риса въ 60 коп. пудъ, то чистой прибыли съ десятины будетъ около 20 рублей. Ежегодно производится около 27 милліоновъ пудовъ риса, вывозится за предѣлы края всего 1 милліонъ пудовъ, остальное потребляется внутри. Культура риса по обще-принятому мнѣнію способствуетъ распространенію злокачественной маляріи, являющейся бичомъ населенія— происходитъ это отъ неумѣнья спускать застаивающуюся воду, производящую болотное гніеніе. Развитіе хлопководства началось съ 1884 г., чему способствовали: проведеніе желѣзной дороги, увеличеніе пошлины на американскій хлопокъ и начало культуры послѣдняго въ Туркестанѣ; съ 1884 по 1891 г. хлопководство явилось предметомъ большого азарта, что повело къ подъему цѣнъ на землю до 30 проц. и на рабочія руки до 50 проц. — естественно все это привело къ кризису и большимъ крахамъ, чему способствовалъ неурожай пшеницы въ 1893 г., поднявшейся до 2 рублей 50 копеекъ за пудъ; въ настоящее время положеніе стало болѣе нормальнымъ. Общее производство хлопка-сырца съ 1884 г. съ 600.000 пудовъ поднялось до 2 милліоновъ пудовъ. II. 13 марта подъ предсѣдательствомъ И. В. Мушкетова въ засѣданіи по отдѣленію географіи физической и математической, предсѣдателемъ были доложены нѣкоторыя текущія дѣла, въ томъ числѣ о полученіи небольшой рукописи отъ г-жи Преображенской, живущей во Владикавказѣ, описывающей ея восхожденіе на Казбекъ; это первый случай подъема женщины на такую высоту. Подъемъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ совершенъ съ самыми ограниченными средствами и по новому маршруту, оказавшемуся наиболѣе удобнымъ; на всемъ пути г-жа Преображенская дѣлала термометрическія измѣренія и оставила на вершинѣ Казбека термометръ съ минимумомъ. Затѣмъ Ф. К. Дриженко сдѣлалъ интересное сообщеніе о «гидрографическомъ изслѣдованіи Байкала». Изслѣдованіе озера Байкала происходило съ 1897 по 1900 годъ и будетъ вполнѣ закончено въ нынѣшнемъ 1901 году. Идея изслѣдованія озера, а также руководство по выработкѣ его программы принадлежитъ А. Н. Куломзину. Въ заключеніе Г. Н. Савельевъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе: «Географическія работы на восточномъ склонѣ Урала». Работы эти были сдѣланы имъ попутно съ желѣзнодорожными изслѣдованіями, при чемъ были исправлены очень недостаточныя существующія карты Пермской и Тобольской губерній, а также опредѣлена магнитная аномалія около рѣчки Бордовой, аномалія въ склоненіи 6°, въ верстахъ въ трехъ отъ желѣзной руды. III. 16 марта состоялось подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго засѣданіе отдѣленія этнографіи. В. В. Лесевичъ прочелъ докладъ: «Вопросы современнаго сказковѣдѣнія». Первая часть доклада посвящена изображенію основныхъ пунктовъ общаго состоянія современной науки и фолклеристики въ особенности; опредѣленіе фолклеристики, какъ науки, только изучающей преданія, сказки, примыслы и т. п., не совсѣмъ точно, это вѣрнѣе наука, выдѣляющая изъ вышеприведеннаго матеріала все основанное на опытѣ отъ плодовъ фантазіи и воображенія. Фолклерный матеріалъ собранъ

огромный, въ этомъ отношеніи прошлое столѣтіе оставило намъ огромное наслѣдіе. Сближеніе различныхъ преданій, различныхъ фолклерныхъ элементовъ повело къ неожиданнымъ открытіямъ и произведетъ огромные перевороты въ умственной жизни. Затѣмъ докладчикъ переходитъ къ самой сказкѣ; сказка есть самое простое элементарное повѣствованіе настоящаго характера первобытнаго состоянія общества; сказка ничему не поучаетъ, она имѣетъ своею цѣлью—занимательность; сказку нельзя смѣшивать съ легендой, миѳомъ и т. п.; поучающая сказка становится уже литературнымъ произведеніемъ, получается басня, притча, побасенка и т. п. Содержаніе сказокъ распадается на два отдѣла: раціональный (событія, рисующія обыденный бытъ) и ирраціональный (первобытное созерцаніе въ области котораго сложились сказки); для насъ наиболѣе интересенъ второй отдѣлъ: то, что намъ представляется ирраціональнымъ, для первобытнаго человѣка было вполнѣ возможнымъ, переходъ его въ частичные элементы окружающей среды былъ естественъ; первобытный человѣкъ твердо вѣрилъ во всеобщую видоизмѣняемость, у него все было направлено къ максимуму жизнесохраненія; міросозерцанія сказокъ могутъ вполнѣ служить основаніемъ для заключенія о міросозерцаніяхъ цѣлыхъ народовъ; изслѣдованія въ этомъ направленіи были сдѣланы только въ самое послѣднее время; во всѣхъ сказкахъ необходимымъ и самымъ обыденнымъ элементомъ является такъ называемый показатель жизни. Теперь, благодаря послѣднимъ путешествіямъ въ Австралію, опредѣлено, что цѣлый рядъ современныхъ австралійскихъ племенъ вѣритъ въ парагенесисъ, и что показатель жизни играетъ у нихъ огромную роль — употребленіе пищи, посвященіе юношей и т. п. основано у нихъ на этомъ показателѣ. Міросозерцаніе сказки слѣдовательно сближается съ міросозерцаніемъ теперешнихъ дикихъ племенъ. Первобытное міросозерцаніе предвосхитило тезисъ современной науки—тезисъ монизма; сказка имѣетъ зародыши литературныхъ произведеній, изъ сказки возникаютъ повѣсти, романы, цѣлыя религіозныя системы—сказка такимъ образомъ не есть продуктъ разложенія миѳа, какъ ее опредѣляетъ Максъ Мюллеръ. Общій смыслъ міросозерцанія сказокъ сходится съ общимъ смысломъ настоящей науки. Наука стремится къ тому, чтобы то, что въ сказкахъ является только воображеніемъ, сдѣлалось дѣйствительностью. Въ сказкѣ, кромѣ зеренъ литературы, зеренъ миѳическихъ, этическихъ и т. п., есть зерно философіи исторіи, и изученіе этой стороны сказки имѣетъ огромное будущее.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. Въ засѣданіи восточнаго отдѣла 22-го марта, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, прочитанъ былъ П. М. Меліоранскимъ рефератъ о «серебряной чашѣ съ енисейскими письменами». Управляющій отдѣленіемъ доложилъ собранію о двухъ присланныхъ въ общество письмахъ: г. Деминскаго и русскаго генеральнаго консула въ Іерусалимѣ. Деминскій, отставной военный, живущій въ Баку, сообщаетъ о тѣхъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ тамъ находятся архивные документы, часто большой исторической важности. Сложены они въ сараяхъ и подвалахъ, гдѣ легко могутъ погибнуть отъ недосмотра. Относятся они частью къ концу XVIII, частью къ XIX столѣтіямъ. П. М. Меліоранскій сообщилъ содержаніе прочитанныхъ имъ архонтскихъ надписей, замѣченныхъ Я. И.

Смирновымъ на днѣ одного изъ сосудовъ средневѣковаго отдѣленія императорскаго Эрмитажа. Рѣдкій сосудъ этотъ относится не ранѣе какъ къ VII вѣку нашей эры и представляетъ пока единственный примѣръ подобныхъ надписей на сосудахъ. Надписи дѣлались владѣльцами сосуда, въ руки которыхъ онъ попадалъ. Найденъ сосудъ, вѣроятно, въ Сибири.

Археологическое общество въ Москвѣ. Въ происходившемъ 27-го марта засѣданіи А. И. Успенскій сообщилъ по вновь найденнымъ въ бывшемъ архивѣ Оружейной палаты и изслѣдованнымъ имъ, единственнымъ сохранившимся до нашего времени древнимъ актамъ, докладъ о государевѣ иконописцѣ грекѣ Апостолѣ Юрьевѣ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича среди царскихъ иконописцевъ одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ грекъ Апостолъ Юрьевъ. Въ государевомъ оружейномъ приказѣ въ то время работало немало иностранныхъ художниковъ,—были тутъ армяне (напримѣръ, Ив. Богдан. Салтановъ), поляки (Станиславъ Лопуцкій), греки и другіе. А. Юрьевъ былъ родомъ изъ Аѳинъ. Пріѣхалъ въ Москву 26-го декабря 1659 года изъ Молдовалахіи. «По твоему великаго государя указу,—пишетъ А.Юрьевъ въ своей челобитной государю,— и по грамотѣ при Никонѣ патріархѣ въ Молдавской и Волоской землѣ велѣно выслать къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ насъ, иконописцевъ добрыхъ, и насъ, государь, иконописцевъ, обрѣлось въ той землѣ три человѣка». Не имѣя денегъ на проѣздъ до Москвы, эти иконописцы заняли у гречанъ, торговыхъ людей, 100 ефимковъ и пустились въ далекій путь. Не легка была эта дорога: на ней оба товарища А. Юрьева умерли.«И судомъ, государь, Божьимъ,— говоритъ Юрьевъ,—тѣхъ моихъ двухъ товарищевъ на дорогѣ не стало». По своемъ пріѣздѣ въ Москву, А. Юрьевъ вмѣстѣ съ другими пріѣзжими греками представлялся государю, «царской свѣтлости очи видѣлъ и у руки былъ». Въ посольскомъ приказѣ Юрьевъ заявилъ, «что пріѣхалъ къ великому государю послужити на время иконнымъ письмомъ. И великій государь-царь... указалъ того иконописца отослати изъ Посольскаго приказа въ Оружейный приказъ». Завѣдывавшій Оружейнымъ приказомъ окольничій и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, принявъ Юрьева въ Оружейный приказъ, велѣлъ ему 9-го января 1660 года написать три иконы: «Спасовъ образъ Вседержителя на престолѣ, Покровъ Пречистыя Богородицы и Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа». 12-го января А. Юрьевъ приступилъ къ работѣ, при чемъ ему было отведено помѣщеніе на Патріаршемъ дворѣ въ палатахъ и назначено содержаніе—«поденнаго корму по десяти денегъ на день, да вина съ кружечнаго двора по 3 чарки, да по 2 кружки пива, да меду по кружкѣ». Изъ найденныхъ документовъ видно, что А. Юрьевъ во время иконописныхъ работъ до 1666 г. подавалъ цѣлый рядъ челобитныхъ, испрашивая въ нихъ разныхъ царскихъ милостей. Большинство этихъ челобитныхъ были удовлетворены. 27-го марта государь, во время пришествія своего въ Оружейный приказъ, обратилъ вниманіе на произведеніе кисти Юрьева и указалъ взять «въ Верхъ, за собою, великимъ государемъ», написанныя Апостоломъ иконы. Кромѣ того, Юрьевымъ были написаны: иконы Евстаѳія Плакиды, Спасовъ образъ Сѣдящаго на престолѣ, по сторонамъ Пречистыя Богородицы да Предтечи Іоанна, затѣмъ стѣнное письмо въ Оружейной палатѣ и въ Набережныхъ хоромахъ, прописалъ зо-

лотомъ одно евангеліе напрестольное и другое въ хоромы къ государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Въ 1661 году Апостолъ Юрьевъ работаетъ въ Серебряной палатѣ «всякое государево дѣло». Въ 1663 и 1664 гг. расписывалъ разными красками древки для знаменъ и кіотъ въ Успенскій большой соборъ къ иконѣ святого Николая Чудотворца, «что противъ Царицына мѣста» и пр. Между найденными документами сохранилась интересная и весьма важная «роспись, гдѣ что иконнаго дѣла и стѣннаго писалъ» Апостолъ Юрьевъ; между прочимъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ саду у великаго государя, въ Успенскомъ Большомъ соборѣ, у Троицы на рву — Василія Блаженнаго соборѣ, въ столовой царской палатѣ, въ Измайловѣ—въ церкви на Ивановской пустоши и во многихъ другихъ мѣстахъ. Послѣ 1666 года имя апостола Юрьева въ документахъ Оружейной палаты не встрѣчается; куда дѣвался грекъ, попавшій въ опалу, и что съ нимъ случилось, — неизвѣстно. Возникаетъ самый главный вопросъ: какія произведенія кисти Юрьева уцѣлѣли до нашего времени? Къ сожалѣнію, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, весьма затруднительно приписать ему хотя бы одну какую либо изъ иконъ. Первые образцы письма Юрьева изъ царскихъ хоромъ неизвѣстно куда попали. Во время пожара 1737 года погибли работы Апостола Юрьева въ Покровскомъ Василія Блаженнаго соборѣ, въ Набережныхъ хоромахъ, въ Оружейномъ приказѣ и пр.; церкви Благовѣщенія на Арбатѣ, въ которой онъ работалъ, въ настоящее время не существуетъ. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ трапезной церкви за слоями бѣлилъ и красокъ позднѣйшаго времени, можетъ быть, и скрываются работы Юрьева. Докладчикъ возлагаетъ послѣднія надежды найти иконы грека Апостола Юрьева въ церкви Ивановской пустоши села Измайлова, которую и предполагаетъ детально осмотрѣть.

Историческое общество Нестора-лѣтописца образовало особую комиссію для выработки проекта чествованія пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя. Въ первомъ засѣданіи комиссіи рѣшено ознаменовать этотъ день устройствомъ торжественнаго публичнаго засѣданія общества, а также изданіемъ сборника. Кіевское педагогическое общество взаимопомощи такъ же рѣшило почтить память великаго поэта изданіемъ сборника статей о немъ и устройствомъ публичныхъ общедоступныхъ чтеній.

Общество любителей древней письменности. I. 9-го марта, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, первое сообщеніе: «Сокровище Дамаскина Студита въ новомъ русскомъ переводѣ», было сдѣлано П. А. Лавровымъ. Извѣстный греческій проповѣдникъ Дамаскинъ Студитъ пользовался большою популярностью на славянскомъ югѣ, гдѣ его имя получили сборники «Дамаскины». В. В. Майковымъ было прочитано присланное А. А. Титовымъ сообщеніе: «Финифтяники въ городѣ Ростовѣ, Ярославской губерніи». Ростовъ снабжаетъ финифтяными образками не только русскіе монастыри, но частію и греческіе, преимущественно на Аѳонѣ. Привилась въ Ростовѣ финифтяная живопись въ первой половинѣ XVIII вѣка (по преданію, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ Ростовъ былъ сосланъ какой-то художникъ-итальянецъ, который научилъ своихъ учениковъ финифтяному дѣлу); высшей степени своего художественнаго развитія она достигла въ 1830-хъ годахъ прош-

лаго столѣтія, благодаря, между прочимъ, поддержкѣ со стороны покойнаго архимандрита Спасо-Яковлевскаго монастыря Иннокентія; въ настоящее же время финифтяное мастерство упало такъ низко, что ниже упасть ему едва ли уже возможно. Описавъ технику финифтянаго производства и отмѣтивъ нѣкоторыя особенности старыхъ пріемовъ мастерства, сравнительно съ новыми, референтъ остановился на выясненіи причинъ, которыми обусловленъ упадокъ финифтянаго дѣла. По мнѣнію референта, это главнымъ образомъ: отсутствіе вѣрнаго и выгоднаго сбыта, эксплоатація труда финифтяниковъ ихъ собратьями, разбогатѣвшими въ благопріятное для финифтянаго производства время, и стремленіе удешевить стоимость финифтяныхъ образовъ (въ настоящее время старательный мастеръ въ сутки зарабатываетъ около 48 коп.), особенно въ виду конкуренціи съ фирмой Жако и Бонакера, которая выдѣлываетъ образа изъ жести подъ финифть и продаетъ ихъ по очень дешевымъ цѣнамъ. Сообщеніе сопровождалось демонстрированіемъ принадлежащей А. А. Титову коллекціи финифтяныхъ образовъ. По поводу этого сообщенія Н. П. Кондаковъ, выяснивъ, что собственно называлось у насъ финифтью, высказалъ, что ростовскую финифть правильнѣе было бы называть эмалью, и обратилъ вниманіе на то, что по консистенціи эта эмаль значительно выше, чѣмъ та, которая производится въ нашихъ лучшихъ художественныхъ мастерскихъ. Третій рефератъ о «Спискахъ Лунника» былъ прочитанъ В. Н. Перетцемъ. II. 23-го марта состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи прежде всего секретаремъ было прочитано присланное Г. З. Кунцевичемъ сообщеніе, въ которомъ референтъ останавливается на вопросѣ объ отношеніи пѣсни о взятіи Казанскаго царства къ «сказанію» объ этомъ событіи. Второе сообщеніе: «О необходимости новаго изданія Остромирова Евангелія», было сдѣлано Г. А. Ильинскимъ. Указавъ на недостатки существующихъ изданій Остромирова Евангелія (въ лучшемъ изданіи Востокова около 50 опечатокъ; въ обоихъ изданіяхъ Савинкова рѣдкая страница безъ тѣхъ или другихъ погрѣшностей), докладчикъ, охарактеризовавъ филологическое значеніе Остромирова Евангелія, высказалъ, что научное критическое изданіе его является одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей славянской филологіи. Затѣмъ прочелъ три сообщенія Н. П. Лихачевъ: 1) «Объ одномъ частномъ лѣтописномъ сборничкѣ». Охарактеризовавъ значеніе частныхъ лѣтописныхъ сборниковъ и указавъ на особенную важность ихъ показаній въ такихъ вопросахъ и фактахъ, которые почему либо обходились въ офиціальныхъ лѣтописныхъ сводахъ, референтъ остановился на принадлежащемъ ему сборникѣ, въ которомъ имѣется лѣтописный отрывокъ съ неизвѣстными по другимъ источникамъ извѣстіями. Одно изъ нихъ особенно любопытно: «Лѣто 7084-е. Государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ посадилъ на Московское государство на великое княженіе Семіона Бекбулатовича, а самъ государь пошелъ на берегъ на службу и стоялъ все лѣто въ Калугѣ. А былъ на великомъ княженіи Семіонъ Бекбулатовичъ годъ не полонъ, и потомъ пожаловалъ его государь на великое княженіе на Тверь, а самъ опять сѣлъ на царство Московское». Указавъ на существующія мнѣнія о воцареніи Симеона Бекбулатовича, референтъ коментировалъ приведенное мѣсто рядомъ истори-

ческихъ данныхъ изъ другихъ источниковъ и высказалъ, что оно представляется очень правдоподобнымъ и интереснымъ въ виду какъ точнаго опредѣленія времени пребыванія Симеона Бекбулатовича на великомъ княженіи, такъ и по тому указанію, что Грозный, сдѣлавъ себя удѣльнымъ княземъ, ходилъ на службу. 2) «Портретъ Іоанникія Лихуда». Д. А. Ровинскимъ описанъ въ «Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ», какъ единственный экземпляръ, принадлежащій П. А. Ефремову гравированный портретъ Іоанникія Лихуда. Этотъ гравированный листъ, по разысканію Н. П. Лихачева, оказывается гравюрой съ надгробной эпитафіи, находившейся въ трапезной церкви Заиконоспасскаго монастыря. Портретъ былъ приложенъ къ экземплярамъ книги: «Дѣтскій атласъ о Россійской Имперіи» и т. д. Дильтея, а равно и къ «Опыту россійскей географіи» того же автора. Вѣроятно, Дильтею случайно досталась гравированная доска эпитафіи Софронія Лихуда, и онъ счелъ не лишнимъ помѣстить оттиски съ нея среди разныхъ «фигуръ», приложенныхъ къ его книгѣ. Кто гравировалъ листъ, неизвѣстно, но возможно, что Зубовъ. Въ члены-корреспонденты избраны П. А. Лавровъ и И. Е. Минязъ.

Библіологическое общество. I. 25 февраля въ Петербургѣ состоялось очередное общее собраніе Русскаго библіологическаго общества. Въ собраніи представленъ былъ докладъ совѣта общества о тѣхъ стѣсненіяхъ для научныхъ изслѣдованій и для работъ историко-литературныхъ, которыя замѣчаются въ проектѣ статей объ авторскомъ правѣ. Напримѣръ, древняя рукопись, по ст. 6, является цѣлыя 50 лѣтъ монополіею того, кто ее первымъ издалъ, хотя бы рукопись имъ и была издана съ грубыми и очевидными ошибками. Въ теченіе указаннаго срока другимъ изслѣдователямъ разрѣшается пользоваться только другими списками, помимо изданнаго; недостаетъ указанія, что вторичное изданіе той же рукописи, болѣе исправное, можетъ быть новымъ, вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ. Относительно изданія переписки того или иного дѣятеля введены новыя ограничительныя постановленія, при дѣйствіи которыхъ, напримѣръ, даже многія части переписки А. С. Пушкина могутъ быть безпрепятственно обнародованы не ранѣе 1928 года. Собраніе постановило поручить совѣту возбудить, если еще не поздно, ходатайство о томъ, чтобы на ряду съ правами авторовъ и издателей были ограждены и права науки. Предполагавшійся по повѣсткѣ докладъ А. С. Раевскаго не состоялся; взамѣнъ его В. Ѳ. Боцяновскимъ былъ сдѣланъ докладъ «Къ характеристикѣ Ѳ. В. Булгарина», и имъ же прочитаны были интересныя письма Булгарина, сообщенныя редакціи «Литературнаго Вѣстника» С. Н. Шубинскимъ. Второй докладчикъ Б. М. Городецкій сдѣлалъ сообщенія о новостяхъ біо-библіографической литературы за нынѣшній годъ. Произведенные въ томъ же собраніи выборы дали слѣдующій результатъ: единогласно избраны въ дѣйствительные члены П. В. Петровъ, А. М. Бѣлавинъ, А. В. Павловъ, Е. А. Ляцкій, В. И. Семеновъ и Б. В. Никольскій. Въ члены-сотрудники избраны В. А. Малоземовъ и Н. И. Коробка. II. Общее собраніе 17-го марта было посвящено, помимо обсужденія текущихъ дѣлъ, чтенію двухъ докладовъ. А. М. Филипповъ прочелъ весьма любопытный документъ историко-географическаго характера, представляющій собой переводъ сообщенія одного голландскаго

купца XVI вѣка (Симона ванъ-Салигена) о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ о Лапландіи съ 1566 по 1588 г. Наши ученые до сихъ поръ не эксплоатировали въ должной мѣрѣ этого памятника. Между тѣмъ приведенныя въ немъ свѣдѣнія о торговлѣ голландцевъ съ Россіей при Грозномъ, о возникновеніи Кольскаго и Печенгскаго монастырей, о какомъ-то русскомъ философѣ, жившемъ у Бѣлаго моря, изобрѣвшемъ особый алфавитъ для корельскаго языка и написавшемъ исторію Кореліи и Лапландіи, о размѣрахъ новгородскихъ владѣній въ эпоху присоединенія Новгорода къ Москвѣ и мн. др., представляютъ несомнѣнный интересъ. Второй докладчикъ М. Н. Мазаевъ посвятилъ свой докладъ только-что вышедшимъ сочиненіямъ гр. П. И. Капниста. Отмѣтивъ, что гр. Капнистъ представляетъ собою рѣдкій типъ писателя, не печатавшаго ничего при жизни, г. Мазаевъ подробно остановился на его біографіи, стихотвореніяхъ и драмахъ, признавъ у него наличность весьма небольшого таланта. Въ заключеніе г. Мазаевъ привелъ рядъ весьма интересныхъ для характеристики графа Капниста выдержекъ изъ біографіи графа Капниста, рисующихъ его взглядъ на многихъ русскихъ писателей. Весьма цѣнныя дополненія для характеристики графа Капниста сдѣлалъ Б. В. Никольскій, лично знавшій графа Капниста и сообщившій нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ его жизни. Вопросъ о желательномъ типѣ рецензій на книги вызвалъ оживленные дебаты, сведшіеся въ концѣ-концовъ къ пожеланіямъ, чтобы «Литературный Вѣстникъ» на своихъ страницахъ давалъ отзывы возможно своевременно и въ возможно большемъ количествѣ. Редакторъ «Литературнаго Вѣстника» г. Лященко высказалъ, что эти пожеланія уже теперь осуществляются журналомъ, и что, при содѣйствіи членовъ общества, эта сторона журнала будетъ со временемъ еще болѣе усовершенствована. Въ дѣйствительные члены общества избраны: тайный совѣтникъ А. В. Половцовъ, П. Е. Рейнботъ, И. Н. Добкевичъ и князь А. А. Кудашевъ.

Библіографическое общество въ Москвѣ. Подъ предсѣдательствомъ профессора А. И. Кирпичникова, въ засѣданіи общества, посвященномъ обсужденію проекта празднованія исполняющагося 16 декабря 1902 года двухсотлѣтія періодической печати, со времени обнародованія въ 1702 г., по повелѣнію Петра I, указа, разрѣшающаго изданіе Вѣдомостей, для организаціи этого празднества избраны профессоръ А. И. Кирпичниковъ, Д. Д. Языковъ, П. А. Ефремовъ, В. Н. Рогожинъ, П. К. Голубевъ, А. А. Шевелевъ, В. И. Безсоновъ, А. Д. Тороповъ и Я. Г. Квасковъ. Первое засѣданіе юбилейнаго комитета назначено на 13 марта. Слѣдующее общее собраніе библіографическаго общества постановлено созвать на 9 апрѣля. Въ засѣданіи этомъ будутъ прочитаны два сообщенія: В. Н. Рогожинымъ—«Два неизвѣстныя изданія прошлаго столѣтія», и В. Я. Брюсовымъ:—«Матеріалы для біографіи женщины поэта Каролины Павловой» (род. въ 1807 г., умершей въ 1893 г.).

Общество дѣятелей печатнаго дѣла. 1-го марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Королькова, шестое засѣданіе комиссіи по упорядоченію ученичества въ типографіяхъ и другихъ заведеніяхъ печатнаго дѣла. Предсѣдателемъ была прочитана объяснительная записка къ выработаннымъ правиламъ объ ученичествѣ въ названныхъ заведеніяхъ. Согласно запискѣ, коренная

задача «правилъ» заключается въ установленіи такого порядка, при которомъ вполнѣ достигается цѣль обученія, а владѣлецъ въ свою очередь можетъ легко вернуть расходы на выучку ученика безъ нравственнаго и матеріальнаго ущерба для него. Порядокъ этого слѣдующій: 1) должно быть установлено качество — умственное и физическое — принимаемыхъ въ ученье; 2) для достиженія болѣе или менѣе законченнаго техническаго образованія необходимо, чтобы владѣльцы печатныхъ заведеній не эксплоатировали учениковъ. Для достиженія этого ограниченъ срокъ ученичества, нормировано число учениковъ относительно числа мастеровъ и установленъ спеціальный экзаменъ; 3) для устраненія вреднаго вліянія на правильный ходъ ученичества установлено: а) прекращеніе перехода ученика отъ одного владѣльца къ другому посредствомъ основанія регистраціи учениковъ, а также прекращеніемъ недоразумѣній между ними и владѣльцами посредствомъ третейскаго суда; б) предотвращеніемъ нравственной порчи учениковъ устройствомъ школъ; осмысленныхъ развлеченій, а главное общежитій, а также наблюденіемъ за поведеніемъ ихъ какъ въ стѣнахъ печатнаго заведенія, такъ и дома; в) въ заботѣ о матеріальныхъ интересахъ сдавшихъ успѣшно экзаменъ по одной изъ отраслей печатнаго дѣла—выдачею имъ наградныхъ (выходныхъ) денегъ, свидѣтельствъ на званіе наборщика, печатника и вообще техника печатнаго дѣла, рекомендаціей ихъ на мѣста въ столицахъ и провинціи. Членами комиссіи всѣ эти положенія приняты сочувственно; при этомъ многими членами было выражено желаніе, чтобы комиссія разработала вопросы также объ общежитіи для учениковъ, объ ученическихъ библіотекахъ и другіе, имѣющіе непосредственное отношеніе къ улучшенію быта учениковъ въ печатныхъ заведеніяхъ.

II. 21-го марта художникъ-академикъ Г. И. Франкъ и инженеръ-технологъ А. Г. фонъ-Бремзенъ, завѣдующіе художественнымъ и печатнымъ отдѣленіями въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, ознакомили художниковъ, литографовъ, цинкографовъ и прочихъ «графовъ», присутствовавшихъ въ большомъ числѣ, со способами печатанія съ алюминіевыхъ пластинокъ и съ каменной бумаги. Дороговизна литографскихъ камней вслѣдствіе истощенія золенгофенскихъ каменоломенъ привела къ примѣненію, вмѣсто нихъ, алюминіевыхъ пластинокъ, изобрѣтенныхъ въ 1890 г. химикомъ О. Штреккеромъ. Вслѣдствіе того, что способъ печатанія самыхъ тонкихъ, въ художественномъ отношеніи, рисунковъ съ аллюминіевыхъ пластинокъ крайне простъ и дешевъ и представляетъ то громадное удобство, что и самыя пластинки могутъ долго сохранять изображенные на ихъ оригинальные и переводные рисунки, онъ въ большомъ употребленіи въ Германіи, Англіи, Франціи, Австріи и особенно въ Америкѣ. Въ одной изъ американскихъ литографій въ 1897 г. для печатанія съ аллюминія была только ротаціонная машина и скоропечатный станокъ, а черезъ два года уже 10 ротаціонныхъ машинъ и 12 скоропечатныхъ станковъ,—вотъ до какой степени увеличилось производство. Само собою разумѣется, все это значительно вліяетъ и на дешевизну иллюстрированныхъ изданій. Изъ этого видно, какая блестящая будущность предстоитъ этому способу печатанія, и нельзя не пожелать, чтобъ въ недалекомъ будущемъ онъ былъ примѣненъ и въ Россіи въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ и за

границей. Въ настоящее время печатаніе съ аллюминія производится у насъ только въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Для замѣны литографскихъ камней недавно изобрѣтена за границею такъ называемая каменная бумага, съ успѣхомъ, какъ показали вчерашніе опыты, ихъ замѣняющая. Каменная бумага пригодна для воспроизведенія оригинальныхъ и переводныхъ рисунковъ всевозможными способами, до многокрасочныхъ включительно; самый же рисунокъ, при переводѣ, остается на ней совершенно нетронутымъ. Благодаря этому, факсимиле художника можетъ сохраняться многіе годы. Несомнѣнно, что когда каменная бумага, которая теперь въ большомъ употребленіи въ вѣнскихъ литографіяхъ, обратитъ на себя должное вниманіе и у насъ, то литографы волей-неволей должны будутъ удешевить и плату за воспроизведеніе рисунковъ, такъ какъ она значительно упрощаетъ различныя манипуляціи передъ печатаніемъ. Остается добавить, что въ собраніи демонстрировался на литографскомъ станкѣ и самый способъ воспроизведенія рисунковъ съ каменной бумаги. Кромѣ того, въ залѣ была устроена выставка рисунковъ, напечатанныхъ съ аллюминія и съ каменной бумаги, присланныхъ преимущественно изъ-за границы.

Археологическій институтъ. I. Въ засѣданіи 1 марта подъ предсѣдательствомъ профессора Н. В. Покровскаго выслушаны были рефераты: В. Ф. Грюнейзена—«Стиль, художественная характеристика и оцѣнка произведеній живописи въ историческомъ ея развитіи», и г. Попандопуло-Керамевса — «Происхожденіе парасимантики (нотныхъ знаковъ) у сѣверныхъ и южныхъ славянъ». Развитіе трехъ видовъ живописи: энкаустической, tempera и масляной краски; вліяніе окружающей художника жизни, совершающихся событій, духа времени на содержаніе его произведеній, наконецъ значеніе величайшихъ колористовъ Тиціана и Рембранта—вотъ рядъ вопросовъ, которые попытался выяснить передъ собраніемъ В. Ф. Грюнейзенъ. Г. Попандопуло-Керамевсъ, изложивъ подробно данныя древнихъ письменныхъ памятниковъ, приходитъ къ выводу, что нотное письмо такъ же, какъ теорія и практика церковнаго пѣнія славянъ, всецѣло заимствованы у Византіи. Самобытное развитіе русскаго пѣнія, съ введеніемъ въ него чисто-русскихъ мелодій, началось въ XV вѣкѣ, достигнувъ къ XVII совершенной переработки заимствованныхъ формъ до полной ихъ неузнаваемости. Докладъ вызвалъ продолжительныя пренія. Въ заключеніе Г. М. Болсуновъ указалъ на большія научныя заслуги скончавшагося 21-го января профессора К. М. Ѳеофилактова, много потрудившагося для рѣшенія спорныхъ вопросовъ археологіи нашего Юга. Въ рѣшеніи многихъ изъ этихъ вопросовъ покойный являлся «Несторомъ нашей русской геоархеологіи». II. Вечеромъ 8-го марта въ актовомъ залѣ археологическаго института была отслужена панихида по почетномъ членѣ института, министрѣ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповѣ. По окончаніи панихиды М. Г. Деммени сообщилъ о бородовыхъ знакахъ. Эти оригинальные значки были установлены императоромъ Петромъ Великимъ для ношенія тѣми лицами, которыя уплатили особый сборъ за право не брить бороды. Впослѣдствіи значки выдавались также раскольникамъ. Значки эти довольно рѣдки. Много поддѣльныхъ. Дѣлались они изъ мѣди. Поддѣльные встрѣчаются серебряные и зо-

лотые. Нѣсколько экземпляровъ «бородовыхъ знаковъ» было демонстрировано передъ собраніемъ. Вторымъ докладчикомъ выступила М. А. Холоднякъ, сообщившая о нѣкоторыхъ древностяхъ нарвскаго собора. Соборъ этотъ много пережилъ событій за время своего существованія. Памятники церковной археологіи, находящіеся въ немъ, въ большинствѣ реставрированы, но, тѣмъ не менѣе, представляютъ значительный интересъ. Встрѣчаются надписи XIV—XV вѣковъ, колокола XVI — XVII вѣковъ, рѣдкія иконы, предметы церковной утвари. Докладъ былъ иллюстрированъ многочисленными фотографическими снимками.

Памятникъ Александру II. 19-го февраля, въ день сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ, воинскіе чины Тюменской мѣстной команды, во главѣ съ начальникомъ команды, подполковникомъ А. Д. Печковскимъ, на собранныя между собою деньги, воздвигли памятникъ въ видѣ бюста императора Александра II на возвышенномъ пьедесталѣ. На одной сторонѣ пьедестала сдѣлана надпись слѣдующаго содержанія: Императору «Александру II, царю-освободителю крестьянъ. Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего благополучія и блага общественнаго». Слова изъ манифеста. На другой сторонѣ пьедестала надпись: «Отъ вѣрноподданныхъ войскъ, слугъ царю и отечеству. Сооруженъ воинскими чинами мѣстной команды при начальникѣ подполковникѣ Печковскомъ. 19-го февраля 1901 года».

Памятникъ Александру III. Въ цѣляхъ увѣковѣченія постройки великаго сибирскаго пути, предположено, по словамъ газетъ, по почину иркутской городской думы, удостоившемуся высочайшей благодарности, соорудить памятникъ основателю этого пути, въ Бозѣ почившему императору Александру III. Мѣстомъ для памятника предположено избрать Иркутскъ, какъ срединный пунктъ сибирской желѣзной дороги. Послѣдовало разрѣшеніе къ открытію подписки на памятникъ по всей Сибири.

Финляндскіе архивы. Въ «Финл. Газ.» было сообщено о послѣдовавшемъ высочайшемъ повелѣніи возвратить въ Петербургъ для храненія въ государственномъ архивѣ препровожденныя въ 1882—1886 гг. въ финляндскій статсъ-архивъ дѣла финляндскаго стасъ-секретаріата и состоявшихъ при немъ комитетовъ и комиссій. Финляндскій сенатъ, по ходатайству финляндскаго научнаго и историческаго обществъ, входилъ съ всеподаннѣйшимъ представленіемъ объ оставленіи названныхъ дѣлъ въ Гельсингфорсѣ. Препровождая представленіе сената съ приложенными къ нему ходатайствами обществъ министру статсъ-секретарю, финляндскій генералъ-губернаторъ въ виду опредѣленно выраженной высочайшей воли призналъ ихъ незаслуживающими удовлетворенія, находя, что представители мѣстной науки могутъ съ полнымъ удобствомъ пользоваться архивомъ и при нахожденіи его въ Петербургѣ, гдѣ онъ сравнительно въ большей степени необходимъ для статсъ-секретаріата и для научныхъ съ русской точки зрѣнія изслѣдованій актовъ и истинныхъ отношеній великаго княжества къ прочимъ частямъ имперіи. Мѣру, предложенную сенатомъ по снятію копій съ документовъ, генералъ-губернаторъ находилъ примѣнимой, но только не въ отношеніи статсъ-секретаріата, а статсъ-архива, гдѣ копіями

этими пополнялись бы образовавшіеся въ его коллекціяхъ пробѣлы. Выраженное же въ ходатайствѣ опасеніе о недостаточно заботливомъ храненіи названныхъ документовъ въ архивѣ государственнаго совѣта генералъ-губернаторъ призналъ незаслуживающимъ вниманія, такъ какъ ему лично извѣстны заботы министра статсъ-секретаря по доведенію отдѣла государственнаго архива, предназначеннаго для финляндскихъ дѣлъ, въ состояніе всесторонняго благоустройства. Какъ сообщаетъ «Финл. Газ.», Государю Императору благоугодно было высочайше отклонить ходатайство объ оставленіи и на дальнѣйшее время на храненіе названныхъ выше дѣлъ въ финляндскомъ статсъ-архивѣ. На-дняхъ архивъ отправленъ въ Петербургъ. Нельзя не порадоваться этому освобожденію драгоцѣнныхъ документовъ изъ-подъ спуда.

НЕКРОЛОГИ.

Грушевскій, С. Ѳ. Совершенно безслѣдно прошла въ русской печати смерть одного изъ видныхъ кавказскихъ педагоговъ-писателей, Сергѣя Ѳедоровича Грушевскаго, скончавшагося во Владикавказѣ 28-го января 1901 г. Только мѣстныя газеты помѣстили его краткіе некрологи; изъ нихъ мы и заимствуемъ ниже приводимыя свѣдѣнія. Сергѣй Ѳедоровичъ Грушевскій получилъ образованіе въ Кіевскомъ университетѣ; большая часть его службы протекла на Кавказѣ, сначала въ должности директора народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, а затѣмъ въ такой же должности въ Терской области, гдѣ онъ прослужилъ болѣе 25 лѣтъ. Покойный извѣстенъ, какъ авторъ очень распространенныхъ на Кавказѣ учебниковъ: «Учебникъ церковно-славянскаго языка», «Методика преподаванія церковно-славянскаго языка» и др., а такъ же, какъ составитель «Сборника законоположеній, до народныхъ, главнымъ образомъ, школъ относящихся» и брошюръ о воскресныхъ школахъ. Скончался С. Ѳ. Грушевскій въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. (Некрологъ его: «Тифл. Листокъ», 1901, № 24).

† **фонъ-Гюббенетъ, А. Я.** Въ Парижѣ, 24-го марта, послѣ долгихъ страданій, скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ Адольфъ Яковлевичъ фонъ-Гюббенетъ. Покойный происходилъ изъ древняго бургундскаго рода кавалеровъ de la Motte è Rouvray. Предки А. Я., послѣ отмѣны нантскаго эдикта, переселились изъ Франціи въ Россію. Въ 1812 году отецъ А. Я. вступилъ въ егерскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ отечественной войнѣ противъ французовъ, и въ 1848 году признанъ съ дѣтьми въ званіи русскаго потомственнаго дворянства. А. Я. фонъ-Гюббенетъ родился въ 1830 году. Первоначальное образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при псковской гимназіи, затѣмъ поступилъ

въ С.-Петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, курсъ котораго окончилъ кандидатомъ правъ, получивъ высочайшее отличіе поступать немедленно въ министерства и главныя управленія. Въ 1851 году А. Я. поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при тобольскомъ губернаторѣ, черезъ годъ переведенъ къ генералъ-губернатору Западной Сибири, а въ 1858 г. назначенъ начальникомъ 1-го отдѣла 1-го департамента министерства государственныхъ имуществъ. Затѣмъ, послѣдовательно занимая должности управляющаго палатою государственныхъ имуществъ въ Гроднѣ, Тамбовѣ и Самарѣ, гдѣ въ то время вводились первыя земскія учрежденія, А. Я въ 1871 году былъ призванъ на постъ директора канцеляріи государственнаго контроля, а черезъ три года назначенъ директоромъ департамента государственнаго казначейства. На этой должности на долю А.Я. выпала организація и общее завѣдываніе новыми у насъ учрежденіями полевыхъ казначействъ на трехъ театрахъ войны: въ Турціи, Малой Азіи и Туркестанскомъ краѣ. Въ 1880 году покойный былъ призванъ на постъ товарища министра путей сообщенія. Въ 1885 году назначенъ сенаторомъ по 1-му департаменту, а въ 1889 году занялъ постъ министра путей сообщенія. Во время его управленія министерствомъ были высочайше разрѣшены: сооруженіе сибирской желѣзной дороги и начата постройка этой дороги, постройка ѳеодосійскаго и новороссійскаго портовъ, расширеніе и улучшеніе другихъ портовъ, коренное переустройство Маріинской водной системы, преобразованіе института инженеровъ путей сообщенія и проч. Въ 1892 году фонъ-Гюббенетъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а въ 1895 году произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. (Некрологъ его: «Россія», 1901, № 689).

† **Ковалевъ, П. И. (Павелъ Оскскій).** 9-го марта въ иркутской Кузнецовской больницѣ скончался сибирскій поэтъ и журналистъ, крестьянинъ-самоучка Павелъ Ивановичъ Ковалевъ, печатавшійся подъ псевдонимомъ «Пав. Оскскій». Покойный родился въ 1863 году въ селѣ Оскскомъ, гдѣ отецъ его, бывшій крѣпостной, занимался кузнечнымъ ремесломъ, и здѣсь провелъ свои годы малолѣтства. Мальчикомъ лѣтъ 12-ти, будущій писатель былъ привезенъ въ Иркутскъ и помѣщенъ на табачную фабрику; проработавъ на ней нѣкоторое время, онъ становится уличнымъ торговцемъ квасомъ; путешествуя съ продаваемымъ товаромъ по улицамъ Иркутска, онъ незамѣтнымъ образомъ по вывѣскамъ научился читать. Выработавъ себѣ затѣмъ хорошій почеркъ, Ковалевъ пристроился на службу по волостнымъ правленіямъ, сначала — помощникомъ писаря, а потомъ и писаремъ. Эта дѣятельность представлялась ему въ самомъ радужномъ свѣтѣ; онъ мечталъ о долгой, безконечной службѣ волостного писаря — друга народа, разъясняющаго послѣднему его права и интересы. Впослѣдствіи покойный разочаровался въ своихъ мечтахъ о такой воспитательной роли волостного писаря и послѣ долгаго колебанія разстался съ деревней и въ 1899 году переѣхалъ въ Иркутскъ; здѣсь у него вскорѣ появились признаки душевнаго разстройства, какъ слѣдствія матеріальной нужды, и онъ былъ помѣщенъ въ психіатрическое отдѣленіе мѣстной больницы. Невзирая на то, что П. И. Ковалевъ нигдѣ не учился, онъ

былъ весьма начитанъ. Все свое свободное отъ занятій время онъ посвящалъ самообразованію и прочелъ массу научныхъ, беллетристическихъ и критическихъ сочиненій; любимыми его авторами были: Щедринъ, Писаревъ и Шелгуновъ. Писать стихи Н. И. началъ очень рано, и уже въ первыхъ его опытахъ, появившихся въ «Восточномъ Обозрѣніи», ярко сказался недюжинный лирическій талантъ; въ послѣдніе годы онъ печаталъ по преимуществу въ той же газетѣ очерки изъ жизни мѣстныхъ крестьянъ; самое крупное его произведеніе — драма «Льготный перваго разряда», напечатано въ «Сборникѣ Восточнаго Обозрѣнія» за 1898 годъ. (Некрологи его: «Восточное Обозр.» 1901, за мартъ; «Россія», 1901, № 690).

† **Орловъ, В. М.** 6-го апрѣля въ С.-Пететбургѣ скончался отъ паралича сердца духовный композиторъ и регентъ капеллы графа Строганова, В. М. Орловъ. Покойный происходилъ изъ бѣдной семьи духовнаго сословія, и съ ранняго возраста былъ поставленъ въ необходимость зарабатывать себѣ средства къ жизни. Съ большимъ трудомъ удалось ему поступить въ С.-Петербургскую консерваторію, откуда потомъ онъ перешелъ въ регентскіе классы при придворной капеллѣ; кончивъ курсъ съ отличіемъ, онъ поступилъ на мѣсто регента и серіозно занимался духовной композиціей. Впослѣдствіи покойный пользовался репутаціей опытнаго теоретика и знатока русской пѣсни. Имъ написано: множество нумеровъ духовно-музыкальныхъ сочиненій, одобренныхъ придворной капеллой (нѣсколько херувимскихъ, «Милость мира», причастные стихи, «Отче нашъ» и др.), нѣсколько романсовъ, дѣтскихъ оперъ и собрано болѣе 200 народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, покойный довольно долго работалъ надъ оперой «Князь Серебряный». (Некрологи его: «Нов. Время», 1901, № 9025; «Россія», 1901, № 702).

† **Свѣденцовъ (Ивановичъ), И. И.** 14-го марта въ Тифлисѣ скончался отъ легочнаго кровоизліянія талантливый беллетристъ Иванъ Ивановичъ Свѣденцовъ, извѣстный больше подъ псевдонимомъ Ивановичъ. Покойный родился въ 1842 году, въ 1859 году поступилъ въ военную службу, но, отдавшись охватившему въ то время русское общество движенію, бросилъ службу и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Его беллетристическія произведенія печатались въ «Отеч. Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Русск. Мысли», «Моск. Вѣд.», «Сынѣ Отеч.», въ «Нов. Обозр.», «Тифл. Листкѣ» и др. изданіяхъ. Свѣденцовъ былъ писателемъ вдохновенія и призванія. Большинство произведеній его проникнуты искренней скорбью о забвеніи людьми наиглавнѣйшей заповѣди Христа — «люби ближняго, какъ самого себѣ». Его при жизни упрекали въ азбучности истинъ, проповѣдуемыхъ имъ, но на это И. И. отвѣчалъ: «Я не виноватъ, если эту азбуку забываетъ общество; мой долгъ заставляетъ меня неустанно напоминать объ этой азбукѣ». Лучшими произведеніями покойнаго считаются: «По тюрьмамъ (очерки изъ недавняго прошлаго)», «Пришелъ, да не туда«, «Никеша очнулся», «Будильникъ» и др. Собраніе сочиненій его вышло въ Москвѣ (т. I въ 1897 г. и т. II въ 1898 г.). (Некрологи его: «Нов. Обозр.» 1901, мартъ; «Тифл. Листокъ» 1901 г., мартъ; «Россія» 1901, № 689).

† **Флеровъ, С. В. (С. Васильевъ).** 5-го апрѣля скончался въ Москвѣ одинъ изъ видныхъ московскихъ журналистовъ, Сергѣй Васильевичъ Флеровъ. Онъ

родился 3-го апрѣля 1841 года и получилъ хорошее домашнее образованіе позволившее ему блестяще выдержать вступительный экзаменъ въ Московскій университетъ. По окончаніи университетскаго курса со званіемъ кандидата историко-филологическаго факультета, С. В. занялся педагогической дѣятельностью, былъ репетиторомъ по новымъ языкамъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ и инспекторомъ IV московской гимназіи. Въ 1872 году онъ, вышелъ въ отставку и занялся общественной службой въ качествѣ гласнаго и члена управы московской думы. Съ 1875 г. онъ сосредоточилъ свои силы на литературной работѣ, сдѣлавшись постояннымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника». Съ 1879 года С. В. сталъ печатать свои театральные фельетоны и, какъ театральный критикъ, пріобрѣлъ себѣ обширную аудиторію и горячихъ поклонниковъ. Онъ серьезно относился къ театру, отличался безпристрастіемъ и добросовѣстностью. Его фельетоны свидѣтельствовали о солидной начитанности, художественномъ чутьѣ и постоянномъ изученіи лучшихъ произведеній, посвященныхъ искусству вообще и театру въ частности. Помимо фельетоновъ о драматическомъ искусствѣ, онъ немало написалъ музыкальныхъ рецензій и отчетовъ о художественныхъ произведеніяхъ на выставкахъ картинъ. Кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», С. В. работалъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», напечатавъ въ этомъ журналѣ рядъ статей: «Къ характеристикѣ Фамусова», «А. Н. Островскій и нашъ театръ», «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ», «В. Е. Маковскій и русскій жанръ», «Къ характеристикѣ Чацкаго» и другія, а также отрывки изъ своихъ воспоминаній «Дѣтскіе годы», «Первая дача», «Останкино», «Исчезнувшіе». Большинство своихъ произведеній покойный подписывалъ псевдонимомъ «С. Васильевъ». (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1901, № 9018; «Россія» 1901, № 705).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу „Записокъ“ Е. А. Сабанѣевой.

Печатаніе дневниковъ, воспоминаній, старыхъ писемъ — всякаго рода и происхожденія—не только вошло въ моду, но принимаетъ колоссальные размѣры... День за днемъ на страницахъ историческихъ журналовъ всплываютъ дневники, мемуары, письма интересные, неинтересные, но захватывающіе жизнь далекаго прошлаго, до нашихъ дней! Въ этихъ мемуарахъ и письмахъ люди, нынѣ давно умершіе, вложили свою душу, внесли въ нихъ свою любовь и антипатію къ окружавшему ихъ тогда люду, нынѣ тоже давно умершему... Дневники и письма прошлаго вѣка именно тѣмъ и дороги, что въ нихъ день

за днемъ безъ особыхъ прикрасъ, для себя и для близкихъ себѣ людей, вписывалась или писалась будничная жизнь и отмѣчалось правдиво то или другое крупное происшествіе. Писавшіе никакъ не предполагали, вѣроятно, что черезъ сто или больше лѣтъ ихъ дневники или письма появятся въ печати, почему тѣ дневники и отличаются полною безыскусственностью, что и накладываетъ на нихъ извѣстную печать правдивости.

Не то совсѣмъ изъ себя представляютъ тѣ мемуары или воспоминанія, которыя самими пишущими предназначаются къ печатанію, да еще черезъ десятки лѣтъ! Вотъ такіе-то мемуары представляютъ гораздо больше опасности, въ смыслѣ могущей быть невѣрной оцѣнки того или другого факта или случая, да и въ отношеніи правдивости. Особенно воспоминанія, пишущіяся со словъ другихъ и лѣтъ 20—30 послѣ того, какъ тотъ или другой случай имѣлъ мѣсто! Такія воспоминанія чаще всего грѣшатъ въ отношеніи хронологіи, да и правды. Поэтому, чѣмъ скорѣе подобное писанье увидитъ свѣтъ Божій, тѣмъ, конечно, лучше, пока есть еще въ живыхъ люди, которые могутъ опровергнуть то или другое невѣрно описанное происшествіе, или невѣрно освѣщенный фактъ, или несправедливо взведенное обвиненіе. А то неугодно ли, какъ примѣръ: остаются мемуары извѣстнаго въ свое время дѣятеля Ѳедора Васильевича Чижова, кои по духовному его завѣщанію должны печататься не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ со дня смерти завѣщателя, когда все и вся, заинтересованное и описуемое въ тѣхъ мемуарахъ, вымретъ! Такимъ образомъ, написанное должно приниматься на вѣру, и никто не найдется сказать: ахъ, извините, это не такъ было. Въ своихъ «Запискахъ» А. И. Кошелевъ (когда-то редакторъ «Русской Бесѣды») говоритъ именно о томъ, что его весьма тревожатъ «Записки Ѳ. В. Чижова», такъ какъ онѣ появятся только черезъ 50 лѣтъ! А жилъ Ѳ. В. Чижовъ въ очень интересное время Крымской кампаніи и великихъ реформъ. Но далъ ли онъ дѣятелямъ того времени вѣрвую оцѣнку?—вотъ вопросъ. Появись эти мемуары даже теперь, 20 лѣтъ послѣ смерти Ѳ. В. Чижова, и то много еще въ живыхъ было бы людей, кои, читая ихъ, могли бы печатно возражать противъ того или другого положенія, высказаннаго Чижовымъ.

Да не далеко искать: возьмемъ хотя бы «Записки» князя А. В. Мещерскаго, печатаемыя въ «Русскомъ Архивѣ», весьма правдивыя въ своемъ основаніи, и въ нихъ князь А. В. Мещерскій, разбирая дѣятельность разныхъ современниковъ своихъ, говоритъ, какъ бы вскользь, объ одномъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей тѣхъ годовъ, князѣ Владимирѣ Черкасскомъ, что его дѣятельность была не производительна и мало полезна, не оставила крупныхъ слѣдовъ?!! Видна ясно нотка недоброжелательства?!. Намъ же, людямъ, близко стоявшимъ къ тому и другому, намъ очень понятна эта недоброжелательная нотка. Князь Владимиръ Александровичъ Черкасскій былъ однимъ изъ крупныхъ и вліятельныхъ дѣятелей крестьянской реформы, и этого-то ему никогда не могло простить большинство дворянства, и въ числѣ ихъ былъ и князь А. В. Мещерскій. А именно князь Вл. Черкасскій былъ такая сильная личность, которая всюду, гдѣ являлась его работа, оставляла за собою крупные слѣды, какъ въ редакціонной комиссіи, такъ въ учредительномъ комитетѣ царства

Польскаго 1863, 1864 и 1865 годовъ и въ городскомъ управленіи, какъ голова московскій, и въ тульскомъ земствѣ, гдѣ руководящій голосъ его не скоро забудется земскимъ собраніемъ...

Прочитывая въ «Русскомъ Архивѣ» интереснѣйшія письма Булгакова къ брату своему, я встрѣтилъ весьма нелестный отзывъ одного высокопоставленнаго лица о моемъ дѣдѣ, П. П. Бибиковѣ. Отзывъ меня не удивилъ, потому что я твердо знаю, что онъ невѣренъ, а сказано было это, благодаря тому, что дѣдъ мой Бибиковъ былъ человѣкъ остроумный и языкъ у него колкій—онъ и не церемонился многое говорить не во славу высокопоставленной особы, что несомнѣнно было донесено особѣ, и возбудило гнѣвъ и злобный отзывъ, не заслуженный, но понятный въ петербургскихъ свѣтскихъ сферахъ.

Обращаюсь къ болѣе близкому еще мнѣ предмету, а именно «Запискамъ» Е. А. Сабанѣевой, напечатаннымъ въ №№ ноябрьскомъ и декабрьскомъ «Историческаго Вѣстника» 1900 года, въ коихъ г-жа Сабанѣева говоритъ о родной мнѣ семьѣ князей Оболенскихъ: о прадѣдѣ моемъ князѣ Петрѣ Николаевичѣ Оболенскомъ и дѣдѣ князѣ Николаѣ Петровичѣ, о родовыхъ имѣніяхъ моихъ селѣ Рождественѣ Рузскаго уѣзда и другихъ, перешедшихъ ко мнѣ отъ дѣда, и т. п. Я не сомнѣваюсь въ желаніи Е. А. Сабанѣевой быть правдивою въ своихъ «Запискахъ», но не могу не усмотрѣть многихъ ошибокъ, такъ какъ г-жа Сабанѣева, нынѣ тоже умершая, писала и записывала со словъ своей матери Варвары Петровны Прончищевой, разсказывавшей все тоже много лѣтъ уже послѣ случившагося. Такъ, напримѣръ, свадьба моего дѣда князя Н. П. Оболенскаго съ княжной Волхонскою (моею бабкою) отнесена къ 1824 году, тогда какъ дѣдъ мой женился въ 1819 году, ибо отъ этого брака въ 1820 году февраля 17 родился мой отецъ князь Дмитрій Николаевичъ Оболенскій, который уже въ 1839 году былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка и затѣмъ ремонтеромъ его въ 1841 г., чего не могло бы быть, если бъ дѣдъ женился въ 1825 году. Я самъ хорошо помню Варвару Петровну Прончищеву, сестру моего дѣда, когда она еще завѣдывала малолѣтнимъ отдѣленіемъ воспитательнаго дома, на Гороховомъ полѣ, въ Москвѣ, въ Разумовскомъ домѣ. Но у старыхъ людей, помнящихъ детально всякую мелочь своего далекаго прошлаго, какъ встрѣчу на балѣ у Кутайсовыхъ или тому подобное,—у нихъ не всегда въ памяти остается годъ, въ которомъ было то или другое событіе, запечатлѣвшееся, однако, хорошо въ ихъ памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, записывая въ 1870-хъ годахъ происшествіе, бывшее на балѣ, или другое что, легко позабыть за 50 лѣтъ, т. е. за $^1/_2$ вѣка, было ли оно въ 1819 или въ 1824 году?! У насъ же остались формуляры, указы объ отставкѣ, гдѣ точно обозначаются года рожденія, брака и т. п. серіозные моменты жизни, даже числа мѣсяцевъ! Не могу также не отнестись съ сомнѣніемъ къ разсказу о первомъ посѣщеніи княжною Наталіей Дмитріевной Волхонской, невѣстой моего дѣда, — своего будущаго свекра, князя Петра Николаевича Оболенскаго, въ его домѣ Подновинскомъ (нынѣ домъ Ахлестышева). Это что-то сказочное, пріѣздъ скорѣе какой-то восточной княжны, съ гайдуками, калмыками, шутами, мамками и т. п. Между тѣмъ моя бабушка была женщина свѣтская, вращавшаяся тогда, т. е. въ 20-хъ годахъ, въ лучшемъ

обществѣ московскомъ и крайне скромная; была въ дружбѣ съ графинею Софьей Прокофьевной Бобринской, дамой весьма разборчивой на знакомство. Не клеится эта обстановка съ дѣйствительностью! Моя бабушка княгиня Наталія Дмитріевна жила въ своемъ родовомъ имѣніи, с. Маклецъ Богородицкаго уѣзда, рядомъ съ нашимъ и теперешнимъ родовымъ имѣніемъ, с. Шаховскимъ, которое принадлежало моему дѣду; пользовалась бабушка большимъ уваженіемъ всей округи—и теперь есть еще старики дворовые, помнящіе, ее—и ничего похожаго изъ того, что пишетъ г-жа Сабанѣева, я не слыхалъ о бабушкѣ. Трудно предположить, что дѣвушка хорошей семьи и воспитанія, княжна Волхонская, невѣста князя Оболенскаго, ѣздила бы по Москвѣ въ двухъ экипажахъ въ сопровожденіи какой-то шутовской свиты! Это не совсѣмъ такъ, и я радъ, что мнѣ еще на старости лѣтъ пришлось прочесть такое писанье и исправить явныя ошибки.

Князь Дмитрій Оболенскій.

II.

Къ статьѣ «Тѣлохранитель Павла I».

Въ статью В. М. Шаховского: «Тѣлохранитель Павла I» (апрѣльская книжка «Историческаго Вѣстника»), вкралась существенная ошибка. Говоря о донскомъ атаманѣ Степанѣ Даниловичѣ Ефремовѣ (выноска на страницѣ 203), г. Шаховской упоминаетъ, что этотъ атаманъ «былъ взятъ силою, посаженъ въ крѣпость Св. Димитрія (теперешній Ростовъ-на-Дону) и вскорѣ отправленъ командиромъ крѣпости Хомутовымъ (дѣдомъ Михаила Григорьевича Хомутова, генерала отъ кавалеріи, бывшаго атаманомъ донского войска) въ Петербургъ».

Комендантомъ крѣпости Св. Димитрія былъ въ ту пору (1772 годъ) не Хомутовъ, а генералъ Потаповъ, дѣдъ Александра Львовича Потапова, бывшаго сначала наказнымъ, а потомъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ войска донского (1865—1868 года). Этотъ атаманъ показывалъ въ Новочеркасскѣ, въ числѣ многихъ и мнѣ, сѣдло, съ полной верховой сбруей, подаренное атаманомъ Степаномъ Даниловичемъ Ефремовымъ его, Потапова, дѣду, ростовскому коменданту, въ благодарность за хорошее съ нимъ, Ефремовымъ, обхожденіе.

Алексѣй Карасевъ.

III.

Къ «исторіи карточной игры».

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ «Исторія карточной игры», на стр. 578, приведенъ разсказъ, извлеченный изъ архивнаго дѣла и сообщенный Г. В. Есиповымъ Я. К. Гроту «о играніи отставнымъ пра-

порщикомъ гвардіи Дмитріемъ Ивановичемъ Дмитріевымъ съ сержантомъ Державинымъ въ карты въ запретительную указами игру». Авторомъ статьи, г. Михневичемъ, сдѣлано въ скобкахъ указаніе, что Дмитрій Ивановичъ былъ «братомъ Ивана Ивановича Дмитріева, знаменитаго поэта, государственнаго человѣка и друга Державина». Считаю долгомъ своимъ заявить, что у дѣда моего, Ивана Ивановича Дмитріева, не было брата Дмитрія. Самый старшій изъ пяти братьевъ Дмитріевыхъ, Александръ, мой родной дѣдъ, отецъ моего отца, родился въ 1759 г., второй — Иванъ Ивановичъ родился въ 1760 г., что легко провѣрить по первой страницѣ записокъ Ивана Ивановича подъ заглавіемъ «Взглядъ на мою жизнь», изданныхъ моимъ отцемъ Михаиломъ Александровичемъ въ 1866 году. Остальныхъ трехъ братьевъ звали Сергѣемъ, Өедоромъ и Николаемъ. Это я знаю достовѣрно изъ поколѣнной росписи, при которой приложено родословное дерево и нашего рода. Дѣдъ мой Иванъ Ивановичъ, хотя былъ на 17 лѣтъ моложе Державина, состоялъ дѣйствительно въ дружескихъ сношеніяхъ съ нимъ впослѣдствіи, но въ 1771 году, когда производство дѣла остановилось, ему было всего 11 лѣтъ, какихъ же лѣтъ долженъ былъ быть меньшой его братъ? Нельзя предположить, чтобы Державинъ обыгрывалъ ребенка, бралъ съ него векселя и заставлялъ дѣлать купчую на имѣніе его отца. Кстати, должна прибавить, что семья Дмитріевыхъ нашего рода никогда не жила въ Москвѣ и имѣнія въ Пензенской губерніи не имѣла. Прадѣдъ мой, Иванъ Гавриловичъ Дмитріевъ, жилъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи Симбирской губерніи Сызранскаго уѣзда, гдѣ и родились всѣ его сыновья. Все это мнѣ извѣстно изъ записокъ моего дѣда и неизданныхъ записокъ моего отца.

Екатерина Пельтъ.

IV.

Портретъ Насѣкина.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1901 г. помѣщенъ портретъ моего родного дяди съ подписью: «Иванъ (или Левъ?) Өедоровичъ Насѣкинъ». В. В. Жерве, авторъ статьи «Къ біографіи П. А. Өедотова», въ выноскѣ на стр. 1106 пишетъ: «затрудняемся опредѣлить, какой изъ братьевъ Насѣкиныхъ изображенъ Өедотовымъ на прилагаемомъ портретѣ».

Въ нашей семьѣ сохраняются портреты, какъ Ивана Өедоровича, такъ и Льва Өедоровича; Иванъ Өедоровичъ, раненый въ глазъ во время усмиренія польскаго мятежа, на всѣхъ портретахъ изображенъ съ повязкой на правомъ глазу. Такъ какъ на рисункѣ Өедотова ясно можно различить повязку на правомъ глазу, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что на рисункѣ Өедотова изображенъ Иванъ Өедоровичъ Насѣкинъ.

Николай Насѣкинъ.

V.

Письмо въ редакцію.

Въ мартовской книжкѣ текущаго года «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Воспоминанія военноплѣннаго» генералъ Клевезаль, вспоминая обо мнѣ добрымъ словомъ, пишетъ, что я былъ сотрудникомъ «Петербургской Газеты». Это не вѣрно—съ 1878 г. я состою сотрудникомъ «Новаго Времени» и никогда ничего для «Петербургской Газеты» не писалъ.

А. Н. Молчановъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНІЕ.

Обширный трудъ (около 100 печатныхъ листовъ большого формата) генералъ-лейтенанта **Н. К. Шильдера,** составленный преимущественно на основаніи новыхъ архивныхъ матеріаловъ, раздѣленъ на четыре тома. Первый томъ обнимаетъ дѣтство и молодые годы императора Александра до восшествія его на престолъ; второй—эпоху преобразованій съ 1801 по 1810 годъ; третій—борьбу съ Франціей съ 1810 по 1816 годъ и четвертый—послѣднее десятилѣтіе, такъ называемую, эпоху реакціи съ 1816 по 1824 годъ.

Изданіе иллюстрировано 450 портретами и рисунками, воспроизведенными главнымъ образомъ съ оригиналовъ Александровскаго времени, имѣющихъ наибольшую достовѣрность. Въ число этихъ иллюстрацій входятъ, между прочимъ, 15 хромолитографій, 16 фототипій и 2 геліогравюры. Кромѣ того, приложено нѣсколько снимковъ съ подлинныхъ писемъ и автографовъ замѣчательныхъ дѣятелей той эпохи.

Портреты и рисунки въ краскахъ исполнены въ хромолитографіи **«Новаго Времени».** Фототипіи—въ художественной мастерской **Вильборга** въ Петербургѣ. Цинкографіи—**Ангереромъ и Гешлемъ** въ Вѣнѣ и въ цинкографіи **«Новаго Времени».** Геліогравюры—**въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.** Гравюры на деревѣ—**Панемакеромъ** въ Парижѣ, **Веме, Зубчаниновымъ, Матэ, Мультановскимъ, Павловымъ, Рашевскимъ и Шюблеромъ** въ Петербургѣ.

Копіи съ картинъ рисованы художниками: **С. С. Соломко, В. П. Павловымъ и А. А. Чикинымъ.**

Заглавная виньетка, буквы, заставки и концы (style empire) рисованы художникомъ **В. П. Шрейберомъ.**

Цѣна изданія **«Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» тридцать рублей,** за пересылку прилагается, по разстоянію, за 36 фунтовъ.

Для любителей напечатано 100 экземпляровъ на роскошной бумагѣ. Цѣна такого экземпляра **сорокъ пять рублей.**

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.

ШПІОНЪ НАПОЛЕОНА

(L'espion de l'Empereur)

ПОВѢСТЬ ШАРЛЯ ЛОРАНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

ЧАСТЬ I.

I.

Вѣдь ты еще представишь намъ сердитаго старика?

При этихъ словахъ, маленькая восьмилѣтняя дѣвочка старалась подняться на цыпочкахъ до отца, который велъ ее за руку. Густые бѣлокурые волосы падали толстою косою на ея спину. На ней была надѣта красная юбочка, окаймленная чернымъ бархатомъ, и темный туго стянутый корсажъ, изъ-подъ котораго виднѣлись рукава и складочки ея бѣлой рубашки.

Просьба дѣвочки разсердила ея маленькаго брата, котораго отецъ велъ за руку съ другой стороны. Онъ былъ на три года старше ея.

— Не слушай Лизбету, — сказалъ онъ. — Представь намъ что нибудь другое. Покажи-ка лучше солдатъ. Помнишь, какъ въ послѣдній разъ.

Но Лизбета была не требовательна. Она не отличала стараго развлеченія отъ новаго и довольствовалась всѣмъ, лишь бы ее занимали. Дѣвочка немедленно присоединилась къ просьбѣ брата.

— Да, да, солдатъ... Гансъ правъ. Покажи намъ солдатъ, идущихъ на войну.

Отецъ улыбнулся. Онъ кивнулъ имъ головой, въ знакъ согласія. Оставивъ ихъ руки, мужчина удалился на нѣсколько шаговъ. Дѣти приблизились другъ къ другу и пошли по серединѣ дороги. Они слѣдили за нимъ глазами съ безпокойнымъ любопытствомъ.

Это былъ съ виду скромный горожанинъ, здоровой и сильной наружности. Судя по его одеждѣ и спокойному виду, его можно было бы принять за страсбургскаго купца. Онъ былъ одѣтъ въ коричневый сюртукъ съ металлическими пуговицами, высокій, черный галстухъ, короткіе панталоны и сапоги съ пряжками. Черная поярковая шляпа съ широкими загнутыми полями и плоскимъ бортомъ, образующимъ козырекъ, дополняла его нарядъ. Несмотря на толстую палку, у него былъ самый миролюбивый видъ. Но это было не всегда. Дѣти знали, что у нихъ же на глазахъ при дневномъ освѣщеніи онъ могъ моментально преобразиться. Въ такіе минуты его голосъ становился неузнаваемъ, и даже измѣнялся цвѣтъ глазъ. Дѣти съ удивленіемъ спрашивали себя, какимъ образомъ онъ можетъ такъ себя перемѣнить.

И теперь онъ, любуясь на дѣтей, совершенно преобразилъ себя. Медленными движеніями руки онъ придалъ отворотамъ сюртука и поднявшемуся воротнику сурово военный видъ, приподнялъ панталоны, а свои красновато-рыжіе волосы, всклоченные на вискахъ, расположилъ гладкими прядями по обѣимъ сторонамъ ушей. Его шляпа, какъ по мановенію волшебнаго жезла, превратилась въ киверъ, бюстъ внезапно распрямился и казался одѣтымъ въ мундиръ, пестрые чулки неопредѣленнаго цвѣта исчезли подъ искуснымъ движеніемъ ноги, какъ бы входящей въ воображаемый сапогъ.

— Это жандармъ! Это жандармъ!—вскричали дѣти.

Не успѣли замолкнуть ихъ чистые, звонкіе голоса, какъ жандармъ уже исчезъ, уступивъ мѣсто вооруженному гренадеру. Палка, которую онъ только что волочилъ по землѣ, какъ саблю, моментально поднялась и стояла неподвижно отъ бока до плеча, какъ ружье. Его киверъ превратился теперь въ мѣховую шапку.

Дѣти въ восторгѣ хлопали въ ладоши. Затѣмъ передъ ними явился егерь въ кожаной фуражкѣ безъ козырька. Внезапно сюртукъ укоротился, и передъ ихъ глазами предсталъ гусаръ въ доломанѣ. При каждой новой перемѣнѣ лицо мужчины совершенно преображалось. Волосы изъ растрепанныхъ становились гладкими и падали, какъ собачьи уши, или заплетались въ косу. Усы то подымались, какъ у двадцатилѣтняго легкаго кавалериста, то перерѣзали до ушей хмурое лицо стараго ветерана. Глаза то становились свирѣпыми, то насмѣшливыми. Лицо выражало то жестокость, то кровожадность. Видно было, что онъ подробно изучилъ это искусство, близко соприкасаясь съ изображаемыми личностями. Но не одна мимическая сторона была изучена имъ въ совершенствѣ; характеръ представляемой личности, его осанка, согласно оружію, которое онъ носилъ, измѣнялись тоже.

Внезапно игра прервалась. Дѣти, не говоря ни слова, указали пальцами впередъ на дорогу. Отецъ повернулся и началъ всматриваться въ облако пыли, появившееся на дорогѣ, изъ-за котораго

выдвигалось другое. Онъ увидѣлъ среди этого дымчатаго облака быстро мчавшихся лошадей, тащившихъ за собою телѣгу, переполненную людьми. Что-то блестѣло въ ней, похожее на оружіе.

Онъ подошелъ къ дѣтямъ и, взявъ ихъ за руки, отвелъ въ сторону на откосъ, покрытый муравой. Здѣсь, защищенные отъ пыли и вѣтра, они могли спокойно смотрѣть на проѣзжающихъ.

Теперь стали ясно слышны шумъ приближающейся телѣги и стукъ подковъ о шоссе. Громкія солдатскія пѣсни прерывались взрывами хохота и, соединяясь со звуками голосовъ, раздававшихся изъ задняго ряда телѣгъ, представляли невообразимую какофонію. Дюжина мужскихъ голосовъ громче другихъ пѣла военную походную пѣснь.

Развеселившіяся дѣти подняли свои широко раскрытые и блестѣвшіе отъ удовольствія глаза на ихъ пріемнаго отца, какъ бы желая убѣдиться, произвело ли на него это явленіе одинаковое съ ними впечатлѣніе.

Но телѣга быстро приближалась; въ ней царили непрерывное веселье и громкій смѣхъ. Дѣти прижались другъ къ другу, чтобы лучше разсмотрѣть сидящихъ въ ней лицъ.

Это была простая деревенская телѣга, какія употреблялись въ окрестностяхъ Саверна. Лошадьми, почти стоя, правилъ молодой, красный, какъ горящій уголь, парень. Онъ былъ такъ воодушевленъ весельемъ окружавшихъ его товарищей, что, казалось, выбивалъ кнутомъ тактъ пѣсни. Его мѣховая шапка сдвинулась на затылокъ, при чемъ хвостъ лисицы, украшавшій ее, висѣлъ до самаго пояса. Развязавшійся галстухъ разлетался по воздуху. Сзади его сидѣли двѣнадцать человѣкъ солдатъ. Они лѣпились по обѣимъ сторонамъ телѣги. Между ними были свалены въ кучу сабли, ружья и мѣховыя шапки. Отъ нечего дѣлать они курили и пѣли. Слѣдующія телѣги не отличались ничѣмъ отъ первой, лишь только ихъ кучера были менѣе воодушевлены.

Наконецъ промчались всѣ сорокъ телѣгъ, одна, какъ другая, запыленныхъ и переполненныхъ поющими солдатами. Это былъ батальонъ гренадеровъ генерала Удино. Отборные солдаты составляли спеціальную дивизію въ Аррасѣ, и ими такъ восхищался Наполеонъ, что считалъ ихъ даже прекраснѣе своихъ гвардейцевъ. Они совершали длинный и утомительний путь изъ Булони въ Страсбургъ и отъ Па-де-Калэ на Рейнъ.

Солдаты предполагали, что ихъ отправятъ въ Англію, но по неизвѣстной имъ причинѣ ихъ послали въ Германію. Только самые старые изъ нихъ, не забывшіе еще похода, ознаменовавшагося битвой при Маренго, во время перваго консула, а также экспедиціи въ Египетъ съ Бонапартомъ, хвастались, что понимаютъ планъ Наполеона. Они объясняли его товарищамъ слѣдующимъ образомъ:

«Видите ли,—говорили они:—флотъ Вильнева не пришелъ, чтобы служить намъ прикрытіемъ при проходѣ черезъ Ламаншъ, и мы бездѣйствуемъ. Купальный сезонъ кончился, и императоръ не хочетъ, чтобы мы простудились, вотъ онъ и посылаетъ насъ на Рейнъ. Тамъ, кажется, русскіе и австрійцы разсчитываютъ дѣлать глупости, пока мы заняты въ другомъ мѣстѣ. Мы имъ скажемъ парочку словечекъ и нанесемъ визитъ. Вѣроятно, адмиралъ Вильневъ въ концѣ концевъ прибудетъ въ Булонь, куда мы возвратимся весною».

Пока они такъ разсуждали, эхо вторило военнымъ пѣснямъ, которыя пѣли другіе солдаты.

Дѣло въ томъ, что Наполеонъ приказалъ отправить какъ гвардію, такъ и аррасскихъ гренадеръ съ другими солдатами не на судахъ черезъ Па-де-Калэ, а черезъ всю Францію въ экипажахъ. Повсюду имъ приготовлены подставныя лошади, и они катили безъ остановки съ запада на востокъ, вмѣсто того, чтобы оттоптывать свои подошвы по пыльнымъ шоссе. Газетамъ было запрещено писать объ этомъ распоряженіи.

Правда, что солдатамъ немного надоѣдало перемѣнять каждый день экипажъ. Они ѣхали то въ пикардійскихъ телѣжкахъ, запряженныхъ здоровыми лошадками, которыя бойко бѣжали, взбираясь по холмамъ, то въ шарабанахъ Иль-де-Франса, въ которыхъ, хотя было удобно сидѣть, но зато лошади, отягченныя тяжелой упряжью, едва тащились. Но самое мучительное путешествіе было черезъ Бри, Суассонъ и Шампань, гдѣ имъ приготовили прескверныя одноколки. Только отъ Эльзаса они вздохнули свободнѣе, гдѣ имъ дали солидныя телѣги, обильно наполненныя соломой, съ довольными и веселыми кучерами. Теперь они ожили и во все горло пѣли пѣсни.

Бричка съ оберъ-офицерами, на обязанности которыхъ было выбрать мѣсто привала, проѣхала гораздо раньше колонны, но группа запыленныхъ офицеровъ то и дѣло сновала по сторонамъ телѣгъ. Командиръ ѣхалъ позади послѣдняго фуражира. Это былъ коренастый человѣкъ, съ багровымъ лицомъ и съ любопытными, но честными глазами. Взглядъ его встрѣтился съ глазами дѣтей, стоящихъ у края дороги, и онъ улыбнулся имъ по какому-то смутному воспоминанію. Можетъ быть, онъ вспомнилъ о другихъ подобныхъ маленькихъ существахъ, которыхъ онъ оставилъ дома. Кто знаетъ?

Наступилъ вечеръ. Пыль улеглась. Тишина воцарилась малопо-малу на дорогѣ. Гансъ и Лизбета, пресыщенные удовольствіемъ, видимо были не прочь возвратиться домой, и съ этою мыслію они обернулись къ своему названному отцу.

Все время, пока проѣзжали солдаты, онъ молчаливо наблюдалъ за ними. Онъ, какъ бы для развлеченія, считалъ ихъ. Ни одинъ генералъ въ раззолоченномъ мундирѣ не слѣдилъ бы на парадѣ съ

большимъ вниманіемъ за своими солдатами, чѣмъ это дѣлалъ скромный съ виду горожанинъ. Когда всѣ телѣги проѣхали, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и написалъ:

«24 сентября 1805 года, батальонъ въ пятьсотъ гренадеръ только что проѣхалъ въ телѣгахъ изъ Саверна въ Страсбургъ. Люди съ виду были здоровые и прекрасно дисциплинированные. Одна особенность меня поразила: я вижу первыхъ солдатъ, у которыхъ подстрижены и не напудрены волосы. Отъ этого ихъ одежда много выигрываетъ въ чистотѣ, такъ какъ мука, которою покрываютъ волосы гвардейскіе гренадеры, страшно грязнитъ ихъ красные воротники. Говорятъ, что это нововведеніе будетъ всеобщимъ во французской арміи.

«Пятьсотъ солдатъ этого поѣзда составляютъ часть тридцатипяти-тысячнаго войска, сосредоточивающагося уже восемь дней противъ Келя. Я въ невѣдѣніи, что происходитъ подъ Страсбургомъ, но мнѣ говорили, что въ Мангеймѣ, Спирѣ и Майнцѣ составляется громадное сборище. Знакомыхъ командировъ я не видалъ. Я узналъ, что Бонапартъ возвратился въ Булонь послѣ того, какъ роздалъ своимъ отборнымъ солдатамъ, четыре дня тому назадъ, кресты почетнаго легіона. Не видно было, чтобы онъ расположенъ былъ уѣхать. Онъ задавалъ балы. Тѣмъ не менѣе, сборища, о которыхъ я говорю, очень таинственны и очень важны, заслуживаютъ болѣе близкаго изученія. Знаменитый Мюратъ, генералъ отъ кавалеріи, еще не возвратился изъ путешествія по Германіи, куда онъ отправился по секретному предписанію своего повелителя. Генералъ Бертранъ, которому въ то же время поручено серіозно навести справки о союзныхъ войскахъ, вернулся вчера. Они были такъ дурно переряжены, что меня удивляетъ, какъ ихъ не задержали. C. S.»

Записавъ все это, скромный горожанинъ положилъ памятную книжку въ карманъ и сказалъ громко:

— Ну, дѣтки, вернемся!

И они пошли по направленію къ городу.

Но не сдѣлали и полуторы мили, какъ дорога, по которой они шли изъ города два часа тому назадъ, стала неузнаваема. Къ ихъ удивленію, при поворотѣ дороги, они замѣтили въ трехстахъ метрахъ передъ собою, у подножія стараго вала, гнѣздящіяся землянки. Они сразу попали въ кишащій муравейникъ изъ людей.

Здѣсь находились, кромѣ гренадеръ, которыхъ они только что видѣли проѣзжающими, масса другихъ солдатъ. Они расправляли свои онѣмѣвшія отъ продолжительной ѣзды ноги, бѣгая и хлопоча устраивать себѣ лагерь. Распряженныя телѣги были разставлены по краямъ дороги. Возлѣ шумной живописной группы гренадеръ помѣстились другія группы, не менѣе воодушевленныя своей силой и дисциплиной.

Эта масса вооруженныхъ людей запрудила мѣстность до самыхъ городскихъ домовъ. Мѣстные мальчишки съ любопытствомъ прибѣгали посмотрѣть это человѣческое наводненіе. Взадъ и впередъ мчавшіяся эстафеты обнаруживали образцовый, предусмотрительный порядокъ среди хаоса и безпорядка размѣщенія и устройства квартиръ.

Но вотъ раскинулись палатки и зажглись огни. На ружьяхъ, поставленныхъ въ козлы, лежали свернутыя во всю длину знамена, какъ бы въ колыбели изъ штыковъ. Дымъ направлялся прямо къ облакамъ въ тихомъ воздухѣ. Сдержанный звукъ голосовъ подымался вмѣстѣ съ нимъ надъ городомъ.

Здѣсь находится больше батальона, больше, чѣмъ бригада, можетъ быть, дивизія, а, можетъ быть, цѣлая армія!..

И человѣкъ, сопровождавшій дѣтей, остановился, какъ вкопанный и изумленный зрѣлищемъ. Онъ даже не замѣтилъ вопросительныхъ взглядовъ дѣтей. Наконецъ онъ рѣшился пройти сквозь эту живую стѣну людей, выступившихъ даже на шоссе.

— Проходить нельзя!—закричалъ ему часовой изъ артиллеристовъ, выставивъ передъ ними наголо обнаженную саблю.

— Какъ нельзя проходить? Но если я возвращаюсь къ себѣ? Я страсбургскій житель и веду моихъ дѣтей домой.

— Мнѣ очень досадно, милый папочка, но ужъ такой отданъ приказъ. Паркъ расположенъ тамъ, совсѣмъ близко, и дорога заграждена до ночи.

— О, нѣтъ опасности, товарищъ, чтобы эти ребятишки заклепали пушку. Допустите меня пройти; увѣряю васъ, что приказъ не можетъ относиться къ намъ.

— Все возможно! Но я ничего не могу сдѣлать. Вонъ идетъ офицеръ, спросите его, если хотите...

Офицеръ на котораго указалъ солдатъ, былъ какъ разъ командиръ батальона. Онъ только что замѣтилъ двухъ миленькихъ задержанныхъ дѣтей, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ на солдатъ. При немъ находился капитанъ.

— Что тамъ такое, часовой?—спросилъ онъ, узнавъ маленькія бѣлокурыя головки.

— Командиръ, вотъ гражданинъ, который хотѣлъ бы со своими ребятами возвратиться въ городъ.

— Вы страсбуржецъ?—спросилъ офицеръ, обращаясь къ незнакомцу.—Какъ васъ зовутъ?

— Шульмейстеръ, Карлъ-Людовикъ, бакалейщикъ и торговецъ табакомъ, въ улицѣ де-ла-Месанжъ.

— Служили ли вы? Сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ тридцать пять лѣтъ, господинъ командиръ.

— Отчего вы мнѣ не отвѣчаете? Были ли вы солдатомъ?..

— Полковникъ Савари меня лично знаетъ...

— Вы хотите сказать, что полковникъ Савари васъ зналъ?...

— Развѣ онъ умеръ?

— Нѣтъ, онъ сдѣлался дивизіоннымъ генераломъ, командиромъ полевыхъ жандармовъ и начальникомъ по служебнымъ развѣдкамъ. Но вы мнѣ все-таки не отвѣтили.

— Нѣтъ, командиръ, я не былъ солдатомъ.

— Почему же? Вы съ виду такой здоровякъ?

— Я не французскаго происхожденія.

— Откуда вы?

— Изъ Новаго Фрейштата.

— Гдѣ это?

— Въ четырехъ миляхъ отъ Страсбурга, по другую сторону Рейна.

— Тогда, что же вы здѣсь дѣлаете? И какимъ образомъ вы знали Савари, когда онъ былъ полковникомъ?...

Этотъ человѣкъ, съ виду такой спокойный, со скромными манерами, такъ недавно игравшій на дорогѣ съ дѣтьми, теперь, казалось, съ трудомъ переносилъ разспросы. Нѣсколько разъ онъ готовъ былъ выйти изъ терпѣнія, и только сила воли удержала его. Послѣдній вопросъ вывелъ его изъ себя. Онъ взглянулъ прямо въ лицо начальника баталіона гренадеръ и отвѣтилъ:

— Я оказалъ французамъ важную услугу въ то время, когда генералъ Моро переправлялся черезъ Рейнъ. Въ награду за это мнѣ разрѣшили жить здѣсь. Правда, что я не имѣлъ ни ружья, ни шпаги; не носилъ на головѣ мѣховой шапки и шпоръ на ногахъ; но безъ меня, очень вѣроятно, что нѣмцы не были бы побиты при Гогенлинденѣ.

— О, о мой смѣльчакъ!—сказалъ командиръ съ насмѣшливымъ смѣхомъ: — если вы говорите правду, то вы великій полководецъ, но при этомъ вы довольно странный патріотъ, такъ какъ нѣмцы, которыхъ Моро побилъ, благодаря вамъ, приходятся вамъ родными братьями. Не вы ли мнѣ сказали, что ваша родина тамъ?

При этихъ словахъ офицеръ указалъ пальцемъ на востокъ.

— Принадлежатъ къ той странѣ, которую любятъ, и служатъ той странѣ, которой хотятъ,—возразилъ Шульмейстеръ.

— Очень возможно, но что касается до меня лично, то я отношусь съ недовѣріемъ къ людямъ, которые не любятъ своего отечества и служатъ его противникамъ. Эй, четверыхъ людей!—приказалъ командиръ.

Въ то время, какъ нѣсколько солдатъ приблизились на призывъ камандира, капитанъ до послѣдней минуты, молча слѣдившій за происходившимъ, сдѣлалъ шагъ по направленію къ Шульмейстеру. Послѣдній видя, что дѣло принимаетъ дурной для него оборотъ, сдѣлалъ быстрое, какъ мысль, движеніе. Его рука, выскользнувъ изъ складокъ сюртука, нѣжно ударила, какъ бы лаская мальчика,

сначала по головѣ, а затѣмъ по плечу. Ели бы при этомъ обстоятельствѣ находился внимательный наблюдатель, то онъ, можетъ быть, замѣтилъ бы выразительное нажиманіе рукою по платью ребенка. Затѣмъ Шульмейстеръ болѣе не двигался. Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза всѣмъ этимъ людямъ, которымъ, безъ сомнѣнія, былъ отданъ приказъ его задержать. Глаза мальчика, казалось, говорили: «Будь спокоенъ, отецъ! Я понялъ: надо не допустить, чтобы у меня нашли вещь, которую ты мнѣ довѣрилъ... Она тамъ, за воротникомъ моей куртки. Сейчасъ, какъ только меня не будетъ видно, я незамѣтно прекрасно ее спрячу. Не бойся, не бойся!»

Что же касается Лизбеты, то она прижалась къ нему съ другой стороны, испуганная и готовая расплакаться.

— Командиръ,—сказалъ Шульмейстеръ, сдѣлавшійся съ этихъ поръ безусловно хладнокровнымъ:—я не знаю, какой вы отдали приказъ относительно меня, но я надѣюсь, что вы не откажете отправить этихъ маленькихъ бѣдняжекъ на другую сторону лагеря, къ городскимъ воротамъ. Когда они достигнутъ ихъ, я буду спокоенъ, такъ какъ Гансъ съ сестрою сумѣютъ найти свой домъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ проще, — замѣтилъ командиръ.—Капитанъ, прикажите, чтобы проводили этихъ двухъ ребятишекъ домой. Я совсѣмъ не хочу, чтобы съ ними случилось несчастье... А вы, другъ мой, слѣдуйте за мною.

И въ то время, когда мальчикъ въ сопровожденіи сержанта удалялся блѣдный съ блестящими глазами, держа за руку испуганную сестренку, бакалейщикъ изъ улицы де-ла-Месанжъ шелъ, окруженный четырьмя солдатами, понуренный, съ опустившимися руками, къ квартирѣ военнаго профоса.

II.

Въ дверяхъ лавочки, находящейся въ улицѣ Месанжъ, среди самой непоэтической обстановки бакалейныхъ и табачныхъ товаровъ, стояла нѣжная, очаровательная фигура женщины. Ея каштановые съ золотистымъ отливомъ волосы, раздѣленные проборомъ на двѣ волнистыя пряди, были собраны и густо скручены на затылкѣ. Матово-блѣдный цвѣтъ лица, большіе темные глаза и гибкая фигура, одѣтая въ простой эльзасскій костюмъ безо всякихъ украшеній изъ золотыхъ прошивокъ, особенно выдѣлялись рядомъ съ выставочнымъ окномъ, на которомъ были разложены незатѣйливые товары: пряности, табакъ, ленты, каленкоръ и мелочные желѣзные и мѣдные товары. Ея изящная фигура казалась живой статуей, только что поставленной на каменныхъ ступеняхъ входа въ магазинъ.

Съ виду ей нельзя было дать болѣе двадцати лѣтъ — въ дѣйствительности ей было двадцать пять. Прохожіе настолько очаро-

вывались ея красотою, что забывали помѣчать годами ея прекрасныя черты. Они нисколько не заботились о томъ, дѣвушка она или женщина. Все, что они замѣчали въ ней,—это была ея красота, а она принадлежала всѣмъ, кто имѣлъ глаза.

Въ данный моментъ Берта съ безпокойствомъ смотрѣла въ противоположную сторону улицы, по направленію къ аллеѣ Брольи. Она отвѣчала съ разсѣянной улыбкой на почтительные поклоны сосѣдей и, казалось, относилась равнодушно къ тому, что разсказывали собравшіяся группы о событіяхъ дня. Берта, конечно, видѣла, какъ и всѣ ея сосѣди, необычайное движеніе, произведенное только что прибывшими войсками. Уже нѣсколько часовъ сновали по улицамъ города цѣлыя толпы военныхъ; ихъ лица и мундиры были совершенно неизвѣстны горожанамъ. Берта Шульмейстеръ, поминутно отрываемая отъ своего безполезнаго дежурства, едва успѣвала удовлетворять требованія многочисленныхъ покупателей. Ея сердце, казалось, сжималось отъ страшной, мучительной тоски; необъяснимый ужасъ сковывалъ ея губы. Она не слышала ни комплиментовъ, которые щедро разсыпали передъ нею новые покупатели, ни даже ихъ требованій. Ея разсѣянность не укрылась отъ наблюдательныхъ сосѣдей, и самый близкій изъ нихъ обратился къ ней вечеромъ съ вопросомъ:

— Вы не очень-то разговорчивы сегодня, г-жа Шульмейстеръ?

— Я ожидаю мужа, — отвѣтила она:—онъ уже давно ушелъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Боюсь, что имъ нельзя будетъ пробиться сквозь войско и войти въ городъ.

— Сколько причиняютъ вамъ безпокойства эти ребятишки! Если бы это были ваши дѣти, вы о нихъ не заботились бы болѣе!.. И чего же вамъ опасаться?

— Не знаю. Конечно, Карлъ остороженъ и силенъ; но онъ всегда хочетъ видѣть вблизи все, что происходитъ, и это меня пугаетъ...

— Ба! вашъ мужъ любитъ выкидывать штуки, подите! Вы смотрите направо, а онъ, можетъ быть возвратится съ лѣвой стороны...

Когда молодой купецъ окончилъ свое замѣчаніе, то женщина, ожидавшая, чтобы Шульмейстеръ отвѣсила ей нѣсколько зеренъ кофе, тоже вмѣшалась въ разговоръ. Она принялась сожалѣть о маленькихъ крошкахъ, говоря, что родители неправы, когда водятъ малютокъ въ толпу, гдѣ они рискуютъ быть раздавлены. Пока они такимъ образомъ бесѣдовали, свѣтъ, уже менѣе яркій, чѣмъ утромъ, проходившій въ дверь лавки, внезапно заслонился какой-то фигурой: высокаго роста человѣкъ стоялъ на порогѣ.

Пришедшій былъ прекрасно сложенный и сильный мужчина. Цѣлый лѣсъ густыхъ черныхъ вьющихся волосъ спускался ему на виски, почти скрывая уши. По костюму незнакомецъ напоми-

налъ богатаго путешественника-купца. Онъ былъ одѣтъ въ длинный сюртукъ съ воротникомъ и въ панталоны, засунутые въ сапоги съ отворотами. Его пальца были унизаны драгоцѣнными кольцами. Вся его личность дышала уравновѣшенной твердостью, спокойной смѣлостью и значительной долей самодовольства. Его произношеніе обнаруживало южное происхожденіе. Онъ обратился къ молодой лавочницѣ очень вѣжливо и въ то же время повелительно.

— Прелестное дитя, — сказалъ онъ, — не здѣсь ли находится домъ торговца желѣзомъ, по имени—подождите-ка!.. Карлъ... Карлъ... Майстеръ?.. Еще что-то есть передъ Майстеръ, но я забылъ... Впрочемъ вы знаете, что я хочу сказать?

— Извините, сударь, въ этомъ домѣ нѣтъ торговца желѣзомъ... Моего мужа зовутъ Карлъ Шульмейстеръ, это правда, но его торговля...

— О, его торговля, какое мнѣ дѣло!.. я подразумѣваю ту, кокорой онъ занимается для виду. Онъ торговалъ старымъ желѣзомъ; теперь продаетъ, какъ я вижу, черносливъ и табакъ; мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всего этого, но я хотѣлъ бы его видѣть и поговорить съ нимъ одну минуту о другомъ дѣлѣ. Говорятъ, онъ занимается контрабандой, надувая таможню. Слухъ идетъ даже о томъ, что онъ отъ времени до времени, стрѣляетъ въ таможенниковъ. Вотъ объ этомъ-то мнѣ надо съ нимъ побесѣдовать. Я пришелъ нарочно одинъ, во-первыхъ, чтобы его не напугать, а, во-вторыхъ, я потерялъ бы слишкомъ много времени, чтобы пойти... къ себѣ переодѣться и захватить товарищей... Гдѣ же вашъ мужъ? гмъ!..

— Я ни слова не поняла изо всего, что вы мнѣ говорите, сударь,—отвѣтила она, смутно безпокоясь. — Я здѣсь одна... Потрудитесь прійти немного позже...

— Ну, ужъ извините! Вы говорите, что его еще нѣтъ?.. Хорошо, я подожду его!

— Но, сударь...—попробовала возразить молодая женщина.

— Полно! не прикидывайтесь суровой, крошка! Мнѣ нравится оказать честь этой скромной лавочкѣ и отдохнуть минутку здѣсь... Тѣмъ болѣе мнѣ это нравится, что поистинѣ вы очаровательны!.. Если человѣкъ, котораго я ищу,—вашъ мужъ, то онъ долженъ походить на Аполлона, чтобы быть достойнымъ васъ...

Эти любезности, вѣроятно, расточались не разъ этимъ кичливымъ и надменнымъ человѣкомъ и при другихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ очевидно убѣжденъ, что всякая женщина, на которую онъ обратилъ вниманіе, должна быть преисполнена счастья. Пока онъ смотрѣлъ на Берту Шульмейстеръ, выраженіе его лица какъ бы говорило: «Развѣ я не любезенъ! Развѣ я не уменъ! Какъ я непреодолимъ!» Но это сомнѣніе было скорѣе наивное и заставляло улыбаться.

Между тѣмъ г-жа Шульмейстеръ сдѣлалась совершенно блѣдной. Послѣдніе покупатели ушли, какъ только онъ вошелъ въ лавку, и теперь она осталась совершенно одна съ незнакомцемъ. Инстинктъ ей подсказалъ, что подъ этой маской грубыхъ и наглыхъ любезностей скрывается тонкій, хитрый, привыкшій ко всевозможнымъ заговорамъ наблюдатель, который ей угрожаетъ опасностью. Однако въ ней прежде всего проснулась женская гордость.

— Я у себя дома,—сказала она спокойно:—и желаю остаться одна... Кромѣ того, приближается ночь, и я должна запереть магазинъ. Не угодно ли вамъ удалиться?..

Незнакомецъ расхохотался отъ чистаго сердца. Ему показалось это настолько невѣроятнымъ, изумительнымъ и необыкновеннымъ, чтобы осмѣлились ему предложить удалиться... Поистинѣ эта женщина не сомнѣвалась въ неблагопристойности своихъ словъ!.. Уйти... Она его просила и даже приказывала ему уйти!.. И его большіе черные глаза начали ее разсматривать съ новымъ восхищеніемъ. Такая красивая, такая изящная женщина и выгоняетъ его за дверь!..

— Моя дорогая,—прервалъ онъ свой смѣхъ:—вы положительно не узнали меня, я въ этомъ болѣе не сомнѣваюсь. Это кажется невѣроятнымъ, но все-таки надо это признать. Вотъ такъ исторія!—воскликнулъ онъ.—А еще дуракъ Бертранъ говоритъ, что я не умѣю переодѣваться!.. Но возможно ли, что вы не знаете, кто я. Ей-Богу, я никогда не воображалъ подобной вещи!.. Но всмотритесь же въ меня немного!.. Нѣтъ?.. Вы не знаете меня?..

И онъ снова залился громкимъ смѣхомъ.

— Но, сударь,—сказала она просто:—если ваше имя можетъ мнѣ доказать, что вы имѣете право остаться здѣсь, вопреки моему желанію, то всего проще: назовите мнѣ ваше имя! Какъ васъ зовутъ? А если вы не желаете мнѣ это сказать, то прошу васъ удалиться, такъ какъ полиція приказываетъ намъ запирать лавки ранѣе, чѣмъ наступитъ ночь.

— Честное слово, вы разсуждаете, какъ ангелъ, моя красавица! Но не безпокойтесь о полиціи. Я приму ее самъ, если она появится, и будьте спокойны; она не будетъ болѣе вамъ надоѣдать...

— Очень можетъ быть, сударь, но я не хочу, слышите ли, не хочу, чтобы вы мнѣ покровительствовали. Ваша настойчивость была безразсудна, теперь же она становится обидной, и если вы не выйдете сію минуту, то я позову на помощь.

— Чортъ возьми! дитя мое, вотъ прекрасная защита!—И онъ выпрямился передъ ней во весь ростъ. Хотя его поза и была немного театральна, но все-таки въ ней была нѣкоторая доля величія.—Вы хотите знать, кто я, прежде чѣмъ позволите мнѣ ожидать здѣсь вашего мужа? Хорошо, вы это узнаете. Меня зовутъ Мюратъ!

— Мюратъ?—переспросила Берта, смотря на него совершенно равнодушно.

— ...Да, Мюратъ, принцъ имперіи, адмиралъ и маршалъ Франціи; Мюратъ, зять Наполеона и кавалеръ первой степени почетнаго легіона. Не найдете ли вы возможнымъ теперь пріютить меня, крошка?

— Чѣмъ болѣе вы могущественны, чѣмъ болѣе вы знамениты, принцъ,—сказала Берта:—тѣмъ менѣе я нахожу у васъ правъ навязывать себя женщинѣ, которая проситъ васъ оставить ее! Но такъ какъ маршалъ Франціи заблагоразсудилъ устроить въ этой лавкѣ сегодня вечеромъ свой лагерь, то онъ безъ труда пойметъ, какому я повинуюсь чувству, уступая ему мое мѣсто... Я удаляюсь.

— А, а, милочка, кажется, что мы не любимъ принцевъ?..

— Я уважаю тѣхъ изъ нихъ, которыхъ я признаю. Прошу васъ, позвольте мнѣ уйти...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Вы не покинете меня! А, вотъ такъ поистинѣ женщина, которая не довольствуется быть прекраснѣе всѣхъ женщинъ, а еще обладаетъ очаровательной дерзостью, которой не скрываетъ отъ васъ... Не пробуйте удалиться, чортъ возьми!.. Я совершенно забылся около васъ и не вспомнилъ, зачѣмъ сюда пришелъ. Подумайте только, что одной вашей улыбкой вы можете добиться у меня снисхожденія къ вашему мужу.

— Моему мужу?.. Что вы хотите сказать? Что ему угрожаетъ? Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ? О, почти ничего. Онъ служилъ агентомъ у непріятеля Франціи, вотъ и все! Онъ извѣстилъ австрійцевъ о движеніи нашего войска. Я нашелъ доказательства его измѣны въ Баваріи, гдѣ у насъ есть вѣрные друзья. Я ихъ привезъ императору, который, вѣроятно, прикажетъ его разстрѣлять!.. О! простите, я вижу, что испугалъ васъ. Какъ вы дрожите! Но зачѣмъ же, чортъ возьми, вы заставили меня говорить!..

Онъ инстинктивно приблизился къ молодой женщинѣ, чтобы ее поддержать. На этотъ разъ его жестъ не былъ ему внушенъ легкомысленной любезностью, а вытекалъ изъ чувства жалости. Великій сердцеѣдъ превратился въ добраго малаго.

— Это гнусная клевета,—сказала она, отталкивая его отъ себя.— Мой мужъ не можетъ себя ни въ чемъ упрекать. Ни въ чемъ, слышите ли! Это—самый спокойный, прямой и честный человѣкъ. Въ то время какъ вы обвиняете его, онъ прогуливается съ нашими двумя пріемными дѣтьми, двумя бѣдными сиротками, которыхъ мы пріютили у себя... Я ожидала ихъ, когда вы пришли... Какъ же вы хотите, чтобы онъ былъ шпіономъ!.. Я уже вамъ сказала, что онъ пошелъ показать имъ солдатъ!..

— Полно, я сожалѣю, что сказалъ вамъ. Не думайте объ этомъ

больше. Я поближе разсмотрю это дѣло, самъ разсмотрю, и если не вашъ мужъ, какъ мнѣ положительно говорили, извѣщаетъ непріятеля о нашихъ приготовленіяхъ, то будьте спокойны: слово Мюрата, что ему ничего не сдѣлаютъ.

И когда ея растроганные глаза, полные мольбы и довѣрія, обратились къ нему, то неисправимый гасконецъ проснулся въ немъ, и онъ воскликнулъ съ театральнымъ жестомъ:

— Я вамъ далъ слово французскаго принца!

Въ отвѣтъ на его восклицаніе послышался взрывъ неожиданной радости. Двѣ бѣлокурыя дѣтскія головки показались въ дверяхъ лавки, и молодая женщина бросилась къ нимъ съ радостнымъ крикомъ:

— А! наконецъ-то они!

Увы, новый страхъ овладѣлъ ею! Дѣти были одни. Унтеръофицеръ, провожавшій ихъ, стоялъ на ступенькахъ, съ любопытствомъ разсматривая ее. Отца не было съ ними.

— Гдѣ мой мужъ?—спросила она провожатаго.

— Не знаю, сударыня. Командиръ приказалъ мнѣ отвести этихъ дѣтей. Я думаю, что онъ задержалъ человѣка, который былъ съ ними.

— Объяснись,—послышался громкій голосъ Мюрата.—А прежде всего встань во фронтъ и скажи мнѣ, откуда ты пришелъ.

Сержантъ вошелъ въ магазинъ. Онъ съ удивленіемъ началъ разсматривать человѣка въ статскомъ платьѣ, который позволилъ себѣ его допрашивать. Затѣмъ онъ щелкнулъ каблуками, живо поднесъ открытую руку къ своей форменной фуражкѣ и нѣсколькими короткими словами, прерываемыми отрывочными «да, маршалъ», «нѣтъ, маршалъ», онъ скоро разсказалъ все, что видѣлъ.

Въ общемъ онъ мало объяснилъ. По его словамъ, одинъ любопытный человѣкъ настаивалъ, чтобы пройти сквозь лагерь, несмотря на запретъ. Онъ сейчасъ же признался, что не французскаго происхожденія. Тогда его остановили, противъ чего онъ не возражалъ.

— Онъ признался, что иностранецъ?

— Да, маршалъ.

— Изъ какой страны?

— Кажется, нѣмецъ.

— Папа Карлъ сказалъ имъ, что имѣетъ разрѣшеніе здѣсь жить,—прервалъ его Гансъ, очень блѣдный, но рѣшительный.

— Прекрасно! — заключилъ маршалъ, записывая что-то въ своей записной книжкѣ.—Снеси къ профосу этотъ приказъ. Иди скорѣе.

Сержантъ отдалъ честь и вышелъ.

Тогда Мюратъ, впервые, пока находился въ скромной лавочкѣ, выказалъ себя принцемъ, и чтобы успокоить молодую женщину, которая совершенно была потрясена, онъ сказалъ:

— Вашего мужа выпустятъ на свободу, сударыня, и онъ вернется домой. Надѣюсь, вы передадите ему, чтобы завтра утромъ онъ пришелъ въ мой главный штабъ, гдѣ я буду его ожидать. Мнѣ надо съ нимъ поговорить. Необходимо, чтобы я былъ освѣдомленъ обо всемъ, что касается его. Вы женщина мужественная и достойная, я совершенно полагаюсь на васъ. Я увѣренъ, что вы со своей стороны поймете, какому почтительному чувству повинуюсь я, говоря такъ съ вами... Подумайте только, я соглашаюсь отсрочить разсмотрѣніе дѣла, которое имѣю право немедленно начать. Но я хочу подождать: это выкупъ за страхъ, который я причинилъ вамъ, и о чемъ я такъ сожалѣю. Я рѣшился окончить сегодня же вечеромъ съ непріятной работой, которую я только что выполнилъ на томъ берегу Рейна. Эта работа для меня новая, такъ какъ я привыкъ искать непріятелей только на полѣ брани. Скажите это несчастному, котораго вамъ возвратятъ. Заставьте его понять, что всѣ хитрости отнынѣ безполезны, и что въ особенности будетъ совершенное безуміе, если онъ попробуетъ бѣжать. Я позволяю ему возвратиться сюда; но и здѣсь за нимъ будутъ слѣдить до тѣхъ поръ, пока не останется ни малѣйшаго подозрѣнія. Со своей стороны, я былъ бы измѣнникомъ предъ императоромъ и арміей, если бы дѣйствовалъ иначе. Прощайте, сударыня, простите меня и запомните, что я сказалъ.

Онъ низко ей поклонился и вышелъ. Его высокая фигура тотчасъ же утонула въ сумракѣ ночи, оставивъ бѣдную женщину, пораженную ужасомъ отъ этого внезапнаго открытія. Она какъ бы застыла неподвижно съ глазами, полными слезъ, прижимая къ себѣ крѣпко обоихъ малютокъ.

III.

Вскорѣ Берта пришла въ себя. Необходимо было подумать о работѣ. Привычныя занятія вернули мало-по-малу спокойствіе ея духа. Она закрыла лавку, зажгла лампы, накормила дѣтей и уложила ихъ спать.

Когда Лизбета заснула, она хотѣла выйти изъ комнаты, какъ неожиданно замѣтила, что Гансъ тихонько протягиваетъ руку поверхъ простыни къ стулу, на которомъ лежало его платье. Осторожно пошаривъ тамъ, онъ что-то вынулъ и положилъ подъ изголовье. Она не хотѣла тотчасъ же къ нему обратиться съ вопросомъ, а рѣшила обождать. Черезъ нѣсколько минутъ глаза Ганса сомкнулись. Берта, любившая этихъ дѣтей, какъ своихъ, была озабочена его страннымъ поведеніемъ и съ чисто материнскимъ любопытствомъ протянула руку подъ изголовье Ганса и вынула оттуда вещь, такъ тщательно скрываемую мальчикомъ. Она тотчасъ же узнала ее по наружному виду, такъ какъ ни разу не открывала

записной книжки, которую Шульмейстеръ обыкновенно носилъ съ собою... Въ ея головѣ тотчасъ же возникъ вопросъ: отчего ея мужъ избавился отъ своей книжки? Отчего онъ велѣлъ Гансу спрятать ее? Ужасная мысль вернулась снова къ ней. Развѣ Мюратъ былъ правъ?...

И она, вся дрожа, унесла съ собою таинственную записную книжку. Заперевъ всѣ двери, Берта лихорадочно принялась ее перелистывать отъ первой страницы до послѣдней.

Она тотчасъ замѣтила, что въ ней не хватало многихъ страницъ. Куда онѣ дѣвались? Развѣ Карлъ ихъ уничтожилъ... или отослалъ тѣмъ, которымъ онъ служилъ, какъ его обвиняли?

На оставшихся листахъ были или не имѣющія значенія надписи или іероглифы, смыслъ которыхъ она не могла постичь. Въ общемъ въ книжкѣ не было ничего, что подтверждало бы ея сомнѣнія. Ни одного точнаго доказательства!

Разсуждая такимъ образомъ, она, наконецъ, дошла до послѣдней записи.

Все стало ясно. Измѣна была очевидна. Оспаривать было невозможно. Она попробовала бороться съ дѣйствительностью, но слѣду[illegible] слова бросились ей въ глаза:

[illegible] Знаменитый Мюратъ, кавалерійскій генералъ, еще не во[illegible] Германіи, куда онъ, по приказанію своего повели[illegible]лся тайно. Генералу Бертрану поручено въ то же [illegible] ему»....

[illegible]трань!.. Кажется, она только что слышала это имя отъ [illegible]рата? Увы! Очевидность стала слишкомъ ясна!..

Она принялась читать далѣе:

«Не понимаю, какъ это ихъ не остановили, такъ какъ они были очень дурно переодѣты!...»

— Шпіонъ! Шпіонъ!..

Молодая женщина предалась отчаянію при мысли, что ея мужъ, котораго она любила, уважала болѣе, чѣмъ другихъ, былъ шпіонъ...

— Онъ удачно поступилъ, довѣривъ мальчику въ минуту ареста свою записную книжку,—разсуждала она,—эта замѣтка послужила бы доказательствомъ большой важности!.. Нельзя сомнѣваться, что онъ писалъ эти замѣтки съ неблаговиднымъ назначеніемъ, иначе ему незачѣмъ было такъ заботиться, чтобы ихъ скрыть...

Она чувствовала, что глаза ея наполнились слезами, и кровь поднялась къ головѣ. Берта вдругъ снова увидѣла передъ собою, какъ живого, этого прославленнаго солдата, этого блестящаго и счастливаго начальника, который только что разговаривалъ съ нею.

— Вотъ такой не можетъ быть измѣнникомъ!—подумала она.— Онъ нападаетъ открыто на непріятеля, во главѣ своихъ эскадроновъ, съ украшенной золотомъ и крестами грудью, чтобы его видно

было издали. Говорятъ, что онъ никогда не носитъ даже другого оружія, кромѣ коротенькой шпаги, не длиннѣе охотничьяго ножа. Въ стычкахъ его узнаютъ солдаты по этой коротенькой шпагѣ, которую онъ подымаетъ надъ головою, чтобы отдавать приказанія. Впрочемъ онъ никогда не пользуется ею, чтобы убивать. Онъ ведетъ войну, ищетъ побѣдъ, но убивать предоставляетъ другимъ...

Между тѣмъ какъ ея мужъ!...

И тысячи подробностей возникли изъ прошедшаго. Гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ пропадалъ цѣлыми долгими ночами, разсказывая, что ѣздилъ получать товаръ и задерживался разными административными проволочками?

Положимъ, что всѣ пограничные жители болѣе или менѣе контрабандисты и Мюратъ, пожалуй, былъ правъ, говоря, что Шульмейстеръ надуваетъ таможню и борется хитростью или оружіемъ съ таможенниками. Но контрабандой ли онъ занимается? Не пользуется ли онъ темнотою ночи, чтобы передавать непріятелямъ извѣстія? А деньги, которыми онъ уплатилъ долги и на которыя дѣлалъ различные подарки,—откуда онѣ?

Берта почувствовала себя одну минуту какъ бы его сообщницей...

По счастію, искреннія привязанности не потухаютъ безъ борьбы. Въ памяти Берты поднялась борьба между непредвидѣннымъ позоромъ и драгоцѣнными воспоминаніями прошедшаго... того прошедшаго, которое еще было такъ свѣжо!.. Она попробовала найти въ своей головѣ извиненія поступку этого преданнаго и любящаго человѣка. Заставилъ ли онъ, хотя одну минуту, упрашивать себя,—разсуждала она,—чтобы разрѣшить ей взять сиротъ ея сестры на воспитаніе? Не относится ли онъ къ нимъ, какъ къ своимъ роднымъ дѣтямъ?... Онъ играетъ съ ними, учитъ читать, говоритъ объ ихъ будущемъ съ самой искренней заботливостью. А какъ онъ любилъ ее!

— Измѣнникъ?..—повторяла она.—Этотъ мужъ, отецъ! Нѣтъ, это невозможно!..

Внезапно отворилась дверь. Вошелъ Шульмейстеръ.

Прежде всего онъ ошибся въ причинѣ ея блѣдности и измученномъ видѣ.

— Ты безпокоилась, моя бѣдная? Не правда ли, дѣти возвратились?

— Они тамъ, спятъ,—отвѣчала она, указывая на дѣтскую.

— Хвала Богу! Вотъ такъ наглость! Представь себѣ... Но что съ тобою? Отчего ты такая взволнованная?..

Берта выпрямилась во весь ростъ и, опустивъ глаза, чтобы не встрѣтить его взгляда, протянула ему записную книжку, сказавъ:

— Я прочитала, что въ ней написано. Это первый разъ, что я допустила себя до такого поступка. И этотъ первый разъ мнѣ

не принесъ счастья. Я испугана тѣмъ, что, кажется, поняла изъ этой книги... Ты меня успокоишь, скажи? Ты объяснишь мнѣ эту замѣтку, которая написана твоей рукой? Если бы кто другой въ городѣ о ней зналъ, то какое онъ вывелъ бы заключеніе?.. Какъ же я должна думать, я, твоя жена, носящая твое имя и которая такъ преданно привязана къ тебѣ?.. Ты ничего не отвѣчаешь?.. Послушай, вѣдь не можетъ же быть, чтобы ты писалъ эти замѣтки съ цѣлью измѣны! Прошу тебя, скажи мнѣ, докажи мнѣ, что ты не имѣлъ намѣренія сообщить ихъ кому нибудь... въ другой странѣ?.. Знаешь ли, что сегодня вечеромъ приходили за тобою сюда... чтобы задержать тебя?..

— Кто?.. Скорѣе скажи!

— Ахъ, это все, что ты можешь мнѣ отвѣтить? Ты хочешь, чтобы я дала тебѣ свѣдѣнія о грозящей тебѣ опасности?.. А ты развѣ мнѣ ничего не скажешь о томъ, что мнѣ угрожаетъ?.. Наконецъ, я твоя жена, Карлъ! Моя судьба была, есть и будетъ твоею. Ты долженъ же подумать объ этомъ. Мнѣ кажется, когда около находятся близкія существа, то нужно о нихъ заботиться. Я всегда о тебѣ думаю. Развѣ ты не сознаешь, что, бросаясь въ это рискованное, страшное и отвратительное предпріятіе, ты заставишь страдать меня и дѣтей болѣе, чѣмъ себя? Развѣ ты не задавался вопросомъ, что тебя могутъ убить, и мы останемся одинокими на свѣтѣ... одинокими, отверженными и опозоренными, выгнанными изъ этой страны, гдѣ я надѣялась жить счастливо?.. Развѣ тебѣ все равно, Карлъ, чтобы я стыдилась принадлежать тебѣ?

— Что ты говоришь? Развѣ ты не знаешь, какъ я люблю тебя? — отвѣтилъ Шульмейстеръ. — Все, что я дѣлаю въ жизни, только для тебя.

— Вотъ потому, что я тебѣ вѣрю, ты и нашелъ меня здѣсь сегодня вечеромъ. Если бы я только допустила мысль, что ты совершишь такое преступленіе, не имѣя хотя бы этого чудовищнаго извиненія, то, не дождавшись твоего возвращенія, я навсегда исчезла бы изъ этого дома.

— Ты говоришь, преступленіе?..

— Не думаешь ли ты защищать твой поступокъ, измѣну той странѣ, которая оказала намъ гостепріимство, предавая тѣхъ, съ кѣмъ раздѣляешь жизнь?

— Эта страна—не моя родина!

— А гдѣ же твоя страна? Что же, она находится по другую сторону рѣки? Не Германія ли? Ты мнѣ откровенно сознался, что ихъ побилъ передъ нашей свадьбой, потому что ты ихъ ненавидишь, и они тебѣ сдѣлали много зла. Правда ли это?

— Да, правда.

— Какую же страну ты приготовляешь мнѣ, если ты имъ всѣмъ измѣняешь?

— Какъ ты со мною, Берта, говоришь?..

— Я не виновата, Карлъ, если я впервые забыла уважать тебя, какъ моего покровителя и владыку. Видишь ли, я считаю, что мужъ и жена должны не только жить бокъ о бокъ, но также дѣлить радость и горе. Не достаточно быть сожителями, надо быть товарищами, друзьями и настолько близкими, настолько связанными святыми узами, чтобы имѣть одну и ту же кровь, одну и ту же честь. А ты что дѣлаешь, Карлъ, съ нашей честью? Что дѣлаешь ты изъ нашей крови?

Шульмейстеръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и направился къ двери. Черты его лица конвульсивно подергивались и выражали глубокое разочарованіе.

Молодая женщина бросилась къ двери и загородила ему путь.

— Нѣтъ, ты не уйдешь!—закричала она.—Это была бы подлость, а я не хочу, чтобы ты ее совершилъ, такъ какъ я знаю, что ты не подлецъ. Кромѣ того, напрасно ты будешь пробовать бѣжать; меня предупредили, что за тобою будутъ слѣдить и тотчасъ же снова задержатъ. Нѣтъ,— прибавила она,— ты долженъ исправить предо мною твою ошибку. Полно, Карлъ, будь мужественъ нѣсколько минутъ и разскажи мнѣ все, чтобы мы могли вмѣстѣ придумать, какъ бы выйти съ достоинствомъ изъ этой ужасной опасности, въ которую ты вовлекъ насъ. Довѣрься мнѣ и признайся! Вдвоемъ мы скорѣе вырвемъ эту скверную страницу твоей жизни!

— Ты святая!.. — сказалъ Шульмейстеръ, взявъ руки молодой женщины. — Ты моя живая совѣсть, и я чувствую, насколько ты права, порицая меня... Но какъ же ты хочешь, чтобы я считалъ мой поступокъ дурнымъ?.. Я никогда ни отъ кого не видѣлъ помощи... тогда, право, мнѣ приходилось бороться противъ всего свѣта... Ну, такъ, да, это была правда, я хотѣлъ нажить деньги для тебя, для васъ и пользовался всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ ежедневно. Увы!.. Только не презирай меня слишкомъ за эту мысль. Если бы ты знала, какое у меня извиненіе есть, и на что я могу сослаться... Но, нѣтъ! Я никакого не хочу искать оправданія. Я былъ не правъ, если ты меня порицаешь! Скажи мнѣ, что ты знаешь, что тебѣ сказали. Научи меня, что мнѣ надо дѣлать! Всю мою силу и мужество я употреблю на то, чтобы сдѣлать тебя, моя дорогая Берта, счастливой и спокойной. Я не зналъ, что я уголовный преступникъ, увѣряю тебя, но все-таки я откажусь отъ этого тайнаго ремесла... въ которомъ, кажется, былъ ловокъ!.. Чтобы заслужить твое одобреніе, я сдѣлаю все, что ты хочешь, слышишь, все! Нѣтъ такой жертвы, которой не принесъ бы я для тебя, нѣтъ такихъ усилій, которыя оказались бы мнѣ тяжелыми, лишь заслужить бы твое одобреніе. Приказывай,— обратился онъ къ ней,— я буду повиноваться!..

И Шульмейстеръ покорно сталъ ожидать отъ нея одной своего

спасенія. Но въ его покорности не было чувства униженія, а замѣтно было лишь нѣжное безпокойство. Честное сердце молодой женщины простило ему тѣ страданія, которыя ей пришлось вынести, благодаря недовѣрію. Онъ доказалъ женѣ свое сожалѣніе о томъ, что онъ такъ мало изучилъ ея сердце... Берта взяла съ мужа обѣщаніе, что онъ на другое утро разскажетъ Мюрату всю правду о своемъ прошедшемъ.

— А затѣмъ, — подумала она, — мы увидимъ, что надо будетъ сдѣлать для будущаго.

И она медленно со своимъ обычнымъ нѣжнымъ жестомъ привлекла его къ себѣ. Ея голова склонилась къ нему на плечо. Глаза Шульмейстера распухли и блестѣли, какъ будто онъ плакалъ.

Но ему больше не придется плакать!

IV.

На другой день, утромъ, Шульмейстеръ отправился къ Мюрату. Его провели въ залъ префектуры, гдѣ Мюратъ уже ждалъ его въ обществѣ двухъ мужчинъ. Одного изъ нихъ Шульмейстеръ зналъ давно: это Шее, префектъ Страсбурга. Второй—съ виду только что пріѣхалъ изъ дальняго путешествія. Несмотря на его запыленный полковничій мундиръ конныхъ егерей безъ орденовъ, онъ казался чѣмъ-то инымъ. Большая черная шляпа съ простой кокардой лежала около него на столѣ. Всѣ стояли, и только онъ одинъ сидѣлъ, окруженный высшими чинами арміи. Присутствующіе держались относительно его почтительно, и его величественный гордый видъ сразу обратилъ вниманіе Шульмейстера. Онъ привыкъ въ своемъ ремеслѣ замѣчать все, не имѣя вида, что онъ наблюдаетъ. Его въ особенности поразило бритое, блѣдное лицо съ широкимъ лбомъ и каріе, быстрые, проницательные глаза.

— Кто бы это могъ быть? — спрашивалъ онъ себя.

Внимательная неподвижность незнакомца заинтересовала его. Непринужденная простота костюма противорѣчила съ тѣмъ уваженіемъ, какое оказывали этому егерскому полковнику, и неудивительно, что въ головѣ Шульмейстера возникъ вопросъ о томъ, кто былъ этотъ незнакомецъ.

— Это—начальникъ! Это—начальникъ!

Мюратъ и префектъ казались передъ нимъ статистами.

Бѣлая тонкая рука тихо поднялась со стола, на которомъ она лежала, и незнакомецъ жестомъ приказалъ начать допросъ.

— Васъ зовутъ Карлъ-Людвигъ Шульмейстеръ?

— Да, маршалъ.

— Вы знаете, въ чемъ васъ обвиняютъ?

— Да, знаю.

— Что же вы можете отвѣтить?

— Ничего. Это правда.

— Итакъ, вы признаетесь, что передавали въ главный штабъ эрцъ-герцога Фердинанда подробныя справки о движеніяхъ нашихъ войскъ?

— Да.

— Съ какихъ поръ вы занимаетесь этимъ прекраснымъ ремесломъ?

— Я началъ съ того дня, какъ вы сами, маршалъ, поѣхали въ Германію, чтобы собрать новости относительно движеній войскъ эрцъ-герцога.

— О, я, это—дѣло другого рода, и вы, я полагаю, не имѣете притязанія...

— Конечно, нѣтъ! Я сказалъ это не въ извиненіе себѣ. Я только опредѣлилъ время, вотъ и все.

— Какія именно дѣйствія вы открыли непріятелю? Предупреждаю васъ, часть изъ нихъ я знаю изъ захваченныхъ въ Баваріи бумагъ.

— Я разсказывалъ все, что видѣлъ,—сказалъ Шульмейстеръ:— и сообщалъ о послѣдовательномъ прибытіи на Рейнскій берегъ войскъ, ранѣе сгруппированныхъ въ Булонѣ; я увѣдомилъ о приблизительномъ количествѣ войскъ, сосредоточенномъ въ различныхъ пунктахъ извѣстныхъ переправъ. Что же касается до окрестностей Страсбурга, то я зналъ все прекрасно и могъ изучить очень близко все, что происходитъ. Если васъ интересуетъ знать, какъ я это дѣлалъ, такъ вотъ замѣтки о томъ, что я узналъ вчера, когда нанаблюдалъ прибытіе батальона аррасскихъ гренадеръ, этихъ, какъ ихъ называютъ, «круглоголовыхъ», которые не пудрятъ болѣе волосъ, что, по моему мнѣнію, гораздо лучше. Эту замѣтку я хотѣлъ также отправить туда, какъ только мнѣ представится случай. Она была занесена въ записную книжку, которая находилась въ моемъ карманѣ въ тотъ моментъ, когда меня арестовали.

— Развѣ васъ не обыскали?

— Конечно, но мнѣ удалось спрятать ее за воротъ моему мальчику.

— Зачѣмъ же вы мнѣ даете ее сегодня?

— Чтобы вамъ доказать, насколько я сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ... Нѣкто мнѣ объяснилъ, что я не правъ, вредя французской арміи.

— Знаете ли вы, что въ такихъ случаяхъ сожалѣнія не ведутъ ни къ чему. Когда шпіонъ захваченъ, его разстрѣливаютъ или вѣшаютъ, несмотря на то, признается онъ или будетъ отрицать.

— Я это знаю, но надѣюсь, что въ награду за мою откровенность меня прикажутъ разстрѣлять, вмѣсто того, чтобы повѣсить.

Мюратъ, истощивъ всѣ средства, не зналъ болѣе, какіе ему задавать вопросы. Объясненія Шульмейстера и его признаніе были настолько законны, настолько положительны, что дѣло было совершенно разсмотрѣно. Ничего не говоря, онъ передалъ егерскому полковнику записную книжку, который, казалось, изучалъ ее взглядомъ.

— Достаточно, Мюратъ,—заключилъ послѣдній:—остановись на этомъ!

Затѣмъ, быстро скользнувъ взглядомъ по замѣткѣ шпіона, онъ устремилъ свой взглядъ на Шульмейстера и спросилъ:

— Какъ же вы пересылали ваши справки великому герцогу?

— Послѣднюю справку я послалъ ему въ Ульмъ, — отвѣтилъ Шульмейстеръ.

— Вы знаете, что она уже тамъ?

— Она должна прибыть туда уже три дня тому назадъ.

— Когда получитъ онъ послѣднюю бумагу, которую вы ему посылали?

— Онъ могъ получить ее сегодня утромъ.

— Что же вы въ ней писали?

— ...Что французы расположены снова начать ихъ традиціонную кампанію черезъ ущелья «Чернаго лѣса», какъ только перейдутъ Рейнъ. Я опредѣлилъ ихъ силу приблизительно въ шестьдесятъ тысячъ. Только...

— Только?.. Полноте, говорите!

— Только, признаюсь, я больше не вѣрю тому, что сообщилъ.

— А! Почему?

— Прежде всего потому, что я теперь сосчиталъ болѣе полутораста тысячъ человѣкъ, готовыхъ перейти рѣку въ разныхъ пунктахъ, а затѣмъ потому, что я теперь сталъ понимать, насколько Бонапартъ ловокъ, чтобы повторять пріемы, которые уже весь свѣтъ продѣлывалъ раньше его.

При этихъ словахъ Шульмейстера префектъ выпрямился отъ негодованія и не могъ воздержаться, чтобы не поправить его.

— Говорятъ, — замѣтилъ префектъ: — «его величество императоръ Наполеонъ».

— Я не хотѣлъ обидѣть императора французовъ, — возразилъ просто Шульмейстеръ, сохраняя за нимъ имя генерала итальянской арміи.

Эти слова шпіона вызвали легкую улыбку на бритомъ лицѣ егерскаго полковника.

— Тогда,—сказалъ онъ,—если бы вы могли открыть сейчасъ настоящій планъ «Бонапарта», вы его тотчасъ сообщили бы офицерамъ великаго герцога.

— О, нѣтъ, ибо я знаю его со вчерашняго дня, но никому не проронилъ ни слова.

— А! такъ правда, что вы знаете?

Мюратъ презрительно улыбнулся на слова шпіона, но послѣдній не показалъ виду, что замѣтилъ эту улыбку.

— Когда я узналъ,—продолжалъ шпіонъ:—что великій герцогъ, или, скорѣе, генералъ Макъ, такъ какъ онъ настоящій начальникъ, занялъ со своими войсками укрѣпленный ульмскій лагерь, тогда я тотчасъ разсудилъ, что императоръ долженъ быть извѣщенъ, какъ и я... я хотѣлъ сказать, раньше меня. Я даже думалъ, что эти справки ему доставилъ принцъ Мюратъ, который проѣхалъ тайно черезъ Вюртембергъ, Швабію и Баварію...

— Мюратъ ничего не сказалъ,—замѣтилъ полковникъ:—но императоръ это знаетъ. Продолжайте!

— ...Съ тѣхъ поръ, естественно, можно было полагать, что такой рѣшительный начальникъ, какъ онъ, будетъ искать возможность возобновить свои прекрасные пріемы, благодаря которымъ пять лѣтъ тому назадъ онъ однимъ ударомъ покончилъ войну битвой при Маренго, бросившись со всей своей арміей въ тылъ Меласу.

— Вы находите, что положеніе дѣлъ то же самое и теперь?

— Лучше еще. Русскіе, которыхъ ожидаютъ, находятся въ дѣйствительности въ Галиціи, т. е. гораздо больше отдѣлены отъ Ульмской крѣпости, чѣмъ двѣнадцать тысячъ англичанъ Тосканской области были, пять лѣтъ тому назадъ, удалены отъ Александрійской крѣпости. Слѣдовательно императоръ гораздо легче сдѣлаетъ съ генераломъ Макомъ то, что первый консулъ сдѣлалъ съ маршаломъ Меласомъ. Спросите принца Мюрата правъ ли я; онъ тогда командовалъ кавалеріей при Маренго, онъ скажетъ вамъ.

Егерскій полковникъ, презирая дальнѣйшее скрытничанье, всталъ, ничего не отвѣчая. Погруженной въ какую-то внезапную, неотвязчивую мысль, онъ началъ ходить по комнатѣ крупными шагами и, совершенно забывъ, что находится не одинъ, началъ разсуждать самъ съ собою въ полголоса.

— Если этотъ человѣкъ, не зная меня, могъ меня разгадать, какъ же я могу надѣяться, что непріятель не узналъ о перемѣнѣ моихъ плановъ?.. Развѣ только найдется хорошее средство, чтобы поддержать непріятеля въ ошибочномъ мнѣніи!..

Онъ замолкъ и остановился противъ шпіона, котораго только что разспрашивалъ, и устремилъ на него тотъ странный взглядъ, какой вызывается неотступно преслѣдующимъ насъ сновидѣніемъ. Въ такіе моменты мы ничего не видимъ, даже той вещи, которую, повидимому, разсматриваемъ. Напрасно всталъ бы между нами и этимъ отдаленнымъ предметомъ хотя бы цѣлый міръ, онъ все-таки не заслонилъ бы его, оставшись самъ незамѣченнымъ нами. Но когда черезъ нѣсколько мгновеній съ нашихъ смутныхъ глазъ начнетъ спадать мало-по-малу туманная завѣса, то глаза, ко-

торые намъ больше не служили, проясняются, и въ нихъ пробуждается жизнь. Мы начинаемъ съ удивленіемъ узнавать окружающихъ насъ людей и предметы; гармонія возстанавливается между нашей душой и ея органами, и понятіе о пространствѣ и времени возвращается къ намъ цѣльностью.

— Что вы тутъ дѣлаете? Кто вы такой? — спросилъ внезапно, отрывисто Наполеонъ, обращаясь къ Шульмейстеру... — А! да, я знаю!.. Послушай-ка, Мюратъ, вѣдь этого по горло довольно... Скажи, чтобы увели этого человѣка.

— Что же намъ съ нимъ дѣлать, государь?

— Я увижу послѣ... Впрочемъ, нѣтъ! Пусть его не уводятъ; я предпочитаю, чтобы онъ остался здѣсь: можетъ быть, мнѣ придется ему задать вопросы сейчасъ.

Наполеонъ колебался. Проницательность этого агента его безпокоила и смущала.

«Можетъ быть,—думалъ онъ,—есть возможность получить отъ него какія нибудь цѣнныя указанія. О чемъ? Объ арміи союзниковъ? Объ этомъ ужъ извѣстно! Объ ихъ распредѣленіи? Сто тысячъ въ Италіи, съ эрцъ-герцогомъ Карломъ; восемьдесятъ тысячъ въ Ульмѣ съ эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ и генераломъ Макомъ; шестьдесятъ тысячъ русскихъ подъ начальствомъ Кутузова въ тридцати дняхъ пути. Это все, что было, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ, такъ какъ много еще формировалось войска царя, но оно было такъ далеко!.. Относительно плана битвы союзниковъ? Но его не было у нихъ»...

И Наполеонъ, разсуждая такимъ образомъ, пришелъ къ заключенію, что ему болѣе нечего узнавать у шпіона. Онъ пожалъ плечами, сказалъ совсѣмъ тихо нѣсколько словъ Шее о томъ, чтобы держать арестанта на глазахъ, въ комнатѣ. Въ то время какъ префектъ бросился отдавать необходимыя приказанія, Наполеонъ, взявъ фамильярно подъ руку Мюрата, направился къ приготовленнымъ для него аппартаментамъ. Въ тотъ моментъ, когда императоръ хотѣлъ переступить порогъ, онъ снова остановился. Положительно ему было трудно оставить позади себя этого агента, который показался ему очень развитымъ и свѣдущимъ. Онъ обернулся, чтобы его разсмотрѣть, но его болѣе не было!

Передъ окномъ, при полномъ дневномъ освѣщеніи, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находился минуту назадъ скромный горожанинъ съ рыже-красноватыми всклоченными волосами, тщедушный и бѣдный на видъ, теперь стоялъ здоровый малый, косая сажень въ плечахъ, въ худомъ черномъ парикѣ и въ туго стянутомъ, какъ военный мундиръ, сюртукѣ. Все въ немъ напоминало стараго солдата, отъ сближенныхъ вмѣстѣ каблуковъ и вытянутой шеи съ прямо держащейся головой до пристальнаго и твердаго взгляда, привыкшаго къ суровой необходимости отважнаго и сильнаго воина.

— Что вамъ надо?—спросилъ Наполеонъ.—Гдѣ же тотъ человѣкъ? Развѣ васъ сюда прислалъ префектъ?

Шульмейстеръ,—такъ какъ это былъ онъ,—улыбнулся съ очевиднымъ удовлетвореніемъ.

— Я просто хотѣлъ,—сказалъ онъ,—доказать вашему величеству, что я способенъ обмануть генерала Мака, такъ какъ ввелъ въ заблужденіе самый вѣрный, самый проницательный взглядъ.

Императоръ не могъ скрыть своего удивленія. Онъ подошелъ къ шпіону, обошелъ его кругомъ, провѣряя въ сущности очень простое видоизмѣненіе, которому только что подвергся его костюмъ. Но, свидѣтельствуя эту перемѣну, онъ пришелъ къ заключенію, что была бы недостаточна и даже положительно невыгодна эта перемѣна въ костюмѣ, если лицо особы не подвергнется полнѣйшему измѣненію. И въ то время, какъ онъ наблюдалъ воинственную физіономію новаго Шульмейстера, черты лица послѣдняго мало-по-малу стушевывались; усы его постепенно приняли миролюбивый видъ; глаза изъ жестокихъ сдѣлались лукавыми, добровольная морщина исчезла со лба. Рѣзкимъ движеніемъ онъ сорвалъ свой черный парикъ съ макушки, гдѣ онъ былъ прилаженъ, и прежній бакалейщикъ воскресъ передъ Наполеономъ. Престижъ исчезъ.

— Это превосходно! — воскликнулъ Наполеонъ, оборачиваясь къ Мюрату.

— Вотъ тебѣ на!—отвѣтилъ король кавалеріи:—это фактъ, какой можно увидѣть только въ пантомимѣ Франкони. Остается узнать, какъ этотъ молодецъ успѣшно перерядится, когда дѣло коснется его головы!..

— Э!—отвѣчалъ совершенно очарованный Наполеонъ,—мнѣ кажется, что вопросъ идетъ именно о его головѣ. Оставьте меня съ нимъ на минуту.

— Развѣ вы не опасаетесь?

— Нѣтъ, я ничего не опасаюсь, полно!

Недовольный Мюратъ вышелъ, разсуждая съ собою о томъ, насколько безумно ввѣряться подобному человѣку и отдавать себя въ его руки. Но еще болѣе нелѣпо мечтать о томъ, чтобы отдать въ его руки судьбу кампаніи!... Положимъ, онъ умный и хитрый человѣкъ! Онъ забралъ въ руки Наполеона съ его слабой стороны, не показывая вида, что касается ея... Низкій агентъ, который радъ служить въ одно и то же время Павлу и Петру. Двойной измѣнникъ, двойной шпіонъ, а это самое опасное и подлое! Надо за нимъ слѣдить и при первомъ удобномъ случаѣ... Не говоря уже о томъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ очень хорошенькую жену!

V.

Наполеонъ разсматривалъ Шульмейстера внимательно. Когда онъ убѣдился, что дверь закрылась за его зятемъ, онъ снова сѣлъ.

— Ты отправишься отъ моего имени къ генералу Савари,—сказалъ онъ...—Но что это за движеніе? Развѣ ты знаешь Савари?

— Да, государь. Я... помогалъ ему когда-то,—отвѣчалъ Шульмейстеръ.

— Тѣмъ лучше! Онъ тебѣ вручитъ двадцать пять тысячъ золотомъ... Ну, что еще съ тобою?

— Я не хотѣлъ бы денегъ.

— Постой, это не для тебя: это для другихъ.

— А, хорошо!

— Не перебивай меня болѣе. Постарайся меня хорошенько понять. Ты отправишься даже сегодня вечеромъ, пѣшкомъ. Я тебѣ разрѣшаю и даже настаиваю, чтобы ты мнѣ измѣнялъ впродолженіе пути, сколько тебѣ угодно. Постой: вотъ листокъ изъ записной книжки, который ты вчера нацарапалъ; ты можешь разоблачать эти свѣдѣнія, сколько тебѣ угодно. Только ты долженъ явиться въ Ульмъ лично. Ты потребуешь, чтобы тебя допустили разговаривать съ самимъ Макомъ. Ты устроишь такъ, чтобы онъ на тебя смотрѣлъ благосклонно, и тогда объясни ему все, какъ слѣдуетъ, т. е., какъ ты писалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Деньги тебѣ понадобятся, чтобы найти среди развѣдчиковъ его главнаго штаба кого нибудь наиболѣе умнаго, который подтвердилъ бы то, что ты разскажешь. Теперь 26-е сентября: надо, чтобы, по крайней мѣрѣ, до 8-го октября мои настоящія движенія были неизвѣстны. Затѣмъ ты будешь свободенъ.

— Все это очень легко, государь, но съ условіемъ... — возразилъ шпіонъ.

— Съ какимъ?

— Не надо, чтобы я посылалъ вамъ самую ничтожную справку, такъ какъ за мною, конечно, будутъ наблюдать и преслѣдовать, а если они узнаютъ о моей попыткѣ сообщаться съ вами... О, ваше величество впрочемъ можете быть спокойны: если я узнаю что нибудь новое, я найду средство извѣстить васъ объ этомъ.

— Такъ рѣшено. Я вижу, что ты понялъ меня. Теперь я предупреждаю тебя, что префектъ, который только что былъ здѣсь, напишетъ указъ о твоемъ изгнаніи. Говорятъ, ты женатъ?.. Твоя жена тоже поѣдетъ съ тобою. Позже, когда ты заслужишь, я позволю возвратиться вамъ обоимъ.

— Но у меня есть дѣти, государь. Двое совсѣмъ еще маленькихъ дѣтей, которыхъ я усыновилъ: мальчикъ и дѣвочка.

— Ну, такъ что же мнѣ до этого? Твоя жена позаботится о

нихъ, вотъ и все! Ты можешь ихъ оставить, гдѣ хочешь... Да вотъ хотя бы въ любомъ мѣстечкѣ среди «Чернаго лѣса»! Тамъ ничего нѣтъ, тамъ спокойно!

— Хорошо, государь, я повинуюсь.

— Отчего ты сказалъ сейчасъ, что не хочешь денегъ?

— Потому что я хочу другого: я хочу сражаться.

— Сражаться?—спросилъ съ удивленіемъ Наполеонъ.

— Да!.. Я вижу, что всѣ тѣ, которые слѣдуютъ за вашимъ величествомъ, считаются честными людьми и даже иногда героями, потому что они дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло. Такъ, обладая силой, они убивали или захватывали въ плѣнъ врага, а если они были слабы, то умѣли ускальзывать отъ него. Я думаю, что сумѣю въ подобномъ случаѣ дѣйствовать не хуже ихъ, и я хотѣлъ бы попробовать!... Когда я хожу одинъ по дорогамъ, рискуя моей жизнью, въ случаѣ, если меня поймаютъ, и подвергаясь, если достигаю успѣха, презрѣнію тѣхъ, кто мною пользуется, а также и тѣхъ, которыхъ я предаю, развѣ мнѣ не нужно въ моемъ ремеслѣ столько же отваги, сколько и въ солдатскомъ? Ну, вотъ я усталъ получать уплату за мои услуги... я хотѣлъ бы сдѣлаться... хотѣлъ бы въ свою очередь заслужить награду, хотя бы она состояла изъ добраго слова уваженія.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ Наполеонъ, который былъ въ хорошемъ расположеніи духа отъ того, что нашелъ такого человѣка, какого искалъ.—Но, вѣдь, знаешь, что ремесло солдата, какъ ты называешь службу,—безкорыстно. Оно служитъ лишь для того, чтобы защищать свою страну. Солдатъ подставляетъ себя подъ удары и отдается имъ безъ переряживанья. Между тѣмъ, ты...

— Я—одинъ, а ихъ тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ, и всѣ они идутъ на битву вмѣстѣ, гдѣ ихъ поведеніе замѣтно вамъ. Правда, я мѣняю платье, чтобы меня не узнали, но развѣ они при первой возможности не прячутся, гдѣ могутъ? Они ползаютъ за деревьями, карабкаются за домами или скрываются за земляными насыпями, чтобы ихъ не убили, а это развѣ не та же манера переряживанья?

— Ты уменъ, мой чудакъ,—возразилъ Наполеонъ,—но патріотизмъ выше ума. Французъ ли ты? Почему же ты обманулъ Францію? Нѣмецъ? Но ты предлагаешь выдать мнѣ Германію.

— Государь, прошу васъ, не примите за обиду того, что я скажу. Благодаря тому, что вы и вамъ подобные носите съ боку шпаги, я лишенъ родины и рѣшился на ремесло шпіона. Подумайте, я былъ еще совсѣмъ ребенкомъ, когда увидѣлъ впервые, какъ моя деревня и сосѣднія были захвачены и уничтожены одна за другою проходившей арміей. Не успѣлъ явиться я на свѣтъ, какъ первое, что увидѣлъ, была война, и она преслѣдуетъ меня. Поселяне, офицеры всѣ останавливали меня на опушкѣ дорогъ, съ

вопросами: не впереди ли непріятель? много ли у него войска, и гдѣ можно его захватить? Иногда они брали меня съ собою, чтобы я указалъ имъ удобное мѣсто; въ такомъ случаѣ они меня привязывали къ головѣ одной изъ лошадей, угрожая все время пистолетомъ. А затѣмъ, если я проводилъ такимъ образомъ австрійцевъ, французы называли меня шпіономъ, а если я проводилъ французовъ, которые кололи мнѣ бока своими штыками, австрійцы указывали на меня, какъ на измѣнника!..

— Я сдѣлался взрослымъ, и въ такой-то обстановкѣ я женился, не разъ я пробовалъ избѣгать необходимости выдавать однимъ то, что дѣлали другіе. Напрасно я искалъ другихъ средствъ къ жизни отъ Палатината до Швабіи и отъ Эльзаса до Баваріи, но не нашелъ ни одной болѣе цвѣтущей промышленности, болѣе доступнаго поприща, какъ война. Она водилась въ нашихъ провинціяхъ и теперь еще существуетъ тамъ. Мы всѣ выучились ее вести, глядя, какъ она развертывается передъ нами. Иногда она благопріятна однимъ, иногда другимъ; но мы постигли всѣ эти тайны, и къ намъ приходятъ вывѣдывать ихъ безпрестанно.

— Тогда мы сдѣлались вынужденными сотрудниками завоеваній, и духъ приключеній сдѣлалъ изъ насъ секретныхъ волонтеровъ, которыхъ вербуютъ хитростью, осуждаютъ, оплачиваютъ и вѣшаютъ. Граница совершенно стерлась подъ безконечными шагами вашихъ солдатъ, и мы теперь не знаемъ, гдѣ ее найти. Вотъ почему насъ видятъ то по одну, то по другую ея сторону; мы идемъ согласно нашимъ симпатіямъ или интересамъ то туда, то сюда. Совершенно неправы тѣ, кто насъ презираетъ, потому что мы не можемъ дѣйствовать иначе.

— Однако я знаю,—возразилъ Наполеонъ,—людей этой «стертой границы», которые не ошиблись своей страной... Клеберъ былъ изъ Страсбурга, и я сдѣлалъ бы изъ него маршала Франціи; Келлерманъ оттуда же, и я произведу его въ герцоги Вальми!

— Я могу отвѣтить на это, государь, что Клеберъ былъ австрійскій поручикъ, прежде чѣмъ сдѣлаться французскимъ генераломъ. Но, нѣтъ, я, который никогда не буду ни герцогомъ, ни маршаломъ Франціи, я попрошу у васъ одного: только въ тотъ день, когда вы будете довольны моими услугами, назначьте меня состоять при вашей особѣ, все равно въ какомъ бы то ни было званіи. У меня нѣтъ родины, и вы дадите мнѣ ее. Я не сознаю себя повелителемъ, и съ этихъ поръ моей страстью будетъ повиноваться вамъ. Я буду тоже солдатъ, который вамъ будетъ служить вѣрой и правдой, и вы меня укроете. Вы скоро увидите, хвастаюсь ли я, и что всѣ перья принца Мюрата не дѣлаютъ душу возвышеннѣе и сердце болѣе стойкимъ, чѣмъ мои переряживанья.

— Ты не любишь Мюрата?—спросилъ Наполеонъ.

— Я люблю молчаливую храбрость и ловкую силу,—отвѣтилъ Шульмейстеръ.

— Въ день Абукира онъ прекрасно ходилъ въ атаку,—замѣтилъ Наполеонъ.

— Потому что было множество народа, который на него смотрѣлъ...

— А у Пирамидъ! А Маренго!

— И въ другомъ мѣстѣ еще!.. Ваше величество правы. Но онъ ни разу не бралъ столько знаменъ, сколько я дамъ вамъ.

-- Берегись, смотри! Онъ способенъ поддержать такое пари!

— Я только этого и хочу.

— Что ты такъ возстаешь противъ него?—спросилъ Наполеонъ.

— Не знаю!..—отвѣтилъ шпіонъ.—Можетъ быть, инстинктивно... Можетъ быть, потому, что онъ красивъ, а я дуренъ.

VI.

Соединившіеся передъ Келемъ полки должны были расположиться на двухдневный отдыхъ, прежде чѣмъ приступятъ къ переправѣ черезъ Рейнъ. Императоръ приказалъ начальникамъ различныхъ корпусовъ, выстроившихся эшелонами во всю длинну рѣки, явиться самымъ секретнымъ образомъ къ нему въ Страсбургъ. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ съ ними Наполеонъ рѣшилъ, что всѣ хитрости были излишни, такъ какъ непріятель и безъ нихъ не успѣетъ узнать раньше первыхъ стычекъ истинную цѣль его маневра. Что же касается до исполненія его плана, то онъ бралъ это на себя. Не отступая отъ плана, составленнаго имъ же мѣсяцъ назадъ, онъ хотѣлъ окончательно сбить съ толку мнѣніе Еропы и съ этою цѣлью устроилъ вечеромъ балъ для страсбуржцевъ, пригласивъ всѣхъ своихъ генераловъ присутствовать на немъ.

Спустя наѣсколько часовъ, пріѣхала изъ Парижа императрица Жозефина. Хотя медовый мѣсяцъ уже давно прошелъ въ ихъ семейной жизни, но зато теперь наступила радужная заря имперіи. Любезная и легкомысленная креолка, получившая годъ тому назадъ въ соборѣ Божіей Матери императорскую корону изъ рукъ своего мужа, все еще находилась подъ чарующимъ впечатлѣніемъ и была пріятно взволнована тѣмъ неожиданнымъ величіемъ, которое доставили ей усилія и геній этого авантюриста война, женою котораго она сдѣлалась.

Вопреки ея лѣтамъ Жозефина все еще была граціозна и болѣе чѣмъ когда либо хороша собою, такъ какъ неправильности чертъ ея лица стушевывались гармоніей ея царственнаго величія. Ея присутствіе обѣщало скрасить этотъ смѣло предложенный Наполеономъ балъ и доставить удовлетвореніе самолюбію этого властелина. Впрочемъ, благодаря своей страсти къ обществу и роскоши, она съ удовольствіемъ явилась въ Страсбургъ. Императрица знала, что она затмитъ всѣхъ самыхъ молодыхъ и красивыхъ дамъ величествен-

ной гибкостью, своей походкой и прелестной улыбкой, которую она какъ бы нечаянно бросала окружающимъ. Подъ нею Жозефина прекрасно скрывала свою усталость. Но болѣе всего она приводила въ восторгъ и вызывала зависть молодыхъ придворныхъ дамъ своимъ врожденнымъ изяществомъ.

Она была такъ кокетлива, а на этомъ балу ей предстояло быть царицею вечера; а этого было достаточно, чтобы разсѣять страхъ новой императрицы, видѣвшей въ первые же годы своего царствованія, что ея коронѣ угрожаетъ европейская коалиція. Но что же могли сдѣлать Австрія, Россія и даже сама Англія, грозная болѣе своими субсидіями, чѣмъ арміей, противъ очаровательной и счастливой улыбки государыни, которой Наполеонъ настойчиво совѣтовалъ быть какъ можно прекраснѣе и наряднѣе, чтобы возбудить ревность всѣхъ женщинъ, а къ себѣ зависть мужчинъ?

Въ девять часовъ вечера радостно сіяющая Жозефина вошла съ Наполеономъ въ главный залъ префектуры. Разодѣтая въ шелкъ, бархатъ и кружева и вся усыпанная брильянтами, съ маленькой брильянтовой короной на своихъ прекрасныхъ волосахъ, императрица была очень эффектна. Наполеонъ тоже улыбался. Его ясные, живые глаза съ горделивымъ довѣріемъ перебѣгали съ толпящихся офицеровъ на группы дамъ, расположившихся по сторонамъ залы, гдѣ должна была пройти императорская чета, какъ бы отыскивая въ самыхъ отдаленныхъ рядахъ дружескія фигуры, которыя напомнили бы ему прошедшее. Снова увидѣвъ въ этотъ торжественный часъ товарищей своихъ первыхъ битвъ, онъ, казалось, говорилъ имъ: «Помнишь ли ты II-й годъ?».. «Что ты подѣлывалъ послѣ Тулона, послѣ Италіи и Египта?» «Я знаю, что ты около меня, и я разсчитываю на твою храбрость и преданность». «Будь завтра тѣмъ, чѣмъ былъ вчера».

Среди приглашенныхъ, которые ниходились съ правой стороны отъ Наполеона, онъ тотчасъ же замѣтилъ одну группу, менѣе блестящую, чѣмъ другія. Только одно лицо, составляющее центръ этой группы, отличалось богатствомъ костюма. Вся грудь его была вышита золотомъ и украшена аксельбантомъ, а на его мѣховой шапкѣ красовались громадныя бѣлыя перья. Что же касается до офицеровъ, которые его окружали, то они точно всѣ сговорились явиться на балъ въ походныхъ костюмахъ. На нихъ были накинуты тяжелыя походныя шинели и вмѣсто шелковыхъ чулокъ на ногахъ были надѣты высокіе запыленные сапоги, на которыхъ еще виднѣлись слѣды путешествія. Наполеонъ, очень взыскательный на этикетъ, повидимому, однако, не былъ ни удивленъ, ни оскорбленъ этой небрежностью.

Напротивъ его лицо прояснилось еще болѣе; чувство довѣрія и привѣтливости выразилось въ его глазахъ, какъ только онъ ихъ замѣтилъ. Онъ замедлилъ шаги и, обращаясь къ императрицѣ, сказалъ громко:

— Видишь, Жозефина, вотъ эти заслуживаютъ, чтобы передъ ними остановиться. Это четыре славныя поддержки имперіи. Ты знаешь ихъ; помнишь, они были въ Тюильри въ праздничныхъ костюмахъ; взгляни на нихъ, какъ они одѣваются, чтобы одерживать побѣды!.. Вотъ Даву, который ведетъ двадцать шесть тысячъ человѣкъ 3-хъ корпусовъ великой арміи въ Германію. Вотъ Сультъ, начальникъ сорока тысячъ бойцевъ 4-го корпуса. Вотъ Ней, храбрый изъ храбрыхъ, у котораго въ распоряженіи только двадцать четыре тысячи человѣкъ, но онъ одинъ стоитъ ихъ всѣхъ. А вотъ Ланнъ, котораго я вызвалъ изъ Португаліи въ Булонъ; я возьму его съ собою изъ Страсбурга въ Вѣну, потому что я не хочу и не могу ничего сдѣлать великаго безъ него. Кромѣ нихъ, у меня есть Бернадотъ, который направляется изъ Ганновера во главѣ семнадцати тысячъ старыхъ солдатъ, Мармонъ, который идетъ изъ Голландіи съ двадцатью тысячами человѣкъ; онъ извѣстилъ сегодня утромъ, что потерялъ дорогой только девять отсталыхъ, и Ожеро, который будетъ здѣсь только черезъ восемь дней съ пятнадцатью тысячами ветерановъ, которыхъ онъ ведетъ сюда изъ глубины Бретани... О Мюратѣ уже я не говорю: ты, должно быть, его видѣла перваго при входѣ въ залъ, такъ какъ онъ прекрасенъ, какъ небесное свѣтило. Скажи имъ всѣмъ доброе слово, мой другъ! Судьба Франціи въ ихъ рукахъ: это—мои намѣстники.

Послѣ этихъ словъ въ залѣ произошла сцена, трогательная по простотѣ... Эта императрица, разодѣтая въ бѣлое съ золотомъ платье, съ накинутой на своихъ граціозныхъ плечахъ красной бархатной мантіей, опушенной горностаемъ, должна была въ продолженіе одной минуты олицетворить цѣлую націю передъ глазами начальниковъ арміи. Она слегка пожала концы затянутыхъ въ перчатки пальцевъ Наполеона, какъ бы прося представить себя этимъ героямъ, хотя она уже давно ихъ знала. Пока они, блѣдные и озабоченные, смотрѣли на нее, она сдѣлала имъ низкій придворный поклонъ, выражая свою почтительную благодарность и чувство восхищенія.

Казалось, что сама Франція привѣтствовала своихъ маршаловъ.

— Благодарю васъ!—сказала она, обращаясь къ нимъ и выпрямляясь во весь ростъ.

И, бросивъ граціозно ласкающій взглядъ на ихъ походный костюмъ, она продолжала свой путь черезъ весь залъ, среди низко склоненныхъ отъ волненія и почтенія головъ.

— Чортъ возьми,—сказалъ Ланнъ своему сосѣду, когда императорская чета удалилась:—изобрѣтательно же это животное.

И его маленькіе черные глазки заморгали, чтобы проглотить нѣсколько слезинокъ, такъ какъ, по словамъ Наполеона, «Роланъ арміи» былъ въ одно и то же время самый впечатлительный и плаксивый человѣкъ... когда не было Ожеро.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ІЮНЬ, 1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1901 г.

СТРАН.

См. слѣд. стр.

ЕКАТЕРИНА II, ПАВЕЛЪ I И АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ МЕДАЛЬОНѢ.

Съ рѣдкой гравюры Больдта.

дозв. ценз. 22 мая 1901 г. спб.

НА ЧУЖБИНѢ [1].

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому).

XIV.

ПОЧТИ ВСЕ путешествіе мнѣ пришлось совершить на пароходѣ вверхъ по рѣкѣ Паранѣ.

Это—громадная, многоводная рѣка. Она такъ глубока, что по ней ходятъ большіе пароходы водоизмѣстимостью въ десять тысячъ и болѣе тоннъ.

Въ періодъ дождей и половодья она дѣлается чрезвычайно бурной, и тогда на ней бываютъ такое волненіе и такія качки, что не хуже, чѣмъ въ морѣ.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ берега ея становятся лѣсистѣе. Корни и сучья деревьевъ свѣшиваются въ воду и, переплетаясь съ ліанами и водорослями, образуютъ мѣстами у береговъ нѣчто въ родѣ плотины или дамбы, простирающейся иногда на цѣлыя версты.

Нашъ пароходъ пришелъ черезъ два дня въ Окампо, маленькій городокъ, находящійся на границѣ Чако, этой громадной почти не изслѣдованной пустыни. Городокъ одиноко стоитъ на берегу рѣки,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 433.

почти на опушкѣ дѣвственнаго лѣса, освѣщенный электричествомъ, съ прекрасной благоустроенной гаванью, отъ которой къ центру его ведетъ обсаженная деревьями мощеная дорога. Онъ очень невеликъ, но въ немъ есть и больница и нѣсколько училищъ, — въ которыхъ обученіе, какъ и вообще въ Аргентинѣ, безплатно, — и прекрасный водопроводъ. По его прямымъ, чистенькимъ улицамъ ходитъ конка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь ничего не было, но французская компанія вздумала эксплуатировать богатства здѣшняго лѣсного края и устроила лѣсопильный заводъ.

Въ настоящее время городъ процвѣтаетъ. Кромѣ прекраснаго пароходнаго сообщенія, онъ соединенъ желѣзной дорогой съ Санта-Фе, а черезъ нее и съ столицей.

Городокъ населенъ французами, англичанами, испанцами и индѣйцами. Послѣдніе исполняютъ самыя тяжелыя работы, получаютъ плохое вознагражденіе, живутъ грязно и бѣдно и презираемы бѣлыми, которыхъ робко, но отъ души ненавидятъ.

Я остановился въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ, conventillas, какъ ихъ здѣсь называютъ, и, оставивъ тамъ свой чемоданъ и разспросивъ хозяйку-француженку, отправился по данному мнѣ въ бюро адресу къ своему патрону.

Я ожидалъ увидѣть того испанца, который говорилъ со мной въ эмигрантскомъ домѣ, но вмѣсто него на большой, убранный цвѣтущими растеніями и пальмами дворъ ко мнѣ вышелъ англичанинъ, высокій, широкоплечій человѣкъ, съ блѣдно-багровымъ, точно вареньмъ лицомъ, съ жесткими, рыжими усами и голубыми, нѣсколько на выкатъ и наглыми глазами.

Онъ пожалъ мнѣ руку, но не пригласилъ меня садиться и на плохомъ французскомъ языкѣ объяснилъ мнѣ, что онъ компаньонъ Ривадавіи, который говорилъ со мной, и что онъ очень радъ, что я наконецъ согласился ѣхать.

Тутъ же онъ пояснилъ, почему онъ радъ, и таки удивилъ меня.

— Вѣдь вы русскій,—сказалъ онъ:—а интеллигентные русскіе всѣ рабовладѣльцы, и, значитъ, у нихъ ужъ въ крови умѣнье обращаться съ чернымъ народомъ.

Я возразилъ, что рабство въ Россіи давно уже не существуетъ.

Онъ передернулъ плечами, свистнулъ и, прищурившись, сказалъ:

— Ну, да, это только такъ говорится, а на самомъ дѣлѣ съ этой сволочью иначе нельзя.

Я попробовалъ еще разъ убѣдить его, что онъ ошибается.

Но онъ еще разъ свистнулъ, а лицо его выразило такое презрительное недовѣріе, что я махнулъ на него рукой и только подумалъ:

— Ахъ, ты, истуканъ!

Мы проговорили, однако, съ часъ времени.

Англичанинъ, мистеръ Оаксъ, какъ назвалъ онъ себя, объявилъ мнѣ, что я долженъ быть врачомъ и вмѣстѣ управляющимъ.

— Мы вамъ дадимъ домашнюю аптечку,—успокоилъ онъ меня, когда я замѣтилъ, что не получилъ спеціальнаго медицинскаго образованія:—и книгу, гдѣ подробно сказано, какъ лѣчить. Что объ этомъ говорить? А главное, чтобъ они васъ слушались и боялись, и работали, чортъ возьми, а не барствовали. Подумайте, земля въ количествѣ 60.000 десятинъ пріобрѣтена еще нашими дѣдами, и до сихъ поръ нѣтъ дохода. Сѣйте тамъ сахарный тростникъ, альгаробу [1]), что хотите, но дайте намъ доходъ, доходъ. Тутъ все зависитъ отъ васъ. У насъ есть еще имѣніе въ Сантъяго-дель-Эстеро и тоже не приносило дохода, а попался умный человѣкъ, и оно оправдываетъ себя.

Затѣмъ онъ распространился объ отношеніяхъ къ рабочимъ, о выгодахъ колонизаціи и заставилъ меня прослушать цѣлую лекцію.

Видно было, что онъ знаетъ, что говоритъ, и умѣетъ не только говорить, но и дѣлать, но изъ-за холодной любезности его и дѣловитости сквозило высокомѣрное и презрительное пренебреженіе ко всему, что не онъ и не Англія.

— Конечно, вамъ надо будетъ держать ухо востро,—заключилъ онъ:—разозлятся, такъ и убьютъ, чего на свѣтѣ не бываетъ, но мы васъ снабдимъ парой пистолетовъ, ружьемъ и револьверомъ.

Револьверъ у меня былъ съ собой, и я, не желая стѣснять себя лишней поклажей, отказался отъ этого арсенала.

— А ваша цѣна?—спросилъ онъ.

Я не приготовился къ такому вопросу и ѣхалъ готовый согласиться на всякое вознагражденіе, но англичанинъ мнѣ вдругъ показался такъ противенъ въ своей надменности, а вся его особа и все кругомъ такъ кричало объ его богатствѣ, что я, не задумываясь, объявилъ:

— Триста песовъ въ мѣсяцъ.

Но онъ и не поморщился.

— Вотъ вамъ сто,—сказалъ онъ:—на путевыя издержки, а на триста по этой запискѣ вамъ выдадутъ завтра въ нашей конторѣ чекъ. Это для васъ безопаснѣе. Да и деньги вамъ тамъ не нужны. Еще зарѣжутъ. Поѣдете же вы въ Миссіонесъ, въ колонію Санта-Анна, въ эстансію Ривадавія.

Мы разстались.

— Миссіонесъ,—думалъ я, возвращаясь въ меблированныя комнаты:—такъ вотъ куда мнѣ ѣхать.

И мнѣ вспомнилось, какъ Лѣвша мнѣ разсказывалъ, что Мис-

[1]) Кустарникъ съ длинными тонкими листьями; изъ плодовъ его,—сладкихъ стручьевъ,—дѣлаютъ опьяняющій напитокъ.

сіонесъ одна изъ самыхъ некультурныхъ территорій Аргентины, что она лежитъ подъ тропиками, а климатъ ея невыносимъ для европейцевъ.

На другой день я отплылъ изъ Окампо дальше по верхней, или, по-здѣшнему, по Альто-Паранѣ.

Здѣсь мнѣ пришлось наблюдать удивительное явленіе и вмѣстѣ необыкновенно красивое, почти волшебное зрѣлище. Вслѣдствіе ли большого количества водныхъ осадковъ, благодаря ли половодью и страшнымъ тропическимъ дождямъ, или по причинѣ иныхъ атмосферическихъ вліяній, передъ закатомъ солнца, надъ Альто-Параной образуется безчисленное множество радугъ, которыя нескончаемыми разноцвѣтными аркадами уходятъ вдаль.

Только черезъ недѣлю, благодаря многочисленнымъ остановкамъ, я прибылъ въ колонію Санта-Анна, изъ которой мнѣ предстояло ѣхать въ глубь страны, какъ говорили километровъ на потораста.

Санта-Анна — нѣмецкая колонія, основанная въ 1885 году, и, кажется, единственная изъ здѣшнихъ колоній, какъ пришлось мнѣ убѣдиться впослѣдствіи, достигшая нѣкотораго благоустройства и процвѣтанія.

Вь Санта-Аннѣ мнѣ сказали, что если я хочу добраться до эстансіи Ривадавія, я долженъ купить лошадь и ѣхать верхомъ, такъ какъ изъ колонистовъ никто не возьмется отвезти меня туда: дорога тяжелая, и времени уйдетъ слишкомъ много.

Я было высказалъ мысль, что, быть можетъ, въ колонію кто нибудь пріѣдетъ изъ эстансіи, но это предположеніе такъ удивило всѣхъ, что̀ я понялъ, что разсчитывать на это нечего.

Хоть мнѣ и не хотѣлось покупать лошадь, и я совсѣмъ не ожидалъ такого расхода, но дѣлать было нечего, и я пріобрѣлъ себѣ буцефала поджараго, разбитаго на всѣ четыре ноги и съ норовомъ, что̀ не помѣшало его владѣльцу запросить за него съ меня пятьдесятъ песовъ.

Поторговавшись, мы сошлись съ нимъ на тридцати, и на другой день чуть свѣтъ я отправился по указанной мнѣ дорогѣ одинъ-одинешенекъ.

Въ первый разъ въ жизни предстояло мнѣ совершить такое не совсѣмъ обыкновенное путешествіе.

Мой чемоданъ и нѣсколько свертковъ съ моими пожитками я принужденъ былъ взвалить на спину лошади, а сѣдломъ мнѣ служили двѣ мои подушки, туго перетянутыя ремнемъ, такъ какъ въ колоніи не нашлось ни у кого лишняго сѣдла, которое я могъ бы купить. У каждаго колониста было только одно для себя и для его домашнихъ, сдѣланное собственными руками.

Длинноногая, прихрамывающая кляча моя подвигалась медленно и лѣниво по узкой, едва примѣтной дорогѣ, самый видъ которой

свидѣтельствовалъ о томъ, что по ней рѣдко ѣздили. Странную, должно быть, картину представлялъ я въ широкополой шляпѣ, которую убѣдили меня купить еще въ Лаплатѣ Кнопъ и Петровъ для защиты отъ тропическаго солнца, въ плащѣ, перекинутомъ черезъ плечо, тоже купленномъ передъ отъѣздомъ, съ тѣмъ расчетомъ, что плащъ при случаѣ можетъ сойти и за подстилку и за одѣяло, а гдѣ нужно замѣнить и пальто, въ высокихъ до колѣнъ сапогахъ съ такими каблуками, которые я видѣлъ только здѣсь, и къ которымъ по здѣшней модѣ привинчены стальныя шпоры съ вѣчно колеблющимися и позвякивающими колесиками, верхомъ на моей тощей лошади, съ узелками и чемоданомъ по бокамъ.

Не разъ во время этой поѣздки припоминался мнѣ безсмертный донъ-Кихотъ. Не было только у меня доспѣховъ и копья, да не трусилъ сзади на ослѣ Санчо Панса. А ужъ какъ бы я былъ радъ подобному спутнику.

Надежда моя добраться до заката солнца до какой нибудь эстансіи, гдѣ я могъ бы переночевать, оказалась неосновательной. Я не встрѣтилъ никакого жилья. Лошадь моя такъ устала, что я принужденъ былъ сойти съ нея и итти пѣшкомъ.

Солнце внезапно погасло. Ночь застала меня на опушкѣ таинственнаго тропическаго лѣса. Я привязалъ лошадь къ дереву, развелъ костеръ, не столько ради того, чтобы согрѣться, такъ какъ было тепло, сколько ради того, чтобы пугать дикихъ звѣрей.

На разсвѣтѣ я двинулся дальше и къ полудню выбрался на дорогу, по обѣимъ сторонамъ которой шла аламбра. Это придало мнѣ бодрости, и я съ жадностью сталъ вглядываться въ окружающую меня мѣстность, ища намека на жилье или на присутствіе человѣка.

Но никого и ничего не было видно.

Солнце палило невыносимо. Я намочилъ полотенце въ полуизсохшемъ ручьѣ, попавшемся мнѣ на дорогѣ, и обвязалъ имъ себѣ голову.

Наконецъ показались вдали два бѣлыхъ домика. Я поспѣшилъ къ нимъ. Но какое разочарованіе ожидало меня! Домики были совершенно пусты, крышъ на нихъ не было, отверстія для оконъ зіяли зловѣщей черной пустотой.

Въ тѣни одного изъ нихъ я расположился отдыхать и, приглядѣвшись, увидѣлъ, что дома эти по всѣмъ признакамъ были недостроены. Но бурьянъ, широко разросшійся по стѣнамъ, трава, покрывавшая каждую трещину и каждый выступъ, а также и полъ внутри — все доказывало, что эти дома давно заброшены, и что тотъ, кто ихъ началъ строить, не собирается ихъ кончить.

Потомъ по дорогѣ то и дѣло стали попадаться мнѣ заброшенные, подобно первымъ двумъ, домики. Странно бѣлѣли они среди необозримой равнины, точно побѣлѣвшіе и изсохшіе подъ солнцемъ гигантскіе черепа невѣдомыхъ исполинскихъ животныхъ.

Нигдѣ не замѣтно было присутствія человѣка, и вообще не видно было ни одного живого существа. Мертвое безмолвіе царило кругомъ, не нарушаемое ни пѣніемъ птицъ, ни жужжаніемъ насѣкомыхъ. Только въ одномъ мѣстѣ у полуразрушеннаго или недостроеннаго водоема я увидѣлъ тощаго дикаго быка и обрадовался ему, какъ другу. Онъ стоялъ надъ водоемомъ, вытянувъ шею и время отъ времени издавая жалобное мычаніе. Я слѣзъ съ лошади и, разсчитывая напиться и напоить лошадь, подошелъ къ водоему. Но онъ былъ совершенно пустъ и тоже, должно быть, давно. Каменистые бока его густо обвивала цѣпкая ползучая верикуджа своими темными пятиугольными листочками и ярко-желтыми кистями мелкихъ цвѣтовъ. На днѣ росла высокая трава, а изъ-за нея ярко бѣлѣли палимыя зноемъ, бѣлыя каменныя плиты, которыми было вымощено дно водоема.

Я понялъ, почему такъ жалобно мычалъ волъ, и почему глаза его такъ грустно уставились на меня, когда я подошелъ.

Кругомъ все было точно выжжено, трава почернѣла отъ зноя, и жгучее солнце, казалось, испепеляло подъ своими ослѣпительными лучами всю растительность. Покоробившіеся, свернувшіеся въ трубочку листья кустарниковъ безжизненно висѣли на высохшихъ вѣткахъ. Нигдѣ не было и признака воды. Потрескавшаяся, сухая земля давно уже жаждала влаги.

Лошадь моя, печально понуривъ голову, стояла надъ водоемомъ, и въ глазахъ ея, какъ и въ глазахъ быка, я прочелъ отчаяніе.

Жара была въ полномъ разгарѣ, ѣхать дальше, пока не спалъ зной, было немыслимо.

Я разсѣдлалъ своего Росинанта и пустилъ его въ кусты, а самъ расположился на плащѣ и на подушкахъ въ тѣни водоема. Пришлось провести и эту ночь подъ открытымъ небомъ, почти безъ сна, непрерывно поддерживая костеръ. По счастью сухіе листья и сучья горѣли очень хорошо, но зато и сгорали быстро. Чѣмъ свѣтъ я отправился дальше.

За все время мнѣ не попалось ни одного человѣка, и я не боялся, что сбился съ дороги, только потому, что ни разу не встрѣтилъ ни перекрестка, ни поворота. Сколько верстъ я отъѣхалъ, я не могъ сообразить. Лошадь моя шла такъ медленно, и кругомъ все было такъ однообразно, что я начиналъ бояться, что проклятая эстансія находится гораздо дальше.

Но было не до предположеній. Во всякомъ случаѣ слѣдовало подвигаться впередъ. У лошади моей былъ такой понурый видъ, и она такъ лѣниво и нетвердо передвигала ноги, что я не рѣшался сѣсть на нее и, самъ утомленный и изнуренный жаждой и зноемъ, шелъ пѣшкомъ.

Отчаяніе начинало овладѣвать мной. Но вотъ дорога пошла въ

гору, показались деревья, все чаще и чаще стали попадаться толстые сочные кусты пазакана (съѣдобнаго кактуса) и алоэ. Растительность становилась все богаче и роскошнѣе. Тамъ и сямъ развертывались купы цвѣтущихъ обильно-покрытыхъ благоухающими пестрыми цвѣтами кустовъ и деревьевъ, и стройныя, высокія пальмы все чаще и чаще встрѣчались мнѣ на пути. По одной, рѣдко по двѣ, онѣ поднимали свои пышныя, увѣнчанныя зеленой кроной, гордыя, прекрасныя головы къ далекому ярко-голубому небу.

Высохшее ложе ручья напомнило мнѣ о водѣ, и я свернулъ въ сторону отъ дороги, разсчитывая, что ручей не вездѣ пересохъ. И дѣйствительно саженяхъ въ двадцати я набрелъ на темное ущелье, все заросшее кустами и ползучими растеніями. Со дна его доносился неясный ропотъ. Это шумѣлъ ручей, струившійся по каменистому дну. Я съ жадностью напился, опять разсѣдлавъ лошадь и снявъ съ нея всю поклажу и узду, пустилъ ее въ кусты, а самъ съ наслажденіемъ бросился на густую сочную траву.

Высоко надъ головой моей, изъ-за вѣтвей невѣдомыхъ мнѣ растеній, горячимъ золотомъ сверкало солнце. На самомъ верху холма передъ глазами моими, стѣной стояло какое-то странное растеніе. Я не видѣлъ листьевъ, а видѣлъ только ярко-красные, часто сидящіе цвѣты, точно вылѣпленные на черномъ фонѣ. Изъ любопытства я вскарабкался на верхъ, чтобы разглядѣть странное растеніе. Оно представляло собою частый плетень изъ тонкихъ, сухихъ и ломкихъ, темныхъ, почти черныхъ сучьевъ. Ни одного листочка не зеленѣло на этомъ плетнѣ, но весь онъ густо былъ усаженъ ярко-алыми, похожими на мелкій шиповникъ цвѣтами съ пятью лепестками, глянцовитыми и твердыми, точно сдѣланными изъ воска. Цвѣты эти ничѣмъ не пахли. Тутъ же громадныя ліаны съ лиловыми, желтыми и ярко-красными цвѣтами причудливой сѣтью переплетались съ деревьями и кустами, образуя непроходимую, растительную сѣтку. Пестрыя въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ цвѣтовъ орхидеи гнѣздами и яркими группами покрывали стволы лѣсныхъ великановъ.

Но надо было ѣхать. Я снова осѣдлалъ лошадь. Не проѣхалъ я и пятидесяти саженей, какъ впереди на возвышеніи глазамъ моимъ предстала прелестная бѣлая вилла. Она ярко выдѣлялась на темномъ фонѣ окружающихъ ее деревьевъ, и вся такъ и блестѣла подъ лучами склонявшагося къ западу солнца. Нѣсколько пальмъ росли передъ фасадомъ, соперничая въ стройности и легкости съ его высокими бѣлыми колоннами.

Картина эта была такъ неожиданна, присутствіе такого изящнаго зданія въ этой глухой пустынѣ такъ изумительно, что я не повѣрилъ собственнымъ глазамъ и тутъ же рѣшилъ, что это миражъ. Но чѣмъ ближе я подъѣзжалъ, тѣмъ очевиднѣе становилось для меня, что это—не обманъ зрѣнія, а реальное явленіе. Съ уди-

вленіемъ смотрѣлъ я на красивое зданіе, на изящную рѣшетку, окружающую дворъ, и поспѣшилъ къ дому, радуясь, что наконецъ найду пріютъ и отдыхъ и разузнаю, гдѣ та эстансія, куда я ѣду.

Но и вилла была пустынна. Мраморныя ступени ея террасы покрыты были густымъ и толстымъ слоемъ пыли, и только мѣстами на немъ были замѣтны слѣды птичьихъ лапъ. Я не захотѣлъ останавливаться. Въ сердцѣ моемъ шевельнулось грустное чувство, и не одинъ разъ оглянулся я назадъ на это зданіе столь прекрасное, столь заманчивое и пустынное и мертвое, какъ все кругомъ. Не веселыя думы овладѣли мной, я опустилъ голову и, не замѣчая дороги, въ раздумьѣ зашагалъ впередъ. Дорога казалась безконечной. Глухое, тоскливое безпокойство росло въ душѣ моей. Усталость заставила меня опять сѣсть на лошадь.

Я ѣхалъ, не останавливаясь, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Солнце опускалось все ниже, зной былъ уже не такъ мучителенъ. Все предвѣщало скорое наступленіе ночи. Неужели мнѣ опять придется провести ее подъ открытымъ небомъ? Я не видѣлъ конца своему путешествію.

Вдругъ звукъ человѣческихъ голосовъ поразилъ мой слухъ. Обрадованный, я, забывъ лошадь и поклажу, бросился на нихъ.

Странное зрѣлище представилось мнѣ.

Шагахъ въ двадцати отъ дороги былъ довольно глубокій оврагъ, а на днѣ его копошились люди.

На первый взглядъ мнѣ показалось, что ихъ было человѣкъ двадцать. Мое появленіе тоже привлекло ихъ вниманіе. Нѣкоторые изъ нихъ повернулись въ мою сторону и показывали на меня пальцами.

Я не сразу рѣшилъ, къ какой національности принадлежатъ они. Но я хорошо видѣлъ, что это не дикари. Я рѣшился сойти въ оврагъ.

Большинство изъ обитателей его оказались галичане, было также нѣсколько итальянцевъ, испанцевъ и нѣмцевъ, всѣхъ, какъ оказалось потомъ, 26 человѣкъ. Когда я подошелъ къ нимъ, они съ любопытствомъ стали разспрашивать меня, какъ я попалъ въ ихъ края.

Я разсказалъ имъ, откуда я ѣду и куда. Они внимательно выслушали, и когда я кончилъ разсказъ, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Это здѣсь.

— Что здѣсь?

— А вотъ, куда вы ѣдете,—Ривадавія.

— Гдѣ же колонія?

— А вотъ здѣсь, — и одинъ изъ нихъ неопредѣленно повелъ рукой.

— А жилища?

— Жилищъ нѣтъ. Впрочемъ тутъ тепло.

— А гдѣ же самая эстансія?

— А вы должны были ѣхать мимо. Видѣли бѣлый домъ на горѣ? Это она и есть.

— Но тамъ никого нѣтъ, она совершенно заброшена.

— Ну, да, заброшена. Кому же тамъ жить? Здѣсь никто не живетъ.

Я сходилъ за своею лошадью, пустилъ ее на траву, сложилъ въ кучу свою поклажу и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ вмѣстѣ съ прочими на днѣ ямы и слушалъ, что мнѣ разсказывали.

Эта яма собственно и была жилищемъ рабочихъ, приглашенныхъ землевладѣльцами. Я спросилъ ихъ, почему они не воспользуются виллой. Они отвѣтили, что безчисленное множество змѣй и всевозможныхъ гадовъ, которые развелись въ запущенномъ паркѣ, дѣлаютъ обитаніе ея почти невозможнымъ.

Кромѣ меня, въ администраціи не оказалось никого.

— Всѣ, кто побогаче да повзыскателнѣе, давно разбѣжались,— объяснили мнѣ мои собесѣдники.

— Мы пока живемъ,—говорили они:—а что дальше будетъ, Богъ вѣсть. Сами видите, какія мѣста: глушь, дичь, до ближайшей колоніи, говорятъ, полтораста верстъ, да и тамъ ничего не достанешь—ни хлѣба, ни мяса: все для себя. Только и есть, что убьешь какую нибудь птицу, а то ѣдимъ маисъ, который сваленъ здѣсь въ галлонахъ отъ прошлыхъ годовъ. Варимъ себѣ изъ него кашу, печемъ лепешки, вотъ и вся ѣда. Да и маись-то плохой: мышей развелось пропасть, и онѣ почти весь его изгрызли. Работа тяжелая, земля новая, а скота мало. Волы такіе дикіе, что не подступись. Обѣщали, что жалованье будутъ платить, а никого нѣтъ, и не къ кому пойти и не у кого спросить. Думаемъ, что ежели все такъ пойдетъ, соберемся да и уйдемъ, куда глаза глядятъ.

Что я могъ сказать имъ въ утѣшеніе?

Я все-таки попробовалъ было добросовѣстно исполнять свои управительскія обязанности. Распорядился, чтобы привели часть виллы въ порядокъ, переселилъ туда всѣхъ людей. Насколько могъ, позаботился о ихъ продовольствіи. Но въ общемъ я хорошо видѣлъ, что былъ безсиленъ принести какую бы то ни было пользу.

Но вотъ настало лѣто, и начались тропическія жары. Итальянцы и испанцы ихъ переносили довольно легко, но нѣмцы и галичане, — а послѣднихъ было большинство,— буквально изнывали и такъ страдали, что тяжело было на нихъ смотрѣть. Въ самое короткое время двое изъ нихъ умерло отъ солнечнаго удара. Женщины и дѣти всѣ сплошь страдали дисентеріей. Аптечка и лѣчебникъ оказались какъ нельзя болѣе кстати. Но люди не только страдали отъ физическаго недомоганія, они были угнетены нравственно.

Когда первые два человѣка умерли, вся партія галичанъ при-

шла въ отчаяніе. Неподвижно сидѣли они по цѣлымъ днямъ, всячески стараясь укрыться отъ палящихъ лучей солнца и отказываясь отъ пищи. Напрасно я старался ободрить ихъ. Въ отвѣтъ на мои утѣшенія они мрачно отвѣчали мнѣ:

— Нѣтъ, ужъ что? Одинъ конецъ, и мы умремъ, какъ тѣ двое.

Похороны этихъ двухъ земляковъ при свѣтѣ костра, ночью, въ глухомъ, пустынномъ мѣстѣ, безъ всякаго обряда, безъ молитвъ и пѣснопѣній, произвели на всѣхъ,—и на меня тоже,—удручающее впечатлѣніе.

— Какъ собакъ, зарыли людей въ землю,—говорили галичане, уходя отъ могилы.

А къ этому присоединилось новое несчастье. Сначала дѣти стали сильно хворать, а потомъ и умирать.

Всѣхъ ребятишекъ у насъ было двѣнадцать человѣкъ: восемь галичанъ, два итальянца и два нѣмца.

Въ какую нибудь недѣлю умерло больше половины. Не проходило дня безъ маленькаго покойника. Плачъ и стоны стояли надъ нашимъ лагеремъ.

Въ довершеніе явилась масса насѣкомыхъ. Особенно одолѣвали клопы, исполинской величины, въ вершокъ и больше, комары и крошечная, едва замѣтная для глаза, мошкара, которую испанцы называли пико.

Эти пико особенно одолѣвали скотъ. Тучей облѣпляли они вола или корову. Бѣдное животное сначала мычало и отмахивалось хвостомъ, потомъ начинало ревѣть и бить копытами землю, въ отчаяніи бросаясь изъ стороны въ сторону, наконецъ каталось по землѣ и въ изнеможеніи околѣвало. А пико продолжали начатое ими дѣло. Новые рои ихъ прилетали на трупъ, къ нимъ присоединялись другія насѣкомыя, зеленыя мухи, комары, тарантулы. Черной движущейся массой покрывали они околѣвшее животное. Издали невозможно было догадаться, что это такое, что за страшный, гигантскій, продолговатый клубокъ съ жужжаніемъ и стрекотаніемъ шевелится на землѣ. Дня два продолжалось это пированіе! Наконецъ черная туча снималась и улетала въ лѣсъ, а на мѣстѣ павшаго животнаго оставался только скелетъ, такъ чисто обглоданный, точно спеціально препарированный въ какой нибудь лабораторіи. Солнце заканчивало это дѣло: подъ его жгучими лучами кости высыхали и пріобрѣтали бѣлый известковый цвѣтъ.

Такимъ образомъ на нашихъ глазахъ погибло пять штукъ воловъ, двѣ коровы и двѣ наши лошади, въ томъ числѣ и моя.

Людьми овладѣла паника. Никто не рѣшался выходить изъ дома, даже испанцы и итальянцы не избавились отъ общаго страха передъ ужасными насѣкомыми. Дѣти продолжали умирать, и изъ двѣнадцати человѣкъ у насъ скоро осталось только трое.

Блѣдныя, худыя, изможденныя лица женщинъ и мужчинъ дѣлали ихъ похожими на выходцевъ съ того свѣта.

Я кое-какъ бодрился, но видъ этихъ страдальцевъ производилъ такое тоскливое впечатлѣніе, что хотѣлось бѣжать куда нибудь, только бы не видѣть этихъ измученныхъ и исхудалыхъ лицъ съ провалившимися, полными отчаянія глазами.

Женщины уже не плакали. Молча и тупо смотрѣли онѣ, какъ мужчины закапывали въ землю маленькихъ покойниковъ. Впрочемъ это дѣлалось только для виду. Земля такъ высохла отъ жаровъ, что стала крѣпка, какъ желѣзо. Обезсилѣвшіе люди выкапывали ямы очень неглубокія, и обыкновенно къ утру онѣ уже оказывались раскопанными, а трупы съѣденными.

Наше становище съ каждымъ днемъ становилось все опаснѣе. Попробовавшіе человѣческаго мяса, осмѣлѣвшіе хищные звѣри во множествѣ стали выходить изъ лѣса. Даже трусливая пума, на которую достаточно было замахнуться палкой, чтобы она убѣжала, теперь стала такъ нагла, что по вечерамъ нерѣдко приближалась къ нашимъ кострамъ, ложилась около нихъ и, помахивая хвостомъ и облизывая губы, казалось, готова была и только поджидала удобнаго момента, чтобы напасть на кого нибудь изъ насъ. Появились невиданные дотолѣ тропическіе орлы. Должно быть, и они почуяли добычу. Эти огромныя, сѣро-бурыя, мохнатыя хищныя птицы съ круглыми головами, на которыхъ сзади топорщатся и отстаютъ перья, подъ вечеръ садились на ближайшіе низкіе кусты и то, не мигая и широко раскрывъ желтые глаза, смотрѣли на потухающее солнце, то чистили свои загнутые крѣпкіе клювы и, приподнявъ то ту, то другую могучую лапу, расправляли свои крючковатые острые когти. Никогда раньше не приходилось видать мнѣ такихъ большихъ и сильныхъ орловъ. Падали они не ѣдятъ, но если замѣтятъ, что павшее животное еще теплое, съ свирѣпой жадностью набрасываются на него и рвутъ его съ такой силой своими мощными когтями, глубоко запуская ихъ въ мясо, что куски его, клочья шерсти и брызги крови летятъ во всѣ стороны.

Только я, два испанца да одинъ итальянецъ не теряли бодрости. По ночамъ мы становились поочередно на караулъ, днемъ заботились объ ѣдѣ и ухаживали за больными.

Я довольно легко переносилъ жару, и только время отъ времени меня мучила страшная головная боль. Но галичане и нѣмцы были просто несчастны.

А кругомъ такъ пышно, такъ необыкновенно ярко, какъ никогда раньше въ жизни мнѣ не приходилось видѣть, развертывалась торжествующая природа. Необыкновенныхъ, самыхъ яркихъ красокъ то огромные, то мелкіе цвѣты во множествѣ виднѣлись всюду. Ихъ опьяняющее, сладкое благоуханіе переполняло раскаленный днемъ и то влажно-теплый, то жгуче-холодный ночью воздухъ. Гигантскіе кактусы покрылись своими сочными то красными,

какъ кровь, то огненными шишками. Дикіе лимоны и апельсины стояли въ полномъ цвѣту, распространяя свой ядовитый ароматъ. Небо необыкновенно чистое, безъ малѣйшаго облачка уходило въ недосягаемую высоту, и нѣжно-розовая мгла, окутывавшая его, не могла смягчить ослѣпительныхъ, жгучихъ лучей огромнаго, пышащаго зноемъ, сверкающаго солнца. Тучи блестящихъ, переливающихся, какъ драгоцѣнный камень, колибри носились въ воздухѣ. Стаей слетались они къ низкорослымъ кустамъ абрикосовъ, и каждая изъ нихъ погружала въ блѣдно-розовый цвѣтокъ свой длинный, тонкій, какъ игла, носикъ, межъ тѣмъ какъ распростертыя въ воздухѣ крылышки ея трепетали, отливая всѣми цвѣтами радуги. Немолчно раздавалось стрекотанье и жужжаніе безчисленныхъ насѣкомыхъ.

И какимъ жалкимъ, какимъ несчастнымъ являлся человѣкъ среди этого ликованья роскошной тропической природы! Казалось, ему одному не было мѣста на ея пышномъ праздникѣ.

Томительно-тоскливо проходили дни, въ мучительной тревогѣ пролетали ночи.

Наконецъ всѣмъ стало ясно, что жить такъ дольше невозможно.

Запасъ мате, котораго я взялъ съ собой нѣсколько фунтовъ, истощился, а этотъ напитокъ одинъ только и поддерживалъ слабѣющія силы и упавшій духъ больныхъ.

Рѣшено было уйти, добраться пѣшкомъ до Санта-Анны, а тамъ сѣсть на пароходъ.

Двадцатаго ноября мы пустились въ путь. Мы шли по ночамъ, а днемъ отдыхали, и только на шестыя сутки, благодаря общей слабости и нездоровью, намъ удалось добраться до нѣмецкой колоніи.

Не у всѣхъ изъ людей были деньги, и я предложилъ проѣхать на пароходѣ до Санта-Фе въ складчину. Въ Санта-Фе я сдалъ всѣхъ людей губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ снесся съ эмиграціоннымъ комитетомъ и позаботился объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ, а самъ поспѣшилъ въ Лаплату.

Изъ этой поѣздки я извлекъ, во-первыхъ, ту выгоду, что познакомился съ такой удаленной и мало изслѣдованной провинціей, какъ Миссіонесъ, а, во-вторыхъ, контора моего патрона въ Буэносъ-Айресѣ выдала мнѣ жалованье въ количествѣ трехсотъ песовъ, не считая тѣхъ, что я получилъ на дорогу.

Прибывъ въ Лаплату, я прежде всего отправился къ Лѣвшѣ. Было утро, и въ домѣ царила тишина.

Я подумалъ, что всѣ еще спятъ. Но скоро вышелъ Лѣвша, обнялъ меня и сказалъ:

— Черезъ двѣ недѣли послѣ вашего отъѣзда онѣ уѣхали на итальянскомъ пароходѣ «Королева Маргарита».

Его осунувшееся лицо и глубокая печаль, застывшая на немъ, тронули меня.

— Ну, вотъ и все,—сказалъ онъ, проводя меня по опустѣвшей квартирѣ къ себѣ въ кабинетъ.—Я еще пока живу здѣсь. А ихъ уже нѣтъ. Сонъ кончился. Не правда ли, какъ все это странно произошло? Именно, какъ во снѣ. И знаете? Кадошка-то вѣдь околѣла, объѣлась чего-то, и, кажется, это несчастье переполнило чашу бѣдствій.

Я попробовалъ ему сказать нѣсколько словъ въ утѣшеніе, онъ прервалъ меня на полусловѣ:

— Нѣтъ, это хорошо, что такъ вышло. Имъ тамъ лучше, а мнѣ,—я вѣдь ужъ привыкъ быть одинъ. И сказать вамъ правду, мнѣ не такъ, чтобы ужъ слишкомъ ихъ жаль: ужъ очень мы разошлись во взглядахъ за эти десять лѣтъ разлуки.

Къ тому, что онъ лишился мѣста, онъ относился съ удивившимъ меня спокойствіемъ. Мало того, онъ, кажется, былъ радъ этому.

— Что же вы думаете дѣлать, Андрей Семеновичъ?

— А вотъ что,—отвѣтилъ онъ.—Давно ужъ я мечталъ уйти на новыя мѣста и купить чакру. Да вотъ все надѣялся, что онѣ пріѣдутъ, все ихъ ждалъ. Ну, теперь ждать некого и нечего. Будемъ жить по-новому!

Положеніе мое тоже было не изъ красивыхъ. Теперь и той литературной работы, которою время отъ времени снабжалъ меня Лѣвша, у меня не могло быть. Опять предстояло влачить существованіе со дня на день, и эта жизнь, исполненная лишеній, безъ всякой разумной цѣли, ужасала меня.

Мысль о возвращеніи въ Россію съ каждымъ днемъ уходила все дальше и дальше. Меня теперь ужъ какъ-то меньше тянуло на родину. Я начиналъ привыкать къ странѣ, къ ея обычаямъ, къ нравамъ, научился мириться съ невзгодами и неудачами, научился цѣнить мягкій климатъ, роскошную растительность, а главное просторъ и свободу. То страшное одиночество, отъ котораго я не зналъ, куда бѣжать, теперь ужъ тяготило меня меньше. Петровъ и Кнопы съ ихъ обиходомъ просто пугали меня.

Лѣвша сталъ звать меня съ нимъ на землю. Онъ уже купилъ себѣ участокъ заглазно за баснословно дешевую цѣну: за двѣсти песовъ квадратную легву, т. е. двѣ съ половиной тысячи десятинъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей покупки. Сто песовъ онъ далъ въ задатокъ, а другіе сто предлагалъ внести мнѣ и ѣхать съ нимъ.

— Подумайте,—говорилъ онъ мнѣ,—вѣдь это богатство! Пройдутъ какія нибудь десять, пятнадцать лѣтъ, и наша земля будетъ стоить въ двадцать разъ дороже. Изъ пролетаріевъ мы съ вами обращаемся въ богатыхъ самостоятельныхъ помѣщиковъ. Гдѣ, въ какой другой странѣ это возможно?

Я согласился на его предложеніе съ радостью.

Когда я сказалъ Петрову, что уѣзжаю съ Лѣвшой, Вася сталъ проситься со мной, но Петровъ рѣшительно воспротивился.

— Глупости!—сказалъ онъ:—какіе нибудь еще два мѣсяца, и мы тоже бросимъ Лаплату и купимъ землю, или отправимся въ экспедицію разыскивать скелеты ихтіозавровъ и мамонтовъ.

— Да, да — подтвердилъ Кнопъ: — ты, Базиліо, намъ самимъ нуженъ.

А мы съ Лѣвшой поселились вмѣстѣ и принялись готовиться къ отъѣзду. Жажда дѣятельности, независимости, надежда на новую, лучшую жизнь точно переродили насъ. Оживленіе не сходило съ нашихъ лицъ, и мы могли вести неистощимые разговоры, рисуя картины нашего хозяйства и составляя планы. Даже жара не могла одолѣть насъ, и когда наконецъ насталъ день отъѣзда, мы бодро, полные энергіи, рѣшимости и свѣтлыхъ упованій, покинули Лаплату.

XV.

5-е декабря. Со вчерашняго дня мы на своей землѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ генеральная карта назначенныхъ для колонизаціи аргентинскихъ земель, которою насъ снабдило правительство Буэносъ-Айреса. И только она. Потому-что кругомъ глубокая пустыня, и на всемъ пути, начиная съ того мѣста, гдѣ рѣка Чубутъ дѣлаетъ уклонъ къ югу, намъ уже не попадалось ни поселка, ни человѣческаго жилья.

Во всѣ стороны разстилается широкая равнина, и только съ востока сначала холмистая мѣстность поднимается все выше и выше, уступами идетъ кверху и наконецъ сливается съ лиловатыми очертаніями Кордильеровъ, зубчатой стѣной рисующихся въ воздушной голубой дымчатой дали. А по холмамъ и уступамъ растутъ сначала мелкіе кусты и деревья вотъ тутъ подлѣ насъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ они больше и гуще и тоже лѣзутъ все выше и выше, точно хотятъ добраться до самаго неба, и только горы мѣшаютъ имъ и горделиво, черезъ ихъ головы смотрятъ на землю.

Мы выбрали мѣстечко, укрытое отъ вѣтра и красивое, и расположились на немъ, т. е. постлали на землю звѣриныя шкуры и усѣлись на нихъ отдыхать.

Солнце начинало склоняться къ западу. Надо было подумать о томъ, какъ провести ночь.

Прежде всего мы распрягли усталыхъ четырехъ воловъ, запряженныхъ въ каро, и пустили ихъ на траву, а чтобы они не ушли, спутали имъ ремнями переднія ноги. Потомъ натаскали хворосту, развели костеръ и поставили на него кипятиться воду, взятую изъ ближней рѣчки, въ чугунномъ чайникѣ. Затѣмъ оставалось только растянуться на землѣ у огня и ждать, когда вскипитъ вода.

— Вотъ мы и дома,—произнесъ Лѣвша.

Ночь застала насъ у этого костра. Завернувшись въ плащи,

мы легли спать прямо на землѣ и поднялись чѣмъ свѣтъ, разбуженные рѣзкимъ утреннимъ холодомъ.

Костеръ нашъ за ночь потухъ, и мы начали съ того, что натаскали кучу валежника и опять запалили его. Сдѣлавъ это, мы принялись обсуждать, изъ чего намъ начать строить домъ.

Для меня, какъ новичка въ странѣ, это казалось дѣломъ не легкимъ. Я напрасно старался разрѣшить эту задачу.

Но Лѣвша, видавшій виды, нашелъ, что мы находимся въ блестящемъ положеніи.

— Матеріалу у насъ подъ руками—масса, — объявилъ онъ. — Потрудитесь обратить вниманіе на отлогіе берега этой рѣчонки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это глина. Затѣмъ, вотъ вамъ камыши, и наконецъ къ нашимъ услугамъ еще и этотъ лѣсъ. Трудно представить болѣе счастливое стеченіе благопріятныхъ условій. Я предлагаю основаніе нашего дома сдѣлать изъ тонкихъ бревенъ, сверху облицовать его камышомъ и вымазать глиной. Крышу сдѣлаемъ тоже изъ камыша и глины. Погода теперь стоитъ самая благопріятная—декабрь мѣсяцъ. Жары подъ этой широтой не будетъ, тяжелые холода миновали. Мы можемъ строить свой домъ не спѣша, и, мѣсяца черезъ два, посмотрите, какъ мы хорошо устроимся. А пока мы можемъ сдѣлать себѣ временный шалашъ, чтобы спать въ немъ и хранить въ немъ вещи и припасы.

На томъ и порѣшили.

10-е декабря. Удивительная, ни на что не похожая дикая жизнь! Мы встаемъ чѣмъ свѣтъ, зажигаемъ костеръ и принимаемся за работу. Чтобы не ходить каждый разъ къ рѣкѣ за водой, мы вырыли у себя подъ руками яму, вымазали ее глиной, дали высохнуть и натаскали въ нее воды. Глина оказалась очень мягкой, но, засохнувъ на солнцѣ, она становится твердой, какъ камень, и рѣшили надѣлать изъ нея сначала кирпичей, и изъ нихъ уже сложить домъ, такъ какъ рубить и валить деревья оказалось труднѣе. Наработавшись, уставъ и проголодавшись, мы подсаживаемся къ огню и принимаемся пить мате и закусывать. Пока мы роскошествуемъ: у насъ есть галеты, чурисо-колбаса, разные консервы и водка. Съ теченіемъ времени всѣ эти припасы придутъ къ концу, но мы не стараемся особенно беречь ихъ. Аппетитъ у насъ прекрасный, и по всѣмъ даннымъ намъ не грозитъ голодъ. У насъ уже собранъ запасъ страусовыхъ яицъ, которыхъ множество попадается въ полѣ. Въ болотцахъ водится безчисленное количество куликовъ, лебедей и утокъ, кстати сказать, необыковенно большихъ и жирныхъ, такъ что я сначала принималъ ихъ за гусей. Птицы совершенно не боятся человѣка и подпускаютъ къ себѣ такъ близко, что мы стрѣляемъ навѣрняка. Гуанако и гамы скачутъ по холмамъ, а дикія козы цѣлыми стадами переходятъ съ одного мѣста на другое. Въ крайнемъ случаѣ, если бы мы даже лишились пороху и

дроби, которыми мы запаслись въ изобиліи, къ нашимъ услугамъ наша рѣчка съ такимъ изобиліемъ рыбы, что мы не вѣримъ глазамъ. Мы ловимъ ее не удочками, а сѣтями. Рыба эта не похожа на нашу. Чаще всѣхъ попадается одна, величиной съ большого судака, мясистая, почти круглая, по формѣ нѣсколько напоминающая нашего сазана, но шире и толще его, съ ярко-красными плавниками съ серебряной чешуей, съ черной спиной и огромными малиновыми глазами.

18-е декабря. 20° по Цельзію. Дни летятъ необыкновенно быстро. И странно, къ этой не совсѣмъ обыкновенной обстановкѣ, къ этой жизни Робинзона на необитаемомъ островѣ, я уже такъ привыкъ, что порой начинаю забывать о ней. Иногда воспоминанія переносятъ меня въ прошлое, и я съ удивленіемъ спрашиваю себя: неужели это я, этотъ высокій, мускулистый, страшно загорѣлый человѣкъ, съ голыми руками и ногами, занятый дѣланіемъ кирпичей? И тогда, какъ далеко, какъ чуждо кажется мнѣ все то, что было тамъ, въ Европѣ.

Домъ нашъ подвигается очень медленно. Много и другой работы. Кромѣ охоты, ловли рыбы, собиранія хворосту, починки платья, надо было огородить хоть нѣкоторую часть чакры, вырыть яму для обжиганія угля и другую, въ которой бы можно хранить его. Нужно также загонять скотъ въ устроенное нами потреро (пастбище). Послѣднее оказалось дѣломъ самымъ труднымъ. Лошадей у насъ нѣтъ, и за скотомъ приходится бѣгать. Хорошо еще, что скотъ не боится человѣка и довольно близко подпускаетъ къ себѣ, такъ что иногда удается подойти къ козѣ или барану совсѣмъ близко и накинуть веревку на рога. Впрочемъ у насъ оказались прекрасные помощники—наши волы. Они всегда пасутся близъ дома, и скотъ довѣрчиво подходитъ къ нимъ. Въ потреро мы устроили удобный водопой, отведя рукавъ отъ рѣки, отчего маленькій прудъ, прежде мелководный, теперь всегда полонъ, и животныя за нашими волами стали приходить къ нему пить. Но самое трудное устроить огородъ и развести садъ. У насъ съ собой только одинъ заступъ и никакихъ другихъ замледѣльческихъ орудій. Этимъ-то заступомъ мы вскопали и раздѣлали небольшой участокъ около дома. Десятину мы отвели подъ огородъ, который хотимъ засѣять привезенными изъ города сѣменами, а еще двѣ десятины засадить фруктовыми деревьями, которыхъ здѣсь множество, разумѣется, дичковъ.

22-е декабря. Писать здѣсь совсѣмъ некогда. Погода стоитъ на рѣдкость мягкая и нѣжная, несмотря на дождь, который льетъ вотъ ужъ третій день. Домъ нашъ, на зло всѣмъ нашимъ стараніямъ, выходитъ совсѣмъ не такимъ красивымъ, какимъ мы его себѣ представляли. Стѣны вывелись косо, а одна изъ нихъ повыше осѣла къ землѣ и покоробилась, такъ что изнутри представляется вогнутой, а снаружи выпуклой. Къ тому же дождь размылъ часть

нашей постройки и значительно попортилъ наши припасы и платья, которыхъ не могъ достаточно защитить нашъ шалашъ. Но зато такъ же дождь оказался благодѣтельнымъ для огорода, на которомъ небольшое количество сѣмянъ, посѣянныхъ нами на пробу, уже дало ростки.

Этотъ дождь повергъ меня въ большое уныніе. Съ утра до вечера, несмотря на теплую погоду и на то, что мы постоянно въ движеніи, мы не могли согрѣться и буквально дрогли отъ холода. На насъ не было сухой нитки. Прудишка нашъ разлился, и мы ходили по колѣно въ водѣ, босые, чтобы сберечь наши сапоги, которые теперь въ этой пустынѣ представляются намъ предметомъ роскоши. Больше всего мы боялись, какъ бы не отсырѣли порохъ и патроны, хотя мы сдѣлали все, что было въ нашихъ средствахъ, чтобы предохранить ихъ. Костеръ нашъ заливало водой, и я удивляюсь, какъ мы не схватили лихорадки.

Лѣвша переноситъ всѣ невзгоды съ величайшимъ хладнокровіемъ и находитъ, что все идётъ прекрасно. Глядя на мою унылую физіономію, онъ спросилъ меня:

— Что это вы носъ повѣсили? Кажется, все идетъ отлично. О чемъ вы думаете?

— Думаю о томъ, что скверно жить на свѣтѣ, — отвѣчалъ я ему.—А вы о чемъ?

— А я думаю о томъ, какой у насъ съ вами здѣсь будетъ великолѣпный паркъ годочковъ черезъ десять.

— Нечего сказать, скоро. Да и будетъ ли еще у насъ паркъ, даже и черезъ десять лѣтъ?

— Объ этомъ не безпокойтесь, будетъ непремѣнно. Видѣли паркъ подъ Лаплатой? Онъ при мнѣ совсѣмъ молодымъ былъ, да и самой-то Лаплатѣ всего какія нибудь двѣнадцать-тринадцать лѣтъ, значитъ, парку не больше десяти, а какія деревья.

— Положимъ. Все-таки десять лѣтъ—это долго.

— Десять лѣтъ-пустяки!—съ увѣренностью возразилъ Лѣвша:— время идетъ такъ быстро, что и не замѣчаешь, какъ пролетаютъ годы. Подумайте только, черезъ десять лѣтъ здѣсь въ этой глубокой, тихой пустынѣ вокругъ насъ будетъ цѣлая колонія, будетъ кипѣть жизнь, будутъ цвѣсти сады, повсюду раскинуты будутъ бѣлые, чистенькіе домики, около нихъ будутъ рѣзвиться дѣти, и трудиться и отдыхать взрослые. А кто первый принесъ жизнь въ это мѣстечко? Мы съ вами. Неужели эта мысль не кажется вамъ заманчивой?

Я пожалъ плечами, но въ душѣ согласился. Я чувствовалъ, какъ эта жизнь постепенно втягиваетъ меня. Мои вкусы, привычки, взгляды уступаютъ другимъ, новымъ, доселѣ мнѣ неизвѣстнымъ. Меня уже не пугаетъ ни одиночество, ни эта глубокая тишина пустыни, ни эта необозримая, во всѣ стороны раскинувшаяся ра-

внина. Все рѣже и рѣже вспоминаю я Европу, и родина все чаще представляется мнѣ страшно далекой, такой далекой, что думать о возвращеніи въ нее кажется страннымъ.

Мы рѣдко говоримъ съ Лѣвшой. Природа съ своей таинственной тишиной не располагаетъ къ разговорчивости. Да и о чемъ намъ говорить? То, что прежде могло для насъ служить предметомъ спора или разговора—злобы дня, выдающіяся событія, газетныя статьи, городскіе толки и сплетни—все это исчезло. А то, что окружаетъ насъ, такъ просто, такъ понятно, такъ нераздѣльно входитъ въ нашу жизнь, что не требуетъ ни осужденій, ни разговоровъ. Да и некогда. Весь день проходитъ въ работѣ неотложной и необходимой. Съ домомъ надо спѣшить изо всѣхъ силъ. Завтра примемся класть печку, чтобы избавиться отъ возни съ костромъ.

3-е января. Я пишу въ домѣ, сидя за столомъ. Позади меня трещитъ и пылаетъ печка, несмотря на теплую погоду. Но надо обсушить стѣны.

Рабочій день нашъ кончился. Начинаетъ темнѣть. На земляной полъ ложатся красные блики отъ пламени.

Лѣвша, засучивъ рукава бѣлой рубашки, готовитъ на очагѣ ужинъ, и по вкусному запаху я догадываюсь, что онъ поджариваетъ куски дикой козы.

— Александръ Петровичъ, вы долго еще будете писать? — говоритъ онъ и ставитъ передо мной круглую склянку съ оливковымъ масломъ, въ которомъ плаваетъ кусокъ фосфору, лампу незамысловатую, и нельзя сказать, чтобы очень свѣтлую, но зато не требующую ни хлопотъ, ни тратъ.

Я чувствую, что онъ, какъ и я, въ прекрасномъ расположеніи духа. Еще бы! Первый вечеръ, который мы проводимъ подъ кровлей собственнаго и даже собственноручнаго дома.

Конечно, онъ совсѣмъ не похожъ на то, что вообще принято называть домомъ. Это, грубая, маленькая мазанка со съѣхавшей на сторону крышей, — результатъ нашего неумѣнія и плохого глазомѣра,—длиною въ десять шаговъ и шириною въ шесть. Полъ въ ней земляной, очень неровный, несмотря на всѣ приложенныя нами усилія. Стѣны тоже неровныя, постоянно осыпающіяся въ сухую погоду и сырыя въ дождь. Два деревянныхъ обрубка — вмѣсто стульевъ, грубо сколоченный изъ неотесанныхъ досокъ столъ, нѣсколько полокъ у стѣны—вотъ все убранство нашего жилища. Постелями намъ служатъ сухая трава и молодой мелкій камышъ, сваленные прямо на землѣ. Вмѣсто оконъ у насъ продѣланы небольшія четырехугольныя отверстія, всѣ съ одной стороны, съ подвѣтренной. По стѣнамъ висятъ ружья, охотничьи сумки, шкурки убитыхъ звѣрковъ, лассо съ камнями, или по-здѣшнему болеадоресъ, мачете—нѣчто въ родѣ большого, тяжелаго косаря, съ которымъ мы пробираемся въ лѣсной чащѣ, и рыболовныя снасти.

Неужели стѣны могутъ быть убраны красивѣе и богаче?

Но ужинъ готовъ. Лѣвша энергично требуетъ, чтобы я прекратилъ писать, и я уступаю.

Онъ накрываетъ на столъ, т. е. раскладываетъ на немъ старый, далеко не первой свѣжести № «La Prenz'ы», ставитъ двѣ металлическія эмальированныя тарелки и черезъ минуту сбрасываетъ на нихъ съ длинной камышевой трости по большому, жирному, со всѣхъ сторонъ обжаренному куску горячей чуть припахивающей дымкомъ козлятины.

А въ раскрытую дверь, т. е. въ отверстіе, предназначенное служить дверью, смотритъ все розовое небо, и торжественно въ глубокомъ безмолвіи сходитъ на землю ночь.

6-е января.

25-е декабря стараго стиля. Въ Россіи — день Рождества Христова. Бѣлая пушистая пелена покрываетъ землю, на сѣромъ, мглистомъ небѣ слабо мерцаютъ звѣзды, на улицахъ шумъ, веселая праздничная суета, въ окнахъ домовъ красуются пышно разубранныя, сіяющія огнями елки. Дѣти рѣзвятся и пляшутъ вокругъ нихъ въ наивномъ и миломъ восторгѣ, взрослые радуются на нихъ; и все оживлено, все ликуетъ, всюду виднѣются счастливыя лица, всюду слышатся поздравленія, поцѣлуи, привѣтныя рѣчи. Родные, знакомые всѣ тутъ въ великій день Рождества Христова, съ радостью и примиреніемъ въ сердцѣ.

Утромъ, вставъ, я поздравилъ Лѣвшу съ праздникомъ.

Онъ сначала удивился, а потомъ сказалъ:

— Ну, такъ, почтимъ же родину, Александръ Петровичъ, и будемъ праздновать сегодня.

И мы не стали работать. Мы отправились осматривать свою землю съ тѣмъ, чтобы намѣтить ея границы. Съ сѣвера у насъ была рѣка, которую, мы не знали, какъ зовутъ, съ востока лѣсъ. Это были, такъ сказать, естественныя границы. Съ юга и съ запада мѣсто было ровное, и мы сами поставили нѣсколько вѣхъ, чтобы потомъ обнести чакру аламброй.

Когда мы пришли домой, мы еле передвигали ноги отъ усталости, но чувствовали себя прекрасно. Чудныя картины природы съ ея лѣсами, потоками, ущельями, широкимъ просторомъ полей, залитыхъ солнцемъ, такъ и стояли передъ глазами.

— А тамъ теперь снѣгъ, — сказалъ Лѣвша, помогая мнѣ отвалить огромный камень, которымъ мы обыкновенно подпираемъ доски, заграждающія входъ въ наше жилище, если надолго и далеко уходимъ изъ дому.

Мы затопили печь и приготовили обѣдъ, за которымъ въ честь Рождества Христова выпили по рюмкѣ коньяку.

— Давайте-ка, зажжемъ елку, — сказалъ я, когда стемнѣло. — Вѣдь у насъ есть восковыя свѣчи. Вспомнимъ Россію.

— Ну, что елка!—возразилъ Лѣвша.—Елка, Александръ Петровичъ, штука не русская: ее нѣмцы придумали. Да и что намъ здѣсь елка, когда все кругомъ цвѣтетъ и зеленѣетъ? Лучше, знаете что? Склеимте-ка вертепъ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и со звѣздой? Я вѣдь хохолъ, такъ у насъ всегда ужъ на Рождествѣ сооружается вертепъ со звѣздой. А?

Я съ удовольствіемъ согласился, и мы принялись клеить вертепъ.

Полдня ушло у насъ на эту работу, и когда ужъ совсѣмъ стемнѣло,—это странное произведеніе искусства было готово. Мы торжественно поставили его на столъ посреди комнаты. Средину нашего бумажнаго дворца занимала глубокая арка, въ глубинѣ которой виднѣлись ясли, а по бокамъ были окна, заклеенныя папиросной бумагой, сквозь которую проникалъ свѣтъ зажженныхъ внутри свѣчекъ. А наверху красовалась огромная звѣзда, вырѣзанная изъ цинковаго листа, которая такъ и сверкала, освѣщаемая красноватымъ пламенемъ печки.

Мы такъ заняты были своей работой, что не замѣтили, какъ летѣло время, и не могли думать ни о чемъ другомъ.

Зато, кончивъ и налюбовавшись нашимъ сооруженіемъ, мы взглянули другъ на друга и невольно засмѣялись.

— Взрослые мы съ вами ребята, Андрей Семеновичъ!—сказалъ я, угадавъ его мысль.

Онъ вздохнулъ.

— Да, смѣшно, а вотъ подите же, есть во всѣхъ этихъ обрядахъ что-то чарующее и, какъ ни вертись, а свое родное все-таки дорого, и безъ него иной разъ и грустно. Родина, голубчикъ, родина! И какая бы она ни была, нѣтъ лучше ея для человѣка. Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.

Онъ поникъ головой и задумался.

У меня тоже заныло сердце.

И долго сидѣли мы съ нимъ одинокіе, заброшенные, грѣясь у печки и любуясь вертепомъ. Но свѣчи догорѣли, и онъ померкъ.

Только одна звѣзда еще сіяла надъ нимъ, но и она тускнѣла. Печка погасла, въ ней едва тлѣли уголья.

Пора спать. Кончился нашъ праздникъ. Завтра примемся опять за работу. Съ ней веселѣе.

18-е января. Удивительное сегодня случилось съ нами происшествіе! Съ утра мы отправились съ Андреемъ Семеновичемъ въ лѣсъ накопать дичковъ для сада, а потомъ, сложивъ ихъ на извѣстномъ намъ урочищѣ, мы пошли подальше въ чащу и скоро забрались въ такую глушь, что не будь съ нами мачете, намъ бы не выбраться. Боясь заблудиться, стали мы поговаривать о томъ, что пора повернуть назадъ, когда впереди почудился намъ дымъ, подымавшійся отъ земли. Несомнѣнно было, что пахнетъ гарью.

— Ужъ не лѣсной ли пожаръ?—сказалъ Лѣвша.

Но это былъ не пожаръ. Костеръ? Но кто, кромѣ насъ, могъ здѣсь разложить костеръ? Загадка скоро объяснилась. Неподалеку за исполинскимъ кебрачо (гигантскихъ размѣровъ пернамбукъ) мы дѣйствительно увидѣли костеръ. Очевидно тутъ были люди. Мы подошли ближе и открыли убѣжище семьи краснокожихъ, шалашъ, сложенный изъ камыша и сучьевъ и передъ нимъ воткнутое въ землю остріемъ чусо (копье) изъ бамбуковой палки, украшенное наверху страусовыми перьями.

— Индѣйцы!—указывая на чусо, сказалъ Лѣвша.

Признаюсь, близость индѣйцевъ произвела на меня не особенно пріятное впечатлѣніе.

Кое-какіе отрывки изъ читанныхъ мной еще въ юности романовъ Купера и Эмара воскресли въ моей памяти, и воображенію довольно живо предстали кровавые скальпы, грозные томагауки, свирѣпые военачальники съ ихъ неумолимой жестокостью къ бѣлымъ братьямъ и тому подобныя малоутѣшительныя подробности.

Межъ тѣмъ изъ шалаша показалась голова съ совершенно голымъ черепомъ, а за нею съ трудомъ выползъ старикъ индѣецъ и устремилъ на насъ любопытный и пытливый взоръ насторожившагося звѣря.

Лѣвша, изучавшій арауканское нарѣчіе, на которомъ говорятъ южные индѣйцы, хотя самое племя арауканцевъ, самое жестокое изъ индѣйскихъ племенъ, давно перебито безъ остатка, заговорилъ съ нимъ. Мѣдно-красное, съ густыми, сѣдыми треугольными бровями, безъ бороды и усовъ лицо дикаря выразило глубокое изумленіе, смѣшанное со страхомъ.

Но Лѣвша сумѣлъ успокоить его.

Старикъ отвѣтилъ ему и, сѣвъ на корточки, сталъ зажигать отъ кремня, который онъ вынулъ изъ-за широкаго кожанаго пояса, кусокъ сухого трута. На плечахъ его была накинута шкура гамы, прикрывавшая его нагое до пояса тѣло. Отъ пояса до колѣнъ висѣла другая шкура.

Онъ показалъ намъ на землю около себя и, быстро собравъ руками сухіе листья и сучья, моментально зажегъ ихъ.

Мы сѣли.

Я поневолѣ молчалъ, не зная арауканскаго нарѣчія. Но старикъ понемногу разговорился. Лицо его оживилось, въ потухшихъ глазахъ засвѣтилась мысль. Онъ разсказывалъ, указывая рукой то въ глубину лѣса, то на небо.

— Я спрашиваю его,—сказалъ мнѣ Лѣвша:—есть ли здѣсь дикіе звѣри. Онъ говоритъ, что нѣтъ, были раньше, очень давно, тигры, но перевелись, зато птицъ, говоритъ, очень много. У него есть два сына и дочь. Они сейчасъ придутъ. Онъ проситъ подождать ихъ.

Скоро явились и молодые индѣйцы. Это были два еще очень молодыхъ юноши, почти мальчики. Я полюбовался на ихъ строй-

ныя, точно вылитыя изъ темной бронзы тѣла, на сильныя мускулистыя руки, могучія груди и тонкія, точно стальныя ноги. Какъ и отецъ, они прикрывались звѣриными шкурами, но старшій слазилъ въ шалашъ и съ торжествомъ и гордостью показалъ намъ пару бамбачей-шароваръ и сказалъ, что бывалъ въ Равсонѣ. И онъ и братъ его знали немного по-испански.

Мы посидѣли еще немного и стали прощаться.

Но молодые сказали, что пойдутъ провожать насъ, и отправились за нами. Ими очевидно руководило любопытство.

Дорогой мы узнали отъ нихъ, что отца ихъ зовутъ Nahuél, Нагуэль—тигръ, старшаго Puñilhue (Пуньильгуэ)—желѣзо, а младшаго Chofu (Чофу)—небрежный, а сестру ихъ Пурковенъ—полная луна, и что она красива и легконога, какъ гама, что прежде у нихъ былъ тутъ на опушкѣ поселокъ, и ихъ было много, но весь родъ ихъ вымеръ, и остались только они, и теперь они ушли въ чащу лѣса и живутъ въ ямѣ, устланной звѣриными шкурами и прикрытой сверху шалашомъ.

Нашъ домъ привелъ ихъ въ восхищеніе.

Мы угостили ихъ асадой и мате. И то и другое они уничтожили съ жадностью и наслажденіемъ. На прощанье мы подарили имъ нѣсколько пустыхъ гильзъ и двѣ бутылки изъ-подъ каньи.

Они не знали, какъ благодарить насъ, кланялись, прижимали руку къ сердцу и ладонь лѣвой руки ко лбу и наконецъ ушли, сказавъ, что приведутъ сестру свою Пурковенъ, чтобы и она могла вкусно поѣсть и получить прекрасные подарки.

26-е января. Пуньильгуэ и Чофу явились сегодня и привели съ собой Пурковенъ. Это очень юная, лѣтъ шестнадцати не болѣе индіанка, пожалуй, дѣйствительно красивая, съ цѣлой гривой густыхъ черныхъ волосъ на головѣ, стройная, легкая, какъ серна, съ горящими глазами, породистымъ орлинымъ носомъ, а главное такими изящными, хоть и отчаянно грязными ручками и ножками, точно изваянными. На бедрахъ у нея надѣта была шкура гуанако на подобіе короткой, едва спускавшейся ниже колѣнъ юбки, а на плечахъ накинута страусовая шкурка, которая вмѣстѣ съ ожерельемъ изъ рыбьихъ зубовъ и раковинъ очевидно являлась въ ея глазахъ только предметомъ щегольства.

Мы угостили ее мате и сахаромъ, нѣсколько кусковъ котораго еще сохранилось у насъ, и надарили ей кучу мелкихъ вещей, иголокъ, нитокъ, пару запонокъ и нѣсколько старыхъ засалившихся галстуховъ, уцѣлѣвшихъ въ нашемъ гардеробѣ.

Ббльшую часть этихъ вещей она тутъ же напутала на себя, все время смѣясь отъ радости и сверкая своими великолѣпными бѣлыми зубами и, наконецъ, не зная, какъ выразить свою благодарность, подошла къ Лѣвшѣ и поцѣловала у него руку, что привело его въ большое смущеніе.

Меня она все время дичилась, но къ Лѣвшѣ относилась довѣрчиво и даже немножко кокетничала съ нимъ. Мнѣ она очень понравилась своей безыскусственной и наивной простотой.

30-е января. Пуньильгуэ и Чофу опять приходили. Правду сказать, мы всегда рады ихъ приходу. Какъ ни дики они, а у насъ много общихъ интересовъ. Наши занятія почти однѣ и тѣ же. Какъ они, мы или охотимся или ловимъ рыбу, или обжигаемъ уголья, и не только мы не можемъ ничему научить ихъ, по крайней мѣрѣ, для нихъ нужному, напротивъ, намъ приходится учиться у нихъ. Они заранѣе знаютъ, когда пойдетъ дождь и когда поднимется памперо (степной вѣтеръ). Имъ знакомы слѣды различныхъ животныхъ, обитающихъ въ этой мѣстности; они называютъ на своемъ языкѣ каждую невѣдомую намъ травку, никогда невиданный плодъ. Они могутъ бродить по всей этой пустынѣ, не боясь заблудиться, такъ хорошо умѣютъ они оріентироваться. Ихъ быстрыя ноги не знаютъ устали, ихъ пронзительные глаза изъ-подъ нависшихъ треугольныхъ бровей видятъ на такомъ разстояніи, на какомъ мы не видимъ ничего. И въ чащѣ таинственнаго лѣса, огромнаго, угрюмаго, чернаго, какъ ночь, имъ знакома каждая тропинка, и каждое дерево служитъ для нихъ примѣтой.

Сегодня я спросилъ Лѣвшу, не жалѣетъ ли онъ о томъ, что здѣсь мы не получаемъ писемъ.

Онъ покачалъ головой.

— Къ чему? О чемъ намъ переписываться, когда, встрѣтясь черезъ столько лѣтъ, мы даже не нашли, о чемъ поговорить другъ съ другомъ?

Мнѣ тоже неоткуда было ждать писемъ. Я самъ давно уже не писалъ въ Россію, но я былъ увѣренъ, что Вася непремѣнно напишетъ мнѣ въ Равсонъ до востребованія, а, можетъ быть, и Петровъ и даже, пожалуй, Кнопъ. Но Равсонъ отъ насъ, шутка сказать, въ четырехъ-стахъ километрахъ (380 верстъ).

6-е февраля, 22° по Цельзію. Въ продолженіе всего того времени, что мы устраивались, я только не надолго и изрѣдка засаживался за свой дневникъ. Зато Лѣвша аккуратнѣйшимъ образомъ отмѣчаетъ каждый день въ своей книжкѣ дождь, вѣтеръ, хорошую погоду и то, что было нами сдѣлано.

Онъ меня поражаетъ своею неукротимой энергіей и необыкновенной работоспособностью. Онъ встаетъ вмѣстѣ съ птицами и цѣлый день занятъ, что называется, не покладая рукъ. Даже во время обѣда и ужина онъ или записываетъ что нибудь, или подбираетъ свой гербарій. Часто на разсвѣтѣ онъ уходитъ на охоту и всегда возвращается съ полнымъ ягдташемъ. У него какая-то необыкновенная способность приноравливаться къ условіямъ и обстоятельствамъ и умѣніе во всемъ находить лучшую сторону. Несмотря на все мое желаніе, я напрасно стараюсь конкурировать

съ нимъ въ его кипучей дѣятельности и въ спокойно созерцательномъ отношеніи къ окружающимъ явленіямъ. То, что ему дается само собою, мной достигается только съ трудомъ и не сразу. И это начиная съ мелочей повседневной жизни. Надо ли развести костеръ въ сильный вѣтеръ, подстрѣлить на бѣгу гуанако, изжарить рыбу или птицу, устроить какое нибудь хозяйственное приспособленіе,—на все это онъ великій мастеръ. Иногда онъ съ добродушной улыбкой посматриваетъ на меня, когда я тружусь надъ разрѣшеніемъ какой нибудь трудной для меня задачи, и наконецъ приходитъ ко мнѣ на помощь.

Тѣмъ не менѣе я долженъ признаться, что я далеко не похожъ на изнѣженнаго европейца, и, оглядываясь на самого себя, я невольно изумляюсь той перемѣнѣ, которая произошла во мнѣ. Я могу безъ устали колоть дрова, носить воду, мять глину, исполнять такія работы, которыя прежде показались бы мнѣ непосильными.

И внутренній мой обликъ сталъ инымъ: я сталъ относиться къ жизни проще, моя душа переживаетъ періодъ сближенія съ природой и постепенно освобождается отъ всѣхъ тѣхъ путъ условностей, мелкихъ нуждъ и рабскихъ привычекъ, которыя налагаетъ на человѣка цивилизація. Несмотря на упорный физическій трудъ, на отсутствіе всего того, къ чему я привыкъ съ дѣтства, въ этой дикой жизни, на лонѣ прекрасной благодатной природы есть что-то плѣнительное и заманчивое. Меня уже не тянетъ въ городъ, я равнодушно отношусь ко всѣмъ его приманкамъ. Зато я научился восхищаться явленіями природы, съ восторгомъ встрѣчаю утреннюю зарю и подолгу задумчиво вглядываюсь въ необъятный лазоревый сводъ недосягаемо-высоко раскинувшагося надъ нашими головами неба. Я полюбилъ нашихъ животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя къ намъ привыкли и стали ручными. Особенно моею любовью пользуется молодой теро-теро. Я подстрѣлилъ его, но добить его мнѣ было жаль, и я принесъ его раненаго домой. Онъ скоро поправился и сталъ до того ручнымъ, что беретъ хлѣбъ и мясо у насъ изъ рукъ, а заслышавъ какой нибудь подозрительный шумъ или почуявъ опасность, громко начинаетъ выкрикивать свое теро-теро.

Наша самая трудная работа закончена. Домъ выстроенъ, колодецъ вырытъ, разведенъ огородъ и садъ. Ежедневныя хозяйственныя заботы, охота и рыбная ловля поглощаютъ около половины дня, остальное время мы посвящаемъ прогулкамъ, натуралистическимъ экскурсіямъ, ознакомленію съ мѣстностью и посѣщенію нашихъ добрыхъ дикарей. Особенно часто любитъ къ нимъ отправляться Лѣвша. Онъ бойко говоритъ съ нимъ по-араукански и является интереснымъ собесѣдникомъ для двухъ молодыхъ индѣйцевъ и ихъ сестры. Да и я сдѣлалъ успѣхи въ новомъ языкѣ и заучилъ множество словъ. Между прочимъ отъ индѣйцевъ узнали

мы, что рѣку, лежащую на сѣверѣ нашей чакры, они зовутъ Чулилао.

Благосостояніе наше растетъ не по днямъ, а по часамъ. У насъ много шкуръ гуанако, очень теплыхъ, мягкихъ и пушистыхъ, которыя могутъ служить прекрасными одѣялами, есть большой запасъ угля и топлива, на огородѣ начинаютъ поспѣвать овощи, но, что важнѣе всего, мы имѣемъ уже двѣсти головъ скота, барановъ и козъ. Это—главная доходная статья въ нашемъ хозяйствѣ. Не говоря уже о мясѣ и молочныхъ продуктахъ, скотъ представляетъ живой капиталъ. Онъ не требуетъ ни затратъ, ни ухода, пользуясь круглый годъ подножнымъ кормомъ, а между тѣмъ на саладеро, то-есть на большихъ бойняхъ, гдѣ скотъ бьютъ тысячами головъ, его всегда можно сбыть рубля по три, по четыре за голову. Скота же здѣсь такъ много, что его можно держать въ неограниченномъ количествѣ. Если же выждать время и припасти побольше скота для траперо-пастуховъ, которые спеціально занимаются закупкой скота для саладеро, — то безъ всякихъ затратъ съ сравнительно небольшимъ трудомъ можно реализовать крупную сумму. Но намъ еще необходимо завести лошадей, рабочихъ воловъ, засѣять маисомъ, пшеницей и альфальфой (люцерной) поле. Ни орудій, ни сѣмянъ у насъ нѣтъ, и мы серіозно начинаемъ поговаривать съ Лѣвшой о томъ, что кому нибудь изъ насъ придется съѣздить въ Равсонъ.

Кромѣ того, нужно купить аламбры, чтобы обнести чакру, хоть въ одну нитку, а это не малый расходъ, но мы постараемся не пренебрегать и деревянной изгородью, — пороху, пуль, — на нихъ у насъ большой спросъ, — и внести въ отдѣленіе эмиграціоннаго департамента послѣдній платежъ, а также представить отчетъ о томъ, что сдѣлано нами на нашей чакрѣ, и просить правительственной ревизіи, чтобы съ будущаго года земля окончательно была закрѣплена за нами.

Мечтаемъ мы еще оттуда привезти книгъ, въ которыхъ и я, и Лѣвша ощущаемъ большую потребность.

15-е февраля. 26° по Цельзію. Рѣшено: въ мартѣ я ѣду въ Равсонъ. Лѣвша занятъ составленіемъ отчета, — онъ лучше меня владѣетъ испанскимъ языкомъ,—а я реестра покупокъ.

Узнавъ, что я ѣду въ Равсонъ, Пуньильгуэ вызвался проводить меня туда и обратно.

Я съ радостью принялъ предложеніе молодого индѣйца, который очень можетъ мнѣ пригодиться въ дорогѣ.

— Вѣдь вы знаете, у меня есть для города бамбачи,—съ достоинствомъ сказалъ онъ.

Я долженъ былъ согласиться, что это не лишнее.

Маркъ Басанинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

XV.

Мое производство въ офицеры.—Обѣдъ въ Москвѣ, въ ресторанѣ Печкина.—Поѣздка въ деревню П—выхъ.—Подарокъ вахмистру Ильину за выѣздку «Брильянта».—Помѣщица Н. И. Курманалеева.—Семейство Карновичъ.—Іеромонахъ Пименъ.—Препровожденіе времени въ деревнѣ Н. И. Курманалеевой, гдѣ стоялъ мой эскадронъ.

НАСТАЛЪ сентябрь мѣсяцъ. Въ ночь съ 4-го на 5-е число, мой слуга, разбудивъ меня, подалъ записку, присланную отъ полкового адъютанта съ нарочнымъ и съ надписью «весьма нужное».

Записка была лаконична, но очень знаменательна. Альбертъ писалъ: «Поздравляю корнетомъ. Сейчасъ полученъ приказъ».

Съ производствомъ въ офицеры, начался для меня новый періодъ жизни. «Возрастъ зрѣлости» и начало этой зрѣлости были ознаменованы «малодушіемъ и школьнической выходкой», какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Получивъ записку Альберта, я, понятно, не могъ сомкнуть глазъ остальную часть ночи и съ нетерпѣніемъ ждалъ утра. Объявивъ Кондратенкѣ свою радость, я отправился въ Москву экипироваться.

Тогда же кончились маневры, и полкъ возвратился въ Коломенскій уѣздъ на зимнія квартиры. Отпустивъ съ эскадрономъ людей своихъ и лошадей съ ненужными вещами, я переѣхалъ къ моему доброму дѣду въ Москву.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIV, стр. 480.

Въ Москвѣ я безпрестанно ѣздилъ къ портному, торопя его скорѣе кончить заказы. Наконецъ, все было готово, и я, облекшись въ офицерскую форму, поѣхалъ къ начальнику дивизіи, сколько по обязанности службы, столько же и по чувству благодарности за его содѣйствіе къ моему производству безъ тѣхъ формальностей, которыя налагали установленныя для того правила.

Впопыхахъ отъ радости я забылъ привязать темлякъ на саблю. Олферьевъ, съ снисходительной улыбкой замѣтилъ мнѣ такое отступленіе отъ формы, понимая очень хорошо причину, оное породившую. Отъ начальника дивизіи я въ экипажѣ моего дѣда, коляскѣ, съ четверней саврасыхъ лошадей, бывшихъ тогда въ большой модѣ, запряженныхъ съ уносными и съ форейторомъ, велѣлъ кучеру ѣхать по тѣмъ улицамъ, гдѣ зналъ, что найду больше «часовыхъ», и зорко слѣдилъ за ними, чтобы мнѣ была отдаваема «честь». На мое счастье, былъ ясный, солнечный день, и я, небрежно развалясь въ коляскѣ, поднявъ плечи, любовался своей тѣнью. Эполеты, прикрытые шинелью, на тѣни казались «густыми». Я мечталъ видѣть себя фельдмаршаломъ... Вечеромъ въ первый разъ посѣтилъ большой театръ. Давали оперу «Аскольдова могила», привлекшую значительную часть лучшей публики. Мнѣ въ моемъ ослѣпленіи казалось, что всѣ зрители, всѣ актрисы, только и смотрѣли на меня одного, любовались мной. Дѣйствительно я могъ обратить на себя вниманіе: головой, остриженной подъ гребенку, какъ требовалось отъ юнкеровъ, всей своей одеждой и эполетами, всѣмъ, что называется, «съ иголочки», еще болѣе своимъ вертлявымъ положеніемъ; я ни минуты не оставался спокойнымъ въ креслѣ, при чемъ какъ бы нечаянно опускалъ саблю и тѣмъ стучалъ немилосердно. Какое тогда мнѣ было дѣло, что развлекалъ собой вниманіе публики? Меня замѣтили, и довольно.

Да, тогда я переживалъ счастливые часы моей жизни. Довольство собой выражалось во всемъ на мнѣ яркими чертами. Въ тѣ блаженныя минуты я кованные, мишурные эполеты свои съ одной звѣздочкой не промѣналъ бы ни на какія блага, богатства жизни... Мое малодушіе было мнѣ извинительно; прошло еще много такихъ дней, пока я отрезвился отъ своей радости, могъ остановиться отъ школьныхъ выходокъ, находясь подъ вліяніемъ обаянія «первыхъ эполетъ».

Одна изъ школьныхъ выходокъ между прочими проявилась за обѣдомъ въ трактирѣ Печкина. Тогда Печкинъ въ Москвѣ былъ то же, что Палкинъ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ со мной былъ произведенъ въ офицеры юнкеръ Барщевъ въ Одесскій уланскій полкъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Москвы мы уговорились свидѣться въ послѣдній разъ, за обѣдомъ, у Печкина и тамъ проститься. Въ назначенный день мы не преминули явиться на условленное свиданіе и, занявъ особый столикъ, спросили обѣдъ. Рядомъ стоящій

съ нами столикъ былъ занятъ незнакомымъ намъ пѣхотнымъ офицеромъ, казначеемъ полка, оставшимся въ Москвѣ, какъ мы узнали изъ его разговоровъ, для пріема вещей изъ комиссіи. Пѣхотинецъ потребовалъ бутылку шампанскаго и предложилъ намъ выпить налитые бокалы. Чтобы понять дальнѣйшую сцену, надо сказать, что какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи существовалъ въ то время (да, кажется, и теперь) какой-то антагонизмъ между кавалеристами и пѣхотинцами; антагонизмъ этотъ поддерживался и между солдатами. То не была вражда, но какое-то недоброжелательство, порождаемое завистью со стороны пѣхотинца и какъ бы пренебреженіемъ къ послѣднему кавалериста.

Сколько разъ бывало въ дождливое время, возвращаясь съ общихъ маневровъ и обгоняя пѣхоту, кричали: «пѣхота, не пылить!»— тогда какъ пѣхота вязла въ грязи, съ трудомъ вытаскивая изъ нея ноги. На это всегда получали въ отвѣтъ какое-то татарское прозвище: «Талагая».

Предложеніе пѣхотинца распить съ нимъ бутылку шампанскаго задѣло насъ «за живое». Переглянувшись съ Барщевымъ и подмигнувъ ему, я отвѣтилъ:

— Благодарю васъ! Мы не пьемъ шампанскаго.

— Ну, такъ водочки!

— И того менѣе.

— Какъ не пьете? Какіе же вы послѣ того кавалеристы?

Вмѣсто отвѣта я, обратясь къ прислуживавшему намъ «половому», потребовалъ бутылку шампанскаго.

При моемъ требованіи пѣхотинецъ продолжалъ:

— Если не пьете шампанскаго, зачѣмъ же его требуете?

— Повторяю вамъ, мы не пьемъ шампанскаго,—при чемъ на словѣ «не пьемъ» сдѣлалъ удареніе, какъ бы подчеркнулъ его.

Офицеръ продолжалъ:

— На кой же чортъ вамъ оно?

— Имѣйте терпѣнье, и вы увидите.

— Ничего не понимаю,—бормоталъ пѣхотинецъ, не совсѣмъ свободно владѣя языкомъ, и смотрѣлъ на насъ осоловѣлыми отъ вина глазами.

Когда мы кончили нашъ обѣдъ, я засучилъ обшлагъ у сюртука и, держа руки надъ тарелкой, приказалъ половому лить на нихъ принесенное шампанское, при чемъ дѣлалъ движенье, какъ бы мылъ руки. Барщевъ послѣдовалъ моему примѣру; оставшееся вино отдали прислуживавшему намъ человѣку.

Окончивъ «умовеніе», я обратился къ пѣхотинцу, вытаращившему глаза и съ изумленіемъ смотрѣвшему на нашу продѣлку, и сказалъ:

— Теперь вы видите, что я не обманулъ васъ. Мы не пьемъ шампанскаго, а моемъ имъ руки.

— Мо-лодцы!—гаркнулъ мнѣ въ отвѣтъ пѣхотинецъ и, вставъ изъ-за стола, нетвердой поступью вышелъ изъ комнаты. По уходѣ его, мы отъ души хохотали по поводу урока, даннаго пѣхотинцу, за его дерзкое, по нашему мнѣнію, предложеніе. Въ нашемъ смѣхѣ принялъ участіе и половой, понявъ, кажется, причину нашей выходки, которая намъ стоила правда лишнихъ десять рублей (ассигнаціями по догдашнему счету); но что для насъ значили десять рублей, когда мы такъ блестяще поддержали достоинство кавалериста?..

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Москвѣ, я въ глубокую осень, подъ мелкимъ дождемъ, на почтовой перекладной телѣжкѣ, отправился въ Коломну, гдѣ по пріѣздѣ остановился у Альберта, которому обязанъ былъ благодарностью за его извѣщеніе о производствѣ меня въ офицеры. У него я нашелъ объявленіе о полученіи на мое имя на почтѣ денегъ изъ Казани. Отецъ предвидя, что «молодому» офицеру потребуются лишніе расходы, прислалъ мнѣ не взачетъ полную треть (500 р. ассигнаціями) опредѣленнаго мнѣ содержанія. Присылка денегъ пришлась какъ нельзя кстати; изъ данныхъ на обмундировку 200 р. ассигнаціями оставалось у меня очень немного. Кромѣ нужнаго, я много истратилъ на пустыя прихоти и лакомства. Отъ Альберта я узналъ, что назначенъ въ тотъ же 8-й эскадронъ командиромъ 2-го взвода, въ которомъ состоялъ юнкеромъ. Явившись къ полковнику, я въ тотъ же день послѣ обѣда отправился въ первый разъ къ Вѣрочкѣ П—ой, въ имѣніе ея отца, сельцо Юренево, отстоявшее въ 18-ти верстахъ отъ Коломны.

Вѣрочка мнѣ очень обрадовалась. Зная о моемъ производствѣ въ офицеры, нетерпѣливо желала меня видѣть, пеняла, что такъ долго оставался въ Москвѣ. Когда мы остались одни, она сказала, что теперь, офицеромъ, я сталъ менѣе походить на ея брата. На мой спросъ: «не проигралъ ли я въ ея глазахъ отъ потери сходства?»—она, потупивъ глаза и вся вспыхнувъ, молча протянула мнѣ свою руку, которую я поцѣловалъ въ первый еще разъ. Такое движеніе съ обѣихъ сторонъ было краснорѣчивѣе всякихъ словъ!..

Узнавъ, что я буду квартировать отъ ихъ деревни верстахъ въ сорока, она было пригорюнилась, но, получивъ мое обѣщаніе посѣщать ихъ какъ можно чаще, повеселѣла, наградивъ меня пріятной улыбкой. Прогостивъ у нихъ три дня, я получилъ отъ нея обѣщаніе на всѣхъ танцовальныхъ вечерахъ, гдѣ бы мы ни встрѣтились, первую кадриль и мазурку танцовать со мной.

Возвратясь въ Коломну, я неожиданно встрѣтилъ вахмистра Ильина. Узнавъ, что онъ получилъ «чистую» отставку, пригласилъ его къ себѣ на квартиру, гдѣ, поблагодаривъ за выѣздку «Бри-

льянта», далъ ему 150 р. ассигнаціями, не считая полученныхъ имъ прежде въ разное время. Ильинъ остался очень доволенъ, не разсчитывая, повидимому, на такое щедрое вознагражденіе.

На другой день рано утромъ я отправился въ мѣсто расположенія моего взвода, сельцо Кривякино, въ 22-хъ верстахъ отъ Коломны. По пріѣздѣ на мѣсто расположился въ отведенной мнѣ крестьянской избѣ. Отдохнувъ немного, я переодѣлся и отправился къ владѣлицѣ имѣнія, вдовѣ генерала Курманалеева, Надеждѣ Ивановнѣ. Старушка приняла меня очень ласково; тотчасъ же предложила мнѣ занять комнату внизу своего двухъэтажнаго дома и сама распорядилась, пока я оставался у нихъ, чтобы вещи мои и люди были переведены въ мое новое помѣщеніе.

Съ старушкой жило семейство ея племянника, Гаврилы Степановича Карновича. Самъ Карновичъ былъ въ то время въ Москвѣ, гдѣ хлопоталъ объ отдѣлкѣ дома, близъ Сухаревой башни, а жена его, два сына и три дочери, всѣ еще малолѣтніе, оставались въ деревнѣ. Жена Карновича, Любовь Алексѣевна, урожденная Горяинова, была женщина въ цвѣтѣ лѣтъ, замѣчательной красоты, врожденной впрочемъ въ ихъ родѣ. Братъ ея Борисъ, проживая въ Парижѣ, наружностью своею далъ французамъ поводъ изъ своего имени сдѣлать каламбуръ. Они его прозвали: Beau russe! Старшая сестра, Вѣра, была замужемъ за извѣстнымъ декабристомъ, полковникомъ Муравьевымъ.

При дѣтяхъ Карновича находились гувернантки: нѣмка и англичанка. Кромѣ того, въ домѣ жили: іеромонахъ, отецъ Пименъ, такъ какъ Курманалеева имѣла свою домовую церковь, и какой-то полу-идіотъ семинаристъ, призрѣнный изъ сожалѣнія къ его немощному состоянію. Онъ былъ извѣстенъ по своему отчеству «Кирилычъ», настоящаго имени его я никогда не зналъ.

Такое семейство для меня было счастливой находкой. Болѣе восьми мѣсяцевъ прошло съ того времени, какъ я оставилъ родительскій домъ и проживалъ или съ военной молодежью, или одинъ въ крестьянской избѣ. Теперь я нашелъ семью изъ лучшаго московскаго круга, состоящую изъ людей добрыхъ, образованныхъ, молодыхъ, которые могли служить мнѣ образцомъ хорошаго, приличнаго тона и спасти меня отъ той «грязной» сферы, въ которой прочіе офицеры, менѣе меня счастливые въ выборѣ людей, должны были поневолѣ вращаться.

Старушка Курманалеева, видя меня такимъ молоденькимъ,—по наружности, казалось, мнѣ не болѣе 15-ти лѣтъ, — обращалась со мной, какъ бы со своимъ любимымъ внукомъ, лаской и вниманіемъ предупреждала мои желанія, окружила меня родственной заботой, самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Глубоко цѣня такую къ себѣ любовь, я съ своей стороны старался угождать ея вкусамъ и привычкамъ и поведеніемъ своимъ быть достойнымъ ея расположе-

нія. Старушка, религіозная въ душѣ, не пропускала ни одной Божественной службы, посѣщала каждую всенощную и обѣдню. Я всегда провожалъ ее въ церковь, ведя подъ руку; тѣмъ же порядкомъ мы возвращались въ ея комнату. Вначалѣ усердіе мое простиралось до того, что я «отстаивалъ» всю всенощную, но скоро, каюсь, потерялъ терпѣнье и уходилъ изъ церкви, лишь только доводилъ Надежду Ивановну до ея мѣста. Къ концу службы являлся къ исполненію своей обязанности «проводника» и, какъ ни въ чемъ не бывало, важно велъ ее подъ руку обратно въ домъ. Добрая старушка, всегда усердно и не оглядываясь молившаяся, видя меня на своемъ мѣстѣ, и не подозрѣвала, что я оставлялъ церковь, хвалила въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ мое благочестіе, столь рѣдкое въ моихъ молодыхъ лѣтахъ. Я краснѣлъ и молча выслушивалъ незаслуженныя себѣ похвалы. Въ ослѣпленіи своемъ къ моимъ достоинствамъ, она мою краску «стыда» принимала за краску «скромности», и похваламъ ея не было конца. Никто изъ семьи ея, по добротѣ своей, не старался разочаровывать ее на мой счетъ, хотя очень хорошо всѣ видѣли и знали мои продѣлки. Конецъ концовъ былъ тотъ, что старушка сильно привязалась ко мнѣ и не чаяла, во мнѣ, что называется, души. Такая привязанность послужила отцу Пимену поводомъ къ весьма грубой выходкѣ.

За обѣденнымъ столомъ отецъ Пименъ всегда помѣщался рядомъ съ Надеждой Ивановной, по лѣвую сторону. При появленіи моемъ въ домѣ, старушка скоро предложила мнѣ занять это мѣсто, и Пименъ долженъ былъ избрать себѣ другое, на дальнемъ концѣ стола. Полагая, что преимущество это мнѣ оказано только на первое время, отецъ Пименъ молчалъ; но видя, что я окончательно завладѣлъ его мѣстомъ, началъ злиться и досадовать и на Надежду Ивановну и на меня. Чувство зависти — смертный грѣхъ, и, казалось бы, менѣе всего должно быть присуще монаху. Вышло наоборотъ.

Однажды мы всѣ сидѣли за обѣдомъ.

Разговоръ, всегда оживленный, какъ-то оборвался. Отецъ Пименъ, давно, повидимому, стороживший подобную минуту, чтобы слова его не были заглушены какимъ постороннимъ звукомъ, своимъ твердымъ голосомъ, съ разстановкой, какъ бы отчеканивая каждое слово, съ своего дальняго конца стола, обратившись къ Надеждѣ Ивановнѣ, сказалъ:

— Матушка, Надежда Ивановна!

— Что, отецъ Пименъ?

— Что я тѣ-съ скажу!

— Скажи.

— Смотрю я на тебя, да и думаю: вотъ была ты «твое превосходительство», а теперь будешь «твое благородіе», — намекая тѣмъ, что старушка какъ бы намѣревается выйти за меня замужъ.

Всѣ поняли намекъ и громко разсмѣялись, но почтенная старушка обидѣлась не на шутку: крестя Пимена по воздуху рукой, она своимъ тихимъ, обычнымъ голосомъ проговорила:

— Что ты, что ты, отецъ Пименъ! Перекрестись! На тебѣ дьявольское навожденіе! Христосъ съ тобой!

Въ тотъ же вечеръ Пименъ получилъ достойное наказаніе за свою неумѣстную выходку.

Чтобы понять все неприличіе его выраженія и безтактность, надо сказать, что отецъ Пименъ служилъ типомъ большинства нашихъ монаховъ, т. е., не получилъ никакого образованія, былъ грубъ и не стѣснялся въ своихъ словахъ, и имѣлъ одно достоинство, впрочемъ рѣдкое въ монастырскомъ быту, — велъ трезвую жизнь.

Дни мои въ Кривякинѣ обыкновенно я проводилъ такъ: утромъ, за чаемъ, принималъ словесный рапортъ вахмистра Вещева, заступившаго мѣсто Ильина, который, говоря обычную фразу: «господинъ корнетъ, при ввводѣ все обстоитъ благополучно!» иногда добавлялъ: или лошадь въ стойлѣ зашибла ногу, или солдатъ, напившись пьянъ, упалъ и расшибся и т. п. А между тѣмъ, во всѣхъ неблагопріятныхъ случаяхъ, начиналъ рапортъ свой неизмѣнными словами: «все обстоитъ благополучно!» Такова была «рутина» военной службы, и никто не замѣчалъ всей несообразности подобныхъ донесеній, гдѣ слова явно противорѣчили событію.

Вмѣстѣ съ вахмистромъ я отправлялся на конюшню, обходилъ лошадей, иногда смотрѣлъ «одиночную» ѣзду уланъ. Между тѣмъ, мнѣ сѣдлали «Брильянта» или казенную лошадь, по моему указанію, приходилъ въ манежъ, садился на подведенную лошадь и ѣздилъ верхомъ. Проѣздивъ часъ, иногда и болѣе, приходилъ наверхъ, къ моимъ добрымъ хозяевамъ, гдѣ ожидалъ меня сытый завтракъ, и оставался у нихъ до обѣда, проводя время или въ разговорахъ, или въ чтеніи старушкѣ назидательныхъ книгъ, болѣе духовнаго содержанія. Послѣ обѣда старушка уходила въ свою спальню на отдыхъ, а я спускался къ себѣ внизъ и принимался за свою «Библіотеку для Чтенія» или бралъ книги у Карновича. Къ вечернему чаю снова являлся наверхъ; тамъ уже заставалъ всю семью въ полномъ сборѣ: дѣти кончали свои уроки и сходились къ общему столу. Напившись чаю, вечеръ оканчивали играми, преимущественно, «жмурками».

Игра «въ жмурки» слишкомъ извѣстна, чтобы ее описывать. Одному изъ играющихъ, по жребію, завязывали платкомъ глаза такъ, чтобы онъ ничего не могъ видѣть, и онъ долженъ ловить другихъ. Пойманный имъ замѣнялъ его мѣсто. Но мы придумали новый способъ, варьировавшій обыкновенныя жмурки.

Въ вечеръ того дня, когда отецъ Пименъ отпустилъ «свою пошлость», что Надежда Ивановна собирается выйти за меня за-

мужъ, я предложилъ къ игрѣ въ жмурки присоединить еще жгуты, т. е., до ловящаго другихъ прикасаться не пальцами, какъ было до того, но легкимъ ударомъ свитаго изъ полотенца жгута. Всѣ съ радостью согласились, въ томъ числѣ и самъ отецъ Пименъ, никакъ не подозрѣвая, что цѣлью моей выдумки долженъ былъ служить самъ. Передъ началомъ игры всѣ мы, мужчины, сняли, по обыкновенію, сапоги, чтобы не слышно было нашихъ шаговъ, и остались въ однихъ носкахъ. Отецъ Пименъ тоже бѣгалъ съ нами, въ шерстяныхъ чулкахъ. Жребій выпалъ на его долю ловить другихъ. Завязавъ ему крѣпко глаза и поставивъ на средину залы, мы отошли къ стѣнѣ, и игра началась! Жгутъ свой я приготовилъ изъ личного полотенца, предварительно смочивъ его водой. Подкравшись неслышно къ отцу Пимену, я со всего размаха ударилъ его по крыльцамъ своимъ жгутомъ. Ударъ пришелся плотно и очень чувствительно, такъ какъ монахъ былъ въ одномъ только нанковомъ подрясникѣ. Мой отецъ Пименъ на этотъ разъ только крякнулъ отъ боли. Но когда я вторично изловчился нанести ему ударъ чувствительнѣе прежняго, онъ не выдержалъ: скинувъ повязку съ глазъ и разсердившись, пересталъ играть и ушелъ въ свою комнату. Прочіе участвующіе поняли, что въ поступкѣ моемъ заключался урокъ и наказаніе за оскорбленіе Надежды Ивановны глупымъ предположеніемъ. Отецъ Пименъ дулся на меня, догадавшись, что удары мои были не случайные, и долго не соглашался принимать участія въ нашихъ вечернихъ играхъ, но скука взяла свое, и онъ согласился на жмурки, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ не сопровождать этой игры ударами жгута. Мы охотно согласились, такъ какъ цѣль жгутовъ была вполнѣ достигнута, и онъ понесъ чувствительное наказаніе за свою глупость.

Живя въ домѣ Н. И. Курманалеевой, я испыталъ на себѣ все благотворное вліяніе доброй, благочестивой семьи.

По первому санному пути я отправился къ Вѣрочкѣ въ Юренево. Меня давно ожидали и весело встрѣтили. Между тѣмъ въ Коломну прибылъ новый командиръ полка, флигель-адъютантъ, полковникъ, свѣтлѣйшій князь А. К. Ливенъ; снова устроились танцовальные вечера, и мы подъ звуки трубъ весело выплясывали! Молодость брала свое! Вѣрочка переѣхала съ матерью въ городъ, постоянно была окружена толпой поклонниковъ своей красоты; но я былъ совершенно покоенъ, зная, что сердце ея нераздѣльно принадлежитъ мнѣ, и что никакія ухаживанья не помогутъ затмить меня въ ея привязанности. Но она ревновала меня къ другимъ и часто горько жаловалась на мою мнимую вѣтреность...

Такъ шло для меня время въ разъѣздахъ изъ Кривякина въ Коломну и обратно до весны.

Съ наступленіемъ весны эскадронъ, по обычному порядку, вступилъ на «кампаментъ», и я простился съ доброй, почтенной На-

деждой Ивановной и ея уважаемой семьей. Благодарность къ нимъ вѣчно останется въ душѣ моей.

По приходѣ въ Коломну, случилось со мной происшествіе, едва не стоившее мнѣ всей моей будущности, какъ о томъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

XVI.

Ротмистръ Носовичъ. — Его ухаживанія за Вѣрочкой П—ой. — Моя ссора съ Носовичемъ и вызовъ его на дуэль. — Мои мысли о дуэляхъ. — Секунданты: Лесли и Ганкевичъ. — Докторъ Краснопольскій. — Дуэль и ея благополучный исходъ. — Дружба ко мнѣ Лесли.

Ротмистръ Носовичъ, котораго судьба какъ бы съ намѣреніемъ показала мнѣ первымъ въ облакахъ табачнаго дыма, на квартирѣ Стойделя, въ с. Красная-Пахра, тоже влюбленъ былъ въ Вѣрочку и, вѣроятно, имѣлъ на нее, что называется, «серьезные виды», т. е. думалъ на ней жениться. Предположеніе мое основываю на томъ понятіи, что въ его лѣта и положеніи (онъ былъ уже ротмистромъ и командовалъ эскадрономъ) не довольствуются только тѣмъ, чтобы любоваться прекраснымъ цвѣткомъ, подобно мнѣ, но желаютъ сорвать его и обладать имъ.

Носовичъ, страшно самолюбивый, думавшій, что ему только стоитъ бросить ласковый взглядъ на женщину, чтобы ее совершенно покорить себѣ, былъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто, когда видѣлъ, что всѣ его старанія и ухаживанія за Вѣрочкой остаются напрасными, и что счастливый его соперникъ—я.

Впослѣдствіи я почти каялся, что привязанностью своей мѣшалъ ему. Вѣрочка, не видя отъ меня взаимности, можетъ быть, вышла бы за него замужъ и была бы ему хорошей женой, почемъ знать: можетъ быть, оба были бы счастливы своей супружеской жизнью, скрѣпили бы себя дѣтьми и изжили бы свой вѣкъ, какъ живутъ многіе. Но медаль эта имѣетъ и оборотную сторону. По природѣ фаталистъ, я вѣрю убѣжденію: «что ни дѣлается, все къ лучшему!» я могу думать, что прозорливое Провидѣніе, для котораго наше будущее не составляетъ тайны, можетъ быть, не безъ умысла, поставило меня препятствіемъ на дорогѣ Носовича, чтобы разстроить его планы и тѣмъ обоихъ ихъ сохранить отъ тѣхъ несчастій, которыя готовила имъ ихъ супружская жизнь! Естественно, что такая философія не могла умѣститься въ моей беззаботной, 19-ти лѣтней головѣ, еще не искусившейся въ опытѣ жизни, не усвоившей себѣ никакихъ положительныхъ убѣжденій. Я дѣйствовалъ безсознательно, что называется, «очертя голову», слѣдуя влеченію своего любящаго сердца.

При той обстановкѣ, которая окружала меня, при тѣхъ средствахъ, которыми обладалъ я, конечно, мнѣ было не до разсужденій и изысканій истинъ и философской оцѣнки моихъ поступковъ и дѣйствій. Вообще, въ то время не я одинъ, а вся молодежь, подобно мнѣ, жила только жизнію настоящаго, довольствовалась тѣмъ, что попадалось подъ руку, и сперва дѣйствовала, а потомъ уже разсуждала! Правило—прескверное, ведшее къ большимъ иногда ничѣмъ неисправимымъ ошибкамъ. Мы и дѣлали ошибки! Часто получали отъ судьбы уроки за наше неблагоразуміе, но все скоро забывали въ наплывѣ новыхъ ощущеній и новыхъ ударовъ...

Вѣрочка П—ва, кокетливая по природѣ, обладала притомъ насмѣшливо-колкимъ умомъ.

Видя ухаживанье за собой Носовича, она часто дѣлала его смѣшнымъ въ глазахъ прочихъ офицеровъ, дурачила его, вызывала на разные поступки, несообразные съ его лѣтами и положеніемъ, и все это для того, чтобы послѣ надъ нимъ же надсмѣяться, и Носовичъ дѣлался на нѣкоторое время предметомъ посмѣшища и глумленія прочихъ офицеровъ. Признаюсь, я много содѣйствовалъ Вѣрочкѣ въ ея обращеніи съ Носовичемъ.

Носовичъ долго крѣпился, долго не оставлялъ своими преслѣдованіями Вѣрочки. Можетъ быть, онъ дѣйствительно такъ былъ въ нее влюбленъ, что не замѣчалъ ея насмѣшекъ; а, можетъ быть, и то, что по свойству всѣхъ излишне самолюбивыхъ людей былъ настолько нравственно слѣпъ, что не видалъ ничего около него происходящаго. Наконецъ, послѣ одной, очень злой съ нимъ выходки Вѣрочки повязка спала съ его глазъ. Онъ увидѣлъ наконецъ и понялъ, что былъ только игрушкой въ рукахъ молоденькой дѣвушки и, какъ всѣ самолюбивые люди, уязвленные въ своей чрезмѣрной увѣренности, впалъ въ противоположную крайность, т. е. возненавидѣлъ П—ву. Конечно, такая реакція не обошлась ему даромъ, но стоила большихъ усилій и борбы съ самимъ собой. Ненависть его была недостойна благороднаго человѣка: она была обращена противъ существа, которое, кромѣ красоты, не могло противопоставить ему никакого отпора; но онъ разсчитывалъ безъ моего вмѣшательства...

Месть его начала проявляться тѣмъ, что онъ позволилъ себѣ дурно отзываться о П—вой, при чемъ, какъ умный человѣкъ, не щадя ея, въ своихъ насмѣшкахъ не щадилъ и себя.

Давно доходили до меня слухи о его невыгодныхъ отзывахъ о Вѣрочкѣ и обо мнѣ; но я принималъ ихъ легко, первый смѣялся надъ слабостью своего противника. По странному свойству нашихъ впечатлѣній въ молодые годы, всякая злая шутка, всякое неосторожное слово, сказанныя въ наше отсутствіе, принимаются легко, не такъ сильно задѣваютъ наше самолюбіе, какъ высказанныя прямо въ глаза; въ первомъ случаѣ иногда посмѣешься и только въ по-

слѣднемъ часто отплачиваешь кровью, иногда жизнію. Такъ было и со мной.

Однажды, въ началѣ мая, когда полкъ былъ собранъ на «кампаментъ», я зашелъ по какому-то дѣлу къ полковому адъютанту, И. И. Альберту. Почти вслѣдъ за мной явился туда же и Носовичъ, по изворотливости своего ума весьма тонко и издалека навелъ разговоръ на П—ву, къ которому онъ, вѣроятно, давно готовился, и, завладѣвъ своей желанной темой, началъ острить и подтрунивать надо мной, желая тѣмъ задѣть меня, вывести изъ терпѣнія и вызвать на какую нибудь дерзость. Я тотчасъ понялъ цѣль его нападокъ, принялъ свои мѣры, и пока рѣчь шла только обо мнѣ, отшучивался, сколько могъ и насколько хватало во мнѣ и умѣнья и хладнокровія. Владѣя собой, я имѣлъ видимое преимущество надъ своимъ противникомъ. Носовичъ горячился, путался въ словахъ, онъ, говорившій всегда такъ краснорѣчиво, что было пріятно его слушать, умѣвшій самое пустое, повидимому, ничтожное обстоятельство или случай разсказать такъ увлекательно, что при сознаніи пустоты содержанія разсказа слушаешь его съ удовольствіемъ, отъ умѣнья его хорошо излагать. На этотъ разъ Носовичъ совершенно растерялся, былъ неузнаваемъ. Плотина хладнокровія, сдержанная дотолѣ приличіемъ и обдуманностью въ словахъ, прорвалась. Видя, что я владѣю собою и ловко отбиваюсь его же оружіемъ, онъ принялъ другую систему: началъ дурно отзываться о П—вой. Потокъ самыхъ пошлыхъ, самыхъ циническихъ насмѣшекъ полился на Вѣрочку. Тогда я не выдержалъ болѣе, разгорячился въ свою очередь и тѣмъ потерялъ почву, на которой подвизался доселѣ и съ такимъ успѣховъ. Врагъ получилъ перевѣсъ надо мной... Кончилось тѣмъ, что П—ва отошла на второй планъ, и мы остались оба бойца лицомъ къ лицу; я наговорилъ дерзостей Носовичу. Оба мы не скупились на крупныя слова. Вмѣшательство Альберта, желавшаго примирить насъ, еще болѣе пришпоривало насъ, и мы разстались съ душевными желаніями, какъ можно скорѣе разможжить другъ другу черепъ, положившись въ томъ на судьбу! Кому-то жребій въ томъ поможетъ?

Я стоялъ на квартирѣ вмѣстѣ съ поручикомъ Н. С. Лесли, съ которымъ былъ очень друженъ.

Возвратившись домой, я разсказалъ ему обо всемъ, происшедшемъ между мной и Носовичемъ. Лесли, осудивъ во мнѣ неумѣстную, по его мнѣнію, горячность, не менѣе того, весьма охотно вызвался быть моимъ секундантомъ.

Съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ,— онъ былъ среднихъ лѣтъ, лѣтъ 30-ти, если не болѣе,—онъ сказалъ:

— Ну, теперь дѣло не въ томъ, чтобы читать морали, да ты ихъ и слушать не будешь, а въ томъ, чтобы уладить все безъ малѣйшей огласки.

— Да. Надо дѣйствовать скорѣе, чтобы слухъ не дошелъ до полковника. Тогда выйдетъ скверно! Впрочемъ, съ этой стороны я себя обезпечилъ сколько могъ! Альбертъ далъ честное слово: никому не говорить о происшедшемъ, только чтобы его не вмѣшивали въ эту исторію. Альберта я считаю честнымъ человѣкомъ!

— Какія же твои условія дуэли?

— Полагаюсь совершенно на тебя. Дѣйствуй по полному моему уполномочію! Какъ уговоришься, такъ и будетъ. Надо за дѣло приниматься скорѣе, чтобы не вышло шума изъ-за пустяковъ, чтобы не сдѣлаться посмѣшищемъ. Не надо было начинать, а разъ начавъ—смѣшно не кончить.

— Сейчасъ иду къ Носовичу и узнаю, кто его секундантъ.

Лесли ушелъ, и я остался одинъ съ своими думами... съ своими невеселыми ожиданіями будущаго!!!...

Приступая къ составленію моихъ записокъ, я далъ слово не скрывать въ себѣ ни дурныхъ, ни хорошихъ своихъ качествъ, ни дѣйствій, ни помысловъ. Записки мои предназначаются моему ближайшему потомству, т. е. людямъ, мнѣ не чуждымъ, которыхъ я люблю душевно, а «кто много любитъ, тому многое и прощается». Надѣюсь на ихъ снисходительный судъ и потому не вижу причины скрывать отъ нихъ моихъ душевныхъ волненій въ эту тяжелую минуту моей жизни. При томъ, записки мои будутъ прочитаны послѣ смерти, а «мертвые срама не имутъ».

Въ этомъ убѣжденіи, разскажу откровенно, какія мысли волновали меня по уходѣ Лесли.

Первый взрывъ горячности и негодованія во мнѣ миновалъ; я сталъ хладнокровнѣе обсуждать свой поступокъ, смотрѣть на свое положеніе, вглядываться въ свое будущее, если оно будетъ принадлежать мнѣ.

Постараюсь припомнить до малѣйшихъ подробностей, какія мысли толпились тогда въ головѣ моей, какія ощущенія волновали мою душу. Хотя послѣ этого глупаго событія прошло почти 37 лѣтъ, но я воображеніемъ перенесусь къ тому времени, а моя добрая память не оставитъ помочь мнѣ воспроизвести событія такъ, какъ онѣ происходили!

Понятія мои о щекотливости чести вообще и о дуэляхъ въ особенности я составилъ изъ разныхъ прочитанныхъ мною романовъ, но болѣе изъ разсказовъ лицъ современныхъ. Такими путями я составилъ себѣ убѣжденіе, что никакое оскорбленіе не можетъ быть иначе заглажено, какъ съ оружіемъ въ рукахъ и грудь съ грудью противника. Такой тѣсный взглядъ я усвоилъ себѣ вслѣдствіе современныхъ тогда стремленій къ охраненію чести всѣхъ «военныхъ». Убѣжденіе это такъ крѣпко засѣло во мнѣ, такъ сильно впиталось въ мою кровь и плоть, что никакія человѣческія усилія не заставили бы отказаться отъ него. Но, что

не могло тогда сдѣлать благоразуміе, то сдѣлало время. Теперь я смотрю на дуэль совсѣмъ другими глазами и вижу въ ней только одно заблужденіе!!! На самомъ дѣлѣ: какое право мы имѣемъ располагать своей или ближняго жизнью? И всегда ли это средство служитъ къ удовлетворенію нашей чести? Неужели человѣкъ, подлый въ душѣ, будетъ честнѣе, если выдержитъ дуэль? Какая жалкая, смѣшная мысль — представить случаю или искусству снять съ себя оскорбленіе. Да и всегда ли можно достигнуть такимъ путемъ? Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что обиженный, думая найти себѣ удовлетвореніе, часто падалъ въ крови, а обидѣвшій, оставляя его на мѣстѣ, прехладнокровно отправлялся обѣдать съ пріятелями въ гостиницу, разсуждая объ искусствѣ нанесеннаго удара и готовясь на новые подобные подвиги!!! Но такова сила предразсудка! На обиженнаго, не требующаго кроваваго удовлетворенія, общество военныхъ смотрѣло, какъ на труса, отворачивалось отъ него съ презрѣніемъ, клеймило позоромъ и т. п., забывая, что человѣка должно судить не по обидѣ, ему нанесенной, но насколько онъ заслуживалъ ту обиду! Неужели отъявленный мерзавецъ, утратившій вѣру во все чистое, высокое, обладающій искусствомъ цѣльной стрѣльбы или вѣрнымъ разсчитаннымъ ударомъ холоднаго оружія, имѣющій при этомъ немного природнаго или напускного мужества и большой запасъ дерзости и наглости оскорбить скромнаго, вполнѣ благороднаго человѣка и, воспользовавшись его неумѣньемъ владѣть, въ одинаковой съ нимъ степени, искусствомъ въ стрѣльбѣ или ударѣ оружія, положить его на мѣстѣ или нанесетъ рану? Неужели, спрашиваю, первый сдѣлается отъ того честнѣе и лучше, а послѣдній — утратитъ свое благородство, имѣя для того всѣ данныя, если отклонитъ отъ себя дуэль и рѣшится лучше снести оскорбленіе, чѣмъ требовать кроваваго возмездія? Конечно, нѣтъ! Но военный людъ судитъ иначе!

Утописты говорятъ, что дуэли поддерживаютъ мужество и военный духъ молодежи. Жалка та молодежь, въ которой мужество должно возбуждать искусственно, и которая храбро дерется съ врагомъ отечества не по убѣжденію своего чувства долга, но по подстрекательству другихъ!!!

Этимъ я не хочу сказать, чтобы вовсе отказываться отъ дуэли. Если вѣрованіе въ необходимость ея такъ глубоко вошло въ жизнь общества, что нельзя совершенно отрѣшиться отъ такого убѣжденія, то, по крайней мѣрѣ, только въ рѣдкихъ случаяхъ должно прибѣгать къ кровавой расправѣ, а не злоупотреблять ею, и видѣть въ дуэли долгъ, хотя и тяжкій, но неизбѣжный, налагаемый на насъ необходимостью, а не понятіемъ только того общества и времени, въ сферѣ которыхъ мы живемъ. Есть случаи, когда дуэль должна замѣнить собой «судъ Божій»! Такъ: въ обидѣ, нанесенной лично, дѣйствіемъ, или когда затронутъ честь людей, намъ близкихъ,

тогда собственноручная расправа можетъ и должна имѣть мѣсто, и распря происходитъ по внутреннему убѣжденію въ справедливости повода, а не по рутиннымъ понятіямъ старыхъ предразсудковъ!...

Въ молодыхъ нашихъ лѣтахъ мы разсуждаемъ не такъ! Малѣйшій намекъ или неосторожно сказанное слово почиталось оскорбленіемъ и давало поводъ къ кровавой расправѣ. Въ тридцатыхъ годахъ, несмотря на всю строгость наказанія за дуэль, смотрѣли на нее, не какъ на средство, но какъ на право возстановить мнимо-оскорбленную честь, и потому злоупотребляли дуэлью. Намъ казалось, что собственноручная расправа дѣлала насъ въ понятіяхъ другихъ героями, полубогами! Такое убѣжденіе выказывалось у насъ во взглядѣ на человѣка, выдержавшаго дуэль. Число такихъ дуэлей прибавляло ему и больше степеней нашего уваженія. Въ глазахъ нашихъ онъ выросталъ нравственно до недосягаемой высоты величія и славы. А если, притомъ, онъ получалъ раны, то поклоненію нашему не было и конца. Извѣстно, что на молодежь, не разсуждающую, не анализирующую того или другого явленія, внѣшность дѣйствуетъ сильно. Ореолъ славы, который въ глазахъ нашихъ лежалъ на челѣ дуэлиста, имѣлъ для насъ чарующую, притягательную силу, подчиняющую себѣ все, что ни войдетъ въ его кругъ. Около такого счастливаго смертнаго мы тѣснились, какъ пчелы около своей матки, старались изучать его, подражать ему во всемъ, считали себя счастливыми, если удостоивались получать отъ него малѣйшій знакъ вниманія, служили ему, преклонялись передъ нимъ... Если такой человѣкъ не былъ только глупъ, то съ тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ надъ нами, могъ сдѣлать все невозможное. Молодежь готова была итти за него, что называется, «въ огонь и воду», дѣлалась фанатиками; готова принять на себя всѣ муки, всѣ казни, чтобы только заслужить его улыбку одобренія... Такова сила предразсудка!..

Проникнутый такими въ то время понятіями, я въ дуэли съ Носовичемъ готовилъ себѣ блестящую роль защитника «дамы моего сердца», т. е., по теперешнему измѣнившемуся во мнѣ взгляду, просто-напросто «донкихотствовалъ» — видѣлъ возможность подняться на ходули тщеславія, лестнаго вниманія и похвалъ, и тѣмъ сравниться съ прочими бретёрами, коихъ часто встрѣчалъ въ Москвѣ: слава о нихъ, какъ о герояхъ, далеко имъ предшествовала. Разумѣется, все это, при непремѣнномъ условіи, если я выйду живой изъ кровавой борьбы.

Но всякая медаль, какъ бы она блестяща ни была, имѣетъ двѣ стороны. Такъ и къ моемъ тогдашнемъ положеніи была и оборотная сторона, не грёзъ и мечтаній, но практическая, реализированная.

Послѣ перваго впечатлѣнія дуэли, о которой я говорилъ выше,

тщеславіе, отуманившее меня, начало рѣдѣть... сквозь него стали проглядывать другія мысли, болѣе здравыя... я началъ вдумываться: что затѣмъ меня ожидало?...А ожидала меня весьма незавидная будущность, отъ воспоминанія о которой я невольно поморщился, какъ будто что-то стѣснило въ груди!.. кольнуло въ бокъ... «мурашки» пробѣжали по спинѣ... мнѣ стало неловко... и я глубоко, глубоко вздохнулъ! Сначала мысли мои являлись въ головѣ моей безъ всякой послѣдовательности, незванныя, непрошенныя... Богъ знаетъ откуда... толпились, путались... но, мало-по-малу, тоже безъ малѣйшаго усилія съ моей стороны, установился въ нихъ порядокъ... я могъ дать себѣ отчетъ: что меня ожидало?

Убить или быть убитымъ!!!

Другого выхода не было. Въ обоихъ случаяхъ—будущность незавидная, скажу болѣе, скверная...

Если я буду убитъ?... Жизнь моя, — тогда мнѣ не было еще 19-ти лѣтъ,—только что открывалась передо мной, со всѣми ея заманчивыми сторонами въ будущемъ. Широкой дорогой она стлалась впереди; я только что вступалъ въ нее, полный свѣжихъ еще не початыхъ силъ для борьбы съ невзгодами и препятствіями, съ запасомъ надеждъ и ожиданій, съ ношей легкой, состоящей болѣе изъ радужныхъ красокъ, въ которыя облекалъ мои юношескія мечты, мои желанія, всѣ первообразы моихъ стремленій!.. И все это, не сегодня, завтра, должно для меня кончиться однимъ роковымъ выстрѣломъ, сомкнуться въ темную, тѣсную могилу!!!

Если я убью? Тогда было время тяжелаго царствованія «незабвеннаго» Николая, когда онъ все втягивалъ въ желѣзные тиски, по своей мѣркѣ, и кто не поддавался или не умѣщался въ мѣрку, летѣлъ или на рудники, или на Кавказъ. Дуэли строго были воспрещены; самымъ маловажнымъ наказаніемъ было, что и правый и виноватый одѣвался въ сѣрую солдатскую шинель и служилъ рядовымъ до особеннаго, какого либо чрезвычайнаго случая, возвращавшаго офицерское званіе; обыкновенно же выслуживались въ могилѣ.

Немногіе счастливцы сумѣли скрыть послѣдствія дуэли и избѣжать немилосердной кары!

Конечно, служба рядовымъ и въ особенности на Кавказѣ не очень еще пугала меня; въ мои лѣта и при моемъ здоровьѣ я могъ еще разсчитывать на перенесеніе трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ боевой жизнью, и вновь дослужиться; но, во-первыхъ, терялся весь эффектъ моей славы, какъ дуэлиста, на Кавказѣ некого было удивлять своимъ подвигомъ, развѣ — горцевъ?.. а, во-вторыхъ, и самое главное, какъ перенесутъ это извѣстіе отецъ и мать?

Воспоминаніе объ отцѣ и матери дало другое направленіе моимъ мыслямъ, я отрезвился и сталъ хладнокровнѣе вдумываться въ

причины, вызвавшія дуэль. Не было между нами ни на словахъ, ни на дѣлѣ такого тяжкаго оскорбленія, чтобы выкупомъ ихъ поставить жизнь или будущность! Мы посчитались только крупными словами; но въ словахъ этихъ заключалась не кровная обида, но оскорбленіе самолюбія; они ограничивались однѣми колкостями, наставленіями, совѣтами другъ другу. Мотивами къ тому были: въ одномъ замѣшалось задѣтое самообольщеніе, утраченная надежда на взаимность любимой дѣвушки, видимое предпочтеніе себя другому, который, разумѣется, не стоитъ такого предпочтенія, потому что очень легко цѣнилъ привязанность сердца и т. п. Въ другомъ: преобладало, какъ я говорилъ выше, одностороннее понятіе обязанностей благороднаго человѣка, замѣшалась любимая дѣвушка, т. е., совершенство, въ которомъ, казалось, тогда заключалась вся жизнь влюбленнаго... и многое еще, что теперь припомнить не могу. Въ сущности итогъ всего былъ вздоръ, долженствовавшій кончиться взаимнымъ извиненіемъ, и, конечно, я первый долженъ былъ подать къ тому примѣръ, какъ болѣе невоздержный и рѣзкій въ выраженіяхъ, чѣмъ мой противникъ, и никакъ не ставить на карту случая или свою жизнь, или будущность! Жизнь для насъ слишкомъ дорога, чтобы располагать ею такъ легко, такъ безразсудно! Такія мысли могли прійти мнѣ въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, но тогда могъ ли я рѣшиться просить извиненія, не повредивъ себѣ въ мнѣніи товарищей? Не спорю, такое понятіе составляетъ ложный стыдъ; но, повторяю, въ тѣ мои лѣта я не могъ еще такъ разсуждать, и мнѣ оставалось покориться силѣ влекущаго меня потока современныхъ идей и понятій. Вслѣдствіе всего этого я смотрѣлъ только на исходъ дѣла, но нисколько не думалъ о томъ, какъ его поправить.

Въ такихъ думахъ засталъ меня Лесли, возвратившійся по исполненіи своего щекотливаго порученія. Лицо его, обыкновенно, веселое, добродушное (какимъ онъ былъ въ дѣйствительности), на этотъ разъ поражало какой-то серіозностью, строгостью, чтобы не сказать, суровостью!

По всему видно было, что и онъ много передумалъ, переработалъ въ себѣ въ этотъ краткій промежутокъ времени.

Не глядя на меня и бросивъ свою фуражку на первый попавшійся стулъ, Лесли началъ говорить какимъ-то торжественнымъ голосомъ, котораго прежде я даже не подозрѣвалъ въ немъ. Видно было, что онъ глубоко проникнутъ важностью дѣла, которое принялъ на себя, и серіозно отнесся къ данному ему порученію.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ остановился противъ меня и сказалъ:

— У Носовича секундантомъ Ганкевичъ (офицеръ нашего же полка). Мы съ нимъ покончили.

— Какъ же рѣшили?

— Завтра, въ 5 часовъ утра, стрѣляться на пистолетахъ на квартирѣ Носовича. Разстояніе—восемь шаговъ. Бросить жребій: кому достанется № 1-й, тотъ и стрѣляетъ первый. Осѣчка или вспышка не въ счетъ! Второй, если пожелаетъ и, прибавлю, останется живъ, можетъ выстрѣлъ оставить за собой до другого раза.

— Какими пистолетами стрѣляться будемъ?

Такой вопросъ въ то время былъ умѣстенъ и имѣлъ свое значеніе. Револьверы еще изобрѣтены не были, форменные пистолеты, по своей величинѣ и неуклюжести, скорѣе походили на ручныя пушки, съ кремневыми замками, пригодныя только развѣ пугать воронъ въ огородѣ, но никакъ не для прицѣла и вѣрности выстрѣла. Оставались пистолеты партикулярные, съ пистонными замками.

Лесли отвѣчалъ:

— Ганкевичъ даетъ свои. Я видѣлъ ихъ. Ничего, стрѣлять можно! Ты согласенъ?

— Для меня все равно. Ты знаешь, что я не искусенъ въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ. Я такъ только спросилъ, полагаясь совершенно на слѣпой случай.

— Вотъ наши условія! Не имѣешь ли что сказать противъ нихъ?

— Ничего, кромѣ сердечной благодарности за все, что ты дѣлаешь и жертвуешь для меня.

При этомъ я съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Ну, благодарность твою можешь оставить при себѣ: она къ дѣлу не идетъ. Отъ Ганкевича я зашелъ къ Краснопольскому (Дмитрій Григорьевичъ) полковой докторъ), онъ обѣщалъ пріѣхать на мѣсто поединка съ нужными инструментами. Кажется, все придумано. Теперь поздно, ложись спать и готовься къ завтрашнему утру. Прощай!

И онъ ушелъ въ свою комнату.

Бѣдный Лесли! Онъ умеръ, но я всегда съ благодарностью буду вспоминать о немъ за его истинную дружбу и преданность. Какъ онъ ни старался, подъ маской равнодушія, скрыть отъ меня мысли, его волновавшія, но по всему видно было, что онъ очень страдалъ за меня. Ему было жаль меня, жаль моихъ молодыхъ лѣтъ, моей будущности! Случай этотъ вполнѣ выказалъ мнѣ всю его доброту и пріязнь!

Оставшись одинъ, я принялся за письма: одно, въ Казань, къ отцу и матери, другое въ Павловскъ, къ брату, по случаю нахожденія его въ образцовомъ кавалерійскомъ полку. Отца я просилъ простить меня за огорченіе, которое причинилъ имъ своей смертью; но думалъ, что изъ принципа чести для нихъ легче видѣть своего сына мертвымъ или пострадавшимъ за правое дѣло, чѣмъ обезчещеннымъ, и т. д. что-то въ родѣ этого, теперь не припомню; просилъ, во всякомъ случаѣ, молиться за меня, умолялъ благословить

меня. Брату я описывалъ подробно причину дуэли и прощался съ нимъ. Письма эти заняли у меня много времени и предназначались къ отправкѣ на случай моей смерти!..

Письма я писалъ въ тревожномъ состояніи духа; мнѣ было жаль своей молодости, погибающихъ надеждъ на радужное будущее... Сердце сжалось... Слезы брызнули изъ глазъ... Предстоящая роковая минута пугала меня своею неизвѣстностью... Я боялся смерти!..

Окончивъ письма, я запечаталъ ихъ, надписалъ адресы и легъ въ постель: полагаю, былъ часъ 12-й ночи. Долго не могъ я заснуть, долго ворочался въ постели, подъ напоромъ тяжелыхъ, грустныхъ мыслей. Припоминалъ малѣйшія подробности своей прошлой жизни, такъ еще бѣдной событіями, мысленно прощался со всѣмъ, что было дорого сердцу, что волновало и радовало... Вдругъ я вздрогнулъ невольно! Мнѣ пришла мысль: а если я буду только изувѣченъ; если пуля противника причинитъ мнѣ тяжкія, продолжительныя страданія? Нѣтъ, нѣтъ! Лучше смерть! Лучше всему одинъ конецъ!.. Тогда я только опомнился, что еще не приготовилъ себя молитвой къ развязкѣ завтрашняго утра. Вскочивъ съ постели, я палъ на колѣна предъ образомъ: молился долго, горячо, молился со слезами!.. Молитва утомила меня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоила, я легъ на постель. Мысли стали путаться въ головѣ, уходить куда-то въ глубь... я заснулъ...

Долго ли спалъ,—не знаю; я былъ пробужденъ Лесли, который сказалъ, что онъ съ трудомъ растолкалъ меня. Открывъ глаза, я безсознательно смотрѣлъ на него, какъ бы не понимая, чего онъ хочетъ отъ меня.

— Пора!—сказалъ Лесли.—Пять часовъ! Въ дуэли первое правило—не опаздывать къ назначенному времени. Это строго наблюдается!

Тогда только я вернулся къ дѣйствительности и припомнилъ, что ожидаетъ меня.

Лесли продолжалъ:

— Одѣвайся скорѣе и пойдемъ. Совѣтую тебѣ не пить чай.

— А что?

— На тощій желудокъ раны бываютъ легче и лучше вынимать пули, если онѣ засядутъ.

— Откуда легче?

— Да, хоть изъ тебя, беззаботная голова,—сказалъ съ сердцемъ Лесли.

— А я думалъ, ты скажешь: легче всего вынимать пули изъ дула пистолета.

Лесли какъ-то странно посмотрѣлъ на меня. Видимо, ему непріятна была моя шутка, сорвавшаяся у меня невольно съ языка; а, можетъ быть, онъ пожалѣлъ меня за мою безпечность въ такую

важную минуту. Какъ бы то ни было, но онъ отвѣтилъ мнѣ тономъ нравоученія.

— Шути, шути! Ты еще не знаешь «Кузькину-то мать», а мнѣ она знакома, я видѣлъ ее.

Лесли дѣлалъ Польскую кампанію и подъ Кузькиною матерью разумѣлъ тревожное состояніе духа, подъ пулями.

— Но пора! Идемъ!

Дорóгой Лесли говорилъ мнѣ что-то о вѣрномъ прицѣлѣ, твердости руки, о томъ, какъ надо стать, что-то все въ этомъ родѣ; но я ничего не понималъ и едва слушалъ.

Въ свою очередь, я просилъ его только, въ случаѣ, если буду убитъ, отправить письма по назначенію, а имущество мое сохранить у себя до пріѣзда брата моего изъ образцоваго полка. На счетъ точнаго исполненія моихъ порученій я былъ вполнѣ спокоенъ. Ихъ я ввѣрялъ Лесли, въ благородствѣ и добросовѣстности котораго никогда не сомнѣвался!

По замѣчанію Лесли, я былъ нѣсколько блѣденъ, не той блѣдностью, нѣжной, прозрачной, которую получаетъ больной послѣ тяжкой, продолжительной болѣзни; но блѣдностью изжелта, какъ человѣкъ, страдавшій душевными тревогами, измученный нравственно происходившей въ немъ утомительной борьбой съ самимъ собою.

Когда мы вошли въ квартиру Носовича, то застали тамъ уже Ганкевича; но я не замѣтилъ никакихъ приготовленій къ дуэли; только одинъ самоваръ шипѣлъ на столѣ и какъ бы приглашалъ дружески распить чай. Все скорѣе походило на простое посѣщеніе, чѣмъ на кровавую развязку. Раскланявшись сухо, но вѣжливо, я сѣлъ на лавку.

Носовичъ тотчасъ же распорядился выслать своего денщика, подъ благовиднымъ предлогомъ, что ему время итти на базаръ, закупить провизію, а вѣстового отпустилъ въ свое мѣсто. По выходѣ людей, приступили къ приготовленіямъ. Все нужное, чего прежде и подозрѣвать было нельзя, явилось, какъ бы по мановенію волшебства. Ганкевичъ изъ кармановъ широкихъ своихъ шароваръ вынулъ пистолеты, пули, порохъ, пистоны, пыжи; Носовичъ снялъ съ полки и подалъ Лесли мѣлъ. Отмѣрили на полу восемь шаговъ и отмѣтили ихъ чертами; потомъ Лесли и Ганкевичъ начали заряжать, каждый по пистолету. На всѣ эти приготовленія я смотрѣлъ какъ-то тупо, безсмысленно, точно, что ни дѣлалось, не касалось меня, не принимая никакого участія въ разговорѣ, который не вязался, происходилъ отрывочно, натянуто. Въ этихъ занятіяхъ засталъ насъ докторъ, добрый малый, довольно веселаго характера.

— Здравствуйте! Не опоздалъ ли?—на что Носовичъ любезно замѣтилъ:

— Такой гость, какъ вы, докторъ, всегда будетъ во время!

Краснопольскій, между тѣмъ, вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука кожаный портфель съ хирургическими инструментами, положилъ его на столъ, медленно развернулъ, еще медленнѣе началъ вынимать изъ него каждый инструментъ, разсматривать, пробовать пальцами, какъ бы удостовѣряясь въ ихъ прочности и остринѣ. Впослѣдствіи онъ сознался мнѣ, что всѣ эти пріемы дѣлалъ съ умысломъ, въ томъ предположеніи, что видъ всѣхъ этихъ кривыхъ и прямыхъ ножей, пилочекъ, иглъ и т. п. подѣйствуетъ на наше воображеніе всѣми ужасами мучительныхъ операцій и вложитъ въ насъ желаніе кончить ссору примириніемъ. Но онъ не достигъ своей цѣли. Инструменты его не были употреблены въ дѣло совершенно по другой причинѣ, хотя, признаюсь, видъ ихъ подѣйствовалъ на меня болѣзненно, сердце во мнѣ сжалось... Во мнѣ опять проявилось вчерашнее желаніе: лучше смерть, чѣмъ мучительная рана или увѣчье!..

Секунданты окончили свое дѣло; я все время сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. Носовичъ, насвистывая какую-то арію, молча ходилъ ровными шагами по комнатѣ, изъ угла въ уголъ.

Заряженные пистолеты Ганкевичъ положилъ на столъ и покрылъ ихъ совершенно темнымъ, носовымъ платкомъ. Лесли вырѣзалъ изъ бумаги два совершенно одинаковой величины билетика, на одномъ изъ нихъ поставилъ № 1-й, на другомъ № 2-й, скаталъ въ трубочки, положилъ въ свою фуражку и, встряхнувъ ее, подалъ Носовичу. Тотъ, молча, указалъ на меня, давая тѣмъ знать, что онъ мнѣ первому желаетъ предоставить право жребія. Лесли подошелъ ко мнѣ. Я опустилъ въ фуражку руку, взялъ первый попавшійся билетикъ и передалъ его Ганкевичу. Ганкевичъ развернулъ его и громко сказалъ: № 2-й; затѣмъ, оборотивъ билетикъ, показалъ его намъ всѣмъ.

Итакъ, первый выстрѣлъ по жребію достался Носовичу!

Носовичъ подошелъ къ столу и, не снимая платка, а только подсунувъ подъ него руку, взялъ одинъ пистолетъ; секундантъ его снялъ платокъ и оставшійся пистолетъ подалъ мнѣ.

Я, между тѣмъ, снялъ съ себя сюртукъ, что сдѣлалъ по совѣту Лесли, который увѣрилъ меня, что если кусокъ сукна войдетъ въ тѣло вмѣстѣ съ пулей, то рана будетъ мучительнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая операція, потому что, вынувъ пулю, останется еще выбирать изъ раны куски сукна, одинъ за другимъ. То же самое подтвердилъ и докторъ.

Взявъ пистолетъ отъ Ганкевича, я всталъ на проведенную мѣломъ, въ моей сторонѣ, черту. Докторъ и Лесли, съ полными слезъ глазами, подошли ко мнѣ и молча пожали руку, какъ бы на прощаньѣ. Лесли жалъ руку медленно, но значительно, желая придать тѣмъ болѣе мнѣ бодрости.

Лѣвую руку съ пистолетомъ я закинулъ назадъ, за спину, а правую—заложилъ за воротъ рубашки и всталъ въ полъ-обророта къ Носовичу, лѣвой ногой на самой чертѣ, а правой—нѣсколько выступя.

Настала страшная, роковая минута!..

И теперь, спустя почти 37 лѣтъ, мнѣ живо представляется вся эта сцена и ея послѣдствія. Воображеніе мое усвоило всѣ мелочи совершающагося событія, а память—всѣ ощущенія, какія я испыталъ тогда, и я могу описать ихъ, какъ бы случившіяся часъ тому назадъ, несмотря на продолжительное время, протекшее послѣ того, и на другія пережитыя мной сильныя ощущенія. Такія минуты не забываются!..

Носовичъ всталъ противъ меня на своей чертѣ. Секунданты и докторъ всѣ вмѣстѣ, группой, помѣстились влѣво отъ меня, нѣсколько поодаль.

Я взглянулъ на Десли; онъ молча поклонился мнѣ. Было что-то торжественное и вмѣстѣ ужасное въ эту минуту.

Носовичъ держалъ свой пистолетъ опущеннымъ дуломъ къ полу. Извѣривъ меня глазами, онъ медленно сталъ поднимать его, сгибая вмѣстѣ съ тѣмъ кисть правой руки. Глаза его, со злобой, были устремлены на меня; въ нихъ я могъ видѣть себѣ—месть! Доведя свой пистолетъ до высоты полгруди моей, онъ остановился, какъ бы въ нерѣшимости: стрѣлять ли ему, или выбрать другую цѣль? Потомъ снова началъ подымать все выше и выше, пока дула не остановилъ прямо противъ моихъ глазъ!..

Что я чувствовалъ въ то время? Положа руку на сердце, отвѣчу: ничего! Да, ничего! Во мнѣ какъ бы сдѣлалось все пусто, въ полномъ значеніи этого слова. Весь я сдѣлался какъ бы формой, оболочкой; все человѣческое исчезло во мнѣ. Глазами я только видѣлъ прямо передъ собой темный кругъ дула пистолета...

Такое состояніе духа я объясняю не особымъ мужествомъ, но рѣшимостью характера. Разъ признавъ неизбѣжность участи, я сдѣлался нечувствительнымъ къ ея послѣдствіямъ. Смѣло повторяю: приготовленія къ дуэли сжимали мнѣ сердце, но въ рѣшительную минуту я былъ похожъ на статую изъ гипса, съ пустотой внутри...

Поднявъ дуло пистолета на высоту головы моей, Носовичъ видимо, разсчитывалъ разомъ, однимъ выстрѣломъ, положить меня на мѣстѣ, но эта-то увѣренность въ немъ и спасла меня...

Щелкнулъ курокъ, раздался выстрѣлъ, и пуля, жужжа и свистя, пролетѣла въ близкомъ разстояніи, прямо надъ моей головой, и ударилась въ стѣну, гдѣ и засѣла. Я невольно присѣлъ, и ноги мои задрожали... Но я былъ спасенъ! Выстрѣли Носовичъ въ то время, когда держалъ свой пистолетъ противъ моей груди, пуля непремѣнно попала бы въ меня. Высота ея полета надъ моей го-

ловой и направленіе размѣромъ какъ разъ приходились въ мой черепъ, еслибъ выстрѣлъ послѣдовалъ при первомъ движеніи Носовича, то-есть, въ мою грудь. Но благое Провидѣніе, видимо, охраняло меня, сберегая на другіе подвиги въ жизни!..

Свиста пули я никогда не забуду: то былъ какой-то особый, своеобразный звукъ. Порванная струна можетъ еще дать, но не вполнѣ, понятіе о немъ... Звукъ былъ сухой, короткій, звенящій...

Выстрѣломъ я былъ совершенно покрытъ пороховымъ дымомъ... Прошло нѣсколько мгновеній!.. Когда разсѣялся дымъ настолько, что я могъ отличать окружающіе меня предметы, я увидѣлъ, что Носовичъ положилъ свой теперь уже безполезный пистолетъ на столъ и сталъ на свое прежнее мѣсто, скрестивъ на груди руки.

Признаюсь, при видѣ обезоруженнаго врага, злорадство промелькнуло во мнѣ. Я взглянулъ на Лесли: веселая улыбка играла на лицѣ его. Корпусомъ своимъ онъ покачнулся впередъ и вперилъ въ меня свои глаза.

Взявъ пистолетъ изъ лѣвой руки въ правую, я, въ свою очередь, такъ же медленно сталъ наводить на Носовича, думая подмѣтить въ немъ какое либо проявленіе чувства страха или боязни. Но долженъ отдать ему справедливость: онъ мастерски сумѣлъ владѣть собой. Ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ; выраженіе его было совершенно спокойно. Мнѣ только показалось, какъ будто уловилъ минутное содроганіе оконечности губъ, но я не увѣренъ, было ли то въ дѣйствительности. Сознаюсь въ жестокости: я нарочно медлилъ прицѣломъ, чтобы продлить его минуты тревоги; но—все напрасно!

Хладнокровіе его начинало обезоруживать, протрезвлять меня. Замѣть я въ немъ хотя малѣйшее проявленіе трусости, можетъ быть, я бы и рѣшился послать ему свой выстрѣлъ, но при томъ положеніи, какъ онъ стоялъ передо мной въ ту минуту, я колебался!..

Въ то же время, какъ я раздумывалъ, стрѣлять ли мнѣ, или нѣтъ,—раздался первый благовѣстъ къ ранней обѣднѣ. Въ первый разъ въ жизни звукъ церковнаго колокола подѣйствовалъ на меня сильно, примирительно. Ни прежде, ни послѣ я не испытывалъ ничего подобнаго. Какъ часто, иногда, повидимому, ничтожное, обыденное обстоятельство, въ извѣстную минуту нашего душевнаго настроенія, дѣйствуетъ на насъ обаятельно. Тогда звонъ колокола мгновенно уничтожилъ во мнѣ всякую ненависть къ Носовичу, и безъ того уже значительно смягченную, ослабленную его видимымъ хладнокровіемъ и умѣньемъ сладить съ собой, въ минуту опасности его жизни.

Не колеблясь болѣе, я опустилъ свой пистолетъ и сказалъ:

— Г. Носовичъ! Я не расположенъ стрѣлять теперь. По праву условія нашей дуэли, выстрѣлъ оставляю за собой!

— Вездѣ, во всякое время, къ вашимъ услугамъ, — отвѣтилъ Носовичъ съ поклономъ.

Такъ кончилась моя первая дуэль! На выстрѣлъ противъ Носовича и теперь имѣю право, но, конечно, имъ не воспользуюсь.

Всѣ участники этого незавиднаго дѣла обязались честнымъ словомъ хранить его въ тайнѣ и сдержали свое слово. Никто изъ постороннихъ лицъ и теперь не знаетъ этой исторіи.

Въ мое время въ полкахъ сохранялись рыцарскія понятія о силѣ даннаго слова.

Когда я и Лесли вышли на улицу, онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и глубоко, глубоко вздохнулъ, какъ бы освободившись отъ слишкомъ сильной тяжести, или, можетъ быть, желая разомъ набраться болѣе свѣжаго воздуха и тѣмъ пополнить все удерживаемое имъ дыханіе въ минуты, для меня, а по сочувствію и для него, тяжкія.

Обращаясь ко мнѣ, Лесли сказалъ:

— А надо сказать правду: ты стоялъ молодцомъ подъ выстрѣломъ Носовича. Изъ тебя будетъ прокъ! Только, ради Бога, не злоупотребляй этой нравственной силой, этимъ умѣньемъ владѣть собой въ минуты опасности, не трать себя на пустяки, а побереги для болѣе лучшаго случая.

— Ты напрасно такъ выхваляешь меня. Видимой храбростью своей я обязанъ дыму выстрѣла; онъ закрылъ меня отъ вашихъ глазъ; иначе вы бы увидѣли, какъ я присѣлъ, и задрожали у меня ноги.

— Ну, любезный другъ, стойкость и неподвижность въ подобныхъ случаяхъ пріобрѣтаются навыкомъ, отъ долговременной практики. Повѣрь мнѣ: нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы на первыхъ порахъ не кланялся встрѣчной пулѣ и ядру. Говорю это по опыту!

Когда мы пришли домой, Лесли бросился ко мнѣ на грудь и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Слезы, давно душившія его и удерживаемыя приличіемъ, полились изъ глазъ его. Теперь онъ могъ плакать на просторѣ и непредосудительно. Я тоже плакалъ, тронутый до глубины души такой нѣжной дружбой.

Слезы облегчили насъ обоихъ.

Лесли сказалъ:

— Ну, теперь давай пить чай. Ей! Петрушка! живо, самоваръ!

Добрый Лесли! Здѣсь кстати будетъ помянуть тебя не многими, но искренними словами. Тебя уже нѣтъ, добрый другъ! Пусть же мои строки послужатъ тебѣ привѣтомъ, моимъ предсмертнымъ прощаніемъ! Не удалось мнѣ закрыть тебѣ глазъ и проводить до могилы! Ты умеръ вдали отъ меня! Теплая слеза воспоминанія да падетъ на твою могилу!..

XVII.

Неожиданный вызовъ полка въ Москву.—Смущеніе полкового начальства.—Царскій смотръ на Ходынскомъ полѣ. — Полковой командиръ князь Ливенъ.—Корпусный командиръ князь Хилковъ. — Неудовлетворительное состояніе полка. — Юнкеръ Боролевскій и штандартъ. — Моя неудачная верховая ѣзда.—Поручикъ Гервартъ.—Начальникъ дивизіи Олферьевъ.—Выходъ въ отставку князя Хилкова.—Причина царскаго смотра. — Сестра князя Хилкова.—Ея замужество съ Безобразовымъ.—Ссылка Безобразова на Кавказъ.—Жизнь въ Москвѣ молодой Безобразовой.—Письмо князя Хилкова къ императору Николаю Павловичу.

Въ день моей дуэли, около вечеренъ, прискакалъ въ Коломну фельдъегерь съ повелѣніемъ выступить полку, въ 24 часа, въ боевомъ порядкѣ и слѣдовать въ Москву, усиленнымъ маршемъ, безъ дневки.

Тотчасъ же закипѣла дѣятельность. Полкъ, какъ я сказалъ, уже былъ въ сборѣ, на кампаментѣ, т. е., сосредоточенъ вмѣстѣ, и потому легко и скоро можно бы выполнить полученное распоряженіе. Поскакали въ эскадроны верховые съ приказаніемъ—быть немедленно готовыми къ выступленію. Въ ночь отправлены квартирьеры, а на другой день, около обѣда, весь полкъ двинулся въ Москву.

Такая неожиданность и поспѣшность нашего выступленія, конечно, породили много разныхъ толковъ, предположеній, догадокъ. Одни говорили, что, вѣроятно, открыли обширный заговоръ противъ царя, бывшаго тогда въ Москвѣ, съ цѣлью измѣнить весь государственный строй; другіе увѣряли, что открыли только общество поляковъ, желавшихъ взорвать Кремль и поджечь съ разныхъ концовъ Москву; третьи, болѣе благоразумные, предполагали, что изъ Москвы пойдемъ далѣе, можетъ быть, опять въ самую средину Варшавы!.... словомъ, догадкамъ не было конца; но вѣрнаго никто не зналъ. Относились съ вопросами къ полковому командиру; но и тотъ зналъ столько же, сколько и мы, замѣтивъ только, и весьма серіозно, что загадку, вѣроятно, разгадаемъ, когда придемъ въ Москву.

Толки о необычайномъ призывѣ занимали насъ всю дорогу. Но вотъ показалась и Москва! Повидимому, въ ней все спокойно. Съ напряженнымъ вниманіемъ мы устремили на нее пытливый взоръ, подстрекаемый любопытствомъ, какъ бы сомнѣваясь, та ли же Москва, какой мы ее знали, и не сдвинулась ли она съ своего мѣста! Но нѣтъ! Москва все та же, какъ мы оставили ее въ послѣдній разъ. Что же все это значитъ?..

Въ Москву насъ не впустили; полкъ, подойдя къ заставѣ, повернулъ влѣво и, обойдя городъ, по его окраинамъ, вышелъ на Ходынку и размѣстился по близлежащимъ селеніямъ. Такое распо-

ряженіе сильно озадачило въ особенности жаркихъ защитниковъ того мнѣнія, что открыто существованіе общества, грозившаго Москвѣ и царю. Если бы предположенія ихъ были вѣрны, то мы должны занять самую Москву, а не обходить ее и размѣститься по деревнямъ, изъ которыхъ иныя находились верстахъ въ 6-ти и болѣе отъ столицы.

По приходѣ на мѣсто и занятіи своихъ квартиръ, многіе изъ офицеровъ отправились въ Москву, чтобы отъ родныхъ своихъ или знакомыхъ узнать что либо повѣрнѣе нашихъ предположеній о причинѣ нашего призыва; но узнали только, что никакого тайнаго общества не существуетъ, и ни о какихъ заговорщикахъ и слуха нѣтъ, и что всѣ опасенія наши за царя или за цѣлость Москвы есть сущій вздоръ, придуманный нашимъ празднымъ воображеніемъ. Одно оставалось, пока, для насъ не понятнымъ: отчего одинъ нашъ полкъ вызванъ въ Москву? Если бы были собраны и прочіе полки нашей дивизіи, то приходъ насъ всѣхъ можно бы было объяснить извѣстной страстью царя къ военнымъ смотрамъ и парадамъ. Одинъ нашъ полкъ не могъ удовлетворить его прихоти; безъ артиллеріи мы представляли только возможность производить одно полковое ученье. Неужели для этихъ ученій насъ вытребовали за 90 верстъ и такъ поспѣшно? Извѣстно, что всѣ передвиженія полковъ сопряжены съ большимъ разстройствомъ для внутренняго хозяйства и съ значительными расходами для казны. Повторяю, приходъ одного нашего полка оставался для всѣхъ тайной. Эта-то таинственность и волновала всѣхъ своими объясненіями... Наконецъ, она разрѣшилась и самымъ неожиданнымъ, самымъ прискорбнымъ для насъ образомъ.

На третій день нашего прихода подъ Москву, вечеромъ объявленъ былъ приказъ, что завтрашній день, въ 9 часовъ утра, на Ходынскомъ полѣ назначается смотръ въ присутствіи государя, для чего всему полку собраться въ назначенное мѣсто и время и имѣть полные 12-ть рядовъ въ каждомъ взводѣ. Послѣднее распоряженіе всѣхъ удивило, а эскадронныхъ командировъ просто испугало.

Для незнакомыхъ съ кавалерійской службой поясню значеніе выраженія «полныхъ» 12-ть рядовъ.

Всякій кавалерійскій полкъ, построенный развернутымъ фронтомъ, имѣетъ два ряда: передній и задній. (Въ пѣхотныхъ полкахъ ряды эти называются шеренги, и въ мое время строились въ три шеренги). Человѣкъ передняго ряда и человѣкъ задняго, сами по себѣ, составляли рядъ. Такихъ-то рядовъ, или, вѣрнѣе сказать, паръ и было приказано имѣть по 12-ти въ каждомъ взводѣ.

Теперь объясню, почему эскадронные командиры, а вмѣстѣ съ ними и полковой командиръ, испугались такого распоряженія.

Полкъ, по комплекту людей, имѣлъ ихъ достаточно, чтобы со-

ставлять взводы въ 12-ть рядовъ; но часть изъ нихъ состояла: изъ портныхъ, сапожниковъ, шорниковъ, кузнецовъ и т. п., безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ полкъ, потому что они необходимы въ хозяйствѣ полка. Всѣ эти мастеровые никогда не выѣзжаютъ ни на смотръ, ни на полковыя ученья, а занимаются каждый своимъ дѣломъ. Отъ такого уменьшенія состава людей въ полку взводы набираются, самое большое, въ 8 рядовъ, обыкновенно же въ 7 или въ 6-ть, да и то въ заднихъ рядахъ остается иногда одинъ или два такъ называемыхъ глухихъ рядовъ; т. е., человѣкъ передняго ряда не имѣетъ себѣ соотвѣтствующаго въ заднемъ ряду, который слѣдовательно остается пустымъ, т. е., никѣмъ не занятымъ. Это-то пустое мѣсто и называется глухой рядъ.

Отданный приказъ заключалъ въ себѣ положительное требованіе—имѣть въ каждомъ взводѣ по 12-ти полныхъ рядовъ, т. е., не не допускалъ даже возможности глухого ряда. Чтобы выполнить въ точности приказъ, вынуждены были посадить на лошадей и поставить въ фронтъ всѣхъ мастеровъ, т.-е., людей, которые, забыли, «съ которой стороны слѣдуетъ садиться на лошадь»,—и все это вывести на «царскій смотръ». Было отчего «затрястись поджилкамъ» у начальниковъ частей полка! На этотъ разъ и русское всесильное: «авось, авось, сойдетъ какъ нибудь!» — не помогло имъ, какъ увидимъ ниже. Непредвидимость и неожиданность порядка смотра разстроили всѣ ихъ предположенія и надежды.

На другой день, къ 9-ти часамъ утра, весь полкъ, и съ мастеровыми въ заднихъ рядахъ, былъ въ сборѣ на Ходынкѣ и ожидалъ пріѣзда царя. День былъ ясный, но на горизонтѣ бродили тучки. Толпа народа, всѣхъ сословій, какъ и всегда на смотрахъ, окружила насъ. Вотъ показалось густое облако пыли, по направленію отъ Тверскихъ воротъ... ближе, ближе... разступилось... показался царь въ коляскѣ, запряженной четверкой лошадей въ рядъ. Народъ снялъ шапки, кричалъ: «ура!»

Полкъ сидѣлъ уже на лошадяхъ, въ развернутомъ фронтѣ, выровненный «по ниткѣ». Коляска остановилась. Царь махнулъ рукой, по направленію къ народу. Все смолкло, только новые флюгера на пикахъ потрескивали отъ легкаго вѣтерка. Царю подвели осѣдланную лошадь. Онъ сѣлъ и на курцгалопѣ подъѣхалъ къ полку, остановился у праваго фланга и своимъ звучнымъ голосомъ сказалъ:

— «Здорово, ребята!»

Въ отвѣтъ ему полкъ гаркнулъ: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Трубачи заиграли «тушъ» и вслѣдъ за нимъ «Боже, царя храни!»

Звуки гимна, слившись съ крикомъ «ура!», понеслись по всему полку. Царь поѣхалъ по фронту, вперивъ свой орлиный взглядъ преимущественно на офицеровъ, когда проѣзжалъ мимо нихъ. Про-

ѣхавъ до лѣваго фланга, онъ снова махнулъ рукой,—трубы и крики «ура» смолкли.

Повернувъ лошадь направо назадъ и отскакавъ шаговъ 150, онъ остановился, не передъ срединой полка, какъ это бывало всегда, но противъ его праваго фланга. Подозвавъ къ себѣ полкового командира, отдалъ ему приказаніе и повернулъ свою лошадь налѣво такъ, что сталъ лицомъ вдоль фронта полка. Между тѣмъ, князь Ливенъ (командиръ полка), выскакавъ на средину полка, скомандовалъ: «Полкъ! справа по одному, на три лошади дистанціи, шагомъ, первый человѣкъ, маршъ!» и какъ первый человѣкъ полка, поскакалъ на правый флангъ и первый поѣхалъ по линіи, мимо царя. За нимъ, на опредѣленной дистанціи, потянулись гуськомъ командиры: 1-го дивизіона, 1-го эскадрона, 1-го взвода, вахмистръ, и затѣмъ — рядовые, по порядку строя. Пока шли шагомъ, все еще было сносно. Образовавъ карре, весь полкъ прошелъ по одиночкѣ мимо царя и, придя каждый въ свое мѣсто, вновь выстроился въ прежній порядокъ. Князь Ливенъ, по новому знаку царя, скомандовалъ: «Полкъ! справа по одному, на три лошади дистанціи, рысью-марррштъ!» Тогда пошло уже не то!—Все смѣшалось, спуталось, порядокъ совершенно былъ нарушенъ. Всѣ мастеровые, державшіеся въ сѣдлѣ на шагу, вполнѣ выказали свое неумѣнье ѣзды на рыси! Нѣкоторые изъ нихъ подпрыгивали на лошади, другіе, подогнувъ колѣна, потеряли стремена, третьи совершенно прильнули къ передней лукѣ и, думая только о томъ, чтобы имъ не свалиться съ сѣдла,—держались, кто за что могъ, и управленіе лошадью предоставляли произволу. Лошади почувствовали свободу, сошли съ линіи и потянули своихъ всадниковъ, кого направо, а кого налѣво!—Тогда царь, обратясь къ корпусному командиру, князя Хилкову, своимъ звучнымъ голосомъ, сказалъ:

— Такъ этотъ-то, князь, твой любимый, твой хваленый полкъ? Посмотри! Гдѣ онъ? Всѣ люди, какъ вши (sic), по полю расползлись! Что же должны быть остальные полки дивизіи?

Полкъ, собравшись кое-какъ, вновь выстроился въ прежнемъ порядкѣ. Князь Ливенъ, вновь по приказанію царя, далъ ту же команду, только съ измѣненнымъ аллюромъ: вмѣсто рыси назначенъ галопъ! Полкъ пошелъ лучше, потому что на «галопѣ» сидѣть на лошади такъ же легко, какъ и на «шагу». Но тутъ явилась новая бѣда: чтобы поднять лошадь «въ галопъ», нужно извѣстное движеніе поводьями. Наши мастеровые не сумѣли этого сдѣлать, и лошади видя, что предыдущая идетъ въ галопъ, сами собой подымались галопомъ, но не всегда съ той ноги, то-есть, не съ правой какъ бы слѣдовало, а съ лѣвой, и во всѣхъ случаяхъ не держали дистанціи.

Царь снова сдѣлалъ замѣчаніе князю Хилкову, но вотъ раздается команда «маршъ, маршъ!» Всѣ понеслись, какъ бы по-

терявъ головы!.. Многихъ солдатиковъ не досчитались въ рядахъ! Смѣшно было смотрѣть, какъ лошади однѣ, безъ сѣдоковъ, приходили на свои мѣста, а люди, подымаясь съ земли, въ разныхъ мѣстахъ, бѣгомъ, собственнымъ своимъ маршъ-маршемъ, старались догонять своихъ лошадей. Безпорядокъ былъ всеобщій! Всѣ командиры частей растерялись совершенно!..

Во время «маршъ-марша»—этой скачки съ препятствіями, случилось происшествіе, доставившее одному юнкеру офицерскій чинъ. Штандартъ 1-го эскадрона везъ юнкеръ Боролевскій. На «маршъ-маршѣ» передовой ассистентъ его, старый унтеръ-офицеръ, не далеко отъ того мѣста, на которомъ стоялъ царь, упалъ вмѣстѣ съ лошадью. За нимъ, на опредѣленной дистанціи, несся Боролевскій съ штандартомъ. Минута критическая! Присутствіе духа и находчивость спасли Боролевскаго! Послѣ онъ разсказывалъ, что, видя прямо передъ собой, на линіи пути, сквозь поднявшуюся пыль, какую-то темную массу на землѣ, онъ въ первую минуту никакъ не могъ сообразить: откуда взялось такое препятствіе, котораго передъ тѣмъ не было? Но вспомнивъ, что онъ везетъ штандартъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ останавливаться безъ команды, тѣмъ менѣе — падать: въ первомъ случаѣ, къ остановившемуся знамени (въ пѣхотѣ) или штандарту (въ кавалеріи), по военному уставу, и всѣ части войскъ, ему принадлежащихъ, должны остановиться и къ нему пристроиться, но въ послѣднемъ — уронившій знамя или штандартъ, разжаловывается въ солдаты, вѣчно безъ выслуги; во избѣжаніе такихъ случайностей, къ знамени или штандарту и назначаются по нѣскольку человѣкъ, въ помощь знаменоносцу, называемыхъ ассистентами. Боролевскій, повторяю, не растерялся, прямо наскакалъ на двигающуюся передъ нимъ на землѣ массу, далъ шпоры и волю своему доброму коню, — и мгновенно и счастливо перескочилъ черезъ массу, въ которой барахтались унтеръ-офицеръ и лошадь. Отъ зоркаго глаза царя не укрылось ничего изъ происшедшей сцены. Когда Боролевскій поровнялся съ нимъ, Николай, отдавая честь штандарту, сказалъ:

— Молодецъ! Поздравляю корнетомъ!

Когда люди, падавшіе въ разныхъ мѣстахъ, кое-какъ собрались, и полкъ выстроился, царь выѣхалъ передъ середину онаго и скомандовалъ:

— Гг. офицеры! Ко мнѣ!

Всѣ офицеры, каждый съ своего мѣста, понеслись къ нему безпорядочной толпой и окружили его.

— Становитесь по старшинству службы,—сказалъ царь и, потомъ обратясь къ полковому командиру, прибавилъ:

— Князь! Встань около меня и командуй «манежную ѣзду» на всѣхъ аллюрахъ!

Я, какъ младшій корнетъ, сталъ послѣднимъ человѣкомъ.

Здѣсь я долженъ сознаться, что обратилъ на себя вниманіе царя весьма нелестнымъ образомъ, какъ говорится, по причинамъ, отъ меня не зависящимъ.

Въ то время меня, какъ нарочно, замучили «чирья»,—болѣзнь здоровая, но, не менѣе того, весьма мучительная: едва я освобождался отъ одного, какъ являлись нѣсколько новыхъ. Чирья сидѣли на мягкихъ мѣстахъ моихъ ляжекъ, именно на тѣхъ мѣстахъ, которыми я долженъ былъ, сидя на лошади, придерживаться къ ея бокамъ.

Въ виду такого неудобства, какъ бы предчувствуя для себя нѣчто не доброе, я вовсе не хотѣлъ ѣхать на царскій смотръ, но меня упросилъ Кондратенко, говоря, что и безъ того у него не достаетъ субалтернъ-офицера, и если я не поѣду, то вся его середина эскадрона останется безъ офицеровъ. Не ожидая никакъ, что на смотру предстоитъ мнѣ одиночная манежная ѣзда, я согласился, предполагая, что въ общей массѣ мнѣ можно будетъ кое-какъ проѣхать незамѣченнымъ. Распоряженіе царя разомъ уничтожило всѣ мои предположенія! «Шагомъ» я еще кое-какъ проѣхалъ; но на «рыси» не могъ выдержать одолѣвшей меня боли. Я уже говорилъ, что «Брильянтъ» мой былъ и трясокъ и горячъ. Вереда мои отъ предшествовавшей ѣзды страшно разбередились, я чувствовалъ, какъ у меня по тѣлу текла кровь. И потому на «рыси», чтобы по возможности отстранить отъ себя мученія, я вывернулъ ноги такъ, чтобы наболѣвшими мѣстами не прикасаться къ подпругѣ сѣдла, при этомъ, естественно, держался нагнувшись корпусомъ тѣла напередъ. Такая «посадка» совершенно нарушала правила верховой ѣзды и не могла не обратить на себя вниманія.

Когда я въ такомъ видѣ проѣзжалъ мимо царя, онъ своимъ державнымъ перстомъ указалъ на меня.

По окончаніи манежной ѣзды произнесена была команда: «По своимъ мѣстамъ, маршъ-маршъ!».

Тутъ опять случилось происшествіе.

Поручикъ, баронъ Гервартъ, переведенный въ нашъ полкъ изъ гвардейской конной артиллеріи, хорошій «ѣздокъ», желая щегольнуть своимъ искусствомъ, поплатился за самоувѣренность самымъ плачевнымъ образомъ.

При поворотѣ налѣво-кругомъ, Гервартъ приподнялъ свою лошадь на дыбы, чтобы лучше повернуть ее назадъ, на однѣхъ заднихъ ногахъ; при такомъ маневрѣ, онъ, естественно, долженъ былъ нагнуться впередъ, чтобы не сползти съ сѣдла. Въ тотъ самый моментъ лошадь его, приподымаясь для оборота, вскинула головой и своей цѣпочкой отъ налобника мундштука, ударила Герварта прямо въ лобъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что разсѣкъ металлическій ободокъ козырька шапки; конецъ ободка врѣзался въ лобъ,

и Герварть безъ чувствъ покатился на землю. Нѣкоторые изъ офицеровъ, скакавшіе около Герварта и видя его паденіе, пріостановили было своихъ лошадей, желая подать ему помощь, но царь закричалъ:

— Оставьте! Какъ упалъ, такъ и встанетъ!

Немного погодя, Гервартъ приподнялся съ земли, сначала на одну руку, потомъ на другую, съ большимъ усиліемъ всталъ на ноги и шатаясь побрелъ за фронтъ полка. По лбу и изъ носа текла у него кровь; концы разсѣченнаго ободочка на козырькѣ ссадили кожу на его лбѣ.

Тѣмъ и кончился нашъ смотръ, и насъ отпустили по квартирамъ. Давно было пора! Былъ пятый часъ дня, люди и лошади, бывшіе въ движеніи съ ранняго утра, очень утомились.

Когда мы возвращались со смотра, ко мнѣ подъѣхалъ начальникъ дивизіи, Олферьевъ, и, не разспрашивая о причинѣ моего «скрюченья» на сѣдлѣ, своимъ тонкимъ фальцетомъ пропищалъ:

— Я васъ, г. корнетъ, за дурную верховую ѣзду переведу въ пѣхоту.

— Если на то будетъ мое согласіе, ваше превосходительство,— отвѣчалъ я съ сердцемъ.

Такъ кончился этотъ знаменитый смотръ, памятный для всѣхъ въ немъ участвовавшихъ. Ротмистръ Кондратенко сознавался мнѣ, что въ 1807 году, когда полкъ, въ которомъ онъ служилъ, французы, подъ Фридландомъ, прижали къ рѣкѣ, и казалось, не было другого спасенія, какъ или броситься въ воду и утонуть, или броситься впередъ и умереть отъ штыковъ и пуль непріятеля, онъ въ ту критическую минуту, въ виду двухъ смертей, менѣе боялся, чѣмъ, когда эскадронъ его, по одиночкѣ, поѣхалъ рысью мимо царя...

На другой день мы узнали, что князь Хилковъ подалъ въ отставку. Извѣстіе это сильно огорчило офицеровъ и солдатъ, въ особенности послѣднихъ. Я видѣлъ многихъ изъ нихъ, плакавшихъ навзрыдъ. Князь Хилковъ умѣлъ привязать къ себѣ добраго по природѣ солдата. Будь съ нимъ строгъ, взыскателенъ, но справедливъ, заботливъ объ его хорошемъ содержаніи, солдатъ не будетъ помнить зла и душей привяжется къ начальнику. Хилковъ въ высшей степени обладалъ знаніемъ сердца солдата. Требуя строго службу, онъ едва ли не съ большой строгостью требовалъ отъ начальниковъ частей, чтобы солдатъ былъ обезпеченъ во всемъ, чтобы получалъ все ему положенное. Нерѣдко случалось видѣть князя Хилкова въ одномъ сюртукѣ, безъ всякихъ видимыхъ знаковъ отличія, украдкой, гдѣ нибудь съ задовъ селенія, въ которомъ расположены войска его корпуса, пробирающагося прямо къ баракамъ, гдѣ готовилась ѣда для солдатъ. Всѣ подобныя посѣщенія совпадали со временемъ, когда солдаты принима-

лись за свою незатѣйливую пищу. Поздоровавшись, князь обыкновенно садился съ ними за столъ, бралъ у сосѣда деревянную ложку и ѣлъ съ ними щи и кашу. Сохрани Боже! Если онъ находилъ дурно испеченный хлѣбъ, или «пустыя» щи, или сырую кашу, или несвѣжую говядину, или у людей не было кваса,— тогда шибко доставалось начальникамъ. Бывали даже случаи, что за нерадѣніе о пищѣ и содержаніи солдата отнимались части отъ старшихъ по чину и ввѣрялись другимъ, младшимъ. За все это начальники, конечно, не долюбливали Хилкова, и потому при извѣстіи объ его отставкѣ въ душѣ порадовались, не осмѣливаясь высказаться гласно, изъ боязни общаго осужденія.

Приведу одинъ случай, показывающій, какъ солдаты были привязаны къ князю Хилкову. Разъ, замѣтивъ, что взводный вахмистръ Павловъ съ шевронами на рукахъ и георгіевскимъ крестомъ сильно плакалъ, я подошелъ къ нему и спросилъ:

— О чемъ плачешь?

— Больно жаль нашего батюшку-командира! Такого намъ ужъ не нажить!

— Отчего же? Другой, можетъ быть, будетъ такъ же заботиться о васъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе! Вотъ вы не дѣлали польской кампаніи, а спросите-ка вашего братца! Онъ вамъ поразскажетъ, какъ, бывало, князь, тогда командовавшій нашей 1-й уланской дивизіей, вечеромъ, придетъ къ намъ на бивакъ, сядетъ съ нами у разведеннаго костра да и заведетъ разговоръ: «А что, скажетъ, молодцы, тутъ дѣлаете?».—«Да, вотъ, ваше сіятельство,—скажемъ,— вши заѣли; такъ — просушиваемся у огня да ихъ ловимъ».

— Хорошее дѣло, — скажетъ. — А, ну-ка, я посмотрю: нѣтъ ли у меня?

— И, вѣрите ли, ваше благородіе, тутъ же сниметъ съ себя рубашку, да ну давить вшей; похрустываетъ не хуже нашего.

При этомъ воспоминаніи Павловъ залился снова горькими слезами.

— Ну, что же, старикъ! Не потому ли и самъ царь назвалъ васъ вшами? Помнишь, на послѣднемъ смотру?

Павловъ угрюмо посмотрѣлъ на меня. Видно было, что онъ хотѣлъ высказать какую-то задушевную мысль, но воздержался и проговорилъ только:

— Царь-то бранился, а князь любилъ насъ!

. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго смотра приказано было полку возвратиться въ Коломну, къ своимъ занятіямъ.

Впослѣдствіи мы узнали причину и нашего поспѣшнаго призыва въ Москву, и нашего единственнаго смотра, единственнаго, какъ по числу, такъ еще болѣе по своей необычайности!

Князь Хилковъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя неудовольствіе императора Николая.

Командуя 1-й уланской дивизіей, онъ квартировалъ въ г. Твери, лично былъ извѣстенъ государю, какъ одинъ изъ дѣльныхъ, практическихъ генераловъ, почему не было ни одного вопроса по военнымъ дѣламъ въ Петербургѣ, для разрѣшенія котораго не былъ бы приглашенъ князь Хилковъ.

Часто мнѣніе его, высказанное всегда со свойственными ему прямотой и лаконизмомъ, преобладало надъ мнѣніями прочихъ генераловъ, искусныхъ только въ шагистикѣ и ловкой пригонкѣ ремешковъ и пряжекъ. Такое превосходство умственныхъ способностей князя Хилкова, конечно, не могло не нажить ему много завистниковъ и враговъ, во главѣ которыхъ стоялъ тогдашній военный министръ, князь Чернышевъ, съ которымъ, кромѣ того, у князя Хилкова были старые счеты по л.-гв. Гусарскому полку. Полкъ этотъ князь Хилковъ принималъ отъ князя Чернышева, и послѣдній долженъ былъ приплатиться и довольно значительной суммой за разныя упущенія по полку. Извѣстно, что князь Чернышевъ славился своей скупостью, и потому потеря большихъ денегъ породила въ немъ личную месть къ князю Хилкову. Но всѣ эти недовольные и оскорбленные Хилковымъ должны были молчать до времени, затаивъ въ себѣ злобу и зависть, видя къ нему расположеніе царя. Молча, съ большимъ терпѣніемъ, они выжидали благопріятной себѣ минуты броситься на безоружнаго врага—и дождались!

Князь Хилковъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ своего отца, пріѣхалъ въ Петербургъ и, по установившемуся порядку, явился въ Зимній дворецъ. На вопросъ царя о причинѣ его пріѣзда онъ отвѣчалъ:

— Государь! Я пріѣхалъ просить васъ уволить меня отъ службы.

— Что это значитъ?

— Я имѣлъ несчастіе потерять отца. Послѣ него осталось небольшое имѣніе и много долговъ. Мнѣ нужно самому заняться нашими разстроенными домашними дѣлами, чтобы уплатить долги и тѣмъ снять съ памяти уважаемаго отца даже тѣнь сомнѣнія въ неисправномъ возмездіи за довѣріе, дѣлаемое ему кредиторами, людьми благородными.

— Вздоръ! Я тебя не выпущу изъ службы. Ты мнѣ нуженъ. Надъ имѣніемъ твоимъ я самъ буду опекуномъ, прикажу выплатить всѣ долги твоего отца. Доволенъ ли?

— Мнѣ, государь, ничего болѣе не остается сказать, какъ только, что всей моей жизни мало, чтобы заслужить такія благодѣянія. Но...

— Какъ? Ты упорствуешь въ своемъ намѣреніи оставить службу?

— Государь! Я имѣю единственную сестру, 20-лѣтнюю дѣвушку. По сію пору она жила на попеченіи и подъ надзоромъ отца. Со смертью послѣдняго она лишается опоры. Я долженъ замѣнить его. Продолжая военную службу, я не могу такъ заняться сестрой, не могу выполнить въ отношеніи ея всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ на меня моею добросовѣстностью, почтительностью сына къ памяти отца и привязанностью брата. Государь, изъ всего нашего семейства въ живыхъ остались только сестра да я.

— Для сестры твоей я замѣню мѣсто отца. Представь ее ко двору, я назначу ее фрейлиной къ императрицѣ.

Хилкову оставалось только благодарить и повиноваться.

Вскорѣ послѣ того открылась польская кампанія въ 1830 году, въ которой принялъ дѣятельное участіе кн. Хилковъ, съ своей 1-й уланской дивизіей. По окончаніи кампаніи князь былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ въ командованіе 6-й пѣхотный корпусъ, въ новомъ составѣ переформированной тогда арміи. По счастливому стеченію обстоятельствъ, бригада уланъ, входившая прежде въ составъ 1-й уланской дивизіи, назначена въ 6-й пѣхотный корпусъ, и князь Хилковъ не безъ удовольствія видѣлъ у себя подъ командой нашъ Оренбургскій уланскій полкъ, который онъ всегда любилъ и особенно отличалъ.

Между тѣмъ, въ красавицу-сестру кн. Хилкова, фрейлину императрицы, влюбился флигель-адъютантъ Безобразовъ. Удостовѣрясь во взаимности, Безобразовъ обратился къ князю Хилкову съ просьбой согласиться на бракъ его сестры съ нимъ. Князь Хилковъ отвѣтилъ, что онъ самъ лично ничего не имѣетъ противъ этого брака, тѣмъ болѣе, что и сестра его изъявила свое согласіе, но не можетъ ни на что рѣшиться безъ воли государя, заступившаго ей мѣсто отца, и обѣщалъ только о желаніи Безобразова написать царю.

Безобразовъ съ письмомъ князя Хилкова обратился къ императору Николаю I, получилъ отъ него согласіе и обѣщаніе благословить на предстоящій бракъ въ качествѣ посаженнаго отца. Безобразовъ зажилъ счастливою жизнью жениха; и онъ, и княжна Хилкова оба были молоды, необыкновенно хороши собой и страстно любили другъ друга.

Николай пожелалъ отпраздновать свадьбу по-царски. Вѣнчаніе было назначено въ придворной церкви. Императрица сама надѣла серьги невѣстѣ. При такой блистательной обстановкѣ, при такихъ счастливыхъ зачаткахъ ихъ супружеской жизни, казалось, можно было разсчитывать на ясную, безоблачную будущность. Случилось иначе...

Вслѣдъ за вѣнчаніемъ «молодые» разошлись. Императоръ Николай вмѣшался въ это семейное недоразумѣніе. Безобразовъ былъ посланъ на Кавказъ командовать Нижегородскимъ драгунскимъ

полкомъ, а жена его, облекшись въ глубокій трауръ, переѣхала на житье въ Москву къ брату своему князю А. С. Хилкову. Въ Москвѣ я часто встрѣчалъ ее въ церкви — единственномъ мѣстѣ, которое она посѣщала—всю въ черномъ, горячо и сосредоточенно молящуюся. Ея замѣчательная красота, блѣдное, выразительное лицо, съ оттѣнкомъ грусти, стройный, высокій станъ, постоянно черный ея костюмъ, ея набожность, наконецъ, «слухи» о причинѣ «невольнаго» отъѣзда ея мужа на Кавказъ — все это не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на молодежь! Мы восторгались ею... Князь А. С. Хилковъ, какъ говорили, написалъ какое-то рѣзкое письмо императору Николаю Павловичу, который послѣ того вознегодовалъ на нашего корпуснаго командира. Императорскій гнѣвъ и былъ причиной смотра, о которомъ я говорилъ выше...

XVIII.

Моя поѣздка къ П—вымъ. — Змѣя и первый поцѣлуй. — Мое ясновидѣніе. — Поѣздка въ отпускъ въ Казань. — Радость свиданія съ родными. — Возвращеніе въ Москву. — Знакомство съ Alexandrine. — Предупрежденія Лесли. — Мое послѣднее свиданіе съ П—выми.

По возвращеніи въ Коломну я при первой возможности поѣхалъ къ П — вымъ.

Домъ ихъ стоялъ на обрывѣ неглубокаго оврага, на противоположномъ берегу котораго была раскинута роща, замѣнявшая садъ. Въ рощѣ была раскинута палатка съ низкимъ турецкимъ диваномъ.

Послѣ обѣда старикъ П—въ ушелъ на полевыя работы, мать, по обыкновенію, удалилась въ свою комнату на отдыхъ, а я и Вѣрочка отправились гулять въ рощу. Находившись, мы зашли въ палатку и усѣлись на диванъ. Во все время нашей прогулки я былъ задумчивъ, очень разсѣянъ, говорилъ и отвѣчалъ не «впопадъ». Такое необычайное состояніе моего духа, конечно, не могло не обратить на себя вниманія Вѣрочки, и она нѣсколько разъ спрашивала меня:

— Что съ вами?

А со мной было вотъ что.

Смотря на ея красивыя черты лица, на ея черные «бархатные» глазки, на ея пухленькія вишнеобразныя губки, я думалъ: «за выстраданныя мной душевныя волненія, во время приготовленія къ дуэли, изъ-за тебя же, неужели я не въ правѣ получить отъ тебя высшую награду — поцѣлуй!». Но, какъ я уже говорилъ, по свойственной мнѣ робости въ обращеніи съ любимой женщиной, я не рѣшался исполнить моего намѣренія. Нужно было: или чтобы

женщина первая чѣмъ нибудь подала поводъ къ возбужденію во мнѣ рѣшимости, или случай.

На этотъ разъ помогъ мнѣ случай!

Въ палатку вползла змѣя. При видѣ ея Вѣрочка отъ испуга бросилась въ мою сторону и прижалась ко мнѣ, ища защиты. Обнявъ одной рукой ея тонкую гибкую талію, другой я держалъ ея руку. Въ такомъ положеніи я могъ легко поцѣловать ее; но меня удержало то соображеніе, что, находясь подъ обаяніемъ красоты Вѣрочки, я, можетъ быть, и рѣшусь выполнить свое намѣреніе, но то будетъ поцѣлуй насильственный, взятый воровскимъ образомъ, а мнѣ хотѣлось получить поцѣлуй, добровольно данный, съ полнымъ сознаніемъ и свободной воли.

По удаленіи змѣи, Вѣрочка высвободилась изъ моихъ объятій, но удержала свою руку въ моей. Это, повидимому, ничтожное обстоятельство и придало мнѣ смѣлость.

Смотря въ упоръ въ ея покрытые влагой глаза, я спросилъ:

— Вѣрочка! Вы любите меня?

— Вы давно это знаете!

— Докажите!

— Чѣмъ?

— Поцѣлуйте меня!

Она вырвала свою руку изъ моей, отшатнулась отъ меня, вперила въ меня свои удивленные глаза, какъ бы испугавшись моихъ словъ... Видимо, желаніе мое поразило ее своей неожиданностью... Въ ней происходила внутренняя борьба!

— Не смотрите на меня такъ!—сказалъ я.—Если бы вы знали, что я выстрадалъ за васъ, вы не отказали бы мнѣ?

— Злой вы человѣкъ!..

И съ этими словами обвила мою шею своими руками, впилась въ меня долгимъ влажнымъ поцѣлуемъ, но, вскорѣ очнувшись, закрыла свое лицо руками. Крупныя капли слезъ закапали промежъ пальцевъ, и она надорваннымъ отъ рыданія голосомъ проговорила:

— Уйдите! Ради Бога, уйдите! Я умру отъ стыда!..

То былъ первый и послѣдній нашъ поцѣлуй! Змѣя, невинная причина моего минутнаго блаженства, вѣроятно, приходилась, по прямой линіи, сродни тому змѣю, который искусилъ нашу прародительницу Еву, потерявшую за то рай! Новѣйшая змѣя, если не искусила, то подала поводъ къ искушенію, но точно также стоила мнѣ рая. Ровно черезъ годъ послѣ поцѣлуя мы поссорились, и я навсегда потерялъ изъ виду Вѣрочку...

Остатокъ дня Вѣрочка видимо избѣгала не только меня, но даже моего взгляда...

По окончаніи «кампамента» полкъ обычнымъ порядкомъ былъ распущенъ «на травку» и потомъ вновь собрался на «маневры», въ Москву.

Тутъ представился случай, вполнѣ подтвердившій присутствіе во мнѣ способности «ясновидѣнія».

Посѣтивъ дѣда, я встрѣтилъ у него даму немолодыхъ лѣтъ, совершенно для меня незнакомую и о которой я дотолѣ ничего не слыхалъ.

По ея отъѣздѣ дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ ты хвалишься своей способностью узнавать незнакомыхъ тебѣ людей! Скажи, что ты думаешь объ этой дамѣ?

Чтобы понять такой вопросъ, я долженъ пояснить, что природа надѣлила меня необыкновенной способностью — узнавать свойства и характеръ личностей, при первомъ взглядѣ на ихъ движенія, при первыхъ звукахъ ихъ голоса, но съ непремѣннымъ условіемъ: чтобы я ничего не слыхалъ о такихъ личностяхъ прежде, чѣмъ самъ не увижу ихъ. Иначе мнѣніе о нихъ, высказанное другими, вредило первому моему личному воззрѣнію, мѣшало моей прозорливости. Много было случаевъ въ моей жизни, когда я при первомъ взглядѣ на человѣка, совершенно мнѣ незнакомаго, по его походкѣ, манерамъ, интонаціи голоса, опредѣлялъ его качества или недостатки, и всегда вѣрно. Способность эту я называю своимъ ангеломъ-хранителемъ, или добрымъ геніемъ, которымъ, какъ я, смѣясь, увѣрялъ всѣхъ, какая нибудь добродѣтельная фея наградила меня при моемъ рожденіи.

Незнакомая дама вполнѣ соединяла въ себѣ всѣ условія, требуемыя для вѣрности моего ясновидѣнія: я никогда не видалъ ея и ничего не слыхалъ о ней, и потому, не задумавшись, смѣло, отвѣчалъ дѣду:

— Фальшивая, лукавая женщина!

Дѣдъ расхохотался, сказавъ:

— А вотъ и совралъ! Я знаю ее нѣсколько уже лѣтъ. Она— испытанной вѣрности, и я считаю ее за женщину, вполнѣ мнѣ преданную.

— Вы можете почитать ее, какъ вамъ угодно, но мой добрый геній подсказалъ мнѣ то, что я передалъ вамъ.

Что же вышло? Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ нашего разговора, какъ однажды дѣдъ сказалъ мнѣ:

— Николай! А вѣдь ты былъ правъ, когда, помнишь, сказалъ, что Розова—фальшивая женщина. Недавно только я имѣлъ случай убѣдиться, что вся ея преданность ко мнѣ была основана на интересѣ. Убѣдившись, что не получитъ отъ меня ничего, она показала всю гнусность своей души и теперь чернитъ и бранитъ меня вездѣ гдѣ можетъ.

Въ первыхъ числахъ сентября полкъ вернулся въ Коломенскій уѣздъ, на зимнія квартиры. На этотъ разъ судьба благопріятствовала мнѣ; безъ всякихъ съ своей стороны стараній я «стоялъ» съ взводомъ въ деревнѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Юрьева, т. е., отъ Вѣрочки, но недолго могъ пользоваться такимъ близкимъ сосѣдствомъ. Получивъ четырехмѣсячный отпускъ, я въ половинѣ ноября, по первому зимнему пути, отправился въ Казань.

Дорогой, ради «поспѣшности ѣзды», поколачивалъ ямщиковъ, побранивалъ станціонныхъ смотрителей.

Приближаясь къ Казани, я переживалъ тѣ же ощущенія, какъ и шесть лѣтъ назадъ, когда мальчикомъ возвращался изъ Петербурга. Но настоящія ощущенія были сдержаннѣе; я не восторгался ребячески видимыми предметами, но сосредоточивалъ ихъ въ себѣ болѣе осмысленными, болѣе перечувствованными, какъ молодой человѣкъ, искусившійся въ опытѣ жизни и узнавшій цѣну сердечныхъ влеченій.

Въ городъ я въѣхалъ вечеромъ. Отъ волновавшихъ меня чувствъ радости скораго свиданія съ дорогими сердцу людьми мнѣ сдѣлалось жарко, несмотря на довольно сильный морозъ, душно, и я, обыкновенно столь чувствительный къ холоду, распустилъ окутывавшій мою шею шерстяной шарфъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ дому, тѣмъ болѣе я развертывалъ мой шарфъ, такъ что когда подъѣхалъ къ крыльцу, то его не было уже на моей шеѣ, и онъ валялся гдѣ-то въ саняхъ; самая шинель была распахнута.

Родныхъ я никого не засталъ дома; всѣ они были въ театрѣ, послали дать имъ знать о моемъ пріѣздѣ. Между тѣмъ, вся наша добрая дворня наполнила комнату, окружила меня, любовалась своимъ «молодымъ бариномъ», въ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ. Изъ всѣхъ дверей выглядывали любопытные глаза новой прислуги, поступившей въ мое отсутствіе и потому чуждавшейся еще меня, какъ не привыкшей къ своему барину.

Послышался скрипъ подъѣхавшаго возка. Я въ одномъ сюртукѣ выбѣжалъ на крыльцо принять отца, мать, сестру. Изъявленіямъ радости встрѣчи, казалось, не будетъ конца. Мать безпокоилась за послѣдствія выхода моего на холодъ. Тотчасъ же явился на столъ шипящій самоваръ, и мы, распивая чай и разговаривая, незамѣтно просидѣли далеко за полночь. Отецъ положилъ конецъ нашей бесѣдѣ, напомнивъ, что пора спать. Надо быдо разстаться.

На другой день, облекшись во всю парадную форму, я отправился являться коменданту и военному губернатору. Отъ нихъ пустился дѣлать обычные визиты, по составленному отцомъ списку. Утромъ, пока я еще спалъ, старикъ трудился составить мнѣ расписаніе моихъ посѣщеній родныхъ и знакомыхъ, въ порядкѣ слѣдованія пути. Списокъ вышелъ предлинный, и я, сокращая по возможности время моихъ визитовъ, едва-едва могъ объѣхать всѣхъ въ три дня.

Увидѣлъ я и Надю Колбецкую; но, увы, образъ ея совершенно вытѣснился изъ моего сердца другими привязанностями, и я встрѣтился съ ней очень равнодушно.

Покончивъ со всѣми свѣтскими церемоніями, я снова зажилъ прежней семейной жизнью, прерываемой только приглашеніями на обѣды и танцовальные вечера. Тогда въ Казани принимали очень радушно, жили весело.

Нашъ прежній большой каменный домъ былъ проданъ. Послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной матерью въ 1832-мъ году, доктора нашли, что для ея здоровья жить въ каменныхъ стѣнахъ вредно. Мы тогда помѣщались на Лядской улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ, принадлежащемъ теткѣ, графинѣ Апраксиной. Впослѣдствіи онъ былъ купленъ Горемыкинымъ и сгорѣлъ въ пожаръ 1848 года. Флигель имѣлъ мезонинъ, на который вела отдѣльная лѣстница, прямо со двора. Мезонинъ состоялъ изъ двухъ комнатъ, отданныхъ въ мое распоряженіе на все время моего отпуска. Напротивъ флигеля, черезъ улицу, стоялъ большой деревянный домъ, принадлежавшій тогда той же теткѣ, графинѣ Апраксиной. Домъ этотъ впослѣдствіи купилъ отецъ и отдалъ въ приданое сестрѣ моей при выходѣ ея замужъ за Чемодурова. Въ то время въ домѣ квартировалъ П. А. Дурасовъ, мой будущій тесть. . . . . . .

Во все время пребыванія моего въ Казани я ничего не дѣлалъ, ничего не читалъ, но былъ въ средѣ отца, матери, сестры, которыхъ я любилъ такъ сильно. Въ мартѣ 1836-го года я съ горькими слезами простился съ ними и отправился въ Москву. Тамъ, въ домѣ дѣда, я встрѣтилъ въ гостяхъ у «побочной» тетки, какъ я называлъ, разумѣется, за глаза его незаконную дочь Лизавету Ивановну, въ первый разъ, незнакомую мнѣ совершенно даму, поразившую меня и своей необыкновенной красивой наружностью, и изяществомъ одѣянія, и аристократическими манерами. Было что-то во всей ея особѣ очаровательное: поступь, движеніе, складъ рѣчи,—все говорило въ пользу ея ума и образованія! Обаяніе Вѣрочки, которую я не видалъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, много во мнѣ ослабло, и я любовался и большими, влажными голубыми глазами гостьи, и бѣлизной ея лица, съ синими жилками на лбу и вискахъ, и ея свѣжимъ румянцемъ, безпрестанно то вспыхивавшимъ карминомъ, то слабѣвшимъ до нѣжнаго цвѣта розы, и ея роскошными, прекрасно развитыми формами, и ея гибкимъ, тонкимъ станомъ.

По отъѣздѣ ея, Лизавета Ивановна разсказала, что она недавно познакомилась съ ней, случайно встрѣтившись у общей ихъ знакомой, m-me Забѣльской, и скоро «сошлась». При этомъ, вѣроятно, замѣтивъ впечатлѣніе, которое произвела на меня ея посѣтительница, лукаво прибавила:

— Впрочемъ, нельзя и не полюбить ея съ перваго же взгляда? Она такая хорошенькая и добрая! Не правда ли?

Я вполнѣ съ ней согласился.

Лизавета Ивановна въ немногихъ словахъ разсказала мнѣ незавидную ея участь: Alexandrine N. осталась послѣ смерти матери очень еще молоденькой дѣвочкой на рукахъ своего отца, старика—сухого сердцемъ, черстваго, понимающаго одни только выгодныя положенія въ свѣтѣ и ставившаго счастье жизни въ богатствѣ. Семнадцати лѣтъ, отецъ, не спрося ея желанія, выдалъ ее замужъ за старика, но сенатора, князя, занимавшаго видное мѣсто и по своимъ связямъ, и по своему огромному богатству, хотя отецъ Alexandrine и самъ имѣлъ хорошее независимое состояніе. Такой бракъ, по понятіямъ отца Alexandrine, былъ блестящій, вполнѣ отвѣчающій завидной участи быть богатой и знатной. Когда дочь, со слезами на глазахъ, припавъ къ колѣнямъ отца, умоляла не губить ея, что она не можетъ любить назначеннаго ей мужа, отецъ, поднимая ее съ колѣнъ, съ усмѣшкой сказалъ:

— Я очень хорошо и самъ понимаю, что тебѣ такого стараго и некрасиваго мужа любить нельзя! Но пойми же и ты, дурочка, что отъ тебя не требуется любви, а только приличія! А тамъ, послѣ, когда сердце твое развернется для любви и потребуетъ привязанности, кто помѣшаетъ тебѣ «запастись другомъ дома»? Ужъ, конечно, не я!—закончилъ онъ со смѣхомъ.

Что было сказать на такой отвратительный цинизмъ отца? Что оставалось дѣлать бѣдной Alexandrine? Покориться своей участи? Она такъ и сдѣлала и ринулась въ свѣтъ, наполненный соблазнами для женщинъ въ ея положеніи.

Такимъ образомъ Alexandrine сдѣлалась жертвой гнусной сдѣлки своего отца,—сдѣлки, весьма схожей съ торгомъ невольницъ. Красивая, молодая, полная жизни, она была привязана, и навсегда, чуть-чуть не къ трупу, но въ золотѣ и подъ княжеской короной. И зажила она въ довольствѣ, въ богатомъ домѣ, роскошно обставленномъ цѣнными предметами; малѣйшія ея желанія, прихоти исполнялись немедленно. Всѣ удовольствія свѣта она черпала широкой рукой, была царицей общества, имѣла толпу поклонниковъ; но вопреки совѣта отца не запаслась еще между ними «другомъ дома»! Судьба берегла ее для отдаленнаго будущаго...

Судьба и мнѣ готовила высокое наслажденіе любви, только въ близкомъ будущемъ!..

Наша кавалерійская дивизія содержала караулы въ Москвѣ, для чего по одному эскадрону изъ каждаго полка смѣнялись поочереди.

Возвратясь изъ отпуска, я засталъ нашъ 8-й эскадронъ только что пришедшимъ въ Москву, для содержанія разъѣздовъ смѣнивъ 7-й. Намъ для постоя отведенъ былъ такъ называемый «Колымажный дворъ», весьма удобное помѣщеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Дворъ имѣлъ прекрасныя конюшни, обширный крытый манежъ. Въ номерахъ комнатъ помѣщались офицеры; кромѣ того, Колымаж-

ный дворъ имѣлъ центральное положеніе въ городѣ, чего другія казармы не имѣли, будучи расположены въ отдаленныхъ по окраинамъ частяхъ Москвы. Тамъ я встрѣтилъ добраго Лесли, который, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, что П—ва, мать Вѣрочки, распускаетъ слухъ о моей женитьбѣ на ея дочери, и что будто я и въ отпускъ поѣхалъ для того, чтобы испросить у родныхъ согласіе на этотъ бракъ. Къ этому прибавилъ:

— Совѣтую тебѣ бросить свою Вѣрочку. Она надѣлала тебѣ уже много хлопотъ и навязала дуэль. Смотри, чтобы не было чего еще хуже! Мать ея большая «пройдоха»; пожалуй, подведетъ такую «штучку», что тебя женятъ насильно.

Я былъ влюбленъ въ Вѣрочку, но безъ всякой сознательной, серіозной предвзятой мысли, просто по влеченію своего сердца, «жаждущаго любви», и никогда въ самыя упоительныя для меня минуты не мечталъ о женитьбѣ. Молодому человѣку въ 20-ть лѣтъ и на умъ не приходитъ прелесть супружеской жизни. Слова Лесли, которому я вполнѣ довѣрялъ, еще болѣе, чѣмъ четырехмѣсячная разлука, охладили мою привязанность къ Вѣрочкѣ.

Вскорѣ я могъ вполнѣ убѣдиться въ справедливости предположенія Лесли, что мать изыскиваетъ всевозможныя средства, только чтобы женить меня на своей дочери.

Дня три, четыре спустя послѣ нашего разговора съ Лесли, мнѣ въ домѣ дѣда, у котораго я тогда остановился, подали записку. Изъ нея я узналъ, что Вѣрочка съ матерью пріѣхали въ Москву, и послѣдняя писала мнѣ, что желаетъ поговорить со мной о серіозномъ дѣлѣ, для чего и назначаетъ на завтрашній день свиданіе въ Петровскомъ паркѣ въ 5 часовъ, послѣ обѣда.

Изъ разговора Лесли я догадался, въ чемъ заключается «серіозное дѣло», о которомъ писала мнѣ П—ва. Въ первое время я рѣшился было вовсе не ѣхать на назначенное свиданіе, но подумавъ, что такой поступокъ мой можетъ быть истолкованъ трусостью предстоящаго объясненія, которое при томъ рано или поздно, но неизбѣжно, и потому рѣшился разомъ покончить всѣ виды и надежды на меня самой П—вой.

Дѣдъ, узнавъ, что меня приглашаютъ на свиданіе, вызвался самъ проводить меня. Его очень интересовало видѣть Вѣрочку, о которой я такъ много говорилъ ему.

Въ назначенное время, въ коляскѣ, запряженной четверкой лошадей саврасой масти, мы покатили въ паркъ. Еще издали въ главной аллеѣ я замѣтилъ П—ву съ дочерью сидящими на скамьѣ и показалъ ихъ дѣду.

Дѣдъ сохранилъ еще хорошее зрѣніе. Прищурясь и всмотрѣвшись, онъ прищелкнулъ языкомъ и присвистнулъ, что̀ означало въ немъ выраженіе полнаго довольства.

— Я буду въ нѣмецкомъ клубѣ,—сказалъ дѣдъ.—Когда кон-

чишь свои любезности, приходи туда. Я буду ждать тебя, чтобы вмѣстѣ вернуться въ Москву.

Между тѣмъ коляска подъѣхала къ моимъ дамамъ, остановилась, и я вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

Вѣрочка видимо обрадовалась мнѣ, но я велъ себя сдержанно, заранѣе приготовясь выдержать напоръ ея матери.

Послѣ обычныхъ привѣтствій мы пошли по боковой аллеѣ, при чемъ мать приказала дочери одной итти впередъ, а сама, предложивъ мнѣ руку, пошла со мной, позади, на довольно большомъ разстояніи, чтобы Вѣрочка не могла слышать нашего разговора.

Весь этотъ маневръ ясно доказывалъ, что готовится наступить торжественная минута, и я не ошибся.

П—ва издалека завела разговоръ, что всякая добрая мать обязана заботиться устроить судьбу своей дочери, еще лучше, если есть къ тому взаимная склонность.

Я вполнѣ съ ней согласился въ этомъ взглядѣ на обязанности матери. Тогда П—ва сказала, что къ ея Вѣрочкѣ сватаются женихи, но что она всѣмъ имъ отказываетъ, и, обратясь прямо ко мнѣ, рѣзко спросила:

— Не знаете ли вы, какая можетъ быть тому причина?

— Полагаю, что не нравятся.

П—ва, вскинувъ на меня глазами, продолжала:

— Но почему же не нравятся?

— Я не могу отвѣчать за Вѣру Павловну. Спросите ее сами!

— Я, какъ мать, все вижу и все понимаю. Игру эту въ неизвѣстность между нами надо оставить. Скажу вамъ прямо: Вѣра любитъ васъ!

— Сердечно благодарю Вѣру Павловну за ея лестную для меня привязанность. Вполнѣ цѣню ее и самъ раздѣляю то же чувство.

— А если раздѣляете, то какія ваши намѣренія?

— Быть довольнымъ настоящимъ.

— А въ будущемъ?

— Въ будущемъ? Мое будущее такъ велико, что я еще не заглядывалъ въ него.

— Но понимаете ли вы, что это безчестно съ вашей стороны?

Я вспыхнулъ. Сердце мое «закипѣло». Дерзость готова была сорваться съ языка, но я превозмогъ себя и сколько возможно хладнокровно отвѣтилъ:

— Что же безчестнаго я сдѣлалъ?

— Вы завлекли дѣвушку. Разсчитывая на васъ, Вѣра отказывается отъ блестящихъ для нея партій.

— Вы не понимаете, что говорите, и клеймите позорнымъ названіемъ меня, человѣка, не причастнаго никакому предосудительному поступку. Безчестно завлекать дѣвушку обѣщаніемъ на ней жениться и потомъ не сдержать своего обѣщанія. Вѣра Павловна такъ же свободна располагать собой, какъ и я.

— Зачѣмъ же вы завѣряли ее въ любви своей?

— И, Боже мой! Неужели же каждый молодой человѣкъ обязанъ жениться на дѣвушкѣ, которой говорилъ, что любитъ ее? Вспомните вашу молодость. Вѣроятно, до выхода вашего въ замужество, вы сами и не одинъ разъ выслушивали признанія въ любви, а вышли же за вашего Павла Артемьича.

— Такъ вы никогда не думали жениться на Вѣрочкѣ?

— Никогда!

— Повторяю вамъ: вы поступаете безчестно, и мужъ мой этого дѣла такъ не оставитъ.

Я приподнялъ фуражку, поклонился и, повернувшись, пошелъ назадъ.

Сцена эта происходила въ тотъ самый день, быть можетъ, въ тотъ же самый часъ, когда ровно годъ тому назадъ я и Вѣрочка гуляли въ рощѣ въ Юреневѣ, зашли въ палатку, и змѣя, бросившая въ мои объятія Вѣрочку, дала мнѣ ея поцѣлуй...

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЬЦЫ.

Раздѣлъ.

I.

ЕЩЕ ТОЛЬКО четвертый мѣсяцъ шелъ, какъ Семенъ Макаровъ женилъ своего племянника, братнинаго сына — Ивана. Въ хозяйки Ивану Семенъ Макаровъ взялъ дѣвку изъ зажиточнаго дома своей же деревни. Матренка была красавица въ деревенскомъ вкусѣ: роста — повыше средняго, дебелая, коренастая, кровь съ молокомъ, при томъ, какъ казалось, скромная, несмотря на то, что любила наряды, хороводы, пѣсни и непрочь была позубоскалить.

— Ой-ли, Семенъ, ужъ не маху ли ты далъ?.. Ишь, вонъ, Ванюхѣ-то нашему какую кралю избралъ?...—говорила Семену старая Ѳекла, его жена, которую и на деревнѣ, и вездѣ въ округѣ звали Гамазихой [1]) за безпокойный, придирчивый и бранчливый нравъ.

— Чѣмъ плоха?..—отозвался Семенъ, съ выраженіемъ чуть-чуть замѣтной насмѣшки, какимъ всегда говорилъ съ женой, зная ея преувеличенно подозрительный и ничѣмъ недовольный нравъ, почему и относился всегда съ недовѣріемъ къ ея замѣчаніямъ.

Онъ шелъ слаживать сломавшуюся соху потому, что завтра нужно было выѣзжать сѣять, и стоялъ передъ женой съ топоромъ и долотомъ въ рукахъ, выжидая ея отвѣта. — ...Вишь и тутъ не потрафилъ!..—думалъ онъ.

---

[1]) Гамазою называютъ людей съ безпокойнымъ, вздорнымъ нравомъ.

Гамазиха продолжала возиться около запечья, ища что-то.

— ...Чѣмъ плоха?...—повторилъ свой вопросъ Семенъ, не сводя своихъ черныхъ, еще молодыхъ глазъ съ жены.

— ...Пуля-баба!..—наконецъ заговорила Гамазиха, обернувшись къ мужу полоборотомъ и не глядя на него.—...Ужъ очень прытка!.. Ты ей—слово, она тебѣ на одно—три десятка!.. Начнешь ей говорить о своихъ дѣлахъ... о хозяйствѣ, къ примѣру, или по дому что, она тебѣ и слухать не хочетъ... все равно, какъ изъ бадьи сейчасъ обольетъ!... Ужъ, стало быть, «прокуратъ» [1])-бабенка, когда передъ старымъ человѣкомъ помолчать не можетъ... Чего ужъ?.. Нонѣча все по-новому; молодые старому человѣку дыхнуть не дадутъ!..

Семенъ молча махнулъ рукой, нахлобучилъ картузъ и вышелъ на дворъ.

— Запѣла!..—подумалъ онъ, принимаясь за соху, у которой надо было перемѣнить вчера сломавшуюся обжу [2]).

— Чѣмъ плоха?..—повторяла бормоча вопросъ Семена Гамазиха, оставшись одна въ хатѣ. Матренка съ Иваномъ еще утромъ уѣхали въ поле допахивать загоны, которые завтра предстояло сѣять.—...Ему все хорошо отъ нея!.. Помоложе, стало быть!.. Хозяйка плоха стала — стара!.. Нешто я не понимаю?.. Молодуха-то норовитъ меня спихнуть... самой, вишь, захотѣлось большой быть, такъ-то!.. Знаемъ мы, понимаемъ!..—И потомъ, какъ будто рѣшившись на какую-то крайнюю мѣру, старуха почти вслухъ прибавила:—...Да—нѣтъ!.. Мелко плаваешь, обождать надо чуточку!.. Пока я жива, ноги волочу, никого на свое мѣсто не пущу, такъ-то...

И Гамазиха, безъ всякой надобности, почти безсознательно переставляя съ мѣста на мѣсто чугуны въ печкѣ, продолжала думать неотвязную думу о ненавистной бабенкѣ-«прокуратѣ» и всемъ томъ горѣ, которое она будто бы внесла съ собою въ домъ.

— ...У, лупоглазая!..—проворчала она, оборачиваясь на звукъ отворявшейся двери, въ которой показалась Матренка.

— Чего рано пріѣхали?..—непривѣтливымъ голосомъ спросила Гамазиха, не оборачиваясь къ племянницѣ и продолжая ворочать въ печкѣ ухватомъ.

— Лошади, тетечка, умаялись!.. Жара-то, вишь, какая стоитъ!—отвѣчала Матренка, снявъ съ головы запыленный платокъ и принимаясь вытряхивать его у порога открытой въ сѣни двери.—Ужъ очень земля сухая, ничего не подѣлаешь!.. Почесть всѣ сошники съ Ванькой поломали!..

— Ванька?.. Съ Ванькой?..—сердито огрызнулась Гамазиха, оборачиваясь къ племянницѣ,—...кому—Ванька, а тебѣ онъ—Иванъ

[1]) Прокуратъ—то же, что дошлый, отчаянный, происхожденіе неизвѣстно.

[2]) Родъ оглобли у сохи.

Матвѣичъ, мужъ, хозяинъ [1]), а не Ванька!.. Такъ-то!.. Ай тебя дома и говорить-то путемъ не выучили?..

Матренка презрительно покривила губы и молча пожала плечами.

— Тебѣ бы только около двора не быть!..—ворчливо продолжала Гамазиха, принимаясь собирать на столъ къ обѣду.—...Прыгъ изъ дому и шабашъ!.. Давеча, небось, и пò воду не сходила!.. Сама я съ рѣчки воду-то таскала!..

Матренка засмѣялась, показывая рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ. Ей было весело видѣть, что старуха сердится, и хотѣлось ее подразнить.

— Когда жъ было по воду ходить, тетечка?.. сказала она.—...Давеча дядечка-то насъ съ Вань... съ Иванъ Матвѣичемъ когда подняль?.. Еще «они» [2]), прости Господи, на кулачкахъ не дра́лися... На деревнѣ еще печей не затопляли... Не то, что пò воду сходить, аль и хлѣбушка-то не успѣли поснѣдать! Ажъ махотку съ водой дома забыли!.. Почесть не пимши, не ѣмши!.. Когда давеча собирались, что ужъ тутъ грѣха таить — поглядѣла я въ чугунъ-то, думала хошь вчерашнихъ картошекъ пожевать... Нѣтъ, куда... Нешто у тебя, тетечка, разживешься?..

Она снова звонко разсмѣялась.

Въ это время въ избу вошелъ Семенъ, а за нимъ, утирая рукавомъ рубахи потъ съ загорѣлаго лица, вошелъ и Иванъ, только что выпрягшій лошадей и пустившій ихъ въ переулокъ на траву.

— Чего вы тутъ гомоните?..—спросилъ Семенъ, неувѣренно и безпокойно переводя глаза съ жены на племянницу.

— Охъ, оглушила!..—обиженнымъ голосомъ сказала Гамазиха, подавая краюху хлѣба и ножикъ на столъ.

Семенъ сосредоточенно принялся рѣзать хлѣбъ ломтями.—...Это ты про кого?..—не поднимая глазъ, спросилъ онъ.

— Да такъ чтой-то тетечкѣ вздумалось меня шпынять, отчего я давеча по воду не ходила!..—начала Матренка, скороговоркой и усаживаясь за столъ между мужемъ и Семеномъ:—...когда жъ было по воду ходить?.. Небось знаешь, дядечка... самъ насъ на зорькѣ проводилъ допахивать энти колесы [3]), что для [4]) Рытвинки; потому завтра безпремѣнно—сѣять!..

— Небось, допахала?..—насмѣшливо перебила ее Гамазиха, наливая горячую похлебку изъ чугуна въ деревянную чашу.

— Неужли жъ?..—отозвалась Матренка—... злыдни [5]) остались!..

---

[1]) У крестьянъ-великороссовъ выраженіе «мужъ» очень часто, если не всегда, замѣняется словомъ «хозяинъ».

[2]) Крестьянство, вѣроятно, изъ суевѣрнаго страха, говоря про нечистую силу, часто замѣняютъ это слово мѣстоименіемъ.

[3]) Колесо—мѣра земли около $^1/_{10}$ десятины.

[4]) «Для» у крестьянъ означаетъ—возлѣ, около.

[5]) Злыдни—пустякъ, малость.

Семенъ поглядѣлъ на Ивана и на Матренку.—Стало, пообѣдавши опять пахать поѣдете?..—спросилъ онъ равнодушно.

— Что тамъ и пахать-то?...— подтвердилъ Иванъ слова жены своимъ пѣвучимъ, грустнымъ, какимъ-то страдальческимъ голосомъ:—...колеса полтора всего и осталось-то!..

— Стало, допахали!..—еще ядовитѣе повторила Гамазиха.

— Ну, что-жъ, есть о чемъ толковать!..—оборвалъ Семенъ жену, вставая изъ-за стола и принимаясь креститься передъ образомъ въ углу.

— ...Ишь заступникъ нашелся!..—огрызнулась на Семена Гамазиха, въ свою очередь усаживаясь за столъ и принимаясь за краюху хлѣба и похлебку.

— Экъ, тебѣ угомона нѣтути!.. —журилъ Семенъ племянницу, выйдя съ нею и Иваномъ на улицу послѣ обѣда и принимаясь распутывать и обратывать лошадей, на которыхъ нужно было допахивать.—...Все грызешься со старухой!..

— Что-жъ я подѣлаю, дядечка?.. Тетечка, значитъ, хандру свою справляетъ!..

— А ты бы, молодуха, вишь, перемолчала... Старому человѣку надоть уважить... Такъ-то!..—сказалъ Семенъ наставительно.

— И то уважаю, дядечка... — сказала, лукаво улыбнувшись, Матренка. И потомъ, вдругъ сдѣлавъ серіозное лицо, она прибавила:—дыть на нее не потрафишь—допяла въ отдѣлку!..

На лицѣ бабенки, снова появилась шаловливая улыбка. Она оглянулась на Ивана. Лошади были запряжены, и Иванъ медленно, не спѣша, подводилъ возилку подъ соху и собиралъ вожжи.

— Совсѣмъ?.. Трогать, что ль?.. — спросилъ онъ. Иванъ молча кивнулъ головой.

— Н-но-о, Гамазиха!..—во все горло крикнула Матренка, въ ту же минуту неудержимо захохотавъ и съѣзжая вмѣстѣ съ Иваномъ со двора.

Семенъ быстро и испуганно обернулся и поглядѣлъ на крыльцо. Но Гамазиха еще доканчивала обѣдать въ хатѣ.

— И впрямь—прокуратъ!.. —подумалъ онъ, тихо покачавъ головой и снова принимаясь за оставленную починку сохи:—...не Ванькѣ-смиреннику бабенку взяли, что и говорить.

II.

Раннее тихое утро. Тепло. Чувствуется сырость отъ выпавшаго ночью сильнаго дождя. На вчера еще пыльной дорогѣ теперь виднѣются лужи. Даже колеины на половину полны водой и жидкой грязью. На пару торчавшія сѣро-пыльныя комлыги прибиты дождемъ и расплюснуты въ лепешку. Пахнетъ напоенной землей. Изъ ближняго лѣска потягиваетъ по вѣтру смѣшаннымъ запахомъ древесины,

хвои и прошлогодняго прѣлаго листа. На заобложившемъ, уже довольно густо заросшемъ травой пару чинно сидятъ грачи, вороны и клюютъ только что разсыпанное зерно. Въ сторонкѣ, на межѣ съ примятой и уже пожелтѣвшей травой и былками, стоитъ распряженная телѣга съ сѣменами, прикрытыми сѣрымъ веретьемъ и опрокинутой вверхъ днищемъ сѣвалкой и тутъ же сложеннымъ хомутомъ. Возлѣ телѣги на взметѣ лежатъ двѣ деревянныя бороны, зубьями кверху. Высоко въ блѣдноватой синевѣ неба рѣютъ стрижи, дрожитъ жаворонокъ, высматривая блестѣвшія на солнцѣ капельки недавняго дождя.

Семенъ, Иванъ да Матренка втроемъ запахиваютъ сѣвъ на своихъ загонахъ. Все обширное поле кругомъ пестрѣетъ народомъ: вся деревня сѣетъ. Послалъ Богъ дождя, напоилъ кормилицу-землю. Только этого и ждали; время сѣять проходило, и теперь надо было спѣшить—не пропустить бы вовсе!.. И всѣ спѣшили. И въ природѣ и на людяхъ была какая-то праздничная торжественность. Соломенныя лехи, торчавшія тамъ и сямъ изъ-подъ земли, сѣвалки, изъ которыхъ сѣвачи подъ широкій, развалистый шагъ разбрасывали зерна, самыя зерна, дождемъ падавшія на землю, тонкая, едва видная паутинка, застилавшая еще невспаханныя мѣста взмета, все сверкало и блестѣло подъ косыми, багряно-золотыми лучами солнышка, недавно показавшагося изъ-за верхушекъ лѣса и невысокаго кургана на опушкѣ.

Семенъ посѣялъ загонъ и теперь запахиваетъ его съ Иваномъ и Матренкой. Онъ идетъ впереди, нахлобучивъ фуражку на глаза; бѣлая, посконная рубаха обрисовываетъ его мощное, богатырское тѣло. Ноги, обутыя въ свѣжія онучи и лапти, смѣло и твердо ступаютъ по бороздѣ; въ движеніяхъ его, во всей фигурѣ—какая-то торжественность. Онъ не сознаетъ, быть можетъ, но чувствуетъ свою близость къ природѣ, свое участіе въ великой ея тайнѣ, тайнѣ умиранія добраго сѣмени для того, чтобы воскресить новую жизнь, новый злакъ... Лицо мужика сіяетъ здоровьемъ, непорочнымъ счастіемъ; онъ весь отдается радости жить, работать, дышать этимъ чуднымъ, напоеннымъ ароматами природы утромъ и тѣмъ великимъ дѣломъ, которое онъ дѣлаетъ на груди матери-кормилицы земли. На душѣ у него одно только сожалѣніе: мало тѣхъ двухъ надѣловъ, которыми онъ пользуется.

— Эх-ма!.. Кабы земельки прикупить!..—думаетъ онъ, вздыхая и поглядывая на непаханную подъ самымъ лѣсомъ полосу своего сосѣда-бобыля, когда-то богатаго, теперь окончательно спившагося съ круга мужика, купившаго прежде эту землю у своего еще ранѣе, чѣмъ онъ, разорившагося помѣщика. — Пять десятинокъ, да земелька-то какая—малина!..

— Но, ближе!..—слышится позади его голосъ племянницы.

— Ишь, вотъ, даромъ, что на Чаломъ пашетъ... — подумалъ

онъ:—ужъ на что вѣрный конь, а то и дѣло—ближе, да вонъ лѣзь!.. ужъ нонче ли не пашня?.. Земля, какъ пухъ!..

Онъ хотѣлъ пожурить ее, что сама плохо пашетъ, а на коня сваливаетъ. Но сейчасъ же передумалъ.

— Богъ съ нею!..—проворчалъ онъ про себя.—Дѣло молодое, не бѣда, что пахать не горазда—обучится!..

— Вонъ лѣзь!.. Вишь притулился!..—снова раздался немного сердитый голосъ Матренки.—Н-нó, домовой!..

Семенъ допахалъ до межи, повернулъ лошадь, надѣлъ палицу на другую половину сошника и остановился, поджидая Матренку и Ивана, отставшихъ отъ него.

— Ишь вотъ, бабья пахота!—подумалъ онъ, окидывая Матренкину борозду глазомъ и сравнивая ее со своею.—Червемъ ползетъ... то-то, вотъ: то ближе, то вонъ лѣзь!.. Эхъ, грѣхи, грѣхи!..

Онъ молча поглядѣлъ на подъѣзжавшихъ въ эту минуту племянницу и племянника.

Но Матренка сейчасъ же поняла его взглядъ.

— Чтой-то, дядечка, Чалый нонче какъ быдто борозду не держитъ?—развязно сказала она, исподлобья глянувъ на Семена и тоже заворачивая вслѣдъ за Иваномъ своего Чалаго на новую борозду.

Семенъ ничего не отвѣтилъ. Онъ чувствовалъ, что надо было пожурить молодку и за плохую пахоту, да кстати и за вчерашнюю выходку по отношенію къ теткѣ, но онъ чувствовалъ себя сегодня слишкомъ счастливымъ и потому добрымъ.

— Богъ съ ней, Богъ съ ней!..—сквозь ласковую улыбку ворчалъ онъ:—чего ужъ тутъ?.. Дѣло молодое, несмысленное... Пріобыкнетъ! Придетъ время, небось!..

Семенъ, а за нимъ Матренка и Иванъ пошли новой бороздой.

И снова попалась Семену на глаза непаханная, заобложившая земля бобыля. И снова полѣзли въ голову мысли о томъ, какъ было бы хорошо купить ее, такъ какъ спившійся съ круга бобыль все равно ея не «соблюдаетъ», и земля пропадаетъ такъ, за дурно. На ходу Семенъ прикидываетъ въ умѣ, что рубликовъ семьдесятъ, даже три четвертныхъ за десятинку дать можно: земля ужъ больно ровна—ни рытвинки, ни канавки. Да и обложитъ который уже годъ. Бобыль спьяна ни самъ не пашетъ, ни даже людямъ «на ренду» не сдаетъ. Чудакъ! А деньги найдутся... Половину Семенъ изъ своихъ отдать можетъ: дома въ кубышкѣ найдутся; а остальныя можно призанять «хошь у хрестьянской банкѣ», а не то у Минаича, господскаго управителя.

— Банкъ тожъ, слышь, обдеретъ!..—продолжалъ онъ свою думу.—Даромъ, что хрестьянской банкой прозывается, а и нашего брата мужика тамъ не пожалѣютъ: тамъ тоже свою линію, значитъ, крѣпко держатъ. Да и опять—расходы: ѣзди въ губернію,

проживайся!.. А у Минаича—поближе, сподручнѣй!.. Хошь и онъ, все едино, дарма не дастъ, возьметъ свой «причтентъ», кольки ему, значитъ, полагается; зато почесть — дома. А деньжищъ у него—уймища: годовъ тридцать на барской усадьбѣ хозяйствуетъ, барскія-то денежки къ рукамъ и поналипли!.. Опять и лѣтошній годъ барскій лѣсъ чистили... орѣшникъ, крушинникъ да сухостой выбирали... А за сухостоемъ дубки да березки, слышь, летѣли... Большой, баютъ, тогда капиталъ Минаичъ нажилъ!.. Безпремѣнно, какъ только, Господь дастъ, обсѣемся, сейчасъ же за бобылеву землю возьмусь!..

— Эхъ-хо-хо-о!..—воскликнула Матренка, подъѣзжая къ противоположной межѣ вслѣдъ за Семеномъ и насмѣшливо кивнувъ головой на только что пройденную имъ борозду.—Эхъ-хо-хо-о!.. Знать, дядечка, и твой меринъ нонче плохо борозду держитъ?.. Глянь-кась: э-э-вон-на какое коромысло выгнулось...

Она, громко засмѣявшись, показала кнутовищемъ на дѣйствительно изогнутую, полную огрѣхами [1]), борозду дяди.

— Эхъ-ма, грѣхи!.. — подумалъ онъ, озадаченно почесывая въ затылкѣ.—Вотъ, значитъ, и выходитъ: думушку-то думай, а дѣла не забывай!.. Еще молодку собирался журить!.. А самъ-то? Хозяинъ тоже, говорятъ люди!..

— Ништо...—сказалъ онъ черезъ минуту, весело засмѣявшись:— сейчасъ грѣхъ поправимъ!..

Онъ задергалъ вожжами и поѣхалъ поправлять излучины кривой борозды.

III.

Гамазиха день ото дня начинала блажить все больше и больше. Распри между нею и племянницей не только повторялись ежедневно, но и въ день но нѣскольку разъ. Что бы ни дѣлала Матренка, все служило поводомъ къ выговорамъ и болѣе или менѣе крупной перебранкѣ между обѣими бабами. Посылала ли Гамазиха Матренку тѣшить [2]) коровъ, она сейчасъ же находила, что молодка слишкомъ долго возится; принималась ли молотить на гумнѣ, Гамазиха набрасывалась на Матренку за то, что она де не въ чередъ бьетъ цѣпомъ и сбиваетъ другихъ съ череда; пойдетъ ли молодка на поденную въ барскую экономію,—Гамазиха и тутъ найдетъ пищу для покоровъ: что Матренка де потому и повадилась на барскую молотьбу, что снюхалась съ молодымъ ключникомъ.

Такъ проходило время.

— Моченьки моей нѣтути!... — жаловалась не разъ Матренка своему мужу Ивану.—Слопать хочетъ меня ваша старуха!.. Хошь

---

[1]) Огрѣхъ — мѣста, не захваченныя сохою.

[2]) Доить.

бы ты дядечкѣ пожалился... Може, онъ бы ее чуточку постращалъ, когда ты самъ окоротить вѣдьму не умѣешь!..

Иванъ, смирный, черезчуръ безсловесный и покорливый, хотя и самъ видѣлъ, что отношенія между теткой и племянницей день ото дня становились невыносимѣе, не смѣлъ и подумать «окоротить» Гамазиху, которой всегда боялся, и только опускалъ голову и разводилъ руками.

— А что-жъ я съ нею подѣлаю?—говорилъ онъ въ отвѣтъ на жалобы жены.

— Ну, погоди!—думала Матренка, видя, что защиты ей искать не у кого.—Я же изъ тебя, старой вѣдьмы, гамазу-то сама повышибу, дай срокъ!.. Собака на заваленкѣ и та покой имѣетъ, а тутъ—хуже пса: день-деньской хлопочи, а тебѣ — хоть бы что!.. Дай срокъ!.. Я-тѣ, старому чорту, уважу...

— Брось, Ѳекла!..—укорялъ Гамазиху Семенъ:—чего ты молодку гложешь?..

— А-а... такъ ты вонъ что?..—отвѣчала Гамазиха, сейчасъ же приходя въ ярость: — чѣмъ бы Матренкѣ - «прокурату» хорошую мятку задать, чтобъ не супротивничала въ домѣ, а ты—меня окорачивать?... Стало, я ужъ и не нужна?.. Стало, ужъ я и не хозяйка въ домѣ?.. Молодка большая [1]) стала?.. Нѣтъ погоди чуточку, грѣховодникъ, я еще жива!.. Я управу на тебя съ твоей молодкой найду, небось!.. Я-тѣ уважу племянниковой молодкѣ!..

И Семенъ сейчасъ же, лишь только начиналась ссора изъ-за Матренки, уходилъ со двора, чтобы не слыхать досадныхъ рѣчей разсвирѣпѣвшей Гамазихи.

-- Сдурѣла баба!..—думалъ онъ въ такія минуты:—ей-ей, сдурѣла!.. Чего блажитъ?.. Къ чему она эти самыя слова говоритъ: я молъ-тѣ уважу племянниковой молодкѣ?.. И не пойму... Нешто я что лишнее Матренкѣ уважу?.. Кто-жъ ее пойметъ?..

И дѣйствительно до настоящаго смысла Гамазихиныхъ словъ Семенъ въ чистотѣ своего сердца все-таки теперь еще додуматься не могъ. Гамазиха на самомъ дѣлѣ сдурѣла. Возненавидѣла она Матренку чуть ли не съ перваго часа вступленія ея въ домъ. Еще на свадьбѣ Ивана, когда всѣ пировали, Матренкѣ пришлось сцѣпиться съ «богомданной тетечкой», которая обинякомъ стала колоть молодую по поводу какихъ-то ручниковъ, будто бы не доставленныхъ съ приданымъ, которое еще по утру, по деревенскому обычаю, привезли въ двухъ сундукахъ изъ дома молодой. Нисколько не смутившись обидными намеками старухи, Матренка сейчасъ же дала ей отпоръ и очень ясно подчеркнула, что вступаетъ въ домъ не работницей, какъ другія дѣвки, а второй хозяйкой, такъ какъ мужъ ея Иванъ—тоже хозяинъ своей отцовской части двора, которою пользуется Семенъ.

[1]) Старшая.

Этой смѣлости, этихъ словъ Гамазиха никогда простить Матренкѣ не могла, тѣмъ еще болѣе, что отпоръ былъ данъ громко, отчетливо, при всѣхъ собравшихся въ хатѣ гостяхъ, изъ которыхъ многіе—она это сейчасъ же замѣтила—стали прятать смѣхъ за рукавомъ.

Первое время она только «грызла» племянницу. Но видя, что Матренка сама зубаста и спуска ей не даетъ, Гамазиха принялась, по крестьянскому выраженію, разстраивать Семена противъ племянницы. Семенъ, однако же, зная сварливый нравъ жены, чаще всего становился на сторону молодки, просто-таки не вѣря навѣтамъ и жалобамъ на нее Гамазихи. Это разжигало нелюбовь Гамазихи къ Матренкѣ до размѣровъ настоящей ненависти, къ которой стало примѣшиваться подозрѣніе въ томъ, что Семенъ, «старый грѣховодникъ», зарится на молодую и пригожую племянницу. Въ самомъ ли дѣлѣ Гамазиха принимала доброту и снисходительность Семена къ племянницѣ за грѣховное чувство, или злоба ея была просто плодомъ раздраженнаго самовнушенія, самой обыкновенной безразсудной ревности, баламутствомъ, но подозрѣнія ея росли и крѣпли до того, что она уже не могла болѣе видѣть Семена и Матренку вмѣстѣ, хотя бы въ личномъ своемъ присутствіи и даже въ присутствіи самаго Ивана. Когда она принималась «разстраивать» Ивана, послѣдній только просилъ прощенья за молодку и тутъ же предоставлялъ Ѳеклѣ право «поучить» ее, ежели бы она продолжала озорничать.

Ѳекла ухватилась за эту мысль и, не откладывая дѣла, черезъ нѣсколько же дней попробовала. Но та, и тутъ не сробѣвъ, схватила старуху за руки и съ такою силой отшвырнула отъ себя, что у Гамазихи тотчасъ и пылъ прошелъ.

Молча, задыхаясь и злобно косясь на молодку, стояла она, шепча поблѣднѣвшими губами ругательства. Прокуратъ-Матренка, напротивъ, улыбаясь, какъ будто ровно ничего не случилось, шептала ей: мотри, тетечка, руками не балуй!.. Вдругорядь не было бы хуже!..

Тогда Гамазиха, потихоньку да помаленьку, съ такою же безсознательной выдержкой и безстрашіемъ, съ какимъ лунатики лазають въ глубокомъ снѣ Богъ вѣсть по какимъ головоломнымъ мѣстамъ, принялась за племянника съ другой стороны.

Съ видомъ участія и будто бы для того, чтобы предостеречь его, она разсказала ему цѣлую басню о томъ, что Матренка будто бы слозналась съ волостнымъ писаремъ Самойловымъ.

Самойловъ, мѣщанинъ сосѣдняго уѣзда, лѣтъ двадцати пяти, полуобразованный, но воображавшій о себѣ очень много, былъ довольно видный мужчина, любилъ пестро одѣваться, не прочь былъ за бутылочкой вина побесѣдовать, по собственному выраженію, «съ умными и образованными людьми» и слылъ въ округѣ за соблазни-

теля женскихъ сердецъ, несмотря на то, что былъ женатъ, и что жена его рожала чуть ли не каждый годъ.

Самойловъ дѣйствительно что-то похаживалъ послѣднее время около Семенова двора и нѣсколько разъ уже успѣлъ перекинуться шуточками съ Матренкой. Матренка, какъ баба говорливая, всегда готовая позубоскалить, не только охотно отшучивалась, но и не отказалась отъ горсти подсолнуховъ и орѣховъ, которые однажды предложилъ ей Самойловъ. Иванъ, видавшій нѣсколько разъ гулявшаго по улицѣ писаря, но не придававшій этому въ то время никакого значенія, теперь, хотя и отказался наотрѣзъ вѣрить навѣтамъ тетки, но все же невольно запомнилъ ея слова, которыя оставили въ его довѣрчивой душѣ горькое чувство.

— Господи, Господи...—думалъ онъ, представляя въ воображеніи, какъ его Матренка любуется съ писаремъ:—неужли-жъ она взаправду?..

И посѣянныя въ немъ Гамазихой сомнѣнія съ каждымъ днемъ росли все больше и больше, и то, что раньше и въ голову ему не приходило, стало казаться ему не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ. О возникшихъ у него подозрѣніяхъ онъ, однако же, никому не сказалъ и принялся незамѣтно слѣдить за молодой женой.

Писарь Самойловъ попрежнему продолжалъ ежедневно прогуливаться по улицѣ, но близко къ дому не подходилъ, и никакихъ встрѣчъ съ Матренкой не замѣчалось. Ревность тѣмъ не менѣе продолжала мучить Ивана, такъ какъ ему иногда приходило въ голову, что онъ не тамъ сторожитъ, гдѣ нужно, и что они, пока онъ сторожитъ ихъ здѣсь, быть можетъ, обманываютъ его въ другомъ мѣстѣ и въ другое время.

— Аль дѣла нонче у васъ не стало въ волостной конторѣ, Петръ Палычъ... что вамъ дома-то не сидится?..—спросилъ однажды не выдержавшій Иванъ, обратившись къ Самойлову, который гулялъ по улицѣ, неподалеку отъ Семенова двора.

Писарь остановился и не безъ нѣкотораго замѣшательства поглядѣлъ на искаженное лицо всегда робкаго и молчаливаго Ивана.

— А что?..—довольно глупо улыбаясь, спросилъ въ свою очередь писарь.

— Да такъ, что допрежъ, похоже, этого не было?..—проговорилъ Иванъ тѣмъ же раздраженнымъ голосомъ, оперевъ руки въ бока и небрежно разставивъ ноги.

Самойловъ еще болѣе смутился отъ этой непринужденной позы Ивана. Словно совсѣмъ другой малый стоялъ передъ нимъ.

— Прогуливаю себя, братецъ ты мой!..—мягко, даже чуть-чуть заискивающимъ тономъ отвѣчалъ онъ:—пишешь, пишешь деньденьской, въ глазахъ даже въ родѣ обморока сдѣлается!..

Иванъ продолжалъ смотрѣть на него съ тупою злобой.

— Н-да, это ты точно, дядечка!..—протянулъ онъ... — И ума не приложу, какъ тутъ быть!

— Да что ты, трехъ денъ молоденъ [1])!.. — возразилъ дядя:— я ума не приложу!.. Славу Богу, не махонькій!... Грызутся бабы да шабашъ!.. Пыталъ я Ѳеклу уговоромъ... Куды-ы?.. Еще хлеще!.. Все равно, какъ шалая лошадь, когда ей вожжа подъ хвостъ попадетъ!.. Наказывалъ и Матренкѣ, чтобъ потише вякала [2]) да попокорливѣй была!.. И энта погладиться не даетъ: нешто съ теточкой сообразишься, говоритъ?.. Все равно, какъ съ цѣпи сорвалась!.. Хандру свою справляетъ!.. Такъ и норовитъ глотку перекуситъ!.. Вотъ я, Ванюша, и подумываю: не отпустить ли васъ съ Матренкой въ отдѣлъ, отъ грѣха?..

— Въ отдѣлъ?..—повторилъ Иванъ, пораженный этими словами.

— Ну, что жъ?.. Аль боязно?.. — продолжалъ Семенъ, пробуя пошутить... — Бояться неча!.. Ты теперича до всякаго дѣла доведенъ: что сѣять, что пакать, что косить!.. Управишься, небось!.. Обстрою; земельки общественной на душу міръ дастъ!.. А не то на одну душу самъ тебѣ дамъ; опять же изъ купчей, бобылевой половину тебѣ!.. Животовъ [3]) дамъ, телѣгъ, упряжи, сохъ, боронъ— всего!.. Не обижу, грѣха не возьму на свою душу!.

Иванъ въ это время присѣлъ на отводъ [4]) саней. Опустивъ голову на мерзлый хворостъ и закрывъ лицо обѣими рукавицами, онъ плакалъ, какъ плачутъ дѣти: въ голосъ и всхлипывая.

— Чего ты, чего?.. — сказалъ Семенъ, обернувшись и подходя къ племяннику.—Чего ты, рёва?.. Нешто я тебя обидѣть хотѣлъ?.. Полно, будетъ ревѣть!..

Иванъ приподнялъ голову. Молодое, румяное отъ мороза лицо его, съ курчавившейся русой бородкой и чуть замѣтными усиками, было залито слезами. Онъ утерся полой армяка.

— Ой, дядечка...—началъ онъ голосомъ, еще полнымъ слезъ.— ...Ужели-жъ я такъ и родился—безъ талана [5]), безъ счастья, ужели-жъ я такъ и долженъ пропасть сиротой бездомнымъ? Кажись, вины за мной никакой нѣтъ: работаю по-божески, изо всей мочи, не перечу твоей волѣ ни въ чемъ!.. За что-жъ ты гонишь меня съ вотчиннаго кореня?.. Выросъ я на немъ, привыкъ... И кустъ-то каждый, и дверь, и порогъ, и заваленка — будто свои, родные!.. Яви, дядечка, Божескую милость — не гони на чужой корень, дай свѣковать дома!.. А что касается о Матренкѣ, прикажи только: ребра переломаю, истинный Господь!.. Неужли-жъ мнѣ черезъ бабій вздоръ [6]) погибать?..

---

[1]) Поговорка.

[2]) Лаяла, брехала (народное выраженіе).

[3]) Скота—мѣстное выраженіе.

[4]) Боковыя грядки.

[5]) Талантъ—счастье, удача.

[6]) Вздоръ—ссора, свара, брань.

— Что ты, что ты, малый, никшни!.. Нешто я тебѣ велю драться?.. — встрепенулся Семенъ. — Вѣдь это мы такъ, промежъ себя гуторимъ... Къ тому я говорю, что ужъ дома-то—нѐча грѣха таить—на что хуже!.. Жену пойдешь учить—наврядъ лучше будетъ!..

— Погоди, дядечка, погоди чуточку... — торопливо заговорилъ Иванъ:— обмозгуемъ, небось!.. Ужо я самъ Матренку-то попытаю, може, и наладимъ дѣла!.. А то — въ отдѣлъ!.. Ни въ жизнь я не согласенъ, потому — живъ я не буду безъ вотчаго кореня... Я знаю!..

V.

Пыталъ ли Иванъ свою Матренку, какъ обѣщалъ Семену, или не пыталъ, но «дѣла» нисколько не «наладились», — напротивъ, ссоры обострялись съ каждымъ днемъ. «Учить» молодку послѣ бывшей, неудачной попытки, Гамазиха не осмѣливалась; жаловаться Семену, пристрастному, какъ ей казалось, заступнику Матренки, — не привело бы ни къ чему; Иванъ слишкомъ любилъ, или, по крестьянскому выраженію, слишкомъ «жалѣлъ» свою молодую хозяйку, да и по нраву своему, очевидно, не могъ совладать съ балованной бабенкой.

Гамазиха была въ отчаяніи и терялась, не зная, что предпринять, къ кому обратиться.

Однажды, въ долгую, безсонную ночь, когда она переворачивала на всѣ лады безвыходность своего положенія, ей вдругъ пришло въ голову, что Матренка приворожила Семена, отуманила мужа какимъ нибудь колдовствомъ, приворотомъ, а ее, Гамазиху, быть можетъ, собирается извести, чтобы самой стать на ея мѣсто полновластной хозяйкой. Она тутъ же припомнила слова, сказанныя Матренкой еще на свадьбѣ: что она де вступаетъ во дворъ не работницей, а второй хозяйкой.

Эта мысль поразила ее, какъ громовый ударъ.

Всю ночь Гамазиха не сомкнула глазъ, ворочаясь съ бока на бокъ и только подъ утро вспомнивъ, что верстахъ въ пяти, въ другомъ селеніи, жила старушка по прозванію Маревна [1]), про которую ходила молва, что она не только лѣчитъ скотъ и людей отъ всякой болѣзни, но и умѣетъ «заговаривать» зубную боль, грызь, ворогушу [2]) и въ потребныхъ случаяхъ даетъ разныя средства: приворожки и отворожки,— она рѣшила при первой же возможности, конечно, тайно отъ домашнихъ, съѣздить къ знахаркѣ и посовѣтоваться съ ней.

— Занепремѣнно надо побывать!..— рѣшила она успокаиваясь.— ...Занепремѣнно!.. Потому я врагу—Матренкѣ, чтобъ она засохла,— живая въ руки не дамся, ни пѝ что!..

---

[1]) Марей, искаженное—Марій.

[2]) Грызь—грыжа. Ворогуша—лихорадка.

VI.

На слѣдующій же день, воспользовавшись тѣмъ, что Семенъ, Иванъ и Матренка сѣяли на Рытвинкѣ, Гамазиха живо запрягла Бураго и покатила къ Маревнѣ. Дорога была ровная, хорошая, и она разсчитывала вернуться домой раньше своихъ домашнихъ.

Маревна жила на самомъ краю деревни, возлѣ оврага, у котораго начинался мелкій кустарникъ, переходившій дальше въ довольно крупный дровяникъ. Лѣвѣй, послѣ довольно большого перерыва, начиналась деревенская улица, раздѣлявшая ряды полуразвалившихся, кривобокихъ и похилившихся домиковъ, соломенныя крыши которыхъ издали были очень похожи на встрепанныя, давно нечесанныя головы. На пустырѣ, передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ начиналась улица, стоялъ развалившійся кирпичный столбъ съ крестомъ наверху и вдѣланнымъ въ камень образомъ. Стекло, покрывавшее образъ, было однако такъ загрязнено, что подъ нимъ едва можно было что нибудь разглядѣть.

Былъ, впрочемъ, одинъ домъ—каменный, подъ желѣзной, выкрашенной въ ярко-зеленый цвѣтъ крышей, съ расписными ставнями и узорчатыми украшеніями на крылечкѣ,—домъ, выглядѣвшій не только нарядныиъ, но и богатымъ въ сравненіи со своими сосѣдями. Это былъ мѣстный кабакъ. Казалось, что остальныя избенки потому и глядѣли такими жалкими, что кабакъ вырядился на ихъ счетъ, отнявъ у нихъ послѣдніе жизненные соки.

Да это, вѣроятно, такъ и было.

Подъѣхавъ къ избѣ Маревны, Гамазиха привязала Бураго къ одиноко-стоявшей противъ дверей ракитѣ, отпустила пенечный черезсѣдельникъ и, пошаривъ рукой въ телѣгѣ, достала изъ-подъ соломы завернутые въ платокъ яйца, ситный пирогъ да кусокъ сотоваго меда въ глиняной мискѣ и собиралась уже постучать въ дверь, какъ щеколда стукнула изнутри, и на порогѣ показалась небольшого роста старушка, въ темной съ бѣлыми мушками шубкѣ [1]) и черномъ шерстяномъ платкѣ, повязанномъ по-крестьянски—большимъ узломъ сзади головы. Лицо ея было пересѣчено крупными и мелкими морщинами, и особенно часто около большихъ, черныхъ, проницательныхъ глазъ, довольно длиннаго, съ горбиною, носа и беззубаго съ посинѣвшими тонкими губами рта.

— Кого надо?.. — сухо спросила она разсматривавшую ее Гамазиху.

— Да такъ, что наслышаны мы, голубонька Маревна, о тебѣ, что ты, значитъ, отъ всякой болѣзти вызволяешь... — начала нараспѣвъ, самымъ мягкимъ голосомъ Гамазиха: — ...вотъ и мы за

[1]) Почти то же, что и сарафанъ.

людьми къ твоей, значитъ, милости, Маревнушка, съ поклономъ!..

Она подала Маревнѣ свертокъ съ яйцами, пирогомъ и медомъ.

— Никогда тебя я не видала, откуда ты взялась!.. — проговорила старуха, не спуская глазъ съ Гамазихи и принимая свертокъ изъ ея рукъ. Постоявъ немного и подумавъ, она пропустила, однако, гостью въ избу и, войдя вслѣдъ за нею, тотчасъ снова заперла дверь на щеколду.

Когда Гамазиха вошла и помолилась на образа въ углу, она первымъ дѣломъ поглядѣла на загнѣтку, думая увидать чернаго кота, сову, или, по крайней мѣрѣ, вòрона. Но ни чернаго кота, ни совы, ни вòрона тамъ не было. Обстановка была самая обыкновенная и никакого волшебства не обнаруживала. Въ переднемъ, красномъ углу, на полочкѣ, оклеенной уже запылившейся и почернѣвшей бумагой, стояли образа, изъ-за которыхъ торчали концы тоненькихъ, копеечныхъ свѣчей бѣлаго и желтаго воска. Въ этомъ же углу — столъ и двѣ широкія лавки по стѣнамъ. Въ дальнемъ углу — печь, повидимому, давно остывшая. Тутъ же, возлѣ печки, въ уголкѣ, опираясь на кучу заметеннаго сора, чинно стояли, рядышкомъ, метла и ухватъ, рогами кверху. А подъ самымъ потолкомъ, на тонкихъ жердяхъ, подвѣшенныхъ мочалкой, сушились пучки травъ, цвѣта, ягодъ и корешковъ. На окнахъ и по лавкамъ стояли бутылки и махотки всякихъ размѣровъ съ настоями и снадобьями.

— Что надо?.. — строго повторила Маревна, видя, что гостья занялась разсматриваніемъ избы и не отвѣчаетъ.

— Ой, родная, вызволи... Зубы замучили!.. — сказала Гамазиха, тотчасъ же скорчивъ страдальческое лицо и присаживаясь на лавку.

— Врешь!..—грубо оборвала ее Маревна.—Не за тѣмъ ѣхала!.. Говори настоящее...

Гамазиха оторопѣла.

— Ишь ты какая!..—подумала она, несмѣло взглянувъ на Маревну, которая продолжала смотрѣть на нее, не спуская съ нея глазъ.—...Ишь ты!.. И не схоронишься-то отъ нея никуда!.. Добрè «знаетъ»!... [1])

Видя, что придуманная ею маленькая ложь не удалась, и понявъ, что Маревну обвести не такъ-то легко, Гамазиха сейчасъ же начала говорить «настоящее».

Сначала, словно робѣя, потомъ все смѣлѣй, увлекаемая преслѣдующею ее мыслью, принялась она разсказывать свою горестную повѣсть. Она вспоминала, какъ прежде, до свадьбы племянника и

---

[1]) «Знать» у крестьянъ выражаетъ преимущественно «заниматься колдовствомъ» («знахарь»—колдунъ, «знахарство»—колдовство).

появленія въ домѣ ненавистной Матренки-«прокурата», все у нихъ было по-доброму, по-хорошему: какъ Семенъ ее, балче, жалѣлъ да слухалъ; какъ племянникъ Ваня былъ покорливъ да покладливъ, одно слово смирнота-малый, какъ онъ теперь, хоть и не выходитъ изъ повиновенія, что говорить, а все же больше руку жены держитъ, словно съ нею въ отдѣлъ пошелъ; что зато мужъ ея, Ѳеклы, Семенъ, вовсе сдурѣлъ. Словно обошла его «прокуратъ» заколдованнымъ кругомъ какимъ или зельемъ опоила; что Семенъ съ тѣхъ самыхъ поръ, словно молодожонъ какой, не наглядится на племянницу, всякое слово ея слухаетъ, и не только окоротить, но даже слова супротивъ нея сказать не можетъ, а ее, Ѳеклу, законную свою жену, не только вовсе перестаълъ «жалѣть», а все равно, какъ на собаку смотритъ. Разсказъ свой, путаясь и сбиваясь съ порядка, Гамазиха пересыпала восторженными хваленіями красотѣ и богатырской силѣ Семена; потомъ, вдругъ, безъ перерыва, она перешла къ проклятіямъ на судьбу, на все, что она, нелюбимая жена, терпитъ отъ «грѣха» мужа, и кончила, разразившись рыданіями.

— Робята есть?..—спросила Маревна, немного погодя.

— Былъ мальчишечка, мать, да померъ!..—протянула Гамазиха, переставъ рыдать и вытирая слезы уголкомъ головного платка.

— Давно?..

— Давно, мать... Спервоначала, какъ, значитъ, замужъ вышла, понесла!..

— И съ тоихъ поръ не было?..

— Никакъ нѣтъ, не было!..

Маревна принялась разспрашивать о Семенѣ. Гамазиха сейчасъ же оживилась, повеселѣла и стала опять разсказывать то, что уже говорила Маревнѣ на всѣ лады. Послѣдняя давно думала о другомъ, а Гамазиха все еще не кончила говорить о Семенѣ.

— Дѣло-то простое, вишь...—думала Маревна, искоса поглядывая на сморщенное, поблеклое лице, выцвѣтшіе глаза и почернѣвшіе зубы сидѣвшей противъ нея старухи, — нонѣ-то какой народъ сталъ?.. И бабы хороши, ну, а мужики—еще лучше!.. Все можетъ быть: жена-то старухой стала — ишь вонъ сморчекъ какой, а хозяинъ—еще молодой... на молодуху зарится... Хозяинъ-то на племянницу, а хозяйка—на хозяина!.. Важно!.. Тожъ, небось, сморчку-то своего упустить не хочется...

Думая объ этомъ, Маревна стояла у печки и внимательно разсматривала пучки цвѣта, травъ и корешковъ, сушившихся на жердочкахъ.

— Вызволи, мать, не дай пропасть до конца!..—клянчила слезливымъ голосомъ Гамазиха, стоя возлѣ нея и кланяясь въ поясъ.

Отыскавъ наконецъ нужную траву, она сняла ее съ жерди и, подавъ Гамазихѣ, сказала:

— На, вотъ, давай имъ въ хлебовѣ по три былинки въ обѣдъ и по три въ ужинъ. Хозяинъ-то живо отсохнетъ отъ зазнобушки.

Гамазиха взяла траву, бережно завернула ее въ платокъ и, поблагодаривъ, направилась къ выходу.

— Ну, а какъ же, теперича, на счетъ эвтого самаго снадобья?..— раздумчиво спросила она, подойдя къ двери и взявшись за скобу.

— Чего?..—удивленно отозвалась Маревна.

— Этта, значитъ, насчетъ вреды?..

— Какой, то-ись, вреды?

— А такъ, что мнѣ ничего, значитъ, не будетъ, коли ежели съ Семеномъ, помилуй Богъ, что случится?..

— А что случится-то?

— Дыть кто-жъ его знаетъ!.. Нешто мы-то знаемъ?.. Этта я такъ только про себя подумываю: не вышло бы чего!..

— Ахъ, ты, дура полосатая!..—крикнула Маревна, сверкая глазами и дѣлая шагъ по направленію къ Гамазихѣ: — нешто я тебѣ отраву какую дала?.. Отдай отворожку, отдай!..

Гамазиха не слыхала уже послѣднихъ словъ Маревны.

Выскочивъ на улицу, поспѣшно отвязавъ Бураго и даже не подтянувъ черезсѣдельня, она кое-какъ ввалилась въ телѣгу и, нахлестывая добрую лошаденку концами пенечныхъ вожжей, пустилась вскачь изъ деревни, запрятавъ на ходу пучекъ травы за пазуху и безпрестанно оглядываясь, не гонится ли за нею Маревна.

Но Маревна не только не думала гнаться за Гамазихой, но даже не вышла за нею на улицу. Увидавъ въ окно, какъ улепетывала Гамазиха, она громко захохотала...

— Ахъ, ты, старая дура!.. — думала она, когда Гамазихи уже не стало видно: — съ такой-то корявой мордой, вишь чего домогается!.. Ну, пущай моей травкой ихъ попотчуетъ: имъ-то — ништо, да и сама-то съ того не покрасивѣетъ...

VII.

Надвинулась осень, прошло уже нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Гамазиха, побывавши у Маревны, давала «отворожку», но положеніе вещей мало измѣнилось... По крайней мѣрѣ, Гамазиха ничего не замѣчала. Семенъ попрежнему былъ со всѣми ровенъ въ обращеніи и ласковъ, Матренка—все также беззаботно весела, охотно бѣгала по праздникамъ въ деревенскій хороводъ, играла пѣсни, «скалила зубы» съ парнями да огрызалась и насмѣшничала, когда Гамазиха, «справляя свою хандру», принималась «шпынять ее». Тѣмъ не менѣе за это время случилось обстоятельство, имѣвшее рѣшающее вліяніе на жизнь Семенова двора. Въ эту же осень Семенъ на воскресномъ базарѣ въ городѣ встрѣтилъ одного

знакомаго мужика, какъ разъ изъ той деревни, изъ которой была Маревна. Мужикъ этотъ, немного пьяненькій, лишь только увидѣлъ Семена, хлопнулъ его по плечу и, громко засмѣявшись, воскликнулъ:

— А-а, Семену Макарычу!.. Сколько лѣтъ не видались!.. Племяша жена здорова-ль?..

Пораженный какъ громомъ, Семенъ сейчасъ же увелъ мужика въ отдѣльную комнатку трактира, подальше отъ народа и тутъ, не показавъ и малѣйшаго вида, что онъ смущенъ, сталъ его разспрашивать, угощая виномъ, чтобы развязать ему языкъ. Но мужикъ, и безъ того словоохотливый да къ тому же пьяный, сейчасъ же разсказалъ ему, что «снохачемъ» зовутъ его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Ѳекла ѣздила къ Маревнѣ за отворожкой...

Теперь стало ему понятно. Онъ сейчасъ же взялъ совершенно опьянѣвшаго мужикъ подъ руку, уложилъ въ свою телѣгу и уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ города.

Мужикъ сейчасъ же захрапѣлъ.

Всю дорогу обдумывалъ Семенъ страшную новость и мѣры, которыя нужно было принять для того, чтобы прекратить глупые слухи, которые такъ незаслуженно позорили его домъ.

Когда онъ отвезъ мужика и пріѣхалъ домой, его рѣшеніе было принято безповоротно: нужно было раздѣлиться съ племянникомъ, и какъ можно скорѣй.

На другой же день Семенъ пошелъ въ волость посовѣтоваться со старшиной и писаремъ.

Старшины въ волости не было. Но онъ не особенно былъ и нуженъ ему, главное тутъ былъ писарь Петръ Павловичъ Самойловъ, который, онъ зналъ, будетъ писать приговоръ, и котораго поэтому надлежало задобрить прежде всего.

Самойловъ сидѣлъ одинъ въ присутственной комнатѣ, когда вошелъ Семенъ, и писалъ какую-то бумагу. Онъ принялъ мужика довольно небрежно, но сейчасъ же сталъ замѣтно привѣтливѣй, когда узналъ цѣль его прихода. Во-первыхъ, онъ получалъ новую надежду на осуществленіе своихъ намѣреній относительно Матренки, которая, живя у дяди, была почти недосягаема, благодаря бдительности домашнихъ, главнымъ образомъ — Гамазихи; во-вторыхъ, Самойловъ природнымъ верхочутомъ угадывалъ и матеріальную выгоду отъ составленія раздѣльнаго приговора, въ чемъ обойтись безъ него было нельзя, и за что можно было поживиться съ богатаго Семена, по крайней мѣрѣ, двумя красненькими [1]), если не всею четвертной [2]). Со введеніемъ института земскихъ начальниковъ формальныя требованія по отношенію приговоровъ сельскихъ обществъ вообще и раздѣльныхъ въ особенности стали болѣе

---

[1]) Двѣ десятирублевыхъ.

[2]) Двадцать-пять рублей.

строгими, не такъ, какъ бывало раньше. Кто же могъ лучше волостного писаря знать всѣ тонкости этого дѣла и вѣрнѣе провести раздѣлъ, какъ не онъ?

Петръ Павловичъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять всей выгоды своего положенія и не воспользоваться имъ. Онъ подавилъ сейчасъ же чувство радости и принялъ строго-дѣловой видъ.

Справившись о количествѣ земли, живого и мертваго инвентаря и постройкахъ, которыя Семенъ предполагалъ выдѣлить племяннику, Самойловъ, важно развалясь на креслѣ подъ портретомъ, спросилъ:

— Ну, а какія-жъ причины раздѣла, братецъ ты мой? А?.. Почему именно ты желаешь отдѣлить племянника?..

Семенъ замялся.

— Такъ что, значитъ, требуется!.. Потому промежду бабъ несогласіе большое, значитъ—вздоръ идетъ!..—проговорилъ онъ наконецъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, переминаясь съ ноги на ногу и теребя фуражку, которую держалъ въ рукахъ.

Самойловъ снизу вверхъ поглядѣлъ на мужика, пожевалъ жирными губами и принялся играть толстой бронзовой цѣпочкой отъ часовъ.

Въ присутственной комнатѣ настала тишина. Почернѣвшій и засиженный мухами маятникъ тикалъ въ углу. Рядомъ, въ каморкѣ за перегородкой, слышался дѣтскій плачъ и уговоры жены Самойлова, который съ семействомъ жилъ при правленіи.

— Н-да...—вздохнувъ, послѣ довольно длинной паузы заговорилъ Самойловъ, какъ бы съ сожалѣніемъ... Это, братецъ ты мой, причина незаконная—несогласіе, да еще между бабами!.. Что-жъ ты окоротить ихъ что ли не можешь? А?..

— Ничего я съ ними не подѣлаю, ваше здоровье: дѣдъ ихъ окоротитъ!..—съ досадой замѣтилъ Семенъ, махнувъ рукой...—Шабашъ!.. Измучили!..

— И племянникъ тоже шабаршитъ?

— Никакъ нѣтъ!.. Это что грѣшить!.. Племянникъ—ничего!..

— Такъ вотъ, братецъ ты мой, эта причина незаконная, несогласіе-то!.. Вотъ и законъ даже говоритъ...

Самойловъ взялъ со стола сильно потрепанную и засаленную книжку «Положенія» и, быстро перелиставъ страницы, ткнулъ пальцемъ въ подлежащую статью.

— Законъ-то вишь, что говоритъ?..—продолжалъ онъ, искажая нѣсколько текстъ «Положенія»:—прежде всего начальство и сельскій сходъ обязаны уговаривать ссорящихся, стараться устранить причины семейнаго раздора, примирить!.. А потомъ уже...

— Это вы, Петръ Павлычъ, точно!..—перебилъ писаря Семенъ.—Однако тѣ самыя слова ни къ чему... Потому, коли ежели бабы промежъ себя вздорить зачнутъ—крышка!.. Нешто онѣ когда «рязонта» послухаютъ?.. Ее уговоромъ не проберешь!..

— Да, но все равно, земскій приговора не утвердитъ... — сказалъ Самойловъ: — я ужъ знаю... Перво-наперво: законъ не дозволяетъ... нонѣ строго стало, а, окромя этого, онъ самъ раздѣловъ терпѣть не любитъ!.. Баловство, говоритъ. Чрезъ самые раздѣлы рабочая сила ослабляется, недоимки и прочее такое!.. Опять же потому и земельный крызисъ-то у насъ сейчасъ происходитъ, что попередѣлились, говоритъ, всѣ вдрызгъ!..

Но Семенъ не убѣждался словами писаря.

— Яви Божескую милость!..— приставалъ онъ, оглядываясь и нѣсколько понизивъ голосъ... — Стань за отца, за мать, Петръ Павлычъ, потому, сказать попрямѣй-ча, не втерпежъ стала эвта самая бабья канитель!.. Ей-Богу, ну, не втерпежъ... Измаялся я съ ними въ отдѣлку!..

Онъ оглянулся, подошелъ ближе къ столу и подалъ Самойлову скомканную въ потной рукѣ синенькую бумажку.

Петръ Павловичъ не спѣша взялъ бумажку, разгладилъ ее рукой, поглядѣлъ и, аккуратно сложивъ, сунулъ въ карманъ жилетки.

— Такъ-то оно такъ... — протянулъ онъ, не глядя на Семена, а куда-то въ сторону,..—но, братецъ ты мой, этимъ не отдѣлаешься, не думай!.. Самъ понимаешь: тутъ трудовъ моихъ много будетъ!.. Нужно, чтобы приговоръ былъ какъ слѣдуетъ, по формѣ, потомъ переписка и прочее такое... Опять же, кабы тутъ вотъ писать, въ волости, а то на мѣсто вѣдь отправляться, потеря времени, безпокойство!.. Да и старшину надо настрочить, почему-что онъ тоже терпѣть не любитъ раздѣловъ—отъ земскаго этого духа набрался... Шабаршить, пожалуй, начнетъ: то да сё, скажетъ, къ чему имъ, молъ, дѣлиться, что за глупость!.. Трудовъ много, по совѣсти тебѣ скажу, ужъ четвертной билетъ на худой конецъ слѣдуетъ!..

— Чтой-то, чтой-то ты, Петръ Павлычъ, Господь съ тобой!..— возразилъ Семенъ, сдѣлавъ шагъ назадъ...—Да гдѣ жъ я четвертной возьму?..

— Гдѣ?..—насмѣшливо переспросилъ Самойловъ...—Гдѣ лежитъ, тамъ и возьмешь!.. А, впрочемъ, дѣло хозяйское!.. Не мѣшай, братецъ ты мой, заниматься!..—Онъ, притворившись равнодушнымъ и пододвинувъ къ себѣ бумагу, которую писалъ, когда пришелъ Семенъ, сталъ читать ее.

Снова настало молчаніе.

Самойловъ, повидимому, забылъ о Семенѣ. Семенъ смотрѣлъ въ окно на косматую лошадь, пытавшуюся мордой отворить мокрыя отъ осенняго непрерывнаго дождя ворота у сарая. Тикали часы; за перегородкой ребенокъ затихъ, и писариха въ полголоса мурлыкала какую-то пѣсенку, укачивая его.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что жъ ты, братецъ мой, стоишь?..—вдругъ сказалъ Самойловъ, поднявъ голову и словно теперь только вспомнивъ о Семенѣ.

— Ну, какъ же быть?.. — началъ послѣдній мягко... — Петръ Павлычъ, яви Божескую милость, пожалѣй хоть сколько нибудь: добре трудно, ей-Богу, не дойти до двора!..

— Тебѣ сказано?.. Что жъ ты на базаръ, что ли, пришелъ торговаться?..—рѣзко отозвался Самойловъ.

— Ну, ужъ такое дѣло, значитъ, Богъ съ тобой... хоть сколько нибудь уважь!... Ей-Богу, вотъ тѣ Владычица Господня, не въ моготу, ну!..—Онъ перекрестился на икону, передъ которой въ углу висѣла фарфоровая, замасленная, давно не чищенная лампада.

Самойловъ поглядѣлъ на Семена пытливо и, положивъ перо на край стола, сказалъ съ укоризной:

— Ишь, вотъ, намедни землю купилъ бобылеву, цѣлыхъ четыре сотни оставилъ—въ моготу было?.. Думаешь, я не знаю?.. Нѣтъ, братецъ ты мой, я все знаю!.. А мнѣ за свое же дѣло жалѣешь?.. Вѣдь у меня тоже семейство!.. Вонъ, слышишь, голоситъ?—вставилъ онъ, ткнувъ рукою по направленію перегородки, за которой опять кричалъ ребенокъ, и слышались уговоры и баюканье писарихи...—Такъ я, вѣдь, съ тебя не за казенное дѣло беру, понялъ?.. За казенное не полагается, почему-что я долженъ казенное дѣло безвозмездно дѣлать, понялъ?.. Ну, а это... это дѣло, какъ говорится, пратикулярное, можетъ, ночи двѣ изъ-за него просидѣть придется, проработать: и формы новыя пошли... строгости!.. Да и опять нужно съ письмоводителемъ земскаго хоть чайку попить, все расходы!.. А ты вотъ торгуешься, братецъ ты мой, какъ идолъ, прости Господи!

Самойловъ сдѣлалъ обиженное лице, взялъ перо, нѣсколько разъ обмокнулъ его въ чернильницу и, склонивъ голову, сталъ размахивать рукой надъ бумагой, какъ бы собираясь писать.

— Ну, какъ же, ваше здоровье, Петръ Павлычъ?.. Кольки жъ тебѣ не обидно уважить?..—спросилъ Семенъ, дѣлая еще попытку склонить писаря къ уступкѣ.

— Фу, ты чортъ!.. — воскликнулъ отдуваясь Самойловъ, какъ послѣ тяжелаго дѣла...—Ну, изволь, синенькую уступлю, но зато и ни копейки больше—слышишь?.. Отвяжись только!.. Не стоило бы тебѣ, богатѣю, уважить; да ужъ такъ... оченно у меня деликатная совѣсть, братецъ ты мой!.. Оченно ужъ мнѣ желается быть вѣрнымъ слугой царю и отечеству, да и народъ я жалѣю, вотъ что!.. Н-да!..

Семенъ молча вздохнулъ, потоптался на мѣстѣ и задумался. Но вспомнивъ о томъ, что происходило дома, и о слухахъ въ околоткѣ про его отношенія къ Матренкѣ, онъ быстро отвернулся и, вытащивъ изъ-за голенища засаленную сахарную бумагу, вынулъ еще пятирублевую и слегка дрожавшей рукой подалъ ее писарю.

— Другую красненькую додамъ опосля, когда обладишь дѣло!..— сказалъ онъ, понижая голосъ и наклоняясь къ писарю черезъ столъ.

Самойловъ такъ же спокойно, какъ и первый разъ, поглядѣлъ на бумажку, разгладилъ, сложилъ и сунулъ въ карманъ.

Въ волость, крестясь на образа, встряхивая волосами и отвѣшивая поклоны писарю, вошли нѣсколько мужиковъ.

— Значитъ, теперь только дѣло за согласіемъ общества?..— проговорилъ Самойловъ, пока мужики откашливались, сморкались въ пальцы и рукавами вытирали усы и бороды.

— Да вобшество, ништо!.. Вамъ извѣстно, Петръ Павлычъ: ведра два вина, и сдѣлай милость, что хошь!..— съ увѣренностью и усмѣхаясь отвѣчалъ Семенъ, направляясь къ выходу.

Черезъ нѣсколько времени Самойловъ вошелъ въ свою каморку. Ребенокъ спалъ въ колыбели, подвѣшенной къ потолку надъ широкой двухспальной кроватью, покрытой пестрымъ ситцевымъ одѣяломъ. Писариха, молодая, довольно миловидная женщина съ растрепанными, очевидно, давно нечесанными волосами и въ затасканномъ платьѣ, плохо застегнутомъ на груди отъ недостававшихъ пуговицъ, оставила колоду картъ, которыми она раскладывала пасьянсъ, и вопросительно поглядѣла на мужа.

— Ну, что?—спросила она немного въ носъ и съ ужимкой...— договорились?..

— Договорились, славу Богу!.. Хоть бы каждый день такъ!.. самодовольно потирая руки и улыбаясь, проговорилъ Петръ Павловичъ.

— Стало быть, къ Рождеству мнѣ дипломатъ [1]) будетъ?..

Улыбка тотчасъ же исчезла съ лица писаря.

Молодая женщина замѣтила это и чуть-чуть надула губы.

— Ну, какъ же?..—приставала она къ мужу:—неужели я хуже дьячковыхъ или фершерицы? У нихъ у всѣхъ есть, а у меня о сю пору еще нѣтъ дипломата!.. Одна только коцевеечка, да и та драная вся и на груди узка... Въ чемъ же я пойду на Рождество попадью проздравить съ праздникомъ?.. Эхъ, ты...—покачала она на Самойлова головой:—какой ты есть писарь, когда ты и на дипломатъ-то женѣ заработать не умѣешь!..

VIII.

Семенъ повернулъ раздѣлъ круто. Не прошло еще и недѣли, какъ онъ поладилъ съ Самойловымъ, и староста уже собралъ сходку по этому дѣлу. На этой сходкѣ вино не пилось, потому что знали, что земской этого, по выраженію Самойлова, терпѣть не любилъ и строго слѣдилъ за этимъ, но всѣ были увѣрены, что

[1]) Дипломатъ—особаго покроя пальто, нѣсколько лѣтъ бывшее въ модѣ сначала въ интеллигентныхъ классахъ, а потомъ перешедшее къ сословію горничныхъ, мѣщанокъ, фабричныхъ и прочаго люда въ этомъ же родѣ и особенно излюбленное ими.

лишь только старшина и писарь послѣ подписанія приговора уѣдутъ, Семенъ не пожалѣетъ угощенья, и вино польется рѣкой.

Казенный человѣкъ дѣлалъ свое дѣло отлично. Онъ помѣстилъ въ приговорѣ, что раздѣлъ неизбѣженъ, вслѣдствіе тѣсноты жилья и недостатка усадебнаго мѣста, не позволяющаго расширить постройку. О семейныхъ раздорахъ упоминалось какъ бы вскользь и очень кратко. Но зато отводилось широкое мѣсто полной платежной способности обоихъ будущихъ дворовъ и доказывалось искусно приводимымъ перечнемъ имущества, что каждый изъ дѣлящихся несомнѣнно будетъ безнедоимочно отбывать всякіе налоги, платежи и повинности. Согласно требованіямъ закона упоминалось, что раздѣла пожелалъ старшій членъ семьи, Семенъ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ. О томъ, что Иванъ, какъ только собрался сходъ, повалился въ ноги, умоляя и мужиковъ, и дядю, и тутъ же находившуюся тетку Гамазиху не трогать его съ «отчаго кореня», гдѣ жили и умерли его отецъ и мать, гдѣ самъ онъ родился, выросъ и желаетъ «свѣковать, пока Господь живота пошлетъ», разумѣется, не говорилось ни слова. Былъ моментъ, когда даже мужики, повидимому, проникнулись его жалкимъ видомъ и мольбами. Но и тутъ казенный человѣкъ пришелъ на помощь Семену. Петръ Павловичъ разъяснилъ, что по закону—онъ сейчасъ же развернулъ «Положеніе», бывшее у него въ рукахъ, хотя за безграмотностью мужиковъ провѣрить его словъ было некому—если старшій членъ семьи требуетъ раздѣла, и поводы къ тому законны, раздѣлъ все-таки состояться долженъ, тѣмъ еще болѣе, что Иванъ получаетъ лучшую половину всего подворнаго имущества, даже часть купчей земли, которую дядя могъ и не давать.

Видя, что ни просьбы его, ни домогательства предотвратить его судьбы не могутъ, Иванъ тихо отошелъ и усѣлся на заваленкѣ.

Пока мужики спорили и толковали о томъ, сколько усадебной и полевой земли отойдетъ къ Ивану, и оставить ли за нимъ тотъ надѣлъ, которымъ онъ пользовался сообща съ Семеномъ, или нарѣзать ему въ другомъ мѣстѣ изъ запасныхъ надѣловъ, Петръ Павловичъ, подъ предлогомъ покурить, юркнулъ въ сѣнцы Семенова дома, такъ какъ сходка была собрана на улицѣ противъ его двора.

Самойловъ, «казенный человѣкъ», не хотѣлъ подавать мужикамъ примѣръ нарушенія пожарнаго устава.

Въ сѣняхъ онъ натолкнулся на Матренку, которая все время стояла на крыльцѣ—Самойловъ это отлично замѣтилъ—и внимательно присматривалась и прислушивалась къ тому, что дѣлалось и говорилось на сходѣ.

— Ну, что?.. Довольна, что дѣлитесь?..—спросилъ Самойловъ, доставая изъ кармана пальто красную целлулоидовую папиросницу и спички.

— А мнѣ нужно!...—хитро улыбаясь и бросая въ то же время на писаря лукавый взглядъ исподлобья, отвѣчала Матренка.— Нешто я что знаю!..

Самойловъ жадно глядѣлъ на красивую, дебелую молодку. Она стояла, опираясь спиной къ стѣнѣ, подсмѣиваясь и пряча подбородокъ въ отвороты накинутой на плечи сермяжной коротайки.

— Вотъ что, красавица...—сказалъ онъ черезъ минуту:—одолжи мнѣ кваску или водицы, что есть, почему что смерть пить хочется!..

Онъ отворилъ дверь и вошелъ въ избу.

— А орѣховъ хочешь?—спросилъ онъ, стоя возлѣ стола, когда она принесла ему въ деревянномъ корцѣ бѣлесоватаго, жидкаго кваса, какой дѣлается въ каждомъ крестьянскомъ домѣ:—... у меня про твою милость припасены!..—добавилъ онъ шутливо.—...Даже конфеты есть!..

Онъ отхлебнулъ нѣсколько глотковъ и поставилъ корецъ на столъ, расплескивая квасъ дрожащей рукой.

Матренка смѣясь подошла ближе и принялась вытирать столъ полой коротайки.

— Вотъ тебѣ конфеты!..—сказалъ онъ, не сводя съ нея глазъ и подавая ей пригоршни карамелей въ цвѣтныхъ, раззолоченныхъ бумажкахъ.—...Кушай на здоровье, моя красоточка, и... позволь хотя разокъ поцѣловать тебя!..

Снова улыбаясь и продолжая вытирать столъ коротайкой, она молча взглянула на него.

Самойловъ быстро обнялъ молодку и, поднявъ ей голову рукой, хотѣлъ поцѣловать ее въ губы.

— Отойди, врагъ!—вдругъ разсердившись и вырвавшись отъ него, сказала она, замахнувшись на него локтемъ.

Самойловъ отскочилъ въ уголъ избы. Ему показалось, что въ сѣняхъ скрипнула половица. Чтобы скрыть волненіе, онъ сталъ зажигать потухшую папиросу.

Тѣмъ временемъ Матренка давно уже быта въ сѣнцахъ и снова изъ двери смотрѣла на улицу, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Экая славная!.. — думалъ Самойловъ, дымя папиросой и глядя въ окно на улицу, гдѣ все еще шумѣла сходка, и Гамазиха, размахивая руками, что-то горячо толковала, обращаясь то къ одной, то къ другой кучкѣ мужиковъ.—...Экая славная да сдобная!.. Живъ не буду, коли-ежели не одолѣю.

Докуривъ, онъ бросилъ окурокъ папиросы на загнѣтку печи, еще попилъ квасу изъ оставленнаго Матренкой на столѣ корца и вышелъ въ сѣнцы.

— Конопли начали брать? — спросилъ онъ, поравнявшись съ Матренкой, стоявшей у наружной двери на улицу.

— Нѣтъ еще, маленько не дошла!..—отозвалась она, не глядя на писаря, но все съ тою же заигрывающей, какъ давеча, улыбкой.

— Скоро начнете?..—допытывался онъ.

— Кто-жъ ее знаетъ!.. Тетечка позавчера баила: на той недѣлѣ, послѣ воскресенья, что-ль-ча!..

— Приду подсоблять!.. Можно? — шопотомъ и улыбаясь спросилъ онъ, наклоняя голову будто бы для того, чтобы пройти подъ низкую дверь на крыльцѣ.

Матренка ничего не отвѣтила, снова пряча румяное лицо въ отвороты коротайки.

— Одолѣю!..—самодовольно подумалъ Петръ Павловичъ, спускаясь со ступенекъ крыльца на улицу, гдѣ были мужики.—Утру носъ «мозгляку»!.. Ужъ припомню я ему намеднишнее!..

Приговоръ съ заранѣе написаннымъ заголовкомъ былъ составленъ умно. Послѣ выясненія причинъ, по которымъ выходило такъ, что раздѣлъ являлся дѣйствительно неизбѣжнымъ, Самойловъ прибавилъ еще, что «самое главное»—онъ даже прописалъ эти слова крупными буквами—Семенъ и Иванъ, каждый порознь, благодаря состоятельности и всѣмъ извѣстному трудолюбію, несомнѣнно, исправные плательщики и будутъ безнедоимочно уплачивать всѣ платежи и повинности.

И это «самое главное» было самымъ главнымъ и съ точки зрѣнія не только старшины, у котораго за спиной стоялъ исправникъ, но и всего прочаго начальства, для котораго накопленіе недоимокъ равнялось неудачѣ по службѣ.

Самойловъ это, конечно, зналъ и безошибочно попалъ въ цѣль.

IX.

Застучали топоры на новой стройкѣ отдѣленнаго Ивана. Семенъ, какъ запасливый хозяинъ, еще давно присмотрѣлъ небольшой флигелекъ на усадьбѣ мелкопомѣстнаго барина по сосѣдству и купилъ его на своэъ. Какъ только утвердили приговоръ, онъ сейчасъ же перевезъ его на новую селитьбу, плотники нашлись въ своей же деревнѣ, и закипѣла работа. Иванъ съ ужасомъ глядѣлъ, какъ быстро росло его ненавистное новое жилище и надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, дѣло затянутъ печники, что, благодаря надвинувшейся осени, ударитъ морозъ, и нельзя будетъ класть печку, и придется перезимовать дома, на старой усадьбѣ—безъ печки вѣдь зиму не проживешь... Но надежды его обманули: почти одновременно съ плотниками закипѣла работа и у печниковъ, кирпичъ былъ еще раньше привезенъ, глины въ горной боковинѣ, возлѣ рѣчки, было сколько угодно, и плотники еще не доладили рѣшетника на крышѣ, какъ печники уже выводили дымовую трубу. Семенъ торопился и подгонялъ стройку, не жалѣя хлопотъ и денегъ,

Справили новоселье.

Селитьба Ивана была «на новомъ плантѣ» [1]) на самомъ краю деревни, возлѣ кустарника, переходившаго незамѣтно въ дремучій лѣсъ казенной засѣки.

Все было готово. Надѣяться было уже не на что. Нѣсколько дней до переѣзда Иванъ ходилъ, какъ потерянный. Въ самую минуту разставанія съ роднымъ «коренемъ» онъ заплакалъ навзрыдъ.

На бѣду, переступая первый разъ порогъ новаго жилища, онъ зацѣпился ногой и упалъ.

— Ну, не бывать добру!..—воскликнулъ онъ.

— Экъ, ты, малый, обàбился!..—смѣясь пожурилъ его Семенъ:—на всякій чёхъ не наздравствуешься!..

Иванъ не возражалъ дядѣ, но суевѣрное чувство, что «не бывать добру», и что его паденіе въ первый же разъ на новомъ мѣстѣ не предвѣщаетъ ничего хорошаго, тѣмъ не менѣе крѣпко засѣло въ его душѣ, и онъ постоянно повторялъ про себя: нѣтъ, нѣтъ, не бывать добру, я ужъ знаю!..

Онъ затосковалъ съ перваго же дня. Скучливо поглядывалъ онъ на новехонько отесанные еловые вѣнцы, распространявшіе пріятный, смолистый запахъ, на новую, просторную печь и всѣ нàново исправленные хозяйственные предметы, наполнявшіе жилье, и ему становилось почему-то все тяжелѣй и тяжелѣй на душѣ.

— Нѣтъ... — твердилъ онъ про себя: — у насъ на старой слободѣ куда лучше... Ишь, вотъ, тутотка въ поляхъ живемъ!.. Нѣтъ тебѣ ни дерева, ни куста обàполо, только что темный лѣсъ вонъ торчитъ — звѣрья не оберешься!.. Огородъ тоже — на бугрѣ, когда его сдобришь-то?.. Все равно, какъ въ пустынѣ какой!.. И по воду-то на родникъ посылать надо: колодезь-то э-эвонна гдѣ, почесть за версту!.. Эхъ-ма!.. Что-то не показалось [2]) мнѣ тутотка: пусто, глухо, жутко!..

Матренкѣ тоже не нравился новый поселокъ, хотя по другимъ причинамъ. Настали ей изрядныя хлопоты. Съ утра возьметъ, вздѣнетъ двѣ большихъ бадьи на коромысло и бѣжитъ подъ гору лѣсочкомъ на ключъ. А оттуда-то съ полными бадьями да въ въ гору—тяжело. Растопитъ печку, поставитъ завтракъ, гляди, и обѣдать пора. А тамъ домашняя работа: тутъ прибрать, тамъ подмести да бѣлье побучить [3]) или на рѣчку—полоскать. А тамъ—пряжа, тканье до глубокой ночи. Теперь-то осенью еще что? Да когда-то зима пройдетъ?.. А вотъ красна-весна пожалуетъ, страда начнется, тогда-то какъ управится со всѣми дѣлами молодка? Допрежь — не одна была: Гамазиха подсобляла, а теперь-то понадѣяться не на кого стало—дѣло одинокое!..

---

[1]) Новые планы селитьбъ для деревень появились, кажется, со введеніемъ пожарнаго устава. Авт.

[2]) Не понравилось.

[3]) Бучить—выпаривать въ щелокѣ.

Въ первые дни послѣ выселенія Ивана съ Матренкой въ избѣ Семена настали миръ и тишина. Онъ былъ почти доволенъ: не слышно было ни постоянной брани Гамазихи, ни огрызаній Матренки—«прокурата». Но это продолжалось очень недолго. Онъ сталъ скучать.

Одна только Гамазиха торжествовала. Она была бодра, весела, какъ никогда, всячески угождала Семену, стараясь не дать ему почувствовать отсутствіе молодыхъ, работая за двоихъ и не упуская случая дать ему замѣтить, что теперь все ладится не въ примѣръ лучше, чѣмъ прежде. Тогда де Матренка-«прокуратъ» своимъ озорствомъ только все портила, всему мѣшала.

Петръ Павловичъ, слѣдившій за каждымъ шагомъ Матренки съ самаго водворенья ея на новомъ поселкѣ, зналъ, конечно, и то, что она рано поутру ходитъ на ключъ за водой, что тамъ никто изъ деревенскихъ не бываетъ, въ особенности въ такую раннюю пору, и что поэтому удобнѣе всего именно это мѣсто и это время для выполненія его плана.

Тропинка, по которой Матренкѣ приходилось спускаться къ ключу, шла кустами. Самойловъ рано поутру, едва брезжилось, сидѣлъ уже въ кустахъ, ожидая прихода бабенки. Иногда случалось ждать довольно долго, и Самойловъ жестоко зябъ, такъ какъ зима въ этомъ году открылась сразу наступившими сильными морозами, но онъ терпѣливо выносилъ холодъ, упрямо рѣшивъ въ самомъ себѣ «одолѣть» нравившуюся ему молодку.

Какъ только она показывалась на гребнѣ спуска, онъ сейчасъ же выныривалъ изъ своей засады на тропинку, какъ будто гуляя, встрѣчалъ Матренку и шелъ съ нею къ ключамъ, не переставая повторять ей всякія нѣжности и даже иногда принимаясь проявлять свое чувство непрошенными ласками, пока Матренка наполняла свои бадьи водою. Но обычная развязность и привычка зубоскалить молодки обманывали Самойлова. Матренка вовсе не была такъ податлива, какъ ему казалось. Въ сущности она искренно «жалѣла» своего Ивана, и чужія ласки не нравились ей. Она очень настойчиво и рѣшительно отбивалась отъ непрошеннаго ухаживателя, и однажды, когда его приступы показались ей черезчуръ дерзкими, она такъ отпихнула его отъ себя, что Самойловъ оступясь упалъ въ сугробъ и выкарабкался изъ него только тогда, когда Матренка, расплескивая воду въ бадьяхъ отъ хохота, уже поднималась на крутой изволокъ къ дому.

— Погоди-жъ ты, супостатная бабенка, попадешься ты мнѣ когда нибудь!..—бормоталъ раздосадованный писарь, выбравшись наконецъ изъ сугроба и принимаясь отряхивать полушубокъ и вытирать носовымъ платкомъ таявшій за воротомъ и внутри рукавовъ снѣгъ.

Но на слѣдующее утро онъ опять сидѣлъ въ своей засадѣ,

провожалъ Матренку на ключъ, болталъ и смѣялся съ нею и предпринималъ обычную осаду.

— Смотри, озорникъ, голову коромысломъ проломлю!.. — не на шутку сердясь, тогда грозила Матренка, замахиваясь на него.

Но черезъ минуту «сердце» ея отходило, и она снова смѣялась и зубоскалила съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Озорница!.. Только губами трепать да зубы оскаливать!..— ругался про себя «казенный человѣкъ», никакъ не понимая, чтобы какая нибудь простая деревенская баба могла такъ долго и упорно противиться его домогательствамъ. — Что же я даромъ зябнуть-то сюда хожу?... Надо какъ нибудь изловчиться иначе!..

И онъ изловчился.

На слѣдующее же утро, дождавшись ея, онъ далъ ей наполнить бадьи и, когда она, вздѣвши коромысло и досылая ему послѣднюю шутку, медленно стала взбираться на изволокъ, Самойловъ, нагнавъ ее, не обращая вниманія на обливавшую его изъ бадей воду и ругань молодки, вдругъ обхватилъ ее и принялся страстно цѣловать.

Онъ такъ увлекся, что замѣтилъ Ивана, видѣвшаго все это, только тогда, какъ послѣдній сбѣжалъ съ изволока и схватилъ его за воротъ. Но Самойловъ быстро сообразилъ опасность и, сдѣлавъ рѣзкое движеніе, вырвался отъ него и словно провалился, скрывшись за кустами. Иванъ махнулъ рукой и бросился за женой, которая уже взобралась на горку и подходила къ дому.

Однимъ ударомъ руки сорвалъ онъ коромысло съ ея плеча и, сбросивъ полуопорожненныя бадьи, замахнулся на молодку. Матренка не двинулась съ мѣста. Она остановилась и стояла передъ нимъ, словно застывшая. Большіе каріе глаза ея глядѣли на него безъ тѣни испуга, съ какимъ-то неизъяснимымъ выраженіемъ страданія, словно хотѣли спросить: «За что же? Я не виновата ни въ чемъ передъ тобою!»...

Какъ ни былъ Иванъ въ изступленіи, но онъ не устоялъ противъ этого взгляда Матренки. Словно остановило его что-то. Онъ отшвырнулъ отъ себя коромысло, дрожащими руками схватилъ себя за голову и, какъ былъ въ распахнувшемся полушубкѣ, бросился со всѣхъ ногъ отъ дома на большакъ.

— Пусть живетъ... Пусть живутъ оба!.. Богъ съ ними!.. Разлюбила — силкомъ не вернешь!.. Промѣняла на «купаваго», Богъ съ нею!.. Правду тогда сказывала тетечка Гамазиха!.. — бормоталъ онъ, бѣжа по большаку, не глядя подъ ноги и безпрестанно спотыкаясь на скользкихъ колеяхъ дороги или увязая въ придорожныхъ сугробахъ.

X.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Дворъ Ивана стоитъ пустой, окна и дверь заколочены досками, тропинка къ ключу и лужайка передъ домомъ заросли травой; зимой около жилья не видать ни одного человѣческаго слѣдочка.

Съ того самаго дня, какъ надъ его семьей стряслась бѣда, Ивана въ деревнѣ больше не видали. Сначала стали ходить слухи, что его видѣли въ губернскомъ городѣ пьянствующимъ въ какомъ-то плохенькомъ трактирѣ съ подозрительными людьми, потомъ въ волость пришло письмо съ требованіемъ паспорта, который и былъ ему высланъ въ тотъ же губернскій городъ, потомъ черезъ полгода паспортъ былъ возобновленъ и высланъ ему уже въ Екатеринославъ. На третій годъ односельчане, работавшіе съ нимъ въ одной артели, по каменной части, принесли домой извѣстіе, что совершенно спившійся Иванъ померъ гдѣ-то на Украйнѣ, въ больницѣ, отъ «пьяной» горячки, задолжавъ около шестидесяти рублей, которые больничное начальство требовало теперь съ Семена. Семенъ, конечно, отказывался платить, ссылаясь на то, что племянникъ давно отдѣленъ отъ него и жилъ самостоятельно. Въ виду этого взысканіе за лѣченіе и похороны Ивана было обращено на общество крестьянъ, такъ какъ платить больше было некому.

Недолго оставалась на новомъ поселкѣ и Матренка. Черезъ нѣсколько же дней послѣ того, какъ сбѣжалъ Иванъ, она вернулась къ отцу съ матерью во дворъ, наотрѣзъ отказавшись жить у родныхъ мужа. По первому взгляду на нее, она послѣ погрома измѣнилась мало: тотъ же смѣхъ, та же веселость, та же охота играть пѣсни въ хороводѣ и зубоскалить съ кѣмъ ни попало. Но, вглядѣвшись повнимательнѣе, сейчасъ же становилось ясно, что все это уже совсѣмъ не то, что было раньше: не разъ, когда она затягивала пѣсню, въ голосѣ ея слышались слезы, что-то надтреснутое, горькое; точно и веселье-то у нея было вымученное, съ надрыва.

Впрочемъ недолго оставалась молодка у своихъ. На будущую же осень она отправилась въ Москву и навсегда осталась тамъ, шатаясь по поденнымъ работамъ и пропивая, какъ говорятъ, весь свой заработокъ.

И Семену жилось не особенно хорошо. Молодость, силы уходили, и справляться одному со всѣми дѣлами становилось не въ моготу. Хозяйство стало приходить въ упадокъ, да и руки опускались: для кого было работать?

Одна Гамазиха торжествовала свою побѣду. Она теперь была одна со своимъ Семеномъ и полновластная хозяйка. Никто не мѣшалъ ей, не перечилъ, не огрызался; нечего ей было бояться, что

кто нибудь посягнетъ на ея права хозяйки или жены. Она торжествовала и... конечно, никогда ей и въ голову не приходило, что она и только одна она, «справляя свою хандру», какъ говаривала Матренка-«прокуратъ», погубила столько жизней!...

И сколько изъ-за такихъ «балуматныхъ» Гамазихъ на святой Руси попередѣлилось семей, разрушилось крѣпкихъ устоевъ земли, благо по нынѣшнимъ временамъ какой угодно вздорный раздѣлъ за пару-другую ведеръ вина да десятокъ рублей совершается въ нѣсколько дней, и на дѣлѣ нѣтъ имъ никакого запрета...

В. Тимашевъ-Берингъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1863 ГОДА.

Минская гимназія въ 1861—1865 годахъ.

ПЕРІОДЪ подпольной подготовительной работы къ мятежу и самый мятежъ 1863 года тяжело отразились на всей общественной и частной жизни Сѣверо-Западнаго края; даже въ губерніяхъ, наименѣе охваченныхъ мятежомъ, мирное теченіе общественной жизни настолько было взбудоражено, что правильное отправленіе ея функцій становилось невозможнымъ. Политиканство вкралось въ жизнь и дѣятельность общественныхъ и государственныхъ учрежденій: служившіе въ нихъ поляки, а таковыхъ было громадное большинство, больше интересовались политикой, чѣмъ своимъ прямымъ дѣломъ, а если и занимались службою, то исключительно съ тою цѣлью, чтобы своею служебною дѣятельностью помочь мятежникамъ. Изъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій труднѣе всего было обезпечить правильное и спокойное теченіе дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ, которымъ это спокойствіе было нужнѣе всего.

Отуманенные своими замыслами, руководители мятежа, для достиженія поставленныхъ цѣлей, готовы были жертвовать всѣмъ и всѣми; не пощадили они молодежи, развивая и въ ней мятежныя идеи, побуждая и ее къ активному участію въ мятежѣ; и неопытная пылкая молодежь со всѣмъ жаромъ юности отдалась тому дѣлу, которое ей рисовали въ такихъ яркихъ и привлекательныхъ чертахъ, какъ подвигъ, какъ дѣло святое, какъ освобожденіе отчизны. Начальство Виленскаго учебнаго округа, заботясь «объ устраненіи воспитанниковъ учебныхъ заведеній отъ увлеченія при

обнаруживающемся волненіи умовъ въ краѣ», всѣми силами старалось поддержать нормальное теченіе школьной жизни. Цѣлымъ рядомъ попечительскихъ циркуляровъ, начиная съ 1861 года, начальникамъ учебныхъ заведеній предписывается усилить наблюденіе за поведеніемъ учениковъ и обратить особенное вниманіе на мѣры нравственнаго воздѣйствія. Вмѣстѣ съ этимъ обращено было вниманіе на политическую и нравственную благонадежность и педагогическихъ персоналовъ учебныхъ заведеній. Директорамъ неоднократно предлагаемо было представлять въ округъ свѣдѣнія о службѣ, характерѣ и недостаткахъ всѣхъ подчиненныхъ. Безпокойство округа относительно порядка въ учебныхъ заведеніяхъ и состоятельности педагогическаго персонала будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что въ то время польскій элементъ былъ преобладающимъ въ составѣ какъ учащихся, такъ и учащихъ. Даже начальники учебныхъ заведеній, большею частью инородцы, по своимъ убѣжденіямъ и ничтожности своего вліянія, сплошь и рядомъ не отвѣчали требованіямъ тогдашнихъ обстоятельствъ. По крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, чувствуя себя неспособными бороться съ общимъ настроеніемъ, а, можетъ быть, втайнѣ и сочувствуя ему, какъ-то неохотно и уклончиво исполняли настоятельныя требованія окружного начальства. Послѣднее, не получая отвѣтовъ на свои предписанія, было вынуждено по нѣсколько разъ напоминать имъ объ одномъ и томъ же. Насколько сильно было желаніе стоявшихъ во главѣ учебныхъ заведеній скрыть начинавшееся среди учащейся молодежи волненіе, лучше всего видно изъ того, что попечитель Виленскаго учебнаго округа, князь Ширинскій-Шихматовъ, возвратясь въ іюнѣ 1861 года въ Вильну изъ отпуска, только отъ начальника края узналъ «о непозволительныхъ поступкахъ учениковъ нѣкоторыхъ гимназій и объ участіи ихъ въ политическихъ демонстраціяхъ», такъ какъ начальниками этихъ заведеній о подобныхъ случаяхъ не было сдѣлано никакихъ донесеній. Въ виду этого попечитель предложилъ имъ донести о состояніи ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній и каждый разъ немедленно сообщать о всѣхъ происшествіяхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей [1]). Но въ томъ-то и дѣло, что польскій составъ преподавателей и находившееся подъ ихъ давленіемъ начальство учебныхъ заведеній, къ сожалѣнію, старались смотрѣть на проявленія мятежнаго настроенія учащихся лишь, какъ на невинныя дѣтскія шалости, сообщеніями о которыхъ было совершенно излишне безпокоить окружное начальство. И попрежнему округъ былъ не въ силахъ узнать съ точностью, что творится въ учебныхъ заведеніяхъ края. А между тѣмъ снисходительное отношеніе начальства и педагогическихъ

---

[1]) Цирк. предл. отъ 20 іюня 1861 г., за № 42.

совѣтовъ, сочувствіе и подстрекательство со стороны нѣкоторыхъ учителей, все болѣе и болѣе содѣйствовали развитію мятежнаго духа въ учебныхъ заведеніяхъ. Все беззастѣнчивѣе становилось участіе молодежи въ возмутительныхъ костельныхъ демонстраціяхъ, все чаще и грандіознѣе возникали безпорядки и въ стѣнахъ учебныхъ заведеній; правильная жизнь школы была окончательно нарушена. Тогда только стали принимать мѣры строгости и исключать изъ заведеній учениковъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ. Изъ-за множества уволенныхъ приходилось прекращать учебныя занятія въ отдѣльныхъ классахъ, а иногда въ цѣлыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но было уже поздно! Открытый, вооруженный мятежъ начался. Страсти разгорѣлись; наэлектризованное польское общество, забывъ о долгѣ и обязанностяхъ, отуманенное мечтою о возможности близкаго возстановленія Польши, слилось въ одномъ общемъ порывѣ ненависти ко всему русскому. Волна мятежа подхватила и увлекла въ своемъ движеніи и учащуюся молодежь. «Учебныя занятія хотя и не прерывались, но во всѣхъ гимназіяхъ шли безуспѣшно: общее вниманіе, въ особенности учителей польскаго происхожденія и учащихся, родные и близкіе которыхъ открыто или тайно принимали участіе въ мятежѣ, поглощено было происходившими тогда въ краѣ событіями» [1]). До занятій ли тутъ было, когда всякій юноша мечталъ о геройскихъ подвигахъ, а зажигательныя проповѣди въ ежедневно посѣщаемыхъ костелахъ и возмутительные мятежные гимны, страстныя рѣчи матерей, сестеръ и знакомыхъ паненокъ, а нерѣдко и любимыхъ учителей, еще болѣе разжигали сердца и туманили головы. Началось массовое движеніе учащихся въ шайки мятежниковъ. И сколько молодежи, выбитой изъ колеи правильной школьной жизни, погибло навсегда! Этотъ грѣхъ — грѣхъ соблазна юности, всегда будетъ самымъ тяжелымъ обвиненіемъ противъ неразумныхъ вожаковъ безполезнаго и безцѣльнаго мятежа, и никогда не проститъ имъ его исторія. По словамъ бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова, въ отчетѣ по управленію округомъ за 1863 годъ, «всѣхъ исключенныхъ изъ заведеній за самовольную отлучку и за дурное поведеніе, при всей умѣренности и снисходительности карательныхъ мѣръ, въ 1863 году въ 13 гимназіяхъ и 3 прогимназіяхъ было 455; но виновныхъ въ побѣгѣ было гораздо болѣе; изъ нихъ менѣе виновные были уволены, а не исключены изъ заведеній. Общее же число учащихся въ сихъ заведеніяхъ къ 1 января 1863 года былъ 6.126» [2]). Весьма вѣроятно, что большая часть исключенныхъ и уволенныхъ поступала въ мятежныя шайки, но съ точностью установить число

---

[1]) Корниловъ. Памяти гр. М. Н. Муравьева, стр. 2.

[2]) Тамъ же.

таковыхъ невозможно. Что касается учителей и училищныхъ чиновниковъ изъ поляковъ, то опредѣлить степень ихъ участія въ мятежѣ еще труднѣе. «Нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ того же Корнилова, были самыми ревностными и открытыми пропагандистами польскихъ идей и стремленій и бѣжали въ шайки, увлекая на путь гибели и неопытную молодежь, ввѣренную ихъ воспитанію» [1]). Изъ числа такихъ въ 1863 году, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, было арестовано 23, уволено по неблагодежности—6, и «сверхъ того, 2 учителя гимназіи пропали безъ вѣсти» [2]). А сколько было среди нихъ тайныхъ подстрекателей и поощрителей увлекающейся молодежи. Въ это время «въ краѣ, гдѣ все дышитъ пропагандою, польскіе и католическіе преподаватели-поляки служили не педагогической цѣли; они не имѣли въ виду воспитаніе въ его высокомъ значеніи, но полонизированіе дѣтей; они заботились не о воспитаніи человѣка и христіанина, но о воспитаніи поляка и паписта, т.-е. фанатическаго врага существующаго порядка» [3]).

Не имѣя возможности нарисовать полную картину состоянія учебныхъ заведеній и жизни учащейся молодежи Виленскаго учебнаго округа въ эпоху мятежа 1863 года, мы постараемся на основаніи документальныхъ данныхъ [4]) представить посильный очеркъ жизни лишь одного изъ учебныхъ заведеній округа въ данную эпоху—Минской гимназіи. И этотъ очеркъ будетъ яркой и типичной иллюстраціей школьныхъ порядковъ и школьной жизни Сѣверо-Западнаго края во время мятежа; во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ творилось одно и то же; общій харектеръ школьной жизни былъ вездѣ одинаковъ и различался лишь въ деталяхъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1861 года помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, въ бытность свою въ Минскѣ, обратилъ вниманіе минскаго директора училищъ на необходимость, въ виду тогдашняго положенія дѣлъ, усилить наблюденіе за учащимися въ Минской гимназіи. Въ силу его словеснаго приказанія и подъ вліяніемъ прежнихъ неоднократныхъ письменныхъ напоминаній о томъ же со стороны округа [5]), педагогическій совѣтъ Минской гимназіи принялъ нѣкоторыя мѣры для усиленія надзора за поведеніемъ приходящихъ учениковъ [6]); но дѣйствовалъ въ этомъ направленіи какъ-то вяло и нерѣшительно, безъ сознанія важности даннаго вопроса. Поэтому, какъ показали событія, увлеченіе политикой уже съ достаточною силою проникло въ стѣны Минской гимназіи.

[1]) Тамъ же, стр. 50; ср. также стр. 148.

[2]) Тамъ же, стр. 4. Подобные же факты, какъ мы увидимъ, имѣли мѣсто и въ предыдущіе годы.

[3]) Тамъ же, стр. 5 и 6.

[4]) Извлеченныхъ изъ архива Минской гимназіи.

[5]) Напр., цирк. предл. отъ 20 и 21 іюня 1861 г., за №№ 42 и 57.

[6]) Проток. пед. совѣта 8-го мая 1861 г.

А въ личномъ составѣ педагогическаго персонала и среди учениковъ между тѣмъ не было твердыхъ патріотическихъ элементовъ, которые могли бы словомъ благоразумія противодѣйствовать ложнымъ толкамъ и несбыточнымъ мечтамъ. Изъ многочисленнаго учебнаго персонала въ 20 человѣкъ только три лица: законоучитель Верживовскій, одинъ изъ учителей русскаго языка — Рязанскій (женатый, впрочемъ, на полькѣ) и одинъ надзиратель—Дзевицкій, были русскіе православные люди; директоръ (Белли) и два учителя (Шейбе и Цобель) инородцы лютеранскаго исповѣданія, да и то женатые на полькахъ-католичкахъ; всѣ остальные, даже одинъ учитель русскаго языка—Барщевскій, были поляки римско-католическаго исповѣданія; изъ числа учениковъ болѣе $^{2}/_{3}$ были поляки-католики. При такомъ преобладаніи польско-католическаго элемента въ гимназіи ученикамъ невозможно было оберечься отъ господствовавшаго въ городѣ и краѣ мятежнаго настроенія. Преподаватели, если бы и желали остаться на почвѣ долга, то могли лишь воздержаться отъ активнаго распространенія мятежныхъ идей и заниматься учебнымъ дѣломъ, а не политикой; но трудно было ожидать отъ нихъ положительнаго воздѣйствія на учениковъ въ смыслѣ укорененія въ нихъ русскаго образа мыслей и патріотическихъ чувствъ, при тѣхъ воззрѣніяхъ, которыхъ они держались на русское дѣло въ краѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, Сѣверо-Западный край былъ не исконнымъ русскимъ достояніемъ, а лишь забраннымъ краемъ; польская культура, по ихъ мнѣнію, стояла несравненно выше русской, и польскій языкъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій; а потому и изученіе его въ заведеніяхъ Западнаго края должно быть обязательно и имѣть ту же цѣль, что и изученіе русскаго языка въ губерніяхъ великороссійскихъ [1]). Еще труднѣе было ожидать желательнаго воздѣйствія на учениковъ извнѣ, со стороны семьи, въ охваченномъ мятежными идеями краѣ. Достаточно вспомнить о составленномъ въ октябрѣ 1862 года минскимъ дворянствомъ протоколѣ для представленія всеподданнѣйшаго адреса относительно присоединенія Минской губерніи къ царству Польскому. «Когда имъ было объявлено высочайшее повелѣніе о противозаконности подобныхъ дѣйствій, то они не отмѣнили своего постановленія, а записали только оное въ журналъ, съ отмѣткою, что они не привели оное въ исполненіе вслѣдствіе воспрещенія высшаго правительства». Съ педагогическими воззрѣніями минской интеллигенціи въ польскомъ патріотическомъ духѣ насъ лучше всего знакомятъ мнѣнія

---

[1]) Съ педагогическими и политическими воззрѣніями членовъ педагогическаго совѣта Минской гимназіи можно обстоятельнѣе познакомиться въ «Замѣчаніяхъ на проекты устава общеобразовательныхъ учебн. заведеній и на проекты общаго плана устройства народныхъ училищъ», 1862 г., ч. II, стр. 241—275.

ея представителей — почетнаго попечителя Минской гимназіи Наркевича-Іодко и предводителя дворянства Лаппы, объ учебномъ дѣлѣ въ Западномъ краѣ. Мнѣнія эти напечатаны въ «Замѣчаніяхъ на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ» (1862 г., ч. II) и отличаются большею непринужденностью и рѣшительностью, чѣмъ мнѣніе членовъ педагогическаго совѣта Минской гимназіи, которыхъ, очевидно, стѣсняло ихъ служебное положеніе. По мнѣнію Іодко, «истинная, признаваемая и желаемая нынѣ польза отъ народнаго просвѣщенія требуетъ» введенія преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ девяти западныхъ губерніяхъ на польскомъ языкѣ, такъ какъ «принужденіе дѣтей, которыхъ отцовскій и материнскій языкъ есть языкъ польскій,— обучаться не на природномъ, а на русскомъ языкѣ, съ одной стороны, потушаетъ стремленіе къ просвѣщенію, а съ другой, вмѣсто ожидаемаго правительствомъ сближенія, разрываетъ связь между нимъ и цѣлымъ слоемъ образованнаго и образующагося народонаселенія въ 9 губерніяхъ» [1]. Но при этомъ его нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что предполагаемое господство въ школѣ польскаго языка разорвало бы связь между массою коренного русскаго населенія и меньшинствомъ — поляками, помѣщиками и чиновниками, а черезъ это и связь всего края съ государствомъ. Въ своемъ замѣчаніи на проектъ устройства народныхъ училищъ Наркевичъ-Іодко предлагаетъ выработать особый планъ устройства народныхъ и частныхъ училищъ для дѣтей католическаго исповѣданія и составленіе этого плана предоставить римско-католической коллегіи, по совѣщаніи съ губернскими предводителями дворянства; такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, думаетъ онъ, что католики не пожелаютъ учить дѣтей своихъ въ народныхъ и частныхъ училищахъ, проектируемыхъ правительствомъ, потому что школы эти имѣютъ цѣлью вести обученіе въ духѣ православія. При этомъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его замѣчаній, его смущаетъ не только православный духъ проектируемой правительствомъ школы, но и ея чисто народный русскій характеръ. Особенно возмущаетъ его введеніе въ програму народныхъ училищъ славянскаго языка. «По крайней мѣрѣ, въ западныхъ губерніяхъ, — говоритъ онъ, — гдѣ языкъ литературный русскій, вовсе для народа не понятный, ибо его родной языкъ болѣе сближенный съ польскимъ, — учить простолюдина русскому и церковно-славянскому языкамъ вмѣстѣ значитъ не научить его ничему» [2]. При такихъ воззрѣніяхъ онъ ратуетъ еще о надѣленіи почетныхъ попечителей самымъ широкимъ правомъ надзора за

---

[1]) Стр. 462 и 463.

[2]) Стр. 469 и 470.

учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ гимназіяхъ и вмѣшательства въ дѣятельность начальства и преподавателей гимназіи [1]. Минскій предводитель дворянства Лаппа введеніе преподаванія на польскомъ языкѣ въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа считаетъ дѣломъ крайней необходимости, въ видахъ общественной и государственной пользы [2]. «25-лѣтній опытъ преподаванія наукъ въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ, по словамъ Лаппы, доказалъ всю неестественность таковаго ученія, ибо дѣти жителей здѣшняго края, знающія лишь польскій языкъ, поступивъ въ публичныя заведенія и тамъ встрѣтившись вдругъ съ языкомъ, вовсе для себя чуждымъ, учатъ преподаваемые имъ уроки безсознательно и напрасно теряютъ время, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по совершенному незнанію русскаго языка, самыя простыя научныя истины остаются для нихъ недоступными» [3]. «Если сіи мои предположенія, кажущіяся мнѣ необходимыми и естественными, не будутъ приняты... тогда, по моему мнѣнію, заканчиваетъ свои замѣчанія Лаппа, было бы полезнѣе вовсе не развивать въ нашемъ народѣ сознанія человѣческихъ правъ: ибо нашъ народъ, съ полученіемъ воспитанія, достигнувъ сознанія человѣческихъ правъ и разъясненія хранимыхъ преданій, назоветъ себя, конечно, обиженнымъ въ сравненіи съ черкесами, латышами, чухонцами, нѣмцами и конгрессовыми поляками, а находя, что правительство и законы стремились къ убитію его народности и языка, не сумѣетъ ни поселить въ себѣ уваженія къ самому себѣ, къ ближнему и законамъ, ни вообще возвысить нравственныхъ своихъ убѣжденій» [4]. Подобные взгляды и убѣжденія выдающихся представителей минской интеллигенціи вполнѣ раздѣлялись и большинствомъ членовъ педагогическаго персонала Минской гимназіи. Какъ близки и дороги для нихъ были сепаратическія воззрѣнія польскаго интеллигентнаго общества, видно изъ того, что гимназія гостепріимно открыла двери состоявшаго при ней благороднаго пансіона дворянству Минской губерніи для составленія упомянутаго выше адреса отторженія отъ Россіи ея законнаго достоянія, одной изъ древнихъ западно-русскихъ областей [5].

Понятно, что, при подобныхъ политическихъ убѣжденіяхъ своихъ воспитателей, родителей и окружающаго общества, ученики Минской гимназіи пользовались полною свободою въ выраженіи своего сочувствія мятежному настроенію въ краѣ; деморализація

---

[1]) Тамъ же, стр. 470, п. 7.

[2]) Тамъ же, стр. 474.

[3]) Тамъ же, стр. 459.

[4]) Тамъ же, стр. 461.

[5]) Дѣло Минск. гимн. № 1301 объ устройствѣ домовой церкви при Минской гимназіи. Донесеніе директора отъ 7-го ноября 1865 г., за № 968.

учащихся видимо поощрялась, какъ явленіе, вполнѣ отвѣчающее взглядамъ и чувствамъ общества. Наконецъ деморализація среди гимназистовъ и участіе ихъ въ политикѣ приняли настолько рѣзкій и неприличный характеръ, что въ это дѣло должны были вмѣшаться административныя власти города. 25 іюля 1861 года, минскій губернаторъ, графъ Келлеръ, вынужденъ былъ предложить директору Минской гимназіи принять мѣры противъ участія воспитанниковъ гимназіи въ политическихъ демонстраціяхъ, въ виду того, что три ученика гимназіи замѣчены были въ пѣніи возмутительнаго гимна въ костелахъ [1]). Столь явно выразившееся неблагонадежное настроеніе учащейся молодежи, очевидно, развилось не безъ участія и преподавательскаго персонала, такъ какъ одновременно съ отмѣченнымъ фактомъ состоялось увольненіе отъ службы безъ прошенія преподавателя польскаго языка Минской гимназіи Чепелинскаго, въ виду его политической неблагонадежности. Минскій губернаторъ считалъ вліяніе Чепелинскаго настолько вреднымъ, что требовалъ воспрещенія ему частнаго обученія и содержанія пансіонеровъ [2]).

Волненіе въ краѣ, а въ частности въ Минскѣ и Минской губерніи все усиливалось. Начальство учебнаго округа употребляетъ всѣ средства для устраненія воспитанниковъ учебныхъ заведеній отъ пагубныхъ увлеченій: каникулы продолжены до 15 сентября; въ теченіе каникулъ вырабатывается цѣлый рядъ мѣръ для поддержанія строгой дисциплины въ заведеніяхъ, для усиленія наблюденія за учащимися и охраненія ихъ отъ стороннихъ вредныхъ вліяній; предписано было зло прерывать въ самомъ началѣ строгими дисциплинарными взысканіями и немедленно исключать вредныхъ учениковъ [3]). Съ своей стороны и минскій губернаторъ, въ видахъ пресѣченія воспитанникамъ возможности участвовать въ политическихъ костельныхъ демонстраціяхъ, предлагалъ начальству гимназіи усилить надзоръ за учениками при посѣщеніи ими костеловъ въ праздничные и воскресные дни и выводить ихъ изъ костела сейчасъ же по окончаніи службы «до начала пѣнія гимна» [4]).

Но начальство и учащіе Минской гимназіи относились къ настоящему тревожному положенію дѣлъ попрежнему беззаботно и

---

[1]) Секретн. дѣла Минск. гимн. за 1861 г., № 16. Предлож. губерн., за № 167. Какъ слабы были русскія начала въ гимназіи, и какъ неудовлетворителенъ былъ надзоръ за учениками, видно изъ того, что одинъ изъ этихъ учениковъ (Рязанскій) былъ русскаго происхожденія; другой, исключенный въ мартѣ 1860 г. за грубость и черезъ нѣсколько дней вновь принятый, находился подъ непосредственнымъ ближайшимъ наблюденіемъ инспектора.

[2]) Тамъ же, №№ 17 и 21.

[3]) Цирк. предл. попеч., за №№ 2517, 2966, 3293 и др., а также секретн. дѣла Минск. гимн. за 1861 г. №№ 18 и 20.

[4]) Предл. губ. отъ 28 авг. 1861 г., за № 225.

спокойно, нисколько не раздѣляя опасеній округа и не считая нужнымъ предпринимать какія либо серьезныя мѣры. Въ засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи 16 октября обсуждалось предложеніе попечителя о принятіи мѣръ крайней строгости, необходимыхъ въ виду участія воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ демонстраціяхъ, несмотря на принятыя ранѣе мѣры [1]). Казалось бы, что совѣтъ долженъ былъ безъ всякихъ колебаній принять настоящее предложеніе къ руководству и неуклонному исполненію; но онъ отнесся къ дѣлу совершенно иначе и, чувствуя себя даже какъ бы обиженнымъ подобнымъ предложеніемъ, постановилъ слѣдующее: «Такъ какъ общее мнѣніе членовъ педагогическаго совѣта выказалось заключеніемъ, что доселѣ воспитанники не увлекались дурнымъ примѣромъ, то начальство гимназіи не поставлено въ необходимость принять предлагаемыя мѣры къ исполненію до времени, когда представятся доводы неблагонадежности въ направленіи учениковъ Минской гимназіи» [2]). Не смутили директора и сообщенія губернатора объ учащающихся случаяхъ участія въ демонстраціяхъ учениковъ состоящихъ при гимназіи землемѣрно-таксаторскихъ классовъ и при томъ нерѣдко цѣлыми массами, и даже въ присутствіи надзирателя; онъ всѣми силами старается убѣдить губернатора въ ложности доставленныхъ ему свѣдѣній и выгородить учениковъ [3]). Тогда губернаторъ, не встрѣчая содѣйствія со стороны учебнаго начальства, долженъ былъ принять свои мѣры для прекращенія участія воспитанниковъ таксаторскихъ классовъ въ демонстраціяхъ; съ этихъ поръ онъ направляетъ уличенныхъ въ пѣніи гимна въ Минскій полицейскій судъ, съ указаніемъ свидѣтелей преступленія, и лишь доводитъ до свѣдѣнія директора о принятой мѣрѣ [4]). На ряду съ изложеннымъ интересно сопоставить и нѣкоторые другіе факты: напримѣръ, ходатайство директора о возвращеніи къ прежней должности бывшаго учителя польскаго языка Чепелинскаго, уволеннаго отъ службы за неблагонадежность и участіе въ мятежныхъ демонстраціяхъ [5]); объясненіе директора на запросъ губернатора относительно чтенія классной молитвы на польскомъ языкѣ, что установившееся за послѣднее время чтеніе молитвы исключительно на польскомъ языкѣ есть дѣло случая и произошло отъ того, что на очереди для чтенія молитвы были католики [6]). Вполнѣ понятно, что при такомъ стремленіи директора и педагогическаго совѣта гимназій снисходительно относиться къ

---

[1]) Предл. отъ 11 окт. 1861. г., за № 3202.

[2]) Протоколы педаг. сов. Минск. гимн. за 1861 г.

[3]) Отнош. губернат. отъ 25 окт., за № 417, и отъ 27 окт., за № 442; секретн. дѣло Минск. гимн. за 1861 г., №№ 22 и 23.

[4]) Секретн. дѣла за 1861 г. тѣ же №№, а равно 25 и 31.

[5]) Тамъ же, № 27.

[6]) Секретн. дѣла 1861 г., № 26.

проявленіемъ мятежнаго духа и по возможности скрывать происходящее отъ высшаго начальства, не трудно было дождаться со стороны уже выбитой изъ колеи молодежи болѣе рѣшительныхъ и болѣе необдуманныхъ поступковъ. Слухи о готовящихся въ Минскѣ безпорядкахъ съ участіемъ учениковъ гимназіи уже ходили по городу, и анонимные доброжелатели предупреждали объ этомъ директора; но онъ, по своему обыкновенію, старался не придавать этимъ сообщеніямъ никакого значенія, предполагая, что «подобныя объявленія и угрозы нисколько не наводятъ подозрѣнія, чтобы предсказываемые безпорядки могли осуществиться» [1]). И вотъ, какъ результатъ подобной безпечности въ Минской гимназіи, разыгралось происшествіе 17 ноября 1861 г. [2]). Этотъ день, день годовщины возмущенія въ Варшавѣ 1830 г., рѣшено было отпраздновать въ Минскѣ возможно торжественнѣе и привлечь къ участію въ демонстраціи и учащуюся молодежь. Согласно составленному плану, въ 5 ч. утра всѣ учащіеся въ гимназіи, приходящіе ученики, пансіонеры и воспитанники землемѣрно-таксаторскихъ классовъ, собрались въ каѳедральный костелъ; здѣсь была отслужена заказанная ранѣе торжественная обѣдня, по окончаніи которой всѣми присутствовавшими, при участіи учениковъ, пропѣтъ былъ запрещенный революціонный гимнъ. На уроки въ этотъ день, какъ особенно знаменательный для поляковъ, рѣшно было не итти; поэтому къ началу занятій въ гимназію собралось лишь незначительное количество учениковъ младшихъ классовъ. Къ 10 часамъ собралось большинство учениковъ, но не для занятій, а, какъ сказано въ донесеніи директора, «для произведенія неистоваго шума и безпорядковъ». Убѣжденія не оказали никакого вліянія на учениковъ, и директоръ вынужденъ былъ на этотъ день закрыть гимназію. Изъ представленнаго директоромъ Белли объясненія по поводу запроса попечителя относительно безпорядковъ 17 ноября видно, что онъ относился къ этимъ безпорядкамъ безъ должной серьезности и преднамѣренно пытался придать дѣлу болѣе мягкую окраску; такъ же относились къ этому происшествію и другіе служащіе въ гимназіи. Инспекторъ еще 15 ноября узналъ о готовящейся демонстраціи, но лишь 16 вечеромъ сообщилъ объ этомъ директору. Директоръ, имѣя въ виду «безукоризненное поведеніе» учениковъ [3]) и приписывая это обстоятельство исключительно своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, которымъ онъ посвящалъ «почти каждую недѣлю одинъ день», и теперь поручилъ инспектору «употребить въ дѣло

---

[1]) Тамъ же, донесеніе директора попечителю отъ 28 сент. 1861 г., за № 25.

[2]) Подробности см. въ секретн. дѣлахъ за 1861 г. и протоколахъ совѣта за тотъ же годъ.

[3]) Несмотря на указанные выше случаи участія учениковъ въ мятежныхъ демонстраціяхъ.

то оружіе, которое было дѣйствительно до того времени», а именно обойти ученическія квартиры и мѣрами благоразумнаго убѣжденія подѣйствовать на учениковъ и отклонить ихъ отъ необдуманнаго намѣренія. Успокоенный обѣщаніемъ учениковъ не участвовать въ пѣніи гимна, онъ рѣшилъ, что присутствіе учениковъ на торжественномъ демонстративномъ богослуженіи въ костелѣ еще не такое большое зло, «чтобы слѣдовало строгими репрессивными мѣрами вызвать явное, а, можетъ быть, и буйное сопротивленіе со стороны учениковъ». Единственною мѣрою, предпринятою для охраненія порядка въ заведеніи, было приказаніе не будить воспитанниковъ пансіона ранѣе 8 ч. утра. Но ученики и сами проснулись и, какъ сказано, въ 5 часовъ утра отправились въ костелъ. Выходныя двери пансіона оказались открытыми, и ключи отъ нихъ были заранѣе похищены; впрочемъ, по объясненію директора, ученики были въ такомъ настроеніи, что, если бы двери оказались запертыми, то они выломали бы ихъ и все-таки пошли бы въ костелъ. Комнатный надзиратель пансіона, учитель Боржимовскій, видя свое безсиліе удержать учениковъ, отправился съ рапортомъ о случившемся къ инспектору Страшинскому и получилъ отъ него приказаніе итти въ костелъ. Въ костелѣ Боржимовскій, по его словамъ, «при слабомъ освѣщеніи не могъ замѣтить въ сплошной массѣ богомольцевъ, участвовали ли и какіе именно воспитанники въ пѣніи запрещенныхъ гимновъ» [1]). Зная о готовящихся безпорядкахъ, директоръ гимназіи тѣмъ не менѣе не сообщилъ своихъ свѣдѣній о нихъ начальнику губерніи, такъ какъ, по его заявленію, онъ, во-первыхъ, предполагалъ, что о предстоящей манифестаціи губернатору уже и безъ того извѣстно; и, во-вторыхъ, «имѣя въ виду, что богослуженіе обойдется безъ пѣнія гимна», онъ «смотрѣлъ на фактъ этотъ, хотя и съ серіозной точки зрѣнія, но не приписывалъ ему особенной важности»; наконецъ молчаніе свое онъ между прочимъ объяснялъ и опасеніемъ, что сообщеніе его губернатору вызоветъ противодѣйствіе манифестаціи вооруженною силою, что повело бы къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ [2]). Однимъ словомъ, знакомясь съ дѣломъ, ясно видишь, что ту бездѣятельность и ту безтактность, которую проявило начальство Минской гимназіи, только и можно объяснить или боязнью польскаго общественнаго мнѣнія или тайнымъ сочувствіемъ мятежу. Во всякомъ случаѣ при подобномъ отношеніи трудно было ожидать дальнѣйшихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны начальства гимназіи, какъ въ подавленіи безпорядка, такъ и въ раскрытіи и наказаніи его виновниковъ. И дѣйствительно, педагогическій совѣтъ въ засѣданіи своемъ того же 17 ноября постановилъ: 11 учениковъ старшихъ классовъ, «болѣе

---

[1]) Рапортъ Боржимовскаго въ секретн. дѣлахъ 1861 г., подъ № 30.

[2]) Донесеніе директора отъ 28 ноября тамъ же.

сомнительной нравственности», исключить, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія по истеченіи учебнаго года; двадцати ученикамъ назначить взысканіе «по усмотрѣнію ихъ ближайшихъ родственниковъ», съ предостереженіемъ, что при первомъ покушеніи къ безпорядкамъ и они будутъ исключены, а ко всѣмъ остальнымъ ученикамъ «обратиться съ нравственнымъ убѣжденіемъ о сознаніи виновности». Но мѣра эта, въ виду ея нерѣшительности, не оказала должнаго дѣйствія на учениковъ: они по прочтеніи имъ протокола постановленія совѣта заявили, что виновны всѣ безъ исключенія, и рѣшительно ничѣмъ не выразили своего раскаянія. Тогда совѣтъ въ засѣданіи 18 ноября въ замѣнъ прежняго постановленія сдѣлалъ новое о закрытіи четырехъ высшихъ классовъ. Разрѣшеніе министра закрыть высшіе классы было получено 20 ноября и 21-го приведено въ исполненіе. Исключеннымъ ученикамъ предложено было въ недѣльный срокъ выѣхать изъ города, съ подчиненіемъ ихъ полицейскому надзору; впрочемъ, 21 ученику, въ виду исключенія, совѣтомъ были выданы билеты на пребываніе въ городѣ. Дальнѣйшія мѣры не привели къ открытію зачинщиковъ, и совѣтъ склонился къ тому убѣжденію, что волненіе было вызвано извнѣ, неблагонадежными лицами изъ городского населенія. Но есть основаніе предполагать, что въ дѣлѣ возбужденія учениковъ къ волненіямъ важную роль сыграли воспитанники землемѣрно-таксаторскихъ классовъ. Хотя и. д. инспектора этихъ классовъ Жбиковскій и пытается очистить своихъ питомцевъ отъ подозрѣнія въ подстрекательствѣ гимназистовъ къ безпорядкамъ 17 ноября, но, безъ сомнѣія, эти молодые люди, разыгрывавшіе въ Минскѣ роль студентовъ, имѣли сильное нравственное вліяніе на учениковъ гимназіи и среди минской учащейся молодежи въ эту эпоху всегда были зачинщиками и руководителями безпорядковъ.

Принятыя учебнымъ начальствомъ рѣшительныя мѣры успокоительно подѣйствовали на учащуюся молодежь [1]). Это наступившее въ гимназіи спокойствіе, очевидно, связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ самомъ городѣ были приняты энергическія мѣры къ подавленію мятежнаго настроенія назначеніемъ военнаго губернатора, которому были предоставлены особыя полномочія, Минскъ и Минская губернія были поставлены въ условія усиленной охраны. Временный военный губернаторъ, свиты его величества генералъ-майоръ Кушелевъ, обратилъ особенное вниманіе на участіе въ волненіяхъ учащейся молодежи и съ своей стороны принялъ мѣры къ устраненію этого нежелательнаго явленія [2]). Чтобы не лишать молодежь, вовлеченную въ безпорядки, возможности продолжать обра-

[1]) Дѣло Минск. гимн. № 1038 за 1861 г. Донесеніе директора отъ 30-го дек. 1861 г.

[2]) Дѣло № 1080 Предп. вр. минск. военн. губерн. отъ 12 дек. 1861 г.; предлож. отъ 16 дек. 1861 г.

зованіе, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, четыре высшіе класса Минской гимназіи были открыты вновь 8-го января 1862 года, при чемъ обратно были приняты въ гимназію лишь наиболѣе благонадежные изъ числа исключенныхъ. Жизнь гимназіи на нѣкоторое время вошла въ колею и потекла болѣе или менѣе спокойно. Первые два мѣсяца послѣ открытія высшихъ классовъ фактовъ открытаго выраженія мятежнаго настроенія среди учащихся не замѣчалось; да и вообще бывшіе въ 1862 году случаи безпорядковъ уже не отличались тою беззастѣнчивостью и смѣлостью, какъ безпорядки 17-го ноября 1861 года. Вѣроятно, и эти немногіе отзвуки господствовавшаго въ городѣ и краѣ броженія не имѣли бы мѣста въ гимназической жизни, если бы начальство гимназіи и педагогическій пэрсоналъ стояли на высотѣ своего положенія. А то, несмотря на печальные примѣры предыдущаго года, директоръ гимназіи и педагогическій совѣтъ всѣми силами опять стараются скрыть случаи участія учениковъ въ политическихъ демонстраціяхъ и представить ихъ проступки въ совершенно иномъ, невинномъ свѣтѣ. Подобное отношеніе, несомнѣнно, укрѣпляло молодежь въ мысли о сочувствіи наставниковъ къ ея мятежному духу и о безнаказанности своихъ поступковъ; и это молчаливое, но понятное сочувствіе не успокоивало ея, а смущало еще больше, чѣмъ рѣчи и воззванія руководителей подготовлявшагося мятежа. Какъ, напримѣръ, смотрѣть на подобные факты? 4-го марта въ день Казимира (патрона Литвы), въ Минскомъ каѳедральномъ соборѣ по окончаніи богослуженія устроена была демонстрація; пѣли гимнъ; при этомъ присутствовало и принимало участіе «много учениковъ гимназіи» и ученикъ землемѣрно-таксаторскихъ классовъ Миркулевичъ, который еще прежде за пѣніе гимна былъ присужденъ минскимъ полицейскимъ судомъ къ семидневному аресту и штрафу въ 15 рублей. Объ этомъ, помимо директора гимназіи, было доведено до свѣдѣніи попечителя, и онъ, зная положительно, что въ означенномъ происшествіи принимали участіе ученики гимназіи, обратился къ директору съ запросомъ, кто изъ учениковъ замѣченъ въ пѣніи гимна, какія мѣры были приняты для удержанія учениковъ отъ демонстраціи, и какому наказанію подвергнуты виновные. Несмотря на категоричность взводимаго на учениковъ гимназіи обвиненія, директоръ Белли нашелъ возможнымъ отрицать фактъ участія учениковъ въ демонстраціи. «Хотя мѣстная полиція и показала, что въ пѣніи гимна участвовали воспитанники гимназіи, но,—говоритъ онъ въ донесеніи попечителю,—бывшіе въ костелѣ гг. учителя Мрайскій, Шабловскій и Шмель [1]) объявили мнѣ, что на службѣ было не больше 10 учениковъ, которые въ пѣніи гимна участія не принимали»; поэтому, доложивъ обо всемъ

[1]) Всѣ трое—поляки-католики.

минскому военному губернатору, директоръ и не счелъ нужнымъ доносить о происшествіи попечителю. «Что же касается вольнагѓо слушателя землемѣрно-таксаторскихъ классовъ Миркулевича,— добавляетъ Белли,—то онъ, какъ исключенный изъ землемѣрныхъ классовъ, долженъ отвѣтствовать лично за совершенный имъ поступокъ, ежели это будетъ доказано» [1]).

Подобное же стремленіе директора и педагогическаго совѣта выгораживать учениковъ, оказавшихся причастными въ той или другой формѣ къ политическому движенію, мы видимъ и относительно происшествія 3-го іюня 1862 года. Въ ночь на 4-е іюня черезъ Минскъ слѣдовала партія арестованныхъ политическихъ преступниковъ; минчане-поляки, въ значительномъ количествѣ, демонстративно провожали эту партію черезъ весь городъ за Борисовскую заставу. Въ демонстраціи этой приняли участіе и ученики гимназіи, за что въ числѣ 43 человѣкъ и были арестованы. Для установленія личности арестованныхъ учениковъ въ 2 ч. ночи на мѣсто происшествія явился, по распоряженію военнаго губернатора, директоръ гимназіи; когда арестованные ученики были переписаны, то ихъ подъ конвоемъ довели до городской черты, а отсюда, въ сопровожденіи директора и инспектора, они разошлись уже по квартирамъ. Военный губернаторъ отнесся къ дѣлу серіозно и приказалъ подвергнуть его обсужденію педагогическаго совѣта, съ своей стороны предлагая учениковъ младшихъ классовъ наказать розгами [2]), учениковъ IV и V кл. подвергнуть аресту, а по отношенію къ ученикамъ VI кл. считая достаточнымъ свое личное внушеніе. Педагогическій совѣтъ посмотрѣлъ на дѣло иначе: въ проступкѣ учениковъ онъ видѣлъ лишь слѣдствіе увлеченія «невиннымъ любопытствомъ»; а предлагаемое губернаторомъ наказаніе за «несвоевременную отлучку изъ квартиръ» несоразмѣрно строгимъ [3]). По мнѣнію совѣта, для учениковъ вполнѣ достаточно и того наказанія, что они были арестованы и препровождены до черты города подъ конвоемъ, а потому постановили: «дабы на будущее время со стороны учениковъ не было подобныхъ отступленій отъ гимназическаго порядка, объявить въ своемъ собраніи строгій выговоръ, съ предостереженіемъ, что они, если снова сдѣлаютъ подобное отступленіе отъ порядка, будутъ подвергнуты взысканію». Въ случаѣ же несогласія губернатора съ постановленіемъ совѣта предположено было ожидать особаго приказанія попечителя относительно приведенія въ исполненіе мѣры взысканія, предло-

---

[1]) Секретн. дѣла 1863 г., № 33.

[2]) Наказаніе розгами въ то время находилось въ числѣ дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на учениковъ.

[3]) Едва ли губернаторъ видѣлъ въ проступкѣ учениковъ лишь нарушеніе дисциплины, если, дѣйствительно, настаивалъ на мѣрахъ строгости!

женной губернаторомъ [1]). Повидимому, совѣтъ главное значеніе придавалъ лишь степени наказанія, а не сущности проступка, считая его маловажнымъ, или, по крайней мѣрѣ, пытаясь представить его таковымъ. Такого же взгляда держался и директоръ. Въ своемъ донесеніи въ округъ онъ прежде всего старается по возможности смягчить поступокъ учениковъ. Указавъ на то, что «изъ уваженія къ усиленнымъ занятіямъ, которыя имѣютъ ученики по случаю репетицій, и принимая во вниманіе ясные лѣтніе вечера», имъ разрѣшено было ученикамъ гулять до 10 ч. вечера, онъ обращаетъ вниманіе на поведеніе учениковъ, которые, «по невинному любопытству» принявъ участіе въ процессіи, вели себя тихо и спокойно, такъ что ихъ движеніе «имѣло видъ прогулки». Изложивъ дальнѣйшій ходъ событій, въ заключеніе директоръ добавляетъ, что «все дѣло это возникло вслѣдствіе административной ошибки» [2]). Къ сожалѣнію, среди хранящихся въ архивѣ гимназіи документовъ нѣтъ свѣдѣній относительно того, какой оборотъ въ дальнѣйшемъ движеніи приняло данное дѣло. Но для нашей цѣли вполнѣ достаточно указанныхъ фактовъ, такъ какъ ими вполнѣ выясняется характеръ отношенія гимназическаго начальства и совѣта къ тогдашнимъ тревожнымъ обстоятельствамъ. Въ томъ, что большинство членовъ педагогическаго совѣта Минской гимназіи относилось снисходительно и даже сочувственно къ ученикамъ, уличеннымъ въ политической неблагонадежности, насъ убѣждаютъ, кромѣ экзаменовъ, многіе и другіе факты. Учениковъ, за участіе въ политическихъ манифестаціяхъ исключенныхъ изъ другихъ гимназій, охотно принимали въ Минскую. Съ другой стороны директоръ Минской гимназіи Белли своимъ ученикамъ, скомпрометированнымъ участіемъ въ мятежныхъ демонстраціяхъ, способствовалъ поступить въ другія учебныя заведенія [3]). Педагогическій совѣтъ въ засѣданіи своемъ 11-го іюля постановилъ даже ходатайствовать о дарованіи права возвратиться въ гимназію или поступить въ другія учебныя заведенія ученикамъ Минской гимназіи, исключеннымъ за безпорядки 17-го ноября 1861 года. Въ педагогическомъ совѣтѣ не раздается ни одного безпристрастнаго голоса, который попытался бы взглянуть на поведеніе учениковъ не подъ угломъ одного только снисхожденія, при своемъ постоянствѣ переходившаго въ потворство, а съ точки зрѣнія служебнаго долга и твердаго патріотическаго чувства. Для выразителя подобныхъ чувствъ жизнь въ заведеніи и въ обществѣ въ тѣ времена становилась слишкомъ тяжелою и даже невозможною, такъ какъ тайна совѣщаній педагогическаго совѣта не сохранялась его членами, и обмѣнъ

---

1) Протоколъ засѣд. пед. сов. 4-го іюня 1862 г.
2) Секретн. дѣла 1862 г., № 83.
3) См., напримѣръ, въ дѣлѣ за № 1092 документъ подъ № 49.

мыслей и мнѣній на совѣтѣ дѣлался предметомъ пересудовъ въ городѣ и среди учениковъ. Ученики узнавали «не только о рѣшеніи совѣта, но и о ходѣ преній, со всѣми подробностями, иногда умышленно искаженными»; «отсюда возникали между учениками и распространялись въ обществѣ ложные толки и неудовольствіе на нѣкоторыхъ преподавателей». Зло это было столь распространеннымъ въ округѣ, а образъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ членовъ педагогическихъ совѣтовъ настолько неблагонадежнымъ и несовмѣстнымъ съ достоинствомъ учителя, что это вызвало со стороны попечителя особый циркуляръ о конфиденціальности совѣщаній педагогическихъ совѣтовъ; этимъ циркуляромъ объявлялось, что лица, которыя окажутся виновными въ нарушеніи тайны совѣщаній, не будутъ терпимы на службѣ [1]). Указанное зло существовало и въ Минской гимназіи, и противъ учителей, рѣшавшихся дѣйствовать не въ духѣ польской партіи, принимались обструкціонныя мѣры; не останавливались и передъ ложнымъ доносомъ, чтобы устранить нежелательное лицо изъ педагогической среды. Въ августѣ 1862 года попечителемъ округа былъ полученъ отъ учениковъ Минской гимназіи безыменный пасквиль на старшаго учителя математики Гринкевича, обвинявшій его въ взяточничествѣ, грубомъ обхожденіи и несправедливости. Въ своемъ объясненіи по поводу этого пасквиля директоръ Минской гимназіи [2]) отзывается о Гринкевичѣ, какъ объ усердномъ, аккуратномъ и даровитомъ преподавателѣ, и важнѣйшею причиною ложнаго доноса считаетъ то, что Гринкевичъ пользуется нелюбовью учениковъ, въ виду неизвѣстно какимъ путемъ распространившихся между учениками слуховъ, что Гринкевичъ былъ причиною удаленія изъ гимназіи большинства учениковъ, исключенныхъ за безпорядки 17 ноября 1861 года. Подобный фактъ говоритъ самъ за себя. Наконецъ округъ обратилъ вниманіе на преобладаніе въ Минской гимназіи польскаго элемента и на уклончивый образъ дѣйствій начальства и педагогическаго совѣта гимназіи: 2-го мая 1862 г. директоръ Белли былъ перемѣщенъ въ Свенцяны, а на его мѣсто назначенъ свенцянскій директоръ училищъ Кандидовъ; въ маѣ же мѣсяцѣ инспекторъ гимназіи Страшинскій (полякъ) по прошенію уволенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ учитель русскаго языка Васильевъ; въ іюлѣ учителемъ русскаго языка въ Минскую гимназію былъ опредѣленъ русскій человѣкъ Козловскій, а еще раньше въ 1861 г. — нѣкто Гороховъ. 5-го августа 1862 г. по высочайшему повелѣнію былъ закрытъ благородный пансіонъ Минской гимназіи, немало способствовавшій развитію и поддержанію польскаго духа и мятежнаго настроенія среди учениковъ гимназіи. Хотя русскій элементъ въ Минской гим-

---

[1]) Циркул. по управл. Вил. учебн. окр. за 1862 г., № 1.

[2]) Уже не Белли, а Кандидовъ.

назіи и былъ значительно усиленъ въ 1862 г., но рѣзкой перемѣны въ направленіи гимназіи на первыхъ же порахъ не могло произойти, въ виду сильнаго еще перевѣса польскаго элемента. Такъ, напримѣръ, 17-го ноября 1862 г., въ годовщину извѣстныхъ безпорядковъ, въ Минскую гимназію было принято восемь учениковъ Пинской гимназіи, исключенныхъ за участіе въ демонстраціяхъ. Только одинъ инспекторъ Васильевъ былъ противъ принятія ихъ; но его голосъ былъ подавленъ большинствомъ голосовъ, сочувствовавшихъ принятію. Тѣмъ не менѣе, благодаря приливу свѣжихъ русскихъ силъ, въ педагогическомъ совѣтѣ Минской гимназіи съ самаго же начала $18^{62}/_{63}$ учебнаго года замѣтны попытки не формально лишь, но и на дѣлѣ усилить надзоръ за учениками [1]).

Въ 1863 г. мятежъ, получивъ правильную организацію, достигъ своего апогея; сформировавшіяся въ различныхъ мѣстахъ банды перешли къ открытымъ вооруженнымъ дѣйствіямъ, и ихъ первые шаги на этомъ поприщѣ, при слабости и нерѣшительности правительственной власти въ краѣ, были небезуспѣшны. Отуманенные этими мелкими и случайными успѣхами, поляки, народъ пылкій и быстро поддающійся увлеченію, рѣшили, что дѣло ихъ выиграно, и ничто уже больше не могло сдерживать открытаго проявленія ненависти ко всему русскому и сочувствія къ повстанцамъ. Этотъ переходъ отъ политическихъ манифестацій къ открытому восстанію, этотъ подъемъ мятежнаго духа въ польскомъ обществѣ не могъ не отразиться и на учащейся молодежи; тѣмъ болѣе, что легкомысленные польскіе патріоты, безъ сожалѣнія, привлекали ее къ активному участію въ мятежѣ. Правильныя занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекратились, учащіеся сначала въ одиночку, а въ апрѣлѣ и маѣ цѣлыми партіями самовольно покидали учебныя заведенія и уходили въ шайки. Духъ неповиновенія и буйства открыто проявляется и среди оставшихся въ заведеніяхъ; неправильное посѣщеніе классовъ, самыя дерзкія выходки на урокахъ, особенно противъ русскихъ учителей, дѣлали невозможными учебныя занятія.

Такому прогрессивному развитію духа безпорядка въ учебныхъ заведеніяхъ немало способствовалъ и тотъ нерѣшительный образъ дѣйствій, котораго, въ духѣ общеправительственныхъ мѣропріятій въ краѣ, держалось окружное учебное начальство. Хотя и былъ изданъ цѣлый рядъ циркуляровъ, требовавшихъ усиленія наблюденія за учащимися и нравственнаго воздѣйствія на нихъ, но главная причина зла не устранялась: сочувствовавшіе мятежу и потому лишенные возможности оказывать на учащихся желанное воздѣйствіе учителя-поляки сидѣли на своихъ мѣстахъ; виновные въ мятежныхъ демонстраціяхъ ученики не подвергались строгой карѣ. Нельзя считать радикальнымъ средствомъ къ успо-

[1]) См. протоколъ пед. сов. 14 авг., 11 и 25 сентября и 17 ноября 1862 г.

коенію мятежной молодежи то средство, которое, какъ самое сильное, примѣнялось къ наиболѣе виновнымъ: ихъ исключали изъ заведенія, но лишь на короткій срокъ или съ правомъ поступленія въ другое учебное заведеніе округа. Напротивъ, эта мѣра лишь подливала масло въ огонь: такіе ученики, окруженные ореоломъ мученичества за отчизну, разносили заразу изъ одного заведенія въ другое. Временное исключеніе ихъ, тѣ толки, которыми оно сопровождалось, то общество, въ которомъ исключенные вращались,—все это лишь усиливало въ нихъ нежелательное настроеніе, дѣлало ихъ болѣе способными къ пропагандѣ мятежныхъ идей. Но 1863 г. былъ поворотнымъ пунктомъ въ характерѣ дѣятельности окружнаго учебнаго начальства. Еще до назначенія начальникомъ края М. Н. Муравьева оно поняло, что только самыя рѣшительныя и строгія мѣры могутъ искоренить зло и дать возможность если не всей молодежи, то хотя значительной части ея не лишаться тѣхъ благъ, которыя даетъ правильная школьная жизнь. Время снисходительности прошло, все неблагонадежное въ нравственномъ и политическомъ отношеніи приносится въ жертву общему благу [1]). И эта мѣра, въ связи съ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій новаго начальника края М. Н. Муравьева, привела къ желаннымъ результатамъ — водворенію спокойствія въ учебныхъ заведеніяхъ и къ возстановленію въ нихъ правильнаго хода учебно-воспитательнаго дѣла. Къ сожалѣнію, слишкомъ поздно пришли къ сознанію необходимости примѣненія мѣръ крайней строгости; будь это сдѣлано раньше, въ 1861 г. и даже въ 1862 г., гораздо меньше было бы несчастныхъ жертвъ, испорченныхъ жизней.

Но возвратимся къ изложенію хода событій въ Минской гимназіи въ 1863 г.; факты изъ ея жизни лучше всего уяснятъ намъ сущность и значеніе общихъ мѣропріятій учебнаго начальства въ это время и ихъ необходимость.

Вліяніе мятежа уже въ январѣ мѣсяцѣ 1863 года настолько сильно отразилось въ Минской гимназіи, что педагогическій совѣтъ по собственному почину долженъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ рѣшительнымъ и строгимъ, чтобы не быть вынужденнымъ совершенно прекратить учебныя занятія. Неисправное посѣщеніе уроковъ учениками сдѣлалось явленіемъ хроническимъ: нѣкоторые ученики на продолжительное время, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, прекращали хожденіе на уроки; другіе хотя и являлись въ гимназію, но посѣщали только тѣ уроки, какіе имъ было желательно; и тѣ и другіе, не стѣсняясь никого, гуляли по улицамъ города. Совѣтъ, стремясь къ устраненію этого ненормальнаго явленія, постановилъ болѣе неисправныхъ въ посѣщеніи гимназіи уче-

---

[1]) Дѣло Минск. гимн. № 1175. Цирк. предл. попечителя отъ 6-го марта 1863 г., за № 1063.

никовъ, не поддающихся увѣщаніямъ начальства, исключать; пропустившихъ въ году болѣе 1/4 уроковъ не допускать къ репетиціямъ и оставлять на второй годъ въ классѣ и вообще неаккуратныхъ учениковъ не освобождать отъ платы и лишать стипендій [1]). Попечитель утвердилъ выработанныя совѣтомъ правила о посѣщеніи классовъ учениками и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что подобныя правила раньше издавались иногда лишь для формы, предписалъ, чтобы эти правила «строго исполнялись, безъ всякихъ послабленій и исключеній въ чью бы то ни было пользу» [2]). Но деморализація среди учениковъ гимназіи продолжала развиваться даже еще съ большею силою. Безпорядки во время уроковъ стали повторяться систематически изо дня въ день; непочтительность къ учителямъ становится дѣломъ обычнымъ; «дикіе и безобразные крики» на перемѣнахъ и во время уроковъ служатъ помѣхой преподаванію. Особенно въ этомъ отношеніи отличался многолюдный IV классъ. 28 января безпорядки въ этомъ классѣ приняли особенно дерзкій характеръ и не прекратились, несмотря на двукратныя увѣщанія и. д. инспектора. Совѣтъ, находя необходимымъ обуздать своеволіе этого класса, въ засѣданіи 28 января постановилъ [3]), «находя уже безполезными многократныя внушенія и увѣщанія», предложить четыремъ ученикамъ подать прошенія объ увольненіи, а если не подадутъ, то исключить ихъ [4]), а девяти ученикамъ объявить послѣднее предостереженіе, послѣ котораго при первомъ же безпорядкѣ они должны быть уволены. 29 января на первомъ урокѣ это постановленіе было объявлено ученикамъ. По окончаніи урока почти всѣ ученики четырехъ высшихъ классовъ явились къ директору на квартиру съ просьбою объ обратномъ пріемѣ исключенныхъ; и, когда директоръ имъ въ этомъ отказалъ, «они выкрикнули, что всѣ подадутъ прошенія объ увольненіи изъ гимназіи». Расходясь по классамъ, они грозили требованіемъ увольнительныхъ свидѣтельствъ и стоявшимъ въ коридорѣ учителямъ, при чемъ съ особенною настойчивостью и дерзостью предъявлялъ свои требованія уч. IV кл. Мейндорфъ. «Опасаясь развитія серьезныхъ безпорядковъ», директоръ увѣдомилъ о происшествіи начальника губерніи. Тотъ вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства явился въ гимназію и обошелъ старшіе классы, увѣщевая учениковъ образумиться. Въ то же время губернаторъ распорядился для поддержанія порядка поставить въ гимназіи 10 унтеръ-офицеровъ подъ командою штабъ-офицера [5]).

---

[1]) Проток. засѣд. пед. сов. 25 янв. 1863 г.

[2]) Дѣло № 1175. Цирк. 5 февр. 1863 г., № 644.

[3]) Протoк. засѣд. пед. сов. 28 января 1863 г.

[4]) Подалъ прошеніе только одинъ ученикъ. Проток. пед. сов. 30 янв. 1863 г.

[5]) Дѣло № 1175. Донесеніе директора попечителю отъ 1-го февраля 1863 г., за № 102.

Описанное происшествіе является особенно характернымъ знаменіемъ времени. Безпорядки въ Минской гимназіи принимаютъ угрожающій характеръ; долгъ повиновенія начальству забытъ; буйная молодежь, чувствуя твердую почву въ развившемся мятежѣ, уже пытается терроризировать своихъ начальниковъ и учителей и подчинить ихъ своимъ требованіямъ. Несмотря на это, собранный въ тотъ же день педагогическій совѣтъ, вѣроятно, подъ давленіемъ сильной польской партіи, выказалъ непростительное малодушіе и даже боязнь передъ разбушевавшимися учениками и мятежнымъ городскимъ обществомъ. Обсуждая событія дня, совѣтъ нашелъ, что, руководствуясь инструкціями начальства, слѣдовало бы немедленно исключить изъ заведенія многихъ учениковъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, «но строго взвѣсивши всеобщее волненіе и безпокойство умовъ, порождаемое настоящими обстоятельствами, и сдѣланнымъ опытомъ исключенія удостовѣрившись, что новое, въ гораздо большемъ противъ прежняго числѣ, исключеніе подало бы поводъ къ огромнымъ безпорядкамъ; сверхъ того, соображая, что гимназическое начальство не имѣетъ возможности немедленно отправить къ родителямъ исключенныхъ, а оставленіе ихъ въ городѣ будетъ крайне вредно,—положилъ», не предпринимая съ своей стороны ничего, «всѣ означенныя соображенія предварительно представить на благоуваженіе г. попечителя» [1]. Но соображенія эти, конечно, не могли быть уважены попечителемъ, который на основаніи болѣе широкаго опыта уже пришелъ къ убѣжденію, что снисходительное отношеніе къ проявленіямъ мятежнаго настроенія въ учебныхъ заведеніяхъ ведетъ лишь къ дальнѣйшему развитію безпорядковъ и грозитъ полнымъ паденіемъ авторитета правительственной власти [2]. Поэтому, сдѣлавъ выговоръ директору и совѣту гимназіи, онъ предложилъ имъ «взять себѣ за правило дѣйствовать, согласно даннымъ имъ инструкціямъ, а не отступать отъ нихъ подъ благовидными предлогами. Подобными дѣйствіями, добавляетъ онъ, начальство гимназіи роняетъ свою власть и становится виновнымъ въ умышленномъ неисполненіи данныхъ ему инструкцій» [3]. Упомянутаго выше ученика Мейндорфа приказано было исключить «съ аттестаціей дурного поведенія и впредь всѣмъ исключеннымъ давать въ свидѣтельствахъ такую же аттестацію» [4].

Позволяя себѣ явное неповиновеніе начальству въ стѣнахъ гимназіи, и на улицахъ города ученики вели себя вызывающе, демонстративно выражая свое сочувствіе мятежу: разгуливали иногда до поздней ночи по городу съ палками въ рукахъ, въ конфе-

---

[1] Тамъ же.

[2] Напр., цирк. 26 января 1863 г., № 17, въ дѣлѣ гимн. № 1175.

[3] Дѣло № 1175, предл. попеч. отъ 5 февр. 1863 г., за № 645.

[4] Тамъ же.

дераткахъ, чамаркахъ и поясахъ съ особаго рода эмблематическими пряжками. 3-го февраля губернаторъ лично арестовалъ на сутки двухъ учениковъ, щеголявшихъ въ подобномъ демонстративномъ костюмѣ по городу [1]). Подобные факты продолжали повторяться, несмотря на то, что еще 19 января губернаторомъ было предложено начальству гимназіи объявить ученикамъ, что противъ тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ поздно ходить по городу въ неформенномъ платьѣ и нарушать общественное спокойствіе, будутъ приниматься полицейскія мѣры [2]), а округомъ 26 января было строжайше предписано исполнять предписанія начальства объ усиленномъ надзорѣ за поведеніемъ учащихся и немедленно исключать нарушающихъ форму и надѣвающихъ чамарки, конфедератки и пояса [3]). Мало того, стали обнаруживаться случаи бѣгства въ мятежныя шайки, попытки запасаться оружіемъ и порохомъ; иные удалялись изъ города подъ благовиднымъ предлогомъ отпуска къ родителямъ, но, вѣроятно, съ тою же цѣлью, что и первые. Однимъ словомъ, ученики Минской гимназіи отъ неповиновенія начальству и школьныхъ безпорядковъ переходятъ къ активному участію въ мятежѣ. И среди педагогическаго персонала гимназіи польская партія подняла голову и получила рѣшительный перевѣсъ; поэтому совѣтъ попрежнему, несмотря на недавній строгій выговоръ попечителя, продолжалъ снисходительно относиться къ подобнымъ ученикамъ, стараясь всѣми средствами избавить ихъ отъ наказанія или, по крайней мѣрѣ, смягчить таковое [4]). Еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи дѣйствовалъ почетный попечитель Минской гимназіи Наркевичъ-Іодко, позволяя себѣ ходатайствовать за учениковъ, несомнѣнно вредныхъ для заведенія и рѣзко проявившихъ свою неблагонадежность [5]). Но округъ обнаруживаетъ неумолимую строгость и не оказываетъ уваженія ни одному изъ подобныхъ ходатайствъ, настойчиво напоминая при этомъ, что всѣ ученики, въ той или другой формѣ не исполняющіе распоряженій начальства, должны быть исключаемы [6]). Напротивъ, попечитель округа старается уничтожить всѣ тѣ благовидные предлоги, подъ которыми мятежное общество давало возможность своимъ дѣтямъ не отставать отъ общаго польскаго дѣла, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ чи-

---

[1]) Проток. засѣд. пед. сов. 18 февр. 1863 г.

[2]) Дѣло № 1175. Предл. губ. отъ 19 янв., за № 345.

[3]) Тамъ же. Цирк. отъ 26 янв., за № 17.

[4]) Протоколъ пед. сов. 18 февр. 1863 г., а также дѣло № 1175, донесеніе директ. о повед. учен. отъ 2-го марта 1863 г. и секретн. бум. 1863 г., № 1.

[5]) Секретн. бумаги 1863 г. № 36 и дѣло № 1175, донесеніе директ. отъ 16 февр.

[6]) Дѣло № 1175 предл. поп. отъ 9 февр., за № 33, и тамъ же донесеніе директ. отъ 4 февр., за № 108, и отъ 22 февр., за № 183.

слиться учениками. Предложено было, въ случаѣ обращенія родителей съ особенно участившимися въ это время просьбами объ увольненіи ихъ дѣтей въ отпускъ,—увольнять учениковъ изъ заведенія, но не въ отпуски, а вовсе [1]). Не явившихся въ срокъ изъ отпуска на праздники и не представившихъ законныхъ причинъ неявки предписано не принимать болѣе въ гимназію, а безъ причины не посѣщающихъ классы — исключать [2]). Въ качествѣ общей и постоянной мѣры для сохраненія должнаго порядка въ учебныхъ заведеніяхъ края и для возстановленія спокойствія въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ окажутся безпорядки, генералъ-губернаторъ Назимовъ, по ходатайству попечителя, предписалъ немедленно командировать по одному штабъ или оберъ-офицеру и по 10 унтеръ-офицеровъ для присутствованія въ учебныхъ заведеніяхъ отъ 8 до 3-хъ часовъ [3]). Въ Минской гимназіи подобный нарядъ присутствовалъ ежедневно въ урочное время со дня безпорядковъ 29 января [4]).

Но деморализація учащихся въ Минской гимназіи была настолько сильна, что строгость, проявленная округомъ, уже была не въ силахъ остановить ея дальнѣйшее развитіе. Безпорядки въ гимназіи не прекращались; поведеніе учениковъ дошло до нахальства и полнаго неуваженія къ преподавателямъ и начальству. Болѣе всего страдали въ этомъ отношеніи русскіе учителя, такъ какъ открытымъ издѣвательствомъ надъ ними ученики лучше всего надѣялись выразить свое озлобленіе противъ всего русскаго. Особеннымъ нападкамъ со стороны учениковъ подвергался старшій учитель русской словесности, Г. Шумовичъ, по словамъ директора, «не подавшій къ безпорядкамъ ни малѣйшаго повода и обращавшійся съ учениками всегда вѣжливо и благородно» [5]). На его урокахъ ученики производили всевозможныя безобразія и издѣвались надъ нимъ. Предъ его уроками натаскивали въ классъ снѣгу и разбрасывали по полу, учительскому столу и стулу; залѣпляли имъ потолокъ; во время урока на средину класса бросали мокрый песокъ, попадая вмѣстѣ съ тѣмъ и на сюртукъ учителя. Но неслыханной дерзости достигло поведеніе учениковъ IV кл. на урокѣ Г. Шумовича 18 марта 1863 года. Происшествія этого дня излагаются въ протоколѣ засѣданія педагогическаго совѣта слѣдующимъ образомъ: «Вскорѣ по приходѣ старшаго учителя Шумовича въ классъ, ученики затопали ногами и закричали «вонъ», и хотя шумъ немного унялся послѣ прихода въ классъ штабъ-офицера, но топанье ногами и свистъ возобновлялись во время урока нѣ-

---

[1]) Дѣло № 1175. Предлож. отъ февр. 1863 г., за № 651.
[2]) Тамъ же. Предл. отъ 9 февр., за № 732.
[3]) Дѣло № 1175. Предл. попеч. отъ 22 февр.
[4]) Тамъ же. Донесеніе директора отъ 4 февр. 1863 г., за № 108.
[5]) Дѣло № 1175. Донесеніе директ. отъ 22 марта 1863 г., за № 292.

сколько разъ, а при выходѣ учителя изъ класса ученики, шедшіе толпой за нимъ по лѣстницѣ, нѣсколько разъ толкнули его сзади, будто неумышленно. По окончаніи этого урока во время перемѣны выбито было въ томъ же классѣ шесть стеколъ» [1]). Педагогическій совѣтъ, обсудивъ это происшествіе, постановилъ исключить 15 учениковъ IV кл., признанныхъ неблагонадежными и вредными для класса. Попечитель нашелъ эту мѣру взысканія недостаточно строгою и предписалъ оставить въ IV кл. только учениковъ, имѣющихъ круглый балъ 5 по поведенію, исключивъ всѣхъ остальныхъ безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія округа. Въ силу этого распоряженія было исключено изъ IV кл. еще 18 уч. [2]).

Разъ понявъ необходимость строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, попечитель учебнаго округа неуклонно идетъ по начертанному пути и своими распоряженіями старается отнять у польскаго общества надежду на возможность возврата къ прежней системѣ полумѣръ и снисходительности и убѣдить его въ серьезности и безповоротности принятыхъ мѣръ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ окружное начальство поняло наконецъ, что зло можетъ быть подорвано въ корнѣ не однѣми только карательными мѣрами по отношенію къ учащимся, но и мѣрами, направленными противъ тѣхъ, которые возбуждали и подогрѣвали это мятежное настроеніе и потому были главными виновниками безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и деморализаціи учащихся. Высочайшимъ повелѣніемъ попечителю предоставлено было право, по соглашенію съ начальникомъ края, закрывать гимназіи, въ случаѣ безпорядковъ; служащихъ оставлять за штатомъ, а освобождавшіяся суммы употреблять на народныя училища. Такою мѣрою самымъ чувствительнымъ образомъ одинаково карались и воспитатели юношества, и родители, и общество, на долю которыхъ падала бóльшая часть вины въ печальныхъ безпорядкахъ, отвлекавшихъ молодежь отъ прямого ея дѣла и вовлекавшихъ въ предпріятія, которыя навсегда могли испортить или погубить молодую жизнь. Въ виду указанной рѣшительной мѣры предлагалось предварить родителей и родственниковъ учащихся, что, если они дорожатъ тѣми благами, которыя предоста-

---

[1]) Проток. пед. сов. 20 марта 1863 г.

[2]) Проток. пед. сов. 20 апр. 1863 г.

[3]) Прекраснымъ примѣромъ легкомысленнаго отношенія къ тогдашнимъ печальнымъ событіямъ школьной жизни и распоряженіямъ начальства можетъ служить письмо минскаго католическаго епископа Витковича къ директору гимназіи по поводу исключенія изъ гимназіи его племянника за безпорядки 18 марта. Въ этомъ письмѣ онъ съ ироніей осуждаетъ справедливость и цѣлесообразность мѣръ, принятыхъ совѣтомъ противъ «шалуновъ-мальчишекъ» (такъ называетъ онъ участниковъ безпорядка); свои доводы онъ подтверждаетъ сентенціей, что «двухъ кожъ съ одного вола не дерутъ, неужели бъ можно это съ телятъ». (Дѣло № 1178. Конфиденц. письмо на бланкѣ минск. р.-кат. епископа отъ 21 марта, за № 184).

вляеть имъ правительство, воспитывая ихъ дѣтей, то «они должны внушить дѣтямъ всю необходимость уваженія къ законности и повиновенія предписаніямъ начальства», «если же послѣ всѣхъ мѣръ кротости и снисхожденія... будуть произведены учащимися новые безпорядки политическаго характера, то такого рода проступки будуть приняты начальствомъ, какъ прямое фактическое заявленіе со стороны общества и учащихся, что они не цѣнять заботливости правительства о распространеніи образованія въ ихъ средѣ и не желають пользоваться предоставленными имъ къ тому средствами», прямымъ послѣдствіемъ чего, конечно, будеть закрытіе учебнаго заведенія [1]). Что касается тѣхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства, которые явнымъ и демонстративнымъ образомъ заявляли о своемъ сочувствіи мятежу: одѣвались въ чамарки, конфедератки и другого рода одежду, «которая сдѣлалась въ послѣднее время условнымъ нарядомъ людей злонамѣренныхъ и враждебныхъ правительству», то такихъ, согласно общему распоряженію начальника края, приказано было немедленно увольнять оть службы [2]). Хотя подобныхъ педагоговъ въ Минской гимназіи, повидимому [3]), и не было, но все же поляки-учителя относились къ мятежу настолько сочувственно, а ослѣпленіе польскаго общества было такъ велико, что упомянутая выше мѣра, обращенная къ здравому смыслу и нравственному чувству тѣхъ и другихъ, не произвела желаннаго дѣйствія. Апрѣль и май, кульминаціонный періодъ въ развитіи мятежа, ознаменовались массовымъ бѣгствомъ учениковъ Минской гимназіи въ шайки мятежниковъ, 20 и 22 апрѣля бѣжало изъ Минска и примкнуло къ мятежнымъ шайкамъ 42 ученика гимназіи, а 23-го мая еще 10; изъ состоявшихъ при гимназіи землемѣрно-таксаторскихъ классовъ въ маѣ и апрѣлѣ бѣжало 20 воспитанниковъ; большая часть изъ нихъ тоже бывшіе ученики гимназіи [4]). Вслѣдствіе множества бѣжа-

---

[1]) № 1175. Цирк. отъ 9 марта 1863 г., за № 1148. См. также секретн. бумаги 1863 г., № 87.

[2]) Дѣло № 1155. Цирк. 9 марта 1863 г., № 1133.

[3]) Трудно составить себѣ хоть какое нибудь понятіе о духѣ, направленіи и дѣятельности преподавателей Минской гимназіи изъ тѣхъ ежемѣсячныхъ донесеній о нихъ директора въ округъ, которыхъ попечитель послѣ продолжительныхъ и безуспѣшныхъ требованій добился наконецъ въ 1863 году: въ такихъ общихъ фразахъ, съ такимъ дипломатическимъ обходомъ всего, что могло компрометировать учителей и гимназію, изложены они. См., напримѣръ, цѣлый рядъ подобныхъ донесеній за 1863 г. въ дѣлѣ № 1175. Въ 1864 г. между прочимъ обнаружилось, что учитель Ковзанъ былъ причастенъ къ революціонной организаціи въ Минской губерніи. См. дѣло № 1147.

[4]) Проток. пед. сов. 22 и 23 мая и дѣло № 1178 объ ученикахъ, исключенныхъ изъ гимназіи и самовольно отлучившихся изъ города. Здѣсь можно найти доказательства несомнѣнной принадлежности учениковъ къ мятежнымъ шайкамъ, многіе изъ нихъ были судимы и сосланы.

вшихъ и исключенныхъ изъ гимназіи за дурное поведеніе, неявку изъ отпуска на праздники и нехожденіе въ классы, несмотря на пребываніе въ городѣ, число учениковъ Минской гимназіи сильно уменьшилось. Въ теченіе мая и апрѣля по указаннымъ причинамъ исключено было изъ гимназіи 104 ученика [1]). Въ теченіе же перваго полугодія 1863 года число учениковъ гимназіи уменьшилось почти на половину: къ 1-му января 1863 года въ гимназіи было 645 учениковъ; изъ этого числа въ теченіе шести мѣсяцевъ выбыло 268 (24 по окончаніи курса, 75 уволено по прошенію, 44 за невзносъ платы, 53—исключено за самовольную отлучку, 39—за дурное поведеніе, 23—за неявку изъ отпуска и 10—за нехожденіе въ классъ), такъ что къ 1-му іюля 1863 года въ гимназіи оставалось 377 учениковъ [2]). Вслѣдствіе такого уменьшенія количества учениковъ многолюдной Минской гимназіи наблюденіе за ними значительно облегчилось, и потому директоръ, по сношеніи съ губернаторомъ, распорядился о снятіи военнаго караула, съ января находившагося въ гимназіи въ урочное время [3]). Но деморализація учащихся, безпорядки и связанныя съ ними массовыя исключенія учениковъ, неаккуратное посѣщеніе уроковъ: все это крайне вредно отразилось на успѣхахъ учениковъ. «Учебныя занятія, говоритъ попечитель въ отчетѣ по управленію округомъ за 1863 годъ, хотя и не прерывались, но во всѣхъ гимназіяхъ шли безуспѣшно: общее вниманіе учителей польскаго происхожденія и учащихся, родные и близкіе которыхъ открыто или тайно принимали участіе въ мятежѣ, поглощено было происходившими тогда въ краѣ событіями. Волненіе умовъ, разразнообразные и безчисленные слухи и выдумки, неизбѣжные во всякое тревожное время, извѣстія о стычкахъ нашихъ войскъ съ мятежниками и другія новости дня—все это, нарушая обыкновенное теченіе дѣлъ, препятствовало правильному развитію жизни учебныхъ заведеній» [4]). Эта характеристика состоянія учебнаго дѣла вполнѣ примѣнима и къ Минской гимназіи въ первое полугодіе 1863 года. Хотя директоръ Минской гимназіи въ своемъ годовомъ отчетѣ за 1863 г. и говоритъ, что «малоуспѣшность преимущественно высказывается въ практическихъ упражненіяхъ по русскому языку и словесности», въ виду «охлажденія учениковъ къ русскому языку, вслѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ края, когда въ семействѣ все русское подвергается осмѣянію и порицанію» [5]);

---

[1]) Проток. 20 апрѣля и 23 мая.

[2]) Донесеніе директора минскому военному губернатору отъ 9 іюля 1863 г. въ дѣлѣ № 1178.

[3]) Дѣло № 1175, донесеніе директора отъ 28 мая, за № 495.

[4]) Корниловъ. Памяти графа М. Н. Муравьева. Спб., 1898 г., стр. 2 и 3.

[5]) Дѣло № 1174. Годовой отчетъ о состояніи училищъ Минской дирекціи за 1863 годъ.

но попечитель округа съ полнымъ правомъ предполагалъ, что успѣхи учениковъ Минской гимназіи и по другимъ предметамъ едва ли могутъ быть значительно лучше. «Зная положительно, что воспитанники всѣхъ классовъ Минской гимназіи въ продолженіе текущаго учебнаго года манкировали чрезвычайно много и не занимались науками, какъ должно», онъ предписалъ педагогическому совѣту гимназіи экзаменъ VII классу и репетиціи прочимъ классамъ произвести безъ малѣйшаго послабленія [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года въ Вильну пріѣхалъ новый начальникъ края Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Несмотря на сравнительную близость къ намъ разсматриваемой эпохи, уже въ общихъ чертахъ понята и по справедливости оцѣнена вся важность этого историческаго дѣятеля: его широкій и глубокій политическій умъ, громадныя административныя способности, неутомимость, разносторонность и цѣлесообразность его дѣятельности, наконецъ его глубочайшій патріотизмъ, готовый на полное самопожертвованіе и забвеніе своихъ личныхъ интересовъ ради блага общественнаго. Всякому извѣстно, съ какою необычайною, волшебною быстротою Муравьевъ измѣнилъ положеніе дѣлъ, какъ быстро возстановилъ въ объятомъ мятежомъ краѣ его исконный, русскій и православный обликъ. И достигъ онъ этого не крутостью и безчеловѣчіемъ въ усмиреніи мятежниковъ, какъ съ голоса поляковъ твердили легкомысленные современные ему русскіе космополиты, а тѣмъ рядомъ цѣлесообразныхъ мѣръ, охватившихъ всѣ стороны общественной жизни, которыя подсказали ему глубокій умъ и умѣнье быстро оріентироваться въ самомъ сложномъ дѣлѣ. Его политическая программа отличалась необычайною ясностью и опредѣленностью: возстановить и укрѣпить въ краѣ русскія начала и тѣмъ способствовать полному и органическому сліянію его въ остальной Россіей; всѣ его мѣропріятія являются лишь развитіемъ въ деталяхъ этой общей идеи.

При широтѣ своего кругозора и способности постигать сущность дѣла Муравьевъ, конечно, не могъ не обратить вниманія на состояніе учебнаго дѣла въ краѣ, такъ какъ учебныя заведенія одни только могли кореннымъ образомъ перевоспитать общество и парализовать вредное вліяніе польской семьи на подростающее поколѣніе. Въ 1863 году М. Н. Муравьевымъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ относительно учебныхъ заведеній; мѣропріятія эти имѣли своею цѣлью не только подавленіе мятежнаго духа среди учащихся, но, главнымъ образомъ, приданіе учебно-воспитательному дѣлу чисто русскаго характера. Всѣ предписанія Муравьева 1863 года, касающіяся учебныхъ заведеній, можно раздѣ-

---

[1]) Дѣло № 1155. Предлож. попеч. отъ 17 апр., за № 139. Протов. засѣд. педагогич. совѣта 20 іюня 1863 г.

лить на двѣ главныя группы: одни изъ нихъ были направлены къ устраненію неблагонадежныхъ элементовъ какъ изъ среды учащихся, такъ и изъ среды учащихъ и начальствующихъ лицъ; другіе имѣютъ цѣлью усилить въ учебныхъ заведеніяхъ русскій и православный элементъ и сдѣлать его господствующимъ.

Къ числу первыхъ относятся предписанія Муравьева объ усиленіи надзора за учащимися какъ въ учебное, такъ и вакаціонное время; о недопущеніи въ учебныя заведенія тѣхъ изъ учениковъ, которые хотя въ слабой степени оказались неблагонадежными; введеніе поручительныхъ подписокъ и устраненіе отъ должности лицъ польскаго происхожденія.

Прежде всего, согласно распоряженію Муравьева, предписано было на лѣтнее вакаціонное время 1863 г. увольнять учениковъ подъ росписки родителей и опекуновъ, съ обязательствомъ имѣть за ними бдительный надзоръ и съ условіемъ, что «отвѣтственность въ случаѣ безвѣстной отлучки изъ мѣста жительства падаетъ на нихъ». Въ случаѣ неисполненія поручительствъ, предположено было, по усмотрѣнію мѣстной гражданской власти, налагать штрафъ въ 100 рублей и болѣе [1]). Это распоряженіе приведено было въ исполненіе и по Минской гимназіи, а списки уволенныхъ въ отпускъ учениковъ для учрежденія за ними надзора представлены были полиціи. Согласно предписанію округа отъ 31-го іюля, для усиленія надзора за учащимися выработаны были совѣтомъ Минской гимназіи новыя обязательныя правила для учениковъ и представлены директоромъ минскому военному губернатору [2]). Этими правилами между прочимъ вводилось обязательное ношеніе форменнаго платья учениками, карманные билеты для удостовѣренія личности и, что важнѣе всего, поручительныя подписки. Родители и опекуны всѣхъ учениковъ, начиная съ 14-ти-лѣтняго возроста, за исключеніемъ православныхъ и остзейскихъ уроженцевъ, для принятія ихъ дѣтей въ гимназію въ началѣ 186³/₄ учебнаго года, должны были дать подписку, что они, въ случаѣ участія ихъ дѣтей въ безпорядкахъ, обязуются уплатить штрафъ отъ 100 до 200 рублей [3]). Кромѣ того, требовалось удостовѣреніе о благонадежности самихъ поручителей и способности ихъ уплатить штрафъ [4]). Распоряженіе о поручительныхъ подпискахъ было распространено и на находившіеся при Минской гимназіи землемѣрно-таксаторскіе классы [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно предписанію Муравьева [6]), обращено было

---

[1]) Дѣло № 1175. Цирк. 1-го іюля 1863 г., за № 2811.

[2]) Дѣло № 1175.

[3]) Дѣло № 1155. Цирк. 14 авг., за № 4290, и 22-го авг., за № 4514; тамъ же донесеніе директ. губернатору отъ 3-го ноября.

[4]) Тамъ же. Предл. губ. отъ 2 дек.

[5]) Дѣло № 1171. О воспитанн. земл.-таксат. кл.

[6]) Дѣло № 1155. Цирк. 14 авг., за № 4290.

особое вниманіе на политическую и нравственную благонадежность содержательницъ ученическихъ квартиръ; предположено было и ихъ подвергать денежному штрафу за участіе содержимыхъ ими учениковъ въ какихъ либо политическихъ замыслахъ или манифестаціяхъ. Для принятія въ гимназію въ началѣ 186³/₄ учебнаго года, кромѣ поручительныхъ подписокъ, требовалось еще представленіе учениками удостовѣренія отъ полиціи, что они не участвовали въ мятежныхъ дѣйствіяхъ [1]).

Муравьевъ придавалъ особенно важное значеніе только что перечисленнымъ мѣрамъ и требовалъ, чтобы мѣры эти при выполненіи не были простымъ соблюденіемъ формы, а являлись дѣйствительнымъ ручательствомъ благонадежности состава учащихся и средствомъ къ обезпеченію взысканія за воспитанниковъ, нарушающихъ установленный порядокъ [2]).

Минская гимназія отличалась многолюдствомъ: классъ въ 100 учениковъ былъ явленіемъ зауряднымъ [3]), почти нормою; подобное же явленіе замѣчалось и въ другихъ гимназіяхъ. Легко представить, какъ трудно было поддерживать дисциплину и вести правильныя занятія въ такихъ многолюдныхъ классахъ. Въ виду несомнѣнно вреднаго вліянія подобнаго многолюдства, предположено было норму численности учениковъ по классамъ уменьшить до 50 и даже до 40 учениковъ [4]). Впрочемъ, количество учащихся, съ введеніемъ требованія поручительныхъ подписокъ и удостовѣренія отъ полиціи о неприкосновенности учениковъ къ мятежнымъ дѣйстіямъ, должно было уменьшиться само собою [5]). Благодаря этому, въ августѣ мѣсяцѣ 1863 г. число учащихся въ Минской гимназіи сократилось до 289 [6]). Желая очистить учебныя заведенія отъ неблагонадежныхъ элементовъ, Муравьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ озаботился о томъ, чтобы ни одинъ случай проявленія мятежнаго настроенія не оставался безнаказаннымъ. До пріѣзда Муравьева многіе родители, чтобы избавить отъ наказанія своихъ дѣтей, принявшихъ участіе въ мятежѣ, просили объ увольненіи ихъ изъ гимназіи, и такихъ обыкновенно увольняли изъ гимназіи, согласно прошенію родителей. Циркуляромъ попечителя отъ 28-го августа 1863 г., за № 4678 [7]), предписано было тѣмъ уче-

---

[1]) Дѣло № 1155. Цирк. 14 авг., за № 4290.

[2]) Дѣло № 1155. Цирк. 14 сент., за № 5119.

[3]) См. «Пересадочныя вѣдомости» за 1862—1863 уч. г. Количество учащихся въ этомъ году по классамъ было слѣдующее: VII кл.—46, VI—80, V—91, IV—105, III—126, II—115 и I—100.

[4]) Дѣло № 1155. Цирк. 16 іюля, № 3804.—Проток. пед. сов. 12 авг. Корниловъ, Памяти М. Н. Муравьева, стр. 12.

[5]) Дѣло № 1203, о выбывшихъ въ 1864 г. ученикахъ прежде окончанія курса.

[6]) Дѣло № 1175. Донесеніе директора военному губернатору отъ 29 августа 1863 г.

[7]) См. дѣло № 1155.

никамъ, родители которыхъ будутъ просить объ ихъ увольненіи изъ заведенія, выдавать свидѣтельства только въ томъ случаѣ, если военнымъ начальникомъ удостовѣрено будетъ, что означенный ученикъ не принадлежалъ къ мятежнымъ шайкамъ; въ противномъ же случаѣ предложено было считать ихъ неявившимися и вносить въ особые списки.

М. Н. Муравьевъ, конечно, отлично понималъ, что самымъ радикальнымъ средствомъ къ искорененію изъ учебныхъ заведеній польскаго духа и мятежной закваски было бы удаленіе изъ педагогическаго персонала всѣхъ начальниковъ и всѣхъ учителей польскаго происхожденія и римско-католическаго исповѣданія. По мнѣнію достойнаго сотрудника Муравьева — новаго попечителя учебнаго округа И. П. Корнилова, «деморализація гимназической молодежи и ея участіе въ безпорядкахъ никогда не пріобрѣли бы того значенія, какое онѣ, къ несчастію, имѣли, и при томъ онѣ не выразились бы въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ», если бы въ гимназіяхъ были русскіе преподаватели [1]). Поэтому въ годовыхъ отчетахъ по управленію округомъ онъ съ особенной настойчивостью проводитъ мысль о настоятельной необходимости замѣны поляковъ-преподавателей русскими, такъ какъ «русскій составъ начальниковъ и преподавателей есть существенное и необходимое условіе для того, чтобы въ Западномъ краѣ, не имѣющемъ туземнаго образованнаго русскаго общества, противодѣйствовать полонизму и утверждать въ шестимилліонномъ населеніи русскій языкъ и русскія чувства» [2]). Къ величайшему сожалѣнію, осуществить эту мѣру во всей полнотѣ тотчасъ же въ 1863 г. не представлялось возможности, такъ какъ новый контингентъ преподавателей приходилось составлять крайне осмотрительно. Пока пришлось ограничиться устраненіемъ директоровъ и инспекторовъ-поляковъ, а равно и почетныхъ попечителей изъ польскихъ магнатовъ, вліяніе которыхъ было особенно значительнымъ и особенно вреднымъ. Въ «Циркулярахъ по Виленскому учебному округу» за вторую половину 1863 г. мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ причисленій къ министерству и увольненій отъ службы директоровъ, инспекторовъ и почетныхъ попечителей польскаго происхожденія. Между прочимъ, 22 августа 1863 года уволенъ былъ отъ должности согласно прошенію и почетный попечитель Минской гимназіи, надворный совѣтникъ Наркевичъ-Іодко. Намъ уже извѣстно, насколько взглядъ и дѣятельность этого попечителя не соотвѣтствовали стремленіямъ правительства придать учебно-воспитательному дѣлу чисто-русскій характеръ и прекратить разъ навсегда попытки учащихся къ нарушенію установленнаго порядка. Понятно, что при чисто-русскомъ

---

[1]) Корниловъ, Памяти Муравьева, стр. 142. Тамъ же, стр. 6.

[2]) Тамъ же, стр. 148.

направленіи дѣятельности М. Н. Муравьева подобные попечители не могли быть болѣе терпимы [1]). Съ его удаленіемъ должно было прекратиться то давленіе, которое въ прежнее время польское общество производило на Минскую гимназію черезъ его посредство. Устраненіе вліянія на гимназію со стороны польскаго общества въ данную минуту было тѣмъ болѣе необходимо, что М. Н. Муравьевъ и попечитель округа всѣми силами пытались дать учебнымъ заведеніямъ чисто-русское направленіе, предоставивъ русскимъ элементамъ господствующее положеніе во всѣхъ проявленіяхъ школьной жизни. Въ декабрѣ 1863 г. попечитель предложилъ начальникамъ учебныхъ заведеній «стремиться съ неуклоннымъ постоянствомъ и участіемъ къ тому, чтобы русскій элементъ занялъ по праву принадлежащее ему мѣсто и сталъ господствующимъ не номинально, но на самомъ дѣлѣ» [2]). Для пробужденія и укрѣпленія въ учащейся молодежи русскаго происхожденія сознанія ихъ вѣры и народности предписано было, чтобы православные ученики по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ присутствовали на богослуженіи въ мѣстныхъ православныхъ храмахъ и участвовали въ церковномъ пѣніи. Для огражденія ихъ отъ польскаго вліянія внѣ заведенія предлагалось азмѣщать ихъ по ученическимъ квартирамъ такъ, чтобы имъ принадлежалъ численный перевѣсъ [3]). Принято было за правило — освобождать отъ платы за право ученія дѣтей священно и церковнослужителей [4]).

Наконецъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ сдѣлана была попытка предоставить русскому языку принадлежащее ему по праву господствующее положеніе въ школѣ. Предложеніемъ попечителя запрещенъ былъ укоренившійся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, между прочимъ и въ Минской гимназіи, обычай — читать классную молитву по-польски; учителямъ предписано было доставлять ученикамъ случаи возможно чаще упражняться въ русской разговорной рѣчи и уже никоимъ образомъ, какъ это вошло въ обычай, употребленіемъ польской рѣчи не содѣйствовать укорененію польскаго языка въ стѣнахъ заведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было объявить по классамъ, что польскій языкъ — предметъ въ гимназическомъ курсѣ необязательный, и что неудовлетворительная отмѣтка по этому предмету не можетъ препятствовать переходу ученика въ слѣдующій классъ [5]). Въ Минской гимназіи прекращена была выписка польскихъ изданій и усилено пополненіе фунда-

---

[1]) Недаромъ же еще князь Ширинскій-Шихматовъ считалъ почетныхъ попечителей самыми надежными дѣятелями въ развитіи и упроченіи польскаго элемента въ краѣ (Замѣч. на проектъ Устава, ч. II, стр. 434).

[2]) Секретн. бум. 1863 г. Конфид. предл. попеч. отъ 18 дек., за № 271.

[3]) Тамъ же.

[4]) Дѣло № 1155. Предл. попеч. отъ 24 авг. 1863 г., за № 4599.

[5]) Дѣло № 1155. Предлож. 16 іюля 1863 г., за № 3804.

ментальной библіотеки Минской гимназіи русскими сочиненіями, преимущественно по русской словесности, исторіи и географіи [1]).

Наблюденіе за поведеніемъ учениковъ Минской гимназіи было усилено цѣлымъ рядомъ мѣръ, вновь выработанныхъ директоромъ и педагогическимъ совѣтомъ не ради только формы, какъ это дѣлалось прежде, а съ цѣлью нравственнаго воздѣйствія на учащихся при помощи неусыпнаго и постояннаго контроля надъ ихъ поведеніемъ [2]). При измѣнившейся системѣ управленія краемъ, при усиленной строгости учебнаго округа и стараніи педагогическаго персонала возможно точнѣе выполнить предписанія начальства, прежніе буйные безпорядки учениковъ и ихъ участіе въ мятежѣ стали дѣломъ въ Минской гимназіи невозможнымъ. Тѣмъ болѣе, что М. Н. Муравьевъ, «придавая при настоящемъ политическомъ положеніи края серіозное значеніе всѣмъ безпорядкамъ въ учебныхъ заведеніяхъ», требовалъ, чтобы «начальники этихъ заведеній о каждомъ малѣйшемъ случаѣ своеволія, буйства и неповиновенія власти, подъ страхомъ увольненія отъ службы, доносили немедленно—въ губернскихъ городахъ начальникамъ губерній, а въ уѣздныхъ и другихъ—мѣстнымъ военнымъ начальникамъ, для принятія надлежащихъ мѣръ къ обузданію виновныхъ». Но и такихъ проступковъ, послѣ принятыхъ мѣръ, было немного: въ протоколахъ педагогическаго совѣта Минской гимназіи за первую половину 1863—1864 учебнаго года отмѣчено ихъ только четыре; и всѣ они свидѣтельствуютъ болѣе о легкомысліи отдѣльныхъ учениковъ, чѣмъ о существованіи какого нибудь серіознаго броженія среди учениковъ [3]). Много шума произвело дѣло объ исчезновеніи изъ классовъ пересадочныхъ списковъ во время большой перемѣны 18-го ноября 1863 года. Несмотря на старанія гимназическаго начальства, виновные не были открыты; равнымъ образомъ не выяснилась и цѣль похищенія списковъ. Такая нераспорядительность начальства заставила начальника края, серіозно относившагося ко всякому проявленію неподчиненія распоряженіямъ властей, обратить на это дѣло особенное вниманіе. Инспекторъ казенныхъ училищъ, минскій военный губернаторъ и личный адъютантъ Муравьева употребили всѣ усилія, чтобы открыть виновныхъ. Ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ: ученики, виновники безпорядка, сознались въ своемъ проступкѣ. Но М. Н. Муравьевъ не удовольствовался этимъ и приказалъ продолжать слѣдствіе, чтобы выяснить, «не подало ли гимназическое начальство, учителя и надзиратели какой нибудь

[1]) Тамъ же. Предл. 12 окт. 1863 г., за № 5649; а равно и годовой отчетъ за 1863 годъ директора Минской гимназіи.

[2]) Проток. пед. сов. 5-го сент. 1863 г. Записка директора и его донесеніе попеч. отъ 20-го сент. въ дѣлѣ № 1175; см. также дѣло № 1155, предл. отъ 23-го дек., за № 7366.

[3]) Проток. пед. сов. 28-го окт., 13-го и 27-го ноября 1863 г. и дѣло № 1178.

поводъ къ бывшему безпорядку, и произведено ли первое слѣдствіе добросовѣстно». Новое слѣдствіе обнаружило, что въ поступкахъ виновныхъ учениковъ «не было умышленнаго противодѣйствія училищному начальству и никакого политическаго значенія... и что виновность этихъ учениковъ всего важнѣе заключается въ запирательствѣ»; а гимназическое начальство слѣдствіе вело добросовѣстно, но уклонилось на ложный путь въ розыскахъ виновныхъ, благодаря предвзятой мысли. Тогда, по распоряженію Муравьева, виновные ученики были подвергнуты семидневному аресту въ гимназическомъ карцерѣ, съ правомъ продолжать ученіе въ Минской гимназіи; а съ поручителей ихъ «за невнушеніе этимъ воспитанникамъ чувства правды и понятія о долгѣ соблюденія порядка и уваженія къ распоряженіямъ начальства» предписано было взыскать по 50 р. штрафу, и штрафныя деньги препроводить въ канцелярію генералъ-губернатора «для причисленія оныхъ къ суммѣ на вспомоществованіе пострадавшимъ отъ мятежа» [1]). Это дѣло интересно не по своему существу, а лишь какъ характеристика того вниманія, съ какимъ М. Н. Муравьевъ относился рѣшительно ко всѣмъ явленіямъ тогдашней жизни Сѣверо-Западнаго края,—той неусыпности, съ какою онъ наблюдалъ за правильностью и добросовѣстностью дѣятельности каждаго подчиненнаго ему чиновника. Только подобнымъ, внимательнымъ до мелочей, отношеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ общественной жизни Муравьеву и удалось сразу взять въ свои руки всѣ нити дѣла, съ поразительною быстротою подавить мятежъ и возстановить престижъ власти.

Такимъ образомъ вторая половина 1863 года въ жизни Минской гимназіи характеризуется замѣтнымъ поворотомъ къ лучшему [2]). Гимназія понемногу сбрасываетъ съ себя польскій обликъ и начинаетъ принимать характеръ русскаго заведенія.

Этотъ благопріятный переворотъ въ жизни Минской гимназіи окончательно завершился уже въ слѣдующемъ 1864 году, благодаря цѣлому ряду новыхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью укрѣпить начатое упроченіе русскаго вліянія въ краѣ.

Польскій языкъ, на основаніи состоявшагося въ іюлѣ мѣсяцѣ 1864 года высочайшаго повелѣнія, былъ исключенъ изъ числа предметовъ преподаванія [3]). «Упраздненіе польскаго языка, по сло-

---

[1]) Дѣло канцел. минской дирекціи училищъ № 1195, о безпорядкѣ въ Минской гимназіи по случаю уничтоженія 18-го ноября пересадочныхъ списковъ по классамъ, а также проток. засѣд. педаг. сов. 27-го ноября 1863 г.

[2]) Перемѣна эта отразилась даже на ученикахъ, принявшихъ участіе въ мятежѣ: были случаи добровольнаго возвращенія изъ шаекъ мятежниковъ бывшихъ учениковъ гимназіи. (См. дѣло № 1178).

[3]) Дѣло № 1211. Предл. отъ 11-го іюля, за № 4015. Впрочемъ, фактически преподаваніе польскаго языка въ Минской гимназіи прекратилось еще въ январѣ мѣсяцѣ, и учебные часы по этому предмету были распредѣлены между преподавателями другихъ предметовъ. (Проток. пед. сов. 14-го янв. 1864 г.).

вамъ директора Минской гимназіи, было одною изъ тѣхъ мѣръ, которыя въ одинъ пріемъ сообщили учебному заведенію новую жизнь и новое направленіе, показавъ нагляднымъ образомъ ту цѣль, къ которой идетъ правительство Сѣверо-Западнаго края» [1]). Въ тѣсной связи съ названной мѣрой находилось введеніе преподаванія Закона Божія римско-католическаго исповѣданія на русскомъ языкѣ, что, по мнѣнію того же директора, было не менѣе важнымъ средствомъ къ искорененію полонизма изъ Минской гимназіи [2]). Законоучитель прелатъ Новицкій съ готовностью выполнялъ предписанія начальства о преподаваніи Закона Божія. Катехизисъ онъ преподавалъ по своимъ запискамъ, одобреннымъ педагогическимъ совѣтомъ; священную исторію — по руководству протоіерея Базарова; церковную же исторію первыхъ вѣковъ, до раздѣленія церквей, по учебнику священника Рудакова [3]). При указанныхъ только условіяхъ стало возможнымъ сдѣлать русскій языкъ въ дѣйствительности господствующимъ и разговорнымъ языкомъ всѣхъ учениковъ какъ въ стѣнахъ гимназіи, такъ и внѣ ея [4]).

Усиленіе русскаго и православнаго элемента среди учащихся составляетъ попрежнему предметъ самыхъ неусыпныхъ заботъ [5]). И. П. Корниловъ особенно заботился о дѣтяхъ «отъ смѣшанныхъ браковъ, которые не получили домашняго воспитанія въ томъ духѣ, въ какомъ воспитываетъ дѣтей православная русская семья». По его мнѣнію, «слѣдуетъ пробудить, развить и укрѣпить въ нихъ сознаніе ихъ вѣры и народности и охранить ихъ отеческою заботливостью отъ вреднаго вліянія латино-польской пропаганды». Вмѣстѣ съ тѣмъ относительно «воспитанниковъ лютеранскаго, магометанскаго и еврейскаго исповѣданій и дѣтей крестьянъ бѣлорусскаго и литовскаго племени, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру», онъ предписывалъ принять всевозможныя нравственныя мѣры «для пробужденія въ нихъ сознанія непринадлежности ихъ къ польской національности» [6]).

Теперь какимъ-то анахронизмомъ являлось все то, что напоминало въ учебныхъ заведеніяхъ о быломъ господствѣ католицизма. Вотъ почему въ засѣданіи педагогическаго совѣта Минской гимназіи 17-го октября 1864 года постановлено было на будущее время не прекращать уроковъ въ гимназіи въ дни, празднуемые одною только католическою церковью, а именно: 4-го марта—въ Казими-

[1]) Годов. отчетъ о состояніи Минск. гимн. за 1864 г.

[2]) Тамъ же. Дѣло № 1211. Предл. отъ 16-го іюля, за № 4113; а также дѣло № 1244.

[3]) Дѣло № 1211. Донесеніе директора отъ 27-го марта 1865 г., за № 214.

[4]) Дѣло № 1211. Предлож. попеч. отъ 8-го января 1864 г., за № 95, и проток. педаг. сов. 14-го янв. 1864 г. Годов. отчетъ за 1864 г.

[5]) Годов. отчетъ и протоколы педагогич. сов. за 1864 г.

[6]) Секретн. бумаги 1864 г. Предл. отъ 7-го марта, за № 9.

ровъ день, 1-го и 2-го ноября—въ праздникъ всѣхъ святыхъ, 8-го декабря—въ праздникъ зачатія Богородицы и въ праздникъ Тѣла Господня. «Это, по мнѣнію совѣта, одна изъ тѣхъ мѣръ, какихъ слѣдуетъ желать въ интересахъ русской народности и русскаго просвѣщенія въ краѣ, до извѣстной степени ополяченномъ». По постановленію совѣта, католики могутъ быть освобождаемы въ эти дни отъ уроковъ; но имъ было запрещено участіе въ католическихъ крестныхъ ходахъ, такъ какъ изъ опыта извѣстно, «что католическіе крестные ходы имѣютъ не столько религіозное, сколько торжественное значеніе; а вмѣстѣ съ праздниками, которые случаются въ эти дни, не празднуемые православною церковью, внушаютъ католикамъ мысль объ отдѣльности отъ населенія русскаго» [1]). И въ этомъ случаѣ римско-католическій законоучитель прелатъ Новицкій дѣйствовалъ въ духѣ правительственныхъ мѣропріятій [2]). 30-го января 1865 г. въ педагогическомъ совѣтѣ обсуждалось его заявленіе о неосвобожденіи учениковъ римско-католическаго исповѣданія отъ занятій въ 1-й и 2-й день великаго поста, каковые дни не считаются римско-католическою церковью праздничными, а равно и объ отмѣнѣ чтенія «реколлекцій» въ стѣнахъ гимназіи. Обычай «реколлекцій», т. е. религіозно-нравственныхъ собесѣдованій, былъ заведенъ въ Минской гимназіи отцами іезуитами и былъ въ рукахъ ихъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ воздѣйствія на учащуюся молодежь. Поэтому педагогическій совѣтъ, по всестороннемъ обсужденіи означеннаго заявленія, нашелъ, что освобожденіе католиковъ въ 1-й и 2-й день великаго поста и чтеніе реколлекцій «удерживались только по перевѣсу польско-католическаго направленія въ гимназіи передъ русскимъ, а потому постановилъ: 1) не освобождать отъ занятій учениковъ-католиковъ въ 1-й и 2-й день поста и 2) на будущее время ученикамъ слушать реколлекціи не въ гимназіи, а въ костелѣ» [3]).

Но важнѣе всего для упроченія русскаго вліянія въ краѣ, конечно, было то, что въ 1864 году осуществилась наконецъ давно желанная мѣра — устраненіе отъ службы въ Виленскомъ округѣ всѣхъ преподавателей поляковъ и замѣна ихъ русскими [4]). Благодаря этому распоряженію, и составъ педагогическаго персонала Минской гимназіи въ 1864 году совершенно измѣнился. Къ 1-му января 1864 года преподавателей въ Минской гимназіи было 18; изъ

---

[1]) Протов. педаг. сов. 17-го окт. 1864 г.

[2]) Да и вообще прелатъ Новицкій постоянно дѣйствовалъ въ духѣ правительства и былъ человѣкомъ вполнѣ благонадежнымъ, за что, впрочемъ, польское общество относилось къ нему очень неблагосклонно: въ собственномъ приходѣ, въ м. Мирѣ, его не принимали въ болѣе зажиточные дома. (Секретн. бумаги 1864 г. Донесеніе директора отъ 23-го окт., за № 1238).

[3]) Проток. пед. сов. 30-го января 1865 г.

[4]) Дѣло № 1147. Предл. 12-го авг., за № 4782, и отъ 22-го іюля, за № 4295.

нихъ православныхъ было 5, католиковъ 11, лютеранъ 2; къ 1-му января 1865 года преподавателей состояло 17; изъ нихъ православныхъ 13, католиковъ 1, лютеранъ 3 [1]. Это были дѣятели, совершенно непохожіе на прежнихъ: воодушевленные глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, сознательно относясь къ своему долгу, они отъ души желали трудиться на пользу своего дѣла и отечества. Да и самая обстановка лишь усиливала это желаніе. «На мѣстѣ вѣковой борьбы съ враждебными началами, по словамъ И. П. Корнилова, самый равнодушный, самый идеальный русскій космополитъ не можетъ устоять въ своемъ нравственномъ одиночествѣ и безпристрастіи; онъ долженъ по необходимости такъ или иначе опредѣлиться, принять то или другое знамя: нечего и говорить, что всѣ русскіе учителя Виленскаго округа не знаютъ другого знамени, кромѣ русскаго» [2]. Слова эти были вполнѣ примѣнимы къ новому составу преподавателей Минской гимназіи, которые, по словамъ директора, исполняли «долгъ свой добросовѣстно, съ любовью и съ совершенной благонамѣренностью, высказывая благородное стремленіе содѣйствовать благимъ предначертаніямъ правительства». «Вслѣдствіе представившейся съ прибытіемъ новыхъ учителей возможности обсуждать всѣ вопросы, подлежащіе его разсмотрѣнію, безъ всякаго стѣсненія» [3], дѣятельность педагогическаго совѣта оживилась и сдѣлалась плодотворною [4]. Учебное дѣло въ Минской гимназіи поднялось на должную высоту и вполнѣ отвѣчало желаніямъ окружного начальства [5]. Къ занятіямъ учениковъ учителя и начальство стали относиться со справедливою строгостью, не допуская тѣхъ послабленій, которыя практиковались прежде, особенно относительно русскаго языка [6]. Благодаря этому, уровень познаній по всѣмъ предметамъ значительно повысился [7], хотя зато изъ 17 учениковъ выпускного класса только 8 оказались достойными аттестата [8].

Въ сентябрѣ 1864 года были закрыты состоявшіе при Минской гимназіи землемѣрно-таксаторскіе классы, воспитанники которыхъ являлись особенно вліятельными пропагандистами польскихъ идей среди учениковъ гимназіи. Закрытіе этихъ классовъ состоялось по

---

[1]) Годовой отчетъ за 1864 г.; формулярные списки служащихъ въ Минской гимназіи за тотъ же годъ и дѣло № 1147 объ опредѣленіи и увольненіи чиновниковъ за 1864 г., особенно предл. попеч. за №№ 4782 и 4565.

[2]) Корниловъ. Памяти М. Н. Муравьева, стр. 152.

[3]) Годов. отчетъ за 1864 г.

[4]) Въ ноябрѣ 1864 г. попечитель объявилъ искреннѣйшую признательность за труды директору, инспектору и преподавателямъ Минской гимназіи. (Дѣло № 1211. Предл. попеч. отъ 6-го ноября, за № 6920).

[5]) Цирк. предл. попеч. отъ 2-го іюня, за № 3037, и отъ 30-го іюля, за № 4482.

[6]) Проток. пед. сов. 2-го сент. 1864 г.

[7]) Дѣло № 1247. Годов. отчетъ за 1864 г.

[8]) Проток. пед. сов. 11-го іюня 1864 г.

волѣ М. Н. Муравьева, который нашелъ излишнимъ дальнѣйшее существованіе ихъ «въ особенности потому, что получающіе въ оныхъ приготовленіе мѣстные уроженцы польскаго происхожденія, по своему вредному направленію, не могутъ принести пользы для здѣшняго края; между тѣмъ при настоящихъ обстоятельствахъ совершенно неудобны и практическія занятія въ землемѣрно-таксаторскихъ классахъ, требующія соединенія въ лѣтнее время значительнаго числа воспитанниковъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ бдительнаго полицейскаго надзора» [1]).

Съ устраненіемъ условій, питавшихъ и поддерживавшихъ польскій духъ и деморализацію среди учащихся, Минская гимназія, обновленная въ своемъ составѣ, и въ воспитательномъ отношеніи стала на желанную для русскаго дѣла высоту: она чувствуетъ себя уже въ силахъ бороться съ остатками былого зла не карательными мѣрами, а однимъ лишь нравственнымъ воздѣйствіемъ на учениковъ. «Исправленіе ложныхъ и вкорененіе истинныхъ понятій въ умахъ дѣтей составляетъ, по мнѣнію педагогическаго совѣта гимназіи, первую и главнѣйшую обязанность учебнаго заведенія. Исключеніе учениковъ, не отрѣшившихся еще отъ навѣянныхъ извнѣ польскихъ тенденцій, не можетъ исправить ложныхъ мнѣній, тогда какъ пребываніе ихъ въ гимназіи, проникнутой рускимъ направленіемъ, окажетъ на нихъ благотворное вліяніе разъясненіемъ исторической истины относительно здѣшняго края» [2]). Такія воззрѣнія совѣта на свои учебно-воспитательныя задачи служатъ лучшею характеристикою состоянія Минской гимназіи къ началу 1865 года. Мы видимъ передъ собою чисто русское учебное заведеніе съ твердыми патріотическими убѣжденіями, сильное своимъ воспитательнымъ вліяніемъ, для котораго уже не страшны лживыя польскія тенденціи, которыя еще такъ недавно господствовали и во всемъ краѣ, и въ Минскѣ, и въ Минской губерніи.

В. Г. Краснянскій.

[1]) Дѣло № 1241 о закрытіи землемѣрно-таксаторскихъ классовъ при Минской гимназіи.

[2]) Протоколъ педагогическаго совѣта 16 декабря 1864 года.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

Историческій этюдъ [1]).

Новый трудъ почтеннаго русскаго историка, Н. К. Шильдера, является, по его собственному сознанію, не исторіей царствованія Павла I, а только краткимъ очеркомъ его жизни. Несмотря на такую скромность автора, это сочиненіе большого объема, in folio, и въ пятьсотъ страницъ, представляетъ если не вполнѣ исторію, то во всякомъ случаѣ драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ, касающихся занимающей его эпохи. Не только все, что можно было собрать о Павлѣ во время царствованія Екатерины II, но и довольно подробное повѣствованіе о его четырехлѣтнемъ государствованіи начерчено съ мастерскимъ умѣніемъ этимъ знатокомъ исторіи XVIII и XIX столѣтія. Вполнѣ исчерпалъ онъ всѣ данныя, которыя въ настоящее время доступны, о событіяхъ, случившихся сто лѣтъ тому назадъ, и можно смѣло сказать, что еще долго книга Н. К. Шильдера будетъ окончательной біографіей Павла I. Онъ вполнѣ справедливо въ своемъ предисловіи говоритъ, что жизнь Павла I отличается такими трагическими и, можно сказать, Гамлетовскими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ не только русской, но и всемірной исторіи.

---

[1]) Императоръ Павелъ I. Историко-біографическій очеркъ Н. К. Шильдера. С.-Петербургъ. 1901.

Посвященный памяти князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, трудъ г. Шильдера изданъ роскошно; къ нему приложено 13 исполненныхъ фототипіей портретовъ, 4 большихъ вида Михайловскаго замка, 3 плана того же дворца, 6 факсимиле различныхъ манифестовъ и указовъ и 7 автографовъ съ документовъ Павла I, Маріи Θеодоровны, Зубова, Суворова, фонъ-деръ-Палена и др. Однимъ словомъ, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, исторія Павла, если мы такъ выразимся, несмотря на скромность г. Шильдера, составляетъ одно изъ самыхъ выдающихся явленій исторической литературы.

Если же о Павлѣ I все-таки кое-что не написано историкомъ, то это не по его винѣ; надо еще ждать, чтобы, по справедливому замѣчанію г. Шильдера, «русскій Шекспиръ нарисовалъ художественной кистью потрясающія картины нашего прошлаго и раскрылъ бы внутренній смыслъ событій». Пока же приходится довольствоваться неполнымъ очеркомъ даже такому, знающему всѣ матеріалы, талантливому автору, какъ нашъ почтенный историкъ, а тѣмъ болѣе скромному публицисту, который въ небольшомъ очеркѣ постарается нарисовать, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ императоръ Павелъ I.

I.

20-го сентября 1754 г. родился у великой княжны Екатерины Алексѣевны, супруги наслѣдника русскаго престола, великаго князя Петра Θеодоровича, сынъ, получившій имя Павла. Событія этого всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали уже десять лѣтъ, и когда оно совершилось въ Лѣтнемъ дворцѣ въ Петербургѣ, то встрѣчено было общей радостью.

«Въ данномъ случаѣ это не была семейная радость», говоритъ историкъ Екатерины II, «а политическое событіе, полное государственнаго значенія. Елисавета Петровна могла теперь спать спокойно; образъ дитяти, императора Іоанна Антоновича, заслонился колыбелью новорожденнаго князя. Младенецъ, покоящійся въ этой колыбели, являлся опорой трона, не только ограждавшею его отъ случайностей, но въ случаѣ крайности представлявшею угрозу своему отцу. Этими соображеніями вполнѣ объясняется восторгъ, возбужденный рожденіемъ первенца у великой княгини». Однако, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ въ своей автобіографической запискѣ замѣчаетъ впослѣдствіи: «Лейбницъ былъ правъ, сказавъ, что настоящее чревато будущимъ; кто бы тогда подумалъ, радуясь рожденію Павла, что народился для Россіи такой государь, какимъ онъ оказался».

Едва родился Павелъ, какъ его взяла къ себѣ императрица Елисавета Петровна, ревниво оберегая его отъ всякаго материнскаго вмѣшательства. Это, конечно, очень огорчило Екатерину и положило первую основу ея отчужденія отъ сына. При этомъ неразумная заботливость Елисаветы Петровны подѣйствовала вредно на физическое его здоровье, развивъ съ самаго младенчества въ немъ нервность и чрезмѣрную раздражительность. Императрица помѣстила его въ своихъ покояхъ. По замѣчанію Екатерины въ ея запискахъ «излишними заботами ребенка буквально душили. Онъ находился въ жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ колыбели, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; покрывали его стеганымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго постилали другое одѣяло изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Впослѣдствіи, я сама много разъ видала его такимъ образомъ уложеннаго; потъ выступалъ у него на лицѣ и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ нѣсколько подросъ, то малѣйшее дуновеніе воздуха причиняло ему простуду и дѣлало его больнымъ. Кромѣ того, онъ окруженъ былъ множествомъ старушекъ, лишенныхъ всякаго смысла, которыя своимъ неумѣстнымъ усердіемъ причиняли ему несравненно болѣе физическаго и нравственнаго зла, нежели добра».

До какой степени мать не допускали до сына, доказываетъ тотъ фактъ, что въ первые семь мѣсяцевъ она видѣла только три раза своего ребенка. Впослѣдствіи же, въ концѣ своего царствованія, императрица позволила ей видѣться съ нимъ разъ въ недѣлю. Точно такъ же Елисавета Петровна завладѣла и вторымъ ея ребенкомъ, дочерью Анной, родившейся въ 1787 году. Впрочемъ, она недолго находилась вдали отъ матери и умерла черезъ два года.

Раннее свое дѣтство Павелъ Петровичъ провелъ на рукахъ нянюшекъ и мамушекъ, по ветхозавѣтнымъ традиціямъ. Сначала императрица часто посѣщала его, но это, вѣроятно, имъ не понравилось, и онѣ устроили такъ, что Павелъ приходилъ въ испугъ отъ ея появленія и трясся всѣмъ тѣломъ, почему Елисавета Петровна стала рѣдко его посѣщать. Вообще уходъ за нимъ былъ такъ плохъ, что однажды Павелъ упалъ ночью изъ колыбели, и только утромъ его нашли спящимъ на полу. По этой причинѣ у него были часто болѣзненные припадки, и мальчикъ дошелъ до такого нервнаго раздраженія, что прятался подъ стулъ, если хлопали дверями. Точно такъ же мало обращали вниманія и на его физическое здоровье, и лейбъ-медикъ Павелъ Захаровичъ Кондоиди только отписывался, что «вседражайшее здоровье великаго князя продолжается саможелательно и во всемъ благополучно».

Въ четыре года къ Павлу Петровичу былъ назначенъ воспитателемъ Өедоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, бывшій повѣренный въ

дѣлахъ при версальскомъ дворѣ. Ребенокъ опасался, чтобы новый воспитатель его не наказывалъ, но его опасенія не оправдались; женское царство попрежнему удержалось и при Бехтѣевѣ.

Этимъ, однако, Елисавета не удовольствовалась и въ 1760 году выбрала новаго наставника внуку—Никиту Ивановича Панина, который до своей смерти оставался, если не офиціальнымъ, то негласнымъ руководителемъ великаго князя. Назначенный оберъ-гофмаршаломъ при малолѣтнимъ князѣ, онъ тотчасъ завелъ новые порядки и устранилъ женскій персоналъ. Сначала отъ этой перемѣны много плакалъ ребенокъ и долго не могъ привыкнуть къ Панину, но потомъ любилъ его и уважалъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его.

«Это былъ красивый, статный царедворецъ, говорится въ одной исторической рукописи; двадцати трехъ лѣтъ онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, двадцати девяти—камергеромъ. Всю свою жизнь, отъ юныхъ лѣтъ до самой смерти, онъ провелъ въ придворной атмосферѣ, при чемъ около тринадцати лѣтъ состоялъ по дипломатической части. Всегда привѣтливый и любезный со всѣми, мягкій по манерамъ, вѣжливый въ обращеніи, онъ легко снискивалъ себѣ уваженіе придворныхъ сферъ своихъ и чужихъ. Ни рѣзкое слово, ни грубое движеніе никогда не обличало его. По образованію онъ стоялъ выше многихъ современниковъ; многолѣтнее пребываніе за границей и служба среди иноземныхъ людей, къ тому же дипломатовъ, обогатили его многими познаніями, особенно драгоцѣнными для русскаго человѣка того времени... Придворная сфера, какъ извѣстно, не вырабатываетъ характеровъ, а Никита Ивановичъ и по природѣ своей былъ скорѣе податливъ, чѣмъ твердаго нрава... Какъ царедворецъ, предпочиталъ плыть по теченію и примиряться съ fait accompli. Иниціативой онъ не отличался, великихъ идей не провозглашалъ и оставилъ по себѣ добрую память высокообразованнаго совѣтника и безукоризненно честнаго человѣка».

Также сочувственно отзывается о немъ и Н. К. Шильдеръ. «Нельзя не признать, говоритъ онъ, что выборъ, сдѣланный императрицей, былъ наилучшій, какой только она могла сдѣлать въ то время. Панинъ безспорно принадлежалъ къ числу достойнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей Елисаветинскаго царствованія; онъ много путешествовалъ, занималъ мѣсто посланника въ Копенгагенѣ, а затѣмъ былъ уполномоченнымъ министромъ въ Стокгольмѣ». Сама Екатерина была очень довольна назначеніемъ Панина и писала: «Онъ уменъ, сообразителенъ и остороженъ; онъ не введетъ въ бѣду, напротивъ остережетъ при случаѣ».

Отданный на его попеченіе великій князь былъ только шести лѣтъ, но очевидцы приводятъ нѣсколько примѣровъ его ранняго умственнаго развитія. Такъ, когда Александръ Борисовичъ Бутурлинъ отправился въ армію противъ Пруссіи, то онъ сказалъ:

«Петръ Семеновичъ Салтыковъ поѣхалъ миръ сдѣлать и миру не сдѣлалъ, а этотъ, конечно, ни войны, ни миру не сдѣлаетъ». Въ другой разъ, во время урока древней исторіи, перебирали тридцать государей того времени, и ни одного не нашлось достойнаго. Случайно въ это самое время принесли отъ императрицы пять арбузовъ, изъ которыхъ четыре оказались негодными и одинъ хорошій. Тогда Павелъ Петровичъ сказалъ: «Вотъ изъ тридцати государей не было ни одного хорошаго, а изъ пяти арбузовъ хоть одинъ сыскался хорошій». Наконецъ, нѣкоторые изъ придворныхъ спросили мнѣніе великаго князя о двухъ своихъ товарищахъ, которые были при этомъ. Ребенокъ только отвѣчалъ, что онъ доволенъ обоими, и отъ него не добились другого отвѣта. Когда они удалились, то онъ замѣтилъ: «Что это имъ сдѣлалось, что при нихъ спрашиваютъ меня, чтобы я сказалъ настоящее свое о нихъ мнѣніе? Либо вопросители глупы, либо меня они за дурака почитаютъ?»

Не только Панинъ удалилъ своего воспитанника отъ женскаго вліянія, но постарался положить конецъ его склонности забавляться съ лакеями, при чемъ онъ часто заставлялъ ихъ маршировать въ комнатахъ. Однако его борьба съ наслѣдственной «militaire marotte», по словамъ Штелина, которую Павелъ Петровичъ заимствовалъ у отца, не увѣнчалась успѣхомъ и была только толченіемъ воды.

25-го декабря 1761 года неожиданно умерла императрица Елисавета Петровна, и императоромъ былъ провозглашенъ наслѣдникъ цесаревичъ, Петръ Θеодоровичъ. Она не успѣла передъ смертью сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій, хотя уже давно оцѣнила его по достоинству и питала къ нему искреннюю ненависть. «Насчетъ племянника своего она была совершенно одинаковыхъ со мною мыслей,—пишетъ Екатерина:—она такъ хорошо знала его, что нигдѣ не могла провести съ нимъ четверти часа безъ отвращенія или гнѣва, или огорченія. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она, говоря о немъ, заливалась слезами по поводу несчастія имѣть такого наслѣдника; либо, отзываясь о немъ, обнаруживала свое презрѣніе къ нему и часто надѣляла его эпитетами, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ».

Она постоянно мечтала возвести маленькаго Павла на престолъ, помимо его родителей. Даже, если вѣрить Бретелю, за нѣсколько дней до смерти, она, во время отсутствія великаго князя и великой княгини, приказала принести къ себѣ ребенка и посѣтила съ нимъ придворный театръ, куда велѣла впустить солдатъ. Взявъ маленькаго Павла на колѣни, она подозвала ветерановъ своего восшествія на престолъ и стала имъ представлять ребенка. По словамъ Бретеля, одного ея слова и даже жеста было бы достаточно, чтобы тутъ же солдаты провозгласили наслѣдникомъ великаго князя Павла Петровича. Этого обстоятельства не приводитъ въ своемъ со-

чиненіи г. Шильдеръ, вѣроятно, потому, что сомнѣвается въ его подлинности, и довольствуется только тѣмъ, что упоминаетъ о свидѣтельствѣ графа Мерси-Аржанто насчетъ поразившей всѣхъ нѣжности, которую императрицы Елисавета Петровна выказала явно въ театрѣ къ великому князю Павлу Петровичу.

Какъ бы то ни было, но Елисавета Петровна не совершила задуманнаго ею государственнаго переворота, и послѣ ея смерти безпрепятственно всѣ присягнули императору Петру III. «Начался, по словамъ г. Шильдера, кратковременный, но оригинальный періодъ шестимѣсячнаго его царствованія».

Съ самаго начала Петръ III поражалъ всѣхъ своимъ страннымъ поведеніемъ, и въ запискахъ современниковъ приводится множество разсказовъ объ его «безразсудныхъ» поступкахъ.

Относительно семейной жизни императоръ велъ себя не менѣе «безразсудно». Уже давно прошли тѣ времена, когда онъ звалъ Екатерину madame la Ressource и прибѣгалъ къ ней за совѣтами. Теперь онъ обращался съ нею очень грубо, даже называлъ ее публично «дурой» и однажды едва не арестовалъ ея. Онъ завелъ себѣ фаворитку, графиню Воронцову, сестру княгини Дашковой, и готовъ былъ даже на ней жениться, разведясь съ императрицей.

Что касается до отношеній Петра III къ Павлу Петровичу, то онъ всегда обращался съ нимъ презрительно, а съ воцареніемъ выказалъ къ нему полное равнодушіе. Съ большимъ трудомъ удалось Панину уговорить его присутствовать однажды при экзаменѣ цесаревича. Уходя, онъ громко сказалъ: «Я думаю, что этотъ шалунъ знаетъ болѣе нашего». Чтобы вознаградить Панина, онъ хотѣлъ произвести его въ полные генералы. Онъ, однако, отказался отъ этого, и Петръ III сказалъ: «Меня увѣряли, что Панинъ умный человѣкъ,—могу ли теперь этому вѣрить?». Все-таки онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Впрочемъ, Штелинъ увѣряетъ, что Петръ III однажды поцѣловалъ Павла Петровича и сказалъ окружающимъ: «Изъ него со временемъ выйдетъ добрый малый. Пусть онъ останется подъ прежнимъ надзоромъ; я вскорѣ сдѣлаю другое распоряженіе и надѣюсь, что онъ получитъ лучшее воспитаніе, военное, вмѣсто женскаго».

Въ государственныхъ и политическихъ дѣлахъ онъ совершенно вывелъ изъ себя всѣхъ русскихъ, особливо патріотовъ и религіозныхъ людей. Онъ, еще будучи великимъ княземъ, былъ очень нерасположенъ къ духовенству и оскорбительно относился къ священникамъ и дьяконамъ во время богослуженія. Сдѣлавшись императоромъ, онъ сталъ самымъ несочувственнымъ образомъ относиться къ архіерейскому правленію, монастырскимъ вотчинамъ и домовымъ церквамъ. Архіепископу новгородскому Дмитрію Сѣченову онъ приказалъ, чтобы всѣ образа, кромѣ Спасителя и Богоматери, были вынесены изъ церквей. Онъ также распорядился, чтобы священники

не носили бороды и чтобы вмѣсто поповскихъ рясъ надѣвали пасторскіе сюртуки. Народъ явно выражалъ негодованіе и говорилъ, что императоръ «не русскій», а «нѣмецъ», «лютеръ».

Оттолкнувъ отъ себя духовенство, онъ одинаково возбудилъ противъ себя и войско. Еще при Елисаветѣ Петровнѣ онъ выписалъ изъ-за границы гольштинскія войска, а послѣ своего воцаренія онъ перемѣнилъ военную форму на прусскую и ввелъ экзерциціи по манерѣ Фридриха II. Это чрезвычайно оскорбило русскихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ перемѣнилъ политику и сдѣлалъ ее анти-національной. Миръ съ Пруссіей былъ немедленно заключенъ, и вся русская армія была отдана въ распоряженіе Фридриха Великаго. Вмѣсто недавней войны съ Пруссіей онъ сдѣлался союзникомъ Фридриха Великаго и готовился къ войнѣ съ Даніей.

Хотя Петръ III совершилъ нѣкоторыя реформы, благотворныя для Россіи, но онѣ были слишкомъ поспѣшны, неполны и необдуманны. Онъ, напримѣръ, издалъ манифестъ о дворянской вольности, именно освободилъ дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и уничтожилъ страшныя до тѣхъ поръ «слово и дѣло», то-есть тайную канцелярію и пытки. Во всякомъ случаѣ эти благодѣтельныя дѣйствія были стушеваны остальными выходками Петра III, въ особенности его обожаніемъ къ Фридриху Великому, про котораго онъ говорилъ: «воля Фридриха—воля Божія».

Екатерина замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что Петръ III былъ самымъ злѣйшимъ своимъ врагомъ. Ограниченный, упрямый, невоздержный, онъ, ставъ самодержцемъ, искренно былъ убѣжденъ, что весь міръ существуетъ единственно для удовлетворенія его желаній, капризовъ, прихотей; онъ потерялъ способность правильно мыслить, сталъ дѣйствовать, какъ самодуръ, и до послѣдней минуты былъ ослѣпленъ своею властью, ей только довѣрялъ, на нее только опирался.

12-го іюня 1762 года Петръ III переѣхалъ съ большимъ дворомъ въ Ораніенбаумъ и продолжалъ тамъ вести жизнь веселую, безпорядочную. Екатерина же переѣхала въ Петергофъ, оставивъ Павла Петровича въ Петербургѣ съ Панинымъ. Обстоятельства такъ обострились, что Екатерина должна была стать во главѣ движенія, которое обнаружилось противъ Петра III, или ожидать каждую минуту своей погибели. Наконецъ, стали арестовывать лицъ, приближенныхъ къ Екатеринѣ, и братья Орловы бросились въ Петергофъ. Они уговорили императрицу дѣйствовать рѣшительно, и она отправилась съ гетманомъ Разумовскимъ и Орловыми въ Петербургъ.

По прибытіи въ столицу, она прямо поѣхала въ Семеновскій полкъ, а затѣмъ во дворецъ, гдѣ объявила себя императрицей, и всѣ войска ей присягнули. Послѣ этого она пошла со всей гвардіей въ походъ на Петергофъ, но ей не пришлось бороться со сво-

имъ соперникомъ. Петръ III написалъ ей два письма, въ которыхъ просилъ возвратить ему Гольштинію и предлагалъ за сохраненіе жизни отречься отъ престола. Онъ охотно это сдѣлалъ и былъ отправленъ въ Ропшу, «maison de plaisance très agreable et pas le moins fortifiée», какъ увѣряетъ Екатерина. Въ Ропшу его сопровождали капитанъ Алексѣй Орловъ, князь Барятинскій, три другихъ офицера и сто человѣкъ солдатъ. По словамъ Екатерины, «имъ дано приказаніе сдѣлать государю жизнь столь пріятною, насколько они могли, и доставить ему для забавы все, что онъ пожелаетъ. Предполагалось изъ этого мѣста перевести его въ Шлиссельбургъ, а черезъ нѣкоторое время въ зависимости отъ обстоятельствъ отправить его съ фаворитами въ Гольштинію, до такой степени его личность представлялась мало опасною».

Такимъ образомъ Екатерина одержала безкровную побѣду, и Петръ III, по словамъ Фридриха Великаго, «дозволилъ себя свергнуть съ престола, какъ ребенокъ, котораго посылаютъ спать». Что же касается до роли Екатерины въ этомъ дѣлѣ, то Тепловъ говорилъ съ самодовольствомъ исторіографу Миллеру: «Не правда ли, это—великое дѣло и хорошо ведено».

Однако, 6-го іюня получено было внезапное извѣстіе о смерти Петра III въ Ропшѣ. Неожиданность событія и подробности происшествія причинили немало заботъ и тревогъ императрицѣ, какъ въ то время, такъ и въ будущее, замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ. «Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго, сказано въ манифестѣ 7-го іюля, получили мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ Третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ, впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотъ часъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ, изъ того приключенія опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался».

Тѣло покойнаго императора Петра Θеодоровича было похоронено въ Александровской лаврѣ. Екатерина даже не присутствовала при печальной церемоніи, по уговору сената, чтобы «дражайшее здоровье ея императорскаго величества сохранить для вѣрныхъ сыновъ отечества».

Такимъ образомъ Екатерина сдѣлалась императрицей. Ея права никто не оспаривалъ. Существовалъ еще несчастный узникъ Іоаннъ Антоновичъ, который былъ 25-го ноября 1741 года лишенъ престола Елисаветой Петровной, сдѣлавшейся императрицей, но о немъ рѣшительно никто не думалъ. Потомъ цѣлая партія, во главѣ ко-

торой стоялъ Никита Ивановичъ Панинъ, руководитель Павла Петровича, полагала, что всѣ права послѣ смерти Петра III должны перейти къ цесаревичу, а Екатерина, какъ мать, можетъ быть признана только правительницей до совершеннолѣтія сына. Однако, въ виду совершившагося факта улетучились всѣ планы Панина. Впрочемъ, онъ былъ такъ упоренъ, что старался внушить эти мысли Павлу съ восьмилѣтняго возраста.

Павелъ не могъ не думать объ этомъ событіи, и естественно, что въ его дѣтскомъ умѣ засѣло предубѣжденіе противъ матери, которая, по словамъ Панина, отняла у него тѣ права, которыя онъ одинъ имѣлъ. Съ другой стороны и мать не могла скрыть неудовольствіе къ своему сыну. Уже не говоря о томъ, что событіе 6-го іюня развило между ними сильно непріязненныя чувства, между ними отнынѣ создалась глубокая пропасть, по словамъ Н. К. Шильдера, и много лѣтъ предавался надъ нею пагубнымъ размышленіямъ цесаревичъ. Къ чему привели эти размышленія,—отвѣтомъ послужило впослѣдствіи четырехлѣтнее правленіе Павла I.

II.

Итакъ Павелъ Петровичъ былъ предоставленъ исключительно Панину. Мало-по-малу Екатерина стала чуждаться сына и стѣснялась въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ. Впослѣдствіи она говорила Храповицкому: «Тамъ мнѣ не было воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина. Всѣ думали, что если не у Панина, то онъ пропалъ».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ императрица отправилась въ Москву, и ее сопровождалъ великій князь. Но послѣ коронаціи онъ заболѣлъ очень серіозно, и императрица, не удаляясь, дежурила у его постели. Несмотря на то, что болѣзнь оставила неизгладимые слѣды въ слабомъ здоровьѣ цесаревича, онъ, однако, выздоровѣлъ. Въ память этого событія онъ выпросилъ мать устроить больницу для бѣдныхъ. Вообще свое выздоровленіе онъ называлъ «благополучнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ въ своей жизни».

Въ это время Екатерина обратилась къ знаменитому французскому ученому Даламберу съ просьбою заняться воспитаніемъ великаго князя. Но онъ отказался, признавая себя неспособнымъ на эту роль и говоря, что: «Если бы дѣло шло о томъ, чтобы изъ принца, о которомъ вы заботитесь, сдѣлать довольно хорошаго математика, порядочнаго литератора, можетъ быть, посредственнаго философа, то тогда бы я не отчаивался въ успѣхѣ; но велико разстояніе между геометромъ, литераторомъ, даже философомъ, отъ великаго государя, и никто не знаетъ и не доказываетъ этого лучше васъ». Поэтому Панинъ остался полнымъ распорядителемъ въ вопросахъ

воспитанія цесаревича, несмотря на то, что ему было поручено и веденіе иностранной политики.

Хотя личный составъ и оставлялъ много желать, но нельзя не признать, что въ то время трудно было найти лучше тѣхъ людей, которыми Панинъ окружилъ великаго князя. Въ числѣ ихъ особенно отличался бывшій адъютантъ Петра III, Семенъ Андреевичъ Порошинъ, который состоялъ при цесаревичѣ съ 28 іюня 1762 года. Хотя онъ преподавалъ математику, но его бесѣды касались исторіи, литературы и вопросовъ общевоспитательнаго значенія. Доказательствомъ, что Порошинъ давалъ великому князю благородные совѣты и наставленія, служитъ его дневникъ, который онъ началъ вести съ 20 сентября 1764 года и кончилъ 13 января 1766 года. Этотъ дневникъ чрезвычайно важенъ, потому что, кромѣ картины нравственнаго развитія августѣйшаго воспитанника, представляетъ вѣрное, живое изображеніе тогдашнихъ нравовъ.

Но зависть и интриги, въ виду непрочности привязанности цесаревича и непостоянства его нрава, не могли долго удержать Порошина при дворѣ. Сначала Павелъ Петровичъ его такъ любилъ, что въ 1764 году говорилъ ему: «Не тужи, голубчикъ, ты ѣшь теперь у себя на оловѣ, будешь ѣсть и на серебрѣ». Несмотря на эти слова, черезъ три года Порошинъ уже былъ удаленъ отъ цесаревича.

Однимъ изъ главныхъ орудій противъ Порошина были его собственныя записки, и хотя Павелъ Петровичъ слушалъ ихъ со вниманіемъ и обѣщалъ никому о томъ не сказывать, но разсказалъ Панину о существованіи записокъ. Панинъ спросилъ рукопись и, ознакомившись съ ней, нашелъ неудобнымъ оставлять при цесаревичѣ такого зоркаго наблюдателя. Самъ Павелъ находилъ, что записки Порошина были мѣстами: «точнешенько такъ, но только иныя мѣста желалъ бы я, чтобы выскребены были». «Ежели все такъ, отвѣчалъ Порошинъ, зачѣмъ же выскребать? Исторія должна быть справедлива и безпристрастна. Какъ хорошее похулить и какъ похвалить худое?»

По несчастію, Порошинъ влюбился въ невѣсту Никиты Ивановича Панина, графиню Анну Петровну Шереметеву, и естественно былъ тотчасъ удаленъ отъ двора. Въ 1768 году Порошинъ былъ назначенъ командиромъ Старо-Оскольскаго полка, а черезъ годъ скончался на 29-мъ году. Соловьевъ пишетъ: «Исчезъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ образовъ второй половины XVIII вѣка. Начато было хорошее слово, хорошее дѣло и порвано было въ самомъ началѣ».

Драгоцѣнныя записки Порошина, между прочимъ, служатъ для выясненія, хотя въ нѣкоторой степени, еще остающагося открытымъ вопроса: нерасположеніе ли Екатерины развило въ сынѣ его характеръ, или его характеръ по мѣрѣ его развитія возбуждалъ нерасположеніе матери? Въ этомъ отношеніи князь Лобановъ выска-

зываетъ въ рукописной замѣткѣ слѣдующее мнѣніе: «Павелъ былъ тогда мальчикомъ десяти, одиннадцати лѣтъ. Обращеніе Екатерины съ нимъ было самое нѣжное. Онъ жилъ при ней, былъ возлѣ нея не только на большихъ, но и на малыхъ собраніяхъ при дворѣ, сопровождалъ ее повсюду, на маневрахъ, на охоту, она присутствовала при его экзаменахъ, радовалась его успѣхамъ и говорила ему, что, «когда его высочество возмужаетъ, то она изволитъ тогда по утрамъ призывать его къ себѣ для слушанія дѣлъ, дабы къ тому привыкнуть». Самыя приближенныя къ ней лица (Орловы, Чернышевы) постоянно бывали у него и оказывали ему почтительное вниманіе. Пріѣзжіе иностранцы, губернаторы, генералы, всѣ сколько нибудь замѣчательные люди, тотчасъ являлись къ нему и были приглашаемы къ его столу. Словомъ, Екатерина, видимо, старалась подготовить достойнаго себѣ преемника. Въ этомъ ребенкѣ, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на единственную надежду государства, мы, однако, можемъ при всей сдержанности Порошина подмѣтить холодность и недовѣрчивость къ матери, скуку и нетерпѣніе въ ея присутствіи и вообще зародыши тѣхъ свойствъ, которыя онъ обнаружилъ, какъ императоръ. Порошинъ, привязанный къ нему всею душою, былъ однажды вынужденъ ему сказать: «Avec les meilleures intentions du monde vous vous ferez haïr, Monseigneur» (при самыхъ наилучшихъ намѣреніяхъ вы заставите себя ненавидѣть)». Другой наставникъ Павла, профессоръ Эпинусъ, говорилъ о немъ: «Голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта нитка, машинка завертится, — и тутъ конецъ и уму и разсудку».

Нѣкоторые отрывки изъ записокъ Порошина служатъ подтвержденіемъ словъ князя Лобанова. «Его высочество, пишетъ онъ, отъ 24 сентября 1764 года, будучи живого сложенія и имѣя человѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ человѣка, который ему понравится; но какъ никакія усиленныя движенія долго продолжаться не могутъ, естьли побуждающей какой силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ оная крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣлъ счастье полюбиться. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти непосредственную, не только великую и горячую отъ него дружбу и милость. Но нѣтъ же отнюдь въ семъ дѣлѣ и невозможности, прямыя достоинства и чистое проницательное разсужденіе тысячами средствъ и орудій обращаютъ». Однажды цесаревичъ былъ въ театрѣ, и Порошинъ разсказываетъ, что партеръ два раза хлопалъ безъ него танцовщицѣ, что ему было весьма непріятно. Онъ дома долго роптал на это, и графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ говорилъ ему, что даже государыня дозволяетъ при себѣ аплодировать, хотя она и

не изволитъ начинать аплодисменты. Павелъ на это отвѣчалъ: «Да объ этомъ я не слыхалъ, чтобы государыня приказывать изволила, чтобы при мнѣ аплодировали, когда я не захочу. Впередъ я выпрошу, чтобы тѣхъ можно было высылать вонъ, которые начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности». 28 февраля 1735 года Порошинъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Хотѣли было изъ-за стола вставать, какъ не помню кто-то изъ насъ попросилъ масла и сыру. Великій князь, осердясь тутъ на тафельдекера, сказалъ: для чего прежде не ставите? и потомъ, обратясь къ намъ: это они все для себя воруютъ. Вооружились мы всѣ на его высочество и говорили ему по-французски, какъ дурно оскорблять такимъ словомъ человѣка, о которомъ онъ, конечно, заподлинно знать не можетъ, виноватъ ли онъ или нѣтъ».

Еще заслуживаютъ вниманія въ запискахъ Порошина слова цесаревича, сказанныя въ отвѣтъ на шутку Панина и графа Захара Чернышева, что Павелъ, имѣя титулъ герцога Гольштинскаго, считается принцемъ Германской имперіи. «Что вы ко мнѣ пристали, какой я нѣмецкій принцъ, я русскій великій князь». Наконецъ нельзя не остановиться на томъ впечатлѣніи, которое, по словамъ Порошина, произвела на цесаревича «шлиссельбургская нелѣпа», какъ назвала Екатерина бунтъ Мировича, который хотѣлъ освободить изъ крѣпости «безыменнаго колодника». Это былъ бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ, и Екатерина, находившаяся въ то время въ Ригѣ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга поручила «главное попеченіе о сохраненіи порядка и совершенной тишины въ столицѣ» сенатору Неплюеву. Приставленнымъ же къ царственному узнику, Іоанну Антоновичу, капитану Васильеву и поручику Чекину было предписано, «въ случаѣ крайности, арестанта умертвить, а живого его въ руки никому не отдавать». Поэтому, когда Мировичъ ворвался въ казематъ, то онъ засталъ только бездыханный трупъ.

«Такимъ образомъ кровавая развязка 1764 года завершила собою беззаконіе 1741 года, замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ. Невольно припоминаются слова Шиллера, имѣющія столь вѣрный и глубокій смыслъ: «Въ томъ именно проклятіе злого дѣла, что оно безпрерывно рождаетъ новое зло». Однако Екатерина и Панинъ были совершенно иного мнѣнія. Екатерина писала: «Я съ удивленіемъ узнала всѣ дивы, происшедшія въ Шлиссельбургѣ, руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть». Самъ Панинъ также видѣлъ въ исчезновеніи царственнаго узника чудный Божій промыселъ. На Павла Петровича, какъ бы то ни было, шлиссельбургская исторія и послѣдствія ея произвели поразительное дѣйствіе. По свидѣтельству Порошина, «всякое незапное или чрезвычайное происшествіе весьма трогаетъ его высочество. Въ такомъ случаѣ живое воображеніе и ночью не даетъ ему покоя. Когда о совершившейся 15 сего

мѣсяца надъ бунтовщикомъ Мировичемъ казни изволилъ его высочество услышать, также опочивалъ ночью весьма худо».

Послѣ удаленія Порошина и достиженія Павломъ Петровичемъ 14 лѣтъ, Н. И. Панинъ нашелъ, что наступило время, когда оказалось полезнымъ «учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, то-есть: къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики, внутренней и внѣшней, войны, морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства его, силу и славу монаршу». Къ тому времени и Порошинъ еще заранѣе подготовлялъ для своего ученика сочиненіе «Государственный механизмъ», и, кромѣ того, онъ разработывалъ особый курсъ математическихъ наукъ. Онъ не разъ говорилъ относительно пристрастія великаго князя къ математическимъ наукамъ: «Если бы его высочество былъ человѣкъ партикулярный и могъ совсѣмъ предаться одному только математическому ученію, то-бъ по остротѣ своей весьма удобно быть могъ нашимъ россійскимъ Паскалемъ».

Теперь первое мѣсто въ педагогическомъ отношеніи занялъ честный, но дюжинный и малоспособный человѣкъ, Остервальдъ. Затѣмъ за нимъ слѣдовали Григорій Николаевичъ Тепловъ, который читалъ ему сенатскіе процессы. Наконецъ выдѣлялись изъ прочихъ преподавателей Николаи, Лаферьеръ и Левекъ. Хотя Панинъ и братъ его Петръ Ивановичъ заботились одинаково, чтобы великій князь не пристрастился къ «militaire marotte» Петра III, но, по выраженію законоучителя цесаревича, Платона, «великій князь былъ особенно пристрастенъ къ военному искусству». Ему особенно нравились красносельскіе маневры, и онъ увлекался «военными мелкостями».

Въ 1771 году цесаревичъ заболѣлъ горячкой и долго былъ въ самомъ опасномъ положеніи. Онъ говорилъ о себѣ въ то время: «Мнѣ то мучительно, что народъ безпокоится обо мнѣ». Императрица находилась въ большой тревогѣ, и когда все прошло, то Екатерина замѣтила, что «великій князь чрезвычайно выросъ, и у него стали пробиваться усы». Вскорѣ послѣ этого Павлу Петровичу исполнилось 18 лѣтъ, и почему-то многіе его сторонники вообразили, что императрица, если не сойдетъ съ престола, то отдастъ часть власти ему, хотя она сама сказала: «Я хочу управлять, и пусть знаетъ это Европа». Мало того, что многіе тѣшили себя этой надеждой, но даже составляли планъ участія цесаревича въ этой интригѣ. Главнымъ образомъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ Сальдернъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ и другъ великаго князя, молодой князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій. Они оба заманили его въ свои интриги. Однако Павелъ Петровичъ такъ боялся Сальдерна, что выдалъ его Екатеринѣ. Она, говорятъ, сначала очень разсердилась, и прика-

зала привесть его къ себѣ «la corde au cou», а потомъ смилостивилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ предалъ и Панина, но и на него императрица недолго сердилась.

Въ это время Екатерина писала г-жѣ Бьелькѐ: «Во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ, и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ за столомъ иногда перемѣняетъ записки, чтобы сидѣть со мною рядомъ; я думаю, что мало можно найти примѣровъ подобнаго соотвѣтствія въ настроеніи». Однако это соотвѣтствіе въ настроеніи продолжалось недолго, пока находилась между императрицей и графомъ Орловымъ холодность, чему сочувствовалъ графъ Панинъ. Но какъ только они примирились, то Павелъ Петровичъ разссорился съ матерью «изъ-за дуралея Орлова». Естественно, что въ характерѣ великаго князя, стали проявляться подозрительность и мнительность. Но онъ чувствовалъ, что надо было отъ этого отучиться, и онъ писалъ Разумовскому: «Дружба ваша произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности. Но вы должны продолжать быть настойчивымъ по отношенію ко мнѣ, потому что вамъ приходится дѣйствовать противъ десятилѣтней привычки и вести борьбу противъ того, что боязливость и обычное стѣсненіе вкоренились во мнѣ».

Въ другой разъ, намѣреваясь снова искать сближенія съ матерью, онъ говорилъ: «Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ вчера графу Панину, и который онъ одобрилъ,—это какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матушкой, пріобрѣтая ея довѣріе, какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуацій и интригъ, которыя могли бы затѣять противъ нея, такъ для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ. «Но для осуществленія этихъ прекрасныхъ намѣреній ему не доставало выдержки, и являлось какое нибудь огорченіе, какой нибудь гнѣвъ, и задуманное дѣло улетучивалось. «Внѣшнія формы, говоритъ Н. К. Шильдеръ, обращенія цесаревича, если онъ того желалъ, отличались привѣтливостью, изысканною вѣжливостью, чарующею любезностью. Проявленіе этихъ сторонъ характера Павла Петровича преимущественно поражало лицъ, мало его знавшихъ, и привлекало къ нему сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ удостоивалъ подобнаго обращенія; отъ вниманія посторонникъ наблюдателей, конечно, ускользали при этомъ непріятныя стороны его характера, а также мрачныя думы, терзавшія подчасъ новаго Гамлета и отравлявшія ему существованіе».

III.

Какъ только наступило время для женитьбы великаго князя, Екатерина озаботилась пріискать ему невѣсту. Въ 1773 г., по приглашенію императрицы, въ Россію пріѣхала ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская съ тремя дочерьми. Великій князь скоро влюбился во вторую дочь, Вильгельмину, и на четвертый же день ихъ пріѣзда сдѣлалъ ей предложеніе. По словамъ Ассебурга, прежде бывшаго датскимъ посланникомъ, а потомъ принятаго на русскую службу, «она была холодна, горда, нервна и, быть можетъ, нѣсколько легкомысленна, но вмѣстѣ открыта и послушна силѣ вѣрнаго сужденія и привлекательности благоразумнаго честолюбія».

Въ томъ же году, 15 августа, совершилось ея миропомазаніе, при чемъ она названа великой княжной Натальей Алексѣевной, а на другой день состоялось ея обрученіе. Вскорѣ послѣ этого графъ Никита Ивановичъ Панинъ былъ удаленъ отъ должности оберъ-гофмейстера великаго князя. Естественно воспитаніе послѣдняго было окончено. Труды Панина были вознаграждены необычайнымъ образомъ. Императрица не только обратилась къ нему съ собственноручнымъ благодарственнымъ письмомъ, но и даровала ему первый чинъ въ рангѣ фельдмаршала, 4.512 душъ въ Смоленской губерніи и 3.900 въ Псковской, 100.000 рублей, пенсію въ тридцать тысячъ, жалованья 14.000 рублей, домъ въ Петербургѣ, серебряный сервизъ, вина и провизіи на годъ, и придворные экипажи.

Бракосочетаніе произошло въ сентябрѣ мѣсяцѣ, но вскорѣ послѣ этого радостнаго торжества случился грозный мятежъ Пугачева, который произвелъ сильное впечатлѣніе на Павла Петровича. Съ самаго начала новая великая княгиня сдѣлалась ангеломъ-хранителемъ въ императорской семьѣ. Екатерина даже говорила: «Я обязана великой княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына и отнынѣ всю жизнь употреблю, чтобы отплатить ей за это». Далѣе она писала: «Ландграфиня оставила мнѣ золотую женщину, свою дочь, великую княгиню; эта молодая принцесса надѣлена прекрасными качествами; я ею крайне довольна; мужъ ее обожаетъ, и всѣ ее любятъ». Наконецъ она писала ея матери: «Ваша дочь здорова, она попрежнему кротка и любезна, какою вы ее знаете. Мужъ ее обожаетъ и не перестаетъ хвалить ее и рекомендовать; я слушаю его и иной разъ задыхаюсь отъ смѣха, потому что она не нуждается въ рекомендаціи; ея рекомендація въ моемъ сердцѣ, я люблю ее, и она того заслуживаетъ, нужно быть ужасно придирчивой и быть хуже какой нибудь кумушки сплетницы, чтобы не оставаться довольною этой принцессой, какъ я ею довольна. Я говорю это вамъ, потому что это истинная правда. Я просила ее заняться русскимъ

языкомъ, что она мнѣ обѣщала. Вообще наше хозяйство идетъ очень хорошо».

Однако въ теченіе полутора года Екатерина совершенно разочаровалась въ молодой княгинѣ: она перестала слушаться хорошихъ и добрыхъ совѣтовъ и не выказывала ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія. Послѣ удаленія Никиты Ивановича Панина при цесаревичѣ назначенъ былъ состоять генералъ-аншефъ, Николай Ивановичъ Салтыковъ. Сначала онъ былъ встрѣченъ очень недружелюбно со стороны наслѣдника, но впослѣдствіи онъ былъ вполнѣ къ нему расположенъ и довѣрчивъ. Въ это же время явился при дворѣ новый фаворитъ, Потемкинъ, котораго Павелъ Петровичъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ненавидѣлъ.

Въ эту эпоху наслѣдникъ представилъ императрицѣ записку подъ названіемъ: «Разсужденіе о государствѣ вообще относительно числа войскъ, потребнаго для для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Хотя изложенныя здѣсь мысли выражали политическую и военную мудрость обоихъ Паниныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ представляютъ и его собственное разсужденіе. Онъ начинаетъ съ того, что Россіи необходимъ покой, и надо завести нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній, чтобы составить государственную оборону, вмѣсто государственныхъ войнъ. Затѣмъ также важно вести строгую регламентацію въ военномъ дѣлѣ, доведенную до мельчайшей формалистики. Все это, конечно, не понравилось императрицѣ, и она рѣшила, что съ подобными мыслями наслѣдника необходимо оставить въ сторонѣ отъ дѣлъ.

Этому новому отчужденію отъ Екатерины наслѣдникъ многимъ былъ обязанъ Натальѣ Алексѣевнѣ, которая его подчинила себѣ самымъ деспотическимъ образомъ и возстановляла его даже противъ императрицы. Однако въ это время наступила тяжелая година ея родовъ. Екатерина не отходила отъ нея, и 15 апрѣля она скончалась къ великому отчаянью Павла Петровича. Екатерина въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке говоритъ: «Никакая человѣческая помощь не могла спасти эту принцессу; ея несчастное сложеніе не позволило ей родить ребенка, которымъ она была беременна; случай съ ней есть, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ. Въ продолженіе трехъ дней ее мучили настоящія родовыя боли, и, когда повивальная бабка объявила, что ничего не можетъ сдѣлать, позвали акушеровъ; но вообразите себѣ, что ни они, ни какіе либо инструменты не могли помочь ей, parce qu'elle était barrée; послѣ ея смерти, при вскрытіи трупа, оказалось, что тамъ былъ промежутокъ только въ четыре дюйма, а плечи ребенка имѣли восемь. Два года тому назадъ покойная разсказывала намъ, что, будучи ребенкомъ, она подвергалась опасности сдѣлаться кривою; поэтому ландграфиня призвала какого-то шарлатана, который выпрямлялъ ее при помощи кулаковъ и колѣнъ. Этимъ-то и объясняется, что

спинной хребетъ ея оказался изогнутымъ въ видѣ буквы S, а нижняя часть позвоночника, которая должна быть выгнутою, у нея была вогнутою. Вотъ еще доказательство тому, что не изъ гордости, но вслѣдствіе невозможности, она не могла нагибаться впередъ; кулаки шарлатана, вѣроятно, и отправили ее на тотъ свѣтъ».

Нимало не колеблясь, императрица сразу принялась за хлопоты о второмъ бракѣ цесаревича. Теперь она остановила выборъ на вюртембергской принцессѣ Софіи-Доротеѣ, которую уже нѣсколько лѣтъ собиралась назвать своей дочерью, но она тогда была слишкомъ молода. Сначала какъ будто представилась помѣха: принцесса Софія-Доротея была уже невѣстой наслѣднаго принца Гессенъ-Дармштадтскаго, но Фридрихъ Великій взялся разстроить эту свадьбу за пенсію въ 10.000, выдаваемую жениху. Такимъ образомъ принцесса Софія-Доротея сдѣлалась свободной.

Вслѣдъ за этимъ императрица отправила цесаревича въ Берлинъ, чтобы сдѣлать предложеніе невѣстѣ. Его сопровождалъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій и обычная его свита. Его особенно обрадовало это путешествіе, оно не только готовило ему невѣсту, но давало случай видѣть страну, которую онъ любилъ болѣе всего, и привѣтствовать короля, котораго онъ также обожалъ, какъ его отецъ.

По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Ригу и тамъ нашелъ въ военномъ вѣдомствѣ страшные безпорядки. Онъ написалъ сейчасъ обо всемъ императрицѣ и выразилъ открыто причину своего неудовольствія барону К. И. Сакену: «Если бы я нуждался въ политической партіи, я могъ бы умолчать о подобныхъ безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но, будучи тѣмъ, что я есмь, я не могу имѣть ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось, въ особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды. Я предпочитаю быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое». Екатерина успокоила цесаревича и обѣщала разслѣдовать замѣченные безпорядки, но прибавила юмористически: «конечно, сердцемъ жалѣю о подобныхъ нестройностяхъ, но давно уже знаю пословицу, что въ большой семьѣ безъ урода не бываетъ».

Лишь только великій князь переѣхалъ границу и очутился въ Кенигсбергѣ, то на него, странно сказать, прусское войско подѣйствовало неблагопріятно, и онъ писалъ императрицѣ: «Славны бубны за горами». Но это разочарованіе было непродолжительно, и въ Берлинѣ представилось ему прусское войско совершеннымъ идеаломъ, къ достиженію котораго онъ рѣшился неуклонно довести русскія войска. Но теперь ему было не до войска. «Я нашелъ, — пишетъ онъ, — невѣсту свою такову, какову только желать себѣ

могъ: недурна собою, велика, стройна, незастѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно, и уже извѣстенъ я, что ежели она сдѣлала дѣйство въ сердцѣ своемъ, то не безъ чувства она со своей стороны осталась. Сколь счастливъ я, всемилостивѣйшая государыня, естьли, вами будучи руководимъ, заслужу выборомъ своимъ еще болѣе милость вашу. Отецъ и мать же таковы снаружи, каковыми ихъ описывали: первый не хромаетъ, а другая сохраняетъ еще остатки пріятства и даже пригожества. Дайте мнѣ свое благословеніе и будьте увѣрены, что всѣ поступки жизни моей обращены заслужить милость вашу ко мнѣ».

Влюбившись совершенно въ будущую Марію Θеодоровну, которая имѣла только одну господствующую слабость — тщеславіе, великій князь поспѣшилъ сговоромъ. Что же касается до Фридриха Великаго, то онъ принималъ сына лучшаго своего друга, Великой Екатерины, со всевозможной любезностью. Въ отвѣтъ цесаревичъ говорилъ, что достигъ давно желаннаго, то-есть видѣть «величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства». Наконецъ, всѣ торжества и увеселенія были исчерпаны, и на прощанье два наслѣдника, русскій и прусскій, закрѣпили въ присутствіи самого Фридриха торжественной клятвой въ вѣчной дружбѣ.

Несмотря, однако, на эту дружбу, Фридрихъ пророчески предсказалъ въ то время характеристику наслѣдника. «Мы не можемъ пройти молчаніемъ сужденіе, высказанное знатоками, относительно характера этого молодого принца. Онъ показался гордымъ, высокомѣрнымъ и рѣзкимъ, что заставило тѣхъ, которые знаютъ Россію, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престолѣ, на которомъ, будучи призванъ управлять народомъ грубымъ и дикимъ, избалованнымъ къ тому же мягкимъ управленіемъ нѣсколькихъ императрицъ, онъ можетъ подвергнуться участи, одинаковой съ участью его несчастнаго отца».

Изъ Берлина великій князь выѣхалъ съ неизгладимыми впечатлѣніями отъ всего прусскаго, и, по словамъ одного изъ очевидцевъ, «ничто не могло сравниться съ тѣмъ вредомъ, какой причинили Павлу Петровичу прусская дисциплина, выправка, мундиры и т. п.; словомъ все, что напоминало о Фридрихѣ Великомъ». Онъ не отправился прямо въ Россію, а заѣхалъ въ Регенсбургъ къ своей невѣстѣ. Тутъ онъ далъ ей письменное наставленіе изъ 14 пунктовъ, какъ держать себя въ Россіи. Но по прибытіи въ Россію онъ даже самъ отказался отъ всѣхъ этихъ нравоученій. Затѣмъ онъ отправился въ Россію, и вскорѣ за нимъ послѣдовала и невѣста.

Екатерина была внѣ себя отъ радости, что сватовство удалось, и называла принцессу «столь прекрасной, какъ Психея». 26-го сентября 1776 года было совершено бракосочетаніе Маріи Θеодоровны,

и счастіе цесаревича было полное. Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ женѣ: «Всякое проявленіе твоей дружбы, мой милый другъ, крайне драгоцѣнно для меня, и клянусь тебѣ, что съ каждымъ днемъ все болѣе люблю тебя. Да благословитъ Богъ нашъ союзъ такъ же, какъ Онъ создалъ его».

Его душевное настроеніе было самое радужное до рожденія сына, Александра. «Еслибъ все прочее моей жизни соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то бъ я былъ совершенно счастливъ», признавался цесаревичъ въ письмѣ къ Панину, съ которымъ онъ все же оставался въ дружескихъ отношеніяхъ. Но рожденіе сына окончательно разссорило его съ матерью. Она рѣшила взять внука къ себѣ на воспитаніе и то же сдѣлала, когда родился второй сынъ, Константинъ. Она признавала великаго князя и его жену неспособными къ воспитанію внучатъ. Благодаря этому поведенію, сердце Павла Петровича окончательно озлобилось, душа наполнилась гнѣвомъ, и терпѣніе лопнуло. Добрыя отношенія сына къ матери безповоротно испортились, даже Екатерина стала нелестно отзываться о немъ и его женѣ въ письмахъ къ Гримму, называя ихъ: «monsieur et madame Seconde» или «die schwere Bagage». Не имѣя возможности руководить воспитаніемъ дѣтей и участвовать въ дѣлахъ имперіи, великій князь снова погрузился въ теоретическія размышленія. Никита Ивановичъ и его братъ Петръ Ивановичъ были самыми любимыми его собесѣдниками и корреспондентами. Онъ переписывался съ ними обо всемъ, даже о вербовкѣ иностранной арміи за границей.

Послѣ долгихъ переговоровъ, въ 1781 году, наконецъ была рѣшена поѣздка великаго князя съ женою за границу, исключая Пруссіи. Они должны были посѣтить Вѣну, Италію и Парижъ; ихъ свита была довольно многочисленная, состоявшая изъ обычныхъ при нихъ лицъ, Салтыкова, Куракина и т. д. Они отправились черезъ Кіевъ прежде всего въ Вѣну. Этотъ городъ произвелъ большое впечатлѣніе на великаго князя. «Государственная машина здѣсь хороша и велика, — говоритъ онъ, — и на каждомъ шагу представляетъ что нибудь интересное. Въ особенности въ виду большой ея аналогіи въ общемъ съ нашею; начиная съ головы, есть что изучить для моего ремесла».

Послѣ этого графъ и графиня Сѣверные, какъ назывались Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, посѣтили Римъ, и цесаревичъ нѣсколько разъ видѣлся съ папой Піемъ VI. Затѣмъ они поѣхали во Флоренцію и тамъ познакомились съ женихомъ сестры Маріи Ѳеодоровны, эрцъ-герцогомъ Францемъ. Бесѣдуя съ нимъ, великій князь былъ чрезвычайно откровененъ и очень рѣзко отозвался о сотрудникахъ императрицы, купленныхъ вѣнскимъ дворомъ. «Я ихъ знаю, и я вамъ назову ихъ, — говорилъ онъ, — это князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ,

графы Семенъ и Александръ Воронцовы и Морковъ, который теперь посланникомъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ потому, что я очень радъ, если они узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ высѣку, разжалую и выгоню».

Изъ Флоренціи черезъ Туринъ они проѣхали въ Парижъ. Здѣсь они были встрѣчены, какъ дворомъ, такъ и народомъ очень радушно. Парижъ произвелъ на Павла сильное впечатлѣніе, и онъ называлъ его «водоворотомъ людей, вещей и событій». Онъ признавался, что его голова совершенно закружилась отъ массы разнообразныхъ и новыхъ для него впечатлѣній, и писалъ барону Сакену отъ 15 мая 1782 года. «Я еще не знаю, что буду дѣлать, я едва помню, что со мною было; вотъ какой я веду образъ жизни въ данный моментъ». Но все-таки онъ не совершенно бездѣйствовалъ, что видно изъ дальнѣйшей фразы: «но когда заботишься о своей репутаціи, то труды и бдѣніе не кажутся страшными. Сѣешь для того, чтобы собирать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденнымъ за все». Его сѣяніе достигло извѣстнаго успѣха; онъ очаровалъ французское общество, и «prince adorable» обнаружился въ немъ въ полной силѣ. Жатва же состояла въ томъ, что Марія-Антуанета изо всѣхъ силъ старалась устроить его пребываніе какъ можно болѣе пріятнымъ. Здѣсь онъ былъ еще менѣе сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ и на этотъ разъ коснулся самой императрицы Екатерины. Когда Людовикъ XVI спросилъ его, правда ли будто въ его свитѣ нѣтъ ни одного лица, на котораго онъ можетъ положиться, то онъ отвѣтилъ: «Я былъ бы очень недоволенъ, если бы возлѣ меня находился какой нибудь привязанный ко мнѣ пудель; прежде чѣмъ мы оставили бы Парижъ, мать моя велѣла бы бросить его въ Сену съ камнемъ на шеѣ». Это было сказано въ присутствіи Маріи-Антуанеты и г-жи Кампанъ, а также многихъ другихъ лицъ. Марія Ѳеодоровна была сдержаннѣе Павла Петровича и очень осторожна. Когда одинъ французскій священникъ расточалъ Екатеринѣ хвалебные гимны, то она отвѣтила: «Да, вы правы, императрица—мать своихъ подданныхъ, она въ одно и то же время и лучшая голова и лучшее сердце въ Европѣ».

Изъ Парижа они отправились въ Брюссель. Здѣсь Павелъ Петровичъ въ первый же вечеръ за ужиномъ среди приглашенныхъ лицъ далъ всѣ доказательства ненормальности своей нервной натуры. Зашелъ разговоръ о предчувствіи, снахъ и предзнаменованіяхъ. Каждый разсказалъ что нибудь изъ этой области, одинъ великій князь молчалъ. Тогда присутствовавшій князь де-Линь обратился къ нему съ вопросомъ: «Развѣ въ Россіи нѣтъ ничего чудеснаго, и великому князю нечего разсказать?» Въ отвѣтъ Павелъ покачалъ головой и сказалъ:

— Куракинъ знаетъ, что и мнѣ было бы возможно разсказать не менѣе другихъ. Но я стараюсь удалить подобныя мысли, онѣ меня когда-то достаточно мучили. Не правда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое-что очень странное? — обратился онъ съ оттѣнкомъ грусти къ своему другу.

— Даже столь странное, государь, что при всемъ уваженіи къ вашимъ словамъ я могу лишь приписать этотъ фактъ игрѣ вашего воображенія.

— Нѣтъ, это правда, сущая правда, и если г-жа Оберкирхъ дастъ слово никогда не говорить объ этомъ моей женѣ, я разскажу вамъ, въ чемъ было дѣло. Но я также попрошу васъ, господа, сохранить эту дипломатическую тайну,—прибавилъ онъ улыбаясь,— потому что я вовсе не желаю, чтобы по Европѣ разошлась исторія о привидѣніяхъ, разсказанная мною, да еще о себѣ.

Всѣ дали слово. Тогда великій князь началъ свой разсказъ.

— Однажды вечеромъ или, скорѣе, ночью я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по улицамъ Петербурга. Мы провели вечеръ у меня, разговаривали и курили, и намъ пришла мысль выйти изъ дворца инкогнито, чтобы прогуляться по городу при лунномъ свѣтѣ. Погода не была холодная, дни удлинялись, это было въ лучшую пору нашей весны, столь блѣдной въ сравненіи съ этимъ временемъ года на югѣ. Мы были веселы, мы вовсе не думали о чемъ нибудь религіозномъ или даже серіозномъ, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ тѣхъ немногихъ прохожихъ, которые встрѣчались съ нами. Я шелъ впереди, предшествуемый, однако, слугою; за мною въ нѣсколькихъ шагахъ слѣдовалъ Куракинъ, а сзади въ нѣкоторомъ разстояніи шелъ другой слуга. Луна свѣтила такъ ярко, что было бы возможно читать, тѣни ложились длинныя и густыя. При поворотѣ въ одну изъ улицъ я замѣтилъ въ углубленіи однѣхъ дверей высокаго и худого человѣка, завернутаго въ плащъ, въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ. Онъ, казалось, поджидалъ кого-то, и какъ только мы миновали его, онъ вышелъ изъ своего убѣжища и подошелъ ко мнѣ съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Невозможно было разглядѣть черты его лица, только шаги его по тротуару издавали странный звукъ, какъ будто камень ударялся о камень! Я былъ сначала изумленъ этой встрѣчей, затѣмъ мнѣ показалось, что я ощущаю охлажденіе въ лѣвомъ боку, къ которому прикасался незнакомецъ. Я почувствовалъ охватившую меня всего дрожь и, обернувшись къ Куракину, сказалъ:

— Мы имѣемъ страннаго спутника!

— Какого спутника?—спросилъ онъ.

— Вотъ того, который идетъ у меня слѣва, и который, какъ мнѣ кажется, производитъ достаточный шумъ.

Куракинъ въ изумленіи раскрывалъ глаза и увѣрялъ меня, что никого нѣтъ съ лѣвой стороны.

— Какъ? Ты не видишь человѣка въ плащѣ, идущаго съ лѣвой стороны, вотъ между стѣною и мною?

— Ваше высочество, сами соприкасаетесь со стѣною, и нѣтъ мѣста для другого лица между вами и стѣною.

Я протянулъ руку и дѣйствительно почувствовалъ камень. Но, все-таки, человѣкъ былъ тутъ и продолжалъ итти со мною въ ногу, при чемъ шаги его издавали попрежнему звукъ, подобный удару молота. Тогда я началъ разсматривать его внимательно и замѣтилъ изъ-подъ упомянутой мною шляпы особенной формы такой блестящій взглядъ, какого не видѣлъ ни прежде ни послѣ. Взглядъ его, обращенный ко мнѣ, очаровывалъ меня, и я не могъ избѣгнуть дѣйствія его лучей.

— Ахъ,—сказалъ я Куракину:—я не могу передать, что я чувствую, но что-то странное.

Я дрожалъ не отъ страха, но отъ холода. Какое-то странное чувство постепенно охватывало меня и проникало въ сердце. Кровь застывала въ жилахъ. Вдругъ глухой грустный голосъ раздался изъ-подъ плаща, закрывавшаго ротъ моего спутника, и назвалъ меня моимъ именемъ:

— Павелъ!

Я невольно отвѣчалъ, подстрекаемый какой-то невѣдомой силой:

— Что тебѣ нужно?

— Павелъ!—повторилъ онъ.

На этотъ разъ голосъ имѣлъ ласковый, но еще болѣе грустный оттѣнокъ. Я ничего не отвѣчалъ и ждалъ; онъ снова назвалъ меня по имени, а затѣмъ вдругъ остановился. Я вынужденъ былъ сдѣлать то же самое.

— Павелъ, бѣдный Павелъ, бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь?—сказалъ я ему.

— Ничего, государь, рѣшительно ничего. А вы?

Что касается до меня, то я слышалъ; этотъ плачевный голосъ еще раздавался въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ таинственнаго незнакомца, кто онъ, и чего онъ отъ меня желаетъ.

— Бѣдный Павелъ! Кто я? Я тотъ, кто принимаетъ въ тебѣ участіе. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не останешься въ немъ долго. Живи, какъ слѣдуетъ, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоровъ совѣсти: это величайшая мука для великой души.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ, который какъ бы отдѣлялся отъ головы. И, какъ прежде я былъ долженъ остановиться, слѣдуя его примѣру, такъ и теперь я вынужденъ былъ слѣдовать за нимъ. Онъ перестал

говорить, и я не чувствовалъ потребности обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что теперь онъ давалъ направленіе нашему пути; это продолжалось еще болѣе часу въ молчаніи, и я не могу вспомнить, по какимъ мѣстамъ мы проходили. Куракинъ и слуги удивлялись. Наконецъ мы подошли къ большой площади между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ сената. Незнакомецъ прямо подошелъ къ одному мѣсту площади, въ которому я, конечно, послѣдовалъ за нимъ, и тамъ онъ снова остановился.

— Павелъ, прощай, ты меня снова увидишь здѣсь и еще въ другомъ мѣстѣ.

Затѣмъ шляпа сама собою приподнялась, какъ будто онъ прикоснулся къ ней; тогда мнѣ удалось свободно разглядѣть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидѣвъ орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгую улыбку моего прадѣда Петра Великаго. Ранѣе, чѣмъ я пришелъ въ себя отъ удивленія и страха, онъ уже исчезъ. На этомъ самомъ мѣстѣ императрица сооружаетъ знаменитый памятникъ. Но я указалъ моей матери на это мѣсто, предугаданное заранѣе призракомъ. Мнѣ страшно, что я боюсь, вопреки князю Куракину, который хочетъ меня увѣрить, что это былъ сонъ, видѣнный мною во время прогулки по улицамъ. Я сохранилъ воспоминанія о малѣйшей подробности этого видѣнія и продолжаю утверждать, что это было видѣніе. Иной разъ мнѣ кажется, что все это еще совершается передо мною. Я возвратился во дворецъ изнеможенный и съ буквально отмороженнымъ лѣвымъ бокомъ.

Этотъ разсказъ былъ записанъ въ тотъ же вечеръ присутствовавшей на ужинѣ баронессой Оберкирхъ, и на ея отвѣтственности лежитъ этотъ любопытный фактъ. Князь де-Линь, бывшій также на ужинѣ, старался успокоить великаго князя, но онъ отвѣчалъ: «Это значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ». Онъ не разъ говорилъ объ этомъ во время своего путешествія. Такъ графиня Хотекъ свидѣтельствуетъ его слова: «Затвердите въ памяти слова мои; я не достигну до сорока пяти лѣтъ». Дѣйствительно онъ не многимъ ошибся и умеръ сорока семи лѣтъ. Во время дальнѣйшаго путешествія онъ старался разувѣрить баронессу Оберкирхъ въ дѣйствительности своего видѣнія. Онъ увѣрялъ, что придумалъ эту сказку, только чтобы напугать ее. «Это—сказка, это—безуміе, это—странность, чтобы позабавить»,—говорилъ онъ не разъ. Но когда получено было изъ Петербурга письмо съ описаніемъ торжественнаго открытія памятника Петру Великому, то баронесса Оберкирхъ свидѣтельствуетъ, что великій князь сильно поблѣднѣлъ и украдкой приложилъ палецъ къ губамъ, смотря на баронессу.

Посѣтивъ Голландію, графъ и графиня Сѣверные отправились въ Монбельяръ, гдѣ жили родители Маріи Ѳеодоровны, и оставались тамъ около мѣсяца, «наслаждаясь спокойствіемъ духа и тѣла»;

Однако великій князь и тутъ не могъ отстать отъ непріятныхъ сторонъ его характера и отъ свойственныхъ ему деспотическихъ пріемовъ. Такъ, напримѣръ, въ Монбельярѣ онъ схватилъ за руку и вывелъ изъ комнаты офицера, который осмѣлился въ его присутствіи играть въ карты, будучи въ недостаточно высокомъ чинѣ.

Потомъ черезъ Швейцарію они заѣхали въ Штутгартъ и возвратились въ Вѣну. Ихъ посѣщеніе Штутгарта было замѣчательно тѣмъ, что Павелъ Петровичъ видѣлся тамъ съ Парротомъ, который впослѣдствіи былъ такимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ при Александрѣ I. Онъ тогда былъ пятнадцатилѣтнимъ студентомъ и при посѣщеніи Павломъ университета на вопросъ профессора: существуетъ ли Богъ, отвѣчалъ:

— Я не могу этого доказать.

— Какъ!—гнѣвно воскликнулъ цесаревичъ:—вы отрицаете существованіе Бога!

— Нѣтъ, ваше высочество,—отвѣчалъ Парротъ:—я чувствую его, а это сильнѣе всякаго логическаго доказательства.

Тутъ кончилось путешествіе великаго князя, и къ сдѣланному на него Европой впечатлѣнію онъ присоединилъ еще версальскія воспоминанія и аристократическія идеи, которыя уже стали отживать тамъ свое время. Вотъ что думалъ Іосифъ II объ этомъ путешествіи: «Мнѣ кажется, что путешествіе, которое только что совершили ихъ императорскія высочества, дѣйствительно принесло имъ пользу, и я думаю, не ошибусь, если осмѣлюсь утверждать вашему императорскому величеству, что они возвратятся съ несравненно болѣе пріятнымъ обращеніемъ, и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ всевозможной мелочности исчезнутъ у нихъ, насколько допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя одни только и вселяли подобные взгляды. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность».

IV.

Продолжительное путешествіе за границей кончилось для цесаревича нерадостнымъ образомъ. Императрица очень холодно встрѣтила своихъ «дорогихъ дѣтей», какъ она называла ихъ въ своихъ письмахъ, и, повидимому, не была довольна ихъ пріѣздомъ. Она знала всѣ поступки и слова великаго князя во время его отсутствія, въ особенности его разговоры съ австрійскимъ эрцъ-герцогомъ и Людовикомъ XVI, и все это далеко не радовало ея. Она даже отставила изъ его свиты князя Александра Борисовича Куракина и сослала его въ Саратовскую губернію. Не только удале-

ніе Куракина огорчило его, но онъ еще глубоко опечалился смертью графа Никиты Ивановича Панина, его стараго воспитателя. Напротивъ Екатерина писала Гримму, что «Панинъ былъ отъ природы лѣнивъ и обладалъ искусствомъ выдавать эту лѣность за обдуманную осторожность. Отъ природы онъ не былъ ни добръ, ни прямодушенъ».

Въ это же время императрица назначила Николая Ивановича Салтыкова руководителемъ къ дѣтямъ великаго князя, а ему дала графа Валентина Прокофьевича Мусина-Пушкина, что одинаково было большимъ огорченіемъ для Павла Петровича. Однако не всѣ событія были непріятностями для него; такъ въ слѣдующемъ году у него родилась дочь, Александра, за которою слѣдовали пятеро другихъ, одна за другой. Въ самый день рожденія дочери императрица подарила ему купленную у наслѣдниковъ князя Г. Орлова мызу «Гатчину», со всѣми принадлежностями и тридцатью деревнями. «Мѣсто само собою пріятно, а милость сама по себѣ дорога», писалъ цесаревичъ къ Платону. Онъ тотчасъ началъ энергично заниматься устройствомъ новаго помѣстья, и изъ него создалась та своеобразная гатчинская Россія, въ которой Павелъ исключительно прожилъ тринадцать лѣтъ до своего воцаренія.

Теперь онъ пересталъ жаловаться, что «вотъ я тридцать лѣтъ безо всякаго дѣла», и сталъ создавать маленькую особую армію, на образецъ Фридриха Великаго. Сначала онъ воспользовался тѣмъ, что носитъ званіе генералъ-адмирала, и сдѣлалъ изъ шестидесяти человѣкъ флотскій экипажъ, а потомъ увеличилъ команду до восьмидесяти человѣкъ, подъ начальствомъ капитана барона Штейнвера. «Этотъ будетъ у меня таковъ, каковъ былъ Лефортъ у Петра Великаго», говорилъ великій князь. Съ каждымъ годомъ численность гатчинскихъ войскъ увеличивалась, и уже въ 1786 г. ихъ было три роты. Какимъ-то чудомъ въ русской арміи появились войска, устроенныя по прусскому образцу, и, снисходительно дозволяя это странное явленіе, Екатерина называла это гатчинское войско: «батюшкиной арміей, воскресшей во всей красотѣ».

Что касается политики, то въ послѣдніе годы императрица начала дружить съ Австріей, но цесаревичъ попрежнему упорно стоялъ за дружбу съ Пруссіей, хотя онъ увѣрялъ Сакена, что «не занимается политикой, а предоставляетъ это газетчикамъ». Гораздо опредѣленнѣе онъ выражался въ письмахъ къ графу Румянцеву, что «во всѣхъ его поступкахъ онъ имѣетъ только въ виду Бога, и что одна совѣсть всегда указываетъ ему его долгъ». Послѣ смерти Фридриха Великаго въ 1786 году, онъ очень оплакивалъ его, но остался такимъ же приверженцемъ Пруссіи при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III. Прусскому посланнику, барону Келлеру, онъ въ слѣдующемъ году откровенно сказалъ: «Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное двадцать четыре года тому назадъ.

Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая понынѣ царствуетъ надъ нимъ; была ли эта присяга искренняя или нѣтъ — не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности. Это дѣло лежитъ на совѣсти людей, дѣйствовавшихъ въ то время; что же касается меня, то я хочу жить въ ладахъ съ моею совѣстью. Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго ей, и это счастье я предпочитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ предстоять мнѣ въ исторіи... не знаю, будетъ ли ей передано мое имя. Ну, я не знаю еще, насколько народъ желаетъ меня. Я въ этомъ отношеніи не дѣлаю никакихъ иллюзій. Многіе ловятъ рыбу въ мутной водѣ и пользуются безпорядками въ нынѣшней администраціи, принципы которой, какъ многимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, расходятся съ моими». Выраженія Павла Петровича, его игра физіономіи заставили, по словамъ Келлера, предположить, что если голосъ народа провозгласитъ его своимъ избранникомъ, онъ не воспротивится желанію народному. Впрочемъ официально онъ повиновался императрицѣ, и когда братъ Маріи Θеодоровны, принцъ Фридрихъ, впалъ въ преступленіе государственное, то онъ сказалъ: «Я подданный россійскій и сынъ императрицы россійской, что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому». Поэтому письма императрицы насчетъ удаленія изъ Россіи принца онъ никому не показалъ, даже женѣ.

После исторіи съ «Don Terece de Monbeliard», какъ называла этого принца Екатерина, наступило знаменитое путешествіе императрицы на югъ Россіи. Она хотѣла съ собою взять въ Крымъ и двухъ внуковъ, но это оскорбило родителей, и они просили письменно, чтобы императрица взяла ихъ тоже съ собою. Екатерина имъ отказала, и тогда Павелъ обратился къ заступничеству Потемкина, хотя онъ и ненавидѣлъ фаворита. Въ это время великій князь Константинъ занемогъ оспой, и Екатерина должна была отправиться въ путешествіе одна. Такимъ образомъ внуки только выѣхали къ ней навстрѣчу въ обратномъ пути до Москвы, безъ сопровожденія родителей.

Едва успѣла императрица вернуться изъ своего путешествія, какъ появился манифестъ о турецкой войнѣ. Тотчасъ великій князь попросилъ у нея позволенія поѣхать на войну, въ качествѣ волонтера. Очень долго онъ упрашивалъ ее объ этой милости, но она подъ разными поводами отклоняла эту просьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Марія Θеодоровна желала поселиться ближе къ арміи. Наконецъ императрица согласилась, но отказала въ томъ же женѣ. Однако же новые роды великой княгини помѣшали этому предпріятію, которое во всякомъ случаѣ принесло бы много заботъ Потемкину.

Но послѣ рожденія новой дочери наслѣдника ему удалось

отправиться на войну, хотя на совершенно другой театръ военныхъ дѣйствій. Король шведскій, Густавъ III, внезапно объявилъ войну Россіи. Противъ него былъ посланъ главнокомандующимъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, и Екатерина согласилась, чтобы Павелъ принялъ участіе въ этомъ походѣ. Какъ ожидала императрица, такъ и исполнилось. Великій князь сейчасъ же по пріѣздѣ въ армію разссорился съ Мусинымъ-Пушкинымъ, благодаря сопровождавшему его Штейнверу. Въ слѣдующемъ году онъ хотѣлъ снова отправиться въ армію въ Финляндію, но императрица рѣшительно отказала ему въ этой просьбѣ, и тѣмъ кончились военные подвиги цесаревича.

Послѣ возвращенія цесаревича изъ финляндскаго похода онъ еще болѣе уединился въ своихъ дворцахъ, Павловскомъ и Гатчинскомъ, погрузившись въ мелочи военнаго дѣла. Онъ уже мало-помалу сформировалъ шесть батальоновъ, четыре кавалерійскихъ полка, егерскую роту и двѣнадцать артиллерійскихъ орудій. Всего въ этихъ войскахъ считалось двѣ тысячи триста девяносто девять человѣкъ, въ томъ числѣ сто двадцать восемь офицеровъ. По словамъ Ростопчина, «тактика прусская и покрой ихъ военной одежды составляли душу сего воинства; служба вся полагалась въ присаленной головѣ, сколь можно больше, коротенькой трости, непомѣрной величины шляпѣ, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локти. Въѣзжая въ Гатчину, казалось, въѣзжаешь въ прусское владѣніе. При разводахъ его высочество наблюдалъ точно тотъ же порядокъ, какой наблюдался въ Потсдамѣ во времена Фридриха II. Здѣсь можно было замѣтить повтореніе нѣкоторыхъ анекдотовъ сего прусскаго короля, съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда бы въ мысль не вошли, напримѣръ: Фридрихъ II во время Семилѣтней войны одному изъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости велѣлъ отпороть тесьму съ его шляпъ. Подражатель гатчинскій одному изъ своихъ баталіоновъ за неточное выполненіе его воли велѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провесть въ примѣръ другимъ черезъ кухню въ ихъ жилища. Запальчивость наслѣдникова оказывалась при всѣхъ ученіяхъ, за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая же малость приводила ихъ опять въ милость. Всякій день можно было наслышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ гатчинскомъ».

Екатерина равнодушно относилась къ военнымъ забавамъ сына и была далека отъ страха какого нибудь съ его стороны «дѣйства» и жаловалась лишь на пальбу, которая «разстучала мнѣ голову». Только одинъ разъ она хотѣла посягнуть противъ существованія гатчинскихъ войскъ въ 1794 году, но эта попытка ни къ чему не привела, и цесаревичъ только усмотрѣлъ въ этомъ «новую шикану».

Одинъ изъ скрытыхъ заступниковъ гатчинскихъ войскъ былъ графъ Салтыковъ, и онъ всячески защищалъ ихъ передъ императрицей, которая открыто къ нимъ не благоволила. «По городу носился слухъ, — писала Екатерина графу Салтыкову,—что великій князь къ морскому батальону не только прибавляетъ нѣсколько сотъ, но что онъ еще формируетъ на острову полкъ гусаръ и нѣсколько полковъ казаковъ. Всѣ сіи слухи въ народѣ подаютъ причину къ различнымъ толкамъ, и буде ребячества пресѣчь можно, то бы что скорѣе, то лучше, а сказать бы, что въ Гатчинѣ въ куклы играть можно безъ излишнихъ толковъ, но въ близости города все подвержено различнымъ толкованіямъ, а полезныхъ нѣтъ ни одной. Тутъ первое, что батюшкина армія представляется».

Что касается гатчинскихъ войскъ и вообще окружающихъ цесаревича лицъ, то, по словамъ Ростопчина, «они заслуживали быть колесованными безъ суда». Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ арміи, выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость. Эти люди обратились въ машины и безъ всякаго неудовольствія ежедневно переносили брань, а, можетъ быть, иногда и побои. Главные его фавориты были лютый прусскій гусаръ Ѳедоръ Ивановичъ Линденеръ и знаменитый герой этой своеобразной гатчинской школы самовластія и раболѣпства Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

Самъ же Павелъ Петровичъ былъ постоянно не въ духѣ, и, по словамъ Ростопчина, «голова его была полна призраками». Съ сожалѣніемъ нельзя не вспомнить, что онъ когда-то сочувствовалъ болѣе гуманнымъ взглядамъ. Такъ цесаревичъ писалъ нѣкогда: «Въ солдатѣ первое качество сила и здоровье, и такъ великое дѣло есть здоровіе ихъ оберегать, и всякій начальникъ, который изнуряетъ солдатъ разными образы, муча, бія или инако, отвѣчаетъ передъ Богомъ за убійство и повиненъ за то суду Божію: законъ же Его говоритъ: «око за око и зубъ за зубъ», да притомъ и виненъ противъ государства, губя попусту безвинныхъ людей». Какою горькой проніей звучатъ эти прекрасныя слова, говоритъ Н. К. Шильдеръ, если вспомнить, какъ мало соотвѣтствовала имъ впослѣдствіи дѣйствительность, и какое пророческое значеніе они пріобрѣли въ 1801 году.

Теперь онъ безпрестанно говорилъ, что русскіе предпочитаютъ видѣть на престолѣ юбку вмѣсто мундира, и настойчиво утверждалъ, что «все хочется по-нашему». Обстоятельства же послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины: французская революція, массонская исторія, семейный разладъ и желаніе императрицы замѣнить его сыномъ Александромъ Павловичемъ, привели къ безповоротному разладу между нимъ и императрицей. Она прямо сказала однажды ему: «Мнѣ показалось, что вы сегодня были огорчены и не въ духѣ; и то и другое опечалило бы меня, какъ мать, но признаюсь, что

на ваше дурное расположеніе духа я мало обращаю вниманія, и какъ мать и какъ императрица».

Французская революція хотя и сильно возстановила противъ себя Екатерину, но она интересовалась ею гораздо менѣе, чѣмъ турецкими, шведскими и польскими дѣлами, вообще всѣмъ, что прямо касалось Россіи. Напротивъ Павелъ Петровичъ предавалъ безпощадной критикѣ все, что дѣлалось во Франціи, и однажды, читая газеты въ кабинетѣ императрицы, великій князь воскликнулъ: «Что они тамъ толкуютъ, я тотчасъ все прекратилъ бы пушками».

— Vous-êtes une bête féroce, или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями. Если ты будешь такъ царствовать, то не долго продлится твое царствованіе.—Однако наслѣдникъ, все болѣе и болѣе сбиваемый съ толку эмигрантами, сталъ увѣрять, что «необходимо править желѣзной лозой». А своимъ дѣтямъ онъ при всякомъ новомъ извѣстіи изъ Франціи замѣчалъ: «Вы видите, дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками!»

Не менѣе французской революціи раздражало и волновало цесаревича дѣло Новикова и связанная съ нимъ масонская исторія. Еще до сихъ поръ далеко не выяснены отношенія наслѣдника къ масонамъ. Но въ Новиковскомъ дѣлѣ были открыты сношенія съ Пруссіей и отношенія Павла Петровича къ банкиру Сутерланду, что усилило подозрительность императрицы. Въ дѣлѣ Новикова встрѣчаются имена ближайшихъ друзей цесаревича: князя Рѣпнина, Плещева и князя Куракина, «который употребленъ былъ инструментомъ въ проведеніи великаго князя въ братство».

Послѣдніе годы Екатерина окончательно убѣдилась, что для спасенія имперіи отъ неизбѣжныхъ пагубныхъ послѣдствій воцаренія Павла необходимо его удалить и замѣнить внукомъ Александромъ. Въ 1794 году она возбудила объ этомъ вопросъ въ совѣтѣ. Всѣ члены его готовы были принять это предложеніе, но графъ Мусинъ-Пушкинъ возсталъ противъ, говоря, что нравъ и инстинкты наслѣдника могутъ измѣниться, когда онъ сдѣлается императоромъ. По другимъ свѣдѣніямъ, графъ Безбородко воспротивился намѣренію Екатерины, и какъ бы то ни было она рѣшила отложить свое намѣреніе. Впрочемъ, она только отсрочила свою твердую рѣшимость и прибѣгла къ другому способу исполнить свой планъ.

Она обратилась за помощью прежде къ Лагарпу, бывшему наставнику великаго князя Александра Павловича, но, встрѣтивъ съ его стороны противодѣйствіе, она удалила его отъ двора, такъ какъ великій князь только что женился и пересталъ нуждаться въ наставникѣ. Тогда она обратилась къ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ рожденія у нея сына Николая Павловича и просила, чтобы она потребовала отъ цесаревича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ, въ пользу своего старшаго сына. Великая княгиня съ негодова-

ніемъ отказалась отъ посредничества, а также подписать бумагу, удостовѣряющую ея согласіе на этотъ актъ отреченія.

Наконецъ императрица обратилась съ тою же просьбой къ своему старшему внуку, и онъ отвѣчалъ очень осторожно, что очень благодаренъ за оказанную ему милость. Хотя въ послѣдніе годы онъ сильно пристрастился къ гатчинскимъ порядкамъ и привязался къ своему отцу, но въ критическую минуту онъ не рѣшился отказать императрицѣ. «Вѣроятно, говоритъ Н. К. Шильдеръ, если Провидѣніе продлило бы еще нѣкоторое время жизнь императрицы, то ея намѣренія о престолонаслѣдіи осуществились бы. Вѣроятно, въ моментъ рѣшительныхъ со стороны Екатерины дѣйствій, разыгралось бы нѣчто, сходное съ положеніемъ, занятымъ Александромъ, въ отношеніи къ затрудненіямъ, встрѣченнымъ имъ впослѣдствіи на жизненномъ пути, когда на сдѣланное ему по поводу обстоятельствъ заявленіе онъ отвѣчалъ сначала молчаніемъ, вздохами, а кончилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ условно на все согласиться». Но судьбѣ было угодно неожиданно 5-го ноября 1796 года смертельно поразить апоплексическимъ ударомъ императрицу и лишить ее языка. Съ той минуты продолжалась агонія до слѣдующаго утра, когда графъ Самойловъ торжественно объявилъ собравшимся во дворцѣ лицамъ:

— «Милостивые государи, императрица Екатерина скончалась, государь Павелъ Петровичъ вступилъ на всероссійскій престолъ!»

В. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЦАРСКІЙ БАЛЪ ВЪ УСАДЬБѢ МЭНТСЭЛЯ ВЪ 1812 ГОДУ.

ВЪ МАРТѢ мѣсяцѣ, 1812 года, между Россіей и Швеціей было заключенъ союзъ противъ Наполеона. Имѣя въ виду скрѣпить этотъ союзъ, императоръ Александръ выразилъ желаніе лично познакомиться съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Было условлено съѣхаться въ Або. Государь прибылъ туда 12 августа и прожилъ нѣсколько дней, которые были посвящены исключительно переговорамъ, такъ какъ Александръ отказался отъ всякихъ празднествъ, объяснивъ представлявшейся ему депутаціи граждан, что «по смутнымъ современнымъ обстоятельствамъ не считаетъ умѣстнымъ принять приглашеніе ихъ на приготовленный городомъ балъ». Почти также онъ отклонялъ всѣ приглашенія частныхъ лицъ и сдѣлалъ исключеніе лишь для семейства Мэллерсвердъ, которое онъ зналъ раньше, обративъ особенное вниманіе, во время сейма въ Борго, въ 1809 году, на красивую Ульрику Мэллерсвердъ, пожалованную имъ во фрейлины. Недавно въ одной изъ шведскихъ газетъ «Hufvudstadsbladet» напечатано подробное описаніе посѣщенія Александромъ семейства Мэллерсвердъ въ ихъ имѣніи Мэллергофъ. Приводимъ это описаніе въ переводѣ.

Молодой русскій императоръ, послѣ благополучнаго заключенія союзнаго трактата, какъ будто хотѣлъ себя позабавить финскою идилліей, заранѣе увѣдомивъ о своемъ милостивомъ намѣреніи посѣтить семейство Мэллерсвердъ, въ ихъ имѣніи Мэнтсэля, или Меллергофъ, какъ оно въ то время называлось, въ уѣздѣ Мэнтсэля.

Родъ Мэллерсвердъ, или Мэллеръ, какъ онъ именовался до 1772 г., происходилъ изъ Эстляндіи, но уже во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія переселился въ вышеупомянутый Нюландскій уѣздъ, гдѣ имѣніе Мэнтсэля сдѣлалось ихъ родовымъ имѣніемъ, которымъ они владѣли три или четыре десятка лѣтъ, до прекращенія рода по мужской линіи въ Финляндіи, въ 1868 г.

Мужское поколѣніе этого рода со времени королевы Христины были воинами по наслѣдству, отъ отца къ сыну, и почти всѣ браки въ родѣ заключались въ военныхъ семействахъ, такъ что весь родъ отличался множествомъ офицеровъ, по преимуществу майоровъ. Даже старый майоръ Карлъ-Адольфъ Мэллерсвердъ, въ 1790 г. пожалованный титуломъ губернатора, еще въ 1812 г. управлявшій родовымъ имѣніемъ, участвовалъ въ походахъ 1788 и 1789 г., и два его сына сражались въ послѣдней войнѣ противъ войскъ Александра I, а потомъ раздѣлили судьбу своего отечества. Такимъ образомъ милостивый монархъ, дальними дорогами направляя свой путь въ «Мэллергофъ», довѣрчиво рѣшилъ посѣтить гнѣздо бывшихъ своихъ враговъ.

Въ имѣніи Мэнтсэля и понынѣ еще сохранился тотъ же простой барскій домъ, что и въ 1812 г., хотя при послѣднихъ ремонтахъ немного перестроенъ для удовлетворенія нынѣшнимъ требованіямъ.

При посѣщеніи дома Александромъ I, устройство его было приблизительно слѣдующее: съ параднаго крыльца входили въ обширную переднюю, которая занимала не только всю ширину дома, но даже образовала выступъ на противоположной сторонѣ дома. По правую руку изъ этого коридора вела дверь въ двѣ маленькія, рядомъ расположенныя комнаты, и другая дверь подальше, къ большой угловой комнатѣ, въ которой было отведено помѣщеніе для монарха.

На лѣвой сторонѣ отъ этого коридора находились рядомъ двѣ комнаты, откуда дверь вела, по требованіямъ и по способу устройства того времени въ финскихъ деревняхъ, въ довольно обширную залу съ четырьмя окнами, по два на каждой, наружной стѣнѣ. Зала украшена была даже чѣмъ-то въ родѣ колоннъ, которыя придавали ей, хотя она въ то время была гораздо ниже, чѣмъ теперь, нѣкоторый торжественный видъ. Въ настоящее время нѣтъ колоннъ, и самую залу повысили нѣсколькими рядами бревенъ и обновили. По другую сторону залы было нѣсколько жилыхъ комнатъ.

Между прочими остатками, которые съ былыхъ временъ находятся въ усадьбѣ Мэнтсэля, сохраняется и нынѣ еще употребляемый колоколъ, по звону котораго рабочіе начинали и кончали работу.

Милостивое намѣреніе монарха посѣтить стараго губернатора въ Мэллергофѣ было, конечно, встрѣчено въ его семействѣ искреннею радостью, но новость не безъ причины произвела большой пере-

полохъ въ кухнѣ уже потому, что кухня въ то время не только въ деревнѣ, но и въ барскихъ усадьбахъ, не удовлетворяла самымъ умѣреннымъ требованіямъ. Такъ, даже въ Мэллергофѣ въ кухнѣ плиты не было, и посуда была самая простая и несложная. Но дѣлать было нечего. Въ открытомъ очагѣ, въ старинномъ котлѣ на трехъ ножкахъ, приготовлялись кушанья, которыя подавались императору, а всякое печенье, не исключая кондитерскаго чайнаго печенья, пеклось въ выстроенной изъ грубаго теса и довольно закопченной пекарнѣ. Но, невзирая на все это, усердныя и ловкія руки въ маленькихъ пекарняхъ варили и жарили, мѣсили и пекли, солили и шпиговали, и всѣ кушанья удались сверхъ ожиданія. Не можемъ не упомянуть здѣсь, что старая, искусная экономка дома во всю остальную свою жизнь немало гордилась и при случаѣ любила разсказывать, что самъ государь находилъ ея чайное печенье деликатнымъ.

По программѣ царскаго посѣщенія долженъ былъ быть парадный обѣдъ и потомъ балъ въ большой залѣ въ Мэллергофѣ.

О торжественной встрѣчѣ тамъ государя преданіе ничего не говоритъ. Во время обѣда губернаторъ имѣлъ честь провозгласить за здоровье его величества тостъ, который съ восторгомъ былъ выпитъ. Бокалы, изъ которыхъ тогда пили, по преданію, еще до сихъ поръ сохраняются въ домѣ. Это рюмки на высокихъ ножкахъ, которыя берегутся, какъ память о самомъ незабвенномъ днѣ усадьбы Мэнтсэля. Остальное время прекраснаго осенняго дня было употреблено на прогулки въ величественномъ паркѣ, гдѣ императоръ чувствовалъ себя хорошо въ обществѣ тонко образованнаго семейства Мэллерсвердъ. Губернатору было уже 68 лѣтъ, но съ виду онъ былъ еще бравый мужчина, настоящій густавіянъ, который умѣлъ разсказывать о своихъ кампаніяхъ, когда онъ юношею находился въ флотѣ въ Восточной Индіи, и о походахъ 1788 г., въ которыхъ онъ участвовалъ во цвѣтѣ лѣтъ. Супруга его, Марія-Шарлотта, урожденная L'Estrade, была родомъ изъ Стокгольма, съ французскою кровью въ своихъ жилахъ, веселая и привлекательная, любительница словесности, и извѣстная на страницахъ шведской литературы, какъ дружественная покровительница поэта Линднера или, какъ онъ самъ выразился, его «божественная покровительница».

Въ 1812 г. въ семействѣ было двѣ незамужнихъ дочери, 24-лѣтняя Марія-Луиза и Ульрика-Отиліана, 21 года, о цвѣтущей красотѣ которой преданіе сохранилось до нашихъ дней. Она еще при торжественномъ открытіи сейма въ г. Борго, въ 1809 г., привлекла на себя вниманіе императора Александра. Немного позже его милость къ семейству Мэллерсвердъ выразилась тѣмъ, что сдѣлано было предложеніе принять одну изъ сестеръ, по ихъ взаимному соглашенію, въ число фрейлинъ къ высочайшей его супругѣ. Такъ

какъ Марія-Луиза по скромности своей отказалась отъ этой чести, то младшая сестра, ослѣпительная Улла Мэллерсвердъ, была назначена фрейлиной, по родословной Вазашерна, 17 апрѣля 1811 г., а по записи à tergo на ея написанномъ красками артистомъ И. Е. Линдомъ и теперь еще сохранившемся портретѣ, въ 1812 г.

Стройная, съ чистыми, энергичными чертами лица и съ большими глазами, молодая Улла Мэллерсвердъ, какъ спѣлая земляника или распустившаяся роза въ деревенской зелени, привлекала на себя жгучіе взгляды рыцарскаго монарха.

Пониже барскаго дома протекаетъ рѣчка Мэнтсэля, въ настоящее время орошая одни только остатки сада и великолѣпнаго парка, въ то время извѣстныхъ во всемъ краѣ.

Садъ отличался своими красивыми, стройными елями. Для защиты его отъ сѣверныхъ вѣтровъ, на сѣверномъ склонѣ террасы былъ посаженъ длинный рядъ елей, которыя достигли замѣчательной высоты. Стройный рядъ высокихъ деревьевъ получилъ впослѣдствіи почетное названіе «Бьернеборгскаго марша».

По южнымъ склонамъ парка, ели, по обычаю того времени, были обстрижены въ родѣ зонтиковъ. Онѣ образовали тѣнистую аллею, которая среди живописныхъ пейзажей парка привлекала на себя вниманіе монарха. Послѣ высочайшаго посѣщенія, эта аллея получила названіе «Царской аллеи», сохранившееся до настоящаго времени, хотя она давно уже утратила свои необыкновенныя украшенія.

Одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ обширнаго парка представляло маленькое, окаймленное громадными соснами озеро, на зеркальной поверхности котораго плавали разныя водяныя птицы. Теперь громадный этотъ прудъ совсѣмъ заросъ, и о его прелести сохранилось одно только воспоминаніе.

На зеленыхъ холмахъ, возвышающихся вдоль прекрасно содержимыхъ дорожекъ, тамъ и сямъ возвышались бесѣдки и павильоны. Въ болѣе отдаленной части парка вьющіяся тропинки вели путника въ темную пещеру, у входа въ которую престарѣлый отшельникъ кивкомъ головы привѣтствовалъ посѣтителя.

На усадьбу Мэнтсэля надвигается уже сумракъ, и императоръ Александръ съ своей маленькой свитой изъ сіяющихъ радостью подданныхъ оставляетъ паркъ и возвращается въ домъ, изъ всѣхъ оконъ котораго торжественный свѣтъ отъ восковыхъ свѣчей сіяетъ ему на встрѣчу.

Вскорѣ послѣ этого открылся «балъ», при торжественномъ настроеніи общества, состоящаго изъ родственниковъ и болѣе знатныхъ знакомыхъ, имѣвшихъ счастіе быть приглашенными. Необходимо было согласоваться съ ограниченностью мѣста въ деревенскомъ домѣ, и поэтому число гостей не могло быть большое. Достовѣрно извѣстно, что къ числу тѣхъ, которые не присутствовали, принадле-

жало взрослое поколѣніе Норденшельдовъ изъ Фругардъ, въ уѣздѣ Мэнтсэля. Глава семейства, старый полковникъ Адольфъ-Густавъ, до самой своей смерти въ 1821 г. душою и сердцемъ остался шведомъ и не имѣлъ никакихъ сношеній съ своими сосѣдями по уѣзду, въ Мэллергофѣ, которые необыкновенно скоро приноровились къ новымъ порядкамъ, наступившимъ въ отечествѣ по заключеніи мира. Замѣтимъ здѣсь, что упомянутый Норденшельдъ, по своему убѣжденію, не принялъ участія въ сеймѣ въ Борго, на что онъ, какъ дворянинъ, имѣлъ бы право.

Въ танцахъ на балу приняли участіе, сколько извѣстно, три сына хозяина дома, всѣ военные, отъ 17 до 37 лѣтъ, такъ же, какъ обѣ дочери; быть можетъ, что старшая сестра, 27-лѣтняя майорша Норденстолпе изъ Стокгольма, тоже гостила въ это время въ родномъ домѣ. Она, по преданію, тоже отличалась замѣчательною красотою. Однако, какіе бы ни были тамъ гости, преданіе говоритъ, что веселье въ тотъ вечеръ было большое въ блестящей залѣ Мэллергофа, что монархъ, очаровавшій всѣхъ, и низкихъ и высокихъ, много разъ танцовалъ съ Уллою Мэллерсвердъ, которая въ этотъ вечеръ сіяла въ полномъ блескѣ молодости и счастья. На ней была надѣта брошка съ брилліантами, подаренная ей государемъ, и брилліантовое кольцо, тоже его подарокъ. Красивыя ея руки были украшены браслетами изъ горнаго хрусталя въ серебрѣ и каменнаго угля въ золотой оправѣ.

Преданіе объ этомъ блестящемъ торжествѣ сохранилось у жителей этой мѣстности, среди которыхъ по сіе время еще живетъ одна дѣвица, лѣтъ 80, которая въ честь барышни Уллы получила имя Ульрика-Оттилія. При посѣщеніи государя, ея отецъ служилъ конюхомъ въ усадьбѣ, и, владѣя искусствомъ играть на скрипкѣ, онъ съ своимъ смычкомъ участвовалъ въ оркестрѣ этого деревенскаго бала.

Далѣе преданіе гласитъ, что монархъ переночевалъ въ Мэллергофѣ въ упомянутой комнатѣ. Кровать, на которой спалъ государь, до сихъ поръ сохранилась, и ей дано названіе «царской кровати». Это выдвижная кровать изъ березы, и прежде была столь широка, что выдвинутая имѣла почти форму квадрата. Теперь она передѣлана въ болѣе узкую и на видъ такъ проста, что трудно себѣ представить, что съ нею связана царская память.

Когда Александръ I на слѣдующее утро прощался съ семействомъ Мэллерсвердъ, онъ живо увелъ младшую дочь дома за дверь и поцѣловалъ покраснѣвшую дѣвицу.

Въ слѣдующую минуту онъ былъ уже по дорогѣ въ свою столицу, совершая длинный путь на лошадяхъ, безъ долгихъ остановокъ. Онъ больше никогда не увидѣлъ стараго Мэллергофа, который, въ то время какъ домъ и паркъ все больше приходили въ упадокъ, превратился въ ту простую, но уютную усадьбу Мэнтсэля,

которая по настоящее время сохранила память о посѣщеніи Александра I, память о чисто человѣческой радости, съ которою онъ провелъ беззаботный часъ на лонѣ красивой природы и смотрѣлъ въ восхищенные глаза прекрасной Уллы Мэллерсвердъ.

Память о милостяхъ Александра I къ семейству Мэллерсвердъ была дорога его членамъ; о томъ свидѣтельствовалъ между прочимъ простой деревянный памятникъ, воздвигнутый послѣ его посѣщенія, въ такъ называемой царской аллеѣ. На верху памятникъ былъ украшенъ металлическимъ вензелемъ Александра I подъ короною и имѣлъ слѣдующую надпись: «Общему благодѣтелю, съ благодарностью, отъ частнаго лица. Сентябрь 1812».

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ памятникъ этотъ еще существовалъ, но съ тѣхъ поръ онъ, истлѣвъ, упалъ на землю. Металлическій вензель съ короною, однако, сохранился, и находится въ той комнатѣ, гдѣ государь переночевалъ.

По настоящему, разсказъ этимъ кончается, но такъ какъ Улла Мэллерсвердъ въ своей молодости и особенно на царскомъ балу въ усадьбѣ Мэнтсэля играла выдающуюся роль, то читателю, быть можетъ, интересно узнать о судьбѣ этой въ свое время извѣстной финской красавицы.

Улла Меллерсвердъ недолго осталась незамужней. Не болѣе года послѣ бала въ родительскомъ домѣ или, вѣрнѣе, въ сочельникъ или въ день Рождества 1813 г. она повѣнчалась съ 58-лѣтнимъ отставнымъ генералъ-майоромъ Одертъ-Рейнгольдомъ фонъ-Эссеномъ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и уже въ слѣдующемъ 1814 г. новобрачные были законно разведены. «Госпожа Мэллерсвердъ» поселилась потомъ въ маленькомъ городкѣ Борго, гдѣ она съ 1840 г. посвятила себя воспитанію маленькой дочери своего брата, рано лишившейся матери. Въ домѣ этой своей племянницы она впослѣдствіи провела всю остальную жизнь и 87-ми лѣтъ скончалась въ 1878 г. въ городѣ Борго, гдѣ и похоронена.

ПО СЛѢДАМЪ ГОЛОДА [1].

(Изъ воспоминаній очевидца).

X.

«Лѣнтяй-мужикъ».

ТАКЪ, СТАЛО быть, вы изволите собирать свѣдѣнія о размѣрахъ нужды?.. О томъ, какъ бѣдный мужичокъ голодаетъ? Какъ онъ кору осиновую глотаетъ и пухнетъ отъ того? Отъ голоду въ цынгѣ да тифѣ валяется?.. Соберете эти свѣдѣнія, а потомъ и кормильцы пріѣдутъ... Мужичка питать будутъ... «На-де, миленькій, сдѣлай милость,— пошевельнись малость, изволь ручку поднять, ложку взять и кусочекъ убоинки въ ротъ положить... Потому что ты вѣдь, голубчикъ, голодненькій, а мы питать тебя пріѣхали, потому на всѣ Европы газеты прошумѣли, что ты голодуешь, на манеръ сѣраго зайца, осинку гложешь»... Затѣмъ вы, государь мой, пріѣхали?..

— Я не знаю, почему вы волнуетесь и пускаете сарказмами?— отвѣчалъ я.—Вѣдь не станете же вы отрицать, что голодъ на самомъ дѣлѣ существуетъ?

— Я?.. Ни въ коемъ случаѣ...

— Такъ что же?

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 628.

— Что? А вотъ что-съ... То, что ваша даровая помощь только деморализуетъ населеніе... Да-съ, да-съ... Вѣрно-съ: мужикъ лежитъ, у него съ голоду брюхо подтянуло... А онъ вѣдь, повѣрьте, и не почешется... А почему? Потому, что онъ увѣренъ, что если у него будетъ неурожай, — ему дадутъ на обсемѣненіе, будетъ голодъ—его кормить будутъ; пропьетъ, проѣстъ лошадь—и лошадку ему дадутъ... Да чуть ли еще и не поблагодарятъ его, что онъ все это милостиво принимаетъ, что напился-наѣлся на даровщинку... А знаете вы, чѣмъ пахнетъ вся эта даровая помощь?.. Вотъ пріѣхали сюда откуда-то Богъ-вѣсть кормильцы-поильцы... Отъ денегъ жертвованныхъ у нихъ чуть карманы не рвутся, благо не свои... Пріѣхали, понаоткрывали столовыхъ, накормили мужика, а потомъ уѣхали—и нѣтъ ихъ... А кто за все это долженъ расплачиваться?.. Мы-съ, милостивый государь, мы-съ, здѣшніе коренные помѣщики должны послѣ вашего-то пира чужое похмелье расхлебывать... Кабы васъ не ждалъ мужикъ (а онъ вѣдь васъ ждетъ, повѣрьте, потому что вѣритъ, что есть на свѣтѣ такіе мягкотѣлые господа, которые придутъ ему «утереть слезу!»), или не пришли бы вы, такъ онъ за работу бы взялся, туда-сюда помыкался, а ужъ нашелъ бы себѣ работу...

— Но, послушайте, вѣдь такъ можно разсуждать, лишь живя вдалекѣ отъ дѣла и тамъ относясь если не отрицательно, то съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ народной нуждѣ... Вы же живете здѣсь не одинъ десятокъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ и вдругъ такъ разсуждаете.

— Да-съ... Я такъ разсуждаю... Потому я здѣсь отродясь живу и мужичка нашего православнаго хорошо раскусилъ, хорошо знаю его, каналью..

— Такъ вы утверждаете, что мужикъ... пьяница, лѣнтяй и лодарь, мечтающій лишь о даровомъ хлѣбѣ...

— Если бы не было вашихъ даровыхъ хлѣбовъ, то онъ пошелъ бы ко мнѣ, къ своему сосѣду, и сказалъ бы мнѣ: «Владимиръ Ивановичъ! Я ѣсть хочу... Дай мнѣ работу»... И я бы далъ ему...

— А сколько бы вы заплатили ему?—не безъ коварства задалъ я ему вопросъ.

Казалось, онъ немного смутилъ моего собесѣдника.

Но вслѣдъ затѣмъ же онъ оправился и сказалъ:

— Конечно, настоящую цѣну далъ бы ему...

Но я былъ увѣренъ, что онъ лгалъ, и настоящей цѣны онъ никогда бы не далъ мужику.

Въ эту черную для нашей деревни годину я немало видѣлъ господъ, подобныхъ моему собесѣднику, Владимиру Ивановичу Коробейникову [1]), которые ругали на всѣ корки мужика. Причина

[1]) Всѣ фамиліи и названія деревень въ этихъ очеркахъ вымышленныя.
Примѣч. автора.

этого была ясна. Они думали воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ мужика и такъ или иначе поставить его въ экономическую зависимость отъ себя. Если же и бывали у нихъ какія работы для мужика, то цѣны за нихъ предлагались столь низкія, что нельзя было согласиться на нихъ. И когда мужикъ отказывался отъ такой цѣны, то эти господа начинали кричать повсюду, что мужикъ лѣнтяй, такъ какъ надѣется на даровую помощь, которая, такимъ образомъ, только развращаетъ народъ.

Но этими криками можно было обмануть только тѣхъ людей, кто не зналъ истиннаго положенія дѣла. Въ столовыхъ кормились только тѣ, которые не могли считаться работниками: дѣти, старики и больные. Работоспособные тамъ не кормились. А между тѣмъ кричавшіе о деморализующемъ дѣйствіи дарового кормленія умышленно смѣшивали обѣ эти категоріи деревенскаго люда.

— Да-съ... Теперь только и разговору, что о мужикѣ... «Мужикъ»... «мужикъ»...—только и слышишь кругомъ... Мужику на обсѣмененіе даютъ, мужику казенный паекъ выдаютъ, мужика въ столовой кормятъ, съ мужика нынѣшній годъ податей не берутъ, мужику вонъ хотятъ лошадей давать... Все для мужика...

— Но вѣдь не все же это даромъ? За все, кромѣ столовыхъ, расплачиваться придется.

— Неужели вы серьезно думаете, что за все это серьезно взимать будутъ?.. Полноте... Вѣдь это только разговоръ одинъ... Сначала разсрочку дадутъ чуть не на полстолѣтіе, а потомъ глядишь— и «милостивый манифестъ» выйдетъ... И мужикъ беретъ, потому что знаетъ, даже увѣренъ, что если и придется платить, такъ съ разсрочкой на долгіе годы, а, быть можетъ, и совсѣмъ не придется...

— Да-съ,—продолжалъ онъ дальше,—все для мужика... А позвольте спросить васъ, что для нашего брата, землевладѣльца, есть?.. Да ничего... Какъ есть—ничего... А вѣдь неурожай-то какъ у мужика, такъ и у насъ одинаковый... Вѣдь оборотныхъ-то да запасныхъ капиталовъ ни у кого изъ насъ нѣтъ... Имѣнья у всѣхъ заложены, изволь еще проценты платить... Мужику обсѣмениться дали, а землевладѣльцу—шишъ... А почему, смѣю спросить васъ?.. Развѣ мы не такіе же земскіе плательщики, какъ и мужикъ?.. Развѣ мы не несемъ тѣ же тяготы и повинности?..

«Только исполняете-то вы не такъ же ихъ, какъ мужикъ»,— хотѣлъ сказать я, но удержался.

— Тѣ же-съ... Мужику дали обсѣмениться, а намъ нѣтъ ничего... Спасибо, хоть взносъ процентовъ-то въ банкѣ отсрочили... То-есть, иначе говоря, мертвую петлю съ сегодня на завтра перенесли... Да-съ... Всѣ земскіе налоги, которые идутъ въ управскій сундукъ, все на нихъ... Для кого земскія школы существуютъ?.. Для деревенскихъ сопляковъ, чтобы онъ, выросши, обсчитывать и обмѣривать своего же брата мужика могъ... Своихъ дѣтей мы въ

нихъ не учимъ... Для кого людскіе и скотскіе доктора?.. Для мужиковъ же... Потому что, если я приглашу къ себѣ доктора или ветеринара, то я его накормлю у себя обѣдомъ, накормлю его лошадь и ямщика и, наконецъ, заплачу ему... А мужикъ этихъ косвенныхъ налоговъ на докторовъ не несетъ... Страховое дѣло?.. Тоже для мужика, такъ какъ я вотъ свою усадьбу въ первомъ россійскомъ обществѣ страхую... И такъ далѣе, и такъ далѣе... Словомъ, куда ни повернись, всюду мужикъ, мужикъ, мужикъ... И нигдѣ ни капли заботы о помѣщикѣ... А что касается до нужды, то еще вопросъ, кто больше нуждается: мужикъ или помѣщикъ?..

Я засмѣялся.

— Смѣетесь?.. Оттого и смѣетесь, что не знаете истиннаго положенія дѣла... Вы не были землевладѣльцемъ?

— Нѣтъ.

— Дворяниномъ?

— Мой дѣдъ былъ крестьяниномъ.

Онъ пристально при этомъ посмотрѣлъ на меня.

— Такъ-съ... Оттого-то вѣрно и держите ихъ сторону...—проворчалъ онъ.

— Да-съ... Оттого, повторяю вамъ,—продолжалъ онъ дальше,—что вы истиннаго положенія дѣла не знаете... Вы только сравните: какія потребности у мужика и у меня?.. Развѣ одинаковыя?.. Я не такъ воспитанъ, имѣю другія привычки и прочее. То, что мужикъ удовлетворитъ пятакомъ, мнѣ и рубля мало... Надо во все это вникнуть, а потомъ и говорить...

— Но все-таки я не могу согласиться съ вами, что мужикъ лѣнтяй,—вернулся я къ старой темѣ.

— А почему онъ ничего теперь не работаетъ?

— Потому и не работаетъ, что нѣтъ никакихъ работъ.

— Какъ нѣтъ работъ?.. Да вонъ я въ началѣ осени вздумалъ колодцы рыть... Думаете—пошелъ кто?.. Да никто...

— Землеробомъ нельзя сдѣлаться,—имъ надо родиться. Во всей Россіи очень мало мѣстъ, откуда выходятъ хорошіе землеробы. Въ нашемъ уѣздѣ всѣ колодцы роютъ пришлые люди, а не мѣстные.

— Вы такъ думаете?.. Ну, я съ вами не согласенъ... Не пошли потому, что колодцы рыть—это не цѣпомъ махать... Это потруднѣе будетъ...

— Нѣтъ,—упорствовалъ я,—это не лѣность, а нежеланіе приняться за новую работу.

— Ужъ въ этомъ вы меня не убѣдите...

Я не сталъ съ нимъ спорить и доказывать неосновательность его мнѣнія, такъ какъ хорошо видѣлъ, что человѣкъ закоченѣлъ въ своихъ воззрѣніяхъ и такъ стоитъ на этихъ китахъ, что его съ мѣста не сдвинешь.

Разговоръ этотъ происходилъ поздней осенью, въ усадьбѣ Ко-

робейникова, къ которому я завернулъ, пріѣхавъ въ сельцо Останкино, при которомъ находилась его усадьба.

При его послѣднихъ словахъ, дверь въ гостиную, гдѣ мы сидѣли, отворилась, и вошелъ какой-то человѣкъ, похожій на экономическаго старосту.

— Владиміръ Иванычъ, васъ тамъ мужикъ спрашиваетъ,—доложилъ онъ.

— Мужикъ? Какой мужикъ?

— Звѣревъ Кузьма.

— Чего ему надо?

— Муки пришелъ просить у васъ.

— Муки?.. Ага!.. Муки просить пришелъ... Вотъ-съ,—обратился онъ ко мнѣ,—клянчить они умѣютъ... да-съ... А вотъ посмотрите, что онъ скажетъ, какъ я ему работу предложу... Увидите, что скажетъ...

— Если сильно нуждается, такъ возьметъ.

— А на сельцѣ знаютъ ужъ, что тамъ будетъ столовая?

— Знаютъ. Я говорилъ.

— Ну, вотъ... Вотъ увидите, что не возьметъ... Не угодно ли,— выйдемте...

Я поднялся, и мы вышли въ кухню.

Тамъ разговаривалъ съ кухаркой какой-то низенькій мужиченко въ нагольномъ полушубкѣ, подпоясанный потерявшимъ цвѣтъ кушакомъ.

Увидавъ насъ, онъ поклонился.

— Что тебѣ надо?—спросилъ Коробейниковъ.

— Къ вашей милости, баринъ Владиміръ Иванычъ... Съ просьбицей...

— Съ просьбицей... Гм... А какая же такая эта у тебя просьбица?..

— Да вотъ насчетъ мучки... Мучки, выходитъ, пришелъ просить у васъ...

— Мучки?.. Гм... А зачѣмъ тебѣ мучки?

Мужиченко при этомъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Своя-то вся вышла...

— Вся вышла?.. Такъ... Изволь, я тебѣ дамъ мучки...

Мужиченко поклонился...

— Покорно бла...

— Постой благодарить-то... — прервалъ его Коробейниковъ.— Только ее заработать надо, эту мучку-то...

— Отчего же не заработать? — согласился мужиченко.—Коли работа подходящая...

— Подходящая?.. А что ты, другъ любезный, называешь подходящей работой?.. Лежать на печи да ждать, когда васъ даровымъ хлѣбомъ накормятъ...

— Это ужъ какъ вашей милости будетъ угодно... А работать мы завсегда готовы...

— Колодцы рыть будешь?

Мужиченко задумался.

— Какъ будто трудновато теперича... Ужъ какіе колодцы осенью?..

— Ага... Трудновато... Какіе колодцы осенью?.. Ужъ это не твое дѣло, какіе... Я тебѣ работу предлагаю, а ты—«трудновато»... Нѣтъ, милый человѣкъ, коли хочешь работать, такъ и желѣзную землю рыть будешь...

Мужикъ задумался.

— Да что ужъ дѣлать, — вслѣдъ затѣмъ сказалъ онъ.—Видно, надо...

— Ага... Надо... А какую цѣну хочешь?

Начался торгъ.

Мнѣ стало тяжело быть у Коробейникова, и я поспѣшилъ уѣхать отъ него, не переговоривъ даже о томъ дѣлѣ, за которымъ пріѣхалъ.

— Какъ видите, мужикъ не совсѣмъ лѣнтяй,—сказалъ я ему на прощанье:—согласился даже по осени колодцы рыть.

Я понималъ, что Коробейникову вовсе никакого колодца не нужно было, а предложилъ онъ мужику заняться этою работой осенью, по всей вѣроятности, въ надеждѣ, что онъ откажется отъ нея, благодаря чему онъ съ большимъ правомъ могъ бы говорить о «лѣнтяѣ-мужикѣ». Но расчеты его не оправдались: мужикъ взялся и за эту работу.

— Ну, не скажите,—отвѣчалъ онъ.—Одинъ будетъ работать, а сотня—лѣнтяйничать.

Дѣйствительно, его было трудно сдвинуть съ его китовъ.

И такихъ господъ, которые кричали о лѣнтяѣ и пьяницѣ—мужикѣ, было немало. Конечно, были между мужиками и такіе, которые были не прочь пожить безъ работы на даровомъ хлѣбѣ. Но развѣ можно осуждать за это этихъ изголодавшихся людей? Говорятъ, что мужикъ всячески старался обманывать пришедшихъ къ нему на помощь людей, давалъ о себѣ завѣдомо ложныя свѣдѣнія, преувеличивалъ нужду. Но развѣ можно осуждать нищаго, если онъ хочетъ заполучить къ себѣ въ домъ лишній кусокъ—чего?— черстваго хлѣба? Пусть, кто безъ грѣха, первый броситъ въ него за это камнемъ. У насъ же, видѣвшихъ этотъ голодъ и явленія его, не хватитъ на это духа...

Говорятъ, что даровая помощь развращаетъ мужика, что послѣ трудно было найти рабочихъ для частновладѣльческихъ экономій. Но, повторяю, кричали объ этомъ только тѣ изъ землевладѣльцевъ, которые были сами не прочь воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ мужика и поставить его въ экономическую зависимость

отъ себя, то-есть въ худшее изъ всѣхъ видовъ рабства. Конечно, къ такимъ господамъ мужикъ и въ минуты крайней нужды рѣдко пойдетъ и не согласится за двугривенный исполнять ту работу, которая въ прочее время оплачивается полтинникомъ. Но къ тѣмъ землевладѣльцамъ, которые платили хорошо, онъ шелъ охотно,— и тутъ помѣщикъ не могъ жаловаться на «лѣнтяя-мужика».

Признаться, всѣ эти крики и разсказы о лѣности мужика, къ тому же говоримыя, какъ будто, правдиво и убѣдительно людьми, которымъ вы не имѣете права не довѣрять, дѣйствуютъ, подобно болотной тинѣ: они затягиваютъ. Каюсь передъ читателемъ: одно время я, грѣшный человѣкъ, тоже далъ имъ вѣру,—и только болѣе внимательное наблюденіе надъ деревней въ эту годину заставило меня стряхнуть этотъ наносъ.

Нашъ помѣщикъ все еще смотритъ на себя, несмотря на сорокалѣтнее эмансипированіе отъ дарового труда, какъ на требующаго особливой заботы и попечительности со стороны правительства и общества, и требуетъ для себя особыхъ охранительныхъ законовъ и помощи. Сорокъ лѣтъ ничему его не научили. Да ко всему этому онъ пріобрѣлъ еще кое-какія черты, которыя дѣлаютъ его все болѣе и болѣе несимпатичнымъ. Такъ онъ ругаетъ купца и «чумазаго», закабалившаго мужика и тѣмъ создавшаго для послѣдняго новый видъ крѣпостной зависимости. Но въ то же время онъ самъ первый не прочь закабалить мужика, если къ этому представится удобный случай, особенно въ минуты крайней нужды мужика.

Я помню слѣдующій случай.

Въ одной экономіи, гдѣ я былъ, зашла рѣчь о томъ: до котораго времени будутъ функціонировать столовыя?

Въ настоящее время я не помню, когда закончили свою дѣятельность столовыя Краснаго Креста. Но частныя столовыя рѣшили кормить и іюль.

— Чортъ знаетъ, что такое!—возмущался одинъ изъ помѣщиковъ изъ породы «молодыхъ, да раннихъ».—Кормить въ іюлѣ, когда намъ нужны рабочія руки!.. Чего же ты-то, Семенъ Ѳедоровичъ, смотришь?—обратился онъ къ бывшему тутъ земскому начальнику.—Вѣдь ты тоже помѣщикъ... Это и тебя касается...

— Что же я-то могу сдѣлать?—сказалъ тотъ, пожимая плечами (NB—изъ окончившихъ одинъ высшій спеціальный институтъ).

— Ну, сдѣлалъ бы какое нибудь административное воздѣйствіе, что ли...

Земскій начальникъ помолчалъ.

— Подумаю... Тутъ есть одна барынька,—не то полька, не то молдаванка. Больно она ужъ сладко кормитъ-то... Оттуда ни одинъ рабочій нейдетъ ко мнѣ въ экономію... Надобно ее посократить...

Но «посократить» этому, достойному его институтскаго диплома,

земскому начальнику не удалось, и столовая «молдаванки» въ его участкѣ функціонировала и въ іюлѣ.

Что мужикъ не лѣнтяй и охотно шелъ работать, если работа подходила къ его способностямъ и силамъ, доказываетъ то, что, напримѣръ, на гужевую перевозку хлѣба съ устьевъ Камы въ сосѣдніе уѣзды они являлись во множествѣ, такъ что многимъ пришлось уѣзжать назадъ, не получивъ клади. Также охотно они шли по веснѣ на предлагаемыя общественныя работы, въ родѣ исправленія дорогъ, наведенія мостовъ, оплетанія плетнями овраговъ отъ занесенія песками и т. п., т. е. тогда, когда ихъ не эксплуатировали безбожно и давали подходящую цѣну.

XI.

Хорошіе люди.

Хорошими людями Русская земля еще не оскудѣла. И въ этотъ черный годъ они охотно шли на помощь голодной и больной деревнѣ. Правда, въ самомъ началѣ голода, когда послѣдній еще по крайне непонятнымъ причинамъ замалчивался, такое условіе отчасти подѣйствовало и на общество.

Русскій человѣкъ, какъ извѣстно, привыкъ ходить на помочахъ и прислушиваться къ тому, что скажетъ начальство, олицетворяется ли это начальство въ лицѣ будочника или начальника губерніи. Начальство же сначала отрицало неурожай, или, по крайней мѣрѣ, не говорило о немъ, недовѣрчиво относясь къ извѣстіямъ изъ глубины уѣздовъ. Затѣмъ допустили «недородъ» и на этомъ терминѣ держались долгое время, обманывая и себя, и публику.

Мѣстная пресса была связана по рукамъ и по ногамъ. Стоило только взглянуть въ корректурные листы мѣстныхъ газетъ, какъ въ глазахъ начинало пестрѣть кладбище изъ крестовъ, которые цензура усердно ставила на корреспонденціяхъ съ зловѣщими извѣстіями изъ уѣздовъ (и въ то же время пустыя мѣста охотно замѣщались замѣтками о служеніяхъ, совершаемыхъ архіереями, и о посѣщеніи ими епархіальныхъ и духовныхъ училищъ).

Даже къ извѣстіямъ, идущимъ отъ лицъ изъ сферы земства, администрація относилась недовѣрчиво, неосновательно считая ихъ «плодомъ увлекающейся фантазіи» или «тенденціозными преувеличеніями», особенно, если эти свѣдѣнія доставлялись лицами, на которыхъ администрація почему либо косо поглядывала. Даже и тогда, когда на мѣсто «недорода» стали посылаться редакціями большихъ столичныхъ газетъ спеціальные корреспонденты, констатировавшіе неурожай, то и тогда имъ не давали вѣры, объясняя ихъ свѣдѣнія «тенденціознымъ отношеніемъ къ дѣлу».

Но когда уже нужда стала особенно остра, когда изъ уѣздовъ стали доноситься голоса отчаянія не только однихъ «недоѣдающихъ», тогда общество не повѣрило этимъ замалчиваніямъ. Горькая правда жизни прорвала плотину офиціальнаго недовѣрія и замалчиванія и предстала предъ обществомъ въ своей ужасающей наготѣ.

Тогда общество стряхнуло съ себя гнетъ навѣяннаго офиціальнаго замалчиванія, сочувственно откликнулось на крикъ отчаянія деревни, — и посыпались пожертвованія, потянулись въ деревню люди, желавшіе тамъ работать, группировались кружки, составлялись планы помощи.

Молодежь, какъ наиболѣе честная и наиболѣе отзывчивая на всякое жизненное явленіе часть общества, тоже двинулась въ деревню, чтобы своимъ трудомъ, своими знаніями и своимъ самоотверженіемъ помочь ей... И сколько хорошихъ людей я видѣлъ среди нея въ голодающей деревнѣ!..

Были среди нея, правда, и такіе, которые смотрѣли на это не съ идейной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія бóльшихъ или меньшихъ размѣровъ оклада; такіе, которые эгоистично выжидали, когда увеличится нужда, а, слѣдовательно, и увеличится спросъ на рабочія руки, а послѣднихъ будетъ мало; такіе, которые, находясь въ деревнѣ, относились къ своему дѣлу по-казенному, не влагая туда своей души, вели иногда его даже не совсѣмъ честно,—были, повторяю, такіе, но все же такихъ было мало, и ихъ уродливые портреты незамѣтно стушевывались на общемъ фонѣ свѣтлой картины плодотворной, идейной работы честной части русской молодежи...

Честная молодежь шла въ деревню, шла въ глухія, захолустныя мѣста, въ грязныя избы чувашъ, мордвы, башкиръ и вотяковъ, кормила ихъ, тряслась по отвратительнымъ дорогамъ, переѣзжая изъ селенія въ селеніе, просиживала ночи надъ тифозными, не ропща возилась съ смрадными цынготными, сама заражалась тифомъ, болѣла и даже умирала, умирала съ полнымъ сознаніемъ плодотворности своей работы... А ихъ мѣсто занимали новые кадры молодежи, чтобы также надрываться надъ тяжелой работой... И среди этой честной молодежи яркой звѣздой свѣтилась русская женщина, эта лучшая изъ всѣхъ женщинъ земного шара...

Мы, провинціалы, привыкли съ недовѣріемъ относиться къ «петербургскимъ слеткамъ», въ особенности къ безполезной, на нашъ взглядъ, къ продуктивной работѣ лощеной гвардейской молодежи. Но даже и тамъ свѣтлый образъ Бодиско, погибшаго, какъ солдатъ, мундиръ котораго онъ носилъ, не забудется въ лѣтописи этой черной годины нашей поволжской деревни.

Въ пользу такихъ «волонтеровъ голода» еще говоритъ и то, что они относились къ нуждѣ и ея послѣдствіямъ — цынгѣ и тифу, съ полнымъ вниманіемъ, какого заслуживали они, внимательно присматривались къ каждому ея проявленію и энергично боролись съ

ними. Мы, жившіе бокъ-о-бокъ съ этой нуждой, уже успѣли присмотрѣться къ ней. Наши нервы загрубѣли, и насъ уже мало трогали ужасающія картины этого года, мы «обстрѣлялись» на нихъ. Ихъ же, пришедшихъ къ намъ на помощь со стороны, изъ другого міра, все это поражало съ перваго же шага, заставляло держать нервы въ приподнятомъ настроеніи, болѣе чутко относиться къ нуждѣ и работать со всей интенсивностью своихъ силъ.

Не надо скрывать, что среди нихъ были и такіе, которые смотрѣли на все это, какъ на нѣкоторое разнообразіе въ своей жизни, къ которому не стоитъ серьезно относиться. Были среди женщинъ такія, которыя вносили сюда свои нежелательныя и некрасивыя замашки, занимались пошлымъ флиртомъ съ завѣдующими участками врачами, студентами, мечтали и старались влюбить въ себя и оженить какого нибудь захолустнаго медвѣдя, обросшаго мохомъ, или недалекаго уѣзднаго Митрофанушку. Но зато ярче, еще свѣтлѣй среди этихъ отрицательныхъ фигуръ выступаютъ фигуры хорошихъ идейныхъ женщинъ, серьезно относившихся къ дѣлу, смотрѣвшихъ на него, не какъ на пріятное препровожденіе времени, а какъ на своего рода миссію.

И народъ, чуткій къ истинно хорошему и правдивому, отличалъ такихъ людей, видѣлъ ихъ доброе сердце, благословлялъ ихъ, и воспоминаніе о нихъ нескоро изгладится изъ его памяти.

Наконецъ, среди такихъ хорошихъ людей, отдавшихъ себя на помощь мужицкой нуждѣ, были и мѣстные аборигены.

Этимъ говорить и заботиться объ интересахъ деревни было еще труднѣе, такъ какъ на ихъ слова о нуждѣ въ отвѣтъ звучали стройнымъ хоромъ голоса не хотѣвшихъ признавать ее, по тѣмъ или другимъ причинамъ, замалчивавшихъ ее или же, наконецъ, тѣхъ, которые боялись, какъ бы даровая помощь совсѣмъ не «деморализовала» населенія.

И нѣкоторые изъ такихъ отказывались отъ своего дѣла, сами дѣлались убѣжденными противниками дарового кормленія, начинали пѣть то же самое и въ голодномъ мужикѣ видѣть дармоѣда, лѣнтяя и пьяницу, только и думающаго, какъ бы поживиться около «благодѣтелей».

О нѣсколькихъ изъ этихъ хорошихъ людей я и вспомню въ слѣдующихъ очеркахъ.

XII.

Хорошіе люди.— О. Фіалковскій.

Съ о. Фіалковскимъ я увидѣлся въ первый разъ, будучи въ с. Ахтарахъ у знакомаго земскаго врача.

Мы сидѣли вечеромъ на террасѣ его деревенскаго домика, гдѣ онъ снималъ квартиру, и о чемъ-то разговаривали. Это было еще

въ началѣ лѣта, когда неурожай могъ еще только предугадываться, но грозныхъ симптомовъ его пока еще не было.

Ахтары расположены на двухъ холмистыхъ возвышеніяхъ. Среди нихъ лежитъ лощина съ небольшой запруженной рѣченкой въ ней. Съ террасы докторскаго дома, стоявшаго на одномъ изъ этихъ возвышеній, хорошо было видно далеко. Отсюда Ахтары были видны какъ на ладошкѣ, даже усадьбы пяти землевладѣльцевъ и ихъ хутора были видны. Передъ домомъ доктора была большая площадь съ церковью на ней. Этотъ видъ мнѣ нравился, и я любилъ бывать у ахтарскаго доктора.

Изъ-за угла крайняго дома вышла какая-то фигура въ широкополой соломенной шляпѣ и въ старенькой порыжѣвшей рясѣ. Фигура оглянулась въ нашу сторону, сняла шляпу и неловко поклонилась.

— Нашъ священникъ,—сказалъ докторъ, отвѣчая на поклонъ.

И затѣмъ добавилъ:

— Не любимый здѣшними господами-помѣщиками.

— Что такъ?

— Находятъ, что недостаточно низко кланяется имъ,—усмѣхнулся онъ.—Считаютъ его пронырой, лисой, большимъ хитрецомъ подъ маской простоты... Здѣшній страховой агентъ даже всѣхъ своихъ дѣтей въ сосѣднемъ приходѣ креститъ.

— А у васъ какія отношенія съ нимъ?

— Да никакія. Я по принципу съ причтомъ не схожусь.

На слѣдующій день я былъ на хуторѣ у одного изъ землевладѣльцевъ въ тѣхъ же Ахтарахъ. Объ отцѣ Ѳіалковскомъ я позабылъ совершенно.

— Иванъ Иванычъ, къ вамъ тамъ батюшка пришелъ, — сказалъ, входя, малышъ-казачекъ.

Иванъ Ивановичъ поморщился.

— Что ему надобно?

— Не знаю. Только васъ спрашиваютъ.

— Ладно...

Мальчикъ вышелъ.

— Здѣшній prêtre,—улыбаясь обратился ко мнѣ Иванъ Ивановичъ.—Лиса страшная...

Я вспомнилъ слова доктора объ отношеніяхъ ахтарскихъ землевладѣльцевъ къ священнику.

— Я выйду на минуту къ нему,—сказалъ Иванъ Ивановичъ.

Онъ вышелъ и оставилъ дверь не затворенной. Черезъ нее я видѣлъ, что дѣлается на террасѣ.

— Здравствуйте, отецъ,—произнесъ Иванъ Ивановичъ.

Священникъ, разсматривавшій въ это время вьюнцы въ ящикахъ, расположенныхъ по бокамъ террасы, при этихъ словахъ обернулся. Онъ торопливо сдѣлалъ два шага впередъ и неловко протянулъ свою широкую, морщинистую руку.

Это былъ не старый еще человѣкъ, лѣтъ сорока, съ длинными, неопредѣленнаго льняного цвѣта, волосами и неряшливой бородой, содержимой по-мужицки, прядями. Его безпокойно перебѣгающіе съ предмета на предметъ глаза, не могущіе продолжительное время спокойно остановиться на одной точкѣ, его неловкая торопливость и какъ будто нѣкоторая угодливость послужили, по всей вѣроятности, къ возникновенію мнѣнія, что онъ «съ хитрецой».

— Что скажете, отецъ?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Къ вашей милости, Иванъ Ивановичъ,— отвѣчалъ священникъ.—Не оставьте своей милостью.

— Какой именно?

— Соломки бы мнѣ малость... Вся вышла, солома-то... А коровенкѣ-то вечеромъ замѣсить надобно бываетъ... Потому въ полѣ чего она теперь найдетъ?.. Все спалило солнышкомъ... А замѣсить-то иной разъ нечѣмъ...

— Такъ вы бы купили, отецъ...

— Да купила-то нѣтъ, Иванъ Ивановичъ,—какъ-то весь съеживаясь и виновато улыбаясь, отвѣчалъ священникъ.

— Ужъ будто бы не на что? — улыбнулся Иванъ Ивановичъ. Глаза священника безпокойно забѣгали, и рука, прижатая къ груди, судорожно стала перебирать складки рясы.

— Повѣрьте-съ...— тихо произнесъ, скорѣе прошепталъ онъ.

— Да куда жъ вы деньги-то, отецъ, дѣваете?—продолжалъ пытать его Иванъ Ивановичъ, видимо, наслаждавшійся смущеніемъ бѣднаго священника.—Кажется, приходъ не маленькій, доходы должны быть.

— Все уходитъ-съ, Иванъ Ивановичъ... Все...

— Да куда же?

Этотъ вопросъ остался безъ отвѣта.

— Много ли вамъ соломы надобно?—наконецъ, смягчился Иванъ Ивановичъ.

Священникъ сказалъ.

— Хорошо, я велю вамъ отпустить.

Священникъ разсыпался въ несвязныхъ благодарностяхъ и вышелъ вонъ.

— Хмурый попикъ!—сказалъ по его уходѣ Иванъ Ивановичъ.— Деньжищъ, поди, куры не клюютъ, а онъ все изъ себя казанскаго сироту корчитъ... Не люблю его...

Признаться сказать, и мнѣ о. Фіалковскій въ то время не понравился.

Наступила осень, а съ нею и нужда въ деревнѣ. Но пока общество еще съ недовѣріемъ относилось къ рѣдкимъ извѣщеніямъ изъ голодающихъ мѣстностей, и деревня молча несла первые приступы грозной нужды.

Какъ-то разъ я раскрылъ полученный нумеръ «N-скаго Вѣстника». Просматривая его, я вдругъ наткнулся на статью подъ заголовкомъ «Къ добрымъ людямъ». Подъ нею стояла подпись: «Священникъ с. Ахтаръ —скаго уѣзда Николай Фіалковскій».

— О чемъ это пишетъ «хмурый попикъ»?—подумалъ я и сталъ читать.

Это былъ отчаянный призывъ къ добрымъ людямъ, въ сердцѣ которыхъ еще не погасла божественная искра святой любви къ ближнему. Мрачными красками описывалъ онъ отчаянное положеніе нуждающейся деревни, по мелочамъ выкладывалъ всѣ дефекты въ жизненныхъ рессурсахъ деревни, яркими, насколько умѣло его перо, красками разсказывалъ о шатающихся отъ недоѣданія взрослыхъ людяхъ, жалобно пищащихъ отъ того же ребятишкахъ и угасающихъ старикахъ... «А помощи все нѣтъ — и ниоткуда она не видится»,—съ горечью воскликнулъ онъ подъ конецъ и приглашалъ добрыхъ людей откликнуться на его отчаянный призывъ.

— Такъ вотъ онъ каковъ, этотъ нелюбимый попикъ... — подумалось мнѣ, и какая-то невольная симпатія къ этому робкому, неловкому служителю алтаря шевельнулась во мнѣ.

Письмо его представлялось однимъ изъ первыхъ извѣстій, какъ-то пропущенныхъ цензурой (правда, въ это время голодъ ужъ начали даже офиціально «допускать»), о той нуждѣ, которая начала грозно воцаряться въ деревнѣ.

Среди зимы мнѣ пришлось опять быть въ Ахтарахъ у доктора.

— Ну, какъ вашъ отецъ Фіалковскій поживаетъ?—спросилъ я.

— О батенька, это молодецъ!.. — отвѣтилъ докторъ. — Посмотрите-ка, что онъ здѣсь натворилъ!.. У насъ вотъ въ Ахтарахъ семь землевладѣльцевъ, а вѣдь никто изъ нихъ и не почесался что нибудь сдѣлать для нуждающихся... Послѣ его письма въ «N—скомъ Вѣстникѣ» (читали навѣрное?) къ нему деньги стали кучами валиться, да все на его имя... Ну, нашимъ феодаламъ тутъ какъ-то неловко стало, что какой-то попикъ ихъ перещеголялъ... Устроенъ былъ частный комитетъ, стали открывать столовыя... Но все-таки главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является тутъ отецъ Николай... А тѣ въ родѣ мухи на рогахъ, чтобы можно было сказать потомъ, что и они пахали... Отца Николая теперь и не узнаешь... Прежде пришибленный, онъ теперь себя величиной почувствовалъ... Не только въ однихъ Ахтарахъ орудуетъ, и въ сосѣднихъ селеніяхъ понаоткрылъ столовыхъ... Такую прыть теперь обнаруживаетъ, что и подумать прежде нельзя было!.. Самъ по базарамъ ѣздитъ, муку, крупу, мясо, масло покупаетъ, на ко-

митетскихъ собраніяхъ съ нашими феодалами цѣлыя баталіи заводитъ, особенно когда тѣ начнутъ «экономію наводить»... Дома почти не сидитъ, все по столовымъ разъѣзжаетъ... Что говорить, энергичный попикъ!..

Я рѣшилъ познакомиться съ отцомъ Николаемъ и пошелъ къ нему.

Онъ оказался дома.

— Орудуете, батюшка?— спросилъ я, когда мы познакомились съ нимъ.

— Орудуемъ, сударь... Слава Тебѣ, Господи, есть еще добрые люди на свѣтѣ... Помогли голодающему...

— Сколько вы столовыхъ открыли уже?

Онъ сказалъ.

Понемногу мы разговорились.

— Вотъ господа здѣшніе помѣщики не любятъ меня,— говорилъ онъ:—потому что я небольно-то охочъ ихней фанаберіи поклоняться... Это вы, навѣрное, знаете... Называютъ меня лисой, хитрецомъ и тому подобными благозвучными прозвищами... Богъ съ ними... Я на это не ропщу... Только одно теперь мой духъ радуетъ, что я, ничтожный служитель Христа, прежде ихъ закричалъ о нуждѣ... Въ этомъ—каюсь—гордыня моя (да проститъ меня Богъ!), и я горжусь этимъ передъ здѣшними господами помѣщиками... Вотъ вы ѣздите много по уѣзду, сами видите, какова нужда... Не мнѣ вамъ ее описывать... Кажется, чего бы тутъ думать?.. Прямо закричать во всю мочь, насколько глотки хватитъ на это, чтобы всѣ узнали объ этомъ—и дѣло съ концомъ... Такъ вотъ не такъ они думаютъ... Все время молчали... Не потому, я думаю, они такъ дѣлали, чтобы отрицали нужду... Для этого нужно совсѣмъ слѣпымъ быть... Нѣтъ-съ, они прекрасно это видѣли, а молчали... Почему-съ?.. Не знаю...

— Быть можетъ, изъ обычнаго русскаго халатнаго отношенія ко всему, что не касается своей шкуры,—сказалъ я.

— Можетъ быть-съ... Не знаю... Не занимался такими философическими вопросами... Только вотъ что я разскажу вамъ, какъ все это произошло... Если для васъ будетъ занимательно, конечно...

Я поспѣшилъ его увѣрить въ этомъ.

— Ну, такъ вотъ-съ... Разговорился я въ тѣ поры съ нашими мужичками... Говорятъ: «еще мѣсяца два-три потерпимъ, а тамъ въ гробъ ложиться надо»... Будто кто-то меня огнемъ по сердцу при этомъ провелъ... Потому и самъ я это хорошо видѣлъ... Придешь къ кому нибудь напутствовать или другое что изъ требъ совершить,—видишь: такая кругомъ нужда, что изо всѣхъ щелей претъ... Ни скотины на дворѣ, даже курицы нѣтъ... Ну, смотрѣлъ, смотрѣлъ я на это, да и пошелъ къ нашему земскому начальнику...

Такъ, молъ, и такъ... Кругомъ нужда... Не мѣшало бы, молъ, обратить на это вниманіе... «А вамъ, — отвѣчаетъ мнѣ, — что за дѣло до всего этого? Не ваше совсѣмъ это дѣло... На это начальство есть»... — «Да я, — отвѣчаю ему, — по человѣчеству такъ говорю... Потому вчужѣ жучь беретъ за мужиковъ»... — «Не ваше это дѣло... Ваше дѣло служить обѣдни, крестить да покойниковъ хоронить... А не въ свое дѣло соваться вамъ нечего... А то можно и архіерею пожаловаться на васъ... Представить васъ безпокойнымъ человѣкомъ»...

— Проглотилъ я эту обиду и ушелъ отъ него... Да такъ тяжело, такъ тяжело у меня на сердцѣ стало, что и сказать вамъ не могу... Даже заплакалъ дорогой-то... Думалъ я это послѣ, думалъ, да и рѣшилъ: ну-ка, я къ добрымъ людямъ обращусь... Вѣдь есть же они на свѣтѣ... Опишу имъ всю нужду... Можетъ, помогутъ... Да и написалъ письмо въ «N-скій Вѣстникъ»... Ну, и не ошибся... Добрые люди нашлись и помогли... У насъ теперь немало столовыхъ, благодаря имъ... За нихъ я возсылаю у престола Всевышняго молитвы.

Онъ взглянулъ на стѣнные часы.

— Да вотъ не угодно ли со мной въ столовую пройтись?.. Какъ разъ обѣдъ теперь...—предложилъ онъ.

Я охотно согласился, и мы пошли въ столовую.

Столовая (мы были въ дѣтской) производила пріятное впечатлѣніе. Во всемъ была видна внимательная и заботливая рука.

— А вы никакъ мясомъ кормите?—сказалъ я, увидавъ во щахъ куски мяса.

— Да....

— Но вѣдь теперь Филипповки?

Отецъ Николай усмѣхнулся:

— Ужъ не мнѣ, конечно, разъяснять вамъ разницу въ питательности между мясной и постной пищей,—сказалъ онъ.

— Не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ я.—А какъ крестьяне къ этому относятся?

— Какъ видите,—указалъ онъ рукою на дѣтей.

Дѣйствительно, всѣ они, за исключеніемъ очень немногихъ, ѣли мясное.

— Дѣтямъ вѣдь особенно нужна питательная пища, — продолжалъ онъ. — Вотъ въ столовой для стариковъ другое дѣло: тамъ всѣ они постничаютъ. — И изъ-за мяса вотъ у меня непріятности были... Былъ я въ Антоновѣ на нашемъ съѣздѣ. Тамъ благочинный спрашиваетъ меня, правда ли, что я въ нашихъ столовыхъ мясомъ кормлю? Я отвѣчаю, что правда. «Ужъ, кажется,— говоритъ онъ, — не тебѣ бы такимъ вольнодумствомъ заниматься. Ты лицо духовное и долженъ паству держать въ правилахъ грекороссійской церкви. А ты ихъ въ посту мясомъ кормишь... Смотри,

какъ бы его преосвященство не узналъ объ этомъ... Нагоритъ тебѣ тогда за твое вольнодумство-то»... Такъ «тайнымъ вольнодумцемъ» и прозвали тогда на съѣздѣ... Что вотъ съ ними подѣлаете?.. А теперь къ тому же скоромная пища чуть не дешевле постной обходится: мясо-то двѣ-три копейки самое лучшее теперь...—Ну, кое-кого я изъ здѣшнихъ богатыхъ мужичковъ подковалъ,—вслѣдъ за тѣмъ, смѣясь, сказалъ онъ.—И мучку, и крупку для столовыхъ дешевле уступили. Будущими адскими муками и райскимъ блаженствомъ расшевелилъ ихъ.

На прощанье я крѣпко пожалъ ему руку.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ отца Николая на базарѣ въ Малтанахъ.

Я еще издали узналъ его, стоящаго у одного воза и горячо въ чемъ-то убѣждавшаго мужика.

— Да ты только подумай, крещеный человѣкъ, что это для голодающихъ. Тебѣ-то это не принесетъ большого убытка, а тѣмъ, можетъ быть, не одного человѣка отъ голодной смерти спасаешь... Подумай-ка, какая заслуга у тебя будетъ передъ Господомъ...

— Такъ-то оно такъ, батюшка,—колебался мужикъ,—а все жъ какъ будто обидную ты цѣну даешь...

— Да вѣдь не для себя же, пойми ты, милый человѣкъ... Если бы для себя... а то для голодающихъ... Они за то за тебя Богу помолятся...

— Ужъ и молельщики,—усомнился мужикъ.

— Да ужъ коли они не помолятся, такъ я за тебя за обѣдней особливо части выну...

— Все ужъ какъ будто обидно... — продолжалъ упорствовать мужикъ, но уже начиная сдаваться.

— Ну, чего, чего думать... Вороти телѣгу-то... Для голодающихъ вѣдь...

На земскомъ собраніи я встрѣтился съ Иваномъ Ивановичемъ.

— А вашъ-то попикъ того... славная голова оказывается,—сказалъ я ему.

Иванъ Ивановичъ пренебрежительно пожалъ плечами.

— Что же тутъ особеннаго-то?—отвѣчалъ онъ.—Не Америку же онъ открылъ... Голодъ-то мы всѣ видѣли и все равно пришли бы на помощь... Не велика заслуга письмо-то въ газетахъ напечатать...

Тутъ я невольно вспомнилъ о яйцѣ Колумба.

XIII.

Хорошіе люди.—Изъ своихъ достатковъ.

Я проѣзжалъ черезъ Семякино, дальнюю, захудалую и маленькую, дворовъ въ пятьдесятъ, деревушку.

— Ну, вы какъ поживаете? — спросилъ я хозяина въѣзжей квартиры.

— Это вы насчетъ чего же изволите спрашивать?

— Нуждаетесь?

— Да еще какъ сильно-то, ваше благородіе, нуждаемся-то!.. Кабы не казенный паекъ, такъ не знали бы, что и дѣлать... Да и того не хватаетъ... Даютъ-то его только на ѣдоковъ, а ѣсть-то всѣ хотятъ вѣдь... Многіе изъ насъ вонъ на гужевую перевозку отправились... Думаютъ тамъ заработать что нибудь... Только не знаю, какъ у нихъ тамъ выйдетъ... На возку-то все изъ ближнихъ деревень гоняютъ... Не знаю, нашихъ-то и пустятъ ли... Потому мы дальніе...

— Мнѣ кажется, что пустятъ... Не гнать же народъ за пятьдесятъ верстъ назадъ домой...

— То-то и мы такъ думаемъ...

— А столовыя есть у васъ?

— То-то вотъ горе, что нѣтъ... Деревенька-то наша дальняя, такъ попечаловаться-то о ней некому... Особливо больно ребятъ жалко... Кабы не Григорій Степанычъ, такъ совсѣмъ бы плохо...

— Кто это Григорій Степановичъ?

— А это хуторокъ одинъ у насъ неподалечку есть... Такъ это Григорій Степанычевъ...

Я вспомнилъ, что, подъѣзжая къ Семякину, я дѣйствительно видѣлъ въ сторонѣ какую-то крохотную усадьбу.

— Ну, такъ что же этотъ Григорій Степановичъ?

— Такъ вотъ, стало быть, наши ребятишки туда и бѣгаютъ... Обѣдать, значитъ...

— Стало быть, есть столовая?

— Дыть какая же это столовая?.. Вотъ въ Прудкахъ — такъ тамъ, дѣйствительно, столовая... Отъ начальства, значитъ... И съ крестомъ на флачкѣ... А у Григорій Степаныча такъ себѣ... Отъ себя, выходитъ... отъ самого себя...

— Какъ это отъ самого себя?

— То-исть, стало быть, отъ своихъ достатковъ...

— Стало быть, у него есть состояніе?

— Какое тамъ состояніе! — махнулъ рукою хозяинъ. — Немногимъ лучше мужика живетъ.

— Тогда, быть можетъ, на жертвованныя деньги держитъ столовыя?

— А этому мы неизвѣстны... Только врядъ ли такъ... Ребятишки, хоша и питаются тамъ, а все-жъ скудновато... Иной разъ и хлѣба не хватаетъ... Коли-бъ настоящая столовая была, то-исть, какъ есть заправская, такъ все жъ того не было бы... Я видѣлъ такую-то въ Прудкахъ... Тамъ здорово кормятся... А Григорій Степанычъ, навѣрное, изъ своихъ запасовъ кормитъ... Да и то слава Тѣ, Господи... Все жъ не дома ѣдятъ... Глядишь, въ дому-то коечто и остается...

Разговоръ этотъ меня заинтересовалъ, и на возвратномъ пути я рѣшилъ заѣхать на хуторъ.

Послѣдній представлялъ изъ себя довольно жалкій видъ. Вмѣсто забора кругомъ тянулся невысокій плетень, да и то мѣстами съ большими дефектами. Усадебный домъ былъ низенькій, съ маленькими окошечками и почернѣвшей деревянной крышей. Службъ было очень мало. Назади находился небольшой пустырь, шедшій, должно быть, подъ огородъ.

Видимо, посѣтители были здѣсь очень рѣдки, такъ какъ едва мои лошади остановились у усадьбы, какъ на крыльцо выскочилъ какой-то низенькій старичекъ въ толстомъ ватномъ пиджакѣ и въ бѣлыхъ, съ красными мушками, валеныхъ сапогахъ. Изъ-за его плеча выглядывало чье-то женское старческое лицо.

Я вылѣзъ изъ кошевки, подошелъ къ нему и назвалъ себя.

— Очень пріятно, очень пріятно,—отвѣчалъ старичекъ, пожимая мнѣ руку. — Милости просимъ... Очень радъ... Въ глуши живемъ... Такъ сказать, въ сторонѣ отъ шумнаго свѣта... Рады всякому живому человѣку-съ... Милости прошу въ комнаты...

Я имѣлъ въ это время возможность хорошенько разсмотрѣть его.

Это былъ низенькій старичекъ съ бритымъ, въ морщинахъ, лицомъ, съ небольшими, щетинистыми усами и коротко-остриженными волосами на небольшой грушевидной головѣ.

Мы вошли въ домикъ.

Низенькія, маленькія комнатки, ничѣмъ не оклеенныя, были скудно меблированы на половину самодѣльной деревянной мебелью. На стѣнахъ былъ примазанъ вырѣзанный изъ иллюстрированнаго журнала портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, и висѣли дешевенькіе часы объ одной гирѣ.

— Рекомендую-съ: моя супруга, Клавдія Михайловна,—указалъ онъ на старушку, просто одѣтую, лицо которой я видѣлъ давеча изъ-за плеча Григорія Ивановича.

— Не угодно ли будетъ присѣсть,—пригласилъ онъ.—Надѣюсь, не откажетесь выкушать съ нами чайку?

Я поблагодарилъ, но отказался, сказавъ, что заѣхалъ къ нимъ только на минутку мимоѣздомъ и сейчасъ поѣду дальше.

— А—извините старика за любопытство—смѣю спросить, чему обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?

Я откровенно сказалъ ему, что слышалъ, что у него открыта столовая для семякинскихъ ребятишекъ, и заинтересовался этимъ.

Мнѣ показалось, что при этомъ Григорій Степановичъ будто на минуту смутился. Онъ вынулъ изъ кармана красный платокъ, высморкался въ него, чтобы, должно быть, оправиться немного, и отвѣчалъ:

— Столовая?.. Никакъ нѣтъ-съ... Это васъ въ заблужденіе ввели... Столовой у меня никакой нѣту... Такъ какъ я на это никакого разрѣшенія отъ высшаго начальства не имѣю...

Я разсмѣялся.

— Да вы чего боитесь-то?—сказалъ я.—Вѣдь я не доносъ на васъ буду дѣлать... Да къ тому же, если бы и никакого разрѣшенія у васъ на открытіе столовой не было, такъ развѣ оно нужно, чтобы накормить голоднаго?

— Вотъ-съ... вотъ-съ... Именно такъ...—оживился вдругъ Григорій Степановичъ.—И мы то же самое вотъ съ Клавдинькой думали, что никакого разрѣшенія на это не надобно... Вѣрно-съ, вамъ правду сказали: есть у насъ въ родѣ какъ бы столовой... Сами изволили видѣть, какая въ Семякинѣ нужда... Деревенька глухая, дальняя... Никто на нее вниманія не обратитъ... А вѣдь тамъ голодаютъ... Напомнить о нихъ некому... Самъ я человѣкъ маленькій, знакомствъ никакихъ не имѣю ни съ сильными міра сего, ни съ предержащими властями... А кругомъ землевладѣльцевъ нѣтъ-съ... Ну, смотрѣли мы, смотрѣли съ Клавдинькой на ихнюю нужду-то, да и говоримъ промежду себя: «возьмемъ-ка семякинскихъ ребятишекъ къ себѣ на прокормленіе... Не объѣдятъ, чай... Все же семякинскимъ мужикамъ сколько нибудь поможемъ»... Ну, вотъ мы и устроили маленькую столовую...

— Стало быть, вы столовую на свои средства содержите?

— На свои-съ... Потому денегъ намъ ниоткуда на это не присылаютъ...

— Но почему же вы не обратились за вспомоществованіемъ въ комитеты?

— Признаться сказать—по робости... Отъ природы я робокъ... Ну, и думаю: какъ я, какой-то тамъ Григорій Степановичъ Вертячкинъ, владѣлецъ тридцати десятинъ, толкнусь къ господину предсѣдателю земской управы, къ предводителю дворянства или инымъ какимъ важнымъ господамъ?.. Да еще мнѣ, пожалуй, и не повѣрятъ... А знакомствъ тамъ никакихъ не имѣю... Едва ли они когда про мое существованіе и слыхали...

Въ это время Клавдія Михайловна встала и вышла изъ комнаты.

Григорій Степановичъ при этомъ взглянулъ въ окно.

— Собираются,—сказалъ онъ.

Я тоже взглянулъ въ окно.

Тамъ, увязая въ глубокомъ снѣгѣ, шли ребятишки, одѣтые въ разнообразные костюмы. На одномъ отцовская шапка совершенно закрывала глаза, и онъ то и дѣло сдвигалъ ее на затылокъ; другому большіе валеные сапоги, достигавшіе ему до брюха, мѣшали ходить; третій былъ въ материной коцевейкѣ и повязанъ платкомъ; у четвертаго на полушубкѣ заплаты соперничали съ дырками. Все больше мелюзга.

— Но какъ же вы безъ посторонней помощи кормите ихъ?—спросилъ я.

— А такъ и кормимъ... Былъ у меня небольшой запасецъ мучки, крупы, капусты да картофеля. Думалъ было продать ихъ, чтобы зачинить кое-какія прорѣхи въ хозяйствѣ... Да вотъ, когда мы съ Клавдинькой надумали столовую устроить, такъ и пустили ихъ въ оборотъ... Безъ отдачи... Всѣхъ ребятишекъ, конечно, мы не можемъ накормить... Тогда совсѣмъ ужъ придется лавочку прикрыть...

— Вамъ необходимо обратиться за помощью въ Красный Крестъ или въ мѣстный благотворительный комитетъ,—сказалъ я.—Хотите, я поговорю съ...?...

Я назвалъ фамилію жены одного крупнаго помѣщика, собравшей большія суммы и создавшей чуть не два десятка столовыхъ.

— Истинно облагодѣтельствуете,—воскликнулъ съ радостнымъ лицомъ Григорій Степановичъ.—Не знаю, какъ и поблагодарить васъ.

Я пожелалъ посмотрѣть, какъ питаются ребятишки.

— Да какъ ужъ питаются... Только чтобы съ голоду не помереть...—сказалъ Григорій Степановичъ.

Мы прошли на кухню, гдѣ два десятка ребятишекъ сидѣли за двумя столами, стояли у лавокъ и просто сидѣли на полу, поставивъ чашки между ногъ, и что-то ѣли. Всѣ блѣдные, оборванные. Клавдія Михайловна и пожилая кухарка что-то разливали по чашкамъ изъ чугуннаго котла.

Я взглянулъ въ чашки и долженъ былъ признать, что пища столовыхъ Краснаго Креста и частныхъ кружковъ была просто роскошью въ сравненіи съ этой. Но и это ребятишки ѣли съ завиднымъ аппетитомъ.

— Какъ видите, не важно кормимъ,—какъ бы извиняющимся тономъ сказалъ Григорій Степановичъ.—Но безъ посторонней помощи и этого скоро не будетъ.

На прощанье я пообѣщалъ опять поговорить съ —ой и, пожавъ руки этой почтенной четѣ стариковъ съ многолюбивымъ сердцемъ, уѣхалъ съ ихъ хутора.

Къ счастью, я сумѣлъ заинтересовать г-жу —ую, и Вертячкинымъ была оказана денежная помощь, помогшая имъ расширить ихъ дѣятельность.

И какъ много выигрываютъ эти старики въ мнѣніи всѣхъ порядочныхъ людей въ сравненіи съ тѣми господами, которые, присосавшись къ великому народному бѣдствію (о нихъ разскажу послѣ), старались только о томъ, какъ бы урвать въ свою пользу кусокъ, по возможности больше, отъ скуднаго, жертвованнаго для голодающихъ, каравая!..

XIV.

Хорошіе люди.—«Волонтерки голода».

Съ сердечнымъ сокрушеніемъ я могу признаться: mea culpa, mea maxima culpa! Каюсь въ этомъ!

Въ то время я сдѣлалъ такое преступленіе, которое едва ли когда и простится мнѣ. По крайней мѣрѣ, со стороны заинтересованныхъ лицъ. Однако совѣсть не упрекаетъ меня въ этомъ.

Дѣло происходило такъ.

Я пріѣхалъ на нѣкоторое время въ нашъ губернскій городъ. Поспѣшилъ повидаться кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ и крайне подивился тому, какъ мало знаютъ здѣсь, что дѣлается тамъ, въ глубинѣ уѣздовъ. Если же и знаютъ, такъ прямо сомнѣваются въ этомъ.

— Послушайте,—спросилъ меня одинъ мой знакомый, молодой военный врачъ:—правда ли, что разсказывается про то, что дѣлается тамъ въ деревнѣ?

— А что разсказываютъ?—полюбопытствовалъ я.

— Да иногда приходится слышать просто ужасныя вещи, что чуть ли тамъ не осиновую кору гложутъ. А съ другой стороны—оттуда же пріѣхавшіе говорятъ, что все это преувеличено. Нужда, дескать, есть, но все же это далеко отъ голода, и что мужикъ радуется, что у него теперь недородъ.

Я понялъ, изъ какого лагеря шли послѣднія извѣстія.

— Ну, въ концѣ концовъ,—продолжалъ мой знакомый,—и перестанешь вѣрить въ мрачныя розсказни. Сами знаете:

> Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
> Насъ возвышающій обманъ.

Я разсказалъ ему, что преувеличенія относительно острой нужды, царящей въ деревнѣ, вовсе нѣтъ, что деревня на самомъ дѣлѣ голодаетъ, что тутъ есть скорѣе замалчиваніе.

— Ну, вотъ подите,— развелъ онъ руками:— одни одно говорятъ, другіе—другое.

Итакъ недовѣрчивые вопросы задавались мнѣ чуть не на каждомъ шагу, такъ что мнѣ, вырвавшемуся изъ атмосферы деревенскихъ заботъ и нужды, даже порой странно было слушать, какъ это люди могутъ сомнѣваться въ этомъ, не довѣрять нуждѣ и чуть ли даже не отрицать ея.

Тутъ я вспомнилъ о своемъ товарищѣ по гимназіи Обольяниновѣ. Я не видался съ нимъ чуть ли не два года, несмотря на то, что мы были съ нимъ дружны. Осенью того года онъ писалъ мнѣ, что онъ женился.

Я узналъ его адресъ и пошелъ къ нему.

Увидавъ меня, онъ обрадовался мнѣ, познакомилъ съ своей женой и просилъ провести у нихъ вечеръ, на что я охотно согласился.

— Ну, разсказывай, какъ служишь, что у васъ тамъ дѣлается?— сказалъ онъ за чаемъ.

Я сталъ разсказывать и, конечно, коснулся животрепещущей темы о голодѣ.

— Ну, да развѣ у васъ тамъ на самомъ дѣлѣ голодъ?—недовѣрчиво улыбаясь, сказалъ онъ.—Навѣрное, такъ, легкая нужда... Такъ вѣдь это періодически бываетъ, чуть не каждый годъ, то въ той, то въ другой мѣстности нашего любезнаго отечества.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ я.—Да никакъ и ты этому плохо вѣришь?

— Помилуй, да кто же здѣсь этому серіозно вѣритъ?

Я долженъ былъ сознаться, что, дѣйствительно, да, въ моихъ предшествующихъ встрѣчахъ въ этомъ большомъ стотысячномъ городѣ очень многіе не вѣрили въ истинные размѣры голода.

— А что на самомъ дѣлѣ тамъ дѣлается?—спросила жена Обольянинова, недурненькая брюнетка, съ вздернутымъ носикомъ.

Я сталъ разсказывать имъ всѣ свои впечатлѣнія во время разъѣздовъ по уѣзду, ничего ни преувеличивая, ни уменьшая.

— Вотъ какъ! — протянула она, внимательно выслушавъ мой разсказъ, который Обольяниновъ то и дѣло прерывалъ:

— Увлекаешься, милый другъ, увлекаешься... У тебя, какъ оказывается, очень богатое воображеніе...

На это я только пожималъ плечами.

Когда же я уходилъ отъ нихъ, Обольянинова, пожимая мнѣ руку, сказала:

— Какъ все это, должно быть, ужасно...

— Да ты не вѣрь ему много, Маруся... Онъ, ей-Богу, много увлекается,—сказалъ товарищъ.

Я ушелъ, обѣщавшись еще разъ зайти къ нимъ передъ отъѣздомъ.

— Ну, дружище, ты у меня сглазилъ жену,—сказалъ Обольяниновъ, когда я еще разъ зашелъ къ нимъ.

— Чѣмъ это?—спросилъ я.

— Да все твоими quasi—голодающими... Теперь у нея только и разговору, что о нихъ... Засосомъ читаетъ корреспонденціи въ «Новомъ Времени», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Приднѣпровскомъ Краѣ»... Тамъ такіе же увлекающіеся, какъ и ты, корреспонденты страшные ужасы описываютъ...

Я разсмѣялся.

— Однако сколько же увлекающихся-то нашлось!.. Неужели они всѣ однимъ и тѣмъ же микробомъ заразились?

— Да, да... Смѣйся... Я вонъ, по настоянію Маруси, двѣ красненькихъ на вашихъ-то голодающихъ выложилъ...

— А вѣдь вы правы,—сказала въ это время, входя въ комнату, Обольянинова.—Тамъ у васъ дѣйствительно некрасиво.

— На мѣстѣ еще хуже, чѣмъ издали,—сказалъ я.—Да это еще бы полъ-бѣды... Да вотъ горе, людей-то тамъ мало... Все еще не довѣряютъ...

— Ну, какъ же этому не довѣрять?

— Вотъ супругъ вашъ одинъ изъ такихъ недовѣряющихъ.

Обольяниновъ махнулъ на насъ рукой.

Черезъ день я шелъ по главной улицѣ губернскаго города и повстрѣчался съ Обольяниновой.

— Здравствуйте,—сказала она.—А я хотѣла къ вамъ зайти.

— Чѣмъ могу служить вамъ?

— Да вотъ какъ это сдѣлать, чтобы ѣхать въ голодающія мѣстности?

— Это на что же вамъ?

— Надо.

Я разсказалъ ей про Красный Крестъ, про частные кружки (къ которымъ, признаюсь, въ то время у меня лежало больше сердце, чѣмъ къ офиціальнымъ учрежденіямъ такого же рода, благодаря отсутствію въ нихъ казенной сухости и болѣе живому реагированію на вопросы дня).

— Да зачѣмъ вамъ это все понадобилось?—еще разъ спросилъ я.—Изъ вашихъ знакомыхъ, что ли, кто хочетъ ѣхать туда?

— Сама я думаю.

— Вотъ тебѣ и на!—развелъ я руками:—а мужъ-то?

— Не пускаетъ.

— Такъ какъ же?

— И безъ позволенія уѣду,—засмѣялась она.—Посердится, да и перестанетъ. Онъ вѣдь меня любитъ.

Меня это заинтересовало, и я на другой день рѣшилъ зайти къ Обольяниновымъ.

— Все это твои розсказни,—встрѣтилъ меня угрюмо Обольяниновъ.—Ну, за какимъ чортомъ она туда поѣдетъ?.. Еще схватитъ тамъ тифъ или другую какую прелесть и помретъ тамъ... Да еще какъ радуется-то... точно на праздникъ ѣдетъ...

— Ну, кажется, ты преувеличиваешь опасность.

— Не я преувеличиваю, а ты преувеличиваешь... Ну, пусть ѣдутъ туда какія нибудь стриженныя курсистки...

— Давно ли ты измѣнилъ свое мнѣніе о курсисткахъ? — за-

смѣялся я, напоминая ему о томъ, что когда-то, будучи студентами, мы увлекались курсистками.

— ...Разводки тамъ разныя, соломенныя вдовы, искательницы приключеній и другія сомнительныя личности...

— Напрасно ты такъ говоришь, — серіозно сказалъ я. — Туда ѣдетъ немало хорошихъ, честныхъ и симпатичныхъ личностей...

— Ну, ладно, ладно... Допустимъ... Только которымъ ѣсть нечего, которымъ надобно деньгу зашибить...

— И это неправда: многіе ѣдутъ изъ-за идеи.

— Ну, кто бы туда ни ѣхалъ, а свою Марусю я не пущу.

— Но я все-таки поѣду,—сказала Обольянинова, внезапно вся поблѣднѣвъ.

Я понялъ, что тутъ будетъ происходить рѣшительное объясненіе, и, распростившись, поскорѣе вышелъ.

Немного погодя, я встрѣтилъ Обольянинова на улицѣ. Но онъ, еще издали увидѣвъ меня, перешелъ на другую сторону улицы. Я понялъ, что онъ на меня сердится.

Чрезъ нѣсколько дней я узналъ, что Обольянинова уѣхала въ одинъ изъ уѣздовъ нашей губерніи, кажется, въ Мамадышскій, и завѣдывала тамъ питательнымъ пунктомъ.

Обольяниновъ же до сихъ поръ на меня сердится. Но совѣсть все-таки не упрекаетъ меня за внесеніе мной временной неурядицы въ семью товарища.

Лѣтомъ 1899 года я ѣхалъ по Волгѣ на пароходѣ съ однимъ знакомымъ.

— Знаете, это кто?—спросилъ онъ меня, указывая на даму въ рубкѣ перваго класса.

Я посмотрѣлъ на эту даму съ породистыми чертами лица, уже не совсѣмъ молодую.

— Нѣтъ. А что?

— Это...

И онъ назвалъ одну изъ громкихъ родовитыхъ фамилій.

— Ѣдетъ изъ —скаго уѣзда.

— Съ голода?

— Да, завѣдывала тамъ столовыми.

И это была, кажется, единственная изъ родовой аристократіи, пошедшая изъ «вихря шумнаго свѣта» въ голодающую деревню. Въ послѣднюю шла только молодежь средняго круга.

Высшимъ кругамъ было некогда: они забавлялись. Или же, въ крайнемъ случаѣ, они выражали свое сочувствіе только издали, порой даже только платоническое. Работалъ въ деревнѣ только средній кругъ общества—и за это ему хвала!...

Здѣсь я мелькомъ коснусь еще одного факта.

Многія изъ шедшихъ на голодъ были еще очень молоденькія дѣвушки; это, конечно, привлекло къ себѣ вниманіе нѣкоторыхъ господъ, уже достаточно искусившихся въ «наукѣ страсти нѣжной», по большей части, изъ лощеныхъ петербургскихъ слетковъ. И вотъ начинаются грязныя поползновенія къ свѣжему женскому тѣлу. Нѣкоторыя не выдерживали этой искусной и въ то же время гнусной осады — и сдавались. И вотъ начались розсказни о повальной якобы развращенности работающихъ на голодѣ женщинъ. И замѣчательнѣе всего то, что говорили это тѣ самые господа, которые именно сами добивались взаимности этихъ своихъ случайныхъ помощницъ въ святомъ дѣлѣ помощи ближнему. Такимъ образомъ, изъ единичныхъ фактовъ составлялось общее мнѣніе о распущенности чуть ли не всей женской половины работающихъ въ деревнѣ въ этотъ черный годъ, хотя большинство изъ нихъ были безусловно достойны уваженія во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ беззавѣтно отдавались своему дѣлу, работали, насколько хватало силъ, и даже заболѣвали сами, ухаживая за больными.

Грязная страница, но добросовѣстному описателю этой эпохи и ее не слѣдуетъ обходить молчаніемъ... хотя бы для одной характеристики этихъ господъ, вносившихъ свои гнусныя страстишки въ сферу святого дѣла...

Василій Якимовъ.

НОВОЕ О СТАРОМЪ [1].

«Es ist eine alte Geschichte,
«Doch bleibt sie immer neu».

VI.

ДУРНЫМЪ признакомъ для правительства Бориса Годунова было спасеніе Димитрія послѣ битвы при Добрыничахъ; если послѣ такого пораженія дѣло самозванца не погибло—значитъ дѣйствительно живуче оно! Положеніе дѣлъ для царя Бориса довольно вѣрно опредѣлялось пословицей о томъ локтѣ, который хоть и близокъ, а зубами его не достать: противъ разбитыхъ шаекъ «царевича» Москва выставила двѣ громадныя арміи, Мстиславскаго и Шереметева, но арміи эти ничего не могли сдѣлать противъ врага, на сторонѣ котораго было всенародное сочувствіе, арміи Бориса сами заражены были этимъ сочувствіемъ.

Дѣйствія Борисовыхъ воеводъ были колеблющіяся, нерѣшительныя; даромъ потерявъ немало времени, немало народа подъ Рыльскомъ, мужественный защитникъ котораго, князь Долгорукій, стяжалъ себѣ впослѣдствіи безсмертную славу другой обороной, Мстиславскій отошелъ къ Сѣвску, соединился съ Шереметевымъ, и соединенныя ихъ рати приступили къ осадѣ Кромъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 678.

Ничтожный украинный городокъ получилъ въ это время выдающееся значеніе: запирая Калужскую дорогу, крѣпостца эта, оставайся она въ рукахъ Бориса, заставляла Димитрія оперировать по правому нагорному берегу Оки, усѣянному крѣпостями, да гдѣ и сама мѣстность позволяла вести упорную оборонительную войну; пока Кромы были во власти Димитрія, московскіе воеводы не могли, несмотря на всѣ свои успѣхи, итти къ югу, оставивъ въ рукахъ врага такой важный узелъ дорогъ, которыми имъ въ тылъ могла зайти вражья сила; обѣ стороны должны были рѣшить борьбу подъ деревянными стѣнами Кромскаго острога.

Защитникомъ Кромъ—геройская оборона и позорная осада которыхъ такъ хорошо разсказана Массой — былъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ Димитрія, донской атаманъ Корѣла; засѣвъ за обгорѣлыми стѣнами острога, удалой казакъ наскоро, изъ земли, создалъ неприступныя укрѣпленія, въ землѣ укрылъ слабый гарнизонъ крѣпостцы; осаждающіе, томившіеся тяжелой стоянкой среди болотъ въ разоренной странѣ, вяло и неохотно вели осаду, въ рядахъ ихъ начиналось шатаніе, началась измѣна. А тѣмъ временемъ Димитрій собиралъ новые полки, готовился къ продолженію кампаніи.

Есть извѣстіе — темное, глухое извѣстіе, будто Борисъ, не будучи въ силахъ сломить Димитрія ратью, прибѣгъ къ гнусной попыткѣ убійства: трое монаховъ явилось въ Путивлѣ, ихъ подозрительное поведеніе заставило арестовать ихъ, и тутъ открылось, что это были убійцы и подстрекатели. За неимѣніемъ подтвержденій, разсказъ этотъ приходится оставить на совѣсти передающихъ его іезуитовъ.

Приготовленія царевича принимаютъ грандіозные размѣры: онъ ведетъ оживленныя сношенія съ Польшей, онъ привлекаетъ на свою сторону донскихъ, яицкихъ и даже терскихъ казаковъ, онъ обезпечиваетъ себѣ помощь нагайской орды, богатые поминки посланы были въ Крымъ; диву даешься, стоя лицомъ къ лицу съ такой кипучей, разносторонней, умѣлой дѣятельностью; невольно возникаютъ тѣ вопросы, которые задаетъ себѣ отецъ Пирлингъ: «Кто составилъ этотъ колоссальный и въ то же время до мелочей разсчитанный планъ, планъ ясно московскаго пошиба, замыселъ котораго обнаруживаетъ человѣка, посвященнаго въ тайны кремлевской политики и хорошо знающаго страну? Откуда появлялись средства, необходимыя для существованія двора Димитрія, для посольствъ, для набора и содержанія арміи? Какъ удалось побѣжденному такъ быстро оправиться отъ неудачи? Откуда въ немъ такая твердая увѣренность возможности скораго возобновленія похода? Что дѣлала московская партія въ Польшѣ?.. Внѣ всякаго сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ силой, силой тайной, проявляющей себя лишь въ результатахъ своей работы».

Все дѣйствительно благопріятствуетъ Димитрію; въ самый разгаръ борьбы, когда болѣе, чѣмъ прежде, нужна была твердая рука и стойкая воля, царя Бориса не стало; его смерть равносильна была гибели всего его дѣла, наслѣдникъ его Θеодоръ принялъ на себя бремя правленія землей Русской лишь для того, чтобъ пасть жертвой разыгравшихся страстей, смутныхъ событій.

Среди этой смуты Годуновы имѣли одну лишь поддержку — войско, боровшееся противъ Димитрія; чтобъ обезпечить себѣ его вѣрность, они поставили во главѣ его человѣка, который, казалось, былъ имъ безгранично преданъ; но даже Басмановъ не былъ въ состояніи противиться ходу событій, самъ онъ былъ увлеченъ ими. Прибывъ къ войску, онъ убѣдился въ томъ, что дѣло Годуновыхъ безповоротно проиграно; а какое надо самоотверженіе, чтобъ стать на сторону завѣдомо погибшаго дѣла! Когда войска самозванца, численность которыхъ была значительно преувеличена молвой, показались вблизи Кромъ, Басмановъ не могъ долѣе удержать свое войско отъ перехода на сторону царевича, онъ самъ поцѣловалъ ему крестъ.

Это была развязка; отнынѣ событія идутъ своимъ чередомъ съ головокружительной быстротой; къ «царю Димитрію» являются бояре, зовущіе его на престолъ, правда, ставя ему при этомъ ограничительныя условія; съ восторгомъ встрѣчаетъ государя-солнышко красное населеніе городовъ, черезъ которые онъ проходитъ въ своемъ движеніи на Москву: особенно горячая встрѣча была въ Тулѣ, гдѣ жило немало поляковъ, бывшихъ въ московскомъ плѣну еще со временъ походовъ Баторія.

Такая же встрѣча подготовляется и въ Москвѣ; правда, еще сидитъ въ Кремлевскихъ палатахъ царь Θеодоръ, но это — царь безъ царства. Въ Москвѣ уже читаются воззванія Димитрія, уже говорятъ съ народомъ его посланцы. Первыхъ смѣльчаковъ казнили — и тѣмъ еще болѣе раздражили и озлобили толпу; когда Пушкинъ и Плещеевъ привезли новую грамоту царя Димитрія къ вѣрному его народу и съ лобнаго мѣста прочли ее, пробилъ послѣдній часъ владычества Годунова; народъ бросился «въ Кремль, въ царскія палаты, вязать, топить Борисова щенка»; развѣнчанный царь и его семья заперты были подъ стражей въ Годуновскихъ боярскихъ палатахъ.

Москва ждетъ своего царя, но онъ не спѣшитъ въ Бѣлокаменную; живы еще Годуновы, возсѣдаетъ еще на патріаршемъ престолѣ Іовъ, вѣрный ихъ благопріятель, осыпавшій царевича проклятіями. Судьба ли, усердіе ли слугъ Димитрія уничтожило первое препятствіе, изъ всей Годуновской семьи осталась въ живыхъ — и не на радость осталась, красавица царевна Ксенія; съ Іовомъ царь самъ расправился: старикъ патріархъ и архимандриты—чудовскій Варлаамъ и андроніевскій Василій, лишены были

своего достоинства и отправлены въ далекую ссылку; что это — царская опала, или же месть бѣглаго чудовскаго монаха и желаніе его удалить изъ Москвы неудобныхъ для него людей?

Ясный, солнечный іюньскій день былъ свидѣтелемъ торжественнаго вступленія царя Димитрія въ столицу его предковъ; восторгъ и ликованіе вѣрныхъ его подданныхъ встрѣчали его, встрѣтила его и измѣна. Измѣнникомъ оказался все тотъ же Василій Шуйскій; приговоренный боярами и высшимъ духовенствомъ къ смертной казни [1]), онъ уже на плахѣ получилъ помилованіе.

VII.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ явившагося на Москву царя было возвращеніе царицы Мареы изъ ея монастырскаго заточенія; настоящій ли Димитрій, самозванецъ ли — для него это было обязательно или изъ сыновнихъ чувствъ, или же для того, чтобъ авторитетомъ матери освятить свои права на престолъ. Могло ли быть свидѣтельство царицы-инокини вполнѣ искренно и безпристрастно? На этотъ вопросъ отвѣтъ, разумѣется, долженъ быть данъ отрицательный: слишкомъ многое побуждало ее свидѣтельствовать въ пользу царя, слишкомъ многое заставляло ее удержаться отъ неблагопріятнаго ему заявленія. Но намъ неизвѣстно содержаніе переговоровъ, предшествовавшихъ прибытію царицы въ Москву; какъ и многое другое въ исторіи Димитрія, этотъ вопросъ представляется намъ наполовину загадкой.

Встрѣча матери и сына въ Тайнинскомъ была обставлена такими трогательными подробностями, такъ искренна была или казалась ихъ радость при неожиданномъ свиданіи, что для народа не оставалось сомнѣній въ подлинности царя; его неизмѣнно почтительныя отношенія къ матери, поселившейся въ Вознесенскомъ монастырѣ, поддерживали эту увѣренность: чуть ли не ежедневно царь являлся сюда на свиданіе съ матерью; правда, нѣкоторые современники позволяютъ себѣ сомнѣваться въ искренности сыновнихъ чувствъ царя, они склонны думать, что въ Вознесенскій монастырь привлекали его молодыя монахини, жившія тамъ вмѣстѣ съ старой царицей; но чего не говорятъ люди?

И не только старица Мареа, всѣ вообще жертвы Годуновской политики дождались теперь поворота счастья; являются въ Кремлѣ братья царицы, Нагіе, являются Романовы; они уже давно поджидали счастливаго часа; еще въ послѣдніе годы царствованія Бориса Филаретъ Никитичъ въ глубинѣ своей кельи не скрывалъ надежды на скорую и неизбѣжную перемѣну своей судьбы.

---

[1]) Почему это — судъ бояръ и духовенства, а не обыкновенная московская процедура? Нельзя ли видѣть въ назначеніи этого суда и въ помилованіи Шуйскаго отраженія тѣхъ ограничительныхъ условій, о которыхъ шла рѣчь выше?

Черезъ три дня послѣ прибытія царицы въ Москву, столица торжествовала коронованіе Димитрія; этотъ обрядъ необходимо было совершить какъ можно скорѣе, было важно упрочить себя на престолѣ церковнымъ освященіемъ; положеніе вѣнчаннаго царя дѣлало Димитрія гораздо болѣе устойчивымъ, чѣмъ прежде. И русскіе люди, и бывшіе въ Москвѣ иноземцы, во главѣ съ двумя іезуитами—всѣ въ одинъ голосъ разсыпаются въ похвалахъ роскоши и великолѣпію свершившагося въ Успенскомъ храмѣ обряда, во время котораго царь снова торжественно повѣдалъ народу повѣсть чудеснаго своего спасенія. Царское вѣнчаніе Димитрія причинило ему, однако, немало и затрудненій: онъ, католикъ, долженъ былъ причаститься изъ рукъ православнаго святителя. Выхода изъ этого тяжкаго положенія не было, пришлось Димитрію, во избѣжаніе соблазна, а то и худшаго, пожертвовать своими религіозными убѣжденіями. За вѣнчаніемъ послѣдовалъ праздникъ во дворцѣ; здѣсь, къ великому изумленію бояръ, отецъ Чировскій привѣтствовалъ царя воодушевленной рѣчью; во время пира царь, чрезъ посредство одного изъ своихъ польскихъ приближенныхъ, снова увѣрилъ іезуитовъ въ неизмѣнной своей къ нимъ благосклонности, въ ревности къ успѣхамъ католичества въ Россіи.

Чировскій и Лавицкій не скрывали своего восторга, они дѣлились своими впечатлѣніями и съ краковскими іезуитами, и съ самимъ генераломъ ордена, Аквавивой, и съ старымъ знатокомъ Московіи, ихъ собратомъ Поссевино; ихъ письма, донесенія Рангони— все это не оставалось подъ спудомъ, по всей Европѣ расходилась диковинная вѣсть о чудесно спасшемся царевичѣ, о царѣ, другѣ католицизма. Не создастъ ли эта дружба затрудненій молодому царю?

На святой Руси царь долженъ былъ быть государемъ благочестивѣйшимъ, его отношенія къ духовенству должны были быть наилучшими. Надо сознаться, здѣсь Димитрій сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Еще въ эпоху краковскихъ переговоровъ о перемѣнѣ вѣры, онъ настаивалъ на необходимости имѣть въ Москвѣ патріарха; теперь, низложивъ Іова, онъ спѣшитъ узаконить свой поступокъ согласіемъ освященнаго собора епископовъ русскихъ, спѣшитъ также назначить ему преемника. Святители согласились съ царемъ, что дряхлый Іовъ во всякомъ случаѣ не былъ уже въ состояніи право править слово Божественной истины, согласились даже избрать ему преемникомъ лицо, угодное Димитрію; это былъ архіепископъ рязанскій, грекъ Игнатій, снискавшій себѣ царскую милость тѣмъ, что первый изъ епископовъ русскихъ перешелъ на сторону шедшаго на Москву царевича; вообще человѣкъ это былъ неважный, нравственныя его качества всѣми современиками рисуются мрачными красками [1]); достаточно указать на то, что всѣмъ

[1]) Воспользовался ли отецъ Пирлингъ извѣстными статьями Н. Левицкаго: «Игнатій, патріархъ московскій», въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1886 годъ, № 11—12,

своимъ положеніемъ онъ обязанъ былъ Годунову — и первый покинулъ его, или же на переходъ этого заклятого, въ свое время, врага латинства въ унію; болѣе чѣмъ вѣроятно, что Димитрій съ намѣреніемъ поставилъ во главѣ русской церкви человѣка, настолько извѣстнаго своей враждой къ католичеству, что не оставалось мѣста для подозрѣній царя въ латинскихъ симпатіяхъ, и настолько гибкаго, что онъ ничему не сталъ бы мѣшать.

Посадивъ на патріаршемъ престолѣ человѣка, безусловно ему преданнаго, Димитрій въ то же врмя старался обезпечить себѣ расположеніе всего вообще высшаго духовенства: его представители получаютъ со стороны царя признаки самаго почтительнаго вниманія, призваны въ царскій совѣтъ, всѣ ихъ права торжественно подтверждены, все высшее духовенство временъ Бориса удержалось на мѣстахъ; среди русскихъ архипастырей появляется одно лишь новое лицо: это—пострадавшій отъ Годунова Филаретъ Романовъ, лицо настолько популярное, что его возвышеніе въ санъ митрополита ростовскаго могло только понравиться и клиру и народу. Царь, въ прежнее время не скрывавшій своей ненависти къ московскому монашеству, теперь благосклонно относится и къ нему, даже предпринялъ благочестивый походъ въ Троице-Сергіевъ монастырь; слава Димитрія, какъ царя православнаго, пронеслась и за предѣлами земли Русской: православныя братства Западной Руси, патріархъ іерусалимскій Софроній просятъ и получаютъ отъ него денежную помощь. Такому благочестивому царю русскіе іерархи позволяютъ себѣ оказать и нѣкоторыя послабленія: русскіе епископы, за исключеніемъ двухъ, согласились допустить бракъ государя съ латинской дѣвицей—дѣло неслыханное на Руси.

И все же ходятъ по Москвѣ слухи, что царь Димитрій—еретикъ; слухи эти подкрѣплены были свидѣтельствомъ зарубежныхъ, западно-русскихъ святителей, они прямо объявляли московскаго царя католикомъ. Эта молва не могла не тревожить Димитрія, она заставляла его быть очень осторожнымъ. Пришлось это испытать на себѣ отцамъ іезуитамъ; Чировскій и Лавицкій теперь видаются съ Димитріемъ рѣдко, урывками, его обѣщанія въ пользу католичества не могутъ быть выполнены немедленно изъ боязни неудовольствія русскихъ людей.

VII.

Папская политика давно уже обратила вниманіе на далекую Московію, и при томъ съ самаго начала одна и та же идея проникала всѣ отношенія римскаго первосвященника къ Россіи — идея

и «Игнатій, названный патріархъ московскій», въ журналѣ «Странникъ» за 1881 годъ, № 10? Здѣсь имѣется довольно оригинальный взглядъ на Игнатія и на его патріаршество.

соединенія церквей; въ ту эпоху, когда царь Димитрій сидѣлъ въ кремлевскомъ дворцѣ, моментъ для осуществленія этой завѣтной мечты папства былъ самый благопріятный.

Первоначально, надо сознаться, папскій дворъ не обратилъ достаточнаго вниманія на Димитрія [1]); Климентъ VIII такъ и умеръ, не высказавшись опредѣленно за или противъ политическихъ плановъ московскаго царевича, наступило междупапство; какъ на бѣду, новый папа, Левъ XI, прожилъ послѣ своего избранія всего 27 дней, снова насталъ періодъ избирательной тревоги, и дѣло Димитрія лежало безъ движенія. Наконецъ въ маѣ 1605 на престолъ св. Петра вступилъ кардиналъ Камилло Боргезе подъ именемъ Павла V; этому сравнительно молодому и энергичному папѣ суждено было принять дѣятельное участіе въ судьбѣ московскаго царя и видѣть и блескъ его царства, и ужасъ его катастрофы.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, папа обнаруживаетъ живѣйшій интересъ къ Димитрію и къ его предпріятію, съ нетерпѣніемъ ждутъ въ Ватиканѣ извѣстій отъ Рангони. Наконецъ извѣстія эти пришли: краковскій нунцій разсказываетъ по офиціальнымъ даннымъ исторію царевича и, какъ свидѣтель и участникъ, сообщаетъ объ его обращеніи въ католичество; восхваляя его выдающіяся качества, Рангони видитъ будущее католицизма на Востокѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Этотъ его оптимизмъ, не совсѣмъ оправдывавшійся фактами, заразилъ и курію, здѣсь тоже мечтаютъ о латинской Московіи, о борьбѣ соединенныхъ силъ славянства противъ турокъ на пользу св. престола; папа побуждаетъ польскаго короля и духовенство помочь дѣлу Димитрія, онъ готовъ даже завязать сношенія съ нимъ и на всякій случай даетъ вѣрительную грамоту племяннику нунція, графу Александру Рангони.

Нунцій продолжалъ поддерживать переписку съ Димитріемъ, послѣдній умѣлъ все болѣе и болѣе внушать своему корреспонденту убѣжденіе въ твердости своей въ вѣрѣ католической и въ ревности къ ея выгодамъ; въ этомъ Рангони могъ убѣдиться и другимъ путемъ; онъ отправилъ къ царю въ Москву своего секретаря аббата Пратиссоли съ какимъ-то порученіемъ, итальянецъ вернулся изъ своей поѣздки совершенно очарованнымъ. Иначе и быть не могло, царь Димитрій въ это время сильно нуждался въ Рангони: въ ноябрѣ 1605 года онъ отправляетъ къ нунцію своего довѣреннаго секретаря, кальвиниста Бучинскаго, съ письмомъ; въ немъ онъ просилъ разрѣшить Маринѣ причащаться по православному обряду, посѣщать русскія церкви, поститься въ среду, чтобы не возбуждать недоразумѣній на религіозной почвѣ, а также жалуется на

[1]) Или не хотѣлъ вступать въ сношенія и связывать себя обязательствами по отношенію къ авантюристу, будущее котораго не представляло собою ничего опредѣленнаго.

Сигизмунда, отказывающагося давать вчерашнему бродягѣ титулъ «Божіею милостью царя и цесаря»; оба эти вопроса могли быть разрѣшены только властью католической церкви.

Однако Рангони самъ не могъ помочь Димитрію ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ; нужно было обратиться къ самому святѣйшему отцу, и Димитрій вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ Павломъ V. Предлогомъ этого посольства послужилъ извѣстный проектъ анти-оттоманской лиги, выполненіе щекотливаго порученія возложено было на человѣка, привязаннаго къ Димитрію, на отца Андрея Лавицкаго. Ему была дана довольно подробная инструкція, въ которой ему предписывалось, помимо вопроса о борьбѣ съ турками, хлопотать также объ улаженіи недоразумѣній съ Сигизмундомъ по поводу царскаго титула и просить о возведеніи Рангони въ санъ кардинала; послѣднее было прямою безтактностью, такъ какъ Рангони былъ аккредитованъ при Сигизмундѣ, и послѣднему, а никакъ уже не Димитрію, подобало просить объ его награжденіи; эта просьба дорого обошлась Рангони: онъ былъ отозванъ изъ Кракова.

Лавицкій произвелъ превосходное впечатлѣніе въ Ватиканѣ; Павелъ V удостоилъ его неоднократной бесѣды по поводу московскихъ дѣлъ, самыя радужныя надежды питали собесѣдники; и они, и старый знатокъ Московіи, Поссевино, запрошенный папой, были твердо увѣрены въ царскомъ всемогуществѣ, они вѣрили, что народъ русскій по волѣ царя готовъ будетъ даже измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ. Они уже намѣчали важнѣйшіе пункты програмы церковной политики царя: удалить отъ себя совѣтниковъ-еретиковъ, дать возможно болѣе мѣста дѣятельности іезуитовъ, вести дѣло къ единенію церквей. Папскую грамоту, составленную въ духѣ этихъ пожеланій, повезъ въ Москву тотъ же Лавицкій, но не судьба ему была снова побывать въ Бѣлокаменной.

Пока посолъ Димитрія находился въ Римѣ, графъ Рангони, воспользовавшись вѣрительнымъ письмомъ, полученнымъ отъ папы, поѣхалъ въ Москву, несмотря на живѣйшее неудовольствіе Сигизмунда, которому непріятна была предупредительность куріи къ его московскому сосѣду. Папскому послу въ Кремлѣ былъ оказанъ торжественный офиціальный пріемъ, Димитрій не упускалъ также случая быть съ нимъ любезнымъ, увѣрить его въ своей преданности католичеству; царь даже просилъ Рангони помочь ему привлечь въ Москву техниковъ и вообще образованныхъ людей, въ которыхъ нуждалась земля Русская, изъ западноевропейскихъ католическихъ странъ; при посредствѣ же папскаго престола Россія собиралась завязать дипломатическія сношенія съ Западомъ.

Донесеніе Рангони произвело въ Ватиканѣ превосходное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что графъ Александръ успѣлъ добиться немаловажнаго успѣха: съ нимъ были кармелитскіе миссіонеры, на-

правлявшіеся въ Персію; имъ былъ отнынѣ открытъ свободный проѣздъ чрезъ Россію и разрѣшено пребываніе въ ней; въ дѣлѣ католицизма на востокѣ это былъ громадный шагъ впередъ, и имъ курія была обязана ловкости Рангони и любезной уступчивости Димитрія. Но папство желало только принимать услуги, а не оказывать ихъ; когда московскій царь въ свою очередь потребовалъ отъ Рима нѣсколько уступокъ, онъ получилъ полный отказъ.

Съ самаго перваго времени своего перехода въ католичество, Димитрій просилъ различныхъ снисхожденій и послабленій, преимущественно въ обрядности, мотивируя эти просьбы необходимостью до времени скрывать перемѣну исповѣданія. Наиболѣе серіозною изъ такихъ просьбъ была та, гдѣ царевичъ умолялъ разрѣшить ему принять причастіе отъ православнаго патріарха; вопросъ былъ настолько серіозенъ, что въ рѣшеніи его должно было принять участіе высшее духовное судилище римской церкви, святая инквизиція. Она подвергла этотъ вопросъ тщательному разсмотрѣнію и обсужденію, медлила съ отвѣтомъ такъ долго, что Димитрію пришлось разрѣшить этотъ вопросъ самому въ согласіи съ требованіями обстановки; медлительность эта легко могла бы быть объяснена боязнью инквизиціи, что уступчивость по одному вопросу ободритъ Димитрія къ требованію еще и еще уступокъ. Расчетъ церковнаго судилища оказался, однако, ошибочнымъ: несмотря на неуступчивость, царевичъ обратился съ новыми просьбами, обратился вдобавокъ не лично, а чрезъ Савицкаго, своего духовника, что несомнѣнно осложняло дѣло; здѣсь былъ цѣлый рядъ вопросовъ: можно ли причащаться по православному обряду и вообще присутствовать при православномъ богослуженіи, основывать православныя церкви и монастыри, давать имъ льготы и преимущества и т. под.

Очутившись лицомъ къ лицу съ новымъ затрудненіемъ и съ новымъ просителемъ, инквизиція прежде всего навела справки о Савицкомъ; братья его ордена дали о немъ наилучшій отзывъ; это дало смѣлость инквизиціи избавиться отъ докучливаго просителя, не возлагая на себя никакой отвѣтственности: Савицкому дали знать, что всѣ эти вопросы предоставляется рѣшить ему самому на основаніи каноническихъ постановленій и своей совѣсти. Но Димитрій не давалъ инквизиціи покоя; прошло нѣсколько мѣсяцевъ — и въ началѣ 1606 года новыя просьбы приходятъ въ Римъ, на этотъ разъ уже касательно Марины, по тѣмъ самымъ вопросамъ, о которыхъ шла въ свое время рѣчь у Рангони съ Бучинскимъ. Долго обсуждало эти вопросы святое судилище, и наконецъ отвѣтило царю рѣшительнымъ отказомъ; инквизиція не оказалась ни настолько же любезна, какъ царь, ни настолько же вѣротерпима, какъ русскіе епископы, согласившіеся на бракъ Димитрія съ Мариной.

Резюмируя эту главу своего труда, отецъ Пирлингъ замѣчаетъ, что общее направленіе папской политики по отношенію къ Димитрію хорошо видно изъ хода этихъ переговоровъ: поддерживая добрыя отношенія съ Москвой, питая самыя свѣтлыя надежды на счетъ ея царя, папство, однако, не поступалось своимъ долгомъ, не желало дѣлать уступокъ, какихъ не могло сдѣлать. Такой характеръ папской политики замѣчается нами и прежде и послѣ; перефразируя осторожную] характеристику отца Пирлинга, мы приходимъ къ тому опредѣленію папской политики, которое уже давно установилось въ исторической литературѣ: это — политика эгоизма, требующая всевозможныхъ услугъ и жертвъ въ свою пользу, не желающая чѣмъ либо поступиться въ пользу другихъ.

IX.

Почти тотчасъ же послѣ царскаго вѣнчанія Димитрія завязались оживленныя сношенія между Кремлемъ и Краковомъ; теперь Сигизмундъ могъ, не опасаясь упрековъ въ созданіи войны, выказать свои симпатіи къ сыну Грознаго и потребовать за эти симпатіи расплаты. Для начала сношеній Сигизмундъ избралъ старосту велижскаго, Александра Корвинъ-Гонсѣвскаго—человѣка, игравшаго впослѣдствіи видную роль въ исторіи нашей смуты, къ сожалѣнію, болѣе воина, чѣмъ дипломата; порученіе его, заключавшееся, помимо обычныхъ поздравленій по поводу вѣнчанія, въ установленіи плана общихъ дѣйствій противъ Швеціи, кончилось, быть можетъ, даже отчасти благодаря его дипломатической неспособности, далеко не такъ, какъ хотѣлось бы королю.

Гонсѣвскій началъ съ неловкости: онъ принялся разсказывать Димитрію, что въ Польшѣ ходитъ слухъ, будто Годуновъ живъ и укрылся въ Англіи: польскій король обѣщалъ принять всѣ отъ него зависѣвшія мѣры, чтобы не пропустить Бориса на Русь. Хитрость была шита бѣлыми нитками: Сигизмундъ хотѣлъ запугать Димитрія и сдѣлать его сговорчивѣе, но неудачно: разсыпавшись предъ Гонсѣвскимъ въ изъявленіяхъ благодарности королю, царь привелъ ему доказательства несомнѣнной смерти Годунова. Послѣ этого неудачнаго вступленія, Гонсѣвскій приступилъ къ дѣлу. Въ это время въ Швеціи воцарился съ нарушеніемъ правъ своего племянника дядя Сигизмунда, герцогъ Зюдерманландскій, подъ именемъ Карла IX [1]); между Польшей и Швеціей шла война; и та и другая держава стремилась привлечь Москву на свою сторону, и Сигизмундъ спѣшилъ предупредить своего соперника. Димитрій могъ бы продолжать политику Бориса, умѣвшаго ловко лавировать

[1]) Не совсѣмъ понятно, почему отецъ Пирлингъ называетъ Сигизмунда дядей, а Карла IX—племянникомъ.

между враждебными державами, не связывая себя никакими обязательствами по отношенію къ одной изъ нихъ, но, къ сожалѣнію, ему приходилось склоняться въ этомъ дѣлѣ, хотя бы на словахъ, на сторону Польши: у Сигизмунда было вѣрное оружіе противъ царя, онъ могъ не отпустить Марину въ Москву—и, пока царица его сердца находилась въ Польшѣ, Димитрій поневолѣ долженъ былъ угождать королю; Гонсѣвскій уѣхалъ изъ Москвы, унося убѣжденіе въ неизмѣнной дружбѣ московскаго государя къ Сигизмунду.

Царю Димитрію не терпѣлось видѣть Марину въ Кремлѣ; едва надѣлъ онъ на себя шапку Мономаха, въ Краковъ отправилось его посольство съ дьякомъ Аѳанасіемъ Власьевымъ во главѣ, для заключенія брака между царемъ и дочерью воеводы Сандомирскаго; посольство это обставлено было съ неслыханною роскошью, долженствовавшей внушить полякамъ высокое представленіе о богатствѣ и могуществѣ Россіи. 11-го ноября (нов. ст.) 1605 года посольство прибыло въ Краковъ, въ тотъ же день царскіе подарки поднесены были Мнишку, роскошью своей возбуждая изумленіе и зависть другихъ магнатовъ. Черезъ недѣлю Власьевъ, московскими своими манерами привлекавшій къ себѣ насмѣшливое вниманіе поляковъ, получилъ аудіенцію у короля: главнымъ предметомъ переговоровъ былъ царскій бракъ, Сигизмундъ благосклонно изъявилъ на него свое согласіе.

29-го ноября въ присутствіи короля, членовъ его семьи и представителей высшаго общества совершена была епископомъ краковскимъ, кардиналомъ Мацеіовскимъ брачная церемонія. Красавица Марина въ бѣломъ платьѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями, съ распущенными чудными волосами привлекала всеобщее вниманіе, особенно благодаря контрасту съ Власьевымъ, представлявшимъ особу жениха: крупное великорусское лицо, неловкія манеры, парчевый кафтанъ московскаго покроя — все это казалось такимъ необычнымъ и такимъ смѣшнымъ всѣмъ свидѣтелямъ церемоніи!

Торжество открыто было цвѣтистыми рѣчами; особенно блисталъ своимъ краснорѣчіемъ Сапѣга—онъ, не такъ давно клеймившій самозванца злыми упреками, теперь превозносилъ свѣтлѣйшаго государя московскаго и его мудрое рѣшеніе... Когда начался обрядъ вѣнчанія, опять вниманіе всѣхъ присутствующихъ обратилось на Власьева: больно страннымъ казалось все его поведеніе, дѣйствительно непонятное незнакомымъ съ тѣмъ отношеніемъ къ царю, его власти и чести, какое существовало на святой Руси. На вопросъ кардинала, не связанъ ли царь брачнымъ обѣтомъ съ другой женщиной, Власьевъ простодушно заявилъ, что это ему неизвѣстно; съ трудомъ удалось положить конецъ неожиданному инциденту, добившись отъ посла уклончиваго отвѣта, что если бы Димитрій былъ уже женатъ, то и его, Власьева, сюда не послалъ бы.

Не осмѣливаясь прикоснуться къ будущей своей царицѣ, онъ подавалъ ей руку не иначе, какъ обернувъ ее платкомъ, а когда обмѣнялись кольцами, первой его заботой было осторожно спрятать свой перстень въ футляръ и немедленно же, съ заранѣе приготовленнымъ курьеромъ отослать его въ Москву. По окончаніи вѣнчанія и Власьевъ, и другіе русскіе пали ницъ предъ новой царицей.

Роскошный свадебный пиръ происходилъ тоже въ присутствіи короля; великолѣпное убранство стола соперничало съ блескомъ одѣяній пировавшихъ; говорились рѣчи, возглашались тосты; первый кубокъ за здравіе молодой царицы поднялъ самъ король, вставъ при этомъ и снявъ шляпу; за нимъ другіе ораторы въ лестныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ пили за царя и царицу, за ея родню, за короля, за дружбу Москвы и Польши... Власьевъ опять оказался на удивленіе строгимъ блюстителемъ этикета: лишь силой удалось посадить его рядомъ съ царицей; несмотря на всѣ просьбы короля, онъ такъ и не прикоснулся къ кушаньямъ; когда начались здравицы, и стало раздаваться имя Димитрія, Власьевъ при каждомъ упоминаніи государя кланялся земно.

За пиромъ—блестящій балъ; самъ король въ парѣ съ молодой царицей открылъ его; въ концѣ торжества, уже поздно вечеромъ, Марина и отецъ ея, бросившись на колѣни предъ Сигизмундомъ, благодарили его за всѣ оказанныя имъ милости (москвичи остались недовольны такимъ униженіемъ своей царицы); король напутствовалъ ее въ новую жизнь отеческимъ прощаніемъ, напоминая ей, что ей судьбою предназначено быть связующимъ звеномъ между Россіей и Польшей. Съ наступленіемъ ночи начался разъѣздъ; вслѣдъ за королемъ уѣхалъ и Власьевъ съ товарищи; были изъ поляковъ злые языки, утверждавшіе, что не всѣ москвичи шли по домамъ прямо и твердо, но навѣрно и не всѣ поляки видѣли въ этотъ вечеръ окружающее въ настоящемъ свѣтѣ.

Краковское торжество нашло себѣ громкій отголосокъ въ Римѣ; наилучшихъ послѣдствій для католицизма ждали здѣсь отъ этого брака.

Всякая картина, говорятъ, неизбѣжно должна сочетать въ себѣ и свѣтъ и тѣни; не остались безъ тѣней и ноябрьскіе дни въ Краковѣ, мрачными полосами залегли они на свѣтломъ, улыбавшемся будущемъ московскаго царя. Одновременно съ Власьевымъ въ Краковѣ былъ одинъ изъ наиболѣе довѣренныхъ приближенныхъ Димитрія, Янъ Бучинскій. Вращаясь гораздо свободнѣе, чѣмъ его русскій товарищъ, въ польскомъ обществѣ, Бучинскій скоро замѣтилъ кое-какіе тревожные признаки; въ Кремлѣ были предатели, сообщавшіе въ Краковъ важнѣйшіе секреты московской политики, и поляки, видя, что Димитрій совсѣмъ не желаетъ играть роль послушнаго орудія въ ихъ рукахъ, начинаютъ къ нему относиться недоброжелательно. Ходилъ даже въ Польшѣ слухъ, что царь—не

сынъ Грознаго, а самозванецъ; слухъ этотъ пущенъ былъ въ ходъ московскими же людьми; даже официальное лицо, гонецъ Димитрія, Иванъ Безобразовъ, какъ мы теперь это узнаемъ, жаловался магнатамъ отъ лица бояръ Шуйскихъ и Голицыныхъ, что русскимъ не по душѣ присланный изъ Польши самозванецъ; съ нимъ бояре думаютъ раздѣлаться и посадить на престолъ королевича Владислава.

Можетъ быть, эта перспектива, а, можетъ быть, и знаніе того, чего мы теперь не знаемъ, заставило Сигизмунда сознаться въ томъ, что уже въ моментъ свадьбы московскаго царя между королемъ и боярами шли тайные переговоры; признаніе это было сдѣлано въ 1608 году преемнику Рангони, нунцію Симонетта.

Король тѣмъ свободнѣе могъ вступить въ такія сношенія, что почти тотчасъ по отъѣздѣ Марины отношенія его къ Димитрію обострились; царь не желалъ и слышать ни о борьбѣ съ Швеціей ради династическихъ интересовъ Сигизмунда, ни объ уступкѣ ему громаднаго количества земель, король въ свою очередь не хотѣлъ почтить царя пышнымъ титуломъ, который принялъ Димитрій. Послѣдній, видя охлажденіе польскаго двора, смѣло шелъ ему на встрѣчу, не дѣлая ровно ничего для поправки отношеній; объясненія такому странному поведенію московскаго государя надо искать въ исторіи внутреннихъ дѣлъ Польши. Въ то время значительная часть польской шляхты подняла «рокошъ» противъ короля, недовольная его правленіемъ; во главѣ мятежа стоялъ тотъ самый Зебжидовскій, который принялъ такое горячее участіе въ московскомъ царевичѣ; онъ вспомнилъ теперь о Димитріи, и вотъ мы стоимъ лицомъ къ лицу со страннымъ, изумительнымъ положеніемъ вещей: въ то время какъ бояре предлагаютъ Мономаховъ вѣнецъ Сигизмунду, польская шляхта мечтаетъ посадить на престолъ Ягеллоновъ Димитрія. Понятно, что послѣдній, видя отсюда слабость польскаго короля, и позволялъ себѣ говорить съ нимъ твердо и рѣзко.

X.

Не долго пришлось Димитрію царствовать на Москвѣ, но весело, разгульно поцарствовалъ онъ; мрачно-спокойный Кремль преобразился, громъ музыки, веселый шумъ пировъ оглашали его; суровое, величественное жилище московскихъ государей плохо гармонировало съ этимъ веселымъ бездѣльемъ, и Димитрій поспѣшилъ себѣ выстроить новый дворецъ, деревянный, наскоро воздвигнутый, но блиставшій роскошью и богатствомъ; здѣсь, окруженный своими любимцами, окруженный всякими нехристями, пировалъ царь; изъ этого же охраняемаго наемными иноземцами-тѣлохранителями дворца правилъ онъ землей Русской.

Слишкомъ кратковременно было царствованіе Димитрія, слишкомъ легкомысленъ былъ онъ для того, чтобъ сдѣлать что либо глубокое и прочное, но кое-что удалось ему все же сдѣлать; тѣ коренныя реформы, о которыхъ мечталъ онъ вмѣстѣ съ іезуитами, реформа церкви, насажденіе просвѣщенія, разумѣется, такъ и остались въ области благихъ пожеланій, но нѣкоторыя подробности управленія подверглись передѣлкѣ: такъ преобразована была госу-

Димитрій Самозванецъ.

Съ портрета, находящагося въ Московскомъ историческомъ музеѣ.

дарева дума, обращенная въ нѣкоторое подобіе польскаго сената, улучшена была, или, по крайней мѣрѣ, должна была быть улучшена система взиманія податей, сдѣланы были попытки ограниченія дѣйствія кабальныхъ записей; но въ чемъ царь проявилъ особенно энергичную дѣятельность, къ чему онъ питалъ особенныя симпатіи — это къ военному дѣлу. Всякое московское правительство должно было всегда быть наготовѣ, чтобы съ любой стороны встрѣтить врага—границы земли Русской вездѣ были открыты, лишены

естественной защиты; но не столько необходимость обороны, какъ мечты о борьбѣ съ мусульманствомъ заставляли Димитрія цѣлыми днями обучать солдатъ военному дѣлу, выписывая для этого изъ-за границы инструкторовъ, живо интересоваться работой пушечно-литейнаго завода, строить громадный гуляй-городъ и украшать его стѣны изображеніями чертей и всякихъ чудищъ къ великому соблазну народу. Заботился царь и о развитіи торговыхъ сношеній, видя и въ этомъ одинъ изъ залоговъ могущества своей державы.

Но далеко не только дѣлами занимались въ Кремлѣ; немало времени отводилось и бездѣлью: пиры, охота были любимымъ времяпровожденіемъ Димитрія, поговаривали потихоньку и о чрезмѣрной слабости сердца царя; послѣдній слухъ пущенъ былъ настолько широко, что дошелъ до старика Мнишка, и тотъ, справедливо возмущенный, осыпаетъ Димитрія упреками, требуя отъ него между прочимъ удаленія изъ Кремля несчастной Ксеніи Годуновой.

Требованіе Мнишка было исполнено, вообще Димитрій старался быть почтительнымъ зятемъ, ему хотѣлось скорѣе видѣть Марину въ стѣнахъ Кремля.

А Мнишекъ, словно нарочно, медлилъ съ отъѣздомъ въ Россію, медлилъ настолько, что ясно было всѣмъ, что старикъ медлитъ именно для того, чтобы медлить; такое его поведеніе возбуждало и нынѣ возбуждаетъ справедливое недоумѣніе; отецъ Пирлингъ открываетъ намъ причину проволочекъ: Мнишекъ не хотѣлъ ѣхать въ Москву, не получивъ опредѣленнаго отвѣта отъ инквизиціи по поводу тѣхъ послабленій, какія Димитрій просилъ для Марины. Наконецъ дольше откладывать отъѣздъ становилось неудобнымъ. 2-го марта (нов. ст.) 1606 года будущая царица и ея отецъ, окруженные громадной свитой, имѣя въ числѣ спутниковъ и лицъ духовныхъ, и шляхтичей, и ихъ слугъ — народъ, по большей части, отпѣтый—двинулись въ путь, но двинулись настолько медленно, что сопровождавшій ихъ Власьевъ чуть не ссорился съ сандомирскимъ воеводой. Наконецъ въ началѣ апрѣля путешественники переступили русскій рубежъ; многимъ изъ нихъ не суждено уже было возвратиться въ Польшу, многіе увидятъ родную землю, лишь выстрадавъ много.

Мрачно и непривѣтливо приняла пришельцевъ Русская земля: унылыя, однообразныя лѣсныя картины затянуты были туманной сѣткой снѣга или дождя, плохія, да вдобавокъ совсѣмъ размытыя дороги причиняли немало хлопотъ и затрудненій. Въ Лубно, не доѣзжая до Смоленска, торжественная встрѣча ждала путниковъ. Михайло Нагой и князь Мосальскій привѣтствовали ихъ отъ имени царя. При въѣздѣ въ Смоленскъ—новыя торжества.

Въ Можайскѣ Савицкій посѣтилъ одинъ изъ монастырей и пораженъ былъ тою жизнью бражниковъ и гулякъ, какую вели монахи; дѣйствительно, наше монашество того времени далеко было

отъ аскетическаго идеала, но, вѣроятно, не въ одномъ католическомъ монастырѣ Савицкій могъ встрѣтить что либо подобное, а то и хуже [1]).

Пока Марина медленно, съ остановками двигалась къ Москвѣ, отецъ ея былъ уже тамъ, поспѣшивъ впередъ, чтобъ увѣдомить царя о предстоящемъ прибытіи его невѣсты. Для ея встрѣчи сдѣланы были великолѣпныя приготовленія, роскошный лагерный городокъ выросъ у воротъ столицы, здѣсь Марина могла отдохнуть отъ долгаго и утомительнаго пути, приготовляясь къ торжественному въѣзду. Женщина глубоко религіозная, постомъ и исповѣдью готовилась она къ этому важному событію.

2-го мая (12-е по нов. стилю) будущая царица вступила въ Москву; на всѣхъ свидѣтелей глубокое впечатлѣніе производила красота молодой дѣвушки, трогалъ ихъ тотъ восторгъ и ликованіе, которыми народъ встрѣчалъ невѣсту своего царя; казалось, ей суждено было сдѣлаться ангеломъ-примирителемъ Россіи и Польши. Кортежъ остановился у Вознесенскаго монастыря; здѣсь, въ жилищѣ будущей свекрови своей, Марина должна была провести нѣсколько дней, предшествовавшихъ браку и коронованію, подъ предлогомъ наставленія въ догматахъ вѣры православной.

На слѣдующій день царь принималъ въ Грановитой палатѣ спутниковъ Марины, а также королевскихъ пословъ, Олесницкаго и Гонсѣвскаго, явившихся представителями Сигизмунда при кремлевскихъ торжествахъ; съ этими послами — благодаря гордости царя, его претензіямъ на императорскій титулъ и благодаря упорству и мелочности Олесницкаго—у Димитрія едва не вышло размолвки; лишь нежеланіе скандала въ самый моментъ брачныхъ торжествъ заставило царя сдержаться и уступить.

Строго говоря, бракъ Димитрія и Марины уже былъ совершенъ, католическая церковь не требовала повторенія церемоніи, хотя и допускала его; Димитрію хотѣлось окружить царицу возможно большимъ блескомъ и роскошью, можетъ быть, являлась необходимость, ради подданныхъ, совершить православное бракосочетаніе,— такъ или иначе вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Былъ и еще одинъ мотивъ, побуждавшій царя къ этому шагу; для него не являлось тайной то неодобреніе, съ какимъ московскіе люди относились къ его женитьбѣ на иновѣркѣ: лиш-

---

[1]) Вспомнимъ «Циммерскую хронику», гдѣ женскій монастырь прямо названъ «публичнымъ домомъ знати»; или же Гейлеръ-фонъ-Кейзерсбергъ говоритъ о монастыряхъ, какъ о «гнѣздахъ мерзкаго распутства», говоря, что лица, дѣлающіяся монахами и монахинями, будутъ въ свое время развратниками и публичными женщинами; вспомнимъ тѣ свидѣтельства о поголовномъ пьянствѣ нѣмецкихъ монаховъ, которыя такъ обильны для XVI вѣка, — и должны будемъ сознаться, что отецъ Савицкій, замѣчая сучекъ въ глазу брата, не видѣлъ бревна въ своемъ.

ній разъ показавъ народу Марину въ православномъ храмѣ, при православномъ богослуженіи, Димитрій могъ надѣяться смягчить это неудовольствіе москвичей.

Вмѣстѣ съ бракосочетаніемъ должно было состояться также и царское вѣнчаніе Марины; здѣсь тоже являлись соображенія, требовавшія безотлагательнаго совершенія этого акта. Въ средѣ московскаго духовенства, правда, лишь немногіе—Гермогенъ Казанскій и Іоасафъ Коломенскій [1]) — требовали непремѣннаго крещенія Марины, но даже и болѣе либеральные склонялись къ тому, чтобы совершить надъ ней таинство миропомазанія; непреклонность Марины ея нежеланіе итти на какія либо уступки лишали Димитрія возможности выйти изъ затрудненія, и здѣсь очень кстати приходилось коронованіе, во время коего тоже совершается помазаніе св. миромъ; во избѣжаніе скандала, для отвода глазъ, что называется, это было превосходнымъ случаемъ, и за него крѣпко ухватился царь.

8-го мая, подъ Николинъ день, бѣлокаменная, златоглавая Москва гудѣла колокольнымъ звономъ; толпы народа наполняли Кремль, тѣснились въ соборахъ; доступъ въ Успенской соборъ, къ великому соблазну и неудовольствію русскихъ, открытъ былъ въ этотъ день и латинскимъ нехристямъ; блестящее шествіе царя и Марины привлекло всеобщее напряженное вниманіе. Вѣнчаніе брачное и вѣнчаніе царское совершено было по чину; одно лишь произвело на духовенство и на зрителей тяжелое впечатлѣніе — это отказъ Марины, а за ней и Димитрія, причаститься; фанатичка католицизма осталась вѣрна себѣ.

Пиръ въ царскихъ палатахъ завершилъ этотъ день; и здѣсь не все прошло гладко: польскіе послы требовали, чтобъ ихъ посадили за царскій столъ; получивъ рѣшительный отказъ, они не явились на пиръ. Но и безъ нихъ время прошло очень весело, когда кончился чинный царскій столъ, москвичи разъѣхались, и царь остался одинъ съ поляками, онъ далъ волю самому разгульному веселью; далеко за полночь затянулась пирушка и танцы.

На слѣдующій день Марина не въ русскомъ платьѣ, какъ наканунѣ, а въ польскомъ одѣяніи, принимала поздравленія своихъ подданныхъ, а затѣмъ присутствовала на новомъ пиру; на этотъ разъ и польскіе послы соблаговолили явиться, найденъ былъ выходъ изъ ихъ труднаго положенія: для Олесницкаго поставленъ былъ небольшой столъ рядомъ съ царскимъ мѣстомъ: выходило, что онъ сидитъ не за общимъ столомъ, а имѣетъ мѣсто рядомъ съ царемъ, и въ то же время не попалъ онъ за столъ самодержца московскаго; этотъ хитроумный планъ изобрѣтенъ былъ старикомъ Мнишкомъ къ обоюдному удовольствію и пословъ, и царя.

Но вообще Димитрій, получившій теперь отъ поляковъ все,

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ — Іосифъ.

что ему было отъ нихъ нужно, считалъ для себя лишнимъ особенно церемониться съ ними: черезъ нѣсколько дней, во время одного праздчества, царь заявилъ Олесницкому, что на тотъ день не будетъ ни государя, ни посланника; Олесницкій повѣрилъ, нисколько не чинился, уступалъ первыя мѣста, но зато и самъ пошелъ танцовать, не снявъ шляпы; Димитрію это не понравилось, и онъ послалъ сказать поляку, что если у него шляпа не снимается, то

Марина Мнишекъ.
Съ портрета, находящагося въ Московскомъ историческомъ музеѣ.

онъ ее сниметъ вмѣстѣ съ головой; бѣдному Олесницкому пришлось покориться, при чемъ онъ съ грустью подумалъ, что если посолъ и пересталъ быть посломъ, то царь остался царемъ.

И не подозрѣвалъ никто, что кончится пиръ ихъ бѣдою.

XI.

Уже давно можно было предвидѣть движеніе, направленное противъ Димитрія; его странное поведеніе, его западныя симпатіи возстановляли противъ него народъ, боярство съ Шуйскимъ во главѣ

съ самаго начала принялось орудовать противъ государя: самозванецъ ли, или сынъ Грознаго — онъ былъ неоспоримо подлиннымъ Димитріемъ для бояръ, пока живъ былъ Годуновъ, пока надо было съ нимъ бороться; гибель Годуновыхъ является одновременно гибелью и Димитрія: теперь онъ сдѣлалъ все, что отъ него требовалось, онъ—уже сыгравшее свою роль орудіе, орудіе тѣмъ болѣе лишнее, что онъ теперь заграждалъ путь къ престолу для бояръ; самозванецъ ли, или сынъ Грознаго—онъ неминуемо долженъ былъ отнынѣ сдѣлаться для боярства Лжедимитріемъ, долженъ былъ пасть. Вотъ главная, на нашъ взглядъ, причина паденія Димитрія, причина, недостаточно опредѣленно выясненная отцомъ Пирлингомъ.

Лица, окружавшія царя, предчувствовали бурю, сдѣлавшуюся неизбѣжною съ того момента, какъ появились въ Кремлѣ пріѣхавшіе съ Мариной поляки, своимъ поведеніемъ возмущавшіе москвичей; о приближеніи бѣды говорятъ и Лавицкій съ Чировскимъ, и Савицкій, который послѣдній разъ видѣлъ Димитрія за день до катастрофы; но странное дѣло, царь ничего не подозрѣвалъ; больше того, онъ отказывался вѣрить сообщаемымъ ему тревожнымъ свѣдѣніямъ, онъ, словно умышленно, закрывалъ глаза на все, что намекало на готовившееся возстаніе.

Въ ночь съ 16-го на 17-е мая 1606 года снова загудѣли московскіе колокола; но не къ торжеству звалъ ихъ звонъ, а къ грабежу и убійству; толпы народа бѣжали по улицамъ, нападая на дома, занятые поляками; толпы черни ломились въ Кремль, старый измѣнникъ Шуйскій велъ ихъ къ царскому двору. Страшно было пробужденіе «безвременнаго царя»; пока вѣрный его слуга, Басмановъ, умиралъ подъ ударами остервенѣвшихъ враговъ, Димитрій, пробѣгая мимо комнаты Марины, крикнулъ ей, предупреждая объ опасности, а затѣмъ, спасаясь отчаяннымъ прыжкомъ изъ окна, упалъ съ большой высоты и расшибся. Полумертваго, истекающаго кровью подняли его стрѣльцы, разставленные въ Кремлѣ карауломъ, и, послѣ нерѣшительной попытки отстоять царя, выдали его боярамъ: осыпанный проклятіями и оскорбленіями, тщетно пытался онъ увѣрить мятежниковъ въ своей правотѣ [1]); выстрѣлъ Валуева положилъ конецъ его мученіямъ, ножами добили мятежники свою жертву, въ пылу злобы не замѣчая, что терзали уже трупъ.

Только теперь догадались спросить у царицы Мароы, ея ли сына убили: «теперь-то ужъ онъ не мой»—таковъ былъ загадочно-двусмысленный отвѣтъ старицы; толпа удовлетворилась, однако, и такимъ отвѣтомъ; съ крикомъ, съ ругательствами потащили тѣло Димитрія на Красную площадь и бросили его тамъ вмѣстѣ съ тру-

---

[1]) Есть извѣстіе, что бояре убили тѣхъ, кто, не принадлежа къ ихъ партіи, былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Димитрія и слышалъ его предсмертныя рѣчи.

помъ Басманова на поруганіе, страшными посмертными узами связана была ихъ дружба; черезъ нѣсколько дней похоронили ихъ, но даже и въ могилѣ не было Димитрію покоя; тревожные слухи о проявленіяхъ нечистой силы на могилѣ чернокнижника заставили вырыть трупъ несчастнаго самозванца и предать его сожженію; прахомъ зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда «польскій свистунъ» появился; кончилась жизнь Димитрія, но не кончилась смута.

Въ часъ гибели Димитрія страшной опасности подвергались и всѣ тѣ, кто былъ съ нимъ связанъ; Марина спаслась лишь случайно, замѣшавшись въ толпу своихъ фрейлинъ; разсвирѣпѣвшіе бунтовщики искали «злую еретицу», не нашли ея, но самоотверженныя подруги царицы поплатились за нее; многія изъ нихъ подверглись поруганію, всѣ почти были ограблены буквально до рубашки.

Пострадали и бывшіе въ Москвѣ иноземцы; чернь нападала на дома, гдѣ жили поляки, производя настоящій погромъ всюду, куда удавалось ворваться; немало незваныхъ гостей погибло въ этотъ день, жизнью заплативъ за тотъ безчинный разгулъ, которому они такъ легкомысленно предавались; погибъ и ксендзъ Помасскій при совершеніи имъ литургіи. Съ трудомъ удалось боярамъ—руководителямъ движенія, прекратить неистовства расходившейся толпы.

Лишь мѣсяца полтора послѣ катастрофы вѣсти о ней дошли въ Польшу, дошли, понятно, раздутыя и искаженныя; о московскихъ событіяхъ говорили въ толпѣ, сдѣлались они, разумѣется, и предметомъ официальнаго обсужденія; особый интересъ привлекаетъ къ себѣ разговоръ, происходившій по поводу смерти Димитрія между королемъ и венеціанскимъ посланникомъ Фоскарини; въ бесѣдѣ этой король высказалъ свой взглядъ на событіе, и взглядъ странный, удивительный; по мнѣнію Сигизмунда, главная причина бѣды заключалась въ томъ, что Димитрій—самозванецъ. И этого-то самозванца поддерживалъ онъ противъ желанія своего народа, съ этимъ самозванцемъ сносился онъ, какъ равный съ равнымъ! Что же послѣ этого остается думать о политикѣ короля?

Долгое время еще смерть Димитрія подвергалась сомнѣніямъ, особенно долго вѣрили въ ложность дошедшихъ изъ Москвы слуховъ въ Ватиканѣ, лишь въ концѣ сентября пришлось убѣдиться въ томъ, что все, разсказывавшееся про московскую рѣзню,—правда, что погибъ царь Димитрій.

Погибъ царь Димитрій, но недолго оставалась Москва безъ царя; уже 19 мая приверженцы Василія Шуйскаго, всѣ тѣ, кого онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону различными уступками и обѣщаніями, «выкрикнули» его царемъ; царь, созданный одною лишь партіей, царь, интригой вознесенный на престолъ, обагренный кровью его предмѣстника, Шуйскій не долго удержался на немъ и палъ жертвою интриги.

Новому правительству, для того, чтобъ пріобрѣсти нѣкоторую прочность, необходимо было доказать, что правительство предыдущее было несостоятельно, и что потому воцареніе Шуйскаго явилось настоятельной, неизбѣжной потребностью; съ этою цѣлью надо было увѣрить народъ, что погибшій царь—не сынъ Грознаго, а наглый обманщикъ—самозванецъ; для доказательства пущены были въ ходъ всевозможныя средства: грамоты царя, новоизбраннаго патріарха Гермогена и старицы-царицы разносили по всей землѣ Русской вѣсть о гибели еретика и чернокнижника, сквернившаго своимъ присутствіемъ царскій престолъ, врага вѣры православной и русской народности. Понятно, грамоты эти не могли успокоить народъ; и Шуйскій, и старица Мареа изолгались, сегодня утверждали они прямо противоположное тому, что они говорили вчера, и довѣрія къ ихъ словамъ не было, да и быть не могло; вдобавокъ обстоятельства складывались такъ странно, что вообще всякая вѣра народа къ правительственнымъ сообщеніямъ должна была упасть, странное, неподобное что-то творилось на Москвѣ: то царь Борисъ и патріархъ Іовъ осыпаютъ проклятіями названнаго царевича, то этотъ царевичъ вступаетъ на престолъ царя Бориса и объявленъ благочестивѣйшимъ государемъ; затѣмъ изъ благочестивѣйшаго государя снова превращается въ вѣдомаго вора и треклятаго богоотступника, и объявляетъ объ этомъ вѣдомый же плутъ, третьяго дня игравшій крестнымъ цѣлованіемъ, вчера лежавшій на плахѣ, а сегодня—вѣнчанный шапкой Мономаха; было отчего смутиться и потерять довѣріе; а ну, если завтра царь и великій князь Василій Ивановичъ превратится въ скотолѣпнаго вора?

Нужно было что либо болѣе дѣйствительное, чѣмъ царскія грамоты; чисто политической мѣрой является перенесеніе въ Москву мощей царевича Димитрія Углицкаго, пострадавшаго отъ святоубійцы Бориса Годунова, павшаго мученической смертью отъ рукъ убійцъ; такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ теперь царь Василій, 15 лѣтъ назадъ крестнымъ цѣлованіемъ завѣрявшій его самозакланіе. Мощи перенесены въ Москву, чудеса творятся у гроба мученика, и чудо, но въ другомъ родѣ, творится въ то же время на Сѣверской украйнѣ, куда Шуйскій имѣлъ неосторожность — чтобъ не сказать больше — сослать своихъ враговъ; тамъ воскресъ Димитрій, воскресъ уже во второй разъ; живучъ, видно, былъ!

Уже нѣсколько времени въ Польшѣ ходилъ слухъ, будто Димитрію удалось спастись отъ московской рѣзни, будто вмѣсто него убили другого, похожаго на него; называли даже эту несчастную жертву печальной ошибки, это будто бы былъ нѣкто Борковскій; наиболѣе интересовались этими слухами отцы іезуиты, однимъ изъ несомнѣнныхъ центровъ распространенія этой молвы былъ Самборъ.

Одно появленіе въ Польшѣ такихъ вѣстей даетъ право подо-

зрѣвать поляковъ въ томъ, что затѣмъ случилось, тѣмъ болѣе, что различные польскіе авантюристы, въ родѣ Лисовскаго, Рожинскаго, приняли немедленно же самое живое участіе въ борьбѣ воскресшаго Димитрія съ царемъ Василіемъ, но все же главную причину появленія второго самозванца, какъ это справедливо замѣчаетъ отецъ Пирлингъ, слѣдуетъ видѣть въ томъ ужасномъ соціальномъ и политическомъ кризисѣ, который порожденъ еще былъ царствованіемъ Грознаго царя.

Слишкомъ много было смуты на Руси, не могла смута эта сразу улечься, глубокіе корни пустила она въ народѣ; неподвиженъ народъ русскій, трудно его расшевелить, растолкать; но разъ онъ поднялся — мощно его движеніе. Долго мутили народъ бояре своей дворцовой, «верховой» смутой, и замутили наконецъ; и до того замутили, что когда правленіе «шубниковъ» мечтало о спокойствіи, о земскомъ мирѣ и тишинѣ, народная уже смута разразилась на Руси, мутными волнами даже захлестывая ступени престола.

Съ первыми приступами этой общеземской смуты, съ холопскимъ войскомъ Болотникова, царь Василій расправился; но анархія росла неудержимо, и не только на почвѣ указаннаго общественнаго положенія, но и благодаря боярской интригѣ противъ Шуйскаго; среди захватившихъ власть «шубниковъ» началась борьба; и борьба эта, ослаблявшая боярство, была тѣмъ опаснѣе, что воскресшій Димитрій[1]) велъ свои полки на Москву; въ Тушинѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы, раскинулъ онъ свой укрѣпленный лагерь, отсюда повелъ онъ борьбу съ кремлевскимъ правительствомъ.

Въ самомъ началѣ этой борьбы на долю его выпалъ такой успѣхъ, который долженъ былъ помочь его дѣлу болѣе, чѣмъ нѣсколько выигранныхъ сраженій: въ его лагерѣ оказалась Марина.

Сейчасъ же по избраніи, желая во что бы то ни стало поддержать миръ съ поляками, царь Василій отправилъ въ Польшу посломъ князя Волконскаго; отвѣтомъ на это посольство послужила присылка въ Москву Друцкого-Соколинскаго и Витовскаго; имъ удалось лѣтомъ 1608 года заключить съ Россіей перемиріе, на условіи возвращенія въ Польшу всѣхъ задержанныхъ на Москвѣ подданныхъ Рѣчи Посполитой; воспользовавшись этимъ, Олесницкій и Гонсѣвскій и Мнишекъ съ дочерью направились къ предѣламъ родной страны, на дорогѣ панъ Юрій и развѣнчанная царица захвачены были коннымъ отрядомъ Тушинскаго вора, захвачены въ такой обстановкѣ, которая позволяетъ предполагать, что все слу-

---

[1]) Вопросъ о его происхожденіи, о его личности до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ и неразрѣшимымъ.

чилось по взаимному уговору; такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ самъ король Сигизмундъ.

Марина признала вора своимъ, чудесно спасшимся отъ смерти, супругомъ; одни говорятъ, что этотъ позоръ стоилъ ей тяжелой душевной борьбы, что несчастная женщина недалека была отъ самоубійства, другіе, напротивъ, обвиняютъ ее въ честолюбіи, заставившемъ ее охотно забыть всякій стыдъ; какъ бы то ни было, если уже супруга признала Димитрія, то почему же другимъ его не признать? Соглашаясь видѣть въ немъ самборскаго и кремлевскаго Димитрія, Марина оказывала вору громадную услугу; не только въ Россіи, но и въ Польшѣ и даже въ Ватиканѣ, поступокъ ея оживилъ на время надежду увидѣть спасшагося вторично отъ убійцъ царя на московскомъ престолѣ. Лишь тотъ, кто, быть можетъ, сознательно принесъ бѣдную Марину въ жертву ради осуществленія своекорыстныхъ плановъ, лишь Сигизмундъ не былъ введенъ въ обманъ; онъ громко и открыто выражалъ свою увѣренность въ самозванствѣ Димитрія Тушинскаго; иначе онъ и не могъ поступить: готовясь къ завоеванію Россіи, онъ долженъ былъ показать всему свѣту, что человѣкъ, заявляющій о своихъ исключительныхъ правахъ на московскій престолъ, — обманщикъ и воръ.

XII.

Смутное время Московскаго государства является эпохой, когда обстоятельства русской жизни складывались такъ соблазнительно для сосѣдей, что послѣдніе сочли бы со своей стороны преступленіемъ не воспользоваться благопріятною обстановкой. Польша съ самаго начала приняла дѣятельное участіе въ происходившихъ на Москвѣ событіяхъ: сперва Сигизмундъ думалъ подчинить себѣ Русь, посадивъ на ея престолѣ своего ставленника, но Димитрій не долго процарствовалъ, да къ тому же онъ не выказывалъ особой охоты играть въ руку польскому правительству; послѣднему оставался другой исходъ: не покоривъ Московію безъ войны, надо было попытаться хотя бы посредствомъ войны добиться такого результата. Начиная завоеваніе земли Русской, Сигизмундъ тѣмъ скорѣе могъ надѣяться на успѣхъ, что среди московскихъ людей существовала сильная польская партія, желавшая видѣть на престолѣ или короля, или его сына, королевича Владислава, партія эта даже звала Сигизмунда въ Москву.

Какъ ни казалась легка война съ Россіей, какъ ни вѣренъ былъ успѣхъ, все же военныя дѣйствія не могли быть начаты безъ денегъ, а ихъ-то и не было у короля; такъ какъ онъ не надѣялся собрать ихъ въ Польшѣ—большая часть націи попрежнему была противъ войны—онъ рѣшился обратиться за субсидіями къ папѣ,

чрезъ посредство нунція Симонетта, на котораго въ томъ же направленіи дѣйствовала и королева Констанція; личный другъ короля, гофмаршалъ Вольскій не остановился даже предъ поѣздкой въ Римъ, чтобы личными сношеніями добиться отъ святѣйшаго отца денежной помощи. Эти просьбы поставили Ватиканъ въ крайне затруднительное положеніе: прежде всего, папство всегда думало объ обращеніи Россіи, но не желало лишать ее политической самостоятельности; затѣмъ, когда Павелъ V сдался на доводы Сигизмунда, указывавшаго на добровольное призваніе поляковъ въ Кремль и обѣщавшаго привести вопросъ соединенія церквей къ желаемому исходу, все же оказать королю помощь было не легко, папство далеко не было богато, а расходовъ у него было немало; лишь позднѣе, въ 1613 году, королю оказано было незначительное вспомоществованіе, но въ это время борьба уже, строго говоря, рѣшилась, и рѣшилась не въ пользу Сигизмунда.

Подобно папѣ, и Польша не особенно охотно давала королю средства для борьбы, ему пришлось начать войну на свой рискъ и страхъ, на свои личныя средства; передъ этимъ онъ не останавливался, затѣянное имъ предпріятіе, казалось, обѣщало ему вѣрный успѣхъ; дѣйствительно, кто были его противники?—Обманщикъ, не твердо сидѣвшій на престолѣ, самозванецъ, не успѣвшій захватить престолъ; Сигизмундъ, какъ и многіе въ то время, проглядѣлъ, что за царемъ Василіемъ, за воромъ, за боярами польской партіи—за всѣмъ этимъ верхнимъ, наноснымъ слоемъ смуты, стоялъ русскій народъ, привязанный къ прошлому своему, преданный вѣрѣ православной, готовый до послѣдняго бороться съ иноземнымъ и иновѣрнымъ владычествомъ [1]).

Въ сентябрѣ 1609 года близъ Орши поляки перешли московскую границу; туманный, дождливый день внезапно прорѣзанъ былъ яркими солнечными лучами, блескомъ заливавшими колонны польскаго войска; сверкало оружіе и доспѣхи, громкими, радостными криками привѣтствовала армія это счастливое предзнаменованіе.

Если король думалъ, что его вторженіе въ Россію превратится въ тріумфальное шествіе, то самое начало войны должно было принести ему горькое разочарованіе; Смоленскъ оказалъ самое упорное, самое стойкое сопротивленіе полякамъ. На выручку осажденнаго города шла русская армія Димитрія Шуйскаго, въ рядахъ ея подъ начальствомъ Де-ла-Гарди находилось немало шведскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ наемниковъ; противъ нея король

---

[1]) Жаль, что отецъ Пирлингъ въ изложеніи дальнѣйшихъ событій не воспользовался и статьей М. О. Кояловича «Три подъема русскаго народнаго духа... во времена самозванческихъ смутъ» (Христ. Чтеніе, 1880, №№ 3—4); не претендуя на абсолютную самостоятельность, статья эта въ нѣкоторыхъ положеніяхъ и выводахъ представляетъ много интереснаго.

отправилъ лучшаго своего полководца, былого сподвижника Баторія, гетмана Станислава Жолкевскаго, давъ ему опасное порученіе углубиться съ горстью всадниковъ въ непріятельскую страну для борьбы съ превосходными силами Шуйскаго; не было, однакоже, такой задачи, предъ которой бы Жолкевскій отступилъ; смѣло двинулся онъ на востокъ, врасплохъ нагрянулъ при Клушинѣ на московское войско и уничтожилъ его.

Послѣ этого боя положеніе царя Василія сдѣлалось неисходнымъ: съ запада быстро шелъ на Москву клушинскій побѣдитель, съ востока—грозилъ ей воръ, въ самой столицѣ враждебная Шуйскому партія тѣмъ смѣлѣе подняла голову, что войско—единственная опора царя—уже не существовало; черезъ нѣсколько дней послѣ Клушинской битвы государь Василій Ивановичъ сведенъ былъ съ престола и постриженъ въ монахи.

И опять нѣтъ въ Москвѣ царя, но на этотъ разъ вопросъ объ избраніи государя не могъ быть рѣшенъ такъ просто, какъ по смерти Димитрія; Москва находилась теперь подъ сильнымъ давленіемъ извнѣ, да и среди руководителей политическихъ ея дѣлъ не было единомыслія, три партіи обрисовались среди нихъ: одни требовали избранія новаго царя изъ среды боярства, другіе—стояли за вора, третья партія, съ княземъ Мстиславскимъ [1]) во главѣ, обнаруживала опредѣленныя польскія симпатіи; отчасти подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій эта партія взяла верхъ, Москва заключила договоръ съ Жолкевскимъ, польскія войска впущены были въ Кремль, русскіе люди присягнули Владиславу.

Въ концѣ октября 1610 года побѣдитель Жолкевскій торжественно вступалъ въ лагерь Сигизмунда, который съ непостижимымъ упорствомъ терялъ силы, терялъ драгоцѣнное время подъ стѣнами Смоленска; гетманъ спѣшилъ добиться согласія короля на тотъ договоръ, который ему удалось заключить съ московскими людьми. Въ свитѣ гетмана находился и выданный ему бывшими подданными развѣнчанный царь Шуйскій; одинъ изъ соперниковъ Сигизмунда былъ теперь въ его рукахъ.

Вскорѣ судьба избавила короля и отъ другого соперника: подъ ножемъ крещенаго татарина Петра Урусова погибъ въ Калугѣ «царикъ»—такъ звали поляки вора, но смерть его не облегчила Сигизмунду его задачи; скорѣе напротивъ, смерть эта способствовала объединенію русскихъ противъ поляковъ; руки развязаны были у тѣхъ, кто присягалъ Владиславу лишь потому, что боялся торжества вора, кто изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ выбиралъ меньшее; теперь не было уже той опасности, которая многихъ москов-

---

[1]) Князь Мстиславскій еще при Шуйскомъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ поляками: до насъ дошло писанное имъ въ 1609 году письмо «Вельможному гетману, другу и брату» Яну Сапѣгѣ (Сборникъ кн. Хилкова, стр. 71).

скихъ людей толкнула вопреки ихъ симпатіямъ въ польскія объятія. Правда, наконецъ таки послѣ упорной обороны палъ Смоленскъ: истощеніе гарнизона и измѣна помогли королю завладѣть этой неприступной твердыней, но въ то же время обнаружился въ странѣ подъемъ національнаго чувства, грамоты патріарха Гермогена, грамоты Троицкаго монастыря [1]) подняли Ляпунова, создали нижегородское ополченіе; пока Вильна, а затѣмъ Варшава съ торжествомъ встрѣчали короля-побѣдителя, пока сенаторы наконецъ пришли къ сознанію необходимости оказать ему денежное вспомоществованіе, въ это время польскій гарнизонъ въ Кремлѣ умиралъ голодною смертью. Когда Сигизмундъ понялъ, что надо спѣшить подать помощь осажденнымъ, что пора отпустить Владислава въ его столицу, было уже поздно: Струсь въ Москвѣ сдался на милость побѣдителя, земскій соборъ выбралъ на русскій престолъ Михаила Романова.

Положеніе молодого царя было довольно тяжелое: государь разоренной страны, имѣя на рукахъ войну съ Польшей, онъ долженъ былъ еще бороться съ внутреннимъ врагомъ: у Тушинскаго вора остался сынъ отъ Марины, и эта своеобразная «царица», и ея пріятель и покровитель, атаманъ Заруцкій, крѣпко сидѣли въ Астрахани, мутя нижнее Поволжье; выбитые отсюда, бѣжали они на Яикъ и тамъ были пойманы, и съ великимъ береженіемъ привезены въ Москву; скованной плѣнницей увидѣла снова Марина ту Москву, въ которую царицей въѣзжала она лѣтъ шесть назадъ. Заруцкій и малолѣтній воренокъ были казнены, участь несчастной Марины совершенно неизвѣстна: по однимъ свѣдѣніямъ, она умерла въ темницѣ, по другимъ—ее и нѣсколько ея приближенныхъ, въ томъ числѣ ея духовника, бернардинца Антонія, утопили.

Расправа съ этимъ врагомъ много помогла царю Михаилу, давъ ему возможность устремить всѣ силы на борьбу съ Польшей. Сигизмундъ, не понимая, что новый царь держится всенароднымъ сочувствіемъ, не желалъ его признать, хотѣлъ во что бы то ни стало посадить на Кремлевскомъ престолѣ Владислава; сперва онъ пытался добиться своихъ цѣлей безъ войны, прибѣгнувъ къ посредничеству императора Матіаса, затѣмъ, видя, что этимъ путемъ ничего не достигнешь, король рѣшился еще разъ попытать военное счастье. Королевичъ Владиславъ самъ долженъ былъ завоевать свое царство, и, твердо увѣренный въ успѣхѣ, онъ уже вступилъ въ переговоры съ Ватиканомъ, прося разрѣшенія сдѣлать нѣкоторыя уступки религіозному чувству своихъ будущихъ подданныхъ. Но исходъ войны далеко не оправдалъ его ожиданій, русскіе люди

---

[1]) Едва ли правильно отецъ Пирлингъ, да и не онъ одинъ, называетъ Троицкій монастырь въ ту эпоху лаврой: это наименованіе присвоено Сергіеву монастырю лишь указомъ императрицы Елисаветы Петровны отъ 8-го іюня 1744 года.

крѣпко стояли за родину и за царя, попытка овладѣть Москвою открытой силой кончилась неудачей. Все это заставило Владислава начать переговоры, въ концѣ 1618 года въ селѣ Деулино заключено было перемиріе на 14 лѣтъ, оно было необходимо, истощеніе обѣихъ сторонъ требовало его.

Кончилась смута.

XIII.

Послѣдняя глава труда отца Пирлинга представляетъ собою остроумный критическій разборъ главнѣйшихъ свѣдѣній, иноземныхъ и русскихъ, о личности того, кто впервые принялъ на себя имя царя Димитрія; вокругъ этой центральной фигуры перваго періода смуты накопилось немало тумана, разсѣять его и пытается уважаемый ученый, скромно оговариваясь, что рѣшающаго значенія его попытка не претендуетъ имѣть.

Кто былъ первый Лжедимитрій?—вотъ роковой, неразрѣшимый вопросъ, надъ которымъ останавливались лучшія критическія силы науки русской исторіи, останавливались, подвергая мелочному анализу всякую частность, всякое бѣглое упоминаніе—и не приходя къ конечнымъ результатамъ; и все же попытки эти не остались безплодны: онѣ расчистили путь дальнѣйшимъ работникамъ, предостерегли ихъ отъ многихъ ошибокъ и увлеченій; работа отца Пирлинга въ этомъ отношеніи легче, чѣмъ работа его предшественниковъ, и въ то же время—богаче ея: ему доступны и извѣстны такіе источники, о какихъ и не знали, и мечтать не могли историки, стоявшіе въ иныхъ, нежели онъ, условіяхъ.

Разрѣшеніе вопроса о личности царя Димитрія отецъ Пирлингъ предполагаетъ возможнымъ лишь въ видѣ отвѣта на два отдѣльные вопроса: былъ ли царь Димитрій дѣйствительно сынъ Грознаго или нѣтъ, и затѣмъ, если онъ былъ самозванецъ, то кто именно взялъ на себя роль воскресшаго царевича? Въ такомъ порядкѣ и ведется разсужденіе.

Всѣ свидѣтельства о тожествѣ Димитрія Углицкаго и Димитрія Самборскаго, по мнѣнію отца Пирлинга, основаны на томъ разсказѣ самого царевича, въ которомъ онъ излагалъ сперва Адаму Вишневецкому, затѣмъ Мнишку, королю и самому папѣ подробности своего спасенія и своей жизни до того момента, какъ обнаружилось, что подъ рясой монаха и подъ одеждой слуги скрывается царевичъ; разсказъ этотъ настолько изобилуетъ самыми невѣроятными подробностями, въ немъ столько внутреннихъ противорѣчій и явной лжи, что для насъ очевиднымъ становится, что лицо, опиравшееся на такіе доводы, и не бывшее въ состояніи привести что либо болѣе серіозное въ свою пользу,—дѣйствительно самозванецъ, обманщикъ. Существуетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли Димитрій опирался на этотъ именно разсказъ (Костомаровъ: «Кто былъ первый Лжедимитрій?»,

стр. 35, 36); отецъ Пирлингъ довольно убѣдительно показываетъ намъ, что и королю, и папѣ представлена была именно эта намъ извѣстная, невѣроподобная версія [1]). Помимо внутреннихъ противорѣчій, разсказъ этотъ уже потому не можетъ считаться извѣстіемъ вполнѣ безпристрастнымъ, что вѣдь здѣсь самъ Димитрій говоритъ о себѣ; гдѣ же гарантія необходимаго безпристрастія? Наконецъ нѣкоторыя частности разсказа показываютъ отцу Пирлингу, что не сынъ Грознаго составилъ его; такъ мы видимъ здѣсь рѣзкое осужденіе внутренней политики царя Ивана, его тиранствъ; сынъ не писалъ бы въ такомъ тонѣ, сынъ прошелъ бы молчаніемъ этотъ щекотливый вопросъ (хотя для пріобрѣтенія польскихъ симпатій даже подлинный сынъ Грознаго долженъ былъ стараться показать, что онъ не сочувствуетъ политикѣ своего отца).

Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, какія заключаются въ бесѣдѣ съ Вишневецкимъ, Димитрій никогда не приводилъ никакихъ иныхъ доказательствъ своего царственнаго происхожденія—очевидно, ихъ у него и не было; даже лицо, наиболѣе тѣсно съ нимъ связанное—Мнишекъ, всякій разъ, какъ ему приходится доказывать подлинность своего зятя, какъ потомка Рюрика, не приводитъ другихъ аргументовъ; и русскимъ, находясь у нихъ въ плѣну, и полякамъ на сеймѣ 1611 года онъ разсказываетъ все ту же исторію, прибавляя при этомъ, когда отъ него требовали чего либо болѣе существеннаго, что въ царственномъ происхожденіи Димитрія ручается та поддержка, какую онъ встрѣтилъ въ Польшѣ, тотъ восторженный пріемъ, какой ему былъ оказанъ въ Россіи.

Итакъ надо сознаться, что нѣтъ достаточныхъ доказательствъ царственнаго происхожденія Димитрія. Но если онъ не царевичъ, если онъ самозванецъ, то кто же онъ былъ?

Что касается до происхожденія самозванца, то этотъ вопросъ рѣшается достаточно твердо; человѣкъ, называвшій себя царевичемъ Димитріемъ, былъ неоспоримо человѣкъ московскій, великоруссъ [2]); это явствуетъ не изъ гаданій, не изъ произвольныхъ построеній, а точно доказано филологической критикой на основаніи изданнаго самимъ же отцомъ Пирлингомъ собственноручнаго письма Димитрія къ папѣ Клименту VIII; другое мнѣніе не можетъ быть

---

[1]) Одно лишь въ разсужденіяхъ отца Пирлинга возбудило наше недоумѣніе: онъ ссылается, въ видѣ доказательства того, что король зналъ дѣло именно въ сказочномъ, неправдоподобномъ объясненіи, на его циркулярное увѣдомленіе сенаторовъ о появленіи царевича; мы знаемъ, насколько двулична была политика короля именно въ отношеніи сенаторовъ по этому вопросу,—можно ли считать это его заявленіе людямъ, которыхъ онъ обманывалъ, за серіозный, вѣскій аргументъ?

[2]) С. Л. Пташицкій: «Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII»; С. Ѳ. Платоновъ: «Очерки по исторіи Смуты», изд. 1-ое, стр. 251; «Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени», стр. 35, 47, 48 и др.

здѣсь допущено. Отецъ Пирлингъ идетъ далѣе, пытаясь разгадать соціальное положеніе самозванца: его знаніе монашеской жизни въ мелочныхъ ея подробностяхъ, его далеко не объективное къ ней отношеніе, знаніе и пониманіе важнаго значенія патріаршества въ государственномъ строѣ земли Русской—все это позволяетъ изслѣдователю установить точки соприкосновенія между русскимъ иночествомъ и личностью самозванца.

Когда разнеслась по Руси вѣсть о появленіи самозванца, правительство царя Бориса произвело разслѣдованіе о личности его и пришло къ заключенію, что имя Димитрія принялъ на себя бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, скрывшійся съ Москвы въ сообществѣ съ двумя [1]) другими иноками, Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Существовало и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что царь Борисъ ухватился за первое попавшееся ему имя; по мнѣнію отца Пирлинга, это не такъ: посольство Смирного-Отрепьева, а не кого другого, то обстоятельство, что царь Борисъ никогда не пытался назвать иного имени, кромѣ Гришки [2]),—все это показываетъ, что свѣдѣнія, полученныя правительствомъ Годунова, были не лишены вѣроподобія. Къ тому же заключенію приводитъ насъ и извѣстный «Извѣтъ старца Варлаама». Что же это за «Извѣтъ»?

Памятникъ этотъ представляетъ собою офиціальное донесеніе одного изъ спутниковъ Гришки, шагъ за шагомъ слѣдящее его приключенія, начиная съ бѣгства въ Польшу; данныя этого донесенія вполнѣ согласуются съ разсказомъ Гришки Вишневецкому, здѣсь намѣчены тѣ же пункты скитанія и остановокъ Гришки и его товарищей въ Польшѣ; правдивость разсказа Варлаама—хотя въ одномъ лишь пунктѣ—подтверждается Мнишкомъ, который упоминаетъ о казни московскаго эмиссара—Пыхачева, по словамъ Варлаама—въ письмѣ къ Рангони.

Не скроемъ, что для насъ разсужденія отца Пирлинга, старающагося доказать важность и правдивость «Извѣта», не кажутся удобопріемлемыми; прежде всего мы оговоримся, что здѣсь мы можемъ опереться на такіе авторитеты, какъ покойные К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [3]) и Н. И. Костомаровъ [4]), и какъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ [5]); они, особенно послѣдніе два, указали на цѣлый рядъ несообразностей въ «Извѣтѣ», на разлитой въ немъ духъ партійности, на то, что «Извѣтъ» повторяетъ лишь офиціальныя русскія свѣдѣнія, и при этомъ—съ ихъ ошибками; можемъ отъ себя при-

---

[1]) А не тремя? Ср. Р. Ист. Библ., XIII, 21.

[2]) Хорошо было бы, еслибъ царь Борисъ каждый день придумывалъ новое имя самозванцу! И такъ-то ужъ ему мало давали вѣры.

[3]) «Письма о Смутномъ времени», стр. 32.

[4]) «Кто былъ первый Лжедимитрій?», стр. 20—24.

[5]) «Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени», стр. 10, 11.

бавить одну-двѣ мелочи, показывающія наличность внутреннихъ противорѣчій въ памятникѣ и вѣроятность офиціальнаго его происхожденія: въ началѣ Варлаамъ говоритъ, что ѣхалъ онъ съ Гришкой изъ Россіи въ сопровожденіи еще одного чернеца, а десятка два строкъ ниже приводитъ, не сгладивъ несообразности, слова кіевопечерскаго архимандрита Елисѣя, выпроваживавшаго изъ монастыря назойливаго Варлаама: «четыре де васъ пришло, четверо и подите» [1]). Варлаамъ хорошо относится къ Маринѣ, которая его будто бы даже изъ тюрьмы «выкинула» [2]); если вспомнить время написанія «Извѣта»—первые дни царствованія Шуйскаго, и принять во вниманіе, что въ это время царь Василій не на шутку подумывалъ о женитьбѣ на вдовѣ убитаго имъ Димитрія [3]), то, сопоставляя эти два факта, можно думать, что именно офиціальные взгляды на событія отразились въ «Извѣтѣ»; съ какой стати Шуйскіе и Романовы (устами ихъ сторонника, князя Катырева-Ростовскаго) станутъ утверждать то же, что и ихъ врагъ, Годуновъ, если бы это была неправда?—спрашиваетъ отецъ Пирлингъ; убивъ царя Димитрія, могли ли Романовы и Шуйскіе говорить о немъ иначе, чѣмъ Годуновъ, настаивавшій на его самозванствѣ?—отвѣтимъ мы почтенному изслѣдователю.

Отецъ Пирлингъ въ подтвержденіе тожества Димитрія и Отрепьева приводитъ еще и фактъ перемѣны фамиліи Отрепьевыми при царѣ Алексѣѣ; они при этомъ и не думали опровергать самозванство своего, печальной памяти, родственника; но какъ же они могли въ офиціальной просьбѣ итти противъ офиціально установленной версіи?—спорить съ правительственными взглядами имъ было невозможно.

Нельзя также вѣрить и Сапѣгѣ, который, послѣ свиданія съ Смирнымъ, настаиваетъ на самозванствѣ Димитрія, называя его Отрепьевымъ, нельзя потому же, почему отецъ Пирлингъ въ началѣ своего изслѣдованія отказался вѣрить Шуйскому; подобно послѣднему, и Сапѣга въ этомъ дѣлѣ не всегда говорилъ одно и то же.

Такъ, кажется намъ, отцу Пирлингу не въ той мѣрѣ, какъ онъ того желалъ бы, удалось доказать тожество Гришки Отрепьева и царя Димитрія; но зато ему удалось, на нашъ взглядъ, окончательно и безповоротно рѣшить вопросъ о самозванствѣ преемника Годуновыхъ; отнынѣ, пока не появится новаго, совершенно измѣняющаго дѣло матеріала, говорить о подлинности Димитрія не приходится.

Въ послѣднихъ строкахъ своего труда отецъ Пирлингъ кидаетъ намъ новую историческую загадку: самозванство—плодъ соціаль-

---

[1]) Русск. Ист. Библ., томъ XIII, стр. 20, 21.

[2]) Тамъ же, стр. 24.

[3]) Дмитріевскій: «Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи», стр. 189.

ной неурядицы того времени, говоритъ онъ; но кто помогъ этому самозванству развиться такъ успѣшно; кто руководители той интриги, вывѣской которой служилъ Димитрій, руководители, такъ хорошо себя замаскировавшіе; планъ ея — несомнѣнно московскаго происхожденія, несомнѣнно московскіе люди и создали его; но кто же эти люди? Имя готово сорваться съ устъ изслѣдователя, какъ уже сорвалось оно у другого, молодого ученаго, позволившаго себѣ, быть можетъ, слишкомъ опредѣленно высказать свое мнѣніе [1]), но онъ останавливается на полусловѣ, не досказавъ своей мысли.

Будетъ ли она досказана? Надѣемся, что будетъ, и къ этой надеждѣ позволяемъ себѣ присовокупить и другую: быть можетъ, тотъ, кто подарилъ насъ великолѣпнымъ трудомъ о Димитріи, поведетъ насъ и далѣе въ таинственный сумракъ воистину смутнаго времени.

М. П—ій.

[1]) Г. Боцяновскій: «Кто убилъ царевича Димитрія?», «Историческій Вѣстникъ», 1891, май.

НАЧАЛО ЗАВОЕВАНІЯ КОКАНДА.

(Къ 25-лѣтію присоединенія Ферганской области).

ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ 19-го февраля исполнилось 25 лѣтъ со времени присоединенія къ владѣніямъ Россіи такъ называемой Ферганской области, бывшаго Кокандскаго ханства. Въ статьяхъ, появившихся по этому поводу, сообщались весьма интересныя подробности этого завоеванія и приводились обстоятельныя описанія подвиговъ тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали этому завоеванію: покойныхъ генераловъ К. П. фонъ-Кауфмана, М. Д. Скобелева, Г. А. Колпаковскаго, А. К. Абрамова и В. Н. Троцкаго, а равно и находящагося въ живыхъ генерала А. Н. Куропаткина. Къ сожалѣнію, однако, въ этихъ статьяхъ даже не было и упомянуто имя перваго русскаго военачальника, положившаго основаніе, или, вѣрнѣе, начало завоеванію Коканда,—бывшаго оренбургскаго генералъ-губернатора, графа Василія Алексѣевича Перовскаго, предпринявшаго по повелѣнію императора Николая Павловича свой первый походъ въ глубь Кокандскихъ степей, разбившаго кокандцевъ на-голову и взявшаго самую сильную ихъ крѣпость Акъ-Мечеть, переименованную впослѣдствіи по высочайшему повелѣнію въ «Фортъ Перовскій». Тогда же, послѣ этого блистательнаго похода, рѣка Сыръ-Дарья была присоединена къ нашимъ владѣніямъ «на значительномъ ея протяженіи». Въ настоящее время мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ вспомнить объ этомъ, повидимому, забытомъ подвигѣ графа Перовскаго, пользуясь для этого главнымъ образомъ чрезвычайно интересными свѣдѣніями, заключающимися въ

его письмахъ за время кокандскаго похода къ московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову [1]).

Но прежде всего слѣдуетъ ознакомиться хотя вкратцѣ съ тѣми отношеніями, которыя существовали въ это время въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ—между нами и кокандцами, а равно и съ боевыми силами обѣихъ сторонъ, находящимися въ степи.

Такъ какъ послѣ нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Хивою, состоявшихся въ 1842 году [2]), хивинцы хотя и прекратили сами временно нападенія на наши торговые караваны и на кочующихъ въ нашихъ степяхъ киргизовъ, но ни для кого не было тайной, что они подущали на эти непріязненныя намъ дѣйствія сосѣднихъ—съ ними и нами—кокандцевъ, которые подъ защитою нѣсколькихъ своихъ укрѣпленій, а главное, подъ прикрытіемъ сильной крѣпости Акъ-Мечеть, и производили открытыя нападенія на киргизовъ, брали съ нихъ дань, грабили ихъ и даже, порою, убивали. Такъ, напримѣръ, въ 1850 году, кокандцы отняли у подвластныхъ намъ киргизовъ около 20-ти тысячъ головъ скота, а въ слѣдующемъ, 1851 году, свыше 75-ти тысячъ головъ. Разоренные такимъ образомъ киргизы обратились съ мольбою о помощи въ Оренбургъ,—и генералъ-губернаторъ Перовскій, снесясь съ Петербургомъ, рѣшилъ наказать хищниковъ.

Вначалѣ, высланнный въ 1852 году отрядъ русскихъ войскъ, состоявшій изъ 500 казаковъ, подъ начальствомъ полковника Бларамберга, хотя и очистилъ правый берегъ Сыръ-Дарьи отъ небольшихъ кокандскихъ укрѣпленій, взявъ ихъ и разрушивъ до основанія, но не былъ въ силахъ взять главную непріятельскую крѣпость Акъ-Мечеть, сильно укрѣпленную, и вынужденъ былъ вернуться въ Оренбургъ ни съ чѣмъ. Тогда, въ слѣдующемъ 1853 году, генералъ Перовскій съ разрѣшенія императора Николая Павловича сформировалъ болѣе сильный отрядъ, состоявшій изъ 2-хъ тысячъ пѣхоты, 4-хъ тысячъ конницы, при 9-ти орудіяхъ, и, принявъ надъ нимъ главное начальство, выступилъ въ степь. Вотъ

---

[1]) Здѣсь будетъ очень кстати исправить одну изъ многихъ неточностей, допущенныхъ г. Юдинымъ въ его статьяхъ «Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ», напочатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1896 года. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «За покореніе кокандцевъ и взятіе Акъ-Мечети онъ (Перовскій) въ числѣ прочихъ награжденныхъ 27-го декабря 1853 года былъ возведенъ въ графское достоинство» («Русск. Старина», іюнь, стр. 543). Это положительно невѣрно: графство генералъ-адъютанту В. А. Перовскому пожаловано было почти два года спустя уже новымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ при рескриптѣ отъ 17-го апрѣля 1855 года, о чемъ Перовскій и объявилъ по отдѣльному оренбургскому корпусу особымъ приказомъ отъ 24-го апрѣля того же года за № 95. И. З.

[2]) См. мою статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ ноябрьской книжкѣ 1894 года—«Первое посольство въ Хиву, въ 1842 году». И. З.

письмо генералъ-адъютанта Перовскаго къ Булгакову, относящееся къ этому времени [1]).

«30-го мая 1853 года.

«Пишу вамъ, дорогой другъ, при 42° R жары на солнцѣ, почти на самомъ томъ мѣстѣ, откуда писалъ вамъ тринадцать лѣтъ назадъ, при 33° мороза [2]). Немногіе люди имѣютъ въ своей жизни случай пройти чрезъ этотъ двойной опытъ, который вдвойнѣ любопытенъ по своему физическому и нравственному вліянію на человѣка...

«Не знаю, какъ вы представляете себѣ Киргизскую степь? Вы, быть можетъ, думаете, что мы идемъ по мягкому газону, между двухъ прозрачныхъ рѣкъ, услаждающихъ насъ своимъ тихимъ журчаніемъ?.. Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго: зелень является въ видѣ рѣдкаго исключенія, а ручей или проточная вода не существуютъ совсѣмъ въ это время года; что было рѣкой мѣсяцъ тому назадъ, то обратилось въ маленькія лужи, лягушечьи дыры, окаймленныя камышомъ и дикой мятой; вода въ нихъ соленая или горькая; весьма рѣдко—сладкая и, во всякомъ случаѣ, непріятно теплая. На протяженіи сотенъ верстъ ничего не видно, кромѣ песку, глины и солончаковъ, поразительно напоминающихъ снѣгъ. Вотъ какой неприглядный пейзажъ у меня передъ глазами!..

«Мы проходимъ ежедневно отъ 50 до 60 верстъ. Мое крошечное войско опередило меня на нѣсколько дней, но черезъ недѣлю я догоню его. Со времени выступленія изъ Оренбурга (640 верстъ) я ни разу не останавливался для дневки; мнѣ сопутствуетъ сотня казаковъ съ однимъ орудіемъ, въ видѣ моей охраны. У меня нѣтъ ни одного больного, и я не потерялъ еще ни одной лошади; во всемъ отрядѣ есть только десятокъ слабыхъ. Короче—все идетъ наилучшимъ образомъ даже и для моего здоровья, и я начинаю вѣрить въ возможность свидѣться съ вами, что при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга казалось мнѣ невѣроятнымъ. Для исполненія нашей задачи необходимо, чтобы въ людяхъ, кромѣ физической, была еще и внутренняя сила,—и этой силой обладаетъ русскій солдатъ. Во время моего зимняго похода въ этомъ краѣ, когда намъ пришлось столько перестрадать, солдаты, а въ особенности уральскіе казаки, пѣли день и ночь, какъ будто и не подозрѣвали, что ртуть въ термометрѣ замерзаетъ. Это пѣніе можно объяснить, какъ желаніе согрѣться, такъ какъ всякое движеніе, даже пѣніе con amore, немножко согрѣваетъ. И теперь вотъ они поютъ—съ восхода и до

---

[1]) Въ подлинникѣ, какъ это письмо, такъ и послѣдующія, писаны по-французски; здѣсь они печатаются въ переводѣ. Послѣ смерти А. Я. Булгакова, письма эти были возвращены родственникамъ графа Перовскаго. И. З.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ письма Перовскій вспоминаетъ свой неудачный походъ въ Хиву, въ зиму 1839—1840 годовъ. И. З.

заката солнца, и если тогда пѣніе могло согрѣвать, то теперь, вѣроятно, оно освѣжаетъ.

«До свиданья, дорогой другъ!

«Вашъ В. Перовскій».

Въ «Русской Старинѣ» (1896 г.) объ этой экспедиціи въ Кокандъ говорится слѣдующее: «Войска выступили съ линіи въ маѣ мѣсяцѣ, двумя колоннами: первая подъ командой наказнаго атамана оренбургскаго войска, генералъ-майора Падурова, вторая подъ начальствомъ подполковника Іоннея. Перовскій выѣхалъ изъ Оренбурга нѣсколькими днями позднѣе, въ сопровожденіи конвоя изъ полусотни уральскихъ казаковъ и свиты, состоящей изъ 18-ти офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ коихъ находились: В. В. Григорьевъ, предсѣдатель оренбургской пограничной комиссіи, и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, извѣстные своими учеными трудами по исторіи и оріентологіи Туркестана и Киргизской степи, а на Сыръ-Дарьѣ къ нимъ присоединился только что прибывшій къ отряду изъ Петербурга генералъ-майоръ Хрулевъ.

«Слѣдуя отъ Оренбурга по рѣкѣ Илеку, отряды дошли до укрѣпленія Карабутакъ (428 верстъ) въ 10 дней, до укрѣпленія Уральскаго (187 верстъ отъ послѣдняго) въ 4 дня и отсюда до Раима (315 верстръ), чрезъ знаменитые пески Кара-Кумы, въ 8 дней,— и уже 6-го іюня были на берегахъ Аральскаго моря, близъ устьевъ Сыръ-Дарьи»...

Здѣсь отряды остановились на отдыхъ, и къ этому времени относится письмо Перовскаго, помѣченное имъ 25-го іюня того же 1853 года, слѣдующаго содержанія:

«25-го іюня 1853 года.

...«Вода хороша, травы довольно—и мы празднуемъ 25-е іюня (рожденіе императора Николая). Всѣхъ этихъ причинъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы дать отдыхъ людямъ и животнымъ. Итакъ, сегодня перерывъ—нѣтъ похода!

«Пользуюсь этимъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ, милый другъ. Нынче утромъ мы молились за здоровье государя, и могу васъ увѣрить, что нашъ молебенъ, отслуженный въ степи, въ присутствіи небольшой кучки людей передъ крестомъ, который впервые является въ этомъ краѣ, былъ зрѣлищемъ гораздо болѣе трогательнымъ, чѣмъ парадный выходъ въ петергофской церкви по этому же случаю. Молебенъ служили въ 9 часовъ утра, и термометръ Реомюра показывалъ 38° тепла. Въ 1839 году, 6-го декабря (день тезоименитства государя), я молился въ этой самой степи при 32° мороза... Не знаю, можно ли сказать, que les extrêmes se touchent?

«У насъ уже было 49° на солнцѣ и 30° при лунѣ... Тѣни вокругъ ни малѣйшей; я бы купилъ ее на вѣсъ золота. Всего труд-

нѣе переносить миллiоны различныхъ комаровъ и слѣпней. Однако, во всемъ отрядѣ только пять больныхъ, а лошади всѣ цѣлы, что весьма хорошо, когда подумаешь, что трава достается имъ не всякiй день, а овесъ рѣдко.

«Сыръ-Дарья—великолѣпная рѣка, глубиной отъ 3-хъ до 6-ти саженъ, а ширина почти вездѣ доходитъ до 250-ти саженъ. Эта громадная масса воды протекаетъ съ незапамятныхъ временъ безъ всякой пользы и даже не дѣлаетъ плодородными берега, лишенные всякой растительности. Оазисы съ травой встрѣчаются въ разстоянiи 20 и 30 верстъ одинъ отъ другого и занимаютъ весьма ограниченное пространство, такъ что лѣтомъ невозможно было бы пройти эту степь съ отрядомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ мой.

«Теперь мнѣ остается только дней семь довольно труднаго перехода до кокандской крѣпости Акъ-Мечеть — окончательной цѣли моего похода, и я, сдѣлавъ теперь въ общемъ болѣе 1.200 верстъ, нахожусь все въ томъ же невѣдѣнiи насчетъ того, что меня ожидаетъ, какъ и при отъѣздѣ моемъ изъ Оренбурга... Всего больше боимся, чтобы непрiятель не улизнулъ, вмѣсто того, чтобы итти намъ на встрѣчу. Послѣ всѣхъ перенесенныхъ и еще переносимыхъ нами трудностей и невзгодъ это было бы, правду сказать, жестоко, а какъ подумаешь, что на возвратномъ пути надобно будетъ сдѣлать тѣ же 1.500 верстъ, но уже съ усталыми лошадьми, съ худшими пастбищами и подъ лучами еще болѣе палящаго солнца, то, признаюсь, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ... И приходитъ на умъ, что мнѣ собственно, pour ma personne, не стòитъ труда возвращаться, и можно бы остаться и здѣсь, подъ какимъ нибудь курганчикомъ...

«В. Перовскiй».

Для отряда нашихъ войскъ представлялось дѣломъ очень нетруднымъ захватить отъ кокандцевъ небольшiя и недостаточно сильно укрѣпленныя ихъ крѣпости Чимъ, Кошъ и Кумышъ-Курганъ, расположенныя по берегу Сыръ-Дарьи, такъ какъ всѣ эти крѣпости, разоренныя и разрушенныя за годъ передъ тѣмъ нашимъ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Бларамберга, еще не успѣли вполнѣ отстроиться и не были поэтому защищаемы кокандцами: тамъ находились лишь маленькiе отряды непрiятеля человѣкъ по 50-ти, въ видѣ наблюдательныхъ постовъ, которые при появленiи русскихъ солдатъ тотчасъ же уходили изъ укрѣпленiй—подъ защиту главной крѣпости Акъ-Мечети. Близъ нея и произошла задержка... Въ ней и вокругъ нея было расположено двадцать тысячъ кокандскихъ войскъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ Мухамедъ-Кула, отправленныхъ изъ Коканда при нѣсколькихъ пушкахъ очень стариннаго образца, мало принесшихъ пользы во время сраженiя, результатомъ коего было разбитiе кокандскихъ

войскъ на-голову и ихъ поспѣшное и постыдное бѣгство отъ крѣпости въ глубь степей. При этомъ, потери нашего отряда, какъ увидимъ ниже изъ письма Перовскаго, были самыя незначительныя, что объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ у кокандцевъ огнестрѣльнаго оружія: ихъ конница имѣла луки и стрѣлы, а имѣвшіяся у нихъ три чугунныхъ пушки и фитильныя ружья не причинили намъ никакого вреда.

Но разбитіемъ на-голову кокандскихъ войскъ дѣло было еще далеко не кончено: въ крѣпости засѣло, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ 300 человѣкъ самыхъ отчаянныхъ удальцовъ, «батырей», рѣшившихся защищать ее до послѣдней крайности и не сдаваться въ плѣнъ. Вотъ что писалъ Перовскій изъ-подъ стѣнъ этой крѣпости къ тому же Булгакову, отъ 16-го іюля:

«16-го іюля 1853 года.

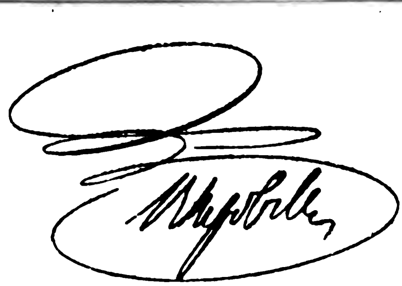
...«Мы стоимъ подъ Акъ-Мечетью и не можемъ заставить сдаться триста человѣкъ, рѣшившихся защищаться до послѣдней крайности и засѣвшихъ въ крѣпости, стѣны которой имѣютъ пять саженъ толщины и столько же высоты, не говоря уже о глубокомъ рвѣ. Намъ, поэтому, пришлось приступить къ землянымъ работамъ (чтобы не терять людей при штурмѣ). Вотъ уже недѣля, какъ я роюсь въ землѣ, подвигаясь черепашьимъ шагомъ, но довольно успѣшно. До сихъ поръ я потерялъ только четырехъ человѣкъ и нѣсколько раненыхъ.

«Взятіе Акъ-Мечети не составитъ, можетъ быть, блестящаго дѣла, но мнѣ жизнь солдата дороже всякой награды и журнальной статьи съ напыщеннымъ бюллетенемъ. Экспедиція моя— секретная, но кокандцы все-таки узнаютъ, что они разбиты, и что крѣпость ихъ взята. А мнѣ ничего болѣе и не нужно.

«Вашъ В. Перовскій».

Такъ какъ осадной артиллеріи при отрядѣ не было, и невозможно было, слѣдовательно, пробить брешь въ крѣпостной стѣнѣ пяти-саженной толщины, то и пришлось, поневолѣ, вести тѣ «земляныя работы», о которыхъ говоритъ въ своемъ письмѣ Перовскій, то-есть, онъ употребилъ при взятіи Акъ-Мечети тотъ же пріемъ, который повторилъ, 28 лѣтъ спустя, покойный генералъ Скобелевъ, при взятіи, въ январѣ 1881 года, столь же сильной туркменской крѣпости Геокъ-Тепе.

Но вотъ на разсвѣтѣ 28-го іюля подкопъ былъ готовъ, мина заложена и взорвана... А черезъ два часа была взята и самая крѣпость. Вотъ коротенькое письмо Перовскаго къ Булгакову о взятіи этой крѣпости, очень характерное, во-первыхъ, потому, что, какъ оказывается, надо было держать «въ секретѣ» это побѣду:



наша дипломатія, руководимая нѣмецкимъ графомъ Нессельроде, все еще продолжала расшаркиваться въ это время «передъ Европой», изъ опасенія ея вмѣшательства въ начавшуюся въ то время турецкую войну, каковое вмѣшательство все-таки, какъ извѣстно, состоялось, несмотря на это малодушное и робкое угодничество. Во-вторыхъ, это письмо Перовскаго интересно еще и потому, что, какъ оказалось, пришлось уничтожить, по взятіи крѣпости, не 300, какъ предполагали, а «много болѣе трехсотъ непріятелей»... Приводимъ письмо Перовскаго, написанное уже изъ Акъ-Мечети.

«Крѣпость Акъ-Мечеть, взятая штурмомъ 28-го іюля 1853 г., въ семь часовъ утра.

...«Не знаю, до какой степени можно сохранить въ тайнѣ осаду и взятіе крѣпости, но такъ какъ это событіе — результатъ моей экспедиціи, которая была секретна, то считаю за лучшее воздержаться отъ сообщенія всякихъ подробностей на этотъ счетъ... Скажу вамъ только, что послѣ взрыва одной части стѣны наши солдаты и казаки усиленно атаковали брешь, но здѣсь встрѣтили упорную и отчаянную защиту со стороны гарнизона, который ни за что не хотѣлъ сдаваться и упорствовалъ даже послѣ того, какъ мы вошли въ крѣпость... Наши штыки и сабли уничтожили много болѣе трехсотъ непріятелей... Короче, это было блестящее военное дѣло, и жаль—да и безполезно—было бы о немъ умалчивать.

«Если мой адъютантъ Ефремовъ, посланный съ этою вѣстью въ Петербургъ, успѣетъ увидѣть васъ въ Москвѣ до отъѣзда своего по желѣзной дорогѣ, то передастъ вамъ подробности, которыя я не могу сообщить вамъ еще и вслѣдствіе своей чрезмѣрной усталости.

«В. Перовскій».

Такимъ образомъ, была сломлена гордыня кокандцевъ, и войска нашихъ восточныхъ сосѣдей въ Азіи впервые были разбиты русскими, если не считать побѣды нашихъ войскъ, одержанной надъ хивинцами, въ 1717 году, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, побѣды, окончившейся, какъ извѣстно, совершеннымъ избіеніемъ нашего отряда вслѣдствіе излишней довѣрчивости Бековича и вѣроломства со стороны хивинцевъ.

Результатомъ побѣды Перовскаго надъ кокандцами явилось, какъ мы упоминали выше, присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ рѣки Сыръ-Дарьи, а, главное, угодливость и смиреніе—хотя и на время—со стороны главнаго нашего врага на восточной окраинѣ, хивинскаго хана, за подстрекательства котораго кокандцамъ пришлось такъ дорого расплачиваться...

Затѣмъ, не менѣе серіознымъ послѣдствіемъ разбитія кокандскихъ полчищъ и взятія Акъ-Мечети явилось возведеніе въ степи и по берегу Сыръ-Дарьи нѣсколькихъ новыхъ фортовъ (укрѣпленій), съ цѣлью парализовать на будущее время разбойничьи на-

паденія кокандцевъ и хивинцевъ какъ на русскихъ людей—купцовъ и рыбопромышленниковъ, — такъ и на подвластныхъ намъ киргизовъ.

Награды тоже не заставили себя долго ждать. Вотъ «приказъ по отдѣльному оренбургскому корпусу», отданный Перовскимъ въ Оренбургѣ, 12-го сентября 1853 года, за № 190:

«По всеподданнѣйшему моему донесенію государю императору о покореніи кокандской крѣпости Акъ-Мечети, о мужествѣ и объ отличной храбрости, оказанныхъ войсками отряда, дѣйствовавшаго при осадѣ и штурмѣ этой крѣпости, я удостоился стастія получить слѣдующій рескриптъ:

«Василій Алексѣевичъ. Получивъ донесеніе ваше о покореніи крѣпости Акъ-Мечети, я поспѣшаю выразить вамъ душевную мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою русское оружіе. Онъ вполнѣ увѣнчалъ всѣ распоряженія ваши, отъ коихъ я не могъ не ожидать успѣха, зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность; но вы не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій. Вы пренебрегли трудность предстоявшаго при слѣдованіи къ Акъ-Мечети похода; не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично начальство надъ отрядомъ, для взятія этой крѣпости назначеннымъ, и не переставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и опасности. Столь похвальное самоотверженіе служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ вашей ко мнѣ привязанности, которую я оцѣняю въ полной мѣрѣ. Повторяю вамъ сердечную мою благодарность и, желая увѣковѣчить память вашего подвига, повелѣваю: чтобы крѣпость Акъ-Мечеть именовалась отнынѣ фортомъ Перовскимъ.

«Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ храбрыхъ войскъ, находившимся подъ вашимъ предводительствомъ, особенное мое благоволеніе за твердость ихъ, соревнованіе другъ предъ другомъ и отличное ихъ мужество въ бою.

«Пребываю вамъ навсегда благосклонный».

«На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

«Николай».

Петергофъ.
26-го августа 1853 года.

«Въ то же время, увѣдомилъ меня г. военный министръ, что его императорское величество, во вниманіе къ лишеніямъ и трудамъ, преодолѣннымъ войсками экспедиціоннаго отряда, и къ мужеству ихъ, повелѣть соизволилъ: 1) разрѣшить меня войти съ представленіемъ о чинахъ, заслужившихъ право на всемилостивѣйшее вниманіе, 2) въ награду нижнимъ чинамъ, болѣе отличившимся, раздать 25 знаковъ отличія военнаго ордена, въ дополненіе къ 25-ти таковымъ же прежде розданнымъ, и, кромѣ того, 12-ть такихъ же

знаковъ, установленныхъ для чиновъ мусульманскаго исповѣданія, и 3) всѣмъ чинамъ отряда выдать не въ зачетъ годовое жалованье, по окладу, каждымъ изъ нихъ получаемому.

«Объявляя симъ высочайшую волю, выраженную во всемилостивѣйшемъ ко мнѣ рескриптѣ, считаю при томъ долгомъ благодарить участвовавшихъ въ экспедиціи и отъ своего имени: мужеству ихъ и честной службѣ обязанъ я величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни—достойно исполнить священную волю государя императора, порадовать тѣмъ отеческое его сердце и видѣть вмѣстѣ съ сотрудниками моими столь многомилостивое къ намъ изъявленіе монаршаго его благоволенія.

«Пріемля съ благоговѣніемъ великія милости, излитыя на насъ щедрою рукою царя, потщимся и впредь всѣ силы тѣла и духа нашего полагать на службу государю и отечеству.

«Генералъ-адъютантъ Перовскій».

В. А. Перовскій не замедлилъ, конечно, «войти съ представленіемъ о чинахъ, заслужившихъ право на всемилостивѣйшее вниманіе», и императоръ Николай утвердилъ его представленіе: вопервыхъ, всѣмъ участникамъ кокандскаго похода было выдано, не въ зачетъ, годовое жалованье; затѣмъ, щедрою рукой были пожалованы ордена и золотое оружіе (36-ти лицамъ), чины (67-ми лицамъ) и денежныя награды—14-ти офицерамъ и чиновникамъ. Солдатскіе георгіевскіе кресты получили: 50 нижныхъ чиновъ изъ христіанъ и 12 магометанъ.

Между прочими нижними чинами, удостоившимися быть произведенными въ офицеры, получилъ чинъ прапорщика унтеръ-офицеръ Алексѣй Плещеевъ, извѣстный впослѣдствіи поэтъ-гуманистъ. Кекъ извѣстно, покойный А. Н. Плещеевъ былъ въ 1848 году, по дѣлу Петрашевскаго, разжалованъ и посланъ затѣмъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны. При штурмѣ Акъ-Мечети онъ состоялъ въ 4-мъ баталіонѣ. Произведенный въ прапорщики «за отличіе», онъ былъ въ то же время переведенъ по ходатайству Перовскаго въ 3-й Оренбургскій линейный баталіонъ, который квартировалъ постоянно въ самомъ Оренбургѣ, и такимъ образомъ получилъ не только чинъ, но и возможность жить не «на линіи», то-есть въ степи, а въ губернскомъ городѣ, гдѣ въ то время, вблизи Перовскаго (окончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ и бывшаго однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи), въ качествѣ чиновника особыхъ порученій состоялъ, напримѣръ, извѣстный писатель В. И. Даль, и при немъ же были географъ и путешественникъ Н. В. Ханыковъ, энтомологъ Эверсманъ и другіе, между коими было очень много интеллигентныхъ, образованныхъ лицъ и, наоборотъ, очень мало карьеристовъ, не имѣвшихъ при Перовскомъ ни хода, ни успѣха.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

4 марта 1901 года.

ГОДОВЩИНА БОЯ ПРИ ТАКУ.

ИСТОРІЯ повторяется. Событіе въ «восточныхъ водахъ» при Наваринѣ, когда союзный европейскій флотъ разбилъ турецкій, повторилось черезъ 72$^{1}/_{2}$ года при Таку. Какъ тогда, и въ настоящее время союзный европейскій флотъ, тоже въ своемъ родѣ въ «восточныхъ водахъ», предварилъ свое нападеніе ультиматумомъ. Въ обоихъ случаяхъ и турки и китайцы одинаково отвѣтили на него ядромъ, за чтò и потерпѣли полное пораженіе.

Бой при Таку, съ котораго собственно началась китайско-европейская война, у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Это было чрезвычайно смѣлое предпріятіе со стороны союзнаго флота. Когда командиръ миноносца, лейтенантъ Бахметьевъ, посланный съ извѣстнымъ ультиматумомъ союзниковъ къ китайскому коменданту, велъ переговоры съ нимъ относительно сдачи всѣхъ фортовъ при устьѣ рѣки Пейхо, то у одного изъ китайскихъ офицеровъ невольно вырвалось восклицаніе: «Развѣ можно такими лодками взять наши форты!» Надо сознаться, при всѣхъ тяжелыхъ потеряхъ у союзниковъ, которыя выпали главнымъ образомъ на нашу долю, всетаки очень дешево обошлась побѣда надъ китайцами. Замѣчательно, шесть канонерскихъ лодокъ стояли въ рѣкѣ Пейхо въ мѣстахъ, одинаково доступныхъ непріятельскимъ снарядамъ, въ такомъ порядкѣ: «Гилякъ», «Lion» (французская), «Кореецъ», «Бобръ», «Iltis» (германская) и «Algerine» (англійская); но пострадали, главнымъ образомъ, три лодки, черезъ одну: «Гилякъ», «Кореецъ» и «Iltis».

Болѣе всего жертвъ, поврежденій, усиленнаго труда и опасеній погибнуть выпало на долю «Гиляка». Еще въ самомъ началѣ боя снарядъ попалъ въ кочегарное отдѣленіе и произвелъ страшный взрывъ, разбивъ обѣ главныхъ паропроводныхъ трубы. Не прошло полчаса, какъ новый снарядъ ударилъ въ подводную часть лодки и осколками произвелъ взрывъ патроновъ. Ужасный моментъ! Лодка сразу наполнилась убитыми и ранеными. Одновременно стали угрожать ей и пожаръ и потопленіе. Три отдѣленія были затоплены, и судно сильно накренило. Не переставая отстрѣливаться, въ то же время команда усиленно работала надъ тушеніемъ пожара и подведеніемъ пластыря подъ пробоину, чтобы удержать сильную течь. Матросамъ пришлось въ ручную откачивать воду, такъ какъ и машина перестала работать.

Немного лучше было и на «Корейцѣ». Два снаряда одинъ за другимъ ворвались въ кают-компанію и также произвели пожаръ и страшное опустошеніе. Но здѣсь, обратно, надо было самимъ затопить трюмное отдѣленіе для снарядовъ и пороху изъ опасенія пожара. Подъ утро «Кореецъ» получилъ еще нѣсколько снарядовъ, отъ которыхъ команда понесла много жертвъ.

На германской канонеркѣ «Iltis» разворочена была вся палуба. Одно ядро попало даже въ котелъ. На ней также было много убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ и командиръ.

Послѣ усиленной трехъ-часовой бомбардировки, германскій капитанъ 1-го ранга Поль повелъ было десантные отряды союзниковъ на приступъ сѣвернаго форта, ближайшаго къ желѣзнодорожной станціи Тонгку, но въ ожиданіи бреши въ высокихъ и крутыхъ стѣнахъ форта остановился. Только благодаря удальству храбрыхъ русскихъ офицеровъ, сѣверный фортъ былъ взятъ, а вслѣдъ за нимъ и другой, сосѣдній, тоже на лѣвомъ берегу рѣки Пейхо. Оставалось взять южные форты и особенно ближайшій къ рѣкѣ, сильно вооруженный новѣйшими орудіями. Онъ очень вредилъ судамъ, которыя теперь спустились нѣсколько ниже по рѣкѣ.

Нѣкоторые изъ участниковъ боя союзной эскадры сомнѣвались еще въ исходѣ борьбы. Снаряды приходили къ концу, команда страшно утомилась, между тѣмъ китайцы пристрѣлялись, попаданія съ ихъ стороны стали все чаще и чаще. Продержись сѣверные форты еще часа два, выпусти еще нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ по лодкамъ, и результатъ сраженія былъ бы иной. Но въ тотъ день счастье было на сторонѣ европейцевъ: нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ съ лодокъ по южному форту произвели въ немъ взрывы миннаго склада и порохового погреба,—и побѣда была рѣшена. Китайцы бросились бѣжать, оставивъ и южные форты въ рукахъ десантныхъ отрядовъ.

Первый актъ борьбы оконченъ. Но не менѣе тяжелъ былъ второй, когда

«Считать мы стали раны,
Товарищей считать»...

Измученный нравственно и физически, командиръ «Корейца» спустился внизъ въ свою каюту и увидѣлъ ужасную картину: среди множества раненыхъ лежалъ безъ чувствъ судовой врачъ лодки. Онъ пришелъ въ обморочное состояніе отъ взрыва снаряда. Командиръ немедленно отправился на лодку «Бобръ» къ старшему на рейдѣ, капитану 1-го ранга, К. Р. Добровольскому, за помощью. На «Бобрѣ» не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, даже корпусъ судна не былъ поврежденъ отъ выстрѣловъ, несмотря на то, что эта лодка занимала срединное положеніе между другихъ судовъ. Такое счастье матросы объяснили по-своему. Наканунѣ боя прилетѣли два голубя, помѣстились на нокахъ фока-рея и оставались такъ въ продолженіе всего сраженія. Вотъ эти-то, по ихъ мнѣнію, два ангела хранителя, посланные небомъ, и взяли подъ свое покровительство лодку, оберегая ее отъ ядеръ. Капитанъ Добровольскій распорядился отправить одинъ изъ миноносцевъ въ море, къ вице-адмиралу Гильтебрандту, просить врачебной помощи, а пока послалъ на лодку «Кореецъ» своего врача, какъ свободнаго.

Кстати сказать, миноносцы тоже немало поработали. Во время боя они заняли китайское адмиралтейство при Таку и обезпечили такимъ образомъ тылъ лодокъ, помогали переправѣ десанта, вытащили мины со дна въ устьѣ рѣки, куда китайцы спустили ихъ наканунѣ сраженія. Кромѣ того, они несли еще и вѣстовую службу.

Адмиралъ немедленно отправилъ двухъ врачей, санитара и необходимый перевязочный матеріалъ съ крейсера «Россія». Перейдя баръ, врачи пересѣли въ небольшой катеръ и стали подыматься вверхъ по рѣкѣ. Навстрѣчу имъ плыло множество джонокъ съ китайцами изъ Таку и сосѣднихъ селеній. Время отъ времени около катера шлепались пули. Шедшій за нашимъ катеромъ японскій, испугался и повернулъ въ море, но, должно быть, устыдился своей трусости и снова пошелъ по слѣдамъ русскаго. Эти выстрѣлы и массы двигающихся китайцевъ показывали, что въ окрестностяхъ Таку они могутъ сойтись и сдѣлать попытку отбить форты[1]). На совѣтѣ командировъ рѣшено было опять приготовиться къ бою; только германская лодка «Iltis», сильно пострадавшая отъ выстрѣловъ, ушла въ море. Въ виду этого раненыхъ рѣшили свезти на большія суда на рейдѣ, а всѣхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ предать водѣ.

Съ приходомъ катера съ врачами, началась перегрузка раненыхъ съ «Гиляка» на небольшой буксирный пароходъ «Владиміръ». Разница въ высотѣ между бортомъ канонерки и палубой

---

[1]) И это было весьма возможно, потому что, какъ потомъ оказалось, китайскій генералъ, еще до боя при Таку, велъ сюда большую армію.

парохода около двухъ саженъ, а потому перемѣщать раненыхъ приходилось по импровизированнымъ рельсамъ на носилкахъ. Предпринять какой либо другой способъ не было времени, да и обстоятельства не позволяли: надо было спѣшить, чтобы пройти баръ большою водою. Въ этомъ дѣлѣ принимали участіе вся команда и офицеры. Несмотря на всѣ предосторожности и медленное опусканіе, раненые испускали ужасные стоны. Большинство ихъ были страшно обожжены, у иныхъ не было ни клочка здоровой кожи на тѣлѣ, такъ что малѣйшее прикосновеніе вызывало невыносимыя боли. Изъ всѣхъ раненыхъ на «Гилякѣ» могли помѣстить на пароходикѣ только половину. Выбрали наиболѣе тяжелыхъ. 22 матроса положили на палубѣ, а въ единственной маленькой каюткѣ помѣстили двухъ офицеровъ. Перегрузка раненыхъ такъ затянулась, что только въ 6 час. вечера пароходикъ отвалилъ отъ борта. Для остальныхъ раненыхъ съ «Гиляка» и «Корейца» нашли потомъ болѣе помѣстительный пароходъ.

Въ этотъ день, 4 іюня, съ утра погода была хорошая, но среди дня небо стало хмуриться, а къ вечеру поднялся вѣтеръ съ моря. Пройдя рѣку, пароходикъ «Владиміръ» встрѣтилъ порядочную волну. Стали налетать одинъ за другимъ шквалы. Сперва только брызги окачивали раненыхъ, но по мѣрѣ приближенія къ бару волна увеличивалась, и пароходъ сталъ принимать ее носомъ. Уменьшили ходъ, насколько возможно, но пароходъ продолжалъ черпать воду. Чѣмъ дальше уходили въ море, тѣмъ сильнѣе становился вѣтеръ. Волны свободно разгуливали на палубѣ, обдавая раненыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, спасаясь отъ влетѣвшей на палубу волны, бросились на подвѣтренную сторону и сильно накренили пароходикъ. Онъ черпнулъ воду всѣмъ бортомъ. Моментъ былъ критическій. Шкиперъ растерялся, пароходная прислуга испугалась. Пришлось одному изъ врачей принять на себя роль командира и распорядиться, чтобы раненые не переходили съ одного борта на другой. О поворотѣ къ берегу нечего было и думать.

Раненые, испытывая невыносимыя боли, стонутъ, рыдаютъ, вопятъ о помощи. А какъ имъ тутъ помочь?! Соленая вода, омывавшая ихъ обожженное тѣло, качка, холодъ, страшная жажда, все это вмѣстѣ создавали имъ инквизиторскія мученія. Эти минуты, не поддающіяся описанію, были тяжелѣе только что пережитой ночи боя.

Окутанные пороховымъ дымомъ, за побѣдными криками «ура», чаще всего мы не видимъ и не слышимъ, что дѣлается на перевязочномъ пунктѣ. Въ горячей атакѣ, какъ въ пьяномъ чаду, случается, что солдаты не чувствуютъ даже своихъ собственныхъ ранъ; только потомъ, внѣ строя, они кричатъ и стонутъ отъ боли. Обыкновенно мы внимательно слѣдимъ за перипетіями битвы, а что за нею,—все наше знаніе ограничивается голыми цифрами уби-

тыхъ и раненыхъ. А между тѣмъ вотъ въ этихъ-то выбывшихъ изъ строя, въ ихъ смерти и страданіяхъ и содержится вся стоимость побѣды. Чтобы понять и оцѣнить войну, мало восхищаться геройскими подвигами воиновъ, надо видѣть пролитую кровь, почувствовать запахъ ея. Надо видѣть вотъ этихъ несчастныхъ обожженныхъ, непрестанно обдаваемыхъ соленою водою...

До крейсера «Россіи» пароходику съ ранеными оставалось двѣнадцать миль, а, какъ нарочно, пройдя баръ, онъ едва-едва выгребалъ. Пароходикъ мотался во всѣ стороны, какъ буекъ, обдаваемый волнами. Дальнѣйшая борьба становилась безуспѣшной и не безопасной. Рѣшили прицѣпиться къ ближайшему коммерческому судну. Такимъ оказался японскій пароходъ, стоявшій на якорѣ нѣсколько впереди бара. Добравшись до кормы его, съ «Владимира» попросили взять ихъ на бакштовъ. Бросивъ конецъ, японцы больше ничего не могли сдѣлать: они не понимали русскихъ.

Было 9 часовъ вечера. Стемнѣло—зги не видно. Море бушуетъ, надвигая валы одинъ страшнѣе другого. На «Владимирѣ» стали давать тревожные свистки, чтобы обратить вниманіе кого нибудь изъ проходящихъ военныхъ судовъ. Но кто за ревомъ бури могъ услышать ихъ голосъ! Да и кто пойдетъ ночью въ такую погоду на баръ рѣки! Самому командующему эскадрой, вслѣдствіе бурной погоды, могла быть послана телеграмма только черезъ полтора дня.

Наступила мучительная ночь для раненыхъ. Отъ боли и качки они несмолкаемо стонутъ и непрестанно просятъ пить. Одинъ изъ нихъ умираетъ. Иные бредятъ въ изступленіи. Нѣкоторые сердятся, мечутся, грозятся броситься за бортъ. Пароходная прислуга тоже изнемогала отъ усталости и безсонницы, засыпала на рулѣ. Были опасенія всю ночь и за крѣпость бакштова.

Къ утру вѣтеръ сталъ заходить и въ 5 часовъ потянулъ отъ берега. Наконецъ, показался русскій миноносецъ съ моря. Быстро подлетѣлъ онъ къ бѣднымъ страдальцамъ и передалъ распоряженіе—передать раненыхъ на зафрахтованный пароходъ, который отвезетъ ихъ въ Нагасаки. «Владимиръ» снялся со спасительнаго бакштова японцевъ и подошелъ къ нанятому пароходу съ подвѣтренной стороны. Но лишь только попробовали пристать къ его борту, какъ ихъ подняло волной и ударило о бортъ съ такою силою, что тутъ же пришлось отказаться отъ второй попытки.

Въ это время изъ рѣки вышелъ другой транспортъ раненыхъ на пароходѣ бо̀льшаго размѣра. Когда онъ поравнялся съ «Владимиромъ», одинъ изъ врачей пересѣлъ на него, чтобы доложить адміралу о случившемся. «Владимиръ» опять остался на бакштовѣ подъ кормою зафрахтованнаго парохода. Вскорѣ пришло распоряженіе подойти ему со своими ранеными къ русской эскадрѣ на рейдѣ.

8-го іюня всѣ тяжело раненые были доставлены на крейсерѣ «Адміралъ Корниловъ» въ Портъ-Артуръ.

Я умышленно такъ долго остановился на описаніи перевозки раненыхъ послѣ битвы при Таку, чтобы яснѣе показать необходимость завести санитарныя суда Краснаго Креста, о чемъ уже не разъ трактовалось въ печати и у насъ и за границею. Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ много работаемъ надъ изобрѣтеніями орудій смерти и заботимся о защитѣ своихъ кораблей и такъ мало еще сдѣлали, чтобы облегчить страданія раненыхъ на морѣ! Въ сраженіяхъ на сушѣ перевязочные пункты выбираются въ сторонѣ отъ самой битвы; давно пора устроить такіе же пункты Краснаго Креста и при морскихъ битвахъ, т. е. такія суда, гдѣ раненые нашли бы для себя медицинскую помощь, соотвѣтствующій уходъ, тепло и достаточное количество чистой воды. На военныхъ судахъ во время битвы раненые не только представляютъ собою лишній грузъ, но они еще мѣшаютъ дѣйствію команды. Ну, что было бы, если, напримѣръ, «Гиляку» или «Корейцу» на другой день снова пришлось бы вступить въ бой, когда у него четверть всего состава команды лежала въ жилой палубѣ и стонала отъ ожоговъ? Итакъ мы видимъ изъ послѣдней морской битвы, что потребность завести спеціальныя суда Краснаго Креста напрашивается сама собою.

Но я опять на минуту возвращусь къ битвѣ при Таку, чтобы отдать дань удивленія стойкости и мужеству русскихъ воиновъ, когда имъ пришлось одновременно и сражаться, и спасать свои суда отъ пожара и потопленія, и чинить машины. Когда слушаешь подробный разсказъ объ участіи каждаго офицера, каждаго матроса въ отдѣльности, то невольно проникаешься гордымъ сознаніемъ, что у насъ не перевелись еще русскіе герои.

Закончу интереснымъ замѣчаніемъ главнаго распорядителя битвы, К. Р. Добровольскаго. Когда раздавали по жребію матросамъ, участвовавшимъ въ битвѣ при Таку, знаки военнаго ордена, то, по общему признанію, они достались дѣйствительно выдающимся своею храбростью.

И. Ю.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА ВЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ XIX ВѢКѢ

РАСКОЛЪ представляетъ своеобразное явленіе русской церковно-общественной жизни. Возникнувъ во второй половинѣ XVII вѣка вслѣдствіе протеста противъ различныхъ новшествъ въ церковно-религіозномъ и соціально-бытовомъ строѣ на Руси, расколъ сдѣлался носителемъ и хранителемъ родной старины, «древляго благочестія» русскаго народа и «древляго обрядоваго безнарядья». На своемъ знамени онъ написалъ лозунгъ: «до насъ положено и лежи оно такъ во вѣки вѣковъ», и, съ фанатическою строгостью руководясь этимъ принципомъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи, онъ остался церковно-общественною окаменѣлостью, историческимъ памятникомъ древней жизни и древляго благочестія родной страны, со всею ихъ мертвою обрядностью, изувѣрскою привязанностью къ буквѣ церковнаго устава и мелочнымъ условностямъ гражданско-общественнаго быта, съ невѣжественнымъ извращеніемъ и порчей лучшихъ проявленій творческаго національнаго духа, унаслѣдованныхъ отъ временъ прежнихъ. Къ позднѣйшему разностороннему прогрессу церковно-общественной жизни на Руси расколъ относился отрицательно и, считая и національную, и западно-европейскую культуру XVIII и XIX вѣковъ созданіемъ врага «древляго благочестія»—антихриста, не только не стремился воспользоваться ея благотворными плодами, но и подвергалъ ее порицанію, осужденію и даже проклятію. Такъ и застылъ рас-

колъ старообрядства въ своей умственной косности, такъ и остался, вплоть до нашихъ дней, въ грубомъ невѣжествѣ, крѣпко усвоенномъ имъ два столѣтія тому назадъ и ревниво охраняемомъ отъ свѣжихъ воздѣйствій «никоніанства»...

Въ наиболѣе типичныхъ формахъ сохранилась жизнь раскола старообрядства въ отдаленныхъ и захолустныхъ предѣлахъ нашего обширнаго отечества,—среди дремучихъ лѣсовъ костромскихъ, вязниковскихъ, брынскихъ и керженскихъ, въ малонаселенныхъ и покрытыхъ болотами мѣстахъ дикаго сѣвера и особенно въ далекой Сибири, съ ея дикими, неоглядными степями, съ безчисленными большими и малыми озерами и топями, съ дремучими таежными и черневыми лѣсами, тянущимися безъ перерыва на сотни верстъ.

И въ настоящее время сибирскій старообрядческій расколъ, вслѣдствіе удаленности его тайниковъ отъ культурныхъ центровъ и вслѣдствіе слѣпого подражанія его вожаковъ традиціямъ прошлаго, во всей строгости содержитъ характерныя воззрѣнія своихъ первоучителей и основателей, въ полнотѣ носитъ на себѣ типическія черты прошлаго своего быта и является во всей неприглядности своего дѣйствительнаго положенія. Для ознакомленія съ подробностями недавно минувшаго прошлаго сибирскаго раскола большой интересъ представляетъ прекрасная книга профессора Томскаго университета, протоіерея Д. Н. Бѣликова, подъ заглавіемъ «Томскій расколъ» (Томскъ, 1901), содержащая историческій его очеркъ за время отъ 1834 по 1880-е годы. Эта книга составлена почти исключительно по архивнымъ даннымъ, заимствованнымъ изъ архивовъ томскаго губернскаго и томской духовной консисторіи, говоритъ главнымъ образомъ языкомъ документовъ и весьма обстоятельно обозрѣваетъ жизнь томскаго раскола въ различныхъ ея проявленіяхъ и формахъ.

Томская губернія, по численности обитающаго здѣсь расколосектантскаго населенія, занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ областей и губерній съ подобнымъ населеніемъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XIX столѣтія общее число томскихъ раскольниковъ простиралось до ста тысячъ человѣкъ. Въ составъ этой громадной цифры входили коренные насельники Томскаго края, среди коихъ расколъ распространился еще въ XVII вѣкѣ, тайные бѣглецы изъ областей Европейской Россіи, удалившіеся въ Сибирь вслѣдствіе жестокаго преслѣдованія старовѣровъ, предпринятаго русскимъ правительствомъ въ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ, раскольники переселенцы, прибывшіе въ Томскій край или по волѣ правительства и частныхъ владѣльцевъ, или же по своему личному желанію, ссыльные поселенцы, изгнанные сюда за особыя преступленія по расколу и сектантству, раскольники бродяги и старообрядцы тайные, т. е. такіе, которые по церковнымъ документамъ значатся въ числѣ православныхъ, а въ дѣйствительности

принадлежатъ къ расколу. Въ первой половинѣ XIX столѣтія и раньше православіе въ Томской губерніи было поставлено въ неблагопріятныя условія. Православныхъ храмовъ здѣсь было очень мало, и деревни, разбросанныя тамъ и сямъ, нерѣдко отстояли отъ церквей на триста и болѣе верстъ, при томъ съ разными преградами на пути, въ видѣ большихъ рѣкъ, топей и таежника, почти не проѣзжихъ лѣсовъ. Священнослужители иногда употребляли на объѣздъ своего прихода до шести мѣсяцевъ времени. Въ сибирскихъ деревняхъ множество дѣтей умирало безъ крещенія, а изъ умершихъ взрослыхъ лишь весьма немногіе удостоивались христіанскаго погребенія. Не бывая въ храмахъ по десяти и даже двадцати лѣтъ, томскіе крестьяне постепенно отвыкали отъ христіанскаго богослуженія, были невѣжественны въ вѣрѣ, равнодушны къ правиламъ нравственности и вообще погрязали въ ужасной религіозной тьмѣ. Понятно, до какой степени благопріятную почву для раскольнической пропаганды представляло такое православное населеніе. Стоило только самому немудрому старообрядческому наставнику забрести въ православную деревню, чтобы переманить ея жителей на свою сторону розсказнями объ еретичествѣ никоніанскихъ поповъ, о драконѣ, опутавшемъ всю грекороссійскую церковь, объ антихристѣ, царящемъ въ мірѣ, и т. п. Достаточно было, по сосѣдству съ православной деревней, появиться раскольнической часовнѣ или моленной, чтобы туда, вмѣстѣ съ раскольниками, пошли православные. А если принять во вниманіе еще неподготовленность томскаго православнаго духовенства (въ началѣ XIX вѣка) къ народному учительству, постоянныя сношенія православныхъ съ раскольниками, ихъ родственныя связи и т. д., то вполнѣ будетъ понятно, почему духовная атмосфера въ томскихъ селахъ и деревняхъ, еще въ недавнемъ прошломъ, была насыщена старообрядческими вѣяніями, а «мірское», то-есть православное, ихъ населеніе было почти сплошь заражено старообрядческой закваской и состояло изъ тайныхъ раскольникозъ, хотя офиціально числилось въ православіи. Въ числѣ православныхъ иногда значились даже расколоучители. Такъ, въ началѣ 1860 годовъ среди бійскихъ раскольниковъ въ большой славѣ былъ за свои подвиги старикъ Трифонъ Санаровъ, долгое время скрывавшійся для богомолья въ горахъ и, по выходѣ съ горъ, носившій тяжелыя вериги въ видѣ двухъ желѣзныхъ полосъ, перекрестно надѣтыхъ на груди и на спинѣ и связанныхъ по животу широкимъ желѣзнымъ поясомъ. Раскольники рѣшительно благоговѣли предъ этимъ старикомъ за его аскетизмъ. Но, будучи крещенъ въ православной церкви, онъ по документамъ состоялъ въ православіи, что̀ было и для него самого большою неожиданностью. Когда, по выходѣ изъ горнаго ущелья, съ богомолья, его предали суду за уклоненіе въ расколъ, при чемъ отдали на увѣщаніе священ-

нику, Санаровъ съ большимъ волненіемъ сказалъ послѣднему: «Никогда я не совращался, всегда почиталъ и почитаю іерусалимскую церковь и готовъ потерпѣть за вѣру столько, сколько хватитъ моихъ силъ» (стр. 9).

По особенностямъ и оттѣнкамъ своего ученія, томскій расколъ дѣлится на нѣсколько согласій и толковъ, изъ коихъ наибольшее распространеніе имѣютъ поповщина, стариковщина и поморское согласіе. Поповщина раскинулась по всей Томской губерніи. Въ прежнее время она существовала только въ видѣ бѣглопоповщины, т. е. «окормлялась» попами, убѣжавшими изъ церкви православной и очищенными у раскольниковъ отъ никоніанской скверны посредствомъ особыхъ средствъ, но съ конца 1850 годовъ въ Томской губерніи появилось согласіе австрійскаго священства, получившее свое начало въ 1846 году отъ греческаго митрополита Амвросія, въ австрійскомъ селеніи Бѣлой Криницѣ; это согласіе теперь постепенно развивается и мало-по-малу вытѣсняетъ бѣглопоповщину. Вслѣдствіе рѣдкости бѣглыхъ поповъ въ Сибири, а иногда и полнаго ихъ отсутствія, томскіе раскольники часто вынуждались обходиться и безъ нихъ, довольствуясь требоисправителями изъ своихъ стариковъ и старухъ. Такъ возникла стариковщина, представляющая по своему ученію нѣчто среднее между поповщиной и безпоповщиной. У раскольниковъ, держащихся этого согласія, «старикъ погружаетъ (при крещеніи), старикъ на покаяніе принимаетъ, старикъ святитъ свадьбы, старикъ причащаетъ запасными дарами въ видѣ сухариковъ, полученныхъ отъ бѣглыхъ поповъ». Къ стариковщинѣ весьма близко подходитъ согласіе часовенныхъ. Вся разница заключается въ томъ, что стариковцы не считаютъ особенно тяжкимъ грѣхомъ въ необходимыхъ случаяхъ обращаться за таинствами и погребеніемъ къ православной церкви, а часовенные относятся къ этому гораздо строже и прибѣгаютъ къ православнымъ священникамъ весьма рѣдко.

Изъ безпоповщинскихъ толковъ въ Томской губерніи больше всего распространено поморство, существующее здѣсь какъ въ формѣ законно-брачнаго согласія, которое вполнѣ разрѣшаетъ браки, заключаемые съ согласія родителей и наставниковъ, такъ и въ формѣ старопоморства, которое не дозволяетъ брака, но лишь допускаетъ его. Перекрещиваніе переходящихъ въ поморскую среду раскольниковъ пріурочивается ко дню св. Пасхи, при чемъ требуется, чтобы они предварительно «несли канонъ», т. е. въ продолженіе шести недѣль усиленно постились и молились, полагая ежедневно до тысячи поклоновъ. Наставники поморскіе получаютъ власть преемственно. Изъ поморства возникло согласіе ѳедосѣевское, сильно укоренившееся въ Томской губерніи. Держась того воззрѣнія, что «нынѣшнія времена лютыя и плача достойныя», томскіе ѳедосѣевцы въ теоріи бракъ отвергаютъ, но на практикѣ допускали его всегда,

хотя и въ видѣ незаконной брачной связи. Ѳедосѣевская женщина не перестаетъ считаться дѣвицей, хотя и состоитъ въ блудномъ сожитіи. Какъ дѣвица, она заплетаетъ волосы въ одну косу и обязана являться въ такомъ видѣ въ общественныя собранія. Какъ блудодѣйка, она лишена права посѣщать моленную. Послѣ рожденія ребенка, мать подвергается 40-дневной епитиміи съ положеніемъ 100 поклоновъ ежедневно, но и отецъ за это время отлучается отъ моленной. Крещеніе новорожденнаго отлагается до той поры, пока младенецъ не окрѣпнетъ настолько, что можетъ обходиться безъ материнскаго молока, «ибо омытому таинствомъ питаться отъ груди блудницы грѣховно». По прошествіи многихъ лѣтъ брачнаго состоянія, сожительствующіе даютъ обѣщаніе быть, какъ «братъ съ сестрой». Но если бы «сестра» и послѣ этого забеременѣла, то «братъ» ея притворно слагаетъ съ себя вину, распространяя слухъ, что она пріобрѣла чрево гдѣ-то на сторонѣ. Всѣ, разумѣется, знаютъ, что это обманъ, но всѣ обязаны вѣрить фальшивому утвержденію, избавляющему виновнаго отъ наказанія, въ видѣ отлученія отъ моленной. Отвергая молитву за царя, ѳедосѣевцы въ такой редакціи поютъ и читаютъ тропарь, — положенный на этотъ случай православною церковью: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе, побѣди благовѣрнымъ рабомъ твоимъ на сопротивныя даруй и своя сохраняя крестомъ люди». Въ томскомъ расколѣ имѣются и нѣтовцы, одни изъ которыхъ учатъ, что антихристъ уже воцарился въ мірѣ духовно, а другіе полагаютъ, что онъ еще не явился, и его нужно ожидать только въ будущемъ. Однако, тѣ и другіе одинаково убѣждены, что нынѣ уже нѣтъ никакихъ средствъ спасенія, кромѣ обращеній къ Спасу, который самъ знаетъ, какъ насъ спасти. Отсюда нѣтовщина называется также спасовымъ согласіемъ. Они молитвенныхъ домовъ не имѣютъ, кажденій не допускаютъ, въ наставникахъ, какъ совершителяхъ требъ и моленій, не нуждаются. Молятся въ собственныхъ, частныхъ домахъ, преимущественно по псалтири, предъ мѣдными иконами. Каяться, по ихъ ученію, нужно только передъ Богомъ, безъ всякихъ свидѣтелей. Поэтому въ случаяхъ тяжкой болѣзни грамотные, если въ силахъ, сами прочитываютъ для себя скитское покаяніе; за крещеніемъ младенцевъ и вѣнчаніемъ браковъ нѣтовцы обращаются къ православной церкви, но потомъ, въ очищеніе грѣха за сближеніе съ церковью, считаютъ необходимымъ раздавать усиленную милостыню. Въ послѣднее время нѣкоторые нѣтовцы перестали крестить дѣтей, подъ тѣмъ предлогамъ, что нынѣ, когда воцарился антихристъ, креститься слѣдуетъ покаяніемъ и слезами. Послѣдователи рябиновщины моленныхъ не имѣютъ, а собираются для богослуженія въ частныхъ домахъ, гдѣ пѣнія не допускаютъ, но чинно сидятъ и благоговѣйно слушаютъ чтеніе старопечатныхъ книгъ. Иконы чт

только древнія и поклоняются только такимъ осьмиконечнымъ крестамъ, которые сдѣланы безъ изображенія Распятаго изъ рябиноваго дерева, тождественнаго будто бы съ певгомъ, послужившимъ матеріаломъ для креста голгоѳскаго. Такіе кресты въ недавнее время приготовлялъ «съ молитвою и постомъ» начальникъ этого согласія, 80-лѣтній старикъ Иванъ Козловъ, взимая за каждый крестъ по три рубля, съ небольшой уступкой для бѣдныхъ. Младенцевъ крестятъ старики и старухи. Существуетъ въ Томской губерніи и безпоповщинскій толкъ окнопоклонниковъ или дырниковъ, которые иконамъ не молятся и ихъ у себя не имѣютъ, такъ какъ «за неимѣніемъ нынѣ священства» иконъ освятить некому; взамѣнъ того, они молятся подъ открытымъ небомъ, обращаясь лицемъ къ востоку. Если же молитва совершается въ домѣ, то она возсылается къ небу чрезъ отверстіе, сдѣланное на восточной сторонѣ; отверстіе, всегда замкнутое, открывается тогда, когда кто либо изъ домашнихъ желаетъ молиться. Въ началѣ 1860-хъ годовъ въ предѣлахъ Томскаго края появилась секта оховцевъ. Свое странное названіе оховцы получили за то, что всѣ молитвенныя дѣйствія ограничиваютъ складываніемъ рукъ на груди и тихимъ произношеніемъ: «охъ, охъ, ты мнѣ!» Они не имѣютъ въ своихъ домахъ ни иконъ, ни крестовъ, никогда не осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, а взамѣнъ этого постоянно вздыхаютъ; отсюда сектанты называются также немоляками и воздыханцами. Въ концѣ 1875 года появился безпоповщинскій толкъ бѣлоногихъ, получившихъ это названіе въ знакъ своей душевной чистоты и непорочности; послѣдователи этого толка учатъ, что антихристъ воцарился въ мірѣ еще со времени царя Алексѣя Михайловича, въ лицѣ коего явился самъ древній змій, противникъ Христа, что таинства православной церкви суть дѣйствія змія, всѣ уставы ея—змѣиныя ухищренія, новыя иконы и троеперстіе—созданія змія и т. д. Необходимо держатся новой вѣры, разрѣшающей двуперстіе и поклоненіе старымъ иконамъ.

Съ котомками на плечахъ и съ особыми паспортами бороздили и бороздятъ Томскую губернію по всѣмъ ея путямъ и тропамъ тѣ «рабы Христовы», которые попросту называются странниками или бѣгунами и которые воплощеніе воцарившагося антихриста усматриваютъ въ представителяхъ верховной власти. Избѣгая антихриста, послѣдователи этой секты занимаются постоянными странствованіями, снабженные паспортами отъ Новаго Іерусалима или града Вышняго. Вотъ образчикъ паспорта бѣгуновъ: «Объявитель сего рабъ Іисуса Христа (имя-рекъ) уволенъ изъ Іерусалима—града Божія, въ разные города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а пить и ѣсть съ воздержаніемъ, противъ всѣхъ не прекословить, токмо Бога

славословить; убивающихъ тѣла не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться; ходить правымъ путемъ во Христѣ, дабы не задержали бѣси раба Божія нигдѣ. Утверди мя, Господи, во святыхъ заповѣдяхъ стояти и отъ Востока Тебя, Христа, къ западу, сирѣчь къ антихристу, не отступати. Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого ся убою? Господь защититель живота моего, кого ся устрашу? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ—Богъ, прибѣжище—Христосъ, покровитель и просвѣтитель—Духъ Святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ буду много плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хочетъ съ Господомъ моимъ знаться. А царь мой и Господь самъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій. А кто мя ради вѣры погонитъ, тотъ явѣ ся со антихристомъ во адъ готовитъ. Данъ сей паспортъ изъ града Бога Вышняго, изъ сіонской полиціи, изъ голгоѳскаго квартала. Приложено къ сему паспорту множество невидимыхъ св. отецъ рукъ, еже бо боятися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей паспортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочито—на страшный Христовъ судъ. Прописаны мои примѣты и лѣта въ радости будущаго вѣка. Явленъ паспортъ въ части святыхъ и въ книгу животну подъ номеромъ будущаго вѣка записанъ» (стр. 23). Что касается ученія странниковъ, то одинъ изъ нихъ, рабочій Орловъ, проповѣдывалъ и писалъ о Петрѣ Великомъ, что онъ «право первый, въ злобѣ осмотысячный первенецъ сатанинъ; тѣ, кои приняли его, суть его вѣрноподданные; они поклонялись ему, яко помазаннику, а онъ помазанникъ сатаны; мы же не кланяемся ему, не приносимъ чести и покоренія и нынѣшнему самодержцу; въ ревизіи вашего императора не хощемъ писатися, дани двуглавому орлу съ души своей не даемъ». Странникъ Ипатовъ, схваченный полиціей въ 1842 году, разсказалъ, что онъ «родился въ горахъ, Россійской имперіи не приписанныхъ, но, будучи уже на возрастѣ, съ родителями и тремя старцами проживалъ въ лѣсахъ, которые съ сѣверной стороны примыкаютъ къ океану. Вѣры онъ православной, той самой, которая была передана св. апостолами въ Іерусалимѣ, кровію мучениковъ обагрена, семью соборами утверждена и запечатлѣна. Къ церкви принадлежитъ, но церковь эта не имѣетъ ни крова, ни стѣнъ, а окружена только вѣрою и любовію къ Господу. Господствующую всероссійскую церковь признаетъ зловѣріемъ. Угодниковъ, жившихъ до Никона, почитаетъ, а новоявленныхъ отрицаетъ. Иконы чтитъ, но не признаетъ иконъ новыхъ, такъ какъ ихъ пишутъ табачники и бритоусцы. Россійскаго царя признаетъ за змія седьмиглаваго и антихриста, его законы отвергаетъ и къ подданству ни его, ни какой либо другой державы принадлежать не желаетъ. Хотя грамотный, но показанія своего не подпишетъ, по-

тому что отъ людей, противныхъ ему по вѣрѣ, перо брать не можетъ, не впадая въ тяжкій грѣхъ» (стр. 24). Избѣгая міра и царящаго въ немъ антихриста, который наложилъ свою печать ереси и богоотступничества на весь церковно-общественный и гражданскій бытъ, странники скрываются въ горахъ, на пасѣкахъ, въ подпольяхъ домовъ и другихъ укромныхъ мѣстахъ, стараясь не оставаться долго въ одномъ и томъ же пріютѣ, но возможно чаще мѣнять свое мѣстопребываніе, употребляя всѣ мѣры къ тому, чтобы не оказаться въ рукахъ «никоніанскихъ властей» и не попасть въ ревизію. Ревизія, по воззрѣнію странниковъ, есть сѣть, уловляющая въ царство антихриста. «Міръ, учатъ они, блудница есть, и святіи проразумѣша, яко въ мірѣ неудобь можно сохранити добродѣтели, и начаша бѣгати міра и жити въ пустынѣхъ. Сколько бысть святыхъ отецъ, устранившихся отъ міра и жившихъ въ пустынѣхъ?! Всему тому равноангельскому блаженному житію ревизія полагаетъ препону» (стр. 25). Во главѣ странниковъ находятся учители или наставники, которые не щадятъ никакихъ усилій, чтобы умножить количество своихъ сторонниковъ. И каждый изъ бѣгуновъ долженъ поступать также. Одни изъ бѣгуновъ принадлежатъ къ «денежникамъ», т. е. допускаютъ употребленіе денегъ при куплѣ и продажѣ, а другіе—къ «безденежникамъ», которые отказываются отъ денегъ и не принимаютъ ихъ въ руки на томъ основаніи, что они—печать антихриста; впрочемъ, послѣдніе только «сами не принимаютъ денежной милостыни, но своимъ страннопріемцамъ поручили принимать ее для нихъ и на собранныя деньги покупать имъ все потребное»; такимъ образомъ, безденежники допускаютъ хитрость, но дѣлаютъ при этомъ видъ, что не замѣчаютъ ея (стр. 28). Наконецъ, въ Томской губерніи есть тюменское согласіе, послѣдователи коего возстаютъ противъ записи въ гражданскія ревизіи, но за царя молятся, браки принимаютъ и т. п.

Томскій расколъ силенъ своими духовными руководителями, лже-архіереями и лже-попами въ поповщинѣ и наставниками въ безпоповщинѣ, которые учительствуютъ, отправляютъ богослуженія и исправляютъ требы для раскольниковъ, совращаютъ православныхъ, группируютъ вокругъ себя раскольническую среду того или иного согласія, придаютъ ей сплоченность, а вмѣстѣ съ тѣмъ мощь и жизненность, и вообще находятся во главѣ раскольническаго общества. Типичнымъ представителемъ духовенства у поповцевъ можетъ служить бѣглый попъ Василій Артамоновъ. Артамоновъ былъ раньше священникомъ и даже благочиннымъ въ Костромской губерніи, потомъ оставилъ православный приходъ и убѣжалъ къ нижегородскимъ раскольникамъ, которые приняли его съ большой радостью и устроили ему служеніе при богатой часовнѣ въ с. Городцѣ. Но полиція выслѣдила и захватила Артамонова, послѣ

чего его судили за связь съ раскольниками и другія противозаконныя дѣла и, съ лишеніемъ сана и правъ, сослали въ 1838 году въ Сибирь. Несмотря на то, что поселенецъ былъ «обнаженъ» священства, сибирскіе раскольники увидѣли въ немъ неожиданное и дорогое для себя пріобрѣтеніе. Узнавъ о согласіи поселенца на служеніе старообрядству, они увезли его въ глухую тайгу, въ такъ называемый Каинскій урманъ, гдѣ и укрывали на пасѣкѣ. Но ѣздить на урманъ было далеко и неудобно, поэтому для него нашли тайное помѣщеніе на пасѣкѣ въ Барнаульскомъ уѣздѣ. Рьянаго и расторопнаго покровителя для себя Артамоновъ встрѣтилъ въ лицѣ нѣкоего Максимова, который именовалъ себя «попечителемъ старообрядческихъ общинъ», объѣхалъ раскольническія села и деревни и оповѣстилъ жителей о появленіи попа древляго благочестія. Раскольники съ радостью шли и ѣхали къ этому попу за своими нуждами, а пріѣзжавшимъ къ нимъ православнымъ священникамъ говорили: «Вы зачѣмъ къ намъ? У насъ имѣется свой попъ, котораго привезъ Максимовъ». Но Артамоновъ былъ затѣмъ схваченъ полиціей, и раскольники остались безъ попа. Нерѣдко, вслѣдствіе нужды, старообрядцы замѣняли поповъ дьяками, т. е. церковными дьячками, которые пользовались правомъ служить вечерни, утрени и часы, совершать крещеніе и отпѣваніе умершихъ, вѣнчать, исповѣдывать и причащать, получая на это «полномочіе» отъ проѣзжавшихъ поповъ, которые снабжали ихъ и запасными дарами. Нѣкоторые изъ дьяковъ имѣли большое вліяніе на раскольниковъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія въ Томской губерніи была попытка основать священство мнимо-Бѣловодскаго поставленія. Ночью, 16 августа 1869 года, томскій окружной исправникъ Стоцкій арестовалъ въ деревнѣ Батуриной, близъ Томска, бродягу, назвавшаго себя архіепископомъ Аркадіемъ, бѣжавшимъ изъ якутской ссылки. Въ доказательство своего высокаго сана бродяга представилъ слѣдующую любопытную грамоту: «Божіею милостью азъ, смиренный Аркадій, архіепископъ туркестанскій, бѣловодскій, японскій, англо-индійскій, манджурскій, россійскій, архангельскій, олонецкій, вологодскій, с.-петербургскій, новгородскій и астраханскій. По благодати Вышняго архіерея Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и по дару Духа Святаго, сподобился азъ, многогрѣшный, архіерейскаго достоинства; хиротонисанъ въ епископа Манджуріи и Туркестану Сирскому въ лѣто 1846-ое мѣсяца декабря 25 дня. Хиротонисалъ меня святѣйшій патріархъ Мелетій Сирскій, бѣловодскій, исть-индійскій (sic), великія и малыя Эѳіопіи и великой Индіи, Японскаго царства и Китайскаго государства. Родился азъ въ 1817 году мая 1 дня. Въ сей грамотѣ поясняю мало и кратко о своемъ страданіи, какъ пріялъ Христа ради раны и заточенія, и како въ архангельскихъ лѣсахъ разорили нашу обитель,

180 иноковъ и двухъ митрополитовъ убили, меня ранили пулей въ лѣвую руку, а штыками прокололи въ правое бедро. Потомъ представили россійскому царю Николаю. Онъ преклонялъ къ своей вѣрѣ и не могъ; передалъ меня судить сенату, и той не могъ склонити. Потомъ царь Николай повелѣлъ сослать меня въ крѣпость въ Суздаль на вѣчное заточеніе, а святительства не лишилъ. Царь Александръ II меня освободилъ, а въ 1865 году повелѣлъ сослать въ Сибирь, въ Якутскъ, но я оттоль тайно ушелъ. Паки слѣдую своего престола и свидѣтельствую о себѣ, яко предъ Богомъ, аще едину іоту солгалъ или утаилъ, то буду проклятъ и вселюся съ сатаною въ муку вѣчную. Всѣмъ истину проповѣдую и за истину пострадалъ». У лже-архіепископа, при взятіи его, исправникъ отобралъ нѣсколько церковныхъ книгъ дониконовской печати, кресты, иконы, въ томъ числѣ икону съ надписью: «Іс. Хр. Благое молчаніе», гдѣ Спаситель изображенъ въ архіерейскомъ саккосѣ съ двумя крылами и восьмиугольномъ вѣнцѣ вокругъ головы, архіерейское облаченіе, разныя принадлежности богослуженія, три подложныхъ указа съ провозглашеніемъ полной свободы вѣры для старообрядцевъ разныхъ толковъ. Началось слѣдствіе, на которомъ лже-архіепископъ выдалъ себя за бродягу. Его заключили въ томскую тюрьму, откуда этотъ ловкій, изворотливый и видавшій виды человѣкъ сумѣлъ бѣжать. Его потомъ опять схватили въ Пермской губерніи, сослали въ Каинскъ, оттуда онъ также бѣжалъ и священнодѣйствовалъ у раскольниковъ Пермской, Самарской и Уфимской губерній. Впослѣдствіи полиція установила, что Аркадій былъ сынъ кіевскаго чиновника Пикульскаго, виновный во многихъ преступленіяхъ.

Когда было учреждено австрійское священство (1846 г.), то оно мало-по-малу распространилось и въ Томской губерніи. Первымъ австрійскимъ лжеепископомъ здѣсь былъ Савватій, въ міру тульскій второй гильдіи купецъ Степанъ Левшинъ, а послѣ него— Меѳодій, родомъ изъ томскихъ крестьянъ. Въ настоящее время большинство томской поповщины держится лжеепископа Антонія, поставленнаго изъ заводскихъ крестьянъ Пермской губерніи, живущаго въ потаенномъ монастырѣ на рѣкѣ Юксѣ, въ 80 верстахъ отъ Томска; изъ этого пристанища Антоній разъѣзжаетъ по всей губерніи и отсюда разсылаетъ по всѣмъ сибирскимъ старообрядцамъ пастырскія посланія. Кромѣ епископовъ, у томской поповщины имѣются и австрійскіе лжепопы, коихъ отъ появленія въ Томскѣ Савватія до настоящаго времени въ разныхъ мѣстахъ края было до 30 человѣкъ.

У раскольниковъ безпоповщинскаго толка были свои наставники и наставницы, изъ среды мѣстныхъ крестьянъ, переселенцевъ и ссыльныхъ. Они имѣли большое нравственное вліяніе на своихъ послѣдователей, до фанатизма возстановляли ихъ противъ

православныхъ и безъ всякаго стѣсненія занимались пропагандою раскола. Такъ, въ 1868 году жители деревни Березовки, Бійскаго уѣзда, открыли у себя школу и пригласили въ нее православнаго учителя, который и приступилъ къ занятіямъ; но вотъ въ деревню явился безпоповскій наставникъ Лубягинъ и внушилъ крестьянамъ, что ихъ дѣти черезъ ученіе никоніанскаго учителя погибнутъ, а книги, употребляемыя въ школѣ, необходимо сжечь, какъ еретическія; отцы отобрали своихъ дѣтей, и школа закрылась.

Кромѣ духовныхъ руководителей, томскому расколу придаютъ сплоченность, жизненность и силу принадлежащіе раскольникамъ молитвенные дома, часовни и скиты. Моленныхъ и часовенъ у томскихъ раскольниковъ очень много: почти въ каждой раскольнической деревнѣ и у каждаго лжепопа или наставника имѣется походная церковь или особое помѣщеніе для молитвенныхъ собраній. Многія изъ нихъ устроены прекрасно, ничѣмъ не отличаются отъ постоянныхъ храмовъ и привлекаютъ многочисленныхъ богомольцевъ. Въ деревнѣ Шипициной, Барнаульскаго уѣзда, моленная устроена на «мученическихъ костяхъ» расколоучителя Абрамова и его семейства, предавшихъ себя самосожженію, съ цѣлью не попасть въ руки никоніанскихъ властей. Въ началѣ 1840 годовъ часовня имѣла до десяти тысячъ прихожанъ и именовалась не иначе, какъ соборной. Другая «знаменитая и соборная» часовня была въ деревнѣ Яркульской, Каинскаго округа; она была очень благоустроена: здѣсь висѣли богатыя паникадила, стѣны почти сплошь были заставлены большими и хорошо написанными иконами и т. д.

Томскіе раскольники, стараясь избѣгнуть сѣтей антихриста и найти благопріятныя условія для уединеннаго богомолья, оставляли родныя села и деревни и уходили въ лѣса и горы, гдѣ и подвизались или уединенно, или въ скитахъ и монастыряхъ. Большія удобства для подвижничества представляютъ Алтайскія горы, съ ихъ дикими и неприступными скалами, съ непроходимыми лѣсами и уединенными тайниками. И здѣсь, дѣйствительно, всегда были многочисленныя раскольническія поселенія, извѣстныя лишь людямъ довѣреннымъ, ревниво охранявшіяся старообрядцами отъ посторонняго глаза и доступныя лишь немногимъ. Такъ въ 1840 году, во время обыска, произведеннаго на Алтаѣ слѣдственною властью по поводу побѣга раскольниковъ въ Бѣловодье, на вершинѣ Сорочинской горы была открыта замѣчательная отшельническая изба. Она имѣла крайне затруднительный и опасный доступъ къ себѣ, среди вѣчнаго ледника съ его трещинами и скользинами. Въ этой избѣ уединенно подвизался крестьянинъ Ѳедосъ Земировъ, юноша 19 лѣтъ. Его взяли и, забравши изъ кельи принадлежавшія ему книги и рукописи, «полныя самыхъ фанатическихъ ругательствъ на церковь и правительство», при-

вели въ сосѣднюю деревню, заковали въ кандалы и отдали подъ охрану деревенской стражи. Но въ первую же ночь арестованный бѣжалъ, «по безпечности стражи». Для розыска бѣжавшаго былъ вызванъ отрядъ казаковъ. Проводникомъ согласился быть братъ бѣжавшаго, Яковъ. Долго онъ водилъ казаковъ по огромнымъ крутизнамъ и стремнинамъ и, измучивъ ихъ до полнаго изнеможенія, самъ на одной изъ горныхъ извилинъ скрылся изъ ихъ глазъ почти внезапно и безслѣдно. Казаки поняли, что проводникъ кружилъ ихъ по ложнымъ путямъ, и съ большимъ трудомъ выбрались изъ горъ. Послѣ этого деревня была оцѣплена казаками, которые зорко слѣдили за тѣмъ, не пойдетъ ли кто нибудь въ горы для передачи бѣглецамъ пищи. Истощенные голодовкой, Земировы чрезъ нѣсколько времени вышли изъ ущелій и объявились въ деревнѣ. Въ Алтайскихъ горахъ подвизались большею частью «старички», забиравшіеся обыкновенно въ самую глушь. Замѣчательнымъ «монастырскимъ старичкомъ» въ срединѣ XIX в. былъ Терентій Балуевъ. Между православными жителями Смоленской волости, Бійскаго уѣзда, давно шла молва, что раскольники ходятъ къ какому-то пустынному иноку, предъ которымъ благоговѣютъ и у котораго привыкли испрашивать молитвы и благословеніе на всякое общественное и семейное дѣло. Зимой 1867 г. трое православныхъ крестьянъ деревни Устюбы отправились «козловать», т. е. бить дикихъ козъ. Подвигаясь высокими горами, охотники въ одномъ мѣстѣ учуяли запахъ дыма. Желая узнать, откуда онъ въ такомъ дикомъ и пустынномъ мѣстѣ, одинъ изъ охотниковъ, Юркинъ, надернулъ на ноги маслыки, т. е. желѣзныя подковы съ рогатками, при помощи коихъ можно ходить по крутымъ косогорамъ, и, спустившись внизъ саженъ на 50, увидѣлъ дымъ «точно изъ печки» и далъ знать товарищамъ, чтобы принесли запасныя веревки изъ вьюковъ, которые были на лошадяхъ. Всѣ втроемъ спустились по веревкамъ еще саженъ на 30 и остановились «на прилавкѣ». Съ прилавка еще ниже по горѣ замѣтили келью и потомъ вышедшаго изъ нея человѣка, который сталъ разгребать снѣгъ. «Мы, разсказывали охотники, стали спускаться къ нему уже безъ веревокъ и, когда подошли близко, окликнули: что за человѣкъ и съ кѣмъ живетъ? Пустынникъ отвѣтилъ, что онъ инокъ Терентій и живетъ въ этой кельѣ одинъ, при чемъ позвалъ насъ къ себѣ въ келью. Келья пятистѣнная изъ двухъ комнатъ съ сѣнями, а вблизи нея другая малая келья въ одну комнату; обѣ крыты драньемъ и обѣ съ окнами, изъ которыхъ видно внизъ очень далеко во всѣ стороны, а снизу замѣтить ихъ по высотѣ и крутизнѣ невозможно. Инокъ накормилъ насъ обѣдомъ: тыквой съ медомъ, вареной рыбой съ печенымъ хлѣбомъ и сухарями. Осмотрѣвъ келью, мы увидѣли домохозяйство полное: много деревянной посуды, кадокъ, лагуновъ и берестяныхъ туясьевъ.

Въ запасѣ нашлась рѣпа, брюква, соленая колба, капуста, мука, крупа, соленая рыба, медъ и воскъ. Терентій объяснилъ, что все это доставляютъ ему окрестные крестьяне черезъ одного «довѣреннаго». Изъ кельи Терентій повелъ насъ къ пещерѣ, въ которой жилъ прежде. Мы лазили въ пещеру, въ ней изба небольшая, входъ прикрытъ каменными плитами. Недалеко отъ пещеры на склонѣ горы поставленъ деревянный крестъ, вышиною болѣе двухъ аршинъ. Когда мы собирались уходить, инокъ далъ намъ на дорогу меду. Несмотря на это, мы все-таки сочли нужнымъ отобрать у него псалтирь». Охотники совсѣмъ не имѣли намѣренія доносить начальству о гостепріимномъ инокѣ, но медъ, полученный ими отъ него, сыгралъ предательскую роль. Оказалось, что въ ту же ночь у одного изъ раскольниковъ было украдено 24 пуда меду. Когда пострадавшій явился съ понятыми къ охотнику Юркину и нашелъ у него медъ, то заявилъ, что этотъ медъ украденъ у него. Напрасно Юркинъ говорилъ, что медъ получилъ отъ инока Терентія, раскольники ему не вѣрили. Съ обыскомъ пришли и къ другому охотнику Исакову. Этотъ показалъ взятую у пустынника псалтирь, и раскольники испугались. Послѣ этого православные крестьяне стали настаивать на томъ, чтобы привезти Терентія въ деревню изъ его кельи, но раскольники упирались и оттягивали время. «Да мы, передавали потомъ первые, признаться, побаивались ѣхать, потому что по горамъ насъ можно было перебить и упрятать» (стр. 78). Они все-таки дали знать засѣдателю о своей находкѣ. Когда раскольники узнали объ этомъ, то сначала кричали: «затопчемъ деньгами это дѣло», а затѣмъ, по требованію старосты, отправились за инокомъ вмѣстѣ съ охотниками. Когда прибыли на мѣсто, охотники пошли къ кельѣ, а раскольники стали внизу, не двигаясь. Спустившись съ горы, Терентій подошелъ къ толпѣ одновѣрцевъ и поклонился имъ въ ноги со словами: «простите, благословите и помолитесь о мнѣ». Изъ толпы выступилъ крестьянинъ Чикинъ, поклонился старику три раза до земли и отвѣтилъ: «насъ прости и благослови, о насъ многогрѣшныхъ молись». На допросѣ Терентій заявилъ, что онъ помѣщичій крестьянинъ Пермской губерніи 80-ти лѣтъ, грамотный, ушелъ съ родины назадъ тому 20 лѣтъ, подвизался сначала близъ Томска съ инокомъ Евстаѳіемъ, который облекъ его въ мантію и камилавку, далъ запасное причастіе и мѣдную кадильницу и благословилъ на пустынножительство. Затѣмъ Терентій ушелъ на Алтай и поселился здѣсь въ пещерѣ, пропитываясь хлѣбомъ, приносимымъ неизвѣстными людьми. У него отобрали старыя иконы и богослужебныя книги, вѣнчики, разрѣшительныя молитвы и восковыя свѣчи. Когда Терентій былъ пойманъ, крестьяне-раскольники не могли скрыть своей печали о дорогой потерѣ и изъявляли свое сочувствіе отшельнику тѣмъ, что хотѣли отнять его

у властей и помѣшать заключенію въ Бійскій острогъ, предлагали открывшимъ его охотникамъ 200 рублей, а священнику, производившему разслѣдованіе, 500 рублей, чтобы потушить дѣло, потомъ же стали мстить всѣми средствами поймавшимъ отшельника крестьянамъ.

Томскіе пустынники-старообрядцы живутъ не только одиночно или въ числѣ 4—5 человѣкъ, но иногда въ разныхъ потаенныхъ частяхъ губерніи обитаютъ довольно значительными группами, образуя цѣлые правильно организованные и хорошо устроенные скиты и монастыри. Напримѣръ, одинъ изъ скитовъ находился въ въ Маріинской тайгѣ, за рѣкою Тяжинъ. Здѣсь многочисленныя скитскія постройки раскинуты такъ, что одна келья отстоитъ отъ другой на сто или даже на двѣсти саженъ. Низкія кельи, всегда почти обращенныя фасадомъ къ озеру или болоту, заваливаются еще хворостомъ и потому издали не замѣтны. Тропинки между отдѣльными избами закидываются сучьями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ между кельями въ лѣтнее время нельзя пройти вовсе, и ихъ обитатели сообщаются между собою при посредствѣ лодокъ, тщательно укрываемыхъ въ болотныхъ камышахъ. Вообще скиты устроены и расположены такъ, что непривычному взгляду нельзя открыть ихъ существованіе здѣсь. Населеніе скита состоитъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, бѣглыхъ, ссыльныхъ поселенцевъ и даже каторжниковъ. Они въ лѣсныхъ прогалинахъ пашутъ землю, разводятъ огороды и ведутъ вообще полное хозяйство. Въ «монастырь» часто приходятъ новые поселенцы, которыхъ принимаютъ черезъ перекрещиванье. Внутренняя жизнь скита мало извѣстна, потому что проникнуть въ него трудно и зимой и лѣтомъ, а взять скитниковъ—прямо невозможно. Сосѣдніе православные крестьяне не соглашаются быть проводниками въ скитъ, опасаясь мести со стороны его обитателей. Въ 1868 году на Алтаѣ, въ верховьяхъ рѣки Убы, засѣдатель Звенигородскій открылъ замѣчательный раскольническій скитъ. О существованіи этого скита въ народѣ давно ходили слухи, но темные и иногда нелѣпые. Подтвержденіемъ имъ служили временныя отлучки нѣкоторыхъ раскольниковъ изъ постоянныхъ мѣстъ ихъ жительствъ, а также случайныя встрѣчи со скитниками охотниковъ, странствовавшихъ въ горахъ. Засѣдатель Звенигородскій, которому было поручено провѣрить эти слухи, запасшись предварительными свѣдѣніями, добытыми съ крайнею осторожностью, отправился на розыски въ сопровожденіи крутоберезовскаго волостнаго старшины съ понятыми, набранными почти исключительно изъ православныхъ крестьянъ. Но старшина оказался православнымъ только по имени, въ дѣйствительности же былъ однимъ изъ вожаковъ мѣстнаго раскола. Десять дней бродилъ засѣдатель съ партіей понятыхъ, переправляясь съ огромными трудностями съ одной вершины горы на другую, и все безъ всякихъ

результатовъ: проводники, находившіеся подъ давленіемъ старшины раскольника, и захваченные на пути пасѣчники обманывали чиновника и намѣренно водили его вдали отъ скита, съ цѣлью дать возможность пустынникамъ скрыться. Наконецъ, въ горной щели, въ 150 верстахъ отъ населеннаго пункта, Звенигородскій самъ замѣтилъ избу, за ней другую и третью. Нашли четыре просторныя избы, отстоящія саженъ на 100 другъ отъ друга. Избы новыя, хорошей работы, съ большими окнами и со службами въ видѣ кладовыхъ и погребовъ. Въ кладовыхъ найдено до 100 пудовъ ржаной муки и 25 пудовъ просяной, 3 пуда масла, 2 пуда сухой рыбы и довольно много смолотаго въ муку древеснаго гнилья, которое скитники употребляли въ пищу, перемѣшивая съ хлѣбной мукой. Позади одной избы стояла кузница и слесарня. Въ послѣдней были видны слѣды отливки и обработки мѣди. Людей въ избахъ никого не оказалось, но по разбросаннымъ вещамъ изъ домашняго скарба, по дровамъ, наскоро затушеннымъ въ печахъ, по оставшейся большой квашнѣ замѣшеннаго тѣста можно было судить, что обитатели скрылись отсюда недавно, будучи предупреждены кѣмъ либо изъ провожатыхъ. Вскорѣ засѣдатель натолкнулся на цѣлую кучу имущества, спрятаннаго въ кустахъ, и затѣмъ принялся за поиски людей. Къ вечеру того же дня скитники начали попадаться въ окрестностяхъ поодиночкѣ, а потомъ были найдены группой, собравшейся въ густомъ пихтовомъ лѣсу. Тутъ были мужчины, женщины, дѣти и дряхлые старики, въ числѣ до 70 человѣкъ. Раскольники сдались безъ сопротивленія. Близъ скита открыта уединенная пасѣка тобольскаго выходца Шадрина, гдѣ было найдено много церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, паспортныхъ листовъ и разныхъ рукописей, переплетный станокъ и разныя краски для раскрашиванія въ рукописяхъ виньетокъ и заставокъ. Послѣ разслѣдованія дѣла оказалось, что скитники находились подъ духовнымъ руководствомъ наставника Трегубова, ссыльнокаторжнаго изъ оренбургскихъ казаковъ. Его пасомые стеклись на алтайскія вершины изъ разныхъ губерній Россіи, откуда они удалились самовольно, и только нѣкоторые брали паспорта, которые здѣсь или уничтожали или прятали у пасѣчниковъ. По разбросаннымъ тамъ и сямъ избамъ мужчины жили отдѣльно отъ женщинъ, кромѣ семейныхъ, которымъ отводились помѣщенія вдали отъ главнаго скита. Хлѣбопашествомъ скитники не занимались, за тѣмъ исключеніемъ, что «руками копали» нѣсколько полосокъ, на которыхъ садили рѣпу, морковь, брюкву, а хлѣбъ получали со стороны отъ своихъ радѣтелей. Будучи свободны отъ хозяйственныхъ работъ, они, по ихъ словамъ, тѣмъ усерднѣе предавались молитвѣ и чтенію священныхъ книгъ. По всѣмъ признакамъ, здѣсь изготовлялась масса раскольническихъ рукописныхъ изданій. Впослѣдствіи разсказывали, что предъ прибытіемъ засѣдателя скитники сложили

свое книжное богатство на два воза и отдали его на храненіе пасѣчникамъ, въ томъ числѣ Шадрину. Послѣ ареста захваченныхъ скитниковъ, семеро изъ нихъ, наиболѣе важные, озлобленные и фанатичные, въ томъ числѣ Трегубовъ, были препровождены въ бійскую тюрьму, а остальные отданы подъ надзоръ крутоберезовскаго волостного правленія и расквартированы въ деревнѣ Верхъ-Убинской. Между послѣдними вскорѣ открылась усиленная смертность, получившая эпидемическій характеръ. Эпидемія была тѣмъ изумительнѣе, что свирѣпствовала только между скитниками, не касаясь обывателей. Донося объ этомъ губернатору, исправникъ объяснялъ ее истощеніемъ скитниковъ отъ поста, коему они усиленно стали предаваться послѣ ареста. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ изъ нихъ умерло 27 человѣкъ, да 13 разбѣжалось. Бѣжалъ по дорогѣ въ тюрьму и Трегубовъ. Между тѣмъ секретъ необычайной смертности среди скитниковъ сталъ понемногу раскрываться. Въ народѣ возникла молва о «соломенныхъ мертвецахъ». Засѣдатель Будзинскій, продолжавшій слѣдствіе по дѣлу скитниковъ, чрезъ нѣсколько времени секретно донесъ губернатору, что бывшая среди нихъ громадная смертность есть обманъ, такъ какъ въ числѣ 14 старообрядцевъ, арестованныхъ имъ по дѣлу фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ въ верховьяхъ рѣки Убы, восемь оказались изъ тѣхъ, которые были взяты въ скиту Звенигородскимъ и затѣмъ показаны умершими или бѣжавшими изъ крутоберезовскаго волостного правленія. Будзинскій просилъ у губернатора разрѣшенія на разрытіе могилъ. Получивъ его, онъ разрылъ восемь могилъ, и умершихъ въ нихъ не оказалось. Донося объ этомъ губернатору, Будзинскій заключилъ сообщеніе словами: «Такія ли еще дѣла дѣлались у насъ, въ Бійскомъ округѣ!» Въ то время, какъ производилось слѣдствіе о скитникахъ, бѣжавшій съ дороги Трегубовъ собралъ новую партію старцевъ, искавшихъ скитскаго житія, въ числѣ 50 человѣкъ, и ушелъ съ ними на новое мѣсто, вглубь Алтая. Сюда старцы перевезли и избы, оставшіяся послѣ взятыхъ Звенигородскимъ пустынниковъ, и основали новый скитъ. Жизнь ихъ послѣ этого проходила спокойно, безъ всякаго опасенія за свое благополучіе, такъ какъ начальство считало невозможнымъ проникнуть сюда безъ вѣдома скитниковъ. Бійскій исправникъ донесъ губернатору, что алтайскихъ пустынножителей, вслѣдствіе дикости и неприступности ихъ мѣстопребыванія и охраны со стороны сосѣднихъ раскольниковъ, не только не могутъ истребить участковые засѣдатели, но, если бы была устроена для этого особая полиція, то и она не достигла бы цѣли. Взять скитниковъ такъ, какъ взялъ Звенигородскій, удается только однажды (стр. 88).

Въ 1874 году, засѣдатель Борзовъ открылъ скитъ въ урочищѣ Урманскомъ Каинскаго уѣзда. Здѣсь оказалось пять домовъ. Въ одномъ была устроена моленная и жили 11 братьевъ «дѣвственниковъ»,

въ другомъ помѣщалась женская обитель, а остальные были населены семейными «братьями». На дворѣ стояли амбары, въ которыхъ находилось до тысячи пудовъ хлѣба, конная мельница, кузница, токарная и слесарная мастерскія, помѣщеніе для выжимки конопляного масла. Скитомъ управлялъ инокъ Антоній. Его подчиненные вышли изъ различныхъ губерній, но никто изъ нихъ письменныхъ видовъ не имѣлъ и имѣть былъ несогласенъ, такъ какъ это противно правиламъ вѣры; податей скитники не платили, считая и это дѣломъ беззаконнымъ. При заарестованіи скитники не обнаружили никакой попытки къ физическому сопротивленію. Сопротивленіе послѣдовало въ другомъ родѣ. Наставникъ объявилъ, «что отселѣ никто изъ скитниковъ не прикоснется къ пищи, потому что все, что перешло въ руки нечестивыхъ или исходитъ изъ ихъ рукъ, все это осквернено, заплевано антихристомъ». Голодными они поѣхали въ каинскую тюрьму, гдѣ Антоній повторилъ свое запрещеніе относительно пищи, позволивъ имъ только снѣгомъ утолять жажду. Среди заключенныхъ начались болѣзни вслѣдствіе голоданія, и многіе были отправлены въ больницу, гдѣ ихъ стали питать «медицинскимъ способомъ». Нѣкоторые изъ больныхъ отказались и отъ этого, и четверо изъ нихъ заморили себя голодомъ. Кажется, впослѣдствіи Антоній и другіе его братья не захотѣли миновать того же рокового исхода (стр. 90). И въ настоящее время въ томской тайгѣ существуютъ два австрійскіе монастыря, мужской и женскій, большіе, благоустроенные и богатые; имъ оказываютъ денежную помощь даже московскіе раскольники—купцы.

Въ царствованія императоровъ Николая I и Александра II было сдѣлано много правительственныхъ распоряженій относительно раскола. Извѣстно, что при имераторѣ Николаѣ Павловичѣ расколъ подвергся большимъ ограниченіямъ: было запрещено публичное оказательство раскольническаго ученія и богослуженія, раскольническіе скиты и монастыри было приказано упразднять, бѣглые попы возвращались на мѣста ихъ прежняго жительства. Раскольническіе браки признавались сводными сопряженіями, и дѣти отъ этихъ браковъ юридически разсматривались на ряду съ незаконнорожденными и т. п. Въ первые годы царствованія Александра II оставались въ силѣ прежнія распоряженія о расколѣ. Но мало-по-малу гуманное преобразовательное направленіе коснулось и старообрядцевъ, и въ 1864 году были обнародованы «Постановленія», значительно смягчившія положеніе раскола.

Какъ же дѣйствовалъ и жилъ томскій расколъ въ виду строгихъ ограниченій и стѣсненій первой половины XIX вѣка и гуманныхъ, но не всегда умѣло и цѣлесообразно примѣнявшихся мѣропріятій второй его половины? Тайна—вотъ первое средство, къ которому прибѣгалъ томскій расколъ въ отстаиваніи своихъ интересовъ, своей цѣлости и самобытности. «Не знаю», «не помню»—

это было обычнымъ отвѣтомъ раскольниковъ при офиціальныхъ допросахъ объ ихъ вѣрѣ, жизни и дѣятеляхъ. Иногда раскольники и пытались что нибудь сообщать начальству о своей внутренней жизни, а потомъ отказывались отъ своихъ показаній. Сохраняя все въ секретѣ, раскольники умѣли въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ оставлять въ неизвѣстности для властей и православныхъ своихъ сосѣдей большіе благоустроенные скиты и монастыри. Нерѣдко и самые дома въ раскольническихъ поселкахъ устроивались съ секретными ходами и тайниками, въ коихъ скрывались тѣ, кому нужно было избѣгать посторонняго глаза, и гдѣ находились разные запрещенные предметы, антиправительственныя и антицерковныя книги и рукописи. Большую роль въ охраненіи раскольническихъ тайнъ имѣли пчеловодныя пасѣки, устроиваемыя обыкновенно вдали отъ селъ и деревень и удобныя для содержанія въ секретѣ какихъ угодно дѣлъ. На пасѣкѣ проживали бродяги, фабриковались фальшивые паспорта и кредитные билеты, укрывались заѣзжіе и преслѣдуемые расколоучители, находили убѣжище разнаго рода пустынники,—пасѣчники снабжали скитниковъ провизіей, предупреждали ихъ въ случаѣ обысковъ, слѣдствій и т. п. Въ свою очередь, пасѣчныя избы иногда также имѣли при себѣ тайники, въ коихъ можно было творить какія угодно дѣла, до оборудованія тайной типографіи включительно (стр. 105). Тамъ, гдѣ тайна не была приложима въ качествѣ охраняющаго средства, раскольники обнаруживали молчаливое, но почти непобѣдимое сопротивленіе. Часовни, запечатываемыя и закрываемыя по распоряженію губернскихъ и епархіальныхъ властей, очень часто распечатывались старообрядцами самовольно, при чемъ они на допросѣ утверждали, что печати или склевали птицы, или сломали дѣти, или сорвали неизвѣстные люди. Но еще до распечатыванія они ухитрялись служить въ нихъ и выносить въ частные дома всѣ находящіяся здѣсь цѣнныя вещи. Не стѣснялись раскольники и ремонтировать свои молитвенные дома безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія. А запечатаніе часовенъ грозило властямъ даже убійствомъ и производилось иногда при содѣйствіи усиленной военной команды. Раскольники не стѣснялись и запрещеніемъ касательно публичнаго оказательства своихъ богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ,—употребляли для звона колокола или чугунныя доски, служили молебны на улицахъ и поляхъ, съ пѣніемъ хоронили умершихъ, ходили въ день Богоявленія на воду съ торжественнымъ пѣніемъ и при стеченіи сотенъ народа и т. п.

Но съ особою силою и безбоязненностью томскій расколъ заявилъ себя въ заключеніи сводныхъ браковъ, т. е. повѣнчанныхъ по раскольническимъ обрядамъ или даже совсѣмъ не вѣнчанныхъ, но состоявшихся лишь по благословенію родителей. Въ этомъ дѣлѣ раскольники допускали много злоупотребленій и обнаружили большую нравственную безпорядочность. Сводныхъ бра-

ковъ въ томскомъ расколѣ было огромное количество. Своды устроивались безъ всякаго соблюденія правилъ о степеняхъ родства и узаконеній о совершеннолѣтіи. Двухъ родныхъ братьевъ вѣнчали на родныхъ сестрахъ, дядю сводили съ племянницей; юношей 17 лѣтъ безпрепятственно вѣнчали на не достигшихъ совершеннолѣтія дѣвицахъ и т. п. Въ 1869 году крестьянинъ села Сорокинскаго Козловъ продалъ за штофъ водки свою 14-тилѣтнюю дочь на сводный бракъ раскольнику Норину; матери удалось отобрать отъ Норина дочь, но уже послѣ растлѣнія. Сводные браки устроивались не только между раскольниками, но и между раскольниками съ одной стороны и православными съ другой. Своды оказывались весьма шаткими и непрочными въ отношеніи постояннаго сожительства сведенныхъ. Не будучи закрѣплены офиціальными документами, они разстроивались очень легко и нерѣдко по случайнымъ причинамъ. Жены чаще оставляли мужей, чѣмъ послѣдніе первыхъ, такъ какъ пріобрѣтеніе жены стоитъ раскольнику немало денегъ. Каждый мужъ не можетъ быть увѣренъ, что черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ не разстанется съ пріобрѣтенной женой, а равно и наоборотъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ свода не бываетъ дѣтей. Жены оставляютъ мужей въ случаѣ недовольства ихъ обращеніемъ съ ними, поведеніемъ, имущественнымъ состояніемъ, или же когда супругѣ сталъ любъ другой, съ которымъ измѣнница входитъ въ переговоры о новомъ бракѣ, а затѣмъ тайно уходитъ къ нему отъ перваго мужа. Вотъ характерный примѣръ того, какъ при общей распущенности нравовъ въ безпоповщинскомъ расколѣ безпоповщинскія женщины свободно относятся къ браку. «Родители мои, говорила одна молодая раскольница судебному слѣдователю, исповѣдуютъ поморскую вѣру, по которой любовная связь женщины съ постороннимъ мужчиной ничего не значитъ. Я стала имѣть любовную связь съ разными лицами очень рано, а 17 лѣтъ вышла замужъ своднымъ бракомъ за крестьянина Ивана Петрова, по фамиліи не знаю. Съ нимъ жила всего полгода, а въ теченіе этого времени имѣла связь со многими, и потому не знаю, отъ кого забеременѣла и родила дѣвочку. Съ Петровымъ разошлась и состояла въ связи съ Ивановымъ три года. Его бросила и вышла опять своднымъ бракомъ за крестьянина Исаева, съ которымъ и теперь (1889 г.) живу» (стр. 111). Уходя отъ мужей по тому или иному поводу, раскольническія женщины предъявляютъ къ нимъ иски изъ-за принесеннаго въ приданое имущества. Распри рѣшаются большею частью волостными судами, которые обременены дѣлами подобнаго рода. Для охраненія сводовъ, нигдѣ не записанныхъ и ничѣмъ не оформленныхъ, и для упроченія ихъ, раскольники прибѣгаютъ только къ одному средству—къ жестокому физическому воздѣйствію и самоуправству. Факты этого рода въ томскомъ расколѣ очень многочисленны. Такъ, въ 1856 году крестья-

нинъ деревни Тайны, Родіоновъ, заявилъ засѣдателю, что дочь его Ульяна, по благословенію дѣдушки, была сведена съ мѣстнымъ сельскимъ писаремъ Алексѣевымъ. Послѣдній началъ часто бить Ульяну, недавно изломалъ объ нее грабли и изодралъ въ клочки все ея одѣяніе. Она ушла къ отцу, но Алексѣевъ черезъ старосту вытребовалъ жену обратно и посадилъ ее подъ караулъ. На другой день общественники составили сходъ и порѣшили: «дабы жены, сведенныя съ мужьями, не рѣшались уходить отъ нихъ, наказать Ульяну розгами». Несчастную женщину наказывали жестоко, въ четыре пріема, и послѣ каждаго раза обливали водой. Родіоновъ просилъ засѣдателя заступиться за дочь. Засѣдатель отобралъ Ульяну отъ мужа и возвратилъ отцу. Отецъ, во избѣжаніе мести со стороны писаря, на время отправилъ дочь въ Бійскъ. Когда Ульяна снова возвратилась къ родителямъ, а затѣмъ поѣхала въ сосѣднюю деревню въ гости, писарь все-таки отомстилъ ей, нанесши оскорбленіе тѣмъ, что съ товарищами обрѣзалъ у ея лошади хвостъ, гриву и холку. Дѣвицу Варвару Ванѣеву, обманомъ вовлеченную въ сводъ съ раскольникомъ Ѳеофилактовымъ изъ православной семьи, при попыткѣ бѣжать изъ раскольничьяго дома, Ѳеофилактовы избили кнутомъ такъ, что она осталась еле жива (стр. 112). Но изъ фактовъ дикаго произвола, деспотизма и насилія, происходящихъ въ грубой раскольнической средѣ, лишь немногіе становятся достояніемъ гласности, а большинство остается шитымъ и крытымъ.

Сводные браки, легко заключаемые и расторгаемые, вносятъ въ раскольническую среду снисходительное отношеніе къ разврату и порождаютъ ужасную половую распущенность. Раскольники считаютъ прелюбодѣяніе **птичьимъ** грѣхомъ, т. е. совершенно ничтожнымъ, который легко прощается. «Ежели мужикъ соблазнился бабой, разсуждаютъ раскольники, они составляютъ пару, подобную птицамъ, и Богъ проститъ имъ это паденіе». Подобно птицамъ, вышедшимъ изъ одного гнѣзда, могутъ имѣть любовныя между собой связи—братъ и сестра, отецъ съ дочерью и т. п. Дѣвицѣ не ставится въ укоръ, если она до замужества жила съ кѣмъ нибудь и имѣла дѣтей. Поэтому молодежь съ раннихъ лѣтъ начинаетъ жить распутно, подражая старшимъ. Даже наставники нерѣдко мѣняютъ женъ. Старикъ Сахаровъ, руководитель стариковщины въ селѣ Айскомъ, за одинъ мясоѣдъ прогналъ трехъ женъ (стр. 241).

Въ виду того, что сводные браки представляютъ публичное оказательство раскола и пагубно вліяютъ на общественную нравственность, томское губернское и епархіальное начальство принимало противъ нихъ соотвѣтствующія мѣры и, между прочимъ, требовало, чтобы сведенные расходились. Но это требованіе вызывало сопротивленіе, и тѣ супруги, кои разводились силою, лишь только власти удалялись изъ ихъ селеній, опять сходились для совмѣстной жизни.

Затѣмъ раскольники, во избѣжаніе бракоразлученій, придумали слѣдующую хитрость: мужчина, намѣреваясь жениться, условливался съ своей будущей женой въ томъ, что онъ нанимаетъ ее въ услуженіе. Когда начальство требовало отъ него развода, то крестьянинъ заявлялъ, что онъ имѣетъ не жену, а «стряпуху»; если у нихъ были дѣти, то жена говорила, что прижила ихъ съ проѣзжими молодцами—суздальскими торговцами. Вся деревня подтверждала справедливость этого объясненія. Напримѣръ, вотъ что показывала исправнику въ 1858 году крестьянка деревни Сосновки на Алтаѣ, Кокшарова, 22 лѣтъ, находившаяся въ сводѣ съ крестьяниномъ Иларіономъ Ѳеофиловымъ: «Болѣе году тома назадъ, по бѣдности, я была отдана отцемъ моимъ въ работницы крестьянину Ѳеофилову, съ платой по 10 рублей въ годъ. Проживая у Ѳеофилова, я съ проѣзжими торговцами-суздальцами разновременно имѣла блудную связь, оттого обеременѣла и назадъ тому 8 недѣль родила ребенка-дѣвочку. Ее крестила одна старуха и назвала Палагеей по святцамъ, въ которые смотрѣлъ суздалъ. Съ сыномъ же хозяина, Иларіономъ, я своднымъ бракомъ не сводилась и любовной связи съ нимъ не имѣла и не имѣю» (стр. 113). Свою независимость и свободу дѣйствій томскіе раскольники старались отстоять путемъ разныхъ просьбъ и ходатайствъ, которыя они представляли мѣстному начальству и посылали въ Петербургъ, даже на высочайшее имя. Они неоднократно отправляли въ Петербургъ и особыхъ уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ, съ цѣлью хлопотать о правахъ свободнаго слѣдованія расколу и о неприкосновенности его. По этому поводу среди раскольниковъ ходили разнообразные слухи, благопріятные для древняго благочестія, распространялись фальшивые указы и грамоты, сулившіе старообрядцамъ всѣ блага, возникали бурныя волненія, когда власти отказывались исполнять подложныя предписанія, или когда обнаруживалась ихъ поддѣлка; но всѣ эти домогательства оказывались неудачными и безполезными для раскольнической массы, а выгодными только для вожаковъ раскола, которые подъ предлогомъ разнаго рода ходатайствъ лишь эксплоатировали толпу, производили съ нея сборы якобы на расходы по дѣламъ и на подкупъ властей, но въ дѣйствительности для самихъ себя, и этимъ путемъ пріобрѣтали богатства. Такъ, въ 1860-хъ годахъ крестьянинъ деревни Нижней Каянчи, Трофимъ Шипицынъ, собралъ съ раскольниковъ Смоленской волости, Бійскаго уѣзда, до 4.000 рублей и отправился въ Москву и Петербургъ ходатайствовать о свободномъ исповѣданіи раскола. Вернувшись домой безъ всякаго успѣха, Трофимъ представилъ отчетъ, въ которомъ итоги были подведены такъ гладко, что расходы пришлись копейка въ копейку съ приходомъ, т.-е. всѣ собранныя деньги были израсходованы цѣликомъ. Но слѣдующій годъ Шипицынъ, не имѣвшій раньше никакихъ средствъ, по-

строилъ три новыхъ дома—себѣ и сыновьямъ. Въ 1890 году Шипицынъ опять производилъ поголовный сборъ съ раскольниковъ (по 50 копеекъ съ человѣка) на расходы по поѣздкѣ въ Москву для поставленія одного изъ своихъ сыновей въ австрійскіе попы. Были и на этотъ разъ опасенія, какъ бы Шипицынъ, по возвращеніи изъ Москвы, опять не принялся за постройку домовъ для своихъ близкихъ (стр. 127 и 244).

Въ жизни громадной массы томскаго раскольническаго населенія было немало и такихъ фактовъ, когда раскольники, затронутые со стороны своихъ вѣроисповѣдныхъ интересовъ, рѣшались на активное сопротивленіе начальству и вообще выступали противъ православія съ фанатической озлобленностью. Такъ, когда въ деревнѣ Старо-Алейской, Бійскаго уѣзда, хотѣли взять раскольническаго попа посредствомъ военной команды, между обѣими сторонами завязалась кровопролитная драка, окончившаяся звѣрскимъ убійствомъ нѣсколькихъ человѣкъ раскольниковъ и православныхъ. Въ деревнѣ Дубровиной, Каинскаго уѣзда, засѣдатель Ерохинъ хотѣлъ взять изъ часовни книги и иконы, но раскольники подняли шумъ и кричали: «не дадимъ.., а кто станетъ исполнять приказъ, убьемъ». Свалка уже началась, и въ предупрежденіе большей бѣды засѣдатель благоразумно распорядился удалиться изъ моленной. Въ деревнѣ Велижаниной, когда мѣстный православный священникъ Прокоповъ, во время крещенія младенцевъ, вынулъ изъ купели новорожденную дочь крестьянина Замерова, тайнаго раскольника, родители «съ азартомъ бросились къ ребенку, вытолкнули его изъ рукъ священника обратно въ купель и съ криками «топи его, души!»—старались дольше задержать въ водѣ, священникъ успѣлъ вынуть дѣвочку изъ воды живою. Но мать снова съ крикомъ ринулась къ ребенку и такъ крѣпко ухватилась за его голову, что «едва не раздавила». Пришлось отрывать ее силой, и она, схвативъ ребенка, убѣжала съ нимъ домой. Страшныя ругательства на правительство, церковь и духовенство, кощунственныя издѣвательства надъ иконами, таинствами, церковно-богослужебными дѣйствіями и процессіями православныхъ—дѣло обычное у томскихъ раскольковъ (стр. 137—139).

Къ проявленіямъ раскольническаго фанатизма нужно отнести и путешествіе алтайскихъ старообрядцевъ на пресловутое Бѣловодье.

Извѣстно, какъ сильно и много раскольники мечтали и мечтаютъ о странѣ, гдѣ въ ненарушимомъ видѣ, во всей полнотѣ и красѣ сіяетъ «древлее благочестіе», гдѣ сохранилась незапятнанная ересью іерархія, и гдѣ при изобиліи всякихъ житейскихъ благъ царитъ всецѣлая свобода въ исповѣданіи старой дониконовской вѣры. Сначала старообрядцы неопредѣленно указывали эту страну гдѣ-то далеко, далеко на востокѣ. Затѣмъ, съ половины XVIII столѣтія распространилось сказаніе, что вѣрные епископы, святоотеческія правила, преданія

и обычаи крѣпко и нерушимо блюдутся въ Бѣловодьѣ, въ царствѣ Опоньскомъ (Японскомъ). Наконецъ, Бѣловодье начали указывать въ той части юго-восточнаго Алтая, которая извѣстна подъ именемъ Бухтарминской окраины и которая отличается отдаленностью, укромностью и малодоступностью для начальственнаго надзора. Пришельцы съ разныхъ концовъ Россіи потянулись сюда, въ надеждѣ найти всѣ ожидаемыя блага, но опять послѣдовало разочарованіе. Оказалось, что Бѣловодье нужно искать дальше, за границей, въ глубинѣ владѣній китайскаго богдыхана. И вотъ бійскіе и бухтарминскіе раскольники опять стали покидать родныя мѣста и отправляться въ счастливое Бѣловодье.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ, подъ вліяніемъ строгихъ правительственныхъ мѣропріятій противъ раскола, въ глухія части юго-восточнаго Алтая начался небывалый прежде приливъ фанатичныхъ расколоучителей. Мѣстные раскольники усиленнѣе заговорили объ антихристѣ, чаще стали вздыхать о тяжкихъ для истиннаго благочестія временахъ, съ большею ненавистью говорить о православіи и его духовныхъ и свѣтскихъ представителяхъ. «Рѣшилась нынѣ истина», сокрушенно говорили одни. «Антихристъ угнѣздился на всероссійскомъ престолѣ и опуталъ все христіанство», со злобой наставляли другіе. «Нынѣ среди людей не осталось ни Бога, ни православія, ни благодати», мрачно заявляли третьи. И вотъ въ массѣ алтайскаго раскола завелись таинственныя бесѣды о блаженномъ пребываніи въ тихой, укромной странѣ, въ святомъ Бѣловодьѣ. «Есть такая страна за границей», сообщали другъ другу старообрядцы, «гдѣ имѣется 140 церквей и при нихъ много епископовъ, которые по святости своей жизни и въ морозъ ходятъ босикомъ. Жизнь тамъ безпечальная. Нѣтъ въ той странѣ никакихъ податей и повинностей, въ хозяйственныхъ надобностяхъ тамъ полное приволье. А главное, въ Бѣловодьѣ сохраняется и процвѣтаетъ святая, ничѣмъ не помраченная вѣра со всѣми благодатными средствами спасенія. Занесли туда сокровище истинной вѣры ревностные и благочестивые христіане, бѣжавшіе отъ гоненій еретика Никона». Съ Алтая эхо разговоровъ о благодатномъ, текущемъ молокомъ и медомъ Бѣловодьѣ передалось въ оренбургскія степи и въ пермскіе лѣса, и вотъ въ предѣлахъ Томской губерніи стали появляться многочисленные, таинственные пришельцы изъ Россіи, стремившіеся въ баснословную страну. Они были снабжены особыми маршрутами въ родѣ слѣдующаго: «Милостивые государи и всѣ еже во Христѣ любимiи братіи! На Бѣловодье надобно ѣхать до города Бійска по Смоленской волости до деревни Устюбы. Тутъ есть старообрядецъ Петръ Машаровъ, и онъ путь покажетъ черезъ горы каменныя, снѣговыя. И тутъ есть деревня Уймонъ, и въ ней инокъ схимникъ Іоасафъ содержитъ обитель. Тутъ есть мѣсто, гдѣ скрыться отъ антихри-

стовой руки, есть и люди тутъ, которые проведутъ дальше. А проходъ весьма труденъ. И тамъ нужно итти невѣрными. Двѣнадцать сутокъ ходу моремъ и три дня голодной степью. И дойдешь до высокой каменной горы и черезъ нее проходъ труденъ. И отсюда еще диво (много) время ходу. Всего два мѣсяца съ половиной надо итти. Тамо есть люди и селенія большія, донынѣ имѣется благочестіе и живутъ христіане, бѣжавшіе отъ Никона-еретика, а за рѣкой другое село, въ которомъ имѣются епископы и священники, и всѣ служатъ они босы. Имѣется тамъ церквей сто сорокъ. И какъ возможно старайтесь достигнуть онаго благочестія и просите оныхъ людей, которые знаютъ проходы. Споспѣшествуйте. На сіе Богъ вамъ въ помощь. Слышалъ и былъ: житіе весьма хорошо. Писавый сіе путешественникъ инокъ Михаилъ» (стр. 143).

Алтайская атмосфера была насыщена толками о Бѣловодьѣ, а тутъ еще томская духовная консисторія распорядилась 17 деревень Бухтарминской волости причислить къ приходу Зырянскому, гдѣ была построена новая церковь, а причту Зырянскому приказала переписать по именамъ всѣхъ новыхъ прихожанъ. Населеніе этихъ деревень, сплошь раскольничье, наотрѣзъ отказалось отъ переписи и отъ присоединенія къ православному приходу. Дѣло дошло до бухтарминскаго засѣдателя Болдыша, котораго раскольники усиленно стали просить не записывать ихъ въ церковныя книги. Болдышъ уступилъ просьбѣ, но потребовалъ за это тысячу рублей, съ уплатой въ два срока. «Тяжело было требованіе,— говорили раскольники,— но мы все-таки были рады и стали уплачивать деньги въ иныхъ случаяхъ по 30, по 50 и даже по 60 рублей за семью. Болдышъ деньги бралъ, но не переставалъ утверждать, что записываться къ церкви онъ насъ все-таки заставитъ и къ православію принудитъ. Тѣхъ же, которые будутъ сопротивляться, сошлютъ, по его словамъ, въ ссылку или отдадутъ въ солдаты. Мы были въ большомъ уныніи и спрашивали другъ друга: что дѣлать?» Начались усиленные сговоры на далекое переселеніе и приготовленіе къ этому дѣлу. Многіе крестьяне забросили хозяйство и домоводство, коими раньше занимались со всѣмъ усердіемъ, продавали вещи, неудобныя по тяжести для дальней перевозки, откармливали лошадей, запасались сухарями въ большомъ количествѣ, покупали ружья крупнаго калибра и вели таинственные переговоры съ сосѣдними раскольниками и съ какими-то таинственными, праздношатающимися личностями, прибывшими на Алтай откуда-то издалека. Алтайскій засѣдатель открылъ секретъ старообрядцевъ—отправиться въ Бѣловодье, и сообщилъ объ этомъ въ Томскъ. Но ему здѣсь не повѣрили и отправили на Алтай особую комиссію съ порученіемъ добыть «ясныя, точныя и неоспоримыя доказательства» задуманнаго предпріятія. Но было уже поздно: побѣгъ въ Бѣловодье состоялся, прежде чѣмъ томскіе чиновники приступили къ разслѣ-

дованію алтайскихъ событій. Онъ совершился лѣтомъ 1840 года и не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ былъ задуманъ. Бѣжали раскольники изъ девяти деревень Бухтарминской волости, съ женами и дѣтьми, въ числѣ 300 человѣкъ. Вожатыми бѣглецовъ были крестьяне Огневы и Мурзинцевы. Изъ нихъ особенной удалью и крайней рѣшимостью на всякое рискованное дѣло отличался крестьянинъ Степанъ Огневъ. Это былъ типичный бухтарминецъ. Мирныя условія общежитія его не удовлетворяли, къ хозяйству онъ не имѣлъ склонности. Его жизненной стихіей были блужданія по горамъ съ постояннымъ исканіемъ приключеній. Онъ уже давно состоялъ на нелегальномъ положеніи, такъ какъ успѣлъ побывать въ бѣгахъ, судился за воровство лошадей у киргизъ и т. п. На Бѣловодье онъ также хаживалъ, и новый замыселъ вполнѣ гармонировалъ съ потребностями его неугомонной и кипучей натуры. Нелегко раскольники разстались съ своими насиженными мѣстами и съ нажитымъ трудами достояніемъ. Женщины передъ уходомъ плакали навзрыдъ. Однако интересы вѣры взяли перевѣсъ надъ всѣми житейскими соображеніями.

Переселенцы сначала шли вразбродъ, небольшими партіями. На китайской границѣ одна изъ нихъ столкнулась съ военной погоней, наскоро снаряженной, и обмѣнялась съ солдатами выстрѣлами. По переходѣ границы, партіи соединились и побрели дальше безъ всякихъ препятствій. Долго бродили искатели безпечальнаго Бѣловодья по невѣдомымъ мѣстамъ въ прилегающихъ къ Россіи китайскихъ предѣлахъ. Проводникъ Мурзинцевъ увѣрялъ, что «приведетъ къ русскимъ старообрядцамъ, ушедшимъ изъ отечества», а взамѣнъ того привелъ въ землю подвластныхъ Китаю «татаръ», гдѣ бѣглецы во всевозможныхъ лишеніяхъ провели цѣлую зиму. Наконецъ, измученные, истощенные, потерявшіе многихъ своихъ лошадей, они сдались китайскимъ властямъ около города Хамиля. Китайцы подъ конвоемъ повели ихъ къ русской границѣ. Многіе изъ-подъ конвоя разбѣжались, въ томъ числѣ Степанъ Огневъ съ 15 товарищами, предварительно вытребовавши у китайскихъ властей 30 кусковъ дабы хорошаго качества, взамѣнъ якобы украденнаго у него китайцами багажа, и пригрозивши имъ, что, въ случаѣ неисполненія его требованія, «онъ сдѣлаетъ большое зло караульнымъ, или же зарѣжетъ жену и себя» (стр. 147). Въ маѣ 1841 года Степанъ Огневъ и его спутники, добравшіеся до озера Байхануръ, въ виду недостатка лошадей, рѣшились восполнить свою нужду. Ночью, вооружившись винтовками и сказавши женамъ, что идутъ бить кабановъ, они направились къ кочевью киргизовъ Уваковской волости и внезапно напали на огромный конскій табунъ. Не обошлось безъ перестрѣлки, при чемъ русскіе убили двухъ киргизскихъ пастуховъ и одного ранили, потерявъ съ своей стороны двоихъ товарищей, которые были взяты въ плѣнъ.

На украденныхъ лошадяхъ бѣглецы тронулись въ дальнѣйшій путь. Измученные и обнищавшіе, заклеймившіе себя преступленіями бѣгства и воровства, они почти всѣ возвратились въ свои заброшенные дома въ іюнѣ 1841 года. Но еще долго возвратившіеся раскольники не могли взяться за свои дѣла, въ виду судебнаго дѣла, возникшаго самостоятельно по русскимъ законамъ и настойчиво поддерживаемаго китайскимъ пограничнымъ начальствомъ, которое обвиняло искателей Бѣловодья въ самовольномъ вторженіи въ чужіе предѣлы и въ грабежѣ китайскихъ подданныхъ. Большинство бѣловодцевъ было наказано тюремнымъ заключеніемъ. Но главные виновники странствованія, вожаки Огневы, Мурзинцевы и другіе, отъ суда уклонились и бѣжали въ необитаемыя лѣсныя мѣста въ южно-енисейскихъ предѣлахъ. Здѣсь они жили, занимаясь охотою и обмѣнивая китайцамъ шкуры убитаго звѣря на хлѣбъ. Въ 1842 году они были пойманы казачьимъ отрядомъ, препровождены на родину и преданы суду. Степана Огнева приговорили къ наказанію 20 ударами плетей и ссылкѣ въ отдаленныя мѣста восточной Сибири. Но съ дороги въ ссылку онъ бѣжалъ, опять очутился въ родныхъ мѣстахъ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовался здѣсь славою отчаяннаго вора и разбойника.

Велика была неудача описаннаго странствованія въ святую Бѣловодскую землю, однако она не остановила стремленія къ ней алтайскихъ и въ частности бухтарминскихъ раскольниковъ. Въ 1861 году совершился новый побѣгъ раскольниковъ, въ количествѣ 156 душъ, подъ предводительствомъ «бывалаго человѣка», Хрисанѳа Боброва, принимавшаго участіе и въ первомъ странствованіи въ Бѣловодье. Бобровъ увѣрялъ бѣглецовъ, что «тамъ земля хлѣбородна, много всякаго звѣрья и рыбы, тамъ можно молиться Богу, не подвергаясь никакимъ мірскимъ соблазнамъ, и можно отправлять богослуженіе по старымъ обрядамъ безъ всякихъ препятствій». Границу бѣглецы перешли небольшими группами, потомъ собрались вмѣстѣ и, по минованіи горъ, двигались степными мѣстами, нехлѣбородными и къ поселенію негодными. Нѣкоторые раскаялись въ предпріятіи и повернули обратно; они представляли удобную добычу для кочевниковъ-киргизовъ, которые отбирали у нихъ лошадей или захватывали самихъ въ плѣнъ. Прочіе бѣглецы, подвигаясь вглубь Монголіи, пришли, наконецъ, въ полное отчаяніе относительно возможности достигнуть заманчивой страны. Толпа едва не растерзала Боброва. Когда наступили зимніе холода, цѣлость толпы окончательно рушилась. Побрели вразбродъ отдѣльными партіями и семьями среди всякихъ лишеній и бѣдъ. Одни изъ бѣглецовъ вынуждены были просить китайскихъ чиновниковъ о возвращеніи ихъ на родину, а иные, въ числѣ 18 человѣкъ, дошли до большой и глубокой рѣчки Карачи, гдѣ именно Хрисанѳъ Бобровъ и ука-

зывалъ Бѣловодье. Но вмѣсто ожидаемыхъ благъ они нашли здѣсь землю пустынную и безплодную, покрытую солончаками. Разочарованные и обнищавшіе, больные и безпомощные искатели обѣтованной земли съ большими затрудненіями и среди опасностей отправились въ обратный путь. Но не всѣмъ имъ пришлось вновь увидѣть родину: одни умерли на чужбинѣ, а другіе пропали безъ вѣсти. На родинѣ пришельцевъ ждалъ судъ и наказаніе.

Но и послѣ этого среди алтайскихъ раскольниковъ не исчезла мысль о дѣйствительномъ существованіи миѳическаго благодатнаго Бѣловодскаго царства. Неугомонный и фанатическій Хрисанѳъ Бобровъ еще дважды ѣздилъ въ предѣлы Китайской имперіи съ цѣлью, во что бы то ни стало, отыскать обѣтованную землю. Первый разъ поѣздка состоялась въ 1858 году, а второй — въ 1869 году. Много Бобровъ избороздилъ мѣста въ разныхъ областяхъ обширной Монголіи, много перенесъ нужды и опасностей, лишился даже родного брата Парѳена, который сложилъ кости въ невѣрной землѣ, и возвратился совершенно разочарованнымъ. Однако, раскольническое движеніе на Бѣловодье можно прослѣдить и до нашихъ дней. Еще въ 1888 году толпа въ 50 человѣкъ бѣжала съ Кабы на китайскую границу, но была возвращена военной погоней изъ трехъ взводовъ казаковъ (стр. 155).

Томскіе раскольники, имѣя многочисленныхъ поповъ, архіереевъ и наставниковъ, свои часовни и молельни, скиты и монастыри, стойко и энергично отстаивая вездѣ и во всемъ свою самобытность и независимость, жили въ XIX столѣтіи гораздо полнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ ихъ собраты центральныхъ губерній Россіи. Большимъ подспорьемъ для поддержки энергіи въ томскомъ расколѣ служило то, что онъ постоянно находилъ для себя могущественныхъ защитниковъ и покровителей въ лицѣ богатыхъ раскольниковъ, явныхъ и тайныхъ, въ родѣ братьевъ Ошлаковыхъ, которые вели громадную торговлю по Алтаю, держали въ экономической отъ себя зависимости почти все мѣстное населеніе, всѣми средствами защищали и охраняли расколъ и служили посредниками, во время ирбитской ярмарки, между томскимъ и россійскимъ расколомъ. Около Барнаула старообрядство имѣло сильныхъ покровителей въ видѣ купцовъ Аѳ—ныхъ, которые снабжали раскольниковъ книгами, иконами, попами и даже архіереями. Затѣмъ, въ волостяхъ и селахъ, зараженныхъ расколомъ, поддержку ему и всякое содѣйствіе оказывали волостные старшины, сельскіе старосты и волостные писаря изъ тайныхъ раскольниковъ; они преступленія старообрядцевъ старались замять и укрыть, а проступки православныхъ обслѣдовали со всею строгостью, съ прижимками и пристрастіемъ. Не всегда была на высотѣ положенія и мѣстная земская полиція. Передавали, напримѣръ, что состоявшееся въ 1870-хъ годахъ освобожденіе изъ тюремнаго заключенія раскольническихъ

поповъ-совратителей — Чернова, Борисова и Рубцова, обошлось раскольникамъ въ девять тысячъ рублей. А народъ томскаго края сложилъ даже поговорку: «набей возъ людей и привези возъ денегъ, будешь правъ» (стр. 160). Было въ разсматриваемое время и нѣсколько дѣлъ по обвиненію мировыхъ посредниковъ въ потворствѣ расколу и покровительственномъ къ нему отношеніи. Въ виду этого томскій расколъ въ XIX вѣкѣ заявилъ себѣ и пропагандой. Многочисленный сонмъ его руководителей и наставниковъ вовлекъ въ старообрядство множество лицъ, прежде державшихся православія, не по имени только, но и въ дѣйствительности. Судебныя учрежденія Томской губерніи въ 1850—1870 годахъ были завалены дѣлами о совращеніяхъ въ расколъ то тѣми, то другими вожаками. Средствами къ совращенію служили льстивыя и коварныя убѣжденія въ легкости спасенія («даже не молившись») для тѣхъ, которые пребываютъ въ расколѣ. Совращенію также содѣйствовало матеріальное вспомоществованіе бѣднымъ православнымъ, подъ условіемъ ихъ перехода въ расколъ, и особенно брачные своды. Расколъ страшно нетерпимъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, поэтому положеніе лица, вошедшаго въ раскольническую семью изъ православія и желающаго остаться ему вѣрнымъ, во многихъ случаяхъ бываетъ не только тяжелое, но и прямо мученическое. Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ. Въ 1864 году крестьянка села Кауракскаго Нестерова просватала свою дочь Мареу за крестьянина деревни Разсолкиной Исакова, съ тѣмъ условіемъ, чтобы бракъ былъ повѣнчанъ въ церкви. Такъ какъ по сосѣдству православнаго храма не было, то Исаковъ въ день сговора увезъ Мареу къ себѣ со всѣмъ ея приданымъ. Черезъ семь недѣль Марѳа пріѣхала къ матери и передала, что Семенъ въ церкви съ ней не вѣнчался, лишилъ ее дѣвства и принуждаетъ сожительствовать безъ вѣнчанія, «по-раскольнически». Будучи этимъ глубоко огорчена, мать не отпускала дочь къ Исакову, да и сама Марѳа не захотѣла туда возвращаться. Но Исаковъ съ родными пріѣхали въ село Кауракское и тайно похитили Марѳу. Послѣдняя рѣшилась бѣжать, такъ какъ Исаковъ попрежнему сталъ уговаривать ее жить съ нимъ безъ вѣнчанія. Марѳа бѣжала въ холодную погоду, на босую ногу, въ одномъ сарафанѣ, забывъ объ опасности отъ медвѣдей, которые тогда бродили въ окрестностяхъ. Но по дорогѣ ее настигъ братъ ея мужа, накинулся на нее, привязалъ на шеѣ опояску, опрокинулъ на землю и потащилъ домой. Подоспѣлъ мужъ и накинулся бить Марѳу за волосы. Когда она была привезена въ домъ, Исаковы немилосердно начали бить ее. На крикъ несчастной прибѣжалъ сосѣдъ-раскольникъ и далъ совѣтъ: плетью во избѣжаніе знаковъ не стегать, а давить колѣнками и таскать за волосы. Это мучители и начали продѣлывать, причиняя дѣвицѣ безчеловѣчные побои. На ея вопли пришелъ староста и приказалъ десятскимъ

отвезти избитую, «всю въ синевицахъ отъ битья кнутомъ и давленія колѣнками», въ волостное правленіе, откуда мать взяла ее въ свой домъ (стр. 172). Всѣми мѣрами привлекая къ себѣ пришельцевъ извнѣ, расколъ въ то же время съ большою ревностью охраняетъ цѣлость въ составѣ своихъ давнихъ послѣдователей. Обращеніе послѣднихъ въ православіе и даже снисходительное къ «никоніанству» отношеніе карается весьма жестоко и вызываетъ безчеловѣчную месть. Въ 1864 году супруги Бочкаревы изъ села Верхняго-Уймона, подъ вліяніемъ уговоровъ православнаго священника, повѣнчались въ православной церкви. За это мѣстное раскольническое общество, съ согласія свекра, жестока наказало ихъ розгами, и когда сѣкли, общественники приговаривали: «не вѣнчайся, будешь знать, какъ вѣнчаться въ церкви». Павлодарскій купецъ Шелеховъ, узнавъ о намѣреніи сына и невѣстки перейти въ православіе, сталъ ихъ «мучить и терзать», а потомъ силою увезъ ихъ въ одинъ тайный раскольническій скитъ. Особенно часто раскольники грозятъ переходящимъ въ православіе своимъ предсмертнымъ родительскимъ «заклятіемъ», которое и удерживаетъ дѣтей измѣнить расколу. Стремясь охранить свою вѣру отъ всякаго вліянія никоніанства и пользоваться свободою дѣйствій, томскіе раскольники сильно недолюбливаютъ, если въ ихъ сплошной общественной средѣ оказывается кто либо изъ «внѣшнихъ», то-есть изъ православныхъ. Въ этихъ случаяхъ они употребляютъ всевозможныя бытовыя и хозяйственныя стѣсненія и прижимки, лишь бы удалить никоніанъ изъ своего общества и выжить если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ 1856 году православный крестьянинъ Пухаревъ принималъ участіе въ обыскѣ, произведенномъ засѣдателемъ Сосуновымъ въ деревнѣ Тайнѣ, въ домахъ и пасѣкахъ раскольническихъ, при чемъ открылъ нѣсколько потаенныхъ мѣстъ. Пухаревъ надѣялся этимъ умѣрить злоупотребленія раскольниковъ противъ мѣстнаго православнаго населенія, но вышло наоборотъ. Въ томъ же году раскольники убили его отца, жившаго на пасѣкѣ, а пасѣку разбили. Когда производились розыски по этому дѣлу, подъ руководствомъ волостного старшины Базанова, тайнаго раскольника, то они велись крайне небрежно, лишь «для порядка», при чемъ во время разыскиваній старшина постоянно сердился и говорилъ Пухареву: «нечего мучить людей,— ты улья самъ расколол ъ, а отецъ твой утонулъ въ Ишѣ или куда нибудь скрылся. Видишь, какой ты кляузникъ: какое тебѣ дѣло открывать потайники? Есть на то староста, десятникъ и вотъ эти хорошіе люди», т. е. раскольники. Въ другой разъ, Пухаревъ встрѣтился съ двумя старообрядцами, которые, по всѣмъ даннымъ, были убійцами его отца; они крикнули ему вслѣдъ: «ты думаешь, что мы разорили у тебя пчелъ и рѣшили отца,—берегись же и самъ ты» (стр. 176).

Томское православное духовенство, во главѣ съ епископами, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, оказывало просвѣтительное воздѣйствіе на раскольническую среду. Результатомъ этого было появленіе единовѣрія въ Томской губерніи, начало коего относится къ 1837 году. Въ послѣдующее время переходъ старообрядцевъ въ единовѣріе усилился, и въ настоящее время общее число томскихъ единовѣрцевъ простирается до 27 тысячъ душъ обоего пола. Но изъ числа этихъ единовѣрцевъ многіе до безумія преданы расколу, такъ какъ перешли въ единовѣріе неискренно, вслѣдствіе постороннихъ расчетовъ (стр. 213), а затѣмъ въ теченіе XIX-го вѣка въ Томской губерніи совершился длинный рядъ отпаденій отъ единовѣрія, и многіе единовѣрцы опять возвратились въ расколъ.

Кромѣ старообрядцевъ и единовѣрцевъ, въ Томской губерніи издавна существуютъ послѣдователи раціоналистическаго и мистическаго сектантства, напримѣръ, духоборы, молокане, субботники, скопцы и хлысты. Но общее ихъ число сравнительно невелико.

Такимъ образомъ, Томская губернія наполнена раскольниками и сектантами различныхъ толковъ, которые въ изобиліи встрѣчаются какъ въ коренномъ, старожильскомъ ея населеніи, такъ и среди пришлыхъ насельниковъ края. Расколъ представляетъ здѣсь громадную силу и вноситъ много нестроеній въ мѣстную церковную и гражданско-общественную жизнь своими враждебными заявленіями и выходками противъ православія, своими утѣсненіями православныхъ, когда чувствуетъ для этого силу, своими сводными браками, часто безъ записи ихъ въ волостныя метрическія книги, и частыми разводами, своимъ слишкомъ снисходительнымъ, во многихъ толкахъ, отношеніемъ къ разврату и т. п. Необходима систематическая и энергичная борьба съ этимъ печальнымъ явленіемъ. Борьба эта, по самому существу дѣла, возможна лишь при помощи меча духовнаго. Миссіонерскія бесѣды съ раскольниками и сектантами по интересующимъ ихъ обрядовымъ и догматическимъ вопросамъ, совершаемыя въ духѣ кротости и мира, положительный призывъ словомъ отъ всего сердца и любви къ единенію съ церковію и обществомъ, добрый примѣръ жизни духовенства, истовое и благоговѣйное исполненіе богослуженія въ храмѣ и на домахъ, при совершеніи требъ, народная, въ частности церковно-приходская школа, религіозно-нравственныя печатныя изданія для народа, библіотеки и читальни и, наконецъ, разумная и предупредительная защита и поддержка православія, какъ одной изъ главнѣйшихъ основъ нашего государственнаго быта, со стороны свѣтскаго начальства—вотъ тѣ средства, при помощи коихъ возможно разсѣять глубокій мракъ невѣжества, окружающій темную и фанатическую раскольническую среду, и озарить ее свѣтомъ истинной религіозно-нравственной жизни и разумной гражданственности.

И. И. С.

НОВЫЯ ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ МОСКОВІЮ.

ЧИСЛО западныхъ путешественниковъ, побывавшихъ въ Московской Руси, продолжаетъ расти и увеличиваться новыми лицами, которыя до сего времени оставались неизвѣстны историкамъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и голландецъ Иванъ Бахъ, посѣтившій Москву въ 1578 году, стало быть, въ самый разгаръ неистовствъ грознаго царя. Сообщеніе объ этомъ вновь открытомъ туристѣ XVI вѣка напечатано г. Шмидомъ въ 3 выпускѣ V тома «Извѣстій императорской академіи наукъ».

Замѣтки Баха ускользали до сего времени отъ вниманія историковъ потому, что авторъ втиснулъ воспоминанія о своихъ дорожныхъ приключеніяхъ въ свои комментаріи на псалмы Давида. Встрѣтивъ въ одномъ изъ псалмовъ указанія на сильное дѣйствіе мороза и припомнивъ, какъ жестоко пострадалъ онъ отъ нихъ въ Московіи, Бахъ и вставилъ въ этомъ мѣстѣ довольно подробный разсказъ о своемъ путешествіи. Вотъ почему мемуары Баха оставались неизвѣстны, тѣмъ болѣе, что и самые его комментаріи на псалмы, напечатанные на латинскомъ языкѣ въ Антверпенѣ въ 1608 году, представляютъ библіографическую рѣдкость и ни въ одной изъ нашихъ библіотекъ не имѣются. Въ виду этого г. Шмидъ въ своемъ сообщеніи цѣликомъ перепечаталъ тѣ мѣста изъ книги Баха, гдѣ онъ говоритъ о Московіи.

. О самомъ авторѣ свѣдѣнія довольно скудны. Извѣстно только, что онъ родился въ 1555 году; окончивъ гимназію въ родномъ городѣ Ath, а затѣмъ, въ свитѣ кардинала Радзивилла, онъ попалъ въ Римъ, гдѣ слушалъ знаменитаго богослова Беллярлита. Около 1578 года вмѣстѣ съ Радзивилломъ Бахъ прибылъ въ Польшу, откуда и предпринялъ свое путешествіе въ Москву. Поѣхалъ ли онъ изъ любознательности, или на него возложено было какое нибудь церковно-дипломатическое порученіе, остается неизвѣстнымъ. Сначала Бахъ посѣтилъ Литву, а затѣмъ черезъ Вильну и Смоленскъ направился въ Москву, куда попалъ въ концѣ ноября 1578 года. Въ предѣлахъ Московскаго государства Бахъ ѣхалъ на перекладныхъ (что называется на ихъ языкѣ «Potvoda», замѣчаетъ онъ) и съ царской грамотой. По дорогѣ онъ сильно отморозилъ себѣ ноги, такъ что въ Москвѣ ему хотѣли было сдѣлать ампутацію, и только искусство его земляка, лейбъ-медика Іоанна Грознаго, спасло его отъ этой операціи.

Далѣе Бахъ разсказываетъ, что, когда онъ лежалъ больной въ Нѣмецкой слободѣ, неожиданно нагрянулъ туда царь съ своей свитой, которая, по замѣчанію автора, была облечена въ черныя одежды. Указаніе довольно важное, ибо оно прямо свидѣтельствуетъ, что въ 1578 году опричнина, вопреки мнѣнію Карамзина, еще существовала. Опричники бросились на беззащитныхъ жителей, чинили всякія безчинства, наконецъ предались грабежу. Испуганное населеніе Нѣмецкой слободы, ради потѣхи совершенно раздѣтое опричниками, несмотря на ноябрьскую стужу, внѣ себя отъ ужаса бросалось изъ стороны въ сторону, ища убѣжища. Въ общей свалкѣ сильно пострадалъ и Бахъ: по его словамъ, онъ былъ до такой степени покрытъ ранами и синяками, что его едва можно было узнать.

Передавая затѣмъ слухи, ходившіе тогда между иностранцами, Бахъ увѣряетъ, что Іоаннъ совершилъ этотъ набѣгъ по наущенію тогдашняго митрополита, который будто бы убѣдилъ царя, что нѣмцы разоряютъ и спаиваютъ русскихъ людей, и потому ихъ нужно изгнать изъ Московскаго государства.

Если сопоставить разсказъ Баха съ записками Маржерета, то станетъ яснымъ, что онъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ тотъ именно погромъ Нѣмецкой слободы, о которомъ разсказываетъ и французскій авантюристъ въ своемъ «Estat de l'Empire de Russie».

Претерпѣвъ въ Москвѣ такія напасти, Бахъ рѣшилъ вернуться на родину моремъ и для этого отправился на сѣверъ, по проторенному иностранцами пути. Замѣтки о его путешествіи на сѣверъ довольно скудны и содержатъ мало бытовыхъ указаній. Впрочемъ онъ отмѣчаетъ обширное пчеловодство, процвѣтавшее въ то время въ предѣлахъ Московскаго государства, а на крайнемъ сѣверѣ по-

ражается продолжительностью дня и ночи, которые длятся здѣсь по полугоду.

Возвратившись въ Голландію, Бахъ сдѣлался секретаремъ Антверпенскаго магистрата и пустился въ политическую борьбу. Однако литературная его дѣятельность скоро прервана была смертью: уже въ 1609 году Баха не стало.

Таковы въ общихъ чертахъ записки и личность ихъ автора.

А. Б—въ.

ПАМЯТИ ПЕТРА ѲЕДОРОВИЧА САМАРИНА.

МАРТА 22-го сего года, въ Ялтѣ, на своей дачѣ, скончался, на 71 году жизни, бывшій тульскій губернскій предводитель дворянства Петръ Ѳедоровичъ Самаринъ. Принадлежа къ весьма извѣстной не только въ Москвѣ, но и всей Россіи—семьѣ Самариныхъ, братъ знаменитаго Юрія Ѳедоровича Самарина (но гораздо моложе его), Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ весьма даровитый и не уступалъ ни умомъ, ни способностями своему старшему брату Юрію. Если же онъ послѣ себя не оставилъ такого крупнаго литературнаго вклада, какъ Юрій Ѳедоровичъ, то въ жизнь русскую, конечно, Петръ Ѳедоровичъ внесъ больше брата, служа постоянно на всевозможныхъ поприщахъ дѣйствительно полезной служебной дѣятельности своей родинѣ: и мировымъ посредникомъ 1-го призыва, и по реформѣ крестьянской, судебной и земской, наконецъ, въ царствѣ Польскомъ, и въ Красномъ Крестѣ, и тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Не добиваясь высшихъ чиновъ и мѣстъ, Петръ Ѳедоровичъ всюду оставилъ по себѣ крупный слѣдъ своей полезной дѣятельности. Принадлежа, какъ истый москвичъ конца 40-хъ годовъ, къ славянофильскому кружку своего брата Юрія, Аксаковыхъ, А. С. Хомякова, Кирѣевскихъ и другихъ, Петръ Ѳедоровичъ былъ дѣятельнымъ проводникомъ въ жизни тѣхъ принциповъ, кои и легли основаніемъ реформъ императора Александра II, и всю жизнь не отступился отъ нихъ. Для пользы службы своей не перебѣгалъ онъ изъ одного ла-

геря въ другой и не былъ флюгеромъ общественнаго моднаго мнѣнія, онъ былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не поступалъ подобно многимъ, кои свои убѣжденія настраиваютъ согласно дующему съ сѣвера вѣтру. Сегодня мы за судебную реформу, за судъ присяжныхъ, а завтра какъ будто и нѣтъ, потому что 2—3 лица, власть имущія, выразились, что безъ суда присяжныхъ, пожалуй, еще лучше. П. Θ. Самаринъ всецѣло принадлежалъ къ той партіи передовыхъ людей, коими созданы были реформы 60-хъ годовъ, къ той группѣ, которая отъ истинно русскихъ людей получила общеизвѣстное названіе «славныхъ». Некрологи этихъ людей не изобилуютъ безконечными выписками изъ ихъ формуляровъ о безконечной ихъ служебной дѣятельности и наградахъ, ими полученныхъ. Передъ ихъ гробомъ не понесутъ десятки подушекъ съ орденами, а всякій истинно русскій человѣкъ помянетъ добрымъ словомъ или подумаетъ скорѣе всего: «и сей изъ оныхъ», т. е. изъ группы «славныхъ». Глядя на рѣдѣющіе ряды этихъ славныхъ, невольно припоминаешь предсмертныя слова Юрія Θедоровича Самарина: «умирать не жаль, а жаль, подростковъ нѣтъ». Такъ и въ данномъ случаѣ, лаконическое извѣщеніе: скончался П. Θ. Самаринъ, не сопровождаемое ни выставкою чиновъ и прочаго, заставляетъ невольно вспоминать прошлое, блестящую и благотворную дѣятельность того времени, т. е. 60-хъ годовъ, и ихъ дѣятелей. Во всѣхъ серіозныхъ, историческихъ моментахъ славнаго царствованія императора Александра II всюду встрѣчаемся съ дѣятельностью людей изъ той группы славныхъ и Самариныхъ въ особенности.

Окончивъ блистательно Московскій университетъ, П. Θ. Самаринъ пошелъ по штатской службѣ, которую онъ бросилъ въ годину севастопольскихъ испытаній, чтобы итти въ военную службу; онъ поступилъ въ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи, сформированный тогда графомъ Перовскимъ, и куда шли молодые люди лучшихъ семей. Но по окончаніи Крымской кампаніи онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ чудесномъ тульскомъ имѣніи, Епифанскаго уѣзда, селѣ Молоденкахъ, гдѣ съ женою своею Александрою Павловною (рожд. Евреиновой) принималъ лучшее общество русскихъ образованныхъ людей. Молоденки стали извѣстны своимъ хлѣбосольствомъ, и бывать тамъ было крайне пріятно: тамъ можно было встрѣтить лучшихъ, умнѣйшихъ людей Россіи. Крестьянскій вопросъ, возникшій во всей силѣ въ 1857 году, засталъ Петра Θедоровича въ деревнѣ вполнѣ подготовленнымъ къ дѣлу, и онъ въ 1858 году вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Черкасскимъ былъ назначенъ въ тульскій губернскій комитетъ по улучшенію быта крестьянъ членомъ отъ правительства. Какъ Самаринъ, такъ и князь Черкасскій сдѣлались душою меньшинства комитета, раздѣлившагося, какъ и въ другихъ губерніяхъ, на двѣ партіи: меньшинство, желавшее освобожденія крестьянъ съ землею, и боль-

шинство, мечтавшее отдѣлаться личною свободою. Тульскій проектъ эмансипаціи былъ главнымъ образомъ писанъ княземъ Черкасскимъ и Самаринымъ и легъ, можно сказать, впослѣдствіи въ основаніе «Положенія 19-го февраля 1861 года», конечно, передѣланный редакціонною комиссіей въ Петербургѣ въ 1859—1860 году и, пожалуй, не къ лучшему, ибо тульскій проектъ меньшинства былъ практичнѣе, болѣе цѣлесообразенъ. И финансовая сторона не давала возможности остаться дворянству безъ кредита, какъ случилось послѣ 19-го февраля 1861 года. Тогда закрыли опекунскій совѣтъ.

По закрытіи тульскаго комитета П. Ѳ. продолжать жить лѣто въ Молоденкахъ, зиму въ Москвѣ. Въ 1861 г. мы его видимъ мировымъ посредникомъ 1-го призыва, но уже въ 1863 году П. Ѳ. трудился съ княземъ Черкасскимъ въ Польшѣ въ учредительномъ комитетѣ въ финансовой комиссіи. Надѣленіе польскихъ крестьянъ идетъ успѣшно, но дѣятельность не по сердцу П. Ѳ., онъ возвращается въ Тульскую губернію въ любимые Молоденки, и земскія дѣла наши даютъ ему широкое поприще для работы на пользу общества. Земскую дѣятельность князя Черкасскаго и Самарина долго не забудутъ въ Тульской губерніи. Избранный въ губернскіе предводители дворянства П. Ѳ. Самаринъ поднялъ сразу значеніе этого поэта. Особенное попеченіе прилагалъ онъ къ образованію дворянскихъ дѣтей; онъ первый сталъ ѣздить на экзамены дѣтей, помѣщаемыхъ въ кадетскіе корпуса, и лично присутствовалъ при экзаменахъ дѣтей въ Орлѣ, гдѣ у тульскихъ дворянъ были стипендіи. Всѣ интересы дворянъ у него были на виду; при немъ состоялось знаменитое измѣненіе 232 статьи уст. о службѣ дворянской, столько надѣлавшее шуму въ 1879 году. Сдѣлано было это по иниціативѣ Самарина, и пересмотръ состоялся въ пользу дворянства. Какъ предсѣдатель тульскихъ губернскихъ земскихъ собраній, онъ былъ единственный по умѣнію вести пренія, формулировать, ставить вопросы ясно и быстро, дѣлать резюме изъ разносторонних прeній и пререканій. Руководящее слово его было всегда мощно, сильно, вліятельно, производило впечатлѣніе. Когда въ Петербургѣ послѣ Юханцовскаго погрома были затрудненія въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, П. Ѳ. просили взять на себя веденіе и предсѣдательство въ общихъ собраніяхъ, то Самаринъ, несмотря на бурный характеръ ихъ, предсѣдательствовалъ и блестяще провелъ ихъ къ благополучному концу. Когда война 1877—1878 гг. потребовала усиленной работы Краснаго Креста, мы опять-таки видимъ П. Ѳ. съ серіозными полномочіями тульскаго губернскаго предводителя на эвакуаціонныхъ пунктахъ и въ Болгаріи... Да, во всѣхъ серіозныхъ историческихъ моментахъ царствованія императора Александра II мы видимъ его вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Черкасскимъ, его единомышленникомъ, на самыхъ

важныхъ постахъ русскаго національнаго идейнаго дѣла. Есть подходящее французское выраженіе: «il etait sur la brèche!» —выраженіе характерное, вѣрное для такого рода моментовъ дѣятельности.

Почить на лаврахъ эти люди не могли, и ушли они съ арены служебной дѣятельности безъ крупныхъ пенсій и безъ выгодныхъ синекуръ съ высокими окладами, а доживали вѣкъ тихо, скромно уменьшивъ лишь кругъ свой общественной дѣятельности... Измѣнились времена, взгляды, пошли другія вѣянія; люди 60-хъ годовъ не поддались имъ, но скромно отошли въ сторону съ твердымъ сознаніемъ исполненнаго долга, глядя прямо въ глаза всякому, и невольно, встрѣчаясь съ ними, русскій человѣкъ снималъ передъ ними шапку, вспоминалъ съ уваженіемъ ихъ безкорыстную службу матушкѣ Россіи...

При выдающихся способностяхъ, послѣдніе годы своей жизни П. Ѳ. Самаринъ тихо жилъ въ Ялтѣ на своей дачѣ, посвящая время перу, цвѣтамъ, друзьямъ, не имѣя уже никакой крупной общественной дѣятельности. Это—удѣлъ многихъ русскихъ даровитыхъ людей. Къ нимъ безспорно принадлежалъ П. Ѳ. Самаринъ.

Князь Д. Оболенскій.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ХРАМЪ И МОЩИ СВ. ГРИГОРІЯ.

Я НАМѢРЕНЪ сказать нѣсколько словъ о старинѣ глубокой и задаться вопросами: гдѣ была столица древней Арменіи, Вагаршапатъ, и гдѣ покоятся останки св. Григорія, просвѣтителя Арменіи?

Тамъ ли, гдѣ нынѣ стоитъ селеніе Вагаршапатъ, Эриванской губерніи, и монастырь св. Эчміадзина, или же на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно архимандритомъ названнаго монастыря, Хачикомъ, обнаружены путемъ раскопокъ развалины древнѣйшаго армянскаго храма, бывшаго ранѣе языческимъ капищемъ?

Этотъ храмъ, расположенный въ разстояніи, приблизительно, четырехъ верстъ къ юго-западу отъ с. Вагаршапата, представляетъ большой интересъ не только для археологовъ, но и для историковъ церкви, такъ какъ произведенными раскопками добытъ матеріалъ для отвѣта, гдѣ хранятся мощи св. Григорія; послѣдующія же раскопки мѣстности, прилегающей къ храму, могутъ пролить полный свѣтъ на темный вопросъ, гдѣ стоялъ городъ Вагаршапатъ.

Въ настоящее время, благодаря стараніямъ архимандрита Хачика, ведущаго раскопки на свои личныя средства, весь остовъ разрушеннаго храма уже освобожденъ отъ скрывавшаго его огромнаго слоя земли.

Хотя отъ грандіознаго зданія сохранилась лишь часть стѣнъ, все же есть полная возможность составить себѣ законченное представленіе объ этой древности, на которую, быть можетъ, лила еще свои лучи свѣтозарная звѣзда, указавшая волхвамъ путь къ Спасителю, ученіе котораго распространилъ среди армянъ св. Григорій, бывшій патріархомъ съ 301—325 годъ по Р. Х.

Переходя къ описанію храма, отмѣтимъ, что онъ круглой формы, діаметръ его 52 аршина, покоился онъ на 90 каменныхъ столбахъ, изъ которыхъ 64 окружныхъ и 26 внутреннихъ. Внутренніе столбы расположены крестообразно, въ видѣ округленнаго креста. Въ храмѣ пять входовъ и пять алтарей, изъ нихъ одинъ главный, а остальные придѣльные. Главный алтарь и значительное предъ нимъ пространство, предназначенное для духовенства, отдѣлены отъ остальной части храма полукругомъ расположенными каменными столбами. Мѣсто для молящихся имѣетъ кольцевидное очертаніе и расположено вокругъ всѣхъ пяти алтарей, представляя собою круговой ходъ или открытый въ сторону алтарей коридоръ, окаймляющій алтари. У юго-западнаго придѣльнаго алтаря помѣщается высѣченная въ камнѣ купель крестообразной формы. На главномъ алтарѣ и купели высѣчены въ камнѣ кресты, судя по ихъ формѣ, VII вѣка. Въ юго-восточной части храма расположена ризница съ цементнымъ поломъ, отлично сохранившимся. Надъ ризницею, вѣроятно, была устроена колокольня. Къ западной части храма прилегаютъ постройки, изъ которыхъ пока открыто только одно помѣщеніе о трехъ комнатахъ съ прихожей.

Надъ сѣверо-западнымъ входомъ въ храмъ, поперекъ верха входа, оказалась положенною каменная (изъ желѣзняка) плита съ высѣченною на ней клинописью. Надпись была обращена внизъ, къ полу, и бросалась въ глаза при входѣ въ храмъ. Длина этой плиты 3 аршина 4 вершка, ширина 14 вершковъ, толщина 8 вершковъ. Клинопись разобрана въ С.-Петербургѣ г. Голенищевымъ, членомъ-сотрудникомъ императорской археологической комиссіи, и въ Парижѣ клинеологомъ при луврскомъ музеѣ Басмаджяномъ. Клинопись гласитъ слѣдующее: «Урса, сынъ Аргишты, царь царей, царь всемогущій, царь города Туспы, царь страны Вана, покорилъ страну Кутурлини, построилъ деревянныя и каменныя постройки, провелъ канаву изъ рѣки Илдаруніани, насадилъ сады и лѣса и пожертвованія дѣлалъ тогдашнимъ вѣрованіямъ (божествамъ)—солнцу, лунѣ и воздуху и дѣлалъ заклинаніе: кто съ мѣста возьметъ надпись, кто уничтожитъ мое имя на надписи, кто броситъ надпись въ воду, кто другимъ скажетъ: «я воздвигъ надпись», кто другого на помощь пригласитъ уничтожить камень, того самого съ наслѣдниками и съ семействомъ уничтожатъ божества — солнце, луна и воздухъ».

На надписи время ея написанія не означено, но она должна быть отнесена къ концу VIII или началу VIII вѣка до Р. Х., такъ какъ, по историческимъ даннымъ, царь Урса жилъ въ вышеуказанное время.

Относить созданіе храма, гдѣ оказалась клинопись, ко времени царствованія Урсы нѣтъ, понятно, основанія, за отсутствіемъ въ надписи указаній на постройку этимъ царемъ языческаго капища.

Архимандритъ Хачикъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ писателемъ IV вѣка по Р. Х. Агафангеломъ, секретаремъ армянскаго царя Трдата, предполагаетъ, что найденный храмъ первоначально былъ главнымъ капищемъ касты жрецовъ-снотолкователей. Опираясь затѣмъ на данныя церковной исторіи, архимандритъ Хачикъ приходитъ къ выводу, что капище «снотолкователей» было разрушено армянскимъ царемъ Трдатомъ по распоряженію св. Григорія, бывшаго патріархомъ армянъ съ 301—325 годъ по Р. Х. Впослѣдствіи же языческое капище, какъ есть основанія полагать, было реставрировано армянскимъ царемъ Нерсесомъ 3-мъ, превращено къ христіанскій храмъ, и въ него перенесены мощи св. Григорія, что могло имѣть мѣсто, приблизительно говоря, въ 340 году по Р. Х.

Такимъ образомъ, созданіе христіанскаго храма на развалинахъ языческаго капища можетъ быть отнесено, и то лишь гадательно, къ срединѣ IV вѣка по Р. Х. Такой выводъ находитъ себѣ значительное подтвержденіе въ слѣдующихъ историческихъ данныхъ.

Въ «Исторіи Арменіи» Моисея Хоренскаго (кн. 2-я, гл. 91) говорится, что тѣло св. Григорія было взято отшельникомъ Гарникомъ изъ пещеры Мане (въ Турціи, около гор. Эрзенгова) и перенесено въ деревню Т'орданъ.

О дальнѣйшей судьбѣ останковъ просвѣтителя Арменіи писатель VII вѣка, Моисей Кагакандваци, въ «Исторіи страны Албаніи», изданной на армянскомъ языкѣ въ 1860 г., въ Москвѣ (гл. 2-я, кн. 38), повѣствуетъ такъ: «Въ тѣ самыя времена (это относится къ 330—340 г. по Р. Х.) армянскій князь и главноначальствующій войсками Арменіи (Григорій Мамиконянъ) изъ Т'ордана, изъ уѣзда Даранаги, мощи св. Григорія со всѣми костями взялъ въ Арменію, въ Айраратскій уѣздъ, въ городъ Вагаршапатъ и помѣстилъ подъ кровомъ новопостроенной церкви Великаго Нерсеса во имя св. Григорія.

И наконецъ писатель IX вѣка, патріархъ Іонессъ, въ «Исторіи Арменіи» свидѣтельствуетъ, что «Нерсесъ 3-й задумалъ построить громаднѣйшій, баснословно-прекрасный храмъ Божій во имя св. Григорія. При основаніи Божьяго храма подъ четырьмя столбищами (придѣлами) раздѣлилъ и поставилъ мощи и кости св. Григорія, дабы на вѣки-вѣковъ оставить нетронутыми отъ рукъ нечистыхъ, а христовопомазанную голову не въ глубь, а въ каменное хранилище, на главномъ алтарѣ помѣстилъ, для вѣрующихъ посѣтителей».

Въ раскопанномъ храмѣ, какъ уже упомянуто выше, оказалось пять алтарей, изъ которыхъ одинъ главный, а четыре придѣльныхъ. На главномъ алтарѣ имѣется каменное хранилище кубической формы, увѣнчанное крестомъ VII вѣка изъ позлащенной мозаики. Хранилище найдено пустымъ. Это представляется вполнѣ понятнымъ,

если припомнить, что во время нашествія арабовъ на Арменію голова св. Григорія, заключенная въ золотой ларецъ, была тайно унесена армянскими монахинями изъ храма и перевезена сперва въ городъ Неаполь, а затѣмъ въ городъ Римъ. Въ сѣверо-западномъ придѣльномъ алтарѣ подъ плитою, въ каменномъ хранилищѣ, найдены ребра, ключица и плечевая кость. Остальные три придѣла не подвергались раскопкѣ. Противъ каждаго изъ четырехъ придѣловъ, какъ бы указывая на мѣстонахожденіе мощей св. Григорія, стоятъ каменныя круглыя колонны, увѣнчанныя высѣченными на камнѣ рельефными изображеніями одноглаваго орла съ распростертыми крыльями — символомъ армянскихъ патріарховъ. Такихъ орлоносныхъ колоннъ во всемъ храмѣ только четыре, по числу придѣловъ, гдѣ хранились, какъ можно теперь полагать, части останковъ св. Григорія.

Все вышеизложенное склоняетъ убѣжденіе въ пользу предположенія, что дѣйствительно мощи и кости св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, покоятся въ описанномъ храмѣ, отрытомъ изъ-подъ земли, благодаря усердію архимандрита Хачика, предпринявшаго раскопки на собственныя средства. При раскопкахъ найдены каменная утварь, глиняная посуда, куски дерева, желѣзные гвозди и крючья, окаменѣлое лампадное масло и большой глиняный кувшинъ, наполненный перегнившимъ хлѣбнымъ зерномъ. Монетъ найдено всего лишь двѣ, обѣ мѣдныя; на одной изъ нихъ имѣется изображеніе, похожее на крестъ, а надписи на нихъ еще не разобраны.

Н. Г. Ткачевъ.

ПРАГА ЗЛАТОГЛАВАЯ.

(Путевыя впечатлѣнія археолога).

И Прагу я видѣлъ—и Прага сіяла..
А. С. Хомяковъ.

I.

Отъ Вѣны до Праги. —Прага. — Разговоръ съ носильщикомъ и русскій языкъ у чеховъ. — Политическая и національная нервность послѣднихъ въ настоящее время. — По дорогѣ въ гостиницу.—Вацлавске намѣсти и уличная жизнь въ Прагѣ (увеселенія, café, рестораны, гостиницы).

ВЪ ПРАГУ я пріѣхалъ изъ Вѣны. Изъ «дунайской столицы», какъ обыкновенно принято называть Вѣну, мы выѣхали въ двѣнадцатомъ часу ночи. Ѣхали цѣлую ночь. Мѣрный стукъ и легкое покачиваніе поѣзда, удары дождевыхъ капель въ окна вагона и протяжный вой вѣтра убаюкивали путешественниковъ... Сквозь сонъ слышались возгласы поѣздной прислуги: Таборъ! Бенешовъ (Beneszau)! Мы проѣзжали черезъ мѣстности и города, покрытые славою въ чешской исторіи. Къ сожалѣнію, глухая, ночная пора, дождливая погода, тьма такая, что хоть глазъ выколи, не позволяли, хотя бы издали, видѣть историческіе уголки — свидѣтелей подвиговъ знаменитаго представителя чешской національности, Яна Жижки, избравшаго гуситство орудіемъ противъ иноземнаго господства... Утро начиналось сѣренькое. Дождь понемногу пересталъ. Изъ оконъ вагона открываются великолѣпные пейзажи. Виды на окрестность представляютъ здѣсь тѣ восхитительныя картины, какія способно произвести пространство, усѣ-

янное высокими холмами и горами, перерѣзанными долинами и равнинами и наполненное тѣмъ множествомъ разбросанныхъ, чистыхъ, на прекрасныхъ мѣстахъ выстроенныхъ, деревень и деревенекъ, которыми такъ богата Чешская земля. Какъ бы нехотя, какъ бы только однимъ глазомъ, выглянуло изъ-за тяжелыхъ, словно свинцовыхъ тучъ солнце и озарило эти картины. Эффектъ освѣщенія получился поразительный... Но вотъ направо и налѣво потянулись причудливой формы утесы и скрыли чудную панораму. Прошло еще нѣсколько мгновеній, и на горизонтѣ показались причудливыя очертанія многочисленныхъ храмовъ, башенъ, построекъ... словно бы какой-то сказочный городъ.

— Прага! — догадываетесь вы.

Поѣздъ летитъ, картина сказочнаго города приближается... Вотъ уже видно, какъ солнце играетъ на золотыхъ крестахъ храмовъ, шпиляхъ башенъ и крышахъ дворцовъ.

— Прага и есть!—увѣряете себя.

Вдругъ поѣздъ останавливается.

— Прага?—спрашиваете у кондуктора.

— Nusle,—отвѣчаетъ онъ невозмутимо.

Обращаетесь къ гиду.

Nusle—послѣдняя станція, или, точнѣе, преддверіе Праги.

Поѣздъ снова двигается въ путь, входитъ въ тунель и по выходѣ изъ него останавливается.

Вотъ теперь—Прага! Praga—caput regni, по опредѣленію старыхъ документовъ. «Прага — чешскихъ странъ глава», по выраженію нашего поэта-славянофила.

У насъ, русскихъ, да не только у насъ, но и у австрійскихъ нѣмцевъ, составилось о Прагѣ чешской представленіе, какъ чуть ли о какомъ-то уголкѣ Москвы, на манеръ того, какъ «Ярославль-городокъ—Москвы уголокъ». Сколько разъ мнѣ, напримѣръ, приходилось читать въ газетахъ сообщенія разныхъ гг. корреспондентовъ объ успѣхѣ русскаго языка въ Прагѣ, такомъ успѣхѣ, что даже понадобилось присутствіе, хотя и временное, въ чешской столицѣ русской оперы... Нѣмцы тоже почему-то не сомнѣвались въ этомъ успѣхѣ. «Въ Прагѣ,—увѣряли меня въ Вѣнѣ,—вы будете все равно, какъ дома». Правда, не могу посѣтовать на гостепріимство нашихъ братьевъ, а вотъ насчетъ русскаго-то языка встрѣтилъ меня на первыхъ же порахъ «репримандъ неожиданный».

Когда поѣздъ остановился передъ дебаркадеромъ Франца-Іосифа, я пригласилъ къ себѣ въ купэ носильщика—вынести вещи. Заговорилъ съ нимъ нарочно по-русски... а онъ только моталъ головою—ничего, молъ, не понимаю. Началъ я по-польски. Сталъ онъ мнѣ отвѣчать, хотя и не особенно чисто. Вижу — не полякъ. Думаю — нѣмецъ. Спрашиваю по-нѣмецки:

— Вы — нѣмецъ?

Уразумѣлъ и съ гордостью отвѣтилъ по-польски:

— Нѣтъ, я — чехъ.

— А коли вы чехъ, то почему же не говорите по-русски? — допытываюсь я (подъ вліяніемъ гг. корреспондентовъ).

— Чехи должны говорить по-русски,—выпаливаю я почему-то въ заключеніе.

— Ежели кто знаетъ, то тотъ и говоритъ, — резонно отвѣтилъ мой носильщикъ.

Послѣ я убѣдился, что такихъ знатоковъ въ Прагѣ, даже среди интеллигенціи, не очень-то много. О среднемъ и низшемъ сословіяхъ уже и не говорю. На вокзалахъ, въ гостиницахъ, ресторанахъ, кафе, магазинахъ, русская рѣчь была бы «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Даже самый успѣхъ русской оперы въ Прагѣ (въ апрѣлѣ — маѣ 1900 года), о которомъ такъ много писали наши газеты, былъ, какъ мнѣ передавали свѣдущіе люди, наши же соотечественники, скорѣе призрачный... Впрочемъ, чему же удивляться? Все, что прививается искусственно, не бываетъ прочно! Какъ еврея не сдѣлаемъ христіаниномъ, католика—православнымъ, пока тотъ и другой не проникнутся убѣжденіемъ въ правотѣ христіанства и православія,—такъ не заставимъ и чеха учиться русскому языку, пока онъ самъ не сознаетъ въ этомъ надобности [1]). А надо знать, что чехи всѣми силами стараются оградить неприкосновенность своей національности отъ постороннихъ вліяній. Въ этомъ отношеніи они отчасти напоминаютъ венгерцевъ, хотя послѣдніе заботятся болѣе о сохраненіи своей вымирающей національности, чѣмъ о защитѣ ея отъ вторженія постороннихъ элементовъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, добровольное сліяніе венгерцевъ съ евреями посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Затѣмъ, чехи такъ же, какъ и венгерцы, не прочь отъ времени до времени заявить о своемъ превосходствѣ надъ окружающимъ міромъ, о готовности преодолѣть всевозможныя препятствія, отразить всѣ неблагопріятные доводы съ противной стороны, то-есть, иными словами, порисоваться и даже увлечься... Читателямъ, разумѣется, памятны тѣ печальныя сцены, которыя разыгрались въ Вѣнскомъ парламентѣ въ концѣ мая 1900 года, когда чешскіе депутаты, очевидно, «для бо́льшей убѣдительности», поломали въ залѣ засѣданій столы и скамьи... Уличные листки возвели этотъ скандалъ въ подвигъ, а ловкіе аферисты «увѣковѣчили» его на бланкахъ открытыхъ писемъ, имѣвшихъ въ Прагѣ огромное распространеніе... Впрочемъ, я не позволю себѣ ставить чехамъ этого въ вину, потому что при настоящемъ положеніи ихъ родины человѣку,

---

[1]) Бурныя сцены, происшедшія въ Вѣнскомъ парламентѣ въ маѣ 1900 года, русскій языкъ (введеніе обученія ему въ сельскихъ школахъ) имѣли, разумѣется, только своимъ предлогомъ. Индифферентное отношеніе къ нему большинства населенія развѣ не доказываетъ этого?

проникнутому сознательно и глубоко любовію и уваженіемъ къ ней, надобно имѣть слишкомъ много твердости и безстрастія мысли, чтобы воздержаться отъ подобнаго образа дѣйствій.

Ближайшая гостиница, куда я отправился съ вокзала «U Arcivévody Štěpána» («Эрцгерцогъ Стефанъ»), была недалеко, на Václavské náměsti (плацъ Вацлава). По дорогѣ въ нее я любовался двумя изящными зданіями. Первое изъ нихъ—новый нѣмецкій театръ (строитель Вертмюллеръ) [1]) на Садовой улицѣ, получившей свое наименованіе, вѣроятно, отъ идущаго во всю ея длину, параллельно, городского сада. Правѣе театра, въ концѣ этой же улицы, противъ Вацлавскаго плаца, возвышается величественное и великолѣпное зданіе чешскаго національнаго музея, которому я посвящу нѣсколько словъ ниже.

Направо и налѣво отъ музея и позади его раскинулась новая Прага съ грандіозными постройками прекрасной архитектуры, широкими улицами, электрическимъ освѣщеніемъ, конными и электрическими трамваями.

Отъ самаго фронтона зданія музея, съ значительнымъ уклономъ внизъ, идетъ Václavské náměsti—первая улица въ Прагѣ. Здѣсь сосредоточены лучшіе магазины, банкирскія конторы, café, рестораны, отели. Большинство зданій также выдается своею красивою архитектурою. По серединѣ улицы идетъ электрическій трамвай. По бокамъ уставленъ рядъ высокихъ электрическихъ фонарей. Тротуары, обсаженные деревьями, очень широки, да и вообще такія широкія улицы, какъ Václavské náměsti, встрѣчаются не часто. Движеніе тутъ громадное, лѣтомъ съ 5—6 часовъ утра до 8 часовъ вечера, когда магазины и лавки закрываются въ цѣломъ городѣ. Тогда и жизнь на «Вацлавскомъ намѣсти» сразу замираетъ. Встрѣтите лишь одинокихъ прохожихъ, которые въ Прагѣ вѣчно куда-то спѣшатъ. Видите, несущіеся по уклону, съ страшнымъ гуломъ, трамваи и разгуливающихъ по серединѣ улицы поліціантовъ, въ круглыхъ шляпахъ, украшенныхъ пѣтушиными перьями. Вообще, насколько я замѣтилъ, вечеръ въ Прагѣ, даже лѣтомъ, начинается слишкомъ рано и проводится очень скучно. Ни лѣтнихъ театровъ, ни увеселительныхъ садовъ, ни кафе-шантановъ, въ родѣ петербургскихъ «Аркадій», «Акваріумовъ», варшавскихъ «Belle-vue», «Фантазій», московскихъ «Омоновъ», «Эрмитажей»,—здѣсь не существуетъ. То-есть, они есть—я былъ въ двухъ-трехъ—

---

[1]) Въ Прагѣ, гдѣ существуетъ самое строгое разграниченіе между всѣмъ чешскимъ и нѣмецкимъ, разграничены и театры. Такъ, національный театръ (národni divadlo) помѣщается совершенно отдѣльно, въ великолѣпномъ зданіи, построенномъ по плану профессора Шульце, въ стилѣ итальянскаго renaissance'а на народныя пожертвованія (свыше 8.000.000 гульденовъ) съ примѣненіемъ всевозможныхъ усовершенствованій, выработанныхъ современною строительною техникою для зданій подобнаго рода.

но наводятъ одну лишь тоску. Былъ я на прославленномъ Софійскомъ островѣ, неподалеку отъ національнаго театра. Курзалъ прекрасный, кормятъ хорошо и недорого, садъ превосходный, на удачномъ мѣстѣ,—окруженъ водою, масса цвѣтовъ, но небольшой, въ родѣ блаженной памяти петербургской «Ливадіи». Играетъ музыка, иногда устраиваются концерты, но днемъ. Заходилъ въ какой-то ресторанъ со «сценою» на Vodičkov'ой улицѣ. Зала маленькая, заставлена столиками, публики такъ мало, что и занавѣса въ тотъ вечеръ не подняли совсѣмъ. Въ ресторанахъ и кофейняхъ публики собирается больше, но опять-таки въ извѣстное время. Той постоянной сутолоки, которая вамъ невольно бросается въ глаза въ café Вѣны или въ kawiarnia'хъ Варшавы, здѣсь не увидите. Стеченіе публики въ ресторанахъ обыкновенно бываетъ до часу пополудни. Если къ этому времени не успѣете пообѣдать, то въ 6 часовъ вечера не достанете ни въ одномъ ресторанѣ горячаго кушанья. Промежутокъ между 1—6 часами пополудни полагается какъ бы для отдыха прислуги. Въ кофейняхъ толкотня главнымъ образомъ утромъ: пьютъ кофе и читаютъ газеты. Кофе подается не въ чашкахъ и стаканахъ (какъ въ Берлинѣ и Варшавѣ) и не въ бокалахъ (какъ въ Вѣнѣ), а приносится приборъ съ кофейникомъ, сливки—отдѣльно. Къ кофе, кромѣ булочекъ и неизбѣжнаго пирожнаго, подаютъ еще какую нибудь свѣжую газету и на блюдѣ коллекцію бланковъ открытыхъ писемъ (dopisnice) съ видами города, карикатурами, сценами изъ общественной и политической жизни страны, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Среди карточекъ открытыхъ писемъ встрѣчаются удачныя подражанія стариннымъ гравюрамъ XVI—XVII ст. съ видами Праги того времени и съ сюжетами изъ исторіи блокады ея шведами.

Гостиница, въ которой я остановился, хотя и безъ особеннаго комфорта, но вполнѣ приличная. О чистотѣ же и говорить не приходится. Въ чешскихъ гостиницахъ она поддерживается до той степени, что глазъ не встрѣтитъ ничего непріятнаго, тѣмъ менѣе отвратительнаго. Сорвать съ проѣзжающаго лишній геллеръ не приходитъ, кажется, и въ голову хозяину или прислугѣ, при всей сравнительной дешевизнѣ.

II.

Ознакомленіе съ чешскою столицею.—Костелъ францисканов.—Памятникъ Іосифу Юнгманну и личность послѣдняго.—На Пштросовой улицѣ у д-ра Адольфа Чернаго. Его «Slovansky Prehled». —Музей Чешскаго королевства.—Rudolfinum.—На Прикопахъ.—Чешско-славянскій этнографическій музей.—«Пороховая башня».—Историческій домъ.

Первымъ моимъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Прагу было вручить по принадлежности рекомендательныя письма, данныя мнѣ къ нѣ-

Чешскій національный музей въ Прагѣ.

которымъ изъ мѣстныхъ литераторовъ. Безъ рекомендаціи въ Прагѣ, какъ и въ Будапештѣ, русскому человѣку тяжело сойтись съ туземцемъ. Послѣдній постоянно будетъ опасаться какого либо подвоха, станетъ считать васъ за шпіона и, конечно, постарается отдѣлаться отъ сообщества съ вами.

Первое мое путешествіе въ чешской столицѣ было путешествіе на Pštrosov'ую ulic'у, къ редактору новаго, но уже получившаго большую извѣстность, журнала «Slovanský Prehled» («Славянское обозрѣніе»), д-ру Адольфу Черному (A. Černý).

Слѣдуя своему правилу ознакомленія съ неизвѣстными еще мнѣ

городами, я нанялъ извозчика, съ тѣмъ, чтобы назадъ пріѝти уже пѣшкомъ по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ мы теперь проѣзжали. Пражскіе извозчики похожи на львовскихъ—тѣ же сытыя лошади, хорошіе экипажи и тоже разнообразіе въ костюмѣ возницъ. Разумѣется, во время ѣзды надо было смотрѣть въ оба, чтобы послѣ быть въ состояніи оріентироваться въ сѣти подчасъ маленькихъ, узенькихъ, ломанныхъ уличекъ Праги. Возница мой направился сначала по Вацлавскому плацу, потомъ свернулъ налѣво на плацъ Юнгманна. Здѣсь моимъ глазамъ представился древній костелъ Богоматери (P. Marie Sněžné) при монастырѣ францисканoвъ. Костёлъ заложенъ въ 1347 г. Въ немъ замѣчателенъ образъ «Благовѣщенія» кисти Райнера. На площади передъ костеломъ—памятникъ Іосифу Юнгманну (р. 1773 г. † 1847 г.), патріарху новочешской литературы. Самый славный изъ славной вообще фамиліи Юнгманновъ—Іосифъ, всю жизнь свою провелъ на службѣ по учебному вѣдомству, начавъ свою карьеру сверхштатнымъ учителемъ гимназіи въ Литомержицахъ (1800 г.) и закончивъ ее ректоромъ Пражскаго университета (съ 1840 г.). Онъ первый изъ чеховъ сталъ читать въ родныхъ Литомержицахъ (1800 г.) лекціи объ отечественномъ языкѣ и заохочивалъ къ изученію его не только мѣстныхъ гимназистовъ и семинаристовъ, но и постороннихъ слушателей. Въ своей Slovesnost'и [1]) онъ также первый ввелъ аналогическое начертаніе и указалъ пользу для чешскаго языка въ заимствованіи оборотовъ рѣчи языковъ русскаго и польскаго. Немало враговъ онъ нажилъ себѣ этимъ, даже въ ученомъ сословіи, были и такіе, которые не останавливались передъ обвиненіемъ Юнгманна въ измѣнѣ. Но были у него и послѣдователи. Карлъ-Игнатій Торнъ въ старомейской гимназіи въ Прагѣ и Рантенкранцъ въ духовной семинаріи въ Градцѣ—были дѣятельными проводниками идей Юнгманна. И нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ пріобрѣлъ повсюду между соотечественниками почетъ и уваженіе. Послѣдніе особенно выразились при его смерти, когда весь чешскій народъ принялъ участіе въ торжественныхъ похоронахъ Юнгманна, а, спустя двадцать шесть лѣтъ, въ чествованіи столѣтней годовщины дня его рожденія (13-го іюля 1873 г.) [2]).

Съ плаца Юнгманна, рядомъ ломанныхъ уличекъ, достигли мы улицы Pštrosov'ой, что значитъ по-русски: Страусовой.

Д-ра Чернаго я засталъ дома за чтеніемъ корректуръ подготовляемой къ выходу новой книжки Slovansk'аго Prehled'а. Это далеко еще не старый человѣкъ, блондинъ, весь ушедшій въ литературную работу. Редактируемый имъ журналъ еще очень моло-

---

[1]) Первое изданіе въ Прагѣ 1820 г., 3-е—тамъ же, 1846 г.

[2]) Назову наиболѣе выдающіяся произведенія І. Юнгманна: «Historie literatury czeske» (Praha, 1825), «Slovnik czesko-niemecky» въ 5 томахъ (Прага, 1835—1839), «Sebrane spisy verszem i prosou» (Praha, 1841).

дой—только что вступилъ во второй годъ своего существованія. Задача его весьма симпатичная—знакомить чеховъ со всѣмъ, что только появляется выдающагося въ области науки, литературы и искусства у славянскихъ народовъ. Русскимъ, разумѣется, удѣляется немало мѣста. Каждая книжка составляется интересно и разнообразно при ближайшемъ и дѣятельномъ участіи самого г. Чернаго, редакторское перо котораго чувствуется весьма осязательно.

Г. Черный выразилъ готовность служить мнѣ въ ознакомленіи меня съ Прагою. Когда зашла рѣчь о пражскихъ достопримѣча-

Рудольфинумъ.

тельностяхъ, мой выборъ прежде всего остановился на музеѣ Чешскаго королевства.

Благодаря любезному содѣйствію д-ра Чернаго, я получилъ отъ него рекомендательное письмо къ г. Франциску Квапилю [1]), секретарю помянутаго музея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. А. Черный пригласилъ меня посѣтить этнографическій чешско-славянскій музей, консер-

[1]) Г. Францишекъ Квапиль (р. въ 1855 г.), авторъ талантливыхъ этюдовъ о Словацкомъ, Мицкевичѣ, Асныкѣ и новѣйшихъ польскихъ поэтахъ, переводчикъ на чешскій языкъ «Neboszk'ой komediu» С. Красинскаго («Neboszka komedie», Praha, 1900).

ваторомъ котораго онъ состоитъ. Письмо д-ра Чернаго къ г. Квапилю открыло мнѣ доступъ во всѣ отдѣленія національнаго музея.

Музей Чешскаго королевства (Museum královstvi Ceského), или, какъ написано на его фронтонѣ, Museum regni Bohemiae, въ полномъ смыслѣ слова — дворецъ національной науки, искусства и промышленности. Такіе дворцы теперь уже не рѣдкость въ Западной Европѣ: есть они въ Вѣнѣ, Будапештѣ, Берлинѣ и другихъ большихъ умственныхъ центрахъ. Мысль создавать ихъ очень похвальна и заслуживаетъ подражанія. Въ прежнее время дворцы предназначались лишь для жительства монарховъ. Но если монархъ, управитель извѣстной страны, имѣетъ право обитать въ такомъ дворцѣ, то тѣмъ болѣе, конечно, имѣютъ право на помѣщеніе въ немъ продукты народнаго ума... Трудно, кажется, было выбрать болѣе подходящее мѣсто для національнаго музея, чѣмъ то, которое занимаетъ чешскій музей. Стоитъ онъ на значительной возвышенности, доминируя надъ окружающею мѣстностью. Зданіе построено въ 1891 году, по проекту профессора Шульце [1]), въ стилѣ renaissance и своею архитектурою производитъ въ высокой степени пріятное впечатлѣніе. Фасадъ, обложенный мраморомъ, украшенъ статуями и колоннами. Пять позолоченныхъ куполовъ увѣнчиваютъ музей: четыре по угламъ, а пятый, наиболѣе обширный и изящный, по серединѣ [2]).

Прекрасныя лѣстницы для пѣшеходовъ и подъѣздныя террасы для экипажей со стороны Вацлавской площади ведутъ къ музею. Въ высокихъ и свѣтлыхъ залахъ четырехъ этажей зданія удобно размѣщены коллекціи доисторическія, археологическія и нумизматическія, а также богатѣйшія собранія всего, что касается прошлаго или естественныхъ богатствъ страны, минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ. Находящаяся при музеѣ библіотека заключаетъ въ себѣ свыше 150.000 томовъ книгъ и много драгоцѣнныхъ рукописей [3]). Въ числѣ послѣднихъ есть рукописи и автографы: Я. Гусса († 1415), Я. Жижки († 1424), Амоса Коменскаго († 1671), Юнгманна, І. Добровскаго († 1829), Шафарика († 1861), Палацкаго († 1876), Коллара († 1852), Челяковскаго († 1852), Ганки († 1861) и друг. Библіотека размѣщена въ совершенной безопасности, такъ что тѣ несчастные случаи, которые имѣли мѣсто у насъ, въ Петербургѣ, въ книгохранилищѣ главнаго штаба или въ академіи художествъ, тутъ, разумѣется, не мыслимы... Картинной галлереи при немъ не имѣется.

---

[1]) Стоило 1.800.000 гульденовъ.

[2]) Подъ этимъ куполомъ въ настоящее время помѣщается «пантеонъ», который вмѣстѣ служитъ и мѣстомъ засѣданій чешской академіи.

[3]) Для публики музей открытъ ежедневно, при чемъ проводнику платится: въ воскресенье 20 геллеровъ (около 10 коп. на наши деньги), а въ остальные дни по одной коронѣ (= 39 коп.).

Собраніе картинъ чешскихъ художниковъ сосредоточено въ такъ называемомъ Rudolfinum — новой художественной галлереѣ, посвященной памяти безвременно погибшаго австрійскаго кронпринца Рудольфа. Превосходное зданіе этой галлереи, выстроенное по ѣлану архитектора Житка въ стилѣ итальянскаго renaissance'а и стоящее около двухъ милліоновъ гульденовъ, украшаетъ мѣстность, которая еще недавно представляла собою чуть не клоаку,

Пороховая башня въ Прагѣ.

благодаря своему сосѣдству съ еврейскимъ кварталомъ... Теперь видите здѣсь прекрасную площадь. По серединѣ ея — Rudolfinum, vis-à-vis его великолѣпное зданіе академіи живописи, налѣво, по набережной, носящей имя кронпринца Рудольфа, разбитъ скверъ съ цвѣтниками. Старые домá, окружающіе площадь, постепенно исчезаютъ, уступая мѣсто новымъ постройкамъ. Вообще въ строительномъ отношеніи чешская столица напоминаетъ Вѣну, гдѣ въ

послѣднее время вошло въ обычай всѣ старыя, неуклюжія постройки, нарушающія общій ансамбль или чрезмѣрно стѣсняющія улицы, сносить или отодвигать вглубь переднія ихъ стѣны, облагораживая, при этомъ случаѣ, фасадъ и, по мѣрѣ возможности, расширяя улицу.

Въ картинной галлереѣ Rudolfinum'а находятся произведенія мастеровъ старой и новой школъ. Изъ первыхъ назову: Карло Дольче («Мадонна»), Луини («Св. Екатерина»), Шидоне (Schidone—«Св. Францискъ»), Рубенса и его ученика фанъ-Дейка (портреты), Гольбейна-старшаго. Изъ новыхъ: Бюркеля, Геля (Gail—«Львиный дворъ въ Альгамбрѣ»), Фюриха, Ширмера (пейзажъ), Шлейха, Ахенбаха («Дворъ въ итальянскомъ монастырѣ»), Миллера («Мадонна»), Свободы («Именитые миланцы передъ Барбароссою»). Въ одной изъ залъ — цѣлая коллекція гравюръ на мѣди извѣстнаго пражскаго гравера Вацлава Голлара (Hollar), умершаго въ 1677 году. Кромѣ картинной галлереи, въ Rudolfinum'ѣ помѣщается еще обширный концертный залъ и часть классовъ мѣстной консерваторіи.

Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ д-ра Чернаго, я затѣмъ отправился въ чешско-славянскій этнографическій музей.

Музей помѣщается въ наемной квартирѣ одного изъ большихъ домовъ въ улицѣ Na prikopé (Graben).

Prikopy слѣдующая, по ширинѣ и красотѣ построекъ, послѣ плаца св. Вацлава, улица въ Прагѣ. То же обиліе магазиновъ, съ богатыми выставками на огромныхъ зеркальныхъ окнахъ разнообразныхъ товаровъ, начиная отъ предметовъ первой необходимости и кончая разными objets de Paris. Вотъ, напримѣръ, большой гастрономическій магазинъ (а такихъ магазиновъ въ Прагѣ—обиліе). Разложенныя на окнѣ разныя вкусныя вещи и среди ихъ знаменитая пражская ветчина (Prag-Schinken) поневолѣ заставятъ остановиться. Рядомъ — смотришь — великолѣпнѣйшая выставка мужскихъ галстуковъ, какихъ только тутъ нѣтъ!.. А тамъ—дальше искусно разложены въ витринѣ извѣстные пражскіе драгоцѣнные камни, пользующіеся популярностью въ цѣлой Европѣ въ качествѣ удачной имитаціи настоящихъ брильянтовъ. И что за удивительныя для нашего славянскаго уха попадаются здѣсь, на вывѣскахъ, фамиліи: «Воришка», «Горчичка», «Насмродилъ» «Смутный» и т. п. Ищете глазами русскихъ магазиновъ и, къ удивленію, не находите [1]). Причину этого видятъ обыкновенно въ отсут-

---

[1]) Правда, на Vaclavské namiesti есть «русскій магазинъ», но въ немъ, кромѣ засиженныхъ мухами бланковъ открытыхъ писемъ съ московскими видами, выставленныхъ на окнахъ, другихъ русскихъ товаровъ не имѣется. Да и владѣлецъ-то его едва ли не принадлежитъ къ гонимому библейскому племени.

Знаменитые часы на городской ратушѣ въ Прагѣ.

ствіи русскаго консула въ Прагѣ, что, конечно, отчасти справедливо.

Чешско-славянскій этнографическій музей—учрежденіе сравнительно новое. Онъ возникъ по мысли д-ра Л. Нидерле (Lubor Niederle), профессора Пражскаго славянскаго университета, извѣстнаго антрополога и изслѣдователя славянскихъ древностей, издателя

Véstnik'a slovanskych starožitností. Первыя вещи, которыя сюда поступили, были съ этнографической выставки, устроенной въ Прагѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Особенно обогатился музей при настоящемъ его хранителѣ, г. А. Черномъ. Благодаря заботамъ и трудамъ послѣдняго, въ немъ собраны: манекены, костюмы, головные уборы, вышивки, расписная мебель кустарнаго производства, разрисованныя отъ руки книжки-молитвенники, рукописи, наконецъ, небольшая коллекція ископаемыхъ предметовъ изъ кургановъ.

Въ концѣ Přikop'овъ, налѣво, начинается улица Celetná. Ею входимъ въ Старый городъ. Современная Прага дѣлится на семь частей: Старый городъ (Staré město) занимаетъ центральное положеніе, южнѣе и вокругъ него расположенъ Новый городъ (Nové město), къ сѣверо-западу Юзефовъ (еврейскій кварталъ), южнѣе Новаго города — Вышеградъ (Vyšehrad) [1] — всѣ на правомъ берегу Велтавы (Vltava — нѣмцы называютъ ее Молдава). На лѣвомъ берегу — по склону Градчанъ и у подножія Петчина (Petřina) расположена Малая сторона (Malá strana), надъ нею — Градчаны (Hradčany) и къ востоку отъ нихъ Holešovice-Poubna. Къ этимъ частямъ прилегаютъ предмѣстья: къ с.-в. Карлинъ (Karlin), къ востоку — Жижковъ (Žižkov) и Винограды (Vinohrady), и къ ю.-в. отъ «Малой стороны» Смиховъ (Smíchov) [2].

Въ началѣ Celetn'ой улицы возвышается Prašná brána, огромная четырехугольная башня, построенная между 1475 и 1484 годами — остатокъ стѣнъ, нѣкогда отдѣлявшихъ Старый городъ отъ Новаго. Prašná — по-русски значитъ пороховая. Архитектура ея замѣчательно изящна. Башня — трехъэтажная. Этажи очень крупные. Внизу — широкія ворота, образующія проѣздъ въ улицу. Стѣны втораго и третьяго этажей богато украшены со всѣхъ сторонъ скульптурными орнаментами, расположенными съ большимъ вкусомъ. Вверху башня заканчивается карнизомъ съ зубцами и съ четырьмя башенками по угламъ и высокою двухъэтажною, шатрообразною, крышею. Ѳсобенность Celetn'ой улицы — необыкновенное изобиліе галантерейныхъ магазиновъ. На углу ея и Овощнаго торга (Ovocného trhu), налѣво, зданіе суда. Въ этомъ домѣ, во время революціи 1848 года, 11 іюня, была убита выстрѣломъ, стоявшая у окна княгиня Виндишгретцъ, сестра князя Феликса Шварценберга.

Черезъ Овощный торгъ выйдемъ на Желѣзную улицу къ университету.

---

[1]) Древнѣйшая столица князей, а потомъ резиденція королей чешскихъ до X вѣка, въ настоящее же время небольшое предмѣстье, застроенное по преимуществу казармами и военными складами. Достопримѣчательность его составляютъ — прекрасная византійская каплица св. Мартина и костелъ св. ап. Петра и Павла, заложенный кн. Вратиславомъ, въ 1080 году.

[2]) Во всѣхъ этихъ частяхъ города, вмѣстѣ съ предмѣстьями, насчитывается свыше 330.000 жителей. Чехи, конечно, преобладаютъ численностью.

III.

Пражскій университетъ.—Его прошлое и настоящее. —Староместская ратуша.—Часы.—Архивъ.—Староместская площадь.—Историческія событія, на ней происходившія.— Sloup Mariansky.— Тынскій храмъ. Его памятники.— Русская церковь.

Пражскій университетъ (Karolinum)—древнѣйшій во всей средней Европѣ. Основанъ въ 1348 году Карломъ IV. Особеннаго процвѣтанія достигъ въ началѣ XV столѣтія. Тогда число его слушателей превышало 12.000 человѣкъ. Къ сожалѣнію, различныя неблагопріятныя обстоятельства вызвали его упадокъ. Преемникъ Карла—Вацлавъ IV, отмѣнилъ многія изъ дарованныхъ университету привилегій, и число слушателей сразу сократилось. Ученіе Іоанна Гуса, профессора богословія въ университетѣ, опровергавшаго непогрѣшимость верховной власти папы въ дѣлахъ религіи, не признававшаго монашества и требовавшаго для мірянъ пріобщенія Св. Таинъ подъ обоими видами (sub utraque), вызвало среди нѣмцевъ, учившихъ и учившихся въ университетѣ, цѣлую бурю. Они съ негодованіемъ оставили Пражскій университетъ и удалились въ Лейпцигъ, гдѣ для нихъ былъ основанъ (1409 г.) новый университетъ. При Фердинандѣ I въ Пражскій университетъ получили доступъ іезуиты. Возрожденіе университета началось со времени Маріи-Терезіи и императора Іосифа. Въ 1882 г. послѣдовало раздѣленіе Пражскаго университета на славянскій-чешскій и нѣмецкій. Въ настоящее время оба университета поддерживаютъ славу своего предка. Число слушателей въ томъ и другомъ доходитъ до 4000. На Желѣзной улицѣ помѣщается собственно юридическій факультетъ обоихъ университетовъ. Факультеты медицинскій и естественныхъ наукъ находятся на «Новомъ мѣстѣ», при клиническомъ госпиталѣ, отдѣлъ ботаники на Смиховѣ, а богословскій и философскій факультеты, вмѣстѣ съ университетской библіотекой, въ зданіи именуемомъ Clementina, о которомъ я буду имѣть случай говорить ниже. Въ связи съ университетомъ стоятъ слѣдущія учебныя и ученыя учрежденія: ветеринарная школа, школа акушерокъ, клиники, кабинеты: зоологическій, минералогическій и анатомическій, ботаническій садъ, химическая лабораторія и астрономическая обсерваторія [1]).

Желѣзная улица приведетъ насъ къ Староместской ратушѣ (Staroměstská radnice) [2]). Ратуша выходитъ одною стороною на

[1]) Сверхъ университета, въ Прагѣ находятся слѣдующія учебныя заведенія: два политехникума (чешскій и нѣмецкій), двѣ академіи, дух. семинарія, 14 гимназій и реальныхъ училищъ, 35 городскихъ школъ, не считая частныхъ институтовъ и пансіоновъ.

[2]) Въ древности въ Прагѣ чуть ли не каждая часть города имѣла свою особую ратушу. До настоящаго времени, кромѣ помянутой, сохранились еще быв-

Карлову улицу, а другою на Староместскую площадь. Некоторыя ея части очень старыя — XIV XV столетія. Въ 1838 — 1841 году зданію приданъ готическій стиль.

На башне ратуши находятся, известные целому міру, пражскіе часы съ движущимися фигурами. На уровне второго и третьяго этажей, подъ зонтомъ или навесомъ, помещаются два огромные циферблата, разделенные, по старому чешскому способу, на 24 часа. На нихъ показывается: движеніе солнца, луны, фазы последней и измененія ихъ. По сторонамъ обоихъ циферблатовъ по две фигуры: мудрецовъ, святыхъ, королей, а при верхнемъ циферблате, направо, и фигура смерти. Выше — на одной линіи два окошка, надъ ними маленькое окошечко. Въ самомъ верхнемъ ярусе башни также находятся часы. Когда вотъ эти последніе пробьютъ известный часъ, тогда начинаютъ бить нижніе, и оба, помянутыя нами, окошечка открываются. Смерть звонитъ въ колокольчикъ. Мимо оконъ проходятъ апостолы и показывается Христосъ. Въ верхнемъ оконце появляется петухъ, хлопаетъ крыльями, и своимъ крикомъ возвещаетъ конецъ боя часовъ и исчезаетъ. Тогда все три окошка закрываются. Изобретателемъ этихъ часовъ былъ въ 1490 году часовщикъ Ганушъ, родомъ чехъ. Часы очевидно произвели въ свое время большую сенсацію, потому что, если верить преданію, «мистру Ганушу» выкололи глаза, дабы впредь онъ не могъ нигде и ни для кого сделать подобныхъ часовъ. Но «мистръ», какъ видно, принадлежалъ къ числу людей, которые умеютъ постоять за себя. Онъ упросилъ свести его къ часамъ и позволить разокъ дотронуться до нихъ... Когда ему это разрешили, Ганушъ вынулъ какой-то винтикъ. Часы остановились, и никто ихъ не могъ поправить. Такъ они стояли много летъ, пока, наконецъ, нашелся какой-то механикъ французъ, который и наладилъ ихъ. Съ техъ поръ они ходятъ исправно, привлекая къ себе каждый часъ, во время боя, толпы любопытныхъ, среди которыхъ, конечно, иностранцы и пріезжіе преобладаютъ. Къ числу достопримечательностей ратуши долженъ быть также отнесенъ—богатый архивъ, въ которомъ, между прочимъ, сохраняются любопытные документы, касающіеся сношеній Чехіи съ Московскимъ государствомъ. Чешскіе короли уже въ XV столетіи

шая еврейская и новоместская, построенная Карломъ IV и переделанная въ XIX ст. подъ помещеніе судебныхъ установленій. Въ исторіи она известна темъ, что здесь получило свое начало гуситское возстаніе. 30 іюня 1419 г. гуситы, которымъ въ Праге были предоставлены три церкви, во время религіозной процессіи, шедшей мимо ратуши, были грубо оскорблены ратманами. Раздраженные этимъ, они вторгнулись въ ратушу и семерыхъ ратмановъ вместе съ бургомистромъ «по-старочешски» выбросили въ открытыя окна. Событіе это до известной степени ускорило смерть короля Вацлава, который, получивъ объ немъ известіе, умеръ отъ удара.

думали о союзѣ съ московскими великими князьями. Къ сожалѣнію, послѣдніе относились къ этой мысли равнодушно, т. е. такъ же, какъ относились они къ предложеніямъ подобнаго рода, исходившимъ порою отъ Польши.

Ратуша выходитъ своимъ фасадомъ на обширную площадь. На этой самой площади черезъ семь мѣсяцевъ послѣ пораженія чеховъ на Бѣлой горѣ императоръ Фердинандъ II производилъ свой кровавый судъ надъ мѣстною аристократіею. 21-го іюня 1621 г. императорскій губернаторъ, князь Карлъ Лихтенштейнъ, возсѣлъ

Старомѣстская площадь и Тынскій храмъ въ Прагѣ.

на балконѣ ратуши, выходящемъ на Старомѣстскую площадь. Сюда вывели заключенныхъ. Прочитали имъ приговоры, постановленные въ Вѣнѣ. Затѣмъ, съ торжественностью, напоминающею празднества испанской инквизиціи, приступлено было къ исполненію смертныхъ приговоровъ. Такимъ образомъ погибло 27 знаменитѣйшихъ мужей чешскихъ, всѣ они были (кромѣ одного) протестанты. За невозможностью же казнить графа Матвѣя Турна, Радислава Кинскаго и многихъ другихъ, бѣжавшихъ за границу, повѣсили вмѣсто нихъ ихъ портреты. У многихъ казненныхъ были отсѣчены правыя руки, 12 головъ были воткнуты на мостовой башнѣ, 13-я на ратушѣ. На другой день была произведена экзекуція розгами арестованныхъ, во время которой городской писарь Николай Дивисъ стоялъ

подъ висѣлицей, съ прибитымъ къ ней шиломъ языкомъ. Тутъ же въ сентябрѣ 1633 г., по приказанію извѣстнаго Валленштейна, были казнены 11 высшихъ сановниковъ. На этой же площади императоръ Фердинандъ III въ память освобожденія Праги отъ шведовъ въ 1650 г. воздвигнулъ красивую колонну съ статуею на ней Богоматери (Sloup Marianský), существующую до настоящаго времени.

Напротивъ ратуши, по другую сторону Старомѣстской площади, возвышается знаменитый Тынскій храмъ (Týnský chrám). Его начали строить въ 1360 г., а окончили при Юріи Подебрадѣ, между 1458—1463 г. г. Фасадъ костела украшаютъ двѣ башни, по 80 м. высоты каждая, оканчивающіяся оригинальными стрѣльчатыми шпилями. Пространство между башнями по фронтону занимаетъ красивый готическій щитъ, съ изображеніемъ Божіей Матери изъ позолоченной мѣди, поставленнымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена гуситовъ стояла чаша (kalich). Храмъ застроенъ старинными домами со всѣхъ сторонъ. Чтобы проникнуть въ него, нужно войти въ узенькую Тынскую улицу. Здѣсь на стѣнѣ помѣщается открытый въ 1882 году превосходный барельефъ, представляющій страданія Спасителя. Въ главномъ алтарѣ образъ работы К. Шкреты (Škréty). У правой колонны гробница астронома Тихо-де-Браге, приглашеннаго въ Прагу императоромъ Рудольфомъ II и здѣсь умершаго въ 1601 году. Замѣчателенъ готическій алтарь позднѣйшаго времени въ правой навѣ и тутъ же налѣво—великолѣпный монументъ св. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, изъ каррарскаго мрамора, работы славнаго чешскаго ваятеля М. Макса, подаренный костелу императоромъ Фердинандомъ V.

Обойдя Старомѣстскую площадь вокругъ, узенькимъ переулкомъ, подлѣ самой ратуши, направляемся на Юзефовъ. Путь лежитъ мимо стариннаго, большого, снаружи очень мрачнаго, храма въ стилѣ rococo. Это бывшій костелъ монаховъ бенедиктиновъ, нынѣ русская православная церковь св. Николая и славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Исторія храма слѣдующая. Построилъ его въ XVIII ст. извѣстный въ свое время пражскій зодчій Янъ-Киліанъ Диценгоферъ. Ранѣе на томъ мѣстѣ стоялъ очень древній храмъ, сооруженный въ XIII в. Въ первой половинѣ XVII ст. онъ перешелъ къ премонстратамъ страховскимъ. Эти уступили его въ 1643 г. бенедиктинамъ Эмаусскаго монастыря, а послѣдніе, по иниціативѣ архіепископа Фердинанда Зубка изъ Биленберка, въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. воздвигли монастырское зданіе и существующій нынѣ храмъ на мѣстѣ стараго. Императоръ Іосифъ II, въ 1785 г., упразднилъ монастырь и костелъ. Монастырь поступилъ въ казенное управленіе, а костелъ купилъ пражскій магистратъ. По временамъ онъ служилъ кладовою, а въ 1865 г. утвержденъ за мѣстнымъ бургомистромъ

Древняя еврейская синагога въ Прагѣ.

др-мъ Вацлавомъ Бѣльскимъ. Въ 1870 году стоявшее пустымъ зданіе было нанято русскими для православнаго богослуженія и съ тѣхъ поръ арендуется безпрерывно въ теченіе 30 лѣтъ, если не ошибаюсь, за 1.200 рублей въ годъ [1]). Внутри храмъ отдѣланъ заново

[1]) Православныхъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. русскихъ, въ Прагѣ очень немного. Всѣхъ христіанъ греко-восточнаго исповѣданія, включая въ то число,

и производитъ впечатлѣніе православной церкви. Высокій куполъ ея съ восемью окнами и одной люцерной. Нельзя не пожалѣть о томъ, что фрески Лишки и Ассама много потерпѣли отъ времени и небреженія. Я былъ въ Прагѣ лѣтомъ (1900 г.), когда богослуженіе въ церкви не отправлялось за отсутствіемъ настоятеля, протоіерея Н. П. Апраксина, который пребывалъ въ Карлсбадѣ, гдѣ тоже есть русская церковь. О. діакона и псаломщика также не было въ городѣ: мнѣ сказали, что первый уѣхалъ въ отпускъ, на родину, второй, вѣроятно, находился съ настоятелемъ, такъ что немалыхъ трудовъ мнѣ стоило проникнуть въ нашу церковь...

IV.

Юзефовъ.—Еврейская ратуша.—Изъ исторіи пражской еврейской общины.—Древняя синагога.—На старомъ еврейскомъ кладбищѣ.—Замѣчательныя могилы.—Гетто.—Clementinum.—Памятникъ студенту.—Костѣлъ св. Креста.—Монументъ императору Карлу IV.—Характерныя особенности пражскихъ монументовъ.

Выйдя изъ церкви, поворачиваемъ направо. Переходимъ площадь, застроенную старыми каменными домами, и вступаемъ въ узкую улицу, населенную, по преимуществу, еврейскою бѣднотою. Въ срединѣ ея, на правой рукѣ,—еврейская ратуша (zidovska radnice), съ башнею, построенная въ 1764 г., когда еврейская община въ Прагѣ имѣла еще свое самоуправленіе. Пражская еврейская община считаетъ себя старѣйшею въ Европѣ и, какъ на доказательство своей древности, указываетъ на надгробный памятникъ, поставленный за сто лѣтъ до начала христіанства. Но, силясь доказать слишкомъ много, она, собственно говоря, ничего не доказываетъ. Достовѣрно извѣстно только то, что въ X столѣтіи евреи дѣйствительно уже были въ Богеміи, гдѣ даже владѣли невольниками изъ христіанъ, и апостолъ Пруссіи, бывшій раньше архіепископомъ пражскимъ, Войтѣхъ Адальбертъ, видѣлъ тревожные сны, предвѣщавшіе ему, что вѣрующіе во Христа должны будутъ служить евреямъ. Въ XI вѣкѣ евреи въ предмѣстьѣ Вышеградскомъ считались такими богачами, что одна моравская княгиня могла сказать своему корыстолюбивому зятю, королю Богемскому, съ которымъ была во враждѣ: «Богатыхъ людей, которыхъ ты ищешь среди насъ, ты можешь найти въ собственной землѣ. Въ пражскомъ предмѣстьѣ и въ селѣ Вышеградѣ есть евреи, которые тонутъ въ зо-

---

грековъ, болгаръ, сербовъ, даже армянъ, не наберется и тысячи человѣкъ, такъ что едва ли оплачиваются расходы на содержаніе здѣсь русской церкви и причта при ней.

лотѣ и серебрѣ, обратись къ нимъ» [1]). Всѣ же остальные разсказы о пражскихъ евреяхъ, какъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, будто они христіанами были призваны на помощь противъ язычниковъ, а затѣмъ снова изгнаны и головы ихъ сочтены,—есть не болѣе, какъ пустой вымыселъ позднѣйшихъ писателей [2]). Немало притѣсненій насилій и обидъ перенесла пражская еврейская община за десять почти вѣковъ своего существованія. Но все-таки не исчезла и даже, какъ увидимъ дальше, выставила изъ своей среды нѣсколько замѣчательныхъ мужей на разныхъ поприщахъ общественной жизни и науки [3]).

Напротивъ — черезъ дорогу — древняя еврейская синагога, носящая оригинальное названіе «старо-новой школы» (staro-nová škola). Синагога небольшая, каменная, въ архитектурномъ отношеніи ничего особеннаго не представляетъ, но замѣчательна своею глубокою древностію. Первоначально была построена въ византійскомъ стилѣ, какъ это доказываетъ нижняя часть зданія. Въ первой четверти XIV ст. послѣднему приданъ готическій стиль.

Около божницы цѣлый день толкутся проводники въ ожиданіи посѣтителей. Меня сразу аттаковалъ какой-то худощавый усачъ довольно подозрительнаго вида. Сначала мы обошли съ нимъ синагогу вокругъ и осмотрѣли ее снаружи. Зданіе сильно осѣло въ землю, такъ что, входя въ него черезъ маленькую дверь пристройки, съ правой стороны, приходится спуститься нѣсколько ступеней внизъ. Внутри — темно. Незначительное количество небольшихъ узкихъ продолговатыхъ и круглыхъ оконъ, пробитыхъ въ толстыхъ стѣнахъ, мало пропускаетъ внутрь свѣта, даже въ солнечный день. Съ трудомъ оріентируясь, наконецъ, мало-по-малу, привыкаете къ темнотѣ и начинаете различать предметы... Посѣтителя поражаетъ обиліе свѣтильниковъ въ видѣ люстръ, лампадъ, подсвѣчниковъ и т. п. Большинство ихъ — серебряные — превосходной работы. На видномъ мѣстѣ знамя (prapor), подаренное пражской еврейской общинѣ императоромъ Фердинандомъ III за мужественную оборону евреями Праги противъ шведовъ, въ 1648 году. Уплативъ по положенію 10 центовъ за осмотръ какому-то еврею, дежурившему въ синагогѣ, я отправился на старое еврейское кладбище, находящееся въ очень близкомъ отъ нея разстояніи. Предварительно надо было зайти въ бюро, завѣдывающее кладбищемъ. Помѣщается оно въ отличномъ большомъ, каменномъ, домѣ. Здѣсь я съ удивленіемъ увидалъ кассу,

---

[1]) Cosmas v. Prag y Pertz'a—«Monum. Germaniae», XI, 98.

[2]) Грецъ. «Ист. евреевъ» (по-русск., М., 1880), 70.

[3]) Исаакъ-бен-Іаковъ га-Лабанъ пражскій (пол. XII ст.) занимаетъ мѣсто въ ряду замѣчательныхъ комментаторовъ Талмуда. Его братъ Петахья путешествовалъ, около 1175 — 1190 г., въ Польшу, Россію, Хозарское царство, Арменію, Мидію, Персію, Вавилонію, Палестину и оставилъ описаніе своего путешествія (Sibub R. Petachia).

какъ въ какомъ нибудь театрѣ или въ музеѣ... Кассиръ продавалъ входные на кладбище билеты, альбомы antiquitates judaicae pragenses, отдѣльныя фотографіи ихъ и книжки. Послѣ я узналъ, что это дѣлается для удобства путешественниковъ, которые, говорятъ, толпами сюда пріѣзжаютъ. Уплативъ снова такую же сумму, я, въ сопровожденіи уже другого проводника, облеченнаго въ темно-синюю куртку со свѣтлыми пуговицами и въ кепи съ галуномъ, вступилъ на мѣсто упокоенія знаменитыхъ мужей еврейскихъ. Кладбище (židovský hrbitov) представляетъ собою видъ неособенно большого, густого сада. Съ трехъ сторонъ оно окружено домами, а съ четвертой—отъ улицы отдѣляется высокою каменною стѣною. Самая старая могила Iosua, Sohn Iehudâs, умершаго въ 941 г. Еврейскіе историки разсказываютъ, что были здѣсь и болѣе древнія могилы [1]), но фанатизмъ христіанъ уничтожилъ ихъ во время гоненія на евреевъ, воздвигнутаго въ Свѣтлое Воскресеніе въ 1389 году [2]). Большинство надгробныхъ памятниковъ представляютъ собою огромныя, толстыя, каменныя плиты, поставленныя вертикально, съ высѣченными на нихъ крупными еврейскими литерами обширными надписями. Лишь немногіе изъ памятниковъ имѣютъ подобіе саркофаговъ.

Прежній мой проводникъ ожидалъ меня на улицѣ съ заманчивымъ предложеніемъ: показать еще «самое настоящее еврейское гетто», остатокъ средневѣковыхъ жилищъ евреевъ.

И вотъ снова пошли мы съ нимъ къ старой синагогѣ. Свернули сначала влѣво, подлѣ нея, потомъ вправо, и очутились въ длинной и узкой улицѣ. Дома высокіе, узкіе, старые. Есть такіе, что имѣютъ по 800 лѣтъ. Примыкаютъ другъ къ другу тѣсно. Нѣкоторые соединяются еще перекинутыми черезъ улицу арками. Дворовъ при нихъ почти не существуетъ, вмѣсто нихъ какіе-то каменные колодцы... Какъ мнѣ показалось, большая часть этихъ домовъ въ настоящее время необитаема.

Отсюда я направился въ сѣть узкихъ и кривыхъ уличекъ, направляясь къ славному Карлову мосту, чтобы попасть на Малу Страну. Въ недалекомъ разстояніи отъ моста цѣлый кварталъ зданій, носящій названіе Clementinum—учрежденіе, возникшее между 1578 и 1726 гг. по мысли іезуитовъ. Въ составъ его входятъ: два костела: св. Климента, университетскій, основанный въ 1712—1715 гг., и св. Сальватора (1578—1602 гг.), нѣсколько часовенъ, аудиторіи факультетовъ богословскаго и философскаго обоихъ университе-

---

[1]) Герцъ, 69, прим. I.

[2]) До чего была велика нетерпимость пражскаго христіанскаго общества къ евреямъ, можно судить по тому, что даже папы Климентъ IV и Пій II, въ особыхъ буллахъ, выступали на защиту пражскаго еврейскаго кладбища, но и ихъ никто не слушалъ. При первомъ же столкновеніи съ евреями христіане прежде всего нарушили покой еврейскихъ мертвецовъ.

Карловъ мостъ въ Прагѣ.

товъ, университетская библіотека, заключающая въ себѣ свыше 170.000 томовъ книгъ и около 4.000 рукописей, обсерваторія, духовная семинарія и типографія. На дворѣ между семинаріей и костеломъ св. Сальватора — памятникъ студенту, произведеніе I. Макса, сооруженный въ воспоминаніе геройскихъ подвиговъ студентовъ при защитѣ Стараго города противъ шведовъ, въ 1648 году.

Неподалеку отъ Clementinum, направо, Krizovnicky костёлъ, выдающійся своимъ красивымъ куполомъ. Сооруженъ въ 1679—1688 гг., отреставрированъ въ 1852 г. Въ немъ заслуживаютъ вниманія фрески Райнера и главный алтарь съ образами К. Лишки.

Противъ костёла монументъ императору Карлу IV, воздвигнутый въ 1848 году, въ память 500-лѣтія основанія имъ Пражскаго университета. Какъ пьедесталъ, такъ и статуя императора — работы нѣмецкихъ мастеровъ. Первый—произведеніе саксонца Ляухгаммера, а вторая—работы Генеля изъ Нюремберга. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что Прага далеко не щеголяетъ своими общественными монументами: почти всѣ они какіе-то мрачные и тяжеловѣсные, безъ малѣйшаго вкуса...[1]).

А. вотъ и Карловъ мостъ (Karluv most, Carls-brücke.)

V.

Карловъ мостъ.—Мостовая башня Статуи.—Историческія воспоминанія.—Исторія и легенда о св. Янѣ изъ Непомука.—Малая сторона.—Замѣчательные костелы.—Памятникъ Радецкому.—Дворецъ Валленштейна и другіе дворцы на Малой сторонѣ.

Карловъ мостъ—одно изъ замѣчательныхъ произведеній строительнаго искусства въ Европѣ. Построенъ Карломъ IV въ 1375 г. Поражаетъ своею грандіозностью и прочностью. Послѣдняя была испытана неоднократно, и въ наше время дважды: въ 1872 и въ 1890 г.г., во время страшныхъ наводненій, постигшихъ Чехію, когда масса всевозможныхъ обломковъ, образовавъ заторъ, навалилась на мостъ,—послѣдній тѣмъ не менѣе выдержалъ его. Входъ на мостъ охраняетъ мостовая башня. Основаніе ея положено при Карлѣ IV, окончена же она въ 1451 г. Въ 1648 г. она мужественно защищала Старый и Новый городъ отъ шведовъ, которые, до-

[1]) Что, напримѣръ, за произведеніе памятникъ императору Францу на набережной, носящей его имя, между національнымъ театромъ и Карловымъ мостомъ! На пьедесталѣ (23 мет.), готическая, восьмигранная, сквозная башня, подъ сѣнью ея конная (правду сказать, очень хорошая) статуя императора, восемь аллегорическихъ каменныхъ фигуръ окружаютъ башню, какую-то черную, непривѣтливую.

бывъ, посредствомъ измѣны, Малу страну, все-таки не могли попасть на другую сторону и четырнадцать недѣль безъ успѣха осаждали мостовую башню. Карловъ мостъ покоится на шестнадцати аркахъ, имѣетъ 497 метровъ длины и 10 м. ширины. Интересна особенность его: пѣшеходы, слѣдующіе на Малу страну, должны итти по правому тротуару моста, а съ Малой страны по лѣвому. По обѣ стороны моста, на его пилястрахъ, укрѣпленныхъ въ грандіозные мостовые быки, разставлено тридцать изваяній святыхъ, частію бронзовыхъ, частію каменныхъ — произведеній XVII, XVIII и XIX столѣтій.

Пражскій Карловъ мостъ—въ полномъ смыслѣ слова историческій мостъ. Здѣсь, если можно такъ выразиться, исторія на

Градчаны—пражскій кремль.

каждомъ шагу... Шведы потерпѣли на немъ фіаско въ 1648 году, здѣсь Симонъ Ломницкій, поэтъ и патріотъ чешскій, забытый согражданами въ послѣдніе годы своей жизни, просилъ у прохожихъ милостыню [1]). Но особенно тѣсно связывается имя Карлова моста съ именемъ св. Яна изъ Непомука (или просто Непомука). Вотъ мѣсто, откуда его сбросили въ Велтаву, а вотъ—дальше мѣсто, противъ котораго всплыло тѣло мученика. То и другое означены: первое мраморною доскою съ надписью, а второе изображе-

[1]) Ломницкій, или Симонъ изъ Будча, род. въ 1552 г. † въ 1622 г., оставилъ, по вычисленію Юнгманна, 42 сочиненія (стихи, патріотическія пѣсни, сатиры, переводы и т. п.). Лучшіе изъ его литературныхъ трудовъ: «Книжка о жизни и добромъ воспитаніи языческихъ философовъ» (Прага, 1591 и 1595 г.г.) и «Краткое наставленіе молодому хозяину» (Прага, 1586 г.; 5-е изд., 1862 г.).

ніемъ св. Яна съ ореоломъ изъ пяти бронзовыхъ звѣздъ вокругъ головы, въ память того, что, по преданію, тамъ, гдѣ всплыло тѣло Непомука, появилось именно такое число звѣздъ.

Исторія св. Яна Непомука, безъ поэтическихъ прикрасъ, сводится собственно къ слѣдующему. Настоящее его имя было Johanek, происходилъ изъ городка Непомука. Между 1378—1380 г.г. принялъ духовный санъ, слушалъ лекціи въ Пражскомъ университетѣ и въ 1386 г. получилъ степень доктора церковнаго права (doctor decretorum). Въ 1389 г. назначенъ главнымъ викаріемъ пражскаго архіепископства, а черезъ годъ и каноникомъ капитулярнымъ. Въ то время король Вацлавъ IV былъ уже во враждѣ съ пражскимъ архіепископомъ Яномъ изъ Енштейна († 1400 г.). Ссорились они изъ-за зàмка Руднича и другихъ коронныхъ имѣній, присвоенныхъ церковью. Главный викарій, конечно, стоялъ на сторонѣ своего духовнаго начальства и былъ главнымъ орудіемъ и совѣтникомъ архіепископа. 20-го марта 1393 г. король и архіепископъ съѣхались вмѣстѣ для переговоровъ, тотъ и другой въ сопровожденіи вооруженной свиты. Въ свитѣ архіепископа находился и Янъ изъ Непомука. До соглашенія дѣло не дошло. Разгнѣванный какимъ-то противорѣчіемъ архіепископа, король приказалъ арестовать его съ прочими и въ томъ числѣ съ «докторомъ Іоганкомъ». Но архіепископъ успѣлъ спастись, подъ прикрытіемъ своей стражи. Яна же и остальныхъ схватили. Всѣхъ разсадили по тюрьмамъ, а Яна изъ Непомука и Николая Пухника, архіепископскаго оффиціала, подвергнули пыткамъ и въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, сбросили Яна съ моста въ Велтаву.

Но легенда не желаетъ удовольствоваться такимъ простымъ разсказомъ и разукрашиваетъ его. По словамъ ея, записаннымъ у чешскаго писателя первой половины XVI вѣка Хайека, «на утро послѣ праздника св. Сигизмунда (3 мая) Венцеславъ (т. е. Вацлавъ) призвалъ къ себѣ священника Іоанна Непомука, мужа богобоязненнаго, который былъ магистромъ Пражскаго университета, каноникомъ и духовникомъ королевы, и всѣми силами понуждалъ его сказать, въ какихъ грѣхахъ покаялась королева. Священникъ отвѣчалъ: Государь, я уже не знаю этого, а если бы и зналъ, то мнѣ было бы такъ же неприлично разсказывать вамъ объ этомъ, какъ вамъ меня спрашивать. Разгнѣванный король велѣлъ бросить его въ подземную темницу и приказалъ палачу, котораго величалъ своимъ кумомъ, пытать его, но, не успѣвъ и этимъ средствомъ вымучить у него тайну, онъ велѣлъ ночью отвести его на пражскій мостъ и связаннаго бросить въ рѣку. Въ ту же самую и въ слѣдовавшія затѣмъ ночи надъ тѣломъ утопленника появились огоньки. Пражское духовенство вынуло трупъ изъ воды подъ монастыремъ св. Креста, похоронило его въ церкви св. Вита

и поставило надъ нимъ камень[1]). Съ тѣхъ поръ совершилось тамъ много разныхъ чудесъ, и оттого многіе называли покойнаго мученикомъ Божіимъ и святымъ. А если кто оспаривалъ его святость и дерзновенно ступалъ на высѣченный въ камнѣ крестъ, то въ тотъ же день подпадалъ осмѣянію или позору, и потому духовные владыки обнесли могилу желѣзною рѣшеткой». Перейдя мостъ, снова встрѣчаете старую башню, одинаковаго типа съ предыдущею. Отсюда улица, заворачивая понемногу направо, начинаетъ итти въ гору. Прямо грандіозный костелъ св. Николая, колокольня котораго видна издалека. Заложенъ въ 1673 г., а оконченъ въ 1752 г. Отличается богатою отдѣлкою внутри. Напротивъ зданіе намѣстничества, а посерединѣ площади (па Malostranském náměsti)—памятникъ Радецкому (1766 † 1858), поставленный въ 1858 г. Фельдмаршалъ стоитъ окруженный своими воинами (9 фигуръ). Статуя его произведеніе Е. Макса, а фигуры его сподвижниковъ работы другого Макса (J), отлиты изъ бронзы у Бургшмидта въ Нюрембергѣ. Въ общемъ монументъ Радецкаго производитъ впечатлѣніе чего-то громоздкаго... Тутъ же рядомъ костелъ св. Ѳомы (Tomášsky kostel) при монастырѣ августіановъ, извѣстный картинами Рубенса (въ алтарѣ): «св. Августинъ» и «Мученіе св. Ѳомы». Идущая подлѣ костела Томашская улица приведетъ насъ къ дворцу Валленштейна, построенному гр. Альбрехтомъ на Вальдштынѣ, прозванномъ Валленштейномъ, въ 1623 году. Зданіе остается въ родѣ его потомковъ и никогда капитальнымъ передѣлкамъ не подвергалось. Обстановка комнатъ, въ которыхъ жилъ побѣдитель на Бѣлой горѣ, сохранилась въ томъ самомъ видѣ, какъ она была при его жизни. При дворцѣ великолѣпный паркъ съ оранжереями. Вообще «Малая сторона»—старое гнѣздо чешскаго родовитого дворянства, мѣстопребываніе высшихъ сановниковъ и правительственныхъ учрежденій. Поэтому дворцовъ здѣсь обиліе. Такъ, тутъ находятся дворцы кн. Фюрстенберговъ, Шварценберговъ, Лобковичей, гр. Туновъ, Ностицовъ; послѣдній замѣчателенъ своею картинною галлереей, заключающею въ себѣ произведенія по преимуществу старой голландской школы Рубенса, Рембрандта, ванъ-Дейка, Поттера, Брейгеля, Міериса, Остаде.

---

[1]) Много несообразностей находятъ историки, подвергая критическому анализу эту легенду.

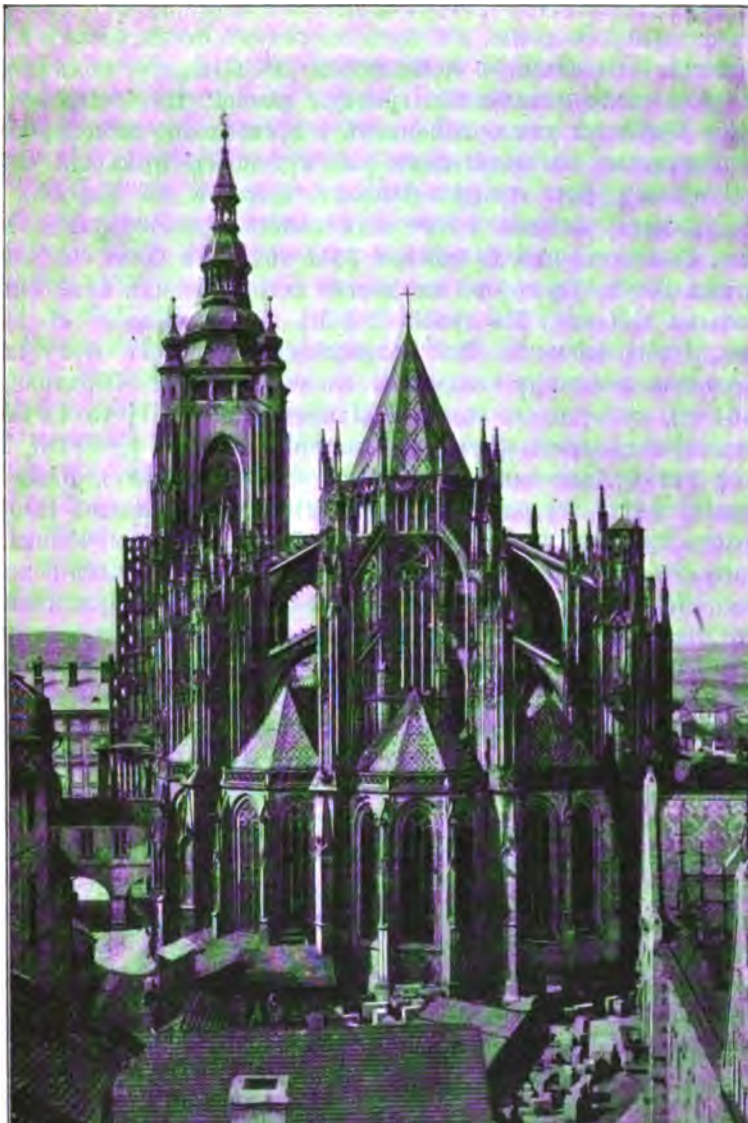
VI.

Градчаны.—Králhrad.—Храмъ св. Юрія.—Костелъ св. Вита.—Его достопримѣчательности: каплицы, памятники, мощи св. Яна Непомука.—Лоретанскій костелъ.—Его каплицы.—Ризница.—Гладоморня.—Монастырь страховскихъ премонстратовъ: костелъ, картинная галлерея, библіотека.—Видъ на Прагу.—Мечты о возможномъ и желательномъ будущемъ ея, Чехіи и всего вообще славянства...

Два пути ведутъ съ Малостранской площади на Градчаны: одинъ по Нерудовой улицѣ, а другой по широкой каменной лѣстницѣ въ 203 ступени. Выбираемъ послѣдній, какъ ближайшій. Центръ Градчанъ составляетъ продолговатая четырехугольная площадь. Сюда выходятъ: дворцы архіепископа, князей Шварценберговъ, императора Фердинанда, въ архитектурномъ отношеніи не представляющіе, впрочемъ, ничего особеннаго, и Králhrad со смежными костелами св. Юрія и св. Вита.

Králhrad, или бургъ—огромное зданіе императорскаго дворца съ тремя обширными дворами. Первое основаніе положилъ ему тотъ же Карлъ IV, «отецъ Богеміи и отчимъ Германіи», въ 1333 г. Послѣ пожара въ 1541 г. Фердинандъ I и Матвѣй I его возобновили. Марія-Терезія докончила реставрацію дворца. Въ немъ до семисотъ покоевъ. Есть поражающія роскошью залы. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія: Владиславовская (68,3 м. длины и 13,9 м. шир.), служившая для пріемовъ и въ которой происходили также турниры, а также залы испанская и нѣмецкая. Въ третьемъ этажѣ помѣщается чешская канцелярія, изъ оконъ которой 23 апрѣля 1618 г. были выброшены протестантами ненавистные имъ за ревность къ католичеству намѣстники Мартиницъ и Славата, вмѣстѣ съ тайнымъ секретаремъ Фабриціусомъ Пляттеромъ, чѣмъ поданъ былъ сигналъ къ тридцатилѣтней войнѣ. Замѣчательно, что, несмотря на высоту (около 8 саж.) и на сопровождавшіе выброшенныхъ сановниковъ выстрѣлы, всѣ трое остались живы. Двѣ небольшія пирамиды внизу обозначаютъ мѣсто паденія ихъ. Въ настоящее время во дворцѣ никто не живетъ. До 1884 г., до самой смерти, долго проживала въ немъ императрица Марія-Анна, вдова императора австрійскаго Фердинанда I († 1875 г.). Покойный кронпринцъ Рудольфъ провелъ здѣсь около трехъ зимъ, послѣ своей свадьбы. На террасѣ, отдѣляющей третій дворъ отъ храма св. Юрія, стоитъ конная статуя этого святого, отлитая изъ бронзы въ 1373 году. Самый храмъ очень не великъ, въ византійскомъ стилѣ, построенъ въ XII ст., славится гробницею св. Людмилы (произведеніе XIV ст.).

На дворцовомъ же дворѣ находится и каѳедральный костёлъ св. Витта. Онъ—одно изъ чудесъ искусства и по справедливости считается великолѣпнымъ памятникомъ готической архитектуры. Его грандіозные размѣры, легкость, съ какою онъ стремится вверхъ



Костелъ св. Витта.

и неподражаемая отдѣлка во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ точно кружевныхъ орнаментовъ, все это изумительно изящно, величественно, тонко. Строителями его, въ половинѣ XIV ст., были два француза: Мотье изъ Арраса и Пьеръ Парлеръ, поселившіеся въ Прагѣ при Карлѣ IV. Тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ пред-

принято было увеличеніе, вѣрнѣе, удвоеніе храма путемъ удлиненія его съ алтарной стороны, въ томъ же самомъ стилѣ, безъ всякихъ отступленій. Въ настоящее время стѣны уже выведены подъ крышу. Мы видѣли около наваленныя громады камней. Изъ нихъ нѣкоторые уже обдѣланы для орнаментовъ и превосходно выполированы. Такимъ образомъ въ недалекомъ уже будущемъ пражскій соборъ будетъ однимъ изъ грандіознѣйшихъ храмовъ въ Европѣ. При входѣ въ него, направо готическая башня — колокольня 99 метр. высоты. Говорятъ, что до пожара 1541 года она была еще выше, достигала 160 м. Въ соборѣ множество историческихъ памятниковъ и богатыхъ каплицъ. По лѣвой сторонѣ храма отведено мѣсто для гробницъ королевскихъ. На мраморномъ саркофагѣ фигуры въ натуральную величину спящихъ сномъ вѣчнымъ Фердинанда I († 1564 г.), супруги его Анны и Максимиліана II († 1577). На боковыхъ стѣнахъ—рельефныя изображенія Карла IV († 1378), Вацлава († 1419), Ладислава Погробка (Pohrobek † 1457), Юрія Подебрада († 1471), Рудольфа II († 1612) и Маріи-Амаліи. Направо отъ входа каплица св. Вацлава, съ гробницею князя-мученика, погибшаго (28 сентября 935 г.) отъ руки убійцъ, нанятыхъ роднымъ братомъ (Болеславомъ), не сумѣвшимъ постигнуть сдержанной политики Вацлава относительно нѣмцевъ и горько каявшимся послѣ въ братоубійствѣ [1]). Стѣны каплицы выложены чешскими самоцвѣтными каменьями и расписаны фресками, содержаніе которыхъ заимствовано изъ жизни святого князя. Послѣдній очень популяренъ въ народѣ, и чехи какъ встарь, такъ и ныне неизмѣнно молятъ его.

Сваты Вацлаве!
Воеводо ческе земе,
Книже нашъ!
Прось за насъ Бога,
Сватего Духа!
    Киріе елейзонъ.
Ты йси дѣдичъ ческе земе.
Роспомень се све племе,
Не дей загинути намъ и будуцимъ.
Сваты Вацлаве!
    Киріе елейзонъ.
    Помоци мы тве жадаме,
Смилуйсе надъ нами,
Утѣшь смутне,
Зажень вше зле,
Сваты Вацлаве!
    Киріе елейзонъ.

---

[1]) «Согрѣшилъ есмь и вѣмъ грѣхъ мой и неправду мою»,— говорилъ Болеславъ. Сына своего, родившагося въ это время, онъ посвятилъ Богу и въ 938 г. 4 марта перенесъ съ великою честью останки своего св. брата въ Прагу и положилъ ихъ въ храмѣ св. Витта.

Народъ вѣритъ, что пока раздается эта пѣснь, не погибнетъ Чешская земля... И по вѣрѣ его дается ему... На стѣнѣ каплицы памятники Юрія Попеля Лобковича и королевскаго маршала, гр. Л. I. Шлика (Slika, † 1723). Подлѣ Вацлавской каплицы—каплица Мартиницкая съ прекраснымъ, сдѣланнымъ въ Римѣ, алтаремъ работы Ахтерманна и чудными новыми фресками, содержаніе коихъ взято изъ житія св. Андрея. Подъ окномъ, украшеннымъ живописью на стеклѣ, гробница намѣстника пражскаго Ярослава Мартиница († 1649). Въ каплицѣ св. Сильвестра показываютъ изображеніе лика Спасителя—«vera icon» (совершенное сходство)—копія извѣстнаго образа, привезенная Карломъ IV, въ 1368 г., изъ Рима. Напротивъ каплицы св. Вацлава — барельефъ, изображающій опустошеніе храма сподвижниками пфальцскаго курфюрста Фридриха (Kurfürst von der Pfalz) и рака св. Яна Непомука, сооруженная въ 1736 г. На полукругломъ, черномраморномъ пьедесталѣ съ барельефами, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ житія св. Яна, покрытомъ по серединѣ художественно исполненнымъ серебрянымъ покровомъ, расположены группы херувимовъ и ангеловъ, тоже изъ серебра. Первые держатъ серебряные свѣтильники, а вторые украшаютъ гирляндами цвѣтовъ, поставленную на колоннѣ, серебряную раку св. Яна, съ фигурою на ней святого. Цѣлое, вмѣстѣ взятое, производитъ высокое художественное впечатлѣніе. Направо за великолѣпнымъ главнымъ алтаремъ—гробницы Оттокаровъ I и II. Въ каплицѣ Пресв. Троицы—статуя св. Людмилы изъ каррарскаго мрамора, работы Е. Макса. Въ каплицѣ перштынской—гробницы Вратислава изъ Перштына и шести послѣднихъ пражскихъ архіепископовъ Въ каплицѣ св. Анны—новая стѣнная живопись, изображающая дѣянія св. Анны. Напротивъ этой каплицы, между колоннами, старинный барельефъ К. Бендля, представляющій бѣгство изъ Праги Фридриха Пфальцскаго послѣ битвы на Бѣлой горѣ 1620 г., рѣшившей самостоятельность Чехіи. Въ каплицѣ св. Сигизмунда—гробница послѣдняго князя семиградскаго Сигизмунда Баторія († 1613). На южной внѣшней стѣнѣ костёла находится большая мозаика, изображающая патроновъ чешскаго народа, поклоняющихся Спасителю, а также Карла IV съ супругою Елисаветою.

Съ Градчанской площади Лоретанской улицею, мимо артиллерійскихъ казармъ (бывшій дворецъ Чернинскій) и капуцинскаго монастыря со слѣдами на немъ прусскихъ пуль (1757 г.), выйдемъ на Лоретанскую площадь, получившую свое наименованіе отъ находившагося здѣсь Лоретанскаго костёла. Посерединѣ квадратнаго двора, образуемаго зданіемъ костёла, Лоретанская каплица, точная копія извѣстной каплицы La Casa Santa въ Лорето [1]),

---

[1]) Loreto или Loret — городъ въ итальянской провинціи Анкона, съ 6.000 жит.

относительно которой существуетъ преданіе, будто она раньше служила жилищемъ Божіей Матери въ Назаретѣ, которое, въ 1291 году, было перенесено ангелами въ Далмацію, а оттуда, въ 1295 году, въ Лорето. Въ XVII столѣтіи въ Польшѣ и другихъ католическихъ странахъ средней Европы распространился обычай устраивать при костёлахъ лоретанскіе домики. По всему вѣроятію, и пражская лоретанская Casa Santa, по своему происхожденію, относится къ тому же времени. Каплица имѣетъ форму продолговатаго четырехугольника, изъ тесаннаго камня,—мрачнаго вида, одна стѣна треснула, какъ и на оригиналѣ, гдѣ трещина произошла отъ громоваго удара. Внутри темно, оконъ нѣтъ совсѣмъ, помѣщается тамъ алтарь. Костёлъ самъ по себѣ мало интересенъ. Замѣчательна въ немъ одна изъ многочисленныхъ каплицъ, съ которою связывается слѣдующая легенда, продуктъ мрачной фантазіи среднихъ вѣковъ. Одна дѣвица, дочь какого-то венгерскаго сановника-язычника, приняла потихоньку христіанство. Она была очень красива. Отецъ нашелъ ей выгоднаго жениха, тоже знатнаго происхожденія и тоже невѣрнаго. Она и слышать не хотѣла о бракѣ. Когда отецъ сталъ ее принуждать, она молила Бога обезобразить ее и тѣмъ заставить жениха отказаться отъ нея. И вотъ вдругъ у нея на лицѣ выростаетъ борода. Тѣмъ временемъ отецъ узналъ, что она христіанка, и приказалъ распять ее на крестѣ такъ, какъ былъ распятъ Самъ Основатель христіанства. Эта легенда увѣковѣчена въ каплицѣ, въ которой надъ алтаремъ видимъ распятую на крестѣ дѣву съ черною бородою. Большой интересъ представляетъ костельная ризница, заключающая въ себѣ очень много цѣнныхъ предметовъ церковной утвари, сосудовъ, крестовъ, иконъ, священныхъ облаченій. Между прочимъ показываютъ монстранцію, усыпанную 6.580 драгоцѣнными каменьями, стоимость которой опредѣляютъ въ 3.000.000 гульденовъ. Костельные часы славятся гармоническою игрою курантовъ, сопровождающихъ ихъ бой. Поэтому нерѣдкость встрѣтить у воротъ костела, особенно передъ полуднемъ, даже фешенебельные экипажи beau-monde'а, пріѣхавшаго послушать бой и игру часовъ. На Градчанахъ же стоитъ надъ глубокимъ оврагомъ сплошь заросшая вѣковыми деревьями гладоморня, башня, въ которую заключали государственныхъ преступниковъ. Она имѣетъ круглую форму. Часть стѣны сверху разрушена. Входите въ небольшую дверь, предшествуемые женщиною съ фонаремъ въ рукахъ, живущею въ домикѣ подлѣ ужасной башни и исполняющею обязанности сторожихи. Посрединѣ круглаго сводчатаго помѣщенія, освѣщеннаго 2—3 небольшими окнами съ рѣшетками, въ нишахъ толстыхъ стѣнъ, въ каменномъ полу большое, воронкообразное отверстіе, огражденное теперь перилами. Подъ нимъ другой этажъ, уже совершенно темный. Тамъ опять такое же отверстіе въ находящійся еще ниже этажъ. Услужливая проводница спускаетъ туда

фонарь, и вы можете видѣть расположеніе помѣщенія. Въ верхній этажъ, съ котораго мы начали осмотръ, помѣщали заподозрѣнныхъ, о которыхъ производилось еще дознаніе. Имъ еще давали отъ времени до времени хлѣбъ и воду. Дознаніе обыкновенно тянулось долго, такъ что заключенные, наскучивъ ожиданіемъ, иногда придумывали для себя какія нибудь занятія, работы. Образцы этихъ работъ выставлены здѣсь въ амбразурѣ одного изъ оконъ. Это игральныя карты, рисунокъ которыхъ изготовленъ изъ кирпича, соскобленнаго, разумѣется, при помощи ногтей со стѣнъ камеры и раствореннаго собственною кровью... Затѣмъ, когда вина ихъ достаточно устанавливалась, ихъ сталкивали черезъ отверстіе еще ниже. Тамъ уже совсѣмъ не давали ни пищи, ни питья, морили голодомъ въ полномъ смыслѣ слова. Наконецъ, когда отъ человѣка ничего не оставалось, кромѣ кожи да костей, когда онъ былъ уже полумертвый, при помощи шестовъ его сбрасывали въ самый низъ. Необыкновенно тяжелое чувство охватываетъ васъ въ этомъ жилищѣ смерти, и какимъ прекраснымъ кажется весь міръ Божій, когда выйдете наружу...

Будучи на Градчанахъ, слѣдуетъ зайти въ монастырь страховскихъ премонстратовъ, взглянуть на историческія гробницы и осмотрѣть картинную галлерею. Въ монастырскомъ костелѣ почиваютъ мощи св. Нюрберта, основателя общины премонстратовъ [1]). Въ костелѣ погребены князь чешскій Владиславъ I († 1125 г.) и графъ Готфридъ-Генрихъ Паппенгеймъ, герой тридцатилѣтней войны, убитый подъ Лютценомъ въ 1632 г. Заслуживаютъ вниманія превосходные алтарные образа, а также картины Л. Кранаха, К. Дольче, Гольбейна, Гвидо-Рени и др. Обширная библіотека содержитъ въ себѣ до 60.000 томовъ книгъ, въ числѣ которыхъ есть произведенія первопечати, рукописей, автографы (между прочимъ, Тихо де-Браге), портреты (между ними Жижки) и т. д. Отсюда изъ оконъ открывается очаровательный видъ на цѣлую Прагу... Одинъ изъ русскихъ путешественниковъ, говоря о красотѣ мѣстоположенія Праги, удачно сравниваетъ послѣднюю съ Москвою. Сердце Праги—Градчаны. Ея цитадель напоминаетъ своимъ положеніемъ и историческимъ значеніемъ нашъ Кремль. Градчаны замѣчательно живописенъ. Онъ и расположенъ почти такъ же, какъ Кремль. Долина, по которой течетъ Велтава, напоминаетъ своею красотою долину Москвы рѣки. И здѣсь, съ Градчанъ, какъ у насъ изъ Кремля, видъ на городъ, расположенный у подножья, восхитителенъ, хотя подробности здѣшней кар-

---

[1]) Премонстраты, получившіе названіе отъ мѣстности, на которой былъ основанъ первый ихъ монастырь, также называются норбертанами, по имени основателя своей общины. Кромѣ мужской общины, есть еще и женская (норбертанки).

тины естественно отличаются отъ подробностей нашей старой столицы. Замоскворѣчью и Москвѣ, между прочимъ, даютъ красоту безчисленныя, прихотливыя по архитектурѣ, церкви. Здѣсь масса башенъ, церковныхъ и иныхъ, красивыхъ и оригинальныхъ, но одинаковыхъ по характеру. Башенъ здѣсь множество. Какъ Бѣлокаменная Москва славится своими сорока-сороками церквей, такъ Златая Прага, Стоглавая Прага гордится сотнею слишкомъ своихъ башенъ. На указанныхъ чертахъ сходство съ Москвою, впрочемъ, и оканчивается... Да, это такъ. Но здѣсь идетъ рѣчь о сходствѣ внѣшнемъ. Пускай оно и остается, зато пускай будетъ единеніе духа въ союзѣ мира; но, къ прискорбію, пока и этого не видимъ. Пора, давно пора славянамъ оставить никому ненужные споры о политической и религіозной гегемоніи, которыми всегда ловко пользуются исконные, лютые враги славянства (nomina sunt odiosa) и, распри отложивъ,

въ единую семью соединиться...

— соединиться не въ смыслѣ подчиненія одной народности болѣе слабой—другой болѣе сильной, а въ смыслѣ солидарности и нравственнаго единенія, зиждущихся на началахъ взаимнаго уваженія и довѣрія другъ къ другу. О всеобъемлющемъ славянскомъ государствѣ не должно быть и рѣчи такъ же, какъ и о сліяніи всѣхъ славянскихъ народовъ въ одинъ громадный царь-колоколъ, который въ этомъ случаѣ также, пожалуй, раскололся бы... Желательно, однако, чтобы всѣ славянскіе колокола слились въ одинъ гармоническій звонъ. Солидарность славянъ не должна имѣть политическаго характера. Полное культурное единство тоже не является необходимостью. Индивидуальность каждаго славяскаго народа должна быть сохранена; вѣдь характеръ и исторія каждаго народа различны. Славянская идея не требуетъ даже одной единой литературы. Эта идея и есть именно идея взаимности. Взаимность должна проявиться во всѣхъ областяхъ культуры. Вотъ мысли, которыя уже и теперь открыто высказываются лучшими патріотами въ русской, польской и южно-славянской литературахъ. Знаменитый чешскій патріотъ, д-ръ Ф. Л. Ригеръ, въ рѣчи, при открытіи славянскаго клуба въ Прагѣ, развивая идею о славянскихъ взаимоотношеніяхъ, обратился съ воззваніемъ къ славянскимъ народамъ, чтобы они поняли, что принадлежатъ другъ другу, составляютъ одно цѣлое, которому свѣтитъ одинъ свѣтъ. Упомянувъ о трудахъ Толстого и Сенкевича, ораторъ назвалъ дерзкою ложью утвержденіе, что будто славянинъ неспособенъ къ той культурной высотѣ, на которой стоитъ германецъ. Романскіе народы нынѣ на своемъ закатѣ, германцы въ зенитѣ своей исторіи, славяне же на зарѣ своего участія въ міровой жизни... «Намъ,—закончилъ масти-

тый ораторъ,—не достаетъ пока только единства и согласія, которыя да ниспошлетъ намъ Богъ». А уже тогда—прибавимъ—возможно осуществленіе и того, что̀ представлялось восторженному воображенію нашего поэта только, какъ видѣніе, какъ мечта...

Картину онъ
... зрѣлъ величаву —
Въ убранствѣ и блескѣ весь западный край.
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.
И Прагу онъ

...видѣлъ — и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ знакомыхъ, минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ святого Кирилла
Епископъ на Петчинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

Г. А. Воробьевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ѳ. И. Успенскій. Исторія крестовыхъ походовъ. Спб. 1901.

ПРЕДЪ нами новый трудъ академика Ѳ. И. Успенскаго, посвященный весьма интересному предмету—исторіи крестовыхъ походовъ. Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного оригинальнаго сочиненія, имѣющаго своимъ содержаніемъ эту исторію во всемъ ея объемѣ и полнотѣ, поэтому новое произведеніе русскаго ученаго представляется своевременнымъ и необходимымъ.

Сочиненіе академика Успенскаго состоитъ изъ семи главъ и заключенія.

Первая глава (стр. 1—10) выясняетъ историческое значеніе крестовыхъ походовъ, указываетъ ближайшія обстоятельства или причины, ихъ вызвавшія, и изображаетъ политическое состояніе Византійской имперіи предъ отправленіемъ на востокъ западныхъ крестоносныхъ ополченій. По мнѣнію русскаго ученаго, крестовые походы имѣютъ не только общеисторическій интересъ, какъ выраженіе идей и настроенія умовъ въ извѣстный періодъ средневѣковой исторіи, но по своимъ мотивамъ, ближайшимъ послѣдствіямъ и особенно по разнообразнымъ и глубокимъ вліяніямъ на взаимныя отношенія востока къ западу, крестовые походы не лишены спеціальнаго значенія для исторіи восточно-европейскихъ народовъ. Составляя весьма важный отдѣлъ въ западно-европейской исторіи, крестовые походы обильны внѣшними фактами и богаты результатами, которые хотя и куплены были весьма дорогой цѣной, но могущественно повліяли на духовное развитіе европейскихъ народовъ. Послѣдніе, въ эпоху крестовыхъ походовъ, впервые познакомились съ неизвѣстными имъ народами и

странами, частію усвоили ихъ понятія, нравы и учрежденія, для нихъ совершенно новыя и чуждыя въ прежнее время, частью передавали имъ свои воззрѣнія и обычаи. На западѣ возникла цѣлая литература, посвященная описанію видѣннаго и слышаннаго; она съ живымъ интересомъ читалась по монастырямъ и рыцарскимъ замкамъ и производила соотвѣтствующее культурно-просвѣтительное вліяніе. Наконецъ, западные народы вложили въ крестовые походы много своихъ силъ и матеріальныхъ и духовныхъ, такъ что національная исторія французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ не можетъ не отдавать исторіи крестовыхъ походовъ значительнаго мѣста. Для восточно-европейской, въ частности для русской, исторіи крестовые походы имѣютъ интересы по своимъ мотивамъ и результатамъ. Весьма рельефно выступающій въ новой исторіи антагонизмъ между западной и восточной Европой, рѣзко выдвигающаяся противоположность интересовъ и культура романо-германской и греко-славянской въ первый разъ обнаружились въ эпоху крестовыхъ походовъ, а нынѣшнее политическое и религіоное вліяніе католическихъ странъ на востокѣ своими началами восходитъ къ той же эпохѣ. Религіозная и національная вражда къ мусульманству, одушевлявшая первыхъ крестоносцевъ и поддерживавшая ихъ въ перенесеніи громадныхъ лишеній и потерь, скоро уступила мѣсто другимъ побужденіямъ, которыя, однако, оказались нисколько не слабѣе первыхъ и продолжали увлекать на востокъ новыя и новыя западныя ополченія. Когда первоначальная цѣль крестоноснаго движенія перестала быть руководящимъ мотивомъ, на первое мѣсто выдвинулись политическія соображенія. Не объ Іерусалимѣ и не объ освобожденіи Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ стали помышлять вожди крестоносцевъ, а объ основаніи независимыхъ княжествъ на востокѣ, о завоеваніи Византіи и торговыхъ преимуществахъ въ областяхъ византійскихъ и мусульманскихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія восточно-европейской исторіи эпоха крестовыхъ походовъ представляетъ собою любопытнѣйшій эпизодъ борьбы между западомъ и востокомъ, которая еще не окончилась и понынѣ и продолжается на нашихъ глазахъ, соединивъ разнообразные интересы—религіозные, политическіе и торговые—въ такъ называемомъ восточномъ вопросѣ, въ разрѣшенія котораго суждено принять дѣятельное участіе и Россіи.

Что касается ближайшихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ крестовые походы, то они до сихъ поръ въ наукѣ остаются не вполнѣ ясными. Сильное развитіе папской власти, мечтавшей въ концѣ XI вѣка обратить грековъ къ послушанію римской церкви, глубокое вліяніе духовенства подвинувшаго западные народы къ исполненію воли римскаго первосвященника, тяжелое экономическое и соціальное положеніе народныхъ массъ, привычка къ войнѣ и жажда приключеній—вотъ причины, которыми обыкновенно объясняютъ начало крестовыхъ походовъ, считая рѣшительнымъ и послѣднимъ побужденіемъ къ движенію крестоносныхъ ополченій обращеніе византійскаго императора Алексѣя I Комнина къ папѣ Урбану II въ 1094 году съ просьбой о помощи противъ турокъ-сельджуковъ. По мнѣнію академика Успенскаго, всѣ эти мотивы, конечно, имѣютъ свое значеніе, но они, ни всѣ вмѣстѣ, ни каждый въ отдѣльности, недостаточно объясняютъ принятое крестовыми походами направленіе и на

первыхъ же порахъ обнаружившіяся недоразумѣнія между крестоносными вождями и византійскими правительствами. Все это вполнѣ будетъ понятно, если крестовые походы поставить въ связь съ тогдашнимъ политическимъ положеніемъ Византійской имперіи. Состояніе это было тяжелое. Византійская имперія въ XI вѣкѣ и съ востока и съ запада была окружена мусульманскими полчищами. Съ востока ее тѣснили турки-сельджуки, а съ запада половцы и печенѣги. Тѣ и другіе дѣлали частые опустошительные набѣги на имперію и даже угрожали ея столицѣ — Константинополю, не только съ суши, но и съ моря. Находясь въ критическомъ положеніи, византійскій императоръ Алексѣй Комнинъ обратился въ 1090—1091 годахъ за помощью на западъ къ мѣстнымъ князьямъ и рыцарямъ и въ то же время завелъ съ папою рѣчь о соединеніи церквей. Воззваніе Алексѣя Комнина произвело на западѣ сильное движеніе. Но пока здѣсь происходили переговоры и составлялись планы похода на востокъ, Алексѣй Комнинъ не только успѣлъ пережить мучительные часы отчаянія, внушившіе ему малодушное посланіе и попытки къ церковному соединенію, но и устранилъ опасность, которая угрожала его имперіи со стороны внѣшнихъ враговъ. Въ 1092 году Алексѣй былъ уже свободенъ отъ томительнаго страха за судьбу имперіи, а на западѣ только еще собирались спасать Византію отъ турокъ и печенѣговъ. Отсюда, когда крестоносцы явились на востокъ, между ними и византійцами начались недоразумѣнія и горькія взаимныя обвиненія; византійскій императоръ не только не сдавалъ имъ городовъ и не унижался, но еще требовалъ себѣ ленной присяги отъ вождей крестоносцевъ; печенѣги и турки оказались на службѣ царя Алексѣя и часто совершали набѣги на крестоносцевъ и такъ далѣе.

Уяснивши происхожденіе, характеръ и значеніе крестовыхъ походовъ, академикъ Успенскій далѣе излагаетъ исторію каждаго изъ нихъ. Но мы не будемъ здѣсь входить въ подробности, сообщимъ лишь, что, въ частности, во второй главѣ труда г. Успенскаго (стр. 11—51) рѣчь идетъ о первомъ крестовомъ походѣ (съ 1096 г.), въ третьей главѣ (стр. 52—68) — о второмъ походѣ (съ 1147 г.), въ четвертой (стр. 69—97)—о третьемъ (съ 1189 г.), въ пятой (стр. 98—139) — о четвертомъ (съ 1202 г.), который закончился взятіемъ Константинополя (въ 1204 г.) и основаніемъ Латинской имперіи на мѣстѣ Византійской, въ шестой главѣ (стр. 140—154) — о пятомъ походѣ, подъ которымъ разумѣется походъ дѣтей и движеніе, состоявшееся подъ предводительствомъ королей — венгерскаго Андрея и германскаго Фридриха II (съ 1217 г.), и въ седьмой (стр. 155—167)—о шестомъ, предпринятомъ французскимъ королемъ Людовикомъ IX (въ 1248 и 1270 годахъ).

Въ заключеніи своего труда (стр. 167—170) академикъ Успенскій объясняетъ причины неуспѣха крестовыхъ походовъ. Прежде всего, крестоносцамъ предстояло силою оружія разрѣшить политическую задачу, состоявшую въ томъ, чтобы не только освободить Іерусалимъ и святыя мѣста изъ-подъ власти мусульманъ, но и обезпечить за христіанами фактическое господство на Востокѣ. Однако большинству участниковъ крестовыхъ походовъ это сознаніе было чуждо; главныя массы крестоносцевъ руководились исключительно религіозными мотивами, которые оказались недостаточными для методическаго

проведенія обширной задачи, преслѣдуемой крестовыми походами. Между тѣмъ, въ мемуарахъ, составленныхъ еще въ XIV вѣкѣ, для достиженія этой цѣли было указано весьма реальное средство—заселеніе Сиріи и Палестины густыми массами христіанъ, передача туземцамъ европейскихъ языковъ и образованія, постепенное поглощеніе сирійцевъ и арабовъ и ассимиляція ихъ. Ясно, что крестовые походы, при всемъ громадномъ напряженіи европейцевъ, не выбрасывали на сирійскій берегъ такихъ массъ, которыя были бы въ состояніи поглотить туземцевъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи дѣлалось весьма мало, потому что та половина крестоносцевъ, которая достигала Святой Земли, исполнивъ обѣтъ, считала себя свободной отъ дальнѣйшихъ заботъ и возвращалась на родину. Такимъ образомъ, первая причина неуспѣха крестовыхъ походовъ зависѣла отъ того, что движеніе европейцевъ было недостаточно громадно, а число тѣхъ изъ нихъ, которые оставались въ Святой Землѣ для постояннаго поселенія, было сравнительно ничтожно.

Затѣмъ, цѣли крестовыхъ походовъ нельзя было достигнуть безъ содѣйствія Византійской имперіи и безъ участія греческаго элемента. Оставляя даже въ сторонѣ политическое вліяніе византійскаго царя, которое могло быть замѣнено другими равносильными авторитетами, руководители крестовыхъ походовъ просмотрѣли громадную силу въ греческомъ духовенствѣ и возстановили его противъ себя на всемъ театрѣ своего политическаго вліянія. Не озаботившись установленіемъ правильныхъ отношеній съ Византіей и не разграничивъ на востокѣ сферу византійскаго и европейскаго вліянія, крестоносцы предприняли рискованное дѣло. Думая облегчить себѣ задачу завоеваніемъ Византійской имперіи, они на самомъ дѣлѣ уклонились отъ нея и создали себѣ въ будущемъ непреодолимыя затрудненія. Итакъ, отсутствіемъ гуманности и политической дальновидности по отношенію къ Византіи крестоносцы лишили себя серьезнаго союзника.

Далѣе, еще сами участники и современники крестовыхъ походовъ хорошо замѣтили, что военные люди, прибывшіе на востокъ, почти ни разу не примѣняли своихъ силъ на одно общее предпріятіе. Напротивъ, при недостаткѣ военной организаціи и дисциплины, при различіи цѣлей, преслѣдуемыхъ вождями различныхъ національностей, и въ виду борьбы и интригъ, разъѣдавшихъ общины сирійскихъ христіанъ, а также соперничества между итальянскими торговыми республиками, крестоносцамъ почти никогда не удавалось достигнуть соглашенія взаимно противорѣчащихъ интересовъ и направить къ одной военной цѣли всѣ наличныя свои силы. Борьба папской и императорской власти и вражда свѣтской и духовной партіи въ Сиріи и Палестинѣ не разъ уничтожали выгоды, добытыя договоромъ съ египетскимъ султаномъ.

Наконецъ, нельзя не усматривать основной причины неудачи крестовыхъ походовъ въ политическомъ и торговомъ соперничествѣ самихъ европейскихъ народовъ. Этимъ соперничествомъ объясняются—направленіе четвертаго крестоваго похода на Константинополь, отклоненіе походовъ Людовика IX Святого на Египетъ и Тунисъ и истощеніе силъ сирійскихъ христіанъ, поглощаемыхъ борьбой Венеціи и Генуи въ XIV вѣкѣ.

Не достигнувъ цѣли, крестовые походы и на Западную Европу не оказали

во всей полнотѣ того благотворнаго вліянія, какое могло тогда быть при иномъ ихъ характерѣ и направленіи. Обыкновенно указываютъ на сравнительно высокую арабскую культуру въ XI вѣкѣ и на заимствованія, усвоенныя отъ арабовъ и перенесенныя въ Европу; приписываютъ большую важность остаткамъ античной культуры въ греческихъ земляхъ, чуждымъ для европейцевъ формамъ жизни на востокѣ, находятъ многочисленныя заимствованія европейцами въ предметахъ домашняго обихода, въ терминахъ торговли и промышленности, обращаютъ вниманіе на измѣненія въ общественной жизни европейцевъ послѣ крестовыхъ походовъ (развитіе городской свободы, протестъ противъ абсолютизма римской церкви и т. п.) и пытаются все это разсматривать, какъ прямой результатъ крестовыхъ походовъ. Но, по мнѣнію г. Успенскаго, выгоды неизмѣримо ниже потерь и убытковъ, понесенныхъ европейцами въ эпоху крестовыхъ походовъ. Прежде всего, вліяніе ихъ на прогрессъ средневѣкового общества подвергается значительному колебанію, если принять во вниманіе естественный процессъ эволюціи, который и безъ крестовыхъ походовъ могъ привести средневѣковые народы къ успѣхамъ на пути политическаго развитія и эмансипаціи. А главное, періодъ крестовыхъ походовъ оставилъ Европѣ тяжелое бремя въ восточномъ вопросѣ. Вслѣдствіе ошибокъ крестоносцевъ оказались утраченными для европейскаго культурнаго вліянія Малая Азія, Сирія и Палестина. Ошибками христіанъ воспользовались ихъ враги—монголы и османскіе турки, которые основали прочное господство въ этихъ странахъ. Вопросъ о возвращеніи святыхъ мѣстъ отошелъ на задній планъ, а на первое мѣсто выступилъ восточный вопросъ, стоившій уже Европѣ громадныхъ жертвъ и донынѣ привлекающій къ себѣ вниманіе отчаянными криками страдающихъ подъ турецкимъ игомъ христіанъ о помощи и защитѣ отъ произвола и деспотизма жестокихъ мусульманскихъ властей. И за все это несутъ тяжкую отвѣтственность передъ судомъ исторіи западно-европейскіе народы. Таковы общія заключенія, къ которымъ приходитъ г. Успенскій на основаніи изученія исторіи крестовыхъ походовъ.

Нѣтъ нужды распространяться о достоинствахъ разсматриваемаго труда: имя академика Ѳ. И. Успенскаго настолько почтенно и авторитетно, что не нуждается ни въ какихъ рекомендаціяхъ. Скажемъ лишь, что и новое произведеніе многоученаго византиниста отличается обычными высокими качествами литературныхъ его работъ — весьма тщательнымъ и разностороннимъ изученіемъ источниковъ, извлеченіемъ изъ нихъ всего богатства ихъ содержанія, недоступнаго для другихъ изслѣдователей, остроумнымъ и весьма удачнымъ сближеніемъ деталей анализа, творческимъ синтезомъ мелкихъ подробностей и второстепенныхъ данныхъ, ярко обрисовывающихъ цѣлыя группы историческихъ явленій, ясностью и стройностью мыслительнаго процесса. Къ частнымъ достоинствамъ «Исторіи крестовыхъ походовъ» надо отнести привнесеніе въ научный оборотъ тѣхъ положеній и выводовъ, которые достигнуты въ русской литературѣ по византологіи, особенно въ трудахъ знаменитаго византолога В. Г. Васильевскаго († 1899 г.) и самого г. Успенскаго, а также общедоступный способъ изложенія, дѣлающій этотъ трудъ пригоднымъ и для популярнаго чтенія.

Σ.

Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію, книга первая. Дм. Цвѣтаева. Варшава. 1901.

Профессоромъ Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевымъ предпринятъ обширный трудъ, подъ заглавіемъ: «Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ». Трудъ долженъ состоять изъ историческаго изслѣдованія и двухъ книгъ приложеній къ изслѣдованію. О характерѣ послѣдняго можно пока судить по монографіямъ, уже нѣсколько лѣтъ помѣщаемымъ въ «Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ»: онѣ основаны на матеріалахъ первостепенной важности. Въ приложенія должны войти архивные и рукописные документы, рисунки, виды и планы, служащіе автору источниками.

Появившаяся въ печати первая книга приложеній заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ пребыванію и кончинѣ Шуйскихъ въ польскомъ плѣну и судьбѣ ихъ посмертныхъ останковъ; другіе—къ исторіи Гостынскаго замка, въ которомъ жилъ въ заключеніи, скончался и былъ первоначально погребенъ царь Шуйскій, и къ устройству возникшей и существующей на развалинахъ замка нѣмецко-лютеранской церкви; третьи—къ исторіи варшавской усыпальницы, выстроенной Сигизмундомъ III для погребенія въ ней останковъ Василія и Дмитрія Ивановичей и Екатерины Григорьевны Шуйскихъ. По вывозѣ гробовъ въ Москву, усыпальница была передана доминиканамъ-обсервантамъ, которые соорудили себѣ тутъ костелъ и монастырь. Когда въ началѣ XIX в., монастырь упразднился, варшавское общество любителей наукъ, получившее въ даръ это мѣсто, выстроило себѣ прекрасный домъ и красивый памятникъ Коперника. По закрытіи общества за участіе его членовъ въ польскомъ возстаніи 1830—1831 г., въ домѣ томъ помѣщалась лотерея, затѣмъ медико-хирургическая академія, въ настоящее время принадлежитъ онъ первой мужской гимназіи. Дальнѣйшіе архивные документы относятся къ даннымъ учрежденіямъ и зданіямъ, возникавшимъ на мѣстѣ усыпальницы Шуйскихъ. Помѣщенныя въ концѣ книги картины и рисунки иллюстрируютъ сцену представленія Шуйскихъ Сигизмунду на варшавскомъ сеймѣ и видъ гостынскихъ и варшавскихъ зданій, въ ихъ постепенныхъ измѣненіяхъ; послѣдніе рисунки представляютъ старинное зданьице, ошибочно признаваемое за подлинную усыпальницу Шуйскихъ, памятникъ Коперника и зданіе гимназіи съ церковью въ настоящую пору. Старые документы очень характерны, особенно подробное описаніе торжественнаго представленія Шуйскихъ въ Варшавѣ, инвентарныя описи Гостынскаго замка, наказъ московскимъ посламъ, какъ они должны просить у польскаго правительства выдачи имъ тѣлъ Шуйскихъ, и статейный ихъ списокъ о выполненіи ими даннаго порученія и другіе. Изъ наиболѣе новыхъ документовъ отмѣтимъ секретный рапортъ графа Чернышева графу Паскевичу (№ LXXXVI) съ объявленіемъ воли императора Николая I о закрытіи варшавскаго общества любителей наукъ.

Всѣхъ документовъ здѣсь до 70. Часть ихъ извлечена изъ императорской С.-Петербургской публичной библіотеки, Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, музея князей Чарторыскихъ въ Краковѣ, библіотеки

князей Барберини и архива центральнаго управленія доминиканъ въ Римѣ, другая половина актовъ взята изъ различныхъ варшавскихъ архивовъ и библіотекъ (болѣе, чѣмъ изъ десяти).

Распредѣляются документы по хранилищамъ, изъ которыхъ извлечены. «Независимо отъ удобствъ редактированія, такой порядокъ», по объясненію ученаго издателя ихъ, «принятъ въ цѣляхъ практическихъ—для дальнѣйшихъ изслѣдователей старины по матеріаламъ варшавскихъ архивовъ. Находясь при различныхъ правительственныхъ, церковныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и храня документы, составившіеся изъ дѣлопроизводства не однихъ данныхъ учрежденій, но, нерѣдко, и тѣхъ, преемниками которыхъ многія изъ этихъ учрежденій являются, и даже институцій стороннихъ, существующихъ и понынѣ или уже закрывшихся, варшавскіе архивы содержатъ въ себѣ весьма богатый матеріалъ какъ по быту и исторіи Варшавы и всего Привислинскаго края и ближайшихъ къ нему польскихъ и русскихъ земель, такъ и по исторіи взаимныхъ отношеній между русскими и поляками на протяженіи послѣднихъ четырехъ вѣковъ. Между тѣмъ хранилища эти, въ силу условій своего положенія, служатъ обыкновенно лишь для нуждъ текущаго дѣлопроизводства тѣхъ учрежденій, при которыхъ они находятся, и за нѣкоторыми исключеніями не доступны для лицъ стороннихъ; они не сообщаютъ въ печати и описаній своихъ документовъ, почему слишкомъ мало извѣстны относительно своего состава. Распредѣленіе актовъ по ихъ архивамъ представляетъ наглядный примѣръ, какіе и въ какомъ порядкѣ находятся тамъ документы, что далеко не безразлично для дальнѣйшихъ изслѣдователей при отыскиваніи ими новыхъ матеріаловъ: разъ имѣются акты о такомъ-то предметѣ, естественно ожидать, что встрѣтятся тамъ и въ томъ же приблизительно распорядкѣ документы и о другихъ подобныхъ предметахъ» (Предисловіе, стр. 2—3). Подъ каждымъ актомъ въ отдѣльности означены № дѣла, въ которомъ онъ находится въ архивѣ, страница или листъ дѣла и рукописи и т. п., отмѣчено— подлинникъ или копія, приведены, если имѣются, варіанты. Такъ, подъ актами о смерти Шуйскихъ, взятыми изъ рукописи библіотеки Варшавскаго университета, приведены варіанты, имѣющіеся въ рукописяхъ варшавскаго ученаго Собѣщанскаго и Львовской библіотеки Оссолинскихъ.

Какъ видно изъ предисловія и примѣчаній, во второй книгѣ приложеній будутъ помѣщены акты и планы, имѣющіеся въ другихъ варшавскихъ и австро-польскихъ архивахъ.

Весь трудъ, по его содержанію и по выполненію, обѣщаетъ быть весьма цѣннымъ въ нашей исторической наукѣ, документально выводящимъ взятый въ немъ предметъ изъ той неопредѣленности и малоизвѣстности, въ какой онъ доселѣ находился.

А. Никольскій.

Исторія императорскаго русскаго археологическаго общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія. 1846—1896. Составилъ Н. И. Веселовскій. Спб. 1900.

Въ маѣ 1896 г. исполнилось 50 лѣтъ существованія императорскаго русскаго археологическаго общества, и въ то время едва ли не единственною болѣе подробною замѣткою о дѣятельности его была наша статейка, напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (т. LXIV). Въ самомъ концѣ прошлаго года появилась и «Исторія» общества, составленная его дѣйствительнымъ членомъ, Н. И. Веселовскимъ, и представляющая довольно значительный томъ въ 514 страницъ.

Въ немъ авторъ предварительно говоритъ о занятіяхъ у насъ археологіей до основанія археологическаго общества, т. е. до 1846 г., и затѣмъ уже переходитъ къ организаціи общества и указанію главныхъ моментовъ въ его жизни за все пятидесятилѣтіе. Многолѣтнее и подробное изученіе предмета, какъ по печатнымъ, такъ и по архивнымъ источникамъ, дало возможность автору указать немало интереснаго и новаго въ жизни и дѣятельности самого общества и его членовъ.

Подобно тому, какъ географическое общество обязано своимъ возникновеніемъ мысли и иниціативѣ иностранца, академика К. М. Бэра, такъ точно и археологическое общество возникло по мысли иностранца Бернгарда (по-русски Бориса Васильевича) Кёне. Сынъ берлинскаго еврея, реформатъ по вѣроисповѣданію, воспитанникъ университетовъ Берлинскаго и Лейпцигскаго, Кёне рано сталъ заниматься нумизматикой, сдѣлался агентомъ Я. Я. Рейхеля по пріобрѣтенію для него средневѣковыхъ и новыхъ европейскихъ монетъ и въ 1844 г. поселился въ Петербургѣ. Строго критикуя археологическіе труды своего прежняго друга Л. Э. Стефани, Кёне вступилъ еще въ болѣе горячій споръ съ русскими археологами по вопросу объ Олеговой монетѣ. Во время этого-то спора, чтобы имѣть болѣе твердую опору и получить возможность пробраться въ академію наукъ, онъ и задумалъ основать научное общество, конечно, изъ числа своихъ друзей и покровителей. Такъ какъ послѣдніе занимались, преимущественно, нумизматикой, то они только и мечтали объ основаніи нумизматическаго общества, но Кёне, страстно желавшему занять академическую каѳедру археологіи, удалось, хотя и съ трудомъ, дать наименованіе новому обществу «Археологическо-нумизматическаго».

Любопытенъ составъ учредителей этого перваго русскаго «Археологическо-нумизматическаго общества». Въ числѣ 22 его членовъ было 15 иностранцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые были безполезны, даже вовсе непригодны для общества. Таковы, напримѣръ: Ф. А. Жиль, приказчикъ часового магазина во Флоренціи и впослѣдствіи изъ-за нужды учитель французскаго языка въ Петербургѣ; В. Е. Келлеръ, чиновникъ, попавшій въ составъ учредителей, какъ сынъ извѣстнаго академика археолога; П. Сабатье, биржевой маклеръ и коммерсантъ; Ф. Ф. Сеинъ, извѣстный своими операціями по банковымъ дѣламъ; Х. Д. Френъ, сдѣлавшійся членомъ лишь изъ расположенія къ Я. Я. Рейхелю; Мирза Джафаръ Топчибашевъ, ставшій членомъ также по знакомству и не

имѣвшій никакого отношеніи къ археологіи, и др. Нельзя сказать, чтобъ и изъ немногихъ русскихъ членовъ всѣ были вполнѣ пригодны и дѣятельны. Естественно, что при такомъ составѣ предсѣдателю общества Я. Я. Рейхелю и его основателю Кёне легко удалось обратить его въ нумизматическое и чисто иностранное. Нѣсколько лѣтъ Кёне такъ усердно оберегалъ его отъ вторженія въ него русскаго языка, что даже А. Ѳ. Бычковъ и В. В. Григорьевъ должны были читать свои рефераты на нѣмецкомъ языкѣ.

Съ 1848 г. П. С. Савельеву удалось ввести въ кругъ занятій общества и древности восточныя, а черезъ годъ приступить къ изданію русскаго органа «Записокъ». Около него и И. П. Сахарова образовалась русская партія, которая, оттѣснивъ иностранцевъ, при чемъ Кёне президентомъ общества, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, не былъ даже утвержденъ въ должности секретаря отдѣленія, образовала три отдѣленія: 1) русской и славянской археологіи, 2) восточной и 3) древней и западной археологіи. Но недолго продолжалась оживленная дѣятельность русскихъ членовъ общества: крымская кампанія и послѣдующія событія на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ сильно ослабили интересъ къ археологіи вообще въ русскомъ обществѣ; а это немедленно повлекло за собою и весьма замѣтное ослабленіе дѣятельности самаго археологическаго общества. Наибольшій подъемъ его дѣятельности обнаруживается лишь со времени второго археологическаго съѣзда и по преимуществу въ восточномъ отдѣленіи.

Послѣ общаго обзора организаціи и дѣятельности общества г. Веселовскій переходитъ къ его «издательской дѣятельности», и именно къ внѣшнему обозрѣнію періодическихъ и отдѣльныхъ изданій.

Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ онъ перечисляетъ до восьми разныхъ изданій и другихъ предпріятій, оставшихся лишь начатыми или намѣченными. Тутъ же мы узнаемъ, что въ основу извѣстнаго труда графа А. С. Уварова: «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» (Москва, 1874 г.), вошли обширные и многочисленные дневники П. С. Савельева, производившаго раскопки по нѣскольку лѣтъ въ губерніяхъ: Владимирской и Ярославской.

Далѣе находимъ разсказъ о преміяхъ общества и медаляхъ и списки лицъ, удостоенныхъ тѣхъ и другихъ (за все время премированы были только четыре лица: Д. Ѳ. Бѣляевъ, И. Е. Забѣлинъ, Д. А. Ровинскій и В. Г. Тизенгаузенъ); о раскопкахъ, произведенныхъ членами общества (главнымъ образомъ, Л. К. Ивановскаго и Н. Е. Бранденбурга), и мѣрахъ, которыя принимало общество по части сохраненія и реставраціи памятниковъ древности. Послѣднія, впрочемъ, сводились почти всѣ къ писанію «отношеній».

Говоря затѣмъ объ организаціи каждаго изъ отдѣленій, г. Веселовскій, по нашему мнѣнію, является пространнымъ повѣствователемъ лишь того, что относится до внѣшности, внутренней же характеристики дѣятельности отдѣленій касается лишь въ очень общихъ чертахъ и какъ бы мимоходомъ. Едва ли не подробнѣе всего затронуты темныя стороны въ дѣятельности отдѣленій при предсѣдателяхъ: И. И. Срезневскомъ и князѣ Г. Г. Гагаринѣ.

При описаніи библіотеки и музея общества авторъ могъ только изложить съ точностію мѣры и ассигновки, къ которымъ прибѣгало общество для по-

полненія той и другаго, а равно имена библіотекарей и хранителей; что же касается хотя бы приблизительнаго опредѣленія числа содержащихся въ музеѣ предметовъ или книгъ въ библіотекѣ, то таковаго не найдете нигдѣ въ разсматриваемой нами «Исторіи».

Денежныя средства общества изложены подробно; полно затѣмъ приведена и администрація его, и наконецъ на 40 страницахъ напечатаны «привѣтствія», полученныя обществомъ 15 декабря 1896 года.

Хотя при изложеніи біографическихъ данныхъ о членахъ общества мы и находимъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, напримѣръ, о А. Ѳ. Прейсѣ, но ожидалось бы гораздо болѣе данныхъ и о жизни и о трудахъ наиболѣе выдающихся членовъ общества отъ автора «Исторіи» общества.

В. Рудаковъ.

Родъ князей Волконскихъ. Матеріалы, собранные и обработанные княгинею Е. Г. Волконской. Спб. 1900.

«Генеалогія есть повѣрка исторіи и хронологіи», говорила императрица Екатерина II, и уже этими словами довольно точно опредѣляла ея значеніе. Усердно занимаясь составленіемъ родословныхъ таблицъ, она вызвала появленіе въ свѣтъ замѣчательныхъ генеалогическихъ работъ: князя Щербатова, Стриттера, Князева, Герарда Миллера и игумена Ювеналія (Воейкова). Но послѣ нея интересъ къ генеалогіи надолго пропадаетъ. Съ появленія въ свѣтъ «Россійской родословной книги» П. Долгорукова проходитъ почти двадцать лѣтъ, когда генеалогическая литература обогатилась новымъ трудомъ, принадлежащимъ перу князя Лобанова-Ростовскаго. Послѣдовавшіе за нимъ новые немногочисленные сборники родословныхъ не выходили изъ предѣловъ названныхъ трудовъ и касались лишь наиболѣе важнѣйшихъ фамилій. Главнѣйшею причиною малоцѣнности нашихъ родословныхъ сборниковъ служило, конечно, отсутствіе работъ по изслѣдованію отдѣльныхъ фамилій. Между тѣмъ, изученіе послѣднихъ, служа «повѣркою исторіи», многое открываетъ изъ нашего внутренняго быта и устройства и т. п. Цѣнность этого изученія тѣмъ болѣе увеличивается, что оно открываетъ новые историческіе источники, хранящіеся въ семейныхъ архивахъ и имѣющіе общій историческій интересъ. Къ сожалѣнію, появленіе наиболѣе полныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ родамъ слѣдуетъ начать лишь съ капитальнаго и единственнаго въ своемъ родѣ труда А. П. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ», тѣмъ болѣе цѣннаго для генеалогической литературы, что онъ какъ бы открылъ дорогу другимъ подобнымъ трудамъ. Такимъ образомъ появились: роды князей Масальскихъ, Голицыныхъ, Татищевыхъ и др. Въ концѣ прошлаго года къ нимъ примкнулъ и новый трудъ: «Родъ князей Волконскихъ», матеріалы для котораго собирались болѣе 10 лѣтъ нынѣ покойной княгиней Е. Г. Волконской и ею же приведены въ систему.

Просматривая этотъ въ 60 печатныхъ листовъ томъ, невольно подивишься той массѣ кропотливаго труда, который на него былъ затраченъ покойною княгиней. Широко ознакомившись съ печатною литературою по инте-

ресовавшему ее вопросу, княгиня Е. Г. Волконская многое старалась почерпнуть изъ архивовъ и дѣйствительно открыла цѣлый рядъ документовъ XVI и XVII вѣковъ, имѣющихъ значеніе и для общей исторіи.

Главное содержаніе этого заслуживающаго полнаго вниманія генеалоговъ и историковъ труда составляютъ «біографическія свѣдѣнія о князьяхъ Волконскихъ», подтверждаемыя на каждомъ шагу подробнѣйшими выписями и даже цѣлыми перепечатками документовъ. Родъ князей Волконскихъ происходитъ отъ Рюрика, и ближайшимъ его родоначальникомъ является Иванъ Юрьевичъ князь Тарусскій, происходившій отъ князей Черниговскихъ. Изъ общаго числа представителей этого рода, простиравшагося свыше 150 человѣкъ, о которыхъ сообщены біографическія свѣдѣнія, болѣе всего свѣдѣній сообщается о жившихъ въ XVI и XVII вѣкахъ, среди которыхъ было довольно много извѣстныхъ воеводъ и окольничихъ. Немало было извѣстныхъ и полезныхъ дѣятелей и изъ представителей XVIII и XIX вѣковъ, но мы здѣсь ограничимся приведеніемъ лишь очень немногихъ именъ, какъ-то: Григорія Константиновича, полномочнаго посла въ Крымъ и Польшу, окольничаго и воеводы; Өедора Өедоровича, тоже полномочнаго посла, боярина и воеводы; Николая Григорьевича, генералъ-адъютанта, генерала отъ кавалеріи, присоединившаго фамилію Репнина; Павла Михайловича (род. въ 1763 году, † 1808 г.), образованнѣйшаго человѣка своего времени и благодѣтеля для крестьянъ; Григорія Семеновича (род. въ 1742 году, † 1824 г.), члена государственнаго совѣта, оренбургскаго генералъ-губернатора; Петра Михайловича, (род. въ 1776 году, † 1852 г.), свѣтлѣйшаго князя, генералъ-фельдмаршала, учредителя русскаго генеральнаго штаба; Семена Өедоровича (род. въ 1703 году, † 1768 г.), генералъ-аншефа, прославившагося въ Семилѣтнюю войну Сергѣя Григорьевича (род. въ 1788 году, † 1865 г.), боевого генерала, участвовавшаго въ 58 сраженіяхъ и сосланнаго въ 1826 году въ Сибирь за участіе въ тайномъ обществѣ и заговорѣ декабристовъ, и многихъ другихъ.

Вслѣдъ за «біографическими свѣдѣніями» находимъ «Родословную роспись рода князей Волконскихъ отъ св. великаго князя Михаила Черниговскаго до 1900 года», и за нею «Приложенія», въ которыя входятъ: «Родословная роспись, поданная князьями Волконскими въ разрядъ въ 1686 году», «Записка исторіографа князя М. М. Щербатова о родѣ князей Волконскихъ», «Замѣтка князя А. М. Волконскаго о происхожденіи рода князей Волконскихъ», «Выписки исторіографа Г. Ф. Миллера о родѣ князей Волконскихъ», «Статья М. Г. Спиридова о родѣ князей Волконскихъ» и «Выписка изъ документовъ Литовской метрики о князьяхъ Волконскихъ XV вѣка».

Въ концѣ тома, для удобства пользованія его многочисленными и цѣнными матеріалами, приложены два алфавитныхъ указателя: 1) именъ личныхъ 2) именъ географическихъ.

В. Рудаковъ.

Н. Рожковъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Москва. 1901.

Независимо отъ его достоинствъ или недостатковъ, независимо отъ оригинальной своеобразности плана, учебникъ г. Рожкова заслуживаетъ упоминанія, какъ показатель одного очень характернаго и очень грустнаго явленія въ жизни русской школы, въ постановкѣ историческаго преподаванія въ ней. Для преподаванія исторіи, какъ то ни покажется страннымъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ учебника; существующія пособія—и это не парадоксъ—или слишкомъ неудовлетворительны, или же слишкомъ хороши, такъ что пользованіе ими и въ томъ, и въ другомъ случаѣ для преподавателя и въ особенности для ученика крайне затрудительно. Это ненормальное положеніе дѣлъ повело къ поискамъ учебника, къ попыткамъ создать таковой, но всѣ попытки эти не разрѣшили вопроса: книжка г. Рожкова вызвана именно этой потребностью нашей школы, она представляетъ собою послѣднее слово, въ области указанныхъ попытокъ, но, надо сознаться, послѣднее слово къ сожалѣнію, далеко не является лучшимъ изъ всего, до сихъ поръ сказаннаго, скорѣе наоборотъ.

Авторъ, высказывая въ предисловіи свое profession de foi, заявляетъ, что, по его мнѣнію, въ школѣ должно знакомиться «съ процессомъ развитія явленій общественной жизни, разумѣя подъ послѣднимъ не событія или прагматическіе факты, а состоянія или культурныя явленія»; разумѣется, это такъ, разумѣется, конечная цѣль историческаго изученія именно такова, но не надо забывать, какъ то нерѣдко дѣлаютъ преподаватели молодые, что нельзя начинать дѣло съ конца; изучая состояніе, необходимо ясно представлять себѣ тѣ факты и моменты, изъ которыхъ оно слагается, а если не дано предварительнаго знанія этихъ фактовъ, то и указанная авторомъ конечная цѣль не будетъ достигнута: получится болѣе или менѣе механическое заучиваніе труднаго учебника—и въ результатѣ ни знанія фактовъ, ни пониманія культурныхъ явленій. Желая представить ученику именно состоянія, авторъ прибѣгаетъ къ обобщеніямъ матеріала, излагая все содержаніе русской исторіи въ VI главахъ (II—VII), сводя въ одинъ періодъ, напримѣръ, событія XIII—XVI вѣковъ, или же въ одномъ очеркѣ разсматривая факты, начиная съ реформы Петра и кончая крымской войной. Обобщеніе—вещь хорошая, даже необходимая: но было бы что обобщать! А начинать прямо съ обобщеній, не знакомя съ ихъ матеріаломъ едва ли педагогично. Вдобавокъ, дѣля исторію Россіи на періоды, авторъ беретъ ихъ такими большими, что поневолѣ ему приходится мѣшать, путать матеріалъ, иногда забѣгая впередъ, иногда поступая въ обратномъ смыслѣ: напримѣръ, о мѣстничествѣ онъ говоритъ въ исторіи XVIII вѣка, Петербургъ названъ ранѣе упоминанія о Петрѣ Великомъ, объ Александрѣ Невскомъ ему пришлось говорить ранѣе, чѣмъ о татарахъ, тогда какъ вся дѣятельность этого князя протекла въ эпоху ордынскаго ига и связана съ нимъ.

Авторъ—врагъ номенклатуры и хронологіи; разумѣется, est modus in rebus, но, къ сожалѣнію, должной средины г. Рожковъ не держался; думая облегчить дѣло учащагося, избавивъ его отъ излишняго заучиванія именъ и годовъ, онъ, въ дѣйствительности, далъ ему болѣе труда, заставивъ его заучивать

исторію безъ именъ и безъ годовъ, обезличивъ ее, превративъ ее въ рядъ «общихъ обзоровъ», такъ трудныхъ для усвоенія учащимися; нельзя не согласиться въ этомъ отношеніи съ профессоромъ Карѣевымъ, который прямо заявляетъ, что, не считая нужнымъ заучиваніе хронологическихъ датъ въ большомъ количествѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, думаетъ, что въ учебникѣ исторіи хронологическія данныя — то же самое, что градусная сѣтка на географической картѣ.

Одно изъ первыхъ требованій, предъявляемыхъ къ учебнику,—это—отсутствіе въ немъ тенденціознаго изложенія фактовъ; въ этомъ отношеніи книга г. Рожкова—не учебникъ. Авторъ—убѣжденный сторонникъ экономическаго матеріализма—направленія, истинность котораго далеко не всѣми признается, и учебникъ свой строитъ онъ, именно исходя изъ его идей. Въ каждомъ періодѣ онъ разсматриваетъ прежде всего хозяйственную, экономическую сторону жизни общества, давая при этомъ рядъ опредѣленій, едва ли доступныхъ для учащихся, а подчасъ даже прямо неточныхъ, спорныхъ. На основаніи экономическаго быта онъ объяснетъ соціальную и государственную жизнь Россіи, въ видѣ надстройки, плохо связанной съ общимъ построеніемъ, излагаются факты культурной жизни и внѣшней политики. При желаніи объяснить все рѣшительно въ исторіи общества экономическими условіями его существованія, авторъ договаривается иной разъ до курьезовъ: напримѣръ, исключительно экономическими причинами объясняетъ онъ развитіе боярскаго и монастырскаго землевладѣнія—объясненіе спорное; появленіе крѣпостничества въ Западной Руси видитъ онъ «въ зарожденіи денежнаго хозяйства при господствѣ земледѣлія», а въ то же время и отмѣну крѣпостного права при Александрѣ II объясняетъ онъ тою же причиною, нисколько не смущаясь ни противорѣчіемъ, ни вопіющею односторонностью такого толкованія.

Книга не свободна и отъ фактическихъ ошибокъ; ошибки—спутники всякаго дѣла рукъ человѣческихъ, но авторъ учебника могъ бы знать, что Священный союзъ заключенъ не на Вѣнскомъ конгрессѣ, что протопопъ Аввакумъ сожженъ не при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что служилое и тяглое сословія появились, если не по названію, то по существу, уже въ XVI вѣкѣ, что Перуна неудобно отождествлять съ Сварогомъ и т. д., и т. д.

Наконецъ, самое назначеніе книги, служить и для потребностей средней школы, и для самообразованія, едва ли обличаетъ въ авторѣ опытнаго педагога. **М. П—й.**

Jednota Bratrská v prvním vyhnanství (1548—1561). Sepsal Jaroslav Bidlo. V Praze. 1900. (Община чешскихъ братьевъ во время перваго изгнанія).

Братская община, или община чешскихъ братьевъ (Jednota Bratrská, Jednota bratří českych), есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій религіозной и вообще культурной жизни чешскаго народа. Судьбы этой общины, самобытнаго и національнаго созданія чешской жизни и мысли, привлекали вни-

маніе многочисленныхъ изслѣдователей, въ ряду коихъ наиболѣе почетное мѣсто принадлежитъ Ант. Гиндели, автору извѣстнаго труда «Geschichte der böhmischen Brüder» (2 тома, 1857—1858), а затѣмъ профессору Пражскаго университета Ярославу Голлю, издавшему богатые матеріалы для исторіи Братской общины (Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhm. Brüder, I—II, Prag, 1878—1882) и освѣтившему многіе моменты жизни ея и дѣятельности (Jednota bratrská v XV st., въ Часописи Чешскаго музея, 1883—1886). Монографія, заглавіе которой мы привели выше, является продолженіемъ трудовъ по изученію судебъ Братства. Она посвящена небольшому періоду жизни общины въ первомъ ея изгнаніи съ 1548 до 1561 года, то-есть съ того времени, когда подъ вліяніемъ стремленій Фердинанда I утвердить въ Чехіи и Моравіи единство церкви привлеченіемъ утраквистовъ къ католической партіи и подчиненіемъ ихъ ей, чешскіе братья энергично возстали противъ этихъ притязаній, принуждены были уступить королевской власти и удалились изъ Чехіи въ Великую Польшу. Это было первое изгнаніе членовъ Братской общины (1548 г.); вторично имъ пришлось покинуть свое отечество вскорѣ послѣ Бѣлогорской катастрофы (послѣ 1624 года), поразившей и чешскую самостоятельность и все движеніе, совершавшееся въ Чехіи съ конца XIV вѣка. Въ обоихъ случаяхъ удаленіе братьевъ являлось послѣдствіемъ упадка чешской независимости, но оба изгнанія имѣли для общины совершенно разное значеніе. Второе изгнаніе повело общину навстрѣчу неотвратимой гибели, тогда какъ первое, напротивъ, имѣло для нея значеніе возрожденія, возвратило ее самой себѣ, охранивъ ее отъ быстро вторгавшихся въ ея внутреннюю жизнь элементовъ свѣтскихъ, повернуло ее обратно къ ея нравственнымъ основамъ, отъ коихъ она удалялась; въ то же время оно содѣйствовало распространенію идей общины въ обширныхъ предѣлахъ родственной Польши. Покидая вторично свое отечество послѣ рокового чешскаго возстанія (1618—1620), братья несомнѣнно представляли себѣ картину перваго изгнанія, и это укрѣпляло въ нихъ надежду на лучшія времена, но это былъ самообманъ! Въ періодъ перваго своего изгнанія община основаніями, корнями своими прочно держится родной почвы, и только отпрыски ея находятъ для себя новую благодатную почву въ полномъ развитіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ. Послѣ Бѣлогорскаго пораженія могучее древо общины съ корнями исторгнуто было изъ родной земли и пересажено на почву, на которой не только дальнѣйшій ростъ, но даже и возвращеніе къ жизни было невозможно. Община явилась въ Польшу въ эпоху самой сильной католической реакціи, такъ что только неограниченныя привилегіи польской шляхты служили ей нѣкоторое время защитой.

Для историческаго изслѣдователя болѣе интереснымъ, пожалуй, и болѣе благодарнымъ является изученіе судебъ общины въ эпоху второго ея изгнанія. Но первое изгнаніе ея относится ко времени ея наиболѣе могущественнаго внутренняго развитія, когда община стала однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ чешскаго національнаго культурнаго развитія. Для надлежащаго знакомства съ этимъ развитіемъ и уразумѣнія его почти неизбѣжно необходимо изучить жизнь общины и внѣ ея первоначальной родины, въ изгнаніи. Та-

кому обозрѣнію судебъ общины, въ эпоху перваго ея изгнанія, посвященъ трудъ молодого чешскаго ученаго, доцента Пражскаго университета, д-ра Ярослава Бидло. Изслѣдованіе его обнимаетъ, какъ мы уже сказали, первыя тринадцать лѣтъ жизни общины на чужбинѣ. Это — періодъ, когда положены были прочныя основы существованію общины въ Польшѣ, гдѣ она достигла вслѣдъ за тѣмъ высокой степени развитія. Естественно, что обозрѣніе столь непродолжительнаго періода жизни общины, при томъ, какъ выражается авторъ, «періода перваго броженія, кристаллизаціи», не можетъ дать отвѣтовъ на цѣлый рядъ культурно-историческихъ вопросовъ, среди коихъ не послѣднее мѣсто занялъ бы и вопросъ о славянской взаимности; для этого представляется необходимымъ разсмотрѣть болѣе продолжительный періодъ развитія общины, нежели тотъ, которому посвященъ трудъ д-ра Бидло. И онъ самъ смотритъ на него, какъ на первую только часть исторіи общины въ изгнаніи.

Авторъ имѣлъ главною своею задачею представить по возможности полную картину всей общины, въ каждой стадіи развитія ея и указать, въ какомъ соотношеніи эти отдѣльныя стадіи находятся. Центръ тяжести жизни общины въ періодъ, который обнимаетъ трудъ доктора Бидло, находится за предѣлами ея родины. Подъ вліяніемъ изгнанія община неожиданно расширяетъ свой не только географическій, но и духовный и культурный горизонтъ. Она вступаетъ въ общеніе съ отдаленными реформаторами швейцарскими на западѣ, а на востокѣ нѣсколько позже приходитъ въ соприкосновеніе и съ православіемъ (Рокита, Турновскій). Община растетъ и распространяется, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается число враговъ ея, ей необходимо защищаться: сама собою возникаетъ потребность высшихъ студій, въ особенности потому, что ей приходится бороться съ просвѣщеннѣйшими людьми своего времени. Въ исторіи развитіи общины весьма важное значеніе имѣютъ условія, въ которыхъ она существовала въ Польшѣ, гдѣ она стала наиболѣе сильнымъ некатолическимъ исповѣданіемъ. Въ этомъ отношеніи исторія развитія ея принадлежитъ къ числу вопросовъ, обнимаемыхъ именемъ «польской реформаціи». Этимъ воorосамъ въ трудѣ доктора Бидло посвящено, естественно, наиболѣе мѣста. Изложеніе судебъ чешскихъ братьевъ въ Польшѣ, въ рамкахъ польской реформаціи, пытался представить уже въ 1835 году польскій историкъ Іосифъ Лукашевичъ въ монографіи «O kościolach braci czeskich w dawnéj Wielkiejpolsce» (Poznań, 1835). Для своего времени это былъ замѣчательный трудъ, основанный на обильныхъ архивныхъ матеріалахъ. Докторъ Бидло скромно считаетъ свое изслѣдованіе лишь замѣткой и восполненіемъ того, что у Лукашевича устарѣло, требуетъ исправленія на основаніи новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій. Трудъ доктора Бидло такимъ образомъ стоитъ въ ряду работъ по исторіи польской реформаціи, но такъ какъ она находилась подъ значительнымъ вліяніемъ реформаціонныхъ стремленій прусскихъ, то поэтому исторію братьевъ въ Польшѣ нельзя было отдѣлить отъ исторіи ихъ въ Пруссіи. Изслѣдованіе доктора Бидло образуетъ какъ бы pendant къ извѣстной монографіи профессора Н. Н. Любовича «Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи» (Варшава, 1883 г.). Оба труда имѣютъ предметомъ поль-

скую реформацію, но каждый съ иной точки зрѣнія. Предметомъ изслѣдованія проф. Любовича были кальвинисты и антитринитаріи, но при этомъ ему часто приходилось касаться и общины чешскихъ братьевъ, поскольку она имѣла съ ними связь. Докторъ Бидло, наоборотъ, прежде всего имѣетъ въ виду прослѣдить судьбу чешскихъ братьевъ въ Польшѣ. Трудъ проф. Любовича, по собственному признанію г. Бидло, послужилъ для него главнымъ основаніемъ тѣхъ частей его изслѣдованія, гдѣ вопросъ идетъ не исключительно о чешскихъ братьяхъ. Докторъ Бидло прямо заявляетъ о томъ, что онъ принимаетъ многія положенія труда проф. Любовича, хотя кое-гдѣ съ нимъ и расходится. Различіе между обоими трудами заключается еще и въ томъ, что въ то время, какъ проф. Любовичъ обращаетъ главное вниманіе на политическую и національную сторону движенія, докторъ Бидло имѣетъ въ виду прежде всего внутреннее религіозное развитіе, а именно — догматическую сторону его. Этимъ вопросамъ посвящалось до сего времени весьма мало вниманія, но разсмотрѣніе ихъ составляетъ большую заслугу доктора Бидло. Трудъ этотъ, посвященный проф. Любовичу, вызвавшему своими изслѣдованіями работу г. Бидло, основанъ на широкомъ изученіи архивныхъ матеріаловъ. Авторъ работалъ въ архивѣ Гернгутскомъ (въ Саксоніи), въ библіотекѣ Рачинскихъ (въ Познани), въ архивѣ Познанскаго капитула, въ библіотекахъ краковскихъ, Бреславльской, въ главномъ архивѣ въ Варшавѣ, въ Герлицѣ (Згорѣльцѣ), въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ и многочисленныхъ библіотекахъ и архивахъ чешскихъ. Трудъ доктора Бидло есть дѣйствительно вкладъ въ чешскую историческую науку, и дальнѣйшіе шаги его на этомъ поприщѣ, несомнѣнно, будутъ столь же плодотворны. **Ф. В.**

Недавніе люди. Сборникъ статей А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman). Съ шестью портретами. Спб. 1901.

На всей этой книгѣ лежитъ несомнѣнная печать таланта, присущаго автору, столь извѣстному фельетонисту и публицисту. «Недавніе люди»—это герои разсказовъ г. Амфитеатрова, но герои не выдуманные, и ихъ портреты списаны съ живыхъ людей, еще такъ недавно занимавшихъ видное общественное положеніе: Степанъ Стамбуловъ, генералъ Черняевъ, поэтъ Полонскій, докторъ Захарьинъ, московскій городской голова Алексѣевъ—вотъ эти «недавніе люди», теперь покойники. Нѣкоторыя изъ статей этого сборника были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и читателямъ нашего журнала, слѣдовательно, знакомы; хотя прошло уже нѣсколько лѣтъ со времени первоначальнаго появленія въ печати статей г. Амфитеатрова, но интересъ ихъ нисколько отъ этого не уменьшился; даже напротивъ, теперь, когда тѣ крупныя событія и лица, которыя описываются авторомъ, уже утратили присущій имъ, въ свое время, интересъ минуты и становятся достояніемъ исторіи, они въ талантливой характеристикѣ и искусномъ освѣщеніи, дѣлаются еще болѣе понятными, такъ какъ минула уже та злоба дня, среди коей жили и дѣйствовали эти, несомнѣнно, историческія фигуры.

Особенность таланта г. Амфитеатрова и заключается именно въ томъ, что, описывая только что сошедшихъ съ жизненной сцены героевъ дня и дѣлая имъ мѣткую, вѣрную и безпристрастную оцѣнку, онъ въ то же время безошибочно обозначаетъ роль, предстоящую имъ по смерти, то-есть, тѣ итоги, которые эти крупные общественные дѣятели оставили послѣ себя обществу. Таковъ, напримѣръ, очеркъ «Московскій городской голова Алексѣевъ», гдѣ, въ интереснѣйшемъ изображеніи, покойный Алексѣевъ встаетъ передъ вами, какъ живой, и въ то же время передъ вами проходитъ, какъ въ кинематографѣ, вся кипучая дѣятельность этого «крутого московскаго головы», сдѣлавшаго для города, за время своего 8-ми-лѣтняго лордъ-мерства, вдесятеро болѣе, чѣмъ дѣлали за то же время хозяева Москвы до него и послѣ него.

Столь же интересна статья г. Амфитеатрова о покойномъ докторѣ Захарьинѣ, написанная съ большимъ умѣньемъ и тактомъ. Въ то время, напримѣръ, какъ большинство нашей прессы набросилось, послѣ смерти Захарьина, на анекдотическую сторону его частной жизни, на его многомилліонное богатство, на его непопулярность въ Москвѣ вообще и въ университетѣ въ частности и даже на его мнимо-еврейское происхожденіе (отецъ его былъ небогатый саратовскій помѣщикъ, мать—урожденная Гейманъ, дочь профессора Московскаго университета, родомъ нѣмца),—авторъ книги «Недавніе люди», напротивъ, воздержался отъ сообщенія всѣхъ этихъ мелочей о личной жизни человѣка и заговорилъ о покойномъ только, какъ объ ученомъ, какъ о знаменитомъ терапевтѣ и діагностѣ. «Публика,— говоритъ г. Амфитеатровъ, — такъ привыкла въ области медицины къ суевѣрію, къ жреческимъ и мистическимъ продѣлкамъ, къ авторитету высшаго, недосягаемаго простымъ умомъ знанія, что до сихъ поръ стучится къ врачамъ не столько за положительными научными свѣдѣніями о своихъ болѣзняхъ, сколько съ требованіемъ — сдѣлай чудо, и за то возьми съ меня какія угодно дани и пошлины! Къ врачамъ знаменитымъ это относится даже въ гораздо большой степени, въ гораздо ярчайшихъ проявленіяхъ, чѣмъ къ врачамъ съ практикою общедоступною. Взглядъ на знаменитаго врача, какъ на великаго знахаря, на Захарьинѣ оправдывался съ особенно упорною настойчивостью и послѣдовательностью. Если собрать тысячи анекдотовъ, о немъ ходящихъ, вы убѣдитесь, что онъ въ жизнь свою, можетъ быть, ни разу не былъ призванъ къ постели больного съ просьбою—«изслѣдуй меня и сдѣлай для меня все, что позволятъ тебѣ законы твоей науки!» Его звали съ требованіемъ: «силою ли науки, другою ли какою—мнѣ все равно!—ты, говорятъ, дѣлаешь чудеса... Соверши же чудо и надо мною: возстанови мое здоровье!..». Чудесъ Захарьинъ, конечно, не дѣлалъ: напротивъ, ни одинъ, можетъ быть, врачъ не напутствовалъ къ смерти столькихъ больныхъ, какъ покойный Григорій Антоновичъ, потому что приглашали его, какъ послѣднее прибѣжище, обыкновенно уже къ совершенно безнадежнымъ, in statu mortis. Слѣдующіе за нимъ гости больного были духовникъ и гробовщикъ... Но къ вѣчному ожиданію отъ себя чуда знаменитый докторъ привыкъ, равно какъ и къ раболѣпству, съ какимъ толпа преклоняется предъ чудотворцами. Что Захарьинъ былъ очень ученымъ человѣкомъ, не подлежитъ сомнѣнію; что чрезвычайно умнымъ и самолюбивымъ—также. Вооруженный всею силою положительнаго

знанія, умный, чуткій аналитикъ, онъ не могъ не презирать эту суевѣрную массу, ждущую отъ него не законныхъ и естественныхъ, но сверхчеловѣческихъ дѣяній. А такъ какъ онъ, по натурѣ своей, былъ не изъ мягкихъ характеровъ, то и презрѣніе къ этой массѣ сказывалось въ формахъ рѣзкихъ, громкихъ, кричащихъ»... Въ этихъ немногихъ строкахъ г. Амфитеатровъ сказалъ о покойномъ профессорѣ Захарьинѣ гораздо болѣе, чѣмъ сказано было въ нѣсколькихъ десяткахъ статей, фельетонахъ и некрологахъ, появившихся по его смерти почти во всѣхъ русскихъ журналахъ и газетахъ.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ написана г. Амфитеатровымъ статья о покойномъ поэтѣ Я. П. Полонскомъ, котораго авторъ зналъ лично. Это—прекрасная, въ высшей степени интересно написанная и прочувствованная статья, которая прочтется и теперь съ тѣмъ же живымъ интересомъ, съ какимъ она читалась въ то время, когда на столѣ, въ уютной и скромной квартирѣ поэта, на углу Знаменской и Бассейной, лежало его бренное, старческое тѣло, изъ котораго только что улетѣла нѣжная и вѣчно юная душа его...

Самая книга «Недавніе люди» издана очень изящно, и всѣ портреты, въ ней заключающіеся, кромѣ Скобелева, исполнены хорошо. Искренно привѣтствуемъ эту книгу талантливаго писателя. **И. Н. З.**

Военный альманахъ на 1901 годъ подъ редакціей В. Л. Тагѣева. Спб. 1901.

Книга эта, снабженная множествомъ хорошихъ рисунковъ, представляетъ собою для офицеровъ очень полезный, справочный военный альманахъ-календарь на текущій годъ. Содержаніе книги довольно разнообразное и полное, умѣло приноровленное къ той задачѣ, которую поставилъ себѣ составитель этого «военнаго альманаха»: офицеръ найдетъ тутъ и обыкновенныя календарныя свѣдѣнія, начиная съ «неприсутственныхъ дней» и «расписанія разборовъ гербовой и актовой бумагъ» и оканчивая «сравнительной таблицей русскихъ и иностранныхъ монетъ», а также и разнообразныя свѣдѣнія по своей спеціальности. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ помѣщены обстоятельныя свѣдѣнія объ исторіи военнаго искусства, о современной мобилизаціи войскъ, о воинской дисциплинѣ, о судѣ общества офицеровъ, правила о дуэляхъ, о воинской повинности, о солдатскихъ пѣсняхъ нашей арміи, о развѣдчикахъ, о бракахъ военнослужащихъ и отпускахъ, объ обученіи солдатъ стрѣльбѣ и русскомъ пѣхотномъ ружьѣ 1901 года, о воздухоплаваніи, о примѣненіи фотографіи въ военномъ дѣлѣ и командахъ самокатчиковъ (велосипедистовъ?) въ войскахъ.

Съ неменьшимъ вниманіемъ отнесся трудолюбивый авторъ и къ описанію современнаго военнаго дѣла въ другихъ государствахъ. Такъ, онъ знакомитъ читателей съ подробнымъ устройствомъ и положеніемъ во Франціи знаменитой Сенъ-Сирской школы, съ швейцарскою арміей, съ организаціей французской кавалеріи и пр. Столь же интересна, такъ сказать, историческая часть книги, посвященная статьямъ о развитіи русскаго владычества въ Азіи, греко-турецкой войнѣ и англо-трансваальской—и недавней смутѣ въ Китаѣ и Манчжуріи.

Въ концѣ книги помѣщены довольно пространныя и обстоятельныя свѣдѣнія о военно-учебномъ дѣлѣ въ Россіи, о хозяйствѣ въ нашихъ войскахъ, о военной періодической печати и военной литературѣ. Въ приложеніи къ «альманаху» г. Тагѣевъ даетъ интересную и вполнѣ подходящую ко времени статью о военномъ могуществѣ Китая, талантливо написанную г. Шелковниковымъ и иллюстрированную многочисленными рисунками.

«Военный альманахъ» будетъ, несомнѣнно, имѣть успѣхъ среди офицеровъ. Жаль только, что книжка нѣсколько запоздала выходомъ «въ свѣтъ»: такіе альманахи-календари, составленные на указанный годъ, должны бы выходить не въ апрѣлѣ «текущаго» года, а въ ноябрѣ или, самое позднее, въ декабрѣ предыдущаго. **И. Н. З.**

Забайкальцы въ Манчжуріи въ 1901 году. Очерки изъ похода Хайларскаго отряда генерала Н. А. Орлова въ Китаѣ въ 1900 г., съ картою и планами. Спб. 1901.

Книга эта вышла очень кстати: русское общество, вслѣдствіе происшедшихъ «осложненій на востокѣ», обращаетъ въ настоящее время особенное вниманіе на серіозныя событія, совершившіяся и продолжающія совершаться въ Поднебесной имперіи. И вотъ авторъ книги, ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, Н. А. Орловъ, разсказываетъ въ ней очень интересныя военныя событія, происшедшія въ минувшемъ году въ части Манчжуріи, очевидцемъ которыхъ и главнымъ участникомъ довелось быть ему самому.

Авторъ начинаетъ свою книгу съ описанія начала военныхъ дѣйствій въ Китаѣ—съ мобилизаціи войскъ Пріамурскаго края (Забайкалья)—и останавливается, затѣмъ, болѣе подробно на дѣйствіяхъ Хайларскаго отряда, находившагося подъ начальствомъ его самого, Н. А. Орлова. Это непосредственное участіе автора въ военныхъ дѣйствіяхъ придаетъ всей его книгѣ особый, живой и нѣсколько оригинальный интересъ: передъ вами не офиціальныя «реляціи», вѣчно раздуваемыя въ побѣды и одолѣнія, а равно и не равнодушныя и холодныя описанія, составленныя кабинетными лѣтописцами и историками, на основаніи рапортовъ и донесеній «командировъ отдѣльныхъ частей», а увлекательный разсказъ самого начальника отряда, профессора-литератора, обладающаго особымъ искусствомъ создавать описаніе живое, правдивое, сильно интересующее читателя и полное къ тому же эпизодическихъ подробностей о героизмѣ тѣхъ маленькихъ людей, называемыхъ «нижними чинами» которыхъ принято, обыкновенно, замалчивать въ реляціяхъ. Какъ живые, встаютъ передъ читателями эти наши чудо-богатыри, рядовые казаки Алексѣй Стародубовъ и Буторинъ, пополненные приложеннымъ въ концѣ книги длиннымъ спискомъ «героевъ Хайларскаго отряда»—георгіевскихъ кавалеровъ.

Еще одна особенность: авторъ говоритъ о себѣ все время въ третьемъ лицѣ,—и этотъ пріемъ придаетъ его разсказамъ нѣсколько оригинальную форму, нисколько, впрочемъ, не уменьшая интереса повѣствованія. Столь же отличительную особенность книги, составляющую въ то же время и ея несо-

мѣнное достоинство, представляетъ собою то обстоятельство, что всѣ дѣйствующія лица въ разсказахъ названы не иниціалами и псевдонимами, а ихъ настоящими именами.

Въ концѣ книги приложена обстоятельно составленная карта Манчжуріи, въ 80-ти верстномъ масштабѣ. И. Н. З.

Ярославская іерархія въ описаніи протоіерея Іоанна Троицкаго съ предисловіемъ и примѣчаніями А. А. Титова. Выпускъ I. Заштатные монастыри Петровскій, Бѣлогостицкій и Варницкій. Ярославль. 1901.

Изученіе мѣстной церковно-общественной жизни, въ ея прошломъ и настоящемъ состояніи, имѣетъ немалое историческое значеніе. Составляя часть обширнаго цѣлаго, иногда характерную и колоритную, мѣстный историко-археологическій элементъ восполняетъ это цѣлое, уясняетъ его, иногда освѣщаетъ новымъ свѣтомъ и даетъ возможность наукѣ выработать болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на всю совокупность явленій извѣстнаго рода въ полномъ ихъ составѣ. И естественно, аналитическая работа, частное изученіе историко-археологическаго матеріала должно итти впереди и стоять на первомъ планѣ. При этомъ, чѣмъ тщательнѣе и совершеннѣе исполненъ предварительный научный анализъ, тѣмъ полнѣе, разностороннѣе и богаче своими результатами будетъ творческій историко-археологическій синтезъ, являющійся плодомъ первоначальныхъ аналитическихъ изысканій.

Съ этой точки зрѣнія имѣетъ свое значеніе и брошюра извѣстнаго нашего изслѣдователя ярославской историко-археологической старины, А. А. Титова, изданная подъ выше приведеннымъ скромнымъ заглавіемъ. Происхожденіе этой новой работы почтеннаго ученаго мотивируется тѣмъ, что у насъ до сего времени еще нѣтъ общей исторіи россійской іерархіи, о которой, три четверти вѣка тому назадъ, уже мечталъ нашъ знаменитый исторіографъ Н. М. Карамзинъ. Нельзя сказать, чтобы у насъ до сего времени не было серьезныхъ попытокъ выполнить эту великую и сложную задачу. Труды епископа Амвросія Орнатскаго, кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова, архимандритовъ Ѳеофана и Аполлоса и нерехотскаго протоіерея Михаила Діева, достаточно извѣстны. Всѣ они исполнены по иниціативѣ и предложенію святѣйшаго синода, но и всѣ далеки отъ желательнаго совершенства. Въ виду этого, святѣйшій синодъ около 1848 года опредѣлилъ учредить въ каждой епархіи особыя комиссіи изъ нѣсколькихъ лицъ извѣстной учености, для составленія церковно-историческаго и статистическаго описанія епархій. Всѣ изслѣдованія этихъ епархіальныхъ комиссій предложено было присылать на разсмотрѣніе главной комиссіи, учрежденной въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ митрополита Филарета, съ цѣлью составить основательную исторію россійской іерархіи. Были опубликованы и програмы предстоящихъ историческихъ и статистическихъ описаній епархій, въ составъ коихъ должны были войти свѣдѣнія — о времени распространенія христіанства въ той или иной епархіи и основаніи

ея, объ іерархахъ въ ихъ историческомъ преемствѣ, о древнихъ церквахъ, монастыряхъ и иконахъ, о подвижникахъ благочестія, просіявшихъ въ той или иной мѣстности, о постахъ, крестныхъ ходахъ, паломничествахъ и т. п.

Составленіе описанія Ярославской епархіи взялъ на себя протоіерей Іоаннъ Троицкій († 1878 г.), преподаватель ярославской духовной семинаріи и Демидовскаго лицея. Онъ энергично повелъ это дѣло и составилъ большую часть описанія по программѣ святѣйшаго синода. Но литературныя работы почтеннаго труженика и досел́ѣ остаются большею частію въ рукописяхъ, входящихъ въ составъ собраній И. А. Вахромѣева и А. А. Титова, и лишь немногія извѣстны въ печати. Въ виду того, что онѣ могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ при составленіи общей исторіи россійской іерархіи, г. Титовъ предпринялъ изданіе ихъ, съ собственными примѣчаніями и добавленіями.

Въ первомъ выпускѣ этого изданія, послѣ предисловія (стр. 1—7), помѣщены описанія трехъ монастырей Ярославской епархіи, теперь заштатныхъ. Прежде всего, рѣчь идетъ о Петровскомъ, что на полѣ, мужскомъ монастырѣ въ городѣ Ростовѣ, построенномъ въ XIII столѣтіи преподобнымъ Петромъ, ордынскимъ царевичемъ, ростовскимъ чудотворцемъ (стр. 8—42). Здѣсь излагаются обстоятельства жизни основателя монастыря, царевича Петра, разсказывается о самомъ возникновеніи монастыря, описываются монастырскія зданія, крестные ходы, замѣчательныя церковныя вещи и иконы, указывается способъ содержанія монаховъ, перечисляются замѣчательные вклады въ монастырь и его настоятели. Къ описанію приложены двѣ редакціи «житія блаженнаго Петра Царевича», одна изъ коихъ взята изъ сборника Ростовскаго собора, а другая изъ рукописи Толгскаго монастыря. Въ предисловіи къ этому описанію, составленномъ А. А. Титовымъ, сдѣлано нѣсколько цѣнныхъ критическихъ замѣчаній относительно времени постройки Петровскаго монастыря и жизни его основателя, царевича Петра, а также приведенъ библіографическій указатель литературы о Петровскомъ монастырѣ.

Въ такомъ же родѣ въ брошюрѣ сообщаются свѣдѣнія и о Ростовскомъ Бѣлогостицкомъ мужскомъ монастырѣ (стр. 43—92). Въ обширномъ предисловіи, принадлежащемъ г. Титову, предложено описаніе этого монастыря, въ виду того, что описаніе протоіерея Троицкаго сдѣлано довольно кратко. Авторъ воспользовался трудомъ А. В. Гаврилова («Историко-археологическое описаніе Бѣлогостицкаго монастыря», Спб., 1880) и многими рукописными документами изъ ярославскихъ архивовъ и дополнилъ описаніе протоіерея Троицкаго многими новыми и интересными данными, между прочимъ, указателемъ литературы предмета. Что касается описанія монастыря, исполненнаго о. Троицкимъ, то въ немъ говорится о мѣстности и древности (XVI в.) его, о зданіяхъ, замѣчательныхъ священныхъ вещахъ и иконахъ, о вотчинахъ и угодьяхъ, о содержаніи и управленіи монастыря. Въ приложеніи помѣщены: «жалованная грамота царя и великаго князя Михаила Θеодоровича ростовскому архіепископу Варлааму» отъ 13-го января 1622 года, «духовная боярина князя Михаила Михаиловича Темкина-Ростовскаго» отъ 22-го мая 1661 года и «жалованная грамота царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей игумену Акакіевой пустыни Григорію», отъ 3-го іюля 1684 года.

Наконецъ, описаніе Троицкаго Варницкаго мужского монастыря, находящагося въ городѣ Ростовѣ и построеннаго въ XVI вѣкѣ (стр. 93—121), состоитъ изъ предисловія г. Титова, гдѣ сообщены историко-археологическія свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, извлеченныя преимущественно изъ рукописей, и указана литература предмета,—изъ статьи покойнаго о. протоіерея Троицкаго, составленной по аналогичному съ прежними описаніями плану и дополненной г. Титовымъ, и изъ приложенія, въ составъ коего вошли: запись монастырская о событіяхъ и посѣщеніяхъ обители разными лицами и извлеченія о жизни епископа оренбургскаго и уфимскаго Августина, почерпнутыя изъ его записки.

Такимъ образомъ, А. А. Титовъ въ разсматриваемой брошюрѣ не только опубликовалъ любопытныя описанія трехъ ярославскихъ монастырей, составленныя протоіереемъ Троицкимъ, но и дополнилъ ихъ многими цѣнными сообщеніями и примѣчаніями, сдѣлавшими работу его предшественника по изученію ярославской старины болѣе интересной и важной. Безспорно, новое изданіе почтеннаго ярославскаго ученаго можетъ послужить очень полезнымъ матеріаломъ для будущей общей и полной исторіи іерархіи русской церкви.

О.

Изъ моихъ воспоминаній. В. Ф. Духовской. Спб. 1901.

Отъ большого, прекрасно изданнаго тома этихъ воспоминаній вѣетъ какимъ-то особымъ своеобразіемъ и оригинальностью, какою-то подкупающею читателя непосредственностью, свѣжестью и живостью впечатлѣній и разсказа. Зависитъ это, разумѣется, отъ свойствъ и особенностей дарованія автора, частью же, можетъ быть, и отъ того, что авторъ—не профессіональный писатель, и настоящій трудъ его является, повидимому, единственнымъ трудомъ его жизни, но зато захватившимъ въ себя и отразившимъ въ себѣ всю эту жизнь.

Въ предисловіи, предпосланномъ книгѣ, говорится, что она совсѣмъ не предназначалась къ печати и появляется въ свѣтъ случайно. Женщина-авторъ съ дѣтскихъ лѣтъ, подъ вліяніемъ добрыхъ совѣтовъ и примѣровъ, ежедневно вносила свои замѣтки лично для себя, не задаваясь особою цѣлью. Не допуская ничьей руки къ завѣтнымъ записнымъ книжкамъ, авторъ вноситъ въ нихъ, что видитъ и слышитъ вокругъ, съ полною искренностью впечатлѣній на ея женское сердце. Обстоятельства приводятъ автора къ круговороту незаурядныхъ событій. Вѣрная своему принципу не касаться служебныхъ дѣлъ мужа, она, однако, невольно становится зрительницей многаго весьма интереснаго: изнанки войны, быта русскаго общества разныхъ слоевъ, жизни въ отдаленныхъ иностранныхъ колоніяхъ и на нашихъ окраинахъ, въ томъ числѣ на Амурѣ; принимаетъ участіе во многихъ путешествіяхъ въ разныя страны и вездѣ и всегда остается вѣрна себѣ: вноситъ въ свои замѣтки все, что видитъ, слышитъ и чувствуетъ, исключительно по собственной иниціативѣ безъ всякихъ указаній или помощи и участія кого бы то ни было. Не претендуя на всестороннее и подробное изслѣдованіе пробѣгающихъ предъ нимъ политиче-

скихъ, общественныхъ и житейскихъ явленій, на обсужденія и мудрствованія по поводу ихъ, на составленіе точныхъ и полныхъ описаній посѣщенныхъ мѣстностей и странъ, авторъ съ увлекательною живостью набрасываетъ предъ нами одну за другою картины впечатлѣній и обрисовываетъ яркими красками разныя событія, лица и мѣстности.

Предъ нами проходятъ въ живомъ разсказѣ русская деревня, гдѣ авторъ провелъ свое дѣтство, современный помѣщичій бытъ, свѣтское общество Петербурга и Москвы, всѣ наиболѣе извѣстныя мѣстности и города Западной Европы, а затѣмъ—Сибирь и Азія и жизнь на нашихъ дальнихъ восточныхъ окраинахъ, русско-турецкая война на Кавказѣ, коронаціи императоровъ Александра III и Николая II, отъѣздъ въ Туркестанъ.

Издана книга очень хорошо и изящно, съ виньеткой Самокишъ-Судковской на обложкѣ и двумя портретами автора (ребенкомъ и взрослою женщиною).

А.

Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета. Подъ редакціей В. В. Никольскаго. Томъ I, II, III. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901.

Новое изданіе стихотвореній Фета нельзя, строго говоря, назвать полнымъ, такъ какъ въ него не вошла такая крупная вещь, какъ Гетевскій Фаустъ, далѣе переводы изъ Горація, Марціала, Катулла, Ювенала; нѣтъ так же подробной біографіи Фета, которая помимо полноты изданія и сама по себѣ представила бы большой интересъ. Полное строго научное собраніе сочиненій Фета ждетъ еще, такимъ образомъ, своего издателя, но нельзя не отдать должнаго г. Никольскому, который приложилъ всѣ усилія сдѣлать изданіе Маркса возможно болѣе критическимъ. Разобраться и разыскать стихотворенія Фета, особенно за первую половину его дѣятельности, разбросанныя въ старыхъ журналахъ и альманахахъ, стоило, конечно, немалаго труда. Стихотворенія расположены редакторомъ не въ обычномъ хронологическомъ порядкѣ, а по особой системѣ, которая на первый взглядъ вызываетъ недоумѣніе. Дѣло, однако, въ томъ, что это изданіе по своимъ задачамъ является «общедоступнымъ», т. е., какъ говоритъ г. Никольскій, «имѣетъ въ виду читателя неподготовленнаго, мало знакомаго съ творчествомъ издаваемаго писателя, читателя, интересующагося не ходомъ развитія этого творчества, но его лучшими, высшими, характернѣйшими проявленіями, читателя, который при первомъ чтеніи совершенно не въ состояніи разобраться во множествѣ отдѣльныхъ произведеній, сразу отличить и найти центральныя, руководящія между ними, не теряясь во второстепенныхъ. Такому читателю и должно помочь общедоступное изданіе самымъ расположеніемъ матеріала, нагляднымъ сопоставленіемъ произведеній, стоящихъ во внутренней идейной связи, начиная каждую группу основными и наиболѣе выдающимися и постепенно переходя ко второстепеннымъ». Въ силу этого первый томъ начинается «Вечерними огнями», написанными Фетомъ уже въ самомъ концѣ его литературной дѣятельности. Такое расположеніе стихотвореній вызвано вообще отношеніемъ редактора къ Фету, котораго онъ, въ противность установивше-

муся взгляду на него, какъ на чисто лирическаго поэта, считаетъ поэтомъ-философомъ: «изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ, доселѣ жившихъ,—говоритъ г. Никольскій,—ни одинъ до такой степени не сумѣлъ себѣ усвоить чисто философскій духъ, какъ Фетъ...(онъ) до такой степени поэтъ-философъ, что его произведенія неизбѣжно станутъ современемъ настольной книгою каждаго мыслителя, каждаго ученаго, наконецъ каждаго философски мыслящаго человѣка». Тутъ г. Никольскій, безспорно, уже увлекается, точно также, когда онъ отрицаетъ значеніе художественной формы произведеній поэта. Вообще, что дарованіе Фета, хотя иногда и проявляло себя въ истинно геніальныхъ твореніяхъ, но все-таки было одностороннимъ, кажется, нельзя сомнѣваться; но самое это увлеченіе со стороны г. Никольскаго показываетъ, какъ горячо онъ отнесся къ поставленной задачѣ.

Кромѣ вступительной статьи самого г. Никольскаго, въ настоящемъ изданіи помѣщены коротенькая біографія Фета, составленная Н. Н. Страховымъ, и двѣ его замѣтки, посвященныя поэзіи автора «Вечернихъ огней». Отмѣтимъ еще приложенный къ послѣднему тому подробный и точный хронологическій указатель произведеній Фета, вошедшихъ (иногда впервые, особенно, что касается до точности текста) въ это изданіе. Четыре портрета хорошо знакомятъ съ наружностью писателя въ разные періоды его жизни. Н.

Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1900 годъ. М. 1901.

1900 годъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшаго существованія и развитія Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. Въ этомъ году въ нихъ введены новые штаты, значительно усилившіе составъ служащихъ и матеріально улучшившіе ихъ бытъ, и увеличена ежегодно отпускаемая изъ государственнаго казначейства сумма на содержаніе музеевъ на 25.000 рублей, такъ что теперь музеямъ будетъ ассигновываться по 59.000 рублей въ годъ. Кромѣ того, для музеевъ пріобрѣтенъ въ 1900 г. сосѣдній домъ графини Крейцъ, и всѣ зданія ихъ отремонтированы заново. Вызванное ремонтными работами временное закрытіе музеевъ отозвалось на количествѣ платныхъ и безплатныхъ ихъ посѣтителей, но тѣмъ не менѣе общее число ихъ достигло 23.396 человѣкъ. Въ читальномъ залѣ занималось 4.738 человѣкъ, сдѣлавшихъ, въ общемъ, 50.087 посѣщеній. Изъ пожертвованій, поступившихъ въ музей въ 1900 году, можно отмѣтить слѣдующія: этнографическую коллекцію предметовъ, касающихся домашняго быта сартовъ, присланную Ферганскимъ областнымъ музеемъ, довольно цѣнную и разнообразную по содержанію библіотеку А. Д. Мейна, принесенную въ даръ его дочерью М. А. Цвѣтаевой; книжныхъ пожертвованій: А. И. Кирпичникова (250 томовъ), П. Я. Остелецкаго (206 томовъ); коллекцію этюдовъ и рисунковъ художника Струкова, поступившихъ отъ его дочери М. Д. Реймерсъ; собраніе писемъ разныхъ лицъ къ А. О. Смирновой, доставленное бывшимъ директоромъ музеевъ, М. А. Веневитиновымъ; большую картину

масляными красками, изображающую извѣстное преданіе о Геро и Леандрѣ, отъ художника Симонсонъ-Кастели, и роскошное изданіе извѣстнаго ученаго археолога Мартина, посвященное подаркамъ шведскихъ королей московскимъ государямъ. Кромѣ того, скончавшійся въ прошломъ году Н. И. Стояновскій передалъ въ музей офиціальныя изданія, записки и служебныя бумаги, касавшіяся его долголѣтней службы въ сенатѣ, министерствѣ юстиціи и государственномъ совѣтѣ; это пожертвованіе въ особенности драгоцѣнно тѣмъ, что составляетъ интереснѣйшій источникъ для исторіи реформъ императора Александра II, въ которыхъ покойный принималъ столь видное участіе. **О. Ш.**

Вернеръ Зомбартъ (проф. Бреславльскаго университета). Организація труда и трудящихся. Переводъ подъ редакціей Л. А. Кириллова. Съ портретомъ В. Зомбарта и предисловіемъ М. Туганъ-Барановскаго. Изданіе В. Н. Звонарева. Спб. 1901.

Книга профессора Зомбарта, какъ видно изъ самаго заглавія, распадается на двѣ части и дѣйствительно представляетъ соединенные въ русскомъ переводѣ два отдѣльныхъ труда автора: «Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation» и недавно вышедшей книги «Dennoch!» Переводъ, кромѣ второй части, редактированъ покойнымъ Леонтіемъ Александровичемъ Кирилловымъ, не успѣвшимъ, однако, закончить своей работы (памяти его посвящено предисловіе г. Туганъ-Барановскаго). Что касается до первой части, излагающей ученіе о трудѣ съ «соціально-научной» точки зрѣнія, то и въ этой, еще мало изслѣдованной области знанія, авторъ выказалъ обычную ему обстоятельность вмѣстѣ съ новизной и силой аргументаціи. Не останавливаясь, однако, на ней, переходимъ прямо ко второй части, болѣе интересной для широкаго круга читателей, такъ какъ въ ней мы вновь знакомимся со взглядами извѣстнаго профессора на современное рабочее движеніе. Какъ извѣстно, Зомбартъ примыкаетъ къ тѣмъ дѣятелямъ демократическаго движенія, которые, вполнѣ признавая конечные идеалы движенія, уже покончили счеты съ революціоннымъ догматизмомъ и соціальныя «утопіи» считаютъ для рабочаго класса болѣе вредными, чѣмъ самыя репрессивныя мѣры правительствъ («въ самыя мрачныя времена жизни Новой Германіи,—говоритъ авторъ,—во времена знаменитаго распоряженія о стачкахъ министра (Путкаммера), который полагалъ, «что за каждой стачкой скрывается гидра революціи», какъ разъ въ эти времена начинаетъ снова развиваться съ непреодолимой внутренней силой и на зло всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ идея профессіональнаго объединенія. И врядъ ли исторія знаетъ лучшее доказательство безсилія реакціонныхъ мѣръ по отношенію къ силамъ новаго времени, стремящимся прорваться наружу, какъ тотъ фактъ, что на зло всѣмъ еще столь сильнымъ людямъ... ко времени паденія закона о соціалистахъ уже стояло подъ оружіемъ, приготовившись къ борьбѣ, около 350.000 профессіонально организованныхъ рабочихъ, т. е., въ семь разъ больше, чѣмъ въ началѣ этого злосчастнаго періода нѣмецкой исторіи). Понятно, поэтому, что организаціи работниковъ въ рабочіе

союзы Зомбартъ придаетъ огромное значеніе и свое изслѣдованіе начинаетъ съ описанія англійскихъ рабочихъ союзовъ — трэдъ-юніоновъ (преимущественно, по извѣстному труду супруговъ Веббъ,—отзывъ объ этой книгѣ былъ данъ нами въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ»). Не слѣдуетъ, понятно, думать, что этимъ Зомбартъ отрицательно относится къ дѣятельности нѣмецкой соціалъ-демократіи, хотя укоренившійся въ ней отрицательный взглядъ Лассаля на профессіональные союзы тормозитъ, конечно, развитіе послѣднихъ. «Соціалъ-демократія, говоритъ авторъ, въ качествѣ политической рабочей партіи представляетъ собою столь же прочную составную часть политической будущности Германіи, какою скоро станутъ и профессіональные союзы. Поэтому я считаю чистѣйшей утопіей мечтанія тѣхъ, кто думаетъ, что съ усиленіемъ профессіональныхъ союзовъ соціалъ-демократія будетъ устранена. Всякая политика, ставящая себѣ подобную цѣль, заранѣе обречена на безплодіе». Къ тому же профессіональные союзы, независимо отъ политическихъ воззрѣній своихъ членовъ, ведутъ прямую борьбу съ деспотизмомъ капиталистическаго режима. Зомбартъ особенно подчеркиваетъ это значеніе союзовъ: «сущность спора по вопросу о профессіональныхъ союзахъ заключается въ борьбѣ за промышленный конституціонализмъ противъ промышленнаго абсолютизма или феодализма» (курсивъ автора). Въ этой борьбѣ сами предприниматели, реально сознающіе свои интересы (и ортодоксальные марксисты), должны стать на сторону профессіональныхъ союзовъ: «соціализмъ и капитализмъ не представляютъ собою двухъ исключающихъ другъ друга противоположностей... скорѣе идеалы ихъ до извѣстной степени могутъ быть совмѣстно осуществлены въ одномъ и томъ же обществѣ» (курсивъ автора). Гигантскій промышленный подъемъ Германіи, такъ схожій съ расцвѣтомъ англійской промышленности въ серединѣ прошлаго столѣтія, и классовое сознаніе нѣмецкихъ рабочихъ даютъ автору увѣренность въ дальнѣйшемъ развитіи и процвѣтаніи профессіональныхъ союзовъ (число членовъ ихъ теперь достигаетъ уже до 700.000 человѣкъ съ бюджетомъ въ 6—7 милліоновъ марокъ). Но само собою разумѣется, авторъ вполнѣ убѣжденъ, что это развитіе можетъ быть только «соціалистическимъ и демократическимъ», какъ это происходитъ въ Англіи.

Въ книгѣ находятся еще два приложенія: нѣсколько данныхъ о «Христіанскихъ профессіональныхъ союзахъ», къ которымъ Зомбартъ относится съ большой симпатіей, и описаніе «Берлинскаго профессіонально-рабочаго дома», этого «гордаго знаменія великаго времени». **А. Н.**

Склирена. Историческая повѣсть Алексѣя Смирнова. Спб. 1901.

Содержаніе настоящей повѣсти заимствовано г. Смирновымъ изъ византійской исторіи, изъ времени императора Константина IX Мономаха (1042—1054 г.). Этотъ императоръ, среди коронованныхъ особъ Византіи, можетъ служить типичнымъ выраженіемъ беззаботнаго и легкаго отношенія къ жизни и ихъ обязанностямъ. Цѣлью человѣческаго существованія онъ считалъ жизнь весе-

лую, исполненную наслажденій и удовольствій, огражденную отъ всего, что можетъ навести серіозную думу и омрачить облакомъ заботы свѣтлое душевное настроеніе. Въ частности въ удовлетвореніи плотскихъ удовольствій и прихотей онъ не зналъ предѣла, не щадилъ на это никакихъ средствъ, государственная казна таяла подъ его рукой, какъ снѣгъ. «Всласть пожить и попить было для него дѣломъ далеко не второстепеннымъ, но еще выше стояли любовныя утѣхи», говоритъ о Константинѣ Мономахѣ въ своей исторіи византійскій писатель и философъ Михаилъ Пселлъ, современникъ этого императора.

Склирена и была одною изъ фаворитокъ Константина. Она происходила изъ знатныхъ византійскихъ фамилій Склировъ и находилась въ родствѣ съ Константиномъ по второй его женѣ, рано умершей. Склирена обладала не столько красивою наружностью, сколько очаровательными нравственными качествами, утонченнымъ умомъ и умѣньемъ вести изящный, пересыпанный остротами разговоръ. Потерявши своего мужа вскорѣ послѣ брака, она вступила въ связь съ Мономахомъ, также вдовцемъ, и до такой степени привязалась къ нему, что, когда Константинъ изъ-за политическихъ интригъ былъ удаленъ изъ столицы въ ссылку въ лесбосскій городъ Митилену, она послѣдовала за нимъ, ухаживала и утѣшала его, предвѣщая ему скорую перемѣну положенія. И дѣйствительно, въ 1042 году Константинъ Мономахъ былъ вызванъ изъ ссылки въ столицу и даже получилъ царскій престолъ, женившись на вдовствовавшей 64-лѣтней императрицѣ Зоѣ, уже дважды бывшей замужемъ и нѣкогда питавшей чувство любви къ красивому, ловкому и краснорѣчивому Константину Мономаху. Сдѣлавшись императоромъ, Мономахъ не забылъ Склирены. Послѣдняя не только прибыла въ Константинополь, но и поселилась въ императорскомъ дворцѣ и даже заключила съ Зоей, по желанію императора, формальный союзъ дружбы. Она была окружена царскимъ почетомъ и роскошью, получила титулъ августѣйшей (севасты) и въ торжественныхъ случаяхъ сидѣла рядомъ съ императрицей. Этотъ періодъ въ жизни Склирены и служитъ сюжетомъ исторической повѣсти г. Смирнова.

Счастье Склирены оказалось непродолжительно и непрочно. Императоръ Константинъ сдѣлался старъ и боленъ, императрица Зоя ненавидѣла молодую и красивую фаворитку, хотя по желанію царя и дѣлала видъ, будто расположена къ ней и питаетъ дружественныя чувства; духовенство и народъ также были недовольны явною безнравственностью царя, а монахъ Студійскаго монастыря Никита Стифатъ даже открыто выступилъ противъ Мономаха со словомъ обличенія и противленія. При такихъ условіяхъ, Склирена, воспользовавшись отсутствіемъ Константина и подъ воздѣйствіемъ новаго оскорбленія, нанесеннаго ей Зоей, рѣшилась удалиться изъ Константинополя въ одинъ изъ женскихъ монастырей на островѣ Принкипо, въ Мраморномъ морѣ. По дорогѣ въ монастырь она встрѣтила молодого, красиваго рыбака Глѣба, русскаго плѣнника, участвовавшаго въ 1043 году въ походѣ на Византію подъ предводительствомъ Владимира Ярославича и воеводы Вышаты, и влюбилась въ него. На почвѣ этой любви г. Смирновъ дальше и рисуетъ рядъ картинъ изъ византійской жизни. Онъ изображаетъ бытъ византійскаго царя, описываетъ придворный пиръ, царскій выходъ, народныя увеселенія, игры на ипподромѣ и

такъ далѣе. Но мы не будемъ входить въ подробности, а отсылаемъ интересующихся къ самой повѣсти.

Составленіе историческихъ разсказовъ, повѣстей и романовъ есть дѣло почтенное, такъ какъ посредствомъ ихъ происходитъ популяризація научныхъ знаній. Но этотъ родъ литературныхъ произведеній требуетъ отъ авторовъ большихъ познаній въ той или иной отрасли исторической науки, проникновенія въ духъ и характеръ соотвѣтствующей эпохи, тщательнаго изученія особенностей ея общественнаго быта, просвѣтительнаго движенія, гражданскихъ учрежденій и такъ далѣе. Въ противномъ случаѣ, получится трудъ, относящійся не столько къ литературѣ, сколько къ макулатурѣ.

Историческая повѣсть г. Смирнова счастливо выдѣляется изъ ряда популярныхъ произведеній послѣдняго времени, составленныхъ независимо отъ всякихъ научныхъ свѣдѣній и справокъ въ соотвѣтствующей области. Авторъ, какъ видно изъ примѣчаній и объясненій къ повѣсти (стр. 161—192), ознакомился съ научною литературою предмета и читалъ труды по византологіи— В. Г. Васильевскаго, Ѳ. И. Успенскаго, Скабалановича, Безобразова, Бѣляева, Лебо, Лабарта, Кондакова, Паспати, Дестуниса, Рамбо и даже Дюканжа и византійскихъ историковъ. Поэтому его повѣсть читается и съ интересомъ, и съ пользою. Σ.

А. А. Коринфскій. Народная Русь. Круглый годъ сказаній, повѣрій, обычаевъ и пословицъ русскаго народа. Москва. 1901.

Содержаніе этой книги представляетъ собою отвѣты автора на семь вопросовъ, которыми онъ болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ былъ занятъ, самолично наблюдая современный бытъ крестьянина-великоросса и дополняя это наблюденіе «сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ ранѣе появившихся въ печати матеріаловъ по русской и славянской этнографіи». Сначала авторъ печаталъ бѣглыя замѣтки о русскихъ простонародныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ, связанныхъ съ различными праздниками и временами года. Съ 1895 по 1899 годъ г. Коринфскій въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» печаталъ свои этнографическіе фельетоны-очерки. Систематически обработавъ и дополнивъ новыми очерками, авторъ рѣшилъ издать все, напечатанное имъ, отдѣльной книгой. Вотъ семь вопросовъ, на которые отвѣчаетъ г. Коринфскій: 1) чѣмъ жива народная Русь въ смыслѣ ея самобытности? 2) На чемъ зиждутся незыблемые устои ея вѣковѣчныхъ связей съ древними, обожествлявшими природу пращурами? 3) Какими пережитками проявляется въ современной жизни русскаго крестьянина неумирающая старина стародавняя? 4) Гдѣ искать источниковъ того неизсякаемаго кладезя жизни, какимъ является могучее русское слово — запечатлѣнное въ сказаніяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и окруженныхъ ими обычаяхъ? 5) Чѣмъ крѣпка безконечная преемственность духа поколѣній народа-богатыря? 6) Что даетъ свѣтъ и тепло жизни народа-пахаря? 7) Что темнитъ-туманитъ и охватываетъ холодомъ эту подвижническую-трудовую жизнь, идущую своими заповѣдными путями, дорогами?

Вся книга раздѣляется на 63 главы. Первыя семь и десять послѣднихъ главъ посвящены общимъ вопросамъ жизни, отразившимся въ сказаніяхъ русскаго народа, а 46 главъ относятся къ «краснымъ» днямъ всего мѣсяцеслова («круглаго года»), напримѣръ: «Январь—мѣсяцъ. Крещенскія сказанія. Февраль-бокогрѣй. Срѣтенье. Власьевъ день. Честная госпожа масляница. Мартъ—позимье. Алексѣй—человѣкъ Божій. Сказъ о Благовѣщеніи» и т. п. Въ концѣ книги приложенъ указатель примѣчаній, разбросанныхъ по всей книгѣ, въ которыхъ находятся краткіе отзывы и указанія, относящіяся къ лицамъ и литературнымъ источникамъ. Всему этому слѣдовало бы посвятить особую главу, которая послужила бы для обзора источниковъ и пособій, использованныхъ авторомъ, а, съ другой стороны, представила бы краткую исторію изученія русскаго народнаго слова. **И. К.**

Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Выпускъ первый. Спб. 1901.

Гг. Волковъ и Филипповъ, съ честью выполнившіе недавно предпринятую ими задачу компактнаго изданія «Свода законовъ», предприняли новую, еще болѣе сложную и отвѣтственную работу — изданіе словаря юридическихъ и государственныхъ наукъ. Нельзя не пожелать успѣха въ этомъ трудномъ начинаніи, тѣмъ болѣе, что почтенные издатели свода обладаютъ счастливою способностью угадывать потребности времени и удачно отвѣчать имъ.

Какъ указываютъ составители «Словаря», содержаніе его опредѣляется слѣдующимъ кругомъ наукъ: наряду съ философіей и исторіей философіи права, онъ обнимаетъ право гражданское, торговое, уголовное, государственное, административное, церковное, финансовое, международное и совокупность экономическихъ наукъ, входящихъ, какъ одно цѣлое, въ составъ политической экономіи. Въ области спеціальныхъ юридическихъ наукъ «Словарь» стремится доставить, кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній изъ области дѣйствующаго права, необходимыя данныя исторіи.

Что касается послѣдней, то первый выпускъ «Словаря» сравнительно содержитъ немного данныхъ, при чемъ почему-то особое вниманіе обращено на римское право, которое для настоящаго времени является почти сплошнымъ историческимъ матеріаломъ, хотя при томъ мало пригоднымъ для русскаго юриста въ его практической и теоретической жизни. Наряду съ тѣмъ сравнительно слабо представлена исторія русскаго права. Такъ, напримѣръ, прошлому русскаго права посвящена изъ болѣе или менѣе крупныхъ статей работа г. Дебольскаго объ актахъ, при чемъ названная статья касается актовъ, въ техническомъ смыслѣ слова, то-есть памятниковъ русской старины, издаваемыхъ подъ этимъ общимъ названіемъ; исторія же актовъ въ собственномъ смыслѣ, актовъ межевыхъ, состоянія, нотаріальныхъ, историческими данными не освѣщена абсолютно, тогда какъ безконечнымъ статьямъ профессора Oertmann'а отведены чуть ли не десятки столбцовъ словаря, въ которомъ,

повидимому, нужно дорожить мѣстомъ. Нельзя кстати не упомянуть, что до нѣкоторой степени бросается въ глаза преобладаніе въ русскомъ словарѣ, хотя бы и въ отдѣлѣ римскаго права, иностраннаго ученаго наряду съ существованіемъ не только въ Россіи, но и въ Петербургѣ, гдѣ словарь издается, такихъ почтенныхъ знатоковъ римскихъ юридическихъ древностей, какъ профессора Д. Д. Гриммъ и В. В. Ефимовъ. Въ отдѣлѣ исторіи русскаго права редакторы словаря обѣщаютъ ближайшее участіе В. И. Сергѣевича и В. Н. Латкина. Несомнѣнно, что присутствіе этихъ двухъ уважаемыхъ ученыхъ усилитъ и упорядочитъ историческую сторону словаря въ отношеніи правового прошлаго Россіи.

В. Грибовскій.

С. М. Гинзбургъ и П. С. Марекъ. Введеніе къ еврейскимъ народнымъ пѣснямъ въ Россіи. Изд. ред. «Восходъ». Спб. 1901.

До послѣдняго времени слишкомъ мало было сдѣлано успѣховъ въ области собиранія еврейскихъ народныхъ пѣсенъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать сборника еврейскихъ народныхъ пѣсенъ въ Россіи, изданныхъ редакціей «Восхода» (Спб., 1901 г.). Сборникъ заключаетъ въ себѣ пѣсни религіозно-духовнаго содержанія, историческаго сюжета, колыбельныя, дѣтскія, любовныя, свадебныя, бытовыя и проч., всего 376 номеровъ. Матеріалъ напечатанъ въ видѣ двухъ параллельныхъ текстовъ: основного, на разговорно-еврейскомъ языкѣ, и транскрипціи его латинскими литерами. Сборникъ является совокупнымъ трудомъ свыше 50 лицъ, доставлявшихъ пѣсни съ разныхъ уголковъ Россіи. Онъ сопровождается обстоятельнымъ введеніемъ П. С. Марека, которое было читано въ видѣ реферата въ засѣданіи этнографическаго отдѣла общества естествознанія при Московскомъ университетѣ. Введеніе это представляется настолько интереснымъ, что мы беремся съ нимъ вкратцѣ познакомить читателей. Въ виду быстро измѣняющихся условій быта евреевъ, г. Марекъ считаетъ своевременнымъ поспѣшить зарегистрировать своеобразный матеріалъ, въ которомъ самъ народъ является своимъ историкомъ. Онъ ставитъ своей цѣлью прослѣдить исторію евреевъ въ пѣснѣ и пѣсню ихъ въ исторіи. Вопросъ о возникновеніи жаргонной народной пѣсни находится въ связи съ еще невыясненнымъ процессомъ распространенія испорченной нѣмецкой разговорной рѣчи. Во всякомъ случаѣ многія изъ этихъ пѣсенъ по языку и содержанію носятъ слѣды несомнѣнной старины. До второй половины XIX вѣка и поэты, и прозаики еврейскіе предпочитали языкъ священнаго писанія разговорному языку. Съ воцареніемъ императора Александра II и съ расширеніемъ гражданскихъ правъ евреевъ, плебейскій жаргонъ отвоевываетъ себѣ мѣсто рядомъ съ родовитымъ языкомъ пророковъ. До этого времени жаргонъ употреблялся бардомъ свадебныхъ пировъ («бадхономъ») и шутомъ-актеромъ въ драматическихъ представленіяхъ («Артаксерксово дѣйство»), пріуроченныхъ къ празднику Пуримъ. Сфера, гдѣ главнымъ образомъ зарождалась народная пѣсня, обнимаетъ классъ женщинъ, дѣтей, рабочаго люда, словомъ младшую братію. Въ колыбельной пѣснѣ мать пророчитъ сыну все, что считается идеаломъ счастья въ настоящемъ. Это пред-

стоящее счастье выражалось не столько въ матеріальныхъ благахъ, сколько въ богословской учености и въ преданности своей вѣрѣ. «Вѣдь, когда выростешь», поетъ мать сыну, «ты будешь столпомъ науки; твоей славой ты прославишь и родителей». Въ другой пѣснѣ поется: «Настанетъ для меня время отправиться на тотъ свѣтъ, и двери рая будутъ открыты. Ты, мой сынъ, старайся быть богобоязненнымъ, добрымъ, и тогда на томъ свѣтѣ скажутъ: «Дайте мѣсто въ раю матери праведника». Стать ученымъ было завѣтной мечтой еврейскаго юноши. Ученый женихъ имѣетъ преимущество предъ всѣми претендентами. Впрочемъ, браки заключались по волѣ родителей, при участіи свата, безъ согласія брачущихся. Поэтому-то, по выраженію одного еврейскаго писателя, любовь для евреевъ новое слово. До второй половины XIX вѣка польско-литовскій еврей мало былъ знакомъ съ печатнымъ романомъ, и еще меньше переживалъ онъ романъ, какъ дѣйствующій герой. Народныя пѣсни много говорятъ о приданомъ, о горькомъ житьѣ на хлѣбахъ въ домѣ родителей того или другого изъ супруговъ. Бытовыя пѣсни весьма характерны. Судя по нимъ, ремесленникъ-неучъ былъ пасынкомъ общества. «Сидитъ сапожникъ, шьетъ и шьетъ и получаетъ лихорадку, но не хлѣбъ». Рекрутчина стараго времени оставила также свой слѣдъ въ народной памяти: здѣсь слышатся жалобы на кагальный произволъ, скорбь при разлукѣ съ родными: «прощайте, сестры и братья! Богъ знаетъ, встрѣтимся ли мы когда либо». Что касается пѣсенъ религіозныхъ, то евреи, проникнутые сознаніемъ своего достоинства, въ духовномъ стихѣ говорятъ: «Кто бы мы ни были, а все-таки мы евреи; что бы мы ни дѣлали, а все-таки мы соблюдаемъ іудейство». Послѣ реформъ императора Александра II евреи были выбиты изъ прежней колеи, и религіозный элементъ пѣсенъ смѣняется свѣтскими мотивами. Прежде всего здѣсь выступаютъ любовныя темы. Разбитыя сердца—главная ихъ тема. «Ты красива, какъ весь міръ, но въ тебѣ одинъ недостатокъ — отсутствіе денегъ». Оскорбленная дѣвица отвѣчаетъ: «О Боже, что это за свѣтъ! Каждый шарлатанъ требуетъ денегъ». За послѣднія десятилѣтія любовь ужъ уносится во всѣ части свѣта. Тутъ мы сталкиваемся съ одной темой новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ—съ эмиграціей. Главная переселенческая волна направилась въ Америку. Въ воображеніи переселенцевъ сокращалось разстояніе, высыхали моря. Въ Америку стали не ѣздить, а ходить, и Атлантическій океанъ былъ переименованъ въ лужу. Америка сначала представлялась всемірной даровой кухней, никѣмъ не охраняемымъ денежнымъ сундукомъ. «Тамъ, въ Америкѣ,—по выраженію пѣсни,—пекутъ бѣлый хлѣбъ на весь міръ». Но сказочная страна вскорѣ приняла дѣйствительный образъ, по старой памяти воображеніе Америку связываетъ съ представленіемъ о долларѣ, но это—уже долларъ новаго чекана: на одной сторонѣ нарисована мозолистая рука, а на оборотѣ имѣется надпись: «Въ потѣ лица будешь есть хлѣбъ свой». Таково содержаніе введенія къ еврейскимъ народнымъ пѣснямъ, проливающее яркій свѣтъ на ихъ характеръ и происхожденіе.

А. Х—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

УМЕРЪ ли англійскій король Эдуардъ II въ Италіи. Первый изъ династіи Эдуардовъ былъ однимъ изъ лучшихъ королей Англіи. Онъ завоевалъ Шотландію и Уэльсъ, далъ своему народу парламентъ и велъ мудрую политику. Зато его сынъ, Эдуардъ II, жившій въ XIII и XIV столѣтіяхъ, былъ человѣкъ совершенно иного закала. По свидѣтельству всѣхъ историковъ, онъ былъ самымъ пустымъ, безполезнымъ человѣкомъ, думавшимъ только объ удовольствіяхъ. Онъ самъ не управлялъ государствомъ, а предоставилъ это фаворитамъ. Онъ призналъ самостоятельность Шотландіи и имѣлъ, по несчастію, жену, которая ему измѣнила. До послѣдняго времени всѣ были убѣждены, что онъ былъ убитъ баронами въ Беркелейскомъ замкѣ. Только въ 1877 году, французскій профессоръ Жерменъ открылъ въ епископскомъ архивѣ Магелона драгоцѣнный документъ, относящійся къ 1368 году, заключавшійся въ письмѣ къ Эдуарду III Манюэля дель Фіеско, епископа Берчелли. Это письмо говоритъ, что Эдуардъ II бѣжалъ изъ Беркелейскаго замка и потомъ странствовалъ по Европѣ. Онъ посѣтилъ папу въ Авиньонѣ и поступилъ, наконецъ, въ монахи обители Милаццо, а потомъ въ Чеччино, въ Ломбардіи, гдѣ онъ будто бы и умеръ. Этотъ вопросъ спорный, и все зависитъ оттого, подлинное это письмо, или нѣтъ. Ничто не подтверждаетъ его достовѣрности, но дель-Фіеско былъ очень основательный человѣкъ, и можно ему смѣло вѣрить. Однако профессоръ Фрудъ писалъ профессору Галленги въ 1890 году, что письмо не возбуждаетъ никакой достовѣрности. Вообще англійскіе историки мало интересовались этимъ вопросомъ.

Напротивъ итальянскій сенаторъ и профессоръ, Константино Негри, снова возбуждаетъ въ «Nuova Antologia» этотъ вопросъ и подвергаетъ его подробной оцѣнкѣ. Онъ увѣряетъ, что эта задача заслуживаетъ самаго безпристрастнаго обсужденія, потому что очень вѣроятно, что Эдуадръ II умеръ въ Италіи, а не убитъ англійскими баронами.

— Идиллія при Людовикѣ XV. Трудно найти въ исторіи развратнѣе эпохи Людовика XV, и съ тѣмъ большимъ удивленіемъ остановишься передъ свѣтлыми личностями, какими были графъ де-Плело и его жена, хотя они оба родились и жили въ ту нравственно разложившуюся эпоху. Ссылка на дурное вліяніе общества невольно сама собою стушевывается, когда прослѣдишь за жизнью этихъ чистыхъ, идеальныхъ натуръ, которыхъ не заразила жажда разврата. Людовикъ-Ипполитъ де-Бреанъ, графъ Плело, представлялъ собою не только идеальнаго мужа, но также героическаго патріота, который свой лозунгъ «побѣдить или умереть» выдержалъ до послѣдней минуты своей жизни. Графу Плело было двадцать два года, когда отецъ рѣшилъ его женить. Дѣло въ томъ, что, какъ всѣ юноши, Плело не могъ не увлечься блескомъ парижской жизни; это его ввело въ долги, тяготѣвшіе надъ нимъ всю жизнь. Отецъ, чтобы остановить его отъ дальнѣйшаго увлеченія, купилъ ему чинъ подпоручика гарнизона, стоявшаго далеко отъ Парижа, въ Мецѣ, и нашелъ, не спрося его желанія, невѣсту со ста тысячами франковъ приданаго. Молодая дѣвушка, которой еще не минуло 15 лѣтъ, въ свою очередь тоже не знала жениха, когда ея мать объявила ей о предстоящемъ бракѣ. Она принадлежала къ знатной семьѣ. Ея отецъ маркизъ де-ла-Врилльеръ де-Шатонефъ, графъ Флорентенъ, былъ министромъ. По словамъ Сенъ-Симона, «онъ былъ человѣкъ безъ состоянія и положенія, но упорный работникъ, умѣющій извлечь изъ всего себѣ положеніе и знавшій, какъ ему двинуться впередъ». Онъ былъ женатъ, благодаря г-жѣ Ментенонъ, на маленькой двѣнадцатилѣтней графинѣ Мальи. Несмотря на ея слезы и крики и на то, что она показывала жениху языкъ, бракъ состоялся. Но потомъ она сдѣлалась даже ревнива. Весь дворъ зналъ, что и герцогиня Бургундская питала къ де-ла-Врилльеру слабость, а потому это соперничество доводило жену, по словамъ Сенъ-Симона, «до странныхъ мученій, и у нея являлось такое настроеніе, съ которымъ она не могла совладать». Послѣдствіемъ этого настроенія было то, что она всевозможными способами мѣшала своей дочери сдѣлаться фактической женой графа Плело, дабы избѣжать титула бабушки. Мысль, что это ее состаритъ, не давала покоя маркизѣ де-Врилльеръ. Она обставила жизнь своей замужней дочери такимъ образомъ, что она видѣлась съ мужемъ только за обѣденнымъ столомъ и въ гостиной. Молодой супругъ имѣлъ право лишь на холодный офиціальный поцѣлуй руки или лба. Наконецъ наступили праздники по случаю коронованія Людовика XV. Мать молодой женщины, 34-хъ-лѣтняя, прекрасно сохранившая грацію и кокетство женщина, притомъ, не отличающаяся строгостью нравовъ, совершенно отдалась, на это время, интригамъ и удовольствіямъ. Она теперь не имѣла свободной минуты слѣдить за дочерью, и это дало возможность молодымъ людямъ обмѣниваться тайкомъ поцѣлуями. Прежній строгій надзоръ матери все болѣе и болѣе воспламенялъ ихъ любовь, и въ одинъ прекрасный вечеръ мужъ тайно пробрался въ дѣвичью комнату своей

законной жены. Результатомъ этого посѣщенія явилась на свѣтъ маленькая дѣвочка, которая умерла черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія. Наконецъ Плело рѣшился выкрасть свою жену, чтобы удалить ее отъ надзора матери. Въ одинъ августовскій вечеръ, 1723 года, передъ рѣшеткой стариннаго историческаго дома, въ которомъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Людовикъ XIV воспитывалъ своихъ незаконныхъ дѣтей отъ Монтеспанъ, подъ руководствомъ Ментенонъ, остановился экипажъ. Изъ него выскочилъ молодой человѣкъ съ изящнымъ и гордымъ лицемъ и, вынувъ изъ кареты маленькое существо въ бѣлой батистовой накидкѣ, съ такимъ же чепцомъ, отдѣланнымъ кружевами, понесъ его быстро на рукахъ. Дверь рѣшетки отворила гувернантка и, пропустивъ молодого человѣка съ его ношей, тотчасъ же захлопнула ее. Изъ-подъ кружевъ раздался молодой, веселый смѣхъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ графъ Плело, увезшій свою жену отъ ея родныхъ, чтобы спрятать въ этомъ, затонувшемъ въ зелени, старинномъ домѣ, теперь принадлежащемъ его отцу. «Мы теперь на краю свѣта,—писала маленькая графиня,—одинаково далеко отъ Парижа и Версаля. По утрамъ мы слышимъ лишь стукъ телѣжекъ садовниковъ, отправляющихся въ Парижъ, а вечеромъ раздается лишь стукъ копытъ конницы. Моя добрая мать простила насъ и заѣзжаетъ иногда къ намъ, отправляясь на дачу въ Монтружъ. Она все допытывается, почему мы зарылись въ эту яму изъ листьевъ, и говоритъ, что это скоро пройдетъ, но я не думаю. Самая большая радость для меня чувствовать, что мой дорогой мужъ любитъ меня; онъ называетъ меня своимъ трофеемъ, и это правда... Моя мать прислала мнѣ горничную, она заносчива, интриганка и жеманница. Не можете ли вы достать мнѣ эту неудобную мебель? Неправда, я не скучаю, если даже мой мужъ остается по своей службѣ въ Версалѣ или Парижѣ; этимъ временемъ я учусь дѣлать пирожное, изучаю физику, занимаюсь различнымъ рукодѣліемъ, читаю въ его библіотекѣ, а когда онъ возвращается, я разсказываю ему, чему научилась». Это письмо даетъ ясное понятіе объ идеальныхъ отношеніяхъ мужа и жены, тѣмъ болѣе удивительныхъ, что общество того времени умное, но развращенное, насмѣхающееся надо всѣмъ и безумно бросающееся въ самый невозможный развратъ, жило совершенно иначе. Обыкновенно супруги, находясь въ одномъ домѣ, никогда не видались, никогда не выѣзжали вмѣстѣ въ одной каретѣ и не бывали вмѣстѣ въ гостяхъ, въ одномъ домѣ. Женились они только по расчету и такъ же легко расходились, какъ сходились; случалось, что черезъ два дня супруги уже спокойно разъѣзжались. Поэтому не удивительно, что всѣ принялись бранить графа Плело, называя его сквернымъ ревнивцемъ, который одинъ хочетъ пользоваться своей женой. Ее же называли маленькой невѣждой, желающей зарыть свои прелести среди капусты, гороха и проч. Но какъ ихъ ни бранили, они были самые счастливые люди, хотя рядомъ съ этимъ терпѣли большіе матеріальные недостатки. Плело еще до женитьбы имѣлъ большіе долги, которые возросли вслѣдствіе того, что онъ захотѣлъ устроить нарядное гнѣздышко для своей молоденькой жены. Молодая женщина все это поняла и дѣлала всевозможныя усилія, чтобы вести скромно и бережливо свое хозяйство. Страстный библіофилъ Плело долженъ былъ, за неимѣніемъ денегъ, отказывать себѣ въ покупкѣ книгъ, но графиня хотѣла его вознаградить за всѣ

жертвы. Однажды, продавъ свои брильянтовыя сережки, она купила ему рѣдкое изданіе, о которомъ онъ такъ мечталъ, и положила на его рабочій столъ. Наконецъ она уговорила его съѣздить въ Бретань къ отцу, надѣясь, что отецъ поможетъ имъ. По возвращеніи, въ ту же ночь Плело проснулся отъ страшнаго шума, произведеннаго выстрѣломъ. Взявъ шпагу, онъ бросился узнать причину и нашелъ своего слугу плавающимъ въ крови, съ засѣвшей пулей въ горлѣ и вонзеннымъ въ сердцѣ ножемъ. Онъ пробормоталъ послѣднія слова: «Я сдѣлалъ, что могъ». Плело набросился на убійцу, который признался, что разсчитывалъ достать у слуги ключъ отъ комнатъ. Шайка Картуша узнала, что Плело ѣздилъ къ отцу, и вообразивъ, что онъ привезъ оттуда деньги, хотѣла убить его. Но вопросъ о деньгахъ не смущалъ счастливой четы; они продолжали любить и учиться. Наконецъ кредиторы стали несносны, графиня начала хворать, но оставалась все также энергична, нѣжна и привѣтлива. Не смѣя показываться въ Парижѣ ни въ театрахъ, ни въ обществѣ, благодаря кредиторамъ, они поселились въ Нормандіи, близъ Вернона. Цѣлые дни они проводили въ поляхъ, рисуя виды красивыхъ мѣстностей и читая вслухъ. Такимъ образомъ они забывали объ уколахъ самолюбія и недостаткахъ денегъ. Этимъ временемъ зять графа, Морепа, будущій министръ, рѣшилъ вывести Плело изъ этого положенія и воспользоваться его обширными познаніями на пользу родины. Его назначили въ Данію посланникомъ. Графиня послѣдовала за нимъ, несмотря на трудность пути и на свою беременность. Они пріѣхали въ Копенгагенъ усталые, но графиня была полна энтузіазма и рѣшимости, несмотря на то, что городъ былъ печаленъ, по случаю большого пожара. Жизнь предстояла не веселая, но они, какъ истые парижане, получали обо всемъ подробныя свѣдѣнія изъ Парижа. Спустя нѣкоторое время, умеръ датскій король, а новый король тяготѣлъ болѣе къ Англіи. Теперь Плело сдѣлался горячимъ патріотомъ и отдался весь мысли бороться съ англійскимъ вліяніемъ. Но французскій дворъ не умѣлъ взяться за дѣло, и Данія подписала трактатъ съ Россіей и Австріей. Въ это время семейное горе заставило Плело забыть на время свои дипломатическія дѣла; у него умеръ ребенокъ отъ менингита, и онъ писалъ: «Мы очень опечалены: моя жена плачетъ, молча. Что же дѣлать, уже я таковъ: печалюсь, что бы съ нею ни случилось, какъ простой крестьянинъ». Вскорѣ умеръ польскій король. Франція стала поддерживать Станислава Лещинскаго, приверженца Франціи, но сосѣднія страны рѣшили подѣлить Польшу. Россія отправила свои войска на Варшаву. Король укрылся въ Данцигѣ, а Польшей завладѣли саксонцы и австрійцы. Во Франціи всполошились и хотѣли вести переговоры. Плело совѣтовалъ энергичное вмѣшательство. Ему послали эскадру и армейскій корпусъ, которыхъ Плело принялъ съ энтузіазмомъ. Но не долго онъ радовался. Послѣ торжественной встрѣчи и устроенной имъ демонстраціи, начальникъ эскадры заявилъ, что согласно инструкціи онъ долженъ вернуться послѣ сдѣланной демонстраціи во Францію. Напрасно Плело плакалъ и просилъ,—флотъ удалился. Осада Данцига продолжалась. Въ это время русскіе взяли редутъ Ора и предмѣстье Шеландъ и стали сыпать пулями въ самый городъ, чтобы напугать горожанъ и принудить ихъ сдаться. Послѣдніе не сдавались, надѣясь на французскій флотъ. Наконецъ Флери рѣшилъ послать два

фрегата. Плело возмутился: онъ просилъ, молилъ и писалъ: «Сударь, въ этихъ случаяхъ надо или побѣдить, или умереть. Если бы у насъ было больше войска, Сѣверъ долго дрожалъ бы отъ насъ. Какая была бы для Франціи слава! Но какой стыдъ будетъ намъ, если мы явимся, чтобы раздѣлить паденіе Данцига! Здѣсь идетъ вопросъ о національной чести». Наконецъ прибыли въ Копенгагенъ суда, но безъ пороха и провіанта. Плело устроилъ все, что требовалось, и войско отбыло; но черезъ два дня отданъ былъ приказъ снова вернуться въ Копенгагенъ. Плело былъ въ отчаяніи «отъ стыда, который пришлось пережить націи», такъ какъ вся Европа вышучивала эти поступки Франціи. Видя, что теперь не время для мольбы, онъ именемъ короля приказалъ двинуться впередъ и самъ взялся командовать экспедиціей, приказавъ всѣмъ слѣдовать за нимъ въ битву. Повинуясь желѣзной волѣ и пламенному патріотизму Плело, главный штабъ, пристыженный своимъ бѣгствомъ, рѣшилъ вернуться въ бой. Вотъ что пишетъ д'Агей де-Мьонъ: «Господинъ посланникъ тоже желаетъ участвовать; онъ послалъ только за однимъ чемоданомъ и уѣзжаетъ, не видавъ посланницы». Плело въ свою очередь писалъ королю: «Я считалъ своимъ долгомъ не колебаться ни минуты, стыдъ и позоръ могутъ быть стерты только полной побѣдой или нашей кровью. Мы находимся въ положеніи, когда надо или побѣдить или умереть!» Графиня Плело осталась на седьмомъ мѣсяцѣ беременности; она писала мужу: «Хотя вы заставили меня страдать, мой возлюбленный, но я не порицаю васъ. Я ничего другого не чувствую, кромѣ безпокойства и горя. Я обожаю васъ и буду обожать до послѣдней минуты». Наконецъ отрядъ прибылъ къ Данцигу и, перейдя Вислу, направился колоннами противъ русскаго ретраншамента. Плело сталъ въ первомъ ряду около знамени, съ шпагою въ рукѣ, воодушевляя войско своими пламенными словами. Такимъ образомъ они перешли болото и приступили къ взятію ретраншаментовъ. Графъ Плело, окруженный четырьмя офицерами, храбро бросился впередъ; за нимъ послѣдовали гренадеры. Русскіе встрѣтили этихъ храбрецовъ фланговой атакой и заставили ихъ отступить. Около часа ожидало войско исчезнувшаго Плело. На другой день Ламоттъ послалъ узнать къ русскому генералу о судьбѣ Плело. Послѣдній отвѣчалъ, что «нашли трупъ, который по описанію долженъ быть убитый Плело». Вслѣдъ за тѣмъ онъ послалъ французской арміи трупъ Плело въ гробу. По словамъ д'Агей де-Мьона, русскіе безчеловѣчно пронзали французовъ. У Плело оказалось пятнадцать огнестрѣльныхъ ранъ. Онъ три раза возвращался къ приступу, истекая кровью, чтобы возбудить солдатъ, потерявшихъ энергію отъ безполезныхъ усилій. Онъ сдержалъ слово и смылъ кровью позоръ Франціи и подлость правительства. Вѣсть о смерти мужа привела графиню Плело въ ужасное состояніе. Когда же она пришла въ себя отъ страшной дѣйствительности, то хладнокровно и рѣшительно стала приводить въ порядокъ свои дѣла, желая уплатить всѣ расходы, которыхъ эта роковая экспедиція стоила ея мужу. Затѣмъ взявъ останки Плело, она отправилась во Францію. Но ея горе не окончилось потерей любимаго мужа. Во время ужаснаго плаванія, на обратномъ пути, ея обѣ дочери лежали въ агоніи, и одна изъ нихъ умерла по прибытіи во Францію. Вскорѣ ея сынъ заболѣлъ оспою, но, благодаря ея заботамъ, онъ поправился. Во время этого ухода она почувствовала, что скоро

умереть, и написала письмо къ отцу Плело, прося его позаботиться о дѣтяхъ. Немного время спустя, она скончалась двадцати девяти лѣтъ. Но въ то время, какъ спокойно умирала г-жа Плело въ своемъ бѣдномъ жилищѣ, ея мать, вышедшая вторично замужъ за герцога Мазарини, котораго она вскорѣ потеряла, и разоренная скандальными празднествами, устраиваемыми для ея любовника Мениля, должна была распродавать мебель и прекрасный отель въ улицѣ Вареннь. Послѣ графини Плело остался сынъ, который черезъ годъ умеръ, и дочь, вышедшая замужъ за герцога д'Эгійлона, министра Людовика XV, изгнаннаго Людовикомъ XVI въ Рюэль, гдѣ онъ далъ убѣжище г-жѣ Дюбарри. Память о Плело осталась самая восторженная, даже у его враговъ. Такъ датскій король выразился о немъ: «его дѣйствія—самыя возвышенныя, какія только могутъ быть у вѣрнаго, смѣлаго и преданнаго министра, который старается для славы своей родины». Русская же царица, Анна Іоанновна, выказала къ его памяти еще большее уваженіе, пожелавъ имѣть его портретъ, который, по словамъ Альберта Галле, помѣстившаго подробную статью о немъ въ «Revue hebdomadaire», находился въ ея комнатѣ во все время ея жизни. Только Франція, упрекаетъ онъ, совершенно о немъ забыла, хотя онъ заслуживаетъ той же памяти, какъ д'Асса и Ла Туръ д'Овернь [1]).

— Сестра Маріи-Антуанеты. Въ печати снова заговорили о неаполитанской королевѣ Маріи-Каролинѣ, о которой столько уже упоминалось. Дѣло въ томъ, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ Институтѣ нашлись неизвѣстные еще документы, дающіе новыя свѣдѣнія объ этой королевѣ. Въ майской книжкѣ «Revue Hebdomadaire» помѣщена статья [2]) Евгенія Мюнтца, основанная на этихъ данныхъ. Они состоятъ изъ офиціальныхъ и офиціозныхъ донесеній французскаго посланника при неаполитанскомъ дворѣ, Виванъ-Денона. По словамъ автора, это имя извѣстно и дорого не только изящному искусству, но и литературѣ. Онъ считается тонкимъ литераторомъ, написавшимъ прелестныя новеллы, а также ученымъ археологомъ, создавшимъ: «Путешествіе въ верхній и нижній Египетъ во время похода генерала Бонапарта» и «Памятники искусства и рисованія у древнихъ и новыхъ народовъ». Кромѣ того, онъ былъ прекрасный, остроумный граверъ и даже блестящій царедворецъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и выдающимся администраторомъ. Онъ началъ свою дипломатическую карьеру сначала при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, затѣмъ въ Копенгагенѣ, Швейцаріи и, наконецъ, въ Неаполѣ. Неаполитанскій король Фердинандъ IV, родившійся въ 1752 году, сперва царствовалъ съ 1759 г. по 1799 г., а затѣмъ снова правилъ страною съ 1814 г. по 1825 г., то-есть до дня своей смерти. Что же касается королевы Маріи-Каролины, то она родилась въ 1752 году, а умерла въ 1714 году въ Вѣнѣ. Дворъ жилъ то въ Казертѣ, въ великолѣпной резиденціи, подобно Версалю, то въ Неаполѣ. Положеніе молодой

---

[1]) Une idylle d'amour conjugal sous la régence, par Albert Gallet. «Revue hebdomadaire», 27 avril 1901.

[2]) «Une soeur de Marie-Antoinette. La reine Marie-Carolina de Naples, d'après la correspondance inédite de Vivant-Denon, par E. Muntz. La Revue hebdomadaire», mai 11, 1901 an.

королевы, благодаря слабохарактерности мужа, было выгодное. Однако же, ея владычество досталось ей не безъ борьбы и не обошлось безъ ужасныхъ супружескихъ сценъ. Насколько королева была хитра и держалась девиза: «цѣль оправдываетъ средства», доказываетъ слѣдующая сцена. Однажды король отказался показать ей послѣднее письмо, полученное отъ отца изъ Испаніи. Видя, что письмо ей достать добровольно невозможно, она выждала время, когда король заснулъ, и вытащила его изъ кармана. Но такъ какъ это письмо было написано по-испански, а у нея никого не было, кто могъ бы его перевести, то она рѣшилась признаться ему въ похищеніи. Она вполнѣ разсчитывала на себя въ этомъ смѣломъ поступкѣ. Сначала король разсердился, но она начала упрекать его въ недостаткѣ довѣрія, которое побуждаетъ ее на такой позорный поступокъ; при этомъ она пролила слезы и даже почувствовала себя дурно. Король растерялся, сталъ ее успокоивать и, въ концѣ концовъ, прочиталъ все письмо. Денонъ, въ качествѣ посланника, долженъ былъ сообщать различныя свѣдѣнія своему правительству, и случалось, что онъ слишкомъ краснорѣчиво разсказывалъ детали о личной жизни королевы. Это не нравилось версальскому двору, и въ особенности боялись, чтобы эти сообщенія не достигли Маріи-Антуанетты. Такъ, въ октябрѣ 1782 года, министръ упрекалъ его «за подробности, которыя было невозможно дать прочесть совѣту». Денонъ упоминаетъ также объ отношеніяхъ неаполитанской королевы къ министру Актону и къ русскому посланнику, графу Разумовскому. «Королева,—пишетъ Денонъ,—не находитъ болѣе словъ для похвалъ по отношенію къ Актону. Это—единственный человѣкъ, по ея мнѣнію, понимающій дѣла, единственный, занимающійся ими, единственный, съ кѣмъ она совѣтуется, и почти единственный, кого она видитъ. Этотъ исключительный фаворъ вызываетъ въ публикѣ злословіе, которому нельзя ни вѣрить, ни передавать его. Королева сама часто даетъ поводъ для этой клеветы своей исключительной, страстной, непостоянной манерой обращаться съ тѣми, кому она временно оказываетъ кое-какое предпочтеніе. Еще глупѣе и ложнѣе слухи, будто графъ Разумовскій, состоявшій, чему я не вѣрю, фаворитомъ королевы, лишенъ не только ея довѣрія, но даже уваженія, и что всѣ распространявшіеся слухи она приписываетъ ему. Въ дружеской бесѣдѣ она называетъ его «гнуснымъ человѣкомъ». Большое несчастіе для королевы придавать всѣмъ своимъ волненіямъ характеръ страсти и давать такимъ образомъ поводъ для пересудъ. Публикѣ нравится, какъ слугамъ, разсказывать о порокахъ и смѣшныхъ сторонахъ господъ, чтобы приравнять ихъ къ себѣ. Совершенно правда, что когда графъ Разумовскій пріѣхалъ въ Неаполь, королева думала найти въ немъ, вмѣстѣ съ юностью и красивой наружностью, запасъ ума, разсудка и сдержанности. Она воспламенилась его физическими качествами и, можетъ быть, допустила себя выказать, насколько сильное онъ сдѣлалъ на нее впечатлѣніе. Этотъ молодой посланникъ ничего не привезъ съ собою въ Неаполь, кромѣ проекта сдѣлаться фаворитомъ королевы. Онъ съ перваго же вечера прибѣгъ ко всевозможнымъ способамъ, которые помогли бы ему достигнуть скорѣе намѣченной цѣли. Ради этого онъ сдѣлалъ своей фавориткой и повѣренной маркизу Санто-Марко, наглую женщину, безнравственную интриганку, второй экземпляръ королевы,

по легкомыслію и неосторожности. Онъ въ постели объяснилъ ей свой восторгъ къ королевѣ. Эта женщина одинаково честолюбивая, какъ и развратная, видя, что графъ — человѣкъ пылкій, но слабый, задумала, что, удаливъ принца Камараника и замѣнивъ его Разумовскимъ, она достигнетъ могущества. Этотъ планъ, какъ будто, ей удался. Принца назначили посланникомъ въ Англію, при чемъ онъ получилъ ленту св. Януарія. Съ этими двумя почестями, о которыхъ шесть лѣтъ назадъ онъ не могъ мечтать, принцъ получилъ еще удовлетвореніе ранѣе своего отъѣзда — пережить своего соперника. Дѣло въ томъ, что послѣднія шесть недѣль, которыя Камараникъ проводилъ въ Неаполѣ, онъ, по обыкновенію, видѣлъ королеву и самымъ оскорбительнымъ образомъ отстранилъ Разумовскаго. Дѣйствительно ли графъ Разумовскій увлекся королевой, или изъ-за смѣшного самолюбія не хотѣлъ потерять положеніе у королевы, которое онъ считалъ достигнутымъ, и не побоялся заслужить отвращеніе, продолжая самое униженное подчиненіе. Маркиза Санто-Марко была удалена. Онъ плакалъ, вздыхалъ, горевалъ передъ всѣми, кто могъ ему служить эхомъ у королевы. Были употреблены всѣ средства: уединеніе, болѣзнь, печаль, отчаяніе, чтобы растрогать королеву. Какъ же не быть польщенной обожаніемъ и какъ отказать въ вознагражденіи того, кто васъ обожаетъ! Конечно, королева сжалилась надъ бѣднымъ графомъ; онъ вздохнулъ свободнѣе, но продолжалъ томиться въ двусмысленномъ фаворѣ, которому, однако, мало или много, но вѣрили». Злѣйшимъ врагомъ Денона является при неаполитанскомъ дворѣ Актонъ. Хотя онъ родился во Франшъ-Конте (во Франціи), но происходилъ отъ ирландской семьи, вслѣдствіе чего онъ ненавидѣлъ все, что было не англійское, и считалъ французовъ «побѣжденными вездѣ и всегда». Онъ сумѣлъ найти слабыя стороны королевы, въ томъ числѣ ея самолюбіе. Гордость принцессы не допускала ее унижаться до сознанія, что неаполитанская королева—младшая сестра королевы Франціи; она не могла защищаться противъ Маріи-Антуанеты, и все, что было изъ Франціи, вызывало ея ревность, переходившую въ соперничество. «Мнѣнія Франціи,—пишетъ Денонъ,—казались ей превосходствомъ, а союзъ—покровительствомъ. Актонъ наговариваетъ королевѣ, что всѣ окружающіе ее—или фальшивые люди, или глупцы. Онъ доходитъ въ своемъ очерненіи даже до особы самого короля. Разговоры объ отношеніяхъ королевы къ Актону достигли до ея слуха. На это она ежедневно повторяла, «что все-таки останется при своей фантазіи, такъ какъ Актонъ благоразуменъ и самъ ее предупредитъ и выведетъ изъ ея самозабвенія, если это будетъ нужно». Когда она спросила мнѣніе перваго министра де-ла-Самбука, по поводу этихъ слуховъ, то онъ отвѣтилъ ей, что на такіе слухи онъ ничего не можетъ сказать, кромѣ того, что онъ не вѣритъ, будто у королевы такой дурной вкусъ». Затѣмъ Денонъ пишетъ: «Эта принцесса ослѣплена до такой степени, что не замѣчаетъ, насколько всѣ ненавидятъ этого человѣка, и что онъ заставилъ охладѣть къ ней всѣ сердца и всѣ умы. Онъ только все обѣщаетъ, но ничего не дѣлаетъ. Финансы въ безпорядкѣ и приходятъ къ совершенному разоренію, громадные расходы на флотъ вызываютъ крики въ провинціяхъ по случаю тиранической вырубки лѣсовъ частныхъ лицъ. Однако, его отношенія къ королевѣ дѣлаются съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Но Актонъ не удовольствовался

портфелемъ морского министра. Онъ воспользовался болѣзнью министра финансовъ Гоццуета и интригами получилъ его мѣсто. Но и этого ему было недовольно; онъ повелъ интригу противъ перваго министра де-ла-Самбука, для чего сталъ дѣйствовать на самолюбіе королевы. Марія-Каролина не можетъ еще заставить свой умъ признать, что неаполитанская королева все-таки остается младшей сестрой королевы Франціи и не можетъ удержаться отъ ревности, происходящей отъ соперничества». Конечно, письмо Денона было гораздо длиннѣе, здѣсь взяты выдержки, и оно привело въ удивленіе своей рѣзкостью изящныхъ дипломатовъ, привыкшихъ владѣть собою. Сколько разъ они пробовали умѣрить пылкость ихъ корреспондента, напомнить ему «о мягкости души, необходимой въ сношеніяхъ со страною, гдѣ первая добродѣтель—терпѣніе». Ничего не помогало, и эта горячность повѣреннаго въ дѣлахъ угрожала испортить отношенія двухъ дворовъ. Наконецъ Денонъ сталъ обвинять Актона въ вскрытіи писемъ, адресованныхъ Денономъ французскому двору. «Слабость, прибавлялъ Денонъ, выказываемая въ подобныхъ случаяхъ, говоритъ болѣе о мелочности, чѣмъ объ источникахъ и средствахъ». Вскорѣ, Актонъ возненавидѣлъ Денона и кончилъ тѣмъ, что потерялъ относительно его всю сдержанность и достоинство. Королева стала питать то же чувство къ Денону. Нескромность Денона укрѣпила это чувство. Онъ позволилъ себѣ въ 1783 году кое-какіе комментаріи, относительно ея преждевременныхъ родовъ, въ то время, какъ она, повидимому, пользовалась полнымъ здоровьемъ. «Смерть новорожденнаго ребенка, по всѣмъ признакамъ погибшаго вслѣдствіе конвульсіи, заставила неаполитанцевъ думать, заключилъ онъ, что этотъ случай зависѣлъ отъ какого нибудь порывистаго движенія. Кромѣ того, не прошло не замѣченнымъ, что король, не обходившійся двадцать четыре часа безъ того, чтобы не видѣть королевы, уѣхалъ безъ всякаго повода на два дня и двѣ ночи въ Кастеламаръ. Кажется, онъ бѣжалъ изъ дворца, потому что ему тамъ надоѣло. Обоюдныя извиненія обоихъ государей въ минуту опасности, безпокойство королевы, сейчасъ же послѣ этого несчастія, о томъ, что подумаютъ и скажутъ объ этомъ происшествіи,—все это происходитъ вслѣдствіе чего нибудь важнаго». Можно представить, какъ разгнѣвалась Марія-Каролина, узнавъ объ этомъ письмѣ. Она такъ устроила, что Денонъ былъ принужденъ написать письмо гувернанткѣ Маріи-Антуанеты, г-жѣ Бомъ, протестуя противъ приписываемыхъ ему сплетенъ. Наконецъ ея ненависть дошла до того, что она не могла видѣть Денона. Такъ въ январѣ мѣсяцѣ 1784 года, хотя онъ былъ приглашенъ на придворный концертъ, но королева поручила принцессѣ Бельмонтъ уговорить Денона не присутствовать на этомъ вечерѣ, подъ предлогомъ болѣзни. Денонъ отвѣтилъ на это, что онъ здоровъ и не можетъ захворать, а потому на вечерѣ будетъ. Королева обошлась съ нимъ любезно, но отношенія становились все хуже и хуже. Наконецъ слѣдующее письмо совершенно сдѣлало невозможнымъ его присутствіе при Неаполитанскомъ дворѣ. «Теперь королева, пишетъ Денонъ, ознаменовала себя откровенностью, доходящею до цинизма. На замѣчанія кого-то, что она можетъ своими порывистыми и живыми движеніями причинить опасность своей жизни, она отвѣтила, что ей все равно, лишь бы она могла прежде привести свои планы въ исполненіе.

Но если бы она могла думать, что король ее переживеть, нѣтъ такой крайности, на которую она была бы неспособна». Актонъ рѣшилъ, что надо избавиться отъ такого нескромнаго дипломата. Въ свою очередь Денонъ не желалъ ничего лучшаго, какъ покинуть негостепріимный Неаполь, хотя для него онъ представлялъ широкое поле для наблюденій. Онъ писалъ во французское министерство иностранныхъ дѣлъ 23 февраля 1784 года, прося, чтобы его вызвали изъ Неаполя, но только безъ скандала. Королева съ нетерпѣніемъ ожидала его удаленія и писала: «Когда же пріѣдетъ французскій посланникъ? Положимъ, это меня не озабочиваетъ, но, пока онъ не пріѣдетъ, здѣсь будетъ этотъ... Денонъ». Она прибавила эпитетъ, который было невозможно помѣстить въ депешѣ. Наконецъ былъ назначенъ посланникомъ Талейранъ, которому предстояло поправить обострившіяся отношенія обоихъ родственныхъ дворовъ. Денонъ въ іюнѣ 1785 года отправился въ Римъ, чтобы повидаться съ Талейраномъ. Марія-Антуанета не могла простить ему сужденія объ ея сестрѣ, и дипломатическая карьера Виванъ-Денона была совершенно разбита.

— Мистическія проповѣдницы французской революціи. Стремленіе къ таинственному существовало во всѣ времена въ большей или меньшей степени, но года, предшествовавшіе революціи во Франціи, отличались разнообразными его проявленіями во всѣхъ классахъ общества, отъ дворца до хижинъ. Аристократическіе классы общества занимались Сведенборгомъ, Сенъ-Мартиномъ, Месмеромъ и Каліостро, а низшіе классы собирались вокругъ проповѣдницъ, какъ, напримѣръ, Сюзетты Лабрузъ и Катерины Тео. Со священными книгами въ рукахъ онѣ проповѣдовали наступленіе конца свѣта, послѣ чего должно явиться новое человѣчество, возрожденное справедливостью и любовью. Патеры, какъ, напримѣръ, Фошэ, Ламуретта, Понтаръ, шартрезскій монахъ, отецъ Жерль и много другихъ тоже были мистики, но они себя выставляли въ то же время философами и христіанами. Они искали въ святомъ писаніи объясненіе настоящаго и откровеніе будущаго. Въ своей книгѣ, написанной въ 1789 году, Фошэ горячо благодаритъ философію за услугу, оказанную истинной религіи, которая еще не существуетъ, но должна вскорѣ возродиться, и которую нельзя будетъ болѣе эксплоатировать аристократіи, соединившейся съ деспотизмомъ. Конецъ царствованія Людовика XVI особенно отличался религіознымъ умопомѣшательствомъ во всей Франціи. Представительницами его явились Сюзетта Лабрузъ, Катерина Тео и г-жа Бронъ, которыя въ 1780 г. предсказали паденіе клерикализма и считали себя посланницами Бога, явившимися для возстановленія евангелія. Этимъ личностямъ А. Матье посвятилъ статью въ «Revue de Paris» [1]). Сюзетта Лабрузъ первая сдѣлалась извѣстна. Все ея дѣтство прошло въ экстазахъ, и все ея желаніе было видѣть Бога. «Это было,—говорила она,—настоящее одержаніе, восхитительная болѣзнь, въ которой страхъ и покой смѣшивались съ какимъ-то необъяснимымъ утомленіемъ всего существа». Цѣлыми часами она лежала на спинѣ въ долинахъ родного Перигора, ища Бога въ небесной синевѣ. «Она не могла видѣть Распятіе, не проливъ потока слезъ, и часто ея сердце, при видѣ его, выражало свое благо-

---

[1]) Catherine Théot, par A. Matiez. «La Revue de Paris», 1901, 15 avril.

говѣніе криками, изумлявшими ея семью». Съ юныхъ лѣтъ она упражняла себя въ умерщвленіи плоти, нося власяницу, ложась спать на постель, усѣянную булыжниками, и приправляя желчью всѣ свои кушанья. Чтобы избѣжать соблазна, который представлялъ ея прекрасный цвѣтъ лица и гибкая талія, она, однажды ночью, наложила на лицо негашеной извести, но безъ успѣха, такъ какъ ея красота сдѣлалась еще ослѣпительнѣе. Въ двадцать два года она поступила въ монастырь перигорскихъ урсулинокъ, но серіозная болѣзнь принудила ее выйти оттуда, и она поселилась на родинѣ, въ Воксенѣ, гдѣ ее почитали святой, и даже многія частныя лица оставляли ей наслѣдства. Здѣсь ее посѣтилъ отецъ Жерль и слушалъ съ благоговѣніемъ ея проповѣди и затѣмъ сталъ съ нею переписываться. Тогда Сюзетта начала говорить яснѣе. Она предсказывала большія перемѣны, напримѣръ: «Глава церкви не будетъ болѣе имѣть никакой свѣтской власти. Патеры потеряютъ все свое имущество по причинѣ своихъ пороковъ. Миръ возстановится между людьми и націями». Неожиданно наступившая революція послужила явнымъ подтвержденіемъ этимъ предсказаніямъ. Со всѣхъ сторонъ, даже изъ-за границы, являлись къ этой пророчицѣ за совѣтами. Сюзетта сдѣлалась популярна. Успѣхъ былъ полный. Отецъ Жерль, какъ она и предсказывала, сдѣлавшійся депутатомъ Учредительнаго Собранія, не колебался говорить Собранію объ ея сверхъестественныхъ талантахъ. 13-го іюня 1790 года онъ сказалъ рѣчь по этому поводу, указывая, что гражданская конституція была созданіемъ Божіимъ, такъ какъ одиннадцать лѣтъ назадъ она была предсказана бѣдной дѣвушкою, вдохновленной свыше. Очередной порядокъ прервалъ эту демонстрацію, но онъ не отчаивался и, спустя нѣсколько дней, напечаталъ брошюру нѣчто въ родѣ біографіи Сюзетты Лабрузъ, призывая народное презрѣніе къ насмѣшкамъ Учредительнаго Собранія. Въ той же брошюрѣ онъ объявлялъ, что пророчица думаетъ отправиться въ Римъ просвѣтить папу относительно дѣлъ Франціи, но прежде она хотѣла бы представить свой планъ собранію конституціонныхъ епископовъ, «откуда можно извлечь много хорошаго». Поощренная отцемъ Жерль и Понтаромъ, епископомъ Дордоны, съ плохо уравновѣшенной головой, Сюзетта поѣхала въ Парижъ. Понятно, что ея друзья хотѣли воспользоваться ею для своей борьбы противъ своихъ враговъ. Въ концѣ 1791 года она пріѣхала туда. Герцогиня Бурбонская считала за счастіе принять ее и поселить у себя въ домѣ и посвятила ее въ ложу Розенкрейцеровъ. Она видѣла тамъ Фошэ и Дебуа, которые, повидимому, сначала сдѣлались ея партизанами, но затѣмъ разочаровались. Если вѣрить рукописнымъ замѣткамъ, то она сблизилась съ разными политическими дѣятелями и съ Робеспьеромъ, который ей будто бы сказалъ: «Въ одинъ прекрасный день я буду обязанъ снова возстановить то, что я теперь ниспровергаю—религію, вы мнѣ въ этомъ поможете». Но эти документы написаны въ послѣднюю половину ея жизни, очень удаленную отъ событій, а потому вызываютъ сомнѣніе. Наконецъ, 19-го февраля 1792 года семь конституціонныхъ епископовъ собрались, чтобы разсмотрѣть вопросъ, должна ли Сюзетта ѣхать къ папѣ, чтобы просвѣтить его и такимъ образомъ добиться отъ него одобренія гражданской конституціи. Почти единогласно рѣшили поѣздку Сюзетты; она отправилась въ Римъ весною 1792 г. и прибыла въ Болонью

въ концѣ года. Папскіе легаты, говорившіе съ нею, признали ее сумасшедшей и заперли въ замокъ Св. Ангела, откуда французскія войска освободили ее въ 1798 г. Она возвратилась во Францію во время консульства и умерла въ 1821 году, оставивъ свои бумаги Понтару, который былъ ея душеприказчикомъ. Но неудачное посольство Лабрузъ не отняло надежды у отца Жерль. Въ началѣ 1792 года онъ познакомился съ другою пророчицею, которой предстояло, въ свою очередь, сдѣлаться знаменитой. Это была Катерина Тео. Гораздо менѣе развитая, чѣмъ Лабрузъ, она едва умѣла читать, но не знала писать и принадлежала къ низшему классу общества. Какъ и ея соревновательница, она проповѣдывала съ двадцати лѣтъ. Происходя изъ бѣдной семьи деревни Барантонъ, близъ д'Авранша, она пришла въ Парижъ очень юной, чтобы заработать себѣ хлѣбъ. Поступивъ служанкою въ монастырь Мираміонь, она ежедневно тамъ исповѣдывалась. «Болѣе восемнадцати лѣтъ», говорила она, «я не пропустила ни одной утренней церковной службы, которая была въ пять часовъ утра, зимою и лѣтомъ». Она подолгу оставалась распростертая на землѣ съ руками, сложенными крестомъ. Она носила власяницу, желѣзный кушакъ съ гвоздями и такіе же обручи на рукахъ и ногахъ для умерщвленія своего тѣла. Частыя исповѣди и аскетизмъ разстроили уже ея умъ, а чтеніе житія св. Терезы и св. Екатерины окончательно повредило его. Она стала считать себя, какъ и ея покровительница, св. Екатерина Сіенская, назначенной въ невѣсты Христу и повторяла ея слова. Богъ ей открылъ, что «она была св. Дѣва, которая получитъ маленькаго Іисуса, пришедшаго съ неба. Его принесетъ ангелъ, чтобы внести миръ на землѣ и примирить всѣ націи». Съ этой минуты она перестала исповѣдываться и стала питать отвращеніе къ священникамъ. Вскорѣ вокругъ нея составился цѣлый кругъ ея послѣдователей; она предсѣдательствовала на собраніяхъ, составленныхъ изъ мелкаго люда, гдѣ ея секретарь, Мишель Гастенъ, судебный писецъ, писалъ подъ ея диктовку. Въ одинъ прекрасный день, когда св. Духъ ее вдохновилъ сильнѣе обыкновеннаго, она приказала написать многимъ парижскимъ патерамъ о скоромъ пришествіи Мессіи, при этомъ упрекала ихъ за грѣхи и обращала ихъ въ истинную вѣру. Но парижскій архіепископъ, Кристофъ де-Бомонъ, наблюдалъ за нею и въ декабрѣ 1779 г. Тео была препровождена въ Бастилію вмѣстѣ со своими главными прозелитами. Послѣ пятинедѣльнаго заточенія Тео отправили въ больницу, откуда ее выпустили въ 1782 году, когда считали ее почти вылѣченной. Революція пробудила ея дремавшую болѣзнь. Видя, что событія подтверждаютъ ея предсказанія, она возобновила сборища у одной своей подруги, вдовы Годефруа. Эти довольно многолюдныя собранія возбудили послѣ 15 августа бдительность де-Шометта, прокурора коммуны и будущаго апостола культа Разума. 15 января 1793 г., въ четыре часа утра, по распоряженію коммуны, былъ сдѣланъ обыскъ въ квартирѣ Тео, и Шометту передали захваченныя тамъ бумаги. «Посылаю тебѣ, писалъ полицейскій агентъ Арбелтье, шесть любопытныхъ документовъ гражданки Тео, самозванной пророчицы. Если у тебя есть терпѣніе, прочти нѣсколько строкъ и тогда увидишь, насколько фанатизмъ довелъ ее до безумія. Она была бы опасна, если бы ея безуміе не было такъ тихо. Сходи къ ней

и если ты возвратишь этой шестидесятилѣтней вѣрной дочери Бога разсудокъ, то я повѣрю въ чудо». Чтеніе этихъ бумагъ возбудило любопытство Шометта, и онъ пригласилъ къ себѣ Гастена, чтобы получить отъ него объясненіе этой новой религіи. Послѣдній представилъ ему «Переченъ мнѣній», и «Религію» гражданки Тео, а нѣкоторое время спустя, — объясненіе Апокалипсиса, подъ заглавіемъ «De Bestia». Эти произведенія положительно переносили читателя въ средніе вѣка, въ эпоху еретиковъ «тысячелѣтниковъ.» Однако же собранія матери Бога, какъ она себя назвала, продолжались и мало по-малу приняли характеръ священнодѣйствія, состоявшаго въ слѣдующихъ церемоніяхъ. На возвышеніи, въ глубинѣ комнаты стояло кресло для матери. На немъ возсѣдала Катерина Тео, имѣя возлѣ себя отца Жерль, неизмѣнно являвшагося на собранія. Вѣрные приверженцы сидѣли на стульяхъ. Вдова Годефруа стояла невдалекѣ отъ матери, исполняя роль «просвѣтительницы», такъ какъ, читая «Апокалипсисъ» или Евангеліе, она объясняла непонятныя фразы. Другая женщина, пѣвчая, пѣла въ различные моменты службы. Новообращенный вставалъ на колѣни съ протянутыми къ матери руками. Просвѣтительница держала ему голову и говорила: «Мой братъ, вы получите семь печатей Божьяго свѣта». Мать цѣловала его семь разъ: «сначала въ лобъ, затѣмъ въ лѣвую щеку, потомъ въ оба глаза, въ подбородокъ по два раза и позади праваго уха». Затѣмъ она дѣлала на лбу знакъ креста. Посвященный повторялъ знакъ на лицѣ матери, и церемонія оканчивалась двойнымъ поцѣлуемъ въ ротъ. По словамъ Сенора, у «матери» было очень много агентовъ. «Очень часто, писалъ онъ въ «мемуарахъ», я дѣлалъ на улицѣ знаки, которые приняты у новообращенныхъ, и мнѣ отвѣчали». Наконецъ комитетъ общественной безопасности арестовалъ Тео, отца Жерль и большую часть ея адептовъ. Дѣло Тео представляло первый публичный эпизодъ соперничества между двумя комитетами: комитета народнаго спасенія съ комитетомъ общественной безопасности, борьбы Робеспьера и его враговъ, которая окончилась термидоромъ. Главный вопросъ былъ религіозный. Робеспьеръ, вѣрившій въ Провидѣніе и оставшійся въ глубинѣ сердца христіаниномъ, какъ и его учитель Руссо, живо возражалъ противъ преслѣдованія гебертистами христіанства. Онъ вотировалъ декретъ 18 фримера II года, запрещающій «всѣ насильственныя мѣры, противныя свободѣ культа». Законъ 18 фримера давалъ теперь право на законное существованіе католицизма, а онъ, по мнѣнію комитета общественной безопасности, былъ несовмѣстимъ съ республикой, и его рѣшили устранить. Робеспьеръ же, а съ нимъ новая Парижская коммуна, составленная изъ его креатуръ, опасались, что отмѣной свободы культа создается новая Вандея. Религіозныя вѣрованія казались ему гарантіей, основой домашнихъ и общественныхъ добродѣтелей. Онъ приписывалъ преступленія извѣстныхъ депутатовъ, посланныхъ въ провинцію, ихъ безразличію къ познанію Провидѣнія, т. е. ихъ атеизму. Онъ находилъ, что католицизмъ отжилъ свое время, вотъ почему и силился замѣнить его гражданской религіей, деистической и національной, т. е. культомъ Верховнаго Существа. Но онъ не хотѣлъ силою навязать новый культъ, довольствуясь выставить его лишь конкурентомъ католицизму. Но Робеспьеръ не открыто пошелъ противъ предубѣжденія массы, а косвенными путями. Его оппор-

тунизмъ былъ въ глазахъ антихристіанъ измѣной, а деизмъ поддѣлкой подъ католицизмъ, которая послѣ 21 преріаля, какъ имъ казалось, скрывала стремленіе къ диктаторству. Въ то время, какъ Робеспьеръ готовилъ отчетъ о десятидневныхъ праздиествахъ, антихристіане хлопотали объ отмѣнѣ закона 18 фримера, допускающаго католицизмъ. Для этого они воспользовались собраніями у Тео. Они подсылали туда всевозможныхъ негодяевъ, которые разсказывали, что ее посѣщали Робеспьеръ, Кутонъ и Барерь, а затѣмъ отецъ Жерль давалъ имъ «просвѣщеніе». Послѣдній все это отвергалъ. Такимъ образомъ Робеспьера хотѣли скомпрометтировать съ Катериной Тео, запутать въ фанатическій заговоръ и поставить въ смѣшное положеніе передъ народомъ. По всей вѣроятности, въ силу этого плана, агенты комитета общественной безопасности въ день ареста Тео нашли запрятанное въ матрасѣ письмо Тео къ Робеспьеру. Въ немъ она называла послѣдняго «своимъ первымъ пророкомъ и дорогимъ министромъ» и благодарила «за почести, оказываемыя Верховному Существу, т. е. ея отцу». Она объявляла Робеспьеру, что его миссія была предсказана Іезекіилемъ, что ему будутъ обязаны возстановленіемъ религіи и освобожденіемъ патеровъ. Катерина называла его давно уже ожидаемой Мессіей, который скоро появится близъ Пантеона и будетъ судить и просвѣщать всѣ націи. Чтобы придраться къ Робеспьеру, воспользовались тѣмъ, что отцу Жерлю понадобилось свидѣтельство о гражданствѣ, но членъ комитета отказался выдать его. Онъ ссылался на то, что шартрезцы предложили собранію католическую религію, какъ единственную въ государствѣ. Отецъ Жерль протестовалъ, увѣряя въ своемъ патріотизмѣ, и указалъ для убѣдительности на Шометта и Робеспьера. При имени Робеспьера Пари закричалъ: «О, если этотъ ручается за твое гражданство, я ничего не могу болѣе сказать». На другой день Жерль отправился къ Робеспьеру, прося его подтвердить свое ручательство. Послѣдній не отказалъ въ его просьбѣ и подписалъ. Этого было достаточно для членовъ комитета, чтобы скомпрометировать, поставивъ Робеспьера въ смѣшное положеніе Мессіи и сына матери Бога, т. е. Тео. Они разсчитывали, можетъ быть, даже свергнуть покровителя священниковъ, изобрѣтателя культа Верховнаго Существа и автора закона 22 преріаля. 23 флореаля II-го года данъ былъ приказъ объ арестѣ Тео и ея сообщниковъ. Въ докладѣ, заключеніе котораго было принято конвентомъ, Вадье косвенно хотѣлъ принудить Робеспьера отказаться отъ своей политической религіи. Наконецъ наступилъ день разбора процесса. Въ преніяхъ революціоннаго трибунала говорилось о сношеніяхъ Робеспьера съ отцомъ Жерль, съ Тео и прочее. Робеспьеръ видѣлъ, что его положеніе опасно. Уже праздникъ въ честь Верховнаго Существа вызывалъ насмѣшки и угрозы противъ новаго диктатора, а декретъ 22 преріаля послужилъ къ грознымъ спорамъ, продолжавшимся нѣсколько дней. Враги Робеспьера добились сдѣлать президентомъ якобинцовъ Фушэ, одного изъ начальниковъ антихристіанской партіи. Пришла минута задуматься. Робеспьеръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы помѣшать процессу Тео, который уронилъ бы его окончательно въ мнѣніи народа. Когда 28 преріаля Вадье сталъ читать свой докладъ по дѣлу Тео, то онъ не вызвалъ смѣха и аплодисментовъ, а прошелъ при холодномъ

молчаніи, прерываемомъ неодобрительнымъ шепотомъ. Но неожиданно процессъ былъ остановленъ, обвиняемые не появились въ Консьержери. Комитетъ народнаго спасенія собрался 8 мессидора и по настойчивымъ настояніямъ Робеспьера отложилъ разбирательство дѣла Тео. Это рѣшеніе было тѣмъ болѣе важно, что шло въ разрѣзъ съ арестомъ, произведеннымъ комитетомъ общественной безопасности и съ форменнымъ декретомъ конвента. Фукье-Тенвиль былъ призванъ въ комитетъ, и Робеспьеръ далъ ему приказъ прекратить преслѣдованія. Такимъ образомъ, благодаря Робеспьеру, мать Бога и ея сообщники избѣжали роковой развязки. Тео возвратили ея приверженцамъ, и она умерла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года.

— Франко-германская война. Недавно оконченъ обширный литературный трудъ [1]), состоящій изъ восьми томовъ и посвященный вопросу франко-прусской войны 1870—1871 г. Авторъ, извѣстный французскій военный авторитетъ, скрылъ свою фамилію подъ псевдонимомъ Пьера Леоткура. Онъ составленъ по многочисленнымъ дипломатическимъ и военнымъ документамъ, по перепискѣ Мольтке, «Мемуарамъ» Бисмарка и многихъ другихъ. Онъ заключаетъ въ себѣ четыре монографіи, которыя помимо общаго заглавія «Національная защита въ 1870—1871 году» имѣютъ еще отдѣльныя, спеціальныя названія, подъ которыми онѣ были отдѣльно, послѣдовательно напечатаны, какъ, напримѣръ: «Сѣверный походъ» (1 томъ), «Луарскій походъ» (2 тома), «Восточный походъ» (2 тома), «Осада Парижа» (3 тома). Произведеніе Леоткура отличается простотою и однообразіемъ плана. Каждый походъ предшествуется географіей театра военныхъ дѣйствій и для большей ясности раздѣляется на опредѣленное число главныхъ военныхъ событій, вокругъ которыхъ группируются второстепенныя. Авторъ не забылъ помѣстить передъ каждой стычкой топографію мѣстности, распредѣленіе войска, распоряженія, отдаваемыя генералами, каждую эволюцію противниковъ во время сраженія, а послѣ сраженія отчетъ о пріобрѣтенныхъ результатахъ и ихъ отраженіи на дальнѣйшихъ операціяхъ. Затѣмъ онъ разъясняетъ сдѣланныя ошибки и устанавливаетъ отвѣтственности. Благодаря всему этому, произведеніе Леоткура читается легко, даже публикой, не знакомой со стратегіей. Многочисленныя извлеченія изъ карты главнаго штаба облегчаютъ трудности текста. Въ концѣ каждаго тома помѣщенъ указатель упомянутыхъ именъ и перечень войскъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи. Въ особенности ясно изложена «Осада Парижа», породившая богатую литературу. Изъ всѣхъ сочиненій замѣчательнѣе всѣхъ генерала Дюкро и Альфреда Дюке. Оба они пользовались вѣрными и изобильными источниками и цѣнными указаніями, но ихъ заключеніе часто подлежитъ критикѣ. Пользуясь нѣкоторыми ихъ справками и ссылками, Леоткуръ обнаруживаетъ болѣе справедливости и точности. Кромѣ того, онъ въ цѣлой серіи картинъ рисуетъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ интимную жизнь осажденныхъ парижанъ, а также нравственное состояніе гарнизона и гражданскаго населенія. Самая оригинальная часть это та, которую онъ посвятилъ во второмъ томѣ проекту вы-

---

[1]) «La defence nationale en 1870—1871», par Pierre Lehautcourt. Paris. 1890—1901.

лазки, задуманной Трошю и Дюкро. За этотъ громадный трудъ академія вознаградила автора преміей Гобера.

— Автобіографія современнаго негра. Рѣдко встрѣчается интереснѣе и поучительнѣе автобіографія, чѣмъ сочиненіе Букера Вашингтона, недавно появившееся въ Нью-Іоркѣ [1]). Этотъ авторъ самъ по себѣ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей изъ негритянской расы, и его дѣятельность дѣлаетъ честь неграмъ и одинаково сочувственно одобряется, какъ южанами, такъ и сѣверянами. Написанная просто и съ замѣчательнымъ юморомъ его книга «Изъ рабства» представляетъ жизненные факты его замѣчательной біографіи. Онъ родился на Виргинской плантаціи невольникомъ. Его мать была кухаркой, а отца онъ вовсе не зналъ. Первые годы своей жизни онъ провелъ въ самой несчастной трущобѣ и не получилъ ни малѣйшаго воспитанія. «Я не помню, чтобы когда нибудь спалъ въ постелѣ прежде, чѣмъ наша семья сдѣлалась свободной», говоритъ Вашингтонъ. Одно изъ первыхъ воспоминаній его дѣтства относится до того радостнаго дня, когда мать прочитала ему прокламацію объ освобожденіи. Но вскорѣ оказалось, что тяжелымъ трудомъ пришлось поддерживать неграмъ борьбу за существованіе. Вашингтонъ принужденъ былъ работать въ угольныхъ копяхъ изъ-за куска хлѣба для своего семейства. Онъ даже не зналъ чиселъ или азбуки и съ трудомъ научился прежде всего цифрѣ 18, которая означала рабочій номеръ его вотчима. Однако вся освобожденная раса начала учиться читать изъ старой азбуки. Вашингтонъ научился грамотѣ. Въ сосѣдствѣ открыта была первоначальная школа, но ему приходилось вставать въ 4 часа утра и работать до 9; тогда онъ имѣлъ право посѣщать школу. Вскорѣ онъ научился всему, чему можно было научиться въ сельской школѣ, и рѣшился отправиться въ Гамптонъ, гдѣ тогда открылась негритянская коллегія. Собравъ для этой цѣли помаленьку всѣ деньги, которыя могъ, онъ отправился въ путь, простиравшійся около пятисотъ миль. Достигнувъ своей цѣли, онъ принужденъ былъ убирать комнаты въ школѣ, такъ какъ не имѣлъ средствъ заплатить за ученіе. Такимъ образомъ въ одно и то же время, работая и учась, онъ воспиталъ себя. Едва только онъ сдѣлался образованнымъ человѣкомъ, то рѣшился помочь своимъ соотечественникамъ неграмъ достичь той же цѣли. Его пригласили учителемъ въ негритянскую школу въ Тускеги, въ Алабаму, гдѣ еще не было устроено никакого училища. Первые мѣсяцы онъ самъ долженъ былъ помогать въ постройкѣ школы, и, по его словамъ, часто во время урока старшіе ученики держали надъ нимъ зонтикъ отъ солнца, пока онъ спрашивалъ уроки. Вскорѣ школа была построена, и дѣло воспитанія пошло быстро. Приходилось не только ученикамъ преподавать грамоту и все дальнѣйшее знаніе, но ихъ надо было учить, какъ одѣваться, пить, ѣсть, а также какому нибудь ремеслу, экономіи, здравому смыслу и т. д. Съ теченіемъ времени Букеръ Вашингтонъ содѣйствовалъ возведенію сорока школъ, при чемъ негры сами все устроили отъ кирпичей до электрическаго свѣта. Поэтому они на всемъ югѣ во множествѣ предметовъ соперничаютъ съ бѣлыми, и все это благодаря тому, чему они научились въ

---

[1]) Up from slavery, by Booker Washington. New-York. 1901.

Тускеги. Такимъ образомъ, Букеръ Вашингтонъ изъ невѣжественнаго негра сдѣлался однимъ изъ передовыхъ людей Соединенныхъ Штатовъ и своимъ тактомъ, организаціоннымъ талантомъ и знаніемъ уважается всѣми, не только неграми, а даже американцами.

— Характеристика Эмиля Лубэ. Со времени послѣдняго путешествія французскаго президента въ Ниццу, гдѣ онъ встрѣтилъ итальянскій флотъ, Эмиль Лубэ пріобрѣлъ большую популярность. Баронъ Пьеръ де-Кубертенъ посвятилъ ему нѣсколько страницъ въ американскомъ журналѣ «Century Magazine» [1]) и нарисовалъ любопытный очеркъ его жизни и характера. По его словамъ, трудно себѣ представить болѣе естественную, правильную и мирную жизнь, чѣмъ та, которую онъ велъ до избранія въ президенты. Онъ родился въ Марсанѣ 31-го декабря 1838 г. Его карьеру можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. Прежде всего онъ былъ муниципальнымъ совѣтникомъ, потомъ мэромъ, городскимъ совѣтникомъ, генералъ-прокуроромъ, товарищемъ министра, первымъ министромъ, предсѣдателемъ сената и наконецъ президентомъ республики. Такимъ образомъ, онъ исчерпалъ всѣ должности отъ самыхъ скромныхъ до высшихъ, которыя онъ могъ только занимать. Въ ту минуту, когда его возвели въ званіе президента, онъ былъ еще мэромъ своей родины. Но если кого нибудь спросить, отчего онъ заслужилъ эту честь, то всякій отвѣчалъ бы: «Онъ ничего не сдѣлалъ». Напротивъ въ парижскихъ кафе-шантанахъ распѣваютъ съ прошлаго года: «Лубе, о! онъ очень любитъ свою мать!» Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что, посѣтивъ президентомъ свой родной городъ и увидавъ на улицѣ, на трибунѣ, старую поселянку, бывшую его матерью, онъ не вытерпѣлъ, остановилъ экипажъ, вышелъ и поцѣловалъ свою мать. Этотъ эпизодъ пріобрѣлъ ему любовь всѣхъ французовъ. Но все-таки говорить, что онъ ничего не дѣлалъ до президентства, было бы несправедливо. Въ сущности, на какомъ мѣстѣ Эмиль Лубе ни находился, онъ оставилъ о себѣ самое пріятное воспоминаніе. «Его умъ и трудолюбіе», говоритъ Кубертенъ, «образованіе, знаніе и главное честность оказали значительную услугу на всѣхъ занимаемыхъ имъ постахъ. Можетъ быть, всего менѣе ему подходило мѣсто перваго министра, хотя онъ говорилъ хорошо и дѣйствовалъ вполнѣ основательно, но у него недоставало той энергіи и того «brio», которыя теперь необходимы для французскаго премьера въ парламентѣ. Во время его министерства самый замѣчательный эпизодъ былъ взятое имъ на себя посредничество въ стачкѣ въ Кармо. Онъ разрѣшилъ вопросъ честно, добросовѣстно. Но, по несчастію, рабочіе не согласились съ его рѣшеніемъ, и престижъ его министерства сильно поколебался. Напротивъ, предсѣдателемъ сената, онъ снискалъ всеобщее уваженіе, и сенаторы первые поставили его кандидатуру въ президенты. Какъ только онъ сдѣлался президентомъ, то его начали обвинять за участіе въ Панамскомъ процессѣ и въ несправедливомъ освобожденіи Дрейфуса. Но то и другое одинаково не имѣетъ основанія. Одно время онъ былъ очень непопуляренъ, и дѣло дошло до того, что ба-

---

[1]) Emile Loubet, president of the French republic, by baron Pierre de Coubertin. «Century Magazine», may 1901.

ронъ Кристіани напалъ на него во время Отельскихъ скачекъ. Во всѣхъ этихъ инциндентахъ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ. Говорятъ, будто онъ сказалъ публично: «Я вступилъ въ Елисейскій дворецъ не для собственнаго удовольствія и не уйду оттуда для удовольствія другихъ». По всей вѣроятности, онъ покинетъ спокойно свое высокое мѣсто, когда пройдутъ семь лѣтъ, и вернется, какъ Цинциннатъ, въ свой родной городъ. «Въ наше время, замѣчаетъ Кубертенъ, Эмиль Лубе человѣкъ разума, въ родѣ Жанъ-Жака Руссо, и во всемъ руководствуется только этимъ разумомъ. Кромѣ того, онъ литературный человѣкъ. Онъ встаетъ очень рано и много читаетъ, не только газеты, но журналы и книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣетъ хорошую память и пользуется тѣмъ, что читаетъ. Онъ очень мало путешествовалъ и, можно сказать, для государственнаго человѣка онъ вовсе не путешествовалъ. Но онъ умѣетъ слушать, а это достоинство для президентства выше всего. Врядъ ли когда нибудъ онъ увлечется и потеряетъ голову. Всего вѣроятнѣе, что онъ не будетъ избранъ второй разъ, но онъ покинетъ свое мѣсто всѣми уважаемый и всѣми почитаемый.

— Островъ Монте-Кристо. Многіе знаютъ островъ Монте-Кристо, лежащій въ Тиренскомъ морѣ между Корсикой и Тосканскими берегами, но не всѣмъ извѣстны перемѣны въ его судьбѣ со времени Плинія. Въ теченіе половины среднихъ вѣковъ онъ былъ занятъ монастыремъ, который былъ разрушенъ въ 1575 г. пиратами. Его развалины еще существуютъ до сего времени. Монахи должны были покинуть островъ, и онъ долго оставался необитаемъ. Въ концѣ XVIII вѣка, Тосканское великое герцогство основало тамъ небольшую колонію каторжниковъ. Затѣмъ островъ былъ купленъ однимъ англичаниномъ, покинувшимъ его черезъ нѣсколько лѣтъ. Послѣ неудачной попытки основать тамъ колонизацію итальянское правительство уступило его богатому тосканцу, спортсмэну и любителю охоты, маркизу Джинари Лисчи. Онъ наполнилъ островъ всѣми животными, относящимися къ охотѣ. Теперь на немъ находятся: кабаны, дикія козы, степные бараны, фазаны и прочее. Не рѣдко Неаполитанскій принцъ, когда былъ во флорентинскомъ гарнизонѣ, посѣщалъ маркиза Джіонари. Ему такъ нравился этотъ уединенный островъ, что онъ пріобрѣлъ его. Тамъ онъ провелъ свой медовый мѣсяцъ съ молодой женою, черногорской принцессой, въ скромномъ домѣ, состоящемъ изъ двѣнадцати комнатъ, который онъ приказалъ построить для себя. Неизвѣстно, останется ли Неаполитанскій принцъ, сдѣлавшійся итальянскимъ королемъ, вѣрнымъ своему любимому уголку. Извѣстно только, что тамъ работаютъ теперь за постановкою телеграфной проволоки между островомъ и станціей Таноза. Этотъ прославленный Александромъ Дюма въ своемъ романѣ островъ на-дняхъ описанъ въ «Revue universelle» [1]).

— Новѣйшіе археологическіе труды. Этотъ годъ представитъ археологамъ много интереснаго. Хотя окончательныхъ результатовъ еще не получилось, но предвидится въ исторіи нарожденіе еще одного фараона четвертой династіи. До сихъ поръ его существованіе было неизвѣстно, потому что онъ

[1]) L'ile de Monte-Christo, «Revue Universelle», avril 1901.

устроилъ свой храмъ и могилу въ очень уединенномъ и мало извѣстномъ мѣстѣ, близъ пирамидъ д'Абу Раашъ. Тайныя раскопки уже раскрыли часть памятниковъ. Статуи и барельефы, которые еще можно видѣть, были изуродованы коптами. Но М. Шассина, благодаря своему упорству, сдѣлалъ открытіе статуи и добился разобрать имя и титулъ неизвѣстнаго фараона, о существованіи котораго не подозрѣвали. Онъ еще держитъ въ секретѣ дальнѣйшія свѣдѣнія, но и то, что онъ сообщилъ, служитъ успѣхомъ для археологіи. Не менѣе интересны находки М. Жуге въ Файумѣ; онѣ состоятъ въ слѣдующемъ. Въ греческую эпоху набальзамированныя муміи укладывались въ ящики изъ картона, которыя сохраняли очертанія лица и формы муміи. Этотъ картонъ составлялся изъ листьевъ папируса. Эти папирусы были брошенныя и проданныя на вѣсъ произведенія писателей, задачи учениковъ, ариѳметическія проблемы и частныя письма. Многія изъ нихъ мало интересны, но между ними есть отрывки большой важности и затерянныя сочиненія. М. Жуге предстоитъ трудная работа, чтобы получить эти папирусы. Прежде всего слѣдуетъ извлечь мумію и, открывъ ее, сумѣть защитить. Что это необходимо, доказательствомъ тому служитъ возвратившійся недавно изъ Каира изслѣдователь, который подалъ жалобу на всю деревню, завладѣвшую всѣми его развѣдками, чтобы выкрасть сокровища. Затѣмъ слѣдуетъ осторожно вымыть, освободить листы отъ ихъ обмазки и потомъ расшифровать эти отрывки, дополняя недостающія части. Затѣмъ остается работа ученому разбирать написанное. Все изложенное описано въ апрѣльскомъ номерѣ «Revue Universelle» подъ заглавіемъ: «Un nouveau pharaon» и «Cartonnage de papyrus».

— **Смерть провансальскаго поэта Гра и главы феніевъ Стивенса.** Недавно во Франціи умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей провансальской литературы, Феликсъ Гра, а Англія лишилась знаменитаго главы феніевъ Джемса Стивенса. Происходя изъ крестьянской семьи, Гра родился въ 1844 г., съ юности предался поэзіи и тѣсно сошелся съ Руманилемъ, пѣвцомъ провансальцевъ, на сестрѣ котораго онъ впослѣдствіи и женился. Сдѣлавшись народнымъ поэтомъ любви и войны, онъ издалъ нѣсколько сборниковъ поэтическихъ произведеній, на туземномъ языкѣ. Мало-по-малу онъ сталъ соперникомъ Мистраля и достойнымъ представителемъ провансальской поэзіи. Наконецъ онъ сдѣлался и прозаическимъ романистомъ. Его лучшій романъ былъ «Красные юга». Первоначально онъ написанъ по-провансальски, а потомъ переведенъ по-французски, въ газетѣ «Le Temps.» Затѣмъ появились переводы его почти на всѣхъ языкахъ, въ томъ числѣ и русскомъ. Эта живая картина французской революціи имѣла громадный успѣхъ. Еще появился другой романъ въ такомъ же духѣ—«Террористы». Не менѣе успѣха романа имѣли многочисленныя газетныя хроники, подъ различными псевдонимами и на провансальскомъ языкѣ. Въ 1891 г. Феликсъ Гра наслѣдовалъ Руманилю, въ качествѣ великаго предводителя филибриговъ, какъ называются провансальскіе поэты. Въ томъ же году онъ праздновалъ въ Карпантра столѣтіе присоединенія къ Франціи Конта-Венесенъ и произнесъ патріотическую рѣчь, въ которой отдалъ преимущество Франціи надъ провансальской родиной. Съ тѣхъ поръ, какъ глава филибриговъ, или, какъ онъ называется, капулье, Феликсъ

Гра былъ старшій провансальскій писатель. Онъ принадлежалъ къ той партіи туземцевъ, которая называется республиканцами, т. е. красными, такъ какъ есть и бѣлые, или консерваторы. Онъ былъ мировой судья въ Авиньонѣ и продолжалъ попрежнему писать, а за нѣсколько дней до смерти получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

Глава и основатель ирландскаго феньянизма, Джемсъ Стивенсъ, неизвѣстно когда родился въ Дублинѣ. Его отецъ былъ аукціонистъ, и съ самаго дѣтства онъ былъ заклятымъ врагомъ Англіи. Вынужденный удалиться во Францію, онъ сошелся тамъ съ ирландскимъ фермеромъ О'Мегони, который былъ такъ же, какъ и онъ, изгнанникомъ. Оба свободные мыслители и члены тайныхъ обществъ, они рѣшили составить новую ассоціацію. О'Мегони отправился въ Ирландію для пропаганды, а Стивенсъ возвратился въ 1858 году въ Ирландію, гдѣ набралъ людей, готовыхъ дѣйствовать энергично. Черезъ три года онъ основалъ тайное общество, назвавшееся феніями. 28-го марта 1863 года Стивенсъ основалъ журналъ «Ирландскій народъ», который открыто пропагандировалъ возстаніе. Неизвѣстный даже полиціи, подъ чужимъ именемъ, онъ началъ возстаніе во всей Ирландіи. Общая революція была назначена на 23 сентября 1865 г., но англичане овладѣли редакціей «Ирландскаго народа» и арестовали главныхъ предводителей, въ томъ числѣ самого Стивенса. Но прежде суда онъ бѣжалъ на маленькомъ суднѣ въ Шотландію. Тамъ, переодѣвшись англійскимъ морякомъ, безопасно достигъ Парижа. Двадцать три года онъ жилъ вдали отъ родины и въ 1891 году явился въ Дублинъ и тайно проживалъ тамъ до своей смерти.

— Къ вопросу о Рембрандтѣ. Ровно десять лѣтъ тому назадъ произвела много шуму вышедшая въ Бреславлѣ книга Макса Лаутнера, доказывавшаго, что знаменитый художникъ Рембрандтъ, на самомъ дѣлѣ, не великій художникъ, но великій эксплуататоръ, что всѣ картины, ему приписываемыя, принадлежатъ эксплуатировавшемуся имъ малоизвѣстному художнику Фердинанду Болю. Лаутнеръ нашелъ въ свое время очень немного сторонниковъ, но зато весьма много противниковъ. Полемика, возникшая тогда по поводу его теоріи, кончилась—по крайней мѣрѣ, по мнѣнію историковъ искусства—полнымъ фіаско этой теоріи. Въ настоящее время въ защиту Макса Лаутнера выступаетъ профессоръ Августъ Ринкерле въ Deutsche Revue [1]). Лаутнеръ въ свое время основывался на томъ, что на всѣхъ почти картинахъ Рембрандта можно усмотрѣть монограмму или подпись Фердинанда Боля. Противники Лаутнера возражали, говоря, что Лаутнеръ принимаетъ за монограммы простыя трещины, довольно частыя въ старыхъ картинахъ. Что касается до разсужденій Лаутнера о низости характера Рембрандта, о томъ, что факты его біографіи не согласуются съ принадлежностью ему нарисованныхъ имъ будто бы картинъ,—всѣ эти разсужденія вызвали въ свое время лишь смѣхъ присяжныхъ историковъ искусства. Теперь профессоръ Ринкерле заявляетъ, что все-таки Максъ Лаутнеръ былъ правъ. Ринкерле подвергъ разсмотрѣнію всѣ тѣ многочисленные рисунки, вытравленные на мѣди, которые до сихъ поръ считались несомнѣнно принадлежавшими Рембрандту. Ринкерле разсказываетъ про себя

---

[1]) Prof. Aug. Rinckerle, «Wer ist Rembrandt», «Deutsche Revue», 1901, mai.

что онъ былъ крайне удивленъ, когда на весьма многихъ изъ этихъ офортовъ онъ ясно и четко нашелъ изображенною подпись: Ф. Боль. По мнѣнію Ринкерле, Боль всякій разъ по изготовленіи пластинки выводилъ на ней, гдѣ это только было возможно безъ порчи самой пластинки, свою фамилію, нисколько не стѣсняясь при этомъ мѣстомъ: иногда подпись эта встрѣчается даже на лицахъ. Почти на всѣхъ приписываемыхъ Рембрандту офортахъ Ринкерле нашелъ фамилію «Боль». «Давно уже замѣченное поражающее сходство въ техникѣ тѣхъ немногихъ офортовъ, которые теперь считаются принадлежащими Болю, съ офортами Рембрандта, получаетъ теперь объясненіе: и Рембрандтовскіе офорты также приготовлены Болемъ». Профессоръ Ринкерле ожидаетъ, что сдѣланное имъ открытіе прольетъ новый свѣтъ на «темную еще доселѣ исторію голландскаго искусства». Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что замѣтка его снова пробудитъ полемику по поводу взглядовъ Лаутнера, пока было утихшую. Провѣрить наблюденія Ринкерле, по словамъ этого послѣдняго, можно не только по оригиналамъ, но даже по копіямъ офортовъ, помѣщеннымъ въ изданіи «L'oeuvre de Rembrandt», par Charles Blanc (Парижъ, 1880).

— Поэма о Гарибальди. Наше время считается мало способствующимъ появленію эпическихъ поэмъ. Тѣмъ не менѣе, современная Италія дождалась своего эпическаго пѣвца. Этимъ пѣвцомъ явился не кто иной, какъ Габріэль д'Аннунціо, знаменитый романистъ и драматургъ. Поэма д'Аннунціо [1]) должна будетъ состоять изъ семи частей: Рожденіе героя; Море и степь; Ночь въ Капрерѣ; Отъ Рима къ болотамъ; Аспромонте и Ментона; Вѣнецъ мира; Смерть героя. Недавно вышла третья часть эпоса: «Ночь въ Капрерѣ». Гарибальди, послѣ перваго своего похода, покончившаго съ владычествомъ Бурбоновъ на Сициліи, снова находится на Капрерѣ и готовится заняться, попрежнему, сельскимъ трудомъ. Въ первую же ночь, когда онъ изъ-за думы не можетъ заснуть, голоса природы разсказываютъ ему о безсмертныхъ, имѣющихъ совершиться дѣяніяхъ. Въ ревѣ вѣтра и шумѣ моря онъ слышитъ грохотъ сраженій, многотысячные побѣдные клики восторженнаго освобожденнаго народа, бой и смерть многихъ героевъ. Голоса говорятъ ему о геройскихъ бояхъ вокругъ Рима, о нападеніяхъ на виллу Корсини, о защитѣ и новомъ паденіи Рима. Постепенно голоса природы утихаютъ, и Гарибальди слышитъ блеяніе заблудившагося ягненка. Онъ поднимается, разыскиваетъ ягненка и возвращаетъ его матери. Затѣмъ, онъ, какъ новый Цинциннатъ, возвращается къ своимъ сельскимъ занятіямъ. Всѣ сухія историческія событія въ «Canzone» д'Аннунціо оживлены фантазіями поэта и представлены въ яркихъ краснорѣчивыхъ картинахъ. Въ Италіи, судя по отзывамъ мѣстныхъ критиковъ, поэма д'Аннунціо пользуется большою популярностью. Нужно отдать ему справедливость, что пока онъ довольно удачно справляется съ затрудненіемъ, главнымъ изъ которыхъ для современнаго эпическаго пѣвца о столь недавнихъ событіяхъ является невозможность дѣлать существенныя отступленія отъ исторической правды.

---

[1]) D'Annunzio, «La canzone di Garibaldi». III canto. 1901.

— Новые нѣмецкіе труды по исторіи. Въ нѣмецкой исторической литературѣ появилось за послѣднія недѣли нѣсколько обращающихъ на себя вниманіе историческихъ трудовъ. Гансъ Пруцъ издалъ третій томъ своей большой «Прусской исторіи» [1]). Томъ этотъ, занимающій почти пятьсотъ страницъ, посвященъ возникновенію и паденію «Фридериціанской монархіи». Г. Пруцъ—историкъ реалистъ, ставящій своею цѣлью искорененіе популярной легенды, которая въ многочисленныхъ прусскихъ учебникахъ и книгахъ для чтенія сумѣла превратить бранденбургскихъ курфирстовъ и прусскихъ королей чуть не въ миѳическія личности. Фридрихъ Великій, въ изображеніи Пруца, не преслѣдуетъ никакихъ идеальныхъ общегерманскихъ цѣлей, а является трезвымъ и практичнымъ политикомъ, для котораго важно лишь то, что полезно для усиленія прусскаго могущества. Нельзя, однако, сказать, чтобы Пруцъ не являлся и апологетомъ фридериціанской монархіи. Напримѣръ, Семилѣтнюю войну онъ старается представить войною исключительно оборонительною, а участіе Фридриха Великаго въ раздѣлѣ Польши объясняетъ тѣмъ, что онъ не могъ поступить иначе изъ чувства самосохраненія. Паденіе монархіи Фридриха и катасторфа, разразившаяся надъ Пруссіей при Наполеонѣ, находятъ у Пруца объясненіе въ дѣятельности обоихъ ближайшихъ преемниковъ Фридриха Великаго. Ихъ шумная политика, отсутствіе энергіи и послѣдовательности, по его словамъ, привели Пруссію къ краху. Общимъ недостаткомъ труда Г. Пруца является выдвиганіе религіозныхъ мотивовъ, такъ сказать, протестантскаго религіознаго патріотизма, врядъ ли игравшаго какую либо значительную роль въ концѣ XVIII вѣка. «Фридериціанской эпохи» касается и большой трудъ, издающійся въ настоящее время германскимъ генеральнымъ штабомъ. Трудъ этотъ посвященъ Семилѣтней войнѣ [2]), которая здѣсь излагается не только со спеціально-военной точки зрѣнія, но и со стороны политической, экономической и культурно-исторической. Несмотря на то, что всѣ отдѣлы труда пишутся лицами военными, обыкновенно на короткое время прикомандировываемыми къ военно-историческому отдѣлу генеральнаго штаба, трудъ этотъ отличается большою стройностью и согласованностью частей. Авторы отдѣловъ этого труда производили изысканія не только въ многочисленныхъ германскихъ государственныхъ, военныхъ, городскихъ и домашнихъ архивахъ, но и въ библіотекахъ и архивахъ Франціи, Австріи и Швеціи. Особенное содѣйствіе успѣшности этого труда оказалъ австрійскій генеральный штабъ, открывшій всѣ свои архивы для прусскихъ изслѣдователей. Первый томъ, появившійся въ настоящее время, для Россіи не представляетъ особаго интереса: въ немъ говорится лишь о дѣйствіяхъ 1756 года, обращенныхъ противъ Саксоніи и представляющихъ интересную параллель съ прусскимъ походомъ 1866 года. Дальнѣйшіе томы, въ которыхъ пойдетъ рѣчь о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ противъ Фридриха II, будутъ, конечно, въ высшей степени интересны и для насъ. Время выхода ихъ пока еще неизвѣстно. Изъ

[1]) Hans Prutz, «Preussische Geschichte». III. Der Fridericianische Staat und sein Untergang (1740—1812). Stuttgart. 1901.

[2]) Der Siebenjährige Krieg 1756—1763, herausgegeben vom Grossen Generalstab. Berlin. Mittler. I. 1901.

мелкихъ историческихъ трудовъ можно указать на книжку Горвица «О разрѣшеніи еврейскаго вопроса въ королевствѣ Вестфальскомъ» [1]). Жеромъ Наполеонъ далъ въ королевствѣ Вестфальскомъ евреямъ полную равноправность и даже самоуправленіе. Въ книгѣ Горвица приводятся интересныя для бытовой исторіи королевства Жерома выдержки изъ актовъ вестфальской еврейской консисторіи. Какъ книгу, представляющую интересъ для Россіи, можно указать очеркъ анонимнаго автора, излагающаго ходъ русскихъ военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи въ минувшемъ году [2]). Само собою разумѣется, внѣшній очеркъ цѣликомъ составленъ по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ нашимъ главнымъ штабомъ. Автору принадлежатъ лишь разсужденія о русско-китайскихъ отношеніяхъ, о значеніи Манчжуріи для Россіи въ политическомъ, военномъ и торговомъ отношеніяхъ и т. п.

---

[1]) L. Horwitz: «Die Israeliten unter dem Königreich Westfalen». 1901.

[2]) Die Kämpfe der russischen Truppen in der Mandschurei im Jahre 1900. Von v. C.—M., Major. z. D. Leipzig. 1901.

СМѢСЬ.

ОТКРЫТІЕ музея графа М. Н. Муравьева въ Вильнѣ. 17 апрѣля въ Виленской публичной библіотекѣ происходило торжество открытія музея памяти графа М. Н. Муравьева. Музей былъ вызванъ къ жизни только что скончавшимся виленскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ В. Н. Троцкимъ, по иниціативѣ помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа А. В. Бѣлецкаго. Въ періодической печати только изрѣдка попадаются отдѣльныя, часто весьма краткія, замѣтки, правдиво характеризующія дѣятельность Михаила Николаевича. Зато много появлялось и появляется разсказовъ, рѣшительно не соотвѣтствующихъ истинѣ и даже явно тенденціозныхъ. Всевозможные разсказы и вымыслы, направленные къ возбужденію ненависти къ графу М. Н. Муравьеву, систематически и устойчиво продолжаютъ существовать. Ряды современниковъ его, которые могли бы свидѣтельствовать о дѣлахъ его, сильно порѣдѣли; не много остается даже очевидцевъ его дѣятельности по коренному переустройству Сѣверо-Западнаго края. Конечно, правдивая и безпристрастная исторія сумѣетъ раскрыть истину, но эта истина, какъ и вообще все историческое у насъ, будетъ доступна и популярна лишь въ средѣ спеціалистовъ; съ другой стороны, существующіе до сего времени многіе памятники и нѣмые, но справедливые свидѣтели дѣятельности графа М. Н. Муравьева, могутъ постепенно исчезать какъ отъ времени, такъ и отъ сознательной ненависти къ его имени, если не будетъ для нихъ мѣста, и не явится лицо, которое занялось бы собираніемъ всего, что касается послѣдняго мятежа и дѣятельности графа Муравьева. Вотъ эта-то мысль и послужила зародышемъ идеи устроить въ Вильнѣ музей имени графа М. Н. Муравьева. По всеподданнѣйшему ходатайству начальника Сѣверо-Западнаго края 9 іюля 1898 году послѣдовало высочайшее соизволеніе на учре-

жденіе Муравьевскаго музея для собиранія и храненія въ немъ печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, а также вещественныхъ памятниковъ, относящихся къ умиротворенію и устроенію Сѣверо-Западнаго края графомъ М. Н. Муравьевымъ (1863—1865 гг.). Для устройства музея была избрана особая комиссія подъ предсѣдательствомъ А. В. Бѣлецкаго, дѣятельностью которой музей ко дню его открытія являлся въ такомъ видѣ. Онъ раздѣляется на 7 отдѣловъ, которые можно сократить въ пять. Рукописный отдѣлъ (до 200 №№) содержитъ много интересныхъ документовъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ докладныя записки, письма и отчеты М. Н. Муравьева, поданные имъ императору Александру II и выясняющіе его административную программу съ примѣненіемъ ея къ устроенію Сѣверо-Западнаго края на русскихъ началахъ. Здѣсь же хранятся другія письма графа, его полныя «Записки» (въ сокращеніи напечатанныя въ Русской Старинѣ), копіи его распоряженій и циркуляровъ, записки нѣкоторыхъ его сподвижниковъ. Кромѣ того, въ опись рукописнаго отдѣла не вошла масса архивныхъ дѣлъ за 1863—1865 гг., переданныхъ по распоряженію начальника края изъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Такихъ дѣлъ изъ одного Виленскаго губернскаго присутствія поступаетъ 890. Въ дѣлѣ отысканія и разбора архивныхъ дѣлъ большую услугу музею оказалъ полковникъ А. В. Жиркевичъ, спасшій сотни цѣнныхъ дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію или продажѣ; много такихъ дѣлъ (даже секретныхъ) куплено имъ у евреевъ. Въ библіотекѣ музея теперь свыше 600 названій книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій (столичныхъ и мѣстныхъ) за 1863—1863 гг. Есть полныя собранія сочиненій М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, Самарина и другихъ авторовъ, относившихся сочувственно къ дѣятельности М. Н. Муравьена. Между книгами и брошюрами есть такія, которыя теперь сдѣлались величайшею библіографическою рѣдкостью. Въ отдѣлѣ портретовъ и плановъ находится значительная коллекція портретовъ М. Н. Муравьева, членовъ его семейства, альбомъ его сотрудниковъ по службѣ въ Вильнѣ, нѣсколько фотографій, картинъ и карикатуръ, изображающихъ разныя сцены и эпизоды изъ жизни края муравьевскаго времени, а также планы выстроенныхъ и реставрированныхъ въ то же время православныхъ церквей. Въ отдѣлѣ вещественныхъ памятниковъ (всего 18 №№) главное мѣсто занимаютъ предметы изъ кабинета М. Н. Муравьева (письменный столъ, кресло и проч.). Кромѣ того, въ музеѣ цѣлая коллекція вѣнковъ, адресовъ и телеграммъ, полученныхъ по случаю открытія памятника 8 ноября 1898 г. Въ непродолжительномъ времени музей обогатится собственною библіотекой М. Н. Муравьева, жертвуемой его наслѣдниками. Предположено также перенесеніе музея въ болѣе обширное помѣщеніе. Муравьевскій музей, имѣющій даже при настоящемъ своемъ составѣ очень важное значеніе для исторіографіи края, своимъ успѣхомъ обязанъ прежде всего комиссіи, состоявшей изъ В. Т. Судейкина, Ю. Ѳ. Крачковскаго, протоіерея І. А. Котовича, А. В. Жиркевича, А. А. Виноградова и Поликарповича, также начальнику края В. Н. Троцкому, принимавшему самое живое участіе въ его устроеніи, и такимъ лицамъ, какъ сенаторъ П. М. Гедеоновъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ П. П. Корниловъ, генералъ-лейтенантъ Н. Ѳ. Дубровинъ, И. М. Положкій и другіе. На освященіе музея 17 апрѣля прибылъ виленскій генералъ-

губернаторъ, генералъ-адъютантъ В. Н. Троцкій, представители всѣхъ губернскихъ учрежденій города Вильны, воспитанники и воспитанницы виленскихъ учебныхъ заведеній и нѣсколько почетныхъ лицъ, служившихъ при М. Н. Муравьевѣ. Молебствію предшествовала рѣчь протоіерея. І. Котовича, а послѣ молебна въ читальной залѣ библіотеки устроено было торжественное засѣданіе, на которомъ много потрудившійся предсѣдатель комиссіи А. В. Бѣлецкій прочелъ отчетъ, откуда мы и заимствуемъ сообщенныя свѣдѣнія. Послѣ этого начальникъ края В. Н. Троцкій объявилъ Муравьевской музей открытымъ и доступнымъ для осмотра публики.

Диспутъ Д. И. Эварницкаго. 29 апрѣля въ актовомъ залѣ Казанскаго университета происходила публичная защита привать-доцентомъ Московскаго университета Д. И. Эварницкимъ представленной имъ на соисканіе степени магистра русской исторіи диссертаціи подъ заглавіемъ: «Исторія запорожскихъ казаковъ» (т. I, изд. 2-е, М., 1900 г.). Въ блестящей вступительной рѣчи, вызвавшей шумные аплодисменты публики, диспутантъ далъ историческій очеркъ запорожскаго казачества и критику мнѣній своихъ предшественниковъ, главнымъ образомъ С. М. Соловьева. Офиціальными оппонентами были профессора Н. И. Смирновъ, Н. Н. Ѳирсовъ и Д. А. Корсаковъ. Профессоръ Н. И. Смирновъ указалъ, что диспутантъ сильно идеализируетъ запорожскихъ казаковъ, противорѣча въ то же время самому себѣ, указывая на существованіе у казаковъ грабежа и воровства. Затѣмъ онъ указалъ на слабость распланировки матеріала, почему многія цѣнныя данныя для сравнительной этнографіи славянства разбросаны въ книгѣ по разнымъ мѣстамъ и не даютъ читателю цѣльной картины. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти недочеты, оппонентъ призналъ серіозныя достоинства книги, позволяющія автору получить искомую степень. Второй оппонентъ, Н. Н. Ѳирсовъ, тоже нашелъ, что авторъ очень идеализировалъ запорожцевъ. Безсердечность поляковъ и турокъ къ казакамъ едва ли была большей, чѣмъ безсердечность казаковъ по отношенію къ этимъ своимъ врагамъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, магистрантъ въ очень большой степени пользовался разсказами разныхъ «дідовъ», на которыхъ и обосновывалъ свои выводы. Съ мнѣніемъ автора, что одежда казаковъ была въ гармоніи съ климатическими условіями, оппонентъ тоже не соглашался, если принять во вниманіе, что казаки на одни шаровары употребляли 15 аршинъ матеріи. Обиліе же лирическихъ отступленій, которыя иногда являются перепечатанными авторомъ изъ собственныхъ сочиненій безъ указанія послѣднихъ, недостаточное критическое отношеніе къ источникамъ и свидѣтелямъ не составляютъ научныхъ заслугъ, а скорѣе относятся къ недостаткамъ. Со стороны автора требовалось болѣе критики къ исторіи и фактамъ жизни запорожцевъ. Тѣмъ не менѣе, оппонентъ заключилъ, что диссертація содержитъ цѣнные научные матеріалы. Третій изъ оппонентовъ, заслуженный ординарный профессоръ Д. А. Корсаковъ, также указалъ на излишнее увлеченіе автора Запорожьемъ и на то, что приписываемая авторомъ религіозность казаковъ мало гармонируетъ съ тѣми звѣрскими издѣвательствами надъ казаками-преступниками, доходившими до замучиванія на смерть, еще до произнесенія надъ ними окончательнаго приговора. Затѣмъ онъ указалъ на то, что магистрантомъ не соблюдены

основныя требованія исторической критики, научныхъ пріемовъ и опредѣленнаго плана. Однако призналъ, что заключающіеся въ книгѣ матеріалы являются чрезвычайно цѣнными для исторіи запорожскихъ казаковъ. Диспутантъ весьма находчиво объяснялъ оппонентамъ представляемыя ему возраженія, обнаруживая нерѣдко чисто-малороссійскій юморъ. По совѣщаніи онъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени, чтò было встрѣчено публикой дружными и продолжительными рукоплесканіями.

Диспутъ М. Е. Красножена. 22-го апрѣля въ актовомъ залѣ императорскаго Казанскаго университета, въ присутствіи попечителя, его помощника и ректора университета, профессоръ Юрьевскаго университета, М. Е. Красноженъ, публично защищалъ представленнную имъ на соисканіе степени доктора церковнаго права диссертацію подъ заглавіемъ: «Иновѣрцы на Руси. Т. I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи». Оба официіальные оппонента: заслуженный профессоръ Казанской академіи и университета по каѳедрѣ церковнаго права И. С. Бердниковъ и профессоръ международнаго права М. И. Догель отозвались съ большою похвалою о трудѣ проф. Красножена, особенно объ историческомъ очеркѣ, помѣщенномъ во II главѣ книги, при чемъ проф. Бердниковъ заявилъ, что онъ съ особымъ удовольствіемъ рекомендовалъ его трудъ юридическому факультету, какъ диссертацію на степень доктора. Правда, работа проф. Красножена не исчерпываетъ всего вопроса, но это не можетъ быть поставлено въ вину автору, въ виду обширности темы, надъ которою для полной ея разработки должны работать цѣлые годы многіе. Неофиціальныхъ оппонентовъ выступило три. Первый изъ нихъ, проф. Загоскинъ, совершенно не согласенъ съ отзывами проф. Бердникова и Догеля о достоинствахъ историческаго очерка положенія неправославныхъ христіанъ въ Россіи; второй, кн. П. Л. Ухтомскій, возражалъ противъ выставленнаго проф. Красноженомъ положенія о вѣротерпимости русской церкви и невмѣшательствѣ русской церковной и свѣтской власти во внутреннюю религіозную жизнь иновѣрцевъ; третій, проф. физики Д. А. Гольдгаммеръ, не согласился съ положеніемъ докторанта о томъ, что каждая церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ допустить общенія лицъ, къ ней принадлежащихъ, съ послѣдователями иныхъ вѣроисповѣданій въ таинствахъ, религіозныхъ обрядахъ и вообще въ молитвахъ, указывая на смѣшанные браки, допускаемые нашею церковью. Диспутъ продолжается долго, при чемъ возраженія нѣкоторыхъ оппонентовъ отличались большою живостью. Проф. М. Е. Красноженъ былъ удостоенъ искомой степени доктора церковнаго права; объявленіе объ этомъ было встрѣчено рукоплесканіями.

С.-Петербургское археологическое общество I. Въ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова 12-го апрѣля обсуждался маршрутъ археологическихъ экскурсій въ губерніи Псковскую и Тверскую, представленный проф. Н. И. Веселовскимъ и А. А. Спицынымъ. Маршрутъ нынѣшняго лѣта установленъ для двухъ губерній: Тверской въ верховьяхъ рѣки Мсты и Псковской въ верховьяхъ рѣки Ловати. Вскрыты будутъ курганы средней высоты и древніе жальники. Раскопки будутъ производиться гг. Блазовымъ и Тихомировымъ. А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе «о происхожденіи предме-

товъ древности кунсткамеры императора Петра Великаго». Драгоцѣннѣйшая археологическая коллекція кунсткамеры Петра Великаго до сихъ поръ не была описана. Нѣкоторые документы кабинета императора Петра I, разысканные А. А. Спицынымъ, свидѣтельствуютъ отчасти о ея составѣ. Главное мѣсто занимали среди предметовъ коллекціи вещи изъ золота вѣсомъ до 600 пудовъ, присланныя изъ Сибири княземъ Гагаринымъ. Вещи эти получились, какъ результатъ раскопокъ жителей Сибири, хищнически и во множествѣ вскрывавшихъ степные курганы. Вещамъ этимъ референтъ отыскалъ опись и по ея указаніямъ нашелъ и самыя вещи, хранящіяся нынѣ частью въ Эрмитажѣ, частью въ Азіатскомъ музеѣ; нѣкоторыя изъ нихъ А. А. Спицынымъ не найдены, быть можетъ, онѣ были переплавлены, въ періодъ финансовыхъ затрудненій, въ которыхъ находилась Россія во время войны. Скупались вещи у жителей согласно особому указу императора; выдавались за нихъ суммы вдвое болѣе металлической стоимости вещей. Эти знаменательные указы Петра составляютъ новую эру въ исторіи русской археологіи. Мало этого, императоръ желалъ издать всю собранную коллекцію вещей кунсткамеры; съ этою цѣлью золотыя вещи въ количествѣ 75 фунтовъ были переданы въ академію наукъ, откуда уже и перешли въ Эрмитажъ. II. Въ засѣданіи 26-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, Н. Я. Марръ сдѣлалъ сообщеніе: «О значеніи вновь открытаго армянскаго текста Паралипоменона для вопроса о переводѣ Св. Писанія съ сирійскаго на армянскій языкъ». В. В. Бартольдъ прочелъ докладъ. «Къ вопросу о впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море». Послѣдній вопросъ обсуждается уже очень давно и имѣетъ обширную литературу; геологи и географы пришли къ выводу о томъ, что факта впаденія упомянутой рѣки въ Каспійское море не существовало, но письменныя свидѣтельства современниковъ утверждаютъ, что въ XIV—XVI вѣкахъ, вскорѣ послѣ монгольскаго нашествія, какъ результатъ разрушенія плотинъ, рѣка измѣняетъ свое прежнее направленіе, и втеченіе нѣкотораго періода времени теченіе ея направляется въ Каспійское море. Въ настоящее время сторонниками такого рѣшенія вопроса указывается и мѣсто предполагаемаго, нынѣ высохшаго, устья р. Аму-Дарьи. Референтомъ найдено еще новое убѣдительное историческое свидѣтельство: подробный разсказъ на персидскомъ языкѣ объ отправленіи сеидовъ воднымъ путемъ, съ указаніемъ мѣста, гдѣ ихъ предполагалось высадить. Въ разсказѣ упоминается между прочимъ и устье впадающей въ Каспійское море Аму-Дарьи. Разсказъ принадлежитъ Заххеръ-Эдину, написанъ со словъ отца, и относится къ XV вѣку; достовѣрность разсказа не подлежитъ сомнѣнію. А. В. Комаровъ указалъ на тѣ основанія, которыя имѣются у него, какъ лица, близко ознакомившагося съ характеромъ мѣстности, для того, чтобы сомнѣваться въ возможности впаденія Аму-Дарьи въ Каспійское море, а именно: виды рыбъ, населяющихъ воды Аральскаго моря и Аму-Дарьи, рѣзко отличаются отъ рыбъ Каспійскаго моря; отдѣляющіе Аму-Дарью отъ Каспійскаго моря высокіе перевалы представляютъ естественное препятствіе движенію рѣки. Происхожденіе предполагаемаго русла объясняется слѣдствіемъ слишкомъ бурнаго спаденія водъ послѣ ливней.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 17 апрѣля Славянской комиссіи этого общества были прочитаны два доклада. Первый П. Н. Сакулина—«Къ литературной исторіи повѣсти объ Евстратіи». Повѣсть объ Евстратіи, подъ которымъ разумѣется византійскій полководецъ Велизарій, дошла до насъ въ немногихъ спискахъ одной редакціи. По содержанію повѣсть можно раздѣлить на двѣ части; вторая часть состоитъ изъ общихъ разсужденій на аскетическую тему, не связанныхъ ни съ личностью, ни съ судьбою Евстратія. Греческое происхожденіе повѣсти едва ли подлежитъ сомнѣнію. Повѣсть объ Евстратіи довольно умѣло воспользовалась заимствованнымъ матеріаломъ и представляетъ какъ бы трактатъ по аскетической философіи. Въ этомъ заключается ея историко-культурное значеніе. Ея историко-литературная важность обусловливается отношеніемъ къ исторіи саги о Велизаріи. Второй докладъ былъ предложенъ И. Е. Евсѣевымъ о новомъ памятникѣ литературной дѣятельности жидовствующихъ—переводѣ книги прор. Даніила съ еврейскаго текста. При крайне скудныхъ свѣдѣніяхъ въ наукѣ о литературной работѣ нашихъ жидовствующихъ XV в. (всего извѣстно отъ ихъ времени 2—3 памятника), новооткрытый переводъ, въ связи съ намѣчающимися переводами того же происхожденія другихъ священныхъ книгъ, значительно расширяетъ представленіе о литературной производительности жидовствующихъ и даетъ недостававшія наукѣ данныя для сужденія о начальномъ подготовительномъ моментѣ этой ереси.

Археографическая комиссія московскаго археологическаго общества. Въ засѣданіи 12 апрѣля прот. Н. Д. Извѣковъ прочелъ докладъ о духовникѣ Алексѣя Михайловича, протопопѣ Андреѣ Саввиновичѣ Посниковѣ. Среди многочисленнаго дворцоваго духовенства въ XVII вѣкѣ первое мѣсто принадлежало настоятелямъ Благовѣщенскаго собора—духовникамъ царскимъ. Въ силу своего высокаго положенія, духовники при царскомъ дворѣ имѣли сильное вліяніе на царя. Наиболѣе нагляднымъ доказательствомъ этому можетъ служитъ исторія придворной жизни духовника царя Алексѣя Михайловича протопопа А. С. Посникова, имя котораго нерѣдко упоминается въ государственныхъ актахъ XVII вѣка. Онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ собора 1666 г., 22 января 1671 г. онъ вѣнчалъ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной, а 29 іюня 1672 года, по случаю крещенія въ Чудовомъ монастырѣ перваго будущаго русскаго императора Петра I, совершалъ вмѣстѣ съ чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ литургію. Можно съ полною достовѣрностью сказать, что ни одинъ изъ царскихъ духовниковъ XVII в. не пользовался такимъ особеннымъ расположеніемъ государя, какъ Посниковъ, сдѣлавшійся духовникомъ царя уже послѣ того, какъ его «собинный другъ», патріархъ Никонъ, сталъ въ опалѣ. По изслѣдованнымъ докладчикомъ документамъ дворцовой разрядной книги, протопопъ Андрей, присутствовавшій иногда, благодаря особому расположенію государя, на вечернихъ кушаніяхъ въ потѣшныхъ царскихъ хоромахъ, пользовался матеріальными благами въ такой мѣрѣ, какъ никто изъ бывшихъ до и послѣ него царскихъ духовниковъ. Высокое положеніе духовника государя и его близость къ нему, естественно, создали ему и завистниковъ среди самого духовенства, во главѣ съ патріархомъ Іоакимомъ. Широкій образъ жизни, какой велъ прото-

попъ Андрей, присутствовавшій на царскихъ пирахъ, а также и его вдовство, обязывающее въ силу прежняго закона, отмѣненнаго соборомъ 1666 года, принять монашество, дали поводъ къ обвиненіямъ его въ недобродѣтельной жизни. Патріархъ Іоакимъ, какъ донесъ царю въ селѣ Преображенскомъ сынъ протопопа Андрея, стольникъ Иванъ Посниковъ, велѣлъ его въ смиреніе посадить на цѣпь безвинно. На другой день утромъ царь уже былъ въ Москвѣ и въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ присутствіи ближнихъ къ нему лицъ, выразилъ патріарху неудовольствіе за то, что онъ, не говоря съ нимъ, послалъ «по его, государева, духовника». Несмотря на просьбу царя, патріархъ не простилъ его духовника до собора и запретилъ ему священнослуженіе и благословеніе. Тяжело было душевное состояніе «тишайшаго», не рѣшавшагося открыто выступить противъ патріарха, посягая на его право наказывать виновныхъ духовныхъ лицъ. За обѣденнымъ столомъ у патріарха по случаю праздника во имя святителя Петра въ Успенскомъ соборѣ, царь, въ присутствіи бояръ, упросилъ патріарха простить своего духовника. Расположеніе царя къ протопопу Андрею и послѣ этого не прекращалось. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ неожиданной смерти царя Алексѣя Михайловича, какъ патріархъ поспѣшилъ свести счеты со своимъ недругомъ, созвавши на него, съ согласія новаго царя, соборъ. Причиной, побудившею патріарха поскорѣе покончить съ протопопомъ Андреемъ, было открытіе, сношеній съ нимъ другого недруга Іоакима—бывшаго патріарха Никона. Соборъ 14 марта 1676 г., подъ предсѣдательствомъ патріарха, безъ всякихъ разсужденій, единогласно опредѣлилъ: непокориваго, гордаго и не боящагося Бога протопопа Андрея, обвинявшагося въ возбужденіи царя на всякое немилосердіе, въ попраніи патріаршей власти, въ возбужденіи вражды между царемъ и патріархомъ и пр., а также и въ томъ, что онъ будто бы обратился къ царю Ѳеодору Алексѣевичу съ просьбой дать ему 2.000 воиновъ, «во еже бы брань начати съ патріархомъ и его убити»—лишить священнаго сана, предать анаѳемѣ и послать въ Кожезерскій монастырь, безъ права входить въ церковь, при чемъ давать ему пищу умѣренную и быть ему въ томъ монастырѣ неисходно въ послушаніи и трудахъ; въ случаѣ искренняго раскаянія протопопа Андрея просить патріарха о постриженіи его въ монашество. Въ своемъ изслѣдованіи докладчикъ приходитъ къ выводу, что соборное осужденіе протопопа Андрея не было актомъ правосудія, а состоялось по настоянію патріарха Іоакима, руководимаго чувствомъ мести къ своему противнику.

Общество исторіи и древностей Россійскихъ. Въ засѣданіи 24 апрѣля премія имени Геннадія Ѳедоровича Карпова, въ пятьсотъ рублей, присуждена С. А. Бѣлокурову за сочиненіе: Юрій Крижаничъ въ Россіи; рецензенту же профессору Московскаго университета М. И. Соколову—за обстоятельный научный разборъ означеннаго сочиненія—присуждена золотая медаль. Въ слѣдовавшемъ затѣмъ обыкновенномъ засѣданіи секретаремъ общества, за окончаніемъ выборнаго срока, избранъ на седьмое трехлѣтіе прежній секретарь Е. В. Барсовъ.

Общество любителей древней письменности. 13-го апрѣля состоялось, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, годовое собраніе. Засѣданіе было открыто выборами на новое трехлѣтіе предсѣдателя, членовъ комитета и ревизіонной комиссіи и выборами почетныхъ членовъ. Предсѣдателемъ общества единогласно выбранъ графъ С. Д. Шереметевъ. Единогласно же выбраны

въ члены комитета: И. А. Бычковъ, Д. Ѳ. Кобеко и Н. П. Кондаковъ; въ члены ревизіонной комиссіи: А. П. Барсуковъ и Г. Ѳ. Штендманъ; въ почетные члены: министръ народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій и Н. В. Покровскій. По окончаніи выборовъ предсѣдателемъ было прочитано слѣдующее: «Нынѣшній 1901 г. особенно знаменателенъ въ лѣтописяхъ нашего общества, приближающагося къ 25-лѣтію своего существованія. Еще въ 1898 г., по почину В. М. Васнецова, возбужденъ былъ вопросъ объ изданіи лицевого иконописнаго подлинника. Починъ этотъ, вызвавъ среди общества полное сочувствіе, привелъ къ образованію при комитетѣ общества особой комиссіи, въ которой приняли участіе слѣдующія лица: протоіерей Хитрово, В. М. Васнецовъ, Н. П. Кондаковъ, Н. В. Покровскій, Н. П. Лихачевъ, Н. В. Султановъ и В. Т. Георгіевскій; когда же неожиданно скончался о. Хитрово, то по указанію почетнаго члена нашего общества митрополита с.-петербургскаго Антонія избранъ былъ вмѣсто почившаго протоіерей В. І. Маренинъ. Такимъ образомъ выдвинулся вопросъ объ изданіи лицевого иконописнаго подлинника подъ сѣнію нашего общества. Благое намѣреніе осчастливлено было высокимъ вниманіемъ Государя Императора и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи значительно расширило свою задачу и привело къ знаменательному указу 19-го марта 1901 г. и къ положенію о высочайше утвержденномъ комитетѣ попечительства о русской иконописи, состоящемъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора. Пріемля съ благоговѣніемъ и съ великою радостью таковое видимое проявленіе державной воли, направляемой къ укрѣпленію и возрожденію русскаго начала въ вѣковомъ и исконномъ нашемъ иконописномъ искусствѣ, общество наше должно почитать себя счастливымъ, что оно не осталось чуждымъ начинанію этого дѣла. Въ высочайше утвержденномъ положеніи попечительства комитету предоставляется приглашать въ засѣданія свои, съ правомъ совѣщательнаго голоса, постороннихъ лицъ, участіе коихъ можетъ оказаться полезнымъ при разсмотрѣніи спеціальныхъ вопросовъ, касающихся различныхъ отраслей и нуждъ иконописнаго дѣла. Тѣмъ самымъ закрѣпляется и дальнѣйшая связь попечительства съ императорскимъ обществомъ любителей древней письменности, столь послужившимъ осуществленію давно сознаваемой потребности къ примѣненію русскихъ началъ къ нашему народному иконописанію. Затѣмъ секретаремъ были прочитаны протоколы комитета и ревизіонной комиссіи, годовой отчетъ за 1900—1901 г. и бюджетъ на 1901—1902 годъ. Главныя данныя отчета и бюджета слѣдующія. Общество, вступая въ 25-й годъ своего существованія, состоитъ изъ 10 почетныхъ членовъ, 33 дѣйствительныхъ (включая учрежденія, подписывающіяся на изданія общества) и 121 членовъ-корреспондентовъ. Неприкосновенныхъ капиталовъ въ обществѣ—52.250 рублей, включая 2.000 рублей, внесенныя въ минувшемъ году Ѳ. Н. Кантемировымъ, и 500 руб., вырученные отъ продажи изданій, пожертвованныхъ графомъ С. Д. Шереметевымъ. Бюджетъ будущаго года составленъ на сумму 12.611 р. 7 к. Въ минувшемъ году общество издало нѣсколько выпусковъ «Памятниковъ древней письменности и искусства»; въ настоящее время готовятся ко дню 25-лѣтняго юбилея общества въ будущемъ году фототипическое изданіе «Ке-

нигсбергскаго списка лѣтописи» и «Описаніе рукописей кн. П. П. Вяземскаго». Первое сообщеніе въ этомъ засѣданіи: «Археологическіе результаты ученой Македонской экспедиціи 1900 года», было сдѣлано Н. П. Кондаковымъ, которому было поручено его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ сформировать и затѣмъ выполнить экспедицію въ Македонію. Экспедиція совершила поѣздку въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1900 г. въ составѣ Н. П. Кондакова, П. А. Лаврова, П. Н. Милюкова, художника Крайнева, архитектора Покрышкина и фотографа. Задачей экспедиціи было историко-этнографическое изслѣдованіе важнѣйшихъ пунктовъ Македоніи; при этомъ роль археологіи была утвердить историческія справки на прочной почвѣ археологическихъ фактовъ и выяснить на памятникахъ христіанской древности значеніе и вліяніе двухъ славянскихъ культуръ, воздѣйствовавшихъ на Македонію въ теченіе тысячелѣтія. Указавъ мѣстности, посѣщенныя экспедиціей, и охарактеризовавъ ихъ, докладчикъ остановился на рядѣ памятниковъ, обслѣдованныхъ экспедиціей. Прежде всего Н. П. Кондаковъ остановился на Солуни, которой принадлежитъ честь представлять на Востокѣ древнѣйшіе христіанскіе памятники: въ этомъ отношеніи съ Солунью не можетъ соперничать даже Константинополь. Докладчикъ обратилъ вниманіе собранія на великолѣпную мозаику въ куполѣ такъ называемой «ротонды» въ Солуни, на церковь св. Софіи, на имѣющую особое значеніе для русскихъ церковь св. Димитрія Солунскаго (лучшая базилика, какая существуетъ, съ оригинальнымъ отношеніемъ пропорцій и съ великолѣпными мраморными колоннами), на рядъ извѣстныхъ солунскихъ церквей особой архитектуры, относимыхъ одними къ XI вѣку, другими, напримѣръ, П. Н. Милюковымъ,—къ XIV вѣку (экспедиція установила, что одна изъ этихъ церквей относится несомнѣнно къ XI вѣку). Изъ отдѣльныхъ предметовъ были упомянуты плиты, которыми вымощенъ полъ одной церкви, съ изображеніями звѣрей (несомнѣнное сходство съ изображеніями на прилѣпахъ Дмитровскаго собора), большая мраморная плита съ эмалью, мраморные амвоны и др. Въ Серрахъ отмѣчена церковь XIV вѣка съ мозаикой, изображающей причащеніе апостоловъ подъ двумя видами; въ монастырѣ села Любботинъ—икона, изображающая чудо сохраненія пояса Пресвятой Богородицы (до сихъ поръ композиція считалась итальянскаго происхожденія). Наиболѣе богатой результатами оказалась поѣздка въ Охриду, гдѣ между прочимъ очень интересны церкви сербской постройки. Характеризуя длинный рядъ другихъ памятниковъ, обслѣдованныхъ экспедиціею, опредѣляя время, къ которому они относятся, и указывая ихъ типичныя черты, Н. П. Кондаковъ въ заключеніе высказалъ слѣдующій выводъ, къ которому привели его наблюденія надъ памятниками Македоніи: предѣлы того, что мы называли до сихъ поръ византійскимъ искусствомъ, должны быть значительно сужены; обращая вниманіе на ходъ византійскаго искусства послѣ завоеванія Константинополя латинами, мы видимъ, что область собственно византійскаго искусства ограничивается округомъ Константинополя, узкимъ райономъ, который на сѣверѣ доходилъ до Адріанополя, на западѣ въ лучшемъ случаѣ до Драма, и что все остальное есть область не византійскаго, а греко-славянскаго искусства, при чемъ въ томъ, что внесено славянами, перевѣсъ несомнѣнный на сто-

ронѣ сербовъ. Далѣе П. А. Лавровъ ознакомилъ собраніе съ текстомъ надписей, обслѣдованныхъ экспедиціей, и далъ къ нимъ свой комментарій. Послѣднее сообщеніе—объ одномъ сборникѣ XVI вѣка, поступившемъ въ 1899 г. въ московскій Публичный музей, было сдѣлано С. О. Долговымъ. Въ члены-корреспонденты избраны: А. П. Бахрушинъ, В. Т. Георгіевскій, Г. А. Ильинскій, М. В. Рубцовъ, С. В. Смоленскій и Г. В. Юдинъ.

Церковно-археологическая комиссія. Для реставраціи гробницъ русскихъ царей, находящихся въ Архангельскомъ соборѣ, образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ протопресвитера І. Л. Янышева. Въ составъ комиссіи вошли: благочинный придворныхъ соборовъ протоіерей Н. В. Благоразумовъ, ключарь Архангельскаго собора священникъ А. Д. Недумовъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскій, профессоръ института гражданскихъ инженеровъ Михайловскій и академики архитектуры В. П. Загорскій и С. У. Соловьевъ. Комиссія осмотрѣла гробницы и пришла къ заключенію о необходимости замѣнить деревянныя покрышки ихъ металлическими. Къ участію въ комиссіи почему-то не было приглашено московское археологическое общество, принимающее, какъ извѣстно, въ лицѣ своей комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, постоянное участіе въ вопросахъ о реставраціи памятниковъ старины.

Географическое общество. І. 11-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова состоялось общее собраніе, на которомъ доложено было о только-что полученныхъ прямыхъ свѣдѣніяхъ объ экспедиціи Козлова и Казнакова, отъ которыхъ не было извѣстій съ конца марта прошлаго года и за участь которыхъ начинали уже безпокоиться; получены письма отъ 24-го іюня и 20-го августа и донесенія отъ 12-го октября фельдфебеля Иванова, оставленнаго начальникомъ склада и метеорологической станціи въ Цайданѣ: письмо отъ 24-го іюня посвящено описаніямъ пути до озера Оримъ-Нора, изслѣдованій его самого и озеръ, его окружающихъ, а также источниковъ рѣки Хуанъ-Хэ; письмо отъ 20-го августа написано изъ бассейна Голубой рѣки. Оригинальнѣе всего, что изъ письма отъ 20-го августа видно, что въ мѣстахъ нахожденія экспедиціи не имѣлось въ то время никакого понятія о китайско-европейской войнѣ, и члены экспедиціи находились съ китайцами въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Въ томъ же засѣданіи К. И. Богдановичъ сдѣлалъ сообщеніе о Чукотскомъ полуостровѣ. Открытія американцами золота на восточномъ берегу Берингова пролива навели насъ на мысль изслѣдованія и нашего берега, тѣмъ болѣе, что геологическія описанія (напримѣръ, Норденшильда) давали возможность думать о продолженіи золотоносныхъ породъ Аляски на Чукотскомъ полуостровѣ; между тѣмъ слухи о произвольныхъ работахъ въ нашихъ владѣніяхъ американцевъ и различныхъ предложеніяхъ лондонскихъ капиталистовъ заставили ускорить изслѣдованіе, и въ 1900 г. весной полковникомъ Вонлярлярскимъ была снаряжена экспедиція, начальство надъ которой принялъ докладчикъ, будучи въ то же время въ ней представителемъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Экспедиція двинулась черезъ Тихій океанъ изъ Санъ-Франциско и въ іюнѣ мѣсяцѣ уже произвела изслѣдованія у бухты Провидѣнія, затѣмъ работы по изслѣдованію были произведены у мыса Чаплина, въ Синявинскомъ

проливѣ, въ проливѣ св. Лаврентія въ пространствѣ отъ мыса Кунтугулена до мыса Дежнева. Изслѣдованія дали мало практическихъ результатовъ, и слухи, передаваемые американцами о золотоносности Чукотскаго полуострова, далеко не совпали съ дѣйствительностью; золото находилось вездѣ, но въ маломъ количествѣ: на 100 пуд. 1—1½ золотн. Но такое положеніе вещей далеко не исчерпываетъ вопроса, ибо экспедицію нужно считать неудачной, благодаря поведенію американскаго капитана и команды парохода, дѣлавшихъ все, чтобы мѣшать и препятствовать успѣшности производимыхъ работъ. Напротивъ геологическія изслѣдованія вполнѣ подтвердили о золотоносномъ продолженіи Аляски на нашу сторону, а также найдены мѣста береговыхъ розсыпей золота; поэтому поставить крестъ на берега Берингова пролива съ экономической точки зрѣнія было бы большой ошибкой. Въ заключеніе въ засѣданіи предсѣдательствующимъ отъ лица общества были высказаны пожеланія успѣха отправляющейся экспедиціи на интересное изслѣдованіе Телецкаго озера въ Алтайскихъ горахъ. II. 1-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ И. В. Мушкетова, въ засѣданіи соединенныхъ отдѣленій по географіямъ математической и физической былъ доложенъ отчетъ В. В. Марковича относительно изслѣдованныхъ имъ ледниковъ Кавказа (Дигоріи). Резюме этого отчета отправлено въ международную ледниковую комиссію; г. Марковичъ посѣтилъ болѣе 10 ледниковъ, открылъ нѣкоторыя новыя скопленія вѣчныхъ льдовъ, лежащихъ въ котловинахъ, не имѣющихъ выхода, что указываетъ на сплошное доисторическое оледенѣніе Кавказа; описанные ледники находятся всѣ въ періодѣ отступанія; попутно съ описаніемъ ледниковъ г. Марковичъ описываетъ жителей Дигоріи и растительное царство и дѣлаетъ по отношенію къ флорѣ цѣлый рядъ новыхъ выводовъ. Въ этомъ же засѣданіи были избраны члены медальной комиссіи: гг. В. В. Витковскій, Ю. М. Шикальскій, Артамоновъ, Рыкачевъ, Герасимовъ, Никитинъ, Бокъ, Каульбарсъ и Тимоновъ. Затѣмъ А. П. Герасимовъ сдѣлалъ докладъ «Очеркъ Олекминской системы золотыхъ пріисковъ Иркутской губерніи». Олекминскій горный округъ распадается на Витимскую южную часть и болѣе обширную сѣверную Олекминскую, которая обратила на себя уже давно вниманіе своей золотоносностью; первыя обстоятельныя работы геологическія и топографическія были сдѣланы тамъ экспедиціей кн. Крапоткина въ 1864 г., затѣмъ въ 1898, 1899 году г. Обручевымъ, и въ 1900 г. изслѣдовалъ этотъ край докладчикъ. Золотое дѣло въ 1900 г. находилось уже въ упадкѣ, въ интенсивной работѣ былъ одинъ только Тихо-Задонскій пріискъ. Золотоносный песокъ въ большинствѣ случаевъ лежитъ на глубинѣ 30 саженъ, имѣетъ толщу до одной сажени, розсыпь, встрѣчаясь въ примѣси съ одной породой минерала, исчезаетъ, переходя въ другую; золото распредѣлено очень неравномѣрно, иногда въ пластѣ встрѣчается 1½, а иногда до 23 золотниковъ; его рѣдко, какъ это ни странно, можно встрѣтить съ кварцемъ, сѣрный же колчеданъ особенно имъ богатъ, гдѣ оно встрѣчается въ видѣ чернаго золота—въ рубашкѣ. Нѣкоторыя привезенные докладчикомъ образцы при анализѣ дали огромный процентъ золота (до 4 ф. на 100 пуд.). Работниками на пріискахъ являются якуты (аборигены края тунгузы куда-то исчезли), народъ очень промышленный и работящій, но крайне падкій до водки и картъ, на которыя и уходятъ всѣ ихъ до-

вольно большіе заработки. Несомнѣнно, какъ говоритъ докладчикъ, страна эта, когда въ ней кончится золотое дѣло обратится въ характерную болотистую пустыню. III. 18-го апрѣля, проѣхали черезъ Москву въ Сибирь члены ученой экспедиціи, снаряженный императорскимъ Русскимъ географическимъ обществомъ для всесторонняго изслѣдованія Телецкаго озера. Озеро это лежитъ въ Алтайскихъ горахъ и принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ въ Россіи, такъ какъ длина его составляетъ около 80-ти верстъ, хотя ширина не превышаетъ 7-ми; изъ него вытекаетъ р. Бія, образующая по соединеніи съ Катунью р. Обь. Хотя озеро это давно извѣстно, но по своей отдаленности и трудной доступности окружающихъ его горныхъ мѣстностей остается еще совершенно неизслѣдованнымъ. Экспедиція снаряжена подъ руководствомъ дѣйствительнаго члена географическаго общества и общества любителей естествознанія, окончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ и оставленнаго при этомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ географіи П. Г. Игнатова, который уже зарекомендовалъ себя опубликованной имъ вмѣстѣ съ Л. С. Бергомъ работой о соленыхъ озерахъ Омскаго уѣзда (Зап. Западно-Сиб. отд. геогр. общ., кн. 28, 1901 г.). Кромѣ того, въ экспедиціи участвуютъ: военный топографъ г. Розоноеръ, горный инженеръ г. Бобятинскій и студенты Лукинъ (Моск. унив.), Суворовъ и Жемчужниковъ (Петерб. унив.). Въ распоряженіе экспедиціи командированы также нѣсколько матросовъ для переѣздовъ по озеру и нѣсколько солдатъ для работъ при производствѣ топографической съемки; всего, вмѣстѣ съ переводчикомъ и проводниками, будетъ участвовать болѣе 20-ти человѣкъ. IV. 20-го апрѣля, въ засѣданіи отдѣленія этнографіи С. Г. Рыбаковъ сдѣлалъ сообщеніе о туркменахъ Закаспійской области на основаніи своихъ наблюденій во время поѣздки туда лѣтомъ 1889 г. Докладчикъ сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ о родовыхъ подраздѣленіяхъ туркменъ, имѣющихъ значеніе для выясненія вопроса о древнѣйшихъ судьбахъ и соотношеніи между собою тюркскихъ племенъ. Туркмены горды своимъ происхожденіемъ, считаютъ себя первымъ народомъ среди тюрковъ, въ чемъ нельзя не видѣть отстатковъ прежняго положенія ихъ до прихода русскихъ, когда они были грозою всей Средней Азіи. Въ настоящее время они смирились съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ, будучи увлечены русской созидательной работой по пути мирнаго широкаго экономическаго развитія. Благодаря трудамъ первыхъ устроителей края—ген. А. В. Комарова и особенно ген. А. Н. Куропаткина, въ краѣ широко поставлены хлѣбопашество, хлопководство, шелководство, садоводство, и туркмены добровольно развиваютъ у себя всѣ эти роды земледѣлія, видя ихъ несомнѣнную пользу для себя, и почти совсѣмъ забыли о прежнемъ хищническомъ образѣ жизни, когда они занимались только набѣгами (аламанами). Туркмены видимо весьма расположены къ Россіи и, напримѣръ, вовсе не одобряли сартовъ за андижанское возстаніе 1897 г. Они все болѣе переходятъ къ осѣдлому образу жизни, въ ихъ поселеніяхъ (оба) наряду съ переносными жилищами-кибитками встрѣчаются уже каменныя постройки, и число кочевниковъ среди нихъ сокращается. Благосостояніе туркменъ не особенно высоко, за исключеніемъ туркменъ-текинцевъ богатаго Мервскаго оазиса, и ихъ поселенія не поражаютъ такимъ обиліемъ скота, какъ у кир-

гизовъ. Скудость воды въ этомъ краѣ обусловливаетъ ея чрезвычайную цѣнность и важность: на почвѣ пользованія происходили иногда недоразумѣнія, такъ какъ уклоненіе отъ правилъ, установленныхъ для пользованія водою, влечетъ за собой гибель виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ и посѣвовъ. Образованіе туркменъ находится въ зачаточномъ состояніи: школъ мало, обучаютъ въ нихъ арабской грамотѣ съ помощью учителей-мусульманъ изъ Закавказья. Исламъ со времени русскаго владычества сдѣлалъ тамъ немалые успѣхи. Въ заключеніе С. Г. Рыбаковъ познакомилъ съ народнымъ творчествомъ туркменъ и демонстрировалъ сдѣланныя имъ записи съ помощью фонографа. Докладчикъ привезъ изъ путешествія до 100 фонограммъ съ записями произведеній народнаго творчества туркменъ, персовъ, афганцевъ, сартовъ, евреевъ и рядъ рукописей съ произведеніями народныхъ поэтовъ туркменъ. Были показаны также туманныя картины. V. 20-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, въ засѣданіи по отдѣленію этнографіи, П. Ѳ. Лобза сдѣлалъ сообщеніе: «Хунхузы въ Манчжуріи». Будучи въ 1897 и 1898 годахъ на изысканіяхъ въ Манчжуріи, докладчикъ довольно близко ознакомился съ дѣятельностью хунхузовъ, т.-е. разбойничьихъ шаекъ, разбросанныхъ по всему краю. Гражданскій бытъ Манчжуріи страдаетъ хроническимъ неустройствомъ; власть же хунхузскихъ шаекъ очень хорошо организована: хунхузы являются даже видомъ признаннаго сословія и промысла. Благодаря лѣсамъ и горнымъ хребтамъ, они дѣйствуютъ безопасно и наводятъ панику не только на отдѣльныхъ жителей, но иногда на цѣлые города, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ назадъ черезъ нашу границу въ станицу Полтавку бросились тысячи бѣглецовъ изъ ближайшаго китайскаго города, подъ вліяніемъ слуховъ, что хунхузы собираются сдѣлать на него нападеніе. Беззащитность населенія противъ хунхуза полная; особенный страхъ они наводятъ на людей имущихъ и купечество, за которыми у нихъ посредствомъ особыхъ агентуръ учрежденъ правильный надзоръ. Въ виду полной безуспѣшности дѣйствій манчжурскихъ регулярныхъ войскъ противъ хунхузовъ жители сами стараются обезопасить свои необходимые переѣзды, нанимаютъ особыя охраны, которыя впрочемъ бѣгутъ при первой встрѣчѣ съ хунхузами; переодѣваются нищими (которыхъ хунхузы не трогаютъ) и наконецъ входятъ въ сдѣлки съ предводителями хунхузовъ, что является наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для безопасности; за захваченныхъ хунхузы требуютъ большіе выкупы, при отказѣ же подвергаютъ свои жертвы страшнымъ истязаніямъ. Сельское населеніе больше всего терпитъ отъ хунхузовъ; любой крестьянинъ переноситъ какія угодно пытки, но не выдастъ мѣстопребыванія хунхузовъ изъ страха передъ ними, китайскій земледѣлецъ имѣетъ только то, что позволяется ему имѣть хунхузомъ, вотъ почему при всемъ своемъ трудолюбіи онъ такъ бѣденъ и почему среди сельскаго класса такое однообразное распредѣленіе имущества. Вліяніе хунхуза на экономическое развитіе страны вообще очень пагубно; лѣса Манчжуріи при правильной разработкѣ дали бы большой доходъ, что повело бы къ процвѣтанію страны; въ настоящее же время при наличности огромнаго лѣсного матеріала Манчжурія отапливается какимъ-то жалкимъ дорогимъ хворостомъ, и все это благодаря хунхузамъ. При такихъ условіяхъ сочувствіе постройкѣ русской желѣзной дорогѣ особенно со стороны

торговаго класса въ Манчжуріи является естественно, хунхузы же всѣ ненавидятъ и боятся русскихъ, въ которыхъ они видятъ для себя большую опасность. Составъ хунхузскихъ шаекъ очень разнообразенъ: сюда входятъ пролетаріи, много людей обиженныхъ и оскорбленныхъ властями, много бѣглецовъ изъ регулярныхъ войскъ, при чемъ китайцы чаще дезертируютъ изъ-подъ знаменъ, чѣмъ манчжуры, почему китайскій элементъ и преобладаетъ у хунхузовъ. Народная масса приписываетъ процвѣтаніе разбойничества произволу и недобросовѣстности мѣстныхъ властей. Шайки хунхузовъ имѣютъ правильную организацію, подчиняются обыкновенно они одному главарю, имѣющему власть надъ жизнью и смертью отдѣльныхъ членовъ; дисциплина крайне строгая, благодаря чему они очень бдительны, и застать ихъ врасплохъ трудно; молодечествомъ и дерзостью хунхузы не отличаются: застигнутые нечаянно они сдаются безъ боя; всѣ они вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое достаютъ какимъ-то образомъ во Владивостокѣ и Никольскѣ; порохъ у нихъ самодѣльный. Пойманные хунхузы подвергаются пыткамъ и обезглавленію, трупы бросаются собакамъ, а головы развѣшиваются въ клѣткахъ на деревьяхъ по дорогамъ, что впрочемъ мало производитъ впечатлѣнія. Палачи, совершающіе казни надъ хунхузами, не пользуются презрѣніемъ и зачислены по своей профессіи въ мясной цехъ.

Минусинскій мѣстный музей и общественная библіотека. Главное событіе въ существованіи музея за 1900-й годъ—ассигнованіе ему ежегоднаго пособія изъ средствъ государственнаго казначейства по 1500 рублей въ годъ, такъ какъ до сихъ поръ музей существовалъ, только благодаря пожертвованіямъ и даровому труду ближайшихъ къ музею лицъ. Въ ближайшемъ будущемъ комитетъ музея имѣетъ въ виду пополнить, увеличить и улучшить коллекціи, расширить помѣщеніе, перенести и устроить въ новомъ зданіи библіотеку, составить маршрутъ для экскурсій, организовать постоянныя, но смѣняемыя, выставки съ объясненіями въ музеѣ, составить и издать очеркъ 25-лѣтія музея и каталогъ нѣкоторыхъ группъ находящихся въ музеѣ предметовъ. Въ общемъ въ музей за 1900-й годъ поступило всего 2.573 предмета и къ 1901-му состоитъ 54.126 предметовъ; изъ нихъ по естественно-историческому отдѣлу поступило 864, состоитъ 19.175, по антропологическому поступило 4, состоитъ 514, по этнографическому поступило 33, состоитъ 2.354, по археологическому поступило 654, состоитъ 13.561, по горнопромышленному поступило 39, состоитъ 1.131, по промышленному поступило 1, состоитъ 2.049, по сельско-хозяйственному поступило 30, состоитъ 2.914, по нумизматическому поступило 37, состоитъ 2.469, по образовательному поступило 792, состоитъ 9.237, по отдѣлу г. Минусинска поступило 115, состоитъ 462, по лабораторіи поступило 4, состоитъ 260. Изъ поступленій всего больше собрано специальными экскурсіями, около 1.000 пріобрѣтено на деньги, прочее пожертвовано. По количеству и цѣнности поступленій первое мѣсто занимаетъ археологическій отдѣлъ. Изъ пожертвованій самое цѣнное—каменная баба отъ П. И. Сафьяновой. Посѣтителей за весь годъ было болѣе 9.000 человѣкъ, въ томъ числѣ много иногороднихъ и нѣсколько иностранцевъ. Завѣдующій музеемъ сдѣлалъ на специальныя средства, пожертвованныя Н. П. Барташевымъ, рядъ небольшихъ и 7 бо-

лѣе дальнихъ экскурсій, существенно обогатившихъ музей и значительно пополнившихъ географическія свѣдѣнія о краѣ. По части изданій 1900-й годъ вышелъ особенно выдающимся: закончены выпуски 2-й и 4-й «описанія» музея, напечатана часть 3-го выпуска, отчетъ за 1899 годъ и начато печатаніе каталога библіотеки съ отдѣла книгъ о Сибири. Изъ этихъ изданій по 150 было разослано въ разныя учрежденія, жертвователямъ и сотрудникамъ, по 25 выдано авторамъ и по 10 сдано для продажи въ книжный магазинъ Макушина. Произведены разныя работы по систематизаціи музея и составленію каталоговъ. Приходъ составилъ 1.720 рублей (изъ нихъ 1.500 рублей правительственнаго пособія), а расходъ 1.734 рублей 21 к. и, кромѣ того, изъ спеціальныхъ средствъ на экскурсіи 130 рублей. Минусинская общественная библіотека вступила въ 23-й годъ существованія и увеличилась на 647 названій въ 784 томахъ на сумму 1.072 рублей 76 к., такъ что къ концу года заключала въ себѣ 15.849 названій въ 20.064 томахъ на сумму 28.208 рублей 47 коп. По отдѣламъ библіотека всего болѣе увеличилась сочиненіями о Сибири, по естествознанію и на иностранныхъ языкахъ. Книгами пользовалось до 200 человѣкъ, изъ нихъ 95 платныхъ, 105 безплатныхъ. Доходъ составилъ 246 рублей 30 коп., расходъ —511 рублей 51 к. Завѣдующіе библіотекою питаютъ особенную надежду, что приближающееся 25-лѣтіе библіотеки привлечетъ къ ней усиленное вниманіе общества, что́, въ свою очередь, поведетъ къ ея дальнѣйшему обогащенію и преуспѣянію.

Библіологическое общество. Засѣданіе 15-го апрѣля было посвящено обсужденію вопроса о юбилейномъ чествованіи 200-лѣтія печати, исполняющагося въ январѣ 1903 года. Не входя въ разсмотрѣніе деталей, собраніе постановило учредить особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Н. М. Лисовскаго, которая бы выработала планъ чествованія и приступила къ его осуществленію. Затѣмъ В. Н. Кораблевъ сдѣлалъ докладъ о вышедшихъ на нѣмецкомъ языкѣ книгахъ г-жи Гофманъ и г. Цабеля о Ѳ. М. Достоевскомъ. Первая книжка, по словамъ докладчика, содержитъ въ себѣ много новаго матеріала и писемъ Достоевскаго. Затѣмъ В. Ѳ. Боцяновскій доложилъ собранію о новомъ спискѣ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина, принадлежащемъ Д. В. Лодыженскому. Рукопись представляетъ собою небольшую тетрадку изъ старой синеватой бумаги, относящейся, судя по водянымъ знакамъ, къ двадцатымъ годамъ XIX столѣтія. Тщательно переписанная самимъ Пушкинымъ рукопись, однако, испещрена множествомъ поправокъ и рисунковъ Пушкина. Варіанты весьма любопытны, такъ какъ есть около 20 совершенно новыхъ стиховъ и цѣнныхъ разночтеній. Рукопись, по мнѣнію докладчика, относится къ августу 1820 года, когда Пушкинъ былъ на Кавказѣ вмѣстѣ съ семействомъ Раевскихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ имѣющаяся на рукописи помѣтка «Кубань», а также и то, что рукопись представляется по редакціи однимъ изъ самыхъ раннихъ списковъ поэмы. Въ томъ же собраніи избраны въ дѣйствительные члены академикъ В. И. Ламанскій, А. В. Андреевъ, И. М. Гревсъ, Л. Звѣринцевъ, А. Р. Ивановъ и Н. П. Дучинскій.

Русское библіографическое общество. 11-го апрѣля въ библіотечной залѣ Московскаго университета подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Кирпич-

никова происходило засѣданіе временнаго комитета русскаго библіографическаго общества по организаціи празднованія 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати. Секретарь общества доложилъ, что пока намѣчена слѣдующая программа празднованія юбилея. Предположено устроить: 1) выставку русскихъ періодическихъ изданій за 200 лѣтъ, хотя бы по одному выпуску каждаго изданія, съ присоединеніемъ по возможности портретовъ редакторовъ, издателей и выдающихся сотрудниковъ; 2) устроить въ Москвѣ убѣжище для дѣятелей періодической печати, потерявшихъ способность къ работѣ; 3) избрать постоянный юбилейный комитетъ съ соотвѣтствующими секціями и 4) печатать протоколы его засѣданій въ видѣ періодическаго изданія. Предсѣдательствующій заявилъ, что въ виду отсутствія у временнаго комитета необходимыхъ средствъ для разработки и исполненія намѣченной программы онъ вынужденъ предложить присутствующимъ представителямъ печати обложить представляемыя ими изданія взносомъ въ 10 рублей для полученія права принимать участіе въ работахъ предварительнаго комитета. Рѣшено взимать также по 10 рублей и съ тѣхъ редакцій русскихъ органовъ, которые пожелаютъ участвовать на предстоящей выставкѣ. Съ новыми предложеніями выступилъ редакторъ Будильника В. Д. Левинскій, высказавшій мнѣніе, что наилучшими видами празднованія юбилея были бы: 1) постановка въ Москвѣ памятника императору Петру I, какъ иниціатору русской періодической прессы, на средства, собранныя по подпискѣ московскими или всероссійскими органами печати; 2) основаніе общедоступной ежедневной газеты для народа, которая бы издавалась библіографическимъ обществомъ на субсидію отъ правительства, и 3) устройство по случаю юбилея праздника въ большой залѣ благороднаго собранія—для интеллигенціи и гулянія въ манежѣ—для народа. Всѣ эти предложенія были отклонены собраніемъ, что же касается до устройства юбилейнаго праздника, то предсѣдательствующій замѣтилъ, что онъ имѣется въ виду и комитетомъ, который рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ составить и напечатать къ юбилею списокъ всѣхъ русскихъ періодическихъ изданій за 200 лѣтъ.

Академическій Пушкинъ. Послѣ смерти академика Л. Н. Майкова редактированіе академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина перешло къ состоящей при академіи наукъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ академика И. Н. Жданова и при участіи академика А. Н. Веселовскаго и Ѳ. Е. Корша. Въ качествѣ сотрудниковъ приглашены, по сообщенію «Русскихъ Вѣдомостей», В. И. Саитовъ и В. Е. Якушкинъ; первому поручено подготовить для печати письма А. С. Пушкина, второму—остальныя сочиненія. Комментаріи будутъ составляться какъ комиссіей, такъ и сотрудниками.

Русское собраніе. 22-го апрѣля, состоялось первое общее засѣданіе членовъ русскаго собранія. Изъ общаго числа 411 членовъ собралось 115 человѣкъ. Собраніе было открыто рѣчью предсѣдателя князя Д. П. Голицына, въ которой онъ выяснилъ главныя причины учрежденія собранія и выразилъ надежду, что оно будетъ въ состояніи помочь русскимъ нуждамъ во всѣхъ областяхъ русской жизни. «Русское собраніе,—сказалъ онъ,—должно быть учрежденіемъ, куда могъ бы обратиться за нравственной поддержкой всякій русскій труженикъ на всѣхъ поприщахъ созидательной работы». Затѣмъ предсѣ-

датель доложилъ собранію о первыхъ шагахъ дѣятельности совѣта, который, впредь до выясненія необходимости учрежденія особыхъ отдѣловъ, постановилъ образовать нѣсколько предварительныхъ особыхъ совѣщаній: по издательскому дѣлу, по устройству чтеній, по художественно-музыкальной части, по вопросамъ права, народнаго хозяйства, по устройству образовательныхъ поѣздокъ, книгохранилищъ, читаленъ и т. п. Послѣ вступительныхъ словъ предсѣдателя членъ совѣта собранія А. В. Васильевъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ объяснилъ тѣ исконныя божественныя творческія начала русскаго народнаго духа, коихъ выясненіе и проведеніе въ жизнь собраніе поставило первою своею задачею. Онъ намѣтилъ тѣ признаки, по которымъ въ современныхъ проявленіяхъ нашей духовной и обиходной самобытности мы можемъ усмотрѣть жизненныя начала и, отметая частное и уже осужденное исторіей, всѣ силы нашей любви и заботливости обращать на поддержаніе и развитіе жизнеспособнаго. Товарищъ предсѣдателя С. Н. Сыромятниковъ указалъ на необходимость изученія русской исторіи при всякомъ государственномъ и общественномъ домостроительствѣ въ Россіи. «Я увѣренъ, — сказалъ онъ, — что сырыя курныя избы русской общественности, скромный, но дорогой намъ пережитокъ нашей самобытной старины, будутъ перестроены нашими потомками въ великолѣпные дворцы, но намъ надо теперь же работать, чтобы дворцы эти были построены не въ романскомъ и не въ готическомъ стилѣ, а въ нашемъ исконномъ русскомъ». Членъ собранія С. Ѳ. Шараповъ выразилъ свою радость, что въ виду организаціи иностранныхъ силъ, работающихъ въ Россіи и противъ нея, русскіе люди также нашли возможность сплотиться въ русское общество съ цѣлью развитія русской гражданственности, общественности и образованія. Онъ доказывалъ, что русскіе инородцы готовы подчиниться русскому образовательному вліянію, и что развитіе русской образованности будетъ неминуемо усиливать вліяніе русскаго населенія имперіи на инородцевъ. Членъ совѣта В. Л. Величко въ двухъ прочувствованныхъ рѣчахъ указалъ на начала терпимости и внѣсословности, благопріятно отличающія русскихъ общественныхъ дѣятелей отъ инородческихъ, и отмѣтилъ, что противъ сближенія съ русскимъ народомъ выступаетъ главнымъ образомъ инородческій образованный классъ. Подтверждая эту мысль, членъ совѣта Н. А. Энгельгардтъ сказалъ, что низшіе классы инородческаго населенія представляютъ собою въ Россіи такой же вѣрноподданный элементъ, какъ и русскіе по происхожденію, а что для борьбы съ представителями инородческой интеллигенціи нужна русская общественная школа, каковою и должно явиться русское собраніе. Членъ совѣта В. В. Комаровъ въ блестящей рѣчи выяснилъ сердечныя основы русскаго братства и выразилъ увѣренность, что взаимная любовь и довѣріе, связывающія нынѣ членовъ русскаго собранія, являются залогомъ его преуспѣянія и успѣшнаго выполненія поставленныхъ имъ себѣ задачъ. Въ происшедшихъ выборахъ собраніе избрало 23 лица въ дѣйствительные члены. Предсѣдатель далъ отчетъ о состояніи денежныхъ дѣлъ общества, объявилъ, что торжественное открытіе собранія состоится осенью, и что за невозможностью для него въ теченіе мая исполнять обязанности по управленію дѣлами общества онъ временно передаетъ съ конца апрѣля обязанности эти товарищу предсѣдателя С. Н. Сыромятникову.

Палестинское общество. 8-го апрѣля, состоялось общее собраніе императорскаго православнаго палестинскаго общества для выслушанія отчета за истекшій годъ. Въ числѣ скончавшихся членовъ своихъ общество потеряло протоіерея П. А. Лебедева, представителя министерства иностранныхъ дѣлъ въ совѣтѣ общества Д. Л. Лисовскаго, вице-предсѣдателя Н. Н. Селифонтова и М. П. Соловьева; въ собраніи былъ сдѣланъ очеркъ дѣятельности этихъ энергичныхъ членовъ общества, и затѣмъ память ихъ была почтена вставаніемъ. Въ отчетномъ году общество по докладу министра иностранныхъ дѣлъ получило изъ суммъ министерства заимообразно 500 тысячъ рублей съ погашеніемъ изъ тѣхъ 30 тысячъ рублей, которыя два года назадъ были пожалованы обществу, какъ ежегодное пособіе. Общее число членовъ общества превзошло 5.000 ч., чему въ большой степени содѣйствовали 41 епархіальный отдѣлъ. Обыкновенный доходъ общества составили 383.382 рублей, расходъ—360.301 р. Приводя эти цифры къ рублю, въ каждомъ рублѣ дохода членскихъ взносовъ было 13 коп., пожертвованій—70 коп., въ томъ числѣ сбора въ Вербную недѣлю—48 коп., процентовъ на бумаги—4 коп., продажа изданій—1 коп. и отъ паломниковъ—12 коп.; въ рублѣ расхода приходится: на поддержаніе православія—32 коп., на пособіе паломниковъ—35 коп., на ученыя изданія и изслѣдованія—3 коп., на сборъ пожертвованій—9 коп. и на общіе расходы—16 коп. Каждый паломникъ обошелся обществу въ 16 р. 18 коп., а за исключеніемъ полученныхъ отъ каждаго 3 р. 80 коп. — 12 руб. 38 коп., каждый ученикъ обошелся въ 23 руб. 21 коп. Кромѣ того, чрезвычайныхъ расходовъ было произведено на 74.852 руб., главнымъ образомъ на новыя сооруженія и обзаведенія школъ. Затѣмъ переходящихъ суммъ прихода было 373.157 рублей и по расходу 372.771 р. Весь оборотъ общества такимъ образомъ достигъ значительной суммы 2.183.716 рублей. Смѣта общества на текущій годъ исчислена въ 400 тыс. рублей. Что касается паломническаго дѣла, то общество отъ бывшей палестинской комиссіи наслѣдовало лишь помѣщенія, разсчитанныя на 804 паломника, и нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ въ домѣ русской духовной миссіи, но и общее число паломниковъ тогда не превышало 1.000, въ настоящее время ихъ бываетъ около 5 тыс. человѣкъ. Такое увеличеніе паломниковъ, для которыхъ при всемъ стараніи нельзя было найти помѣщеній, постоянно составляло заботу общества, и теперь наконецъ съ полученіемъ ссуды въ 500 тыс. рублей общество имѣетъ возможность приступить къ постройкѣ каменныхъ подворій. Предположено къ западу отъ Елизаветинскаго подворья на свободномъ мѣстѣ русскихъ подворій выстроить вмѣсто нынѣ существующей ограды три двухъэтажныхъ флигеля на 1.554 кровати, что въ случаѣ надобности можетъ дать ночлегъ для 3.000 паломниковъ. Переходя къ дѣлу поддержанія православія, отчетъ отмѣчаетъ быстрый ростъ училищной дѣятельности общества въ Палестинѣ. Въ 1882 году была открыта обществомъ первая школа въ Св. Землѣ на 30 дѣтей съ 1 учителемъ, между тѣмъ какъ послѣдняя смѣта на наступившій 1901—1902 годъ исчислена на 82 учебныхъ заведенія съ 9.625 учащимися и учебнымъ составомъ почти въ 400 лицъ. Конечно, это еще далеко отъ полнаго осуществленія цѣли. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Палестинѣ и Сиріи находится до 250.000 православнаго населенія, въ которомъ можно

считать не менѣе 30 тыс. дѣтей школьнаго возраста, обученіе ихъ всѣхъ потребовало бы до 300 школъ низшихъ и, по крайней мѣрѣ, двѣ среднихъ. Для этого потребуется 430 тыс. рублей, т. е. въ три раза болѣе той суммы, которая расходуется теперь. Въ отдѣленіи ученыхъ изданій и изслѣдованій главное вниманіе было обращено на изданіе дешевыхъ книгъ, касающихся Св. Земли и приспособленныхъ къ пониманію массы. Издавались главнымъ образомъ чтенія о Св. Землѣ, число которыхъ достигло 65. Въ прошломъ году число чтеній дошло до 8 тыс. съ 2 милл. посѣтителей. По выслушаніи доклада общее собраніе постановило выразить глубокую благодарность всѣмъ служащимъ въ обществѣ за ихъ труды и дѣятельность. Затѣмъ въ почетные члены избраны: Флавіанъ, архіепископъ карталинскій и кахетинскій, экзархъ Грузіи; Анастасій, епископъ олонецкій и петрозаводскій, Антоній, епископъ уфимскій и мензелинскій, Іоанникій, епископъ архангельскій и холмогорскій, Никодимъ, епископъ приамурскій и благовѣщенскій, С. Ю. Витте, графъ В. Н. Ламздорфъ, В. Н. Коковцовъ, князь В. С. Оболенскій, Н. Г. Гартвигъ, Н. Сюрзокъ и Б. В. Штюрмеръ; въ помощники предсѣдателя избранъ М. П. Степановъ, предсѣдателемъ отдѣленія ученыхъ изданій и изслѣдованій Д. Ѳ. Кобеко и въ члены совѣта: прот. Е. И. Мегорскій, П. И. Остроумовъ, М. Т. Преображенскій и Л. Ѳ. Рагозинъ.

НЕКРОЛОГИ.

БОГУШЕВИЧЪ, Ю. М. 7 мая, въ Спб. скончался дѣйств. статскій сов., бывшій редакторъ издающейся при «Правительственномъ Вѣстникѣ» народной газеты «Сельскій Вѣстникъ». Покойный родился въ 1835 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, на факультетѣ восточныхъ языковъ; въ 1860-хъ гг. издавалъ «Литературную Библіотеку», въ 1870-хъ «Собесѣдникъ», въ 1880-хъ редактировалъ «Русскій Хозяинъ», а потомъ «Сельскій Вѣстникъ»; послѣдній журналъ былъ въ полномъ смыслѣ слова дѣтищемъ Ю. М., и, несмотря на тяжелую болѣзнь (параличъ), онъ работалъ надъ дорогимъ ему дѣломъ съ большою и рѣдкою энергіею. Служебная карьера Ю. М. проходила въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Изъ болѣе видныхъ печатныхъ трудовъ Ю. М. Богушевича слѣдуетъ упомянуть: «Новое предпріятіе нашихъ студентовъ» («Сборникъ, изд. студентами Петерб. унив.», вып. I, Спб., 1857 г.); «Гюлистанъ Саади» (тамъ же); «Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ» (издатели: Н. Бенардаки и Ю. Богушевичъ, 4 выпуска, Спб., 1858 г.); «О крестьянскомъ малоземеліи въ связи съ помѣщичьимъ хозяйствомъ» (Спб., 1881 г.); «Льняная промышленность въ Россіи» (Спб., 1885 г.).

† **Верховскій, В. П.** 5-го мая въ Спб. скончался извѣстный военный педагогъ, состоящій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, почетный членъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи, генералъ-лейтенантъ Василій Парѳеновичъ Верховскій. Покойный родился въ Смоленской губ. 26 іюля 1838 г., образованіе получилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Михайловской артиллерійской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1860 г. Вся служба покойнаго посвящена была педагогической дѣятельности. Въ теченіе 27 лѣтъ онъ состоялъ въ Михайловской артиллерійской академіи репетиторомъ и преподавателемъ, затѣмъ въ теченіе 6 лѣтъ (съ 1865 г.) былъ помощникомъ инспектора классовъ 1-го Павловскаго военнаго училища и (съ

1873 г.) инспекторомъ классовъ 2-го военнаго Константиновскаго училища. Въ 1884 году В. П. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1886 г. назначенъ директоромъ императорскаго гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института и начальникомъ гатчинской женской гимназіи. Въ 1887 г. В. П. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса. На этомъ посту покойный оставался въ продолженіе 14 лѣтъ, до 1900 г., когда былъ прикомандированъ къ главному управленію военно-учебныхъ заведеній. Изъ знаковъ отличія и орденовъ В. П. имѣлъ всѣ ордена до Владимира 2-й степени включительно. Въ лицѣ покойнаго военныя учебныя заведенія потеряли опытнаго педагога, всесторонне-образованнаго, пользовавшагося общею любовью учащихся. (Некрологи его: «Нов. Время» 1901, № 9047; «Россія» 1901, № 727).

† **Евреиновъ, А. А.** Недавно, въ г. Уфѣ, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ изъ Петербурга, скончался инженеръ-технологъ, поэтъ и беллетристъ, Алексѣй Алексѣевичъ Евреиновъ. Смерть его была совершенно неожиданной, такъ какъ онъ уѣхалъ въ Уфу, приглашенный на службу губернской земской управой, вполнѣ здоровымъ и по своему крѣпкому тѣлосложенію, казалось, былъ застрахованъ на многіе годы отъ расчета съ жизнью. Передъ отъѣздомъ въ Уфу А. А. занятъ былъ составленіемъ сборника своихъ стихотвореній, который предполагалъ издать въ Москвѣ. Стихотворенія Евреинова, въ которыхъ онъ являлся чистымъ эстетикомъ, печатались въ «Вѣстникѣ Европы», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи» и «Сѣверѣ», а разсказы,—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Богатствѣ». Редакціею послѣдняго журнала принятъ его посмертный разсказъ, который, надо полагать, появится въ ближайшей книжкѣ журнала. Скончался Евреиновъ на 41 году. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 719).

† **Іоанникій (Иванъ Надеждинъ).** 29-го апрѣля, въ Кіево-Печерской лаврѣ, скончался, послѣ тяжелыхъ страданій, проживавшій на покоѣ бывшій епископъ архангельскій и холмогорскій, преосвященный епископъ Іоанникій. Почившій владыка (въ мірѣ—Иванъ Надеждинъ) уроженецъ Пензенской губерніи, родился 25-го іюля 1837 года. Въ 1863 году окончилъ курсъ ученія въ Пензенской духовной семинаріи и былъ опредѣленъ учителемъ въ пензенское духовное училище. Въ 1863 г. онъ принялъ иноческій постригъ съ именемъ «Іоанникія» и былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха. Для продолженія своего образованія онъ поступилъ въ Московскую духовную академію, курсъ наукъ въ которой окончилъ въ 1880 г., со степенью кандидата богословія, и былъ назначенъ преподавателемъ ростовскаго духовнаго училища. Въ 1882 г. о. Іоанникій былъ опредѣленъ смотрителемъ задонскаго училища, а спустя три года—инспекторомъ Пензенской духовной семинаріи. Возведенный въ 1888 г. въ санъ архимандрита, о. Іоанникій назначенъ былъ ректоромъ Якутской духовной семинаріи; а въ 1892 г.—былъ перемѣщенъ на тотъ же постъ ректора въ Могилевскую духовную семинарію. Въ слѣдующемъ году состоялось высочайшее повелѣніе о бытіи архимандриту Іоанникію—епископомъ уманскимъ, викаріемъ кіевской митрополіи. Въ 1896 г. преосвященный Іоанникій былъ призванъ къ самостоятельному управленію архіерейскою каѳедрою: архангельскою

и холмогорскою. Въ текущемъ 1901 году архипастырь, по нездоровью и слабости силъ, сложилъ съ себя бремя управленія архангельскою епархіею и въ февралѣ мѣсяцѣ удалился на покой въ Кіево-Печерскую лавру. (Некрологи его: «Нов. Время» 1902, № 9041; «Россія» 1901, № 727).

† **Качановскій, В. В.** 11-го апрѣля, въ Нѣжинѣ, скончался ординарный профессоръ историко-филологическаго иститута кн. Безбородко, ученый славистъ Владиміръ Васильевичъ Качановскій. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія, род. 1 марта 1853 года. По окончаніи курса въ литовской духовной семинаріи онъ поступилъ въ С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ, откуда перевелся въ Варшавскій университетъ. Выйдя изъ университета со званіемъ кандидата историко-филологическихъ наукъ, В. В. былъ командированъ за границу для подготовленія къ профессорскому званію. Еще будучи студентомъ, онъ избралъ своею спеціальностью славянскую литературу, во время заграничной поѣздки интересовался главнымъ образомъ славянскими землями, изучая ихъ старину, особенности ихъ языка, быта и нравовъ. Въ 1882 году В. В. защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Неизданный дубровницкій поэтъ Глеговичъ», черезъ четыре года былъ приглашенъ читать лекціи въ Казанскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, въ 1888 г. занялъ каѳедру славянскаго и русскаго языка въ историко-филологическомъ институтѣ въ Нѣжинѣ. Досугъ своей тринадцатилѣтней профессорской дѣятельности покойный посвящалъ изслѣдованіямъ славянской литературы и исторіи. Ему принадлежитъ множество ученыхъ работъ, напечатанныхъ въ разныхъ ученыхъ и общихъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно же въ «Вѣстникѣ Славянства». Этотъ журналъ былъ любимымъ дѣтищемъ покойнаго. Онъ основалъ его въ 1888 г. и велъ въ теченіе 8 л., отдавая ему свои познанія и сбереженія. В. В. выпустилъ 11 книгъ «Вѣстника», печатая въ немъ свои изслѣдованія по исторіи Сербіи и Болгаріи и разборы памятниковъ южно-славянскихъ народностей. Собранныя имъ въ Болгаріи пѣсни изданы академіей наукъ подъ заглавіемъ «Памятники болгарскаго народнаго творчества». Покойный помѣстилъ въ «Новомъ Времени» рядъ писемъ о Болгаріи, Сербіи, Македоніи и проч. Въ послѣднее время онъ дѣятельно готовился къ защитѣ докторской диссертаціи и съ этою цѣлью уже закончилъ большой трудъ «Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV вѣка». Похороненъ В. В. на своей родинѣ, въ Гродненской губерніи. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1901, № 9033).

† **де-Колонгъ, И. П.** Морская семья нашего военнаго флота 15-го мая похоронила выдающагося своего ученаго дѣятеля, генералъ-майора Ивана Петровича де-Колонга. Родился онъ въ 1839 г. въ Курляндской губерніи, происходилъ отъ стараго дворянскаго рода французскаго дома де-Колонговъ, эмигрировавшаго въ Россію во время французской революціи 1789 года. И. П. воспитаніе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; по окончаніи курса въ корпусѣ онъ слушалъ лекціи математики въ С.-Петербургскомъ университетѣ и уже въ чинѣ мичмана обращалъ на себя вниманіе своими разносторонними знаніями и трудолюбіемъ. Морская эмеритальная касса обязана ему продолженіемъ работъ математика Буняковскаго. Къ этимъ работамъ И. П. приложилъ новый, болѣе упрощенный методъ вычисленій. Какъ спеціалистъ по вычисленію эме-

ритуры, онъ былъ во главѣ дѣла по учрежденію эмеритальныхъ кассъ военнаго вѣдомства, путей сообщенія, горной кассы, нѣкоторыхъ епархіальныхъ и земскихъ кассъ. Свои знанія по морскому дѣлу И. П. приложилъ къ компасу, какъ къ главному руководителю въ кораблевожденіи. Онъ упростилъ способы опредѣленія девіаціи, т. е. уклоненія компаса. А такъ какъ начало его службы въ морскомъ вѣдомствѣ совпало съ началомъ постройки мониторовъ, броненосцевъ и вообще желѣзныхъ и стальныхъ кораблей, металлъ которыхъ сильно вліялъ на компасъ, то И. П. посвятилъ себя изученію этого дѣла и пріобрѣлъ міровую славу въ уничтоженіи девіаціи компаса при новомъ желѣзномъ судостроеніи. Своего метода онъ не скрывалъ, показывалъ его на всѣхъ международныхъ выставкахъ, и компасы де-Колонга вошли въ курсы морскихъ наукъ Англіи, Франціи и другихъ государствъ. Почти всѣ коммерческіе океанскіе пароходы нынѣ плаваютъ съ компасомъ де-Колонга или съ нѣкоторыми видоизмѣненіями его, съ компасомъ Томсона. Попутно съ магнитнымъ вліяніемъ разныхъ силъ на компасъ, И. П. занимался земнымъ магнетизмомъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. На всемірныхъ выставкахъ изобрѣтенія и открытія де-Колонга всегда удостоивались первыхъ наградъ. Научныя работы И. П. разбросаны въ «Морскомъ Сборникѣ», въ разныхъ иностранныхъ изданіяхъ и въ запискахъ императорской академіи наукъ, въ которой онъ числился членомъ-корреспондентомъ. (Некрологъ его: «Россія» 1901 г., № 737).

† **Кутейниковъ, Н. С.** Въ ночь на 27-е апрѣля скончался послѣ тяжкой продолжительной болѣзни писатель-публицистъ Николай Степановичъ Кутейниковъ. Н. С. родился въ Архангельскѣ въ 1840 году. По окончаніи курса въ Петрозаводской гимназіи, Н. С. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на юридическій факультетъ. Выйдя изъ университета со степенью кандидата юридическихъ наукъ, онъ опредѣлился на службу въ министерство государственныхъ имуществъ и занялся обстоятельнымъ и подробнымъ изученіемъ вопросовъ крестьянской реформы. Досуги своей службы Н. С. посвящалъ занятіямъ по исторіи и политическимъ наукамъ, а также изученію англійскаго и польскаго языковъ. Въ молодости покойный былъ большимъ поклонникомъ музыки; онъ и дебютировалъ въ печати статьей объ итальянской оперѣ (въ «Сѣверной Пчелѣ» въ 1864 году). Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени онъ не разставался съ журналистикой, посвящая ей свой публицистическій талантъ, знаніе вопросовъ внутренней жизни Россіи и любовь къ труду. Н. С. сотрудничалъ въ 60-хъ годахъ въ «Народномъ Богатствѣ», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ», печатая преимущественно статьи по крестьянскому вопросу и критическія статьи: «Политическая характеристика Гервинуса», «О книгѣ Мекензи Уоллеса» и др. По совѣту своего учителя англійскаго языка, извѣстнаго сыровара Н. В. Верещагина, покойный одновременно съ газетнымъ сотрудничествомъ занялся переводами. Его первый переводъ книги Смайльса «Self help», изданный подъ заглавіемъ «Самодѣятельность», имѣлъ большой успѣхъ и, дополненный фактами изъ русской жизни, выдержалъ 7 изданій. Затѣмъ имъ переведены «Жирондисты» Ламартина (два тома), нѣсколько книгъ Диксона (автора «Новой Америки»), труды Мена и Лавеле по изслѣдованію общиннаго землевладѣнія. Въ «Отечественныхъ За-

нискахъ» Н. С. работалъ подъ псевдонимомъ Поповскаго, въ 70-хъ годахъ былъ приглашенъ сотрудничать въ «Молвѣ» и съ 1876 года всецѣло посвятилъ свою дѣятельность «Новому Времени», гдѣ до конца 1880-хъ годовъ редактировалъ отдѣлъ «Внутреннихъ извѣстій» и печаталъ передовыя статьи главнымъ образомъ по крестьянскому вопросу. За послѣднія десять лѣтъ Н. С. ограничилъ свое участіе въ «Новомъ Времени» годовыми обзорами законодательной дѣятельности въ Россіи. Какъ человѣкъ, Н. С. былъ удивительно скроменъ и отзывчивъ на всякое полезное и хорошее дѣло. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» Н. С. Кутейниковъ напечаталъ слѣдующія статьи: «Мицкевичъ и виленскіе Филареты» (1884 г., XVIII т., декабрь, стр. 754); «Воспоминанія Одынца» (1885 г., XXI т., іюль, стр. 142); «Агонія Польши» (1886 г., XXVI т., октябрь, стр. 209); «Колыбель христіанства въ Россіи. Волынь» (1888 г., XXXII т., іюнь, стр. 659); «Изъ историческихъ судебъ Западнаго края» (1890 г., XXXIX т., февраль, стр. 406). (Некрологъ его: «Нов. Время» 1901 г., № 9038).

† **Петрова-Воробьева, А. Я.** 13 апрѣля скончалась отъ воспаленія легкихъ на 86-мъ году жизни А. Я. Петрова-Воробьева, одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ оперныхъ артистокъ-контральто 30-хъ годовъ. А. Я. Воробьева, дочь репетитора хоровъ при императорскихъ петербургскихъ театрахъ, родилась 2-го февраля 1816 года. Образованіе она получила въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ учились сначала въ балетномъ классѣ Дидло, а затѣмъ въ классѣ пѣнія Сапіенца, откуда была выпущена въ труппу петербургской казенной оперы въ 1832 году, едва ли не на хоровыя партіи. Однако ея изъ ряда вонъ выдающійся голосъ (контральто) скоро обратилъ на себя вниманіе тогдашняго опернаго капельмейстера К. А. Кавоса. Онъ сталъ усердно заниматься съ молодой артисткой отдѣльно, и, по его настоянію, она была переведена на первыя контральтовыя партіи. Первый ея дебютъ на этомъ амплуа состоялся въ роли Арзаса въ «Семирамидѣ» Россини, при чемъ замѣчательный голосъ артистки и ея глубокохудожественная передача партіи произвели огромное впечатлѣніе на публику и критику. По опернымъ традиціямъ того времени, контральтовыя партіи обыкновенно писались для мужскихъ ролей, почему г-жѣ Воробьевой и приходилось выступать преимущественно въ таковыхъ за періодъ своей непродолжительной службы, какъ, напримѣръ, въ Ромео въ «Монтекки и Капулетти» Беллини и Ваккаи, въ Пиппо въ «Сорокѣ-Воровкѣ» Россини, затѣмъ въ Ванѣ и Ратмирѣ въ операхъ Глинки, наконецъ, въ Жоржѣ въ «Пуританахъ» Беллини.

Въ 1837 году А. Я. вышла замужъ за О. А. Петрова, но не долго раздѣляла его тріумфы на сценѣ, такъ какъ передача мужской партіи въ «Пуританахъ» пагубно отозвалась на ея чудномъ голосѣ, который она стала терять послѣ 15-ти-лѣтней службы, почему и должна была выйти въ отставку въ 1845 году.

Извѣстно, какой восторгъ вызвало ея пѣніе въ Глинкѣ, который спеціально для нея приписалъ дополнительную картину къ «Жизни за Царя» — сцену у монастыря. По общему признанію театральныхъ старожиловъ, со времени А. Я. Петровой-Воробьевой въ операхъ Глинки не было артистокъ, равныхъ ей по передачѣ партій Вани и Ратмира.

Сойдя со сцены, А. Я. скромно доживала свою жизнь въ своей семьѣ. Въ 1880-хъ годахъ она стала терять зрѣніе и за послѣднія пять лѣтъ утратила его совершенно. («Россія», 1901 г., № 707).

† **Смирновъ, А. П.** Только теперь, въ маѣ мѣсяцѣ, получилось извѣстіе о смерти довольно извѣстнаго, особенно въ дѣтской литературѣ, писателя Александра Платоновича Смирнова. Умеръ онъ уже 26 октября прошлаго года на далекомъ Сѣверѣ, куда онъ отправился слишкомъ уже три года назадъ для этнографическихъ работъ на Печорѣ и Мурманѣ. Работать, однако, покойному почти не пришлось, такъ какъ сперва онъ заболѣлъ въ Архангельскѣ психическимъ разстройствомъ, а затѣмъ у него обострилась болѣзнь ноги и развилась чахотка. А. П. родился въ 1854 году, окончилъ курсъ въ Архангельской гимназіи въ 1873 году, а затѣмъ началъ службу въ мѣстной конторѣ государственнаго банка. Служилъ онъ здѣсь недолго, его влекло въ Петербургъ поступить здѣсь въ университетъ, но приходилось выручать изъ нужды семью, и тогда А. П. началъ свою литературную дѣятельность, къ которой чувствовалъ склонность уже давно. Первый разсказъ его «Ночь на маякѣ» былъ напечатанъ въ журналѣ для дѣтей «Семейные вечера». Затѣмъ здѣсь же и въ журналахъ «Семья и Школа», «Родникъ», «Дѣтское Чтеніе», «Досугъ и Дѣло», «Читальня Народной Школы» и въ другихъ дѣтскихъ и народныхъ изданіяхъ появился цѣлый рядъ его разсказовъ. Кромѣ того, его произведенія печатались въ «Русскомъ Богатствѣ» («Первая паціентка»), въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» («Родимый»), въ «Историческомъ Вѣстникѣ» («Пугачевецъ») и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ. Всѣ произведенія покойнаго отличаются большою теплотою и задушевностью и неизмѣнно выражаютъ горячую любовь къ ближнему. Непосильная, постоянная работа, связанная съ постоянными лишеніями, подкосила здоровье А. П., и онъ умеръ еще сравнительно молодымъ—всего 46 лѣтъ. Послѣ него остались 7 сборниковъ разсказовъ для юношества, 10 изданій для народа, три романа и нѣсколько разсказовъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1901, № 9050).

† **Троцкій, В. Н.** 9-го мая, скоропостижно скончался въ Вильнѣ на 66-мъ году жизни, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками виленскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-инфантеріи Виталій Николаевичъ Троцкій. Покойный родился 19-го декабря 1835 года и образованіе получилъ въ I Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и Николаевской академіи генеральнаго штаба. Съ Казанскимъ полкомъ, командуя въ немъ съ 1854 года ротой, В. Н. Троцкій сдѣлалъ походъ изъ Москвы въ Молдавію и Валахію, а оттуда въ Крымъ, гдѣ 8-го сентября 1854 года получилъ первое крещеніе боевымъ огнемъ въ Альминскомъ сраженіи. Въ 1855 году онъ былъ переведенъ подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Затѣмъ В. Н. Троцкій продолжалъ образованіе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ которой окончилъ курсъ въ 1860 году. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1863 по 1866 годъ, онъ занималъ должность помощника редактора «Русскаго Инвалида». Съ 1866 по 1889 годъ В. Н. Троцкій провелъ на службѣ на далекихъ окраинахъ Россіи. 17 лѣтъ онъ прослужилъ

въ Туркестанскомъ краѣ и 6 лѣтъ на Кавказѣ. Въ Туркестанскомъ краѣ онъ сначала занималъ должность начальника штаба бывшей Туркестанской области, преобразованной затѣмъ въ Сыръ-Дарьинскую. Позднѣе онъ занималъ должности помощника командующаго войсками этой области, а съ 1873 года— начальника штаба туркестанскаго военнаго округа. Въ 1877 году В. Н. Троцкій, въ чинѣ генералъ-майора, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Сыръ-Дарьинской области. Въ 1880 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1883 году назначенъ начальникомъ штаба войскъ кавказскаго военнаго округа. Въ 1889 году В. Н. Троцкій оставилъ Кавказъ, получивъ назначеніе командиромъ 16-го армейскаго корпуса. Въ скоромъ времени послѣ того состоялось назначеніе его на должность помощника командующаго войсками кіевскаго военнаго округа. Въ 1894 году онъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, а въ 1895 году назначенъ командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Съ 25-го февраля 1897 года ему же поручено было и гражданское управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Покойный участвовалъ въ кампаніяхъ 1853—1856, 1866, 1870—1873, 1875 и 1878 годовъ. Въ хивинскомъ походѣ онъ былъ начальникомъ штаба всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы. Въ должности же начальника штаба покойный сдѣлалъ кокандскій походъ, окончившійся пріобрѣтеніемъ нами Ферганской области. Командуя отдѣльнымъ небольшимъ отрядомъ въ этомъ походѣ, онъ взялъ штурмомъ городъ Андижанъ, который защищался многотысячнымъ скопищемъ подъ предводительствомъ Автобачи и Пулатъ-хана, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. За боевыя же отличія генералъ Троцкій награжденъ орденами Анны, Владимира, Станислава и золотымъ оружіемъ. Покойный имѣлъ русскіе ордена, до ордена св. Александра Невскаго съ брильянтовыми знаками включительно, и нѣсколько иностранныхъ. Въ званіе генералъ-адъютанта назначенъ былъ въ 1897 году.

На своемъ важномъ посту правителя Сѣверо-Западнаго края В. Н. Троцкій явился проводникомъ спокойной, миролюбивой, но въ то же время и вполнѣ твердой русской политики, отличавшейся замѣчательною послѣдовательностью за все шестилѣтіе, какое суждено ему было прожить въ Вильнѣ. Дѣйствія его въ Вильнѣ отличались неизмѣнно полною ясностью и опредѣленностью въ русскомъ духѣ, наравнѣ съ полною гуманностью. (Некрологъ его: «Новое Время» 1901, № 9050).

† **Христіани, Н. В.** 30-го апрѣля, скончался генералъ-лейтенантъ Николай Васильевичъ Христіани, бывшій командиръ 2-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Покойный родился 3-го декабря 1834 года, образованіе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Начавъ службу въ л.-гв. Семеновскомъ полку, онъ поступилъ вскорѣ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, курсъ которой окончилъ по первому разряду. Въ 1857-мъ году ему было поручено статистическое описаніе Витебской губерніи, затѣмъ Н. В. былъ начальникомъ 2-го гравировальнаго депо и съ 1863 по 1867 годъ начальникомъ искусственнаго отдѣленія главнаго управленія генеральнаго штаба, преобразованнаго впослѣдствіи въ главный штабъ.

Подъ его руководствомъ были выполнены весьма цѣнныя геодезическія, топографическія и гравировальныя работы. Затѣмъ покойный занималъ должность помощника начальника штаба Оренбургскаго военнаго округа, командовалъ Каширскимъ полкомъ (вмѣстѣ съ полкомъ онъ находился во время послѣдней русско-турецкой войны въ составѣ нижне-дунайскаго отряда), 2-й бригадой 7-й резервной пѣхотной дивизіи, вторыми бригадами 31-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій. Въ 1891 году Н. В. вышелъ въ отставку. Составленные и изданные имъ «Полный курсъ элементарной математики» (выдержалъ два изданія), «Ариѳметика и алгебра» и «Геометрія и тригонометрія» пользовались въ 70-хъ годахъ извѣстностью. (Некрологъ его: «Новое Время» 1901, № 9044).

† **Шретеръ, В. А.** 16-го апрѣля, скончался одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ архитекторовъ Викторъ Александровичъ Шретеръ. Покойный родился въ купеческой семьѣ въ 1839 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Петропавловской школѣ, а затѣмъ прошелъ курсъ архитектурнаго отдѣленія въ академіи художествъ и окончилъ курсъ съ золотой медалью въ Берлинской академіи художествъ. По возвращеніи изъ Берлина въ Петербургъ, В. А. вскорѣ былъ приглашенъ занять каѳедру въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и его энергичная практическая дѣятельность. На первыхъ же порахъ проекты молодого архитектора обращаютъ на себя вниманіе всего архитектурнаго міра. Среди множества крупныхъ работъ покойнаго можно указать: соборъ въ Тифлисѣ въ память окончанія кавказской войны, театры въ Кіевѣ, Иркутскѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Тифлисѣ, проектъ громаднаго театра на Марсовомъ полѣ въ Спб., проектъ фасада городского кредитнаго общества въ Спб., зданія русскаго банка и домъ Штоль и Шмидта въ Спб., вокзалъ въ Одессѣ и т. д. Большое участіе принималъ также В. А. въ постройкѣ дворца его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича.

Многочисленные проекты покойнаго на многихъ выставкахъ въ Россіи и за границей удостоивались первыхъ наградъ. Всего имъ было получено болѣе 40 медалей за проекты, между прочимъ имъ былъ полученъ дипломъ на золотую медаль за проекты, выставленные на предпослѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ. При такихъ условіяхъ В. А. быстро составилъ себѣ громкую и почетную извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Одновременно его стали приглашать во всѣ важныя строительныя комиссіи, и В. А. занимаетъ рядъ почетныхъ должностей; такъ, онъ состоялъ старшимъ архитекторомъ главнаго управленія удѣловъ, главнымъ архитекторомъ театральной дирекціи, помощникомъ инспектора строительнаго отдѣла при кабинетѣ его величества и т. д. Въ то же время академія художествъ избираетъ его въ почетные профессора, лондонское королевское общество архитекторовъ и берлинское общество архитекторовъ избираютъ его въ свои члены.

Петербургское общество архитекторовъ является также дѣтищемъ В. А. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ покойный стремился къ тому, чтобы придать этому обществу то значеніе, которымъ оно пользуется теперь, какъ верховный судья по всѣмъ архитектурнымъ вопросамъ. Что касается теоретической дѣятельности, то В. А. не оставилъ послѣ

себя крупныхъ сочиненій; имъ написано много малыхъ брошюръ по архитектурнымъ вопросамъ, а также онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ спеціальныхъ журналовъ въ Россіи и за границею. Нѣкоторое время В. А. былъ также редакторомъ журнала «Зодчій».

До послѣдняго времени, несмотря на тяжкую болѣзнь, В. А. не покидалъ профессуры въ институтѣ и прекратилъ чтеніе лекцій лишь въ январѣ. Уже совсѣмъ больной В. А. крайне интересовался постройкой русскаго храма въ Киссингенѣ, строящагося по его проекту. (Некрологъ его: «Нов. Время», 1901, № 9028).

† **Шуруповъ, М. А.** 20-го апрѣля, скончался одинъ изъ русскихъ зодчихъ, професоръ архитектуры Михаилъ Арефьевичъ Шуруповъ. Покойный родился 15-го іюня 1815 г. въ городѣ Аренсбургѣ, первоначальное образованіе получилъ въ училищѣ императорскаго человѣколюбиваго общества, гдѣ въ 1831 г. окончилъ курсъ и былъ опредѣленъ стипендіатомъ въ академію художествъ; въ 1836 г. покойный былъ удостоенъ большой золотой медали, дававшей право на поѣздку за границу казеннымъ пенсіонеромъ. Занимаясь съ 1840 г. архитектурными работами за границей, М. А. пришелъ практическимъ путемъ къ заключенію, что зодчему крайне необходимо знать и скульптуру, и декоративную живопись. Въ виду этого онъ, поселившись въ Италіи, десять лѣтъ провелъ за изученіемъ этихъ отраслей искусства. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1846 году, М. А. Шуруповъ занялъ мѣсто завѣдующаго рисовальной школой при императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, гдѣ пробылъ до 1861 г., когда по программѣ академіи исполнилъ проектъ зданія археологическаго музея, за который и былъ удостоенъ званія профессора архитектуры. Съ этого времени М. А. всецѣло отдается практическимъ работамъ, преимущественно по церковной архитектурѣ. За сорокъ лѣтъ самостоятельной дѣятельности имъ построены между прочимъ церковь на Черной рѣчкѣ въ память наслѣдника цесаревича Николая Александровича, Борисоглѣбскій храмъ на Калашниковской пристани, церковь Смоленской Богоматери за Невской заставой, соборъ русской миссіи въ Токіо, церковь въ селѣ Сурѣ, Архангельской губ., соборы въ Новой Ладогѣ, Усть-Ижорѣ, въ Чернецкомъ женскомъ монастырѣ и мн. др. Въ послѣдніе годы жизни М. А. принималъ участіе въ реставраціи Кіевскаго Софійскаго собора. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1901, № 9033; «Россія» 1901, № 713).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу замѣтки А. Н. Молчанова.

Я былъ крайне смущенъ замѣткой А. Н. Молчанова въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», по поводу того, что я назвалъ А. Н. въ своихъ «Воспоминаніяхъ» сотрудникомъ «Петербургской Газеты», а не «Новаго Времени». Спѣшу объясниться.

Съ А. Н. мы часто видѣлись въ Константинополѣ, встрѣтились въ Тулѣ во время моего командованія Таврическимъ полкомъ, наконецъ — въ Екатеринославѣ, и мнѣ по меньшей мѣрѣ странно было бы не знать, въ какомъ органѣ русской прессы А. Н. состоитъ сотрудникомъ. Въ «Воспоминаніяхъ» я обозначилъ А. Н. по фамиліи неполно и назвалъ не ту газету, руководимый мыслью, что, можетъ быть, А. Н. почему либо не понравится мое хвалебное слово, хотя бы вполнѣ искреннее и сердечное.

В. Клевезаль.

Даву и Сультъ наслаждались съ законною гордостью оказанною имъ честью. Что же касается до Нея, то его воинственное лицо сдѣлалось настолько красно, что его волосы огненнаго цвѣта и морщины на щекахъ, казалось, превратились въ бѣлокуро-золотистые.

Мюратъ слышалъ лишь похвалы своему костюму.

Вскорѣ праздникъ оживился, хотя потерялъ свою торжественность. Наполеонъ удалился въ другую комнату, оставивъ Жозефину сидящей въ концѣ залы среди придворныхъ дамъ.

Но Жозефина вздумала воспользоваться такимъ важнымъ случаемъ, чтобы больше сблизить нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ пріятелей, старинныхъ аристократовъ, которыми она любила себя окружать, съ воинами-авантюристами, уже образовавшими, хотя и безъ титуловъ, новую аристократію, рожденную побѣдами. Около нея находился любезный, старый графъ Коленкуръ, смотрѣвшій съ очевиднымъ сочувствіемъ на маршаловъ, которымъ императоръ только что оказалъ необыкновенную честь.

— Возьмите подъ руку де-Коленкура, дорогая герцогиня, — сказала Жозефина, обращаясь къ своей сосѣдкѣ г-жѣ Ларошфуко:— проводите его къ Нею, Ланну и другимъ. Онъ знаетъ ихъ только по имени. Представьте ихъ отъ моего имени.

— Вы согласны, скажите, мой дорогой другъ? — спросила она своего вѣрнаго тѣлохранителя.

— Я буду очень счастливъ тоже привѣтствовать этихъ господъ,— отвѣтилъ поклонившись всегда любезный старый дворянинъ.—Это превосходные воины, и я часто сожалѣлъ, что могъ ими любоваться только издали.

— Вы не очень будете строги къ ихъ манерамъ? Не правда ли?— спросила Жозефина.—Подумайте только, что они сыны своихъ подвиговъ и чаще посѣщаютъ лагерь, чѣмъ салоны.

— Э, ваше величество, не все ли мнѣ равно? Вы знаете, что я самъ старый рубака.

При этихъ словахъ Коленкуръ любезнымъ жестомъ предложилъ свою руку г-жѣ Ларошфуко.

— Если вы позволите,—сказалъ онъ, направляясь къ группѣ прославленныхъ начальниковъ,—то представьте меня сначала маршалу Ланну. Этотъ человѣкъ мнѣ очень нравится. У него прекрасная воинственная фигура. А затѣмъ...

— А затѣмъ?—спросила г-жа Ларошфуко...

— ...Признаться ли вамъ въ моей слабости? Онъ пудритъ волосы, а потому, должно быть, самый любезный изъ маршаловъ.

Герцогиня имѣла хитрость ничего ему не отвѣтить и направилась съ нимъ къ маршалу. Она сказала, подойдя къ Ланну:

— Ея величество поручила мнѣ представить вамъ г-на де-Ко-

ленкура, стараго генерала, очень заслуженнаго. Онъ всегда любилъ славу и очень желалъ бы познакомиться съ вами.

Лицо Ланна освѣтилось доброй, радушной улыбкой, и, крѣпко пожимая руку Коленкура, онъ сказалъ:

— Очень тронутъ, старина! Я люблю старинныхъ воиновъ. У нихъ всегда можно чему нибудь научиться. Скажите, вы служили въ арміи—двуногой или четвероногой?...

Удивленный Коленкуръ не могъ удержать ужасный приступъ кашля, который помогъ ему скрыть свое удивленіе.

— О! чортъ возьми! — продолжалъ Ланнъ: — повидимому, мы теперь поступили въ полкъ королевскихъ пер. . . . . что ли?

Такъ какъ кашель Коленкура усиливался, то онъ сталъ тихонько поколачивать въ спину «старины», какъ дѣлаютъ дѣтямъ, когда они подавятся, быстро глотая кушанье.

— Чортъ! чортъ! Это упорно, какъ коклюшъ... Причина извѣстна, папочка! причина извѣстна, папочка!

Камергеръ Жозефины едва удерживался отъ гнѣва, и хотя онъ сердился, но побѣдилъ въ себѣ дурное настроеніе и протянулъ улыбаясь свою коробочку съ конфетами маршалу.

— Ну, еще!—замѣтилъ послѣдній:—теперь бонбоньерка!.. Ахъ, ужъ эти свиньи офицеры стараго режима, повѣрите ли, что они умѣли заботиться о себѣ.

Но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ одинъ изъ его адъютантовъ приблизился къ нему и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ. Маршалъ сразу совершенно перемѣнилъ тонъ.

— Простите меня, г. Коленкуръ,—сказалъ онъ громко.—Кажется, что вы отецъ двухъ храбрыхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ въ двадцать семь лѣтъ уже полковникъ въ карабинерскомъ полку... Это уже одно доказываетъ, что вы хорошій французъ... Вы воспитали для страны вашихъ мальчиковъ! Вы ихъ не продали за границу, какъ многіе другіе!.. Позвольте мнѣ расцѣловать васъ.

И, не дождавшись разрѣшенія, онъ обхватилъ своими руками плечи стараго аристократа и прижалъ его крѣпко къ своей груди.

— Прекрасный воинъ! Прекрасный воинъ! — говорилъ Коленкуръ императрицѣ, нѣсколько минутъ спустя.—Но, Боже мой, какой у него разговоръ!..

— Но вы хотѣли познакомиться въ особенности съ генераломъ Ланномъ, графъ?—спросила Жозефина.

— Это правда, но я никогда не предполагалъ, что можно въ одно и то же время пудриться по-маршальски и имѣть манеры «sans-cullottes».

— Не хотите ли, чтобы вамъ показали другихъ? — спросила Жозефина.

— Благодарю васъ, ваше величество, я подожду еще немного:

мнѣ нужно прійти въ себя. Какъ я подумаю, что выбралъ этого по случаю его пудренныхъ волосъ!..

— Что было бы,—возразила тихо г-жа Ларошфуко:—если бы вы услышали Ожеро!..

— Какъ! тотъ еще лучше!..

Внезапно появился Наполеонъ. Но теперь это былъ не тотъ спокойный и счастливый человѣкъ, который нѣсколько мгновеній тому назадъ проходилъ по залѣ съ Жозефиной. Смертельно блѣдный, съ блѣдными губами и нахмуренными бровями, онъ искалъ глазами маршаловъ и незамѣтно для другихъ подзывалъ ихъ къ себѣ. Толпа раздвинулась. Вскорѣ у двери, въ которую онъ только что вошелъ, собралась группа, съ виду очень внушительная. Наполеонъ въ своемъ легендарномъ мундирѣ, въ бѣлыхъ шелковыхъ панталонахъ и чулкахъ, Даву, Ней, Сультъ и Ланнъ въ походныхъ одеждахъ, Мюратъ блестящій, какъ венгерскій магнатъ, и наконецъ маршалъ Дюрокъ, возвратившійся изъ Берлина и напрасно пробовавшій склонить молодого прусскаго короля къ союзу.

— Онъ колеблется? — сказалъ императоръ. — Онъ хочетъ меня провести? Онъ ожидаетъ событія, чтобы рѣшиться!.. Хорошо, это заставляетъ меня отправиться немного раньше. Тѣмъ хуже для него! Бернадотъ и Мармонъ пройдутъ черезъ его владѣніе Анспахъ, вотъ и все. Они пройдутъ, если возможно, друзьями, а если надо— врагами. И я отплачу ему. Тебѣ, Мюратъ, лучше было бы отправиться немедленно. Сегодня же вечеромъ возьми съ собою четыре самые быстрые полка, переправься черезъ рѣку, иди всю ночь и явись съ двумя изъ нихъ къ первому дефиле. Два другихъ пройдутъ къ слѣдующему, между тѣмъ какъ ты будешь притворяться, что дѣлаешь рекогносцировку, направленную къ югу. Какъ только непріятель увидитъ тебя, отступи и продолжай свой путь. Тѣ, кто будетъ итти впереди тебя, или кого ты опередишь, должны слѣдовать тѣмъ же приказаніямъ. Затѣмъ я пришлю тебѣ инструкціи съ другими полками. Отправляйся!.. Ахъ, кстати, не забудь мой совѣтъ: я не хочу, чтобы завязалось настоящее дѣло. Запрети драться!

Выслушавъ приказаніе Наполеона, Мюратъ вышелъ, надѣвъ на голову свою громадную мѣховую шляпу съ бѣлыми перьями. При видѣ его всѣ дамы направили на него свои взоры, но Мюратъ первый разъ въ жизни забылъ о своемъ фатовствѣ. Онъ отправлялся во главѣ авангарда великой арміи, и, конечно, не было времени, чтобы заниматься женщинами.

Между тѣмъ Наполеонъ продолжалъ отдавать свои приказанія другимъ маршаламъ.

VII.

Было четыре часа утра. Начальникъ поста при понтонномъ мостѣ, расположенномъ противъ Страсбурга, внимательно осматривалъ стоящаго передъ нимъ мужчину съ рыжими волосами, который только что вручилъ ему бумагу. Въ ней заключалось слѣдущее:

«Приказъ:

«Податель сего приказа Карлъ-Людвигъ Шульмейстеръ, уроженецъ Новаго-Фрейштата (въ Германіи), долженъ немедленно покинуть французскую территорію, а потому предписывается, какъ гражданскому, такъ и военному начальству, безпрепятственно пропустить Шульмейстера, его семью и багажъ. Онъ долженъ будетъ, однако же, подчиниться настоящему приказу до 28 сентября утромъ, въ противномъ случаѣ будетъ сдѣлано особое о немъ постановленіе.

«Префектъ, Дивизіонный генералъ»
«Ше. Савари».

Прочитавъ приказъ, офицеръ спросилъ Шульмейстера, указывая на едва обрисовывающуюся въ темнотѣ повозку.

— Что у васъ въ повозкѣ?

— Моя жена...—отвѣтилъ Шульмейстеръ:—да вотъ и она сама, посмотрите!—Въ этотъ моментъ Берта высунула голову изъ-подъ натянутой надъ экипажемъ парусины.—Позади ея на соломѣ спятъ еще двое дѣтей,—прибавилъ Шульмейстеръ.

— Для моего рапорта мнѣ необходимо провѣрить, что вы везете съ собою,—замѣтилъ офицеръ.

— Провѣряйте! Только знаете ли, я буду вамъ очень благодаренъ, если вы можете осмотрѣть, не разбудивъ дѣтей.

Пока они переговаривались, къ повозкѣ приблизился солдатъ, держа на головѣ большой фонарь, и принялся осматривать внутренность экипажа. Офицеръ въ свою очередь тоже бросилъ взглядъ, но ничего другого не нашелъ, кромѣ чемодана, очень незначительныхъ размѣровъ, и двоихъ спящихъ дѣтей.

Берта въ это время обернулась лицемъ къ свѣту, такъ что осматривающіе повозку могли видѣть ея тонкій профиль, оттѣненный золотистой линіей на темномъ фонѣ ночи и окруженный ея волосами, какъ бы легкимъ ореоломъ.

— Чортъ, возьми! красивая женщина,—подумалъ про себя офицеръ.—Ну, такъ проѣзжайте, господинъ нѣмецъ, и постарайтесь, чтобы васъ въ одинъ прекрасный день снова не нашли здѣсь.

— Забудемъ прошлое, капитанъ! Надѣюсь, что вы снова меня встрѣтите здѣсь и съ самымъ законнымъ разрѣшеніемъ.

Въ отвѣтъ офицеръ только вѣжливо улыбнулся, благодаря пріятному личику, которое онъ видѣлъ въ экипажѣ. Шульмейстеръ

усѣлся на свою скамью въ телѣжкѣ, и лошадь тронулась скорой рысью.

Спустя нѣсколько минутъ, Берта спросила мужа:

— Ты ничего не слышить? Какъ будто вправо отъ насъ раздается топотъ ногъ войска и звонъ оружія?

Шульмейстеръ остановилъ лошадь и сталъ прислушиваться. Нѣтъ никакого сомнѣнія. Слышенъ былъ очень явственно правильный тактъ галопа, отбиваемаго вдали по шоссе другой дороги. Металлическій звонъ сабель вторилъ этому ритмическому топоту. Хотя шумъ мало-по-малу удалялся къ югу, но опытное ухо могло разобрать его значеніе.

— Тамъ идетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый полкъ, — сказалъ въ полголоса Шульмейстеръ, какъ будто разсуждая самъ съ собою.— По какой дорогѣ, чортъ, возьми, они идутъ? Можно подумать, что они направляются къ Фрейбургу!.. Ахъ, я знаю. Это начало необходимаго отвода глазъ, чтобы обмануть... тѣхъ. Это—уловка. Кавалеристы покажутъ свои мундиры съ противоположной стороны той, гдѣ происходитъ настоящая атака. Въ дорогу! Въ дорогу! Мнѣ нельзя терять ни минуты, если я хочу спокойно проѣхать по ту сторону горъ.

Онъ тронулъ вожжею лошадь, и она снова побѣжала. Большіе глаза Берты посмотрѣли на него вопросительно.

— Послушай,—сказалъ онъ женѣ, погоняя лошадь:—мы скоро будемъ въ Офенбургѣ, находящемся самое большое въ пятнадцати верстахъ отъ рѣки. Я оставлю тебя тамъ, чтобы продолжать мой путь пѣшкомъ, пока еще не наступилъ день. Я предупредилъ вчера нашего стараго друга Родека, что ты пробудешь у него съ мѣсяцъ. Этотъ честный человѣкъ многимъ обязанъ намъ и очень любитъ тебя, а также и дѣтей. Кромѣ того, онъ знаетъ, что не будетъ въ убыткѣ, помѣстивъ тебя въ своемъ домѣ. Ты найдешь его совершенно устроеннымъ, для того, чтобы вы трое могли тамъ помѣститься.

— А ты?—спросила Берта.

— Я, моя Берта, я уйду въ Ульмъ, чтобы исполнить свой долгъ.

— Относительно кого?.. Увы, Карлъ, порученіе, которое тебѣ дали, не будетъ ли состоять опять въ томъ же, чтобы кого нибудь обмануть?..—спросила Берта.

— Дорогая и пугливая совѣсть, успокойся! Благодаря тому, кому я служу теперь, у насъ начнется новая жизнь, и спящія дѣти увидятъ спокойное будущее. На моей отвѣтственности громадная задача, и я отправляюсь впередъ одинъ, чтобы атаковать непріятеля, а я увѣренъ въ его пораженіи. Это предпріятіе, за которое никто другой не могъ бы взяться, есть выкупъ за мою свободу и за прощеніе, которое мнѣ даровали. Когда я выполню его, ты увидишь, что я не буду болѣе никогда ни притворяться, ни прятаться. Довѣрься мнѣ и будь мужественна, дорогая жена.

Она молчала смущенная и безпокойная... Молодая женщина представляла себѣ, какимъ ужаснымъ опасностямъ подвергается ея мужъ. Эти опасности заставляли ее въ одно и то же время бояться и краснѣть. И гдѣ—то тамъ, въ самой глубинѣ ума, за той таинственной завѣсой, гдѣ начинаютъ видѣть уже глаза души, рисуя себѣ внущающія страхъ событія съ самой жестокой и необыкновенной точностью, она узнала въ человѣкѣ, стоящемъ на колѣнахъ съ повязкой на глазахъ передъ ротою солдатъ, готовыхъ его разстрѣлять, черты лица своего Карла... Около него стоялъ громаднаго роста кавалеристъ въ вышитомъ золотомъ мундирѣ, со шляпой, украшенной бѣлыми перьями, и съ короткою шпагой, которую онъ поднялъ, чтобы дать сигналъ открыть огонь.

Лязгъ колеса, попавшаго на камень, заставилъ сильно вздрогнуть Берту, она приняла его за страшный грохотъ выстрѣловъ... Карлъ обнялъ ее и успокоилъ ея опасенія, что заставило молодую женщину улыбнуться. Онъ указалъ ей на зарю и сказалъ:

— Смотри, вотъ и день!

Солнечные лучи были еще далеко за вершинами Малыхъ Альпъ Швабіи, но въ неопредѣленномъ еще утреннемъ освѣщеніи дорога казалась чернѣе, а долины свѣтлѣе. Равнина поднималась мягкими уступами къ косогору, гдѣ начиналась чаща густого «Чернаго Лѣса». Вдали отражалась сѣроватымъ силуэтомъ на темномъ фонѣ сосенъ деревня: это былъ Офенбургъ.

Далеко ли это?.. Нѣтъ. Напротивъ, путешественники были совсѣмъ близко отъ нея. Иллюзія, мало-по-малу исчезающая, удвоила разстояніе. Шульмейстеръ выскочилъ изъ телѣжки, даже не желая разбудить Ганса и Лизбету, которые спали, свернувшись на соломѣ. Онъ сдѣлалъ прощальный жестъ рукою, тогда какъ Берта, подхвативъ вожжи, направила лошадь къ первому дому. Шульмейстеръ пошелъ по извилистой тропинкѣ, которая должна была его привести черезъ нѣсколько сотенъ метровъ къ входу въ дефиле.

Съ радостнымъ сердцемъ онъ легко вскарабкивался по косогорамъ. Какая была для него новость топтать свободно землю и итти въ свое удовольствіе къ намѣченной цѣли!.. Какая гордость быть солдатомъ Наполеона и гонцемъ арміи, а не торговцемъ секретовъ и продажнымъ предателемъ! Онъ чувствовалъ, что его честь на половину возстановлена, и онъ сдѣлался какъ будто выше.

Шульмейстеръ смотрѣлъ на окружавшія его деревья, которыя, казалось, также хотѣли возвыситься одно передъ другимъ, взявъ приступомъ холмы, и вдругъ, какъ бы остановленныя, укоренились на мѣстѣ въ самой серединѣ приступа. На нихъ былъ красноватый колоритъ осени, но трава и мохъ у ихъ корней сохраняли весенній видъ. Тропинка была очаровательна; она то поворачивалась, то поднималась, то суживалась, то опускалась. Но вдругъ показалось между вѣтвями деревьевъ солнце, это было для пут-

ника непреодолимой и въ то же время безразсудной радостью. Влажные листья искрились; залотистый отблескъ ласкалъ высокіе коричневые стволы дубовъ. Окончательный свѣтъ наложилъ немного блѣдно зеленаго колорита на темныя вѣтви сосенъ...

Вскорѣ онъ достигъ настоящей дороги и нашелъ ее еще болѣе плѣнительной. Какая прекрасная вещь—дорога. Это достояніе всѣхъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, какъ дикаго звѣря ночью, такъ птицъ днемъ. Лѣса и долины направо и налѣво могутъ имѣть владѣльцевъ, которые ихъ закрываютъ и стерегутъ. Дорога же всегда открыта, всякій человѣкъ можетъ проходить по ней. На ней нѣтъ границъ; привалъ удлиняется, согласно крѣпости пѣшехода, и даже самъ горизонтъ, который могъ бы служить границей, отодвигается и исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ нему.

Шульмейстеръ быстро подвигался. Всякій разъ, какъ онъ оборачивался, онъ видѣлъ у своихъ ногъ просыпавшуюся въ утреннемъ туманѣ долину Рейна необъятной и свѣтлой. Передъ нимъ почти прямо разстилалась дорога, ведущая въ Гегенбахъ, а оттуда въ самое сердце горъ, близъ Гайзаха, чтобы затѣмъ выйти въ долины Вюртемберга. Она слегка извивалась, какъ широкая желтая лента, покоящаяся на громадныхъ зеленыхъ волнахъ.

Онъ замѣтилъ справа маленькій городъ Ларъ, уже полный движенья...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ же случилось, что онъ различилъ тамъ въ такой ранній часъ столько приходящихъ. Земледѣльцы и рабочіе, идущіе на свои занятія, не имѣютъ обыкновенія подымать такую пыль. Да они и не загромождаютъ такъ всѣ улицы; они не представляютъ собою такихъ значительныхъ черныхъ массъ, перемѣщающихся съ такою правильностью. Что же это такое?

Шульмейстеръ присѣлъ на каменистый утесъ и вынулъ изъ кармана коротенькую подзорную трубку. Едва онъ приблизилъ съ ее къ глазамъ, какъ воскликнулъ:

— Какъ я глупъ! Да это кавалерія, которую я слышалъ сегодня ночью. Они сдѣлали привалъ, а теперь приготовляются снова отправиться. А... да вотъ я вижу блескъ сабли, которую вытаскиваютъ изъ ноженъ... Сейчасъ подадутъ трубный сигналъ... Отлично! вотъ онъ: это драгунскій мотивъ!—воскликнулъ Шульмейстеръ.

Онъ услышалъ нѣсколько отдаленныхъ нотъ и отрывокъ долетѣвшаго сигнала, чтобы сѣдлать лошадей...

— Навѣрно, это драгуны!.. Я вижу отблескъ касокъ и искры, которыя обозначаютъ карабины. Какъ будто они направляются въ эту сторону. Живо! въ дорогу!

Онъ всталъ, положилъ трубку въ карманъ и повернулся, чтобы пуститься въ путь... Но внезапное удивленіе заставило его тотчасъ же попятиться: два французскихъ гусара, соскочившіе съ лошадей,

которыхъ они держали за поводья, прицѣливались въ него спокойно изъ своихъ большихъ пистолетовъ.

Откуда они вышли?

Шульмейстеръ не могъ знать распоряженій Наполеона; онъ не подозрѣвалъ подробности хитраго маневра. Онъ угадывалъ только главныя линіи его. Между тѣмъ, какъ драгуны шли по направленію къ сосѣдней долинѣ, другой кавалерійскій полкъ Мюрата, отправившійся ранѣе, уже достигъ входа оффенбургскаго дефиле. Стоящіе передъ Шульмейстеромъ гусары составляли одинъ изъ его патрулей. Они замѣтили его, когда онъ наблюдалъ, вскарабкавшись на утесъ, и направились въ его сторону, чтобы разспросить его, а при необходимости и захватить.

— Во фронтъ! — сказалъ одинъ изъ нихъ постарше.—Что ты тамъ фабрикуешь, краснолицый, со своей пушченкой въ глазу?

Карлъ принялъ самый глупый видъ и сдѣлалъ знакъ, что ничего не понимаетъ, чего отъ него хотятъ. Однако жъ онъ все-таки тихо приблизился къ нимъ.

— Ты только говоришь, что не понимаешь по-французски? Прекрасно! удобно же будетъ намъ объясняться!—замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.—Не стыдно ли тебѣ въ твои годы быть такой невѣждой!..

— Простите, гусары, можетъ быть, вы знаете по-нѣмецки?

— Смотри-ка! заговорилъ... Полно, отвѣчайте, о чемъ у васъ спрашиваютъ.

— Я смотрѣлъ на солдатъ, вотъ тамъ...

— Откуда вы?

— Я живу въ Оффенбургѣ, въ деревнѣ, которую вы не можете видѣть изъ-за поворотовъ. Она находится по сю сторону, въ получасовомъ разстояніи.

— Такъ вы, значитъ, прогуливались? Что же, вы взяли съ собою эту карманную игрушечку для вашего увеселенія?..

— Безъ сомнѣнія! — отвѣтилъ Шульмейстеръ.

— Да... Отчего же вы торопитесь направиться въ противоположную сторону отъ вашей проклятой деревни, имя которой я уже забылъ?.. Ага! Это васъ безпокоитъ! Гмъ! что я замѣтилъ? Хотите, я скажу вамъ? Вы разскажете людямъ, находящимся на другомъ концѣ этой дороги, т. е. кейзерликамъ, все, что вы только что видѣли? Вотъ вамъ!..

— Но я увѣряю васъ...

— Безъ лишнихъ фразъ! Слѣдуйте за мною, прошу васъ, по доброй волѣ,—въ противномъ случаѣ!..

Шульмейстеръ прежде всего разсудилъ, что всякое сопротивленіе безполезно. Онъ принялъ привѣтливый видъ и, склонивъ низко голову, приблизился еще на нѣсколько шаговъ, чтобы послушно отдаться двумъ солдатамъ. Онъ ни однимъ движеніемъ не выразилъ сопротивленія, ни тогда, когда кулакъ ветерана сурово

опустился къ нему на плечо, ни тогда, когда пальцы рекрута схватили его за воротникъ. Но хладнокровіе мало-по-малу вернулось къ нему, и онъ сталъ спокойно взвѣшивать всѣ обстоятельства.

Нужно ли было повиноваться? Или лучше сопротивляться?

Онъ совершенно неожиданно былъ поставленъ въ это странное положеніе. Пожертвовать жизнью въ случаѣ его бѣгства, или испортить успѣхъ порученнаго ему дѣла, если онъ допуститъ себя взять? Неожиданный противникъ, стоящій передъ нимъ, принадлежалъ именно къ партіи, которой онъ хотѣлъ служить.

Если онъ послѣдуетъ за гусарами, то они навѣрно отведутъ его къ офицеру, который его станетъ разспрашивать, а онъ не можетъ ему отвѣтить ничего удовлетворительнаго. Его обыщутъ и найдутъ довольно значительную сумму денегъ, затѣмъ—бумаги и въ особенности приказъ объ изгнаніи, который докажетъ его нѣмецкое происхожденіе, а это возбудитъ подозрѣніе. Самое благопріятное для него было, чтобы его задержали до болѣе подробныхъ справокъ, но въ такомъ случаѣ—матъ его предпріятію.

Сто разъ лучше подвергнуться выстрѣламъ и погонѣ, но спастись бѣгствомъ.

Можно себѣ представить, какъ быстро онъ все это сообразилъ, и когда оба гусара приготовились прыгнуть на лошадей, все было уже кончено...

Увы! нѣтъ совершенства! Ветеранъ, до тѣхъ поръ говорившій, былъ отличный солдатъ, но рабъ постановленій. Чтобы взобраться на сѣдло, онъ лѣвой рукою захватилъ, по всѣмъ правиламъ искусства, поводы и прядь гривы, а правой, послѣ того какъ запряталъ въ кобуру разряженный пистолетъ, онъ зажалъ въ кулакъ заднее луко сѣдла. Но въ то время, какъ онъ приподнимался съ земли, Шульмейстеръ наклонился, схватилъ его за правую ногу и съ такою силою поддалъ его вверхъ, что злополучный ветеранъ, пролетѣвъ гораздо выше своей лошади, упалъ во весь ростъ на мохъ на другую сторону.

Второй гусаръ въ это время тоже вскарабкивался на свою лошадь, которая закрывала своей фигурой происходящую сцену. Когда онъ усѣлся удобно верхомъ, то, къ его крайнему удивленію, не видѣлъ болѣе ни своего товарища, ни узника. Шульмейстеръ, не выпрямляясь, пробрался, скользя подъ лошадью невиннаго рекрута, послѣ чего скрылся въ чащѣ лѣса.

Въ одно время оба солдата, одинъ съ трудомъ поднимаясь, другой стараясь понять, почему его «старина» измѣнилъ закону равновѣсія, казалось, совѣтовались глазами.

— Чортъ, возьми,—вскричалъ первый,—гдѣ же онъ?

Если можно сказать, что нѣмота иногда бываетъ выразительна, то второй гусаръ достигъ высоты приверженцевъ Цицерона, поднявъ плечи до ушей и вытаращивъ глаза, между тѣмъ какъ углы

его рта опустились совершенно. Вся его фигура съ ногъ до головы, казалось, говорила:

— Я не знаю!

Вдругъ послышался съ лѣвой стороны какой-то шорохъ, какъ бы произведенный убѣгающимъ дикимъ звѣремъ, и его мозгъ сразу прояснѣлъ. Онъ схватилъ пистолетъ и хотѣлъ выстрѣлить.

— Глупости!—вскричалъ ветеранъ:—приказъ отданъ не стрѣлять. За нимъ!..

И оба, стегая своихъ лошадей, бросились по безконечнымъ тропинкамъ въ догонку за краснолицымъ крестьяниномъ, который очень былъ невѣжливъ.

Шульмейстеръ бѣжалъ такъ быстро, какъ контрабандистъ. Чтобы вѣрно направляться между кустарниками и скалами, ему служилъ безошибочный проводникъ — солнце. Направляясь прямо на него, онъ шелъ къ востоку, въ сторону непріятеля, т. е. къ спасенію, такъ какъ, увы, за нимъ гнались друзья.

Онъ выгадалъ короче путь до мѣста, перерѣзывая тропинки, по которымъ его преслѣдователи должны были проѣзжать. По временамъ онъ надѣялся совершенно отъ нихъ избавиться, такъ какъ звукъ копытъ ихъ лошадей становился все отдаленнѣе и слабѣе. Однако, шумъ ихъ галопа совершенно не исчезалъ. Развѣ они знали такъ основательно лѣсъ, они, чужеземцы, явившіеся, безъ сомнѣнія, сюда впервые?..

Нѣтъ, тутъ должно быть что нибудь другое... Послѣ двадцатиминутнаго бѣшенаго бѣга Шульмейстеръ едва дышалъ. Его лицо и руки были совершенно расцарапаны обо всѣ кустарники, между которыми онъ спасался, его шаги не были уже такъ увѣренны. Онъ наталкивался на деревья, желая избѣжать ихъ, спотыкался о корни и вѣтви цвѣтовъ, стелющихся на землѣ. Потъ лилъ съ его лба... Онъ былъ болѣе не въ силахъ...

Шульмейстеръ остановился и сталъ прислушиваться. Адскій топотъ копытъ продолжался!.. Но дѣло было хуже: топотъ какъ будто бы умножился. Уже не двѣ лошади гнались за нимъ по пятамъ. Онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, справа, слѣва, впереди и сзади, звукъ оружія, движеніе лошадей и голоса людей!

Онъ былъ окруженъ.

Болѣе нѣтъ сомнѣнія: два солдата, должно быть, разыскали своихъ товарищей, разсказали свое приключенье, и въ лѣсъ былъ спущенъ цѣлый взводъ, а, можетъ быть, и эскадронъ, чтобы пресѣчь ему дорогу.

Эскадронъ? Такъ что же, тѣмъ лучше! Тамъ будетъ штабъ-офицеръ, или, по меньшей мѣрѣ, капитанъ, и ему удастся объяснить... Увы! Что же могъ бы онъ сказать имъ? Кто же ему повѣритъ? Съ нимъ нѣтъ ни приказа, ни одного письменнаго свидѣтельства, подтверждающаго его слова. Напротивъ, все его обвиняло.

Только и есть одно средство выйти изъ этого положенія: это— зарыть куда нибудь деньги и бумаги. Если бы онъ очень захотѣлъ, то его не нашли бы ранѣе пяти добрыхъ минутъ. У него есть время...

Онъ уже спустилъ свою одежду и приготовился разстегнуть кожаный кушакъ, подъ которымъ были спрятаны двадцать пять тысячъ франковъ въ золотыхъ сверткахъ, полученныя отъ Савари. Его ножикъ лежалъ раскрытымъ на мху, чтобы вырѣзать квадратъ земли, въ который онъ запряталъ бы свой подозрительный багажъ. Но онъ внезапно остановился. Ему пришла мысль, заставившая его улыбнуться...

Теперь его ножикъ послужилъ ему для другого. Онъ быстро обрѣзалъ имъ на половину полы сюртука. Однимъ изъ обрѣзанныхъ кусковъ онъ обернулъ шею до подбородка. Такимъ образомъ образовался высокій воротникъ суроваго вида. Второй отрѣзанный кусокъ онъ раздѣлилъ на двѣ одинаковыя части и обернулъ ихъ вокругъ ногъ, прикрывъ такимъ образомъ свои сѣрые чулки. Свою помявшуюся во время бѣгства шляпу онъ превратилъ въ фуражку, а рыжіе волосы прикрылъ чернымъ парикомъ, а подзорную трубку забросилъ въ кусты. Затѣмъ съ ловкостью обезьяны онъ началъ скользить отъ дерева къ дереву. Теперь онъ направлялся не на востокъ, какъ раньше, въ сторону, гдѣ было слышно менѣе шума, а напротивъ въ ближайшую отъ дороги сторону, откуда слышались суматоха и топотъ многочисленныхъ ногъ. Онъ выбралъ прекрасный моментъ, такъ какъ квартирмейстеръ гусаръ, внезапно замѣтивъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя бѣдняка, съ испугомъ смотрѣвшаго на солдатъ, вскричалъ:

— Эй! человѣкъ! Мы ищемъ статскаго съ волосами цвѣта моркови и въ сѣрыхъ чулкахъ. Не видѣли ли вы его случайно?

Человѣкъ отвѣчалъ, снимая фуражку, на французско-нѣмецкомъ говорѣ:

— Nein, montsir offitsir, rien fu!.. (Нѣтъ, господинъ офицеръ, ничего не видѣлъ).

Нѣкоторые изъ солдатъ стали насмѣхаться надъ его произношеніемъ. Онъ представился разгнѣваннымъ и удалился, прихрамывая.

Пять минутъ спустя, все затихло; онъ болѣе ничего не слышалъ: онъ былъ спасенъ!..

Онъ былъ спасенъ, но онъ очень усталъ!

Приходилось ли вамъ когда нибудь встрѣчать на краю дороги одну изъ жалкихъ, бродячихъ собакъ, облѣзлую, грязную, тощую, безобразную и дикую. Можетъ быть, она не злѣе другихъ, но отталкиваемая всѣми, колоченая мужчинами, побитая камнями дѣтьми, она имѣетъ видъ, какъ будто всегда проситъ милостыню. Когда ей приходится по дорогѣ отвѣдать зубовъ откормленныхъ крестьянскихъ и фермерскихъ псовъ, то послѣ этого ее найдешь сидящей

на пыльной дорогѣ, упорно зализывающей жгучія раны, которыя нанесли ей же подобныя. При вашемъ приходѣ она прерываетъ свою работу и подымаетъ голову, съ безпокойствомъ слѣдя за вами взглядомъ. Но въ немъ, однако, нѣтъ, можетъ быть, ничего другого, кромѣ страха. Затѣмъ успокоенная на нѣсколько минутъ, измученная длиннымъ путемъ и постояннымъ голодомъ, безъ хозяина и пристанища, она свертывается, сближаетъ лапы, опускаетъ хвостъ, кладетъ морду на свои когти и засыпаетъ, т. е. обѣдаетъ.

Въ такомъ положеніи былъ Шульмейстеръ, когда наконецъ онъ осмѣлился присѣсть на откосѣ дороги. Его платье представляло лохмотья, лицо было истощено, и члены дрожали отъ усталости. Хотя на немъ не было видно ранъ, но все его тѣло ныло отъ толчковъ, полученныхъ во время бѣгства. Все еще ему казалось, что грубая рука тянетъ его за галстухъ, громадный кулакъ лежитъ на плечѣ, а нога солдата толкаетъ его въ бокъ, чтобы ускорить шагъ. Осмотрѣвъ глазами пустынную дорогу, онъ воспользовался съ жадностью своимъ отдыхомъ.

Спать! Ѣсть! Пить! Нѣтъ на свѣтѣ людей, для которыхъ одна изъ этихъ задачъ была бы восхитительнымъ сновидѣніемъ болѣе, чѣмъ для Шульмейстера, изнемогавшаго отъ усталости. А всѣ три вмѣстѣ были бы настоящимъ раемъ.

Машинально онъ сталъ расправлять своими невѣрными пальцами висящіе на немъ лохмотья, ощупалъ больныя отъ толчковъ мѣста на рукахъ и ногахъ и, сорвавъ парикъ, принялся вытаскивать запутавшіеся въ волосахъ мохъ и отломленные отъ деревьевъ побѣги. Однимъ словомъ онъ поступалъ, какъ бездомная собака, которую бьютъ и отталкиваютъ.

Онъ кончилъ тѣмъ, что заснулъ, держа руку у пояса, гдѣ сохранялись его сокровища. Онъ былъ голоденъ, несмотря на золото, которое носилъ съ собою, жаждалъ, хотя въ двухъ шагахъ былъ ручей, но въ то же время былъ божественно счастливъ, что могъ забыть все и закрыть глаза.

VIII.

Принцъ Мюратъ послѣ продолжительной ѣзды верхомъ остановился передъ домикомъ, гдѣ онъ долженъ былъ ночевать. Удивленные крестьяне, по обыкновенію, разсматривали его величественную наружность и блестящее великолѣпіе его штата. Раньше его въ квартиру была доставлена въ каретѣ великолѣпная походная посуда, бѣлье и удобный домашній костюмъ. Благодаря его мягкости и удобству во время сна и практичности и прочности для верховой ѣзды, въ случаѣ внезапной тревоги Мюратъ не могъ обойтись безъ него.

Все уже было приготовлено къ пріѣзду принца. Четверо слугъ старались, чтобы этотъ крестьянскій домъ не показался очень плохимъ его высочеству. Хозяева дома перемѣстились наверхъ. Всѣмъ нижнимъ этажемъ завладѣли слуги для принца. Имъ казалось, что даже конюшня, несмотря на свою свѣжую, густую подстилку, едва ли достойна чести вмѣщать въ себѣ его лошадей.

Заслышавъ стукъ копытъ, одинъ изъ слугъ бросился къ двери. Онъ приблизился, чтобы поддержать стремя Мюрата, въ то время, какъ его товарищи выстроились вдоль стѣны. Жестомъ Мюратъ отпустилъ своихъ адъютантовъ и офицеровъ. Въ сопровожденіи только одного изъ нихъ онъ вошелъ въ домъ. На нижней ступени порога стоялъ маленькій мальчикъ.

Мюратъ не безъ удивленія разсматривалъ ребенка, глядѣвшаго на него серіозно и задумчиво. Его маленькая, хрупкая фигурка была принцу знакома. Гдѣ же онъ видѣлъ эти блестящіе, умные глазки? Но умъ Мюрата не обладалъ памятью. Онъ даже не замедлилъ шага, а, переступивъ порогъ, пересталъ думать о мальчикѣ.

Живо былъ приготовленъ ужинъ и такъ же живо поданъ. Послѣ ужина, удобно расположившись передъ каминомъ, Мюратъ почувствовалъ необходимость узнать людей, у которыхъ онъ отнялъ камелекъ. Принцъ приказалъ хозяину спуститься къ нему.

Спустя нѣсколько минутъ, передъ нимъ предстала странная фигура. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, громаднаго роста, но столь же худой, какъ и длинный. Его плечи и руки были гигантскаго размѣра, а бока и ноги худы и сухи, какъ у скорохода. Онъ, казалось, былъ сложенъ, чтобы носить на своемъ затылкѣ цѣлый міръ, а кулакомъ убивать быка. Но стоило опустить глаза, и мысль о силѣ исчезала, оставляя впечатлѣніе о вѣроятномъ проворствѣ. На этомъ сильномъ и легкомъ тѣлѣ возвышалась голова съ выраженіемъ простодушія. Однако, его тонкія губы выражали лукавство. Его волосы были совершенно сѣды.

— Вы — хозяинъ дома? — спросилъ его Мюратъ послѣ того, какъ осмотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ его замѣчательную фигуру.

— Только не сегодня вечеромъ, — лаконически отвѣчалъ крестьянинъ.

— А-а! Это означаетъ, что насъ здѣсь не любятъ, что ли?

— О, нѣтъ, я не это хочу сказать. Я не питаю ни того, ни другого чувства къ французамъ. Только надоѣдаетъ быть всегда обезпокоеннымъ, когда хочешь жить спокойно, и перебираться, когда привыкъ къ своему мѣсту.

— Это законъ войны, мой любезный.

— Можетъ быть. Но такъ какъ мы не въ войнѣ съ Франціей, то, мнѣ кажется, можно было бы прежде, чѣмъ поселиться здѣсь, переговорить съ нами!..

Адъютантъ Мюрата сдѣлалъ гнѣвное движеніе.

— Успокойтесь, мой другъ, — сказалъ принцъ, пожимая плечами. — Предупредите, пожалуйста, обоихъ командировъ нашихъ колоннъ, чтобы они явились ко мнѣ со своимъ дневнымъ докладомъ.

Затѣмъ, обернувшись снова къ своему хозяину, Мюратъ сказалъ:

— Бьюсь о закладъ, что вамъ не сказали, сколько я заплачу за ночлегъ? Смотрите: вотъ за проведенную у васъ ночь!

И Мюратъ съ великолѣпнымъ жестомъ бросилъ на столъ кошелекъ. Онъ, по меньшей мѣрѣ, долженъ былъ содержать въ себѣ десять золотыхъ наполеондоровъ. Хозяинъ взялъ его, прикинулъ на руку и снова положилъ на столъ, пронзительно свистнувъ. Спустя моментъ, позади его показалась блѣдная голова ребенка, который такъ внимательно разсматривалъ Мюрата при входѣ въ домъ.

— Вотъ тебѣ, Гансъ, возьми деньги, которыя принцъ Мюратъ пожелалъ намъ дать. Если твоя мать позволитъ, то на нихъ можно купить тебѣ и твоей сестрѣ одежду. Мнѣ ничего не надо,—прибавилъ онъ, гордо закидывая голову.

— Что это за ребенокъ?—спросилъ удивленный Мюратъ—Онъ родственникъ вашъ? Кто же его мать, о которой вы говорили?

— О, не безпокойтесь объ этомъ, генералъ. Онъ мнѣ не приходится родственникомъ, а ту, которая его воспитывала, вы не знаете совсѣмъ. Только я раньше васъ ее здѣсь поселилъ, и нахожу справедливымъ, чтобы она воспользовалась вашимъ великодушіемъ.

Стѣснительное молчаніе водворилось на нѣсколько минутъ. Старикъ прервалъ его, видимо усиливаясь быть любезнѣе:

— Но теперь, кажется, все устроилось. Вы были любезны, генералъ, занялись нами минуту, этого достаточно. Вашимъ людямъ что нибудь надо? Мой бѣдный домъ, какъ онъ есть, удовлетворитъ ли васъ? Не нуждаетесь ли вы въ чемъ нибудь? Могу ли я вамъ оказать какую нибудь услугу?.. Я не больше, какъ крестьянинъ; но буду счастливъ дать себя въ распоряженіе такому прославленному воину, какъ вы.

Лесть была тѣмъ болѣе неожиданная, что ей предшествовала суровость пріема. Мюратъ, наслаждавшійся ею во всякомъ случаѣ, теперь послѣ такого предисловія находилъ ее вдвойнѣ пріятной.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ снисходительнымъ тономъ. — Нѣтъ, благодарю васъ, все хорошо. Прикажите только, чтобы дали кушать гвардейцамъ. Мои люди заплатятъ за все, что вы имъ доставите... Но еще одно слово, прошу васъ! Какъ васъ зовутъ?

— Меня зовутъ Францъ Родекъ.

— Вы изъ Бадена?

— Бадена... да... теперь.

— Почему «теперь»? Развѣ перемѣнили страну?.. Вы не отвѣчаете... Гдѣ же вы жили прежде, чѣмъ поселились здѣсь?

— Я жилъ въ Этенгеймѣ.

— Этенгеймѣ?.. Я знавалъ такой. Недавно должны были сражаться вокругъ города или деревни, носящей это названіе...

— Тамъ не сражались, генералъ, но все-таки тамъ была пролита кровь...

— Какая кровь?.. Объяснитесь!..

— Восемнадцать мѣсяцевъ назадъ, въ мартѣ 1804 года, туда явились солдаты въ мирное время. Они нарушили права народа и вѣчной справедливости, схвативъ и увезя принца королевской крови...

— Принца Ангіенскаго?..

— Да, вы сразу вспомнили его имя! Это именно такъ. Людвигъ-Антуанъ Бурбонъ, принцъ Конде, герцогъ Ангіенскій, мой повелитель!

— Вашъ повелитель?... Вы были?..

— Я былъ самый покорный изъ его слугъ... Я восторгался его храбростью и любилъ его молодость... Онъ не позволилъ себя защищать, но я видѣлъ, какъ отрядъ въ триста кавалеристовъ окружилъ деревню, въ которой онъ спокойно жилъ. Въ то же время отрядъ, даже съ артиллеріей, пришелъ сюда, въ Офенбургъ, охранять окрестности. Я видѣлъ, какъ моего повелителя отвели въ Страсбургскую цитадель, какъ какого нибудь злоумышленника или предателя. Я знаю, что, спустя двѣ недѣли, его разстрѣляли ночью въ Венсенѣ послѣ шутовского приговора по приказу Бонапарта, перваго консула!.. Правда ли, намъ говорили здѣсь, что въ то время губернаторомъ Парижа и начальникомъ солдатъ, изъ которыхъ составился отрядъ, былъ принцъ Мюратъ?

— Нѣтъ! нѣтъ!.. Я не хотѣлъ!.. Я противился...

— Да, мнѣ это тоже разсказывали!.. Повидимому, нуженъ былъ Савари, чтобы совершить хладнокровно этотъ позорный приговоръ!.. Прекрасно: я счастливъ, что услышалъ, какъ вы повторили мнѣ это сами. Значитъ, правда, что генералъ Мюратъ осмѣлился сказать своему шурину — «императору», отнынѣ императору, все, что ему подсказала совѣсть? Да будетъ ему честь за этотъ смѣлый поступокъ! Съ этихъ поръ его покой не будетъ нарушенъ подъ этимъ кровомъ, пока я живъ. Вы меня спрашивали сейчасъ, генералъ, откуда я?.. Я не нѣмецъ, но уже восемнадцать мѣсяцевъ я отказался быть французомъ. У меня нѣтъ другой родины, кромѣ моего дома, и въ немъ я охотно предлагаю вамъ гостепріимство!

Послѣ этихъ словъ Родекъ повернулся, и Мюратъ услышалъ, какъ снова раздался странный призывъ, на который уже Гансъ однажды пришелъ. Ребенокъ былъ недалеко и снова явился немедленно.

Тогда старикъ жестомъ, простота котораго достигала величія, взялъ у мальчика кошелекъ и положилъ передъ Мюратомъ на столъ, говоря:

— Прошу васъ поберечь это, генералъ! Рѣшительно, я все еще остался немного шуаномъ, чтобы допустить себя прикоснуться къ золоту «голубыхъ».

Онъ поклонился и вышелъ. Удивленный Гансъ прислонился къ косяку двери. Онъ увидѣлъ стараго Родека, всегда тихаго, добраго, молчаливаго и мягкаго, разговаривающимъ такъ гордо съ начальникомъ арміи. Хотя онъ ничего не слышалъ, что говорилось передъ его приходомъ, но онъ понялъ, что скромный крестьянинъ строго говорилъ съ человѣкомъ, передъ которымъ дрожало столько людей. Онъ видѣлъ, что послѣ ухода старика Мюратъ остался сидѣть съ поникшей головой...

Принцъ оставался неподвиженъ. Въ самомъ дѣлѣ ему казалось, что онъ снова переживаетъ всѣ перипетіи ужаснаго происшествія, вызваннаго неожиданно. Онъ вспомнилъ, какъ годъ тому назадъ ему принесли приказъ о смертной казни герцога Ангіенскаго, который онъ долженъ былъ подписать. «Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу видѣть этой крови на шитьѣ моего мундира!»... Затѣмъ была ужасная сцена съ Наполеономъ, выслушавшимъ холодно и высокомѣрно его отказъ и возраженія, на которыя послѣдній отвѣтилъ сурово: «Хорошо».

И принцъ продолжалъ раздумывать о томъ, что въ началѣ кампаніи, которую всѣ считали славною, рокъ привелъ его въ убѣжище жертвы... Это было, какъ черное предсказаніе, кидающее тѣнь на будущее.

Онъ поднялъ голову и увидѣлъ блѣднаго ребенка, смотрѣвшаго на него. Его мысли перемѣнились.

— Кто ты, малютка? — спросилъ онъ, стараясь смягчить свой голосъ.—Развѣ ты живешь въ этомъ домѣ?..

— Я здѣсь съ сегодняшняго утра. Раньше мой другъ Францъ пріѣзжалъ къ намъ въ Страсбургъ, а затѣмъ вы къ намъ приходили, я вѣдь васъ хорошо узналъ, полноте!

— Меня? Ты увѣренъ?..

— Да, я увѣренъ!.. Это было не такъ давно!..

— Ты хочешь сказать, что видѣлъ меня на улицѣ верхомъ, не правда ли?

— О, нѣтъ! Вы были пѣшкомъ, совсѣмъ одинъ и не были такъ красиво одѣты.

— Полно! приблизься и разкажи-ка мнѣ немножко.

Гансъ подошелъ спокойно, пожирая глазами его вышивки, кресты и шпагу, которую онъ могъ потрогать. Онъ довѣрчиво прижался къ колѣнямъ Мюрата, смотря прямо ему въ глаза и не смущаясь теперь его величественной фигурой. Затѣмъ онъ наклонилъ голову и тихонько, украдкой сталъ поглаживать кончиками пальцевъ висящій золотой шнурокъ темляка.

— Гдѣ же ты видѣлъ меня? Скажи теперь.

— У насъ! Мама Берта была съ вами, когда мы съ Лизбетой

вернулись. У нея былъ такой печальный видъ, но когда вы уходили, то сказали что-то, доставившее ей удовольствіе. Тогда я увидѣлъ, что вы не злой.

— А, угадалъ!.. Улица де-ла-Мессанжъ, не правда ли? Тому два дня? Да, да, я вспоминаю? А где же теперь твой отецъ?

— Не знаю... Я никогда не знаю!..

— А твоя мать?

— Она здѣсь съ нами.

— Какъ, здѣсь? Эти комнаты занимала она?

— Да, Францъ перевелъ насъ на верхъ, узнавъ, что вы пріѣдете.

При звукѣ дѣтскихъ словъ душа воина мало-по-малу освободилась отъ печальныхъ мыслей, только что ее омрачившихъ. Затѣмъ въ его воображеніи предстало красивое лицо и изящный силуэтъ женщины, которую онъ нашелъ въ скромной лавочкѣ. Теперь онъ, сіяющій силой и славой, встрѣтитъ снова ее и даже будетъ встрѣчать мимоходомъ въ своихъ разъѣздахъ въ глазахъ непріятеля. Все это облегчило атмосферу, и черныя тучи прошедшаго унеслись высоко къ звѣздамъ.

Впрочемъ, правда, что онъ былъ въ тотъ вечеръ очень добръ къ этой красивой женщинѣ, испуганной шпіономъ Шульмейстеромъ, и онъ съ самодовольствомъ вспомнилъ объ этомъ. Но и эта маленькая лавочница тоже была очаровательна! Возможно ли, чтобы она принадлежала подобному грубому мужику!..

Теперь Мюратъ смѣялся себѣ въ усы, барабаня пальцами по плечу ребенка. Провались, черныя мысли, при подобномъ сосѣдствѣ! И солдатское фатовство побѣдителя дошло до мысли: «когда найдется другой подобный случай?».

Движеніе на улицѣ, шумъ сабель, задѣтыхъ за порогъ, и нѣсколько грубыхъ, отрывочныхъ словъ, достигшихъ его уха, заставили Мюрата поднять голову.

— Останься тамъ,—сказалъ онъ Гансу, указывая на одинъ изъ угловъ комнаты.

Вошло четверо офицеровъ: одинъ драгунскій, другой гусарскій полковники и два капитана.

Они молча ожидали вопросовъ начальника. Затѣмъ на безмолвный вопросъ глазами Мюрата оба полковника послѣдовательно отвѣчали, что видѣли и что знали. Этотъ словесный рапортъ не содержалъ, по правдѣ, ничего интереснаго и новаго, чего не видѣли бы ежедневно на войнѣ. Однако Мюратъ не забывалъ спеціальной роли, которая ему предстояла въ этомъ прологѣ кампаніи. Онъ настаивалъ, чтобы узнать малѣйшія детали демонстраціи, сдѣланной обоими полками при входѣ въ дефиле...

— Какіе признаки собрали вы о томъ, что наши движенія были указаны непріятелю?—спросилъ онъ наконецъ.—Встрѣтили ли вы какой нибудь австрійскій корпусъ, отрядъ конницы?..

— Нѣтъ, ничего!—въ одинъ голосъ отвѣтили полковники.

— А мѣстные жители какъ встрѣтили васъ?

— Вѣжливо... Прилично...

— Ни одной подозрительной фигуры среди нихъ?.. Ни одного человѣка, попробовавшаго пройти, несмотря на васъ, на другую сторону горъ?

— А! что до этого, напротивъ,—отвѣчалъ гусарскій полковникъ.— Капитанъ, командующій моимъ третьимъ эскадрономъ, заявилъ, что гонялся за человѣкомъ, схваченнымъ двумя его солдатами. Одного изъ нихъ онъ сначала опрокинулъ, а отъ другого скрылся и пустился бѣжать лѣсомъ. Обыскали всѣ чащи, но его не нашли. Я оставилъ еще нѣсколько человѣкъ, которые караулятъ три перекрестка, чтобы окружить облавой мѣсто, гдѣ онъ исчезъ.

— Прикажите имъ вернуться, полковникъ! Безполезно искать этого молодца... Тѣмъ лучше, если онъ скажетъ другимъ, что насъ видѣлъ, потому что для этого-то мы и показываемся! Есть у васъ примѣты этого человѣка?

— Да, маршалъ, маленькій, коренастый, съ рыжими волосами. На немъ надѣтъ коричневый сюртукъ и сѣрые чулки. Онъ наблюдалъ издали за нашими драгунами, когда мои гусары его захватили. Онъ, должно быть, бросилъ свою подзорную трубку, когда бѣжалъ. Одинъ изъ солдатъ поднялъ ее: вотъ она. Я наказалъ обоихъ солдатъ, допустившихъ его убѣжать.

— Отмѣните наказаніе! Онъ оказалъ намъ важную услугу помимо его желанія.

Гансъ сдѣлалъ легкое движенье въ своемъ углу. Мюратъ повернулъ голову въ его сторону, посмотрѣлъ на него и, поддаваясь какому-то внезапному побужденію, спросилъ:

— Знаешь ли ты, крошка, человѣка, о которомъ полковникъ только что говорилъ мнѣ?

— Это — папа! — отвѣчалъ ребенокъ съ оттѣнкамъ гордости и нѣжности въ голосѣ.

— Ты увѣренъ?

— Ну, конечно. У него надѣты сѣрые чулки, а вотъ и его трубка...

Мюратъ смѣясь положилъ свою руку на голову ребенка.

— Видите, господа! Нашъ бѣглецъ извѣстенъ. Не занимайтесь больше имъ: это приказъ императора!.. Мы отправляемся завтра рано утромъ. Прикажите звонить пробужденіе въ четыре часа. Дорога назначена драгунамъ въ Оберкирхъ черезъ Аппенфейеръ, а для гусаръ, имѣющихъ лучшихъ лошадей, въ Ахернъ, гдѣ они обождутъ меня. Спокойной ночи!

Только что успѣли уйти офицеры, какъ въ дверяхъ показалась Берта и остановилась, пораженная зрѣлищемъ.

Мюратъ стоялъ передъ столомъ, водя пальцемъ по разложенному плану, какъ будто изучая глазами дорогу, по которой ему

придется слѣдовать. Въ двухъ шагахъ отъ него маленькій мальчикъ забавлялся совершенно по-домашнему, вынимая тихонько изъ ноженъ стальное лезвее шпаги.

— Что ты дѣлаешь здѣсь?—сказала она. Краска покрыла ея щеки при звукѣ своего собственнаго голоса, прежде чѣмъ генералъ и ребенокъ однимъ движеніемъ повернулись въ ея сторону.

Она хотѣла извиниться за свою нескромность материнскимъ чувствомъ и сдѣлала жестъ, чтобы подозвать и увести своего сына.

— Наконецъ—это вы?.. Этимъ крикомъ радостно привѣтствовалъ ея появленіе Мюратъ. Она сконфузилась и осталась прикованной на одномъ мѣстѣ.

Гансъ подвинулся къ стѣнѣ и сѣлъ въ старое кресло Родека, которое представило ему возможность отдалиться. Мюратъ бросился съ протянутой рукой къ молодой женщинѣ. Послѣдняя не могла помѣшать себѣ, чтобы застѣнчиво не дотронуться до нея кончиками своихъ пальцевъ.

— Не браните, сударыня, этого милаго мальчика! Я сказалъ ему, чтобы онъ остался здѣсь... Это я его задержалъ. Не угадываете ли вы, почему мнѣ доставляло удовольствіе слушать его?

Берта не знала, что отвѣчать. По правдѣ сказать, чувство, которое она испытывала при видѣ Мюрата, не походило на чувство благодарности, такъ какъ ея женская гордость была безупречна. Тѣмъ болѣе это не была привязанность, ибо она едва знала этого блестящаго офицера, этого грознаго принца, смотрѣвшаго на нее такими пылкими и веселыми глазами. Но тогда это, значитъ, была все-таки небольшая симпатія, потому что онъ уже второй разъ высказалъ къ ней любезность и доброту.

Она кончила тѣмъ, что сказала, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ:

— Пора этому ребенку васъ покинуть, сударь. Въ этотъ часъ я должна его уложить спать. Вы сами, безъ сомнѣнія, нуждаетесь въ покоѣ!..

— Мой истинный покой,—перебилъ ее Мюратъ:—это видѣть васъ! Если бы вы знали, какое вознагражденіе послѣ тяжелаго дня найти подобную хозяйку квартиры!..

— О, пожалуйста...

— Да, да! я знаю, что я уже вамъ успѣлъ не понравиться грубостью, съ которой я говорилъ въ первый разъ. Но вы скоро поняли,— не правда ли?—что не умѣешь взвѣшивать слова, когда выражаешь истинное чувство. Надо простить грубость воину, какъ я, когда онъ хочетъ сказать, что у него на сердцѣ.

Онъ говорилъ съ ней нѣжнымъ голосомъ, какъ бы съ ребенкомъ, котораго не хотятъ напугать. Они были такъ близки другъ къ другу, что она чувствовала себя какъ бы окутанной его неуловимой лаской. Это было какое-то восхитительное и страшное оцѣпенѣніе, которое мало-по-малу охватывало ее, пока она слушала

Мюрата. Она смотрѣла на это темное, отважное лицо, слегка поблѣднѣвшее отъ нѣжности или желанія, и ея глаза помутились... Она повернула голову къ сыну и увидѣла его свернувшимся въ большемъ креслѣ. Онъ наполовину уже дремалъ, прислонившись склоненной на плечо головою къ спинкѣ большого кресла.

— Чего вы боитесь?—сказалъ Мюратъ...—Вашъ тѣлохранитель здѣсь, близко отъ васъ... И потомъ я не хочу васъ ни пугать ни огорчать... Почему вы не позволяете мнѣ сказать вамъ, до какой степени вы занимали мой умъ и сердце, съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ въ улицѣ Мессанжъ? Въ этомъ ничего нѣтъ дурного. Васъ зовутъ Берта, я знаю это... Да! Я знаю это. Васъ это удивляетъ? Вы такъ божественно прекрасны.

— Умоляю васъ, ничего не говорите мнѣ больше... Вы забываете, кто я... и кто—вы...

— Я ничего не забываю... Но когда человѣкъ идетъ весело на битву и останавливается на дорогѣ на одинъ моментъ, чтобы позволить своему сердцу излиться передъ женщиной, развѣ онъ не достоинъ, чтобы его выслушали и повѣрили? Зачѣмъ я буду вамъ лгать, быть можетъ, наканунѣ смертельной раны?.. Развѣ вы не чувствуете... Берта, что я другъ вамъ?

— Молчите! молчите!..

— Развѣ это не имѣетъ значенія, что мы, обыкновенно такъ далекіе другъ отъ друга, соединились сегодня въ одномъ и томъ же домѣ? Кто могъ бы сказать, что мы такъ встрѣтимся?

Теперь онъ находился совсѣмъ близко къ ней, настолько близко, что слова, которыя онъ шепталъ, едва пробуждали въ комнатной тишинѣ легкое жужжаніе любви. Она была блѣдная и чувствовала, что всѣ ея мысли и разсудокъ уходятъ въ безуміи пораженія. Непроницаемый туманъ поднялся передъ ея глазами и закрылъ собою дѣйствительную жизнь съ ея долгомъ, благоразуміемъ, дозволеннымъ счастьемъ и темнымъ будущимъ. Однако, въ тотъ моментъ, когда Мюратъ обхватилъ ея талію, въ ней пробудилось чувство возмущенія. Она освободилась отъ него и удалилась на шагъ. Дальше она не могла итти. Онъ удержалъ ея руку, нѣжно зажатую въ своей.

— Меня обижаетъ,—возразила она, задыхаясь:—что вы говорите такъ со мною, что вы удерживаете меня!.. Я хочу...

— Не приказывайте и не требуйте ничего... Скажите только, чего вы желаете: Мюратъ вамъ будетъ повиноваться во всемъ, что бы вы ни сказали.

— Умоляю васъ позволить мнѣ увести сына и никогда больше не говорите мнѣ...

Онъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она болѣе не продолжала, и она замолчала. Тогда Мюратъ отпустилъ ея руку и направился къ креслу, гдѣ спалъ ребенокъ, котораго онъ взялъ на руки съ тысячью предосторожностей.

Гансъ не сдѣлалъ ни одного движенія... и его голова склонилась на плечо Мюрата съ той же безцеремонностью, съ какой лежала на спинкѣ стараго кресла.

Мюратъ вернулся улыбаясь и положилъ на руки молодой женщины свою легкую ношу. Ребенокъ такъ крѣпко спалъ, что ничего не сознавалъ, и его крѣпко сомкнутые глаза даже не открылись ни разу.

Но затѣмъ она снова почувствовала себя испуганной, какъ и вырываясь только что изъ восхитительныхъ объятій. Ничто ея не защищало отъ поцѣлуя, котораго она такъ страшилась. Малѣйшій крикъ, малѣйшій жестъ съ ея стороны разбудилъ бы ея спящаго сына.

IX.

На другое утро, нѣсколько минутъ спустя послѣ отъѣзда Мюрата и его офицеровъ, старый слуга герцога Ангіенскаго оживленно разговаривалъ съ Бертой Шульмейстеръ.

— А я заявляю вамъ, что не могу допустить васъ уѣхать такъ!— говорилъ старый Францъ Родекъ... Куда вы отправитесь?

— Я уѣду во Францію или углублюсь въ Лѣсъ, не все ли равно!... Но я не могу оставаться здѣсь...

— А!... И вы, безъ сомнѣнья, возьмете съ собою дѣтей?

— Дѣтей?...

— Ну, конечно! Зачѣмъ же я оставлю ихъ у себя, если васъ не оставлю? Шульмейстеръ, прося принять васъ и заботиться о васъ впродолженіе его отсутствія, подразумѣвалъ васъ троихъ. Вы должны бы жить вмѣстѣ въ моемъ домѣ. Я иначе не обязывался. Кто вамъ сказалъ, что я обременю себя одними малютками?

— О господинъ Родекъ!... Прошу васъ объ этомъ!

— Скажите мнѣ, зачѣмъ вы хотите убѣжать?... Такъ какъ, поистинѣ, это богатство, не правда ли? Что такое случилось? Что довело васъ до такой степени безумія, васъ, по обыкновенію серьезную и разсудительную? Развѣ присутствіе этихъ солдатъ? офицеровъ? Немного же надо, чтобы васъ взволновать. Вы, слава Богу, уже насмотрѣлись на этихъ людей въ мундирахъ! Или потому, что главный штабъ долженъ, повидимому, поселиться здѣсь сегодня вечеромъ? Но съ завтрашняго дня, вы это знаете, мы не будемъ болѣе осаждены ими! Можете же вы, какъ я, потерпѣть двадцать четыре часа.

— Нѣтъ, нѣтъ! не хочу!

— Полно, полно, дитя мое. Отчего не сказать мнѣ, что васъ тревожитъ и смущаетъ? Чего вы можете опасаться? Мнѣ кажется, что «принцъ» Мюратъ не даромъ любезенъ къ намъ? Я его не люблю, но долженъ признаться, что онъ дѣлаетъ все, чтобы насъ

не очень стѣснять... Только что онъ очень вѣжливо извинился, уѣзжая, за то, что долженъ квартировать въ Оффенбургѣ еще сегодня вечеромъ. Онъ отдалъ въ моемъ присутствіи самыя приличныя приказанія своимъ слугамъ.

— О! конечно, онъ былъ очень хорошъ...

— Онъ даже одержалъ, повидимому, побѣду надъ Гансомъ, такъ какъ ребенокъ не покидалъ его весь вечеръ. А вы сами, развѣ не вошли въ комнату, гдѣ находился Мюратъ, раньше чѣмъ пойти къ себѣ? Я думаю, что вы не можете на него пожаловаться?

— О! нѣтъ... нѣтъ... Я ничего не могу сказать.

— Тогда что же?

— Я хочу уѣхать.

— Это безуміе. Послушайте, вы знаете прекрасно, что я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы, пока вы находитесь въ моемъ домѣ, видѣть васъ подверженной малѣйшей непріятности, благодаря моей слабости или невниманію. Скажите мнѣ только, что вамъ не нравится здѣсь, и что васъ притягиваетъ въ другомъ мѣстѣ? Слово Родека, я тогда запрягу свою кобылу въ одноколку и отвезу васъ лично, куда вы хотите поѣхать. Но, чортъ, возьми, я имѣю право знать, какой тутъ смыслъ, и не повинуетесь ли вы безразсудному страху. Шульмейстеръ мнѣ не проститъ, что я допустилъ васъ покинуть это убѣжище, выбранное имъ самимъ, и онъ будетъ правъ!..

— Шульмейстеръ первый оправдалъ бы меня...

— ... А... первый?.. Смотрите-ка!

Францъ Родекъ выпрямился во весь ростъ. До тѣхъ поръ его глаза такъ и впивались въ глаза молодой женщины, чтобы угадать ея мысль. Теперь онъ болѣе не смотрѣлъ на нее. Казалось, что онъ наблюдалъ далеко позади нея какой-то спектакль, возмущавшій его. Выраженіе его лица становилось настолько жестоко и ужасно, что Берта не могла удержаться и, повернувъ голову, быстро осмотрѣла однимъ взглядомъ пустую комнату.

— Вотъ-то я дуракъ!—шепталъ старый шуанъ.—Точно принцъ Мюратъ могъ пройти мимо подобнаго созданія, какъ она, безъ того, чтобы у него не явилась мысль завладѣть ею для собственнаго удовольствія!.. Не все ли ему равно, что она принадлежитъ другому? Когда отправляешься завоевывать Германію, можно начать съ побѣды надъ нѣмкой... Что же онъ сказалъ вамъ? О!.. простите!..

Находясь подъ вліяніемъ гнѣва, онъ задалъ ей вопросъ, не подумавъ. Блѣдное лицо и блуждающіе глаза Берты привели его въ себя.

— Простите, мое дитя! Не все ли равно, что онъ сказалъ. Я вообразилъ себѣ, что, сознавая себя могущественнымъ и плѣнительнымъ, онъ выказалъ себя ласковымъ и льстивымъ... Я знаю!.. Я знаю! ничего не говорите мнѣ. Вы, такая честная и порядочная женщина, были навѣрно сразу удивлены и, можетъ быть, немного ошеломлены его жаргономъ. Только дѣти, какъ Гансъ, допускаютъ

себя ослѣпить золотыми аксельбантами... Женщины иногда тѣ же дѣти!.. Не говорите ничего, я знаю все! Мы сейчасъ уѣдемъ.

Проницательность и довѣрчивое расположеніе стараго Франца, такъ дополняли другъ друга, что Берта себя почувствовала съ нимъ душа на распашку. Она не сказала ему ни слова, и онъ понялъ ее. Берта стояла неподвижная, пристыженная минутной безсознательностью и слабостью. Она была поражена ужасомъ отъ предстоящихъ испытаній снова завладѣть своей волей, чтобы восторжествовать надъ страшнымъ, безумнымъ увлеченіемъ. Но внезапно у нея явился союзникъ, разсѣявшій своей прямотой атмосферу, полную волненій, въ которой она находилась со вчерашняго дня. Она была ослѣплена: Родекъ сказалъ правду! Но теперь она чувствуетъ себя сильной и неприступной. Спокойная снисходительность старика вернула ей самообладаніе.

Она подняла на Родека свои проясненные глаза. На ея губахъ обрисовалась нѣжная полуулыбка, въ которой оставалось еще нѣкоторое смущеніе. Но внезапно она поблѣднѣла, видя во взглядѣ ея хозяина, устремленномъ на нее, отпечатокъ горестной суровости.

— Пришелъ часъ раскрыть вамъ секретъ, долго мною сохраняемый,—сказалъ онъ послѣ тяжелаго молчанія.—Я не разсчитывалъ вамъ такъ рано открыть эту ужасную исторію, но я вижу, что обстоятельства сильнѣе моей воли... Они насъ не предупреждаютъ о своемъ ходѣ, но внезапно раскрываютъ намъ глаза на міръ, казавшійся намъ инымъ наканунѣ. Уже если васъ судьба нечаянно поставила лицемъ къ лицу съ людьми, замѣшанными въ вашу жизнь, я не имѣю права долѣе молчать: надо, чтобы вы узнали все.

Берта устремила на него свои расширенные отъ мучительнаго безпокойства глаза. Инстинктъ подсказывалъ ей, что не о ней одной идетъ дѣло, и наконецъ слова старика бросятъ свѣтъ на таинственныя событія, совершившіяся передъ ея глазами.

— Дѣло, идетъ о малюткахъ—продолжалъ Родекъ, дотрогиваясь до ея плеча, желая этимъ какъ бы успокоить ея смятеніе.—Дѣло идетъ объ ихъ матери, вашей бѣдной очаровательной сестрѣ, умершей отъ горя въ прошедшемъ году. Дѣло идетъ также и объ ихъ отцѣ, извѣстномъ мнѣ одному и ужасный конецъ котораго причинилъ отчаяніе и сократилъ жизнь нѣжной защитницѣ этихъ малютокъ. Вы помните это гордое и красивое созданіе, которое, казалось, предназначалось къ болѣе счастливой мирной жизни. Вы помните, насколько казалось невѣроятнымъ, чтобы она забыла свои обязанности и рѣшилась жить далеко отъ своихъ, не признанная никѣмъ и тѣмъ не менѣе счастливая въ своемъ позорѣ... Все это потому, что она встрѣтила самаго благороднаго и преданнаго изъ друзей, сознавала себя вполнѣ любимой человѣкомъ, который далъ бы ей свое имя, восторжествовавъ надъ всѣми препятствіями, но неожиданная катастрофа вырвала его изъ ея рукъ...

— Такъ...—прервала его Берта съ глазами, полными слезъ.—Такъ Гансъ и Лизбета...

— Гансъ и Лизбета—дѣти, увы! сироты Жанны Унгеръ, вашей сестры, и Луи Бурбона, герцога Ангіенскаго. Мой несчастный повелитель часто являлся въ Этенгеймъ и жилъ иногда подолгу въ уединенномъ домикѣ по дорогѣ во Францію не для заговора противъ директоріи, а позже противъ перваго консула, но для того, чтобы снова встрѣтить мать своихъ дѣтей. Онъ находился около нея, сколько было ему возможно. Я сопровождалъ его всегда въ этихъ секретныхъ путешествіяхъ, дабы снова увидѣть ту, которую я называлъ «госпожей». Онъ довѣрялся только мнѣ, чтобы предупреждать о своемъ пріѣздѣ и чтобы обезпечить ихъ спокойствіе, когда онъ былъ съ нею. Онъ, конечно, измѣнялъ свой костюмъ во время этихъ путешествій, но, какъ и слѣдуетъ принцу его расы, ничто не обнаруживало его на взглядъ и все выдавало его предупрежденнымъ глазамъ.

Сколько разъ я видѣлъ его играющимъ со своимъ сыномъ! Онъ обожалъ его. Для всѣхъ ребенокъ назывался Гансомъ, только для своего отца онъ былъ Жанъ. Это былъ ихъ секретъ... Принцъ шепталъ ему очень тихо это имя, и малютка блѣдный, съ блестящими глазами бросался въ его объятія.

Послѣ двойной катастрофы, когда я рѣшилъ ввѣрить вамъ и вашему честному Карлу этихъ двухъ бѣдныхъ крошекъ, я отвелъ мальчика въ сторону и объяснилъ ему, какъ умѣлъ, о случившемся несчастіи: «Ты будешь жить съ сестрою твоей матери. Она также прекрасна и добра. Повинуйся ей. Но она не знала твоего отца; береги же для себя одного воспоминаніе о томъ, кто такъ любилъ тебя. Когда мы встрѣтимся, то будемъ о немъ разговаривать».

Впрочемъ, незачѣмъ васъ увѣрять, что онъ не зналъ ни званія, ни настоящаго имени потеряннаго покровителя?.. Въ его глазахъ это былъ его отецъ, вотъ и все!

Дорогой малютка поступилъ, какъ я указалъ ему. Это честный мальчикъ, онъ не измѣнитъ своимъ двумъ расамъ. У него сердце крестьянина, но въ немъ бьется королевская кровь. Онъ твердъ и вѣренъ, мужественъ и скрытенъ. Иногда, оставаясь со мною вдвоемъ, онъ смотритъ на меня блѣдный, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами. Я пробовалъ улыбаться и звать его тихо по имени Жанъ, котораго онъ давно не слышалъ. Тогда онъ горестно подымалъ глаза, будто желая разсмотрѣть далекій образъ. А у меня этимъ временемъ, при воспоминаніи о моемъ повелителѣ, сердце разрывалось отъ рыданій.

Берта плакала при воспоминаніи о своей исчезнувшей старшей сестрѣ. Слова Франца Родека приподняли послѣднюю завѣсу, спущенную передъ нею. Теперь раскрылось, чего она до сихъ поръ не знала изъ жизни и любви Жанны. Она вспомнила, съ какою стро-

гостью принималъ ея отецъ уважаемое всѣми должностное лицо въ Сентъ-Мари-о-Минъ, скромныя попытки нѣкоторыхъ родственниковъ, старавшихся вымолить прощеніе для отсутствующей дочери. Она смутно спрашивала себя, подозрѣвалъ ли, хотя одинъ моментъ, ея отецъ имя человѣка, для котораго эта опозоренная дѣвушка покинула родительскій кровъ.

Затѣмъ она унеслась мысленно къ своимъ юнымъ днямъ и увидѣла себя подъ тяжестью неизвѣстной ошибки. Съ этой минуты она поняла, почему съ такою поспѣшностью схватились за неожиданный случай, чтобы ее устроить. Ее выдали замужъ за скромнаго иностраннаго купца, который жилъ вездѣ понемногу, не имѣя нигдѣ ни связей, ни привязанностей. Правда, онъ искренно къ ней привязался, но не очень домогался ея руки!.. Однако, этотъ случайный мужъ былъ совершенство по своей добротѣ къ ней, хотя послѣ всего совершившагося она не имѣла никакого права жаловаться.

Ея мысли завертѣлись вихремъ и смѣшались... Онѣ толпою ворвались въ ея умъ въ продолженіе тяжелаго молчанія, послѣдовавшаго за разсказомъ стараго шуана. Самая упорная изъ нихъ, которая безпрестанно появлялась, едва успѣвъ исчезнуть, была мысль о дѣтяхъ сиротахъ, жившихъ съ нею. Она заботилась о нихъ отъ всего сердца и воспитала, какъ могла лучше, ихъ, послѣднихъ отпрысковъ почти королевской расы, настоящихъ французскихъ принцевъ.

Она любитъ ихъ попрежнему, но теперь присоединилось еще чувство уваженія.

Внезапно открылась дверь, и маленькій мальчикъ вошелъ своимъ обычнымъ шагомъ.

Первый разъ ей показалось недостаточнымъ посмотрѣть на него, и она принялась изучать его. У него были бѣлокурые волосы и естественно блѣдное лицо. Онъ былъ худъ, но энергиченъ и крѣпокъ. Его глаза были голубые, а взглядъ казался то твердымъ, то мечтательнымъ. Какъ это случилось, что Берта никогда не замѣчала этого холоднаго рѣшительнаго лица, этого не то что высокомѣрнаго, но какого-то недосягаемаго вида.

Мальчикъ замѣтилъ, что на него смотрятъ иначе, какъ обыкновенно. Онъ уловилъ на лицѣ стараго Франца выраженіе, похожее на то, какое онъ видѣлъ во время ихъ тайныхъ бесѣдъ. Затѣмъ Гансъ перенесъ свой взглядъ на Берту и увидѣлъ ее потрясенной непонятнымъ душевнымъ волненіемъ. Тогда онъ еще болѣе поблѣднѣлъ и, казалось, колебался, что ему дѣлать.

Она, не отрывая отъ него глазъ, протянула къ нему руки и дрожащимъ голосомъ сказала это простое слово:

— Жанъ!...

Онъ сначала попятился, какъ будто отъ сильнаго удара въ

грудь, затѣмъ бросился къ своей новой матери и началъ ее яростно цѣловать, повторяя съ улыбкой и слезами:

— Мама Берта, мама Берта!

Затѣмъ, высвободившись изъ нѣжныхъ объятій и не говоря ни слова, онъ выбѣжалъ.

Родекъ и Берта переглянулись съ удивленіемъ.

Минуту спустя, Гансъ вошелъ, держа за руку свою маленькую сестру. Толкнувъ ее нѣжно къ той, которая ихъ обоихъ усыновила, онъ сказалъ едва слышно:

— Теперь ее надо звать Елизаветой. Это ея французское имя...

Около двѣнадцати часовъ дня маленькая деревенская телѣжка тихо катилась лѣсомъ.

Путешественники оставили домъ открытымъ для ожидаемыхъ гостей. Слуги Мюрата могли распоряжаться по своему усмотрѣнію погребомъ и хлѣбнымъ амбаромъ. Правда, что погребъ былъ очень скромный, а амбаръ плохо наполненъ. Постели были готовы, столъ накрытъ; шкапъ для бѣлья не запертъ; въ конюшняхъ была приготовлена солома въ снопахъ, которую только оставалась разбросать вилами, и подстилка была готова.

Далеко, уже очень далеко, по дорогѣ, тянувшейся по другую сторону горъ, ѣхала телѣжка ровнымъ шагомъ не очень скоро, но безъ остановки. Впереди ея шелъ гигантъ, съ сѣдыми волосами. Его гибкая походка и крѣпкая сильная фигура обличали осторожный и степенный видъ. Около него шелъ ребенокъ, котораго приводило въ восторгъ каждое встрѣчающееся обстоятельство и развлекала каждая птичка. Онъ хлесталъ мимоходомъ своимъ прутикомъ по печальнымъ вѣтвямъ сосны, протягивающимся къ почвѣ, подобно опустившимся волосатымъ собачьимъ хвостамъ.

Въ телѣжкѣ сидѣла красивая, но все еще очень печальная женщина съ маленькой, хорошенькой и очаровательной дѣвочкой. Послѣдняя смотрѣла на все: на солнце, на деревья, на камни, на лошадь, на небо, на старика, на горизонтъ, на бѣгущаго ребенка, на летѣвшее насѣкомое, улыбалась всему и все время болтала своимъ яснымъ и невиннымъ голоскомъ, въ которомъ слышалось пѣніе, смѣхъ, опасенія и радость.

Уже давно длится ихъ путь. Они отправились послѣ перваго завтрака, отчего Лизбета уже проголодалась. Но она не смѣетъ признаться изъ боязни прервать чары путешествія. Ей такъ весело видѣть своего брата идущимъ, какъ большой мужчина, и не чувствующимъ совсѣмъ усталости!... Если бы она могла знать, кто изъ нихъ ранѣе устанетъ—большой Францъ или маленькій Гансъ!... Вотъ будетъ весело-то, если такой великанъ захочетъ отдохнуть раньше мальчика!... Да развѣ Гансъ еще мальчикъ, онъ идетъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ?... Когда перестаютъ быть дѣтьми? Развѣ когда позволяютъ ходить по дорогамъ пѣшкомъ, не боясь

запряженныхъ въ экипажъ лошадей?.. Навѣрно, Лизбетѣ никогда не позволятъ такой свободы. Это, вѣроятно, оттого, что она не переставала еще быть маленькой дѣвочкой!... Тогда зачѣмъ же позволяютъ ея брату? Должно быть, онъ уже больше не маленькій мальчикъ.

Эти разсужденія заставили ее восторгаться своимъ обычнымъ товарищемъ по играмъ. Она захотѣла тотчасъ же высказать ему радость и наклонившись закричала:

— Гансъ, Гансъ! Поди-ка сюда.

Онъ съ видомъ любезнаго покровителя повернулся къ ней и улыбнувшись сказалъ:

— Оставь меня, моя Лизбета; я смотрю, спокойно ли на дорогѣ!

Тогда убѣдившись, что ея братъ не только сдѣлался взрослымъ человѣкомъ со вчерашняго дня, но превратился даже въ героя, она бросилась въ материнскія объятія Берты, готовыя всегда принять ее. Ея личико внезапно измѣнилось: щеки поблѣднѣли, глаза сдѣлались печальны, и она сказала:

— Мама Берта, я голодна!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ГЕНЕРАЛЪ МАКЪ былъ сильно разгнѣванъ. Уже впродолженіе нѣсколькихъ дней все складывалось такъ, что уничтожало всѣ самыя старинныя его познанія и совершенно противорѣчило военнымъ принципамъ. Такъ весь свѣтъ до сихъ поръ соглашался признавать, что на Европейской картѣ существуютъ нѣсколько традиціонныхъ позицій, давно уже опредѣленныхъ знатоками военнаго дѣла, какъ необходимый театръ дѣйствій. Всѣ сколько нибудь образованные офицеры, изучившіе основы, знали, какъ близкіе къ дѣлу люди, сколько надо войска, чтобы защищать ихъ. Утвердиться на одномъ изъ нихъ, когда предстояло охранять сосѣднюю дорогу, было азбукой стратегіи. Напримѣръ, было бы совершенной нелѣпостью охранять Германію отъ нападенія французовъ, не занявъ Ульмскаго укрѣпленнаго лагеря, это все равно, что не надѣть на голову шляпы, желая предохранить себя отъ холода. И вотъ въ арміи, которою онъ командуетъ, нашлись среди генераловъ, командующихъ главными корпусами, фантазеры, отказывающіеся преклониться передъ этимъ святымъ правиломъ! Да, дошли до того, что позволили даже въ его главномъ штабѣ поддерживать то мнѣніе, что его стратегія «старая игра». Они говорили даже, будто ничего въ общемъ не доказываетъ необходимости иммобилизировать армію передъ выходами изъ Чернаго Лѣса, до тѣхъ поръ, пока не знаютъ навѣрно, по какой дорогѣ пойдетъ непріятель. Точно непріятель можетъ итти по другой дорогѣ! Точно впродолженіе двух-

сотъ лѣтъ и болѣе не было безусловнымъ правиломъ для французской арміи выходить черезъ Адскую долину или сосѣдніе холмы въ долину Швабіи или Вюртемберга.

Макъ поднялъ плечи и началъ прохаживаться по кабинету. Онъ въ особенности сердился на эрцъ-герцога Фердинанда, номинальнаго начальника надъ императорскими силами, которыми въ дѣйствительности же руководилъ онъ самъ. Безъ сомнѣнія, это храбрый принцъ, но не утверждаетъ ли онъ, какъ и другіе, что Наполеонъ можетъ прекрасно пройти по другому пути и обмануть ожиданія генерала?..

Наполеонъ! Они всѣ говорятъ о Наполеонѣ. У нихъ на языкѣ только Наполеонъ. Четырехъ-копеечный императоръ, котораго контръ-революція поджидала въ Парижѣ, развлекающійся устройствомъ баловъ въ Сенъ-Клу, чтобы утѣшить себя въ невозможности захватить Англію!.. Его искусство въ маневрахъ болѣе расхвалено, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Скверный, ничтожный артиллерійскій поручикъ, сдѣлавшійся начальникомъ сумасшедшей націи, только потому, что онъ былъ безумнѣе остальныхъ!.. Его побѣды? Счастливая случайность! Правда, онъ разбилъ Альвинцга, Вурмсера и Меласа въ Италіи, но именно благодаря небрежности этихъ же генераловъ: они упустили случай занять существенные пункты, освященные обычаемъ.

И затѣмъ въ Италіи не было Чернаго Лѣса. Нѣмцы тамъ были не у себя. Между тѣмъ, какъ здѣсь въ Ульмѣ...

Наконецъ нельзя имѣть малѣйшаго сомнѣнія въ истинныхъ намѣреніяхъ непріятеля, потому что рапортъ превосходнаго шпіона, живущаго въ Страсбургѣ, извѣщаетъ день въ день о приготовляемыхъ движеніяхъ!..

Макъ остановился передъ высокимъ окномъ, откуда передъ нимъ открывалась длинная, узкая улица съ маленькими неправильными домами. Она составляла главный входъ города. Вдали онъ замѣтилъ вершины Мишельсберга, гдѣ находилось его войско, непреоборимое и готовое поразить осаждающихъ все равно, съ какой стороны они ни пришли бы. Онъ улыбнулся съ сожалѣніемъ, думая о тѣхъ, кто не понималъ цѣны этого мѣста.

Макъ былъ въ полномъ смыслѣ типъ офицера стараго порядка. Длинный бѣлый мундиръ, съ сурово поднятымъ и застегнутымъ воротникомъ, охватывалъ его худой, нервный станъ. На немъ былъ напудренный парикъ, какіе носили офицеры во времена Маріи-Терезіи, затканный золотомъ шарфъ, знакъ его командованія, обхватывалъ его талью и единственный нарушалъ однообразіе его одежды.

Въ то время какъ онъ, барабаня по стеклу оконной рамы, расходовалъ негодованіе стараго воина, потревоженнаго въ своихъ привычныхъ комбинаціяхъ, движеніе на улицѣ становилось все шумнѣе и разнообразнѣе. Нѣсколько группъ кавалеристовъ пооче-

редно приближались къ главной квартирѣ, и лица разнаго возраста, вида и костюмовъ соскакивали съ лошадей передъ ея дверью, привѣтствуемые караульными солдатами при помощи ружья.

— А! вотъ и фельдмаршалъ Кленау!—произнесъ Макъ.—Какой-то удивительный рапортъ онъ представитъ намъ сегодня? Если его послушать, то надо было покинуть этотъ добрый городъ Ульмъ и пойти на встрѣчу русскимъ союзникамъ, т. е. показать пятки непріятелю, чортъ, возьми!.. Смотри! Кто это такой позади Кленау?.. А это Шварценбергъ, глубокомысленный человѣкъ и дипломатъ на полѣ битвы!.. Гьюлай слѣдуетъ за нимъ. Хорошій воинъ этотъ Гьюлай... Дисциплинированный!.. Если бы всѣ были таковы, то все пошло бы хорошо.

Но такъ какъ голоса становились слышнѣе въ сосѣднихъ комнатахъ, то генералъ Макъ пересталъ смотрѣть на улицу и пошелъ на встрѣчу своимъ гостямъ. Онъ принялъ послѣдовательно главныхъ генераловъ, которыхъ онъ видѣлъ сходящими съ лошадей передъ его дверью. Вскорѣ въ ихъ свитѣ появились: Вернекъ со своимъ угрюмымъ и недовольнымъ видомъ; Іелашишъ усатый, какъ гусаръ, говорящій всегда громко и крѣпко ругавшійся, какъ нѣмецкій рейтаръ; Ризе—серіозный и молчаливый; Матцерой—ничтожность въ человѣческомъ образѣ, наконецъ эрцъ-герцогъ Фердинандъ съ благосклонностью принца крови, счастливый тѣмъ, что пользуется наружнымъ авторитетомъ, принимая почести, относящіяся къ его положенію. Впрочемъ онъ полагался въ подробностяхъ войны на сужденія лицъ, единственное ремесло которыхъ было видѣть ясно въ дыму. Храбрый и рѣшавшійся хорошо дѣйствовать, онъ требовалъ только одного, чтобы не выставляли подъ шахъ человѣка его происхожденія. Онъ привезъ съ собою свои экипажи и покраснѣлъ бы, если бы они были замѣшаны въ отступленіи.

Всѣ собрались для совѣщанія и уже помѣстились вокругъ стола, въ концѣ котораго находился эрцъ-герцогъ. Внезапно отворилась дверь залы, и вошла личность, не извѣстная никому изъ присутствующихъ.

Это былъ маленькаго роста человѣкъ. Для тѣхъ лѣтъ, которыя отпечатывались на его лицѣ, а въ особенности, судя по его мундиру главнаго интенданта перваго класса, онъ былъ необыкновенно силенъ, какъ съ виду, такъ и по походкѣ. По своему чину онъ могъ, согласно правиламъ нѣмецкой іерархіи, имѣть право на фельдмаршальскія почести.

Однако онъ направился къ эрцъ-герцогу и привѣтствовалъ глубокимъ поклономъ, какъ прекрасно воспитанный придворный кавалеръ. Затѣмъ онъ самъ представился генералу Маку и другимъ съ достоинствомъ человѣка, стоящаго выше ихъ и снисходившаго до знакомства съ ними.

— Его величество,—сказалъ онъ:—пожелалъ дать мнѣ почетное

порученье посѣтить послѣдовательно всѣ его арміи на походѣ. Я главный интендантъ Калькнеръ... Между вами, господа, я думаю, мало кто меня знаетъ, ибо государь соблаговолилъ меня призвать къ службѣ послѣ очень долгой отставки.

Послѣдовало молчаніе. Каждый изъ присутствующихъ генераловъ искалъ въ своей памяти какихъ нибудь слѣдовъ изъ прошлаго Калькнера. Макъ, въ особенности, былъ удивленъ болѣе другихъ, какъ человѣкъ старшій по возрасту. Онъ воображалъ до этого дня, что знаетъ лучше всѣхъ кадры главнаго штаба, и вдругъ новое имя прозвучало въ его ушахъ!.. Калькнеръ!.. Калькнеръ!.. Гдѣ же, чортъ, возьми, этотъ Калькнеръ могъ жить и служить раньше, чѣмъ представился ульмской арміи въ качествѣ делегата императора Франца.

Пришедшій, однако, казалось, былъ знакомъ съ обычаями. Его костюмъ былъ вполнѣ правильнымъ, установленнымъ и не казался заимствованнымъ. У него были прекрасныя манеры, и онъ выражался хорошо. Самое большее, что могли бы замѣтить въ немъ, это нѣкоторое стѣсненіе въ движеніяхъ, когда онъ въ свою очередь садился по вѣжливому приглашенію принца. Его сабля не падала безъ колебанія во всю длину стула, но зато его шляпа была ловко положена рядомъ съ перчатками на столѣ. Его рука, достававшая изъ лѣваго кармана, находившагося подъ лентой и крестомъ, рекомендательное, можетъ быть, не существующее письмо, была довольна бѣла.

Эта рука такъ и не окончила своего жеста. Разрѣшающая улыбка и любезное слово эрцъ-герцога избавили его отъ этого труда. Главный же интендантъ Калькнеръ со своей стороны не настаивалъ. Онъ тотчасъ же началъ разсматривать пристально и рѣшительно генерала Мака, очевидно, единственнаго изо всѣхъ присутствующихъ, ревнивой прозорливости котораго нужно было опасаться. Калькнеръ объяснилъ въ нѣсколькихъ выраженіяхъ свое желаніе узнать мнѣніе присутствующихъ знаменитыхъ генераловъ.

Читатель проститъ намъ, если мы не войдемъ въ детали преній. Въ то время, какъ начальники австрійской арміи высказывали послѣдовательно свои мнѣнія относительно лучшаго расположенія войска въ случаѣ неожиданнаго вторженія французской арміи и повторяли, что уже по сту разъ говорили другъ другу, мы предпочитаемъ поискать, откуда вышелъ неизвѣстный ихъ коллега, внезапное появленіе котораго такъ удивило всѣхъ. Мы вернемся въ совѣтъ позже и довольно рано, для того, чтобы узнать результаты.

Прежде всего, какъ случилось, что никто не подалъ мысли главному начальнику о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ появленіе главнаго интенданта безъ эскорта изъ офицеровъ? Калькнеръ, какъ

человѣкъ, осторожный и одаренный исключительной скромностью, вошелъ въ Ульмъ пѣшкомъ, одинъ, очень рано утромъ безъ барабаннаго боя и трубныхъ звуковъ. Но его форма должна была бы его выдать; какъ же случилось, что никто не зналъ о его присутствіи въ городѣ?

Но Калькнеръ не удовольствовался тѣмъ, что пришелъ одинъ, онъ даже явился одѣтый обыкновеннымъ горожаниномъ.

Но наконецъ какое имя и званіе сказалъ онъ, чтобы быть принятымъ безъ затрудненія. Онъ сказалъ, чтобы его ожидалъ хозяинъ главной гостиницы въ городѣ, почтенный и богатый человѣкъ, управляющій судьбою гостепріимнаго дома, на вывѣскѣ котораго красуется величественная сосна съ написанными подъ нею словами: «Зеленое дерево».

Калькнеръ свободно пробрался такимъ образомъ въ старую баварскую крѣпость. Затѣмъ онъ написалъ подъ рубрикой иностранцевъ три буквы «К. Ш. К.», сопровождаемыя вѣщей формулой (служба императорскаго штаба). Его кошелекъ казался хорошо наполненнымъ, и съ него больше ничего не спрашивали.

Затѣмъ онъ почти все утро отсутствовалъ, послѣ того какъ заявилъ, что придетъ обѣдать, и чтобы ему накрыли обѣденный столъ въ отдѣльномъ залѣ и въ назначенный часъ.

— На сколько приборовъ?—спросилъ хозяинъ.

— На три.

Когда онъ возвратился, не много ранѣе назначеннаго часа, его сопровождали дѣйствительно два очень извѣстные офицера, принадлежавшіе къ главному штабу. Одинъ изъ нихъ былъ поручикъ Вендъ, другой поручикъ Рульскій. Первый принадлежалъ къ свитѣ эрцъ-герцога Фердинанда. Прямой начальникъ второго былъ генералъ Киммейеръ, отряженный на дорогу къ Аугсбургу въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Войдя въ гостиницу, они велѣли внести въ комнаты ихъ товарища тяжелый чемоданъ, на взглядъ переполненный вещами, который ихъ слуга везъ за ними въ телѣжкѣ. Во время обѣда они выказывали совершенное уваженіе къ скромному горожанину, съ которымъ они сидѣли за столомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они видѣли въ немъ самаго высшаго начальника, они не обходились бы съ нимъ почтительнѣе.

Къ удивленію хозяина, незнакомецъ, записавшійся въ его книгѣ «К. Ш. К.», явился къ обѣду въ великолѣпномъ мундирѣ генерала имперіи. Лакеи искоса посматривали на кресты, украшавшіе ему грудь; помощникъ повара смотрѣлъ въ притворъ двери, чтобы полюбоваться его шпагой, шарфомъ, лентами и ботфортами.

Онъ дышалъ безразличнымъ спокойствіемъ, человѣка сильнаго міра сего, привыкшаго къ почтенію презрѣннаго плебса. Онъ чувствовалъ себя прекрасно въ этомъ «старьѣ», обшитомъ галунами, и казался въ тысячу разъ живѣе, одѣтый въ этотъ костюмъ пугала,

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13